

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ СХХVII.

1*

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХVII.

1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1912

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ
ЯНВАРЬ, 1912 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1912 г

	СТРАН.
I. Исторія одного убійства. (Романъ). Часть первая. I—VIII. И. Я. Павловскаго.	7
II. Страницы изъ моей жизни. I—II. А. Е. Егорова.	42
III. Въ лучахъ звѣзды пламеньющей. (Историческая повѣсть). I—XVIII. И. И. Ясинскаго.	67
IV. Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой.	98
V. Изъ приключеній въ Парижѣ. (Памяти П. Л. Лаврова). А. А. Вишицкой.	116
VI. Т. И. Филипповъ на ревизіи. (Воспоминанія чиновника). С. С. Гусева (Слово Глаголь).	142
VII. Земство и жизнь. (Записки председателя земской управы). I—VI. В. А. Авескаго.	156
VIII. Еврейская почта. С. К. Литвина.	187
IX. Викторъ Петровичъ Буренинъ. (Критико-біографическій очеркъ). Б. Б. Глинскаго.	224
X. Злоумышленные голуби, С. Р. Минцова.	270
XI. Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ селѣ Николь- скомъ въ 1866 году. В. Т. Молодцова.	278
иллюстраціи: 1) Село Никольское. — 2) Въездъ въ усадьбу с. Никольскаго. — 3) Усадьба с. Никольскаго. — 4) Охотничья палатка въ лѣсу для цесаревича.	
XII. Могила Кульцева. Михаила Родного.	291
XIII. Экскурсія по Московской окружной желѣзной дорогѣ. Н. Н. Останковича.	294
иллюстраціи: 1) Дворецъ въ Останкинѣ. — 2) Дворцовая церковь въ Останкинѣ. — 3) Село Тайницкое. — 4) Перервинскій монастырь. — 5) Дворецъ въ Люблинѣ. — 6) Развалины дворца въ Царицынѣ. — 7) Театръ въ Царицынѣ. — 8) Мостъ времени Екатерины II въ Царицынѣ. — 9) Дворецъ въ Кусковѣ. — 10) Всѣдва-музей въ Кусковѣ. — 11) Внутренній видъ бесѣдки-музея. — 12) Главная аллея въ Кусковѣ. — 13) Дворецъ въ Нескучномъ. — 14) Елизаветинскій гротъ въ Нескучномъ. — 15) Деревня Фили. — 16) Церковь въ Филяхъ. — 17) Дворецъ въ Кунцевѣ. — 18) Церковь въ Кунцевѣ. — 19) Петровскій дворецъ. — 20) Сельско-хозяйственный институтъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ.	
XIV. Литературные юбилеи. (А. А. Коринфскаго, А. А. Плещеева и Г. Т. Сѣверцева-Полилова). Г. Л. И.	339
(См. слѣд. стран)	

XV. Критика и библиографія. 358

- 1) Старина и Новизна. Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Книга четырнадцатая. Москва. 1911. М. Нудряшова.— 2) Ф. Суетовъ. О Высочайше утвержденномъ при св. синодѣ особомъ присутствіи для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію всероссійскаго собора. Юрьевъ. 1911. Профессора М. Красножена.— 3) С. Н. Кологривовъ. Матеріалы для исторіи сношеній Россіи съ иностранными державами въ XVII в. Спб. 1911. Б. п.— 4) Православныя церкви и русскія учрежденія за границею. (Австро-Венгрія, Германія и Швеція). Протоіерея А. П. Мальцева. Берлинъ. 1911. Н. Лендера.— 5) Сказанія иностранцевъ о русской арміи въ войну 1904—1905 гг. Изданіе князя Абамелекъ-Лазарева. Спб. 1912. л. н.— 6) Терскій календарь на 1911 годъ. Изданіе терскаго областного статистическаго комитета, подъ редакціей секретаря комитета М. А. Караулова 2-го. Выпускъ двадцатый. Владикавказъ. 1911. Бор. Городецкаго.— 7) Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. (Годъ двадцать пятый). № 45. Подъ редакціей председателя комиссіи Арсенія Ивановича Маркевича. Симферополь. 1911. В. Р.—ва.— 8) М. М. Хомяковъ. О краніологическомъ типѣ чепецкихъ вотиковъ въ связи съ общимъ развитіемъ вотской народности. Казань. 1910. Н. Юрнина.— 9) Любимовъ. Предводители дворянства всѣхъ намѣстничествъ, губерній и областей Россійской имперіи. 1777—1910 г.г. Спб. 1911. В. Р.—ва.— 10) «Школа и жизнь»—ежедневная общественно-педагогическая газета съ еженѣчными приложениями. Спб. Вит. Тачуна.— 11) Повдѣка въ Сибирь и Поволжье. Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. Спб. 1911. Б. г.— 12) Д. Б. Лаврентьевъ. Хрестоматія по законовѣдѣнію. Книга для учащихся и самообразования, примѣнительно къ «Законовѣдѣнію» того же автора. Спб. 1912. Вит. Тачуна.— 13) Проф. Шарль Диль. Византійскіе портреты. Часть вторая. Перевелъ Е. Киричинскій. Харьковъ. 1911. папт.— 14) А. А. Исаевъ. Чѣмъ объяснить вздорожаніе жизни? Какъ бороться съ нимъ? Спб. 1912. А. Фаресова.— 15) Борисъ Садовскій. Узоръ чужуный. Разказы. М. 1911. л.— 16) Е. И. Игнатьевъ. Наука о небѣ и землѣ, общедоступно изложенная. Очерки по астрономіи, физической географіи геологій, съ 332 рисунками и шестью картинами въ краскахъ. Спб. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912. М — о.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи. 388

- 1) Исторія человѣческаго прогресса.— 2) Новыя письма княгини Ливень въ Меттерниху.— 3) Русскій балетъ за границей.— 4) Женское движеніе въ 1911 году.— 5) Отовсюду.

XVII. Смѣсь. 409

- 1) Празднованіе 35-лѣтія сербско-турецкой войны.— 2) Императорское русское военно-историческое общество.— 3) Въ кассѣ литераторовъ.— 4) Новое литературное общество.— 5) Первая школа народнаго искусства.— 6) Къ постройкѣ историческаго храма-памятника въ Вильгѣ.— 7) Увѣковѣченіе памяти М. М. Остасюлевича.— 8) Юбилей В. М. Шамковича.— 9) 25-лѣтній юбилей проф. М. Е. Красножена.— 10) 50-лѣтній юбилей заслуженнаго профессора, инженеръ-технолога, т. с. Н. Ф. Лабзина.

XVIII. Некрологи. 418

- 1) Бекетовъ, П. П., академикъ.— 2) Влюменталь-Таларичъ, А. Э.— 3) Воголѣповъ, И. П.— 4) Велене, Р. Р.— 5) Владыкинъ, П. И.— 6) Евреиновъ-Оранскій, П. А.— 7) Жуковъ, М. Г.— 8) Златовратскій, Н. Н.— 9) Максимовъ, В. М.— 10) Священникъ Непенинъ, С. А.— 11) Рихтеръ, Н. Ф.

XIX. Замѣтки и поправки. 431

- Къ статьѣ А. А. Сигова «Похожденія революціонера-экспропріатора Савицкаго».

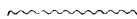
Приложенія: 1) Портретъ Виктора Петровича Буренина.— 2) Докторъ Струизе. Историческій романъ Ш. Низе. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайлова. Часть первая. V—VII. Часть вторая. I.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1912 году
(ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» издается въ 1912 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать два года (1880—1911).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглобина.

ВИКТОРЪ ПЕТРОВИЧЪ БУРЕШИНЪ

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА.

(Романъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

В ТО ВРЕМЯ, когда начинается этотъ разсказъ, жилъ въ Москвѣ человѣкъ, на котораго было особенно обращено вниманіе террористовъ. Привлечь его на свою сторону, заставить его раздѣлить ихъ взгляды и дѣйствовать съ ними сообща считалось дѣломъ первостепенной важности.

Человѣкъ этотъ назывался своей настоящей фамиліей—Задонскимъ, хотя проживалъ подъ разными вымышленными именами и кличками, которыя мѣнялъ часто, такъ какъ былъ въ теченіе уже многихъ лѣтъ нелегальнымъ, и полиція разыскивала его очень усиленно но тщетно. Это былъ единственный изъ оставшихся на волѣ членовъ кружка «чайковцевъ». Онъ даже ни разу не былъ арестованъ, хотя бы подъ вымышленнымъ именемъ. Паспортъ его всегда былъ въ порядкѣ,—а подъ какимъ паспортomъ онъ проживалъ и гдѣ именно, этого никто, кромѣ его самыхъ ближайшихъ двухъ-трехъ друзей, не зналъ. Вель же онъ себя такъ спокойно, такъ осторожно, что ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія ни квартирныхъ жильцовъ, ни хозяевъ. По происхожденію своему Задонскій былъ крестьянинъ, а по ремеслу—

механикъ, и отлично зналъ свое дѣло. Послѣ разгрома кружка онъ жилъ около двухъ лѣтъ въ Германіи и во Франціи, работая на заводахъ, считался хорошимъ рабочимъ, зарабатывая до 10 и 12 франковъ въ день. Но по возвращеніи въ Россію онъ работалъ мало и неправильно, такъ какъ отдался всецѣло организаціи рабочихъ въ разныхъ центрахъ имперіи, что требовало частыхъ переѣздовъ. Поэтому онъ чаще всего проживалъ то подъ видомъ купца, то помѣщика, то учителя, то управляющаго имѣніемъ. И ни въ одномъ изъ своихъ превращеній онъ не навлекалъ на себя подозрѣнія. Ему было уже лѣтъ тридцать шесть, сколоченъ онъ былъ крѣпко, въ мѣру былъ унитанъ, лицо имѣлъ бѣлое, обрамленное русой бородой или бородкой, и выраженіе спокойное и интеллигентное. Долгая жизнь среди образованныхъ людей, усиленная умышленная дѣятельность, чтеніе хорошихъ и серьезныхъ книгъ, а также двухлѣтнее проживаниеъ за границею, гдѣ онъ былъ знакомъ съ корифеями социализма (между прочимъ съ Энгельсомъ и Марксомъ, которые относились къ нему съ большимъ уваженіемъ), и въ самомъ дѣлѣ выработали изъ Задонскаго-крестьянина человѣка вполне интеллигентнаго. Обращеніе его было мягкое, доброжелательное и ровное, въ которомъ самый требовательный человѣкъ не могъ бы открыть и тѣни рисовки. Во взглядѣ его сѣрыхъ глазъ съ золотистыми искорками было много чисто русскаго, простонароднаго юмора. Говорилъ онъ мало и медленно, съ запинкой, прямо глядя въ глаза. Привычки культурнаго человѣка на европейскій ладъ обнаруживались въ немъ рѣшительно во всемъ: въ чистоплотности его рѣчи и костюма, въ сдержанности голоса и движеній, въ умѣннн слухать, въ манерѣ ѣсть и пить, смѣяться, шутить. Водки онъ не пилъ, табаку не курилъ и нервы, казалось, имѣлъ желѣзные. Въ кругу революціонеровъ, составъ котораго мѣнялся каждые два-три года, вслѣдствіе арестовъ, его называли не иначе, какъ по имени и отчеству—Иванъ Михайловичъ, такъ какъ въ ихъ кругу онъ былъ самымъ старымъ. И то обстоятельство, что въ теченіе почти десяти лѣтъ онъ счастливо ускользалъ отъ полиціи и жандармовъ и такъ или иначе продолжалъ свою дѣятельность, окружало его ореоломъ героя. Престижъ, которымъ онъ пользовался въ средѣ молодежи, былъ огромный. Быть съ нимъ знакомымъ считалось честью. Это было въ своемъ родѣ аттестатомъ революціонной благонамѣренности. Что касается рабочихъ, заводскихъ и фабричныхъ, среди которыхъ онъ почти исключительно дѣйствовалъ, то здѣсь популярность его граничила съ идолопоклонствомъ. Самъ рабочій, умѣвшій говорить ихъ языкомъ и знавшій ихъ реальныя нужды, Задонскій дѣйствовалъ на нихъ неотразимо. Сторонникъ нѣмецкихъ социаль-демократовъ, онъ умѣлъ отдѣлять конечную цѣль отъ способовъ достиженія ея и прежде всего являлся практическимъ человѣкомъ. У него была одна манера говорить съ массою рабочихъ, съ непосвя-

щенными, и другая—съ избранными изъ нихъ, изъ которыхъ онъ готовилъ себѣ сотрудниковъ. Массамъ онъ проповѣдывалъ только необходимость сплотиться, на манеръ рабочихъ Западной Европы, съ цѣлью непосредственнаго улучшенія ихъ матеріальнаго положенія, т. е. увеличенія заработной платы, уменьшенія рабочихъ часовъ и лучшаго отношенія къ рабочимъ со стороны хозяевъ. Этого онъ старался достигнуть проповѣдью взаимопомощи, кассъ для безработныхъ, больныхъ, устройства чайныхъ, рабочихъ библіотекъ, кооперативныхъ лавокъ.

Эта первая часть его программы была такъ невинна, что давала возможность Задонскому входить въ сношенія съ либеральными фабрикантами, заводчиками, профессорами, благонамѣренными дамами, которыя, выполняя мысли, прямо или косвенно внушенные имъ агитаторомъ, думали, что взяли ихъ изъ своей головы.

Но, сталкиваясь въ теченіе этой дѣятельности или работая рядомъ съ товарищами на заводахъ и фабрикахъ, онъ особенно сходилъ съ тѣми изъ нихъ, которые казались ему наиболѣе энергичными, умными и честными. Ихъ онъ собиралъ на отдѣльныя тайныя сходки, на которыхъ говорилъ не объ отдаленномъ социалистическомъ строѣ, а объяснялъ необходимость союза рабочихъ съ цѣлью добиваться улучшенія своего положенія путемъ стачекъ. И онъ заставлялъ ихъ проповѣдывать эту мысль среди товарищей и устраивать тайныя кассы на случай забастовокъ. Организовавши такую кассу въ одномъ мѣстѣ, онъ тотчасъ старался соединить ее съ другими, уже существующими. И вотъ почему онъ вѣчно странствовалъ, внезапно исчезалъ изъ Москвы, появляясь то въ Петербургѣ, то во Владимирѣ, то на Уралѣ, то на югѣ Россіи, постоянно сплавивая рабочихъ и выискивая между ними элементы, наиболѣе выдающіеся. Очень осторожный и слѣдующій традиціямъ своихъ учителей «чайковцевъ», онъ никогда не сходилъ съ рабочими, которые пьянствовали, посѣщали публичные дома, имѣли любовницъ, или жили со своими женами и имѣли дѣтей. Этихъ онъ считалъ ненадежными и для революціонной дѣятельности не подходящими. Онъ искалъ только людей свободныхъ, нравственно не испорченныхъ, умѣющихъ дѣлать дѣло молча, безъ криковъ и безъ хвастовства. Такими были почти исключительно молодые рабочіе. И этихъ, провѣренныхъ имъ людей онъ старался, какъ это сдѣлали съ нимъ самимъ «чайковцы», развить въ духовномъ отношеніи, дать имъ по возможности образованіе, облагородить ихъ вкусъ и умъ серьезнымъ чтеніемъ, чтобы выработать изъ нихъ настоящихъ или, какъ теперь говорятъ, «сознательныхъ» революціонеровъ.

Но—фактъ замѣчательный—Задонскій, который своимъ личнымъ духовнымъ развитіемъ былъ обязанъ исключительно интеллигенціи, въ глубинѣ души былъ ей враждебенъ. Въ этомъ смыслѣ онъ остался настоящимъ русскимъ мужикомъ. Мужичья недовѣр-

чивость къ барину сидѣла въ немъ крѣпко, и ее было тѣмъ труднѣе искоренить, чѣмъ онъ тщательнѣе скрывалъ ее. Онъ не вѣрилъ ни въ выносливость, ни въ осторожность, ни въ упорство въ преслѣдованіи цѣли со стороны «барчуковъ», которые, по его мнѣнію, въ массѣ занимаютъ революціей изъ моды, ради сильныхъ ощущеній, ради препровожденія времени и оставляютъ революціонную дѣятельность, какъ только кончаютъ курсъ. Задонскій предпочелъ бы совсѣмъ обойтись безъ помощи интеллигенціи. Но она ему была нужна для занятій съ его молодыми товарищами. Поэтому, приглашая студентовъ, — и то съ большою осторожностью, — для ихъ занятій, онъ никого изъ нихъ не посвящалъ въ подробности своей организаціи.

Но объ этой организаціи, конечно, знали. И вотъ почему террористы такъ добивались привлечь на свою сторону Задонскаго. Это значило сразу перенести террористическую дѣятельность въ народную массу, гдѣ полиціи не такъ было легко дѣйствовать и производить опустошенія, чѣмъ въ средѣ зеленой, неосторожной и только временно преданной революціоннымъ идеямъ молодежи.

Но Задонскій ревниво охранялъ свое дѣтище.

II.

Его никогда нельзя было встрѣтить на сходкахъ молодежи, гдѣ «играли въ парламентъ», по его словамъ, подъ благосклоннымъ окомъ экзальтированныхъ дѣвицъ и подъ надзоромъ полиціи. Онъ бывалъ только на собраніяхъ рабочихъ. Но собранія эти были очень немногочисленны и состояли только изъ вѣрныхъ и испытанныхъ людей. Являясь сюда, онъ напередъ зналъ, кто и что здѣсь будетъ и о чемъ будутъ говорить, потому что собранія всегда носили дѣловой характеръ. Сами рабочіе оберегали Задонскаго и ни за что не рѣшились бы привести съ собою незнакомаго человѣка. Собирались обыкновенно у кого-нибудь изъ рабочихъ, каждый разъ въ другомъ мѣстѣ, за самоваромъ, и никому бы въ голову не пришло, что эти люди, спокойно разговаривающіе вполголоса, дѣлаютъ конспираціи. Никто изъ участвующихъ не стремился узнать больше того, что ему сообщалось, такъ какъ любопытство считалось тутъ подозрительнымъ. Такова была дисциплина въ кружкахъ, устроенныхъ Задонскимъ. Они занимались только своими мѣстными дѣлами. Связь же между кружками поддерживалась имъ самимъ и выбранными имъ товарищами, которыхъ было всего по одному на каждый. Этимъ Задонскій гарантировалъ свою организацію отъ разгрома, на случай несчастія. Можно было арестовать въ данной мѣстности одного или нѣсколько членовъ. Нельзя было арестовать одновременно нѣсколько кружковъ, какъ это происходило среди организацій революціонеровъ изъ интеллигенціи. Но именно эта крайняя централизованность рабочихъ организацій заключала въ

себѣ Ахиллесову пятю. Попадись Задонскій, и всѣ эти кружки остались бы безъ головы. Задонскій ясно отдавалъ себѣ въ этомъ отчетъ и старался устранить эту опасность.

Въ Москвѣ у него былъ другъ, передъ которымъ онъ не имѣлъ тайнъ, которому онъ все говорилъ и съ которымъ онъ во всемъ совѣтовался. И какъ ни остороженъ былъ самъ Задонскій, по сравненію съ этимъ человѣкомъ онъ могъ считаться легкомысленнымъ ребенкомъ. Кромѣ Задонскаго, никто рѣшительно ничего не зналъ объ его прошломъ, кто онъ и откуда явился. Друзья Задонскаго знали его подъ именемъ Ивана-слесаря. И онъ, дѣйствительно, имѣлъ слесарную мастерскую на Варваркѣ, грязную и темную, въ которой работалъ съ подмастерьемъ, иногда двумя или тремя, такими же законченными и грязными, какъ онъ самъ. Былъ онъ человѣкъ уже пожилой, съ сильной просѣдою на вискахъ, хотя волосы на усахъ и на заостренной бородкѣ были еще совсѣмъ черныс. Небольшой, коренастый, нѣсколько сутуловатый, онъ былъ очень подвижный, балагуръ и шутникъ, какихъ мало. Но взглядъ онъ имѣлъ острый, пронизывающій и недовѣрчивый. Когда онъ со стороны молча наблюдалъ или слушалъ, онъ какъ-то весь замиралъ, точно дѣлалъ стойку прежде, чѣмъ броситься на добычу. Онъ былъ малограмотный. Только одинъ Задонскій и зналъ его почеркъ, большой, угловатый и неразборчивый, исполненный самыхъ комическихъ ошибокъ. Заказчики считали его большимъ плутомъ, хитрымъ мужиченкомъ, несмотря на его простоватость и дѣланное добродушіе. Но рабочіе и революціонеры, которые знали его близость съ «Михалычемъ», относились къ нему съ почтеніемъ, въ которомъ проглядывала робость. Его пронизывающій взглядъ имѣлъ въ себѣ что-то колющее, слѣдовательское, точно онъ въ каждомъ человѣкѣ видѣлъ только дурное.

Отъ этого человѣка у Задонскаго не было никакихъ тайнъ. Онъ зналъ всю организацію, имена и адреса всѣхъ лицъ, съ которыми «Михалычъ» былъ въ сношеніи. У него все было записано или въ замусленной торговой книгѣ, или на клочкахъ бумаги, только не имъ, а его подмастерьями, при чемъ имъ было даже невдомекъ, что они записывали. Обыкновенно вечеромъ, по окончаніи работъ, онъ звалъ кого-нибудь изъ нихъ и, подавая кусочекъ карандаша, который бралъ съ полки, говорилъ: «Ну-ка-съ, Хведоръ, запиши: «Артемій, замокъ 32 и 17, цѣна 85 на 4 либо 3, а про себя запиши: не позже, чтобы 6-го». И онъ уже зналъ, что это значило. Задонскій заходилъ къ нему подъ именемъ кума, тоже подъ вечеръ, часто чаевалъ съ нимъ, или встрѣчалъ кого надо было. Иногда они назначали другъ другу свиданія на улицѣ и ходили къ другимъ рабочимъ. Это дѣлалось для того, чтобы показать Ивану какое-нибудь новое приобрѣтеніе для революціи, узнать его мнѣніе о человѣкѣ, которому Задонскій хотѣлъ довѣрить какую-нибудь миссію въ про-

винцію или котораго хотѣлъ ввести въ кружокъ. Задонскій очень вѣрилъ въ оцѣнку людей Иваномъ, именно потому, что зналъ его недовѣрчивый и подозрительный нравъ. Иванъ игралъ при немъ также роль тайнаго агента или революціоннаго сыщика, потому что умѣлъ разузнать и пронюхать, что угодно и про кого угодно. Онъ былъ другъ дворниковъ и городовыхъ, имѣлъ обширное знакомство между стряпухами и кухарками, и черезъ нихъ могъ втираться въ дружбу съ кѣмъ хотѣлъ. Кромѣ того, онъ посѣщалъ трактиры и кабаки въ кварталахъ, гдѣ находились заводы и фабрики, и подсматривалъ за рабочими, съ которыми Задонскій имѣлъ дѣло. Если Иванъ про кого говорилъ: «Ничего, паренекъ шустрый, съ огонькомъ и языкъ умѣть держать за зубами»,—то на него ужъ можно было положиться. Но онъ такъ говорилъ рѣдко. Чаще всего онъ, по выраженію Задонскаго, напускалъ критику на людей: «Малый не дуракъ, да старовать и любовницу имѣть... Намедни въ трактирѣ здорово кутилъ. Лучше съ нимъ тебѣ не видаться. Ты на него Петрапусти, пусть вмѣстѣ орудуютъ, а ты погоди. Можетъ, я и ошибаюсь».

Задонскій иногда подшучивалъ надъ этой маніей своего друга вездѣ видѣть шпионовъ, забулдыгъ, болтуновъ, трусовъ. «Дѣло, братъ, наше такое, что безъ риска нельзя. Если никому не вѣрить, то вѣдь ничего мы съ тобою не сдѣлаемъ. Только шкуру свою бережемъ».

— Да шкура-то, Михалычъ, нужная. Я не про себя говорю, а про тебя. Не «скубенты» же замѣнять тебя. Дѣла жалко, вотъ что...

— А ты думаешь, что нами одними все дѣло держится, чудакъ ты этакій? Пустое бы это дѣло было, коли такъ. Надо, конечно, беречься, что говорить. Ну, мы и бережемся. У интеллигентовъ, посмотри, ни одного нѣтъ, кто бы такъ долго держался, какъ мы съ тобой. Но все-таки надо помнить, что и ты и я во всякую минуту можемъ попасться, а потому надо изъ нашей же среды приготовить намъ замѣстителей. Люди есть, что ни говори.

— Есть, и я это говорю. Но мало. Да и тѣ, какъ говорятъ «скубенты», адъютанты, исполнители. Пусти ихъ однихъ, такую кашу заварять, что Боже мой...

— Ну, какъ же «адъютанты»... Да вотъ хотя бы Гринштейнъ... Я знаю, ты его не любишь. Но ты неправъ. Я его уже три года знаю, въ дѣлѣ вижу. Умная голова, и душа человѣкъ, съ огнемъ. И огонь у него подъ спудомъ. Умѣть держать себя.

Иванъ-слесарь долго молчалъ, опершись на руку, потомъ сказалъ медленно:

— Ты говоришь: «не любишь». А мнѣ что его любить или не любить,—не баба вѣдь. Но я такъ думаю, что ты въ немъ ошибаешься. Какъ знаешь, я бы на твоемъ мѣстѣ этому нѣмчурѣ такъ не довѣрять.

— Какъ тебѣ не стыдно. «Нѣмчура»! Все ты такія слова говоришь, которыя ничего не значать. А этотъ «нѣмчура» весь свой заработокъ отдаеть на дѣло. Начитанный; говорить хорошо. Намедни въ кружокѣ объяснялъ товарищамъ теорію Маркса, я самъ заслушался, — просто, ясно, слова не сказала лишняго или мудренаго. Себя не щадить и съ починомъ человѣкъ. Сколько онъ мыслей далъ умныхъ, практическихъ. А вѣдь нашъ братъ—сынъ сапожника. Не знаю, что ты противъ него имѣешь. Такъ ты къ нему относишься, что и онъ ужъ замѣтилъ. Просто жаль парня. Это у тебя нервы, какъ у бабъ случается, — не правится, не лежитъ душа, и все тутъ, а почему? Богъ знаетъ...

— Не знаю, что онъ такое замѣтилъ. Я ему ничего не говорилъ. А что я его сюда не зову, и адресъ свой скрываю, такъ если онъ дѣйствительно преданъ дѣлу, онъ на это обижаться не долженъ, — такой порядокъ: чѣмъ меньше знаютъ, тѣмъ вѣрнѣе. Что я противъ него имѣю? Ничего опредѣленнаго. Мнѣ самому нравится, какъ онъ говорить, и ума его я не отрицаю. А давеча, когда онъ спорилъ съ петербуржцами, чтобы намъ стать террористами, и доказалъ, что это глупость, такъ я даже нашель, что онъ прямо молодець. Но вотъ мнѣ не нравится, что онъ говорить и самъ себя заслушивается, съ студентками кокетничаетъ, по театрамъ съ ними бѣгаетъ, романсы поеть и самъ на гитарѣ подыгрываетъ, да при этомъ глаза закатываетъ.

— Художественная натура, что дѣлать. И голосъ у него вѣдь въ самомъ дѣлѣ чудесный.

— Ты говоришь: художественная натура, я а говорю: обстоятельный человѣкъ, юбочникъ—это несомнѣнно.

— Да вѣдь молодъ же онъ, двадцать четыре года, ты этого не забывай.

— И тебѣ было 24 года, а ты съ бабами не якшался. А это интеллигентное бабѣ—такія балтушки. Имъ что теноръ, что выдающійся революціонеръ—все одно, лишь бы было передъ кѣмъ преклоняться, сороки! Сейчасъ въ любовь заиграють.

III.

Нелюбовь Ивана-слесаря къ Гринштейну шла до глубокой къ нему ненависти. Онъ его ненавидѣлъ потому, что Задонскій его любилъ, потому, что онъ былъ нѣмецъ, потому, что, придя послѣ него, онъ занялъ видное положеніе въ рабочей организаціи, но пуще всего за то, что этотъ сынъ ревельскаго сапожника имѣлъ манеры и привычки «барчука», «интеллигента»—слова, которыя на языкѣ Ивана-слесаря имѣли значеніе ругательства. Самъ онъ былъ изъ крѣпостныхъ. Его самого въ молодости драли по приказанію помѣщика. Дѣвушка, которую онъ

любилъ, была продана куда-то далеко, несмотря на его мольбы и валяніе въ ногахъ у барина. Во время освобожденія крестьянъ онъ принялъ участіе въ бунтахъ, которые происходили въ уѣздѣ и за которые крестьяне заплатились очень жестоко. Отецъ и два его брата были сосланы въ Сибирь, сестра—почти дѣвочка—15 лѣтъ, попала въ публичный домъ и, въ заключеніе, село было спалено солдатами. Ему самому удалось бѣжать, и съ тѣхъ поръ онъ скитался по свѣту по подложному виду, пока, лѣтъ десять назадъ, онъ не поселился въ Москвѣ. Онъ не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ чорта, но глубокой подспудной ненавистью ненавидѣлъ «господъ» и все, что на нихъ похоже. Задолго до своего знакомства съ Задонскимъ, когда онъ стоялъ совсѣмъ одинокій, онъ поддерживалъ въ средѣ, гдѣ вращался, нелѣпые слухи о «черномъ передѣлѣ», о «царѣ-плѣнникѣ у дворянъ» и о томъ, что «придетъ время», когда явится новый Стенька или Емеля, который кликнетъ кличъ, и весь народъ русскій съ дубинами и топорами ринется на дѣтей кровопивцевъ и пуститъ краснаго пѣтуха на ихъ помѣстья и усадьбы. Когда онъ познакомился съ рабочими-революціонерами, а затѣмъ черезъ нихъ съ Задонскимъ, онъ увидѣлъ въ развертывавшемся движеніи начало именно того времени, пришествія котораго самъ ждалъ. Съ Задонскимъ его сразу и особенно сблизило то, что они оказались земляками. Иванъ даже помнилъ всю родню Задонскаго и любилъ говорить съ нимъ про деревню.

— Мальцовъ, братцы, мальцовъ берите, съ молодыхъ парнишекъ начинайте. Я буду помогать. Да я что, я ужъ старъ для этого. Надо подвижныхъ, такихъ, что еще корней не пустили, что, какъ перекасти-поле вѣтромъ, разнесутся по всей Россіи-матушкѣ и пустятъ сѣмена.

Къ интеллигентамъ онъ съ самаго начала отнесся недоувѣрчиво. Онъ не вѣрилъ, что, когда «придетъ время», они пойдутъ вмѣстѣ съ народомъ противъ своихъ же. «Съ чего имъ!» Но когда начались аресты, когда, благодаря неосторожности и даже болтливости «скубентовъ» и «барчуковъ», попалося немало рабочихъ, онъ уже не скрывалъ къ нимъ свое презрѣніе. Какъ истый мужикъ, онъ готовъ былъ пользоваться ихъ деньгами, знаніями, вліяніемъ и при случаѣ льстилъ имъ, поддакивалъ, но находилъ, что дѣло дѣлать надо безъ нихъ, что они его только испортятъ. Въ этомъ отношеніи Задонскій вполне раздѣлялъ его взгляды. Но Задонскій, какъ развитой человекъ, съ широкими взглядами, тяготѣлъ къ интеллигенціи. Вражды къ ней онъ питать не могъ. Иванъ же переносилъ свое недоувѣріе даже на тѣхъ изъ рабочихъ, которые принимали видъ интеллигентовъ.

Изъ среды этихъ рабочихъ Гринштейнъ больше другихъ имѣлъ замашки и вкусы образованнаго человека. На самомъ дѣлѣ онъ и не былъ простымъ рабочимъ. Онъ былъ чертежникомъ на фабрикѣ

и зарабатывал до ста и больше рублей в мѣсяць. Онъ любилъ читать и прочелъ въ подлинникѣ всѣхъ нѣмецкихъ классиковъ, зналъ наизусть множество стихотвореній изъ Гейне, Шиллера, Гете и другихъ. Увлечшись социализмомъ еще въ школѣ, онъ зналъ и усвоилъ сочиненія Лассаля, какъ никто изъ студентовъ. Это давало ему уже само по себѣ особое положеніе въ кружкахъ революціонной молодежи! А такъ какъ при этомъ онъ былъ извѣстенъ какъ интимный другъ Задонскаго, то все это вмѣстѣ дѣлало его Веніаминомъ революціонныхъ кружковъ. «Карлушу» всѣ любили, всѣ рады были его видѣть. И онъ любилъ появляться въ этихъ кружкахъ. Его самолюбію льстило, что за нимъ, сыномъ сапожника, ухаживали сыновья и дочери людей, къ которымъ его отецъ не заходилъ дальше передней. Онъ по внѣшности не былъ похожъ на рабочаго. Невысокаго роста, шуплый, узкій въ плечахъ, всегда въ чистомъ бѣлѣ и въ черномъ сюртукѣ, который выгодно отбѣнялъ его мягкое продолговатое и женственное лицо съ маленькими бѣлокурыми усиками и съ слабой растительностью на закругленномъ подбородкѣ, онъ имѣлъ необыкновенно красивый, высокій и выпуклый лобъ, на которомъ вились бѣлокурые, съ золотистымъ отливомъ волосы. Опытный человѣкъ открылъ бы въ этомъ деликатномъ и умномъ лицѣ, освѣщенномъ парой голубыхъ глазъ, слабость характера, желаніе нравиться и чувственность. Но въ этихъ глазахъ было такъ много жизни, розовый, почти дѣтскій ротъ улыбался такъ часто, обнаруживая длинные и чрезвычайно бѣлые зубы, что этотъ избытокъ жизни можно было принять за кипучесть характера. Натура художественная и даровитая, онъ понималъ толкъ въ музыкѣ, самъ пѣлъ очень хорошо, любилъ въ свободное время посѣщать концерты, оперу, музеи и выставки, и съ восторгомъ говорилъ о Щедринѣ, Толстомъ и Глѣбѣ Успенскомъ. Все это привлекало къ нему всеобщія симпатіи. Самъ Задонскій искусствомъ писколько не интересовался. Но любовь къ нему со стороны Гринштейна онъ одобрялъ; онъ былъ такого мнѣнія, что искусство создано не для избранныхъ, а на потребу массъ, и что задача революціонеровъ—поднять духовныя потребности народа, а не умалить ихъ. Въ этомъ отношеніи діатрибы революціонеровъ изъ интеллигенціи противъ искусства и ихъ стремленіе къ опрощенію онъ находилъ смѣшнымъ и вреднымъ. Онъ встрѣтилъ въ Гринштейнѣ самаго дѣятельнаго и преданнаго изъ своихъ сотрудниковъ, человѣка равнаго съ нимъ развитія, понимавшаго его взгляды и намѣренія и при томъ естественно поставленнаго въ такое положеніе, что онъ на всю свою остальную жизнь былъ связанъ съ рабочими. Гринштейнъ былъ для него находкой, и онъ чрезвычайно имъ дорожилъ.

Иванъ-слесарь видѣлъ въ Гринштейнѣ рабочаго, который стремится выскочить въ барѣ. Онъ подозрѣвалъ въ немъ честолюбца, для котораго рабочій вопросъ и революціонная дѣятельность слу-

жать только предложомъ, чтобы фигурировать и играть роль, но который душою дѣлу вовсе не преданъ. Гринштейнъ имѣлъ несчастьемъ напоминать своей фигурой одного молодого студента, которому тоже много довѣряли, считая его въ своемъ родѣ феноменальнымъ младенцемъ, и который, «будучи арестованъ, сдѣлался лѣтописцемъ», т. е. предалъ рѣшительно всѣхъ, кого зналъ и даже о комъ только слышалъ, какъ о причастномъ къ революціонной дѣятельности. Его показаніе, написанное въ тиши Петропавловской крѣпости, заняло около ста листовъ и послужило матеріаломъ для ареста пѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Иванъ-слесарь вбилъ себѣ въ голову, что Гринштейнъ при тѣхъ же условіяхъ сдѣлалъ бы то же самое. И онъ заранѣе ненавидѣлъ молодого чертежника всею ненавистью, на какую сталъ только способенъ. Гринштейнъ, конечно, не подозрѣвалъ, въ какихъ черныхъ краскахъ рисовалъ себѣ его Иванъ. Избалованный симпатіями, которыя какъ-то сами собой шли къ нему навстрѣчу вездѣ, куда онъ являлся, онъ былъ пораженъ враждебностью къ нему стараго революціонера. Онъ все дѣлалъ, чтобы заслужить его расположеніе, но ничего не помогло. Иванъ былъ съ нимъ сухъ и язвительнъ. Гринштейнъ не разъ жаловался на это Задонскому.

— Не знаю,—говорилъ онъ:—что я ему сдѣлалъ. Ты къ нему всей душой, а онъ къ тебѣ спиной.

— Брось,—утѣшалъ его Задонскій:—не обращай вниманія, пройдетъ. Онъ—хорошій человѣкъ, но съ трудомъ привыкаетъ къ новымъ лицамъ. И вообще онъ большой чудакъ.

Но «это» не прошло. А съ теченіемъ времени Гринштейнъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что Иванъ прямо ему не довѣряетъ. Поэтому онъ, какъ нервный человѣкъ, въ присутствіи Ивана какъ-то увядалъ и съеживался. Онъ его прямо боялся.

IV.

Иванъ-слесарь считалъ Гринштейна ловеласомъ и юбочникомъ. Онъ даже былъ увѣренъ, что Гринштейнъ потому такъ любилъ вертѣться въ кругу интеллигентныхъ женщинъ, что хочетъ выудить между ними какую-нибудь богатую невѣсту. Такіе примѣры бывали. Но и на этотъ счетъ Иванъ ошибался. Гринштейнъ былъ просто сентиментальный человѣкъ и въ полномъ смыслѣ безкорыстный, что онъ и не замедлил доказать. Въ то время, какъ начинается этотъ разговоръ, Гринштейнъ былъ сильно и безнадежно влюбленъ. И эта любовь причиняла ему мучительныя страданія.

Влюбился онъ въ дѣвушку, которая была совершенно чужда революціонныхъ идей и даже не знала ни одного революціонера. Это была двоюродная сестра одного его товарища, тоже чертежника, у котораго онъ познакомился съ нею на вечеринкѣ. Звали ее Софьей

Андреевнѣ, или попросту Соней. Она была старшая дочь вдовы квартальнаго надзирателя Мойсеева, который умеръ много лѣтъ тому назадъ отъ пьянства, оставивши жену и двухъ малолѣтнихъ дѣвочекъ рѣшительно безъ всякихъ средствъ. Жили онѣ въ глубокой нуждѣ, въ крохотной квартиркѣ въ домѣ Кокорева, маленькой пенсіей, которую имъ выхлопоталъ, сжалившись надъ ихъ несчастнымъ положеніемъ, одинъ изъ начальниковъ покойнаго. Кромѣ того, богатая кунчиха Федорова, подруга дѣтства Мойсеевой, помогала имъ отъ щедротъ своихъ. Благодаря ей, дѣвочки могли учиться въ гимназіи, въ которой Соня кончила курсъ, а младшая, Нюра, вышла изъ 4-го класса и теперь имѣла мѣсто въ одной конторѣ.

Федорова любила благодѣтельствовать. Но, женщина взбалмошная, обидчивая и невоспитанная, она любила тоже давать это чувствовать. Она вмѣшивалась въ частную жизнь Мойсеевыхъ, дѣлала имъ нотации, требовала къ себѣ удивленія, лести, покорности. Изъ старухи Мойсеевой, которая трепетала передъ возможностью потерять ея милость, она долгими годами капризовъ и униженій выработала подобострастную и скорбную приживалку. Младшую, Нюру, некрасивую и при томъ косую, она терпѣть не могла. Зато Соню, бойкую и хорошенькую смуглянку, она баловала и въ то же время нравственно уродовала съ раннихъ лѣтъ. То она одѣвала ее какъ куклу въ дорогія платья и покупала для нея тонкое бѣлье, тогда какъ Нюра ходила въ порванныхъ башмакахъ, возила ее съ собою кататься и въ оперу, кормила ее тонкими обѣдами и обѣщала за нею хорошее приданое, то унижала при постороннихъ, рассказывала, что отецъ ея умеръ отъ пьянства, что если бы не она, Богъ знаетъ, что бы было съ ея семьею и съ ней самой. Въ результатѣ она на старости лѣтъ вышла за молодого актера и изъ ревности запретила Сонѣ переступать свой порогъ, а затѣмъ и вовсе уѣхала изъ Москвы за границу. Соня, понюхавшая привольную жизнь богатыхъ людей, вошла во вкусъ и чувствовала себя очень несчастной. Она ненавидѣла свою бѣдность, тогда какъ Нюра, зарабатывавшая двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, которые приносила домой, находила, что жить можно, и не понимала озлобленія своей сестры.

— Если бы,—мечтала она вслухъ,—и ты согласилась взять мѣсто, мы бы имѣли до 80 рублей и даже больше, и жили бы припѣваючи.

— Очень нужно,—презрительно отвѣчала Соня,—сохнуть въ конторѣ и находиться въ зависимости отъ разныхъ дураковъ.

Она мечтала, благодаря своей красотѣ, найти богатаго жениха, подобно тому, какъ это удалось въ свое время Федоровой, да и въ недавнее время другой бѣдной дѣвушкѣ, которую она знала.

Но гдѣ ей было найти богатыхъ жениховъ? Со времени вторичнаго выхода замужъ своей благодѣтельница она никуда не выходила,

и къ нимъ никто не ходилъ, кромѣ родныхъ, въ томъ числѣ чертежника Матвѣева.

Матвѣевъ былъ добрый малый и любящій родственникъ. Ему было искренно жалко своей старой тетки и своихъ кузинъ. Это онъ досталъ Нюрѣ мѣсто въ конторѣ. Теперь онъ поставилъ себѣ задачей найти Сонѣ жениха. Давно ему казалось, что Гринштейнъ и Соня могутъ составить хорошую пару. Вечерника, о которой сказано, была устроена не спроста: Матвѣевъ хотѣлъ на ней свести молодыхъ людей и посмотреть, что изъ этого выйдетъ. Къ его большому удовольствію, Гринштейнъ былъ сразу очарованъ красивой дѣвушкой. Въ средѣ разныхъ дурно и безъ вкуса одѣтыхъ дѣвицъ, мелкихъ чиновницъ и молодыхъ мѣщаночекъ, женъ его товарищей, Соня въ своемъ черномъ кружевномъ платьѣ, которое плотно, безъ единой складки, охватывало ея стройный станъ и упругую дѣвичью грудь, имѣла необыкновенно изящный видъ. Продолговатое смуглое лицо, съ румянцемъ во всю щеку, красиво очерченный ротъ съ темнымъ пушкомъ, который отгѣнялъ верхнюю губу, густыя черныя брови, почти сросшіяся надъ переносицей и изъ-подъ которыхъ смотрѣли умно и нѣсколько надменно большіе черные глаза, высокій и чистый лобъ съ гладко причесанными волосами, — во всемъ этомъ было что-то аристократическое и властное. Такой, по крайней мѣрѣ, она показалась Гринштейну. Она ему чрезвычайно понравилась. Въ этой средѣ, гдѣ дамы жалси у стѣнъ, а дѣвушки говорили черезчуръ громко и искусственно смѣялись, дѣлая видъ, что совѣмъ не обращаютъ вниманія на мужчинъ, которые, въ свою очередь, толпились въ сосѣдней комнатѣ, поближе къ закускамъ, и истово курили, разговаривая о своихъ будничныхъ дѣлахъ, Соня взяла на себя роль хозяйки. Развязно и хлопотливо, шурша шелкомъ своей юбки, она переносилась изъ комнаты въ комнату, исчезала на кухнѣ и вновь возвращалась, улыбалась однимъ, заговаривала съ другими, угощала чаемъ и печеньемъ, гнала мужчинъ къ дамамъ, старалась завязать общій разговоръ, смѣшавъ между собою гостей и сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ было весело. Матвѣевъ, который сторулъ отъ нетерпѣнія поскорѣ засѣсть за винтъ, нагнулся къ ней на ухо и предложилъ для остальныхъ устроить фанты. Она сдвинула брови и отрицательно покачала головою: — нѣтъ, нѣтъ! Потомъ, повернувшись къ Гринштейну, она сказала тономъ, который не терпитъ возраженій:

— М-ръ Гринштейнъ, я знаю, вы хорошо поете, покажите намъ ваше искусство.

Онъ хотѣлъ было отказаться, но она выразительно стрѣльнула въ него глазами, какъ будто хотѣла сказать: здѣсь только вы да я; помогите мнѣ позабавить эту компанію.

И Гринштейнъ безпрекословно взялъ протянутую ему гитару, показавши улыбкой, что понялъ ея взглядъ. При первыхъ аккор-

дахъ всё гости оживились. Мужчины столпились на порогѣ, дамы насторожились. Гринштейнъ спѣлъ вначалѣ вяло какой-то романсъ и вызвалъ большой восторгъ въ этой нетребовательной публикѣ. Тогда онъ спѣлъ «Азру», который среди дамъ произвелъ настоящій фуроръ. Кто-то робко потребовалъ «русскую». Гринштейнъ затынулъ «Внизъ по матушкѣ», его поддержали, составилъ хоръ, и стало весело и шумно. Въ сосѣдней комнатѣ Матвѣевъ составилъ наконецъ винтъ,—тамъ зазвенѣли рюмки, послышалось хлопанье откупориваемыхъ бутылокъ съ пивомъ. Пользуясь общимъ оживленіемъ, Гринштейнъ подошелъ къ Сонѣ и проговорилъ съ нею весь остальной вечеръ. Онъ началъ разговоръ банальнымъ вопросомъ:

— Вы часто выходите?

— Куда?

— Ну, къ знакомымъ, въ театръ...

— У меня нѣтъ знакомыхъ, т. е. такихъ, съ которыми было бы особенно пріятно встрѣчаться. А театръ, да, я люблю. Но я не люблю простаивать часами у кассы, въ снѣгу, а потомъ задыхаться въ райкѣ, гдѣ у меня разбалливается голова. Никакого удовольствія!

— Какая вы эпикурейка!

Она посмотрѣла на него холоднымъ, проницескимъ взглядомъ.

— Вы не станете утверждать, что слушать Мазини или Фодотову пріятнѣе подъ потолкомъ, нюхая чужія испаренія, чѣмъ въ креслахъ?

— Но если въ кремлахъ нельзя?

— Тогда лучше сидѣть дома. Это никому не возбраняется. Я недавно прочла у Бальзака мысль, которую вполне раздѣляю. Герцогъ Альба, по его словамъ, говаривалъ: «*Mieux vaut un saumon, que mille grenouilles*. И она перевела: «лучше одна большая рыба, чѣмъ тысяча лягушекъ». Это примѣнимо и къ удовольствіямъ. Лучше одно большое и полное, чѣмъ тысяча мѣщанскихъ и обгрызанныхъ.

— Это не любезно по отношенію къ намъ, мѣщанамъ.

— Будто вамъ нравится времяпровожденіе въ этой компаніи?— она покосилась въ сторону гостей и улыбнулась.

— Я провожу жизнь среди рабочихъ, и увѣряю васъ, что эта среда очень интересная.

— Ну, это потому, что вы занимаетесь уловленіемъ душъ.

Онъ покраснѣлъ и очень сконфузился.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Митя (Матвѣевъ) мнѣ какъ-то передавалъ о васъ. Вы знаете, онъ васъ очень любитъ.

— Что именно онъ вамъ передавалъ?

— Не стоить говорить. Это—политика, а я ею не интересуюсь. Да и игра опасная.

— А мнѣ сдается, что не опасность васъ можетъ испугать.

— Мерси за комплиментъ. Но вы меня совсѣмъ не знаете.

Въ ея тонѣ было что-то сухое и гордое, какъ будто между нимъ и собою она хотѣла провести черту, черезъ которую не позволить переступить. Гринштейнъ понялъ, что она третируетъ его свысока, какъ мальчика, и это его задѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ опечалило. Онъ думалъ ей импонировать, а вышло наоборотъ.

— Я вамъ не завидую,—сказалъ онъ задумчиво.

— Вы правы. Завидовать нечему. Жизнь моя пустая и скучная.— И, спохватившись, она прибавила язвительно:—Но вы меня не жалѣйте, пожалуйте...

Гринштейнъ засмѣялся. Она посмотрѣла на него вопросительно. Но въ это время ее отозвали по поводу приготовлений къ ужину. Ея долго не было. Когда она вернулась, она застала Гринштейна на томъ же мѣстѣ.

— Почему вы засмѣялись?—спросила она серьезно.

Онъ опять улыбнулся, и сказалъ:

— Извините за сравненіе, но вы миѣ напоминаете ежика,— вы все колетесь, откуда къ вамъ ни подойди.

— Да, такая ужъ я отъ природы колючая.—И въ первый разъ въ этотъ вечеръ она засмѣялась искреннимъ, молодымъ смѣхомъ.— Это, должно быть, оттого,—прибавила она:—что я часто одна, то есть живу больше внутренними мыслями, чѣмъ внѣшней жизнью. Между ними и ею несоотвѣтствіе очень большое. У васъ, конечно, такого разлада нѣтъ?

— Откровенно говоря, нѣтъ. У меня и много работы и много друзей.

— Счастливецъ!

Она его не принимала всерьезъ,—это было очевидно. Почему? Что надо было сдѣлать, чтобы ей поправиться и подружиться съ нею? Гринштейну этого такъ хотѣлось. Если бъ она могла его видѣть въ той средѣ, гдѣ онъ былъ кое-кто, если бъ она могла послушать его, когда онъ говоритъ на сходкахъ, когда спорить, если бъ знала, что онъ является хранителемъ великихъ тайнъ, и что лучшіе люди обходятся съ нимъ, какъ съ равнымъ, удостаиваютъ его своей дружбы. Но именно все это ея не интересовало. И хотя она его отличала между всѣми,—она почти съ нимъ однимъ только и разговаривала,—во всей ея манерѣ держать себя съ нимъ проглядывало ея сознание своего превосходства, точно она была старшая, а онъ младшій. Но даже это ему въ ней нравилось и импонировало ему.

За ужиномъ они сидѣли рядомъ. И въ то время, какъ кругомъ стучали вилки о тарелки и слышался звонъ стакановъ, покрываемый говоромъ, шутками и смѣхомъ расходившейся компаніи, между Гринштейномъ и Соней завязался горячій споръ. Оба такъ увлеклись имъ, что не замѣтили Матвѣева, который уже нѣсколько времени

стоялъ за ними со стаканомъ пива въ высоко поднятой рукѣ, красный, съ умиленными глазами, и, преклонивши ухо, слушалъ, улыбаясь широкой, добродушной улыбкой.

— Соня, Софья Андреевна,—сказалъ онъ наконецъ, дотронувшись до ея плеча:—позволь чокнуться съ товарищемъ. Онъ у насъ съ генералами знакомъ, а все же онъ нашъ, пріятель и другъ, правда?

— Съ какими генералами, что врешь, Митька?—отвѣтилъ Гринштейнъ, поворачивая къ нему голову.

Тотъ только плутовато прищурилъ одинъ глазъ:

— Ладно, дружище. Дай поцѣлуемся.

Они облобызались три раза.

Потомъ Митя обратился къ дѣвушкѣ:

— Дай ручку, Софья Андреевна?

Онъ взялъ ея смуглую, выхоленную руку съ коротко остриженными ногтями и, держа ее на отвѣсѣ, сказалъ:

— Она, братъ, сама генераль. Жаль, Соня, что мы съ тобою въ близкомъ родствѣ, женился бы я на тебѣ, если бы ты захотѣла. Не жена изъ тебя бы вышла, а министръ.

Она хотѣла отдернуть руку, но онъ поднесъ ее къ губамъ и чмокнулъ.

Гринштейнъ обратилъ тутъ въ первый разъ вниманіе, что рука эта была широкая и крѣпкая, какъ у мужчины. Онъ невольно перенесъ глаза на свою собственную руку, которая была необыкновенно бѣлая и длинная, съ тонкими пальцами.

— Довольно, Митя,—сказала она, сдвигая брови:—дай говорить,—и она повернулась къ Гринштейну, продолжая прерванный разговоръ. А Матвѣевъ, отойдя, подмигнулъ черезъ столъ Нюрѣ, которая скромно сидѣла весь вечеръ и, повидимому, скучала. Она думала о томъ, что завтра рано придется бѣжать въ контору, и она боялась, что проспать.

— Да, да, m-g Гринштейнъ,—говорила Соня:—это мое убѣжденіе: никто и никогда не приноситъ жертвъ; люди дѣлаютъ только то, что имъ нравится, или—если предпочитаете—что ихъ радуетъ. Они отказываются отъ того, что имъ меньше нравится, или что имъ вовсе не нравится, въ пользу того, что имъ доставляетъ большое наслажденіе или просто больше удовольствія...

— Знаю, знаю эти теоріи. Но увѣрю васъ, честное слово, вы ошибаетесь, вы не знаете людей, вы не знаете свѣта, если воображаете, что все дѣлается изъ интереса, ради выгоды...

— Положимъ, я не совсѣмъ то говорю. Но все равно...

— Нѣтъ, позвольте,—продолжалъ Гринштейнъ, горячо дѣлая рукою жестъ, какъ будто устранялъ препятствіе:—въ обыденной жизни утилитаризмъ, конечно, правило,—вотъ тебѣ грошъ, дай мнѣ рубль серебромъ. Но въ жизни не все проза...

Она иронически прищурила глаза.

— Да, въ жизни есть поэзія,—сказала онъ съ убѣжденіемъ, выдерживая ея взглядъ.—Есть большіе люди, которые, какъ маяки, поднимаются надъ толпою и бросаютъ вокругъ себя свѣтъ. Есть большія страсти, которыя пожаромъ зажигаютъ сердца этихъ людей, такимъ пожаромъ, который даже на отдаленіи грѣетъ обыкновенныхъ смертныхъ, очищаетъ и облагораживаетъ ихъ.

— И вы такихъ людей знаете?—спросила она.

— Знаю,—твердо отвѣтилъ онъ и мотнулъ головою.

Она задумалась на мгновеніе, и потомъ сказала:

— Я думаю, вы увлекаетесь.

— Если бъ вы ихъ видѣли, вы бы этого не думали.

— Что жъ, покажите намъ эти живые факелы, или, по-вашему, маяки.

— Они въ звѣринцахъ не показываются.

— Ну, и Богъ съ ними.

— Вы сказали, живые факелы,—упорствовалъ Гринштейнъ, не желая оставить эту тему.—Развѣ живые факелы Нерона не свѣтятъ до сихъ поръ на пространствѣ восемнадцати вѣковъ?..

Но Соня уже устала отъ этихъ умныхъ разговоровъ. Глаза ея потускнѣли, и она зѣвнула, къ большому огорченію Гринштейна.

— Конечно,—отвѣтила она.—Но пусть ихъ свѣтятъ. Я бы на ихъ мѣстѣ не желала быть. Живешь одинъ разъ, и хотя, положимъ, живешь скверно, все же перспектива быть осмоленной не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго.

— Который часъ?—спросила она.

Быль часъ ночи.

— Ахъ, какъ поздно! Бѣдная Нюра совсѣмъ спитъ.

Вся остальная компанія давно уже вышла изъ-за стола и толпилась въ гостиной, гдѣ Матвѣевъ и жена его товарища Митрофанова подъ звуки гитары отплясывали «русскую».

Соня съ матерью и съ сестрой одѣлись при помощи Гринштейна и всѣ вмѣстѣ вышли незамѣченные. Гринштейнъ пошелъ ихъ провожать. На сестрахъ были очень старыя, потертыя шубки, а на матери легкое пальто, поверхъ котораго она надѣла сѣрую пуховую шаль. Было холодно, снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Дѣвушки закрыли лицо муфтами и шли торопливымъ шагомъ и молча впереди; временами онѣ поворачивались спиною къ вѣтру и такъ бѣжали, постукивая ногами. Мойсеева плелась рядомъ съ Гринштейномъ и, пользуясь тѣмъ, что дочери не могли ее слышать, расхваливала ихъ обѣихъ, и особенно старшую. Она намекала, что Соня могла бы сдѣлать блестящую партію, но не сдѣлала, потому что еще очень молода, и ей торопиться было нечего. При этомъ она рисовала ангельскій характеръ ея, ея преданность, послушаніе, ея хозяйственныя способности, говорила, какъ бы

мимоходомъ, о своихъ знакомствахъ съ богачами, упомянула о своей подругѣ дѣтства Федоровой, которая обожала Сонечку. Она не забыла также допросить молодого человѣка объ его семьѣ, объ его матеріальномъ положеніи, объ его надеждахъ. Гринштейну было неловко отъ всѣхъ этихъ разсказовъ и допросовъ, но онъ дѣлалъ видъ, что все это его очень интересуешь. Онъ поддакивалъ, удивлялся, разсказывалъ о себѣ, о своихъ родителяхъ, которые имѣють въ Ревелѣ «сапожный магазинъ», понимая, что совсѣмъ падеть въ глазахъ старухи, которая гордилась своимъ дворянствомъ, если скажетъ, что отецъ его простой сапожникъ. Соня, замѣтивши, что мать ея такъ разговорила, подошла къ нимъ, и подозрительно спросила: о чемъ они говорятъ? Она знала слабость матери видѣть въ каждомъ молодомъ человѣкѣ возможнаго жениха, и это ее злило, заставляло обрушиваться на старуху грубыми упреками.

— Да вотъ,—отвѣтила Мойсеева на вопросъ дочери:—они разсказываютъ, какой у нихъ славный климатъ въ Ревелѣ,—у ихъ папаша тамъ, знаешь, большая сапожная фабрика...

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ это интересно!—ехидно замѣтила Соня.—Наша мамаша, знаете, очень любопытная. Ей все хочется знать. Но это безъ дурного умысла, ужъ вы насъ извините.

— Да нѣтъ же, Сонечка, право,—робко начала старуха.

Но, не слушая ея, Соня уже начала говорить о другомъ. Съ этой минуты и до самаго дома Мойсеева не проронила ни слова. Но когда стали прощаться, и дѣвушки поблагодарили Гринштейна за компанію, а онъ нѣсколько сконфуженно топтался на мѣстѣ, она встрепенулась. Взявши всю свою храбрость въ руки, она чопорно, но твердо пригласила его бывать.

— Мы всегда во время чая дома и будемъ рады.

— Если позволите, — отвѣтилъ Гринштейнъ, вопросительно взглянувши на Соню.

— Пожалуйста, пожалуйста,—сказала она холодно и какъ будто только изъ вѣжливости.

V.

Хотя Соня не выказала особеннаго желанія видѣть его у себя, Гринштейну очень хотѣлось поддержать съ нею знакомство. Но долгое время онъ не могъ зайти къ Мойсеевымъ. Съ утра до вечера онъ былъ занятъ на фабрикѣ, а вечеромъ, иногда до глубокой ночи, хожденіе по дѣламъ организациі рабочихъ, сходки, нужныя свиданія, спѣшные переводы социалистическихъ брошюръ, которыя доставлялъ ему Задонскій, работа съ Задонскимъ, наконецъ посѣщенія его революціонной молодежью,—все это не оставляло ему ни одной свободной минуты. Но разъ утромъ, когда онъ бѣжалъ на фабрику, его обозвалъ женскій голосъ. То была Нюра. Въ своемъ

ваточномъ пальто, изъ котораго она выросла, въ поношенной мѣховоѣ шапочкѣ, перевязанной цуховымъ платкомъ, ея широкое лицо, покрытое веснушками, стыдливо и привѣтливо улыбалось.

— Здравствуйте,—сказала она, протягивая руку въ шерстяной рукавицѣ.

Гринштейнъ ей очень обрадовался.

— Куда вы такъ рано? Неужели на работу?

— Хочу попытаться, можетъ быть, достану на сегодня билетъ въ оперу. Завтра праздникъ...

— Вы съ сестрой?

— Нѣтъ,—отвѣтила она.—Соня въ раскѣ не пойдетъ.

— А какъ она поживаетъ?

— Хандритъ, по обыкновенію.

Гринштейнъ подумалъ, соображая, и потомъ сказалъ:

— Знаете что,—не ходите. Я пошлю сторожа. А чтобы и Софья Андреевна могла пойти, мы возьмемъ мѣста получше. Идетъ?

— Что вы, помилуйте! Вы очень любезны, но это такъ дорого.

— Ну, одинъ разъ не бѣда.

Нюра колебалась.

— Соглашайтесь, право. Проведемъ вмѣстѣ вечеръ,—наставвалъ Гринштейнъ.

— Ну, спасибо. Я, знаете, для Соии это дѣлаю. Она шкуда не выходитъ. А мнѣ все равно, гдѣ ни сидѣть.

— Такъ вы предупредите матушку и сестру. А я къ вамъ зайду часамъ къ семи. Будьте готовы.

Этотъ вечеръ прошелъ очень весело, и у всѣхъ трехъ оставилъ пріятное воспоминаніе. Съ лица Нюры не сходила счастливая улыбка, и она не сводила глазъ со сцены. Она наслаждалась всѣмъ своимъ существомъ. Въ мѣстахъ, которыя ей особенно нравились, она робко поворачивала голову въ сторону Гринштейна, и въ ея взглядѣ было столько благодарности и дружбы! Соня, ослѣпленная блескомъ театра, гдѣ она давно уже не бывала, очарованная музыкой и пѣніемъ, точно помолодѣла. Ея щеки покрылись румянцемъ, глаза утратили сухой и испытующій взглядъ,—они искрились беззаботнымъ весельемъ. Въ ея фамильярномъ и чуть-чуть насмѣшливомъ обращеніи съ Гринштейномъ проглядывала балованная дѣвушка, которая любитъ подразнить окружающихъ, когда знаетъ, что они ей все простятъ. Гринштейнъ, понимавшій оттънки, отшучивался, стараясь сохранять ея собственный тонъ, а исподтишка, когда она смотрѣла въ сторону, бросалъ на нее бѣглые, но пристальные взгляды, какъ будто изучалъ ее, какъ будто искалъ на ея лицѣ отвѣтъ на какіе-то занимавшіе его вопросы.

Въ одномъ изъ антрактовъ Гринштейнъ предложилъ сестрамъ погулять въ фойе. Соня наотрѣзъ отказалась. Она согласилась только выйти въ коридоръ, и здѣсь осталась около двери. Гринштейнъ не могъ понять причины этого отказа. А она была очень простая: у Сони были стоптанные башмаки.

— Вамъ давно чего-то хочется, но вы, какъ вѣжливый кавалеръ, это скрываете. Вамъ хочется курить,—пожалуйста, не стѣсняйте, иначе вы и насъ стѣсните,—сказала она.

Онъ улыбнулся и исчезъ. Когда онъ возвращался назадъ съ коробкой конфетъ, онъ замѣтилъ издали пожилого господина, очень почтеннаго, даже нѣсколько елейнаго вида, который разговаривалъ съ обѣими дѣвушками. Онъ былъ высокій, почти совсѣмъ лысый, съ рѣдкими волосами, зачесанными поперекъ высокаго черепа, съ бакенами, безъ усовъ и съ густыми бровями, которыя нависли кустарникомъ надъ его маленькими, нѣсколько свиными глазками. Онъ говорилъ тихимъ голосомъ, но развязно, нѣсколько отечески-покровительственнымъ тономъ, и, повидимому шутилъ, держа обѣими руками руку Сони. Гринштейнъ остановился, пока онъ уйдетъ. Когда онъ прошелъ потомъ мимо, онъ изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ сверкнулъ однимъ глазомъ въ сторону Гринштейна, какъ ему показалось,—съ любопытствомъ.

— Фи, да вы совсѣмъ кавалеръ, съ конфетами! — засмѣялась Соня.—Я, кстати, никогда ихъ не ѣмъ.

— А я очень люблю,—вставила Нюра.

— И я тоже.

Онъ предложилъ раскрытую коробку Нюрѣ, самъ взялъ одну конфетку и спросилъ:

— А вы нашли знакомаго?

— Да, это мой крестный,—сказала Нюра.—Онъ, впрочемъ, всегда съ интересомъ относился къ нашей семьѣ, еще къ покойному отцу.

— Служить гдѣ?

— Въ канцеляріи губернатора. Очень добрый человѣкъ.

Начался послѣдній актъ. Гринштейнъ смотрѣлъ на сцену и ничего не видѣлъ. Ему бы хотѣлось, чтобы этотъ вечеръ никогда не кончился. Попржнему онъ отъ времени до времени бросалъ взгляды на свою сосѣдку, желая узнать, что она думаетъ и чувствуетъ. Но она, хотя тоже не слушала, что происходитъ на сценѣ, осматривала съ такимъ интересомъ залъ и особенно ложи, что у него вдругъ стало грустно на душѣ. Очевидно, ея мысли были далеки отъ тѣхъ, которыя волновали его самого. Едва занавѣсъ опустился, Соня, бодрая и веселая, сказала:

— Благодарю васъ, я съ такимъ удовольствіемъ провела этотъ вечеръ, что у меня разыгрался аппетитъ. Я готова съѣсть цѣлаго быка.

Гринштейнъ ухватился за это заявленіе.

— И я тоже,—соврала онъ, хотя ему ѣсть вовсе не хотѣлось.

И онъ предложилъ пойти въ «Эрмитажъ» ужинать. Сестры переглянулись. Предложеніе было такъ соблазнительно.

— Ну, что же, кутить, такъ кутить,—рѣшила Соня.

Они весело одѣлись и двинулись къ выходу. Здѣсь они снова столкнулись съ крестнымъ Нюры. Закутанный въ енотовую шубу, онъ ласково улыбнулся дѣвушкамъ и довольно церемонно поклонился Гринштейну.

— Какой величественный господинъ,—пошутилъ Гринштейнъ, когда они очутились на морозномъ воздухѣ:—сейчасъ видно, что сановникъ.

— Какъ же, дѣйствительный статскій,—подтвердила Соня:—Владимира имѣеть.

— Да, и въ канцеляріи генераль-губенатора въ самомъ дѣлѣ играетъ роль,—замѣтила Нюра.

— Какъ его фамилія?

— Спасскій.

Въ большомъ бѣломъ залѣ «Эрмитажа» было большое оживленіе. Звенѣли шпюры и мелькали блестящіе мундиры военныхъ, слышалось шуршанье платьевъ великолѣпно одѣтыхъ дамъ, сверкали брильянты въ ушахъ и на шеяхъ, туго накрахмаленныя рубахи кавалеровъ выдѣлялись на черно-матовомъ фонѣ ихъ смокинговъ. Мягкій свѣтъ стеариновыхъ свѣчей подъ красными и желтыми абажурами, падая на бѣлоснѣжныя скатерти отдѣльныхъ столиковъ, зажигалъ рубиномъ и топазомъ красное и бѣлое вино въ граненыхъ графинахъ, игралъ на стаканахъ и серебрѣ. Лакеи въ бѣлыхъ рубахахъ суетливо и ловко скользили въ толпѣ съ тарелками и подносами. Казалось, весь зрительный залъ перекочевалъ сюда, голодный и жизнерадостный. Нюра, которая никогда не видала такого великолѣпія, имѣла совсѣмъ растерянный видъ, до того она оробѣла. Соня же была, напротивъ, такъ счастлива, что даже забыла про свои стоптанные башмаки. Глаза ея разбѣжались, она оглядывалась во всѣ стороны, замѣчала туалеты, дорогіе камни и кружева и живописныя группы за отдѣльными столиками, такъ забавно освѣщенныя. Гринштейнъ съ трудомъ нашелъ свободный столикъ въ глубинѣ за колоннами, и они усѣлись.

— Боже мой!—наивно сказала Нюра:—сколько денегъ люди тратятъ на ѣду!

Въ другое время Гринштейнъ произнесъ бы на эту тему цѣлую филиппику, но онъ не хотѣлъ портить удовольствія Сонѣ, и, чтобы сдѣлать ей пріятное, сказалъ, отвѣчая Нюрѣ:

— Надо, однако, сказать правду,—все это очень красиво, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ.

— Да отчего же только на первый? Если природа осудила насъ пить и ѣсть, одѣваться и имѣть жилище, то гораздо интереснѣе

продѣлать все эти прозаическіе акты красиво, чѣмъ такъ, какъ это продѣлываетъ большинство людей. И въ доказательство, я намѣрена сегодня поѣсть съ особеннымъ аппетитомъ. Давайте заказывать.

Онъ придвинулъ къ ней карту и сказалъ:

— Заказывайте, будьте хозяйкой.

И въ то время, какъ обѣ сестры углубились въ изученіе карты, Гринштейнъ добавилъ:

— Вы, конечно, правы. Но съ такимъ примѣчаніемъ. Эти, какъ вы говорите, акты, даже красиво исполненные, только тогда доставляютъ истинное удовольствіе, когда продѣлываются въ компаніи. Бѣсть одному, хотя бы самыя изысканныя блюда...

Гринштейнъ не окончилъ фразы и остановился. Въ противоположномъ углу, за столикомъ, въ компаніи трехъ неизвѣстныхъ ему молодыхъ людей, онъ замѣтилъ Задонскаго. Въ этомъ мѣстѣ, въ такой поздній часъ онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить своего друга. Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ въ его сторону и на его компаньоновъ. Одинъ изъ нихъ, высокій и худощавый, имѣлъ необыкновенно изящный видъ въ своемъ смокингѣ съ шелковыми отворотами и въ пенсэ на широкой черной лентѣ. Лицо съ легкимъ румянцемъ онъ имѣлъ худое, обрамленное молодымъ пушкомъ, съ тѣмъ нѣжнымъ, почти женственнымъ цвѣтомъ, какое бываетъ только у людей тщательно воспитанныхъ въ интеллигентныхъ и богатыхъ дворянскихъ семействахъ. Въ его спокойныхъ, сдержанныхъ манерахъ также было что-то серьезное и аристократически непринужденное. Но кто онъ могъ быть? подумалъ Гринштейнъ. На видъ его можно было принять за какого-нибудь аташе изъ посольства.. Онъ, очевидно, привыкъ хорошо одѣваться и ухаживать за собою, нисколько объ этомъ не думая. Волосы его, тщательно причесанные косымъ проборомъ, слегка лоснились. Иногда прядь волосъ спускалась на его широкій лобъ съ выпуклинами надъ глазами, тогда онъ непринужденнымъ движеніемъ возвращалъ ее на свое мѣсто, продолжая разговоръ тихо, спокойно. Улыбался онъ слабой улыбкой, показывая крѣпкіе, очень бѣлые зубы. Контрастомъ ему служилъ его товарищъ съ цыганскимъ типомъ лица, съ черной бородой и волосами, довольно длинными, чисто, но небрежно одѣтый,—не то учитель гимназій, не то литераторъ, но, несомнѣнно, южанинъ, живой, порывистый, который говорилъ громко, но еще громче смѣялся. Третьяго Гринштейнъ разсмотрѣть не могъ—онъ сидѣлъ къ нему спиною и былъ въ формѣ военнаго врача. Все трое ужинали и пили красное вино. Передъ Задонскимъ стоялъ стаканъ чая. Но онъ не пилъ, и видъ имѣлъ озабоченный, и даже какъ будто угрюмый. Онъ слушалъ, опустивши голову, и машинально чертилъ пальцемъ по скатерти. Вдругъ онъ поднялъ голову, и глаза его встрѣтились съ глазами Гринштейна. Онъ улыбнулся и мотнулъ головою. Тогда Гринштейнъ всталъ и, извинившись, пошелъ съ

нимъ поздороваться. Задонскій его не представилъ, но, поднявши къ нему лицо, спросилъ:

— Ты съ кѣмъ тамъ?

— Это знакомыя дѣвушки.

— Жаль.

— А что?

— Подсѣлъ бы къ намъ.

— Сейчасъ не могу. Черезъ часъ, если хочешь. Но, пожалуй, будетъ поздно.

Задонскій вопросительно посмотрѣлъ на молодого человѣка въ смокингѣ.

— Можно зав'га,—отвѣтилъ тотъ, растягивая слова и какъ бы изучая Гринштейна изъ-за своего пенснэ.

— Я тебѣ дамъ знать, — сказалъ Задонскій, протягивая ему руку.

Гринштейнъ вернулся къ дѣвушкамъ, которыя его ждали передъ поданнымъ блюдомъ.

— Какіе у васъ шикарныя знакомые! — сказала Соня вполголоса, дѣлая большіе глаза.

— Я только одного изъ нихъ знаю.

— Съ которымъ разговаривали?

— Да, это замѣчательный человѣкъ, могу васъ увѣрить.

— «Маякъ»? — пошутила Соня, намекая на горячую тираду Гринштейна на вечеринкѣ Матвѣева о хорошихъ людяхъ.

— Маякъ, да,—отвѣтилъ онъ, принимаясь разрѣзывать мясо.

Она подняла глаза въ сторону Задонскаго, потомъ медленно перевела ихъ на Гринштейна:

— Возможно. Этотъ человѣкъ во всякомъ случаѣ знаетъ, чего хочетъ и умѣетъ хотѣть. Его не свернешь.

— А мнѣ,—замѣтила Нюра,—кажется, что онъ, должно быть, очень добрый.

VI.

На другой день вечеромъ, когда Гринштейнъ выходилъ изъ фабрики, его догналъ неизвѣстно откуда взявшійся Иванъ-слесарь. Онъ не былъ, какъ всегда, въ поношенномъ полушубкѣ, изъ котораго торчала шерсть, а былъ одѣтъ довольно прилично, какъ мастеровой въ праздникъ,—въ пальто и въ картузѣ, и на шеѣ не былъ намотанъ веревкой старый красный шарфъ, а красовался новенькій башлыкъ.

— Здравствуйте, здравствуйте,—сказалъ онъ скороговоркой и пофыркивая.

— А я васъ и не узналъ, — отвѣтилъ Гринштейнъ, подавая руку.

— Какъ же, какъ же, пріодѣлся, нельзя, къ господамъ иду, къ питерскимъ, знаете. И васъ Михайлычъ велѣлъ просить,—засѣданіе будетъ,—и онъ опять хихикнулъ.

— Это вчерашніе?

— Вотъ, вотъ. Сейчасъ и пойдемъ, если можете.

— Гдѣ это, далеко?

— А мы omnibusъ возьмемъ, скоро доставить,—сказалъ онъ, не отвѣчая прямо на вопросъ.—Вы и вчерась меня не узнали, а я васъ видѣлъ съ барышнями.

— Когда?

— Ночью, изъ «Эрмитажа» шли.

Гринштейнъ догадался, что Иванъ поджидалъ тутъ, вѣроятно, выхода Задонскаго съ пріятелями, и его непріятно кольнуло, что онъ это скрываетъ.

— Ахъ, да,—замѣтилъ онъ небрежно:—это мои знакомыя дѣвушки.

— Дочери квартальнаго, какъ же, знаю,—фыркнулъ онъ.—Старшенькая хорошенькая, даже очень.

Тонъ, которымъ онъ говорилъ, очень не понравился Гринштейну.

— Какъ вы все знаете,—это даже удивительно,—замѣтилъ онъ съ ироніей.

Тотъ не замѣтилъ ироніи, или не обратилъ на нее вниманія, и сказалъ добродушно:

— Случай, больше ничего. Знакомый паренекъ изъ лавочки тутъ встрѣтился какъ разъ, когда вы выходили. Ну, онъ и сказалъ: ишь ты, квартальнаго дочери теперь ужъ по Эрмитажамъ ходятъ, а дома ѣсть печего. А впрочемъ, вотъ паша конка.

И съ этими словами Иванъ-слесарь вскочилъ въ проходившую конку. Гринштейнъ послѣдовалъ за нимъ. Они размѣстились отдѣльно. Иванъ остался курить на платформѣ, гдѣ встрѣтилъ какую-то знакомую чуйку, съ которой тотчасъ вступилъ въ разговоръ. Гринштейнъ нашель свободное мѣсто внутри, и тамъ усѣлся, раздраженный и злой.

Долго ѣхали они такимъ образомъ. Вдругъ мефистофельская голова Ивана-слесаря выглянула изъ-за спинъ пассажировъ внутрь вагона. Гринштейнъ всталъ, и оба выскочили на ходу. Они шли нѣкоторое время молча, свернули въ одну улицу, потомъ въ переулокъ. Гринштейнъ не могъ отдать себѣ отчета, гдѣ онъ находится, и это его злило. Онъ понималъ, что его спутникъ нарочно такъ устроилъ, чтобы онъ не зналъ. На углу переулка Иванъ остановился, оглянулся и сказалъ:

— Это здѣсь въ этомъ дворѣ, налѣво, во флигелѣ. Если встрѣтите дворника, скажите, что идете къ доктору.

— А вы?—спросилъ Гринштейнъ.

— А я послѣ. Такъ-то лучше, чтобы не обратить вниманіе. Предосторожность никогда не мѣшаетъ.

Дворника во дворѣ не оказалось. Гринштейнъ подошелъ къ флигелю, взобрался на нѣсколько ступенекъ и остановился у клеенчатой двери, обитой мѣдными гвоздями. На его звонокъ дверь отворила молоденькая горничная.

— Вы къ доктору? Пожалуйте, — сказала она, проводивши его въ свѣтлый коридоръ и помогая раздѣться. Въ это время одна изъ дверей, выходящихъ въ коридоръ, пріоткрылась, и изъ нея выглянула бородатая голова господина съ цыганскимъ типомъ, котораго онъ видѣлъ вчера съ Задонскимъ.

— Сюда, Гринштейнъ, сюда, — сказали онъ пріятнымъ баритономъ, выходя въ коридоръ. Онъ фамильярно поздоровался съ молодымъ человѣкомъ и, взявши за плечо, ввелъ въ комнату. Это былъ барскій кабинетъ зажиточнаго человѣка, съ большимъ письменнымъ столомъ, со шкапами съ книгами, съ большимъ кожанымъ диваномъ и такими же креслами. На столѣ подъ зелеными абажурами въ бронзовыхъ подсвѣчникахъ на подставкахъ, по двѣ, горѣли четыре свѣчи, бросая золотистый свѣтъ на разложенныя бумаги. Отсюда въ другую комнату дверь была открыта, и оттуда слышался разговоръ.

— Желѣзновъ, — отрекомендовался незнакомецъ.

Гринштейнъ вскинулъ на него восторженные глаза:

— Вы изъ процесса 193-хъ?

— Тотъ самый.

— Я радъ васъ видѣть и пожать вашу руку.

— И я вашу, я васъ хорошо знаю по рассказамъ, еще изъ тюрьмы.

— Ваша рѣчь произвела на меня сильное впечатлѣніе, — продолжалъ Гринштейнъ, польщенный. — Вы говорили не какъ подсудимый, а какъ обвинитель, и какъ спокойно, умно, съ какимъ сарказмомъ!

— Надо же было имъ сказать всепародно всю правду, — отвѣтилъ Желѣзновъ, смѣясь и глядя на него открытымъ, веселымъ взглядомъ.

— Вы чудесный ораторъ.

— Нѣтъ, я не ораторъ. Во мнѣ говоритъ убѣжденіе, что я правъ, и, конечно, то, что я ихъ нисколько не боюсь. Весь строй ихъ червивый. При дружной и холодно обдуманной рѣшимости свалить его, повѣрьте, нетрудно. Вы не думаете?

Гринштейнъ этого не думалъ. Онъ думалъ даже совсѣмъ наоборотъ. Но для него было ясно, что подъ строемъ каждый изъ нихъ понимаетъ другое. Онъ хотѣлъ отвѣтить, но въ это время изъ сосѣдней комнаты показались докторъ Фриде, хозяинъ квартиры и, какъ онъ послѣ узналъ, дома, а также молодой человѣкъ въ пенснѣ,

который вчера его так заинтересовалъ. Они познакомились. Всѣ были съ нимъ крайне предупредительны; съ нимъ обходились, какъ съ персонажемъ, какъ съ человѣкомъ нужнымъ, котораго хотѣли расположить въ свою пользу. Ему подали чаю, причемъ Фриде гостеприимно и даже нѣсколько хлопотливо, съ обворожительной улыбкой освѣдомился, желаетъ ли онъ рому съ лимономъ, или пить со сливками. Затѣмъ Фриде выпуль серебряный портсигаръ и предложилъ ему гаванскую сигару. Все это было такъ непохоже на манеры революціонной среды, въ которой до того Гринштейну случалось бывать. Студенты обыкновенно старались перенимать языкъ и видъ рабочихъ. И если случалось, что нѣкоторые изъ нихъ угощали рабочихъ конфетами, надъ ними смѣялись. Эти же не выказывали никакого стремленія къ «опрощенію». Свѣтскіе люди, привыкшіе, повидимому, къ зажиточной жизни, они этого не стыдились и не скрывали. Это было ново для Гринштейна и пріятно удивляло его. У молодого человѣка въ пенсѣ было на пальцѣ даже золотое кольцо съ большимъ гранатомъ. Онъ отрекомендовался Смирницкимъ. Имя это тогда ровно ничего не означало. Немного мѣсяцевъ спустя оно загремѣло по всей революціонной Россіи и затмило собою имена всѣхъ другихъ революціонныхъ дѣятелей. Но уже въ этотъ вечеръ лицо Смирницкаго поразило Гринштейна своею значительностью и даже, можно сказать, своею загадочностью. Несмотря на то, что держалъ онъ себя просто, желая, повидимому, не выдвигаться впередъ, и не импонировать, онъ импонировалъ. Между Фриде и Желѣзновымъ онъ имѣлъ видъ главы и инициатора, идеи котораго они раздѣляли и развивали. Онъ слушалъ и только отъ времени до времени направлялъ разговоръ, не давая ему сбиваться въ сторону, неукоснительно идя къ главной цѣли, ни на одно мгновеніе не теряя ее изъ виду. Лицо его, блѣдное, съ румянцемъ, было неподвижно, и самыя жестокія вещи онъ говорилъ спокойно, кратко, безъ жестовъ, и только близорукіе глаза прищуривались изъ-подъ пенсѣ съ лихорадочнымъ, страннымъ блескомъ, который старилъ его. Онъ былъ очень вѣжливъ, говорилъ отборнымъ книжнымъ языкомъ и очень серьезно, какъ бы стараясь о томъ, чтобы не сказать ничего лишняго и чтобы слово точно выражало то, что онъ имѣлъ намѣреніе сказать, безъ прикрасъ и безъ обходовъ. Онъ улыбался рѣдко и нехотя, однимъ ртомъ. Глаза никогда не участвовали въ этой улыбкѣ.

— Вы довольны занятіями съ рабочими?—спросилъ онъ въ то время, какъ Гринштейнъ, поставивши свой стаканъ съ чаемъ на письменный столъ, закуривалъ толстую сигару.

— О, да, очень,—отвѣтилъ онъ, пуская дымъ.—Изумительна жажда къ знанію, которую они обнаруживаютъ.

Онъ хотѣлъ по этому поводу разказать свои наблюденія, но Смирницкій перебилъ его.

— Да,—сказаль онъ медленно,—Задонскій рассказывалъ. Я думаю, въ этомъ отношеніи вы дѣлаете ошибку.

— Въ какомъ смыслѣ?

— При настоящемъ положеніи страны нельзя ставить дѣлю пропаганды дѣлать рабочихъ учеными.

— Это не дѣль, а средство.

— Извините. Всѣ эти уроки ариѳметики и космографіи размягчаютъ энергіи, даютъ имъ исходъ, который совсѣмъ нежелателенъ.

— Хе-хе-хе,—послышался въ это время за спиной Смирницкаго смѣхъ Ивана-слесаря, который вошелъ незамѣтно изъ другой комнаты.—Хе-хе,—смѣялся онъ, какъ-то сторбившись и засунувши въ кулаки сложенные руки въ карманы пиджака.—Это выходитъ, что наука для насъ заповѣдана и пути къ ней всѣ заказаны.

— Вовсе нѣтъ,—возразилъ Смирницкій, подымая брови.

— Какъ же, помилуйте! Это что!—и Иванъ-слесарь нервно задергалъ плечами.

— Не нужно знать ариѳметики,—вмѣшался Желѣзновъ:—чтобы бороться съ жандармской монархіей и нанести ей удары. Для этого нужна только организація. Остальное ясно само собою, какъ дважды два. Надо выискивать революціонные темпераменты, какъ этотъ чудесный Петръ Алексѣевъ, котораго я зналъ въ тюрьмѣ. Въ народѣ ихъ непочатый край. Двѣсти такихъ молодцовъ...

— И даже гораздо меньше,—поправилъ Смирницкій.

— ...и рядомъ хорошо намѣченныхъ ударовъ,—продолжалъ онъ, сопровождая слова энергичнымъ жестомъ,—эта монархія скоро окажется на боку.

— Но Петръ Алексѣевъ—нашъ. Онъ именно одинъ изъ тѣхъ рабочихъ, съ которыми занимались...

— Изъ школы Михалыча—его другъ и пріятель, само собою,—подтвердилъ Иванъ-слесарь.

— Петръ Алексѣевъ вполне сознательный революціонеръ и социалистъ. И мы имѣемъ претензію подготовить путемъ нашей организаціи не двѣсти сознательныхъ революціонеровъ и не двѣ тысячи, а двадцать-сорокъ тысячъ.

— Вы будете готовить исподоволь для «болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго», а правительство, по мѣрѣ изготовленія и не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, будетъ ихъ выхватывать и заперать въ одиночки или отправлять въ Якутскую область. И вы черезъ десять лѣтъ будете находиться на той самой точкѣ, съ которой начали.

— Жертвы будутъ, конечно. «Борьба жертвъ искупительныхъ просить». Но что черезъ десять лѣтъ мы останемся на одномъ мѣстѣ, это, извините, не согласно съ дѣйствительностью. Уже теперь...

Желѣзновъ съ досадою метнулъ голову:

— Это жертвы пассивныя, онъ ни къ чему. Вѣдь даже такая личность, какъ Петръ Алексѣевъ, погибла даромъ. Что отъ него осталось? Его рѣчь? Если бъ судъ захотѣлъ, онъ бы ея не произнесъ, никто не узналъ бы даже, что былъ такой человѣкъ...

Смирницкій спокойнымъ движеніемъ руки остановилъ его.

— Дайте ему кончить.

— Я говорю,—продолжалъ Гришштейнъ, воодушевляясь:—уже теперь мы далеко ушли отъ исходной точки, отъ того момента, когда чайковцы начали занятія съ рабочими. Шесть-семь лѣтъ назадъ распропагандированныхъ рабочихъ была кучка. Теперь у насъ есть организація во всѣхъ крупныхъ центрахъ. Вы говорите: «правительство будетъ выхватывать». Но сколько бы оно ни выхватывало, остается еще достаточно, чтобы продолжать и развивать дѣло. Не выхватило же оно Михайлыча. Именно потому, что организація эта внизу, въ той средѣ, для которой и при помощи которой долженъ совершиться переворотъ, правительство не въ силахъ выхватить всѣхъ. И вы напрасно говорите, что жертвы эти пассивныя. Каждая изъ нихъ, погибая, родитъ новыхъ и новыхъ бойцовъ...

— Мы не отрицаемъ огромной важности организаціи рабочихъ,—возразилъ Смирницкій съ тѣмъ нѣсколько соннымъ видомъ, который онъ принималъ нарочно, чтобы удержать споръ въ границахъ спокойствія.—Организовывать народъ необходимо. Но если допустить, что вы покроете организаціями всю Россію, вы не ослабите правительство, которое имѣетъ въ своихъ рукахъ войско, полицію съ ея полками сыщиковъ, бюрократію съ ея безконечной іерархіей и, главное, то, что составляетъ непоколебимую силу, на которой стоитъ пышнѣйшій строй,—народъ, забитый, голодный, суевѣрный и безграмотный, народъ инертный, который вѣрнѣе въ Царя какъ въ намѣстника Бога на землѣ и который вашей организаціей не затронуть. Вы не всколыхнете ими сѣрую массу. А съ «организаціями», когда онъ начнутъ шевелиться и докажутъ свое существованіе, правительство всегда справится, въ этомъ случаѣ.

— Но, въ такомъ случаѣ, вы отрицаете значеніе роста идей?

— Нѣтъ, мы этого не отрицаемъ.

— Тогда я васъ совсѣмъ не понимаю.

— Оно, что говорить,—вставилъ Иванъ-слесарь съ перекошенными бровями и съ свирѣпымъ видомъ:—кабы сюда Степана Тимоенча Разина теперь или Емелю Пугачева, дѣло вѣрнѣе бы было. Они бы всколыхнули нашихъ сѣряковъ отъ края и до края всей матушки Россіи. Они бы пустили краснаго пѣтуха, они бы поставили палочекъ съ перекладинами для господъ и ихъ отродья. Да-съ! Да только гдѣ ихъ взять, молодцовъ-то такихъ? Они еще, можетъ, безъ штановъ бѣгають гдѣ-нибудь на Волгѣ или на Дону. Вотъ и приходится для нихъ, для будущихъ Стенекъ и Емелекъ,

«истор. вѣстн.», январь 1912 г., т. сxxvii.

готовить унтеровъ и адъютантовъ. Не рваныхъ поздрей, а поученіе да похитрѣе. Да-съ!

Всѣ улынулись.

— Я съ этимъ не согласенъ,—началь Гришштейнъ...

— Это какъ угодно-съ.

— Нужно не стихійное движеніе именовъ царя, а движеніе сознательное.

— Ничего я про царя не говорю.

— Съ этимъ мы всѣ согласны. Лганьемъ, какъ «чигиринское дѣло» съ «золотыми грамотами», возъ съ мѣста не сдвинешь, онъ еще больше завязнетъ,—сказалъ Желѣзновъ, повышая голосъ.—Не противъ этого мы возражаемъ. Мы находимъ только, что сидѣть и ждать спокойно «роста идей» невозможно, непрактично. Наши внуки не дождутся результатовъ. Да и то! Зерно, брошенное въ мерзлую почву, можетъ не прорасти. Революціонная партія должна уподобиться солнцу, которое растопляетъ снѣгъ, согрѣваетъ землю и содѣйствуетъ росту и жизни...

VII.

Во время послѣднихъ фразъ Желѣзнова въ коридорѣ послышался стукъ открываемой двери, и вслѣдъ за тѣмъ, тяжело ступая, въ комнату вошла крупная фигура Задонскаго. Онъ сдѣлалъ Желѣзнову жестъ, чтобы тотъ продолжалъ, и присоединился къ прочимъ.

И Желѣзновъ красно, съ большимъ увлеченіемъ сталъ развивать свою систему. Партія должна организоваться въ боевую армію, подъ начальствомъ центрального исполнительнаго комитета. Этотъ комитетъ будетъ имѣть свои развѣтвленія по всей Россіи, включая Сибирь, и всѣ члены партіи должны ему повиноваться безпрекословно. Ближайшая цѣль—дезорганизовать правительство, заставить его пойти на уступки, давши конституцію и всѣ тѣ свободы, которыми пользуются другія цивилизованныя государства. *A la guerre comme à la guerre!* Надо дѣйствовать убійствами, организованными по всей русской территоріи одновременно. Надо убивать всѣхъ тѣхъ, которые въ глазахъ общества и народа олицетворяютъ собою современный строй: министровъ, полицейскихъ, губернаторовъ, судей «особаго присутствія», жандармскихъ офицеровъ, прокуроровъ и судебныхъ слѣдователей, производящихъ дознаніе по политическимъ дѣламъ, исправниковъ и станovýchъ, фабрикантовъ и директоровъ заводовъ и фабрикъ, даже контрметровъ, которые жестоко обходятся съ рабочими, кулаковъ...

Расписывая дальше выгоды предлагаемой организаціи, которая должна революціонировать страну, онъ остановился на особенно важной роли, которую должны играть въ этой организаціи рабо-

чье. «Интеллигенция у полиции, можно сказать, вся на виду. Рабочий мир, напротив,— море, из которого выудить виновного можно только случайно. И чтобы исполнять веления комитета, не нужно знать космографин, достаточно быть смелым и решительным».

Долго говорил Желѣзновъ въ этомъ направленіи, показывая своей рѣчью, что мельчайшія подробности организаціи обдуманы. Ничто не было оставлено на долю случая. И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, оторопь овладѣвала Гринштейномъ. Онъ чувствовалъ, что эти свѣтскіе люди, которые такъ хорошо одѣты и курятъ гаванскія сигары, сдѣлаютъ все такъ, какъ говорятъ, и ему стало страшно. Сердце его усиленно билось, и отъ сигары стало горько во рту. Задонскій кусалъ кончикъ бороды и отъ времени до времени бросалъ бѣглые взгляды на Гринштейна и Ивана, желая догадаться, какое производитъ на нихъ впечатлѣніе эта рѣчь?

Желѣзновъ говорилъ теперь объ измѣнщикахъ и шпионахъ, которыхъ партія должна немилосердно и по одному даже подозрѣнію, казнить, чтобы поддерживать дисциплину среди своихъ членовъ.

Тутъ Задонскій не выдержалъ.

— Даже по одному подозрѣнію!—сказалъ онъ съ горькой усмѣшкой.—А между тѣмъ ты видѣлъ, или могъ видѣть, на процессѣ изуродованную фигуру Гориновича, когда онъ поднялъ покрывало со своего лица. Съ выдѣнными глазами, безъ носа, безъ губъ, съ голымъ черепомъ, этотъ бѣдный мальчикъ представлялъ собою ужасающее зрѣлище живаго мертвеца. Онъ тоже былъ казненъ по подозрѣнію. А онъ шпиономъ не былъ.

— Это спорный вопросъ.

— Нѣтъ.

— Все равно, допустимъ. Партія должна имѣть своихъ шпионовъ въ средѣ полиціи, и тогда такихъ недоразумѣній быть не можетъ, если это было недоразумѣніе.

— Что жъ, это дѣло понятное теперь. Однимъ словомъ, всѣмъ надо теперь сдѣлаться убійцами и разбойниками, чтобы для васъ добыть права и говорильню. А когда добудемъ, вы же противъ насъ станете законы издавать. Хе-хе.

— Мы такіе же социалисты, какъ вы. Это вопросъ тактики.

— Не вы, конечно. Васъ еще раньше перевѣшаютъ. А тѣ, которые въ говорильню попадутъ.

— Никогда, никогда я съ этимъ не соглашусь,—сказалъ Гринштейнъ, какъ бы проснувшись отъ кошмара.—Это конецъ всего. Это отрицаніе идеала, который привлекаетъ къ партіи столько чистыхъ сердецъ, жаждущихъ положить души за други своя, но не загубить ни одной. Это выдвиганіе на первый планъ рѣшительности и смѣлости, которыя имѣются у всякаго,—извините, вы знаете, что это не къ вамъ относится,—разбойника на большой дорогѣ, пу-

ститъ революціонное движеніе по пути авантюръ, для которыхъ не нужно ни идей, ни талантовъ, ни знаній, ни великодушія, ни самосовершенствованія, ни любви къ ближнему, любви, которая одна двигаетъ горами...

— Какъ это и сказано въ Евангеліи,—ехидно вставилъ Желѣзновъ.

— Да, какъ въ Евангеліи. Въ немъ много хорошаго, въ Евангеліи. Эта книжечка много сдѣлала для улучшенія человѣчества, и ея максимами пренебрегать нельзя. Вѣра теряется, но моральная правда Евангелія остается.

— Мы, кажется, отвлекаемся въ сторону,—перебилъ съ вѣжливой улыбкой Смирницкій.

— Напротивъ,—настанвалъ Гринштейнъ:—мы остаемся въ самомъ центрѣ вопроса. Вы говорите «дезорганизовать правительство». И вы сразу становитесь на его точку зрѣнія, принимаете всѣ его доктрины. Оно убиваетъ, и мы должны убивать, оно шпионичаетъ, и мы должны шпионичать. Гдѣ же разница между ними и нами? Тутъ насиліе и тамъ насиліе. Правительство считаетъ наши убѣжденія и наши идеалы преступленіями, за которыя насъ слѣдуетъ истребить. Мы будемъ истреблять его за его убѣжденія.

— «Убѣжденія» правительства, «убѣжденія» жандармовъ, сыщиковъ, чиновниковъ! Завтра сила будетъ на нашей сторонѣ, и они перевернутъ свои убѣжденія на изнанку, будутъ служить нашимъ идеаламъ, какъ сегодня служатъ царю...

— Разница между нами и ими въ цѣляхъ...

— Но можно перебить сколько угодно сановниковъ и чиновниковъ, строй отъ того ни на юту не измѣнится. Мы не приблизимся, а отдалимся отъ цѣли. Отдалимся, да,—съ силой сказалъ Задонскій.—Строй мѣняется отъ перемѣны образа мыслей людей, а не отъ того, какъ фамиліи тѣхъ, что стоятъ у власти. Вы думаете, что рядомъ смѣлыхъ казней правительственныхъ лицъ вы дезорганизуете власть. Да что же вы воображаете, что эта власть состоитъ изъ сумасшедшихъ? Она будетъ защищаться. А такъ какъ—пока что—она сильнѣе насъ, то вы накличете такую реакцію, какой Россія не видала со времени призванія варяговъ.

— Тѣмъ лучше.

— По теоріи—чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Я другого мнѣнія. Но допустимъ, допустимъ,—продолжалъ Задонскій горячо.—Вы дезорганизуете власть. Но развѣ мужикъ станетъ отъ того умнѣе, грамотнѣе, развѣ онъ перестанетъ вѣрить въ колдуновъ и вѣдьмъ, перемѣнитъ свои монархическія убѣжденія, станетъ богаче, добрѣе? Господа! Къ кому вы несете свои теоріи о благодѣтельности убійствъ? Вѣдь мы еще дикие люди. Кулакъ и дубина, осиновый колъ и «красный пѣтухъ» до сихъ поръ единственные аргументы борьбы русскаго человѣка. Гнутъ въ три погибели передъ силой и гнутъ въ баранинѣ

рогъ другихъ, когда самъ имѣешь силу,—наша единственная политика. А вы смѣтаете, что мы занимаемся съ рабочими арифметикой и космографіей...

— Да не смѣемся мы!—запротестовалъ съ видимой болью въ лицѣ и въ голосѣ Желѣзновъ.—Мы говоримъ, что не время...

— Не все ли равно?! Не время вносить лучъ свѣта въ темныя головы нашихъ товарищей! Да вы знаете ли, что большинство изъ нихъ вѣрять, что громъ—отъ колесницы Ильи-пророка, а революціонныя идеи отъ лукаваго? Надо же, чтобы люди знали, что прежде всего лукавый есть выдумка, что въ другихъ странахъ люди живутъ лучше нашего, и что власть не предвѣчна, а мѣняется, очеловѣчивается и можетъ служить не для утѣшенія, а для блага людей. И посмотрѣли бы вы, съ какимъ дѣтскимъ восторгомъ узнаются эти истины. Этотъ восторгъ, впрочемъ, пробный камень ума и души человѣка. Кому на это «въ высокой степени наплевать»,—того не увлечешь никакими социальными теоріями,—въ немъ нѣтъ никакой душевной чуткости. А только чуткіе люди, только тѣ, кто съ восторгомъ принимаютъ истину, способны ее распространять и защищать за свой собственный счетъ. То, что вы предлагаете, оттолкнетъ отъ насъ этихъ, лучшихъ людей, которыми партія живетъ. За доброе дѣло хорошій человѣкъ пойдетъ на страданія и даже на смерть. Но пачкаться въ человѣческой крови, сдѣлаться убійцей изъ-за угла... Ну, да, конечно, изъ-за угла, не иначе же. Нѣтъ, изъ нашихъ друзей,—онъ подчеркнулъ «нашихъ»,—я не знаю ни одного, который бы на это пошелъ. Что касается меня лично, я не признаю за собою права быть судьей и палачомъ. Я противъ казни человѣка человекомъ.

— Но, милый другъ, это война, а не казнь,—перебилъ его Желѣзновъ.

— Извини, это—казнь. И Сергій (Кравчинскій), и Вѣра Засуличъ, на которыхъ вы ссылаетесь, тоже не за васъ, а противъ васъ. Я видѣлъ Сергія передъ его отбѣздомъ за границу. Онъ въ отчаяніи отъ толкованія его акта, онъ въ ужасѣ отъ увлеченія, которое онъ можетъ вызвать въ средѣ молодежи. Вотъ его слова: «Сегодня я тебя убью за то, что ты не раздѣляешь моихъ воззрѣній, завтра меня убьютъ». Идея тутъ ни при чемъ.

Лицо Смирницкаго покрылось краской. Глаза заблестѣли еще болѣе лихорадочнымъ огнемъ. Но онъ сказалъ спокойно и вѣжливо, какъ всегда:

— Несправедливо, однако, говорить, что намъ нравится убійство для убійства...

— Я этого не говорю. Я увѣренъ,—говорю это съ сожалѣніемъ,—что ваша программа будетъ имѣть успѣхъ. Но этотъ успѣхъ сузить движеніе, оттолкнетъ отъ него идеалистовъ и энтузіастовъ. За вами пойдутъ другіе...

— Безправственные люди, ты хочешь сказать.

— Смѣлые авантюристы, зеленая молодежь, нетерпѣливые, фанатики, вообще тѣ, которые не думаютъ о завтрашнемъ днѣ, увлекаются эффектами, а не идеями. Звѣря разбудить въ человѣкѣ, особенно въ некультурномъ русскомъ человѣкѣ, ничего не стоитъ. Будутъ убійства, будутъ висѣлицы, будетъ реакція... Э!—и Задонскій съ отчаяніемъ махнулъ рукой.

— Ты преувеличиваешь, Михайлычъ,—сказалъ Желѣзновъ, сдвигая брови и бросая на него проищательный взглядъ.—Есть случаи, когда ты самъ казнишь и безъ малѣйшаго сожалѣнія.

— Напримѣръ?

— Да хотя бы, напримѣръ, чтобы устранить измѣнника, который можетъ загубить твое дѣло, прежде, чѣмъ онъ успѣетъ это сдѣлать. Казнишь ты въ этомъ случаѣ, или не казнишь?

— Отвѣчаю по совѣсти; можетъ быть. Но эта мысль мнѣ противна. И на основаніи исключеній я обобщеній не дѣлаю. Убійство въ запальчивости или для самозащиты не то же, что возведеніе убійства въ систему.

— Шпіоновъ и измѣнниковъ убивать надо. Это вѣрно. Что говорить!

Разговоръ продолжался еще нѣкоторое время. Но интересъ его былъ исчерпанъ. Всѣмъ было не по себѣ. И они разошлись.

Спускаясь съ лѣстницы, Задонскій ласково положилъ Гринштейну руку на плечо и похлопалъ его.

— Спасибо, дружище, спасибо,—сказалъ онъ, и въ голосѣ его было слышно волненіе.

VIII.

Описанный вечеръ сильно содѣйствовалъ сближенію Задонскаго съ Гринштейномъ. Онъ внесъ въ ихъ отношенія со стороны Задонскаго нотку нѣжности, которой раньше не было. Противъ нея теперь были безсильны всѣ инсинуаціи Ивана-слесаря. Карлуша сталъ для Задонскаго больше, чѣмъ единомышленникъ и другъ. Онъ сталъ для него вродѣ младшаго брата, котораго онъ любилъ и баловалъ, съ которымъ дѣлился самыми затаенными своими мыслями.

Обстоятельства складывались такъ, что Гринштейнъ вскорѣ остался единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ Задонскій могъ разговаривать по душѣ.

То, что отталкивало революціонную молодежь въ «программѣ» Смирницкаго и Желѣзнова, привлекло къ нимъ симпатіи, какъ только они эту программу стали приводить въ исполненіе. Надъ ними перестали смѣяться и ихъ перестали критиковать, когда вдругъ по всей Россіи начались убійства правительственныхъ лицъ, покушенія, освобожденія политическихъ заключенныхъ,

подконы подъ банки и вооруженныя защиты при арестахъ. Эффектъ этихъ дѣяній былъ чрезвычайный: Они расшевелили даже либераловъ. Не принимая прямого участія въ террористическихъ актахъ, они помогали террористамъ косвенно, укрывая ихъ, снабжая деньгами, прославляя ихъ способъ дѣйствія. Какъ водится, ошеломленное общество преувеличило силу и значеніе террористовъ. Про нихъ рассказывались необыкновенныя легенды, и всѣ вѣрили, что недалеко минута, когда терроръ вынудитъ правительство дать свободу, т. е. конституцію. Полгода назадъ надъ тѣми, кто мечтали о перемѣнѣ системы, острили. Они, говорили, просятъ «хоть кудую конституцію». Теперь это слово было во всѣхъ устахъ. Сказалась эта перемѣна настроенія и на Иванѣ-слесарѣ. Каждый разъ, когда онъ узнавалъ о новомъ кровавомъ дѣяніи компаніи Смирницкаго и Желѣзнова, онъ ликовалъ.

— Молодцы, молодцы!—говорилъ онъ, потирая руки, съ саркастически перекошеннымъ ртомъ. Его мужицкая и застарѣлая ненависть къ «господамъ» зажигала въ его глазахъ злорадный огонь.

— Подожди радоваться, другъ,—возражалъ Задонскій.—Увидишь, что изъ этого выйдетъ. Вотъ и теперь уже интеллигенты отъказываются вести съ нами дѣло. Отсталые мы, по ихъ понятіямъ.

Иванъ теребилъ свою бородку и ничего не отвѣчалъ. Но его глаза говорили краснорѣчиво, что онъ другого мнѣнія. И эта недоговоренность бросала холодъ на отношенія двухъ друзей.

Разъ вечеромъ, зайдя въ мастерскую Ивана, Задонскій засталъ у него нѣкоего Бороздина. Человѣка этого онъ мало зналъ, хотя онъ былъ очень извѣстенъ въ революціонной средѣ своими болѣе ухарскими, чѣмъ революціонными подвигами. Это онъ въ костюмѣ жандармскаго полковника пытался освободить Чернышевскаго. Арестованный, онъ бѣжалъ при крайне романтической обстановкѣ за границу. Непосѣдливый и предприимчивый, онъ организовалъ перевозъ запрещенныхъ книгъ и журналовъ въ Россію. Вездѣ, гдѣ была опасность, онъ былъ на первомъ мѣстѣ, какъ будто искалъ исхода заложеннымъ въ немъ силамъ. Богатырь съ виду, балагуръ и острякъ, большой мастеръ выпить, онъ имѣлъ неисчерпаемый запасъ салныхъ и иныхъ анекдотовъ, которые рассказывалъ съ неподражаемымъ совершенствомъ. Говорили, и онъ самъ этого не отрицалъ, что своимъ бѣгствомъ изъ Сибири онъ былъ обязанъ этому таланту рассказчика и умѣнью выпить сколько угодно, не будучи пьянъ. Но все то, для чего требовалось терпѣніе, дисциплина, претило его подвижной натурѣ. Ему нужны были немедленные результаты и возможность переходить отъ одного дѣла къ другому, не задерживаясь. Самъ онъ никогда пропагандой не занимался и надъ пропагандистами посмѣивался остроумно и зло. Онъ, впрочемъ, мало вертѣлся въ революціонныхъ кругахъ и никакой популярности не искалъ.

И Ивапъ и Бороздинъ были смущены появленіемъ Задонскаго. Онъ, очевидно, имъ помѣшалъ. Бороздинъ разсказалъ, что онъ только что изъ-за границы, сообщилъ нѣсколько комическихкихъ анекдотовъ о Лавровѣ и его «дворѣ», причемъ увѣрялъ, будто на его четвергахъ эмигранты распѣваютъ гимнъ, который начинается словами:

Мы за народъ свой страдаемъ
И за границей живемъ...

Потомъ онъ посмотрѣлъ на часы и заторопился. Ивапъ пошелъ его провожать, и они долго шептались о чемъ-то.

— Зачѣмъ этотъ Рокамболь приходилъ?—спросилъ Задонскій, когда Ивапъ вернулся.—Онъ вѣдь такъ, проста не придетъ.

— Д-да,—отвѣтилъ тотъ, растягивая слова, какъ будто хотѣлъ выиграть время.—Дѣльце у него одно... интересное. Да только я знаю напередъ, тебѣ не понравится. Ты на это не пойдешь. Нѣтъ.

— Какое дѣльце?—сказалъ Задонскій, поднимая на него проницательный взглядъ.

— Ну, слушай,—началъ торжественно Ивапъ.—Только я тебя Христомъ-Богомъ прошу, чтобы ни слова объ этомъ твоему нѣмцу. Тайна чужая, не моя, т. е. хотя тоже моя, но все-таки. Однимъ словомъ, чтобъ Гринштейнъ объ этомъ ничего не зналъ, ни теперь, ни послѣ...

— Ладно, ладно, не скажу. Въ чемъ дѣло?

Запутанно и сконфуженно, бѣгая отъ волненія по комнатѣ, чтобы не глядѣть въ глаза, Ивапъ началъ рѣчь издалека. Вся бѣда въ томъ, что у партіи, «хотя бы нашей», нѣтъ средствъ. Куда ни повернись, на все нужны деньги. Ни кассы, ни библіотеки, ни тѣмъ паче устройство стычекъ не могутъ обойтись безъ большихъ денежныхъ суммъ. Разсчитывать на сборы съ рабочихъ или на пожертвованія невозможно. Соберешь гроши. А будь средства, куда какъ скорѣе все дѣло пошло бы. И онъ и Бороздинъ одинаковаго на этотъ счетъ мнѣнія. А что ни говори, Бороздинъ—большого ума человекъ и вообще молодчина. Ну, такъ вотъ Бороздинъ нашелъ средство обогатить партію сразу. Дѣло вполне вѣрное. Оно изучено во всѣхъ подробностяхъ, и для исполненія его требуется одна рѣшимость,—двухъ человекъ достаточно. И онъ, Ивапъ, согласился. Черезъ двѣ недѣли, самое позднее, въ ихъ распоряженіи будетъ два, а то, можетъ, три милліона,—да. Три милліона! «Въ одномъ городѣ, тутъ недалеко», зданіе банка прилегаетъ къ частному дому,—прямо сказать, къ квартирѣ, въ которой поселился Бороздинъ...

— Подожди, подожди. Дальше я слушать не хочу. Все остальное понятно,—перебилъ Задонскій.—Вы рѣшили ограбить банкъ. Ну, такъ на это я тебѣ скажу вотъ что. Очень я тебя люблю; вѣрный ты былъ мнѣ другъ и товарищъ. Но если ты это сдѣлаешь,—чужой ты мнѣ человекъ... Брось, Ваня. Не наше это дѣло. Попадешься—

сядешь ты на скамью подсудимыхъ, какъ воръ и грабитель, какъ ты тамъ на судѣ ни распинайся, что для правды воровалъ. Удастся тебѣ художество, что ты задумалъ, все же ты будешь воръ, и отдай ты все до послѣдней копейки «на дѣло»,—все же будутъ думать... А главное—для партіи эти деньги ядъ змѣиный, ничто иное. Не понимаешь ты, что сила наша въ примѣрѣ и въ добромъ словѣ. Ты думаешь, что два-три милліона большія деньги. Для частнаго человѣка,—конечно. Но для дѣла это капля въ морѣ. И не деньгами подынешь народъ. Во всякомъ случаѣ, если бъ ты мнѣ принесъ твои милліоны, я бы ихъ вотъ...—Онъ показалъ движеніемъ ноги, что отталкиваетъ съ презрѣніемъ.—Брось, Ваня, откажись. Сдѣлай это ради нашей дружбы...

— Не могу, Михалычъ. На этотъ счетъ я другого мнѣнія, чѣмъ ты. Я много думалъ объ этихъ питерскихъ господахъ. Во многомъ они правы. Вотъ теперь вся Россія знаетъ, что партія существуетъ и борется...

— Ну, въ такомъ разѣ прощай.

Онъ всталъ и машинально сталъ застегивать пиджакъ. Иванъ, блѣдный, молча смотрѣлъ на него. Но когда Задонскій надѣлъ пальто, не поворачиваясь къ нему, Иванъ сказалъ глухимъ голосомъ:

— Ты все-таки не сердись, Михалычъ. Самъ знаешь, не для себя дѣлаю.

— А чорта ли въ томъ, что не для себя! Развѣ не все равно въ концѣ концовъ? Развѣ христіане грабили? Развѣ апостолы проповѣдывали воровство? Развѣ великая революція создавалась на деньги?

— То другое дѣло, милый человѣкъ...

— Нѣтъ, не другое,—крикнулъ Задонскій, и въ глазахъ его забѣгали золотистыя искры.—Раскольники наши сжигали себя въ скитахъ, помирали въ тайгѣ, гнили и гниютъ всю жизнь въ тюрьмахъ, а не убивали и не грабили. Вотъ она гдѣ русская душа! И посмотри, сколько ихъ, какая у нихъ сила! Грошъ, оторванный рабочимъ человѣкомъ отъ своего скуднаго заработка, цѣннѣе для дѣла, чѣмъ твои ворованные милліоны, которые его пачкаютъ и губятъ...

Онъ пошелъ къ двери.

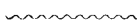
— Дай руку. Можетъ, не увидимся,—сказалъ Иванъ.

— Не дамъ, если не оставишь своей глупости.

— Какъ знаешь!

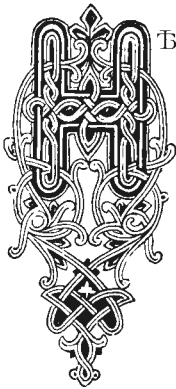
И. Павловскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТРАНИЦЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

ВСКОЛЬКО главъ изъ моихъ многолѣтнихъ воспоминаній, носящихъ общее названіе «Страницъ изъ моей жизни», заключающихъ въ себѣ описанія событій, различныхъ эпизодовъ и лицъ, относящихся къ знаменательному періоду времени второй половины прошлаго и начала настоящаго столѣтій. Касаясь въ моихъ воспоминаніяхъ лишь того, въ чемъ я непосредственно участвовалъ или чему я былъ личнымъ свидѣтелемъ, я позволяю себѣ поручиться за достовѣрную правильность всего занесеннаго мною на ихъ страницахъ и, предпосылая печатанію ихъ эти немногія строки, заканчиваю сказанное извѣстнымъ французскимъ изреченіемъ: «Je ne suppose rien, j'expose...» А. Е.

I.

(1862—1866 г.).

Начало моей служебной карьеры.—Сѣверное сіяніе.—Петрозаводскъ.—Мой первый начальникъ губернаторъ А. А. Философовъ.—Губернаторъ Ю. Б. Арсеніевъ.—Мои служебные разъѣзды по Олонецкой губерніи.—Переходъ на службу въ Симбирскъ.—Изъ исторіи этого города и дворянства губерніи.—Губернаторъ М. И. Анисимовъ и его семья.—Гор. Сызрань и мое пребываніе въ немъ по слѣдственному дѣлу.—Угрожавшая мнѣ смертельная опасность отъ угара.—Первое соприкосновеніе мое съ цензурнымъ дѣломъ и секретарство въ крестьянскомъ присутствіи.—Ссылные поляки.—Пожаръ 19 августа 1864 г. Симбирска.—Случайное спасеніе отъ грозившей мнѣ опасности.—Послѣдствія страшнаго катастрофы.—Непріятный клубный инцидентъ.—Генералъ-майоръ Галлеръ, генералъ-адъютантъ баронъ Врангель и сенаторъ Ждановъ.—Полковникъ Дудинскій.—Губернаторъ баронъ Веліо и вице-губернаторъ П. П. Коссаговскій.—Переходъ мой на службу по цензурному вѣдомству въ Москву.

Въ одинъ скверный петербургскій сентябрьскій день 1862 года сѣлъ я на пароходъ и отправился на службу въ Петрозаводскъ. Шли мы сначала по Невѣ, потомъ по бурному Ладожскому озеру

и затѣмъ по рѣкѣ Свири и высадились въ городѣ Лодѣйномъ-Полѣ, откуда пришлось ѣхать на перекладныхъ, такъ какъ дальше рѣка обмелѣла, а на Онежскомъ озерѣ въ ту пору не было еще пароходнаго сообщенія.

Дорогой познакомился я съ очень пріятнымъ собесѣдникомъ и человѣкомъ, оберъ-секретаремъ сената Всев. Алек. Ратьковымъ-Рожновымъ, впоследствии вятскимъ вице-губернаторомъ, съ которымъ я сохранилъ наилучшія отношенія до самой его смерти. Онъ ѣхалъ въ Петрозаводскъ къ семнадцатому числу, дню именинъ жены полковника артиллеріи Лелонга, къ которой питалъ нѣжныя чувства и съ которой потомъ, послѣ того, что она овдовѣла, сочетался бракомъ. Продолжая путь въ его сообществѣ и на перекладныхъ, я приходилъ въ восторгъ отъ дремучихъ лѣсовъ, скалъ и озеръ, которыми такъ изобилуетъ нашъ сѣверъ и которые составляютъ живописную принадлежность его суровой и дикой природы. Ѣхать на перекладныхъ было совсѣмъ не такъ дурно, во-первыхъ, потому, что на веревочномъ переплетѣ тарантаса было наслано масса сѣна, а, во-вторыхъ, и дорога въ тѣхъ мѣстахъ отъ природы такъ же хороша, какъ и въ Финляндіи, представляя собою въ этой скалистой мѣстности съ каменнымъ грунтомъ какъ бы сплошную, хорошо утрамбованную шоссейную кору. Невзыскательная къ удобствамъ молодость, съ одной стороны, съ другой, усталость взяли свое, и я крѣпко заснулъ въ нашемъ примитивномъ экипажѣ, какъ вдругъ былъ внезапно разбуженъ громкимъ окрикомъ моего спутника:

— Проснитесь и взгляните на эту картину, — сказалъ онъ мнѣ, указывая на небо.

Я раскрылъ глаза и, сразу не сообразивъ, въ чемъ дѣло, въ ужасѣ запряталъ голову подъ пледъ. Никогда прежде не видѣвши сѣвернаго сіянія, которое охватывало бы весь небесный сводъ столь яркимъ пламенемъ багряныхъ столбовъ своихъ, какъ оно бываетъ только на далекомъ сѣверѣ, я прямо былъ подавленъ этимъ удивительнымъ и въ то же время жуткимъ явленіемъ. Мнѣ казалось, что въ немъ есть что-то зловѣщее, передъ чѣмъ человѣкъ является безпомощнымъ, какъ песчинка, которую вотъ сейчасъ захватитъ это страшилище въ свои огненные объятія. Потомъ мнѣ не разъ приходилось видѣть въ Олонецкой губерніи такія же сѣверныя сіянія, и я привыкъ къ нимъ, но въ этотъ первый разъ нервы мои не выдержали зрѣлища, и я былъ положительно подавленъ имъ.

Прибывъ въ Петрозаводскъ и поселившись въ единственной имѣвшей тогда въ этомъ городѣ гостиницѣ, содержимой предпріимчивымъ нѣмцемъ Фохтомъ, неизвѣстно какими судьбами занесеннымъ изъ своего фатерланда на нашъ суровый сѣверъ, я на другой день по приѣздѣ моемъ явился къ губернатору, которому передалъ письмо отъ его брата.

Артиллеріи генераль-майоръ А. А. Философовъ принялъ меня чрезвычайно любезно, обнаруживъ въ манерѣ обращенія чловѣка съ свѣтскимъ лоскомъ. Онъ въ тотъ же день представилъ меня женѣ своей, урожденной Кротковой, и свояченицѣ, В. А. Философовой же, имѣвшей, какъ оказалось потомъ, большое вліяніе на него при управленіи губерніей, и пригласилъ меня къ обѣду, гдѣ познакомилъ съ остальными членами своего семейства. Позвавъ меня послѣ обѣда къ себѣ въ кабинетъ, онъ объявилъ мнѣ, что имъ заранѣе уже составленъ планъ моей карьеры въ Петрозаводскѣ, состоящій въ слѣдующемъ: для начала онъ назначить меня младшимъ при себѣ чиновникомъ особыхъ порученій, затѣмъ старшимъ, а потомъ совѣтникомъ губернскаго правленія и, наконецъ, вице-губернаторомъ. Ошеломленный его чрезмѣрнымъ и ничѣмъ пока еще не заслуженнымъ вниманіемъ, я не зналъ, какъ благодарить его, и, возвратясь къ себѣ, излилъ въ письмѣ моемъ къ родителямъ мое очарованіе безмѣрно-любезнымъ и экспансивнымъ начальникомъ губерніи, пообѣщавшимъ мнѣ такія радужныя перспективы. Вышло, однако, «не такъ жадалось, якъ гадалось», какъ говорятъ хохлы: изъ всей заманчиво начертанной программы былъ выполненъ только первый пунктъ ея, а именно назначеніе мое на должность младшаго чиновника особыхъ порученій.

Напутствуя меня на службу въ Петрозаводскъ, дядя мой М. А. Философовъ,—а тѣмъ болѣе я,—не зналъ того, въ какое положеніе поставилъ себя тамъ А. А. Философовъ. Мнѣ не нужно было много времени, чтобы изъ разговоровъ мѣстныхъ аборигеновъ догадаться, что я попалъ въ непріятную ловушку. Оказалось, что еще до моего пріѣзда А. А. Философовымъ велась война не на жизнь, а на смерть со всѣмъ чиновничьимъ людомъ губерніи, начиная отъ вице-губернатора Золотницкаго, стоявшаго во главѣ губернскаго правленія, и кончая чуть ли не своей собственной губернаторской канцеляріей, и что я, ничего не подозрѣвая, прибылъ въ самый кульминаціонный моментъ разгара этой войны, попавъ, что называется, какъ куръ во щи. Кто изъ нихъ былъ правъ, кто виновать,—я и до сихъ поръ объяснить себѣ не могу. Знаю только, что весь этотъ губернскій кавардакъ, окончился тѣмъ, что много наобѣщавшаго мнѣ и мягко стелющаго перваго начальника моего вскорѣ причислили къ министерству и что вмѣсто него я получилъ вскорѣ новаго начальника въ лицѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Арсеніева.

Юлій Константиновичъ Арсеніевъ былъ назначенъ начальникомъ Олонецкой губерніи изъ Тулы, гдѣ онъ также губернаторствовалъ и гдѣ выказалъ большую административную изворотливость. Онъ былъ сынъ извѣстнаго географа и статистика и былъ женатъ на Паренсовой, сестрѣ нынѣшняго петергофскаго коменданта, генерал-отъ-инфантеріи Паренсова, автора весьма интересныхъ записокъ

«Изъ прошлаго» о турецкой войнѣ 1877 года, съ которымъ мнѣ въ молодости случалось встрѣчаться у товарища его по службѣ покойнаго Д. С. Нагловскаго.

«Новая метла всегда хорошо мететь», говоритъ поговорка, и новый начальникъ губерніи не замедлилъ доказать справедливость этой поговорки. Онъ старательно сталъ замечать всѣ слѣды своего предшественника и началъ, конечно, съ лицъ, близко стоявшихъ по службѣ при послѣднемъ. Дошла очередь и до меня, и я, не заставляя себя просить, оставилъ неудачно начатую службу мою въ Петрозаводскѣ, получивъ 20-го іюня 1863 года, чрезъ посредство того же М. А. Философова, мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій при знакомомъ ему симбирскомъ губернаторѣ М. И. Анисимовѣ.

Пробывъ, такимъ образомъ, всего около десяти мѣсяцевъ на службѣ въ Петрозаводскѣ, я, признаюсь, не безъ удовольствія покинулъ этотъ исключительно чиновничій городъ, гдѣ, кромѣ семейства названнаго выше полковника Лелонга, ни съ кѣмъ не успѣлъ короче познакомиться, если не считать еще знакомства съ семействомъ Полѣновыхъ, одинъ изъ членовъ котораго заслужилъ себѣ впослѣдствіи извѣстность своимъ выдающимся художественнымъ талантомъ, и съ сосланнымъ на жительство въ Петрозаводскъ за «хожденіе въ народъ» извѣстнымъ собирателемъ народныхъ былинъ, изданныхъ въ свѣтъ въ 1861—1867 годахъ и составившихъ ему громкое имя въ литературѣ, П. Н. Рыбниковымъ. Я, впрочемъ, и не имѣлъ достаточно времени для этого, такъ какъ изъ десяти мѣсяцевъ моего пребыванія въ Петрозаводскѣ я долженъ еще вычестъ время командировокъ по губерніи для производства слѣдствій по порученіямъ губернатора и губернскаго правленія. Такихъ командировокъ у меня было счетомъ шесть въ слѣдующія мѣста: Лодейное-Поле, Вытегру и Вознесенскъ, и мнѣ пришлось исполнять ихъ въ страшную зимнюю стужу, о которой я не имѣлъ до того никакого представленія. Но, закутанный въ медвѣжью шубу и въ мѣховыхъ валенкахъ на ногахъ, обвернутыхъ поверхъ чулокъ газетной бумагой, я чувствовалъ себя въ почтовыхъ саняхъ какъ въ печкѣ, и хотя въ разѣздахъ моихъ по губерніи не доѣзжалъ до крайняго сѣвернаго пункта ея, города Повѣнца, о которомъ олончане говорятъ: «Повѣнецъ—свѣту конецъ», но находился однажды въ двухстахъ верстахъ по прямому направленію отъ Бѣлаго моря. Обезопасивъ себя въ этихъ поѣздкахъ отъ отмораживаній конечностей, я не могъ того же сдѣлать относительно другой опасности—нападеній медвѣдей и волчьихъ стай. Мнѣ, однако, ни разу не случалось имѣть дѣло съ этими хищниками, но зато каждый смѣнявшійся ямщикъ считалъ неперемѣннымъ своимъ долгомъ развлекать меня рассказами о своихъ встрѣчахъ съ «Мишкой» или съ волками, и нельзя сказать, чтобы эти рассказы дѣйствовали

успокоительно на мои нервы: стало жутко, особенно въ безлунныя ночи, и я не безъ страха всматривался въ дремучія и мрачныя дебри окаймляющаго дорогу безконечнаго лѣса.

Да, не ласковъ нашъ суровый сѣверъ, и я, не скрывая своего удовольствія, покинулъ его навсегда, чтобы продолжать неудачно начатую въ немъ службу на востокѣ, на берегахъ Волги. Но и тамъ, какъ будетъ видно далѣе, мнѣ тоже не повезло...

Симбирскъ, въ который я прибылъ пароходомъ по Волгѣ изъ Нижняго въ июнѣ 1863 года, былъ сдѣланъ главнымъ городомъ Симбирскаго намѣстничества еще въ 1780 г., при императрицѣ Екатерины II, но въ то время онъ былъ незначительнымъ городишкомъ и имѣлъ 10.000 жителей; я же засталъ его уже довольно значительнымъ губернскимъ городомъ съ 24,000 жителями. Расположенный на высокомъ берегу Волги, къ которой сходятъ фруктовые сады его, Симбирскъ по мѣстоположенію своему можетъ назваться красивымъ, и видъ съ такъ называемаго «Вѣнца»—возвышенной мѣстности, откуда начинаются фруктовые сады эти,—достойнъ кисти художника.

Началомъ процвѣтанія Симбирска надо считать 1812 годъ, когда дворянство кинулось изъ Москвы во внутреннія губерніи Россіи. Тогда и въ Симбирскую губернію, дворянскую *par excellence*, возвратились ея помѣщики и проводили зимы въ своемъ губернскомъ городѣ, гдѣ настрояли себѣ каменные барскіе дома.

Изъ коренныхъ дворянскихъ родовъ, издавна поселившихся въ Симбирской губерніи и предки которыхъ перенесли немало бѣдъ отъ Пугачева, я засталъ слѣдующія фамиліи: Языковыхъ, Ермоловыхъ, Есиновыхъ, Бабенныхъ, Родионовыхъ, Кохановыхъ, Бестужевыхъ, Канабѣвыхъ, Юрасовыхъ, Хвощинскихъ, Кротковыхъ, Москвитиновыхъ, Поливановыхъ, Дворниковыхъ, князей Гагариныхъ, Баюшевыхъ и Баратаевыхъ, графовъ Орловыхъ, Давыдовыхъ и прочихъ. Со многими изъ нихъ я познакомился и убѣдился, что большинство не столько занималось хозяйствомъ въ своихъ помѣстьяхъ, сколько охотами и проматываніемъ полученныхъ ими выкупныхъ денегъ. Николай Павловичъ прозвалъ Симбирскую губернію губерніей отставныхъ корнетовъ и прапорщиковъ, такъ какъ мало кто изъ дворянъ этой губерніи выдвинулся на государственной службѣ. Въ гостиницѣ одного изъ нихъ, пустившагося на разныя аферы послѣ окончательной потери своего состоянія, я и остановился по пріѣздѣ моемъ въ Симбирскъ. Хозяинъ мой, прозванный «самоваромъ» за свою непомѣрную тучность, не дослужившись даже до перваго чина, былъ всего штыкъ-юнкеромъ въ отставкѣ.

Но насколько господа дворяне этой губернии были въ общемъ не чиновны, настолько они надменно держали себя не только съ чиновниками вообще, но и съ губернаторомъ, вълѣдствіе чего происходили частые конфликты представителей административной власти съ представителями дворянства—губернскимъ и уѣздными предводителями, требовавшими къ себѣ весьма шепетильнаго отношенія и считавшими себя почему-то *plus royalistes que le roi*. Для меня, какъ пріѣхавшаго изъ чиновничьей губерніи, гдѣ все послѣсь съ губернаторомъ, будучи въ полной зависимости отъ него, эта новая форма отношеній показалась, по контрасту своему, весьма рѣзкой, и, будучи достаточно самолюбивъ, я старался держать себя въ сторонѣ и всецѣло предался моимъ служебнымъ занятіямъ. Вскорѣ, однако, я по роду службы моеи долженъ былъ, волей-неволей, имѣть постоянныя и непосредственныя сношенія съ избѣгаемымъ мною дворянствомъ этой губерніи. Но прежде, чѣмъ я коснусь этого, я долженъ сказать нѣсколько словъ о моемъ начальникѣ и его семействѣ.

Положеніе неопытнаго ни въ жизни, ни въ службѣ молодого человека повстинѣ должно назваться трагическимъ, если ему приходится начать самостоятельный жизненный путь въ далекомъ отъ близкихъ и родныхъ ему людей мѣстѣ. Въ такомъ именно положеніи находился я въ началѣ моего служебнаго поприща. Но если въ Петрозаводскѣ мнѣ суждено было съ первыхъ же шаговъ наткнуться на суровую встрѣчу въ жизни, то здѣсь, въ Симбирскѣ, она была смягчена истинно-сердечнымъ отношеніемъ ко мнѣ какъ со стороны покойнаго начальника моего, Михаила Ивановича Анисимова, такъ и со стороны его достойнѣйшаго семейства. Подъ просвѣщеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отеческимъ руководствомъ перваго и при участливомъ отношеніи ко мнѣ покойной супруги его Софьи Даниловны—женщины рѣдкой доброты—зажилъ я въ чуждомъ мнѣ городѣ, изъ котораго по роду служебныхъ занятій моихъ мнѣ, какъ и изъ Петрозаводска, приходилось разъѣзжать по губерніи, исполняя губернаторскія порученія, изъ коихъ особенно мнѣ памятна командировка моя въ городъ Сызрань для разслѣдованія ссоры между городскимъ головой Лебедевымъ и полицеймейстеромъ этого города ротмистромъ Петровымъ.

Сторѣвшій почти до основанія въ 1906 году городъ Сызрань былъ тогда хорошо обстроенымъ и однимъ изъ зажиточныхъ приволжскихъ городовъ, хотя и отстоялъ отъ этой мощной водяной артеріи въ двѣнадцать верстахъ. Я былъ пріятно удивленъ, когда, въѣхавъ въ него, увидѣлъ стройный рядъ домовъ и рѣдкое въ нашихъ уѣздныхъ городкахъ оживленіе на улицахъ. Но еще болѣе было мое удивленіе, когда во время полуторамѣсячнаго пребыванія моего въ немъ мнѣ пришлось перезнакомиться со многими изъ его обитателей и окрестныхъ помѣщиковъ, въ средѣ которыхъ я встрѣчалъ

немало образованныхъ, пріятныхъ и очень гостепрѣимныхъ людей. Въ числѣ ихъ я называю семейство предводителя дворянства Насакина, женатаго на дочери писателя Дмитріева, Бестужевыхъ, Уваровыхъ, доктора Водова, судебного слѣдователя Пузинскаго, промѣнявшаго впоследствии Оемиду на Мельпомену и составившаго себѣ спеціальную извѣстность въ исполненіи ролей старыхъ бабъ и проч. Посѣщая ихъ и вмѣстѣ съ ними окрестныхъ помѣщиковъ, устранявшихъ пикники на тройкахъ, костюмированные балы и спектакли, я хотя и увлекался по молодости лѣтъ ихъ веселой и беззаботной жизнью, не упуская случая поухаживать за дамами, но дѣлать это въ надлежащей мѣрѣ, не забывая о тяготѣвшемъ на мнѣ порученіи. Порученіе же это было не изъ легкихъ, особенно для такого новичка въ службѣ, какимъ былъ я въ ту пору.

Возникшая по ничтожному поводу непримиримая вражда между городскимъ головой, къ слову сказать, весьма неглупымъ человѣкомъ, братомъ извѣстнаго въ старообрядчествѣ Павла Прускаго и полицеймейстеромъ, выслужившимся изъ писарей, раздулась до невозможныхъ размѣровъ. Они дали себѣ слово утопить другъ друга, и никакія мои усилія къ примиренію ихъ не привели ни къ чему. Затѣялъ дѣло первый изъ нихъ и такъ какъ на его сторонѣ была сила мощи, то онъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, даже подкупалъ свидѣтелей противъ полицеймейстера и возбудилъ вдругъ новое дѣло противъ своего заклятаго врага, обвиняя его... въ мужеложствѣ! Но тутъ добрѣйшій Михаилъ Ивановичъ, щадя мою молодость, предписалъ мнѣ возвратиться въ Симбирскъ съ законченнымъ уже дѣломъ, откомандировавъ для производства новаго порнографическаго слѣдствія болѣе опытнаго и пожилого чиновника, чѣмъ я. Чѣмъ оно окончилось, я не знаю. Знаю только, что затравленный своимъ противникомъ Петровъ былъ въ концѣ концовъ отозванъ изъ Сызрани, а дѣло о немъ, какъ и всѣ дѣла присутственныхъ мѣстъ въ Симбирскѣ, сгорѣло въ пожарѣ этого города 19-го августа 1864 года.

Не могу пройти здѣсь молчаніемъ одного грознаго эпизода, которымъ завершилась поѣздка моя въ городъ Сызрань и который, благодаря случайности, или, сказать лучше, находчивости моего слуги, могъ бы окончиться роковымъ образомъ для меня.

Возвратившись въ Симбирскъ, я засталъ занимаемую мною квартиру во флигелѣ дома уѣзднаго предводителя дворянства Попова на соборной площади не отопленной. Приказавъ пожилому слугѣ моему Роману, уроженцу Литвы, затопить печку, я уснулъ богатырскимъ сномъ, послѣ переѣзда болѣе ста верстъ на перекладныхъ. Во снѣ чувствую, что въ вискахъ стучить и что я задыхаюсь. Встаю съ постели, зову моего литовца и, шатаясь, пробираюсь изъ моей спальни черезъ гостиную въ переднюю къ нему навстрѣчу, но тутъ силы мои измѣняются мнѣ, и я растягиваюсь на полу за-

мертво. Сколько времени продолжалось мое обморочное состояніе, я сказать не могу, но и теперь я не без содроганія вспоминаю всё моменты, предшествовавшіе тому состоянію, когда я чувствовалъ, что жизнь оставляетъ меня и что я безсиленъ остановить надвигающуюся смерть, смерть отъ угара—одну изъ самыхъ ужасныхъ, какую можно себѣ представить! Когда я раскрылъ наконецъ глаза и сердце снова забилося, я съ жадностью сталъ вдыхать въ себя воздухъ и подставлялъ лицо подъ струи воды, которыми опрыскивалъ стоявшій надъ мной безжизненнымъ тѣломъ Романъ. По счастью, онъ услышалъ мое паденіе и, хотя сонный, догадался, въ чемъ дѣло, выскочилъ изъ своей комнаты и усиленно сталъ лить мнѣ воду изъ кувшина на голову и прыскать ею мнѣ въ лицо... Если бы онъ не проснулся и, какъ и я, утормѣлъ отъ слишкомъ ранняго закрытія имъ же вьюшекъ въ печи, то на утро нашли бы вмѣсто насъ два трупа, и мнѣ не пришлось бы отмѣтить въ моихъ запискахъ этотъ второй случай въ моей жизни, грозившій положить ей предѣлъ еще въ начальномъ возрастѣ ея земного бытія.

Въ февралѣ 1864 года я былъ назначенъ, согласно предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, къ цензурованію корреспонденцій политическихъ преступниковъ изъ польскихъ уроженцевъ, сосланныхъ въ Симбирскую губернію, а въ апрѣлѣ того же года я, по предложенію М. И. Анисимова, былъ назначенъ секретаремъ симбирскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія,—крайне сложная и въ то же время интересная обязанность, давшая мнѣ возможность близко познакомиться съ примѣненіемъ къ дѣлу за три года передъ тѣмъ осуществленной великой реформы въ крестьянскомъ быту.

Назначеніе къ исполненію первой изъ названныхъ обязанностей послѣдовало совершенно неожиданно для меня. Случайно проговорившись, что я знаю польскій языкъ, я подалъ поводъ губернатору представить меня къ цензурованію корреспонденціи польскихъ ссыльныхъ, съ которой не знали, что дѣлать, не имѣя никого, кто бы владѣлъ этимъ языкомъ и могъ бы просматривать ее. Это было, такъ сказать, первой прелюдией къ моей цензурской службѣ, въ которой мнѣ суждено было пробыть затѣмъ столько лѣтъ! По совѣсти могу сказать, что въ корреспонденціи этой, посишвей, впрочемъ, исключительно частный характеръ, мнѣ ни разу не пришлось приобѣгать къ неприятнымъ разоблаченіямъ, могшимъ ухудшить положеніе и безъ того обездоленныхъ и пострадавшихъ за свой политическій порывъ людей. Я молча слушалъ также хоромъ распѣваемые этими ссыльными патриотическія пѣсни ихъ, вроде «Еще Польша не сгинела» и проч., далеко разносившіяся по городу изъ открытыхъ оконъ отведенныхъ для ихъ жительства казармъ. Словъ этихъ

пѣсень ни одна душа изъ мѣстныхъ обывателей не понимала, и я спрашивалъ себя: какъ поступилъ бы я на ихъ мѣстѣ въ изгнаніи? Далеко не будучи ополяченнымъ моимъ рожденіемъ и воспитаніемъ въ Вильнѣ и будучи настолько искреннимъ сыномъ Россіи, насколько они своей Польши, я невольно ставилъ себя въ положеніе этихъ повстанцевъ, пытавшихся возвратить отобранную страну ихъ. Не разъ видѣлъ я ихъ потомъ на прогулкахъ подъ наблюденіемъ стражи, слышалъ ихъ разговоры, вздохи и жалобы, и съ тяжелыми думами о человѣческой розни и братской враждѣ возвращался я домой...

Что касается моихъ служебныхъ занятій по крестьянскому присутствію, то ими я былъ вполне доволенъ, видя въ нихъ непосредственную пользу, приносимую свѣтлому дѣлу крестьянскаго раскрѣпощенія, проведенію котораго на мѣстѣ великодушно посвятили свои силы въ ту пору лучшіе люди изъ дворянъ-помѣщиковъ, съ которыми мнѣ и пришлось ближе познакомиться въ моей общей съ ними великой работѣ.

«Все сколько-нибудь доброе, просвѣщенное, — говоритъ Г. Градовскій объ этой славной эпохѣ, — сознавало тогда, что недостаточно избавить народъ отъ цѣпей крѣпостничества, необходимо возможно скорѣе освободить его изъ неизбѣжнаго спутника рабства, отъ невѣжества, суевѣрія. Офицеры бросали военную службу, шли въ мировые посредники, слушали лекціи въ университетахъ; ученые, студенты, западники и славянофилы «сороковыхъ годовъ», лучшіе писатели задумывались объ обязанностяхъ высшихъ слоевъ общества передъ народомъ, воскрешали идеалы первыхъ годовъ царствованія Александра I. Левъ Толстой превратился въ сельскаго учителя и издавалъ учебный журналъ «Ясную Поляну». Вспомнилось мнѣ и мое краткое учительство въ воскресныхъ школахъ, едва раздался благовѣстъ о свободѣ русскаго народа 19-го февраля 1861 года».

А вотъ и еще одинъ отрывокъ, взятый мною изъ воспоминаній «шестидесятника» О. Г. Тернера, свидѣтельствующій о томъ же подъемѣ духа дѣятелей той славной эпохи:

«Посредники, выбранные изъ мѣстныхъ дворянъ, — говоритъ Тернеръ: — которымъ приходилось на практикѣ приводить въ исполненіе положеніе, оказались до того на высотѣ своего положенія, что до сихъ поръ мировые посредники перваго призыва въ памяти всѣхъ оказываются окруженными какимъ-то особеннымъ ореоломъ, совершенно выдѣляющимъ ихъ изъ круга служебныхъ дѣятелей всѣхъ временъ. Сознаніе высоты возложенныхъ на нихъ обязанностей подняло ихъ духовно и какъ бы совершенно преобразило ихъ характеръ до того, что даже личности, бывшія прежде ярыми крѣпостниками, сдѣлавшись мировыми посредниками, стали съ такимъ увлеченіемъ отстаивать интересы крестьянства, что ихъ

братья-дворяне упрекали их даже в томъ, что они жертвуютъ дворянскими интересами.

«Это такое знаменательное явленіе, которое представляется почти единственнымъ въ нашей исторіи; оно доказываетъ воочію, что если только правительство рѣшается апеллировать къ высшимъ побужденіямъ людей и при этомъ оказываетъ имъ полное довѣріе, то всегда въ Россіи найдутся достойныя личности, которыя окажутся на высотѣ своего положенія».

Поколѣнію, выросшему уже въ иной атмосферѣ, не можетъ быть понятенъ тотъ подъемъ духа и то великое значеніе реформъ Александра II, которое отразилось на насъ, современныхъ свидѣтеляхъ и дѣятеляхъ той славной эпохи.

Наиболѣе видными дѣятелями на этомъ поприщѣ собственно въ Симбирскѣ были мои сотрудники—члены крестьянскаго присутствія: губернской предводитель Ермоловъ, помѣщики Ребровскій, Грибовскій, князь Баратаевъ, Астраханцевъ и Д. П. Ознобишинъ. Последний былъ недюжиннымъ поэтомъ и принадлежалъ къ Пушкинской плеядѣ. Онъ былъ очень плодовитъ и сотрудничалъ во многихъ журналахъ своей эпохи подъ разными псевдонимами. Какъ теперь вижу этого небольшого роста старичка въ очкахъ въ золотой оправѣ, въ длиннополномъ сюртукѣ, жабоцахъ и галстукѣ стараго покроя, всегда чистенькаго и аккуратнаго, покуривающаго папирсы изъ нынѣ, кажется, уже не существующаго табака мариландъ-ду, приторно-ароматическаго запаха. Писалъ онъ свои доклады весьма четкимъ и бисернымъ почеркомъ и, помню, не разъ возмущался неправильностью нѣкоторыхъ оборотовъ и выраженій въ русской рѣчи, усвоенныхъ въ послѣднее время.

— Не могу переварить, — сказалъ онъ мнѣ однажды, когда прочитывалъ мой докладъ:—когда пренебрегаютъ чистотой русскаго языка и пишутъ, наиримѣръ: урожай хлѣбовъ, а не урожай хлѣба...

Онъ былъ богатымъ помѣщикомъ Кореунскаго уѣзда, женатъ на молодой красавицѣ и имѣлъ единственнаго сына. Изъ массы стихотвореній, написанныхъ имъ въ разное время, мнѣ особенно нравилось стихотвореніе его «Нардзанъ», оканчивающееся такъ:

Кипи жъ, Нардзанъ, струей могучей
И пѣной звонкой и кипучей
Ласкай пришельца жадный взоръ!
Шумы, обильный, здравье льющій,
Студеный, жгучій, искробьющій,
Алмазный ключъ Кавказскихъ горъ!

19-го февраля 1911 года совершилось пятьдесятъ лѣтъ со времени уничтоженія крѣпостной зависимости, и народъ русскій праздновалъ на всемъ протяженіи великой Россіи свое освобожденіе, проведенное въ жизнь не революціей, а твердой волей одного чело-

вѣка—царя-Освободителя Александра II. Благодарю Бога, что мнѣ суждено было дожить до полувѣкового юбилея этого историческаго событія и что мнѣ довелось въ жизни моей внести и мою скромную долю участія въ осуществленіе великаго дѣла...

Я, быть можетъ, еще долго оставался бы на моей секретарской должности въ крестьянскомъ присутствіи, если бы не постигла городъ Симбирекъ та ужасная катастрофа, о которой я сейчасъ разскажу.

Въ день этой страшной катастрофы я, по обыкновенію, отправился утромъ на службу. Ничего не предвѣщало, что несчастный городъ этотъ обратится черезъ нѣсколько часовъ въ груды пепла и развалинъ, и что мнѣ самому придется спасти свою жизнь отъ пожиравшаго его огненнаго костра. Описаніе истребившаго Симбирекъ ужаснаго пожара было помѣщено мной въ видѣ корреспонденціи за подписью «Погорѣлецъ» въ издававшемся въ то время въ Москвѣ П. Аксаковымъ журналѣ его «День» (№ 41, 10-го октября 1864 г.), откуда я и привожу это описаніе, добавляя къ нему то, что припоминаю теперь и что не попало въ мою тогдашнюю корреспонденцію въ названный журналъ.

Пожаръ города Симбирска 19-го августа 1864 г. начался почти въ самомъ центрѣ этого города съ строеній дома Шлихтензейна. Дѣло было въ пятомъ часу вечера. Народъ бросился со всѣхъ концовъ города къ мѣсту пожара. Я послѣдовалъ за народомъ. Когда я прибылъ къ дому Шлихтензейна, то не только онъ, но и всѣ смежные дома были уже заняты огнемъ. Огонь съ немовѣрной быстротой сообщался отъ одного строенія къ другому, но большой опасности для города нельзя было предвидѣть и если бы не то, что произошло впослѣдствіи, то огонь остановился бы у главной улицы и послѣднею жертвою его могъ быть развѣ еще только домъ духовнаго училища. Но вдругъ поднялся страшный вѣтеръ, который въ какихъ-нибудь двадцать минутъ превратился въ бурю, въ страшную, гибельную бурю! Дымъ, огонь, пыль и искры—все это перемѣшалось, закрутилось и понеслось чрезъ весь городъ широкою полосою, зажигая и уничтожая все, что ни попадалось на дорогѣ. Народъ кинулся во всѣ стороны—кто куда. Одни ударились по направленію къ Волгѣ, другіе къ Свѣягѣ. Я былъ изъ числа первыхъ. Когда я прибѣжалъ на соборную площадь, то нельзя было уже устоять и на ней—надо было бѣжать безъ оглядки далѣе, и я побѣжалъ по старому спуску, мимо церкви Тихвинской Божіей Матери, къ Волгѣ. Передо мною, рядомъ и за мной неслась густая толпа народа разнаго званія и состоянія, въ перемежку съ спасавшимися животными—лошадьми, коровами, собаками и проч. Замѣтивъ, что двѣ рядомъ со мной бѣгущія престарѣлыя монахини изъ женскаго монастыря

изнемогали подъ тяжестью ноши мѣшковъ, въ которыхъ онѣ наскоро запахали свой скудный скарбъ, желая хоть что-нибудь спасти изъ него отъ безопадной стихіи, я взвалилъ ихъ мѣшки на свои плечи и донесъ ихъ до Волги, за что въ благодарность получилъ отъ этихъ старушекъ просфору, которая оказала мнѣ, какъ будетъ видно, немаловажную услугу...

Всю ночь съ 19-го по 20-е августа провелъ я у самой Волги въ какомъ-то огородѣ, гдѣ засталъ губернатора, его семью и правителя канцеляріи Карташева. Передъ нами, какъ на ладони, разстлалась вся страшная и вмѣстѣ съ тѣмъ величественная картина пожара. Вершина горы, на которой пылалъ городъ и скатъ ея къ Волгѣ— все это представляло широкую огненную полосу, которая оканчивалась у рѣки. Сама Волга превратилась въ какую-то огненную ленту, и воды ея отражали въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, пылающую гору. Звонъ церквей, призывающій на помощь, отчаянные крики, стоны и вопль народа—все это довершало впечатлѣніе. Но вотъ зазвонилъ беспорядочно и соборъ во всѣ колокола... Сначала громко, потомъ все тише и вдругъ умолкъ... Черезъ минуту глава его запылала... Глядя на эту потрясающую, но въ то же время и волшебную картину, бѣдный Карташевъ, будучи уроженцемъ и домовладѣльцемъ Симбирска, а впоследствии и его головой, горько заплакалъ...

Утро на слѣдующій день было великолѣпное. Солнце взошло ярко и весело, и лучи его освѣтили дымящіяся развалины несчастнаго города. Я тотчасъ отправился въ него, чтобы разыскать моего слугу и чтобы взглянуть на мое сгорѣвшее добро и на погибшія дѣла моего присутствія. Разрушеніе встрѣчалось мнѣ на каждомъ шагѣ. Дома и улицы можно было только узнать по догадкамъ—огонь сгладилъ все до основанія. Однѣ закоптѣвшія стѣны да мѣстами уцѣлѣвшія трубы придавали всей мѣстности видъ какого-то мусульманскаго кладбища. Вездѣ видѣлись слѣды смерти и разрушенія. Я наткнулся на нѣсколько грудъ изжаренныхъ людей и трупъ одной женщины съ серебряными и золотыми монетами на груди, а въ одномъ мѣстѣ торчалъ на кругу въ уцѣлѣвшей металлической клѣткѣ задохшійся, очевидно, отъ дыма великолѣпный попугай... Да, это былъ «последній день Помпеи» для Симбирска, потому что наврядъ ли когда-либо этотъ городъ придетъ въ то положеніе, въ которомъ онъ былъ до страшнаго для него дня!..

Не разыскавъ ни моего слуги, ни моихъ вещей и ни одного клочка бумаги изъ дѣлъ, я направился обратно къ тому огороду на берегу Волги, гдѣ я провелъ ночь. Тамъ я уже не засталъ губернатора и мнѣ сказали, что онъ и всѣ бывшіе съ нимъ переселились въ уцѣлѣвшее зданіе больницы, куда я и отправился по береговой дорогѣ, разыскивая ихъ. Утомленный бессонной ночью, голодный и подавленный пережитыми страшными картинами смерти и раз-

рушенія, я уже хотѣлъ было присѣсть и, вспомнивъ о данной миѣ монахинями просфорѣ, съѣсть ее, какъ навстрѣчу миѣ показались нѣсколько крестьянскихъ повозокъ, ѣхавшихъ изъ подгородныхъ селъ въ городъ съ хлѣбомъ и мукой для сбыта погорѣльцамъ. Порорпнявшись со мной, крестьяне эти вдругъ остановились и подо- звали меня къ себѣ.

— Ты кто такой будешь и чего тутъ шляешься по задворкамъ въ такое время?—огорошили они меня своимъ вопросомъ.

Я отвѣтилъ имъ, что я губернаторскій чиновникъ и иду по дѣлу. Но мой измятый видъ и отсутствіе на миѣ всякихъ чиновничьихъ атрибутовъ не внушили имъ довѣрія къ моимъ словамъ, и они рѣ- шили, что повезутъ меня съ собой въ городъ и представить по началь- ству «въ кордегардію».

— Почему знать, кто ты? Можетъ, и не чиновникъ, а поджигате- ль, теперь вѣдь, братъ, не такое время,—вишь ты, что натворили съ городомъ! Начальство разбереть...

Не знаю, чѣмъ бы окончилась для меня эта неурядная встрѣча, если бы одинъ изъ нихъ не вздумалъ прежде, чѣмъ посадить меня на свою телѣжку и повезти въ городъ въ качествѣ пойманнаго подо- зрительнаго субъекта, осмотрѣть мои карманы. Я курю и постоянно пошу при себѣ спички, но, по счастью, на этотъ разъ ихъ у меня не оказалось, иначе я пропалъ бы! Они обязательно заявили бы, что поймали въ окрестностяхъ города скрывающагося поджигателя и покамѣстъ добрался бы до полиціи, гдѣ меня, конечно, узнали бы и выручили, злобно настроенная толпа, жаждавшая мести за уни- чтоженный пламенемъ городъ, могла бы учинить надо мной судъ Линча. Но... просфора спасла меня! Вынувъ ее первую изъ моего кармана, они спросили меня, откуда я ее взялъ. И когда я раз- сказалъ имъ, какъ она ко миѣ попала, картина внезапно измѣнилась, и они отпустили меня, сказавъ:

— Коли такъ, то иди себѣ съ Богомъ!..

Что добавить къ этому? Пускай судитъ всякій объ этомъ случаѣ, какъ ему заблагоразсудится, я же скажу, что я усмотрѣлъ въ немъ незримую руку Создателя моего, отстранившую еще разъ явную опасность для моей жизни, пославъ миѣ въ спасеніе данный отъ чистаго сердца невѣдомой миѣ монахиней церковный хлѣбъ.

Въ квартирѣ смотрителя больницы засталъ я дѣйствительно губернатора съ его семействомъ и со всѣми сгруппировавшимися около него чиновниками его канцеляріи. Къ радости моей я засталъ тамъ также и моего слугу съ спасенными имъ узлами нѣкоторой части бѣлья и платья моего, что подало поводъ нѣкоторымъ знако- мымъ миѣ дамамъ сострить на мой счетъ, будто я спасъ только свои галстуки... Изъ разсказа его выяснилось, что онъ, увидя пол- ступавшее со всѣхъ сторонъ къ нашему дому пламя, быстро связалъ въ узлы то, что пошалося ему подъ руки, и, не имѣя возможности

и сти все забранное на своих плечахъ, подталкивалъ ногами поочередно, сбѣгая съ горы къ Волгѣ, то одинъ, то другой узелъ, пока не добрался наконецъ, полумертвый отъ усталости, до безопаснаго отъ огня и дыма мѣста, забывъ при этомъ о своемъ собственномъ скудномъ скарбѣ, оставленномъ имъ на жертву пламени. Такое изумительное самопожертвованіе со стороны этого молодого парня, по имени Спиридонъ, замѣнившато незадолго передъ тѣмъ прежняго старата слугу моего, растрогало меня до слезъ, и я тутъ же подѣлился съ нимъ спасенными его находчивостью уцѣлѣвшими остатками моего гардероба.

Послѣ пережитой страшнот катастрофы обыватели псчезнувшато съ лица земли на двѣ трети города не скоро стали приходиться въ себя, но наступившата осень заставила ихъ поторопиться постройкой временныхъ жилищъ и приспособиться какъ кто могъ для жизни. Очулились также и присутственные мѣста, и заскрипѣли въ нихъ перья, возстановляя по возможности погибшіе дѣла и документы. Немало выпало тогда работы и на мою долю. Уставныя грамоты и иные акты большой важности, относящіяся къ взаимнымъ отношеніямъ крестьянъ къ бывшимъ ихъ господамъ, сторѣли, и для возобновленія этихъ документовъ пришлось завязать огромную переписку съ мировыми посредниками и прочимъ причастнымъ къ этому дѣлу людомъ. Не забыты были также и пуждающіяся въ скорой помощи погорѣльцы, и для распределенія между ними какъ денежной, такъ и вещевой помощи, въ изобиліи притекавшей со всѣхъ сторонъ Россіи, были учреждены губернаторомъ особые комитеты, вѣдѣнію которыхъ подлежали извѣстные районы города. И вотъ по поводу этихъ комитетовъ разыгралась пренепріятная для меня исторія, о которой не могу не упомянуть, такъ какъ она представляетъ весьма характерную картинку мѣстныхъ нравовъ.

Находясь однажды вечеромъ въ дворянскомъ клубѣ, коего я былъ членомъ, я засталъ въ читальной комнатѣ этого клуба нѣсколько мѣстныхъ лордовъ, о чемъ-то горячо и съ негодованіемъ трактующихъ. Прислушавшись къ ихъ разговору, я узналъ, что рѣчь шла о происходящихъ въ пожарныхъ комитетахъ злоупотребленіяхъ и мошенничествахъ. Обвиняли они прямо въ присвоеніи денежныхъ пожертвованій двухъ председателей этихъ комитетовъ, весьма почтенныхъ купцовъ З. и Х., изъ коихъ первый былъ даже городскимъ головой. Обвиненіе было весьма серьезнаго свойства и грозило обвиняемымъ, въ случаѣ ихъ виновности, каторгой. Присутствіе мое при такой бесѣдѣ въ качествѣ старшаго чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ (я забылъ сказать, что вмѣстѣ съ секретарской должностью въ крестьянскомъ присутствіи за мной было сохранено губернаторомъ и званіе чиновника его сверхъ штата) становилось очень щекотливымъ, и я уже собирався улизнуть изъ комнаты, какъ вдругъ сидѣвшій рядомъ со мной за читальнымъ сто-

ломъ князь Баратаевъ заставилъ меня отмѣнить мое намѣреніе, обратившись ко мнѣ съ такой фразой:

— Вы развѣ не слышите, А. Е., о чемъ здѣсь говорятъ? Я бы на вашемъ мѣстѣ счелъ своей обязанностью довести объ этомъ до свѣдѣнія начальника губерніи.

— Если меня уполномочать, то я сочту своимъ долгомъ это сдѣлать, хотя нахожусь здѣсь не въ качествѣ должностного лица, а какъ членъ клуба,—отвѣтилъ я, обращаясь къ обличителямъ въ тяжкомъ преступленіи купцовъ З. и Х.

Обличителями ихъ были помѣщики Москвитиновъ и князь Баюшевъ, и оба они подтвердили еще разъ свое обвиненіе и заявили, что желали бы, чтобы дѣло это было выведено на свѣжую воду и доведено мною до свѣдѣнія губернатора.

Что оставалось мнѣ дѣлать? Являюсь на другой день съ обычнымъ докладомъ моимъ по дѣламъ крестьянскаго присутствія къ М. И. Анисимову, но не успѣлъ я открыть рта, какъ онъ задаетъ мнѣ вопросъ: правда ли, что меня просили передать ему о мошенническихъ продѣлкахъ купцовъ З. и Х.? Оказалось, что ему уже былъ переданъ вчерашній разговоръ въ клубѣ княземъ Баратаевымъ, встрѣтившимъ его на ежедневной утренней прогулкѣ его по городу. Мнѣ оставалось только подтвердить уже извѣстное ему, на что онъ сказалъ мнѣ, что находить обвиненіе настолько серьезнымъ и могущимъ повліять на приливъ пожертвованій, что уже назначилъ произвести самое строгое дознаніе по этому предмету.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла былъ такой. Разслѣдованіемъ установлено было, что голословно обвиненные купцы ни въ чемъ не повинны, и они, возмущенные низкой клеветой на нихъ, притянули, въ свою очередь, къ суду своихъ обвинителей. Чѣмъ окончился этотъ судъ для клеветниковъ—не знаю, но вотъ что они вздумали учинить со мной, въ отместку за постигшую ихъ неудачу: они объявили меня доносчикомъ и потребовали отъ старшинъ клуба исключенія моего изъ членовъ онаго. Чѣмъ окончилась бы эта возмутительная и во всякомъ случаѣ крайне непріятная для меня исторія, если бы не принялъ въ ней непосредственнаго участія добрѣйшій Михаилъ Ивановичъ, я сказать не умѣю. Въ назначенный часъ для рѣшенія вопроса о моемъ изгнаніи онъ явился въ клубъ и потребовалъ у старшинъ объясненія: почему ему, какъ почетному члену клуба, согласно клубскаго устава, не была прислана повѣстка съ приглашеніемъ на назначенное въ тотъ день засѣданіе гг. старшинъ? Смущенные его неожиданнымъ появленіемъ и вопросомъ, эти вершители судьбы моей поставлены были въ необходимость отмѣнить свое засѣданіе и никогда болѣе не касались безосновно задуманнаго и позорнаго для ихъ дворянской чести вопроса...

Необычайные размѣры пожара, толки о поджогахъ, связанные съ польскимъ повстаніемъ и пребываніемъ въ ссылкѣ въ Симбирскѣ

поляковъ, заставили правительство обратить серьезное вниманіе на постигшее этотъ городъ бѣдствіе, и оно командировало для разслѣдованія причинъ его рядъ уполномоченныхъ имъ лицъ.

Первымъ прибылъ къ намъ состоявшій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ генераль-майоръ Галлеръ, бывшій волынской губернаторъ, старый знакомый моихъ родителей по Вильнѣ, гдѣ онъ былъ управляющимъ канцеляріей генераль-губернатора Назимова и зналъ меня мальчикомъ. Онъ очень обрадовался печальной встрѣчѣ со мной и, спрашивая меня о подробностяхъ катастрофы, припоминалъ о многомъ изъ прошлой жизни и общихъ знакомыхъ родного для меня города Вильны.

Результатами его командировки въ Симбирскъ правительство осталось, повидимому, не удовлетвореннымъ, такъ какъ вслѣдъ за нимъ прибылъ къ намъ съ тою же цѣлью генераль-адъютантъ баронъ Врангель, а затѣмъ и сенаторъ Ждановъ съ цѣлымъ штатомъ опытныхъ чиновниковъ съ оберъ-секретаремъ сената Шампинымъ во главѣ. Баронъ Врангель, кромѣ возложеннаго на него порученія, привезъ съ собой 10000 рублей для раздачи бѣднѣйшимъ погорѣльцамъ отъ государя и, разстрѣлявъ по-кавказски, гдѣ онъ прежде служилъ, какого-то заподозрѣннаго запаснаго солдата, уѣхалъ обратно въ Петербургъ. Что же касается второго, сенатора Жданова, то онъ оставался довольно долго въ Симбирскѣ, производя весьма тщательное разслѣдованіе, результатъ котораго такъ и остался неизвѣстенъ, такъ какъ самъ онъ, возвращаясь къ Петербургъ, внезапно скончался послѣ выпитаго имъ стакана кофе въ Нижнемъ-Новгородѣ, а находившееся въ его чемоданѣ дѣло о симбирскомъ пожарѣ исчезло безслѣдно. Много разнородныхъ толковъ ходило въ то время по этому поводу, но какъ темное дѣло о смерти Жданова, такъ и самая причина истребившаго Симбирскъ пожара, разгадка котораго находилась въ исчезнувшемъ сенаторскомъ дѣлопроизводствѣ, остались не обнаруженными, и тайна ихъ унесена въ Лету. Носились слухи, что къ дѣлу о пожарѣ былъ привлеченъ знакомый мнѣ полковникъ Дудинскій, командовавшій не помню какимъ пѣхотнымъ полкомъ, расположеннымъ въ Симбирскѣ, но и этотъ слухъ оказался ложнымъ, такъ какъ много времени спустя Александръ II, производя въ одно изъ воскресеній обычный парадъ войскъ въ Михайловскомъ манежѣ, подозвалъ къ себѣ невинно заподозрѣннаго полковника и, желая реабилитировать его въ глазахъ всѣхъ, подаль ему руку. Это былъ послѣдній отголосокъ этой таинственной и трагической эпопеи.

Какъ капитанъ, при которомъ погибъ корабль, не можетъ оставаться его водителемъ, такъ и М. И. Анисимовъ, при которомъ погибъ ввѣренный ему городъ, не могъ долѣе оставаться губернаторомъ въ Симбирскѣ, и вскорѣ послѣдовало причисленіе его къ министерству. Временно, до прибытія его замѣстителя барона Веліо,

градоначальствовавшаго въ Одессѣ, бразды правленія принялъ на себя вице-губернаторъ Коссаговскій. Съ послѣднимъ мнѣ пришлось встрѣтиться еще разъ вполнѣ въ силу службъ моей въ Одессѣ и о немъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Относительно же барона Веліо скажу, что онъ оказался полной во всѣхъ отношеніяхъ противоположностью своего предмѣстника. Насколько М. И. Анисимовъ былъ опытнымъ и крототливымъ чиновникомъ въ своей служебной дѣятельности, настолько этотъ былъ поверхностенъ и неуездчивъ. Но если, какъ начальникъ губерніи, онъ мало соответствовалъ своему назначенію, зато какъ холостой и свѣтскій человѣкъ, бывший воспитанникъ лица и спортсменъ, онъ какъ нельзя болѣе пришелся ко двору губерніи «отставныхъ корнетовъ». Начались Лукулловскіе банкеты, охоты, и въ концѣ концовъ гг. дворяне скрутили его и женили на дочери одного изъ своихъ грандовъ. Нелегко было мнѣ при такихъ условіяхъ служить съ нимъ. Привыкши къ строгому отношенію къ службѣ и умѣлому руководительству предмѣстника его, я зачастую не зналъ, какъ мнѣ съ нимъ быть.

Мало интересуюсь подносимыми къ его подписи бумагами, баронъ Веліо подмахивалъ ихъ не читая, черезъ что ставилъ меня подчасъ въ весьма затруднительное положеніе, такъ какъ я являлся единолично отвѣтственнымъ лицомъ за ихъ содержаніе, а когда однажды я не вытерпѣлъ и попросилъ его перечитать передъ подписаніемъ одно весьма важное представленіе министру, то онъ сказалъ мнѣ, что довѣряетъ мнѣ, увѣренный, что я его не подведу. Справедливость обязываетъ меня сказать, что въ личныхъ отношеніяхъ со мной онъ былъ всегда корректенъ и было бы съ моей стороны большою неблагодарностью, если бы я упомянулъ его дурнымъ словомъ. Долженъ также сказать, что и я не подавалъ ему ни разу повода къ сомнѣнію на мой счетъ, составляя мои доклады весьма тщательно. Въ этомъ отношеніи я успѣлъ уже набить себѣ руку, пройдя школу канцелярщины подъ руководствомъ такихъ опытныхъ менторовъ, какими были для меня М. И. Анисимовъ, не пропускавшій ни одной запятой въ подписываемыхъ имъ бумагахъ, и П. П. Коссаговскій, который отличался мастерствомъ оболванивать официальные бумаги такъ, что онѣ выходили въ его изложеніи и дѣловыми и не сухими по формѣ.

Къ сказанному о моихъ двухъ симбирскихъ начальникахъ долженъ добавить, что первый изъ нихъ такъ и умеръ причисленнымъ къ министерству, а второй, какъ извѣстно, былъ вполнѣ въ силу службъ главнымъ управленія почтъ и телеграфовъ и умеръ сенаторомъ и членомъ государственнаго совѣта. Вотъ тутъ и судите о справедливости судьбы: одному она мачеха, а другому мать родная!..

Недолго мнѣ, однако, пришлось прослужить подъ начальствомъ барона Веліо. Жлзнь на пепелищѣ сгорѣвшаго города, далекое разстояніе его отъ Харькова, гдѣ въ то время находились родители

мон, отсутствіе всякой умственной и эстетической пищи и малокультурность той среды, въ которой приходилось мнѣ поневолѣ вращаться,—все это вмѣстѣ взятое побудило меня искать выхода изъ моего положенія, и я обратился къ двоюродному брату моему, Николаю Владимировичу Егорову, получившему мѣсто секретаря московскаго цензурнаго комитета, прося его замолвить обо мнѣ слово дялѣ своему, брату его матери, сенатору Михаилу Павловичу Щербинину, назначенному первымъ начальникомъ незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго, согласно новому уставу о цензурѣ, главнаго управленія по дѣламъ печати. Я просилъ о предоставленіи мнѣ для пачала хотя бы скромной должности по этому вѣдомству, лишь бы мѣсто это было въ одной изъ столицъ, и къ великой радости моей я былъ назначенъ, приказомъ по министерству внутреннихъ дѣлъ 26-го января 1866 г., дѣлопроизводителемъ при московскомъ отдѣльномъ цензорѣ по иностранной цензурѣ.

II.

(1872—1874 г.).

Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати статсъ-секретарь Лонгиновъ. — Переходъ и назначеніе мое въ центральный комитетъ иностранной цензуры. — Предсѣдатель Ѳ. И. Тютчевъ и цензора этого комитета А. Н. Майковъ, Я. П. Половскій, Г. А. Лишншъ.—Сторожъ Долотовъ.—Сторожъ-предатель.

Вмѣсто генерала Шидловскаго въ 1872 году былъ назначенъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати статсъ-секретарь М. Н. Лонгиновъ, проначальствовавшій надъ нами до 1874 г.

Всѣ литераторы наши не возлюбили его за принятіе имъ этой должности, считая его, по прежней его журнальной дѣятельности въ періодическихъ изданіяхъ тогдашняго либеральнаго направленія, ренегатомъ и отступникомъ отъ ихъ знамени. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ очень любилъ, чтобы его считали за большого либерала и извѣстенъ своей исторіей съ графомъ Л. Толстымъ. «Неизвѣстно почему,—вспоминаетъ «Старый литераторъ» въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»,—ему вздумалось тогда написать Некрасову въ некорректной для Толстого формѣ относительно недостаточнаго свободомыслія послѣдняго въ «Современникѣ», а Некрасовъ, неизвѣстно почему, нашелъ нужнымъ прочесть автору «Дѣтства» выдержку изъ письма Лонгинова. Толстой послалъ Лонгинову вызовъ на дуэль. Некрасовъ пріѣхалъ къ Толстому и заявилъ: «Если вы не возьмете вашего вызова Лонгинову назадъ, то вы и со мной должны будете стрѣляться. Я—виновникъ во всей этой кашѣ и долженъ нести за нее отвѣтственность». Толстой вызова не взялъ назадъ, но дуэль не состоялась. Не любили они его и потому, что онъ извѣстенъ былъ у нихъ своею двойственностью: «онъ печаталъ свои критическія статьи въ жур-

налѣ Каткова, а свои порнографическія сочиненія и стихи—за границей».

Для меня лично управленіе Лонгинова цензурнымъ вѣдомствомъ ознаменовалось тѣмъ, что приказомъ отъ 13-го октября 1872 года я былъ назначенъ старшимъ помощникомъ цензора центрального комитета цензуры иностранной и съ тѣхъ поръ уже, до конца службы моей, я оставался въ этой цензурѣ, хотя впоследствии, какъ будетъ видно далѣе, мнѣ, кромѣ нея и помимо моего желанія, навязана была еще и ненавистная мнѣ внутренняя цензура.

Центральный комитетъ иностранной цензуры находился тогда въ домѣ Шольца на Обуховскомъ проспектѣ, вблизи Сѣнной. Предсѣдательствовалъ въ немъ Ѳ. Тютчевъ, котораго я видѣлъ еще въ Москвѣ во время одного изъ прїѣздовъ его туда и посѣщеній имъ нашего отдѣленія иностранной цензуры. Онъ прибылъ къ намъ въ отдѣленіе зимой въ широко распахнутой енотовой шубѣ—всегдашняя манера его поситъ ее—и мѣховой шапкѣ, изъ-подъ которой выбивались его длинные сѣдые волосы, и съ небрежно-обмотаннымъ вокругъ шеи шерстянымъ шарфомъ. Выразительное лицо его съ тонкими чертами и большимъ лбомъ, въ очкахъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали умные, но какъ бы утомленные глаза, которые невольно обращали на себя вниманіе и заставляли догадываться, что въ старческомъ обликѣ всей фигуры этого человѣка скрывается незаурядная натура.

Комитетъ былъ раздѣленъ на три отдѣленія, которыми завѣдывали старшіе цензора. Я попалъ въ нѣмецко-итальянское отдѣленіе, начальникомъ котораго былъ престарѣлый Есиповъ. Остальными двумя отдѣленіями завѣдывали: французскимъ и англійскимъ—Любовниковъ, а бандерольнымъ и польскимъ съ прочими славянскими нарѣчіями—А. Майковъ. Кромѣ названныхъ старшихъ цензоровъ, были еще и младшіе, между которыми раздѣлялось чтеніе книгъ сообразно ихъ знанію языковъ. Такъ, Полонскій читалъ французскія, англійскія и итальянскія книги, Миллеръ-Красовскій, прославившійся своей брошюрой о необходимости розги въ школьномъ воспитаніи, исключительно нѣмецкія, Дукшта-Дукшинскій—польскія, и былъ еще одинъ такой цензоръ-полиглотъ, Шульцъ, который не затруднялся читать книги и разныя другія изданія на всѣхъ существующихъ языкахъ. Секретъ своего «многоязычія» и скоропалительнаго чтенія онъ унесъ въ могилу; какъ онъ успѣвалъ и умудрялся возвращать по субботамъ весь громадный ворохъ забранныхъ имъ для прочтенія книгъ за недѣлю, представляя о каждой отзывъ, осталось непроницаемой для насъ тайной. Это былъ поистинѣ титанъ своего дѣла, и подобнаго ему языковѣда мнѣ уже не приходилось встрѣчать во всю мою жизнь, хотя нѣкоторые наши цензора, какъ, напримѣръ, мой предмѣтникъ, старшій помощникъ цензора, магистрантъ филологіи Пѣвинскій, назначенный въ Одессу

младшимъ цензоромъ, обладалъ значительными познаніями въ иностранныхъ языкахъ, да и я самъ владѣю пятью языками, но по многоязычію своему почтенный Шульцъ побилъ рекордъ надъ всѣми, и никто никогда не могъ конкурировать съ нимъ въ этой сферѣ.

Что касается канцеляріи комитета, то долгое время завѣдывалъ ею Златковскій, бывшій офицеръ въ отставкѣ, получившій въ Крымскую кампанію контузію въ затылокъ, вслѣдствіе чего, помимо воли своей, физически не могъ «гнуть шеи». Онъ пользовался казенной квартирой при комитетѣ въ томъ же старинномъ и доселѣ существующемъ домѣ на Обуховскомъ проспектѣ, близъ Сѣнной, Шольца, куда къ намъ поднимали тюки съ книгами на блокъ, устроеномъ въ окнѣ со двора.

Вскорѣ составъ служащихъ, однако, измѣнился. вмѣсто поэта Тютчева предсѣдательское кресло занялъ князь Вяземскій, сынъ не менѣе извѣстнаго поэта, современника Пушкина. вмѣсто же умершаго Есипова, подъ конецъ засыпавшаго отъ дряхлости въ своемъ крестѣ, въ наше нѣмецкое отдѣленіе былъ назначенъ старшимъ цензоромъ Миллеръ-Красовскій, по бурному и неуживчивому нраву своему напоминавшій мнѣ моего перваго начальника въ Москвѣ Вѣдрова.

Касательно предсѣдательской должности, у мѣста будетъ замѣтить, что должность эта представляла въ центральномъ комитетѣ иностранной цензуры родъ синекюры и замѣщалась всегда лицами, имѣвшими связи и протекцію въ высшихъ сферахъ. Такъ попалъ на эту привилегированную должность Тютчевъ, дочь котораго, фрейлина, играла такую видную роль при императрицѣ Маріи Александровнѣ, такъ попалъ на нее князь Вяземскій, жена котораго, гофмейстерина, пользовалась особеннымъ уваженіемъ Александра II, такъ попалъ на нее также и Майковъ, благодаря личному благорасположенію къ нему Александра III, и такъ попалъ на нее же и графъ Муравьевъ, братъ министра иностранныхъ дѣлъ и сынъ того, монументъ которому воздвигнуть въ Вильнѣ. О первомъ изъ нихъ, Тютчевѣ, я не могу ничего добавить къ сказанному, о второмъ, князь Вяземскомъ, мнѣ еще придется говорить въ своемъ мѣстѣ, о Майковѣ же, съ которымъ я былъ ближе знакомъ, имѣя съ нимъ довольно частыя сношенія по службѣ, у меня сохранились слѣдующія воспоминанія.

Принадлежа къ Пушкинской плеядѣ поэтовъ, А. Н. Майковъ по склонностямъ своимъ мало соответствовалъ цензорскому назначенію, хотя и не лишенъ былъ влеченія къ карьеризму. Завѣдуя отдѣломъ славянскихъ языковъ и бандерольныхъ полученій, онъ мало интересовался особенно послѣднимъ, всецѣло сдавъ его на руки сотруднику своему Дукштѣ-Дукшинскому, чуть не полвѣка прослужившему въ этомъ отдѣленіи и замѣнившему впослѣдствіи Майкова въ начальствованіи въ ономъ. Пробѣжитъ, бывало, своей скорой походкой нашъ поэтъ въ свое отдѣленіе, захватить изъ него

несколько вновь поступивших неизвестных книгъ въ свой портфель и, проходя обратно черезъ комнату, въ которой «работаетъ» съ машиннымъ хладнокровіемъ старослуживый сторожъ комитета, Дологовъ, надъ вырѣзываніемъ и пачканіемъ отмѣченныхъ ему въ книгахъ и журналахъ исключенныхъ и запрещенныхъ цензорами мѣстъ, крикнуть ему мимоходомъ:

— Здорово, старина! Печатаешь? Печатай, братецъ, печатай!— и юркнетъ въ выходныя двери.

Лѣтомъ Аполлонъ Николаевичъ всегда жилъ съ своей супругой на дачѣ въ Парголово, а потомъ на собственной дачѣ на Сиверской станціи, Варшавской желѣзной дороги, и тамъ предавался онъ своему любимому занятію—рыбной ловлѣ. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ съ удочкой въ рукахъ въ лодкѣ, среди камышей и зарослей, уносился съ своей музой въ тиши въ недостижимыя для обыкновенныхъ смертныхъ заоблачныя пространства. При такой обстановкѣ, на лодкѣ и съ удочкой въ рукахъ, изображенъ онъ кистью Крамского или Рѣпина—хорошо не припомню. По натурѣ своей будучи весьма отзывчивымъ къ обездоленнымъ судьбой людямъ, онъ всегда охотно помогалъ имъ не только вліяніемъ своимъ, но нерѣдко и кошелькомъ. У меня сохранилось одно письмо его, полученное мною во время моего предсѣдательства въ Одессѣ, какъ нельзя лучше характеризующее эту сторону его личности. Привожу это письмо цѣликомъ:

«Многоуважаемый Анатолій Евгеньевичъ.

«Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою удовлетворить желаніе г. Паприцкаго, котораго знаю за безукоризненно достойнаго человѣка. Онъ служилъ въ Западномъ краѣ, пользовался полною довѣренностью графа Муравьева, Кауфмана и Баранова и корреспондировалъ Куткову въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», съ вѣдома этихъ генераль-губернаторовъ, отъ коихъ получалъ похвалы и отличія. Онъ такъ умѣлъ вести дѣла, что въ его округѣ не было надобности ни разу послать воинскихъ командъ. Съ водвореніемъ Потапова, пошли гоненія, и его сослали въ Петрозаводскъ. Я за него просилъ Шебеку, который принялъ участіе, а равно и графъ Д. А. Толстой, его возвратили, сочли все время ссылки за службу, дали пенсію и пособіе для леченія въ Крыму и Одессѣ. Пожалуйста, нельзя ли распорядиться о возвращеніи ему желаннаго документа. Тутъ въ письмѣ и его адресъ. Не смотрите, что письмо писано безграмотно, писалъ не онъ, ибо разбитъ параличомъ, его только подпись, вообще онъ теперь—развалина, къ которой должно, однако, питать уваженіе.

«Съ полной надеждой, что вы по старой памяти уважите мое ходатайство

Весь вашъ А. Майковъ.

24 Іюля 1890 г.

Документъ, о возвращеніи котораго хлопоталъ Майковъ, заключался, сколько мнѣ помнится, въ докладной запискѣ Паприкова бывшему министру внутреннихъ дѣлъ графу Толстому, представленной авторомъ въ одесскую цензуру для разрѣшенія къ печати, запрещенной послѣдней и вслѣдствіе того удержанной при дѣлахъ комитета. При всемъ желаніи моемъ исполнить просьбу почтеннаго сослуживца-поэта, я не могъ этого сдѣлать, такъ какъ, по наведенной справкѣ, оказалось, что этотъ самый Паприковъ незадолго передъ тѣмъ скончался въ занимаемой имъ въ Одессѣ по Левашовскому спуску квартирѣ, о чемъ я и сообщилъ Майкову въ отвѣтъ на его участливое письмо.

Кромѣ уже указанныхъ двухъ поэтовъ-цензоровъ, съ которыми мнѣ привелось служить, я назвалъ еще Я. П. Полонскаго.

О немъ, равно какъ и о поступившемъ позднѣе къ намъ на службу въ качествѣ помощника цензора Г. А. Лишинѣ, извѣстномъ болѣе своей мелодекламацией, я могу сказать, что оба они были люди не отъ міра сего, вѣчно витающіе съ своими музами въ заоблачныхъ районахъ. Въ этомъ отношеніи добродушный и мягкосердечный Яковъ Петровичъ превзошелъ своихъ собратьевъ по перу. Разсѣянность его доходила до крайнихъ предѣловъ. Бывало, говорить съ вами, а по глазамъ его видно, что онъ не только не думаетъ, о чемъ говорить, но даже едва ли узнаетъ того, съ кѣмъ говорить. Уходя со службы, онъ обязательно что-нибудь оставлялъ послѣ себя: то забудетъ свой ортфель, то ключи, то носовой платокъ, а разъ забылъ даже и свой костыль, съ которымъ никогда не разставался, постоянно хромая на обѣ ноги, и старикъ Долотовъ долженъ былъ пуститься за нимъ въ догонку, чтобы вручить ему его потерю.

Въ послѣдній разъ я встрѣтился съ Я. П. Полонскимъ въ Одессѣ, куда, за нѣсколько лѣтъ передъ своей смертью, онъ пріѣзжалъ съ женой и дѣтьми полечить свои больныя ноги на лиманѣ. Онъ жаловался мнѣ потому, что лиманное леченіе не принесло ему никакой пользы, и онъ умеръ отъ хронической болѣзни своихъ разбитыхъ параличомъ ногъ. Милый и симпатичный человекъ былъ онъ, и угасшій обликъ его высокой и худощавой фигуры съ умнымъ лбомъ, задумчивыми глазами и длинными волосами сохранился навсегда въ моей памяти, какъ и чистая, какъ хрусталь, душа его, нашедшая себѣ отраженіе въ его высоко-художественной и неподкупной поэзіи.

Съ Г. А. Лишинымъ мнѣ пришлось мало служить въ Петербургѣ. Съ нимъ я также потомъ встрѣтился уже въ Одессѣ, куда онъ пріѣзжалъ, чтобы повидаться съ двумя братьями своими—одесскими старожилами (изъ коихъ одинъ былъ раненъ шальной пулей въ ногу во время страшныхъ дней «освободительнаго движенія» въ этомъ городѣ и умеръ отъ полученной имъ раны)—и чтобы принять участіе въ торжествѣ открытія построеннаго городомъ великолѣннаго,

неимѣющаго себѣ подобнаго во всей Россіи театра, послѣдовавшемъ 1-го октября 1887 года.

Имя покойнаго поэта достаточно тѣсно связано съ Одессой, гдѣ онъ проводилъ послѣдніе годы своей жизни и гдѣ память о немъ жива по горячему участию его въ празднествѣ открытія храма Мельпомены, Таліи, Евтѣрпы и Терпсихоры въ Южной Пальмирѣ. Оно выразилось въ сочиненномъ имъ для этого случая текстѣ и музыкѣ къ музыкально-драматическому прологу, исполненному оркестромъ подъ его управленіемъ.

Въ сохранившейся у меня афишѣ того спектакля № 1-го въ новомъ одесскомъ городскомъ театрѣ значится, что въ исполненіи музыкальной части лишинскаго пролога приняло участіе одесское отдѣленіе императорскаго музыкальнаго общества, при чемъ хоры велись подъ управленіемъ Д. Ф. фонъ-Ресселя; соло для скрипки «На берегахъ Хаджибея» исполнилъ солистъ петербургскихъ театровъ П. П. Пустарнаковъ, а элегію для віолончели «Къ морю» (по Пушкину) исполнилъ Глазеръ. Живыя картины къ прологу были поставлены главнымъ режиссеромъ императорскаго петербургскаго театра А. А. Яблочкинымъ и главнымъ декораторомъ императорскаго московскаго театра К. Ф. Вальцемъ. Въ прологѣ участвовала артистка Понизовская, а въ живыхъ картинахъ именовано много разныхъ провинціальныхъ актрисъ и актеровъ. Въ спектаклѣ этомъ, кромѣ того, были поставлены двѣ сцены изъ драмы Пушкина «Борисъ Годуновъ» и три акта изъ комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». Афиша подписана главнымъ режиссеромъ А. Яблочкинымъ и первымъ антрепренеромъ этого театра И. Черепешниковымъ.

Замѣчательная даровитая и талантливая натура былъ покойный Григорій Андреевичъ. Онъ совмѣщаль въ себѣ и поэта, и музыкальнаго композитора, и былъ первымъ въ Россіи представителемъ искусства мелодекламации, имѣвшимъ послѣ себя много подражателей. Жизнь его, какъ и многихъ русскихъ талантливыхъ людей, оборвалась въ началѣ расцвѣта его художественныхъ дарованій, и онъ умеръ въ Петербургѣ 35 лѣтъ отъ злого недуга, унесшаго его въ безвременную могилу.

Выше я упомянулъ вскользь о нашемъ комитетскомъ сторожѣ Долотовѣ. Мои воспоминанія о службѣ въ петербургскомъ центральномъ комитетѣ иностранной цензуры были бы не полны, если бы я упустилъ сказать нѣсколько словъ какъ объ этомъ современникѣ моемъ по службѣ въ этомъ учрежденіи, такъ и о другомъ сторожѣ-курьерѣ, служившемъ при мнѣ уже въ Одессѣ, не имѣвшемъ, впрочемъ, ничего общаго съ первымъ.

Непосвященный въ тайны и распорядки внутренняго строя въ присутственныхъ мѣстахъ не можетъ себѣ составить надлежащаго представленія о той роли, которую подчасъ играютъ въ общемъ механизмѣ дѣла эти скромные по виду труженики, и въ

какой степени отъ честнаго, добросовѣтнаго исполненія ими ихъ невзрачной обязанности зависить зачастую успѣшность всей канцелярской машины. Типичныя фигуры двухъ упомянутыхъ служителей могутъ служить подтвержденіемъ сказаннаго.

Старикъ Долотовъ, съ которымъ такъ любилъ шутить нашъ цензоръ-поэтъ, а впоследствии предсѣдатель А. Н. Майковъ, находился при петербургскомъ комитетѣ въ качествѣ старшаго сторожа съ незапамятныхъ временъ, неся свою многолѣтнюю службу изъ года въ годъ съ одинаковымъ рвеніемъ, непоколебимымъ хладнокровіемъ и безупречной честностью. Не зная, конечно, ни одного слова на иностранныхъ языкахъ, онъ, тѣмъ не менѣе, досконально изучилъ все наши приемы и манипуляціи, зналъ, что дѣлается во всехъ отдѣленіяхъ, гдѣ что лежитъ, что должно быть выдано, гдѣ какія должны быть сдѣланы исключенія и что задержано. Въ своей сферѣ дѣятельности онъ былъ поистинѣ безцѣнный человѣкъ—прекрасный типъ русскаго простолюдина-самоучки съ прибавкой къ этому николаевской солдатской выдержки и дисциплины. Все мы относились къ нему съ уваженіемъ, а если молодежь наша позволяла себѣ иногда выказывать ему, въ чиновничьей заносчивости своей, пренебреженіе, то такихъ господъ онъ безцеремонно осаждалъ, называя ихъ молокососами. Оберегая хранящееся въ шкапахъ книжное имущество, онъ стерегъ его, какъ вѣрный и безсмѣнный часовой, и не было случая, чтобъ когда-либо книга пропала безслѣдно изъ своего хранилища.

Заботы свои о службѣ старикъ Долотовъ раздѣлялъ съ заботами о воспитаніи своего сына. Мальчикъ у него оказался весьма способный, и Майковъ, узнавъ объ этомъ, взялъ его подъ свое покровительство. Сначала онъ помѣстилъ его въ какое-то средне-учебное заведеніе, а когда молодой Долотовъ сталъ выказывать выдающіяся способности къ архитектурѣ, то онъ далъ ему возможность поступить въ академію художествъ, по окончаніи которой Долотовъ-сынъ началъ успѣшно практиковать и получилъ мѣсто архитектора при военномъ министерствѣ, съ казенной квартирой въ зданіи главнаго штаба. Вскорѣ имя архитектора Долотова приобрѣло извѣстность въ строительномъ мірѣ Петербурга, и вотъ тутъ-то старикъ Долотовъ показалъ себя во всей величавой простотѣ своего нрава. Гордясь извѣстностью своего сына, онъ въ то же время ни за что не хотѣлъ переселиться къ нему, не взирая на неоднократныя мольбы послѣдняго, и, ко всеобщему удивленію, до конца жизни своей оставался на своей болѣе чѣмъ скромной должностн въ комитетѣ, предпочитая маленькую конуру свою и жизнь простаго сторожа просторнымъ хоромамъ и барской обстановкѣ своего сына. Поистинѣ это былъ рѣдкій экземпляръ русскаго простолюдина, съ философскимъ стоицизмомъ и смиреніемъ переносившаго свой удѣлъ, и я съ чувствомъ особеннаго умиленія

всегда вспомню немощную тѣломъ, но крѣпкую духомъ фигуру этого старика-безребренника.

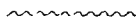
Иной породы былъ старшій сторожъ, котораго я засталъ въ одесскомъ комитетѣ.

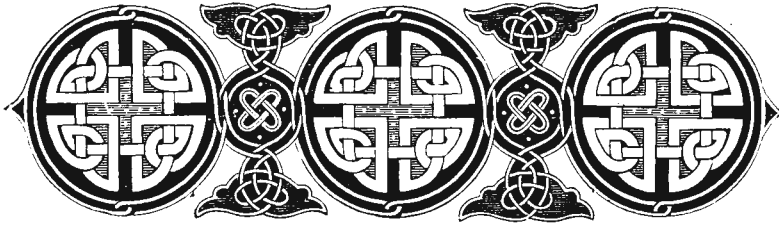
Этотъ также былъ очень смышленъ и пользовался полнымъ довѣріемъ всѣхъ цензоровъ и прочихъ служащихъ. Какъ и первый, онъ такъ же хорошо велъ свое дѣло и паловчился въ механическомъ и быстромъ умѣніи распознавать изданія на иностранныхъ языкахъ, безошибочно сортируя ихъ при выгрузкѣ изъ многотрудныхъ тюковъ на столы для цензорскаго осмотра и опредѣленія ихъ по категоріямъ. Но на этомъ и ограничивалось его сходство съ Долотовымъ. Будучи уроженцемъ одной изъ литовскихъ губерній и католикомъ, онъ не носилъ въ себѣ тѣхъ симпатичныхъ чертъ характера, которыя мнѣ пришлось наблюдать въ бытность мою въ томъ краѣ. Вскорѣ до меня стали доходить слухи о такихъ неблагоприятныхъ поступкахъ его, которые указывали на существованіе разныхъ сдѣлокъ его съ мѣстными книгопродавцами, и послѣ того, что онъ былъ уличенъ въ двухъ случаяхъ такого характера, несомнѣнность которыхъ фактически подтвердилась, я по долгу службы обязанъ былъ, во-первыхъ, произвести разслѣдованіе, а, во-вторыхъ, изгнать его изъ стѣнъ комитета. Разслѣдованіе это выяснило, что онъ вошелъ въ стачку съ однимъ изъ мѣстныхъ книгопродавцевъ, условившись съ нимъ, конечно, за извѣстную мзду, отбрасывать въ сторону вынимаемая имъ изъ тюковъ при цензорскомъ просмотрѣ книги этого книгопродавца, особеннымъ способомъ отмѣченныя при отправленіи ихъ ему изъ-за границы. Само собой разумѣется, что такого рода условными знаками были отмѣчены только не дозволенныя къ обращенію въ Россіи книги и, слѣдовательно, при обнаруженіи пропуска ихъ чрезъ одесскую цензуру вина въ такомъ недосмотрѣ всецѣло падала бы на нее, и отвѣтственнымъ лицомъ въ этомъ являлся бы прежде всего я.

Занося на эти страницы два вышеописанныхъ разнородныхъ типа комитетскихъ сторожей—этихъ маленькихъ винтовъ въ сложномъ механизмѣ служебной машины,—я имѣлъ въ виду лишь показать, отъ какихъ случайностей и въ какой зависимости находится иногда ходъ всей канцелярской машины и ея главныхъ водителей.

А. Е. Егоровъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ЛУЧАХЪ ЗВѢЗДЫ ПЛАМЕНЬЮЩЕЙ.

(Историческая повѣсть).

I.

ЛЕШѢ Москалеву было всего шестнадцать лѣтъ.

4-го ноября 1796 года онъ, въ качествѣ вахмистра лейбъ-гвардіи коннаго полка, былъ отряженъ подъ команду поручика въ караулъ въ Зимній дворець.

5-го ноября утромъ, ровно въ девять часовъ, онъ вышелъ изъ конно-гвардейской кордегардіи на главную гауптвахту внутри дворца и хотѣлъ отпортовать поручику: «караулъ справленъ, команда провела ночь благополучно, происшествія никакого не случилось, винную порцію принялъ»,—но поручика на гауптвахтѣ онъ не засталъ.

— Гдѣ же онъ изволить находится?

Караульный солдатъ отвѣчалъ ему, что поручикъ пошелъ паверхъ.

Наверху помѣщались фрейлины, привлекавшія къ себѣ не только офицеровъ, но и хорошенькихъ молоденькихъ вахмистровъ и сержантовъ, которые, будучи дворянскаго происхожденія, хаживали къ придворнымъ барышнямъ, и тѣ угощали ихъ шоколадомъ и безешками.

Алеша вспомнилъ миловидную камеръ-юнгферу, которая однажды, когда онъ шелъ по фрейлинскому коридору, или проулку, какъ его называли, подбѣжала сзади, закрыла ему глаза пѣвными

маленькими ручками и весело прошептала: «угадайте, кому вы сейчас правитесь?» а онъ, смущенный и застѣнчивый, изворачиваясь, обнялъ ея гибкій и теплый станъ, испугался своей дерзости, вырвался и убѣжалъ.

Теперь воспоминаніе объ этой камеръ-юнгферѣ заставило его забыть о ста двадцати ступенькахъ, отдѣляющихъ его отъ фрейлинскаго проулка и, въ надеждѣ, при розыскахъ поручика, опять, можетъ быть, встрѣтиться съ шаловливой дѣвушкой, онъ вышелъ на лѣстницу.

Но на этой знакомой ему лѣстницѣ, освѣщенной блѣднымъ свѣтомъ пасмурнаго дня, онъ увидѣлъ толпу камергеровъ, камеръ-юнкеровъ, разныхъ сановниковъ и дамъ, которые все выходили по широкимъ ступенямъ съ чрезвычайной торопливостью, были блѣды, испуганны и молчаливы. Потокъ ихъ не останавливался; они все прибывали изъ вестибюля.

«Что это значитъ?» подумалъ маленькій вахмистръ. Мысли его приняли другое направленіе, и вмѣсто фрейлинскаго коридора онъ самъ пошелъ влѣдъ за толпой подъ предлогомъ осмотра конно-гвардейскихъ часовыхъ, стоявшихъ у дверей четвертой комнаты отъ кавалергардовъ.

II.

Залы дворца были наполнены. Въ воздухѣ стоялъ тревожный шопотъ. Люди, казалось, вдругъ стали маленькими въ этихъ огромныхъ комнатахъ, принижеными, раздавленными. Ближайшія къ Алешѣ лица, когда онъ съ любопытствомъ останавливался на нихъ, выражали отчаяніе, растерянность. Какая-то дама въ сѣдыхъ букляхъ и въ черной шелковой мантильѣ ломала руки. Иные господа съ недоумѣніемъ, еще, повидимому, не зная хорошенько, въ чемъ дѣло, разспрашивали съ любопытствомъ другъ друга. Иные поникали головою и разводили руками.

Алеша спросилъ часового:

— Что произошло?

— Какъ же, вѣдь царица дуба дала,—отвѣчала часовая.

— Не понимаю, что ты говоришь.

— Кажуть, умерла.

— Молчи, несчастный,—приказалъ Алеша, а у самого сердце заколотилось въ груди отъ новости и отъ страха. Передъ этимъ конно-гвардеецъ былъ наказанъ за то, что передалъ товарищамъ слухъ о недомоганіи императрицы, у которой будто бы стали пухнуть ноги.

— Я и то молчу,—продолжала часовая:—да хибя жъ поросенка въ мѣшкѣ можно утаить?

Алеша поскорѣе отскочилъ отъ наивнаго хохла и увидѣлъ въ толпѣ своего поручика. Онъ подбѣжалъ къ начальнику.

— Честь имѣю рапортовать...

— Не нужно, — прервалъ его поручикъ: — а паблуди, чтобы лошади были осѣдланы, замундштучены, и люди готовы на конь.

Изъ внутреннихъ покоевъ вышелъ генераль-поручикъ, похожій на огромнаго кухоннаго мужика, широкоплечій и съ рябымъ лицомъ. Среди шопота громко раздался его властный голосъ. Онъ спросилъ у гофъ-фурьера: «готовъ ли экипажъ?» и въ развалку пошелъ далѣе черезъ залы къ выходу.

Это былъ брата фаворита Николай Зубовъ.

Въ толпѣ догадались, что князь послалъ брата въ Гатчину къ наслѣднику Павлу Петровичу съ печальнымъ извѣстіемъ.

А маленькій вахмистръ не сразу попалъ въ кордегардію. Онъ съ большой лѣстницы побѣжалъ сначала въ фонарикъ, изъ котораго Екатерина любила смотрѣть, склоняясь на локти, на дворцовую площадь въ торжественные дни и кормить пшеницей голубей, которые къ десяти часамъ утра шумно слетались на приманку пестрыми стадами.

Площадь чернѣла отъ экипажей и народа. Но вмѣсто женщины, которая повелѣвала милліонами подвластныхъ ей и улыбалась изъ фонарика заученной, неподвижной, благосклонной улыбкой, теперь смотрѣлъ внизъ юный вахмистръ.

Изъ фонарика онъ черезъ ступеньку добрался все-таки до фрейлинскаго проулка, но тамъ было пустынно. Все замерло. Печать тревожнаго молчанія лежала на всемъ. Казалось, вмѣстѣ со смертью императрицы погасла навсегда въ Зимнемъ дворцѣ и женская ласка.

III.

Въ кордегардіи съ рейтарами сидѣлъ капраль, высокій и стройный красавецъ, и допивалъ свою винную порцію.

— Ну, что, вахмистръ, — сказалъ онъ, опрокидывая кружку: — прошли красные деньки и не будешь ты армейскій капитанъ. Да что такъ на меня смотришь? Очумѣлъ? Не слыхалъ развѣ?

— Слыхалъ и сейчасъ оттуда...

Капраль махнулъ рукой.

— Все полетитъ вверхъ тормашками.

— Эй, рейтары, сѣдлатъ и мундштучить коней и самимъ быть готовымъ на конь! — закричалъ Москалевъ пѣтушинымъ голосомъ, и кордегардія была очищена, и когда онъ остался одинъ съ харчевникомъ, который поставилъ передъ нимъ яичницу, осторожный мальчикъ спросилъ: — А тебѣ откуда извѣстно, капраль?

— А ты видѣлъ матушку?

Алеша сказалъ, что онъ былъ въ залахъ и видѣлъ пародъ, а также слышалъ отъ часового, что царица скончалась, но во внутреннихъ покояхъ не былъ.

— Ну, такъ, значить, ты очень мало знаешь, любезный,—возразилъ капраль:—дѣло въ томъ, что мой своякъ истонникъ кабинета ея величества. Онъ мнѣ сейчасъ подробно все изложилъ, я только что былъ у него, и онъ бутылочкой царскаго вина угостилъ. Нельзя не помянуть. А вотъ какъ все случилось. Пришелъ онъ подложить дровъ въ каминъ. Сталъ подкладывать. А за ширмами, гдѣ приборъ, что-то и захрапи, онъ испугался и уронилъ полѣно. А камердинеръ Захаръ Константиновичъ прибѣжалъ. «Ты что стучишь, прорвы на тебя нѣтъ?» Да и самъ языкъ прикусилъ. Храпѣла, братецъ ты мой, какъ барсъ. Захаръ Константиновичъ заглянулъ за ширмы и ахнулъ. Вбѣжала Марья Саввишна Перекусихина, и стали они ее всѣмъ втроемъ поднимать. А грузна матушка. Насилу оттащили отъ прибора.

— Но, можетъ быть, царица еще жива,—проворчалъ харчевникъ.

Капраль и маленькій вахмистръ примолкли; капраль первый заговорилъ:

— Докторовъ собрали, ничего не могли сдѣлать. Какъ увидѣла Захара Константиновича, взглянула, однако, на него и руку къ сердцу поднесла. Великій князь Александръ Павловичъ на набережной прогуливался, за нимъ скорохода послали. А случилось это, братецъ ты мой, еще вчера!

Алеша и капраль сидѣли и обмѣнивались словами. Черезъ нѣкоторое время капраль сообщилъ ему вполголоса, что князь Зубовъ всю ночь рвалъ и жегъ какія-то бумаги.

То подбѣжить къ царицѣ, заплачетъ, то къ шкатулкамъ, да разныя записочки выискивалъ и что-то въ карманъ къ себѣ клалъ.

Вслѣдъ за яичницей харчевникъ поставилъ на столъ блины и солянку. Появилась бутылка сверхъ положенія. Въ кордегард'и было тихо и, хотя до центра новостей было рукой подать, казалось, что она отрѣзана отъ всего міра. Наконецъ капраль вышелъ, а утомленный вахмистръ растянулся на кушеткѣ и заснулъ.

Его разбудилъ вѣстовой, позвавши его къ офицеру, и предупредилъ, что поручикъ не на гауптвахтѣ, а въ залахъ дворца.

Тамъ, кромѣ прежнихъ, толпились новыя лица.

Поручикъ передалъ Алешѣ запечатанное письмо къ майору конно-гвард'и генераль-майору Васильчикову.

— Доставь какъ можно поспѣшнѣе.

Мальчикъ выскочилъ, сѣлъ на коня, пришпорилъ и помчался. Васильчиковъ былъ дома, потому что проигрался въ пухъ и прахъ въ банкъ.

Алеша взбѣжалъ на лѣстницу и подаль письмо Васильчикову.

А тотъ былъ сердитъ, бѣшенъ, съ красными глазами и со взерошенными на головѣ волосами.

Возлѣ него стоялъ камердинеръ съ пылающими отъ пощечинъ щеками. Баринъ срывалъ злость по поводу проигрыша на слугахъ.

На Алешу онъ закричалъ съ засверкавшими глазами:

— Что ты расшатался какъ...

Но, взглянувъ на печать, не dokonчилъ. Сорвавши же печать и пробѣжавъ письмо, побѣлѣлъ, какъ бѣлое полотно, увялъ, съежился и ласково спросилъ:

— Москалевъ, что тамъ дѣлается?

— Не знаю, ваше превосходительство, большой съѣздъ ко двору. Всѣ залы наполнены. Площадь покрыта толпами народа.

— Скажи же обратно во дворецъ и доложи князю Зубову, что я сію же минуту велѣдъ за тобою буду. Ординарецъ, адъютанта. Малый, одѣваться!

IV.

Зимній дворецъ былъ освѣщенъ, какъ на Свѣтлое Христово Воскресенье. Въ лиловомъ сумракѣ быстро надвинувшатося вечера— было всего четыре часа пополудни—ярко пылали окна дворца. Залы были наполнены народомъ еще плотнѣе. Попрежнему никто громко не говорилъ, и всѣ шептались. Умерла уже Екатерина, или же присутствующіе боялись потревожить послѣднія мгновенія императрицы?

Алеша пробирался въ кавалергардскую комнату, отыскивая своего поручика, и зацѣпился палашомъ за платье молоденькой дѣвушки. Она обернулась, и мальчикъ узналъ знакомую камеръ-юнгферу съ тоненькими пальчиками. Повидимому, роковое событіе нисколько не потрясло ее. По ея кошачьему хорошенькому личику скользнула какая-то розовая улыбка, и свѣтло-сѣрые глаза ея вспыхнули радостью.

— Сегодня я былъ въ фрейлинскомъ проулкѣ,—признался Алеша.

— Зачѣмъ?

— Тамъ было такъ пусто, что я даже испугался.

— Можно сожалѣть, что вы скоро ушли и не поискали меня, сударь,—чуть слышно произнесла камеръ-юнгфера:—а я до вечера сидѣла въ своей комнатѣ и ужаси какъ скучала, потому что боялась.

Она взмахнула рѣсницами въ сторону внутреннихъ покоевъ, и Алеша понялъ, что она боялась мертвой царицы.

Онъ взялъ ея пальчики и торопливо сжалъ.

Въ глазахъ ея запрыгали огоньки.

— Я бѣгу навѣрхъ,—уронила она и исчезла въ толпѣ.

Сердце у Алеши забилося. Онъ увидѣлъ при яркомъ свѣтѣ множества восковыхъ свѣчъ въ громадныхъ люстрахъ и стѣнникахъ, что его камеръ-юнгфера самое прелестное созданіе въ Божьемъ мірѣ и что было бы хорошо, если бы поручикъ не далъ больше никакихъ приказаній.

Въ кавалергардской комнатѣ толкались генералы въ лентахъ и звѣздахъ и статсъ-дамы и фрейлины въ фалболахъ.

Поручикъ спросилъ у Алешы: «исполнено?»

Алеша отпартовалъ отвѣтъ Васильчикова.

— Можешь теперь уходить.

Алеша повернулся и готовъ былъ черезъ ступеньку летѣть въ четвертый этажъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ поднимался по лѣстницѣ, становилось темнѣе и угрюмѣе; фрейлинскій проулокъ казался совсѣмъ погруженнымъ въ темноту.

V.

Камеръ-юнгфера ожидала за дверью.

Ей было не больше четырнадцати лѣтъ. Звали ее Катенькой, и фамилія ея была Мамаева. Отецъ ея былъ изъ однодворцевъ и въ свое время былъ забритъ въ солдаты, но попалъ въ Гатчину на службу къ наслѣднику Павлу Петровичу, и ему приказано было быть барабанщикомъ. А какъ онъ великолѣпно выбивалъ дробь и безукоризненно при этомъ маршировалъ, то обратилъ на себя вниманіе его высочества и въ скоромъ времени произведенъ былъ въ сержанты, поручики, капитаны и, наконецъ, недавно въ полковники, имѣя малое представленіе о російской грамотѣ и никакого о наукахъ, такъ что однажды астролябію принялъ за ругательное слово. Женившись на придворной прачкѣ, онъ дочь свою пристроилъ въ Зимній дворецъ; понравилась Перекусихиной, и, за ея нѣжную бѣлокурую красоту и нѣкоторое сходство съ великой княгиней Елизаветой Алексѣевной, женою Александра Павловича, въ которую влюбленъ былъ Платонъ Зубовъ, она возмѣла на дѣвочку какіе-то виды. О своемъ сходствѣ съ великой княгиней Катенька знала и, по совѣту Перекусихиной, старалась иногда невзначай попасть на глаза фавориту, который страшно горевалъ и вздыхалъ, такъ что огорчалъ императрицу; но Зубовъ ея не замѣчалъ.

Катенька притянула къ себѣ Алешу и, скользя вдоль стѣны, скрылась съ нимъ въ одной изъ комнатъ.

— Хотите быть моимъ тираномъ?—спросила Катенька.

— Избираю васъ своимъ предметомъ,—отвѣчалъ Алеша.

— И будете меня терзать до гробовой доски?!

— Клянусь повязкою амура и златымъ его колчаномъ!

— Дозволь же амуру вонзить стрѣлу въ мое сердце! — воскликнула Катенька.

Она поцѣловала Алешу и хвастливо сказала:

— Вы, сударь, должны знать, что мой папенька, будучи полковникомъ, скоро долженъ сдѣлаться генераломъ, и я зачислена

буду во фрейлины, вслѣдствіе чего и будетъ находиться ваша карьера въ зависимости отъ избраннаго вами предмета... Ахъ, тиранъ мой, злодѣй мой, преступникъ, вампиръ! Больше, чѣмъ когда-нибудь, я стану бояться теперь одиночества, а посему наполни меня своею любовью, чтобы я съ твоимъ образомъ не разлучалась и чтобы тиранство твое на себѣ испытывала всечасно!

VI.

Было темно въ комнатѣ. Молодые люди сидѣли на кушеткѣ.

Такъ какъ Москалевъ изъ хорошей фамиліи и богатъ, то папенька и маменька Мамаевы не станутъ противиться браку Катеньки съ Алешей, но для этого надо послужить и получить, по крайней мѣрѣ, капитанскій чинъ. Она похлопочетъ. Никогда въ голову не приходило Алешѣ, что его увлеченіе камеръ-юнгферой получить такую неожиданную развязку. Ему было страшно, голова его горѣла и во рту пересохло. Катенька, какъ змѣйка, обвивала его шею своими ручками, вскакивала къ нему на колѣни, и онъ чувствовалъ сквозь ея тонкое платье, какъ дрожить ея тѣло. И такъ же внезапно она отодвигалась отъ него и начинала пересказывать придворныя новости и сплетничать о покойной императрицѣ и о томъ, какъ въ высочайшей спальнѣ приходилось прислуживать, вмѣстѣ съ другими молоденькими камеръ-юнгферами, старой царицѣ, съ отежшими ногами и съ трясущимся подбородкомъ, и молодому, красивому, смуглому Платону Зубову, лежавшему на кровати въ собольемъ халатѣ навзничъ, съ тоскующими глазами, устремленными въ потолокъ.

— Вы пай мальчишъ и скромненькій,—стала хвалить Катенька Алешу:—другой молодчикъ на вашемъ мѣстѣ вообразилъ бы себя владыкою живота моего.

Она тихо разсмѣялась и стремительно припала къ нему.

— Нѣтъ, тиранъ, я недовольна тобою? Жги меня, рѣжь меня, терзай мою грудь, какъ коршунъ! Ну, что же, господинъ вахмистръ, вы не разстегнули мундира и даже до сихъ поръ не сняли своего палаша? Не угодно ли дозволить мнѣ самой?..

Тоненькіе пальчики пробѣжали по крючкамъ и пуговицамъ конногвардейскаго мундира, и горячо и порывисто дышала Катенька; но неизъяснимая конфузливость овладѣла Алешей. Онъ не даль разстегнуть ни одного крючка и крѣпко придержалъ палашъ. Его возбужденному воображенію представилось, что по коридору кто-то идетъ величественной походкой: проснулась отъ смертнаго сна и встала Екатерина, и шлейфъ ея платья шумитъ по каменнымъ плитамъ. Онъ вскочилъ въ ужасѣ.

Катенька быстро опомнилась и, стараясь быть спокойнѣе, сказала:

— Вы боптесъ темноты, я и сама боюсь. Но далеко итти за огнемъ. Итакъ, въ самомъ дѣлѣ—прощай, мой скромникъ, мой палачъ! Казнь моя въ твоихъ рукахъ, и, конечно, судьба требуетъ, чтобы мы ее отсрочили, хотя я готова умолять тебя разбойничать надъ моею младостью, восторгаясь твоею твердостью!

Дѣвочка упала передъ вахмистромъ на колѣни и стала цѣловать его руки.

— Скажи, чего хочешь?

Онъ молчалъ.

— Одно слово, истребитель дѣвичьихъ сердець!

— Прощайте, Катенька!

— Прощай, Фоблазъ. Развращенный флорикуръ!

Онъ нагнулся къ ней.

— У меня есть помадка, яблочная пастила и немного токайскаго... хочешь?—продолжала камеръ-юнгфера.—Ничего, что темно, я знаю, гдѣ лежитъ. Помадка направо и тутъ же пастила. А леденцовъ хочешь?

Она отстранилась отъ него, пошарила въ комнатѣ и опять въ темнотѣ вернулась, нашла его ротъ и сунула ему въ губы помадку. Страхъ его разсѣялся, онъ собрался съ духомъ и сталъ уничтожать сласти. Такъ продолжалось четверть часа, по крайней мѣрѣ. Когда же онъ уничтожилъ весь запасъ помадки и пастилы и положилъ леденцы въ карманъ, Катенька поцѣловала его въ сладкій ротъ нѣсколько разъ. Губы ихъ склеивались, и это ей нравилось.

— Ну, теперъ, въ самомъ дѣлѣ, уходи, мучитель,—съ капризнымъ стономъ проговорила она и толкнула его къ дверямъ.—Мы скоро увидимся, не правда ли? Здѣсь же? Завтра? Хорошо? Послѣзавтра? Уходи же наконецъ, а то я упаду на костеръ твоей любви и сгорю, какъ мотылекъ!

Онъ ушелъ.

VII.

Во дворцѣ продолжалась суматоха. Даже часовые стояли не вездѣ на своихъ мѣстахъ. Алеша никакъ не могъ выбраться изъ него. На каждомъ шагѣ останавливали его вниманіе новыя лица. Толпа придворныхъ не только не порѣдѣла, но въ иныхъ залахъ народу было такъ много, какъ въ церкви. Всѣ чего-то напряженно ждали. Изъ внутреннихъ покоевъ вышли секретари императрицы съ скорбными лицами: Дружининъ и Трошинскій. До слуха Алеши долетѣло:

— Нѣтъ надежды.

Трошинскій поднесъ фулярный платокъ къ глазамъ и отвернулся на правую сторону, Дружининъ поднесъ точно такой же платокъ къ глазамъ и отвернулся на лѣвую сторону. Такъ они шли среди толпы, оплакивая государыню.

Жгучее любопытство подмывало Алешу. Онъ пережилъ столько впечатлѣній въ теченіе этого дня! Набравшись смѣлости, онъ проскользнулъ во внутренніе покои велѣдъ за какими-то пышными дамами, и когда подошелъ къ дверямъ, охраняемымъ гофъ-курьерами и арабами, явственно услышалъ зловѣщій храпъ. Но тутъ страшно стало ему, и такъ трудно было проникнуть въ кабинетъ, гдѣ кончалась государыня, что онъ повернулъ назадъ въ залы и, протискавшисъ къ окну, сталъ смотрѣть на дворцовую площадь; многіе уже смотрѣли въ окна, и онъ увлекся общимъ примѣромъ.

Мало-по-малу вся амбразура наполнилась любопытными дамами и кавалерами. Отъ запаха духовъ и пудры кружилась голова.

— Который теперь часъ?—спросилъ кто-то по-французски вполголоса.

— Половина третьяго,—былъ отвѣтъ.

Алеша хлопалъ глазами, но пока не уходилъ. Днемъ въ кордегардіи онъ выспался, и теперь ко сну его не клонило. Хорошенькая Катенька мелькала передъ нимъ во мракѣ ночи, и онъ съ гордостью думалъ о томъ, что теперь, когда соберутся товарищи и станутъ хвастаться своими метрессами, онъ можетъ принять многозначительный видъ и сдѣлать намекъ на обладаніе дѣвушкой, похожей на великую княгиню Елизавету Алексѣевну. Поцѣлуи Катеньки были похожи на конфеты, онъ чувствовалъ еще во рту ихъ сладость. Потомъ его заняла судьба леденцовъ, которые, можетъ быть, уже растаяли въ карманѣ. И такъ какъ никто на него не смотрѣлъ, онъ досталъ одинъ леденецъ и отправилъ его въ ротъ. Но противная горечь заставила его тихонько выплюнуть леденецъ и съ досадой вспомнить, что у него въ карманѣ былъ табакъ кнастеръ, который онъ хотѣлъ пріучиться курить и не могъ. Въ довершеніе всего, образъ хрипящей императрицы какъ-то неотступно примѣшивался ко всѣмъ его впечатлѣніямъ и размышленіямъ.

Вдругъ изъ Луговой Милліонной выѣхала карета, запряженная десятью лошадьми въ нѣсколько паръ. На козлахъ черные силуэты держали зажженные факелы. Съ такими же факелами, пылавшими дымнымъ пламенемъ и разбрасывавшими искры, стояли люди на запяткахъ кареты.

— Ыдетъ!—мгновенно пролетѣло по залѣ.

— Кто?

— Онъ!

— Ыдетъ! Ыдетъ!

Залы зашумѣли. Всѣ отхлынули отъ оконъ. По паркету зашаркали сотни ногъ. Одни придворные стремглавъ убѣгали, чтобы не попасться на глаза тому, кто ѣдетъ; другіе старались выступить впередъ. При яркомъ свѣтѣ восковыхъ свѣчей можно было замѣтить, какъ на нѣкоторыхъ лицахъ выдавилась подобострастная

улыбка. По дорогѣ отъ главныхъ дверей ко внутреннимъ покоемъ внезапно образовалась широкая дорога, потому что всѣ разступились.

Черезъ нѣсколько мгновений воцарилась мертвая тишина. Настроеніе передалось Алешѣ, и сердце его стало больно сжиматься, а между бѣльемъ и тѣломъ заползали ледяныя мурашки.

Муха пролетѣла—было бы слышно.

Точно сами собой распахнулись двери, и вошелъ курносый темноглазый и съ длиннымъ большимъ ртомъ, въ старинномъ прилизанномъ парикѣ съ косичкой Павелъ Петровичъ. Онъ былъ въ узенькомъ гатчинскомъ синемъ мундирѣ. На парикѣ его съ косою сидѣла треугольная большая шляпа съ галуномъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ палку и опирался на нее, а рука была въ перчаткѣ съ большими раструбами. Онъ шелъ слегка подпрыгивающей походкой, и на немъ были огромные смѣшные ботфорты, которыхъ никто не носилъ, такъ что Алешѣ онъ показался страшнымъ котомъ въ сапогахъ, который сейчасъ взойдетъ на русскій престолъ. Шпага его была привязана сзади и болталась между фалдъ кафтана.

За Павломъ Петровичемъ, нѣсколько поодаль, въ такомъ же мундирѣ, въ такихъ же перчаткахъ, въ такихъ же ботфортахъ и въ такой же шляпѣ, некрасивый, высокій, съ оливковыми щеками, подпрыгивалъ Аракчеевъ. За Аракчеевымъ шелъ маленькій толстолицый Котлубицкій, а за Котлубицкимъ Ратьковъ—съ плоской физиономіей.

Они, какъ и Павелъ Петровичъ, маршировали размѣреннымъ потѣшнымъ шагомъ, точно они были заведенные и пущенные впередъ автоматы. Павелъ Петровичъ быстро, не останавливаясь, дошелъ до дверей кабинета и исчезъ за ними. А три его наперсника остановились среди залы на очистившейся дорогѣ и замерли въ неестественныхъ боевыхъ позахъ, какъ деревянные куклы. Страшное безмолвіе не нарушалось. Никто не пошевелился. Среди придворныхъ мундировъ и цвѣтѣвшихъ французскихъ кафтановъ гатчинскіе костюмы временъ ораніенбаумскихъ увлеченій Петра Оедоровича производили дикое впечатлѣніе. Но они знаменовали собою новые порядки. Эти странные уроды, эти три смѣшныхъ человѣка представляли собою зарю ближайшаго будущаго. Казалось, они говорили: «Смотрите на насъ и помните, что вы всѣ должны быть такими же съ завтрашняго дня, и горе тѣмъ, кто не подойдетъ и не пожметъ намъ руку».

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Неизвѣстно, что дѣлалось за дверями кабинета. Тихо горѣли восковые свѣчи въ золотыхъ люстрахъ. Аракчеевъ, Котлубицкій и Ратьковъ застыли, какъ изваянія, и только ворочали глазами.

Вдругъ изъ толпы придворныхъ отдѣлились три фигуры и, кланяясь и шаркая ногами, съ самой утонченной граціей, какая

была принята въ салонахъ Екатерины, подошли къ гатчинскимъ деревяннымъ кукламъ и стали имъ рекомендоваться.

Примѣру ихъ послѣдовали другіе.

Темные глаза Аракчеева забѣгали во все стороны, и Алешѣ показалось, что взглядъ его остановился на немъ.

Юный вахмистръ перешелъ на другую сторону, поспѣшилъ къ выходу, спустился по лѣстницѣ и покинулъ Зимній дворецъ.

VIII.

До пяти часовъ утра въ комнатахъ передъ кабинетомъ императрицы находились: великій князь Александръ Павловичъ и княжны Александра и Елена Павловны. Въ креслахъ сидѣли любимцы Екатерины. Старый графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ пріѣхалъ передъ этимъ недавно изъ Москвы и добился новыхъ милостей императрицы, для которой онъ когда-то готовъ былъ пожертвовать своею жизнью, а пожертвовалъ жизнью Петра Федоровича. У Платона Зубова были заплаканы глаза. Нѣкоторые старые вельможи, какъ гофмаршалъ Барятинскій, сидя, дремали, причемъ казалось, что они бодрствуютъ—съ такимъ этикетомъ умѣли они себя вести. Живой и подвижный, великій князь Константинъ Павловичъ бросался во все комнаты и разговаривалъ съ Аракчеевымъ и съ Ратьковымъ.

— Ея величество,—объявлялъ онъ,—еще хрипитъ, но уже тише! Ну, какъ вы думаете—теперь нашимъ гатчинцамъ малина?

Потомъ вбѣгалъ къ умирающей и прислушивался къ ея хрипу.

Все обратили вниманіе, что лампадка, горѣвшая передъ образомъ св. Екатерины, стала гаснуть. Пламя едва вспыхивало, дрожало, трепетало, вытягивалось и снова падало, обезсиленное. Наконецъ лампадка издала трескъ и всецѣмъ погасла. Павелъ нагнулся къ матери и озабоченно произнесъ, перекрестившись:

— Скончалась.

Лейбъ-медикъ приложилъ зеркало къ губамъ Екатерины—не дышала.

Императрица умерла, но при смѣнѣ дворцоваго караула велѣно было въ барабаны не бить и въ трубы не играть.

Весь Петербургъ уже былъ въ смятеніи: быстро распространилась роковая вѣсть. Вокругъ Зимняго дворца поднялся плачъ простыхъ женщинъ. Это были жены дворцовыхъ служителей: истопниковъ, кухонныхъ мужиковъ, полотеровъ, дворниковъ, трубочистовъ. Они причитали и рыдали, такъ какъ боялись, что теперь всехъ ихъ прогонятъ и вмѣстѣ съ мужьями онѣ останутся безъ куска хлѣба.

Многіе солдаты тоже плакали и говорили:

— Отжили наши красные дни. Замордуютъ насъ теперь.

О гатчинскихъ палкахъ все знали въ Петербургѣ и еще недавно смѣялись надъ гатчинской скуловоротной дисциплиной, и Гатчина казалась лежащей гдѣ-то далеко за прѣѣлами русскаго царства...

IX.

Утромъ 6-го ноября вахмистры снова были посланы къ Зимнему дворцу; но, пустившись по набережной, должны были вернуться и проѣхать другою дорогою; набережная была занята Измайловскимъ полкомъ, выстроившимся тремя батальонами и загородившимъ дворцовый подъѣздъ.

Павель Петровичъ вышелъ на подъѣздъ какъ разъ въ то время, когда Алеша только что спустился съ парадной лѣстницы съ штандартомъ.

Онъ услышалъ, какъ Павель Петровичъ, страшно блѣдный, съ испугомъ спросилъ, глядя на измайловцевъ съ тягучей улыбкой:

— Что это значитъ? Зачѣмъ они тутъ? Кто распорядился поставить ихъ на набережной?

Майоръ Арбеневъ лихо соскочилъ съ коняи, подбѣжавъ къ Павлу Петровичу, громогласно прокричалъ круглымъ, какъ бубликъ, ртомъ:

— Всемилостивѣйшій государь, Измайловскій полкъ здѣсь, готовъ присягать вашему величеству!

Легкая краска выступила на щекахъ новаго императора; въ первый разъ прозвучали передъ нимъ два магическихъ слова: «ваше величество». А онъ былъ уже пожилымъ человѣкомъ. Онъ живо протянулъ обѣ руки къ Арбеневу и, обнимая его, дружески проговорилъ:

— Люблю васъ, Иосифъ Евлевичъ, я всегда былъ увѣренъ въ вашей вѣрной службѣ.

Конная гвардія долго не являлась, затертая пѣшими гвардейскими полками.

Опять блѣдность разлилась на лицѣ Павла Петровича, и улыбка растянулась до ушей. Онъ стоялъ на подъѣздѣ, какъ призракъ старыхъ временъ, въ перчаткахъ съ раструбами, въ узенькомъ прусско-голландскомъ мундирѣ, въ ботфортахъ и въ большой треугольной шляпѣ, изъ-подъ которой на плечи спускалась косичка съ бантомъ. Онъ былъ окруженъ генералитетомъ, гатчинскими любимцами, великими князьями и разными другими великими міра сего.

— Что же это мои конногвардейцы такъ долго копаются?— спрашивалъ онъ съ притворнымъ спокойствіемъ.

Но подсказалъ майоръ конной гвардіи генераль Васильчиковъ и всеподданнѣйше донесъ, что полкъ принялъ присягу его величеству.

— А почему опоздали?

— Измайловцы затерли, ваше величество.

Павель засмѣялся.

— Не я, Арбеневъ васъ заморозилъ!

Штандарты, взятые изъ дворца, вахмистры должны были привезти обратно.

Аракчеевъ ожидалъ ихъ на площади. Тутъ же былъ и Ратьковъ.

— Штандарты надо держать вотъ такъ! Канальи! гдѣ вы учились?—кричалъ Аракчеевъ.

— Штандарты надо подавать государю вотъ такъ!—кричалъ Ратьковъ.—Черепахи! Дряни!

Полкового адъютанта Аракчеевъ, подбѣжавъ, повернулъ во всѣ стороны и, наконецъ, толкнулъ:

— Стоять не умѣете!

Алеша встрѣтился глазами съ товарищемъ Офросимовымъ. Тотъ прищурилъ одинъ глазъ въ сторону Аракчеева.

— Маршъ!—крикнулъ Аракчеевъ, топнувъ ногой.

Но гатчино-голштинской команды никто не понималъ. Екатерининскіе офицеры командовали: «ступай!»

Аракчеевъ повторилъ:

— Штандартъ-юнкеры, впередъ маршъ!

Тотъ же никто не понялъ, потому что такого званія въ полку не существовало.

Оливковое лицо Аракчеева пожелтѣло, и на губахъ заклубилась лѣна. Онъ закричалъ во все горло:

— Шуты гороховые! Ракаліи! Что же вы не маршируете? Впередъ маршъ!

Такъ какъ онъ самъ, маршируя, пошелъ впередъ, то вслѣдъ за нимъ двинулись, наконецъ, и вахмистры.

Торжественно взошли они на подъѣздъ и вступили въ кабинетъ императора. Павель Петровичъ стоялъ на серединѣ комнаты съ озабоченнымъ видомъ. Онъ серьезно относился къ церемоніи. Перчатки съ раструбами были у него на рукахъ, шляпа на головѣ, онъ былъ подпоясанъ шарфомъ, ноги исчезали въ огромныхъ ботфортахъ, и сзади между фалдами смѣшно торчала шпага... Отъ вахмистровъ онъ принялъ штандарты и приставилъ ихъ къ стѣнѣ. Аракчеевъ прокричалъ команду. Церемонія кончилась.

Х.

Было приказано вахмистрамъ никуда съ квартиръ не отлучаться. Вахмистры обидѣлись. Они привыкли къ свободѣ. Всякій отлучался, когда хотѣлъ и куда хотѣлъ. Прошелъ день.

— Ну, братъ, это ужъ какія-то новости!—сердито сказалъ Офросимовъ и одѣлся въ штатское платье.

— Что жъ, и я пойду съ тобой,—сказаль Алеша:—я дворянинъ.

Обоихъ вахмистровъ нельзя было узнать, когда они очутились на Невской набережной. На головѣ у нихъ были надѣты конфедератки, а на французскіе кафтаны свои они натянули теплые сюртуки съ круглымъ воротникомъ. Алеша любилъ пофрантить, и воротникъ у него былъ соболій. Офросимовъ объявилъ Алешѣ со смѣхомъ, вдругъ остановившись:

— Ну, прощай, гусь свиньѣ не товарищъ.

На его старообразномъ блѣдномъ лицѣ появилось загадочное и хвастливое выраженіе.

— Я давно обѣщаль у ней быть, но обстоятельства сложились такъ, что не было ни минутки свободнаго времени, — поясниль онъ.

Обыкновенно Алеша, когда Офросимовъ заводилъ рѣчь о своихъ побѣдахъ надъ женщинами, смотрѣль на него, какъ мальчикъ на взрослого, и завидоваль ему. Но теперь онъ довольно равнодушно выслушаль товарища и не сталъ его спрашивать.

— Что жъ, если я гусь,—возразиль онъ не безъ ехидства:—то, значить, я тебѣ, дѣйствительно, не товарищъ.

— Если бы ты зналь, какая мамочка!—вскричаль Офросимовъ.— Живеть она на Фонтанкѣ... Надо тебѣ сказать, ее содержитъ нашъ майоръ Васильчиковъ. Только ты, ради Бога, не проболтайся, Если я иду къ ней такъ смѣло, то знаю часы, потому что майоръ бываетъ въ это время у французенки... Вотъ будетъ штука, когда и я съ французенкой снохаюсь. Ты любишь, Алеша, какихъ женщинъ? Не правда ли, большихъ? А свою просто обнять не могу.

— Ну, прощай, —протянулъ Алеша еще разъ.

— Да что съ тобою, пріятель?—вскричаль Обросимовъ.—Ужъ не вошелъ ли ты въ случай при новомъ императорѣ?

Алеша многозначительно промолчаль и невольно повернулъ голову по направленію къ Зимнему дворцу, испустивъ тихій вздохъ.

— Те, те, те! Ты разсѣянъ, слушать меня не хочешь!

— Такое ли теперь время!—произнесъ Алеша.—Смотри, какъ бы намъ не влетѣло еще за то, что мы сегодня отлучились!

Офросимовъ указаль глазами на дрожки, на которыхъ, сидя верхомъ, ѣхаль въ такомъ же модномъ тепломъ сюртукѣ и въ такой же конфедераткѣ со смушковымъ околышемъ конногвардейскій поручикъ Ялковичъ.

— На міру и смерть красна!—сказаль Офросимовъ.—Такъ неужели ты обзавелся метрессой?

— Нѣтъ у меня никакой метрессы,—возразиль Москалевъ.

— Злодѣй, развращенный флорикуръ! По глазамъ вижу, что есть! Ну, ладно, вижу, что съ тобой откровенничать нельзя, а я при тебѣ разоврался.

Офросимовъ простился и сталъ пересѣкать мостовую, выложенную огромными квадратными камнями.

Алеша смотрѣлъ ему вслѣдъ и чуть не крикнулъ: «вернись, я разскажу тебѣ все». Но воздержался и прикусилъ языкъ. Когда Офросимовъ исчезъ изъ виду, Алеша пошелъ впередъ, думая о томъ впечатлѣннн, которое онъ произведетъ на Катеньку, если явится къ ней въ настоящемъ соболѣемъ воротникъ, за который онъ запла- тилъ восемьдесятъ рублей, тогда какъ у Офросимова воротникъ изъ польскаго бобра и стоитъ всего пять рублей.

XI.

У Лѣтняго сада, рѣшетка котораго сверкала червоннымъ золо- томъ, Алеша взошелъ на крутой мостъ, перекинутый черезъ Лебяжью канаву, и съ высоты его увидѣлъ близъ Мраморнаго дворца толпу будочниковъ и полицейскихъ служителей, которые громко и нагло хохотали. Въ воздухѣ надъ ними летали клочки мѣха и сукна и падали на улицу. Алеша остановился и увидѣлъ, какъ одинъ бу- дочникъ сорвалъ съ проходившаго господина шляпу и сталъ ее рвать. Потомъ господина заставили снять верхннй скюртукъ и мгно- венно срѣзали воротникъ.

«Что же это происходитъ?» подумалъ Алеша, и его ударило сна- чала въ жаръ, а потомъ въ холодъ.

Офицеръ въ штатскомъ, ѣхавшнй на собственной «гитарѣ», счастливо проскочилъ: кучеръ лихо сталъ настегивать лошадей и скрылся. Но зато почтенный старикъ, показавшнйся изъ-за угла, былъ схваченъ, и у него огромными ножницами, которыми стригутъ барановъ, отрѣзали полы шинели, а шляпу разорвали на двѣ по- ловины. Старикъ такъ перепугался, что побѣжалъ, какъ молодень- кнй. Добѣжавши до Алешн, онъ сказалъ со слезами на глазахъ, стуча зубами:

— Государь мой, спасайтесь! Вышло повелѣнне благовѣрнаго государя нашего Павла Петровича рѣзать у всѣхъ фалды и рвать круглыя шляпы! Погибнетъ воротникъ вашъ!

— А если обойти кругомъ?—спросилъ смущенный и перетрусив- шнй Алеша.

— Попробуйте, но вездѣ уже дѣйствуетъ высочайшая воля, и черезъ нѣсколько засадъ я проскользнулъ, поспѣвая къ боль- ной дочери и полагая, что старость моя пощажена будетъ, но по- палъ, наконецъ, въ руки строгихъ исполнителей монаршаго указа. Увы мнѣ!

Видъ у старика былъ самый плачевный: вылѣзла вата изъ его шинели, болтались куски сукна. вѣтеръ обдувалъ его открытую голову.

Алеша повернулъ назадъ.

— Торопись, франтикъ,—началъ опять старикъ:—поскорѣе раздобудь треугольную шляпу да сними воротникъ. Ахъ, госу- «постор. вѣсти.», январь 1912 г., т. сxxvii.

дарь мой, государь мой, какъ обрадуется дочь моя, увидѣвши меня въ такомъ состояніи.

Вдругъ грохотъ, подобный стопушечному залпу, потрясъ землю и далеко прокатился по Невѣ.

Алеша весь затрясся и остановился. Старикъ тоже остановился, и мысли его на время были отвлечены отъ его изуродованной шинели.

— Государь мой,—сказаль онъ:—какъ вы полагаете, услышанный нами феномень что знаменуетъ собой?

Алеша молчалъ, онъ не могъ еще оправиться отъ страшнаго впечатлѣнія. Онъ только тяжело дышалъ. Опять послышался не столь уже громкій трескъ и грохотъ. Можно было подумать, что на землю съ неба упали многія сотни сажень дровъ.

— По высочайшему повелѣнію,—кратко и почти весело объявилъ старикъ,—разрушается любимый усопшею Екатериною театръ на Царицыномъ лугу, который предназначается впредь для военныхъ экзерцицій и муштръ. Пойдемте, однако, скорѣе! Да,—продолжалъ старикъ:—дождалсь мы императора. Я помню еще времена Петра Ѳедоровича, муштровавшаго и военныхъ и штатскихъ... Ожилъ, ожилъ великій Петръ Ѳедоровичъ въ лицѣ еще болѣе великаго Петра Петровича, самодержавнаго императора всея Россіи, шутка сказать!

Старикъ и юноша уторопленнымъ шагомъ пошли по набережной.

— Тебѣ куда же, собственно, нужно было, франтикъ?—ласково спросилъ старикъ черезъ нѣкоторое время.

— Въ Зимній дворець,—уныло отвѣчалъ Алеша Москалевъ.

— Дѣло твое не выгорить,—рѣшительно сказалъ старикъ.— У Зимняго дворца какъ разъ должна производиться самая большая стрижка. Жаль мнѣ тебя, но не впускать твою милость въ Зимній дворець!

— А вы далеко идете?—спросилъ Алеша, взглянувъ на жалкаго старика.

— По ту сторону Фонтанки лежитъ цѣль моего путешествія,—отвѣчалъ старикъ.

XII.

Они благополучно подошли къ двухъэтажному домику, и старикъ дернулъ за ручку звонка. Черезъ минуту наружная дверь сама собою раскрылась, и старикъ сказалъ:

— Поспѣшно входите, государь мой, и будьте моимъ гостемъ, ибо уповательно, что въ дома врываться не будутъ, хотя ни за что поручиться нельзя. Поднимитесь по лѣстницѣ, а я затворю дверь.

Лѣстница вилась полукругомъ вдоль стѣны. Алеша замѣтилъ, что подъ лѣстницей былъ запертый входъ, очевидно, въ первый

этажъ, окна котораго были снаружки закрыты ставнями. Старикъ внушалъ ему довѣрiе, или, можетъ быть онъ дѣйствовалъ на него силою воли. Алеша покорно поднялся по лѣстницѣ. А старикъ сбросилъ съ себя изуродованную шинель въ уголь, и тамъ же нашли себѣ мѣсто остатки его круглой шляпы.

Догнавши Алешу, остановившагося у двери во второй этажъ, старикъ благодушно сказалъ вполголоса:

— Я нарочно оставилъ свои лохмотья внизу подъ лѣстницей, чтобы не перепугать семью моей дочери. А когда я войду вмѣстѣ съ такимъ молодчикомъ въ комнаты, то никто не обратитъ вниманiя, что я въ одномъ фракѣ и съ открытой головой!

Онъ отеръ глаза шелковымъ платкомъ и сталъ прихорашиваться. Старикъ былъ очень тощъ, но гибокъ и даже свѣжъ.

— У насъ вамъ придется просидѣть до вечера, дабы скрыться домой, когда стемнѣетъ, и если вы любите чтенiе, то развлеченiя вы найдете много.

— Какъ дверь могла открыться сама собой?—полюбопытствовалъ Алеша.

— А, по данному мною звонку, служанка, которая вонъ смотритъ на насъ въ щель, дернула проволоку—и въ томъ вся премудрость.

Алеша еще разъ съ любопытствомъ окинулъ взглядомъ фигуру старика и вошелъ въ переднюю.

Горничная сняла съ Алеши его сюртукъ съ собольимъ воротникомъ, нынѣ преступнымъ, и ему почудилось, что изъ боковой комнаты на него посмотрѣла тоже въ щель изъ-за прiотворенной двери другая пара чьихъ-то яркихъ глазъ. А старикъ скользнулъ въ правую дверь со словами:

— Слѣдуй за мною, молодчикъ!

Когда же Алеша вошелъ въ эту комнату, убранную простой берестовой мебелью и уставленную такими же полками, до самаго потолка набитыми книгами въ кожаныхъ переплетахъ съ золотыми тисненiями, старикъ сказалъ:

— Вы въ домъ Никифора Степановича Меркулова, женатаго на дочери моей Натальи Петровны, а я Петръ Сергѣевъ сынъ Миллеръ.

— Имѣю честь наименоваться,—вѣжливо кланяясь, сказалъ Алеша и назвалъ себя.

— Если отецъ вашъ изъ Валдайскаго уѣзда и зовутъ его по отчеству Никаноровичъ?...

— Такъ точно, его зовутъ Филимономъ Никаноровичемъ...

— То онъ мой большой прiятель!—прссiявъ, вскричалъ старикъ:—и только третьяго дня я получилъ отъ него письмо съ просьбой навѣдаться въ казармы конной гвардiи и узнать, какъ пожи-

ваетъ его чадушко Алексѣй Филимоновичъ—да за недосугомъ не успѣлъ, виновать!

Алеша крѣпко схватилъ за руку Миллера.

Старикъ досталъ изъ кармана бумагу со слѣдами восковой печати.

— Письмо родителя твоего при мнѣ, и ты можешь его прочитывать, пока я навѣдаюсь къ своей дочери.

Крикъ новорожденного младенца, донесшійся изъ дальнихъ комнатъ, объяснилъ Алешѣ, какая болѣзнь у дочери старика.

— Не могу достаточно надивиться странному стеченію обстоятельствъ!—проговорилъ Алеша.

Миллеръ улыбнулся доброй улыбкой.

— Удивляться нечему, и теперь я понимаю,—сказалъ онъ:— почему будочники должны были отрѣзать у меня фалды, такъ какъ Провидѣніе назначило меня для спасенія юноши, заботы о которомъ только что возложилъ на меня его родитель, или, по русской пословицѣ: «нѣтъ худа безъ добра»,—заклучилъ онъ и на цыпочкахъ зашагалъ въ комнаты.

А Алеша, оставшись одинъ, пробѣжалъ письмо, написанное знакомымъ почеркомъ. Дѣйствительно, отецъ просилъ Миллера прослѣдить, что дѣлается въ Петербургѣ Алеша, и обо всемъ подобно отписать въ Валдай. Живо представилась мальчику Катенька во фрейлинскомъ проулкѣ съ помадкой и леденцами, и онъ густо покраснѣлъ.

И опять, когда онъ поднялъ глаза, они встрѣтились на высотѣ его роста съ яркими глазами другого существа, наблюдавшаго его изъ-за дверей и немедленно исчезнувшаго, какъ и въ тотъ разъ.

Алеша сѣлъ на берестовый стулъ и сталъ смотрѣть въ окно на Фонтанку и на Лѣтній садъ.

XIII.

Минуть черезъ пять въ комнату съ книгами вошелъ объ руку съ человѣкомъ среднихъ лѣтъ и въ мерлушечьемъ халатѣ Петръ Сергѣевичъ и сказалъ Алешѣ:

— У меня родился внукъ и находится въ добромъ здоровѣ, а Никлфоръ Степановичъ его счастливый отецъ, которому надо же рассказать причину, сударь, вашего здѣсь присутствія.

Меркуловъ отвѣтилъ на поклонъ Алеши, а старикъ осторожно передалъ, что дѣлается на улицахъ Петербурга. Но Меркуловъ зналъ уже о высочайшемъ повелѣніи, и когда упомянуто было объ Алешѣ, какъ о сынѣ Филимона Никаноровича, онъ значительно привѣтливѣе взглянулъ на юношу.

— Такъ, такъ, такъ, разумѣется,—сказалъ онъ.—Необходимо принять мѣры къ отысканію узаконенныхъ шляпъ—и мнѣ пришла

благая мысль: такъ какъ театръ на Царицыномъ лугу разрушается, а тамъ былъ складъ потѣшныхъ костюмовъ для актеровъ, то не послать ли намъ Никиту и, хотя бы дорогою цѣною, пріобрѣсть нѣсколько треуголокъ изъ упраздненнаго гардероба?

Онъ сейчасъ же всталъ, вышелъ въ переднюю, сдѣлалъ соответствующее распоряженіе и вернулся. Нельзя было прочитать на его гладкомъ бритомъ лицѣ съ темными глазами и круглымъ ртомъ, говорить ли Меркуловъ серьезно, или шутить:

— Государи мои, — продолжалъ онъ: — мы живемъ въ такое время, когда участь людей зависитъ не отъ нихъ самихъ, не отъ разума, не отъ закона, не отъ обычая, а отъ прихоти одного лица, облеченнаго неимовѣрною властью и помазаннаго невѣжествомъ черни, которая сильнѣе самихъ небесъ и для того сказано, что мужикъ Бога слопаеть, выражаясь подлымъ штилемъ. Круглая шляпа преслѣдуется нынѣ, а треуголка могла бы преслѣдоваться вчера, и неизвѣстно, что послѣдуетъ гоненію завтра. Усоншая государыня наша поощряла собольи воротники и французскіе фраки. Но ея многочисленныя достоинства не помѣшали ей простереть святотатственную руку на образованность и просвѣщеніе и погасить факель науки въ рукѣ Новикова и разбить зеркало правды, которое держалъ Радищевъ. Она же, достойнѣйшая монархиня, залила кровью польскую республику и приказала не принимать жалобъ отъ крестьянъ на ихъ злыхъ помѣщиковъ. А вопіющія преступленія ея генераль-губернаторовъ и губернаторовъ до того ужасны, что языкъ прилипаетъ къ гортани, и, однакоже, они оставались безнаказанными и удаивались, сіи разбойники и кровопійцы, высочайшихъ благосклонныхъ улыбокъ и почетныхъ награжденій! И такъ, хотя и грустно, что граждане русскіе должны носить треуголки, а не круглыя шляпы, и не имѣть фалды и воротниковъ, но если симъ все ограничится, можно тому съ великою охотою подчиниться и апплодировать, ибо лучше лишиться воротника, чѣмъ человѣческаго права благородно мыслить и чувствовать.

Первый разъ въ жизни слышалъ Алеша такую рѣчь. Иначе въ Петербургѣ объ Екатеринѣ не говорили, какъ съ величайшимъ уваженіемъ. У ней были только добродѣтели, и пороковъ ея никто не касался. Алеша былъ того мнѣнія, что Екатерина пользовалась любовью подданныхъ и только сѣяла добро: при ней процвѣтали науки, искусства, словесность, господствовали законы, и ни одинъ чиновникъ не злоупотреблялъ своею властью, а крестьяне благоденствовали подъ отеческимъ управленіемъ помѣщиковъ. О какихъ преступленіяхъ правителей говорить Никифоръ Степановичъ? Чувство обиды за Екатерину поднялось въ душѣ мальчика; онъ не смѣлъ вступить въ споръ со старшимъ себя, но въ глазахъ его отразилось его душевное состояніе.

Меркуловъ взглянулъ на него и сказалъ:

— Какъ вы думаете, сударь мой, Алексѣй Филимоновичъ, разбойникъ ли тобольскій губернаторъ Чичеринъ, который, по благоусмотрѣнiю и изволенiю своему, привязывалъ сосланныхъ патріотовъ польскихъ и другихъ челоувѣковъ, имѣющихъ образъ и подобіе Божіе и природныя права, по дюжинѣ къ толстымъ бревнамъ и низвергалъ ихъ съ крутизны въ волны Иртыша, искалѣченныхъ и размозженныхъ? Развѣ у князя Платона Зубова черезъ Грибовскаго, у Салтыкова черезъ Волинскаго, у Самойлова черезъ Ермолова и у кого хотите изъ екатерининскихъ вельможъ нельзя было купить за деньги что угодно? Истинно говорю вамъ, что Терскій и Шишковскій у насъ, а въ Москвѣ Черединъ столько же замучили народа, что въ неистовствѣ своемъ и жестокосердiи могутъ уже сравняться съ Пугачевымъ. Пьяница Нащокинъ въ Симбирскѣ самовольничалъ такъ, что на вечерахъ у помѣщиковъ хваталъ дѣвицъ и сажалъ къ себѣ на колѣни и самое худое съ ними учинялъ тутъ же. Якоби грабилъ Сибирь, какъ Батый. Когда лакей казанскаго генераль-губернатора князя Мещерскаго похвастался своею короткостью съ княжною, она велѣла его сжечь въ кабакѣ, и черезъ то вся Казань сторѣла. Могу ли всѣхъ перечислить? Имъ числа нѣтъ. Шаху персидскому, пріѣхавшему въ Астрахань на кораблѣ съ своими сокровищами, кавказскій Потемкинъ велѣлъ отрубить руки и потопить вмѣстѣ съ семействомъ его въ морѣ, а богатствомъ его овладѣлъ—жемчугами, золотомъ и серебромъ... Премудрая, премилосердая и челоувѣколюбивая мать отечества Екатерина не учиняла гоненія на шляпы, но не учиняла и непріятности никому изъ окружающихъ ее злодѣевъ.

Алешу стала бить лихорадка. Съ тою впечатлительностью, какая свойственна ранней молодости, онъ отъ недовѣрія быстро перешелъ къ довѣрiю и сочувствiю, и рассказъ о несчастномъ персидскомъ шахѣ возмутилъ его до слезъ.

— Но, можетъ быть, императрица была въ невѣдѣнiи?—робко спросилъ онъ.

— Отнюдь нѣтъ. Преступно взойдя на тронъ Россійской имперiи, добродѣтельная государыня хорошо постигала въ своей неизреченной мудрости, что тогда только она будетъ счастливо и спокойно держать скипетръ въ десницѣ своей, когда съ многоглавою гидрою, терзающею государство наше, она будетъ жить въ добромъ согласiи. Послѣ неслыханнаго злодѣянiя своего Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, напротивъ, благополучно скончался въ Москвѣ и погребенъ въ монастырѣ со всѣми почестями.

Алеша всталъ и прошелся по комнатѣ.

Миллеръ же сказалъ:

— Будемъ ждать попечительности о наукахъ и неукоснительной справедливости отъ великаго монарха, въ день восшествiя на пре-

столь предковъ ознаменовавшаго сіе радостное событіе истребленіемъ моею круглой шляпы и порчею шинели.

Меркуловъ хотѣлъ возразить тестю, но въ передней запрыгаль звонокъ, и внизу во входную дверь раздался страшный стукъ, такъ что всѣ вздрогнули.

XIV.

Какъ разъ вернулся Никита съ тремя преогромными бутафорскими шляпами и сказалъ впопыхахъ:

— Даль по рублю за каждую, а пригодились бы зыбки эти у насъ въ деревнѣ—на огороды ставить.

— Крикни Акулинѣ дверей не отворять!—приказаль Миллеръ, которому представилось, что будочники прослѣдили, куда вошелъ онъ съ Алешей, и теперь хотять отрѣзать-таки соболій воротникъ.

— Кто стучить?—съ безпокойствомъ за жену и новорожденнаго спросилъ Меркуловъ.

Никита со всѣхъ ногъ бросился по лѣстницѣ и вернулся съ отвѣтомъ:

— Баринъ, казенные маляры пришли и требуютъ лѣстницу!

Онъ съ огорченіемъ растянулъ подобранную имъ въ сѣняхъ изрѣзанную шинель Петра Сергѣевича.

— Батюшки!

— Не трогай!—сказаль старикъ и выхватилъ у него шинель.— Вышла новая мода, Никита, и строго приказано ее соблюдать; а ты сбѣгай за Ванькой портнымъ, и пусть онъ подрубить сукно, справившись съ казенными образцами. Но опять стучать!

— Какая-нибудь еще новость,—сообразилъ Меркуловъ, между тѣмъ какъ Алеша высунулъ голову изъ форточки и, посмотрѣвъ внизъ, сказалъ съ тревогой:

— Ихъ нѣсколько человѣкъ, и они съ кистями и съ тремя ведрами краски—черною, красною и бѣлою.

— Лѣстницу! Эй!—закричалъ, увидѣвъ Алешу, полицейскій служитель.

Никита уже былъ во дворѣ и изъ калитки тащилъ стремянку.

Меркуловъ выглянулъ вслѣдъ за Алешей.

— Работаютъ.

Считая же для себя безопаснымъ въ качествѣ домовладѣльца ближе взглянуть на работу, какъ только маляры удалились черезъ какихъ-нибудь полчаса, спустился внизъ. Когда отворились двери, сильно запахло скипидаромъ. Всѣ на улицѣ отошли на нѣсколько шаговъ, и глазамъ ихъ представилось: двери были наскоро окрашены косыми полосами въ перемежку, черными, бѣлыми и красными. Домъ рядомъ уже пестрѣлъ точно также. Ставни тоже были окрашены и фундаменты.

Миллеръ недоумѣвалъ, глядя слезящимися глазами на подъѣзды. Меркуловъ сказалъ:

— Мелочи, конечно, несносны, но онѣ тѣмъ хороши, что отвлекаютъ отъ крупныхъ дѣлъ, и благо тѣмъ странамъ, гдѣ монархи тиранство свое дальше не простираютъ.

Алеша обернулся и увидѣлъ на крыльцѣ темноглазую молодую дѣвушку, смуглолицую, стройную и съ насмѣшливыми красными губами. Тонкія брови ея были капризно изогнуты. Она дотронулась рукой до дверей, почувствовала, что пальцы ея прилипли, и боялась оторвать ихъ.

— Ты, мушка, уже попалась!—вскричалъ Миллеръ.

— Мнѣ также захотѣлось взглянуть, какую картину нарисовали будочники у насъ на дверяхъ!

— Любопытна, какъ козочка, —ласково сказалъ Меркуловъ. —Но уходи къ себѣ въ комнату.

— Ахъ, развѣ вы не замѣчаете, что бѣдняжка находится въ затруднительномъ положеніи, —сказалъ Петръ Сергѣевичъ, почти подбѣжалъ къ внучкѣ и, снявъ ея руку съ двери, хотѣлъ показать, какъ она запачкала ладонь въ казенные цвѣта. Но дѣвушка сжала пальцы, и Алеша увидѣлъ направленный на него кулакъ. Потомъ она покраснѣла, стала смѣяться и, вырвавшись отъ дѣла, убѣжала.

Всѣ вернулись наверхъ. Меркуловъ черезъ нѣкоторое время увелъ Алешу въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ полдникъ и чай. Смуглая дѣвушка уже вымыла руки и хозяйничала съ серьезнымъ видомъ. Ей помогала старая няня. Полдюжины мелкихъ дѣтей разныхъ возрастовъ сидѣли за столомъ, прислуживали комнатныя дѣвчонки.

Когда дѣвушка угощала чѣмъ-нибудь Алешу, она не смотрѣла на него; повидимому, ей большого труда стоило удерживаться отъ смѣха не только потому, что она вспоминала показанный ею Алешѣ кулакъ; но ей смѣшно было въ особенности, что двери ихъ дома такъ потѣшно расписаны, и что это было сдѣлано по приказанію царя.

Конечно, ей была уже извѣстна и печальная участь дѣдушкиной шинели и шляпы. Чучельныя треуголки, очищенные Никитой, внесенныя имъ въ столовую и предложенныя къ примѣркѣ, окончательно размѣшили ее. Она уже не закусила свои красныя губы, а когда Меркуловъ съ серьезнымъ видомъ надѣлъ треуголку на свою голову и его примѣру послѣдовалъ Алеша, она залилась смѣхомъ, всѣ дѣти громко расхохотались, кромѣ самаго маленькаго двухлѣтняго мальчика, который заревѣлъ благимъ матомъ; и долго хохотали комнатныя дѣвчонки, стигаясь въ дугу.

— Какъ весело въ нашемъ домѣ!—сказалъ Алеша, обращаясь къ Никифору Степановичу, самъ красный и смѣющийся. —Онъ представлялся мнѣ вдругъ жилищемъ смѣховъ.

— Поистинѣ такъ,—отвѣчала Меркуловъ.—Мы дѣйствительно не принадлежимъ къ сословію скуколюбовъ и вѣримъ, что жизнь намъ дана для скорѣйшаго забвенія минутныхъ непріятностей и для пользованія ею во благо себѣ и другимъ, а потому, сударикъ, примѣчайте, что, можетъ быть, не вездѣ въ Петербургѣ были встрѣчены столь весело первыя высочайшія повелѣнія Павла Петровича!

Въ столовой появилась бабка. Меркуловъ пригласилъ тестя и Алешу опять въ бібліотеку, и на этотъ разъ къ нимъ присоединилась смуглая красotka.

XV.

Все было пово для Алеши. Онъ первый разъ видѣлъ такое множество книгъ, собранныхъ въ одной комнатѣ. Миллеръ спросилъ, любитъ ли Алеша читать, и онъ долженъ былъ признаться, что читать ему некогда. Старикъ сказалъ:

— Надо постоянно въ мудрости умѣть стараться дѣлать приращеніе и для этого окружать себя самыми лучшими совѣтниками—каковы суть книги, ибо онѣ чистосердечно правду объявляютъ.

Изъ бесѣды, завязавшейся о книгахъ, Алеша увидѣлъ, что старикъ самъ печатаетъ книги, и что у него на Васильевскомъ островѣ типографія. Это усилило интересъ его къ личности старика. Но самымъ поразительнымъ открытіемъ для него было, что Сонюшка, такъ старикъ называлъ свою внучку, прочитала всѣ книги, которыя были въ комнатѣ, кромѣ латинскихъ и голландскихъ. Онъ во всѣ глаза посмотрѣлъ на дѣвушку. «Какъ она можетъ такъ хохотать, будучи столь образована».

Сонюшка, словно желая поддержать свой авторитетъ и блеснуть умомъ, изощреннымъ въ чтеніи такого множества книгъ, спросила у Алеши:

— А вы любите играть въ вопросы и отвѣты?

— Я не знаю такой игры,—отвѣчалъ онъ.

— Она тебя научитъ, молодчикъ,—усмѣхнулся Петръ Сергѣевичъ.—Ничего, наука полезная и веселая. Ну-ка, Сонюшка!

Сонюшка задумчиво разставила глаза и полураскрыла красный ротъ:

— Ну, хорошо,—сказала она.—Что человѣку можетъ быть всего благополучнѣе?

— Не знаю.

— Не знаю отличается отъ знаю, какъ мертвый отъ живого. Позвольте получить съ васъ фантъ, потому что у насъ мертвое не уважаютъ.

— Что же всего благополучнѣе?—спросилъ Алеша, снимая съ мизинца золотую змѣйку.

Сонюшка надѣла змѣйку на свой мизинецъ и отвѣчала:

— Человѣку можетъ быть всего благополучиѣ, если онъ благо-
честно и праведно живетъ.

— Это и я могъ бы сказать.

— Отчего же не сказали! Ну, а дѣдушка: какой признакъ па-
денія какому царству?

— Да ты изъ какого философа жарнишь?

— Изъ Антисоена, дѣдушка.

— Ахъ, премудрость ходячая! Я скажу, что признакъ паденія
какому царству, когда въ немъ разны злобы, добра нѣтъ и гдѣ ни
добрыхъ честятъ, ни злыхъ казнятъ.

— Браво, дѣдушка! Но еще тебѣ загадка: кому подражаетъ
нашъ новый императоръ, урѣзывая воротники и фалды своимъ под-
даннымъ?

— Не знаю, Союшка, милая, не могу припомнить.

— Дѣдушка, фантъ! Извольте безпрекословно положить сере-
бряный рубль, который вы мнѣ обѣщали.

— Серебряный рубль? Серебряный рубль?—старикъ пошарилъ
въ карманахъ.—Ахти мнѣ! Лишнихъ-то денегъ я съ собою не взялъ.

— Дѣдушка всегда забываетъ деньги дома,—съ веселыми искрами
въ глазахъ пояснила Союшка Алешѣ.—Такъ отдай мнѣ золотую
табатерку... Императоръ Петръ Первый рѣзалъ бороды!

— Вѣрно, Союшка.

— Ну, что, понравилась вамъ игра?—входя, спросилъ Мерку-
ловъ у Алеши.

Мальчикъ посмотрѣлъ на мизинецъ Союшки и отвѣчалъ:

— Нравится, но я еще не знаю, что дальше будетъ.

— Умѣрьте вашу нетерпѣливость,—съ легкой гримаской произ-
несла Союшка.—Палаша, это, что бѣжить безъ ногъ, глядитъ безъ
глазъ, ѣсть безъ рта, стучитъ безъ рукъ и ѣздитъ безъ лошадей?

— До загадокъ ли, Союшка,—уклончиво отвѣчалъ Меркуловъ.

— А солнце и вѣтеръ бѣгутъ безъ ногъ, ночь глядитъ безъ
глазъ, музыка поетъ безъ рта, часы стучатъ безъ рукъ, а корабли
ѣздятъ безъ лошадей... Фантъ, фантъ.

— На мѣстѣ Союшки всякій вопрошающій остался бы побѣ-
дителемъ,—сказалъ Меркуловъ,—Напримѣръ, можешь ли, дочка,
мнѣ сказать, для чего мышь называется мышью?

— Очень просто,—отвѣчала Союшка съ оживленіемъ:—ежели
бы мышь называлась кошкою, то бы она не была мышью. Пожа-
луйте другой фантъ.

Когда дѣвушка набрала фантовъ, она стала присуждать, что
каждый долженъ дѣлать. Петру Сергѣевичу пришлось прочитать
главу изъ Вергилія, и, какъ хорошій латинистъ, онъ долженъ былъ
смотрѣть въ латинскую книгу и переводить по-русски. Меркуловъ
прочиталъ выбранныя правила Эпиктетова нравоученія изъ Бель-
гардова французскаго перевода. А на долю юнаго вахмистра выпало

взять съ третьей полки, направо отъ входной двери, седьмую по счету книгу, развернуть наугадъ и прочитатъ первую попавшуюся страницу.

Онъ прочиталъ:

Радостно тешите на священный сей позоръ,
 Всѣ сердца прострите, возводя веселый взоръ.
 Се грядетъ покровъ, одежда,
 Всѣхъ благъ твердая надежда
 Князь великій Павелъ.
 Восклоните, старцы, ужъ согбенный свой хребетъ,
 Юноши воззрите, гдѣ сей чудный блещетъ свѣтъ?
 Зрите вси наслѣдной крови
 Праведны слѣды Петровы
 Въ великомъ князѣ Павлѣ.

Низкая и льстивая канта, — сказалъ Никифоръ Степановичъ: — но все же знаменательно, что книга открылась на Павлѣ!

Никита зажегъ свѣчи и поставилъ шандаль на столъ. Алеша встрепенулся и объявилъ, что уже поздно и ему надо въ казармы. Поэтому Меркуловъ приказалъ Никитѣ заложить лошадь, чтобы отвезти молодого человѣка. Сонюшка простилась съ Алешей, какъ ему показалось, холодно, и ушла, о чемъ-то внезапно задумавшись. Шелковая свѣтлая косынка лежала на ея груди — и Алешѣ пріятно было видѣть косынку и нѣкоторое время думать о ней.

Пока запрягали лошадь, Миллеръ и Меркуловъ выбрали нѣсколько книгъ изъ библіотеки и предложили ихъ Алешѣ.

— Чтеніе доставляетъ великое наслажденіе, — сказалъ Меркуловъ: — и къ слѣдующему приходу вашему къ намъ постарайтесь поставить втупикъ Сонюшку — вотъ урокъ отъ вашихъ новыхъ друзей.

Алеша, держа тяжелыя книги, раскланивался, краснѣлъ, путался въ словахъ и благодарилъ. Шелковая косынка все не выходила у него изъ головы.

Отчаянный ревъ и стоиъ, какіе можно слышать только во время пожара, когда полиція кричитъ на народъ, разгоняя его, заставили всѣхъ вздрогнуть. По набережной Фонтанки опять шла толпа будочниковъ и орала во все горло:

— Гасите огонь!.. Ложитесь спать!.. По высочайшему повелѣнію, гасите огонь! Девять часовъ! Девять часовъ

XVI.

Зимній дворецъ еще въ декабрѣ хранилъ траурный видъ. Черное сукно въ сѣняхъ; на стѣнахъ страусовы перья; въ тронной залѣ посрединѣ на возвышеніи подъ печальными балдахинами, окружен-

ные шапалами въ крепѣ съ зажженными восковыми свѣчами стояли два золотыхъ гроба, увѣнчанные коронами.

Духовенство во главѣ съ митрополитомъ Гаврииломъ служило панихиды. Всѣ придворные были въ черномъ. Дамы были похожи на черныя облака. На лицахъ, кромѣ печали и страха за свою будущность, проступалъ ужасъ.

Императоръ передъ обоими гробами преклонялъ колѣно, и на его землисто-желтомъ лицѣ по временамъ расплывалась странная улыбка, собирая его щеки въ продольныя складки. Онъ вдругъ устремлялъ глаза на убитаго горемъ послѣдняго фаворита Екатерины Платона Зубова и высокаго, ослышавшаго, величаваго Алексѣя Орлова со шрамомъ на лицѣ, и привѣтливо подмигивалъ имъ.

Въ Петербургѣ передавали за вѣрное, что когда графъ Алексѣй Григорьевичъ исполнилъ возложенное на него порученіе присутствовать при перенесеніи останковъ отца Павла Петровича изъ Александро-Невской лавры въ Зимній дворецъ, онъ былъ приглашенъ въ кабинетъ государя.

— Вы, конечно, ваше сіятельство,—началь Павелъ:—не забыли послѣднихъ минутъ покойнаго императора, которыя онъ провелъ въ вашемъ обществѣ въ Ропшѣ?

— Точно такъ, ваше величество.

— Расскажите мнѣ подробно о кончинѣ родителя моего.

— Онъ скончался отъ геморроидальныхъ коликъ, ваше величество.

— Отъ геморроидальныхъ коликъ? Отъ геморроидальныхъ коликъ?—захрипѣлъ Павелъ Петровичъ и сталъ приближаться къ графу Орлову на цыпочкахъ въ своихъ огромныхъ ботфортахъ, вырастая на ходу и втягивая въ плечи голову.

Орловъ выдержалъ взглядъ императора.

Пѣна выступила на губахъ Павла, но онъ отступилъ послѣ страшной паузы.

— Удивляюсь,—началь онъ, все отступая до самой стѣны и не отрывая глазъ отъ лица сподвижника Екатерины.—Какая непослѣдовательность! Отчего, кстати, вы не задушили и меня, ваше сіятельство? Неблагоразумно было надѣяться на мое великодушіе и думать, что сынъ не отомститъ гибель отца. Сударь, пріятное и сладкое чувство мести! Запороть шпицрутенами злодѣя! Медленно сварить въ котлѣ! Сгноить въ подземномъ колодцѣ! Переломать каждую косточку! Защищать на смерть. На смерть!—повторялъ, выходя изъ себя, Павелъ.

Алексѣй тяжело молчалъ. Онъ олицетворялъ собою весь екатерининскій вѣкъ: блестящій, преступный, расточительный, покрывшій себя славою и кровью, развратный, но прекрасный, глубоко врѣзанный въ скрижали исторіи и уже неуязвимый.

Павель сѣзналъ свое безсиліе. Внезапно тѣни слетѣли съ его лица. Онъ просіялъ, просвѣтлѣлъ, и изъ-подъ мундира вынулъ какой-то маленькій блестящій предметъ.

— Графъ,—сказалъ онъ, успокоенный:—я тѣмъ не менѣе весьма оцѣнилъ услугу, которую вы оказали мнѣ, почтивъ гробъ императора личнымъ конвоированіемъ вашимъ, а посему жалую вамъ...

Онъ протянулъ Орлову табатерку, которую тотъ, склонившись, благоговѣнно пріялъ. Она была великолѣпная, золотая, осыпанная брилліантами, работы петербургскаго мастера Шарфа; на верхней крышкѣ ея эмалью была изображена, вмѣсто царскаго портрета, символическая висѣлица шведскихъ масоновъ.

Брови Орлова дрогнули, когда онъ увидѣлъ эмаль, правая нога пошатнулась, и онъ едва удержался, чтобы не упасть. Но, овладѣвъ собою, онъ еще ниже поклонился императору.

Павель дружески улыбулся ему и милостиво указалъ на дверь.

Панихиды при гробахъ императорской четы производили на столицу впечатлѣніе страшнаго суда. Павель требовалъ, чтобы всѣ екатерининскіе любимцы, уцѣлѣвшіе со времени переворота 1762 г. и насильственной смерти Петра Ѳеодоровича, присутствовали въ траурномъ покоѣ и долгимъ ласковымъ взглядомъ впивался въ ихъ лица. Гофмаршалъ Варятинскій—тоже рошшинскій свидѣтель кончины Петра Ѳеодоровича—потѣлъ и плакалъ. Тверже вель себя Орловъ. Пассекъ, бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, неизвѣстно куда исчезъ, онъ точно сквозь землю провалился.

Алеша въ числѣ другихъ гвардейцевъ былъ наряженъ къ праху Екатерины Алексѣевны и ея супруга.

Очутившись въ Зимнемъ дворцѣ, онъ рѣшилъ провѣдать Катеньку Мамаеву.

Она могла его не узнать; такая быстрая перемѣна произошла съ нимъ. Ему казалось даже, что онъ сталъ похожъ на Павла Петровича и отчасти на kota въ сапогахъ. Съ странной быстротой уничтожалось все, что сколько-нибудь напоминало собою вѣкъ Екатерины. Смѣшная Гатчина стала въ столицѣ законодательницею модъ и хорошаго тона.

Несмотря на торжественность минуты, въ Зимнемъ дворцѣ по всѣмъ заламъ и коридорамъ въ припрыжку бѣжали старые и молодые генералы, гофъ-курьеры, фельдъегеря съ записками и съ словесными приказаніями императора. Они кричали и шумѣли. Алеша, пользуясь суматохой, смѣло пустился въ путь. Предварительно надо было пройти нѣсколько залъ. Въ одной изъ нихъ онъ увидѣлъ сопровождаемую двумя фрейлинами и камеръ-лакеемъ великую княжну Александру Павловну. Она опоздала на панихиду и шла, боясь попасться на глаза отцу. Караульные стояли у дверей. Старшій закричалъ страшнымъ голосомъ новую гатчинскую команду: «вонъ!» а великая княжна въ испугѣ бросилась назадъ. Алеша прошмыгнулъ въ четвертый этажъ. «Вонъ! Вонъ!»

XVII.

— Что вамъ здѣсь угодно, молодой человѣкъ?—спросила у Алеши пожилая дама въ траурномъ платьѣ, встрѣтивъ его въ коридорѣ.

Онъ отдалъ ей честь, смѣшался и пробормоталъ:

— Я не могу найти комнату...

— Какую комнату?

— Моей сестры...—солгалъ Алеша.

— Какой сестры?

— Такая бѣлокуренькая.

— Да ты бѣлены объѣлся, сударикъ! Я спрашиваю, какъ ее зовутъ?

— Катенька Мамаева.

— Что же вы ея братъ или кузень? —смягчившись, спросила дама.

— Нѣтъ... я... я... просто кузень.

— Кто?

— Вахмистръ лейбъ-гвардіи въ конномъ полку... Мамаевъ!— совершенно неожиданно для себя выпалилъ Алеша, думая объ отцѣ Катеньки, выслужившемся въ гатчинскіе полковники.

Онъ раскрылъ ротъ.

Но уже поздно было поправляться. Кровь застучала у него въ вискахъ.

— Тебѣ бы, батюшка, слѣдовало сначала объявить, что ты Мамаевъ,—сказала дама.—Я вѣдь тоже изъ Гатчины и хорошо знаю полковника и полковницу. Охъ, и зельюшко же ихъ Катенька. Чьихъ же ты?—ласково спросила она.—Ужъ не за твоимъ ли папенькой Овсова, Пелагея Ѳедоровна? Похожъ, похожъ, я сейчасъ догадалась. Чай, слыхалъ, Катенька назначена къ великой княжнѣ Ольгѣ Павловнѣ. Небожь, и ты капитаномъ скоро будешь. Ахъ, молодчикъ! Сколько тебѣ лѣтъ?

Алеша отвѣчалъ, что ему скоро семнадцать.

Почтенная дама,—а что она была гатчинскаго воспитанія, это сразу угадалось по ея ухваткамъ,—взяла юношу за подбородокъ и плотоядно улыбнулась.

— Катенька у меня подъ начальствомъ. Ништо ей, она свободна,—сейчасъ пошлю за ней. Ну, пойдёмъ ко мнѣ посидѣть на новоселье. Ужъ если ты сынокъ Пелагеи Ѳедоровны, значитъ, мнѣ свойственникъ. Она мнѣ кума!

Дама занимала большую комнату, отворенная дверь изъ которой вела въ слѣдующую, поменьше. Кто-то былъ только что выжить изъ квартиры, и на стѣнахъ торчали гвозди отъ снятыхъ картинъ и зеркалъ. Предъ огромнымъ низкимъ диваномъ съ отлогими боками

стоялъ такой же громадный краснаго дерева столъ, вмѣсто ножекъ на сфинксахъ съ торчащими золочеными грудями.

Алеша сѣлъ, по приглашенію дамы, на диванъ и, въ смущеніи, протянулъ къ золоченымъ выпуклостямъ пальцы. Онъ сознавалъ, что поступилъ легкомысленно, выдавъ себя за Мамаева, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ удобной минуты, чтобы уйти. Ужъ онъ не думалъ больше о свиданіи съ Катенькой. Онъ даже боялся, что Катенька откроетъ его ложь, когда увидитъ его. Лицо его пылало такимъ жаркимъ румянцемъ, что неизвѣстная дама сама покраснѣла и опять потянулась къ его подбородку, между тѣмъ какъ онъ продолжалъ терзать золоченую грудь сфинкса.

— Привыкли вы, негодяи,—притворно-сердито и не спуская глазъ съ красиваго лица Алеши, заговорила она:—ползать во фрейлинскій проулокъ при покойной императрицѣ. А! небось, частенько бывалъ!? А?

Алешѣ стыдно было, что дама, хотя и годилась быть его матерью, потому что ей навѣрно стукнуло ужъ сорокъ, ласкала его за подбородокъ, какъ маленькаго, и онъ въ отвѣтъ только еще гуще покраснѣлъ и наклонилъ голову.

— Охъ, всѣ-то вы грѣхководники! Семнадцати лѣтъ еще нѣтъ, а ужъ куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. Да, да, вѣтеръ, а не дѣвчонка... Онамеднись смотрю, гуляетъ съ караульнымъ офицеромъ, ну, я за ними. А она, безстыдница, его въ уборную затщила,—не замѣтила меня,—и таково сладко его цѣлуетъ. Ужъ она его и въ губы... и въ подбородокъ... и въ подбородокъ...

Алеша почувствовалъ, что пальцы фрейлины сильнѣе прищипли къ его подбородку. Ему досадно стало, что она говоритъ о Катенькѣ такую непріятную для него новость. Но онъ опять ничего не сказалъ и слушалъ въ полъ-уха жалобы старухи на развращенность молодежи при дворѣ Екатерины. Караульнаго офицера она пригрозила отправить подъ арестъ, и онъ убѣждалъ во всѣ лопатки, а Катеньку взяла за руку и отчитала ее,—будетъ помнить.

— Но, конечно,—строго заговорила она:—у тебя честныя, душевнѣка, намѣренія. Я никакъ не могу допустить, чтобы ты амурился съ кузиною, хотя въ сей развратный вѣкъ, кажется, и братья посягали на сестеръ, не токмо двоюродныхъ. И въ меня всѣ страстно влюблялись, но я свято сохранила цѣломудріе... ужъ до чего свято!..

Она совсѣмъ близко придвинулась къ Алешѣ, нагнулась и старалась заглянуть къ нему прямо въ глаза.

Юный вахмистръ еще ничего не подозрѣвалъ, но ему было неловко. Онъ оцѣпенѣлъ отъ волны нахлынувшей на него глупости. Ахъ, если бы онъ не навралъ! Дама же въ букляхъ и кружевномъ чепцѣ все смотрѣла снизу ему въ лицо, улыбаясь, и мокрые бѣлые зубы ея лихорадочно стучали.

— Всё, конечно, мы грѣшны, — начала она, помолчавъ, и тутъ Алеша болѣзненно вздрогнулъ:—и я, держа въ рукѣ своей горящій свѣтильникъ въ ожиданіи того, кто вдругъ покажется мнѣ всѣхъ милѣе и кому я отдамъ свое сердце, не осудила бы вѣтреную Катеньку. Но подумать, сколько же ей лѣтъ?! Ни за что и никогда не допущу я до такого срама, чтобы камеръ-юнгфера великой княжны да еще въ такое время, когда кости императора и прахъ императрицы не вынесены изъ дворца, занималась любопытствомъ амурныхъ удовольствій. Ты какъ мыслишь?

— Разумѣется... извините, пожалуйста, мнѣ нужно поспѣшать уже въ казармы.

Но дама не отпустила отъ себя Алешу.

— Помилуй Богъ,—сказала она.—А Катенька? А Катенька? Какъ же Катенька? Или...

Алеша въ робкой надеждѣ посмотрѣлъ на дверь въ сосѣдную комнату.

— Мы одни,—томно сказала дама съ хриплымъ смѣхомъ.

XVIII.

Когда Алеша бѣжалъ черезъ дворецъ, погруженный въ трауръ и наполненный гатчинскими мундирами и кадильнымъ дымомъ, онъ ничего не соображалъ и, въ отвѣтъ на окрики часовыхъ, только махалъ рукой; слезы стояли у него въ глазахъ. У него былъ такой уторможенный и не допускающій ни минутной задержки видъ, что его не останавливали, предполагая въ немъ парочнаго, посланнаго съ какимъ-нибудь экстреннымъ порученіемъ. Какой-то гвардеецъ засмѣялся глазами, пропуская Алешу, и наконецъ крикнулъ ему:

— Застегни мундиръ.

Только на улицѣ перевелъ дыханіе Алеша и, выйдя на набережную, разразился бранью. Когда же онъ вернулся въ казармы, его арестовали за то, что опоздалъ къ зарѣ. Прежде ничего подобнаго не случалось—всѣ опаздывали, и не считалось преступленіемъ. Но Алеша обрадовался аресту, Ему хотѣлось одиночества.

Бросившись на деревянныя нары, онъ подложилъ подъ голову плащъ. Очень возможно, что если бы онъ рассказалъ происшествіе Офросимову, тотъ назвалъ бы его Іосифомъ «прекраснымъ» и сталъ бы надъ нимъ издѣваться. Но зачѣмъ объ этомъ звонить? Что, однако, если разсвирѣпѣвшая неизвѣстная дама, кума какой-то Пелагеи Ѳедоровны и знакомая Мамаевыхъ, пожалуется имъ на него? Еще выдумаетъ, что хотѣлъ огрбить ее!? Отъ такой вѣдьмы всего можно ожидать; а тѣ скажутъ, что не знаютъ вахмистра Мамаева, который былъ бы съ ними въ родствѣ, и, по справкѣ въ конной гвардіи, тоже окажется, что нѣтъ вахмистра Мамаева. Архаровъ станетъ узнавать, какіе вахмистры въ

этотъ вечеръ были во дворцѣ. Недаромъ лицемѣрная дама такъ распространялась объ упадкѣ нравовъ при Екатеринѣ. Она отомстить ему за его внезапный ужасъ къ ней. Дойдетъ до Павла Петровича. Съ другой стороны, женѣ Пентефрїа можетъ быть стыдно, и у нея языкъ не повернется рассказать кому бы то ни было, кто, отбиваясь отъ нея, нечаянно расцарапалъ ей лицо. Приходили ему мысли о Катенькѣ. Повидимому, для него прелестная камеръ-юнгфера потеряна была навсегда!.. Отъ нея первой легко узнать, что у нея нѣтъ никакого кузена въ вахмистрахъ... Сообразительна ли она! Подскажетъ ли ей сердце, какъ все произошло? Догадается ли?

Потомъ Алешѣ живо представлялась некрасивая картина его борьбы съ удивленной и негодующей на его поведеніе гатчинской дамой. Кто она? Невысокаго полета, должно быть... И не кончится ли все пустяками—ничѣмъ?

Засыпая на нарахъ, онъ сталъ думать о домикѣ на Фонтанкѣ, и представилась ему смуглая дѣвушка съ красными губами, которыя весело улыбаются, или съ нихъ слетаютъ умныя загадки. Вдругъ онъ вспомнилъ фанты, схватилъ себя за мизинецъ и вспомнилъ, что золотую змѣйку Сонюшка забыла ему возвратить, и колечко осталось у нея на пальцѣ. Фрейлинскій проулокъ со всеми его сладостями, съ поцѣлуями Катеньки Мамаевой, расточаемыми кому попало, и съ объятіями старой царской горничной, отъ которыхъ тошно, какъ отъ ласкъ кикиморы, сталъ уплывать въ какую-то тусклую, сѣрую и легко забываемую даль, а на мѣсто его въ воображеніи юноши начала развертываться другая панорама другой мирной и доброжелательной жизни—съ книгами въ золотыхъ переплетахъ съ красными обрѣзами, съ розовыми, здоровыми, смѣющимися дѣтьми, съ смѣлой бесѣдой двухъ мудрецовъ о царяхъ и о вельможахъ, которые еще страшнѣе царей, и съ милой, стройной, съ чистыми глазами и съ алыми, ужъ навѣрно никѣмъ не тронутыми губами, умной дѣвушкой, которую нельзя представить себѣ живущей во фрейлинскомъ проулкѣ.

На утро Алешу выпустили изъ карцера.

І. Ясинскій.

(Окончаніе съ слѣдующей книжечки).

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА ¹⁾.

Семья фонъ-Визинныхъ.—Ширь, и размахъ былого барства.—Оригинальные типы прошлаго.—Самоубійство на балѣ.—«Запрещенная» мазурка.—Современникъ Екатерины Великой.—Сестра бывшей фаворитки императора Павла.—Апартаменты Екатерины Ивановны Нелидовой.—Современный Геростратъ.

ВЕСЬМА пріятный лѣтній сезонъ провела я въ Клинскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Натальи Сергѣевны Ржевской, рожденной фонъ-Визинъ, или, точнѣе, въ имѣніи тетки ея, старушки Александры Павловны фонъ-Визинъ, родной сестры ея отца, Сергѣя Павловича.

Старикъ фонъ-Визинъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своей эпохи. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ ему было уже свыше семидесяти лѣтъ, и первоначальное образованіе его совпадало со временемъ, когда особо сильнымъ ученіемъ молодая русскія головы не обременялись, и въ это-то сравнительно отсталое время Сергѣй Павловичъ говорилъ безукоризненно на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, и ближайшимъ воспитателемъ его былъ приглашенный его родителями заѣзжій патеръ іезуитскаго ордена.

Вліяніе этого преподавателя, при исключительномъ умѣ и блестящихъ способностяхъ ученика, дало свои плоды и, помимо глубокаго и всесторонняго образованія, наложило на характеръ фонъ-Визина свою особую, отличительную черту. Онъ рѣдко когда съ кѣмъ-нибудь спорилъ, всегда до крайности выносливо относился къ чужимъ мнѣніямъ, но своимъ не поступался ни для кого и ни для чего, громко исповѣдывалъ все свои убѣжденія и не скрывалъ

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1911 г. Январь—октябрь.

своихъ поступковъ, даже сознавая ихъ не совсѣмъ похвальную сторону. Такъ, женохатый по страстной любви на образованной и привлекательной молодой дѣвушкѣ (Давыдовой) и долгіе годы оставаясь ей неуклонно вѣрнымъ, онъ во время ея болѣзни внезапно увлекся самымъ страннымъ и необъяснимымъ образомъ. Предметомъ этого непонятнаго увлеченія была прислуга его жены, даже не горничная, а простая дворовая дѣвчонка, взятая въ домъ для исполненія самыхъ немудрыхъ работъ и не смѣвшая не только мечтать о любви и сближеніи съ властнымъ и гордымъ помѣщикомъ, но даже и съ камердинеромъ его никогда не осмѣливавшаяся разговаривать.

Дунька, — такъ звали предметъ этого неостижимаго барскаго увлеченія, — была и некрасива, и глупа, и до дикости необразованна, а между тѣмъ роль свою подлѣ Сергѣя Павловича она заняла еще при жизни его жены, и затѣмъ до конца жизни оставалась полной хозяйкой въ его домѣ.

Сынъ Сергѣя Павловича, Иванъ Сергѣевичъ, впоследствии московскій гражданскій губернаторъ, въ моментъ смерти матери былъ юнкеромъ одного изъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, а дочери его Натальѣ Сергѣевнѣ минуло четырнадцать или пятнадцать лѣтъ. Для дѣтей ни существованіе Авдотьи Емельяновны, какъ уже всѣ называли явную фаворитку, ни положеніе ея въ домѣ не было тайной. Наташа волей-неволей примирилась съ этимъ, молодой же юнкеръ не стерпѣлъ и чуть не поколотилъ невзрачную одалиску, за что и былъ немедленно отправленъ въ полкъ, куда ему высылалось болѣе нежели скромное содержаніе, далеко не соответствовавшее ни громадному состоянію отца, ни его общественному положенію.

Сергѣй Павловичъ фонъ-Визинъ былъ въ теченіе тринадцати выборовъ безсмѣнно избираемъ въ предводители дворянства Клинскаго уѣзда и умеръ въ этой должности, на тридцать девятомъ году своего безсмѣннаго предводительства.

Это, ежели я не ошибаюсь, является почти единственнымъ примѣромъ такого постояннаго и почтеннаго избранія. Въ послѣдніе годы шары прямо подносились фонъ-Визину на блюдѣ. Онъ при этомъ почтительно кланялся своимъ избирателямъ, пытался отклонить отъ себя почетное избраніе, но ему не давали договорить, прерывали его на первомъ словѣ, неизмѣнно подхватывали его на руки и, къ немалому его ужасу, качали, высоко подбрасывая на неразумно усердствующихъ рукахъ.

Громадное состояніе его перешло къ сыну только послѣ его смерти, послѣдовавшей незадолго до выхода Ивана Сергѣевича въ отставку и перехода его на гражданскую службу. Въ бытность же свою адъютантомъ у лифляндскаго генераль-губернатора, онъ получалъ отъ отца всего только сто рублей въ мѣсяць и не имѣлъ

возможности даже лошадь держать. Авдотья Емельяновна тѣмъ временемъ все богатѣла, и всѣ родственники ея, отпущенные на волю, выходили въ люди.

Я лично еще до увольненія крестьянъ видѣла «въ гостяхъ» у Натальи Сергѣевны молодого врача, только что окончившаго курсъ въ московскомъ университетѣ, и съ удивленіемъ узнала въ немъ казачка Ваську, при мнѣ стоявшаго, по обычаю тѣхъ временъ, у притолоки и державшаго паготовѣ доверху наложенную трубку и кремень съ огнивомъ для закуриванія.

Бывшій «Васька» очень и умно и тактично узналъ меня, сказалъ мнѣ, что всегда помнилъ мое хорошее съ нимъ обращеніе, при частыхъ прїѣздахъ моихъ съ Натальей Сергѣевной въ Спасское, какъ называлось имѣніе Сергѣя Павловича, и оказался очень милымъ и неглупымъ собесѣдникомъ.

Жили мы съ Наташей въ это лѣто не въ самомъ Спасскомъ, гдѣ полной хозяйкой была Авдотья Емельяновна, а въ двухъ верстахъ отъ Спасскаго, въ имѣніи старой тетки Наташи, Александры Павловны фонъ-Визинъ, милѣйшей, но до крайности оригинальной старушки.

Наташа жила на полномъ иждивеніи отца, все рѣшительно присылалось изъ Спасскаго, и въ сущности она пользовалась только гостепрїимствомъ тетки, для которой присутствіе племянницы было не только не обременительнымъ, а до нѣкоторой степени выгоднымъ. Мужъ Наташи, бывшій въ то время цензоромъ, жилъ вмѣстѣ съ нами въ Бабайкахъ и только по пятницамъ ѣздилъ въ Москву для присутствія въ цензурномъ комитетѣ. Это былъ человѣкъ очень серьезный, и ему та вѣчная суета и шумъ, которымъ наполняли домъ непрерывные гости, надоѣдали до невыразимой степени. Онъ много ропталъ на это, но ропотъ его не приводилъ ни къ чему, и у насъ продолжалъ царить какой-то хаотическій шумъ и какое-то непрерывное движеніе. То верхомъ кто-нибудь ѣхалъ, то кавалькада собиралась, то въ луга ѣхали на сѣнокосъ, то пѣли, то играли, то танцевали... и серьезный и строгій Дмитрій Семеновичъ—такъ звали нашего неумолимо строгаго цензора, — не называлъ нашъ домъ иначе, какъ «Бѣдламомъ».

Довершала нашъ Бѣдламъ старушка Александра Павловна, отличавшаяся большой оригинальностью. Одна ея борьба съ ея лакеемъ Сергѣемъ чего стоила!.. Сергѣй этотъ, выросшій у нея въ домѣ и усиѣвшій состарѣться и посѣдѣть, не выходя изъ ея подданства и ея строгихъ приказаній, ни въ грошъ не ставилъ этихъ приказаній, и его постоянное ослушаніе было источникомъ вѣчной войны между ними и вѣчной потѣхи для насъ, молодежи, всегда довольной случаю надъ чѣмъ-нибудь потѣшиться и посмѣяться.

На волю людей своихъ Александра Павловна не отпускала никогда, и даже на выкупъ ихъ неохотно соглашалась, и Сергѣй,

безропотно состоя въ числѣ крѣпостныхъ ея людей, неуклонно творилъ свою волю, ни во что не ставя волю и приказанія «барышни», какъ звала дворня Александру Павловну, несмотря на ея преклонный возрастъ.

Сергѣй былъ страстный охотникъ, и на этой почвѣ происходили уморительные конфликты, составлявшіе наше благополучіе.

Александра Павловна не позволяла никому отлучаться безъ ея разрѣшенія, и всё этому подчинялись за исключеніемъ Сергѣя.

Накроютъ на столъ, двинемся мы всё въ залу, замѣнявшую столовую, весь опредѣленный штатъ прислуги стоитъ на стражѣ за стульями господъ, одного только Сергѣя, долженствовавшаго стоять за стуломъ старой «барышни», на мѣстѣ пѣть.

— Гдѣ Шергѣй? — строго обращается «барышня» къ остальнымъ лакеямъ. (Зубовъ у нея не было совсѣмъ и букву е она очень ясно и отчетливо замѣняла буквою ш).

— Ушелъ!... — получается въ отвѣтъ, всегда вздрагивающимъ отъ смѣха голосомъ.

Александра Павловна строго сдвигаетъ брови и слегка краснѣетъ отъ гнѣва.

— Какъ онъ шмѣлъ?..

Всѣ молчатъ.

— Пошлать его ко мнѣ когда вернется! — раздается грозный приказъ.

До ужина Сергѣй не появляется, а за вечернимъ столомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, красуется на своемъ обычномъ мѣстѣ.

— Гдѣ ты былъ?.. — гремитъ разгнѣванный голосъ старой «барышни».

— Виновать, ваше превосходительство... На охоту отлучался...

— Кто тебѣ позволилъ?..

— Виновать-съ!..

— Чтобы этого никогда больше не было... Шлышишь ты?... Никогда!.. Въ шолдаты безъ зачета отдамъ!.. Въ рекруты!.. Шлышишь?!..

А у сѣдого, какъ лунь, Сергѣя ужъ и внукъ-то чуть ли отъ солдатчины годами не ушелъ.

Но онъ покорно молчитъ и даже кажется смущеннымъ. «Барышнѣ» только этого и нужно... Она ужасно любитъ, чтобъ ее «боялись»...

Проходитъ день или два... Опять за стуломъ «барышни» пѣть сѣдого пажа... Опять раздаются грозные вопросы: «гдѣ Шергѣй?... Какъ онъ шмѣлъ?..» и такъ далѣе безъ конца...

Насъ эти сцены забавляли невыразимо, и сердился за нихъ только нашъ строгій цензоръ, находившій что Бадламъ нашъ и безъ «барышни» съ Сергѣемъ достаточно ярокъ и полонъ!..

Когда мнѣ, пять лѣтъ спустя, пришлось вновь заглянуть въ гостепріимныя Бабайки, Сергѣя тамъ уже не было. Онъ до конца остался вѣренъ себѣ, простудился осенью на охотѣ и сложилъ свои усталыя кости въ мирномъ уголкѣ спасскаго кладбища...

Живо встаетъ въ моей памяти другая оригинальная фигура, встрѣченная мною въ домѣ старика фонъ-Визина. Это былъ старый дворянинъ, мѣстный помѣщикъ, нѣкогда очень богатый, но проигравшій все состояніе свое въ карты, и затѣмъ почти совершенно спившійся. Пагубная страсть оторвала его и отъ семьи, и отъ родного крова, и онъ остался одинъ, бобылемъ доживать свой горькій вѣкъ, временно пригашивая то у того, то у другого изъ богатыхъ помѣщиковъ.

Онъ опустился совершенно, а когда умерли его жена и его единственный сынъ и онъ сознательно остался одинъ въ мірѣ, то его охватила такая безумная тоска по всемъ прошлому и утраченному, что онъ сошелъ съ ума.

Помѣшательство его было тихое, безобидное... Онъ переѣзжалъ отъ помѣщика къ помѣщику, отъ сосѣда къ сосѣду, и старикъ фонъ-Визинъ, какъ мѣстный предводитель дворянства, принималъ въ немъ исключительное участіе и покровительствовалъ ему какъ могъ.

Онъ охотно принималъ его, и старикъ Поздняковъ—фамилія несчастнаго помѣшаннаго — подолгу гостилъ въ Спасскомъ, подъ особымъ покровительствомъ Сергѣя Павловича и при самомъ широкомъ его гостепріимствѣ.

Въ домъ предводителя старика Позднякова тщательно оберегали отъ всевозможныхъ неприятныхъ столкновеній, но не всюду было такъ!.. Встрѣчались люди настолько не деликатные, что бѣдняка поддразнивали, обижали и оскорбительно касались его прошлаго...

И вотъ въ моемъ умѣ живо вѣзались слова, которыми онъ однажды отвѣтилъ на не деликатный вопросъ, обращенный къ нему какимъ-то празднымъ болтуномъ.

— Скажите, Михаилъ Ивановичъ,—обратился къ нему непрощенный собесѣдникъ:—правда, что у васъ было большое имѣніе, что вы жили открыто и праздники роскошныя задавали?.. Скажите, все это правда?.. Все это точно такъ и было?!..

Старикъ поднялъ глаза, глубоко вздохнулъ и тихимъ, покорнымъ голосомъ произнесъ:

— Да-съ, правда!... Все такъ точно и было-съ... Много всего было... и все прошло... только во рту горько осталось...

И такое глубокое горе прозвучало въ этихъ словахъ... такимъ страданіемъ душевнымъ повѣяло отъ этого вѣщаго опредѣленія въ конецъ разбитой жизни... что намъ всѣмъ почти страшно стало, и это мѣткое и горькое опредѣленіе навсегда осталось у меня въ памяти!

Общество въ Клинскомъ уѣздѣ въ то лѣто, къ которому относится мой разсказъ, было очень многочисленное и избранное. Тутъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ жили два семейства князей Волконскихъ, отставной полковникъ Шишковъ, мой дальній родственникъ и родной племянникъ исторически извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія Александра Семеновича Шишкова, изъ-подъ пера котораго вышли всѣ манифесты 1812 года. Тутъ же жили родственники жены Шишкова, богатые братья Кушниковы, Аурѣлевы, двѣ семьи Алмазовыхъ и много другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ лучшему обществу.

Мы постоянно съѣзжались вмѣстѣ, устраивались кавалькады, пикники, даже спектакли и живыя картины ставились, и душою всего былъ старикъ Петръ Петровичъ Алмазовъ, милѣйшій человекъ и по-славянски гостепріимный хозяинъ, но страдавшій почти болѣзненной привычкою къ неправдѣ. Всѣ мы были всегда ему рады искренно, къ нему въ домъ всѣ собирались охотно, но всѣ заранѣе знали, что ни одного его визита, ни одного собранія у него въ домѣ не можетъ пройти безъ того, чтобы онъ чего-нибудь не солгалъ, не оставиваясь ни передъ какой цѣлѣностью.

То онъ извѣстныя стихотворенія Пушкина и Лермонтова декламировалъ и выдавалъ за свои, то внезапно переписывалъ какое-нибудь во всѣ хрестоматіи вошедшее стихотвореніе, выдавая его за экспромтъ, только что вышедшій изъ-подъ его пера... То, внезапно врываясь весь взволнованный и встревоженный, онъ разсказывалъ о только что сдѣланномъ покушеніи на его жизнь или о нападеніи на него цѣлой шайки разбойниковъ, среди бѣлаго дня, въ открытомъ полѣ...

Всѣ его слушали, и никто, кромѣ сына, не рѣшался его опровергать, что же касается молодого Петра Петровича, — ихъ обоихъ звали одинаково, — то онъ прямо и безапелляціонно останавливалъ отца словами:

— Полно!... Довольно!... — и старикъ при этомъ мгновенно умолкалъ.

Особенно отличился онъ однажды, придумавъ фортель, на который даже и его никто изъ насъ не считалъ способнымъ.

Въ одинъ прекрасный день осенью, раннимъ утромъ, онъ бросился къ широкимъ рѣзнымъ воротамъ, расположеннымъ передъ его домомъ, и, выбѣжавъ безъ шляпы на улицу, внезапно остановился, какъ вкопанный.

— Сюда!... Сюда!... Ко мнѣ!... — закричалъ онъ вдругъ.

На зовъ его съѣзжались бывшіе на дворѣ люди, и Петръ Петровичъ съ взволнованнымъ видомъ указалъ имъ на поставленную надъ воротами икону, въ обыкновенной деревянной кѣткѣ.

— Явилась!... Явилась!... — задышающимся голосомъ говорилъ онъ. — Это поразительно!... Внезапно явилась!...

Всѣ оторопѣли, и простой народъ, всегда склонный повѣрить въ чудо, стоялъ въ оцѣпенѣніи передъ никѣмъ никогда не видѣнной въ этомъ мѣстѣ иконой... Слухъ о чудѣ быстро разнесся по всей окрестности и достигъ до слуха молодого Алмазова, женатаго на Апрѣлевой и проживавшаго въ имѣніи жены, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Алмазовки, въ которой жилъ его отецъ.

Молодой Петръ Петровичъ сразу понялъ, что это новое вранье отца, и бросился въ Алмазовку. Но было уже поздно!.. Уже было послано за причтомъ для молебна передъ «явленной» иконой... Помолиться лишній разъ было не грѣхъ, но всѣ безъ исключенія поняли, что Алмазовъ фантазируетъ и что ничего сверхъестественнаго въ его имѣніи не случилось...

Подъ сурдинкой быстро стало извѣстно, что икона, привезенная изъ Москвы самимъ Петромъ Петровичемъ, была водружена имъ ночью надъ воротами при содѣйствіи плотниковъ, которыхъ онъ же самъ привезъ изъ Клина, куда ѣздилъ наканунѣ, и которымъ велѣлъ пробыть день въ сосѣдней рощѣ и въ полночь прийти къ дому, гдѣ онъ ихъ будетъ ожидать. Вся процедура кощунственнаго водруженія иконы была продѣлана подъ личнымъ его наблюденіемъ, но ни шутить святой святыней, ни кощунствовать онъ и не думалъ!.. Онъ просто «вралъ», какъ привыкъ врать, и пользовался вновь пришедшей ему на мысль фантазіей...

За другую свою фантазію онъ едва не заплатился дорого, такъ какъ испугалъ почти на смерть стараго сосѣда-помѣщика, отставнаго генерала Мерчанскаго, пославъ ему изъ Москвы эстафету съ увѣдомленіемъ о внезапной кончинѣ его единственнаго и горячо любимаго сына, служившаго чиновникомъ по особымъ порученіямъ при московскомъ генераль-губернаторѣ.

Получивъ страшное извѣстіе, старикъ Мерчанскій упалъ безъ памяти, и съ нимъ едва не сдѣлался ударъ, при чемъ Петръ Петровичъ, увѣдомленный о результатѣ своей продѣлки, старался увѣрить всѣхъ, что онъ самъ сдѣлался жертвой чьей-то лжи. Носились слухи, что дѣло хотѣли довести до суда, но, къ счастью, все удалось уладить миролюбиво, причемъ молодой Алмазовъ взялъ на себя роль примирителя.

Помимо этого крупнаго недостатка, повторяю, старикъ Алмазовъ былъ милѣйшій человекъ, и всѣ охотно прощали ему его литературные грабежи и набѣги то на Пушкина, то на Лермонтова, во имя той широкой готовности, съ какою онъ всегда шелъ навстрѣчу всякому чужому горю.

Къ концу лѣтняго сезона наше веселое общество было омрачено неожиданнымъ и горькимъ расчетомъ съ жизнью молодого инженера Гарфа, застрѣливавшагося во время одного изъ нашихъ деревенскихъ баловъ.

Я лично знала Гарфа мало. Онъ былъ мнѣ представленъ въ домѣ Шишковыхъ, я нѣсколько разъ протанцевала съ нимъ и, мало зная его, конечно, не могла замѣтить ничего особеннаго ни въ немъ, ни въ расположеніи его духа.

Онъ былъ молодецъ, довольно красивъ, недурно танцеваль, и, пожалуй, недурно бы пѣлъ, ежели бы среди насъ не было такой исключительно очаровательной пѣвицы, какъ Наташа Ржевская. Безукоризненная музыкантша, она не только прекрасно исполняла романсы, но и сама прекрасно ихъ сочиняла, и до сихъ поръ въ салонномъ репертуарѣ есть масса написанныхъ ею романсовъ.

Но возвращаюсь къ несчастному Гарфу.

Послѣ его горькой, насильственной смерти не мало говорили о романѣ, якобы происходившемъ на глазахъ у всѣхъ, но я ничего не видала и не замѣчала, и не считаю себя въ правѣ бросать тѣнь на кого бы то ни было на основаніи однихъ только пустыхъ толковъ.

Съ того бала, который закончился такимъ трагическимъ эпизодомъ, мы уѣхали раньше ужина, боясь надвигавшейся грозы, и я явственно и отчетливо помню, что Гарфъ былъ въ числѣ лицъ, вышедшихъ провожать насъ въ переднюю и усаживавшихъ насъ въ экипажъ. Онъ былъ совершенно спокоенъ, и даже, ежели я не ошибаюсь, обѣщалъ участвовать въ устраивавшейся у насъ карусели, въ которой должна была фигурировать и та особа, на которую впоследствии пало обвиненіе въ гибели несчастнаго Гарфа. Мы простились со всѣми обычнымъ, равнодушнымъ образомъ, и были до нельзя поражены и испуганы, когда на слѣдующій день рано утромъ получили извѣстіе о горькомъ концѣ молодого инженера.

Онъ, какъ оказалось впоследствии, былъ очень веселъ и оживленъ за ужиномъ, чокался съ друзьями и товарищами и весело и оживленно ринулся въ танцы при первыхъ звукахъ музыки. Онъ сдѣлалъ нѣсколько туровъ вальса (вальсироваль онъ, кстати сказать, мастерски), и когда раздались звуки модной въ то время польки-мазурки, онъ незамѣтно ушелъ изъ залы, и, минутой спустя, съ звуками веселаго танца слился звукъ пистолетнаго выстрѣла, раздавагося гдѣ-то по близости.

Всѣ вздрогнули... встрепенулись... бѣгомъ бросились вонъ изъ дома, и прямо подъ окномъ танцевальной залы, около густаго куста сирени увидѣли несчастнаго Гарфа въ лужѣ крови... Онъ еще дышалъ...

Всѣ тѣсной, перепуганной толпой окружили его... Бывшій въ числѣ приглашенныхъ молодой докторъ торопливо разстегнулъ, почти разорвалъ на немъ мундиръ... но все было напрасно!... Ничьей помощи онъ уже не требоваль!...

Онъ только порывисто вздохнулъ, развелъ руками, какъ будто желая оттолкнуть отъ себя что-то... и, опустивъ голову на грудь, испустилъ духъ!.. Глаза его, по рассказамъ лицъ, бывшихъ подлѣ

него въ эту страшную минуту, были широко раскрыты и зорко устремлены въ одну точку, какъ будто онъ увидалъ передъ собой что-то совершенно для него неожиданное... какъ будто онъ понялъ что-то, чего прежде не зналъ и не понималъ!...

Хорошить повезли несчастнаго въ Москву, при чемъ разрѣшеніе на перевезеніе его праха добиться было нелегко! На панихидахъ въ имѣніи, куда его увезли въ ту же ночь, перебивалъ буквально весь уѣздъ, и намъ съ Наташей тоже нельзя было уклониться отъ этого тяжелатаго посѣщенія.

Какъ теперь смотрю я на него...

Онъ нисколько не измѣнился, только какъ будто потемнѣлъ, и крѣпко, крѣпко о чемъ-то задумался... Предполагаемая героиня его романа успѣшила уѣхать не только изъ предѣловъ Клинскаго уѣзда, но и изъ предѣловъ Россіи, и, пробывъ въ Москвѣ ровно столько времени, сколько нужно было для полученія заграничнаго паспорта, она надолго уѣхала изъ предѣловъ родной земли...

Что случилось съ ней потомъ, я не знаю, но не могу не замѣтить кстати, что аккорды той мелодичной и за душу хватающей польки-мазурки, подъ звуки которой застрѣлился несчастный Гарфъ, имѣли какое-то фаталистическое значеніе. Подъ тѣ же звуки, нѣсколько лѣтъ спустя, покончилъ съ молодой жизнью нѣкто Климовъ, тоже подъ гнетомъ романическаго разочарованія.

Съ тѣхъ поръ этой польки-мазурки на балахъ уже больше никогда не играли, и существовала даже версія о томъ, будто бы музыка эта была «запрещена» для исполненія на балахъ.

Этому, конечно, повѣрить трудно, но легко быть можетъ, что сами дирижеры балльных оркестровъ избѣгали этихъ роковыхъ звуковъ... вѣря въ ихъ роковое значеніе!

Съ тѣхъ поръ въ теченіе долгихъ лѣтъ мнѣ не приходилось ни разу слышать грустнаго, за душу хватающаго мотива этой мазурки, и только много лѣтъ спустя при мнѣ случайно исполнилъ ее знаменитый Венявскій, запросто пріѣхавшій къ Вѣгичевымъ и игравшій почти экспромтомъ варіаціи на старыя, забытыя, случайно слышанные имъ мотивы...

Это было болѣе тридцати лѣтъ послѣ описанно мною несчастнаго случая на балѣ, и Венявскій, которому я тутъ же объ этомъ рассказала, очень заинтересовался моимъ рассказомъ и повѣдалъ намъ всѣмъ, что «запрещенная» музыка у насъ на Руси дѣйствительно бываетъ и что одна изъ лично имъ написанныхъ мазурокъ была «запрещена» для публичнаго исполненія, въ 1863 году... При этомъ онъ, со свойственнымъ его польской натурѣ ожесточеніемъ, замѣтилъ, что въ малокультурныхъ странахъ могутъ встрѣтиться «запрещенныя книги», что деспотически орудующее правительство можетъ «запретить» извѣстныя убѣжденія, но что затѣмъ, чтобы «запрещенную мазурку» послушать, надо въ Россію пріѣхать...

Но я забѣгаю впередъ... и еще разъ извиняюсь передъ читателями за несоблюденіе хронологическаго порядка въ моихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ. Я не мемуары пишу. Личныя мои записки ни для кого никакого интереса представить не могутъ. Я просто вспоминаю отрывочные эпизоды моихъ «встрѣчъ и знакомствъ» съ лицами болѣе или менѣе извѣстными и интересными, ругаясь вполнѣ за то, что все мною разсказанное строго справедливо и можетъ возбуждать «опроверженія» только со стороны лицъ, заинтересованныхъ тѣмъ, чтобы это было... «не такъ»!...

Закончился веселый лѣтній сезонъ моего пребыванія въ Клинискомъ уѣздѣ большимъ баломъ, которому предшествовали живыя картины, поставленныя мѣстнымъ художникомъ-любителемъ.

Онъ далъ нѣсколько очень красивыхъ эскизовъ, самъ выбралъ дѣйствующихъ лицъ и, по возможности разнообразія и костюмы, и позы, и декораціи, далъ цѣлую серію дѣйствительно очень красивыхъ картинокъ... Но на бѣду къ числу лицъ, фигурировавшихъ на эстрадѣ, непременно хотѣлось примкнуть нашему неугомонному Петру Петровичу Алмазову старшему. Онъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, считалъ себя еще очень привлекательнымъ мужчиной и упросилъ художника поставить для него картину изъ испанской жизни... Партнершъ среди насъ, молодежи, онъ себѣ найти не могъ... Никого изъ насъ не соблазнила перспектива появленія рядомъ съ такимъ «кабалеро», и тогда онъ потребовалъ, чтобы вмѣсто испанокъ къ нему прикомандированы были испанцы и чтобы поставлена была сцена терреадоровъ, готовящихся къ бою!.. Художникъ сначала возражалъ противъ этой фантазіи, но подъ конецъ предоставилъ неугомонному терреадору самому выбирать себѣ и позы и костюмъ, и когда хозяиномъ положенія очутился Петръ Петровичъ, то получилось нѣчто совсѣмъ необычное!.. Костюмы рѣзали глаза... позы были вычурны до смѣшнаго... и старикъ фонъ-Визинъ, присутствовавшій на генеральной репетиціи, пресерьезно освѣдомился: «А этотъ выходъ клоуновъ что долженъ означать?..»

Но нашего Петра Петровича смутить было трудно... Онъ, услыхавъ нелестный вопросъ, только рукой махнулъ и лукаво замѣтилъ, что «дамы, быть можетъ, выскажутъ иное мнѣніе о терреадорахъ».

На бѣду нашего терреадора, въ самый день фестиваля, утромъ, къ намъ въ Бабайки пріѣхалъ извѣстный поэтъ Николай Васильевичъ Бергъ, приглашенный пріѣхать вмѣстѣ съ нами на балъ, и разразился по адресу «терреадоровъ», стоявшихъ на аренѣ въ какихъ-то изогнутыхъ позахъ, слѣдующимъ четверостишіемъ:

Я пораженъ и удалю цыганской,
И красотой Италіи златой,
И только отъ Севиліи испанской,
Какъ будто пахнетъ чехардой...

Баль удался вполне, и редко впоследствии мне приходилось видеть что-нибудь более законченное, более поистине барское, нежели этот «провинциальный» фестиваль, на который бере уже уходившего старого времени внесли живое предание роскошной старины...

Для того, чтобы дать точное понятие об этом проблеске угасавшего барства, я скажу только, что старик фон-Визинг, пришедший для украшения сарафана одной из участниц футляр старинных бриллиантовых пуговиц, хранившихся в сундуках еще со времен Екатерины, при возвращении ему этого дорогого украшения выбрал самую крупную и самую ценную из пуговиц и попросил красивую «русскую красавицу» оставить ее у себя, «на память» об этом вечере.

Провожали нас из Бабаек целым громадным обществом, наше купе забросано было цветами и букетами, добряк Петр Петрович чуть не плакал, разставаясь с нами, и упрашивал Наташу на следующее лето вернуться к ним вместе со мной, и один только бѣдовый Берг, приехавший с Ржевским за нами из Москвы, опять разразился веселым и шутливым экспромтом: он стал в позу на площадке вагона и, простирая руки в пространство, как бы навстрѣчу собравшейся публике, с пафосом продекларировал:

Прости, пріютъ веселый и игривый,
Гдѣ все спрятали «амо» и «аморь»...
Гдѣ лѣсъ шумѣлъ, гдѣ зеленѣли ливы,
Гдѣ въ чехарду игралъ торреадоръ...

Въ отвѣтъ на этотъ прощальный экспромтъ раздался взрыв дружнаго хохота, но добряк Алмазовъ не обидѣлся и, шутливо грозя поэту, замѣтил:

— И дался ему этотъ торреадоръ!..

Больше мне никогда уже не пришлось быть въ гостепріимномъ Клинскомъ уѣздѣ, и съ «торреадоромъ» я случайно встрѣтилась только года два или три спустя. Онъ очень постарѣлъ, сильно измѣнился, но былъ попрежнему милъ и привѣтливъ, и встрѣча съ нимъ мне была очень пріятна... Вообще онъ принадлежалъ къ типу людей, за послѣдніе годы почти совершенно исчезающихъ съ русскаго горизонта... о чемъ подчасъ нельзя не пожалѣть!..

Заговоривъ о людяхъ, постепенно исчезающихъ, я не могу, опять не соблюдая ни малѣйшей хронологіи, не сказать нѣсколькихъ словъ о представителѣ совершенно исчезнувшей и ступевавшейся эпохи, какъ будто живую тѣнью прошлаго встававшемъ среди окружающаго его новаго міра.

Я хочу говорить о Петрѣ Васильевичѣ Хавскомъ, съ которымъ мне пришлось познакомиться въ 1874 году, и который въ это время

сохранялъ живое и вполне сознательное воспоминаніе объ императрицѣ Екатеринѣ II, которую онъ нѣсколько разъ видалъ воочію...

О томъ, сколько лѣтъ было Хавскому, когда я его въ первый разъ увидала на дворянскихъ выборахъ 1874 года,—я говорить не стану, но ходилъ онъ очень бодро, обо всемъ очень здраво разсуждалъ, и только не могъ и не хотѣлъ понять, что время идетъ и люди старѣются!...

Къ нему все дворяне относились съ исключительнымъ, ласковымъ уваженіемъ, его каждый изъ уѣздовъ Московской губерніи неукоснительно приглашалъ на устраиваемый обѣдъ, при чемъ на этихъ обѣдахъ, которыми заканчивались шумные и очень азитированные выборы, все каждый въ складчину платилъ за себя, и одинъ Петръ Васильевичъ только всюду приглашался даромъ, въ качествѣ гостя... Онъ привѣтливо откликался на все приглашенія, очень цѣнилъ всеобщее вниманіе, и одного только не могъ понять, а именно того, что люди, которыхъ онъ зналъ дѣтми и представителями зеленой молодежи, успѣли уже состарѣться...

Такъ, напримѣръ, въ отвѣтъ на шутку, обращенную къ нему губернскимъ предводителемъ дворянства, княземъ Мещерскимъ, сановитымъ, важнымъ и очень пожилымъ баринномъ, Хавскій слегка подмигнулъ ему, ударилъ его по плечу и покровительственно произнесъ:

— Шалунъ!... Всегда... попрежнему шалунъ!...

Это губернскій-то предводитель дворянства, у котораго въ то время ужъ внуки, вѣроятно, были!...

На выборахъ Хавскій фигурировалъ въ мундирѣ какого-то небывалаго, давно забытаго образца и, проходя мимо портрета императрицы Екатерины, всегда почтительно наклонялъ голову и взволнованнымъ голосомъ говорилъ:

— Матушка... Царица великая, незабвенная!...

Для него никто изъ прежнихъ знакомыхъ ему людей не умеръ... Все только какъ будто на время ушли куда-то, и непременно вернуться! Для него время словно остановилось. Кого онъ зналъ ребенкомъ, тотъ будто и не выросъ вовсе, кто при немъ молодъ былъ, тотъ такъ и не состарѣлся, и онъ въ залѣ собранія, гдѣ происходили выборы, почти строго замѣчалъ Ивану Сергѣевичу Аксакову:

— А ты не шабарши! Набаловали тебя дѣдъ съ отцомъ... вотъ ты и несешься превыше облаковъ небесныхъ!

А князю Несвицкому, бывшему въ то время московскимъ уѣзднымъ предводителемъ, онъ, укоризненно качая головой, замѣчалъ:

— Прятки вы все пыще стали... Старшихъ слушать не хотите! У самихъ молоко на губахъ не обсохло, а умище всехъ хотите быть!

«Молокососу» Несвицкому въ то время было, навѣрное, уже далеко за шестьдесятъ лѣтъ.

Про Хавскаго говорили, что онъ «забылъ умереть», но когда онъ дѣйствительно умеръ, то хоронили его всёмъ городомъ, съ большимъ почетомъ...

Это не человѣкъ умиралъ, это цѣлая живая эпоха уходила въ вѣчность... цѣлая законченная страница исторіи закрывалась!...

Типъ такой же какъ будто неувыдаемой древности приходилось встрѣчать лицомъ къ лицу еще раньше, въ далекую эпоху моего дѣтства, въ стѣнахъ Смольнаго монастыря.

Такъ тоже «забыла умереть» старушка Наталья Ивановна Нелидова, родная сестра извѣстной фаворитки императора Павла, Екатерины Ивановны Нелидовой, проживавшая въ отведенной ей крошечной квартиркѣ въ старомъ зданіи Смольнаго монастыря.

Зданіе это, совершенно почти заброшенное и состоявшее изъ длинныхъ коридоровъ и переходовъ, въ которые насъ зимой водили гулять, особенно въ холодные дни, вмѣсто улицы,—полно было таинственныхъ легендъ и разказовъ самаго фантастическаго содержанія.

По бокамъ этихъ длинныхъ и совершенно холодныхъ кулуаровъ и коридоровъ расположены были двери, изъ которыхъ инья вели въ квартиры, отведенныя лицамъ, когда-либо служившимъ учрежденію, а инья представляли собой нѣчто таинственное, и на нихъ красовалась надпись: «хода нѣтъ». Надписи эти, помню, всегда сильно затрагивали наше дѣтское воображеніе, и намъ всегда казалось, что за этими дверями, наглухо и навсегда кѣмъ-то запертые, хранится какая-нибудь глубокая и серьезная тайна...

Между дѣтьми ходила, между прочимъ, неизвѣстно кѣмъ и откуда занесенная легенда о томъ, что въ одномъ изъ этихъ таинственныхъ помѣщеній, за одной изъ этихъ дверей, въ которыя «хода нѣтъ», замурована въ стѣнѣ монахиня, нарушившая свой монашескій обѣдъ и заложенная въ стѣну, по распоряженію своего непосредственнаго начальства.

Мы особенно бережно проходили по этимъ коридорамъ, трусливо прижимаясь другъ къ другу, и серьезно побаивались, несмотря на то, что водили насъ туда днемъ, и гуляли мы по молчаливымъ кулуарамъ и коридорамъ, цѣлымъ классомъ въ сто и полтора года человѣкъ.

Кромѣ этого фантастическаго разказа, существовала еще между нами версія о какомъ-то таинственномъ «карликѣ», будто бы приходившемъ въ указанныя эпохи къ дверямъ нашей большой актовой залы и потрясавшемъ двери этой залы. Карлика этого никогда никто не видалъ, никто даже таинственнаго стука не слышалъ, а между тѣмъ всё мы непреложно вѣрили въ его таинственное существованіе, и появленіе его, по нашимъ понятіямъ, должно было непременно совпадать съ чѣю-то гибелью и какимъ-то таинственнымъ несчастіемъ!... Въ общемъ это былъ вариантъ на пресловутую

«Бѣлую даму», и создался онъ, вѣроятно, навѣянный этой легендой.

Возвращаюсь къ Натальѣ Ивановнѣ Нелидовой. Въ то время, когда я ее видала, это была уже дряхлая старушка, одѣтая въ старинные и очень поношенные костюмы, опиравшаяся на палочку, и съ подбородкомъ, сходявшимся съ опущеннымъ книзу носомъ, она представляла собой положительное сходство съ вѣдьмой, въ томъ видѣ и образѣ, какъ изображаются художниками эти мистическія существа.

Жила она въ одной изъ маленькихъ квартиръ, расположенныхъ вдоль по стариннымъ кулуарамъ, и апартаменты ея, по словамъ тѣхъ, кто въ нихъ проникалъ, являли собой настоящій музей рѣдкостей.

Сестру свою она боготворила, память о ней хранила благоговѣнно и, говоря о ней, какъ-то высоко поднимала голову, что придавало ей окончательное сходство съ обитательницей Лысой горы.

Приходила она къ моей теткѣ, бывшей въ то время инспектриссой Смольнаго монастыря, и, несмотря на довольно большое разстояніе, приходила очень часто, свободно проходя сравнительно солидное пространство.

Какъ теперь смотрю я на нее... Въ длинномъ темно-желтомъ «салоупѣ» какого-то допотопнаго покроя, въ чепцѣ съ большими оборками подвигалась она вдоль по коридорамъ своей мелкой, дробною походкой и при встрѣчѣ съ посторонними гордо поднимала голову и старалась свысока смотрѣть своими подслѣповатыми, выцвѣтшими глазами.

Тетку мою она особенно любила потому, что та хорошо знала и помнила ея покойную сестру, знаменитую фаворитку, и хранила ея портретъ и ея письма, къ сожалѣнію, утраченныя впоследствии. Исторія этой утраты такъ оригинальна, что я не могу не сказать о ней мелькомъ два слова.

Тетка, сорокъ пять лѣтъ пробывшая въ стѣнахъ Смольнаго, — гдѣ она сначала воспитывалась, а затѣмъ служила двадцать пять лѣтъ классной дамой и двадцать лѣтъ инспектриссой, — была въ большомъ фаворѣ еще у императрицы Маріи Ѳеодоровны и впоследствии у императрицы Александры Ѳеодоровны. Кромѣ того, ее особенно любилъ великій князь Михаилъ Павловичъ, часто посѣщавшій ее запросто и приѣзжавшій провести вечеръ въ ея обществѣ. Въ силу такой благосклонной близости отношеній, у тетки была масса солидныхъ и почетныхъ связей при дворѣ. Со всѣми она поддерживала самыя лучшія отношенія, со всѣми во время ихъ отсутствія аккуратно и дѣлательно переносывалась, и коллекція писемъ, оставшихся у нея послѣ ея смерти, составила бы цѣнный вкладъ въ любой музей и любой историческій сборникъ, ежели бы этой цѣнной и рѣдкой коллекціи не было суждено погибнуть самымъ

необычайнымъ и, ежели можно такъ выразиться, самымъ глупымъ образомъ.

Дѣло въ томъ, что въ моментъ смерти тетки изъ близкихъ родныхъ при ней не было никого, и все, что у нея осталось, очутилось на рукахъ ея старой и вѣрной слуги Аннушки, или Анны Аѳанасьевны, вынячавшей внука и единственнаго наслѣдника тетки, по завѣщанію призваннаго наслѣдовать послѣ нея всѣмъ, что осталось въ наличности. Анна Аѳанасьевна обожала своего маленькаго питомца, благоговѣла передъ нимъ и съ горемъ провожала его, когда онъ уѣхалъ въ Москву для поступленія въ Катковскій лицей, по желанію Аксаковыхъ, собиравшихся усыновить его и передать ему и свое имя и все свое состояніе. Усыновленіе это внослѣдствіи не состоялось, но во время кончины тетки маленькой Оедя, которому въ то время было лѣтъ двѣнадцать или тринадцать, находился въ Москвѣ и ни въ какомъ наслѣдствѣ и ни въ какихъ дѣлахъ вообще участвовать не могъ. Аксаковы тотчасъ же прислали его въ Москву на погребеніе тетки и тутъ же сдѣлали заочное распоряженіе объ охранѣ оставшагося ему, по завѣщанію, имущества, но Анна Аѳанасьевна, въ порывѣ заботы о своемъ питомцѣ, захотѣла предвосхитить событія и... не нашла ничего лучшаго, какъ забрать паскоро всѣ картоны и портфели съ письмами и бумагами, жарко растопить каминъ и бросить въ него всѣ найденныя ею бумаги, безъ малѣйшаго различія.

Это было время общаго броженія, молодежь волновалась, всюду производились тщательные аресты и обыски, и Анна Аѳанасьевна, не умѣвшая даже читать, разсудила въ простотѣ души своей, что все «это» происходитъ «отъ бумагъ», и что велѣдствіе этого всѣ «бумаги» должны тщательно уничтожаться. Различія между «бумагами» она не дѣлала никакого... Разъ «написано»—значить и гибель недалеко!..

И, желая предостеречь Оедю отъ этой неминуемой гибели, она озаботилась исключить изъ получаемата имъ наслѣдства весь вредный элементъ. Мальчикъ на первыхъ порахъ не обратилъ вниманія на исчезновеніе и на опустошеніе картоновъ. Онъ горячо любилъ бабушку, и ему было не до того, но заботливая няня сама посиѣдила предупредить его, что приняла мѣры къ его «спасенію» и «охранѣ».

— Все пожгла, мой батюшка!.. Все, какъ есть, пожгла!..—успокоительнымъ тономъ сообщила она ему.—Знаю я... слышала, какъ нынче строго насчетъ всякихъ бумагъ... а бабушка твоя покойница, не во гнѣвъ ей будь сказано, куда какая охотница была до нихъ! Столько я ихъ пережгла... столько вороховъ въ печку побросала. что какъ отъ доброй тонки въ комнатѣ жарко стало!..

Оедя не могъ полностью обнять весь нравственный ужасъ такого вандализма, но настолько онъ уже понималъ, чтобы догадаться,

что въ числѣ сожженныхъ бумагъ могли быть и очень цѣнные документы... Онъ молча покачалъ головой и замѣтилъ кротко:

— Напрасно, няня!.. Надо было подождать!.. Ивану Сергѣевичу переслать надо было бумаги...

Но Анна Аванасьевна съ такимъ доводомъ согласиться не могла.

— Что мнѣ твой Иванъ Сергѣевичъ?—вспылила она.—Не съ него взыски-то бы пошли! Не его къ Иисусу бы притянули, а насъ съ тобой!

— Да насъ-то за что же?—съ недоумѣніемъ переспросилъ Оеда.

— А здорово живешь! Времена нынче такія!... Изъ-за бумагъ не мало народу погибло, и впередъ еще погибнетъ немало!

Она отъ своего мнѣнія не отступилась, сдѣланнаго вернуть было нельзя, и такимъ образомъ каминъ въ теткиной квартирѣ оказался растопленнымъ документами, имѣвшими громадное историческое значеніе.

Въ портфеляхъ тетки, по свидѣтельству ея меньшей сестры, прѣхавшей слишкомъ поздно, чтобы спасти бумаги отъ заботливой осторожности не по разуму усердной Анны Аванасьевны, хранились не только письма великаго князя Михаила Павловича, но и подлинныя коротенькія записки императора Павла, адресованныя къ Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой и переданныя этой послѣдней моею теткѣ, которую она очень любила. И подумать, что это все было разомъ сожжено этимъ своеобразнымъ Геростратомъ!...

Тетка моя была близка къ прежней могущественной фавориткѣ уже тогда, когда Нелидова проживала на покоѣ въ апартаментахъ, отведенныхъ ей въ старомъ зданіи Смольнаго монастыря, отдѣланныхъ съ относительной и очень оригинальной роскошью. Апартаменты эти были намъ всеѣмъ хорошо знакомы, и мы не разъ любовались ими. Въ общемъ квартира бывшей фаворитки была не велика и состояла изъ семи или восьми комнатъ, но отдѣлка ея и въ то уже далекое время поражала своей оригинальностью, а теперь явила бы собой большую и очень интересную рѣдкость, ежели бы сохранилась въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ чемъ позволительно усомниться.

Небольшая бѣлая мраморная зала съ люстрой по срединѣ и кенкетами по бокамъ не представляла собой ничего особо выдающагося, кромѣ развѣ только безконечныхъ груннъ амуровъ, живописно расположенныхъ по всему потолку.

Амурамъ вообще было отведено довольно большое мѣсто въ этомъ своеобразномъ помѣщеніи. Они порхали по стѣнамъ гостиной, ютились въ уголкахъ кокетливаго кабинета съ дорогой мебелью и нескромно выглядывали изъ всеѣхъ уголковъ спальни съ кружевнымъ пологомъ и широкой кроватью въ видѣ запрокинутаго дивана съ валиками, обитаго дорогимъ штофомъ съ золотыми разво-

дамп. Но оригинальнѣе всего былъ личный, совершенно изолированный отъ остальныхъ комнатъ кабинетъ фаворитки, носившій характерное имя «пустыньки». Въ него приходилось спускаться на четыре ступеньки внизъ, и всѣ стѣны его были расписаны деревьями и кустами, такъ что на первый взглядъ можно было подумать, что очутился въ густомъ лѣсу...

Въ углу этой «пустыньки» висѣлась большая икона, передъ которой въ то время теплилась лампадка, предоставленная заботамъ сторожа, но зажигавшаяся только въ особые, опредѣленные дни да еще въ дни, назначенные для посѣщеній и осмотра кѣмъ-нибудь этого интереснаго историческаго уголка. Передъ иконою устроено было нѣчто въ родѣ маленькаго аналая, съ придѣланной къ нему бархатной подушкой. Бархатъ стерся отъ долгаго стоянія на молитвѣ передъ иконою...

Много горя, видно, пережито было тамъ, и много слезъ было пролито!..

Въ темномъ углу «пустыньки», какъ бы сливаясь съ темными красками нарисованныхъ деревьевъ, возвышалось что-то мрачное и совершенно задрапированное чернымъ флеромъ... Намъ сказали, что это былъ портретъ, но не объяснили, чей именно... Впрочемъ, и не нужно было никакого объясненія!..

По странному и никому изъ насъ непонятному распоряженію, сестрѣ бывшей фаворитки, Натальѣ Ивановнѣ, отведено было совершенно скромное помѣщеніе, и въ апартаменты своей сестры она, на ряду со всѣми прочими, допускалась только въ качествѣ простой посѣтительницы...

Скупа была Наталья Ивановна феноменально, и слухи носились, что она даже ѣсть впроголодь и отказываетъ себѣ положительно во всемъ, а между тѣмъ послѣ нея остались, какъ говорили, довольно большія деньги...

Перешла она въ вѣчность тихо и совершенно незамѣтно, пораженная во снѣ параличомъ. Съ вечера была совершенно здорова, но смерть свою предсказала на основаніи страннаго случая, о которомъ она успѣшила прійти рассказать теткѣ. Дѣло въ томъ, что въ ея комнатѣ стояло большое трюмо, унаследованное ею отъ сестры и составлявшее въ то далекое время предметъ большой роскоши. Уходя за этимъ трюмо составлять одну изъ главныхъ заботъ старушки, она даже пыль съ него сметала сама, не довѣряя этого своей единственной крѣпостной дѣвушкѣ. Вдругъ среди ночи, совершенно внезапно, раздался сначала трескъ, затѣмъ страшный стукъ... Что-то рухнуло, заставивъ задрожать стѣны... и когда разбуженная этимъ страшнымъ стукомъ старушка вбѣжала въ комнату, то къ ужасу и неописуемому огорченію своему она увидѣла на полу осколки треснувшаго и на осколки разлетѣвшагося зеркала...

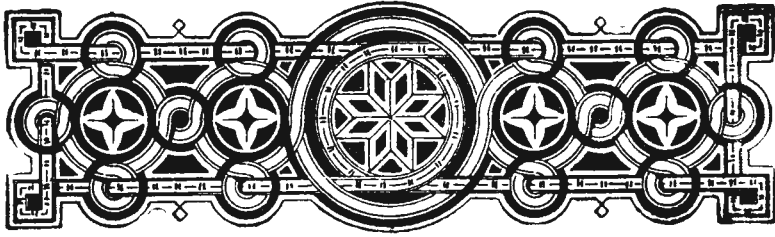
Никакой видимой причины такого паденія отыскать было нельзя. Все кругомъ было совершенно неподвижно, и внезапно лопнуть могло толстое стекло только какимъ-нибудь необъяснимымъ чудомъ. Наталья Ивановна поняла это, какъ предупрежденіе о близко наступавшей смерти, и дѣйствительно предчувствіе не обмануло ее. Послѣ паденія внезапно лопнувшего зеркала она не прожила и недѣли...

Теткѣ моей она завѣщала нѣсколько цѣнныхъ писемъ своей сестры и портретъ ея, оправленный въ рамку изъ чернаго дерева.

Куда все это дѣвалось впоследствии, не знаю... Вѣроятно, тоже сдѣлалось жертвой неукоснительной «заботы» бѣдной Анны Леонасьевны.

А. И. Соколова.

ИЗЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ ВЪ ПАРИЖѢ.

(Памяти П. Л. Лаврова).

НѢ было за тридцать лѣтъ, но меня считали гораздо моложе. Я была тонка, проворна, имѣла кудрявые волосы и звонкій, молодой голосъ. За границей даже, не только въ Россіи, меня принимали за нигилистку, разумѣя подъ этимъ словомъ политическую преступницу. Одинъ нѣмецъ въ Берлинѣ прямо спросилъ меня: «Не вы ли Вѣра Засуличъ?»

Одѣтая въ пальто мужского покроя, съ дорожной сумочкой черезъ плечо я сповала по платформѣ, отправляясь съ ночнымъ поѣздомъ изъ Берлина въ Парижъ.

Я отворяла одну за другой поперечныя двери вагоновъ—вездѣтѣснота. Пассажиры были такъ плотно посажены, что соприкасались локтями, держа на колѣняхъ свои сумки, свертки, картонки. А я рассчитывала, какъ въ Россіи, отдохнуть и выснаться дорогой, проведя нѣсколько дней въ Берлинѣ въ бѣготнѣ по музеямъ, театрамъ и всякимъ достопримѣчательностямъ. У меня ломило ноги отъ усталости, а я все бѣгала по платформѣ. Ко мнѣ подошелъ жандармъ, сказалъ, что мнѣ предлагаютъ мѣсто въ отдѣльномъ купе, и проводилъ меня.

Вотъ благодать! Два длинныхъ, мягкихъ дивана; на одномъ сидѣлъ пожилой господинъ, предоставляя мнѣ другой. И этотъ господинъ принялъ меня за нигилистку, какъ это выяснилось для меня впоследствии. Я тотчасъ легла и вытянула усталыя ноги, слушая его объясненія.

Онъ англичанинъ и живетъ въ Россіи, гдѣ нажилъ хорошее состояніе, насколько помнится, водопроводами, любитъ русскіхъ, всегда радъ быть имъ полезнымъ. И вотъ онъ весь къ моимъ услугамъ, узнавъ во мнѣ русскую по мѣховой шапкѣ и быстрой походкѣ.—

— Die Russen sind überhaupt sehr leicht auf den Bein,—сказалъ онъ. Онъ говорилъ то по-нѣмецки, то по-французски, не зная русскаго языка, а я по-англійски не говорила.

Я поблагодарила его, повернулась къ нему спиной и начала засыпать, и сквозь сонъ почувствовала, что онъ накрылъ меня своею шубою, но проснуться не могла.

Въ вагонѣ было очень свѣжо. Утромъ, проснувшись, я увидѣла, что англичанинъ спитъ съ натянутымъ на уши воротникомъ сюртука; я накрыла его шубою и сидѣла, не шевелясь, пока онъ не проснулся.

Всю дорогу онъ былъ ко мнѣ отечески внимателенъ, не позволялъ мнѣ платить за кофе и закуски, которыя намъ просовывали на подпосахъ въ окно, такъ какъ поѣздъ болѣе трехъ минутъ не останавливался; только въ Кельнѣ онъ стоялъ двадцать минутъ.

Тутъ англичанинъ, взявъ меня за руку, бѣгомъ пустился со мной черезъ площадь, чтобъ показать мнѣ Кельнскій соборъ—чудо величія и красоты архитектурнаго искусства.

Никогда не пыталась я такого мистически возвышеннаго настроенія подъ льющееся съ неба пѣніе ангеловъ, какимъ представились моему воображенію музыкальныя волны органа подъ сводами высокихъ, высокихъ, тонкихъ колоннъ темнаго цвѣта. И думается мнѣ, что самый закоренѣлый атеистъ долженъ проникнуться благоговѣніемъ, проникнуться сознаніемъ своего ничтожества передъ высшей незримой силой, войдя въ Кельнскій соборъ во время службы.

Англичанинъ, оставивъ меня въ соборѣ, успѣлъ сбѣгать на первую въ мірѣ фабрику одеколона (eau de Cologne—кельнская вода) и принесть въ вагонъ запакованныя въ ящикъ дюжины флаконовъ для подарковъ дамамъ.

Онъ ѣхалъ въ Англію встрѣтить Рождество въ нѣдрахъ своей семьи и поѣздомъ долженъ былъ провести день-два въ Парижѣ у своей замужней дочери. И мнѣ онъ далъ склянку одеколона.

За все его любезности, особенно за Кельнскій соборъ, я была ему очень признательна, но чувствовала себя стѣсненной его обществомъ. Сначала я приписывала его необычайное участіе къ незнакомкѣ свойственному англичанамъ джентльменству въ соединеніи съ природной добротой, но понемногу, но неумовимымъ, не поддающимся опредѣленію признакамъ въ добротѣ его я почувала отсутствіе искренности.

Въ разговорахъ съ нимъ я отъ него узнала, въ какомъ отчаяніи была княжна Долгорукая, морганатическая жена Александра II,

и какъ она принесла ему въ жертву то, что въ ней ему нравилось больше всего: свою роскошную косу она отрѣзала и положила въ гробъ своего безвременно погибшаго обожаемаго супруга.

Разсказавъ это мнѣ, англичанинъ пытливо смотрѣлъ мнѣ въ глаза и молчалъ. И неожиданно онъ спросилъ меня:

— Вамъ не жалко его?

— Жалко, — отвѣтила я съ полной искренностью.

Спросилъ онъ меня также, почему мой костюмъ похожъ на мужской, на что я ему правду сказала, что за модой слѣдить мнѣ не по средствамъ и лучше правится такъ.

— *Et ça vous va*, — сказалъ онъ мнѣ единственный комплиментъ за всю дорогу, такъ какъ было слишкомъ мало занять моей особой, интересуясь только моими дѣлами; разспрашивалъ меня: какъ это я одна, такая неопытная, молодая, ѣду безъ провожатыхъ такъ далеко? Въ соболѣзнованіи его слышалась фальшь, и одно любопытство сквозило въ его вопросахъ: кто я, зачѣмъ ѣду въ Парижъ, есть ли у меня тамъ родные, друзья и знакомые?

Уклончиво и шутливо я отвѣчала ему, что весь міръ для меня полонъ друзей, родныхъ и знакомыхъ, доказательствомъ чего служить онъ самъ.

Не хотѣлось мнѣ сказать ему главной цѣли моей поѣздки въ то тяжелое время, когда всякому хотѣлось вырваться изъ Россіи, какъ изъ тюрьмы. Передъ тѣмъ я дебютировала на литературномъ поприщѣ съ такимъ успѣхомъ, что И. С. Тургеневъ, прочитавъ мое сочиненіе, выразилъ мнѣ въ письмѣ свое желаніе познакомиться со мной. Но въ Россіи видѣться съ нимъ мнѣ не пришлось, и вотъ когда нашлась у меня возможность уѣхать за границу, я и поѣхала въ Парижъ представиться Тургеневу.

Если бъ я это сказала англичанину, онъ не повѣрилъ бы мнѣ. Такъ проста и незначительна моя внѣшность, что онъ принялъ бы меня по меньшей мѣрѣ за лгуницу. Гораздо правдоподобнѣе было назвать себя учительницей по профессіи, каковой я и была до своего писательства.

Англичанинъ предложилъ познакомиться меня съ своей замужней дочерью, жившей въ Парижѣ, я поблагодарила его. Онъ помогъ мнѣ въ Парижѣ, куда мы пріѣхали ночью, получить мой багажъ, подвезъ меня къ гостиницѣ «*Hôtel de Russie*» и, сдавъ съ рукъ на руки швейцару, просилъ быть завтра дома и ждать визита его дочери. Ни одинъ родственникъ не относился ко мнѣ такъ хорошо, какъ этотъ чужой человѣкъ, и со всѣмъ тѣмъ я почувствовала большое облегченіе, избавившись отъ его присутствія. Несмотря на его корректность и джентльменство, что-то въ немъ подсказывало моему сознанію скрытую цѣль подъ его добротой.

Невозможно, пріѣхавъ куда-нибудь въ первый разъ, усидѣть въ скучномъ номерѣ гостиницы, и, вставъ рано, я успѣшила выйти

на улицу... О, жизнерадостный, веселый городъ Парижъ! Я увлеклась ознакомленіемъ съ Парижемъ, попутно нашла себѣ дешевую комнату, и когда вернулась въ гостиницу за вещами, нашла у себя визитную карточку англичанина Джоржа Ли; на ней написано съ небольшимъ искаженіемъ на англійскій ладъ буквально слѣдующее: «J'ai amené ma fille, m-me Bauman pour la vous présenter, et nous regrettons de ne vous avoir trouvé. Elle reçoit tous les vendredis de l'après midi». Слѣдоваль адресъ его дочери въ Пасси.

Итакъ, англичанинъ привозилъ ко мнѣ свою дочь. Слѣдовало бы мнѣ сейчасъ отдать имъ визитъ, но... само собою разумѣется, что прежде всего мнѣ хотѣлось увидѣть Тургенева, о знакомствѣ съ которымъ печатались въ свое время мои записки въ газетѣ «Новое Время». Потому разнообразіе парижскихъ впечатлѣній въ такой степени поглотило, закружило меня, что я забыла о существованіи англичанина съ его дочерью. И прошло не помню сколько времени, когда я наконецъ почувствовала утомленіе чуждой мнѣ уличной жизнью среди иностранцевъ.

Одного русскаго человѣка я только и знала: Тургенева, и спѣшила къ нему по утрамъ раза по три въ недѣлю. По его желанію на условіи взаимнаго одолженія я прочитывала у него русскіе журналы и газеты и должна была за это отмѣчать для него, что было въ нихъ интереснаго. И, сидя у него за чтеніемъ, которое меня въ тотъ разъ не интересовало, я начала ему жаловаться, что я соскучилась, не слыша русскаго языка.

— На родину меня совсѣмъ не тянетъ, — говорила я ему: — но мнѣ нужны русскіе люди и русскіе нравы. Здѣсь, на примѣръ, вино пьютъ по цѣлымъ бутылкамъ и женщины и дѣти, но нельзя закурить папиросу: всѣ оглядываются въ садахъ и ресторанахъ на курящую женщину съ насмѣшливымъ осужденіемъ.

Привычнаго русскаго общества не доставало мнѣ. И какъ разъ въ это время вошелъ къ Тургеневу знаменитый русскій художникъ В. В. Верещагинъ. Его огромная, высококомѣрная фигура съ круглой плѣшью произвела на меня странное впечатлѣніе. Казалось мнѣ, что позвонки его шеи совсѣмъ не сгибаются, съ такой непреклонной спесью держалъ онъ себя. И говорилъ все о себѣ, все о себѣ, о томъ, что онъ забылъ захватить съ собой и что лишнее оказалось въ его багажѣ; вообще о нестоящихъ вниманія мелочахъ говорилъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто давалъ цѣнныя свѣдѣнія о своей особѣ.

— Ну, вотъ вамъ и русскій языкъ, — сказалъ Иванъ Сергѣевичъ по его уходѣ.

— Не понравился мнѣ этотъ русскій языкъ.

— Хотите, я васъ познакомя съ эмигрантомъ Лавровымъ? — предложилъ мнѣ Тургеневъ.

— Мерсі, но знаете... Можетъ быть, онъ еще важнѣе Верещагина, — нерѣшительно возразила я.

Не отвѣтивъ на это, Тургеневъ началъ что-то писать, но мнѣ такъ хотѣлось въ тотъ день говорить съ нимъ хоть о чемъ-нибудь, по-русски говорить. И, рискуя разсердить Тургенева, я рѣшилась ему помѣшать. Тихонько, несмѣло я спросила его:

— Иванъ Сергѣевичъ, отчего у васъ такіе густые волосы? Верещагинъ плѣшивый, а ваши волосы сохранились.

Онъ отвѣтилъ мнѣ терпѣливо и обстоятельно, что для сбереженія волосъ ихъ слѣдуетъ ежедневно прочесывать частымъ гребнемъ, проводя имъ глубоко и крѣпко не менѣе двадцати разъ. Отъ притока крови къ черепной кожѣ усиливается питаніе волосныхъ корней.

Я приняла это къ свѣдѣнію, немного помолчала и опять спросила:

— А помаду какую вы употребляете?

Онъ только посмотрѣлъ на меня, вздернувъ плечомъ, и продолжалъ что-то писать.

— Простите, скучно мнѣ, Иванъ Сергѣевичъ, просто невыносимо сегодня, и въ газетахъ ничего нѣтъ интереснаго. Поболтайте со мной. Вѣдь не часто и далеко не всѣмъ выпадаетъ на долю знакомство съ Тургеневымъ. Надо же мнѣ использовать то, за что придется расплачиваться. Какъ многіе изъ моихъ собратьевъ по перу гораздо болѣе меня достойны вашего вниманія, и какъ они обижены тѣмъ, что меня одну вы удостоили своимъ знакомствомъ.

Бросивъ на меня пытливый, полувопросительный взглядъ, Тургеневъ медленно проговорилъ:

— Скажите на милость. Какъ будто разбогатѣешь или дождешься счастливой судьбы черезъ мое знакомство.

— Само по себѣ оно завидное счастье. Ни протекціи вашей ни въ чемъ вашей помощи мнѣ не нужно, Иванъ Сергѣевичъ, ничего я у васъ не просила и не попрошу, хочу только въ настоящую минуту слышать васъ, вашъ тургеневскій русскій языкъ.

— И какъ нарочно я не расположенъ болтать, — сказалъ онъ, глядя въ бумагу: — хочется мнѣ записать тутъ... одну мысль.

— Ахъ, вы работаете! — Я вскочила и взяла шляпку. — Сейчас уйду... Какъ бы я была счастлива прочесть первая въ рукописи то, что вы напишете. Дадите?

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Оттого, что первому Анненкову я всегда показываю свои рукописи. Я вѣрю въ его чутье.

Онъ отложилъ неподписанную страницу и взялъ почтовый листокъ, а я продолжала:

— Почему Анненкову, а не Толстому, не Салтыкову? Что такое Анненковъ по сравненію съ вами.

— Да вы меня сбиваете, — сказалъ онъ, впрочемъ, довольно снисходительно: — вотъ, кажется, ошибка у меня... все равно... Вѣдь

только дураки не ошибаются... Вотъ вамъ письмо къ Лаврову, теперь онъ навѣрно дома.

Онъ заклеилъ письмо въ конвертъ и далъ мнѣ.

Прежде всего я услышала отъ Лаврова, что Иванъ Сергѣевичъ много помогаетъ нуждающимся соотечественникамъ, но для меня было еще интереснѣе знать, что написалъ ему Тургеневъ обо мнѣ; и я взяла у него себѣ на память письмо Тургенева. При этомъ я замѣтила, что прежде, чѣмъ дать мнѣ письмо, Лавровъ оторвалъ отъ него полоску съ нижняго края, скаталъ ее и положилъ въ карманъ.

— Секретная строка, — отвѣтилъ онъ на мой нѣмой вопросъ, шутливымъ тономъ, — и очень цѣнная.

Вотъ это письмо:

«Любезный Петръ Лавровичъ, это письмецо вамъ передать Александра Александровна, прїѣхавшая изъ Россіи для пребыванія въ Парижѣ. Она написала повѣсть въ «Отечественныхъ Запискахъ». «Передъ разсвѣтомъ», вещь весьма замѣчательную и общающую многое въ будущемъ. Примите ее съ обычнымъ вашимъ радушіемъ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Петръ Лавровичъ Лавровъ имѣлъ на меня неотразимое вліяніе. Вотъ человѣкъ безукоризненнаго благородства, не признаннаго только въ его отечествѣ!

При первомъ взглядѣ на него мнѣ показалось, что я его давно, въ раннемъ дѣтствѣ уже знала, такъ и повѣяло отъ него чѣмъ-то милымъ, родственно-близкимъ. И при первомъ же на него взглядѣ бросилось мнѣ въ глаза, что и у него, какъ у Тургенева, сѣдые волосы длинны и густы; не думаю, однако, чтобы онъ расчесывалъ ихъ частымъ гребнемъ—въ туалетѣ его не замѣчалось никакой заботливости о себѣ.

Всегда занятый и всегда готовый оторваться отъ занятія для посѣтителей, чтобы дать полезный совѣтъ, указаніе, рекомендацію, и оказывая своимъ вліяніемъ подчасъ неоцѣнимыя услуги, этотъ безкорыстный человѣкъ на склонѣ лѣтъ своихъ терпѣлъ лишенія въ необходимомъ.

Два яйца въ смятку за завтракомъ и одно блюдо изъ дешеваго ресторана на обѣдъ—таковъ былъ его болѣе чѣмъ скромный бюджетъ. Квартирка въ улицѣ St. Jacques, состоящая изъ комнаты, въ которой онъ принималъ и работалъ за письменнымъ столомъ, заваленнымъ объемистыми рукописями, мелко исписанными его неразборчивымъ почеркомъ, и маленькой каморки, гдѣ рѣдкій день не укрывался кто-нибудь изъ искомыхъ соотечественниковъ, такъ какъ въ то время Гамбетту смѣнилъ Фрейсницъ, который вошелъ

въ соглашеніе съ русскимъ правительствомъ о выдачѣ политическихъ эмигрантовъ.

Жилъ Петръ Лавровичъ безъ прислуги, но принималъ у себя и такихъ людей, какъ Чарльзъ Дилъкъ. Эмигранты гордились имъ и дорожили, какъ представителемъ своей партіи, но, не во всемъ соглашаясь съ нимъ, многое утаивали отъ него, а нѣкоторые поступали въ разрѣзъ съ его завѣтами, что причиняло ему много огорченій.

Но всегда ровный, терпѣливый и терпимый собесѣдникъ, Петръ Лавровичъ принималъ меня, какъ родную. Съ искренно теплымъ участіемъ отнесся онъ ко мнѣ, внушивъ съ перваго дня знакомства полное довѣріе.

Никогда я о себѣ не говорила Тургеневу—Петру Лавровичу я рассказала все. Я показывала ему письма по мѣрѣ полученія ихъ изъ Россіи, и онъ вѣрно угадывалъ по письмамъ характеръ моихъ корреспондентовъ.

Рассказала я ему разъ и о своемъ спутникѣ, англичанинѣ. Петръ Лавровичъ удивился, что я еще не отдала визита его дочерп.

— Случай даетъ вамъ возможность пріобрѣсть семейное знакомство, котораго другіе здѣсь напрасно добиваются годами. Парижане сдержанно и недовѣрчиво относятся къ пріѣзжимъ иностранцамъ,—говорилъ онъ мнѣ:—а жизнь оторваннаго отъ общества была бы однасторонняя жизнь. Поѣзжайте, поѣзжайте къ англичанамъ,—совѣтовалъ онъ.

Въ другой разъ въ присутствіи своихъ русскихъ гостей онъ спросилъ меня, была ли я у англичанъ и почему не собралась.

— Да я не понимаю, Петръ Лавровичъ, на что я имъ понадобилась.

— Ни на что. Просто, какъ хорошіе люди, они пожелали огрaдить своимъ знакомствомъ неопытное молодое существо...

— Ахъ, и вы тоже, Петръ Лавровичъ! Вы судите ихъ по себѣ и забываете, что мнѣ тридцать четыре года.

— Но у васъ видъ такой наивный, простодушный... извините.

— Да, у меня дурашливый видъ и многихъ вводитъ въ заблужденіе.

— Сознаніе есть шагъ къ исправленію,—сказалъ эмигрантъ съ именемъ Джонъ Россель.—У васъ дѣйствительно лицо капризнаго ребенка. Вамъ нянька нужна.

— И въ поступкахъ ребячество,—сурово замѣтилъ эмигрантъ Дебагорій:—по улицѣ не можете пройти безъ приключенія.

И оба они, оба страшные преступники, принялись меня строго судить.

Петръ Лавровичъ, видимо, обезпокоенный за мое самолюбіе, сказалъ, что приключеніе можетъ со всякимъ случиться. И, ласково посмѣиваясь глазами въ мою сторону, онъ добавилъ:

— Вы заранѣе оправданы.

Передъ тѣмъ какой-то проходимецъ во время быстрой ѣзды на улицѣ толкнулъ меня подъ мчавшуюся пару лошадей, пытаюсь сорвать съ меня часы. Но лошади остановились, и я указала на него прохожимъ. Его схватили и передали полиціи.

Это разнеслось въ русскихъ кружкахъ, и мнѣ же ставили въ упрекъ: переходить черезъ дорогу, не переждавъ ѣзду.

— Въ Парижѣ никогда ее не переждешь,—оправдывалась я:— вѣдь я благополучно вышла изъ опаснаго положенія.

— Могло быть иначе. А не ребячество это, что вы незнакомому прохожему на улицѣ отдали на храненіе двѣ тысячи франковъ. Вообще какая-то вы... не отъ міра сего,—сказала Дебагорій.

— Я безошибочно угадала въ немъ честнаго человѣка. Онъ мнѣ съ лихвой вернулъ мои деньги.

— Да,—сказала Джонъ Россель въ заключеніе:—глядя на васъ можно, пожалуй, увѣрять въ Господа Бога.

Этотъ Джонъ Россель вездѣ, кромѣ своего отечества, прославился своими выдающимися способностями. Онъ хорошо изучилъ шестнадцать языковъ, окончилъ медицинскій факультетъ уже послѣ своего побѣга, за границей; и зарабатывалъ большія деньги сотрудничествомъ въ американской газетѣ «New-York Herald».

Настоящая его фамилія, насколько мнѣ помнится, если не ошибаюсь, Судзиловскій. Называла я его Николаемъ Константиновичемъ.

Наконецъ я собралась къ англичанкѣ и въ ожиданіи отъ нея коррекціо-чопорной вѣжливости придумывала дорогой вѣжливыя фразы на отвѣтъ. И была я очень удивлена ея пріемомъ.

Госпожа Баумень, маленькая женщина съ продолговатымъ лицомъ и прямымъ носомъ, встрѣтила меня, видя въ первый разъ, съ такой властной фамильярностью, какъ будто я давно и близко ей знакома.

Съ учительницей по профессіи, очевидно, не въ ея обыкновеніи была корректность, и съ перваго слова она принялась дѣлать мнѣ выговоръ безъ тѣни улыбки или любезности на своей сухой физиономіи.

— Какъ это можно не явиться ко мнѣ до сихъ поръ, c'est inouï. До сихъ поръ вы мнѣ не отдали визита. Mais c'est exorbitant! Я васъ ждала, искала, но вы не оставили адреса въ гостиницѣ. Куда вы дѣлись? Что дѣлали все это время?—засыпала она меня вопросами.—Съ кѣмъ познакомились?

Я отвѣчала, что хожу въ садъ, въ Лувръ, въ Сорбонну, и что безъ всякихъ знакомствъ въ Парижѣ время проходитъ пріятно и незамѣтно.

— Но вы одна. Въ такомъ лабиринтѣ, какъ Парижъ, быть одной! oh, vous ne savez pas, ce que c'est que Paris! Un vrai labyrinthe, — повторила она.

Я попробовала отшутиться сказавъ, что Минотавръ давно убитъ Тезеемъ.

Но она еще серьезнѣе воскликнула:

— Oh, il y en a tant! На каждомъ шагу вы рискуете. Прошу васъ бывать у меня каждую пятницу. C'est entendu.

— Вы очень добры но...

— Point de mais. Беру съ васъ слово.

Говорила она, какъ лаяла, отрывисто, грубымъ голосомъ и короткими фразами.

— Отецъ вами интересуется. Въ письмахъ все спрашиваетъ о васъ. Оставайтесь обѣдать.

Двое маленькихъ дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, для предобѣденнаго моціона ходили на вытяжку, какъ солдаты. И среди разговора со мной она обращалась съ командой и къ намъ.

— Prenez garde à la lampe. Руками не машутъ. Голову прямо. — И вздергивала головой, показывая дѣтямъ, какъ держать ее.

Но какъ она ни настаивала, я у ней обѣдагъ не осталась. Изъ себя зажиточной семейной обстановки меня тянуло домой въ Латинскій кварталъ, гдѣ живетъ бобылямъ безъ средствъ привольно и весело.

Жила она очень далеко въ Пассей, и поѣздка къ ней безъ пользы и удовольствія отняла у меня много времени.

Изъ эмигрантовъ только одинъ Дебагорій высказался вротнѣ моего спутника-англичанина:

— Нажился въ Россіи и, глядишь, не упустить случая поделужиться русскому правительству,—сказалъ онъ.

Но Дебагорію всюду мерещились русскіе сыщики и шпіоны. Прежде, чѣмъ выйти на улицу, онъ выглядывалъ изъ-за двери направо и налево и на ходу озирался по сторонамъ, вообще держалъ себя совѣмъ, какъ въ Россіи.

На всѣ насмѣшки надъ его трусостью онъ обыкновенно отвѣчалъ, что слишкомъ дорого досталась ему свобода, чтобъ ею не дорожить.

Во цвѣтѣ лѣтъ онъ уже хромалъ. Ноги у него болѣли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ носилъ кандалы. Записки о своемъ побѣгѣ онъ прочелъ мнѣ вслухъ, и я узнала, что кандалы онъ добровольно надѣлъ, помѣнявшись именами съ уголовнымъ преступникомъ на пути въ Сибирь, потому что изъ партіи уголовныхъ легче бѣжать.

Когда послѣ усталости Дебагорій садился, онъ поднималъ ногу и съ страдальческой миной потрогивалъ рукой большое мѣсто, возбуждая во мнѣ состраданіе.

Сколько радостныхъ испытаній онъ, какъ бывший студентъ медикъ, переживалъ бы теперь, думала я, вылечивая и спасая людей отъ смерти, но вмѣсто того самъ, искалѣченный, бѣдствуетъ здѣсь.

— Ахъ, господа, господа,—говорила я эмигрантамъ:—такіе способные люди, какъ вы, Россіи нужны. Сколько пользы вы можете принести на постахъ министерскихъ, дипломатическихъ, на всѣхъ поприщахъ въ своемъ отечествѣ, такъ мало у насъ людей...

Такіе разговоры не нравились имъ, и они отвѣчали мнѣ колкостями. Кто-то изъ нихъ назвалъ меня трамбовкой.

— Въ какомъ смыслѣ? Что такое трамбовка?

Мнѣ объяснили. Это примитивный инструментъ, слегка обтесанный пень съ придѣланной къ нему поперекъ ствола палкой; за концы этой палки, какъ за ручки, беретъ трамбовку мостовщикъ и вколачиваетъ ею камни, ровняетъ, сглаживаетъ, утрамбовываетъ мостовую для удобства тѣхъ, кто ѣздитъ на резиновыхъ шинахъ.

За трамбовку я ихъ обозвала *mauvais sujets*.

— Вотъ ужъ къ намъ-то это не подходитъ.

— Нельзя же васъ назвать хорошими подданными.

Визитъ ко мнѣ шестерыхъ эмигрантовъ сразу поднялъ мой престижъ въ глазахъ мадамъ Тиссье, моей квартирной хозяйки. Она предположила во мнѣ серьезную общественную дѣятельницу, и въ лестныхъ выраженіяхъ высказала мнѣ это, а потомъ, поссорившись со мною, выбрала меня *petroleuse*.

Переѣхавъ въ Латинскій кварталъ, я чувствовала себя школьницей среди товарищей, часто встрѣчая эмигрантовъ, ходила съ ними на собранія рабочихъ, Россель водилъ меня къ позитивистамъ, вообще мнѣ весело было съ ними. Смѣшили они меня остротами и забавляли тѣмъ, что неожиданно вдругъ вырастали предо мною какъ изъ-подъ земли, выслѣдивъ меня на улицѣ.

Я принимала это за шаловливыя выходки съ ихъ стороны, но они послѣ признались мнѣ, что выслѣживаютъ тѣхъ, кого рѣшено близко допустить въ ихъ кружокъ.

Разъ въ ихъ компаніи войдя въ ресторанъ Дюваля, гдѣ почти всѣ столы были заняты и за многими столами громко говорили по-русски, я невольно воскликнула:

— Русскіе!

Надо было видѣть, какъ значительно выкругали Дебагоріи свои каріе глаза, уставясь на меня.

— Не говорите ничего,—шепнулъ онъ мнѣ:—все время молчите.

Я промолчала весь обѣдъ, и они говорили мало и не такъ, какъ всегда.

Мнѣ объяснили дома, что изъ Россіи наѣхало много шпионовъ какой-то Бѣлой или Святой лиги, сформированной будто бы вели-

нимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ; что члены этой лиги прокучивали въ Парижѣ много денегъ, вездѣ появляясь втроемъ, и вступали съ соотечественниками въ провокаторскіе разговоры; но такъ неумно и безтактно за это брались, что своей цѣли не достигали. Къ тому же и фізіономіи новыхъ пріѣзжихъ рѣзко отличались отъ примелькавшихся русскихъ типовъ Латинскаго квартала. Держали они себя развязно, вмѣшивались въ разговоры незнакомыхъ людей, и отъ нихъ сторонились не только русскіе, но и французы.

Въ Россіи у меня составилось очень смутное представленіе изъ слуховъ, передаваемыхъ таинственнымъ полупотомъ и съ оглядкой, о существованіи этой Святой или Бѣлой лиги, дѣятельно вербовавшей сочленовъ за большое денежное вознагражденіе и подъ условіемъ отпущенія всѣхъ политическихъ грѣховъ. Говорили, что разсылались Бѣлой лигой приглашенія и въ университетъ на имена бывавшей подъ арестомъ молодежи, при чемъ студенты, вскрывъ такой конвертъ, съ негодованіемъ прочитывали во всеуслышаніе и показывали товарищамъ полученныя посланія. Другіе будто ихъ утаивали; и всѣ предполагали, что кто нибудь такое приглашеніе и принялъ втихомолку... Кто именно? Не этотъ ли?.. Не онъ ли?.. По всей вѣроятности, воиъ тотъ.

Жуткая оторопь взаимнаго недовѣрія проникала молодая души. И среди зрѣлыхъ людей, даже среди извѣстныхъ и авторитетныхъ лицъ, и во всѣхъ слояхъ сколько-нибудь мыслящаго общества создавалась атмосфера опасливой мнительности. Преувеличенное встревоженіемъ воображеніемъ предательство, дѣйствительное, а иногда только кажущееся, но одинаково гнетущее, носилось въ воздухѣ, какъ заразительная болѣзнь, легко передаваясь мимикой, взглядомъ. Стоило кому-нибудь съ сомнѣніемъ посмотрѣть на безобиднѣйшаго человѣка, и во всѣхъ обращенныхъ на него взглядахъ выразится сомнѣніе.

Повальный психозъ, родъ трусливато нервничанья, дѣлалъ изъ мухи слона.

Въ интимныхъ кружкахъ вдругъ умолкали откровенныя бесѣды при появленіи запоздавшаго гостя, даже давно знакомаго: кто его знаетъ, съ кѣмъ онъ видится, не проболтается бы! И одѣтъ съ иглочки при его постоянномъ безденежьи... Достаточно было такого соображенія, и уже начинало казаться, что вообще въ его поступкахъ есть что-то такое... И каждое произнесенное имъ слово истолковывалось съ предвзятой точки зрѣнія и принималось за улику противъ него.

Такимъ общимъ болѣзненнымъ настроеніемъ пользовались для личныхъ счетовъ завистники и мстители-клеветники. Ихъ инсинуаціи подхватывались безъ провѣрки и клеймили подозрѣніемъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, лишенныхъ всякой возможности

оправдаться. Застрѣлился честный юноша, отвергнутый товарищами, удавилась полотенцемъ ложно оговоренная дѣвушка, чуть не подростокъ... но лучше не вспоминать... Не мало было такого рода несчастій въ періодъ Бѣлой лиги, когда шпионобязнь доходила до невѣроятныхъ предѣловъ. Потому что душевное спокойствіе, свобода, личныя дѣла тогда зависѣли отъ перваго допосчика. Стоило жильцу не поладить съ домовладѣльцемъ, и къ нему являлся ночью напрасно потревоженный приставъ съ допросами, съ обыскомъ, съ арестомъ человѣка, совершенно непричастнаго къ политикѣ. Чтобъ доказать это, требовалось время съ переживаніемъ безпокойствъ, несприятностей и волненій до потери здоровья. И никто не былъ гарантированъ отъ вторженія полиціи «по ошибкѣ», кромѣ темныхъ торгашей и туницъ, видѣвшихъ личнаго врага и посягателя на свое сытое довольство въ каждомъ, «кто въ книжку читаетъ и перомъ балуетъ», по выраженію Щедрина. Всякій хамъ считалъ своимъ долгомъ и правомъ добровольно посодѣйствовать и указать на предполагаемыхъ подрывателей основъ. Въ Охотномъ ряду въ Москвѣ было устроено мясниками нобоище «фуренстокъ и скубентовъ», въ Петербургѣ у Казанскаго собора и «чистая» публика принимала участіе въ ихъ избіеніи. Ага! Стриженая, въ очкахъ, съ книжкой подъ мышкой, значить, въ Бога не вѣруетъ. Луни! Хватай! Тащи.

Затравленному интеллигенту жутко пройти было по улицѣ, такъ и чувствовался измученными нервами выслѣживающій взглядъ за спиной. Въ домахъ вся семья вздрагивала при неожиданномъ звонкѣ.

Печать хранила вынужденное молчаніе, только въ сатирахъ Щедрина были не всѣмъ понятные намеки, и вдругъ разнесся удивительный, просто невѣроятный слухъ, что будто полиція отобрала у подписчиковъ полученную ими утромъ газету «Новое Время» за дерзновенную статью противъ Святой или Бѣлой лиги о деморализующемъ вліяніи поголовнаго сыска. Этимъ нечернывались мои скудныя свѣдѣнія объ этомъ секретномъ дѣлѣ. Недоброе для насъ было то старое время, и никто изъ жившихъ въ Парижѣ русскихъ не страдалъ тоской по родинѣ, хотя всякому человѣку свойственно любить свой народъ и природу мѣста своего рожденія. Но дымъ отечества никому не сладокъ и не пріятенъ, онъ такъ же горекъ и ѣдокъ дома, какъ и вездѣ. И вотъ оказывается, что и въ Парижѣ проникъ удушливый чадъ русскаго сыска.

И снова охватываетъ меня нервная оторопь при неожиданномъ крикѣ или стукѣ въ дверь, и нервное ощущеніе чьихъ-то глазъ за спиной—симптомы російской болѣзни возобновились, но въ слабой степени, я могла ихъ описать тогда же въ своей уютной комнатѣ Латинскаго квартала, но, стѣсненная цензурными условіями, недостаточно ясно. Вотъ:

Проходя мимо театра, я обратила вниманіе на то, что вывѣшены цѣны мѣстамъ, при чемъ объявлено, что при location онѣ дороже, чѣмъ въ бюро.

— По какой причинѣ?—освѣдомилась я.

Кассирша очень наглядно мнѣ растолковала.

— Если вы возьмете билетъ при входѣ, на примѣръ, въ партеръ... вы предпочитаете партеръ?

— Предпочитаю.

— Тогда вы платите за послѣдніе ряды только одинъ франкъ, но вамъ придется faire la queue, а это очень скучно, и притомъ мѣсто попадетъ плохое. Тогда какъ если вы купите билетъ заранѣе, то отдадите двадцать пять сантимовъ лишнихъ, зато, получите лучшее мѣсто. Location удобнѣе.

— Разумѣется.

Не успѣла я съ ней согласиться, какъ она вырвала изъ книги купонъ и вручила его мнѣ. Вотъ тебѣ разъ, стало быть надо платить, а я просто поговорить съ ней хотѣла. По счастью, у меня во внутреннемъ отдѣленіи портмонэ была завѣтная золотая монетка; я вынула ее и подала, при этомъ я отлично замѣтила, что кассирша въ своей книгѣ отмѣтила на мой номеръ два мѣста. Зачѣмъ она это сдѣлала?

— Вы одиѣ?—спросила она.

— Одна,—отвѣтила я, а сама думала: это она кого-то хочетъ посадить рядомъ со мной... Кого?

Стараясь себя успокоить, я пошла въ Jardin des plantes, чтобы заняться чтеніемъ на чистомъ воздухѣ. Книга была со мной. Тамъ нашла я тѣнистый уединенный дворикъ, сѣла на крыльцѣ строенія и, развернувъ книгу на томъ мѣстѣ, гдѣ уже давно остановилась, принялась прилежно читать: «Слѣдя за сущностью коллективизма въ области отдѣльныхъ экономическихъ категорій, спросимъ прежде всего, придерживаясь системы, принятой въ политической экономіи»...

— Зачѣмъ это въ самомъ дѣлѣ она отмѣтила мнѣ два мѣста, тогда какъ продала только одно? Странно!

«Слѣдя за сущностью коллективизма въ области отдѣльныхъ экономическихъ категорій»...

— Однако я совершенно неожиданно иду сегодня въ театръ, о, что-то меня тамъ ожидаетъ?

«Слѣдя за сущностью коллективизма»... Раздался ревъ и громкій хохотъ толпы. Пойти взглянуть, что тамъ такое. Раздразнили медвѣдя; онъ всталъ на заднія лапы и страшно ревелъ. Я воротилась на прежнее мѣсто. Теперь никакъ не найду страницу, вылетѣла закладка; нѣтъ, положительно читать слѣдуетъ дома. Да и пора собраться въ театръ... Ужъ итти ли мнѣ? Лучше, я думаю, не хо-

дить. Но не пропадать же билету. И, наконецъ, у меня нѣтъ никакихъ причинъ опасаться кого бы то ни было...

Подойдя къ театру, я увидѣла, что значить *faire la queue*: длинная вереница людей тянулась по тротуару, поочередно входя въ дверь по одному, и такъ какъ до начала представленія оставалось нѣсколько минутъ, я сѣла на скамеечку возлѣ часового магазина и стала ждать.

Черезъ немного времени вошелъ въ магазинъ покупатель, я видѣла въ стеклянную дверь, какъ онъ подержалъ часы, потолковалъ и вышелъ. Вслѣдъ за нимъ выскочилъ часовщикъ, спросилъ, въ какую сторону пошелъ тотъ господинъ, и, по моему указанію, пустился за нимъ вдогонку.

Предположивъ, что тутъ что-то неладно, я благо разумно удалилась—какъ бы не притянули; пожалуй, подумаютъ: зачѣмъ это она тутъ сѣла? Это обстоятельство встревожило меня, возникли въ памяти всѣ извѣстные мнѣ случаи арестовъ по недоразумѣнію и ложному доносу. Отравлено мое существованіе. Не безъ трепета вошла я въ театръ. Кто сейчасъ будетъ мой сосѣдъ?...

Скамьи были раздѣлены на очень небольшія пространства, и въ каждое было втиснуто по два человѣка, а я одна занимала двойное мѣсто. Кругомъ меня сидѣли трудовые, небогатые люди и громко разговаривали. Было душно, и сразу начала меня жажда томить. Я вышла на улицу, купила у торговки пару мандариновъ и вернулась.

— Вы одна?—спросилъ меня контролеръ, отобравъ контрамарку.

— Одна.

— Въ первомъ ярусѣ противъ сцены, —сказалъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ, я въ партерѣ, —отвѣчала я и, отыскавъ свое мѣсто, сѣла, начала успокаиваться. Вдругъ контролеръ ко мнѣ подходитъ и, вѣжливо изогнувшись, говорить:

— *Suivez-moi, madame.*

— Я англичанка,—возразила я, какъ могла хладнокровнѣе, крѣпко держа въ рукой за край скамьи.

— *Mais ce n'est pas une place pour vous,*—съ улыбкой настаиваетъ контролеръ. И мнѣ показалось, да, мнѣ это ясно показалось, что это была ехидная улыбка.

— Я сдѣлаю распоряженіе, чтобы васъ проводили,—сказалъ онъ и пошелъ.

Я оглядывалась, какъ бы улизнуть, но уврезка уже стояла передо мной.

— *On vous accorde une grande amabilité,*—говоритъ она:—*suivez-moi.*

Нечего было дѣлать, пошла. Она привела меня въ первый ярусъ, посадила въ десятифранковое мѣсто и подставила мнѣ подъ ноги скамеечку.

— Слава Богу, а я думала... Ахъ, когда же пройдетъ моя россійская болѣзнь!—мысленно воскликнула я, съ содроганіемъ думая о пензобѣжной необходимости вернуться въ свое отечество.

Въ настоящее время, не принимая участія въ жизни людей, я чувствую себя холодной ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ, какъ бы умершей и погребенной, но мой безстрастный, глубоко спокойный духъ витаетъ надъ милой все-таки родиной. Не тяготѣетъ моя душа ни къ какой партіи и ни къ кому не стремится. Какъ умершіе, такъ и живущіе люди съ ярко проявленной индивидуальностью и самостоятельнымъ мышленіемъ одинаково мнѣ интересны. Интересны—и только, безъ идеализаціи и проклятій.

Но въ описываемую эпоху я была живой человѣкъ и живо и горячо принимала все къ сердцу. По воспитанію институтка, съ дѣтства пропитанная чтеніемъ о высокихъ идеяхъ и подвигахъ, выросшая въ сферѣ монархическаго культа и выдавшая близко очаровательнаго красавца царя, такъ жестоко убитаго, я была глубоко потрясена его ужасной смертью. И въ то же время я всѣмъ сердцемъ жалѣла его казненныхъ убійць...

Не я одна переживала тогда мучительный душевный разладъ. Я могла бы назвать искренно убѣжденныхъ монархистовъ, которые, не колеблясь, заслонили бы своимъ тѣломъ царя отъ убійцы, будучи въ то же время убѣжденными противниками смертной казни, возводящей цареубійство въ подвигъ. «Нѣтъ костровъ, нѣтъ и мучениковъ», говорили они. И были нѣкоторые монархисты, всею душой стоявшіе на сторонѣ гонимыхъ противниковъ власти, потому что не могли не презирать ихъ гонителей. Были тогда сбѣглые съ толку и потерявшіе голову люди, были помѣшанные на тяжелыхъ, волнующихъ общественныхъ событіяхъ. И блаженны были тѣ изъ насъ, кто покинулъ отечество.

Вотъ и я свободно дышу на чужбинѣ, чувствуя себя на каждой улицѣ, какъ дома. И вотъ передо мной мои герои самопожертвованія. Не они ли, по моей идеализаціи, должны служить образцомъ нравственныхъ совершенствъ, эти учителя и мученики за свою вѣру.

Мнѣ не вѣрилось и тогда, чтобы идея социализма когда-нибудь вошла въ реальныя формы жизни и дала счастье людямъ, но думается мнѣ и теперь, что счастье-то заключается въ увлекательномъ заблужденіи посителей этой идеи. Въ ихъ стремленіи къ ея осуществленію заключается ихъ счастье, въ ихъ братской сплоченности, взаимномъ пониманіи и родственной заботливости другъ о другѣ, въ готовности малымъ довольствоваться, отказывая себѣ въ пользу другихъ, въ умѣннн сократить свои потребности до минимума.

Вообще процессъ самосовершенствованія приноситъ духовныя радости, далеко не всѣмъ доступныя. И вѣра непоколебимая, и добровольно принятая страданія и смерть за други своя—все это неизмѣримо выше плотскихъ наслажденій. Не для всѣхъ, конечно.

Изъ тѣхъ немногихъ, кого я видѣла тогда, все были жизнеспособные, энергичные, дѣльные люди съ признаками особой, такъ сказать, сектантской тренировки и выдержки. Умѣренны, сдержанны и осторожны; очень выносливы; говорятъ кратко и опредѣленно; жадно хватаются за всякій трудъ.

Кто, изучивъ въ Сорбоннѣ японскій языкъ, преподавалъ его кто составлялъ учебники и работалъ въ типографіи, были переводчики, публицисты, посыльные, а кто брался и за мускульный трудъ. Я видѣла у Лаврова молодого русскаго дворянина-блудника, испачканнаго землей, изнемогшаго отъ непривычной усталости, но бодрого, довольнаго собой и всеѣмъ. Сочувствіе и уваженіе къ своей личности внушали такіе люди.

И тотъ же типъ съ выработкой самовоспитанія приходилось мнѣ встрѣчать въ послѣдующихъ поколѣніяхъ вплоть до послѣднихъ событій освободительнаго движенія. Скромный и вѣжливый юноша въ тужуркѣ высшаго учебнаго заведенія поговорить со мной о томъ, что онъ не пьетъ чая въ накладку и не боится простуды, а черезъ нѣсколько дней вдругъ читаю въ газетѣ, что его разстрѣляли въ Кронштадтѣ. И жалко до слезъ всеѣмъ чужого, мало знакомаго мальчика, жаль исчезнувшую молодую жизнь, жаль его силъ, его мышцъ, крѣпкаго сложенія и здоровья, и свѣжаго голоса, и ясныхъ глазъ. До нестерпимой сердечной боли жаль погубленную въ немъ чуткую душу, еще чистые помыслы, незаурядныя умственныя способности... быть можетъ, Достоевскаго, Эдиссона... Посторонніе равнодушные люди жалѣютъ, скорбятъ...

Есть въ средѣ политическихъ и Азефы и дегенераты, предрасположенные къ преступленію, но такихъ я не видала, не знаю; есть между ними и неудачники, рѣшившіе покончить съ жизнью,—такимъ смертью не угрозишь. ореоль подвижничества дается имъ въ придачу къ тому, чего ищутъ они.

Я не противница смертной казни, напротивъ, нахожу, что истреблять уголовныхъ рецидивистовъ обязано государство вмѣсто того, чтобъ тратиться на содержаніе въ тюрьмахъ прирожденных злодѣевъ съ наслѣдственнымъ инстинктомъ убійства. Въ цѣляхъ оздоровленія расы въ будущемъ тѣмъ обязательнѣе ихъ истреблять, чѣмъ извращеннѣе, ненормальнѣе, чѣмъ болѣзненнѣе ихъ организмъ, а не оправдывать ихъ невмѣняемостью. Избавлять отъ нихъ человѣчество надо, очищать отъ нихъ тюрьмы, гдѣ они являются воспитателями порока въ товарищахъ по заключенію, для нихъ нужна висѣлица. А попадають на нее въ огромномъ большинствѣ самые искренніе, нравственные и даровитые изъ политическихъ преступниковъ, чуть не попалъ Достоевскій. Примѣръ повѣшеннаго Лизогуба, отдавшаго все свое состояніе въ семьдесятъ пять тысячъ и себя самого въ жертву идеѣ подтверждаетъ мнѣніе, что все отда-

ющіе свою жизнь за торжество высшей справедливости исключительно идеальные люди.

Но казалось мнѣ всегда невѣроятнымъ, чтобъ убійствами намѣченныхъ лицъ достигались благія цѣли.

Это я имъ сказала для выясненія съ ихъ помощью моихъ недоразумѣній, причемъ вырвалось у меня восклицаніе:

— Ахъ, не слѣдовало убивать Александра Второго!

— Въ другой разъ не убьютъ,—отвѣтили мнѣ утѣшительнымъ тономъ, какъ ребеночку:—будьте покойны.

Меня выводилъ изъ себя этотъ тонъ, и, чтобъ ихъ уязвить, я возразила, вся вспыхнувъ.

— Это съ вами какъ съ младенцами надо разговаривать, если вы воображаете, что стоитъ бросить бомбу въ царя, и все измѣнится къ лучшему.

— Да вы не волнуйтесь. Политика вамъ не къ лицу, перемѣнимъ разговоръ.

— Извольте,—и я имъ передала рассказъ хозяйки одного отеля о томъ, что будто русскіе эмигранты унесли ночью изъ коридора всѣ выставленные для чистки сапоги ея квартирантовъ.

Я ждала, что они примутъ съ негодованіемъ это извѣстіе, но они только посмѣялись надъ безвыходнымъ положеніемъ тѣхъ квартирантовъ, кто выставилъ единственную пару сапогъ.

— Господа! Нельзя къ этому такъ легко относиться, не должны быть допустимы въ вашей средѣ подобныя явленія.

— Мало ли русскихъ проходимцевъ околачивается здѣсь подъ общимъ званіемъ эмигрантовъ,—съ спокойной флегмой замѣтилъ одинъ, фамилію котораго я позабыла, другой, тоже не помню кто, продолжалъ надо мной глумиться:

— Не сердитесь, мы ихъ разыщемъ и скажемъ имъ, что такъ дѣлать нехорошо, и они перестанутъ.

Такого рода препирательства и шкировки вмѣсто глубокомысленныхъ бесѣдъ, которыя, какъ я надѣялась, послужили бы моему развитію въ обществѣ такихъ авторитетныхъ для меня лицъ, значительно поохладили мою институтскую восторженность. И стала я про себя замѣчать, что эти учителя такіе же люди, какъ всѣ. Все такъ обыкновенно въ нихъ, ни въ чемъ не видно размаха и широты, нѣтъ даже оригинальности.

Смерти они совсѣмъ не боятся, только и есть въ нихъ особеннаго.

То, что они не соотвѣтствовали моей идеализаціи, причиняло мнѣ истинное страданіе. Своекорыстіе, хитрость и ложь смѣшны, какъ въ гоголевскихъ типахъ, въ людяхъ заурядныхъ, но тѣ же обыденные недостатки замѣчая въ людяхъ, которыхъ я ставила выше себя, я готова была кричать, какъ отъ боли.

Лавровъ меня понималъ и старался меня примирить съ людьми, какъ они есть. Я излила въ письмѣ къ нему всю горечь моего разоча-

ровапія въ герояхъ и учителяхъ, и онъ мнѣ отвѣтилъ письмомъ. Увы, по неразборчивости его почерка (я храню его письма и до сихъ поръ не полностью прочитанными), вотъ что удалось мнѣ разобрать:

7 февр. 1882 г.

.....
 «Если общественный строй такъ проникнуть болѣзнию, что вызываетъ противъ себя жестокою борьбу наиболѣе развитыхъ людей, то его болѣзнь заключается не въ абстрактномъ пространствѣ, но именно въ личностяхъ, его составляющихъ, между прочимъ и въ тѣхъ самыхъ людяхъ, которые прониклись убѣжденіемъ въ его болѣзни и борются противъ нея. Поэтому борцы за лучшее будущее фатально несутъ въ себѣ симптомы болѣзни настоящаго. Это должно быть. Этому слѣдуетъ ожидать. Возмущаться этимъ нелѣпо. Поэтому и я, и вы, и всѣ учителя, и всѣ «сочувствующіе», и всѣ «герои, и т. д. и т. д. должны въ настоящее время представлять, если взглянуть попристальнѣе, слѣды того самаго зла, противъ котораго борются социалисты. Но существованіе этого зла въ нихъ и внѣ ихъ въ большей или меньшей степени подтверждаетъ именно существованіе общественной болѣзни, которую слѣдуетъ излечить хирургическими или терапевтическими средствами. Это именно должно укрѣплять убѣжденіе въ необходимости борьбы противъ общаго зла.»

«Дѣло рѣдко бываетъ въ томъ, чтобы принять смерть за свою вѣру. Дѣло всего чаще въ томъ, чтобы и сегодня, и завтра, и послѣзавтра терпѣливо и упорно бороться на той почвѣ (мелкой или крупной— все равно), которая у насъ подъ ногами въ данную минуту, приносить въ жертву свои мелкія желанія, свои обыденныя привычки, свой эгоизмъ, свое безразсудство и выработать въ себѣ чело- вѣка, чтобы вліять на другихъ. Это труднѣе, чѣмъ въ данный моментъ умереть, потому что и жить-то не изъ чего. Но довольно, извиняюсь за скверный почеркъ. Желаю быть здоровой и преуспѣ- вать во всемъ».

П. Л.

Помню, разъ послѣ проливного дождя сидя съ промоченными ногами въ русской библиотекѣ, я не могла оторваться отъ длинной газетной статьи. Меня начала трясти лихорадка, и, замѣтивъ это, Николай Константиновичъ пощупалъ мой пульсъ и вмѣстѣ съ Дебагоріемъ отвелъ меня домой. Они подождали въ первой комнатѣ, пока я въ своей переодѣлась и легла подъ одеяло.

Тогда они вошли ко мнѣ и растопили каминъ. Дебагорій взялся приготовить чай, а докторъ Джонъ Россель на короткоцахъ у каминна пристраивалъ мои ботинки для просушки.

Дѣлали это они съ веселыми лицами, болтали о пустякахъ и безмятежно смѣялись надъ моею коллекціей карикатурокъ изъ алебаstra.

Въ особенности Бисмаркъ ихъ забавлялъ отчаянно-уморительной позой.

И, глядя на нихъ, я представляла ихъ себѣ въ томъ возрастѣ, когда они ласкались къ матери, жалѣли младшихъ сестеръ и братишекъ, заботились о слабыхъ. Любили. И такія естественныя, здоровыя и свѣтлыя натуры перестаютъ дорожить собственной жизнью и не падаютъ чужой... Они съ хохотомъ говорятъ о смерти, не видя въ ней ничего мистическаго и ужаснаго, и всегда готовы принять ее спокойно и радостно, только бы успѣть побольше сдѣлать, какъ можно больше сдѣлать при жизни.

Что сдѣлать?... О, что они будутъ дѣлать еще, эти опасные люди?

Одинъ придвинулъ столикъ къ моему изголовью, другой налилъ мнѣ чаю. Я имъ сказала:

— Гроза и ужасъ русскаго правительства состоятъ въ нянькахъ у меня.

Россель ничего не отвѣтилъ, а Дебагорій вдумчиво проговорилъ:

— Пояничилъ бы я поворожденнаго младенца.

Добродушный и домовитый хохоль, Дебагорій стремился къ тихой семейной жизни среди природы и высказывалъ свои мечты.

Вскорѣ послѣ того пріѣхала изъ Россіи хорошенькая революціонерка, съ которой онъ и устроился по семейному.

Осталась у меня одна только нянька, Джонъ Россель, террористъ, пытавшійся взорвать императорскій поѣздъ въ Россіи. Его визитная карточка съ кроваваго цвѣта каемкой хранится у меня на память объ его выдающейся личности. По силѣ характера, по уму и обширнымъ научнымъ свѣдѣніямъ этотъ замѣчательный человѣкъ былъ бы похороненъ въ Пантеонѣ, если бъ родился французомъ. По изяществу его манеры обхожденія онъ могъ, со всѣми его достоинствами, внушить безумную любовь женщинѣ, будь онъ красивъ. Но, по счастью для меня, онъ не былъ красивъ.

Не скрывая, что у него есть дѣти, а стало быть и жена, онъ предлагалъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Америку. Ему нужна была особа легальная, на имя которой онъ намѣревался открыть какое-то медицинское дѣло, забыла, кажется, родъ международной амбулаторіи, разъѣзжающей по государствамъ.

Мнѣ доставляло большое удовольствіе, что такой страшный преступникъ и знаменитый лингвистъ нуждается во мнѣ и нянчится со мной. Я и медлила отказать отъ его предложенія, заставляя его уговаривать меня.

— Вы увидите, какъ вы разовьетесь и поздоровѣете, — общалъ онъ мнѣ: — а черезъ годъ, если хотите, я васъ доставлю сюда.

— Развѣ я такъ неразвита и нездорова, что безъ Америки не обойтись мнѣ?—смѣясь, пыталась я поставить его въ затрудненіе, но онъ безъ смущенія отвѣчалъ:

— Повышенная впечатлительность у васъ и слабые нервы— путешествіе вамъ полезно. И есть что-то въ васъ нездорѣлое, непримѣнимое къ жизни—Америка научитъ васъ практичности.

— Горькихъ истинъ вы мнѣ наговорили, Николай Константиновичъ, я по своей неразвитости обидѣлась и не поѣду съ вами.

— Поѣдете. Чего я захочу, того непременно добьюсь,—увѣрялъ онъ меня.

— Ни за что не поѣду,—увѣряла я.

Такъ беззаботно болтали со мной люди, жившіе какъ на вулканѣ, ежеминутно рискуя попасть на русскую висѣлицу. Въ самую неожиданную минуту я получила отъ Лаврова такое письмо:

«326 rue St.-Jacques.

«10-го февраля 1882 года.

«Любезная Александра Александровна!

«Вотъ хотѣлось мнѣ быть у васъ сегодня, но довольно серьезное событіе въ моей жизни помѣшало. Сейчасъ объявленъ мнѣ «arreté о высылкѣ изъ Франціи. Сообщите Тургеневу, котораго, «не знаю, удастся ли мнѣ повидать.

«...На всякій случай желаю всего лучшаго

П. Л.

Отъ дома, гдѣ жилъ Лавровъ, какъ отъ театральной кассы, сажень на двадцать по улицѣ тянулся рядъ ожидавшихъ очереди сказать напутственное слово Петру Лавровичу. Интеллигенты съ букетиками на груди, дамы, учащіяся, блузники, были и военные и много женщинъ рабочаго класса. Слышался ропотъ на Фрейсине и восторженные отзывы о безвредномъ для Франціи, *et bon comme le pain*, выкрикнула работница объ этомъ достойномъ всякаго уваженія эмигрантѣ, *se noble chef des nihilistes*, высылаемомъ по желанію русскаго правительства. Депутации прибывали, и не предвидѣлось имъ конца. И только на другой день къ вечеру входъ на его лѣстницѣ освободился настолько, что я могла проникнуть къ нему.

Съ наружностью стараго боярина, какими принято изображать старыхъ бояръ на картинахъ, высокій и дородный, съ добродушной круглой физиономіей, обрамленной роскошной сѣдиной, Лавровъ имѣлъ нѣсколько умиленный и торжественно сосредоточенный видъ, какъ вѣрующій, готовый подойти къ причастію.

Одѣтый по домашнему въ своемъ длинномъ полупальто-полухалатѣ, который очень шелъ къ его боярской фигурѣ, онъ стоялъ,

склонивъ голову съ задумчивой улыбкой, разсѣянно принимая прѣвѣтствія.

Чего только не говорили ему. Великій борецъ за свободу, доблестный вождь и труженникъ на славномъ историческомъ поприщѣ, подвижникъ, соединившій въ себѣ проицательный умъ и доброту, кротость и мужество, пылкую душу и высокія цѣли, всѣ совершенства.

Пожилкой блузникъ ничего ему не сказалъ, но братски обнялъ его и ушелъ.

Когда я осталась съ нимъ наединѣ, усталый бросился онъ въ кресло, взялъ мои обѣ руки и сильно пожалъ ихъ.

— Дайте мнѣ слово,—сказалъ онъ:—что вы никогда не вступите ни въ одну изъ революціонныхъ организацій.

— Даю.

— Вы совсѣмъ не подходите къ нашему дѣлу.

— Не гожуся я. И по правдѣ сказать...

Я замолчала.

— Знаю, что вы хотите сказать: вамъ не вѣрится?

— Нѣтъ. Утомило васъ ваше дѣло, Петръ Лавровичъ?—спросила я.

— Я знаменникъ и обязанъ умереть на своемъ посту. Ничего другого мнѣ не остается.

— Есть у васъ родные въ Россіи?

— Сынъ есть, но...—онъ задумался.

Мнѣ такъ не хотѣлось разстаться съ нимъ, что я заплакала. Ему, конечно, въ голову не приходило, какъ благотворно, тепло и живительно отразилось на мнѣ соприкосновеніе съ его личностью, и какъ я это высоко цѣнила. Хотѣлось мнѣ, чтобъ онъ это зналъ, но этого просто не скажешь, а прибѣгать къ наосу, къ фразѣ всегда мнѣ было неловко. И у меня какъ-то само собой сказалось совсѣмъ не то.

— Петръ Лавровичъ, я никогда не забуду, что вы, такой занятый человекъ, безъ всякой надобности для себя поднимались ко мнѣ на шестой этажъ въ ваши годы для того только, чтобъ посмотреть, какъ мнѣ живется. Страшная потеря для меня вашъ отъѣздъ,—говорила я, плача.—Если бъ вы знали, какъ велико ваше значеніе для меня... Однимъ словомъ, нѣтъ больше такихъ людей, какъ вы.

— Сколько угодно. Вѣдь вы водили же меня гулять по вечерамъ послѣ того, какъ я сказалъ вамъ, что у меня куринная слѣпота: ночью не вижу.

— Я это дѣлала для себя, чтобъ побыть въ обществѣ такого человека...

— Ну, довольно,—сказалъ онъ, взявъ перо.—Сейчасъ я напишу вамъ рекомендацію къ такому же человекъ, какъ я. И вы,—прибавилъ онъ, посмѣиваясь глазами.

— Итъ, Петръ Лавровичъ, я больше ни къ кому не пойду. Онъ далъ мнѣ письмо къ Черкесову, но я не пошла, а письмо сберегаю на память.

На прощанье я его обняла, какъ родного отца, разставаясь съ нимъ навсегда, и долго, неутѣшно я тосковала по немъ.

Письмо Лаврова къ Черкесову:

«Любезный Парамонъ Николаевичъ,

«Рекомендую вамъ нашу соотечественницу и литераторку, Александру Александровну Вишицкую, мою хорошую пріятельницу. Если вы можете быть ей полезны, то я крѣпко рассчитываю на вашу любезность. Жму вашу руку.

П. Лавровъ».

Вотъ его открытое письмо ко мнѣ изъ Лондона:

«Любезная Александра Александровна,

«Вчера я перебрался на квартиру, надѣюсь—постоянную на нѣкоторое время, и спѣшу сообщить вамъ мой адресъ. Живу подъ своимъ именемъ. Надѣюсь имѣть отъ васъ извѣстіе.

П. Л.

13 Alfred Place Tottenham Court Road».

Послѣ отъѣзда Петра Лавровича въ память ему я пробовала воспитывать въ себѣ человѣка, жертвовать своимъ эгоизмомъ и мелкими желаніями, какъ значилось въ его вышеприведенномъ письмѣ. И, между прочимъ, получивъ отъ госпожи Бауменъ приглашительную записку, такъ какъ онъ настаивалъ на моемъ знакомствѣ съ ней, я рѣшила поѣхать въ Пасси, отказавшись отъ пріятней прогулки въ Сентъ-Клу съ сосѣдями по отелю.

Англичанка оставила меня обѣдать, и мы играли въ прятки съ дѣтьми. На ея глазахъ мальчикъ и дѣвочка становились за высокія спинки кресель, а она дѣлала видъ, что ищетъ ихъ, разглядывая всюду, гдѣ ихъ нѣтъ.

— Mes enfants! Où sont mes enfants?—воскликнула она своимъ лающимъ голосомъ, и они выбѣгали въ восторгѣ, что ихъ не нашли.

Потомъ она ставила меня въ уголь за буфетомъ и заставляла ихъ искать меня. Дѣти сразу находили меня и тащили за руки изъ угла.

Наконецъ пришелъ со службы ея мужъ, маленькій мозглявый брюнетъ, съ лентой въ петлицѣ, и передъ самымъ обѣдомъ явились гости: сперва двое молчаливыхъ молодыхъ мужчинъ, а вслѣдъ за ними зрѣлыхъ лѣтъ толстая дама съ супругомъ.

Сядя за столъ, съ оживленіемъ говорили по-англійски, а я ничего не понимала, развлекаемая повизною порядковъ. Обѣдъ былъ безъ супа, настоящій англійскій. Два большихъ пуддинга были заранѣе поставлены на столъ. Но для начала подавали ростбѣфъ, и послѣ каждого блюда разносили въ китайскихъ чашкахъ чай тѣмъ, кто не пилъ вина. Два молчаливыхъ гостя предпочитали вино. Они, должно быть, не умѣли говорить ни по-французски, ни по-англійски, и открывали рты лишь для того, чтобы ѣсть или пить. И все это такъ живо въ моей памяти, какъ будто происходило вчера. Хозяйка раза три повторила, что чай полученъ ею прямо изъ Шанхая. Къ концу обѣда приступили къ пуддингу, каждый бралъ себѣ самъ, откраивая большіе куски; и эти мелочи врѣзались навсегда въ мою память. Почему же, по какой непостижимой причинѣ иногда значительныя событія безслѣдно исчезаютъ изъ памяти?

Все гости взялись за вино послѣ пуддинга, чай изъ Шанхая остался не тронутымъ, и снова оживился разговоръ по-англійски, на этотъ разъ пробуждая во мнѣ мои забытыя англійскія спряженія и склоненія въ дѣтствѣ.

— No, no, she is not nihiliste,—съ отрывистой отчетливостью произносила хозяйка.

Понявъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ, я напрягала все свое вниманіе. И, насколько могла я улавливать понятія слова и угадывать по смыслу не понятія, выяснилось изъ ея объясненія, что отецъ ея, принявъ меня за нигилистку, взялъ въ куче, но, убѣдившись въ своей ошибкѣ, находитъ все-таки, что я буду пригодна...

Заволноваль меня вопросъ: на что, на что это я имъ пригодна?... Я вспомнила предостереженія Дебагорія, и сразу какъ молніей освѣтило мою голову, и сразу я сообразила, на что... и какъ мнѣ слѣдуетъ держать себя. Необычайное спокойствіе вдругъ овладѣло моими нервами; я приготовилась.

Мужъ толстой гостыи, по всей видимости, русскій господинъ, съ военной выправкой, но въ штатскомъ платьѣ, съ трудомъ говорилъ по-англійски и мало по-французски. Зато жена его говорила бойко на двухъ языкахъ, за двоихъ. И, поглядывая на меня, она перешла на французскій языкъ.

— Удивительно, какъ эти русскіе способны къ языкамъ!—воскликнула она, какъ на сценѣ, съ дѣланнымъ жестомъ.—Представьте,—обратилась она ко мнѣ,—въ Парижѣ есть одинъ вашъ соотечественникъ, который знаетъ шестнадцать языковъ.

— Это невѣроятно,—возразила я ей:—изучить столько языковъ никто не способенъ.

— Россель Янь!—тявкнула хозяйка.—Феомень.

— Слыхали вы о немъ?—освѣдомилась гостыя.

— Нѣтъ. Отъ кого же мнѣ слышать.

Тутъ господинъ Баумень наперерывъ съ толстой гостьей начали мнѣ разсказывать съ томъ, что Россель Янъ зарабатываетъ въ «Нью-Йоркскомъ Геральдѣ» колоссальныя деньги и содержитъ на нихъ всѣхъ русскихъ эмигрантовъ. И припались наперерывъ совѣтовать мнѣ:

— Вотъ бы вамъ пойти къ нему.

— Зачѣмъ?

— Онъ щедро помогаетъ своимъ соотечественникамъ.

— Но я ничьей помощи не прошу. Почему вы думаете, что учительница должна быть попрошайкой?

— Ахъ, нѣтъ, что вы... совѣмъ не то... Онъ вообще полезенъ всѣмъ русскимъ.

— Онъ доставитъ вамъ хорошіе уроки,—сказала Баумень.— Вамъ непременно слѣдуетъ его найти.

— *Allez, allez le trouver*,—вторила хозяйка.

— А гдѣ онъ живетъ?—спросила я.

— Вотъ этого-то мы и не знаемъ,—вздыхнула гостья.

— Жаль, что у насъ нѣтъ его адреса,—сказала мнѣ госпожа Баумень:—я бы сейчасъ вамъ сказала.

— Вы можете спросить его адресъ въ конторѣ «Геральда»,—по совѣтоваль мнѣ Баумень:—я самъ васъ туда провожу.

— Конечно, конечно, мистеръ Баумень будетъ такъ добръ, проводить васъ,—подхватила гостья:—вѣдь вы по-англійски не говорите.

— Оу! Я непременно васъ провожу,—сказала Баумень.—И, взявъ съ меня слово, что завтра я встану рано и къ десяти часамъ утра буду готова, онъ обѣщала зайти за мной передъ уходомъ на службу.

Я поблагодарила его.

Встали изъ-за стола въ десять часовъ, и я начала прощаться; но меня еще долго продержали, заставляя пить чай изъ Шанхая; и послѣ того, какъ молчаливые гости, слегка пошатываясь, ушли слѣдомъ за дамой и ея мужемъ, меня уговаривали почевать эти коварные англичане. Насилу я вырвалась отъ нихъ.

Я сѣла въ фіакръ и дала волю удержаннымъ чувствамъ, кровь стучала въ вискахъ вмѣстѣ съ обрывками мыслей: «Ищутъ его. Висѣлица ему предстоить... Господи, помоги мнѣ спасти человѣка отъ смерти. Не опоздать бы...»

Я высовывалась изъ окна и погоняла кучера:

— *Vite, vite!*—кричала я ему:—*cinq francs pour boire! Brulez le ravel!*—И оглядывала улицу: не ѣдутъ ли, не слѣдятъ ли за мной?

Я подъѣхала къ менѣ другихъ политически скомпрометированному, женатому эмигранту, жившему подъ именемъ *Leon Bouch*, какъ значилось на доскѣ его двери, въ одной комнатѣ на самомъ верху.

Однимъ духомъ взбѣжала я къ нему на седьмой этажъ, но его не было дома. Я рвалась и металась отъ нетерпѣнія, дожидаясь его, я приставала къ его женѣ:

— Идите, идите скорѣй, отыщите его!

Я вся горѣла, выходила изъ себя. Спокойно и медленно она тянула мнѣ въ отвѣтъ:

— Куда-а жъ я пойду. Право же, я не зна-аю.

Въ комнатѣ ничего не было, кромѣ двухъ стульевъ, стола и кровати. Я легла на кровать, и усталость, послѣ напряженія, мгновенно оковала меня, я, помнится, заснула на ихъ кровати.

Бушъ вернулся домой передъ утромъ и, выслушавъ меня, пошелъ предупредить кого слѣдовало.

Дома, обсудивъ хладнокровно происшедшее со мной, я пришла къ заключенію, что я обѣдала съ членами Бѣлой лиги у англичанъ и, стало-быть, надо мнѣ прекратить мои сношенія съ эмигрантами, такъ какъ за мной будутъ слѣдить какъ въ Россіи; я и уѣду въ Россію.

Спокойно дождалась я Баумена, который, помнится, вошелъ ко мнѣ съ дождевымъ зонтомъ, не снявъ въ передней мокрыхъ галошъ, стоить ли съ учительницей церемониться,—и повелъ меня въ контору «New-York Herald».

За прилавкомъ въ конторѣ очень серьезный американецъ, худой и длинный старикъ съ бѣлыми баками и въ черной шапочкѣ на бѣлыхъ волосахъ, невозмутимо отвѣтилъ на первый вопросъ Баумену:

— Rossel is in New-York.

Что-то послѣ этого минутъ пять говорилъ ему Баумень въ убѣдительномъ тонѣ, указавъ на меня; я не вникала въ слова, и безъ словъ было понятно, въ чемъ дѣло. Посмотрѣла я, съ какимъ солиднымъ, дѣловымъ видомъ два почтенныхъ человѣка старались одурочить другъ друга, и направилась къ двери послѣ того, какъ на доводы Баумена американецъ невозмутимо повторилъ:

— Но Россель въ Нью-Йоркѣ.

Вслѣдъ за мной вышелъ изъ конторы Баумень съ поблѣднѣвшей, вытянутой физиономіей, чуть кивнулъ мнѣ головой и повернулъ отъ меня въ другую сторону, энергично взмахнувъ зонтомъ. Это я помню. Онъ злился, а я въ восторгѣ была.

Я, существо безхитрое отъ природы, росла въ многолюдной средѣ на глазахъ моихъ сверстницъ, отъ которыхъ ничто не ускользало; и упражняться въ скрытности, лжи и обманѣ не представлялось возможности. И со всѣмъ тѣмъ, въ серьезномъ случаѣ, когда шесть человѣкъ пытались сдѣлать меня слѣпымъ орудіемъ доноса, я провела всѣхъ шестерыхъ. Это ли не удовольствіе! Я была чрезвычайно довольна собой. И захотѣлось мнѣ сообщить скорѣй Лаврову о результатѣ моего знакомства, по его совѣту, съ хоро-

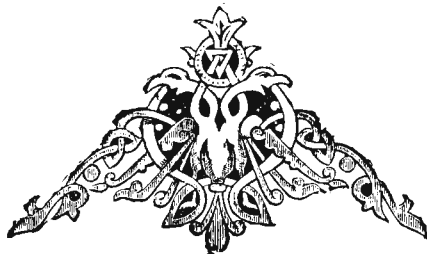
шимъ семейнымъ домомъ, хотѣлось мнѣ назвать его идеалстомъ, пошутить, посмѣяться въ письмѣ. Но кто-то пришелъ, помѣшалъ мнѣ, и порывъ этотъ остылъ во мнѣ. И взяло меня раздумье: не причинить бы неудовольствія Петру Лавровичу? Нѣсколько дней я откладывала написать ему, а изъ полученнаго отъ него тѣмъ временемъ письма увидѣла я, что онъ уже извѣщенъ объ этомъ фактѣ.

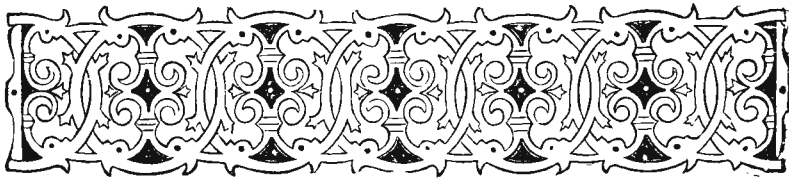
Давая порученіе къ жившимъ въ то время въ Парижѣ доктору Бѣлоголовому и его женѣ, съ которыми меня познакомилъ М. Е. Салтыковъ, Петръ Лавровичъ, между прочимъ, говоритъ въ этомъ письмѣ:

...«да не смущаетъ васъ, однако, и коварство англійской четы изъ Пасси, вашъ инцидентъ повелъ лишь къ наилучшимъ послѣдствіямъ»...

О дальнѣйшей его перепискѣ со мной сообщу когда-нибудь въ другой разъ.

А. Виницкая.

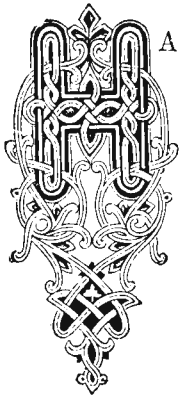

Т. И. ФИЛИПОВЪ НА РЕВИЗИИ.

(Воспоминанія чиновника).

I.

А СВОЕМЪ вѣку пришлось мнѣ согрѣшить: мѣсяцевъ восемь служилъ я на государственной службѣ и именно подъ высшимъ начальствованіемъ Т. И. Филиппова—въ государственномъ контролѣ.

Тогда, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ Саратовѣ существовало два контрольныхъ учрежденія: контрольная палата и только что учрежденный контроль Тамбовско-Саратовской желѣзной дороги. Дорога эта передъ тѣмъ была «земскою» (построена съ гарантіей тамбовскаго и саратовскаго земствъ), была обворована, прогорѣла и перешла въ вѣдѣніе казны. Въ контрольную палату назначили поваго управляющаго, а Н. П. Ковачева, тогдашняго управляющаго, опредѣлили главнымъ контролеромъ въ желѣзнодорожный контроль. Въ него я и поступилъ, будучи съ Ковачевымъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ принялъ меня, для начала, счетнымъ чиновникомъ, на 600 руб. въ годъ. Въ газетѣ, въ которой я тогда работалъ, я получалъ всего 100 руб. въ мѣсяць, и казенное жалованье, по моему тогдашнему легкомыслію, казалось мнѣ существеннымъ подспорьемъ для пропитанія.

Но это—между прочимъ, для того, чтобы выяснитъ, какимъ образомъ могъ я знать что-либо о тогдашнемъ государственномъ контролѣ, въ своемъ родѣ знаменитомъ Т. И. Филипповѣ.

Нужно, однако, сказать и о контролѣ, въ которомъ я служилъ,—это ужъ имѣетъ прямое отношеніе къ дальнѣйшему моему разсказу.

Учрежденіе это было удивительное, и зачѣмъ, собственно, оно было устроено—я до сихъ поръ понять не могу. Вѣроятно—такъ полагалось. Контроль нашъ былъ чисто платоническій и никогда ни къ какимъ практическимъ результатамъ не приводилъ. Мы провѣряли дѣятельность управленія желѣзной дороги, главнымъ образомъ, на бумагѣ, по документамъ, часто, случалось, находили неправильности, ошибки, дѣлали начеты, но на этомъ дѣло и останавливалось. Въ очень немногихъ случаяхъ желѣзная дорога пополняла сдѣланные на нее начеты, а обыкновенно плоды провѣрочныхъ работъ контроля оставались покоиться въ его архивѣ, и желѣзнодорожное управленіе прегрѣшало, мы его въ этомъ «про себя» изобличали, и дальнѣйшихъ послѣдствій изъ сего никакихъ не простекало. То же самое происходило и съ такъ называемымъ фактическимъ контролемъ. Ревизоры находили недостачу, напр., каменнаго угля, шпаль и т. п., подсчитывали недостачу, представляли добытыя данныя по начальству и затѣмъ даже не были приглашаемы для присутствованія при погребеніи обличительныхъ цифръ. Ревизоровъ посылали на послѣдующія работы, они ихъ тоже исполняли, получали свое жалованье, и такъ дѣло контроля шло въ разѣ данномъ ему направленіи.

Иные объясняли этотъ порядокъ личностью нашего главнаго контролера, Ковачева. Такимъ, говорили, былъ онъ и въ контрольной палатѣ, такимъ остался и въ желѣзнодорожномъ контролѣ. Былъ онъ человѣкомъ добродушнымъ и ни съ кѣмъ не хотѣлъ спориться. Управляющій желѣзной дорогой, инженеръ Измайловъ, былъ его постояннымъ партнеромъ въ коммерческомъ клубѣ, и съ какой стати становиться на пожи двумъ такимъ прекраснымъ чиновникамъ изъ-за какихъ-то начетовъ и учетовъ? Контролеры начли и учли, т. е. порученное имъ дѣло сдѣлали. Начальники сдѣланное ликвидировали, т. е. тоже совершили определенное, памятуя, что худой миръ лучше хорошей ссоры.

Я смотрю на эту комедію иначе. Я думаю, что главный контролеръ въ данномъ случаѣ руководствовался вѣяніемъ изъ Петербурга. Тогда Петербургъ вообще не любилъ скандаловъ, вродѣ затѣянныхъ теперь сенаторомъ Гаринымъ и другими. Контрольная идея была такая: контролируй, но пожалуйста безъ разныхъ исторій. Кто Богу не грѣшенъ, царю не виновать?... Производи начеты, чтобы не сказали, что ты даромъ получаешь жалованье, и складывай плоды твоихъ работъ въ укромное мѣстечко, ибо неприлично гнаться тебѣ за славой обличителя. У насъ говорили, что Ковачевъ (теперь покойный) былъ побочнымъ сыномъ, теперь тоже покойнаго, бывшаго государственнаго контролера, статсъ-секретаря графа Сольскаго; этимъ именно и объясняли блестящую карьеру Н. П. Ковачева, который, по образованію, былъ только обыкновеннымъ землемѣромъ, а сдѣлался управляющимъ контрольной палатой,

главнымъ контролеромъ желѣзнодорожнаго контроля и, наконецъ, по закрытіи послѣдняго (Тамбовско-Саратовская ж. д. перешла опять въ частное пользованіе Рязанско-Уральскаго общества)—членомъ управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Если это такъ, то Ковачеву тѣмъ легче было знакомиться съ петербургскими желаніями и, помимо пріятельства съ инженеромъ Измайловымъ, давать своему контролю вотъ именно такое направленіе, а не какое иное. Будь твердь въ начетѣ 1 руб. 42 коп. за керосинъ для освѣщенія станціи, но, какъ благородный человѣкъ, пренебреги недостатчей 100.000 шпаль, ибо шпала есть вещь деревянная, и все равно доля ея—сгнить.

Если бы въ Петербургѣ глава контрольнаго вѣдомства смотрѣлъ на свои задачи и обязанности съ иной точки зрѣнія и не дѣлалъ изъ нихъ пустой формальности, въ существѣ которой заключался обманъ и пренебреженіе государственными интересами, то нашъ желѣзнодорожный контроль не могъ бы быть терпимымъ. Но, какъ вы увидите, даже ревизія «самого» Т. И. Филиппова, который самолично посѣтилъ Саратовъ въ качествѣ ревизора, принесла нашему контролю даже благодарность государственнаго контролера.

II.

Когда стало извѣстнымъ, что къ намъ ожидается столь высокій контролеръ, разговоровъ о томъ было, конечно, не мало. Какъ-никакъ—событіе. Отъ людей освѣдомленныхъ мы имѣли приблизительное понятіе объ этой фигурѣ бюрократическаго фарисея. Его любовь къ церковному пѣнію, благочестіе и близость къ Побѣдоносцеву ни въ комъ не возбуждали довѣрія, т. е. довѣрія въ смыслѣ искренности всѣхъ этихъ подробностей. Побѣдоносцевъ уже имѣлъ прочную репутацію государственнаго іезуита, и такимъ же іезуитомъ, но только болѣе мелкимъ, рисовался въ нашемъ представленіи Т. И. Филипповъ. Всего вѣрнѣе дѣлалась въ то время карьера на фонѣ показнаго православія, святой вѣры и проч.—очевидно, и Филипповъ дудитъ въ ту же дудку. Пусть это фарисейство кощунственно и подло, безъ него не обойтись, и, слѣдовательно, пой «Херувимскую», хотя на душѣ у тебя «Камаринская».

Характеризуя Т. И. Филиппова, у насъ въ контролѣ рассказывали о немъ слѣдующій анекдотъ.

Какой-то чиновникъ тщетно добивался мѣста. Были у него всѣ данныя для того, чтобы имѣть должность, но не было протекціи и онъ тщетно обивалъ пороги петербургскихъ канцелярій. Наконецъ онъ рѣшился обратиться въ государственный контроль, къ Филиппову. Принялъ просителя Тергій Ивановичъ и, сидя въ своемъ креслѣ, ротъ разинулъ, когда увидѣлъ, что тотъ продѣлываетъ. А продѣлывалъ проситель вотъ что: вошелъ въ кабинетъ, на са-

повника и не взглянулъ, отыскалъ глазами икону въ переднемъ углу и давай отбивать передъ ней поклоны. Т. И. Филипповъ смотритъ, а тотъ, знай себѣ, молится, отмахивая широкій крестъ и земно кланяясь. Помолится, всталъ, въ послѣдній разъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и поклонился сановнику. Тотъ спрашиваетъ:

— Имѣете до меня просьбу?

Проситель изложилъ свое дѣло.

— Вы вѣрующій человѣкъ?—спрашиваетъ опять Тертій Ивановичъ.

— Вѣрую, ваше высокопревосходительство, Богъ единый мой заступникъ!..

И ловкій малый получилъ отмѣнное мѣсто. Онъ поймалъ на удочку того самаго рыбака, который подобной же приманкой уловлялъ нужныхъ ему людей.

Ну-ка, какъ-то будетъ насъ ревизовать это государево око?..

Скоро мы узнали, что Тертій Ивановичъ уже выѣхалъ изъ Петербурга. До Нижняго-Новгорода онъ прослѣдовалъ по желѣзной дорогѣ, въ салонъ-вагонѣ, предоставленномъ ему министромъ путей сообщения, а въ Нижнемъ сѣлъ на казенный пароходъ, который и повезъ государственнаго контролера по Волгѣ. Въ Казани остановка и ревизія. То же—въ Симбирекѣ и Самарѣ. Пріятный лѣтній вояжъ по чудной Волгѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ провѣрка подвѣдомственныхъ учрежденій. Пріятное и полезное.

III.

Конечно, наше начальство извѣщалось телеграммами, когда государственннй контролеръ туда-то прибылъ и когда оттуда вы-былъ. Прибыла телеграмма и съ мѣста послѣдней ревизіи: «Выѣхалъ дальше, будетъ тогда-то»...

И вотъ въ прекрасное июньское утро, свѣтлое и теплое, два контрольныхъ генерала—управляющій контрольной палатой и нашъ главный контролеръ, Н. П. Ковачевъ,—часамъ къ 8-ми уже были на казенной пристани пароходства. Отсюда ихъ заблаговременно извѣстили, что ожидаемый пароходъ дымить вдали. Когда они прибыли на пристань, судно было въ полуверстѣ. Значить, поспѣли во-время.

Пароходъ присталъ къ дебаркадеру.

На немъ тишина и спокойствіе. Капитанъ отдастъ приказанія вполголоса. Матросы стараются не топать и не стучать.

— Его высокопревосходительство?..

— Почиваютъ.

— Ааа...

Генералы не осмѣлились войти на пароходъ и остались на пристани. Да, собственно, имъ на пароходѣ и дѣваться было некуда, такъ какъ всѣ каюты были заняты «подъ его высокопревосходительство». Капитанъ, сошедшій съ парохода, объяснилъ генераламъ, что государственный контролеръ путешествуетъ съ семействомъ—съ супругою и сыномъ. Есть при немъ и чиновникъ, но онъ тоже еще спитъ: часъ ранній!..

Время шло. Казенная пристань въ Саратовѣ тогда была плохая— не знаю, какъ теперь. Не было на ней ни навѣса отъ дождя, ни тента. Скоро генераловъ стало припекать жаркое июньское солнце, въ ихъ суконныхъ мундирахъ и треуголкахъ. Отъ воды было еще жарче— отъ отраженныхъ лучей. Потъ струился градомъ съ ихъ превосходительствъ, а ожиданію не предвидѣлось конца. Часовъ въ десять для ихъ развлечения появился на палубѣ парохода камердинеръ Т. И. Филиппова съ принадлежностями костюма высокаго ревизора. Генералы смотрѣли, какъ онъ чистилъ штаны сановника, его пиджакъ.

— Еще не вставали?—спросилъ одинъ изъ генераловъ.

Лакей сбоку посмотрѣлъ на вопрошавшаго и благоволилъ отвѣтить:

— Почиваютъ.

Одиннадцать часовъ...

— Хоть бы вѣтеркомъ потянуло!—обмѣнивались между собою мыслями управляющій контрольной палатой и нашъ главный контролеръ:—а то ни малѣйшаго движенія воздуха!..

— Да, при вѣтрѣ оно легче бы...

Около двѣнадцати на пароходѣ стало замѣтно какъ будто движеніе. Пробѣжала горничная. Лакей появился и опять исчез. Откуда-то донесся стукъ посуды. Матросъ сообщилъ генераламъ:

— Кажись, кофій потребовали. Значитъ, проснулись!...

Послѣ кофе состоялся пріемъ. Государственный контролеръ уже былъ тоже въ мундирѣ и во всѣхъ регаліяхъ. Благоразумный губернаторъ съ полицеймейстеромъ подоспѣли какъ разъ въ ту минуту, когда его высокопревосходительство сошелъ съ парохода, чтобы слѣдовать въ городъ. Губернаторъ представился Тертію Ивановичу— шефъ полиціи, отсалютовавъ сановнику, отворилъ дверцу при, готовленной для него кареты и посадилъ подъ локотокъ.

— Куда прикажете, ваше высокопревосходительство?

— Къ преосвященному.

— Къ преосвященному!—крикнулъ полицеймейстеръ кучеру.— Да смотри, не вывали, каналья! Знай, кого везешь!..

И вскочилъ на свою пару «въ отлетъ».

Контрольные генералы сѣли на извозчицьи пролетки и потянулись въ хвостъ поѣзда.

IV.

Въ день своего пріѣзда Т. И. Филипповъ къ ревизіи не приступалъ. Онъ посѣтилъ преосвященнаго, губернатора, обѣдалъ у архіерея на дачѣ и затѣмъ вернулся почевать на свой пароходъ. Либеральные чиновники зубоскалили:

— Эка выжита: въ гостиницѣ не остановился, чтобы не платить за номеръ!..

На слѣдующій день началась ревизія.

Не знаю, въ чемъ заключалась она въ контрольной палатѣ, но въ желѣзнодорожномъ контролѣ произошло, буквально, слѣдующее.

Государственный контролеръ прибылъ къ намъ въ сопровожденіи своего чиновника и прослѣдовалъ въ кабинетъ главнаго контролера. Оттуда открылось шествіе въ комнату «присутствія», и здѣсь воспослѣдовало представленіе высшихъ чиновъ контроля. Затѣмъ Т. И. Филипповъ обошелъ все компаты, гдѣ занимались чиновники. Послѣдніе вставали и кланялись. Тертій Ивановичъ любезно отвѣчалъ на поклонныя и у нѣкоторыхъ спрашивалъ:

— А вы что дѣлаете?

Слѣдовалъ отвѣтъ:

— Провѣряю такую-то отчетность или такую-то.

— Очень хорошо.

У насъ были барышни-чиновницы. Около одной изъ нихъ государственный контролеръ остановился.

— Поете?—спросилъ онъ.

Барышня раскраснѣлась, какъ маковъ цвѣтъ.

— Пою...

— Очень хорошо. Я имѣлъ удовольствіе васъ вчера слышать. Это, вѣдь, вы изволили пѣть на лодкѣ, на Волгѣ?..

У барышни отъ смущенія слезы показались на глазахъ. Она вчера, дѣйствительно, каталась въ компаніи по Волгѣ и пѣла. Господи Боже, что теперь съ ней будетъ!..

— Пѣли? Прекрасно, прекрасно. Но я предпочитаю духовное пѣніе. У васъ, я знаю, есть и его любители... Какъ фамилія, ваше превосходительство?—обратился государственный контролеръ къ Ковачеву.

— Добромысловъ, ваше высокопревосходительство... Вотъ этотъ, направо...

Тертій Ивановичъ подошелъ къ Добромыслову.

— Очень радъ, что вы отдаете свой досугъ отъ государственной службы церковному пѣнію. Оно возвышаетъ душу. Участвуете въ хорѣ?

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство, въ Сергіевской церкви.

— А! Мнѣ о васъ говорилъ преосвященный: очень хвалилъ. Интересно было бы послушать. У васъ партесное пѣніе?

Начался специальный разговоръ о церковныхъ напѣвахъ. Въ заключеніе государственннй контролеръ изъявилъ желаніе прослушать обѣдню въ Сергіевской церкви.

— Прошу васъ устроить это,—сказалъ онъ Добромыслову:—закажите батюшкѣ обѣдню, передайте, что Тертій Ивановичъ просить.

— Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство.

Тѣмъ ревизія у насъ и закончилась. Добромыслову товарищи говорили:

— Ну, братъ, быть тебѣ изъ канцелярскихъ чиновниковъ контролеромъ!

Барышню поддразнивали:

— «Есть на Волгѣ утесъ» пѣли?

— Отстаньте,—отмахивалась она.

— Если пѣли—вылетѣть вамъ отсюда легче пуха.

— Я «Мѣсяцъ плыветь по ночнымъ небесамъ» пѣла... Но откуда онъ узналъ?

— Къ Богу близокъ, вотъ и узналъ!..

— Будетъ вамъ!..

Подошелъ секретарь.

— Лидія Алексѣевна,—сказалъ онъ:—ваше пѣніе очень понравилось Тертію Ивановичу, это я вамъ прямо скажу!..

— Это вы, противный?

— Что я?

— Вы на меня насплетничали?

— Я ничего не насплетничалъ, а только Тертій Ивановичъ у генерала сталъ рассказывать, что нынче ночью онъ заслушался на Волгѣ, какъ пѣлъ какой-то женскій голосъ «Мѣсяцъ плыветь», а потомъ еще «Струить ээиръ, шумить Гвадалквивиръ», а я и сказалъ, что это пѣла наша барышня.

— Безсовѣстный. Отчего вы мнѣ не сказали, что тамъ онъ на пароходѣ сидитъ?..

— Не сказалъ, чтобы вы пѣли...

Секретарь принялъ озабоченный видъ.

— Сегодня, Лидія Алексѣевна, опять поѣдемте на лодкѣ.

— Ну, ужъ это положимъ!..

— Не положимъ, а я вамъ серьезно говорю. Вы же просили о прибавкѣ къ жалованью. Вы еще недурно «Рѣченьку» поете—это непременно нужно спѣть! Такъ, часовъ въ девять, въ десятомъ поѣдемте, и какъ разъ въ пору будетъ. Лишняя десятка въ мѣсяцъ—это для васъ будетъ не вредно.

— Ахъ, какой выдумщикъ!... Да чего особеннаго въ моемъ пѣніи?

— Ну, это не наше дѣло!..

V.

Лидія Алексѣевна жила съ мамашей, вдовой бухгалтера акцизнаго управленія, души не чаявшей въ дочкѣ. Когда послѣдняя рассказала матери о своемъ разговорѣ съ государственнымъ контролеромъ, старушка чуть съ ума не сошла.

— Лидочка, да правда ли это?

— Правда, мамаша: очень хвалили!... А вы вотъ всегда противъ нашихъ катаній на лодкѣ!...

— Да развѣ я знала?... Какъ же онъ сказалъ?

— Прекрасный, говоритъ, голосъ. Благодарилъ!...

У Лидочки такъ и сіяли глаза.

— И секретарь сказалъ, что мнѣ жалованья прибавятъ.

— Веніаминъ Александровичъ!

— Ну, конечно. По крайней мѣрѣ, десять рублей!..

— Ахъ, Лидочка!...

Старуха заплакала и бросилась цѣловать дочь. Потомъ она пошла въ свою комнату и, сама не сознавая, что дѣлаетъ, надѣла парадный чепецъ, который обыкновенно надѣвала на Пасху, на Рождество и на именины. И мать, и дочь позабыли объ обѣдѣ. Мать спрашивала:

— Съ слѣдующаго мѣсяца прибавка? И какой изъ себя этотъ государственный контролеръ?

— Конечно, съ слѣдующаго. Очень милый. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что теперь—рѣшено!—я ѣду въ консерваторію...

— Лидочка!...

— Ёду, ёду! Онъ такой милый. Конечно, онъ поможетъ мнѣ поступить въ консерваторію, а служить въ контролѣ я могу и въ Петербургѣ.

— А я какъ же?

— Господи! и вы со мной, кто же объ этомъ говоритъ? Вы понимаете, мамаша,—попасть въ оперу. Въ оперѣ тысячь по десяти получаютъ жалованья!..

Бѣдный конь
Въ полѣ паль...
Я бѣгомъ
Добѣжалъ!..

— Да неужели это сбудется?...

— Я чувствую, что это сбудется!...

Когда онѣ сѣли за запоздавшій обѣдъ и отъ волненія ничего не могли ѣсть, явился Веніаминъ Александровичъ.

— Поздравляю!—провозгласилъ онъ, едва переступивъ порогъ.

— Да неужели все это правда? Самъ Тертій Ивановичъ...

— Да, самъ Тертій Ивановичъ! И настолько правда, что сейчасъ намъ нужно сдѣлать спѣвку. Вамъ свои романы, Лидія Алексѣевна, повторяютъ нечего, но мы рѣшили спѣть кое-что и хоромъ. Вы меня простите, я васъ не спросился: сейчасъ придутъ Кожемятниковъ, Сырцовъ, Острогубовъ, Виддиновъ, Алилуевъ, Вѣра Прокофьевна и прочіе,—мы «Внизъ по матушкѣ» прорепетируемъ. Не сердитесь?

— Ахъ, будетъ вамъ!.. Мамаша, нужно убрать посуду и поставить самоваръ.

— Сейчасъ. Веніаминъ Александрычъ, Лидочка говорила, что и жалованья ей прибавятъ?

— И прибавятъ, и все будетъ. Тертій Ивановичъ въ восторгѣ. А вы, Лидія Алексѣевна, еще «Ноченьку» спойте,—она у васъ выходитъ неподражаемо.

— Боюсь!..

— Не бойтесь. «Въ починыхъ небесахъ» и потомъ «Ноченьку». Потомъ хватимъ хоромъ. Сядемъ подъ Никольскимъ взвозомъ; когда вверхъ подниматься будемъ—вы свои романы, а внизъ повернемъ—хватимъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Выйдетъ первый сортъ!..

Подшли Алилуевъ, Виддиновъ, Острогубовъ и другіе чиновники контроля.

Лидія Алексѣевна сѣла за піанно.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ...—

занѣлъ секретарь, подтягивая на себѣ штаны и раскачиваясь со стороны на сторону.

Вдова бухгалтера разливала чай, улыбалась и приходила въ трепеть, когда у ней вдругъ мелькала мысль: она съ Лидочкой живетъ въ Петербургѣ...

Репетировали до девяти часовъ и потомъ всей компаніей отправились на Волгу.

Алилуевъ по дорогѣ забѣжалъ домой, чтобы надѣть другой галстукъ.

— Да почью не видать!—говорили ему.

— Пусть не видать, а этотъ обшархался.

Лидочка надѣла бѣлое кисейное платье и бѣлыя туфельки. Мать перекрестила ее на дорогу, думая:

— Вотъ она, судьба-то!.. Кто бы могъ предвидѣть?..

VI.

Серенада на Волгѣ состоялась. Кромѣ барышни, пѣлъ и хоръ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Съ казеннаго парохода аплодировали.

Утромъ слѣдующаго дня состоялась въ Сергіевской церкви за-казанная Тертіемъ Ивановичемъ обѣдня, въ присутствіи чиновъ

контроля. Причѣтъ надѣлъ лучшія свои ризы, зажегъ все паникадила и вообще постарался. Церковный хоръ превзошелъ самъ себя. Молитвы исполнялись и на греческій напѣвъ, и еще какъ-то. Служба тянулась съ 9 час. утра, кажется, часовъ до 12-ти. Тертій Ивановичъ, впереди всѣхъ, вздѣвалъ очи горѣ, гдѣ слѣдуетъ—преклонялъ колѣна и вообще продѣлывалъ все положенное, какъ опытный молещикъ. Присутствующіе старались слѣдовать его примѣру. Нашъ генералъ, либрпансеръ, матеріалистъ и либералъ, натужился, но тоже осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, становился на колѣни, выдерживалъ испытаніе стончески, по крайней мѣрѣ, по наружности. Секретарь метался по перкви, отчасти по необходимости, отчасти—по усердію.

— У иконы Сергія Чудотворца свѣчка какъ бы не упала,—замѣчалъ государственный контролеръ, полуоборачиваясь назадъ.

Секретарь мчался поправить свѣчку.

— Забылъ я Скорбящей Владычицѣ свѣчу поставить,—опять шепталъ сановникъ, прерывая свои молитвы.

Секретарь летѣлъ къ свѣчному ящику, покупалъ толстую свѣчу у ктитора и бѣжалъ къ Скорбящей Владычицѣ.

Когда обѣдия кончилась, Тертій Ивановичъ всѣхъ благодарилъ. Благодарилъ батюшку, котораго не мало сконфузилъ, подойдя къ нему подъ благословеніе и обლობызавъ благословляющую десницу.

— Благолѣпно и благоговѣнно совершаете служеніе Царю царей...—сказалъ онъ.—Умилительно и для души благотворно. Благодарю васъ, отче, и выражаю радость, что помолился въ семь храмѣ!

Регенту церковнаго хора онъ сказалъ:

— Получилъ несказанное удовольствіе отъ вашего пѣнія. Виденъ въ васъ опытный руководитель и понимающій дѣло человекъ. Хороши у васъ особенно дисканта. Но и басы недурны, очень недурны. Изъ духовнаго званія?

— Такъ точно. Учился въ семинаріи.

— Духовное образованіе—наилучшее. Еще разъ благодарю васъ.

И діакона не забылъ Тертій Ивановичъ:

— Спасибо, отецъ діаконъ. Вамъ хоть бы къ Исаакію!..

— Стараюсь, ваше высокопревосходительство,—нашелся тотъ отвѣтить.

Потомъ Т. И. Филипповъ благодарилъ нашего генерала, секретаря за ихъ хлопоты и отправился завтракать къ губернатору.

Послѣ его отъѣзда, къ сожалѣнію, вышли недоразумѣнія.

Регентъ просилъ у священника денегъ.

— Да какія же деньги я вамъ дамъ,—отвѣчалъ тотъ:—если я самъ ничего не получилъ? Его превосходительство далъ воть три рубля на благолѣніе храма и больше ничего не давалъ.

— Старостѣ церковному, значить, далъ.

Позвали старосту, но тотъ отвѣчалъ, что тоже ни отъ кого а заказную обѣдню не получалъ. Свѣчи брали—и за тѣ деньги не отдали!..

Стали разбираться, кто заказывалъ обѣдню. Оказывается— секретарь желѣзнодорожнаго контроля. Его изловили, когда онъ сѣдился на извозчика.

— Да я ничего не знаю!—протестовалъ секретарь.

— Какъ ничего не знаете? Вѣдь вы заказывали?

— Я. Что же изъ этого слѣдуетъ?

— А то слѣдуетъ, что нужно заплатить.

— Здравствуйте! Да я для себя, что ли, заказывалъ?

— Это безразлично. Мы съ вами имѣли дѣло!

— Такъ; но, вѣдь, вамъ извѣстно, что обѣдня была для государственнаго контролера, а не для меня. Мнѣ ваша обѣдня не нужна. Я съ вашей обѣдней ногъ подъ собой не чувствую.

Регентъ, человекъ грубый, кричалъ:

— Да мнѣ до васъ и дѣла нѣтъ. У меня условіе: за заказную обѣдню—25 рублей, и больше никакихъ. Хотя для китайскаго императора. Пожалуйте 25 рублей, и конченъ разговоръ!...

Церковный староста возражалъ:

— Что же, я тебѣ изъ своего кармана буду платить? Нашелъ тоже дурака. Вотъ отдадутъ деньги господа чиновники, тогда и получай! Я тоже паникадила жегъ,—по-твоему, это денегъ не стоитъ?

Батюшка сокрушенно покачивалъ головой.

— Этакое выходитъ неудовольствіе!... Нужно съ г. Ковачевымъ переговорить,—можетъ быть, они не пожелаютъ обижать святой храмъ.

Съ полчаса шли эти препирательства, послѣ чего нашъ секретарь былъ отпущенъ, обязавшись доложить Н. П. Ковачеву о недоразумѣніи и ходатайствуя объ уплатѣ причту за заказную обѣдню.

Ковачевъ озадачился, узнавъ объ этой исторіи.

— Да развѣ не заплатилъ?

— Нѣту. Даль только три рубля на благолѣпіе храма.

— Ну, и будетъ съ нихъ.

— Да какъ же, Николай Петровичъ, будетъ, ежели они хору обязаны заплатить двадцать пять рублей, двадцать пять рублей стоитъ зажженіе паникадилъ, ну, попу, діакону что-нибудь... они за такую обѣдню съ пѣвчими сто рублей берутъ.

— Ну, ужъ и сто... Очень жирно!..

Начались переговоры. Батюшкѣ говорили, что ему съ діакономъ тутъ за деньгами гнаться нечего: государственный человекъ за обѣдню не заплатилъ, но зато скажетъ Побѣдоносцеву, и попадутъ батя съ діакономъ въ Петербургъ... Кто знаетъ! Можетъ быть, какимъ-нибудь протопресвитеромъ сдѣлають и протодіакономъ въ

Зимнемъ дворцѣ... Вѣдь, три рубля все же даль? А сказано: всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ!..

Причтъ этого не отрицать, но все же, такъ сказать, сомнѣвался: а ежели Тертій Ивановичъ позабудетъ и ничего Побѣдоносцеву не скажетъ!.. Оно, конечно, можно хору изъ своихъ денегъ заплатить, или же, когда будетъ другая заказная обѣдня, или свадьба, или богатая похороны—наложить на нихъ нѣкоторую излишнюю сумму... но все-таки какъ-то пеловко!

— Да вы скажите Тертію Ивановичу, напомните ему,—предлагать батюшка секретарю при переговорахъ.

Но секретарь въ отвѣтъ сдѣлалъ большіе глаза и замахалъ руками:

— Да вы въ своемъ умѣ, ваше преподобіе?..

Мнѣ доподлинно неизвѣстно, чѣмъ окончилась эта передряга, т. е. получилъ ли что-нибудь церковный причтъ отъ нашего генерала, или же согласился ждать высшихъ милостей изъ Петербурга. Но, повидимому, духовенство осталось при пиковомъ интересѣ. Н. П. Ковачевъ, какъ либрпансеръ, не былъ склоненъ расплачиваться за чужое благочестіе, да оно и чудно было бы платить ему за Т. И. Филиппова. Съ другой стороны, я знаю, что причтъ Сергіевской церкви никакого повышенія не получилъ,—значить, Тертій Ивановичъ позабылъ замолвить о немъ словечко не только въ Петербургѣ, но и здѣсь, на мѣстѣ, нашему преосвященному. Хору, вѣроятно, было уплачено изъ церковныхъ суммъ, а потомъ какой-нибудь купецъ за свадьбу съ пѣвчими заплатилъ лишній четвертной билетъ. Но это, конечно, только моя догадка, по-моему, имѣющая нѣкоторыя логическія основанія.

VII.

Прогостилъ у насъ Тертій Ивановичъ, сколько помнится, пять дней. Былъ онъ въ мѣстныхъ монастыряхъ, въ особенно замѣчательныхъ храмахъ, обѣдалъ у епископа и губернатора, всѣмъ остался доволенъ и, наконецъ, объявилъ о своемъ отъѣздѣ въ дальнѣйшій ревизионный вояжъ—въ Астрахань.

Провожать его, конечно, явилось все начальство. Преосвященный благословилъ его на дальнѣйшее счастливое и благодѣтельное для отечества путешествіе. Губернаторъ извинялся за городскія мостовыя, изъ-за которыхъ онъ—увы!—тщетно борется съ городской думой. Контрольные генералы въ глубинѣ души думали:

— Нынѣ отпушаеши!..

Тертій Ивановичъ снова всѣхъ благодарилъ: преосвященнаго за его молитвы, за прекрасное состояніе святынь и за религіозное настроеніе народа; губернатора—за образцовый порядокъ въ городѣ; контрольных генераловъ—за превосходное состояніе, въ которомъ

онъ нашель ввѣренныя имъ контрольныя учрежденія. Тутъ же онъ изъявилъ желаніе выслушать напутственный молебенъ. Вѣроятно, это уже имѣлось въ виду, такъ какъ немедленно все оказалось готовымъ—и облаченіе, и кадило, и проч. Молебенъ отслужили. Последнія слова прощанія, рукопожатія, благословенія, и—пароходъ отчалилъ отъ пристани...

Пока пароходъ былъ виденъ, махали платками, треуголками и кричали:

— Счастливаго пути!

— Въ часъ добрый!

— Всего хорошаго!

Съ парохода тоже махалъ платочкомъ Тертіи Ивановичъ.

Стали разъѣзжаться.

Первымъ отбылъ пресвященныи, а за нимъ губернаторъ въ предшествіи полицеймейстера. Сошли на берегъ и контрольные генералы, довольные, что сбывли, наконецъ, дорогого гостя. Когда они совсѣмъ уже было сѣли на извозчика, къ нимъ подбѣжалъ нашъ секретарь.

— Кучеръ скандалить, ваше превосходительство,—доложилъ онъ.

— Какой кучеръ?

— Боторый въ каретѣ. Который его высокопревосходительство возилъ.

— Ничего не понимаю!—воскликнулъ нашъ генералъ:—что ему пужно?

— Онъ требуетъ денегъ.

— Какихъ денегъ?

— Говорить, что пятеро сутокъ возилъ его высокопревосходительство, и ему слѣдуетъ 25 рублей. Условились по пяти рублей въ сутки.

— Такъ развѣ онъ не получилъ?

— Не получилъ.

— Да вреть онъ, можетъ быть?

Подошелъ кучеръ кареты.

— Чтобы врать—этого занятія мы на себя не возьмемъ. Я самъ хозяинъ, и мнѣ на четвертной билетъ наплевать, можемъ сами четвертную, ежели желаете, подарить!..

— Ну, ну, ты потише, любезный!..

— Я не скандалю, а только вотъ ежели этотъ господинъ условливался, что по пяти рублей!..

Кучеръ показалъ на секретаря.

— Я, дѣйствительно, такъ съ нимъ стоваривался.

— При томъ уговору не было, чтобы за городъ, въ мужской монастырь, къ архіерею на дачу. Было говорено: въ городѣ, но я это пренебрегаю: пускай пропадаетъ! А двадцать пять рублей—съ этимъ я не расстаюсь.

— Ну, ну...

— Нукать нечего! Опъ уѣхаль, а вы, значить, въ сторону?.. Постепенно около бесѣдующихъ собралась кучка зѣвакъ и любопытныхъ.

— Генералы денегъ извозчику не отдають!...

Контрольные генералы крикнули хозяину кареты:

— Помолчи ты!..

И стали между собою совѣщаться. Переговоривъ немало, они вытащили изъ кармановъ кошельки и устроили складчину—по двѣнадцати рублей пятидесяти копеекъ—и отдали за карету двадцать пять рублей.

— Вотъ давно бы такъ!...—одобрилъ ихъ извозчикъ.

Генералы поѣхали домой.

Они, безспорно, думали о томъ, насколько Тертій Ивановичъ ушелъ въ благочестивыя мысли и отдался Богу, что совсѣмъ пересталъ думать о земномъ. И, можетъ быть, имъ было немножко жаль своихъ двадцати пяти рублей—двѣнадцати съ полтиной на каждыя...

Потомъ нашъ генераль говорилъ секретарю:

— Вы постоянно что-нибудь напутаете!...

А добровольные статистики въ контролѣ высчитывали, сколько у Тертія Ивановича осталось отъ его прогонныхъ, подъемныхъ и суточныхъ—при его забывчивости на религіозной почвѣ и при путешествіи бесплатно въ министерскомъ вагонѣ и на казенномъ пароходѣ. Выходило, что за эту одну экскурсію, въ то лѣто, очищалось до десяти тысячъ рублей.

Ясно, что за Богомъ молитва не пропадаетъ.

Контроль же контролировалъ попрежнему, никого не обижая, т. е., опять-таки, по-божески.

С. Гусевъ (Слово Глаголь).

ЗЕМСТВО И ЖИЗНЬ.

(Записки предсѣдателя земской управы).

I.

ОМНЮ, какихъ благихъ начинаній преисполненъ былъ нашъ новый составъ земской управы, когда впервые судьбѣ угодно было призвать насъ къ работѣ на терпистую земскую ниву.

Какъ-никакъ, а въ застоявшейся общественной жизни девяностыхъ годовъ едва ли не одно земство было до извѣстной степени той живой и дѣятельной общественной силой, которой интересовались въ широкихъ кругахъ интеллигенціи, къ которой прислушивались, на которую надѣялись, какъ на основу будущей культуры страны.

Правда, интересъ этотъ былъ отчасти подогрѣтъ внѣшними причинами, которыя, какъ часто это въ жизни бываетъ, рѣзко пробуждаютъ мирный сонъ благодушнаго россиянина и такъ властно приковываютъ его вниманіе къ давно уже приглядѣвшимся явленіямъ, вызывая къ нимъ нежданннй и порою длительный интересъ.

Такъ было и тогда, когда замѣни стараго положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864-го года было введено новое 12-го іюня 1890 года.

Земская жизнь была вдвинута въ болѣе ограниченныя рамки, и словесный составъ земскихъ собраній былъ значительно измѣненъ въ пользу представительства крупнаго землевладѣнія.

Земская реформа слишкомъ задѣла жизненные интересы населенія и не могла пройти незамѣтно, надолго создавъ злободневную

тему для обсуждений и бесѣдъ всюду, начиная отъ столичной гостиной и кончая сборной избой волостного правленія. Многие земцы ушли отъ активной работы, какъ бы въ видѣ протеста противъ сокращенія вольностей, потерявъ вѣру въ возможность успѣшной работы; многие, примирясь съ совершившимся фактомъ, пошли впередъ съ надеждой найти эту возможность и въ новыхъ условіяхъ, и, наконецъ, многие, войдя впервые въ земскую среду, образовали новую формацію земскихъ дѣятелей, любознательно озиравшихся назадъ, поучаясь у прошлаго опыту, и съ вѣрой въ жизненность земскаго дѣла идущихъ впередъ среди всякихъ невзгодъ и препятствій.

Помню, съ какимъ благоговѣйнымъ трепетомъ переступалъ я впервые въ качествѣ предсѣдателя завѣтный порогъ земской управы, за которымъ, казалось, начинается новая жизнь, полная интереса и смысла. Тутъ открывалось широкое поле дѣятельности: было гдѣ развернуться, надъ чѣмъ поработать новому составу управы.

И правда,—стоитъ открыть земское положеніе и посмотрѣть статью вторую, гласящую о томъ, что призваны вѣдать земскія учрежденія, чтобы испытать невольное изумленіе отъ той массы задачъ, къ разрѣшенію которыхъ надо стремиться, и того разнообразія темъ, которыя надо разрабатывать. Сюда входятъ: повинности денежныя и натуральныя, народное продовольствіе, пути сообщенія, земская почта, земское страхованіе, народное здравіе и санитарныя мѣропріятія, общественное призрѣніе, земская ветеринарія, противопожарныя мѣропріятія, попеченіе о лучшемъ устроеніи селеній, народное образованіе, воспособленіе земледѣлію, торговлѣ и промышленности, удовлетвореніе потребностей воинскаго и гражданскаго управленій, изданіе обязательныхъ постановленій и такъ и т. д., и т. д.

Н—ская управа уютлась тогда въ старомъ деревянномъ домѣ о шести окнахъ на улицу, лѣтъ 20 тому назадъ перевезенномъ въ городъ изъ старой помѣщичьей усадьбы. Помѣщеніе грязное, обрванное и неприютное. Здѣсь въ одной кучѣ тѣснились земская управа, уѣздный съѣздъ, канцелярія предводителя дворянства и дворянская опека. Здѣсь же происходили засѣданія земскихъ собраній, судебныя и административныя засѣданія уѣзднаго съѣзда и выѣздныхъ сессій окружнаго суда, засѣданія училищнаго совѣта, воинскаго присутствія, присутствія попитейнымъ дѣламъ (преобразованнаго впоследствии въ комитетъ о народной трезвости) и проч. Тутъ же производился пріемъ новобранцевъ. И все это въ пяти комнатахъ съ двумя прихожими и раздѣвальной. Можно себѣ представить, какая создавалась обстановка работы и какой хаосъ естественно долженъ былъ царить во всемъ этомъ муравейникѣ... Грязь, вонь, духота и обычные спутники всего этого: водка, карты и отупѣніе.

Изъ начальствующихъ лицъ обычно никто въ городѣ не жилъ: и предводитель дворянства, и предсѣдатель управы проживали всегда въ своихъ помѣстьяхъ, время отъ времени прїѣзжая въ городъ на засѣданія. Канцелярія, предоставленная самой себѣ, пьянствовала напропалую. Изъ всего личнаго канцелярскаго состава не шилъ одинъ бухгалтеръ, служившій съ основанія земства и сосредоточившій въ своихъ рукахъ все нити административнаго управленія въ управѣ. Понятно, какими враждебными глазами встрѣтили все эти господа новое начальство, поселившееся въ городѣ. Достаточно было немного приглядѣться къ дѣлу и къ личному составу, чтобы убѣдиться въ неизбежности постепеннаго освѣженія этого состава. Опытъ введенія женскаго труда въ канцелярскую работу далъ прекрасные результаты; канцелярія подтянулась, и дѣло стало налаживаться. Съ помѣщеніемъ также дѣло улучшилось, такъ какъ удалось отдѣлится отъ сѣзда и другихъ присутственныхъ мѣстъ въ особое помѣщеніе и можно было наконецъ безъ вѣшней помѣхи серьезно заняться своимъ дѣломъ.

Знакомясь съ исторіей своего земства по журналамъ земскихъ собраній за все прошлое время, пришлось преодолѣть очень большую и кропотливую работу, полную, однако, живого интереса, быть можетъ, потому, что общія условія жизни глухого провинціального захолустья были слишкомъ ужъ неприглядны и всякое дѣло, которымъ удавалось заинтересоваться, было какъ бы той соломинкой, за которую хватались все, кому страшно было захлебнуться въ этомъ застоявшемся болотѣ. А опасность въ этомъ смыслѣ была дѣйствительно серьезная. Среди полного одичанія и отупѣнія, въ которыя погрязъ мѣстный обыватель, какихъ трудовъ стоитъ вывести его изъ этого состоянія. Обыкновенно все усилія въ этомъ направленіи или разбиваются о непреодолимые условія административной опеки, особенно строгой и бдительной именно въ этомъ отношеніи въ мелкихъ городишкахъ, гдѣ до сихъ поръ, какъ въ Щедринское время, только развѣ хожденіе по улицамъ да печеніе праздничныхъ пироговъ не требуютъ особаго разрѣшенія начальства, или, встрѣчаясь съ тупымъ и упорнымъ равнодушіемъ обывателя, слишкомъ ужъ крѣпко уснушаго въ своей норѣ, усилія эти сами собой слабѣютъ, и гаснетъ мало-по-малу вѣра въ свои силы и въ самую возможность пробужденія.

О здѣшней городской жизни нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ. Городокъ маленькій, едва насчитывающій около трехъ тысячъ жителей, въ 20 верстахъ отъ желѣзной дороги, съ грязными, немощеными улицами и площадями, непролазными весной и осенью. Когда въ ненастное время надъ городомъ опустится темная ночь, съ которой тщетно борется тусклый свѣтъ отъ двухъ десятковъ закопченныхъ уличныхъ фонарей, разбросанныхъ по городу, то кажется, что и дома, и люди, и вся окружающая сонная жизнь такъ

крѣпко охвачены властью надвинувшейся ночи и тьмы, что нѣтъ ей конца и нѣтъ ужъ возврата къ свѣту. Общественной жизни никакой. Вся мѣстная интеллигенція почти исключительно служащіе въ немногочисленныхъ уѣздныхъ учрежденіяхъ. Однообразіе жизни и мелочность интересовъ порождаютъ склонность къ сплетнямъ и интригамъ, а отсюда ужъ идутъ раздоры и несогласія, благодаря чему и тотъ небольшой кружокъ мѣстнаго общества, который есть налицо, живетъ врозь и совершенно безсиленъ хоть бы какъ-нибудь скрасить свое унылое существованіе.

Какъ особенно крупное явленіе, которое, казалось, могло бы внести въ сонную жизнь городка бодрую, живительную струю, нельзя не отмѣтить устройство очень хорошаго народнаго дома съ прекрасной сценой и умѣстительной зрительной залой, рассчитанной свыше чѣмъ на триста человѣкъ.

Вначалѣ дѣло пошло хорошо: въ первомъ порывѣ увлеченія, быстро организовался кружокъ любителей и даже очень хорошій хоръ. Часто ставились пьесы изъ серьезнаго репертуара: Островскій, Потѣхинъ, Шпажневскій и др., начались систематическія чтенія съ туманными картинами и литературно-вокальные вечера, но все это продолжалось очень не долго. Хоръ скоро распался, такъ какъ регентъ, очень талантливый и опытный любитель, замѣтно охладѣлъ въ дѣлу, а вскорѣ и вовсе уѣхалъ изъ города, а другого замѣстителя ему не пашлось. Спектакли ставились все рѣже и рѣже, а потомъ и совсѣмъ прекратились, потому что единственный преданный дѣлу человѣкъ, создавшій народный домъ и изумительной энергіей собиравшій на сцену капризныхъ и заспанныхъ любителей, уѣхалъ изъ города, а любители, даже съ хорошими сценическими данными, сейчасъ же погрузились въ свою обычную спячку и тутъ же съ отраднымъ чувствомъ удовлетворенія рѣшили, что на боку лежать гораздо покойнѣе. Другого же энергичнаго и любящаго дѣло человѣка среди администраціи народнаго дома не оказалось. И вотъ дѣло, такъ хорошо вначалѣ налаженное, совсѣмъ заглохло. Грустно и укоризненно смотреть теперь всѣмъ забытый и покинутый народный театръ, только по вечерамъ по миганію въ боковыхъ окнахъ неяркихъ огней въ чайной и библіотекѣ можно судить о томъ, что жизнь въ немъ еще не совсѣмъ погасла.

Домъ этотъ—образное представленіе всѣхъ добрыхъ начинаній у насъ въ этомъ богоспасаемомъ захолустьѣ... А быть можетъ, и не только у насъ...

Сколько розовыхъ надеждъ и упованій было пережито людьми, потратившими на это дѣло столько средствъ, такъ много труда и такую массу несокрушимой энергіи... Расчетъ былъ, казалось, вѣренъ до непогрѣшимости: вліяніе народнаго дома въ такомъ глухомъ городкѣ должно быть громадно, а идея его для всѣхъ такъ ясна и понятна, что объ этомъ распространяться не стоитъ. Осуще-

ствлепа была въ самомъ началѣ задуманная организація блестяще, превзойдя всякія ожиданія: труппа любителей, ставившая съ успѣхомъ даже «Грозу» и «Ревизора», съ повтореніями ихъ въ дневной праздничной постановкѣ специально для бесплатной публики изъ городской бѣдности и пріѣзжихъ на базаръ крестьянъ; оркестръ балалаечниковъ и хоръ, въ составѣ свыше 60 человекъ, ставившій на Пушкинскомъ юбилеѣ оперные номера изъ «Русалки» и «Евгенія Онѣгина» въ исполненіи, которому позавидовалъ бы любой губернскій городъ; чтенія съ превосходнымъ газо-капильнымъ фонаремъ, съ рѣдкимъ по богатству ассортимента и полнотѣ подбора складомъ тѣневыхъ картинъ, съ талантливыми, любящими дѣло лекторами и руководителями... Все это говорило за несомнѣнный успѣхъ и быстрое развитіе дѣла... Прошелъ десятокъ лѣтъ,—и что же вышло изъ всего этого, такъ широко задуманнаго и въ высокой степени культурнаго начинанія... Все поглотило тупое обывательское равнодушіе, это сказочное чудовище, пожирающее всѣ благіе порывы отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ организацій, которые, попадая въ его исполнскій желудокъ, перевариваются въ немъ съ упорной послѣдовательностью правильно дѣйствующаго механизма. Этотъ процессъ тупого, алчнаго забданія всякой живой инициативы особенно стихіенъ въ такихъ захолустныхъ городкахъ, гдѣ могло имѣть мѣсто характерное пари между пріѣзжими земцами о томъ, кого больше пройдетъ мимо окна въ теченіе часа—людей или свиней, причемъ рекордъ былъ побить свиньями.

Хотя я лично и не участвовалъ въ организаціи народнаго дома и лишь впоследствии вошелъ въ него, какъ рядовой сотрудникъ, но мнѣ тѣмъ не менѣ такъ глубоко обидно за полученные результаты.

Я, можетъ быть, особенно горячо и болѣзненно реагирую на это печальное явленіе, такъ какъ не могу отдѣлаться отъ навязчивой идеи параллельнаго сопоставленія его съ той участью, которая постигаетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ и наши земскія начинанія.

Жизнь земская и жизнь общественная такъ же тѣсно связаны между собой, какъ земство и общество, какъ земець и рядовой обыватель,—и, несмотря на это, многіе ли у насъ изъ числа этихъ обывателей имѣютъ ясное и сознательное представленіе о земствѣ, о существѣ его задачъ и даже о формахъ его дѣятельности, которой, такъ сказать, насквозь пронизывается обывательская жизнь, въ особености низшихъ слоевъ населенія. Обучаясь въ земской школѣ, питаюсь въ голодный годъ земскимъ хлѣбомъ, обрабатывая землю плугомъ изъ земскаго склада, лечась у земскаго врача, пользуясь земскими дорогами, земской почтой, земской ветеринарной помощью и земскимъ страхованіемъ, нашъ русскій обыватель, тѣмъ не менѣ, очень мало знаетъ о самомъ земствѣ и по большей части вспоминаетъ о немъ тогда, когда пріѣдетъ становой описывать корову за земскую не-

допмку. Понятно, что такая координація представлений не может оставить въ обывательской душѣ ничего отраднаго по адресу земства.

Обычное явленіе, наблюдаемое многими, очень скоро сказалось и въ жизни нашей новой управы: добрые порывы и горячая вѣра въ плодотворность работы мало-по малу смѣнились чувствомъ горькаго разочарованія. Прежде всего пришлось вынести глубокое убѣжденіе въ полной нецѣлесообразности и даже въ отрицательныхъ результатахъ чуть ли не всѣхъ земскихъ мѣропріятій филантропическаго характера въ видѣ разныхъ безпроцентныхъ ссудъ и безвозвратныхъ пособій, направленныхъ къ облегченію экономическихъ затрудненій, столь обычныхъ въ крестьянскомъ быту.

II.

Мнѣ приходилось лично участвовать въ организаціи и осуществленіи слѣдующихъ подобныхъ мѣропріятій: выдавали мы ссуды на продовольствіе по случаю неурожая и градобитій, выдавали въ ссуду плуги, стремясь вытѣснить изъ обихода традиціонную русскую соху, пособія на переносъ построекъ въ противопожарныхъ цѣляхъ, ссуды на устройство водоемовъ, на покупку сѣмянъ, на покупку лошадей безлошаднымъ домохозяевамъ и т. д. Выдавались пособія сельскимъ пожарнымъ дружинамъ и обществамъ, пособія на проѣздъ въ московскую Александровскую больницу укушеннымъ бѣшеными животными для прививокъ на станціи Пастера; наконецъ, пособія семьямъ запасныхъ вонескихъ чпповъ, призванныхъ по мобилизаціи...

И вездѣ добрыя начинанія, заложенные въ основу всѣхъ этихъ мѣропріятій, посящихъ въ себѣ элементы филантропіи, почти всегда разбивались о всеокрушающую стѣпу невѣжества, грубости и обмана. Всегда получалась картина одна и та же: какъ только по уѣзду разнеслась вѣсть, что въ земствѣ будутъ выдавать какое-нибудь «способіе»,—сейчасъ же во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ уѣзда закипала самая горячая работа: составлялись общественные приговоры, писались списки нуждающихся, выбирались отдѣльными лицами удостовѣренія о нуждѣ на предметъ полученія земской ссуды или пособія. Приговоры, разумѣется, составлялись, какъ обычно составляются почти всѣ мірскіе приговоры, т. е. съ подобающимъ угощеніемъ водкой, причемъ въ списки включаются всѣ поголовно домохозяева селенія, нерѣдко даже тѣ, которые давно уже тамъ не проживаютъ, а только лишь числятся въ составѣ домохозяевъ, находясь въ отдаленныхъ городскихъ заработкахъ и поддерживая свою связь съ деревней лишь кратковременными наѣздами черезъ 5—6 лѣтъ для сдачи своего надѣла въ аренду на новый срокъ. Въ списокъ нуждающихся непременно вносятся

всѣ безъ исключенія состоятельныя и даже богатые домохозяева— «тысячники»,—какъ ихъ называютъ крестьяне,—ведущіе самостоятельную торговлю пенькой, льномъ, хлѣбомъ, снимающіе разные подряды на работы и проч.

Мнѣ известны случаи, когда не попадали въ списокъ завѣдомые бѣдняки, но «богачи» непремѣнно помѣщались всѣ, безъ всякихъ исключеній. Въ такихъ случаяхъ не дѣйствуютъ никакія убѣжденія и разъясненія... «Богачи»—сила въ міру, всякій въ нихъ нуждается, всякій боится ихъ, и вотъ за нихъ при составленіи приговора всегда обезпечено большинство голосовъ. Какъ ни старались всѣ мы убѣждать крестьянъ въ томъ, что всякія пособія предназначены исключительно для однихъ дѣйствительно нуждающихся, не могущихъ обойтись средствами своего двора, намъ неизмѣнно твердили одно и то же, что всѣ одинаково нуждаются, что давать—такъ давать всѣмъ, а не давать—такъ никому не давать, и въ концѣ уже приводился обыкновенно самый неотразимый доводъ, что у «царя всѣ мужики одинаковы и отъ него деньги присылаются для всѣхъ», а, дескать, это ужъ начальство само хочетъ урѣзывать выдачу и т. п., и тутъ ужъ никакіе доводы не могутъ вытѣснить изъ упрямой головы прочно, какъ гвоздь, засѣвшую туда нелѣпую мысль.

Разумѣется, при такомъ общемъ укоренившемся взглядѣ на полученіе пособій и ссудъ, которыя между прочимъ обычно въ воображеніи мужика должны будутъ ко времени взысканія попасть подъ дѣйствіе царскаго манифеста, всегда въ такихъ случаяхъ ожидаемаго, нельзя придавать ни малѣйшаго значенія всякимъ приговорамъ сельскаго схода о степени и размѣрѣ дѣйствительной нужды отдѣльных домохозяевъ. Разъ пособіе безвозвратно, а ссуда должна быть прощена по манифесту, то весьма понятно общее желаніе получить то или другое... «У царя,—говорятъ мужики,—денегъ много,—сколько нужно, столько и велить отпечатать», упрямо увѣряютъ они, и лѣзутъ всѣ наперебой, и бѣдные, и богатые, за полученіемъ своей части.

При той спѣшности, съ которой обычно производятся ссудныя операціи, а медлить съ ними не приходится, ибо истинная нужда не ждетъ, совершенно невозможно выяснить дѣйствительно нуждающихся лицъ и отсортировать въ именныхъ спискахъ бѣдныхъ отъ тѣхъ, которые хотятъ поживиться, а тѣмъ болѣе отъ тѣхъ, которые, при среднихъ недостаткахъ, могутъ обойтись средствами своего двора. Самъ по себѣ списокъ, при самомъ подробномъ заполненіи всѣхъ его рубрикъ, во многихъ случаяхъ не даетъ ровно никакихъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно было бы вывести то или иное заключеніе о степени дѣйствительной нужды. Списокъ, напримѣръ, даетъ такія свѣдѣнія: Иванъ Петровъ. Мужчинъ—1, жепщинъ—2, дѣтей—3; земли—1 надѣлъ, лошадей нѣтъ, коровъ—1, мелкаго скота—3; другого имущества не имѣеть. По внѣшнимъ признакамъ

Иванъ Петровъ дѣйствительно очень нуждается: сбился до того, что коня нѣтъ, одна коровенка, а трое дѣтей, да и заработать некому—одинъ мужикъ во дворѣ... Какъ такому не дать?.. Резолюція: «выдать пособіе». На повѣрку, однако, оказывается иное: Иванъ Петровъ—сапожникъ и хорошо зарабатываетъ; землей-то онъ и заниматься не хочетъ, а сдаеть свой полевой надѣлъ сосѣду въ аренду, а дочка въ городѣ въ горничныхъ служить и на прокормъ своей дѣвочки, которую привезла изъ города два года тому назадъ и оставила расти въ деревнѣ, каждый мѣсяцъ по пяти рублей присылаетъ. Лошадь-то Петрову и не нужна, а другую корову онъ недавно лишь продалъ за хорошую цѣну, а себѣ ужъ заторговаль у лавочника, переѣзжающаго въ городъ, другую, лучше прежней. Кромѣ того, Петровъ, имѣя кой-какія сбереженія, промышляетъ раздачей денегъ подъ залогъ, и въ чуланѣ у него всегда можно найти нѣсколько полушубковъ, сапогъ, хомутовъ, гармоній и т. п.

Въ деревнѣ ужъ онъ болѣе извѣстенъ подѣ именемъ «Петровича»—въ знакъ особаго уваженія.

Придя же въ управу за пособіемъ въ качествѣ просителя, этотъ Иванъ Петровъ имѣетъ видъ какъ бы дѣйствительно захудалаго мужиченка и съ дрожью въ голосѣ увѣряетъ всѣхъ, что ему совсѣмъ приходится пропадать съ семьей на одномъ надѣлѣ земли, да еще безъ коня.

Другой примѣръ обратнаго положенія; по списку значится: Петръ Ивановъ. Мужчинъ—3, женщинъ—3, дѣтей—2, земли—2 надѣла и 2 десятины купленной, лошадей—2, коровъ—2 и мелкаго скота 8 штукъ. Вышшіе признаки экономическаго положенія двора благопріятны: и рабочихъ рукъ довольно, и живой инвентарь достаточный, и купленная земля есть. Резолюція: «отказать въ ссудѣ». На самомъ же дѣлѣ Петръ Ивановъ большой—«увѣчливый», какъ говорятъ мужики, т. е. одержимъ грыжей и тяжелую работу выполнять не можетъ: ни косить, ни пахать, ни молотить. Старшій сынъ Петра, Федоръ, живетъ на фабрикѣ въ Петербургѣ, бросилъ жену съ дѣтьми въ отцовскомъ домѣ, а самъ обзавелся въ городѣ «кравлей» и съ деревней давно уже порвалъ всякую связь. Никакой помощи отъ него нѣтъ. Онъ даже дѣлалъ попытку выдѣлить свою часть надѣла, чтобы продать ее, но это ему не удалось. Младшій сынъ, Андрей, парень 20 лѣтъ, крѣпкій рабочій и смиренный малый, единственный работникъ въ семьѣ, на которомъ держится все хозяйство, и тотъ идетъ нынче по набору на службу, не имѣя никакой льготы по семейному положенію. Тогда двору совсѣмъ пропадать придется. Бабы тоже помощь плохая: сама хозяйка уже стара, а старшая невѣстка совсѣмъ хворая, чахоточная, и работы съ нея спросить нельзя. Инвентарь тоже плохой; лошадь одна старая и очень истощенная, врядъ ли перезимуетъ.

Конечно, мнѣ могутъ сказать, что приведенные мною примѣры

единичны, что их нельзя считать характерными для каких-нибудь общих выводов; но ведь дело не в самых примѣрахъ, не в отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ, а в томъ, что тѣ явленія, которыя въ нихъ отмѣчены, разбросаны въ жизни въ тысячахъ другихъ случаевъ, съ оттѣнками безчисленнаго множества всевозможныхъ комбинацій и сочетаній.

Дѣло въ томъ, что безъ детальнаго и всесторонняго обследованія каждой отдѣльной семьи на мѣстѣ, и не только чиновно-формальнаго обследованія, которое ровно ничего не даетъ, а вдумчиваго, участливаго и въ то же время чутко-осторожнаго, такъ какъ вась будутъ пытаться надуть и провести на каждомъ шагу,—нельзя вывести сколько-нибудь правильнаго заключенія о дѣйствительной нуждѣ, которая обычно затеривается и блѣднѣетъ среди цѣлага хаоса громко кричащаго обмана. Тяжелое положеніе какой-то жуткой безпомощности приходится испытывать при разрѣшеніи вопроса о нуждѣ, вопроса дать, или не дать, когда не знаешь, какимъ образомъ и гдѣ найти отвѣтъ на эти вопросы, имѣющіе иногда роковое значеніе: спасти или разорить.

Не такъ далеко еще то время, когда все дѣло народнаго продовольствія было сосредоточено въ рукахъ земства. беру для примѣра то время, а не настоящее, потому что когда дѣло вообще плохо, и прежде и теперь, то какъ-то безобиднѣе говорить о прошломъ. Тогда еще, до изданія циркуляровъ о воздѣйствіи на крестьянъ всякими поощрительными мѣрами къ скорѣйшему переходу отъ натуральнаго къ денежному способу продовольственнаго обезпеченія, значительное большинство сельскихъ обществъ въ нашей губерніи практиковало засышку натуральныхъ хлѣбныхъ запасовъ. И вотъ, съ неизмѣнной аккуратностью, каждую весну и каждое лѣто, то есть передъ каждымъ посѣвомъ яровыхъ и передъ каждымъ посѣвомъ озими, въ земскую управу поступали по земской почтѣ отъ всѣхъ волостныхъ правленій уѣзда цѣлые тюки съ общественными приговорами и именными списками домохозяевъ, возбуждающихъ ходатайства о выдачѣ имъ въ ссуду посѣвного хлѣба для обезпеченія полей, а кетати заодно обыкновенно испрашивалась также ссуда ржи для продовольствія или овса для прокорма скота. Размѣръ ссуды обычно исчислялся такъ, чтобы весь имѣющійся на счету домохозяина хлѣбный запасъ и былъ ему выданъ полностью. Весь этотъ матеріалъ скоплялся обычно въ управѣ между 15-го апрѣля и 1-го мая весною, и между 15-го іюля и 1-го августа—лѣтомъ, т. е. примѣрно за двѣ недѣли до посѣва. Законъ требуетъ подробнаго обследованія имущественнаго положенія каждаго просящаго ссуду двора чрезъ членовъ земскихъ управъ, а теперь чрезъ земскихъ начальниковъ, для опредѣленія степени нужды и необходимаго количества хлѣба, потребнаго въ ссуду. Спрашивается: какаѣ же физическая возможность имѣется у названныхъ должност-

ныхъ лицъ выполнить это требованіе закона, когда ссуду испрашиваютъ обычно всѣ селенія уѣзда, а въ большинствѣ изъ нихъ почти всѣ домохозяева поголовно, безъ всякихъ исключеній? И вотъ передъ вами открывается такая альтернатива: или выполни въ точности требованіе закона и, бросивши всѣ другія дѣла, производи подворные обслѣдованія, которыя при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу могли бы быть закончены не ранѣе, какъ черезъ полгода и сѣять пришлось бы зимой... Или дай людямъ возможность отсѣяться во время и ухитрись изыскать способы оформить все такъ, чтобы и себѣ и другимъ казалось бы, что неумолнныя требованія невыполнимаго въ жизни закона все же выполнены.

Должностныя лица на мѣстахъ и теперь постоянно испытываютъ на себѣ всю прелесть такого положенія и до сихъ поръ продолжаютъ получать грозныя циркуляры начальства о точномъ и неуклонномъ выполненіи названнаго закона. Та же самая исторія повторяется и при переходѣ на денежное обезпеченіе, съ тою только разницею, что въ одномъ случаѣ расчетъ дѣлается на зерно, а въ другомъ на деньги.

Пока единственная сколько-нибудь цѣлесообразная форма обслѣдованій—это организація мѣстныхъ волостныхъ и районныхъ попечительствъ, но и эта организація въ большинствѣ случаевъ создается съ чрезвычайными затрудненіями, по недостатку подходящихъ людей. Многие, разъ поработавши въ такомъ попечительствѣ и наживъ себѣ этимъ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ просителей, признанныхъ не нуждающимися, уходятъ изъ состава попечительствъ и въ другой разъ рѣшительно отказываются въ нихъ участвовать. Однако, когда такъ или иначе списки разсмотрѣны, нуждающіеся отмѣчены и ссуды выданы, обычно получается такая картина: добрая половина хлѣба продается тутъ же на мѣстѣ выдачи, а часть непременно пропивается; пьянство идетъ иногда поголовное нѣсколько дней. Нерѣдки случаи, когда ссуды передаются другимъ лицамъ, бѣднякамъ, «изъ интереса», т. е. съ удержаніемъ нѣкоторой части въ пользу лица, не нуждающагося, но получившаго ссуду, причемъ проценты взимаются чаще работою. То же самое въ той или другой формѣ происходитъ со всѣми видами и формами ссудъ и пособій, для какихъ бы цѣлей онѣ ни выдавались. Зажиточная часть населенія деревни, вмѣстѣ со всякими деревенскими праздншатаями и безхозяйнными пьяницами, всегда ухитряется цѣлою стаей налетѣть на только что показавшуюся добычу, а дѣйствительный бѣднякъ, выбивающій послѣднія силы на своемъ несчастномъ надѣлѣ, и тутъ проигрываетъ, потому что ссуду, въ виду многочисленности кліентовъ, приходится дробить на мелкія части, и горемычному бѣдняку остается одинъ выходъ восполнить недостатокъ своей части—это купить въ отработокъ у зажиточнаго сосѣда полученную имъ ссуду.

Сколько тратится труда и денег, сколько портится нервовъ и крови въ бесплодныхъ пререканіяхъ со всѣми, кому отказано въ выдачѣ, и все это даетъ такіе жалкіе результаты. Даже такая форма помощи, какъ отправка на излеченіе въ Москву лицъ, укушенныхъ бѣшенными животными, сводится въ послѣднее время къ какому-то своеобразному деревенскому спорту: задумаютъ 2—3 деревенскихіхъ парня въ Москву на заработки поѣхать, соблазнительно, конечно, прокатить даромъ; вотъ и надумали такой фортель: поцарапали ножомъ или гвоздемъ себѣ одинъ руку, другой ногу, идутъ въ волость съ заявленіемъ, что въ полѣ укусила ихъ какая-то неизвѣстная бѣшеная собака, которую имъ въ перепугѣ убить не удалось, и берутъ паспортъ съ удостовѣреніемъ для поѣздки на излеченіе въ Москву. Изъ волости съ такимъ же заявленіемъ являются къ земскому врачу, которому подробно описываютъ всю исторію происшествія и показываютъ слѣды пораненій. Земскій врачъ даетъ заключеніе, единственно возможное въ данномъ случаѣ, что у потерпѣвшихъ имѣются слѣды пораненій, происшедшихъ, по ихъ словамъ, отъ укуса собаки, и что, если собака бѣшеная, то укушенные нуждаются въ прививкахъ на станціи Пастера. Земскій ветеринаръ, къ которому обращаются въ случаяхъ, возбуждающихъ сомнѣнія, съ своей стороны, выслушавъ картинное описаніе всего происшествія и самой собаки, которая, по словамъ потерпѣвшихъ, «волочила хвостъ по землѣ, пускала клубомъ пѣну изо рта, грызла землю» и проч., даетъ тоже единственно возможное заключеніе, что, судя по описаннымъ признакамъ, собака была бѣшеная, хотя съ точностью фактъ этотъ могъ бы быть установленъ только путемъ вскрытія. Имѣя въ виду страшныя послѣдствія для потерпѣвшихъ, если они не врутъ и если собака была дѣйствительно бѣшеная, приходится ихъ отправить въ Москву, такъ какъ никому неохота брать на свою совѣсть возможную катастрофу. Нѣкоторые изъ такихъ молодцовъ являются на станцію Пастера, гдѣ и получаютъ нужное количество прививокъ, послѣ чего благополучно остаются въ Москвѣ на заработкахъ, а иные возвращаются домой, довольные уже бесплатнымъ путешествіемъ въ столицу. Болѣе простодушные даже вовсе не являются на станцію, но тутъ ужъ, конечно, обманъ обнаруживается, и дѣло принимаетъ непріятный оборотъ.

Самая процедура взысканія розданныхъ ссудъ, отсроченныхъ и разсроченныхъ и добровольно почти никѣмъ не возвращаемыхъ, представляетъ массу кропотливаго и неблагодарнаго труда, тѣмъ болѣе, что въ то время, пока вы бьетесь надъ разсрочками и отсрочками, возникаетъ новая нужда, появляются новыя и новыя ходатайства, выдаются новыя ссуды, которыя, въ свою очередь, придется точно такимъ же образомъ отсрочивать, разсрочивать и т. д., и т. д., безъ конца... Получается очень неблагодарная работа, извѣстная подъ названіемъ толченія воды.

Единственная цѣлесообразная форма помощи изъ всѣхъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, это продажа хлѣба, сѣмянъ и сельско-хозяйственныхъ орудій по заготовительнымъ цѣнамъ. Эта операція, чуждая характера благотворительности и подачекъ, будучи правильно поставлена, даетъ дѣйствительно плодотворные результаты, не развивая инстинктовъ наживы и попрошайничества, поддерживаетъ извѣстную степень самодѣятельности въ населеніи, не располагая мужика съ осени забираться на печку, въ расчетъ на казенный или земскій паекъ. А это ужъ явленіе обычное, что въ годы усиленныхъ пособій и сеудъ пьянство увеличивается, а число свободныхъ рабочихъ рукъ на мѣстахъ какъ-то сразу сокращается, хотя и отхожіе заработки на ряду съ этимъ не возрастаютъ. Конечно, есть случаи, и они не рѣдки, гдѣ помощь необходима, но выяснить эти случаи существующимъ организаціямъ не подъ силу. Думаю, что сможетъ сдѣлать это только будущее мелкое земство.

Въ земской жизни теперь, куда ни глянешь, всюду не хватаетъ этого мелкаго органа на мѣстѣ. Возьмите вы школы, дороги, организацію разныхъ пособій, въ особенности продовольственной помощи, общественныя работы и многое другое. А въ особенности школы,—это одно изъ самыхъ большихъ мѣствъ у очень и очень многихъ земствъ.

Крупное земство въ существующемъ его видѣ уже сыграло свою самостоятельную роль, дальше оно одно не въ состояніи успѣшно вести дѣло. Болѣе сорока лѣтъ тому назадъ призванное къ жизни державнымъ реформаторомъ Россіи, оно заложило начало своему великому строительству народнаго блага и въ итогъ своей многолѣтней работы создало и провело въ жизнь стройную систему мѣстнаго хозяйства, дальнѣйшее развитіе которой требуетъ уже новыхъ силъ въ мѣстной участковой организаціи, способныхъ осуществить на мѣстахъ постоянный заботливый надзоръ и уходъ за всѣми земскими дѣлами и учрежденіями.

III.

Особенно много работы земству дала русско-японская война. Въ нашемъ уѣздѣ болѣе тысячи семействъ призванныхъ запасныхъ остались на попеченіи земства. Закипѣла работа по организаціи мѣстныхъ участковыхъ попечительствъ при каждой волости, по сортировкѣ и разрѣшенію ходатайствъ, по сношенію съ попечительствами и волостями и т. д. и т. д. Управу буквально засыпали всевозможными заявленіями, жалобами, прошеніями, списками, удостовѣреніями и наконецъ лично стали одолевать жены, отцы, матери, братья запасныхъ съ дѣтьми, съ какими-то старухами и стариками, съ калѣками, слѣпыми и идіотами и т. п. И все это требовало

помощи, просило, угрожало, жаловалось и не хотѣло ждать. Работать при такихъ условіяхъ было положительно невозможно. День обыкновенно пропадалъ въ безплодныхъ разъясненіяхъ, справкахъ, пререканіяхъ и обѣщаніяхъ разсмотрѣть и ускорить дѣло и только по вечерамъ, а нерѣдко и ночью удавалось выполнить хотя самую неотложную срочную работу.

Необычность и новизна дѣла, въ связи со спѣшностью выполненія, усугубляли трудность достиженія необходимаго порядка и планомерности въ организациі этого, совершенно неожиданно возникшаго рода помощи. Некогда было изыскивать наиболѣе удобныя и простыя формы помощи, некогда знакомиться съ опытомъ прошлаго, да и прошлое это было ужъ очень отдаленное. Со времени предыдущей мобилизациі и само земство и условія жизни значительно измѣнились. Некогда было даже выработать какую-нибудь болѣе или менѣе однообразную практику для постановки дѣла не только въ разныхъ губерніяхъ, но хотя бы въ разныхъ уѣздахъ своей губерніи, что ужъ было просто необходимо, тѣмъ болѣе, что размѣръ земскаго пособія, находясь въ зависимости отъ среднихъ мѣстныхъ цѣнъ, даетъ въ разныхъ уѣздахъ разные итоги.

Отсутствіе однообразія помощи было источникомъ безконечныхъ неудовольствій, жалобъ и незаслуженныхъ нареканій на земство, какъ со стороны членовъ семействъ запасныхъ, такъ, что еще хуже, со стороны самихъ запасныхъ солдатъ, призванныхъ на войну. А это ужъ было совсѣмъ скверно, такъ какъ такое обстоятельство, естественно, не могло не отразиться въ очень неблагоприятномъ смыслѣ на самомъ духѣ арміи, находящейся на театрѣ военныхъ дѣйствій, т. е. тамъ, гдѣ солдатъ, отдаваясь всецѣло своему воинскому долгу, казалось бы, въ наименьшей степени долженъ отвлекаться заботами о матеріальныхъ положеніи, или, вѣрнѣе, о пропитаніи оставленной дома семьи.

Въ этомъ смыслѣ на земствѣ и мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ лежитъ высокая и отвѣтственная задача, къ сожалѣнію, рѣдко оцѣниваемая по своему истинному значенію, задача поддержанія духа и спокойствія арміи,—этихъ, быть можетъ, главнѣйшихъ факторовъ боевой ея способности. Представимъ себѣ, какой бодрый духъ можетъ быть на войнѣ у солдата, бросившаго за тысячи верстъ семью, гдѣ жена съ малыми дѣтьми да старуха-мать и нѣтъ ни одного работника, или гдѣ полноправнымъ хозяиномъ остался братъ, у котораго своя семья и свои интересы.

И вотъ гдѣ-нибудь на позиціяхъ подъ Мукденомъ то и дѣло получаютъ нерадостныя письма съ далекой родины. Письма эти прочитываются вслухъ, переходятъ изъ рукъ въ руки... Почти всѣмъ близки эти заботы, почти у всѣхъ общее горе... И долго за полночь у бивачнаго огня письма эти служатъ скорбной темой разговоровъ между солдатами...

Закономъ устанавливаетъ способы призрѣнія семействъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ по мобилизаціи, слѣдующимъ образомъ: обязанности призрѣнія распредѣляются между земствами, волостными и сельскими обществами. На земство возложена выдача женамъ и дѣтямъ запасныхъ продовольственнаго пайка изъ муки, крупы и соли натурой или деньгами по среднимъ мѣстнымъ цѣнамъ и по особому расчету на взрослыхъ и дѣтей; на общества же возложена забота о призрѣніи прочихъ членовъ семьи, матерей, отцовъ, братьевъ и сестеръ, къ труду неспособныхъ, а именно: продовольствіе ихъ, отводъ квартиръ при неимѣніи собственнаго угла, а также отопленіе и освѣщеніе.

Всѣ эти формы призрѣнія установлены закономъ, конечно, для тѣхъ случаевъ, когда не имѣется для прокормленія и содержанія собственныхъ средствъ двора.

Вотъ отсюда, изъ этого раздѣленія источниковъ полученія помощи и способовъ опредѣленія нужды и происходитъ та масса жалобъ, претензій и недовольства, а перѣдко и дѣйствительныхъ страданій, которыми такъ изобилвала наша послѣдняя мобилизація.

Добиться бѣдствующей семьѣ какого-нибудь пособія отъ сельскаго общества ужасно трудно. Сколько разъ приходилось управѣ брать подъ свою защиту старухъ-матерей и солдатокъ, мерзвущихъ съ дѣтьми въ нетопленныхъ хатахъ, такъ какъ никакія хлопоты и просьбы ихъ о доставкѣ дровъ, даже бесплатно отпущенныхъ изъ казеннаго лѣса, за 5, за 8 верстъ, не помогали, и никакія мольбы о помощи не могли тронуть тупого безучастія сельскаго схода, безъ водки не рѣшающаго у насъ никакихъ дѣлъ.

Было много случаевъ, когда приходилось солдаткамъ покупать для схода водку, какъ умиловительную жертву для вывозки дровъ за счетъ земскаго продовольственнаго пособія, рискуя къ концу мѣсяца остаться безъ хлѣба.

Хотя закономъ и установлена обязательность для земства помощи только нуждающимся семьямъ, но скоро сдѣлалось ясно, что здѣсь требованіе закона должно быть въ силу необходимости расширено и что вообще дѣло это требуетъ особенной сердечности и вниманія. Опытъ показалъ, какъ это удостовѣрено у насъ всѣми участковыми попечительствами, что положеніе солдатокъ въ зажиточныхъ семьяхъ, особенно гдѣ есть налицо свекровь да женатые деверя (т. е. братья мужа), зачастую бываетъ еще несравненно хуже, чѣмъ одинокихъ солдатокъ. Отказъ управы въ пособіи въ виду зажиточности двора создаетъ такой адъ въ семьѣ, что совмѣстная жизнь становится невозможной, такъ какъ такой несчастной солдаткѣ отказываютъ въ самомъ необходимомъ и попрекаютъ каждымъ кускомъ хлѣба, говоря, что и отказали-то ей въ земствѣ потому, что она проситъ, какъ слѣдуетъ, не хочетъ, а тѣмъ, дескать, другимъ, которыя просятъ, какъ должно, тѣмъ даютъ земское пособіе. Въ

концѣ концовъ пришлось во многихъ подобныхъ случаяхъ, во избѣжаніе семейныхъ раздоровъ и въ облегченіе тяжелой участи такихъ женщинъ, назначать имъ сокращенное пособіе, иногда всего по рублю въ мѣсяцъ на цѣлую семью, что уже очень измѣняло картину, такъ какъ у солдатки была на рукахъ собственная копейка, хотя бы на самые настоятельные мелочные расходы: на свѣчку въ церковь и на баранки ребенку.

Въ общемъ все-таки для солдатокъ во дворахъ со среднимъ достаткомъ—а такихъ было большинство—земское пособіе послужило значительнымъ подспорьемъ, и къ концу военныхъ дѣйствій это замѣтно стало во внѣшнихъ проявленіяхъ необычнаго щегольства: тутъ и румяна и бѣлила пошли въ ходъ, и венгерки на пуговкахъ, и платки шелковые, и монисты, и бусы...

IV.

Главнѣйшее мѣсто среди разносторонней дѣятельности земскихъ учреждений занимаютъ, какъ извѣстно, медицинская часть и народное образованіе. Эти двѣ отрасли земскаго хозяйства въ среднемъ поглощаютъ большую половину расходовъ на мѣстныя потребности, поэтому естественно, что именно эти отрасли привлекаютъ къ себѣ наибольшее вниманіе всякаго, интересующагося земской жизнью.

Нашъ уѣздъ является типично-среднимъ уѣздомъ для значительнаго большинства русскихъ уѣздныхъ земствъ, чисто-земледѣльческаго характера, безъ крупныхъ городскихъ центровъ и серьезныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій.

Примѣры, здѣсь приводимые, не могутъ, конечно, быть характерными для богатыхъ земствъ, съ широко развитою торгово-промышленною дѣятельностью населенія, съ цѣнными фабрично-заводскими предпріятіями и городскими недвижимыми имуществами, гдѣ культурная и просвѣтительная дѣятельность земства уже успѣла достигъ высокой степени интенсивности, но вѣдь такія счастливыя условія земской работы далеко еще не являются типичными для общей картины земскаго хозяйства.

Въ то время, когда у насъ не хватаетъ въ школахъ учебниковъ и бумаги; въ лечебницахъ и амбулаторіяхъ не хватаетъ лекарствъ; когда мы не въ состояніи своевременно перечислять срочные платежи дорожному капиталу и губернскому текущему сбору,—земства промышленнаго района, широко удовлетворяя мѣстныя потребности, нисколько не стѣняясь въ средствахъ, накапливаютъ еще съ успѣхомъ свои запасные и оборотные капиталы, за полнымъ и своевременнымъ выполненіемъ всѣхъ срочныхъ платежей. Не о нихъ, конечно, идетъ здѣсь рѣчь. Между земствами, какъ и между людьми, есть и бѣдные и богатые, хотя требованія, къ нимъ предъявляемыя, совершенно одинаковы, такъ какъ и бѣдное и богатое земство несетъ

по закону одинаковыя обязанности по отношенію къ населенію уѣзда. И насколько невозможно равномерное распредѣленіе богатствъ среди людей, для ихъ личнаго блага и пользованія, настолько достиженіе нѣкоторой уравнительности источниковъ доходовъ для земствъ на благо и пользованіе всего населенія, ими обслуживаемаго, было бы вполне возможно, вполне справедливо и целесообразно. Стоило бы создать для этого особый общеземскій оборотный фондъ, хотя бы при существующей уже общеземской организаціи или при главномъ управленіи по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, съ отчисленіемъ въ него въ установленномъ размѣрѣ части земскаго сбора, взимаемаго со всѣхъ вновь открываемыхъ торгово-промышленныхъ предприятий въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ сборы эти достигли средней по имперіи нормы, съ тѣмъ, чтобы изъ означеннаго фонда оказывались восполненія тѣмъ земствамъ, которыя за неимѣніемъ оборотныхъ средствъ вынуждены задерживать развитіе своей дѣятельности по удовлетворенію неотложныхъ мѣстныхъ потребностей. Потребности эти такъ многообразны и такъ неотложны, что земству неизбежно предстоить изыскать для нихъ новыя источники доходовъ.

Введеніе въ земскую жизнь такого на первый взглядъ якобы социалистическаго принципа, на самомъ дѣлѣ, ничего страшнаго не представило бы, такъ какъ дало бы лишь возможность земству, какъ учрежденію, охватывающему своей дѣятельностью въ общемъ громадный районъ имперіи, возможно полнѣе, лучше и однообразнѣе осуществлять въ отношеніи мѣстныхъ потребностей, пользы и нужды населенія тѣ обязанности, которыя возложены закономъ на земскія учрежденія.

Среди всѣхъ земскихъ расходовъ медицина издавна уже завоевала себѣ первое мѣсто въ расходной сметѣ какъ уѣздныхъ, такъ и многихъ губернскихъ земствъ. Все остальное безжалостно было отнесено на задній планъ, и только одно еще народное образованіе упорно отстаивало за собой въ большинствѣ уѣздныхъ земствъ второе мѣсто, а въ послѣдніе годы оно стало уже мѣстами доминировать, оттѣснивъ, въ свою очередь, счастливую свою соперницу—медицину—по нѣкоторымъ уѣздамъ на второй планъ.

Издавна уже земскіе врачи успѣли открыть себѣ доступъ въ ревизіонныя комиссіи земскихъ собраній и пріобрѣсти извѣстную устойчивость и болѣе или менѣе вліятельное значеніе въ составѣ врачебныхъ совѣтовъ, которые, открываясь при управахъ въ качествѣ совѣщательныхъ органовъ, очень скоро при малѣйшей податливости управы сосредоточивали въ своихъ рукахъ всю распорядительную часть по веденію медицинскаго дѣла въ уѣздѣ, что въ одинаковой, если не въ болѣе, степени имѣло мѣсто и въ губернскихъ земствахъ, гдѣ многочисленный составъ врачей губернскихъ больницъ, общихъ и психіатрическихъ, скоро пріобрѣталъ доминирующее значеніе не только въ губернскомъ врачебномъ совѣтѣ. По истинѣ изуми-

тельны то искусство и та настойчивость, съ которыми врачи, склонные вообще къ объединенію въ одну тѣсную и дружную, въ смыслѣ оппозиціи управѣ, корпорацію, всегда стремились занять въ земствѣ первенствующую роль, которую такъ успѣшно удерживали за собой до самаго послѣдняго времени. Только въ самые послѣдніе годы земство стало постепенно, но, повидимому, настоятельно склоняться въ сторону видоизмѣненнаго принципа: «раньше учить, а послѣ лечить». Можно ожидать, что этотъ путь дастъ лучшіе результаты.

Надо прямо сказать, какъ это ни прискорбно, что во многихъ и очень многихъ уѣздахъ земская медицина заѣла земскую школу. Благодаря постоянно дѣйствующему гипнозу земскихъ врачей какъ на самихъ гласныхъ, такъ и на органы земскаго управленія, все приносилось на алтарь этого кумира, котораго нельзя было удовлетворить, какъ тощую фараонову корову; на долю же несчастной земской школы, которую въ собраніяхъ и комиссіяхъ отстаивали отъ полнаго пораженія лишь немногочисленные добровольцы изъ гласныхъ, доставалось очень немного. Стоитъ посмотрѣть въ сводѣ земскихъ расходныхъ смѣтъ 5—6 лѣтъ тому назадъ, чтобы удостовѣриться въ сдѣланномъ выводѣ.

Нельзя не отдать дань справедливости и глубокаго уваженія дѣятелямъ земской медицины за ихъ многолѣтнюю самоотверженную и идейную работу, но и увѣренъ, что многіе изъ нихъ сами теперь поняли невѣрность взятаго курса, такъ какъ въ концѣ концовъ нельзя не убѣдиться, что не только амбулаторная работа, но и санитарная дѣятельность въ конечномъ итогѣ, при всей массѣ затрачиваемаго на нихъ труда и земскихъ средствъ, даютъ такіе результаты, которые въ обиходѣ обычно характеризуются фразой: «игра не стоитъ свѣчей».

Всякому понятно, что, какъ бы ни выбивались изъ силъ земскіе врачи, принимая въ амбулаторіяхъ по 50 и даже по 100 человекъ больныхъ въ день, какъ бы ни пичкали они пациентовъ лекарствами съ назидательными совѣтами не ѣсть кислаго и соленого, не пить водки и сырой воды и т. п., никакой серьезной помощи оказать нельзя, когда пациентъ этотъ, кромѣ ограниченнаго количества хлѣба съ мякиной, питается, главнымъ образомъ, лукомъ, картошкой, квасомъ да щавелемъ; зиму проводитъ въ душной, грязной, пронизанной сыростью и смрадомъ избѣ, вмѣстѣ съ мелкимъ домашнимъ скотомъ и птицами; при всякомъ удобномъ случаѣ тотъ же пациентъ напивается пьянымъ и ужъ никакъ не преминетъ пойти со вѣбми чадами и домочадцами въ сосѣднее село хоронить умершаго отъ сыпного тифа или скарлатины ребенка у кума или свата.

Долго занимаемая леченіемъ такого пациента, мы очень мало заботились объ его просвѣщеніи, объ его культурѣ, ограничиваясь по преимуществу преподаніемъ одной голой и скоро забываемой гра-

моты, безъ всякаго сознательнаго усвоенія самыхъ элементарныхъ свѣдѣній изъ окружающей природы и человѣческихъ бытовыхъ отношеній. До послѣдняго времени мы совсѣмъ почти оставались равнодушными къ страшному упадку экономическаго и сельско-хозяйственнаго быта населенія. Теперь только, когда дальнѣйшее промедленіе сдѣлалось совершенно нетерпимымъ, эта сторона дѣла привлекла къ себѣ вниманіе, что, повидному, начинаетъ уже сказываться не только въ земскихъ, но и въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, успѣшно или нѣтъ организуемыхъ, но все же пробуждаемыхъ къ жизни съ несомнѣнной очевидностью.

Та же исторія, что съ медициной, повторяется и съ ветеринарными мѣропріятіями, которыя точно такъ же разбиваются о несокрушимую стѣну народнаго нищета, тупого упорства, тьмы и невѣжества.

При появленіи, напримѣръ, рожи свиной или сибирской язвы на лошадахъ и скотѣ, ежегодно охватывающихъ огромные районы, — не дѣйствуютъ никакія убѣжденія о необходимой уборкѣ труповъ вмѣстѣ съ кожами, объ изоляціи заболѣвшихъ животныхъ и проч. Проѣзжая мимо зараженныхъ деревень, вездѣ вы можете наблюдать валяющіеся на полѣ, часто у самой дороги и около дворовъ терзаемые собаками и распространяющіе зловоніе трупы павшихъ животныхъ, съ ободранными кожами, которыя тутъ же насѣхъ продаются проѣзжимъ евреямъ, развозятся отсюда вмѣстѣ съ заразой по другимъ деревнямъ; большія животныя преспокойно пасутся въ общемъ стадѣ съ здоровыми, и зараженное стадо одной деревни самымъ невпнымъ образомъ мирно пасется въ тѣсномъ загонѣ рядомъ съ здоровымъ стадомъ сосѣдней деревни, тогда какъ земскій ветеринарный персоналъ сбивается съ ногъ въ безплодной борьбѣ съ расхоловшейся эпизоотіей... Можно надѣяться, что такія явленія въ недалекомъ будущемъ отойдутъ въ область преданій, а пока все это отбиваетъ всякую охоту работать.

V.

Теперь, когда дѣло просвѣщенія народа съ введеніемъ всеобщаго обученія становится, повидному, на твердую почву, на авансцену земской жизни выступаютъ бывшіе до послѣдняго времени какъ бы въ тѣни дѣятели народнаго просвѣщенія. Надо признаться, то, что давала, да и теперь еще даетъ въ большинствѣ случаевъ наша земская школа, не говоря уже о школахъ другихъ типовъ, еще менѣе удовлетворительныхъ, имѣетъ очень немного общаго съ дѣйствительнымъ просвѣщеніемъ.

Цѣлый рядъ неблагоприятныхъ условій какимъ-то злымъ рокомъ тяготѣтъ надъ нашей сельской школой.

Какъ и во всякомъ дѣлѣ, есть, конечно, блестящія исключенія, гдѣ школа поставлена на подобающую высоту и въ умѣлыхъ рукахъ

ближайшихъ руководителей даетъ плодотворные результаты. Есть среди дѣятелей школы немало лицъ, горячо, искренно преданныхъ своему дѣлу, основательно подготовленныхъ къ нему, идейныхъ работниковъ, умѣющихъ, кромѣ выполненія школьной программы, воспитать и оживить душу ребенка, вдохнуть и оживотворить въ ней начала добра, жизненной правды и христіанской любви, умѣющихъ установить прочную связь между школой и жизнью и быть, незамѣтно для себя, живымъ просвѣщеннымъ примѣромъ, озаряющимъ окружающую деревенскую темноту свѣтлымъ ореоломъ своего высокаго званія учителя народа...

Но въ общей массѣ своей учительскій составъ сельскихъ школъ, въ смыслѣ своего общаго развитія и опытной подготовки къ дѣлу, оставляетъ желать очень многого.

Вынося сами со школьной скамьи гораздо болѣе свѣдѣній о жизни и бытовомъ устройствѣ вавилонянъ и ассиріянъ, чѣмъ русскихъ, наши учительницы, вступая въ сельскую школу, зачастую поражаютъ смутностью представленій о самыхъ элементарныхъ понятіяхъ бытового и общественнаго устройства своей страны, о значеніи труда и собственности, о юридическихъ правахъ и гражданскихъ обязанностяхъ, о повинностяхъ и налогахъ, о существующихъ у насъ учрежденіяхъ вообще и о земствѣ въ частности и т. п. Вѣдь ничего этого не даетъ наша средняя школа, загромождая память и умъ своихъ питомцевъ никуда негоднымъ балластомъ. Мнѣ приходилось получать въ управѣ прошенія отъ окончившихъ курсъ гимназистокъ и енархіалокъ о предоставленіи имъ должности учительницы, написанныя на имя «предсѣдателя городской земской управы»... И пишутъ-то, по большей части, такими каракулями, что ученики, обычно воспринимающіе почеркъ своихъ учителей, не могутъ, кончая школу, овладѣть сколько-нибудь четкимъ и увѣреннымъ почеркомъ, что до извѣстной степени ускоряетъ нерѣдкіе у насъ случаи рецидива безграмотности. Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ пробѣламъ въ педагогической подготовкѣ учебнаго персонала, нельзя не отмѣтить часто встрѣчаемой полной практической неподготовленности къ жизни, полного неумѣнія приспособляться къ окружающей обстановкѣ и по возможности устранять встрѣчающіяся препятствія и неудобства. Нерѣдко приходится наблюдать картины проявленія полной беспомощности, какъ, напримѣръ, пріѣхавъ въ школу, я засталъ учительницу, мерзнущую отъ холода, закутанную въ теплый платокъ и жалобно заявлявшую мнѣ о необходимости ремонта, такъ какъ въ образовавшуюся около оконной рамы щель врывался вѣтеръ и задувалъ снѣгъ, причемъ дѣйствительно на подоконникѣ былъ снѣгъ, а самой бѣдной учительницѣ не пришла даже мысль въ голову о возможности заткнуть злополучную щель хотя бы бумагой, и вмѣсто этого она пишетъ слезныя жалобы на холодъ въ управу и въ училищный совѣтъ и мерзнетъ, и кашляетъ, ожидая необходимыхъ распоряженій начальства.

Основательно подготовленныхъ специалистовъ дѣла, окончившихъ учительскія семинаріи, у насъ вообще очень немного, такъ какъ и семинаріи такихъ до сего времени очень мало въ Россіи, да и далеко не всѣ, кончающіе въ нихъ курсъ, идутъ въ народныя учителя, не имѣя къ тому призванія или ища лучшихъ условій службы.

Преобладающій контингентъ сельскихъ учителей набирается изъ епархіалокъ и гимназистокъ. Гимназистки сравнительно недавно еще пошли въ земскую школу, со времени улучшенія матеріальныхъ условій службы въ ней, и очень недавно насчитывались единицами, да и теперь онѣ тяготеютъ главнымъ образомъ ко всевозможнымъ высшимъ и даже фельдшерскимъ и бухгалтерскимъ курсамъ и, по личнымъ моимъ наблюденіямъ, въ общемъ представляютъ для школы, конечно, за нѣкоторыми исключеніями, элементъ гораздо менѣе устойчивый, чѣмъ епархіалки, вышедшія изъ болѣе близкой къ народу и къ условіямъ деревенскаго быта духовной среды. Гимназистки же, вышедшія большей частью изъ среды служилого городского сословія, если не попадаютъ на курсы, то, весьма понятно, предпочитаютъ устроиться на службу въ губернскую земскую управу или въ канцеляріи другихъ присутственныхъ мѣстъ губернскаго города, въ банкъ, на почту или телеграфъ. Здѣсь привычная горожанка, какъ рыба въ водѣ: и въ театрѣ побывать можно, и съ подругами поболтать, и лекцію заѣзжаго оратора послушать, и модный бантикъ купить, и погулять, и пококетничать, — ну, словомъ, пользоваться жизнью именно теперь, когда послѣ гимназической скамьи все такъ еще свѣжо и интересно, когда юная жизнь бьетъ ключомъ; какъ же тутъ не отдаться хотя бы тѣмъ небольшимъ радостямъ, которыя послѣ теряютъ цѣну и не скрасятъ уже сѣрыхъ будничныхъ дней...

Не то въ сельской школѣ... и сыро, и холодно, и неудобно въ этомъ полгода необитаемомъ жилищѣ. Ну, да съ этимъ еще пылкая молодость кое-какъ мирится, а вотъ что скучно: душу отвести не съ кѣмъ, словомъ живымъ не съ кѣмъ перемолвиться... вотъ отъ чего скоро становится жутко.

Жутко одной, заброшенной въ глухую деревню въ долгіе зимніе вечера заставлятъ себя втискивать всѣ свои мечты и интересы въ грудь каракулями испещренныхъ тетрадокъ, отыскивая успокоеніе въ ихъ необъятномъ хаосѣ. Серьезной любви къ дѣлу еще нѣтъ, — она вѣдь не сразу дается, а приходитъ по мѣрѣ того, какъ человѣкъ роднится, сживается съ дѣломъ. Голова полна еще городскихъ воспоминаній, а тутъ замело окно снѣгомъ, ребятишки орутъ, дерутся, батюшка надоѣдаетъ скучными наставленіями по поводу необходимости ѣсть постную пищу, а подвынвившій попечитель — глухой и малограмотный мужикъ — съ сознаніемъ власти и собственнаго достоинства суетъ свой пьяный носъ въ школу и отдаетъ распоря-

женіе не открывать форточекъ въ классѣ,—«потому какъ дрова дороги, а весь свѣтъ не потопишь, когда ежели тепло въ окно выпущать станемъ»,—говоритъ онъ, и противъ такого авторитета всякіе доводы бесполезны... А подруги пишутъ, кто изъ Москвы съ курсовъ, кто изъ губернскаго города, какъ тамъ учатся, какъ работаютъ, какъ веселятся... И потянетъ,—вотъ какъ потянетъ туда назадъ, въ родной городъ, гдѣ такъ хорошо, такъ радостно живетъ подругамъ... И тогда ужъ прощай, земская школа.

Не знаю, дасть ли какая-нибудь другая отрасль дѣятельности, среди нашей городской молодежи, столько горькихъ разочарованій и разбитыхъ надеждъ, какъ наша сельская школа.

Теперь, когда начинается вводиться всеобщее обученіе, всѣмъ уже признана неотложная необходимость устройства возможно большаго числа учительскихъ семинарій съ освѣженной программой, и въ будущемъ дѣло, вѣроятно, наладится. А чтобы судить о томъ, какъ оно идетъ теперь, достаточно посмотрѣть въ отчеты земскихъ управъ и членовъ училищныхъ совѣтовъ отъ земства, чтобы увидѣть, какъ составители ихъ вопіютъ о необходимости реформъ въ сельской школѣ. Силою и рядомъ оказывается, что мальчикъ, окончившій курсъ въ сельской школѣ, не можетъ толкомъ ни книжки, ни письма прочесть, а ужъ если попросить его написать письмо, то, кромѣ «низкихъ съ любовью поклоновъ», расписанныхъ безграмотными каракулями на цѣлыхъ двухъ листахъ, ровно ничего не окажется.

Типичное выраженіе сознательности и искусства изложенія мыслей, вынесенное изъ школы, лучше всего иллюстрируется въ солдатскихъ письмахъ на родину, гдѣ, кромѣ этихъ пресловутыхъ поклоновъ, нельзя отыскать ни тѣни какой-нибудь самостоятельной мысли. Школа не научила своего питомца толковому изложенію мыслей, не привила любви къ чтенію и книгѣ, не вселила въ душу его сколько-нибудь правильныхъ понятій о смыслѣ заповѣдей и молитвъ, о христіанской любви и долгѣ, не дала хотя бы самыхъ необходимыхъ, но сознательно усвоенныхъ свѣдѣній по исторіи родной земли, по географіи и естествовѣдѣнію, хотя бы постольку, поскольку это необходимо для элементарно-сознательнаго отношенія къ окружающимъ явленіямъ природы и жизни.

Здѣсь, конечно, ужъ нельзя все относить на счетъ неуспѣшности преподаванія, а нужно вспомнить и тѣ неблагоприятныя общія условія, въ которыхъ оно ведется, и слишкомъ малое развитіе внѣшкольнаго образованія, столь необходимаго для расширенія и укрѣпленія знаній; наконецъ, тѣ уродливыя учебныя программы, которыя давно уже признаны нигде не годными и все еще почему-то продолжаютъ оставаться во всемъ великолѣпніи своего дореформеннаго убожества. Нельзя не вспомнить также и существующій общій порядокъ, или, вѣрнѣе, беспорядокъ въ завѣдываніи и надзорѣ

за школами, распределенных как раз между «семью няньками»: предводитель дворянства, училищный совет, земская управа, инспектор народных училищ, земский начальник, попечитель школы и волостной старшина... ровно семь...

Особенный интерес в смысл выяснения общего уровня развития школьников старшего возраста представляет не так давно предпринятая одним из членов училищного совета от краснинского земства Д. Т. Андреевым своеобразная анкета по некоторым школам уезда (журнал земского собрания 1906 г.).

Было предложено 27 вопросов, на которые получено 138 ответов. Ответы по своей оригинальности заслуживают внимания, тем более, что в них, несомненно, нашли себе отражение взгляды и понятия взрослых, поскольку заданные вопросы входят в круг мировоззрения современной деревни. 19 ответов, наиболее типичных по своему содержанию и по формам изложения, помещены в приложении к тому же журналу земского собрания и приводятся здесь с точным сохранением орфографии подлинника. Вот они:

Ответы учеников на заданные вопросы с сохранением подлинной орфографии.

I. Что ты читал и от людей слышал о Кевѣ? Я читал о Кевѣ, что есть больше церкви. Ученикъ Л—скаго училища. Е. С. 4 марта 1906 -го года.

II. Что ты читал и от людей слышал о Кіевѣ? Въ Кіевѣ собираются богомольцы для богомоленья. Я читалъ объ Кавказѣ и еще о Сибири. Ученикъ П—скаго училища А. Г. 8 марта.

III. Что ты читал и от людей слышал о Кіевѣ? Я слышалъ что Кіевъ былъ въ старину первою столицею Руского Государства. Въ Кіевѣ началось христіанское просвѣщеніе Россіи. Съ Кіева начались первые храмы и училища. Въ Кіевѣ началась первая старѣйшія Академія. Кіевъ дорогъ своимъ святынями для каждаго человѣка. Ученикъ С—скаго училища Г. X. 8 марта.

IV. 24-го Марта 1906-го года. Для чего собираютъ подати Платятъ подати для казеннаго изданія устраиваютъ больницы, казенные училища и въ училищѣ содержатъ учительницъ и учителей и платятъ имъ каждыи мѣсяць за собранныя подати покупаютъ дрова къ училищу за подати платятъ и казеннымъ людямъ и главнокомандующихъ генераловъ при войнѣ и особенно волоснымъ и сельскимъ за собранные деньги начальство покупаетъ у чужестранцевъ корабли за подати содержатъ все начальство и судей, начальство приглядываетъ объ всемъ чтобы дороги были исправны и чтобы крестьяне не сорились они содержатъ отъ податей казаковъ для того, что когда мужики будутъ промежъ собою драться то казаки едутъ

смирять съкутъ ихъ нагайками, ученикъ Д—ской волости деревни Б—а Я. Ч.

V. Для чего собираютъ подати? подати собираютъ за землю? Ученикъ Л—скаго училища Е. Н. 4-го марта 1906-го года.

VI. Для чего собираютъ подати? Подати собираютъ для уплаты. Ученикъ Х—скаго училища А. М.

VII. 1906 года 23 дня мѣсяца Февраля Какіе бываютъ начальники и какіе они правятъ дѣла. Начальники бываютъ: офицера, доктора, фельшера, наставники, урядники, земскіе, военные начальники, становые; офицера занимаются военными продѣлками учатъ какъ маршировать солдатамъ, доктора вылѣчиваютъ больныхъ, фельшера тоже вылѣчиваютъ больныхъ, но не такъ какъ самъ докторъ, наставники учатъ дѣтей урядники для того нужны, что если кто украдетъ лошадь, то онъ составляетъ протоколъ, земскіе ѣздятъ по деревнямъ, если кто не заплатитъ плату военные начальники учатъ какъ лучше на войнѣ быть. (уч. К—сник. уч-ща) С. П.

VIII. Какіе бываютъ начальники и какія они правятъ дѣла? Начальники правятъ дѣло ходитъ. Л—скаго училища ученикъ. Н. П. 4-го марта 1906-го года.

IV. 1906 года 23 февраля. Что ты знаешь про Москву? Москва основана была Юріемъ Долгорукомъ въ Ей жилъ съ начала князь Михаилъ Тверской. На Москву нападали французы. Разъ они пришли изъ Франціи это было въ 1812 году. Въ французовъ было 700 тысячъ человекъ войска. Этимъ войскомъ Командовалъ Наполеонъ I-й; а въ русскихъ 290 тысячъ. Русскимъ войскомъ командовалъ Кутузовъ. Кутузовъ не осмѣлялся начать стрельбу; о отдать Москву безъ бою; а потомъ заполнили Москву и она сгорѣла. Такъ Французы вошли изъ нея. А Москву снова выстроили и она стала столичнымъ Городомъ Россіи. И. Г. (К—сник. уч.).

X. Что ты знаешь про Москву? Я знаю про Москву, что ея разорилъ Французскій Наполеонъ. Ученикъ К—скаго училища. В. Г.

XI. Что знаешь про Москву? Москва стоитъ на рѣкѣ Москвѣ въ Москвѣ въ Петропавловскомъ соборѣ теперь хоронятся цари. Москва были завоевали французы. Она очень красива храмами. Ученикъ П—скаго училища 1906 года марта 8-го С. Л.

XII. Что надо дѣлать, чтобы жить со достаткомъ? Что нужно работать больше. Ученикъ К—скаго училища. В. С. 1906-го года 23-го марта.

XIII. Что надо дѣлать чтобы жить съ достаткомъ? Нужно молиться Богу просить Его. Еще нужно работать не лѣниться. Нужно въ церковь ходить. Ученикъ П—скаго училища С. М. 12 года. Среда 8-го Марта 1906 года.

XIV. 1906 года 23 февраля. Что надо дѣлать, чтобы жить съ достаткомъ? Чтобы жить съ достаткомъ нужно понапрасному не

расточать, а давать можно бѣднымъ, и пособлять несчастнымъ, а также и давать хлѣбъ можно кому угодно. Нужно сберечь имущество смашно всегда не ѣсть не пить водки, а трудиться земледѣлю, а также держать лошадей, коровъ и овецъ. (К—сник. уч.). И. А.

XV. Какъ людямъ надо жить, чтобы свое здоровье сохранить? Здоровье необходимо каждому человѣку. Для этого нужно заботиться о пищѣ охорошемъ содержаніи жилища. Если человѣкъ питается плохой пищей, то тѣла его слабѣетъ и начинается болѣзнь. Ученица С—скаго училища 1096 года 8 марта. Е. Н.

XVI. Какъ людямъ жить, чтобы свое здоровіе сохранить? Не надо ходить на улицу. Не пить водки. Не драться съ людьми. Неругаться. Некрась. Ученикъ С—ской школы Е. С. получилъ 14 марта 1906 года.

XVII. Какъ людямъ надо жить чтобы свое здоровіе сохранить? Нужно молиться Богу, чтобы Богъ довалъ здоровье. Ученица П—скаго училища 8-го Марта 1906 года А. Г.

XVIII. Надо ли прощать обидчиковъ? До сколькихъ разъ и почему? Случалось тебѣ кого прощать? Надо прощать обидчиковъ? До жизни смерти своей? Случалось? Ученикъ К—скаго училища Т. М. А. 23-го Марта 1906 года.

XIX. 1906 года 23-го февраля. Надо ли прощать обидчиковъ? Обидчиковъ нужно прощать, потому что Самъ Господь Иисусъ Христосъ сказалъ, кто будетъ прощать обиды тому и Я прощу, а кто не будетъ прощать обиды ближнимъ тому и Я не прощу. До сколькихъ разъ и почему? Обиды нужно прощать до нѣсколькихъ разъ, потому что Самъ Господь Иисусъ Христосъ прощалъ всемъ. Случалось тебѣ прощать кому? Мнѣ случалось прощать обиды и я прощала П. Т. (Кс—ник. уч.).

Въ общемъ картина удручающая, и выводы напрашиваются сами...

Но все же среди помѣщенныхъ здѣсь отвѣтовъ нашли себѣ мѣсто и тѣ два-три сравнительно толковыхъ, которые, на ряду съ безотраднымъ невѣжествомъ остальныхъ, даютъ нѣкоторое представление о томъ, что живой природный умъ деревенскаго подростка, даже безъ надлежащей огранки, какъ самородный алмазь, блеститъ и искрится на солнцѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, по уровню развитія старшихъ школьниковъ, повышенному все же воздѣйствіемъ школы, можно до извѣстной степени судить объ общемъ уровнѣ развитія и сознательности взрослыхъ.

VI.

И вотъ на эту-то деревенскую темноту нежданно-пегаданно налетѣлъ смерчъ такъ называемаго освободительнаго движенія.

Грознымъ и могучимъ порывомъ слѣпой стихіи закрутиль онъ и завертѣлъ эту темную массу и самъ растерялъ въ ней свои, казалось, необъятныя силы.

Какъ бы пробуждаясь отъ тяжелаго, долгаго сна, зашевелилась, загудѣла эта сѣрая безформенная масса и устремилась, сама не зная куда, въ какомъ-то уродливомъ безсознательномъ движеніи.

Всѣмъ хорошо извѣстно, въ какія несуразныя формы отлилось оно и никому въ то удивительное время какого-то всеобщаго гипноза не была ясна простая сама по себѣ мысль, что самыя гнетущія и тяжелыя цѣпи, тяготящія надъ русскимъ народомъ,—это цѣпи тьмы и невѣжества, несокрушимыя ни для какой внѣшней силы и сами собой спадающія по мѣрѣ культурнаго просвѣщенія окованныхъ ими жертвъ.

О томъ, что представляла собою въ то смутное время деревня, много уже говорено и писано.

Меня вопросъ этотъ интересуетъ постольку лишь, поскольку онъ отразился на земской жизни и дѣятельности, такъ тѣсно связанныхъ съ жизнью и дѣятельностью деревни.

А земству пришлось пережить дѣйствительно тяжелые годы, тяжелые и по матеріальнымъ условіямъ, и, что, пожалуй, еще важнѣй, по тому внутреннему разладу, той дезорганизации, которые бурнымъ потокомъ политическихъ разногласій ворвались въ дружную до того земскую среду и обратили ее въ какой-то непронизводительный для созидательной работы конгломератъ, скомканный изъ всевозможныхъ политическихъ платформъ, вѣрованій и настроеній. Земская работа какъ-то сразу остановилась, и какъ бы замерла земская жизнь.

Политика отодвинула на задній планъ всѣ прочіе интересы не въ одномъ только земствѣ, а во всемъ обществѣ, во всей странѣ, и какъ бы всѣ сразу обратились въ политическихъ дѣятелей.

Не только правительству, но заодно и земству была объявлена революціей война, и пріѣзжіе агитаторы всюду старались дискредитировать современное буржуазное земство и приглашали прекратить платежи, не сознавая того, что, роя яму между земствомъ и населеніемъ, они тѣмъ самымъ подрубали тотъ сукъ, на которомъ сидѣли, такъ какъ интересы населенія представляютъ собою интересы земства и наоборотъ, ибо проистекаютъ одни изъ другихъ и поддерживаются одни другими.

Земскія собранія, до того рабочія и дѣловыя, приняли совѣтъ иную окраску, и захлестнувшая ихъ волна политическихъ увлеченій быстро разбила земцевъ на фракціи, создавъ какъ бы атмосферу парламентаризма вокругъ самыхъ будничныхъ земскихъ вопросовъ, бывшихъ на очередномъ обсужденіи, такъ какъ каждый вопросъ, хотя бы о покупкѣ аптечной посуды, при желаніи всегда очень легко перевести на почву общихъ политическихъ соображеній, перейдя сперва къ способамъ добыванія стекла и къ положенію рабочихъ въ стеклянномъ производствѣ, а затѣмъ и вообще къ рабочему вопросу въ связи съ существующимъ образомъ правленія и дефектами избирательнаго законодательства.

А это уже пробудило, правда, кратковременный и какой-то болѣзненный интересъ къ земству у публики и даже интересъ «улицы», которая ворвалась въ залы земскихъ собраній и съ жаднымъ любопытствомъ прислушивалась къ преніямъ, нерѣдко вмѣшиваясь въ нихъ, выражая знаки одобренія либераламъ и знаки порицанія консерваторамъ. Это такъ накаляло атмосферу земскихъ собраній, что опасность взрыва страстей или просто скандала постоянно висѣла въ воздухѣ, создавая невозможную для работы обстановку. Волей-неволей приходилось иногда прибѣгать къ предварительному разрѣшенію наиболѣе острыхъ вопросовъ въ соединенныхъ засѣданіяхъ комиссій съ доступомъ въ нихъ всѣхъ желающихъ гласныхъ, чтобы выносить въ собраніе уже совершенно обсужденный вопросъ для окончательнаго голосованія и въ крайнемъ случаѣ для выслушанія кого-либо изъ неподатливыхъ ораторовъ, не желавшихъ избѣгать скандала со стороны публики въ общемъ засѣданіи собранія, и скандалы эти не заставляли себя ждать.

Публика почувала и въ самой организаціи занятій собранія и во вѣншей ихъ формѣ какъ бы прообразъ будущаго парламента и валомъ валила смотрѣть хотя и не новое зрѣлище, но пріобрѣвшее для нея новый смыслъ.

Земство тоже послѣ 17-го октября почувствовало себя въ какой-то новой роли, загипнотизированное сотнями пронизывавшихъ его глазъ изъ глубины залы, чего-то ждущихъ и чего-то требующихъ, и само не знало, какое занять положеніе и какъ реагировать на столь напряженное общественное настроеніе.

А настроеніе это трудно поддавалось анализу.

Вездѣ—въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ, въ театрахъ, на всевозможныхъ собраніяхъ, даже въ церквахъ вкривь и вкось горячо толковалось значеніе возвѣщенныхъ свободъ, которыя множествомъ людей были приняты не какъ обѣщаніе, а одними—какъ даръ, другими—какъ завоеваніе; и тѣмъ, и другимъ охотно вѣрили... Шли горячіе споры о возможности немедленнаго осуществленія этихъ свободъ, а пріѣзжіе ораторы подливали масла въ огонь, увѣряя, что уже 40 милліоновъ русскихъ крестьянъ всѣ

сразу сдѣлались сознательными гражданами, чуть ли не единогласно требующими немедленнаго осуществленія неизблемыхъ гарантій для охраненія разъ навсегда установленныхъ гражданскихъ свободъ въ видѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права и немедленнаго созыва учредительнаго собранія; причемъ тутъ же этимъ гражданамъ дано было крайше соблазнительное толкованіе о свободномъ пользованіи чужой землей и великодушно разрѣшалось и даже рекомендовалось не платить недоимокъ... А это ужъ было чего же лучше?.. Платежи, конечно, охотно были пріостановлены, и приготовленные уже деньги широкой волной полились въ казенную винную лавку. Пьянство началось небывалое, а земская касса опустѣла. По сдѣланной потомъ официальной справкѣ по уѣзду оказалось, что весь не внесенный земскій сборъ съ избыткомъ поступилъ въ казну въ уплату за водку и впоследствии уже былъ взысканъ своимъ чередомъ со всѣми недоимками и пенями за просрочку... Въ накладѣ въ концѣ концовъ оказался все тотъ же легковѣрный мужикъ...

Изъ уѣздныхъ земскихъ собраній настроеніе, еще болѣе повышенное, перенеслось и въ губернскія собранія. Пренія закипѣли съ необычной страстностью, подогрѣваемая политическимъ жаромъ.

Даже старые, степенные, уравновѣшенные гласные, съ чисто практической складкой ума, умудренные уже житейскимъ опытомъ, необыкновенно легко поддавались общей экзальтаціи. Былъ случай, когда въ губернскомъ собраніи однимъ такимъ гласнымъ совершенно серьезно сдѣлано было горячо редактированное заявленіе о принадлежности его къ крайшимъ лѣвымъ партіямъ, съ наивной просьбой къ предсѣдателю о баллотировкѣ вопроса—желаетъ ли собраніе имѣть въ своей средѣ «соціалиста», какъ съ трогательной откровенностью именовалъ себя авторъ заявленія, послѣ мастерски исполненнаго имъ хвалебнаго гимна красному знамени... Правда, баллотировка не состоялась, такъ какъ предсѣдатель собранія разъяснилъ, что собранію не предоставлено права исключать изъ своей среды гласныхъ. Помню особенно нашумѣвшій въ земскихъ кругахъ скандалъ въ губернскомъ земствѣ, когда въ переполненномъ публикой громадномъ залѣ дворянства, уступленномъ подъ засѣданіе земскаго собранія, одинъ изъ пожилыхъ, опытныхъ и вліятельныхъ гласныхъ, преисполненный совѣмъ несвойственнымъ ему юношескимъ пыломъ, сдѣлалъ бравурное выступленіе противъ самого земства.

Собраніе имѣло особенно жгучій интересъ, какъ созданное въ чрезвычайной сессіи (25 ноября 1905 года) для обсужденія вопроса исключительной важности—«о современномъ положеніи и аграрномъ движеніи», какъ былъ озаглавленъ докладъ губернской земской управы.

Мѣста для публики заняты, что называется, биткомъ, поставлены вездѣ, гдѣ только можно, во всѣхъ простѣнкахъ и проходахъ при-

ставные стулья; публика вытѣснилась за рѣшетку и заполнила всё подоконники и свободные проходы за мѣстами для гласныхъ. Воздухъ насыщенъ экзальтаціей толпы, какъ электричествомъ въ жаркій грозовой день.

При могильной тишинѣ, не предвѣщавшей ничего добраго, председатель управы читаетъ докладъ, гдѣ управа, обрисовавъ современное положеніе губерніи и земства, испрашиваетъ кредитъ въ 10 тысячъ рублей на организацію мѣропріятій для воздѣйствія культурными способами на темную среду взволнованнаго крестьянства, путемъ распространенія соотвѣтственной литературы, въ духѣ разумнаго толкованія новыхъ законоположеній, а также правъ и обязанностей, изъ нихъ вытекающихъ, на устройство собраній, на приглашеніе и разъѣзды профессиональныхъ лекторовъ и т. п.

Вотъ какъ запечатлѣно дальнѣйшее по журналу собранія и газетнымъ рефератамъ.

Просить слова гласный М.

Послѣ указаній на то, что земство, при несовершенствѣ существующей выборной системы, не можетъ считать себя представителемъ населенія страны и не ему предпринимать что-либо, чтобы успокоить пробудившійся народъ, захотѣвшій лучшей жизни, и внушать ему терпѣніе, гласный продолжалъ: «Я призываю васъ, господа, къ другому... Если только земство хочетъ честно отнестись къ своимъ обязанностямъ, ему представляется единственно возможнымъ отказаться отъ своихъ функцій и передать свое дѣло организованнымъ партіямъ. Вѣдь правительство безсильно что-нибудь сдѣлать». Далѣе гласный говорилъ, что «дѣятельность крестьянскаго союза чрезвычайно серьезна, что только организованное крестьянство можетъ вывести Россію изъ современнаго хаотическаго состоянія, поэтому собраніе должно потребовать устраненія того положенія, въ которое попало бюро крестьянскаго союза. Указанныя въ докладѣ 10 тысячъ рублей слѣдуетъ скорѣе направить въ крестьянскій союзъ. Россію спасемъ не мы, а весь народъ, сказавши свободное слово. Надо добиваться всеобщаго, прямого, равнаго для всѣхъ избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ. Такъ жить нельзя! Пусть мы разоримся, но лучше быть свободными бѣдняками! Поѣздъ, господа, вышелъ, машина идетъ полнымъ ходомъ, барахтаться и сопротивляться нельзя,— намъ не остановить движенія. Назадъ нельзя. А если бы колесо исторіи и повернулось назадъ, то лучше смерть тогда, чѣмъ жить рабами! Земство должно примкнуть къ движенію. Анархія вызвана не крайними партіями, а тѣмъ порядкомъ, который былъ. Никакихъ 10 тысячъ не ассигновывать, а если и ассигновать, то только на помощь крестьянскому союзу!» заканчиваетъ гласный М. надъ громъ аплодисментовъ переполнившей залъ публики, которую председатель проситъ успокоиться.

Гласный Л., возражая предыдущему оратору, говорит, что, пока законъ не измѣненъ, гласные не могутъ сложить съ себя своихъ полномочій: этимъ были бы нарушены интересы населенія, которое довѣрчиво несло свои деньги въ земскую кассу и тѣмъ создавало земскіе капиталы и разныя организаціи. Если мы все бросимъ и уйдемъ отсюда, не въ правѣ ли будетъ населеніе упрекнуть насъ въ томъ, что мы нарушили свой долгъ и не оправдали довѣрія населенія. Говорятъ: предоставьте партіямъ установить порядокъ, — а вы, земцы, за негодностью устранились... Но мы видимъ, какъ устранился порядокъ въ Саратовской губерніи... Такой порядокъ ведетъ къ голоду и разоренію. Если это ко благу народа, — пусть будетъ и это! Но мы знаемъ, что благо народа, кромѣ всего, основывается еще и на культурѣ, но какая же можетъ быть рѣчь о культурѣ, когда предполагается все разрушить, уничтожить и только на развалинахъ создать новый строй жизни. Освободительное движеніе я понимаю, какъ стремленіе къ правовой свободѣ, къ свободѣ, которая уважаетъ права другихъ людей. На такой, и только на такой свободѣ можетъ быть создано правовое государство. Но свобода разрушенія, — заканчиваетъ гласный, — свобода уничтоженія частной собственности — это преступленіе!»

Гласный В. выражаетъ свой протестъ, «свое глубокое негодованіе противъ призыва гласнаго М. отказаться земству отъ своихъ функций, а земскимъ гласнымъ бросить арену своей дѣятельности.

«Мы явились сюда, — говоритъ гласный, — какъ законные представители, какъ люди, облеченные довѣріемъ населенія... Пусть не всею, а одной его части, но все же мы не узурпаторы народнаго довѣрія. Если бы намъ назвали другую организацію, другихъ людей, болѣе правильно избранныхъ и облеченныхъ довѣріемъ всего населенія, тогда мы должны были бы преклониться передъ ними и выйти изъ этой залы...

«Земство сорокъ лѣтъ работало не за страхъ, а за совѣсть, и прежде, чѣмъ бѣжать отъ своего дѣла, мы должны дать въ немъ отчетъ избирателямъ.

«Можетъ быть, та культура, надъ которой мы работали, и не высока, на все-таки нельзя же все созданное за сорокъ лѣтъ бросить на произволъ судьбы, надо передать дѣло изъ рукъ въ руки другимъ народнымъ избранникамъ... Я прошу собраніе, — заканчиваетъ гласный, — выразить порицаніе гласному М., выразить протестъ противъ его непопозволительнаго призыва. Такой призывъ оставить все на произволъ партій, временно захватывающихъ народную власть, будетъ встрѣченъ негодованіемъ среди населенія... Не такова, господи, наша сорокалѣтняя работа, чтобы съ легкимъ сердцемъ отказаться отъ нея...»

Послѣдній протестъ выраженъ гласнымъ П., который высказалъ, что «земство всегда шло рядомъ и даже впереди прогрессив-

ныхъ теченій въ русской мысли. Нельзя покончить самоубійствомъ, нельзя отказаться отъ культуры уже созданной. Въ данный острый моментъ тѣмъ болѣе лежитъ на обязанности земства сохранить хотя бы тѣ культурныя ячейки, которыя оно создало на народныя деньги, для пользы того же народа».

Возражая своимъ оппонентамъ, гласный М. находитъ уже, что «бросить свое дѣло земство не можетъ, что въ предыдущей рѣчи своей онъ говорилъ только по поводу доклада управы. Тѣ вопросы, которые тамъ поставлены, земству рѣшить не по силамъ и, берясь за сверхъ мѣры тяжелыя задачи, земство ставить себя въ смѣшное положеніе».

Послѣ перерыва собраніе большинствомъ всѣхъ противъ одного, того же гласнаго М., передаетъ докладъ управы на предварительное разсмотрѣніе специально выбранной комиссіи.

Интересный психологическій моментъ пережила нервно настроенная толпа, наполнявшая залу, съ явнымъ численнымъ преобладаніемъ типичныхъ черныхъ косоворотокъ. Толпа эта, встрѣтившая громовыми аплодисментами горячо и эффектно произнесенную рѣчь гласнаго М., какъ-то растерялась, какъ бы застигнутая врасплохъ, робко встрѣтила гробовымъ молчаніемъ рѣзкую отвѣдь трехъ другихъ гласныхъ, заранѣе уже подготовленныхъ къ обычнымъ въ то время въ такихъ случаяхъ свисткамъ и шиканью, съ добавленіемъ не менѣе энергичныхъ излюбленныхъ возгласовъ: «дой», «вонъ» и т. п.

Залъ какъ бы замеръ и молча переживалъ непріятную неожиданность.

Послѣ довольно неубѣдительною отвѣтною реплики смущеннаго и поколебленнаго кумира разочарованная публика молча стала расходиться.

А черезъ два мѣсяца въ противовѣсъ восхваленію крестьянскаго союза въ засѣданіи губернскаго собранія 2-го февраля 1906 года другой гласный Л. охарактеризовалъ эту дѣятельность слѣдующимъ образомъ:

«Отдѣленіе крестьянскаго союза было организовано и въ нашемъ уѣздѣ. Программа этого союза заключается въ насильственномъ захватѣ помѣщичьихъ земель, устройствѣ сельско-хозяйственныхъ забастовокъ, путемъ снятія батраковъ, запашки помѣщичьей земли и т. п., а если эти средства окажутся неэффективными, то отдѣльные агитаторы угрожали сжигать по жребію помѣщичьи усадьбы. Когда по поводу этого нѣкоторые землевладѣльцы обратились къ судебной власти, то былъ полученъ отвѣтъ, что это только «подготовительныя дѣйствія», и, какъ таковыя, они не наказуемы; наказуемы они станутъ тогда, когда фактъ совершится, т. е. земли будутъ запаханы, усадьбы сожжены и т. д...»

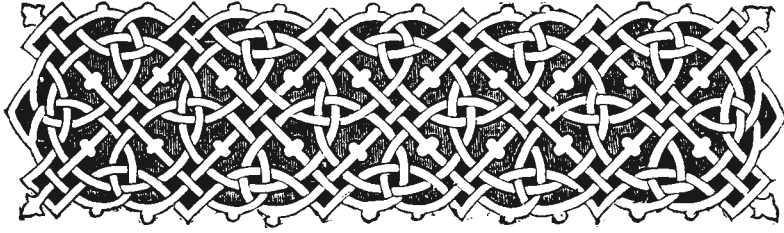
Между прочимъ гласный указываетъ на страшную смуту въ населеніи, вмѣсто успокоенія послѣ акта 17-го октября: возстанія на окраинахъ и въ Москвѣ, крестьянскія волненія, когда выжигались чуть не цѣлыя уѣзды, когда издѣвались не только надъ владѣльцами, но и надъ скотомъ, убивая тысячи овецъ, вырѣзая языки у лошадей, когда разрушались заводы, которые давали пропитаніе цѣлому району, когда темная масса въ своемъ пониманіи свободы уподоблялась скупцу, который зарѣзалъ курицу, несшую ему золотыя яйца, надѣясь сразу обогатиться, и потерялъ все.

Все это въ достаточной степени характеризовало положеніе, переживаемое страной и самое настроеніе земства, среди котораго и до сихъ поръ сказываются отголоски партійной розни и политическихъ несогласій.

В. А. Авескій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЕВРЕЙСКАЯ ПОЧТА.

МЕНЯ всегда поражало, поражает и понынѣ одно удивительное по своей необъяснимости явленіе. Весьма часто выплываютъ на поверхность замѣчательно гениально, умно и чрезвычайно осторожно обставленные мошенническія предпріятія. Казалось бы, аферистами все предвидѣно, все предусмотрѣно, все до мельчайшихъ подробностей принято въ расчетъ, и провалъ невозможенъ, немислимъ. А между тѣмъ, какая-нибудь случайность или, несмотря ни на какія предосторожности, какая-либо непредвидѣнность, и провалъ готовъ: мошенничество открывается, и чуть ли не гениальные аферисты, точно дѣти малыя, попадаются, какъ куръ во щи. Но не это меня поражало и поражаетъ. Напротивъ. Это въ порядкѣ вещей. Я всегда зналъ, что не существуетъ той тайны, которая къ концу концовъ не стала бы явной. Съ дѣтства еще помню, что въ Талмудѣ сказано: «Земля и Небо поклялись, чтобы въ мірѣ не было ничего скрытнаго».

Меня поражаело и поражаетъ совсѣмъ другое. Какимъ образомъ можетъ оставаться тайной то, что совершается у всѣхъ на глазахъ? Какимъ образомъ можетъ оставаться скрытымъ то, что по самому существу своему не можетъ скрываться, не можетъ хорониться? Если весь успѣхъ грандіознаго мошенничества связанъ съ большей его публичностью, съ большей его популярностью? Скажу еще: если мошенничество основано на публичности и популярности?

Мошенничество и публичность! Не правда ли, это что-то дикое и невѣроятное?!

Пожалуй, что такъ, если бъ мы имѣли дѣло съ обычными аферистами, но когда дѣло касается сверхъ-аферистовъ, тутъ ужъ всякая логика летитъ къ чорту, и мы должны удовольствоваться констатированіемъ факта, совершенно отказываясь отъ объясненія причинъ его существованія.

Какъ-то М. О. Меньшиковъ обрушился въ «Новомъ Времени» на еврейское корчемство въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Помню, какой взрывъ негодованія противъ евреевъ вызвала его статья, когда онъ почти документально доказалъ, что ежегодно казна терпитъ убытки на сотни тысячъ рублей изъ-за еврейскихъ мошенничествъ. Еще большій взрывъ негодованія противъ евреевъ вызвали его полныя горечи, обиды и боли статьи о роли евреевъ въ интендантскомъ вѣдомствѣ. Конечно, что и говорить, матеріалы, обнародованные М. О. Меньшиковымъ, ужасны. Но все же факты, имъ приведенные, происходили въ тиши, съ глаза на глазъ, въ обстановкѣ тайны и секрета. Воровства и мошенничества совершались съ опаской и оглядкой, и только въ рѣдкихъ случаяхъ проявлялись безцеремонность и цинизмъ разбоя на большой дорогѣ. И во всякомъ случаѣ и интенданты, и евреи наружно скрывали свои преступныя дѣянія и старались соблюдать тайну.

Совсѣмъ другое представляетъ то, что составляетъ предметъ моего разсказа. Собираюсь повѣствовать о томъ, что извѣстно не тысячамъ и сотнямъ тысячъ людей, а милліонамъ. Предметъ моего разсказа, повторяю, общезвѣстенъ и между тѣмъ обнародовать его печатно выпало на мою долю лишь теперь, хотя небывалое по своей грандіозности, наглости, цинизму и публичности мошенничество на моей памяти существуетъ почти десятки лѣтъ.

Итакъ, приступаю къ разсказу; при этомъ долженъ извиниться предъ читателемъ, что необходимость заставляетъ меня начинать не-много издалека.

I.

Это было въ самый разгаръ «освободительнаго» движенія, когда вся Россія была охвачена забастовками и повсюду царил анархія. Многія казенныя учрежденія прекратили свою дѣятельность. Желѣзныя дороги забастовали, телеграфъ еще нѣсколько, съ успѣхомъ пополамъ, дѣйствовалъ, но зато почтовые сообщения совершенно прекратились. Судьба ли, случай ли,—это все равно,—забросилъ меня въ одинъ изъ самыхъ крупныхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края, и совершенно неожиданно я тамъ застрялъ на цѣлый мѣсяцъ. Первые дни моего тамъ пребыванія я съ понятнымъ любопытствомъ присматривался ко всему новому, что произошло на пространствѣ двадцати пяти тридцати лѣтъ въ городѣ, гдѣ я родился, выросъ и получилъ воспитаніе. Я не узналъ родного города:

онъ самъ какъ будто весь перемѣнился, перемѣнилось и все его наполняющее до неузнаваемости. Начать съ того, что городъ разросся втрое-вчетверо противъ прежняго. Главный центръ его перемѣстился; вновь возникшія улицы съ великолѣпными многоэтажными домами, богатыми магазинами, широкія, прямыя и длинныя, несмотря на ихъ внушительную красоту, произвели на меня странное впечатлѣніе. Конечно, я сознавалъ, что на этихъ новыхъ улицахъ, въ новыхъ домахъ обитателямъ ихъ живетъ съ большими удобствами, съ большимъ комфортомъ; но все же мнѣ казались милѣе эти улочки и переулочки стараго города, въ которыхъ дома и домишки тѣсно примыкали другъ къ другу, и въ тѣсотѣ, но не въ обидѣ жили цѣлыя поколѣнія моихъ предковъ, гдѣ родился и я, выросъ и возмужалъ. Улицы стараго города были для меня родными, и я чувствовалъ, что, прогуливаясь по нимъ, дышу, хотя и спертымъ, но оживляющимъ меня воздухомъ моей молодости.

Когда послѣ двадцати пяти—тридцати лѣтъ отсутствія изъ родного города я очутился на вокзалѣ и меня со всѣхъ сторонъ окружили назойливые, какъ мухи, еврей-факторы, навязчиво предлагая гостиницу, я сталъ присматриваться къ нимъ, надѣясь найти въ ихъ средѣ знакомое лицо Симхи Димента. Но сколько ни приглядывался къ старикамъ, ни въ комъ изъ нихъ не нашелъ чертъ, напоминающихъ Димента.

— А скажите,—обратился я къ толпѣ факторовъ:—нѣтъ ли среди васъ Димента?

— Димента? А на что вамъ Диментъ?...—отвѣтилъ мнѣ плутоватый еврейчикъ съ рыжей козлиной бородкой.—Меня зовутъ Бриллиантъ, Мошка Бриллиантъ, а бриллиантъ гораздо большую цѣнность имѣетъ, чѣмъ диментъ (алмазъ)...

Кругомъ захохотали.

— Но мнѣ нуженъ Диментъ, а не Бриллиантъ...

— Диментъ!... Диментъ!... — послышались голоса. — Диментъ, тебя спрашиваютъ!...

Предо мною очутился еврейчикъ лѣтъ тридцати—тридцати пяти, съ черной стриженной бородкой, высокій, тонкій и худой. Одѣтъ онъ былъ съ претензіей на франтовство: въ пальто съ барашковымъ воротникомъ.

— Я Диментъ,—отрекомендовался онъ мнѣ.

— Мнѣ не ты нуженъ, а старикъ Симха Диментъ.

— Это же мой папенька, господинъ...

— Папенька?... Гдѣ же онъ, твой папенька?

— Папенька, господинъ, умеръ... Совѣмъ умеръ: его въ живыхъ уже нѣту.

На тонкихъ безкровныхъ устахъ его широкаго рта появилась улыбка.

— Совѣмъ умерь и окончательно,—добавилъ онъ и опять улынулся.

Очень мнѣ не понравился молодой Диментъ, но дѣлать нечего. Я былъ увѣренъ, что онъ состоитъ факторомъ въ той же гостиницѣ, въ которой состоялъ его отецъ и въ которой я когда-то имѣлъ обыкновеніе останавливаться. Скрѣпя сердце, я передалъ ему багажную квитанцію, приказалъ получить багажъ и сказать мнѣ, когда все будетъ готово, а самъ отправился въ буфетъ пашиться чаю.

Ждать въ буфетѣ пришлось мнѣ очень долго. Оказалось, что Диментъ не хотѣлъ пропустить прибытіе слѣдующаго поѣзда, который запоздалъ. Наконецъ онъ явился и заявилъ, что багажъ мой полученъ и сани поданы. На мой выговоръ, зачѣмъ онъ такъ долго заставилъ меня ждать, молодой Диментъ только улынулся и ничего не отвѣтилъ. Когда я усѣлся въ сани, мой факторъ вмѣсто того, чтобъ помѣститься рядомъ съ кучеромъ, какъ это всегда дѣлалъ его покойный отецъ, забрался въ сани, усѣлся со мною рядомъ и съ важностью вытянулъ ноги. Замѣтивъ протестующее выраженіе на моемъ лицѣ, онъ развязно улынулся и произнесъ:

— Развѣ я дѣлаю вамъ тѣсно? Сани широкія: довольно тутъ мѣста и для двоихъ.

Я промолчалъ, лошади тронулись.

Мы ѣхали молча. Молодой Диментъ сначала, какъ будто, не интересовался мной. Не спрашивая у меня разрѣшенія и не извиняясь даже, онъ закурилъ папирску и сосредоточенно дымилъ ею. Но вотъ онъ нервно бросилъ папирску, развязно повернулся ко мнѣ, устремилъ на меня упорный взглядъ своихъ черныхъ большихъ глазъ, которые на его худомъ, чахоточномъ лицѣ казались гораздо больше, чѣмъ они были въ дѣйствительности, и, улыбаясь тонкими, безкровными губами своего широкаго рта, спросилъ:

— А вы хорошо были знакомы съ моимъ отцомъ?

— Былъ знакомъ;—отвѣтилъ я нехотя.

— Глупый человѣкъ былъ,—съ недоброй улыбкой на устахъ произнесъ молодой Диментъ.

Если раньше мой факторъ мнѣ не понравился, то теперь я почувствовалъ къ нему почти ненависть. Мнѣ стало больно и обидно за покойнаго Симху. Не то, что я любилъ покойнаго. Но я всегда сочувствовалъ бѣдняку, обремененному многочисленнымъ семействомъ, котораго онъ былъ единственнымъ кормильцемъ. И какъ онъ любилъ свою семью, какъ работалъ, трудился, выбивался изъ силъ, чтобы добыть лишнюю копейку на насыщеніе такого множества ртовъ. Онъ боролся съ постоянной нуждой, съ постоянными недохватками и не только никогда не жаловался, но даже не считалъ себя обойденнымъ судьбою. Помню, онъ какъ-то разъ мнѣ высказался такъ:

— Богъ меня любить и благословилъ большимъ семействомъ, но ничуть я отъ этого не бѣднѣю. Нужда моя ни капельки не увеличилась. Тѣ же недочетки были у меня, когда у меня было всего трое дѣтей, что и теперь, когда ихъ у меня одиннадцать человѣкъ. Только изворачиваться больше приходится, больше трудиться...

Конечно, старый Симха былъ плутовать и не брезговалъ никакими заработками: и контрабандными сигарами торговалъ и даже въ предѣлахъ закона и живымъ товаромъ, и продѣлывалъ разныя мелкія мошенничества, но все же это былъ человѣкъ совѣстливый, богобоязненный, простоватый, съ привязчивой душой и любящій. А семьянишъ онъ, во всякомъ случаѣ, былъ образцовый. Онъ жилъ и трудился только для семьи. Сыпъ его, очевидно, унаслѣдовалъ отъ отца лишь одни его отрицательныя качества.

— А ты умѣе своего отца?—перебилъ я его, и въ звукѣ моего голоса молодой Диментъ, полагать надо, почувствовалъ мое возмущеніе противъ его выходки. Онъ нагло уемѣхнулся и скороговоркой заговорилъ:

— Ну, что и говорить, нашъ братъ вамъ поправиться не можетъ... Вамъ лучше жилось, когда простой народъ былъ глупъ, когда имъ можно было командовать, и онъ давалъ себя угнетать, когда онъ цѣловалъ ту палку, которая била его по головѣ, по бокамъ и раздробляла его кости!.. Мы же стали умѣе и не позволимъ вамъ унижать насъ, издѣваться надъ нами... Мы такіе же люди, какъ вы... Паршивыхъ жидовъ нѣтъ больше... Я вамъ не паршивый жидъ, какъ мой покойный папешка... Я сознаю себя такимъ же человѣкомъ, какъ всякій!..

По мѣрѣ того, какъ молодой Диментъ продолжалъ свою рѣчь, голосъ его становился все крикливѣе, глаза его расширялись въ орбитахъ, и на чахоточномъ лицѣ его появлялись желтыя пятна.

— Вамъ не нравится, что мы поумнѣли,—продолжалъ онъ, все больше и больше озлобляясь.—Ну, и пускай не нравится. Намъ отъ этого никакого нѣтъ убытка. Даже напротивъ, намъ только этого и нужно. Кончилось время, чтобъ люди предъ людьми выслуживаться должны были, чтобы люди надъ людьми командовали. Все это было, все это старо и всему этому конецъ!.. Теперь всѣ равны!.. Скоро не будетъ никакого начальства, не будетъ никакой полиціи, никакихъ жандармовъ!.. Не будетъ и царя!..

— А Богъ?

— А на что вамъ Богъ?.. Его никогда и не было... Его выдумали раввины, попы, ксендзы... Онъ имъ нуженъ, а намъ Онъ не нуженъ...

— Кто же вамъ нуженъ?

— Намъ никто не нуженъ. Намъ нужна свобода. Мы устроимъ пролетарскую республику...

— Кто же это мы?

— Извѣстно. Мы—рабочій пролетаріатъ! Когда пролетаріи всѣхъ странъ соединятся, мы все перестроимъ по новому, настанетъ наше царство, и вы увидите, какіе мы заведемъ порядки...

— Что, и ты думаешь принять участіе въ устройствѣ новыхъ порядковъ?

— А что вы себѣ думаете? Почему же я не могу принять въ этомъ участія? Я же членъ бунда, а намъ, бундистамъ, придется орудовать больше всѣхъ, потому что мы самая большая сила!..

— Куда мы ѣдемъ?—прервалъ я бундиста, когда сани повернули въ улицу, противоположную той, куда я предполагалъ.—Мы не туда ѣдемъ...

— Какъ не туда?

— Гостиница Зильберблата находится на Койдановской, въ старомъ городѣ...

— Пхе... Гостиница Зильберблата... Да какой же порядочный человѣкъ останавливается въ этой дырѣ?... Паршивое жидовское гнѣздо...

— Но я всегда тамъ останавливался... Зильберблатъ весьма почтенный человѣкъ...

— Почтенный человѣкъ? Ну, что вамъ въ томъ, что онъ почтенный? Развѣ вы собираетесь вступить съ нимъ въ родство и жениться на его горбатой дочкѣ? Вамъ нужна хорошая гостиница, а его гостиница—дыра, паршивая жидовская дыра... То ли дѣло гостиница «Данцигъ»... У насъ электричество, подъемная машина и всякія удобства... У насъ все по европейскому... У насъ никакимъ жидовствомъ не пахнетъ...

— Что ты все жидовство, жидовство... Ты самъ вѣдь жидъ...

— Я-то жидъ? Хе-хе-хе...—И онъ засмѣялся какимъ-то дряблымъ, злымъ смѣшкомъ.—Пожалуйста, господинъ, не смѣшивайте меня съ моимъ покойнымъ папенькой... Какой я жидъ?.. Я, слава Богу, никого не боюсь, никакого не трушу, плюю на кагалъ, не признаю начальства; какой же я жидъ?

— Ты, значить, особа?—я невольно улыбнулся.

— А почему не особа? Такой же человѣкъ, какъ и вы. Если вы—особа, то почему я не могу быть особой?...—Онъ заволновался, его большіе черные глаза злобно блеснули, и тонкія безкровныя губы его брызнули слюной.—Мой покойный папенька этого не понималъ. Онъ жилъ и умеръ глупцомъ. Онъ былъ трусъ; охъ, какой онъ былъ трусъ! Кого только онъ не боялся? Зильберблата онъ считалъ своимъ благодѣтелемъ, предъ господами гнулъ шею, трепеталъ не только предъ квартальнымъ, но и городского за большое начальство принималъ?.. Предъ всякимъ снималъ шапку и за подачку кланялся до земли... Не понималъ онъ, что никто даромъ ему ничего не давалъ, что ему платили за его труды... Ну, что тутъ долго говорить: мой папенька былъ форменный дуракъ...

— Ну, а ты умень?

— Поближе меня узнаете, сами увидите...—и онъ опять зло засмѣялся.

Съ какимъ удовольствіемъ отказался бы я отъ дальнѣйшаго, близкаго знакомства съ Диментомъ. Но что было мнѣ дѣлать? Не выскочить же мнѣ изъ саней на улицу и приказать сложить мои чемоданы на тротуарѣ, чтобы нанять извозчика и поѣхать въ гостиницу Зильберблата. Самъ же Диментъ,—это я твердо сознавалъ,—ни за что не согласится отвезти меня туда и, чего добраго, еще затѣетъ скандалъ, если я ему это прикажу. Дѣлать, такимъ образомъ, было нечего, и я рѣшилъ подчиниться неизбежному и продолжать свой путь въ непріятномъ сообществѣ съ просвѣщеннымъ бундистомъ.

II.

Гостиница «Данцигъ» находилась на Михайловскомъ проспектѣ, въ новой части города. Объ этомъ проспектѣ я никакого понятія не имѣлъ. Онъ возникъ всего лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ и за этотъ короткій промежутокъ времени на всемъ своемъ четырехверстномъ разстояніи обстроился многоэтажными великолѣпными домами. Богатые магазины съ громадными зеркальными окнами, художественныя вывѣски по стѣнамъ домовъ, шикарные подъѣзды первоклассныхъ гостиницъ и частныхъ домовъ, роскошныя рестораны и кондитерскія, особняки банковъ и банкирскихъ конторъ;— все это свидѣтельствовало, что проспектъ этотъ сдѣлался главнымъ центромъ города. Михайловскій проспектъ не только растянулся въ длину, но и былъ весьма широкъ, а тротуары его не уступали въ ширинѣ своей самымъ широкимъ улицамъ стараго города. И толпы людей на тротуарахъ и экипажи на улицѣ казались мнѣ тоже новыми, вновь возникшими, какъ и самый проспектъ, ничего общаго не имѣющими съ старымъ городомъ, его улицами и улочками, такъ хорошо сохранившимися въ моей памяти.

Сани остановились у широкаго подъѣзда гостиницы. Но когда я очутился въ швейцарской и сталъ подниматься по широкой лѣстницѣ, устланной ковромъ, то былъ непріятно пораженъ отсутствіемъ чистоты и опрятности, которыя ожидалъ тутъ встрѣтить. Пыль и грязь окружали меня со всѣхъ сторонъ, а попадавшаяся мнѣ навстрѣчу прислуга, какъ мужская, такъ и женская, хотя и была разодѣта съ претензіей на франтовство: лакеи во фракахъ, а горничныя въ бѣлыхъ фартукахъ и чепчикахъ, но было очевидно, что, какъ лакеи не считали нужнымъ пользоваться употребленіемъ щетокъ для чистки своихъ фраговъ, такъ и горничныя не обращали особеннаго вниманія на чистоту своихъ фартуковъ и чепчиковъ. Грязная, неумытая прислуга суетливо поднималась и спускалась

по лѣстницѣ, встрѣчая и провожая меня непривѣтливыми взглядами, замаскированными милъ-ство добродушными улыбками.

Не успѣлъ я очутиться въ своемъ номерѣ и разложить свои вещи, какъ ко мнѣ, безъ всякаго предупрежденія, въ буквальный смыслъ слова, ввалился тучный человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ широкимъ лицомъ, громаднымъ толстымъ носомъ и длинной вкlopenной бородой. Онъ тяжело дышалъ, очевидно, страдая астмой.

— Приѣхали?—произнесъ толстякъ и уставился на меня своими круглыми близорукими глазами, точно желая насквозь пронзить меня своимъ взглядомъ.

Я, съ своей стороны, сталъ осматривать его и ничего не отвѣтилъ на его вопросъ.

— Приѣхали?—опять повторилъ онъ, продолжая пронизывать меня своимъ взглядомъ.

— Ну, приѣхаль. А вамъ что надо?—проговорилъ я, наконецъ, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

— Ну, да: вы приѣхали... Я же говорю: вы приѣхали... Но зачѣмъ вы приѣхали?... Стоитъ развѣ теперь приѣзжать?... Пхе, пхе... Теперь приѣзжать совсѣмъ не стоитъ... Никакихъ теперь дѣлъ нѣтъ... Вы думаете, я не правъ?... Ой-ой-ой, вы не должны такъ думать... Вѣрьте мнѣ... Даю вамъ слово, что можете мнѣ повѣрить... Не слѣдуетъ теперь развѣзжать... Не слѣдуетъ... Только одна непріятность и никакой выгоды... И съ каждымъ днемъ все хуже и хуже!.. И чѣмъ все это кончится?... Если вы человѣкъ умный, то скажите мнѣ, чѣмъ это кончится?... Пхе, вы мнѣ скажите, чѣмъ это кончится?...

Толстякъ развелъ руками и, тяжело дыша, опустился на ближайшій стулъ.

— Вы на меня такъ смотрите,—продолжалъ онъ, съ видимымъ усиліемъ превозмогая свою одышку:—вы на меня такъ странно смотрите и молчите... Пхе, развѣ вы думаете, что я не правъ?... Вы, значить, не знаете, что у насъ тутъ происходитъ?...

— Скажите, пожалуйста, что вамъ отъ меня нужно?

— Что мнѣ нужно?—на лицѣ толстяка выразилось недоумѣніе.

— Да, что вамъ нужно отъ меня?

— Потолковать... поговорить... Вы человѣкъ приѣзжій, свѣжій человѣкъ... Можетъ быть, вы человѣкъ и умный и сумѣете мнѣ посовѣтовать и немножечко меня успокоить... Вы видите, я больной, совсѣмъ больной... Дышать мнѣ трудно, и я могу каждую минутку умереть, совсѣмъ и окончательно умереть... Всякое волненіе мнѣ вредно, и я долженъ жить спокойно, чтобы быть опорой для моей жены, для моего семейства... А развѣ я могу быть спокоенъ? Могу не волноваться?... Ой-ой-ой, не такое теперь время, чтобы я могъ успокоиться, когда на каждомъ шагу непріятности!... И какія непріятности!...

Толстякъ безнадежно махнулъ рукой и наклонилъ на бокъ голову. Грустная улыбка появилась на лицѣ его, и въ его большихъ выпуклыхъ глазахъ одновременно отражались и испугъ, и безпомощность, и мольба. Хотя на меня неприятно подѣйствовала безцеремонность, съ которой онъ ворвался въ мой номеръ, но, вематриваясь въ его круглое добродушное лицо и вслушиваясь въ его беспорядочную рѣчь, я невольно заинтересовался имъ.

— Кто вы такой?—спросилъ я.

— Кто я такой?.. Удивляюсь вамъ, что вы меня не знаете... Меня же весь городъ знаетъ...

— Но я же не здѣшній... Я приѣзжій...

— Извините, извините... Вы же въ самомъ дѣлѣ приѣзжій и можете меня не знать... Ну, такъ я вамъ скажу, кто я, и для васъ это не будетъ секретомъ... Я же человѣкъ очень извѣстный... Я богатый человѣкъ и всѣми уважаемый... Спросите, кого хотите: всякій вамъ скажетъ, что знаетъ меня... И какъ можно не знать такого значительнаго человѣка, какъ Бера Файнермана?... Вѣдь я же самъ и есть Беръ Файнерманъ...—на лицѣ толстяка появилась самодовольная улыбка, и онъ продолжалъ съ оживленіемъ:—Спросите малаго ребенка, и онъ знаетъ Бера Файнермана... У меня три дома, четыре лавки, рейнскій погребъ и прекрасная гостиница, почти первая въ городѣ... Что вы можете сказать противъ моей гостиницы?... Она вѣдь прекрасная, прекрасная... Сами понимаете, что я не преувеличиваю, не хвастаю...—онъ уставилъ на меня свои крупные глаза и восторженно закончилъ вопросомъ:—Какъ вы находите мою гостиницу?...

— Гостиница хорошая...

— Хорошая?! Нѣтъ, удивительная, первоклассная!... Такая гостиница и въ Петербургѣ, и въ Варшавѣ была бы изъ первыхъ... Могу не хвастая сказать: моя гостиница первоклассная, да перво-сортная!...

И вдругъ оживленіе исчезло съ лица моего толстяка, морщины появились на выпукломъ лбу его; губы его искривились и сложились, какъ въ виновато, въ улыбку. Онъ безпомощно, по-дѣтски развелъ руками и нѣсколько разъ подъ рядъ вздохнулъ.

— И чѣмъ это я заслужилъ?... И за что это наказалъ Господь и меня, и всѣхъ?...—проговорилъ онъ послѣ довольно продолжительной паузы, плаксиво.—Грѣхи, грѣхи... Прогнѣвили мы Бога...—И, уставивъ на меня свои крупные глаза, онъ съ грустью продолжалъ:—Вотъ, у меня и гостиница, и дома, и рейнскій погребъ, и всѣ меня знаютъ, и ничего это меня не радуетъ...—Онъ тяжело вздохнулъ.

— Почему же не радуетъ?...

— Почему?... Почему?... Очень просто: могу я быть увѣренъ, что все мое будетъ моимъ и завтра и послѣзавтра? Вотъ теперь,

разговариваю съ вами и считаю себя богатымъ человѣкомъ, а можете вы поручиться, что къ вечеру не буду нищимъ? Что меня не выгонять изъ моего собственнаго дома?... Что не отнять у меня мои лавки, что не разграбятъ мой рейнскій погребокъ?... Ну, а если не отнять и не разграбятъ, то не сожгутъ и не уничтожатъ? Можете вы мнѣ въ этомъ поручиться?

— Вы боитесь еврейскаго погрома?

— И погрома и всего боюсь...

— У васъ скверныя отношенія съ христіанами?

— Съ христіанами? При чемъ тутъ христіане?

— Сами говорите: боитесь еврейскаго погрома.

— Ну, да: боюсь... Но при чемъ тутъ христіане?

Я невольно улыбнулся и шутливо спросилъ:

— Кто же васъ громить будетъ? Не сами же евреи будутъ громить евреевъ?

— Вы такъ думаете? А я вамъ скажу, что все отъ бунда зависить... Захочетъ бундъ—пасъ будутъ громить; не захочетъ—не будутъ...

— Но бундъ же изъ евреевъ состоитъ? Вѣдь это же еврейская организація?

— Ну, да, еврейская.

— Какъ же это? Евреи, значить, на евреевъ пошли?

— По-моему, это такъ, а бундъ говорить, что не такъ.

— Какъ же это, если сами погромы устраиваютъ?

— Они говорятъ, что политика этого требуетъ, что погромы намъ большую пользу могутъ приносить... Что погромами они русское правительство погубятъ и у насъ будетъ республика...

— А кагалъ что? Онъ, значить, согласенъ съ бундомъ, если позволяеть ему такъ самовольничать?...

— Кагалъ!... Какой у насъ теперь кагалъ? Притаилсь наши кагалышки, и голоса не падаютъ.

— Бездѣйствуетъ, значить, кагалъ?

— И этого нельзя сказать. Собираются кагалышки часто и все на тайныя засѣданія, но что тамъ у нихъ на засѣданіяхъ происходитъ, намъ неизвѣстно. Одно можно сказать: противъ бунда никакихъ мѣръ кагалъ не принимаетъ, а, судя по нѣкоторымъ признакамъ, онъ даже помогаетъ бунду и прикрываетъ его...

— Какіе же это признаки?

По лицу Файнермана какъ будто вдругъ пробѣжало облако. Онъ поблѣднѣлъ весь, привсталъ съ своего мѣста и испуганно произнесъ:

— Пхе, пхе... Ой, я старый дуракъ, старый дуракъ... И зачѣмъ это я съ вами такой откровенный разговоръ повелъ?.. Вѣдь я васъ не знаю... Совсѣмъ, совсѣмъ васъ не знаю... Что со мною будетъ?!... Что со мною будетъ?...—Онъ затрясся весь, поблѣд-

нѣлъ и сталъ учащенно дышать, уставя на меня свой взоръ, полный испуга, доходящаго до ужаса.

— Что съ вами? Зачѣмъ вы такъ заволновались?—произнесъ я съ участіемъ, взявъ его за руку.

— Ой-ой-ой!... Ой-ой-ой, Боже мой!..—не проговорилъ, а скорѣе простоналъ Файнерманъ.

— Да, успокойтесь же, прошу васъ. Вамъ вредно волноваться...

— Да... вредно... очень вредно... Но что могу я сдѣлать, если такъ сглушилъ?... Ой-ой-ой!...

— Да чѣмъ же вы сглушили?

— Охъ, сглушилъ... И какъ еще сглушилъ!... Языкъ мой—врагъ мой... Развѣ я знаю, кто вы такой? Вѣдь въ первый разъ васъ увидѣлъ и все, что на душѣ у меня, выложилъ, точно предъ другомъ!... Ну, а если вы сами къ бунду принадлежите!... Если вы сами пріѣхали къ намъ республику сдѣлать!... Пропалъ я, пропалъ совѣмъ... Охъ, господинъ, пощадите меня, будьте милостивы: не берите въ расчетъ мои глупыя слова: забудьте, что неодобрительно болталъ про бундъ... про кагалы... Я человѣкъ старый, больной, необразованный... Ничего я не знаю, ничего не понимаю... Бундъ умнѣе меня. Онъ знаетъ, что дѣлаетъ, а я не долженъ его осуждать, не смѣю... Забудьте слова мои, забудьте...

И онъ съ мольбою устремилъ на меня свой взоръ, полный страха. Много труда стоило мнѣ его успокоить. Когда, наконецъ, я убѣдилъ его, что не только не принадлежу ни къ бунду, ни къ кагальникамъ, но что и бундъ и кагальники мнѣ не менѣе ненавистны, чѣмъ ему самому, къ нему возвратилось его прежнее благодушное настроеніе и, совершенно оправившись, онъ сталъ посвящать меня во всѣ обрушившіяся на него за послѣднее время невзгоды.

— Развѣ я хозяинъ въ своемъ собственномъ домѣ?—плакался толстякъ.—Развѣ я отецъ моимъ дѣтямъ? Пхе... Развѣ мое имущество, мои капиталы въ безопасности? Съѣхались проклятые бундисты, заняли въ моей гостиницѣ номера, требуютъ обѣды, ужины; водку пьютъ, вина... Все имъ подавай и ни за что не платятъ... Цѣлый этажъ заняли, канцелярію устроили... По цѣлымъ днямъ у нихъ тамъ сходки... И деньги у меня требуютъ. Подавай имъ и деньги... Не проходить недѣли, чтобы съ меня контрибуціи не брали. То сто, то двѣсти рублей имъ подавай, а вотъ вчера семьсотъ содрали...

— Вы бы не давали...

— Пхе, вы шутите, господинъ. Какъ мнѣ не дать? Были такіе храбрецы: Мошке Гунтъ, Берко Шпунтъ... Заартачались... Выгнали бундистовъ и ничего имъ не дали. И что вы думаете изъ этого вышло? Мошкѣ въ самый правый бокъ стрѣляли, и, останется ли живъ, неизвѣстно, а чтобы ему и въ лѣвый бокъ не стрѣляли, жена его, Фрумче, тысячу рублей отдала бундистамъ и только этимъ

откупилась... Со Шпунтомъ еще хуже вышло. Сидѣль онъ себѣ со всѣмъ своимъ семействомъ въ своемъ саду, въ бесѣдкѣ, и чаю пилъ, а ему тутъ бомбу бросили... Ну, его разорвало на куски, и онъ совсѣмъ, окончательно умеръ, а старшему сыну ногу оторвало, и онъ на всю жизнь сталъ калѣкой... Ну, какъ же тутъ спорить съ ними, противорѣчить имъ?...—онъ вздохнулъ.

— И всѣ обыватели въ такомъ страхѣ живутъ? И всѣ отъ нихъ откупаются? Почему же имъ отпору не даютъ? Почему ихъ началству не выдадутъ?

— Пхе, начальству... Какое же теперь начальство?... Начальства теперь нѣтъ... Теперь самъ бундъ начальство... Полиція больше нашего боится бунда... Сколько у насъ ужъ городовыхъ убили... А въ господина полицеймейстера, выдумаете не стрѣляли? Три раза въ него стрѣляли и одинъ разъ на него бомбу бросили, только ни разу не попали...

— И никого не поймали?

— Какъ же ихъ поймать, когда они убѣгаютъ? И вы думаете, мы не знаемъ, кто это все орудуетъ! О, намъ всѣ ихъ главные вожакки извѣстны: они и не скрываются. И начальство ихъ всѣхъ знаетъ, только никто ничего подѣлать съ ними не можетъ...

— Развѣ ихъ такъ много?...

— Много?... Да кто ихъ знаетъ!... Вожаки хвалятся, что ихъ очень много, да кто можетъ это провѣрить?... Ну, конечно, вся голь на ихъ сторонѣ: рабочіе, ремесленники, приказчики... Да что!... Со всѣми этими паршивцами сладить можно было бы, если бъ захотѣлъ кагалъ... О, мы бы съ ними справились...

— Значитъ, кагалъ съ ними заодно дѣйствуетъ?

— Нѣтъ, кагалъ совсѣмъ не дѣйствуетъ. Онъ себѣ сидитъ и ждетъ, что изъ этого выйдетъ... Онъ себѣ во всѣ эти дѣла не вмѣшивается, по крайней мѣрѣ наружно... Ну, вы сами можете понять, не могутъ же такіе извѣстные люди, какъ ребъ Михаилъ Павловичъ Цвайгъ, какъ ребъ Борисъ Григорьевичъ Файнбергъ или рабби Михоель Порець публично связываться съ мальчишками и со всякими паршивцами... Они же большіе, очень большіе люди, и открыто съ бундистами имъ неприлично дѣйствовать заодно... Вотъ они себѣ притаились и прикидываются, что ничего подѣлать не могутъ...

— Прикидываются?...

— Пхе, не иначе—прикидываются...

— Почему вы такъ думаете? Можетъ быть, они въ самомъ дѣлѣ ничего подѣлать не могутъ?

— Они-то не могутъ?... Ой-ой-ой, что вы говорите!... Они-то: Цвайгъ и Файнбергъ!... Стоитъ имъ только захотѣть—и бунда не будетъ... Ну, а рабби Михоель Порець!... Вы шутите съ рабби Михоель Порецемъ!... Ой-ой-ой, съ рабби Михоель Порецомъ

никто шутить не отважится!... Ну, вѣдь я же вамъ говорилъ, что по нѣкоторымъ признакамъ можно такъ пошмать, что кагалъ даже помогаетъ бунду и прикрываетъ его...

— Да, вы мнѣ говорили, что имѣются признаки, но какіе—не сказали...

Беръ Файнерманъ таинственно осмотрѣлся крутомъ, приблизился ко мнѣ и надъ самымъ моимъ ухомъ шопотомъ заговорилъ:

— Да, да, я васъ было испугался и не захотѣлъ быть съ вами откровеннымъ... Теперь вижу, что могу вамъ все сказать и всѣ мои мысли открыть. Вы спрашиваете: какіе признаки? А я вамъ скажу признаки самые достовѣрные! Пхе, скажите... ну, скажите: могли развѣ бундисты, когда еще у нихъ никакой силы не было, безъ позволенія устроить по ночамъ свои тайныя сходки въ синагогахъ и въ «бетъ-гамедришахъ» (молитвенныхъ домахъ)? Пхе, могли бы это сдѣлать? А потомъ прятать тамъ оружіе, бомбы и печатать листки и воззванія? Ну, а теперь?... Пхе, а теперь?... Да вы знаете: на прошлой недѣлѣ приказано было кантору торопиться съ утренней молитвой, и онъ такъ понесся, какъ локомотивъ курьерскаго поѣзда, скомкалъ всѣ моленія, многія совсѣмъ пропустилъ, а изъ-за чего?... Нужно было очистить поскорѣй синагогу отъ молельщиковъ, потому что бундъ назначилъ засѣданіе большого съѣзда въ синагогѣ утромъ въ десять часовъ... И знаете ли, такой у насъ, простыхъ евреевъ, плачь поднялся... Такой плачь!... Вѣдь тутъ ужъ, понимаете, открыто противъ Бога пошли, синагогу осквернили!.. Засѣданіе вѣдь было общее всѣхъ революціонеровъ, и еврейскихъ, и христіанскихъ... И, знаете, наши бундисты не только позволили христіанамъ въ святой синагогѣ, предъ ковчегомъ святой торы сидѣть безъ шапокъ, но и сами засѣдали съ обнаженными головами... Пхе, развѣ большого кощунства можетъ быть?... Осквернили себѣ синагогу и ковчегъ святой торы... И мнѣ это позволили!... Позволили домъ Господа Бога унижить, осквернить...—Въ голосѣ Файнермана послышались слезы. — Охъ-охъ-охъ, немало слезъ проливали мы... Въ страхѣ всѣ ходимъ... И чѣмъ только все это кончится?... Чѣмъ кончится?!... Никакого спокойствія намъ нѣтъ и не будетъ... Встаю я утромъ и начинаю дрожать, весь день дрожу, а ложусь спать, засыпаю и во снѣ дрожу... И какъ не дрожать постоянно, когда не знаешь, что можетъ случиться: дрожишь за свое имущество, дрожишь за свое семейство, дрожишь за свою жизнь... Ну, а вы? Вы развѣ не дрожите?—закончилъ онъ вопросомъ.

— А мнѣ чего дрожать?

— Пхе, вамъ чего дрожать? Вы себѣ думаете, что васъ въ покоѣ оставлятъ?... Подождите немножко, и за васъ примутся... Къ вамъ скоро явятся...

— Кто ко мнѣ можетъ явиться?...

— Отъ бунда придуть... Вы только подождите,—придуть...

— Да почему бундъ знаетъ о моемъ прїѣздѣ?

— Почему онъ знаетъ? Пхе, бундъ все знаетъ... Факторъ Диментъ далъ знать... Онъ вѣдь самъ бундистъ...

— Зачѣмъ же вы держите при вашей гостинницѣ фактора-бундиста?

— Зачѣмъ я его держу? Пхе, развѣ это отъ меня зависитъ? Развѣ я теперь хозяйинъ и могу прогнать его? Вотъ гдѣ у меня Диментъ сидитъ,—онъ похлопалъ себѣ лѣвой рукой по своей толстой шеѣ.—Онъ тутъ ко мнѣ забрался и сидитъ, сидитъ крѣпко, и я ничего съ нимъ подѣлать не могу... Онъ тутъ у меня всей гостинницей командуетъ, а я не смѣю ему противорѣчить... Пхе, да гостинница что?.. Гостинница все же моей останется... Проснется когда-нибудь начальство и этотъ самый бундъ уничтожить, а я тогда прогоню Димента и стану себѣ опять хозяйномъ своего имуществва, какъ былъ... Но почта моя ужъ ушла отъ меня навсегда и совсѣмъ пропала...

— Какая почта?...

— Какая почта?... Извѣстно, какая почта... Наша почта, еврейская...

III.

Файнерманъ глубоко вздохнулъ и поникъ головой.

— Меня чрезвычайно удивило,—началь онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія:—даже очень меня удивило, когда я сказалъ вамъ, что я Файнерманъ, а вы и тогда не знали, кто я такой?... Меня не знать нельзя, и если я вамъ говорилъ, что меня всякій ребенокъ знаетъ, то оно такъ и есть... И иначе это быть не могло... Моя контора была всѣмъ извѣстна, и всякій зналъ, гдѣ она находится... Авотъ теперь у меня уже нѣтъ больше конторы... Отняли ее у меня... Ограбили меня... Когда контора перешла ко мнѣ отъ моей мамеле, то это была совсѣмъ не контора, а маленькая конурка... Пхе, совсѣмъ; совсѣмъ конурка... И не было у моей мамеле ни главнаго управляющаго, ни приказчиковъ, ни настоящихъ разсылныхъ... Она себѣ сама всѣмъ завѣдывала... Ну, что вамъ сказать, она, когда ей время позволяло, даже сама письма разносила... Работала она, какъ воля... Да что какъ воля!.. Какъ два вола, какъ десять воловъ!... Очень она была, моя покойная мамеле, трудолюбивая еврейка... Всю жизнь она работала безъ всякаго отдыха и, когда она разбогатѣла, она такъ же не любила отдыхать, какъ и когда была совсѣмъ бѣдна... Ахъ, моя мамеле, моя мамеле, что это была за выдающаяся еврейка!... Такой другой еврейки не было и не будетъ!... И это не только я такъ говорю, это такъ весь городъ говоритъ... Какая у нея была голова!... У нея была голова не женщины, а настоящаго «талмудъ-хахома» (ученаго талмудиста)... Ну, скажите вы сами, кому могла прїйти въ голову такая великолѣпная мысль устроить для евреевъ собственную почту?...

— Какъ собственную почту?

— Такъ, собственную почту... Я вамъ даже удивляюсь, что вы объ этомъ не знаете... Наша почта дѣйствуетъ уже десятки лѣтъ; она работаетъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ выстроили желѣзные дороги... И какъ она работаетъ, пхе, какъ она работаетъ!... Никогда казенная почта не могла сравниться съ нашей ни быстротой, ни аккуратностью... Ну, а о дешевизнѣ и говорить нечего... Посудите вы сами. Казна не можетъ дешево работать: хозяйство у нея скверно поставлено. То, что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ, дѣлають трое, четверо, и всѣ они жалованье получаютъ... Потому: у дѣла нѣтъ хозяина, который паблюдаль бы за всѣмъ... У чиновниковъ на все часы положены; отработали они свои часы, и больше ничего знать не хотятъ, и никто съ нихъ не требуетъ, чтобъ они больше знали... Ну, а на публику они какъ смотрять? Пхе, они плюють на публику... А съ нашими еврейчиками совѣмъ не стѣсняются... Ну, развѣ вы не знаете, какъ у насъ въ казенныхъ учрежденіяхъ работаютъ!... Пхе, неважная работа...

— Бросьте вы чиновниковъ,—перебилъ я Файнермана.—Кто не знаетъ, что такое чиновникъ.— Вы мнѣ о вашей еврейской почтѣ расскажите. Какъ матушка ваша ее устроила и какъ она дѣйствуетъ?...

— Пхе, да, я о чемъ же вамъ рассказываю?... Я же вамъ о почтѣ и рассказываю.

— Да вы бы покороче...

— Покороче?... А зачѣмъ намъ торопиться?... Пхе, я не знаю, зачѣмъ намъ торопиться...—На лицѣ Файнермана выразилось неудовольствіе.—Если вы заняты... если у васъ дѣло сейчасъ, то вы мнѣ это скажите, и я вамъ мѣшать не буду: сейчасъ, сію минутку уйду... Пхе, я же человѣкъ деликатный и не люблю людямъ мѣшать...

— Да не то... Я теперь свободенъ...—перебилъ я Файнермана; но онъ не далъ мнѣ договорить и, въ свою очередь, перебилъ меня:

— Вы свободны? Пхе, то о чемъ тутъ толковать?... Зачѣмъ же вы меня подстегиваете, чтобъ я торопился?... Извините меня, господинъ, я не лошадь... Пхе, я не лошадь... не лошадь... Я люблю деликатное обращеніе...

Файнерманъ, очевидно, весьма серьезно обидѣлся на меня. Онъ опустилъ голову, развелъ руками и сталъ учащенно дышать. Вся фигура его выражала его сплошное оторченіе. Онъ показался мнѣ смѣшнымъ до чрезвычайности. Я долженъ былъ сдѣлать надъ собой большое усиліе, чтобы не размѣяться. И слава Богу, что это мнѣ удалось, а то я навсегда лишился бы его благорасположенія, и мнѣ не удалось бы узнать всѣ подробности о дѣйствующей въ Сѣверо-Западномъ краѣ еврейской почтѣ, основательницей которой была его мамеле. Что именно такъ бы и случилось, т. е. что я могъ

своимъ смѣхомъ окончательно лишиться расположенія Файнермана, въ этомъ я убѣдился, когда узналъ его довольно близко послѣ многочисленныхъ его визитовъ ко мнѣ въ теченіе моего мѣсячнаго пребыванія въ родномъ городѣ. Файнерманъ по натурѣ своей былъ человѣкъ очень добрый, но чванливый и надменный. Онъ очень любилъ говорить и привыкъ, чтобъ его слушали. Какъ человѣкъ ума недалекаго, онъ былъ весьма высокаго мнѣнія о себѣ и мнилъ себя ораторомъ. Его многоглаголаніе окружающіе его не только терпѣли, но даже поощряли. Тѣмъ болѣе, когда всѣмъ была извѣстна его обидчивость, почти дѣтская. Ну, а кому охота обидѣть богатаго человѣка, если въ немъ нуждаешься. Такъ было всегда. Но настали дни свободы и убили престижъ Файнермана. Всѣ, кто раньше пресмыкался предъ нимъ и съ благоговѣніемъ прислушивался къ его вѣщаніямъ, не только перестали внимать ему, но стали высмѣивать его и издѣваться надъ нимъ. Ни въ комъ онъ ужъ не находилъ больше покорныхъ и внимательныхъ слушателей, даже среди членовъ своей семьи. Между тѣмъ обреченный на молчаніе, его страсть къ общенію, разговорамъ еще увеличилась въ гораздо большей степени противъ прежняго. И вотъ, чтобы удовлетворить этой своей страсти, онъ набрасывался на всякаго пріѣзжаго, которому выпадало счастье остановиться въ его гостиницѣ. Этой его страсти я и былъ обязанъ его безцеремонному визиту, которымъ онъ меня удостоилъ. Нечего говорить о томъ, что Файнерманъ претендовалъ на то, чтобы пріѣзжающіе въ его гостиницу возмѣщали ему то, что онъ такъ внезапно потерялъ и безъ чего ему такъ трудно было жить, т. е., онъ искалъ найти въ нихъ почтительныхъ слушателей.

IV.

Когда удрученное выраженіе исчезло съ его лица и оно нѣсколько прояснилось, я поспѣшилъ успокоить его. Я взялъ его за руку и примирительно пропзнесъ:

— Право, не знаю, чѣмъ я могъ васъ обидѣть?... Во всякомъ случаѣ, прошу васъ меня извинить.

— Если вы отъ чистаго сердца просите извиненія, то, разумѣется, я васъ прощаю,—мягко отвѣтилъ Файнерманъ.—Пхе, я васъ прощаю и тоже отъ чистаго сердца... Но напередъ прошу васъ, помните, что я человѣкъ деликатный и люблю деликатное обращеніе... Такъ вы это помните, пхе...

— Будьте увѣрены: не дамъ вамъ больше повода сердиться,—отвѣтилъ я.

Файнерманъ окончательно успокоился и устремилъ на меня свои круглые глаза съ прежнимъ добродушіемъ.

— Такъ вы ужъ теперь не будете меня подстегивать, какъ лошадь?—заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, дружески

миѣ улыбаясь и подмигивая.—Такъ вы меня не будете торопить?... Пхе, не будете?...

— Не буду.

— Такъ я буду считать васъ другомъ. Пхе, настоящимъ другомъ и буду съ вами говорить съ полной откровенностью. Я вамъ совѣмъ подробно расскажу, какъ великолѣбно моя умная мамеле устроила себѣ такое большое дѣло.—Онъ вздохнулъ и продолжалъ:—Моя мамеле очень образованная особа, и родилась она евреемъ, а не еврейкой, она бы всѣхъ раввиновъ и «геделе-бе-исроиль» (великихъ во израилѣ) за поясъ заткнула; она была бы «годень-бега-гдолимъ» (величайшимъ среди великихъ)... Пхе, непременно была бы!... Но что она могла сдѣлать, когда родилась еврейкой? Разумѣется, еврейка не можетъ быть ни раввиномъ, ни «годедемъ», и она себѣ должна была устроить почту... И устроила!... Пхе, устроила!...—Онъ блаженно улыбнулся и закончилъ неожиданнымъ вопросомъ:—А вы не торопитесь?...

— Не тороплюсь, не тороплюсь,—поспѣшилъ я отвѣтить.

— Пхе, это хорошо.—Онъ одобрительно качнулъ головой.—Это очень хорошо, что вы не торопитесь... Значитъ, и я могу не торопиться... Такъ я вамъ расскажу это подробно. Ужъ такъ подробно я вамъ расскажу, что вамъ все это будетъ такъ же извѣстно, какъ миѣ самому... Мой покойный тателе былъ великій ученый... Пхе, изъ великихъ величайшій!... Онъ былъ солнцемъ Израиля, его красой... Умъ его славился на весь мѣръ... Имъ всѣ гордились и восхищались... А теперь всѣ чтуть его память... И меня почитаютъ за то, что у меня былъ такой тателе... Но знаете, мой тателе былъ очень глупъ... Ну, онъ былъ совѣмъ дуракъ!... Пхе, такой дуракъ, что глупѣе его человѣка на свѣтѣ не было никогда!... И всѣ это знали, что мой тателе былъ дуракъ... И всякій жалѣлъ мою мамеле, что у нея мужъ такой дуракъ...

Какъ я ни крѣпился, чтобы не перебивать моего обидчиваго собесѣдника, но не выдержалъ, слыша отъ него такую несообразную чепуху.

— Помилуйте,—перебилъ я его:—васъ понять нельзя: то вы говорите, что вашъ отецъ былъ солнцемъ Израиля и его красой, а то, что онъ былъ большою дуракъ и всѣ жалѣли вашу матушку, что у нея такой мужъ?

— И вы этого понять не можете?...—Файнерманъ съ удивленіемъ уставился на меня глазами.

— Желалъ бы понять, да не могу.

— Пхе, да вѣдь это очень просто, и всѣ это понимали... Сію минуточку и вы поймете. Мой тателе, да живетъ память о немъ до вѣка во Израилѣ, былъ умень, былъ умнѣйшій человѣкъ, былъ ученѣйшій; онъ своимъ умомъ постигалъ глубочайшія глубины премудрости; умъ его былъ безпредѣльный, и онъ имъ обхватывалъ

тончайшія тонны Талмуда, Зогиара, Поскинтъ и Мишны съ такою легкостью, что всё изумлялись... За этотъ его умъ его высоко ставили и почитали, но онъ былъ совершенный дуракъ, когда дѣло касалось заработка. Во всю свою жизнь онъ не заработалъ ни одного рубля, ни одной копейки, и не будь у него такой жены, какъ моя мамеле, онъ бы себѣ сто разъ могъ умереть съ голоду... Но моя мамеле кормила его, и онъ себѣ углублялся въ святія книги и все накоплялъ въ своей головѣ мудрости... Когда моя мамеле вышла за него замужъ, она была очень молода—ей тогда было лѣтъ 16—17. Родители ея думали, что тателе будетъ ее хорошо кормить, потому что онъ же былъ такой ученый и могъ сдѣлаться раввиномъ или «меламдомъ» (учителемъ)... Но ея родители ошиблись: мой тателе былъ такъ глупъ, что никѣмъ не могъ сдѣлаться. Моя умная мамеле, хоть она была совсѣмъ молодая, отлично это поняла. Но она совсѣмъ не испугалась и на Бога не возроптала. И она себѣ сказала: если мой мужъ не имѣетъ ума, чтобы заработать деньги и кормить меня, то я должна заработать и его кормить, а то мы оба помремъ съ голода. И когда она это такъ себѣ подумала, то начала себѣ искать заработка и въ одну минутку нашла себѣ его. Надо вамъ сказать, а, впрочемъ, вы сами это знаете, что лѣтъ сорокъ тому назадъ наши еврейчики были учены только по-еврейски; ну, нѣкоторые еще немножечко знали по польскому, но по русскому никто не зналъ, но моя мамеле по русскому читала великолѣпно и умѣла даже писать... Вы можете повѣрить, что въ то время была простая еврейка, которая умѣла читать и писать по-русски, и что эта еврейка была моя мамеле?

Файнерманъ хвастливо устремилъ на меня свои круглые глаза и ждалъ отвѣта.

— Отчего не повѣрить, это вполне возможно,—поспѣшилъ я дать требуемый отвѣтъ.

— Пхе, съ вами пріятно разговаривать: вы очень умный человекъ и все понимаете... Пхе, вамъ разжевать и въ ротъ палець положить не надо — откусите, хе-хе-хе... — Онъ пріятно улыбнулся и продолжалъ:—Такъ вотъ, моя мамеле хорошее дѣло себѣ выдумала. Она себѣ отправилась къ почтмейстеру и сказала ему: «У васъ, панъ почтмейстеръ, очень много докуки съ еврейскими письмами; вашими почтальонамъ нехорошо и евреямъ нехорошо. Почтальоны должны много бѣгать по городу и искать, кому надо письмо отдавать, а наши еврейчики съ ними сговориться не могутъ и много писемъ попадаютъ не туда, куда имъ надо попасть, а случается, что совсѣмъ никуда не попадаютъ и валяются. И это совсѣмъ скверный порядокъ. А можно такъ устроить, чтобы былъ хороший порядокъ. И отъ хорошаго порядка вы еще выгоду и экономію получите». Слова моей мамеле очень понравились почтмейстеру. И онъ ей сказалъ, что порядокъ хорошая вещь, а еще лучшая вещь

выгода и экономія, и если она знаетъ, какъ это устроить, пусть скажетъ. Моя мамеле ему и сказала, что совсѣмъ не нужно почтальонамъ разносить письма евреямъ, что еврейскія письма могутъ быть переданы ей и она ужъ сама доставить ихъ по принадлежности. Порядокъ тогда будетъ большой, потому что всѣ письма доставлять аккуратно будетъ, и большая выгода, потому что почтальонамъ жалованье не надо будетъ платить. Почтмейстеру очень понравилась выдумка моей мамеле, и онъ согласился сдѣлать мою мамеле еврейскимъ почтальономъ. И вотъ стала моя мамеле получать всю еврейскую корреспонденцію и разносить ее аккуратно безъ всякаго жалованья. Но гешефтъ вышелъ хороший. Тогда за доставку письма казна себѣ взыскивала пять копеекъ, а моя мамеле накинула себѣ за доставку еще двѣ копейки, и она себѣ очень хорошо работала и кормила свое семейство... Наши еврейчики были довольны, потому что моя мамеле доставляла имъ письма аккуратно, безъ замедленія; была довольна моя мамеле, потому что за каждое письмо получала двѣ копейки и могла семью свою кормить и понемножечку даже себѣ откладывать; былъ доволенъ и господинъ почтмейстеръ... Всѣ были довольны... Но когда еврейчики узнали, что мамеле не только кормитъ себѣ свое семейство, но понемножечку себѣ и откладываетъ и собираетъ капиталчикъ, начали они ей завидовать, взбунтовались и захотѣли у нея вырвать кусокъ хлѣба изъ рта. Три еврейчика составили себѣ компанію и отправились къ почтмейстеру и сказали ему: «Господинъ почтмейстеръ, зачѣмъ вы нашу всю корреспонденцію передаете Лія (мою мамеле звали Лія), которая не можетъ съ нею аккуратно справиться. Въ нашемъ городѣ живетъ много евреевъ на многихъ улицахъ и одной еврейкѣ аккуратно доставить всякому еврею его письмо невозможно, а надо дѣлать такъ, чтобы это было возможно. И это совсѣмъ легко сдѣлать. Вы прикажите, чтобы письма раздѣлили на четыре части, одну часть пусть себѣ возьметъ Лія, а три части пусть намъ передадутъ, и мы тоже будемъ разносить письма и не будемъ требовать жалованья. Тогда будетъ больше аккуратности». Почтмейстеръ сказалъ евреямъ, что онъ подумаетъ, и велѣлъ имъ прійти черезъ два дня за отвѣтомъ... И вы думаете, они пришли за отвѣтомъ?... Пхе, они не пришли... Они не осмѣлились больше беспокоить господина почтмейстера своими глупостями... Кагаль имъ запретилъ!...

— Кагаль?... При чемъ тутъ кагаль?...

— Какъ при чемъ тутъ кагаль?... Долженъ же онъ соблюдать за порядкомъ, на то онъ и кагаль!... Ну, а моя мамеле умнѣйшая вѣдь была еврейка: она же поняла, что кагаль долженъ ей помогать, потому что должна же она кормиться, а если у ней такое хорошее дѣло, что она себѣ откладываетъ, то вѣдь она себѣ сама для себя его выдумала и другіе не имѣютъ права прійти на готовое дѣло и

грабить ее. Она потребовала от кагала, чтобы объявилъ почту ея «хазаконъ» (право исключительной эксплуатаціи), за что, разумѣется, она обязалась платить ежегодно кагалу опредѣленную сумму. Ну, кагалъ понялъ, что это справедливо и выгодно, и онъ объявилъ, что моя мамеле пользуется «хазаконъ» на разноску писемъ. Послѣ этого бунтовщики уже и не осмѣлились больше являться къ почтмейстеру.. Время себѣ шло, а моя мамеле себѣ богатѣла. Потомъ дѣла пошли хуже. Пошла эта образованность. Всѣхъ еврейчиковъ правительство стало гнать въ школы. Ихъ насильно заставили учиться. Ну, и испортились евреи, страхъ у нихъ пропалъ, Бога стали меньше бояться, тоже и начальства и захотѣли жить по-европейскому. Многіе стали обижаться, что имъ жидовка письма носить, и потребовали у начальства, чтобы почтальоны имъ письма приносили... Потомъ еще появилась мода, что можно было всякому заплатить и имѣть на почтѣ собственный ящикъ для своей корреспонденціи; ну, и билеты еще завели на полученіе корреспонденціи, и великолѣпное дѣло моей мамеле совсѣмъ упало, уничтожилось... И горевала же тогда моя мамеле: такое великолѣпное дѣло нея пропало!... Дни и ночи она все думала, какъ ей теперь быть?... Она же была умная и додумалась-таки. Она себѣ поняла, что казенная почта больше кормить ее не будетъ и она себѣ придумала устроить собственную почту. Ей это было легко сдѣлать. Двадцать пять лѣтъ она была еврейскимъ почтальономъ и всякіе порядки знала, и знакомство большое имѣла. Ну, она и завела свою собственную почту... Тутъ ей помогла желѣзная дорога. Если бы къ тому времени желѣзной дороги не выстроили, мамеле своей почты заводить не могла бы... Ну, на счастье моей мамеле, какъ разъ подоспѣла желѣзная дорога, и она себѣ все устроила самымъ благополучнѣйшимъ образомъ. Она себѣ...

Беръ Файнерманъ оборвалъ неожиданно разсказъ свой, быстро поднялся съ кресла, стремительно подошелъ къ двери, нагнулся и приложилъ правое ухо къ замочной скважинѣ. Онъ простоялъ такъ съ полминуты и прислушивался. Вдругъ онъ выпрямился, грустно покачалъ головой, приблизился ко мнѣ на цыпочкахъ и, наклонившись къ моему правому уху, поднялъ вверхъ зажатую въ кулакъ правую руку съ выставленнымъ торчкомъ указательнымъ пальцемъ и шопотомъ произнесъ...

— Вы слышите?...

— Ничего не слышу...

— Не слышите?... А я слышу!... Я хорошо слышу!... Они идутъ!... Вѣрьте моему слову: они идутъ!...

— Кто идетъ?...

— Бундисты идутъ!... Это они къ вамъ идутъ... О, я ихъ походку знаю... Да, это они!... Они!...

Онъ отошелъ отъ меня и сталъ у самыхъ дверей. На лицѣ его появилась грустная улыбка.

— Пускай они подумаютъ, что я только что къ вамъ зашелъ... — раздался его шопоть. — Они не должны знать, что мы съ вами подружились... Я имъ скажу, что зашелъ спросить у васъ паспортъ для прописки...

Не успѣлъ еще прекратиться шопоть Файнермана, какъ въ коридорѣ раздался топоть шаговъ нѣсколькихъ человѣкъ.

— Теперь уже слышите?... А, что я вамъ говорилъ?... Это они къ вамъ!... къ вамъ!..

Онъ поблѣднѣлъ весь и застылъ въ ожиданіи. Признаюсь, онъ и меня заразилъ своимъ страхомъ. Какая-то непріятная жуть овладѣла мною, и я сталъ ожидать появленія незваныхъ гостей съ нѣкоторымъ безпокойствомъ...

V.

Дверь моего номера съ шумомъ открылась, и на порогѣ его появился факторъ Диментъ. На блѣдномъ лицѣ его выступилъ нездоровый румянецъ, глаза его неестественно блестѣли, ноздри его вздрагивали, на тонкихъ безкровныхъ губахъ его широкаго рта играла злая улыбка. Онъ, очевидно, былъ въ возбужденномъ состояніи, но казался спокойнымъ.

Онъ остановился на порогѣ, пронизывающе оглянулъ меня съ ногъ до головы, усмѣхнулся, отвелъ свой взоръ отъ меня и уставился на Файнермана и долго и упорно смотрѣлъ на него и насмѣшливо улыбался. Несчастный толстякъ съежился весь, сталъ учащенно дышать и, точно побитая собака, виновато поглядывалъ на своего мучителя.

Мнѣ его стало невыразимо жаль, и, чтобы отвлечь отъ него Димента, я обратился къ послѣднему съ вопросомъ:

— Что тебѣ нужно въ моемъ номерѣ?—И такъ какъ вмѣсто отвѣта Диментъ только злобно перевелъ свой взглядъ на меня, я довольно сурово прибавилъ:—Ты мнѣ не нуженъ и можешь уходить...

— Га, что вы сказали?... Я вамъ не нуженъ и могу уходить?... Разумѣется, могу уходить... Никто меня задержать не смѣетъ... Но и гнать меня тоже никто не смѣетъ... Я пришелъ къ вамъ не съ пустыми руками, а съ дѣломъ... съ важнымъ дѣломъ... И не одинъ пришелъ я къ вамъ, а пришелъ съ важными людьми, съ депутатами отъ бунда... Бундъ къ вамъ депутатовъ прислалъ!... Га-га-а!.. Что вы объ этомъ себѣ думаете?

— Я думаю, что бунду нѣтъ до меня никакого дѣла,—произнесъ я хладнокровно.

— Га-га-га!.. Что вы себѣ говорите?.. Вы храбрый, очень храбрый человѣкъ, хо-хо-хо!..

Онъ повернулся на порогъ, высунувъ голову въ коридоръ и съ хохотомъ проговорилъ:

— Заходите, товарищи, заходите... Поспѣшите познакомиться съ храбрымъ господиномъ...

И, продолжая громко смѣяться, онъ широко раскрылъ дверь и прибавилъ:

— Товарищи, васъ ждуть?... Пожалуйте...

— И зачѣмъ ты кричишь? И зачѣмъ ты такъ громко хохочешь?— послышался изъ коридора довольно внушительный басъ.—И что тамъ такое за веселье?

И въ мой номеръ вошелъ еврей лѣтъ 37—40, а за нимъ другой, помоложе. Оба они были одѣты довольно прилично, и было очевидно, что они старались разыгрывать изъ себя джентльменовъ. Старшій изъ нихъ былъ плотнаго сложенія, съ короткой шеей и веснучатымъ лицомъ, а младшій былъ брюнетъ съ курчавыми волосами и длиннымъ тонкимъ носомъ, онъ былъ высокаго роста и худъ, какъ щетка.

— Ну, товарищъ Диментъ, я спрашиваю тебя, почему ты такъ неприлично себя ведешь?—продолжалъ басить старшій еврей, направляясь ко мнѣ и любезно протягивая руку мнѣ.—Вы его должны извинить,—мягко обратился ко мнѣ онъ, указывая на Димента.—Онъ немножко не воспитанъ, но прекрасный товарищъ, очень прекрасный товарищъ!... Ты, вѣроятно занятъ, товарищъ,—окончилъ онъ, повернувшись къ Дименту:—такъ я тебя не задерживаю... Ступай и занимайся своимъ дѣломъ...—Басъ еврея раздавался хотя тихо, но въ немъ чувствовалась властность и настойчивость.—И вы, почтенѣйшій господинъ Файнерманъ, и вамъ, я думаю, ваше время дорого, а намъ вы не нужны... Мы васъ тутъ не держимъ, идите себѣ, занимайтесь своими дѣлами...

И Диментъ, и Файнерманъ успѣли оставить мой номеръ.

— Однакожь, — произнесъ я, — вы не церемонитесь даже съ товарищемъ...

— Нельзя иначе — дисциплина, — улыбнулся представитель бунда. — Безъ дисциплины далеко не уѣдешь...

— А равенство, а братство?—въ свою очередь, улыбнулся и я.

— Равенство и братство прекрасныя вещи, и мы стремимся осуществить то и другое, то и другое въ свое время наступать; но пока борьба въ самомъ разгарѣ, мы не можемъ быть всѣ равны. Борьба по необходимости заставляетъ однихъ командовать другими. Если мы теперь воюемъ, то намъ нужны руководители, вожди, организаторы... Безъ организаци и безъ руководителей никакое дѣло не пойдетъ... Ну, а вождемъ и организаторамъ необходимо предоставить власть и большую власть, чтобы они могли дѣйствовать съ пользой для общаго блага. Вы думаете, что мы позволяемъ всякому дѣйствовать, какъ ему вздумается? Ошибаетесь? У насъ

строго, и самовольничать мы никому не позволяемъ. Съ нашимъ центральнымъ комитетомъ шутить нельзя. У насъ дисциплина строгая, и съ самовольниками мы не церемонимся. Судь и расправа у насъ короткіе!... Ну, впрочемъ, мы пришли къ вамъ не для того, чтобы просвѣщать васъ насчетъ того, какъ слѣдуетъ сдѣлать революцію, да и времени у насъ для этого нѣтъ... Вы, вѣроятно, догадываетесь, зачѣмъ мы къ вамъ пришли?

— Рѣшительно не понимаю, что вамъ отъ меня нужно. Вѣдь я васъ совсѣмъ не знаю.

— Положимъ, вы насъ не знаете, но зачѣмъ мы пришли къ вамъ, вы могли догадаться... Вамъ, вѣроятно, товарищъ Диментъ говорилъ о насъ. Ну, и этотъ глупый Файнерманъ ужъ, вѣрно, много наболталъ вамъ... Впрочемъ, если любопытствуете, могу васъ познакомить съ нами поближе. Мы не боимся обнаруживать наши личности. Предъ вами, во-первыхъ, адвокатъ Борисъ Михайловичъ Изиксонъ; это—я самъ!—Онъ своимъ короткимъ, толстымъ указательнымъ пальцемъ правой руки ткнулъ себя въ грудь.—А это,—онъ тѣмъ же указательнымъ пальцемъ указалъ на тощаго брюнета,—Самуиль Исааковичъ Гителесъ, технологъ-инженеръ...

— Да, я Самуиль Исааковичъ Гителесъ,—тоненькимъ голосомъ прощалъ брюнетъ.

— И мы оба, я и онъ, явились къ вамъ, какъ представители бунда...

Изиксонъ смѣрилъ меня съ ногъ до головы паглымъ взглядомъ. Онъ, очевидно, хотѣлъ удостовѣриться, въ какой степени проникся я уваженіемъ къ такимъ важнымъ особамъ, какъ онъ и его товарищъ. Но такъ какъ я сохранилъ полнѣйшее хладнокровіе и не смутился предъ ними, то это его разсердило, и онъ съ вызывающей улыбкой прибавилъ:

— Вамъ, вѣроятно, думается, что такой молодой и тощій господинъ, какъ товарищъ Гителесъ, человѣкъ совсѣмъ незначительный! Если посмотрѣть на него, то по его наружности можно такъ подумать... Ну, онъ такой худой, такой болѣзненный, такой молчаливый... Но не судите по наружности! Знаете ли вы, что предъ вами человѣкъ съ европейскимъ именемъ, что предъ вами знаменитый изобрѣтатель...

— Ну, къ чему это?... Зачѣмъ вы обо мнѣ такъ говорите...—искливо прервалъ Гителесъ.

— Не мѣшайте, товарищъ,—съ явнымъ раздраженіемъ въ голосѣ, въ свою очередь, перебилъ Изиксонъ.—Развѣ вы не видите, съ какимъ пренебреженіемъ онъ на насъ смотритъ?—Указательный палецъ Изиксона направился на меня.—Онъ себя думаетъ, что мы какіе-нибудь маленькіе людишки. Такъ я же ему скажу кто мы такіе! Я долженъ вамъ сказать.—Въ голосѣ его послышался гнѣвъ.—Я долженъ вамъ сказать и прошу васъ принять въ соображеніе, что

предъ вами люди силы и власти! Стоить мнѣ только сказать одно слово, и завтра,—что завтра, еще сегодня,—отъ васъ ничего не останется... Я власть! А онъ, Гителесъ,—сила! Этотъ тощенькій, молчаливенькій господничекъ—сила. И какая сила великая! Знаете ли, что онъ изъ себя представляетъ. Можете ли догадаться, что находится у него въ его карманѣ? Въ его карманахъ всегда найдется пара-другая штукекъ, хорошенькихъ, первосортныхъ штукекъ! Видѣли ли вы когда-нибудь бомбочки? Самуиль Исааковичъ покажите ему ваши штукки...

Гителесъ молча досталъ изъ кармана обернутый въ бумагѣ, величиной въ гусиное яйцо, металлическій шарикъ и поднесъ къ самому моему лицу. Я невольно отъ него отвернулся.

— А, не понравилось?! Ха-ха-ха!—громко засмѣялся Изиксонъ.—Ну,—продолжалъ онъ съ важностью,—уберите себѣ, Гителесъ, въ карманъ ваши штукки. Поговоримъ теперь о дѣлѣ. Намъ теперь будутъ слушать со вниманіемъ и что мы прикажемъ, будутъ исполнять... Да, будутъ исполнять!

Онъ усѣлся у письменнаго стола и жестомъ указалъ мнѣ мѣсто рядомъ съ собой. Гителесъ отошелъ подальше отъ насъ, вытянулъ свою маленькую головку на тонкой шеѣ и застылъ въ неподвижности, уподобляясь своей тощей фугуркой восклицательному знаку.

— Теперь,—опять забасилъ Изиксонъ, дружески мнѣ улыбаясь,—мы можемъ съ вами побесѣдовать по-пріятельски. Мы знаемъ, кто вы, и вы знаете, кто мы. А когда люди другъ друга знаютъ, имъ легко сговориться. Вѣдь это такъ! Вы со мною согласны?—И, не дожидаясь моего отвѣта, онъ, опять-таки улыбаясь, продолжалъ:—Васъ удивляетъ, откуда мы васъ знаемъ? О, не удивляйтесь: когда вы въ Петербургѣ взяли въ кассѣ билетъ, чтобъ ѣхать сюда, за вами слѣдили и о вашемъ приѣздѣ насъ моментально увѣдомили по телеграфу, чтобъ не упустили васъ изъ вида... Надо же намъ знать, что вы хотите затѣвать въ нашемъ городѣ. Вы же нашъ врагъ и ваши дѣйствія должны быть подъ нашимъ контролемъ... Если вы здѣсь активной дѣятельности не проявите, мы васъ не тронемъ и зла вамъ не причинимъ. Это во-первыхъ; во-вторыхъ, у насъ теперь такъ положено, что въ доставкѣ средствъ на революцію должны принимать участіе всѣ: и друзья наши, и наши враги... Первые приносятъ свои жертвы добровольно, съ великой охотой, а послѣднихъ мы заставляемъ жертвовать. Со сговорчивыми людьми мы улаживаемъ все по-пріятельски, а кто вздумаетъ заартачиться, того мы укрощаемъ. Средства для этого у насъ имѣются... Самуиль Исааковичъ показалъ вамъ, какія у насъ средства!... А вы знаете,—закончилъ онъ, веселымъ голосомъ:—вѣдь эти штукки самъ Самуиль Исааковичъ конструируетъ! Эти бомбочки его собственнаго изобрѣтенія!.. О, онъ выдающійся инженеръ...

— Борисъ Михайловичъ, ну, зачѣмъ вы обо мнѣ говорите? Это лишнее, совсѣмъ лишнее,—пропищаль пзъ своего угла Пителись.

— Ну, ну, не буду,—успокоилъ его Изиксонъ.—Скромность это признакъ истиннаго величія, а Самуилъ Исааковичъ очень скромень,—обратился онъ опять ко мнѣ.—Но оставимъ это и возвратимся къ нашему дѣлу. Еще до вашего пріѣзда мы тутъ собрались и сдѣлали постановленіе касательно васъ...

— Какое же постановленіе?—спросилъ я, такъ какъ Изиксонъ хитро улыбнулся и замолчалъ.

— О, не пугайтесь: личность ваша въ безопасности,—мы вамъ никакого зла не сдѣлаемъ...

— Я не пугаюсь.

— И прекрасно. Повторяю вамъ, мы вамъ никакого зла не сдѣлаемъ, если вы ничего здѣсь не затѣете. Но мы рѣшили, что вы должны внести въ нашу кассу двѣсти рублей. Мы прекрасно осведомлены о вашихъ средствахъ и знаемъ, что эту сумму вы вносить можете. Не угодно ли вамъ сдѣлать этотъ взносъ? Потрудитесь...

— А если я откажусь?...

— Почему вы откажетесь? Вы человѣкъ умный и не можете отказаться...

— А если такихъ денегъ у меня при себѣ не имѣется? Я пріѣхалъ сюда на нѣсколько дней, и весь мой капиталъ не достигаетъ и ста рублей... Если бъ и желалъ исполнить ваше требованіе...

— Вы не беспокойтесь,—перебилъ меня Изиксонъ:—наличныхъ денегъ не требуетъ. Вы намъ дайте чекъ на банкирскую контору...—И онъ назвалъ банкирскую контору въ Петербургѣ, въ которой у меня былъ маленькій текущій счетъ.—Напишите чекъ, и нашъ агентъ получитъ послѣзавтра деньги, и мы будемъ въ расчетѣ...

Вступать въ дальнѣйшія препирательства съ буддистами у меня не было никакой охоты; да это было бы и бесполезно: сила была на ихъ сторонѣ, и они были хозяевами положенія. И, чтобы отдѣлаться отъ нихъ поскорѣе и освободиться отъ непріятнаго ихъ присутствія, я успѣшилъ изготовить чекъ и вручить его Изиксону.

— Я же говорилъ, что вы человѣкъ умный,—нагло улыбаясь, проговорилъ адвокатъ, разсматривая чекъ.—Ну, конечно, вы умный человѣкъ... Ну, и мы съ вами расстаемся пока дружески... И отчего намъ не быть пріятелями, ха-ха-ха...—И, подумавъ немного, онъ добавилъ:—Чтобы доказать вамъ наше расположеніе, мы готовы оказать вамъ довольно существенную услугу... Если вамъ нужно сношаться съ Петербургомъ или съ другими городами, то мы ваши письма перешлемъ безъ всякой задержки... Въ нашей аккуратности вамъ сомнѣваться нечего...

И, прочитавъ на лицѣ моемъ недоумѣніе, Изиксопъ расхохотался.

— Вы что на меня такъ уставились?—спросилъ онъ съ улыбкой.

— Зачѣмъ мнѣ ваши услуги, когда для этого существуетъ почта.

— Такъ вы вотъ что!... Почта существуетъ!... Такъ я вамъ скажу, что съ завтрашняго дня почта забастуетъ, забастуетъ и желѣзная дорога... Мы такъ рѣшили... Рѣшили показать правительству нашу силу... Вся дѣятельность государственной машины должна остановиться... Весь правительственный аппаратъ долженъ быть распатанъ въ конецъ, всякая жизнь въ государствѣ должна замереть... Мы доведемъ страну до хаоса и анархіи!... И когда мы всѣхъ приведемъ въ трепеть и въ ужасъ, и всѣ растеряются, и правительство, и общество, и наступитъ великая суматоха, тогда мы заберемъ всю власть въ свои руки и заведемъ свои порядки!... Ну, да что тутъ толковать о будущемъ!... А пока, повторяю вамъ, съ завтрашняго дня дѣятельность почты и желѣзной дороги прекратится, и не будетъ никакихъ сношеній между городами въ Россіи ни для общества, ни для правительства... Мы, революціонеры, захватимъ дороги въ свои руки и будемъ пользоваться ими только для нашихъ собственныхъ потребностей... Но, разумѣется, если мы прекратимъ дѣятельность правительственной почты, то изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны прекратить и дѣятельность нашей собственной, еврейской почты, тѣмъ болѣе, когда мы отняли ее у этого стараго дурака Файнермана и забрали ее въ свои руки... Я увѣренъ, что за время забастовки мы будемъ дѣлать грандіозные обороты... Можно было бы даже таксу поднять, но тогда наши евреи взбунтуются, а въ ущербъ нашихъ братьевъ мы дѣйствовать не желаемъ... Да и не можемъ свою собственную кровь угнетать... И мы такъ устраиваемъ, чтобы на нашихъ братьяхъ эти забастовки меньше всего отозвались и чтобы они могли даже пользу извлечь изъ нихъ... Согласитесь сами, если для всѣхъ это будетъ сюрпризомъ, то евреи вѣдь заблаговременно освѣдомлены обо всемъ, что должно случиться. И наши братья не такъ глухи, чтобы не приготовиться и не извлечь выгоды...—Изиксопъ проговорилъ все это съ сознаниемъ собственнаго достоинства, какъ челоуѣкъ, отъ котораго исходить всякія распоряженія и который раньше, чѣмъ распоряжаться, все предвидитъ и все до тонкости обдумываетъ.—Такъ вотъ,—заключилъ онъ, горделиво меня оглядывая,—я окажу вамъ эту услугу и прикажу вашу корреспонденцію отправлять съ еврейской почтой... Вы Дименту передадите ваши письма... Онъ нашъ почтмейстеръ... Такъ вы ужъ не беспокойтесь, я распоряджусь...

Онъ опять окинулъ меня гордымъ взглядомъ, поднялся съ кресла, крѣпко пожалъ мнѣ руку и, улыбаясь, произнесъ:

— Ну, до свиданія, пріятель... Вѣдь мы пока пріятели, не правда ли? Ха-ха-ха...

Онъ ушелъ, наконецъ, а съ нимъ вмѣстѣ оставилъ меня и его молчаливый товарищъ, гениальный изобрѣтатель Гителесъ.

Я свободно вздохнулъ.

VI.

Прошло три дня. За это время предсказанія Изиксона сбылись въ точности. Въ городѣ воцарился настоящій хаосъ. Забастовала желѣзная дорога, забастовала почта, фабрики прекратили работу, магазины закрылись, лавки и лавчонки съ съѣстными припасами торговали только по нѣсколько часовъ въ день и брали за свои продукты втридорога, ибо въ нихъ чувствовался недостатокъ, такъ какъ подвозъ ихъ прекратился. Такъ это было по всему городу, исключая еврейскаго квартала въ старомъ городѣ. Тамъ, напротивъ, торговля шла во всю и было очевидно, что обитатели этого квартала запаслись продуктами въ достаточномъ количествѣ какъ для себя, такъ и для продажи. Этотъ еврейскій кварталъ въ старомъ городѣ превратился въ забастовочное время въ поильца и кормильца всего города съ его трехсоттысячнымъ населеніемъ. И хотя всякіе запасы въ этомъ кварталѣ были нестоимы, тѣмъ не менѣе цѣны на продукты росли не по днямъ, а по часамъ. И надо было видѣть, какъ радостны были лица торговцевъ-евреевъ, какъ бодро они стояли за своими прилавками, какъ весело они драли за все двойныя и тройныя цѣны, какъ нагло и дерзко они обращались съ покупателями-христіанами, какъ надъ многими изъ нихъ они издѣвались при отпускѣ своихъ товаровъ, а многимъ совсѣмъ отказывались отпускать...

Мнѣ врѣзалась въ памяти возмутительная сцена крайне нагло издѣвательства еврея-лавочника надъ одной русской женщиной, женой военнаго, свидѣтелемъ которой я былъ. Я зашелъ въ магазинъ купить табакъ, онъ былъ переполненъ народомъ, приказчики выбивались изъ силъ, у нихъ не хватало рукъ удовлетворить покупателей, между которыми были люди всякаго званія и состоянія, и мужчины и женщины. Тѣснота и давка были нестерпимыя. Крики, вопли и брань на русскомъ и польскомъ языкахъ и на гортанномъ жидовскомъ жаргонѣ раздавались одновременно со всѣхъ сторонъ, смѣшиваясь воедино, наполняли магазинъ адскимъ гуломъ, въ которомъ ничего разобрать нельзя было. Хозяинъ магазина, еврей лѣтъ сорока пяти—пятидесяти, съ большой, окладистой рыжей бородой, съ широкимъ толстымъ носомъ и сѣрыми глазами, въ бархатной ермолкѣ на головѣ, стоялъ за выручкой и чувствовалъ себя прекрасно въ этомъ адѣ. Степенно, важно и не торопясь, онъ получалъ деньги съ покупателей, давалъ сдачи и въ то же время

глаза его слѣдили за отпускомъ товаровъ, и отъ его зоркаго взгляда ничто не укрывалось. Такъ и читалось на лицѣ его, что въ этомъ адѣ онъ въ своей стихіи и царить въ ней. И вотъ среди шума и гама послышался какой-то ликующій возгласъ самого хозяина, и онъ, торопливо оставивъ свою выручку, бросился поспѣшно навстрѣчу вошедшей въ магазинъ молодой жепциниѣ, безцеремонно расталкивая публику, чтобы очистить ей дорогу.

— Какая честь, какая великая честь!—заговорилъ онъ, низко кланаясь вошедшей и прикладывая ладонь лѣвой руки къ своей широкой груди.—И могъ ли я ожидать такой чести?... Госпожа полковница удостоила посѣщеніемъ мой магазинъ... Ай-ай-ай, вы не побрезговали жидовскимъ магазиномъ... Какая честь, какая честь!... Ну, чѣмъ я, ничтожный жидъ, могу служить такой большой бѣрыниѣ?... Располагайте мной, вашъ слуга!... Вашъ покорнѣйшій слуга!... Польщенъ вашимъ посѣщеніемъ!... Польщенъ, госпожа полковница!...

Вошедшая, очевидно, растерялась пріемомъ, который оказалъ ей еврей, и, главное, тѣмъ, что этимъ своимъ пріемомъ онъ превратилъ ея особу въ центръ, на которомъ сосредоточились взоры всѣхъ наполнявшихъ магазинъ покупателей и приказчиковъ. Весь адъ утихъ, и вся торговля прекратилась, какъ бы по волшебству, и въ магазинѣ водворилась тишина.

— Миѣ бы нужно... Вотъ у меня написано...—проговорила дама, опустивъ голову и подавая еврею листочекъ бумаги.—Будьте любезны, прикажите миѣ поскорѣе отпустить...

Еврей сдѣлалъ серьезное лицо и сталъ читать про себя поданную ему дамой бумажку, громко чмокая своимъ толстыми губами и покачивая головой. Когда его чтеніе кончилось, онъ поднялъ глаза на даму и, заглядывая ей прямо въ лицо, усмѣхнулся.

— Однакожь, госпожа полковница, списочекъ-то вашъ, го-го-го!.. Нынѣшнія-то цѣны велики: очень, очень кусаются!... Не сократите ли немножечко списочекъ? А то запасы сдѣлать по такимъ цѣнамъ...

— Прикажете отпустить миѣ, какъ написано, если у васъ найдется...

— О, у меня найдется... Какъ же, какъ же... Но цѣны, цѣны...

— Все равно.

— Все равно?... Ну, конечно, все равно... Ваши деньги... Вамъ платить, а миѣ получать...—Еврей улыбнулся.—Такъ прикажете все отпустить вамъ, господа полковница, какъ обозначено, хе-хе-хе... Ну, такъ я вамъ скажу, госпожа полковница!...—Лицо еврея преобразилось: онъ поблѣднѣлъ весь, ротъ его искривился, и глаза его засверкали гнѣвомъ.—Вотъ что!—крикнулъ онъ со злобой.—Давитесь, госпожа полковница, вашими деньгами, а товаровъ у меня для васъ нѣтъ!.. Для васъ не будетъ товаровъ и въ другихъ

еврейских лавках... Мы вам покажемъ, покажемъ!... Вошь изъ моей лавки!... Вошь!... Га-га-га!... Вошь проклятая юдофобка!... Поголодайте...

— Го-го-го!...—словно раздраженная стая гусей, злобно заготала кругомъ еврейская публика и стала наступать на даму съ угрожающими жестами и ругательствами.

— Погромщица!.. —Черносотенка!.. —Проклятая!.. —послышались голоса.

Сцена вышла отвратительная. На беззащитную женщину ринулась толпа, дышавшая злобой и ненавистью. Къ счастью, среди христіанской публики въ магазинѣ нашлось нѣсколько человекъ, которые отважились пойти ей на помощь: они довольно энергично раздвинули толпу и очистили для дамы дорогу къ выходу изъ магазина.

Какъ предсказывалъ Изиксонъ, работала въ тѣ дни и еврейская почта, какъ никогда. Въ тѣ дни она вѣдь одна работала, а конкурентка ея, правительственная почта, не существовала. Еврейская почта перевозилась революціонерами, ибо стоявшіе тогда во главѣ революціи захватили ее въ свои руки и пользовались ею и какъ доходной статей, и для своихъ личныхъ нуждъ и потребностей.

Совершенно правъ былъ Файнерманъ, когда выразилъ недоумѣніе, зачѣмъ я пріѣхалъ въ родной городъ, и убѣжденно доказывалъ мнѣ, что никакого дѣла нельзя сдѣлать при наступившей суматохѣ. Дѣйствительно, въ тотъ же день я убѣдился, что даромъ потратилъ и свое время и расходы на проѣздъ; но что еще больше меня огорчило и привело въ уныніе, это то, что уѣхать изъ родного города я тоже былъ лишень возможности: желѣзныя дороги забастовали.

И вотъ потянулись для меня дни, полные безпокойства и тревоги. Городъ очутился во власти революціонной толпы. Смятеніе, страхъ и ужасъ охватили мирныхъ жителей. На улицахъ, площадяхъ и въ общественныхъ зданіяхъ творилось Богъ знаетъ что! Вооруженная молодежь, главнымъ образомъ еврейская, терроризовала городъ. Повсюду то и дѣло раздавались выстрѣлы; стрѣляли по большей части холостыми зарядами, для озорства, но раздавались и настоящіе выстрѣлы, и бывали и раненые и убитые. По улицамъ то и дѣло проходили революціонныя шествія съ красными и черными знаменами, а на площадяхъ и въ общественныхъ зданіяхъ происходили собранія и слѣдовали митингъ за митингомъ. Описывать въ подробности происходившія безобразія незначѣмъ: то же самое или почти то же самое творилось тогда почти на всемъ пространствѣ Россійской имперіи. И если я отчасти коснулся событій тѣхъ дней, то дѣлалъ это потому, что въ эти именно тревожные дни впервые столкнулся съ предпріимчивостью въ области аферъ, съ фактомъ существованія въ Сѣверо-Западномъ краѣ рядомъ съ правительственной почтой еще и частной почты, которую устроили для своихъ

нуждѣ сыны угнетеннаго племени. Но что еще поразило меня— это то, что въ дѣлѣ устройства своей почты евреи обнаружили большіе два таланта: организаторскій и административный. Почта ихъ дѣйствуетъ съ большей аккуратностью, чѣмъ правительственная, и предоставляетъ своимъ кліентамъ гораздо больше удобствъ, чѣмъ послѣдняя, какъ въ скорости пересылки корреспонденціи, такъ и въ удешевленіи стоимости пересылки ея. Эти качества еврейской почты сдѣлали то, что правительственной не только трудно, но и невозможно съ нею конкурировать.

И вотъ, знакомя читателя съ еврейской почтой, я считалъ нужнымъ подробно разсказать, при какихъ обстоятельствахъ самъ познакомился съ этимъ крупнѣйшимъ еврейскимъ мошенничествомъ, и дать по возможности точную характеристику по существу своему совершенно ничтожныхъ лицъ, которыя, благодаря исключительно специфически имъ, какъ евреямъ, свойственной изобрѣтательности, создали такую обширную мошенническую организацію и такъ мастерски ее оборудовали.

VII.

Выходить безъ нужды на улицу въ тѣ дни было мнѣ противно, и я невольно просиживалъ по цѣлымъ днямъ въ своемъ номерѣ въ гостиницѣ. Одновременно одолѣвали меня скука и тревога. Не съ кѣмъ было даже поговорить. Беръ Файнерманъ и тотъ ко мнѣ заглядывалъ изрѣдка и то на минуту. Онъ имѣлъ чрезвычайно испуганный видъ и потерялъ всякую охоту къ разговорамъ. Бывало, заглянетъ ко мнѣ и, точно пуганная птица, тотчасъ же упорхнетъ. Никакія мои упрасиванія остаться и поговорить на него не дѣйствовали.

— Какіе теперь разговоры?... Пхе, какіе разговоры? И о чемъ я могу говорить?

— Разскажите новости.

— Новости?... Что мнѣ до новостей, когда каждую минуту убить могутъ!...

— Ну, ужъ и убить?

— Пхе, почему не убить?... Раньше отняли себѣ мою почту, а теперь забрали себѣ мою гостиницу!... Да! Забрали... Всѣ номера заняли... Пьютъ, ѣдятъ и ничего не платятъ... Я ужъ больше не хозяинъ... Теперь Диментъ хозяинъ... Онъ и почтмейстеръ, онъ и хозяинъ гостиницы!...

Это былъ самый длинный разговоръ, который я имѣлъ съ нимъ въ теченіе цѣлой недѣли, а то его визиты ко мнѣ ограничивались только тѣмъ, что онъ заглянетъ ко мнѣ, поздоровается и скажетъ печальнымъ голосомъ:

— А я сегодня ночью чуть не умерь... Пхе, чуть-чуть не умерь...

Или:

— Видите, я еще живь!... Пхе, совсѣмъ еще живь!... И вы еще живы?.. Пхе, слава Богу, мы еще живы!...

Скажеть подобную фразу и убѣжить. Мнѣ даже казалось, что онъ отъ постоянного страха лишился разсудка.

Я вообще страдалъ въ то время бессонницей, но однажды ночью мнѣ удалось заснуть относительно довольно рано. Заснулъ я на этотъ разъ крѣпко, но ненадолго. Необычайный шумъ разбудилъ меня. Изъ коридоровъ всѣхъ этажей гостиницы доходили до меня крики, топотъ множества ногъ, слышалось даже сухія потрескиванія выстрѣловъ... Я вскочилъ съ постели и сталъ прислушиваться; одѣться и выйти, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло, я не рѣшился. Выстрѣлы прекратились скоро, но шумъ и крики продолжались долго, почти до утра. Наконецъ все успокоилось, и наступила тишина. Но и при наступившей тишинѣ я не рѣшился выйти изъ номера, чтобы узнать, что произошло, хотя любопытство одолевало меня. Я чувствовалъ себя крайне усталымъ отъ тревоги и напряженія и опять легъ на постель, стараясь заснуть... Долго ворочался я съ боку на бокъ, мысли мои усиленно работали противъ моей воли, а желанный сонъ бѣжалъ отъ меня. Я измучился до безконечности. Наконецъ въ головѣ воцарился какой-то хаосъ, и я сталъ дремать; именно сталъ дремать, но не заснулъ еще, когда въ дверь моего номера застучали...

Я въ испугѣ вскочилъ съ постели и бросился къ двери.

— Откройте! Откройте!— услышалъ я за дверью голосъ Файнермана.—Откройте, не бойтесь!

— Погодите минутку, я одѣнусь.

— Пхе, что тутъ за церемонія! Откройте!— Голосъ Файнермана былъ какой-то восторженный, ликующей. — Пхе, откройте поскорѣй!—И когда я открылъ дверь, толстякъ предсталъ предо мной веселый, бодрый, съ сіяющимъ лицомъ.—Вы знаете, что тутъ было? Пхе, вы знаете?—возбужденно и быстро заговорилъ онъ, легко справляясь съ своей одышкой.—Ай-ай-ай, что тутъ было! И били и стрѣляли! Пхе, и много били, и много стрѣляли! Потомъ всѣхъ забрали и очистили мою гостиницу! И Димента забрали! Онъ себѣ теперь въ тюрьмѣ уже сидитъ... А, можетъ быть, и не сидитъ, а лежитъ себѣ... Пхе, вѣрно, лежитъ, потому что онъ сидѣть не можетъ... Въ него стрѣляли и ранили его... Его и нагайками избивали... Я видѣлъ, какъ его избивали... А знаете, за что въ него стрѣляли? Онъ себѣ не захотѣлъ сдаваться и самъ первый стрѣлялъ въ жандарма... Скажите, какой паршивецъ! Что онъ себѣ только думалъ? Пхе, что онъ себѣ думалъ?

Файнерманъ говорилъ долго, безъ остановки; очевидно, онъ вознаграждалъ себя за вынужденное молчаніе въ послѣдніе горестные

для него дни. Я не перебивалъ его, и изъ его беспорядочной рѣчи узналъ, что наканунѣ въ городъ прибыли казаки, что губернаторъ вызвалъ кагалъниковъ и заявилъ имъ требованіе помочь ему усмирить бундистовъ, и заявилъ, что самъ приметъ строгія мѣры и уничтожить революціонеровъ, а если они ему въ этомъ не помогутъ, то онъ съ ними поступитъ строго. Впрочемъ, достовѣрно Файнерманъ не знаетъ, что сказалъ губернаторъ кагалъникамъ. Но онъ видѣлъ, что кагалъники перетрусили и стали переговариваться съ бундистами, чтобы потише было, а бундисты не хотѣли слушать кагалъниковъ и стрѣляли въ казаковъ.

— И такъ они стрѣляли,—продолжалъ онъ рассказывать:—что многихъ убили! Не въ дракѣ убили, а такъ, безъ всякой драки... Казаки себѣ разбѣжались по улицамъ, чтобы порядокъ сдѣлать... Толпа издали увидитъ ихъ и разбѣжится... Сами знаете, у казаковъ нагайки, кому охота съ ними въ драку вступить?... Пхе, они очень больно умѣютъ драться нагайками... Ну, всё и разбѣгутся!... Попрячутся, гдѣ можно, по квартирамъ, по чердакамъ, а тамъ себѣ спокойно стрѣляютъ изъ оконъ и съ крышъ въ казаковъ!... Ну, казаки разсердились и тоже стали стрѣлять... Также забирались въ дома и тамъ стрѣляли, и на улицѣ стрѣляли... Пхе, сколько вчера стрѣляли!... Стрѣляли и бундисты, стрѣляли и казаки!... Пхе, всё стрѣляли!... Я же человѣкъ умный, и думаю себѣ—это хорошо!... Если казаки стрѣляютъ, то это, значить, начальство хочетъ сдѣлать порядокъ и, какъ слѣдуетъ, все опять въ свои руки забрать. Ну, и я очень обрадовался... Я себѣ обрадовался и думаю: а почему мнѣ не помогать начальству? И я себѣ тихо, чтобы никто не зналъ, отправился къ господину губернатору и сказалъ ему, что хочу ему помогать сдѣлать порядокъ. Г. губернаторъ обрадовался и просилъ меня говорить ему мой совѣтъ. Я ему сказалъ, что главные вожаки-бундисты насильно отняли у меня мою гостиницу, что они заняли себѣ всё помера и живутъ себѣ, какъ хозяева... И еще я ему сказалъ, что они въ № 40 устроили себѣ канцелярію, и что у нихъ много оружія... Г. губернаторъ сказалъ: «хорошо», и приказалъ мнѣ, чтобъ я пошелъ домой и молчалъ... Пхе, я такъ и сдѣлалъ: пришелъ домой и молчалъ... Я себѣ молчалъ и ждалъ, что изъ этого выйдетъ... Ну, что вышло, вы уже знаете... Въ мою гостиницу пришли жандармы и забрали всѣхъ бундистовъ... Пхе, всѣхъ до единого забрали... Ну, они стрѣляли... Ну, и въ нихъ стрѣляли... Суматоха была большая!... Пхе, большая суматоха!... А теперь, слава Богу, все кончилось и я опять сдѣлался хозяиномъ въ моей собственной гостиницѣ... И вы знаете что? Меня г. губернаторъ очень полюбилъ... Онъ приказалъ, чтобъ меня охраняли, и меня охраняютъ казаки и околоточный... Ну, теперь я совсѣмъ спокоенъ... И вы еще знаете что?—заклучилъ онъ свой безсвязный рассказъ:—я даже думаю, что получу обратно мою почту... Пхе, я долженъ непременно получить ее обратно и могу этому радоваться... И я очень радуюсь!...

VIII.

Прошло еще нѣсколько дней. Въ городѣ стало тихо, и жизнь потекла, по крайней мѣрѣ наружно, обычнымъ порядкомъ. Только частые разъѣзды казаковъ по улицамъ свидѣтельствовали, что не все еще кончено; да объ этомъ еще свидѣтельствовала денежная охрана казенныхъ учреждений, какъ-то: казначейства, банковъ, почтамта и нѣкоторыхъ домовъ частныхъ лицъ, въ которыхъ проживали начальствующія лица. Охранялась, между прочимъ, и гостиница «Данцигъ». Бера Файнермана и льстила, и тревожила охрана его гостиницы.

— Г. губернаторъ меня очень полюбилъ,—хвастливо заявлялъ онъ мнѣ нѣсколько разъ по этому поводу, но тутъ же тревожно прибавлялъ:—а какъ вы понимаете, почему онъ думаетъ, что мою гостиницу нужно охранять?

Первые дни послѣ наступленія въ городѣ затишья я весьма часто сталкивался съ Файнерманомъ: то онъ ко мнѣ прибѣжитъ, то я къ нему зайду. Но все это время онъ находился въ возбужденномъ состояніи, будучи всецѣло погруженъ въ подсчитываніе убытковъ, которые причинили ему бундисты, когда овладѣли его гостиницей, и въ хлопоты по водворенію порядка. Забѣгалъ онъ ко мнѣ на минуточку, на двѣ, чтобы сообщить о своихъ потеряхъ и своемъ разореніи, или же о томъ, что, слава Богу, дорогія вина уцѣлѣли, а запаса консервовъ, хотя много расхищено, но осталось тоже много. Но дѣлился онъ со мною своими горестями и радостями спѣша и наскоро, а въ продолжительныя бесѣды со мной не вступалъ, отговариваясь недостаткомъ времени.

Когда Файнерманъ привелъ въ порядокъ свои дѣла, онъ успокоился, и страсть его къ болтовнѣ снова стала проявляться. Это было мнѣ на руку. Очень ужъ хотѣлось мнѣ узнать въ подробностяхъ исторію возникновенія еврейской почты, а главное, насколько она является серьезнымъ конкурентомъ казенной почтѣ.

Файнерманъ, разумѣется, съ удовольствіемъ согласился докончить свой рассказъ объ интересующемъ меня предметѣ, который былъ такъ неожиданно прерванъ бундистами въ первый день моего приѣзда.

Но на этотъ разъ постараюсь по возможности щадить терпѣніе читателя и передамъ окончаніе рассказа Файнермана въ нѣкоторыхъ его частяхъ въ сокращенномъ изложеніи.

— И что тутъ такого?—приступилъ Файнерманъ къ окончанію своего рассказа.—И что тутъ такого? И что тутъ удивительнаго, что такая умная еврейка, какъ моя мамеле, догадалась, что лучше устроить себѣ собственную почту и быть почтмейстеромъ?... Пхе, тутъ удивительнаго ничего нѣтъ... Ну, зачѣмъ, ей быть почтальо-

номъ, когда она можетъ себѣ быть почтмейстеромъ!.. Она помаленьку и начала себѣ это дѣло. Она себѣ обошла всѣхъ евреевъ города и просила ихъ, чтобы они ей передали для отправки свои письма въ близкіе города, куда ходятъ желѣзныя дороги, и что это будетъ имъ выгодно и гораздо удобнѣе, чѣмъ по почтѣ пересылать... Моя мамеле имъ сказала, что на почтѣ надо платить за марку 10 копеекъ, и тамъ, если чуточку больше лота, надо платить еще 10 копеекъ, и это совсѣмъ невыгодно... Пхе, евреи поняли, что это совсѣмъ невыгодно, когда мамеле сказала имъ, что она будетъ взимать за пересылку письма только 5 копеекъ, а всѣ письма ей все равно какой будетъ... Евреи обрадовались, что можно на половину дешевле платить за письма, и согласились, чтобы мамеле сдѣлалась почтмейстеромъ... Вотъ вамъ и вся исторія, какъ моя мамеле сдѣлалась почтмейстеромъ... Пхе, тутъ ничего удивительнаго нѣтъ...

Изъ дальнѣйшаго разсказа Файнермана я узналъ, что его умная мамеле, заручившись согласіемъ евреевъ передать ей свою корреспонденцію, немедленно собралась въ путь, объѣхала ближайшіе города и повсюду набрала агентовъ, съ которыми уговорилась, что она пришлетъ на ихъ имя еврейскую корреспонденцію и чтобы они разносили адресатамъ, а агенты пусть пришлютъ ей корреспонденцію изъ ихъ городовъ, и она окажетъ имъ такую же услугу. Тутъ же она выработала съ агентами однородный тарифъ для всѣхъ городовъ за пересылку и разноску писемъ: 5 копеекъ за пересылку и 3 копейки за разноску. Такимъ образомъ мамеле осчастливила многихъ евреевъ, дала имъ выгодное дѣло, сдѣлавъ ихъ почтмейстерами. Сѣть городовъ съ еврейскими почтмейстерами была сначала маленькая, а потомъ эта сѣть постепенно увеличилась, пока не охватила весь Сѣверо-Западный край. Мамеле, — вѣроятно, и другіе почтмейстеры въ другихъ городахъ, — начала свою дѣятельность весьма скромно, даже безъ собственныхъ разъѣздныхъ почтальоновъ. Къ каждому отходящему поѣзду она заблаговременно появлялась на вокзалъ со свертками писемъ, выскивала ѣдущихъ въ тотъ или другой городъ евреевъ, и по большей части даромъ, а то за ничтожную плату отправляла съ ними свои пакеты по назначенію. Случайнымъ почтальонамъ никакой возни съ пакетами мамеле не было. Ихъ на мѣстахъ назначенія встрѣчали на вокзалѣ агенты мамеле и получали отъ нихъ почту. Точно также мамеле встрѣчала всякій прибывающій въ нашъ городъ поѣздъ и получала почту отъ своихъ агентовъ. Но такъ дешево можно было устроить пересылку почты только въ началѣ, когда пакеты были легкіе и небольшіе; когда же узнали, что еврейская почта дѣйствуетъ аккуратно и гораздо скорѣе и успѣшнѣе, чѣмъ казенная почта (казенная почта отправлялась и получалась только по одному разу въ сутки, а еврейская съ каждымъ поѣздомъ, и, кромѣ того, разноска писемъ совершалась еврейской почтой быстрѣе, чѣмъ казенной), когда въ этомъ убѣдились,

то все больше и больше стали пользоваться услугами почты мамеле. Дѣло разрослось и окрѣпло. Мамеле съ каждымъ поѣздомъ стала отправлять не тощѣ пакетики, а цѣлые пуды и получать стала съ каждымъ поѣздомъ свою почту тоже пудами. Тогда она уже завела собственныхъ почтальоновъ для перевозки и для разноски своей почты. Мамеле скоро разбогатѣла, но продолжала жить такъ же бѣдно, какъ жила раньше, а работала она и трудилась все больше и больше. Она старалась держать втайнѣ, какую выгоду доставляетъ ей ея почта, чтобы никто не вздумалъ конкурировать съ ней. Но про ея огромные доходы все-таки узнали, когда ея иногородные агенты, даже въ маленькихъ городахъ, стали жить богато, строили себѣ дома, давали большія приданья своимъ дочерямъ и вообще обнаруживали свои средства, не стѣняясь. Ну, тогда мамеле не могла уже скрыть свои доходы и во избѣжаніе конкуренціи она за установленную ежемѣсячную плату кагалу добилась «хзааки» (право собственности) на еврейскую почту. Когда разбогатѣла мамеле и разбогатѣли всѣ ея агенты и стали людьми значительными и достойными довѣрія, то еврейскіе почтмейстеры стали заниматься и переводомъ и пересылкой денегъ для своихъ единовѣрцевъ и тоже дешевле казенной почты. Послѣ смерти мамеле еврейская почта перешла къ ея сыну и такъ какъ вмѣстѣ съ почтой Беръ Файнерманъ получилъ отъ нея въ наслѣдство и огромный капиталъ, то онъ занялся еще и другими дѣлами: выстроилъ доходные дома, открылъ магазины, ренсковый погребъ и обзавелся гостиницей. Почту свою онъ обставилъ на другой ладъ: онъ устроилъ приличную контору, нанялъ служащихъ, заставилъ ихъ трудиться и работать, а самъ только наблюдалъ за порядкомъ. И зажили онъ жизнью богатаго человѣка, не скрывая своихъ доходовъ съ почты, такъ какъ со смертью мамеле къ нему перешло и ея право «хзааки» на почту. Но когда бундисты вошли въ силу, они вопреки его «хзааки» отняли у него почту. И онъ самъ былъ въ этомъ виноватъ. Съ самаго возникновенія бунда онъ съ нимъ не поладилъ. На всѣ требованія бунда, чтобы онъ содѣйствовалъ ему, Беръ Файнерманъ отвѣчалъ отказомъ. И не только не приходилъ къ нему на помощь деньгами, но отказался быть ему полезнымъ своей почтой, а услуги еврейской почты были бунду нужныѣ всего. Но Файнерманъ съ ними никакого дѣла имѣть не хотѣлъ за то, что бундисты обращались къ нему грубо, съ требованіями, а не «деликатно», съ просьбами, а онъ, какъ человѣкъ самолюбивый и надменный, всѣ ихъ требованія отвергалъ и выгонялъ ихъ. Бундъ ему этого не простилъ и жестоко его наказалъ: онъ вымогалъ у него постоянно деньги, отнял у него почту и завладѣлъ его гостиницей. Кагалъ отказался возстановить нарушеніе его «хзааки» на почту, отговариваясь тѣмъ, что надъ бундомъ онъ не имѣетъ власти...

Но закончу я рассказъ его собственными словами.

— Пхе, — продолжалъ онъ, воднуясь. — Пхе, кагалъ меня надулъ: у него была власть на всѣхъ и всегда будетъ.. Если бъ кагалъ захо-

тѣль, онъ всегда могъ мнѣ помочь... Что ему бундъ?... Пхе, кагалъ всегда можетъ уничтожить и бундъ, если захочетъ... Тутъ совсѣмъ другое, другимъ дѣломъ пахнетъ!.. Кагалъ съ бундомъ заодно дѣйствуютъ... Бунду нужна была моя почта, —кагалъ ему позволилъ отнять ее у меня!... Разбойники!..

Файнерманъ поникъ головой, вздохнулъ и задумался.

— Ну, скажите,—перебилъ я его молчаніе:—все-таки не могу понять: какъ могли у васъ отнять почту? Дѣло не маленькое, вѣдь тутъ цѣлая организація, надо много опытности, знанія дѣла...

— Пхе, что вы тутъ не понимаете,—гнѣвно отвѣтилъ Файнерманъ:—зачѣмъ бунду опытность? Какое ему нужно знаніе? Дѣло поставлено хорошо, и оно себѣ идетъ, какъ шло...

— Но для этого же нужны люди. У васъ все было организовано...

— Пхе, ничего вы тутъ не понимаете... Бундъ взялъ у меня все, все отнял: онъ отнял у меня контору, служащихъ, бухгалтерскія книги... Онъ все, все себѣ взялъ, только меня выгналъ... Димента онъ поставилъ хозяиномъ моей почтовой конторы, а меня выгналъ... Пхе, вы можете себѣ это понимать? Они Димента сдѣлали почтмейстеромъ!... Га-а!... Хорошее дѣло!... Диментъ почтмейстеръ!... И вы себѣ думаете, что Диментъ отъ меня совсѣмъ ушелъ, сдѣлавшись почтмейстеромъ?... Пхе, онъ себѣ остался и факторомъ въ моей гостиницѣ... Но какой ужъ это былъ факторъ?! Это былъ разбойникъ, а не факторъ!... Онъ себѣ какъ много позволялъ!... Меня онъ не слушалъ!... Распоряжался въ моей гостиницѣ, какъ хозяинъ!... И знаете, онъ себѣ на меня кричалъ и не позволялъ мнѣ дѣлать ничего!...

— А по другимъ городамъ бундъ тоже захватилъ еврейскую почту?

— Нѣтъ, по другимъ городамъ осталось, какъ было... Тамъ почтмейстеры были догадливѣе меня: они всегда дружили съ бундомъ и работали для него даромъ... Почту только у меня отняли и у Моисея Музыканта въ Д—гѣ... Музыкантъ тоже не хотѣлъ работать для бунда... Но какъ вы себѣ хотите,—закончилъ Файнерманъ:—мнѣ теперь горевать больше не нужно... Пхе, а зачѣмъ мнѣ горевать?... Въ моей гостиницѣ я себѣ опять полный хозяинъ... Бундистовъ забрали въ тюрьму... Диментъ тоже тамъ себѣ сидитъ, и не сидитъ даже, лежитъ себѣ и отдыхаетъ, хе-хе-хе... Въ него хорошо стрѣляли, и онъ сидѣть не можетъ... Меня, вы знаете, господинъ губернаторъ очень полюбилъ, и это всѣмъ извѣстно... Пхе, это всѣмъ извѣстно... Онъ же приказалъ охранять мою гостиницу... И я теперь себѣ спокоенъ и радуюсь... Я теперь потребую, чтобъ кагалъ опять призналъ мое право «хазака» на почту, и я опять буду себѣ почтмейстеромъ... Какъ же можетъ быть иначе? Почта была моя и будетъ моею!... У моей мамелы была «хазака», и я это «хазака» по наслѣдству получилъ, и, по нашимъ обычаямъ и законамъ, кагалъ на вѣчныя времена призналъ мое право!...

Расположеніе духа Файнермана было самое радостное. По цѣлымъ днямъ раздавался его голосъ по гостиницѣ: то онъ властно отдавалъ приказанія прислугѣ, то онъ просто ораторствовалъ въ какомъ-нибудь номерѣ. Не оставлялъ онъ въ покоѣ и меня и часто заставлялъ себя слушать. Всѣмъ онъ страшно надоѣдалъ своей навязчивой болтовней. Но самъ онъ, какъ я сказалъ уже, былъ въ отличномъ расположеніи духа.

Вдругъ онъ однажды является ко мнѣ весь растерянный и блѣдный.

— Что съ вами?—спросилъ я.

— Что со мной?... Пхе, что со мной?... Со мною такъ скверно!... Пхе, такъ скверно!...

Онъ страшно волновался и дышалъ съ большимъ усиленіемъ.

— Мнѣ такъ скверно!... Я такъ боюсь!... Пхе, мнѣ такъ страшно!...

— Да что случилось?

— Вы себѣ думаете, что бундъ сидитъ въ тюрьмѣ?... Пхе, бундъ себѣ опять дѣйствуетъ!.. Начальство забрало въ тюрьму только маленькій кусочекъ бунда... Пхе, только маленькій кусочекъ... Ай-ай-ай, а зачѣмъ начальство не забрало въ тюрьму весь бундъ?... Пхе, какое глупое начальство!... И скажите мнѣ, что мнѣ теперь дѣлать?...—Онъ растерянно развелъ руки.—Ну, я погибъ!...

— Что васъ такъ растревожило?

— Пхе, я же погибъ!... Совѣмъ, окончательно погибъ!... Бундъ хочетъ меня убить... Вы видите себѣ, что бундъ мнѣ какое письмо прислалъ!...—И онъ подаль мнѣ скомканный листочекъ почтовой бумаги.

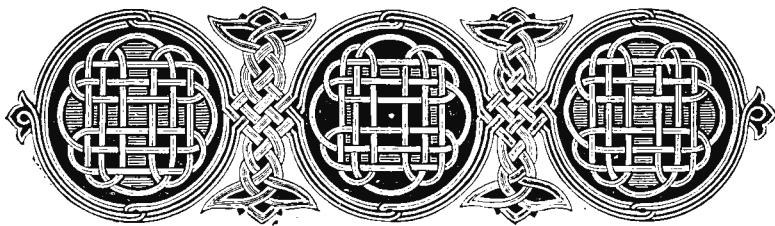
Это было посланіе отъ бунда, въ которомъ было сказано, что Берко Файнерманъ приговоренъ къ смерти за предательство и что приговоръ будетъ исполненъ при первой возможности и, во всякомъ случаѣ, скоро.

— Вы думаете, бундъ меня не убьетъ?...—задыхающимся голосомъ заговорилъ Файнерманъ, когда я возвратилъ ему посланіе бунда.—Пхе, онъ убьетъ меня!... Убьетъ на смерть!... Но я не желаю, чтобы онъ меня убилъ!... Пхе, не желаю!... Меня г. губернаторъ любитъ!... Я къ нему побѣгу!... Буду просить, буду цѣловать ему руки, ноги... Я скажу ему, чтобы онъ всѣхъ бундистовъ забралъ въ тюрьму. Я побѣгу къ губернатору!...

И, не дожидаясь моего отвѣта, какъ сумасшедшій, онъ выбѣжалъ изъ моего номера.

Бѣдный Беръ Файнерманъ. До губернатора ему добраться не удалось. Среди бѣла дня онъ былъ убитъ на порогѣ своей собственной гостиницы двумя выстрѣлами изъ браунинга чрезъ какихъ-нибудь десять минутъ послѣ того, какъ онъ оставилъ мой номеръ.

С. Литвинъ.

ВИКТОРЪ ПЕТРОВИЧЪ БУРЕНИНЪ.

(Критико-біографическій очеркъ).

МНОГІЕ изъ нашихъ выдающихся писателей, какъ въ области изящнаго творчества, такъ и въ области критико-публицистической работы, даютъ для сужденія о нихъ біографамъ такъ мало матеріала, какъ Викторъ Петровичъ Буренинъ, пятидесятилѣтне литературной дѣятельности котораго исполнилось въ ноябрѣ прошелаго года. Во всѣхъ его работахъ личное біографическое «я» совершенно отсутствуетъ, онъ никогда не переноситъ памятью къ минувшему изъ личной жизни, не вспоминаетъ бывшихъ товарищей или недруговъ по литературной борьбѣ и какъ-то совершенно индифферентенъ къ тому, что о немъ говорятъ современники въ его біографіяхъ, или будутъ говорить потомки въ некрологахъ, какъ объ извѣстной индивидуальности въ опредѣленномъ кругу пространства и времени. Нѣтъ въ печати его воспоминаній, не встрѣчаются опубликованныхъ его писемъ, мало попадается упоминаній о немъ современниковъ, которые бы повѣдали читателямъ тѣ или инныя любопытныя страницы его жизни, рассказали о встрѣчахъ, бесѣдахъ съ нимъ, вспомнили бы его всегда остроумныя замѣчанія о событіяхъ отечественной дѣйствительности, его сатирическіе стихотворные экспромты, не попавшіе почему-либо въ печать. Объ этой скудости біографическаго и меморіальнаго матеріала можно серьезно пожалѣть, ибо В. П. Буренинъ личность въ высшей степени достопримѣчательная, а его литературная жизнь на протяжении цѣлаго полустолѣтія представляетъ крупный интересъ для ист-

рика литературы. Русская общественность, какъ она переливалась на протяженіи 70—90 годовъ и обрисовывалась подъ угломъ критическаго зрѣнія умнаго, наблюдательнаго, насмѣшливаго и талантливаго публициста-поэта, нашла себѣ широкое отраженіе въ его произведеніяхъ, и многіе этапы нашей политической, общественной и бытовой жизни отмѣчены въ нихъ выпуклыми чертами. Спрятавъ свою, такъ сказать, біографическую личность, В. П. Буренинъ зато очень рельефно выдвинулся въ своихъ работахъ съ литературнымъ я, сталъ на самыя отвѣтственные критико-публицистическія позиціи и создалъ изъ своей журнальной дѣятельности любопытную цитадель, гдѣ онъ съ удивительнымъ мастерствомъ, съ громадной энергіей въ теченіе многихъ и многихъ годовъ взялъ на себя задачу обороны лучшихъ завѣтовъ нашей литературы отъ всякаго вторженія въ нее сомнительныхъ элементовъ, оборону ея историко-идейной красоты, ея чистоты словесной. Такого рода задача потребовала отъ него естественно и проявленія главныхъ, доминирующихъ способностей его духа—духа литературно-тревожнаго, выражающагося въ потребности вѣчной и непрерывной борьбы, гдѣ борющійся изъ роли обороняющаго переходитъ на роль нападающаго, держащаго врага въ тревожномъ ожиданіи постоянныхъ ударовъ, наносимыхъ сильною, властною рукою, разящею безъ промаха, безъ пощады, по самому больному мѣсту. И какъ обороняющій красоту русской литературы, поскольку она вытекла изъ всей исторической совокупности родной жизни, и какъ нападающій въ интересахъ той же задачи, писатель нигдѣ или, по крайней мѣрѣ, въ очень незначительной степени, не выставляетъ своего личнаго я, не рисуется передъ зрителемъ своею персоною, не кокетничаетъ ею, но руководится постоянно и исключительно идейной стороною борьбы, какъ бы полагая, что его личность есть нѣчто переходящее, неинтересное зрителямъ, долженствующее быть принесеннымъ въ жертву тому стягу, тому идейному знамени, подъ которое онъ сталъ и служенію которому онъ посвятилъ свою жизнь. Отсюда удивительная личная скромность, біографическая или, правильнѣе, автобіографическая скупость и рядомъ кипучесть идейной борьбы, не знающей усталости до послѣдняго времени, борьбы, создавшей ему очень широкую популярность, гдѣ нити ненависти, зависти и клеветы и неправды переплелись съ признаніемъ его крупныхъ заслугъ передъ родиною и ея литературою. Можно по справедливости сказать, что нити первой, отрицательной категоріи до послѣдняго времени преобладали на фонѣ его историко-литературнаго портрета и только нынѣ окраска этихъ нитей подвліяніемъ давности начинаетъ понемногу блѣднѣть, стираться, давая большую рельефность отцвѣту нитей второй категоріи. И нѣтъ сомнѣнія, что съ теченіемъ дальнѣйшаго времени намъ предстоитъ быть свидѣтелями любопытнаго историко-литератур-

наго суда надъ писателемъ: онъ будетъ общепризнанъ, какъ одинъ изъ самыхъ выдающихся критиковъ, къ отзывамъ котораго придется очень часто обращаться, опираться на нихъ, какъ на авторитетныя свидѣтельства, гдѣ знаніе предмета, пониманіе его, оцѣнка и тонкій, чистый вкусъ, въ связи съ истинной любовью къ своей родинѣ, будутъ краеугольными камнями. Временное, случайное, вызванное преходящими обстоятельствами и вѣяніемъ текущаго дня отпадетъ и останется то существенное писательское, что дѣлаетъ его цѣннымъ достояніемъ исторіи русской общественности, русской литературы.

Вѣдь было же время, когда даже такіе колоссы литературы, какъ Тургеневъ и графъ Толстой были заподозрѣны крикливыми представителями буйной толпы въ ихъ авторитетности; что же говорить про писателей, каковыми были К. Леонтьевъ, Аполлонъ Григорьевъ, Н. Страховъ—ихъ ужъ совсѣмъ замалчивали, сводили на нѣтъ и презрительно третировали. И что жъ? На нашихъ глазахъ литературная каноизація и Тургенева и Толстого произведена и съ этой стороны уже нѣтъ дикихъ воплей; что же касается писателей послѣдующей названной категоріи, то ихъ свѣтлый день уже брезжитъ, и поколѣніе нашихъ дней начинаетъ понемногу изъ-за искусственно напущеннаго чада и тумана прозрѣвать и ихъ историческіе лики въ ихъ правильномъ и справедливомъ освѣщеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что то же случится и съ В. П. Буренинымъ, которому академическій литературный судъ вручить заслуженный вѣнокъ славы, до котораго сейчасъ этотъ судъ не смѣетъ страха ради іудейска даже коснуться. Я не хочу этимъ сказать, будто литературная авторитетность нашего критика подвергалась вообще заподозрѣванію,—далеко нѣтъ. Люди спокойные, безпартийные, цѣнящіе предметы и обстоятельства съ точки зрѣнія ихъ цѣнности, а не подъ партійно-приходскимъ угломъ зрѣнія, эти давно уже признали за В. П. Буренинымъ право на первенствующее значеніе въ современной журналистикѣ. Но хотѣлось бы, чтобы такого рода оцѣнка стала общепризнанною, стала бы тѣмъ гласомъ, гдѣ бы не встрѣчалось диссонансовъ, именно тѣмъ судомъ, которому выше присвоено значеніе суда академическаго. В. П. Буренинъ, вѣдь, былъ тѣмъ писателемъ, который почти въ одиночествѣ вынесъ на своихъ плечахъ всю тяготу настоящей критики послѣдней четверти вѣка, не путая ее съ политическими заданіями и не примѣшивая къ ней то постороннее, не стоявшее въ непосредственной связи съ литературнымъ значеніемъ разбираемыхъ произведеній, каковыми особенностями отличались всѣ прочіе критики его времени, которымъ толпа рукоплескала и которыхъ считала своими общественными вождами. Онъ не приносилъ въ жертву ни разбираемаго писателя, ни его творенія въ угоду опредѣленному политическому моменту, и если громилъ ихъ, то дѣлалъ это, имѣя въ виду исключительно интересы литературныя, цѣли чистой литературной критики. Въ этомъ

отношеніи онъ рѣзко разнится какъ отъ критиковъ лѣваго, такъ и праваго лагерей. Поэтому мы сплошь и рядомъ видимъ его протягивающимъ руку писателямъ, числящимся представителями иного съ нимъ литературно-политическаго прихода и, наоборотъ, наносящимъ удары тѣмъ изъ писателей, которыхъ по нѣкоторымъ признакамъ, по общепризнанной репутаціи, скорѣе можно было бы отнести къ дѣятелямъ довольно родственнаго ему лагеря. Онъ выводитъ на литературную дорогу еврейскаго писателя С. Фрута, протягиваетъ на первыхъ порахъ руку сочувствія С. Надеону, Д. Мережковскому, А. П. Чехову; въ неприятный для Н. К. Михайловскаго моментъ отбрасываетъ убійственнымъ памфлетомъ и сатирическимъ куплетомъ отъ своего «врага» литературныхъ набросившихся на него шапокъ, отдаетъ должное П. Д. Боборыкину и рядомъ съ этимъ насмѣшливымъ хлыстикомъ прохаживается по спинамъ гг. В. Авсѣенка, Н. Каразина, Б. Маркевича и др., не щадить даже своего товарища по газетѣ К. Скальковскаго, доведя послѣдняго сатирой почти до бѣшенства и до готовности разорвать съ редакціей этой газеты. Но вотъ обстоятельства мѣняются, т. е. поддержанные или, наоборотъ, высѣченные имъ писатели, въ той или иной изъ своихъ работъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ его текущемъ фельетонѣ, измѣнили свою позицію, взяли фальшивый тонъ или присвоили себѣ неподлежащую ихъ литературному рангу общественную претензію, или, наоборотъ, привлекли къ себѣ вниманіе критика искренними, правдивыми нотами, и вотъ мы читаемъ у него нѣчто иное тому, что онъ по другому случаю о нихъ говорилъ. Получается какъ бы нѣкоторое противорѣчіе, но это противорѣчіе только кажущееся, ибо въ обоихъ противоположныхъ случаяхъ онъ имѣлъ въ виду не писателя во всей сококушности его литературной дѣятельности, а только въ той ея части, о которой у него шла текущая бесѣда.

Рядомъ съ элементомъ положительнаго, утвердительнаго характера критики В. П. Буренинъ носитъ въ себѣ и постоянный элементъ полемики, то есть характеръ отрицающій. Защищая, обороняя извѣстныя положенія, онъ всегда доводитъ *ad absurdum* то, что этимъ положеніямъ противорѣчить, что ихъ затемняетъ, что мѣшаетъ имъ развиваться и проникнуть въ сознаніе массы. Отсюда частая потребность у него *шаржа*, который онъ, не скрывая того, прямо такъ и именуетъ шаржемъ, пародіей, литературной «стрѣлой». И нужно отдать ему справедливость, въ этомъ родѣ литературной работы онъ на протяженіи послѣднихъ тридцати пяти лѣтъ не знаетъ себѣ соперника. Его сатирическіе памфлеты настолько сильны, красочны и бьютъ прямо въ цѣль, что иногда одною небольшою шуткою онъ положительно уничтожаетъ явленіе крупнаго порядка, противъ котораго иные дѣятели печати считали нужнымъ выставить цѣлый арсеналь мудрости и десятокъ двѣнадц-

цатидаймовыхъ литературныхъ пушекъ. Онъ осмѣиваемое не распластываетъ на составныя части, а беретъ изъ него самое существенное, самое уязвимое и въ цѣсколькихъ стихотворныхъ строфахъ или какъ бы случайно оброненной фразѣ выставляетъ его въ столь уродливомъ, смѣхотворномъ видѣ, что оно теряетъ всякую свою цѣнность и сводится на нуль. Какъ увидимъ, напри- мѣръ, далѣе, гдѣ для газетъ и журналовъ потребовалась цѣлая длинная полемика противъ «Берега», основаннаго при правительственной субсидіи Цитовичемъ въ концѣ 70-хъ годовъ, В. П. Буренинъ одной шуточной басней обнаружилъ всю идейную незначительность и цѣнность этого органа печати. И такихъ примѣровъ въ его литературно-публицистической дѣятельности можно было бы указать не одно. Такъ, все несовершенство нашего судопроизводства и нашего судоговоренія онъ съ удивительнымъ чутьемъ публициста изобразилъ въ столь популярномъ «тайнственномъ процессѣ» подъ названіемъ «Мертвая нога», въ основу котораго былъ положенъ такъ шумѣвшій въ восьмидесятыхъ годахъ процессъ Мироновича. Такимъ образомъ, какъ полемистъ и публицистъ, нашъ писатель становится въ уровень съ такими дѣятелями литературы, по манерѣ своего обращенія съ противниками или дискредитированія опредѣленныхъ жизненныхъ общественныхъ явленій, каковыми были въ нашей литературѣ Добролюбовъ, а въ нѣмецкой—Берне.

«Да, если бы Буренинъ не отошелъ отъ нашего лагеря, его по всей справедливости и по чистой совѣсти мы провозгласили бы русскимъ Берне», сказала однажды за ужиномъ у себя на журфиксѣ А. М. Скабичевскій, когда всѣ присутствовавшіе сотрудники «Новостей» дружнымъ хоромъ поносили нашего критика. Этимъ я имѣю въ виду указать, что одинъ изъ литературныхъ враговъ г. Буренина, которому отъ него нерѣдко жестоко попадало, имѣлъ какъ-никакъ мужество признать за своимъ недругомъ наличие такого таланта, которое создаетъ ему въ исторіи литературы исключительное и высокое положеніе. Большое значеніе за Буренинымъ признавалъ также и Н. К. Михайловскій и въ періодъ своихъ острыхъ къ нему отношеній, а еще болѣе въ послѣднее время. Такъ, этотъ тоже остроумный полемистъ-соціологъ не счелъ даже возможнымъ включить свою рѣзкую противъ В. П. статью въ послѣднее полное собраніе своихъ сочиненій, добросовѣстно признавъ эту статью и слишкомъ рѣзкой и до извѣстной степени (по его личному, мнѣ высказанному въ одной изъ бесѣдъ взгляду) несправедливой. Въ данномъ случаѣ Михайловскій галантно распаркался передъ своимъ врагомъ послѣ того, какъ послѣдній вполнѣ опредѣленно высказался за соціолога-публициста по поводу одной безтактной и неумной выходки В. Гайдебурова-сына на столбцахъ имъ издаваемой въ 90-хъ годахъ газеты «Русь». Вспоминая это заступничество, выразившееся въ стихахъ:

Гайдебуровъ въ шпрудель
 Влѣзь, какъ рѣзвый пудель,—
 Сталь отъ Гайдебурова
 Шпрудель цвѣтъ бураго.

Вспоминая это заступничество, явившееся отвѣтомъ на претенціозную статью, гдѣ издатель съ высоты величія задѣлъ Михайловскаго, отмѣчу, между прочимъ, что это шутливое стихотвореніе получило въ кругу друзей социолога-публициста въ день своего появленія на столбцахъ «Новаго Времени» широкую популярность. «Новое Время» въ ту пору находилось подъ бойкотомъ лѣваго лагеря, о «Новомъ Времени» не дозволялось ни говорить, ни печатать въ немъ даже своихъ объявленій, и тѣмъ не менѣе, мурлыкая цѣлый день это смѣшное четверостишіе, недруги газеты выдали себя до известной степени головой. Они обнаружили, что они газету читаютъ и даже въ нужныхъ или на пользу имъ идущихъ случаяхъ не прочь ее цитировать.

Извиняюсь за это историко-литературное отступленіе и, обращаясь непосредственно къ нашему критику-публицисту, подчеркну, какъ необходимую часть настоящей главы, что онъ, будучи признанъ даже недругами дѣятелемъ высшаго литературнаго порядка, именно въ противность ихъ утвержденіямъ, оставался всегда писателемъ *вне-партийнымъ*, самостоятельнымъ, съ сохраненіемъ за собою во всѣхъ случаяхъ права независимаго голоса по всѣмъ трактующимъ вопросамъ, даже если ему приходилось расходиться во мнѣніяхъ съ редакціей газеты, гдѣ онъ съ самаго ея основанія работаетъ. И бывали случаи въ исторіи газеты, когда взгляды, высказываемые въ верхнихъ ея столбцахъ, не встрѣчали сочувствія въ ея фельетонной части, подписанной или полнымъ именемъ «В. Буренинъ», или подъ псевдонимомъ «Графъ Алексисъ Жасминовъ». Вспомнимъ хотя бы шумную въ свое время и нынѣ достаточно освѣщенную исторію съ Надсономъ, о которой будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ и въ которой издатель газеты разошелся во взглядѣ на значеніе дарованія поэта съ своимъ критикомъ. То же можно было бы сказать и въ вопросѣ объ оцѣнкѣ А. П. Чехова, объ отношеніи къ К. Скальковскому, о чемъ мы уже упоминали. Еще болѣе независимость и стойкость Буренина въ своихъ убѣжденіяхъ сказались въ пресловутые дни «свободы», когда почти вся печать, безъ исключеній, оказалась на послугахъ у рабочихъ депутатовъ и главарей революціи. Викторъ Петровичъ въ нашей печати одинъ не дрогнулъ, не поклонился ни жезлу Хрусталева-Носаря, ни послѣдствію, когда революціонная буффонада была сметена, кулаку городского.

Конечно, случаи расхожденія съ родственной редакціей были единичные, а въ общемъ В. П. Буренинъ по всей справедливости можетъ быть разсматриваемъ именно въ качествѣ того столпа

органа А. С. Суворина, на которомъ газета въ значительной мѣрѣ окрепла и обосновала, особенно въ первый періодъ жизни, свой шумный успѣхъ. Нѣкоторые пятничные фельетоны критика являлись своего рода событіями нашей общественной жизни, и въ день своего выхода нумера «Новаго Времени» разбирались нарасхватъ. Въ моемъ распоряженіи неимѣется данныхъ для того, чтобы судить о значительности его редакціонной работы, особенно въ тѣ періоды, когда онъ фактически замѣнялъ самого А. С. Суворина по случаю его отъѣзда изъ Петербурга; но даже если судить объ его фельетонной работѣ, вспоминая ее съ конца семидесятыхъ годовъ, то приходишь къ неминусемому заключенію, что рядомъ съ выдающейся талантливостью ея главнаго кормчаго, самого издателя, необходимо поставить и талантливость, какъ публициста, именно В. П. Буренина, благодаря чему газета такъ быстро и завоевала себѣ широкое вниманіе читающей публики.

Мое вступленіе къ очерку, посвященному писателю-юбилару, нѣсколько разрослось, но мнѣ хотѣлось выставить нѣкоторые главнѣйшіе пункты, слѣдуя которымъ я и постараюсь обставить ихъ нужнымъ фактическимъ литературно-біографическимъ ¹⁾ матеріаломъ, дополнивъ эти данныя свѣдѣніями о В. П. Буренинѣ, какъ объ оригинальномъ поэтѣ, поэтѣ-переводчикѣ, критикѣ, публицистѣ-сатирикѣ и драматургѣ.

II.

Дѣдъ нашего писателя былъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ помѣщиковъ Хованскихъ, отпущеннымъ потомъ на волю и служившимъ у нихъ старостою, но уже сына его, Петра Петровича, мы видимъ человѣкомъ, получившимъ прекрасное образованіе и ученикомъ знаменитаго для своего времени архитектора Бове и извѣстнаго художника, академика-архитектора М. Д. Быковского. Въ результатѣ Петръ Петровичъ сталъ и самъ выдающимся архитекторомъ-строителемъ, со званіемъ свободнаго художника, чрезвычайно популярнымъ въ Москвѣ, гдѣ имъ было выстроено около 25 церквей. По словамъ перваго біографа Виктора Петровича, нижеупомянутаго П. В. Быкова, отецъ критика «человѣкъ въ высшей степени честный, прямой и веселый, остроумный собесѣдникъ, онъ обладалъ природнымъ юморомъ, который, безъ сомнѣнія, отъ него унаслѣдовалъ его талантливый сынъ. Петръ Петровичъ былъ женатъ на Серафимѣ Николаевнѣ Соболевой, приходившейся родственницей Ильѣ Алексѣевичу Ковылину, одному изъ видныхъ дѣятелей въ области раскола, и имѣлъ отъ этого брака двѣнадцать душъ дѣтей. Викторъ

¹⁾ Главнѣйшій біографическій матеріалъ почерпается изъ ст. П. В. Быкова о нашемъ писателѣ, напечатанной въ № 963 «Всемирной Иллюстраціи» за 1887 г., а также изъ книги Н. И. Афанасьева «Современники», т. I.

Петровичъ былъ однимъ изъ младшихъ членовъ семьи и родился въ Москвѣ 22-го февраля 1841 года у Девяти-Мучениковъ. Въ дѣтствѣ онъ очень любилъ природу и, пользуясь достаточной свободой, проводилъ все время на Воробьевыхъ горахъ, откуда открываются такіе прекрасные виды на Москву. Первые проблески творчества обнаружили въ немъ очень рано: Виктору Петровичу не было и девяти лѣтъ, когда онъ сдѣлалъ краснорѣчивое описаніе пожара, случившагося въ ихъ домѣ, а на двѣнадцатомъ году онъ уже началъ писать стихи, хотя и отзывавшіеся подражаніемъ Фету, котораго онъ читалъ довольно усердно, но по формѣ вполне удовлетворительные.

«Когда Виктору Петровичу минуло одиннадцать лѣтъ, его помѣстили въ мѣстное дворцовое архитектурное училище. Въ этомъ учебномъ заведеніи было пять отдѣленій, и, по своимъ внутреннимъ порядкамъ, оно заключало въ себѣ много оригинальнаго, а отчасти и курьезнаго. Такъ, на примѣръ, воспитанники старшихъ отдѣленій училища, перваго, втораго и третьаго, за успѣхи получали каждые два мѣсяца наградныя деньги, называвшіяся «жалованьемъ», и, какъ чиновники, расписывались въ книгѣ у казначея: «жалованье за такіе-то два мѣсяца столько-то рублей и копеекъ получилъ такой-то». Викторъ Петровичъ былъ въ числѣ получавшихъ жалованье, такъ какъ учился прекрасно почти по всеѣмъ предметамъ своей специальности. Но еще усерднѣе занимался по предмету русской словесности, преподававшейся въ училищѣ, какъ и другія общеобразовательныя науки, въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Предметъ этотъ читался въ младшихъ отдѣленіяхъ С. М. Любецкимъ, московскимъ старожиломъ и литераторомъ, а въ старшихъ—Д. Н. Дубенскимъ, членомъ общества любителей россійской словесности, авторомъ многихъ статей по исторіи литературы и напечатавшимъ между прочимъ «Слово о полку Игоревѣ» съ комментаріями. Благодаря такимъ двумъ преподавателямъ, влеченіе Виктора Петровича къ литературѣ не только не остывало, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разгоралось. Онъ попрежнему сочинялъ стихи, но это были уже не одни только подражанія Фету; въ его литературныхъ попыткахъ, довольно разнообразныхъ, была замѣтна самостоятельность, оригинальность и, главнымъ образомъ, преобладало сатирическое направленіе; природная юмористическая жилка Буренина невольно сказывалась въ нихъ уже тогда. Многие товарищи Буренина по училищу помнятъ, какъ онъ ухитрился переложить въ стихи цѣлую страницу курса строительнаго искусства, помнятъ и то, какимъ онъ былъ дѣятельнымъ и неутомимымъ сотрудникомъ рукописнаго журнала, издававшагося воспитанниками архитектурнаго училища. Виктору Петровичу было шестнадцать лѣтъ, когда онъ отнесъ нѣкоторые плоды своей юной музы въ редакцію одного серьезнаго журнала («Русскій Вѣстникъ»). Редакторъ (Катковъ) похва-

лись стихи, но отсовѣтоваль отдавать ихъ въ печать и познакомилъ автора ихъ съ П. М. Леонтьевымъ, профессоромъ московскаго университета, однимъ изъ редакторовъ «Русскаго Вѣстника» и впоследствии ревнителемъ классицизма. Леонтьевъ, какъ человекъ чуткій, понялъ, что онъ имѣеть дѣло съ юношей, несомнѣнно, даровитымъ и, заинтересовавшись личностью «школьнаго поэта», принялъ въ немъ живое участіе: приглашалъ къ себѣ, снабжалъ книгами изъ своей обширной библіотеки и, вообще, руководилъ имъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, но такъ какъ это было на рубежѣ шестидесятихъ годовъ, когда инья, новыя вѣянія начали уже дѣлать свое дѣло, то Буренинъ недолго оставался подъ вліяніемъ Леонтьева и предпочелъ ему людей прогрессивнаго направленія».

Въ приведенныхъ біографическихъ данныхъ мы находимъ всю наслѣдственную, семейно-бытовую и учебно-педагогическую личность, которая создала изъ воспитанника дворцоваго архитектурнаго училища того вліятельнаго писателя-публициста, поэта и сатирика, каковымъ мы знаемъ В. П. Буренина за его долгую литературную дѣятельность. Отъ предковъ онъ наслѣдовалъ тотъ націонализмъ и народность, которыми и напоены произведенія его съ сюжетомъ изъ былинной жизни, и тѣ его публицистическія работы, гдѣ онъ сталъ на оборону русской жизни и литературы отъ внѣдренія въ нихъ инородческаго (въ особенности еврейскаго) элемента, несущаго въ эту жизнь, по его мнѣнію, начало порчи и то противорѣчіе, которое не соотвѣтствуетъ началамъ, заложеннымъ въ русскую историческую психику. Отъ отца по закону наслѣдственности онъ заимствовалъ игривость мысли и рѣчи, склонность къ сатирѣ и насмѣшкѣ, которыми проникнуты почти всѣ его произведенія полемическаго характера. Школа дала ему развитіе эстетическаго вкуса, любовь къ искусству, къ классической литературѣ, преподаваніе въ которой было тамъ поставлено превосходно, къ гармоніи и эстетикѣ, которая выдѣляетъ его изъ ряда однородныхъ ему представителей критики и которая сдѣлала изъ него того задушевнаго, красиваго поэта, какъ на поприщѣ оригинальнаго творчества, такъ и на поприщѣ переводнаго труда. Леонтьеву суждено было также оказать нѣкоторое вліяніе на юношу-поэта, столь довѣрчиво къ нему обратившагося и ставшаго къ нему въ извѣстное приближеніе. Леонтьевъ далъ ему примѣръ редакціоннаго воспитанія юныхъ сотрудниковъ, покровительства имъ, отсутствіемъ каковыхъ способностей сплошь да рядомъ страдаютъ почти всѣ наши редакціонные синедріоны, третирующие стучащуюся въ ихъ двери молодежь свысока и не дающие себѣ труда ближе ознакомиться съ ихъ способностями и склонностями. В. П. Буренинъ въ этомъ отношеніи не грѣшилъ въ своей жизни и именно онъ вывелъ въ литературные люди дѣлую фалангу молодежи, на зарѣ своей жизни довѣрчиво обратившейся къ нему за совѣтами и указаніями.

Семь лѣтъ пробылъ В. П. въ архитектурномъ училищѣ, при чемъ, согласно правиламъ, здѣсь установленнымъ, вынужденъ былъ пробыть въ двухъ отдѣленіяхъ два лишніе года. Кончилъ онъ курсъ въ 1859 году и сейчасъ же, очевидно, благодаря связямъ отца въ строительномъ мѣрѣ, вступилъ на практическое архитектурное поприще. На этомъ поприщѣ онъ, еще будучи ученикомъ училища, въ теченіе трехъ лѣтъ завѣдывалъ постройкой церкви въ имѣніи Нарышкиной, въ сельцѣ Александровскомъ Калужской губерніи, затѣмъ въ Марьинѣ, Бронницкаго уѣзда, въ имѣніи Пущиной, онъ также имѣлъ возможность приложить свои архитектурныя познанія къ разнымъ постройкамъ. Благодаря знакомству съ Нарышкиной, онъ сблизился съ тогдашнимъ цвѣтомъ московской интеллигенціи изъ числа бывшихъ декабристовъ и петрашевцевъ: съ И. И. Пушнымъ, И. Д. Якушкинымъ, М. М. Нарышкинымъ, Г. С. Батенковымъ, П. Н. Свистуновымъ, С. Ѳ. Дуровымъ, А. Н. Плещеевымъ и нѣкоторыми изъ московскихъ журналистовъ. Приблизительно къ тому же времени относится его знакомство и сближеніе съ А. С. Суворинымъ, тогда только что переѣхавшимъ изъ провинціи въ Бѣлокаменную. Это сближеніе сыграло въ жизни обоихъ писателей большую роль, и мы видимъ ихъ на протяжении почти пятидесяти лѣтъ шестующими по родной литературной нивѣ объ руку, какъ единомышленниковъ, во многихъ сторонахъ отечественнаго просвѣщенія взаимно дополняющими другъ друга и прокладывающими въ газетномъ, на примѣръ, дѣлѣ, а отчасти и въ области драматическаго искусства новые пути.

Подъ вліяніемъ Дурова, еще въ сороковыхъ годахъ печатавшаго свои переводы французскихъ произведеній, онъ принимается за переводную литературу, занявшись на первыхъ порахъ преимущественно стихами изъ Барбье, вошедшими впоследствии въ его сборникъ «Стихотворенія», изданный въ 1878 году. Съ этого времени тяготѣніе къ переводамъ иностранныхъ поэтовъ и впоследствии драматическихъ писателей не покидало В. П. на всю жизнь, и въ этой области имъ оставленъ въ нашей литературѣ значительный слѣдъ. Чтобы не возвращаться болѣе къ этой сторонѣ его дѣятельности, отмѣтимъ, что имъ въ разное время, и въ особенности въ первый періодъ литературной работы даны переводы такихъ корифеевъ литературнаго міра Запада, какъ Барбье, Виктора Гюго, Гуда, Байрона, Альфреда де-Мюссе, Аріосто, Гейне, Альфреда де-Виньи, Гуцкова, Кальдерона, Леонарда и др.

Человѣкъ широко образованный, понимающій до величайшихъ тонкостей красоты поэтическихъ произведеній авторовъ, подлежащихъ его переводу, владѣя въ совершенствѣ русской рѣчью, даромъ версификаціи, онъ далъ въ своихъ переводахъ образцы совершенной работы и по всей справедливости долженъ быть поставленъ на одну доску съ такими корифеями-переводчиками, какъ А. Майковъ, Д. Минаевъ, П. Вейнбергъ, Мей, М. Михайловъ, Курочкинъ,

П. Бергъ и др. Въ своихъ переводахъ онъ не уподобляется, говоря фигурально, лакею, слѣдующему рабски по стопамъ своего хозяина, но своимъ проникновеніемъ въ иноземную рѣчь перерабатываетъ ее въ русскомъ словесномъ горнилѣ и послѣ того преподноситъ читателю въ такой формѣ, которая легко роднитъ русскаго читателя съ образцомъ иноземнаго искусства. Любопытно отмѣтить, что, занявшись переводной литературой, нашъ писатель остановилъ преимущественно свое вниманіе на такихъ авторахъ, въ произведеніяхъ которыхъ наиболѣе ярко звучали ноты протеста, голосъ политическаго негодованія и оппозиціи существующему строю во имя свободныхъ завѣтовъ цивилизаціи. Та среда, о которой мы упоминали выше и среди которой расцвѣлъ его поэтический талантъ, оказала въ данномъ случаѣ на него видимое и неизгладимое впечатлѣніе, и вотъ мы видимъ его на порогѣ литературной дѣятельности тѣмъ представителемъ протеста, каковымъ въ сущности онъ остался и нынѣ, распространяющимъ свою непрестанную потребность протеста противъ всего, въ чемъ онъ усматриваетъ препятствіе къ осуществленію идеаловъ, которые онъ выносилъ изъ своего родного отцовскаго обихода, изъ данныхъ ученія и воспитанія, изъ суммы впечатлѣній, почерпнутыхъ въ средѣ, съ которою онъ столкнулся на зарѣ сознательной жизни. Конечно, сила впечатлѣній въ годы молодости была ярче, а потому и проявленіе ихъ совершалось въ болѣе шумной формѣ—отсюда тяготѣніе къ тѣмъ образцамъ литературы Запада, гдѣ слышался откликъ бурлящей собственной мысли. Да и условія отечественной жизни въ ту пору слагались такъ, что къ протесту противъ столь всѣмъ опротивѣвшаго недавняго, николаевскаго, прошлаго просоединялись всѣ, въ комъ мысль была живымъ ключомъ, въ комъ чувствовался избытокъ крови и кто несъ своей отчизнѣ наилучшія пожеланія. Годы дѣлали свои дѣла—духъ понемногу уюмонялся, но если мы взглянемъ пристальнѣе, надъ какового рода переводной драматической литературой и нынѣ работаетъ нашъ писатель, то мы увидимъ, что элементъ протеста и посейчасъ привлекаетъ его преимущественное вниманіе. Ознакомьтесь съ двумя томками его изданія «Театръ», вспомните еще въ 1910 году напечатанную на страницахъ «Историческаго Вѣстника» его пьесу «Король свободы», и публицистическій вкусъ переводчика-драматурга станетъ для васъ очевиднымъ. Онъ остался типичнымъ культурнымъ прогрессистомъ и противникомъ насилія, застоя и наглости, откуда бы таковыя ни брали своего происхожденія—съ политическаго и общественаго «лѣва» или «права».

III.

Вступая на путь литературнаго служенія, В. П. Буренинъ подъ вліяніемъ Дурова, какъ уже сказано выше, началъ испытывать свои поэтическія силы на переводахъ изъ Барбье, но не съ этими

переводами онъ перешагнулъ за порогъ храма словеснаго творчества: онъ на первыхъ порахъ ознакомилъ со своею особою читающую публику въ качествѣ лирическаго оригинальнаго поэта и засимъ въ качествѣ сатирика, каковымъ онъ былъ знакомъ товарищамъ по училищу и на каковомъ поприщѣ окружавшая среда успѣла уже его познать. Дѣло въ томъ, что молва, говоръ о немъ, какъ о литературномъ дарованіи, опередила его фактическое журнальное выступленіе. Среди писательской братіи, собиравшейся на дачѣ въ одномъ изъ подмосковныхъ мѣстностей у А. Н. Плещеева, столь еще недавно освободившагося отъ ссылки по дѣлу Петрашевскаго, Буренина уже знали, какъ экспромтиста и сатирика и, видимо, въ согласіи съ общимъ настроеніемъ, царившимъ на дачѣ опальнаго поэта, все слагалось къ тому, чтобы публика ознакомилась съ обликомъ новаго литератора именно на томъ поприщѣ, къ которому онъ имѣлъ по наслѣдственности столь сильное тяготѣніе. И дѣйствительно, острымъ сатирикомъ онъ вскорѣ и сталъ извѣстенъ уже официально въ широкихъ литературныхъ кругахъ.

Въ 1861 г. онъ посылаетъ на страницы герценовскаго «Колокола» корреспонденцію изъ Москвы по поводу адреса, выработаннаго мѣстными литераторами на квартирѣ у Каткова по инициативѣ Громеки, въ связи съ извѣстнымъ арестомъ писателя Михайлова и съ общимъ политическимъ движеніемъ, охватившимъ русское общество въ 1861 году. Конечно, эта корреспонденція была анонимная; потомъ онъ появляется въ печати въ Аксаковскомъ «Днѣ», какъ авторъ небольшой замѣтки по одному подрячному дѣлу, затѣмъ въ 1862 году онъ въ томъ же «Днѣ» помѣщаетъ свое первое лирическое стихотвореніе «Въ ранній часъ надъ нивой вѣтеръ прихотливый» или «Утро», какъ оно озаглавлено въ упомянутомъ уже сборникѣ «Стихотворенія». Вотъ эта первая печатная проба юнаго поэта:

Въ ранній часъ надъ нивой вѣтеръ прихотливый,
Разыгравшись, мягко влажный колосья гнетъ,
Въ облакахъ янтарныхъ, въ волнахъ лучезарныхъ
На востокъ солнце радостно встаетъ.

Разливаясь въ трели, въ рощѣ полетѣли
Звуки пѣсни чудной, пѣсни соловья;
Изумрудной сѣткой вѣтку велѣдъ за вѣткой
Опустили ивы въ зеркало ручья.

За горою дальней хороводъ печальный
Утреннихъ тумановъ медленно взвился
И летитъ далеко отъ лучей востока,
Покидая съ тайной грустью небеса!

Отъ избушекъ тѣни, будто полны лѣни,
На песокъ улегшись, тянутся по немъ,
Ветхихъ крышъ солому солнце золотое
Весело румянитъ огневимъ лучомъ...

* * *

Вотъ скрипнули въ селѣ ворота,
 Выходять люди и видна
 Въ ихъ лицахъ ранняя забота
 Сквозь слѣдъ перерваннаго сна...
 Звончѣ пѣсня птицъ веселыхъ!
 Свѣтлѣй лучъ солнца заблести!
 Пусть скорбный гнетъ работъ тяжелыхъ
 Отраднѣй будетъ имъ нести.
 Пускай съ утра и до полуденъ
 И послѣ до поры ночной
 Святымъ покоемъ и красой
 Весь Божій міръ сіяетъ чуденъ,
 Пусть дастъ онъ имъ забыть, какъ труденъ,
 Какъ скорбенъ ихъ удѣлъ земной!

Это красивое стихотвореніе, столь тепло передающее наступленіе сельскаго утра, понравилось И. Аксакову, воспроизводившему въ своихъ лирическихъ стихахъ тѣ же настроенія; но не оно обратило вниманіе на Буренина, какъ на поэта, и заставило о немъ говорить. «Шабашъ на Лысой горѣ или журналистика къ 1862 году» въ «Искрѣ» Курочкина, за подписью В. Монументова, и «Суета житейская, литературная и всяческая. Пиръ во время журнальной подписки», напечатанное въ № 51 «Зрителя» произведеніе, подписанное псевдонимомъ «генераль Супостатовъ 2-й»,—вотъ тѣ двѣ зазорныя сатиры, которыя создали автору сразу положеніе въ русской журналистикѣ. Въ обоихъ этихъ памфлетахъ, охватившихъ собою тогдашнія нѣкоторыя общественныя и литературныя явленія и заключавшихъ въ себѣ сатирическіе портреты, набросанные быстрымъ и мѣткимъ карандашомъ, сразу сказался блестящій памфлетистъ, легко сумѣвшій ориентироваться въ разныхъ сложныхъ конъюнктурахъ русскаго жизни. Кажется, ни одно изъ этихъ пробъ сатирическаго пера авторъ не включилъ въ свои сборники сочиненій, и потому остановимся нѣсколько дольше на нихъ, чтобы показать, какъ Буренинъ, пожаловавшій себя впоследствии въ титулованнаго графа Жасминова, быстро опредѣлилъ свою роль полемиста въ нашей журналистикѣ.

«Шабашъ», обнимавшій собою нынѣ малопонятныя настроенія въ тогдашнихъ общественныхъ и литературныхъ сферахъ, болѣе всего, пожалуй, заслуживаетъ вниманія своимъ примѣчаніемъ, гдѣ разбросаны очень ловко нѣкоторыя шпильки. Монументовъ говоритъ здѣсь: «Сія драматическая фантазія была представлена авторомъ для соисканія на Уваровскую премію, но не заслужила оной. Николай Федоровичъ Щербина, разбирая ее, нашель, что она не соотвѣтствуетъ условіямъ, которыя требуются отъ драматическаго произведенія. Во-первыхъ, говорить онъ, историческая и логическая несообразность въ фантазіи очевидна: какимъ обра-

зомъ Мефистофель могъ сойтись съ г. Надимовымъ, чиновникомъ при губернаторѣ. Во-вторыхъ, изъ 3-хъ единствъ соблюдено только одно, именно единство мѣста. Въ-третьихъ, выдержаннаго характера нѣтъ ни одного: все какіе-то намеки и аллегоріи. Признавая приговоръ знаменитаго критика вполне справедливымъ, авторъ тѣмъ не менѣе рѣшился представить свое произведеніе публикѣ, надѣясь на снисходительность къ таланту начинающему!..»

Если въ «Шабашѣ» мы дѣйствительно видимъ малопонятныя намъ сейчасъ настроеніе, намеки и аллегоріи, то въ «Ширѣ» мы уже имѣемъ нѣчто болѣе конкретное, и здѣсь передъ нами выступаютъ въ сатирическихъ характеристикахъ главнѣйшіе представители тогдашняго журнальнаго и газетнаго издательства: Краевскій, Коршъ, М. Достоевскій, Павловъ, Дудышкинъ, Альбертини, Писаревскій, Катковъ и другіе.

Дѣло въ изображеніи автора заключается въ томъ, что издатели наканунѣ новогодней подписки ликуютъ и поютъ хоромъ:

Друзья, сольемте тенора
И съ ними басы низки:
Ура, ура, ура, ура!
Вино, камели, игра
Все въ мірѣ отъ подписки!

Но сотрудникамъ журнальной арміи, отъ которой собственно зависитъ подписка, невесело, и тѣни ихъ съ грустью поютъ:

Подписки рьяная пора,
Ты снова наступила,
А мы всѣ бѣдны, какъ вчера,
Хоть въ насъ печати сила!
Считаетъ жадный журналистъ
Богатство у конторокъ,
А норовитъ намъ дать за листъ
Не пятьдесятъ, а сорокъ.

Послѣ этого «пролога» выступаютъ дѣйствующія лица, изъ которыхъ особенно хорошо обрисованъ А. Краевскій, издатель «Голоса» и «Отечественныхъ Записокъ». Въ заключеніе своихъ арій на темы общественныя и политическія онъ поетъ:

Есть у насъ манера гадкая
Восхвалять одинъ республики:
Нѣтъ, явленья лишь порядка я
Занесу подъ наши рубрики.
Полонъ въ сердцѣ непреклонности
Къ воплямъ силы разрушительной,
Конституци, законности,
Гимнъ спою я утѣшительный!
И чтобъ всѣ мои воззрѣнія
Въ жизнь ложились основательно,
Я богинѣ просвѣщенія
Подгоняю ихъ старательно.

Здѣсь тонко отмѣчена зависимость «Голоса» отъ щедротъ тогдашняго министерства народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ его стремленіе подъ флагомъ административной законности проводить въ жизнь конституціонныя теченія.

Послѣ ряда выступленій прочихъ издателей, гдѣ схвачены мѣтко отличительныя тенденціи каждаго органа въ ихъ сатирическомъ освѣщеніи, авторъ приводитъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ къ комической разногласицѣ, свидѣтельствующей о дѣйствительно царившей тогда разногласицѣ въ журнальномъ мірѣ, когда, по позднѣйшимъ словамъ другого сатирика, русскіе люди не знали, чего они хотятъ: конституціи или севрюжины. Весь хаосъ на сценѣ прекращается, однако, при выступленіи Каткова, издателя «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей». Знаменитый публицистъ Страстного бульвара, тогда щеголявшій въ англomanскомъ костюмѣ, обращаясь къ своимъ сотрудникамъ, князю Назарову и князю Кугушеву приказываетъ: «Герольды трубите!»—что тѣ и исполняютъ, послѣ чего воцаряется молчаніе.

Катковъ.

«Милорды и господа! Общественное мнѣніе стало у насъ силой: въ слѣдующемъ году я издаю газету, которая будетъ его органомъ. Принимаю казенныя и частныя объявленія».

Занавѣсъ падаетъ.

Конечно, для насъ, нынѣшнихъ читателей и дѣятелей печати, въ этой сатирической пьесѣ немного смѣшно и понятно, если только не дать себѣ труда вернуться памятью къ исторіи русской журналистикѣ, знаніе которой удѣль, увы! далеко не всѣхъ; но для своего времени эти историческіе походы начинающаго талантливаго писателя противъ признанныхъ авторитетовъ печати и издательства обратили на него всеобщее вниманіе, и имя Буренина скоро стало искомымъ именемъ для украшенія списка сотрудниковъ. Это хорошо учли такіе цѣнители нарождающихся талантовъ, каковыми были Некрасовъ и Салтыковъ-Щедринъ, которые и успѣшили заполучить его на страницы «Современника». Некрасовъ не преминулъ даже лично познакомиться съ нимъ въ Москвѣ и предложилъ ему писать въ его журналѣ злободневный фельетонъ. Но фельетонистомъ «Современника» Викторъ Петровичъ не сдѣлался, такъ какъ въ чемъ-то не поладилъ съ вліятельнымъ сотрудникомъ этого журнала В. А. Слѣпцовымъ. Но прежде, чѣмъ стать сотрудникомъ Некрасова, въ жизни нашего писателя открывается періодъ его лѣтнихъ заграничныхъ поѣздокъ, которыми онъ остался вѣренъ почти всю свою жизнь.

IV.

Повидимому, эти заграничныя поѣздки сыграли въ его жизни крупную роль и послужили для развитія его дарованій въ большое благо. Его природная эстетичность находила себѣ здѣсь богатое питаніе и наложила на весь его виѣшній обликъ, каковымъ знаютъ его, какъ человѣка, окружающіе, отпечатокъ корректности, щеголеватости и джентльменства, который его такъ выгодно выдѣляетъ изъ сонма профессионаловъ-журналистовъ.

Конечно, первоначальная журналистика не могла служить источникомъ его обезпеченія. Таковое, скромное, онъ почерпнулъ изъ своихъ московскихъ архитектурныхъ работъ и, накопивъ нужныя средства, онъ въ 1861 г. отправился въ заграничное путешествіе: объѣхалъ большую часть Германіи, познакомился съ накопленными ею богатствами предметовъ искусства въ картинныхъ галереяхъ и музеяхъ, посѣтилъ Швейцарію, побывалъ въ Парижѣ и наконецъ вернулся на родину. Путешествіе это заняло пять мѣсяцевъ и, какъ уже сказано, подобныя странствованія по чужимъ культурнымъ краямъ стали въ дальнѣйшей его жизни потребностью. Но, отрываясь на время отъ родины, онъ по возвращеніи домой не несъ съ собою отчужденія и холопскаго поклоненія, какъ бы въ укоръ ей, чудесамъ Запада. Здоровый націонализмъ не погасалъ въ немъ, и писатель только спѣшилъ подѣлиться съ соотечественниками тѣми познаніями изъ видѣннаго и слышаннаго, которыя шли на пользу ея культурнаго роста. Послѣ своего перваго путешествія онъ, вернувшись въ Москву, становится постояннымъ сотрудникомъ «Зрителя», гдѣ помѣщаетъ рядъ своихъ оригинальныхъ поэтическихъ произведеній, а также сотрудникомъ «Искры», куда отдаетъ брызги своего сатирическаго пера. Одновременно онъ посылаетъ свои стихи и въ «Современникъ» Некрасова. Изъ числа его оригинальныхъ произведеній приведемъ здѣсь очень граціозное стихотвореніе «Какая ночь».

Какая ночь! Иглистый иней
 Колеблетъ воздухъ. Съ высоты
 Сіяетъ сводъ бездонно-синій,
 И блещетъ свѣтъ, и, облиты
 Его лучомъ, дрожанья полнымъ,
 Въ простертой безъ границъ дали,
 Серебрянымъ подобны волнамъ,
 Туманы дымные легли...
 И ѣду я дорогой снѣжной.
 Мой дологъ путь, никто меня
 Нигдѣ не ждетъ съ заботой нѣжной
 У запоздалаго огня.
 Заслышавъ скрипъ саней по снѣгу
 И звукъ веселый бубенца,

Какъ гостя жданнаго къ почлегу,
 Меня не встрѣтятъ у крыльца.
 Свиданья счастіемъ волнуемъ
 Обрадованъ не буду я
 Твоимъ горячимъ поцѣлуемъ,
 Подруга давняя моя.

Въ срединѣ 1863 г. Викторъ Петровичъ переселился на нескіе берега, гдѣ, продолжая свои архитектурныя работы (онъ состоялъ въ 1864 г. при клиникѣ баронета Вилліе въ качествѣ помощника инженеръ-архитектора Соколова), погружается вмѣстѣ съ тѣмъ съ головою въ тогдашнее журнальное море. Имя его, какъ поэта-шприка и сатирика, уже пользовалось извѣстностью, и вотъ на протяжении почти двѣнадцати лѣтъ онъ появляется въ качествѣ постоянного сотрудника въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. Корша, въ «Современникѣ» Некрасова, «Библиотекѣ для чтенія» П. Боборыкина, въ «Инвалидѣ», гдѣ ведетъ фельетоны на общественныя темы, «Русскомъ Словѣ» Благосвѣтлова, «Невскомъ сборникѣ», «Вѣстникѣ Европы» М. Стасюлевича, въ «Дѣлѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» редакціи Некрасова и Салтыкова, а также въ «Искрѣ», «Будильникѣ» и «Развлеченіи»—тогдашнихъ юмористическихъ изданіяхъ. Въ этотъ періодъ талантъ Буренина расцвѣлъ, развернулся разносторонне, и уже къ исходу 70-хъ годовъ, когда ему пришлось занять выдающееся мѣсто въ газетѣ А. С. Суворина «Новое Время», имя его было достаточно громкимъ, притягательнымъ и свидѣтельствующимъ о крупныхъ заслугахъ передъ журналистикою. Онъ становится извѣстенъ широкимъ кругамъ читателей, какъ симпатичный поэтъ, чьи произведенія всегда согрѣты теплымъ чувствомъ, озарены симпатичною мыслью и отмѣчены красотою виѣшней формы. Его имя упоминается, какъ несравненнаго полемиста, сатирика, полно и остроумно освѣщающаго въ своихъ произведеніяхъ событія текущаго общественнаго и политическаго дня и отражающаго въ нихъ лучшія культурныя тенденціи своего прогрессивнаго времени. Прогрессъ—его знамя, регрессъ—мишень его нападокъ; все фальшивое, ходульное, злое, противорѣчащее интересамъ Россіи и запросамъ народной жизни—матеріаль его сатирико-драматическихъ произведеній. Въ этотъ же періодъ развертываются и его способности, какъ критика-эстетика и критика-публициста. Половина шестидесятыхъ годовъ—вотъ тотъ рубежъ, за которымъ возсіяла его критическая звѣзда, бросившая яркій свѣтъ на всю его литературную дѣятельность и вписавшая его имя крупными буквами на скрижали исторіи отечественной словесности.

Газета В. Корша «Петербургскія Вѣдомости» была тою литературною нивою, на которой возросъ его критическій талантъ, гдѣ онъ въ сомнѣ такихъ выдающихся дѣятелей слова, какъ К. Кавелицъ, К. Арсеньевъ, В. Александровъ (Крыловъ), А. Головачевъ,

А. Суворинъ (Бобровскій, Незнакомецъ), К. Скальковскій, О. Воропоновъ, Л. Полонскій, Э. Ватсонъ и многіе др., такъ много поработали на пользу культурнаго роста своей родины, ведя непрестанную борьбу съ правительственными реакціонными тенденціями, съ общественною косностью и застоємъ и въ защиту прогрессивнаго развитія отчизны. Коршевская газета — блестящая страница въ исторіи пореформенной Россіи; къ ней, этой газетѣ, примкнули лучшія литературныя силы, и здѣсь заложены были задатки того обновленнаго ея типа, который установился у насъ и донынѣ. Въ этомъ отношеніи именно гг. Суворинъ и Буренинъ понесли немало труда, разгрузивши газету отъ того тяжелаго, что мѣшало ей проникать въ широкіе круги читателей и дѣлаться ихъ руководителемъ и добрымъ литературнымъ другомъ. Оба названныхъ писателя перенесли центръ тяжести изъ неуклюжихъ тогдашнихъ передовицъ въ область живого, остроумнаго фельетона, гдѣ, какъ въ калейдоскопѣ, передъ обывателями застрѣли страницы отечественной жизни, имена, факты, печальная дѣйствительность, политика, обывательщина, гдѣ раздался веселый смѣхъ, будящій, бодрящій, зовущій отъ мрака къ свѣту, дразнящій перспективами лучшаго будущаго и отмечающій все, что пришло въ ветхость и негодность.

Бойкій, остроумный и подчасъ полный злобы и задирательной сатиры фельетонъ новаго сотрудника до того академической газеты В. Корша, фельетонъ на злободневныя темы съ политическими здѣсь намеками, за подписью «Выборгскій пустынный» былъ большою и пріятною неожиданностью для читателей «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Повѣяло чѣмъ-то новымъ, свѣжимъ въ нѣсколько тяжелой академической газетной атмосферѣ, и виновникомъ этихъ вѣяній было именно В. П. Буренинъ, приглашенный Коршемъ на амплуа злободневнаго фельетониста и выбравшій себѣ этотъ псевдонимъ по мѣсту жительства на Выборгской сторонѣ, гдѣ, какъ уже сказано, онъ былъ занятъ строительными работами при клиникѣ. Но такого рода оживленіе читающей публики продолжалось недолго. Коршу было указано изъ главнаго управленія по дѣламъ печати на нежелательность такого рода политическаго оживленія газеты и на неблагонамѣренность новаго сотрудника. Пришлось подчиниться и убрать «Выборгскаго пустынного», мѣсто котораго нѣсколько времени спустя и занялъ А. С. Суворинъ, работавшій въ газетѣ съ 1862 г. и состоявшій въ ней въ качествѣ секретаря. До тѣхъ поръ Алексѣй Сергѣевичъ не проявлялъ себя самостоятельными и отвѣтственными статьями, а ограничивался мелкой, хотя и тяжелой редакціонной работой. Его выступленіе подъ псевдонимомъ «Бобровскій» съ фельетонами «Всякіе», гдѣ подъ вымышленными именами фигурировали многіе представители тогдашней интеллигенціи, и въ томъ числѣ и арестованный и осужденный Н. Чернышевскій, а также гдѣ были

даны живыя картинки современной политической неразберихи, было сенсационно и удовлетворило читателей, лишившихся перваго фельетониста. Какъ извѣстно, когда А. С. Суворинъ собралъ свои фельетоны въ одну книжку и готовъ былъ уже ее выпустить въ свѣтъ, послѣдовалъ каракозовскій выстрѣлъ, а съ нимъ вмѣстѣ на Россію надвинулись мрачныя годы. Книжка «Всякіе» была арестована, и ея авторъ привлеченъ къ суду. Только послѣ 1905 года старому литератору удалось увидать свое дѣтище свободно обращающимся на книжномъ рынкѣ и такимъ образомъ получить хоть нѣкоторое удовлетвореніе за горестные дни и часы, испитанные сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Пока будущій издатель «Новаго Времени» блестяще подвизался въ роли лѣтописца своего времени, В. П. Буренину пришлось какъ бы ретироваться за редакціонныя кулисы и ограничиться болѣе скромнымъ амплуа журнальнаго обозрѣвателя, подписываясь всего лишь скромною литерою З. Конечно, заинтересованный въ этихъ журнальныхъ обозрѣніяхъ литературный міръ скоро распозналъ, кто этотъ таинственный литерный незнакомецъ, объявившійся на столбцахъ коршевской газеты, но для самого писателя такого рода обезличиваніе его было большимъ пробѣломъ въ литературной карьерѣ, и только съ основаніемъ «Новаго Времени» онъ снова пріобрѣтаетъ себѣ тотъ публицистическій открытый обликъ, который завуалированъ былъ на столь долгое время властною цензурною рукою. Размѣры краткаго очерка не позволяютъ мнѣ болѣе подробно коснуться работъ Буренина въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; общій характеръ этихъ работъ до нѣкоторой степени приближался къ тому характеру фельетоновъ его, которые расцвѣтали въ концѣ 70-хъ годовъ въ основанной г. Сувориннымъ газетѣ, хотя, по независѣвшимъ отъ автора обстоятельствамъ, колоритъ ихъ здѣсь пришлось нѣсколько ослабить, какъ равно въ значительной мѣрѣ удержаться отъ тѣхъ публицистическихъ и полемическихъ выходовъ политической и общественной категоріи, къ которымъ онъ уже съ раннихъ лѣтъ былъ склоненъ и которыя такъ рельефно обнаружилась въ упомянутыхъ выше произведеніяхъ, напечатанныхъ въ «Зрителѣ» и «Искрѣ».

V.

Но если цензурному вѣдомству удалось обезличить молодого писателя, въ роли постояннаго газетнаго сотрудника, то обликъ его, какъ работника ежемѣсячныхъ журналовъ, за нимъ сохранился, и репутація выдающагося сатирика-стихотворца къ концу 60-хъ и началу 70-хъ годовъ за нимъ прочно установилась. Въ этомъ отношеніи его «Военно-политическіе отголоски», печатавшіеся на стра-

ницахъ «Отечественныхъ Записокъ» редакціи Некрасова, сыграли въ его литературной жизни рѣшающую роль, и онъ и по содержанію этихъ «отголосковъ», и по формѣ ихъ ясно опредѣлился какъ выдающійся сатирикъ-публицистъ своей эпохи, одновременно бьющій и по домашнимъ злобамъ, и по злобамъ общевропейскимъ. Послѣднія, какъ не состоящія подъ особымъ покровительствомъ цензурнаго вѣдомства, давали свободный полетъ его сатирическимъ стрѣламъ; но, имѣя мишенью для этихъ стрѣлъ осложнившіяся тогда франко-прусскія отношенія, онъ выпукло выдвигалъ на авансцену своей сатиры идейную сторону вопроса, передвигая ее изъ области общеполитической въ область домашнихъ дѣлъ. Громя Бисмарка и милитаризмъ, онъ, какъ увидятъ читатели ниже, не забываетъ своей родины, предостерегая ее отъ подражанія своей западной сосѣдкѣ и напоминая ей, что у нея дома далеко не все благополучно, что кругъ намѣченныхъ жизнью внутреннихъ реформъ далеко не заключенъ и что даже съ каждымъ годомъ въ этомъ кругу образуются такіе разрывы, которые грозятъ въ будущемъ народу большими бѣдами. Одновременно онъ ополчается и противъ вводимой тогда общей воинской повинности, установленіе которой ему рисовалось какъ возвращеніе къ временамъ милитаризма въ ущербъ задачамъ культурнымъ и развитію гуманнаго прогресса.

Необходимо отмѣтить здѣсь и ту форму, которую съ тѣхъ поръ онъ присваиваетъ своимъ стихотворнымъ сатирическимъ памфлетамъ. Писатель большого таланта, отличный версификаторъ, свободно владѣющій стихомъ и формою, съ яркими образными положеніями въ своихъ сюжетахъ, онъ, повидимому, въ интересахъ наиболѣе сильной воспримчивости читателями его сатиры, не укладываетъ ее въ столь легко дающуюся ему оригинальную стихотворную форму, а становится какъ бы подъ сѣнь авторитетовъ, беретъ у нихъ напрокатъ наиболѣе популярныя стихотворныя произведенія, такъ сказать, впитанныя читателями въ плоть и кровь, и въ нихъ вливаетъ свое конкретное полемическое содержаніе. Эффектъ и результатъ получаются намѣченные: по закону ассоціаціи слуха это содержаніе скорѣе проникаетъ въ сознаніе массы, усваивается ею и становится ей близкою, какъ нѣчто родное, милое, давно знакомое, что не требуетъ для себя усилія новаго усвоенія. Поэтому и авторъ «Военно-поэтическихъ отголосковъ», въ интересахъ достиженія опредѣленной цѣли, создаетъ для нихъ не свой оригинальный стихъ, а пользуется стихотворными классическими образцами поэзіи Жуковскаго, Лермонтова, Пушкина, Крылова и др.

Вотъ нѣсколько наиболѣе яркихъ образцовъ изъ «Отголосковъ», гдѣ соединены у него воедино и франко-прусскія дѣла, и дѣла домашнія.

1) Д Е М О Н Ъ.

Въ тѣ дни, когда, достигнувъ нормы
 Развитія мирнаго, мы всячь
 Всѣ улучшенья и реформы
 Слегка старались направлять;
 Когда мечтами о грядущемъ
 Не волновали мы души
 И мнили связь съ прогрессомъ пуцимъ
 Прервать и отдохнуть въ тиши,
 Тогда въ Европѣ пушекъ грома
 Вдругъ привлекли нашъ сонный слухъ
 И пробудили въ насъ знакомый
 Намъ съ давнихъ дней армейскій духъ.
 Онъ сталъ плодить въ газетахъ толки,
 Что предъ Берданомъ иль Крикой
 Ничто Шапсо, ничто иголка;
 Онъ говорить, что намъ рукой
 Подать до цареградскихъ башенъ,
 Что можемъ снова мы потечь
 На бой съ Европою—и страшень
 Повсюду будетъ Россювъ мечъ,
 Что лучъ воинственный Авроры
 Для насъ готовъ блеснуть опять,
 Что мы отнынѣ договоры
 На папильотки можемъ рвать.
 Въ туманъ казарменныхъ утопій
 Онъ насъ манилъ и самъ летѣлъ
 И, кромѣ Пруссіи, въ Европѣ
 Знать никого онъ не хотѣлъ.

2) ГОЛОСЪ ПАТРИОТА.

Возней съ домашними дѣлами
 Ты утомилась, Русь! Пора
 Тебѣ опять блеснуть штыками
 И крикнуть грозное ура.

Дабы успѣшнѣй возрастали
 Въ тебѣ прогресса сѣмена,
 Надѣлай митральезъ изъ стали
 И страшныхъ бомбъ изъ чугуна.

Нарушивъ давнюю невинность
 Сословныхъ правъ, скорѣй простри
 Но всѣхъ военную повинность
 И силы войскъ учетвери.

Не земскихъ силъ, а силъ воинскихъ
 Въ себѣ движенье воскреси,—
 И дрогнетъ міръ отъ исполнискихъ
 Шаговъ проснувшейся Руси!

Возри на Пруссію: не Канты,
Не Гегели на цѣлый міръ
Ее прославили, но канты,
Погоны, выпушки, мундиръ.

Фонъ-Мольтке, Бисмарки, Штейнметцы,
Солдатъ несмѣтные полки,
Седаны, Виссамбурги, Метцы—
Вотъ чѣмъ народы велики!

Впередъ! За ней! Побѣды громы
По всей Европы раскати!
И пусть мужикъ твой изъ соломы
Бѣсть хлѣбъ—ты славою блести!

3) С О Н Е Т Ъ.

Мнѣ снился сонъ: отъ края и до края
Европой всей владѣють пруссаки
И формируютъ изъ людей полки,
Вездѣ порядокъ мудрый водворяя.

Вокругъ полковъ свиней толпится стая,
Барановъ жирныхъ блещутъ курдюки;
Профессора пасутъ ихъ, сквозь очки,
По-гречески Гомера разбирая.

Весь міръ цвѣтеть: всѣмъ смертнымъ почтальоны
Приносятъ письма въ срокъ, вездѣ вагоны
Въ назначенные движутся часы.
Ретуръ-билеты введены повсюдно,
И надъ землей развѣянь запахъ чудный
Гороховой берлинской колбасы!

4) ЦѢЛЬ ЖИЗНИ ПРИ ВСЕОБЩЕЙ ВОЕННОЙ ПОВИННОСТИ.

Даръ высокій, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчить, а сердцу ясно:
Для войны мнѣ жизнь дана.

Пусть въ рукѣ держу перо я,
Пусть по нивѣ плугъ вожу,
День придетъ, и среди боя
Грудь подставлю я штыку.

Пусть я въ земствѣ мирной рѣчью
За народъ стою,
День придетъ, въ бою картечью
Сдернуть голову мою.

Пусть въ латынь я вникъ и паки
Рѣчь эллинскую постигъ,
День придетъ, и я въ атакѣ
Отъ уланскихъ сгибну пикъ.

Пусть службу на видномъ мѣстѣ,
Пусть я певскимъ денди взроюсь,
День придетъ, и въ лобъ мнѣ двѣсти
Взвѣнитъ пуля изъ мицральезъ.

Пусть со клиромъ въ звонкомъ гимнѣ
Небу я хвалы пою,
День придетъ, и двѣ ноги мнѣ
Оторветъ идромъ въ бою.

Осмѣивая такимъ образомъ увлеченіе военщиною и опасаясь, чтобы она не сослужила въ жизни народовъ вообще и Россіи въ частности плохой службы, В. П. Буренинъ откликается вмѣстѣ съ тѣмъ на главнѣйшія злобы тогдашняго дня и высмѣиваетъ все, въ чемъ усматриваетъ ненормальность, состояніе вреднаго общественнаго бездѣйствія или такое направленіе государственнаго русла отечественной жизни, гдѣ ей угрожаютъ бѣды и невзгоды. Онъ ѣдко вышучиваетъ классическую реформу съ ея схоластическими крайностями, пускаетъ свои стрѣлы въ глашатаевъ этой реформы—Каткова и Георгіевскаго, высмѣиваетъ сторонниковъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, благонамѣренность съ казеннымъ на ней клеймомъ, націоналистическую заносчивость, отношеніе петербургскаго свѣтскаго общества къ голодающему населенію въ Самарской губерніи, боязнь и недовольство судебной реформой и т. д., и т. д.

Вотъ два образца сатирической его поэзіи за тотъ періодъ въ кругу отмѣченныхъ общественныхъ явленій.

1) СОВРЕМЕННЫЕ РОМАНСЫ.

(Посвящ. всѣмъ мудрымъ россиянамъ, стоявшимъ и имѣющимъ въ грядущемъ стоять за розги).

Нужно ль съчь мужика?
Гдѣ и когда бъ ни пришлось
Намъ разрѣшить сеі вопросъ,
Вѣра въ рѣшенье крѣпка:
Надобно съчь мужика!

Надобно съчь мужика!
Порка—обычай: народъ
Самъ его создалъ, живетъ
Этотъ обычай вѣка...
Надобно съчь мужика!

Надобно съчь мужика!
Бросимъ гуманность-мечту:
Розги въ крестьянскомъ быту
Нечѣмъ смѣнить намъ пока...
Надобно съчь мужика!..

Надобно съчь мужика!
Необразованъ и дикъ,
Вѣчно буянить мужикъ,
Вѣчный онъ рабъ кабака...
Надобно съчь мужика!

Нужно ли съчъ мужика?
Гдѣ и когда бѣ ли пришлось
Намъ разрѣшить сей вопросъ—
Вѣра въ рѣшенье крѣпка:
Надобно съчъ мужика!

2) ВСЕ УЛУЧШАЕТСЯ.

О чемъ крушитесь вы? У насъ
Когда-то быть застои; съ тѣхъ поръ мы
Творимъ едва ль не каждый часъ
Реформы, мирныя реформы.

Что жъ вамъ еще, мой Богъ?
Ревнуя о нуждѣ народной,
Все земства завести налогъ
Рекомендуютъ подходящий.

Заботится всечасно власть
О лучшихъ благахъ жизни новой:
Почтовая хромала часть—
Уставъ улучшили почтовый.

Введеніе древнихъ языковъ
Все воспитаніе молодежи
Переначить до основъ,—
Чего жъ вамъ еще, чего же?

Итъ, какъ вы тамъ ни говори,
Прогрессъ повсюду неполинскій
И скоро въ войскѣ сухари
Замѣнять колбасой берлинской.

Сатирическіе стихи нашего поэта обнимаютъ часто очень широкій кругъ явленій, широкій кругъ наблюденій и характеристики дѣйствующихъ лицъ и такимъ образомъ, сведенные по рубрикамъ содержанія, могутъ быть разсматриваемы, какъ живая хроника своего времени, покрытая громкимъ смѣхомъ. Характеризуя этотъ смѣхъ, его біографъ П. В. Быковъ правильно говоритъ про В. П.: «При своемъ удивительномъ умѣніи владѣть стихомъ, при своемъ отличномъ литературномъ образованіи Буренинъ всегда и содержателенъ, и разнообразенъ, даже въ самыхъ мелкихъ юмористическихъ пьесахъ. Онъ щеголяетъ непринужденностью приемовъ, мѣткими сравненіями, граціей и благородствомъ, удачными сопоставленіями и вызываетъ невольный смѣхъ у читателя, потому что самъ искренно, съ увлеченіемъ смѣется. Но сила его—не пустое, безцѣльное зубоскальство, веселая забава, а нѣчто болѣе серьезное, это—смѣхъ злости и презрѣнія, кладущій рѣзкое клеймо на все, чего онъ ни коснется. Эти то словно небрежно-веселыя, то ѣдко-ироническія строфы дышатъ горечью, ловко, искусно замаскированнымъ протестомъ и наводятъ на весьма печальныя думы, тяжело отзываются въ сердцѣ. «Я смѣюсь,—говоритъ Буренинъ въ одной юмористи-

ческой поэмкѣ,—и публично бросаю мой смѣхъ—онъ толпѣ, какъ ребенку, забава, и души моей мукой играть никогда я не дамъ ей позорнаго права. Но пускай она знаетъ, что тупость одна можетъ тѣшиться праздно тѣмъ смѣхомъ: это смѣхъ негодующій, смѣхъ, что звучитъ скорби сердца подавленнымъ эхомъ». А въ другомъ своемъ произведеніи, въ «Диссонансѣ», поэтъ, рассказывая о томъ, какъ онъ запоетъ «торжества пѣснопѣнье», когда настанутъ ясные, свѣтлые дни, добавляетъ: «но покуда въ душѣ моей, въ пѣсняхъ моихъ слышенъ ропотъ и стонъ озлобленья; но покуда въ душѣ моей, въ пѣсняхъ моихъ слышны только безумные звуки, звуки смѣха, который готовъ перейти съ каждымъ мигомъ въ рыданія муки...» Такъ самъ Буренинъ характеризуетъ свою муку, которая чуждается шутовскихъ, пошлыхъ стишковъ безцѣльнаго риемованнаго вздора. Эпоха, въ которую Буренинъ началъ свою литературную карьеру, палажила на его произведенія свой симпатичный отпечатокъ: они всегда согрѣты гуманнымъ чувствомъ и благородствомъ. И если въ нихъ нѣтъ силы и размашистости неумолимой сатиры, то въ нихъ все-таки есть серьезная мысль, есть содержаніе».

VI.

Если, работая у Корша и въ разныхъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ изданіяхъ, В. П. Буренинъ только опредѣлился какъ критикъ, какъ публицистъ, какъ оригинальный поэтъ, беллетристъ, сатирикъ и отчасти драматургъ, то во второй половинѣ 70-хъ годовъ онъ, стоя на прежнихъ, какъ теперь говорится, «платформахъ», уже широко используетъ эти свои литературныя способности, даетъ имъ блестящую отчеканку и обильно пускаетъ въ оборотъ. Съ основаніемъ въ 1875 году А. С. Суворинымъ «Новаго Времени» его старый сотоварищъ по работѣ вступаетъ сразу въ редакціонный составъ и становится правой рукой издателя и фактическаго редактора. Этотъ моментъ его жизни совпадаетъ съ разгаромъ славянскаго движенія и вслѣдъ за нимъ съ начавшейся русско-турецкой войной, каковыя историческія явленія и послужили тою благодатною почвою, на которой выросло и окрѣпло «Новое Время».

Въ первое время своего сотрудничества здѣсь онъ какъ бы продолжаетъ прерванную нить своихъ работъ въ прежнихъ изданіяхъ: къ прежнимъ мотивамъ, имъ разрабатываемымъ, прибавляется только новый, выдвинутый жизнью, т. е. мотивъ славянской. Онъ даже въ началѣ войны, пользуясь лѣтнимъ временемъ, замѣсто поѣздки въ благодатныя страны Запада, направляется въ качествѣ наблюдателя и отчасти корреспондента на Балканскій полуостровъ, вблизи знакомится съ человѣческой бойней, изучаетъ лицевую часть происходящаго тамъ и ея изнанку и, вернувшись на родину, бросаетъ свой сатирическій взоръ на видѣнное и слышанное. Самъ А. С. Су-

воринъ остается на театрѣ военныхъ дѣйствій, а В. П. Буренинъ вмѣстѣ съ В. Лихачевымъ становятся на время отсутствія принципала редакціонными руководителями изданія. Насколько авторъ настоящаго очерка знакомъ, съ чужого голоса, съ ходомъ тогдашнихъ редакціонныхъ дѣлъ въ газетѣ, нашему критику удалось во многихъ отношеніяхъ, въ противовѣсъ Лихачеву, сохранить въ газетѣ именно тотъ ея тонъ, который въ глазахъ читающей публики столь выгодно отгѣнили ее отъ другихъ газетъ того «славянскаго» періода. Не будучи самъ слѣпымъ поклонникомъ «братушекъ» и всего добровольческаго движенія, онъ тѣмъ не менѣ сумѣлъ, въ отсутствіе издателя, сохранить газетѣ ту позицію, благодаря которой молодое изданіе получило сразу популярность и распространеніе. Въ этотъ періодъ имъ написано немало сатирическихъ стихотвореній по адресу турецкихъ порядковъ, происхожденія турецкой конституціи, австрійской политики и т. д., а нѣсколько времени спустя онъ пустилъ въ оборотъ свою сатиру и на событія въ обновленной жизни «братушекъ».

В. П. Буренинъ не сразу выступилъ въ «Новомъ Времени» въ роли критика за своимъ подлиннымъ именемъ. Сначала надъ нимъ какъ бы тяготѣло прежнее цензурное нерасположеніе, да и редакціонная работа, повидимому, отнимала немало времени, но вскорѣ пятничныи фельетонъ въ газетѣ сталъ тѣмъ недѣльнымъ ея центромъ, куда привлеклось вниманіе многочисленныхъ читателей и подписчиковъ. Въ данномъ случаѣ писатель почувствовалъ себя во власти полной свободы, которую ему предоставилъ издатель, и талантъ его заигралъ полнымъ блескомъ. Именно въ этомъ фельетонѣ была имъ основана та оборонительная цитадель, подъ защиту которой онъ поставилъ лучшіе завѣты русской литературы и ея выдающихся представителей и откуда онъ сталъ совершать свои непрерывные наѣзды на разныхъ доморощенныхъ и дутыхъ геніевъ, на разныхъ осквернителей русской литературы, изобличать ихъ умственную недалковидность и убожество, находчиво ловить погрѣшности въ ихъ писаніяхъ и отсутствіе у нихъ тѣхъ истинныхъ знаній, которыя они покрывали пустою шумихою словъ и внѣшнимъ проявленіемъ фальшиваго благородства чувствъ. Врядъ ли какой изъ нашихъ писателей совершилъ столько литературныхъ турнировъ, «анкроморскихъ битвъ», по его собственному выраженію, какъ именно В. П. Буренинъ на протяженіи первыхъ 25 лѣтъ своего сотрудничества въ «Новомъ Времени». Но не только въ области специально-литературныхъ дѣлъ подвизался онъ, и дѣла общественныя, дѣла редакціонныя стали объектомъ его заботы и труда. Молодая газета должна была создать себѣ положеніе, должна была отбиваться отъ насѣдавшихъ на нее враговъ и, если К. А. Скальковскій въ имъ первымъ заведенномъ газетномъ отдѣлѣ «Среди газетъ и журналовъ» до извѣстной степени имѣеть за собою тутъ заслуги, то не

меньше этихъ заслугъ выпало на долю В. П. Буренина. Какъ опытный сатирикъ-публицистъ, онъ постоянно самъ вызывалъ противниковъ на бой и, доведя ихъ, что называется, первыми вылазками до бѣлаго каленія и вызвавъ ихъ на неосторожное слово или дѣло, спѣшилъ съ окончательнымъ ударомъ, гвоздя противника къ позорному столбу или къ смѣхотворной кулисѣ и декораціи, очутившись въ каковомъ положеніи, этотъ послѣдній дѣйствительно въ глазахъ публики оказывался смѣшнымъ и терялъ свое прежнее очарованіе. Политическіе мотивы у него слышатся уже рѣже—они стали удѣломъ другихъ газетныхъ отдѣловъ, онъ оставляетъ за собою по преимуществу русскую бытовую общественность и литературную среду, съ которой еженедѣльно оперируетъ въ томъ или иномъ направленіи.

Создавая позицію газетъ, онъ на первыхъ порахъ ведетъ усиленную борьбу съ не всегда искренними тенденціями «Голоса» и его сотрудниковъ, затѣмъ наноситъ почти смертельный ударъ субсидированному «Берегу» Цитовича, вышучиваетъ «Порядокъ» Стасюлевича и въ послѣдніе годы своей борьбы за газету ведетъ непрерывную войну съ «Новостями». Если развернуть его нынѣ вышедшій изъ продажи сборникъ «Стрѣлы», то вы увидите длинный рядъ газетныхъ именъ, которымъ сатирикъ наносилъ свои убійственные визиты, изъ которыхъ каждый являлся, по сознанию его враговъ, для нихъ настоящимъ «скандаломъ».

Таковъ его литературный визитъ А. А. Краевскому «по случаю пятнадцатилѣтія «Голоса»:

Пятнадцать лѣтъ, маститый журналистъ,
Ты издавалъ умѣренный свой «Голосъ»;
Внимая за него зоиловъ свистъ,
Ты постарѣлъ, твой убѣлился волосъ.
По все ль душою, какъ младенецъ, чистъ,
Ты пожиналъ подписки спѣлый колосъ
И выпускалъ свой ежедневный листъ—
И обо всемъ на томъ листѣ молотосъ!
А листъ печатный все переносилъ:
Болтали въ немъ, трудясь по мѣрѣ силъ,
Писцовъ, курьеровъ министерскихъ стая,
Болтали Бильбасовъ, Безобразовъ самъ;
И медь статей ихъ лился по усамъ
У публики, а въ ротъ не попадало...

А вотъ визитъ къ В. А. Полетикѣ, издателю «Биржевыхъ Вѣдомостей»:

О чемъ грустишь, что мраченъ, Полетика?..
Утихъ азартъ за страждущихъ славянъ,
Вновь въ обществѣ господствуетъ «клубника»,
Веселый снова властвуетъ канкаль.

Теперь орломъ въ газетѣ полети-ка
И, предка своего пріавши санъ ¹⁾,
Какъ архіаторъ, исцѣлай отъ тика
Моральнаго безпечныхъ россиянь...
Но ты молчишь на сей призывъ гражданскій?...
Иль ты смущень чумою астраханской?
И отъ нея боишься умереть?
Иль недоволенъ податью акцизной?
— «Ахъ, нѣтъ, не то,—ты молвишь съ укоризной:—
Три у меня подписчика на треть».

Основывается съ помощью правительственной субсидіи для борьбы съ крамолою газета «Берегъ», и въ главѣ ея становится одесскій профессоръ Цитовичъ, при чемъ первая редакціонная скрипка вручается Дьякову-Незлобину ²⁾, и вотъ сатирикъ «Новаго Времени» спѣшитъ къ пришельцамъ съ поздравительною басней, гдѣ заодно бьетъ и по Каткову, и по Дьякову, и по Цитовичу, пытавшемуся на невскихъ берегахъ взять газетный тонъ издателя «Московскихъ Вѣдомостей». Буренинъ пишетъ:

Каткова увидаль Дьяковъ
И говоритъ ему: «послушай-ка, дружище!
Толкують, ты въ статьяхъ великій мастерище:
Хотѣлъ бы я узнать, каковъ
Твой тонъ и каковы воззрѣнья:
Прочти-ка, сдѣлай одолженіе,
Миѣ изъ своихъ «Вѣдомостей»
Передовую погрознѣй?»
Впявъ благосклонно просьбѣ сей дьяковской,
Великій публицистъ московскій
Являть свое искусство сталъ:
Ударилъ громомъ, молнѣей заблесталъ,
На тысячу ладовъ изобличалъ интригу,
Кричалъ патріотически «ура»,
Показывалъ властямъ въ кармагѣ фигу,
Разилъ «мошенниковъ пера»,
Всю невскую печать порочилъ
И бездну всякаго добра
Отъ классицизма родинѣ пророчилъ...
Услышавши знакомыя слова,
Великому внимала вся Москва:
Затихли въ клубѣ аглицкомъ витинъ,
Въ Охотномъ рядѣ мясники
Вдругъ выставили кулаки,
И сдѣлали подъ козырьки
Всѣ пристава и всѣ городовые.

¹⁾ Тутъ авторъ дѣлаетъ колкое примѣчаніе: «Предекъ г. Полетики, кажется, Роландъ Полетика, былъ, по собственному заявленію В. А., архіаторомъ при императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ».

²⁾ Впослѣдствіи фельетонистъ «Новаго Времени» подъ псевдонимомъ «Житель», нынѣ скончавшійся.

Чуть-чуть дыша, Гиляровъ ¹⁾ самъ
 На патріота любовался
 И Ланингъ ²⁾, руки опутивъ по швамъ,
 Курьерски-тупо ухмылялся...
 Катковъ скончалъ. Дьяковъ, уставясь въ землю лбомъ,
 «Изрядно,—говорить,—сказать неложно,
 Тебя безъ скуки слушать можно;
 Но жаль съ Цитовичемъ ты мудрымъ незнакомъ:
 Интригу обличать перомъ
 Еще бь ты болѣ наострился,
 Когда бы у него немножко поучился»...
 Услышавъ судъ такой, Катковъ,
 Блеснувъ юпитеровскимъ взглядомъ,
 Къ Дьякову обернулся задомъ
 И вдругъ... взлетѣлъ до облаковъ
 И тамъ возсѣлъ съ Зевесомъ рядомъ.

Смысль басни сей, я думаю, таковъ:
 Цитовичу съ Дьяковымъ—
 Столпамъ патріотизма повымъ—
 Угнаться будетъ трудно за Катковымъ!

Я особенно охотно привожу здѣсь эту басню—она великолѣпный образецъ сатиры, гдѣ осмѣиваемые схвачены въ типичныхъ чертахъ, обнаружены въ самомъ своемъ газетномъ сокровеніи и тонко вышучены. Тутъ не на что отвѣчать и приходится молчать и покориться бичу сатиры. И такъ многіе изъ наиболѣе осторожныхъ и умныхъ дѣлали, но тѣ, кто не выдерживали Буренинскаго бича, тѣмъ снова не здоровилось и приходилось паки и паки расплачиваться за свои прегрѣшенія.

Особенно сильно доставалось отъ нововременскаго сатирика редактору-издателю «Новостей» и его сотрудникамъ, которыхъ онъ буквально преслѣдовалъ по пятамъ, ловя ихъ на всѣхъ вольныхъ и невольныхъ ошибкахъ, отмѣчая ихъ часто фальшиво взятые ноты, неправильно занятыя общественныя позиціи и ту журнальную безтактность, которою, несомнѣнно, отличался редакціонный составъ «Новостей»,—за что онъ, между прочимъ, какъ извѣстно, заслужилъ нелестную аттестацію Салтыкова-Щедрина. Донималъ ихъ Буренинъ и за своею подписью, и подъ излюбленнымъ имъ псевдонимомъ «Графъ Жасминовъ» изъ «виллы Бланжевыя панталоны», и въ стихахъ, и въ прозѣ, и въ критическихъ фельетонахъ, въ басняхъ, пародіяхъ, драматическихъ отрывкахъ. Наконецъ г. Потовичу стало не вмошь, и онъ рѣшилъ нанести своему злому критику ударъ, объявивъ въ своей газетѣ анкету среди читателей: какъ они, молъ, смотрятъ на дѣятельность критика изъ «Новаго Времени»? Не успѣлъ редакторъ «Новостей» бросить ему своей анкетой вызовъ, какъ

¹⁾ Редакторъ «Современныхъ Извѣстій» въ Москвѣ.

²⁾ Издатель «Русскаго Курьера» въ Москвѣ.

въ его редакцію посыпались обличительныя, нелестныя для В. П. Буренина письма, подписанныя всяческими именами. Критикъ при-
танлся и далъ своему противнику по газетѣ вылить на его голову всё
ушаты грязи; ему важно было поймать удобный моментъ для контръ-
удара, каковой неминуемо со стороны Нотовича долженъ былъ
воспослѣдовать (онъ изучилъ хорошо его газетную психологію), и
дѣйствительно таковой представился въ одномъ для посторонняго
глаза сразу неуловимомъ обстоятельстве а именно въ смѣхотворно-
сти подписей подъ ругательными письмами, безъ сомнѣнія, въ боль-
шомъ числѣ сфабрикованными въ самой редакціи. Такая нелѣпая и
смѣшная подпись нашлась подъ однимъ изъ писемъ, гдѣ обозна-
чено было: «Моржъ». Ловкій полемистъ подхватилъ это смѣшное
обстоятельство и въ отвѣтъ на обрушенную на его голову ру-
гань отвѣтилъ драматической картиной, имѣющей своего рода
автобиографическое значеніе, такъ какъ здѣсь онъ собралъ довольно
полно всёхъ тѣхъ, кому онъ успѣлъ, какъ критикъ, досадить, и от-
мѣтилъ, по какому поводу это досажденіе произведено. Отвѣтъ Бу-
ренина въ формѣ «драматической картины» настолько характеренъ
для его писательскаго облика и представляетъ такое мастерство
полемическаго приѣма, что я привожу его полностью.

VIII.

РАСКАЯНІЕ БУРЕНИНА ГРОЗНАГО.

Драматическая картина.

Л п ц а:

Буренинъ Грозный, критикъ.

Муза критики.

Тѣни еврейскихъ поэтовъ и сотрудниковъ «Новостей»,

Сцена представляетъ кабинетъ грознаго критика. По стѣнамъ развѣ-
шаны критическія лозы и бичи Эвменидъ; въ углахъ разставлены чу-
чела литературныхъ бездарностей и посредственностей, пронзенныхъ
эпиграмами. Столъ заваленъ книгами. Большое кресло въ родѣ трона.

Буренинъ сидитъ у стола на креслѣ. Около него Муза критики. Въ
глубинѣ сцены дрожація тѣни.

Б У Р Е Н И Н Ъ.

Возьми-ка, Муза, отопри портфель,
Синодикъ вынь оттуда: записалъ я
Въ синодикъ томъ всёхъ, кого сказнилъ
За ложь, посредственность или бездарность

Разборомъ строгимъ и насмѣшкой ѣдкой!
Прочти мнѣ вслухъ—возьми перо—и если
Кого-нибудь еще припомню я,
Того ты впишешь!

МУЗА КРИТИКИ (береть перо и читаетъ):

«Упокой, Господь,
Твоихъ рабовъ: Градовскаго Григорья,
Потовича Юзефа, псцовъ
Бездвѣтнѣйшихъ статей и фельетонновъ
Михневича, Модестова и всѣхъ
Обрѣзанныхъ сотрудниковъ газеты
Еврейской, самой честной и большой.
Помилуй Засодимскаго Архина
И Карпа Отпущенскаго, Петра
Бобрыкина, что пыткой народной
Былъ мною мучимъ за парижскій шпкъ
Романовъ безконечныхъ и статеекъ,
Исполненныхъ бульварной пустоты,
Написанныхъ съ великимъ самолюбьемъ.
Помилуй Стасова Владимира и съ нимъ
Варраву Антокольскаго, которыхъ
Осмѣивалъ я: одного за ложь
Надутую о музыкальной «кучкѣ»,
За грубое безвкусіе въ оцѣнкѣ
Художниковъ и русскихъ и чужихъ;
Другого—за еврейское нахальство
И шарлатанство. Отпусти грѣхи
Хаиму Фругу, Минскому Онану,
Мисаху Пейсу, Чижикю, Прыцу,
Свищу и Пузырю и всѣмъ пнтамъ
Россійскимъ и израильскимъ, числомъ
Не менѣе двухсотъ...»

Б У Р Е Н И Н Ъ [блѣдный, трепещущимъ голосомъ:]

Постой,—какъ двѣсти?
Ихъ было болѣе—двѣсти пятьдесятъ!

МУЗА [пишетъ и продолжаетъ]:

«Помилуй, Господи, и упокой
Михайлу Стасюлевича, чью честь я
Похитилъ и въ плѣненіи держалъ,
Пока Спасовичъ, по суду, обратно
Не водворилъ ту честь ея владѣльцу.

Евгеня Утина и словоблуда
 Великаго, что писареву дщерь
 Подвигъ на покушенье ¹⁾. Всѣхъ бездарныхъ,
 Посредственныхъ, банальныхъ беллетристовъ
 И беллетристокъ. Виктора Крылова,
 Мещерскаго и разныхъ драматурговъ
 И дармоѣдовъ, ихъ же имена
 Ты вѣси, Господи...»

Б У Р Е Н И Н Ъ [въ ужасѣ приподнимается съ
 кресла, волосы на его головѣ вста-
 ютъ дыбомъ],

Постой, забылъ
 Я Надсона вписать: его убилъ я
 Пародіей и вмѣстѣ съ нимъ ту женку,
 Что назвала сама себя облыжно
 Графиной Лидой: ее сгубилъ
 Я, грѣшникъ окаянный, фельетономъ

[Обращается къ тѣнямъ Нотовича, Градовскаго,
 Минскаго, Фруга и другихъ].

Вы, тѣни блѣдныя Тряничкиныхъ, и вы,
 Питы, риѳмоплеты изъ евреевъ!
 Межь вами нѣтъ ни одного, кого бы
 Не оскорбилъ я словомъ и перомъ,
 Запѣ въ бездарности и глупости равны вы—
 Простите мнѣ. Ты, Минскій, ты, Михневичъ,
 Ты, Фругъ Хаимъ, и ты, Градовскій, ты...

т ѣ н ь г. н о т о в и ч а.

Помилуй, государь. Тебѣ ль у насъ
 Прощеніе просить?..

Б У Р Е Н И Н Ъ.

Молчи, еврей!

Я каяться и унижаться властенъ
 Предъ кѣмъ хочу! Молчи и слушай. Каюсь:
 Душою весель, разумомъ насмѣшливъ,
 Прельстился я гремушками сатиры
 И въ фельетонахъ легкихъ и «смѣшныхъ»,
 Для чтенія удобныхъ, постоянно
 Изобличалъ посредственность и глупость.

¹⁾ Примѣч. В. Б.: «Т. е. адвоката г. Александрова, нынѣ весьма забытаго, но когда-то погрѣмѣвшаго зацѣпой «блудливыхъ вдовъ» и случаемъ съ дочерью писаря, которая хотѣла его заколотъ книжаломъ въ стѣнахъ окружающаго суда».

Что появилась на столбцахъ газетъ
 И на листахъ журналовъ. Не мирволилъ
 Нахаламъ изъ застольныхъ болтуновъ
 И псевдо-либеральныхъ шарлатановъ!
 Свое перо я часто упражнялъ
 Въ пародіяхъ и шуткахъ, отъ которыхъ
 Читатели невольно веселились
 И плакали писаки «Новостей»...
 Но каюсь нынѣ я въ грѣхахъ великихъ
 И несказуемыхъ: меня къ тому
 Своими увѣщаньями подвигли
 Тряпичкины «изъ публички»: Налимовъ,
 Аркадій Немировскій, Скинъ, Курчавый,
 Стриговичи два брата, Кубитовичъ,
 Дворжицкій, Богдановичъ, Головской
 И прочіе, межъ всѣми жъ наипаче
 Невѣдомый, что назвался Моржомъ ¹⁾.

[Пролливаетъ слезы раскаянія].

З а н а в ѣ с ь.

Вотъ образчикъ полемическихъ отвѣтовъ В. П. Буреница, изъ котораго становится вполнѣ понятнымъ, поскольку опасно его самого задѣвать и бросать ему перчатку. Литературная расправа его коротка и характерна: всѣ одностайные, подлежащіе бичеванію, срублены въ одну кучу, облиты горячимъ потокомъ сатирическаго смѣха и пригвождены къ шутковской декораціи, заставляющей невольно читателей отъ души смѣяться. Эта расправа не страдаетъ отсутствіемъ въ ней добродушія, она ядовита, зла, желчна, но... по дѣломъ вору и мука: другой разъ не суйся въ воду, не зная литературнаго брода. Изъ этой, какъ уже сказано выше, шутливой автобіографіи или, правильнѣе, литературнаго послужнаго списка, усматривается, какъ великъ кругъ его полемики, кто въ этотъ кругъ попалъ и по какимъ поводамъ. Но списокъ этотъ, конечно, далеко и далеко не полонъ, или, можно сказать, не обнимаетъ собою и сотой доли тѣхъ, кто былъ пронзенъ стрѣлою графа Жасминова. Даже если просмотрѣть всѣ выпущенные имъ сборники, по преимуществу стихотворныхъ и драматическихъ произведеній, подъ названіями: «Стихотворенія», «Пѣсни и шаржи», «Стрѣлы», «Очерки и пародіи», «Пипа и Пуся», «Мертвая нога» и «Романъ въ Кисловодскѣ» ²⁾, «Хвостъ», «Горе отъ глупости», то даже и отсюда не получаешь мало-мальски полнаго представленія объ его сокрушительной полемической дѣятельности, такъ какъ

¹⁾ Г. г. Налимовъ, Курчавый и проч., до Моржа включительно — писатели-добровольцы, вызванные г. Нотовичемъ «изъ публички».

²⁾ Оба эти произведенія вышли нынѣ седьмымъ изданіемъ.

въ этихъ сборникахъ заключены лишь по преимуществу стихотворные, беллетристическіе и драматическіе его памфлеты. Громадное же количество его критическихъ произведеній, изъ которыхъ очень многіе имѣютъ большую цѣнность, не изданы и, по видимому, пропали для потомства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, должно признаться, на нихъ воспитались цѣлыя поколѣнія современниковъ, какъ изъ числа пишущихъ, такъ и изъ числа простыхъ обывателей. Эти фельетоны обнимаютъ собою текущую литературу, поскольку она вырастала и развивалась въ періодъ его тридцатипятилѣтней работы въ «Новомъ Времени», и хотя они носятъ, на себѣ характеръ преходящій, тѣмъ не менѣе для исторіи нашихъ литературныхъ эволюцій, нашихъ общественныхъ движеній и характеристикъ писателей могли бы, собранные воедино, представить, несомнѣнно, большой интересъ и, пожалуй, даже воспитательное значеніе для грядущихъ поколѣній.

VIII.

Разбирая извѣстное произведеніе, подлежащее его текущему суду, критикъ по большей части устанавливаетъ его эстетическое и общественное значеніе и отсюда выноситъ тотъ или иной приговоръ ихъ автору. Многіе изъ числа послѣднихъ, какъ я уже говорилъ, были имъ поддержаны на первыхъ порахъ ихъ литературной дѣятельности, когда они числились въ разрядѣ «подающихъ надежды» и когда критикъ усматривалъ въ нихъ простоту, искренность и отсутствіе чопорнаго тщеславія и претензіи на «безсмертіе». Но вотъ проходили годы, поддержанный въ свое время писатель окрѣпъ и, подъ вліяніемъ по большей части неумѣренныхъ своихъ литературныхъ друзей и почитателей, закинулъ гордо голову и началъ проявлять явную манію. Съ этого момента мнѣніе критика о такого рода писателѣ рѣзко мѣняется, и онъ изъ бывшаго друга становится его гонителемъ, усматривая въ его дѣятельности нѣчто вредное для литературы и общественности. Тогда онъ начинаетъ его бичевать, высмѣивать и выворачивать на смѣхотворный ладъ. Г. Мережковскій, Фругъ и главнѣйше Надсонъ въ этомъ отношеніи особенно отъ него пострадали, причемъ исторія съ Надсономъ послужила для г. Буренина источникомъ немалыхъ литературныхъ непріятностей. Какъ извѣстно, этотъ даровитый юноша-поэтъ на первыхъ порахъ своей поэтической карьеры заслужилъ одобреніе нашего критика, но затѣмъ критика, исключительно хвалившая авторовъ за ихъ гражданскіе мотивы и нашедшая у молодого писателя наличіе таковыхъ мотивовъ, стала усиленно мусировать его значеніе въ нашей текущей литературѣ и создавать изъ него своего рода идола. Надсонъ, будучи уже во власти злой болѣзни—чахотки, съ своей стороны, сдѣлалъ нѣсколько фальшивыхъ шаговъ, и вотъ

В. П. Буренинъ успѣшилъ высѣчь поэта, повидимому, даже будучи въ неизвѣстности объ его болѣзненномъ состояніи, въ назиданіе и ему самому и другимъ ему подобнымъ, а также въ назиданіе и не въ мѣру его старательнымъ поклонникамъ и поклонницамъ. Походъ Буренина противъ поэта совпалъ съ обостреніемъ болѣзненного состоянія чахоточпаго, и онъ какъ разъ въ это самое время отошелъ въ вѣчность. И вотъ судъ потомства, раструбленный по всеѣмъ многочисленнымъ и враждебнымъ изданіямъ и «Новому Времени» и самому критику, состоялся: именно онъ виновенъ въ смерти поэта, онъ его убійца! Слѣлая легенда имѣла успѣхъ, и имя В. П. Буренина стало своего рода притчею во языцѣхъ въ лѣвомъ либеральномъ и радикальномъ лагерѣ печати, наиболѣе, какъ извѣстно, вліятельномъ и многочисленномъ въ нашемъ обществѣ, по крайней мѣрѣ до послѣднихъ реформенныхъ годовъ, откуда уже по преданію и по наслышкѣ эта нелѣпная легенда поползла къ свѣдѣнію грядущихъ поколѣній. На все нападки въ этомъ направленіи сатирикъ отвѣчалъ рѣзкими памфлетами—«Простраціо Кисляйо-Кисляканти», «Смерть комара» и др., гдѣ старательно вышучивалъ и эту легенду, и всеѣхъ тѣхъ, кто къ ней имѣлъ то или иное касательство. Въ литературѣ созданъ совершенно искусственно такимъ образомъ инцидентъ, который своей концепціей обстоятельство пошелъ на пользу популярности скончавшагося поэта и въ ущербъ критику, и на этомъ инцидентѣ въ значительной степени было базировано нерасположеніе къ послѣднему многихъ группъ. Сюда еще примѣшался еврейскій вопросъ, мнѣніе о которомъ нашего писателя хорошо извѣстно читателямъ, и весь литературный пожаръ станетъ намъ хорошо понятенъ. Въ настоящее время, когда страсти улеглись и время сдѣлало свое успокоительное дѣйствіе, даже въ либеральной публицистикѣ произнесенъ рѣшительный приговоръ: такъ еще недавно одинъ извѣстный публицистъ Solus на страницахъ «Виржевыхъ Вѣдомостей» открыто рѣшился сказать правду: Надсонъ умеръ отъ чахотки, а не отъ Буренина, и писалъ бы послѣдній, или нѣтъ о немъ,—онъ все равно померъ бы съ литературной ложью нынѣ, такимъ образомъ, покончено, какъ равно для современнаго поколѣнія читателя ясно, что Надсонъ не былъ поэтомъ того высокаго ранга, куда его старались втиснуть кумовья и кумушки литературы. И въ данномъ случаѣ основная правда остается на сторонѣ критика, и вина его лишь въ томъ, если тутъ только есть какая-нибудь вина, что онъ былъ въ своей полемикѣ по поводу Надсона слишкомъ рѣзокъ, особенно имѣя въ виду свѣжесть недавно засыпанной могилы.

Въ меньшей степени, нежели въ исторіи съ Надсономъ, пришлось разойтись В. П. Буренину со многими представителями литературнаго міра и въ оцѣнкѣ Чехова, которому онъ же первый проложилъ широкую литературную дорогу, но въ которомъ, послѣ того, какъ ему сталъ не въ мѣру старательно кланяться, онъ не пожелалъ

признать той степени первокласснаго значенія, какое ему старались придать. И въ вопросѣ о Надсонѣ, и въ вопросѣ о Чеховѣ критикъ сохранилъ полную независимость отъ всякихъ оказанныхъ на него давленій, даже отчасти въ родственномъ газетномъ редакціонномъ кругу, гдѣ, между прочимъ, издатель «Новаго Времени» держался въ своемъ взглядѣ на обоихъ писателей нѣсколько иной точки зрѣнія, нежели его старый другъ—независимый критикъ. Если мы видимъ такую абсолютную независимость критической работы писателя въ отношеніи, какъ-никакъ, а патронируемыхъ издателемъ писателей, то она еще болѣе бросается въ глаза, если мы, ознакомившись съ его поэмой въ прозѣ «Хвостъ», увидимъ, какъ онъ безощадно насмѣшливо выставилъ здѣсь въ ряду другихъ дѣйствующихъ лицъ подъ прозрачнымъ псевдонимомъ «дѣйствительнаго статскаго Папильона» своего товарища по редакціонной работѣ, нынѣ умершаго уже Скальковскаго; отмѣтилъ въ насмѣшливой формѣ его страсть къ командировкамъ и вообще создалъ изъ него тотъ собирательный типъ, который, несомнѣнно, существуетъ въ нашихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. «Хвостъ» это широкая столичная панорама, гдѣ дѣйствующими лицами подъ смѣшными наименованіями фигурируютъ разныя знакомыя въ исторіи русской общественности лица и гдѣ отмѣчены на фонѣ пустоты дѣйствительно серьезныхъ интересовъ ихъ смѣшныя претензіи, замашки, занятія, убѣжденія и пр. Въ одномъ родѣ съ «Хвостомъ» изъ-подъ его пера выходятъ и другія прозаическія сатирическія произведенія, то въ формѣ беллетристической, то драматической, гдѣ опять-таки всѣ тѣ, которыхъ онъ въ свое время высмѣивалъ въ критическихъ фельетонахъ, снова собраны въ одну кучу и представлены на фонѣ пустой и безсодержательной жизни. Сюда относятся «Шипа и Пуся», или «Горе отъ глупости», наиболѣе пространно разработанная имъ сатира. Надсонъ, Фругъ, Минскій, Градовскій, Боборыкинъ, Владимиръ Стасовъ (Вавило Барабановъ), Скальковскій (Папильонъ), критикъ Скабичевскій драматургъ Викторъ Александровъ, Аверкіевъ, Авсѣенко и т. д., и т. д.—вотъ тѣ персонажи, которыхъ онъ съ особенною сатирическою любовью живописуетъ, пѣходя раздавая щелчки и разнымъ другимъ дѣятелямъ нашей общественности (въ особенности адвокатамъ). Повторяя уже сказанное—его сатира, изученная въ послѣдовательности и въ ея цѣломъ, широкая хроника столичной жизни, занесенная на скрижали литературы въ ея подноготной изнанкѣ.

Высмѣивая отдѣльныхъ лицъ, онъ съ не меньшей сатирой обрушивается и на разныя неладныя у насъ общественныя явленія, напримѣръ, на дѣйствительно смѣшныя уголовныя процессы, поскольку въ нихъ отразились процессуальные деффе́кты (см., напримѣръ, его таинственный процессъ «Мертвая нога», гдѣ дана удивительно острая пародія на столь нашумѣвшій въ свое время «про-

цессъ Мироновича»), на страсть нашихъ барынь къ сенсационнымъ уголовнымъ дѣламъ, на увлеченіе русской публики малороссійскимъ театромъ и, рядомъ съ этимъ, на проповѣдь со стороны нѣкоторыхъ нашихъ украинофиловъ малороссійскаго движенія. Здѣсь ему дали богатую пищу своими писаніями покойные Гайдебуровъ и Мордовцевъ въ удивительно комической написанной имъ драмѣ въ одномъ дѣйствіи «Чукъ, чукъ, чумандра», съ ея казачкомъ, сентиментальной слезливостью, постоянными горилками и тою искусственно этнографическою буффонадою, которыя, несомнѣнно, существуютъ на малороссійской сценѣ. Въ данномъ случаѣ онъ опять-таки разошелся въ оцѣнкѣ значенія и сути малороссійской драматургіи и малороссійскаго театра со своимъ другомъ-издателемъ, явившимся, какъ извѣстно, у насъ горячимъ сторонникомъ украинской труппы и ея театра и безъ содѣйствія котораго въ нашей журналистикѣ Кроповницкимъ, Занковецкимъ и др. врядъ ли бы удалось занять въ столицѣ столь твердое положеніе, которое помогъ имъ создать себѣ именно А. С. Суворинъ.

Невозможно, совершенно невозможно прослѣдить все разнообразіе прозаической и драматической сатиры В. П. Буренина—она безконечна, отъ нея не ускользнуло ничто изъ нашей общественности, что рѣзко бросалось въ глаза въ періодъ 80-хъ—90-хъ годовъ. Въ послѣднее изъ указанныхъ десятилѣтій онъ съ особенною силою ополчился противъ фальшиваго декадентства, проникшаго шарлатанскимъ путемъ въ нашу литературу, искусство, жизнь. Онъ былъ первымъ, который отмѣтилъ эту вредную общественную струю, первый выставилъ ее въ надлежащемъ освѣщеніи въ нашей журналистикѣ и создалъ изъ «символистовъ» и «декадентовъ» тотъ отрицательный литературный типъ, который нынѣ намъ ясенъ своимъ убогимъ идейнымъ содержаніемъ и крикливостью своего внѣшняго образа. Походъ противъ декадентовъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ его походовъ, и въ поэтическомъ произведеніи «Голубые звуки и бѣлыя поэмы» онъ съ большимъ искусствомъ выставилъ на посмѣяніе это претенціозное направленіе, сумѣвъ легко справиться съ приемами декадентской версификаціи и обнаруживъ за звономъ этой версификаціи пустоту содержанія. На всѣ завыванія поэтовъ-символистовъ и декадентовъ, раздавшіяся въ нашей печати, онъ отвѣчалъ имъ въ сатирической унисонъ и, напримѣръ, такими стихами:

ПРИДИ

Въ золотистыхъ предмѣстіяхъ моей души
 Гуляютъ голубыя курицы съ бѣлокурыми волосами,
 Онѣ клокчуть въ сонной нѣгѣ, а земное сомнѣніе
 Запѣваетъ свою печальную, трупную пѣсню,
 Бѣлыя думы, оранжевыя мечты о счастья,
 Будто мотыльки въ вечерній часъ надъ тростникомъ,

Кружатся и трепещутъ надъ лазурью моего сердца,
Отражающаго теплыя муки и отблески любви.

Приди, о приди, мое божество, моя тихая ласка!
Мѣсяць уже завелъ блѣдную музыку своихъ мечтательно-
вдумчивыхъ лучей.

Фиолетовые тоскующіе ароматы
Обвѣвають замирающую отъ страсти землю...
Приди!

Если девяностые годы въ его литературной дѣятельности замечательны удачной и непрерывной борьбой съ декадентствомъ, то въ текущемъ десятилѣтіи онъ выступаетъ рѣзкимъ обличителемъ порнографической струи, столь обильно подъ влияніемъ нашего освободительнаго движенія» прососавшейся въ нашу журналистику и обратившей такъ называемый «половой вопросъ» въ центръ общаго вниманія и тяготѣнія. Какъ и въ борьбѣ съ декадентствомъ, а, пожалуй, и того сильнѣе, В. П. Буренинъ безпощадно строгъ и немилосерденъ къ представителямъ этой зазнавшейся порнографической и половой литературы, усматривая въ ней развращающее влияніе на нашу общественность и своего рода дешевую монету, пущенную ловкими руками въ ходъ во имя далеко не идеальныхъ и не идейныхъ цѣлей. Всѣ представители этой литературы подверглись съ его стороны усиленному обличенію, и если въ этихъ обличеніяхъ мы, быть можетъ, не усматриваемъ его обычной силы сатиры, то объясненіе этому надо искать не столько въ свойствахъ его полемическаго современнаго пера, сколько въ скользкости, опасности самой темы, гдѣ сплошь и рядомъ сатирику невозможно оставаться на ступени благопристойности. Тутъ шаржъ, тонкій, ему обычно свойственный, почти невозможенъ, и писателю приходится держаться программы простого изобличенія «клубничности этого движенія», его гешефтмахерства съ негодными цѣлями. Борьба въ этомъ направленіи В. П. Буренина далеко еще не закончена и, какъ моментъ текущаго интереса, не подлежитъ нашему историческому суду. Не коснемся мы и сатирическаго развѣчиванія критикомъ романтическо-соціалъ-демократической беллетристики Максима Горькаго. Въ виду нѣкоторыхъ новыхъ явно сквозящихъ въ произведеніяхъ этого писателя тенденцій, В. П. Буренинъ не произнесъ еще надъ нимъ своего послѣдняго слова и пока лишь ехидно смѣется надъ фальшивымъ ореоломъ слова, которымъ покрыли голову этого, правда, талантливаго писателя его шумные истолкователи и критики, производящіе его въ чинъ «генія».

Начиная со второй половины 80-хъ годовъ онъ ведетъ и усиленную кампанію противъ просачиванія въ русскую журналистику еврейской струи, противъ перехода почти всей нашей печати въ еврейскія руки и противъ порчи еврейскими публици-

стамъ русской литературной рѣчи. Въ этомъ вопросѣ онъ неумолимъ и, не касаясь еврейскаго вопроса съ политической стороны, громить его, какъ бытовое и литературное явленіе.

IX.

Я долго, можетъ быть, слишкомъ долго, остановился на полемической и сатирической сторонѣ дѣятельности писателя, но въ данномъ случаѣ въ пользу мою говорить самъ очерчиваемый мною авторъ, соблазнившій и увлекшій меня блескомъ этой стороны своего таланта. Я думаю, что, заставивъ его самого говорить въ цитированныхъ мною въ такомъ изобиліи отрывкахъ его произведеній, я всего удачнѣе возстановилъ его характерный литературный образъ: живая сила красокъ, переливающихся, сверкающихъ прихотливымъ разнообразіемъ своихъ отвѣтовъ, лучшій матеріалъ въ рукахъ изслѣдователя, нежели его собственные робкіе и теоретическіе домыслы. Полемическая сатира, вызванная въ памяти читателей, несомнѣнно доставитъ имъ удовольствіе и побудитъ обратиться съ благодарностью къ тому, который, по его собственнымъ словамъ, «въ пародіяхъ и шуткахъ веселитъ читателей на протяженіи столь многихъ лѣтъ, доставляя имъ жизненный отдыхъ и полезную забаву.»

Но я уже въ началѣ статьи говорилъ, что историко-литературное значеніе В. П. Буренина заключается не только въ этихъ полемическихъ наѣздахъ, она не въ меньшей степени покоится и на тѣхъ положительныхъ характера, утвердительныхъ, такъ сказать, его трудахъ, гдѣ я усматриваю оборону отечественной словесности отъ неправильнаго ея суда и истолкованія. Эта положительная, созидательная сторона его работы заключается въ тѣхъ его критическихъ и историко-литературныхъ статьяхъ и фельетонахъ, въ тѣхъ его монографіяхъ, которыя имъ были посвящены нашимъ классикамъ, тѣмъ нашимъ представителямъ литературы, которые явились красою и гордостью своего народа, своей страны и противъ которыхъ, въ интересахъ, мало общаго имѣющихъ съ сущію и содержаніемъ ихъ дарованія и труда, вели нѣкоторые критики и публицисты непристойный походъ на страницахъ нашихъ газетъ и журналовъ. Увы, въ данномъ случаѣ нашъ критикъ на протяженіи своей многолѣтней дѣятельности не очень баловалъ своихъ читателей, и наслѣдіе, имъ тутъ накопленное, хотя и очень цѣнное по качеству, но довольно небольшое по объему. Онъ далъ всего одну большую относительно монографію объ И. С. Тургеневѣ, вышедшую въ 1884 году отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: «Литературная дѣятельность Тургенева», и небольшую книгу «Критическихъ этюдовъ» (изд. въ 1888 г.), гдѣ высказалъ свое мнѣніе о Пушкинѣ, Лермонтовѣ,

Гоголь, Гончаровъ, Достоевскомъ по поводу опубликованной біографіи и писемъ его и гдѣ далъ замѣчательное для своего времени освѣщеніе личности и дѣятельности Л. Н. Толстого. Наиболее характернымъ можетъ считаться то, что имъ сказано о Толстомъ и Тургеневѣ, гдѣ онъ, вопреки нѣкоторымъ фальшивымъ теченіямъ въ нашей журналистикѣ, болѣе 25 лѣтъ тому назадъ, очень опредѣленно установилъ точки зрѣнія на этихъ писателяхъ, каковыя точки зрѣнія нынѣ стали общимъ достояніемъ. Особенно важно то, что имъ было писано о гр. Л. Н. Толстомъ, котораго въ то время нѣкоторые наши публицисты и критики, какъ Михайловскій, Скабичевскій, сотрудники «Вѣстника Европы», «Новостей» и др., пытались до известной степени развѣнчать и, въ интересахъ политико-общественныхъ тенденцій, представить не въ столь выгодномъ освѣщеніи, котораго нашъ гениальный писатель заслуживалъ даже тогда. Тутъ заслуга В. П. Буренина неизмѣрима: онъ, приблизившись къ великому человѣку, своимъ тонкимъ эстетическимъ пониманіемъ, своимъ широкимъ и просвѣщеннымъ взглядомъ умнаго критика и русскаго человѣка сразу опредѣлилъ цѣнность его дарованія и его литературныхъ произведеній и поставилъ его на ту вершину нашей литературы, куда всѣ критики и публицисты впоследствии, несомнѣнно, его также поставили. Но Буренинъ сдѣлалъ это первый, исходя изъ оцѣнки и пониманія самаго дарованія писателя, а позднѣйшіе его истолкователи, поклонники и двѣрамбисты были побуждены къ тому лишь соображеніями политико-общественнаго порядка, когда они уловили въ произведеніяхъ янополянскаго мудреца ту протестующую личность, которая давала имъ легкую возможность пристегнуть свою оппозиціонную правительству дѣятельность къ личности гениальнаго человѣка. В. П. Буренинъ прозрѣлъ, на ряду съ Н. Н. Страховымъ, значеніе и обаяніе Л. Н. Толстого еще въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ и уже тогда поплылъ грудью на защиту автора «Войны и мира», какъ мыслителя и представителя опредѣленныхъ философскихъ доктринъ, противъ образовавшихся теченія въ нашей журналистикѣ,

Въ сильно и полемически написанной статьѣ «Журнальный походъ противъ графа Л. Н. Толстого», въ 3-й главѣ (см. «Критическіе этюды») онъ говоритъ:

Въ то время, какъ европейская критика вообще и французская въ особенности все больше и больше проникается удивленіемъ и уваженіемъ къ художественному и мыслительному гению гр. Л. Н. Толстого, наши доморожденные критикалы ополчаются дружнымъ походомъ противъ знаменитаго писателя, ополчаются какъ бы въ подтвержденіе той истины, что пророкомъ нельзя быть въ своемъ отечествѣ. Въ журнальныхъ нападеніяхъ или, вѣрнѣе, въ журнальныхъ попрекахъ и намекахъ, направленныхъ на гр. Толстого, подаютъ другъ другу руку цѣнители и судьи самыхъ разнообразныхъ направленій. Quasi-радикаль г. Михайловскій сходится съ православнымъ ультраконсерваторомъ кн. Мещер-

скимъ, фальшивый либераль Григорій Градовскій обнимается съ право-вѣрно-семинарскимъ патриотомъ Гиляровымъ-Платоновымъ. Всѣ эти «представители» разныхъ «партій» одинаково недовольны той правдой, которую смѣло высказалъ авторъ «Исповѣди» въ своихъ поучительныхъ статьяхъ послѣдняго періода, и тѣмъ направленіемъ, которое выражается въ названныхъ статьяхъ; всѣ эти поставщики шаблоннаго журнализма, уподобляясь Расплюеву, «охотно привираютъ» въ своихъ ратованіяхъ противъ правды, высказываемой гениальнымъ художникомъ и мыслителемъ, и не менѣе охотно бросаютъ въ него комками своей грязной ироніи и насмѣшки, своего мелочнаго и порой сплетническаго недомыслия и суеты.

Эти господа Михайловскіе Мещерскіе, Градовскіе, Гиляровы, недостойные развязать ремень сапога гр. Толстого, тѣмъ не менѣе нисколько не церемонятся въ грубыхъ намекахъ и попрекахъ писателю, который своими произведеніями поднялъ русскую литературу на высоту литературы всемірной и заставилъ европейскую критику отнестись къ этой литературѣ съ такимъ серьезнымъ вниманіемъ, какого прежде въ помянутой критикѣ не замѣчалось. Они, конечно, тоже признаютъ величіе Толстого, какъ художника, они даже любятъ его, ахъ, какъ искренно и горячо его любятъ, но признаніе гениальнаго таланта въ авторѣ «Войны и мира» и пламенная любовь не мѣшаютъ имъ относиться къ Толстому-мыслителю такимъ образомъ, какъ будто бы они, поставщики журнальнаго радикализма, консерватизма и либерализма, необыкновенно просвѣщенные, привилегированные умы, а онъ, хоть и великій талантъ, да зато мало-свѣдущій и чуть ли даже не свихнувшійся немного. Они, видите ли, соглашаются, что прямое дѣло гр. Толстого писать романы и повѣсти и что въ этомъ дѣлѣ онъ дѣйствительно далеко ушелъ; только этимъ дѣломъ они и совѣтуютъ заниматься великому писателю; тутъ-де онъ полный хозяинъ; но разъ онъ выходитъ изъ области художественнаго творчества и вступаетъ въ область мыслителя—о, тутъ онъ сейчасъ же становится ниже не только всякой критики, а даже всякихъ критиковъ, тутъ ужъ они полные хозяева и учителя, а Толстой передъ ними не только ученикъ, но даже юродивый. Тутъ гений великаго писателя разомъ упадаетъ до того, что какой-нибудь бездарный кропатель мнимо-великосвѣтскихъ романовъ князь Мещерскій начинаетъ сожалѣть Толстого, а умъ автора «Смерти Ивана Ильича» вдругъ затмевается до такой степени, что надъ нимъ превосходятъ такіе философы, какъ гг. Михайловскій и Григорій Градовскій! Паденіе гениа и затмѣніе ума гр. Толстого при выходѣ его въ роли мыслителя такъ велико, что гг. Мещерскіе, Михайловскіе, Градовскіе, Гиляровы при всей своей любви къ нему, какъ къ художнику, начинаютъ искренно сожалѣть его, начинаютъ надъ нимъ глумиться, какъ надъ школьникомъ, начинаютъ даже ругаться.

А далѣе онъ резюмируетъ свое мнѣніе о Толстомъ такъ:

Однако, оставивъ въ сторонѣ всѣ наглости, грубости и низости, расточаемыя посредственностями въ походѣ противъ гениальнаго писателя, небезытересно опредѣлить, чѣмъ вызвалъ этотъ походъ гр. Толстой, въ чемъ онъ провинился за послѣднее время, какъ предъ лже-консервативными, такъ равно и предъ лже-либеральными партіями или кликами нашей журналистики. О, его вина несомнѣнна, его «преступленія» довольно велики», какъ выразился когда-то поэтъ-омонимъ автора «Войны и мира». Предъ лже-консерваторами онъ провинился тѣмъ, что дерзнулъ назвать лицемѣриемъ ихъ ханжеское формальное благочестіе, дерзнулъ прямо и рѣзко заявить, что это фарисейское благочестіе

очень далеко отъ христіанскаго идеала, дерзнулъ указать этотъ христіанскій идеалъ во всей его настоящей чистотѣ и простотѣ... Предъ либералами онъ провинился еще больше. Онъ дерзнулъ высказать, что то, что они выдаютъ за рациональную науку, отъ которой они ждутъ всякихъ социальныхъ и моральныхъ благъ, на самомъ дѣлѣ есть безплодное и мертвое формальное знаніе пустыхъ системъ и мнимыхъ наблюденій надъ явлениями природы. Высказавъ это, онъ обидѣлъ всѣхъ россійскихъ прихвостней «европейской» учености, подвизавшихся въ мнимо-научной болтовнѣ на страницахъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Онъ дерзнулъ заявить, что то великое и руководящее всѣми либеральными стремленіями божество, которое они зовутъ прогрессомъ и предъ которымъ отбиваютъ лбы въ поклоненіи ему—что это великое божество не болѣе, какъ пустой идолъ. Онъ не только заявилъ, но и доказалъ очень резонно, а главное очень толково и просто, безъ всякихъ фигурствъ мнимаго знанія, что понятие прогресса не подкрѣпляется никакими фактами, что это понятіе—одна изъ самыхъ вздорныхъ фантазмагорій, изобрѣтенныхъ либеральными мудрецами для собственнаго утѣшенія и услажденія. Заявивъ такую ужасную вещь и доказавъ ее, графъ Толстой, такъ сказать, отнялъ у поборниковъ либерализма самую красивую и самую нарядную куколку, которой они привыкли забавляться столько времени сами и забавляли такъ удачно простодушныхъ людей, вѣрившихъ, что игра этой куколкой—серьезное служеніе благу и пользѣ человѣчества. Графъ Толстой разъяснилъ и твердо установилъ, какъ одинъ изъ краеугольныхъ камней христіанской морали, принципъ «непротивленія злу». Установленіемъ этого принципа онъ отнялъ у либераловъ одно изъ самыхъ существенныхъ ихъ занятій—стремленіе къ насильственнымъ реформамъ и къ такъ называемой оппозиціи. Наконецъ—о, тягчайшее изъ всѣхъ преступленій, которому нѣтъ и не будетъ прощенія ни въ здѣшнемъ мірѣ, ни въ будущемъ!—графъ Толстой заявилъ, что прямое и высшее назначеніе женщины—рожать и вскармливать дѣтей, что для этого истинно женскаго дѣла женщинамъ нѣтъ надобности стремиться къ такъ называемой равноправности съ мужчинами, что вообще для нихъ не требуется изученія естественныхъ и неестественныхъ наукъ на разныхъ «высшихъ курсахъ», а достаточно только душевнаго проникновенія тою моралью, которую онѣ найдутъ въ евангеліи. Говорить ли о томъ, что заявленіе такой анти-прогрессивной ереси окончательно уронило гр. Толстого въ глазахъ всѣхъ «честныхъ» либераловъ? Именно послѣ этого-то заявленія и воспріянули на гр. Толстого съ мечами и дреколѣемъ гг. Григорій Градовскіе и Михайловскіе, именно послѣ этого-то заявленія и начался походъ на гр. Толстого, посыпались упреки ему въ склонности къ усиленному стяжательству и даже въ презрѣннѣ къ народу и развращеніи его вреднымъ мистицизмомъ.

Вотъ голосъ умнаго писателя, раздавшійся еще 25 лѣтъ назадъ, только въ послѣднее время съ извѣстными варіаціями и перепѣвами повторяемый на всяческіе лады нынѣшней прессой, объявившей себя «во имя политики» единомыслящею съ Толстымъ. Защита послѣднимъ еврейства, нападки на господствующую церковь, на государственность и протесты противъ смертныхъ казней—вотъ тѣ дощечки, по которымъ идейно-разномыслящіе прежде съ графомъ Толстымъ переползли къ нему въ гости, тѣсно окружили его шумнымъ кольцомъ и объявили себя Толстими болѣе, чѣмъ Толстоі шѣме,

въ сущности же, по религіозному исповѣданію своей вѣры, остаившись ему столь же чуждыми, каковыми они были и прежде. Въ литературѣ и русской общественности на нашихъ глазахъ совершилась великая фальсификація, фальсификація, возможность которой уже давно предвидѣлъ нашъ критикъ, когда онъ рѣзко дѣлилъ характерными особенностями враговъ Толстого отъ его истинныхъ друзей и единомыслящихъ почитателей.

Въ защитѣ Толстого отъ посягательствъ на него со стороны либеральной критики и публицистики, такимъ образомъ, великая заслуга Буренина, и исторія русской литературы ему этой заслуги не забудеть.

Рамки разросшейся статьи не позволяютъ мнѣ подробнѣе остановиться на созидательной критической роли В. П. Буренина. Какъ я уже сказалъ, она не велика по объему, но цѣнна по качеству, и все, что имъ высказано въ выше перечисленныхъ очеркахъ, поспитъ на себѣ положительно хрестоматическій характеръ, содержитъ въ себѣ тѣ кратко и логично сформулированныя положенія, гдѣ нѣтъ эксцессовъ въ заоблачную высь, но гдѣ все просто, ясно и обоснованно. Чтобы покончить съ этой стороной его дѣятельности, отмѣтимъ въ тѣхъ же «Критическихъ этюдахъ» его очеркъ о Глѣбѣ Успенскомъ, въ каковомъ подѣ заглавіемъ «Беллетристъ шестидесятихъ годовъ» онъ дружески протянулъ руку поддержки знаменитому народнику, но гдѣ и со свойственнымъ ему эстетическимъ чутьемъ и подѣ угломъ культурнаго широкаго зрѣнія сумѣлъ разъяснить цѣнное, натуральное и даровитое въ этомъ писателѣ отъ фальшиваго, искусственнаго и навязаннаго ему его неистовыми и шумными панегиристами. Очеркъ В. П. Буренина о Глѣбѣ Успенскомъ и до нашихъ дней сохраняетъ свою свѣжесть и, пожалуй, является лучшимъ, что о немъ было писано до нашихъ послѣднихъ дней включительно.

Говорить о В. П. Буренинѣ, какъ о беллетристѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не приходится. И въ его «Романѣ въ Кисловодскѣ», и въ нѣкоторыхъ мелкихъ произведеніяхъ той же категоріи проглядываетъ не столько чистый художникъ, каково качество, несомнѣнно, присуще ему, сколько насмѣшливый наблюдатель, зарисовывающій на свое полотно не положительную, а отрицательную сторону окружающей жизни и добродушно-иронически оглядывающій раскрывающіяся передъ нимъ лѣтлопеси человѣческаго бытія.

Мой очеркъ подходит къ концу и мнѣ въ заключеніе приходится сказать о писателѣ, какъ о драматургѣ, но, каюсь, тутъ я плохой цѣнитель. Я не страдаю маніей театра и люблю его обывательской, спокойной любовью—бываю въ немъ, когда имѣются свободныя время и деньги, и ломать изъ-за него сгульевъ никогда не имѣлъ охоты. Говорятъ, заслуги тутъ нашего критика велики.

Охотно съ тѣмъ соглашаюсь, принимаю, такъ сказать, это положеніе на вѣру и въ опредѣленіи его достоинствъ на семь поприщѣ литературнаго служителя даю мѣсто словамъ г. Бурнакина, молодого критика «Новаго Времени», утверждающаго (№ 12825): «На большинствѣ драматическихъ произведеній Буренина стоятъ подзаголовки о позаимствованіи сюжета. Но прочтите ихъ въ обработкѣ и толкованіи Буренина, и вы умилитесь передъ скромностью писателя. «Заемствованные» сюжеты Буренина подъ его перомъ углубляются и изощряются, получаютъ своеобразное выраженіе— это не копіи, а оригиналы, въ которыхъ все свое, кромѣ общаго очертанія взятаго сюжета,—въ заимствованіяхъ и подражаніяхъ Буренинъ оказывается болѣе самобытнымъ, чѣмъ иные въ оригинальныхъ сюжетахъ. Оригинально не то, что имѣеть свой сюжетъ, а то, что имѣеть свою форму. Выдумка въ искусствѣ—второстепенное дѣло, главное же—воплощеніе, превращеніе голдой выдумки въ живую плоть искусства. Въ обращеніи Буренина къ чуждымъ сюжетамъ сквозитъ его сдержанность и скромность, его благоговѣйное отношеніе къ образцамъ вѣчнаго и прекраснаго. Онъ обрабатываетъ, истолковываетъ, но въ этомъ приѣмѣ перевоплощенія болѣе художественности, чѣмъ во многихъ посяганіяхъ на оригинальность за свой страхъ и рискъ. Въ мою задачу не входитъ подробный разборъ драматической поэзіи Буренина, но я долженъ обратить особое вниманіе на классическій источникъ его вдохновеній. Творчество Буренина-критика, челоуѣка книги, ея поэта и цѣнителя, носитъ отраженный характеръ, но это отраженія шедевровъ, ихъ достойные спутники. Вдохновителями Буренина являются Альфредъ де-Мюссе, Боккачіо, Аріосто, Альфредъ Теннисонъ, Пьеръ Лунесъ,— имена тѣхъ, чья поэзія можетъ только вдохновить, возвысить, облагородить. Дай Богъ нашимъ писателямъ побольше такихъ музъ! Личность Буренина становится еще яснѣе, если учесть также дѣятельность Буренина, какъ переводчика. «Скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, и я тебѣ скажу, кто ты таковъ»,—переводитъ же Буренинъ только изящныхъ мечтателей и фантастовъ—Гауптмана («Потопившій колоколь»), Шницлера («Женщина съ книжаломъ») и друг.».

Я радъ воспроизвести эти слова молодого писателя, такъ какъ нахожу въ нихъ тождество съ тѣмъ, что мною было говорено въ началѣ статьи о личной біографической скромности Буренина и чѣмъ я объясняю частое использованіе имъ образцовъ чужого творчества. Таковымъ мы видимъ В. П. и въ роли заслуженнаго драматурга, и два тома его «Театра», гдѣ нашли себѣ мѣсто его переводы драматическихъ произведеній западно-европейскихъ классиковъ, а также переводныя произведенія того же рода, напечатанныя на страницахъ «Историческаго Вѣстника», свидѣтельствуютъ о плодовитости его работы въ этомъ направленіи. Также надлежитъ здѣсь отмѣтить и утвержденіе другаго его біографа, П. П.

Афанасьева въ книгѣ «Современники», гдѣ онъ говоритъ, что «въ области общественной дѣятельности достойны вниманія труды Буренина по руководству театромъ Литературно-Художественнаго общества. Онъ дѣятельный помощникъ А. С. Суворина, и театръ своимъ успѣхомъ во многомъ обязанъ ему».

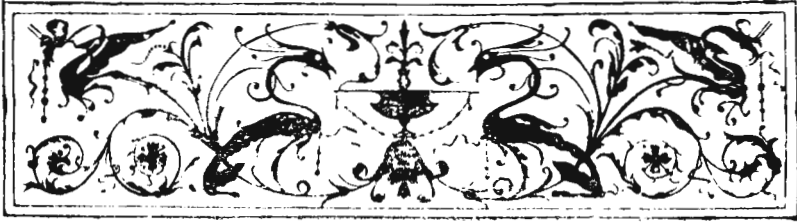
Театръ, повидимому, поглотилъ немало силъ и времени у нашего критика, но поскольку отсюда выиграли русская публицистика и критическая литература — судить не берусь. Такъ, какой-то духъ сомнѣнiя подсказываетъ мнѣ, что безъ нѣкоторой потери дѣло не обошлось. Въ то время, какъ драматическая литература съ каждымъ годомъ умножается его творенiями, его голосъ, какъ критика и публициста, раздается все рѣже. Уже многiя общественныя и литературныя явленiя проходятъ мимо его вниманiя, и мы не слышимъ болѣе по ихъ поводу его сатирическаго смѣха и обличительнаго голоса. На смѣну ему на передовыя позицiи русской литературы донинѣ никто не пришелъ, и старый писатель во всеоружiи своего неблекнущаго таланта остается въ наличiи нашей журналистики одинокимъ, все тѣмъ же умнымъ, насмѣшливымъ, пронизательнымъ. Большая часть его бывшихъ недруговъ, съ которыми онъ велъ «ангроморскiя битвы», сошли со сцены жизни, судьба даровала ему возможность лицедрѣть выступленiе на литературную авансцену поколѣнiя внуковъ, столь нуждающихся въ критическомъ уходѣ и воспитанiи. Правда, отъ времени до времени онъ бросаетъ на нихъ свой саркастическiй взглядъ, вынимаетъ изъ письменнаго стола былую полемическую плетку, отсыпаетъ имъ нѣкоторую порцiю ударовъ, но дѣйствiе это совершается слишкомъ рѣдко, и не въ должномъ количествѣ. Что тутъ причиною? Старость, болѣзнь, докуча, лѣнь? Не думаю: вотъ вѣдь заботы о театрѣ не покидаютъ же его, и его переводы драматическихъ произведенiй и перелицовка ихъ на свой своеобразный ладъ все попрежнему говорятъ о силѣ его авторскаго творчества. Счастливый театр! и я хмуро, какъ скромный публицистъ и историкъ литературы, смотрю съ завистью на храмы Мельпомены... Впрочемъ, и тутъ я нахожу себѣ утѣшенiе — въ эти храмы онъ не всегда несетъ свои переводныя и позаимствованныя драматическiя произведенiя. «Забава Путятишна», переложенная на музыку талантливымъ композиторомъ и сотоварищемъ его по «Новому Времени» М. М. Ивановымъ, свидѣтельствуетъ, что бывшiя его занятiя русскимъ эпосомъ не совсѣмъ имъ забыты. Когда-то въ исходѣ шестидесятихъ годовъ на страницахъ «Вѣстника Европы» появлялись его стихотворныя произведенiя съ сюжетами изъ русскаго былевого эпоса. Они припомнились и пригодились на склонѣ лѣтъ для созданiя оперы изъ цикла русскихъ народныхъ преданiй и сказанiй. Спасибо и на этомъ, и мое націоналистическое сердце чувствуетъ приливъ радости...

Мой очеркъ конченъ. Въ предѣлахъ возможности, времени и мѣста я постарался возстановить передъ читателями литературный обликъ одного изъ лучшихъ и выдающихся нашихъ писателей, всю жизнь прожившаго въ литературѣ и ради литературы. Если мои краски не ярки, если подборъ ихъ не полонъ и мнѣ не удалось зарисовать всѣ характерныя черты его писательской физиономіи, приношу въ томъ передъ нимъ и читателями извиненія и, думается мнѣ, вина моя до известной степени окупится, какъ я уже выше сказалъ, тѣми выдержками изъ его произведеній, которыя въ достаточномъ изобиліи здѣсь приведены. Охотно отхожу, какъ авторъ очерка, въ сторону и выдвигаю ихъ на первый планъ. Онѣ свидѣтельства его плодотворнаго служенія русскому обществу и на пользу отечественной литературы въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ. Онѣ заслуживаютъ общаго признанія, академическаго лабра и памяти потомства.

Ихъ создатель уклонился отъ публичнаго чествованія своего полувѣкового юбилея и въ скромной повседневной обстановкѣ согласился лишь принять въ день своихъ литературныхъ именинъ рукопожатія друзей и почитателей; а также пожелалъ, чтобы деньги, предназначенныя его товарищами по газетѣ ему на подарокъ, были пожертвованы въ пользу голодающихъ. Старый шестидесятникъ остался вѣренъ своей любви къ народу и выходець изъ народа въ преемствѣ бывшихъ поколѣній отдалъ несчастнымъ нынѣ представителямъ этого народа изъ своего праздничнаго матеріальнаго достатка то, что хоть нѣкоторымъ изъ нихъ можетъ облегчить въ трудные наступившіе дни ихъ тяжелое существованіе. Многие ли изъ нынѣшнихъ «юбиляровъ и триумфаторовъ» на это способны? Сомнѣваюсь.

Мнѣ слѣдовало бы сказать о Викторѣ Петровичѣ, какъ о человѣкѣ, но, зная его скромность и нелюбовь выдвиганія своего біографическаго «я», не дѣлаю этого, чтобы не испортить тѣмъ своего настоящаго юбилейнаго поздравленія. Напомню лишь, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ тѣсномъ товарищескомъ кругу, на обѣдѣ въ честь тридцатипятилѣтней его литературной дѣятельности, А. С. Суворинъ поднялъ свой бокалъ за здоровье своего стараго друга, какъ за истинно добраго человѣка. Это историческое свидѣтельство чрезвычайно цѣнно, и я его въ качествѣ именно такового здѣсь и заносу въ мой очеркъ и имъ его заканчиваю.

Б. Глинскій.

ЗЛОУМЫШЛЕННЫЕ ГОЛУБИ.

ВНАМБРЕНЪ разсказать одну юморстическую, но вполнѣ правдивую исторійку, пережитую мною наяву въ самомъ началѣ двадцатаго столѣтія.

Купилъ я себѣ въ двадцати верстахъ отъ Выборга имѣнныце и, какъ любитель всякой живой твари, задумалъ развести въ немъ птицъ.

Навезъ изъ Петербурга разныхъ породъ куръ, гусей, утокъ и голубей, и стали они меня утѣшать и множитья; избытокъ кудахтающихъ и плавающихъ попалъ на столъ, а турмана и всякіе «чистые» жили невозбранно; человекъ и русскій и, какъ говорилъ мой сторожъ Василій, «Духа Божія слонать» душа претила.

Голубей я привезъ паръ двадцать; птица, что говорить, святая, но чрезвычайно плодovitая; черезъ годъ стало ихъ шестьдесятъ паръ; еще черезъ годъ сто восемьдесятъ. Корма принялись они поглощать столько, что по полученіи ежемѣсячныхъ счетовъ изъ лавки я приходилъ въ ужасъ. Утѣшеніе, вижу, накладное, и рѣшилъ я излишекъ голубей сбыть съ рукъ.

Създилъ въ Петербургъ, поговорилъ съ торговцами на Щукинѣмъ дворѣ, условился съ ними о цѣнѣ, а на другой день отобралъ полтора ста паръ, посажалъ ихъ въ клѣтки и отправилъ съ Василюемъ на станцію.

Гуляю себѣ по саду, считаю грядущіе барыши, радуюсь. Вдругъ, гляжу, въѣзжаетъ мой Василій во дворъ съ клѣтками обратно.

— Что такое,—спрашиваю:—почему не отправилъ въ Петербургъ?

Оказалось, на станціи ему заявили, что русская таможня голубей не пропуститъ.

Что, думаю, за чудеса? Одѣлся и поспѣшилъ въ Бѣлый Островъ.

Въ таможнѣ пояснили мнѣ, что голуби къ привозу въ Россію запрещены и что разрѣшеніе пропуска ихъ зависить отъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Видь у чиновника, бесѣдовавшаго со мной, былъ здравый, тѣмъ не менѣе я усомнился въ словахъ его и рѣшилъ провѣрить состояніе его здоровья въ Петербургѣ.

Въ петербургской таможнѣ слова бѣлоостровца, къ удивленію моему, подтвердились, но, какъ на вершителя голубиныхъ судебъ, указали мнѣ на министра земледѣлія.

Погодадь я, къ какому въ дѣйствительности министру надо обратиться, и рѣшилъ къ внутреннему, къ нему я и поѣхалъ.

Въ министерствѣ подошелъ ко мнѣ галантный дежурный чиновникъ; рассказалъ я ему свое дѣло; чиновникъ оглядѣлъ меня съ ногъ до головы, потомъ задумался.

— Не знаю,—наконецъ заявилъ онъ, какъ быть.—Сейчасъ выясню, куда вамъ направиться!

Ушелъ; вернулся черезъ полчаса съ облегченнымъ видомъ и говорить:

— Пожалуйте въ ветеринарное управленіе: это въ ихъ вѣдѣніи.

— Да позвольте!—возражаю ему:—вѣдь у меня эпизоотіи на голубяхъ нѣтъ: я не о леченіи, а о ввозѣ ихъ хлопочу!

— Это безразлично,—получаю категорическій отвѣтъ:—ветеринарное управленіе и здоровыми голубями завѣдуетъ!

Вижу, говоритъ человѣкъ рѣшительно; повѣрилъ ему, раскланялся, надѣлъ пальто и отправился на Театральную улицу.

Въ ветеринарномъ управленіи встрѣтила меня полная тишина: посторонней публики никого не было: за столами сидѣли благодушныя круглыя старички и чай пили. Только что я заговорилъ, сейчасъ же меня окружила вся наличность комнаты.

— Нѣтъ, это не по нашей части!—дружно заявили всѣ, выслушавъ меня.—Вотъ, если свинокъ надо будетъ ввозить, къ намъ милости просимъ! Съ голубями вамъ надо обратиться въ департаментъ полиціи.

— Въ департаментъ полиціи?—я даже опѣшилъ отъ такой неожиданности.

— Вотъ, вотъ! Это ихъ дѣло!

— Вы навѣрное знаете?

— Ну, еще бы! А вотъ, если съ свинками что будетъ, пожалуйста къ намъ: побесѣдуемъ тогда!

Съ тѣмъ меня любезныя старички и проводили.

Сѣлъ я на извозчика, покатылъ къ Цѣпному мосту и, признаюсь, сталъ по дорогѣ франмасонничать.

Вотъ, думаю, законовъ у насъ много, а ерунды въ нихъ еще того больше! То ветчину въ Петербургъ нельзя ввозить, то голубей теперь!

А съ ветчиной вотъ какая исторія у меня же произошла: выслали мнѣ къ Рождеству изъ имѣнія окорока и нѣсколько битыхъ поросятъ; поѣхалъ я на Финляндскій вокзалъ получать ихъ—таможня въ выдачѣ отказываетъ.

— Почему?—спрашиваю.

— Свинина къ привозу запрещена,—отвѣчаетъ таможенный чинъ:—подлежитъ уничтоженію.

— Какъ уничтоженію? Да вѣдь здоровое мясо! Сдѣлайте изслѣдованіе!

— Ничего не значить,—упрямо возражаетъ чинъ, глядя въ потолокъ—иначе у него золотое пенсѣ на носу не держалось: — къ привозу запрещена!

— Да вѣдь живыхъ же свиней привозить изъ Финляндіи въ Петербургъ можно?

— Можно.

— А убитыхъ нельзя?

— Нельзя.

Я разсердился.

— У васъ свидѣтельствуютъ здѣсь живыхъ свиней, здоровыя онѣ или больныя?—спрашиваю.

— Нѣтъ,—хладнокровно отвѣчаетъ чинъ.

— Такъ что больную свинью я привезти могу?

— Можете!

— Значить, вамъ нужно только, чтобъ она съдохла не раньше Бѣлоострова, или на извозчикѣ здѣсь, да?

— Это ужъ ваше дѣло гдѣ!..

Едва-едва удалось выхлопотать, чтобы злополучную мою свинину не уничтожали, а отправили обратно. Такъ всю зиму и питалъ я своего сторожа іоркширской ветчиной, а самъ только вздыхалъ, проходя мимо колбасныхъ учрежденій.

Извозчикъ привезъ меня въ департаментъ полиціи. Вхожу въ пріемную; народа полнымъ-полно: дамы сидятъ въ траурѣ, въ перемежку съ ними огорченныя старушки-салопницы, озабоченные мужчины разныхъ ранговъ; у иныхъ вижу слезы на глазахъ.

Сдѣлалось неловко: люди явились сюда хлопотать о заключенныхъ въ тюрьму, объ осужденныхъ на смерть, и толковать при нихъ о голубяхъ показалось мнѣ дикимъ. Помялся я въ дверяхъ, да вспомнилъ о своихъ трехстахъ шестидесяти крокодилахъ и рѣшилъ испить чашу до дна.

Выглядѣлъ я вихрастого, затормошеннаго справками чипуша, отозвалъ его въ сторону, придержалъ за пуговку и сталъ шепоткомъ излагать бѣду свою.

Чинушъ заморгалъ глазами, и такъ и написалась на лицѣ у него мысль, что я отъ какого-нибудь потрясенія съ ума сошелъ.

Чувствую, что, дѣйствительно, нехорошо со мной; начинаю краснѣть, тороплюсь дошептывать, а публика насторожилась, косится на меня; кто поближе стоялъ—отодвигаться началъ: за шпика, явившагося съ докладомъ, приняли; одинъ студентъ даже презрѣннѣ мнѣ на лицѣ изобразилъ; не дай Богъ, думаю, встрѣтить меня эти господа гдѣ-нибудь у знакомыхъ: въ провокаторы попадешь!

Чинушъ сунулъ мнѣ въ руки бумажку.

— Прошеньице-съ, пожалуйста, прошеньице напишите!

Сѣлъ я къ столу, ожидавшіе вокругъ пошарахались отъ меня, какъ отъ зачумленнаго; сталъ я писать, строчки у меня передъ глазами дwoятся, потъ градомъ льетъ. Написалъ прошеніе и подаль его чинушу.

— Отвѣтъ черезъ недѣлю ждите!—сказалъ онъ мнѣ.

Какъ я изъ этого чистилища выбрался, какъ на извозчика попалъ—не помню; такое чувство было, точно меня тамъ высѣкли.

Ровно черезъ недѣлю получаю казенное открытое письмо, извѣщающее, что... прошеніе мое переслано министерству внутреннихъ дѣлъ.

Повздыхалъ я, выждалъ двѣ недѣли и отправился опять въ то же министерство.

Опять галантный чиновникъ навелъ справку и сообщилъ, что бумага моя послана къ министру финансовъ, такъ какъ требуетъ и его заключенія.

Пропустилъ я еще недѣлку и поѣхалъ въ министерство финансовъ; оказалось, ее направили уже оттуда въ департаментъ таможенныхъ сборовъ.

Въ таможенномъ департаментѣ узналъ, что прошеніе мое поѣхало къ военному министру, и что безъ его разрѣшенія пропустить голубей въ Россію совершенно невозможно.

— Скажите, — спрашиваю департаментскаго чиновника: — сколько еще министровъ должны дать разрѣшеніе на пропускъ моихъ голубей?

— Всего три: военный, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

— Всего три!!! Очень пріятно, что не все! Ну, а чтобъ пропустить человѣка изъ-за границы, скажемъ, анархиста какого-нибудь, сколько министровъ пужно?

Чиновникъ снисходительно улыбнулся.

— Для человѣка одинъ только нуженъ. А голуби!...—онъ пожалъ плечами съ такимъ видомъ, точно рѣчь шла о полчищахъ гуиновъ съ Аттиллою во главѣ.

Волокита эта сдѣлалась наконецъ любопытною.

Поѣхалъ я въ военное министерство. Усатые Марсы направили меня въ инженерное управленіе, и я очутился въ знаменитомъ Павловскомъ замкѣ. Обращаюсь за справкой къ одному изъ бойкихъ штабныхъ писарей; тотъ долго и глубокомысленно созерцалъ нѣчто невидимое.

— Голуби... гдѣ они могутъ быть?..—раздумчиво произнесъ писарь.—Пожалуйте-съ,—рѣшилъ онъ наконецъ:—поищемте, я васъ провожу...

Начали мы съ нимъ кочевать по безконечнымъ закоулкамъ и коридорамъ; сходили внизъ, подымались наверхъ; скрипѣвшіе перьями писаря вездѣ разомъ подымали при нашемъ появленіи головы и съ недоумѣніемъ выслушивали вопросъ, не они ли завѣдываютъ голубями; надлежащій «столь» все не отыскивался.

Наконецъ вожагата моего что-то осѣнило, и онъ хлопнулъ себя по лбу.

— Да не въ воздухоплавательномъ ли они отдѣлѣ?—воскликнулъ онъ, остановившись на какой-то лѣстницѣ и испытующе глядя на меня.

Удивить меня было уже нечѣмъ.

— Возможно,—согласился я, едва дыша отъ лазанья по лѣстницамъ всѣхъ этажей.—Воздухоплаватели они отличные!

Покрутились мы еще по какимъ-то кривымъ коридорамъ, поднялись на самый верхъ и очутились въ требуемомъ мѣстѣ.

Голуби, оказалось, дѣйствительно входили въ составъ его, чуть ли не въ видѣ особаго «стола».

Писарь сдалъ меня какому-то мрачному капитану, и тотъ заявилъ, что «самъ» онъ сдѣлать ничего не можетъ и доложить генералу. Нужно было вернуться въ пріемную и тамъ подождать «выхода».

Писарь проконвоировалъ меня обратно; я водворился въ круглой комнатѣ съ великолѣпными дверями и присѣлъ у стола среди разодѣтыхъ въ мундиры и ордена офицеровъ. Ждать пришлось около часа. Наконецъ вышелъ внушительнаго вида генераль и столь же внушительно пояснилъ, что окончательное рѣшеніе моего вопроса зависитъ отъ самого министра и что министръ «очень серьезно» смотритъ на голубей.

Насколько мнѣ было извѣстно, тотъ же министръ весьма не-серьезно смотрѣлъ на дѣло вооруженія русскихъ крѣпостей, на примѣръ, Портъ-Артура и Владивостока.

— Чѣмъ же такъ страшны голуби?—смущенно спрашиваю я генерала.—Зачѣмъ изъ-за нихъ надо столько министерствъ безпокоить.

Генераль пронически посмотрѣлъ на меня.

— Зачѣмъ? Голуби письма носятъ!—проронилъ онъ.

— Помилуйте, да у меня ни одного почтового голубя нѣтъ: самый большой перелетъ, на какой они способны, съ трубы на трубу и обратно!

— Не говорите. Они могутъ!... наконецъ, ваше имѣніе въ районѣ Выборгской крѣпости!

— Но вѣдь и я въ томъ же районѣ живу: мнѣ-то разрѣшаютъ вѣдь вѣздъ въ Петербургъ?

— Вамъ—да.

— Я-то развѣ не могу провести какое угодно письмо? И наконецъ вѣдь это при царѣ Горохѣ письма съ голубями посылали: теперь ихъ въ тысячу разъ легче и проще доставляютъ. Кто теперь довѣритъ какой-нибудь важный документъ птицѣ?

— Ну, да... —снисходительно заявилъ генераль.—Лично я постараюсь быть вамъ полезнымъ.

Вышелъ я изъ замка обезпокоенный.

Вотъ, думаю, втяпался еще въ исторію! Полагалъ, что невинныхъ птицъ развожу, а они, оказывается, «врагъ внутренній». Ну, какъ не разрѣшать ввезти?!

А голуби мои тѣмъ временемъ все плодились. Чердаки, навѣсы кишмя-кишѣли бѣлыми, черными и красными птицами. Гуль стоялъ отъ воркованья ихъ какъ на мельницѣ. Василій то и дѣло ѣздилъ на станцію за мѣшками съ кормомъ. Денегъ текло уйма. Я платилъ и, какъ Некрасовская бабушка Ненила, грозилъ въ душѣ своимъ прожорамъ: ничего, потерплю немного: «вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ!»

А баринъ все не ѣхалъ, барина все не было!

Наконецъ пріѣхалъ и долго жданный баринъ—пакетъ изъ министерства финансовъ.

Въ радостномъ волненіи разрываю его и вынимаю бумагу. Значилось въ ней всего три строки:

«Милостивый Государь! Самъ имѣю честь увѣдомить васъ, что прошеніе ваше о разрѣшеніи вамъ ввоза голубей оставлено безъ послѣдствій.

«Товарищъ министра финансовъ такой-то».

Почему, отчего оставлено безъ послѣдствій—объясненій никакихъ. Высшія соображенія, видимо, для простыхъ смертныхъ должны были оставаться тайною.

Диллема получилась таковая: или голубей изъ имѣнія выселяй, или брось его и самъ бѣги изъ него.

Сталъ я пробовать вовлечь какихъ-нибудь чухонцевъ въ невыгодную сдѣлку и помѣстилъ нѣсколько объявленій въ выборгскихъ газетахъ: въ такомъ-то имѣніи дешево, по пятаку, распродаются дорогіе породистые голуби (самъ, между прочимъ, я платилъ за нихъ по нѣсколько рублей).

Прождалъ нѣсколько дней, покупатели не являлись: чухонцы народъ дошлый и дармоѣдовъ держать никто изъ нихъ не соблазнился. Мать надвинулся окончательный, и надо было рѣшиться на слѣдующій шагъ: сѣлъ я за столъ и написалъ слѣдующее письмо премьеръ-министру:

«Ваше Высокопревосходительство!

«Излагаемое ниже является какъ бы нарочно предназначеннымъ для «Стрекозы» или «Шута», тѣмъ не менѣе все это происходило въ дѣйствительности, вполне серьезно и такъ какъ всѣ инстанціи уже сказали свое слово, обращаюсь теперь къ вамъ».

Далѣе шло изложеніе исторіи моихъ мытарствъ.

«Существуетъ нѣкая статья закона, написанная еще въ тѣ времена, когда не было ни почтъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, и когда почтовые голуби считались опасными и неблагонадежными въ смыслѣ переноски разной секретной корреспонденціи. Тщетно я просилъ убѣдиться, что мои голуби не почтовые и что самые большіе перелеты ихъ съ земли на крышу! Статья закона дѣйствуетъ во всю и теперь, въ вѣкъ беспроводнаго телеграфа, когда ни одна душа, находящаяся въ здоровомъ смыслѣ и твердой памяти, не довѣритъ птицѣ сколько-нибудь серьезнаго письма! Въ дозволеніи ввезти голубей мнѣ было отказано.

«Создалось такое неожиданное положеніе, что считаю себя вынужденнымъ донести правительству, что въ имѣніи моемъ, угрожая съ одной стороны крѣпости Выборгу, а съ другой—столицѣ С.-Петербургу, находится незаконное сборище изъ нѣсколькихъ сотъ подозрѣваемыхъ всѣми вѣдомствами душъ, каковыя при томъ объѣдаютъ меня. Назначить полевой судъ изъ работниковъ и разстрѣлять хотя и подозрительныхъ, но все же дорогихъ по цѣнѣ птицъ,—по меньшей мѣрѣ нелѣпно; оставить ихъ размножаться далѣе—немыслимо тоже.

«Поэтому обращаюсь къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшей просьбой назначить мнѣ на содержаніе вышеупомянутыхъ птицъ, арестованныхъ въ моемъ имѣніи, ежегодную субсидію, или разрѣшить ввезти ихъ въ Россію, хотя бы подъ строжайшимъ надзоромъ воздухоплавательнаго парка, пограничной стражи и представителей всѣхъ заинтересованныхъ министерствъ».

Отвѣта на этотъ вопль души не послѣдовало; птицы множились и процвѣтали. Нервы у меня наконецъ не выдержали, и я сбѣжалъ въ Петербургъ.

Въ одинъ прекрасный день встрѣчаюсь съ однимъ добрымъ знакомымъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ N., и рассказываю ему свое горе.

— Пишите отъ моего имени прошеніе!—заявилъ мнѣ статскій генераль.

— Какое прошеніе?

— Опять о томъ же министру!

— Зачѣмъ?

— Пишите!

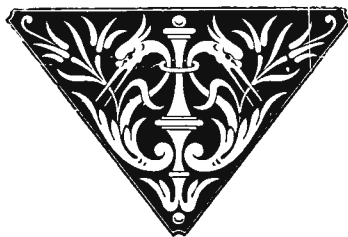
Пожаль я плечами, сѣлъ и написалъ. Статскій генераль подписался, я со вздохомъ приклеилъ къ нему полтора рубля въ видѣ двухъ семидесятипятикопеечныхъ марокъ, запечаталъ и опустил конвертъ въ почтовый ящикъ.

Черезъ мѣсяць пришелъ отвѣтъ: ввезти голубей дѣйствительному статскому совѣтнику разрѣшается. Въ генеральскихъ рукахъ голуби даже «изъ района крѣпости» оказались безопасными!

Такъ наконецъ избавился я отъ своихъ враговъ.

А что рассказалъ здѣсь одну правду и не прибавилъ ни іоты, въ томъ подписуюсь

С. Р. Минцловъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВЪ СЕЛѢ НИКОЛЬСКОМЪ ВЪ 1866 ГОДУ.

ВЪ ЗАПИСКАХЪ этихъ не ищите поэзіи, искусства, это только наброски воспоминаній пріятныхъ минутъ жизни.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1866 года я былъ въ Казани, гдѣ тогда губернаторомъ былъ Михайль Кирилловичъ Нарышкинъ, котораго я зналъ еще во время службы въ Царскомъ Селѣ. Нарышкинъ служилъ въ Кирасирскомъ Его Величества полку, а я—въ л.-гв. Гусарскомъ.

Братъ мой Александръ и я были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и братъ состоялъ при немъ по особымъ порученіямъ, когда Михайль Кирилловичъ былъ казанскимъ губернаторомъ.

Оба они были страстными охотниками.

Въ Казани я часто бывалъ у Нарышкина. Въ этотъ разъ при мнѣ была получена бумага отъ министра П. А. Валуева, извѣщающая, что государь наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Владимиръ Александровичъ посѣтятъ городъ Казань во время своего путешествія по Волгѣ, и что имъ угодно быть на одной изъ ярмарокъ или большихъ базаровъ въ губерніи, чтобы ближе видѣть народъ. Такъ какъ въ августѣ мѣсяцѣ, когда ихъ высочества должны были быть въ Казани, ярмарокъ въ нашей мѣстности не бываетъ, то это и затрудняло Нарышкина. Онъ долго думалъ, какъ удовлетворить желаніе ихъ высочествъ, и на другой день по полученіи бумаги министра заѣхалъ ко мнѣ для переговоровъ, предлагая намъ съ братомъ устроить въ нашемъ имѣніи

охоту съ облавой; онъ предполагалъ, что тогда соберется много народа и что, если устроить при этомъ праздникъ, то цѣль будетъ исполнѣ достигнута и желаніе ихъ высочествъ исполнено.

Мы, конечно, приняли предложеніе Михаила Кирилловича и немедленно телеграфировали графу Перовскому и Валугеву, предлагая ихъ высочествамъ охоту и прося ихъ удостоить насъ своимъ посѣщеніемъ и принять участіе въ предлагаемой облавѣ. Вскорѣ былъ полученъ отвѣтъ:

«Государь императоръ разрѣшилъ ихъ высочествамъ посѣтить Казань, куда они придутъ 10-го, 11-го или 12-го августа на 4 дня».

Такъ какъ въ телеграммѣ ничего не было сказано объ охотѣ, ни о балѣ, предложенномъ дворянствомъ, ни объ обѣдѣ купечества, то мы находились въ неизвѣстности. Однако, на основаніи выставленныхъ 4-хъ дней пребыванія въ Казани, рѣшились приготовиться для пріема.

Я немедленно поѣхалъ въ Москву и тамъ заказалъ фейерверкъ. Братъ Александръ занялся составленіемъ плана охоты и украшеніемъ села и дома, для чего я привезъ изъ Казани итальянца Аверино, искуснаго декоратора.

За нѣсколько дней до пріѣзда ихъ высочествъ я получилъ увѣдомленіе Нарышкина о прібытіи ихъ въ Казань 19-го или 20-го августа и поѣхалъ въ городъ для представленія и встрѣчи. Братъ Александръ остался для приготовленія къ охотѣ.

Пробывъ два дня въ Казани, ихъ высочества прибыли на парходѣ общества Самолетъ «Поспѣшномъ» 23-го числа въ Спасскій Затонъ и вышли на пароходной пристани «Кавказъ и Меркурій», иллюминированной фонариками.

Всѣ дома Спасскаго Затона были разукрашены разноцвѣтными фонарями, и вся дорога отъ пристани и до села Никольскаго (всего 23 версты) была освѣщена кострами и смоляными бочками, а Щербецкій лѣсъ, принадлежавшій брату Александру, былъ иллюминированъ бенгальскимъ огнемъ на протяженіи трехъ верстъ, что было очень эффектно.

Дальше шли снова костры и горящія смоляныя бочки.

Въ селѣ Никольскомъ избы были украшены флагами, и въ каждомъ окнѣ горѣли свѣчи.

Послѣ встрѣчи ихъ высочествъ на пристани они сѣли въ экипажи. Впереди поѣзда ѣхалъ братъ Александръ, а я слѣдовалъ за ихъ высочествами съ адъютантомъ Козловымъ. По мѣрѣ приближенія поѣзда иллюминація зажигалась.

Когда ихъ высочества подъѣхали къ нашему дому, украшенному фонариками и гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ, то были встрѣчены на широкомъ старинномъ крыльцѣ матушкой нашей Александрой Богдановной и сестрами. Послѣ первыхъ привѣтствій всѣ пошли въ гостиную, гдѣ былъ приготовленъ чай.

Я взялъ на себя смѣлость тотчасъ по прїѣздѣ государя наслѣдника обратиться къ нему съ просьбой и, подойдя къ его высочеству, сказалъ: «Разрѣшите мнѣ, ваше императорское высочество, обратиться къ вамъ съ просьбой». Стоявшій позади наслѣдника графъ Перовскій строго и неодобрительно взглянулъ на меня, но когда я смѣло продолжалъ, говоря, что наши бывшіе дворовые желаютъ поднести высокому гостю хлѣбъ-соль и просятъ милостиво принять ее, то Перовскій весь просіялъ и ласково посмотрѣлъ на меня.

Его высочество вышелъ со мной на балконъ, выходящій въ садъ. Здѣсь ожидали его наши дворовые въ числѣ 83-хъ человекъ. Самый старшій изъ нихъ, Матвѣй Ивановичъ, держалъ на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль.

Когда наслѣдникъ вышелъ, старикъ обратился къ нему и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, со слезами на глазахъ сказалъ: «Благодарю васъ, ваше императорское высочество, за честь, которую вы сдѣлали, посѣтивъ нашихъ господъ. Будьте милостивы, не откажите намъ принять и нашу хлѣбъ-соль!»

Картина была чрезвычайно трогательная; у многихъ были слезы на глазахъ. Эти слезы радости ясно показывали, какъ горячо любили люди своего государя цесаревича батюшку!

Ступени балкона, до самой площадки внизу, были заняты дворовыми людьми всѣхъ возрастовъ; полусвѣтъ пестрыхъ фонариковъ, падающій на эту толпу, придавалъ картинѣ какой-то таинственный характеръ; въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ дома переливался огнями вензель его высочества; съ рѣвки, широкой лентой окаймляющей лугъ передъ домомъ, доносились звонкія пѣсни, и 18 лодокъ, разукрашенныхъ цвѣтными фонариками, качались на волнахъ въ виду балкона... Наслѣдникъ цесаревичъ милостиво принялъ хлѣбъ-соль изъ рукъ старца и, обращаясь къ брату Александру, сказалъ: «Прошу васъ отнести ко мнѣ въ комнату».

Потомъ громко обратился ко мнѣ съ вопросомъ: всѣ ли эти люди служили намъ во время крѣпостного права и многіе ли изъ дворовыхъ ушли послѣ освобожденія?

— Кромѣ двухъ, кончающихъ курсъ въ клиникѣ, здѣсь всѣ палицо,—сказалъ я:—а этотъ старикъ, подносявшій вашему высочеству хлѣбъ-соль, самый старшій изъ ихъ семьи (онъ служилъ еще при моемъ дѣдѣ камердинеромъ), вотъ почему онъ и былъ ими выбранъ для поднесенія вашему высочеству хлѣба-соли.

Тогда наслѣдникъ обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

— Благодарю васъ еще разъ за вашу хлѣбъ-соль! Мнѣ пріятно слышать отъ вашего бывшего помѣщика, что и послѣ освобожденія вы остались у него на службѣ. Отъ души желаю и надѣюсь, что

Село Никольское.

ваши добрыя отношенія не измѣнятся и что вы попрежнему будете исполнять ваши обязанности.

Слова эти, сказанныя твердымъ и громкимъ голосомъ, произвели сильное впечатлѣніе на присутствующихъ и имѣли большое значеніе для всего уѣзда.

Послѣ этого наслѣдникъ пожелалъ узнать, сколько всѣхъ дворовыхъ и какія ихъ обязанности.

Между тѣмъ въ саду готовили фейерверкъ, но, къ сожалѣнію, онъ не удался, такъ какъ погода была пасмурная. Наслѣдникъ постыдился успокоить насъ, говоря, что въ сырое время фейерверкъ рѣдко удается.

По возвращеніи въ комнаты ихъ высочества пошли каждый на свою половину, и наслѣдникъ спросилъ, кто постоянно зашмагаетъ эти комнаты и гдѣ помѣщеніе великаго князя Владимира Александровича, прибавивъ:

— Прошу васъ проводить меня къ нему; я хочу видѣть, гдѣ онъ будетъ жить.

Въ 12 часовъ подали ужинъ, которымъ распоряжался братъ Памфамиръ. Послѣ ужина, проводивъ гостей, братъ Александръ и Нарышкинъ отправились готовиться къ охотѣ слѣдующаго дня. За этими приготовленіями прошла вся ночь, и никто изъ насъ не ложился спать, но вездѣ царствовала полная тишина, такъ какъ нужно было только одно слово для того, чтобы заставить любопытный народъ безшумно удалиться, чтобы не разбудить ихъ высочествъ. Всѣ тихо разошлись по домамъ.

Слѣдующій день былъ чрезвычайно жаркій, несмотря на 24-е число августа. Охотиться съ борзыми не было никакой возможности, и потому рѣшено было взять одну только свору на случай, такъ какъ охота начиналась съ облавы на волковъ. Облавочники были русскіе и чуваші; всѣхъ около двухсотъ человѣкъ. Утромъ, когда все было готово, я просилъ графа Перовскаго доложить о томъ наслѣднику. Было 8 часовъ утра.

Перовскій сказалъ, чтобы я вошелъ къ его высочеству безъ доклада, такъ какъ цесаревичъ уже давно всталъ и занимался въ своей комнатѣ.

Мы вмѣстѣ отправились къ наслѣднику, пожелали ему добраго утра и просили пожаловать въ гостиную, гдѣ былъ приготовленъ чай.

Разговоръ коснулся находящихся въ комнатѣ семейныхъ портретовъ и того, гдѣ кто служилъ. Чашка, поданная государю наслѣднику, была подарена моею прабабушкѣ еще покойной императрицей Маріей Θεодоровной (супругой Павла I). Прабабушка моя была калмычка, дочь одного изъ калмыцкихъ князей, взятая русскими въ плѣнъ при Екатеринѣ II. Она удостоилась личнаго

Въездъ въ усадьбу села Никольскаго.

вниманія императрицы, которая пожелала быть ея воспріемницей отъ купели.

Прабабушка воспитывалась въ институтѣ, и когда выходила замужъ за моего прадѣда Булыгина, получила все приданое отъ государыни Екатерины Алексѣевны. Наслѣдникъ цесаревичъ обратилъ вниманіе на поданную ему чашку.

Во время чая дверь на балконъ была открыта, еще свѣжій утренній воздухъ проникалъ въ комнату, способствуя нашему хорошему расположенію духа.

Братъ Александръ просилъ разрѣшенія ѣхать впередъ, чтобы распорядиться облавой.

Наслѣдникъ, не имѣя ружья, просилъ дать ему мое и сказать, когда начало охоты.

Въ 10 часовъ мы сѣли въ экипажи. Наслѣдникъ предложилъ мнѣ занять мѣсто въ коляскѣ рядомъ съ собой, а Владимиръ Александровичъ слѣдовалъ съ графомъ Перовскимъ; за ними ѣхала свита. На улицахъ села собралась такая толпа народа, что можно было двигаться только шагомъ. Наконецъ мы выѣхали за околицу въ поле, тянувшееся до самаго лѣса, гдѣ была назначена охота.

Государь наслѣдникъ спрашивалъ меня, кому эти поля принадлежать (направо было мое озимое, разстилавшееся изумруднымъ ковромъ; налево — крестьянскій надѣлъ). Онъ очень интересовался жизнью, бытомъ крестьянъ, разспрашивалъ меня о томъ, сколько у нихъ земли, какъ они ее обрабатываютъ, какой ведутъ образъ жизни, занимаются ли промысломъ и хорошо ли работаютъ. Конечно, на всѣ эти вопросы я отвѣчалъ, что и какъ было.

Когда мы подъѣхали къ «острову», съ котораго должна была начаться облава, братъ подъѣхалъ, указалъ охотникамъ ихъ мѣста и предложилъ наслѣднику верховую лошадь. Лошадь эта была на всемірной выставкѣ въ Парижѣ; это былъ тотъ знаменитый Ханъ (сынъ Агджи-Даллы), о которомъ столько писали и которымъ такъ любовались императрица Евгенія. Разъ, давая ему изъ собственныхъ рукъ сахару, она сказала своимъ приближеннымъ: «j'en vie le poil de ce cheval».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ Парижѣ появилась новая пудра «poudre de cheveux à la Carabas», и всѣ дамы старались придать своимъ волосамъ золотистый оттѣнокъ Хана.

Наша первая облава была неудачна, такъ какъ вышелъ только одинъ прибитой волкъ: остальные ушли, напуганные толпой любопытнаго народа, еще задолго до прибытія наслѣдника собравшагося на мѣстѣ охоты.

Во время перваго загона наслѣдникъ не поѣхалъ съ борзыми, такъ какъ было слишкомъ жарко, а сталъ на номеръ. Слѣдующіе

Усадьба села Никольскаго.

загоны были счастливѣе: нѣсколько лисъ и много зайцевъ выбѣжали на охотниковъ и были убиты.

Братъ Александръ, какъ знатокъ, велъ свое дѣло блистательно: облава удалась на славу.

Загонщики, наряженные въ красныя и бѣлыя рубашки, были раздѣлены на два фланга. На яркой зелени лѣса рѣзко выдѣлялась пестрота ихъ одеждъ. Чуваши въ бѣлыхъ рубашкахъ смѣняли русскихъ, одѣтыхъ въ красномъ, чередуясь съ ними по всей линіи загона.

Становилось все жарче и жарче. День былъ совершенно лѣтній. Великій князь Владимиръ Александровичъ подошелъ къ цесаревичу съ просьбой разстегнуть сюртукъ. «Да,—сказалъ наслѣдникъ:— жарко!» и предложилъ мнѣ разстегнуть венгерку. Послѣ двухъ-трехъ загоновъ мы предложили завтракъ.

Въ лѣсу на лужайкѣ была поставлена палатка, подаренная мнѣ Нарышкинымъ; послѣдній, въ свою очередь, получилъ ее отъ какого-то персидскаго хана.

Вокругъ палатки были украшенія изъ зелени.

Во время завтрака пѣли пѣсенники села Болгаръ.

Пѣсня про атамана казака Платова очень понравилась и ее заставили повторить.

Привожу здѣсь слова этой стариной пѣсни:

Россія наша, Россія,
Святорусская земля,
Много горя приняла,
Много страсти видѣла,
Невозможно горя описать!
Какъ казакъ Платовъ генераль,
По Россіи разѣзжалъ,
Ко французу въ гости заѣзжалъ;
Французъ въ ту пору его не узналъ,
На рѣзвы ноги вставалъ,
Стаканъ рому подавалъ.
«Какъ бы Платова казака», говорить, «мигъ узнать?»
«Я тому, кто его мнѣ бѣ указалъ,
«Много казны-денегъ далъ».
Говорить французу Платовъ казакъ:
«Его и такъ тебѣ можно узнать—
«Ты гляди, молъ, на него,
«Какъ на брата моего!»
Изъ палатушки пошелъ,
Сталъ онъ письменцы кидать,
Француза сталъ вороной звать:
«Ты ворона», говорить: «ворона!
«Загуменная карга,
«Не умѣла», говорить: «ворона,
«Ясна сокола ловить!»

Охотничья палатка, въ лѣсу для цесаревича.

Послѣ завтрака всѣ вышли изъ палатки, и толпа народа окружила ихъ высочествомъ. Священникъ села Болгарь вышелъ къ нимъ и поднесъ наслѣднику нѣсколько старинныхъ татарскихъ монетъ, которыя наслѣдникъ милостиво принялъ. Монеты эти были найдены въ Болгарахъ, прежней столицѣ камскихъ болгаръ, столь извѣстныхъ въ русской исторіи. Теперь отъ древняго магометанскаго города остались лишь развалины мечети и ханскихъ хоромъ, и даже населеніе почти сплошь русское.

Наслѣдникъ спросилъ священника, откуда онъ, давно ли находитесь въ приходѣ и какъ великъ приходъ.

Наслѣдникъ прошелъ дальше, но по пути былъ остановленъ крестьяниномъ, упавшимъ передъ нимъ на колѣни и протягивавшимъ ему трехрублевую бумажку. Графъ Перовскій сказалъ наслѣднику: «*Acceptez et après vous lui rendrez*». Цесаревичъ принялъ и спросилъ мужичка, для чего онъ ему даетъ эти деньги.

— Хочу тебя подарить, — отвѣтилъ крестьянинъ.

— Возьми ее обратно, — сказала наслѣдникъ, — и отдай бѣднымъ...

Тогда крестьянинъ сталъ шарить у себя за пазухой, отвернувшись, досталъ оттуда пять рублей и подалъ наслѣднику.

Его высочество благодарилъ его, но не принялъ деньги, сказавъ: «На это купи твоимъ дѣтямъ что-нибудь нужное»... Еще нѣсколько человѣкъ подошли къ наслѣднику, прося его принять старинныя монеты. Вскорѣ подали экипажъ, и мы поѣхали къ слѣдующимъ островкамъ.

Наслѣдникъ посадилъ брата Александра съ собою въ коляску и по дорогѣ выразилъ ему свое удивленіе по поводу настойчиваго желанія крестьянина подарить ему три рубля. Когда же мы спросили о томъ крестьянина, то онъ сказалъ, что хотѣлъ угодить.

По окончаніи послѣдняго загона великій князь Владиміръ Александровичъ просилъ сдѣлать еще одинъ загонъ, но графъ Перовскій замѣтилъ, что осталось слишкомъ мало времени и что надо возвращаться, чтобы къ вечеру посѣть на пароходъ. Охота была немедленно окончена, и экипажи поданы. На возвратномъ пути я снова ѣхалъ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ.

Когда мы вѣхали въ село, наслѣдникъ обратился къ кучеру и сказалъ ему:

— Поѣзжай шагомъ, чтобы кого не задавить!

— Не безпокойтесь, ваше императорское высочество, лошадей сдержу.

Этотъ самый кучеръ дѣлалъ со мной походъ 1849 года, и когда покойный великій князь Михаилъ Павловичъ, обративъ вниманіе на его красоту, сказалъ: «Хочешь ко мнѣ на службу?» тотъ почтительно отвѣтилъ:

— Покорно благодарю, ваше высочество, но мнѣ и у своего барина хорошо!

Этотъ отвѣтъ былъ долго памятенъ офицерамъ нашего Кирасирскаго ея величества полка ¹⁾).

Наслѣдникъ обратилъ вниманіе на пестрые, разнообразныя костюмы толпы народа, запрудившей всю сельскую улицу и тѣснившейся по сторонамъ экипажа, чтобы ближе увидѣть цесаревича. Здѣсь были и русскіе, и татары, и черемисы, и мордва, собравшіеся тысячной толпой въ наше Никольское, чтобы встрѣтить своего будущаго государя и привѣтствовать его.

И надо отдать справедливость этимъ народнымъ массамъ, онѣ вели себя во все время пребыванія у насъ высокихъ гостей чинно и примѣрно.

До крыльца дома мы ѣхали по селу шагомъ. По пріѣздѣ нашемъ былъ поданъ обѣдъ, за которымъ пили здоровье государя императора и великихъ князей. Все время шелъ оживленный разговоръ. Между прочимъ наслѣдникъ спросилъ меня, почему я оставилъ военную службу.

Я отвѣчалъ, что, будучи избранъ въ мировые посредники, уже 6-й годъ служу по мировымъ учрежденіямъ и отвыкъ отъ фронтальной службы. Послѣ обѣда подали кофе на балконъ, и матушка угощала ихъ высочествомъ столѣтнимъ венгерскимъ виномъ, которое обратило на себя ихъ вниманіе.

Всѣ трофеи охоты были разложены на лугу передъ домомъ, и великій князь считалъ, сколько кѣмъ убито звѣрей.

Всего было убито 2 волка, 11 лисицъ и 145 зайцевъ. Любопытныя изъ народа влѣзали на деревья и на заборъ, и наслѣдникъ замѣтилъ мнѣ, что они все такимъ образомъ переломаютъ.

Потомъ я просилъ наслѣдника взглянуть на импровизированный навильонъ, гдѣ было приготовлено для народа пиво и вино. Съ трудомъ прошли мы по дорогѣ среди толпы народа, отовсюду слышались радостныя возгласы:

— Благодаримъ Царя Небеснаго, что привелъ Онъ намъ увидѣть государя нашего будущаго!

Одинъ старикъ со старухой умильно крестились, глядя на наслѣдника...

Его императорское высочество хотѣлъ заговорить съ нѣкоторыми крестьянами, но это было положительно невозможно, такъ тѣснились они на дорогѣ. Ему удалось поговорить только съ однимъ 80-лѣтнимъ отставнымъ солдатомъ Курочкинымъ, который, отвѣчая на вопросы наслѣдника, разсказалъ, какъ былъ на войнѣ 12-го года, какъ былъ въ Парижѣ и состоялъ въ ординарцахъ.

Вернувшись на крыльцо, наслѣдникъ бесѣдовалъ еще и съ

¹⁾ Авторъ записокъ служилъ сперва въ кирасирскомъ полку, а затѣмъ ужъ въ гусарскомъ.

нѣкоторыми татарскими муллами, которые до сихъ поръ помнятъ съ благодарностью милостивый разговоръ цесаревича.

Передъ отъѣздомъ ихъ высочества графъ Перовскій отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ, что государь наслѣдникъ приказалъ раздать дворовымъ тысячу рублей серебромъ, которыя я долженъ былъ распределить между ними по своему усмотрѣнiю.

Я не хотѣлъ принять эти деньги, чтобы не стать въ неловкое положенiе, и просилъ М. К. Нарышкина взять на себя трудъ раздачи. Тутъ же было объявлено дворовымъ, что наслѣдникъ имъ жалуетъ тысячу рублей.

Пробывъ еще около двухъ-трехъ часовъ, ихъ высочества сѣли въ экипажи, поблагодаривъ матушку нашу за радушный приѣмъ.

По пути наслѣдникъ приказалъ подъѣхать къ церкви, гдѣ при входѣ ихъ высочества было пропѣто многолѣтiе царскому семейству и священникъ Порфирiй Егоровичъ Fortunатовъ дожидался съ крестомъ. Цесаревичъ спросилъ священника о численности его прихода, давно ли онъ здѣсь служить и когда построена Никольская церковь. Передъ тѣмъ, чтобы выйти изъ церкви, ихъ высочества приложились къ явленной иконѣ Казанской Богоматери и ко кресту, послѣ чего отправились въ обратный путь.

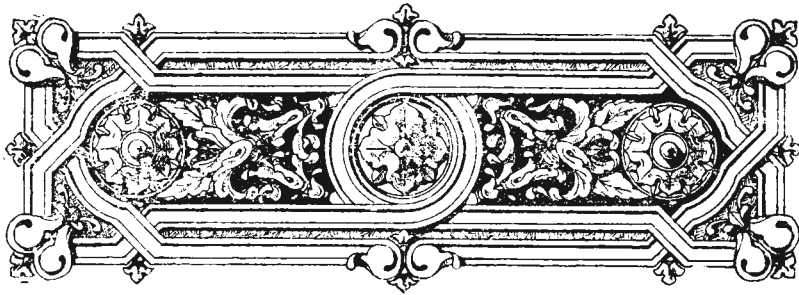
Мы провожали ихъ до пристани...

При прощанiи съ нами на пароходной пристани ихъ высочества поблагодарили насъ еще разъ за устроенный имъ приѣмъ, и наслѣдникъ сказалъ: «Когда будете въ Петербургѣ, посѣтите насъ».

На слѣдующiй день по отъѣздѣ ихъ высочества братъ Александръ и я немедленно отправились въ Царское Село, чтобы выразить наслѣднику нашу признательность за его милостивое посѣщенiе нашего дома и поздравить его императорское высочество съ днемъ его ангела 30-го августа.

В. Т. Молоствовъ.

МОГИЛА КУЛЬНЕВА.

...«Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года».

ИНУВШИМЪ лѣтомъ я посѣтилъ мѣсто вѣчнаго упокоенія одного изъ героевъ славнаго двѣнадцатаго года, Якова Петровича Кульнева. Онъ похороненъ въ церкви бывшаго имѣнія Кульневыхъ, въ селѣ Ильзенбергѣ Рѣжицкаго уѣзда Витебской губерніи. Недалеко отъ станціи Межевиды, въ 16 верстахъ отъ города Рѣжицы, на живописныхъ холмахъ и долахъ раскинулось село Ильзенбергъ. Ѣхать изъ Рѣжицы въ Ильзенбергъ нужно сначала по шоссе, 9 верстъ, а потомъ по такъ называемому «большаку» около 7 верстъ. Версты за двѣ до Ильзенберга дорога идетъ лѣсомъ, и только у самаго вѣзда въ имѣніе лѣсъ, слѣва отъ дороги, кончается, и передъ путникомъ открывается чудный видъ на бывшее имѣніе Кульневыхъ и на бѣлѣющую вдаль на холмѣ, въ купѣ деревьевъ, Кульневскую церковь. Къ дому ведетъ старая березовая аллея, опускающаяся въ лошину и взбѣгающая на пригорокъ. Эта аллея такъ живо напоминаетъ почти исчезнувшій теперь типъ старыхъ помѣщичьихъ усадебъ. Самый домъ стоитъ на горѣ, фасадомъ къ востоку. Домъ большой, старинный, видимо, цѣликомъ сохранившій свой прежній видъ, свою оригинальную типическую архитектуру помѣщичьихъ домовъ «дней Александровыхъ счастливаго начала», съ неотъемле-

мымъ полудиркульнымъ окномъ мезонина. Такъ и чудится: вотъ-вотъ откроется это окно, колыхнется занавѣска, мелькнетъ головка въ букляхъ 20-хъ годовъ и польются звука клавесина...

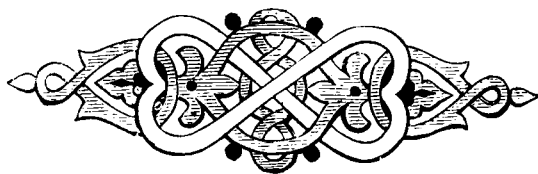
Нынѣшній владѣлецъ Ильзенберга въ имѣніи, кажется, не живетъ. Отъ дома дорога узкой лентой по полямъ подымается еще выше, къ церкви. Какъ красива Кульневская церковь съ ея бѣлыми колоннами, круглымъ куполомъ и стройной колокольней, вся утопающая въ сочной зелени листвы! Церковь во имя Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости, очень интересной постройки: она сложена вся изъ громадныхъ булыжныхъ камней (мѣстный типъ каменныхъ нежилыхъ построекъ), съ двумя колоннами у входа и четырьмя со стороны алтаря. Съ сѣверной и южной сторонъ устроены полукруглые выступы, образующіе внутри храма ниши. Внутри церковь производитъ грустное впечатлѣніе своею бѣдностью и убожествомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ трогаетъ своей благородной простотой. Въ южной нишѣ покоится прахъ Я. П. Кульнева. Надъ могилой героя скромная каменная гробница, обнесенная низкой желѣзной оградой. Обращаетъ вниманіе прикрѣпленное къ лѣвой, головной сторонѣ гробницы бронзированное ядро. Говорятъ, что Я. П. Кульневъ этимъ 7-фунтовымъ ядромъ былъ убитъ. Въ ногахъ героя, у гробницы, въ металлической рамѣ съ крышкой помѣщенъ сто портретъ, гравюра, слегка тронутая акварелью. На крышкѣ портрета надпись: «Отъ Клясти (н)цевъ Грод(н)енцевъ и почитателей незабвенному герою 1892». Наверху гробницы надпись: «Генераль-майоръ Яковъ Петровичъ Кульневъ род. 1764 г. іюля 25 дня со славою погибъ подъ Клястицами 1812 года, іюля 20 дня». Надъ гробницей теплится лампада у образа св. апостола Іакова. Образъ, скорѣе картина, хорошей кисти, какъ и большинство другихъ въ храмѣ, но болѣе католическій, нежели православный образъ. Церковь, повторяю, очень бѣдная. Обидно смотрѣть, въ какомъ небреженіи находится эта полузабытая бѣлая церковь въ полурусскомъ краю, давшая вѣчный пріютъ незабвенному герою.

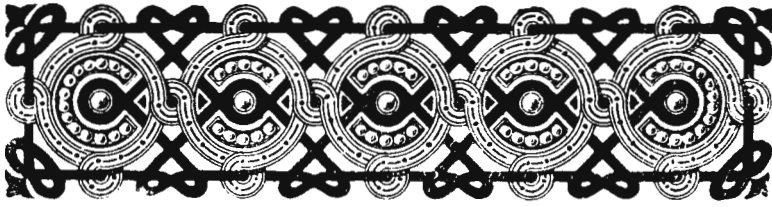
Кругомъ высятся католическіе костелы, нынѣшній владѣлецъ Ильзенберга старообрядецъ, и маленькая горсть православныхъ крестьянъ, разбросанныхъ далеко по волости, составляетъ весь приходъ этого храма. Бесѣдуя съ настоятелемъ церкви о. Николаемъ Слѣборскимъ, я узналъ многое о горестяхъ и нуждахъ храма и причта. Церковь неотложно нуждается въ капитальномъ ремонтѣ. Полъ церкви крашеный деревянный, совсѣмъ прогнилъ. Подходишь къ гробницѣ героя и чувствуешь, какъ трещитъ полъ, — того и гляди, провалишься. Стѣны церкви сырыя, церковь холодная, отапливается одной печью, которую «не натопишь». Зимой въ церкви морозъ, а къ концу службы со стѣнъ льются потоки воды. Во всемъ остальномъ тоже оскудѣніе! Облаченіе, ризы, — все это бѣдно и бѣдно. Какъ хотѣлось бы православному пастырю имѣть нѣсколько новыхъ

чисто православныхъ иконъ. Конечно, о средствахъ для сформирования хоть какого-либо хора пѣвчихъ и мечтать не приходится.

Нынешній настоятель священствуетъ въ храмѣ болѣе 15 лѣтъ и, мнѣ кажется, 15 лѣтъ все ждетъ и надѣется, что вспомнятъ гдѣ-либо объ этой милой бѣлой церкви, этой русской православной церкви въ Литовскомъ краю, хранящей могилу героя, и обновятъ и украсятъ ее на радость ея прихожанъ. До сихъ поръ не вспомнили! Неужели русскіе люди, преданные своей вѣрѣ, своему духу, полные любви къ своей родинѣ и ея великому прошлому, не испытаютъ чувства горечи и обиды за эту церковь, за эту великую могилу и не помогутъ на то, чтобы хотя къ столѣтію славнаго двѣнадцатаго года и годовщины смерти героя, 20-го іюля 1912 года, придать благолѣпіе храму и празднеству юбилея.

Михаилъ Родной.

ЭККУРСІЯ ПО МОСКОВСКОЙ ОКРУЖНОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

ВЪТОМЪ 1910 года, 20-го іюля, я, захвативъ съ собой фотографическій аппаратъ и необходимое изъ вещей и провизіи на 3—4 дня, отправился въ экскурсію по Московской окружной дорогѣ. Рано утромъ я выѣхалъ съ поѣздомъ по Николаевской желѣзной дорогѣ до полустанка Петровско-Разумовское, а оттуда уже пѣшкомъ направился по линіи желѣзной дороги до пересѣченія съ окружной дорогой.

Первая верста Московской окружной дороги начинается именно съ этого мѣста (пунктъ пересѣченія съ Николаевской дорогой), и затѣмъ счетъ верстъ продолжается по всему кольцу по направленію часовой стрѣлки. Въ началѣ первой версты, при пересѣченіи окружной желѣзной дорогой дмитровскаго шоссе расположена по обѣимъ сторонамъ полотна желѣзной дороги деревня Нижніе Лихоборы, состоящая изъ 45 дворовъ; здѣсь же близъ деревни, съ лѣвой стороны желѣзной дороги протекаетъ рѣчка Лихоборка, за которой находится деревня Верхніе Лихоборы, имѣющая 35—40 домовъ. Кругомъ деревни расположены группой кирпичные заводы, съ правой же стороны въ полуверстѣ отъ желѣзной дороги протекаетъ рѣчка Жабинка, при которой расположенъ дачный поселокъ Петровско-Разумовское. Живутъ небогатые люди и въ деревнѣ Лихоборахъ лѣтомъ на дачахъ, гдѣ цѣны недорогія.

Въ началѣ второй версты окружная желѣзная дорога пересѣкаетъ Савеловскую желѣзную дорогу, перейдя которую, съ лѣвой стороны полотна желѣзной дороги, расположено село Владыкино, по обѣимъ сторонамъ рѣчки Лихоборки, образующей въ этомъ мѣстѣ

запруду, такъ называемый прудъ Богоявленскій. Село это имѣеть два названія: по сю сторону рѣки (близъ желѣзной дороги) Новое Владыкино и за рѣкой—Старое Владыкино. Село Владыкино принадлежало когда-то знаменитому проповѣднику, современнику и энергичному сподвижнику великаго Петра, Теофану Прокоповичу, отчего и получило свое названіе, сохранившееся до настоящаго времени. Село представляетъ очень живописную мѣстность, имѣеть много торговыхъ и промышленныхъ заведеній, а также красивую церковь Рождества Пресвятой Богородицы.

Близъ села окружную дорогу пересѣкаетъ шоссе Вогау, за которымъ въ началѣ третьей версты расположена желѣзнодорожная станція Владыкино.

За станціей окружная дорога пересѣкаетъ соколовское шоссе, идущее къ фабрикѣ Соколова и Моргунова. На протяженіи 3-й и 4-й версты окружная дорога проходитъ по березовой рошѣ и пересѣкаетъ на четвертой верстѣ рѣку Лихоборку. За рошей, съ правой стороны виднѣется (около 2 версты) деревня Марейно и далѣе, въ началѣ пятой версты желѣзной дороги, за деревней находится село Останкино. Для осмотра Останкина пришлось свернуть въ сторону и пройти около 2¹/₂ версты, чтобы добраться до села.

Останкино, имѣніе графа Шереметева, расположено на берегу большого и глубокаго пруда. Въ древности здѣсь была обширная и опасная для проѣзжихъ топь, соединявшаяся съ дебрями Сокольниковъ. Дворецъ на живописномъ берегу пруда построенъ въ 1796 году, по плану архитектора Гваренги, въ стилѣ старинныхъ итальянскихъ виллъ. При дворцѣ устроена домашняя сцена, гдѣ когда-то играли доморощенные крѣпостные артисты. Мѣстная церковь (рядомъ съ дворцомъ) замѣчательно красивой архитектуры построена въ 1668 году; огромный паркъ съ вѣковыми липами и кедрами со всѣхъ сторонъ окружаетъ дворецъ. Въ паркѣ имѣются нѣсколько дубовъ, посаженныхъ, по преданію, собственноручно Петромъ Великимъ. Дворецъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ немъ гостили въ разныя времена различныя историческія личности, какъ-то: императрица Екатерина II, польскій король Станиславъ Понятовскій, австрійскій король Іосифъ и другіе. Въ 1812 году въ Останкинѣ была главная квартира маршала Нея, сподвижника Наполеона; здѣсь же во дворцѣ впервые былъ подписанъ императоромъ Александромъ II великій проектъ освобожденія крестьянъ. Неподалеку отъ дворца въ паркѣ устроенъ красивый павильонъ, предназначенный для лѣтнихъ баловъ, музыкальныхъ и литературныхъ вечеровъ, а также имѣются театръ и купальни въ паркѣ, гдѣ есть еще большой прудъ. Ежегодно въ день Святой Троицы въ Останкинѣ бываетъ большое гуляніе, куда съѣзжается почти вся Москва. Сообщение Останкино имѣеть съ Москвой посредствомъ конныхъ липеекъ, а послѣднее время и автомобилей.

Изъ Останкина я возвратился опять на окружную дорогу къ началу пятой версты, гдѣ на правой сторонѣ желѣзной дороги, между рѣками Лихоборкой и Яузой раскинулись огороды, къ лѣвой же сторонѣ прилегаютъ бывшая фабрика Голубева и фабрики Неймана и Фриделя. Далѣе линія желѣзной дороги, нѣсколько возвышаясь, подходитъ къ рѣкѣ Яузѣ, гдѣ имѣется желѣзный мостъ.

За мостомъ, на лѣвой сторонѣ, около версты отъ желѣзной дороги, расположены села Свиблово и Медвѣдково, а на правой сторонѣ, въ полуверстѣ отъ дороги—село Леоново. Всѣ эти три села интересны въ историческомъ отношеніи.

Свиблово расположено на берегу рѣки Яузы и находится въ восьми верстахъ отъ Москвы. Рѣка Яуза, въ этой части своего теченія, особенно отличается красотою береговъ и живописными окрестностями. Въ XVII столѣтіи село это пожаловано было царевной Софьей любимцу ея, князю В. В. Голицыну; въ началѣ XIX столѣтія его приобрѣлъ богатый московскій чаоторговецъ, купецъ Кожевниковъ, и устроилъ здѣсь суконную фабрику. Его посѣщали многие именитые московскіе граждане той эпохи, и онъ пользовался общимъ уваженіемъ. Однажды онъ удостоился даже посѣщенія императора Александра I. Фабрика эта существуетъ и по настоящее время. При живописной мѣстности, здѣсь воздухъ замѣчательно чистый и здоровый и полное отсутствіе сырости. Вокругъ бывшаго барскаго дома разбитъ обширный садъ съ столѣтними липами и кленами, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время находится въ запущенномъ видѣ; за садомъ тянется обширный лѣсъ, доходящій до села Медвѣдково.

Сосѣднее съ Свибловымъ село Медвѣдково тоже расположено на рѣкѣ Яузѣ, въ такой же красивой и живописной мѣстности. Старинный мѣстный двухъэтажный храмъ въ честь Покрова Пресвятой Богородицы сооруженъ въ XVI столѣтіи; въ немъ до сего времени хранится старинное драгоценное евангеліе съ замѣчательными миниатюрами, рисованными царевной Софьей. На колокольнѣ храма сохранилась надпись о томъ, что село это ранѣе принадлежало знаменитому въ исторіи князю Д. М. Пожарскому. Впослѣдствіи село пожаловано было царевной Софьей князю В. В. Голицыну, а въ XVIII вѣкѣ оно перешло въ собственность Л. К. Нарышкина, и затѣмъ въ половинѣ XIX столѣтія имъ владѣлъ камергеръ Карцевъ.

Село Леоново находится въ семи верстахъ отъ Москвы, на горѣ, спускающейся къ рѣкѣ Яузѣ, въ уединенной и живописной мѣстности, не уступающей въ этомъ отношеніи Останкину и другимъ. Имѣніе это принадлежало ранѣе Новикову, извѣстному масону и ревнителю просвѣщенія конца XVIII столѣтія. Впослѣдствіи оно перешло къ П. Г. Демидову, основателю ярославскаго

Дворецъ въ Останкинѣ.

лица. На горѣ возвышается старинная церковь, чрезвычайно оригинальной архитектуры. На шестой верстѣ желѣзной дороги, съ правой стороны расположена на рѣкѣ Яузѣ фабрика Фермана, съ лѣвой же стороны до начала седьмой версты тянется роща, за которой расположена на открытой площадкѣ станція Ростокино.

Близъ станціи, на правой сторонѣ желѣзной дороги, вдоль ярославскаго шоссе лежитъ село Ростокино, находящееся въ пяти верстахъ отъ Москвы и раскинувшееся по обѣимъ сторонамъ рѣки Яузы. Мѣстность очень населенная и живая. При самомъ селеніи черезъ Яузу построенъ мостъ. Въ старину село это принадлежало Троицкой лаврѣ, а затѣмъ перешло въ собственность удѣльнаго вѣдомства. Въ 1555 году москвичи встрѣчали здѣсь царя Іоанна Грознаго, возвращавшагося съ побѣдоноснымъ войскомъ въ Москву послѣ взятія Казани. По преданію, въ окрестностяхъ села когда-то свирѣпствовала грозная шайка разбойниковъ подъ руководствомъ атамана-дѣвушки, по имени Таньки, которая въ концѣ концовъ была выдана властямъ другомъ своимъ и сообщникомъ Ванькою Каиномъ. Воспоминаніе объ этой героинѣ въ народѣ сохранилось и по настоящее время; сосѣдняя роща и до сихъ поръ извѣстна подъ именемъ Танькиной рощи. Близъ Ростокина построенъ знаменитый водопроводъ, подъ наименованіемъ миллионнаго акведука. Постройка его производилась при императрицѣ Екатеринѣ II и представляетъ собою огромную галерею, поддерживаемую гигантскими арками (числомъ 21), проводящую воду изъ села Мытищи въ Москву. Въ настоящее время, благодаря фабрикамъ, расположеннымъ въ окрестности, село имѣетъ большое промышленное значеніе. Жителей болѣе 2000 человекъ.

За станціей окружная дорога пересѣкаетъ ярославское шоссе и затѣмъ немного далѣе, въ концѣ седьмой версты—Мытищенскіе водопроводы.

Въ началѣ восьмой версты окружная желѣзная дорога пересѣкаетъ Московско-Ярославско-Архангельскую желѣзную дорогу посредствомъ желѣзнаго моста и идетъ далѣе по открытой мѣстности вплоть до Поганно-Лосиноостровскаго лѣса, затѣмъ, перейдя рѣчку Будаюку, направляется къ станціи Бѣлокаменной, расположенной въ началѣ десятой версты въ Лосиноостровскомъ лѣсу. Отъ предыдущей станціи Ростокино и отъ станціи Бѣлокаменной идутъ вѣтви къ станціи Лосиноостровской Московско-Ярославско-Архангельской ж. д.

Поганно-Лосиный островъ представляетъ собою лѣсную дачную мѣстность и является какъ бы продолженіемъ подмосковныхъ дачныхъ мѣстностей, носящихъ названіе Сокольники и Богородское, расположенныхъ справа отъ окружной дороги.

Въ виду наступившихъ сумерекъ я остался на станціи Бѣлокаменной почевать и въ чудномъ лѣсномъ уголкѣ провелъ ве-

Дворцовая церковь в Останкино.

черь въ отдыхѣ, бесѣдуя съ пріютившими меня на ночь моиими случайными хозяевами изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ.

На другой день, около восьми часовъ утра я отправился далѣе по дорогѣ. Въ началѣ одиннадцатой версты она проходитъ село Богородское, расположенное въ верстѣ съ правой стороны. Въ селѣ находится большая фабрика московскаго товарищества резиновой мануфактуры. Пройдя Поганно-Лосинный островъ, желѣзная дорога идетъ мѣстностью, покрытой мелкимъ лѣсомъ, и на своемъ пути проходитъ рѣчку Сосенку и затѣмъ направляется къ станціи Черкизово. За станціей, въ началѣ четырнадцатой версты, на правой сторонѣ, въ полуверстѣ отъ дороги расположена около черкизовскаго пруда архіерейская дача, а за ней село Черкизово.

Это село одно изъ древнихъ подмосковныхъ селъ, первымъ владѣльцемъ котораго былъ въ XIV столѣтіи нѣкто Илья Азаковъ. Впослѣдствіи оно было вотчиной святителя Алексія, митрополита московскаго. Въ духовной грамотѣ 1779 года сказано, что «сельцо Черкизово куплено на мое серебрецо», т. е. на келейныя деньги митрополита Алексія, по завѣщанію котораго и перешло къ московской митрополіи, во владѣніе основанной святителемъ обители Чудова монастыря, за которымъ состояло до 1764 года, когда были отобраны монастырскія земли. Съ этого времени за Чудовымъ монастыремъ осталась только земля подъ архіерейскимъ домомъ, оброчная мельница на пруду и нѣсколько угодій. Это когда-то привольное и уединенное мѣсто, окруженное дремучими лѣсами и орошаемое рѣкою Сосенкою, служило лѣтнимъ мѣстопребываніемъ святителя Алексія и его преемниковъ. На мѣстѣ теперешней церкви прежде была деревянная, по преданію, построенная первымъ владѣльцемъ Черкизова Ильей Азаковымъ, во имя пророка Ильи. Съ того времени церковь неоднократно перестраивалась, пока наконецъ въ 1690 году была построена каменная съ придѣломъ во имя святителя Алексія митрополита. Въ недавнее время устроенъ придѣлъ во имя Воздвиженія Честнаго Животворящаго Креста Господня, и сооружена новая колокольня. Въ 1819 году архіерейскій домъ перестроенъ митрополитомъ Серафимомъ и затѣмъ позднѣе снова возобновленъ митрополитомъ Иннокентіемъ. Архіерейскій домъ окруженъ густой березовой рощею, противъ дома находится прудъ; при домѣ устроена церковь во имя святителя Алексія митрополита и Иннокентія, епископа иркутскаго.

Далѣе желѣзная дорога направляется къ пересѣченію стромынскаго шоссе, близъ котораго на правой сторонѣ дороги расположена ковровая фабрика Егорова, а на лѣвой—деревня Колошино. Съ начала пятнадцатой версты дорога идетъ по открытой мѣстности, занятой обширными огородами, и переходитъ рѣчку Серебрянку, гдѣ устроенъ желѣзный мостъ.

Село Тайницкое.

Противъ моста, на правой сторонѣ виднѣется церковь святыхъ апостоловъ Петра и Павла, расположенная у Преображенской заставы. Лѣтописи говорятъ, что на мѣстѣ церкви Петра и Павла въ древности была полотняная церковь Преображенскаго полка. Императрица Анна Иоанновна при учрежденіи гвардейскаго московскаго батальона приказала построить вмѣсто полотняной деревянную церковь, а въ 1746 году была построена каменная, издивеніемъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержанта Ивана Елисеевича Третьякова

Но другимъ историческимъ даннымъ, полотняная полковая церковь помѣщалась въ солдатскомъ Преображенскомъ, отдѣльно отъ деревянной, построенной въ 1746 году Третьяковымъ, нынѣшняя же каменная построена прихожанами въ 1768 году.

Церковь эта, несмотря на главный престолъ Спаса-Преображенія, носить также названіе по-старому—церкви Петра и Павла. Въ началѣ прошлаго столѣтія церковь была очень бѣдна, вслѣдствіе бѣдности прихожанъ и преобладанія въ Преображенскомъ старообрядцевъ и раскольниковъ; въ послѣдствіи же, послѣ выселенія старообрядцевъ въ другія мѣста, стали понемногу селиться православные, причемъ нѣкоторые основывали фабрики и заводы. Въ 1837 году храмъ былъ стараніями прихожанъ и старосты отремонтированъ и хорошо украшенъ. Достопримѣчательности въ храмѣ: икона Знаменія Пресвятой Богородицы, икона Преображенія Господня, евангеліе, печатанное въ 1678 году при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и патріархѣ Іоакимѣ, и напестольный серебряно-вызолоченный крестъ 1700 года. Въ 1886 году освященъ во имя Александра Невскаго новый придѣлъ, построенный въ память посѣщенія церкви и села императоромъ Александромъ III, 23 мая 1883 года.

Немного далѣе, на правой же сторонѣ желѣзной дороги, находится Преображенское старообрядческое кладбище, основанное въ 1771 году безпоповцемъ еедосѣвскаго толка Ковылинымъ. Кладбище это очень обогатилось во время чумы 1771—1772 гг., и въ половинѣ XIX столѣтія располагало уже большими капиталами, достигшими до 12 милліоновъ рублей. На кладбищѣ находится старообрядческая молельня съ богадѣленнымъ домомъ, гдѣ призрѣваются немощные не моложе 50 лѣтъ обоюбого пола, всего до 250 человѣкъ. Часть земли, принадлежавшая ранѣе кладбищу, была конфискована, и теперь на ней построенъ Никольскій единовѣрческій монастырь. Въ молельнѣ находится много древнихъ иконъ, которыя цѣнятся очень высоко старообрядцами.

Недалеко отъ кладбища, у Преображенской заставы, расположенъ упомянутый выше Никольскій единовѣрческій монастырь, основанный въ 1866 году. Въ монастырѣ двѣ церкви: во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и во имя Воздвиженія Креста Господня.

Перервинский монастырь.

Въ 1876—1879 годахъ отдѣльно отъ храма Успенія построена колокольня въ готическомъ стилѣ на пожертвованія прихожанъ и другихъ лицъ. Въ алтарѣ храма въ отдѣльной пристройкѣ находится старинная библіотека, состоящая изъ древнеписанныхъ и старопечатныхъ книгъ. Въ 1887 и 1891 годахъ здѣсь происходили первый и второй противораскольничьи миссіонерскіе съѣзды. На мѣстѣ монастыря ранѣе находилась молельня еодосѣевского безпоповщинскаго толка. Въ качествѣ ревностнаго дѣятеля безпоповщины выдѣлялся бывший впослѣдствіи настоятелемъ Никольскаго монастыря архимандритъ Павелъ, въ міру Петръ Ивановичъ Ледневъ, который, будучи присоединенъ въ 1868 году къ церкви, сталъ извѣстнымъ миссіонеромъ, авторомъ многихъ противораскольничьихъ сочиненій и поборникомъ православія. Архимандритъ Павелъ, родившійся въ Сызрани въ 1821 году, умеръ въ монастырѣ въ 1895 году, гдѣ и погребенъ.

Противъ монастыря, на лѣвой сторонѣ дороги, за огородами находится большая фабрика (Измайловская мануфактура), рядомъ съ которой расположена Измайловская богадѣльня, основанная въ 1849 году для воинскихъ чиновъ по повелѣнію императора Николая I. Богадѣльня состоитъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ, изъ которыхъ главный примыкаетъ съ трехъ сторонъ къ древнему Покровскому собору, возобновленному въ 1850 году въ древнемъ стилѣ, по плану академика Тона.

Направляясь далѣе, желѣзная дорога въ началѣ шестнадцатой версты пересѣкаетъ Николаевскую улицу, идущую изъ Москвы къ Измайловской богадѣльнѣ, на которой находится убѣжище для безпріютныхъ евангелическаго миссіонерскаго общества; далѣе по улицѣ много разныхъ заводовъ и фабрикъ.

Пройдя Николаевскую улицу, дорога вступаетъ въ мѣстность, называемую «Измайловскимъ Звѣринцемъ», причемъ справа отъ дороги находится мѣстность такъ называемая «Благуша», а слѣва—дачная мѣстность, расположенная въ лѣсу Измайловскаго Звѣринца.

Въ концѣ шестнадцатой версты дорога пересѣкаетъ Измайловское шоссе, на которомъ находится заводъ Абросимова, а далѣе къ Семеновской заставѣ большой заводъ «Марсель».

Въ началѣ семнадцатой версты пересѣкается Семеновское шоссе и кругомъ много разныхъ заводовъ и промышленныхъ заведеній.

Затѣмъ еще далѣе, на лѣвой сторонѣ желѣзной дороги, въ лѣсу Измайловскаго Звѣринца, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то находился охотничій домикъ царя Алексѣя Михайловича, въ недавнее время императорскимъ обществомъ акклиматизаціи открыта опытная пасѣка пчеловодства, гдѣ производится выкормка шелковичныхъ червей.

Перейдя на восемнадцатую версту, дорога направляется къ станціи Лефортово.

Дворецъ въ Люблинѣ.

Для соединенія со станціей Перово Московско-Казанской дороги отъ Лефортова уложена вѣтвь, которая соединяется съ другой вѣтвью, идущей отъ слѣдующей станціи Андроповки, и, пройдя станцію Перово, обѣ вѣтви направляются мимо лежащихъ слѣва дачъ къ станціи Кусково Московско-Нижегородской желѣзной дороги, идя параллельно идущей здѣсь соединительной вѣтви Московско-Нижегородской дороги, соединяющей станціи Перово и Кусково.

Около станціи Кусково расположена старинная вотчина бояръ (впослѣдствіи графовъ) Шереметевыхъ—село Кусково. Прекрасный обширный дворецъ Шереметевыхъ съ огромнымъ прудомъ. Въ этомъ дворцѣ богатое собраніе старинныхъ картинъ и фамильныхъ портретовъ. Въ роскошномъ паркѣ обширная оранжерея съ лавровыми 300-лѣтними деревьями, а также бюсты, мраморныя статуи, группы, колонны, подаренныя Петру Ивановичу Шереметеву императрицей Екатериной II, и обелискъ, воздвигнутый въ память посѣщенія имѣнія великой императрицей. Здѣсь же близъ дворца находится около небольшого пруда музей-бесѣдка, очень оригинальной постройки, съ отдѣлкой внутри изъ морскихъ раковинъ, въ которой между прочими интересными предметами находится золотая карета императрицы Екатерины II, стоящая посреди музея-бесѣдки. Вправо отъ дворца подъемный мостъ и шесть пушекъ, отнятыхъ у шведовъ подъ Полтавою. Въ паркѣ сохраняются три дуба въ оградѣ, посаженные въ 1883 году собственноручно государемъ императоромъ Александромъ III, государыней императрицей Маріей Теодоровной и Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ (бывшимъ тогда наслѣдникомъ цесаревичемъ). Въ прудахъ много рыбы, въ лѣсу же, примыкающемъ къ парку, множество прекрасныхъ дачъ.

Переночевавши въ Кусковѣ, я на другое утро возвратился по вѣтви обратно на станцію Лефортово, пройдя которую, я направился далѣе по окружной дорогѣ, которая шла къ пересѣченію нижегородскаго шоссе и съ начала восемнадцатой версты проходитъ лѣсомъ вплоть до пересѣченія съ Московско-Казанской желѣзной дорогой.

Возлѣ шоссе на лѣвой сторонѣ находится въ лѣсу большой прудъ Хлудова, на правой же сторонѣ на Нижегородскомъ шоссе нефтеперегонный заводъ Зиллера и далѣе такой же заводъ товарищества «Нефть».

Далѣе, на двадцатой верстѣ окружной дороги, на правой сторонѣ расположено около желѣзной дороги много заводовъ, какъ-то: мѣдно-литейный Дангауера и Кайзера, керосиновая станія братьевъ Нобель, машино-канатный Юкина, Понамарева и акціонернаго общества, а далѣе Анненгофская роща, пострадавшая при ураганѣ въ 1904 году. Къ лѣвой же сторонѣ желѣзной дороги прилегаютъ крестьянскія поля, которыя лѣтомъ засаживаются картофелемъ.

Развалины дворца въ Царицынѣ.

Въ началѣ двадцать первой версты расположена станція Андронка въ голой и песчаной мѣстности, гдѣ, благодаря близлежащимъ городскимъ свалкамъ, скверный воздухъ. Кромѣ указанной мною выше вѣтви, идущей отъ этой станціи къ Перову, отсюда идутъ еще двѣ вѣтви: одна на Москву Нижегородской дороги и другая къ станціи Люблино Московско-Курской дороги.

Я отправился отсюда по вѣтви къ станціи Люблино, гдѣ находится интересное имѣніе Голофтѣва, расположенное около названной станціи. Мѣстность тамъ чрезвычайно красивая и лѣсистая. Есть большое глубокое озеро. Владѣльцами Люблина устроены роскошный тѣнистый паркъ, примыкающій къ саду съ красивыми цвѣтниками. Барскій домъ замѣчательнъ по своей архитектурѣ; онъ построенъ въ 1801 году Дурасовымъ, тогдашнимъ владѣльцемъ имѣнія, въ память полученія имъ креста св. Анны. Всѣ комнаты въ домѣ въ память сего расположены въ видѣ крестовъ. Противъ дома находится деревянная церковь, купленная цѣликомъ въ томъ видѣ, въ какомъ находилась на политехнической выставкѣ 1872 года въ Москвѣ.

Изъ Люблина я сѣлъ на поѣздъ Московско-Курской дороги и доѣхалъ до слѣдующей станціи Царицыно, хотя не примыкающей къ окружной дорогѣ, но весьма интересной мѣстности по живописности и историческому значенію села Царицына, расположеннаго по обѣимъ сторонамъ станціи. Это село принадлежало царицѣ Иринѣ, сестрѣ царя Бориса Годунова; впоследствии оно стало дворцовымъ имѣніемъ и было подарено императоромъ Петромъ I князю Димитрію Кантемиру, отцу нашего знаменитаго поэта-сатирика Антиоха Кантемира.

Императрица Екатерина II пріобрѣла его для себя и построила тамъ дворецъ въ готическомъ стилѣ по плану архитектора Баженова. Но мрачный дворецъ-замокъ съ высокими башнями показался государынѣ похожимъ на угрюмую гробницу, такъ что она приказала пріостановить дальнѣйшую постройку. Рядомъ съ дворцомъ находятся развалины зданія, предназначавшагося для дворцоваго театра. Эти руины вмѣстѣ съ величественнымъ окружающимъ ихъ паркомъ поражаютъ зрителя своимъ величіемъ и оригинальной красотой. Въ особенности большой интересъ представляетъ осмотръ развалинъ въ лунную (лѣтнюю) ночь, когда онѣ съ поросшими мхомъ и деревьями стѣнами представляютъ волшебный фантастическій видъ.

Въ огромномъ паркѣ большіе живописные пруды, изъ которыхъ одинъ подъ названіемъ «Развиловатый» былъ нѣкогда предназначенъ для купанья императрицы Екатерины II; вокругъ него замѣчательны ивы, расположенныя кольцеобразно. На высокомъ берегу пруда находится бесѣдка подъ названіемъ «Миловиды», откуда чудный видъ на пруды. Кромѣ этой, въ паркѣ еще нѣсколько бесѣдокъ, какъ-то: «Хижина», «Эзопова», «Ендова», «Гротъ» и другія.

Театръ въ Царицынѣ.

Кромѣ того, достойны вниманія прекрасный каменный мостъ (построенный при императрицѣ Екатеринѣ II), соединяющій оба берега пруда близъ дворца, живописные острова, фигурныя купальни и таинственная галерея, извѣстная подъ именемъ «Temple de mélancolie» (храмъ меланхоліи).

Въ Царицынѣ пришлось переночевать, и на слѣдующій день я возвратился съ поѣздомъ въ Люблино, а оттуда по вѣтви пѣшкомъ на станцію Андроновку для дальнѣйшаго путешествія по окружной дорогѣ.

Пройдя станцію, начинается двадцать первая верста, на протяженіи которой справа примыкаютъ къ желѣзной дорогѣ огороды и слѣва крестьянскія поля, пройдя которыя, вдали виднѣтся Рогожское старообрядческое кладбище.

Въ началѣ двадцать второй версты дорога пересѣкаетъ рязанское шоссе, на которомъ съ правой его стороны расположено село Карачарово, а съ лѣвой деревня Хохловка, за которой виднѣются нѣсколько заводовъ.

Затѣмъ до конца 22-й версты линія желѣзной дороги идетъ по насыпи, которую съ обѣихъ сторонъ окружаетъ Карачаровское болото, а за нимъ виднѣтся на правой сторонѣ деревня Гравороново.

Пройдя на двадцать третью версту, гдѣ оканчивается болото, я обошелъ его и возвратился для осмотра Рогожскаго кладбища. Основано оно въ 1771 году, а въ 1835 году переименовано въ Рогожскій богадѣленный домъ; въ этого времени Рогожское кладбище и получило официальное значеніе благотворительнаго учрежденія. Въ настоящее время богадѣленный домъ даетъ пріютъ 100 лицамъ мужского и 600 лицамъ женскаго пола изъ числа престарѣлыхъ и увѣчныхъ старообрядцевъ, пріемлющихъ священство. Призрѣваемые помѣщаются въ пяти каменныхъ и двухъ деревянныхъ двухъэтажныхъ зданіяхъ, именуемыхъ общими палатами, и 22 особыхъ, причемъ пользуются полнымъ содержаніемъ отъ общества. При богадѣленномъ домѣ имѣются два старообрядческихъ общественныхъ храма: лѣтній—во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, сооруженный въ 1790 году, и зимній—во имя Рождества Христова, построенный въ 1804 году. Алтари въ этихъ храмахъ съ 1856 году были запечатаны, но въ настоящее время, въ силу высочайшаго повелѣнія (16-го апрѣля 1905 года), открыты для богослуженія, причемъ въ алгаряхъ произведена полная реставрація. При храмахъ имѣются 4 священника, 3 діакона и хоръ пѣвчихъ изъ 40 слишкомъ чело-вѣкъ. Съ 1906 года при богадѣленномъ домѣ открыто женское училище. Управление домомъ возложено на трехъ попечителей и 40 лицъ выборныхъ отъ общества.

Отсюда я возвратился къ началу двадцать третьей версты, гдѣ окружная дорога пересѣкаетъ трехпролетнымъ желѣзнымъ мостомъ

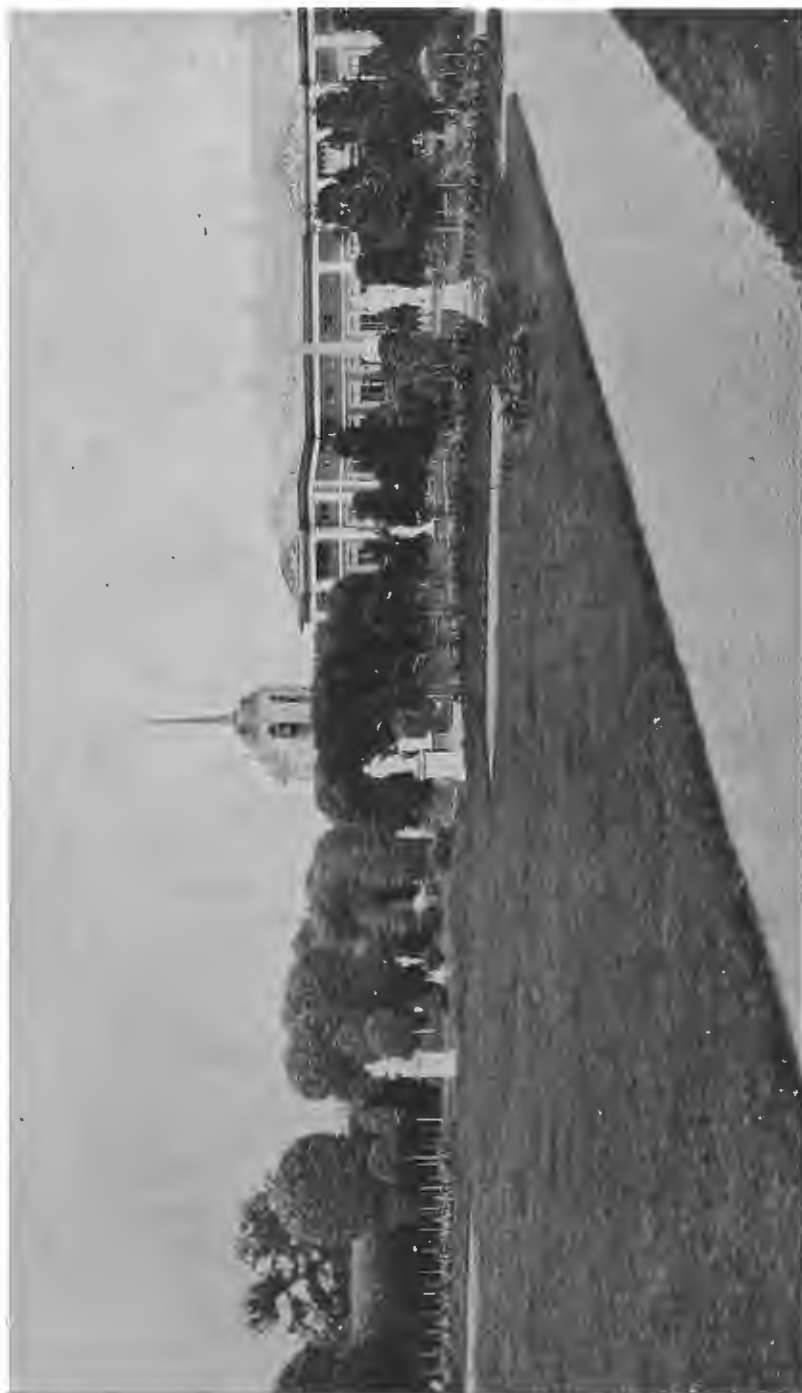

Мостъ времянь Екатерины II въ Царицынѣ.

Московско-Курскую желѣзную дорогу, причемъ средній пролетъ предназначенъ для путей Московско-Курской дороги, крайній задній для полевой дороги, а крайній передній для дороги изъ Москвы въ деревню Грайвороново, которую при расширеніи города Москвы предполагается обратить въ улицу.

Далѣе окружная дорога проходитъ по открытой равнинѣ, занятой лугами, полями и огородами, гдѣ пересѣкается городской водопроводъ посредствомъ каменной трубы подъ насыпью, а затѣмъ Симоновскую вѣтвь Московско-Казанской ж. дор. Недалеко отъ дороги расположены фабрика Меттика и заводъ Грачева. На двадцать четвертой верстѣ дорога пересѣкаетъ Николо-Угрѣшское (Перервинское) шоссе, идущее изъ Москвы въ Николо-Угрѣшскій монастырь. Въ концѣ 24-й версты, на лѣвой сторонѣ дороги находится такъ называемое Сукино болото, предназначенное для городскихъ свалокъ, которыя въ настоящее время находятся на правой сторонѣ желѣзной дороги, гдѣ и поля орошенія, примыкающія почти вплотную къ расположенной здѣсь станціи Угрѣшской, почему воздухъ невозможный, и эту станцію, а также и всю эту версту пришлось проходить скорымъ маршемъ, чуть не бѣгомъ. Около Угрѣшской находится воинскій продовольственный пунктъ, очень красивое большое зданіе съ разными пристройками. Далѣе за продовольственнымъ пунктомъ находится холерное кладбище.

Въ началѣ двадцать шестой версты начинается прилегающая къ желѣзной дорогѣ дер. Кожухово, расположенная на берегу рѣки Москвы. Для пропуска дороги, соединяющей эту деревню съ Москвой, устроенъ желѣзный мостъ (путепроводъ). Далѣе на правой сторонѣ дороги расположенъ историческій Симоновъ монастырь, основанный въ XIV столѣтіи (1370) г. Феодоромъ Ростовскимъ, племянникомъ Сергія Радонежскаго, основателя Сергіевой лавры, на землѣ, принадлежавшей въ то время боярину Симону Головкину. Первоначальная постройка была возведена ниже нынѣшней (по теченію р. Москвы), а впослѣдствіи въ 1379 г. перенесена была на то мѣсто, гдѣ монастырь находится и въ настоящее время. Отъ первоначальной постройки сохранилась церковь Рождества Богородицы (см. ниже). Соборный монастырскій храмъ Успенія Пресвятой Богородицы построенъ въ 1379—1405 г.г., колокольня храма самая высокая въ Москвѣ (47 саж.). Въ монастырской оградѣ погребены: князь Константинъ—сынъ Димитрія Донского, князь Ѳ. М. Мстиславскій, князь Урусовъ, Сергіи Тимоѣевичъ Аксаковъ (авторъ «Семейной Хроники»), фельдмаршалъ графъ Мушинъ-Пушкинъ и многіе другіе русскіе дѣятели. Церковь Рождества Богородицы, находящаяся въ 200 саженьяхъ отъ монастыря, какъ сказано выше, построена въ 1379 г.; подъ ея колокольней погребены останки иноковъ Сергіевой лавры Пересвѣта и Ослаби, павшихъ въ бою на Куликовомъ полѣ. Тутъ же недалеко отъ мо-

Дворецъ въ Кусковъ.

настыря находятся нефтяные склады Восточнаго общества, имѣющіе десять баковъ на полтора милліона пудовъ нефти.

Далѣе на лѣвой сторонѣ желѣзной дороги расположенъ на берегу рѣки Москвы Угрѣшскій (Перервинскій) Никольскій монастырь (Николо-Угрѣши). Монастырь основанъ въ 1381 году Димитріемъ Донскимъ, по преданію, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ обрѣлъ икону Николая Чудотворца, которая и сохраняется въ мѣстномъ соборномъ храмѣ. Преданіе добавляетъ, что, увидѣвъ икону, князь воскликнулъ: «сія вся угрѣша (то есть согрѣло, успокоило) сердце мое».

Въ 1602 году въ Угрѣшскомъ монастырѣ скрывался Григорій Отрепѣевъ; позднѣе, въ 1610 году, здѣсь проживалъ нѣкоторое время Лжедмитрій II передъ тѣмъ, когда хотѣлъ произвести вторую попытку овладѣть Москвою.

Вблизи монастыря находится село Перерва, а также Перервинская плотина и шлюзъ; названіе Перерва произошло отъ того, что въ этомъ мѣстѣ рѣка Москва прорвала себѣ новое русло.

Немного далѣе, на правой же сторонѣ желѣзной дороги находится такъ называемый Лизинъ прудъ, извѣстный по повѣсти Карамзина «Вѣдная Лиза».

Далѣе, на высокомъ берегу рѣки Москвы расположенъ громадный электрической и электро-механической заводъ извѣстной фирмы «Вестингаузъ», принадлежащій русскому электрическому обществу. Этотъ заводъ каждому слѣдуетъ осмотрѣть въ виду того, что онъ представляетъ послѣднее слово техники и имѣетъ слѣдующія отдѣленія: модельное, литейное, кузнечное, токарно-механическое, сборное, шурупное, инструментальное, якорное, обмоточное, аппаратное, кабельное, никкелировочное, малярное, испытательное, отдѣленіе для электрическихъ установокъ, ремонтное и отдѣленіе для всякаго рода вспомогательныхъ работъ. Центральная электрическая станція, снабжающая энергіей всѣ отдѣленія завода, оборудована четырьмя генераторами общей мощностью около восьмисотъ лошадиныхъ силъ и аккумуляторной батареей емкостью 1160 амперъ-часовъ при 10-часовомъ разрядѣ. Заводъ оборудованъ лучшими машинами-орудіями и имѣетъ около 1000 человекъ рабочихъ. Русское электрическое общество «Вестингаузъ», получившее въ послѣднее время заказъ на постройку петербургскаго трамвая, основано американской компаніей, одной изъ крупнѣйшихъ американскихъ предпріятій, и имѣетъ во многихъ городахъ Америки и Европы свои заводы. Капиталъ, помѣщенный въ предпріятія, достигаетъ 200 милліоновъ. Тутъ же не въ далекомъ разстояніи на рѣкѣ Москвѣ находится котельно-мостовой заводъ Бари.

Далѣе (на двадцать седьмой верстѣ) по теченію рѣки Москвы расположенъ заводъ Русскаго общества трубопрокатныхъ заводовъ и рядомъ съ нимъ стеклянный заводъ анонимнаго общества. Противъ

Бесѣдка-музей въ Кусковѣ.

Внутренній видъ бесѣдки-музея.

этихъ заводовъ расположена станція Кожухово. За станціей на протяженіи 27-й и 28-й версты тянется по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги Тюфелева роща, принадлежащая частью удѣльному вѣдомству, а частью администраціи, учрежденной по дѣламъ фонъ-Дервиза. Роща почти вся сосновая. При концѣ Тюфелевой рощи расположены кожевенный заводъ Валкъ и К^о и рядомъ съ нимъ химическій заводъ Русскаго акціонернаго общества.

Далѣе въ концѣ 28-й версты, за рѣкой Москвой расположены двѣ деревни, Нагатино и Новинки, жители которыхъ занимаются огородничествомъ и сбываютъ продукты въ Москву.

За дер. Новинками виднѣется расположенное на рѣкѣ Москвѣ село Коломенское, имѣющее двѣ церкви: Казанской Божіей Матери и Вознесенія Господня, хорошо видныя съ насыпи желѣзной дороги. Село это возникло еще въ 1237 году; оно основано бѣглецами изъ города Коломны во время нашествія Батыя. Въ XVI столѣтіи великій князь Василій III построилъ въ Коломенскомъ лѣтній дворецъ, бывшій впоследствии любимой резиденціей Іоанна Грознаго. Въ 1672 году царь Алексѣй Михайловичъ построилъ въ Коломенскомъ новый дворецъ, въ которомъ, какъ полагаютъ, и родился Петръ Алексѣевичъ, великій преобразователь Россіи, хотя, по другимъ источникамъ, мѣстомъ рожденія Великаго Петра считается Кремлевскій дворецъ, а также и село Измайловское. Въ 1767 году императрица Екатерина II велѣла снести старое зданіе дворца за ветхостью и построила новый дворецъ, отъ котораго остались теперь однѣ развалины. Въ Коломенскомъ въ настоящее время жителей около 1500 человекъ, главный промыселъ которыхъ—садоводство и огородничество.

Далѣе, въ верстѣ отъ желѣзной дороги, на лѣвой сторонѣ виднѣется одинокая постройка, окруженная большимъ садомъ,—это дача Верещагина. Покойный художникъ (погибшій, какъ извѣстно, при взрывѣ броненосца «Петропавловскъ» 31 марта 1904 г. въ Портъ-Артурѣ) любилъ эту дачу и часто проводилъ здѣсь лѣтнее время.

Въ началѣ двадцать девятой версты окружная дорога пересѣкаетъ рѣку Москву, гдѣ построенъ прекрасный желѣзный трехпролетный мостъ, помимо двухъ пролетовъ береговыхъ съ проѣзжей по мосту дорогой и пѣшеходными проходами по бокамъ моста. Мостъ этотъ называется въ честь наслѣдника цесаревича Алексѣя Николаевича—Алексѣевскимъ, наверху надъ верхней частью фермъ красуется бюстъ наслѣдника цесаревича. Проектъ моста составленъ профессоромъ Бѣлелюбскимъ. За мостомъ, на лѣвой сторонѣ расположены при устьѣ рѣки Котловки заводы, отбѣльный Вебера и кожевенный Рыбакова и далѣе костеобжигательный Пушкина. Тутъ же расположена деревня Нижніе Котлы, и затѣмъ за нею деревня Верхніе Котлы. Съ правой же стороны желѣзной дороги находится обойная фабрика Алпатовой, далѣе новая фабрика Дани-

Главная аллея въ Кусковѣ.

ловской камвольной прядильни Мещерина, а за ними немного далѣе раскинулась большая ситценабивная и шерстепрядильная фабрика товарищества Даниловской мануфактуры.

Въ концѣ тридцатой версты желѣзной дороги расположено село Черемушки, а рядомъ съ нимъ находится имѣніе Якунчикова на шоссе, построенномъ владѣльцемъ имѣнія. За имѣніемъ расположенъ громадный кирпичный заводъ Ѳеодорова и Новикова. Немного лѣвѣе завода расположено село Троицкое-Черемушки. Первая церковь въ селѣ во имя св. Троицы деревянная, построена въ 1731 году Александромъ Тимофеевичемъ Гржевскимъ, бывшимъ владѣльцемъ села. Въ 1897 г. старая церковь сломана, и вмѣсто нея построена новая, каменная, на пожертвованія прихожанъ.

Противъ села Троицкаго и расположеннаго рядомъ съ нимъ большого кирпичнаго завода Якунчикова, на правой сторонѣ дороги расположена извѣстная Канатчикова дача, въ которой находится больница для душевно-больныхъ. Всѣхъ больныхъ помѣщается въ больницѣ болѣе 500 человекъ. Дача окружена рощей изъ разныхъ деревьевъ, черезъ которую протекаетъ ручей Черторой, на которомъ устроена купальня. Немного далѣе по линіи желѣзной дороги расположена большая станція Канатчиково. Отъ этой станціи построены двѣ вѣтви: первая къ станціи Москва Рязанско-Уральской дороги и вторая къ станціи Коломенское—той же дороги.

Далѣе желѣзная дорога проходитъ около Даниловской слободы, расположенной по обѣимъ сторонамъ серпуховскаго шоссе, имѣющей жителей около 8000 человекъ, за которой расположенъ Даниловскій мужской монастырь. Этотъ старѣйшій изъ примосковскихъ монастырей существуетъ болѣе 600 лѣтъ. Монастырь основанъ великимъ княземъ московскимъ Даниломъ Александровичемъ (1296—1304 г.г.). Въ 1330 году, по желанію великаго князя Іоанна Калиты, обитель была переведена въ Кремль подъ наименованіемъ монастыря Спаса на бору. Въ 1462 г. при великомъ князѣ Іоаннѣ III произошло второе переселеніе Даниловскаго монастыря подъ именемъ Спасскаго изъ Кремля въ Крутицы, гдѣ нынѣ находится Ново-Спасскій монастырь. Затѣмъ, въ царствованіе Іоанна IV Грознаго, по его приказу, Даниловскую обитель возстановили на первоначальномъ мѣстѣ и построили при храмѣ келіи. Въ настоящее время въ монастырѣ двѣ церкви: первая во имя Живоначальныя Троицы и вторая во имя святыхъ отецъ семи вселенскихъ соборовъ. Въ послѣднемъ храмѣ хранятся мощи св. Данила, великаго князя московскаго. Въ монастырѣ находятся два колокола, отлитые царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ въ 1682 году. Монастырь обнесенъ каменной стѣной и имѣетъ обширное кладбище со множествомъ красивыхъ склеповъ и памятниковъ.

Далѣе, на правой сторонѣ желѣзной дороги расположенъ Донской монастырь, основанный въ 1591 году, въ воспоминаніе о по-

Дворецъ въ Нескуичомъ.

бѣдѣ при селѣ Коломенскомъ. Въ 1686 году старыя деревянныя стѣны монастыря были замѣнены каменными, по желанію царевны Екатерины Алексѣевны (сестры Петра I), согласно даннаго ею обѣта. При монастырѣ имѣется самое большое примосковское кладбище.

Противъ монастыря, на лѣвой сторонѣ желѣзной дороги расположена Живодерная слобода на калужскомъ шоссе.

Далѣе, близъ желѣзной дороги, съ правой стороны раскинулся на правомъ холмистомъ берегу рѣки Москвы Нескучный садъ. Въ саду находится Александрійскій дворецъ, принадлежавшій когда-то графу Орлову-Чесменскому. Садъ этотъ любила императрица Екатерина II. Въ немъ же иногда проводилъ лѣтніе мѣсяцы покойный великій князь Сергѣй Александровичъ. Противъ дворца на склонѣ къ рѣкѣ Москвѣ разбитъ красивый цвѣтникъ. Отъ дворца въ глубь сада масса дорожекъ, проходящихъ по живописнымъ оврагамъ; черезъ нѣкоторые изъ нихъ перекинугы мостики и сдѣланы гроты. Въ особенности красивы мѣста близъ такъ называемаго Елизаветинскаго грота и Елизаветинскаго пруда съ купальнями. Большинство аллей обсажены кленами, которые разрослись и образовали арки надъ аллеями. Въ настоящее время садъ принадлежитъ дворцовому вѣдомству.

Далѣе, на лѣвой сторонѣ желѣзной дороги, на берегу рѣки Москвы находится богадѣльня московскаго купеческаго общества (Андреевская) для престарѣлыхъ лицъ обоого пола, гдѣ призрѣваются болѣе 1000 человекъ. На этомъ мѣстѣ въ XIV столѣтіи былъ мужской монастырь имени Андрея Стратилата, который впоследствии превращенъ былъ въ тюрьму. Богадѣльня же устроена здѣсь сравнительно недавно, а именно въ половинѣ XIX столѣтія. Въ первомъ этажѣ стараго корпуса сохранились еще въ окнахъ рѣшетки, свидѣтельствующія о существованіи тюрьмы. Немного лѣвѣе богадѣльни находится садоводство Ноева, бывшая дача графа Мамонова, расположенное на холмистомъ берегу рѣки Москвы, съ большимъ числомъ оранжерей и питомниковъ для садовыхъ и комнатныхъ растений. Посреди сада съ массой декоративныхъ растений, рѣдкихъ по своей величинѣ, сохранился до сихъ поръ дворецъ графа Мамонова, въ которомъ мѣстами сохранившаяся внутренняя отдѣлка комнатъ свидѣтельствуетъ о былой его роскоши. Съ прилегающей здѣсь къ Москвѣ-рѣкѣ живописной мѣстностью, какъ бы споря о красотѣ и величіи, высится надъ рѣкой Москвой громадный арочный желѣзнодорожный мостъ, названный въ память покойнаго великаго князя Сергѣя Александровича—Сергіевскимъ, съ бѣлыми величественно-красивыми и громадными береговыми устоями и устроенными по обѣимъ сторонамъ моста тротуарами для пѣшеходовъ. Проектъ моста принадлежитъ профессору Проскурякову.

Перейдя Сергіевскій мостъ, начиная съ тридцать третьей версты до второго перехода желѣзной дорогой рѣки Москвы на тридцать

Елизаветинскій гротъ въ Нескучномъ..

пятой верстѣ, дорога проходить по низменности, которая огибается рѣкою Москвой и образуетъ полуостровъ, затопляемый въ весеннее время половодьемъ. Вслѣдствіе этого вся свободная земля этой мѣстности эксплуатируется огороднымъ промысломъ, причемъ самымъ крупнымъ здѣсь огородникомъ считается Пышкинъ, арендующій болѣе 60 десятинъ. Часть арендуемыхъ земель принадлежитъ дворцовому вѣдомству, а остальное московскимъ монастырямъ.

Начиная съ тридцать четвертой версты, линія желѣзной дороги идетъ по прежней границѣ города Москвы (Камеръ-Коллежскому валу) и правой своей стороною прилетаетъ къ Хамовнической части города Москвы.

Въ началѣ 34-й версты видна за рѣкой Москвой дача С. Н. Грачева, близъ которой находится московскій яхтъ-клубъ. На правой сторонѣ дороги виднѣются Хамовническія казармы, въ которыхъ расположены Перновскій и Несвижскій гренадерскіе и Сумскій драгунскій полки.

На лѣвой сторонѣ дороги виднѣется расположенный за рѣкой Москвой регулирующий резервуаръ московскаго городского водопровода. Резервуаръ находится въ березовой роцѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде Воробьевскій дворецъ. Направленіе осевой линіи резервуара дѣлитъ Москву на двѣ почти равныя части и проходитъ между Сухаревой башней и церковью Спаса. Резервуаръ проектированъ на 2 милліона ведеръ; горизонтъ средняго уровня воды въ немъ на 38 сажень выше горизонта рѣки Москвы.

Далѣе на этой же лѣвой сторонѣ дороги находится храмъ Тихвинской Божіей Матери (въ Малыхъ Лужникахъ), основанный въ 1701 году. Въ храмѣ имѣется чудотворная икона Тихвинской Божіей Матери. Къ храму принадлежитъ Вавилонскій колодезь, расположенный между храмомъ и желѣзной дорогой, слывущій въ народѣ святымъ. Колодезь вырытъ (какъ гласитъ преданіе) по приказу царя Алексѣя Михайловича на мѣстѣ бывшаго Вавилонскаго сада.

Въ концѣ 34-й версты линія дороги подходитъ къ большой красной станціи Воробьевы горы, кругомъ которой расположено много фабрикъ и заводовъ.

Противъ станціи, на лѣвой сторонѣ дороги, за рѣкой Москвой раскинулись Воробьевы горы и село того же названія съ красивой церковью во имя святой Троицы. При селѣ имѣется роца, по преданію, насаженная императоромъ Петромъ I. На самомъ обрывѣ высокаго берега рѣки Москвы находится извѣстный ресторанъ Крынкина, построенный на томъ мѣстѣ, откуда Наполеонъ любовался видомъ Москвы. Съ террасы ресторана открывается чудная панорама столицы, что привлекаетъ лѣтомъ сюда много публики и всѣхъ посѣщающихъ Москву иностранцевъ и пріѣзжихъ русскихихъ.

Деревня Фили.

Недалеко отъ ресторана, близъ обрыва на площадкѣ расположена царская бесѣдка, съ которой также чудный видъ на Москву.

На правой сторонѣ желѣзной дороги, близъ станціи Воробьевы горы (на Лужницкомъ проѣздѣ) расположенъ очень красивый Ново-дѣвичій монастырь, основанный великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ въ 1524 году. Послѣ побѣды надъ казанскими татарами на рѣкѣ Свѣягѣ 28 іюля 1525 г. торжественно былъ перенесенъ съ крестнымъ ходомъ изъ Благовѣщенскаго собора въ новосозданную обитель списокъ съ чудотворной иконы Смоленской Божіей Матери, въ память чего и установленъ на этотъ день крестный ходъ изъ Кремля въ Ново-дѣвичій монастырь. Въ 1598 году въ монастырѣ въ соборномъ храмѣ былъ провозглашенъ царемъ Борисъ Годуновъ.

Въ гибельное нашествіе поляковъ съ литовцами на Москву въ 1617 году монастырь, переходя изъ рукъ въ руки, служилъ станомъ и крѣпостью то для враговъ, то для защитниковъ отечества.

Въ 1679 году заключена была въ этой обители сестра-соперница царя Петра I, царевна и соправительница Софья. Здѣсь, будучи затворницей, она сумѣла возмутить стрѣльцовъ такъ, что они, какъ извѣстно, посягали даже на жизнь царя Петра I, но мятежъ былъ усмирень, а стрѣльцы-мятежники казнены, причемъ 230 человекъ изъ нихъ, по повелѣнію царя Петра, были повѣшены противъ келіи Софьи съ челобитными въ рукахъ, въ которыхъ они просили царевну Софью принять престоль. Сама же Софья была пострижена подъ именемъ Сусанны. По указу Петра I, при монастырѣ былъ устроенъ пріютъ для призрѣнія старыхъ заслуженныхъ воиновъ. Съ учрежденіемъ въ 1724 г. въ монастырѣ новаго штата основано было и заведеніе для пріема и содержанія подкидышей и безпріютныхъ дѣтей женскаго пола. Дѣти воспитывались въ монастырѣ до совершеннолѣтія, обучаясь пряденію голландскихъ нитокъ, шитью и плетенію кружевъ; учительницами были выписанныя Петромъ I шитомицы изъ брабантскихъ монастырей. Это заведеніе, предшествовавшее основанію воспитательнаго дома въ Москвѣ, впоследствии было упразднено. Подобно 1612 году, монастырь вторично въ 1812 году перенесъ всѣ ужасы войны, когда Наполеонъ, прибывъ въ монастырь 23 ноября и осмотрѣвъ обитель, приказалъ поставить здѣсь батарею; такимъ образомъ, въ монастырѣ образовалось неприятельское укрѣпленіе противъ нашихъ же войскъ. Монастырь былъ одно время также царской усыпальницей, гдѣ подъ нижними сводами собора погребены въ склепѣ многія особы изъ царскаго и княжескихъ родовъ. На монастырскомъ кладбищѣ находятся могилы Чехова, Плещеева, В. Соловьева и другихъ. Монахинь въ монастырѣ около трехсотъ.

Рядомъ съ монастыремъ (черезъ площадь) паходится храмъ перваго вселенскаго собора, основанный въ 1818 г. прихожаниномъ,

Церковь въ Филяхъ.

московскимъ купцомъ Семеномъ Малюковымъ, на мѣстѣ разрушенной въ 1812 г. французами; въ церкви чтимая икона Кипрской Богоматери. За монастыремъ раскинулась громадная площадь подъ названіемъ Дѣвичье Поле, отъ которой идетъ большая Царицынская улица въ Москву. Дѣвичье Поле служить мѣстомъ для народныхъ гуляній; названіе свое получило по преданію отъ того, что москвичи будто бы во времена монгольскаго ига приводили сюда дѣвицъ для отдачи посламъ татарскимъ въ дань, поднося при этомъ на своихъ головахъ, какъ угощеніе, молоко и медъ въ серебряныхъ вызолоченныхъ сосудахъ.

Отъ станціи Воробьевы горы окружная дорога идетъ мимо монастыря высокой насыпью, и въ началѣ тридцать шестой версты подходитъ вновь къ рѣкѣ Москвѣ, черезъ которую устроенъ прекрасный арочный желѣзный однопролетный мѣстъ, названный мостомъ императора Николая II; мостъ имѣетъ также пѣшеходные тротуары.

Перейдя на 36-й верстѣ рѣку Москву, окружная дорога направляется къ пересѣченію съ Московско-Брянской жел. дорогой, не доходя которой, вблизи Воробьевскаго шоссе, расположенъ остановочный пунктъ (станція) Потылиха, соединяющая вѣтвью окружную дорогу съ Московско-Брянской желѣзной дорогой.

За Потылихой, съ лѣвой стороны желѣзной дороги расположены дачи Николаевскаго института, находящіяся близъ рѣки Сѣтуни, а за ними—село Троицкое-Голенищево. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ село это было любимымъ мѣстопребываніемъ патріарховъ и потомъ митрополитовъ московскихъ. Особенно это мѣстечко любилъ митрополитъ Кипріанъ, куда часто пріѣзжалъ къ нему за духовнымъ утѣшеніемъ и нравственной поддержкой князь Василій, сынъ Дмитрія Донскаго. Мѣстный храмъ во имя Святой Троицы построенъ въ 1644 году.

Въ началѣ тридцать седьмой версты расположена станція Кутузово, соединяющаяся двумя вѣтвями съ Московско-Брянской и Московско-Брестской дорогами.

Надъ путями станціи по желѣзному путепроводу проходитъ смоленское шоссе; противъ станціи на правой сторонѣ дороги находится Дорогомиловское (еврейское) кладбище, за которымъ расположенъ громадный Трехгорный пивоваренный заводъ.

На лѣвой сторонѣ дороги упомянутое выше смоленское шоссе поднимается на такъ называемую «Поклонную гору», откуда открывается прелестный видъ на златоглавую столицу. Здѣсь, какъ говоритъ преданіе, Наполеонъ въ 1812 году тщетно ожидалъ на поклонъ къ себѣ московскихъ властей съ ключами отъ городскихъ воротъ, въ знакъ покорности передъ великимъ завоевателемъ. По другимъ источникамъ, Наполеонъ ожидалъ представителей столицы къ себѣ совсѣмъ не здѣсь, а въ Петровскомъ дворцѣ, за Тверской

заставой. На Поклонной горѣ, вблизи шоссе находится изба, извѣстная подъ именемъ Кутузовской. Въ 1812 году на военномъ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ Кутузова было рѣшено покинуть столицу и отдать ее на разграбленіе непріятеля; эта героическая мѣра, какъ извѣстно, спасла Россію. Совѣтъ, на которомъ принято это рѣшеніе, былъ собранъ именно въ этой избѣ. Въ 1812 году изба принадлежала крестьянину Фролову; впоследствии она на половину сгорѣла, но была реставрирована въ 1887 году, какъ любопытный историческій памятникъ, и въ возобновленномъ видѣ сохранилась до сихъ поръ. Въ домикѣ хранится книга, куда посѣтителы вносятъ свои имена. Близъ избы сооруженъ памятникъ въ видѣ обелиска, съ соотвѣтствующей надписью. Изба состоитъ изъ трехъ комнатъ, въ первой помѣщается собраніе разныхъ историческихъ предметовъ и картинъ, относящихся къ 1812 году; далѣе помѣщаются четверо воиновъ-ветерановъ Псковскаго пѣхотнаго (имени фельдмаршала Кутузова) полка, призрѣваемыхъ на счетъ общества московскихъ хоругвеносцевъ. Рядомъ съ избой въ оградѣ находится каменный сарай, гдѣ помѣщается коляска, въ которой ѣздилъ въ 1812 и 1813 годахъ князь Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ Смоленскій. Изба и сарай обнесены заборомъ, а впереди, за оградой, имѣется небольшой садикъ.

Въ началѣ тридцать восьмой версты окружная дорога своимъ кольцомъ послѣдній (четвертый) разъ пересѣкаетъ рѣку Москву, черезъ которую перекинутъ мостъ, названный Дорогомиловскимъ. Перейдя мостъ, желѣзная дорога направляется къ пересѣченію Московско-Брестской дороги, гдѣ съ правой стороны тянутся огороды, съ лѣвой же расположена деревня Шелепиха на берегу рѣки Москвы, гдѣ имѣется перевозъ (паромъ) на противоположную сторону рѣки Москвы, прямо въ село Покровское-Фили.

Это послѣднее, расположенное на правой сторонѣ рѣки Москвы, составляетъ какъ бы одно нераздѣльное цѣлое съ громаднымъ Шелапутинскимъ паркомъ и сосѣднею деревнею Фили на рѣчкѣ Филкѣ (по старинному Хвилькѣ), почему и называется Покровское-Фили. На высокомъ холмѣ, возвышающемся надъ прибрежными лугами, находится Покровская церковь, очень оригинальной и красивой архитектуры. Церковь построена въ 1639 году тогдашнимъ владѣльцемъ этого села, дядей Петра Великаго Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ, въ память брата его, убитаго во время перваго стрѣлецкаго бунта. Петръ I въ юности нерѣдко посѣщалъ этотъ замѣчательный храмъ и даже иногда пѣлъ на клиросѣ. Посреди верхняго храма до сихъ поръ сохранилось царское мѣсто. Съ наружной террасы Покровскаго храма открывается великолѣпная панорама Москвы. Кругомъ храма ограда съ разбитымъ въ ней садомъ.

Дворецъ въ Кунцевѣ.

Церковь въ Кушцевѣ.

Въ Шелапутинскомъ паркѣ проложена дорога къ платформѣ Московско-Брестской дороги Фили. Отъ платформы до станціи Кунцево Московско-Брестской дороги всего пять верстѣ.

Село Старое Кунцево расположено на рѣкѣ Москвѣ, на крутомъ, необыкновенно живописномъ берегу ея. Село принадлежало прежде Кириллу Полуэктовичу Нарышкину, отцу Натальи Кирилловны (матери Петра Великаго), и долго затѣмъ оставалось въ родѣ Нарышкиныхъ, наконецъ въ послѣднее время перешло въ собственность извѣстнаго московскаго капиталиста Козьмы Терентьевича Солдатенкова. Огромный дворецъ въ старинномъ вкусѣ стоитъ на вершинѣ горы, которая круто опускается къ самой Москвѣ-рѣкѣ. Дворецъ окруженъ громаднымъ паркомъ, также спускающимся къ самой рѣкѣ. Передъ дворцомъ возвышается мраморный обелискъ съ надписью: «отъ Екатерины II Льву Нарышкину». Близъ оранжерей высится громадная пирамида съ надписью, что прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III любовался отсюда Москвою и выражалъ свою благодарность древней русской столицѣ за спасеніе Прусскаго королевства. Близъ дворца находится церковь, построенная въ 1730 г., гдѣ сохраняются экземпляры священнаго писанія, напечатанные одинъ въ 1506 году, а другой въ 1575 г. въ Вильнѣ, а также воздухи, вышитые собственноручно царицей Натальей Кирилловной. Въ паркѣ, подъ горой, у берега Москвы, передъ самымъ дворцомъ—возвышается огромная мраморная группа художественной работы «Плутонъ, похищающій Прозерпину», пожалованная Нарышкину императрицей Екатериной II. На скатѣ горы, нѣсколько далѣе отъ дворца, находится «Святой колодезь»—въ особомъ каменномъ гротѣ, съ необыкновенно чистой, прозрачной, вкусной и всегда свѣжей водою.

Другая часть Кунцева принадлежит Смирнову; тамъ находится такъ называемое «проклятое мѣсто»—съ остатками бывшаго здѣсь когда-то татарскаго кладбища. До сихъ поръ тамъ попадаются куски могильныхъ плитъ съ татарскими надписями. Кругомъ мѣста съ громадными оврагами, густо заросшими всевозможными деревьями, представляютъ дикій и величественный видъ. На одной горѣ возвышается громадный дубъ, имѣющій отъ роду нѣсколько столѣтій. Изъ Кунцева я возвратился на платформу Фили и отсюда, пройдя паркомъ до рѣки Москвы, на паромѣ переѣхалъ въ деревню Шелепиху, а оттуда вошелъ на насыпь окружной желѣзной дороги.

На тридцать девятой верстѣ, на правой сторонѣ желѣзной дороги, въ рошѣ расположена Ермаковская богадѣльня для престарѣлыхъ, а рядомъ съ ней находится Даниловскій сахаро-рафинадный заводъ. Здѣсь же, немного далѣе отъ желѣзной дороги расположена такъ называемая «дача Студенецъ». Здѣсь былъ когда-то загородный домъ князей Гагариныхъ, и вся эта мѣстность была извѣстна подъ именемъ «Гагаринскихъ прудовъ». Впослѣдствіи

имѣніе перешло въ собственность графа Ф. А. Толстого, а потомъ къ его дочери графинѣ Закржевской, которая много способствовала украшенію этой мѣстности. Въ настоящее время это имѣніе принадлежитъ училищу садоводства и огородничества.

На сороковой верстѣ окружной дороги расположена станція Прѣсня съ вѣтвью къ Московско-Брестской желѣзной дорогѣ. Противъ станціи на правой сторонѣ дороги виднѣются казармы первой артиллерійской бригады и перваго Донскаго казачьяго полка. За станціей Прѣсня линія окружной дороги направляется къ Ходынскому полю и на своемъ пути пересѣкаетъ на 41-й верстѣ звенигородское шоссе, идущее отъ Прѣсенской заставы, и идетъ далѣе къ рѣкѣ Ходынкѣ, пересѣкая новое хорошиловское шоссе. Далѣе линія дороги идетъ Ходынскимъ полемъ между лагерями: пѣхотнымъ, расположеннымъ по правую сторону, и артиллерійскимъ, расположеннымъ по лѣвую сторону желѣзной дороги. Лагери раздѣляетъ рѣка Ходынка, идущая параллельно желѣзной дорогѣ. Здѣсь же находится станція Военное Поле, расположенная въ началѣ 43 версты.

Огромная площадь Ходынскаго поля лежитъ по лѣвую сторону петербургскаго шоссе, идущаго отъ Тверской заставы. Поле это служитъ мѣстомъ ежегоднаго лагернаго сбора войскъ московскаго округа; здѣсь въ весьма обширномъ лагерѣ, кромѣ палатокъ и барачковъ, имѣются церковь, клубъ и прочія хозяйственныя постройки. Въ офицерскомъ клубѣ, посвящемъ оригинальное названіе «Кукучка», по вечерамъ въ опредѣленные дни бывають музыкальные и танцевальныя вечера.

Въ 1775 году (при императрицѣ Екатеринѣ II) на Ходынскомъ полѣ было торжественное всенародное празднество по случаю заключенія мира съ турками при Кучукъ-Кайнарджи, продолжавшееся нѣсколько дней. Ранѣе на Ходынскомъ полѣ бывали медвѣжьи травли и кулачныя бои, давно уже отмѣненные. Въ настоящее время тамъ происходятъ конскіе скачки и бѣга на особо устроенныхъ ипподромахъ. Въ 1882 году на Ходынскомъ полѣ была устроена громадная «всероссійская» выставка, продолжавшаяся все лѣто. Интересное зданіе царской бесѣдки, сохранившееся до настоящаго времени, находится у самаго шоссе, близъ Петровскаго парка.

Съ правой стороны шоссе, параллельно ему отъ заставы идетъ тѣнистая липовая аллея, по правую руку которой тянется рядъ подмосковныхъ дачъ; эта правая сторона называется Старой Вашиловкой. Тутъ же помѣщается извѣстный ресторанъ «Яръ», почти противъ вѣзда въ ипподромъ. За Вашиловкой начинается роскошная липовая и сосновая роща на землѣ удѣльнаго вѣдомства— это Петровскій паркъ.

Между 43-й и 44-й верстами окружная дорога проходитъ столѣтнимъ сосновымъ боромъ, носившимъ въ старину названіе «Серебря-

Петровскій дворець.

Сельско-хозяйственный институтъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ.

пый боръ», въ настоящее же время эта лѣсная площадь носить названіе Всѣхсвятской рощи, причѣмъ на правой сторонѣ дороги расположена такъ называемая малая Всѣхсвятская роща, за которой и находится упомянутый выше Петровскій паркъ.

Этотъ паркъ—одно изъ самыхъ старинныхъ пригородныхъ мѣстъ для гуляній жителей столицы. Лучшимъ украшеніемъ его служить Петровскій дворецъ, обращенный главнымъ фасадомъ къ Ходынскому полю. Дворецъ построенъ архитекторомъ Казаковымъ въ 1776 году и окруженъ высокой каменной (кирпичной) стѣной съ башнями и бойницами, что придаетъ ему видъ крѣпости или средне-вѣковаго рыцарскаго замка. Окруженъ онъ особымъ небольшимъ дворцовымъ садомъ. Въ 1812 году здѣсь жилъ Наполеонъ (отъ 17 до 30 сентября) въ ожиданіи сдачи Москвы французамъ. Передъ выходомъ изъ столицы непріатели разграбили роскошную обстановку дворца и почти сожгли все зданіе. Теперь онъ реставрированъ въ прежнемъ видѣ. Русскіе государи передъ коронаціей останавливаются въ этомъ дворцѣ, чтобы начать отсюда свой торжественный вѣздъ въ древнюю столицу. Огромный паркъ, окружающій дворецъ, состоитъ изъ липъ, елей, сосны и кленовъ. Вблизи дворца находится старинная двухэтажная дворцовая церковь во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы.

Въ паркѣ масса дачъ, лавокъ, магазиновъ, ресторановъ и прочее. Есть почта и телеграфъ, лѣтній деревянный театръ, за которымъ находится большой тѣнистый прудъ съ купальнями и лодками.

Въ началѣ 44-й версты, на лѣвой сторонѣ дороги расположена водокачка, которая снабжаетъ въ лѣтнее время водой военные лагеря. Тутъ же за водокачкой расположены лагеря московскаго военнаго училища и тверскаго кавалерійскаго училища. Далѣе на правой сторонѣ дороги, въ малой Всѣхсвятской рощѣ, расположено московское Александровское убѣжище для увѣчныхъ и престарѣлыхъ воиновъ, основанное въ 1878 году, при которомъ имѣется храмъ очень красивой архитектуры, во имя святого благовѣрнаго князя Александра Невскаго. За рощей расположено село Всѣхсвятское, называвшееся ранѣе село Святые Отцы на рѣкѣ Ходынкѣ, по имени монастыря во имя святыхъ Отець, существовавшаго въ 1398 году, который, вѣроятно, и послужилъ центромъ образовавшагося потомъ большого села. Историческія свѣдѣнія о селѣ Всѣхсвятскомъ начинаются съ 1599 года, когда, по приказанію Бориса Годунова, навстрѣчу шведскому королевичу Густаву въ село Святыхъ Отець посланъ былъ М. Татищевъ. Здѣсь же князь Скопинъ-Шуйскій, Романовъ и другіе стали съ войскомъ между Тушинымъ, основавъ свою главную квартиру—«княжій дворъ», и поныпѣ существующій. По мѣстному преданію, по уходѣ князя Скопина-Шуйскаго здѣсь была главная квартира Лжедмитрія II (Тушинскаго вора), и при отступленіи на «княжемъ дворѣ» зарыты Лжедмитріемъ

всѣ награбленныя сокровища; указываютъ даже мѣсто, гдѣ будто бы зарытъ этотъ кладъ. Позднѣе село Всѣхсвятское перешло въ собственность И. М. Милославскому, который построилъ здѣсь церковь во имя Всѣхъ Святыхъ. Въ этомъ селѣ Милославскій въ царевной Софьей организовалъ стрѣлецкій бунтъ. Въ 1695 году по именному царскому указу село Всѣхсвятское пожаловано было имеретинскому царевичу Александру Арчиловичу, бывшему первымъ генераль-фельдцейхмейстеромъ при Петрѣ Великомъ. При празднованіи заключенія Ништадскаго мира роскошнымъ зимнимъ маскарадомъ Петръ I началъ свое шествіе съ села Всѣхсвятскаго.

Въ настоящее время въ селѣ Всѣхсвятскомъ почти не сохранилось памятниковъ прошедшаго, отъ монастыря же и дворца Имеретинскаго не осталось и слѣдовъ. Храмъ въ недавнее время подвергся капитальнымъ передѣлкамъ. При храмѣ имѣется церковно-приходская школа. Село имѣетъ много торговыхъ и промышленныхъ заведеній, а въ послѣднее время открывается и гимназія смѣшаннаго типа.

Отъ 44-й до конца 46-й версты окружная дорога пересѣкаетъ верховье бассейна рѣки Черной, впадающей между селами Тушино и Покровское въ рѣку Химку, притокъ рѣки Москвы.

Въ концѣ 44-й версты расположена станція Серебряный Боръ въ прекрасномъ сосновомъ бору, въ которомъ масса дачъ, тянущихся до села Всѣхсвятскаго.

Отъ станціи Серебряный Боръ идетъ вѣтвь, соединяющая окружную дорогу съ Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дорогой.

Въ началѣ сорокъ пятой версты дороги, на правой сторонѣ расположена деревня Коштевскіе Выселки. Далѣе за рощей находится деревня Щукино. На лѣвой сторонѣ расположено село Покровское-Глѣбово-Стрѣшнево, гдѣ имѣется помѣстье и дворецъ княгини Евдокии Ѳеодоровны Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой. Дворецъ очень оригинальной архитектуры окруженъ огромнымъ паркомъ, въ которомъ имѣется театръ. Близъ дворца находится храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, сооруженный въ 1600 году.

Немного далѣе виднѣется съ желѣзной дороги село Тушино, извѣстное болѣе подъ названіемъ Спасъ-Тушино, расположенное въ низменности близъ рѣки Москвы.

Въ 1382 году Тушино принадлежало знаменитому кievскому вельможѣ Родіону Нестеровичу Квашнѣ, который спасъ жизнь великому князю Іоанну Даниловичу въ битвѣ съ тверитянами подъ Переяславлемъ и получилъ за это область вокругъ рѣки Восходни на 15 верстъ. Въ 1536 году село перешло во владѣніе воеводы Тушина, отъ котораго и получило свое названіе.

Къ Тушину примыкаетъ сплошная возвышенность (на протяженіи около 2 верстъ), называемая Старой горою. Она образуетъ

высокій берегъ надъ рѣкой Москвой, съ котораго представляются взору живописныя окрестности. На этомъ обрывистомъ берегу существовалъ Спасо-Преображенскій монастырь, находившійся въ зависимости отъ Свято-Троицкой Сергіевской лавры. Въ выпискѣ изъ лѣтописей княженія Василя Димитріевича подъ 1390 годомъ значится такъ: «Весною въ великій постъ умеръ Иванъ Родіоновичъ (сынъ воеводы Квашни), названнй въ монашествѣ Игнатіемъ, и погребенъ въ монастырь на Веходѣ». Слѣдовательно, эта древняя обитель существовала еще до 1390 года и подверглась разоренію въ смутныя времена Лжедмитрія II.

Отъ конца 46-й версты до 48-й версты окружная дорога пересѣкаетъ водораздѣль рѣчекъ Химки и Лихоборки и переходитъ въ долину рѣчекъ Лихоборки и Жабенки.

Въ концѣ 47-й версты расположена на гористой открытой и живописной мѣстности станція Братцево.

Названіе свое эта станція получила отъ историческаго села Братцево, расположеннаго при рѣчкахъ Сходѣ и Братовкѣ и отстоящаго на порядочномъ разстояніи отъ станціи. Въ началѣ XVII столѣтія Братцево было пустошью Московскаго уѣзда, Горетова стана, принадлежавшею дьяку Александру Иванову. Затѣмъ, переходя изъ рукъ въ руки, въ 1657 году деревня Братцево перешла во владѣніе Богдана Матвѣевича Хитрово, который построилъ здѣсь каменную церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Въ 1690 г. село перешло во владѣніе дворцоваго вѣдомства, а въ 1695 г. пожаловано К. А. Парышкину. Съ 1824 года село принадлежитъ Римскому-Корсакову.

За станціей Братцево, на правой сторонѣ находится деревня Контево, и кругомъ по обѣимъ сторонамъ дороги раскинулись заводы Туманова, Данилова и другихъ.

Отъ 48-й до 50-й версты окружная дорога проходитъ также водораздѣломъ рѣчекъ Лихоборки и Жабенки, причемъ по ту и другую сторону желѣзной дороги расположено цѣлый рядъ озеръ; съ лѣвой стороны дороги въ истокахъ рѣки Лихоборки озера принадлежатъ товариществу суконной мануфактуры Юкшъ, а съ правой, въ истокахъ рѣки Жабенки—московекому сельско-хозяйственному институту.

Въ началѣ сорокъ девятой версты, съ лѣвой стороны окружной дороги расположенъ на небольшой возвышенности Казанскій Головишскій общежительный женскій монастырь, обнесенный деревянной стѣной. Близъ него находится глубокій прудъ въ паркѣ пространствомъ болѣе четырехъ десятинъ, съ липовыми и березовыми аллеями. Земля, на которой находится монастырь, принадлежала ранѣ помѣщицѣ Головиной, которая испросила разрѣшеніе на постройку домовоы церкви для дѣвицъ, поселившихся въ ея усадьбѣ и рѣшившихъ посвятить себя иноческой жизни.

Построенная церковь была освящена въ 1882 году. По смерти Головиной земля была приобрѣтена Н. И. Сидоровымъ, который учредилъ общину, что и было утверждено святѣйшимъ синодомъ. Въ 1886 году святѣйшій синодъ постановилъ переименовать общину въ монастырь. Вологодскій купецъ Н. Н. Киселевъ построилъ каменный соборный храмъ во имя Святой Живоначальной Троицы. За оградой расположены домъ причта, гостиница для богомольцевъ и другія хозяйственныя постройки. Кромѣ того, около монастыря имѣются богадѣльня и школа для дѣвочекъ. Въ монастырѣ процвѣтаютъ различныя рукодѣлья, которыя посылаются между прочимъ и на выставки; такъ, на всемірной парижской выставкѣ въ 1900 году монастыремъ была получена высшая награда за золотошвейную съ жемчугомъ работу.

Здѣсь же ближе къ желѣзной дорогѣ расположена большая сукошная фабрика товарищества Юкишь, а съ правой стороны, противъ фабрики находится деревня Петровскіе Выселки, рядомъ съ которою, ближе къ желѣзной дорогѣ расположено село Михалково. Затѣмъ противъ Михалкова, на лѣвой сторонѣ дороги находится Дегуниискій химическій заводъ.

Въ началѣ пятидесятой версты расположена главная административная станція окружной дороги Лихоборы, соединяющаяся вѣткой съ фабрикой Юкишь и двумя вѣтвями со станціей Ховрино Николаевской желѣзной дороги. Эта станція раскинулась въ лѣсу и составляетъ цѣлое поселеніе. Здѣсь имѣются депо, мастерскія, военный продовольственный пунктъ съ квартирами для коменданта и пекарнями, красивыя зданія для начальствующихъ лицъ и цѣлый рядъ жилыхъ домовъ для служащихъ. Ворота станціи выходятъ на шоссе, которое идетъ въ Петровско-Разумовское, находящееся недалеко отъ станціи Лихоборы. Въ Петровскомъ-Разумовскомъ находится московскій сельско-хозяйственный институтъ, рядомъ съ которымъ возвышается каменный величественный храмъ во имя апостоловъ Петра и Павла, въ которомъ хранится апостолъ съ надписью императора Петра I.

Земля, гдѣ расположенъ сельско-хозяйственный институтъ, ранѣе принадлежала Нарышкинымъ, затѣмъ перешла въ собственность дворцоваго вѣдомства. Императрица Елизавета Петровна подарила эту землю Кириллу Григорьевичу Разумовскому. Затѣмъ эта усадьба долгое время переходила изъ рукъ въ руки, пока наконецъ казна не приобрѣла ее у послѣдняго владѣльца Шульца въ 1861 году. Въ 1865 году здѣсь основана Петровская академія, а въ 1894 году академія переименована въ сельско-хозяйственный институтъ. Количество земли, принадлежащей институту, болѣе 700 десятинъ. Паркъ разбитъ по образцу версальскаго. При институтѣ устроены образцовая ферма, скотный дворъ, оранжереи, питомники, огороды, заведено садоводство и лѣсоводство; акаде-

мическій лѣсъ раздѣленъ на участки и содержится въ образцовомъ порядкѣ; имѣется также метеорологическая станція. Въ паркѣ громадный прудъ, по преданію, вырытый руками крѣпостныхъ Разумовскаго. Сохранились незначительныя развалины сельца Астрадамова, въ которомъ императоръ Петръ Великій устроилъ образцовую ферму. Къ платформѣ Петровско-Разумовское Николаевской желѣзной дороги идетъ отсюда аллея изъ сибирскихъ лиственницъ длиною около 1 $\frac{1}{4}$ версты.

Пройдя станцію Лихоборы, дорога направляется къ пересѣченію Николаевской желѣзной дороги, гдѣ на 51-й верстѣ и заканчивается.

И. Н. Останковичъ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ.

(А. А. Коринфскаго, А. А. Плещеева и Г. Т. Сѣверцева-Полилова).

ИНУВШІЙ 1911 годъ былъ обилень литературными юбилейными праздниками. Въ началѣ января писатели шумно отпраздновали въ роскошной обстановкѣ юбилей Г. Г. Ясинскаго, описаніе котораго было помѣщено въ февральской номерѣ «Историческаго Вѣстника», за нимъ послѣдовалъ веселый и дружескій юбилей Е. Н. Чирикова, въ концѣ февраля надѣлалъ шума банкетъ печати въ память освобожденія крестьянъ, засимъ послѣ лѣтняго отдыха, въ заключеніе года писатели снова отпраздновали литературныя именины Г. П. Сѣверцева-Полилова, А. А. Плещеева и А. А. Коринфскаго. Описанію послѣднихъ трехъ празднествъ мы и посвящаемъ настоящую юбилейную хроникку. Объ юбилеѣ В. П. Буренина намъ не приходится говорить: виновникъ торжества уклонился отъ всякаго чествованія и, припесши ему, съ своей стороны, въ день 24-го ноября устное поздравленіе, редація «Историческаго Вѣстника» въ настоящемъ номерѣ посвящаетъ знаменитому критику специальную критико-біографическую статью и прилагаетъ къ своей новогодней книжкѣ портретъ писателя.

Обращаясь къ послѣдующимъ отмѣченнымъ выше юбилеямъ, мы сдѣлаемъ ихъ описаніе, слѣдуя хронологическому порядку.

23-го ноября исполнилось 35 лѣтъ литературной дѣятельности писателя, драматурга и извѣстнаго балетомана А. А. Плещеева, состоящаго сотрудникомъ и нашего журнала, гдѣ читатели еще въ 1909 году имѣли случай ознакомиться съ его любопытными театраль-

ными воспоминаніями. О своемъ юбилеѣ А. А. Плещеевъ отозвался на столбцахъ «Петербургской Газеты» такъ: «Я когда-то написалъ пьесу въ одномъ дѣйствіи «Наканунѣ», понравившуюся Д. В. Григоровичу. Она долго шла въ Александринскомъ театрѣ. Это картинка, высмѣивающая юбиляра, наканунѣ празднованія юбилея. Мой юбиляръ плутъ и придумываетъ чествованіе ради рекламы и интереса. Я очутился въ роли юбиляра не по своей волѣ, а благодаря вниманію пріятелей и знакомыхъ, которые подчеркнули тридцатипятилѣтіе моей литературной дѣятельности. Чувствую себя целовко, словно въ узкомъ сюртукѣ, и, бесѣдуя объ этой дѣятельности, не прочь бы выпрыгнуть, подобно Подколесину, въ окно. Къ сожалѣнію, высоко и холодно. Во всякомъ случаѣ, низко кланяюсь за вниманіе».

Въ окно, подобно Подколесину, А. А. Плещеевъ не выпрыгнулъ, но въ день своихъ литературныхъ именинъ все же удралъ въ Москву, почему и празднованіе ихъ въ какой-нибудь соотвѣтствующей его заслугамъ передъ литературою и театромъ формѣ не могло быть осуществлено; только утромъ нѣкоторые его личные знакомые и друзья заѣхали къ нему на квартиру, чтобы позжать симпатичному писателю и милому человѣку руку и поздравить съ знаменательнымъ днемъ. Въ числѣ посѣтившихъ его были: М. А. Суворинъ, Ю. Д. Бѣляевъ, С. Н. и Н. С. Худековы, Н. И. Кравченко, В. П. Далматовъ, В. П. Протопоповъ и др. Но, если поздравить его устно удалось немногимъ, зато въ этотъ день онъ буквально былъ засыпанъ привѣтственными письмами и телеграммами. Ихъ получено было не болѣе, не менѣе, какъ свыше 400. Думается, что не многимъ литературнымъ именинникамъ удавалось получить такую массу привѣтствій, свидѣтельствующихъ о популярности, любви и симпатіи къ писателю такой массы людей. Счастливый жребій—имѣть такое количество друзей и поклонниковъ, и, дѣйствительно, нужно въ томъ ему отдать честь и справедливость, А. А. Плещеевъ на рѣдкость милый, симпатичный человѣкъ, не терявшій и не теряющій своей душевной привлекательности ни въ черные дни, ни въ дни счастья и благополучія.

Характеризуя Плещеева, какъ писателя, балетомана и человѣка, г. Ю. Бѣляевъ далъ такое мѣткое и выразительное его опредѣленіе: «Добродушіе — отличительная черта плещеевскихъ писаній,—говорить театралъный критикъ «Новаго Времени» въ номерѣ отъ 13 декабря, по поводу бенефиса кордебалета.—И теплой душевной атмосферой окружена его личность. Драматургъ, критикъ и присяжный петербургскій хроникеръ, онъ во всѣхъ своихъ писаніяхъ старался пробуждать «чувства добрыя» и никогда не былъ суровъ или придирчивъ. Злопамятею также чуждо ему. На недавнемъ юбилеѣ всѣ ораторы отмѣтили главное достоинство его личности—благородство. Кто-то даже сравнилъ его съ

Лаврецкимъ изъ «Дворянскаго гнѣзда». Плещеевъ — природный русскій баринъ и лучшіе завѣты этого барства внесъ и въ свою литературную дѣятельность. Особенно пригодился его мягкій тонъ и незлобивый юморъ въ нашей распоясавшейся журналистикѣ. И онъ не прочь посмѣяться и пошутить надъ чѣмъ-нибудь и надъ кѣмъ-нибудь, но деликатно, но умѣренно. Тридцать пять лѣтъ рецензируетъ онъ балетные спектакли и сохранилъ въ своихъ впечатлѣніяхъ всю свѣжесть молодого хроникера. Я бы сказалъ, что въ немъ самомъ есть та столичная, праздничная живость, которая отличаетъ петербургскіе вечера, вродѣ вчерашняго бенефиса.

«О балетѣ теперь много пишутъ. За рецензію успѣлись даже ученые. Г. Свѣтловъ издалъ громадный фоліантъ о современныхъ хореографическихъ теченіяхъ. Г. Худековъ готовитъ изслѣдованіе по исторіи балета. Съ головой ушелъ въ область пластики г. Волынский. Плещеевъ раньше ихъ написалъ солидную книгу «Нашъ балетъ», выдержавшую два изданія и явившуюся настольной скрижалейю каждаго балетомана. Я съ новымъ интересомъ перелистываю ее вновь. Особенно любопытна часть историческая. Анекдотъ слѣдуетъ за анекдотомъ, и старинныя литографіи иллюстрируютъ разсказъ. Надо чувствовать и понимать всю наивную прелесть былаго балетоманства, чтобы такъ занимательно и разнообразно представить всю картину, какъ это умѣетъ Плещеевъ. Онъ, пожалуй, «устарѣлъ» съ его простодушной и откровенной манерой писать среди витѣватыхъ и много искушенныхъ апологетовъ новаго балета. Но въ этотъ его стиль. И въ немъ—онъ.

«Въ балетѣ всѣ знаютъ высокаго полнаго господина, представительной внѣшности, съ отличными манерами и въ безукоризненномъ смокингѣ. Онъ является въ театръ раньше всѣхъ и позже всѣхъ уходитъ. Балетоманы, отхлопавъ ладоши и позубоскаливъ въ коридорѣ, ѣдутъ послѣ спектакля во французскій ресторанъ, а этотъ «балетоманъ стараго закала» спѣшитъ въ редакцію—да иной разъ и не въ одну, а въ двѣ-три, чтобы набросать нервныя строчки тутъ же у типографскаго станка подъ горячими впечатлѣніемъ... И на другой день снова пишетъ онъ, благосклонно отмѣчая каждую удачную попытку артистовъ, и замѣтки его—всегда прекрасное свѣдѣтельство пониманія, вкуса и доброты. Недавно, пробираясь въ первомъ антрактѣ къ своему постоянному креслу мимо нарядныхъ рядовъ постоянныхъ посѣтителей балета, господинъ этотъ получилъ заслуженную овацію всего партера. Всѣ руки потянулись позжать его руку и поздравить съ тридцатипятилѣтнимъ юбилеемъ. Онъ конфузливо отвѣчалъ на привѣтствія. И краснѣлъ, и отпѣкивался. Даже шутилъ надъ самимъ собой. Господинъ въ смокингѣ, вершитель балетныхъ судебъ, судья строгій и милостивый. Это—Плещеевъ».

Невозможно поименно перечислить всѣхъ приславшихъ А. А. Плещееву свои поздравленія. Это значило бы переименовать почти всѣ столичныя (кроме лѣвыхъ) редакціи, всѣхъ писателей, не состоящихъ при спеціальныхъ литературно-политическихъ столахъ (политическіе столоначальники и начальники отдѣленій!), всѣхъ представителей балета, драмы, казенныхъ и частныхъ театровъ, представителей разныхъ отраслей искусства.

Въ виду исчезновенія А. А. Плещеева съ невскаго горизонта въ день 23-го ноября, литературно-художественное общество устроило ему товарищескій обѣдъ въ составѣ только членовъ общества 5-го декабря, каковой описанъ въ хроникѣ «Новаго Времени» на слѣдующій день такъ:

«Литературный трудъ, если онъ къ тому же соприкасается съ газетной работой, съ театромъ,—трудъ самый неблагодарный. На этомъ поприщѣ авторъ не жди безпристрастной оцѣнки своей дѣятельности: всегда найдутся недовольные, обиженные. Впрочемъ, бываютъ иногда рѣдкія исключенія, что и доказалъ юбилейный обѣдъ, данный литературно-художественнымъ обществомъ своему сочлену и старшинѣ А. А. Плещееву по случаю его 35-лѣтней литературной дѣятельности. Если жизнь прожить—не поле перейти, то проработать 35 лѣтъ перомъ и снискать всеобщее уваженіе и любовь—удѣлъ немногихъ. А. А. Плещеевъ нашелъ то и другое, онъ видѣлъ и чувствовалъ это 5-го декабря. Поэтъ, драматургъ, беллетристъ, театральныи критикъ,—вотъ его области твореній. Правъ В. П. Далматовъ, въ своей красивой застольной рѣчи воздавшій должное милому юбиляру, назвавъ его джентльменомъ-баринномъ, благороднымъ отпрыскомъ «Дворянскаго гнѣзда», другомъ актеровъ. Какою теплотою, какою искреннею любовью къ юбиляру дышали слова его далекихъ друзей. Немировичъ-Данченко, князь Сумбатовъ-Южинъ, Е. Н. Горева, П. Н. Мамонтовъ, А. Л. Глама-Мещерская, Н. И. Судьбининъ, графиня О. Г. Соллогубъ, балетъ, драма, газеты, журналы вспомнили въ этотъ день А. А. Плещеева. Началъ читать телеграммы В. П. Далматовъ, не могъ одолѣть всѣхъ и передалъ К. И. Величко. Въ дружеской, сплоченной семьѣ членовъ литературно-художественнаго общества обѣдъ прошелъ весело, оживленно. Рѣчи въ честь юбиляра смѣнялись тостами, говорились экспромты. Самый удачный экспромтъ-акростихъ былъ произнесенъ К. Я. Шумлевицемъ (К. Сѣверянинъ):

Поэтъ, поклонникъ Мельпомены,
Любимой музѣ давъ зарокъ,
Ей былъ ты преданъ безъ измѣны,
Щадилъ тебя капризный рокъ.
Ей-ей, клянусь, въ дни юбилеевъ
Едва ль такъ стоилъ кто трофеевъ!
Вивать, вивать тебѣ, Плещеевъ!

«Золотой пязиный жетонъ отъ литературно-художественнаго общества и небольшой подарокъ отъ друзей и почитателей будутъ напоминать А. А. Плещееву ту любовь и уваженіе, какими онъ по справедливости пользуется среди всѣхъ его знающихъ».

Третьяго декабря по иниціативѣ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», въ составѣ коихъ значится и Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ, чей рассказъ былъ напечатанъ въ декабрьской книжкѣ журнала, литературный столичный міръ отпраздновалъ 25-лѣтіе писательской дѣятельности этого беллетриста въ помѣщеніи ресторана «Перваго товарищества официантовъ». Но прежде, чѣмъ дать здѣсь мѣсто краткому описанію этого праздника, считаемъ долгомъ сообщить нѣкоторыя главнѣйшія біографическія данныя о нашемъ сотрудникѣ-юбилярѣ.

Георгій Тихоновичъ Полиловъ (Сѣверцевъ) родился въ 1859 году въ купеческой семьѣ (отецъ его былъ, кромѣ того, некласный художникъ). Среднее воспитаніе получилъ въ нѣмецкой гимназій доктора Видемана, по окончаніи которой путешествовалъ по Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Служилъ затѣмъ въ нѣсколькихъ торговыхъ фирмахъ по различнымъ отраслямъ коммерціи въ Лондонѣ, Ливерпулѣ. Затѣмъ слушалъ лекціи нѣсколькихъ семестровъ въ Германіи, въ городѣ Боннѣ, одновременно съ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ II. Занимался большимъ экспортомъ хлѣба за границу, былъ директоромъ стекляннаго завода.

Потерявши состояніе въ торговлѣ, былъ нѣсколько лѣтъ опернымъ пѣвцомъ, обладая прекраснымъ теноромъ. Пѣлъ преимущественно за границей, въ Италіи и другихъ странахъ.

Такая разнообразная жизнь дала ему возможность изучить многіе иностранные языки.

Въ первый разъ онъ выступилъ на литературномъ поприщѣ въ 1886 году рождественскимъ рассказомъ въ газетѣ «Саратовскій Дневникъ». По совѣту покойнаго А. К. Шеллера-Михайлова вскорѣ сталъ заниматься беллетристикой, работалъ и работаетъ въ различныхъ журналахъ, повременныхъ изданіяхъ и газетахъ: «Вѣстникъ Европы», «Историческомъ Вѣстникѣ», въ «Недѣлѣ», «Нивѣ» и другихъ ¹⁾.

Въ 1909 году получилъ изъ академіи наукъ почетный отзывъ имени А. С. Пушкина за историческій бытовой трудъ «Наши дѣды кушцы».

¹⁾ «Новое Время», «Русь» (Гайдебурова), «Россія» (Амфитеатрова), «Природа и Люди», «Отдыхъ Христіанина», «Голосъ Москвы», «Раннее Утро», «Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ», «Родина», «Солнце Россіи», «Огонекъ», «Виржевыя Вѣдомости», «Свѣточъ», «Живописное Обзорѣніе», «Южный Край», «Прязовскій Край», «Родникъ», «Юная Россія», «Путеводный Огонекъ», «Свѣтлячекъ», «Всходы», «Италия Народной Школы», «Всемирная Иллюстрація». Всего издано имъ до пятидесяти книгъ.

Произведения Г. Т. Полилова печатаются многими книгоиздательствами, а также и имь самимъ. Кромѣ беллетристическихъ произведеній, носящихъ болѣе всего бытовой или исторической характеръ, Полиловъ причастенъ и къ драматургій, имь написано и переведено много пьесъ, идущихъ на сценахъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ. Въ настоящее время онъ занятъ большимъ трудомъ по исторіи петербургскаго экспорта въ первой половинѣ XIX столѣтія. Этотъ авторъ пишетъ еще много и для дѣтей, участвуя чуть ли не во всѣхъ дѣтскихъ журналахъ.

На обѣдѣ въ сказанномъ ресторани 3-го декабря явились почти всѣ сотрудники «Историческаго Вѣстника» съ В. Б. Глинскимъ во главѣ: А. М. Бѣловъ, В. Е. Рудаковъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, М. Г. Веселкова-Килыштеть, Н. А. Энгельгардтъ, М. В. Ключковъ, В. В. Даниловъ, В. З. Ткачукъ, Т. А. Мартемьяновъ, В. Б. Бертенсонъ, Н. Н. Лендеръ и др., прибыли представители редакцій «Нивы» (гг. Эйзенъ, Розинеръ), «Копѣйки» (гг. Городецкій, Котловкеръ), «Европейской жизни» (Н. Н. Лендеръ, баронесса Роопъ), «Новаго Времени» (М. М. Ивановъ, В. А. Опочининъ), «Биржевыхъ Вѣдомостей» (А. А. Измаиловъ, П. А. Россіевъ), изд. П. П. Сойкинъ, «Родины» (ц. Каспари), о. Галкинъ, Н. Л. Лаппо-Данилевская, Н. В. Лихачева и ми. друг. Всего было за юбилейнымъ столомъ до 100 человекъ. Появленіе въ залѣ юбиляра съ семействомъ было встрѣчено общими рукоплесканіями, тушами оркестра и криками «ура!»

Меню обѣда было составлено изъ русскихъ блюдъ, и карточка меню, съ изображеніемъ фотографіи юбиляра, была также напечатана въ русскомъ шутовскомъ стилѣ. За обѣдомъ игралъ великорусскій оркестръ балалаечниковъ. Когда шампанское было розлито по бокаламъ, наступила очередь рѣчей. Первымъ привѣтствовалъ вишновника торжества веселою рѣчью Б. Б. Глинскій, сначала сдѣлавшій историческое обзорѣніе, какъ демократизировались литературные юбилеи, затѣмъ отмѣтившій отклоненіе нашего писателя отъ своего природнаго призванія (былъ пѣвцомъ въ Италіи, «пѣлъ въ Каракасѣ» и ѣздилъ «танцовать контрдансъ въ Порторико»), сказавшій, какъ онъ обрѣлъ свою настоящую житейскую дорогу, что на ней сдѣлалъ и въ заключеніе выразившій надежду, что юбиляръ, несомнѣнно, дождется и празднованія своей золотой свадьбы съ русской литературой послѣ того, какъ онъ въ предстоящее 25-лѣтіе своей литературной дѣятельности запрудитъ книжные магазины своими изданіями, а редакціи своими повѣстями, рассказами и романами.

За Глинскимъ говорилъ П. П. Сойкинъ. В. А. Мазуркевичъ прочиталъ главнѣйшія изъ поступившихъ на имя юбиляра телеграфныя привѣтствія, А. М. Бѣловъ, провозгласилъ тосты другіе ораторы. Между прочимъ талантливый поэтъ В. А. Мазуркевичъ прочелъ слѣдующій сочиненный имъ тутъ же на обѣдѣ злободневный экспромтъ:

Для любого человѣка
 Срокъ не малый—четверть вѣка;
 Для писателя жъ—вдвойнѣ;
 Вѣчно онъ, какъ на войнѣ,
 Долженъ быть готовъ къ сраженью
 (Знать, таковъ его удѣлъ!),
 Чтобъ, отдавшись вдохновенью,
 Стать желанною мишенью
 Критиканствующихъ стрѣлъ.
 Потому-то,—кто достойно
 Проработалъ столько лѣтъ,
 Можетъ вдаль глядѣть спокойно:
 Онъ оставитъ свѣтлый слѣдъ.
 Вдохновенный юбиляромъ,
 Не могу не пожелать,
 Чтобъ и впредь онъ съ прежнимъ жаромъ
 Продолжалъ для насъ писать.
 Отъ души ему желаю
 Живость духа и пера
 И бокаль мой подымаю
 За Полилова! Ура!

Безконечно веселый и всегда остроумный М. В. Шевляковъ поспѣшилъ и съ своимъ юмористическимъ экспромтомъ, на каковые онъ такой мастеръ. Вотъ этотъ біографическій экспромтъ, гдѣ дано юмористическое жизнеописаніе Полилова:

Хочу воспѣть я юбиляра,
 Но мнѣ никто не смѣй мѣшать!
 Какъ онъ, такого экземпляра
 Нельзя второго отыскать!
 Какъ практикъ, онъ не взысканъ небомъ,
 Онъ въ жизни много претерпѣлъ:
 Онъ торговалъ сначала хлѣбомъ,
 Потомъ безъ хлѣба самъ сидѣлъ.
 Онъ скромнень, тихъ, не забіяка,
 Всегда семью, свой домъ любилъ,
 Но... какъ бездомная собака,
 Полжизни по свѣту бродилъ.
 Онъ, одаренный всѣмъ богато,
 Чтобъ славы хоть чуть-чуть вкусить,
 Попавъ въ Италію когда-то,
 Всѣхъ теноровъ хотѣлъ затмить.
 Но тамъ его не оцѣнили,
 И дѣло кончилось тѣмъ,
 Что снова въ Питерь протурили,
 Давъ для разказовъ массу темъ.
 Хоть на него метали громы,
 Но громъ—писателя печать
 И вслѣдъ за томомъ томы... томы...
 Рождались и ползли въ печать.
 Онъ весь въ чернила окупудся,
 Какъ мнихъ въ святительскій елей,
 Но... милый Глинскій подвернулся
 И вмигъ состряпалъ юбилей.

Во время тостовъ и рѣчей прибыла депутація рабочихъ отъ «народнаго александро-невскаго общества трезвости», поднесшихъ ему нижеслѣдующій адресъ:

«Многоуважаемый Георгій Тихоновичъ!

Въ день двадцатипятилѣтія вашей литературной дѣятельности вы, вѣроятно, получили не мало привѣтствій и добрыхъ пожеланій отъ различныхъ просвѣтительныхъ учреждений и высокопоставленныхъ лицъ, которымъ дороги интересы нашего родного художественнаго слова.

Не откажитесь выслушать краткое привѣтствіе и отъ насъ, представителей народнаго александро-невскаго общества трезвости, въ изданіяхъ котораго вы чуть ли не съ самыхъ первыхъ лѣтъ нашего издательскаго дѣла всегда принимали живое участіе своими вдохновенными трудами на славу и украшеніе издаваемыхъ обществомъ журналовъ. Дайте въ нашемъ сердцѣ маленькое мѣстечко и нашимъ простымъ, но искреннимъ пожеланіямъ.

Ваше самобытное, безыскусственное, но въ своей простотѣ величавое художественное слово, которымъ вы такъ хорошо умѣли передавать красоты нашей родной русской рѣчи, нашего родного языка, даннаго Богомъ великому народу,—это художественное слово ваше дошло и до нашего народнаго сердца, тронуло его и задѣло въ немъ лучшія качества.

Читая ваши повѣсти и рассказы, мы не только находимъ въ этомъ чтеніи отдыхъ для души своей, не только облагораживаемъ черезъ это свои досуги трезвой жизни, но, внимая благовѣсту вашего родного и понятнаго намъ призыва, мы научились чтить великіе завѣты нашей родной исторіи и нашего общественнаго и семейнаго быта. Въ исторіи народнаго самовоспитанія никогда не забудутся заслуги вашего талантливаго пера и вашего вѣщаго слова.

А чуткое сердце простого русскаго народа навсегда сохранитъ о васъ благодарную память, какъ о такомъ искреннемъ другѣ, который хорошо понимаетъ запросы народной души и въ своихъ произведеніяхъ умѣлъ давать всегда удовлетворяющіе ее отвѣты.

Пишите же еще много и долго, дорогой Георгій Тихоновичъ, на славу родного искусства и на пользу народную и примите отъ насъ, простецовъ, по старинѣ низкій до-земный поклонъ».

Вотъ нѣкоторыя изъ полученныхъ писемъ и телеграммъ:

Отъ поэта А. Коринфскаго: «Сердечный привѣтъ милому юбиляру, мысленно присутствуемъ на праздникѣ автора «Дѣдовъ-купцовъ», «Женщина проснулась» и многихъ, многихъ другихъ книгъ, давно нашедшихъ своего друга-читателя».

Отъ правленія союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей: «Привѣтствуя васъ въ двадцать пятую годовщину талантливаго служенія родной литературѣ, съ удовольствіемъ отмѣчаемъ многогранность вашего дарованія, давашаго вамъ возможность воплотить въ удачныя, красочныя, беллетристическія формы громадное разнообразіе жизненныхъ темъ и идей, правленіе выражаетъ надежду, что еще много лѣтъ вы будете столь же бодро и талантливо служить родной литературѣ».

Отъ представителя горныхъ артелей на Уралѣ А. П. Борисова: «Позвольте душевно поздравить васъ съ днемъ двадцатипятилѣтія полезной плодотворной работы на нивѣ печатной, дай Богъ вамъ крѣпкаго здоровья и силъ на многіе грядущіе годы».

Отъ имени комиссіи народныхъ чтеній, предсѣдателя, члена государственной думы Ковалевскаго: «Поздравляемъ юбиляра и желаемъ ему литературной славы и успѣховъ».

Отъ А. Е. Кауфмана: «Привѣтствую симпатичнаго юбиляра, да будетъ конецъ двадцатипятилѣтія служенія вашего литературѣ началомъ второй литературной молодости, сугубыхъ успѣховъ у читателей, оцѣнившихъ ваше умѣнье правдиво, ярко живописатьъ быть и нравы безъ предвзятыхъ идей, безъ претензіи рѣшать соціальныя проблемы, безъ погони за модными формами. Вы, согласно поговоркѣ, пили изъ своего стакана. Выпью сегодня стаканъ добраго вина за здоровье ваше, вопреки докторскому запрету».

Отъ П. В. Быкова: «Сердечно поздравляю съ четвертьвѣковымъ юбилеемъ честной труженической дѣятельности талантливаго, уважаемаго собрата, скорблю, что болѣзнь мѣшаетъ лично выразить юбиляру лучшія пожеланія».

Изъ Финляндіи отъ Чубинскаго: «Привѣтъ юбиляру, тепло и любовно воспѣвавшему мою родину-Финляндію».

Письмо А. Ѳ. Кони: «Будучи искреннимъ поклонникомъ таланта Г. Т. Сѣверцева и задушевности его произведеній, прошу передать ему мой теплый привѣтъ и пожеланія долгой, успѣшной и бодрой работы на тернистомъ литературномъ пути. Съ искреннимъ почтеніемъ и преданностью вашъ А. Кони».

Письмо Лугового: «Шлю вамъ сердечный привѣтъ по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія вашей литературной дѣятельности. Вы честно шли подъ флагомъ «*Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre!*» и, не пользуясь экстраординарными случаями, не влѣзал на заборы, никого не толкая лектемъ, не надѣвали на себя никакихъ личинъ, добросовѣстно дѣлали возложенную на васъ матерью-жизнью литературную работу, и за это я сегодня, какъ всегда, товарищески жму вашу руку. А. А. Луговой».

Отъ преподавателя М. А. Орлова: «Въ радостный для васъ и приснопамятный для всѣхъ знающихъ васъ и для будущихъ поколѣній торжественный день двадцатипятилѣтней дѣятельности вашей на литературномъ поприщѣ примите поздравленіе и горячія благопожеланія вашего преподавателя русскаго языка, неуставно слѣдившаго за успѣхами въ приобрѣтеніи литературной извѣстности. Отъ души желаю, чтобы извѣстность смѣнилась славой. Слава писателю, собственнымъ трудомъ и настойчивостью пробившему себѣ дорогу и завоевавшему почетное мѣсто въ современной русской литературѣ!»

Телеграмма отъ Л. Ф. Марксъ-Всеволожской: «Отъ всей души поздравляю васъ въ знаменательный для васъ день двадцатипятилѣтія вашего служенія родному слову и сердечно желаю процвѣтанія вашего таланта на нивѣ литературы и въ литературѣ «Нивы»».

Отъ книгоиздательства товарищества «Просвѣщеніе»: «Позвольте, многоуважаемый Георгій Тихоновичъ, послать вамъ наши искреннѣйшія поздравленія въ день двадцатипятилѣтія вашего служенія русской литературѣ и пожелать вамъ еще на многіе и многіе годы сохранить завидную жизнерадостность и неувядающую молодость вашей души, на радость всѣмъ вашимъ друзьямъ».

Кромѣ того, были присланы телеграммы: отъ поэта Леонида Афанасьева, писателей Владимира Тихонова, Паворскаго, Гнѣдича, Изабеллы Гриневской, Будищева, Клавдіи Лукашевичъ, Апраксина, Плещеева, Шиле, Невѣжина, Бѣлецкаго, Θεодора Зарина, Ермилова, Левитова, Карпова, Коптяева, отъ многихъ редакцій газетъ, художниковъ, пѣвцовъ и драматическихъ артистовъ.

По окончаніи обѣда на эстрадѣ ресторанаго зала былъ данъ вокально-музыкальный дивертисментъ, въ коемъ выступили: хоръ гусяровъ и хоръ рожечниковъ подъ управленіемъ г. Смоленскаго, съ пляской и пѣніемъ народныхъ русскихъ пѣсень; кромѣ того, на роялѣ сыгралъ нѣсколько прелестныхъ народныхъ итальянскихъ пѣсенокъ извѣстный музыкантъ-итальянецъ г. Біанки-Роза, пѣли гг. Шумахеръ, Нинабуровъ и самъ юбиляръ, трянувшій стариной и выступившій передъ гостями съ партіями изъ оперъ.

Въ заключеніе артистической четой Струйскихъ былъ талантливо и весело разыгранъ фарсъ «Разбитое зеркало».

Вечеръ окончился далеко за полночь, присутствовавшіе чувствовали себя непринужденно, уютно и весело. Въ залѣ царила задушевная атмосфера, и именно самъ симпатичный юбиляръ, обходя столики своихъ гостей, вносилъ въ свой праздникъ прирожденную ему ласковость и начало теплой дружбы.

Безъ артистическаго дивертисмента, но не менѣе радостно и задушевно привѣтствовали 14-го декабря писатели другого своего любимаго товарища, извѣстнаго поэта Аполлона Аполлоновича Коринфскаго по случаю славной и плодотворной его литературной дѣятельности. Это торжество было настоящимъ «широмъ позтовъ», и большое помѣщеніе «Малаго Ярославца» было буквально насыщено звуками стиховъ и поэзій.

По біографическимъ даннымъ, напечатаннымъ въ «Новомъ Времени», «А. А. родился 29-го августа 1868 года въ Симбирскѣ въ помѣщицкѣй дворянской семьѣ. Его прадѣдъ былъ крестьянинъ, его отецъ бѣжалъ изъ родной семьи, поступилъ въ казанскую гимназію, затѣмъ учился въ академіи художествъ и окончилъ въ ней курсъ по классу архитектуры, получивъ за проектъ въ коринфскомъ стилѣ фамилію Коринфскій. Юбиляръ окончилъ также казанскую гимназію, причемъ школа оставила въ немъ непріятныя воспоминанія, особенно объ учителяхъ, которые «затхлостью вѣяли въ дѣтскія души», «мысль извращали юнцамъ». Литературно-журнальную дѣятельность онъ началъ въ поволжскихъ газетахъ, дебютировалъ рассказомъ, былъ фельетонистомъ «Самарской Газеты» и «Волжскаго Вѣстника». Въ 1891 году А. А. переехалъ въ Петербургъ и окончательно отдался литературѣ. Его стихотворенія печатались почти во всѣхъ столичныхъ журналахъ и газетахъ, въ девяностыхъ годахъ онъ редактировалъ еженедѣльный иллюстрированный «Сѣверъ» съ 1895 года по 1904 годъ былъ помощникомъ главнаго редактора «Правительственнаго Вѣстника», въ 1905 году редактировалъ газету «Голосъ Правды». Въ настоящее время состоитъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по отдѣлу начальнаго образованія.

«Какъ поэтъ, онъ родился въ неблагопріятное по обилію стихотворцевъ время восьмидесятыхъ годовъ. Ему пришлось соперни-

чать съ цѣлымъ рядомъ поэтовъ-пѣвцовъ и онъ не потонулъ среди нихъ, а, наоборотъ, выдвинулся своей необычайной плодовитостью и блестящимъ, мощнымъ, красивой чеканки стихомъ, украшая своими произведеніями преимущественно столичныя періодическія изданія. Въ его стихотвореніяхъ чувствуется жизнь и красота природы, въ его лирическихъ мечтахъ стремленіе къ красотѣ и правдѣ. По его собственной характеристикѣ, четверть вѣка онъ рвется изъ оковъ суеты къ свѣту правды, къ рубежамъ невозбранной свободы, къ алтарямъ неземной красоты. Сборники его стихотвореній: «Пѣсни сердца», «Тѣни жизни», «Въ лучахъ мечты», «На ранней зорькѣ» (для дѣтей) вышли повторнымъ изданіемъ, его стихотворныя сказанія, картины и думы, собранныя въ сборникѣ «Бывальщина», а также рассказы «Вольная птица» вышли третьимъ изданіемъ. Другіе сборники его стихотвореній: «Черныя розы», «Гимнъ красотѣ», «Подъ крестной ношей», «Пѣсни голи», «Пѣсни о хлѣбѣ», «Волга», «Сѣдая старина», «Въ дѣтскомъ мірѣ»—пользуются такъ же успѣхомъ, какъ и его историко-этнографическіе очерки «Народная Русь» (круглый годъ сказаній, повѣрій, обычаевъ и пословицъ русскаго народа), очерки преданій и повѣрій—«Въ мірѣ сказаній», и бытовые очерки «Трудовой годъ крестьянина». Послѣдній сборникъ его стихотвореній вышелъ на дняхъ, подъ заглавіемъ: «Поздніе огни». Кромѣ того, ему принадлежитъ множество переводныхъ пѣсенъ Беранже, Баумбаха, Кольриджа, Мицкевича и др., этюды «Поэзія К. К. Случевского» и «Д. Н. Садовниковъ и его поэзія».

Согласно даннымъ газетнаго репортажа, обильная литературная семья собралась на праздникъ писателя поклониться ему, какъ талантливому поэту, шествующему по стопамъ Алексѣя Толстого, и какъ чудесному человѣку чуткой, трепещущей, безкорыстнѣйшей души, которую нельзя не любить тому, кто ее узналъ.

Писатели, художники, дѣятели адвокатуры, издатели, многочисленныя почитатели поэта собрались въ залѣ ресторана «Малый Ярославецъ». Были здѣсь: В. И. Немировичъ-Данченко, Ѳ. К. Сологубъ, К. С. Баранцевичъ, Е. П. Карповъ, Е. Н. Чириковъ, П. В. Быковъ, Ѳ. Ѳ. Фидлеръ, К. И. Арабакинъ, А. Е. Зарипъ, Б. Б. Глинскій, Е. Н. Сигма-Сыромятниковъ, К. В. Лукашевичъ, Н. Н. Брешко-Брешковскій, А. А. Измайловъ, В. А. Мазуркевичъ, Д. И. Тихомировъ, И. М. Булацель, Г. Годлевскій, А. В. Васильевъ, И. Д. Сыгинъ, П. П. Сойкинъ, Н. Б. Хвостовъ, М. Г. Веселкова-Кильштетъ, Е. В. Лихачева, Р. Л. Антроповъ, академикъ А. Н. Новоскольцевъ, К. А. Максимовъ, Е. И. Игнатьевъ, В. П. Лебедевъ и много, много другихъ.

Задуманный, горячій характеръ носило чествованіе. Встрѣтили юбиляра съ его женою амплодисментами, цвѣтами и адресами.

Ѳ. Ѳ. Фидлеръ прочиталъ адресъ отъ литераторовъ. Потомъ читали привѣтъ Н. Н. Вентцель-Бенедиктъ—отъ кружка Случевского,

г. Филипповъ—отъ журнала «Наборщикъ и Печатный Миръ» и многіе другіе.

Исключительная любовь къ юбиляру выразилась въ цѣнныхъ подношеніяхъ ему, что не такъ-то часто случается на литературныхъ юбилеяхъ. Цѣлый рядъ цѣнныхъ подношеній серебра, кубковъ покрылъ столъ около него.

Приводимъ здѣсь два первыхъ адреса полностью:

I.

Дорогой Аполлошъ Аполлоновичъ!

Въ день вашего литературнаго праздника собрались мы—ваши друзья, товарищи по перу и почитатели вашего таланта,—чтобы своимъ присутствіемъ подтвердить тѣ чувства любви и уваженія, которыя мы питаемъ и лично къ вамъ, и къ вашей плодотворной дѣятельности на служеніи обществу и родному искусству.

Какъ служитель искусства, вы являетесь носителемъ старыхъ, дорогихъ завѣтовъ, оставленныхъ намъ безсмертнымъ Пушкинымъ. Чистоту родного языка вы всегда берегли съ благоговѣніемъ весталки, оберегавшей священный огонь, и красота русской рѣчи является яркимъ отличіемъ вѣхъ вашихъ стихотворныхъ произведеній.

Въ современной литературѣ едва ли можно указать другого поэта, который, при всей творческой плодовитости, былъ бы столь разнообразенъ какъ въ мотивахъ своего творчества, такъ и въ его формахъ.

Воскрешая старую Русь съ ея величавымъ эпосомъ, вы являетесь то торжественнымъ баяномъ, то веселымъ гусяромъ.

Въ области измѣнчивыхъ чувствъ, запечатлѣвая едва уловимые оттѣнки душевныхъ движеній, вы создали сотни стихотвореній чистой лирики.

Когда прогремѣлъ надъ нами «громъ военной непогоды» и жажда освобожденія мощнымъ ураганомъ всколыхнула родину, вы отозвались цѣлымъ рядомъ призывныхъ стиховъ, въ которыхъ отразили и обиду за поправленные права, и жажду свободы, и радость борьбы, и горечь обманутыхъ надеждъ.

Наконецъ, вы сумѣли найти въ своей душѣ веселья и пѣсныя пѣсни для дѣтей и, исполненные горячей любви, живого страданія и искренняго сочувствія, пѣсни о голодномъ, холодномъ, обойденномъ на праздникъ жизни младшемъ братѣ.

Русское общество, отъ мала до велика, русская интеллигенція и народъ—все въ вашихъ пѣсняхъ нашли и находятъ выраженіе своихъ чувствъ.

Немало потрудились вы на пользу общества и во славу родной литературы и какъ чуткій, но всегда доброжелательный, критикъ, и какъ библиографъ,—литературная память котораго всегда изумляла и изумляетъ вашихъ друзей и товарищей,—и еще болѣе, какъ редакторъ.

Тѣ, которые имѣли съ вами дѣло, помнятъ строгую добросовѣстность вашу, помнятъ сердечное товарищеское отношеніе ваше къ сотрудникамъ, помнятъ ласку и привѣтъ, съ какими вы встрѣчали своихъ юныхъ собратьевъ.

Тѣ же, которые слѣдили за редактируемыми вами изданіями, навѣрное, сумѣли отмѣтить литературныя достоинства и художественный вкусъ всего, скрѣпленнаго вашей редакторской подписью.

Вашъ неустанный трудъ и ваша многополезная дѣятельность вызвали то уваженіе, съ какимъ мы собрались сюда почтить вашъ юбилей.

Ваша ибкая душа, незлобное сердце, готовность всегда прийти на помощь ближнему вызвали ту любовь, которая собрала насъ всѣхъ сюда, объединивъ въ дружную семью.

Когда-то на зарѣ своей дѣятельности въ одномъ стихотвореніи вы писали:

Боюсь, что пѣнямъ сердца пынѣ
Не будетъ мѣста на пиру
Въ родномъ искусствѣ,—и умру
Я съ ними «голосомъ въ пустынѣ»...

Сегодня вы должны убѣдиться, что это не такъ; что не прошла безслѣдно ваша многополезная дѣятельность и «на пиру родного искусства» вамъ навсегда отведено почетное мѣсто.

Чествуя васъ сегодня, мы всѣ вспоминаемъ ваши боевыя пѣсни, вашу вѣру въ торжество правды, ваши стремленія къ свободѣ и, вмѣстѣ съ вами каждый изъ насъ готовъ повторить:

Вѣрю я: дасть Богъ увидѣть мнѣ возмездіе судьбы!..
Русь сильна своею правдой: мы въ цѣпяхъ, но не рабы!

Вы были всегда глашатаемъ этой правды.

Примите же отъ насъ поздравленія съ радостнымъ днемъ вашего юбилейнаго праздника.

II.

Дорогой нашъ товарищъ уважаемый Аполлонъ Аполлоновичъ!

Въ 1897 году вы съ вашимъ другомъ, пынѣ покойнымъ, Константиномъ Константиновичемъ Случевскимъ, задумали и осуществили благое дѣло—объединить русскихъ поэтовъ въ дружескій кружокъ.

Горячая любовь къ искусству, чистое служеніе правдѣ и красотѣ, глубокое уваженіе къ творческому дару—руководили вашимъ стремленіемъ, и подъ гостепримнымъ кровомъ вашего друга-поэта по вашему зову собрались русскіе поэты всякаго толка.

На порогѣ квартиры К. К. Случевского забывались партійныя вражда и споры, и всѣ собиравшіеся объединялись въ дружескую семью служителей святого искусства.

Быть можетъ, ничего этого не было бы, если бы не вы, Аполлонъ Аполлоновичъ, который своей чистой любовью къ поэзии, уваженіемъ къ товарищамъ, безпартійнымъ признаніемъ родныхъ талантовъ являлся душою тѣснаго кружка и придавалъ ему жизненныя силы.

«То было раннею весной»... протекло съ той поры много лѣтъ, и изъ тѣснаго кружка поэтовъ въ настоящее время создалось общество, задачи и цѣли котораго остались тѣ же и члены котораго, несмотря на свою многочисленность, все также составляютъ дружескую семью.

Вы, основатель и родоначальникъ этой семьи, примите теперь отъ своихъ старыхъ и новыхъ товарищей привѣтъ и поздравленіе со днемъ вашего литературнаго праздника.

Чистый служитель искусства, хранитель завѣтовъ безсмертнаго Пушкина, прямой наслѣдникъ Алексѣя Толстого и Льва Мея, вы за четверть вѣка неустанной работы внесли драгоцѣнные вклады въ сокровищницу родной литературы.

Никто не знаетъ заранее, въ чемъ его безсмертіе: въ огромныхъ ли томахъ его произведеній, въ одной ли тоненькой книжкѣ, или въ одномъ стихотвореніи,—но вы, оглядываясь на все сдѣланное вами, можете съ увѣренностью знать, что для васъ уже отведено почетное мѣсто на русскомъ Парнасѣ.

Почившіе отъ дѣлъ «старшіе богатыри» радостно прислушивались со своихъ кургановъ къ пѣснямъ вашихъ «звончатыхъ гуслей» и съ ласковой улыбкой нарекли васъ своимъ «молодымъ братомъ».

Привѣтъ вамъ, дорогой Аполлонъ Аполлоновичъ, отъ вашихъ товарищей!

Вы еще сильны и бодры, на гусяхъ вашихъ еще не порвалось ни одной струны, и звенятъ онѣ увѣренно и громко.

Пусть же ихъ звонъ раздастся на всю крещеную Русь еще много и много лѣтъ.

Драгоценными подарками щегольнули московскіе издатели: гг. Сытинъ, Клюкинъ, Тихомировъ. Обѣдающихъ собралось свыше ста человѣкъ.

Художественное меню обѣда, составленное «по статьямъ» въ древне-русскомъ, московскомъ стилѣ, было украшено портретомъ юбиляра и послѣднимъ стихотвореніемъ поэта:

Четверть вѣка прошло, какъ меня осѣнила впервые
Муза пѣсенъ моихъ серебристо-лазурнымъ крыломъ;
Неразлучно проходимъ мы съ нею пути роковые,—
Озаренные нашихъ мечтаній лучомъ.
Четверть вѣка стремясь къ тайникамъ заповѣднымъ природы,
Рвемъ мы изъ оковъ поборающей жизнь суеты,
Къ свѣту правды святой, къ рубежамъ невозбранной свободы,
Къ алтарямъ неземной красоты.
Четверть вѣка туманъ наплываетъ отвсюду волнами,
Гаситъ мглою наносной огни лучезарнаго дня,
Между нами встаетъ, словно хочетъ своими стѣнами
Скрыть меня отъ нея, скрыть ее отъ меня.
Четверть вѣка насъ гонитъ отъ цѣлей завѣтныхъ невзгода;
Вѣрой сердца на пѣснь вдохновляетъ насъ съ нею мечта,
Что гдѣ слѣдъ красоты—тамъ пути пролагаетъ свобода,
Гдѣ свобода—тамъ все красота.
Четверть вѣка борьбы и борьбы, и любви и печали,
Четверть вѣка скитаній подъ вихрями знойныхъ пустынь....
Муза пѣсенъ моихъ! Не напрасно съ тобой мы страдали,
Что ни день—ближе къ намъ красоты незакатныя дали,
Только ты на послѣднемъ пути не покинь!

Потокъ стиховъ, рѣчей, тостовъ, экспромтовъ начался съ самаго начала обѣда. Приводимъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, заслуживающіе наибольшаго вниманія:

ОЕДОРЪ ЧЕРНИГОВЕЦЪ-ВИШНЕВСКІЙ¹⁾.

Прими отъ сердца поздравленья
И отъ родной тебѣ души!
Мнѣ не дождаться оживленья
Въ своей законченной тиши,
Мнѣ не почтить тебя обѣдомъ,
Хотя я былъ бы очень радъ,—

¹⁾ Прислано по телеграфу.

Смѣшно сидѣть вѣдь хмурымъ дѣдомъ
Средь веселящихся влѣчать.
Да, устарѣла и раскисла
Душа моя отъ долгихъ дней,
А жить озлобленнымъ нѣтъ смысла,
Да и охоты нѣтъ, ей-ей!
Тебѣ съ душою неусталой
Еще возможенъ въ жизни май,
Живи и здравствуй, и, пожалуй,—
Живи и здравствуй и прощай!

П. В. БЫКОВЪ.

Давно, давно, когда ты росъ
Въ краяхъ у Волги многоводной,—
Еще не зная въ жизни грозъ,—
Въ тебѣ родился стихъ свободный.

Мужая, робокъ быть и тихъ
Твой даръ божественный не долго:
И сталъ бѣгучъ, красивъ твой стихъ,
Какъ матушка родная Волга...

Съ годами крѣпъ твой дивный даръ,
Съ ея стремительностью споря,
Разросся быстро, какъ пожаръ,
Разлился въ огненное море!

И двадцать пять минуло лѣтъ,
Какъ ты хранишь огонь священный,
Ты—Божьей милостью поэтъ,
Душевно-чуткій, вдохновенный!

Живой поэзии родникъ
Не изсякалъ и въ дни невзгоды...
Ты проникалъ въ души тайникъ
И въ сердце матери-природы.

Тебѣ родимая земля
Дала напѣвы вдохновеній,
Ты пѣлъ ея лѣса, поля,
Ея красу... былыя тѣни...

Черты родныхъ богатырей,
Весь обликъ родины прекрасной,—
Намъ въ пѣснѣ радужной твоей
Ты отразилъ свѣтло и ясно.

Благоуханные цвѣты—
Твоей поэзии основа,
Жрецъ вѣковѣчной красоты
И зоркій стражъ родного слова!

Ко лжи въ поэзии ты нѣмъ,
Живой укоръ *тылымъ* поэтамъ...
Ты безконечно дорогъ тѣмъ,
Что вѣрять Пушкина завѣтамъ!

Прими жь горячій мой привѣтъ,
 Къ тебѣ подсказаннѣ любовью,—
 Пусть даръ твой блещетъ много лѣтъ,
 Согрѣтый сердца лучшей кровью!

А. С. ЕРМОЛОВЪ¹⁾.

Глубокоуважаемый Аполлонъ Аполлоновичъ,
 Вамъ,—тѣзка пресвѣтлаго Феба,—
 Пріятнѣму даръ свой отъ неба,
 Родимаго края поэтъ,
 Несущій свой свѣточъ высоко,
 Сегодня я шлю издалека
 Мой скромный, но жаркій привѣтъ.
 Какъ капля въ бушующемъ морѣ,
 Пусть онъ затеряется въ хорѣ
 Отвсюду гремящихъ похвалъ,
 Хочу я—поэтъ посѣдѣлый—
 Чтобъ мой также голосъ несмѣлый
 Средь тостовъ заздравныхъ звучалъ.
 Примите спасибо родное
 За ваше служенье святое
 Отчизнѣ, добру, красотѣ,
 За то, что огнемъ вдохновенны
 Отмѣчены ваши творенья
 Въ эпической ихъ красотѣ.
 Вашъ стихъ насъ плѣняетъ пѣвучій,
 Намъ слышатся въ волнахъ созвучій
 Напѣвы родной стороны,
 Изъ мрака времянь выплываютъ
 И въ циклахъ былинъ оживаютъ
 Преданья родной старины.
 И въ счастья, и въ дни лихолѣтья,
 Ни разу, за четверть столѣтья,
 Вашъ голосъ живой не смолкалъ,—
 Васъ чувствуя въ память былого,
 Мы вѣримъ—последняго слова
 Коринфскій еще не сказалъ...

И. И. СОКОЛОВЪ.

Пусть слабо настроена лира моя,
 И пѣснь моя будетъ не нова,
 Миѣ все же хотѣлось бы выпить, друзья,
 За наше свободное слово,
 Что громче звучитъ съ каждымъ Божіимъ днемъ
 И скоро, согрѣтое вѣшнимъ огнемъ,
 Ломая оковы и путы,
 Дождется желанной минуты,
 Когда оно бурно по русской землѣ
 Прольется могучимъ потокомъ,
 Вѣщая народу о правдѣ и злѣ,
 Борцомъ выступая съ порокомъ,

¹⁾ Прислано въ письмѣ.

Смывая вѣками накопленный хламъ,
 Сторицей платя всѣмъ по всякимъ дѣламъ,
 Не вѣдая кривды, ни лести,
 Судя всѣхъ по правдѣ и чести...
 За то, что свершится, мы выпьемъ сейчасъ...
 Пусть рѣчь моя будетъ не нова,
 Мнѣ все же хотѣлось бы выйти за васъ,
 Носителей этого слова!..
 Храните и сѣйте во всѣ времена
 По нивѣ родимой его сѣмена
 Любви и добра и свободы...
 А всходы!.. Ручаюсь за всходы!..

М. Г. ВЕСЕЛКОВА-КИЛЬШТЕТЬ.

Сегодня тосты юбиляру
 Звучать, звенять со всѣхъ сторонъ.
 Встаю и я отдать гусяру
 Свой женскій поясной поклонъ.
 За что,—сказать остерегусь ли?
 Пѣть! Русской женщинѣ онъ миль,
 Что, въ ладъ настраивая гусли,
 Ее высоко въ пѣняхъ чтить;
 И что есть чистаго, святаго,
 Чѣмъ духъ у женщинѣ крѣпокъ, цѣль,
 Онъ воплотить въ живое слово
 И четверть вѣка громко пѣль.

Въ перемежку съ стихотвореніями, поздравленіями и привѣт-
 ствіями были произносимы и краткія рѣчи и тосты. Ораторами
 выступали: А. Е. Заринъ, произнесшій первое слово, коимъ от-
 крылся обѣдъ, гг. Васильковскій, Антроповъ, г-жа Шиль, А. В.
 Васильевъ и др.

Въ заключеніе, когда послѣ прочтенія поступившихъ свыше
 75 привѣтственныхъ писемъ, даже изъ столь дальнихъ мѣстъ,
 какъ Якутскъ и др. сибирскіе города, исчерпана была серьез-
 ная программа чествованія, юбиляру были произнесены шуточные
 экспромты и стихи гг. Н. Н. Вентцелемъ-Бенедиктомъ, М. В. Ше-
 вяковымъ и В. А. Мазуркевичемъ. Приводимъ и ихъ здѣсь:

И. И. ВЕНТЦЕЛЬ-БЕНЕДИКТЪ.

Феба именемъ и отчествомъ
 Ты судьбою награжденъ.
 Это было ужъ пророчествомъ,
 Что поэтомъ ты рожденъ.
 Состоя въ сей касть жреческой,
 Ты къ родному не былъ глухъ
 И съ фамиліею греческой
 Сочеталъ ты русскій духъ.
 Пѣсню звонкой, всюду слышную
 Славилъ ты просторъ родной...

Не за это ль быть ты пышною
 Надъленъ кудрей волной?
 Ужь тѣ русые, тѣ кудри ли
 Были молоды всегда,—
 Ни заботы ихъ не пудрили,
 Ни протекшіе года.
 Потрудился лѣта многія
 Ты, свой трудъ душой любя...
 Если бѣ даже судьи строгіе
 Собрались судить тебя,—
 То къ рѣшенью Соломонову
 Одному пришелъ бы судъ
 Аполлону Аполлонову
 Выдать лавровъ цѣлый пудъ.

М. В. ШЕВЛЯКОВЪ.

I.

Согласенъ будетъ всякъ со мной,
 Кто вѣритъ такъ, какъ я, примѣтамъ:
 Завѣщано самой судьбой
 Ему быть истиннымъ поэтомъ.
 Парнасъ пріуготовилъ тронъ,
 Его въ свое пріемля лоно...
 Не только самъ онъ—Аполлопъ,
 Но и рожденъ отъ Аполлона.

II.

Его наружность такова,
 Что производитъ впечатлѣнье:
 Въ небрежныхъ кудряхъ голова,
 Въ глазахъ—любовь и всепрощенье,
 И цѣнны въ немъ еще весьма
 Черты святого благородства,
 Съ иконой древняго письма
 Необъяснимое въ немъ сходство.

III.

Ужь не секретъ ни для кого:
 Поэтъ вино любить обязанъ,
 Полетъ фантазіи его
 Тогда лишь съ риемой будетъ связанъ.
 Поэтъ, который плохо пьетъ,
 Души читательской не грѣтъ...
 Самъ юбиляръ на этотъ счетъ
 Другого мнѣнья не имѣтъ.

IV.

По совокупности примѣтъ,
 Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнья,
 Что это истинный поэтъ
 Съ большимъ запасомъ вдохновенья.

Такъ за его здоровье пить
 Давайте всѣ мы, не иначе...
 Должны мы навеселѣ быть,
 А юбиляръ тѣмъ напаче.

В. А. МАЗУРКЕВИЧЪ.

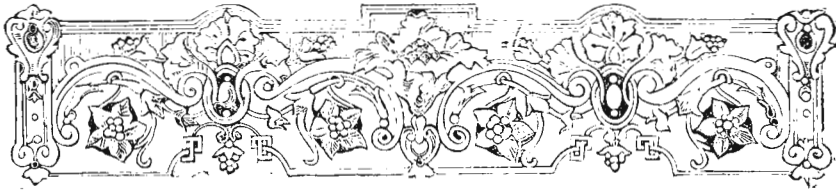
Ты—Аполлонъ, и сынъ къ тому же Аполлона,
 Но только не о томъ дальнѣйшій будетъ сказъ!
 Подобный комплиментъ тебѣ во время оно
 И нынче поднести успѣли много разъ.
 Нѣтъ, я не погошю за красою слога...
 И пожелаю... да, но что желать—вопросъ!?
 А вотъ что! Впредь создай стиховъ еще такъ много,
 Какъ много у тебя на головѣ волосъ!

На всѣ сказанныя и прочитанныя ему привѣтствія самъ юбиляръ отвѣтилъ очень красивымъ и сильнымъ стихотвореніемъ, заключавшимъ въ себѣ четыре тоста, куда, между прочимъ, входило и пожеланіе русскимъ писателямъ полной и широкой свободы слова. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь воспроизвести этого красиваго и сильнаго стихотворенія. Самъ поэтъ написалъ его тутъ же за обѣдомъ, не сохранивъ черновика, и передалъ свой автографъ въ «музей» Э. Фидлеру, послѣдній же, своеобразно понимая коллекціонированіе (въ разрѣзъ со всѣми коллекціонерами-просвѣтителями и меценатами), отказалъ всѣмъ представителямъ печати въ снятіи копій и тѣмъ лишилъ и читающую публику, и самого юбиляра видѣть это красивое стихотвореніе напечатаннымъ въ отчетѣ о юбилеѣ 14-го декабря...

Послѣ обѣда публика разбилась живыми группами за отдѣльными столиками, на которыхъ замелькали кружки съ пивомъ, бутылки шампанскаго, кофейники, ликеры. Послышались звуки рояля, поэты выступили мелодекламаторами... Настроеніе зала поднялось. Юбиляра просили прочесть громко что-нибудь изъ своихъ произведеній, и онъ мастерски прочиталъ два изъ стихотвореній. И чтеніе, и мелодекламація, и обиліе подѣхавшихъ къ вечеру новыхъ писателей придали юбилею удивительно литературный характеръ. И симпатичный, талантливый юбиляръ, и его гости почувствовали себя въ родной сферѣ, сознавая, что въ день 14-го декабря, совпавшій, кстати, и съ днемъ ангела Аполлона Апбллонвича Коринфскаго, наступилъ на ихъ улицѣ «праздникъ»...

Г. Л. И.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга четырнадцатая. Москва. 1911. Стр. 570 Ц. 2 руб.

В ОЛѢ ТРЕТИ сборника занято историческими матеріалами, извлеченными изъ архива князя **Θ. А. Куракина** **В. Н. Смольяниновымъ**, работающимъ надъ этимъ дѣломъ уже много лѣтъ. Этотъ фамильный архивъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ 1400 фоліантовъ и заключаетъ въ себѣ около 380 тысячъ страницъ текста и болѣе 150 тысячъ документовъ, изъ которыхъ въ настоящее время напечатано десять томовъ, содержащихъ 2094 документа за періодъ 1661—1779 годовъ. Кромѣ упомянутыхъ десяти томовъ, имѣются два специальныхъ сборника: «Восемнадцатый Вѣкъ» (переписка князя **А. В. Куракина** съ братомъ 1779—1805 гг. и описаніе княже-куракинскихъ церквей и помѣстій) и «Девятнадцатый Вѣкъ» (дневникъ княжны **Н. И. Куракиной** съ 1816—1830 гг.). Матеріалы, печатаемые въ послѣдней (XIV) книгѣ «Старины и Новизны», раздѣляются на четыре группы: 1) высочайшіе указы, грамоты, рескрипты; 2) бумаги князя **Б. И. Куракина**, извѣстнаго дѣятеля и дипломата Петровской эпохи; 3) духовныя завѣщанія князя **Б. И.** и др. и, между прочимъ, интересная рядная запись приданаго княжны **Т. А. Куракиной**; 4) личная переписка князей Куракиныхъ съ разными лицами.

Несмотря на то, что напечатанные документы изъ куракинскаго архива носятъ замѣтный личный характеръ, они все же представляютъ немалый интересъ для характеристики современной имъ эпохи, тѣмъ болѣе, что родъ князей Куракиныхъ оставилъ замѣтный слѣдъ въ исторіи Россіи на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Родоначальникомъ Куракиныхъ былъ князь **Андрей Ива-**

новичъ Булгаковъ, по прозванію Курака, происходившій изъ рода Гедимина литовскаго. Фамилія князей Куракиныхъ, появившаяся на Руси въ началѣ XV вѣка, дала немало выдающихся историческихъ дѣятелей. Князь Иванъ Семеновичъ († 1631 г.) въ 1606 былъ вмѣстѣ съ Шуйскимъ въ числѣ заговорщиковъ противъ Лжедмитрія; по восшествіи на престолъ В. Шуйскаго былъ на сторонѣ бояръ, требовавшихъ ограниченія царской власти; въ 1608 г. на берегу рѣки Москвы разбилъ извѣстнаго Лисовскаго.

Князь Борисъ Ивановичъ († 1727 г.) принималъ участіе въ азовскихъ походахъ, осадахъ Нарвы, въ 1709 году въ Полтавской битвѣ; послѣ того посвятилъ себя дипломатической дѣятельности, гдѣ проявилъ недюжинный умъ, большую опытность и рѣдкій политическій тактъ. Князь Борисъ Ивановичъ считался однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; онъ оставилъ послѣ себя автобіографію, обширныя дипломатическія записки и задумалъ написать полную исторію Россіи, успѣвъ, однако, составить лишь «Гисторію о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и ближнихъ къ нему людехъ» 1682—1694 гг. (напечат. въ первомъ томѣ «Архива князя Ѳ. А. Куракина», 1890 г.).

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ 2-й († 1818 г.), прозванный современниками Великолѣпнымъ, съ дѣтства воспитывался вмѣстѣ съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ подъ руководствомъ своего внучатаго дядя графа Н. И. Панина; съ 1796 г. вице-канцлеръ имперіи, въ 1807 г. заключилъ Тильзитскій миръ; съ 1808—1812 гг. онъ былъ посломъ въ Парижѣ. Онъ былъ близкимъ другомъ Павла I. Во время путешествія послѣдняго, въ 1782 г. было перехвачено письмо къ князю отъ флигель-адъютанта П. А. Бибикова (оно напечатано на стр. 555 «Исторіи императора Павла I» Шильдера), осуждавшее дѣятельность Потемкина. Это навлекло на князя опалу со стороны Екатерины, и ему пришлось удалиться въ свою отдаленную саратовскую вотчину, гдѣ онъ пробылъ до самаго воцаренія Павла Петровича, который вызвалъ его изъ изгнанія и осыпалъ знаками вниманія и милости.

Въ печатаемыхъ документахъ изъ «Архива князя Ѳ. А. Куракина» изслѣдователь найдетъ также довольно интересный матеріалъ чисто бытового характера.

Самое значительное мѣсто въ сборникѣ отведено «Матеріаламъ по смутному времени», собраннымъ профессоромъ варшавскаго университета В. Н. Александренкомъ, который извлекъ ихъ изъ архивовъ иностранныхъ и московскихъ.

Первая группа этихъ документовъ—«Англійскіе акты»—обнимаетъ собою время 1602—1609 гг.; она заключаетъ въ себѣ проекты и донесенія о русскихъ дѣлахъ англійскихъ агентовъ, грамоты русскихъ царей.

Вторая группа—«Посольство Англера»—охватываетъ періодъ 1604—1607 гг.; это—иностранные и русскіе документы, относящіеся къ посольству толмача Ганса Англера.

Третья группа матеріаловъ обнимаетъ 1599—1603 гг. и содержитъ въ себѣ донесенія англійскаго доктора Виллиса о путешествіи его въ Россію; документы, касающіеся: 1) миссіи русскаго посла Аѳ. Ив. Власьева и 2) миссіи англійскаго агента Дж. Мерика, посланнаго въ Россію и Швецію; затѣмъ документы, относящіеся къ проекту женитьбы царевича Ѳедора Борисовича на англичанкѣ.

Четвертая группа— «Итальянскіе акты»—оьнимаетъ 1604—1606 гг. и заключаетъ въ себѣ депеши изъ Праги посла Венеціанской республики Франческо Сбранцо, письмо Антонія Поссевина и пр.

Послѣднія группы матеріаловъ охватываютъ время 1603—1606 гг. и содержать въ себѣ: письма иезуитовъ въ Римъ, переписку Лжедмитрія, отрывокъ изъ дневника аріанина Валентина Шмальца, переписку Марины Мнишекъ съ папой Павломъ V относительно введенія на Руси католической религіи. Павелъ V въ письмѣ къ Маринѣ высказывается, между прочимъ, довольно опредѣленно : «самымъ главнымъ является то, чтобы ты со всякимъ стараніемъ и тщательностью озаботилась вмѣстѣ съ любезнѣйшимъ сыномъ нашимъ Дмитріемъ... чтобы какъ почитаніе католическаго исповѣданія, такъ и ученіе апостольской святой римской церкви было принято народами, подчиненными вашей власти, и, будучи принято, было бы твердо удержано и умножено».

Профессоръ В. Н. Александренко въ своемъ докладѣ (причитанномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ), посвященномъ печатаемымъ въ настоящемъ сборникѣ матеріаламъ и смутному времени, говорить, что Борисъ Годуновъ готовился къ упорной борьбѣ съ самозванцемъ и, въ случаѣ успѣшнаго исхода войны, имѣлъ въ виду раздѣлъ Польши, по выраженію одного документа, «между мною, зятемъ моимъ (Максимиліанъ, женихъ Ксеніи) и цесаремъ». Профессоръ Александренко упоминаетъ также, что въ разныхъ документахъ имѣются намеки на преобразовательные планы Годунова. Въ одномъ памятникѣ прямо говорится, что Борисъ желаетъ освободить своихъ подданныхъ отъ тяжелаго финансоваго гнета и рабства и предоставить имъ Freiheit, Polizei, Ordnung. Кажется, имѣлась въ виду и реформа центральныхъ учреждений.

Что касается вопроса о происхожденіи Дмитрія Самозванца, то печатаемые документы не даютъ чего-либо особенно новаго. Для выясненія прошлаго Лжедмитрія важень дневникъ аріанина В. Шмальца, дневникъ, который писался Шмальцомъ не для публики, а для себя. Интересно, что на самозванца Шмальць смотритъ, какъ на истиннаго сына Іоанна IV, причемъ продолжаетъ его называть Дмитріемъ даже послѣ того, какъ самозванецъ «отвергъ истину познанія», т. е. измѣнилъ аріанству. Аріане, повидимому, знали о прошломъ Лжедмитрія больше другихъ, но уже тогда называли это дѣло тайнымъ (arcana historia) и считали нужнымъ его скрывать. Одинъ изъ аріанъ, русскій монахъ Матвѣй Твердохлѣбъ, былъ очень близокъ къ самозванцу, воспитывалъ его въ Польшѣ и былъ его интимнымъ совѣтникомъ.

По мнѣнію В. Н. Александренка, Дмитрій Самозванецъ или былъ истиннымъ царемъ, или съ дѣтства воспитанъ, какъ таковой, и во всякомъ случаѣ не былъ сознательнымъ обманщикомъ или дерзкимъ политическимъ игрокомъ.

Остальная часть сборника «Старина и Новизна» посвящена разнымъ документамъ, въ числѣ которыхъ письма графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, записки А. И. Варженевскаго и пр.

К. Кудряшовъ.

Ө. Суетовъ. О Высочайше утвержденномъ при св. синодѣ особомъ присутствіи для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію всероссійскаго собора. Юрьевъ. 1911. Стр. 100.

Сочиненіе г. Суетова, удостоенное, какъ это видно изъ предисловія къ нему (стр. 3), юридическимъ факультетомъ императорскаго юрьевскаго университета золотой медали, содержитъ въ себѣ, кромѣ введенія (стр. 5—10), восемь главъ, съ подраздѣленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на отдѣльные параграфы (стр. 11—93), и заключеніе (стр. 94—96). Въ концѣ сочиненія приложена обширная литература, которою пользовался авторъ при исполненіи своей работы (стр. 87—100).

Въ своей книгѣ авторъ подробно и всесторонне разсматриваетъ дѣятельность засѣдавшего въ Петербургѣ въ 1906 году предсоборнаго присутствія, созданнаго для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію помѣстнаго собора русской церкви, созвать который тогда предполагалось въ самомъ непродолжительномъ времени.

Въ эпоху переоцѣнки общественныхъ идеаловъ (1904—1905 годовъ) общество, церковная власть и свѣтское правительство открыто заговорили о необходимости реформъ въ устройствѣ русской церкви и о созваніи всероссійскаго помѣстнаго собора. Главнымъ толчкомъ для возбужденія вопроса о русской церковной реформѣ послужилъ высочайшій указъ 17-го апрѣля 1905 года «объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости». Новое положеніе, создавшееся вслѣдствіе изданія этого указа, требовало вернуть церкви право своего самоопредѣленія, утраченное въ Россіи уже много вѣковъ тому назадъ. Такъ выдвинулся вопросъ о реформѣ въ русской церкви, а главнымъ образомъ вопросъ о созывѣ помѣстнаго всероссійскаго церковнаго собора.

Великое дѣло обновленія русской церковной жизни стало предметомъ особеннаго вниманія всей вѣрующей Россіи, начиная съ Государя Императора Николая II. 27-го декабря 1905 года Государь Императоръ обратился съ собственноручнымъ рескриптомъ къ первенствующему члену святѣйшаго синода, митрополиту Антонію, гдѣ, между прочимъ, сказано: «Нынѣ Я признаю вполне благовременнымъ произвести нѣкоторыя преобразованія въ строѣ нашей отечественной церкви на твердыхъ началахъ вселенскихъ канонѣвъ для вѣчнаго утвержденія православія. А посему предлагаю вамъ, владыко, совмѣстно съ митрополитомъ московскимъ Владиміромъ и кіевскимъ Флавіаномъ, опредѣлить время созванія этого всѣми вѣрными сынами церкви ожидаемаго собора». 16-го января 1906 года Высочайше утверждено опредѣленіе святѣйшаго синода объ учрежденіи особаго присутствія для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію будущаго помѣстнаго собора русской церкви, а 8-го марта состоялось открытіе предсоборнаго присутствія, которое, для большей успѣшности въ своихъ работахъ, раздѣлилось на семь отдѣловъ или секцій.

Г. Суетовъ въ своемъ сочиненіи разбираетъ обстоятельно труды каждаго изъ семи отдѣловъ и даетъ объективную оцѣнку тѣхъ выводовъ и постановленій, къ которымъ пришли члены отдѣловъ по вопросамъ, подлежавшимъ ихъ обсужденію. Въ случаѣ разногласій въ мнѣніяхъ членовъ того или другаго отдѣла,

г. Суетовъ указаваетъ на это въ своемъ изслѣдованіи и входитъ въ обсужденіе мотивовъ, руководившихъ какъ большинствомъ, такъ и меньшинствомъ членовъ предсоборнаго присутствія. Разсмотрѣнію дѣятельности каждаго отдѣла посвящена особая глава. Въ послѣдней же (VIII главѣ) авторъ излагаетъ дѣятельность соединеннаго засѣданія III, VI и VII отдѣловъ по вопросу о допустимости смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ лицами другихъ исповѣданій.

Главное значеніе дѣятельности присутствія, по словамъ автора, заключается въ разработкѣ основныхъ положеній реформы. Важны тѣ историческія, каноническія и практическія соображенія, которыя сопровождали обсужденіе каждаго вопроса въ присутствіи (стр. 95—96).

Характеризуя работы присутствія г. Суетовъ, въ заключеніи къ своему сочиненію, подъ заглавіемъ: «Итоги дѣятельности особаго присутствія», совершенно справедливо замѣчаетъ, что всѣ члены предсоборнаго присутствія отнюдь не придавали какого-либо важнаго значенія результатамъ голосованія вопросовъ, а лишь смотрѣли на себя, какъ на призванныхъ дружными усиліями принести лепту отъ чистаго сердца и объективнаго научнаго знанія на алтарь возрождающейся церковной жизни въ Россіи. Отсюда—единеніе въ работѣ, свобода и терпимость взглядовъ, взаимное уваженіе,—вотъ начала, которыя можно прослѣдить при чтеніи «дѣяній» особаго присутствія. Всѣ члены предсоборнаго присутствія, по словамъ высокопреосвященнаго Антонія, митрополита с.-петербургскаго, принялись за дѣло въ ясномъ сознаніи, что они призваны совершить въ немъ дѣло Христово. И въ самыхъ собраніяхъ, при обсужденіи разныхъ вопросовъ, при горячихъ иногда спорахъ и преніяхъ, всегда было у всѣхъ на мысли, что Христосъ есть жизнь церкви и что всѣ разсужденія должны сводиться къ рѣшенію по началамъ ученія Господа нашего и церкви Его святой.

Когда будетъ созванъ соборъ—все еще неизвѣстно. Но наша церковь въ лучшемъ, идеально-чистомъ значеніи этого слова всегда хранила завѣты Христа и всегда будетъ стремиться къ своей завѣтной мечтѣ—созванію помѣстнаго собора. Разсѣется тогда мракъ, окутывающій русскую церковь уже не одно столѣтіе, и яркіе лучи тѣснаго церковнаго общенія на началахъ церковной правды и мира зальютъ своимъ живительнымъ свѣтомъ необъятную Россію (стр. 96.)

Сочиненіе г. Суетова заслуживаетъ вниманія всѣхъ интересующихся разсматриваемымъ имъ вопросомъ; оно написано яснымъ и живымъ языкомъ. Желаемъ молодому автору дальнѣйшихъ успѣховъ на поприщѣ учено-литературной дѣятельности.

Профессоръ М. Красножонъ.

С. Н. Кологривовъ. Матеріалы для исторіи сношеній Россіи съ иностранными державами въ XVII в. Спб. 1911.

Авторъ труда, появившагося въ XX выпускѣ «Вѣстника археологіи и исторіи», издаваемаго петербургскимъ императорскимъ археологическимъ институтомъ, задался симпатичной дѣлю извлечь изъ документовъ московскаго отдѣленія за XVII вѣкъ тѣ, которые имѣютъ отношеніе къ приему при русскомъ дворѣ иностранныхъ пословъ. Предпосылая опубликовываемымъ документамъ

предисловіе (стр. 1—4), авторъ видитъ въ своемъ трудѣ восполненіе свѣдѣній по части пріема при русскомъ дворѣ иностранныхъ пословъ, содержащихся въ книгѣ Бантышъ-Каменскаго «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи» и въ «Повседневныхъ дворцовыхъ времени государей царей и великихъ князей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича запискахъ, печатанныхъ при императорскомъ московскомъ университетѣ», 1769 г., часть II.

Дѣйствительно, приводя за предисловіемъ 132 документа и притомъ цѣликомъ (стр. 6—160), авторъ вводитъ въ кругъ научнаго пользованія рядъ цѣнныхъ матеріаловъ. Именно опубликованные документы описываютъ пріемы восьми голландскихъ посольствъ, трехъ датскихъ, двѣнадцати англійскихъ, пяти отъ крымскихъ царевичей, трехъ шведскихъ, трехъ турецкихъ, трехъ посольствъ отъ персидскаго шаха, пяти литовскихъ, двухъ отъ курфюрста Бранденбургскаго, отъ молдавскаго господаря, хана бухарскаго, пріемъ датскаго королевича Вальдемара и пословъ датскаго короля, пріемъ посольствъ калмыцкаго, киргизскаго, ногайскаго и другихъ. Помимо важности опубликованія самаго перечня лицъ, входившихъ въ составъ посольства, что цѣнно для исторіи вообще, напечатанные документы даютъ немало указаній по части пушиннаго производства. Такъ, проглядывая царскія выдачи членамъ посольствъ въ обмѣнъ на поднесенные подарки, можно видѣть, что куница и бобръ поставлялись изъ Казанскаго Дворца, а лисица шла изъ Ярославля (стр. 66—74); персидскому шаху соболя посылались въ подарокъ даже живьемъ (стр. 138). Документы также даютъ точныя цѣны на пушнину въ XVII вѣкѣ; напримѣръ, черная лисица цѣнилась въ 1625 году въ восемь руб. и тридцать руб. (стр. 83). Встрѣчаемъ въ документахъ и характерныя бытовыя черты: въ 1656 году греки подносятъ царевичу Алексѣю Алексѣевичу дары и въ числѣ ихъ панакію, которую «по ихъ сказкѣ строилъ своими руками ап. Лука (стр. 149)». Изъ подносимыхъ подарковъ брались только пригодившіеся государевой казнѣ, прочіе отсылались обратно подносившимъ лицамъ на посольскій дворъ (стр. 90). Наибольшее значеніе изданные матеріалы имѣютъ для датированія вещей московской Оружейной палаты; среди послѣднихъ есть и такія, о времени и причинѣ появленія которыхъ описи не даютъ положительныхъ данныхъ. Навстрѣчу этому вопросу и идутъ изданные матеріалы. Но—и это недостатки труда—только очень трудно ориентироваться въ матеріалахъ, чему вредитъ отсутствіе въ книгѣ предметнаго указателя. Затѣмъ, текстъ не вездѣ отличается вѣрностью своимъ оригиналамъ—столбцамъ; напр., № 4, стр. 22—напечатано: «Джанъ-бей-Гирей», надо «Джалбекъ-Гирей»; № 6, стр. 22 напечатано: «два дерева седленныхъ» надо «седленныхъ».

Желаю автору продолженія его труда, пожелаемъ ему впредь избѣгнуть указанныхъ недочетовъ.

В. П.

Православныя церкви и русскія учрежденія за границую (Австро-Венгрія, Германія и Швеція). Протоіеря А. П. Мальцева. Берлинъ. 1911 г.

Эта объемистая книга, принадлежащая перу настоятеля нашей посольской церкви въ Берлинѣ о. протоіеря А. П. Мальцева, даетъ большую и поучительную картину развитія русскаго дѣла и, попутно, русскаго вліянія за границей: въ Германіи, Австро-Венгріи и Швеціи, его успѣховъ и терній, знакомитъ насъ съ характеромъ духовныхъ и свѣтскихъ учреждений, созданныхъ тамъ Россіей. Нужно ли говорить, что львиная доля русскои энергіи и созидательной работы въ зарубежныхъ краяхъ принадлежитъ самому автору-составителю книги, вложившему слишкомъ много любви и самоотверженнаго труда въ дѣло духовнаго и общественнаго благоустройства русскихъ колоній за границей. Изъ этой книги мы узнаемъ, какой обширный русскій міръ существуетъ за рубежомъ Россіи—міръ, требующій заботы, опеки и удовлетворенія его духовныхъ потребностей. Какъ мы справляемся съ этой задачей? Имя протоіеря Мальцева пользуется слишкомъ почетною извѣстностью, чтобы у кого-нибудь явилось сомнѣніе въ плодотворности его огромной и отвѣтственной работы. Русскій уголь въ Тегель подъ Берлиномъ, имѣющій собственное обширное хозяйство, русское убѣжище и землю, представляющую громадную цѣнность, краснорѣчиво говоритъ о томъ, чего можетъ достигъ энергичный дѣятель, нелицемѣрно служащій Россіи. Не въ одномъ Берлинѣ посѣяны сѣмена русскаго дѣла. Мы имѣемъ уже цѣлый рядъ церквей не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ: въ славянскои Богеміи, въ цвѣтущихъ курортныхъ уголкахъ Австріи, привлекающихъ ежегодно большой притокъ русскои публики, въ столицѣ Франціи, въ Константинополѣ, въ Стокгольмѣ. Книга протоіеря Мальцева заключаетъ богатѣйшіе историческіе матеріалы, рисуя подробнѣйшимъ образомъ, какъ прокладывались первые шаги русскаго дѣла за границей, съ какими препятствіями приходилось считаться русскимъ дѣятелямъ и какаю могущественную поддержку иногда ожидала ихъ со стороны русскихъ монарховъ въ минуты испытываемыхъ разочарованій. Много любопытнаго представляетъ, на примѣръ, изложенная въ книгѣ А. П. Мальцева исторія возникновенія нашей православнои церкви и русскои духовнои миссіи. въ Стокгольмѣ. Мѣсто, гдѣ основана греко-россійская церковь въ Стокгольмѣ, отведено было русскимъ купцамъ еще въ XVI столѣтіи въ виду существовавшихъ тогда оживленныхъ торговыхъ сношеній между Россіей и Швеціей. Въ 1848 году шведскій король предписалъ устроить помѣщеніе для церкви на счетъ городскихъ суммъ города Стокгольма, а императрица Екатерина II впоследствии позаботилась переустройствомъ этой церкви, которой, однако, суждено было пережить затѣмъ и тяжелые дни. Эти тяжелые дни создались въ періодъ разстроившагося брака шведскаго королевича съ внучкою императрицы Екатерины II принцессою Александрою.

Тогда въ Швеціи и въ Россіи шли усиленные вооруженія и грозилъ создаться полный конфликтъ. Впослѣдствіи эти осложненія сгладились, и состоялось русско-шведское соглашеніе (1796 годъ). Русская стокгольмская церковь является въ настоящее время одной изъ выдающихся нашихъ заграничныхъ свя-

тынъ по обилію прекрасныхъ образцовъ церковной живописи и цѣнной церковной утвари.

Часть лѣтописи протоіерея Мальцева посвящена нашимъ церквамъ въ Кобургѣ (придворная церковь великой княгини Маріи Александровны, герцогини Кобургской и Готской) и русскимъ церквамъ въ Пруссіи, среди которыхъ есть замѣчательные духовные памятники. Въ восточной Пруссіи, въ округѣ Зенсбургѣ имѣется старинный русскій храмъ въ селеніи Осинки, близъ пограничнаго Граева. Исторія этого храма такова. Въ этихъ селеніяхъ (Федорвальде, Эккертсдорфъ, Крутинень, Пясково и друг.) живутъ съ 1807 года русскіе выходцы-раскольники, пришедшіе сюда изъ Витебской и другихъ западныхъ губерній Россіи ради свободы исповѣданія. Эти эмигранты извѣстны подъ именемъ филипповцевъ, хотя между ними есть также и федосѣевцы и присоединенные, главнымъ образомъ, покойнымъ архимандритомъ Павломъ Прусскимъ, къ единовѣрью. Пребывающіе въ Пруссіи филипповцы, хотя и прусскіе подданные, однако по укладу своей общественной, семейной и религиозной жизни остались русскими и тяготеютъ къ русскому богослуженію. Для отправленія службъ съ исповѣдью и причащеніемъ ежегодно ѣздитъ отъ одного до двухъ разъ въ годъ протоіерей А. П. Мальцевъ, служащій тамъ по старобрядческому обряду и древнимъ дониконовскимъ книгамъ при крюковомъ пѣніи всѣхъ прихожанъ. Въ прочіе же воскресные и праздничные дни единовѣрцы собираются въ молельномъ домѣ крестьянина старца Филиппа Доновскаго въ Федорвальде, охотно правящаго церковныя службы и требы, за исключеніемъ таинствъ причащенія и миропомазанія.

Во всеоружіи историческихъ документовъ протоіерей Мальцевъ развертываетъ предъ нами поучительную исторію русской церкви въ Потсдамѣ, лѣтней резиденціи прусскаго двора. Потсдамская русская колонія всегда сохраняла связь съ Россіей. Бывшій при берлинскомъ посланникѣ графъ Чернышевъ іеромонахъ Кириллъ еще въ 1747 году ѣздилъ въ Потсдамъ для исповѣди и причащенія російскихъ солдатъ, находившихся на прусской службѣ. Въ 1765 году существованіе русской церкви въ Потсдамѣ временно прекратилось, такъ какъ король Фридрихъ II, поклонникъ и другъ Вольтера, заблагоразсудилъ отдать церковное помѣщеніе подъ театръ, а послѣ того оно было занято аммуниціоннымъ складомъ. При прусскомъ королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ III русское дѣло въ Германіи расцвѣло. Пруссія своею цѣлостью и самобытностью была всецѣло обязана Россіи и императору Александру I, воспротивившемуся желанію Наполеона уничтожить ея самостоятельность, и самъ прусскій король во время занятія Берлина французскими войсками вмѣстѣ съ семействомъ нашель убѣжище подъ охраною русскихъ войскъ. Императоръ Александръ I подарилъ Фридриху-Вильгельму хоръ военныхъ пѣсенниковъ-солдатъ, которые осѣли на отведенной имъ землѣ прусской короны около Потсдама. Русскій храмъ въ нынѣшнемъ его видѣ возникъ въ 1826 году, а въ 1826 году, 10 іюня былъ освященъ протоіереемъ Чудовскимъ въ присутствіи императора Николая Павловича, прусскаго короля и русскаго посла въ Берлинѣ. Въ церкви Потсдама сосредоточены цѣнные образцы церковной живописи, по большей части цар-

скіе подарки, присланные изъ Петербурга, а также пожертвованія частныхъ лицъ. Такимъ образомъ, въ русскомъ селеніи, составившемся изъ нѣсколькихъ семей, нашихъ русскихъ военныхъ пѣсепниковъ, созданъ маленькій зарубежный уголокъ Россіи, жившій своею духовною жизнью. Потсдамская церковь и русская потсдамская колонія служили предметомъ особаго попеченія какъ императора Николая I, такъ и прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, который, питая симпатію къ Россіи, имѣлъ склонность ко всему русскому. Въ книгѣ А. П. Мальцева передаются рассказы о томъ, что король даже во время походовъ 1812—1814 г.г. ѣздилъ въ русскихъ пролеткахъ, на русскихъ лошадяхъ и имѣлъ своего лейбъ-кучера Бокова изъ числа русскихъ эмигрантовъ. Для послѣдняго онъ выстроилъ русскую избу въ пяти верстахъ отъ колоніи Александровки, въ прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи и назначилъ ему пенсію. Жилище Бокова названо было королемъ Фридрихомъ «Никольское» въ честь августѣйшаго его зятя. Король разсчитывалъ, что домъ Бокова послужитъ началомъ новой русской колоніи.

Потсдамская церковь, къ сожалѣнію, долгое время не имѣла своего соборнаго причта, отправленіе въ ней богослуженія было возложено на священника берлинской посольской церкви; только въ самое послѣднее время, благодаря заботамъ протоіерея Мальцева, эта историческая церковь стала болѣе самостоятельной и получила отдѣльнаго священника. Русскіе поселенцы Потсдама съ теченіемъ времени утратили свою самобытность и забыли русскій языкъ. Чтобы сдѣлать богослуженіе болѣе понятнымъ для колонистовъ и ихъ «семействъ» пришлось совершать его на нѣмецкомъ языкѣ. Святѣйшій Синодъ, въ виду необходимости допустилъ это положеніе и еще въ 1856 году утвердилъ нѣмецкій переводъ литургій Іоанна Златоуста и Василія Великаго, составленный протоіереемъ Яновскимъ. Въ 1853—58 г.г. протоіерей о. Полисадовъ издалъ для потсдамскихъ колонистовъ особую книжку, въ которой параллельно съ нѣмецкимъ текстомъ былъ помѣщенъ словянскій текстъ, напечатанный латинскими буквами.

Положеніе нашего церковнаго дѣла въ Потсдамѣ нѣсколько улучшилось съ 1886 года, когда, благодаря стараніямъ протоіерея Мальцева, къ нему въ качествѣ помощника былъ назначенъ сначала псаломщикомъ, а затѣмъ и священникомъ русскій подданный о. Василій Гекенъ. Это обстоятельство дало возможность болѣе часто отправлять богослуженія въ Александровкѣ, своевременно обслуживать нужды ея православныхъ обитателей, блюсти за воспитаніемъ дѣтей, создать для нихъ особую школу и тѣмъ поддерживать въ нихъ завѣты православія.

Русская колонія Александровка—живая свидѣтельница дружественныхъ и сердечныхъ отношеній между императоромъ Александромъ I и прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, далеко не единственный русскій историческій памятникъ къ предѣлахъ Германіи. Тамъ разсыяно множество другихъ памятниковъ пережитыхъ событій, памятниковъ бывшихъ сраженій, намогильныхъ памятниковъ и крестовъ, триумфальныхъ арокъ и проч. Въ Бундслау и Тиллендорфѣ (въ Силезіи) имѣются памятники знаменитымъ полководцамъ войны 1812 года: генераль-фельдмаршалу князю М. И. Кутузову-

Смоленскому, въ Инстербургѣ графу Барклаю-де-Толли. Памятники сооружены на мѣстахъ ихъ кончины (Бундслау и Инстербургъ) по повелѣнію того же короля Фридриха-Вильгельма III въ выраженіе признательности за оказанныя ими безсмертныя заслуги Пруссіи въ трудную для нея годину. Въ томъ же округѣ Бундслау находится массовый памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ при Гнаденбергѣ. Онъ сооруженъ гнаденбергскою общиною по окончаніи войны 1813—14 г.г. съ особой трогательною надписью. Около шоссе, ведущаго въ Гайнау, находится отдѣльный памятникъ на мѣстѣ, гдѣ палъ въ сраженіи и погребенъ русскій герой-гусарь Наталочка. Памятникъ сооруженъ командиромъ полка полковникомъ фонъ-Рейтерномъ, у котораго Наталочка была ординарцемъ во всѣхъ его походахъ. Въ Стригау имѣется художественный памятникъ русскому генералу Парадовскому, другіе памятники разсыяны въ округахъ: Гиршбергъ, Ротенбургъ (казачьи могилы), Эльсъ, на Волчьей горѣ, гдѣ потери русскихъ (23-го августа 1813 года) простирались до 1500 человекъ, и Грейфенбергъ, гдѣ русское войско тоже принесло значительныя жертвы. Всѣ эти полузабытыя теперь, но трогательныя и живыя страницы русско-германской дружбы краснорѣчивою лѣтописью былыхъ временъ встаютъ въ книгѣ А. П. Мальцева.

Н. Лендеръ.

Сказанія иностранцевъ о русской арміи въ войну 1904—1905 г.г. Изданіе князя Абамелекъ-Лазарева. Спб. 1912. Стр. 300. Цѣна 1 р. 75 к.

За шесть лѣтъ, протекшихъ послѣ нашей тяжелой борьбы съ Японіей, накопилась огромная литература на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, всесторонне освѣтившая факты войнъ, какъ въ формѣ систематическихъ описаній, такъ, въ особенности, въ видѣ мемуаровъ, воспоминаній и записокъ очевидцевъ. Постѣдніе были тѣмъ болѣе многочисленны, что въ эту войну было допущено въ обѣихъ арміяхъ большое число военныхъ агентовъ и корреспондентовъ частныхъ газетъ и изданій, и хотя корреспонденціи эти, во время своего появленія, выдерживали штабную цензуру, правда, довольно списходительную, тѣмъ не менѣе, напечатанныя полностью послѣ войны, онѣ дали много цѣннаго матеріала для сужденій объ арміяхъ обѣихъ сторонъ. Въ свое время наше военное общество, при посредствѣ изданій г. В. Березовскаго, было ознакомлено съ содержаніемъ наиболѣе цѣнныхъ иностранныхъ сочиненій, вышедшихъ въ десяткахъ томовъ, а теперь князю Абамелекъ-Лазареву пришло на мысль, въ виду наступившей годовщины великой Отечественной войны, вновь пересмотрѣть возможно большее число сочиненій иностранцевъ и указать въ удобопонятной для неспециалиста формѣ, что въ нихъ для насъ заключается новаго и интереснаго. Это тѣмъ болѣе необходимо, что наша собственная оцѣнка достоинствъ нашей арміи происходила при обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, исключаящихъ всякое безпристрастное сужденіе. Весьма справедливо замѣчасть издатель въ введеніи къ своей книгѣ, что однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ явленій послѣднихъ лѣтъ является наша внутренняя смута, разладъ между интеллигенціей и народомъ, раздѣленіе и самой интеллигенціи на партіи. «Все это привело къ тому, едва ли не безпримѣрному въ исторіи явленію, что

вся такъ называемая передовая часть интеллигенціи, мечтательная объ освободительномъ движеніи, открыто радовалась нашимъ военнымъ неудачамъ и пораженіямъ, сочувствовала врагу, содѣйствовала ему забастовками на казенныхъ заводахъ и верфяхъ, устройствомъ бунтовъ, въ родѣ 9-го января 1905 г., и волнений во всей странѣ, веденіемъ измѣнической пропаганды въ войскахъ на самомъ театрѣ войны. Лѣвая печать и часть интеллигенціи этимъ покрыла себя несмыслаемымъ позоромъ и болѣе отвѣтственна передъ потомствомъ въ заключеніи преждевременнаго мира, чѣмъ недочеты нашей военной организаціи или ошибки нашихъ военачальниковъ. Печать внушила намъ сильно укоренившееся, при нашей склонности къ самоуниженію, мнѣніе, что все у насъ плохо, народъ ни чему не способенъ, правительство ниже всякой критики, войско безъ доблести». При такихъ условіяхъ, представляется вполне цѣлесообразнымъ обратиться къ безпристрастному свидѣтельству очевидцевъ-иностранцевъ, съ тѣмъ, чтобы познакомить наше общество съ ихъ воззрѣніями на нашу армію. Въ этихъ видахъ въ книгѣ г. Абамелекъ-Лазарева изложены въ популярной формѣ извлеченія изъ сочиненій иностранныхъ писателей, появившихся на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и японскомъ языкахъ. Сочиненія эти, среди которыхъ находятся весьма авторитетныя имена такихъ авторовъ, какъ Лигницъ, Бронсоръ-фонъ-Шелендорфъ, Теттау, Пеле-Нарбонъ, Гамильтонъ и др., извѣстны нашему военному обществу по изданіямъ Березовскаго (26 выпусковъ «Русско-японской войны въ наблюденіяхъ и сужденіяхъ иностранцевъ»), но большому кругу читателей они мало знакомы, и популярное ихъ изложеніе какъ нельзя болѣе кстати. Все изложеніе раздѣлено на слѣдующія главы: 1) первыя впечатлѣнія иностранцевъ при началѣ войны; 2) бой у Тюренчена; 3) дѣйствія Восточнаго отряда; 4) Лаоянь; 5) сентябрьское наступленіе, шанхайская операція; 6) Мукденъ; 7) Портъ-Артуръ и 8) русская армія, ея организація, управленіе, качества и боевая работа войскъ. Изъ всѣхъ показаній иностранцевъ, скорѣе враждебныхъ нашей арміи, ясно вытекаетъ, что свойства нашего солдата, этого перваго солдата въ мѣрѣ по своимъ природнымъ качествамъ, и въ эту войну оказались такими же, какими были въ прежнихъ побѣдоносныхъ войнахъ. Эти качества, проявленныя въ нашей послѣдней кампаніи, тѣмъ болѣе удивительны, что войско сражалось за непонятныя ему задачи, въ отдаленной незнакомой странѣ, среди враждебнаго населенія, исключительно по долгу присяги и вѣрности родинѣ. При этомъ должно замѣтить, что единогласныя свидѣтельства иностранцевъ могутъ считаться вполне безпристрастными, чего нельзя сказать о нашихъ русскихъ источникахъ, особенно появившихся въ извѣстной части печати. Довольно того, что оборона Портъ-Артура, представляющая собою одну изъ лучшихъ страницъ нашей военной исторіи, которую иностранцы сравниваютъ съ обороной Севастополя и Сарагоссы, которой должную дань удивленія отдаютъ сами японцы, была заклеена въ нашей печати позоромъ, причѣмъ изъ-за малодушія коменданта не былъ пощажень и геройскій гарнизонъ. По прочтеніи книги приходишь къ ясному убѣжденію, что причины нашихъ пораженій лежали въ дурномъ управленіи, перѣшительности главнокомандующаго, въ неподготовкѣ команднаго состава, въ отсутствіи систематической боевой подготовки, въ пол-

ной всеобщей неподготовленности къ войнѣ и въ полной ея непопулярности, но что войска наши, по своимъ моральнымъ качествамъ, не только не утратили прежней боевой славы, но вполне ее поддержали и даютъ надежду на будущіе успѣхи.

Познакомивъ съ сужденіями очевидцевъ о нашей арміи, авторъ очерка, въ видахъ всесторонняго освѣщенія вопроса, предполагаетъ въ слѣдующей части перейти къ изученію нашихъ источниковъ, какъ официальныхъ, такъ и принадлежащихъ участникамъ войны, начиная съ самого командовавшего арміей. Нельзя не пожелать широкаго распространенія этому полезному изданію, направленному къ возстановленію боевой репутаціи нашей арміи и способному вызвать въ населеніи столь для нея необходимый и заслуженный ею почетъ.

Л. Н.

Терскій календарь на 1911 годъ. Изданіе терскаго областного статистическаго комитета, подъ редакціей секретаря комитета М. А. Караулова 2-го. Выпускъ двадцатый. Владикавказъ. 1911. 8°. 80+301+170 стр.

Терскій областной статистическій комитетъ является однимъ изъ плодотворнѣйшихъ статистическихъ учрежденій Кавказа. Будучи основанъ въ 1872 году, онъ въ первое время не проявлялъ особой энергіи въ смыслѣ производства какихъ-либо несрочныхъ работъ и только съ 1885 года наступилъ періодъ его кипучей дѣятельности, оживленіе которой теперь растетъ съ каждымъ годомъ. За короткій, сравнительно, періодъ трудами членовъ-секретарей Евг. Максимова, П. Стефановскаго, Г. А. Вертенова и М. А. Караулова комитетомъ изданы цѣлый рядъ цѣнныхъ трудовъ: два тома статистическихъ таблицъ, 20 выпусковъ «Терскаго календаря», «Сборникъ свѣдѣній о Терской области», 7 выпусковъ «Терскаго сборника», нѣсколько картъ, плановъ и другихъ отдѣльныхъ изданій. Предметомъ настоящей рецензіи служить недавно вышедшій въ свѣтъ «Терскій календарь» на 1911 годъ.

Содержаніе его исчерпывается тремя частями: общей, мѣстной и адресъ-календаремъ. Центръ тяжести «календаря»—въ мѣстной части, гдѣ среди массы полезнаго справочнаго матеріала напечатаны статистическій обзоръ Терской области за 1909 годъ. Обзоръ—не шаблонно-канцелярскій, а статистически обработанный опытной рукой.

Въ виду интереса, который проявляется за послѣднее время у читающей публики къ Сѣверному Кавказу, считаемъ не лишнимъ сдѣлать изъ указаннаго обзора нѣсколько выдержекъ, могущихъ охарактеризовать современное экономическое и культурное состояніе населенія Терской области.

Изъ таблицъ «обзора» видно, что все населеніе Терской области состоитъ изъ 1.146 000 душъ обоюго пола (598 тысячъ мужчинъ и 548 тысячъ женщинъ), при чемъ въ области преобладаетъ невоинское сословіе, составляющее 80,2% общаго населенія, въ то время какъ казаковъ насчитывается лишь 19,8%, т. е. менѣ одной пятой части.

Главную массу кореннаго населенія составляютъ кавказскіе горцы, т. е. чеченцы, осетины, кабардинцы, ингуши и кумыки; второе мѣсто послѣ нихъ

занимають русскіе; затѣмъ слѣдуютъ кочевые кара-ногайцы, армяне, нѣмцы и горскіе евреи.

54,5% общаго населенія области—христіане, а 45,5%—послѣдователи нехристіанскихъ исповѣданій. По отношенію къ общему числу христіанъ 7,8% составляютъ старообрядцы и сектанты. Старообрядчество сохраняетъ въ области стойкую живучесть благодаря наличности среди казачества исконныхъ старообрядцевъ, густо заселившихъ станицы Кизлярскаго отдѣла. Сектантство же обязано своимъ происхожденіемъ пришлому элементу—переселенцамъ изъ внутренней Россіи.

Душевой земельный надѣлъ у терскихъ казаковъ представляетъ нынѣ довольно значительныя колебанія и въ большинствѣ станицъ опустился значительно ниже установленной закономъ нормы (30 десятинъ); наименьшій средній надѣлъ—9,6 десятинъ—нынѣ приходится на Сунженскій отдѣлъ (колебанія по отдѣльнымъ станицамъ—отъ 7,6 десятинъ до 14 десятинъ),—наибольшій—24,9 десятинъ—на Кизлярскій отдѣлъ (колебанія—отъ 11,2 десятинъ до 44,5 десятинъ).

Такъ какъ земельные надѣлы являются для большинства станицъ Терской области единственнымъ источникомъ общественныхъ доходовъ, то многія станицы сдаютъ болѣе или менѣе значительныя участки изъ своихъ юртовъ въ аренду и на выручасмыя такимъ путемъ деньги содержать станичныя правленія, училища, церкви, а также снаряжаютъ неимущихъ казаковъ на службу. Если же учесть то обстоятельство, что 12,9% общаго количества станичныхъ земель Терской области относятся къ неудобнымъ землямъ, а 5,7% того же количества—къ лѣснымъ угодьямъ, то получится, что изъ цѣлага душевого пая подъ распашку у казака поступаетъ въ общемъ не болѣе 2—3 десятины. Слѣдовательно, терскій казакъ уже давнымъ-давно пережилъ полосу своего многоземелья.

Не лишены интереса также свѣдѣнія «Обзора» о развитіи грамотности среди населенія Терской области. Оказывается, что изъ общаго состава казачьяго населенія области грамотныхъ насчитывается 35,1%, при чемъ на казаковъ падаетъ 50,1% грамотныхъ и на казачекъ—20%. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло развитія грамотности среди не казачьяго населенія, состоящаго главнымъ образомъ изъ разныхъ горскихъ племенъ. Оно почти поголовно безграмотно. Лишь въ одной Осетіи, гдѣ издавна дѣйствуютъ школы общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, начальное образованіе получило довольно широкую организацію. Замѣтно также стремленіе къ просвѣщенію среди кабардинцевъ, которые въ послѣднее время начали открывать въ своихъ селеніяхъ начальныя училища министерства народнаго просвѣщенія. Остальныя же горскія племена почти не имѣютъ своихъ начальныхъ школъ.

Помимо указанныхъ свѣдѣній, «Обзоръ» приводитъ подробныя даты по вопросамъ народнаго здравія, сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, горнаго промысла и другихъ сторонъ общественной и хозяйственной жизни Терской области.

Кромѣ «Обзора», во 2-й части «календаря» заслуживаютъ вниманія главы: 1) «Важнѣйшія распоряженія правительства по Терской области», 2) «Кавказскія

минеральные воды» и 3) «Войсковой отдѣль», гдѣ, между прочимъ, приведены: списокъ наказныхъ атамановъ терскихъ казаковъ, смѣта доходовъ и расходовъ общаго войскового капитала Терскаго войска, списокъ запасныхъ земельныхъ войсковыхъ участковъ и прочія свѣдѣнія, имѣющія большой мѣстный интересъ.

Вор. Городецкій.

**Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. (Годъ двадцать пятый).
№ 45. Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи Арсенія Ивановича Маркевича.
Симферополь. 1911. Стр. 132.**

Таврическая архивная комиссія одна изъ древнѣйшихъ нашихъ архивныхъ комиссій; въ прошломъ (1911) году она переживала двадцатипятилѣтіе своего существованія и можетъ съ достоинствомъ отпраздновать четвертьвѣковой юбилей своихъ непрерывныхъ и плодотворныхъ работъ по разработкѣ мѣстной археологіи и исторіи. Съ первыхъ же лѣтъ таврической архивной комиссіи посчастливилось имѣть въ средѣ своихъ сочленовъ извѣстныхъ знатоковъ исторіи и археологіи, обогатившихъ своими работами «Извѣстія» комиссіи, въ цѣломъ рядѣ ихъ выпусковъ. Назовемъ здѣсь хотя бы А. Х. Стевена, перваго предсѣдателя комиссіи, Ѳ. Ѳ. Лашкова, профессора Алексѣя Ивановича Маркевича, профессора М. Н. Бережкова, профессора Н. И. Веселовскаго, Арсенія Ивановича Маркевича, О. Ретовскаго и другихъ. На страницахъ «Историческаго Вѣстника» уже нѣсколько лѣтъ даются отзывы о болѣе крупныхъ и цѣнныхъ работахъ вновь появляющихся выпусковъ «Извѣстій», по примѣру чего мы и теперь позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ о только что вышедшемъ въ свѣтъ номерѣ «Извѣстій».

Открывается онъ работою Л. П. Колли—«Историческіе документы о паденіи Кафы». Въ пространномъ предисловіи къ этимъ «документамъ» авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «собранные здѣсь памятники, оригиналы которыхъ хранятся въ архивахъ Милана и Будапешта, и которые издаются здѣсь на русскомъ языкѣ впервые, оставаясь почти забытыми съ 1875 года въ одномъ итальянскомъ изданіи,—касаются важныхъ событій крымской исторіи XV вѣка, именно покоренія въ 1475 г. турками генуэзскихъ поселеній на Черномъ морѣ». «Памятники» эти—донесенія пословъ въ количествѣ семи актовъ.

Послѣ этой работы наибольшій интересъ возбуждаютъ статьи археологовъ М. И. Скубетова, Д. Н. Косцюшко-Валюжинича и Н. И. Веселовскаго. Первый описалъ «Римскій фамильный склепъ II—IV вѣковъ по Рождествѣ Христовѣ», открытый имъ же въ 1907 году, во время раскопокъ херсонесскаго некрополя. Этотъ характерный склепъ, детально описанный, съ планомъ и рисунками, даетъ довольно полное впечатлѣніе о римскомъ строительствѣ и архитектурныхъ его особенностяхъ и является яркой иллюстраціей къ исторіи римскихъ погребеній въ Херсонесѣ Таврическомъ. Д. Н. Косцюшко-Валюжиничъ описываетъ «Древнехристіанскіе склепы съ декоративной фресковой росписью, открытые въ Херсонесѣ», во время раскопокъ херсонесскаго некрополя въ 1905 г., и затѣмъ сообщаетъ «О результатахъ раскопокъ послѣдняго времени въ Хер-

сонесъ», имѣя въ виду «раскапываніе какъ древняго некрополя, такъ равно и городища Херсонеса» въ 1910 г., давшее нѣсколько цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи открытій. «Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ разрядовъ находокъ,— по словамъ автора,—являются эпиграфическіе памятники, проливающие свѣтъ на темныя мѣста исторіи греческихъ республикъ, къ числу которыхъ относится и Херсонесъ». Среди ряда такихъ памятниковъ была открыта и надпись, заключающая въ себѣ договоръ херсонесцевъ съ понтійскимъ царемъ Фарнакомъ около 140 г. до Рождества Христова. «Эта надпись,—по словамъ изслѣдователя,—является шедевромъ находокъ послѣднихъ лѣтъ, и слѣдуетъ пожелать завѣдывающему раскопками въ Херсонесъ г. Леперу полного успѣха въ нахожденіи подобныхъ памятниковъ глубокой старины». Н. И. Веселовскій въ небольшой замѣткѣ, иллюстрированной двумя таблицами рисунковъ, «Статуи воиновъ изъ категоріи «каменныхъ бабъ», сообщаетъ интересныя данныя объ этого рода каменныхъ статуяхъ, до сихъ поръ еще не найденныхъ въ цѣломъ видѣ.

Кромѣ указаннаго, нужно назвать еще слѣдующія работы: 1) Арсенія Ивановича Марксевича—«Памяти Александра Христіановича Стевена» и «Примѣчанія къ стихотвореніямъ археологовъ—Е. Е. Мищенко и барона В. Г. Тизенгаузена»; 2) И. О. Ерошеева—«Историческіе труды Н. В. Гоголя и его замѣтка о Тавріи» и 3) «Письма графа Л. Н. Толстого изъ Крыма 1854—1855 годовъ» (два письма къ его брату, графу С. Н. Толстому, одно къ Т. А. Ергольской и одно къ Н. А. Некрасову; заимствованы изъ извѣстнаго собранія П. А. Сергѣенка).
В. Р.—въ.

М. М. Хомяковъ. О краниологическомъ типѣ чепецкихъ вотяковъ въ связи съ общимъ развитіемъ ветской народности. Казань. 1910. Стр. 294.

Авторъ болѣе антропологъ, чѣмъ этнографъ; пишетъ сочиненіе антропологическое. Примѣнительно къ этой задачѣ слѣдовало дать критическій обзоръ литературы, а затѣмъ прямо перейти къ «изслѣдованію», которое самъ же авторъ называетъ «антропологическимъ», и закончить тѣми выводами, которые у него даны на страницахъ 291—294 (п. I, V, VIII).

Что же мы видимъ на дѣлѣ? Предисловіе (5—10 стр.), обзоръ литературныхъ данныхъ, въ строгомъ смыслѣ перечневый, вмѣсто историко-критическаго, (11—98), этнографическія свѣдѣнія, собранныя самимъ авторомъ (99—115), методы краниометріи (116—130), таблицы съ выводами (131—222).

По нашему мнѣнію, для предисловія и историко-критическаго обозрѣнія вполне достаточно было 30 стр., для изложенія («антропологическаго изслѣдованія») слѣдовало удѣлить не 91 стр., а по крайней мѣрѣ въ 5 разъ больше, на выводы и заключеніе вполне достаточно 4 страницъ.

Можетъ быть, у автора изслѣдованія несоизмѣримость частей вызывается необходимостью отвести наиболѣе мѣста для основной части—«антропологическаго изслѣдованія»?

Не думаемъ такъ, и вотъ почему. Какъ, напримѣръ, вяжется съ основной частью цитата изъ сочиненія Смирнова «Вотяки» (К. 1890) о древнихъ мѣсто-

жительствахъ вотяковъ, общественной и религіозной жизни вотяковъ (стр. 18—27)?

Какъ относятся къ антропологии выдержки изъ «Исторіи» Геродота (IV кн., описаніе Скиѳіи), (29—30 стр.). На стр. 30—42 помѣщены выдержки изъ статьи Богаевского «Очерки религіозныхъ представленій вотяковъ» (1890 г. «Этнографическое обозрѣніе», IV и слѣд.), не имѣющія, думается, прямого отношенія къ задачѣ автора.

Тамъ, гдѣ автору, соотвѣтственно его задачѣ, слѣдовало заниматься выводами, нашъ антропологъ вдругъ заговорилъ о миссіонерахъ (263—269) и, конечно, больше всѣхъ досталось преосв. Филарету Вятскому за то, что онъ предписываетъ пастырямъ и миссіонерамъ вотскихъ приходоѡ служить на вотскомъ языкѣ. Преосв. Филаретъ обвиняется едва ли не въ измѣнѣ государственнымъ задачамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это можно предписывать служить на вотскомъ языкѣ тамъ, гдѣ вотяки «позабыли вотскій языкъ»!.. Справились мы о приходоахъ, по отношенію къ которымъ были предписанія, и оказалось, что распоряженія были вполне цѣлесообразны. Свѣдѣнія же автора, какъ оказалось, почерпнуты изъ устъ тѣхъ багюшекъ, которые недовольны преосвященнымъ за его энергичное отношеніе къ дѣлу миссіи и настойчивое стремленіе во что бы то ни стало вызвать въ епархіи единодушную работу по христіанскому просвѣщенію инородцевъ-язычниковъ, язычествующихъ и мусульманствующихъ съ мусульманами.

Много въ трудѣ автора и другихъ промаховъ, на которые указали своевременно казанскіе официальные и частные оппоненты.

Во всякомъ случаѣ, какъ научный трудъ, «антропологическое изслѣдованіе» г. Хомякова стоитъ невысоко.

Необходимо въ трудѣ многое измѣнить и частью дополнить.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ упомянутая работа заслуживаетъ вниманія читателя слѣдующими своими достоинствами: 1) она можетъ служить цѣннымъ справочникомъ по литературѣ о вотякахъ, 2) она можетъ указать тѣ задачи, которыя по отношенію къ инородцамъ ставила антропология, и тѣ пути, по которымъ она шла.

Н. Юркинъ.

Любимовъ. Предводители дворянства всѣхъ намѣстничествъ, губерній и областей Россійской имперіи. 1777—1910 г.г. Спб. 1911. Стр. 80+XIV. Цѣна 1 рубль.

Книжка г. Любимова должна имѣть большое практическое значеніе для дворянскихъ депутатскихъ собраній, разныхъ правительственныхъ учрежденій, генеалогоѡ и многихъ біографоѡ, тѣмъ болѣе, что подобныхъ общихъ списковъ у насъ, можно сказать, и не издавалось, и что подобные списки требуютъ кропотливаго и серьезнаго труда. Отдавая въ этомъ случаѣ должное работѣ г. Любимова, но въ то же время считая главнымъ достоинствомъ таковыхъ работъ—точность сообщаемыхъ въ нихъ данныхъ, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній автору по поводу его отступленій отъ этой точности, происшедшихъ

вѣроятно, или отъ нѣкоторой поспѣшности, или вслѣдствіе неточности самихъ источниковъ, которыми онъ пользовался.

Въ Московской губерніи въ числѣ предводителей указанъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Петровичъ Петрово-Соловово; на самомъ дѣлѣ былъ Александръ Григорьевичъ. Тамъ же подъ номеромъ пятымъ приведенъ генераль-лейтенантъ Василій Дмитріевичъ Арсеньевъ; между тѣмъ и подъ этимъ пятымъ номеромъ слѣдовало бы привести генераль-майора Николая Васильевича Обрѣзкова, бывшаго предводителемъ съ 1808 до 1810 года, котораго г. Любимовъ совершенно пропустилъ, и промежуточные годы (1808—1810) раздѣлилъ между его предшественникомъ и преемникомъ. (См. книгу «Московское дворянство. Списки служившихъ по выборамъ. М. 1910»).

По Новгородской губерніи г. Любимовымъ пропущенъ Апол. Александр. Веригинъ, бывший предводителемъ въ 1785—1786 годахъ, отчего его преемнику П. П. Аничкову авторомъ прибавленъ лишний годъ. Пропущенъ затѣмъ Вас. Ал. Бутеневъ, предводитель въ 1798—1801 годовъ, съ отнесеніемъ этихъ лѣтъ на предшественника и преемника его, Григорій Михайловичъ Кокковцовъ, предводитель въ 1866—1881 годахъ, невѣрно наименованъ тайнымъ совѣтникомъ, такъ какъ онъ дослужился лишь до чина коллежскаго ассесора. (См. «Родословную книгу дворянъ Новгородской губерніи. Новгородъ. 1910»).

По Тульской губерніи—одно и то же лицо показано подъ номеромъ первымъ и номеромъ четвертымъ съ разными отчествами, а именно: «№ 1—генераль-поручикъ Иванъ Кирилловичъ Давыдовъ. 1777—1780», и № 4—«генераль-поручикъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ 1786—1788». Въ послѣднемъ случаѣ вѣрно отчество, но невѣрны годы: надо 1787—1789. (См. «Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. I. Составилъ В. И. Чернопятковъ. Москва. 1908»).

Разногласій въ годахъ и показаніяхъ чиновъ довольно немало встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ. Избѣгать ихъ совершенно нельзя, но не допускать ихъ обилія, въ виду существующихъ печатныхъ пособій, составленныхъ по первоисточникамъ, слѣдуетъ. Равно слѣдуетъ г. Любимову, при второмъ изданіи своей книжки, совершенно перемѣнить систему изложенія или, вѣрнѣе, разстановки словъ.

Въ подобнаго рода справочникахъ всякій ищетъ прежде всего фамилію лица, потомъ имя и отчество, затѣмъ уже его чинъ или званіе; при этомъ фамилія обыкновенно печатается жирнымъ или болѣе крупнымъ шрифтомъ. Г. Любимовъ выдвинулъ на первый планъ слова: «дѣйствительный статскій совѣтникъ», «надворный совѣтникъ» и т. п., послѣ которыхъ сообщаетъ имя, отчество, и въ самомъ концѣ фамилію, которая сплошь и рядомъ напечатана съ переносомъ, что, безъ сомнѣнія, затрудняетъ справки. Печатавъ въ самомъ концѣ чины и званія, авторъ смѣло могъ бы допустить и сокращенія ихъ, что сократило бы число страницъ книжки и уменьшило бы ея стоимость (1 рубль), кающуюся намъ значительной.

В. Р.—въ.

«Школа и жизнь»— ежедневная общественно-педагогическая газета съ еженѣсячными приложеніями. Спб. Цѣна 6 р. въ годъ.

Группа общественныхъ дѣятелей, во главѣ съ Г. А. Фальборкомъ, съ конца 1910 г. предприняла это интересное изданіе, задачей котораго является разработка вопросовъ школы и образованія. «Къ этой работѣ, заявляетъ редакція, зоветь насъ великое имя Н. И. Пирогова, который въ одной изъ главныхъ своихъ статей сказалъ, что школа и жизнь составляютъ одно неразрывное цѣлое, въ ней должны объединиться общественныя силы страны».

Въ рядѣ помѣщенныхъ въ газетѣ статей редакція опредѣленно высказала свой взглядъ на дѣло народнаго образованія; взглядъ этотъ, проходящій, такъ сказать, лейтъ-мотивомъ во многихъ статьяхъ, можетъ быть сформулированъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: только съ широко и правильно организованнымъ народнымъ образованіемъ возможно развитіе Россіи и поднятіе ея экономическихъ силъ и ея политической мощи... Весьма цѣнны вышедшія въ изданіи «Школа и жизнь» книги, которыя мы считаемъ необходимымъ отмѣтить.

«Сборникъ, посвященный памяти Н. И. Пирогова» (105 стр.). Сборникъ этотъ открывается горя о написанной Г. А. Фальборкомъ статьей «Н. И. Пироговъ и общественно-педагогическая мысль». Въ ней г. Фальборкъ яркими штрихами рисуетъ дѣятельность Пирогова въ ту эпоху, когда народное образованіе было орудіемъ въ рукахъ политики, когда въ средней школѣ на первый планъ выдвигались древніе языки, чтобы «отвлечь учащихся отъ дерзновенныхъ мечтаній». Однако и при этихъ тяжелыхъ условіяхъ Пирогову удалось создать стройную, философско-педагогическую систему, обратившую на себя вниманіе и въ Западной Европѣ. Интересна также статья А. Θ. Кони «Пироговъ и школа жизни», всесторонне обрисовывающая свѣтлую личность знаменитаго хирурга-педагога. Очерки А. В. Васильева «Пироговъ и университетскій вопросъ» и В. А. Вагнера «Школьные идеалы Пирогова и современная дѣйствительность» какъ бы дополняютъ статью г. Фальборка, касаясь въ подробностяхъ реформаторскихъ идей Пирогова въ области народнаго образованія. Нельзя не упомянуть о трудѣ А. Г. Фомина «Матеріалы для изученія Пирогова», заключающемъ въ себѣ подробный библиографическій указатель сочиненій, лекцій, докладовъ и сообщеній Пирогова, а также и литературы о немъ.

«Г. Киршенштейнеръ. Основные вопросы школьной организаціи». 139 стр. Изданіе этой книги, принадлежащей перу извѣстнаго мюнхенскаго педагога, нельзя не привѣтствовать тѣмъ болѣе, что Россія—наканунѣ введенія всеобщаго народнаго образованія. Предстоитъ огромная новая культурная работа; поэтому къ столь авторитетному голосу въ области народнаго образованія, какимъ является голосъ Киршенштейнера, должны чутко прислушаться тѣ общественныя силы, на долю которыхъ выпадаетъ трудная организаціонная работа.

Теоріи Киршенштейнера таковы: школа должна вырабатывать идеальнаго человѣка, а путь къ идеальному человѣку идетъ только черезъ человѣка полезнаго. Полезный же человѣкъ тотъ, кто знаетъ задачу свою и своего народа и имѣетъ силу и волю, чтобы ее выполнить.

Для правильной постановки въ странѣ народнаго образованія Киршенштейнеръ устанавливаетъ слѣдующія условія: начальная народная школа должна имѣть своимъ предметомъ элементы образованія, необходимые всѣмъ профессіямъ; она должна быть одна и та же для всѣхъ дѣтей, безъ различія сословій и состояній; государство должно обеспечить бесплатное обученіе и учебныя пособия для несостоятельныхъ и при томъ въ народной школѣ для всѣхъ, а въ средней—для наиболѣе одаренныхъ. Кромѣ того, тѣ школы, которыя должны дать минимумъ государственнаго гражданскаго воспитанія, должны быть обязательными для всѣхъ. Въ этихъ школахъ должно преподаваться и ремесло. Далѣе, онъ указываетъ, что необходимо имперскій законъ, согласно которому каждый мальчикъ и каждая дѣвочка до исполнившихся 18 лѣтъ должны обучаться какому-либо ремеслу, если только они не посвящаютъ себя научнымъ занятіямъ болѣе высокаго рода. Заслуживаетъ вниманія взглядъ Киршенштейнера на преподаваніе въ школахъ религіи, обоснованный на слѣдующихъ основаніяхъ. Для натуръ болѣе бѣдныхъ духовно и нравственно необходимо авторитетъ, и не какой-нибудь человѣческій, но тотъ, который лежитъ въ основѣ нашего духовнаго развитія, существованіе котораго мы не въ состояніи ни доказать, ни отрицать,—словомъ тотъ, который даетъ силу слабавольнымъ и выпрямляетъ согбленныхъ подъ бременемъ земныхъ страданій. Съ этой точки зрѣнія религія не есть частное дѣло, а дѣло общественное, и обученіе религіи является необходимымъ средствомъ воспитанія, но это должно происходить при условіи сохраненія свободы совѣсти.

Киршенштейнеръ—принципальный противникъ того, чтобы головы дѣтей забивать массою учебныхъ предметовъ. Работа народныхъ школъ, направленная на многостороннее образованіе, или, вѣрнѣе, на возможно большее богатство знаніями, является, по его мнѣнію, данаидовой работой. Вообще система книжнаго преподаванія встрѣчаетъ самое строгое осужденіе. На основаніи данныхъ своего богатаго опыта, онъ заявляетъ, что «умѣнью и самостоятельной работѣ нельзя научить путемъ словеснаго преподаванія. Возможно раннее практическое обученіе есть единственный путь. Это наилучшій способъ заставить учениковъ заинтересоваться изучаемымъ предметомъ, это почва, по которой ученики будутъ двигаться путемъ нагляднаго мышленія». Киршенштейнеръ противъ того, чтобы рано обращаться къ абстрактному логическому мышленію, раньше еще, чѣмъ потребность въ немъ развилась въ душѣ учениковъ. Оттого ученики безучастно относятся къ книжному ученію, а при практическихъ занятіяхъ въ лабораторіяхъ, мастерскихъ удивительнымъ образомъ развертываютъ свою душу и развиваютъ такую силу, какихъ и не подозреваютъ за ними учителя. Здѣсь просыпаются и тѣ, кто за школьной скамьей считался лѣнливымъ, тупымъ. «Зубрежка», какъ доказываетъ Киршенштейнеръ, душитъ творческія дарованія въ самомъ зародышѣ. Въ доказательство того, сколько дѣтямъ приходится зубрить, онъ приводитъ характерное заявленіе американскаго педагога, изучавшаго школьное дѣло въ Германіи: «кажется, что нѣмецкія дѣти учатъ такъ много затѣмъ, чтобы имъ приходилось поменьше думать». Въ общемъ, теорія Киршенштейнера идентична теоріи англійскаго ученаго William S. Mangoe, въ сочиненіи котораго «*Sketch of a plan and method of education*» имѣется

классическая фраза, что «книги должны быть самым последним источником, из которого мы должны стараться черпать наши знания». С своей стороны, Киршенштейнеръ высказывается, что «не книга является посетелем культуры, но работа, преданная, жертвующая себя на службу людям или какой-либо великой истинѣ» (81 стр). Онъ рекомендуетъ снабдить школы лабораторіями и мастерскими, швейными машинами, ткацкими станками, школьными кухнями (для дѣвочекъ) и школьными садами. Въ зависимости отъ этого и самимъ учителямъ надо дать совершенно другую подготовку, чѣмъ дается теперь, когда учебныя заведенія, подготовляющія учителей, представляютъ не что иное, какъ «учрежденія для откармливанія книжными знаниями». (86 стр.). По адресу же учителей К. заявляетъ, что не техника преподаванія есть самое важное, но пониманіе развитія молодой души.

Проф. Людвигъ Гурлиттъ. «О воспитаніи». 173 страницъ.

Надо быть тонкимъ психологомъ дѣтской души, надо, кромѣ того, беззаветно любить дѣтскую душу, чтобы написать такую книгу, какую написалъ проф. Гурлиттъ въ защиту дѣтей отъ существующей нынѣ въ огромномъ большинствѣ учебныхъ заведеній системы воспитанія, калѣчащей душу и давящей ее тисками ненужныхъ условностей, чуждыхъ всякаго воспитательнаго значенія. Проф. Гурлиттъ, бывшій долгое время преподавателемъ, хорошо знакомъ со всѣми отрицательными сторонами царящей воспитательной системы, и поэтому его обвиненія по адресу педагоговъ заставляютъ призадуматься надъ несоотвѣтствіемъ воспитательнаго механизма предъявляемымъ къ нему требованіямъ. Въмѣсто того, чтобы стремиться выработать цѣльную личность съ сильной волей, воспитатели достигаютъ какъ разъ обратнаго. Между воспитателями и учениками вырастаетъ глухая стѣна непониманія и отчужденности. Съ раннихъ лѣтъ, едва лишь умѣя различать окружающее, дѣти начинаютъ чувствовать вражду къ воспитателямъ, и въ этой атмосферѣ вражды проходятъ всѣ школьные годы, потому что педагоги вмѣсто проявленія чуткости, сердечнаго участія, вмѣсто обращенія къ дѣтямъ съ убѣдительнымъ авторитетнымъ словомъ, показываютъ, по образному выраженію Гурлитта, «угрожающій кулакъ». Современное воспитаніе стремится къ одной цѣли: «заставить молчать, когда сердце хочетъ громко кричать, говорить «да», когда умѣстно было бы говорить «нѣтъ». (69 стр.). Сильное впечатлѣніе производитъ восьмая глава подъ названіемъ: «Конфликты», гдѣ Гурлиттъ касается обидъ и несправедливостей, выпадающихъ на долю дѣтей отъ педагоговъ и родителей, которыхъ чужда психологія дѣтской души. Не менѣе интересна глава 12-ая—«Дѣтскіе недостатки». Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, подробнѣе изложить содержаніе этой замѣчательной книги, мы считаемъ своимъ долгомъ горячо рекомендовать ее всѣмъ тѣмъ, кому приходится имѣть дѣло съ дѣтьми—родителямъ и педагогамъ. Эта книга по справедливости должна занять первое мѣсто въ современной литературѣ по вопросу о воспитаніи.

Изъ остальныхъ брошюръ слѣдуетъ отмѣтить «Вопросы воспитанія» и Е. Чарнолусскій—«Общественныя библіотеки въ Америкѣ».

Вит. Ткачукъ.

Поѣздка въ Сибирь и Поволжье. Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. Спб. 1911. Стр. 169. Ц. не обозначена.

Покойный нынѣ премьеръ-министръ и министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ совершили чрезвычайно интересную и полезную въ государственныхъ интересахъ поѣздку въ Сибирь и Степной край, результатомъ каковой и явилась сумма извѣстныхъ наблюдений и выводовъ изъ нихъ, нашедшихъ свое изложеніе на страницахъ настоящей небольшой книги. Объѣхавъ обширную окраинную территорию имперіи, привлекающую нынѣ къ себѣ вниманіе всего русскаго общества, наши государственные дѣятели получили возможность лицомъ къ лицу стать съ запросами здѣсь русской жизни, познать мѣстныя нужды въ ихъ широкой государственной постановкѣ вопросовъ и намѣтить опредѣленные мѣропріятія, неотложно требующія своего разрѣшенія въ административномъ и законодательномъ порядкѣ.

Главными предметами ихъ изученія служили: 1) движеніе переселенцевъ изъ центра Россіи къ периферіи, 2) вопросы о сибирскихъ земляхъ и переселенческихъ участкахъ, 3) о водвореніи переселенцевъ и о крестьянской собственности, 4) хозяйство новоселовъ, 5) о сибирскомъ хлѣбѣ и сибирскомъ скотоводствѣ. Кругъ наблюдений въ такомъ порядкѣ далъ имъ возможность сдѣлать довольно важные выводы относительно современныхъ нуждъ Сибири по преимуществу въ интересахъ ея колонизаціи. На обратномъ пути министры ознакомились и съ потребностями нашего Поволжья, гдѣ опять-таки аграрный вопросъ стоялъ на первомъ планѣ ихъ изученія, результатомъ чего явился рядъ итоговъ, намѣчаемыхъ къ проведенію въ жизнь.

Изъ изученныхъ нуждъ Сибири авторы записки ставятъ на первый планъ слѣдующія: 1) «необходимо,—говорятъ они,—отводить надѣлы старожиламъ и переселенцамъ Сибири не въ пользованіе, какъ теперь, а въ собственность; 2) необходимо достигнуть постепеннаго объединенія правительственной земельной политики до Урала и за Ураломъ; 3) въ лучшихъ сибирскихъ районахъ своевременно перейти къ продажѣ земель переселенцамъ; 4) желательно возстановить свободу ходачества; 5) денежные ссуды переселенцамъ на домоводство слѣдуетъ сообразовать не съ большей или меньшей бѣдностью отдѣльныхъ переселенцевъ, которая не поддается учету, а съ большей или меньшей трудностью заселенія даннаго района; 6) необходимо создать и развить агрономическую помощь переселенцамъ; 7) рядомъ съ мелкими крестьянскими владѣніями надлежитъ обезпечить образованіе за Ураломъ также частной земельной собственности; 8) слѣдуетъ продолжать непрерывное заселеніе киргизской степи русскими переселенцами; 9) нужно озаботиться обезпеченіемъ сбыта сибирскому хлѣбу и другимъ продуктамъ сибирскаго хозяйства; 10) необходимо вообще расширить и углубить постановку переселенческаго дѣла.

Такова широкая постановка разрѣшенія главнѣйшихъ сибирскихъ требованій жизни, которыя въ запискѣ находятъ свое истолкованіе и реальное обоснованіе. Какъ видятъ читатели, масштаб пожеланій взять широко, но поскольку возможно будетъ эти пожеланія реализовать реальными начинаніями, покажетъ время, и мы боимся, чтобы эти пожеланія не споткнулись, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ о политику другихъ вѣдомствъ, напримѣръ,

вѣдомства нашихъ финансовъ. Такъ, гг. Столыпинъ и Кривошеинъ категорически утверждаютъ, что въ интересахъ сбыта сибирскаго хлѣба и другихъ продуктовъ мѣстнаго хозяйства необходимо провести южно-сибирскую желѣзнодорожную магистраль Уральскъ-Семипалатинскъ, съ выходомъ на Ачицкскъ или Ново-Николаевскъ. Потребность въ этой линіи назрѣла уже давно и не такъ ужъ далеко отошло отъ насъ время, когда въ настоятельной необходимости этой магистрали не встрѣчалось никакого сомнѣнія. Безъ осуществленія ея переселенческому дѣлу, на которое нынѣ тратятся громадныя средства изъ государственнаго казначейства, грозитъ страшная опасность, могущая со временемъ обернуться на европейскую Россію немалыми бѣдами. Но въ министерствѣ финансовъ по сему предмету явно сложилось предубѣжденіе, и осуществленію магистрали въ такомъ ея направленіи ставятся всевозможныя препоны. Когда американцы приступаютъ къ колонизации опредѣленныхъ районовъ, вопросы желѣзнодорожнаго сообщенія разрѣшаются съ необычайной энергіей, затратой силъ и матеріальныхъ средствъ. Эта затрата всегда оправдываетъ себя съ лихвою, и Америка даетъ въ этомъ отношеніи блестящій образецъ мудрой государственной политики. Наше министерство финансовъ въ своей желѣзнодорожной политикѣ ищетъ своеобразныхъ путей,—наперекоръ американскому опыту, топчется на мѣстѣ и полагаетъ, что жизнь страны и благосостояніе людей должно быть принесено въ жертву бухгалтеріи и политикѣ недалководидной осторожности, благодаря чему Россія обречена на бездорожье и вмѣстѣ съ тѣмъ на промышленный регрессъ и застой. Время—деньги говорятъ всѣ народы, а министерство финансовъ полагаетъ, что время само собою, а деньги сами собою и что время не волкъ—въ лѣсъ не убѣжитъ.

Посѣтивъ Поволжье, министры по вопросу о землеустройствѣ, которое было главною цѣлью ихъ изученія и здѣсь, и на мѣстѣ, поставили слѣдующія пожеланія: 1) необходимо,—говорятъ они,—видоизмѣнить школьную организацію, увеличивъ число школъ и устраивая при школахъ дѣтскія общезжитія; 2) воспользоваться хуторскимъ расселеніемъ для широкаго развитія огнестойкаго строительства; 3) постепенно сосредоточить въ рукахъ казны лѣсныя площади изъ состава имѣній, предлагаемыхъ частными владѣльцами для покупки крестьянскому банку; 4) обратить аренду казенныхъ земель въ орудіе единоличнаго землеустройства и сельско-хозяйственной культуры; 5) сберегать бывшія помѣщичьи усадьбы и продавать ихъ общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, по возможности оставляя въ этомъ послѣднемъ случаѣ при усадьбахъ цензовые участки; 6) упорядочить и ограничить ростъ мірскихъ сборовъ.

Въ заключительныхъ словахъ «Записки» мы читаемъ: «Завершеніемъ производящей нынѣ работы по преобразованію крестьянскаго земельного быта должна явиться организація агрономической помощи населенію и доступнаго сельско-хозяйственнаго кредита. Въ этихъ двухъ мѣропріятіяхъ—очередныя и общія задачи правительства и мѣстныхъ силъ, работающихъ надъ укрѣпленіемъ и оживленіемъ экономической жизни сельской Россіи».

Б. Г.

Д. К. Лаврентьевъ. Хрестоматія по законовѣдѣнію. Книга для учащихся и самообразования, примѣнительно къ «Законовѣдѣнію» того же автора. Спб. 1912. Стр. X+504. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Въ ряду изданій юридическаго характера настоящая книга безусловно займетъ почетное мѣсто, восполняя собою тотъ пробѣлъ, который ощущался въ русской спеціальной литературѣ, благодаря отсутствію книги, подобной настоящей.

Въ этой хрестоматіи собранъ богатый матеріалъ для нагляднаго ознакомленія съ главнѣйшими положеніями по законовѣдѣнію, охватывающій собой государственное, гражданское и уголовное право. По государственному праву Россійской имперіи приведены текстъ основныхъ законовъ и важнѣйшіе историческіе государственные акты: объ учрежденіи императорской фамиліи, о престолонаслѣдіи; кромѣ того—учредительные акты или дѣйствующіе законы, относящіеся къ возникновенію и дѣятельности законодательныхъ учреждений, правительствующихъ сената и синода, учрежденію министерствъ и проч., причемъ не упущены позднѣйшіе акты объ учрежденіи государственной думы и государственнаго совѣта.

По государственному праву иностранныхъ державъ приведенъ текстъ органическихъ законовъ (Австро-Венгрія, Англія, Бельгія, Германская имперія, Пруссія, Італія, Швейцарія, Франція, Соединенные Штаты и др. важнѣйшія государства), признаваемыхъ наукой наиболѣе важными; тексту законовъ предшествуютъ краткіе, но довольно содержательные очерки Д. К. Лаврентьева, касающіеся сущности современнаго устройства даннаго государства.

Впервые въ этой книгѣ появляются собранными вмѣстѣ тексты источниковъ русскаго права: Русской Правды, Уложенія царя Алексѣя Михайловича, Литовскаго статута, государственныхъ грамотъ, по которымъ можно установить историческое происхожденіе наиболѣе главныхъ постановленій въ области русскаго гражданскаго и уголовнаго права. До сего времени ознакомленіе съ этими источниками представляло извѣстную трудность, такъ какъ они разбросаны по разнымъ спеціальнымъ изданіямъ и отдѣльнымъ сборникамъ, которые не во всѣхъ бібліотекахъ имѣются. Такъ, напримѣръ, Литовскій статутъ перепечатанъ г. Лаврентьевымъ изъ официальнаго сборника, изданнаго въ 1811 г., въ виду дѣйствія статута въ то время, для руководства властей и населенія. Такимъ образомъ, благодаря автору хрестоматіи, всѣ эти источники являются теперь общедоступными.

Весьма полезнымъ матеріаломъ служатъ помѣщенные въ хрестоматіи для упражненій рядъ задачъ и вопросовъ по русскому гражданскому праву, приспособленныхъ къ обыденной жизни и касающихся дѣеспособности, видовъ вещей, права собственности, обязательствъ и наслѣдованія. Для ознакомленія съ судопроизводствомъ Д. К. Лаврентьевымъ приведены случаи возникновенія и дальнѣйшаго теченія вплоть до окончанія въ судебныхъ учрежденияхъ примѣрныхъ дѣлъ въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства какъ охранительнаго (утвержденіе въ правахъ наслѣдства по закону и по завѣщанію, усыновленіе, признаніе права собственности по давности владѣнія), такъ и искового; точно также приведены примѣры и изъ уголовнаго судопроизводства,

причемъ во всѣхъ случаяхъ сохранена форма процессуальныхъ бумагъ, рѣшеній суда, протоколовъ и т. п. по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ.

Дополняютъ хрестоматію впервые появляющіеся въ литературѣ образцы актовъ метрическихъ, крѣпостныхъ и нотаріальныхъ, приводимые г. Лаврентьевымъ, по его объясненію, для нагляднаго ознакомленія съ формой и содержаніемъ этихъ документовъ, способствующаго пониманію соответствующихъ теоретическихъ правилъ и свѣдѣній. Сверхъ того, такъ какъ наше судоустройство не однообразно во всѣхъ частяхъ имперіи, то для ясности г. Лаврентьевымъ составленъ списокъ всѣхъ общихъ судебныхъ установленій, а также мѣстностей, гдѣ имѣются мировые судьи и гдѣ введено положеніе 1889 г. (институтъ земскихъ начальниковъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что эта въ высшей степени полезная и единственная въ этомъ родѣ книга Д. К. Лаврентьева найдетъ широкое распространеніе, котораго она вполне заслуживаетъ.

Цѣна книги, прекрасно изданной и снабженной 14 портретами и 16 рисунками и планами, не дорогая.

Вит. Ткачукъ.

Проф. Шарль Диль. Византійскіе портреты. Часть вторая. Перевелъ Е. Киричинскій. Харьковъ 1911. Стр. 267. Цѣна 75 коп.

Вторая часть «Византійскихъ портретовъ» столь же интересна, какъ и первая, о которой своевременно въ «Историческомъ Вѣстникѣ» былъ данъ отзывъ. Начавшіеся въ концѣ XI вѣка крестовые походы рѣзко раздѣляютъ византійскую исторію на два періода. До походовъ Византія медленно, но неуклонно и притомъ при минимумѣ внѣшнихъ вліяній накопляетъ свою самобытную культуру. Въ періодъ походовъ, когда западное воинство массами двинулось черезъ Византію въ Палестину, условія культурной изолированности проходятъ безъ возврата, и для византійской цивилизаціи начинается рядъ суровыхъ испытаній. Похоже на то, какъ будто въ колоссальномъ историческомъ экспериментѣ были поставлены на разрѣшеніе спорные вопросы о жизнеспособности и культурной самобытности Византіи. Въ такой ли степени жизненна, глубока и самобытна ея цивилизація, чтобы выдержать, не ломая всего своего національнаго стиля, мощное вліяніе нахлынувшаго Запада? Но, кромѣ такого экзамена на самобытность, Византіи предстояло еще экзаменоваться на универсальность. Какая часть ея культурнаго багажа окажется столь не хрупкой, что сможетъ выдержать путешествіе на Западъ и акклиматизироваться въ чуждыхъ условіяхъ? На всѣ эти вопросы отвѣчаетъ Диль во второй части «Византійскихъ портретовъ». Подобно тому, какъ робѣетъ какой-нибудь неотесанный мужикъ, впервые попавъ въ роскошные барскіе покои, такъ и западный міръ неволью растерялся, очутившись въ самой гущѣ византійской цивилизаціи. Диль мѣтко отмѣчаетъ психологію грубыхъ гостей Византіи. Они испытываютъ «какое-то инстинктивное чувство недовѣрія къ развращающему и соблазнительному чувству красоты» (стр. 129). Западъ удивленно смотритъ на изящный и утонченный Востокъ, брюзжитъ, сердится, пытается сохранить свой суровый стиль, но многое перенимаетъ у Византіи. И могучими

агентами распространения византийской культуры оказываются женщины. Роль Софии Палеологъ въ Россіи имѣть много прецедентовъ въ западно-европейской исторіи. Какъ типично, на примѣръ, ворчанье венеціанцевъ на жену ихъ дожа, византийскую принцессу, которая умывается только росой, душится, никогда не снимаетъ перчатокъ. «Особенно же всѣхъ поражало то, что вмѣсто того, чтобы кушать, какъ всѣ, пальцами, она доводила утонченность до того, что велѣла своимъ евнухамъ нарѣзать себѣ кушанья и затѣмъ ѣла ихъ золотой вилокъ» (стр. 129). А византийцевъ не менѣе шокируютъ варвары, «которые лучше умѣли плевать, чѣмъ говорить, и которые, будучи лишены всякаго воспитанія, такъ же грубо произносили по-гречески, какъ эхо камней и утесовъ повторять пѣсни пастуховъ, исполняемыя на флейтѣ». (стр. 138). Извѣстно, какъ въ концѣ концовъ плачевно окончилось столкновение двухъ цивилизацій, столь различныхъ степеней и типовъ. Въ грубыхъ варварскихъ рукахъ погибъ чудный экзотическій цвѣтокъ византийской цивилизаціи, успѣвъ, впрочемъ, передъ гибелью широко распространить свои сѣмена. И только этимъ Византія оказалась счастливѣе древнихъ перуанскихъ государствъ, цивилизація которыхъ тоже погибла въ грубыхъ рукахъ авантюристовъ, но погибла почти безслѣдно. «Въ продолженіе трехъ съ лишкомъ вѣковъ,—резюмируетъ Диль отношеніе Востока и Запада,—было сдѣлано много попытокъ для того, чтобы могли узнать и понять другъ друга эти двѣ противоположныя и соперничающія цивилизаціи. Но послѣдствія показали, что это невозможно» (стр. 222). «Несмотря на всѣ усилія императоровъ, на настойчивыя требованія политики, два враждебныхъ міра никогда не сблизились и не поняли другъ друга» (стр. 267).

Переведенъ трудъ Дили хорошо и читается съ большимъ интересомъ: независимо отъ большого научнаго значенія, одной внѣшней занимательности сколько! (см., на примѣръ, гл. IV «Романическія похождения Андроника Комнена»). Издана книжка дешево, но ужъ очень убого: даже оглавленія нѣтъ.

Пант.

А. А. Исаевъ. Чѣмъ объяснить вздорожаніе жизни? Какъ бороться съ нимъ? Спб. 1912. Стр. 50. Цѣна 30 коп.

Маленькая брошюра профессора Исаева посвящена животрепещущему вопросу о причинахъ повсемѣстнаго вздорожанія жизни съ указаніемъ мѣръ къ его ослабленію. Дороговизна жизни, разумѣется, отражается на повышеніи цѣнъ. Исаевъ обуславливаетъ это повышеніе какъ большимъ приростомъ монеты, такъ и чрезвычайнымъ развитіемъ кредитныхъ сдѣлокъ и банковъ, со все болѣе учащающимся пользованіемъ кредитными знаками, чеками и векселями. Обращеніе денегъ и ихъ замѣстителей совершается быстрѣе, чѣмъ производство товаровъ: каждой сотнѣ рублей, какъ средству платежа, говоритъ изслѣдователь, противостоятъ меньше товаровъ, нежели раньше. Это и должно было привести къ повышенію цѣнъ въ міровомъ хозяйствѣ.

Тому же явленію содѣйствуетъ возрастаніе городского населенія на счетъ сельскаго; возрастаніе государственныхъ бюджетовъ и земскихъ, и городскихъ сборовъ. Всѣ подати возвышаютъ цѣну товаровъ.

По мнѣнію профессора Исаева, податная система государства тѣмъ въ большей степени содѣйствуетъ вздорожанію жизни, чѣмъ больше преобладаютъ въ ней косвенные палогы, которые могутъ быть легко перелажаемы плательщиками на потребителей посредствомъ немедленнаго повышенія цѣны товаровъ. Въ Россіи косвенные палогы занимаютъ болѣе видное мѣсто, нежели на Западѣ. Для 1908—1909 годовъ мы имѣемъ такія цифры: прямые палогы составляли въ Россіи до двѣсти милліоновъ рублей, а косвенные—около 1300, во Франціи—475 и 2000 милліоновъ франковъ, въ Англіи—36 и 93 милліона фунтовъ стерлинговъ. Словомъ, изъ общей суммы податей на косвенные палогы приходилось 72% въ Англіи, 81% во Франціи, 86,7% въ Россіи, а потому наша финансовая политика болѣе способствуетъ повышенію цѣнъ, нежели у другихъ культурныхъ народовъ.

Синдикаты и тресты, какъ предпріятія очень большихъ размѣровъ, являясь хозяевами внутренняго и внѣшняго рынковъ, создаютъ монополю цѣнъ и удорожаютъ жизнь. Нельзя умолчать также о новыхъ потребностяхъ въ населеніи съ привычками къ излишнему комфорту и даже роскоши...

Воротясь съ денежнымъ излишкомъ въ обращеніи, разумѣется, возможно усиленіемъ производства. Профессоръ Исаевъ рекомендуетъ въ этомъ случаѣ государству выработать мѣры къ охраненію естественныхъ богатствъ страны и урегулировать существующіе промыслы: рыбный, лѣсной, охотничій и т. д. Равномѣрное распредѣленіе по всей странѣ правительственныхъ и судебныхъ учреждений, высшихъ учебныхъ заведеній и фабрикъ уменьшить притягательную силу большихъ городовъ и вздорожаніе въ нихъ жизни. Финансовая политика можетъ быть смягчена развитіемъ прямыхъ налоговъ и пониженіемъ таможенныхъ податей. Борьба противъ монополю цѣнъ крупныхъ торговцевъ можетъ быть успѣшна при помощи таксъ. Если,—говоритъ профессоръ,—не представляетъ неудобствъ точно опредѣленная цѣна за услуги почтоваго вѣдомства, за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ или на извозчикахъ, за лекарство изъ аптекъ, то и такса на мясо, хлѣбъ, дрова, уголь не можетъ вызвать существенныхъ возраженій.

Пріобрѣтеніе оптовыхъ закупокъ съ развитіемъ артелей удешевляетъ товары. Работники,—замѣчаетъ г. Исаевъ,—воспитанные членствомъ въ союзахъ, оказываются всего лучше подготовленными къ основанію потребительныхъ и строительныхъ обществъ, къ веденію производительныхъ артелей и къ участию въ прибыли предпріятія. Двѣ послѣднія формы увеличиваютъ долю труда въ общественномъ доходѣ, уменьшаютъ долю капитала, а потому и облегчаютъ бремя повышенныхъ цѣнъ.

А. Фаресовъ.

Борисъ Садовскій. Узоръ чугунный. Разсказы. Книгоиздательство «Альціона». М. 1911. Стр. 4 нен. + 131 + 5 нен. Цѣна 1 руб.

«Обновленія искусства стали искать въ отжитомъ», писалъ года два назадъ талантливый А. А. Измайловъ о «школѣ» стилизаторовъ и неархонетовъ». Въ нѣкоторыхъ умахъ созрѣла мысль о наступленіи поры возрожденія. Мысль была совершенно искусственная, но въ запальчивости этого не замѣтили и отдалась ей со всѣмъ пыломъ. Въ запальчивости и спѣшкѣ не вспомнили и того, что всякое возрожденіе только тогда жизненно, когда оно народно. Наша по-

пытка ренессанса оказалась чисто-книжной, антикварской, гробокопательской. От нея повѣяло не ароматомъ новизны и свободы, но запахомъ гробовъ и тлѣнія... Бѣдные задопяты! Они не чувствовали, что уперлись головой въ гробы и наслаждались ароматомъ тлѣнія». («Помраченіе божковъ и новые кумиры»). Брюсовъ въ двухтомномъ «Огненномъ Ангелѣ», поддѣлкъ подь старинный демонологическій романъ, проявилъ даръ неслыханной усидчивости (что жъ, и это талантъ!), но романъ требуетъ не меньшей усидчивости и отъ читателя. Кузьмины и Ауслендеры взапуски сочиняли «новеллы» о нимфахъ и маркизахъ. Одинъ живописалъ французскій XVIII вѣкъ, съ медвѣжьей граціей рассказывая, какъ шевалье де-Глупиньякъ въ напудренномъ парикѣ гулялъ по боскету; другой старался перенять манеру сантиментальной нѣмецкой повѣсти и съ противной дѣланной непринужденностью начиналъ: «юная Амалія вышивала бисеромъ подушку въ подарокъ гофрату Штинде». И ничего, все это не только сходило, но было даже въ модѣ. Она, слава Богу, прошла, и передъ нами одинъ изъ ея послѣднихъ плодовъ, запоздалый, унылый и смѣшной. Г. Садовскій пытался соткать свои рассказы на исторической канвѣ, которою служитъ ему литературная и бытовая русская исторія второй половины XVIII и первой половины XIX вѣка. Начать съ того, что въ рассказахъ г. Садовскаго совсѣмъ нѣтъ «рассказа», т. е. болѣе или менѣе законченнаго, цѣльнаго повѣствованія; вымыселъ у него крайне бѣденъ, фабула (гдѣ она есть) слаба и обличаетъ полное отсутствіе фантазіи, такъ необходимой беллетристу. Матеріальныя историческія и литературныя знанія г. Садовскаго очень невелики, и въ изученіи своихъ героевъ (Пушкинъ, Полежаевъ, Бенедиктовъ, Баратынскій) онъ, очевидно, не пошелъ дальше краткихъ словарныхъ замѣтокъ и общеизвѣстныхъ біографическихъ очерковъ. Кладезъ этой учености, какъ говорится, курица въ бродѣ перейдетъ. Проникновенія въ эпоху у г. Садовскаго не ищите. Онъ самъ чувствуетъ себя чужимъ среди своихъ старинныхъ героевъ и напрасно старается сродниться съ ними прилежной, но неуклюжей поддѣлкой подь старинный языкъ и обороты рѣчи, усердно усащая свои упражненія этими наивными «чудесами техники». Мало писать «незапно» вмѣстѣ впазпно», «сей» и «оный» вмѣстѣ «этотъ» и «тотъ», «покаль» вмѣсто «бокаль», чтобы говорить такъ, какъ говорили люди XVIII вѣка; этого такъ же недостаточно, какъ недостаточно было бы г. Садовскому украсить себя пѣтушымъ хвостомъ, чтобы сойти за райскую игицу. За сколько бы бытовыхъ черточекъ эпохи, которыя, сами по себѣ, конечно, весьма цѣнны, ни хватался бездарный авторъ, ему все-таки не возсоздать отжившаго быта. Въ аляповатыхъ «нюрнбергскихъ имитацияхъ» своихъ г. Садовскій хотѣлъ показать нѣсколькихъ выдающихся историческихъ людей—Гоголя, Потемкина, вышеупомянутыхъ Пушкина, Баратынскаго, Бенедиктова, Полежаева, но всѣ они вышли жалкими восковыми фигурами, какія торчатъ за запыленными стеклами ярмарочнаго паноптикума. Г. Садовскій думаетъ, что заставить, напримѣръ, выводимаго имъ Пушкина говорить и двигаться «по-пушкински» очень легко: для этого нужно вложить въ механизмъ автомата пластинку съ самыми подлинными, неподдѣльными пушкинскими словами,—и вотъ по балаганной сценѣ ходитъ дрянной автоматъ, кустарно сработанный подь Пушкина и хрипитъ понадерганная изъ разныхъ произведеній Пушкина слова, то изъ писемъ, то изъ «Онѣгина», то изъ какой-нибудь автобіографической замѣтки. А

иной разъ и самъ авторъ пробуетъ заговорить «какъ Пушкинъ» (напримѣръ, объ устрицахъ, на стр. 71), и тогда невольнo вспоминается котенокъ, который «не путемъ на голосъ лебедя мяучить». Кстати: широкія права стилизатора все-таки не такъ ужъ безграничны, чтобы позволить ему вкладывать въ уста аристократовъ пушкинской эпохи, говорившихъ по-французски не менѣе легко и свободно, чѣмъ по-русски, безграмотныя французскія фразы, вродѣ: «*les affaires ne sont pas lucratives*». Когда г. Садовскій описываетъ гуляющую по Невскому тридцатыхъ годовъ толпу и въ ней показываетъ вамъ «камеръ-юнкера Пушкина съ женой» и «помѣщика Евгенія Онѣгина», вы не видите ни ихъ, ни толпы, ни улицы, потому что не видите ихъ и самъ авторъ, неудачный воскреситель, у котораго нѣтъ ни высшаго дара, ни пламенной вѣры, чтобы заставить умершее прошлое повиноваться зову: «встань и ходи». Васъ только тошнитъ отъ неуклюжаго ломанья и безстыднаго манерничанья. Бездарныя потуги г. Садовскаго такъ же напоминаютъ старину, какъ раздѣланная подъ орѣхъ рыночнымъ столяромъ ольховая рухлядь благородную работу Гамбса. «Чугунный узоръ» г. Садовскаго—безсвязный, безсодержательный узоръ, а тяжесть его подлинно чугунная, и читатель закрываетъ книжку съ чувствами, скажемъ и мы по-стилизаторски, «скуки и унылости». Л.

**Е. И. Игнатьевъ. Наука о небѣ и землѣ, общедоступно изложенная. Очерки по астрономіи, физической географіи и геологіи, съ 332 рисунками и шестью картинками въ краскахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912. Стр. XXIV+582
Цѣна 5 рублей.**

Въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ очень замѣтенъ большой интересъ къ чисто-научнымъ знаніямъ, замѣтно настойчивое стремленіе къ расширенію своего кругозора путемъ серьезнаго научнаго ознакомленія съ окружающимъ міромъ. Показателемъ этого явленія служить какъ огромное увеличеніе читающей публики изъ такъ называемой полуинтеллигенціи, такъ и широкое, постоянное развитіе всевозможныхъ общедоступныхъ курсовъ, чтеній, лекцій, народныхъ университетовъ и т. п. Не остается безучастна къ этому новому теченію и литература, этотъ чувствительнѣйшій барометръ общественной жизни,—научно-популярная литература, и переводная, и оригинальная, чрезвычайно разрослась и размножилась. Появились цѣлыя книгоиздательства съ цѣлью давать сочиненія исключительно научнаго характера въ простой общедоступной формѣ. Изъ этихъ книгоиздательствъ на первое мѣсто нужно поставить одесское книгоиздательство «Матезисъ». Здѣсь не мѣсто распространяться объ этой громадной популярной литературѣ, но достаточно указать на участіе въ ней профессора Глазенапа или Покровскаго, чтобы оцѣнить серьезность и важность ея. Какъ ни просто и понятно написаны эти книги, все же онѣ требуютъ хоть и незначительной, но подготовки и знанія хотя бы самыхъ элементарныхъ положеній математики, физики и пр., чего весьма часто не имѣютъ вышеназванные читатели популярной литературы. Потребность въ такой книгѣ, которая была бы всемъ доступна и понятна, давно уже чувствовалась. И такой книгой является новая книга г. Игнатьева «О небѣ и землѣ».

Авторъ ея, Е. И. Игнатьевъ, уже далеко не новичокъ въ научно-популярной литературѣ. Вышедшая не такъ давно въ свѣтъ его трехтомная математическая хрестоматія «Въ царствѣ смекалки» произвела большое впечатлѣніе и обратила на себя всеобщее вниманіе. И она дѣйствительно этого вполне заслужила. «Въ царствѣ смекалки» явилось чуднымъ и едва ли не единственнымъ пособіемъ для математическаго саморазвитія и самодѣятельности. Изящное, легкое изложеніе, обиліе всевозможныхъ историческихъ данныхъ, множество интересныхъ жизненныхъ примѣровъ, стараніе автора показать вездѣ примѣненіе математики къ окружающему міру, — все это только увеличило достоинства интересно задуманной и удачно выполненной работы г. Игнатьева. Даже такая, повидимому, безжизненная, тоскливая и сухая вещь, какъ «теорія соединеній» (курсъ VII кл. гимназій), въ обработкѣ г. Игнатьева обратилась въ остроумную и интересную статью, сравнительно легкую даже для пониманія совершенно неподготовленнаго читателя. А что дѣлается съ этой «теоріей соединеній» въ нашихъ гимназіяхъ?!

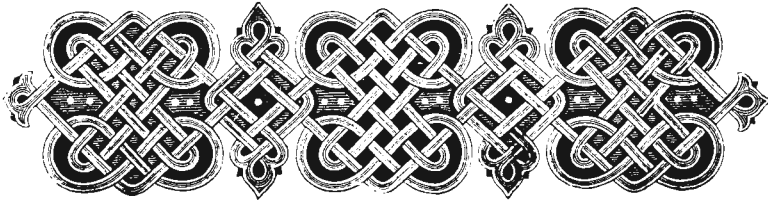
Новая, разсматриваемая нами книга г. Игнатьева по своему содержанію распадается на шесть частей. Въ первой части, «О безконечности вселенной», авторъ даетъ въ сжатомъ видѣ исторію постепеннаго развитія астрономіи съ древнѣйшихъ временъ. Ярко нарисована картина состоянія науки въ средніе вѣка, когда одинъ папа воспретилъ врачамъ и студентамъ препарированіе труповъ, ссылаясь на воскресеніе мертвыхъ, а одинъ изъ отцовъ церкви прямо заявилъ: «Не по невѣжеству ставимъ мы низко науки, но изъ презрѣнія къ ихъ совершенной бесполезности. Мы хотимъ обратить нашу душу къ лучшимъ вещамъ»... Много мѣста удѣлено авторомъ «изумительной личности» Леонардо-да-Винчи, гениальному ученому и художнику эпохи возрожденія. Затѣмъ говорится о Коперникѣ, Бруно, Галилеѣ, причемъ приводятся любопытнѣйшіе переводы посвященія папѣ Павлу III знаменитой книги Коперника и клятвенное отреченіе Галилея отъ «ложнаго мнѣнія, будто Солнце есть центръ міра и недвижно, Земли же не центръ и движется», такъ какъ «ученіе это противно священному писанію». Далѣе авторъ переходитъ къ открытіямъ Ньютона, къ исторіи усовершенствованія астрономическихъ приборовъ, говоритъ о дальнѣйшихъ успѣхахъ астрономіи, связанныхъ съ развитіемъ техники и произведшихъ цѣлый переворотъ во взглядахъ на вселенную. Во второй части, «О строеніи и природѣ вселенной», авторъ знакомитъ съ звѣзднымъ небомъ вообще, даетъ понятіе о равноденствіи и солнцестояніи, объ основаніяхъ спектральнаго анализа и, наконецъ, о междузвѣздной матеріи, объ эфирѣ. Въ третьей части своей книги, посвященной Солнцу и его системѣ, авторъ, кромѣ простаго, толковаго изложенія о солнечномъ параллаксѣ и солнечной постоянной, кромѣ картиннаго и яркаго, мѣстами прямо художественнаго описанія Солнца и его планетъ, даетъ ясное опредѣленіе энергіи, работы и теплоты. Въ четвертой части авторъ говоритъ о кометахъ и падающихъ звѣздахъ, причемъ попутно приводитъ обширныя и чрезвычайно любопытная фантазіи и взгляды древнихъ и средневѣковыхъ ученыхъ о кометахъ. Затѣмъ авторъ очень подробно останавливается на исторіи кометы Галлея, нашей старой знакомой, говоритъ о строеніи и движеніи кометъ вообще и заканчиваетъ эту часть книги знакомствомъ съ падающими звѣздами,

болидами, аэролитами и т. п. Последнія двѣ части удались г. Игнатьеву болѣе всего, особенно вторая часть. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается авторъ на строеніи внутренняго ядра земли, подробно выясняетъ новые взгляды современной геологіи по этому вопросу, говоритъ о теоріяхъ процессовъ, которыми объясняется образованіе земной поверхности въ ея настоящемъ видѣ, причѣмъ авторъ приводитъ выдержки изъ Кювье о «теоріи катастрофъ» и Ч. Лайеля съ его «теоріей эволюціи»; въ наши дни это эволюціонное направленіе въ геологіи получило господствующее положеніе. Очень понятно изложена дѣятельность вулкановъ. Последняя глава, лучшая изъ всей книги, распадается на двѣ части: въ первой авторъ даетъ исторію развитія космогоническихъ гипотезъ; здѣсь говорится о небулярной или Канто-Лапласовской гипотезѣ, оказавшей громадное вліяніе на науку и философію XIX вѣка; затѣмъ идетъ изложеніе новыхъ теорій Чемберлина, Мультона и Фая; вторая часть, болѣе обширная, посвящена ученію о матеріи, объ ея строеніи и первичномъ состояніи. Этотъ вопросъ интересовалъ человѣчество съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, едва стали мыслить и задумываться объ окружающемъ. Была создана масса всевозможныхъ теорій, гипотезъ и т. п. Но никогда, кажется, этотъ вопросъ не былъ настолько, если можно такъ сказать, злободневенъ, какъ теперь, въ настоящее время, когда наука переживаетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ періодовъ переоцѣнки цѣнностей, «когда всѣ, казалось бы, прочно установившіяся и непоколебимые взгляды на строеніе матеріи подвергаются самому беспощадному пересмотру, который, быть можетъ, закончится коренной переработкой прежнихъ воззрѣній на матерію, а то и устраненіемъ старыхъ и полнымъ господствомъ новыхъ взглядовъ на этотъ предметъ». Попытка познакомить обыкновеннаго читателя съ этой новой теоріей и изложить просто основы ея—вполнѣ своевременна и заслуживаетъ полнаго одобренія. Трудно при современномъ состояніи этой теоріи дать болѣе легкое, ясное и понятное изложеніе для обыкновеннаго читателя, въ лучшемъ случаѣ слегка знакомаго съ основами физики. Г. Игнатьевъ блестяще выполнилъ свою задачу.

Говоря о всей книгѣ г. Игнатьева въ цѣломъ, мы должны отмѣтить, какъ его изящное, простое и въ то же время совершенно серьезное и строго-научное изложеніе, такъ и свѣжесть научныхъ данныхъ самаго послѣдняго времени (электронная теорія, лучи Рентгена, радій и т. п.), обиліе и умѣлое расположеніе матеріала, а также и стремленіе автора отвести должное мѣсто русской наукѣ и отмѣтить ея представителей. Книга г. Игнатьева, несомнѣнно, представляетъ собою вкладъ въ нашу популярную литературу, вполнѣ подходяща для награды въ учебныхъ заведеніяхъ и прямо-таки необходима народнымъ учителямъ, желающимъ рассказать своимъ ученикамъ и простому народу о небѣ и землѣ. Здѣсь они найдутъ богатѣйшій матеріалъ для своихъ бесѣдъ и много чудныхъ рисунковъ. Книга издана роскошно, изящно и съ большимъ вкусомъ. Типографская ея работа безукоризненна.

М.-о.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИСТОРИЯ человеческого прогресса. — Сегодня наша планета еще на одинъ годъ приблизилась къ роковой катастрофѣ, предвѣщаемой учеными. По вычислениямъ, основаннымъ на различныхъ трудахъ физиковъ Кюри, Анри Беккереля, Rutherford и Ramsay, ей исполнилось около тысячи миллионныхъ лѣтъ. На основаніи расчета нѣмецкаго ученаго Гельмгольца, солнце подобно землѣ перейдетъ изъ жидкаго въ твердое состояніе и все болѣе будетъ охлаждаться, поэтому со временемъ температура нашей земли, вѣроятно, не будетъ подниматься выше нуля, и жизнь на ней замретъ. Теперь ей остается жить не болѣе шести миллионныхъ лѣтъ, то есть шестидесяти тысячъ вѣковъ. Въ теченіе такого долгаго періода времени ростъ прогресса настолько увеличится и человеческій гений еще столько побѣд одержитъ надъ стихіей и такъ сумѣетъ использовать природу, что гибель земли уже не будетъ преслѣдовать человѣчество зловѣщимъ призракомъ.

Пессимисты или усталые умы не вѣрятъ въ безконечный ростъ прогресса и вторятъ Макіавелли и Вико, что человеческій родъ пробѣгаетъ все одинъ и тотъ же роковой кругъ, безконечно повторяя свой пробѣгъ. Но здоровые, сильные умы дружнымъ хоромъ повторяютъ свое: «впередъ!» подобно Галилею, упорно утверждавшему: «а все-таки вертится!» Первые говорятъ, что всѣ изобрѣтенія и открытія человеческого ума уже когда-то давно-давно существовали на нашей планетѣ, — вторые на это отвѣчаютъ: «Но въ какомъ видѣ? Въ зародышѣ!» Съ тѣхъ поръ произошла эволюція въ ихъ развитіи, и они медленно прогрессировали. Персидскій царь Митридатъ три вѣка послѣ Рождества Христова забросилъ сѣмя будущей прививки ядовъ, приучивъ себя къ постепеннымъ дозамъ различныхъ ядовъ, во избѣжаніе быть отравленнымъ. Но это сѣмя

выросло въ обширную научную систему, разработанную прогрессивно, начиная съ англійскаго врача Э. Дженнера, открывшаго прививку оспы, Пастеромъ, Кокомъ, Мечниковымъ, Дуайеномъ, недавно объявившимъ въ «La Nouvelle Revue» о своемъ новомъ открытіи, и другими учеными. Кто же рѣшится отрицать, что въ этомъ отношеніи прогрессъ не выросъ со времени Митридата. Дуайенъ выработалъ даже прививку одного яда противъ всѣхъ болѣзней—микозина, основываясь на открытіи Мечниковымъ борьбы двухъ враждебныхъ силъ въ человѣческомъ организмѣ—фагоцитовъ и лейкоцитовъ. Дуайенъ остроумно рѣшилъ: чѣмъ отважнымъ фагоцитамъ воевать съ каждымъ болѣзнетворнымъ микробомъ отдѣльно, когда они нападутъ разомъ нѣсколько, какъ это дѣлалъ Митридатъ, то проще послѣдовать пословицѣ: «Если хочешь мира, готовься къ войнѣ», то есть укрѣпить этихъ воиновъ и сдѣлать организмъ нечувствительнымъ къ непріятельскому нападенію. Достигнетъ ли Дуайенъ успѣха, или нѣтъ—сказать рано, но все-таки это гигантскій шагъ со времени Митридата ¹⁾. Даже въ вопросѣ изобрѣтательности виденъ прогрессъ. Прежде изобрѣтателями были люди исключительные, считающіеся почти гениями или во всякомъ случаѣ людьми необыкновенными, которыхъ родилось немного. Теперь это дѣлается проще: современный волшебникъ-изобрѣтатель Эдисонъ въ бесѣдѣ съ Walda Watgen'омъ высказалъ, что способность къ изобрѣтеніямъ пріобрѣтается: ее надо развивать съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Для этого необходимо обладать лишь тремя качествами: честолюбіемъ, энергіей и воображеніемъ. Лучшій способъ развитія этой способности—рѣшеніе задачъ, а лучшее расположеніе духа, способствующее рожденію идей,—честолюбіе. По его мнѣнію, изобрѣтатель не является человѣкомъ ненормальнымъ, иначе онъ не былъ бы коммерческимъ изобрѣтателемъ: это человѣкъ вполне нормальный. Такимъ образомъ, въ XX вѣкѣ изобрѣтатели будутъ далеко не рѣдкость. Итакъ, во многомъ виденъ ростъ прогресса. Для вѣрующихъ въ его ростъ небезынтересна появившаяся въ концѣ минувшаго года книга профессора философіи въ манскомъ лицѣ Дельва²⁾. Авторъ дѣлаетъ попытку добраться до зародыша прогресса и съ этой цѣлью прослѣдилъ послѣдовательный его этапъ.

Въ книгѣ Бытія исторія человѣчества начинается съ паденія и проклятія всѣхъ расъ. Но миѣ моральнаго вырожденія вскорѣ же послѣ сотворенія міра занималъ совершенно иное мѣсто въ сознаніи израильтянъ, чѣмъ впослѣдствіи онъ занялъ у христіанъ. По замѣчанію Дельва, для философа и социолога пророческая литература составляетъ самый важный элементъ исторіи іудейства. Пророки того времени были своего рода социальныя реформаторы, пылавшіе желаніемъ улучшить нравственность человѣчества и дать ему лучшее матеріальное будущее. Эта идея опредѣляется съ Амосомъ. Амосъ—врагъ богатыхъ, благоденствія и роскоши—плодовъ мошенничества и несправедливости. Въ наше время Амосъ былъ бы апостоломъ социальной справедливости.

Чтобы понять пророчество, слѣдуетъ обратиться къ его историческому происхожденію. Амосъ принадлежалъ ко второй эпохѣ іудейства. Пророческіе

¹⁾ Edisson on invention and inventor et conversation au interview by Waldo P. Warren. «The Century Illustrated Monthly Magazine». July. 1911.

²⁾ L'Essai sur l'histoire de l'idée de progrès.

труды этих книг, сначала с Осием и Амосом, затем с Иеремией, Исаией, Иезекилем и их учениками, служили для национальной и демократической реакции против эллинизации священнической касты, правившей государством. Это против высшего иерусалимского духовенства, против клерикальной аристократии, порочной и забывшей традиции, готовой изменить нации и покинуть своего Бога, раздался крик Осии об отщепеніи, прервавший пророковъ и ихъ общанія народу: «Слушайте это, священники, и внимайте... ибо вамъ будетъ судъ, потому что вы были западней въ Массифъ и съѣты, раскинутою на Ѡаворъ». Современные переводы, набожно-тенденціозные, смѣшиваютъ слово «судъ» и «правосудіе» и подразумеваютъ «правосудіе» скорѣе «по-контровски, чѣмъ по-еврейски, чтобы, по словамъ Дюжардена» передѣлать національную и націоналистскую книгу IV вѣка до нашей эры во всемірную вѣчную и священную книгу.

Еврейскіе пророки совѣмъ не изобрѣли идею прогресса. По мнѣнію Дельва, противоположное іудейству христіанство въ одномъ смыслѣ религія пессимистовъ: она переноситъ центръ важности мысли и человѣческихъ чувствъ въ потусторонній міръ, но оно заставляетъ выкупать ошибку павшаго человечества, принеся на закланіе Бога; оно объявило новую вѣсть и противопоставило старому закону новый—превосходнѣе стараго. Иисусъ, какъ и Платонъ, указалъ людямъ на божественное совершенство, какъ цѣль человѣческой дѣятельности. Св. Павелъ требовалъ, чтобы мы во всемъ росли, Винцентъ изъ Лерэна прибавляетъ: «Долженъ быть прогрессъ, а не перемѣна: ростъ ума, мудрости, цѣломудрія и науки».

Поэты и философы греко-римскаго періода дѣлались объявителями идеи прогресса. Въ восхитительномъ хорѣ Антигонъ и Софокль съ восторгомъ воспѣваютъ побѣды, сдѣланныя человѣкомъ надъ природой, несмотря на ревнивую зависть боговъ. Та же идея находится у Лукреція въ V книгѣ его поэмы, у Вергилія, Цицерона, Плинія, Сенеки. Св. Августинъ сравниваетъ человечество съ человѣкомъ, который постоянно существуетъ и непрестанно учится. Св. Ѳома дѣлаетъ изъ прогресса общій законъ всѣхъ дѣлъ и особенно науки.

Благодаря успѣхамъ науки, съ XVII вѣка идея прогресса становится болѣе ясной и опредѣленной. Бэконъ своей формулой «*antiquitas saeculi juvenus mundi*» установилъ, что мы сами древніе и то, что мы называемъ «древностью», въ дѣйствительности молодость міра. Человѣкъ, сказалъ Декартъ, несовершенно существо, стремящееся къ чему-нибудь лучшему и больше него самого; Лейбницъ утверждаетъ, что человѣческое существо способно совершенствоваться. Наконецъ Боссюэ говоритъ, что совершенствованіе—причина существованія.

Пессимисты любятъ указывать на то, что нравственность въ упадкѣ, но, обратясь къ древнимъ мифамъ и св. писанію, можно убѣдиться, насколько это неосновательно. Нѣтъ такого грѣха и безнравственности, какая не существовала въ древнія времена, и это находится въ самыхъ древнихъ писаніяхъ и мифахъ. Прогрессъ нравственности медленно развивался, и въ его развитіе упадокъ производилъ перерывы чаще, чѣмъ въ ростѣ умственнаго и социальнаго прогресса. Здѣсь, какъ и во всемъ, происходила та же борьба двухъ силъ. Въ книгѣ премудрости Иисуса сына Сирахова, въ главѣ XXXIII говорится: «Какъ напро-

тивъ зла—добро и напротивъ смерти—жизнь; такъ напротивъ благочестиваго грѣшникъ. Такъ смотри и на всѣ дѣла Всевышняго: ихъ по два, одно напротивъ другого». Въ самыхъ древнихъ мифахъ говорится объ этомъ, что человѣческій родъ подчиненъ постоянному вырожденію. Это проклятіе человеческого рода на другой день сотворенія міра положило преграду прогрессивному развитію человеческого рода. Маккиавелли и Вико—были пессимисты и безъ борьбы преклонялись предъ неизвѣстной судьбой, заставлявшей человѣчество, по ихъ понятію, вертѣться въ одномъ и томъ же кругу. Паскаль утверждалъ, что человѣческія изобрѣтенія все увеличиваются, а доброта и злоба остаются все тѣ же. Вольтеръ отстаивалъ сторону человѣчества и замѣчалъ: «Мы не такъ злы, не такъ несчастны, какъ онъ говоритъ». Но, отличая успѣхи прогресса, какъ наблюдательный человѣкъ, онъ не закрывалъ глазъ на задачу зла. Гете говорилъ, что человѣчество сдѣлается мудрѣе и ученѣе, но лучше и счастливѣе—оно не сдѣлается. Всегда явятся препятствія, которыя стануть помѣхой, и несчастія, чтобы развить его душевныя силы.

Профессоръ Дельва останавливается на XVII вѣкѣ, обобщая дальнѣйшія изслѣдованія.

Но вотъ середина XVIII вѣка; до тѣхъ поръ смутныя понятія прогресса, такъ долго оспариваемыя, собираются въ системы и изъ нихъ хотятъ составить формальный законъ. Въ 1750 г. Тюрго произноситъ въ Сорбоннѣ двѣ рѣчи, ясно представляющія прогрессивную эволюцію человеческого рода. Онъ впервые произнесъ слово «цивилизация», только въ 1835 г. появившееся въ академическомъ словарѣ. Кондорсе развилъ и преувеличилъ его взглядъ; Гердеръ извлекъ изъ идеи прогресса цѣлую философію исторіи. Лессингъ пашель подтвержденіе ея даже въ самыхъ религіозныхъ откровеніяхъ. Теорія закона прогресса съ этихъ поръ вступила въ область общихъ идей.

Послѣ Тюрго за идею прогресса принимается Огюсть Контъ. Уже съ XVII вѣка она примѣняется къ эволюціи наукъ, но онъ доказываетъ, что она не можетъ распространяться разомъ на всѣ соціальныя законы. XVIII вѣкъ поглощенъ этой идеей: онъ вѣритъ въ безконечное совершенство челоуѣка и общества. Но эту идею нравственнаго прогресса Контъ не только не могъ согласовать съ идеей прогресса, но, по его мнѣнію, она противоположна прогрессу. Гельвецій и Кондорсе не обладали позитивными познаніями и вѣрили въ нравственный прогрессъ людей. Согласно научной психологіи человѣческая природа въ своемъ основаніи неизмѣнна, ей присущъ перевѣсъ эгоистическихъ инстинктовъ надъ альтруистическими, и если прогрессъ дѣйствительно благоприятствуетъ развитію альтруистическихъ инстинктовъ, то онъ можетъ совершаться очень медленно и онъ безсиленъ измѣнить естественное теченіе нашихъ склонностей. Соціальная организація дѣлается все сложнѣе, она подвергается кризисамъ, и еще Огюсть Контъ предвидѣлъ въ будущемъ громадную междоусобную борьбу, какъ слѣдствіе моральной и соціальной анархіи человѣчества. Вокъ беретъ за задачу Кондорсе, согласно которой улучшеніе человеческого общества зависитъ отъ интеллектуальнаго прогресса, конечно, съ присоединеніемъ моральнаго элемента. По его мнѣнію, человѣкъ долженъ имѣть желаніе выполнить свой долгъ, но только его интеллигенція можетъ ему

подсказать, въ чемъ онъ состоитъ. Христіанство угрожало впасть въ египетскій застой, когда языческая и сарацинская наука вдохнула въ западное общество новую жизнь. Единственный прогрессъ человѣческаго ума въ ходѣ и результатахъ математической, физической, естественныхъ наукъ, въ ихъ прикладныхъ, а также историческихъ, вооруженныхъ самой строгой критикой. Чрезъ эти науки очень медленно преобразуется какъ матеріальное, такъ и моральное и умственное положеніе человѣчества». Для Спенсера человѣчество шествуетъ къ нравственному совершенству, но черепашьимъ шагомъ. Согласно Тэну, оптимизмъ и пессимизмъ прогресса зависятъ отъ того, какъ смотрятъ на вещи: въ общемъ или въ деталяхъ. По его мнѣнію, важнѣе всего пріобрѣтеніе наукъ и познаній, но, по его мнѣнію, христіанство остается необходимымъ элементомъ социальнаго прогресса, потому что оно—элементъ порядка, поддерживающій въ социальныхъ отношеніяхъ состраданіе, прямодушіе, стыдливость.

Дарвинъ и Карлъ Марксъ внесли новую концепцію въ человѣческую природу и общество. По ихъ мнѣнію, прогрессъ не совершится иначе, какъ уничтоженіемъ слабыхъ и переживаніемъ самыхъ сильныхъ и способныхъ. Эта теорія нашла горячаго и вѣрнаго послѣдователя въ лицѣ социалиста Лафарга, женившася на дочери Маркса. Достигнувъ шестидесяти лѣтъ, оба супруга недавно окончили жизнь самоубійствомъ. Человѣческая эволюція, по мнѣнію Маркса, зависитъ отъ экономическихъ послѣдствій, опредѣленныхъ изобрѣтеніями, и эти преобразованія послѣдствія измѣняютъ силу и отношенія классовъ въ борьбѣ однихъ съ другими. Современный социализмъ результатъ не теоріи, а пара и крупной промышленности, который концентрируетъ пролетаріатъ на фабрикахъ и противопоставляетъ ихъ классу капиталистовъ. Главари играютъ лишь роль организаторовъ движенія. Одинъ изъ оригинальныхъ толкователей и продолжателей идей Маркса, Ж. Сорель жестоко раскритиковалъ иллюзіи прогресса, какими его рисовалъ XVIII вѣкъ и современная буржуазія. Онъ говоритъ, что величіе, исключительность противны инстинкту человѣка, который долженъ дѣлать страшныя усилія подняться до нихъ, но ему трудно тамъ удержаться, тогда какъ упадокъ совершается самопроизвольно, посредствомъ забрашиванія всѣхъ традицій права, философіи, искусства. Ростъ прогресса въ цивилизаціи народовъ прерывался стихійными бѣдствіями, нападениемъ варваровъ, нравственной распущенностью, доводящей народъ до полного упадка, до вымиранія. Этихъ причинъ становится все менѣе. Дикихъ народовъ остается все меньше. Современные варвары—непріятельскія арміи, безпощадно уничтожающія все, что попадаетъ подъ руки. Но люди слишкомъ насытились кровью, и повсюду раздаются желанія міра. Быть можетъ, еще нѣсколько войнъ, и крахъ рѣзнь—неизбѣженъ. Характерно французскій профессоръ Фино ¹⁾ рисуется крахъ самаго мотива войны. «Грубой побѣдѣ народовъ,—говоритъ онъ,—отошло время. Надо уничтожать ихъ душу, а не торговлю. Надежда, покоящаяся въ глубинѣ сознанія, сильнѣе ударовъ дубины, наносимыхъ нашему тѣлу. Народы будутъ жить, пока они не захотятъ умереть. Война стала ремесломъ простаковъ; она заставляетъ

¹⁾ Roman des races. Par Jean Finot. Paris. 1911.

проливать много крови, создаетъ безконечныя несчастія и даетъ лишь временныя, показныя побѣды. Помните красивую фантазію Репана на Яхве, жестокое божество. Этотъ жестокій богъ, еще любившій ритуаль челоѣческаго жертвоприношенія, однако несимпатичный израильтянамъ, немного походилъ на современныхъ близорукихъ государей и ихъ дипломатовъ съ еще болѣе ограниченными стремленіями, которые вѣрятъ въ расы, сбьютъ войну и подталкиваютъ на рѣзню. Однако пробилъ часъ для самого Яхве, и онъ былъ навѣки вѣчны заброшенъ въ сарай. Обожаніе его кровожадно-дикаго аппетита было замѣнено справедливымъ и милосерднымъ существомъ, культъ котораго распространился по всему свѣту. Совсѣмъ не побѣды армии выковываютъ и выбиваютъ судьбы народовъ. Только на благотворное дѣйствіе цивилизаціи можно положиться. Она создаетъ, заставляетъ расти и уничтожаетъ коллективность. Красота и мягкость культуры проникаетъ въ наши душевныя крѣпости, закрытыя для вторгающихся солдатъ. На развалинахъ доктрины мертвыхъ расъ создается доктрина живыхъ народовъ. Она уже побѣдила священныя, неуязвимыя права націи располагать своей судьбой и чрезъ то самое будетъ дорога грядущему поколѣнію. И божественная эмансипація душъ и умовъ, освобожденныхъ отъ расовой лжи, замѣститъ недѣльную безчелоѣчность войны въ будущемъ. Всѣ сольются въ красотѣ и величіи мысли. Всѣ будутъ соперничать прелестью и чарами цивилизаціи, когда похоронятъ вѣру въ фантастическія головныя отмѣтки, въ бѣлокурия или черноволосяя головы».

Самъ прогрессъ наконецъ выступитъ на свою защиту и настолько смягчитъ грубые нравы людей, остатки кровожадности прародителей, что о войнѣ безъ отвращенія не будутъ говорить. Къ тому же при такихъ ужасныхъ условіяхъ и съ помощью такихъ смертоносныхъ орудій она будетъ совершаться, что народъ будетъ гибнуть массами, война совершенно уничтожится и всѣ народы отдадутся общей работѣ на пользу роста прогресса. Опасность остановки роста прогресса отъ стихійныхъ бѣдствій отчасти уже пытаются устранить, по крайней мѣрѣ и американцы принялись устраивать въ такихъ мѣстностяхъ особой системы дома, которые выдержатъ сильное колебаніе почвы.

Другая опасность—вырожденіе расъ отъ изнѣженнаго, пресыщеннаго удовольствіями образа жизни или тяжелыхъ соціальныхъ и матеріальныхъ условій. Эта опасность особенно пугаетъ французовъ, у которыхъ количество рожденій все уменьшается, и въ минувшій годъ процентъ смертности былъ болѣе, чѣмъ рожденій. Несмотря на поощренія правительства, націи грозитъ опасность вымиранія.

Германія на это пожаловаться не можетъ, но у нея другого рода неудача, съ которой европейцамъ придется считаться: нѣмецкая раса въ африканскихъ колоніяхъ подвергается если не вымиранію, то ступшевыванію: здѣсь происходитъ побѣда физически сильнаго надъ болѣе слабымъ. Находящіеся въ колоніяхъ бѣлокожіе нѣмцы: чиновники, военные, коммерсанты и другіе эмигранты, поселившіеся въ Африкѣ, не имѣютъ случая видѣть бѣлокожихъ дѣвицъ и женятся на мулаткахъ. Браки же между европейцами и африканскими расами отличаются замѣчательнымъ плодородіемъ. И вотъ статистика, полученная въ Берлинѣ, указываетъ, что съ 1908 года только въ одной юго-западной Африкѣ

(Deutsch sud-west Africa) отъ такихъ браковъ родилось 1112 человекъ. На слѣдующій годъ 1575, на 463 человекъ болѣе предыдущаго года. Въ одномъ Вандукѣ, столицѣ колоніи родится на 120 человекъ болѣе съ каждымъ годомъ. Въ Карибиби происходитъ то же, тамъ ежегодно увеличивается рожденій мулатовъ на сто человекъ. Съ конца 1908—1909 г. ихъ количество увеличилось съ 12 на 107. И это явленіе видно повсюду, гдѣ нѣмецкихъ эмигрантовъ много, такъ что въ началѣ 1911 года въ однихъ только нѣмецкихъ колоніяхъ такихъ дѣтей оказалось 4282 человекъ, и всѣ мулаты. Это самая непріятная для нѣмцевъ неожиданность, которую журналы прозвали «eine Kalamitact». Подобное явленіе подмѣтилъ Патерсонъ и въ Америкѣ и Африкѣ. Прежде бракъ между бѣлокожимъ и чернокожимъ давалъ смѣшанную кровь, теперь же происходитъ возвращеніе къ типу, и дѣти рождаются все чернѣе и чернѣе. Германское правительство сильно этимъ встревожено и всѣми средствами помогаетъ бракамъ нѣмцевъ съ нѣмками, посылая въ колоніи невѣсты на свой счетъ.

Но рядомъ съ намеками на вымирание расъ въ минувшемъ году глухо промелькнула совершенно иная вѣсть. Надъ продолжительностью человѣческой жизни работаютъ ученые и въ числѣ ихъ нашъ соотечественникъ Мечниковъ. Эта мысль не новая: она входила въ планъ Создателя міра, какъ свидѣлствуетъ св. писаніе: «Богъ не сотворилъ смерти и не радуется погибели живущихъ», говорится въ книгѣ премудрости Соломона. «Богъ создалъ человекъ для нетлѣнія и сдѣлалъ его образомъ вѣчнаго бытія своего, но завистью дьявола вошла въ міръ смерть и испытываютъ ее принадлежавшіе къ удѣлу его». И во всемъ виноватъ безвольный Адамъ! Въ минувшемъ году то здѣсь, то тамъ раздавались слухи, какъ будто бы тайна безконечнаго бытія открыта учеными. Французскій профессоръ Дюфуръ увѣрялъ, что онъ открылъ способъ исцѣленія и продолженія жизни при помощи простаго земнаго магнетизма. Въ «Review of Reviews» г. Стэда глухо говорилось о продолжительности жизни по желанію. Но какъ и въ древнемъ мірѣ современные создатели вѣчной жизни задумывались надъ одной и той же причиной: «грѣхонаденіемъ» и у нихъ возникаетъ то же самое условіе: «праведникъ наслѣдуетъ землю». Праведниковъ среди современниковъ не найти, и тайна пока остается тайной, распространять же ее среди разбойниковъ, мошенниковъ будто бы никто не рѣшается. Но этотъ пока фантастическій слухъ далъ новую тему для литературы, и тайна вѣчной жизни послужила канвой для беллетристическихъ сочиненій на Западѣ, а рисункомъ—борьба молодежи со стариками за мѣста на жизненномъ пиру.

Хотя гибель нашей планеты и приближается, по расчету ученыхъ, но человечество безъ страха будетъ этого ожидать: насколько ростъ прогресса входилъ въ планъ самого Творца, видно изъ того, что, посылая всемірный потопъ на грѣшную землю, онъ спасъ праведнаго Ноя и съ нимъ оружіе первой человѣческой побѣды надъ водной стихіей—ковчегъ. Современное человечество, а тѣмъ болѣе человечество, которое будетъ жить чрезъ шесть миллионъ лѣтъ, спасется чрезъ воздушную стихію. Цѣлый вѣкъ аэростации и три года авіаціи, сдѣлавшей въ этотъ періодъ времени такой головокружительный успѣхъ, послужатъ основой для чего-нибудь столь неожиданнаго, что человечество, быть можетъ, преспокойно будетъ перелетать съ планеты на планету, какъ теперь переплы-

ваетъ на пароходѣ океанъ, чтобы попасть въ Америку. Пожелаемъ, чтобы въ наступившемъ году ростъ прогресса сдѣлалъ гигантскій шагъ впередъ. Тѣмъ же, кто не вѣритъ въ его ростъ и въ лучшее будущее, и все ссылается на лучшее прошедшее, всѣхъ умнѣ отвѣтитъ сама Библия словами Екклесіаста: «Не говори: отчего это прежніе дни были лучше нынѣшнихъ? Потому что не отъ мудрости ты спрашиваешь это».

— Новые письма княгини Ливень къ Меттерниху. — Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Эрнестъ Додэ напечаталъ переписку Меттерниха съ княгиней Ливень, о чемъ своевременно былъ данъ отчетъ въ нашемъ отдѣлѣ. Казалось, въ этомъ трудѣ былъ использованъ весь существующій матеріалъ, какъ вдругъ недавно въ новой книгѣ «*A travers trois siècles*». Додэ появляются еще письма этихъ дипломатовъ, вѣроятно, ранѣе ускользнувшія отъ его вниманія, одинаково какъ и Ганото, написавшаго къ прежней перепискѣ предисловіе съ біографіей русской посланницы. Пламенная страсть этихъ двухъ дипломатовъ, игравшихъ видную роль среди современниковъ, до сихъ поръ подстрекаетъ любопытство читателей: такую личность, какъ Меттернихъ, увидѣть безъ его дипломатической маски, безъ всякихъ прикрасъ, проникнуть въ его душевную жизнь, закрытую для посторонняго глаза, заглянуть въ его сердце—чрезвычайно интересно и поучительно. А сердце русской дипломатки, ея душевная жизнь, совершенно обнажающаяся во время этого любовнаго дуэта, тоже явленіе незаурядное.

Изъ объясненій Додэ видно, что эти новые письма хранились въ департаментѣ полиціи, куда попадали вмѣстѣ съ другими для перлюстраціи. Одно изъ перехваченныхъ такимъ образомъ писемъ было извѣстно самому королю Людовику XVIII, и онъ сообщилъ Деказу, что читалъ письмо графини Ливень «*à son cher Gamin*». Что эти письма дѣйствительно адресованы Меттерниху, Додэ доказываетъ тѣмъ, насколько ясно въ нихъ обрисовывается, даже до мелочей, самая личность этого дипломата, политическія обстоятельства, въ какихъ онъ находился въ то время, и его имя *Clément*, какъ называла своего возлюбленнаго въ интимныхъ бесѣдахъ графини Ливень. Завязавшаяся на Аахенскомъ конгрессѣ, эта романическая связь, несмотря на разлуку и рѣдкія свиданія, продолжалась нѣсколько лѣтъ. Въ 1826 г. они были еще въ перепискѣ, и собранныя Ганото письма представляли лишь малую ея часть. Полиція, по словамъ Додэ, также утверждаетъ, что письма написаны графиней, а впоследствии княгиней Ливень. «Тѣмъ болѣе это вѣроятно,—говоритъ Додэ:—что на связкѣ писемъ Меттерниха полиція надписала: «Письма въ формѣ журнала, конечно, князя». О письмахъ княгини Ливень она также утвердительно говоритъ, что они написаны графиней, и на поляхъ одного изъ отвѣтовъ 10-го сентября 1819 г. помѣчено: «Это письмо, почеркъ котораго вполне признанъ, отъ графини Ливень къ князю Меттерниху. Оно пришло сегодня утромъ изъ Лондона съ простымъ курьеромъ сэра Ч. Стюарта, великобританскаго посла въ Парижѣ. Оно было въ четырехъ конвертахъ: первый адресованъ къ барону Виндеру, второй къ нему же, но съ слѣдующей надписью: «Нѣтъ необходимости поручать вамъ вложенное». Подписано: «Нейманъ», и третій на имя «Шевалье де-Флорэ», а четвертый безъ всякой надписи». Четыре конверта не спасли письма отъ лю-

бопытныхъ рукъ, и оно въ концѣ концовъ очутилось въ рукахъ полиціи. Пылкій романъ Меттерниха и г-жи Ливенъ волновалъ дипломатическій міръ. Въ 1820 году Деказь, въ то время французскій посланникъ въ Лондонъ, извѣщаль короля, что австрійскій посоль князь Эстергази говорилъ ему о связи Меттерниха съ русской посланницей, и это очень его озабочивало. Очевидно, за перениской графини Ливенъ уже слѣдили.

Собственно ея писемъ побольшая связка изъ четырехъ писемъ и они относятся ко времени ея разлуки съ Меттернихомъ послѣ нѣскольکو недѣль близости и послѣдовавшихъ затѣмъ рѣдкихъ свиданій. Въ это время Меттернихъ находился еще въ опьяненіи страстью и сгоралъ желаніемъ свиданій съ нею. Онъ со страстнымъ жаромъ, близкимъ къ искренности, говоритъ о своей любви. «Въ его искренности сомнѣваться нельзя, — говоритъ Додэ, — и изъ-подъ личины сдержанности, осторожности и даже спеси сквозить самый страстный изъ влюбленныхъ, какого нельзя было подозрѣвать въ этомъ дипломатѣ».

Однако голова коварнаго дипломата кружилась менѣе, чѣмъ его возлюбленной, и въ его письмахъ говорилось не все объ одной любви. Его дипломатическій мозгъ не переставалъ работать даже въ бесѣдѣ съ любимой женщиной. Напротивъ, княгиня Ливенъ совершенно бросила свою маску дипломата: она — сама страсть. Первое письмо помѣчено: Лондонъ, 3-го сентября 1819 года.

«Я только что вышла изъ кареты, — пишетъ графиня Ливенъ, — и такъ какъ я нашла возможность адресовать тебѣ еще письмо, несмотря на отсутствіе N., я тотчасъ же воспользовалась этимъ, а также моимъ одиночествомъ, и пишу тебѣ. Вотъ что я сдѣлала. Я заставила его написать письма Флорэ и Биндеру. Я взяла ихъ съ собою, также какъ и письмо въ здѣшнюю канцелярію твоего посольства; это я все запечатала, какъ только перевязала мой пакетикъ. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ ты, мой нѣжный другъ, получишь письмо и не будешь въ жалкомъ положеніи, какъ твоя подруга. Меня такъ печаливаетъ перспектива еще двухнедѣльнаго режима, что мнѣ такъ захотѣлось что-нибудь для тебя приберечь, по крайней мѣрѣ эту длинную тему. Я увѣрена, добрый другъ, что ты меня любишь и желаешь моихъ писемъ, какъ я ожидаю твои письма и люблю ихъ. Видишь, мой Clément, какъ я довѣряю твоему сердцу: я посвящаю тебя во всѣ мои сердечныя ощущенія».

«Лэди Jersey дѣлала все, чтобы меня еще задержать у себя. Мнѣ тамъ нравится, ничего: по крайней мѣрѣ есть развлеченіе или обязанность развлекаться; но Лондонъ и его окрестности кажутся мнѣ болѣе надежными для моего здоровья. Сегодня я ночую здѣсь, а завтра уѣду на дачу ожидать тамъ мужа».

«Добрый другъ, если бы ты былъ здѣсь лѣтомъ, сколько бы намъ предстояло прекрасныхъ, хорошихъ случаевъ видѣться вволю. Мужу было необходимо часто уѣзжать. Пребываніе съ Капо почти совсѣмъ его поглотило; я часто была одна и буду еще четыре-пять дней. Сколько разъ я себѣ говорила въ это время: «Если бы онъ былъ здѣсь!..» Еще вчера вечеромъ, когда я возвращалась въ мою квартиру въ Мидлтонъ, великолѣпно свѣтила луна, и я нѣкоторое время оставалась на балконѣ моей спальни. Я слышала, какъ рядомъ кто-то ходилъ по комнатѣ, незнаю, кого изъ нашей компаніи дали мнѣ въ сосѣди; если бы ты пріѣхалъ къ лэди Jersey, эта комната, вѣроятно, была бы твоя. Ты вошелъ бы на мой

балконъ, добрый другъ, и мы бы тихонько, тихонько сказали другъ другу нѣсколько нѣжныхъ словъ. Воображеніе того, что могло быть, всю ночь меня преслѣдовало. Я закрыла балконъ, легла и увидѣла сонъ: этотъ сонъ былъ очарователенъ. Я видѣла тебя, мой другъ, мы много говорили; изъ опасенія быть услышанными ты взялъ меня къ себѣ на колѣни, чтобы говорить, какъ можно тише: мой дорогой Clément, я чувствовала бѣніе твоего сердца, я настолько живо чувствовала, какъ оно сильно билось подъ моей рукой, что отъ этого проснулась; это мое отвѣчало твоему. Боже, какъ сильно оно еще бѣтается, пока я тебя это пишу, дорогой другъ. Осуществится ли когда-нибудь моя мечта? Мой Clément, есть ли у тебя время видѣть сны?.. Сколько удовольствія доставилъ бы тебѣ мой сонъ!..»

«Я только что послала къ Полю узнать, здѣсь ли онъ еще; два часа тому назадъ онъ уѣхалъ. Черезъ двѣ недѣли онъ будетъ съ тобой; но ты не возьмешь его на руки, а съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла сонъ, я завидую только этой ласкѣ. Завтра я много тебѣ напишу».

«Лондонъ подобенъ пустынь: тамъ буквально никого нѣтъ, и въ теченіе двухъ часовъ, какъ я здѣсь, по улицѣ проѣхала одна только карета. Для меня нѣтъ ничего полезнѣе путешествія. Я чудесно себя чувствую сегодня вечеромъ, потому что проѣхала семьдесятъ миль. Если бы я ежедневно совершала этотъ путь, я вскорѣ была бы съ тобою. Но, мой другъ, несмотря на мои усилія, мнѣ надо остаться. Скажи же мнѣ, что съ нами будетъ? Можешь ли ты поддерживать мысль еще объ одной продолжительной разлукѣ? Наконецъ, если мы покоримся этому въ 1819 году, думаешь ли ты, что будетъ возможно это сдѣлать въ 1820 г. Скажи мнѣ, Clément, что съ нами будетъ? Думаешь ли ты объ этомъ?»

«Суббота 4. Добрый другъ, только ложась въ постель, я имѣю возможность писать тебѣ; дѣти не расстаются со мною; я недѣлю ихъ не видала и не могу рѣшиться ихъ отослать. Желая тебѣ добрый вечеръ, мой другъ, и только это скажу тебѣ сегодня... но я не хотѣла бы окончить день, не сказавъ тебѣ ни слова, мой Clément. Завтра я напишу тебѣ; завтра я буду тебя любить, какъ во все другіе дни моей жизни!.. Другъ мой, какъ мнѣ сладко тебя любить! какая это восхитительная вещь! Доброй ночи!».

«Воскресенье 5. Мнѣ такъ рѣдко случается сказать тебѣ добрый день и добрый вечеръ въ теченіе двѣнадцати часовъ, что сегодня я въ восторгѣ, какъ будто это меня приблизило къ тебѣ. Боже! я умѣю наслаждаться такимъ малымъ, и понимаешь, что заставляетъ меня испытывать настоящее счастье, т. е. ты, только твой видъ. Мой Clément, если ты перестанешь меня любить, что со мной будетъ? Мой другъ, любилъ ли тебя кто-нибудь въ жизни всѣмъ сердцемъ, на которое твое не могло отвѣчать? Скажи мнѣ это, прошу тебя, и скажи, что ты тогда испытывалъ: гнѣвъ, жалость, равнодушіе? Добрый другъ, обѣщай мнѣ любить меня такъ же, какъ я тебя люблю; твоя и моя жизнь залогъ этого обѣщанія».

«Знаешь, какую жизнь теперь я веду здѣсь одна, безъ мужа? Я все время съ дѣтьми, завтракаю съ ними, гуляю. Я ложусь спать въ десять часовъ, встаю въ семь; никто не нарушаетъ мнѣ эту систему. Сосѣди не знаютъ, вернулась ли я, а дипломатическій корпусъ, единственное въ Лондонѣ общество въ данный моментъ, одинаково не знаетъ; поэтому я одна, совсѣмъ изолирована. Мой

Clément, если бы ты могъ себя перенести сюда на три дня; на эти три дня, которые я еще проведу одна; мы ничуть не надобли бы другъ другу. N. сказалъ мнѣ, что въ Лондонѣ (я хочу сказать въ Вѣну) ты возвратишься только 10-го этого мѣсяца; газеты, съ своей стороны, сообщили мнѣ, что ты покинешь Карлсбадъ 24-го августа; что будетъ съ тобой въ теченіе этого времени?

«Мужъ и Капо въ эти три недѣли вполне ознакомились. У Капо довольно правильное сужденіе, чтобы оцѣнить хорошія качества моего мужа. Однажды мы съ нимъ говорили о Ж. Капо мнѣ сказала: «И этого челоѣвка представили предъ лицомъ М?.. На это я ему отвѣтила: «Такъ какъ у васъ не найдется послать къ нему челоѣвка настолько умнаго, какъ онъ самъ, то пошлите къ нему только честнаго челоѣвка; оттого вамъ будетъ лучше». Онъ ничего на это не отвѣтилъ. Я знаю, мужъ сказалъ ему въ общихъ выраженіяхъ, что онъ находитъ достаточно семилѣтняго пребыванія въ Англии, и онъ съ удовольствіемъ приметъ другой постъ. Посмотримъ, что сдѣлаетъ Капо изъ всѣхъ этихъ плановъ. Я считаю въ этомъ гораздо болѣе на Пессельроде и думаю, что онъ повліяетъ на назначеніе мѣста.

«6 сентября. Я заклеила письмо въ Лондонѣ; я даже готова сама отнести пакетъ въ австрійское посольство изъ опасенія, чтобы оно не затерялось. Добрый другъ, утакъ, надо попрощаться. Мой слѣдующій нумеръ не можетъ отправиться ранѣе 16-го. Думай обо мнѣ, даже если мои письма не будутъ тебя раздражать. Люби меня, мой добрый Clément, отъ всего сердца; люби меня днемъ, ночью, всегда. Прощай, прощай, мой добрый другъ!»

Пока это послѣднія письма, но, повидимому, Додэ еще познакомитъ читателей понемногу со всѣми письмами, какими они обмѣнивались до конца своей романической связи, окончившейся въ 1826 г.

— Русскій балетъ за границей.—Русскій балетъ въ Лондонѣ попрежнему восхищаетъ англичанъ. Хотя въ своихъ отрывкахъ англійскіе критики журналовъ скупы на слова, но и въ своихъ краткихъ рецензіяхъ они высказываютъ лаконически свой восторгъ. Осенній сезонъ въ Ковентгарденскомъ театрѣ открылся «Жизелью» съ г-жею Карсавиной и г. Нѣжинскимъ въ главныхъ роляхъ. Оба артиста, по словамъ критики «Atheneum», превосходны. Г-жа Карсавина, по его мнѣнію была даже лучше прошедшаго года. Затѣмъ давали «Шехеразadu», красивую, возбуждающую пьесу, но главная его прелесть—звѣздящая музыка Римскаго-Корсакова. Главные чары «Карнавала», по мнѣнію критика—легкость артистовъ вмѣстѣ съ характеристической музыкой Шумана.

Затѣмъ были поставлены «Спящая Красавица» и «Жарь-Птица» при участіи г-жи Павловой и г. Нѣжинскаго въ главныхъ роляхъ. Въ тотъ же вечеръ давали часть «Павильона Армиды» и «Сильфиды». Репутація обоихъ артистовъ, настолько уже установившаяся, въ этихъ балетахъ еще болѣе укрѣпилась. Затѣмъ г-жа Павлова отправилась плѣнять англійскихъ провинціаловъ, а вмѣсто нея для апоѳеоза успѣха русскаго балета появилась и г-жа Кшесинская, «почетная танцовщица императора», какъ ее величаютъ критикъ «Atheneum».

Ея первый выходъ съ г. Нѣжинскимъ былъ въ «Aurore et le prince». Можно подумать, что англійскіе критики уже истребили весь лексиконъ похвальныхъ

отзывовъ на ранѣе появившихся г-жу Павлову и г-жу Карсавину; но англичане народъ расчетливый и въ то же время широкой, поэтому для планеты русскаго балета критикъ приберегъ кое-что. По его отзыву, г-жа Кшесинская, кромѣ изящества и воодушевленія, внесла въ танцы стиль, поэтому она создательница стилиа въ танцахъ и производитъ непосредственно сильное впечатлѣніе. Г. Пѣжинскій былъ ея партнеромъ и красиво, необыкновенно высоко прыгалъ въ воздухѣ. Было очевидно, что оба артиста находились положительно въ ударѣ. Г-жа Кшесинская была восхитительная Коломбина въ «Карнавалѣ», и хотя этотъ балетъ давался уже прежде, по отъ этого его обаяніе не уменьшилось.

Хотя английскіе критики, какъ мы уже говорили, осыпали похвалою нашихъ талантливыхъ артистовъ, но все-таки ихъ отзывы были умѣренны сравнительно съ французскими. Мы уже приводили критическія замѣчанія изъ нѣкоторыхъ французскихъ журналовъ, и вотъ снова въ рождественскомъ номерѣ дамскаго журнала «Femina» помѣщена чрезвычайно лестная статья съ изящными раскрашенными иллюстраціями, изображающими «короля танцевъ» Пѣжинскаго, «Видѣніе Розы», «Карнавалъ» и т. д. Авторъ этой статьи г-жа Жюдитъ Готье, дочь Теофила Готье и бывшая жена извѣстнаго театральнаго критика Катюля Мендеса, романистка и первая женщина, попавшая въ прошедшемъ году въ число десяти въ академію Гонкуровъ на мѣсто покойнаго Жюль Верна. Ея статья, безпристрастно и добросовѣстно написанная, настолько лестна для русскаго таланта, что мы приведемъ ее почти полностью.

По словамъ г-жи Готье, появленіе русскаго балета въ Парижѣ было открытіемъ, какъ бы появленіемъ новаго искусства. Онъ не только привелъ въ восторгъ публику, но даже вызвалъ въ ней страсть къ нему, и ея восхищеніе дошло до такой точки, какая рѣдко достигается. Этотъ восторгъ ничуть не уменьшался во время послѣдующимъ сезономъ, когда русскіе артисты являлись очаровывать парижскую публику. Можно сказать, что прежняя хореографія, какъ ее до тѣхъ поръ понимали, стала отходить въ туманную давность, и вдругъ стала непримѣнима. Безъ сомнѣнія, первое впечатлѣніе, произведенное на парижанъ русскимъ балетомъ, было ослѣпленіе необычайно роскошной постановкой. «Никогда,—говоритъ г-жа Жюдитъ,—парижская сцена не блистала подобной роскошью, такимъ ансамблемъ, такой удивительной расточительностью. Никогда такіе талантливые артисты не танцевали на подмосткахъ».

Но, взглянувъ холоднѣе на русскій балетъ, приходишь къ заключенію, что такого необычнаго успѣха русскіе добились, примѣняя довольно простыя средства, по крайней мѣрѣ въ декоративномъ отношеніи. Такой блестящій результатъ зависѣлъ отъ извѣстнаго согласованія театральныхъ законовъ: интенсивности, до грубости рѣзкаго цвѣта, быть можетъ, отъ нѣкоторыхъ штриховъ орнаментаціи и т. д. Все это навѣрняка приковывало взоры зрителей и осуществляло желательный эффектъ даже лучше, чѣмъ это сдѣлали бы часто очень дорого стоящія обстановки. Что же касается танцовщицъ и танцовщиковъ, то хотя это были первоклассные артисты, но все-таки эти артисты не имѣли притязанія ни измѣнить технику хореографіи, ни даже превзойти замѣчательныхъ сюжетовъ парижской академіи въ легкости и точности исполненій. По словамъ г-жи Жюдитъ, среди парижскихъ звѣздъ, конечно, нѣкоторыя исполняютъ

такъ же хорошо, быть можетъ, лучше, чѣмъ какая-либо изъ планетъ русскаго неба, самыя головоломныя по трудности па; но у русскихъ совсѣмъ иное достоинство, котораго совершенно недостаетъ парижскимъ танцорамъ. Русскіе знаютъ кое-что иное, чѣмъ танцы; антраша и шируеты, какъ бы ни были ими чудесно исполнены, для нихъ—не все. Они изучили—и съ какой осмысленностью, съ какимъ прилежаніемъ—кое-что болѣе этого и это кое-что не болѣе, ни менѣе, какъ «красота». Вся классическая античность имъ близка и изъ нея они черпаютъ основу своего искусства. Всѣ граціозныя позы, линіи и жесты, какіе сохранились въ античныхъ фрескахъ и въ статуяхъ, русскіе танцоры вполне усвоили. По ея словамъ, они знаютъ, что священный ритмъ египетскихъ танцоровъ подражалъ движенію планетъ, однимъ словомъ, она приписываетъ русскимъ танцорамъ полное знакомство и сознательное отношеніе къ типамъ, которые они изображаютъ, и близкое изученіе образцовыхъ произведеній скульптуры отъ древней до новѣйшей, отъ идеальныхъ танцовщицъ Кановы до болѣе реальныхъ—Карпо, которыми они постоянно вдохновляются и оживляютъ ихъ въ своихъ танцахъ. Этому именно обстоятельству она приписываетъ возбужденный въ парижанахъ восторгъ и благородное впечатлѣніе, оставшееся отъ воспоминаній о высшемъ и плодотворномъ наслажденіи.

Затѣмъ г-жа Готье переходитъ къ оцѣнкѣ въ отдѣльности каждаго изъ русскихъ балетныхъ артистовъ. Первое знакомство парижанъ съ русскими балетными звѣздами произошло въ 1909 году въ балетѣ «Клеопатра». Для парижанъ русскій балетъ былъ неожиданностью и произвелъ самое глубокое впечатлѣніе. Какъ извѣстно, балетъ «Клеопатра» заимствованъ изъ повеллы Теофиля Готье, его сюжетъ самъ по себѣ чрезвычайно страстный: рабъ, влюбленный въ египетскую царицу, отдаетъ свою жизнь за нѣсколько часовъ любви. Роль Клеопатры исполняла Ида Рубинштейнъ, какъ нельзя болѣе подходившая къ этому типу—Раба игралъ—Михаилъ Фокинъ, «душа предпріятія, балетмейстеръ, несравненный танцоръ, который всѣмъ руководилъ, все придумывалъ, все осуществлялъ». Вокругъ этихъ двухъ исполнителей находилась удивительная труппа, доставившая парижанамъ необыкновенное зрѣлище праздника у фараона.

«Среди всей этой плеяды столь блестящихъ артистовъ,—говоритъ г-жа Готье, сверкали великолѣпнымъ блескомъ звѣзды первой величины г-жа Тамара Карсавина и Нѣжинскій. Она—сама грація, чувство, эмоція; онъ очаровательное чудовище, въ которомъ грація смѣшивалась съ силой, гибкость кошки съ птичьимъ полетомъ и прыжками тигра, а тонкія формы прикрывали желѣзные мускулы. Въ «Жизели», когда-то созданной съ такой славой Карлоттой Гризи, г-жа Карсавина сумѣла придать героинѣ болѣе трогательную фizioномію, а произведенію—новое выраженіе. Цѣломудренная, искренняя, нѣжная, она лучше выдѣлила горестный смыслъ этого произведенія, чѣмъ это дѣлали до нея. «Жизелью» заинтересовались, какъ драмой, и можно сказать, что танцы Карсавиной были столь же краснорѣчивы, какъ и трогательны.

Изящный и *grand seigneur* въ роли молодого принца въ «Жизели», Нѣжинскій—появился въ Шехеразадѣ довольно странной фигурой тонкаго негра, почти обезьяны, съ безумными ласками животнаго. Въ этомъ ослѣпительномъ

балетъ Ида Рубинштейнъ осуществляла красавицу-султаншу, охваченную страстью.

«Но, — говорить г-жа Готье, — что можно сказать, какъ слѣдуетъ, о столькихъ произведеніяхъ, гдѣ сюжетъ, исполненіе, музыка, костюмы, декорации составляли удивительно гармоничное соединеніе, какъ, напримѣръ, въ «Жарь-Птицѣ», «Карнавалѣ», «Dix-huit», «Нарциссѣ», «Петрушкѣ». Каждое изъ нихъ отдѣльно заслуживаетъ похвалы до прелестной поэмы «Видѣніе Розы», которой публика бисспровала каждый вечеръ и никогда не уставала восторгаться.

Г-жа Готье сожалѣетъ, что «великая» Ида Рубинштейнъ увлеклась новой ролью и забросила «Клеопатру» и «Шехеразату» ради роли святого Севастьяна. Въ исполненіи этой роли она даже превзошла модели, которыми вдохновлялись кисти Фра-Бартоломео, Содома, Полланола или Мантенья. Этого произведенія толпа не поняла, но въ памяти многихъ артистовъ останется отъ этого видѣнія какъ огненный слѣдъ.

Одно обстоятельство нѣсколько охладило поклонниковъ русскаго балета, хотя г-жа Готье по-своему объяснила его. Въ прошедшемъ году послѣ побѣдоноснаго сезона русскаго балета въ парижской «Оперѣ» группа избранныхъ поклонниковъ, въ числѣ которыхъ были: графиня Греффюль, княгиня Луиза Мюратъ, Габріэль д'Аннуцио, герцогъ Роганъ и т. д., хотѣла почтить русскихъ артистовъ и пригласила ихъ на прощальный завтракъ. Въ назначенный день все было приготовлено въ лучшемъ парижскомъ отелѣ, столы были сгруппированы такъ, чтобы составились симпатичные кружки, и публика собралась заблаговременно. Но здѣсь-то и произошелъ неожиданный сюрпризъ: вѣсь собралась, кромѣ русскихъ, которые даже не предупредили о невозможности принять приглашеніе. Въ головѣ этихъ парижанъ возникла мысль, что русскіе артисты пренебрегли чашею, которую имъ хотѣли оказать, или не обратили на нее вниманія. Только появленіе г. Нѣжинскаго и Фокина, отъ имени всей труппы выразившихъ извиненіе, сожалѣніе, нѣсколько ступеневали неприятное впечатлѣніе. Трудно сказать: была ли это нетактность со стороны русскихъ артистовъ, или иная причина. «Объяснить это затруднительно, — заканчиваетъ свою статью г-жа Жюдитъ: французскіе дипломаты, кажется, возымѣли очень ложную идею, чѣмъ могли быть въ частной жизни русскіе артисты. Не чѣмъ инымъ, какъ страстными работниками, вполне отдавшимися своему искусству, но не имѣющими никакихъ понятій о свѣтскихъ отношеніяхъ, обладающими простымъ вкусомъ и мало честолюбивыми относительно своей репутаціи. Они были тронуты, взволнованы, признательны, но ихъ надо простить: русскіе танцовщики — только танцовщики; если они понравились при свѣтѣ лампы, они широко были вознаграждены и просили не показываться при дневномъ свѣтѣ. Какая неожиданность! Какой примѣръ! Какой урокъ! — восклицаетъ она. — Какъ эти существа, которые принесли самой пресыщенной, самой трудно удовлетворимой публикѣ, которая существуетъ на свѣтѣ, новое впечатлѣніе искусства, вызвавшее самый искренній восторгъ, довольствуются только этимъ? Они отказываются отъ дани, оставляютъ лавры на деревьяхъ и посвящаютъ ихъ единственно — красотѣ. Они достигли цѣли, но живутъ въ тѣни. Развѣ не скажешь, что они исполняютъ священную миссію, что они бе-

недиктанты искусства!» восклицает г-жа Жюдитъ. Угадала ли настоящую причину г-жа Жюдитъ Готье, но она придала поступку русскаго балета поэтическую окраску.

— Женское движеніе въ 1911 году.— Въ минувшемъ году женское движеніе ничуть не ослабло, и женщины попрежнему упорно добивались своихъ правъ. Особенно страстная борьба ведется среди когда-то флегматичныхъ, спокойныхъ англичанокъ, руководимыхъ опытной, умѣлой рукой. Тщетно известная часть мужчинъ выступаетъ противъ стремленія женщинъ сбросить съ себя оковы, примѣняя различные приемы. Даже покровитель женскихъ правъ французскій ученый Жанъ Фино выступилъ въ роли защитника женщинъ противъ науки. Въ прошедшемъ году онъ требовалъ для женщинъ одинаковыхъ правъ съ мужчинами въ своей статьѣ «Вѣчно женственная», угрожая, что иначе женщина бросится въ область любви. Теперь онъ отстраняетъ ее отъ науки, какъ существо, стоящее ниже мужчины въ духовномъ, умственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Форма ея лица, по его словамъ, болѣе подходит къ типу животныхъ, чѣмъ мужская. Всѣ ея чувства менѣе утончены, чѣмъ мужскія. У нея совсѣмъ отсутствуетъ обоняніе, она не смакуетъ вино, слабѣе ощущаетъ боль и сладострастіе. Эти недостатки зависятъ отъ различныхъ причинъ, и самая очевидная—недостатокъ въ крови красныхъ шариковъ и хлористаго натра,—однимъ словомъ, женщины недостаточно солонны.

Американцы попадаютъ въ болѣе чувствительную область женскаго самолюбія: они пугаютъ женщинъ тѣмъ, что различныя служебныя обязанности, одинаковыя съ мужчинами, совершенно преобразуютъ женскую красоту. Даже усиленное занятіе гимнастикой и различными играми приближаетъ женщину къ типу мужчины. Ихъ станъ измѣнился, походка стала по типу мужской, мускулы слишкомъ развились и т. д. Кромѣ того, занимая различныя должности, женщины не имѣютъ времени заниматься своимъ туалетомъ и становятся все менѣе и менѣе пріятными. Но американки не отступаютъ отъ своихъ правъ; только представительница рабочаго класса мистриссъ Оливеръ Вельмонтъ пріѣзжала въ Парижъ, и между прочимъ собрала свѣдѣнія, какъ устриваются парижскія работницы, чтобы изящно, недурно одѣваться и быть хорошенькими. Собравъ всѣ свѣдѣнія, представительница американскихъ работницъ рѣшила устроить въ Америкѣ при Polical Equality Headquarter гигиеническое отдѣленіе Department of hygiene, научный институтъ поддержанія физической красоты, гдѣ также будутъ обучать дешево и изящно одѣваться.

Врагъ женскаго голосованія Вагу нанечтала въ «Ladies Home Journal», будто онъ видѣлъ, какъ молодыя дѣвушки флиртуютъ у дверей залы голосованія, будто ихъ подкупаютъ и со времени женскаго голосованія усидились разводы. Но все это оказалось клеветой. На конгрессѣ въ Стокгольмѣ, состоявшемся въ июль, австралійскія делегатки представили всѣ выгоды женскаго равноправія. Это былъ конгрессъ женскаго международнаго союза. Цѣль его — добиться во всѣхъ странахъ женскаго равноправія и общей подачи голосовъ. Союзъ не высказываетъ своего мнѣнія о формѣ голосованія. Единственная его цѣль доказать, что пользѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причиной для отказа женщинамъ

въ голосованіи. Точно также онъ не имѣетъ никакого политическаго или религіознаго знамени, кромѣ справедливости. На немъ участвовало 1200 человекъ со всѣхъ концовъ свѣта, въ числѣ которыхъ были и мужчины. Этотъ союзъ возникъ въ 1904 году и уже четыре раза собирался: въ 1908 году въ Амстердамѣ, въ 1909 году въ Лондонѣ и въ 1911 году въ Стокгольмѣ. Слѣдующій конгрессъ соберется въ Австро-Венгріи. Президентомъ его состоитъ m-rs Chapman Gatt. Въ этомъ году и Финляндія прислала трехъ женщинъ-депутатокъ. Шведская писательница, получившая Нобелевскую премию Сельма Лагерлефъ произнесла рѣчь, гдѣ между прочимъ сказала: «Женщина создала семейный очагъ, это ея специальная и первая работа, въ которую она вложила все свое сердце и всѣ свои способности, и она въ этомъ успѣла, потому что ей помогали мужчины. Мужчина захотѣлъ основать государство, но онъ не хотѣлъ пригласить насъ— вотъ почему дѣла идутъ плохо и никогда не могутъ найти равновѣсія; все ищутъ и все мѣняютъ. И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока женщина не будетъ имѣть своей доли въ управленіи государствомъ; вотъ почему она и просить».

Делегаткамъ равноправныхъ странъ былъ заданъ вопросъ: какія экономическія выгоды получили женщины, добившись голосованія? Отвѣчали делегатки австралійскія и некоторыхъ государствъ и Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, а также Норвегіи и Финляндіи. По ихъ словамъ, безъ голосованія женское сословіе не имѣетъ никакихъ средствъ придать значеніе своимъ требованіямъ, и чрезъ это онѣ подчинены мужчинамъ, тогда какъ при голосованіи онѣ заставляютъ слушать себя и потому добьются значительныхъ выгодъ. Согласно всѣмъ докладамъ, чрезъ общее голосованіе онѣ улучшаютъ судьбу женщинъ, и во всемъ, гдѣ есть случай сказать свое слово, какъ по вопросу алкоголизма, проституціи, дѣтской смертности, преступленія значительно сокращаются. Съ другой стороны, всѣ нравственные и социальныя вопросы ими изучаются лучше. Австралійскія делегатки увѣрили, что главныя выгоды отъ присутствія женщинъ въ депутации—поднятіе всего уровня нравственности; чувство политической ответственности проявляется у женщинъ болѣе практично, чѣмъ у мужчинъ, а совѣтъ у нея играетъ болѣе дѣятельную роль. Женщину болѣе шокируетъ отсутствіе нравственныхъ чувствъ, и австралійскіе депутаты знаютъ, что они не могутъ рассчитывать на поддержку ихъ голосами со стороны, которую они скандализируютъ.

На конгрессѣ былъ внесенъ вопросъ относительно образованія международной лиги мужчинъ за женское голосованіе. Уже во многихъ странахъ существуетъ такая лига, но до сихъ поръ не было народной группировки. Теперь она составила, и это извѣстіе встрѣтили громкими рукоплесканіями.

Международный союзъ получилъ въ 1909 г. широкое распространеніе. Вѣтвь этого союза сильно разрослась во Франціи, и *Union française pour le suffrage des femmes* уже насчитываетъ пятнадцать отдѣловъ въ провинціи и пятнадцать въ различныхъ округахъ Парижа. Теперь составляются новыя отдѣленія, и союзъ съ каждымъ днемъ развивается, не разбирая политическихъ убѣжденій членовъ. Въ срединѣ года была основана лига избирателей для женскаго голосованія подъ предѣтельствомъ депутата отъ Сены, и его под-

держка будетъ очень полезна, чтобы добиться голосованія, которымъ французскій союзъ ограничиваетъ свои желанія.

Скандинавскія и англо-саксонскія страны составляли большинство конгресса. Французскаго делегата упрекнули, что рѣдко появляются въ Швеции: «Вы намъ посылаете изъ Франціи моды,—сказала одна изъ шведскихъ делегатокъ:—но гораздо рѣже делегатокъ, а мы были счастливы послѣдовать за ними, потому что любимъ великую сѣятельницу идей Францію». На это французскій делегатъ галантно отвѣтилъ: «Да, мы сѣемъ идеи, но вы, сѣверные люди, чаще всего умѣете ихъ использовать».

— Отовсюду. — Извѣстный импрессаріо Шюрманъ, объѣздившій всю Европу и Америку съ театральными знаменитостями и теперь понемногу оканчивающій свою карьеру, потому что его звѣзды всѣ устарѣли, а молодыхъ онъ не признаетъ, передаетъ много забавнаго изъ всего видѣннаго имъ во всѣхъ концахъ свѣта. Между прочимъ своими разказами онъ разочаровываетъ въ быстротѣ успѣховъ иностранныхъ артистовъ въ Америкѣ, которую считаютъ Эльдorado для путешествующихъ звѣздъ. На дѣлѣ, оказывается, Америка для артистовъ не такой рай, какимъ ее рисовало ихъ воображеніе. Артисты, отправляющіеся туда, должны запомнить, что тамъ они будутъ имѣть успѣхъ, лишь заучивъ свои роли на англійскомъ языкѣ. Исключеніе дѣлается только для двухъ знаменитостей: Сарры Бернаръ и Дузе, но ихъ репутація такова, что янки идутъ смотрѣть ихъ съ главной цѣлью, чтобы сказать: «Я ихъ видѣлъ». Другіе артисты, даже съ извѣстными именами и отличающіеся талантомъ, играли передъ пустыми скамьями, и все потому, что передавали роли на своемъ языкѣ. Къ этому еще надо прибавить отсутствіе договоровъ, вслѣдствіе чего директора не церемонятся съ импрессаріо, и если пьеса не собрана публики, то они безъ стѣсненія запрутъ театр. Это вызываетъ миллионныя убытки.

Поэтому лучшія воспоминанія Шюрманъ хранитъ о Европѣ. Посѣщая различныя государства, онъ имѣлъ случай знать всѣхъ коронованныхъ лицъ. И у него набралась цѣлая коллекція любопытныхъ анекдотовъ. Въ 1883 г., пріѣхавъ въ Мадридъ, Шюрманъ узналъ, что директоръ театра «Арошо» ѣзжалъ, захвативъ съ собою весь сборъ 32.000 руб., отложенный за наемъ помѣщенія. Шюрманъ могъ бы потребовать деньги, но онъ рѣшилъ сыграть даромъ. Вдругъ во время антракта его потребовали къ себѣ въ ложу король Альфонсъ XII. Когда импрессаріо вошелъ, то король, обращаясь къ нему, произнесъ: «Впервые импрессаріо обворованъ директоромъ. Мы видимъ чаще всего обратное. Примите, сударь, это и скажите вмѣстѣ съ королемъ Франціи: «Все потеряно, кромѣ чести!» И въ это время онъ снялъ съ себя розеточку ордена Изабеллы Католической и прикрѣпилъ на груди Шюрмана. По окончаніи спектакля, садясь въ карету, король еще разъ его пожалѣлъ и сказалъ: «Вѣдный мой Шюрманъ, «Serge Panine» меня совсѣмъ не развеселилъ, признаюсь даже, что онъ мнѣ очень надоѣлъ. Но вы потеряли столько денегъ, что я буду ходить каждый вечеръ въ театр». Это очень тронуло Шюрмана и когда на слѣдующій годъ Альфонсъ XII, возвращаясь изъ Берлина, проѣзжалъ чрезъ Парижъ, то Шюрманъ кричалъ: «Да здравствуетъ король!»

Другой анекдотъ, тоже королевскій, произошелъ въ Португаліи, и благодаря ему онъ получилъ португальскій орденъ Христа. Однажды португальскій король донъ-Луишъ спросилъ его: «Вы знаете толкъ въ музыкѣ? Немного, государь. Ну, такъ приходите завтра во дворецъ и будьте со мною откровенны».

На другой день Шюрманъ отправился во дворецъ. Въ концѣ коридора онъ услышалъ стонущіе аккорды. Въ этотъ моментъ открылась портьера и что же онъ увидѣлъ? Посреди громаднаго зала за виолончелью сидѣлъ самъ король и усердно пилилъ смычкомъ «Венеціанскій Карнаваль», за которымъ послѣдовалъ «Misereere», потомъ «Trouveres»: «Ah, vous dirai-je maman» и, наконецъ, «Au clair de la lune».

«Ну, что?» спросилъ король Шюрмана, обливаясь крупными каплями пота. Государь, — отвѣтилъ Шюрманъ: — если бы вы не были король Португалии, я взялъ бы васъ съ собою по бѣлу свѣту и мы сдѣлали бы золотыя дѣла. Вы — король виолончели». — «А вы, — воскликнулъ сияющій король, — вы — командоръ ордена Христа». И Шюрманъ былъ вознагражденъ за свою двусмысленную лесть орденомъ.

Австрійскій императоръ не очень любилъ театръ и ходилъ туда только, когда играла Сарра Бернаръ или пѣла Патти. Но послѣдняя за это вниманіе отблагодарила его большой неучтивостью. Когда Францъ-Иосифъ пожелалъ послушать еще одну арію сверхъ программы, она, желая поберечь голосъ для другого концерта, отвѣтила ему: «Пусть онъ споетъ мнѣ въ субботу, а я ему спою сегодня!»

Въ 1886 г. въ Копенгагенѣ съ Шюрманомъ произошелъ непріятный случай. Предъ поднятіемъ занавѣса онъ разговаривалъ на сценѣ съ какимъ-то неизвѣстнымъ ему, старымъ господиномъ, очень любезнымъ. Вдругъ г-жа Жюдикъ закричала ему: «Шюрманъ, свободны у васъ руки? Вы могли бы оказать мнѣ маленькую услугу». Шюрманъ передалъ свою складную шляпу старому господину, съ которымъ бесѣдовалъ. Когда онъ возвратился, то старика уже не было на сценѣ, но его шляпа была въ рукахъ господина гораздо моложе его. Увидя Шюрмана, онъ бросилъ ее ему въ руки и проворчалъ: «Другой разъ знайте, съ кѣмъ вы говорите. Вы передали шляпу королю, королю!»

По счастью, датскій дворъ отличался добродушіемъ и къ такого рода инцидентамъ относился снисходительно. По поводу этой снисходительности Шюрманъ рассказываетъ другой анекдотъ. Однажды шелъ большой дождь, и по улицѣ возвращался съ телѣжкой огородникъ, а навстрѣчу ему пересѣкала дорогу цѣлая компанія мужчинъ и женщинъ, очень скромно одѣтыхъ и промокшихъ до костей. Огородника окликнули: онъ остановился и на ихъ просьбы довести согласился посадить всѣхъ. Дорогою онъ спрашиваетъ одного изъ молодыхъ людей: «Вы здѣшніе?» — «Совершенно вѣрно». — «Вы живете въ Фреденсборгѣ?» — «Да». — «Что вы тамъ дѣлаете?» — «О, немного, я датскій наслѣдникъ». — «А!.. А старый господинъ?» — «Это мой отецъ король Христіанъ». — «Отлично. А два господина съ бородой?» — «Это мои два шурина — русскій царь и король Англіи». — «Часъ отъ часу не легче». — «А два другіе?» — «Постарше мой братъ — король Греціи, а другой — шведскій принцъ». — «А я, — сказалъ крестьянинъ, — вы не знаете моего имени? я — Исусъ Христось!»

Literarisches Echo дает любопытный набросок настроенія умовъ и положеніе изящной литературы въ Германіи. Нѣмцы, по словамъ Карла Шпиттлера, всѣми силами стараются поддерживать въ своей странѣ вкусъ и страсть къ литературѣ. Съ этою цѣлью они заводятъ большое количество различныхъ обществъ, но это мало способствуетъ развитію въ народѣ вкуса и страсти къ изящной литературѣ,—и всѣ эти общества мало приносятъ пользы. «Обыкновенно думаютъ,—говоритъ Шпиттлеръ:—что всякое поощреніе литературы въ то же время оказываесть услугу поэзіи. Думаютъ, что такимъ образомъ удастся пробудить въ народѣ вкусъ къ литературѣ и что каждая литературная ассоціація, каждое общество имени Шекспира, Гете или Гейне, каждая книга знаменитаго поэта или на литературный періодъ свидѣтельствуютъ о такого рода успѣхѣ. Наконецъ, думаютъ, что никогда достаточно не любятъ литературу, ни достаточно ее пропагандируютъ, если дѣло идетъ о хорошей литературѣ. Если въ странѣ читаютъ мало хорошихъ книгъ—слѣдовательно надо прибѣгать къ литературной пропагандѣ; въ городѣ мало посѣщаютъ театръ—надо удвоить усилія для улучшенія положенія. Таково общее сужденіе».

По мнѣнію Шпиттлера, оно ошибочно. Онъ не настаиваетъ, что такая помощь всѣмъ средствами можетъ повредить литературѣ, но онъ сомнѣвается, что она полезна для поэзіи, и даже находитъ ее неблагопріятной для послѣдней.

«Сравните,—говоритъ онъ,—судьбу книги, составленной поэтомъ или артистомъ, съ книгами, написанными объ этомъ самомъ поэтѣ. Поэты встрѣчаютъ на своемъ пути самыя большія препятствія: для другихъ же работающихъ съ точки зрѣнія литературной исторіи—всѣ двери открыты. Тѣ же самыя журналы, тѣ же самыя издатели отталкиваютъ работы настоящихъ создателей и бросаются на работы, посвященныя произведеніямъ этихъ авторовъ. Сравните шумъ при появленіи главнаго произведенія автора съ тѣмъ гамомъ, какой подымается при появленіи какого-нибудь еще неизданнаго посмертнаго произведенія. Въ наши дни всякую рукопись, даже лишенную литературной цѣнности литературный міръ привѣтствуетъ, какъ сенсаціонное событіе, тогда какъ образцовое произведеніе автора рукописи прошло незамѣченнымъ. Но всего важнѣе—неизданныя письма: предъ ними каждый набожно склоняетъ колѣно».

Между прочимъ Шпиттлеръ задеетъ вопросъ: «Считаютъ ли возможнымъ, чтобы поэтическое произведеніе, даже самое значительное, своимъ появленіемъ вызвало радостную эмоцію во всей націи»? Самъ Шпиттлеръ этого не думаетъ. Возможно ли, или даже вѣроятно ли, чтобы хорошій поэтъ пользовался бы при жизни общимъ уваженіемъ и нашель бы снисходительное національное мнѣніе, какъ это бываетъ за границей или даже въ Германіи по отношенію ученыхъ?

Зато въ Германіи нѣтъ того явленія, какое замѣчается въ другихъ странахъ, гдѣ всѣ классы общества интересуются поэзіей и литературой и никто не осмѣливается отъ этого уклониться, подъ угрозой общаго презрѣнія. Это явленіе Шпиттлеръ называетъ «настоящимъ вторженіемъ». Сотни, тысячи личностей, не принадлежащихъ къ литературному міру, принимаются за стихотворенія и романы. Вообще, по словамъ Шпиттлера, Германія не питаетъ склонности къ чистой литературѣ; все свое предпочтеніе она отдаетъ научной литературѣ.

Heats, издатель многочисленных газетъ въ Сѣверной Америки, напечаталъ въ одинъ и тотъ же день въ газетахъ Нью-Йорка, Бостона, Чикаго, Санъ-Франциско и прочихъ городовъ воззваніе итальянскаго историка Ферреро или, вѣришь, защиту чести Италіи противъ нападокъ иностранныхъ державъ за взятіе Триполи. Итальянцы навлекли на себя порицанія Европы вообще за войну съ Турціей, и такое отношеніе европейцевъ возмутило Ферреро, зятя извѣстнаго ученаго Ломброзо. По просьбѣ Heats онъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ: «Нападки противъ Италіи падутъ на Европу». Эта статья тѣмъ болѣе должна имѣть значеніе, что Ферреро, какъ извѣстно, не принадлежитъ ни къ имперіалистской, ни къ шовинистской Италіи. Мало того, онъ когда-то даже напечаталъ свое сочиненіе «Милитаризмъ», гдѣ выступилъ рѣшительнымъ врагомъ войны. Его теперешнее выступленіе многими принимается какъ выраженіе, насколько эта война популярна среди итальянскаго народа.

Ферреро начинаетъ свою защиту съ указанія, насколько неразсудительно и неполитично со стороны части Европы и Америки выказывать такое «арабофильство». Всѣ державы вмѣшиваются въ это дѣло: Австрія, Германія, Англія. Одна только Франція ведетъ себя съ разумной умѣренностью и спокойствіемъ, какъ и должна вести себя держава, у которой имѣется столько интересовъ въ мусульманской Африкѣ. Но она одна не можетъ отворотить потока коллективнаго безумія.

Итальянцамъ, которые попытались бы обратить вниманіе, что подобное общественное мнѣніе иностранцевъ не можетъ повліять на ходъ войны и помѣшать Италіи довести до конца свой планъ, Ферреро отвѣчаетъ: «Это правда. Но этотъ пріемъ нападокъ тѣмъ не менѣе увеличиваетъ наши затрудненія. Онъ продолжитъ войну, воодушевитъ и увеличитъ намъ враговъ. Онъ принудитъ насъ къ большимъ денежнымъ и человѣческимъ жертвамъ въ войнѣ, гдѣ мы не сражаемся только за себя, но за всѣ европейскія державы въ мусульманской Африкѣ. Европа къ намъ враждебна и почти вся, тогда какъ мы проливаемъ нашу кровь также и за нее».

Въ «Evening News» напечатанъ разговоръ Фрительфа Хансена съ редакторомъ этой газеты. Хансенъ того мнѣнія, что полюсъ теперь открытъ. Онъ ничуть не сомнѣвается ни въ правдивости Пири, ни въ точности сдѣланныхъ имъ наблюдений. Счастливый успѣхъ Пири его искренно радуетъ. Теперь остается научно изучить состояніе полярной области. «Тропическія моря,—сказалъ Хансенъ,—все равно, что котлы машины; арктическія моря все равно, что холодильники; если вы изучаете котель и пренебрегаете холодильникомъ, вы не знаете, чего стоитъ машина. Необходимо знать холодныя моря такъ же хорошо, какъ и теплыя, чтобы проникнуть въ тайну атмосферы и температуры, какъ климата, такъ и сезона.

Хансенъ находитъ, что аэропланъ можетъ оказать кое-какую услугу, но лишь какъ аксессуаръ. Изслѣдователи должны снарядить корабль подобно «Fram», но лучше вооруженный и построенный, способный перевозить необходимый научный матеріалъ. Его оставлять во льдахъ, а путешественники отправятся съ саночками, аэропланами, измѣрительными аппаратами и т. д. Хансенъ выразилъ сожалѣніе, что у эскимосовъ исчезаютъ старинные обычаи, вытѣсня-

емые «тривиальной цивилизацией». «Я называю ее тривиальной,—замѣтил Хансенъ,—потому что она имѣетъ цѣлю сдѣлать всѣхъ людей одинаковыми и уничтожить «личность». Современный человекъ—созданіе машиннаго производства; его жизнь—безумный бѣгъ, не оставляющій ему времени найти себя самого, а это самое важное изъ открытій. Эскимосы, напротивъ, все время на этихъ изысканіяхъ. Ихъ цивилизація—здоровая и прекрасная: искусство у нихъ мало развито, но ихъ литература состоитъ изъ восхитительныхъ исторій. Эскимосы живутъ своей собственной жизнью; они пользуются своими мозгами, своими ушами, своимъ носомъ и своими глазами—это индивидуумы». Эскимосы—социалисты, вѣриже, коммунисты: когда у него дурной ловъ—онъ занимаетъ рыбу у болѣе счастливаго сосѣда, а на другой день самъ ему оказываетъ услугу.

С М Ъ С Ъ.

Возднованіе 35-лѣтія сербско-турецкой войны. 7-го ноябрю, на-капунѣ празднованія 35-лѣтія сербско-турецкой войны 1876 года, въ которой принимали участіе русскіе добровольцы, во главѣ съ генераломъ М. Г. Черняевымъ, въ петербургскомъ славянскомъ благотворительномъ обществѣ состоялось засѣданіе, посвященное воспоминаніямъ объ этой войнѣ и общественномъ славянофильскомъ движеніи, выразившемся въ посылкѣ сербамъ 3500000 рублей собранныхъ пожертвованій и 3500 добровольцевъ. На засѣданіи среди присутствовавшихъ находились: бывшіе участники-добровольцы сербско-турецкой войны: командиръ гвардейскаго корпуса генераль-адъютантъ В. Н. Даниловъ, директоръ перваго кадетскаго корпуса генераль-лейтенантъ Григорьевъ, членъ государственнаго совѣта А. А. Нарышкинъ, отставные генераль-майоры Г. Д. Кузьминскій и Мерчанскій, полковники: В. В. Ушаковъ, Н. И. Чеховичъ, А. Ф. Ечинацъ и бывший начальникъ штаба при Джунисѣ И. М. Булацель. Генералъ Н. Р. Овсяннѣй сдѣлалъ докладъ на тему: «Общественное движеніе въ Россіи во время первой сербско-турецкой войны». Докладчикъ прослѣдилъ начало сближенія славянъ съ эпохи пріѣзда въ Россію при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ серба Юрія Крижанича. Петръ Великій въ борьбѣ съ Турціей опирался на Черногорію, а Екатерина Великая призывала славянъ и грековъ содѣйствовать русскимъ войскамъ въ борьбѣ съ турками. Особенное же проявленіе славянскихъ симпатій сказалось во время сербско-турецкой войны 1876 года. Появленіе генерала М. Г. Черняева во главѣ моравской и тимокской армій вызвало всеобщій энтузіазмъ. Изъ Россіи начался своего рода крестовый походъ добровольцевъ въ Сербію. Народныя массы горячо отзывались на страданія братьевъ-славянъ. Общественный славянофильскій подъемъ

особенно усилился, когда въ числѣ первыхъ жертвъ войны палъ Кирбевъ. Петербургскій славянскій комитетъ собралъ около 1500000 рублей пожертвованій въ пользу сербовъ. Въ это же время официальныя сферы относились весьма сдержанно къ этому движению, а русскій представитель въ Сербіи А. П. Карцовъ въ своихъ донесеніяхъ представлялъ Сербію сплошнымъ чернымъ пятномъ, за что и получилъ отповѣдь отъ графа П. П. Шувалова. Когда, послѣ неудачнаго боя при Дажинѣ, судьба Сербіи висѣла на волоскѣ, императоръ Александръ II, по личному почину, предъявилъ ультиматумъ Турціи и этимъ остановилъ побѣдоносное движеніе турокъ на Вѣлградѣ. Проф. П. А. Кузаконскій подѣлился своими личными воспоминаніями объ общественномъ движеніи 1876 года въ Москвѣ. Онъ указывалъ, что послѣ этого небывалаго подъема въ широкихъ кругахъ остался горькій осадокъ неудачи войны 1876 года и обусловленной ею войны 1877—1878 гг. Причина этого—въ томъ, что и въ этотъ разъ, послѣ вѣковыхъ ожиданій, св. крестъ не былъ водруженъ на св. Софій. Но эти войны дали три новыхъ славянскихъ королевства. Эпоха войны 1876 года была тяжелой для Россіи. Послѣ великой реформы 19-го февраля 1861 года ждали въ нѣкоторыхъ кругахъ «завершенія реформы» (конституція). Славянофилы находились подъ запретомъ, но когда въ іюнь 1875 года прогремѣлъ первый выстрѣлъ возставшихъ герцеговинцевъ, Аксаковъ громко заговорилъ о страданіяхъ братьевъ-славянъ. По всей Россіи прошло посланіе сербскаго митрополита Михаила и обращеніе московскаго славянскаго комитета. Полился потокъ пожертвованій, давшихъ сумму около 2000000 рублей, начались сборы и проводы добровольцевъ, всенародныя моленія у Иверской часовни, славянофильская манифестація съ пѣніемъ гимна и молитвъ и съ требованіемъ похода въ Турцію. Аксаковъ и другіе уже въ то время предвидѣли, что эта война—лишь преддверіе освободительной войны. Россія въ тѣ годы исполнила свою славянскую задачу, и, если славянству суждено еще перенести страданія, сила славянской идеи снова соединитъ славянскіе народы съ Россіей.

Императорское русское военно-историческое общество. 9-го ноября состоялось очередное засѣданіе московскаго отдѣла императорскаго русскаго военно-историческаго общества подъ предсѣдательствомъ генерала-отъ-инфантерій Д. П. Зуева. Членъ общества генералъ Н. А. Марксъ доложилъ собранію, что въ настоящее время у него имѣются отъ 76 войсковыхъ частей отвѣты на вопросы общества о полковыхъ историческихъ музеяхъ; въ этихъ полковыхъ хранилищахъ имѣются очень цѣнные предметы, напримѣръ: дубинка, башмаки и шпаги Петра I, булава Богдана Хмельницкаго, различныя рѣдкія грамоты, оружіе, связанное съ именами Скобелева, Радецкаго и другихъ. Генералъ Марксъ предложилъ отпечатать этотъ матеріалъ отдѣльными выпусками, не дожидаясь матеріала отъ другихъ войсковыхъ частей. Собраніе приняло предложеніе докладчика, имѣя въ виду, что это окажетъ большую услугу и комиссіи генерала Осипова, работающей по вопросамъ, связаннымъ съ организаціей полковыхъ музеевъ. Далѣе слѣдовалъ докладъ протоіерея С. В. Страхова о храмѣ села Бородина. Этотъ храмъ существовалъ еще до 1612 года. Во время битвы, въ 1812 году, онъ подвергался обстрѣлу, и глава его была пробита ядромъ.

Большинство драгоценностей его сохранилось благодаря тому, что все было зарыто въ землю. Въ числѣ ихъ нельзя не отмѣтить запрестольнаго креста XIII вѣка, бывшаго въ крестовыхъ походахъ и подареннаго императору Александру II іерусалимскимъ патриархомъ, а Александръ II пожертвовалъ его въ церковь. Имѣется древнее паникадило, даръ Вас. Ив. Стрѣшнева, икона Пресвятой Троицы, за которую старообрядцы предлагали 12 тысячъ рублей, икона Смоленской Божіей Матери, принадлежавшая Багратиону. Иконостасъ верхней церкви взятъ изъ Алексѣевского монастыря, бывшаго раньше на мѣстѣ храма Спасителя. Много и другихъ цѣнныхъ предметовъ хранить эта церковка. Общее собраніе рѣшило оказать содѣйствіе по приведенію этой церкви въ желаемый видъ. Затѣмъ членъ общества полковникъ И. И. Шеленговскій, ознакомивъ собраніе съ нѣкоторыми документами московскихъ духовныхъ архивовъ и въ дѣлахъ московской управы благочинія, доложилъ о подвигѣ дьячка села Рюховки Московской губерніи, Василія Григорьевича Рагозина, предводителя крестьянъ. Изъ доклада И. И. Шеленговскаго протоіерей С. В. Страховъ сдѣлалъ добавленія о жизни Рагозина. Собраніе рѣшило просить своего сочлена И. С. Бѣляева побывать на его могилѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, чтобы затѣмъ что-либо сдѣлать по приведенію ея въ порядокъ. По окончаніи этого доклада членъ общества полковникъ В. Н. Смердовъ въ горячей рѣчи высказалъ сожалѣніе, что въ Москвѣ, сердцѣ Россіи, нѣтъ до сихъ поръ памятника генералиссимусу Суворову, хотя уже строится памятникъ Скобелеву,— правда, столь же дорогому русскому сердцу и «Суворову—равному», какъ это признано за нимъ. Суворовъ же здѣсь, въ Москвѣ, по преданію, родился, нѣкоторое время жилъ, а затѣмъ часто навѣщалъ ее. Въ Москвѣ жили и его родители, близъ церкви св. Феодора Студита, у Никитскаго бульвара. Докладчикъ указывалъ на необходимость поднять вопросъ о памятникѣ ему и переименовать Никитскій бульваръ въ Суворовскій, а Вознесенскую улицу, какъ ближайшую къ казармамъ любимаго полка Суворова—Фанагорійскаго, въ Суворовскую. Собраніе постановило немедленно предпринять шаги къ этому. Затѣмъ общему собранію предсѣдатель генералъ Д. П. Зуевъ сообщилъ: 1) что ходатайство общества и кружка ревнителей памяти Отечественной войны о переименованіи нѣкоторыхъ станцій Брестской желѣзной дороги на названія, болѣе связанныя съ событіями 1812 года, утверждено, 2) что сдѣланныя въ прошломъ году В. Н. Смердовымъ два предложенія (первое о раздачѣ ежегодно въ дни присяги нижнимъ чинамъ полковыхъ краткихъ исторій, съ которыми они уходили бы затѣмъ въ запасъ и знакомили деревню съ подвигами нашей арміи, что послужило бы сближенію арміи съ народомъ, и второе о разсылкѣ полками въ сельскія церкви простыхъ досокъ съ именами убитыхъ) въ Петербургѣ, въ совѣтѣ общества, встрѣтили полное сочувствіе, и постановлено безотлагательно снестись съ кѣмъ слѣдуетъ по этимъ вопросамъ, 3) предложеніе члена общества Н. А. Шамина о желательности предложить московскому страховому обществу, находящемуся на Лубянкѣ, въ бывшемъ домѣ графа Ростопчина поставить доску—рѣшено передать въ комиссію историческихъ надписей и 4) относительно предложенія члена общества В. Н. Смердова о выдачѣ изъ архивовъ въ полковые музеи нѣкоторыхъ документовъ совѣтъ

увѣдомилъ, что оно поддержано имъ не исполнѣть, и рѣшено выдавать лишь копїи.

Въ кассѣ литераторовъ. Подъ предѣлательствомъ Я. Н. Колубовскаго 13-го ноября состоялось въ помѣщенїи клуба экономистовъ общее собранїе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Оживленныя пренїя вызвалъ вопросъ о выдачѣ поразрядной суммы вдовѣ покойнаго члена кассы В. П. Б. Дѣло въ томъ, что Б. не оставилъ требуемаго уставомъ заявленїя о томъ, въ чью пользу онъ назначаетъ слѣдующую ему посмертную выдачу. Вдова В. представила въ правленїе документъ, изъ котораго видно, что слѣдующая изъ кассы сумма предназначается для нея. Правленїе, строго держась указаний устава, не рѣшилось удовлетворить ходатайство вдовы В. и передало его на разсмотрѣнїе общаго собранїя. Голоса членовъ собранїя раздѣлились: одни доказывали, что никоимъ образомъ нельзя отступити отъ формальныхъ требованїй устава и что нарушенїе его создастъ вредный для дѣла прецедентъ, другїе высказались въ томъ смыслѣ, что если представленный документъ выражаетъ послѣднюю волю покойнаго и не вызываетъ никакихъ сомнѣнїй въ своей подлинности, то слѣдующая сумма, по истеченїи извѣстнаго времени, должна быть выдана по принадлежности. Въ виду этого долженъ быть объявленъ соответственный сборъ съ членовъ кассы по случаю смерти В. П. Б. Послѣ долгихъ пренїй собранїе объявило такое рѣшенїе: объявить очередной сборъ по случаю смерти В. П. Б., но отъ выдачи поразрядной суммы воздержаться впредь до представленїя общему собранїю по этому вопросу особаго доклада правленїя. Затѣмъ были произведены выборы въ повообразованную комиссію по усиленїю средствъ кассы и въ ревизионную комиссію. Подачею записокъ въ первую комиссію избраны: г-жи К. В. Лукашевичъ, Е. В. Чебышева-Дмитріева, артистъ императорскихъ театровъ В. П. Далматовъ, П. С. Рашковскій и Е. П. Семеновъ. Въ ревизионную комиссію избраны: Я. Н. Колубовскій, Д. А. Линевъ, С. Ф. Либровичъ, Н. К. Михайловъ и Я. Полферовъ.

Новое литературное общество. Въ Петербургѣ возникаетъ новое литературное общество. Въ послѣднее время состоялось нѣсколько совѣщанїй представителей около двадцати періодическихъ изданїй. Въ этихъ совѣщанїяхъ были намѣчены важнѣйшіе пункты программы дѣятельности будущаго общества. На совѣщанїяхъ присутствовали: В. Г. Короленко и Н. О. Анненскій отъ «Русскаго Богатства»; профессоръ Д. Н. Овсянко-Куликовскій и Е. В. де-Роберти отъ «Вѣстника Европы»; А. С. Изгоевъ отъ «Русской Мысли»; В. П. Краинхфельдъ отъ «Современнаго Мїра»; І. В. Гессенъ отъ «Рѣчи»; М. И. Ганфманъ отъ «Современнаго Слова»; К. И. Арабакинъ отъ «Новой Жизни»; О. Д. Батюшковъ отъ литературнаго фонда; В. В. Водовозовъ отъ «Современника»; С. П. Елисеевъ и многіе другіе. Совѣщанїе избрало комиссію въ составѣ: А. Е. Рѣдько, С. П. Елисеева, А. С. Изгоева, К. И. Арабакина и В. В. Водовозова, которой было поручено выработать уставъ новаго общества, принявъ во вниманїе уставы существующихъ литературныхъ организацій и тѣ замѣчанїя, которыя были сдѣланы на состоявшихся совѣщанїяхъ. Въ настоящее время комиссія закончила свою работу, и проектъ устава въ скоромъ времени будетъ представленъ на регистрацію. Въ качествѣ учредителей, кромѣ назван-

ныхъ лицъ, приглашаются: А. Ѳ. Коли, К. К. Арсеньевъ, академикъ Н. А. Котляревскій, академикъ А. А. Шахматовъ, Е. П. Салтанова (Лѣткова), акад. Марковъ и другіе. Общество будетъ называться: «петербургское общество литераторовъ и ученыхъ». Кромѣ дѣйствительныхъ членовъ, устанавливается еще категория членовъ-соревнователей, которые не имѣютъ голоса въ рѣшеніи дѣловыхъ вопросовъ общества и избираются по постановленію совѣта, по рекомендаціи пяти членовъ общества. Дѣятельные же члены избираются общимъ собраніемъ, причемъ ихъ литературный цензъ устанавливается совѣтомъ. Членскій взносъ назначается 3 руб. въ годъ и 3 руб. вступительныхъ. Общество раздѣляется на секціи (экономическую, историческую и другія). Предѣдатель общества избирается изъ состава совѣта; онъ же предѣдательствуетъ на общихъ собраніяхъ, если не будетъ заявлено желанія избирать другое лицо. Обычныя собранія будутъ происходить еженедѣльно, на нихъ могутъ присутствовать члены общества и члены-соревнователи. Кромѣ того, въ особыхъ случаяхъ устраиваются торжественныя собранія, которыя будутъ считаться публичными.

Первая школа народнаго искусства. По инициативѣ Государыни Императрицы торжественно открыта первая «школа народнаго искусства». Патриотическое общество заботами о поднятіи русскаго искусства вступаетъ въ новый и значительный періодъ своей столѣтней дѣятельности. Подготовить и воспитать руководителей, которые пойдутъ въ народъ, чтобы совѣтомъ и примѣромъ возбудить въ кустаряхъ творчество, помочь народу отрѣшиться отъ вредныхъ художественныхъ вліяній и вернуть къ національнымъ началамъ въ искусствѣ—мысль благая и своевременная. Какъ прекрасны эти начала, свидѣлствуютъ образцы работъ, пожертвованные первой школой народнаго искусства великой княгиней Елизаветой Ѳеодоровной, В. Бельгардтъ, В. И. Шнейдеръ и другими. Восхищаютъ яркой оригинальностью и своеобразной красотой ткани узорчатыя вышивки шелкомъ, бисеромъ и жемчугомъ и старорусскимъ разнообразнымъ швомъ. Сколько выразительности въ рисунокѣ, декоративной силы въ «пятнахъ». Поражаютъ рѣзныя работы изъ дерева—сложныя композиціи изъ фигуръ людей и животныхъ: «похороны кота», «парадный выѣздъ», издѣлія кустарей Троице-Сергіевскаго посада. Затѣйливая рѣзьба рѣзчика Архангельской губерніи, по тонкости исполненія, подобна китайскимъ издѣліямъ, но съ ярко выраженнымъ мѣстнымъ характеромъ и по художественности далеко превосходитъ тысячелѣтнее мастерство Дальняго Востока. Трудно повѣрить, что работы эти принадлежатъ рѣзцу простаго кустаря: столько въ нихъ законченности формъ и скульптурности. Искренно наивны и своеобразны росписные пряники той же Архангельской губерніи—цѣлый міръ несложныхъ впечатлѣній, предметныхъ и современныхъ: фигурка въ петровскомъ костюмѣ и... автомобиль... сценки, паровозы, юмористическія изображенія божковъ поморянъ, олени, пароходы...

Къ постройкѣ историческаго храма-памятника въ Вильнѣ. Нынѣ закончена вчернѣ постройка храма-памятника, сооружаемаго на средства извѣстнаго московскаго благотворителя д. с. с. И. А. Колесникова въ ознаменованіе исполняющагося въ 1913 году трехсотлѣтія воцаренія дома Романовыхъ и въ память ревнителя и защитника православія и русскаго народности въ Западной Руси

князя К. К. Острожскаго. Храмъ былъ заложенъ 14-го мая прошлаго года и въ шестимѣсячный періодъ законченъ вчернѣ. Для этого въ послѣдній мѣсяцъ работа шла въ двѣ смѣны, днемъ и ночью, при электрическомъ освѣщеніи. Строителямъ пришлось преодолѣть много затрудненій при закладкѣ фундамента, немало внушала опасеній своеобразная архитектура, отсутствие внутреннихъ колоннъ, система перекрещивающихся арокъ, но все эти затрудненія преодолѣны. Прочный, хорошо досмотрѣнный кирпичъ, цементъ, желѣзо и бетонъ сдѣлали свое дѣло; послѣ принятія кружалъ массивная постройка нигдѣ не дала ни одной трещины. Прочность и успѣшное довершеніе вѣншей постройки въ значительной степени обязано неусыпнымъ заботамъ строительнаго братскаго комитета во главѣ съ его предсѣдателемъ, неутомимымъ виленскимъ общественнымъ дѣятелемъ В. С. Богоявленскимъ. Посѣщаль постройку и слѣдилъ за ея успѣхами и высокопреосвященный архіепископъ Агаѳангель. Хотя храмъ еще въ лѣсахъ, но и чрезъ нихъ видны величіе и изящность постройки. Радуетъ русское православное сердце ея ростовско-суздальскій стиль: пятиглавыя храмы, съ особой, хотя и соединенной колокольной, въ нашемъ краѣ—большая рѣдкость, а въ Вильнѣ и совсѣмъ нѣтъ ни одного. Большую красоту храму придаютъ наружныя скульптурныя украшенія, особенно колоны. Внутри храмъ обѣщаетъ быть свѣтлымъ и при отсутствіи столбовъ—вмѣстительнымъ. Православные виленцы часто ходятъ любоваться воздвигаемымъ храмомъ, иногда собираются значительныя группы, въ которыхъ съ благодарностью произносится имя московскаго благотворителя Ивана Андреевича Колесникова. Это имя, несомнѣнно, будетъ съ благодарностью произноситься цѣлымъ рядомъ поколѣній виленцевъ.

Увѣковѣченіе памяти М. М. Стасюлевича. 23-го января исполняется первая годовщина со дня кончины почетнаго гражданина Петербурга М. М. Стасюлевича. Въ засѣданіи городской думы 14-го декабря гласный П. А. Потѣхинъ выступилъ съ предложеніемъ теперь же рѣшить вопросъ объ увѣковѣченіи памяти покойнаго. При баллотировкѣ вопроса дума единогласно постановила: 1) построить новый училищный домъ имени М. М. Стасюлевича, 2) открыть при этомъ домѣ столовую для нуждающихся дѣтей и общежитіе для сиротъ, 3) ассигновать по 4,200 руб. въ годъ на учрежденіе стипендій въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, 4) помѣстить мраморную доску на стѣнѣ дома, въ которомъ жилъ покойный, 5) поставить бронзовый бюстъ покойнаго при училищномъ домѣ его имени, 6) помѣстить его портреты въ думскомъ залѣ, а также въ рекреационномъ залѣ новаго училищнаго дома и во всѣхъ другихъ школахъ его имени, 7) на спинкѣ кресла М. М. Стасюлевича въ думскомъ залѣ помѣстить металлическую табличку.

Юбилей В. М. Шимкевича. 21-го ноября въ ресторанѣ «Контанъ» кружокъ биологовъ-зоологовъ чествовалъ профессора зоологіи и декана физико-математическаго факультета В. М. Шимкевича по случаю исполнившагося 25-лѣтія педагогической и 30-лѣтія его научной дѣятельности. Юбилару былъ поднесенъ адресъ отъ учениковъ-послѣдователей. Произнесенъ рядъ рѣчей. Въ адресѣ и рѣчахъ были очерчены заслуги юбиляра, какъ выдающагося ученаго, профессора, популяризатора и общественнаго дѣятеля. Съ именемъ профессора

В. М. Шимкевича связаны устройство мурманской біологической станицы, занявшей почетное мѣсто среди лучшихъ станицъ Европы, и организація высшихъ женскихъ естественно-научныхъ курсовъ Лохвицкой-Скалонъ. Курсъ сравнительной анатоміи профессора В. М. Шимкевича распространенъ не только въ Россіи, но и за границей. Юбиларъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ опубликовалъ свыше ста своихъ научныхъ трудовъ. На чествованіи присутствовало около сорока друзей и почитателей юбиляра, въ томъ числѣ профессоръ А. С. Догель, профессоръ В. И. Палладинъ, приватъ-доценты К. М. Дерюгинъ, Ф. Туръ, Н. И. Каракашъ и другіе.

25-лѣтній юбилей проф. М. Е. Красножена. 23-го ноября прошлаго года исполнилось двадцатипятилѣтіе университетской дѣятельности ординарнаго профессора М. Е. Красножена, одного изъ первыхъ профессоровъ, приглашенныхъ въ только что преобразованный изъ дерптскаго въ юрьевскій университетъ нынѣ покойнымъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ И. Д. Деляновымъ, по рекомендаціи знаменитаго русскаго ученаго А. С. Павлова, единственнымъ ученикомъ котораго былъ М. Е. Красноженъ. М. Е. Красноженъ—воспитанникъ калужской гимназіи, по кончаніи которой въ 1881 году съ серебряной медалью поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета, гдѣ окончилъ курсъ въ 1885 г. однимъ изъ первыхъ. Удостоенный отъ университета золотой медали за сочиненіе на данную факультетомъ тему, М. Е. былъ оставленъ при московскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорской дѣятельности. По выдержаніи магистерскихъ экзаменовъ М. Е. былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу, гдѣ пробылъ около трехъ лѣтъ. Результатомъ работы въ заграничныхъ библіотекахъ была его магистерская диссертация подъ заглавіемъ: «Толкователи каноническаго кодекса Восточной церкви—Аристинъ, Зонара и Вальсамопъ», обратившая на себя вниманіе ученаго міра не только въ Россіи, но и за границей. По возвращеніи изъ-за границы М. Е. Красноженъ былъ назначенъ приватъ-доцентомъ московскаго университета съ содержаніемъ изъ суммъ министерства и читалъ обязательный курсъ лекцій для студентовъ четвертаго курса юридическаго факультета. Въ то же время онъ состоялъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго у Ѳ. П. Слевако, который велъ въ это время нѣсколько крупныхъ дѣлъ по вопросамъ церковнаго (имущественнаго и брачнаго) права, пользуясь справками и совѣтами по этимъ вопросамъ М. Е. Красножена. Въ началѣ 1894 года тогда еще совѣтъ молодой ученый былъ приглашенъ графомъ И. Д. Деляновымъ занять кафедру каноническаго права въ юрьевскомъ университетѣ—сперва въ званіи экстраординарнаго профессора. Нѣсколько министерство народнаго просвѣщенія дорожило молодымъ, но уже заявившимъ себя учеными трудами профессоромъ, можно судить по тому, что столь серьезный ученый и администраторъ, каковымъ былъ покойный министръ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣбовъ, настоятельно предлагалъ ему занять мѣсто декана вновь открываемаго тогда юридическаго факультета томскаго университета, а въ 1899 году назначилъ его деканомъ юридическаго факультета юрьевскаго университета. Будучи профессоромъ юрьевскаго университета, М. Е. написалъ длинный рядъ изслѣдованій и статей. Между прочимъ, имъ напечатана докторская диссертация: «Иновѣрцы

на Руси», обратившая на себя вниманіе не только специалистовъ, но и широкаго круга читателей, выдержавшая три изданія и удостоенная высочайшей благодарности. М. Е. въ настоящее время состоитъ предѣдателемъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ, предѣдателемъ и почетнымъ членомъ общества для пособія нуждающимся студентамъ юрьевского университета, церковнымъ старостою православной университетской церкви, почетнымъ мировымъ судьей. Кромѣ того, М. Е. состоялъ много разъ членомъ испытательной юридической комиссіи при юрьевскомъ университетѣ и предѣдателемъ этой комиссіи, а въ 1909—1910 гг.—предѣдателемъ испытательной юридической комиссіи при императорскомъ томскомъ университетѣ. Въ 1906 году М. Е. по высочайшему повелѣнію былъ назначенъ членомъ предсѣдательнаго присутствія.

50-лѣтній юбилей заслуженнаго профессора, инженеръ-технолога, т. с. Н. Ф. Лабзина. 8-го декабря сего года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени вступленія Н. Ф. Лабзина на государственную службу. Онъ окончилъ петербургскій технологическій институтъ въ 1857 году первымъ, съ золотой медалью и съ званіемъ инженеръ-технолога. Въ томъ же году онъ получилъ предложеніе давать уроки механики великому князю Александру Александровичу (впоследствии императору Александру III) и въ то же время наблюдать за упражненіями въ столярныхъ и токарныхъ работахъ великаго князя Владимира Александровича. Въ 1861 г. Н. Ф. назначенъ на должность механика при мануфактурномъ совѣтѣ министерства финансовъ. Это и есть моментъ вступленія Н. Ф. на государственную службу. Въ 1888 году онъ былъ избранъ и высочайшимъ указомъ утвержденъ въ званіи члена совѣта торговли и мануфактуръ. Въ 1864 г. по конкурсу занимаетъ мѣсто преподавателя петербургскаго технологическаго института, по кафедрѣ совершенно новаго тогда предмета—технологіи металловъ и дерева. Съ 1871 г. назначенъ инспекторомъ работъ въ механическихъ мастерскихъ института и руководителемъ занятій по обученію работамъ студентовъ. Съ 1887 по 1891 г. занималъ должность помощника директора петербургскаго технологическаго института. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1904 года Н. Ф. оставилъ службу въ институтѣ. Учебный комитетъ института избралъ его почетнымъ членомъ института. Помимо технологическаго института, съ 1866 по сентябрь 1909 г. Н. Ф. читалъ курсы технологіи металловъ также и въ Николаевской морской академіи. Дѣятельность Н. Ф. Лабзина не ограничивалась высшими учебными заведеніями. Имъ много оказано услугъ организаціи и постановкѣ учебнаго дѣла въ низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищахъ. Въ 1870 г. онъ былъ командированъ министромъ финансовъ Рейтерномъ въ Череповецъ для надлежащей постановки занятій въ учрежденномъ тамъ П. А. Милютинымъ техническомъ училищѣ. Система занятій, установленная въ этомъ училищѣ Н. Ф. Лабзинымъ, сохранившаяся въ основѣ и до сихъ поръ, дала прекрасные результаты, и труды Н. Ф. были почтены учрежденіемъ на городскія средства въ училищѣ стипендіи его имени. Въ 1875 г. ремесленное училище цесаревича Николая было переведено въ новое помѣщеніе, и Н. Ф. Лабзину, вслѣдствіе желанія наследника цесаревича, пришлось принять на себя должность директора названнаго училища и приступить къ пол-

ной организаціи всей его дѣятельности. Въ 1880 г. онъ отказался отъ должности директора училища, а въ 1892 году онъ высочайше назначенъ товарищемъ предсѣдательствующаго въ совѣтъ дома призрѣнія и завѣдующимъ женской руководѣльной школою императрицы Маріи Александровны. Въ своей дѣятельности Н. Ф. Лабзинъ коснулся также и иныхъ областей, кромѣ учебной. Въ 1866 г., по порученію министра финансовъ, онъ былъ командированъ въ Нижегородскую и Владимирскую губерніи для изслѣдованія на мѣстѣ ножевого и слесарно-замочнаго промысла. Вслѣдствіе его указаній были примѣнены новыя техническіе приемы, кромѣ того, учреждена въ селѣ Павловѣ артель для выдачи ссуды подъ готовыя издѣлія, что устраняло зависимость кустарей отъ скупщиковъ. Кромѣ того, Н. Ф. принималъ участіе въ качествѣ эксперта на всѣхъ всероссійскихъ промышленныхъ выставкахъ, начиная съ 1865 года, а на международныхъ выставкахъ—въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ и Брюсселѣ—начиная съ 1862 г. При общихъ пересмотрахъ таможеннаго тарифа въ 1868, 1879, 1891 и 1902 гг. Н. Ф., по назначенію министра финансовъ, всегда принималъ участіе въ этихъ работахъ. Въ 1893 г. по высочайшему повелѣнію Н. Ф. былъ назначенъ вторымъ делегатомъ (первымъ делегатомъ былъ В. И. Тимирязевъ) на берлинскую конференцію для заключенія торговаго договора съ Германіей. Въ настоящее время Н. Ф. состоитъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, совѣта торговли и мануфактуръ, предсѣдателемъ механическаго отдѣла комитета по техническимъ дѣламъ при министерствѣ торговли и промышленности. Н. Ф. Лабзину принадлежатъ многіе печатные труды.

НЕКРОЛОГИ.

БЕКЕТОВЪ, Н. Н., академикъ. Въ ночь на 30 ноября не стало одного изъ выдающихся русскихъ химиковъ-философовъ, академика Николая Николаевича Бекетова, скончавшагося въ глубокой старости, на 86 году жизни. Имя покойнаго, какъ и имя Менделѣева, пользуется обширной извѣстностью не только у насъ, но и за границей. Онъ своими работами, рѣдкими по ясности и цѣннымъ по анализу и выводамъ, много содѣйствовалъ тому, что русская химическая школа завоевала себѣ почетное положеніе въ міровой наукѣ. Новыхъ соединеній имъ открыто сравнительно немного, и новыя открытія не столь интересовали его, какъ суть химическихъ процессовъ, до него почти неразгаданныхъ. Именно внутренней сторонѣ химическихъ явленій, изслѣдованіямъ источника химическаго сродства были посвящены его замѣчательная трудоспособность, удивительное провидѣніе и глубокая ученость. Въ этой области онъ истинный философъ, стремившійся разяснить тайны чистой химіи и давшій наукѣ рядъ обоснованныхъ и законченныхъ выводовъ-закоповъ, высшихъ свѣтъ въ экспериментальную часть химіи и содѣйствовавшихъ новымъ химическимъ открытіямъ. Во время своей профессуры покойный первый сталъ читать въ харьковскомъ университетѣ физико-химію, развившуюся въ настоящее время въ огромную область знанія подъ именемъ физической химіи. Академія наукъ еще въ 1879 году отмѣтила его выдающіяся изслѣдованія надъ окисями щелочныхъ металловъ присужденіемъ ему преміи имени Ломоносова и въ 1886 году избрала его въ академики по кафедрѣ чистой химіи; членомъ-корреспондентомъ академіи онъ состоялъ съ 1877 года. Покойный родился 1-го января 1826 г. въ пензенской деревнѣ своего отца-моряка. По окончаніи курса кандидатомъ естественныхъ наукъ въ казанскомъ университетѣ, въ который онъ перевелся съ третьяго курса петербургскаго, Н. Н. перѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь, сблизившись съ выдающимися русскими химиками—академикомъ Фриче, Зининымъ

и др., посвятилъ себя изученію химіи. Въ 1853 г. онъ защитилъ въ петербургскомъ университетѣ диссертацию «О нѣкоторыхъ новыхъ случаяхъ химическаго сродства и общія замѣчанія объ этихъ явленіяхъ» на степень магистра химіи и черезъ два года былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ харьковскаго университета. Съ этого времени въ теченіе 32 лѣтъ (до 1887 года) онъ читалъ непрерывно неорганическую химію, съ 1865 года—физико-химію и въ разное время курсъ органической, теоретической и аналитической химіи. Свою профессуру онъ богато обставилъ демонстраціями и опытами, своими же научными изслѣдованіями приобрѣлъ столь крупную извѣстность, что въ 1868 году новороссійскій университетъ оспаривалъ у харьковскаго возможность имѣть покойнаго въ своей профессорской корпораціи, избравъ его въ ординарные профессора по чистой химіи. Толчкомъ къ такому спору явилась докторская диссертация Бекетова: «Изслѣдованія надъ явленіями вытѣсненія однихъ элементовъ другими», блестяще имъ защищенная въ харьковскомъ университетѣ. Работа эта затронула глубокій вопросъ о таинственной силѣ химическаго сродства и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ проявляется эта сила; въ ней Н. Н. первый установилъ правильный взглядъ на природу водорода, вывелъ впервые законъ о вліяніи равенства паевъ и установилъ динамическую теорію химическихъ явленій въ связи съ термодинамическими. Его предположеніе, что каждое соединеніе имѣетъ свою предѣльную температуру, при которой частица распадается, вполне оправдалось послѣдующими изслѣдованіями. Тогда же совѣтъ харьковскаго университета «въ уваженіе къ ученымъ заслугамъ и къ замѣчательнымъ достоинствамъ преподаванія профессора Бекетова» просить его не покидать харьковскаго университета, и Н. Н. согласился на это. Въ Харьковѣ покойный явился инициаторомъ новыхъ учрежденій при университетѣ: отдѣленія физико-химическихъ наукъ при физико-математическомъ факультетѣ и общества опытныхъ наукъ, которое реформировалось потомъ въ два общества: физико-химическихъ наукъ и научной медицины и гігіены. Одновременно съ профессурой Н. Н. участвовалъ въ различныхъ городскихъ комиссіяхъ: по водопроводному дѣлу, по газовому освѣщенію и др., а также въ харьковскомъ обществѣ распространенія въ народѣ грамотности, въ обществѣ вспомошествованія нуждающимся студентамъ и въ харьковской общественной библіотекѣ. Онъ приходилъ на помощь этимъ общественнымъ организаціямъ, читая публичныя лекціи въ ихъ пользу. Съ переездомъ въ 1887 году въ Петербургъ Н. Н. былъ приглашенъ преподавать химію Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ царствующему Государю Императору, и велъ занятія два года, а также читалъ лекціи, пока позволяли ему силы, на высшихъ желскихъ курсахъ. Русское химическое общество избрало его своимъ предсѣдателемъ. Перу покойнаго, кромѣ извѣстныхъ диссертацийъ, принадлежитъ болѣе 80 научныхъ работъ, посвященныхъ его специальности. Изъ нихъ назовемъ «О диссоціаціи сѣрнистаго водорода, селенистаго водорода и телуристаго водорода» (въ пемь онъ подтвердилъ пробѣркою правильность высказаннаго имъ ранѣе закона о вліяніи относительнаго вѣса соединенныхъ атомовъ на прочность соединенія), «Опредѣленіе теплоты гидратаціи безводной окиси натрія и объ отношеніяхъ металлическаго натрія къ ѣдкому натру и водорода къ окиси натрія» (въ ней

найденъ неизвѣстный до него путь полученія безводной окиси натрія), «О дѣйствіи угольнаго ангидрида, окиси углерода и окиси ртути на соединенія» и др. Во всѣхъ его работахъ сказалась его отзывчивость къ научнымъ вопросамъ, волновавшимъ химиковъ, его глубокій философскій умъ, широкій научный взглядъ и тонкая логическая критика, вооруженная основательностью знаній. Какъ человекъ, Н. Н. отличался необычайной чистотой своихъ убѣжденій и сердечной теплотой въ отношеніи всѣхъ, съ кѣмъ онъ сталкивался. За свои заслуги покойный былъ избранъ почетнымъ членомъ харьковскаго университета, тѣхъ харьковскихъ общественныхъ учреждений, гдѣ онъ участвовалъ, и русскаго физико-химическаго общества при петербургскомъ университетѣ. (Некрологъ его «Новое Время», 1911 г., № 12833).

† **Блюменталь-Тамаринъ, А. Э.** 1-го декабря утромъ, около 7 час. внезапно скончался въ Москвѣ талантливый артистъ оперетки извѣстный антрепренеръ Александръ Эдуардовичъ Блюменталь-Тамаринъ. Смерть пришла совершенно неожиданно: еще въ два часа ночи А. Э. игралъ у себя дома на роялѣ, чувствовалъ себя здоровымъ. Около семи часовъ онъ позвалъ горничную, сказалъ, что ему что-то нехорошо, попросилъ вызвать по телефону доктора. А черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже мертвъ. Сердце остановилось. А. Э. родился въ 1859 году. Девяти лѣтъ его отдали въ петербургское императорское училище. Въ 1876 году А. Э. былъ принятъ въ драматическую труппу Александринскаго театра и скоро выдѣлился тамъ исполненіемъ ролей молодыхъ любовниковъ и комиковъ. Послѣ девяти сезоновъ въ Александринскомъ театрѣ А. Э. одинъ сезонъ служилъ въ московскомъ Маломъ театрѣ, замѣстивъ въ рядѣ ролей Рѣшимова, отсюда перешелъ въ драматическую труппу Лентовскаго. Совершенно случайно онъ выступилъ въ опереткѣ «Козики», въ антрепризѣ Лентовскаго же. Этотъ случайный дебютъ оказался очень удачнымъ, и Лентовскій убѣдилъ А. Э. перейти на опереточную сцену. Здѣсь въ амплуа комика-буффъ Блюменталь-Тамаринъ унаслѣдовалъ роли и популярность Родопа. Яркій комизмъ и большая музыкальность сдѣлали его выдающимся артистомъ оперетки. Длинный рядъ лѣтъ онъ игралъ въ Москвѣ и Петербургѣ, много и удачно поработалъ и въ качествѣ режиссера, особенно въ антрепризѣ Сѣтова, затѣмъ онъ сталъ антрепренерствовать и провелъ нѣсколько блестящихъ сезоновъ, щеголяя богатыми постановками. Въ послѣдніе годы счастье какъ-будто измѣнило ему да и интересъ публики къ опереткѣ упалъ. Въ этомъ сезонѣ Блюменталь-Тамаринъ затѣвалъ большое новое дѣло—обращеніе московскаго манежа въ специально-солдатскій театръ, проектировалось устроить большой разборный театръ, который могъ бы быть быстро убранъ, когда манежъ нуженъ для другихъ цѣлей. Смерть помѣшала А. Э. довести это начинаніе до конца. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1911 г., № 277).

† **Боголѣповъ, И. П.** 28-го ноября скончался въ Москвѣ одинъ изъ пионеровъ земской статистики Иванъ Павловичъ Боголѣповъ. Покойный родился въ 1851 году; отецъ его былъ священникомъ села Спасъ-Темня Серпуховскаго уѣзда. На земскую службу въ качествѣ учителя Иванъ Павловичъ поступилъ въ 1872 году, а впослѣдствіи онъ перешелъ на службу въ московское губернское земство помощникомъ завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ, сна-

чала при В. И. Орловѣ, а потомъ при Н. А. Каблуковѣ. Труды И. П. по народному образованію приобрѣли большую извѣстность далеко за предѣлами московскаго земства; они легли въ основаніе при выработкѣ правильной сѣти училищъ въ Московской губерніи. Для осуществленія этой сѣти много значило сдѣланное впервые И. П. Богодѣловымъ указаніе на то, что у насъ начальное обученіе захватываетъ только три годовыхъ возрастныхъ группы, а не семь, какъ это до тѣхъ поръ считалось по примѣру Германіи. Много также работалъ И. П. по обследованію продовольственнаго дѣла и кустарныхъ промысловъ въ Московской губерніи. Въ 1898—1900 годахъ И. П. принялъ дѣятельное участіе въ подготовкѣ и самомъ производствѣ мѣстнаго подворнаго изслѣдованія всей Московской губерніи, удачное выполненіе котораго во многомъ было обязано опытности и знаніямъ Ивана Павловича. Самъ И. П., несмотря на свой уже почтенный возрастъ, при изслѣдованіяхъ, изучая жизнь народа, который онъ искренно любилъ, подолгу жила въ малокультурной обстановкѣ нашего крестьянина. Продолжительная земская работа и выдающіяся способности покойнаго создали изъ него челоуѣка, къ которому всѣ другіе земскіе работники всегда обращались за всякаго рода совѣтами и указаніями, и И. П. въ своихъ совѣтахъ, а также и рѣчахъ въ разнаго рода земскихъ комиссіяхъ обнаруживалъ не только основательное знаніе техники земскаго дѣла, но и глубокое пониманіе значенія земской работы; поэтому его указанія всегда отличались широтой взгляда и освѣщались руководящей имъ идеей служенія населенію. Въ личной жизни И. П. выдѣлялся какъ отзывчивый и добрый товарищъ, и поэтому, когда въ 1903 году его постигъ тяжелый недугъ—ударъ, выбившій его изъ среды земскихъ работниковъ,—всѣ служащіе въ земствѣ съ глубокимъ огорченіемъ отнеслись къ этой потерѣ. Земство также цѣнило заслуги И. П., выразивъ ему благодарность по случаю его двадцатипятилѣтняго юбилея. Последніе годы своей жизни И. П., получая земскую пенсію, скромно дожилъ, находясь на попеченіи своихъ родственниковъ. Теперь, когда смерть окончательно унесла его въ могилу, всѣ знавшіе Ивана Павловича еще разъ помянутъ добрымъ словомъ этого выдающагося земскаго работника и отзывчиваго къ добру челоуѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 274).

† **Велене, Р. Р.** 7-го декабря сослуживцы опустили въ могилу прахъ умершаго секретаря петербургскаго комитета по дѣламъ печати статскаго совѣтника Рейнгольда Рейнгольдовича Велене. Скончался Р. Р. на своемъ служебномъ посту: позднимъ вечеромъ 2-го декабря закончивъ занятія по канцеляріи, онъ въ ту же ночь подвергся сильному припадку грудной жабы, оказавшемуся роковымъ. Умеръ Р. Р. на семидесятомъ году своей труженнической жизни. По окончаніи курса петербургской Ларинской гимназіи покойный 1-го января 1864 года поступилъ на службу въ петербургскій цензурный комитетъ, гдѣ занялъ должность помощника секретаря комитета и съ 18-го марта 1892 года по день своей смерти проходилъ должность секретаря комитета, состоя вмѣстѣ съ тѣмъ на правахъ сверхштатнаго члена комитета. За усердную службу Р. Р. Велене былъ награждаемъ орденами до ордена святого Владимира 4-й степени включительно. Долголѣтняя служба и ревностная преданность служебному долгу сдѣлали Р. Р. опытнымъ, свѣдущимъ и незамѣнимымъ работникомъ, такъ

что неожиданная кончина его составила трудно вознаградимую утрату для дѣла, которому онъ всю жизнь служилъ столь беззаветно. Будучи финляндскимъ уроженцемъ, Р. Р. являлся по убѣжденіямъ русскимъ человекомъ и патриотомъ; лютеранинъ по вѣроисповѣданію, онъ благоговѣйно чтить наше православіе, любилъ молиться въ Казанскомъ соборѣ и собиралъ православныя иконы. Да будетъ миръ твоей честной и чистой душѣ, дорогой, незабвенный товарищъ! (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1911 г., № 284).

† **Владыкинъ, П. И.** Въ больницѣ святой Ольги 22 -го поября скончался одинъ изъ старѣйшихъ сценическихъ дѣятелей, преподаватель театральной школы имени А. С. Суворина П. И. Владыкинъ. Покойный, безызвѣстный въ провинціи артистъ, свыше сорока лѣтъ подвизался въ драматическихъ театрахъ всюду въ провинціи, а во многихъ городахъ, какъ-то: Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Ростовѣ-на-Дону, Новочеркасскѣ и др., игралъ съ особеннымъ успѣхомъ и былъ поистинѣ любимцемъ публики... Согласно волѣ покойнаго, онъ будетъ похороненъ на Большеохтенскомъ кладбищѣ рядомъ съ товарищами П. И. Владыкина. Похороны его приняли на себя императорское театральное общество и театральная школа имени А. С. Суворина. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12824).

† **Евреиновъ-Оранскій, П. А.** 15-го июня минувшаго года въ Кіевѣ скончался на 58 году жизни даровитый поэтъ генераль-майоръ Петръ Александровичъ Евреиновъ-Оранскій. Уроженецъ города Рязани, П. А. получилъ воспитаніе въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ перешелъ въ Александровское военное училище, потомъ въ Николаевское инженерное и наконецъ въ Николаевскую инженерную академію, откуда былъ командированъ на войну съ Турціей 1877—78 г. Послѣ войны снова вернулся въ академію, по окончаніи которой назначенъ ротнымъ командиромъ 7-го сапернаго батальона въ Кіевѣ. Вскорѣ онъ перешелъ на должность воспитателя и ротнаго командира кіевскаго владимирскаго кадетскаго корпуса. Безгранично любя свое дѣло, талантливый педагогъ, глубокій христіанинъ, онъ умѣлъ внушить своимъ питомцамъ вѣру въ Бога, преданность царю и родинѣ, сознаніе чувства долга. Чуткій, добрый, отзывчивый, мягкій въ обращеніи, но строгій и взыскательный къ своимъ воспитанникамъ, онъ пользовался безграничной любовью всѣхъ, кто только соприкасался съ нимъ. Главной основной чертой его характера была искренность и правдивость въ каждомъ словѣ и дѣлѣ, и воспитанники, а также и окружающіе знали, что П. А. проститъ все, кромѣ лжи, съ которою онъ боролся всю жизнь, и что кто разъ ему солжетъ, тотъ уже навсегда потеряетъ его довѣріе. Богато одаренный отъ природы, всесторонне образованный, П. А. былъ талантливымъ педагогомъ, талантливымъ докторомъ-гомеопатомъ, — но главнымъ его призваніемъ была поэзія, которой онъ посвящалъ все свое свободное время. Въ стихахъ П. А. вылилась вся его чистая, кристалльная душа, стремившаяся къ свѣту, правдѣ и добру, вылился его глубоко-философски-мыслительный умъ. Вся его поэзія проникнута духомъ религіи, правдой, въ ней чувствуется истинное вдохновеніе. Только вѣчные вопросы интересовали П. А. Къ жизни онъ относился равнодушно, — житейскія волненія, земныя радости не занимали его, и только людское горе находило въ немъ живой от-

кликъ; его душа всегда стремилась къ высшему, къ лучшему, къ вѣчному. Въ одной изъ своихъ поэмъ онъ говоритъ:

... Пока нагрянетъ смерть, я жить не перестану;
 Но буду жить не такъ, «какъ все» теперь живуть:
 Сознаемъ залечу зияющую рану,
 Что жизнь мнѣ нанесла. На помощь мнѣ придуть
 Слова Спасители съ ихъ вѣчною отрадой,
 Съ ихъ высшей правдою для вѣческихъ временъ!
 Они же будутъ мнѣ надежною оградой
 Отъ лжи, которою весь міръ заполоненъ!
 Я къ жизни чувствую смѣсь жалости съ презрѣнемъ
 И отъ нея уйду въ особый, свѣтлый міръ,—
 Онъ созданъ не однимъ моимъ воображеньемъ—
 Тамъ свѣточи земли: Гомеръ, Сократъ, Шекспиръ!
 Тамъ нѣтъ вражды совѣмъ,—одно стремленье къ благу,
 Все ипуть истины, чтобъ въ жизнь ее внести,
 Собрать весь родъ людской къ ея святому стягу
 И смертный приговоръ всей лжи произнести!..

Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ слѣдующее:

«Въ груди моей есть голосъ нѣжный
 И этотъ голосъ шепчетъ мнѣ
 О жизни лучшей, безмятежной;
 Но нѣтъ той жизни на землѣ...
 Здѣсь нѣтъ любви святой и вѣчной,
 Въ семью связующей весь міръ;
 Нѣтъ дружбы прочной и сердечной,
 Борьба—вотъ вѣчный нашъ кумиръ;
 Нѣтъ правды, вѣрности, свободы,
 Нѣтъ вѣчно-юной красоты...
 Смотрю въ лицо земной природы,—
 Въ немъ лжи и тлѣнія черты...»

Покойный П. А. печаталъ свои произведенія въ періодическихъ изданіяхъ: «Русская Рѣчь», «Закопъ и правда», «За Царя и родину», а также имъ изданы отдѣльные сборники: «Разбитая лира», «Стихотворенія», «Докторъ Славинъ». Въ свое время покойный критикъ-философъ Л. Е. Оболенскій привѣтствовалъ П. А. какъ писателя, одареннаго искрой Божіей.

† **Жуковъ, М. Г.** 30-го сентября скончался въ Царицынѣ одинъ изъ послѣднихъ ветерановъ освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, Илья Григорьевичъ Жуковъ. Происходя изъ дворянъ Курской губерніи, И. Г. родился въ 1830 году, образование получилъ въ корпусѣ (сначала въ Полтавѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ); выпущенный офицеромъ, онъ могъ разсчитывать на нормальную военную карьеру, но вышло не совѣмъ такъ. Жуковъ еще въ корпусѣ сочинилъ небольшую комедію, которая въ присутствіи наслѣдника Александра Николаевича была разыграна кадетами и очень ему понравилась; однако Ростовцевъ усмотрѣлъ въ ней «вольный духъ», за что Жуковъ былъ назначенъ въ своего рода ссылку, въ штрафной батальонъ на Боморзундъ. Вскорѣ началась восточная война. Боморзундъ легко былъ взятъ союзниками,

и весь гарнизонъ отведенъ въ плѣвъ, причемъ офицерамъ предоставили на выборъ—отправиться въ Англію или во Францію. Жуковъ предпочелъ Францію и былъ водворенъ въ Турѣ. По заключеніи мира, уже командуя ротой, И. Г. хотѣлъ поступить въ академію генеральнаго штаба, но опять встрѣтились препятствія. Раздосадованный, онъ вышелъ въ отставку. Въ Петербургѣ, въ интеллигентныхъ кружкахъ онъ зналъ сначала только редакцію «Основы» В. М. Бѣлозерскаго; постепенно знакомства И. Г. расширялись; осенью 1862 года онъ примкнулъ къ «Землѣ и Волгѣ»; по порученію комитета ея, въ началѣ 1863 г. принялъ участіе въ устройствѣ конспиративной типографіи (въ Ющинскомъ уѣздѣ), но скоро былъ арестованъ; отсидѣлъ пять мѣсяцевъ въ Петропавловской крѣпости, затѣмъ былъ пересланъ въ Динабургъ и отданъ подъ военный судъ, который, однако, оправдалъ его, но Муравьевъ подтверждалъ на десять лѣтъ въ каторгу. Сначала И. Г. былъ на Акатуѣ, потомъ въ Александровскомъ заводѣ, гдѣ былъ одновременно съ Чернышевскимъ и каракозовцами; вышущенный на поселеніе въ Верхоленскій округъ въ 1870 году, И. Г. въ 1876 году получилъ позволеніе перѣхать подъ надзоръ полиціи въ Бахмутъ, гдѣ у него былъ братъ; затѣмъ переселился въ Царицынъ; тутъ, кажется, по ходатайству сенатора Шамшина, въ 1882 году снятъ былъ съ него полицейскій надзоръ и возвращены права прежняго состоянія. Въ томъ же году И. Г. поступилъ секретаремъ царицынской земской управы, каковымъ и оставался семнадцать лѣтъ, а съ 1898 года до конца своихъ дней состоялъ завѣдующимъ земскою публичною бібліотекою, по его же инициативѣ организованной. За тридцать лѣтъ мѣнялись партіи и дѣятели въ царицынскомъ земствѣ, но И. Г. за свою дѣловитость и нравственную безупречность пользовался такимъ уваженіемъ, что и умеръ на земской службѣ. Въ двадцатыхъ числахъ минувшаго сентября И. Г. схватилъ крупозное воспаленіе легкихъ, и его не стало. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 318).

† **Златовратскій, Н. Н.** 10 декабря, въ 12 часовъ скончался извѣстный писатель-народникъ Н. Н. Златовратскій. Златовратскій скончался отъ паралича сердца. Вѣсть о смерти писателя произвела удручающее впечатлѣніе. Въ послѣдніе годы, когда уже не было въ живыхъ ни Глѣба Успенскаго, ни всѣхъ его сверстниковъ, когда умерли даже народники позднѣйшей фракціи, вроде Эртеля и Наумова, Златовратскій, вмѣстѣ съ Засодимскимъ, являлся единственнымъ дѣятелемъ и старожиломъ отошедшаго въ вѣчность интереснаго теченія. Академическіе лавры увѣнчали Златовратскаго на 64-мъ году его жизни. Въ 1907 году исполнилось 40-лѣтіе его писательскаго труда. Смерть унесла его на 67-мъ году. Н. Н. Златовратскій родился 4-го декабря 1845 г. во Владимирѣ, гдѣ его отецъ служилъ въ губернской канцеляріи. Дѣдъ писателя былъ дьячкомъ во Владимирѣ, въ церкви при Золотыхъ воротахъ,—отсюда и произошла фамилія Златовратскихъ. Первоначальнымъ образованіемъ своимъ Н. Н. Златовратскій обязанъ семинаристамъ, близкимъ и дальнимъ своимъ родственникамъ, проживавшимъ въ домѣ его родителей. Довольно частыя поѣздки съ матерью къ родственникамъ въ ближайшія села, гдѣ жизнь духовенства тѣхъ временъ имѣла много общаго съ крестьянской жизнью, сношенія съ простымъ деревенскимъ людемъ сослужили для наблюдательнаго

ребенка службу въ смыслѣ созданія его міровоззрѣнія. Въ 1855 году Н. Н. Златовратскій поступилъ во владимирскую гимназію. Отецъ его, усердно работавшій при губернскомъ комитетѣ по разработкѣ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія народа, открывъ, при содѣйствіи предводителя и просвѣщенныхъ дворянъ, публичную бібліотеку во Владимирѣ. Сынъ былъ ревностнымъ помощникомъ отцу въ этомъ дѣлѣ и поглощалъ книгу за книгою. Усиленное чтеніе пробудило въ Златовратскомъ наклонность къ творчеству. Съ конца 60-хъ годовъ онъ сталъ печатать свои очерки изъ народнаго быта, преимущественно подъ псевдонимомъ Н. Черевашина и Золотого Человѣка въ «Искрѣ», «Будильникѣ» (Н. А. Степанова), «Педѣлѣ», «Новостяхъ» и разныхъ мелкихъ изданіяхъ. Позднѣе эти первыя пошты вошли въ книжку его «Маленькій Щедрикъ. Разказы Золотого Человѣка». Педугъ заставилъ Н. Н. Златовратскаго уѣхать на родину, гдѣ, оправившись, онъ написалъ повѣсть «Крестяне-присяжные», появившуюся въ «Отечественныхъ Запискахъ» и обратившую на себя вниманіе и читателей, и писателей. Мало-по-малу онъ выдвинулся, и лучшіе журналы гостеприимно давали мѣсто его произведеніямъ. Появились его «Деревенскіе будни» и «Устон, исторія одной деревни», сдѣлавшіе ему большое имя. Изъ другихъ его произведеній усиленно читались повѣсти и разказы: «Золотыя сердца», «Скиталець», «Семья Кремлевыхъ», «Господа Каравасвы», «Въ артели», «Деревенскій король Лиръ», «Гетманъ», «Пророчица», «Мечтатели», «Боярская дочь», былина, «Безумецъ» и многія другія. Особенный успѣхъ Н. Н. Златовратскій имѣлъ у молодежи. Въ послѣдніе годы онъ былъ забытъ. О послѣднихъ минутахъ Н. Н. Златовратскаго докторъ В. Н. Успенскій, живущій въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ покойный, и бывший съ давнихъ поръ въ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ, сообщилъ въ газеты слѣдующія подробности: «Н. Н. Златовратскій съ утра почувствовалъ себя плохо. Дочь его Соня пришла за мной, какъ за давнимъ и близкимъ знакомымъ всей семьи. Я засталъ Н. Н. лежащимъ въ постели. Онъ началъ жаловаться, что мало воздуха, нечѣмъ дышать. Жаловался на тяжесть въ рукахъ и на то, что давить въ груди. Вообще у него было какое-то общее неспокойное состояніе. Тѣмъ не менѣе онъ вполне владѣлъ собой и самъ разсказалъ, какъ начался съ нимъ припадокъ и что онъ чувствовалъ. Я изслѣдовалъ пульсъ. Пульсъ былъ полный, но замѣчались перебои. Въ виду этого я сейчасъ же далъ Н. Н. кофеину. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого пріѣхалъ другой врачъ, тоже давній знакомый и постоянно, въ теченіе многихъ лѣтъ, лечившій Н. Н.—докторъ В. Ф. Ставровскій. Выслушавъ Н. Н., онъ нашелъ у него хрипы и притупленіе въ лѣвой сторонѣ груди и заподозрѣлъ крупозную пневмонію. Но на опасность момента ничто, однако, не указывало. Во все время изслѣдованія Н. Н. сидѣлъ, придерживаемый окружающими, и даже шутиво выражалъ неудовольствіе д-ру Ставровскому за то, что тотъ заставилъ его кашлять во время выслушванія. Я вскорѣ ушелъ, а Ставровскій остался, предполагая смазать грудь іодомъ. Но, спустя нѣсколько минутъ, больному стало хуже, пульсъ сталъ падать, и въ 10 ч. 50 м. утра Н. Н. уже не стало. Не помогло примѣненіе средствъ, возбуждающихъ дѣятельность сердца. Покойный скончался отъ паралича сердца на почвѣ склероза». Н. Н. Златовратскій жилъ болѣе чѣмъ скромно, получая 25-рублевую пенсію отъ

литературнаго фонда и такую же пенсію отъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. У его жены Стефаниды Августиповны имѣется небольшой участокъ земли около станціи Апрельскі, Брянской желѣзной дороги, въ 40 верстахъ отъ Москвы. Участокъ приноситъ скромные доходы, которые даетъ аренда двухъ небольшихъ дачъ. Прислалъ кое-что сынъ Н. Н.—А. Н., служившій учителемъ гимназіи во Владикавказѣ. Другой сынъ П. Н. состоитъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Москвѣ и занимаетъ мѣсто помощника юрисконсульта въ губернской земской управѣ. У покойнаго двѣ дочери. Одна замужемъ за земскимъ агрономомъ Сорокинымъ, другая учительница и живетъ при семьѣ. Право на изданіе своихъ сочиненій Н. Н. Златовратскій продалъ за дешевую цѣну одной петербургской книгоиздательской фирмѣ и все лѣто текущаго года возился въ корректурѣ. Потому онъ не могъ совершить обычной поѣздки на Кавказъ, что, быть можетъ, и подѣйствовало на ухудшеніе его здоровья.

† **Максимовъ, В. М.** 18-го ноября въ преклонномъ возрастѣ скончался одинъ изъ выдающихся русскихъ художниковъ Василій Максимовичъ Максимовъ. Покойный родился въ 1844 году въ глуши Петербургской губерніи, въ Новолодожскомъ уѣздѣ. Свое художественное образованіе онъ получилъ въ академіи художествъ, куда поступилъ въ 1863 году. Въ 1866 году Максимовъ оканчиваетъ въ ней курсъ; черезъ пять лѣтъ въ 1871 году онъ вступаетъ въ члены товарищества передвижныхъ выставокъ и остается вѣрнымъ этому учрежденію до самой кончины. В. М. Максимовъ получилъ свое художественное образованіе въ эпоху, когда реализмъ въ русской школѣ живописи становился господствующимъ теченіемъ; и онъ самъ сдѣлался однимъ изъ его представителей. Въ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго вѣка нерѣдко появлялись бытовыя картины съ явно тенденціознымъ оттѣнкомъ. Этимъ недостаткомъ чаще другихъ отличались труды передвижниковъ, тѣхъ дѣятелей русскаго искусства, которые были ближайшими товарищами покойнаго художника. Но В. М. Максимовъ не поддавался вліянію времени и среды. Въ своихъ произведеніяхъ онъ просто и правдиво изображалъ окружающую его дѣйствительность. Въ его работахъ всегда находилъ себѣ мѣсто элементъ разсказа, какъ и у художниковъ голландской школы XVII вѣка. Но, какъ и тѣ художники, Максимовъ умѣлъ использовать его въ извѣстныхъ рамкахъ. Не все, конечно, что имъ создавалось, заслуживаетъ одинаковаго вниманія, но въ лучшихъ вещахъ онъ безусловно интересенъ, онъ даетъ законченное цѣлое безъ излишнихъ подробностей, съ тѣмъ разсказомъ, который можетъ быть названъ художественной передачей избранныхъ темъ. Обладая хорошимъ рисункомъ, знаніемъ формы предметовъ и перспективной постановки, В. М. Максимовъ не былъ колористомъ, утонченнымъ виртуозомъ краски. Однако его красочныя произведенія не лишены въ общемъ извѣстныхъ достоинствъ, и про него нельзя сказать, чтобы онъ дѣйствовалъ на зрителя однимъ психологическимъ элементомъ. Большая часть работъ покойнаго посвящена воспроизведенію народнаго быта его времени; лишь изрѣдка онъ касался другихъ сторонъ жизни. Такое отношеніе къ дѣлу весьма понятно. Въ 50-хъ годахъ народничество получило особое значеніе. Господствующая дума того времени—тяжелая доля крестьянина—сдѣлалась одной изъ любимыхъ

темь нашего искусства. И часто мрачныя стороны крестьянскаго быта находили себѣ мѣсто въ картинахъ Максимова. Однако темнота, суевѣріе и бѣдность не стали его единственнымъ сюжетомъ. Художникъ умѣлъ передавать и свѣтлыя стороны жизни крестьянства. Въ такихъ его картинахъ, какъ «Семейный раздѣлъ» (1876), «Лихая свекровь» (1893) или «Опять буянить» (1898), изображены съ печальныя событія семейной доли крестьянъ, которыя связаны съ бѣдностью, невѣжествомъ и мелочностью интересовъ. Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ полотенъ, «Приходь колдуна на свадебный пиръ» (1875), Максимовъ касается другой печальной черты быта крестьянина—его суевѣрій. Свадебный обѣдъ омраченъ приходомъ колдуна, и смущеніе охватило собравшихся. Смущенно поднялись со своего мѣста молодые. На нихъ не дѣйствуетъ ни слово одобренія сельскаго мѣстнаго батюшки, ни тѣ успокоительныя рѣчи, которыя говоритъ на ухо молодой пожилая женщина, быть можетъ, ея мать или близкая родня. Бѣдность крестьянской среды мы видимъ въ болѣе чѣмъ скромномъ крестьянскомъ «Ужинѣ» (1879). Безпомощность той же среды ярко передается въ картинѣ «Больной мужъ» (1881). Въ борьбѣ съ болѣзнию нѣтъ ни доктора, ни лекарствъ. Вся надежда—на милосердіе Всевышняго, къ которому обращается съ горячей молитвой колѣпопреклоненная предъ образомъ жена больного. Милую сценку даетъ тотъ же Максимовъ въ своихъ «Бабункиныхъ сказкахъ» (1867), гдѣ старуха-бабушка рассказываетъ внучатамъ о тяжеломъ прошедшемъ, но то уже прошлое, теперь же лучше, легче живется. Радуется старуха-крестьянка урожаю въ картинѣ «У своей полосы» (1891). Свѣтлымъ чувствомъ проникнуто произведеніе «Заемъ хлѣба» (1882), гдѣ зажиточная сосѣдка добродушно дѣлится своимъ достаткомъ съ менѣе счастливой, отвѣсивая ей занимаемый хлѣбъ. Къ произведеніямъ Максимова не изъ крестьянскаго быта относятся «Примѣрка ризы» (1878) (швея мѣряетъ священническую ризу), «Все въ прошломъ» (1889), «Съ дипломомъ» (1890), «Изъ гостей» (1900) и нѣкоторыя другія. Лучшее изъ нихъ «Все въ прошломъ». Эта работа пользуется большою извѣстностью. На первой планѣ, близъ скромнаго деревяннаго домика, у чайнаго стола сидитъ въ роскошномъ креслѣ богато одѣтая старуха-помѣщица. На ступенькахъ крыльца помѣстилась служанка, спокойно, дѣловито вяжущая чулокъ. Госпожѣ не до чаю, она сосредоточенно, почти мрачно, задумалась, а поодаль—памятникъ былого величія, когда-то роскошный, теперь кинутый и заколоченный дворянскій домъ, отъ котораго вѣетъ разрушеніемъ и щемящей тоской. В. М. Максимовъ за свои картины «Приходь колдуна на свадьбу» и «Семейный раздѣлъ» награжденъ званіемъ академика. Его произведенія находятся въ галереяхъ Третьяковской и И. Е. Цвѣткова, въ Румянцовскомъ музеѣ и другихъ мѣстахъ. Кромѣ постоянного участія на выставкахъ товарищества передвижныхъ выставокъ, онъ участвовалъ на выставкахъ всероссійскихъ въ 1882 и 1896 годахъ и въ 1878 г. на всемірной въ Парижѣ, гдѣ были его извѣстные «Приходь колдуна» и «Семейный раздѣлъ». (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1911 г., № 269).

† **Священникъ Непинъ, С. А.** 27 іюня городъ Вологда понесъ тяжелую утрату, въ лицѣ рѣдкаго пастыря, публициста и общественнаго дѣятеля, такъ преждевременно на 41 году скончавшагося о. С. А. Непина, который отличался рѣдкой неутомимостью духа, предприимчивостью и любовью къ родинѣ. Не по

лѣтамъ серьезный, о. С. А. въ семинарскіе годы углубляется въ книги и съ жадностью читаетъ все, что ему ни попадаетъ: духовныя и научныя сочиненія и журналы, быстро развивается и обнаруживаетъ въ своихъ классныхъ работахъ большую начитанность. По окончаніи семинаріи съ званіемъ студента не идетъ въ академію, какъ его даровитые товарищи, а остается служить въ санѣ діакона своему родному краю. Первые литературныя работы онъ помѣщаетъ въ мѣстныхъ газетахъ и журналахъ, подъ псевдонимомъ «С.», «А.», «С. Н.», «Н. Арсеньевичъ». Въ поощреніе литературныхъ трудовъ преосвященный Алексѣй назначаетъ его священникомъ къ церкви Царе-Константиновской гор. Вологды, гдѣ онъ пробылъ до конца дней своихъ. Отдаваясь законоучительству въ трехъ школахъ, онъ досуги свои посвящаетъ фотографіи. При своей настойчивости и трудолюбіи о. Сергій достигъ такихъ результатовъ, что уже въ 1898 году издалъ «Альбомъ видовъ гор. Вологды», а затѣмъ иллюстрировалъ снимками свои произведенія. Имѣя возможность выѣзжать изъ родного города для обозрѣнія святынь Вологодской губерніи, онъ имѣлъ возможность ознакомиться со строемъ деревенской жизни, съ ея нуждами, дѣлалъ массу наблюдений изъ крестьянской жизни, и все это въ послѣдствіи нашло яркое и вѣрное отраженіе въ его сочиненіяхъ. Его произведенія, вводяція въ глубину крестьянскаго быта, его нужды, правдивыя и художественныя, пользовались глубокими симпатіями вологодскаго общества. Духовенство глубоко цѣнило незаурядную дѣятельность о. Непейна и считало его первымъ кандидатомъ на епархіальныя должности, связанныя съ исторіей края. Такъ, онъ былъ избранъ при открытіи въ Вологдѣ церковнаго древлехранилища завѣдующимъ оного. Состоя законоучителемъ Свято-Стефановской школы, онъ основалъ замѣчательный музей при школѣ, послужившій толчкомъ къ таковымъ въ другихъ школахъ. Непосредственное начальство также цѣнило дѣятельность о. Сергія на пользу просвѣщенія народа въ духѣ православной церкви, и онъ получилъ 2 мая 1905 года библію отъ Святѣйшаго Синода. Будучи проникнутъ любовью къ родному краю, онъ писалъ о немъ въ журналахъ: «Историческій Вѣстникъ», «Живописная Россія», «Русскій Паломникъ» и въ другихъ органахъ печати. Слогъ его отличался живостію изложенія, образностью выраженій и точностью историческихъ датъ. Назовемъ нѣкоторыя изъ статей о. Сергія: «Живопись Боровиковскаго въ Семигородней пустыни», «Деревянные храмы Вологодскаго края», «По Грязовецкому уѣзду», «По Каменному монастырю», «Угасшіе типы», «Изъ сѣверныхъ преданій», «На службѣ Богу», очерки изъ духовнаго быта, «О школьномъ музеѣ», «Свадебныя причеты Грязовецкаго уѣзда», «Корниловскія минеральныя воды», «По Вычегдѣ на Печору», «Объ открытіи школъ глухонѣмыхъ въ Вологодской губерніи», «Мотылекъ» (быль), «Блазнительный камень», «Историческіе очерки Вологодской губерніи», «Достопримѣчательности Спасо-Прилуцкаго монастыря», и т. д. Всѣ многочисленныя труды о. Сергія невозможно перечислить отчасти потому, что пока не составленъ полный списокъ всѣхъ его произведеній, оставшійся же послѣ покойнаго перечень доведенъ лишь до 1906 года. Уже извемагая отъ смертнаго недуга (ракъ селезенки), онъ закончилъ свой большой трудъ «Руководство по родиновѣдѣнію Сѣвернаго края». Перу его принадлежитъ единственное въ своемъ родѣ изданіе «Во-

логда прежде и теперь» съ многими иллюстраціями, — изслѣдованіе, далеко извѣстное за предѣлами Вологодской губерніи. Путеводитель по вологодскому епархіальному древлехранилищу также распространенъ между всѣми слоями общества Вологодской губерніи. Не меньшимъ успѣхомъ пользуется его книга «Семинарская забастовка». Вологодскіе преосвященные, начиная съ преосвященнаго Алексѣя, и настоящій владыка Никона, извѣстный издатель «Троицкихъ листковъ», глубоко цѣнили труды о. Сергія на благо роднаго края и поощряли его наградами до камилавки включительно. Среди мѣстнаго свѣтскаго общества о. Сергій былъ большою научною величиною, а потому, когда губернское земство выработало программу описанія Вологодской губерніи, то ему первому было сдѣлано предложеніе—взять на себя этотъ трудъ, каковое довѣріе онъ и оправдалъ, выполнивъ съ сознаніемъ дѣла премированный трудъ. Послѣ смерти о. Сергія остались ненапечатанными нѣсколько статей и стихотвореній и одна рукопись, не имѣющая по своему содержанію отношенія къ прямой специальности автора, подъ названіемъ «Долговѣчное электрическое освѣщеніе». Приводимый перечень далеко не всѣхъ произведеній о. С. А., выпущенныхъ и отдѣльными изданіями, въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ «Вологда прежде и теперь» и друг.), не говоритъ ли убѣдительно, что покойный о. Сергій проявлялъ особенную любовь къ изслѣдованію роднаго Вологодскаго края, каковому дѣлу онъ посвятилъ всю свою недолгую, но столь плодотворную жизнь и писательскій талантъ.

† **Рихтеръ, Н. Ѳ.** Скончался предсѣдатель московской губернской земской управы Николай Ѳеодоровичъ Рихтеръ. Покойный 44 года своей жизни посвятилъ общественной дѣятельности, которой онъ отдавался все время съ большою охотой и замѣчательной энергіей. Въ служеніи общественному дѣлу покойный не зналъ усталости и отдыха. Достаточно сказать, что за все время своей многолѣтней службы онъ, какъ значится въ его формулярѣ, только два раза пользовался отпусками: одинъ разъ—на 17 дней, другой разъ—на 28 дней и «явился въ срокъ»,—отмѣчается въ томъ же послужномъ спискѣ. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ со степенью кандидата П. Ѳ. занялъ въ 1865 году должность бухгалтера въ московскомъ казначействѣ. Въ этой должностн онъ прослужилъ менѣе года; съ введеніемъ въ Московской губерніи мирового института онъ въ 1867 году поступаетъ на мѣсто секретаря съѣзда мировыхъ судей Московскаго уѣзда. Съ этого времени начинается его долговременная служба по мировымъ учрежденіямъ. Въ 1869 году онъ выбирается отъ потомственныхъ дворянъ членомъ московской распорядительной думы и въ томъ же году избирается въ участковые мировые судьи по городу Москвѣ. Въ 1871 г. Н. Ѳ. становится гласнымъ московскаго уѣзднаго земскаго собранія, которое избираетъ его въ слѣдующемъ году на должность почетнаго мирового судьи по Московскому уѣзду. Московская городская дума выбираетъ его въ 1873 году въ почетные мировые судьи по городу Москвѣ. Въ томъ же году П. Ѳ. избирается въ участковые мировые судьи по Московскому уѣзду. Это избраніе повторяется въ 1875 году, когда онъ выбирается и на должность предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей по Московскому уѣзду. Черезъ три года онъ снова выбирается въ участковые мировые судьи и въ предсѣдатели уѣзднаго съѣзда

мировыхъ судей, а также въ непремѣнные члены сѣзда. Въ 1880 г. прекращается его дѣятельность въ должности участковаго мирового судьи, но затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій Н. Θ. выбирается въ почетные мировые судьи по Московскому уѣзду. Въ теченіе 40 лѣтъ, съ 1871 года до самой смерти, онъ непрерывно состоялъ земскимъ гласнымъ уѣздныхъ или губернскихъ земскихъ собраній. Земская дѣятельность его началась въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ нѣсколько трехлѣтій онъ состоялъ гласнымъ, а съ 1896 г. по 1905 г., въ теченіе 10 лѣтъ, предсѣдателемъ уѣздной земской управы. Въ первые два года своего предсѣдательства Н. Θ. увеличилъ число земскихъ начальныхъ школъ въ уѣздѣ на 40, и московское уѣздное земство было первымъ въ Россіи, осуществившимъ общедоступность народнаго образованія, такъ что въ уѣздѣ не было селенія, отстоявшаго болѣе трехъ верстъ отъ школы. Дѣятельность его въ уѣздѣ ознаменовалась также значительнымъ расширеніемъ медицинской и агрономической помощи населенію. Въ дни освободительнаго движенія 1904—1905 гг., по докладу Н. Θ., московское уѣздное земское собраніе возбудило ходатайство о введеніи въ Россіи представительнаго строя. Всѣ почти доклады уѣздному земскому собранію покойный писалъ самъ. Въ гласныя губернскаго земскаго собранія Н. Θ. впервые избирается въ 1873 г. отъ Москвы на трехлѣтіе. Съ тѣхъ поръ онъ непрерывно остается губернскимъ гласнымъ въ теченіе 38 лѣтъ до дня своей кончины: два трехлѣтія съ 1877 г. онъ былъ губернскимъ гласнымъ отъ Московскаго уѣзда, слѣдующія четыре трехлѣтія—отъ Дмитровскаго уѣзда, затѣмъ четыре трехлѣтія—отъ Московскаго уѣзда и послѣднія пять лѣтъ—отъ клинскаго земства. Въ концѣ 1880 г. Н. Θ. былъ избранъ членомъ губернской земской управы по дорожному отдѣлу и занималъ эту должность по 1893 г. Отъ губернскаго земскаго собранія Н. Θ. избирался нѣсколько разъ въ члены присутствія московскаго отдѣленія земельного крестьянскаго банка, въ члены губернскаго училищнаго совѣта, учетно-суднаго комитета московской конторы государственнаго банка. Въ качествѣ гласнаго покойный работалъ во многихъ комиссіяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. По оставленіи должности члена губернской управы Н. Θ. занималъ около двухъ лѣтъ должность земскаго начальника въ Московскомъ уѣздѣ передъ выборами его въ предсѣдателя уѣздной земской управы. Должность предсѣдателя губернской земской управы Н. Θ. занялъ въ мартѣ 1907 г. и состоялъ въ ней до своей кончины. Результатами дѣятельности его въ этой должности было улучшеніе земскихъ финансовъ, расширеніе медицинской, агрономической и вообще экономической помощи населенію. Живое участіе принималъ онъ въ организаціи общеземскаго сѣзда по народному образованію, земскаго товарищества по закупкѣ кровельнаго желѣза, пожарныхъ трубъ и цемента. Въ февралѣ 1909 г. Н. Θ. утвержденъ въ званіи постояннаго члена общаго присутствія совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, а въ іюнѣ 1910 г. членомъ сельско-хозяйственнаго совѣта при главнымъ управленіи землеустройства и земледѣлія, на засѣданія котораго онъ собирался отправиться вечеромъ 21-го ноября. Въ совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства Н. Θ. участвовалъ между прочимъ въ разработкѣ новаго положенія по мѣстному управленію. Скончался Н. Θ. 67-ти лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1911 г., № 270).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу разсказа г-жи Соколовой «Императоръ Николай I и васьильновья дурачества».

В январской книжкѣ за 1910 г. «Историческаго Вѣстника» помѣщенъ разсказъ г-жи Соколовой объ увлеченіи императора Николая I красавицей Лавиніей Жадимировской и о похищеніи ея княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ.

Событіе это освѣщается г-жой Соколовой не совсѣмъ вѣрно. Я слышалъ о немъ разсказъ моего покойнаго отца, принимавшаго непосредственное участіе въ похищеніи Жадимировской княземъ Трубецкимъ и затѣмъ жившаго съ Трубецкимъ вмѣстѣ въ Оренбургѣ, когда послѣдній былъ сосланъ туда солдатомъ. Лавинія Бравура, въ замужествѣ Жадимировская, ни по рожденію, ни по первому браку не принадлежала, какъ говоритъ г-жа Соколова, къ высшему кругу. Мужъ ея былъ очень богатъ, но происходилъ изъ купческаго сословія. Бравура фамилія итальянская и появилась въ Петербургѣ вслѣдствіе женитьбы одного изъ хозяевъ бывшаго англійскаго магазина Никольса на вдовѣ Бравура. Лавинія была дочь г-жи Никольсъ отъ перваго брака. Пользовался ли Жадимировскій, какъ утверждаетъ г-жа Соколова, прекрасной репутаціей, — не знаю, но знаю, что женился онъ на Лавиніи Бравура противъ ея воли, соблазнивъ ея мать и отчима крупнымъ состояніемъ. Когда онъ сдѣлалъ предложеніе молодой дѣвушкѣ, она уже любила князя Трубецкаго и наотрѣзъ отказала влюбленному богачу. Но Жадимировскій и родные Лавиніи настаивали на бракѣ. Когда все ихъ убѣжденія оказались безуспѣшными, чтобы сломить ея упорство, Лавинію заперли въ отдѣльную комнату, гдѣ подвергли разнымъ лишеніямъ. Это домашнее тюремное заключеніе продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ заключенная не выдержала и выразила желаніе видѣться и говорить съ Жадимировскимъ. При свиданіи съ навязчивымъ женихомъ она сказала, что исполнить волю родныхъ и выйти за него замужъ, но фактически никогда его женой не будетъ. Если онъ на это условіе согласенъ, то можетъ съ нею обвѣнчаться. Женихъ согласился, и свадьба состоялась.

Мѣсяца три Жадимировскій мирился съ положеніемъ только официальнаго супруга, но затѣмъ сталъ предьявлять свои права все настойчивѣе и настойчивѣе, доходя до оскорбительныхъ требованій и грубыхъ приемовъ, твердо рѣшившись стать мужемъ не только по названію. Встрѣченный имъ со стороны жены отпоръ былъ не менѣе твердъ, чѣмъ его рѣшимость. Тогда онъ прибѣгъ къ уже испытанному средству, и Лавинія была опять подвергнута заключенію, на этотъ разъ уже въ домѣ мужа. Черезъ преданную горничную ей удалось увѣдомить князя Трубецкаго о своемъ положеніи. Ни одна душа не допускалась въ комнату, гдѣ была заключена Лавинія. Но вотъ однажды на дворѣ дома Жадимировскаго появился разносчикъ-итальянецъ съ лоткомъ на головѣ, продававшій разныя гипсовыя бездѣлушки. Черезъ ту же преданную горничную Лавинія выпросила разрѣшеніе у мужа купить что-нибудь изъ этихъ скромныхъ произведеній ея родины, и итальянецъ со своимъ товаромъ былъ допущенъ въ ея комнату.

Когда она разсматривала принесенныя вещи въ присутствіи мужа, разносчикъ сказалъ ей по-итальянски: «купите гипсового зайчика и потомъ какъ бы нечаянно разбейте его».

Итальянецъ былъ переодѣтый пріятель князя Трубецкаго, а въ разбитомъ зайчикѣ оказалось письмо, подробно излагающее планъ побѣга.

Слѣдуя этому плану, Лавинія вскорѣ заявила мужу, что согласна покоряться его требованіямъ, но предварительно желала бы примириться съ родными, которымъ доставила столько огорченій своей строптивостью. Обрадованный Владимировскій поспѣшилъ поѣхать съ женой къ ея роднымъ, гдѣ и состоялось полное семейное примиреніе. Подъ предлогомъ взглянуть на свою бывшую дѣтскую комнату Лавинія ушла вглубь большой квартиры и чрезъ черный ходъ выбѣжала на улицу, гдѣ ее уже ожидала карета. Въ каретѣ сидѣлъ мой отецъ, быстро накинувшій на нее шубу. Дверца захлопнулась, и лошади помчались къ дому голландскаго посланника, гдѣ ожидалъ князь Трубецкой. Подъ защитой экстерриториальности посольскаго помѣщенія бѣглецы прожили около мѣсяца въ Петербургѣ въ то время, какъ погоня, сыщики и эстафеты искали ихъ по Россіи.

Если Владимировскій и пользовался блестящей репутаціей, то исторія его женитьбы не прибавила къ этой репутаціи новаго блеска.

Чрезъ мѣсяць, когда первая энергія преслѣдователей истощилась, Трубецкому съ Лавиніей удалось благополучно выбраться изъ Петербурга и достигнуть Кавказа. Въ одномъ изъ кавказскихъ портовъ ихъ ждала парусная шкуна, которая должна была ихъ доставить въ Италію. Все было готово къ отплытію, но Трубецкой, большой любитель бильярда, увлекся этой игрой въ залѣ гостиницы. По несчастію, въ бильярдную вошелъ какой-то мѣстный полицейскій. Примѣты князя Трубецкаго къ тому времени были уже разосланы повсюду, и въ числѣ ихъ значился—отрубленный большой палецъ на правой рукѣ. При игрѣ на бильярдѣ этотъ недостатокъ бросился въ глаза, и Трубецкой былъ узнавъ и арестованъ. Разжалованный въ солдаты, онъ былъ зачисленъ въ оренбургскій гарнизонъ.

Когда скончался императоръ Николай I, Трубецкой былъ помилованъ и женился на Лавиніи, которая развелась съ Владимировскимъ. Князь Трубецкой не долго наслаждался такъ дорого купленнымъ счастіемъ—только годъ онъ прожилъ съ молодой женой и умеръ. Года черезъ три послѣ его смерти прекрасная вдова вышла замужъ за графа Сухтелена, котораго тоже пережила. Уже немолодая, она еще разъ вышла замужъ за какого-то итальянскаго маркиза—фамилію его сейчасъ не припомню.

Михаилъ Жемчужниковъ.

Ш. Низе.

ДОКТОРЪ СТРУЭНЗЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. Б. МИХАЙЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1912

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ, 13

I.

Въ началѣ октября 1766 г. городокъ Альтона на Эльбѣ сильно страдалъ отъ дождей и вихрей. Западный вѣтеръ дулъ съ такой силой и постоянствомъ, что рѣка съ гнѣвомъ вышла изъ береговъ и маленькіе домики въ гавани были залиты водой, а въ подвалахъ можно было ловить рыбу.

Для молодежи это доставляло большое удовольствіе, но старики покачивали головой и говорили о заразѣ и чумѣ, которыя должны послѣдовать за такой погодой. И хотя оберъ-пасторъ Рейхенбахъ въ своей проповѣди въ церкви Св. Троицы и доказывалъ, что такая скверная погода стоитъ на всемъ земномъ шарѣ и что изъ-за этого не слѣдуетъ терять вѣру, тѣмъ не менѣе въ городѣ нашлось немало обывателей, которые, съ сомнѣніемъ покачивая головой, не хотѣли вѣрить ни въ милость Божію, ни въ хорошую осень, а вытаскивали изъ сундуковъ теплые плащи и мѣховыя шапки. Послѣ того, какъ шведскій генераль Стенбокъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ приказалъ подпалить городъ со всѣхъ четырехъ концовъ и сжегъ его до тла, съ того времени домики города стали строиться изъ драни съ глиной. Въ нихъ дѣйствительно можно было замерзнуть, и только въ домахъ самыхъ именитыхъ людей можно было встрѣтить теплыя кафельныя печи. Остальные обыватели должны были довольствоваться широкими каминами для топки торфомъ, причемъ вся теплота улетучивалась наружу сквозь широкую дымовую трубу. Только тогда, когда въ городѣ появились съ тачками рабочіе съ голштинскихъ торфяныхъ болотъ, да и со стороны Ганновера повезли торфа въ Альтону, только тогда солнце сообразило, что, несмотря на туманы, оно еще въ силахъ свѣтить довольно ярко, и потому появилось на небѣ, разогнало своими лучами нару-другую легкихъ облачковъ и стало весело и беззаботно улыбаться на красивыя крыши и остроконечныя колокольни городка, какъ будто бы оно и не подозрѣвало о сѣромъ туманѣ, который цѣлыми днями лежалъ на Эльбѣ и ея берегахъ.

Въ самомъ дѣлѣ было хорошо, что надъ городкомъ раскинулось теперь голубое небо. Деревья заблистали золотомъ, и природа казалась теперь благодѣтельной и покорной. Развѣ 18-го октября этого года пользовавшаяся любовью народа мать отечества не должна была здѣсь впервые ступить на землю своего государства?

Не одну ночь провелъ безъ сна бургомистръ Бауръ, думая о Каролинѣ-Матильдѣ Британской, которая въ это время была заочно повѣнчана въ Лондонѣ съ юнымъ государемъ Даніи Христианомъ VII и теперь черезъ Голландію и Ганноверъ ѣхала въ свое новое царство.

Въ Альтонѣ ей предстояло впервые ступить на датскую почву и выслушать привѣтствія своихъ новыхъ подданныхъ. Если небо такъ же откроетъ свои шлюзы, какъ это было нѣсколько дней тому назадъ, то, очевидно, впечатлѣніе получится очень печальное и, быть можетъ, никогда потомъ уже не изгладится. Однако солнце вспомнило о своей обязанности, и пасторъ Рейхенбахъ, по всей вѣроятности, напрасно досаждалъ Господу Богу своей проповѣдью. Во всякомъ случаѣ бургомистръ рѣшилъ не говорить своей рѣчи, но напечатать ее на городской счетъ, навелъ порядокъ въ пріютѣ и школѣ съ латынью, подтянулъ городскую гвардію и въ указанный день 18-го октября въ сопровожденіи чиновъ магистрата и другихъ уважаемыхъ въ городѣ лицъ отправился на пристань, гдѣ готовилась встрѣча молодой государыни. За нимъ двинулась огромная толпа народу, который разсѣялся по берегу и по стоявшимъ на немъ домамъ и товарнымъ складамъ. Вѣдь не каждый день пріѣзжаетъ въ Альтону государыня, которая на этотъ разъ изъявила желаніе остаться здѣсь цѣлую недѣлю. Нѣтъ ничего мудренаго, что въ Альтону повалилъ народъ изъ окрестныхъ городовъ, изъ Киля и Рендсбурга и изъ многочисленныхъ въ Шлезвигѣ имѣній. Всѣмъ хотѣлось взглянуть на ту, на которую возлагали надежды страны. Рѣдко въ городѣ бывало столько народу, какъ на этотъ разъ. У кого имѣлась комната для гостей,—а у кого ея не было въ тѣ времена, тотъ помѣщалъ въ ней гостей втрое больше, чѣмъ въ обыкновенное время. Гостиницы были переполнены, и многіе, привыкшіе спать на простыняхъ голландскаго полотна, должны были радоваться, если для нихъ находилась постель на соломѣ, гдѣ-нибудь въ конюшнѣ. И мѣстные жители и пріѣзжіе—все вышли къ рѣкѣ, чтобы посмотреть, какъ британская яхта, имѣя на борту дорогую гостью, будетъ медленно и величаво подниматься вверхъ по рѣкѣ.

Въ два часа дня судно должно было быть у моста, однако народъ ждалъ уже цѣлый часъ, а не показывался еще и сигнальный, который сидѣлъ на мачтѣ на Овельгоннской отмели и смотрѣлъ внизъ по Эльбѣ. При первыхъ же признакахъ приближенія яхты онъ долженъ былъ спѣшить въ Альтону.

Такимъ образомъ, публикѣ приходилось ждать. Ждали и ученики латинской школы, которымъ предстояло пропѣть гимнь. Ждали и питомцы пріюта, долженствовавшіе изъ всѣхъ силъ своихъ крѣпкихъ глотокъ кричать ура.

Приходилось запастись терпѣніемъ и именитымъ гражданамъ— благороднымъ господамъ и дамамъ, пріѣхавшимъ изъ своихъ имѣній и нашедшимъ для себя хорошія мѣстечки у оконъ товарныхъ складовъ и купеческихъ конторъ, чиновнымъ представителямъ городка и всѣмъ, кто былъ здѣсь по обязанности и службѣ, кому приходилось встрѣчать королеву глубокими поклонами или привѣтственными рѣчами.

— Какъ-то не вѣрится, что Каролина-Матильда стала уже королевой, хотя она никогда еще не видѣла короля,—сказала Адамина фонъ-Золенталь своему двоюродному брату камеръ-юнкеру Эневальду фонъ-Брандту.

Оба смотрѣли у широкаго окна товарнаго склада, изъ котораго виденъ былъ не только мостъ черезъ Эльбу съ ожидавшими королеву сановниками, но и народъ и окна противоположныхъ домовъ.

— Она еще не королева, а дядя говорить, что ее нужно называть «ваше величество»,—продолжала дѣвушка и крѣпко прижала платкомъ мушку, которая никакъ не хотѣла держаться на ея розовомъ личикѣ. Мушка изображала собою сердце, пронзенное стрѣлой. Ей наконецъ удалось укрѣпить ее на вискѣ возлѣ густо напудренныхъ волосъ, а эта мушка удивительно хорошо шла къ ней.

Такъ, по крайней мѣрѣ, находилъ Эневальдъ Брандтъ, который, залюбовавшись на кузину, даже забылъ ей отвѣтить и глядѣлъ съ оттѣнкомъ серьезности въ ея веселые, смѣющіеся глаза.

— Ma mie,—тихо сказалъ онъ:—вы сегодня прелестны...

Она покраснѣла, вскинула на него свои коричневые глаза и послала ему воздушный поцѣлуй.

— Monsieur, вы не смѣете говорить со мной такимъ образомъ. Вы знаете, что на это скажетъ ваша матушка.

— Да, я знаю,—отвѣчалъ юнкеръ, дѣлая нетерпѣливое движеніе.—Матушка этого не хочетъ, а я хочу, а вѣдь любви нельзя приказывать.

— Позвольте, мы говорили о королевѣ Каролинѣ,—сказала Адамина, улыбаясь.—Итакъ, сударь, объясните мнѣ, почему ее называютъ королевой, когда она еще не королева?

— Она сочеталась бракомъ *per procuratio*. Какой-нибудь вельможа при англійскомъ дворѣ замѣнялъ собою нашего короля. Поэтому она теперь королева и останется королевой до скончанія жизни.

— Надо надѣяться, что это скончаніе еще очень далеко!—воскликнула съ испугомъ Адамина.

— Кто знаетъ,—со смѣхомъ сказала Эневальдь.—Вотъ и я молодъ, а навѣрно скоро прикажу всѣмъ долго жить, если вы не будете моей!

— Насъ слышать!

Адамина робко взглянула на сосѣднее окно, гдѣ собралось большое оживленное общество. Но Эневальдь только пожалъ плечами.

— Любовь не преступленіе. Я васъ люблю и рассчитываю ввести васъ къ себѣ въ домъ, несмотря на то, что мнѣ очень не везетъ.

Онъ нахмурился было, но молодая дѣвушка, вздохнувъ, протянула ему руку, и онъ опять улыбался и цѣловалъ ея пальчики.

— У васъ нѣтъ храбрости, дорогая моя, у меня же ея хватитъ на насъ двоихъ. Клянусь вамъ. Хотя мнѣ сегодня приходится видѣть на моемъ мѣстѣ другого, но скоро наступитъ время, когда его величеству будетъ ясно, что графъ Голькъ лукавъ и неискренень, не то, что я...

Онъ вдругъ остановился и сдѣлалъ по направленію къ толпѣ привѣтственный жестъ рукой.

— Здравствуйте. Занимайте скорѣе мѣстечко, господинъ медикусъ. Тутъ еще есть мѣсто для васъ.

Онъ крикнулъ эти слова довольно громко. Тотъ, къ кому они относились, высокій крупный человѣкъ, ведшій подъ руку молодую дѣвушку, въ отвѣтъ махнулъ шляпой.

— Благодаря васъ, господинъ камеръ-юнкеръ, мѣсто для меня уже занято.

Онъ смѣшался съ толпою и вынырнулъ на деревянной трибунѣ, которая была построена возлѣ самаго моста

Тамъ сидѣла мѣстная знать—штатгальтеръ Гольштейна, высшіе военные чины и между прочимъ жена бургомистра. Всѣ были въ яркомъ одѣяніи, съ большими париками и, было приятно глядѣть на эту картину.

— Какъ вы думаете, удастся доктору Струэнзе найти мѣстечко на этихъ важныхъ скамьяхъ?—спросила Минетта Зоменталь, также здоровавшаяся съ докторомъ.—Кого это онъ ведетъ подъ руку?

Эневальдь вздохнулъ.

— Кого онъ ведетъ подъ руку? Свою невесту, mademoiselle Дорхенъ Небелунгъ, дочь аптекаря съ Принцовой улицы. Вотъ вамъ отвѣтъ на вашъ второй вопросъ. Что касается перваго, то могу только сказать, что нашъ докторъ-физикусъ въ нашемъ добромъ городѣ имѣетъ несомнѣнное право занять здѣсь мѣсто, хотя, какъ вы уже сами видите, на самомъ краю.

— Вотъ идетъ Карстенсъ,—перебила его Адамина или сокращенно Минетта, указывая на пестро одѣтаго человѣка, который, запыхавшись, торопливо пробирался сквозь толпу къ эстрадѣ.

То былъ сигнальщикъ. Онъ остановился передъ трибуной, снялъ свою пеструю фуражку и что-то доложилъ выступившему

впередь бургомистру. Послѣдній выслушалъ его съ серьезнымъ видомъ и, отвѣсивъ глубокій поклонъ штатгальтеру барону Дену, передалъ ему слова сигнальщика. Скоро весь собравшійся народъ зналъ уже, что яхта ея величества прошла Чортовъ мостъ на Эльбѣ и при такомъ хорошемъ вѣтрѣ черезъ полчаса будетъ у Судоваго моста.

— Ну, эти полчаса промелькнутъ такъ, что и не замѣтишь, не правда ли?—обратился Струэнзе къ своей невѣстѣ.

Имъ обоимъ удалось занять небольшое мѣстечко на трибунѣ, хотя великосвѣтскія барыни и смотрѣли не очень привѣтливо на молодую дѣвушку въ пестромъ ситцевомъ платьѣ и зеленой шелковой шляпѣ, изъ-подъ которой выглядывало круглое веселое личико. Большинство этихъ дамъ знало доктора и относилось къ нему благосклонно: никто не умѣлъ такъ хорошо, какъ онъ, излечивать ихъ «vareurs» и всякія другія болѣзни, которымъ подвержены и знатные люди. Но поэтому-то и не слѣдовало ему приводить сюда свою невѣсту, дочь какого-то аптекаря изъ Принцевой улицы. Впрочемъ, никто не сказалъ ни слова, а нѣкоторые изъ мужчинъ, какъ, напримѣръ, старый штатгальтеръ даже привѣтливо улыбнулись Дорхенъ. Какой-то высокій офицеръ уступилъ ей даже свое мѣсто.

— Вамъ будетъ спокойно сидѣть здѣсь, mademoiselle,—сказалъ онъ.—Когда ея величество прибудетъ, мы должны будемъ все устремиться къ мосту, чтобы принести ей присягу на вѣрность. Духовенство уже тамъ, и пошъ готовится свою рѣчь. Дай-то Богъ, чтобы она была покороче.

Дорхенъ покраснѣла и взглянула на доктора, который не слышалъ этого разговора. Сидѣвшая рядомъ съ нимъ съ другой стороны жена члена магистрата г-жа Пиннебергъ обратилась къ нему въ это время съ вопросомъ, слѣдуетъ ли ей привить оспу своимъ дѣтямъ,—вопросъ о прививкѣ волновалъ въ это время всехъ матерей, и всякая мать, встрѣчая доктора, непременно заговаривала объ этомъ.

— Высшій представитель духовенства тамъ на мосту—генераль-суперинтендентъ. Это отецъ моего жениха,—пробормотала молодая дѣвушка.

Офицеръ разсмѣялся, отчего его сердитое лицо сдѣлалось привѣтливѣе.

— Пошъ всегда останется попомъ, mademoiselle. Я знаю это по Пруссіи. Если же г. физикусъ приходится ему сыномъ, то я не хочу женитровать васъ больше своими мыслями.

Онъ отвернулся и сталъ разглаживать руками свои огромные усы. Дорхенъ украдкой наблюдала за нимъ. На немъ былъ красивый мундиръ, на которомъ красовалось нѣсколько орденовъ. Въ Альтовѣ были тоже военные, но изъ мѣстныхъ гражданъ. Они отли-

чалась бравую выправкою и особенной ловкостью въ танцахъ. Но все же говорить съ настоящимъ военнымъ было гораздо пріятнѣе.

— Не можете ли вы указать мнѣ кабинетъ-министра графа Берншторфа?—спросила Дорхень своего сосѣда.

Тотъ быстро обернулся.

— Его нѣтъ здѣсь, онъ въ Копенгагенѣ при его величествѣ королѣ. Король Христіанъ ждетъ тамъ свою супругу. А почему вы хотѣли его видѣть?

— У него живетъ г. Клопштокъ. Нашъ божественный Клопштокъ!—съ живостью заговорила Дорхень.—Мой отецъ говорить...

— Я писакими не интересуюсь,—проворчала офицеръ.—Я солдатъ, mademoiselle, и долженъ обучать своихъ молодцовъ. Я полагаю бы, что Даніи не мѣшало бы имѣть побольше солдатъ и не тратить деньги на бумагу и чернила.

Офицеръ, очевидно, былъ не въ духѣ, и Дорхень хотѣла уже извиниться. Но въ это время сосѣдка доктора успѣла уже наговориться объ оспопрививаніи и поднесла къ носу флаконъ съ освѣжающей солью.

Струэнзе повернулся къ невѣстѣ.

— Замѣтила ты въ окнѣ склада камеръ-юнкера?

— Г. фонъ-Брандтъ!—воскликнула Дорхень.—А рядомъ съ нимъ сидитъ фрейлейнъ фонъ-Золенталь, племянница администратора Ранцау.

— У тебя хорошіе глаза, и я радъ, что ты начинаешь знать въ лицо свѣтскихъ людей. Бѣдный г. фонъ-Брандтъ попалъ въ немилость у короля. Онъ всю жизнь прожилъ при дворѣ, и король очень благоволилъ къ нему. Но явились недоброжелатели и мало-по малу оттѣснили его отъ короля. Теперь онъ сидитъ здѣсь не у дѣлъ у своего вотчина фонъ-Золенталя и не смѣетъ даже принять участіе въ приѣмѣ королевы!

— Бѣдный!—сказала Дорхень и сострадательно посмотрѣла на окно, гдѣ видѣлся темный силуэтъ камеръ-юнкера. Онъ наклонился къ своей спутницѣ и улыбался, но его лицо носило отпечатокъ глубокой меланхоліи.

— Бѣдный!—еще разъ повторила Дорхень.—Это его невѣста?

— Не знаю. У нихъ нѣтъ ничего, на что они могли бы жить. Нѣтъ ни дохода, ни приданаго. Фрейлейнъ фонъ-Золенталь сирота и живетъ у родственниковъ только изъ милости.

— Несчастная!—вздохнула Дорхень и стала смотрѣть на молодую дѣвушку. Виденъ былъ, однако, только одинъ ея напудренный парикъ.—Почему король не смилуетъ надъ г. фонъ-Брандтомъ и не возьметъ его опять ко двору?

— На этотъ счетъ я ничего не могу тебѣ сказать. У короля немало всякихъ совѣтниковъ, и одинъ говорить одно, другой другое.

Тутъ трудно найти правду. Нужно только благодарить Бога, что мы стоимъ такъ далеко отъ двора!

— Конечно!—вдохнула Дорхенъ:—хотя mademoiselle Рейхенбахъ, племянница главнаго пастора, говорила мнѣ, что при дворѣ иной разъ бываетъ очень весело. Вамъ извѣстно, что mademoiselle Рейхенбахъ занимаетъ должность камерфрау ея величества королевы Юліанін-Маріи. Въ прошломъ году она была здѣсь и много поразказала намъ. Хотя вдовствующая королева живетъ теперь въ полномъ уединеніи, но все-таки и у нея кое-кто бываетъ, и фрейлейнъ Рейхенбахъ говорила, что, если я когда-нибудь буду въ Копенгагенѣ у своего двоюроднаго брата, придворнаго аптекаря, то непременно должна заѣхать къ ней. Зимой она живетъ съ королевою всегда въ городѣ, лѣтомъ же въ замкѣ, который называется Маріенлюсть. Мѣстоположеніе его на озерѣ Орезундѣ очень красиво.

Струэнзе уже не слушала ея болтовни. Жена члена магистрата фонъ-Пиннебергъ снова вступилась въ разговоръ и пустилась рассказывать о томъ, какъ на прошлой недѣлѣ у нея былъ насморкъ и что ей теперь дѣлать. Не успѣла она еще получить отвѣтъ, какъ послышались пушечные выстрѣлы, и народъ разразился громкими привѣтственными криками. Власти поспѣшно направились къ Судовому мосту. Генераль-суперинтендентъ поднялъ, благословляя, руку, регентъ взмахнулъ своею палочкой, церковные колокола зазвонили. Слабонервные люди поспѣшили приложить платокъ къ глазамъ, на которыхъ уже выступали слезы.

Показалась гордая яхта съ королевой. Она шла подъ британскимъ флагомъ, съ бѣлоенѣжными парусами. На носу ея стояла высокая дѣвушка въ голубомъ шелковомъ платьѣ и привѣтливо раскланивалась во все стороны.

— Да здравствуетъ Каролина-Матильда!—кричалъ народъ.

Октябрьское солнце весело смѣялось и набрасывало золотое покрывало изъ лучей на нѣжное личико и бѣлокурые волосы датской королевы.

II.

— Развѣ вы что-нибудь замѣтили, милая Эммелина?—спросила ее свѣтлость герцогиня Плонъ-Гольштейнъ.

Она овдовѣла не такъ давно и ей не было, собственно говоря, никакой надобности тащиться въ старой коляскѣ изъ Плона въ Альтону съ единственною цѣлью взглянуть на прибытіе королевы Каролины-Матильды. Но нѣкоторая перемѣна обстановки освѣжительно дѣйствуетъ и на вдовъ, въ особенности когда приходится жить въ замкѣ, имѣя очень ограниченныя средства и довольствуясь очень маленькимъ штатомъ, который состоитъ, собственно говоря,

изъ двухъ лицъ—гофмейстерины, не получающей никакого жалованья и живущей у герцогини только изъ привязанности къ ней, и шута-карлика, который, говоря по правдѣ, вовсе не карликъ, а горбатый портной.

При такихъ обстоятельствахъ не приходится долго размышлять о своей жизни. Гораздо лучше наслаждаться сладостями жизни, гдѣ къ тому представится случай. Не каждый день можно видѣть въѣздъ королевы, а почтмейстеръ въ Плонѣ соглашается дать лошадей безъ предьявленія за то счета.

Въѣздъ только что совершенъ. Смолкли колокола и пушки, люди, кричавшіе ура, промачивали себѣ горло. Хотя герцогиня и не кричала ура, а только кивала головой и всхлипывала, тѣмъ не менѣе въ своей гостиницѣ возлѣ ратуши она также чувствовала потребность промочить горло. Выпивъ чашку кофе, она бесѣдовала съ своей добровольной гофмейстериной, фрау фонъ-Тоттъ.

— Видѣли въѣздъ?—еще разъ задала она этотъ вопросъ и, не дожидаясь отвѣта фрау фонъ-Тоттъ, стала задумчиво намазывать себѣ хлѣбъ масломъ.

— Не очень хорошо, ваша свѣтлость. На ней было голубое шелковое платье и плащъ на красной подкладкѣ. Возлѣ нея была фрау фонъ-Плессенъ. Она все вертѣла глазами, давая знать, что школьники, стоявшіе направо и налево, должны отвѣшивать поклонны. О, Плессенъ—хитрая особа, которая не выпуститъ изъ своихъ рукъ бразды правленія. Теперь она стала гофмейстериной и привезла съ собой какую-то дѣвчонку.

— Эмелина,—сказала герцогиня, задумчиво откусывая приготовленный гофмейстериной буттербродъ:—я полагаю, что датскую королеву нельзя называть дѣвчонкой.

— Господи, Боже мой! Почему же нельзя?—добродушно спросила фрау фонъ-Тоттъ.—Вѣдь ей всего пятнадцать лѣтъ. А ея супругу семнадцать лѣтъ и, кромѣ того, онъ странный чудакъ. Ума-то у него немного, да и все то, чему его научили, не всегда бывало хорошо. Придворные...

— Милѣйшая Эмелина,—прервала ее со страхомъ герцогиня:—не будемъ распространяться объ этомъ. Ахъ, какъ хорошо и убѣдительно говорилъ суперинтендентъ. Недурно говорили также штатгальтеръ и бургомистръ. Г. Бауръ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, и то обстоятельство, что оберъ-президентъ Альтоны фонъ-Гелеръ еще не вернулся изъ Турціи и не вступалъ въ свою должность, вовсе не повредило торжеству. Какъ вы думаете, Эмелина, будемъ мы представлены ея величеству сегодня же, или намъ придется терпѣть до завтра.

— Само собою разумѣется,—поспѣшно отвѣчала Эмелина.—Вспомните, ваша свѣтлость, что сегодня въ семь часовъ назначенъ парадный обѣдъ. До него королева должна еще отдохнуть хоть не-

много: сегодня вечеромъ ей придется все время улыбаться, пока не сведетъ ей ротъ. Я это знаю по себѣ и знаю, какъ это утомительно. Значить, сегодня объ этомъ печего и думать!

Герцогиня откинулась на своемъ стулѣ и стала смотрѣть сквозь узкія окна на рынокъ, на людей, которые тамъ ходили, на торговцевъ, которые тамъ стояли съ лотками. Веселенькое жительство—сидѣть въ неважной гостиницѣ или цѣлые дни прятаться въ своемъ Плонскомъ замкѣ!

Герцогинѣ было лѣтъ около шестидесяти, а метрическое свидѣтельство Эммелины удалось видѣть только священнику, вѣнчавшему ее съ камеръ-юнкеромъ фонъ-Тоттомъ. Господинъ фонъ-Тоттъ давно уже отправился къ праотцамъ, и его вдовѣ пришлось вести довольно бродячій образъ жизни, пока наконецъ она не осѣла въ Плонъ и не стала тамъ прочно на якорь. Обѣ дамы какъ нельзя лучше подходили другъ къ другу. Герцогиня была серьезнѣе и боязливѣе по натурѣ, что, можетъ быть, объяснялось тѣмъ, что она происходила изъ стариннаго рода Ревентловыхъ, хотя и не была прирожденной княгиней. Въ тѣ времена не княжеское происхожденіе считалось чуть не преступленіемъ. Герцогинѣ то и дѣло приходилось убѣждаться въ этомъ, и потому она рѣшила уединиться отъ свѣта.

Фрау фонъ-Тоттъ, напротивъ, очень хотѣлось еще наслаждаться жизнью и срывать розы удовольствія, находить которыя она была большая мастерица. Она сохранила въ себѣ юное сердце и кому случалось заглянуть въ ея веселые свѣтлые глаза, тотъ безъ труда могъ подмѣтить въ нихъ юношескій блескъ, столь противорѣчившій ея слегка сморщенному лицу.

Она уже покончила съ своимъ кофе и также смотрѣла изъ окна.

— Какая толпа,—весело промолвила она.— Наше длинное путешествіе изъ Плона вполне вознаграждено, ибо здѣсь и мысли другія. Сегодня я, съ вашего изволенія, сдѣлаю нѣкоторыя закуски. Анисовый ликеръ у насъ на исходѣ, и лучше всего его купить у Небелунга въ улицѣ Принцевъ. Это тотъ самый Небелунгъ, который далъ намъ для чтенія «Клариссу» и романъ Руссо. Онъ человѣкъ ученый, знаетъ съ писателями и раза два получалъ письма отъ самого профессора Геллерта. Я закажу ему также настойки отъ подагры, которая такъ хорошо помогла вашей свѣтлости въ прошломъ году. Послѣднюю бутылку этой настойки мы подарили старому графу Ашебергу, который прислалъ намъ за нее дикую козу и окорокъ дикой свиньи. Настойка отъ подагры сослужила намъ добрую службу, и я поблагодарю за нее Небелунга.

— Поблагодарите и за романы. Если у него найдется еще дватри томика, и онъ согласится одолжить намъ ихъ, то я буду ему сердечно благодарна и при случаѣ не премину вернуть ихъ ему.

— Конечно, г. Небедунгъ долженъ считать за особую честь, если ему представляется случай содѣйствовать нашему образованію. Онъ знаетъ, что зимніе вечера въ маленькихъ городахъ гораздо длиннѣе, чѣмъ въ большихъ. Отъ него я отправлюсь къ своей племянницѣ Минеттѣ фонъ-Золенталь. Она теперь живетъ у дяди съ отцовской стороны, Ранцау. Такъ какъ ея мать приходилась мнѣ родной сестрой, то я считаю своимъ долгомъ освѣдомиться о томъ, какъ ей живетъся.

— Золентали живутъ здѣсь, въ Альтонѣ?—спросила герцогиня.

— Только теперь, ваша свѣтлость. Около замка Ранцау слишкомъ сыро, и владѣлица его схватила лихорадку. Медикъ посовѣтовалъ ей перемѣнить обстановку и провести нѣкоторое время въ Альтонѣ. Ея домъ находится на Длинной улицѣ, недалеко отъ улицы Принцевъ, такъ что я могу посѣтить ихъ обѣихъ безъ особой потери времени.

— Я тоже хочу ѣхать съ вами,—начала было герцогиня, но г-жа фонъ-Тоттъ поспѣшно закачала головой.

— Ваша свѣтлость! Это нарушаетъ всякій этикетъ. Герцогиня не можетъ первая дѣлать визиты простымъ людямъ, наоборотъ, ей должны представиться съ надлежащей почтительностью. Если же вы желаете видѣть аптекаря, то я пошлю за нимъ и за моей племянницей Минеттой, которая, однако, слишкомъ горда и не захочетъ цѣловать руку вашей свѣтлости.

— Въ такомъ случаѣ возвращайтесь скорѣе, Эммелина!—уныло промолвила герцогиня.

Гофмейстерина поспѣшила успокоить ее, но когда она очутилась на площади рынка и вдохнула въ себя мягкій осенній воздухъ; ей стало въ высшей степени пріятно, что она идетъ одна. Герцогиня была забыта. Ну, да и то сказать, она была герцогиня, пользовалась подобающими ей почестями, не грѣхъ теперь и поскучать немного.

Еще не совсѣмъ стемнѣло. На небѣ еще горѣли послѣдніе отблески вечерней зари, и серебряный серпъ луны едва началъ подниматься надъ остроконечными крышами домиковъ. По случаю высочайшаго посѣщенія кое-гдѣ была зажжена иллюминація, и въ окнахъ свѣтился яркій свѣтъ. По рынку ходило впередъ и назадъ множество всякаго люда. Разговоръ шелъ о молодой королевѣ, спорили о томъ, будетъ ли она послѣ параднаго обѣда бросать деньги народу. Такъ какъ она должна была выйти для этого на балконъ, то не худо было всякому заранѣе запастись удобнымъ мѣстечкомъ.

Г-жа фонъ-Тоттъ не обращала вниманіе на толкотню, погруженная въ мысли о томъ, что она скажетъ своей племянницѣ, какъ вдругъ передъ ней появился карликъ Ионасъ съ запиской.

— Что тебѣ нужно?—спросила она, отрываясь отъ своихъ мыслей.

— Отъ королевскаго двора, ваша милость. Я бѣжалъ за каретой до Большой улицы, и дама, которая сидѣла возлѣ королевы, замѣтила меня. И когда я продвинулся еще немного къ воротамъ дворца, зажгли уже смоляные факелы и толкотня была такая, что должны были вмѣшаться солдаты. У окна стояла г-жа фонъ-Плессенъ. Она громко назвала меня по имени, дала мнѣ эту записку и сказала, чтобы я сейчасъ же бѣжалъ къ вамъ.

Г-жа фонъ-Тоттъ стояла уже около одного изъ горящихъ фонарей и пристально всматривалась въ поспѣшно нацарапанныя буквы. Затѣмъ она позвала челоуѣка съ носилками и быстро удалилась.

Карликъ Ионасъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Г-жа Плессенъ, видимо, торопилась, — пробормоталъ онъ про себя. — Иначе она могла бы почтить меня парой шиллинговъ.

Онъ промычалъ еще что-то, затѣмъ началъ рѣшительно проталкиваться сквозь толпу и занялъ мѣсто подъ балкономъ ратуши.

Хотя онъ могъ перебиваться въ качествѣ портного и игралъ роль придворнаго карлика только изъ честолюбія, тѣмъ не менѣе онъ считалъ своей обязанностью занять такую позицію, чтобы шиллинги, брошенные королевской рукой, могли бы упасть и на его голову.

Между тѣмъ г-жа фонъ-Тоттъ, сидя на носилкахъ, приближалась къ Большой улицѣ, гдѣ остановилась королева, и полушопотомъ повторяла слова, которыя были написаны на запискѣ:

«Дорогая тетя! Я замѣтила васъ и карлика герцогини, когда вы вѣзжали въ городъ. Не найдется ли у васъ нѣсколько свободныхъ минутокъ, чтобы удѣлить мнѣ. Господинъ фонъ-Келлеръ знаетъ, въ чемъ дѣло, и проводитъ васъ ко мнѣ. Преданная вамъ Л. Плессенъ».

Г-жа фонъ-Тоттъ улыбнулась задумчиво, прочитавъ эти слова, и по своей привычкѣ что-то заговорила про себя. Ей почему-то пришли на умъ разные княжескіе дворы, при которыхъ она жила, и княжескія дѣти, которыхъ она обучала. Ни она, ни ея мужъ никогда не принадлежали къ числу владѣтельныхъ людей, которые могутъ жить и наслаждаться жизнью въ своихъ собственныхъ замкахъ. Съ раннихъ поръ имъ приходилось искать счастья тамъ, гдѣ можно было рассчитывать на княжескую щедрость. Кельнъ, Гота, Вольфенбюттель и множество другихъ названій встало у ней въ памяти. Отъ Вольфенбюттеля судьба привела ее на родину. Хотя принцесса Вольфенбюттельская, теперешняя вдовствующая королева датская, принадлежала къ числу особъ, характеръ которыхъ ея камердама никогда не могла понять вполне, тѣмъ не менѣе она была вполне предана ей.

А безъ княжескаго благоволенія г-жѣ фонъ-Тоттъ обойтись было трудно даже теперь, когда маленькій пенсіонъ давалъ ей

полную возможность жить независимо. Свобода не имѣла для нея никакой цѣны.

Носильщики спустили свои носилки

— Прочь отсюда! Посторонние сюда не допускаются!—закричалъ грубый голосъ.

Г-жа фонъ-Тоттъ высунула голову изъ окна носилокъ.

— Позовите ко мнѣ полковника Коллера!—повелительно сказала она часовому, который невольно отдалъ ей честь.

Скоро появился бряцавшій оружіемъ офицеръ. Бросивъ на нее пристальный взглядъ, онъ поклонился ей.

— Считаю особой честью для себя проводить васъ, милостивая государыня, къ гофмейстеринѣ,—сказалъ онъ.

Слѣзая съ носилокъ, г-жа фонъ-Тоттъ еще разъ оглянулась кругомъ. Длинные смоляные факелы отбрасывали красный облескъ на узкія улицы съ высокими домами и на солдатъ въ блестящихъ мундирахъ, стоявшихъ цѣпью вокругъ дома оберъ-президента. За ними волновалась масса простого народу—рыбаковъ, матросовъ, мелкихъ обывателей. Много было здѣсь и женщинъ. Онѣ кричали и старались какъ-нибудь протискаться впередъ, такъ что солдатамъ стоило большого труда оттѣснить ихъ. Получивъ толчокъ, онѣ раздражались ругательствами, а мужчины смѣялись. Хотя ничего привлекательнаго въ этой картинѣ не было, но г-жа фонъ-Тоттъ съ улыбкой смотрѣла на эту толчею. Ей всегда было пріятно смотреть на какое-нибудь грѣлище: въ Плонѣ все было тихо и однообразно.

— Давненько мы не видались съ вами, —сказала она офицеру, когда они стали подниматься по дубовой лѣстницѣ.—Довольны вы своей службой при новомъ государѣ?

— Почему же мнѣ быть недовольнымъ?—спросилъ онъ, пожимая плечами.—Мы одинаково служимъ королю, зовутъ ли его Фридрихомъ, или Христіаномъ. Но Юліанія-Марія нерѣдко впадаетъ въ недовольство...

— Отчего?—начала было Эммелина, но въ это время ея спутникъ отворилъ какую-то дверь. Высокая дама лѣтъ сорока быстро двинулась имъ навстрѣчу.

— Мон Dieu, какое счастье, что вы здѣсь въ Альтонѣ! Я буду вамъ очень благодарна за ваше посѣщеніе.

— Какъ вы поживаете, дорогая?—г-жа фонъ-Тоттъ была нѣсколько взволнована и тяжело опустилась на стулъ.—Изволите знать, какъ мнѣ трудно отлучиться отъ ея свѣтлости. Да къ тому же я стала уже стара и глупа.

Оберъ-гофмейстерина сдѣлала жестъ сожалѣнія.

— Боже мой! Не сердитесь на меня, дорогая тетя, и дайте мнѣ лучше совѣтъ, какъ быть. Она плачетъ и не хочетъ одѣваться къ столу. Представьте, она хочетъ спать. А на обѣдъ приглашены вся

высшая знать страны и сенаторы Гамбурга. Такъ какъ мнѣ не удалось уговорить ее одѣться, то завтра утромъ я буду уволена въ отставку. Графъ Ботмеръ, сопровождающій ея величество, знать ничего не хочетъ.

— Вамъ бы слѣдовало хорошенько поговорить съ ней, — сказала, помолчавъ, г-жа Тоттъ.

Оберъ-гофмейстерина сѣла въ кресло и провела рукой по взбитымъ и напудреннымъ волосамъ. На нихъ покачивалась цѣлая корзина съ цвѣтами, а на корзинѣ сидѣла птичка съ длиннѣйшимъ хвостомъ. Одно перо этого хвоста свѣшивалось почти до плечъ. Пока гофмейстерина проливала обильныя слезы, г-жа фонъ-Тоттъ внимательно рассматривала ее.

— Неужели я не говорила ей, тетя? Я все пробовала. Я указывала ей на религію, философію, любовь къ отечеству, но все это не произвело на нее никакого впечатлѣнія. Она хочетъ, чтобы около нея была ея прежняя подруга, миссъ Мьюрачъ, которая сопровождала ее до Гааги и подарила ей собачку, постоянно находящуюся при ней даже въ постели. Она плакала и во время переѣзда сюда, но ея англійская камерфрау утѣшала ее разными англійскими бездѣлушками. Къ несчастью, она наткнулась на ящички съ ромомъ, который былъ предназначенъ для прислуги. Трудно сказать, много ли она выпила. Еще недавно она пустилась пѣть во все горло, и королева громко смѣялась этому. А теперь она спитъ, какъ убитая, и я не хочу отливать ее водой. Она уже не первой молодости и можетъ заболѣть. Тогда опять я буду виновата. Вотъ я и сижу здѣсь въ полномъ отчаяніи. Вѣдь если королева не выйдетъ къ парадному обѣду...

Она заплакала такими горячими слезами, что все тѣло ея затряслось и двѣ мушки, приклеенныя на щекѣ и изображавшія амуровъ, были смыты этимъ слезнымъ потокомъ.

Г-жа Тоттъ торжествовала про себя, не показывая, впрочемъ, и виду. Г-жа фонъ-Плессенъ горда и вчера еще могла пройти мимо нея, едва удостоивъ ее снисходительнаго кивка головы.

О г-жѣ фонъ-Тоттъ никто и слышать не хотѣлъ и призывали ее лишь тогда, когда отъ нея ждали какой-нибудь услуги. Впрочемъ, для того, кто дышалъ придворнымъ воздухомъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

— Могу я представиться ея величеству? — спросила г-жа фонъ-Тоттъ, медленно вставая. Оберъ-гофмейстерина быстро вышла въ сосѣдную комнату и такъ же быстро вернулась обратно.

— Она говоритъ, что не надо! — прошептала она. — Умоляю васъ, тетя, попробуйте уговорить ее.

Въ небольшой уютно убранной комнатѣ, освѣщенной нѣсколькими свѣчами, лежала на кушеткѣ молодая дѣвушка. Она едва вышла изъ дѣтскаго возраста, фигура ея еще не развилась, а лицо

имѣло совершенно дѣтское выраженіе. Ея прекрасные голубые глаза были полны слезъ, и длинные пепельнаго цвѣта волосы съ серебрянымъ отливомъ разсыпались, какъ волны, по ея плечамъ.

При входѣ фонъ-Тоттъ она не двинулась съ мѣста.

— Не пужно,—сказала она по-нѣмецки съ сильнымъ англійскимъ акцентомъ.—Пусть Плессенъ обѣдаетъ одна. Я не могу ѣсть, я должна плакать.

— Ваше величество, я вполне это понимаю.—привѣтливимъ голосомъ начала фонъ-Тоттъ.—Какъ должно быть тяжело вамъ въ чужой странѣ. Къ тому же и собачка убѣжала. Она была черная или бѣлая? У меня тоже была собачка—отвратительное животное съ большой головой и толстымъ хвостомъ. Но она брала пищу только отъ меня и стерегла меня, какъ хорошій сторожъ.

Молодая королева поднялась и посмотрѣла въ лицо г-жѣ фонъ-Тоттъ, откидывая со лба волосы и отирая глаза. Такъ какъ г-жа фонъ-Тоттъ замолчала, королева сдѣлала ей знакъ.

— Я хочу слушать дальше. У тебя пріятный голосъ.

— Я стара уже, ваше величество, и немного хорошаго видѣла я въ жизни,—сказала старушка, садясь и оправляя свое толстое шелковое платье. Но я радуюсь всегда, когда мнѣ приходится видѣть молодые лица, особенно когда они смѣются. Плакать-то приходится рано.

Она посмотрѣла на Каролину-Матильду своими ласковыми глазами. Та вздохнула.

— Мнѣ уже и теперь приходится плакать, потому что я одинока. Мьюрачъ также оставилъ меня, графъ Ботмеръ не хотѣлъ, чтобы она пріѣхала сюда. Но она умѣла играть на арфѣ и танцевать менуэтъ, могла кричать пѣтухомъ и крякать, какъ утка. А теперь около меня эта Плессенъ, которая читаетъ мнѣ нотации о томъ, что я теперь королева и должна сидѣть, какъ кукла, что сегодня я должна обѣдать съ разными пожилыми господами, когда у меня нѣтъ никакого аппетита и...

Она остановилась и задумалась.

— Я не люблю эту Плессенъ.

Г-жа фонъ-Тоттъ потихоньку взяла свѣсившуюся руку этой королевы-ребенка.

— Ваше величество, гофмейстерина фонъ-Плессенъ хочетъ вамъ добра. Кто хочетъ быть королевой, тотъ иногда долженъ принуждать себя. Не даромъ же королева стоитъ выше всѣхъ въ странѣ. Развѣ это не пріятно, когда народъ ликуетъ только потому, что ему улыбаются или ласково съ нимъ поздороваются?

Г-жа фонъ-Тоттъ говорила съ одинокой королевой, словно мать. Хотя ребенокъ-королева сначала не очень-то охотно слушала ея рѣчи, тѣмъ не менѣе мало-по-малу мрачное выраженіе исчезло съ

ея лица. Она вздыхала и оглядывалась кругомъ себя, какъ будто отыскивая что-то.

— Ты добрая; можетъ быть, и Плессенъ добрая, но она говоритъ, какъ епископъ. Но вы стары, довольно стары. Неужели я не увижу ни одной молодой женщины? Гдѣ моя Мьюрачъ, которая отличалась такимъ весельемъ и играла на арфѣ.

И опять полились слезы. Въ полуотворенной двери показалась фонъ-Плессенъ съ умоляюще сложенными руками. До параднаго обѣда оставался всего часъ. Парикмахеры дожидались уже давно, парчевое, вышитое розами платье было уже готово, а королева не выказывала никакого желанія снять съ себя капоть, который мягко облегалъ ея плечи. Эммелина подумала съ минутку и снова взяла королеву за руку.

— Ваше величество, у меня есть племянница, она живетъ здѣсь и очень еще молода. Она—веселая дѣвушка и знаетъ музыку. Если ваше величество изволите быть сегодня на обѣдѣ, то Минетта завтра явится къ вамъ завтра утромъ, а теперь ужъ разрѣшите войти парикамахеру. Если ваше величество выйдете сегодня на балконъ и будете бросать деньги, то вспомните о бѣдномъ карликѣ, который ждетъ тамъ уже цѣлую вѣчность.

— Карликъ?—широко раскрывъ глаза, съ изумленіемъ спросила королева.

Продолжая спокойно говорить, Эммелина сдѣлала знакъ въ дверь.

— Да, ваше величество, настоящій карликъ. Можетъ быть, онъ теперь выросъ немного, но у него такая большая голова и острый горбъ. Онъ находится въ услуженіи у герцогини фонъ-Плошъ, при которой и я состою.

— Карликъ!

Королева даже не замѣтила, какъ въ комнату вошелъ парикмахеръ, какъ онъ подошелъ къ ней сзади и тихонько взялъ ея волосы.

— У моего дѣдушки также былъ карликъ, а у герцога Нортумберландскаго былъ карликъ, который становился на пуддингъ. Однажды онъ съѣлъ его слишкомъ много и отъ этого умеръ.

— Но нашъ еще живъ и когда вы будете бросать деньги, то не забудете и его, ваше величество?

Каролина-Матильда кивнула головой. Ей было трудно сдѣлать это, потому что парикмахеръ уже работалъ изо всѣхъ силъ.

— Не забуду карлика, а завтра пошлю за твоей племянницей.

Такимъ образомъ королева спустя два часа стояла на балконѣ ратуши и слушала привѣтственные крики народа. Яркій свѣтъ падалъ на ея стройную фигуру и отражался въ ея глазахъ. Терпѣливо дожидавшійся ея народъ съ криками двигался туда и обратно, пока она доставала изъ шелковаго кошелька шиллинги и бросала

них внизъ по разнымъ направленіямъ. Происходила давка, немало лицъ уже было въ крови, а придворные, стоявшіе за королевой, только весело смѣялись.

Карликъ Ионасъ также получилъ порядочный тумакъ въ лицо, который заставилъ его взвыть отъ боли. Какъ разъ въ это время шиллингъ упалъ ему прямо въ ротъ, такъ что онъ едва не подавился. Это было ужасно, и онъ взвылъ было опять, но на этотъ разъ безъ всякаго результата. Тогда онъ собрался съ силами и, кусаясь и царапаясь, выбрался изъ толпы, потирая бока и радуясь, что ему удалось заполучить шиллингъ. Не вѣзмъ сошло такъ удачно, и на другой день утромъ полиція нашла около ратуши двоихъ раздавленныхъ на смерть.

Но все шло очень красиво, и г-жа фонъ-Тоттъ, наблюдая толпу изъ окна своей гостиницы, громко смѣялась вмѣстѣ съ герцогиней. Хотя она была и невысокаго мнѣнія о людской благодарности, но все-таки надѣялась, что гофмейстерина фонъ-Плессенъ замолвить за нее словечко королю. А король могъ дать порядочно—дука-товъ двадцать, которые отлично могутъ заткнуть нѣкоторыя дыры въ ея бюджетъ.

III.

Пока Эммелина фонъ-Тоттъ хлопотала около королевы, у аптекаря Небелунга были гости. Чай былъ сервированъ съ обильными закусками. Вѣдь въ гавани пришлось ждать цѣлый день, и чай въ тонкихъ китайскихъ чашкахъ былъ теперь особенно вкуснымъ и освѣжающимъ послѣ такого напряженія. Не менѣе вкусно было и миндальное печенье, приготовленное ручками Дорхенъ Небелунгъ.

Его похвалили даже докторъ Струэнзе. Онъ смаковалъ его, сидя у окна въ большомъ покойномъ креслѣ.

— Ты очень хорошо его сдѣлала, хвала тебѣ за это,—говорилъ онъ невѣстѣ.—Нѣтъ ничего полезнѣе для женщины, какъ заняться возможно раньше хозяйствомъ, особенно въ нашемъ состояніи, когда все приходится дѣлать самому. Но я горжусь своимъ состояніемъ и очень радъ, что не принадлежу къ числу придворныхъ прихвостней, которыхъ мы видѣли сегодня дюжинами.

— Между ними были очень красивые господа,—осмѣлилась замѣтить Дорхенъ.

Женихъ съ невѣстой были предоставлены самимъ себѣ, и самъ Небелунгъ велъ бесѣду съ гостями въ глубинѣ комнаты. Два канделябра, которые должны были освѣщать комнату, были еще не зажжены и въ комнатѣ царилъ полумракъ, отчего она казалась еще уютнѣе.

— Ты, Дорхенъ, не должна заглядываться на придворныхъ,—серьезно сказалъ Струэнзе своей невѣстѣ.—Между ними немало

испорченныхъ людей, которые только и ищуть случая, какъ бы оскорбить молодую дѣвушку изъ горожанокъ. Не слѣдовало также молодой дѣвушкѣ вступать въ разговоръ съ офицеромъ, который сидѣлъ рядомъ. Я знаю его въ лицо, онъ не пользуется моимъ уваженіемъ. Это нѣкто Келлеръ, одинъ изъ тѣхъ, которые ѣдутъ въ чужія страны, чтобы зарабатывать тамъ деньги. Репутація у него не особенно важная.

Дорхенъ, до сихъ поръ спокойно слушавшая своего жениха, раскрыла было ротъ, но вдругъ опять смолкла и сѣла около жениха.

— Ты что-то хотѣла сказать?—спросилъ докторъ, который скорѣе почувствовалъ, чѣмъ замѣтилъ ея намѣреніе.

— Я спрашивала офицера о нашемъ Клопштокѣ,—отвѣчала она поспѣшно.—Онъ вѣдь живетъ въ Копенгагенѣ, и кабинетъ-министръ графъ Берншторфъ взялъ его къ себѣ въ домъ. Мой отецъ часто говоритъ о немъ и полагаетъ, что нѣмецкій поэтъ долженъ былъ бы жить въ Германіи. Но датчане даютъ ему деньги, а нѣмцы нѣтъ. Мой отецъ говорить...

— Послушай, Дорхенъ,—перебилъ ее Струэнзе, кладя ей руку на плечо:—ну, что можетъ понимать въ такихъ дѣлахъ молодая, да еще неопытная дѣвушка? Если Клопштоку хорошо живется въ Копенгагенѣ, то и пусть онъ живетъ тамъ, сколько угодно. Не думаю, впрочемъ, чтобы у знатныхъ господъ жилось хорошо. Я бы, по крайней мѣрѣ, предпочелъ разбить эти оковы и вырваться на свободу, но Клопштокъ лишь мастеръ писать о свободѣ, ну, а это онъ можетъ дѣлать гдѣ угодно.

Докторъ говорилъ довольно громко, и Небелунгъ всталъ съ явнымъ намѣреніемъ подойти къ нему.

— Вы говорите про нашего Клопштока?—спросилъ онъ.—Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ былъ здѣсь поближе и снова прочелъ бы намъ свою «Мессіаду». Это ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе. Сегодня на меня произвела сильное впечатлѣніе рѣчь вашего отца. Впрочемъ, это вѣдь очень торжественный моментъ, когда приходится взглянуть въ лицо королевѣ!

— Но вѣдь она настоящій ребенокъ,—полупрезрительно сказалъ Струэнзе.

Аптекарь поспѣшно приложилъ палецъ къ губамъ.

— Тише, тише! О такихъ вещахъ разговаривать не приходится, особенно, когда можно рассчитывать, что дѣти скоро станутъ настоящими людьми.

Небелунгъ любилъ самъ себя слушать. Онъ сталъ по срединѣ комнаты, заложилъ правую руку за жилетъ и жесткулировалъ одной лѣвой.

Лицо у него было веселое, круглое. Онъ носилъ небольшой парикъ съ косичкой, которая нерѣдко сбивалась на сторону. Но никто не рѣшился бы посмѣяться надъ нимъ. Онъ пользовался всеобщимъ

уваженіемъ, а его аптека приготовляла лучшія лекарства, кромѣ того, онъ вель торговлю колоніальными товарами: чаемъ, сахаромъ и кофе, и старался сдѣлать изъ своего дома литературный центръ Альтоны. Небелунгъ поддерживалъ переписку съ Геллертомъ и Рабенеромъ, читалъ вслухъ въ своей семьѣ Руссо и Грандиссона и обращался съ вопросами къ Лафатеру. Всякій, кто хотѣлъ знать, что есть новаго въ литературномъ мірѣ, старался попасть на литературныя чаепитія у Небелунга. Немногіе, правда, интересовались такими вопросами, большинство думало о томъ, какъ бы заработать себѣ кусокъ хлѣба и расширить свои торговые обороты. Но все-таки нерѣдко бывало, что люди, жаждавшіе духовной пищи, стучались въ двери къ аптекарю, который давалъ всякому, что ему было нужно.

Такимъ же путемъ попалъ къ Небелунгамъ и докторъ Струэнзе, и аптекарь былъ очень радъ, что его новый гость быстро сумѣлъ снискать расположеніе Дорхенъ. Выдающихся людей въ городкѣ было не такъ-то много, а докторъ Иоганнъ-Фридрихъ Струэнзе пользовался большимъ уваженіемъ и у знати и у городскихъ обывателей. Правда, какъ городской врачъ, онъ получалъ жалованья всего сорокъ талеровъ, зато частная практика приносила ему гораздо больше.

Такимъ образомъ, Дорхенъ Небелунгъ могла только гордиться, что ей сдѣлать предложеніе такой выдающейся и такой красивой человѣкъ. Подруги, съ которыми она обыкновенно читала за чаемъ стихи, ей сильно завидовали.

Становилось уже темно, и Небелунгъ послалъ дочь въ кухню зажечь служивницую вмѣсто спичекъ восковую свѣчку отъ пылавшаго тамъ очага и принести огонь въ гостиную. Однако Дорхенъ направилась сначала не къ камину, гдѣ подъ пепломъ тлѣли горячіе угли, а въ аптеку. Тутъ уже ярко горѣла масляная лампа, и у прилавка, который отдѣлялся отъ квартиры аптекаря стеклянной перегородкой, тараторили нѣсколько женщинъ, пришедшія за какимъ-то чаемъ изъ травъ. За прилавкомъ стоялъ провизоръ синьоръ Феррони и манипулировалъ своими аптекарскими вѣсами.

Синьоръ Феррони былъ родомъ изъ Падуи. Это былъ молодой еще человѣкъ, довольно слабого сложенія, съ темными мечтательными глазами и черными, слегка выющимися волосами. Городскія модницы не разъ мечтали о провизорѣ, который умѣлъ играть на лютнѣ и пѣть пріятныя пѣсни. Дорхенъ тоже гордилась итальянцемъ, который умѣлъ привлекать въ аптеку немало покупательницъ. Онъ говорилъ по-нѣмецки настолько хорошо, что каждый безъ труда могъ понимать его, и отличался услужливостью и предупредительностью.

— Много у васъ работы, синьоръ?—спросила Дорхенъ, входя въ кухню. Покупательницы уже ушли, и провизоръ складывалъ

мѣдныя деньги въ ящикъ прилавка. Онъ вскинулъ на нее глазами и улынулся.

— У меня много времени, фрейлейнъ, очень много, хотя плохая осень принесла съ собою много болѣзней, а это недурно для вашего отца и господина доктора.

— Такъ приходите теперь къ намъ и выпейте чашку чаю. А я пока побуду въ аптекѣ.

Она сѣла на деревянный стулъ, раздула щеки, стараясь придать себѣ важный видъ, какъ школьничка, копирующій учителя.

— Идите и поддержите тамъ умные разговоры. Скоро долженъ прійти и генераль-суперинтендентъ. Какъ вамъ поправилась его рѣчь сегодня утромъ? Всѣ эти датскіе господа зѣвали, только королева стояла прямо и не двигалась. Вы видѣли ея лицо? Она на два года моложе меня и уже замужемъ.

— Скоро и вы будете замужемъ,—промолвилъ Феррони съ оттънкомъ грусти, заставившимъ Дорхенъ покраснѣть.

— О, нѣтъ, синьоръ. Отчего вы такъ думаете? Я должна ждать еще три года, мой отецъ находитъ, что мнѣ еще рано выходить замужъ. Да и мой женихъ каждый день даетъ мнѣ понять, какъ онъ уменъ и какая я еще дурочка.

— Г. Струэнзе дѣйствительно очень уменъ!—отвѣчала Феррони. Дорхенъ въ отвѣтъ только сморщила свой носикъ.

— Вы любите умныхъ людей, синьоръ! Что касается меня, то я слишкомъ глупа для нихъ.

— Дорхенъ!—послышался сверху голосъ Небелунга.—Куда ты пропала? Мы здѣсь ждемъ свѣту, какъ земля въ дни творенія міра.

— Синьоръ, несите скорѣе имъ восковую свѣчу и наслаждайтесь тамъ чаемъ!—вскричала Дорхенъ, почти выталкивая молодого человѣка изъ аптеки. Феррони успѣшилъ исполнить ея приказъ.

Когда провизоръ зажегъ свѣчу и исчезъ за дверью, Дорхенъ нѣсколько разъ энергично кивнула ему вслѣдъ головой. Пусть они теперь сидятъ тамъ и разсуждаютъ о своихъ отцахъ, о городскіхъ дѣлахъ, о налогахъ Прусскаго королевства и о королевѣ, которая участвовала сегодня на парадномъ обѣдѣ и была, видимо, очень, очень счастлива.

Дорхенъ сидѣла не двигаясь. Въ аптекѣ все было совершенно тихо, только гдѣ-то капалъ кранъ, да постукивали стѣнные часы, висѣвшіе въ передней.

Вдругъ снаружи донесся громкій гулъ. То шумѣлъ народъ, собравшійся вокругъ ратуши, чтобы видѣть молодую королеву. А что эта королева такой же человѣкъ, какъ всѣ другіе, или нѣтъ?

Дверь тихонько скрипнула, и Дорхенъ очнулась отъ своихъ мыслей и быстро подошла къ прилавку.

— Это ты, Гина Зальбей? Твоя барыня вчера получила уже пять склянокъ микстуры и двѣсти штукъ шлюль. Неужели этого не довольно? Или она уже кончилась?

— Что ей дѣлается!—отвѣтала покупательница, дѣвушка почти такого же возраста, какъ и Дорхенъ.—Что ей дѣлается,—повторила она еще разъ и показала на шрамъ, который тянулся по ея лѣвой щекѣ.—Она сегодня исколотила меня и чуть не сбросила меня съ лѣстницы. Только слабость ея и помѣшала.

— Что бы такое могло быть съ ней?—спросила дочь аптекаря.—Можетъ быть, изъ-за барышни? Да она дѣйствительно помолвлена съ камеръ-юнкеромъ Брандтомъ? Я видѣла ихъ сегодня въ окнѣ склада. Мы сидѣли на трибунахъ, а они совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Это все оттого, что камеръ-юнкеръ впалъ въ немилость.

— Развѣ я этого не знаю? Барышня плачетъ цѣлый день. Самъ баринъ говорить, что на все воля Божія, а камеръ-юнкеръ утверждаетъ, что все поправится. Кто можетъ это знать? Короли довольно капризны—это говорить и мой Кришанъ, который теперъ стоитъ съ полкомъ въ Гюкштадтѣ.

Гина говорила такъ быстро, что Дорхенъ должна была напряженно прислушиваться. Обѣ дѣвушки были знакомы между собою со времени конфирмаціи.

— Мой Кришанъ говорить то же!—повторила Гина выразительно.—Онъ вѣдь служитъ въ королевской лейбъ-гвардіи и, можетъ быть, проѣдетъ въ Копенгагенъ. Это за то, что онъ такого высокаго роста. Полковникъ фонъ-Келлеръ такъ ему и сказалъ. Кришанъ говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ королеву вблизи и что она не такъ красива, какъ *mademoiselle* Дорхенъ.

Гина говорила такъ скоро, что едва не задыхалась. Чтобъ успокоить ее, Дорхенъ дала ей анисовую конфетку.

— Не нужно такъ волноваться,—сказала она.—Сядь здѣсь и расскажи еще что-нибудь о твоей барышнѣ. Итакъ, она еще не помолвлена съ камеръ-юнкеромъ!

Гина пожала плечами.

— Я ничего не знаю. Знатные господа не станутъ, какъ мы, расцѣловываться при людяхъ. Старая барыня хочетъ, чтобы ея сынъ женился на богатой невѣстѣ.

Звонокъ на двери звякнулъ. Въ аптеку вошелъ молодой изящно одѣтый господинъ и безъ церемоніи присѣлъ у одного изъ стоявшихъ тутъ небольшихъ столиковъ.

— Дайте мнѣ анисоваго ликера, пожалуйста,—сказалъ онъ, вытягивая красиво обутыя ноги.

Дочка аптекаря сильно покраснѣла, но подошла къ шкапу и вынула оттуда небольшую бутылочку и рюмку. Наполнивъ ее до краевъ, она подала ее гостю. Въ тѣ времена въ аптекахъ продавались среди лекарствъ и ликеры и тонкія вина.

Посѣтитель сразу осушилъ рюмку и опять протянулъ ее Дорхень.

— Еще одну, *ma belle*, а если вы дадите мнѣ поцѣлуй, то будетъ еще лучше.

— Сударь!—вскрикнула Дорхень, оглядываясь на Гину, которая не могла удержаться отъ крика.

Молодой человѣкъ съ тонкими чертами лица и голубыми глазами улыбнулся.

— Это дѣлаетъ только честь дѣвушкамъ, если графъ Голькъ просить у нея поцѣлуй. Многія придворныя дамы считали бы себя счастливыми, если бы онъ проявилъ къ нимъ такую нѣжность. Итакъ, *ma belle*,—и онъ протянулъ руку, какъ бы желая схватить Дорхень, которая съ испугу бросилась отъ него назадъ.

— *Monsieur*,—пробормотала она, испуганная и польщенная одновременно: вѣдь о графѣ Голькѣ была цѣлая статья въ газетѣ «Альтонскій Меркурій». Говорилось здѣсь о томъ, что графъ—любимецъ короля, что онъ устраиваетъ всѣ балы и что всякій, кто хочетъ добиться чего-нибудь при дворѣ, долженъ обращаться къ нему. Самъ аптекаръ Небелунгъ, прочитавшій эту статью, прибавилъ, что, по достовѣрнымъ слухамъ, именно графъ Голькъ отгѣснилъ Брандта отъ короля. По этому поводу сидѣвшій въ это время у аптекаря Струэнзе не замедлил замѣтить, что онъ счастливъ, стоя вдали отъ двора, гдѣ сегодня человѣкъ поднимается, а завтра падаетъ внизъ.

— Ну, милочка,—продолжалъ графъ, потягиваясь на своемъ креслѣ:—развѣ это такъ трудно сдѣлать мнѣ любезность и неужели мнѣ придется стучаться въ другую, болѣе гостепріимную дверь?

При этихъ словахъ онъ кивнулъ на Гину, которая начала громко смѣяться, показывая блестящія, ровные зубы. Однако она не сдѣлала ни шагу къ нему и покачивала головой такъ, что ея густые каштановые волосы разсыпались вокругъ ея лица.

— Я даю поцѣлуй только моему Криштану, благородный господинъ! И у *mademoiselle* есть человѣкъ, который ее цѣлуетъ, и съ нея этого достаточно.

Молодой графъ смотрѣлъ по очереди то на ту, то на другую.

— Ну, ваши дѣвицы ужасно нравственны. *Mon Dieu!* Гдѣ же искать удовольствіе?

Съ этими словами онъ въ послѣдній разъ протянулъ свой стаканъ.

— Превосходный ликеръ! Онъ подкрѣпляетъ силы на предстоящее тяжелое испытаніе.

— Графу предстоитъ участвовать въ обѣдѣ въ честь королевы?—осмѣлилась спросить Дорхень.

Посѣтитель свисходительно кивнулъ ей головой.

— Это, милочка, очень скучная вещь. Тамъ будутъ одни старіе парики. Но король желаетъ, чтобъ я могъ поразсказать ему объ его супругѣ.

— А король очень любопытенъ?—спросила опять Дорхенъ.

Графъ щелкнулъ пальцемъ по своему бѣлому атласному жилету.

— Ma foi, не знаю, —тягуче отвѣчалъ онъ. — Въ Даніи найдется немало красивыхъ дѣвушекъ, да и въ этомъ городкѣ...

Онъ вдругъ вскочилъ и схватилъ Дорхенъ за талию.

— Только три поцѣлуй!—смѣясь, кричалъ онъ.

Гина стояла на своемъ мѣстѣ неподвижно, какъ бы обвороженная блестящимъ кавалеромъ.

Но прежде, чѣмъ Дорхенъ успѣла вскрикнуть, чья-то сильная рука вырвала ее изъ объятій графа.

— Нахаль, —загремѣлъ гнѣвный голосъ Струэнзе, который рѣзко оттолкнулъ молодого повѣсу. —Вы осмѣливаетесь насильственно цѣловать честную дѣвушку въ ея собственномъ домѣ.

— Позвольте, monsieur!—быстро оправился графъ:—кто вы такой и какъ вы смѣете налагать руку на приближеннаго вашего короля?

Онъ схватился за шпагу и до половины вытащилъ ее изъ ноженъ.

— Это графъ Голькъ, —въ ужасѣ прошептала Дорхенъ.

Докторъ овладѣлъ собой.

— Прошу васъ, графъ, оставить ухаживанія за моей невѣстой.

Графъ равнодушно вложилъ шпагу въ ножны и смѣрилъ противника высокомернымъ взглядомъ.

— Кажется, въ этомъ городѣ люди не привыкли понимать шутку. Я не хотѣлъ причинить никакого зла, а поцѣлуй дать—не Богъ знаетъ что. Можетъ быть, вы позволите мнѣ узнать, кто вы такой. Я не имѣю обыкновенія говорить съ людьми, мнѣ незнакомыми.

— Меня зовутъ докторъ Струэнзе.

— Ага—вы городской врачъ?

И графъ отвѣсилъ ему насмѣшливый поклонъ.

— И эта дѣвица—ваша невѣста? Желаю вамъ полнаго счастья во всѣхъ отношеніяхъ. Bon soir, monsieur, имѣю честь кланяться, а васъ, mademoiselle, благодарю за прекрасный напитокъ.

Онъ поклонился и, выходя изъ аптеки, ущипнулъ Гину за щеку. Когда дверь закрылась за нимъ, оставшіеся въ аптекѣ смущенно смотрѣли другъ на друга. Это вѣдь не шутка—грубо обойтись съ королевскимъ любимцемъ. Струэнзе, которому приходилось вращаться среди придворныхъ, понималъ это очень хорошо.

Онъ стоялъ и въ досадѣ кусалъ себѣ губы. Ему необходимо было сорвать на комъ-нибудь свой гнѣвъ, и ему показалось, что это лучше всего сдѣлать на Дорхенъ.

— Не слѣдуетъ тебѣ сидѣть здѣсь одной въ аптекѣ.—строگو сказалъ онъ:—особенно въ такой поздній часъ!

— Всего еще шесть часовъ,—оправдывалась Дорхенъ.—Долженъ же синьоръ Феррони напиться чаю.

— Незачѣмъ ему распивать чай.

Докторь слегка топнулъ ногой.

— Итальянецъ долженъ оставаться здѣсь, пока его не замѣнитъ твой отецъ. Моя невѣста не должна быть торговкой.

Дорхенъ была такъ испугана, что не могла сказать ни слова. Она только бросала умоляющіе взоры на Гину, которая забилась въ самый дальній уголъ.

Струэнзе и не ожидалъ никакого отвѣта. Онъ ходилъ большими шагами по аптекѣ и когда итальянецъ явился къ своему прилавку, разнесъ его еще сильнѣе, чѣмъ свою невѣсту.

— Вы не должны оставлять вашего мѣста,—накинулся онъ на него:—неужели вы думаете, что вы здѣсь для того, чтобы распивать чай съ людьми, стоящими выше васъ? Если я еще разъ замѣчу такое неисполненіе вами своихъ обязанностей, то буду требовать, чтобы васъ уволили!

Синьоръ Феррони хорошо говорилъ по-нѣмецки, но онъ не могъ возразить на этотъ потокъ словъ. Онъ какъ-то безпомощно осматривался, какъ будто ища человѣка, который бы ему помогъ. Но Небелунга здѣсь не было, а Дорхенъ могла защищаться только слезами. Поэтому итальянецъ ограничился только тѣмъ, что холодно поклонился и пошелъ за прилавокъ, гдѣ ждали его рецепты. Однако губы его дрожали и взглядъ, который онъ бросилъ на доктора, былъ остръ, какъ ножъ. Но гнѣвъ Струэнзе уже погасъ, и, слегка обнявъ свою невѣсту, онъ гладилъ ее по головкѣ.

— Пойдемъ въ комнату, я хочу съ тобой поговорить. Времени у меня немного, надо слѣзнуть домой и ко всему приготовиться. Послѣ этого параднаго обѣда не одна голова будетъ въ крови, особенно если королева сдѣлаетъ глупость и станетъ бросать деньги въ народъ.

Дорхенъ покорно послѣдовала за своимъ женихомъ, усѣлась на диванъ и четверть часа слушала, что онъ говорилъ, не понимая при этомъ ни слова. Впрочемъ, Струэнзе, несмотря на свое намѣреніе, началъ разговоръ не съ ней, а съ будущимъ тестемъ и его гостями.

Дорхенъ бросала иногда взгляды на широкое лицо и смѣлые глаза своего жениха, и мысль ея какъ-то невольно уносилась къ королевской четѣ. Какъ, должно быть, любить они другъ друга! Правда, ни тому, ни другому не было еще тридцати лѣтъ, какъ медунку изъ Альтоны, удостоившему избрать ее своей невѣстой. О, конечно, она должна чувствовать себя совершенно счастливой.

— Мой Кришанъ гораздо лучше этого доктора,—говорила между тѣмъ Гина, обращаясь къ провизору-итальянцу. Она купила у

него спадобья противъ веспушекъ и теперь наблюдала, какъ онъ тщательно завертывалъ коробочку.

— Вотъ ужъ не хотѣла бы его имѣть своимъ мужемъ,—продолжала она по секрету.—Да онъ и самъ не возьметъ меня, я вѣдь для него человѣкъ маленькій. Впрочемъ, я этому очень рада.

Итальянецъ вскинулъ на нее глаза, но не отвѣтилъ ничего, только плечами пожалъ какимъ-то особеннымъ, только ему свойственнымъ образомъ. Гина продолжала беззаботно болтать.

— Скажите, какой онъ поднялъ шумъ изъ-за того только, что чужой графъ хотѣлъ поцѣловать фрейлейцъ! А я знаю, что самъ-то г. физикусъ не разъ строилъ куры! Но таковы ужъ мужчины—имъ все позволено! А этотъ графъ—настоящій кавалеръ. Его пальцы, которыми онъ ущипнулъ меня за щеку, такъ хорошо пахнутъ розовымъ масломъ! Кришанъ ничего бы не имѣлъ противъ этого. Я знаю, что онъ за знатныхъ, а этотъ медикусъ...

Не зная, что сказать дальше, Гина остановилась, но итальянецъ быстро подхватилъ разговоръ.

— Я ненавижу его отъ всего сердца, — сказалъ онъ, ударяя рукой по прилавку.

IV.

Оберъ-гофмейстерина фонъ-Плессенъ не обнаружила той благодарности, на которую рассчитывала тетка Эмелина. Зайдя на другой день къ племянницѣ, она должна была довольно долго дожидаться въ передней. Гофмейстерина появилась въ напудренномъ парикѣ и желтомъ, довольно неудобномъ плащѣ.

— А, милѣйшая Тоттъ,—начала она снисходительно:—здѣсь мы всѣ проспали—вчерашее празднество затянулось до поздней ночи. Но ея величество веселилась отъ всей души. Ея величество только что изволила заказать шоколадъ. Впрочемъ, камеръ-юнкеръ полагаетъ, что она еще хочетъ спать, и я очень рада, мы хотимъ посмотреть сегодня на воздушный шаръ, который сегодня будутъ пускать, а также на гѣнъ и дромадеровъ на Гамбургской горѣ, гдѣ находится кукольный театръ, а завтра...

Гофмейстерина сыпала словами, какъ горохомъ и, повидимому, не замѣчала, что около Эмелины фонъ-Тоттъ появилась молодая красивая дама. Она уже два раза отвѣсила церемонный поклонъ, но не получала отъ гофмейстерины отвѣта.

Госпожа фонъ-Тоттъ закашляла такъ энергично, что оберъ-гофмейстерина вдругъ смолкла. На третій поклонъ Адамны она едва отвѣтила надменнымъ кивкомъ.

— Это моя племянница, Минетта фонъ-Золенталь. Я общалась ея величеству привести ее съ собой сегодня,—спокойно сказала старая Эмелина.

— Золенталь? — переспросила оберъ-гофмейстерина. — Она не родня губернатору въ Ранцау?

— Его превосходительство — мой дядя, — отвѣчала Миннетта снова отвѣшивая поклонъ.

Оберъ-гофмейстерина начала громко вздыхать.

— Ахъ, губернаторъ прекрасный человѣкъ и его супруга тоже. Но какое горе имѣть такого сына! Король лишилъ его своей благоклонности.

— Господина Эневальда оклеветали передъ королемъ, — возразила почтительнымъ тономъ Миннетта. — Когда-нибудь правда выйдетъ наружу.

Оберъ-гофмейстерина пожала плечами.

— О, та снѣге, каждый утверждаетъ, что его оклеветали, когда его постигаетъ немилость. Но короли справедливы, и не слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ говорить о несправедливости.

Она наклонила голову, какъ будто желая показать, что она отпускаетъ обѣихъ дамъ, но старая Эммелина не двинулась съ мѣста.

— Прошу доложить обо мнѣ и о моей племянницѣ ея величеству. Я уже говорила вамъ, что вчера я обѣщала привести къ ней племянницу.

— Ея величество еще спитъ!

Въ голосъ гофмейстерины послышалось раздраженіе.

— Я прошу васъ, милѣйшая госпожа Тоттъ, избрать для визита болѣе удобное время.

— Я уже проснулась, — раздался веселый голосъ, и Каролина-Матильда внезапно появилась въ двери, ведшей въ сосѣдную комнату. На ней былъ свѣтлый шелковый капотъ, а на ногахъ туфли, изъ которыхъ одну она высоко подбросила на воздухъ.

— Хорошо, что ты пришла, мадам, я уже стала по тебя скучать. Ты очень добра, гораздо добрѣе этой Плессень.

— Ваше величество, — начала было оберъ-гофмейстерина, но королева, смѣясь, закивала ей головой.

— Нельзя сердиться. Отъ гнѣва становишься некрасивой. Не правда ли, фрейлейнъ?

Она вдругъ остановилась передъ Миннеттой и взглянула ей въ глаза.

— Ты красива, очень красива. Хочешь быть моей компаньонкой въ этомъ скучномъ городѣ?

— Ваше величество, — воскликнула оберъ-гофмейстерина, поднимая обѣ руки, но Каролина-Матильда не обращала на нее никакого вниманія.

— Вчера было довольно весело. Я говорю о бросаніи денегъ и о толкотнѣ. Но карлика я не видала. Видѣла только какого-то гербуна въ красномъ одѣяннѣ.

— Это и былъ онъ, ваше величество. Ему тоже удалось получить шиллингъ, и при этомъ онъ влетѣлъ ему прямо въ тѣло.

— Неужели онъ умеръ?—смущенно спросила королева.

Тетка Эммелина покачала головой.

— У кого настоящій голштинскій желудокъ, тотъ можетъ перенести еще и не то. У насъ въ семьѣ былъ старый слуга, который однажды взялъ да и проглотилъ свои деньги, опасаясь, какъ бы ихъ кто не укралъ у него. Кромѣ того, онъ проглотилъ еще золотой паперстокъ. О, старый Каспаръ не любилъ, чтобы у него что-нибудь проплывало мимо рукъ.

— И что же съ нимъ потомъ было?—спросила королева, усѣвшись на ручку кресла и жадно слушающая.

Г-жа фонъ-Тоттъ пожала плечами.

— Онъ дожилъ до девяноста двухъ лѣтъ и тихо почилъ во Господѣ. Передъ смертью онъ сознался духовнику, куда онъ спряталъ деньги, и когда онъ умеръ, то цирюльникъ его вскрывалъ. Все оказалось въ цѣлости, и мы опять получили свой паперстокъ.

— А дальше?

Каролина-Матильда спросила это съ такимъ любопытствомъ, что Эммелина не могла не улыбнуться.

— А дальше ничего, ваше величество. Впрочемъ, несчастный и въ гробу не могъ найти себѣ покоя. Я не думаю, чтобы онъ ходилъ по землѣ, однако находились такіе люди, которые вѣрили, что изъ него вынуты не всѣ деньги, и еще три раза выкапывали, чтобы взглянуть, не осталось ли въ немъ золота. Да, люди теперь стали злы и думаютъ только о своей выгодѣ.

— Только не я,—быстро сказала королева, схвативъ за руку Минетту.—Я хочу быть доброй къ тебѣ, если ты будешь около меня и поѣдешь со мной смотрѣть воздушный шаръ и верблюдовъ. А, кромѣ того, ты будешь меня учить говорить по-нѣмецки, чтобы старики не смѣялись надо мною, когда я говорю. Я хочу быть веселой и довольной, а Плессенъ пусть читаетъ нотации самой себѣ.

Она увлекла Минетту въ сосѣдную комнату, и слышно было, какъ она еще долго говорила. Вдругъ раздался рѣзкій голосъ ея камерфрау мистрисъ Рутвелль, проснувшейся отъ шума голосовъ. Она постоянно вышучивала передъ королевой и страну, и людей, и маленькій городокъ съ его скучными сановниками, которые никогда не пьютъ до того, чтобы ихъ выносили замертво, какъ это нерѣдко бываетъ въ Англии.

Старая Эммелина поднялась съ мѣста.

— Разрѣшите ужъ мнѣ уйти, госпожа фонъ-Плессенъ. Мнѣ еще нужно сдѣлать кое-какія закупки для моей герцогини. А потомъ мнѣ, вѣроятно, придется ѣхать съ ней въ Гамбургъ къ барону Шиммельману. Завтра или послѣзавтра мы рассчитываемъ вернуться въ Плонъ. Но до этого ея свѣтлость хочетъ представиться

ея величеству. Надѣюсь, что насъ извѣстятъ заранѣе, когда это можно будетъ сдѣлать.

Госпожа фонъ-Плессенъ успѣшила отвѣтить, что завтра утромъ при дворѣ будетъ большой пріемъ, на которой, конечно, получить приглашеніе и ея свѣтлость.

Оберъ-гофмейстерина постаралась скрыть свою досаду. Ея лицо было неподвижно и высококомѣрно.

Простились обѣ дамы холодно и натянуто.

— Я знаю, отчего она разсердилась, — говорила Эмелина фонъ-Тоттъ, рассказывая обо всемъ герцогинѣ. — Она не хотѣла допустить Минетту къ королевѣ. И все это потому, что Эневальдъ Брандтъ — пасынокъ стараго Золенталя и отбываетъ свою опалу здѣсь.

— Опала всегда есть опала, — торжественно возвѣстила герцогиня. — Мой покойный супругъ подвергъ однажды опалѣ плонскаго бургомистра. Тотъ такъ огорчился этимъ, что скоро отдалъ Богу душу.

Госпожа фонъ-Тоттъ стала надѣвать свой черный токъ.

— О такихъ ужасныхъ послѣдствіяхъ немилости мнѣ что-то не приходилось слышать. Хорошее было время, когда королева Юліанія-Марія вдругъ разгнѣвалась на меня, вообразивъ, что я допущу, чтобы въ моемъ присутствіи учитель смѣлъ бить маленькаго наслѣднаго принца. Мнѣ не понравилось тогда при датскомъ дворѣ, и я быстро убралась оттуда. Но отъ немилости я не умерла, ибо жизнь-то вѣдь коротка. А теперь, ваша свѣтлость, не мѣшаетъ подумать, принимать ли намъ завтра приглашеніе баронессы Шиммельманъ пріѣхать къ ней въ Гамбургъ и не слѣдуетъ ли обшить ваше бархатное платье серебрянымъ позументомъ? Хотя серебро и потемнѣло, но золотыхъ дѣлъ мастеръ можетъ опять сдѣлать его блестящимъ.

Герцогиня серьезно возразила, что, оставшись неутѣшной вдовой, она не находитъ удовольствія въ свѣтской суетности. Тѣмъ не менѣе она быстро принесла маленькую шкатулку, гдѣ хранились двѣ серебряныя пряжки съ брилліантами, которыя могли оживить черное платье.

Пока герцогиня любовалась игрою брилліантовъ, ея придворная дама говорила то о томъ, то о другомъ: о господинѣ Небелунгѣ, который считаетъ за честь одолжить знатнымъ дамамъ свои книги, о господинѣ Лессингѣ, который недавно написалъ премилую пьесу, о Геллертѣ, который составилъ исторію о нѣкоей шведской графинѣ, отъ которой можно плакать, о новомъ рецептѣ изъ травъ, который очищаетъ кровь.

Герцогиня внимательно слушала свою подругу и радовалась, что прибытіе молодой королевы дало ей поводъ пріѣхать сюда и услышать столько новостей.

У датскаго посланника въ Гамбургѣ фрейгерра фонъ-Шиммельмана было довольно весело. Октябрьское солнышко весело освѣщало большой городъ, по узкимъ улицамъ котораго герцогиня всегда, начиная съ ранняго дѣтства, проѣзжала съ нѣкоторымъ страхомъ. Какъ старая благородная дама, она звала жителей Гамбурга не иначе, какъ кунчишками. Однако она знала, что не одинъ высококомѣрный юнкеръ сидитъ въ своемъ родовомъ замкѣ только благодаря этимъ купчишкамъ и что датскій король долженъ уже милліоны Гамбургу и собирается занять еще. По крайней мѣрѣ, вчера объ этомъ говорилъ полковникъ Келлеръ, посѣтившій ее. Эммелина также была знакома съ нимъ еще со времени пребыванія при брауншвейгскомъ дворѣ, когда онъ былъ еще молодымъ офицеромъ. Теперь онъ иногда пріѣзжалъ въ Гольштейнъ по дѣламъ и охотно навѣщала герцогиню въ ея Плонскомъ дворцѣ. Онъ былъ довольно рѣзокъ въ манерахъ и не имѣлъ такого лоска, какъ датскіе придворные. Не даромъ онъ происходилъ изъ Помераніи, которая находится чуть ли не въ Россіи, и его король носилъ заштопанные чулки. Конечно, датскій король не могъ позволить себѣ ничего подобнаго, и когда ему нужны были деньги на игру и на шелковые камзолы, то онъ отправлялся въ Гамбургъ и занималъ здѣсь нѣсколько милліоновъ. Полковникъ ничего не имѣлъ противъ этого, такъ какъ иначе онъ не могъ бы получить своего жалованья, а его солдаты—своего довольствія.

Но и онъ, пожмая плечами, жаловался на хозяйничанье разныхъ любимцевъ, которые обходятся королю слишкомъ дорого.

Герцогиня была совершенно поглощена всѣми этими новостями, которыя пришли какъ разъ въ то время, когда она собиралась просить короля увеличить ея содержаніе. Пока старая парадная карета тихо плелась изъ Плона въ Гамбургъ, а карликъ Юнасъ въ бѣломъ парикѣ важно сидѣлъ рядомъ съ кучеромъ, госпожа фонъ-Тоттъ размышляла о всемъ, что ей пришлось за послѣднее время слышать. Она была достаточно умна и видѣла, что семнадцатилѣтній король не можетъ управлять страной самостоятельно. Ей было безызвѣстно, что въ странѣ замѣтно недовольство, даже въ дворянствѣ, которое все-таки настроено въ тысячу разъ лучше, чѣмъ горожане и крестьяне.

У Шиммельмана былъ блестящій пріемъ, и обѣ дамы встрѣтили здѣсь не мало знакомыхъ, пріѣхавшихъ изъ своихъ мѣстъ по случаю прибытія королевы. Нашлось даже нѣсколько дальнихъ родственникововъ. Госпожа фонъ-Тоттъ весело болтала со многими изъ гостей, исторія которыхъ ея была такъ же хорошо извѣстна, какъ и имъ ея собственная.

Фрейгерръ фонъ-Шиммельманъ былъ радушный хозяинъ. Его большой домъ съ огромной залой и галереей въ первомъ этажѣ былъ раскрытъ настежь для гостей. На множествѣ столиковъ были

накрыты приборы. Жаркія, пироги и вино въ такомъ количествѣ, что даже у герцогини запылали щеки, а глаза засверкали, чего уже давно съ ней не бывало. Она сидѣла за столомъ высшей знати. Рядомъ съ ней сидѣлъ Карль Ранцау, сынъ ея сосѣда по Плону. То былъ высококомѣрный человѣкъ съ холоднымъ темнымъ лицомъ и безпокойно блестящими глазами. То, что о немъ рассказывали, было не особенно хорошо. Его жена ушла отъ него, онъ преслѣдовалъ чужихъ женъ и имѣлъ долговъ столько же, сколько волосъ на головѣ. Но онъ отличался острымъ умомъ, служилъ по дипломатической части и успѣлъ добиться въ Россіи у императрицы Екатерины значительныхъ выгодъ для Даніи.

Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ сегодня онъ самъ, сильно нападая при этомъ на датскаго кабинетъ-министра графа Берншторфа, который, по его мнѣнію, потерялъ умѣнье управлять страной.

— Но надѣюсь, они не думаютъ, графъ, что и дворянство должно платить налоги?—спросила герцогиня, для которой такого рода разговоръ былъ крайне непріятенъ и даже не совѣмъ понятенъ.

Графъ Ранцау взглянулъ на нее своими колющими глазами.

— Вы полагаете, что у дворянства нѣтъ никакихъ обязанностей относительно государства? При чемъ же оно останется, если крестьяне не будутъ арендовать его земель, потому что ему придется работать только на начальство и ему самому не остается ни одного шиллинга?

Герцогиня вздохнула. Прежде всего ей было прискорбно то, что ее не назвали «ваша свѣтлость», а потомъ ей и самой не хотѣлось думать о томъ, что сказалъ Ранцау.

— Мнѣ думается, что и дворянъ, и крестьянъ создалъ Господь Богъ, и ему было лучше извѣстно, что надо дѣлать. Если вашъ батюшка уничтожилъ у себя въ Ашбергѣ крѣпостное право, то это опасный экспериментъ, который не совпадаетъ съ божественной Премудростью. Нужно держаться разъ установленныхъ порядковъ, тѣмъ болѣе, что въ нашей страны всѣ были счастливы.

— Ну, не всѣ!—вскричалъ графъ, презрительно пожмая плечами.

Герцогиня ограничилась лишь негодующимъ взглядомъ и закрыла ротъ, который открыла только тогда, когда подали паштетъ изъ дичи.

Графъ Ранцау не разговаривалъ больше со своей сосѣдкой. Въ Килѣ недавно подвергли жестокому наказанію человѣка, осмѣлившагося сказать: горе этой странѣ! А въ Копенгагенѣ повѣсили другого за какой-то пасквиль. Онъ долженъ былъ висѣть на висѣлицѣ цѣлый годъ для того, чтобы отпугивать своимъ видомъ тѣхъ, кто вздумалъ бы послѣдовать его примѣру. Тѣмъ не менѣе по рукамъ ходило стихотвореніе о томъ, какъ одинъ человѣкъ сдѣлался изъ королевскихъ лакеевъ надворнымъ совѣтникомъ и потомъ увѣ-

ряль всѣхъ, что изъ королевскаго лакея можно сдѣлать кого угодно.

Нѣкоторые изъ гостей находили, что наказаніе было слишкомъ сурово, другіе одобряли образъ дѣйствія графа Берншторфа. Министръ, по ихъ словамъ, отличался добрымъ сердцемъ, но оскорбленіе государства и излюбленныхъ имъ учреждений считалъ почти святотатствомъ.

— То-то онъ и пріютилъ у себя Клопштока, воспѣвающаго свободу,—замѣтилъ своимъ рѣзкимъ голосомъ графъ Ранцау.

Всѣ разсмѣялись, а баронъ Шиммельманъ, сидѣвшій за тѣмъ же столомъ, осторожно потеръ себѣ руки.

— Поэтамъ можно спустить многое,—сказалъ онъ, какъ бы извиняясь.—Имъ иногда приходится въ голову нѣчто такое, что потомъ доставляетъ удовольствіе многимъ, но чему никто не будетъ подражать. Господинъ Клопштокъ написалъ немало хорошихъ стихотвореній. И то, что его съ чстью принимаетъ Данія, служить только чстью этому государству.

Разговоръ о политикѣ пресѣкъся. Молодые люди, сидѣвшіе за сосѣдними столами, также были очень далеки отъ подобныхъ важныхъ матерій.

Госпожа фонъ-Тоттъ нечаянно попала за столъ молодежи и потому могла слышать все, о чемъ тутъ заходили рѣчи. Особенно распространялся графъ Голькъ, который, не принадлежа ко двору королевы, тѣмъ не менѣе участвовалъ съ тайной миссіей при всемъ церемоніалѣ ея прибытія. Онъ былъ очень красивъ въ своемъ бѣломъ атласномъ одѣяніи, и пальма первенства, безспорно, принадлежала ему. Онъ, очевидно, сознавалъ это, и манера, съ которой онъ держался, сидя напротивъ красивой молодой дѣвушки, показывала, что онъ зналъ себѣ цѣну.

Онъ рассказывалъ о празднествахъ, которыя онъ устраивалъ для короля, о французскихъ театральныхъ новинкахъ, которыя только что появились въ Парижѣ, о комнатахъ, которыя онъ приготовилъ для короля въ увеселительномъ замкѣ Фредериксборгъ, стараясь при этомъ показать, что онъ незамѣнимъ. Чѣмъ больше пилъ онъ французскаго вина, тѣмъ больше развязывался у него языкъ.

— Король Христіанъ желалъ, чтобы я пріѣхалъ сюда взглянуть на молоденькую англичанку,—продолжалъ онъ, слегка запинаясь.—*Ma foi*, у него вкусъ недурень. Въ Христіансборгѣ у насъ была одна дѣвица, у которой были также бѣлокурые волосы, какъ и у англичанки, но она была несравненно красивѣе. Впрочемъ, я думаю, что Каролина еще разовьется. Это еще младенецъ. Плессень старается молчать, но я знаю, что въ первый же день Каролина плакала, такъ какъ ей не хотѣлось присутствовать на парадномъ обѣдѣ. Король лопнетъ отъ смѣха, когда я расскажу ему всю эту исторію.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.
«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бевплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ДЕКАБРЬ 1911 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

Богословіе.

БЪЛЫКОВЪ, В. Читенія по библейской исторіи ветхаго завета. (Періодъ трехъ еврейскихъ царей). Казань. 1911. Ц. 1 р.

МЕЛЬНИКОВЪ, О. Влуждающее богословіе. Обзоръ вѣроученія господствующей церкви. Вып. 1-й. Москва. 1911. Ц. 15 к.

НИКОЛЬСКИИ, В. проф. Христіанское ученіе о любви къ врагамъ въ его отношеніи къ ученію классической древности. Казань. 1911. г. Ц. 40 к.

ПЕТРОВЪ, С. В. Струна. Казань. 1911. Ц. 80 к.

ПОПОВЪ, І. свящ. Мифологія буддизма въ Тибетъ и Монголію. По Грюнвелделю. Казань. 1910. Ц. 50 к.

ШТРИКЪ, Г. Л., проф. Кровь въ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ челоѣчества. Народная медицина и вопросъ о крови въ ритуалѣ евреевъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. И. Д. Андреева. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ЩЕТИНИНЪ, А. Г. Всеобщій соборъ о разрѣшеніи недоразумѣній между главарями израильскихъ вождей и ихъ поклонниками. Спб. Ц. 20 к.

Философія, психологія, логика.

ВЪСТНИКЪ ПСИХОЛОГИИ, криминологіи и гипнотизма. Подъ ред. акад. В. М. Бехтерева. Томъ VIII, вып. IV. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ГАЛЕВИ, ДАН. Жизнь Фридриха—Ницше. Перев. съ франц. А. Н. Ильинскаго, подъ ред. и съ предисл. прив.-доц. В. П. Сперанскаго. Съ рис., портр. и автографами. Изд-т-ва М. О. Вольфа. Спб. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

ГЕФДИНГЪ, Г. Философія религіи. Москва. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

ДЕЙССЕНЪ, П. Веданта и Платонъ въ свѣтъ Кантовой философіи. Москва. 1911. Ц. 40 к.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА. Ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое въ современной культурной жизни. Т. II, вып. 15—17. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

НЕКРАСОВЪ, П. А. Вѣра. знаніе, опытъ. Основной методъ общественныхъ

естественныхъ наукъ. (Гносеологическій и номографическій очеркъ). Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ПАРАДИЕВЪ, В. Философъ Эпикуръ и его проблема возрожденія людей отъ боговъ. Казань. 1911. Ц. 25 к.

ЮВАРНИНЪ, С. Объ «интуитивизмѣ» Н. О. Лосскаго. Спб. 1911. Ц. 30 к.

ПРЕЙЕРЪ, В. Душа ребенка. Наблюденіе надъ духовнымъ развитіемъ челоѣка въ первые годы жизни. Спб. 1912. Ц. 2 р. 25 к.

РАДЛОВЪ, Э. Очеркъ исторіи русской философіи. Спб. 1912. Ц. 30 к.

РЕЙ, АБЕЛЬ. Современная философія. Перев. съ франц. подъ ред. В. Базарова. Изд. Н. П. Карбасникова. Спб. 1911. Ц. 1 р. 60 к.

— Энергич. и механич. міро-пониманіе съ точки зрѣнія теоріи познанія. Перев. Б. С. Вычковаго. Спб. 1910. Ц. 1 р.

«ИСТОР. ВЪСТН.», январь 1912 г., т. СХХVII,

1/2 28

РИБО, Т., проф. Психологія чувствъ. Перев. съ франц. Кіевъ. Ц. 1 р.

РОЗАНОВЪ, В. Л. Н. Толстой и русская церковь. Спб. 1912. Ц. 30 к.

РОЙТМАНЪ, Д. Евгения Дюрингъ, основатель новаго жизнѣдѣтельнаго духовнаго руководительства. Систематич. изложене

всѣхъ его основн. ученій. изслѣдованій и открытій. Спб. 1911. Ц. 2 р.

РУМЯНЦЕВЪ, Н. Е. Труды 1 всероссійск. съѣзда по эксперимент. педагогикѣ въ Спб. съ 26 по 31 декабря 1910 г. Отчетъ. Спб. 1911. Ц. 2 р.

СОЛОВЬЕВЪ, В. С. Собрание сочиненій Т. I. Изд. 2-е Спб. Ц. 2 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

БИБИЦКОВЪ, И. Вскрытіе «Живого трупа» Л. Н. Толстого. Ц. 1 р.

БИРЮКОВЪ, И. Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Томъ I. Ц. 2 р. 20 к.

БЪЛЫЦА, АНДРЕЙ. Трагедія творчества. Достоевскій и Толстой. Книгоизд. «Мусагетъ». Москва. 1911. Ц. 40 к.

ВЕСЕЛОВСКІЙ, А., акад. Петрарка въ поэтической исповѣди (англ. яз.). 1304—1904 гг. Спб. 1912. Ц. 80 к.

ГЕРШЕНЗОНЪ, М. Образы прошлаго. А. С. Пушкинъ, И. С. Тургеневъ, П. В. Кирѣевскій, А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ. Москва. 1912. Ц. 3 р.

ДОБРЮЛОВОВЪ, Н. А. Собр. сочин. Подъ ред. В. П. Кранихфельда. 4 тома. Изд. т-ва «Провѣщеніе». Спб. Ц. за отд. тома 1 руб.

— Полн. собр. сочин. въ 4-хъ томахъ. Подъ ред. М. К. Лемке. Изд. А. С. Панафишиной. Спб. 1912. Ц. 5 р.

ДОБРЮЛОВОВЪ для школь. Со вступ. стат. Н. Котляревскаго. Изд. О. Н. Поновой. Спб. 1912. Ц. 2 р.

— Собр. сочин. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ЗАБОЛОТСКІЙ, П. Къ вопросу о русской струѣ въ литературѣ Сероскаго возрожденія. Ц. 35 к.

ЗАМОТНЪ, И. И., проф. Романтизмъ 20-хъ годовъ XIX стол. въ русской литературѣ. Томъ I. 2-е просмотр. и дополн. изд. т-ва М. О. Вольфа. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ. Литература и общественность. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

КОЛТОНОВСКАЯ, Е. А. Новая жизнь. Критическія статьи. Изд. 2-е Спб. Ц. 1 р. 25 к.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ исторіи славянскихъ литературъ и языковъ. Пер. съ нѣм. слушательн. высш. жен. курсовъ, подъ ред. В. Поржезинскаго и М. Сперанскаго. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ЛОМОНОСОВЪ, М. В. 1711—1911. Сборникъ статей подъ ред. В. В. Сиповскаго Спб. 1911. Ц. 1 р.

МИТРОФАНОВЪ, П. П. проф. Л. Н. Толстой. Спб. 1911. Ц. 20 к.

МИШЕЕВЪ, Н. Очерки по исторіи всеобщей литературы. Ч. II. Средніе вѣка и эпоха возрожденія. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

ПАМЯТИ Константина Николаевича Леонтьева, сконч. въ 1891 г. Литературный сборникъ. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ПОПОВИЧЪ, П. Обзоръ исторіи сербской литературы. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

РОЖДЕСТВИНЪ, А. Бѣлинскій—критикъ-художникъ. Къ 100-лѣтію дня рожденія : 1 июня 1811—1 июня 1911 г. Казань. 1911. Ц. 15 к.

РОЗАНОВЪ, В. В. Библейская поэзія. Спб. 1912. Ц. 50 к.

ШИШМАРЕВЪ, В. Лирика и лирики поздняго средневѣковья. Очерки по исторіи поэзіи Франція и Прованса. Парижъ. 1911. Ц. 3 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АЙЗМАНЪ, Д. Я. Собр. сочин. Т. II. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

АНЕНКОВЪ, К. Стихотворенія. Спб. 1912. Ц. 50 к.

БАНГЪ, Г. Собр. сочин. Томъ II. Москва. 1912. Ц. 1 р.

БЕЛЛОНА. Художественно-литературный сборникъ. Ц. 1 р.

БЕРНШТЕЙНЪ, А. Израиль. Пьеса въ 3 д. Перев. съ франц. Москва. Ц. 75 к.

БЛОКЪ, А. Ночные часы. 4-й сборникъ стиховъ. Москва. Ц. 1 р.

БУРЕНИНЪ, В. П. Сочиненія. Съ портретомъ автора. Томъ I. 1. Мертвая нога. Тайственный процессъ. 2. Романъ въ Кисловодскѣ.—Повѣсть. Изд. 7-е. Спб. 1912. Ц. 1 р.

БУРНАКИНЪ, А. Разлука. Пѣсенникъ. Изд. 2-е. Москва. 1912. Ц. 50 к.

ВАССЕРМАНЪ, И. Собр. сочин. Томъ I. Золотое зеркало. Перев. Л. Горбуновой. Книгоизд. «Современный Проблемъ». Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ВЕРВИЦКАЯ, А. Ея судьба. Повѣсть. Москва. 1912. Ц. 85 к.

ВЕСЕЛКОВА-КИЛЬШТЕТЪ, М. Пѣсни забытой усадьбы. Стихи. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ГАРРИ, М. Островъ наслажденія. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

ГАРТЕВЕЛЬДЪ, В. Н. 1812-й годъ въ пѣсняхъ. Собрание текстовъ 33 русскихъ и французскихъ пѣсенъ эпохи нашествія Наполеона I въ Россію въ 1812 г. Москва. 1912. Ц. 50 к.

ГАУПТМАНЪ, Г. Передъ восходомъ солнца. Ц. 1 р.

— Шлюкъ и Яу. Бѣдный Генрихъ. Ц. 1 р.

ДЕРЖАВИНЪ, Г. Стихотворенія. Ц. 30 к.

ДЖЕРОМЪ, К. Жизнь и сцена. Рассказы. Ц. 85 к.

— Избранные рассказы. Книга II. Перев. съ англ. Изд. «Шиповникъ». Спб. Ц. 1 р. 25 к.

ДОСТОЕВСКАЯ, Л. О. Большия дѣвушки. Современные типы. Изд. 3-е. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ЕЛЕЦЪ, Ю. Л. О женщины! (Изъ дневника). Спб. 1912. Ц. 1 р.

ЗАВРАЖНЫЙ, Г. Въ народѣ. Рассказы. Москва. 1911. Ц. 1 р.

ЗАНГВИЛЬДЪ, И. Король Шнореровъ. Ц. 1 р.

ЗВЪЗДИЦЕ О НЕБО по Артуру Германника. Перев. съ латинск. размѣромъ подлинника В. Фохтъ. Съ 1 табл. Спб. 1911. Ц. 40 к.

- ЗЕМЛЯ. Сборникъ 7-ой. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ИБАНЬЕСЪ, ВИСЕНТЕБЛАСКЪ О. Дочь Афродиты. Романъ. Перев. съ испанск. Москва. 1912. Ц. 1 р.
- ТАНТА. Художественно-литературный сборникъ. Ц. 1 р.
- КАПЛАНЪ, М. Книга рассказовъ (вторая). Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- КИПЛИНГЪ, Р. Новые избранные рассказы. Спб. 1911. Ц. 80 к.
- КИРЬВСКИЙ, П. Пѣсни. Новая серия. Вып. I. Пѣсни обрядовыя. Москва. 1911. Ц. 3р.
- КНИГА великаго юмора. Древо познания добра и зла. Ц. 1 р. 25 к.
- КОЖИКОВЪ, А. Молодежь. Очерки и рассказы. Ц. 1 р.
- КОЗЕКО, Е. Богуслава. (Отвѣтъ на запросы женской души). Спб. 1912. Ц. 50 к.
- КОРЕЛЛИ, МАРИЯ. Исторія дѣтской души. Повесть не для дѣтей. Перев. Е. А. Изд. 5-е. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- КОСАТКИНЪ-РОСТОВСКИЙ, Ф., кн. Легенды и рассказы. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- КОССОВЕЦЪ, М. Изъ рыбаковъ въ профессоры или архангельскій крестьянинъ Ломоносовъ. Драмагич. пьеса въ 5 дѣйств. для народа и солдатск. театра. Изд. В. Березовской. Спб. 1912. Ц. 40 к.
- КРЕДО, Н. А. Въ туманѣ жизни. Романъ. 2-е изд. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- КРУГЛОВЪ, А. В. Побѣда. Повесть. Москва. 1911. Ц. 40 к.
- ЛАГЕРЛЕФЪ, СЕЛМА. Легенды о Христвѣ. Москва. 1911. Ц. 30 к.
- Чудеса антихриста. Повесть, изъ сицилійской жизни. Москва. 1911. Ц. 30 к.
- ЛАДО. Сборникъ литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской національ-демократіи. Беллетристика и публицистика. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- ЛАЗАРЕВСКИЙ, Б. Повѣсти и рассказы. Спб. Ц. 1 р.
- ЛЕВИТОВЪ, А. Собрание сочиненій. Т. VI. Спб. Ц. 1 р.
- Собр. сочин. Т. VI. Спб. Ц. 1 р.
- ЛЕЙКИНЪ, Н. А. Наши за границей. Изд. 28-е. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛИПНИЦКИЙ, Желѣзно-дорожники. (Силуэты). Екатеринбургъ. 1910. Ц. 75 к.
- ФОНЪ-ЛОДДИГЕРЪ, Р. Гофий. Поэма въ 4 д. съ эпилогомъ. 1911. Ц. 50 к.
- ЛОМОНОСОВЪ, Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и биографіей М. В. Ломоносова. Изданіе 4-е, исправлен., А. С. Суворина (Дешевая Библиотека.—№ 6). Спб. Ц. 40 коп., въ накѣ 48 к., въ перепл. 60 к.
- МЕЗЬКО, Н. Стихотворенія. Ц. 50 к.
- де-МОПАСАНЪ, ГЮИ. Полн. собр. сочин. Томъ XXI. «Шиповникъ». Спб. Ц. 1 р.
- МУЙЖЕЛЬ, В. В. Собр. сочин. Т. I. 2-е изд. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- МЫСЛИ ПУШКИНА. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- НАГРОДСКАЯ, Е. А. Стихи. Спб. Ц. 50 к.
- НЕВЪЖИНЪ, П. Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р. 50 к.
- НЕМОЗА. Художественно-литературный сборникъ. Ц. 1 р.
- НИКИТИНЪ, И. Полное собраніе сочиненій. Съ биографіей, 4 портретами, 3 факсимиле съ рукописей. Москва. 1912. Ц. 80 к., въ перепл. 1 р. 40 к.
- ОЛИГЕРЪ, Н. Собрание сочиненій. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.
- ОЛЬНЕМЪ, О. Н. Цѣпи.—Передъ разсвѣтомъ. Рассказы. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- ОРЛРВЪ, М. И., прот. Молодому покровѣнью Россіи. Хитопядаша. Полевое наставленіе. Собр. древне-индійскихъ нравочит. рассказовъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ОСИПОВИЧЪ, Н. Собрание сочиненій Т. II. Ц. 1 р. 25 к.
- ПОВѢСТИ и рассказы малороссійск. писателей въ перев. Н. Шаурскаго. Плоцк. 1911. Ц. 1 р. 20 к.
- ПУШКИНЪ, А. С. Пиковая дама. Съ иллюстр. А. Н. Бенуа. Изд. т-ва Р. Голике и Я. Вильборгъ. Спб. 1911. Ц. 10 р.
- РАЗУМОВСКАЯ, К. Л. Безправная. Повесть дѣйствительной жизни. Казань. 1910. Ц. 1 р.
- РЕЙМОНТЪ, В. Земля обфтованная. Кн. I. Ц. 1 р. 50 к.
- РЕМИЗОВЪ, А. Сочиненія. Томъ V. Изд. «Шиповникъ». Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- РОДЪ, Эд. Полн. собр. сочин. Томъ I. Мечъ и повязка. Романъ. Перев. съ франц. Книгоизд. «Сфинксъ». Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- САША ЧЕРНЫЙ. Сатиры и лирика. Книга II. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- СЕРГЬБЕНКО, П. А. Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Москва. 1912. Ц. въ перепл. 3 р.
- СНПАЛЕНЪ (ПЕТРОВЪ). Рассказы и стихи. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- СЛАВЛЕВЪ, П. Въ чужомъ пиру похмѣлье. Повесть. Рига. 1912. Ц. 1 р.
- СОСУНЦОВЪ, Е. О. Антихристъ. Поэма. Изд. 2-е. Казань. 1911 г. Ц. 10 к.
- СВЪЕРЦЕВЪ-НОШЛОВЪ, Г. Въ погоню за славою и золотомъ. Романъ изъ жизни оперной богемы. Рассказы: Какъ мы ишли въ Каракашъ и другіе. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- «Тантственное». Рассказы. Спб. Ц. 15 к.
- ТАНЪ, В. Собрание сочиненій. Т. X. Стихотворенія. Спб. Ц. 1 р.
- ТВЕНЪ, М. Собрание сочиненій. Т. 4. Янки при дворѣ короля Артура. Ч. 2-я. Ц. 1 р. 10 к.
- ТНАЙРЪ, М. Элле. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
- ТИХОМІРОВЪ, М. Магнитъ. Сцены изъ жизни сельской школы, въ 4 д. Москва. 1911. Ц. 30 к.
- ТОЛСТОЙ, Л. Н. Посмертныя художественныя произведенія. Подъ ред. В. Чертова. Томъ I. Изд. А. Л. Толстой. Москва. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- Томъ. Общеизвестн. изд. Ц. 60 к.
- ТУМАНСКИЙ, В. Стихотворенія и письма Редакціи, библиографическій очеркъ и примѣчанія С. Н. Брайлдовскаго. Съ портр. томъ и факсимиле поэта и видами его дома и надмогильнаго памятника. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912. Ц. 3 р.
- УКРАИНА. Сборникъ повѣстей и рассказовъ малороссійскихъ писателей, въ перев. Н. Шаурскаго. Плоцкъ. 1911. Ц. 90 к.
- ФИБИХЪ, К. Грѣхъ. Романъ. Перев. съ нѣм. Москва. 1911. Ц. 85 к.
- Диллетантъ жизни. Романъ. Перев. съ нѣм. Москва. 1911. Ц. 85 к.
- Силы природы. Ц. 1 р.
- ФИЛАТОВИЧЪ, Б. «Родное». Рассказы офицера. Кн. I. Ниян.-Новгородъ. 1910 г. Ц. 45 к.
- ФОГАЦАРЪ, АНТОНІО. Вѣра. Новеллы. Перев. съ англ. Москва. 1912. Ц. 60 к.
- ХАГГАРДЪ, Р. Братья. Историческій романъ. Ц. 1 р. 50 к.

ЧАЕВЪ, Н. 1612 годъ и избраніе на царство Михаила Оеодоровича Романова. Лѣтопись въ лицахъ, въ 5 дѣйствіяхъ. Москва. 1912. Ц. 25 к.

ШАПИРЪ, ОЛЬГА. Собр. сочин. Со вступит. стат. Д. Н. Овсннко-Куликовскаго. Томъ I. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ШЕВЧЕНКО, Т. Г. Кобзарь. Видання

въ ред. В. Доманицкаго. Кіевъ. 1912. Ц. 85 к.

ШЕКСПИРЪ, В. Сочиненія. Т. 1-й. Съ 20 рис. въ текстѣ и 10 иллюстр. на отд. листахъ. Москва. 1912. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

ЭНКЕЛЬ-БРОНИКОВСКІЙ, А. «Мнѣ больно». Романы. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

АПЛАКСИНЪ, А. Казанскій соборъ. (1811—1911) въ С.-Петербургѣ. Историческоеизслѣдованіе о соборѣ и его описаніе. Спб. 1911. Ц. въ перепл. 15 р.

БАВИНЪ, А. В. Исторія Сѣв.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ. 2 тома. Спб. 1912. Ц. 5 р.

БАРТОЛЬДЪ, В. Исторія изученія востока въ Европѣ и въ Россіи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ВАНДАЛЬ, А. Императрица Елизавета и Людовикъ XV. Пер. съ франц. А. Гретманъ, со вступит. стат. И. Н. Бороздина. Книгоизд. «Сфинксъ». Москва. 1911. Ц. 2 р. 25 к.

ВИНОГРАДОВЪ, П., проф. Средневѣковое помѣстье въ Англіи. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ВОДОВОЗОВА, Е. На зарѣ жизни. Воспоминанія. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ГОЛЦЫНЪ, П. П., кн. Родословная книга дворянъ Новгородской губ. Новгородъ. 1910 г. Ц. 3 р.

ГРЕГОРОВИЧЪ, Ф. Исторія города Рима въ средніе вѣка (отъ V до XVI стол.). Томъ V. Перев. съ в. Н. Лшодъ. Съ 93 иллюстр. Спб. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

ДАШКОВА, ЕКАТЕРИНА, кн. Записки Перев. съ англ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

ДРЭЙСЕРЪ, Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы. Перев. съ англ. М. В. Луничкой, подъ ред. проф. И. В. Луничкаго. 4-е изд. Кіевъ. Ц. 2 р.

ЕВДОКИМОВЪ, Л. «Бѣлый генералъ». М. Д. Скобелевъ, въ народныхъ сказааніяхъ, съ 4 снимками картинъ. Ц. 35 к.

ИЗЪ ПРОШЛАГО. Истор. матеріалы л.-лв. Семеновскаго полка. Документы, записки, воспоминанія (XVII и XVIII в.), 27 печ. листовъ (in quarto) текста. Иллюстрація: 1 гелиограмма, 10 фототипій, 13 снимковъ съ рукописей, 48 автотипій, 3 автографа. Спб. 1911. Ц. 12 р.

КАРТВЕВЪ, Н. И. Собр. сочин. Т. I. Исторія съ философской точки зрѣнія. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

ЛИХАЧЕВЪ, П. П. Хожденіе съ апостола и евангелиста Іоанна Богослова. По лцев. рукописи. XV и XVI вв. Спб. 1911. Ц. 40 р.

МАСПЕРО. Древняя исторія народовъ востока. Ц. 4 р.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г. Съ 29 портр. Изд. ред. журн. «Досугъ и Дѣло». Спб. 1911. Ц. 50 к.

ПАНКОВЪ, В. Памяти Царя-Миротворца. Краткій историческій очеркъ. 1911. Ц. 25 к.

ПЕТРОВЪ, А. Матеріалы для исторіи Угорской Руси. I. Предѣлы угорорусской рѣчи въ 1773 г. по официальнымъ даннымъ. Изслѣдованіе и карты. Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

ПИРЛИНГЪ, Димитрій Самозванецъ. Перев. съ франц. В. П. Помнина. Книгоизд. «Сфинксъ». («Смутное время и Отечественная война» подъ общ. ред. И. Н. Бороздина. Томъ I). Москва. 1912. Ц. 2 р. 75 к.

ПРОТОІЕРЕЙ Н. І. РОЗАНОВЪ, настоятель Воскресенскаго всѣхъ учебныхъ заведеній Смольнаго собора въ Спб. (Педагогъ). Спб. 1911. Ц. 20 к.

РАМБО, А. Исторія французской революціи 1789—1799. Перев. съ франц. П. Назарова. Кіевъ. Ц. 1 р.

РУСОБТОВСКІЙ, М. Историч. освѣщеніе финляндскаго вопроса. 2-е изд. Спб. 1912. Ц. 1 р.

СБОРНИКЪ археологическихъ статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому въ день 25-лѣтія предсѣдательства его въ Императорской археологической комисіи. 1886—1911 г. Съ табл. и рис. Спб. 1911. Ц. 5 р.

СВЯТСКІЙ, ДАН. Страшный судъ, какъ астральная аллегорія. Историко-астрономическій экскурсъ въ область христіанской иконографіи. Спб. 1911 г. Ц. 45 к.

СМІРНОВЪ, М. П. Переяславъ-Залѣвскій. Его прошлое и настоящее. Москва. 1911. Ц. 2 р.

СТАРИНА и НОВИЗНА. Историческій сборникъ. Кн. 14. Ц. 2 р.

СТАШЕВСКІЙ, Е. Д. Землевладѣніе московскаго дворянства въ первой половинѣ XVII вѣка. Москва. 1911. Ц. 2 р.

ЧЕРНЫШЕВСКІЙ въ Сибири. Перелиска съ родными. Вып. I. (1865—1875). Спб. 1912. Ц. 2 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

АЛЯКРИТСКІЙ, С. Схема предварительнаго слѣдствія по уставу уголовного судопроизводства. Ц. 1 р. 50 к.

БАЛКАНОВЪ, Н. П., ВОЙТЪ, С. С. и ГЕРЦЕНБЕРГЪ, В. Э. Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Полн. текстъ всѣхъ 16 томовъ въ 5 книгахъ. Подъ ред. и съ примѣч. И. Д. Мордухай-Болтовскаго. Книга I. Томъ I—III. Спб. 1912. Ц. 6 р. 50 к.

В. В. Очерки крестьянскаго хозяйства. Статьи 1882—86 г. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ВЕРГУНЪ, Д. Россія и Турція. Взаимн. отношенія. Войны. Нынешнее положеніе Турціи. Изд. Всероссійск. Націон. клуба.

(Отечествен. бібліотека № 30). Спб. 1911. Ц. 15 к.

ВОЛЬСКІЙ, А. Крѣпостная пошлина. Текстъ закона и практика Сената. Ц. въ пер. 1 р.

ГОЛОСОВЪ, АЛЕКСѢЙ. Къ реформѣ мѣстнаго суда. (Обзоръ проектируемыхъ организацій мѣстнаго суда въ связи съ ихъ исторической преемственностью). Спб. 1912. Ц. 50 к.

ГОЛЬДШТЕЙНЪ, І. М. Свиданты и тресты и современная экономическая политика. Свиданты, задачи торговой политики и будущая роль Россіи. Част I.

- Изд. 2-е, исправл. и знач. дополн. Москва. 1912. Ц. 2 р.
- ГРИГОРОВСКИЙ, С. О разводѣ. Причины и послѣдствія развода и бракоразводное судопроизводство. Историко-юридическіе очерки. Сиб. 1911. Ц. 4 р.
- ГУРЬЕВЪ, В. Политическія отношенія Россіи къ Монголіи. Сиб. 1911. Ц. 75 к.
- ДУГОВСКИЙ, Ф. С. Недачты въ дѣлѣ постройки и эксплуатаціи нашихъ жел. дорогъ. Сиб. 1912. Ц. 1 р.
- ИГДАНОВЪ, Л. О. Гражданскій судъ. Практич. руков. для веденія дѣлъ въ русск. гражд. судахъ съ прилож. образцовъ и формъ судебныхъ бумагъ. Сиб. 1912. Ц. 75 к.
- ЗАБОЛОТСКІЙ, П. Г. На зарѣ новыхъ изученій славянскаго міра. Сиб. 1911. Ц. 25 к.
- ЗАКОНЪ о ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВѢ 29 мая 1911 г. и изданный на основаніи сего закона наказъ землеустроительнымъ комиссиямъ отъ 19 іюня 1911 г. Сиб. 1911. Ц. 25 к.
- ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО. Обзоръ дѣятельн. землеустр. комиссій. Съ прилож. статистич. табл. и плановъ. Изданіе Главн. Управл. Землеустр. и Земледѣлія. Сиб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- ИСТОРИЯ русскаго права. Составл. по лекціямъ Н. П. Загоскина, Владимірскаго-Буданова, Дьяконова, А. Н. Филиппова, В. В. Латкина и В. Сергѣевича. Казань. 1911. Ц. 50 к.
- КОНИЧЕКЪ, С. О. Сокольево. (Славянская Дума. Рядъ статей по важнѣйшимъ для сознат. славянства вопросамъ. Вып. III). Москва. 1911 Ц. 15 к.
- КОВРИНЪ-МИЛЕВСКИЙ, гр. И.-К. О. Борьба съ ложью. Сиб. 1911. Ц. 50 к.
- КРАСНОЖЕНЪ, М., проф. Толкователь каноническаго кодекса восточной церкви: Аристипъ, Зонара и Вальсамошъ. 2-е исправл. и дополн. изданіе. Юрьевъ. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- Новѣйшее законодательство по дѣламъ Православной русской церкви. Ц. 60 к.
- Указатель литературы церковнаго права по 1910 году. Ц. 50 к.
- История образованія каноническаго кодекса Греческой церкви отъ начала его возникновенія до эпохи введенія на Руси христіанства. Ц. 40 к.
- Университетскій вопросъ. Ц. 40 к.
- Церковное право. Изд. 2-е Ц. 2 р.
- ЛЮБЛИНСКИЙ, П. Очерки уголовного суда и наказанія въ современной Англій. Сиб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.
- НАШИ зарубежные братья въ борьбѣ за народность. Угорщина. (Угорская Русь). Изд. Всероссийскаго національнаго клуба. Сиб. 1911. Ц. 10 к.
- НИКОЛАЕВЪ, В. А., д-ръ. Призрѣніе брошенныхъ дѣтей и вопросъ о призрѣніи подкидышей въ Казанской губ. Казань. 1911 г. Ц. 25 к.
- ОСТРОВСКИЙ, Ю. Сибирскіе Евреи. Ц. 40 к.
- ПАЛИБИНЪ, Н. Н. Соглашеніе о примомъ сообщеніи между русскими жел. дор., состоявшееся на XXVI общемъ сѣздѣ въ 1887 г., введенное въ дѣйствіе съ 1 янв. 1888 г., дополн. и измѣн. постановленіями послѣдующихъ сѣздовъ. Сиб. 1911. Ц. 1 р.
- ПОЛЯНСКИЙ, Е. Я. Эмиграція евреевъ въ Палестину и возможные послѣдствія ея. Казань. 1911. Ц. 30 к.
- ПОПОВЪ, П. П. Летучія мысли. Томскъ. 1911. Ц. 30 к.
- СААТЧИАНЪ, А. Г. Положеніе о выборахъ въ Гос. Думу, съ разъяснен. Прав. Сен., Мин. вн. дѣлъ, подробн. предм. указат. и съ прилож. учрежденій Гос. Сов., Гос. Думы и правилъ о разсмотрѣніи госуд. росписи. Сиб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- СТИВНЪ, ДЖЕМСЪ, Ф. Свобода, равенство, братство. Перев. съ англ. М. Муромцева. Сиб. 1907. Ц. 2 р.
- СКРИПЦЫНЪ, В. Богатырь мысли, слова и дѣла. Посвящается памяти П. А. Столыпина. Сиб. 1911. Ц. 1 р.
- ТЕПАКСЪ, П. Положеніе 6 іюня 1910 г. о Государственномъ налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ. Ц. 80 к.
- ТРУДЫ Юридическаго Общества при Императ. Сиб. Университ. Т. II. 1911 г. Ц. 2 р.
- ЧЕЛЫШЕВЪ, М. «Пощадите Россію!» Правда о кабакѣ, высказанная самимъ народомъ по поводу закона о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ. Самара. 1911. Ц. 40 коп.
- ЧЕРНЫШЕВЪ, П. Къ вопросу объ общинѣ. Проектъ изслѣдованія крестьянск. хозяйствъ земледѣльнѣхъ послѣ 9 ноября 1906 г. Сиб. Ц. 25 к.
- ШЕЙНИСЪ, Л. П. Еврейское студенчество въ цифрахъ. (По даннымъ переписи 1909 г. въ Кіевскомъ унив. и политехнич. институтѣ). Кіевъ. 1911. Ц. 35 к.
- ШИЛОВЪ, А. Правда о тотализаторѣ. Москва. 1912. Ц. 30 к.
- ХРУЩЕВЪ, А. В. Проблема права. Москва. 1911. Ц. 50 к.
- ЯГМАРИ ФИННЕ. «Мы!» Перев. съ финск. Гельсингфорсъ. 1911 Ц. 40 к.

Искусство.

- ВОЛКОНСКИЙ, С., кн. Человѣкъ на снѣгѣ. Изд. «Аполлона». Сиб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.
- ГРАБАРЬ, ПГОРЪ. Исторія русскаго искусства. Вып. 12. Изд. Г. Кнебель. Москва. Ц. по подл. 1 р. 60 к.
- ЕЖЕГОДНИКЪ Императорскихъ театровъ. Вып. V. Сиб. 1911. Ц. 1 р.
- ИВАНОВЪ, М. М. Исторія музыкальнаго развитія Россіи. Въ 2-хъ томахъ. Съ рисунками и нотными примѣрами. Томъ II. Сиб. 1912. Ц. 3 р. 50 к.
- ЛЕВЕДИНСКИЙ, П. А. Гримъ. Съ 367 рис. Сиб. 1912 г. Ц. 2 р.
- МАСЛОВЪ, А. Опытъ руководства къ изуч. русской народнои музыки. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- СЮННЕРБЕРГЪ, Г. А. Какою системы придерживаются при постановкѣ голоса. (Подъ ред. В. А. Чечотъ). Сиб. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

Естествознаніе и математика.

- БЕРТРАНЪ, Ж. Дифференціальное исчисленіе. Ц. 7 р. 50 к.
- БИЛЫЦЪ, Г. Экспериментальное введеніе въ неорганическую химию. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- БУХГОЛЬЦЪ, О. Новая данія къ морфологін и нитологін подземныхъ грибовъ. Ч. 1-я, съ 8 таблиц. Рига. Ц. 2 р. 60 к.
- ВАСИЛЬЕВЪ, А. М. Четырехатомный кислородъ. Казань. 1911. Ц. 15 к.
- БЕРИГО, Б. Ф., проф. Единство жизненныхъ явленій. Изд. «Mathesis». Одесса. 1912. Ц. 2 р.
- ГРАВЕ, Д. Энциклопедія математики. Очеркъ ея современнаго положенія. Кіевъ. 1912. Ц. 3 р. 50 к.
- ДАНЕЕЛ, Н. Электрохимія. Перев. съ нѣм. Кіевъ. 1912. Ц. 85 к.
- ДАРБУ, Г. Этюдъ о развитіи геометрическихъ методовъ. Перев. съ франц. Казань. 1911 г. Ц. 35 к.
- ДЗЮБЕКЪ, О., проф. Курсъ аналитич. геометріи. Ч. 1. Аналитич. геометрія на плоскости. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ примѣч. проф. В. Шиффа. Изд. «Mathesis». Одесса. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- ЗАКЪ, М. Основы теоріи вѣроятностей. Определеніе ошибокъ. Способъ наименьшихъ квадратовъ. Ц. 50 к.
- КУЧИНСКІИ, В. Мѣсяцъ на магнитной стѣнкѣ С.-Петербургской губерніи. Ц. 1 руб.
- ЛАБОРАТОРИИ электротехнич. инсти тута имп. Александра III. 1910—1911 уч. годъ. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- ЛЕВИНСОНЪ-ЛЕССИНГЪ, Ф. Обь основныхъ проблемахъ петрогенезиса. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- ЛОМОНОСОВЪ, Труды въ области естественно-историческихъ наукъ. Извлеченія и объясненія. статьи Б. Н. Меншуткина, Н. А. Юсса, Ю. М. Шокальского, В. П. Вернадскаго. 1711—1911. Изд. Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ЛУКАШЕВИЧЪ, І. Д. Неорганическая жизнь земли. Часть 3. Строеніе земли въ связи съ ея исторіей. Съ 124 рис. и 48 карт. Спб. 1911. Ц. 4 р.
- МАЙКЕЛЬСОНЪ, А. А. Свѣтвыи волны и ихъ примѣненія. Перев. съ англ., подъ ред. проф. О. Д. Хвольсона. Изд. «Mathesis». Одесса. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- МЮЛЛЕРЪ, Т. Основные законы электрохиміи. Перев. съ франц. Н. В. Сенигова, подъ ред. проф. Н. А. Пушина. Спб. 1912 г. Ц. 80 к.
- МЮЛЪ, К. Жуки и ихъ личинки. Ц. 75 коп.
- НОВОСТИ НАУКИ. Изд. книгоизд. «Естествоиспытатель». Вып. 1. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- ПАРФЕНТЬЕВЪ, Н., прив.-доц. Исствдованія по теоріи роста функций. Казань. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ПОПОВЪ, В. П. Химія для самообразованія. Часть III. Опыты по огранич. химіи въ связи съ жизнью растений. Москва. 1912. Ц. 1 р.
- ПУАНКАРЕ, А. Новая механика. Ц. 25 коп.
- РЕФОРМАТСКІИ, А. Органическая химія. М. 1912. Ц. 1 р.
- СБОРНИКЪ СТАТЕЙ, посвященныхъ проф. Г. К. Суслову. 1881—1911. Кіевъ. 1911. Ц. въ перекл. 3 р.
- СВѢТЛОВЪ, Г. Анатомія и физиологія домашнихъ животныхъ. Зоогіиена и зоотехніа. Болѣзни животныхъ и ихъ леченіе. Ц. 3 р.
- СЛУГИНОВЪ, С. Пропорціи и прогрессіи. Казань. 1910 г. Ц. 30 к.
- Теорія радикаловъ. Казань. 1910 г. Ц. 20 к.
- СМРНОВЪ, С. Подробныя рѣшенія задачъ механики, помѣщенныхъ въ сборникѣ Ч. 2. Изд. Политех. Инст. И. В. Мещерскаго. Ч. II. Кинематика и динамика. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ТОМИНИНЪ, Н. Курсъ физики. Второй концентръ. Томъ I. Съ 258 рис. Спб. 1911. Ц. 2 р.
- ШТРАЙХМАНЪ, А., инж.-техн. Сборникъ задачъ по высш. математикѣ съ подробн. рѣшеніями. Ч. II. Дифференц. исчисленія. Изд. 6-е, перераб. и значит. дополн. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

- «ВЕЛИКАЯ РОССИЯ». Географія., этнографія, и культурно-бытовые очерки современной Россіи. Подъ общимъ руководствомъ проф. Д. Н. Анучина. Томъ I. Прив.-доц. П. Н. Головачевъ.—Сибирь. Книгоизд. «Дѣло». Москва. Ц. по подпискѣ за 12 т. 25 р.
- ГОЛИЦЫНЪ, В. Цихисъ-Дэври, дачное мѣсто близъ Батума. 1911. Ц. 30 к.
- ДЕМИНЪ, М. Н. Таблица для обозрѣнія областей Россійск. Имперіи и сравненіе съ важн. государствами. Владикавказ. 1911. Ц. 50 к.
- МЕЛНКСЕТЪ-БЕКОВЪ, Л. М. Родство грузинъ съ испанцами по древн. источникамъ. Тифлисъ. 1911. Ц. 25 к.
- РУБЕЦЪ, А. А. Польша-гвѣзда на морѣ. (Морская экскурсія въ Стокгольмъ на «Крейсеръ» Лиги обновленія флота. 1908г.). Спб. 1911. Ц. 30 к.
- СТАРЧЕНКО, П. Экскурсія по Балтійскому морю въ юнѣ 1910 г. Ц. 30 к.

Языковѣдѣніе.

- МЕЙЕ, А., проф. Введеніе въ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ. Перев. проф. Д. Кудрявскаго. Юрьевъ. 1911. Ц. 3 р. 60 к.
- НѢМЕЦКО-РУССКІИ словарь. (Энциклопедія нѣмецкаго яз.). Подъ ред. прив.-доц. К. О. Тляндера. Вып. 4. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1911. Ц. 1 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

- АЛЕКСЕЕВЪ, О. Д. Кролиководное искусство. Съ 13 хромолитографіями на отдѣльныхъ листахъ и 60 рисунками въ текстѣ. Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к., на лучшей бумагѣ 6 р.
- БЕРТЕНСОНЪ, В. А. Пшѣководство въ Болгаріи и Сербіи и мѣры къ его развитію. Спб. 1911. Ц. 20 к.
- БОГДАНОВЪ, С. Учебникъ агрономіи. Ч. III. Сельско-хозяйственная экономія. Ц. 2 р. 50 к.
- ДАНЧЕНКО, Р. Пѣвчія птицы. Ловля, содержаніе и леченіе. Ц. 30 к.
- ЗУБРИЛИНЪ, А. А. Первые шаги къ крестьян. богатству. Травосѣяніе, ленъ и искусство удобренія. Москва. 1910. Ц. 10 к.
- КОРМЫШЕВЪ, П. И. и ШВЕЦОВЪ, К. Н. Воздѣлываніе томата. Москва. 1912. Ц. 15 к.
- ЛЕОНАРДЪ, Г. Цвѣтоводъ-любитель. Ц. 50 к.
- ОПАНИНЪ, М. А. Промышл. огородничество для крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Москва. Ц. 1 р. 20 к.
- СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СОВѢТЫ. Спб. 1912. Ц. 10 к.
- СТЕПАНОВЪ, К. Степное плодородство. Ц. 80 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- АРИНУШКИНЪ, Н. Балансы акціонерныхъ предпріятій. Ц. 2 р. 50 к.
- БЛАТОВЪ, Н. А. Сборникъ темъ для практическихъ работъ по бухгалтеріи. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- ИЛЬИНЪ, М. Д., д-ръ мед. Рыба, какъ пищевой продуктъ, съ кратк. свѣд. по биологіи, технологіи и продажѣ рыбы. Спб. 1911. Ц. 80 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- АБРАМОВЪ, Н. и ДЯКОНОВЪ, Н. Сборникъ простѣйшихъ упражненій и задачъ по курсу «Строительная Механика». Выпускъ 3-й. Новочеркасскъ. 1911. Ц. 1 руб.
- Матеріалы для курса «Строительная Механика». Вып. 6-й. Основы графической статки. 1911. Ц. 75 к.
- БАШКИРОВЪ, В. Окраска и отдѣлка фантазійныхъ кожъ. Спб. 1912. Ц. 10 к.
- О выдѣлкѣ хромовыхъ кожъ. Спб. 1912. Ц. 10 к.
- БЕЗЪ, В. Деревянные лѣстницы. Руководство по устройству различныхъ деревянныхъ лѣстницъ. Ц. 50 к.
- БЕКЕТОВЪ, Н. В. Практич. и популярн. рук. для собственноручн. изготовленія сухихъ, разборныхъ и легко-устанавливаемыхъ элементовъ. Спб. 1912. Ц. 60 коп.
- БЕРТУ, Е. Гравированіе ситцепечатныхъ валовъ. Перев. и обраб. К. М. Пѣтинова. Съ 196 рис. Москва. 1911. Ц. 2 р.
- БОЖЕВОЛЬНОВЪ, А. И. Рук. къ простѣйшему устройству кинематографа. Москва. Ц. 40 к.
- БРУДИНСКІЙ, Н. Новѣйшіе быстроходн. пассажирск. паровозы Сормовскаго завода. Спб. 1912. Ц. 80 к.
- БЪЛЛИЦКІЙ, М. Летательныя машины. Турбина, монопланъ и планеръ. Ц. 25 к.
- БЪЛОУЧКОВЪ, А. К. Опытъ сравненія различныхъ системъ производства и примѣненія бетонныхъ камней. Спб. 1911. Ц. 50 коп.
- ВИНДА, В., горн. инж. Кубанскіе нефтяныя районы въ освѣщеніи спец. корреспондента жур. «Нефтяное дѣло». Критич. очеркъ. Екатеринодаръ. 1911. Ц. 60 к.
- ГРУБЕРЪ, А. Какъ выучиться лѣпить? Кратк. рук. для изученія лѣпки и отливки изъ гипса. Перев. съ нѣм. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- ГРЮНДИЛИНЪ, П. Мотивы современныхъ домовъ-дѣтъ для одного семейства. Ц. 60 к.
- ЖУРАВЛЕВЪ, Б. Автономный подводный бронепалубный крейсеръ въ 4.500 тоннъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ИВАНОВЪ, В. О. Способы предварительной обработки сточныхъ водъ. Кіевъ. 1911. Ц. 50 к.
- ИВАНЧИНЪ-ПИСАРЕВЪ, А. А. Какъ находить воду и устраивать колодцы. Изд. 1-го И. Д. Сытина. Москва. 1912. Ц. 60 к.
- КАРАФФА-КОРБУТТЪ, В. В., инж. Озонъ и его примѣненіе въ промышленности и санитаріи. Спб. 1912. Ц. 60 к.
- КЕРСТЕНЪ, К. Желѣзо-бетонныя сооруженія. Ц. 50 к.
- КРЯЖИШТАЛОВИЧЪ, Бетонныя работы на цементномъ и смѣсанныхъ растворахъ. Новгородъ. Ц. 15 к.
- Способъ возведенія зданій изъ пустотѣлыхъ бетонныхъ камней. Спб. 1910. Ц. 50 коп.
- ЛАМТЕВЪ, Н. Сухіе гальваническіе элементы. Ц. 50 к.
- ЛЕВЕНСОНЪ, Л. Современныя американскія паровыя машины, ихъ проектированіе и конструкція Спб., 1912. Ц. 3 р. 65 коп.
- ЛЕЙХМАНЪ, Л. К. и ПЛАМЕНЕВСКІЙ, К. И. Практич. рук. по испыт. паровыхъ котловъ, паровыхъ машинъ, насосовъ и компрессоровъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 75 коп.
- ЛЕОНАРДЪ, Г. Тисненіе и живопись по кожѣ. Ц. 30 к.
- МАНЦЕЛЪШТАМЪ, В. Г. Практич. рук. къ сооруженію ручныхъ способомъ металлич. паровыхъ дезинфекціон. камеръ. Съ 66 чертеж. и рис. Новгородъ. 1911. Ц. 1 руб.
- МЦХАЙЛОВЪ, В. Руководство къ изготовленію новаго приспособленія для нагрѣванія паяльника для любителей и мастеровъ. Ц. 20 к.
- Электрическія зажигающія лампы и изготовленія ихъ любителями. Ц. 30 к.

При каждомъ № „НИВЫ“ подписчики **52** книги.
получать по одной книгѣ, всего въ годъ —

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1912 ГОДЪ

(43-й годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстриро-
ванный

ЖУРНАЛЪ

со многими приложениями

Гг. подписчики „НИВЫ“ получать въ теченіе 1912 года:

НИВА

52 №№ еженедѣльн. художеств. литер. журн. „НИВА“: романы, повѣсти и рассказы, критич. и популярно-научн. очерки, биографіи, обзоры дѣятельности Госуд. Думы и политич. обзорья; рис. въ краскѣ, снимки съ картинъ, рисунки, фототюды и иллюстраціи соврем. событій; рядъ очерковъ и рисунки. Будетъ посвященъ столѣтію Отечественной войны.

52 КНИГИ, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧНОГО журнала „ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“: романы, повѣсти, рассказы, популярно-научн. и критич. статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библиографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и игръ.

40 КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ“ **40** КНИГЪ,

содержащихъ ЧЕТЫРЕ ПОЛНЫХЪ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
(стоящія въ отдѣльн. продажѣ свыше 30 р.),

которыя подписчики получаютъ полностью въ теченіе одного 1912 года:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

(Будетъ дополнено произведеніями, не вошедшими въ издан. пока томы полн. собр. его сочиненій).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ

А. А. Ф Е Т А.

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

Оск. УАЙЛЬДА.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“.
До 200 столбцовъ текста и 300 мод-
ныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящи-
комъ.

12 ЛИСТОВЪ: до 300 рукодѣльн. и
выпильн. работъ и для гыжиганія и
до 300 чертежей выкроекъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1912 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми прилож. на годъ:

въ С.-Пе-) безъ доставк. — 6 р. 50 к.
тербургъ:) съ доставкой — 7 р. 50 к.
Безъ доставк.: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ
Н. Печковской — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ
книжн. магаз. „Образованіе“ — 7 р. 50 к.

Съ перес. во
всѣ мѣста
Россіи . . . **8** р.
За границу — 12 р.

Разсрочна пла-
тежа въ 2, 3 и
4 срока. 3.

Иллюстрированное объ-
явленіе о подпискѣ вы-
сылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1912 году
(ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» издается въ 1912 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать два года (1880—1911).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ
ФЕВРАЛЬ, 1912 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1912 г.

	СТРАН.
I. Исторія одного убійства. (Романъ). Часть первая. IX—XV. (Продолженіе). И. Я. Павловскаго .	433
II. Страншны из моей жизни. III. (Продолженіе). А. Е. Егорова .	469
III. Въ лучахъ звѣзды пламеньющей. (Историческая повѣсть). (Окончаніе). Г. Г. Яенскаго .	506
IV. Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой .	532
V. Мои встрѣчи съ Георгіемъ Гапономъ. М. П. Сизова .	543
VI. Земство и жизнь. (Записки председателя земской управы). (Окончаніе). В. А. Авескаго .	583
VII. Эскизы недавняго прошлаго. Г. К—къ .	615
VIII. Встрѣча двухъ школьныхъ товарищей. (Изъ путевыхъ впечатленій). И. М.	624
IX. «Дѣло о буйствѣ» Н. С. Тургенева. А. А. Дунина .	629
X. Англичане о Россіи. А. Б.	632
XI. Б. Б. Глинскій. (Къ 25-лѣтію литературной дѣятельности). А. А. Исайлова .	648
XII. Памяти графа Павла Ипполитовича Кутайсова. Г. В. Лавошниковъ .	658
XIII. Что общааетъ XVI археологической сѣздѣ. В. Е. Рудакова .	662
XIV. Періодъ твердой власти. (Историческіе очерки). I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху 80-хъ годовъ. Б. Б. Глинскаго .	667
Иллюстраціи: 1) Герм. А. Лопатинъ.— 2) С. Н. Кривенко.	
XV. Черезъ Памиръ къ Гиндукушу. (Отъ Оша до Памирскаго поста). И. Л. Корженевскаго .	691
Иллюстраціи: 1) Ущелье р. Гульчи.— 2) Новый рабать въ урочищѣ Суфи-Курганъ.— 3) Въ киргизскомъ аулѣ. (Урочище Катта-Караколь).— 4) Видъ на сѣверный склонъ перевала Талдыкъ въ Алайскомъ хребтѣ.— 5) Группа киргизовъ въ долинѣ Алая.— 6) Переправа киргизовъ черезъ р. Суръх-Объ.— 7) Видъ Алайскаго хребта отъ Заалайскаго изъ урочища Кара-су.— 8) Озеро Кара-Куль на Памирѣ.	
XVI. Критика и библиографія.	733
1) Вадимевскій, К. Первые Романовы. Переводъ съ французскаго В. Ф. М. 1911. М. Ключова.— 2) М. М. Ивановъ. Исторія музыкальнаго развитія Россіи въ двухъ томахъ, съ рисунками и нотными прилѣжами. Т. II. Спб. 1902. В. Басина.— 3) В. Вальденбергъ. Государственный идѣи Крижанича. Спб. 1912. Андрея Сиротинина.— 4) «Царь или не царь?» Историческая хроника С. Ф. Либровича. Со снимками съ историческихъ картинъ, портретовъ и др. (См. слѣд. стран.)	

третовъ, грамотъ, медалей, монеть и пр., и пр. А. Иф.— 5) Ночные братья. Опыт историческаго изслѣдованія о масонствѣ въ Германіи. Гр. С. Д. Толь (рожд. Толстай). Спб. 1911. Тирь Соколовской.— 6) *Varbe Doukhouzkoju. Quelques pages de ma vie.* Спб. 1911. А. Б—ва.— 7) Известія русскаго генеалогическаго общества. Выпускъ четвертый. Спб. 1911. В. Руданова.— 8) *Balch. Our slavie fellow Citizens N.-Yorck.* 1910. (Вальчъ. Наши славянскіе сограждане. Н.-Йоркъ). А. Б—ва.— 9) Вѣстникъ археологін и исторіи, издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Выпускъ XXI. Спб. 1911. В. Р—ва.— 10) И. А. Линниченко. В. В. Антоновичъ, 1803—1908. Москва. 1910. С. Авалиани.— 11) Храбрымъ безсмертіе. Военная хрестоматія. Сборникъ статей и очерковъ изъ военного быта и исторіи, для чтенія воспитанниками кадетскихъ корпусовъ, нижними чинами арміи и флота и молодыми людьми, поступающими въ команды юныхъ развѣдчиковъ, а равно и для чтенія въ народныхъ школахъ. Ч. I. Составилъ Ѳ. Таралыгинъ, подъ редакціей ген.-майора Пруссака. Спб. 1911. л. н.— 12) Русскій биографическій словарь. Шебановъ—Шютцъ. Спб. 1911. с. ш.— 13) Г. Т. Свѣрцевъ-Полидовъ. Въ погонѣ за славой и золотомъ. Спб. 1912. г.— 14) М. М. Бородинъ. Краткая исторія Финляндіи. Спб. 1911. в. 7—го.— 15) А. И. Соколова. Свѣрвый Финскъ. Историческій этюдъ. Спб. 1912. н. э.— 16) Архимандритъ Іона. Святая гора Афонъ. Вытъ монаховъ на Афонѣ и междуцерковное значеніе Святой горы. Спб. 1911. л. л.— 17) Матюшка Русь. Хрестоматія. 1-я часть. Для учениковъ приготовительнаго и младшихъ I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ѳ. А. Таралыгинъ. Редакціи Ѳ. А. Витберга. 2-е издание, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1911. в. Р—ва.— 18) Д. К. Зеленинъ. Къ вопросу о русалкахъ. Спб. 1912. в. Данилова.— 19) Академическая бібліотека русскаихъ писателей. Выпускъ I. (Изданіе 3-е). Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова. Подъ редакціей и съ приѣчашами А. И. Лащенка. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1911. в. Р—ва.— 20) Воспоминанія И. И. Явжула о перекитомъ и видѣномъ въ 1864—1909 г.г. Два выпуска. А. Фаресова.— 21) И. В. Негушиль, проф. харьковскаго университета. Обзоръ римской исторіи по лекціямъ, читаннымъ въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ и на харьковскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Харьков. 1912. А. М—на.— 22) В. М. Грибовскій, профессоръ императорскаго новороссійскаго университета. Государственное устройство и управленіе Россійской имперіи. Одесса. 1912.— *Das Staatsrecht des Russischen Reiches von Dr. Wiatscheslaw Gribowsky Professor der Rechte an der Universität Odessa.* Tübingen. 1912. б. г.— 23) Дантиль Галеви. Жизнь Фридриха Ницше. Перев. съ французскаго А. И. Ильинскаго. Подъ редакціей и съ пред. В. П. Сперанскаго, прив.-доц. Спб. университета. Спб. 1911. И. Гурвича.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 766

1) Американская (Помпея).— 2) Кто-что о Россіи.— 3) Красота новой женщины.— 4) Маленькія скандалы въ королевской семьѣ.— 5) Отвсюду.

XVIII. Смѣсь. 783

1) Торжественное засѣданіе академіи наукъ.— 2) Драгоценная археологическая находка.— 3) Юбилейное торжество въ императорскомъ Александровскомъ лицѣ.— 4) Юбилейный даръ лицію императорскому Пушкинскому музею.— 5) 25-лѣтіе электротехническаго института.— 6) Торжественное засѣданіе въ московскомъ университетѣ.— 7) Юбилейное чествованіе В. В. Радлова.— 8) Чествованіе Г. Н. Федотовой.— 9) Открытіе фресокъ въ соборѣ Спаса на Бору.— 10) Пятидесятилѣтіе государственной службы А. Г. Вишнякова.

XIX. Некрологи. 800

1) Вестужева, С. И.— 2) Вобровъ, П. П.— 3) Бутовскій, П. М.— 4) Голубинскій, Е. Е.— 5) Ивановскій, Н. П.— 6) Котовичъ, І. А.— 7) Лавровъ, В. М.— 8) Латышевъ, В. А.— 9) Миклашевскій, М. И.— 10) Милотинъ, Ю. П.— 11) Мясовдовъ, Г. Г.— 12) Овсянниковъ, Н. Н.— 13) Попомаревъ, А. И.— 14) Ройтманъ, Д. В.— 15) Турцевичъ, І. А.— 16) Шамшинъ, Н. Н.

XX. Замѣтки и поправки. 818

Къ статьѣ А. А. Сигова «Похожденіи революціонера-эспропріатора Савицаго».

Приложенія: 1) Портретъ Бориса Борисовича Глинскаго.— 2) Докторъ Струизе. Историческій романъ Ш. Низе. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайлова. Часть первая. V—VII. Часть вторая. I.

БОРИСЪ БОРИСОВИЧЪ ГЛИНСКІЙ

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА.

(Романъ 1).

IX.

ЕЖДУ ТЪМЪ Гринштейнъ сдѣлался въ семьѣ Мойсеевыхъ своимъ человѣкомъ. Рѣдкій день онъ не заходилъ, хотя бы на короткое время, на ихъ квартиру въ двѣ комнаты съ кухней въ домѣ Кокорева. Онъ приходилъ къ чаю и всегда приносилъ съ собою что-нибудь: калачи и сдобныя булки, фрукты или конфеты, а то просто чаю, сахару или кофе, до котораго старуха была большая охотница. Ему были рады, потому что онъ вносилъ оживленіе въ среду этихъ одинокихъ трехъ женщинъ. Никто ихъ не посѣщалъ, кромѣ иногда старыхъ чиновницъ, знакомыхъ Мойсеевой, такихъ же бѣдныхъ, такихъ же скорбныхъ и свыкшихся съ нуждою, какъ и она.

Дѣвушки не любили этихъ посѣтительницъ, любимымъ развлеченіемъ которыхъ было бѣгать на похороны состоятельныхъ людей, откуда онѣ возвращались съ распухшими и красными отъ слезъ глазами. Этого матеріала хватало для безконечныхъ бесѣдъ, которыя онѣ вели въ задней комнатѣ—въ спальнѣ—съ хозяйкой за кофейничкомъ, наполненнымъ черной жидкостью, приготовленной изъ цикорія и самаго незначительнаго количества кофе. Когда кофе не было, онъ замѣнялся жженымъ овсомъ. Только въ разговорахъ съ пріятельницами Мойсева отводила душу. Внѣ этого она всегда

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстникъ», т. СХХVI, стр. 7.

была озабочена и въ трепетномъ настроеніи, ежедневно ожидая катастрофы. При каждомъ звонкѣ она блѣднѣла и прежде, чѣмъ пойти къ двери, бросала кругомъ растерянные взоры. Это могъ быть дворникъ, приходившій въ пятый разъ съ требованіемъ денегъ за «фатеру», и который, забывая ея дворянство, поднималъ голосъ, называя ее «матушкой» и говоря на «ты». Это могъ быть лабазникъ, которому наскучило ждать обѣщанной недѣлю назадъ уплаты «должка» въ рубль семь гривенъ, или сапожникъ, «въ который ужъ разъ» являвшійся за слѣдуемымъ ему двугривеннымъ за положенную заплатку на башмакъ младшей барышни. Столько расходовъ! горевала старуха. А жизнь такъ дорога!.. Только бы Соня не узнала про эти обстоятельства. Ее это такъ разстраивало. По цѣлымъ днямъ она оставалась угрюмой, не одѣвалась и даже не умывалась, и, лежа въ передней комнатѣ на диванѣ, съ насупленными бровями, все читала. Только Нюру все это нисколько не трогало и не портило ея ровнаго расположенія духа. Она достала себѣ дополнительную работу и по цѣлымъ вечерамъ скрипѣла перомъ подъ зеленымъ абажуромъ керосиновой лампы, исписывая листъ за листомъ, и останавливалась отъ времени до времени, чтобы рассказать какую-нибудь комическую исторію, которая случилась въ конторѣ, или про которую ей рассказывали. Знакомство съ Гринштейномъ нарушило монотонность жизни этой семьи. Въ квартирѣ, за чаемъ съ булками и съ лакомствами, стали слышаться смѣхъ и пѣніе. Оказалось, что у Нюры былъ недурный голосокъ, и, освоившись съ молодымъ человѣкомъ, она соглашалась пѣть съ нимъ романсы, подъ аккомпаниментъ гитары. Теперь и Матвѣевъ сталъ появляться въ домѣ, велѣдъ за Гринштейномъ. И стало весело. Людямъ такъ мало нужно. Старуха тоже теперь меньше пугалась каждаго звонка, почувствовавъ за собою присутствіе мужчины, возможнаго покровителя и защитника. Въ тяжелыя минуты, подъ конецъ мѣсяца, Гринштейнъ ее не разъ выручалъ зелененькими и синенькими кредитками, тайкомъ отъ дочерей; часто молодые люди выходили гулять втроемъ. Случалось, что Гринштейнъ бралъ санки, и они ѣздили кататься часъ-другой по скрипучему снѣгу въ Петровскій паркъ. Иногда онъ приносилъ билеты на концерты или въ театръ.

Революціонныя дѣла, однако, все больше и больше занимали Гринштейна. Пропаганда террористовъ становилась съ каждымъ днемъ все дѣятельнѣе, и ея успѣхи очевиднѣе. Реакція, которую она вызывала со стороны правительства, доводила людей, вчера еще сравнительно мирно настроенныхъ, до великаго ожесточенія. Въ обществѣ рассказывались подробности о возмутительныхъ жестокостяхъ, которыя предѣлывались въ центральныхъ тюрьмахъ по отношенію къ политическимъ осужденнымъ. По рукамъ ходили писемъ ма находившихся на каторгѣ съ описаніями «голодныхъ бунтовъ»

и избіенія заключенныхъ прикладами. Печать, поднявшая было голову послѣ дѣла Засулччъ, была придушена. Земское самоуправленіе, на которое русское общество взирало съ надеждой, не существовало. Все живое и дѣятельное, державшееся въ земствѣ до послѣдней крайности, теперь бѣжало отъ него. Въ деревняхъ то и дѣло хватали подъ видомъ «сницлнстовъ» заѣзжихъ профессоровъ, охотниковъ и просто людей, одѣтыхъ въ нѣмецкое платье,—хватали, скручивали руки веревкой, избивали до безнамятства и препровождали въ тюрьму. Студенческія аудиторіи наполнялись шпіонами. Въ гимназіяхъ не столько учили, сколько сыскивали, преслѣдуя «зловредный духъ». Мальчиковъ 3-го и 4-го класса исключали «безъ права поступленія» за обнаруженный ими вольный образъ мыслей. Преслѣдованіе революціоннаго духа простиралось даже на учебники. Въ одномъ учебникѣ всеобщей исторіи составитель нашелъ возможнымъ обойти событія конца XVIII вѣка во Франціи слѣдующимъ образомъ. Доведа разсказъ до Людовика XVI, онъ поставилъ точку, и написалъ слѣдующую главу словами: «По смерти Людовика XVI на французскій престолъ вступилъ генераль Бонапартъ». Арестовывали безъ разбора, безъ счета, безъ смысла, не только по ложнымъ доносамъ, часто по доносамъ изъ мести, но и просто по личной фантазіи мѣстныхъ жандармскихъ властей, людей, не имѣвшихъ ровно никакого касательства ни къ какимъ идеямъ. Надъ всей страной нависла какая-то свинцовая туча, которая порождала апатію въ одной сторонѣ—въ огромномъ большинствѣ общества—и ожесточеніе въ малой части его.

Нужно было много храбрости и силы воли, чтобы не поддаться общему теченію въ тогдашнихъ революціонныхъ кружкахъ и продолжать дѣло въ томъ направленіи, въ которомъ его велъ Задонскій. Онъ уже теперь не могъ пренебрегать сходками. Онъ собирался теперь почти каждый день и даже въ рабочихъ кварталахъ. Ораторы говорили, что пропаганда въ настоящую минуту можетъ быть одна: побуждать крестьянъ взять топоры и вилы и бить помѣщиковъ, а рабочихъ—чтобы они присоединились къ партіи террористовъ.

И Задонскій, сопровождаемый «вѣрнымъ Личардой», какъ прозвали Гринштейна, бѣгалъ по сходкамъ, спорилъ и возражалъ, смѣло шелъ противъ теченія, не заботясь о своей популярности, забывши собственную свою безопасность. Убѣжденный, онъ всѣми силами души старался убѣдить другихъ, что путь, избранный террористами, ложный, что успѣхъ ихъ вѣрный, что спасеніе Россіи въ распространеніи идей и въ организаціи протестующихъ элементовъ, а не въ убійствахъ, не въ грабежахъ и не въ бунтахъ. Лично знакомый съ организаціей нѣмецкой социаль-демократической партіи и съ организаціей англійскихъ рабочихъ и французскихъ социалистовъ, онъ ссылался на нихъ. Ему возражали,

что Европа для насъ не указъ, что мы еще азіаты и должны дѣйствовать по-азіатски, что, впрочемъ, и нѣмецкіе соціалъ-демократы выдѣлили изъ своей среды въ лицѣ Моста революціонера, который собирается дѣйствовать такъ же, какъ русскіе террористы. Это была только кажущаяся правда. Мостъ, при всемъ своемъ талантѣ, не пользовался никакимъ вліяніемъ въ Германіи. Онъ вскорѣ, какъ извѣстно, долженъ былъ эмигрировать въ Америку, гдѣ и умеръ. Но аргументы противниковъ дѣйствовали больше, чѣмъ его собственные. Впрочемъ, тѣ, которые являлись на сходки, приходили не для того, чтобы выслушивать аргументы и убѣждаться, они пускали въ ходъ всякія средства, чтобы осмѣять противника, выставить его трусомъ, недоумкомъ, если еще не того хуже. Бѣда была въ томъ, что событія были противъ Задонскаго, правительство вѣшало, и молодежь кричала, что ему надо мстить. А тамъ, гдѣ дѣйствуетъ чувство, законы благоразумія теряютъ все свои права.

Задонскій возвращался съ этихъ сходокъ измученный, разстроенный, съ признаемъ, что напрасно терялъ время. И больше, чѣмъ когда-нибудь, онъ убѣждался, что террористамъ-интеллигентамъ надо противопоставить независимыхъ рабочихъ, сознательно преслѣдующихъ свои классовыя цѣли. У него явился теперь новый планъ, надъ обсужденіемъ котораго онъ работалъ съ Гринштейномъ дома у него или у себя, или гуляя по ночамъ по Тверскому бульвару чуть не до зари. Все эти дѣла мѣшали Гринштейну бывать у Мойсеевыхъ такъ часто, какъ ему бы хотѣлось. Разъ онъ не былъ у нихъ четыре дня подъ рядъ. Вечеромъ на четвертый день, возвращаясь къ себѣ, онъ встрѣтилъ спускавшуюся къ нему навстрѣчу Нюру.

— Нюра! Какимъ образомъ?!—сказалъ онъ, удивившись

Онъ не могъ видѣть въ полутьмѣ, какъ вспыхнуло ея лицо, когда она его замѣтила, и даже не обратилъ вниманія на смущеніе, которое слышалось въ ея голосѣ, когда она отвѣтила:

— Вы здоровы? А я думала, вы больны,—вась такъ давно не видно. Совсѣмъ насъ забыли...

Гринштейнъ забѣжалъ къ себѣ на минуту. Онъ торопился, потому что его ждалъ Задонскій. Но онъ былъ такъ радъ поговорить о Сонѣ, что не хотѣлъ отпустить Нюру и заставилъ ее вернуться. Она молча послѣдовала за нимъ.

— Какъ у васъ хорошо! Какъ здѣсь уютно!—сказала она, съ любопытствомъ оглядывая его чистенькую, прибранную комнату, когда онъ, не снимая ни пальто, ни шляпы, зажегъ лампу.

Гринштейнъ былъ веселъ. Выдвигая ящики своего письменнаго стола и насорю просматривая бумаги, изъ которыхъ одиѣ онъ засовывалъ къ себѣ въ боковой карманъ, а другія клалъ назадъ, онъ шутилъ:

— Хозяюшки нѣтъ въ домѣ, а то бы совсѣмъ другое было дѣло. Она не поняла и пассивно, съ разсѣянностью спросила:

— Развѣ вы одинъ въ квартирѣ?

Онъ засмѣялся и пояснилъ:

— Жениться бы слѣдовало, Нюра. Надоѣло такъ бобылемъ жить.

— Ахъ, да! Такъ что же? За васъ всякая пойдетъ, вы такой добрый.

Она сказала это медленно, растягивая слова и какъ-то загадочно. Онъ мелькомъ повернулъ къ ней голову. Она сидѣла на стулѣ у двери, опустивши руки на колѣни и устремивши на него взглядъ своихъ косыхъ глазъ. Гривштейнъ прочелъ въ нихъ выраженіе лукавой усмѣшки. Она-де поняла, къ чему онъ клонитъ.

— Вы очень милая, Нюра. Но вы ошибаетесь. Не всякая, нѣтъ. Подумайте, я могу предложить своей женѣ только очень скромное существованіе сто, сто двадцать рублей, полтора ста, если достать еще дополнительную работу,—это все, на что я могу рассчитывать...

— Жена можетъ, со своей стороны, зарабатывать,—сказала она съ дрожью въ голосѣ.—Да и сто рублей много...

— Не всякая способна работать, какъ вы... Да и что это за жизнь! Ну, да что объ этомъ говорить. Скажите-ка лучше, какъ вы тамъ проживаете? Соскучился по васъ всѣхъ. Но все дѣла! Вотъ у васъ дѣйствительно хорошо, уютно. Душа у васъ отдыхаетъ...— И онъ сталъ говорить о Софѣ и горячо ее расхваливать, односложными словами.—Умница она! Замѣчательно интересная! Немножко злой языкъ, но такъ остроумна!—говорилъ онъ, продолжая рыться въ бумагахъ.

Нюра молчала. Вдругъ ему показалось, будто она всхлипла. Онъ быстро повернулъ къ ней лицо,—она въ самомъ дѣлѣ плакала. Тогда онъ взволновался, подбѣжалъ къ ней.

— Что съ вами, Нюра? У васъ горе? Случилось что-нибудь? Скажите, ради Бога. Ахъ, Господи! Я такой эгоистъ, все о себѣ говорю. Ну же, говорите, —сказалъ онъ, трогая ее за плечо.

— Ничего, это пройдетъ. Извините, пожалуйста,—отвѣтила она, вытирая платкомъ глаза и вставая.

— Однако?

— Ничего, увѣрю васъ. Я выхожу замужъ.

— Зачѣмъ же плакать? Развѣ вы не любите его? Кто онъ?

— Одинъ... въ конторѣ служить, вдовецъ, и у него трое дѣтей... Нѣтъ, онъ хорошій человекъ. Давно уже предложилъ, да я не рѣшалась. А теперь рѣшилась. Дома еще не знаютъ. Вы, пожалуйста, не говорите ничего. Я сама...

Она простилась и ушла, оставивши Гривштейна въ большомъ недоумѣніи. Минуту спустя, онъ уже о ней не думалъ.

X.

Теперь, когда Гринштейнъ приходилъ къ Мойсеевымъ, у нихъ чувствовалось какое-то уныніе. Кончились интимные вечера съ брэнчаньемъ на гитарѣ, съ пѣніемъ, съ веселыми разговорами и смѣхомъ. До лакомствъ, которыя онъ приносилъ, никто почти не дотрагивался. Нюра, занятая перепиской, сидѣла въ задней комнатѣ и по цѣлымъ вечерамъ поскрипывала перомъ. Она, кромѣ того, изучала стенографію и два раза въ недѣлю посѣщала съ этой цѣлью какіе-то курсы. Выходила она къ чаю на минутку и имѣла при этомъ окаменѣлое выраженіе. Она наскоро проглатывала стаканъ крѣпкаго чая и возвращалась къ своей работѣ. Старуха тоже сидѣла въ спальнѣ. А Соня, которая скучала, хотя и рада была приходу молодого человѣка и поддерживала разговоръ, была нервна и, видимо, разстроена. Гринштейнъ приписывалъ это рѣшенію Нюры выйти замужъ и разстройству, которое вносило въ семью предстоящая перемѣна въ ея жизни. Изъ деликатности онъ объ этомъ не говорилъ, ожидая, что Соня или ея мать сами объ этомъ заговорятъ. Но онѣ молчали. И Гринштейну было больно это недовѣріе съ ихъ стороны. Его любовь была такъ сердечна, что онъ уже смотрѣлъ на себя какъ на члена семьи, какъ на родного, передъ которымъ не должно было имѣть тайнъ. И разъ вечеромъ, когда онъ остался вдвоемъ съ Соней, онъ рѣшился.

— Софья Андреевна,—сказалъ онъ съ сильно бьющимся сердцемъ и заглядывая ей въ глаза,—хотите быть моей женой?

Ее точно ударило молоткомъ по головѣ. Она шарахнулась въ сторону. Глаза ея расширились, и лицо выразило самое неподдѣльное изумленіе.

— Я?!—переспросила она.

— Ну, да, конечно. Развѣ вы не догадались давно, что я люблю васъ всей душою, съ первой минуты, когда я васъ увидѣлъ на вечерѣ у Матвѣева. Мои мысли полны вами, я строю планы о нашей совмѣстной жизни, я много думалъ объ этомъ, и если бѣ вы согласились, я думаю, я увѣренъ, что мы были бы счастливы. Мое чувство къ вамъ не банальное. Я васъ люблю, уважаю, я удивляюсь вамъ, все въ васъ мнѣ дорого...

Лицо его горѣло отъ умиленія и нѣжности. Красивый теноровый голосъ дрожалъ теплотой и искренностью, и сѣрые глаза были обращены на нее съ выраженіемъ кроткой мольбы и восторга.

— Благодарю васъ,—отвѣтила она, перебивая его.—Но, милый Гринштейнъ, я думала, что мы останемся съ вами всегда друзьями. Развѣ этого не довольно? И что вамъ за охота связывать свою жизнь?

— Вы говорите это потому, что не любите меня.

Она пожала плечами.

— Вы мнѣ симпатичны,—вотъ все, что я знаю. Вы славный... мальчикъ,—не сердитесь,—хорошій товарищъ. Но я васъ не вижу мужемъ, отцомъ семейства!...

Она засмѣялась. Но, увидѣвши впечатлѣніе своихъ словъ на его поблѣднѣвшемъ и обезкураженномъ лицѣ, она добавила:

— Впрочемъ, я васъ еще такъ мало знаю. И вы не подумайте, что я говорю это такъ, чтобы что-нибудь сказать. Можетъ быть, я уродливо создана. Но увѣряю васъ, мнѣ двадцать четыре года, а я еще не встрѣтила челоѣка, про котораго я бы подумала: вотъ тотъ, котораго я хотѣла бы назвать своимъ мужемъ. Сердце мое бьется ровно, и разумокъ ни разу не потерялъ своихъ правъ. А я вѣдь почти старая дѣва. Я знаю, что въ моемъ положеніи всякая другая съ радостью пошла бы за васъ. А я разсуждаю. Я думаю о завтрашнемъ днѣ и говорю: выйти замужъ, лишь бы выйти, плодить нищихъ, изнурять свой умъ въ теченіе цѣлой жизни, чтобы свести концы съ концами, дрожать передъ дворникомъ, трепетать при каждомъ звонкѣ,—нѣтъ, я на это не способна!

— Софья Андреевна, я не такой, я не мелкій. У меня самого есть честолюбіе, и нѣтъ того на свѣтѣ, что бы я не сдѣлалъ для любимой женщины... для васъ. У меня есть энергія, есть способности. Вамъ не пришлось бы дрожать передъ дворникомъ, можете быть увѣрены.

— Всѣ такъ говорятъ, всѣ такъ думаютъ, окрыленные чувствомъ. Я бы сама хотѣла быть такою,—потерять голову такъ, чтобы море было по колѣно, вѣрить, надѣяться, полетѣть орломъ. Но что подѣлаете? Я вижу жизнь такую, какъ она есть. Не вѣрю и не надѣюсь.

— И не любите!... А я васъ люблю, и мнѣ страшно подумать, какъ я стану теперь жить. Не ваша это вина, конечно, но я такъ сжился съ картинами призрачнаго счастья, которыя рисовалъ въ своемъ воображеніи, что теперь... теперь...

Голосъ его прервался. Онъ провелъ рукою по лбу и посмотрѣлъ на нее помутившимся взглядомъ, въ которомъ было столько тоски, такое отчаяніе, что Сонѣ стало его жалко.

— Слушайте, Гринштейнъ, мы будемъ друзьями. Это пройдетъ, вы—мужчина...

— Э, полноте! Какая тутъ дружба! Завтра придетъ тотъ, другой, котораго вы не встрѣтили, но встрѣтите непременно, и эта дружба расплывется, растаетъ, какъ дымъ...

— Ни вы, ни другой! Въ этомъ вы можете быть увѣрены.

Онъ всталъ и пошелъ къ двери.

— До свиданія... руку, Гринштейнъ!

Онъ протянулъ ей руку, не оборачиваясь, и убѣжалъ, хлопнувши выходной дверью.

Въ это мгновеніе на порогѣ спальни появилась Нюра. Она была очень возбуждена, и ноздри ея раздувались.

— Ты жестокая, Соня. Совсѣмъ у тебя нѣтъ сердца!

— Да, да, это извѣстно,—отвѣтила та, стараясь быть спокойной и раскрывая книжку.—Только ты напрасно подслушиваешь у дверей.

— Я и безъ подслушиваній знаю, что онъ тебя любитъ, и мама знаетъ, и всѣ. Да и ты знала...

— Неправда.

— Конечно, знала. И все-таки кокетничала, завлекала его, фамиллярничала. И мы всѣ виноваты передъ нимъ...

— Ну, такъ и пойдн, повинись,—предложи ему свою руку. Я вѣдь тоже не слѣпая. Я знаю, что ты къ нему неравнодушна. Напротивъ...

— Слушай, Соня, я не ссориться съ тобой хочу. Мнѣ жалко его, но и тебя тоже. Ты и мама, больше у меня никого нѣтъ на свѣтѣ. Мама измучена. Такъ какъ я съ нею сплю, я знаю. Она по цѣлымъ ночамъ не спитъ,—все вертится, вздыхаетъ, молится и плачетъ. Не по силамъ ей уже эта борьба. Мнѣ хотѣлось бы облегчить ей жизнь. И я рѣшила,—я выхожу замужъ...

— А-а!—протянула Соня, поднимая на нее глаза.

— Мой женихъ очень уже не молодой. Кирилловъ его фамилія. Краситъ бороду въ рыжій цвѣтъ и носить красные галстуки, чтобы казаться моложе. И все это для меня. Такая это жалость. Онъ, видишь ли, вдовецъ. И трудно ему съ тремя дѣтьми. Нужна порядочная женщина въ домъ, чтобы была матерью для дѣтокъ, потому что онъ ихъ любитъ. Вотъ онъ и выбралъ меня, знаетъ, что я, если скажу, такъ сдѣлаю. Ну, и видитъ, кромѣ того, какъ я живу, тружусь. Однимъ словомъ, я ему нравлюсь. Я-то все это понимаю. И больно мнѣ видѣть, что онъ хочетъ меня соблазнить своимъ франтовствомъ, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ молодой. Но дѣлаю видъ. А дѣтки славныя, и такъ имъ скучно, бѣднымъ. Ко мнѣ такъ и льнуть. Я думала: выйду за Кириллова, маму къ себѣ возьму...

— А я, оказывается, являюсь помѣхой твоимъ человѣколюбивымъ планамъ?

— Не коли, Соня, безъ того мнѣ тяжело. Ничему ты не мѣшаешь. Я думала о твоемъ благѣ. Не хочешь—какъ хочешь. Будемъ жить всѣ вмѣстѣ, если хочешь. Или ты останешься съ мамой. Что касается моего рѣшенія, то я его уже измѣнить не могу: я дала Кириллову слово.

— И когда же свадьба?

— Мы будемъ вѣнчаться въ концѣ января.

XI.

Заклнвшн руки за голову, Гринштейнъ лежалъ неподвижно на койкѣ въ своей комнатѣ. Маленькая лампа подъ зеленымъ абажуромъ бросала свѣтъ на его осунувшееся и блѣдное лицо. Само-

варь, принесенный хозяйкой, давно погасъ. Онъ даже этого не замѣтилъ. Онъ лежалъ пластомъ и упорно смотрѣлъ передъ собою на бѣлую стѣну. Онъ въ этотъ день ничего не ѣлъ, и такъ какъ было воскресенье, то на службу не пошелъ. Утромъ, когда онъ проснулся и вспомнилъ вчерашній разговоръ съ Соней, его вдругъ охватило такое отчаяніе, что онъ почувствовалъ себя точно парализованнымъ. Руки и ноги его ослабѣли, онъ даже не могъ согнуть пальцы. Голова была пуста, а сердце ныло, и онъ ясно сознавалъ только одно: что отказъ любимой дѣвушки обрушился на него тяжелымъ камнемъ и раздавилъ его. Онъ растерялъ все надежды, и вышній міръ потерялъ весь свой интересъ. Наканунѣ, когда онъ уходилъ изъ дома Кокорева, онъ уносилъ съ собою только стыдъ, чувство оскорбленнаго самолюбія. Онъ злился, старался успокоить себя тѣмъ, что Соня кичится своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, что у нея недоброе, озлобленное сердце и дурной характеръ, и что лучше, чтобы дѣло кончилось такъ, чѣмъ потомъ сожалѣть всю жизнь о сдѣланной ошибкѣ. И онъ обѣщалъ себѣ бороться со своимъ чувствомъ, вытравить его усиленной работой, отдаться теперь всею душою общественной дѣятельности.

Задонскаго тогда въ Москвѣ не было,—онъ съ недѣлю назадъ уѣхалъ по дѣламъ тайной типографіи въ Петербургъ и оставилъ на своемъ мѣстѣ Гринштейна, давши ему множество самыхъ неотложныхъ порученій. Между прочимъ, Гринштейнъ долженъ былъ, по выработанному совмѣстно съ Задонскимъ плану, написать брошюру съ возраженіями противъ террористовъ. Ложась спать, Гринштейнъ рѣшилъ завтра же докончить рукопись. Онъ надѣялся, что этотъ трудъ отвлечетъ его вниманіе отъ мыслей о Сонѣ и отъ афронты, который она ему нанесла. Но онъ самъ не подозрѣвалъ, какъ глубоко въ его сердцѣ засѣлъ образъ этой дѣвушки и какой ударъ нанесъ ему ея отказъ. Онъ хотѣлъ стряхнуть съ себя овладѣвшее имъ отчаяніе,—вскочилъ, умылся холодной водою, одѣлся, палилъ себѣ чаю, закурилъ папирску... И вдругъ его ударило прямо въ сердце. Онъ вспомнилъ, какъ еще вчера въ это время онъ былъ счастливъ, какъ, параллельно съ его мыслями о своихъ дѣлахъ, гдѣ-то въ глубинѣ его горѣла и согрѣвала его надежда на близкое и огромное счастье, отъ котораго захватывало духъ, и ужасъ охватилъ его: все кончено, этого никогда не будетъ, никогда! Это слово прозвучало въ его душѣ похороннымъ звономъ. И онъ забѣгалъ по комнатѣ, схвативши себя за голову, какъ будто хотѣлъ убѣжать отъ самого себя, заткнуть уши, ничего не сознать, ничего не чувствовать.

Долго онъ бѣгалъ такимъ образомъ, кусая себѣ губы, пока, обезсиленный, не упалъ на кровать. Онъ лежалъ и думалъ цѣлый день одно и то же, и отъ этой мысли не могъ отвязаться: «Плодить нищихъ!» Вотъ въ этомъ все дѣло. Она симпатизируетъ мнѣ. Она это сказала множество разъ. (И онъ вспоминалъ когда именно, вызы-

валь картины, образъ Сони, ея взглядъ и ея улыбку). Если бъ не это, если бъ у меня были деньги, она бы пошла за меня, и я, оба мы были бы счастливы... И хуже всего, что не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ горемъ и отчаяніемъ. Если бъ поговорить съ Задонскимъ, легче бы стало. Онъ такой сердечный, такъ хорошо и деликатно понимаетъ все. Гринштейнъ ему еще ничего не говорилъ о своей любви, но тотъ догадывался. Теперь онъ бы все ему сказалъ. Передъ нимъ не стыдно. Задонскій не осудилъ бы его, — онъ строгъ только по отношенію къ самому себѣ. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ уже вернулся!..

И, не будучи въ силахъ долѣе оставаться одинъ, Гринштейнъ вскочилъ, надѣлъ пальто и вышелъ на улицу.

Задонскій еще не вернулся. Гринштейнъ печально поплелся назадъ. Но онъ не рѣшался возвратиться домой. Ему было страшно опять остаться со своими мыслями и своимъ горемъ. На морозномъ воздухѣ и на ходу ему было легче. И онъ шелъ впередъ, ни о чемъ не думая. Вдругъ онъ вспомнилъ, что есть ночной поѣздъ изъ Петербурга. Онъ посмотрѣлъ на часы: до поѣзда оставалось еще около двухъ часовъ. Тогда онъ рѣшилъ пойти на Николаевскій вокзалъ и дожидаться прихода поѣзда. Кто знаетъ, можетъ, Задонскій пріѣдетъ именно съ нимъ. Мысль эта ободрила его, и, найдя цѣль своимъ скитаніямъ, онъ ускореннымъ шагомъ направился къ вокзалу. Это было далеко, но ему это именно нужно было. И по мѣрѣ того, какъ онъ шелъ, въ немъ все болѣе росла увѣренность, что онъ встрѣтитъ друга, и что можно будетъ отвести душу. Онъ сталъ думать о томъ, что онъ ему скажетъ, какъ передастъ ему свои страданія, и слезы подступали ему къ горлу. Ему казалось, что, выслушавши его, Задонскій обвинитъ его и скажетъ: «Бѣдный другъ мой, какъ я тебѣ сочувствую». Можетъ быть, даже онъ найдетъ средство помочь ему, придумаетъ что-нибудь. Въ сущности, не все потеряно. Можетъ быть, Соня и сама переимѣнитъ рѣшеніе и напишетъ ему. Вѣдь и ея положеніе тоже тяжелое, безвыходное положеніе. Если Нюра выйдетъ замужъ, какъ она будетъ жить съ матерью на 25 рублей, когда и теперь, съ тѣмъ, что Нюра зарабатываетъ, онѣ не могутъ свести концы съ концами! Конечно, согласись она выйти замужъ, всѣ заботы съ этой стороны исчезли бы. Но именно потому, можетъ быть, она не хочетъ, — она гордая, она не желаетъ имѣть вида, что бросается ему на шею изъ-за денегъ. Это очень вѣроятно. Не сказала же она: я васъ не люблю и дѣло съ концомъ. Напротивъ, она сказала: вы мнѣ симпатичны, будемъ друзьями. Значитъ, она хочетъ поддерживать съ нимъ знакомство, пріятельскія отношенія...

Съ такими мыслями Гринштейнъ дошелъ до вокзала. До поѣзда оставалось еще много времени. Онъ зашелъ въ буфетъ, машинально выпилъ рюмку водки и закусилъ пирожкомъ, потомъ сѣлъ за столикъ и потребовалъ стаканъ чаю съ сухарями. Когда раздался свистокъ, Гринштейнъ вышелъ на платформу съ настроеніемъ

человѣка, который выплакался и которому стало легко на душѣ. Онъ даже пожурилъ себя за свое малодушіе.

Но напрасно онъ выглядывалъ Задонскаго. Пассажиры, торопясь и толкаясь, выходили одинъ за другимъ въ боковую дверь. Задонскаго между ними не было. Но что это? Ему показалось, что мимо него прошмыгнула фигура Ивана-слесаря. Онъ прошелъ съ котомкой въ рукѣ, надвинувши на уши шапку и вытянувши впередъ шею. Гринштейну показалось даже, что Иванъ его замѣтилъ и только притворяется, что не видитъ его. Не долго думая, онъ бросился за нимъ; онъ догналъ его у самаго выхода и коснулся его рукою. Иванъ быстро обернулся назадъ, чрезвычайно блѣдный, съ трясущимися губами, и сверкнулъ на него взглядомъ своихъ острыхъ маленькихъ глазъ, въ которыхъ неизвѣстно чего было больше: ненависти или страха. Но онъ тотчасъ же оправился.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спросилъ онъ холодно, съ насупленными бровями.

Гринштейнъ такъ обрадовался возможности поговорить, что онъ не замѣтилъ враждебнаго взгляда Ивана и словоохотливо отвѣтилъ, увязавшись за Иваномъ вслѣдъ, что онъ беспокоенъ насчетъ Задонскаго, что тотъ уѣхалъ уже болѣе недѣли назадъ, сказалъ, что вернется непременно дней черезъ пять-шесть, а вотъ уже десятый день и о немъ ни слуху, ни духу. И вотъ онъ пришелъ на вокзалъ, въ надеждѣ встрѣтить его, а его все нѣтъ. Ужъ не случилось ли что съ нимъ?

Иванъ шагаль быстро, и Гринштейнъ, запыхавшись, почти бѣжалъ за нимъ.

— Та-акъ, такъ! А я и не зналъ, что его нѣтъ. Давно его не видалъ...

— Да, онъ говорилъ...

— Что говорилъ?!—грубо спросилъ Иванъ. Въ голосѣ его снова послышались озлобленіе и страхъ. Онъ даже остановился и пытливо повернулъ къ нему свое лицо. Глаза его имѣли такое выраженіе, какъ будто хотѣли проникнуть на самое дно души Гринштейна и прочитатъ что-то такое, чего тотъ и не подозрѣвалъ.

— Да ничего особеннаго,—отвѣтилъ онъ, нѣсколько опѣшивши.

— Ну, напримѣръ?

— Ну, напримѣръ, о вашихъ разногласіяхъ относительно тактики, что вы стали симпатизировать тѣмъ, питерскимъ господамъ, Смирницкому, Желѣзнову... И его это очень огорчило, потому что онъ васъ любить, сами знаете.

Иванъ иронически хихикнулъ, повидимому, успокоившись, и пошелъ дальше.

— Это ничего, пройдетъ. Милые бранятся... Хе-хе! Мы съ нимъ старые пріятели. Да-съ. Развѣ я противъ него могу? Я человѣкъ

безъ образованія, на теоріи я не мастеръ. Какъ былъ, такъ и остался сърымъ мужиченкой,—вѣрно!.. Вотъ я теперь, знаете гдѣ былъ?

— Откуда же мнѣ знать?

— Хе-хе! И то правда. Да, у кума былъ тутъ, за городомъ. Дѣльце маленькое было. Ну, и засидѣлся,—пообѣдали вмѣстѣ, выпили грѣшнымъ дѣломъ, побалакали. А жена его гостинцевъ мнѣ наложила,—пирожковъ съ начинкой, славные пирожки,—онъ поднялъ котомку и подержалъ ее на вѣсу,—бери да бери. Ну, я и взялъ. Такъ-то! У кума былъ. А вы куда же теперь?

— Домой иду. Да не смогу заснуть, безпокоить меня, что Задонскій такъ долго не возвращается.

— Ишь вы какой! Но вы не безпокойтесь. Еще не родился, я такъ думаю, тотъ сыщикъ, который бы его забралъ. Будьте спокойны. Ну, прощайте.

Иванъ кивнулъ головою и быстрыми шагами свернулъ въ боковую улицу. Гринштейнъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и тихо поплелся дальше, удивленный и заштригованный. Онъ былъ убѣжденъ, что Иванъ хотѣлъ его одурачить. Но зачѣмъ? Зачѣмъ онъ говорилъ о кумѣ, о выпивкѣ и о гостинцахъ? Очевидно, что ни кума, ни выпивки, ни гостинцевъ не было. Онъ былъ взволнованъ,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. И оттого его объясненія казались сшиты бѣлыми нитками. Онъ на нихъ черезчуръ настаивалъ. Онъ что-то сдѣлалъ такое, что старательно хочетъ скрыть. Но что?...

Усталый отъ долгой ходьбы и отъ волненій этого дня, Гринштейнъ, едва добравшись до постели, заснулъ мертвымъ сномъ.

XII.

Задонскій пріѣхалъ на другой день утромъ и, не отдыхая, тотчасъ сталъ бѣгать по своимъ дѣламъ. Зашелъ онъ, между прочимъ, къ Гринштейну и оставилъ ему записку, приглашая его къ себѣ вечеромъ, какъ только вернется съ работы. И онъ сидѣлъ теперь у себя и съ нетерпѣніемъ ожидалъ его прихода. Задонскій всю ночь не спалъ и только на развѣтѣ забылся. Его разбудилъ говоръ въ вагонѣ.

— Ограбили... Банкъ ограбили...

— Кто? какъ?

— Подкопъ сдѣлали.

— Нѣтъ, не подкопъ. Стѣну проломали злоумышленники...

— И поймали?

— Поймаешь, жди. Все унесли. Стѣна-то смежная съ банкомъ. И къ тому же воскресенье. Съ субботы съ четырехъ часовъ въ банкѣ никого...

— Какъ же, а сторожъ?

— А кто его знаетъ! Можетъ, и сторожъ участвовалъ. Сказываютъ, арестовали его, и пьянъ былъ, какъ стелька.

— Ну, конечно, всегда сторожа виноваты.

— Да, или стрѣлочники, ежели на желѣзной дорогѣ несчастье.

— Ну, дѣла!

— Полтора милліона, говорятъ, унесли.

— А вы вѣрите?

— Я тамъ не былъ, а такъ говорятъ.

— Повѣрьте моему слову,—врутъ. Въ кассѣ, должно быть, ничего не было. Они и подстроили,—ограбили, молъ.

— Можетъ, сами же и проломилн стѣну. Эти банковскіе сами первѣйшіе воры.

— Вы думаете?

— Какъ же, помилуйте!

— Однако, я слышалъ, напали, говорятъ, на слѣдъ. Человѣкъ какой-то въ квартирѣ жилъ, будто офицеръ съ денщикомъ, а теперь оба исчезли.

— То-то и есть. А я бы первымъ дѣломъ директоровъ за бока,—честнымъ дѣломъ за шиворотъ да въ острогъ. Нашлись бы денежки, будьте спокойны. Во всякомъ случаѣ, они виноваты,—отчего не зтергли...

Задонскій слушалъ эти разговоры ни живъ, ни мертвъ. Онъ лежалъ и не смѣлъ пошевеливаться. И онъ пріѣхалъ въ Москву совсѣмъ разстроенный. Въ городѣ объ этомъ событіи еще не говорили. Въ газетахъ ничего быть не могло. Но онъ зналъ, кто совершили преступленіе, и былъ въ отчаяніи. Всѣ знали его старья, дружескія отношенія къ Ивану, и, въ случаѣ чего, всѣ подумаютъ, что позади Ивана стоялъ онъ, проповѣдникъ чистыхъ средствъ для чистой дѣли, что онъ воспользовался вороваными деньгами, все равно—прямо, для себя, или косвенно—для дѣлей пронаганды. Пятно падетъ на его честь во всякомъ случаѣ, понадется Иванъ, или нѣтъ. Задонскій зналъ по долгому опыту, что тайнъ нѣтъ, что рано или поздно все узнается въ революціонной средѣ, какъ во всякой другой, и въ революціонной даже больше, чѣмъ въ другой. Въ революціонной средѣ преступленій нѣтъ, есть революціонные акты, которыми совершившіе ихъ гордятся тѣмъ болѣе, чѣмъ они опаснѣе и чѣмъ преступнѣе. А Бороздинъ, какъ революціонный Рокамболь, особенно любилъ, чтобы объ его похожденияхъ и подвигахъ знали и удивлялись имъ. Надо было принять мѣры, выгородить себя отъ всякой солидарности съ этимъ дѣломъ. И Задонскій съ нетерпѣніемъ ждалъ теперь Гринштейна, чтобы обсудить вдвоемъ, какъ это сдѣлать.

Въ это время въ коридорѣ послышалась шагн, они остановились у двери, и съ вчерашней котомкой въ рукахъ въ комнату вошелъ Иванъ. Онъ имѣлъ очень возбужденный видъ. Черные глазки

его болѣе, чѣмъ когда-нибудь, подозрительно бѣгали кругомъ, и, ничего не говоря, онъ заперъ за собою дверь на ключъ.

— Зачѣмъ пришелъ? Чего надо... воръ?—прохрипѣлъ Задонскій, вскочивши и идя на него.

Блѣдный, съ трясущимися губами, глаза въ глаза, Иванъ протянулъ къ нему шею и также шопотомъ отвѣтилъ:

— На, смотри!

И прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, онъ раскрылъ котомку и высыпалъ къ его ногамъ груды пачекъ разноцвѣтныхъ кредитокъ.

— Четыреста тысячъ, Михалычъ, копейка въ копейку, бери... на дѣло. Все шито-крыто... Бороздинъ свою часть увезъ... Никто не узнаетъ... Миѣ ничего не надо... Гроша себѣ не взялъ.

— Вонъ... вонъ, змѣя, уходи... вонъ!—хрипѣлъ Задонскій, обдавая его сверкающимъ взглядомъ. И, размахнувшись ногой, онъ изо всей силы ударилъ носкомъ сапога въ кучу кредитокъ и разбросалъ ихъ по комнатѣ. Уноси, уноси, уноси сейчасъ!—продолжалъ онъ.

Кто-то дергалъ за дверную ручку и стучалъ пальцами снаружи. Задонскій растерянно оглянулся. Иванъ выхватилъ револьверъ. Задонскій сверкнулъ на него презрительнымъ взглядомъ, сдѣлалъ знакъ, чтобъ онъ стоялъ смирно, и, щелкнувши замокъ, вышелъ въ коридоръ и закрылъ за собою дверь. Передъ нимъ стоялъ Гринштейнъ, который смотрѣлъ на него въ сильномъ перепугѣ.

— Что съ тобою?—спросилъ онъ.—На тебѣ лица нѣтъ...

Задонскій махнулъ рукою:

— Послѣ, послѣ. Иди къ себѣ и жди меня.

Онъ тронулъ его за плечо, заставивши повернуться къ выходу, и вернулся въ комнату, снова щелкнувши замкомъ.

Иванъ, ползая на колѣняхъ, собиралъ разбросанныя пачки денегъ и клалъ ихъ обратно въ мѣшокъ. Онъ поднялъ голову къ Задонскому и, держа въ рукахъ нѣсколько послѣднихъ пачекъ, сказалъ:

— Сколько добра можно бы сдѣлать!

— Жалокъ ты миѣ! Ничего не понимаешь! И боюсь я тебя... Не страшна миѣ каторга. А попасться въ этакое дѣлѣ—хуже смерти. Въ сто разъ хуже... Убиваютъ, грабятъ! Дальше и идти некуда. А еще говорить, строй плохъ. Выходить, что вмѣсто старыхъ воровъ будутъ новые, вмѣсто однихъ убійцъ—другіе. Эхъ, бѣдная ты моя матушка Россія!

— Что жъ, по-твоему, съ этими деньгами дѣлать, Михалычъ?—спросилъ Иванъ, сидя передъ котомкой на колѣняхъ.

— Выйди на улицу и брось ихъ. Брось!

— Это не дѣло, нѣтъ. Тогда уже я выйду формальнымъ воромъ. Скажутъ, я эти деньги прикарманилъ. Не хочу я этого. Копейки себѣ не взялъ и не возьму. Вѣдь они, Михалычъ, пропечатываютъ, что это мы сдѣлали, партія то-есть. Бороздинъ говорилъ...

— Ну, и цѣлуйся съ ними. Печатай, не печатай, хвастайте всенародно, какіе, молъ, мы герои, меня это не касается. Забирай свое... дермо и уходи. И зачѣмъ только ты пришелъ?! Жгутъ онѣ тебѣ руки, ворованныя деньги...

Онѣ въ волненіи прошелся по комнатѣ и остановился, повернувшись къ окну.

Иванъ все сидѣлъ на колѣняхъ передъ котомкой и снизу вверхъ, блѣдный, съ перекошенными бровями смотрѣлъ на друга, котораго терялъ, и жалость наполняла его сердце.

— Хорошій ты человекъ, святая душа, Михалычъ, русская цѣлина, и не стыдно мнѣ тебѣ поклониться...

Онѣ низко, до самаго пола нагнувъ голову.

— Врешь, врешь! Не то,—сказалъ Задонскій, быстро обернувшись.—Я практичнѣе васъ. Всѣ мы рискуемъ шкурой. Только вы пропадете задаромъ, за ложь, съ вредомъ для дѣла, которому взялись служить. Люди, глядя на васъ, лучше не стануть, вы обращаетесь къ худшимъ чувствамъ, какія въ нихъ есть, къ злобѣ, жадности, ненависти. Экое дѣло, подумаешь, выпускать кишки, рѣзатъ людей, какъ барановъ, проламывать стѣны и воровать деньги—«печатать антихриста», какъ говорятъ старовѣры! Коли главное дѣло для революціи—деньги, значить банкиры, биржевики, всякіе воры-поставщики главнѣйшіе люди для революціи. А надо не то, чтобъ вмѣсто однихъ людей стали другіе, надо чтобъ вмѣсто однихъ идей стали другія, вмѣсто ихнихъ—наши, которыя и для нихъ будутъ лучше, которыя всѣмъ дадутъ больше счастья. Никто не долженъ воровать, никто не долженъ убивать,—вотъ что надо. И надо показать примѣръ, цѣною хотя бы собственной жизни, что это возможно, что за это можно и слѣдуетъ умереть. А ты—«вотъ четыреста тысячъ! дѣлай добро!..» Глупецъ! Хотя бы ты четыреста милліоновъ укралъ, ни на волосокъ оттого никому легче не станеть,—потому что люди останутся прежніе, съ ихъ невѣжествомъ, предрасудками, пошлыми и подлыми страстишками, съ мордами, какъ у звѣрей, обращенными къ землѣ, съ одной-единственной мыслью въ головѣ, какъ бы нажраться и напиться вдосталь. А надо, чтобъ люди головы подняли кверху... Сколько я съ тобой возился,—думалъ, ты хоть что-нибудь понялъ. А ты ничего не понялъ, ничего. Потому и такъ жалокъ ты мнѣ. Уходи теперь. И, пожалуйста, безъ поклоновъ и безъ жалкихъ словъ. Терпѣть не могу комедіанства!

— Постой погоди...

— Ничего я знать больше не хочу. Уходи и дѣло съ концомъ.

— Не гони, самъ уйду. А все же я тебѣ скажу: черезчуръ ты чистый. Жизнь не такая. Съ жизнью возиться, ручекъ своихъ не беречь, какъ бы не запачкаться. А въ нашемъ дѣлѣ—я такъ думаю—биться такъ биться, сразу на два фронта и такъ, чтобъ чертямъ тошно стало. Всѣхъ людей использовать надо,—и тѣхъ, что по Евангелію

жить хотѣть, и тѣхъ, что, какъ я, ненавидѣть всѣхъ, кто въ околышахъ съ кокардами ходятъ, въ шитыхъ золотомъ мундирами, сытыхъ и отвѣвшихся.

Онъ взвалилъ на плечи котомку и ждалъ, не возразитъ ли чего Задонскій. Но тотъ стоялъ неподвижно у окна, повернувшись спиной, и ничего не отвѣчалъ.

— Такъ-то!—добавилъ Иванъ и, повернувши ключъ у дверей, вышелъ.

Четверть часа спустя Задонскій былъ у Гринштейна.

— Кончилъ?—спросилъ онъ, входя, еще не успѣвши снять шапки. И, глядя на его возбужденное лицо, на его нетерпѣливый и разстроенный видъ, Гринштейнъ сконфузился.

— Извини, пожалуйста, еще не кончилъ... не успѣлъ. Тутъ одна исторія помѣшалась...

— Какая исторія?—спросилъ Задонскій съ тревогой, бросая на него острый взглядъ.

— Личная моя исторія...

— А-а, личная... Ну, хорошо, потомъ расскажешь. Давай кончать вмѣстѣ.

Онъ сбросилъ съ себя шубу и шапку и остановился въ задумчивости посреди комнаты.

— Надо,—сказалъ онъ, поднимая голову,—внести специальный куплетъ по поводу грабежей... съ благородными цѣлями. Они теперь банки грабить стали. Ты не слыхалъ ничего?

— Ничего.

— Услышишь, погоди. Да еще хвастать этимъ вздумали. Заявленіе напечатано,—къ обществу. И пуще всего я боюсь, что они и насъ къ дѣлу припутаютъ. А тогда дѣло дрянъ. Отъ этого не отмоешься. Люди меньше всего вѣрятъ денежному безкорыстію. Какая гадость! Надо ихъ предупредить...

— Да какъ же они могутъ припутать?

— Уже пробовали: хотѣли съ нами подѣлиться наворованнымъ добромъ. Четыреста тысячъ прислали и положили къ моимъ ногамъ,—бери моль, на дѣло.

— Четыреста?—съ дрожью въ голосѣ переспросилъ Гринштейнъ.

— Четыреста тысячъ кредитками, да. Дурачье!

— И ты?...

— Отшвырнулъ ихъ ногой, само собою... Теперь надо это огорить въ брошюрѣ. Надо прямо сказать, что предлагали и что мы отказались, и почему, и вообще какъ мы смотримъ на финансы партіи.

Расхаживая по комнатѣ, Задонскій диктовалъ свои возрѣнія, а Гринштейнъ писалъ, склонивши голову подъ лампой надъ бумагой. Отъ времени до времени Задонскій умолкалъ, задумавшись, подыскивая форму для волновавшихъ его мыслей, или спрашивалъ:

«А, какъ ты думаешь? И Гринштейнъ или машинально поддакивалъ: «да, очень хорошо», или отвѣчалъ нѣполадъ. Въ головѣ вертѣлось огненными цифрами: «400.000», и если бъ у него хватило смѣлости, если бъ онъ не былъ увѣренъ, что разсердить этого человѣка, такъ твердо вѣрующаго въ правоту своихъ принциповъ, онъ бы ему сказалъ то же, что сказалъ Иванъ: «ты слишкомъ честный; жизнь не такая, и, когда возишься съ нею, не надо бояться, что запачкаешь руки...»

— Какой ты развѣянный сегодня,—сказалъ ему наконецъ Задонскій.

Гринштейнъ положилъ перо и повернулся къ нему.

— Знаешь, о чемъ я думаю?—спросилъ онъ.

— Ну?...

— Я тоже видѣлъ эти 400.000, только не у своихъ ногъ, а въ котомкѣ, въ рукахъ Ивана.

И онъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ Иваномъ вчера ночью на вокзалѣ, и какой тотъ имѣлъ испуганный и странный видъ, и какъ старался увѣрить, что былъ на ближней станціи у кума, и что въ его котомкѣ хрустѣла не бумага, а шпороги.

Задонскій подумалъ немного, потомъ отвѣтилъ просто:

— Да, это былъ онъ. Онъ перехитрилъ самого себя. Я тебѣ ничего не говорилъ, потому что это была тайна его, а не моя.

И онъ, въ свою очередь, разсказалъ всю исторію.

Гринштейнъ слушалъ съ бьющимся сердцемъ, съ удивленіемъ къ «творческой смѣлости»—какъ онъ говорилъ про себя—этѣхъ людей, и все болѣе и болѣе не одобряя «теоретической щепетильности» своего друга. А тотъ, между тѣмъ, радуясь возможности говорить теперь откровенно, продолжалъ, мысленно кому-то возражая:

— Можешь ты себѣ представить Гамбетту ведущимъ пропаганду на ворованныя деньги? Имперія, я увѣренъ, до сихъ поръ бы здравствовала, если бъ ея противники не были честнѣе ея. Между ворами и притѣснителями народъ всегда сталъ бы на сторонѣ послѣднихъ. Да что Гамбетта! Въ революціонные дни, когда кровь лилась на баррикадахъ, народъ выставялъ своихъ часовыхъ у банковъ, казначейства, у библиотекъ и музеевъ и собственными руками казнилъ мародеровъ. Сколько говорили противъ коммуны! А и она ничего не тронула ни изъ государственнаго, ни изъ частнаго достоянія—ни одного сантима, ни одной вещи. Я встрѣчалъ бѣглыхъ коммунаровъ въ Швейцаріи и въ Англии, всѣ они были бѣдны и жили своимъ трудомъ. И даже самые жестокіе ихъ враги изъ буржуазіи не выставяли противъ нихъ обвиненія ни въ воровствѣ, ни въ грабежахъ. А мы вѣдь только создаемъ партію и ея традиціи. Мы бы ее зарѣзали безъ ножа, если бъ пустили про нее славу, что она нечиста на руку.

Гринштейнъ, мало убѣжденный этими доводами, вяло подтверждалъ слова Задонскаго: «Да, оно конечно...» Одинъ разъ только онъ попытался робко возразить. Онъ сказалъ:

— На Западѣ, разумѣется, они культурнѣе насъ и старѣе. Вопросы моральнаго характера тамъ понимаются тоньше и глубже, и тамъ они играютъ дѣйствительно большую роль.

Но Задонскій даже не понялъ, что въ этихъ словахъ заключается возраженіе. Весь занятый собственными своими мыслями и желаніемъ подыскать наиболѣе бьющіе аргументы для своей брошюры, онъ ходилъ въ волненіи по комнатѣ, потирая руки, и только отвѣтилъ:

— Вотъ то-то и есть.

Потомъ, вдругъ остановившись, онъ сказалъ:

— А ты запиши-ка и это, насчетъ заграничныхъ партій и насчетъ культурности. Это очень важно. Надо, чтобы все́мъ ясно было, что мы не теоріи разводимъ, а что честность пріемовъ—жизненный первъ партіи, единственный залогъ ея прочнаго успѣха. Тѣ, что придутъ послѣ насъ, будутъ сильнѣе насъ, но традиціи создаемъ мы. И онѣ должны быть чистыя, какъ хрусталь, должны заключать въ себѣ силу увлекающую и привлекающую непорочныхъ людей, призывъ къ жертвѣ, но жертвъ не дѣлать... Вотъ и это, пожалуйста, запиши, и хорошенько обдѣлай... Эхъ, Господи, такъ все это ясно!...

XIII.

Со времени злополучнаго объясненія съ Соней прошло дней десять. Гринштейнъ ходилъ на службу, занимался съ рабочими, кончилъ брошюру, почти все́ вечера проводилъ въ сообществѣ Задонскаго, и скучать было ему некогда. Но онъ какъ-то завялъ. Стоило ему чѣмъ-нибудь увлечься, какъ вдругъ выплывало передъ нимъ воспоминаніе о Сонѣ, оно ударяло его въ сердце, и немедленно настроеніе его мѣнялось, онъ дѣлался разсѣянъ и безразличенъ ко всему.

— Ты мнѣ послѣднее время напоминаешь больного куренка,—замѣтилъ ему разъ Задонскій, когда они сидѣли вдвоемъ у Гринштейна,—вскочить и побѣжить, и опять присесть, и головку внизъ. Что съ тобою, скажи, пожалуйста?

— Скажу тебѣ всю правду, Михалычъ!—отвѣтилъ Гринштейнъ, сконфуженно посмотрѣвши ему прямо въ глаза.—Давно хотѣлъ съ тобою подѣлиться моимъ горемъ, да стыдно было. Ты такой дѣльный, такой сильный,—смѣшнымъ я тебѣ покажусь... Отроду со мною того не было,—влюбленъ, какъ дуракъ. Думать ни о чемъ не могу. Просто, напасть какая-то...

— Въ ту, какъ ее, въ дочь квартальнаго?

— Въ дочь квартальнаго,—да. А для меня она все равно, что царская дочь, или какъ ты тамъ хочешь. Замѣчательная личность! Все въ ней есть,—и умъ, рѣдкій, острый умъ, и красота, и гордая воля, и еще что-то такое, чего я и понять не могу. Живеть бѣдно, такъ бѣдно, что часто ѣсть имъ нечего. А между тѣмъ не мелкая. Паритъ какъ-то надъ всѣмъ. И производитъ она на меня впечатлѣніе, точно важная барыня проѣздомъ на маленькой станціи остановилась, въ ожиданіи лошадей, и сейчасъ тронется дальше въ путь, туда, гдѣ ее ожидаютъ триумфы...

— Ахъ, ты, поэтъ, поэтъ!

— Честное слово! И самому мнѣ странно, что посмѣлъ я поднять на нее глаза. А оторвать ихъ не могу... не могу. Повѣрь мнѣ.

— Вѣрю. Вижу, большія она опустошенія произвела въ твоей душѣ, милый другъ,—съ грустью въ голосѣ сказалъ Задонскій.

— Говорю тебѣ, какъ отуманенный хожу. Ничто мнѣ не мило.

— Не знаю, ничего такого я не испытывалъ. Бабы въ моей жизни роли не играли. И думаю я, по совѣсти, что это слабость. Финалъ всякаго романа—основаніе семьи. А въ нашемъ положеніи основать семью значить выйти изъ кона. Не возражай! Это такъ, и иначе быть не можетъ. У меня на этотъ счетъ опытъ большой. Ты захочешь—она не захочетъ. Да и какая жена, если она тебя любитъ, согласится, чтобы ты рисковалъ жизнью, каторгой по меньшей мѣрѣ, особенно, когда пойдутъ дѣти...

— Но вѣдь есть исключенія, Михалычъ.

— Есть. Но они рѣдки. И какую жизнь, при этихъ условіяхъ, ты приготовишь для дѣтей, которымъ придется расти въ какой-нибудь тундрѣ, или въ дырѣ, въ Восточной Сибири. Нѣтъ, это не дѣло. Одно изъ двухъ,—либо семья, либо революціонная дѣятельность, которая съѣдаетъ всего человѣка, вмѣстѣ съ сапогами. Недаромъ и монахи обрекаютъ себя на безбрачіе... Да она-то любитъ тебя?

— Не знаю. Предлагалъ ей быть моей женою,—отказала. Я думаю, боится быть мнѣ въ тягость. «Плодить нищихъ»—говорить. А я увѣренъ, что, если бы согласилась, я бы сталъ другимъ человекомъ. Такая женщина въ партіи—большое пріобрѣтеніе.

— Ну, это, насчетъ партіи, оставь. Ничего это не стоитъ, если человѣка привлекаетъ въ партію личная любовь.

Гринштейнъ не настаивалъ. Онъ самъ не былъ увѣренъ, что Соня можетъ стать революціонеркой, и сказала это больше для того, чтобы обрисовать ее передъ своимъ другомъ въ болѣе привлекательномъ видѣ. Въ глубинѣ души онъ думалъ даже, что Задонскій правъ, и что его романъ не имѣетъ ничего общаго съ его политическими воззрѣніями. Наступило молчаніе. Гринштейнъ думалъ о томъ, какой бы найти предлогъ, чтобы снова свидѣться съ Софей. Можетъ быть, она передумала, можетъ быть, теперь, когда

онъ нашель столько новыхъ доводовъ, чтобы сломить ея сопротивленіе, ему удастся получить ея согласіе. Задонскій тоже молчалъ. Облокотившись на столъ, онъ задумчиво выстукивалъ пальцами какой-то маршъ и думалъ о томъ, что вотъ теперь, если Гринштейнъ женится, онъ потеряетъ еще одного близкаго ему человѣка.

На святкахъ, съ узелочками и пакетами въ обѣихъ рукахъ, ввалилась въ комнату къ Гринштейну старуха Мойсеева. Она сообщила ему новость, которую онъ зналъ давно, о выходѣ Нюры замужъ, и пришла пригласить его встрѣтить у нея вмѣстѣ съ ея будущимъ зятемъ новый годъ. По этому поводу Мойсеева попеняла Гринштейну, что онъ ихъ совсѣмъ забылъ.

— Я не знаю,—сказала она:—онѣ мнѣ ничего не говорятъ, отчего вы вдругъ перестали къ намъ ходить, какъ ножкомъ отрѣзали. Не думаю, чтобы вы съ моими дочерьми изъ-за чего-нибудь повздорили,—кажись, не изъ-за чего. И не такой вы человѣкъ, чтобы съ дѣвушками ссориться. Я спрашивала и ту и другую. Говорять, нѣтъ, никакой ссоры не было. А чувствъ душа моя, что-то неладно. Можетъ, Соня васъ какъ-нибудь обидѣла? Она такая иногда вострая! Такъ вы ее извините, пожалуйста. Не отъ злости это, увѣряю васъ.

Гринштейнъ, со своей стороны, увѣрилъ старуху, что ничего не было, что единственно дѣла помѣшали ему бывать у нея, и обѣщаль непременно прійти подъ новый годъ.

О Кирилловѣ старуха отозвалась очень пренебрежительно.

— Я ужъ ничего не говорю,—сама выбрала! Только больно моему материнскому сердцу. Подумайте, ему лѣтъ подъ пятьдесятъ. Красится, думаетъ—не видно. Да еще вдовецъ, трое дѣтей. Положимъ, дворянинъ. Да что и въ дворянствѣ, когда ѣсть нечего. Не такого мужа нужно бы для Нюры. Золотое сердце у дѣвушки. Она и шьетъ, и готовитъ, да еще деньги въ домъ приносить. Стенографіи теперь выучилась. Слова одно выше другого не скажетъ,—всегда ровная, привѣтливая. И здоровая,—тѣло какъ яблочко налитое. Вотъ ужъ истинно, прогнѣвали мы Бога,—нѣтъ намъ удачи!

Старуха утерла платкомъ слезы и продолжала:

— Ничего ей никогда не нужно, все отдастъ. Сама въ истоптанныхъ ботинкахъ будетъ ходить, въ штопаныхъ и перештопаныхъ чулкахъ, а мнѣ и ботинки теплыя, и пуховые чулки принесетъ. Всякое горе съ нею забываетъ. Трудно мнѣ будетъ безъ нея, охъ, какъ трудно!

— Да развѣ вы не съ нею будете жить?

— Очень бы хотѣла. Ей безъ меня и не управиться. Да только объ этомъ и думать нечего, пока Соня не выйдетъ замужъ.

Она еще немного поплакала и ушла, нагруженная своими узелками.

Гринштейнъ сталъ думать о предстоящемъ свиданіи съ Соней. Онъ понималъ, что долженъ явиться, какъ ни въ чемъ не бывало, и ни въ своемъ поведеніи, ни на лицѣ не показать, что недоволенъ отказомъ дѣвушки. Лучше всего, думалъ онъ, прійти съ подарками для всѣхъ, выказать скромно, но сердечно свою привязанность къ семьѣ. Ему хотѣлось подарить старухѣ на платье, Нюрѣ гранатовую брошь, какую давно уже высмотрѣлъ въ витринѣ одного ювелира на Кузнецкомъ мосту, а Сонѣ—цвѣты. Но все это стоило дорого, а у него денегъ не было. Онъ заказалъ себѣ къ праздникамъ сюртучную пару, которую ему хотѣлось надѣть для этого визита. Но если бъ онъ заплатилъ за платье, у него не осталось бы ни гроша, даже если бъ онъ получилъ наградныя къ новому году. Изъ своего жалованья ему пришлось одолжить 30 рублей Задонскому, надо было заплатить за комнату и оставить нѣсколько денегъ на ѣду и на разные другіе необходимые расходы. Какъ онъ ни прикидывалъ, все выходило, что безъ долговъ не обойтись. И онъ рѣшилъ остаться должнымъ портному, земляку своему, нѣмцу, котораго зналъ давно и съ которымъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Благодаря такому рѣшенію, онъ могъ исполнить свое желаніе относительно подарковъ. Все было теперь въ порядкѣ. Сюртукъ, разложенный на кровати, имѣлъ вполнѣ великолѣпный видъ. Гринштейнъ долго мылся и чесался, и прежде, чѣмъ одѣться, ходилъ по комнатѣ, разглядывая себя въ зеркалѣ. Въ утро этого дня онъ былъ у парикмахера, и тотъ черезчуръ поусердствовалъ,—отхватилъ слишкомъ много волосъ на головѣ, подбрилъ затылокъ, и почти совсѣмъ отстригъ бороду. Гринштейнъ пожалѣлъ объ этомъ. Онъ казался теперь совсѣмъ мальчишкой, а ему хотѣлось имѣть видъ солиднаго, серьезнаго человѣка. Платье сидѣло на немъ очень хорошо, но шелестѣло и давило въ подмышкахъ. Воротничекъ рубашки былъ черезчуръ высокъ и такъ подпиралъ подбородокъ, что ему было трудно поворачивать шею. Это испортило его настроеніе. «Чортъ знаетъ что,—думалъ онъ,—я имѣю видъ разряженнаго мѣщанина, шустеръ-юнга, который нарядился, чтобы итти въ кирху!

Опасенія его, впрочемъ, были напрасны. Старуха и Нюра были ему благодарны, что онъ такъ хорошо одѣлся, чтобы прійти къ нимъ. Что касается Кириллова, то на него сюртукъ Гринштейна оказалъ огромный эффектъ. Самъ онъ былъ въ коричневомъ, довольно поношенномъ пиджакѣ съ отвисшими карманами, хотя въ бѣломъ галстукѣ и въ открытой жилеткѣ. На Гринштейна онъ произвелъ впечатлѣніе не только пожилого, но и чахоточнаго. Щеки его ввалились, образуя двѣ впадины между челюстей, полусѣвшій лобъ былъ весь въ поперечныхъ морщинахъ, а сѣрые глаза, большіе и выпуклые, смотрѣли съ выраженіемъ вѣрнаго пса. Видно было, что судьба его не щадила, и если щедро награждала чѣмъ, то только

подзатыльниками и тумаками. И все-таки она не вышибла у него надежды. Въ настоящую минуту онъ былъ безмѣрно счастливъ. Въ теченіе всего вечера онъ не спускалъ глазъ съ Нюры, снизу вверхъ, съ выраженіемъ удивленія и восхищенія.

Подарки Гринштейна произвели фуроръ. Когда Нюра получила футляръ и раскрыла его подъ лампой, она охнула отъ восторга. Гранатовая брошь кабошономъ въ золотой оправѣ играла горячими густыми тонами крови на фонѣ бѣлаго бархата.

— Ахъ, мама!—воскликнула Нюра, вся зардѣвшись и бросая на Гринштейна ласковый и благодарный взглядъ, въ которомъ отдавала ему всю свою душу.

— Какая прелесть!—сказала старуха, суя голову подъ абажуръ и прижимая обѣими руками къ груди раздѣланный пакетъ съ матеріей.—Ну, и балуете же вы насъ, дорогой Карлъ Ивановичъ! Смотри, смотри, какъ горитъ!..

— Ну, знаете,—сказалъ, въ свою очередь, Кирилловъ:—это что жъ такое, одна роскошь! Настоящій венгерскій гранатъ!.. Камень счастья! Да еще подъ новый годъ!

Въ это время старуха развернула матерію и спустила полосу ея отъ груди до самаго пола, любуясь на эффектъ. И восторгамъ не было конца.

— Это къ твоей свадьбѣ, Нюлочка! Буду не хуже другихъ... Соня, Соня! Что же ты кошаешься, иди скорѣе, посмотри, какъ насъ балуетъ Карлъ Ивановичъ!

— Нѣтъ, подождите,—шепнула Кирилловъ, подмигнувши невестѣ.—Надѣньте прежде! Пусть увидятъ,—и онъ снялъ абажуръ, въ то время какъ Нюра прикалывала брошь передъ зеркаломъ.

Дверь спальни отворилась, и вышла Соня. Она была въ свѣтломъ пенюарѣ, съ черной шалью на плечахъ, въ которую зябко куталась. Она была простужена, и вообще она похудѣла за послѣднее время, отъ чего ея глаза стали еще больше и глубже. Выраженіе ихъ было суровое и задумчивое. Ей жилось нехорошо. Но она не хотѣла, чтобъ это знали, и тщательно скрывала свое душевное состояніе отъ всѣхъ. Гринштейнъ поднесъ ей цвѣты и, пожимая ея холодную руку, обдалъ ее испытующимъ, всепожирающимъ взглядомъ.

— Вамъ нездоровится?—спросилъ онъ.

— Просто насморкъ, простудилась.—И, развернувши цвѣты, она добавила безразличнымъ тономъ:—Благодарствуйте, какія красивые розы!—И она нагнула къ нимъ голову.—Гдѣ вы ихъ достали въ такое время!

Розъ было всего три. И Гринштейнъ заплатилъ за нихъ три рубля. А она понюхала ихъ и положила на столикъ около дивана. Также мало вниманія она обратила на подарки Нюрѣ и матери. Это очень опечалило Гринштейна. И снова онъ почувствовалъ,

что сюртукъ жметъ его подъ мышкой, а воротничекъ рѣжетъ шею и мѣшаетъ дышать. Снова ему показалось, что съ его стороны было смѣшно и неделикатно являться разодѣтымъ съ иголки къ этимъ бѣднымъ людямъ. А по отношенію къ Сонѣ даже пошло, точно онъ хотѣлъ сказать: посмотри и казись, какого молодца ты лишилась, отказавшись принять его исканія. А ему, молъ, все равно, онъ и въ усъ себѣ не дуетъ. Отъ такого разбереживанія своихъ ранъ стало ему такъ грустно, что онъ не зналъ, куда себя дѣть.

Между тѣмъ Кирилловъ, который почувствовалъ къ нему сразу большую дружбу, старался его занимать и показывать въ то же время себя съ самой выгодной стороны. Заговоривши о хозяевахъ фабрики, на которой служилъ Гринштейнъ, онъ блеснулъ своими глубокими познаніями среди московской финансовой аристократіи. Онъ называлъ именитыхъ кушцовъ и ихъ женъ по имени, отчеству, зналъ и называлъ уменьшительными именами и кличками ихъ дѣтей, рассказывалъ объ ихъ семейныхъ отношеніяхъ, кто какого характера, кто въ кого влюбленъ и кто съ кѣмъ живетъ, кто кому измѣняетъ. И онъ говорилъ объ этомъ съ грустью, какъ близкій и свой человекъ, жалѣя «Тимофея Галактіоновича», съ укоромъ говоря о «Сергеѣ», находя оправданія для «Мани», и показывая, что ему извѣстна вся ихъ подноготная, даже то, чего не знаютъ ихъ собственные родители или мужья. Плохо слушавшій его Гринштейнъ изъ вѣжливости замѣтилъ ему:

— Да что жъ, богатые люди съ жиру бѣсятся...

И тотъ, обрадовавшись, пріосанился, заложилъ руки въ карманы панталонъ и съ тономъ человека, который разговариваетъ въ салонѣ о людяхъ, ему отлично извѣстныхъ, отвѣтилъ, качая головою:

— Богаты!.. Я вамъ скажу, какъ они богаты. Тимофеей Галактіонычъ по смерти покойника, царство ему небесное, Галактіона Силыча унаслѣдовалъ 100 милліоновъ, копейка въ копейку. Сорокъ милліоновъ изъ нихъ находились, и посейчасъ находятся въ англійскомъ банкѣ, знаете, на всякій случай,—многозначительно добавилъ онъ,—народъ предусмотрительный, я вамъ скажу. Кромѣ того, земли въ Херсонской губерніи, виллы въ Италіи и на Ривьерѣ. Остальное все въ желѣзнодорожныхъ акціяхъ и облигаціяхъ, въ разныхъ другихъ предпріятіяхъ и приноситъ 8—10 процентовъ. Да фабрика, считайте...

И онъ жонглировалъ милліонами и десятками милліоновъ, какъ будто это было для него самымъ обычнымъ дѣломъ. Если бы кто послушалъ его изъ другой комнаты, не видя его, можно было подумать, что это говорить не бѣднякъ, который гнетъ спину цѣлый день, съ утра до ночи, чтобы заработать свои 50—60 рублей, а какой-нибудь милліонщикъ.

Въ самомъ интересномъ мѣстѣ его позвали на кухню, откуда въ это время слышался скромный звонъ тарелокъ, передвигаемыхъ

Порой и ея матерью. Велѣдь за тѣмъ стукнула дверь, и раздался стукъ сапогъ Кириллова, который спускался съ лѣстницы. Его, очевидно, послали за чѣмъ-то въ лавочку. Гринштейнъ остался вдвоемъ съ Соней.

— Отчего васъ не видно?—спросила она.

Его точно прорвало при этомъ вопросе, и онъ отвѣтилъ, блѣднѣя:

— Тяжело мнѣ, Софья Андреевна! Я самъ не знаю, до какой степени я васъ люблю... Я не живу съ тѣхъ поръ. Все мнѣ безразлично. Умереть легче. Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Онъ сдвинулъ руками голову.

— Скажите да, умоляю васъ!

И онъ въ самомъ дѣлѣ умолялъ ее глазами, изъ которыхъ катились слезы.

— Оставьте, какъ это глупо!—сказала она съ досадой.—Можно быть друзьями безъ этого...

— Нѣтъ!—прервалъ онъ съ силой.

— Конечно, да. И не настаивайте, для васъ же хуже будетъ. Вы меня не знаете...

— Хуже для меня ничего ужъ быть не можетъ. Я васъ люблю. Будьте моей женою.

Она пожала плечами.

— Вы просто мальчишк! Посмотрите на себя въ зеркало.

— По виѣшности не судите,—отвѣтилъ онъ, вспомнивши предѣлку парикмахера.—И это порокъ, который излечивается временемъ.

Разговоръ былъ прерванъ возвращеніемъ Кириллова. Онъ грѣлъ у печки свои оконечившія руки и въ предвкушеніи хорошаго ужина, который пошохалъ на кухнѣ, становился все благодушнѣе.

— Э-э,—сказалъ онъ, посмотрѣвши на часы съ гирьками, висѣвшіе на стѣнѣ;—а новый-то годъ бѣжить-бѣжить, приближается. Посмотрите, какъ онъ весело виляетъ хвостомъ. Тикъ-такъ, тикъ-такъ. Такъ, братъ, такъ! Неси намъ, неси побольше благополучія. Я имѣю предчувствіе, что новый годъ будетъ славный годъ, удачливый.

— Какъ для кого,—мрачно замѣтилъ Гринштейнъ.

— Ну, нѣтъ, не говорите,—возразилъ Кирилловъ.—Я говорю о присутствующихъ. Вотъ Софья Андреевна, Богъ дастъ, выйдетъ замужъ въ наступающемъ году. Вы, Карлъ Ивановичъ, женитесь, или повышение получите. Эдакъ рублей 200 въ мѣсяцъ, а? Не помѣшаетъ вѣдь? Это никогда не мѣшаетъ. Что меня касается, то я мое счастье имѣю въ карманѣ. Тьфу, тьфу, не сплзайте!

И, отвѣчая какъ будто на свои мысли, онъ вдругъ спросилъ:

— А вы съ его превосходительствомъ знакомы?

— Это кто же такой?—переспросилъ Гринштейнъ, недоумѣвая.

— А Павелъ Селиверстычъ, Спасскій, неужели не знаете? Нѣтъ? Ну, какъ же такъ! Надо васъ познакомить. Анна Андреевна, Нюрочка!—кликнулъ онъ.

— Ну, что такое?—отвѣтила та изъ кухни

— На минутку!

Нюра въ фартукѣ, вся въ хлопотахъ, съ тарелкой и съ полотенцемъ въ рукахъ, показала голову въ дверь.

— Какъ же такъ, не познакомили Карла Ивановича съ нашимъ генераломъ. Надо непременно. Онъ человѣкъ нужный, хоть для кого.

— Ну, зачѣмъ онъ имъ! А впрочемъ, съ удовольствіемъ, если хотите.

И Кирилловъ принялся восхвалять положеніе и добродѣтели Спасскаго. Изъ его словъ оказывалось, что Спасскій и ему обѣщаль съ новаго года мѣсто въ учрежденіи, въ которомъ служить, и мѣсто хорошее, которое вполне устроить его, Кириллова.

Звонъ тарелокъ на кухнѣ прекратился, и Кириллова снова позвали туда.

— Не дуйтесь, полноте!—сказала Соня, обращая къ Гринштейну насмѣшливый взглядъ.— Это нехорошо передъ новымъ годомъ. Весь годъ будете не въ духѣ.

— Это мнѣ все равно,—отвѣтилъ тотъ, не глядя на нее.

Тогда она, пытливимъ взглядомъ оглядѣвши его съ ногъ до головы, сказала медленно и очень серьезно:

— А я думала, что «маяки», съ которыми вы знаете и о которыхъ вы мнѣ говорили такъ красиво, зажигаютъ сердце пожаромъ не любви къ женщинѣ, а чѣмъ-то другимъ. Для любви маяковъ не требуется, и червячки свѣтятся. Да только что жъ это за свѣтъ! Это не пожаръ.

— А вамъ нуженъ пожаръ?

— Мнѣ ничего не нужно,—отвѣтила она сухо.

Дверь отворилась, и, несомый Кирилловымъ, который шелъ осторожно задомъ напередъ, и Нюрой, показался, позвякивая, столъ, нагруженный закусками, стаканчиками, графинчиками, салфетками.

— Тихе, тихе!—говорила Нюра:—разобьете. Будетъ исторія!

— Богъ милостивъ,—слегка кокетничая своей ловкостью, отвѣтилъ Кирилловъ.

Столъ былъ поставленъ у стѣны. Старуха зажгла еще одну лампу и пару свѣчей передъ зеркаломъ. Стало вдругъ свѣтло и уютно. И Мойсеева, обращаясь къ Гринштейну, сказала:

— Прюшу покорно!

Всѣ выпили, даже Соня пригубила рябиновой, и стали закусывать. Кирилловъ ѣлъ за троихъ и, подмигивая Гринштейну, подливалъ ему очищенной, не забывая и себя. Скоро у обояхъ зашумѣло въ головѣ. Но въ то время, какъ Кирилловъ становился все благодушиѣе, Гринштейнъ дѣлался все мрачиѣе. Вдругъ старуха посмо-

трѣла на часы и заволновалась. Стрѣлки подходили къ двѣнадцати. Тогда она бросилась на кухню и возвратилась оттуда съ бутылкой цымлянскаго, принесенной тоже Гринштейномъ. Хлопнула пробка и полетѣла подъ потолокъ, и въ то же время вино хлынуло густой пѣной и полилось на полъ.

— Счастье, счастье!—говорилъ Кирилловъ, разливая вино по стаканамъ; но оно лилось на полъ, залило закуски, и вся манишка его была мокрая.

— Да куда вы льете?—сказала Мойсеева, обдавая его взглядомъ, полнымъ презрѣнiя.

— Пустите, маменька!

— Полбутылки разлилъ на полъ!

— Ну, маменька,—торжественно провозгласилъ Кирилловъ, когда все взяли стаканы:—съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, жить вамъ и радоваться на дѣтей своихъ да на внучатъ!..

— Черезчуръ ихъ много будетъ, внучатъ. И безъ того трое сразу съ неба свалились.

— Дѣти, маменька,—сентенціозно и кротно замѣтилъ Кирилловъ,—благодать Божiя.

— Свои, можетъ быть, но не чужiя.

Все стояли съ поднятыми стаканами. Нюра и Соня бросали на мать многозначительные взгляды. А Кирилловъ, который не любилъ ссоръ, держа стаканъ на отлетѣ, протянулъ къ ней лицо.

— Позвольте, маменька, васъ поцѣловать,—сказалъ онъ.

— Я не люблю цѣловаться,—отвѣтила она и, поставивши стаканъ, отошла, поджавши губы.

— Теща!—шепнулъ Кирилловъ, подмигивая. Потомъ, вновь принявши елейный видъ, онъ поцѣловалъ Нюру, почтительно приложилъ къ губамъ руку Сони и трижды облобызался съ Гринштейномъ.

— Выпей, мамуся,—сказала Нюра, идя къ ней со стаканомъ.— Что жъ это!

Старуха вытерла кулакомъ слезы, взяла стаканъ и прежде, чѣмъ выпить, обняла дочь съ такимъ порывомъ, точно прощалась съ нею навѣки и больше никогда ея не увидить.

— И со мной, со мной тоже,—сказалъ Гринштейнъ, подходя. И такъ какъ въ стаканѣ Мойсеевой ничего не было, онъ налилъ его до краевъ и, тоже поцѣловавшись съ нею, заставилъ выпить все до дна.

— А теперь съ ними,—продолжалъ Гринштейнъ, указывая на Кириллова, котораго имени-отчества не зналъ.—Это нужно. Для меня сдѣлайте,—шепнулъ онъ.—Онъ подтолкнулъ ее къ столу и снова налилъ ей и Кириллову, и заставилъ ихъ поцѣловаться.

— Карлъ Иванычъ,—сказала Нюра, желая стереть слѣды неудовольствiя:—исполните мою просьбу—спойте намъ что-нибудь для новаго года.

— Не могу, дорогая Анна Андреевна, не поется мнѣ. Давно не пою,—отвѣтилъ онъ, бросая взглядъ на Соню.

— Ну, я васъ прошу, пожалуйста. Соня, скажи!—просила она.

— Что жъ, спойте,—сказала та.

Гринштейнъ подумалъ, откашлянулся, и запѣлъ тихо-тихо:

То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было,
Когда съ улыбкою предо мной
Ты очи опустила...

Въ голосѣ его была такая тоска, такая задушевная страсть, что всѣмъ вдругъ стало жутко. Онъ какъ будто не пѣлъ, а рыдалъ и жаловался, и вспоминалъ то, что было и прошло, и разлетѣлось дымомъ. «О, юность! О, надежды!»...

И плакалъ я передъ тобой,
На ликъ твой глядя милый,
То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было...

Все лицо его искривилось, перекошились брови съ выраженіемъ душевной боли, и въ голосѣ послышались слезы. И онъ почти шепотомъ закончилъ:

То было въ утро нашихъ лѣтъ—
О, счастье! О, слезы!
О, лѣсъ! О, жизнь, о солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!..

Всѣ замерли, съ устремленными передъ собою глазами, подъ впечатлѣніемъ этихъ словъ и этого пѣнія, и долго молчали.

— Да-съ, весна, цвѣты, юность,—сказалъ Кириловъ растроганно.—А такъ, въ сущности, ежели разобрать, я вамъ скажу, нѣтъ ничего главнѣе на свѣтѣ, какъ утро лѣтъ и любовь. Да-съ, любовь! Вотъ она въ чемъ штука...

— Туда же, полъзъ!—съ ненавистью и съ какимъ-то небывалымъ у нея воинственнымъ видомъ зашипѣла Мойсеева.—Весна, любовь! Какой любовникъ, подумаешь! Старше меня, весь крашеный...

— Мама!—прикрикнула Нюра.

— Нѣтъ, позвольте-съ,—вломился въ амбицію Гирплловъ.—Крашеный или некрашеный, это дѣло никого не касается. Я говорю вообще...

— Знаемъ мы «вообще». Подъѣхалъ къ молодой дѣвушкѣ, разжалобилъ, безсовѣстный человѣкъ!

Нюра схватила мать, увлекла ее въ другую комнату, умоляя уняться. А та, уходя, повернула голову назадъ и, уже не сдерживаясь, кричала:

— И всегда скажу, безсовѣстный старикашка, крашенный, крашенный!...

— Скандайте, скандайте передъ гостями. — сдѣлайте одолженіе!—защищался Кирилловъ, у котораго отъ волненія поблѣднѣлъ кончикъ носа, въ то время какъ дверь захлопнулась за его невѣстой и тещей. — Хватила старушка лишняго для праздника!—добавилъ онъ, обращаясь къ Гринштейну и для компанаса обтягивая свою жилетку, поправляя свой бѣлый галстукъ и приглаживая прическу, точно она была помята послѣ драки.

— Это ничего, успокойтесь, — замѣтила Сося, едва удерживаясь отъ смѣха. — Самы виноваты. — зачѣмъ заставили ее пить.

— Это не я-съ, — оправдывался Кирилловъ. — Какъ можно. Женскому полу крѣпкіе пантнки возбраняются. Не выдерживаютъ онѣ этой марки.

И какъ бы въ доказательство, что мужчины выдерживаютъ, онъ подошелъ къ столу и разъ за разомъ хлопнулъ двѣ рюмки и закусилъ грибочкомъ.

— Оказія!—сказалъ онъ, обтирая платочкомъ ротъ и усмѣхаясь, какъ бы желая повернуть въ шутку происшедшій инцидентъ. Но становилось поздно. Нюра не выходила, укладывая мать въ постель и успокаивая ее. Гринштейнъ сталъ прощаться. Сося его не удерживала и, провожая, крѣпко, по-мужски пожала ему руку. Ей стало его жало. Онъ былъ такой печальный!

XIV.

Кириллову очень хотѣлось, чтобы Гринштейнъ былъ у него шаферомъ на свадьбѣ со стороны невѣсты. И Гринштейнъ согласился. Посаженымъ отцомъ Нюры былъ Спасскій, который хотѣлъ, чтобы послѣ вѣнца собрались у него для обѣда и танцевъ. Все это на его счетъ. Онъ, кромѣ того, взялъ на себя расходы на платье для новобрачной и подарилъ жениху свою фракную пару, почти совѣтъ новенькую, но которая для него стала узкой. Свадьба, такимъ образомъ, обѣщала имѣть вполне приличный видъ, и Кирилловъ не могъ прійти въ себя отъ удовольствія отъ доброты и отъ щедротъ генерала, тѣмъ болѣе, что съ новаго года онъ, какъ обѣщаль, дѣйствительно причислилъ жениха своей крестницы къ канцеляріи генералъ-губернатора. Передъ Кирилловымъ, благодаря женитбѣ на Нюрѣ, открывались широкіе горизонты. И онъ въ припадкѣ благодарности восклицалъ:

— Благодарѣтель, какъ есть благодарѣтель, форменно. И скажи мнѣ его превосходительство Павелъ Селиверстычъ для него съ пятого этажа броситься—брошусь, не задумаюсь!—увѣрялъ онъ.

— А какъ же тогда Анну Андреевну вдовой оставите, — шутилъ Гринштейнъ, — во цвѣтъ лѣтъ?

— Ну, это, конечно, къ примѣру говорится. Все, все для него сдѣлаю. Какъ въ баснѣ говорится,—левъ и крыса. И крысенокъ-съ можетъ пригодиться. Да-съ. Маленькій я человекъ. А и маленькій иногда бываетъ нуженъ. Вотъ ужъ, истинно, не думалъ, не гадалъ. Безо всякой корысти полюбилъ я Нюрочку. И Господь Богъ меня за это наградилъ. Больше мѣры наградилъ, ей-ей! За мою, такъ сказать, страданія. Вѣдь если бы вамъ рассказать, невѣроятно покажется, цѣлый томъ можно написать,—столько я пережилъ.

Онъ теперь каждый день бывалъ у Гринштейна, чѣмъ немало стѣснялъ его. Приходилось прятать отъ него рукописи, запрещенныя брошюры и листки. Но книгъ спрятать было невозможно. А тотъ, не подозрѣвая, какого рода дѣятельностью занимается его другъ, наивно рылся въ его книгахъ и удивлялся ихъ мудренымъ названіямъ.

— «Азбука социальныхъ наукъ»,—читалъ онъ.—Интересно?

— Такъ себѣ,—отвѣтилъ тотъ нехотя.

— «Социальныхъ»,—недоумѣвалъ Кирилловъ:—да-да-да, понимаю: наука, стало-быть, какъ себя вести въ обществѣ?

— Въ этомъ родѣ.

— «Капиталь» Маркса!.. Э-э, Карлъ Ивановичъ!.. Далеко пойдете, я это всегда думалъ,—говорилъ онъ, бросая плутовато-дружескій взглядъ на Гринштейна.—И какъ жить, и какъ капиталъ составлять, до всего доходите! Эту книжку и мнѣ не мѣшало бы прочесть. Хе-хе! Да только непривыченъ я къ чтенію. Раньше, бывало, съ покойницей романы любилъ: «Тайны мадридскаго двора», «Рокамболя», «Трехъ мушкетеровъ» читали. А потомъ, какъ пошла семья да нужда, не до того стало. Да и голова разбалывается, буквы мелькають...

Разъ Задонскій засталъ его у Гринштейна. И тотъ самъ представлялся съ нѣкоторой гордостью: Кирилловъ, при канцеляріи генераль-губернатора.

— Оерапонтовъ,—поспѣшилъ Гринштейнъ, представляя Задонскаго.

— Здѣсь изволите проживать?—освѣдомился Кирилловъ.

— Нѣтъ, проѣздомъ.

— Г. Оерапонтовъ мой заказчикъ, работу мнѣ даютъ. Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ. Мы съ г. Кирилловымъ кончили.—И онъ протянулъ Кириллову руку. Тотъ понялъ и сталъ прощаться, но, повидимому, съ сожалѣніемъ. Мнимый Оерапонтовъ ему понравился, и онъ не прочь былъ съ нимъ поближе познакомиться.

— Если онъ останется, можете пригласить его къ намъ на свадьбу? А, какъ думаете?—спросилъ Кирилловъ шопотомъ, за дверью.

— Итъ,—отвѣтилъ Гринштейнъ:—онъ всего на нѣсколько дней. И онъ выпроводилъ его.

— Не совѣтую тебѣ его принимать,—замѣтилъ Задонскій.

— А что такое?—съ тревогой спросилъ Гринштейнъ.—Онъ безобидный.

— Да, онъ глушь. Но, видимо, болтунъ. Что увидить—разболтаетъ. И черезчуръ липкій.

Гринштейнъ съ этимъ согласился. Онъ разсказаль про его объясненіе «Капитала» и «Азбуки социальныхъ наукъ», и они оба очень смѣялись.

— Обвѣщаю его, и дѣло съ концомъ,—забуду, какъ его звали. Никакъ нельзя было отказаться.

— Дѣла житейскія, ничего не подѣлаешь. Хотя, конечно, лучше лишнихъ знакомствъ не заводить. Богъ съ ними! И не замѣтишь, какъ тебя облѣпять со всѣхъ сторонъ худые люди. Особенно по нынѣшнимъ временамъ.

И онъ разсказаль только что узнавшую имъ исторію о томъ, какъ его другъ и пріятель Ц., очень умный и осторожный человѣкъ, былъ обойденъ однимъ проходимцемъ. Ц. находился въ ссылкѣ въ Мезени и тамъ познакомился съ однимъ молодымъ чиновникомъ, кандидатомъ на судебныя должности, временно исправлявшимъ обязанности судебного слѣдователя. Будучи въ этомъ затерянномъ краю единственными интеллигентными людьми, оба молодые, оба до смерти скукавшіе въ пустынномъ городишкѣ, они поневолѣ сблизились. Чиновникъ не раздѣляль убѣжденій Ц., но былъ человѣкъ сердечный, обязательный и услужливый. Они часто спорили, причемъ Ц. старался переубѣдить молодого слѣдователя, что мало-помалу ему и удалось. Тогда Ц. ему довѣрилъ свой планъ бѣжать за границу на англійскомъ суднѣ. Слѣдователь помогъ ему привести въ исполненіе этотъ планъ. А Ц., уѣзжая, далъ слѣдователю письма къ своимъ друзьямъ революціонерамъ въ Петербургъ, Москвѣ и въ другихъ городахъ, рекомендуя его какъ своего друга, которому можно вполне довѣриться, и говоря, что только благодаря его содѣйствію ему удалось бѣжать. Съ этими письмами слѣдователь отправился въ Петербургъ и предложилъ свои услуги Третьему Отдѣленію.

— Я самъ,—разсказываль Задонскій,—только благодаря случайности не встрѣтился съ нимъ. И вотъ теперь узнаю, что «другъ Ц.» сталъ форменнымъ сыщикомъ. Очевидно, молодой человѣкъ далеко пойдетъ.

— Такого подлеца,—сказаль Гринштейнъ,—и придушить не грѣхъ. Какая сволочь!

Гринштейнъ махнулъ рукою.

— Самимъ беречься надо,—вотъ что главное. Всѣхъ шпионовъ не перебьешь. Только руки запачкаешь.

— Да отъ такихъ и не убережешься, помилуй. Все равно ты бы мнѣ рекомендовалъ кого. Развѣ я стану ему не довѣрять?

— Такъ-то такъ. А все же убійства грязная штука, отвратительная и противоестественная.

Онъ съ омерзѣніемъ повѣлъ плечами.

— Цѣль человѣка—вѣрно это сказала Флеровскій—плодить жизнь на землѣ, а не истреблять ее. Плодить жизнь! Это значитъ—уменьшать смертность, улучшать условія труда, развивать добрыя чувства, бодрость, веселое настроеніе, вносить свѣтъ знанія въ темныя массы, распространять любовь къ музыкѣ, пѣнію, красотѣ, къ цвѣтамъ, къ хорошимъ дорогамъ, къ сытымъ лошадямъ... А смерть—это вонь и грязь, и уродство. Большого маху мы даемъ, т. е. общество, правительство, что не культивируемъ отвращенія къ стертвинѣ во всѣхъ ея видахъ...

Онъ прервалъ самъ себя и улыбнулся:

— Фантазеромъ я тебѣ покажусь, дружище! А между тѣмъ самую настоящую правду я теперь говорю. За границею это вездѣ понимаютъ. Культура, культурная дѣятельность—вѣдь это и значитъ плодить жизнь на землѣ, даже жизнь растений.

Гринштейнъ, который думалъ о себѣ и о Сонѣ, ухватился за послѣднія слова Задонскаго.

— Но въ такомъ случаѣ, Михалычъ,—сказала она:—и я не подлежу осужденію. Выходить, по-твоему, что отъ любви къ женщиной бѣгать не надо. Скорѣе ей надо покориться?

Задонскій улыбнулся.

— Ишь, какъ ты ловко подъѣхалъ! Кто о чемъ, а ты о своемъ. А что, кстати, въ какомъ положеніи твои дѣла съ этой дѣвушкой? Все отказывается?

— Какъ тебѣ сказать? Пока—да. Но я не теряю надежды. Чуетъ сердце мое, что дѣло благополучно кончится.

— Искренно желаю тебѣ успѣха,—съ теплотою въ голосѣ и ласково взглянувши на него, сказала Задонскій.—Нѣтъ, братъ, нѣтъ. И въ помыслахъ у меня не было осуждать тебя. Все это такъ естественно. И еще скажу тебѣ,—ты мнѣ повѣришь, я знаю,—я революціонеръ по необходимости, потому что иначе дѣйствовать нельзя,—нѣтъ намъ никакого ходу. Нѣтъ во мнѣ ненависти ни къ кому. Жалость есть, а ненавидѣть не умѣю. Я не Иванъ-слесарь. Тотъ, дѣйствительно, весь сотканъ изъ нитокъ, обмоченныхъ въ кровь и въ желчь. И ничего онъ самъ противъ себя сдѣлать не можетъ. Я и не Бороздинъ, по прозванію революціонный Рокамболь, котораго привлекаютъ опасность и трудность. Въ нихъ онъ находитъ себѣ награду, и больше ему ничего не надо. Любовь, жалость, свобода, добропорядочная жизнь людей,—на все это ему въ высокой степени наплевать. Онъ и себя не жалѣетъ и другихъ ставить ни во что.

— Своя шейка—копейка, и чужая грошь.

— Конечно, совершенно вѣрно. Я иногда фантазирую: случится завтра переворотъ, куда пойдутъ всѣ эти Бороздины, что будутъ

дѣлать? И знаешь, къ какому я прихожу рѣшенію? Одни изъ нихъ будутъ требовать «двѣсти тысячъ головъ», другіе сдѣлаются начальниками тайной полиціи, полицеймейстерами и квартальными, а то и просто сыщиками отъ революціи. Будутъ сыскивать противъ тѣхъ, кто теперь противъ нихъ сыскиваетъ. Повѣрь мнѣ. Вѣдь нашъ строй почему плохъ главнымъ образомъ? Потому что портить, уродуетъ людей, превращаетъ ихъ въ первобытное состояніе. Катехизисъ огромнаго числа нашихъ революціонеровъ, его въ двухъ словахъ можно выразить: око за око, зубъ за зубъ. Сегодня ты меня бьешь, завтра на моей улицѣ будетъ праздникъ, и я тебѣ всѣ зубы вышибу и фонарей подь глазами наставлю. Больше ничего. Попробуй, поговори съ ними о культурной дѣятельности, хотя бы, напримеръ, о значеніи постройки дорогъ,—вѣдь засмѣютъ, дуракомъ и реакціонеромъ объявятъ. Только наши мужики да рабочіе это поймутъ какъ слѣдуетъ. Если бь имъ дать школы всякія, особенно техническихкія, кочующихъ учителей—агрономовъ ученыхъ, ремесленниковъ, устроить земледѣльческія общества, устранить паразитовъ-посредниковъ,—что бы это было!...

— Да какъ же это безъ свободы сдѣлаешь?

— То-то и есть. Насъ за такую проповѣдь ссылаютъ на каторгу. Глупые люди! Не вѣдаютъ, что творятъ. Но добиваться свободы надо только во имя этого. И только тогда и добьемся мы свободы, когда люди будутъ сами ея требовать, ради культурныхъ цѣлей. Не для народа, а при помощи народа!

XV.

Спасскій не любилъ дѣлать вещи на половину. Рѣшивши сыграть Нюрину свадьбу на своей квартирѣ, онъ не остановился передъ затратами. На его счетъ были заказаны кареты. Священникъ въ серебряной ризѣ встрѣтилъ невѣсту на паперти съ крестомъ, церковь была ярко освѣщена, и пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Все было сдѣлано широко, какъ для богатыхъ людей. А изъ церкви, когда новобрачные подкатили къ дому, гдѣ жилъ Спасскій, они, къ удивленію своему, увидѣли передъ подъездомъ полотняный навѣсъ и красный коверъ, который былъ положенъ отъ подъезда до перваго этажа. Лакей соскочилъ съ козелъ и раскрылъ дверцы. Подавая женѣ своей руку, Кирилловъ выпрямился какъ палка, и гордо, отуманенный отъ столь невиданной роскоши, поднимался по лѣстницѣ, не будучи въ силахъ сказать ни одного слова. Ему казалось, что онъ герой «Тысячи и одной ночи». Не менѣе великолѣпна была квартира Спасскаго, большая, уютная, съ лакеями во фракахъ, которые бросились снимать съ Кириллова и съ его жены верхнюю одежду.

— Покорно благодарю,—сказалъ было Кирилловъ, какъ вѣжливый человѣкъ, желавшій раздѣться самъ. Но уже властной рукою лакей стащилъ его пальто съ барашковымъ воротникомъ. И, бро-

сидя на себя мимоходомъ въ трюмо довольный взглядъ, Кирилловъ обтянулъ свой фракъ, ласково погладивши его шелковую подкладку, пригладилъ волосы и снова подалъ руку взволнованной Нюрѣ. Хрустальный канделябръ на потолокъ, бра по стѣнамъ сверкали огнями, отражаясь въ зеркалахъ, играя на позолоченной мебели зала, на скользкомъ полу паркета, на большихъ зеленыхъ листьяхъ пальмъ, лежахъ масляными пятнами на полотнѣ картинъ въ большихъ золоченыхъ рамахъ, на фарфоровыхъ и бронзовыхъ бездѣлушкахъ этажерокъ. И въ то время, какъ молодые вышли въ залъ, грянулъ тушъ скрытыхъ за пальмами музыкантовъ. Самъ Спасскій въ лентѣ черезъ плечо и со звѣздой встрѣтилъ новобрачныхъ на порогѣ зала, снова облобызалъ Нюру и перекрестилъ ее, потомъ облобызалъ ея мужа. У Кириллова стояли слезы въ глазахъ.

— Ваше превосходительство, — сказалъ онъ съ чувствомъ: — я какъ во снѣ. Отецъ родной того бы не сдѣлалъ... Истинно великая у васъ душа, и доброта ваша не имѣетъ границъ. Осчастливили... Вѣкъ свой не забуду...

— Ну-ну, — отвѣтилъ тотъ, польщенный, и, жестомъ сановника похлопавши его по спинѣ, обратился къ Сонѣ, которая входила, подавая руку Гринштейну. Онъ и ее поцѣловалъ въ лобъ и, держа ее за обѣ руки, полюбовался на нее.

— Какая ты красавица! — проговорилъ онъ, шуря глаза и покачивая головою съ видомъ знатока и улыбаясь юмористической улыбкой.

Соня представила ему Гринштейна. И Спасскій принялъ его очень любезно, какъ стараго знакомаго, и даже безъ всякаго величія.

— Какъ же, какъ же, — сказалъ онъ: — помню, мы съ вами встрѣчались. Въ театрѣ, кажется, не правда ли?

— Какая у васъ память удивительная, ваше превосходительство, — отвѣтилъ Гринштейнъ.

— Не могу пожаловаться. Это у меня съ дѣтства: разъ чело-вѣка увижу, всю жизнь помню.

Гости прибывали, и Гринштейнъ отошелъ. И ему обстановка Спасскаго, и самъ Спасскій очень понравились. Онъ ходилъ вдоль стѣнъ, разматривалъ картины, останавливался передъ витринами, которыя были наполнены статуэтками изъ саксонскаго и северскаго фарфора и разными другими рѣдкостями изъ серебра и золота; между прочимъ въ нихъ была цѣлая коллекція старинныхъ часовъ съ эмалью, табакерки, древне-греческое ожерелье, двѣ вазы съ черными фигурами на свѣтло-коричневомъ фонѣ, — были тутъ также образки финифты, очень красивые по краскамъ, складни и тому подобныя вещи.

— Э, — думалъ Гринштейнъ, — да это чиновникъ совсѣмъ особенный, это артистъ, во всякомъ случаѣ — большой любитель художественныхъ произведеній. Совсѣмъ не первый встрѣчный!

Заиграла музыка. Начались танцы. Гринштейнъ посторонился, чтобы не мѣшать. Въ это время, скользя сквозь толпу танцующихъ, къ нему протискалась искавшая его глазами Соня и схватила его подъ руку.

— Давайте танцевать, я сегодня хочу веселиться,—сказала она, увлекая его.

— Софья Андреевна,—взмолился онъ:—помилосердуйте. Я не танцую. Ей-Богу же.

— Безъ разговоровъ,—скомандовала она, весело сверкнувши глазами, и, не обращая вниманія на его упорство, положила ему на плечо колечкомъ сложенную руку. Онъ машинально охватилъ ея станъ, и они завальсировали легко, граціозно. Онъ дѣлалъ самыя неожиданныя движенія, прицелкивая каблуками, то отступая и балансируя, то съ триумфомъ уносилъ ее и кружилъ въ увлекательномъ вихрѣ, пока выбрался на болѣе свободное мѣсто, и, опять умѣряя движеніе, продолжалъ въ красивомъ кадансѣ. Она, точно угадывая его намѣреніе, неслась за нимъ въ тактъ, скользя на носкахъ и шурша своимъ платьемъ, какъ будто не касаясь пола. Онъ чувствовалъ подъ рукою ея упругую талію, слышалъ легкій вѣтерокъ ея дыханія и видѣлъ улыбку полуоткрытыхъ и розовыхъ губъ, и хотѣлъ бы, чтобы это никогда не кончилось.

— Соня, дорогая,—шепталъ онъ:—я васъ люблю!

— Молчите, молчите,—отвѣтила она такимъ же шопотомъ, съ пылающими щеками.

— Bravo, bravo!—сказалъ Спасскій, хлопая кончиками пальцевъ, когда они пронеслись мимо него.

— Соня, да? да?—шепталъ Гринштейнъ весь въ огнѣ.

— Не будете жалѣть?—спросила она, поднимая къ нему глаза.

— Жалѣть? Это счастливѣйшая минута въ моей жизни?

Музыка смолкла. Гринштейнъ, нѣжно глядя на свою невѣсту, долгимъ пожатіемъ сдвинулъ ея горячую руку, и они отошли и прямо наткнулись на Ньюру. Все время она не спускала съ нихъ глазъ во время танцевъ и, повидимому, догадалась, что между ними произошло. Она была безъ кровинки въ лицѣ и смотрѣла на обонхъ жаднымъ, горящимъ взглядомъ и старалась улыбаться, и въ то же время надѣялась, что они сообщатъ ей сейчасъ что-то очень важное. Но въ это время Гринштейнъ увидѣлъ подходящаго Спасскаго и, улыбувшись Ньюрѣ въ отвѣтъ, повернулся къ нему.

— Ваше превосходительство,—сказалъ онъ, желая сказать ему что-нибудь пріятное:—какія у васъ сокровища собраны, настоящій музей.

— Маленькій музей,—самодовольно отвѣтилъ генераль:—но есть хорошія вещи, уники. Это—моя отрада, отрада стараго бобыля. Дѣтей у меня не было, а жена давно померла. Вотъ я и возжусь съ моими коллекціями, какъ ребенокъ съ игрушками. Хе-хе! А васъ интересуетъ это?—спросилъ онъ неувѣренно.

— Очень, помилуйте!

— Я потому спрашиваю, что у насъ вообще мало интересуются, а молодежь и подавно. Тѣмъ пріятнѣе встрѣтитъ исключеніе... А у меня есть вещи любопытныя. Въ Эрмитажѣ такихъ нѣтъ.

Онъ повернулся и указаль пальцемъ на картину.

— Вотъ это, напримѣръ, Боровиковскій, — удостовѣренный портретъ. Когда-то, въ бытность мою вице-губернаторомъ, у знакомаго помѣщика на чердакѣ открыль,—обмѣняль за вотъ такую марину Айвазовскаго. И еще онъ думаль, что меня обошелъ. А вы моей библиотеки не видали?

— Не видаль, ваше превосходительство, — отвѣтилъ Гринштейнъ.

— Зовите меня Павломъ Селиверстычемъ, такъ проще будетъ... Если не скучно,—пойдемте, покажу.

Онъ радушнымъ жестомъ пригласиль Гринштейна за собою, довольный довольствомъ коллекціонера, пашедшаго человѣка, который интересуется его собраніями. Гринштейнъ обернулъ голову къ Соѣ, стоявшей съ Нюрой, Кирилловымъ и Матвѣевымъ, и взглядомъ позваль ее за собою. Они вошли въ кабинетъ Спасскаго. Это была обширная комната, уставленная во всю вышину дубовыми шкапами, съ книгами въ прекрасныхъ переплетахъ, съ старинными фоліантами и съ папками. У окна стояль большой столъ, кованный бронзой, съ наложенными на немъ стопами бумагъ; нѣсколько витринъ-столиковъ находились по бокамъ, и подъ стекломъ видѣлись разложенныя на малиново-бархатномъ фонѣ старинныя серебряныя и золотыя монеты. Большой кожаный диванъ шель вдоль одной изъ стѣнъ; передъ нимъ стояль круглый столъ изъ краснаго дерева, а на немъ стояль ящикъ съ сигарами, хрустальный стаканъ съ папиросами съ золотыми кончиками и большая пепельница красиваго темно-синяго цвѣта. Спасскій предложилъ гостю папиросу, самъ закурилъ и сталъ ходить съ нимъ вдоль полокъ, показывая и объясняя. А изъ зала вновь понеслись подмывающіе звуки; начиналась кадрилъ. Гринштейнъ дѣлаль видъ, что очень интересуется, хотя онъ на самомъ дѣлѣ не могъ оцѣнить того, что хозяйнъ ему показываль, да и не интересовался этимъ. Спасскій этого не замѣчалъ. Для него это былъ только лишній случай разсмотрѣть свои книги, и для него этого было довольно. Но дверь отворилась, и вихремъ влетѣла Соя.

— Павелъ Селиверстычъ,—возопила она съ комическимъ трагизмомъ:—въ такое-то горячее время вы лишаете общество одного изъ его танцующихъ украшеній! На вашей совѣсти будутъ танталовы мученія одной изъ присутствующихъ отроковицъ!

— Не твои ли, егоза?—улыбнулся Спасскій.

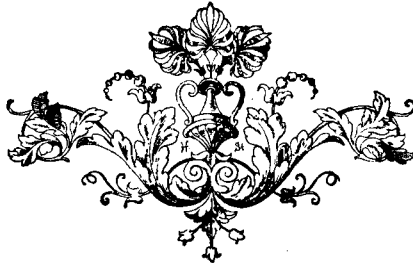
— А хотя бы мои? Въ кои-то вѣки удается попрыгать!

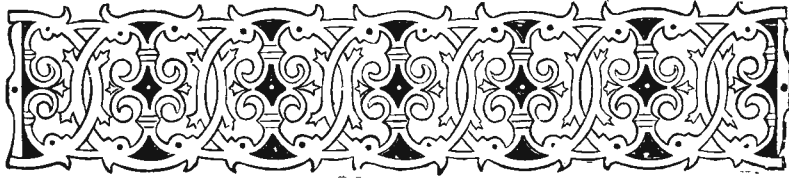
— Только ли потому?—переспросиль онъ, облакая Гринштейна и Сою общимъ лукавымъ взглядомъ.

- А что такое?
— Ничего. Но я любовался на васъ, когда вы танцовали. Такая вы славная парочка!
— Вы думаете?
— Думаю.
— Въ такомъ случаѣ,—позвольте вамъ представить моего жениха.
— Bravo! Поздравляю. Твой молодой человекъ мнѣ очень, очень нравится.
Онъ поцѣловалъ Соню и пожалъ обѣ руки Гринштейну, который весь горѣлъ отъ счастья.
Но уже Соня увлекала своего жениха въ залъ.

И. Я. Павловскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТРАНИЦЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ ¹⁾.

(1889—1891 г.г.).

III.

Цензоръ Климентъ Вороничъ.—Его извѣстность въ цензурномъ мѣрѣ и первое знакомство съ нимъ въ Одессѣ.—Благорасположеніе къ нему градоначальника Зеленаго и члена совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати Новикова.—Моя борьба съ нимъ и эпизодъ со сказкой «Шильдеровцы».—Выписки изъ запрещенныхъ имъ мѣстъ для «Одесскаго Листка».—Эпизодъ отобранія у него этой газеты и передачи ея на мою цензуру.—Архіепископъ Никаноръ и его рѣчи.—Графъ Строгановъ и стихотвореніе Пушкина «Кинжалъ».—Никаноръ и его отношеніе къ генераль-губернатору Роопу.—Дружба Воронича съ Никаноромъ и кончина послѣдняго.—Отозваніе Воронича и контроль его надъ одесской прессой и цензурой.—Переписка отдѣльнаго цензора О. І. Ла—та съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати.—Восьмой начальникъ этого управленія Теокистовъ.

АХОДЯ дѣйствія одесской цензуры недостаточно умѣлыми и считая главнымъ виновникомъ распущенности мѣстной прессы отдѣльнаго цензора по внутренней цензурѣ С. Д. Р—аго, главное управленіе по дѣламъ печати, послѣ долгихъ колебаній, признало нужнымъ въ 1889 г. перевести его въ московскій цензурный комитетъ, а на его мѣсто командировать въ Одессу своего чиновника особыхъ порученій, губернскаго секретаря Воронича.

Новый коллега нашъ, хотя лично мнѣ былъ мало знакомъ, но по службѣ своей въ цензурномъ вѣдомствѣ онъ былъ всѣмъ намъ хорошо извѣстенъ. Извѣстность свою онъ составилъ себѣ, во-первыхъ, тѣмъ, что былъ близкимъ пріятелемъ и суфлеромъ главнаго вершителя и воротилы судебъ нашихъ, приснопамятнаго правителя канцелярѣи

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстникъ», т. СХХVII, стр. 42.

главнаго управленія печати Адикаевскаго, во-вторыхъ, тѣмъ, что, женившись на экономкѣ министра Валуева и состоя при немъ въ качествѣ подручнаго чиновника, обязанъ былъ этимъ своей служебной карьерѣ и, въ-третьихъ, тѣмъ, что, подвизаясь сначала въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ, а затѣмъ въ московскомъ, натворилъ тамъ такихъ несуразностей, послѣ которыхъ не знали, какъ выжить его изъ того и другого. Почтенный и пожилой председатель московскаго цензурнаго комитета, Веніаминъ Яковлевичъ Оедоровъ, долго терпѣлъ его, но наконецъ не выдержалъ и взмолился, прося начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Θεоктистова пощадить его сѣдины и убрать изъ ввѣреннаго ему комитета Воронича. Припомнился мнѣ, кромѣ того, ходившій про него анекдотъ. Разсказывали, что, когда ему была представлена на разрѣшеніе премія для журнала «Живописное Обозрѣніе» на выборъ: «Бой кунца Калашникова» или «Голгоѳа», онъ не разрѣшилъ ни ту, ни другую, мотивируя своей запретъ тѣмъ, что редакція журнала хотѣла-де сопоставленіемъ этихъ двухъ сюжетовъ намекнуть на то, что то и другое мнѣ! Чего еще, казалось бы, можно было ожидать хорошаго отъ дальнѣйшей служебной дѣятельности такого чиновника, послѣ сдѣланныхъ надъ нимъ неудачныхъ экспериментовъ? Но всего этого, какъ видно, было мало, и вотъ дальновидное начальство нашло полезнымъ такого-то именно служаку командировать въ Одессу для «упорядоченія» запущеннаго въ ней цензурнаго дѣла...

Получивъ извѣщеніе отъ главнаго управленія о назначеніи Воронича и о сдачѣ ему, по приѣздѣ его въ Одессу, всѣхъ газетъ на цензуру, кромѣ «Новороссійскаго Телеграфа», который предписывалось оставить за мной, мы всѣ съ понятнымъ нетерпѣніемъ стали поджидать его приѣзда, чтобы сдать ему непріятную обузу и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы поучиться уму-разуму у дарованнаго намъ ментора и инструктора. Прошло, однако, немало времени со дня прибытія его въ Одессу, пока онъ соблаговолилъ предстать предъ нами. Войдя въ залу комитетскихъ засѣданій, онъ прежде, чѣмъ поздороваться съ присутствующими, перекрестился на образъ и заявилъ намъ съ нѣкоторой торжественностью въ голосѣ, что хотя онъ уже нѣсколько дней и находится въ Одессѣ, но ранѣе не могъ быть въ комитетѣ по той причинѣ, что всѣ эти дни онъ... «мылся и молился!» Такое вступленіе его не могло, конечно, не удивить насъ, и мы съ Р—имъ, остававшимся для передачи ему своей должности, переглянулись въ недоумѣніи. Но недоумѣнію нашему былъ положенъ конецъ, когда вслѣдъ за симъ г. Вороничъ разсказалъ намъ, что по дорогѣ въ Одессу онъ заѣзжалъ въ Троице-Сергіевскую лавру, гдѣ былъ у схимника, который предсказалъ ему что ему будетъ ниспослано тяжкое испытаніе на новомъ мѣстѣ назначенія, послѣ чего намъ стало уже ясно, что мы обречены имѣть дѣло съ махьякомъ, или, по меньшей мѣрѣ, съ отъявленнымъ ханжой.

Собственно говоря, я невѣрно употребилъ здѣсь во множественномъ числѣ мѣстоименіе перваго лица, такъ какъ Р—скій векорѣ послѣ того покинулъ Одессу и мнѣ одному пришлось единоборствовать съ этимъ помраченнаго разсудка человѣкомъ вплоть до февраля 1891 г., т. е. въ теченіе года и трехъ мѣсяцевъ.

Много крови испортилъ я себѣ за это время, ограждая, по возможности, съ одной стороны, мѣстную прессу отъ незаконныхъ и лютыхъ требованій этого фанатика своего дѣла, съ другой—павлекая этимъ на себя неудовольствіе какъ со стороны мѣстной административной власти, которую онъ успѣлъ задобрить своими угожденіями, такъ и со стороны главнаго управленія по дѣламъ печати, которому онъ выставялъ мои несогласія съ нимъ въ ложномъ свѣтѣ, давая понять, что я всячески препятствую ему въ выполненіи возложенной на него этимъ управленіемъ высокой миссін. Одесскій градоначальникъ контръ-адмиралъ Зеленый писалъ по этому поводу Теокистову такъ: «Къ сожалѣнію, дѣятельность г. Воронича встрѣтила сильный отпоръ, какъ со стороны редакторовъ, такъ въ особенности со стороны товарищей по службѣ одесскаго цензурнаго комитета, совершенно утратившаго обликъ правительственнаго учрежденія, такъ какъ члены его, начиная съ предсѣдательствующаго во временномъ присутствіи по внутренней цензурѣ и кончая дѣлопроизводителемъ, открыто осуждаютъ товарища Воронича и заявляютъ о своей несолидарности съ нимъ по службѣ». Съ другой стороны, и членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати Новиковъ, подъ контролемъ котораго находилась въ то время вся южная наша пресса, питая особенное благорасположеніе къ Вороничу, о дѣятельности его въ Одессѣ отозвался въ докладной запискѣ своей Теокистову въ такихъ выраженіяхъ: «Возложенное на Воронича вашимъ превосходительствомъ порученіе, смѣю думать, исполнено имъ съ быстротою разительной и успѣхомъ изумительнымъ; съ его пазначеніемъ въ Одессу сразу измѣнились къ лучшему и—можно сказать—сдѣлались неизнаваемыми подчиненныя его наблюденію газеты. Достигнутый имъ поворотъ къ лучшему не могъ не сопровождаться крайней неуступчивостью. Эта обязательная въ его положеніи неуступчивость могла получить видъ крутости не въ мѣру въ глазахъ людей, съ которыми пришлось ему вступить въ неизбѣжныя служебныя отношенія и столкновенія. Обѣимъ сторонамъ не легко теперь, потому что онѣ говорятъ между собой на одномъ языкѣ, а понимаютъ другъ друга противоположно».

Нимало не смущаясь ни тѣмъ, ни другимъ, я продолжалъ неизмѣнно изводить г. Воронича своей «неуступчивостью» и, не оставляя ни одной безобразной выходки его безъ протеста, дѣйствовалъ такъ, какъ долгъ службы и совѣсть мнѣ повелѣвали. Дѣло дошло наконецъ до того, что я пересталъ вести съ нимъ какіе-либо разговоры и сносился только по службѣ письменно, а послѣ одного слу-

чая мнѣ дано было понять изъ главнаго управленія, что «постоянныя препирательства мои съ откомандированнымъ означеннымъ управленіемъ чиновникомъ могутъ неблагоприятно отразиться на моей службѣ». Не убоясь и этой угрозы, я продолжалъ дѣйствовать съ неослабной настойчивостью до тѣхъ поръ, пока, по примѣру столичныхъ комитетовъ, не успѣлъ выжить изъ Одессы этого пролазу, отличавшагося, кромѣ всего прочаго, еще необычайною заносчивостью, кичливостью и строптивостью права. Случай, о которомъ я упомянулъ, настолько самъ по себѣ занимателенъ и характеренъ, что заслуживаетъ того, чтобы не обойти его молчаніемъ.

Въ нѣмецкой литературѣ имѣется, какъ извѣстно, цѣлый циклъ поучительныхъ дѣтскихъ сказокъ, которыя, будучи переведены на всѣ европейскіе языки, давно уже заслужили себѣ всемірную извѣстность и считаются чуть не классическими произведеніями. Къ такого рода произведеніямъ принадлежитъ также разсказъ подъ заглавіемъ «Шильдеровцы». Въ этой сказкѣ выставлены въ смѣшномъ видѣ граждане нѣкоего города Шильдера, которые, замѣтивъ въ одинъ прекрасный день выросшую на стѣнахъ ихъ родного града траву, вздумали истребить ее и для этого прибѣгли къ слѣдующему остроумному способу: водрузивъ у стѣны висѣлицу, они прикрѣпили къ перекладинѣ ея блокъ и по веревкѣ вздернули корову, чтобы она могла объѣсть всю выросшую по стѣнѣ сорную траву. Разсказъ этотъ, переведенный съ нѣмецкаго госпожой Вейнбергъ, былъ изданъ одесскимъ книгопродавцемъ Беридтомъ вмѣстѣ съ другими, подъ общимъ заглавіемъ «Книжки забавницы», при чемъ къ нему была приложена картинка съ изображеніемъ повисшей на веревкѣ коровы. Ничего, само собой разумѣется, не могло быть безвиннѣе въ цензурномъ отношеніи этого нѣмецкаго лица. Но не такъ взглянулъ на это дѣло велемудрый цензоръ Вороничъ, запретившій какъ самый текстъ этого разсказа, такъ и картинку къ нему. И вотъ ко мнѣ, какъ къ предсѣдательствующему во временномъ присутствіи по внутренней цензурѣ, поступаетъ жалоба отъ издателя Беридта, въ которой онъ заявляетъ, что переводъ названной дѣтской книжонки неизвѣстно по какой причинѣ задерживается цензоромъ Вороничемъ уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, вопреки цензурному уставу, а картинка съ изображеніемъ висѣщей коровы имъ вовсе запрещена къ печати. Назначаю засѣданіе и предлагаю Вороничу объяснить причину такого непонятнаго отношенія его къ этому произведенію. Съ безпредѣльнымъ апломбомъ и увѣренностью въ правотѣ своего поступка заявляетъ онъ присутствію, что брошюрку онъ считаетъ «вообще неудобной для дѣтскаго чтенія», а что касается картинки, то она, по его глубокому убѣжденію, «прямо непопозволительна въ виду тенденціозности своей, такъ какъ изображенное на ней подвѣшеніе коровы... напоминаетъ казнь политическихъ преступниковъ!» Эф-

фѣктъ такого объясненія былъ такъ неожиданъ, что всѣмъ намъ стоило большихъ усилій, чтобы не расхохотаться въ лицо прозорливому докладчику. Разумѣется, какъ брошюра, такъ и картинка къ ней были тотчасъ разрѣшены, не взирая на усиленные протесты и доводы Воронича, подавшаго отдѣльное мнѣніе по этому поводу, которое я не могъ лишить себя удовольствія, чтобы не отправить его въ подлинникъ на благовоззрѣніе главноуправленія по дѣламъ печати.

Вотъ за такую-то продерзость мою я и удостоился вышеупомянутой угрозы со стороны боговъ нашего Олимпа, неліцепріятно отнесшихся и достоительно оцѣнившихъ образъ дѣйствій своего посланца, съ каждымъ днемъ приводившаго весь составъ служащихъ въ одесской цензурѣ въ все большее негодованіе своей безпредѣльной необузданностью и своеволіемъ. Въ тупомъ усердіи своемъ этотъ своеобразный инструкторъ нашъ закусилъ, что называется, удила и дошелъ однажды до того, что въ одной изъ цензурируемыхъ имъ газетъ зачеркнулъ замѣтку о появившихся нитпахъ на солнцѣ, а въ другой разъ въ театральномъ хроникѣ, въ отчетѣ объ исполненіи Шекспировскаго «Гамлета, принца датскаго», зачеркнулъ послѣднія два слова, мотивируя это тѣмъ, что-де о «датскихъ принцахъ» нельзя говорить безъ разрѣшенія министерства императорскаго двора, такъ какъ императрица Марія Феодоровна изъ «датскаго королевскаго дома». Еще разъ дозволил онъ къ печати представленный на его разрѣшеніе рассказъ, озаглавленный «Крейцера Соната во всемъ виновата», въ которомъ авторомъ проводился діаметрально противоположный взглядъ развиваемому графомъ Толстымъ на семейную жизнь въ извѣстной его повѣсти, но заглавіе «Крейцера Соната во всемъ виновата» зачеркнулъ, мотивируя тѣмъ, что авторъ, давая заглавіе своему произведенію, «преслѣдуетъ, очевидно, матеріальную цѣль»...

Но всего не перечестъ и не припомнить мнѣ изъ дѣяній этого изумительнаго, лишеннаго всякаго образовательнаго ценза невѣжды цензорскаго званія, облеченнаго къ тому же особенными довѣріемъ и полномочіемъ высшей власти. Знаменитый въ свое время цензоръ Красовскій, зачеркнувшій въ поваренной книгѣ слова: «поставить пирогъ на вольный духъ», и запретившій статью «О вредности грибовъ» на томъ основаніи, что «грибы постная пища православныхъ и писать о вредности ихъ значитъ подрывать вѣру и распространять невѣріе»,—въ рекордѣ усердія своего призналъ бы себя побитымъ Вороничемъ. Не желая, однако, быть заподозрѣннымъ въ вымыслѣ и преувеличеніяхъ, я приведу здѣсь говорящія за себя выписки изъ тетради записей, въ которой послѣдовательно записались редакціею «Одесскаго Листка» собственноручныя замѣчанія Воронича, дѣлаемая имъ на корректурныхъ гранкахъ представляемыхъ на его разрѣшеніе статей для этой газеты. Для большей

ясности укажу сначала на номеръ газеты, затѣмъ сдѣлаю выписку изъ инкриминируемой статьи, а подъ нею приведу текстъ цензурской приписки, при чемъ нужнымъ считаю замѣтить, что по прямому смыслу цензурнаго устава цензоръ не имѣетъ права дѣлать какія бы то ни было отмѣтки и отсебятины на представляемыхъ ему гранкахъ, а долженъ ограничиться лишь простымъ зачеркиваніемъ красными чернилами неодобряемыхъ имъ къ печати отдѣльныхъ словъ, мѣстъ или цѣлыхъ статей.

ГАЗЕТА «ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ» 1890 г.

№ 42.

«Съ береговъ Бычка»—по поводу дѣла о покушеніи на женскую красоту и дѣла Гребченко.

— *Эти шутовскіе пересказы уголовныхъ дѣлъ неудобны. Чему тутъ смѣяться? Плакатъ нужно, а не смѣяться.*

№ 44.

«При выносѣ тѣла присутствовали командующій войсками Х. Х. Роопъ съ супругою, его превосходительство г. одесскій градоначальникъ П. А. Зеленый съ супругою и проч.» (переставлено).

— *Градоначальникъ есть первое лицо въ городѣ, а потому во всякъ случаѣхъ надобно упомянуть о немъ ранне въ всякъ другіхъ властей.*

«Святой Егорій» — Н. Тимофѣева.

— *Замѣчательный рассказъ, подъ которымъ не безъ гордости могъ бы подписаться и Толстой.*

«Купюра въ цитатѣ изъ «Русскихъ Вѣдомостей» относительно необходимости коренной реформы нашего законодательства о незаконныхъ дѣтяхъ.

— *Пусть «Рус. Вѣдомости» вдумаются въ то, что сравненіе правъ незаконныхъ дѣтей съ законными—равносильно уничтоженію брака! Но они знаютъ, положимъ, что пишутъ...*

№ 46.

Высочайшее повелѣніе о причисленіи къ специальнымъ средствамъ капитала, завѣщаннаго титуляр. совѣтн. Ямщичкимъ.

— *Подобнаго рода повелѣнія, если они не имѣютъ мѣстнаго интереса, можно и не издавать.*

№ 47.

«Россія противъ Германіи» — передовая статья.

— *Въ передовую статью этого нельзя, потому что опасно «для курса»... а гдѣ-либо въ отдѣльнѣхъ иностранныхъ извѣстій или «библиографическомъ».*

№ 48.

Близъ Парижа мальчикъ 12 л. влюбился въ дѣвочку 10 л. и, получивъ за это строгій выговоръ, повѣсилъся.

— *Не заимствуйте вы, пожалуйста, иногородныхъ, а особенно «иностранныхъ» самоубійствъ. Сколько разъ я уже говорилъ объ этомъ редактору.*

№ 49.

«Наука и Жизнь»—Липскаго; сдѣланы купюры помѣщеннаго уже разъ г. Липскимъ.

— *Прошу по два раза статей не представлять и однажды исключеннаго «подъ другимъ соусомъ» не представлять!*

№ 51.

«Русская печать». Цитата изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» объ удобствахъ военной формы.

— *Ну, про это лучше знаетъ хозяинъ Россіи!*

№ 56.

«Иностранныя извѣстія» о новомъ военномъ законопроектѣ.

— *Что же тутъ «извѣстно»?*

№ 62.

«Корреспонденція изъ Варшавы» съ надписью о томъ, перу кого она принадлежитъ.

— *Сейчасъ видно, что писалъ серьезный человекъ.*

«Русская печать»—выдержки изъ «Русскихъ Вѣдомостей».

— *Безземеліе—«либеральная нотка», которой лучше не подражать.*

№ 63.

«Дѣйствія правительства» — приказы.

— *Врядъ ли необходимо извлекать въ такомъ большомъ объемъ приказы «третьестепеннаго», такъ сказать, значенія. Чтобы вести этотъ отдѣлъ цѣлесообразно, о мелкихъ назначеніяхъ и наградахъ слѣдуетъ печатать лишь «мѣстнаго» характера, отводя остальное мѣсто главнѣйшимъ дѣйствіямъ правительства, т. е. всеподдан. адресамъ, правительственнымъ сообщеніямъ, важнымъ законамъ и проч.*

№ 64.

Назначенія по полиціи, помѣ-
щенные въ хроникѣ (выбро-
шено).

— Когда состоится приказъ,
это надобно помѣстить «во
главъ хроники». Вообще этого
рода полицейскіе приказы, какъ
и распоряженія полицеймей-
стера, надобно печатать на вид-
номъ мѣстѣ мѣстной хроники.

№ 68.

«Мелочишки» (выброшено).

— Что это такое? Просто
понять невозможно!

№ 76.

«О чемъ говорятъ»—Липскаго
(купюра).

— Тутъ какаля-то бессмы-
слица!

№ 77.

«О чемъ говорятъ» Маргьярона
(выброшено).

— О передержкѣ уже
говорилось, а выставка не мо-
жетъ служить предметомъ по-
добнаго юмора. Вообще въ отдѣлѣ
«О чемъ говорятъ» надобно дер-
жаться большей безобидности
и умѣренности.

«О заброшенныхъ дѣтяхъ» (зна-
чительныя купюры).

— Теорія о невмѣняемости
преступлений, т. е. невинности
преступниковъ, — о томъ, что
общество, а не они сами, вино-
вато въ ихъ дѣйствіяхъ, — тео-
рія «на столбцахъ газеты вред-
ная».

«Парижъ» (отъ корреспонден-
та «Одес. Листка»).

— Заграничныя корреспон-
денціи не могутъ имѣть мѣста
въ «Листкѣ», особенно завѣдомая
ихъ фабрикація. Въ эти свѣ-
дѣнія были, напримѣръ, напе-
чатаны въ «Правительств. Вѣст-
никѣ». Вообще относительно
вѣстной политики мною были
сдѣланы уже достаточно об-
стоятельныя указанія.

№ 101.

Письмо г. Маразли министру
народ. просвѣщенія объ об-

— Это письмо составляетъ
прежде всего «официальную соб-

мѣнѣ дубликатовъ книгъ одес-
ской городской библіотеки съ
с.-петербургской и московской
публичными библіотеками.

«Наканунѣ 1 мая» (выбро-
шено болѣе половины).

*ственность министра народ.
просвѣщенія, безъ согласія коего
его нельзя печатать».*

— *Что это за сенсація?*

№ 102.

«О чемъ говорить»—«О пра-
вахъ женщинъ въ Канзасѣ».

«О чемъ говорить»—«возмож-
ность воспользоваться г. Чер-
ленинкову услугами Пулковской
обсерваторіи».

— *И кто объ этомъ гово-
рить?!*

— *Это вѣдь пишется, ка-
жется, для взрослых?..*

№ 103.

«Расплатилась» (весь фелье-
тонъ пропущенъ, а заголовокъ
передѣланъ на «Несчастная».

«Похороны Пустерпакова»
(скрипача).

— *Исторій, оканчивающихся
финаломъ самоубійства, «над-
лежитъ избѣгать», ибо онъ
прежде всего безнравственны!*

— *«Воспѣвать» похороны само-
убійцъ нельзя, а можно о нихъ
сообщать.*

№ 104.

«Организація германскаго
флота» (выброшено).

«Изъ-за артистовъ» (выбро-
шено).

— *Это можетъ пригодиться
на случай войны.*

— *Очень ужъ пикантно!*

№ 105.

По поводу «Маленькаго Лист-
ка» Дешкина «Изъ переписки
двухъ собакъ».

«Общее собраніе членовъ об-
щества помощи бѣднымъ».

— *Это Щедринская какая-то
форма, которая не годится для
подражанія.*

— *Необходимо разрѣшеніе съ
превосходительства (т. е. жены
градоначальника Зеленаго).*

№ 109.

«О чемъ говорить»—выбро-
шено то мѣсто, гдѣ говорится,
что «едва ли знаменитый тра-
гикъ Россіи будетъ имѣть успѣхъ
послѣ московскаго товарище-
ства».

— *Объ этомъ будемъ говорить
по провѣркѣ.*

«Русская печать» — слухъ о — *Этотъ слухъ въ Одессу не желаніи греческаго короля Георга проникать.*
га отречься отъ престола.

№ 111.

«Малый Листокъ» — Дешкина: — *Что за грубость выраженій!..*
слово «эскулапъ» передѣлано на «докторъ».

№ 115.

«Арестованіе атамана злодѣевъ — *Эти лекціи довольно-таки*
(²/з выброшено). *заразительны.*

«Интернаціональный третей- — *Это для испанцевъ только*
скій судъ» (выброшено). *и интересно.*

№ 116.

«Русская печать» — изъ «Не- — *Писать исторію слѣдуетъ,*
дѣльной хроникѣ» «Восхода» — о *но обособлять еврейскую общину*
необходимости издать исторію «*на столбцахъ газетъ» отъ всего*
одесской еврейской общины (вы- *остального населенія, чтобы ря-*
брошено). *домъ съ юбилеемъ города обосо-*
бить и другою — еврейскій юби-
лей, это было бы похоже на
своего рода государство въ госу-
дарствъ и вообще во многихъ
отношеніяхъ неудобно.

Корреспонденція изъ Кишине-
ва «О телеграммахъ, посланныхъ
университету 1 мая.

«О чемъ говорятъ» — выбро-
шено мѣсто, гдѣ сравниваются
антрепренеры театра Черепен-
никовъ съ Сѣтовымъ.

Телеграмма университету отъ
общества литераторовъ, въ кото-
рой послѣдніе просятъ профес-
сора Модестова истолковать ихъ
пожеланія.

— *Это уже все было и теперь*
уже миновала во всемъ этомъ
надобность.

— *Очень ужъ приторно. На-*
добно и въ похвалъ знать мѣру,
а то вѣдь видно, что совершенно
отсутствуетъ справедливость.
Г. Сѣтовъ кончилъ свое дѣло и,
кажется, пора бы оставить его
въ покоѣ.

— *Зачѣмъ же «истолковывать»*
когда и такъ понятно!

№ 117.

Передовая замѣтка въ «Днев-
никѣ» — по вопросу о завѣдую-
щемъ одесской бактериологиче-
ской станціей (выброшено).

— *Это просто толки, чтобы*
не сказать сплетни, кои не долж-
ны имѣть мѣста въ такихъ
вопросахъ. Что, кто, когда и

Рѣчь Каприви (большая кушора).

«Очерки иностранной литературы» Сычевскаго—о современной беллетристикѣ.

Вычеркнуто въ передовой статьѣ: согласиться съ тѣмъ, что веденіе дѣла идетъ исправно, значило бы сказать, что до общества не доходить все то, что творится на станціи».

О смерти Башкирова (выброшено).

№ 122.

«Прошлое и настоящее Итали» (зачеркнуто).

Въ отчетѣ общества спасенія на водахъ (выброшено).

№ 123.

«О чемъ говорить»—рапортъ председателя нижегородскихъ охотниковъ конскаго бѣга (выброшено).

№ 124.

«О посѣщеніи итальянскимъ принцемъ публичной бібліотеки (выброшено) — въ «Одесскомъ Листкѣ» не появлялось.

№ 125.

«Русск. печать» по поводу рѣчи профес. Модестова (выброшено).

«Истор. вѣстн.», ФЕВРАЛЬ 1912 г., т. СХХVII.

кому говорилъ—это такая наклонность, по которой можно опуститься въ непроходимыя дебри.

— *Что за радость для русскаго чловѣка знакомиться съ такою дерзкой выходкой по адресу Россіи?*

— *Очень вѣрный взглядъ.*

— *Вычеркнутое мѣсто исключено ради сохраненія смысла.*

— *Ни одна газета объ этомъ не сообщаетъ, и дѣло, во всякомъ случаѣ, «не горитъ». Вѣрно ли это извѣстіе!*

— *Эта статья можетъ быть вновь представлена недѣли черезъ двѣ.*

— *Какой же могъ быть тостъ въ поѣздѣ?*

— *Это официальная переписка.*

— *Это уже было.*

— *«Одесскій Листокъ» свое уже сказалъ по этому поводу.*

№ 126.

«Типы дѣтей въ семьѣ» Ивана — забитый, злостный типъ (выброшено).

— Такимъ статьямъ мѣсто въ педагогическихъ журналахъ, подразумевающихъ компетентный кругъ читателей, а не въ общедоступной газетѣ. Тутъ рядомъ съ пользою можно принести много вреда—хотя бы, напр., протестомъ противъ строгихъ взысканій, кои бываютъ же иногда и необходимы... Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ нашъ знаменитый покойный Пироговъ.

«Дѣло Паницы» — (половина выброшена).

— Это дѣло надобно печатать въ краткихъ лишь извлеченіяхъ. Оно, вообще, имѣетъ много неудобствъ.

«Столѣтній юбилей лейбъ-гвардіи Павловскаго полка» (выброшено).

— Объ этомъ праздникѣ будетъ напечатано въ «Правит. Вѣстникѣ» въ болѣе обстоятельной и вѣрной формѣ. Лучше подождать, чѣмъ печатать этотъ и «неверный» (?) и слишкомъ уже сжатый набросокъ.

№ 128.

«Типы дѣтей въ семьѣ» — (кушоры).

— Цензоръ уже указывалъ однажды, что «пространныя» педагогическія положенія — въ общедоступной газетѣ неумѣстны. Прошу принять къ свѣдѣнію.

№ 130.

«Иностран. извѣстія» — рѣчь Кобургскаго по случаю открытія желѣзнодорожной линіи (выброшено).

— Какое намъ дѣло до рѣчей самозванца?!

Прощенія, поступившія въ департаментъ торговли и мануфактуръ о выдачѣ привилегій (выброшено).

— Съ какого это времени «Листокъ» сталъ органомъ департамента?

№ 131.

«Впечатлѣнія художника»—
Лемана (нѣсколько купюръ).

— Прошу избѣгать такихъ
«кровавополитныхъ» (?) и без-
нравственныхъ писаній, разчи-
танныхъ на общественныя нервы!
На этой канвь дѣлу не помогутъ
и рекомендаціи...

№ 134.

Корреспонденція изъ Нико-
лаева—«отчетъ о ревизіонной ко-
миссіи городского банка».

— Такія частныя ревизіи гг.
корреспондентовъ предусматри-
вы и рѣшены отрицательно.

№ 136.

«Дневникъ»—о телеграммѣ но-
вороссійскаго университета Го-
сударю и отвѣтъ на нее Государя
(запрещено).

— Это можно представить и
въ отсутствіе г. попечителя, и
если будетъ разрѣшено—печа-
тать.

№ 137.

«О чемъ говорятъ»—по поводу
разговора Анастасьева съ ма-
терью обокравшаго его Гаев-
скаго (²/₃ выброшено).

— Все это—частію личное,
частію весьма безнравственное.
Ничьихъ личныхъ свиданій (?)
нельзя выводить предъ публикой
безъ согласія тѣхъ лицъ.

№ 138.

«Дневникъ»—о случаѣ съ г.
Эммануелемъ.

— Прошу засвидѣтельство-
вать согласіе потерпѣвшаго.

№ 141.

«О чемъ говорятъ» (³/₄ выбро-
шено)—о петербургскихъ ре-
сторанахъ.

— Кто жъ объ этомъ гово-
ритъ?

№ 142.

Корреспонденція изъ Херсона.

— Что жъ тутъ смѣшного?

№ 169.

«Русская печать»—цитата изъ
«Дня» о фабричномъ законода-
тельствѣ.

— Это что-то вродь идей
нашихъ нигилистовъ.

«Русс. печать»—письмо кн.
Воронцова къ гр. Бенкендорфу.

— Пеужели начнемъ уроки
слова?

«Вѣсти изъ Херсона»—объ
оцѣночной комиссіи (знач. ку-
пюры).

— Пора уже и покончить съ
этимъ дѣломъ.

№ 171.

По поводу побѣга Косенко (выброшено).

— *Хороши свѣдѣнія!*

№ 177.

«Малый Листокъ»—«О собакахъ» (выброшено).

— *Какой прецедентъ могъ служить редакціи поводомъ къ представленію столь возмутительныхъ перепечатокъ! Вѣдь не только за напечатаніе, но и за представленіе подобныхъ писаний на просмотръ цензора редакція можетъ быть поставлена въ весьма для нея неудобное положеніе... На будущее время столь возмутительнаго содержанія статьи я буду отправлять въ главное управленіе по дѣламъ печати.*

«Русс. печать»—объ афишѣ въ Керчи (выброшена).

— *Что это, однако, за мерзость!!*

№ 180.

«О чемъ говорить» (купюра).

— *Это какой-то наборъ словъ.*

№ 181.

Корреспонденція изъ Варшавы (выброшено).

— *«Объ этомъ уже довольно было напечатано въ «Листкѣ». Теперь идетъ слѣдствіе.*

Письмо Бодаренко.

— *Хорошо бы это напечатать на видномъ мѣстѣ.*

«О состояніи Приморской улицы».

— *Это правда—и правда возмутительная!*

№ 182.

Корреспонденція Александринскаго уѣзда (выброшено).

— *Итакъ, безобразіе урядниковъ заключается въ томъ, что они ходятъ безъ шапокъ и тихо говорятъ!*

№ 183.

«О томъ о семъ»—по поводу конки (купюра).

— *Много уже писалось на этотъ счетъ. «Ради одного приличія» нужна передышка.*

№ 184.

«Литературные очерки» (значительная купюра).

— *Какъ можно такъ затрагивать такіе святыя тайники души человѣческой, — да еще такой чистой души, какую имѣлъ Гоголь.*

№ 187.

«Научное значеніе гипнотизма» изъ «Правительств. Вѣстника».

«Русс. печать»—изъ «Новаго Времени» объ отсутствіи благолѣшія въ храмахъ въ Одессѣ (зачеркнуто).

— *Эта статья научная и совершенно «спеціальная», а поэтому не подходитъ.*

— *Какая возмутительная неправда!*

№ 188.

«Научное значеніе гипнотизма» изъ «Правительств. Вѣстника» (пропущено съ купюрами).

— *Прошу имѣть въ виду, что подобныя чисто медицинскіе трактаты не будутъ проходить и изъ «Правительств. Вѣстника».*

№ 189.

О происшествіи въ Бѣлостокѣ (зачеркнуто).

Корреспонденція изъ Херсона о прекращенныхъ окружнымъ судомъ дѣлахъ.

— *Подождемъ до суда, или когда объ этомъ заговорятъ «Московскія Вѣдомости».*

— *Хорошія дѣла!..*

№ 192.

«Херсонскій уѣздъ» (выброшено).

— *Лежачаго не бьютъ.*

№ 199.

«О чемъ говорятъ» — выброшено мѣсто, гдѣ проведено сравненіе между импер. Вильгельмомъ и Осаки.

«Малый Листокъ»—наблюденіе проф. Вирхова надъ солнцемъ (зачеркнуто).

— *Хорошее сопоставленіе! Обыкновеннымъ смертнымъ нельзя сравнивать себя съ императоромъ.*

— *Этому мѣсто въ спеціальной книгѣ.*

№ 201.

«Прибытіе въ столицу герцога Гессенъ - Дармштадтскаго (зачеркнуто).

— *Потрудитесь перепечатать изъ сегодняшняго нумера 164. «Правительств. Вѣстника». Это будетъ понадеженіе «корреспондента», который, прежде всего, ничего подобнаго «не въ правъ сообщать».*

№ 202.

— *По какому случаю въ номеръ 201 «Одес. Листка» перепечатка изъ «Русс. Инвалида» о распоряженіяхъ насчетъ встрѣчи германскаго императора помѣщена въ концѣ дневника вмѣсто официальнаго отдѣла, т. е. раньше передовой статьи? Прошу впредь не допускать ничего подобнаго. Не понимаю также, почему ничего не напечатано о пріѣздѣ герцога Дармштадтскаго? Если такъ небрежно будутъ почерпаться извѣстія о Высочайшихъ пріѣздахъ, то я ихъ вовсе не буду разрѣшать «Листку».*

Французскій министръ народ. просвѣщенія «О задачахъ просвѣщенія» (зачеркнуто).

— *Посредствомъ «эволюціи» выродился и человекъ изъ обезьяны—«не такъ ли, г. Буржуа?»*

№ 205.

«Русс. печать» — цитата изъ «Новостей» по поводу корреспонденціи изъ «Свѣта» въ «Гражданинѣ» (зачеркнуто).

— *Не стоитъ того...*

№ 206.

«О чемъ говорятъ» (все зачеркнуто).

— *Заголовокъ «О чемъ говорятъ» требуетъ, думаю, чтобы были хотя какая-нибудь мысль! Тутъ ея нѣтъ и очень понятно почему: «ни о чемъ теперь никто не говоритъ». Нервдкая безсодержательность этихъ фельетоновъ обратила уже на себя вниманіе главнаго управленія.*

№ 209.

— Кажется, г. редакторъ ходилъ цѣлесообразнымъ ежедневное печатаніе поѣздозъ? Сегодня они, оказывается, не ходили...

Шарады Маркъярона (пропущены).

— Не хороши эти «замысловатости».

№ 211.

«Иностран. извѣстія»—о свиданіи Татишева со Стамбуловымъ (зачеркнуто).

— Какъ, однако, космополитиченъ и неблагопріятенъ для Россіи подборъ этихъ извѣстій. Весьма, весьма неладно составляется иностранный отдѣлъ.

№ 214.

Корреспонденція изъ Кишинева (зачеркнуто).

— Цензоръ не разъ просилъ и указывалъ, чтобы изъ отчетовъ о судебныхъ разбирательствахъ и происшествіяхъ не дѣлала бы редакція веселенькихъ «инцидентовъ» и фельетоновъ. Это не можетъ быть терпимо, и вся такого рода писанія, изъ-за одной формы и языка, будутъ систематически запрещены.

№ 216.

«О нищенствѣ въ Паргѣ» (зачеркнуто).

— У насъ и безъ того не мало мнимыхъ нищихъ.

№ 221.

«Колумбъ въ хпмін» (зачеркнуто).

— Неудобно печатать тѣ же статьи, да еще по такому курьезному случаю, какъ недавно истекшее (!) 35-тилѣтіе ученой дѣятельности не того лица, коего памяти хотятъ оказать вниманіе!!

«Заявленіе г. Борисова».

— Это надобно повиднѣе. Чего прячется-то съ правдой?

По поводу бесѣды высокопреосвященнаго Никанора, изъ «Сына Отечества» (зачеркнуто).

— Господинъ Буренинъ не такая личность, чтобы ее возможно было хоть сколько-нибудь сравнивать съ такими историческими людьми. Пусть его упражняется.

№ 222.

«Предстоящія работы думы»
(пропущено).

— Когда это все, однакоже, кончится? Пишется все это непоследовательно, безъ всякой разработки—ради того только, чтобы писать!!

«О чемъ говорить» (купюра).

— Весьма хороший отзывъ о церковно-приходской школѣ, но ему надобно подыскать и мѣсто не по сосѣдству съ трамваемъ и велосипедами.

№ 223.

«О чемъ говорить»—объявленіе изъ «Одесскаго Листка» (зачеркнуто).

— Это уже ради количества...

«Субботники или іудействующіе » (зачеркнуто).

— Мало ли у насъ сектъ и безъ того!

«Екатеринославъ»—о найденныхъ въ Днѣпрѣ серебряныхъ вещахъ (зачеркнуто).

— Когда будетъ объявлено, тогда и напечатается.

№ 224.

«Наука и жизнь» (отрѣзано изслѣдованіе о вѣтрахъ Пише).

— Насчетъ вѣтровъ предполагаемая теорія весьма спорная, и потому неудобна ея популяризація. Вообще относительно ученыхъ статей изъ міра физическаго я бы просилъ редакцію не увлекаться. Эта область— область не для популяризаціи...

«Иностран. извѣстія»—бесѣда корреспондента «New - York Herald» съ принцемъ Кобургскимъ (зачеркнуто).

— Кого можетъ изъ русскихъ интересовать этотъ самозванецъ въ его интимной обстановкѣ! «Это, вѣдь, не Наполеонъ I!»

№ 225.

«Къ 100-лѣтнему юбилею Николаева».

— Авторъ, кажись, задумалъ печатать въ «Листкѣ» исторію гор. Николаева, а этого рода произведенія въ газетахъ не печатаются. Въ газетѣ можетъ имѣть мѣсто, по тому или иному случаю, лишь сжатый историческій очеркъ въ главныхъ чер-

такъ—безъ всякихъ закулисныхъ подробностей. Цензоръ приглашаетъ поэтому на слѣдующемъ фельетонѣ покончить.

№ 226.

«Сказки жизни» (купюры).

— *Съ писаніемъ о Сычевскомъ пора уже и покончить, а то выходитъ какая-то странная демонстрація, ничѣмъ не объяснимая и ни на чемъ серьезномъ не обоснованная.*

№ 227.

«Русс. печать»—цитата изъ «Московскихъ Вѣдомостей» по поводу «Крейцеровой Сонаты» (зачеркнуто).

— *Тутъ, однако, весьма прозрачно затрагивается и высокопреосвященный...*

№ 228.

«Слово» о. Ремизова.

— *Сущая правда, за которую спасибо проповѣднику.*

«Антидинастическое движеніе въ Сербіи» (зачеркнуто).

— *Очень щекотливая матерія.*

«На Луцкихъ маневрахъ» (пропущено).

— *Плохой какой-то корреспондентъ, и потому предлагаю редакціи перепечатать изъ «Правительств. Вѣстника».*

№ 229.

«Русс. печать»—цитата изъ «Новостей» объ ограниченіи инородцевъ въ торговлѣ (зачеркнуто).

— *Никакихъ особыхъ ограниченій не предвидится.*

№ 230.

«Столѣтній юбилей гор. Николаева».

— *Что же здѣсь нигдѣ не упомянуто о произнесенной проповѣди высокопреосвященнаго? И какъ это редакція запоздала съ ея воспроизведеніемъ?*

№ 231.

«О чемъ говорятъ» (зачеркнуто).

— *Зачеркнутые столбцы какъ нельзя лучше доказываютъ, что этотъ отдѣлъ не можетъ «ежедневно» наполняться. Нѣтъ та-*

кого таланта, который бы могъ ежедневно быть содержателемъ на этой канвь. Приходится, следовательно, писать, лишь бы писать, а на этотъ счетъ цензоръ имѣлъ честь сдѣлать уже нужныя указанія, которыя въ данномъ случаѣ и подтверждаетъ. «О чемъ говорятъ» не будетъ отнынѣ дозволяемо чаще, «какъ черезъ день».

№ 233.

«Корреспонденція изъ Елисаветграда»—о погребеніи евреевъ (зачеркнуто).

— Объ этомъ надо ходатайствовать, а не писать.

«Дневникъ» — засѣданіе наблюдательнаго комитета общества покровительства животныхъ (зачеркнуто).

— Это засѣданіе нуждается въ подписи новаго предсѣдателя.

№ 234.

Корреспонденція изъ Николаева (зачеркнуто).

— Кому это неизвѣстно!

«Два слова о дѣтскихъ садахъ».

— Это похоже на то, какъ если бы, напримѣръ, человека, накормившаго голоднаго сытой пищей, упрекнутъ въ томъ, что онъ не угостилъ его черепашинымъ супомъ и пирожнымъ.

№ 236.

«О засѣданіи финансовой коммисіи по театральному вопросу» (зачеркнуто).

— Зачѣмъ это?

№ 237.

«Съ маневровъ на Волыни».

— Это описаніе слѣдуетъ помѣстить вслѣдъ за проповѣдью, а ее—за приличной передовой статьей. Господина же Маркьярона пригласите по этому случаю на 3-ю страницу!

«Вниманіе управы» (зачеркнуто купюра).

— Это одни слова.

№ 241.

«О физическомъ воспитаніи»
(не подписано).

— Во-первыхъ, человекъ—не животное, а, во-вторыхъ, это чисто медицинская статья, приличная развъ для медицинскаго журнала.

«Шарманщикъ» — Дешкина.

— Прекрасный разсказъ.

№ 248.

«Памяти В. Л. Грубера».

— Известно ли редакціи, что послѣ крушенія императорскаго поезда 17-го октября этотъ самый Груберъ лечилъ въ Харьковѣ пострадавшихъ нижнихъ чиновъ?

«О чемъ говорятъ» — къ театральному вопросу (сдѣлана большая цензорская вставка).

— Прошу засимъ покончить съ этимъ вопросомъ.

№ 249.

«Наши черноморскіе сосѣди» — передовая (зачеркнуто).

— Здѣсь, рядомъ съ Турціей, неполицитично и даже вредно писать такія статьи. Въдь мы находимся съ нею въ наилучшихъ отношеніяхъ.

«Иностран. извѣстія» — о магіакѣ Р. (зачеркнуто).

— Ну, кому это интересно?

№ 250.

«Къ отмѣнѣ законовъ о соціалистахъ въ Германіи» (зачеркнуто).

— По этому вопросу намъ подобаетъ быть очень умѣреннымъ.

№ 251.

«О томъ о семъ» Маркьярона.

— Такъ бы вотъ безъ личностей и всегда.

«Малый Листокъ» — «Съ натуры» Маркьярона.

— Замѣчательно хорошо.

№ 254.

«Малый Листокъ» — «Невидимки» (купура о Дешкинѣ).

— Это, кажется, «О чемъ говорятъ» подъ другимъ флагомъ, но и тутъ доказательство, мнѣ кажется, налицо, что «ежедневно поставляютъ фельетоны никто не въ состояніи».

«Порохъ» (купюра объ убійствѣ Владимировымъ своей возлюбленной).

— *Будетъ и своихъ.*

№ 257.

«Иностран. извѣстія» — о Стамбуловѣ и Татищевѣ изъ «Московск. Вѣдомостей» (зачеркнуто).

— *Говорятъ же что-нибудь «Московскія Вѣдомости» и отъ себя! Гдѣ же это?*

№ 261.

«Кишиневъ» (купюра о чудотворной иконѣ).

— *Эти свѣдѣнія слишкомъ отрывочны и не ясны. Икона, вѣдь, чудотворная, а объ этомъ не сказано ни слова!*

№ 262.

Корреспонденція изъ Херсона (зачеркнуто).

— *Это наборъ какихъ-то фразъ а не корреспонденція.*

«О чемъ говорятъ» (значительная купюра—«о скарлатинѣ»).

— *Это предисловіе очень сенсационнаго свойства; между тѣмъ безъ него дѣло гораздо больше выиграетъ.*

№ 263.

Корреспонденція изъ Елисаветграда (зачеркнута).

— *Что это за корреспонденція? Это поставка товара, а не корреспонденція, вызываемая жизнью. Наполнять столбцы такими корреспонденціями рѣшительно невозможно. На этотъ счетъ цензоръ готовъ дать всякія объясненія.*

«Отчетъ о денежныхъ суммахъ бактериологической станціи за треть 1890 г.» (зачеркнуто).

— *Лучше уже будетъ сдѣлать за весь годъ по его истеченіи.*

№ 265.

«Литературные очерки» Чуйко (большая купюра).

— *Въ нѣсколькихъ строкахъ можно начать и иначе, если угодно. Это хорошо сдѣлаетъ, надѣюсь, г. Фрейденбергъ.*

№ 266.

«О чемъ говорятъ» (²/₃ о театрѣ зачеркнуто).

— *По чьему это все адресу и за что? Самъ же авторъ говоритъ*

о безпристрастїи, а между тѣмъ въ 1½ столбца его исполнены личныя аллегорїи, изъ которыхъ предоставляется дѣлать выводы какіе угодно, но только не въ пользу того, кого они разумютъ... Печально!

№ 269.

«О чемъ говорятъ»—о дѣлѣ Іовановича (зачеркнуто).

— *Не мѣшайте, пожалуйста, священнодѣйствовать суду... Кажется, на этотъ счетъ можно уже было давно усвоить указанїя цензора, кои были даваемы неоднократно.*

№ 270.

«Журнальное обозрѣніе» Чуйко.

— *Нельзя ли просить г. обозрѣвателя быть пообъективнѣе и цитировать не одинъ только «Вѣстн. Европы» или «Русскую Мысль», а и прочіе весьма многіе журналы.*

«Дневникъ» — о дѣятельности нидерландско-американскаго пароходства (зачеркнуто).

— *На судъ и разберутся!*

№ 276.

«О чемъ говорятъ»—о состоянїи улицы и объ окраинахъ города.

— *Это можетъ пригодиться на завтра къ вечеру. Отсюда хорошо бы перейти на тему, общую мною г. редактору. Тогда будетъ, по крайней мѣрѣ, и содержаніе и польза. А то ничего, вѣдь, въ сущности тутъ не говорится. Вообще, прошу повнимательнѣе относиться къ этому отдѣлу и освоиться съ не однажды высказаннымъ мною мнѣніемъ, что отдѣлъ сей, по самой своей сути, не можетъ быть ежедневнымъ.*

«Русс. печать»—по поводу сампротнворѣчїя «Новаго Времени».

— *Зачѣмъ этотъ задоръ со столичными газетами безъ всякаго вызова съ ихъ стороны?*

«О составѣ государственнаго совѣта» изъ «Минуты».

О назначеніи командующаго войсками одесскаго округа.

О похищенномъ изъ тирапольской почтовой конторы денежномъ пакетѣ.

— *Къ чему это? Кромѣ того, тутъ пропасть вздора.*

— *Однако прошу подождать правительственныхъ извѣстій.*

— *Вѣрно ли это? Вчера это же было запрещено изъ сомнѣнія въ достовѣрности. Настойчивость редакціи доказываетъ, что свѣдѣнія ея вѣрны. Въ этихъ видахъ они и возстановляются цензоромъ, который предлагаетъ серьезно остановиться на этомъ условіи.*

№ 280.

«Русс. печать» — цитата изъ «Новостей дня» о даровыхъ мѣстахъ для представителей печати (зачеркнуто).

Объ обѣдѣ генералу Роопу въ военномъ собраніи (объ ожиданіи Роопа выброшено).

— *Это вопросъ мѣстный, столичный, никакого общественаго значенія не имѣющій.*

— *Это просто смѣшно!*

№ 281.

«Заживо погребенныя» (зачеркнуто).

— *О такихъ вещахъ неудобно распространяться въ газетахъ. Монастырь — учрежденіе замкнутое, духовное, и о порядкахъ въ немъ свѣтскимъ и вообще-то судить не приходится.*

№ 287.

«Корреспонденція изъ Елисаветграда» (слухъ о скарлатинѣ — зачеркнуть).

— *Нельзя всему вѣрять, что «говорятъ».*

№ 288.

«Письмо въ редакцію» — «Памяти Корвинъ-Павловскаго».

Передовая по поводу рѣчи Салисбюри (зачеркнуто).

— *Отчего не полная подпись?*

— *Нельзя этого желать... сказалъ рѣчь по адресу нашего Цесаревича, и въясливость требуетъ отвѣтить въясливостью.*

№ 290.

«О чемъ говорить» (пропущено).

— *Нельзя сказать, чтобы первый дебютъ былъ особенно удаченъ.*

№ 293.

«Иностран. извѣстія» — о бракоразводномъ дѣлѣ королевы Наталіи (зачеркнуто).

— *Пора это оставить.*

«О чемъ говорятъ» — по поводу ежегодной смертности отъ чахотки (зачеркнуто).

— *Не рано ли все это?*

№ 296.

«Теоретическая основа коховскаго леченія чахотки» (зачеркнуто).

— *Это совершенно специальная статья, не соответствующая программѣ изданія.*

«Сегодня» — святцы (зачеркнуто).

— *Это неудобно на ряду съ театромъ.*

№ 300.

«Чествованіе Гольда» (купюра).

— *Былъ ли этотъ юбилей разрѣшенъ официально? Очевидно, нѣтъ, и незачѣмъ поэтому такъ ужъ очень раздувать это товарищеское чествованіе.*

№ 301.

«Объ изслѣдованіи мокроты на коховскія бациллы» (зачеркнуто).

— *Скоро, кажется, вся хроника будетъ состоять изъ бактериологической станціи.*

№ 302.

«О чемъ говорятъ» (пропущено).

— *Вотъ это можно назвать вполне изящнымъ и интереснымъ наброскомъ. Автора «Баловницы» также поздравляю...*

Приведенныя выписки составляютъ достояніе только одной газеты. Не знаю, велись ли такіе же дневники вороничевскимъ цитатамъ остальными газетами; но достаточно, полагаю, ужъ и этихъ перловъ и адамантовъ, чтобы составить себѣ надлежащее представленіе объ изступленной дѣятельности этого фанатика своей профессіи. Даже само главное управленіе не стерпѣло и признало, наконецъ, нужнымъ поставить на видъ своему фавориту совершенную неумѣстность нѣкоторыхъ резолюцій его на корректурныхъ листахъ, возвращаемыхъ въ редакціи. «Выраженіе вашихъ возрѣній, — сказано въ предложеніи ему этого управленія, — какъ на ту или на другую статью, такъ и на общее направленіе изданія вы можете сообщать въ сдержанной и приличной формѣ редакторамъ

во время личныхъ объясненій съ ними, а не въ формѣ юмористическихъ замѣчаній на корректурахъ въ родѣ: «Эти доклады и въ мясоѣдѣ немислимы!» Подобныя резолюціи могутъ лишь безъ всякой пользы для дѣла обострить ваши отношенія къ редакціямъ».

Въ архивѣ дѣлъ одесской цензуры сохраняется, однако, еще одинъ драгоценный памятникъ продуктивной дѣятельности г. Воронича на пользу службы, оставить безъ вниманія который было бы грѣшно. Памятникъ этотъ—переписка его съ одной изъ симферопольскихъ типографій по поводу двухъ пустыхъ страницъ, сброшюрованныхъ въ началѣ и концѣ какого-то изданія вмѣстѣ съ дозволенными имъ, Вороничемъ, печатными листами этого изданія. Переписка эта заключена, какъ и остальные дѣла отдѣльнаго цензора, въ папку синяго цвѣта, носящую такую достопримѣчательную этикетку: «Дѣло о двухъ страницахъ бѣлой бумаги, неразрѣшенныхъ цензоромъ». Надо думать, что такого дѣла не сыскать въ архивахъ канцеляріи всего міра. И что, послѣ этого, представляютъ собою печальной памяти дореформенные цензоры, вродѣ упомянутого выше Красовскаго съ его «вольнымъ духомъ» и «грибами», Ахматова, остановившаго печатаніе учебника ариѳметики, потому что между цифрами какой-то задачи былъ поставленъ рядъ точекъ! Они блекнутъ передъ Вороничемъ—до такой виртуозности, какъ онъ, ни одинъ изъ нихъ не домыслился. Но всему бываетъ конецъ...

Послѣ неустанныхъ писаній моихъ и усилій самого Воронича «упорядочить одесскую прессу», главное управленіе по дѣламъ печати уразумѣло наконецъ, что попало съ нимъ впросакъ и что терпѣть долѣе такого субъекта значило бы компрометировать себя вмѣстѣ съ нимъ, а выкинутая имъ подъ конецъ штука, совершенно экстраординарнаго калибра, превзошедшая все до сего вытворенное имъ, окончательно подорвала довѣріе столь милостиво къ нему до сего относившагося начальства нашего.

Какъ разъ въ это время праздновалъ свой пятидесятилѣтній юбилей въ духовномъ санѣ архіепископъ одесскій и херсонскій Никаноръ, и вотъ въ репортерскомъ описаніи этого торжества, въ которомъ между прочимъ было сказано, что за молебномъ въ соборѣ были провозглашены протодіакономъ многолѣтія сначала Государю Императору и всему Царствующему Дому, а затѣмъ юбиляру,—Вороничъ прямо превзошелъ себя и въ безмѣрномъ запое своего «упорядоченія одесской прессы» дошелъ, что называется, до чертиковъ, забравовъ, ни съ того, ни съ сего, красными чернилами слова: «Государю Императору и всему Царствующему Дому»...

Долго терпѣвшій систематическія издѣвательства надъ собой редакторъ-издатель «Одесскаго Листка» Навроцкій ухватился, какъ утопающій за соломинку, за ниспосланный сжалившейся надъ

нимъ судьбой столь благопріятный случай и, захвативъ съ собой клочокъ драгоценной гранки съ цензурской пометкой, въ тотъ же день укатилъ съ нею и со веѣмъ громаднымъ ворохомъ забракованнаго для его газеты Вороничемъ матеріала въ Петербургъ. Съ такимъ козыремъ въ рукахъ онъ имѣлъ, конечно, большой шансъ на успѣхъ въ главномъ управленіи. И дѣйствительно, на третій день по его отъѣздѣ я уже получилъ отъ Теокистова слѣдующую срочную телеграмму: «Примите немедленно отъ Воронича на вашу цензуру «Одесскій Листокъ».

По возвращеніи своемъ Навроцкій рассказывалъ мнѣ, какъ происходило тамъ дѣло. Пока онъ излагалъ свое отчаянное положеніе и слезно умолялъ избавить его газету отъ цензуры безумца, Теокистовъ молча слушалъ его, но когда, въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ выложилъ предъ его очами гранку съ чудовищной пометкой, послѣдній вскочилъ съ своего мѣста, какъ ужаленный, и, нажавъ пуговку электрическаго звонка, потребовалъ къ себѣ Ади-каевского, которому тутъ же отдалъ приказаніе отправить мнѣ приведенную телеграмму. Такимъ образомъ, Навроцкому не понадобилось даже разворачивать всего прочаго привезеннаго имъ съ собой громоздкаго вороха съ документальными данными неистовства Воронича, такъ какъ значеніе ихъ сразу умалилось передъ вѣскимъ доказательствомъ, находившимся на ничтожномъ, но спасительномъ для него клочкѣ бумаги съ пометкою о многолѣтн.

Получивъ начальническую телеграмму, я въ вечеръ того же дня распорядился, чтобы корректурныя гранки нумера «Одесскаго Листка» слѣдующаго дня были доставлены ко мнѣ на цензуру. Въ редакціи, какъ мнѣ передавали, пришли въ неописанный восторгъ, узнавъ о такомъ успѣшномъ результатѣ поѣздки въ Петербургъ ихъ принцепала. Не предупрежденный о моемъ распоряженіи, Вороничъ былъ страшно пораженъ, когда узналъ на слѣдующій день, что «Одесскій Листокъ» вышелъ безъ его цензуры и распродается на улицахъ. Напяливъ на себя виць-мундиръ, — изъ котораго онъ, впрочемъ, никогда не вылѣзалъ, — онъ поскакалъ къ градоначальнику Зеленому заявить о случившемся, прося его принять мѣры къ конфискаціи самовольно, якобы, вышедшаго нумера газеты. Подняли на ноги инспектора типографій, литографій и т. п. заведеній П—на, всегда неимовѣрно усердствовавшаго и безъ пужды суетившагося статскаго совѣтника, поэта и кавалера абиссинскаго прозаическаго ордена «малой печати» и, къ слову сказать, заодно съ Вороничемъ постоянно работавшаго мнѣ во благо; но ни отъ кого ничего не могли добиться, такъ какъ, по данному мной подъ рукой *mot d'ordre*, веѣ держали пока въ секретѣ полученіе телеграммы и мое по ней распоряженіе. Да простить мнѣ Аллахъ мою невинную хитрость: я слишкомъ много вынесъ отъ этого «юродиваго съ лампадою», чтобы не имѣть права хоть ма-

лость потѣшиться и позабавиться надъ его пораженіемъ! Я намѣренно пришелъ въ тотъ день въ комитетъ позднѣй обыкновеннаго. Тамъ давно поджидали моего прибытія съ нетерпѣніемъ и слѣдили за возрастающимъ волненіемъ Воронича, приказавшаго секретарю заготовить телеграмму къ отправкѣ начальнику главнаго управленія съ жалобой на мой «своевольный поступокъ». Не успѣлъ я переступить порогъ, какъ онъ обратился ко мнѣ съ шипящей отъ злобы фразой: «Позвольте узнать, на какомъ основаніи вы изволили принять на себя цензурованіе «Одесскаго Листка»?»

Надо замѣтить, что фигура у этого господина была довольно внушительная, а лицомъ онъ напоминалъ, какъ многіе находили, неудачный бюстъ Пушкина, красующійся на Николаевскомъ бульварѣ въ Одессѣ—такой же бритый, съ такими же бакенбардами и съ такою же прическою.

Молча въ отвѣтъ ему вынулъ я изъ бокового кармана моего сюртука фатальную для него телеграмму и передалъ ему ее. Французы называютъ такіе моменты—*coup de théâtre*, что какъ нельзя болѣе подходило къ данному положенію. Эффектъ былъ полный: Вороничъ, прочитавъ телеграмму, побагровѣлъ отъ безсильной злобы и хотѣлъ было тотчасъ удалиться, но давно точившій на него зубы секретарь комитета Ж—овъ остановилъ его ехиднымъ вопросомъ:

— А что же заготовленную телеграмму прикажете отправить начальнику?

Какъ ошпаренный, выскочилъ онъ за двери, бросивъ сверкающій гнѣвомъ взглядъ на невинно улыбаващагося вопрошателя...

Послѣ этого инцидента Вороничъ не долго уже оставался въ Одессѣ и въ февралѣ 1891 г. онъ былъ отозванъ въ Петербургъ. Но прежде, чѣмъ покончить съ этой типичною и жалкою личностію, я считаю небезынтереснымъ дополнить мой очеркъ нѣсколькими строками описанія отношеній Воронича къ архіепископу Никанору, на котораго онъ неоднократно указываетъ съ особеннымъ благоговѣніемъ въ своихъ неподражаемыхъ «резолюціяхъ», на гранкахъ «Одесскаго Листка» и юбилей котораго былъ косвенной причиною его низверженія.

Страненъ былъ этотъ архіерей. Въ Одессу онъ прибылъ, кажется, изъ Уфы, сильно разстроенный нервами, раздражительный и больной. Самъ онъ въ посмертныхъ запискахъ своихъ, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1906 г., называетъ недугъ свой «нытьемъ нервъ». Часто, читая на богослуженіяхъ молитвы, онъ прерывалъ ихъ душнвыми его слезами, утирая ихъ шелковымъ платкомъ краснаго цвѣта и вызывая такими необычайными паузами томительное недоумѣніе среди молящихся.

Музыкально образованный и как автор многих духовных нѣсполнѣній, онъ заставлялъ разучивать ихъ своей архіерейскій хоръ и во время служеній помахивалъ свѣчой, какъ регентской палкой. Эти духовныя композиціи его значительно, однако, уступали произведеніямъ такихъ великихъ мастеровъ этого рода произведеній, какими были Бортнянскій, Турчаниновъ и Львовъ, но онъ ихъ почти изгналъ изъ репертуара своихъ нѣвчнхъ и требовалъ отъ послѣднихъ изученія его собственныхъ твореній. Какъ проповѣдникъ, онъ пользовался извѣстностью, но произнесенныя имъ съ одесской кафедрой проповѣди отличались или фельетонною живизью, въ которую онъ влеталъ все, кромѣ церковныхъ поученій и богословской эрудиціи, или крайнею безтактностью. Да и самая дикція его и манера говоренія ихъ были невозможны: онъ то повышалъ голосъ, то понижалъ его чуть не до шопота и, читая скороговоркой изъ тетради, обыкновенно довольно объемистой, нервно перелистывалъ ее и опускалъ по нѣсколько страницъ изъ написаннаго имъ въ ней. Я незнакомъ съ прежними его проповѣдями, а потому и не могу судить объ ихъ достоинствѣ, но то, что я лично слышалъ, или то, что было представляемо газетами на цензуру, нисколько не говорило въ пользу созданной ему репутаціи духовнаго витіи. Въ подтвержденіе этого могу привести нѣсколько примѣровъ.

Такъ, однажды, будучи приглашенъ желѣзнодорожнымъ начальствомъ для освященія вновь отстроеннаго великолѣпнаго вокзала въ Одессѣ, онъ въ словѣ своемъ неодобрительно отозвался о желѣзнодорожныхъ путяхъ сообщеніяхъ, считая ихъ почему-то главной причиной упадка народной поэзіи... Въ другой разъ, на какомъ-то торжествѣ въ городской думѣ, онъ неожиданно напустился на православныхъ представителей города, упрекая ихъ въ маловѣрїи и совѣтуя имъ брать себѣ въ примѣръ евреевъ, которые твердо придерживаются обычаевъ и сильны въ вѣрѣ предковъ своихъ. По поводу этой никапоровской проповѣди архіепископъ тверской Савва говоритъ въ запискахъ своихъ («Русскій Архивъ» 1 января 1910 г.) такъ: «Какъ онъ смазалъ русскую честь и народность! Неужели все это пройдетъ? Кого прославилъ и восхвалилъ? Жидовъ! Немудренно, что жиды теперь преподнесутъ ему много томный Талмудъ. Библія уже поднесена».—Еще разъ, совершая богослуженіе въ храмовой праздникъ университетской церкви, онъ обратился тамъ къ студентамъ съ рѣчью, въ которой заявилъ имъ, что ихъ неправильно учать, доказывая по Дарвину о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Совершая тамъ же молебенъ въ памятные дни Пушкинскаго юбилея, онъ вдругъ выбралъ великаго поэта, назвавъ его атеистомъ и богоотступникомъ. Пораженный такой его выходкой, ректоръ университета Ярошенко, какъ рассказывалъ мнѣ профессоръ Ш., обратился къ присутствовавшему при этомъ генералъ-губернатору Рюпу и на ухо выразилъ ему свое опасеніе,

чтобы такія слова Никанора не вызвали безцеремоннаго протеста, въ видѣ шканія и свиста, со стороны находящихся въ церкви студентовъ. Курьезнѣе всего то, что этотъ врагъ Пушкина, какъ оказалось потомъ, по завѣщанію своему, оставилъ тому же университету портретъ охаяннаго имъ поэта!..

Здѣсь у мѣста будетъ отмѣтить, что Пушкину въ Одессѣ вообще не повезло. Изъ разсказа М. В. Шимановскаго, помѣщеннаго въ сборникъ статей «Изъ прошлаго Одессы», изданномъ по моей инициативѣ покойнымъ одесскимъ городскимъ головой Маразли и составленнымъ Л. М. де-Рибасомъ въ 1894 г., въ годъ празднованія столѣтія Одессы, видно, что и другой сановникъ, но не духовнаго званія, а именно 90-лѣтній генераль-адъютантъ графъ А. Г. Строгановъ, посившій званіе «вѣчнаго гражданина города Одессы» и жившій тогда въ ней на покой, отнесся также къ памяти бѣднаго поэта неодобрительно, но съ другой точки зрѣнія.

«Я книжальщикамъ памятники не ставлю!.. Я до этого еще не дошелъ!.. Вы читали «Книжаль»—это гениальное произведеніе? Не читали, такъ прочтите... совѣтую... Памятникъ?! Что полиція смотреть, что она дѣлаетъ? Подписка!.. И кому? Я въ подпискѣ на памятникъ книжальщику участвовать не могу...»—отчеканилъ этотъ угрюмый и надменный старецъ и отпустилъ ни съ чѣмъ до крайности пораженныхъ его пріемомъ сборщиковъ на памятникъ поэту. Шимановскій говоритъ:

«Я ожидалъ много странностей отъ графа Строганова, но я положительно не могъ допустить, чтобы онъ и послѣ 50 лѣтъ со дня смерти А. С. Пушкина могъ смотрѣть на него глазами современника, старата боярина, не признавашаго въ поэтѣ гениальности и даже человѣческаго достоинства. Заявленіе же графа; «что смотреть полиція?»—разу нарисовало мнѣ образъ старата барина, который застылъ, такъ сказать, въ условіяхъ жизни давно минувшихъ дней, не зная и не интересуясь тѣмъ, что и какъ дѣлается въ настоящее время...»

Для полной характеристики этого «застывшаго барина»¹⁾ не лишне будетъ привести мнѣніе о немъ Пирогова, бывшаго въ то время попечителемъ одесскаго учебнаго круга и завѣдывавшаго цензурой. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» знаменитый хирургъ говоритъ: «Былъ же такой генераль-губернаторъ, какъ графъ А. Строгановъ въ Одессѣ, который мнѣ говорилъ, что подъ каждой печатною стро-

¹⁾ Служившій въ общ. пар. и торг. камеръ-юнкеръ. Бларамбергъ разсказывалъ мнѣ, что гр. Строгановъ, оказывавшій ему особенное довѣріе, незадолго передъ смертію своею призвалъ его къ себѣ и, давъ ему семь наглухо задѣланныхъ ящиковъ изъ дубоваго дерева, въ которыхъ находились разные фамиліальные и служебные документы и бумаги, имѣющіе, несомнѣнно, большой интересъ, взять съ него слово, что онъ велитъ выбросить эти ящики въ самомъ глубокомъ мѣстѣ Чернаго моря, что Бларамбергъ и исполнилъ не безъ сожалѣнія.

кою въ Россіи онъ мысленно читаль подпись: Александръ II. Неужели же и это уродство генераль-губернаторской фантазіи не есть еще для насъ ein überwundener Standpunct!»

Въ довершеніе ко всѣмъ выпавшимъ на долю Пушкина загвоздкамъ надо добавить, что, къ сожалѣнію, и самъ памятникъ, сооруженный гражданами города Одессы великому поэту, бюстъ котораго сдѣланъ по модели вдовы поэта Полонскаго, какъ я уже имѣлъ случай сказать, оказался неудачнымъ.

Но возвращаюсь къ проповѣдямъ Никанора.

Полагаю, что достаточно и приведенныхъ примѣровъ его проповѣдничества для составленія себѣ нелестнаго понятія объ его дарѣ, а между тѣмъ этимъ не все еще сказано. Верхомъ безтактности и неприличія была рѣчь, произнесенная имъ, при объѣздѣ вѣрбеной ему епархіи, въ городѣ Елисаветградѣ. Рѣдко имѣющіе случай видѣть архіерейское богослуженіе обыватели этого города, узнавъ о пріѣздѣ прославленнаго проповѣдника и новаго архимандрита своего, во множествѣ стекались въ соборъ, чтобы послушать его и получить его святительское благословеніе. И вотъ, по окончаніи богослуженія, выходитъ Никаноръ изъ царскихъ вратъ и, окинувъ взглядомъ молящихся, озадачиваетъ ихъ вопросомъ: зачѣмъ они прибыли въ храмъ Божій? и велѣдъ засимъ сталъ доказывать, что они пришли не изъ религіознаго побужденія, а изъ простаго любопытства, чтобы поглазѣть на незнакомое имъ зрѣлище архіерейскаго богослуженія и послушать пѣніе хора его пѣвчихъ.

— Вообще, — продолжалъ онъ въ своей заборной рѣчи, — русскій народъ никогда не отличался истиннымъ религіознымъ чувствомъ, да и гдѣ бы ему набраться его, когда и сами цари не показывали ему въ томъ примѣра. Такъ, Петръ Великій преслѣдовалъ монашество и по цѣлымъ почамъ пировалъ съ своими иностранными приверженцами на богомерзкихъ ассамблеяхъ своихъ; Екатерина II была вольтеріанка; Николай I питалъ слабость къ маскарадамъ и зачастую возвращался съ нихъ во время заутренняго благоуѣста, а вотъ Александръ II, полюбивъ княжну Екатерину Долгорукую, окончилъ жизнь свою мученическою смертію на Екатерининскомъ каналѣ, — и прочее въ такомъ родѣ...

Нечего и говорить, что такого пошиба проповѣдь не могла остаться не замѣченной, и о ней генераль-губернаторъ Роопъ, давно точившій зубы на Никанора за то, что тотъ однажды выслалъ къ нему изъ алтаря протодіакона съ просьбой не нарушать своимъ разговоромъ благочинія въ храмѣ, не преминулъ донести Побѣдоносцеву, прося его убрать черезчуръ развязнаго на языкъ проповѣдника изъ Одессы. Въ отвѣтъ своемъ при снопамъ тн ы й оберъ-прокуроръ св. синода, хотя и выразилъ свое неодобреніе этой безтактной проповѣди Никанора, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ понять Роопу, что въ виду прошлыхъ заслугъ этого ар-

хиерея онъ считаетъ невозможнымъ уважить просьбу о перемѣщеніи его, да и вообще полагаетъ, что ему, Роопу, какъ шовѣрцу (онъ былъ реформатскаго вѣроисповѣданія), не подобаетъ вторгаться въ неподлежащія его компетенціи дѣла. Съ своей стороны, и ни передъ чѣмъ не останавливавшійся ради наживы на розничной продажѣ редакторъ-издатель «Новороссійскаго Телеграфа» Озмидовъ поспѣшилъ представить на мое разрѣшеніе эту сенсаціонную архіерейскую проповѣдь и былъ очень недоволенъ, когда я не разрѣшилъ ее для его газеты, но на сей разъ счелъ, однако, благоразумнѣе не прибѣгать къ обычному приему своему—жаловаться на мой запретъ главному управленію по дѣламъ печати.

Вотъ съ этимъ-то архіереємъ у Воронича установились наилучшія отношенія. По духовному ли средству, по сходству ли въ характерахъ, или вообще по влеченію своему къ служителямъ церкви, но между нимъ и Никаноромъ вскорѣ зародилась большая пріязнь, и послѣдній называлъ его не иначе, какъ кратко по имени—Климентомъ. Это, впрочемъ, надо замѣтить, не помѣшало этому преосвященному сдѣлать однажды на присланной ему изъ услужливости Вороничемъ рукописи, подъ заглавіемъ: «Мѣры въ борьбѣ со штундой», такую нелюбезную надпись: «Читать мнѣ некогда, да и не обязанъ. Отошлите въ Москву или въ Петербургъ въ духовно-цензурный комитетъ». Во время совершаемыхъ Никаноромъ торжественныхъ богослуженій въ соборѣ Вороничъ пользовался привилегіей находиться въ алтарѣ, откуда появлялся только къ началу молебна и, ставовясь рядомъ со мной, приводилъ каждый разъ всѣхъ въ недоумѣніе своимъ появленіемъ изъ алтаря, а меня въ немалое смущеніе и негодованіе. И могъ ли ожидать покойный архіерей, что послѣ такого трогательнаго единенія любезный ему Климентъ подведетъ его такъ нещадно, какъ это случилось, и оправдаетъ этимъ на себѣ басню объ опасной услужливости! Случилось же это передъ самой кончиной Никанора, умершаго отъ рака въ желудкѣ, и было оно такъ. За нѣсколько дней до смерти своей Никаноръ сдѣлалъ распоряженіе о совершеніи надъ нимъ таинства соборованія. Весь синклитъ мѣстнаго чернаго и бѣлаго духовенства, во главѣ съ обоими викарными епископами, собрался въ покояхъ умирающаго для совершенія надъ нимъ этого таинства, и въ числѣ присутствовавшихъ, къ изумленію всѣхъ, находилась женщина! Женщина эта была жена Воронича, которую онъ, ничтоже сумняшася, привелъ съ собой, не стѣсняясь тѣмъ, что при столь строго-келейномъ таинствѣ у монашествующихъ, а тѣмъ болѣе у архіереевъ, никакія постороннія лица—о женщинахъ и говорить нечего—не имѣютъ права находиться даже въ сосѣдней комнатѣ. Но на этомъ онъ не остановился. На другой день появилось въ «Одесскомъ Листкѣ» описаніе архіерейскаго соборованія, напечатанное крупнымъ шрифтомъ и на видномъ мѣстѣ, гдѣ въ числѣ перечисляемыхъ лицъ,

находившихся при этомъ, значилась Вороничъ съ его супругой. Чувствуя себя нѣсколько бодрѣй послѣ совершеннаго надъ нимъ таинства и узнавъ о появившемся въ печати описаніи, Никаноръ поинтересовался узнать, въ какомъ видѣ оно появилось въ печати, и когда ему прочитали то мѣсто, гдѣ упоминается о супругѣ отдѣльнаго цензора, и сказали, что авторъ этой статьи не кто иной, какъ самъ Вороничъ, онъ пришелъ въ ужасъ и въ сильнѣйшемъ волненіи воскликнулъ:

— Спасибо Клименту—вотъ такъ удружили, никогда не забуду!

Нѣсколько дней спустя Никаноръ скончался, унося съ собой въ загробную жизнь горькое разочарованіе о своемъ любезномъ Климентѣ, которому были переданы послѣднія слова о немъ покойнаго. Умирающій архипастырь передъ смертью велѣлъ похоронить себя въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ у лѣваго придѣла его. У противоположнаго праваго придѣла находится гробница знаменитаго духовнаго витія и мощнаго оратора Иннокентія, архіепископа херсонскаго и одесскаго, 50-лѣтній юбилей смерти котораго такъ торжественно былъ помянутъ одесской епархіей въ 1907 г. и съ дѣйствительнымъ даромъ слова и проповѣдническимъ талантомъ котораго у Никанора не было рѣшительно ничего общаго.

Что же касается реформатора одесской прессы, то неувыдаемая слава его навсегда запечатлѣлась въ сказаніяхъ о немъ, какъ «притча во языцахъ», и въ памяти дѣятелей печати Южной Пальмиры она, несомнѣнно, передастся потомству въ видѣ чудовищнаго явленія безвозвратно минувашаго, хотя еще и очень недавняго отъ насъ времени... Глубоко ошибется, однако, тотъ, кто подумаетъ, что «сказкѣ сей насталъ конецъ» и что можно ей поставить точку. Увы! она имѣла для насъ еще свой неожиданный эпилогъ...

Спровадивъ достославнаго сверхцензора изъ Одессы, мы стали поджидать замѣстителя его, и вскорѣ я получилъ извѣщеніе, что временно назначенъ исправлять должность отдѣльнаго цензора И. М. Литвиновъ, бывшій цензоръ драматическихъ произведеній при главномъ управленіи по дѣламъ печати, скончавшійся въ 1906 г. въ званіи члена совѣта этого управленія. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Одессѣ и оставивъ по себѣ наилучшее воспоминаніе, какъ между сослуживцами своими, такъ и между всѣми, съ кѣмъ ему приходилось имѣть за это время дѣло, покойный И. М., въ свою очередь, былъ замѣщенъ О. І. Л—омъ, назначеннымъ уже къ намъ постояннымъ отдѣльнымъ цензоромъ по внутренней цензурѣ.

Какъ тотъ, такъ и другой были люди нормальные; образованные, здраваго ума и направленія и послѣ испытанной прелести сослуженія съ такимъ феноменомъ отъ цензуры, какимъ былъ Вороничъ, мы уже было стали забывать непріятный кошмаръ, какъ

вдругъ посыпались на насъ словно изъ рога изобилія несуразнаго свойства замѣчанія изъ главнаго управленія, по стилю и духу своему сильно напоминавшія развѣщаннаго героя нашего. Въ недоумѣннн спрашивали мы себя: откуда намъ сіе и неужто живъ курилка? Загадка недолго оставалась неразгаданной для насъ, такъ какъ очень скоро постѣ того оказалось, что, премудрымъ велѣніемъ начальства нашего, разбитый кумиръ былъ снова водруженъ на подобающій по его заслугамъ высокій пьедесталь — ему было поручено оберъ-цензорство и контролерство не только надъ одесской прессой, отъ завѣдыванія которой онъ такъ позорно былъ только что удаленъ, но и надъ прессой всего южнаго района Россіи, а слѣдовательно и надъ нами, грѣшными!.. Привычные ко всякимъ служебнымъ пертурбаціямъ и сюрпризамъ, мы, признаюсь, ужъ никакъ не ожидали такого ошеломительнаго камуфлета! Нашему пониманію представлялось немислнмымъ возстановленіе единогласно забракованнаго въ трехъ комитетахъ и признаннаго негоднымъ высшимъ учрежденіемъ нашимъ чиновника, да еще съ бѣльшими, чѣмъ прежде, правами, тѣмъ же правосуднымъ учрежденіемъ! Но такова бываетъ подчасъ пронія судьбы, съ которой volens nolens приходится въ жизни считаться!..

Чтобы составить себѣ представленіе о тѣхъ писаніяхъ, которыя нежданно-негаданно посыпались на насъ со стороны главнаго управленія по дѣламъ печати и на которыхъ лежалъ явный отпечатокъ творчества Воронича въ его новой роли, приведу здѣсь нѣсколько образчиковъ этихъ произведеній неподражаемаго пера его.

Цензоромъ Л—томъ были дозволены «Одесскому Листку» три фельетона, въ которыхъ, по мнѣнію главнаго управленія по дѣламъ печати, «оскорбляются добрые нравы и благопристойность».

Въ первомъ изъ этихъ фельетоновъ, подъ заглавіемъ «Старый швейцаръ», воспроизводится авторомъ этого фельетона Дешкинымъ разсказъ о понужденіи помѣщицею своего крѣпостнаго лакея къ вступленію съ нею въ любовную связь и о томъ, какъ этотъ цѣломудренный лакей не соглашался удовлетворить желаній своей помѣщицы, за что былъ сданъ ею въ солдаты. Вторая часть фельетона этого посвящена біографическимъ подробностямъ того же лакея, который по выходѣ въ отставку, находясь въ должности швейцара у нѣкаго графа Шатилова и ненавидя послѣдняго за его крутой нравъ, усердно оберегалъ отъ его наблюденій свиданія самой графини съ ея любовникомъ-офицеромъ, котораго однажды даже спряталъ въ своемъ помѣщеніи, чтобы только онъ не попался на глаза ранѣе обыкновеннаго пріѣхавшему изъ клуба графу.

Во второмъ фельетонѣ—«Разсыпанные дары»—представляются, по мнѣнію вышеназваннаго управленія, «болѣе чѣмъ неумѣстныя аллегоріи сврейскаго автора этого фельетона о святыхъ православной церкви—архантлахъ и англахъ. По его словамъ, въ ночь подѣ

новый годъ одни изъ ангеловъ несутъ на землю болѣе строгую вѣру, другіе—мѣняющіеся свободные нравы, короче—все то, чѣмъ бѣдное человѣчество въ теченіе года будетъ жить и чѣмъ оно будетъ волноваться». Это мѣсто фельетона носитъ, по мнѣнію главнаго управленія, характеръ прямого кощунства надъ христіанскими вѣроисповѣданіями.

Третій фельетонъ, написанный тѣмъ же авторомъ, что и первый, и озаглавленный: «Уроки готовить», уснащенъ эпитетами: «чортъ съ тобой», «болванъ», «дуракъ», «осель» и посвященъ ссорѣ брата-гимназиста съ сестрой-гимназисткой, окончившейся тѣмъ, что «мстительный братъ предательски заготовилъ бумажную стрѣлку и пустилъ ею въ щеку занятой уроками сестры, которая разрыдалась отъ нестерпимой боли и ушиба; виновникъ же ея горя нагло отрекся отъ своего поступка и всю вину свалилъ на сестру же».

Получивъ замѣчаніе за пропускъ означенныхъ фельетоновъ, Л—тъ развелъ только руками, не зная, что отвѣтить ему на это главному управленію, но, собравшись съ духомъ, онъ состряпалъ въ сердцахъ поистинѣ достойную запросу отвѣдь. Вотъ она вкратцѣ:

«Въ разсказѣ «Старый швейцаръ» нѣтъ подробнаго описанія сценъ о понужденіи помѣщицею своего крѣпостного лакея къ вступленію съ нею въ любовную связь. Старый швейцаръ говоритъ слѣдующія слова: «Начала меня барыня отличать, потачки давать, къ себѣ зазывать, а потомъ и на грѣхъ стала подговаривать». Авторъ не употребляетъ даже слова «связь», а словомъ «грѣхъ» рельефно очерчиваетъ безнравственность поступка помѣщицы. Старый швейцаръ предпочитаетъ богатству и волѣ сохраненіе своей «чести», хотя бы и цѣною отдачи въ солдаты. Этотъ эпизодъ совершенно аналогиченъ съ исторіей о Іосифѣ Прекрасномъ и женѣ Пентефрія, исторіей, служащей примѣромъ цѣломудрія и заучиваемой дѣтми въ младшихъ классахъ гимназій. Осмѣливаюсь присовокупить, что одно только упоминаніе о прелюбодѣяннн въ произведеніи изящной словесности я не считалъ достаточнымъ поводомъ къ запрещенію такого произведенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы не имѣли бы въ русскомъ переводѣ ни великихъ твореній Шекспира: «Мѣра за мѣру», «Гамлета принца датскаго» и друг., ни «Капитанской дочки» Пушкина, ни «Анны Карениной» Толстого, ни «Пугачевцевъ» графа Саліаса, однимъ словомъ, ничего того, что нынѣ составляетъ гордость и славу русской литературы.

«Относительно же фельетона «Разсыпанные дары» почтительнѣйше осмѣливаюсь обратить вниманіе на то обстоятельство, что фельетонъ этотъ переведенъ съ нѣмецкаго языка (что указано въ заголовкѣ), и авторъ не подписанъ (имѣется подпись переводчика), вслѣдствіе чего я не могу допустить, чтобы нѣмецкій авторъ имѣлъ въ виду именно святыхъ православной церкви. Разрѣшая этотъ фельетонъ, я былъ далекъ отъ мысли, что допускаю кощунство надъ христіан-

скими вѣрованіями. Въ утвержденіи, что «одни ангелы несутъ болѣе строгую вѣру», я видѣлъ только исполненіе молитвъ нашихъ объ искорененіи въ насъ духа сомнѣнія, т. е. дарованіи болѣе строгой вѣры. Слова «о мѣняющихся свободныхъ нравахъ» нельзя не признать туманнымъ выраженіемъ мысли автора, который, очевидно, имѣлъ въ виду «добрые нравы», если только допустить, что «свободные» нравы являются «мѣняющимися».

«Въ заключеніе имѣю честь донести, что при разрѣшеніи статей беллетристическаго содержанія я имѣлъ въ виду, что главное управленіе ставило на видъ одному изъ моихъ предшественниковъ (Вороничу), что сей послѣдній въ примѣненіи цензурной строгости руководствуется «личными воззрѣніями, не оправдываемыми дѣйствующими по цензурѣ законоположеніями и правительственными распоряженіями, и предлагаетъ ему относиться къ статьямъ беллетристическаго содержанія съ наибольшею законною снисходительностью и безпристрастіемъ».

Преодоливъ объясненія по предложеннымъ ему запросамъ объ основаніяхъ пропуска имъ сказанныхъ двухъ фельетоновъ, Л—тъ никакъ не могъ приложить ума, что ему отвѣтить по поводу фельетона о «мстительномъ гимназистѣ».

— Ну, что я имъ могу отвѣтить на такую безмѣрную нелѣпность?—спрашивалъ онъ меня, внѣ себя отъ волненія.

— Если вы желаете знать мое мнѣніе,—сказалъ я ему:—то принесите имъ полную повинную въ этомъ страшномъ преступленіи вашемъ. Повѣрьте, что Θεоктистовъ настолько уменъ, что тотчасъ пойметъ всю глубину ирони такой повинной и она откроетъ ему глаза на то, какъ его подводятъ.

Л—тъ такъ и сдѣлалъ. Онъ написалъ: «Что касается допущеннаго мною фельетона «Уроки готовятъ», посвященнаго ссорѣ брата-гимназиста съ сестрой-гимназисткою, окончившеюся тѣмъ, что братъ пустилъ бумажную стрѣлку въ щеку занятой уроками сестры, то, сознавая всю предосудительность поступка мстительнаго гимназиста, я затрудняюсь дать какое-либо объясненіе по этому предмету и принимаю къ должному руководству указанное мнѣ главнымъ управленіемъ упушеніе».

И я не ошибся. Бывшій профессоръ и редакторъ органа министерства народнаго просвѣщенія не только понялъ соль смиренной повинной Л—та, но когда послѣдній, выведенный въ конецъ изъ терпѣнія не прекращавшимися безсмысленными замѣчаніями, явился лично въ Петербургъ къ Θεоктистову и изложилъ ему истинную причину ихъ, то послѣдній продѣлалъ то же, что было продѣлано имъ въ присутствіи Навроцкаго: онъ придавилъ пуговку электрическаго звонка и велѣлъ курьеру позвать Адикаевского, которому категорически приказалъ при Л—тѣ устранить разъ навсегда Воронича отъ всякаго касательства къ дѣламъ одесской цензуры.

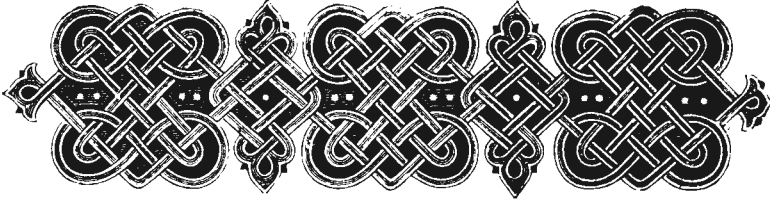
Не могу здѣсь не отдать дань справедливости покойному Θεоктистову: онъ былъ человѣкъ недожиннаго ума и когда вникалъ въ дѣло, то резолюціи его отличались всегда безпристрастіемъ и вѣрностію взгляда. Но онъ имѣлъ тотъ недостатокъ, что былъ крайне лѣнивъ, чѣмъ и пользовались во зло окружающіе его. Не любя засиживаться въ главномъ управленіи и постоянно откладывая разсмотрѣніе разныхъ слѣбныхъ дѣлъ, онъ приказывалъ обыкновенно присылать ихъ къ себѣ на домъ въ воскресенье и праздничные дни, и вотъ тогда-то, желая сбыть какую-нибудь хитроумную бумагу, ему подсовывали ее обыкновенно съ массою накопившихся за недѣлю другихъ докладовъ, и онъ подмахивалъ все на вѣру, тяготясь обстоятельнымъ просмотромъ накопившагося бумажнаго вороха. Зато, если какое-либо дѣло возбуждало въ немъ интересъ, то онъ умѣлъ проявить свою усидчивость и даровитость пера, доказательства чего будутъ приведены мною въ своемъ мѣстѣ.

Мнѣ остается добавить къ повѣствованію моему о легендарномъ цензорѣ и «инструкторѣ» нашемъ Климентѣ Вороничѣ, что на сей разъ пѣсенка его была на самомъ дѣлѣ безповоротно слѣта, и мы никогда больше ничего о немъ не слышали.

А. Е. Егоровъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ЛУЧАХЪ ЗВѢЗДЫ ПЛАМЕНЬЮЩЕЙ ¹⁾.

(Историческая повѣсть).

XIX.

ВТОРОГО декабря были торжественно перенесены останки Петра III съ особо учрежденною церемоніею, на одрѣ, запряженномъ восемью лошадьми, изъ Невскаго монастыря во дворець, а пятого числа съ восьми часовъ утра войска расположены были по обѣимъ сторонамъ дороги отъ Зимняго дворца до Петропавловскаго собора. Подъѣхали двѣ колесницы, запряженные восьмерикомъ. Лошади были покрыты чернымъ сукномъ до земли, у каждой стоялъ и держалъ ее подъ уздцы подполковникъ. При перезвонѣ колоколовъ и звукахъ траурной музыки вынесли сначала гробъ императрицы изъ дворца, а за нею гробъ Петра Федоровича. Показался Павелъ Петровичъ съ Маріей Федоровной, паслѣдникъ съ супругою и вся императорская фамилія, церемоніймейстеры, гофмаршалы, послы, весь генералитетъ—въ мундирахъ новаго образца, въ звѣздахъ, въ треуголкахъ, въ мантияхъ. Потянулась процессія—покойная императрица впереди, вторично погребаемый императоръ позади.

Громыхнула пушка. Черезъ минуту другая. Пушечные выстрѣлы продолжались ежеминутно во все время шествія процессіи.

Когда же гробы прибыли въ Петропавловскій соборъ и на великолѣпномъ, устроенномъ архитекторомъ Бреномъ катафалкѣ были

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХVII, стр. 67.

поставлены останки августѣйшей четы и началось погребальное служеніе, загремѣла непрерывная пушечная пальба, подобно ружейному бѣглому огню, и продолжалась до окончанія отпѣванія.

Императоръ поклонился праху родителей. Изъ-подъ его печальной мантии, когда онъ склонился, поднялся сзади его налашъ. Потомъ онъ быстрымъ движеніемъ сбросилъ мантию и тревожно направился къ выходу. Онъ вспомнилъ, что на Мплліонной улицѣ его ожидаютъ войска, собравшіяся для парада.

Алеша, усталый и измученный, зашелъ, послѣ нѣкотораго колебанія, къ Меркуловымъ. Дверь, раскрашенная въ черную, бѣлую и оранжевую краску, наподобіе шлагбаума, уже высохла. Но на высотѣ человѣческаго роста видѣлся еще отпечатокъ четырехъ пальчиковъ. Алеша не могъ объяснить себѣ, почему ему пріятно было увидѣть этотъ отпечатокъ. Онъ позвонилъ и, какъ въ тотъ разъ, дверь таинственно раскрылась.

Было холодно, а Сонюшка выскочила на верхнюю площадку лѣстницы.

— Я посмотрѣла въ окно, кто звонить, и увидѣла васъ, сударь, должно быть, потому, что васъ-то и надо!

Алеша быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ.

— Всѣ ли у васъ въ добромъ здоровьѣ?—спросилъ онъ.

— Мамаша выздоровѣла, давно уже ходить, а гражданинъ вселенной, какъ называютъ батюшка моего новаго брата, сейчасъ кричить, такъ какъ его купають. Какъ интересно громыхали пушки!—продолжала Сонюшка, введя Алешу въ бібліотеку съ берестовою мебелью.—Вы сейчасъ откуда?

— Я съ парада.

— А не съ похоронъ?

— Похороны будутъ еще черезъ двѣ недѣли, а теперь было перенесеніе.

— Вы видѣли?

— Сегодня издали— какъ везли, а раньше видѣлъ въ Зимнемъ дворцѣ.

— Ну? страшно?

— Чего же страшно?—наивно отвѣчалъ Алеша:—государь страшнѣе гробовъ; на парадѣ такъ кричалъ, въ особенности на конную гвардію. Яковича съ мѣста отправилъ въ крѣпость.

Вышелъ Меркуловъ и, по своему обыкновенію, не то серьезно, не то насмѣшливо сказалъ:

— А вѣдь благовѣрнаго въ Бозѣ усопшаго императора Петра Федоровича останки не обрѣтены!

— Можетъ ли быть?

— Когда гробъ извлекли и вскрыли, то оный пусть оказался, и, къ утѣшенію его величества, нашли въ немъ только форменную треуголку, длинную рыжую косу и большіе ботфорты.

— Какъ страшно!—вскричала Сонюшка.

Меркуловъ продолжалъ:

— Такимъ образомъ, изъ монастыря были перевезены тожко сѣмь предметовъ съ воздаяніями имъ божескихъ почестей.

— Я хотѣла бы знать, куда же все дѣвалось?

— Умозрительнымъ путемъ узнать сіе невозможно, а путь опытнаго изслѣдованія для простыхъ смертныхъ недоступенъ.

— Алексѣй Филимоновичъ, будутъ пускать въ церковь народъ?

— Всякаго званія безпрепятственно.

— Мы съ нянюшкой надѣмся, что вы насъ проводите,—сказала Сонюшка и посмотрѣла на отца.

— Я ничего не имѣю противъ такой любознательности,—отвѣчалъ Меркуловъ.—Природословіе, однако, утверждаетъ за неоспоримую истину, что тѣла царей и царицъ столь же бранны, какъ и прочихъ тварей.

Нянюшка въ тотъ день не захотѣла итти поклониться царскимъ гробамъ. Она пошла бы то за великій грѣхъ, такъ какъ дѣло было уже послѣ обѣда, а не пашацкѣ.

Наталья Петровна показала Алешѣ черезчуръ блѣдной и молчаливой дамой. Она съ тревогой и съ любовью поглядывала на Сонюшку.

Вскорѣ пріѣхалъ на ванькѣ баринъ среднихъ лѣтъ, съ величавыми манерами и очень занятый собою—Александръ Алексѣевичъ Лукинъ. Служилъ онъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, великолѣпно нюхалъ французскій табакъ изъ изящной золотой табакерки; и такъ какъ за нимъ все въ домѣ стали ухаживать, а Сонюшка слегка поблѣднѣла и испугалась, то Алеша догадался, что это женихъ. Лукинъ, смахивая табакъ съ фуляроваго платка, самодовольно спрашивалъ Меркулова:

— А извѣстно вамъ сочиненіе Мамбрини? Голова! Какъ же, Никифоръ Степановичъ, надо, батенька, познакомиться. Безъ Мамбрини шагу нельзя ступить въ высшей наукѣ и можете быть спокойны—къ Божеству ни на шагъ не приблизитесь безъ Мамбрини.

Онъ же сообщилъ радостную вѣсть о Новиковѣ, котораго Павелъ Петровичъ велѣлъ освободить изъ Шлесельбургской крѣпости.

— Ну, еще могу васъ порадовать,—съ благосклонной улыбкой объявилъ онъ:—Архаровъ за перекраску дверей и воротъ получилъ высочайшее замѣчаніе, потому что было приказано распестричь одни казенные дома... Ну, что вамъ еще сообщить? Костюшко освобожденъ. Персидская война прекращена, и отданъ приказъ арміи вернуться въ російскіе предѣлы. Самое же главное,—шелкнувъ крышкой табакерки съ красивой торжественностью, вскричалъ Лукинъ:—приказано привести къ присягѣ на вѣрность императору всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ. А, каково душевладѣльцамъ?

Возликуй тотъ, кого мы не называемъ. Впрочемъ, онъ тоже будетъ возвращенъ изъ Сибири, мнѣ генераль-прокуроръ Куракинъ сказалъ, значить, его можно наименовать—Радищевъ.

Надо было возвращаться въ полкъ къ зарѣ, и Алеша заторопился уходить.

Въ дверяхъ онъ встрѣтился съ Петромъ Сергѣевичемъ Миллеромъ, который пришелъ не одинъ, а съ двумя стариками, похожими на него. Ихъ старыя лица сіяли: должно быть, у нихъ были тоже добрыя вѣсти.

Нянюшка въ передней шеннула Алешѣ, чтобы онъ непременно явился завтра съ утра. День былъ свободный, и Алеша попросилъ передать Сонюшкѣ, что онъ непременно будетъ.

XX.

Конная гвардія ронгала. Павелъ Петровичъ подтянулъ Васильчиковъ, Іевлевъ ходилъ мрачный, какъ туча, и всѣхъ ругалъ. Вахмистры вздыхали о блистательномъ прошломъ, какъ будто они были старики, но въ особенности волновался Офросимовъ. У всѣхъ дворянъ было нашито много партикулярныхъ костюмовъ, имъ хотѣлось франтить и побѣждать женскія сердца модами. На сходкѣ въ казармахъ было рѣшено конногвардейской молодежью въ гости ѣздить, какъ подобаетъ петиметрамъ хорошаго тона—въ штатскомъ, подчиняясь только на службѣ требованіямъ новой дисциплины.

Алеша не могъ отстать отъ товарищей, и ему давно хотѣлось надѣть, хотя и нѣмецкаго покроя, т. е. шитый уже по-павловски партикулярный фракъ темно-васильковаго цвѣта съ золотыми пуговицами. Не безъ тренета и вмѣстѣ не безъ удовольствія нарядился онъ въ этотъ фракъ, повязалъ батистовую косынку и долго любовался собой передъ дорожной шкатулкой, въ крышку которой вставлено было зеркало.

Большой былъ рискъ появиться въ штатскомъ въ Петропавловскомъ соборѣ. Но если сплосъ и рядомъ штатское платье благополучно сходило съ рукъ офицерамъ, которыхъ гатчинскіе полковники и генералы, а нѣкоторыхъ и самъ Павелъ Петровичъ знали въ лицо, то какое неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ нужно было, чтобы поймать на мѣстѣ преступленія малоизвѣстнаго Алешу.

Онъ съ сильно и пріятно бьющимся сердцемъ, въ передѣланномъ на новый ладъ тепломъ сюртукѣ, надѣтомъ поверхъ фрака, отправился на Фонтанку, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждала его Сонюшка.

Дѣвушка защебетала, какъ птичка, увидѣвши Алешу, стала улыбаться, заметалась по комнатамъ, крикнула няню, объявила матери, когда вернется, и, надѣвши лисій салопъ и теплый красный капоръ съ кружевами, выбѣжала на улицу.

Стоялъ морозъ. Няня шла въ бархатномъ шушунѣ и въ ковровомъ платкѣ на головѣ. Они благополучно переѣхали черезъ Неву и очутились въ Петропавловскомъ соборѣ.

Было удивительно торжественно. На золотомъ катафалкѣ стояли гробы; самоцвѣтными камнями переливались царскія короны; горѣли толстыя свѣчи; пахло ладаномъ, шушали роскошныя и бѣдныя платья; какъ истуканы, стояли часовые съ ружьями; и всякаго званія люди входили и выходили изъ храма. Няня прослезилась и стала усердно бить поклоны.

У Сонюшки разбѣжались глаза, и она смотрѣла на золото, на серебро, на драгоценные камни, на дамскіе наряды, и, въ толпѣ мужчинъ увидѣвъ Александра Алексѣевича Луккина, поспѣшно отвернулась. Но онъ съ строгою торжественностью сталъ смотрѣть въ ея сторону и наконецъ подошелъ.

— А вы не сказали мнѣ,—шопотомъ началъ онъ:—что будете здѣсь. Вы съ нянюшкой... и ...

— И съ Алешей Москалевымъ—сыномъ дѣдушкина друга—пояснила она, всыхнувъ.

— Очень хорошо,—похвалить Александръ Алексѣевичъ и поздоровался съ Алешой.—Я бы совѣтовалъ вамъ, сударь,—очень осторожно заговорилъ онъ, склоняясь къ Алешѣ, такъ какъ онъ былъ высокаго роста:—оставить вашу даму мнѣ на попеченіе и самимъ поскорѣе удалиться отсюда, ибо мнѣ показалось, что какая-то почтенная придворная особа весьма взволнованно бесѣдовала о васъ съ нѣкимъ конногвардейцемъ и указывала на васъ.

Алеша забылъ уже происшествіе въ Зимнемъ дворцѣ; такъ новыя впечатлѣнія заняли его умъ; но когда онъ глянулъ туда, куда указывали глаза Александра Алексѣевича, онъ увидѣлъ неизвѣстную даму изъ фрейлинскаго проулка, и возлѣ нея стоялъ въ военномъ мундирѣ вахмистръ Офросимовъ.

Все-таки онъ не придалъ еще значенія тому, что видѣлъ. Въ глазахъ у него позеленѣло только, когда Офросимовъ прямо направился къ нему и съ растерянной улыбкой на своемъ потасканномъ лицѣ сказалъ ему вполголоса:

— Полковникъ Мамаевъ требуетъ тебя къ себѣ.

— Гдѣ онъ?—спросилъ Алеша.

Офросимовъ показалъ, гдѣ стоитъ полковникъ—тутъ же, около неизвѣстной дамы.

Алешѣ хотѣлось щегольнуть передъ товарищемъ своимъ хладнокровіемъ; хотя онъ поблѣднѣлъ, но еще развязно спросилъ:

— А кто дама, съ которой ты разговаривалъ?

— Она старшая надъ царскими горничными—какая-то оберинь... тетка моя Офросимова. Я клялся ей, что ты не военный, но вѣдьма догадалась... На лбу у тебя написано, что ли... Какъ же ты такъ неосторожно припелся въ Петропавловскій соборъ! А

твоя штучка, тихоня, недурна. Ну, иди, Варвара, на расправу... Авось какъ-нибудь отвертисья.

Алеша поклонился Сонюшкѣ, извинился и торопливо направился къ полковнику Мамаеву.

У того было совершенно солдатское простое лицо. Трудно было повѣрить, что онъ отецъ хорошенькой Катеньки. Онъ нахмурился и страшнымъ взглядомъ приказалъ Алешѣ слѣдовать за собою.

На шапери онъ остановился и спросилъ:

— Тебѣ развѣ неизвѣстно распоряженіе императора—воснымъ отнюдь не разставаться съ присвоеннымъ ихъ званію мундромъ? За тобою другія шапки водятся. Я тебя, молодчика, въ казематѣ стною. Явись сейчасъ къ коменданту и скажи, что я тебя арестоваль. Я же доложу о тебѣ его величеству. Марши, бестія!

Алеша повернулся, и на минуту передъ нимъ мелькнуло блѣдное испуганное лицо Сонюшки, которая вышла вмѣстѣ съ Лукнымъ и съ нянюшкой и услышала, какъ Мамаевъ пообѣщаль Алешу стноить въ казематѣ. Отъ грозныхъ словъ полковника она сомлѣла и невольно оперлась на руку Александра Алексѣевича.

XXI.

Похоронили императрицу Екатерину и, если вѣрить зловѣчивымъ петербуржцамъ, только треуголку, косичку и ботфорты Петра . Одоровича—восемнадцатаго декабря. Царская фамилія, генералитеть, посланники, полковники, всѣ придворные чины и сенаторы собрались снова подъ сводами Петропавловскаго собора, митрополитъ Гавріилъ отправилъ панихиду и передъ первымъ клиросомъ противъ южныхъ дверей опущенъ былъ въ землю гробъ съ тѣломъ, а по правую сторону гробъ съ треуголкой и ботфортами. Пѣвчіе пропѣли вѣчную память. Съ гатчинскихъ фізіономій слетѣли скорбныя маски.

Алеша сидѣлъ въ полутемной сырой комнатѣ съ толстыми стѣнами въ полномъ одиночествѣ; у дверей караулили солдатъ. Его никуда не звали, не допрашивали. Сняли съ него платье и дали арестантскій халатъ. Долго онъ предавался отчаянію и готовъ былъ биться головой о стѣны. По ночамъ кто-то страшно кричалъ надъ нимъ. Когда онъ просыпался, то оказывалось, что онъ самъ кричалъ. Должно быть, смотритель каземата всѣ дрова употреблять для своихъ надобностей. Было такъ холодно, что у Алеши не падалъ зубъ на зубъ. Ему приносили щи и кашу, и на первыхъ порахъ онъ голодалъ. Но постепенно равнодушіе стало его сковывать. Ему было все равно—день или ночь, пахнетъ ли каша дымомъ, и грызутъ ли мыши лежащую на подоконникѣ корку хлѣба. Гнусная дѣйствительность, среди которой онъ очутился, стала смѣняться яркими снами. У него сдѣлался легкій жаръ, который не проходилъ,

и въ его воображеніи всплывали и застывали, озаренныя солнечнымъ блескомъ, картины его недавняго прошлаго. Онъ видѣлъ своего отца, пріучающаго его ѣздить верхомъ. Алеша въ красной рубашкѣ мчался по горамъ и доламъ и, сорванецъ, заставлялъ перепрыгивать коня черезъ изгороди и ручьи. Видѣлъ мать въ бѣломъ кружевномъ колпакѣ и въ накидкѣ съ фестонами, съ завязанными у горла лентами. Она была совсѣмъ молода, глаза ея смѣялись, и она пригоршнями бросала кормъ курамъ, которыя бѣжали къ ней со всѣхъ сторонъ. Алеша былъ такой еще маленькій, что прятался въ складкахъ материнской юбки и изъ нихъ робко выглядывалъ на большого золотого пѣтуха. Дьячокъ Арсеній водилъ указкой по складамъ—и Алеша со слезами выучился читать. Въ домѣ бывали частые молебны. По окончаніи службы поплъ съ дьякономъ удалялись въ переднюю, и имъ туда выносили по пирогу и по рюмкѣ водки. Появился гувернеръ изъ французовъ, смѣшной шаркунъ въ парикѣ и съ накладными икрами, онъ же и танцмейстеръ мосье Трамбле. Забросалъ Алешу книгами. Разомъ сталъ изучать мальчикъ географію, исторію, астрономію, фортификацію, фехтованіе, краснорѣчіе, становиться въ позы и кетати простирать руку и помавать голову. Въ чудный лѣтній день забравшись въ бесѣдку съ ученикомъ, Трамбле сталъ развивать передъ нимъ, что такое права человѣка «*les droits de l'homme*—и съ чувствомъ превозносить Жанъ-Жака Руссо, и вдругъ откинувшись затылкомъ за спинку дивана и, вытянувъ ноги, страшно захрипѣлъ. Послѣ его похоронъ Алеша пересталъ учиться, до осени билъ баклуши. Мамаша закармливала его и о чемъ-то постоянно совѣщалась съ папашей; и, наконецъ, его застали однажды въ мезонинѣ у сѣнныхъ дѣвухекъ, съ которыми онъ невинно игралъ и пугалъ ихъ въ темотѣ. Отцу показалось, однако, что пора отвезти «малютку» въ Петербургъ и опредѣлить на службу. И вотъ онъ сталъ вахмистромъ. Нѣсколько разъ онъ ужъ кутилъ съ товарищами. Онъ самостоятельно расходовалъ деньги, бывалъ въ театрахъ, и въ манерахъ подражалъ офицерамъ, съ пресыщеннымъ и скучающимъ видомъ глядя на хорошенькихъ женщинъ, хотя въ глубинѣ души съ благодарной лаской вспоминалъ еще о материнской груди. Фрейлинскій проулокъ раскрылъ бы ему глаза на многое, если бы не скончалась просвѣщеннѣйшая и милосерднѣйшая монархиня. Алеша вспомнилъ сладкіе поцѣлуи Катеньки и съ отвращеніемъ гналъ отъ себя образъ пожилой дамы. Но она прямо ползла на него изъ тюремнаго тумана. Онъ отбивался отъ ея назойливыхъ приставаній, взывалъ о помощи и о пощадѣ. Кошмаръ преслѣдовалъ его. Алеша представлялъ себѣ золотую змѣйку на мизинчикѣ Сонюшки. И только что въ душу къ нему начинали смотрѣть яркіе темные глаза, похожіе на пару звѣздъ, какъ свѣтлый образъ уже заслоняла собою пожилая Офросимова и стучала на Алешу зубами, а Катенька, прячась за ея спиною, насмѣшливо хихикала.

Все снутаиѣ становились видѣнія. Картины стали двигаться съ быстротою, которая все нарастала; и чѣмъ онѣ были быстрѣе, тѣмъ становились уродливѣе. Трамбле умираеть въ объятіяхъ старухи, отъ которой Алеша убѣгалъ верхомъ на конѣ и держалъ у стремена Сонюшку.

Стремглавъ падалъ конь въ казематъ, а когда Алеша прижималъ къ сердцу дѣвушку, она оказывалась Катенькой. Казематъ наполняли коты въ ботфортахъ и въ гатчинскихъ муцидрахъ и, страшно раскрывая рты, кричали: «вонъ! вонъ!» Куры бѣжали отъ нихъ въ разныя стороны, мать схватывала Алешу и запирала за собою стекляныя двери, но коты расхаживали по всему дому, превращавшемуся въ Зимній дворецъ. Коты обмакивали хвосты въ краску и расписывали всѣхъ придворныхъ, какъ шлагбаумъ. Появлялась Екатерина, и толстые вельможи въ звѣздахъ и лентахъ несли за нею шумный шлейфъ. Она улыбалась направо и налево. Коты въ сапогахъ и въ гатчинскихъ муцидрахъ выстраивались передъ нею и подносили треуголку, косичку и ботфорты Петра Федоровича. Павелъ Петровичъ въѣзжалъ въ тронный залъ при свѣтѣ факеловъ, выскакивалъ изъ кареты и надѣвалъ треуголку, косичку и ботфорты императрица подносила руку ко лбу, падала навзничъ, и все исчезало. Грохотали пушки, небеса опрокидывались на землю.

Алеша впалъ въ безсознательное состояніе.

XXII.

Когда Алеша раскрылъ глаза, ему показалось, что на него навалили цѣлый холмъ песку, и изъ-за этого холмъ съ соболѣзнованіемъ смотритъ на него старый и черезчуръ бѣлый Миллеръ. Алеша повернулъ голову налево и направо и зажмурилъ глаза. Окна, хотя и забранныя желѣзными рѣшетками, давали много свѣта. Опять, устремивъ взглядъ на Миллера, Алеша примѣтилъ, что Миллеръ ласково улыбнулся. Алеша протянулъ руку къ песку, чтобы стряхнуть его съ себя, но рука его коснулась суконнаго одѣяла сѣро-желтаго цвѣта.

— Душа вернулась въ свое прежнее обиталище, — сказалъ Миллеръ: — у тебя, сынокъ, была гнилая горячка, и кризисъ, благодареніе Богу, кончился. Опасность миновала. Съ какимъ недоумѣніемъ зриаешь ты? Хочешь спросить, гдѣ ты? Въ крѣпостной больницѣ, по неисповѣдимымъ превратностямъ судьбы и монаршему правосудію. Но взгляни, кто лежитъ на койкѣ по правую сторону отъ тебя?

Алеша посмотрѣлъ и узналъ Меркулова, лицо котораго страшно почернѣло и глаза ввалились.

— Бѣдный Никифоръ Степановичъ сейчасъ находится безъ сознанія, но болѣзнь его, происшедшая отъ горя и неизвѣстности,

выразилась въ развитіи желчи, повлекшей за собою отравленіе мозга, такъ что многочисленныя кровопусканія—по чашкѣ въ день—пока не принесли вожделѣннаго облегченія. Не говори ни слова, Алеша, ибо вредно быстрое возвращеніе къ дѣйствительности изъ міра болѣзненныхъ сновъ. Я напою тебя и буду говорить съ тобою, но съ условіемъ, чтобы ты вопрошалъ только глазами, и я въ нихъ, какъ въ зеркалѣ души своей, буду видѣть, что тебѣ хочется узнать и разспросить. Но сначала выпей микстуры и запей водою съ виномъ, которое дозволилъ мнѣ доставлять для друзей моихъ добрый смотритель больницы, оказавшійся мнѣ другомъ.

Старикъ напоилъ Алешу и началъ:

— Много событій совершилось въ твое отсутствіе, сынокъ, и перво-наперво хромой Зубовъ возвращенъ вспять изъ братоубійственнаго похода, плотью человѣческой пресытись, и нынѣ въ своемъ имѣніи безъ всякихъ должностей и почестей повиненъ быть. Такъ восходятъ и падаютъ звѣзды временщиковъ во мгновеніе ока. Только блистающая звѣзда всеобщаго дружества не меркнетъ. Закатились дни и великаго фельдмаршала Румянцова Задунайскаго, и что ни часъ падаютъ мнѣшіе себя законовластями. А между тѣмъ, Алеша, человѣкъ можетъ быть подверженъ только законамъ природы, а законамъ общественнымъ должно повиноваться такимъ, которые пользою назначаются и приводятъ людей къ свободѣ и блаженству.

Смутно внималъ Алеша словамъ Миллера. Онъ больше смотрѣлъ на его морщицистыя строгія губы, чѣмъ слушалъ. Но что-то нѣжное и доброе и странно-привлекательное чувствовалось въ рѣчи старика.

— Я нарочито всего не разсказалъ тебѣ для того,—продолжалъ Миллеръ:—что ты слабъ пока духомъ и даже подобенъ новорожденному. Придя же быстро въ возрастъ, не сомнѣваюсь, пронзишь себя стрѣлою любви и состраданія и забудешь нанесенную тебѣ обиду.

— Какую?—тихо спросилъ Алеша.

Но Миллеръ коснулся его губъ указательнымъ пальцемъ.

— Помолчи, сынокъ,—сказалъ онъ.—Могу открыть тебѣ только, что на Меркуловыхъ былъ сдѣланъ извѣтъ, что будто собирались въ извѣстномъ тебѣ домикѣ,—Миллеръ понизилъ голосъ,—свободные каменщики и злоумышляли противъ великаго монарха... И оттого зришь ты невдалекѣ отъ себя Никифора Степановича. И онъ арестантъ. Но силою свѣта побѣждается тьма... Понимаю, сынокъ, что именно загорѣвшійся взглядъ твой выразить и о комъ ты мыслишь. Прекрасное дитя неоднократно было водимо на допросъ къ Архарову, и можно только удивляться необычайной душевной твердости Соношки. Всеконечно, она сказала правду, какую знала... и какъ всемилостивѣйшій императоръ нашъ входитъ во все мелочи,

когда что касается его царственной личности, то сіе ему было доложено...

Алеша болѣзненно улыбулся.

— Видишь, молодчикъ, не очень пугайся, это уже прошло, а обвиненіе было тяжкое—о подговорѣ всего лейбъ-гвардіи коннаго полка къ бунту противъ высочайшей власти. И какъ сдѣланы разныя перемѣны въ военномъ вѣдомствѣ и между прочимъ въ конной гвардіи, то тебѣ и другимъ вахмистрамъ вышелъ указъ переименоваться въ штатскіе чины и опредѣлиться на службу, буде пожелае, копістами... Не огорчайся, однако, сынъ мой, государь поступилъ съ тобой еще милостиво, не взирая на сильныхъ враговъ, которыхъ ты успѣлъ приобрѣсть, въ сладострастїи и неводержанности утопающихъ.

Легкая краска бросилась въ лицо Алешѣ.

— Я намѣренъ объяснить происшествіе во фрейлинскомъ проулкѣ и почему вынужденъ былъ прибѣгнуть къ самозванству,—началь онъ.

Миллеръ остановилъ его движеніемъ руки.

— Послѣ объяснишь,—посмотрѣвъ на серебряную луковницу съ золотыми на синемъ фонѣ человѣчками, сказалъ Миллеръ:—а нынѣ я, за окончаніемъ срока, даннаго мнѣ на свиданіе, не могу оставаться въ госпиталѣ и позволю тебя облобызать, сынокъ мой... и будущій братъ! —загадочно прибавилъ Петръ Сергѣевичъ.

Онъ наклонился, поцѣловалъ въ лобъ и въ уста Алешу Москалева и сунулъ ему фунтикъ леденцовъ и книгу въ кожаномъ переплетѣ.

— Какъ скучно тебѣ будетъ, раскрой и усладжай свою душу, почерпая изъ нея чувствительныя мысли о бѣдственномъ человѣческомъ состояніи, происходящемъ отъ удаленія нашего отъ природы и нарушенія равенства. Леденцы же тебѣ отъ Сонюшки. Она теперь на свободѣ.

Слезы выступили на глаза Алешы. Онъ хотѣлъ привстать, но былъ еще не въ силахъ, и потъ каплями выступилъ на его лбу.

— Лежи, лежи, голубокъ, —наклонившись къ нему, сказалъ старикъ.—Тебя переведутъ въ другую палату для выздоравливающихъ, и тогда чаще станемъ видѣться, и Сонюшка тебя навѣститъ.

На цыпочкахъ подошелъ затѣмъ Миллеръ къ койкѣ Меркулова, который тяжело дышалъ и смотрѣлъ въ пространство безмысленнымъ взглядомъ. Покачалъ головою Миллеръ, вздохнулъ, взглянулъ на образъ съ теплившейся передъ нимъ лампадкой въ углу палаты и вышелъ.

Отъ смотрителя, къ которому онъ зашелъ на квартиру, онъ узналъ, что нельзя надѣяться на благополучный исходъ болѣзни Никифора Степановича и что, если послѣднее кровопусканіе не поможетъ, надо готовиться къ роковому концу.

— Все въ десницѣ Божіей. Богу единому судъ, — сказалъ смотритель. — Если мы потеряемъ брата, то утрата наша должна вознаградиться всенепременно. Развѣ не сказано, что для дарованія намъ духа силы допускается препятствіе, и тѣмъ полнѣе будетъ побѣда. Взгляни, — взявъ за пуговицу кафтана Миллера, продолжалъ смотритель: — уже Архаровъ изъ врага блистающей звѣзды обращается какъ бы въ сына свѣта и пріобщается къ душѣ каменщиковъ!

— Изъ раболѣнства передъ деспотомъ, — возразилъ Петръ Сергѣевичъ.

— Гнѣвъ угаси кротостью и гордость потуши смиреніемъ, — сказалъ смотритель. — Воскреснетъ Богъ и расточатся врази его. Развѣ не онъ творить изъ гордаго и алчнаго тирана благодѣтельнаго и милостиваго христіанина господина?

Поцѣловавшись, друзья разошлись.

XXIII.

Филимонъ Никаноровичъ Москалевъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Это былъ старый баринъ, впрочемъ, не преклонныхъ лѣтъ, отвыкшій отъ свѣтской жизни и надѣявшійся покончить свои дни въ глухой деревнѣ. Несчастье съ сыномъ и слезы жены заставили его распроситься съ деревенскимъ халатомъ. Въ Петербургѣ онъ хотѣлъ остановиться у кого-нибудь изъ своихъ старыхъ сослуживцевъ, съ которыми онъ начиналъ свою жизненную карьеру или совершалъ въ молодости походы и которымъ повезло. Къ нему фортуна была немилостива, и онъ, будучи уже въ чинѣ бригадира, не понравился Потемкину и долженъ былъ переименоваться въ статскіе совѣтники. Но куда онъ ни заѣзжалъ и о комъ ни справлялся, никого не оказывалось на мѣстѣ: одни уже были въ отставкѣ, другіе сосланы, третьи перемѣнены въ провинцію. Во всемъ произошли большія перемѣны. Насилу пристроился Филимонъ Никаноровичъ наверху на Мойкѣ, въ гостиницѣ Демута.

Въ холодный зимній день вдругъ явился къ нему фельдъегерь и передалъ приказаніе генераль-адъютанта Ростопчина — быть ему рано утромъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Не совсѣмъ неожиданно было для Москалева это приглашеніе. Петръ Сергѣевичъ Миллеръ направилъ его къ Николаю Ивановичу Новикову, Новиковъ къ Лабзину, Лабзинъ къ начальницѣ Смольнаго института Делафонъ, находившейся въ большомъ фаворѣ у государыни Маріи Ѳеодоровны, а эта дама дала слово поговорить съ старымъ генераломъ Мелиссино. Такого скорого, однако, результата своихъ хлопотъ Москалевъ не предвидѣлъ и былъ смущенъ и почти испуганъ, когда очутился до дворцѣ.

Онъ безъ задержанія дошелъ до внутреннихъ покоевъ, гдѣ сидѣли дежурные камергеры, которые спросили, что ему нужно.

— Графъ Ростопчинъ велѣлъ мнѣ прибыть, и я явился, чтобы представиться ему.

Вприпрыжку два камергера выбѣжали изъ покоя, и вскорѣ показався генераль-адъютантъ графъ Ростопчинъ.

— Вы кто такой?—спросилъ онъ черезъ плечо.

— Статскій совѣтникъ моего государя, бывший бригадиръ Филимонъ Москалевъ.

— Да будетъ вамъ извѣстно, что нынѣ вы не Филимонъ Москалевъ, а Москалевъ первый, поелику государю императору угодно было отмѣнить употребленіе именъ въ официальныхъ сношеніяхъ.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство.

— Какія причины побудили васъ прибыть въ Санктъ-Петербургъ?

— Ходатайствовать о высочайшей милости для моего сына.

— Москалева второго,—подсказалъ графъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство, яко совершившаго проступокъ свой по неразумѣнію и легкомыслію.

Графъ Ростопчинъ нахмурилъ свои густыя брови.

— Однако онъ забрался къ фрейлинамъ, и, пойманный и уличенный въ намѣреніяхъ неизвѣстнаго характера, назвался другимъ именемъ, не говоря уже о томъ, что на погребеніе въ Бозѣ почившихъ родителей императора имѣлъ дерзновеніе явиться въ партику лярномъ платьѣ.

— Сынъ мой достаточно уже наказанъ, ваше сіятельство.

— Но проступокъ его имѣлъ дурныя послѣдствія для цѣлаго семейства, навлекшаго на себя дружбою съ вашимъ сыномъ опасныя подозрѣнія, и сіе весьма огорчаетъ нашего благодѣтельнаго монарха. Изъ дурацкаго похожденія петиметра, котораго слѣдовало бы просто высѣчь, была сооружена цѣлая революція, помилуй Богъ! Пахло Сибирью, господинъ штатскій совѣтникъ!

Онъ опять черезъ плечо взглянулъ на Москалева и спросилъ ласково:

— Къ чьему заступничеству вы обращались по вашему дѣлу?

— Къ госпожѣ Делафонъ.

— А-а! Но развѣ вамъ неизвѣстно, что, увидя въ настоящемъ свѣтѣ дѣло ваше, генераль Архаровъ имѣлъ мужество передолжить его государю?

— Сынъ мой, ваше сіятельство, лишенъ счастья служить въ полку, какъ подобаетъ дворянину.

— А скажите,—близко подойдя къ Москалеву, спросилъ графъ:—давно ли васъ знаетъ генераль Мелиссино?

Москалевъ смѣшался.

— Будьте откровенны,—продолжалъ Ростопчинъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство,—уклончиво отвѣтилъ Москалевъ.—Я имѣлъ счастье служить подъ начальствомъ генерала Меллиссино, когда командовалъ арміей въ войнѣ противъ турокъ покойный графъ Румянцовъ.

— А чѣмъ вы заслужили немилость у Потемкина?

— Я былъ уже, ваше сіятельство, нѣсколько разъ раненъ и мечталъ быть употребленнымъ въ серьезное дѣло, стоя лицомъ къ лицу съ туркомъ, когда внезапно былъ вызванъ къ свѣтлѣйшему въ лагерь и мнѣ поручено было скакать въ Москву за рѣдкой для сего капризнаго вельможи; но, выслушавъ, я отказался.

— Почему?

Не быть раболѣпцемъ, ваше сіятельство.

— Обо всемъ я долженъ доложить его императорскому величеству,—сказалъ Ростопчинъ и удалился.

А черезъ нѣсколько минутъ возвратился и сказалъ:

— Государь поручилъ мнѣ передать вамъ, господинъ штатскій совѣтникъ, что онъ дастъ вамъ знать, въ которомъ часу желаетъ завтра видѣть васъ. Слѣдовательно, поздравляю васъ съ необыкновенной милостью. И, кромѣ того, государь требуетъ, чтобы вы сами назначили, какое мѣсто вы желали бы получить;—напримѣръ, по комиссаріатской части, гдѣ такъ необходимы честные люди.

— Я чрезмѣрно тронутъ благостью моего императора,—отвѣчалъ Москалевъ, пораженный словами генераль-адъютанта.—Ужъ не снится ли мнѣ все это, ваше сіятельство? Не знаю, какъ выразить вамъ мою благодарность. Вся жизнь моя принадлежитъ государю. Какъ государь рѣшитъ.

— Но его величеству нельзя передавать неопредѣленныхъ отвѣтовъ. Благоволите сами рѣшить какъ можно скорѣе. Государь любитъ точность.

— Въ такомъ случаѣ, не скрою отъ васъ, графъ, я предпочелъ бы по своимъ дѣламъ сдѣлаться сенаторомъ,—брякнулъ провинціальныи баринъ.

Вполоборота посмотрѣвъ на него Ростопчинъ, кивнулъ головой, и аудіенція кончилась.

XXIV.

Днемъ Москалевъ не былъ впущенъ въ Петропавловскую крѣпость для свиданія съ поправляющимся сыномъ.

Въ дурномъ расположеніи духа возвращался онъ нѣшкомъ въ гостиницу, и въ это время увидѣлъ на Адмиралтейской набережной государя въ саняхъ, а на запяткахъ стояли Ростопчинъ и еще другой генераль.

Встрѣчные экипажи остановились, и на подножкахъ возковъ повисли дамы со склоненными фигурами, а прохожіе торопливо бросались на колѣни.

Павель Петровичъ пролетѣлъ, какъ гроза, и повернулъ блѣдное лицо, съ неподвижной улыбкой до ушей, въ сторону Москалева, который не зналъ новаго закона и на колѣни не всталъ, а только снялъ шляпу.

Графъ Ростовчинъ обернулся и погрозилъ Москалеву пальцемъ.

Когда же Москалевъ возвратился въ гостиницу, онъ засталъ у себя фельдъегеря съ приказаніемъ явиться во дворецъ въ семь съ половиной часовъ вечера для представленія его величеству.

Никогда не трусилъ Москалевъ. Старый былъ воинъ. Но холодно стало ему при мысли о Павлѣ Петровичѣ. Тоска и ужасъ на минуту сжали его сердце.

Однако надо было не терять времени. Еще со вчерашняго дня приготовленъ былъ имъ мундиръ, и онъ отправился къ парикмахеру подбрить лобъ и устроить себѣ такую прическу, какая предписывалась правилами павловскаго двора. Все, что съ нимъ случилось и могло еще случиться, и весь Петербургъ, и всѣ лица, съ которыми онъ встрѣчался, казались ему чѣмъ-то фантастическимъ, непостояннымъ. И люди, и дома были сотканы изъ какого-то тумана.

Пришелъ Миллеръ съ печальной вѣстью: Никифоръ Степановичъ былъ при послѣднемъ издыханіи. Кровь, брошенная вчера, съ трудомъ вышла изъ открытой жилы на правой рукѣ его и была чернаго цвѣта.

— Архаровъ будетъ отомщенъ за невиннаго, и уже навлекъ на себя гнѣвъ императора, который велѣлъ перекрасить ворота и столбы около казенныхъ зданій, а онъ распорядился изуродовать всю столицу,—сказалъ Миллеръ и на рассказъ Москалева о передокладѣ Архаровымъ въ благопріятномъ свѣтѣ дѣла Меркуловыхъ и Алеши—со словъ Ростовчина—векричалъ:—знаю хорошо двуязычнаго! Лицо у него открытое и паружность имѣеть искреннюю, а носъ держитъ по вѣтру! Онъ сегодня внушаетъ безпокойство императору, а завтра бѣеть отбой, и себя во всемъ выдвигаетъ на первый планъ. Думаль, какъ при покойной Екатерины Алексѣевны, гнать братьевъ, а нынѣ хлопочеть о примиреніи, провѣдавъ о склонности государевой къ добродѣтели!

Миллера обрадовало приглашеніе Москалева во дворецъ.

— Твое дѣло, другъ, наше общее, и въ этомъ вижу знакъ, что восходитъ вновь надъ Россіей пламенѣющая звѣзда справедливости. Предварительно, однако, воспользуйся временемъ и сѣзди съ визитомъ къ Петру Ивановичу Мелисину, рукою Провидѣнія направленнаго быть твоимъ покровителемъ, и объясни ему всѣ при-

чины, дабы не попасть тебѣ въ немилость, что въ Петербургѣ въ настоящее время такъ же легко, какъ понюхать табаку.

Филимонъ Никаноровичъ самъ думалъ о Мелиссино и потому безъ колебанія воспользовался совѣтомъ Миллера.

XXV.

На берегу Фонтанки, окруженный столѣтними дубами, стоялъ домъ Мелиссино съ колоннами, съ золоченой рѣшеткой и съ фарфоровыми украшеніями на фронтонѣ.

Роскошно и не по средствамъ жилъ старый генералъ, занимавшій нѣсколько высшихъ должностей. Онъ былъ директоромъ артиллерійскаго и инженернаго кадетскаго корпуса и командовалъ артиллеріей.

Мебель въ домѣ была модная—съ высокими спинками, украшенная бронзой, и на мраморномъ каминѣ въ пріемной стояли массивные золотые часы съ изображеніемъ Сократа съ чашею цикуты въ рукѣ. У самаго окна, задрапированнаго желтымъ шелкомъ съ золотыми кистями, стоялъ треножникъ съ только что оконченнымъ и еще не совсѣмъ высохшимъ портретомъ полной и красивой старухи. Камердинеръ вѣжливо и тихо объяснялъ гостямъ, ожидавшимъ выхода генерала, что портретъ ея высокопревосходительства генеральши Мелиссино былъ писанъ художникомъ Боровиковскимъ и за него заплачено—шутка ли сказать—три тысячи рублей ассигнаціями!

Изъ пріемной дверь была открыта въ комнату, гдѣ вдоль стѣнъ высились одинаковаго размѣра и формы краснаго дерева шкапы съ книгами въ кожаныхъ переплетахъ. Паркетъ натертъ былъ воскомъ и блестѣлъ, какъ ледъ на каткѣ.

Узнавъ о Москалевѣ, Мелиссино не вышелъ въ пріемную, а послалъ за нимъ камердинера, который привелъ его въ бібліотеку.

Тамъ по угламъ на тумбахъ бѣлѣлись бюсты мудрецовъ—важно были наклонены ихъ курчавыя головы, и они точно прислушивались къ рѣчамъ живыхъ людей.

Генералъ, худой и высокій, всталъ навстрѣчу Москалеву и протянулъ руку. Его темные глаза на мгновеніе остро пронизали гостя и вдругъ снова сдѣлались ласковыми, словно подернулись масломъ. Оливковое лицо его выдавало его кровь,—онъ происходилъ изъ грековъ,—а мягкія и свѣтскія манеры старца свидѣтельствовали объ его лоскѣ, который онъ получилъ за границей, гдѣ учился въ нѣсколькихъ университетахъ. По-русски выражался съ легкимъ пришепетываніемъ.

— Зачѣмъ ты пожаловалъ, я сразу догадался,—началъ онъ.—Сядишь, пожалуйста, и будемъ безъ чиновъ. Мнѣ говорила о тебѣ госпожа Делафонъ, и я не помню, встрѣчались ли мы съ тобою въ

старые годы, но наши души идутъ по такому пути, что ихъ линіи, можетъ быть, въ близкомъ будущемъ совпадутъ въ одномъ центрѣ вѣчнаго свѣта, гдѣ всѣ друзья, всѣ братья, всѣ равны, всѣ члены единой великой республики любви и справедливости.

Генераль говорилъ, положивъ руку на подлокотникъ кресла, и на его указательномъ пальцѣ зеленымъ огнемъ горѣлъ изумрудъ съ рельефнымъ изображеніемъ на немъ дружественнаго пожатія двухъ рукъ.

— По этому поводу, — началъ Москалевъ: — я осмѣлюсь заявить вашему высокопревосходительству, что имѣлъ счастье встрѣчаться съ вами за Дунаемъ въ дѣлахъ противъ турокъ, о чемъ и доложено мною было генераль-адъютанту графу Ростопчину въ отвѣтъ на его вопросъ, но товарищескаго знакомства не было; и да не будетъ мое признаніе графу сочтено съ вашей стороны за нѣкое кичливое дерзновеніе.

Генераль Мелиссино насторожился.

— А о чемъ тебя еще спрашивалъ Ростопчинъ?

— Больше ни о чемъ, что касается вашего высокопревосходительства, — отвѣчалъ Москалевъ: — я тѣмъ болѣе тронуть былъ вашимъ заступничествомъ за меня предъ государемъ императоромъ, что вы, утративъ память обо мнѣ, какъ о нѣкомъ безвѣстномъ Москалевѣ, изъявили ко мнѣ состраданіе, какъ къ брату.

— Я всегда приѣмлю правило то, чтобы всякій находилъ во мнѣ дѣйственную подпору, а наипаче братъ. Чѣмъ же кончилось все это несправедливое дѣло?

— Зять Петра Сергѣевича Миллера...

— Святой старикъ — Миллеръ, — прервалъ Мелиссино.

— Меркуловъ, котораго я лично не зналъ, — продолжалъ Москалевъ: — кончается отъ душевныхъ, а возможно, и друщихъ потрясеній и страданій въ крѣпостной больницѣ, тамъ же пребываетъ и сынъ мой Алексѣй, — а отъ императора я получилъ повелѣніе прибыть сегодня во дворецъ на вечернее собраніе.

Генераль живо вскочилъ съ мѣста и высоко поднялъ на лобъ свои брови.

— И ты говоришь объ этомъ съ такимъ равнодушіемъ? — вскричалъ онъ. — Такой чести и я весьма рѣдко удостоиваюсь! Ну, значить, — разведя руками, сказалъ Мелиссино: — твое дѣло выгорѣло больше, чѣмъ можно было ожидать. Не мнилъ я простымъ словомъ состраданія такъ зажечь чувствительное сердце государево!

— Кромѣ принесенія моей благодарности, я явился къ вамъ еще съ просьбой о совѣтѣ, какъ мнѣ быть и хорошо ли я поступилъ? Графъ Ростопчинъ предложилъ мнѣ отъ имени его величества избрать себѣ родъ должности въ вознагражденіе за служебную катастрофу, понесенную мною отъ свѣтлѣйшаго князя Таврическаго.

— Ну, ну, и что же? Съ нами Богъ! Какъ хорошо!

— И я, вълѣдствіе настоянія графа Ростопчина, указаль на должность сенатора.

Совсѣмъ ласковымъ стало лицо генерала, и легкой румянецъ окрасилъ его щеки. Необыкновенная учтивость появилась въ его обращеніи.

— Милый братъ,—сказаль онъ, протянувъ обѣ руки Москалеву:—мы живемъ въ странѣ сповъ и мечтаній, а также великихъ неожиданностей и несчастій. Подлинно, колесо фортуны быстро возноситъ однихъ на вершину успѣха, а другихъ низвергаетъ въ адъ неудачи, и воскрешаетъ мертвыхъ, а живыхъ заколачиваетъ въ гробъ. Ежели, однако (генераль сказаль: езели), низкаго званія люди: солдаты, пѣвчіе и брадобреи изъ подлородныхъ внезапно становятся звѣздоносцами, обвиваются лентами и получаютъ графскіе и княжескіе титулы, то почему же тебѣ, брату нашему, имѣющему все человѣческія достоинства и заслуги, по праву не быть сенаторомъ? И кстати,—съ сладкимъ упрекомъ сказаль Мелиссино:—мы должны говорить другъ другу, по крайней мѣрѣ, когда мы вдвоемъ или въ нашемъ обществѣ, ты, а не вы, дабы не затмить звѣзды пламенѣющей тѣнями неравенства и раболѣпія.

Онъ притянулъ къ себѣ и поцѣловаль Москалева.

— Ступай, братъ, съ миромъ и съ надеждой и будь аккуратно на пріемѣ, какъ сказано—минута въ минуту. А что тебѣ дѣлать тамъ и какой этикетъ соблюдать, въ томъ наставятъ камергеры, для чего прибудь заранѣе. Впрочемъ, держись, какъ все, и поступай по придворнымъ обычаямъ. А езели спросить тебя государь обо мнѣ,—понизивъ голосъ и кладя руку свою на сердце Москалева, сказаль Мелиссино:—доложи ему, что засталъ меня утомленнымъ отъ великихъ трудовъ и заботъ по изобрѣтенію мною новаго пушечнаго металла, и ему пріятно будетъ узнать отъ тебя, что съ симъ мною уже покончено и моя алхимія не воплѣ пусто мечтательна.

Еще разъ поцѣловаль онъ Москалева и проводилъ его до пріемной, гдѣ ожидали полковники, генералы и пожилыя барыни—просительницы за своихъ дѣтей, обучающихся въ кадетскихъ корпусахъ.

XXVI.

Жизнь въ Петербургѣ начиналась рано, поэтому день тянулся медлительно. Наконецъ настало время ѣхать ко двору. Лихорадка оная стала бить Москалева; онъ помянулъ царя Давида и всю кротость его и выпилъ, открывъ свой дорожный погребець, рюмку домашней настойки, послѣ чего тщательно осмотрѣлъ свой костюмъ.

Камергеры, къ которымъ онъ обратилъ во дворцѣ, съ вѣжливыми улыбками наставили его, что онъ долженъ дѣлать и какъ себя вести.

И когда онъ бесѣдовалъ съ ними, вошелъ князь Репнинъ надменной походкой. На поклонъ Москалева едва кивнулъ головой. Какой-то камергеръ подбѣжалъ и шепнулъ князю. Тотъ живо обернулся и приблизился къ Филимону Никаноровичу.

— Вы приглашены государемъ?

— Такъ точно.

— Вы знаете, кто я? Я князь Репнинъ.

— Я Москалевъ первый.

— Служили въ военной службѣ?

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Чинъ вашъ?

— Изъ бригадировъ переименованъ въ штатскіе совѣтники.

— Можно ли узнать, господинъ штатскій совѣтникъ, для какой надобности государь приказалъ вамъ сегодня быть во дворцѣ.

— Не могу знать, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Москалевъ и прибавилъ: — и графъ Ростопчинъ, и генералъ Мелиссно столь же мало въ семь освѣдомлены.

— Мелиссно, — любезно вскричалъ Репнинъ, — мнѣ другъ!

Замѣтивъ знакомое выраженіе въ глазахъ Москалева, устремленныхъ на него, онъ особымъ образомъ пожалъ ему руку, и Москалевъ понялъ, что Репнинъ тоже свой, какъ и Мелиссно.

Волна радости пробѣжала по его тѣлу отъ сознанія, что не одинокъ во дворцѣ.

Тутъ подошелъ графъ Віельгорскій, и князь Репнинъ представилъ ему Москалева.

— Я ужъ довольно слыхалъ о васъ, — отвѣчалъ Віельгорскій съ изысканно-величавымъ поклономъ, — и имѣю повелѣніе занести васъ въ списокъ приглашенныхъ въ высочайшему ужину, буде вы желаете.

Въ роскошныхъ покояхъ горѣли восковыя свѣчи въ люстрахъ и стѣникахъ и отражались въ паркетѣ. Мало было народу. Разговаривали вполголоса.

Графъ Віельгорскій ушелъ со спискомъ въ кабинетъ императора, и черезъ нѣкоторое время вышелъ оттуда графъ Ростопчинъ.

— Пожалуйте къ ихъ величествамъ, — сказалъ онъ: — преклоните колѣно, когда увидите государя, и поцѣлуйте ему руку, а потомъ у государыни.

Въ мертвомъ молчаніи двинулся велѣдь за Ростопчинымъ Филимонъ Никаноровичъ. У всѣхъ лица удлинились — у генераловъ и саванниковъ. Вошли въ залу, и у дверей стоялъ самъ императоръ въ голубой лентѣ — съ темными привѣтливыми глазами, съ длинной улыбкой на бритомъ лицѣ, со щеками въ складкахъ, какъ у крокодила; и каждый отвѣшивалъ ему низкій поклонъ и отходилъ налѣво, чтобы не мѣшать тому, кто шелъ позади.

Дошла очередь до Москалева. Слезы брызнули у него изъ глазъ. Онъ упалъ на колѣни и схватилъ руку государя, бывшаго безъ перчатокъ, чтобы поцѣловать ее.

Но Павелъ Петровичъ весь затрепеталъ, необычайное сіяніе ласки и доброты разлилось на его некрасивомъ лицѣ. Онъ быстро и ловко нагнулся къ Москалеву, поднялъ его и судорожнымъ голосомъ вскричалъ:

— А зачѣмъ становиться предо мной на колѣни и дѣлать исключеніе, когда вы не любите раболѣпія, господинъ сенаторъ?

— Ваше императорское величество, я безмѣрно благодаренъ и жизнь свою приношу вамъ, и до послѣдней капли крови отдамъ ее за васъ?

— Вотъ видите, какъ чувствуютъ эти господа иллюминаты,— сказалъ Павелъ Петровичъ въ сторону стоявшаго вблизи него Аракчеева и разсмѣялся младенческимъ смѣхомъ. Потомъ продолжалъ, повернувшись къ Москалеву:—но за что же вы благодарите, когда мы сдѣлали вамъ только зло? Господинъ сенаторъ и нашъ дѣйствительный штатскій совѣтникъ. Вѣрьте, что на російскомъ престолѣ возсѣдаетъ иногда христіанская любовь и царство Астреи,—масонскимъ языкомъ, вдохновенно возгласилъ императоръ,—уже приблизилось. Не будетъ нечеловѣковъ—будутъ только человѣки!

Онъ поднялъ палецъ къ потолку, какъ мечъ, и на мгновеніе застылъ. Только безумно сіяли его прекрасные глаза.

Потомъ вдругъ упали вѣки, и взглядъ императора сдѣлался тяжелымъ и безпокойнымъ.

Въ то время, какъ Москалевъ цѣловалъ руку у Маріи Ѳеодоровны, сидѣвшей на софѣ въ бѣломъ платьѣ, съ открытыми руками и шеей и съ толстымъ узломъ волосъ на темени, Павелъ Петровичъ сѣлъ рядомъ съ нею.

Онъ вынулъ табакерку и задумчиво игралъ ею.

Благосклонно ввзрилась въ новаго сенатора императрица своими добрыми, какъ будто нѣсколькими робкими глазами и привѣтливо ему сказала:

— Наша милая маман Делафонъ поручила мнѣ васъ, и я очень рада, что его величество оказалъ вамъ справедливость.

— Ваше императорское величество сдѣлали чудо,—отвѣчалъ Москалевъ.

Государыня продолжала:

— Вы давно изъ деревни? Ну, что же, у васъ спокойно? Государь одушевленъ самыми лучшими чувствами въ отношеніи своихъ подданныхъ, и онъ бы не хотѣлъ дѣлать разницы между сословіями. Но его намѣренія были дурно истолкованы наивными людьми, и отъ этого произошли крестьянскія волненія... А давно ли вы не бывали въ Петербургѣ и какъ вы нашли столицу? Иностранцы называютъ ее восьмымъ чудомъ свѣта.

Марія Θεодоровна улыбнулась, какъ улыбаются только чистыя дѣвушки. Лучъ несказаннаго душевнаго тепла обласкалъ Москалева. И въ то же время этой очаровательной улыбкой онъ былъ отпущенъ и мгновенно забытъ. Государыня съ привѣтливымъ словомъ и съ такой же улыбкой обратилась къ какому-то остзейскому барону, почтительно припавшему къ ея рукѣ. Графъ Вѣльгорскій, почти не прикасаясь, взялъ подъ локоть Москалева и отвелъ его на мѣсто, которое онъ ему заранѣе предназначилъ,

— Вы должны здѣсь сидѣть и не вставать до приглашенія,— дружески шепнулъ онъ ему.

Сердце Филимона Никаноровича еще продолжало трепетно биться, въ ухахъ звучала нѣмецко-французско-русская рѣчь императрицы.

Ярко, какъ днемъ, освѣщенъ былъ покой. Драпировки пышными складками ниспадали вдоль гигантскихъ оконъ съ потолка до паркета, и на фонѣ пурпура и золота выступали почтительно-торжественныя бритыя лица царскихъ гостей, напудренныхъ, въ букляхъ надъ ушами и съ косичками вдоль спины. Казалось, въ косички была вставлена проволока—такъ правильно онѣ лежали вдоль кафтановъ и мундировъ.

Раздавался то крикливый, то глухой голосъ императора, который разговаривалъ то съ однимъ, то съ другимъ царедворцемъ въ красной или голубой лентѣ, съ остзейскимъ барономъ, съ княземъ Репнинымъ и еще съ однимъ очень красивымъ, необыкновенно спокойнымъ и граціознымъ бариномъ съ густыми черными бровями и съ блестящими глазами; Марія Θεодоровна сѣла за миниатюрный столикъ играть въ бостонъ. Павелъ Петровичъ хотѣлъ подвинуть себѣ кресло, но десять паръ рукъ устремились къ нему, и оно само мягко прокатилось на колесикахъ и остановилось около императрицы. Императоръ сѣлъ еще разъ около жены. Стройный, но съ нѣсколько согнутыми плечами, румяный и съ прелестными чертами наслѣдникъ сѣлъ около отца. Придворные, которые еще стояли до тѣхъ поръ, размѣстились безъ суматохи. По другую сторону императрицы рисовались силуэты какихъ-то прекрасныхъ дамъ въ нѣжныхъ, какъ воздухъ, платьяхъ, а за круглымъ столомъ поодаль пожилая гувернантка сидѣла и вязала чулокъ, окруженная дѣвочками, похожими на ангеловъ. Это была княгиня Ливенъ со своими воспитанницами—великими князями: у каждаго ангела въ рукахъ было тоже вязанье.

Всѣ молчали, кромѣ государя., Онъ вдругъ спрашивалъ:

— Что это за пасторъ Ензень, о которомъ сегодня донесено, что онъ всѣмъ тыкаетъ и почему онъ тыкаетъ?

Москалевъ вслушивался въ отвѣтъ и не успѣвалъ уразумѣть его, какъ ужъ Павелъ Петровичъ смѣялся, или шутилъ. или снова освѣдомлялся.

— А прощель ли насморкъ у неаполитанскаго посланника дожа Серры Капріола?

Получивъ справку о насморкъ у неаполитанскаго посланника, государь устремлялъ глаза на графа Вельгорскаго и спрашивалъ:

— Гдѣ именно въ настоящее время пребываетъ его величество польскій король? Въ сколькихъ верстахъ отъ Петербурга? Не думаете ли вы, что его надо встрѣтить намъ съ великою помпою, дабы не дать вѣнценосному плѣннику понять тяжесть его положенія?

И отъ короля польскаго государь перескакивалъ къ дракъ рѣзчиковъ и позолотчиковъ съ семинаристами, происшедшей наканунѣ ночью на Охтѣ, къ задержаннымъ за Нарвской заставой дезертирамъ; вдругъ спросилъ:

— А гдѣ нашъ черный магъ Мелиссино? Кто видѣлъ его?

Онъ круто повернулся въ креслѣ, и Москалевъ почувствовалъ на себѣ его пытливый взглядъ.

— Осмѣлюсь доложить вашему императорскому величеству, что я имѣлъ удовольствіе видѣться съ генераломъ Мелиссино не дальше, какъ сегодня!—произнесъ онъ.

— Ну, что же—ну? Вамъ извѣстно что-либо, господинъ сенаторъ, объ его изысканіяхъ относительно пушечнаго металла?

— Такъ точно, ваше императорское величество; генераль Мелиссино надѣется доложить объ успѣшности своего изобрѣтенія лично вашему величеству.

— Видитъ Богъ, генераль Мелиссино хочетъ быть фельдмаршаломъ!—весело вскричалъ императоръ.

Всѣ придворные невольно скосили глаза въ сторону Москалева. Что вдругъ вознесло его до исключительной чести быть у государя въ гостяхъ и бесѣдовать съ нимъ? Особая заслуга или капризъ императора? И на новомъ посту онъ будетъ забытъ, потому что не обнаружитъ государственныхъ способностей, или же выдвинется и займетъ въ правительственной машинѣ видное положеніе. И тѣ, кто совсѣмъ не знали его, думали о невѣдомыхъ покровителяхъ его, которые, должно быть, очень сильны, если имъ удалось провинціала съ неуклюжими манерами ввести въ салонъ императора. Мысль о масонствѣ пришла каждому изъ нихъ. И кто не былъ масономъ, тотъ подумалъ, что надо пристать къ масонству. Хорошо было бы войти въ ложу, въ которой самъ императоръ! Носились слухи, что онъ принадлежитъ къ шведской группѣ, имѣющей своей эмблемой висѣлицу, и что посвятилъ его въ орденъ генераль Мелиссино. Но навѣрно этого никто не зналъ. И въ точности было даже неизвѣстно, масонъ ли императоръ Павелъ Петровичъ. Кромѣ того, перемѣнчивость его ума заставляла предполагать возможность отвращенія его отъ масонства въ ближайшемъ будущемъ. Презрительно посмотрѣлъ своими свинными глазками Аракчеевъ на Репнина, Вельгорскаго, Куракина и другихъ, кого онъ считалъ ма-

сонами, перевелъ взглядъ на императора—и успокоился. И такое же завистливое и враждебное чувство о масонахъ шевельнуло сердце Росточина.

Гофмейстеръ и гофмейстерина предложили гостямъ перейти въ столовую, гдѣ былъ накрытъ столъ, приборовъ на двадцать. Во время ужина Павелъ Петровичъ ласково говорилъ съ гостями—лицо его казалось свѣтлымъ, милымъ и странно-привлекательнымъ. Онъ шутилъ, острилъ, ухаживалъ за дамами съ утонченной вѣжливостью и раскраснѣлся отъ вина.

Послѣ ужина, поговоривъ и пошутивъ съ гостями, императоръ подалъ знакъ императрицѣ, и оба они стали по сторонамъ дверей—государь справа, государыня слева. Гости низко кланялись и поочередно выходили.

Рапо опустили императорскіе покон. Глухо звучали шаги Москалева и другихъ въ огромныхъ и пустынныхъ залахъ дворца. Перекатывалась по коридорамъ команда:

«Слушай! Вонъ!»

Фонари были погашены на улицахъ Петербурга. Было страшно и мрачно.

Но весело было на душѣ Москалева, и слезы счастья висѣли на его рѣсницахъ.

XXVII.

Въ домикѣ за Фонтанкой черезъ мѣсяцъ послѣ описаннаго вечера былъ поминальный обѣдъ на девятый день: умеръ Никифоръ Степановичъ. Союшка съ матерью вернулись въ траурѣ изъ церкви, гдѣ отслужена была панихида. Приѣхалъ на гитарѣ Лукинъ въ синемъ сюртукѣ съ высокимъ воротникомъ, пришелъ Миллеръ.

Все молча здоровались. Лукинъ потиралъ руки отъ холода и смотрѣлъ на Союшку особымъ взглядомъ человѣка, погруженнаго въ печаль, но уже предвкушающаго радость обладанія умной и прекрасной дѣвушкой. Онъ не сомнѣвался, что по окончаніи траура женится на Союшкѣ, потому что такова была воля покойнаго Меркулова. По временамъ Союшка бросала ему благодарный взглядъ. Александръ Алексѣевичъ былъ хорошій человѣкъ, солидный, ученый и добрый; онъ только былъ старше больше чѣмъ вдвое. Александръ Алексѣевичъ былъ такъ увѣренъ, что Союшка черезъ какіе-нибудь полгода станетъ его женой, что считалъ себя уже родственникомъ и смотрѣлъ на домъ Меркуловыхъ, какъ на свой. Согревъ руки, онъ отправился на другую половину дома, узналъ о здоровьѣ младенца и перекинулся нѣсколькими хозяйственными словами съ ключницей.

Вдова Меркулова, въ другой комнатѣ, пожала ему руку и, довѣрчиво ища участія, склонила къ нему на плечо голову.

— Александръ Алексѣевичъ, другъ вѣрный!—тихо произнесла она.

Опъ же отвѣчалъ:

— Понимаю, Наталія Петровна, что тяжело тебѣ. Еще ты молода и уже какъ бы лишена радости живота. Но есть стишокъ, который небезполезно припомнить: «Что ни видимъ—суета... Добро дѣтель! ты на свѣтѣ намъ едина красота!»

Слезы полились изъ глазъ Натальи Петровны; и фуляровымъ платкомъ смахнулъ слезу съ своей рѣсницы добронравный Александръ Алексѣевичъ.

— Не опасуюсь за Сонюшку,—продолжала сквозь плачъ Наталья Петровна:—и вѣдаю, что на твоей груди найдетъ она утolenie своей печали. Но она такъ еще неопытна и помышляетъ о дѣвической долѣ, какъ о не имѣющей окончанія.

— Знаешь, пословица есть: за сиротою Богъ съ калитою, а дѣвичій стыдъ до порога—стерпится-слюбится. Да и времени еще много впереди ко мнѣ присмотрѣться и къ судьбѣ своей привыкнуть. А о покойномъ дружкѣ своемъ и господинѣ надобно тебѣ такъ думать, что небесная мудрость устрояетъ пути наши по своему произволению—и смерть есть только временное отсутствіе наше отъ друзей. Ушелъ отъ насъ братъ Никифоръ, но не умерла любовь наша къ нему и вѣчно пребудетъ если не съ нами, то съ потомками нашими, ибо мы только лучи, а братство наше неугасимое солнце, источающее ихъ; и падутъ престолы и забудутся самыя названія государствъ, а солнце будетъ лить свой безмертный свѣтъ, содѣлывая злыхъ добрыми, ибо нѣтъ препятства для добрыхъ и великихъ дѣлъ...

Хорошо забилось сердце у Натальи Петровны отъ этихъ словъ: они показались ей мудрыми и прекрасными, и въ глазахъ ея сверкнулъ, какъ бы изъ-за тучъ, сквозь слезы свѣтъ признательности и нѣжности.

Еще разъ приложивъ фуляровый платокъ къ глазамъ, поочередно то къ лѣвому, то къ правому, съ спокойной совѣстью и какой-то грустной радостью вернулся въ гостиную Александръ Алексѣевичъ и засталъ тамъ, кромѣ Миллера, Алешу Москалева, который послѣ каземата и болѣзни хотя и поблѣднѣлъ, но выросъ, возмужалъ и похорошѣлъ.

На немъ былъ офицерскій мундиръ пѣхотнаго полка, квартирующаго въ Вѣлоруссін; жестоко были намазаны и напудрены его волосы. Но уродливыя бугли, косичка и узкое платье не могли затмить его юношескую красоту. На миломъ, какъ у расцвѣтшей дѣвушки, лицѣ его играла невольная улыбка. Онъ былъ счастливъ, что благополучно кончилось его дѣло, что онъ выздоровѣлъ, что жизнь все-таки хороша, что скоро будетъ весна и что онъ видитъ Сонюшку, бесѣдуетъ съ нею и на немъ съ любовью покоятся

ея туманные, словно облеченные въ траурную дымку, большіе глаза, и, наконецъ, что онъ не вахмистръ, а въ чинѣ подпоручика.

Онъ успѣлъ уже разсказать Солюшкѣ подробности о казематѣ и госпиталѣ и погрузить о предстоящей разлукѣ. Миллеръ время отъ времени задавалъ ему вопросы. Подъ разными предлогами и благодаря вліянію сильныхъ лицъ, командировка юнато поручика откладывалась; но пришелъ уже послѣдній срокъ: послѣзавтра надо было ѣхать въ полкъ.

Въ мѣстечкѣ, гдѣ стоялъ полкъ, жилъ старшій другъ Миллера, польскій панъ Савичъ. Петръ Сергѣевичъ написалъ къ нему рекомендательное письмо, въ которомъ, обвиняя друга своего, какъ брата, сообщалъ, что молодой Москалевъ достоинъ быть принятымъ въ «прямоугольникъ» и быть поставленнымъ на «ученичeskій коверъ», такъ какъ онъ уже испытываетъ «духовный гладъ» и ищетъ свѣта, бывъ подвинутъ къ тому «страданіями отъ тиранства» и «восчувствованіемъ» своего невѣжества. Письмо это, аккуратно сложенное и запечатанное бурнымъ сургучомъ, Алеша спряталъ за обшлагъ.

Когда Александръ Алексѣевичъ вошелъ, щеки Солюшки загорѣлись отъ смущенія, и, воспользовавшись тѣмъ, что онъ сталъ разговаривать съ Алешей, она выскочила изъ комнаты.

— А что жъ отецъ вашъ, сударь, высокопочтенный Филимонъ Никаноровичъ?—спросилъ Лукншъ:—какъ поживаетъ и пожалуетъ ли къ намъ?

— Батюшкѣ моему всемплоствѣйше повелѣно, выйдя въ отставку съ пенсіей и съ чиномъ тайнаго совѣтника, немедленно ѣхать въ свою вотчину—въ двадцать четыре часа.

— Что такъ?—вскричалъ Лукншъ, поднимъ брови на лобъ.

— И онъ нынѣ на пути въ свое валдайское помѣстье,—закончилъ Алеша.

— Награжденъ и вмѣстѣ униженъ не по заслугамъ,—спокойно сказалъ Петръ Сергѣевичъ Миллеръ.

— Въ чемъ же причина?—продолжалъ волноваться, но стараясь себя сдерживать, Александръ Алексѣевичъ.

— Въ точности не знаю,—отвѣчалъ Алеша безъ огорченія, потому что въ глубинѣ души считалъ отъѣздъ отца благомъ для него самого и для хозяйства, не говоря уже о матери, которая страшно тревожилась все время, пока длился петербургскій «сонъ» Филимона Никаноровича.

Петръ Сергѣевичъ вздохнулъ и сказалъ:

— Филимонъ Никаноровичъ въ личномъ докладѣ своемъ государю употребилъ, противно предписанію, слово «отечество», а нынѣ отечество отмѣнено и существуетъ только «государство». И хотя новый сенаторъ, участвующій въ комиссіи по составленію законовъ, не могъ отказаться отъ забвенія, что есть слово «закопъ»,

однакоже императоръ призналъ его выжившимъ изъ ума старикомъ, не допускающимъ, что если нѣтъ закона, то «повелѣніе» есть, какъ надлежитъ выражаться. И нѣтъ слова «свобода», а есть «позволеніе». При всемъ томъ императоръ припомнилъ, что въ самый день милости, оказанной Филимону Никаноровичу, онъ не всталъ на колѣни предъ его санями...

— Какъ бы худа какого опять не вышло,—безпокойно завертѣвшись на стуль, произнесъ Лукинъ.—Не угрожаетъ ли уже звѣздѣ пламенѣющей темная туча, какъ было при покойной императрицѣ? Но нѣтъ на то большой надежды, мнится... Баженовъ, весьма извѣстный своимъ добродѣтелями и не скрывающій тайны пребыванія своего въ Соломоновомъ храмѣ, назначенъ вице-президентомъ нашей академіи. И многіе другіе признаки свидѣлствуютъ... И слухъ также прошелъ, что масонскія ложи даже открыты будутъ безъ стѣсненія, какъ врата въ царство единенія челоуѣковъ и крещенія ихъ огнемъ любви.

— Съ тѣхъ поръ, какъ урѣзаны были полы моей шубы и изорвана шляпа, и сначала перекрашены заборы и ворота въ казенные цвѣта, а впоследствии отмѣнено; и воочію видя предъ собой примѣръ внезапнаго возвышенія и столь же внезапнаго паденія нашего брата Филимона Никаноровича, я прихожу къ мысли, что въ семь царствованіи самое неожиданное ожиданно.

Миллеръ подошелъ къ книгамъ, досталъ одну изъ нихъ съ полки, раскрылъ наугадъ и прочиталъ вслухъ:

— На девятой строкѣ—ибо сегодня девятый день, и слѣва—ибо все искренно говорю отъ сердца,—изображено стихотворцемъ тако: «нѣтъ на свѣтѣ несчастья болѣ, какъ весь свой вѣкъ прожить въ неволѣ...»

— Аминь,—произнесъ Лукинъ и потупилъ глаза.

Алеша увидѣлъ тутъ, что Сонюшка, стоя въ передней, изъ сумрака подаетъ ему знаки рукой. Онъ немедленно повиновался и пошелъ къ ней. А она схватила его за локоть и въ темномъ углу, подъ лѣстницей, которая вела на чердакъ, сказала шопотомъ:

— Алеша, милый, есть ли что такое крѣпкое и сильное на свѣтѣ, что бь могло меня любви къ тебѣ лишить? Я должна выйти замужъ за Александра Алексѣевича, но сердце мое всегда останется роднымъ твоему сердцу... Огонь не умучить, смерть не разлучить. Уѣдешь, обо мнѣ не забудь, и вотъ возьми на память портретикъ мой на слоновой кости и прядку волосъ; а ты мнѣ свой портретикъ тоже долженъ дать. А, впрочемъ, я вѣчно буду въ сердцѣ своемъ носить образъ милаго Алеши. Ахъ, Алеша, свѣтушка мой, какъ болитъ душа моя, что не съ тобою суждено мнѣ быть вмѣстѣ въ этой жизни!

Онъ взялъ ея руку и хотѣлъ поцѣловать. Кипучее волненіе овладѣло имъ. А когда она обняла обѣими руками его голову и

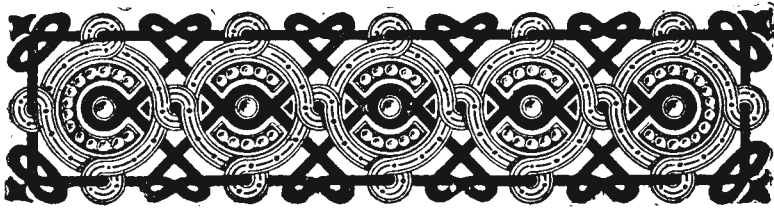
поцѣловала въ щеку—и тотчасъ убѣжала, онъ долго стоялъ, и тяжело опускалась и поднималась его грудь. Казалось, что на мгновение раскрылись для него небеса и опять сомкнулись.

Приѣхали еще гости—друзья покойнаго. Алеша вмѣшался въ толпу и радъ былъ, что на него не обращаютъ вниманія. Всецѣло погруженъ былъ онъ въ свои волненія и томленія. Нелѣпые планы приходили ему въ голову. Онъ хотѣлъ при всѣхъ объявить о своей страсти и умолить Наталью Петровну и Петра Сергѣевича, дѣда Солюшки, не лишать его блаженства. Но чѣмъ несбыточнѣе былъ планъ, тѣмъ слабѣе становилась его воля. А Солюшка сидѣла и подъ шумъ разговоровъ украдкой посматривала то благодарнымъ взглядомъ на Лукина, то любящимъ на Алешу. Пригласили гостей къ поминальному столу. Стали восхвалять умъ, сердце и твердость покойнаго. Сообщали новости о Бонапарте, о распростаненіи масонства по всему міру, кончинѣ достойнѣйшихъ братьевъ, о крестьянскихъ волненіяхъ и о князѣ Репнинѣ, которому поручено было усмирить бунтъ мужиковъ, о подпоручикѣ Федосѣевѣ, наказанномъ кнутомъ и сосланномъ на каторгу за разговоры его о волѣхъ для крѣпостныхъ «печеловѣковъ». Не могли постигнуть императора Павла. Кто онъ—врагъ или другъ? Тиранъ или братъ? Носитель свѣта или тьмы?

И въ то время, когда говорили такъ эти люди, считающіе себя братьями и пламенѣющіе чувствами любви и состраданія ко всему человѣчеству, которое было для нихъ родиной и единственно почитаемою ими республикою, потряслись стѣны дома, и стекла затрещали въ окнахъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ: императоръ Павелъ праздновалъ закладку великолѣпнаго дворца, въ которомъ суждено было ему погибнуть безславной смертію, потому что онъ отдалъ предпочтеніе тьмѣ передъ свѣтомъ, отвергъ великую цѣль единенія съ братствомъ и человѣчествомъ и вышелъ одинокій, любовластный, никѣмъ уже не охраняемый, изъ священнаго круга тѣсно сплетенныхъ рукъ.

І. Ясинскій.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

Николай Григорьевич Рубинштейнъ.—Одинъ изъ его романовъ.—Первая опера Чайковскаго «Воевода».—Князь Одоевскій.—Съровъ.—Первая постановка «Рогатды» — Обратная сторона медали.—Чайковскій какъ человѣкъ.—Смерть Н. Г. Рубинштейна за границей.—Его погребеніе въ Москвѣ.

ДНОЮ изъ симпатичнѣйшихъ личностей, когда-либо встрѣчавшихся мнѣ на жизненномъ пути, былъ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ, чисто артистическая нервная натура, человѣкъ, одаренный всѣми характерными достоинствами и... всѣми не менѣе характерными недостатками прирожденнаго артиста.

Еврей по происхожденію, но не имѣвшій въ характерѣ ровно ничего іудейскаго, Н. Г. Рубинштейнъ горячо любилъ всѣхъ близкихъ ему людей, охотно восхищался чужими трудами и чужимъ талантомъ, благоговѣлъ передъ своимъ даровитымъ братомъ, и не любилъ даже, чтобы его сравнивали съ Антономъ Григорьевичемъ.

Я съ нимъ познакомилась и очень дружески сошлась въ домѣ Бѣгичевыхъ, гдѣ онъ былъ на ногѣ своего родного человѣка, и гдѣ ему, какъ и Чайковскому, всегда безцеремонная, Марья Васильевна, не говорила иначе, какъ «ты», и не называла его иначе, какъ «Николай» или «Никуля».

Серьезный и, несомнѣнно, богато одаренный природой музыкантъ, Николай Григорьевичъ сдѣлалъ въ сущности меньше, нежели онъ могъ бы сдѣлать, и въ этомъ виновата не столько его артистическая беззаботность, подчасъ переходившая въ положительную

лѣнь, сколько глубокое сознание, что подлѣ гениальнаго брата ему почти нечего дѣлать и что рядомъ съ нимъ всякая артистическая работа его ступается и отойдетъ на второй планъ.

Отъ соперничества съ братомъ Н. Г. былъ такъ же далекъ, какъ и отъ зависти къ нему, онъ просто сознавалъ, что долженъ дать ему дорогу, и почтительно сторонился, причемъ эта скромность невольно отзывалась на прогрессивномъ движеніи его личнаго таланта.

Консерваторіей Николай Григорьевичъ искренно увлекался, какъ увлекался онъ на первыхъ порахъ всякой новой идеей въ мѣрѣ искусства, но и тутъ онъ не позволялъ себѣ никакого примиренія, и визиты брата его въ управляемую имъ московскую консерваторію встрѣчались съ тѣмъ же благоговѣйнымъ вниманіемъ и почти страхомъ, съ какимъ сопряжены визиты лицъ царской фамиліи въ казенныя учрежденія и институты.

Все подтягивалось, все трепетно приготовлялось, и Николай Григорьевичъ волновался и готовился усердиѣе всѣхъ остальныхъ.

Антонъ Григорьевичъ, съ ранняго дѣтства никогда не разставшійся съ братомъ, съ которымъ былъ связанъ узами самой неразрывной дружбы, относился къ нему въ дѣлахъ, касавшихся консерваторіи, какъ старшій къ младшему, и нѣсколько свысока провѣрялъ, а подчасъ и критиковалъ все имъ сдѣланное. Николаю Григорьевича такая критика не только не оскорбляла, а, напротивъ, внушала ему, какъ будто, еще сильѣйшее благоговѣйное уваженіе къ уму и опытности брата.

Впрочемъ, строгая провѣрка и критика знаменитаго композитора ограничивалась чисто артистической стороною дѣла и внутренняя, такъ сказать, нравственная сторона дѣла оставалась для Антона Григорьевича совершенно чуждой и, видимо, даже мало интересовала его.

А здѣсь-то именно и была слабая сторона управленія московской консерваторіи.

Нравы въ ней были крайне распушены, воспитанницы, ставя самое ученіе на второй планъ, заняты были главнымъ образомъ нарядами и романами, и всѣ поголовно были болѣе или менѣе безнадежно влюблены въ своего увлекательнаго и довольно легко увлекавшагося директора, и это, между прочимъ, подало поводъ къ очень грустному случаю, надолго смутившему покой Николая Григорьевича.

Въ числѣ молодыхъ дѣвушекъ, занимавшихся privato въ консерваторіи, была молоденькая гувернантка, незадолго передъ тѣмъ сама только что окончившая курсъ въ одномъ изъ московскихъ институтовъ и одаренная ежели не особенно выдающимся, то во всякомъ случаѣ недожиннымъ музыкальнымъ талантомъ. Она еще въ институтѣ шла по музыкѣ впередъ всѣхъ своихъ подругъ,

и Рубинштейнъ, слышавшій ее на выпускномъ экзаменѣ, обратилъ на нее вниманіе и посовѣтовалъ ей продолжать серьезно заниматься музыкой. Исполнить это, въ строгомъ смыслѣ, она не могла, средства ей этого не позволяли, но слова молодого и красиваго директора консерваторіи запали ей въ душу, и она, принявъ мѣсто гувернантки въ Москвѣ, выговорила себѣ нѣсколько часовъ исключительнаго занятія музыкой.

Консерваторію она посѣщала аккуратно и, скоро убѣдившись, что жизнь въ чужомъ домѣ обязательно помѣшаетъ ей отдаться любимому искусству, она, удовольствовавшись частными уроками, стала жить самостоятельно.

Одновременно съ быстро развивавшимся талантомъ росла въ молодой душѣ и горячая любовь къ плѣнительному директору, и мало-по-малу любовь эта охватила всю ее жизнь безъ остатка.

Она жила только тѣми днями, когда посѣщала консерваторію и видѣла Николая Григорьевича, играла только то, что игралъ при ней онъ, бывала только тамъ, гдѣ могла его встрѣтить, и видѣ охватившаго ее чувства не понимала и не хотѣла понимать ничего.

Насколько самъ Рубинштейнъ сознавалъ эту преданную, безумную любовь и насколько серьезно онъ на нее откликнулся—рѣшить трудно, извѣстно только, что онъ сталъ бывать у нея, въ ея скромной маленькой комнаткѣ, и что у нея появилось нѣсколько портретовъ Рубинштейна съ очень лестными и любезными надписями.

Такъ прошелъ весь зимній сезонъ, въ концѣ котораго визиты Рубинштейна сдѣлались болѣе рѣдкими, а наконецъ и совершенно прекратились. Онъ отговаривался недосугомъ и спѣшными сборами за границу, куда уѣзжалъ вмѣстѣ съ братомъ на цѣлую серію концертовъ.

Одновременно съ этимъ и молодой дѣвушкѣ, которая не могла рассчитывать на уроки въ теченіе весенняго и лѣтняго сезона, приходилось вновь поступать въ чужой домъ и надолго, а можетъ быть и навсегда, разставаться съ той свѣтлой, обаятельной жизнью, какую создала она себѣ въ своемъ уютномъ уголкѣ, освѣщенномъ частымъ присутствіемъ ея кумира...

Подписывая условіе съ тѣмъ домомъ, въ который она тотчасъ послѣ Пасхи обязывалась поступить гувернанткой, она точно смертный приговоръ свой подписала.

А время все шло и шло, и назначенъ былъ день прощальнаго концерта Николая Григорьевича, вслѣдъ за которымъ долженъ былъ послѣдовать отъѣздъ его за границу.

Рубинштейнъ встрѣтился съ молодой дѣвушкой въ консерваторіи и, глубоко тронутый, почти испуганный тѣмъ глубокимъ горемъ, которое свѣтилось въ каждомъ ея взглядѣ, слышалось

въ каждомъ ея словѣ, самъ привезъ ей билетъ на свой прощальный концертъ.

И вновь встрѣтила она его въ своемъ укромномъ уголкѣ...

И вновь лучъ прежняго безумнаго счастья мелькнулъ въ ея разбитой душѣ...

Глубоко тронутая вниманіемъ Рубинштейна, молодая дѣвушка дала ему слово непременно быть на его концертѣ и свято сдержала это слово.

Она пріѣхала одной изъ первыхъ, внимательно и крайне возбужденно прослушала всѣ нумера концерта, въ которомъ, по разъ принятому имъ обыкновенію, Николай Григорьевичъ участвовать единолично, и въ послѣднемъ антрактѣ, предшествовавшемъ финалу концерта, вышла въ одну изъ боковыхъ залъ, опустилась на банкетку передъ портретомъ императрицы Екатерины II и спокойнымъ, мѣтко направленнымъ выстрѣломъ пустила себѣ пулю въ сердце...

Ударъ былъ мѣткій, хорошо рассчитанный...

Смерть была мгновенная...

И вновь раздавшіеся въ залѣ аккорды вдохновенной музыки талантливаго артиста слились съ зловѣщимъ гуломъ перенутанныхъ голосовъ встревоженной публики...

Рубинштейнъ тревожно прислушался... обратилъ вопросительный взглядъ на первые ряды кресель... и, кончивъ первую пьесу и раскланявшись въ отвѣтъ на горячіе аплодисменты, торопливымъ шагомъ сошелъ съ эстрады...

Послѣ минутнаго перерыва его, противъ обыкновенія, видимо, импровизированнымъ образомъ смѣнилъ какой-то пѣвецъ... За пѣвцомъ послѣдовалъ извѣстный и всѣми любимый виолончелистъ, имени котораго тоже не было на афишѣ, какъ не было никогда ничьихъ постороннихъ именъ въ дни рубинштейновскихъ концертовъ... и когда Николай Григорьевичъ вновь появился на эстрадѣ, лицо его носило слѣды тяжело пережитыхъ минутъ...

Онъ сѣлъ за рояль, откинулъ назадъ свою характерную голову и сыгралъ Шумановскій «Wagen», а затѣмъ знаменитую элегію Эрста...

Обѣ пьесы были не концертныя и исполнялись имъ, очевидно, безъ подготовки, какъ бы по вдохновенію...

Игралъ онъ, какъ никогда...

Клавирши стонали и плакали подъ его пальцами, и самъ онъ, блѣдный и тяжело дышавшій, казался больнымъ и измученнымъ...

На другой день, рано утромъ, онъ былъ въ клинической часовнѣ, у гроба несчастной молодой самоубійцы... горячо молился... осыпалъ гробъ цвѣтами, передалъ священнику крупную сумму на погребеніе и поминаеніе покойницы и съ первымъ отходившимъ изъ Москвы поѣздомъ выѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда за границу.

Никогда впоследствии онъ не говорилъ ни съ кѣмъ о несчастной молодой дѣвушкѣ и не любилъ напоминанія объ этомъ романтическомъ происшествіи, а только карточку свою, найденную на груди самоубійцы, взялъ къ себѣ и, по словамъ Чайковского, хранилъ ее до своей смерти.

П. И. Чайковскій, всегда близко стоявшій къ Рубинштейну, живо помнилъ подробности всей этой горькой исторіи, хорошо зналъ и живо сохранилъ въ памяти своей образъ молодой дѣвушки и, по его собственному сознанию, подъ вліяніемъ этого воспоминанія, написалъ свой извѣстный «Фатумъ».

Съ Чайковскимъ Рубинштейна связывала самая горячая, искренняя дружба; его серьезно огорчилъ неуспѣхъ первой оперы Чайковского «Воевода», сдѣланной изъ пьесы Островскаго «Сонъ на Волгѣ», онъ съ глубокимъ порицаніемъ отнесся къ Сѣрову, отказавшемуся найти въ этомъ первомъ опытѣ нарождавшагося таланта тѣ серьезные задатки, какіе видѣлъ онъ самъ, и отнесъ это къ чувству зависти передъ открывавшеюся широкой композиторской дѣятельностью молодого музыканта... и съ глубокимъ удивленіемъ встрѣтилъ то же равнодушіе въ князѣ Одоевскомъ, котораго никто, конечно, не могъ заподозрѣть въ чувствѣ зависти.

Князь былъ само снисхожденіе, сама ласка, сама любовь, и надо было, чтобы вещь не искупалась никакимъ положительно достоинствомъ, для того, чтобы она не вызвала похвалы съ его стороны, а между тѣмъ князь Одоевскій, присутствовавшій на первомъ представленіи «Воеводы» въ ложѣ Марьи Васильевны Бѣгичевой, отнесся къ начинавшему композитору вполне отрицательно и не призналъ за нимъ никакой будущности.

Сѣровъ тоже входилъ въ этотъ вечеръ въ нашу ложу и какъ-то особенно холодно отнесся къ первому композиторскому опыту Чайковского, замѣтивъ вскользь, что всѣ молодые представители русской консерваторіи способны думать, что нѣтъ ничего легче, какъ написать оперу, и что для этого нужно только знаніе контрапункта, какой-нибудь подходящій сюжетъ, много смѣлости да много потной бумаги...

Запасчивость такого сужденія особенно оправдывалась громаднымъ успѣхомъ, который встрѣтилъ оперу Сѣрова «Рогнѣда», въ тотъ же сезонъ поставленную на императорской сценѣ.

Дѣйствительно, «Рогнѣда» имѣла успѣхъ колоссальный, чѣмъ она, помимо дѣйствительныхъ музыкальныхъ достоинствъ, въ значительной степени была обязана прекрасной игрѣ артистовъ и чарующему голосу пѣвца Орлова. Прелестна была также въ роли Рогнѣды совсѣмъ еще юная въ то время артистка Кадмина, такъ горько кончившая самоубійствомъ много лѣтъ спустя въ Харьковѣ, уже на ампула драматической премьерши.

Мнѣ уже приходилось говорить объ отрицательномъ успѣхѣ «Воеводы», и мнѣ живо памятно возвращеніе въ этотъ вечеръ изъ

театра въ домъ Бѣгичевыхъ, куда, по обыкновению, проѣхалъ и Чайковскій, до крайности сконфуженный результатомъ своего дебюта на подрищѣ композитора.

Бѣгичевы, какъ я уже говорила, искренно и горячо любившіе Чайковскаго, были сконфужены и огорчены не меньше его, и Владимиръ Петровичъ, хорошо понимавшій, что, помимо неудовлетвореннаго самолюбія, постигшее Чайковскаго разочарованіе нанесло ему и матеріальный ущербъ тѣми напрасными надеждами, какія онъ возлагалъ на полученіе перспективной платы, успѣшили утѣшить его, пообѣщавъ, что во что бы то ни стало онъ настоитъ на повтореніи новой оперы хотя бы три или четыре раза.

О большемъ въ то сравнительно недалекое время знаменитый композиторъ и мечтать не дерзалъ...

Рубинштейнъ, тоже пріѣхавшій къ Бѣгичевымъ, всѣми силами старался окуражить въ конецъ разочарованнаго въ своихъ силахъ Чайковскаго, утверждая, что тѣ, кто не нашелъ достоинствъ въ его композиторскомъ опытѣ, ничего не смыслятъ, или, что еще хуже, ничего «не хотятъ смыслить» въ оперной музыкѣ. Онъ не хотѣлъ даже считаться съ тѣмъ, что въ общую клику этихъ «не смыслящихъ» онъ причислялъ и Сѣрова, и Одоевскаго, и стоялъ на своемъ, пророчески завѣряя, что за Чайковскимъ серьезная музыкальная будущность.

Между тѣмъ Марья Васильевна Бѣгичева, лучше, нежели кто-нибудь, знакомая съ русской пѣсней, сѣла къ роялю и, припоминая мотивы только что прослушанной оперы, съ ужасомъ говорила Чайковскому:

— Ахъ, Петька!.. Да вѣдь это ты все наворовалъ?..

— Какъ?.. Откуда?!—съ ужасомъ спрашивалъ Чайковскій.

— Да прямо изъ старыхъ русскихъ пѣсень надергалъ!.. Слушай!

И она, поочередно припоминая и заставляя самого композитора наигрывать только что прослушанные мотивы, велѣлъ затѣмъ наигрывать самая старья и мало кому извѣстная русскія народныя пѣсни, съ которыми эти мотивы имѣли такъ много общаго, что одни казались прямо-таки списанными съ другихъ.

— Вотъ это «Сизый голубчикъ»... Слушай!... Это «Во дубякахъ»... А это вотъ «На полянѣ на широкой»... Ну, что?... Самъ видишь?..

Чайковскій слушалъ и все ниже и ниже опускалъ голову...

Дѣйствительно, онъ убѣждался, что вся «сочиненная» имъ опера была почти сплошнымъ повтореніемъ указываемыхъ Бѣгичевой мотивовъ, а между тѣмъ онъ зналъ и клятвенно могъ завѣрить, что понятія объ этихъ мотивахъ не имѣлъ и никогда въ жизни нигдѣ ихъ не слышалъ...

— Ай-ай-ай!.. Да что же это такое?...—съ ужасомъ восклицалъ онъ и прибавлялъ съ свойственной ему оригинальностью:

— Вѣдь это подъ столъ надо спрятаться?..

— Никуда тебѣ прятаться не надо!—съ гордой увѣренностью отстаивалъ его Рубинштейнъ.—Ежели ты говоришь, что не слыхалъ ничего подобнаго, значить въ самомъ дѣлѣ не слыхалъ... Тебѣ не вѣрить никто не смѣетъ! Ты не лгунъ! А совпаденіе это доказываетъ единственно только то, что ты, какъ большой талантъ, вполне постигнулъ духъ русской пѣсни и выразилъ ее въ тѣхъ именно звукахъ, въ какихъ она вылилась изъ души русскаго народа...

Слова эти были пророческими...

Конечно, Чайковскій въ ту минуту, какъ и всегда, былъ само-бытнымъ творцомъ всего имъ написаннаго и «украсть» никакой въ мірѣ мелодіи не могъ...

Будущій славный композиторъ врядъ ли самъ той же горячей любовью отвѣчалъ на привязанность Рубинштейна. Чайковскій былъ натура холодная, сосредоточенная и выше и дороже себя не зналъ въ мірѣ никого. Это былъ одинъ изъ тѣхъ эгонстовъ, которымъ ни до чужой души, ни до чужой судьбы не было никакого дѣла... Чувство благодарности было ему такъ же чуждо, какъ и чувство любви и привязанности.

Яркимъ доказательствомъ тому было отношеніе его къ семьѣ Бѣгичевыхъ, въ которой онъ былъ принятъ и любимъ, какъ родной и которой онъ потому только не причинилъ крупнаго и непоправимаго зла, что его до этого со стороны не допустили.

У Марьи Васильевны отъ перваго ея брака съ Степаномъ Степановичемъ Шплювскимъ остались два сына, изъ которыхъ старшему, Константину, въ эпоху брака ея съ Бѣгичевымъ было шестнадцать или семнадцать лѣтъ, а младшему, Владимиру, всего только четырнадцать. Желать брака матери мальчики не могли, потому что, помимо выдающейся красоты, Бѣгичевъ положительно ничѣмъ не отличался и при всей добротѣ своей не могъ похвастать и серьезными нравственными устоями. Еще при жизни первой жены своей, рожденной Новиковой, онъ по цѣлымъ недѣлямъ пропадалъ въ домѣ Шплювской, забывая и о женѣ, и о дѣтяхъ, которыхъ у него было трое.

Онъ въ то время занималъ болѣе нежели скромное мѣсто зрителя московскаго Дворянскаго собранія, въ зданіи котораго и имѣлъ довольно большую, но мрачную и сырую квартиру. Жалованье онъ получалъ ничтожное, при его безалаберности его доставало и на одну недѣлю, и все остальное время женѣ съ дѣтьми чуть не голодать приходилось. У дѣвочекъ не было порядочнаго платья, а маленькій мальчикъ ходилъ положительно разутый. Жена Бѣгичева, любящая, терпѣливая и совершенно святая женщина, ни на что не жаловалась, ничего не требовала, и тихо и покорно умирала въ злой чахоткѣ, почти безъ докторской помощи.

Марья Васильевна даже и при этихъ условіяхъ она порой мѣшала, и когда однажды, по ея настоянію, семья Бѣгичевыхъ была

отправлена за границу подъ предлогомъ необходимаго леченія, то средства, выданныя Марьей Васильевной, были такъ скромны и такъ ограниченны, что Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ, отправившійся мѣсяца черезъ два или черезъ три послѣ нихъ въ Берлинъ, засталъ ихъ въ безысходной крайности, въ неоплаченномъ и сыромъ номерѣ плохой гостиницы, гдѣ старшая дѣвочка по почамъ потихоньку отъ прислуги стирала костюмчики и бѣлье маленькаго брата.

Онъ тотчасъ же выручилъ ихъ изъ бѣды и немедленно написалъ самъ къ Бѣгичеву, къ которому, какъ оказывалось, жена уже нѣсколько разъ писала, не получая отвѣта на свои письма.

На повѣрку оказалось, что половина писемъ до него не доходила, а на тѣ, которыя попадали въ его руки, онъ просто «забывалъ» отвѣчать, вслѣдствіе той исключительной безпечности, которая, при всей его добротѣ, лежала въ основѣ его характера и, по собственному его выраженію, «мѣшала» ему быть добрымъ.

Мальчики Шиловскіе, бывшіе уже въ томъ возрастѣ, когда многое понимается, а остальное смѣло угадывается, не могли шутить къ Бѣгичеву ни особой симпатіи, ни особаго уваженія, и какъ въ моментъ брака матери, такъ и впослѣдствіи между пасынками и отчимомъ возникали время отъ времени нѣкоторыя недоразумѣнія, чаще проскальзывавшія между Бѣгичевымъ и меньшимъ, страшно избалованнымъ сыномъ Марьи Васильевны.

Мужъ ея, С. С. Шиловскій, умирая, оставилъ ей отдѣльное, вполнѣ независимое состояніе, дававшее ей около двадцати тысячъ годового дохода, и, кромѣ того, она состояла опекуной сыновей, доходы которыхъ равнялись семидесяти тысячамъ въ годъ на каждаго изъ братьевъ. Безконтрольно управляя и своимъ и дѣтскимъ имуществомъ и ведя царскій образъ жизни, Марья Васильевна, при помощи второго мужа, ухитрялась прожить положительно все, и свое и дѣтское, ничего не закладывая и не продавая единственно потому только, что этого она сдѣлать не имѣла права по закону.

Всѣ близко стоявшіе къ семьѣ Бѣгичевыхъ видѣли и эти широкія, ни передъ чѣмъ не останавливавшіяся издержки, и эти безшабашныя траты, и вмѣстѣ съ тѣмъ знали и ихъ источникъ.

Въ томъ числѣ хорошо зналъ все это и П. И. Чайковскій, особенно дружный съ младшимъ сыномъ Марьи Васильевны, Владимиромъ Степановичемъ, въ то время полуробенкомъ, которому едва минуло шестнадцать лѣтъ. О подкладкѣ этой исключительной дружбы, доходившей до институтскаго обожанія, въ то время говорили очень много и очень нехорошо, но повторять всѣхъ этихъ толковъ никто не въ правѣ, вѣрно только то, что когда въ 1869 году старшему Шиловскому минуло двадцать одинъ годъ, и мать спросила его, желаетъ ли онъ потребовать отъ нея полнаго отчета по управленію его имѣніемъ, то онъ, принявъ такой вопросъ за личную для себя обиду, не глядя подписалъ свое полное удовле-

твореніе отчетомъ, котораго въ глаза не видалъ, и согласно которому на него лично во время его несовершеннолѣтія выходило ежегодно по семидесяти тысячъ рублей.

Владимиру Шиловскому въ то время было только семнадцать лѣтъ, и ему до перваго неполнаго совершеннолѣтія оставался еще годъ, который и былъ проэксплоатированъ его друзьями въ томъ смыслѣ, что, когда ему минуло полныхъ восемнадцать лѣтъ, дающихъ ему по закону право выбрать себѣ попечителя и потребовать отъ опекуновъ полнаго отчета по опекѣ,—молодой Шиловскій отказался отъ дальнѣйшаго управленія матери и вмѣстѣ съ требовавшимъ отъ нея полнаго отчета по всѣмъ дѣламъ за все время, протекшее со смерти отца, выразилъ желаніе, чтобы попечителемъ къ нему назначенъ былъ Петръ Ильичъ Чайковскій. Безъ вѣдома послѣдняго такое избраніе не могло имѣть мѣста; притомъ же къ прошенію, поданному въ этомъ смыслѣ меньшимъ Шиловскимъ, приложено было и формальное согласіе Чайковскаго принять на себя означенное попечительство.

Такое отношеніе горячо любимаго сына, какъ громомъ, поразило Марью Васильевну, и она съ обычной ей рѣзкостью набросилась на Чайковскаго. Написано было нѣсколько болѣе нежели рѣзкихъ писемъ... Пущено было въ ходъ нѣсколько не особенно разумныхъ угрозъ, и только при дѣятельномъ вмѣшательствѣ Константина Шиловскаго дѣло уладилось въ томъ смыслѣ, что представленный въ опеку отчетъ былъ принятъ, а импровизированный попечитель добровольно отказался отъ лестнаго избранія.

Съ Бѣгичевыми я въ это время разошлась, и не знаю, какъ встрѣтилъ Рубинштейнъ эту выходку своего любимаго товарища, но ранѣе можно сказать, что сочувствовать такому некорректному отношенію къ людямъ, сдѣлавшимъ ему много добра, честный и безкорыстный Рубинштейнъ не могъ. Самъ онъ, навѣрное, ни на какія въ мірѣ выгоды не польстился бы цѣною такого поступка.

Личной корысти Николай Григорьевичъ никогда не зналъ и не понималъ, и въ его карманъ всѣ его товарищи шли, какъ въ свой собственный. Получалъ онъ очень много, а тратилъ еще больше, и всегда былъ, по пословицѣ «въ долгу, какъ въ шелку». Единственной надеждой на поправку были для него тѣ два концерта, которые онъ ежегодно давалъ въ большой залѣ Дворянскаго собранія и матеріальный успѣхъ которыхъ былъ всегда гарантированъ, наравнѣ съ художественнымъ успѣхомъ. Одинъ изъ этихъ концертовъ давался обыкновенно въ разгаръ зимняго сезона, а другой—Великимъ постомъ, въ обыкновенный концертный сезонъ.

Въ каждый изъ этихъ концертовъ ему обязательно подносился богатый подарокъ отъ публики, и на моихъ глазахъ въ теченіе двухъ лѣтъ ему съ аккуратностью и постоянствомъ, достойными лучшей участи, подносилось одно и то же кольцо, разъ какъ-то

облюбованное имъ у Фульда и тотчасъ же приобрѣтенное его друзьями и поклонниками его таланта. Въ первый разъ подношеніе это доставило ему громадное удовольствіе. Онъ, какъ маленькій, носился съ кольцомъ, примѣрять его, показывалъ его всѣмъ и каждому, и, кажется, даже ночью съ нимъ не разставался. Но пришелъ моментъ финансоваго кризиса—а такихъ моментовъ въ жизни талантливаго музыканта было не мало—весь наличный кредитъ былъ исчерпанъ, и... пришлось взяться за кольцо. Сначала онъ хотѣлъ заложить его, но затѣмъ принялъ совѣтъ актера Константинова, всегда умудрявшагося выйти изъ всѣхъ въ мірѣ затруднительныхъ положеній, и, отправившись съ нимъ вмѣстѣ къ Фульду, предложилъ ему купить у него обратно кольцо, съ извѣстной уступкой. Фульда согласился на условіяхъ, довольно тяжелыхъ для опрометчиваго владѣльца кольца, и кольцо вновь вернулось къ прежнему владѣльцу, съ условіемъ не тотчасъ выставлять его въ витринѣ, чтобы не вызвать непріятныхъ для самолюбія разговоровъ. Фульда, съ находчивостью своего племени, предложилъ даже вовсе кольца въ витрину не ставить, на томъ условіи, что къ слѣдующему бенефису Рубинштейна оно будетъ вновь приобрѣтено для вторичнаго подношенія ему.

Подробностями этой ловкой комбинаціи всецѣло занялся Константиновъ,—самому Рубинштейну она была слишкомъ несвойственна,—и въ первый же бенефисный концертъ дѣло пошло какъ по маслу. Опять среди друзей и поклонниковъ артиста бойко пошла подписка, опять ловкій Фульда по прежней цѣнѣ продалъ пресловутый перстень, и опять черезъ двѣ или три недѣли онъ попалъ въ цѣпкія руки ювелира. Вскорѣ все это сдѣлалось извѣстно сначала близкимъ и друзьямъ симпатичнаго концертанта, а затѣмъ и всей публикѣ, и исторія съ «дежурнымъ перстнемъ» прекратилась, къ величайшей досадѣ Константинова, сумѣвшаго и тутъ извлечь для себя кое-какую выгоду, и къ величайшему конфузу фирмы Фульда, къ славлѣ которой эта «комбинація» не прибавила ничего особенно лестнаго.

Въ общемъ, нерасчетливѣе и безалабернѣе Рубинштейна въ денежныхъ дѣлахъ нельзя было себя ничего представить.

Онъ самъ никогда не зналъ, сколько именно у него денегъ въ карманѣ, и когда къ нему обращались за денежной услугой,—а обращались къ нему всѣ безъ разбора,—то онъ отдавалъ все, что у него было, и подчасъ самъ отправлялся въ тотъ же день за займомъ.

Лучшимъ доказательствомъ отсутствія любостыжанія въ характерѣ симпатичнаго пианиста было то, что при крупныхъ доходахъ своихъ онъ не только не скопилъ ничего за долгіе годы своей неутомимой артистической дѣятельности, но не оставилъ послѣ себя ровно ничего.

Умеръ Рубинштейнъ за границей, и извѣстіе объ его кончинѣ произвело большую сенсацію въ Москвѣ, гдѣ его привыкли любить.

Прахъ его, перевезенный въ Москву, былъ встрѣченъ съ большимъ торжествомъ, которое было омрачено только тѣмъ обстоятельствомъ, что распорядителемъ церемоніи явился московскій купецъ А. Н. Алексѣевъ, впоследствии московскій городской голова, который внесъ даже въ подробности грустной церемоніи тотъ характеръ сумбурнаго комизма, который былъ присущъ всему, въ чемъ онъ принималъ участіе. Онъ распорядился зажечь съ утра всѣ фонари вдоль по пути слѣдованія печальнаго кортежа, разставилъ какихъ-то рыцарей печальнаго образа, самъ забрался на коня и, никогда въ жизни не бывъ ни искуснымъ наѣздникомъ, ни особенно эффектнымъ кавалеристомъ, прогарцовалъ на всемъ длинномъ пути шествія печальной процессіи по правую сторону траурной колесницы, вызывая удивленіе, а мѣстами и неумѣстный, но не удержимый смѣхъ публики.

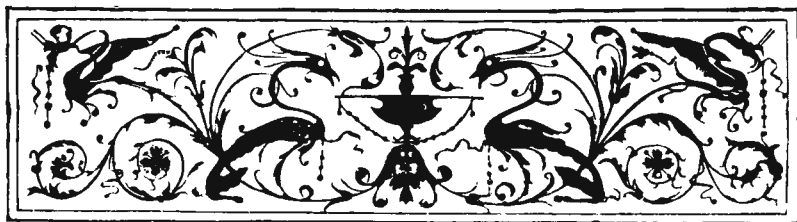
Впоследствии въ обществѣ существовала версія, будто бы такъ торжественно и оригинально хоронили въ сущности вовсе не родного и близкаго всей Москвѣ Николая Григорьевича Рубинштейна, а какую-то нѣмецкую старушку-баронессу, умершую одновременно съ Рубинштейномъ за границей и гробъ которой на одной изъ промежуточныхъ станцій былъ замѣненъ прахомъ незабвеннаго музыканта, который, въ силу этой посмертной путаницы, отправился на вѣчное упокоеніе въ мрачный склеп какого-то стариннаго германскаго замка.

Оригинальная версія эта нашла себѣ подтвержденіе въ томъ, что всѣмъ на погребеніи Рубинштейна бросился въ глаза маленькій объемъ ящика, вмѣщавшаго въ себѣ гробъ,—совершенно несогласный съ ростомъ покойнаго Николая Григорьевича. Ежели это точно справедливо, то и тутъ опять виновато суетливое вмѣшательство Алексѣева, который задержалъ прибывшій съ вечера поѣздъ на запасномъ пути, заставилъ передвинуть вагоны и такъ далеко отвести траурный вагонъ съ гробомъ Рубинштейна, что при окончательной сортировкѣ ихъ въ моментъ самаго погребенія могла имѣть мѣсто вышеупомянутая путаница.

Какъ въ музыкальномъ мірѣ, такъ равно и среди всѣхъ близко соприкасавшихся съ нимъ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ оставилъ по себѣ свѣтлую память человѣка, никогда умышленно не причинившаго никому никакого горя и не внесшаго ни въ чью жизнь никакой тревоги.

Даже то кажущееся зло, какое онъ подчасъ вносилъ въ чью-нибудь жизнь, было зломъ невольнымъ, въ которомъ его злая воля не играла никакой роли... Онъ любилъ людей, и люди его любили, и память о немъ свѣтлымъ лучомъ прошла среди современнаго ему общества.

А. И. Соколова.

МОИ ВСТРѢЧИ СЪ ГЕОРГИЕМЪ ГАПОНОМЪ.

ВЪ ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ, во вторникъ 28-го марта 1906 года, въ 7 часовъ вечера, въ Озеркахъ (въ окрестностяхъ Петербурга), на дачѣ Звѣрицкой, нанятой на имя И. И. Путилина, было совершено убійство Гапона. «Я не присутствовалъ при казни, — пишетъ г. П. Рутенбергъ¹⁾; — поднялся наверхъ только тогда, когда миѣ сказали, что Гапонъ скончался. Я видѣлъ его висящимъ на крюкѣ вѣшалки въ петлѣ. На этомъ крюкѣ онъ остался висѣть. Его только развязали и укрыли шубой». Такъ закончилась политическая карьера человѣка, имя котораго пронеслось по всему міру, который, по праву, можетъ считаться родоначальникомъ выступленія въ Россіи народныхъ массъ на улицу, однимъ изъ дѣйствительныхъ революціонеровъ. Георгій Гапонъ, съ именемъ котораго связаны первые шаги русскаго освободительнаго движенія, черезъ годъ два мѣсяца и девятнадцать дней своей общественной дѣятельности очутился висящимъ «на крюкѣ вѣшалки въ петлѣ». Sic transit gloria mundi!... Преходяща слава міра!...

Еще не пришло время давать оцѣнку Гапона, какъ общественнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе слишкомъ рано разбираться въ его дѣятельности послѣ 17-го октября, такъ какъ поведеніе Гапона въ этотъ періодъ слишкомъ неясно и даже «обвинительный» актъ Гапона, напечатанный въ 11—12 номерѣ «Былого» въ 1909 году, еще болѣе затемняетъ дѣло Гапона о предательствѣ, запутывая самого же обвинителя г. П. Рутенберга въ тѣхъ же самыхъ «предательскихъ»,

¹⁾ «Былое», № 11—12. Paris, 1909 г., стр. 90.

«Истор. вѣстн.», февраль 1912 г., т. СХХVII.

дѣйствіяхъ, въ какихъ онъ обвиняетъ Гапона. Въ этомъ отношеніи послѣдующимъ историкамъ предстоитъ сложная задача пролить свѣтъ на много темныхъ сторонъ, остающихся до сихъ поръ совершенно неясными въ дѣлѣ о «предательствѣ» Гапона.

Въ настоящемъ очеркѣ я ограничусь только обрисовкой личности Гапона на фонѣ русской общественной жизни за границей, причемъ эти воспоминанія основаны на личномъ знакомствѣ съ Гапономъ и встрѣчахъ съ нимъ въ Женевѣ, съ августа по октябрь 1905 года.

I.

Событія 9-го января 1905 года произвели ошеломляющее впечатлѣніе за границей и тѣмъ большее на русскія колоніи, въ частности же въ Женевѣ, гдѣ въ то время находилось много русскихъ.

Утромъ 10-го января на улицахъ Женевы, въ особенности въ предмѣстьи Saugy, ходили кучки возбужденныхъ русскихъ съ газетами въ рукахъ, оживленно бесѣдуя о только что прочитанныхъ событіяхъ въ Россіи. Короткія телеграммы раздражали читателей, вызывали всевозможныя догадки, предположенія, но всѣ понимали, что тамъ, въ далекой Россіи, что-то свершилось, сдвинулось съ прежней позиціи, что-то наступило огромное.

«Началось!»—невольнo срывалось у всѣхъ безъ различія, но что именно—было для всѣхъ мучительной загадкой. «C'est bien com-
mencé¹⁾»,—вмѣшивались въ разговоры русскихъ обыкновенно не-
общительные швейцарцы:—*et dites donc, qui est ce votre pope
Gaпон?*»

Дѣйствительно, кто же былъ героемъ всѣхъ происшедшихъ со-
бытій, кто былъ тотъ, за которымъ послушно пошла наэлектризо-
ванная толпа, который явился выразителемъ мнѣнія возбужден-
ныхъ народныхъ массъ и облеченнымъ полнымъ довѣріемъ хода-
таемъ и борцомъ за «униженныхъ и оскорбленныхъ». Георгій Га-
понъ, никому неизвѣстный священникъ, и вдругъ во главѣ круп-
наго общественнаго движенія, вынесенный взволновавшимся на-
роднымъ моремъ на гребни вспѣнншихся волнъ—все это какъ-то
не вязалось съ мыслью о герояхъ воспламенявшихся массъ, пред-
водители которыхъ обыкновенно рисуются нашимъ воображеніемъ
въ обличіи штатскомъ или военномъ, съ волосами, подстрижен-
ными или красиво развѣвающимися по вѣтру, наконецъ, что было
бы всего вѣроятнѣе, герой могъ быть въ рабочей блузѣ, но никакъ
не въ священнической рясѣ! Какъ всегда, Россія, даже и въ этихъ,
выковываемыхъ по заранѣе опредѣленному историческому плану
событіяхъ, показала себя своеобразной, самобытной и, на «удивленье

¹⁾ Хорошее начало, а скажите, кто это вашъ попъ Гапонъ?

всей Европы», въ особенности къ вящему помраченію нашихъ доморожденныхъ предсказателей историческихъ судебъ міра, выдвинула на арену развертывающихся событіи никому неизвѣстнаго священника Гапона и къ тому же вдобавокъ совершенно, повидимому, не обладавшаго надлежающимъ багажомъ точно и научно формулированныхъ шаблоновъ, опредѣлявшихъ экономическое, политическое и т. п. міровоззрѣнія пародившагося героя толпы.

Приблизительно дня черезъ четыре послѣ совершившихся событіи въ Россіи состоялся въ небольшомъ женевскомъ цркѣ интернаціональный митингъ, на которомъ выступали ораторами представители социалистическихъ партій въ Россіи и за границей. Говорили, главнымъ образомъ, русскіе ораторы и, по привычкѣ, каждый ораторъ пытался въ своихъ рѣчахъ указывать на приоритетъ своей партіи въ событіяхъ 9-го января. О Гапонѣ говорили мало, такъ какъ положительно никто не зналъ о немъ ничего опредѣленнаго.

Спустя нѣсколько дней послѣ митинга, среди русской колоніи распространился слухъ, что Гапонъ появился въ Женевѣ. Передавали, что Гапонъ, пріѣхавъ въ Женеву и не зная другого языка, кромѣ русскаго, долго тщетно блуждалъ по городу, пока не былъ приведенъ къ одному видному русскому социаль-демократу. Дѣйствительно, въ скоромъ времени, сперва въ нѣмецкой социаль-демократической газетѣ «Vorwärts», затѣмъ въ русскомъ заграничномъ изданіи «Искра», появились сообщенія, что Гапонъ находится за границей и уже успѣлъ, такъ сказать, самоопредѣлиться, заявивъ черезъ близкихъ къ редакціямъ лицъ, что онъ вообще и ранѣе, и во время событіи 9-го января дѣйствовалъ, если не какъ чистокровный, ортодоксальный социаль-демократъ, то во всякомъ случаѣ съ большою примѣсью социаль-демократическихъ идей.

Такое быстрое самоопредѣленіе героя вызвало неописуемую радость россійскихъ социаль-демократовъ и затаенную зависть враждовавшихъ съ ними социаль-революціонеровъ. Людямъ же безпартійнымъ приходилось недоумѣвать моментальному самопричисленію Гапона къ социаль-демократамъ и ждать дальнѣйшихъ, болѣе опредѣленныхъ выступленій Гапона въ заграничной русской прессѣ, пока же быть невольными слушателями снова возгорѣвашагося, столь неожиданно прерваннаго событіями въ Россіи спора о томъ, какая изъ партій болѣе буржуазна, какая революція будетъ въ Россіи—буржуазная или социалистическая. Однимъ словомъ, началась обычная въ колоніи словесная суতোлка, то, что одни не безъ ироніи называли «прогулкой по садамъ ортодоксальной словесности», другіе не менѣе ехидно величали «мелкобуржуазными потугами» и нѣкоторые опредѣляли просто «переливаніемъ изъ пустого въ порожнее». Надъ всѣмъ этимъ хоромъ голосовъ слышалось побѣдоносное заявленіе социаль-демократовъ о причисленіи

Гапона къ единой російской соціалъ-демократической партіи, что вполне основательно позволяло соціалъ-демократамъ смотрѣть свысока на «мелкобуржуазныхъ» соціалъ-революціонеровъ, не сумѣвшихъ залучить къ себѣ «героя».

Но вдругъ, совершенно неожиданно, распространился слухъ, подтвердившійся впоследствии печатно, о полномъ соприсчисленіи Гапона къ партіи соціалъ-революціонеровъ. Соціалъ-демократы были посрамлены и стали уже поговаривать о «мелкобуржуазности» Гапона, соціалъ-революціонеры праздновали побѣду, издавали брошюры съ прокламаціями и письмами Гапона и открыто заявляли въ своемъ органѣ «Революціонная Россія» о происшедшемъ недоразумѣніи Гапона съ соціалъ-демократами и объ окончательномъ зачисленіи его въ партію соціалистовъ-революціонеровъ.

При такихъ обстоятельствахъ состоялось появленіе на женевскомъ небосклогѣ пашумѣвшаго на весь міръ Гапона. Необходимо замѣтить, что Гапонъ ни въ Женевѣ, ни гдѣ бы то ни было за границей открыто никогда не выступалъ, отчасти по конспиративнымъ соображеніямъ партій, а также, вѣроятно, изъ боязни выдачи его иностранными правительствами Россіи. По крайней мѣрѣ, такая боязнь была у Гапона въ началѣ его пребыванія за границей.

Своимъ появленіемъ Гапонъ внесъ нѣчто новое въ жизнь нашихъ крайнихъ партій. До него лица, какъ принадлежащія, такъ и сочувствующія различнымъ партіямъ, занимались по большей части однимъ теоретическимъ словопрениемъ, доводившимъ до умственного изступленія участниковъ, которые, съ отяжелѣвшей головой и презрительнымъ отношеніемъ къ колониальному «заграничному болоту», отрясали прахъ и бѣжали обратно въ Россію. Послѣ Гапона, отчасти подъ вліяніемъ развернувшихся въ Россіи событій, отчасти также подъ вліяніемъ самого Гапона, лѣвая «периферія»¹⁾, являвшаяся наиболѣе яркой выразительницей партійныхъ взглядовъ, кромѣ прежнихъ вопросовъ о классовомъ самосознаніи, о квалификаціи грядущей революціи, буржуизности и проч., поставила на разрѣшеніе вопросъ о необходимости для партій имѣть своего героя. Именно героя, и именно своего, такъ какъ партійныхъ «мучениковъ идей» и погибшихъ «мастеровъ кроваваго цеха» накопилось уже достаточно за 25-лѣтнюю дѣятельность.

Погоня за героемъ быстро захватила крайнія партіи, которыя вначалѣ гонялись за Гапономъ, а затѣмъ закружились въ вакханаліи ловли нарождавшихся новыхъ героевъ, такъ что къ концу 1905 года, послѣ возстанія матросовъ на «Потемкинѣ», у каждой партіи было уже по нѣскольку, чуть ли не по десятку «героевъ».

¹⁾ «Периферіей» назывались широкіе круги народныхъ массъ, распропагандированныхъ или сочувствующихъ той или иной партіи,

II.

Вслѣдствіе вызванныхъ партійными разногласіями обостренныхъ отношеній, двѣ наиболѣе выдѣлявшіяся партіи—соціалъ-демократы и соціалъ-революціонеры—пришли къ убѣжденію, что рефераты, т. е. лекціи, или, вѣрнѣе, доклады официальныхъ представителей партій не только не приводятъ къ выясненію разногласій, а, наоборотъ, еще болѣе впутываютъ въ пререканія, вызывавшія иногда совершенно нежелательныя послѣдствія. Но умы бродили, какой-нибудь исходъ быть необходимъ, и поэтому было рѣшено собираться по партійнымъ группамъ съ тѣмъ, чтобы на этихъ собраніяхъ не выступали съ возраженіями лица иначе мыслящія.

Недѣли двѣ-три спустя послѣ январскихъ событій, я попалъ на одно изъ такихъ собраній, имѣвшее мѣсто въ предмѣстьи Каружъ, по обыкновенію въ кафе.

Въ Женевѣ, гдѣ общественная жизнь чрезвычайно сильно развита и всевозможные кружки и общества не имѣютъ средствъ нанимать особыя помѣщенія для засѣданій, многія собранія, даже предвыборныя, происходятъ по большей части въ кафе. Владѣльцы этихъ кафе предоставляютъ собирающимся свои помѣщенія бесплатно, но съ русскихъ устроителей собраній взимаютъ небольшую плату, объясняя этотъ поборъ тѣмъ, что русскіе не берутъ «consommation», т. е. не требуютъ во время засѣданій ни напитковъ, ни закусокъ.

Одно изъ такихъ кафе, именно кафе Handwerk, игравшее большую роль въ общественной жизни русской колоніи и извѣстное каждому русскому, оконувшемуся хоть ненадолго въ колоніальную жизнь въ Женевѣ, имѣло большія вмѣстительныя залы и сцену. Кафе Handwerk, удобно расположенное на площади Plainpalais, недалеко отъ университета и отъ улицы Carouge, гдѣ по преимуществу селились русскіе, было излюбленнымъ мѣстомъ собраній не только швейцарскихъ рабочихъ организацій, но и всей русской колоніи. Только незадолго до январскихъ событій русская колонія, вслѣдствіе партійныхъ распрій и сопряженныхъ съ ними непріятныхъ встрѣчъ съ противниками, оставила залъ Handwerk и стала собираться въ мелкихъ кафе, расположенныхъ по улицѣ Carouge, или же въ самомъ предмѣстьи Каружъ.

Небольшой залъ, куда я пришелъ на собраніе, имѣлъ довольно грязноватый видъ и былъ слабо освѣщенъ газовыми лампами. По стѣнамъ зала висѣли обтрепанные флаги различныхъ спортивныхъ кружковъ и выцвѣтшія фотографіи группъ велосипедистовъ, футболистовъ и прочихъ «истовъ». За длинными столами сидѣли слушатели. Докладчикъ говорилъ что-то старое, что уже было говорено раньше, что набивало оскомину. Рѣчь текла плавно, гладко, съ обычными въ извѣстныхъ мѣстахъ выпадами, съ заранѣе отшли-

фованными логическими умозаключеніями. Строго обдуманная, вывѣренная по политико-экономическому и социалистическому барометру мысли оратора вытекали одна изъ другой, какъ непрерывныя слѣдствія, сплетались вмѣстѣ и спокойно текли, какъ широкая многоводная рѣка, на которой давно изучена быстрота теченія и изслѣдованы всѣ извилины и опасныя мѣста. Поэтому и слушатели спокойно внимали рѣчи докладчика, невольно сравнивая голосъ докладчика съ мѣрнымъ постукиваніемъ лопастей колеснаго парохода, а залъ швейцарскаго кафе съ общей каютой на пароходѣ. По лицамъ многихъ изъ слушателей можно было заключить, что ихъ мысли давно уже перенеслись изъ душнаго зала, пропитаннаго запахомъ пива, куда-то далеко на широкій просторъ родныхъ рѣкъ и полей...

Иногда рѣчь докладчика и грезы слушателей прерывались появленіемъ гарсона или шумомъ открываемой входной двери. Всѣ оборачивались и смотрѣли на входящаго въ залъ, и снова лилась рѣчь, а мысли слушателей разлетались.

Наконецъ докладчикъ кончилъ и объявилъ небольшой перерывъ. Задвигались стулья, зашумѣли голоса, здоровались, передавали сенсаціонныя телеграммы изъ Россіи, только что прочитанныя въ «Трибункѣ» (распространенная въ Женевѣ газета «Tribune de Genève», выходящая пятью изданіями въ день).

Пришедшій незадолго до перерыва какой-то господинъ обратилъ на себя мое вниманіе. Появился онъ первый разъ и, какъ новичокъ, бросался въ глаза и своимъ котелкомъ, и своимъ краснымъ галстукомъ, какой обыкновенно носятъ сербы и болгары, и своей смуглой физиономіей, не походившей на болѣе или менѣе примелькавшіеся типы представителей русской колоніи.

Онъ сидѣлъ неподалеку отъ меня, рядомъ со знакомой дамой и разговаривалъ съ ней, окидывая въ то же время публику любопытнымъ, бѣгающимъ взглядомъ. Предполагая, что этотъ господинъ недавно изъ Россіи, я прислушивался къ разговору, желая узнать изъ первоисточника, что творится тамъ, въ далекой, родной Россіи.

— А скажите, господа... вотъ ужъ простите, не знаю, какъ васъ величать-то, скажите, вы замужемъ?

— Да, а что же?—отвѣчала дама, пристально вглядываясь въ незнакомца, обратившагося къ ней съ такимъ наивнымъ и въ то же время нескромнымъ вопросомъ, такъ какъ въ Женевѣ, въ русской колоніи, считалось признакомъ дурнаго тона, если не хуже, разспрашивать съ перваго знакомства о семейномъ или вообще о социальномъ положеніи.

Въ Женевѣ знакомство безъ предварительной рекомендаціи считалось хорошимъ и безопаснымъ, если начиналось съ разговоровъ на политическія темы. Если же знакомящійся поясняетъ свою политическую платформу и твердо на ней стоялъ, то таковой смѣло

мочь сразу же прослать за благонадежнаго, не проходя предварительнаго испытанія на обще-гражданскія свойства—соціалетичность и буржуиность.

— А скажите, и дѣти у васъ есть?—продолжалъ допытываться у моей знакомой странный господинъ въ ярко-красномъ галстукѣ.

Знакомая дама боязливо и подозрительно поглядывала на навязчиваго господина, начаршаго предлагать уже совсѣмъ несуразные въ Женевѣ вопросы.

— А скажите, сколько вашъ мужъ зарабатываетъ, на какія средства живете, сколько за квартиру платите?

Я равнодушно велушивался въ его обыденныя, будничныя слова, произносимыя имъ съ мягкимъ малороссійскимъ или какимъ-то инымъ неуволимо знакомымъ акцентомъ. «Очевидно, провинціалъ, изъ глухого медвѣжьего угла, и навѣрное сейчасъ спроситъ о цѣнѣ на мясо или заговоритъ о банѣ», рѣшилъ я, ожидавшій услышать отъ незнакомаго господина вѣсти изъ Россіи.

Перерывъ кончился, и докладчикъ предложилъ желающимъ высказываться по затронутымъ вопросамъ о крестьянскомъ землепользованіи. Главнымъ образомъ вокругъ и около этихъ вопросовъ вращались всѣ дебаты, вызывавшіе разногласія, и поэтому оппоненты сразу же появились. Посыпались цитаты, ссылки на русскіхъ и иностранныхъ авторовъ, слышались громкія имена всемірно-извѣстныхъ авторитетовъ въ области наукъ политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ, біологическихъ и др.,—однимъ словомъ, началась обычная для русскіхъ собраній процедура словоговоренія.

Въ началѣ разгоравшихся преній неожиданно поднялся незнакомый господинъ, сидѣвшій рядомъ съ моей знакомой госпожой С., и попросилъ слова. Предсѣдатель собранія охотно и, какъ мнѣ показалось, даже слишкомъ почтительно предоставилъ ему это право.

Съ удивленіемъ началъ я слушать и не узнавалъ казавшагося мнѣ обыкновеннымъ провинціаломъ незнакомца. Я уже ожидалъ, что онъ скажетъ что-нибудь неподходящее ко времени и мѣсту, что-нибудь такое, что обыкновенно заставляетъ краснѣть и смущаться за говорящаго, но рѣчь незнакомца, отрывистая, рѣзкая, плавно лилась, яркіе образы вставали одинъ за другимъ, выплывавая изъ подернутаго кровавой дымкой тумана. Незнакомецъ вспоминалъ 9-е января и говорилъ объ его значеніи для послѣдующаго теченія событій въ Россіи.

Во время своихъ скитаній за границей я слышалъ многихъ ораторовъ-трибуновъ, мирно бесѣдовавшихъ на обыкновенныхъ засѣданіяхъ или громившихъ кого-либо или что-либо на предвыборныхъ собраніяхъ и митингахъ. До нѣкоторой степени я былъ уже знакомъ съ приемами произнесенія рѣчей ораторами и внѣшними ихъ манерами. Въ этомъ отношеніи каждая національность

вносила что-нибудь свое, ей присущее и неотъемлемое; что являлось плодомъ вѣковой культуры и другихъ историческихъ вліяній на отдѣльную національность и что опредѣляло характеръ націи.

Я слышалъ горячія, страстныя, полныя горькой ироніи, ѣдкаго сарказма и веселаго юмора рѣчи русскихъ эмигрантовъ, сторавшихъ отъ вынужденной невозможности перейти отъ слова къ дѣлу и потому волей-неволей поджаривавшихся въ собственномъ соку своей кипѣвшей, не находившей исхода энергіи, на медленномъ отиѣ теорій и сухихъ, безжизненныхъ фантастическихъ, эфемерныхъ плановъ. Слышалъ я красивыя, эффектныя, отшлифованныя рѣчи французовъ, напускающихъ на себя гражданское благородство времени римлянъ, грозно помахивающихъ въ воздухѣ указательнымъ перстомъ и съ полнымъ, непоколебимымъ спокойствіемъ по-сматривающихъ на разбушевавшуюся аудиторію. Передъ слушателями опытный демагогъ, искусный трибунъ, и ему недостаетъ только римской тоги, чтобы ею производить болѣе красивыя и законченныя жесты, чѣмъ однообразное помахиваніе перстомъ. Несомнѣнно, французы по праву могутъ занять первое мѣсто среди ораторовъ другихъ національностей. Французскій ораторъ, кромѣ красоты и мѣткости рѣчи, умѣетъ убѣдить своихъ слушателей. Послѣ каждаго абзаца, послѣ каждой новой строки или даже послѣ глотка воды, проглоченной для того, чтобы промочить горло, французъ-ораторъ даетъ возможность своимъ слушателямъ выразить переполняющія ихъ чувства аплодисментами и тѣмъ самымъ подогреваетъ вниманіе аудиторіи, держать ее въ непрерывномъ напряженіи и будить иногда засыпающую, усталую мысль слушателей.

Я слышалъ рѣчи нѣмцевъ, продуманныя, тяжеловѣсныя, непреложныя, не требовавшія особыхъ исключительныхъ пріемовъ для доказательства своей убѣдительности. Слышалъ рѣчи подвижныхъ, вертлявыхъ итальянцевъ, кричавшихъ вмѣстѣ съ аудиторіей, но такой рѣчи, какую произносилъ незнакомецъ на настоящемъ собраніи, мнѣ не приходилось слышать. Такъ долженъ былъ говорить очевидецъ событій или принимавшій самъ непосредственное участіе въ кровавыхъ событіяхъ 9-го января, но никакъ не наивный провинціалъ, желающій хоть какъ-нибудь заявить о своемъ существованіи на земномъ шарѣ.

Судя по характеру оборотовъ и выраженій рѣчи знакома и по замѣтному сходству ихъ съ ходившими въ то время по рукамъ воззваніями и письмами героя 9-го января, легко было догадаться, что незнакомый господинъ въ котелкѣ, съ ярко-пунцовымъ галстукомъ—не кто иной, какъ Гапонъ. Впослѣдствіи моя догадка подтвердилась. Дѣйствительно, на собраніи говорилъ самъ Георгій Гапонъ.

Рѣчь его, съ легкимъ семинарскимъ акцентомъ и характернымъ малороссійскимъ произношеніемъ гортанныхъ звуковъ, не отли-

чалась богатствомъ содержанія или изысканностью изложенія. По своему складу она сильно напоминала былинну: такая же пѣвучая, съ такими же обычными эпитетами, тавтологіей, очень частымъ повтореніемъ «кровавыхъ» словъ — «кросососы», «душегубцы», «предсмертные стоны», «хрипы» и «кровь, кровь, кровь...»

Очевидно, находясь еще подъ глубокимъ впечатлѣніемъ только что пережитаго, Гапонъ увлекался. Голосъ его, звонкій и сильный, смѣло звучалъ, но не находилъ должнаго отклика въ сердцахъ слушателей—слишкомъ необыкновенна и нова была рѣчь Гапона для женеvской аудиторіи.

«Ну, и что же? все это вѣрно,—какъ будто читался отвѣтъ на лицахъ многихъ слушателей:—такъ оно и должно быть, а почему ты не говоришь о вліяніи нашихъ партій на протекавшія событія? Можетъ быть, съ цѣлью замалчиваешь?»

— Ручьи крови полилися,—разсказывалъ Гапонъ:—земля содрогалась... Злоба душила шедшихъ борцовъ. «Такъ вотъ гдѣ правда-то, правда великая, правда святая»—толпа закричала... И теперь еще кишитъ бѣси, предсмертные крики раздаются, стоить стоить... На крови-то нашей расцвѣтаетъ дерево великое, дерево счастья...

Глаза Гапона блестя, онъ сильно жестикулировалъ, и чувствовалось, что онъ перенесся мыслью въ Россію, на митингъ рабочихъ, тѣсно сгрудившихся вокругъ него и готовыхъ по его призыву—«родные, кровью спаянные братья, идемъ»—броситься впередъ, на улицу, на баррикады. Дѣйствительно, Гапонъ продолжалъ:

— Близокъ часъ побѣды. Впередъ же, братцы, безъ оглядки впередъ—быть не должно возврата для богатырей-героевъ. Разобьемъ всѣ оковы, разорвемте паутину, раздавимъ, растопчемъ кровожадныхъ двуногихъ пауковъ...

Такая рѣчь, произносимая къ тому же священникомъ, несомнѣнно, могла электризовать толпу... Рѣчь Гапона по характеру изложенія походила на рѣчи итальянскихъ ораторовъ изъ рабочихъ. Такой же бурный восторгъ, такое же глубокое негодованіе, сопровождаемое отвѣтными кликами возбужденной толпы. Единственно чѣмъ отличался Гапонъ отъ итальянскихъ ораторовъ, это меньшей жестикуляціей, которая у итальянцевъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Въ этомъ отношеніи у Гапона осталась характерная для русскихъ ораторовъ черта—вызывать смѣхъ и слезы, громить противниковъ, звать на приступъ, но въ то же время зорко поглядывать на слушателей, чтобы не попасть впросакъ со своими призывами. Такая осторожность къ толпѣ чувствовалась въ каждомъ словѣ Гапона и если онъ къ чему-нибудь призывалъ, то уже зналъ навѣрное, что толпа пойдетъ за нимъ, не остановится и не будетъ почесывать въ затылкѣ, раздумывая о своевременности вы-

ступленія. По здѣсь, въ маленькомъ, душномъ, пропитанномъ пивнымъ запахомъ залѣ, Гапонъ имѣлъ передъ собою не народную, а интеллигентную толпу.

Въ Россіи толпа народа существенно отличается отъ толпы интеллигентовъ, въ особенности петербургскихъ. Какъ первая непосредственно воспринимаетъ рѣчи ораторовъ и реагируетъ въ зависимости отъ выказываемыхъ чувствъ оратора, такъ послѣдняя, толпа интеллигентовъ, вдумывается въ каждое слово оратора, входитъ въ разсмотрѣніе причинъ и слѣдствій, можетъ пошумѣть, покричать, поломать нѣкоторое количество мебели для должнаго выраженія своихъ возмущенныхъ чувствъ, но все это продѣлывается по заранѣе обдуманному плану, по какому-то шаблону или преісъ-курранту, котораго слѣдуетъ точно придерживаться. Исключая декабристовъ, не было еще случаевъ выступленія русской интеллигентной толпы, — предоставленная самой себѣ, она мирно расходится, одурманенная возникающими разногласіями и междоусобіями.

Гапонъ прекрасно понималъ эту разницу, и хотя продолжалъ говорить еще нѣкоторое время, но уже безъ прежняго подъема, безъ всякаго опредѣленнаго плана, повторялся, безчисленное количество разъ произносилъ «кровоавыя» слова и, наконецъ, такъ же неожиданно, какъ и началъ, кончилъ...

Послѣ него нѣкоторые изъ записныхъ говорунувъ пытались продолжать пренія, но рѣчи выходили туманными и тягучими и, сдѣлавъ обычный припѣвъ — восхваленіе нашихъ крайнихъ партій въ дѣлѣ русской революціи, своего рода отпустъ, собраніе начало расходиться.

Я подошелъ къ одному знакомому, бывшему въ курсѣ революціонныхъ событій, и спросилъ его:

— Скажите, это говорилъ Гапонъ.

— Откуда вы знаете?

— Да ниоткуда, просто догадываюсь.

— Я, право, самъ не знаю, — мялся мой знакомый: — впрочемъ, подъ большимъ секретомъ могу сообщить вамъ: это онъ. По конспиративнымъ соображеніямъ, знаете, въ случаѣ, если онъ захочетъ говорить на общихъ собраніяхъ, да и вообще изъ предосторожности, его теперь называютъ Николаемъ Петровичемъ.

Мы вышли на улицу... Въ воздухѣ вѣяло весной. Нѣжный запахъ распускающихся тополей смѣшивался съ ароматами, приносимыми легкимъ вѣтромъ съ луговъ и полей горы Салевъ.

По дорогѣ я нагналъ свою знакомую г-жу С., сидѣвшую на собраніи рядомъ съ Гапономъ.

— Какое впечатлѣніе произвелъ на васъ разговорчивый господинъ съ пунцовымъ галстукомъ? — спросилъ я.

— Странное... — отвѣчала г-жа С.: — онъ ужъ меня пыталъ, пыталъ, кажется, даже про пеленки спрашивалъ. Но рѣчь его меня поразила; очевидно, онъ прямо оттуда, съ мѣста.

— Должно быть,—замѣтилъ я.

— Сначала я было подозрительно къ нему отнеслась, принявъ его чуть ли не за...

— Шика, что ли... не такъ ли?

— Пожалуй, что и такъ,—согласилась г-жа С.

Проводивъ г-жу С., я повернулъ на набережную Арвы и пошелъ къ мосту Pont-Neuf, соединявшему предмѣстье Carouge съ улицей того же названія.

Луна освѣщала набережную и бурливья, пѣнившіяся воды Арвы. Вдали видѣлся Салевъ, тонувшій въ лунномъ полумракѣ. Городъ спалъ. Ставни на окнахъ были спущены, кой-гдѣ поблескивалъ огонекъ изъ комнатъ русскихъ, продолжавшихъ по обыкновенію бесѣду далеко за полночь къ неудовольствію своихъ хозяевъ и сосѣдей, усталыхъ швейцарскихъ рабочихъ и «мелкихъ буржуа», наработавшихся за день.

На улицахъ ни души—промелькнуть запоздалые завсегдатаи кафе, снѣжно пересѣкутъ улицу засидѣвшіеся у товарищей русскіе, да медленно проползуть двѣ тѣни въ треуголкахъ и въ короткихъ накидкахъ-манто—патрульные жандармы, дѣлавшіе ночной обходъ своего квартала.

Ночная тишина нарушалась лишь шумомъ Арвы, катившей свои воды по каменистому дну. Волны рѣки шуршали по камнямъ, глухо ударялись объ устои моста, булькали и крутились въ водоворотѣ. Однообразный шумъ рѣки навѣвалъ жуткія думы—мысль переносилась съ берега Арвы на берегъ Невы. Стоны и крики, предсмертные хрипы и проклятія, ружейная пальба и ревъ толпы слышались мнѣ въ шумѣ то убаюкивавшихъ, то бурлившихъ волнъ.

Что-то тамъ, въ далекой, родной Россіи?... «Гдѣ же правда-то?..» вспоминались слова Гапона.

«И подхватилъ ихъ рѣчи крылатыя вѣтеръ буйный, вѣтеръ быстрый, что въ грозу-то бываетъ великую»,—шумѣли слова Гапона.

«И теперь еще кипитъ бой, стоитъ стонъ»,—вдругъ ясно слышалось въ зловѣщемъ говорѣ волнъ.

«Что-то будетъ? — думалось мнѣ: —неужели опять кровь и трупы, слезы и горе...»

Какъ будто дыханіемъ смерти пахнулъ на меня холодъ рѣки, и я торопливо направился домой...

III.

Въ своихъ воспоминаніяхъ я стараюсь, по возможности, избѣгать политическихъ мотивовъ, ограничивая себя описаніемъ бытовыхъ явленій. Но дѣло въ томъ, что жизнь русской колоніи сплеталась неразрывными нитями съ политическими событіями въ Россіи.

злостью дня были аресты, ссылки и прочія специфическія явленія, сопровождавшія жизнь русскихъ «передовыхъ» людей на родинѣ. У многихъ жившихъ въ Женевѣ были въ Россіи родственники или просто знакомые, такъ или иначе замѣшанные въ различныхъ политическихъ процессахъ, сидѣвшіе въ тюрьмахъ, томившіеся въ ссылкѣ въ сибирскихъ «гиблыхъ» мѣстахъ. Волей-неволей, поэтому, взоры русскихъ за границей обращались на мѣропріятія правительства по отношенію къ политическимъ и вызывали въ русской колоніи ту или иную оцѣнку этихъ мѣропріятіей. Несомнѣнно, при этомъ, люди, никогда не интересовавшіеся политическими событіями, путемъ ежедневной разговорной практики втягивались въ общее политическое колесо, разбирались въ запоминавшихся механически и противъ воли «тезахъ», «антитезахъ» и прочихъ звучавшихъ повсюду на улицѣ, въ университетѣ, у знакомыхъ отрывкахъ готовыхъ, разжеванныхъ мыслей. Поэтому новички русской колоніи чувствовали себя въ какомъ-то дурманѣ отъ заволакивающего напряженные мозги доктринерскаго тумана.

Въ такомъ умственномъ состояніи находилась русская молодежь, студенты и студентки, пріѣхавшіе изъ Россіи съ радужными надеждами въ свободную Швейцарію, гдѣ, пользуясь всеми благами земными, рѣшили заниматься наукой. Послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ жизни въ колоніи у такихъ лицъ наступалъ переломъ. Одни, разсѣивая сгущенный туманъ доктринъ, окончательно прогоняли его изъ головы вмѣстѣ съ доктринами, у иныхъ кое-что оставалось, и они составляли пассивную массу сочувствующихъ, такъ называемую «периферію», и, наконецъ, третьи официально зачислялись въ ряды крайнихъ партій и становились политиками-профессионалами.

Въ своихъ воспоминаніяхъ я касаюсь только первыхъ двухъ группъ, главнымъ же образомъ «периферію», оставляя въ полной неприкосновенности политиковъ-профессионаловъ—идейныхъ представителей крайнихъ партій, уже съ опредѣленными, точно установленными взглядами на жизнь и готовыми отвѣтами на всѣ міровыя загадки. Если же мнѣ иногда, въ особенности при повѣствованіи о жизни Гапона за границей, приходится упоминать о крайнихъ партіяхъ, то я говорю о нихъ совершенно безпристрастно, не отдавая предпочтенія ни одной изъ нихъ.

Такъ какъ Гапонъ за все время своей кратковременной общественной дѣятельности, и до 9-го января, и послѣ, постоянно сталкивался съ партійными людьми, то мнѣ поэтому придется сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Гапона къ русскимъ политическимъ партіямъ, причемъ я сдѣлаю это возможно поверхностно, только для уясненія личности Гапона и не вдаваясь глубоко въ область отношеній, мнѣ мало извѣстныхъ.

Въ описываемое мною время событія шли учащеннымъ темпомъ,

и быстрый переходъ Гапона отъ одной партіи къ другой не обратилъ особеннаго вниманія колоніи. Какъ будто считали Гапона природнымъ социалистомъ и его перелеты отъ социаль-демократовъ къ социаль-революціонерамъ принимали за метаніе духа въ поискахъ истины, состояніе весьма знакомое, понятное и испытанное каждымъ партійнымъ прозелитомъ. Теперь, при спокойномъ взглядѣ на прошлыя событія, кажется страннымъ, почему партійные люди, обыкновенно весьма консервативные въ своихъ взглядахъ и строгіе къ людямъ другихъ убѣжденій, не обратили въ то время вниманія на безпринципное метаніе изъ стороны въ сторону потерявшаго почву героя 9-го января.

До 9-го января и въ самый день 9-го января Гапонъ опредѣленно стоялъ на безпартійной точкѣ зрѣнія и даже воевалъ съ партійными людьми, желавшими «примазаться» къ назрѣвавшимъ событіямъ. «Движеніе было чисто народнымъ и внѣпартійнымъ, — пишетъ по этому поводу Л. Я. Гуревичъ ¹⁾. — Партійные ораторы, выступавшіе въ тѣ дни, имѣли успѣхъ только въ небольшихъ, захваченныхъ партійной пропагандой группахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ нарвскомъ отдѣлѣ, партійные возгласы и попытки призвать народъ подъ красные флаги вызывали бурный гнѣвъ толпы, и руководители движенія, съ Гапономъ во главѣ, употребляли всѣ усилія, чтобы не допустить партійныхъ ораторовъ и толпу до явныхъ столкновеній и не разбить цѣльности народнаго настроенія. «Въ васильеостровскій отдѣлъ социаль-демократы проникли 6-го января, — пишетъ одинъ очевидецъ, — и одинъ изъ нихъ послѣ рѣчи Гапона сказалъ встрѣчную рѣчь, призывающую рабочихъ стать подъ знамя социаль-демократовъ. Гапонъ сказалъ въ отвѣтъ слѣдующее: «Господа социаль-демократы и социаль-революціонеры, я всегда васъ уважалъ и считалъ честными людьми. Низко кланяюсь вамъ, земно кланяюсь вамъ: не вносите раздора въ наше движеніе. Пойдемъ подъ однимъ знаменемъ, общимъ и мирнымъ, къ нашей святой цѣли». Социаль-демократы упорствовали, и нѣкоторая часть аудиторіи кричала: «Да здравствуетъ социаль-демократія». На другой день въ томъ же отдѣлѣ, передъ началомъ собранія, ораторъ отдѣла сказалъ: «Господа члены партіи социаль-демократовъ и социалистовъ-революціонеровъ, присутствующіе на этомъ собраніи. Ваши товарищи на Петербургской сторонѣ дали честное слово не вносить ничего особаго въ наше движеніе, подчиниться волѣ народа и мирно пойти вмѣстѣ съ нимъ. Даете ли вы такое слово?» И изъ разныхъ концовъ послышался отвѣтъ: «Даемъ...» Въ эти дни взволнованная народная стихія поглотила

¹⁾ Л. Я. Гуревичъ. Народное движеніе въ Петербургѣ 9 января 1905 г. «Былое». Январь 1906, стр. 210.

представителей партійной и непартійной интеллигенціи и увлекла многихъ въ своемъ потокѣ).

Такимъ образомъ, приведенная выдержка указываетъ на вполне определенное отношеніе Гапона къ социалистическимъ партіямъ, съ которыми ему приходилось бороться и удерживать отъ вмѣшательства въ начатое имъ движеніе. Тѣмъ не менѣе внезапное, сразу послѣ 9-го января самопричисленіе Гапона къ социалистамъ и быстрый переходъ отъ одной социалистической партіи къ другой не поставилъ втупикъ эти партіи, стремившіяся залучить къ себѣ героя. Даже политическая платформа, или, какъ тогда называли, «программа» дѣйствій Гапона положительно никого не смущала.

Выборы въ учредительное собраніе при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ—вотъ къ чему сводились даже не «требованія», а просьбы Гапона. «Это самая главная наша просьба,— писалъ Гапонъ къ своему «воззванію къ крестьянскому люду» отъ 15-го января 1905 года:—въ ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ ранъ».

Но, несмотря на такое заявленіе Гапона, движеніе 9-го января имѣло все-таки ясно выраженный, по крайней мѣрѣ въ началѣ событій, экономическій характеръ, именно—частичнаго разрѣшенія наболѣвшаго рабочаго вопроса. Гапонъ допускалъ удовлетвореніе экономическихъ нуждъ рабочихъ не въ социалистическомъ духѣ и поэтому становился въ данномъ случаѣ, согласно понятіямъ и терминологіи нашихъ крайнихъ партій, на мелкобуржуазную точку зрѣнія. Гапонъ, судя по его первоначальной пропагандѣ среди рабочихъ, сводилъ все начатое имъ движеніе почти на исключительную борьбу съ чиновной бюрократіей, повинной въ нашемъ пораженіи на Дальнемъ Востокѣ, и на частичное удовлетвореніе рабочихъ нуждъ.

Это усматривается изъ тѣхъ мѣръ, которыя предлагалъ Гапонъ въ своемъ «воззваніи». Мѣры эти, по его мнѣнію, слѣдующія:

I. Мѣры противъ нищеты народной:

1) Передача земли народу и отмена выкупныхъ платежей; дешевый кредитъ.

2) Отмена косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ прогрессивнымъ налогомъ.

3) Исполненіе заказовъ военнаго и морскаго вѣдомства должно быть въ Россіи, а не за границей.

4) Прекращеніе войны по волѣ народа.

II. Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа:

1) Немедленное возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія, за стачки и крестьянскіе безпорядки.

2) Немедленное объявленіе свободы и неприкосновенности личности, свобода слова, печати, собраній, совѣсти въ дѣлѣ религіи.

3) Всеобщее и обязательное народное образованіе на государственнѣй счетъ.

4) Отвѣтственность министровъ передъ народомъ и гарантіи законности управленія.

5) Равенство передъ закономъ всѣхъ безъ исключенія.

6) Отдѣленіе церкви отъ государства.

III. Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ:

1) Отмѣна института фабричныхъ инспекторовъ.

2) Учрежденіе при заводахъ и фабрикахъ постоянныхъ комиссій выборныхъ рабочихъ, которыя совмѣстно съ администраціей разбирали бы всѣ претензіи отдѣльныхъ рабочихъ. Увольненіе рабочаго не можетъ состояться иначе, какъ по постановленію этой комиссіи.

3) Свобода потребительно-производительныхъ и профессиональныхъ союзовъ немедленно.

4) Восьмичасовой рабочей день и нормировка сверхурочныхъ работъ.

5) Свобода борьбы труда съ капиталомъ немедленно.

6) Нормальная рабочая плата немедленно.

7) Непременное участіе представителей рабочихъ классовъ въ выработкѣ законопроектовъ о государственномъ страхованіи рабочихъ немедленно.

Конечная цѣль движенія представлялась Гапопу въ необходимости, какъ онъ писалъ въ «Воззваніи», «немедленно, сейчасъ же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій. Пусть тутъ будетъ и крестьянинъ, и рабочій, и священникъ, и капиталистъ, и учитель; пусть всѣ, кто бы они ни были, изберутъ своихъ представителей, пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія». Но, судя по вышешриведенной выдержкѣ, главной причиной, побудившей рабочихъ къ выступленію 9-го января, были выставленныя Гапономъ «немедленныя» удовлетворенія нуждъ рабочаго класса.

Война съ Японіей была некрой, разжегшей дремавшія страсти русскаго общества. Послѣ сдачи японцамъ Портъ-Артура 20 декабря 1904 г. русское общество переживало мучительный переворотъ. Подъ влияніемъ сильнаго толчка—войны въ русскомъ обществѣ рушились старые устои, создавались новыя понятія и происходилъ сложный процессъ переоцѣнки социальныхъ и моральныхъ цѣнностей. Политика крайняго подозрѣнія Плеве уступила мѣсто политикѣ «довѣрія» Святополкъ-Мирскаго, но плоды политики Плеве остались и, благодаря особымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, неожиданно пошли по руслу, вырытому раньше, съ соизволенія Плеве, Зубатовыми и Шайкевичами.

Гапонъ былъ продуктомъ политики Плеве. Сдерживая себя до 9-го января, не выходя изъ экономическихъ рамокъ рабочаго дви-

женія, Гапонъ только подъ вліяніемъ самихъ рабочихъ и дошедшаго до крайняго напряженія общества принужденъ былъ перейти въ наступленіе, закончившееся переходомъ его на революціонный путь.

Попавъ послѣ 9-го января за границу, Гапонъ, какъ идейный представитель рабочихъ и активный борецъ за ихъ нужды, долженъ былъ волей-неволей столкнуться на почвѣ выясненія съ теоретиками международнаго пролетарскаго движенія.

Одинъ, какъ перстъ, безъ своихъ «отдѣловъ», не имѣя за собой никакого «научно-соціалистическаго» багажа, испытывая вдобавокъ сильное нервное потрясеніе послѣ пережитыхъ кровавыхъ событій, Гапонъ естественно стремился подѣлиться съ кѣмъ-нибудь волновавшими его впечатлѣніями и найти въ это тревожное для его совѣсти время хоть малѣйшую поддержку. Въ такомъ настроеніи Гапонъ напалъ на первую попавшуюся партію и нашелъ въ партійныхъ людяхъ не только живой откликъ и преклоненіе, но даже широко открытыя объятія и полную готовность ввести героя въ партійныя пѣдра. Чувствуя себя совершенно безпомощнымъ и беспочвеннымъ въ программахъ и теоріяхъ борющагося пролетаріата, Гапонъ съ легкимъ сердцемъ «примкнулъ» сначала къ соціал-демократамъ, а затѣмъ также свободно перешелъ въ ряды соціаллистовъ-революціонеровъ.

Въ томъ же «Воззваніи» отъ 15-го января 1905 г. Гапонъ уже писалъ: «Вѣрите вы только боевому комитету революціонному, теперь единому о васъ печальнику. Въ немъ и я состою участникомъ».

У меня подъ рукой находится крайне любопытный документъ— письмо Гапона, еще нигдѣ не напечатанное, въ Женевскую студенческую кассу взаимопомощи. Эта студенческая касса, какъ мнѣ извѣстно, рѣшила пожертвовать Гапону сто франковъ изъ выручки послѣ обычнаго новогодняго бала. Гапонъ отвѣтилъ слѣдующимъ:

«Сердечно благодарю васъ, граждане, за привѣтъ и за посильную помощь борцамъ за свободу. Ваши сто франковъ передалъ въ распоряженіе революціоннаго боевого комитета для фонда мести и свободы.

«Крѣпко жму вамъ руки, товарищи. Георгій Гапонъ. 23-го марта 1905 года.

Миѣнческій «боевой» революціонный комитетъ и не менѣе таинственный «фондъ мести и свободы», которые, по словамъ Гапона, дѣйствовали при его участіи, ясно обрисовываютъ романтическія наклонности Гапона. Романтизмъ и революціонная буффонада проходятъ красной чертой черезъ всю революціонную дѣятельность Гапона, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Только этимъ можно объяснить возникновеніе разногласій съ крайними партіями, которыя вначалѣ его радушно встрѣчали. Только свойственнымъ Гапону романтизмомъ можно объяснить его легкую возбудимость

и увѣренность въ возложеніи на него рокомъ исторической роли. Фантастическіе планы роились въ головѣ Гапона, принимая иногда, благодаря его свойству легко поддаваться всякому вліянію, реальныя формы. Фантастичность плановъ и отсутствіе грани между дозволеннымъ и недозволеннымъ послужили причиной въ дальнѣйшемъ къ расхожденію Гапона съ крайними партіями и привели его къ роковому концу.

IV.

Заграничныя кружки встрѣтили Гапона, какъ героя. Увѣнчанный славой, видя повсюду преклоненіе, находя полное удовлетвореніе своему честолюбію и властолюбію, Гапонъ первые два-три мѣсяца дышалъ воскуриваемымъ въ честь его оуміамомъ. Но вѣчно такъ не могло продолжаться,—принимая оуміамъ, какъ должное, Гапонъ не забывалъ начатаго имъ въ Россіи дѣла и старался въ это время завязать сношенія съ уцѣлѣвшими представителями рабочихъ «отдѣловъ» въ Россіи.

Быстро освоившись съ заграничною жизнью, присмотрѣвшись къ эмигрантской колоніи, ея постояннымъ разногласіямъ и раздорамъ, окунувшись въ обыденщину той же русской жизни, только за границей, Гапонъ задумалъ при помощи своего авторитета воздѣйствовать на партіи съ цѣлью прекращенія безконечныхъ споровъ и объединенія партій вокругъ себя. Такое желаніе Гапона оказалось и неосуществимымъ, и невыполнимымъ. Закончилась эта добровольная миссія тѣмъ, что Гапону, не поддававшемуся партійной дисциплинѣ, вслѣдствіе своихъ, чисто демагогическихъ наклонностей, пришлось въ маѣ 1905 г. выйти изъ партій социалистическо-революціонеровъ.

Съ этого момента Гапонъ началъ дѣйствовать самостоятельно, на свой рискъ и страхъ. Вначалѣ онъ еще продолжалъ имѣть дѣла съ партіями, переходя отъ одной къ другой, но вскорѣ онъ совершенно отклонился отъ нихъ, набирая себѣ «компесаровъ» изъ «псиферинъ».

Вступивъ на самостоятельный путь, Гапонъ прежде всего сталъ зарабатывать деньги. Огромный гонораръ получилъ Гапонъ за свою «Автобіографію», появившуюся на французскомъ и англійскомъ языкахъ ¹⁾. Въ иллюстрированныхъ заграничныхъ журналахъ помѣщались фотографіи Гапона, диктующаго свои «Воспоминанія». Заграничное общество стало все болѣе и болѣе интересоваться Гапономъ и удивлялось, что Гапонъ не появляется открыто, ведя

¹⁾ Автобіографія Гапона (*Le massacre du peuple*) началась печатаніемъ въ январскомъ номерѣ журнала «*Le Monde Moderne*», издаваемого парижскимъ книгоиздательствомъ Felix Juven. Это же книгоиздательство выпустило впослѣдствіи книгу «*Les dessous de la revolution russe. Memoires du pope Gapone. Traduction de Colette Yver.*

подпольную жизнь. Въ колоніи ходили слухи о частыхъ поѣздкахъ Гапона въ Лондонъ, Парижъ, Финляндію. Все чаще и чаще стали поговаривать объ организаціи Гапономъ закрытыхъ послѣ 9-го января «отдѣловъ». Изъ Россіи получались извѣстія, что рабочіе ждутъ, не дождутся появленія среди нихъ Гапона.

Появляясь въ Женевѣ, какъ метеоръ, производя неотразимое, сильное впечатлѣніе на «периферію» своей энергіей, Гапонъ провелъ все лѣто и начало осени въ хлопотахъ по возстановленію связей съ рабочими въ Россіи, окончательно забросивъ свое намѣреніе объединить не прекращавшія своего обычнаго спора партіи.

Мое знакомство съ Гапономъ началось незадолго до 17-го октября 1905 года. Однажды, въ концѣ сентября, я поѣхалъ на трамваѣ въ Grand Lancy, пригородъ Женевы, отстоящій верстахъ въ двухъ-трехъ отъ города.

Быстро стужались сумерки. Наступалъ вечеръ. Вдали за Салевомъ розовѣла бѣлоснѣжная вершина Монблана, похожаго на лежащаго въ глубокомъ величавомъ снѣ гиганта. Женевцы называютъ вершину Монблана «спящимъ Наполеономъ»—«Napoléon qui dort...» Дѣйствительно, днемъ, въ ясную, безоблачную погоду, когда Монбланъ отчетливо вырисовывается на блѣдно-голубомъ горизонтѣ, можно безъ труда различить въ очертаніяхъ блестящей въ лучахъ солнца вершины—громаднаго бѣлаго великана: видна треуголка, рѣзко выдѣляется носъ, брови, замѣтны скрещенныя на груди руки. Въ сумерки эти очертанія постепенно таютъ, сливаясь въ радужныхъ краскахъ заката. Монбланъ становится сперва темно-краснымъ, пунцовымъ, затѣмъ розовымъ, понемногу краски блѣднѣютъ, потомъ сѣдая вершина покрывается голубой, слегка зеленоватой дымкой, синѣетъ, темнѣетъ и, наконецъ, чудные переливы цвѣтовъ прекращаются, и Монбланъ пропадаетъ изъ виду, окутываясь чернымъ покрываломъ ночи.

Трамвай оставилъ уже позади себя шумъ города и летѣлъ по пустыннымъ улицамъ. Невдалекѣ отъ меня сидѣлъ Гапонъ съ какими-то свертками. Я наблюдалъ его. Смуглое лицо Гапона было спокойно, онъ смотрѣлъ въ окно на темнѣвшую вдали Юру, откуда, изъ-за этой черной стѣны, бросало солнце на вершину Монблана свои догоравшіе лучи.

Наконецъ темная осенняя ночь заволкла мракомъ и горы, и небо. Гапонъ оторвался отъ окна и началъ разсматривать пассажировъ. Увидѣлъ меня и вдругъ по-русски обратился:

— Ёдете?

— Да,—отвѣтилъ я, нисколько не удивленный, что Гапонъ задалъ мнѣ такой вопросъ и по-русски, такъ какъ онъ меня неоднократно видѣлъ на этомъ трамваѣ, очевидно, зналъ, что я русскій, и, вдобавокъ, другимъ языкомъ, кромѣ русскаго, онъ не владѣлъ.

Завязался самый обыкновенный разговоръ. Восхищались теплою лаской осенней ночи, оцѣнивали преимущества трамвайнаго движенія, заговорили о культурности заграницы, перешли на наше невѣжество и дикость, ругнули русскіе непорядки, однимъ словомъ, разговоръ былъ настоящій русскій—со свойственными каждому русскому самобичеваніемъ и самооплевываніемъ и кончающійся, какъ всегда, восхваленіемъ русской природы, старыхъ русскихъ обычаевъ и широкой русской натуры.

— Вотъ везу съ собою русскую водку «смирновку». Представьте, и цѣна такая же, какъ въ Россіи. Пойдемте ко мнѣ! Вѣдь вы знаете, кто я?—спросилъ Гапонъ.

— Какъ же... васъ называютъ Николаемъ Петровичемъ.

— Ну, вотъ и отлично,—самодовольно усмѣхнулся Гапонъ:—значить, идемъ, какъ разъ и «трамъ» пріѣхаль.

Трамвай или «трамъ», какъ сокращенно произносятъ французы, остановился и мы направились къ небольшому двухъэтажному домику, «виллѣ», гдѣ жилъ Гапонъ. Минуты черезъ три мы уже поднимались во второй этажъ и сразу съ лѣстницы очутились въ комнатѣ.

Гапонъ занималъ небольшую квартиру въ двѣ-три комнаты. Комната, въ которой мы сидѣли, ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ «chambres meublées», сдаваемыхъ русскимъ пріѣзжимъ. Обстановка была самая обыкновенная и болѣе чѣмъ скромная. Столъ, стулья, кровать и неизмѣнный диванъ-кушетка—вотъ все, что украшало комнату. По угламъ валялись испещренные разноцвѣтными ярлыками чемоданы, на столѣ лежали двѣ-три книжки, протоколы какихъ-то съѣздовъ и программныя брошюры, кстати, даже неразрѣзанныя.

Небольшая лампа съ бумажнымъ желтоватымъ абажуромъ освѣщала столъ и хлопотавшаго за закусками Гапона.

— Ну, теперь приступимъ,—успокоился, наконецъ, Гапонъ.

Какъ-то сразу, не дожидаясь разспросовъ съ моей стороны, Гапонъ заговорилъ о себѣ. Послѣ выпитой рюмки, очевидно, по ассоціаціи идей, Гапонъ началъ рассказывать о своихъ ресторанныхъ похожденияхъ въ Россіи.

— Въ отдѣльныхъ кабинетахъ, понятно, а бывать приходилось,—говорилъ Гапонъ:—въ особенности за мѣсяць до 9-го января... свиданія тамъ назначались, о дѣлѣ разговаривали, обсуждали.

Гапонъ называлъ фамиліи этихъ лицъ, большею частью видныхъ полицейскихъ сановниковъ, съ которыми у него были какія-то дѣла.

Хитро улыбаясь, похихикивая, бросая внезапные взгляды, Гапонъ какъ бы старался угадать, какое впечатлѣніе производить на меня его повѣствованіе и не слѣдуетъ ли переимѣнить разговоръ.

И въ этотъ разъ, и всегда въ послѣдствіи, при разговорѣ съ Гапономъ я относился весьма скептически къ его словамъ. Чувствовалось что-то напускное, какое-то окутываніе своихъ дѣйствій таинственнымъ флеромъ, и во всемъ виднѣлось его желаніе представить себя главнокомандующимъ надъ невѣдомыми темными силами.

Гдѣ-то въ глубинѣ народной пучины происходило волненіе, грозно клекотавшее и вырывавшееся наружу, какъ паръ изъ крытаго чугуна. Какіе-то подземные бореи студили своимъ холоднымъ дыханіемъ кипѣвшую пучину и раздували своими вѣтрами вылетавшій изъ пучины паръ. Но бореи устали въ борьбѣ съ клекотавшей пучиной и пригласили подвернувшася Гапона помочь имъ. Гапонъ сталъ тоже дуть, а потомъ просто-напросто надулъ бореевъ и началъ дуть не на пучину, а на подогрѣвавшій ее костеръ. Закипѣла народная пучина, взлетѣлъ паръ и взметнулъ въ своихъ облакахъ Гапона.

Приблизительно такое впечатлѣніе получалось отъ разказовъ Гапона объ его мысляхъ и дѣйствіяхъ вплоть до 9-го января. Это былъ уже не тотъ Гапонъ, какимъ я его зналъ по отзывамъ печати и его «воззваніямъ». Мое прежнее представленіе о Гапонѣ, запечатлѣвшееся на собраніи въ кафе, гдѣ я впервые его услышалъ, смѣнилось другимъ, болѣе вѣрнымъ, откровенно набросаннымъ самимъ «героемъ» автопортретомъ.

Несомнѣнно, Гапонъ преувеличивалъ, заштриховывая слишкомъ густыми тѣнями свою подготовительную «пропагандистскую» работу, въ которой, по его словамъ, онъ игралъ руководящую роль. Дѣятельность его была не настолько темна, какъ хотѣлось изобразить ее Гапону. Многие онъ просто самъ воображалъ *post factum*, желая навязать своимъ слушателямъ предвзятое мнѣніе, составленное имъ же самимъ.

Разговаривая со мной, Гапонъ подергивался, осматривался и, въ зависимости отъ производимаго словами впечатлѣнія, то повышалъ, то понижалъ тонъ при передачѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе выпуклыхъ моментовъ своей дѣятельности.

— Они хотѣли заставить меня плясать по ихъ дудкѣ, хотѣли задавить меня, да не удалось,—увѣренно произнесъ Гапонъ.

Не желая залѣзть къ нему въ душу и беречь еще не зажившія раны, достаточно уже освѣдомленный съ подоплекой Гапона, я постарался перевести разговоръ на другую тему.

— Вы, Николай Петровичъ, должно быть, не любитель до чтенія,—сказалъ я, взявъ со стола не разрѣзанную книгу.

— Раньше стгудировалъ эти программы, да и въ Россіи еще былъ съ ними знакомъ, а теперь некогда, дѣлами занять,—отвѣтилъ Гапонъ и замолчалъ.

Я воспользовался его молчаніемъ и заговорилъ о провозѣ «запрещенныхъ» книжекъ въ Россію. Въ женеvской колоніи этотъ во-

прось имѣлъ немаловажное значеніе, въ особенности для «периферіи».

Опытные профессионалы-революціонеры провозили въ Россію революціонныя изданія вѣрнымъ контрабанднымъ путемъ, имѣя надежные пункты переправы. «Периферія» же и вообще русскіе люди, побывавшіе за границей, въ силу какой-то общенациональной склонности надувать таможенныхъ чиновниковъ, тайно провозили черезъ границу все, что должно оплачиваться пошлиной, и заодно среди никому ненужныхъ бездѣлушекъ прятали и «нелегальщину».

Болѣе смѣлые, въ особенности любительницы сильныхъ ощущений, обвертывали себя печатными листами расброшированныхъ «запрещенныхъ книжекъ», болѣе робкіе прятали нелегальщину въ чемоданахъ, комкали вмѣстѣ съ грязнымъ бѣльемъ, нѣкоторые же, подѣзжая къ русской границѣ, выбрасывали въ окно вагона захваченную литературу и появлялись передъ строгими таможенными досмотрщиками въ совершенно чистомъ, голубиномъ видѣ.

Разсказалъ я Гапону объ одномъ случаѣ, когда мнѣ безъ моего вѣдома пришлось провезти нелегальную книжку. Въ одно изъ своихъ возвращеній въ Россію я купилъ въ Берлинѣ, на вокзалѣ Фридрихштрассе «запрещенную» книгу—романъ Степняка «Андрей Кожуховъ». Прочтя книгу дорогой, я сунулъ ее въ боковой карманъ пальто и совсѣмъ забылъ о существованіи у меня «нелегальщины».

При пріѣздѣ на русскую границу у меня былъ произведенъ обычный таможенный обыскъ. Довольно поверхностно порылись въ чемоданахъ, и только жандармскій офицеръ тщательно просматривалъ мои книги. Найдя среди нѣмецкихъ и французскихъ изданій брошюру Карла Фогта («Rapport sur le congrès vinicole de Montpellier Genève. 1874»), жандармскій офицеръ началъ тщательно перелистывать ее, стараясь найти въ ней скрытый смыслъ.

Я ему замѣтилъ, что въ брошюрѣ ничего такого нѣтъ, что говорится въ ней о воздѣлываніи виноградниковъ въ Южной Франціи и о мѣрахъ борьбы съ филлоксерой.

— А это видите,—вдругъ ткнулъ пальцемъ на обложку тощей брошюрки жандармскій офицеръ.

— Издана въ Женевѣ въ ноябрѣ 1874 г.,—отвѣтилъ я, не понимая коварнаго намека.

— То-то и есть, что въ Женевѣ, а Женева—гнѣздо-съ,—пропнызывающе смотря на меня, категорически заявилъ жандармскій офицеръ и взялся за лежавшую поверхъ чемодана черненькую кудрявую собачонку—игрушку моей трехлѣтней дочери.

Дочь заплакала, видя, какъ жандармскій офицеръ безжалостно мять въ рукахъ игрушку и ковырялъ ее. Я молча наблюдалъ за привычными движеніями рукъ жандармскаго офицера, тревожно ожидая окончанія осмотра...

Только подь Ковномъ, найдя у себя въ карманѣ запрещенный романъ Степняка, вспомнилъ я жандармскаго офицера и принужденъ былъ согласиться съ нимъ, что, дѣйствительно, Женева—гнѣздо-съ.

— Невольно мнѣ пришли на память стихи Гейне,—разсказывалъ я Гапону:—хотите, прочту?

— Съ удовольствіемъ,—согласился Гапонъ.

Я началъ читать отрывокъ изъ поэмы Гейне «Германія».

Ужъ чиновникъ-пруссакъ и таможенный стражъ
Чемоданы мои осмотрѣли.
Съ глубочайшимъ вниманьемъ обшарили все:
Носовые платки и манишки;
Все искали они кружева, бижутри
Да еще запрещенныя книжки.
Дураки, дураки, вы искали не тамъ!
Чемоданы напрасно разрыли:
Въ головѣ же моей контрабандныхъ вещей
Вы навѣрно бы много открыли.
Много тамъ кружевовъ у меня есть: такихъ
Никогда за границей не свяжутъ.
Я достану когда-нибудь ихъ—и тогда
Вамъ ужъ, вѣрно, отъ мѣста откажутъ.
Въ головѣ у меня—драгоценный вѣнецъ
И держава грядущей свободы.
Незнакомецъ великій, невѣдомый богъ,
Тамъ сложили храмовыя клейноды.
Сколько книжекъ везу я въ своей головѣ!
О, тутъ есть вамъ чего побояться!
Словно птички въ гнѣздѣ, въ головѣ у меня
Запрещенныя книги роются!

— Вотъ, вотъ, и я такъ думаю,—подхватилъ Гапонъ, словно обрадовавшись съ трудомъ пойманной мысли.—Я лучше закончилъ бы такъ: въ головѣ у меня запрещенныя мысли роются. Зачѣмъ перевозить книги, терять дорогое время, рисковать напрасно?... Пусть занимается этимъ, кто хочетъ, мое же дѣло давать толчокъ мыслямъ и направлять ихъ. Важно направить, а какъ дадите вы толчокъ—не существенно,—слѣва или справа, а все-таки толчокъ.

Я поднялся изъ-за стола, собираясь уходить. Гапонъ меня держалъ.

— Подождите, вы знаете, я отлично умѣю угадывать людей,—почему-то неожиданно перемѣнилъ разговоръ Гапонъ:—даже взглядъ мой не всѣ могутъ выдержать.

Гапонъ взметнулъ на меня бѣгающій взглядъ своихъ карихъ глазъ. Дѣйствительно, въ колоніи ходили слухи о какой-то барышнѣ, чуть ли не упавшей въ обморокъ при знакомствѣ съ Гапономъ.

— Вы, можетъ быть, судя по моимъ рассказамъ о посѣщеніи ресторановъ вынесете впечатлѣніе о мнѣ,—продолжалъ Гапонъ,—

какъ о забудыгѣ, любителѣ кутежей,—нѣтъ, я по необходимости посѣщаль значныя мѣста, такъ требовали обстоятельства дѣла. Не думайте также, что я атеистъ или отрицающій Христа,—нѣтъ, я вѣрю въ Него, люблю Его и чту святое Евангеліе такъ же ненарушимо, какъ и до 9-го января.

Характерна была замалчиваемая Гапономъ дѣятельность его, какъ священника. Опъ тщательно избѣгалъ въ разговорѣ словъ: пошъ, священникъ, ряса и вообще всего того, что касалось такъ или иначе его священническаго сана.

Уже на лѣстницѣ Гапонъ сказалъ мнѣ, прощаясь:

— Всѣ средства хороши... Цѣль оправдываетъ средства... А цѣль у меня святая — вывести страждущій народъ изъ тупика и избавить рабочихъ отъ гнета... Выстрадалъ я это собственной душой, это мои мысли, моя идея, а пока что, я живу здѣсь и жду часа.

Я вышелъ на улицу и направился въ расположенное неподалеку мѣстечко Опех.

Была теплая звѣздная ночь. Изъ-за горы выплывалъ острый серпъ нарождавшагося мѣсяца. Мириады звѣздъ, то разбросанныя по одиночкѣ, то скучившіяся, тихо и ярко сверкали на небѣ, разбѣивая ровнымъ, мягкимъ свѣтомъ мракъ ночи.

Я былъ подавленъ только что слышаннымъ отъ Гапона. Передъ моими глазами открылась закулисная сторона «святой правды», которая являлась въ рукахъ Гапона довольно грязноватой, засаленной, захватанной жирными пальцами, забрызганной кровью и прикрытой бѣлоснѣжнымъ покрываломъ, чистымъ только съ виду. Не такимъ являлся теперь Гапонъ—это былъ хитрый дѣлецъ, пронырливый гешефтмахеръ, революціонныхъ дѣлъ мастеръ, имѣвшій за собой покрытое непроницаемой тайной прошлое. Намѣренно окружая себя темнымъ ореоломъ, Гапону не удавалось разсѣять исходившія отъ его дѣятельности тяжелыя испаренія и смягчить распространявшійся отъ нихъ удушливый, специфическій запахъ ресторанныхъ «кабинетовъ».

«Всѣ средства хороши... цѣль оправдываетъ средства... это его идея, ну, а гдѣ же граница, отдѣляющая святость правды отъ авантюры», думалъ я, шагая по дорогѣ въ Опех.

Навстрѣчу мнѣ быстро, чуть не бѣгомъ, приближалась женская фигура. Подходя къ ней ближе, я узналъ знакомую студентку.

— Что вы такъ бѣжите, будто погоня за вами,—крикнулъ я ей.

— Какъ я рада, что встрѣтила васъ,—обратилась она ко мнѣ:—струхнула я сейчасъ не на шутку. Присталъ какой-то русскій, сперва заговорилъ, а потомъ началъ ругать интеллигентовъ, и мнѣ пошло, зачѣмъ я здѣсь проживаю, когда надо быть тамъ, въ Россіи, гдѣ идетъ борьба. Странный субъектъ, озлобленный, я отъ него убѣжала. Да смотрите, онъ какъ разъ сейчасъ мимо насъ пройдетъ.

Мы остановились у фонаря. Съ нами поровнялся сутуловатый, коренастый господинъ, похожій на русскаго механика; на лобъ была надвинута фуражка, выдѣлялся бритый подбородокъ, и нескладно торчали щетинистые нависшіе усы. Онъ сердито посмотрѣлъ на меня и на барышню и молча прошелъ мимо, направляясь къ «виллѣ» Гапона.

— Вы знаете, кто это на васъ нагналъ страхъ?—задалъ я вопросъ студенткѣ.

— Нѣтъ, а кто?—спросила она.

— Вотъ какъ вы опрометчивы: героя съ «Потемкина» приняли чуть ли не за хулигана.

— Да что вы?—заволновалась студентка:—неужели это былъ Матюшенко, ну, я не виновата,—темно, кромѣ того, я не знала же, что это онъ.

— Да,—повторилъ я,—напугалъ васъ Матюшенко, герой съ «Потемкина».

— Вовсе не напугалъ,—оправдывалась студентка:—если бы я знала, что это онъ.

V.

Октябрьскія событія въ Россіи, предшествовавшія историческому дню 17-го октября, выбили изъ обычной повседневной колеи не только русскую колонію, но и все заграничное общество. Газеты были наполнены статьями, посвященными обзору событій въ Россіи. Газетные политики съ разныхъ точекъ зрѣнія разсматривали грозные предвѣстники бури, всколыхнувшей Россію, и обсуждали, въ какомъ костюмѣ предстанетъ она передъ лицомъ Европы послѣ налетѣвшаго на нее шквала.

Наступило 17-ое октября... Томительный, полный неизвѣстности кризисъ разрѣшился историческимъ актомъ, официально засвидѣтельствованнымъ вступленіемъ Россіи на новый путь въ ея великомъ міровомъ шествіи къ прогрессу. Всѣ безъ различія партіи общественные слои заграничнаго общества соединились въ единогласномъ привѣтствіи выхода Россіи на проторенную Западомъ конституціонную дорогу.

Привѣтствія заграничныя не доходили до Россіи, слишкомъ перрывистъ былъ выходъ изъ тѣснинъ на просторъ, слишкомъ широкіе и радужные горизонты открылись передъ проснувшимся великаномъ, охваченнымъ видомъ предразсвѣтной зари, чтобы онъ могъ слышать раздававшіяся благожеланія сосѣдей.

Русская колонія въ Женевѣ въ тѣ дни была возбуждена до крайнихъ предѣловъ. Многіе рвались на родину, но принуждены были оставаться и ждать конца забастовки желѣзныхъ дорогъ, и пока что, не довольствуясь разговорами на дому и въ кружкахъ, устраивали каждый вечеръ не собранія, какъ бывало прежде, а митинги,—

слово, появившееся впервые въ женевской колоніальной терминологіи послѣ январскихъ дней.

На одинъ изъ такихъ митинговъ, непрерывно почти въ теченіе всей недѣли послѣ 17-го октября происходившихъ въ залахъ Handwerk, я направился около 9 часовъ вечера.

По улицѣ Каружъ торопливо шли кучки русскихъ, громко разговаривавшихъ между собою о волновавшихъ всѣхъ событіяхъ въ Россіи. Моросилъ мелкій осенній дождь, напоминавшій петербургскій промозглый октябрь. Грязь мѣшала пересѣчь площадь Plainpalais и пришлось идти по краю площади, обсаженному высокими раскидистыми деревьями. Огромная площадь, чернѣвшая во мракѣ дождливой ночи, еле освѣщалась газовыми фонарями, тускло мерцавшими въ моросившей съ темнаго неба дождевой пыли.

Навстрѣчу мнѣ приблизились, выпорхнувъ изъ темноты, быстро мчавшіеся по грязи мальчишки, окружавшіе тѣснымъ кольцомъ високаго человѣка, одѣтаго палеткѣ, въ одной матросской курткѣ съ разстегнутымъ воротомъ. Мальчишки обступили меня и, потряхивая небольшими кружками, звенѣвшими находившейся въ нихъ мѣдью, кричали: «au profit du courage!» (въ пользу скорохода). Бросивъ нѣсколько су мальчишкамъ, я вспомнилъ, что странный человѣкъ, безропотно мѣсившій грязь на площади, не кто иной, какъ прибывшій недавно изъ Марселя скороходъ, выступившій съ полудня въ двухдневный непрерывный походъ вокругъ площади Plainpalais.

Подойдя къ кафе Handwerk, я увидѣлъ толпу русскихъ, не попавшихъ на митингъ, происходившій въ залѣ во второмъ этажѣ. Кое-какъ, съ большимъ трудомъ удалось мнѣ пробраться въ залъ, гдѣ буквально некуда было упасть яблоку.

Я приткнулся у дверей и наблюдалъ за толпой. Это были не прежніе посѣтители рефератовъ, любители остроумныхъ споровъ и ядовитыхъ выпадовъ партійныхъ рыцарей на словесномъ турнирѣ. Это была возбужденная толпа, шумѣвшая, о чемъ-то горячо толкующая, лишь изрѣдка прислушивавшаяся къ ораторамъ. Иногда кто-нибудь изъ ораторовъ, говорившихъ съ эстрады открытой сцены, красиво разубранной красными знаменами русскихъ социалистическихъ партій, завлекалъ своими призывами толпу, и она награждала его бурными, порывистыми аплодисментами.

Ораторы волновались не менѣе толпы и на время какъ будто забывали партійные счеты, касаясь исключительно описанія величественныхъ и заманчивыхъ горизонтовъ, рисуемыхъ ораторами разгоряченному воображенію слушателей.

Это былъ дѣйствительно митингъ, а не рефератъ, не прежній видъ научно-обоснованныхъ докладовъ, когда ораторы погружались въ дебри казуистики, рылись въ лежавшихъ около нихъ кипахъ книгъ, прочитывали изъ нихъ длиннѣшія выдержки, уличали своихъ противниковъ въ передергиваніи цитатъ и сами бывали на-

крываемы съ поличнымъ въ такихъ же проступкахъ. Передъ глазами слушателей исчезалъ прежній ораторъ-начетчикъ и нарождался новый типъ народнаго трибуна.

Рѣчи ораторовъ были одинаковы—всѣ говорили о заревѣ великаго пожара и звали туда, въ Россію, чтобы тамъ стараться, кто какъ можетъ, раздуть всепожирающее пламя разбушевавшейся стихіи.

Были слабыя попытки указанія на необходимость озаботиться возведеніемъ новыхъ построекъ на пепелищѣ прежнихъ, но эти указанія или приводили къ старымъ, набившимъ оскомину «тектоническимъ» спорамъ, или же просто-напросто вызывали рѣшительный отпоръ толпы, поглощенной сильнымъ впечатлѣніемъ зарева, въ какомъ представлялась Россія воспаленному воображенію слушателей.

Въ залѣ было душно и жарко, душно отъ испареній стоявшихъ вплотную слушателей и жарко отъ горячихъ, жгучихъ рѣчей ораторовъ. Я хотѣлъ было уходить, чтобы хотя немного освѣжиться отъ напряженной атмосферы митинга, и, обернувшись, увидѣлъ стоящаго позади Гапона.

«Николай Петровичъ», прижатый къ стѣнѣ, осматривалъ толпу, нервно теребилъ и кусалъ свои черные небольшіе усы и, приподнявъ съ головы фуражку, отиралъ со лба потъ. Взглядывая на открытую сцену, откуда ораторъ выкрикивалъ свои рѣчи, Гапонъ преобразался—каріе глаза его загорались, онъ какъ будто порывался впередъ, къ эстрадѣ, желая, можетъ быть, сказать что-нибудь свое, новое и важное; можетъ быть, объявить себя толпѣ, въ которой онъ стоялъ сейчасъ незнаемый и затерянный, и покрыть голоса взывавшихъ ораторовъ своимъ смѣлымъ и могучимъ призывомъ: «впередъ, за мной, братцы, кровью спаянные товарищи!»

Я окликнулъ Гапона.

— А, мое почтеніе, пойдете отсюда внизъ, здѣсь душно, —вдругъ предложилъ Гапонъ, протискиваясь на лѣстницу и направляясь внизъ, въ кафе.

Мы отыскали свободный столикъ и позвали гарсона.

— On y va ¹⁾, —послышался голосъ, и передъ нами появился расторопный малый.

— Deux chopes Munich ²⁾, —утвердительно заявилъ гарсонъ и, помахавъ передъ нами двумя растопыренными пальцами, быстро побѣжалъ за пивомъ, ловко лавируя между сидѣвшими за столиками кліентами.

Въ кафе было не менѣе душно, чѣмъ на митингѣ. Почти всѣ столики были заняты, и разгоряченные виномъ или абсентомъ посѣти-

¹⁾ Идутъ!

²⁾ Двѣ кружки Мюнхенскаго.

тели вели горячіе разговоры, изрѣдка отвлекаясь взвизгиваніями шансонетной пѣвички, вертѣвшейся волчкомъ на открытой сценѣ.

Этажомъ выше былъ такой же залъ, съ такими же размазеванными масляной краской стѣнами, съ изображеніемъ необычайныхъ для женевскихъ гражданъ пропсешствій, вродѣ замерзшаго когда-то женевского озера и другихъ не менѣ патріотическихъ событій. Такая же эстрада возвышалась въ углу верхняго и нижняго залъ. Какъ вверху, такъ и внизу было много народу, также душно отъ человѣческихъ испареній, но какая глубокая разница была между толпой наверху и внизу!

Тамъ, наверху, народныя витіи парили въ облакахъ застилавшаго Россію кроваваго тумана, зывали къ толпѣ и потрясали стущенный воздухъ рѣзкими кликами, заканчивая свои рѣчи обычной командой: «маршъ, маршъ впередъ, рабочій народъ».

Здѣсь, въ кафе, посѣтители, по большей части принадлежащіе къ «рабочему народу», къ его аристократической части, одѣтые съ иглочки, вылощенные, упитанные, кейфовали за стаканомъ вина, потягивали черезъ соломинку мутную жидкость—абсентъ, мирно бесѣдовали, спорили, плотоядно посматривали на шансонетную пѣвичку, дико хохотали и распѣвали вошедшую въ то время въ обиходъ уличной жизни пѣсенку «*Viens, pourroulé, viens!*»

Гапонъ молчалъ, не обращая вниманія на шумливый говоръ, погруженный въ глубокія думы. Кто-то изъ сидѣвшихъ сзади насъ затынулъ мягкимъ баскомъ популярную пѣсенку, сложенную по поводу шуточнаго бутафорскаго покушенія анархистовъ на женевскій соборъ St.-Pierre:

Le vent, la bise,
Près de l'église,
Et la police
Derrière coulisse ¹⁾.

Нѣсколько голосовъ заканчивали мрачный куплетъ веселымъ припѣвомъ:

Ah, ah, c'est épatant,
Les gens du gouvernement ²⁾!

— Хочу ѣхать въ Россію,—заговорилъ Гапонъ, отвѣчая на мои мысли:—душно здѣсь, тяжело, душа простора ищетъ. Вы слышали, что они говорятъ тамъ, наверху. Надо въ Россіи такъ говорить, а не здѣсь.

— Почему вы, Николай Петровичъ, не выступили на митингѣ,—перебилъ я Гапона:—вѣдь васъ до сихъ поръ знаетъ ограниченное число лицъ, и открытый вашъ выходъ безъ забрала могъ бы принести вамъ, для вашего дѣла, несомнѣнную пользу. Почему, вы наконецъ,

¹⁾ Вѣтеръ, ураганъ дуетъ на храмъ, а полиція за кулисами.

²⁾ Ахъ какъ восхитительны правительства!

раньше таились въ нѣдрахъ русскихъ колониальныхъ кружковъ, когда могли бы съ ощутительной матеріальной выгодой для себя совершить настоящій триумфальный въѣздъ героя, на примѣръ, въ эксцентричную Америку, какъ это дѣлали нѣкоторые лица, попавшія не въ герои, а просто въ революціонные или даже только въ партійные святцы, какъ, наконецъ, было съ однимъ изъ нашихъ крупныхъ писателей. Вѣдь для этого немного требовалось: надобно было подыскать хорошаго импрессаріо—и у васъ были бы деньги и... почеть, міровой почеть, Николай Петровичъ.

Гапонъ съ восхищеніемъ выслушалъ мою тираду, какъ будто сожалѣя объ упущенномъ моментѣ, потомъ рѣшительно замахалъ рукой:

— Да, деньги-то мнѣ нужны, но выступать здѣсь цѣли нѣтъ, и только не здѣсь, не здѣсь, я выступлю тамъ, въ Россіи, меня тамъ ждутъ. Придетъ благопріятный, подходящій моментъ, я выйду и скажу рабочимъ: вотъ я опять съ вами. Важно только схватить моментъ, иначе все пропадетъ. Не увѣренъ я еще, какъ меня встрѣтятъ въ Россіи.

— Да вѣдь теперь не то, что прежде,—сказалъ я:—не то, что было до 9-го января, теперь мы живемъ послѣ 17-го октября, при обновленномъ правительствѣ. Всѣ ожидаютъ съ часу на часъ полной амнистіи.

Гапонъ почему-то пристально на меня уставился и послѣ долгаго раздумья отвѣтилъ:

— Коснется ли меня амнистія—это вопросъ, а правительству я не вѣрю.

— Да, не довѣряю,—снова повторилъ онъ, какъ будто вспоминая какіе-то неопровержимые факты, заставлявшіе его прійти къ такому положительному выводу.

— Ну, а какъ вы относитесь къ нашимъ крайнимъ лѣвымъ партіямъ,—спросилъ я:—вѣдь вамъ съ ними волей-неволей придется столкнуться въ общемъ дѣлѣ.

— Очень ихъ уважаю, въ особенности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ цѣню, на примѣръ, Шишко¹⁾,—отвѣчалъ Гапонъ, лукаво на меня посматривая:—но не могу же я подчиниться имъ, влѣзть въ ихъ рамки. Вотъ одна партія, не желая упустить меня изъ своихъ рукъ, предлагала мнѣ издавать «Крестьянскую Газету», но условія для меня были неподходящія, и я отказался. Хотѣли, должно быть, сдѣлавъ изъ меня редактора, держать меня на виду, въ рукахъ. Въ настоящее время поддерживаю съ ними кой-какія сношенія, веду самостоятельные переговоры, знаете, чтобы тамъ, въ Россіи...

Гапонъ тщательно подыскивалъ слово для выраженія своей мысли.

¹⁾ Известный эмигрантъ соц.-революціонеръ, умершій въ 1910 г. въ Женевѣ.

— Оплести ихъ вокругъ пальца,—неожиданно закончилъ я. Гапонъ засмѣялся.

— Ну, зачѣмъ же оплести, впрочемъ, скажите, бывали подобные случаи за границей, въ народныхъ движеніяхъ въ Европѣ?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Вотъ видите, для дѣла все можно, для дѣла рабочихъ,—уже не смѣясь, серьезно добавилъ Гапонъ и замолкъ, задумавшись надъ какой-то новой охватившей его мыслью.

При моихъ мимолетныхъ встрѣчахъ съ Гапономъ я поражаюсь его отличительной чертой быстро переходить отъ веселаго настроенія къ грустному, отъ мрачнаго къ свѣтлому. Даже во время непродолжительнаго разговора Гапонъ мѣнялся, нервная, приподнятая рѣчь его то неудержимо неслась впередъ, то пріостанавливалась, смолкала, веселый ребяческій смѣхъ смѣнялся ядовитыми усмѣшками, открытая нараспашку душа внезапно задерживалась тяжелой непроницаемой завѣсой. Слушая Гапона, чувствовалось, что какая-то задняя мысль проскальзываетъ въ его рѣчахъ, какая-то навязчивая идея давить его мозгъ и заставляетъ его время отъ времени перемѣнять разговоръ, чтобы углубиться въ себя, а затѣмъ снова разсыпая свои мысли въ яркія, какъ искорки, желанія.

Случайный вѣтерокъ налетитъ на потухающій костеръ, раздуетъ его, взметнутся раскидистымъ снопомъ искры, просверлятъ ночную мглу, оставивъ въ ней длинные, обгоняющіе другъ друга слѣды и пропадутъ въ застилающемъ мракѣ, погасая на лету. Такъ и мысли у Гапона—вспыхивали и пропадали въ нависшей надъ нимъ тѣмѣ.

— Переведите, что она поетъ,—попросилъ меня Гапонъ, указавъ на шансонетную пѣвичку.

Пѣвица въ это время добросовѣстно продѣлывала на эстрадѣ свой номеръ. Обнаженная почти до пояса, помахивая коротенькой юбочкой, этуаль выдѣлывала самыя невѣроятныя па, заставлявшія опасаться за цѣлость ея легкихъ и слишкомъ скромныхъ натѣльныхъ покрововъ. Дополняя выразительными жестами то, что трудно было понять изъ ея словесной программы, почтенная дива, жеманно наклоняясь къ гогочущей публикѣ, съ деревянной улыбкой на ярко намазанномъ окаменѣломъ лицѣ бросала съ эстрады сиплымъ голосомъ куплеты.

Я перевелъ Гапону наивную галиматью, которая только въ возбужденномъ алкоголемъ или болѣзненно настроенномъ воображеніи могла вызвать требуемый временемъ и мѣстомъ смыслъ. Гапонъ, желавшій, очевидно, съ помощью шансонетной пѣвицы направить свою мысль въ другую сторону, заговорилъ о своихъ похожденияхъ въ Парижѣ, куда онъ попалъ черезъ мѣсяць послѣ своего пріѣзда за границу.

— Вотъ тамъ въ кабачкахъ видалъ я виды. Знакомые водили. Забыться хотѣлось, стряхнуть въ себя кошмаръ, давившій меня

по ночамъ, въ одиночествѣ на чужбинѣ. Попались хорошіе знакомые, ну, и показывали мнѣ, какъ они называли, «брюхо Парижа». Не все забывались—они мнѣ цѣлыя лекціи читали объ ужасахъ капиталистическаго строя и несчастныхъ искупительныхъ жертвахъ капитала. Безъ добрыхъ знакомыхъ я ничего не узналъ бы. Гдѣ мнѣ, по-французски я не говорю, мнѣ безъ языка-то и манишки не купить.

— А вы умѣете одѣваться, къ вамъ и фуражка идетъ,—обратилъ я вниманіе на его фуражку съ длиннымъ лакированнымъ козырькомъ:—въ этой фуражкѣ вы похожи на члена какого-нибудь спортивнаго общества, недостаетъ кокарды въ видѣ велосипеднаго колеса или что-нибудь въ родѣ этого, вотъ какъ, напримѣръ, у нашихъ сосѣдей за столикомъ. Да и осанка у васъ молодецкая.

— Сразу по пріѣздѣ въ Женеву бралъ въ манежѣ уроки верховой ѣзды,—усмѣхнулся Гапонъ:—знаете, чтобы пріучиться къ штатскому платью... послѣ 9-го января.

Гапонъ замылся, избѣгая произнести «послѣ рясы», и сталъ отыскивать мелочь, чтобы бросить направлявшейся къ намъ размалеванной шансонетной пѣвичкѣ.

— Скажите, Николай Петровичъ,—задалъ я вопросъ Гапону, воспользовавшись упоминаніемъ о 9-мъ январѣ:—какъ вамъ все-таки удалось стать во главѣ движенія?

Гапонъ охотно началъ рассказывать о своихъ гражданскихъ мукахъ еще въ бытность свою въ петербургской духовной академіи, о всецѣло завладѣвшей имъ мысли помочь рабочимъ въ ихъ тяжелой долѣ. Тщательно избѣгая всего, что касалось его дѣятельности какъ священника, Гапонъ упомянулъ о своихъ знакомствахъ съ рабочими въ арестномъ домѣ, гдѣ онъ служилъ и проповѣдывалъ. Затѣмъ въ немъ стала назрѣвать какая-то болѣе или менѣе опредѣленная, но затаенная мысль. Для приведенія ея въ исполненіе онъ строить сложный и запутанный планъ дѣйствій—познакомиться съ вліятельными лицами, втереться въ ихъ полное довѣріе, начать вести сначала проповѣди; затѣмъ приступить къ организаціи рабочихъ, хотя бы на религіозной почвѣ; наконецъ, постепенно, не навлекая подозрѣній, перейти на объединеніе рабочихъ на экономической почвѣ и выступить съ организованными «отдѣлами» на опредѣленный, открыто-революціонный путь.

— Трудно было, но для дѣла я на все готовъ былъ итти,—воодушевленно повѣствовалъ Гапонъ:—приходилось хитрить какъ змію и строить козни, но у меня есть одно великолѣпное качество—я произвожу неотразимое впечатлѣніе на дамъ, и, благодаря этому свойству, мнѣ удалось попасть во вліятельные дома. Ну, а разъ уже попалъ, то дѣло было въ шляпѣ. Дамы принимали меня въ полуосвѣщенныхъ гостиныхъ, внимательно и смиренно слушали при таинственномъ блескѣ мерцавшихъ лампадъ мои проповѣди, умышленно перевозносили меня въ своихъ кругахъ за якобы вновь откры-

ваемый мною скрытый смыслъ ученія Христа, чуть ли не видѣли во мнѣ пророка, пришедшаго въ міръ возвѣщать новыя слова истины, благодарили меня, долго-долго жали мои руки... и безпрекословно исполняли все, что мнѣ заблагоразсудится.

Такая политика Гапона съ дамами привела въ исполненіе его завѣтную мечту—основать отдѣлы рабочихъ и читать имъ не о вредѣ пьянства, а лекціи по политической экономіи.

— Да,—закончилъ Гапонъ:—хотя дамы и не пользуются равноправіемъ, но въ политикѣ онѣ играютъ немаловажную роль.

Было уже поздно. Въ кафе посѣтителы порѣдѣли, а оттуда сверху неслись все еще неистовые крики. Наконецъ шумъ митинга сталъ затихать, и русская публика широкой волной устремилась къ выходамъ. Часть толпы, проходя черезъ кафе, брезгливо поглядывала на отяжелѣвшихъ и клевавшихъ носами кліентовъ и возмущалась картиной, такъ не подходившей къ вынесенному съ митинга настроенію.

— Чортъ знаетъ, что за безобразіе, развратъ на глазахъ, чего смотреть полицейскіе,—громко негодовали нѣкоторые, указывая на столики, за которымъ сидѣлъ полупьяный господинъ и, держа у себя на колѣняхъ шансонетную пѣвичку, нагло подмигивалъ русскимъ студенткамъ.

Двое жандармовъ спокойно расхаживали подъ окнами кафе и ожидали часа закрытія ресторана, чтобы, появившись на порогѣ кафе, пригласить засидѣвшуюся публику къ выходу своимъ обычнымъ возгласомъ:

— Messieurs, c'est l'heure (пора)!

Вмѣстѣ съ потокомъ толпы мы вышли изъ кафе. Мелкій дождь продолжалъ попрежнему моросить и застилать улицы мокрымъ туманомъ, сквозь сѣтку котораго слабо виднѣлись замиравшіе во мглѣ огни фонарей.

Толпа русскихъ, человѣкъ около 200, шла по направленію къ улицѣ Каружъ, шлепая по грязи за красными знаменами. Небольшой хоръ нестройными, надорванными голосами почему-то, послѣ грозныхъ побѣдоносныхъ рѣчей на митингѣ, затянулъ похоронный маршъ: «Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой». Нѣсколько рабочихъ итальянцевъ, пробывшихъ на митингѣ, несмотря на свое незнаніе русскаго языка, съ начала до конца и шедшихъ теперь съ толпою русскихъ просто изъ любви ко всякаго рода революціоннымъ вспышкамъ, запѣли куплеты «Интернаціонала».

Debout! les damnés de la terre!
Debout! les forçats de la faim!
La raison tonne en son cratère,
C'est l'éruption de la fin.
Du passé faisons table rase,
Foule esclave, debout! debout!

Le monde va changer de base:
Nous ne sommes rien, soyons tous! ¹⁾

выводилъ пріятный тенорокъ, а остальные подхватили:

C'est la lutte finale
Groupons nous, et demain
L'Internationale,
Sera le genre humain.

Какой-то высокій господинъ въ сдвинутомъ на бекрень цилиндрѣ, довольно развязно шагавшій по тротуару, повстрѣчавъ процессію, запѣлъ въ отвѣтъ:

C'est la lutte sans but
Inutile, dangereuse! ²⁾

— Ah, le voilà, aristo ³⁾, — накинулись на него итальянцы, находя выходъ своимъ кипѣвшимъ страстямъ.

— Macaroni ⁴⁾, — бросилъ имъ господинъ въ цилиндрѣ.

Пѣніе русскихъ и крики итальянцевъ будили почную тишину и покоившихся сладкимъ сномъ женевскихъ гражданъ. Сердито подымались жалюзи, открывались окна, и заспанные женевскія матроны въ непринужденныхъ ночныхъ туалетахъ съ негодованіемъ шипѣли

— Ah, ces sales russes ⁵⁾!

Непримиримыя квартирныя хозяйки, можетъ быть, только что поругавшіяся съ переѣхавшей отъ нихъ русской студенткой, злобно захлопывали ставни.

Шумъ на улицѣ возрасталъ.

— Это будетъ послѣдній и рѣшительный бой, — гудѣли русскіе.

— Aristo, macaroni, — переругивались иностранцы.

Два-три упитанныхъ, рослыхъ жандарма, мирно шагавшіе гдѣ-то сбоку процессіи и наблюдавшіе, чтобы она не перешла въ нежелательные для швейцарскаго правительства эксцессы, какъ это было четыре года тому назадъ съ потопленіемъ въ Арвѣ снятаго съ русскаго консульства герба, вдругъ неожиданно выросли передъ демонстрантами, очевидно, рѣшивъ, что теперь уже с'est l'heure — пришелъ часъ для выступленія представителей власти предрержащей.

Жандармы толково и ясно объяснили демонстрантамъ, что часъ теперь поздній, граждане въ это время имѣютъ обыкновеніе спать

¹⁾ По-русски эта пѣсня, не вполне правильно переведенная, начинается словами: «Вставай, подымайся, рабочий народъ»...

²⁾ Это бой безъ цѣли, бесполезный и опасный.

³⁾ Ага, вотъ онъ, аристократъ.

⁴⁾ Макароны — обидное для итальянца прозвище.

⁵⁾ Дословно — грязные русскіе, но по-французски это ругательство звучитъ грубѣе.

и что нарушеніе общественной тишины и порядка, квалифицируемое какъ *scandal nocturne*, запрещено швейцарскими законами *sous peine d'amende*, «подъ страхомъ штрафа».

Раздались было слабые голоса протеста противъ ограниченія свободы личности, но вскорѣ затихли крики и пѣніе, и усталые участники митинга молча побрели по домамъ.

Опустѣли улицы. Лишь подростки-мальчишки приставали къ запоздалымъ прохожимъ, крича осипшими голосами *au profit du souveur*, да скороходъ молча шагаль по площади, ожидая завтрашняго утра, когда онъ поразить женевскихъ гражданъ своей тренировкой и получить призъ за двухдневный непрерывный бѣгъ.

Разошелся митингъ, кончилась демонстрація. Гапонъ давно уже пропаль въ темномъ переулкѣ, направившись къ себѣ домой, чтобы въ ночной тиши обдумывать свои тайные замыслы, считать минуты приближающаго часа и мечтать о грядущемъ появленіи съ надлежащей помпой, какъ *deus ex machina*, на русской аренѣ, взрытой налетѣвшими на нее буранами.

VI.

Вскорѣ послѣ вышеописаннаго митинга мнѣ пришлось проходить какъ-то мимо «виллы» Гапона. Не доходя до «виллы», я повстрѣчался съ моимъ другомъ X., большимъ поклонникомъ Гапона.

— Ты не къ Гапону ли?—спросилъ я его.

— Да, —отвѣтилъ X.:—по дѣлу иду. Просилъ онъ меня на дняхъ достать ему какой-нибудь подходящий и благонадсжный паспортъ для переѣзда въ Россію, такъ вотъ несу ему видъ на жительство для Россіи, выданный одному знакомому швейцарцу, долго жившему въ Россіи, любящему ее и увлекающемуся революціоннымъ обликомъ героя 9-го января.

— А ты знаешь, —замѣтилъ я X.:—ходятъ слухи, что Гапонъ, будучи недавно въ Лондонѣ, велъ какіе-то таинственные разговоры съ какимъ-то высокопоставленнымъ русскимъ лицомъ о своемъ возвращеніи въ Россію, и врядъ ли, поэтому, ему понадобится твой паспортъ, можетъ быть, онъ нуженъ для кого-нибудь изъ гапоновскихъ «комиссаровъ», людей по большей части безпаспортныхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, —возражалъ X.:—Гапонъ клялся, что для негс. Впрочемъ, зайдемъ къ нему.

Мы поднялись въ квартиру Гапона. Онъ былъ дома и давалъ инструкціи какимъ-то молодымъ людямъ, отѣзжавшимъ въ Россію съ порученіями отъ него.

Мы поздоровались. X. отдалъ Гапону паспортъ и заявилъ, что швейцарецъ, съ которымъ они вчера видѣлись, просилъ передать, что предоставляетъ свой паспортъ только въ единоличное пользование Гапону.

— Такъ что вы, Николай Петровичъ, не обманите и, переправившись въ Россію, перешлите паспортъ сюда или уничтожьте его.

— Даю честное слово,—нисколько не обидясь на слова Х., завѣрилъ Гапонъ:—завтра же ѣду. Усиленно зовутъ меня рабочіе въ Россію. Открылось уже нѣсколько отдѣловъ. Недавно пріѣзжали делегаты отъ нихъ, говорятъ, что дѣло налаживается. Каждый день получаю полныя энергіи письма отъ рабочихъ, вошедшихъ членами во вновь образованныя отдѣлы,—прямо требуютъ къ себѣ. Хотите, покажу,—обратился Гапонъ ко мнѣ, намѣреваясь вынуть изъ стола письма.

Я попросилъ Гапона не беспокоиться, сказавъ ему, что вѣрю въ возникновеніе его отдѣловъ и безъ оправдательныхъ писемъ.

Послѣдніе два-три мѣсяца мысль объ отдѣлахъ всецѣло завладѣла Гапономъ, задумавшимъ, очевидно, какой-то новый планъ дѣйствій, болѣе сложный, чѣмъ до 9-го января. Будущность всей дѣятельности Гапона какъ въ Россіи, такъ и за границей, послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ самовосхищенія и любованія преклонявшимися передъ нимъ партіями, сводилась исключительно къ отдѣламъ. Онъ жилъ только ими, не будучи въ состояніи придумать что-нибудь новое или примкнуть къ партіямъ, выковывавшимъ историческія событія по заранѣе обдуманнѣмъ, научно-обоснованнымъ формамъ.

Дѣйствительно, Гапонъ уже два года тому назадъ предначерталъ себѣ опредѣленную программу дѣйствій. Въ октябрѣ 1903 года онъ становится предсѣдателемъ основаннаго имъ «общества русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ», почти вплоть до 9-го января поддерживая сношенія съ охраннымъ отдѣленіемъ. Первые «отдѣлы», открывшіеся въ разныхъ частяхъ Петербурга въ теченіе 1904 года, служили рабочимъ вначалѣ мѣстомъ отдыха для мирной бесѣды о создавшихся нуждахъ и для выясненія средствъ взаимопомощи. Сближаясь мало-по-малу съ сознательными рабочими, Гапонъ подбиралъ себѣ кадръ преданныхъ ему лицъ, вполне проникшихся его планомъ—поднять рабочую массу на борьбу за ихъ экономическіе и политическіе интересы. Создавая изъ этихъ лицъ надежную опору и постепенно своимъ объясненіемъ и искреннимъ товарищескимъ тономъ побуждая недовѣрчивость нѣкоторыхъ въ связи съ его темными сношеніями съ охраннымъ отдѣленіемъ, Гапонъ уже смѣло приступилъ съ ноября 1904 года, имѣя 10 открытыхъ отдѣловъ, къ выполненію задуманнаго плана, начавъ вести систематическую пропаганду. Выносимыя на собраніяхъ отдѣловъ резолюціи, обобщавшія экономическія требованія рабочаго класса, Гапонъ связывалъ съ обще-политическими требованіями, выставленными земскимъ съѣздомъ 6—9 ноября 1904 года и интеллигенціей. Въ это время Гапонъ не только ничего не имѣлъ противъ интеллигенціи, но желалъ сближенія съ нею и помощи съ ея стороны, подчеркивая тождественность требованій.

Съ начала декабря 1904 года, въ особенности же послѣ 20 декабря—дня сдачи Портъ-Артура, дѣятельность Гапона идетъ ускореннымъ темпомъ. «Наряду съ мужскими и смѣшанными собраніями въ отдѣлахъ, — пишетъ г-жа Л. Гуревичъ ¹⁾, — устраиваются и спеціально женскія собранія, имѣющія цѣлью дать нѣкоторую общественную и политическую подготовку женщинамъ, сильно отстающимъ отъ мужчинъ въ этомъ отношеніи. Если женщины не будутъ вовлечены въ движеніе, не будутъ помогать, то онѣ будутъ мѣшать, — такъ разсуждалъ Гапонъ и депутаты-рабочіе. Общій характеръ движенія, развивающагося въ обществѣ и постепенно переходящаго за его стѣны, былъ все-таки безпартийнымъ. Широкая масса относилась къ представителямъ партій и, быть можетъ, даже вообще къ интеллигенціи, съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ».

Такое же, но уже ясно выраженное недоувѣріе къ интеллигенціи Гапонъ проявилъ передъ 9-го января. Видя, что интеллигенція, опасавшаяся раньше провокаціи со стороны Гапона, убѣдилась въ его революціонномъ настроеніи и примкнула къ движенію, Гапонъ, какъ точный барометръ народныхъ массъ, всѣми силами старался оттѣснить интеллигенцію и партийныхъ людей, опасаясь, чтобы они не захватили движенія 9-го января въ свои руки, причинивъ непоправимый вредъ только-что зародившемуся движенію своими взаимными распрями и разногласіями.

— Много мнѣ навредили 9-го января интеллигенція и партийные работники, а въ особенности журналисты, — жаловался мнѣ однажды самъ Гапонъ.

Интересно отмѣтить, что такую же эволюцію отъ поклоненія интеллигенціи до отрешиванія отъ нея Гапонъ совершилъ и за границей. Какъ и въ Россіи, Гапонъ сначала искалъ поддержки у партій и кончилъ совершеннымъ расхожденіемъ съ ними, рѣшивъ заняться созданіемъ стараго разрушеннаго зданія, постройка котораго была начата имъ еще въ 1903 году. Возобновивъ лѣтомъ 1906 г. дѣятельность двухъ-трехъ отдѣловъ и понавъ впоследствии въ Россію, Гапонъ снова, какъ и въ 1904 году, началъ искать поддержки у партій и сближался съ отдѣльными партийными работниками, желая начать прежнюю игру. Но, говорятъ, исторія не повторяется, и, дѣйствительно, эта попытка привела, какъ извѣстно, Гапона на «крюкъ отъ вѣшалки».

— Я все поставлю на карту, — продолжалъ разговоръ Гапонъ, обращаясь къ стоявшимъ въ комнатѣ молодымъ людямъ: — безъ отдѣловъ я, какъ рыба безъ воды. Тамъ меня понимаютъ, тамъ мы говоримъ на одномъ языкѣ, который непонятенъ партийнымъ людямъ, отуманеннымъ отвлеченными теоріями.

¹⁾ Былое. Январь. 1906 г.

— Теперь скоро будете въ Россіи и начнете свою прежнюю дѣятельность,—сказаль въ утѣшеніе X.

— Вотъ, ѣдутъ въ мой отдѣлы съ порученіями отъ меня,—указаль Гапонъ на молодыхъ людей:—сейчасъ, господа, я вамъ выдамъ.

Гапонъ вышелъ въ другую комнату и возвратился съ 4-мя браунингами. Торжественно получивъ браунинги изъ рукъ Гапона, молодые люди, очевидно, никогда ранѣе не видавшіе огнестрѣльнаго оружія, внимательно разматривали ихъ, щупали, вынимали обоймы, щелкали спусковыми крючками, взводили накатникъ и, прищуривая глаза, смотрѣли на мушку.

Видя, что наше присутствіе можетъ быть нескромнымъ, я и мой другъ X. поспѣшили удалиться.

— До свиданія, завтра увидимся,—сказаль намъ на прощаніе Гапонъ и назвалъ домъ, гдѣ мы могли его повидать.

На слѣдующій день, часовъ въ 5—6 вечера, я пришелъ на квартиру знакомаго мнѣ русскаго семейства. Гапонъ былъ уже тамъ и молча сидѣлъ за столомъ. Это былъ уже не тотъ Гапонъ, веселый, чуть ли не подпрыгивающій отъ обуревавшей его радости, какимъ я видѣлъ его вчера. Угрюмый, неразговорчивый, напряженно о чемъ-то думающій, Гапонъ не отвѣчалъ на вопросы старавшейся его расшевелить г-жи С. и иногда кидалъ отрывистыя фразы.

— Скажите, пожалуйста,—обратился Гапонъ къ сидѣвшему напротивъ него г-ну Б.:—какимъ образомъ и кто именно захватываль власть во время французскихъ революцій?

Г-нъ Б. обрисоваль нѣсколько яркихъ диктатуръ и далъ отличныя характеристики нѣкоторыхъ французскихъ демагоговъ. Гапонъ внимательно слушалъ, впитывая въ себя каждое слово, стараясь ничего не забыть, вытвердить какъ заданный урокъ, и разузнаваль подробности.

— Однимъ словомъ,—замѣтилъ Гапонъ:—кто палку взялъ, тотъ и капраль.

— Не ѣдете ли вы въ Россію за этой палкой?—неожиданно задалъ вопросъ г. Б.

Гапонъ ничего не отвѣтилъ и затѣмъ, посмотрѣвъ на часы, заявилъ, что ему пора уходить. Взволнованнымъ голосомъ, какъ будто передъ отъѣздомъ на войну, Гапонъ сказалъ:

— Ну, господа, прощайте. Не знаю, что будетъ тамъ, какъ при-метъ меня Россія.

Раздались пожеланія счастливаго пути, успѣха и прочихъ благъ. Гапонъ облобызался со всѣми и ушелъ.

Впечатлѣніе, оставленное послѣднимъ разговоромъ съ Гапономъ, было, какъ всегда, неопредѣленнымъ и загадочнымъ. Что-то недоговоренное чувствовалось въ его словахъ, какой-то туманъ застилалъ его затаенныя мысли, которыя онъ кидалъ слушателямъ,

какъ будто проговариваясь. Не отвѣчая опредѣленно на вопросы, что онъ намѣренъ дѣлать въ Россіи по пріѣздѣ, Гапонъ въ то же время какъ бы намекалъ о своихъ диктаторскихъ планахъ, выполнение которыхъ онъ ставилъ себѣ цѣлью предстоящаго путешествія. Чувствовалось въ его словахъ много хитраго, скользкаго, сомнительнаго и наивнаго для такого народнаго демагога, какимъ былъ Гапонъ. Романтизмъ, свойственный Гапону, и его склонность къ революціонной буффонадѣ, дѣйствующей на внутренній, психологическій строй народныхъ массъ, вносили въ программу дѣйствій Гапона, въ его затаенные помыслы—фантастическій элементъ и дѣлали его политическую платформу слишкомъ непрочной и шаткой, безъ связующихъ скрѣпъ, способной разлетѣться отъ малѣйшаго толчка и похоронить подъ своими обломками построившаго ее фантазера-архитектора.

Въ это время, когда Гапонъ собирался ѣхать въ Россію, г. Г. Л. И. писалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ»:

«Большая часть нашихъ русскихъ бунтовъ, революцій и политическихъ движеній создавались и протекали при благосклонномъ содѣйствіи, попустительствѣ и съ вѣдома тѣхъ, кому эти движенія въ особенности угрожали, и на головы которыхъ они должны были непосредственно обрушиться, именно самого правительства и его административныхъ органовъ. Конечно, выраженіе «содѣйствіе» должно быть понимаемо не въ прямомъ смыслѣ этого слова, какъ явленіе активнаго характера, а косвенно, какъ актъ пассивный. Удивительное непониманіе условій и потребностей отечественной жизни, нуждъ и запросовъ народа и его разныхъ классовъ со стороны правительственной власти, возмутительная халатность въ отправленіи своихъ прямыхъ обязанностей представителями этой власти, полное отсутствіе у нихъ сознанія своего гражданскаго долга, нерасторопность и непредусмотрительность, отсутствіе государственнаго творчества и сомнительная качественность средствъ въ достиженіи цѣлей, вотъ тѣ благопріятствующія всякимъ революціоннымъ движеніямъ условія, которыя въ кошечномъ результатѣ повергли Россію въ бездну политическаго хаоса, въ пучину анархіи и разоренія. Начиная съ бунта декабристовъ 14-го декабря 1825 года и вплоть до торжественной процессіи священника Георгія Гапона у Нарвскихъ воротъ 9-го января 1905 года,—всѣ эти явленія нашей политической и общественной жизни суть результаты дѣятельности и дѣятельныхъ поступковъ самой власти, сю же вскормленные и сю же доведенные до печальной развязки».

Гапонъ ушелъ, унося съ собой бунтарскіе замыслы. Какова-то будетъ его встрѣча въ Россіи съ представителями власти, съ волнующимися народными массами и вожаками революціонной интеллигенціи? Полонъ мучительной неизвѣстности былъ вопросъ: во что выльется грядущая дѣятельность Гапона, этого сбросившаго рясу

«попа-бунтаря», являвшагося отчасти родственнымъ бывавшимъ уже на Руси протопопамъ Аввакумамъ.

Послѣдній разъ я видѣлся съ Гапономъ около Pont-Neuf, на набережной Арвы. Столкнулся я съ нимъ случайно.

— Итакъ, Николай Петровичъ, ѣдете?—спросилъ я.

— Ёду, ёду,—взволнованнымъ голосомъ заговорилъ Гапонъ:— боюсь только, открыто боюсь.

— Полноте, Николай Петровичъ, чего вамъ бояться,—успокаивалъ я:—за вами народная масса, ожидающая васъ, готовящая вамъ, быть можетъ, триумфъ, какъ своему герою, и, въ случаѣ чего, имѣющая достаточно силъ, чтобы васъ отстоять. Кому другому, а вамъ бояться нечего.

— Повѣсятъ меня,—подавленно произнесъ Гапонъ, задумчиво смотря на сверкавшіе на солнцѣ бѣлые гребни пѣнящихся волнъ Арвы.

Гапонъ не предчувствовалъ, что говоритъ пророческія слова, произноситъ надъ собой приговоръ, приведенный надъ нимъ въ исполненіе черезъ 5 мѣсяцевъ. Я удивленно взглянулъ на Гапона и могъ только спросить:

— За что?

Гапонъ молчалъ, напуганный внезапно, какъ молнія, прорѣзавшей его мозгъ мыслью.

— Какъ вы думаете, могутъ меня повѣсить?—вдругъ спросилъ онъ меня.

— Отчего же,—замѣтилъ я:—возможно, все возможно въ революціонной политикѣ, не терпящей сантиментальностей и платоническихъ грезъ, не подсчитывающей жертвъ своей кровавой борьбы.

— А кто меня повѣсить?

На этотъ вопросъ Гапона я ничего не могъ отвѣтить и молча шагнулъ рядомъ съ нимъ по набережной. Также молча мы распрощались, и Гапонъ свернулъ въ тѣнистую аллею квартала Roseaie...

Съ тѣхъ поръ я больше не видѣлъ Гапона и узнавалъ о дальнѣйшей его жизни по слухамъ. Встрѣтилъ вскорѣ моего друга Х., узналъ отъ него, что изъ Вѣны было получено письмо со вложеннымъ не использованнымъ паспортомъ, предназначавшимся Гапону.

Въ декабрѣ ходили слухи о проѣздѣ Гапона черезъ Женеву въ Парижъ и на югъ Франціи, гдѣ онъ будто бы велъ важные переговоры съ какимъ-то высокопоставленнымъ лицомъ. Говорили объ его игрѣ въ рулетку въ Монако, объ его отъѣздѣ въ Россію и наконецъ въ первыхъ числахъ апрѣля 1906 года появились неясные и тревожные слухи о пропажѣ Гапона.

Вначалѣ думали, что онъ живъ и симулируетъ убійство, желая узнать произведенное на общество впечатлѣніе отъ подобнаго рода

пропажи. Предполагали о какомъ-то фантастическомъ замыслѣ Гапона: воскреснувъ, появиться съ новой силой и помпой. Но слухи о настоящей смерти все ширились и росли и наконецъ въ газетахъ появилась телеграмма, извѣщавшая, что Гапонъ повѣшенъ, а затѣмъ и извѣстное письмо, подтверждавшее убійство Гапона съ политической цѣлью за «предательство».

— Кѣмъ и за что?—мучительно вопрошала жгучая мысль.

Жизнь Гапона въ Россіи, его лихорадочная дѣятельность до самой «вѣшалки» мнѣ совершенно неизвѣстна. Встрѣчи мои съ Гапономъ кончились послѣднимъ разговоромъ на набережной Арвы. Несомнѣнно, мой небольшой очеркъ не можетъ вполне раскрыть темной и загадочной фигуры политика въ рясахъ и «попа-бунтаря», и разбираться въ сложной психикѣ Гапона, въ ея капризныхъ проявленіяхъ и изгибахъ пока еще очень трудно.

Бурная общественная эпопея Гапона закончилась такъ же неожиданно, какъ онъ не ожидалъ 9-го января, открывшаго непосильную для него дорогу. Отъ пересыльной тюрьмы къ Нарвскимъ воротамъ, отъ нихъ къ Зимнему дворцу, отъ дворца—за границу и оттуда въ Озерки, прямо на «крюкъ отъ вѣшалки»—вотъ тѣ немногочисленные этапы, приведшіе нашумѣвшаго на весь міръ героя 9-го января къ мѣсту вѣчнаго покоя—въ могилу на Успенское кладбище въ Петербургѣ.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ «очевидцевъ» убійства Гапона его послѣднія минуты ¹⁾:

«По какому-то безмолвному уговору ему накинули на шею петлю и потащили къ вбитому надъ вѣшалкой желѣзному крюку.

«Гапонъ, уже хрипя и задыхаясь, закричалъ:

«— Братцы... миленькіе .. Пойдите!.. Дайте послѣднее слово...

«— Тяни его!—скомандовалъ одинъ рабочій, ходившій 9-го вмѣстѣ съ нимъ.

«Одинъ товарищъ не выдержалъ и вмѣшался.

«— Дайте же ему послѣднее слово сказать, разъ онъ просить! Можетъ, важное что...

«— Братцы,—заговорилъ Гапонъ, какъ только немного освободили стягивающую его шею веревку,—братцы!.. Пощадите... родные мои... Простите меня... Во имя прошлаго» ²⁾.

¹⁾ Былое № 11 — 12. 1909 г. Статья Н. Н. «Послѣднія минуты Гапона («Воспоминанія очевидца»).

²⁾ Интересно сопоставить предсмертныя слова Гапона съ «послѣднимъ словомъ» Н. В. Клѣточникова на процессѣ 20 народолюбцевъ въ 1882 г. «Я дѣйствую,—говорилъ Н. В. Клѣточниковъ,—глубоко убѣжденный въ томъ, что все

По другимъ показаніямъ «очевидцевъ», подслушивавшихъ за дверями разговоръ П. Рутенберга съ Гапономъ и затѣмъ набросившихся на него съ цѣлью приведенія въ исполненіе приговора «суда», Гапонъ произносилъ передъ повѣшеніемъ слѣдующія слова:

«— Все, что вы слышали—неправда! Я сдѣлалъ все это ради бывшей у меня идеи!»..

Но, заканчиваетъ «очевидецъ»:

«Рабочіе разомъ дернули веревку, и Гапонъ бессильно повисъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ умеръ».

На Успенскомъ кладбищѣ среди другихъ могилъ выдѣляется небольшой металлическій памятникъ съ бѣлымъ крестомъ.

«На передней восточной сторонѣ памятника, — писалъ посѣтившій могилу Гапона въ 1909 г. И. П. Ювачевъ ¹⁾, — черными буквами по бѣлому фону написано:

Представитель
С. Р. Ф. З. Р.
Георгій Гапонъ
погибъ отъ руки убійцы
28 марта 1906 года
на дачѣ въ Озеркахъ.

«Пять буквъ, С. Р. Ф. З. Р., вѣроятно, обозначаютъ: «союза русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ».

«На другой, на западной сторонѣ памятника такими же буквами:

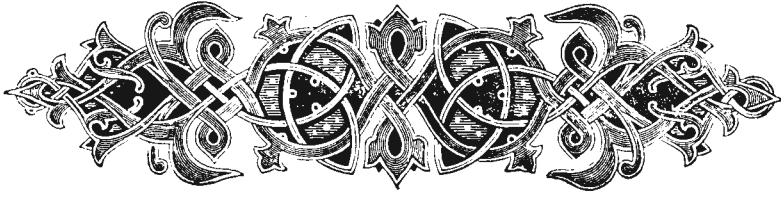
Спокойно спи «убитъ»
обманутый коварными
друзьями, пройдутъ года
тебя народъ пойметъ,
оцѣнитъ и будетъ слава
вѣчная твоя»

Такъ закончилъ свои дни герой 9-го января, съ которымъ случайныя обстоятельства меня временно сблизили въ Женевѣ..

М. Сизовъ.

общество, вся благомыслящая Россія будетъ мнѣ благодарна за то, что я подрывалъ дѣятельность Третьяго Отдѣленія. Я былъ увѣренъ, что само правительство будетъ мнѣ благодарно впоследствии».

¹⁾ «Истор. Вѣстн.». Октябрь, 1909 г. Статья И. П. Ювачева «Могилы Гапона».

ЗЕМСТВО И ЖИЗНЬ¹⁾.

(Записки председателя земской управы).

VII.

О КАКЪ БЫ ТО ни было, а земская касса временно опустѣла и земству пришлось пережить тяжелый денежный кризисъ, пустивъ въ оборотъ всё бывшія въ его распоряженіи спеціальныя суммы. Текущіе расходы были сокращены до послѣдней степени и всякіе новые кредиты приостановлены. Мѣстами земства вынуждены прибѣгать къ займамъ и, наконецъ, пришлось разъяснить населенію, что, прекративъ платежи, оно тѣмъ самымъ само же роетъ подъ собой тотъ фундаментъ, на которомъ худо ли, хорошо ли, но уже построена уѣздная жизнь.

Были выпущены обращенія къ населенію отъ земскихъ собраній съ разъясненіями, что прекращеніе платежей повлекло за собой опустѣніе земскихъ кассъ, а это, въ свою очередь, неизбежно должно повлечь такія нежелательныя явленія, какъ закрытіе школъ, больницъ, амбулаторныхъ пунктовъ, прекращеніе земскаго страхованія, ветеринарной помощи, почтовыхъ операцій и т. д. и роспускъ всѣхъ земскихъ служащихъ, т. е. полное уничтоженіе всего того, на что въ теченіе долгихъ лѣтъ затрачены уже громадныя суммы, собранныя съ того же населенія.

Земство вступало въ преддверіе новаго года въ то время, когда широко разлилась по уѣзду агитация присоединенія къ крестьянскому союзу, приглашавшему прекратить платежи; когда сельско-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVII. стр. 156.

хозяйственная забастовка, намѣченная тѣмъ же крестьянскимъ союзомъ, начинала уже осуществляться, когда стали, наконецъ, проявляться открыто выражаемыя притязанія на помѣщичьи лѣса и земли.

Всѣ эти явленія, естественно, должны были повлечь за собой полное прекращеніе платежей земскаго сбора, какъ крестьянами, увлеченными соблазнительной возможностью не платить, такъ и частными владѣльцами, утратившими увѣренность въ огражденіи отъ захвата своихъ имуществъ, или въ возможности продолжать веденіе своего хозяйства.

При такихъ условіяхъ дѣятельность земства, не располагающаго свободными запасными средствами, должна была, естественно, прекратиться, и на ряду съ быстро надвигавшимся разореніемъ страны земству предстояла, казалось, неминуемая участь упразднить себя, о чемъ земская управа докладывала чрезвычайному земскому собранію 2-го декабря 1905 года, послѣ чего и были выпущены управой отъ лица собранія тѣ обращенія къ земскимъ плательщикамъ, о которыхъ упоминалось раньше.

Съ другой стороны, земство, такъ или иначе реагируя на общественное движеніе, считало необходимымъ помочь населенію разобратся въ создавшейся путаницѣ понятій о новыхъ началахъ гражданской жизни.

Въ нѣкоторыхъ земствахъ были избраны особые комитеты для разъясненія населенію истиннаго смысла и значенія вновь изданныхъ избирательныхъ законоположеній.

Настроеніе у всѣхъ было приподнятое...

Одинъ общій нервный порывъ охватилъ всѣ общественные слои. Будничная текущая работа казалась неважною и валилась изъ рукъ. Всѣ были помѣшаны на всякаго рода сборищахъ и собраніяхъ.

Въ губернскомъ городѣ чередовались одно за другимъ—собраніе портныхъ, собраніе сапожниковъ, собраніе слесарей, кузнецовъ, мѣдниковъ и кровельщиковъ, собраніе булочниковъ, бараночниковъ и кондитеровъ, собраніе мясниковъ и колбасниковъ, даже собраніе кухарокъ, горничныхъ и нянекъ, не говоря уже о множествѣ всевозможныхъ засѣданій и собраній профессиональной интеллигенціи: врачей, учителей, техникумовъ, ветеринаровъ и т. п., а также учащейся молодежи, почтово-телеграфныхъ служащихъ и желѣзнодорожниковъ, чиновниковъ, приказчиковъ и служащихъ въ разныхъ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ; сходки заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ и т. д. и т. д.

Въ уѣздахъ тоже начались всякія сходки, митинги, собранія и совѣщанія.

Новоявленные ораторы, свои и пріѣзжіе, выбивались изъ силъ, вкривъ и вкось разъясняя гражданскія права и свободы, въ то время, какъ «товарищи крестьяне», до того совершенно добродушные и

мирные, вдругъ вообразившіе себя свободными гражданами свободной страны, стали всюду на глазахъ растерявшихся властей осуществлять эту свободу, совершенно, однако, не зная, какъ поступить съ ней... И пьяная, безтолковая толпа какъ-то дико, несуразно безобразничала и дебоширила, горланила и свистѣла, сквернословила и стрѣляла въ воздухъ.

Разгулявшаяся молодежь рѣшительно перестала работать, опрокидывала встрѣчныхъ проѣзжающихъ по дорогамъ, называя все это забастовкой.

«Ребята сказывали,—со смѣхомъ говорили въ толпѣ:—какъ вчера на большакѣ проѣзжимъ жидамъ забастовку сдѣлали: десять мѣшковъ съ огурцами разсыпали, бочку дегтю выпустили, а телѣги кверху кадками въ канаву пообернули»... И дикій хохоть толпы поощрительно одобряетъ «молодцовъ», пьяной ватагой напавшихъ на двухъ проѣзжихъ евреевъ.

Мужикъ какъ-то сразу озвѣрѣлъ и одичалъ, и добродушный, симпатичный по природѣ деревенскій парень проникся увѣренностью, что онъ уже «всю науку превзошелъ и всю политику постигъ», прочитавъ десятокъ подметныхъ прокламацій. Въ сознаниі своей просвѣщенности, онъ какъ-то неожиданно для самого себя обнаглѣлъ и, нахлобучивъ на затылокъ шапку, сталъ толкать всѣхъ встрѣчныхъ направо и налево.

Духъ свободомыслія своеобразно отразился почти во всѣхъ крестьянскихъ прошеніяхъ и общественныхъ приговорахъ того времени, поступавшихъ въ присутственныя мѣста. Мужики вездѣ стали писать вмѣсто обычнаго и вѣжливаго «просимъ» сразу пріобрѣтшее временныя права гражданства, рѣзко звучащее и грубое выраженіе—«требуемъ», хотя бы для такихъ требованій не имѣлось рѣшительно никакихъ основаній, причемъ ни къ селу ни къ городу обыкновенно добавлялось, что требованіе заявляется отъ всего «крестьянскаго народа».

VIII.

И тутъ-то во время такой всеобщей сумятицы приближался очень острый и опасный моментъ призыва новобранцевъ, которые приглашались многочисленными подметными листками, разбросанными по всѣмъ дорогамъ и улицамъ, не являться къ призыву и не итти на службу, а между тѣмъ вновь изданный тогда законъ грозилъ суровой карой за уклоненіе отъ воинской повинности.

Опасность была велика и страшно было за участь легковѣрно настроенной деревенской молодежи.

Наступилъ наборъ и мнѣ, совершенно неожиданно, за болѣзнью предводителя, пришлось въ качествѣ замѣстителя его провести

историческій пріемъ новобранцевъ 1906 года, т. е. первый послѣ открытія и роспуска государственной думы и послѣ «выборгскаго воззванія».

Наборъ, какъ извѣстно, всегда открывается повсемѣстно въ Россіи 15-го октября.

Еще наканунѣ многочисленныя толпы шумной, подвыпившей молодежи съ гикомъ, посвистомъ и «гармошками» наводнили городъ.

Съ вечера улицы и дорожки городского сада, ведущія къ присутствію, были обильно усыпаны бѣлыми листками прокламацій съ убѣдительнымъ призывомъ не итти на службу.

Долженъ сознаться, что, чувствуя себя въ положеніи председателя предстоящаго при такихъ условіяхъ набора, приходилось переживать далеко не пріятныя ощущенія. Но дѣлать было нечего, — пришлось съ восьми часовъ утра облекаться въ мундиръ и, заранѣе намѣтивъ себѣ образъ дѣйствій при всякихъ возможныхъ осложненіяхъ, отправляться къ выполненію своего служебнаго долга, сохраняя по возможности бодрый и увѣренный видъ, въ чемъ, какъ это хорошо чувствовалось, было главное условіе успокоительнаго воздѣйствія на отуманенныя головы взволнованной молодежи.

Мало увѣренности читалось въ блѣдныхъ, послѣ безсонной ночи, лицахъ волостного начальства, сопровождавшаго новобранцевъ, въ лицѣ старшинъ и писарей, откровенно заявлявшихъ, что нѣтъ никакого сладу съ озорствомъ призываемыхъ.

Медлить, однако, было нечего, и по возможно торжественномъ открытіи засѣданія былъ прочитанъ и разъясненъ вновь изданный суровый законъ съ тяжкой отвѣтственностью за уклоненіе отъ службы; тутъ же нѣсколько какъ бы заранѣе подготовленныхъ попытокъ изъ заднихъ рядовъ новобранцевъ произвести беспорядокъ и сорвать засѣданіе были паскоро встрѣчены, какъ простыя ребяческія выходки, не стоящія вниманія, что подѣйствовало на толпу самымъ расхолаживающимъ образомъ и вызвало неожиданныя насмѣшки товарищей, послѣ чего не стало уже большого труда мало-по-малу ввести всѣхъ присутствующихъ въ кипучую работу набора по повѣркѣ льготъ, по временамъ останавливая отдѣльныхъ крикуновъ въ тонѣ обращенія къ шаловливымъ школьникамъ съ увѣщаніемъ не мѣшать людямъ работать и не отнимать напрасно времени у другихъ.

Наборъ прошелъ, сверхъ всякихъ ожиданій, успѣшнѣе многихъ другихъ въ болѣе спокойные годы, при небывало исправной явкѣ всѣхъ призываемыхъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ.

Помню, — кончился наборъ, — какъ гора съ плечъ свалилась и облегченно всѣ вздохнули, когда на площади, послѣ принесенія въ соборѣ присяги, стройные ряды уже принятыхъ на службу новобранцевъ добродушно улыбались въ отвѣтъ на обычное напутственное привѣтствіе председателя, съ объявленіемъ роспуска по до-

мамъ на двѣ недѣли, и тутъ же, съ обѣщаніемъ не шумѣть, убѣдительно просили разрѣшить открытіе винныхъ лавокъ въ городѣ, закрытыхъ по случаю набора. Лавки были немедленно открыты, и, какъ услуга за услугу, новобранцы, получивъ отпускные билеты, честью выполнили свое обѣщаніе и дѣйствительно безъ шума, наскоро запаслись полбутылками монопольки и мирно разошлись по домамъ.

Я не сомнѣвался, что не строгость новаго закона удержала горячую молодежь отъ безразсудныхъ дѣйствій во время набора, а глубоко еще въ душѣ русскаго крестьянина заложенная вѣра въ святость какъ бы природнаго долга итти на защиту царя и родины.

Новый законъ могъ сыграть извѣстную роль, главнымъ образомъ, въ отношеніи будущихъ элементовъ, вкрапленныхъ среди общей массы призываемыхъ и подъ давленіемъ обѣщанныхъ репрессій не рѣшившихся подать собой соблазнительный примѣръ другимъ.

Кажется, ни въ одной области земскаго хозяйства за 1905 и 1906 годы не было внесено столько дезорганизациі, какъ въ школьное дѣло.

Широкое политическое движеніе, охватившее страну, не могло, конечно, въ большей или меньшей степени не отразиться на правильномъ теченіи школьной жизни вообще, но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ «политика» открыто проникла въ школу, дѣйствіе ея тамъ было прямо опустошительное. Мнѣ извѣстно нѣсколько такихъ несчастныхъ школъ, которыя долгое время не могли отправиться отъ перенесенныхъ потрясеній, да и теперь еще не вполне окрѣпли.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ обычно ученіе замирало, и въ школу помимо отдѣльныхъ лицъ, не имѣющихъ съ ней ничего общаго, врывалась уличная толпа съ выраженіемъ одобренія или порицанія всему происходящему въ школѣ.

Отношеніе населенія къ школѣ мѣстами было проявлено самое варварское: въ одной, напримѣръ, школѣ, расположенной въ самомъ селѣ, камнями были выбиты рѣшительно всѣ окна, другая во время лѣтнихъ каникулъ въ нѣсколько дней была обращена частью въ отхожее мѣсто, частью въ распивочное заведеніе, гдѣ мѣстные крестьяне, т. е. отцы и братья тѣхъ же школьниковъ, которые здѣсь учатся, пьянствовали вмѣстѣ со школьнымъ сторожемъ изъ тѣхъ же мѣстныхъ крестьянъ, тутъ же велась азартная карточная игра и даже оргіи съ участіемъ женщинъ.

Школы въ такихъ случаяхъ приходилось закрывать, и занятія въ нихъ съ новымъ составомъ учащихся возобновлялись только послѣ настоятельныхъ ходатайствъ образумѣвшихся крестьянъ, въ приговорахъ своихъ изъявившихъ торжественное обѣщаніе оберегать школу.

Въ одномъ случаѣ особенно оригинально проявилось желаніе крестьянъ занять по отношенію къ мѣстной школѣ охранительную позицію и поставить дѣло на официальную почву.

Въ одинъ прекрасный день въ управу явилась особо избранная депутація крестьянъ отъ сельскаго схода одной довольно большой деревни, имѣя въ рукахъ свои вѣрительныя грамоты—удостовереніе отъ волости съ приложеніемъ особаго общественнаго приговора за подписями всѣхъ домохозяевъ, свыше семидесяти человѣкъ, съ уполномочіемъ лично поддерживать изложенное въ приговорѣ ходатайство въ земской управѣ и въ другихъ инстанціяхъ.

Въ ходатайствѣ этомъ, очень пространно изложенномъ, заключалась просьба объ увольненіи изъ мѣстной школы недавно назначенной туда изъ другого уѣзда учительницы, ввиду явнаго нежеланія ея заниматься своимъ дѣломъ и явно развращающаго вліянія на ихъ дѣтей, какъ со стороны самой учительницы, такъ и со стороны постоянно посѣщающихъ школу постороннихъ лицъ изъ городской молодежи. Въмѣсто ученія въ школѣ, по словамъ депутаціи, постоянные танцы и пѣніе съ гармоніей и гитарой... «Одинъ развратъ, а не ученье», по выраженію депутатовъ. Одинъ изъ крестьянъ очень образно обрисовалъ ту картину школьнаго обученія, которую часто за послѣднее время имѣли возможность наблюдать родители учениковъ лично и со словъ своихъ дѣтей... Тутъ была и пляска взрослыхъ съ дѣтьми въ классѣ подъ музыку, и маршировка подъ звуки «Варшавянки», и многое другое, неудобное для описанія... «А мы этого сраму у себя не желаемъ», говорили возмущенные депутаты. Впослѣдствіи выяснилось, что на сходѣ рѣшено было, если ходатайство не будетъ имѣть успѣха, примѣнить ко всѣмъ обвиняемымъ свои репрессивныя мѣры, какой бы отвѣтственности за то ни подлежать; въ приговоръ это рѣшеніе записано хотя и не было, но, повидимому, было предпринято въ самой рѣшительной формѣ, а пока что, рѣшено было дѣйствовать легальнымъ путемъ.

Жалоба крестьянъ, къ сожалѣнію, имѣла серьезныя основанія, и учительница, молодая дѣвушка съ хорошимъ образовательнымъ цензомъ, но какого-то «спалаго» настроенія, очень увлеченная политикой и крестьянскимъ вопросомъ, была уволена отъ службы въ земствѣ по ходатайству тѣхъ же крестьянъ, съ которыми сама заигрывала въ политику.

IX.

Въ томъ же чрезвычайномъ губернскомъ земскомъ собраніи, о которомъ упоминалось раньше (25-го ноября 1905 года), былъ принятъ безъ измѣненія докладъ спеціальной комиссіи изъ двадцати пяти губернскихъ гласныхъ, представляющей исключительный интересъ, какъ документъ, отразившій въ себѣ отношеніе губер-

скаго земства, хорошо освѣдомленнаго о дѣйствительномъ положеніи вещей, къ современному политическому моменту, переживавшемуся въ то время страной.

Наиболѣе интересныя выдержки изъ этого доклада представляются по журналу собранія въ такомъ видѣ: «Аграрный вопросъ, какъ говорится въ докладѣ комиссiи, въ губерніи существуетъ и достигъ извѣстнаго напряженія. Попытки къ разрѣшенію его со стороны населенія, кромѣ единичныхъ случаевъ, пока не приняли въ массѣ насильственнаго характера. Тѣмъ не менѣе это не даетъ основаній предполагать, что въ нашей губерніи невозможно проявленіе аграрнаго движенія въ формѣ массоваго разрушенія и погромовъ. Такое положеніе даетъ основаніе думать, что немедленное принятіе общихъ мѣръ можетъ направить существующее движеніе въ закономѣрное русло, тѣмъ болѣе, что почти все крестьянское населеніе ищетъ выхода изъ своего тяжелаго экономическаго положенія мирнымъ путемъ. Закономѣрному теченію этого движенія много мѣшаетъ образованіе отдѣльныхъ шаекъ, нарушающихъ путемъ террора хозяйственную жизнь не только отдѣльныхъ хозяйствъ, но и всего крестьянскаго населенія.

«Борьба съ такими шайками возможна примѣненіемъ предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ. Что же касается современнаго аграрнаго движенія, то комиссiя приходитъ къ глубокому убѣжденію, что оно не можетъ быть направлено на законный путь примѣненіемъ военной силы и репрессій.

«Смуты и волненія усиливаются еще тѣмъ, что до сего времени не изданы правила, регулирующія проведеніе въ жизнь свободъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября. А это ведетъ къ неправильному толкованію этихъ свободъ и даетъ возможность безнаказанно проявлять произволъ, совершать насилія и подстрекать къ нимъ. Исходя изъ вышеизложенныхъ соображеній, комиссiя находитъ, что мѣры къ успокоенію населенія и урегулированію аграрнаго движенія должны быть приняты въ трехъ направленіяхъ: со стороны правительства необходимо немедленный созывъ народнаго представительства на началахъ всеобщаго избирательнаго права, для установленія въ первую очередь основныхъ началъ земельной реформы и принятія необходимыхъ мѣръ въ области рабочаго, экономическаго и финансоваго законодательства.

«Со стороны губернскаго земства возможно признать желательнымъ изданіе и распространеніе въ массѣ населенія воззванія, разъясняющаго современное положеніе вещей, съ указаніемъ на то, что рѣшеніе аграрнаго вопроса и удовлетвореніе прочихъ народныхъ нуждъ возможно исключительно чрезъ народныхъ представителей въ государственной думѣ.

«Со стороны уѣздныхъ земствъ комиссiя полагала бы желательнымъ разъясненіе населенію волнующихъ его вопросовъ путемъ

живой бесѣды на собраніяхъ и путемъ распространенія разъясняющихъ эти вопросы листовъ и брошюръ.

«Какъ одну изъ мѣръ, могущихъ нѣсколько способствовать успокоенію населенія, комиссія могла бы рекомендовать уѣзднымъ земствамъ немедленное образованіе выборныхъ отъ земства и крестьянъ земельныхъ комитетовъ, для выясненія земельной нужды отдѣльныхъ селеній».

И вотъ, ввиду инициативы, проявленной губернскимъ земствомъ, и соображеній, изложенныхъ въ докладѣ особой комиссіи, ну настъ въ уѣздѣ было создано, по ходатайству группы гласныхъ, чрезвычайное уѣздное земское собраніе, которое въ засѣданіи 3-го декабря 1905 года постановило созвать въ ближайшемъ будущемъ новое чрезвычайное земское собраніе, съ приглашеніемъ, въ качествѣ свѣдущихъ лицъ, особо избранныхъ на волостныхъ сходахъ представителей отъ волостей, по три отъ каждой волости, для совмѣстнаго обсужденія истиннаго положенія земельного вопроса въ уѣздѣ.

Такая формула постановленія легко объединила и лѣвыхъ и правыхъ, такъ какъ она одинаково сулила и возможность мирнымъ путемъ достигнуть какихъ-либо положительныхъ результатовъ— для однихъ, и удобный случай задержать ходъ событій и выиграть время до наступленія реакціи—для другихъ.

Такое своеобразное собраніе, или, вѣрнѣе, совѣщаніе, состоялось 13-го января 1906 года.

Какъ явствовало изъ прочитаннаго предсѣдателемъ управы доклада, ближайшими руководящими основаніями, послужившими поводомъ для созыва совѣщанія съ представителями отъ крестьянъ, послужили слѣдующія соображенія: какіе бы новые законы ни были изданы будущей государственной думой, ихъ можно будетъ осуществить на дѣлѣ только послѣ цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ, выясняющихъ тѣ или другія необходимыя свѣдѣнія, какъ относительно дѣйствительной потребности въ землѣ каждаго отдѣльнаго селенія, въ связи съ общимъ количествомъ имѣющейся у него земли, наличнымъ количествомъ душъ и проч., такъ равно и свѣдѣнія, направленные къ выясненію общаго количества земель въ данной мѣстности, могущихъ служить для цѣлей расширенія площади крестьянскаго землепользованія, а также и къ изысканію болѣе правильныхъ способовъ использованія этихъ земель для указанной надобности.

Безъ предварительной разработки всѣхъ этихъ свѣдѣній не могъ бы получить болѣе или менѣе правильнаго разрѣшенія и основной вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго быта.

Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ финансовъ обратился къ уѣзднымъ земствамъ съ просьбой принять ближайшее участіе въ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка въ видахъ наиболѣе успѣшнаго выполненія Высочайшей воли Государя Императора,

изложенной въ манифестѣ 3-го января 1905 года, о предоставленіи малоземельнымъ крестьянамъ возможности къ увеличенію площади ихъ землевладѣнія при посредствѣ крестьянскаго банка.

Обращаясь къ земствамъ съ этой просьбой, министръ финансовъ исходилъ изъ тѣхъ соображеній, что дѣло такой государственной важности можетъ быть съ успѣхомъ выполнено только при посредствѣ земства, которое объединяетъ собою всѣхъ землевладѣльцевъ, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ и которому, несомнѣнно, ближе всего извѣстно положеніе земельного вопроса въ своемъ районѣ, въ особенности при участіи въ этомъ дѣлѣ извѣстныхъ своею опытностью и знаніями мѣстныхъ условій крестьянъ, пользующихся среди сельскаго населенія заслуженнымъ ими уваженіемъ.

Такимъ образомъ, казалось бы, что уѣздное земское собраніе при участіи специально выбранныхъ уполномоченныхъ отъ крестьянъ каждой волости и представляется именно той организаціей, которая располагаетъ необходимыми данными для наиболѣе правильнаго и всесторонняго выясненія истиннаго положенія земельного вопроса въ уѣздѣ.

X.

Пригласительныя повѣстки на засѣданіе призывали гласныхъ и уполномоченныхъ въ земскую управу къ двѣнадцати часамъ дня.

Еще съ девяти часовъ утра въ управу стали собираться изъ разныхъ концовъ уѣзда представители отъ крестьянъ, располагаясь оживленными группами въ залѣ, на лѣтницѣ, въ переднихъ и у крыльца.

Юркія чуйки, изъ наиболѣе «сознательной» молодежи, озабоченно перебѣгали отъ одной группы къ другой, снѣжно объединяя еще нѣсколько разрозненное и не установившееся настроеніе въ одну общую оппозицію въ предстоящей кампаніи.

Когда въ двѣнадцать часовъ дня прибылъ въ управу предсѣдатель собранія и началась повѣрка полномочій явившихся выборныхъ, то прежде всего загадочно бросалось въ глаза значительное количество зеленой молодежи, до того юной, что невольно возникало сомнѣніе въ достиженіи нѣкоторыми изъ этихъ юнцовъ не только двадцатипятилѣтняго возраста, установленнаго закономъ для непосредственнаго участія въ волостныхъ сходахъ, а просто даже гражданскаго совершеннолѣтія. Хорошая половина остальныхъ уполномоченныхъ, хотя и обладала видимой солидностью, но, за малыми исключеніями, почти сплошь состояла изъ хорошо знакомыхъ гласнымъ пустомель и горлаповъ, которымъ на самомъ дѣлѣ нельзя было бы поручить никакое сколько-нибудь отвѣтственное общественное дѣло. Про такихъ говорятъ обыкловенно, выбирая на

волостной сходы, что—«хоть въ немъ и толку мало, да зато гораздъ глотку драть».

Это былъ тотъ цвѣтъ мѣстнаго населенія, который въ качествѣ наиболѣе уважаемыхъ и умудренныхъ опытомъ хозяевъ волостные сходы прислали въ уѣздъ для обсужденія самаго серьезнаго для нихъ и жгучаго вопроса о земельной нуждѣ.

Такой подборъ уполномоченныхъ, естественно, долженъ былъ неприятно озадачить даже инициаторовъ созыва собранія, и, къ великому соблазну остальныхъ гласныхъ, нѣкоторые изъ нихъ, стоявшіе во главѣ этой инициативы, не выдержали характера и послѣ первыхъ же несуразныхъ выпадовъ со стороны приглашенныхъ «мужичковъ», на опытъ которыхъ возлагалось столько надеждъ, покинули залу и перешли «въ кулуары», откуда и наблюдали за дальнѣйшимъ развитіемъ того интереснаго, хотя и неприятнаго зрѣлища, которое представляло собой это памятное совѣщаніе...

А зрѣлище было дѣйствительно любопытное...

Въ два часа дня собраніе было открыто въ составѣ двадцати гласныхъ и сорока шести уполномоченныхъ отъ волостей.

Въ самомъ началѣ засѣданія, послѣ прочтенія доклада управы, о которомъ упоминалось раньше, и по приглашенію предсѣдателя собранія высказаться, оказалось, что многіе уполномоченные шли сюда съ явнымъ намѣреніемъ тутъ же, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, подѣлить «господскую» и казенную землю, совмѣстно со всей церковной, между крестьянами.

Особенно характерно было выступленіе безбородатаго и безусаго юнца, съ совѣмъ еще дѣтской фізіономіей и не сформированной, недоразвитой фигурой, который, выйдя на средину залы, комично выпятивъ впередъ грудь и важно заложивъ руки за поясъ, подъ молодецки распахнутымъ кафтаномъ, мѣрно постукивая ногой, громко выкрикнулъ на всю залу топенькимъ дѣтскимъ фальцетомъ, видимо, заранѣе приготовленный и одобренный товарищами вопросъ по адресу гласныхъ: «ну, что, господа помѣщики, обнаруживайте намъ, какъ вы думаете передать намъ, крестьянамъ, ваши господскія земли?»

Вопросъ былъ такъ неожиданно и нелѣпо поставленъ, что успѣла пройти довольно томительная пауза, пока догадались разъяснить не въ мѣру развязному делегату, что никто изъ присутствующихъ не собирается еще отдавать свою землю, пока такая передача не установлена закономъ.

Это разъясненіе, очевидно, очень многимъ не понравилось, и тутъ же нѣкоторыми было высказано недоумѣніе: «для чего же тогда было собираться?..»

Было среди уполномоченныхъ нѣсколько человѣкъ интеллигентной молодежи изъ крестьянъ, оппозировавшихъ съ цифровыми данными и ссылками на профессорскій авторитетъ Янсепа и Ма-

пуйлова. Эти доводы, сами по себѣ очень цѣнные, однако ничего новаго собой не представляли и, относясь къ области общихъ разсужденій и массовыхъ обобщенныхъ выводовъ, освѣщающихъ въ широкомъ масштабѣ вопросы землепользованія всей страны, очень мало относились къ существу обсуждаемаго конкретнаго вопроса, имѣющаго непосредственную связь съ каждымъ райономъ данной мѣстности уѣзда.

Очень обстоятельное изложеніе этими молодыми людьми своихъ взглядовъ, при наличности вполне корректныхъ пріемовъ, не отразилось, однако, какъ слѣдовало ожидать сколько-нибудь благоприятно на общей массѣ представителей, всецѣло охваченныхъ одною лишь алчною мыслью о скорѣйшей нарѣзкѣ земли и со слѣпымъ упорствомъ дѣлавшихъ свои заявленія по большей части въ излишне задорной и запальчивой формѣ.

Было, правда, нѣсколько дѣльныхъ заявленій, толково изложенныхъ и не рассчитанныхъ на крикливую аффектацію, а ясно продуманныхъ и продиктованныхъ дѣйствительнымъ желаніемъ подѣлиться своимъ жизненнымъ опытомъ и принести дѣлу посильную пользу; но такихъ было очень немного. Большинство же высказывалось или въ формѣ общихъ наивныхъ пожеланій, вроде того, чтобы «все было подѣлено между всѣми людьми поровну», или «чтобы всякій бралъ себѣ землю даромъ, сколько ему нужно», или же сыпал затверженными фразами изъ листовокъ и мелкихъ брошюръ, наводнившихъ деревню въ то время, о націонализациі земли, о подоходномъ налогѣ, о всеобщемъ избирательномъ правѣ и т. д.

Всякій уполномоченный настоятельно требовалъ дословной записи своихъ заявленій въ журналъ, что для секретарей собранія представляло немало кропотливой и неблагодарной работы, тѣмъ болѣе, что множество такихъ заявленій были совершенно тождественны не только по содержанію, но и по формѣ изложенія; но соединять въ одну общую группу однообразныя заявленія, даже съ поименнымъ перечисленіемъ всѣхъ говорившихъ, уполномоченные никакъ не соглашались, горячо отстаивая свое авторское право занять отдѣльное мѣсто на страницахъ журнала собранія и тѣмъ доказать избирателямъ свое усердіе.

Въ перерывахъ истомленные отъ чрезмѣрнаго напряженія нервовъ и вниманія секретари выбивались изъ силъ, выполняя свою досадную работу, по нѣсколько разъ прочитывая, исправляя и передѣлывая записи, подъ натискомъ окружившихъ ихъ тѣснымъ кольцомъ неумолимыхъ ораторовъ, требовавшихъ стенографической точности записей и не допускавшихъ въ нихъ никакихъ самостоятельныхъ изложеній, хотя бы и по точному смыслу сказанной рѣчи.

Въ большинствѣ случаевъ каждый требовалъ записать, что въ его деревнѣ пахоты не хватаетъ, выгона и луговъ мало, лѣса своего

нѣтъ, или очень мало, надѣлы малы и что необходимо весной прирѣзать земли или подѣлнить всю землю поровну между всѣми крестьянами. Многіе, повидимому, были увѣрены, что отъ записи такого заявленія находится въ зависимости самая возможность получить землю.

Успокоенію разгоряченныхъ ораторовъ мало помогало даже участіе въ работѣ по веденію журнала своихъ крестьянскихъ секретарей, особо избранныхъ, въ цѣляхъ контроля записей, изъ среды самихъ уполномоченныхъ.

Вотъ нѣсколько почти дословныхъ образцовъ такихъ записей по черновикамъ секретарей.

Уполномоченный Д. высказалъ мнѣніе, что «существуетъ повсемѣстное тяжелое положеніе народа. Надѣлы очень малы, отъ трехъ до четырехъ десятинъ. Пужда царствуетъ кругомъ. Главная причина есть недостатокъ земли, недостаточность луговъ, лѣса и выгоновъ. Необходимо выяснитъ способъ, какимъ земля можетъ перейти къ крестьянамъ. Если черезъ крестьянскій банкъ, то важно выяснитъ, по какой цѣнѣ».

Уполномоченный Е.—«Земля должна быть дана даромъ крестьянамъ и всякому, кто желаетъ на ней работать, а покупать ее не нужно, потому что она никому не принадлежитъ. Въ Англии вся земля подѣлена поровну... Люди всѣ равны и землю нужно подѣлить поровну».

На возраженіе о томъ, что такого порядка землепользованія ни въ Англии и нигдѣ въ другихъ странахъ нѣтъ, уполномоченный объяснилъ, что свѣдѣнія объ Англии у него имѣются по рассказамъ одного вѣрнаго человѣка, служившаго матросомъ и бывшаго въ этой странѣ.

Уполномоченный С.—«Земля намъ нужна! Мы ее не хотимъ даромъ, такъ какъ мы за нее заплатили своимъ потомъ еще съ 1861 года».

Уполномоченный Д.—«У всѣхъ у насъ мало земли. Необходимо, чтобы земля перешла къ намъ не черезъ крестьянскій банкъ, а чрезъ государственную думу. Земли частновладѣльческія нужно передать крестьянамъ, но платежи въ крестьянскій банкъ очень велики, благодаря процентамъ. Можно было бы купить безъ начисленія процентовъ. Разрочка съ процентами на много лѣтъ дѣлаетъ землю очень дорогой—земля не выноситъ».

Уполномоченный И.—«Земли у насъ нѣтъ, дровъ нѣтъ, луговъ нѣтъ... Нужно узнать, сколько у всѣхъ земли. Нужно, чтобы былъ разрѣшенъ намъ съѣздъ, который былъ бы въ Москвѣ».

Уполномоченный М.—«Я противъ покупки земли. Большинство крестьянъ такъ же думаетъ».

Уполномоченный А.—«Тутъ будто шутятъ объ землѣ... Если такъ будетъ, то крестьяне сдѣлаются волками. Нужно крестьянамъ

согласиться съ землевладѣльцами до весны. Крестьянамъ, кромѣ земли, нужно образованіе».

Уполномоченный К.—«Нужна земля! Если до будущаго года не дадутъ, то умру!»

Уполномоченный И.—«Крестьянамъ малоземельнымъ нужно земли. Заложеныя имѣнія нужно передать крестьянамъ съ помощью государственнаго банка. Близкія государственныя земли можно отдать даромъ, а за остальные можно платить съ помощью банка».

Уполномоченный Ф.—«Всѣ хотятъ земли даромъ. Земля Божья. У всѣхъ мало земли. Платежи велики; ничего не остается на пропитаніе. Всю землю нужно раздѣлить поровну».

Уполномоченный Б.—«Налоги велики; банкъ беретъ очень много. Нужно, чтобы не было косвенныхъ налоговъ. Нужно, чтобы налогъ на землю былъ малый».

Уполномоченный И.—«У насъ земли мало, дровъ нѣтъ, луговъ очень мало; сѣно возимъ издалека. Евреи у насъ отбили всю торговлю. Всѣ очень задолжены евреямъ; платимъ очень большой процентъ; живемъ въ тѣснотѣ. Нужно устроить крестьянскій банкъ для выдачи ссудъ крестьянамъ изъ малаго процента».

Уполномоченный П.—«И у насъ нужда. Приходится ходить на работу къ помѣщикамъ за двадцать копеекъ, такъ какъ негдѣ заработать. Если помѣщикъ имѣетъ деньги въ банкѣ,—эти деньги тоже крестьянскія, потому что у насъ есть имѣнія, купленныя за двѣнадцать тысячъ рублей, а теперь эти расходы уже покрыты доходами съ имѣнія. Деньги эти заработаны крестьянскимъ трудомъ. Нужно отмѣнить круговую поруку. Крестьянамъ необходимо образованіе».

Уполномоченный Е.—«Крестьянамъ нельзя разрѣшить продавать свои надѣлы: семья будетъ тогда необезпечена. Нужно, чтобы государство выкупило всю землю. Крестьянамъ нуженъ и лѣсъ; нужно имъ запретить вырубку лѣса для продажи на сторону. Часть государственныхъ лѣсовъ должна остаться въ вѣдѣніи государства».

Уполномоченный С.—«Дума должна быть выбрана прямымъ, всеобщимъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ. Она должна рѣшить первымъ дѣломъ земельный вопросъ. Должна дать всѣмъ бесплатное образованіе; всѣхъ сравнять въ своихъ правахъ; облегчить съ крестьянъ платежи. Налоги должны быть по доходамъ. Косвенные налоги должны быть отмѣнены».

Уполномоченный Г.—«Переходъ къ хуторскому хозяйству теперь невозможенъ. При большемъ развитіи крестьяне и при общинѣ заведутъ болѣе правильное хозяйство. Народное образованіе имѣетъ огромное значеніе для поднятія крестьянскаго хозяйства, поэтому низшее, среднее и высшее образованіе должно быть даровымъ для всѣхъ».

Уполномоченный И.—«Государство должно купить всю землю и раздѣлить поровну, давая ее для пользованія, а не въ собственность».

Уполномоченный А.—«Нужно отнять земли церковныя, монастырскія, удѣльныя и казенныя. Помѣщичьи земли нужно отчудить, причемъ вознаграждать тѣхъ, которые купили въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, на счетъ казны, а остальную землю отобрать даромъ».

Уполномоченный З.—«Послѣ освобожденія крестьянъ въ 1861 г. надѣлы были даны малые, а подати наложены большія. Въ нашей деревнѣ населеніе возросло съ трехъ дворовъ до шестнадцати, а потому нужно опять надѣлять землей. Всѣ земли по всей Россіи должны быть переданы въ пользованіе, а не въ собственность всему населенію. Податей никакихъ за пользованіе землей платить не нужно, а нужныя для государства деньги должны собираться инымъ способомъ—подоходно-прогрессивнымъ налогомъ».

Уполномоченный С.—«Меня обидѣли четыре моихъ родныхъ кровныхъ брата (уполномоченный называетъ фамиліи четырехъ крупныхъ помѣщиковъ, изъ которыхъ двое присутствуютъ въ собраніи), такъ какъ у нихъ много земли, а у меня мало. Я хочу ее подѣлить поровну и жертвую ее для общаго раздѣла между всѣмъ православнымъ народомъ».

Уполномоченный Т.—«Вся земля всѣхъ сословій должна быть подѣлена поровну между всѣми желающими получить землю».

Уполномоченный Р.—«Земля необходима всѣмъ людямъ, въ томъ числѣ и безземельнымъ, такъ что при надѣлѣ земли нужно принимать въ расчетъ и тѣхъ, кто въ настоящее время совсѣмъ не имѣетъ земли. Если земля будетъ передана при помощи крестьянскаго банка, то должны быть взимаемы самыя малые проценты. Отрѣзки же должны быть переданы крестьянамъ бесплатно».

Можно было бы привести еще много заявленій, сдѣланныхъ въ совѣщаніи уполномоченными разныхъ волостей, но всѣ они въ большей или меньшей степени сводятся по существу къ вышеприведеннымъ, какъ наиболѣе типичнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наивнымъ попыткамъ найти слишкомъ простое и скорое разрѣшеніе созданнаго вѣками и поколѣніями земельного вопроса.

Время уже затянулось за полночь, всѣ были утомлены и первированы до невозможности, а вошедшіе во вкусъ депутаты, повидимому, расположены были еще долго продолжать свою миссію, хотя нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ уже расположились на покой по домашнему и, положивъ кошель подъ голову, мирно похрапывали на заднихъ скамейкахъ и даже на полу. Въ то же время другіе, несклонные ко сну, или уже отдохнувшіе, снова заводили разговоръ на нескончаемую тему о необходимости подѣлить землю никакъ не позже весны, а нѣкоторые угрожали въ противномъ случаѣ уме-

реть отъ нетерпѣнія получить землю, повторяя все то же, что десятки разъ говорилось днемъ, и требуя новыхъ записей въ журналы.

Закрѣть засѣданіе, пока еще не совсѣмъ улеглись страсти, было какъ-то пеловко, чтобы не вызвать нареканій и чувства неудовлетворенности у желавшихъ еще высказаться неутомимныхъ ораторовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не желавшихъ и перерыва до завтра.

Наконецъ, послѣ двухъ часовъ ночи засѣданіе было объявлено закрытымъ и депутаты отправились по домамъ, разбудивъ своихъ сотоварищей.

Поздно на другой день собрались измученные гласные для обсужденія остальныхъ поставленныхъ на повѣстку вопросовъ и долго еще были въ недоумѣніи по поводу того, какіе новые практическіе выводы можно было бы извлечь изъ всего происходившаго на вчерашнемъ засѣданіи и насколько оно было необходимо...

XI.

Долго еще земство, какъ институтъ, тѣсно связанный съ жизнью населенія края, продолжало волноваться и реагировать на текуція событія внутренней жизни страны.

Въ іюлѣ 1905 года, послѣ съѣздовъ земскихъ дѣятелей въ Москвѣ, вновь было созвано чрезвычайное губернское земское собраніе, гдѣ гвоздемъ засѣданія былъ докладъ губернской управы «объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства»,

«Именнымъ высочайшимъ указомъ правительствующему сенату отъ 18-го февраля 1905 года,—говорится въ докладѣ—на совѣтъ министровъ возложено разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на Высочайшее имя отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія.

«Такимъ образомъ, земства, какъ несомнѣнныя «учрежденія», получили возможность обсудить и высказать свое мнѣніе по общегосударственному вопросу и направить свои заключенія непосредственно въ совѣтъ министровъ.

«Многіе земскіе дѣятели Смоленской губерніи уже имѣли случай высказаться по настоящему вопросу, какъ въ официальныхъ собраніяхъ, такъ и въ различныхъ обществахъ и частныхъ съѣздахъ, состоявшихся на основаніи вышеупомянутаго указа 18-го февраля, и вынести соотвѣтствующія своимъ политическимъ взглядамъ резолюціи.

«Эти резолюціи не могутъ, однако, считаться исходящими отъ губернскаго земскаго собранія, поэтому губернская управа предлагаетъ собранію, пользуясь предоставленнымъ ему по указу 18-го февраля сего года правомъ, выполнить величайшій долгъ свой предъ мѣст-

нымъ населеніемъ и высказать взглядъ свой по вопросу объ измѣненіи государственнаго устройства Россіи.

«Со своей стороны, управа, присоединяясь къ резолюціямъ, выработаннымъ по данному вопросу на частныхъ сѣздахъ, предлагаетъ собранію высказаться о необходимости немедленнаго созыва народныхъ представителей».

По прочтеніи предсѣдателемъ управы этого доклада, собраніе единогласно постановило передать его въ особую комиссію изъ пятнадцати гласныхъ, которые тутъ же и были избраны по запискамъ.

Въ томъ же засѣданіи было постановлено послать телеграмму въ совѣтъ министровъ слѣдующаго содержанія:

«Чрезвычайное губернское земское собраніе признало, что единственнымъ спасеніемъ для Россіи, доведенной до самаго бѣдственнаго положенія, можетъ служить лишь наискорѣйшій созывъ свободно избранныхъ представителей народа, которые одни, въ согласіи съ верховной властью, будутъ въ силахъ рѣшить вопросъ о войнѣ и мирѣ и выработать основанія для правильнаго устройства внутренней жизни, о чемъ просить представить въ совѣтъ министровъ».

На слѣдующій день комиссія закончила свои занятія, и въ вечернемъ засѣданіи двумя третями голосовъ было принято ея заключеніе, изложенное въ докладѣ такимъ образомъ:

«Комиссія, разсмотрѣвъ по порученію земскаго собранія вопросъ о способѣ государственнаго усовершенствованія и благоустройства нашего отечества, усматриваетъ, что такое усовершенствованіе возможно лишь при установленіи постояннаго и правильно дѣйствующаго народнаго представительства, которое принимало бы участіе въ осуществленіи законодательной власти, бюджетнаго права и контроля надъ дѣйствіями административныхъ властей. Только единственно такое собраніе получить возможность уврачевать хроническое разстройство государственнаго организма, влить въ него живое начало и возродить отечество къ славнои и достойной великой страны жизни на благо всѣхъ ея обитателей.

«Но такая великая задача прочнаго устроенія народной жизни на началахъ представительства, по мнѣнію комиссіи, можетъ быть выполнена лишь специально выбранными для сего представителями самой страны въ согласіи съ верховной властью.

«Имъ же надлежитъ обсудить и тѣ способы, которыми эта задача съ технической стороны, относительно порядка избранія, можетъ быть выполнена практически повсемѣстно и съ соблюденіемъ справедливости относительно всѣхъ народовъ, классовъ и сословій, составляющихъ населеніе Россійской имперіи. Поэтому комиссія не находитъ возможнымъ останавливаться на подробномъ развитіи вопроса о постоянномъ представительствѣ какъ относительно сферы

его дѣятельности, такъ и относительно принциповъ и техники выборовъ.

«Тягостное положеніе родины въ послѣднее время вслѣдствіе внутренняго неустройства и усобицы, а въ особенности вслѣдствіе несчастной войны, выказавшей наглядно внутреннюю и внѣшнюю слабость существующаго государственнаго строя, побудили настоящее экстренное собраніе обратиться съ представленіемъ въ совѣтъ министровъ о скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей для обсужденія въ согласіи съ верховной властью какъ вопроса о войнѣ и мирѣ, такъ и вопроса объ устроеніи нормальнаго теченія государственной жизни при участіи постоянно дѣйствующаго представительнаго собранія. Обращаясь къ указанному представленію и порученію, данному комиссіи собраніемъ, послѣдняя пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ, которыя и представляетъ на усмотрѣніе собранія:

«Созывъ представителей въ первое народное собраніе долженъ имѣть спеціальную задачу—изыскать способы къ выходу изъ современнаго опаснаго положенія родины, порождаемаго неустойчивымъ внутренней жизни и несчастною войною. Состоя между собой въ прямой и непосредственной связи, обѣ эти причины, разрушающія живыя силы государства, должны подлежать обсужденію одного и того же собранія народныхъ представителей, созываемыхъ по исключительнымъ поводамъ. Состояніе страны не допускаетъ промедленія, а побуждаетъ всѣхъ, видящихъ бѣдствія, постигшія отечество, настаивать, главнымъ образомъ, на скорѣйшемъ созывѣ представителей, хотя бы при этомъ и были допущены нѣкоторыя отступленія отъ идеально-возможнаго порядка выборовъ. Однако комиссія не можетъ не остановиться на томъ соображеніи, что отсутствіе въ настоящее время существенныхъ элементовъ каждаго правильныхъ выборовъ, а именно свободы слова, печати и собраній, должно чрезвычайно неблагоприятно отразиться на успѣшномъ ходѣ и результатахъ выборовъ.

«Нельзя всемірно не желать, чтобы такое ненормальное положеніе было по возможности устранено установленіемъ необходимыхъ гарантій для свободной избирательной дѣятельности.

«Обращаясь къ руководящимъ основаніямъ, комиссія находитъ, что участіе въ выборахъ должно принадлежать всему населенію».

Собраніе постановило отправить докладъ въ совѣтъ министровъ.

Въ обществѣ и въ печати по этому поводу было много самыхъ горячихъ дебатовъ. Въ общемъ, однако, къ проявленію въ земствѣ политической инициативы относились сочувственно, но было немало и противниковъ необычнаго подъема земцевъ надъ хозяйственными вопросами мѣстной жизни, вѣренными ихъ попеченію, въ недоступную для нихъ высь общегосударственныхъ интересовъ.

Можно было, конечно, держаться тѣхъ или иныхъ взглядовъ по этому поводу, но, мнѣ думается, я не ошибусь, если скажу, что значительное большинство интеллигентнаго общества поняло и оцѣнило тотъ горячій порывъ патріотизма, охватившій земскихъ людей, какъ единственныхъ въ то время законныхъ представителей населенія, порывъ, который побудилъ ихъ поднять свой голосъ, въ сознаниіи гражданскаго долга передъ страной, переживавшей небывалыя потрясенія.

ХІІ.

Не могло, конечно, не произвести болѣе или менѣе значительной пертурбаціи въ земскихъ кругахъ такое крупное явленіе, какъ первая избирательная кампанія въ государственную думу.

Вторые и третьи выборы происходили уже какъ явленіе до нѣкоторой степени привычное, какъ бы по усвоенному шаблону, съ необходимыми лишь измѣненіями въ способахъ и пріемахъ по составленію списковъ и самаго производства избирательной процедуры, согласно со вновь изданными законоположеніями. На вторыхъ и третьихъ выборахъ въ уѣздныхъ избирательныхъ собраніяхъ не было уже того волненія и тѣхъ острыхъ переживаній, какъ это естественно чувствовалось при первомъ осуществленіи еще неизвѣданныхъ до того избирательныхъ правъ.

Съ самаго начала избирательной кампаніи члены избирательныхъ собраній подѣлились у насъ и во многихъ другихъ уѣздахъ на двѣ главныя группы: кадетовъ и октябристовъ; послѣдніе въ первыхъ выборахъ не успѣли еще въ достаточной мѣрѣ сформироваться и не могли противопоставить сколько-нибудь значительнаго сопротивленія противникамъ, почему партія кадетовъ почти безъ боя заняла господствующее положеніе.

При сравнительно небольшомъ числѣ избирателей шансы той и другой стороны могли бы быть учтены совершенно точно, если бы не участіе въ выборахъ нѣсколькихъ лицъ безпартійныхъ, не желавшихъ связывать себя какими бы то ни было обѣщаніями и потому вносившихъ въ предварительные расчеты лидеровъ непріятное колебаніе и томительную неясность.

На земскія управы, какъ извѣстно, закономъ возложено составленіе и опубликованіе избирательныхъ списковъ по выборамъ отъ крестьянъ и уѣздныхъ землевладѣльцевъ.

Эта работа очень отвѣтственная и сложная, въ особенности въ отношеніи крестьянскихъ избирателей, такъ какъ масса переходовъ земельныхъ имуществъ среди этой группы, при широкихъ операціяхъ крестьянскаго банка, требуетъ особаго вниманія и тщательной повѣрки признаковъ, опредѣляющихъ пріобрѣтеніе и потерю избирательныхъ правъ, сопряженныхъ съ этими переходами.

Составленіе первыхъ крестьянскихъ избирательныхъ списковъ, помимо спѣшности и новизны дѣла, чрезвычайно осложнилось еще крайней неясностью формулировки требованій закона о выборахъ и разъясняющихъ его дополнительныхъ инструкцій, которыми опредѣлялись права избирателей.

Такъ, напримѣръ, нельзя было въ точности опредѣлить, имѣли ли право участія въ выборахъ крестьяне, купившіе землю при содѣйствіи крестьянскаго банка, являвшіеся какъ бы частными собственниками на эту землю, а такой земли по уѣзду числилось свыше 40 тысячъ десятинъ.

Уже послѣ того, когда были составлены управой избирательные списки, со включеніемъ всѣхъ такихъ крестьянъ, и разосланы объявленія о выборахъ, послѣдовало разъясненіе о томъ, что право участія въ выборахъ не распространяется на лицъ, купившихъ землю при содѣйствіи крестьянскаго банка, какъ не пріобрѣвшихъ еще полныхъ правъ собственности на эту землю.

Можно представить себѣ, каково было положеніе тѣхъ предсѣдателей волостныхъ или участковыхъ избирательныхъ сѣздовъ, которые уже по пути на выборы получили посланное съ нарочными разъясненіе уѣздной по дѣламъ о выборахъ комиссіи о недопущеніи къ участію въ выборахъ крестьянъ, купившихъ землю при посредствѣ крестьянскаго банка, въ то время, какъ такіе крестьяне явились уже въ волостныя правленія на выборы въ составѣ дѣльныхъ селеній и составляли значительное большинство шумной толпы, наводнившей все зданіе волости, дворъ и прилегающую дорогу.

Положеніе было не изъ пріятныхъ, тѣмъ болѣе, что многіе избиратели уже успѣли подвыпить и волновали другихъ, а всѣ вообще, казалось, были преисполнены самымъ нетерпѣливымъ стремленіемъ впервые осуществить свои неизвѣданныя еще избирательныя права, тая въ то же время пламенную надежду на успѣхъ собственной кандидатуры.

Затруднительность положенія усугублялась еще излишнимъ усердіемъ волостныхъ писарей, которые, вмѣсто простой разсылки объявленій о выборахъ, разослали по всѣмъ деревнямъ и поселкамъ гошцовъ со строгими приказами являться въ волость на выборы всѣмъ домохозяевамъ безъ исключенія, подъ страхомъ взыскапія за неявку или опозданіе. Внѣшнимъ образомъ строгость этого своеобразнаго приказа закрѣплялась традиціоннымъ гусинымъ перомъ, приклееннымъ вмѣстѣ съ сургучной печатью старшины, что придавало снабженному этимъ украшеніемъ документу особую силу и обезпечивало быстроту исполненія, свойственную скорости птичьяго полета.

Какъ бы то ни было, но приходилось считаться съ совершившимся фактомъ и съ недоумѣніемъ разглядывать протягиваемые со всѣхъ сторонъ приказы съ нерьями, выслушивая просьбы о скорѣйшей записи явившихся въ списокъ.

При такихъ условіяхъ многіе изъ предсѣдателей участковыхъ волостныхъ сѣздовъ не рѣшились привести въ исполненіе полученное разъясненіе и произвели выборы, допустивъ къ участию въ нихъ всѣхъ явившихся, и, конечно, такіе выборы были отмѣнены.

Помню, какихъ трудовъ стоило разъяснить подгулявшей и раздраженной толпѣ ошибку, допущенную волостными писарями, съ которыми тутъ же хотѣли раздѣлаться, и, соглашаясь въ концѣ концовъ, что ошибка свойственна всякому человѣку, тѣмъ не менѣе никакъ не могли простить невольной профанаци съ прилейкой пресловутаго птичьего пера, авторитетъ котораго былъ такъ явно и неожиданно поколебленъ. Потомъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такіе приказы носылались съ обдуманнѣмъ расчетомъ увеличить составъ выборщиковъ отъ мелкихъ владѣльцевъ.

Только послѣ долгихъ увѣщаній, а главнымъ образомъ, какъ потомъ оказалось, послѣ полученія отъ провинившагося писаря съ задняго крыльца соотвѣтственной искупительной жертвы, взволнованная толпа устраненныхъ избирателей отправилась въ сосѣднюю винную лавку. Здѣсь настроеніе толпы, перемѣнчивое, какъ погода, очень скоро совсѣмъ измѣнилось, и, когда я, закончивъ выборы, уѣзжалъ въ городъ, крестьяне высказывали мнѣ сожалѣніе не объ утраченныхъ правахъ, а о потерянномъ времени, увѣряя, что если бы знали о необязательности явки, то и не поѣхали бы на выборы... Что здѣсь говорило—задѣтое ли самолюбіе, тупое ли равнодушіе къ своимъ гражданскимъ правамъ, или полное непониманіе ихъ значенія—трудно сказать, но впечатлѣніе получилось тяжелое.

Было немало случаевъ, когда прибывшіе на выборы избиратели обращались къ предсѣдателямъ избирательныхъ сѣздовъ съ убѣдительною просьбой освободить ихъ отъ участія въ выборахъ по недостатку времени и, съ удивленіемъ выслушавъ разъясненіе, что это ихъ право, а не обязанность, очень довольные уѣзжали домой.

Въ уѣздныхъ избирательныхъ собраніяхъ въ земской управѣ, гдѣ какъ я уже говорилъ, сразу появлялось дѣленіе на партіи, жаръ избирательной горячки усиливался стремленіемъ каждой изъ партій залучить къ себѣ мужиковъ.

Представители партій заманивали ихъ къ себѣ наперебой, соблазняя преимуществами для крестьянскихъ интересовъ той или иной программы. Приѣхавшіе изъ губерніи «кадеты», освѣдомленные о сознательности мѣстныхъ крестьянъ, особенно усердствовали, агитируя за своихъ кандидатовъ и обѣщая взаимную поддержку крестьянской партіи, для которой уступалось къ тому же лишнее мѣсто на выборахъ. Крестьяне были героями дня и предметомъ особаго вниманія кадетовъ съ одной стороны и октябристовъ съ другой. Но дѣло оказалось не такъ просто: изъ всѣхъ явившихся въ числѣ около 40 человѣкъ выборщиковъ отъ крестьянъ оказалось столько же и желающихъ баллотироваться кандидатовъ, такъ какъ всякій

изъ нихъ дѣлать неотвязную мечту попасть въ члены государственной думы, и эта погоня за депутатской «десяткой» исключала возможность какого бы то ни было соглашенія на томъ или иномъ кандидатѣ, потому что каждый, желая испытать свое счастье, очень последовательно клалъ всеѣмъ остальнымъ наѣво. Никакія убѣжденія лидеровъ не дѣйствовали, и тѣ въ концѣ концовъ махнули рукой на свою затѣю и предоставили неподатливымъ избирателямъ полную свободу дѣйствій.

Такимъ образомъ, естественно, что всеѣ кандидаты крестьянской куріи оказались забаллотированными, и разочарованные избиратели рѣшили прибѣгнуть, какъ въ послѣднемъ средству, рѣшить свою судьбу игрой слѣпного случая, бросивъ жеребій и обязавшись другъ передъ другомъ пропустить тѣхъ, кому онъ достанется. Но все было напрасно, и при баллотировкѣ шарами повторилась та же исторія, и всеѣ вынужшіе жеребій вновь были забаллотированы, благодаря чему отъ уѣзда за крестьянскими избирателями остались только мѣста, назначенныя по расписанію, установленному закономъ для крестьянской куріи, а всеѣ остальные вакансіи были распредѣлены между крупными землевладѣльцами изъ кадетовъ.

Очень характерно, что во многихъ избирательныхъ сѣздахъ предпочтеніе отдавалось жеребьѣметанію передъ всякими иными способами выбора намѣчаемыхъ для баллотировки кандидатовъ.

Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ кандидатъ выдвигался самъ собой, отличаясь какими-нибудь достоинствами въ глазахъ избирателей.

ХІІІ.

Земство, какъ извѣстно, формируется изъ трехъ элементовъ. Подобно тому, какъ въ государственной жизни неизбежно дѣленіе власти на законодательную и исполнительную, такъ и въ земствѣ повторяется подобіе того же дѣленія въ меньшемъ, конечно, масштабѣ: здѣсь своего рода какъ бы законодательная роль въ области мѣстнаго хозяйства присвоена земскимъ собраніямъ, тогда какъ исполнительная власть осуществляется земскими управами, вынужденными, въ свою очередь, прибѣгать для выполненія своихъ многочисленныхъ задачъ къ содѣйствію цѣлой арміи сотрудниковъ въ лицѣ такъ называемаго третьяго элемента, роль котораго въ земствѣ такъ значительна, что нельзя не отмѣтить его вліянія на общій ходъ земской жизни.

Объединяясь въ болѣе или менѣе устойчивыя и замкнутыя группы и имѣя официальное представительство, какъ временное, такъ и постоянное, въ формѣ разныхъ профессиональныхъ сѣздовъ и совѣщательныхъ органовъ при управѣ, армія эта, весьма естественно, стремится къ завоеванію доминирующаго положенія въ

земской жизни, по временамъ создавая на этой почвѣ болѣе или менѣе крупныя конфликты.

Надо сказать, что этотъ будирующий элементъ борьбы, вносимый въ сферу взаимныхъ отношеній земскихъ дѣятелей, являясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ благотѣльнымъ ферментомъ прогресса и обновленія, приводитъ нерѣдко и къ очень крупнымъ осложненіямъ... Кому не извѣстны случаи, когда цѣлыя земскія организаціи гибли на почвѣ такихъ осложненій.

Казалось бы, служба одному общему дѣлу на пользу и благо мѣстнаго населенія, земство и его сотрудники должны жить одними интересами и, стремясь къ достиженію однихъ цѣлей, итти согласно, рука объ руку, помогая другъ другу въ своей идейной работѣ. На дѣлѣ, однако, выходитъ иначе...

Несомнѣнно, что эта рознь во многихъ случаяхъ возникаетъ просто вслѣдствіе различнаго пониманія какъ самыхъ задачъ земства, такъ и способовъ ихъ выполненія, а также и вслѣдствіе крайняго различія взглядовъ на самое существо земскаго дѣла, гдѣ одни считаютъ за благо для населенія то, что въ глазахъ другихъ несетъ за собой бѣдственные симптомы упадка и разложенія.

И вотъ мало по-малу въ земской средѣ создалось два теченія, не всегда совпадающія, два лагеря, нерѣдко враждующіе: гласные и обычно солидарная съ господствующимъ большинствомъ ихъ управа—это представители совмѣстныхъ интересовъ плательщика въ частности и обывателя вообще, и земскіе сотрудники, или третій элементъ,—это носители исключительно обывательскихъ интересовъ въ широкомъ смыслѣ, внѣ всякой зависимости ихъ отъ узко-матеріальныхъ соображеній налогового бремени.

Взаимодѣйствіе двухъ этихъ теченій особенно сильно сказывается въ губернскихъ земствахъ, гдѣ классъ сотрудниковъ, являясь наиболѣе многочисленнымъ сравнительно съ уѣздами, пріобрѣтаетъ особое вліяніе. Здѣсь вокругъ личнаго состава управы создается естественнымъ образомъ подобіе своего рода земской камарилы, которая постепенно и незамѣтно, но съ неуклонной послѣдовательностью создаетъ атмосферу трудно преодолимыхъ вліяній, гдѣ интересы обывателя, какъ гражданина, совершенно заслоняютъ интересы обывателя, какъ плательщика, ближайшимъ слѣдствіемъ чего и является чрезмѣрный ростъ губернскихъ расходныхъ смѣтъ сравнительно съ уѣздными.

Говорятъ обыкновенно, что достаточный коррективъ въ такихъ случаяхъ вносится земскими собраніями, располагающими значительными силами для своевременнаго предотвращенія возможныхъ увлеченій. Но кому не извѣстно, какое большое значеніе имѣетъ послѣдовательно проводимая въ томъ или иномъ направленіи тактика земскихъ управъ, подготовляющихъ и разрабатывающихъ вносимые на обсужденіе собраній доклады, гдѣ искусно сопоставленные до-

воды, освѣщенные въ желательномъ смыслѣ, съ надлежаще подобран-нымъ цифровымъ и статистическимъ матеріаломъ, даютъ часто, при обсужденіи ихъ въ собраніи и въ особенности при баллотировкѣ, неожиданные результаты.

Нужно имѣть въ виду, что обычно всѣ предложенія и заключенія управъ ставятся на голосованіе собранія въ первую очередь, и лишь по отклоненіи ихъ баллотировуются заключенія комиссін или предложенія отдѣльныхъ гласныхъ по данному вопросу, иногда очень острому по существу и щекотливому по содержанию, когда для возраженій гласному нужно проявить много гражданскаго мужества, чтобы взять на себя неблагодарную задачу оспаривать то, что такъ красиво и убѣдительно изложено въ докладѣ, что такъ популярно въ данную минуту среди городской интеллигенціи и что, наконецъ, вызываетъ такое откровенное сочувствіе со стороны наполняющей залу собранія публики, на половину состоящей изъ тѣхъ же земскихъ сотрудниковъ, ихъ женъ, сестеръ и знакомыхъ.

Самая окраска общаго направленія дѣятельности земскихъ учреждений такъ или иначе видоизмѣняетъ свои оттѣнки въ большей или меньшей степени въ зависимости отъ той корпораціи земскихъ сотрудниковъ, которая успѣваетъ занять преобладающее число мѣстъ на авансценѣ земской жизни. Прежде это были врачи, до 1905 года, когда ихъ первенствующее положеніе было замѣтно поколеблено другими персонажами: на сцену вышли учителя и служащіе земскихъ отдѣловъ и канцелярій, а въ будущемъ, съ развитіемъ дорожнаго дѣла и экономическихъ мѣропріятій, надо ожидать выступленія инженеровъ, техниковъ, агрономовъ и т. д.

XIV.

За послѣдніе годы въ земскихъ кругахъ все чаще и чаще стали раздаваться голоса объ упраздненіи отдѣльныхъ губернскихъ организацій и даже самаго губернскаго земства.

Главнѣйшей причиной, вызывающей перѣдко справедливыя нареканія на губернское земство, является чрезмѣрная обременительность для уѣзднаго бюджета слишкомъ значительныхъ отчисленій на губернскія потребности.

Колеблясь приблизительно въ предѣлахъ отъ 25 до 50% общаго итога расходной смѣты по уѣзду, отчисленія эти на самомъ дѣлѣ не даютъ возможности уѣздному земству развивать свою дѣятельность въ той мѣрѣ, какъ этого въ правѣ были бы ожидать отъ него уѣздные плательщики, сообразно съ той податной тяготой, которую несутъ они въ доходъ земской кассы.

Такъ какъ по большей части губернской сборъ взыскивается уѣздными управами совмѣстно со сборомъ уѣзднымъ, по однимъ и тѣмъ же окладнымъ листамъ, исходящимъ отъ уѣздной земской

управы, то въ представленіи плательщика парастаетъ недовольство на тяжесть земскаго обложенія вообще; и понятно, что недовольство это больше всего сказывается по адресу своего уѣзднаго земства, ближе стоящаго къ плательщику и входящаго съ нимъ въ непосредственныя отношенія по самой непріятной и тягостной операціи взысканія земскихъ сборовъ, часто очень неравномѣрно разложенныхъ.

Здѣсь земскимъ управамъ приходится переживать очень тяжелыя минуты, когда случается, что занутовавшійся въ разныхъ взысканіяхъ плательщикъ, у котораго уже назначено въ продажу съ торговъ за недоимки имущество, мечется, какъ затравленный заяць, и въ управу, и къ исправнику, и къ губернатору, умоляя объ отсрочкѣ, причѣмъ всѣ, даже при полномъ своемъ желаніи помочь дѣлу, посылають просителя одинъ къ другому, такъ какъ въ сущности никто, кромѣ земскаго собранія, бывающаго обычно 1—2 раза въ году, не въ правѣ самостоятельно дать просимую отсрочку. Если собраніе не скоро, то управѣ приходится въ такихъ случаяхъ находить выходъ изъ очень затруднительнаго для нея положенія: спасти недоимщика отъ окончательнаго разоренія и въ то же время не дать соблазнительнаго повода другимъ недоимщикамъ домогаться подобнаго же снисхожденія, дабы не ввести такой порядокъ въ систему, а вмѣстѣ съ тѣмъ не дать основаній полиціи, производящей взысканіе земскаго сбора, ослабить эти взысканія недоимокъ и тѣмъ подорвать земскую кассу, отговариваясь чрезмѣрной снисходительностью самой земской управы, якобы тормозящей энергію исполнительныхъ чиновъ полиціи по взысканію земскихъ сборовъ.

Можно представить себѣ, какое чувство по отношенію къ земству долженъ испытывать человѣкъ, разоренный съ семьей на уплату земскаго сбора, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что приходится переживать и самимъ земскимъ дѣятелямъ, когда на глазахъ ихъ (а вѣдь въ маленькихъ уѣздныхъ городахъ почти все происходитъ на глазахъ) разоряется городская бѣдность, ютящаяся въ своихъ жалкихъ избыткахъ въ разныхъ зарѣчныхъ слободахъ, когда за недоимку описываютъ и продають послѣдній самоваръ, этотъ единственный на первый взглядъ предметъ роскоши, а на самомъ дѣлѣ столь же необходимый для бѣдствующей городской семьи, какъ въ крестьянскомъ дворѣ послѣдняя корова.

Кому приходилось близко наблюдать эту ужасную городскую нищету, тотъ пойметъ значеніе самовара въ такихъ домахъ, гдѣ чахоточная вдова-хозяйка съ утра до ночи стираетъ господское бѣлье въ своей полуразвалившейся лачугѣ, или работаетъ поденно за гроши съ своей старшей дочерью, тоже съ нездоровымъ румянцемъ наследственнаго туберкулеза; и эту пятнадцатилѣтнюю дѣвочку успѣла уже развратить та улица, среди которой она выросла,

съ которой сроднилась, гдѣ теерь такъ же растутъ, такъ же просить милостыню и такъ же развращаются ея младшіе братья и сестры. Здѣсь горячій чай замѣняетъ часто и обѣдъ и ужинъ. Здѣсь картина нищеты еще хуже, чѣмъ въ деревнѣ, гдѣ все же, если не полный неурожай, то почти всегда найдутся хоть какіе-нибудь, самые скудные запасы хотя бы пушного хлѣба и овощей, да и укладъ деревенской жизни иной: здѣсь отношенія проще и потребности ограниченнѣе, да и деревенскій людъ самъ по себѣ какъ-то болѣе закаленъ и устойчивѣе переносить нужду. Правда, деревенская нужда ужасна въ годы полныхъ неурожаяевъ, когда идетъ форменная голодовка, но тутъ уже обычно всякія взысканія приостанавливаются, и тяжесть положенія все же облегчается той или иной формой пособій или ссудъ.

Такой случай нисколько не ослабляетъ нашего примѣра, гдѣ городской самоваръ, доставляющій единственную поддержку въ пищенскомъ питаніи семьи, пришлось сравнивать съ деревенской коровой, которая точно такъ же становится объектомъ взысканія послѣ прочей живности, вродѣ овецъ и куръ.

Наблюдая на мѣстахъ такія сцены нищеты и разоренія, повольно приходять въ голову пышныя залы губернскихъ собраній, залитыя электричествомъ и переполненныя нарядной публикой, всегда либерально настроенной и горячо привѣтствующей всякія расширенія губернскихъ начинаній, вплоть до повышенія окладовъ служащимъ, съ періодическими прибавками, всякія приумноженія штатовъ разныхъ отдѣловъ, бюро и канцелярій, а также всевозможныя улучшенія, направленные на благо обывателя-гражданина и создаваемыя за счетъ обывателя-плательщика, за счетъ послѣдняго самовара или послѣдней курицы.

Здѣсь не видятъ проливаемыхъ слезъ, здѣсь не знаютъ пережитаго горя...

Это участь деревни и зарѣчной городской слободы.

XV.

По даннымъ, разработаннымъ статистическимъ отдѣломъ департамента окладныхъ сборовъ за 1903 годъ, изданнымъ въ 1908 году, процентныя отношенія расходовъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ къ общему итогу расходовъ по тридцати четыремъ земскимъ губерніямъ изображены въ приложенной таблицѣ, гдѣ губерніи расположены въ убывающемъ порядкѣ по губернскимъ сборамъ и въ возрастающемъ—по уѣзднымъ.

Какъ видно изъ этой таблицы, изъ отдѣльныхъ отраслей земскаго хозяйства наибольшее вниманіе со стороны губернскаго земства привлекаютъ къ себѣ: общественное призрѣніе, дорожная повинность и ветеринарная часть, размѣръ ассигнованій на которыя колеблется отъ 65,9% до 72% общеземскихъ расходовъ.

Но за последнее время во многих уездных земствах замѣчается стремленіе къ развитію самостоятельной уездной ветеринаріи и къ перенесенію въ уѣзды болѣе активной дѣятельности по дорожной части, оставляя за губернскимъ земствомъ общее руководство и контроль за расходованіемъ суммъ дорожнаго капитала.

Что касается общественнаго призрѣнія, то въ этой области на долю уезднаго земства остается очень немного, вслѣдствіе громадныхъ затратъ на сравнительно широко поставленное дѣло призрѣнія душевно-больныхъ, совершенно непосильное по сложности организациі для уѣздовъ и, надо сказать, чрезмѣрно обременительное даже для губернскаго земства.

По статьямъ расходовъ на общественное призрѣніе и на медицинскую часть губернская психіатрія поглощаетъ такую массу расходовъ, что земству пришлось поневолѣ далеко отстать отъ современныхъ требованій жизни въ дѣлѣ призрѣнія дѣтей и неспособныхъ къ труду.

Въ то время, когда всюду устриваются и во многихъ мѣстахъ уже функционируютъ роскошно оборудованныя земскія психіатрическія лечебницы со всѣми приспособленіями и оборудованіями согласно послѣднему слову требованій науки,—дѣтскіе пріюты и богадѣльни въ большинствѣ случаевъ влачатъ самое жалкое существованіе, если не встрѣчаютъ поддержки изъ какихъ-нибудь благотворительныхъ источниковъ.

Всѣмъ извѣстна участь подкинутыхъ дѣтей и въ пріютахъ, и въ сельскихъ патронатахъ, или попросту у деревенскихъ бабъ, промышляющихъ воспитаніемъ... Всѣмъ извѣстна участь бездомныхъ калѣкъ и въ богадѣльнѣ, и на улицѣ...

Здѣсь повторяется то же явленіе, которое отмѣчалось раньше въ отношеніи доминирующихъ вліяній въ земскихъ сферахъ со стороны той или иной группы объединенныхъ сотрудниковъ: врачи-психіатры, изъ года въ годъ повышая свои смѣтные требованія, сумѣли добиться отъ земства такихъ ассигнованій, которыя обезпечили имъ возможность довести постановку дѣла во многихъ отношеніяхъ до степени комфорта, затормозивъ тѣмъ самымъ развитіе другихъ отраслей общественнаго призрѣнія. И вотъ дѣти-подкидыши, безпріютные калѣки и престарѣлые принесены въ жертву другой категоріи несчастныхъ: душевно-больнымъ, дегенератамъ и идіотамъ.

Къ такому явленію уездныя земства не могутъ оставаться всегда равнодушными, и на этомъ пути неизбежны реформы.

Приведенныя ниже таблицы какъ нельзя лучше характеризуютъ то положеніе въ общеземскомъ хозяйствѣ, которое занимаютъ вообще и по отдѣльнымъ губерніямъ уездныя и губернскія земства.

Г У Б Е Р Н И И.

	Процентное отношеніе къ общему погубернскому итогу расходовъ.	
	Губернскаго земства.	Уѣздныхъ земствъ.
Бессарабская	49,2	50,8
Калужская	48,7	51,3
Ярославская	47,5	52,5
Московская	46,5	53,5
Херсонская	45,5	54,5
Харьковская	42,5	57,5
Самарская	42,4	57,6
Саратовская	41,0	59,0
Новгородская	40,6	59,4
Олонецкая	40,0	60,0
Пензенская	40,0	60,0
Тульская	40,0	60,0
Курская	39,0	61,0
Уфимская	37,6	62,4
Владимирская	37,2	62,8
Вятская	36,0	64,0
Нижегородская	36,0	64,0
Екатеринославская	35,7	64,3
Черниговская	35,0	65,0
Воронежская	34,0	66,0
Тверская	33,5	66,5
Орловская	33,0	67,0
Симбирская	33,0	67,0
Костромская	31,5	68,5
Казанская	31,0	69,0
Петербургская	31,0	69,0
Смоленская	31,0	69,0
Рязанская	30,5	69,5
Таврическая	30,5	69,5
Псковская	29,5	70,5
Тамбовская	29,5	70,5
Полтавская	28,0	72,0
Вологодская	27,5	72,5
Пермская	24,0	76,0

Предметы земскихъ расходовъ по §§.

	Процентное отношеніе къ общему итогу по §§ расхо- довъ.	
	Губернскаго земства.	Уѣздныхъ земствъ.
§ I. Участіе въ расходахъ правительственныхъ учреждений	5,2	94,8
§ II. Содержаніе земскаго управленія	43,7	56,3
§ III. Устройство и содержаніе мѣстъ заключенія	8,5	91,5
§ IV. Дорожная повинность	68,5	31,5
§ V. Народное образованіе	18,8	81,2
§ VI. Общественное призваніе	72,0	28,0

12*

Предметы земских расходов по §§.	Процентное отношеніе къ общему итогу по §§ расходовъ:	
	Губернскаго земства	Уѣздныхъ земствъ.
§ VII. Медицинская часть	33,1	66,9
§ VIII. Ветеринарная часть	65,9	34,1
§ IX. По содѣйствию экономическому благосостоянію	50,2	49,8
§ X. Уплата долговъ	39,1	60,6
§ XI. Разные расходы	20,9	79,1
§ XII. Отчисленіе на образованіе капиталовъ	37,6	62,4
§ XIII. Отчисленіе на образованіе запасной суммы	29,3	70,7
Общій итогъ земскихъ расходовъ.	36,2	63,8

Всего только въ пяти губерніяхъ изъ 34-хъ замѣтно особенное преобладаніе дѣятельности уѣздныхъ земствъ, отчисляющихъ ниже 30% на долю губернскаго земства (отъ 24% по Пермской до 29,5% Псковской), что составляетъ все же очень значительный процентъ общаго земскаго бюджета. Постепенно повышаясь, отчисленія эти по девяти губерніямъ начинаютъ приближаться къ половинѣ годового расходнаго бюджета, превышая 40% и выражаясь колебаніями въ предѣлахъ отъ 40,6% по Новгородской до 49,2% по Бессарабской губерніи.

По тѣмъ же свѣдѣніямъ за 1903 годъ изъ общей суммы земскихъ расходовъ по 34-мъ губерніямъ 99.471 тыс. руб. на долю уѣздныхъ земствъ отнесено 63.495 тыс. руб., или 63,8%, а на долю губернскихъ 35.976 тыс. руб., что составляетъ 36,2% общеземскаго расходнаго годового бюджета. И это явленіе не случайное: въ 1895 году расходы губернскихъ земствъ составляли 27% того же расходнаго бюджета, въ 1900 году — 35%; въ 1901 г. — 36%; въ 1902 г. — 37,4% и въ 1903 г. 36,2%.

Несомнѣнно, что такія отчисленія изъ уѣздныхъ средствъ очень обременительны, а иногда и непосильны для уѣздовъ, равно какъ несомнѣнно и то, что роль губернскаго земства неизбѣжно должна въ недалекомъ будущемъ измѣниться кореннымъ образомъ и введеніе въ жизнь давно ожидаемаго института участковой земской организаціи должно имѣть роковое значеніе въ судьбѣ современныхъ формъ учрежденій губернскаго земства.

XVI.

Заканчивая свои замѣтки, я не могу не упомянуть о причинахъ той видимой безсистемности, съ которой нагромождались въ нихъ пережитыя впечатлѣнія, отражая собой тѣ или иныя стороны земской или общественной жизни.

Это явление объясняется самой природой, самимъ существомъ дѣятельности земской управы вообще и ея предсѣдателя въ частности, той дѣятельности, гдѣ впечатлѣнія нарастаютъ съ быстрой перемѣной узора и красокъ, какъ въ калейдоскопѣ, въ зависимости отъ пестроты и разнообразія ежедневно чередующихся дѣлъ.

Въ началѣ своихъ замѣтокъ я упоминалъ уже, какія разностороннія области жизни всего уѣзднаго района охватываетъ собою компетенція земскихъ учреждений, и первымъ за все отвѣтственнымъ лицомъ является предсѣдатель земской управы, на котораго закономъ возложенъ общій надзоръ за правильнымъ теченіемъ дѣлъ въ земской управѣ и всѣхъ подвѣдомственныхъ ей учрежденійхъ.

Однако, какъ бы детально ни были разграничены обязанности между предсѣдателемъ и членами земской управы, какую бы интенсивную дѣятельность ни проявляли члены управы, предсѣдатель непремѣнно долженъ и въ интересахъ самаго дѣла и по прямой своей обязанности входить во всѣ детали какъ канцелярской и бухгалтерской, такъ равно хозяйственно-административной и финансовой стороны всѣхъ частей и отраслей земскаго управленія, иначе онъ не можетъ быть въ курсѣ дѣла, не можетъ нести за него сознательную отвѣтственность, которая по самому разнообразію земскихъ дѣлъ становится чрезвычайно серьезной и разносторонней.

На самомъ дѣлѣ управа и въ частности ея предсѣдатель должны быть энциклопедически освѣдомлены, помимо общихъ административно-хозяйственныхъ функцій, по всѣмъ остальнымъ отраслямъ земскаго дѣла и обязаны руководить дѣятельностью всѣхъ земскихъ сотрудниковъ, т. е. всѣхъ состоящихъ на земской службѣ лицъ, будь то врачи, учителя, страховые агенты, инженеры, техники, ветеринары, агрономы, фармацевты и т. п., которые, будучи по службѣ всецѣло зависимы исключительно отъ одной управы, только передъ ней и отвѣтственны, не имѣя никакого непосредственнаго отношенія къ земскому собранію.

Въ отношеніи отвѣтственности земская практика устанавливаетъ двѣ довольно различныя формы: передъ собраніемъ обычно отвѣтствуетъ вся управа солидарно, какъ за себя, такъ и за дѣятельность всѣхъ земскихъ служащихъ, а передъ администраціей, въ лицѣ губернаторской власти, предпочтеніе въ этомъ отношеніи весьма охотно отдается предсѣдателю управы, котораго гораздо легче привлечь въ порядкѣ надзора, при менѣ сложномъ дисциплинарномъ производствѣ, сравнительно съ управой, какъ лицомъ юридическимъ. Это обстоятельство поневолѣ должно отражаться въ служебной дѣятельности предсѣдателя управы извѣстнымъ дипломатическимъ отъѣнкомъ, въ виду необходимости, съ одной стороны, стоять на высотѣ положенія земскаго дѣятеля и не уронить авторитета своего же земскаго собранія, а съ другой—не войти безъ особой крайности въ конфликтъ съ губернской администраціей, конфликтъ,

крайне нежелательный и, несомненно, вредный для спокойнаго и сколько-нибудь правильнаго теченія земской жизни въ уѣздѣ, такъ какъ къ этой администраціи постоянно приходится обращаться въ такихъ, напримѣръ, спѣшныхъ и часто возникающихъ дѣлахъ, какъ назначеніе новыхъ служащихъ на разныя земскія должности. По поводу этихъ назначеній нельзя не сказать нѣсколько словъ.

Даже при наличности благопріятныхъ условій, когда мѣстныя и губернскія административныя власти оказываютъ въ этомъ отношеніи свое содѣйствіе управѣ, дѣлая, напримѣръ, телеграфныя запросы и вообще ускоряя сношенія между собой и съ инопубертскими властями по поводу допущенія на земскую службу какого-нибудь лица, проживавшаго послѣднее время въ чужой губерніи, — и то разрѣшенія этого нерѣдко приходится ожидать мѣсяцами.

Въ такихъ случаяхъ для земской управы, а въ частности для ея предсѣдателя, создается трудно разрѣшимая альтернатива: или допустить необходимое для работы лицо хотя бы къ временному исправленію обязанностей до полученія отвѣта губернатора и попасть подъ дисциплинарное производство за превышеніе власти, или въ ожиданіи отвѣта не замѣщать должности и... отвѣчать за упущенія по службѣ.

А ждать приходится долго, 2—3, а иногда и болѣе мѣсяцевъ, когда, напримѣръ, кандидатъ, потерявшій терпѣніе, ко времени полученія согласія губернатора займетъ другое мѣсто и надо искать и представлять на одобреніе новаго, съ которымъ повторяется та же исторія.

Дѣло стоитъ, а жизнь не терпитъ. Нельзя же прекратить леченіе больныхъ, починку дорогъ, ученіе въ школахъ и т. п.

Населеніе ропщетъ на управу, жалуется, пишетъ корреспонденціи; и вотъ, въ предупрежденіе всего этого, приходится изыскивать самыя хитроумныя комбинаціи, чтобы и дѣло какъ-нибудь двигалось, и осложненій особыхъ не произошло...

Это одна изъ самыхъ непріятныхъ и тѣневыхъ сторонъ службы въ управѣ, иногда просто отнимающая всякую охоту и возможность работать, при затратѣ массы труда, времени и энергіи на совершенно бесполезныя для дѣла тренія.

А вопросъ этотъ при комплектованіи личнаго состава массы земскихъ служащихъ, разбросанныхъ по всей территоріи уѣзда, имѣетъ очень серьезное значеніе, и неудовлетворительная постановка его самымъ пагубнымъ образомъ отражается на ходѣ земскаго хозяйства, а стало быть и жизни мѣстнаго населенія.

Давно ужъ извѣстно, что всякое не согласованное съ потребностями жизни и мѣстными условіями требованіе закона и дополнительныхъ циркуляровъ къ нему, неизбежно ему сопутствующихъ, обычно служитъ поводомъ для изысканія обходныхъ путей заинтересованными сторонами. Здѣсь наблюдается то же явленіе.

На этой почвѣ главнымъ образомъ и происходятъ всевозможныя недоразумѣнія у земства съ администраціей.

Установленный закономъ двухнедѣльный срокъ для губернаторскаго отвѣта о согласіи или несогласіи его на допущеніе представленнаго земской управой кандидата на службу оказывается совершенно недостаточнымъ даже для наведенія необходимыхъ губернатору справокъ о лицѣ, проживающемъ въ своей губерніи, такъ какъ обычно на переписку тратится гораздо больше времени: надо снестись съ жандармскимъ управленіемъ, надо послать запросъ подлежащему исправнику, который, въ свою очередь, запрашиваетъ пристава, а пристава нерѣдко приходится сноситься еще и съ урядникомъ... Не знаю, доходитъ ли дѣло до послѣдующихъ инстанцій—десятскаго или сельскаго старосты, но думаю, что возможно и это.

Вѣдь собираются же необходимыя въ тѣхъ же случаяхъ для жандармскаго управленія такъ называемыя «агентурныя свѣдѣнія» чрезъ проживающихъ въ мелкихъ уѣздныхъ городахъ представителей губернской жандармской власти—унтеръ-офицеровъ и вахмистровъ, которымъ такимъ образомъ ввѣрена очень серьезная компетенція вполне самостоятельно разбираться въ довольно сложныхъ вопросахъ о степени политической благонадежности кандидатовъ на земскую службу.

И вотъ бравый унтеръ, чистившій до сихъ поръ очень исправно лошадей въ своемъ эскадронѣ, прибывъ на самостоятельный жандармскій пунктъ въ уѣздный городъ, начинаетъ съ примѣрнымъ усердіемъ дѣлать отмѣтки о политическомъ настроеніи ввѣренныхъ его наблюденію обывателей, давая имъ ту или иную аттестацію, казня или милуя, смотря по заслугамъ, а слѣдовательно, открывая доступъ на службу или закрывая его иногда на очень долгое время, а недоумѣвающий обыватель нерѣдко самъ не знаетъ объ истинныхъ причинахъ постигшей его напасти, такъ какъ и неодобрительный отзывъ о полицейскомъ урядникѣ можетъ быть отмѣченъ и вмѣненъ въ вину расторопнымъ унтеромъ, какъ явное порицаніе существующаго государственнаго строя.

Прежде было гораздо легче и проще устраниваться въ смыслѣ формальнаго выполненія требованій закона и для губернатора о двухнедѣльномъ срокѣ, пропускъ котораго считается за согласіе, и для земской управы объ обязательномъ выжиданіи согласія административной власти.

Губернаторъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, не пропуская двухъ недѣль, отвѣчалъ управѣ, часто на заранѣе заготовленныхъ печатныхъ бланкахъ, что имъ сдѣлано распоряженіе о собраніи подробныхъ свѣдѣній, впредь до полученія которыхъ согласіе къ допущенію на службу не можетъ быть изъявлено, а управа, въ свою очередь, допускала имѣющагося кандидата не на службу, а къ временному исполненію обязанностей, и пока шла переписка и собира-

лись разныя свѣдѣнія, дѣло все-таки шло своимъ чередомъ, хотя и при временныхъ работникахъ.

Внослѣдствіи, однако, губернаторамъ было запрещено уклоняться отъ прямого и рѣшительнаго отвѣта, а управамъ при замѣщеніи свободныхъ вакансій новыми лицами запретили допускать ихъ безъ согласія губернатора даже къ временному исполненію обязанностей.

И вотъ теперь губернаторы нашли выходъ изъ затруднительнаго положенія, отвѣчая въ установленный срокъ рѣшительнымъ отказомъ на все представленія управъ о допущеніи кого-нибудь на земскую службу, а затѣмъ уже, не стѣсняясь срокомъ, по полученіи благоприятныхъ справокъ, присылають согласіе «въ виду полученныхъ дополнительныхъ свѣдѣній».

Положеніе же земскихъ управъ сдѣлалось еще болѣе затруднительнымъ, и теперь уже для сношеній управамъ часто приходится на одну вакансію представлять сразу нѣсколькихъ лицъ, какъ прощически выражаются земцы, «представлять пачками», въ надеждѣ, что ни одинъ, такъ другой кандидатъ будетъ допущенъ на земскую службу.

Все это особенно болѣзненно и остро переживается теперь, когда поулеглась избирательная горячка, когда отзвучали рѣзкіе политическіе мотивы, и все вниманіе земства вновь стало сосредоточиваться на очередной будничной работѣ.

Немало еще трудностей придется преодолѣть ему, послѣ всехъ испытанныхъ потрясеній, особенно при крайнемъ ослабленіи земскихъ финансовъ и платежныхъ силъ самого населенія.

Но всякій знающій и любящій земское дѣло не можетъ не вѣрить въ его свѣтлое будущее, которое въ образѣ грядущаго новаго земства, быть можетъ, даже послѣ возможнаго временнаго упадка, все же откроетъ широкій просторъ для развитія той могучей культуры страны, стремленіе къ которой всегда одухотворяло пламенно тяготѣвшія къ ней лучшія земскія силы.

И какія бы превратности судьбы ни пришлось еще пережить русскому земству въ будущемъ, какія бы заблужденія и ошибки ни ставились ему въ укоръ въ прошедшемъ, нельзя не пожелать ему, чтобы оно на зарѣ своей новой эры, сохранивъ живую душу среди всякихъ былыхъ испытаній, и въ будущей свѣтлой и обновленной Россіи крѣпло и закалялось подъ ударами грядущихъ событий.

«Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куеть булатъ».

В. А. Авескій.

ЭСКИЗЫ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

ВЪ РЯДУ НЕБОЛЬШИХЪ очерковъ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», подѣ названіями: «День въ домѣ у Цѣпинаго моста» и «Изъ прошлаго», я имѣю прибавить нѣсколько другихъ, также рисующихъ частью комическое, частью трагическое положеніе людей, попадающихъ безъ всякой вины въ скверное положеніе.

Я говорю о недалекомъ прошломъ, но, конечно, и въ настоящее время случаются подобные эпизоды, благодаря не въ мѣру усерднымъ или слишкомъ первно настроеннымъ агентамъ различныхъ вѣдомствъ, которымъ вмѣнепо въ обязанность читать въ сердцахъ обывателей. Какъ и въ былое время, это создаетъ массу совершенно лишнихъ хлопотъ для ловцовъ и кучу неприятностей и огорченій для изловляемыхъ.

Мнѣ кажется, что сумма подобныхъ очерковъ, записанныхъ самими жертвами или со словъ близкихъ имъ лицъ, должна дать весьма интересный матеріалъ, какъ въ историческомъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи. Въ изложенныхъ ниже эпизодахъ имена участниковъ, находящихся еще въ живыхъ, или о дальнѣйшей судьбѣ которыхъ у автора не имѣется свѣдѣній, обозначены инициалами, фамиліи же лицъ переселившихся уже въ лучший міръ—написаны полностью.

I.

Въ началѣ марта 1887 г., въ одинъ прекрасный солнечный день, во время традиціоннаго дневнаго гулянья на Б. Морской случайно сошлась, какъ говорится, «небольшая, но честная компанія» изъ че-

тырехъ хорошихъ знакомыхъ, которая и рѣшила ознаменовать эту встрѣчу легкимъ завтракомъ у Пертца, въ фруктовой-ресторанѣ на углу Морской и Невскаго.

Шумно и весело друзья размѣстились за столикомъ въ первой общей залѣ, переполненной въ эти часы по преимуществу служащими въ различныхъ заведеніяхъ.

Компанія состояла изъ молодыхъ людей за исключеніемъ лишь одного А. А. Л., человѣка уже пожилого, отставнаго гусарскаго корнета, большого весельчака и балагура, который, несмотря на свои 50 лѣтъ съ хвостикомъ, игралъ роль постоянного увеселителя и даже носилъ специальную кличку: «веселый корнетъ пятидесяти лѣтъ». Слѣдуетъ замѣтить, между прочимъ, что этотъ Александръ Александровичъ только что вернулся изъ Тамбова, куда ѣздилъ гостить къ своему родственнику-помѣщику.

Компанія весело завтракала и непринужденно болтала, часто обращаясь къ А. А. и его поѣздки въ Тамбовъ. Рядомъ за столикомъ за кружкой пива сидѣлъ какой-то неопредѣленнаго вида субъектъ, очевидно, прислушивавшійся къ разговору, на котораго, впрочемъ, никто изъ компаніи не обращалъ никакого вниманія.

Покончивъ съ завтракомъ, друзья направились къ выходу изъ ресторана, причемъ проходить приходится черезъ фруктовый магазинъ. Тутъ у входной двери стоялъ тотъ самый господинъ, но уже вмѣстѣ съ околоточнымъ надзирателемъ и о чемъ-то съ нимъ таинственно перешептывался. Увидѣвъ насъ, околоточный подошелъ и въ самой вѣжливой формѣ попросилъ слѣдовать съ нимъ въ участокъ.

До крайности удивленные такимъ неожиданнымъ финаломъ товарищескаго завтрака и не зная за собой рѣшительно никакой вины, всѣ закидали его вопросами: почему? за что? на какомъ основаніи?

— Извините, вы узнаете это въ участкѣ!

— Да позвольте!—вскипѣлъ самый младшій изъ насъ:—какъ же мы пойдемъ въ сопровожденіи васъ черезъ всю Морскую, которая въ это время полна народомъ, а у насъ полъ Петербурга знакомыхъ? Подумаютъ, что вы ведете шайку пойманныхъ воровъ и мошенниковъ—посторонніе, а знакомые—что мы учинили какой-нибудь дебошъ!

— Извините, я пойду по другой сторонѣ улицы,—отвѣчалъ не менѣе вѣжливо полицейскій чинъ.

Такимъ образомъ, кортежъ съ неизвѣстнымъ штатскимъ, замыкавшимъ шествіе и слѣдовавшимъ за нами по пятамъ, направился въ 1-й участокъ Адмиралтейской части. По дорогѣ обсуждался этотъ странный инцидентъ, причемъ всѣ видѣли въ немъ какое-то сплошное недоразумѣніе и были твердо увѣрены, что все сейчасъ же разъяснится послѣ этой невольной прогулки. Время было дѣй-

ствительно очень тревожное и легко могло произойти какое-либо случайное недоразумѣніе.

Въ участкѣ были, очевидно, предупреждены объ ожидавшемся нашемъ приводѣ, такъ какъ встрѣтилъ насъ самъ приставъ, полковникъ З. (бывшій, кажется, потомъ полицеймейстеромъ въ Петербургѣ), къ которому мы и обратились за разъясненіемъ этого страннаго инцидента, на что тотъ отвѣчалъ, что мы скоро все узнаемъ, и пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ.

Держали мы себя совершенно непринужденно, за исключеніемъ бѣднаго А. А. Л., который былъ страшно перепуганъ этимъ внезапнымъ арестомъ, едва могъ говорить, съ нимъ дѣлалась какая-то нервная лихорадка, и пропала окончательно вся его жизнеспособность.

— Ваше званіе, имя, фамилія, мѣсто жительства?— обратился приставъ съ обычными вопросами къ первому изъ насъ.

— Чиновникъ канцеляріи по приему прошеній на Высочайшее имя подаваемыхъ, Г. Н. Безобразовъ.

Приставъ, сдѣлавъ нѣсколько удивленное лицо, обратился къ слѣдующему.

— Коноваловъ, дѣлопроизводитель роты дворцовыхъ гренадеръ. Мѣсто жительства—запасной дворець.

Лицо пристава приняло еще болѣе недоумѣвающее выраженіе, но онъ быстро овладѣлъ собой. обстоятельно записавъ чуть не всѣ наши біографіи, что заняло немало времени, полковникъ просилъ насъ обождать и вышелъ, очевидно, къ телефону.

Все это становилось довольно скучно, хотя замѣнилъ себя приставъ прислалъ немедленно молодого полицейскаго офицера, вѣроятно, чтобы мы не скучали одни, а можетъ быть и съ другими цѣлями. Поручикъ оказался очень галантнымъ, угощалъ всѣхъ нашими росами и по возможности развлекалъ разговорами, говоря между прочимъ, что теперь никто не гарантированъ отъ подобныхъ исторій, какая приключилась съ нами, и завтра же то же самое можетъ случиться и съ нимъ.

Наконецъ въ кабинетѣ вновь появился приставъ и предложилъ намъ пройти въ зданіе градоначальства на углу Гороховой и Адмиралтейской ул. Опять насъ сопровождалъ тотъ же неизмѣнный штатскій, но уже, очевидно, вдвоемъ со своимъ коллегой, шедшимъ впереди и бережно несшимъ пакетъ, въ которомъ была завернута жестянка съ маринованными сельдями, приобретенная однимъ изъ членовъ компаніи еще въ магазинѣ Пертца. Насъ провели въ верхній этажъ, гдѣ въ то время помѣщалось какое-то отдѣленіе (сыскное или охранное, не знаю). Здѣсь въ большой полутемной приѣмной насъ встрѣтила цѣлая толпа какихъ-то лицъ, старавшихся быть въ тѣни, которыя весьма внимательно и вдумчиво разсматривали наши фізіономіи, очевидно, припоминая:

не встрѣчали ли они когда-нибудь насъ при другой обстановкѣ и иныхъ условіяхъ?

Отъ нечего дѣлать я сталъ осматривать окружающую обстановку, причѣмъ меня поразилъ подокопникъ окна въ видѣ амбразуры, на которомъ была навалена цѣлая гора револьверовъ различныхъ системъ и калибровъ. Тутъ были дамскіе револьверы, изящно отдѣланные слоновой костью и перламутромъ, старинные револьверы съ пятью зарядами, Кольта, употреблявшіеся чуть не на охотахъ за бизонами въ американскихъ преріяхъ и пробивающіе двухъ-трехъ быковъ за разъ; были современные револьверы въ то время системы Лефосе, такъ какъ тогда не имѣли представленія о теперешнихъ браунингахъ и другихъ, а также револьверы общевоеннаго образца. Заинтересованный этой оригинальной коллекціей, я невольно подвинулся къ ней, чтобы разсмотрѣть ее поближе, не зная, съ какой цѣлью она находится въ этой залѣ съ низкими потолками,—музейной или иной. Но какъ только я сдѣлалъ шага два, два агента, точно по уговору, заслонили ее отъ меня своими туловищами.

До сихъ поръ, когда уже прошло 25 лѣтъ со времени этого полукомическаго происшествія, я не знаю, что означалъ этотъ своеобразный полицейскій музей. Были ли это образцы, или предметы, отобранные при обыскахъ,—не знаю.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, явился офицеръ, уже въ жандармской формѣ, въ сопровожденіи четырехъ унтеровъ, которые и размѣстили насъ по отдѣльнымъ, изолированнымъ камерамъ. Тутъ уже, сидя въ одиночествѣ, мнѣ да, очевидно, и каждому изъ насъ представилось нѣчто дѣйствительно кошмарное. Явилось рытье въ своей собственной душѣ, въ воспоминаніяхъ, «вольныхъ и невольныхъ» прегрѣшенійхъ, съ цѣлью найти связь со всѣмъ прошлымъ настоящаго злоключенія, казавшагося прямо-таки дикимъ по полнѣйшему отсутствію какой-либо политической или иной подкладки.

Этотъ страшный арестъ продолжался, однако, около 4-хъ часовъ, причѣмъ я постоянно посылалъ дежурившаго у дверей унтера за стаканами воды. Наконецъ, уже подъ вечеръ, когда подали лампу, въ коридорѣ, примыкающемъ къ этой камеркѣ, раздался мягкій, «малиновый» звонъ шпоръ, и въ комнату вошелъ средняго роста, съ остриженной подъ гребенку полусѣдой головой жандармскій полковникъ С—скій, считавшійся въ то время прямымъ претендентомъ на занятіе освободившейся вакансіи Судейкина.

Онъ, не садясь, приступилъ къ допросу.

— Что вы говорили въ компаніи въ ресторанѣ о государѣ императорѣ и о Тамбовѣ?

Я сначала прямо отъшпиль.

— Простите, полковникъ, насколько я помню, ни разу не

было сказано ни одного слова за нашимъ завтракомъ о государѣ,

Тутъ лицо С., очевидно, раньше меня допросившаго другихъ участниковъ злополучнаго завтрака, приняло довольно благодушное выраженіе.

— Но въ вашей компаніи говорилось объ А. А., и это имя связывалось съ Тамбовомъ.

Тутъ у меня сразу открылись глаза на всю эту странную исторію.

— Да, полковникъ, у насъ былъ разговоръ въ шутиловомъ тонѣ о томъ, что только что приѣхавшаго изъ Тамбова А. А. Л—а слѣдуетъ отправить туда обратно на окорока.

С—скій усмѣхнулся, пожалъ плечами, круто повернулъ къ двери и вышелъ со словами: «вы свободны!»

Выйдя въ описанную пріемную, я засталъ тамъ своихъ пріятелей въ довольно игривомъ настроеніи, за исключеніемъ старика Л—а, съ которымъ сдѣлался нервный припадокъ и онъ, рыдая, говорилъ:

— За что? Я корнетъ и вѣрнопопданный своего государя. За что меня заставили на старости лѣтъ пережить въ теченіе цѣлыхъ полуеутокъ столько волненій! За что? за что? такое издѣвательство!

Даже окружающіе насъ агенты казались нѣсколько сконфуженными такимъ внезапнымъ оборотомъ дѣла и старались по мѣрѣ возможности его успокоить, подавали воды и т. п.

Въ дальнѣйшемъ это дѣло кончилось, конечно, ничѣмъ. Всѣхъ, однако, попросили опять зайти обратно въ участокъ, уже безъ всякихъ провожатыхъ, гдѣ дали для подписи какія-то бумаги, причемъ на этотъ разъ уже самъ приставъ извинялся за причиненное намъ безпокойство и даже конфиденціально заявилъ, что наше задержаніе послѣдовало якобы по заявленію какого-то частнаго лица (очевидно, «агентура» того времени не имѣла такой широкой организаціи, какъ теперь), и даже онъ, приставъ, выгналъ его вонъ въ первый разъ, когда тотъ явился въ участокъ съ заявленіемъ, что какіе-то молодые люди ведутъ въ ресторанъ Пертца весьма подозрительный разговоръ, упоминая имя государя, и, очевидно, состоятъ участниками тамбовскаго сѣзда (?) и т. п. Но добровольный сыщикъ явился якобы вторично и заявилъ, что если не будутъ приняты надлежащія мѣры, то онъ сейчасъ отправляется къ градоначальнику.

— Что подѣлаете! времена такія, мы сами не знаемъ покоя ни днемъ, ни ночью,—закончилъ, прощаясь, приставъ.

Интересно, что намъ была возвращена и жестянка съ сельдями... но она оказалась вскрытой.

II.

Но не всегда такіе непріятные случаи заканчивались сравнительно такъ скоро въ то дѣйствительно напряженное время.

Нѣсколько довольно видныхъ служащихъ на Николаевскомъ вокзалѣ имѣли обыкновеніе заходить въ полдень завтракать въ Балабинскую гостиницу помѣщающуюся противъ вокзала.

Собравшись на одинъ изъ подобныхъ завтраковъ и закусивъ, они потребовали счетъ, торопясь обратно на службу, причемъ одинъ изъ нихъ, С-въ, потрясши въ карманѣ монетами, опустил ихъ подъ салфетку, что былъ ихъ обычный пріемъ расплаты по жребію.

— Ну, господа, кому выстрѣлить!—крикнулъ онъ.

«Стрѣлять»—глаголь, имѣющій разныя значенія: такъ, «нищіе» подъ нимъ разумѣютъ прошеніе милостыни, а въ данномъ случаѣ имъ опредѣлялся виновникъ расплаты по счету.

Завтракавшіе въ другомъ концѣ залы двое солидныхъ штатскихъ слышали только это восклицаніе и видѣли какую-то жеребевку. Переговоривъ между собою и не спуская глазъ со стола, занятаго желѣзнодорожниками, они вдругъ поднялись съ мѣсть, подошли вплотную къ ихъ столу и потребовали, не входя ни въ какія объясненія, чтобы всѣ немедленно отправились съ ними.

Никакія представленія о томъ, что тѣмъ надо вернуться на вокзалъ къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, что ихъ личности могутъ сейчасъ же быть удостовѣрены хоть самимъ начальникомъ дороги—не привели ни къ какимъ результатамъ.

Пришлось отправиться въ соответственное учрежденіе, гдѣ ихъ продержали цѣлыхъ 5 дней, въ теченіе коихъ дѣлались различные запросы, писались отношенія, ожидались отвѣты и т. п. Однимъ словомъ, возникло цѣлое дѣло.

Нравственное состояніе этихъ служащихъ, изъ которыхъ многіе занимали отвѣтственныя должности по движенію, а также ихъ семействъ—было все это время крайне незавидное, да, кажется, впослѣдствіи этотъ случай неблагопріятно отразился и на ихъ служебномъ положеніи. И все это, очевидно, произошло лишь потому, что агентамъ, похожимъ съ виду на купцовъ съ Калашниковской биржи, постоянно собирающихся съ незапамятныхъ временъ въ этой гостиницѣ для сдѣлокъ, показалось что-то подозрительное, а можетъ быть и просто хотѣлось показать своему начальству, что они не бездѣйствуютъ, даже сидя за завтракомъ, и гдѣ можно—истребляютъ крамолу.

III.

Еще весьма интересный эпизодъ, уже въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ, имѣлъ мѣсто на Южномъ берегу Крыма.

Въ управленіи Лозово-Севастопольской жел. дор., теперь уже

не существующемъ какъ самостоятельное учрежденіе, а въ то время помѣщавшемся въ Севастополѣ, служилъ въ одно время со мною нѣкто В. П. Масыкинъ, имѣвшій небольшой хуторъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ царскаго имѣнія Ливадія.

Въ одно прекрасное воскресенье онъ отправился верхомъ къ одному изъ своихъ пріятелей, имѣвшему также хуторъ въ нѣсколькихъ верстахъ, на какое-то семейное торжество. Какъ обыкновенно въ Крыму, всякое такое торжество сопровождалось обильными «пробами» вина изъ собственныхъ виноградниковъ. Однимъ словомъ, уже ко времени возвращенія домой онъ съ большими затрудненіями и не безъ посторонней помощи сѣлъ въ сѣдло, но, какъ истый крымчакъ, разъ попавъ въ него, засѣлъ уже здѣсь плотно и погналъ коня домой, вполне довѣряясь его инстинкту. Съ дѣтства привыкшій ѣздить по крымскимъ горамъ, Масыкинъ чувствовалъ себя въ сѣдлѣ какъ дома въ постели и безмятежно заснулъ подъ мѣрную рысь лошади, оставивъ поводья и обхвативъ руками шею коня.

Испугалась ли чего-либо лошадь, можетъ быть, оклика часовыхъ охраны дворца Ливадія, или по чему-либо иному, но только вдругъ она понесла и не по проѣзжему тракту, а свернувъ вправо на шоссе, ведущее ко дворцу мимо дворцовыхъ строеній и, сбросивъ сѣдока противъ самаго вестибюля дворца, понеслась далѣе.

Проснувшись рано утромъ въ совершенно незнакомой комнатѣ, одѣтымъ, на турецкомъ диванѣ и въ весьма изящной обстановкѣ, неудачный спортсменъ никакъ не могъ сообразить сразу, гдѣ онъ находится, и вообще припомнить всѣ обстоятельства, начиная съ того момента, когда онъ покинулъ хуторъ своего пріятеля. Онъ подошелъ къ двери и попробовалъ ручку—комната была заперта на ключъ, онъ направился къ окну, открытому въ садъ, полный розовыхъ кустовъ—тамъ стоялъ конвойный казакъ. Масыкинъ попробовалъ заговорить съ нимъ, чтобы узнать, гдѣ онъ находится, но казакъ оказался нѣмъ, какъ рыба.

Прошло нѣсколько томительныхъ часовъ, пока наконецъ не щелкнулъ ключъ въ отпираемомъ замкѣ и не вошелъ въ комнату пожилой жандармскій штабъ-офицеръ въ сопровожденіи молодого человѣка въ штатскомъ платьѣ, очень элегантно одѣтаго.

Послѣ обычныхъ вопросовъ объ имени, званіи и т. п., отвѣты на которые штатскій обстоятельно записывалъ, переспрашивая о малѣйшихъ деталяхъ, которыя казались ему недостаточно ясными, причемъ было видно, что это человѣкъ съ юридическимъ образованіемъ, офицеръ спросилъ:

—Какъ вы попали сюда и что вамъ было надо здѣсь у дворца?

Масыкинъ съ изумленіемъ отвѣтилъ, что онъ только сейчасъ и узнаеть, что находится во дворцѣ.

— Положимъ, не въ дворцѣ, а въ одномъ изъ флигелей, но какъ вы проскочили верхомъ черезъ всю линію охраны? Вѣдь вы подвели солдатъ: они должны были стрѣлять по васъ.

«Педурно!—подумаль я, какъ разсказываль потомъ своимъ друзьямъ Масякинъ.—Значить, я долженъ быть бы быть по настоящему въ данный моментъ не въ этой незнакомой мнѣ комнатѣ, а на томъ свѣтѣ».

— Полковникъ! все, что я знаю о прискорбномъ случаѣ, давшемъ вамъ и мнѣ столько непріятныхъ часовъ, я вамъ разскажу подробно до того момента, когда я очутился въ этомъ невѣдомомъ мнѣ мѣстѣ, начиная съ того, какъ я покинулъ хуторъ моего пріятели К. близъ Сименза.

Въ дальнѣйшемъ, насколько помнилъ Масякинъ, онъ нарисоваль всю картину своего времяпрепровожденія наканунѣ, не утаивъ о пробахъ молодого вина, до того момента, какъ его посадили на хуторъ въ сѣдло, то есть до того предѣла, который онъ помнилъ о томъ, что дѣлается вокругъ него.

Всѣ его показанія были добросовѣстно записаны и затѣмъ имъ подписаны.

— Теперь можете ѣхать домой къ себѣ на хуторъ, а чтобы вамъ вторично не заблудиться и не сбиться съ дороги, мы вамъ дадимъ провожатыхъ,—сказаль полковникъ, разглаживая свои роскошные усы.

— Когда мы всѣ вышли на крыльцо и оставили наконецъ эту гостепримную комнату,—разсказываль потомъ В. П.:—то оказалось, что я провелъ ночь въ небольшомъ строеніи, заключающемъ пѣлый рядъ флигелей, очевидно, занятыхъ дворцовыми службами, причемъ за рядами кустовъ жасмина и шиповника бѣлѣли колонны дворца.

У калитки стояла запряженная парой лошадей рессорная тележка, на козлахъ которой сидѣль казакъ, а по бокамъ ея дожидались два конныхъ конвойца въ красныхъ бешметахъ и папахъ, съ серебряными газырями и кинжалами у пояса и съ винтовками за плечами.

— Трогай!—скомандоваль штатскій, усаживаясь рядомъ съ Масякиннымъ.

«Торжественно вѣду я въ свой скромный хуторъ», глядя на бравыхъ кубанцевъ, думаль Масякинъ, отъѣхавъ отъ гостепримнаго домика въ сопровожденіи казаковъ.

Молодой человѣкъ оказался съ высшимъ образованіемъ и довольно словоохотливымъ. Онъ ознакомилъ Масякина съ подробностями случая, надѣлавшаго, какъ оказалось, много хлопотъ дворцовой администраціи и поднявшаго на ноги весь дворцовый штатъ, въ виду ожидавшагося съ часа на часъ пріѣзда въ лѣтнюю резиденцію августѣйшихъ особъ. Его увидѣли въ тотъ моментъ, когда онъ упалъ головою въ куртину съ мягкой землею, чѣмъ и объ-

является то, что черепъ его остался цѣль. Солдаты, стоявшіе цѣною кругомъ парка, не стрѣляли, не получивъ пароля, они думали, что это мштся во весь духъ курьеръ или вѣстовой ко дворцу, и не замѣтили въ темнотѣ, что онъ въ штатскомъ платьѣ.

Дома Масыкинъ засталъ страшный переполохъ, такъ какъ его Васька примчался на хуторъ съ сѣдломъ на боку и съ однимъ оборваннымъ стременемъ, которое неизвѣстно оборвалъ ли онъ самъ, падая на землю, или, можетъ быть, кто-нибудь пытался задержать лошадь, когда она неслась одна мимо кордоновъ обратно домой, причемъ схватилъ за стремя, отчего и лопнулъ ремень.

Чуть не цѣлая татарская деревня была разослана семьей Масыкина въ разныхъ направленіяхъ на поиски его, причемъ за живого или мертвого была обѣщана довольно крупная денежная награда. Гонецъ былъ посланъ также немедленно на хуторъ, куда наканунѣ отправился М., откуда и было получено ко времени его прибытія извѣщеніе, что онъ выѣхалъ поздно вечеромъ, причемъ и тамъ были снаряжены розыски въ различныхъ направленіяхъ.

Можно себѣ представить изумленіе всей семьи, когда М. выѣхалъ утромъ съ такой помпой и блестящимъ эскортомъ въ ворота своего хутора. Скромные хуторяне не могли понять, за что ихъ хозяинъ удостоился такихъ почестей.

Штатскій разспросилъ очень деликатно близкихъ домашнихъ о поѣздѣ М., куда онъ намѣренъ былъ отправиться, а попутно предложилъ нѣсколько вопросовъ, очевидно, имѣвшихъ цѣлью провѣрить его показанія, данныя ранѣе во дворцѣ; записавъ все это подробно, онъ любезно раскланялся, сѣлъ въ экипажъ и, окруженный густой пылью плохо содержимыхъ крымскихъ дорогъ, исчезъ изъ глазъ вмѣстѣ съ конвойными казаками.

Какъ оказалось впоследствии, справки были наведены также и на мѣстѣ отправления М. въ обратный путь съ злополучнаго хутора, причемъ, очевидно, все сходилось съ его первоначальными показаніями, снятыми жандармеріей.

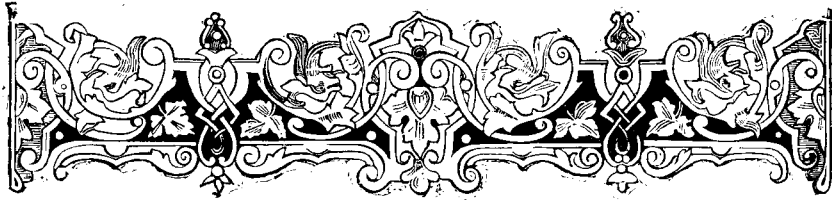
Тѣмъ это дѣло и кончилось, что, конечно, не имѣло бы столь благопріятныхъ результатовъ, если бы дворецъ не былъ пустъ въ моментъ приключенія и казачьи наряды не объѣзжали бы еще всю окрестность.

Долго потомъ сослуживцы шутили надъ Масыкинымъ по этому поводу.

— Ну, какъ вы, В. П., отправились въ Ливадію съ визитомъ, — говорили одни, — и что изъ этого вышло?

— Ваше счастье, В. П., что вы слишкомъ рано пріѣхали, — острили другіе: — а то не миновать бы вамъ нагаекъ!..

Г. К—къ.

ВСТРѢЧА ДВУХЪ ШКОЛЬНЫХЪ ТОВАРИЩЕЙ.

(Изъ путевыхъ приключеній).

ТО БЫЛО въ концѣ іюля 1905 года. Я возвращался изъ-за границы. Вагонъ, въ которомъ я помѣстился, былъ почти пустъ. Только у болѣе крупныхъ станцій происходило замѣтное оживленіе, но не надолго: входившіе въ вагонъ пассажиры черезъ одну, самое большее черезъ двѣ остановки заканчивали свое путешествіе, и на нѣкоторыхъ перегонахъ я буквально оставался одинъ въ цѣломъ вагонѣ.

Вечерѣло. Чтеніе газетъ и журналовъ, которыми я въ изобиліи запасался на большихъ станціяхъ, мнѣ наскучило; явилась потребность въ обществѣ себѣ подобныхъ, хотѣлось перемолвиться съ кѣмъ-нибудь словомъ и не чувствовать одиночества. Кромѣ того, меня нѣсколько безпокоила перспектива провести ночь въ пустомъ вагонѣ и, быть можетъ, во время сна лишиться своего имущества. Я уже рѣшилъ было перебраться въ 3-й классъ, гдѣ было довольно людно и, какъ мнѣ казалось, гораздо безопаснѣе. Но «переселеніе» не состоялось, такъ какъ во время остановки на какой-то станціи въ вагонъ вошло нѣсколько пассажировъ болѣе или менѣе «основательныхъ», какъ можно было судить по ихъ внушительному багажу.

Одинъ изъ вошедшихъ размѣстился на лавочкѣ противъ меня. Случайный сосѣдъ скорѣе удивилъ меня, чѣмъ обрадовалъ: по внѣшнему виду это были сынъ Небесной имперіи, и на такого спутника въ этой части Россіи я, конечно, не рассчитывалъ. Китаецъ, сверхъ ожиданія, оказался общительнымъ и довольно сносно изъяснялся по-русски. Мы разговорились. Онъ назвался представителемъ

одной московской чайной фирмы. Узнавъ, что я ѣду изъ Западной Европы, онъ сталъ разспрашивать меня о западно-европейской жизни. Я, въ свою очередь, предлагалъ ему вопросы объ особенно-стяхъ китайскаго быта, провѣряя свѣдѣнія, полученные книжнымъ путемъ. Затѣмъ разговоръ незамѣтно перешелъ на русско-японскую войну. Эта тема, какъ мнѣ показалось, сразу омрачила его. «Да,—сказалъ онъ:—эта война много бѣды принесла моему отечеству. Чѣмъ мы виноваты? А мы терпимъ и отъ Японіи и отъ Россіи». И онъ съ горечью началъ рассказывать о тѣхъ опустошеніяхъ, которымъ подвергалась та часть китайской территоріи, которая была театромъ военныхъ дѣйствій. «Плохо на родинѣ, плохо стало намъ и здѣсь,—добавилъ онъ:—прежде къ намъ русскіе относились только съ любопытствомъ, а теперь съ подозрѣніемъ и ненавистью; прежде самое большее мальчишки со смѣхомъ потянуть за косу, а теперь бросаютъ камнями, принимая за японца». У меня, сознаюсь, подъ вліяніемъ разныхъ слуховъ, ходившихъ въ то время, тоже сначала явилось было подозрѣніе, не является ли мой спутникъ японскимъ шпиономъ, но неискренность тона говорила въ его пользу, и мнѣ стало отъ души его жалъ. Побывавъ не разъ на чужбинѣ, я легко могъ поставить себя въ его положеніе. Я невольно вспомнилъ, какъ въ первую свою поѣздку за границу, оставшись одинъ, съ плохимъ знаніемъ языка, я чувствовалъ себя совершенно одинокимъ, заброшеннымъ, хотя вездѣ ко мнѣ относились внимательно и предупредительно.

Было уже поздно. Мы пожелали другъ другу покойной ночи и легли спать.

На слѣдующее утро мнѣ пришлось разстаться съ своимъ, хотя и желтолицымъ, но довольно приятнымъ собесѣдникомъ: ему нужно было пересѣсть на другую линію. Я вышелъ изъ вагона, чтобы проводить его. Мой поѣздъ имѣлъ остановку минутъ въ 15, а поѣздъ, съ которымъ долженъ былъ ѣхать китаецъ, еще не приходилъ. Онъ предложилъ мнѣ выпить вмѣстѣ съ нимъ кофе. Я охотно согласился, и мы отправились въ залу I—II класса. Когда мы сидѣли за кофе, вдругъ изъ коридора съ шумомъ открывается дверь, и въ залу вваливается подвыпившій солдатикъ. Увидавъ китаецъ, онъ неувѣренной походкой направился къ нему и, подойдя совсѣмъ вплотную, поднесъ къ его фізіономіи кулакъ; потрясая послѣднимъ, онъ проговорилъ:

— Васъ, чертей косоглазыхъ, всѣхъ бить надоть!

Китаецъ съезжился и заморгалъ глазами. Присутствовавшіе въ залѣ два офицера, можетъ быть, не замѣтили этой сцены, а вѣрнѣе—не захотѣли вмѣшиваться, такъ какъ не замѣтить было трудно. Обратившись къ солдату, я сказалъ ему, что здѣсь не Манчурія, и, позвавъ лакея, обратился къ нему за содѣйствіемъ. Лакей довольно искусно выпроводилъ солдата изъ залы. Мнѣ, какъ и наканунѣ,

стало жаль бѣднаго китайца, но вмѣстѣ съ тѣмъ у меня появилось какое-то чувство не то стыда, не то неловкости. Возобновлять разговоръ съ китайцемъ я былъ не въ состояніи, а поэтому, пожелавъ ему «болѣе счастливаго» пути, я возвратился въ свой вагонъ.

Когда поѣздъ тронулся, я легъ на лавочку и, перелистывая книгу, задремалъ. Вѣроятно, я спалъ минутъ 30, не больше. Проснувшись, я увидалъ жандарма, который сидѣлъ наискось отъ меня, на короткой лавочкѣ у противоположной стѣны. Меня нѣсколько удивило, что жандармъ ѣдетъ во 2-мъ классѣ, такъ какъ мнѣ было извѣстно, что нижнимъ чинамъ вообще не разрѣшается въ поѣздѣ занимать мѣста выше 3-го класса. Впрочемъ, особеннаго значенія этому обстоятельству я не придавалъ, объяснивъ его кумовствомъ жандарма съ кѣмъ-нибудь изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, тѣмъ болѣе, что черезъ нѣкоторое время къ жандарму подошелъ какой-то господинъ въ желѣзнодорожной формѣ и завязалъ съ нимъ разговоръ. Тѣмъ временемъ я досталъ свой дорожный завтракъ и началъ закусывать. Къ разговору я не прислушивался, но нѣкоторыя фразы произносились довольно громко и невольно запечатлѣвались въ мозгу. Такъ, наприимѣръ, хорошо помню, какъ жандармъ жаловался на «тяжелыя времена», на свою безпокойную службу, такъ какъ «теперь много мерзавцевъ разѣзжаютъ по желѣзнымъ дорогамъ, разбрасываютъ изъ оконъ вагоновъ прокламаціи и мутятъ народъ». Во время послѣдней фразы онъ посмотрѣлъ на меня, но я слишкомъ былъ далекъ отъ того, чтобы принимать этотъ «комплиментъ» на свой счетъ. Однако дальнѣйшія обстоятельства показали, что эта фраза была направлена по моему адресу.

Окончивъ завтракъ, я отъ скуки пошелъ по вагону. Въ одномъ изъ отдѣленій сидѣлъ офицеръ. Присматриваясь къ нему, я узналъ въ немъ своего земляка, хотя онъ значительно измѣнился, такъ какъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ еще кадетомъ¹⁾. Поздоровались. Начались взаимные разспросы, воспоминанія. Время шло незамѣтно. Входитъ кондукторъ, произноситъ названіе станціи, до которой я ѣхалъ, и отбираетъ отъ меня билетъ. Поѣздъ останавливается, и я прощаюсь съ офицеромъ. Входитъ носильщикъ, беретъ мои вещи, и мы выходимъ изъ вагона. На платформѣ совершенно неожиданно подходитъ ко мнѣ жандармъ, ѣхавшій со мной въ вагонѣ, и объявляетъ, что я арестованъ. Я ошеломленъ. Спрашиваю: «за что?» Онъ показываетъ мнѣ какую-то телеграмму и приказываетъ носильщику нести мои вещи въ «дежурную». Въ это время подходитъ станціонный жандармъ и тоже предъявляетъ какой-то клочокъ бумаги. Я ничего не понимаю и совершенно обез-

1) Отъ этого офицера я потомъ узналъ, что жандармъ спрашивалъ у него разрѣшенія ѣхать во 2-мъ классѣ по служебнымъ дѣламъ.

кураженный иду съ жандармами въ «дежурную». Здѣсь, немного придя въ себя, я прошу показать мнѣ телеграмму. Подаютъ. Читаю приблизительную слѣдующее: «Молодой человѣкъ, лѣтъ подъ 30, высокаго роста, черный, безъ бороды, изъ окна вагона 2-го класса № такой-то разбрасывалъ прокламаціи. Необходимо задержать и произвести обыскъ. Ротмистръ...» (фамиліи не разобралъ). Жандармъ, сопровождавшій меня въ вагонѣ, объясняетъ, что всѣ указанныя примѣты подходятъ ко мнѣ, и никого другого съ такими признаками онъ въ вагонѣ не видалъ.

Приходится подчиниться: протестовать бесполезно. Боюсь только, чтобы жандармы не «поусердствовали» и не подсунули куда-нибудь въ мои вещи одну-двѣ прокламаціи для доказательства моей «крамольности». Къ счастью, жандармы оказались «порядочными».

Начинается унижительная процедура обыска... Пересматриваютъ мои вещи, читаютъ письма, которыя предназначались только для меня, стараются залѣзть въ самую душу....

Я не знаю, можетъ быть, и къ обыскамъ можно привыкнуть, если подвергаешься имъ часто, но тотъ обыскъ былъ для меня первымъ. Не скажу—последнимъ, потому что, по русской пословицѣ, даже отъ тюрьмы отказываться нельзя.

Производство обыска не обходится безъ курьезовъ.

Находившіяся при мнѣ письма отъ невѣсты возбуждаютъ у «представителей власти» развѣ улыбку, но не сомнѣнія. Другое дѣло письма моего товарища-педагога! Онъ, окончивая одно письмо, заявляетъ, что слѣшпитъ на засѣданіе комитета (педагогическаго).

— Комитета? Это что за комитетъ?—спрашиваетъ жандармъ..

Затѣмъ среди вещей попадаются путеводители на иностранныхъ языкахъ.

— Ну, это не про насъ писано,—заявляетъ онъ и спокойно кладетъ ихъ обратно въ саквояжъ. Очевидно, мой крайне разстроенный видъ убѣждаетъ жандармовъ, съ какимъ «революціонеромъ» они имѣютъ дѣло.

Обыскъ оконченъ. Я спрашиваю, будетъ ли составленъ протоколь?

— Нѣтъ!—говоритъ станціонный жандармъ:—пожалуйте вашъ паспортъ.

Беретъ, читаетъ, морщитъ лобъ...

— Вы учились въ городѣ Б.?—спрашиваетъ опъ

— Учился.

— Вы стояли на квартирѣ у Ч.?

— Да.

Жандармская освѣдомленность меня рѣшительно поражаетъ. Я, дѣйствительно, учился въ этомъ уѣздномъ городкѣ, но это

было около 15 лѣтъ тому назадъ, и я даже самъ хорошо не помню, гдѣ и у кого я стоялъ на квартирѣ. «Къ чему все это?» думаю я.

— Такъ!—тянетъ жандармъ:—я тоже тамъ учился и стоялъ на квартирѣ противъ васъ; только я по ученію не пошелъ, и изъ 3-го класса вышелъ. Такъ вотъ, значить, мы съ вами товарищи. Моя фамилія Р. Помните? Мы еще не разъ устраивали «сраженья»: ученики вашей квартиры выходили противъ нашихъ.

Въ моемъ мозгу смутно проносятся воспоминанія дѣтства, связанные съ періодомъ ученія въ городѣ Б.; припоминаю и ученика Р., довольно благодушнаго и отличавшагося значительной физической силой, а потому игравшаго важную роль въ нашихъ дѣтскихъ боевыхъ схваткахъ.

Но во мнѣ говорить возмущенное чувство, и я сухо отвѣчаю:

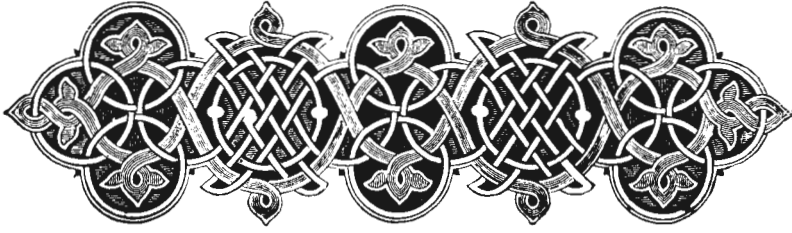
— Извините! Теперь мы съ вами не товарищи, наши дороги разные.

Это замѣчаніе, повидимому, не произвело на него никакого впечатлѣнія. Онъ возвратилъ мнѣ паспортъ и сказалъ, что я свободенъ.

Чѣмъ былъ вызванъ этотъ обыскъ? Дѣйствительно ли кто-нибудь, похожій на меня, разбрасывалъ прокламаціи? Думаю, что нѣтъ. Почти все время единственный въ поѣздѣ вагонъ 2-го класса былъ пустъ, и никого съ примѣтами, указанными въ телеграммѣ, я не видалъ. Мой знакомый, офицеръ, котораго я потомъ спрашивалъ, тоже моего «двойника» въ вагонѣ не встрѣчалъ. Если не ошибаюсь, телеграмма была дана съ той станціи, гдѣ вышелъ описанный выше инцидентъ съ китайцемъ. Весьма возможно, что одинъ изъ видѣнныхъ мной тамъ офицеровъ былъ жандармскій ротмистръ, давшій телеграмму о моемъ арестѣ (на детали офицерской формы я не обратилъ вниманія). Ему, можетъ быть, показалось подозрительнымъ мое пріятельское отношеніе къ китайцу и не понравилась фраза, сказанная солдату. Желая имѣть поводъ для обыска, онъ сочинилъ исторію съ прокламаціями. Это объясненіе мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Не принялъ ли ротмистръ китайца за японскаго шпіона, а меня за его сообщника? и не подвергся ли китаецъ въ дальнѣйшемъ пути той же участи, какъ и я?

Н. М.

„ДѢЛО О БУЙСТВѢ“ И. С. ТУРГЕНЕВА.

(Очеркъ).

НѢКОЛЬКО лѣтъ назадъ въ архивѣ орловскаго губернатора хранилось курьезнѣйшее «дѣло о буйствѣ помѣщика Мценскаго уѣзда Ивана Тургенева», возникшее въ 1834 году, по иниціативѣ мценскаго уѣзднаго исправника. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, дѣло это, въ виду его исключительнаго историко-литературнаго интереса, было увезено изъ Орла, кажется, въ московскій архивъ. Въ 1908 году орловская ученая архивная коммиссія, собирая матеріалы къ чествованію двадцатипятилѣтней посмертной памяти писателя-земляка, вспомнила объ этомъ дѣлѣ и навела о немъ справки въ Москвѣ; но дѣла тамъ не оказалось и, повидимому, до сихъ поръ не установлено мѣстонахожденіе этого замѣчательнаго историко-литературнаго документа, характеризующаго раннюю пору дѣятельности писателя, какъ борца за идеалы эмансипаціи 1861 года.

Все, что въ настоящее время осталось отъ тургеневскаго дѣла, это—копіи нѣкоторыхъ бумагъ, напечатанныя въ старыхъ «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», да воспоминанія нѣкоторыхъ современниковъ Тургенева, знавшихъ жизнь писателя въ крѣпостную эпоху въ Мценскомъ уѣздѣ, по которымъ, главнымъ образомъ, мы и воспроизводимъ его.

По рассказамъ современниковъ все дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Иванъ Сергѣевичъ—студентъ петербургскаго университета—пріѣхалъ домой, въ село Спасское-Лутовиново, на рождественскія

каникулы. Первую новость, какую онъ услышалъ отъ матери ¹⁾, это—продажа дворовой дѣвушки Луши, красавицы и первой рукодѣльницы въ дворѣ. Новость эта поразила и возмутила его до глубины души.

Сверстница, товарищъ дѣтскихъ игръ Ивана Сергѣевича, Луша у него же выучилась и грамотѣ и потихоньку перечитала всю лутовинскую библіотеку. Чтеніе не только расширило умственный горизонтъ даровитой дѣвушки, но и открыло предъ ней тотъ новый, чудный міръ, обаяніе котораго навсегда завладѣваетъ избранными натурами. Луша вскорѣ цѣлой головой переросла окружающую среду и духовно возвысилась надъ своей госпожвй. Это ее и погубило. Однажды барыня жестоко наказала розгами своего двороваго человѣка. Луша горячо вступилась за наказаннаго и на сторонѣ, среди крестьянъ, высказала порицаніе барской жестокости. Протестъ смѣлой дѣвушки дошелъ до ушей Лутовинихи. Въ наказаніе ей отрѣзали косу и заставили пасти гусей. Но и наказаніе не смирило «строптивую». При всякомъ удобномъ случаѣ, Луша—по характернымъ выраженіямъ барскихъ доносчиковъ—«несла мужикамъ всякія непотребныя небылицы». Встрѣчаясь съ крестьянами въ подѣ, въ лѣсу или за письмами, которыя она писала солдатамъ отъ поголовно безграмотныхъ отцовъ и матерей, Луша никогда не упускала случая поговорить «по душамъ».

— Нѣтъ отъ Бога такого закона, чтобы человѣкъ владѣлъ человекомъ,—говорила Луша.—Законъ этотъ придумали господа, потому что онъ для нихъ выгоденъ. А предъ Богомъ—всѣ люди равны, никакой разницы нѣтъ, если они живутъ по Его волѣ...

Дѣвушка неустанно агитировала противъ несправедливости помѣщиковъ и прикрывающихъ ихъ властей, агитировала одна, безъ всякихъ «пособниковъ», хотя «укрывателей» у ней было немало... Наконецъ агитація, ставшая потребностью ея натуры, ея страстью, задѣла кого-то изъ «столповъ» дворовой администраціи, кажется, бурмистра, и черезъ него дѣло было доведено до барскаго трибунала.

— Бунтуетъ дѣвка!—доложили Лутовинихѣ.—Сущая язва! За-раза!

Барвара Петровна испугалась не на шутку, когда ей еще доложили, что бабы, наслушавшись «лушкиной брехни», отказались доставлять для барскаго двора грибы и ягоды и сбыли весь сборъ ихъ въ городѣ.

— Продать негодяйку!—приказала барыня.

Лушу продали, по домашней запродажной записи, сосѣдней помѣщицѣ, которую за жестокость мужики прозвали «Медвѣдицей»; но Луша еще не была вывезена изъ Лутовинова.

¹⁾ Варвара Петровна Лутовинова, приобрѣвшая печальную извѣстность жестокостью своего обращенія съ крѣпостными. А. Д.

Иванъ Сергѣевичъ прямо заявилъ матери, что торговлю крѣпостными считаетъ варварствомъ, несомѣстимымъ съ достоинствомъ дворянства; что продажи Луши, какъ законный наслѣдникъ отца ¹⁾, ни въ какомъ случаѣ не допуститъ и въ концѣ концовъ—укрыль дѣвушку въ одной надежной крестьянской семьѣ.

Покупательница, освѣдомленная о вмѣшательствахъ Ивана Сергѣевича, обратилась къ уѣздной полиціи за содѣйствіемъ къ полученію купленной «крѣпостной дѣвки Лукерьи», причемъ представила все дѣло въ такомъ видѣ, что-де «молодой помѣщикъ и его дѣвка-метреска бунтуютъ крестьянъ».

Въ виду начинавшагося кое-гдѣ броженія крѣпостныхъ, въ то время уѣздныя власти съ подобными доносами считались весьма серьезно, и въ Спасское-Лутовиново, для усмиренія «бунта», немедленно полетѣлъ капитанъ-исправникъ.

Однако Тургеневъ и исправнику заявилъ, что онъ Луши не выдастъ.

Услышавъ такое заявленіе, исправникъ, поддерживаемый Лутовиновой, собралъ изъ жителей окрестныхъ селеній толпу «понятыхъ», вооруженныхъ дубинами, и во главѣ ея отправился къ дому, въ которомъ укрывалась дѣвушка.

Тургеневъ встрѣтилъ исправника на крыльцѣ этого дома съ ружьемъ въ рукахъ.

— Стрѣлять буду!—твердо заявилъ Иванъ Сергѣевичъ.

Понятые отступили.

Исправникъ, пользовавшійся въ Спасскомъ-Лутовиновѣ постояннымъ гостепріимствомъ, не зналъ, что дѣлать.

Вѣроятно, финалъ получился бы печальный, если бъ не вмѣшалась сама Лутовинова.

— Пусть дѣвка остается, коли она ему такъ нужна, —объявила барыня:—а кровопродитя не надо... Я плачу неустойку...

Такимъ образомъ, кровавое столкновеніе было отвращено; но тѣмъ не менѣе возникло «дѣло о буйствѣ» Ивана Сергѣевича, затянувшееся на нѣсколько лѣтъ. Выходило такъ, что полиція не находила «дворянина Тургенева» въ мѣстѣ жительства, и бумаги о «розыскѣ» его то и дѣло пересылались изъ одного мѣста въ другое...

Наконецъ, послѣ безконечныхъ мытарствъ и «волокиты», дѣло о «буйствѣ» дотянулось до царскаго манифеста, которымъ и была покрыта «вина» И. С.

А. Дунинъ.

¹⁾ Отецъ И. С. умеръ въ томъ же 1843 году. А. Д.

АНГЛИЧАНЕ О РОССИИ.

ОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ постепеннаго измѣненія политическаго барометра, въ международной европейской атмосферѣ мало-по-малу намѣтилось нѣсколько новыхъ теченій, которыя могутъ снести всѣ дипломатическія постройки послѣдняго времени и создать новыя, неожиданныя комбинаціи. Одно изъ такихъ теченій—крѣпнущее стремленіе крайняго Запада Европы сблизиться съ ея крайнимъ Востокомъ. Слоны и киты, по терминологіи Бисмарка, явно сблизжаются между собой, вступаютъ въ дѣловыя сношенія, оправдывая французскую поговорку: *les extremités se touchent*.

Это вновь обнаружившееся международное течение, естественно, вызвало въ Англіи желаніе поближе приглядѣться, получить болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія о странѣ, долгое время считавшейся по дипломатической традиціи главнымъ врагомъ Англіи, а теперь, быть можетъ, предназначенной стать ея естественной союзницей. До сего времени рядовой англичанинъ знаетъ о нашей родинѣ довольно-таки мало. Даже наша литература, переросшая своими вершинами густую чащу западной беллетристики, извѣстна среднему англійскому читателю лишь по наслышкѣ. Мы помнимъ характерный отвѣтъ шеффилдскаго профессора Грина, читавшаго года два тому назадъ въ Соляномъ Городкѣ лекцію о постановкѣ школьнаго образованія въ Англіи. Когда одинъ изъ слушателей спросилъ, извѣстны ли въ Англіи такіе русскіе педагоги, какъ Широковъ или Ушинскій, профессоръ отвѣчалъ, что Англія знаетъ только трехъ русскихъ писателей: графа Толстого, Тургенева и Максима Горькаго. Свои свѣдѣнія о Россіи англійское юно-

шество почерпаетъ изъ такихъ разсказовъ съ мнимо-русскою обстановкой, какъ повѣсть Жюль Верна «Мишель Строговъ» или англійская повѣсть о «Красной дамѣ», а взрослый читатель питается сообщеніями о Россіи газетъ, въ большинствѣ тенденціозными и въ Россіи враждебными. Правда, у англичанъ есть въ высшей степени почтенный трудъ о Россіи Меккензи Уоллеса, есть нѣсколько историческихъ и историко-литературныхъ работъ покойнаго профессора Морфилля и нынѣ здравствующаго Низбета Бена. Но эти труды не для массы, а для тѣхъ, кто не боится затратить свое время на специальное изученіе Россіи.

Оживленіе интереса къ восточному міру Европы создало въ Англійи и новую литературу о Россіи. Въ короткое время появилось нѣсколько книгъ о нашемъ Дальнемъ Востокѣ, Сибирской желѣзной дорогѣ, которая сильно интересуетъ англичанъ. Исторія освободительнаго движенія нашла себѣ добросовѣстнаго истолкователя въ лицѣ профессора Пэрса. Дѣловая жизнь страны ярко отразилась въ недавно издавшемъ «Русскомъ Ежегодникѣ» (*The Russian Yearbook*). Кромѣ того, минувшей осенью различными лондонскими книгопродавческими фирмами изданы были четыре книги, написанныя совершенно несхожими между собой лицами и имѣющими каждое совершенно особое поле зрѣнія. Необыкновенно типичны для англичанъ самыя фигуры этихъ авторовъ: одинъ—дипломатъ, промѣнявшій съ характерной для англичанъ готовностью чиновничью службу на карьеру журналиста. Другой—заядлый альпинистъ, возмѣвшій упрямую мысль взлѣзть зимою на вершину Алтайскихъ горъ, а кстати и изслѣдовать, по порученію одного лондонскаго торговаго дома, положеніе маслодѣлія въ Сибири. Третій—что-то въ родѣ героевъ Максима Горькаго въ англійской оболочкѣ, пробирающійся въ лаптяхъ и зипунѣ отъ Владикавказа до Архангельска и отмежевывающій для своихъ наблюденій теперешнюю бродячую Русь. Четвертый—обычный *globe trotter*, всесвѣтный бродяга, которому не сидится на мѣстѣ и который исколесилъ Китай, Сибирь и наконецъ попалъ въ Туркестанъ и наши Средне-Азіатскія владѣнія.

Эта новая литература путешествій, знакомя англичанъ съ различными мѣстностями нашего отечества, съ различными пластами его народной жизни, имѣетъ, безъ сомнѣнія, крупный интересъ и для насъ самихъ. Она даетъ намъ матеріалъ для сравненія себя съ англичанами, невольно обращаетъ вниманіе на тѣ явленія, которыхъ мы, обжившись въ своей обстановкѣ, сплошь и рядомъ не замѣчаемъ за отсутствіемъ возможности сравненія. Вотъ почему будетъ, вѣроятно, не лишнимъ и не бесполезнымъ для русскаго читателя, если мы приведемъ здѣсь наиболѣе важныя наблюденія надъ русской жизнью изъ упомянутыхъ нами книгъ.

Начнемъ съ труда Мориса Беринга.

Морисъ Берингъ началъ свою карьеру дипломатомъ. Но засимъ природный талантъ и наклонности повлекли его въ литературу. За нимъ уже значатся нѣсколько пьесъ, не сходящихъ съ лондонскихъ сценъ, его перу принадлежатъ нѣсколько удачныхъ стихотворныхъ опытовъ. Русско-японская война превратила его въ военнаго корреспондента отъ либеральной газеты «Morning Post». вмѣстѣ съ русскими войсками онъ сдѣлалъ всю дальневосточную кампанію, а затѣмъ остался въ Россіи корреспондентомъ той же газеты. Потомъ былъ въ Константинополѣ и пріѣзжалъ къ намъ въ числѣ англійскихъ депутатовъ.

Морисъ Берингъ имѣетъ давнія связи съ Россіей. Его отецъ долго жилъ у насъ. Авторъ владѣетъ русскимъ языкомъ, пользуется для своей книги лучшими русскими источниками, въ родѣ сочиненій Соловьева, Ключевского, Милюкова. Кромѣ того, его работа еще въ рукописи была просмотрѣна его хорошимъ знакомымъ, однимъ изъ моршанскихъ земцевъ, и потому, конечно, вполне свободна отъ фактическихъ ошибокъ и неточностей.

Морисъ Берингъ начинаетъ свою книгу съ описанія естественно-географическихъ условій Россіи. Указавъ на обширность территоріи, на громадность рѣкъ, на разнообразіе почвы въ странѣ, на отсутствіе въ ней горъ, авторъ подчеркиваетъ полное равнинное однообразіе страны и въ то же время полный контрастовъ климатъ даже въ ея южныхъ частяхъ. Въ Малороссіи, которая лежитъ на одной широтѣ съ Вѣной и Парижемъ, въ январѣ такъ же холодно, какъ въ Стокгольмѣ, а черезъ шесть мѣсяцевъ настаетъ жара, не уступающая Мадриду. Эта крайняя неравномѣрность климата дѣйствуетъ непріятно на иностранцевъ и заставляетъ ихъ искать объясненія нѣкоторымъ невыгоднымъ сторонамъ русскаго національнаго характера именно въ этой измѣнчивости климата. Извѣстный французскій писатель Леруа Болье убѣжденъ, напримѣръ, что неустойчивость, лежащая въ основѣ русскаго характера, обязана своимъ существованіемъ именно нашему климату.

Второе, что, по словамъ г. Беринга, поражаетъ иностранца, вступившаго въ предѣлы Великороссіи, это безмолвіе и тишина, нависшая надъ необъятной страной. Послѣ шумныхъ и тѣсныхъ западныхъ городовъ наши провинціальныя городки, за которыми сейчасъ же начинаются поля, луга, съ необъятными горизонтами на заднемъ фонѣ, производятъ на непривычнаго человѣка сильное и непріятное впечатлѣніе.

По мѣрѣ того, какъ путникъ углубляется въ страну, въ немъ отслаиваются и болѣе дробныя впечатлѣнія. «Вѣтряныя мельницы, церкви и далекіе лѣса—вотъ главныя черты русскаго пейзажа,—говоритъ авторъ.—Грязь, пыль, неторопливость, безпечность—вотъ главные признаки жизни, съ которой вы сталкиваетесь».

Прежде, чѣмъ остро и внимательно анализировать эту новую представляющуюся туристу жизнь, авторъ считаетъ необходимымъ рѣшить для англійскаго читателя вопросъ о томъ, кто такіе эти русскіе: азіаты или европейцы? Вопросъ для насъ довольно дикій, но для Англійи чрезвычайно характерный. Съ легкой руки извѣстнаго англо-индійскаго романиста Рѣдіарда Киплинга, пустившаго въ ходъ парадоксъ о томъ, что русскій народъ есть не самый восточный изъ западныхъ націй, а самый западный изъ восточныхъ народовъ, средній, рядовой англичанинъ до сихъ поръ не имѣетъ ясныхъ этнографическихъ понятій о Россіи.

Давъ на этотъ вопросъ единственный отвѣтъ, который подсказываетъ современная русская историческая наука, авторъ дѣлаетъ обширную экскурсію въ область русской исторіи, начиная съ сѣдой древности и кончая бурными днями 1905 года. Мы не послѣдуемъ за нимъ въ эту намъ всеѣмъ хорошо извѣстную область, а остановимся лишь на отдѣльныхъ главахъ, въ которыхъ какъ бы резюмируется результатъ историческаго процесса, пережитаго русскимъ народомъ. Такой главой является, между прочимъ, та, гдѣ авторъ изучаетъ русскій народный характеръ, старается подмѣтить и раскрыть отличительныя черты русскаго народнаго гения.

Эта глава читается съ огромнымъ интересомъ. Развѣ не любопытно, въ самомъ дѣлѣ, узнать, въ какомъ видѣ мы представляемся глазамъ просвѣщеннаго посторонняго наблюдателя? У кого не явится желаніе провѣрить слова г. Беринга путемъ сопоставленія съ тѣмъ, что мы о себѣ привыкли считать истиной и что, дѣйствительно, отъ частаго повторенія пріобрѣло видъ истины?

«Не разъ указывали,—говоритъ Морисъ Берингъ:—что Россія—страна парадоксовъ. Но мнѣ иногда казалось, что эта фраза является только средствомъ уклониться отъ трудности вопроса. Противорѣчивыя явленія, разумѣется, легко отыскать въ Россіи, но вѣдь противорѣчіе нетрудно отыскать и у англо-сакса, и у кельта, и у германца. Было бы интересно знать, нѣтъ ли у русскихъ какой-нибудь общей причины, которая непременно должна производить противорѣчіе и давать дѣйствительный результатъ».

Что касается великоросса, то причиной такой двойственности авторъ считаетъ прежде всего долю примѣси въ немъ финской крови. Именно эта примѣсь дала ему упорство и силу, и тѣ славянскія племена, которые сохранились въ чистомъ видѣ, безъ всякой примѣсти, лишены и этого упорства. Этого упорства нѣтъ, напримѣръ, у поляковъ, ибо, будь оно у нихъ, мы, говоритъ Берингъ, можетъ быть, имѣли бы великую Польшу и малую Россію!

Затѣмъ изслѣдователю приходится считаться съ климатомъ. «Вліяніе русскаго климата на великоросса, несомнѣнно, производитъ двоякое дѣйствіе. Прежде всего, онъ вынуждаетъ его бороться ради сохраненія своей жизни съ враждебными силами природы,

а это развиваетъ настойчивость, энергію, силу, но, съ другой стороны, заставляетъ его склоняться долу, покоряться непреодолимымъ силамъ природы, борьба съ которыми безнадежна. Такая обстановка развиваетъ въ человѣкѣ терпѣніе, покорность и слабость духа. Вотъ въ чемъ лежитъ причина того смѣшенія въ русскомъ характерѣ, которое сбиваетъ съ толку западныхъ, наблюдателей—смѣшенія, въ которое входятъ страшная грубость и добродушіе, звѣрская нечувствительность и доброта. Тотъ фактъ, что русскій долженъ закалять свои силы въ борьбѣ за существованіе среди отчаянныхъ условій, заставляетъ его сочувствовать всякому горю ближняго. Отсюда его доброта, сочувствіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ, которое рѣзко бросается въ глаза всякому, кому случается приходиться въ соприкосновеніе съ русскими.

А съ другой стороны—ожесточенность этой борьбы прививаетъ ему не только суровость, но и настоящій стоицизмъ. Вотъ почему русскій жестоко поступаетъ со всѣми, кто преступаетъ кодексъ его законовъ, отсюда его безотвѣтность и готовность подвергнуться такому же наказанію, если онъ провинится самъ. Русскій крестьянинъ готовъ приудить конокрада къ самому жестокому наказанію, даже къ смертной казни, и такъ же спокойно подвергается избіенію самъ, если его уличатъ въ какомъ-нибудь преступленіи».

Если отойти отъ крестьянъ и расширить свои наблюденія надъ всѣми классами русскаго общества, то мы будемъ поражены, говорить авторъ, двойственностью, смѣшеніемъ противоположныхъ элементовъ. Намъ прежде всего поразить отсутствіе въ русскихъ дисциплины, которое порождаетъ знаменитыя «авось» и «ничего». И рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ примѣры дикой энергіи, неутомимаго упорства и терпѣнія передъ обстоятельствами. Достаточно вспомнить Петра Великаго или Суворова, или посмотрѣть, какъ работаетъ надъ какой-нибудь трудной, головоломной задачей заурядный русскій простолюдинъ. Русскій рабочій даетъ примѣры того, какъ человѣкъ можетъ сдѣлать больше, чѣмъ шахіимъ. Черта эта, прибавляетъ авторъ, встрѣчается только у молодыхъ народовъ, въ родѣ, на примѣръ, американцевъ.

Примѣромъ поразительнаго напряженія энергіи русскихъ служить для автора поведеніе крестьянъ во время пожара, когда огонь, раздуваемый вѣтромъ, распространяется по всей деревнѣ. «Я неоднократно самъ присутствовалъ при такихъ сценахъ. Энергія, съ которой люди стараются спасти все, что можно спасти, и разрушить все, что нужно разрушить, чтобы локализовать огонь, прямо фантастична, сверхъестественна. Я никогда и нигдѣ не видывалъ такого упорства, такого вдохновеннаго мужества,—замѣчаетъ авторъ:—они должно порождаться мыслью о неравенствѣ борьбы. Огонь пылаетъ огромнымъ костромъ, машины плохи, стало быть, все зависить отъ одной энергіи. Что наиболѣе поражаетъ наблюда-

тели въ русскихъ, часто страдающихъ отсутствіемъ личной инициативы,—это ихъ способность развивать коллективную энергію. Они работаютъ всё вмѣстѣ, вовсе не чувствуя потребности въ какомъ-нибудь руководителѣ. Мнѣ вспоминается,—продолжаетъ авторъ,—одинъ эпизодъ изъ русско-японской войны, именно отсутствіе подъ Та-ши-чао, когда пришлось вести большой транспортъ почти безъ всякаго начальственнаго надзора. Все произошло въ полномъ порядкѣ, какъ бы автоматически. Германскій военный атташе полковникъ Гедке тогда же сказалъ мнѣ, что эта автоматическая кооперация представляется ему весьма замѣчательною и что онъ сомнѣвается, могли бы ли нѣмецкіе солдаты вести себя такимъ образомъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

«Я слышалъ отъ одного англичанина, который жилъ въ Сициліи, что у жителей этого острова уже сложились національныя легенды о подвигахъ русскихъ во время землетрясенія, занимающія одинаковое мѣсто съ легендами о Сциллѣ, Харибдѣ, горѣ Этнѣ, Прозернинѣ и Плутонѣ. Одинъ очевидецъ, также англичанинъ, говорилъ мнѣ, что его поразили двѣ вещи: нѣжность русскихъ матросовъ къ дѣтямъ, женщинамъ и раненымъ и безпощадное спокойствіе, съ которымъ они справлялись съ грабителями и ворами».

«Рядомъ съ избыткомъ энергіи, — продолжаетъ авторъ,—въ русскомъ характерѣ есть одна невыгодная черта — не знать никакихъ границъ, что, можетъ быть, происходитъ вслѣдствіе отсутствія у русскихъ самодисциплины. То же качество въ значительной степени проявляется у нихъ и въ умственномъ отношеніи. Русский человѣкъ необыкновенно смѣлъ въ области мысли, тутъ онъ не признаетъ никакихъ условныхъ границъ и доводитъ свою мысль до послѣднихъ предѣловъ логическаго заключенія, а когда это заключеніе превращается въ *reductio ad absurdum*, то онъ не отступаетъ и передъ этимъ абсурдомъ, спрашивая собесѣдника: а почему бы и не такъ?»

«Въ прямой противоположности со смѣлостью въ области мысли, русский человѣкъ часто отличается робостью, осторожностью, отсутствіемъ инициативы въ своихъ повседневныхъ дѣлахъ. Онъ боится ответственности и робѣетъ передъ начальствомъ, не любитъ прокладывать новые пути и подозрительно относится ко всякому, кто выражаетъ готовность взять на себя инициативу. Возьмите,—говоритъ авторъ,—любое присутственное мѣсто въ Россіи или хотя бы земскія собранія, и всякій замѣтитъ, что ихъ образъ дѣйствій отличается крайнею осторожностью».

«Обыкновенный русский человѣкъ—демократъ въ хорошемъ и худомъ смыслѣ этого слова,—замѣчаетъ г. Берингъ.—Когда я говорю о плохомъ смыслѣ слова, я разумѣю ту особенность демократическаго духа, которая заставляетъ его не любить и опасаться всякаго, кто поднимается надъ среднимъ уровнемъ, кто даетъ доказательства своей нравственной независимости и мужества. Этотъ контрастъ

соотвѣтствуетъ контрасту между энергіей и безпечностью, между смѣлостью мысли и робостью дѣла.

«Если принять извѣстную теорію Тэна о *faculté maîtresse* (обладающей способности) и поискать эту способность среди русскаго народа, то такой *faculté maîtresse* окажется пластичность его нравственной личности. Эта пластичность,—говоритъ авторь,—является главной пружиной русскаго темперамента. Это первое, что поражаетъ иностранца, изучающаго духъ русскаго народа. Я не переставалъ удивляться гибкости ума у русскіихъ. Если русскому человѣку объяснить нѣчто такое, о чемъ онъ не имѣетъ понятія, какую-нибудь игру въ карты, какую-нибудь особенность языка, и вы будете поражены, какъ быстро онъ сумѣетъ схватить самую суть—въ игрѣ всѣ возможности и комбинаціи, въ словѣ—всѣ отбѣлки его значенія. Попробуйте сдѣлать тотъ же опытъ съ нѣмцемъ, вы удивитесь, насколько иной будетъ результатъ.

«Среди простыхъ неграмотныхъ людей,—продолжаетъ англійскій наблюдатель,—мнѣ пришлось встрѣтить одного крестьянина, который, поучившись нѣкоторое время у повара-француза, прекрасно воспроизводилъ всѣ тонкости французской кухни. Среди солдатъ я встрѣчалъ поразительно способныхъ людей, которые могли и приготовить прекрасный обѣдъ, и почиить часы, и приготовить фейерверкъ, и даже разрисовать кулисы для домашняго театра. Бесѣдуя съ крестьянами по всей странѣ, я никогда не наткнулся на стѣну непониманія, но чувствовалъ себѣ скорѣе на подорогѣ къ полному пониманію».

Какъ на примѣръ необыкновенной пластичности русскаго духа, авторь указываетъ на умѣнье русскіихъ понимать чужой юморъ. Чисто англійскія произведенія Джерома или Бернарда Шоу нигдѣ не привились такъ быстро, какъ въ Россіи. «Замѣчательно,—говоритъ авторь:—что эти произведенія нравятся русскимъ именно своимъ юморомъ. Когда поставили пьесу Шоу «Профессія мистриссъ Варренъ» и вздумали подчеркнуть ея серьезную сторону—пьеса провалилась».

Въ связи съ остротой пониманія всего чужого, авторь отмѣчаетъ широкую образованность русской интеллигенціи.

«Въ Англій,—говоритъ онъ,—нерѣдко можно встрѣтить блестящаго знатока латинскаго языка, который, однако, неспособенъ сложить два и два и понятія не имѣетъ о высшей математикѣ и другихъ родственныхъ наукахъ. Или, наоборотъ, человѣкъ очень склоненъ къ литературѣ, но совершенно нечувствителенъ къ музыкѣ. Нерѣдко человѣкъ отлично понимаетъ физическія науки или инженерное дѣло и въ то же время совершенно не интересуется литературой и искусствомъ. Въ Россіи гораздо чаще встрѣчаешься съ людьми, которые обладаютъ элементарными познаніями въ математикѣ и знаютъ основныя положенія научной литературы, отлично

знакомы съ важнѣйшими литературными произведеніями и знаютъ нѣсколько музыку и искусства. Это объясняется отчасти врожденной талантливостью, отчасти бюрократической системой воспитанія, которая имѣетъ и свою оборотную сторону: что выигрывается въ пониманіи, то проигрывается въ оригинальности и глубинѣ».

Указавъ на сильныя стороны русскаго характера, Морисъ Берингъ останавливается на его слабостяхъ, и эти его замѣчанія для насъ, быть можетъ, станovyтся еще важнѣе.

«Отсутствіе всякихъ границъ въ русской натурѣ,—говоритъ онъ,—порождаетъ необузданность поведенія и идей, недостатокъ равновѣсія и послѣдовательности въ образѣ дѣйствій и мыслей, возможность рѣзкихъ измѣненій настроенія, взрывовъ энергій, чередующихся съ періодами апатій, быструю смѣну энтузіазма и скептицизма, стремленіе преувеличивать силы врага и слишкомъ мало цѣнить самого себя.

«Эти свойства въ особенности были замѣтны на войнѣ,—замѣчаетъ авторъ.—Офицеры быстро переходили отъ ни на чемъ не основанных надеждъ къ такому же ни на чемъ не основанному пессимизму. Они не хотѣли принять въ расчетъ, что, если ихъ положеніе трудно, то нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что и врагамъ ихъ легко. Такой пессимизмъ не разъ велъ къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ—въ особенности въ битвѣ при Лаоянѣ».

«Недостатокъ политической свободы, недостатокъ только въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ пользуются другія страны, и неудача русскихъ въ завоеваніи этой свободы въ той мѣрѣ, въ какой они этого желали бы, на мой взглядъ,—продолжаетъ Берингъ,—объясняются только отсутствіемъ въ русскихъ чувства личной дисциплины, которое болѣе всего замѣтно у русской интеллигенціи».

Развивая далѣе свои наблюденія, авторъ касается чрезвычайно любопытнаго вопроса, чѣмъ именно объясняется неудача русскаго освободительнаго движенія.

«Политическая свобода не можетъ существовать безъ личной дисциплины,—говоритъ онъ.—А средній русскій классъ, бросившійся въ борьбу за политическую свободу, отказался пожертвовать хоть однимъ атомомъ личной свободы, той *liberté de moeurs*, которою въ Россіи пользуются въ такомъ размѣрѣ, какъ ни въ одной европейской странѣ, и которая не только несовмѣстима съ дисциплиной, но ведетъ къ прямому деспотизму, разъ дѣло касается ближнихъ. Не найдется, кромѣ Россіи, ни одной страны, гдѣ каждый отдѣльный человѣкъ могъ бы дѣлать все, что ему вздумается, не обращая никакого вниманія на своихъ сосѣдей, гдѣ нравственная цензура была бы такъ слаба, а свобода отвлеченной мысли такъ велика.

«Въ Россіи никому въ голову не придетъ, на примѣръ, осуждать человѣка, занимающаго какой-нибудь общественный постъ, за изъяны его личной жизни, въ родѣ развода съ женой, или налично-

сти у него незаконной семьи. Общественное мнѣніе совершенно равнодушно къ этому. Драматическая цензура, какъ она дѣйствуетъ въ Англіи, была бы совершенна немыслима въ Россіи. Запрещать постановку пьесъ Ибсена, Метерлинка, Ибсена на томъ основаніи, что они подрываютъ сложившуюся общественную нравственность, — вещь, совершенно неслыханная въ Россіи. Наоборотъ, русская пресса часто касается съ величайшей свободой такихъ вопросовъ, о которыхъ не принято говорить въ англійскихъ газетахъ.

«Есть мыслители, которые утверждаютъ, что свобода мысли и нравовъ процвѣтаетъ гораздо больше при деспотическомъ, чѣмъ при демократическомъ образѣ правленія. Ренанъ, на примѣръ, указываетъ, что правленіе Нерона, поскольку дѣло касается свободы мысли, составляетъ полную противоположность съ строгой цензурой, которая была введена у себя аѳинской республикой.

«Есть мыслители, которые полагаютъ, что свобода мысли и образа жизни гораздо дороже, чѣмъ право вотированія и косвеннаго контроля надъ администраціей. Какъ бы тамъ ни было, достовѣрно одно: чтобы добиться политической свободы, необходимо пожертвовать безграничной свободой индивидуальнаго поведенія и образа жизни. Русская интеллигентная буржуазія и русскій пролетаріатъ не могли взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія. Своимъ произвольнымъ поведеніемъ, своей неспособностью отрѣшиться отъ партійности, отъ личныхъ и классовыхъ интересовъ и обезпечить необходимую для коопераціи дисциплину, упрямымъ нежеланіемъ принять въ расчетъ интересы ближнихъ, если эти интересы не согласуются съ исповѣдуемыми ими теоріями—всѣмъ этимъ революціонеры оттолкнули отъ себя общественное мнѣніе, сначала ихъ поддерживавшее, а затѣмъ обратившееся противъ нихъ».

Авторъ относится къ русской передовой интеллигенціи чрезвычайно строго и отрицательно.

«Основной недостатокъ русской интеллигенціи,—пишетъ онъ,—есть ея деспотизмъ, ея притязательность, нежеланіе считаться съ правами и чувствами другихъ. Интеллигенція чрезвычайно гордится своей «культурой», которая, при всѣхъ ея хорошихъ качествахъ, сплошь и рядомъ ограничивается поверхностнымъ знаніемъ чужой философіи и полнымъ отсутствіемъ нравственнаго развитія. Тотъ, кто у русскихъ называется интеллигентомъ, нерѣдко переразвѣтъ умственно, но недоразвѣтъ нравственно.

Несмотря на всю свою культурность, интеллигенція не породила изъ своей среды ни одного крупнаго писателя. Всѣ великіе русскіе писатели вышли или изъ дворянства, или изъ простаго народа.

Ту же скудость проявила русская интеллигенція и въ государственномъ отношеніи.

«Съ 1905 года она могла занять то мѣсто, которое въ началѣ 1789 г. заняло во Франціи *tiers état*, но не сумѣла этого и не произ-

вела ни одного истинно-государственного человѣка. Она, очевидно, еще очень незрѣла въ политическомъ отношеніи и ея образъ дѣйствій во время революціи былъ полнымъ доказательствомъ отсутствія у нея политическаго инстинкта».

Мы изложили здѣсь лишь общія формулы наблюденій надъ русской жизнью, сдѣланныхъ англійскимъ авторомъ. Наблюденія эти были сдѣланы и кое-къмъ изъ русскихъ публицистовъ, но среди общаго хаоса миглій эти теченія потонули въ пестромъ взбаламученномъ морѣ русской журналистики, были объявлены партійными, тенденціозными. Теперь правильность ихъ подтверждаетъ безпристрастный англичанинъ.

Книга Мориса Беринга имѣетъ цѣлью познакомить англичанъ съ внутренней духовной стороной русской жизни, подвести читателя къ незримымъ родникамъ русскаго народнаго духа.

Незримой же Россіи касается и другой англійскій авторъ, г. Стифенъ Грэгемъ. Его книга такъ и называется «Неоткрытая или мало извѣстная Россія» (Undiscovered Russia). Эта малоизвѣстная Россія—тотъ слой ея населенія, который лежитъ внизу всѣхъ напластованій и обыкновенно исчезаетъ изъ поля зрѣнія не только иностранныхъ, но и русскихъ наблюдателей. Богомольцы, бродяги, обитатели глухихъ медвѣжьихъ угловъ, куда нѣтъ ни проѣзда, ни прохода, бѣгуны и разные «Божьи люди», талантиливо затронутые въ очеркахъ покойнаго С. В. Максимова,—вотъ персонажи г. Грэгема. Самъ авторъ необыкновенно интересный человѣкъ. Онъ англичанинъ, но презираетъ главный нервъ англійской жизни—современную погоню за деньгами, съ ея суетней и забвеніемъ высшихъ задачъ человѣческаго духа. Ему нравятся наша ширь, наше раздолье. Онъ любитъ нашу Россію и не скрываетъ этого. «Я люблю Россію. Она для меня нѣчто большее, чѣмъ моя родина. Въ ея глазахъ скрыты тайны и новыя возможности, ибо она дочь другой семьи, не моей. Англичане, которые, подобно мнѣ, явятся въ нее, почувствуютъ то же очарованіе и испытаютъ тѣ же чары. Но доступъ къ этой принцессѣ труденъ, она окружена солдатами и крѣпостями и скрыта за дремучими лѣсами»—такъ начинается онъ свою книгу. «Россія—это ночь, къ которой обращаешься за восстановленіемъ духовныхъ силъ», замѣчаетъ онъ въ концѣ ея.

Стифенъ Грэгемъ—поэтъ въ душѣ: онъ остро чувствуетъ красоту засыпаннаго снѣгомъ лѣса, и благоуханіе луговъ, и величавость необъятной сѣверной рѣки. Въ погонѣ за этой красотой онъ изъ Владикавказъ пробирается до Москвы, а отсюда на крайній сѣверъ до Архангельска. Первая половина его путешествія разсказана имъ въ книгѣ «A vagabond in the Caucasus» (Бродяга на Кавказѣ), вышедшей нѣсколько ранѣе, вторая часть пути материаль для лежащей передъ нами книги. Путь этотъ шель отъ Архангельска и родины Ломоносова, Холмогоръ, внизъ на югъ, черезъ Устюгъ,

Велдугу, Вологду, Ярославль, Кострому, Ростовъ Великій и Москву.

Налюбовавшись Архангельскомъ съ его бѣлыми ночами и лѣсомъ мачтъ, авторъ предпринимаетъ рядъ экскурсій въ деревни и поселки, лежащія по рѣкѣ Двинѣ. Ему сопутствуетъ извѣстный художникъ В. В. Переплетчиковъ, избравшій сѣверный пейзажъ спеціальностью своей палитры. Другимъ чичероне явился для автора пѣкто Быковъ—лѣтомъ архангельскій фотографъ, а зимой смѣлый охотникъ на медвѣдей. Посѣщеніе деревень чередуется съ углубленіемъ въ лѣса, въ необъятныя лѣсныя пространства, гдѣ приходится почевать то въ какомъ-нибудь одиноко стоящемъ заброшенномъ сараѣ, то подъ сѣнью деревяннаго креста, поставленнаго на лѣсной полянкѣ раскольничьими руками. Отъ этихъ поэтическихъ, но жуткихъ уголковъ дорога приводила нашего англичанина въ просторныя сѣверныя села съ неизбѣжнымъ самоваромъ, водкой, клопами и тараканами. Кстати сказать, клопы и тараканы отвоевали себѣ немало страницъ въ англійскихъ книгахъ, посвященныхъ Россіи. Даже въ дѣловомъ «Русскомъ Ежегодникѣ», о которомъ мы говорили выше, въ числѣ двухъ-трехъ десятковъ необходимѣйшихъ для туриста русскихъ словъ не забыто и слово «bugs»—клопи.

Само собою разумѣется, что эти пѣшія странствованія автора съ неизбѣжными заходами въ чайныя и трактиришки обильны всякими приключеніями. Въ одномъ городишкѣ, въ гостиницѣ, гдѣ остановился авторъ, завязалась всеобщая драка между перепившимися ея посѣтителемъ, отъ которой едва не досталось и нашему пѣшеходу. Въ другомъ городкѣ авторъ попалъ въ руки мошенниковъ и, по всей вѣроятности, лишился бы своего фотографическаго аппарата, если бы не смѣтливый городской, который, сдѣлавъ видъ, что арестуетъ его, отвелъ его къ исправнику, оказавшему ему гостеприимство.

Любопытны встрѣчи автора съ административно-ссылными, которыми кишатъ деревни крайняго сѣвера. Вотъ сценка съ натуры, зарисованная авторомъ въ одной изъ деревень по рѣкѣ Двинѣ.

«Возлѣ избъ стояла группа оборванныхъ людей, которые разговаривали съ Василіемъ Васильевичемъ (Переплетчиковымъ). Всѣ они были босикомъ, съ непокрытой головой. На одной была соломенная шляпка, на другой черная фетровая, давно лишившаяся всякихъ украшеній. Всѣ они были въ рубашкахъ и въ блузахъ.

«Завязалось знакомство, и сейчасъ же начался обычный русскій споръ на политическія темы.

«— Ваше правительство теперь состоитъ изъ либераловъ, но я не вижу, въ чемъ проявляется его либерализмъ,—говорила одна изъ такихъ административно-ссылныхъ.—Теперь-то бы либерализму и подняться на защиту права. Если бы сэръ Эдуардъ Грей высту-

пиль болѣе рѣшительно въ вопросѣ объ угнетеніи Финляндіи, Россія сдалась бы и не довела бы дѣло до оружія.

«— Да вы только представьте себѣ,—перебилъ художникъ:— что онъ (т. е. авторъ) находитъ, что Россія гораздо счастливѣе Англіи и что мы должны помочь ей сбросить «путы свободы».

«Слова эти были встрѣчены, конечно, взрывомъ хохота.

«— Я думаю, что вы, молодые люди, оказались бы революціонерами и въ Лондонѣ. Вы не знаете лондонской жизни. Это не то, что въ Москвѣ или Петербургѣ.

«— Конечно, тамъ гораздо лучше.

«— Можетъ быть, и лучше. Только въ Москвѣ и Петербургѣ двѣ трети молодыхъ людей—студенты, а въ Лондонѣ—коиторщики.

«— Прекрасно одѣтые и получающіе хорошее жалованье.

«— Нѣтъ, жалованье ихъ довольно жалкое, а работать приходится по десяти часовъ въ день безъ всякихъ надеждъ на лучшее будущее. Увѣряю васъ, что я предпочелъ бы жить въ Россіи подъ надзоромъ полиціи, чѣмъ быть однимъ изъ милліона такихъ клерковъ въ Лондонѣ. Каждый изъ васъ имѣетъ возможность развивать свой умъ, а они дѣйствуютъ всю жизнь, какъ колеса одной огромной машины.

«Все знакомство этихъ людей съ англичанами,—замѣчаетъ авторъ,—ограничивается корреспондентами англійскихъ газетъ и дѣловыми людьми. Для нихъ не требуется доказательствъ, что Англія счастливая страна, ибо она имѣетъ демократическое правленіе».

Административно высланные получаютъ отъ казны на содержаніе по тринадцати рублей въ мѣсяць. Вотъ ихъ скромный бюджетъ: наемъ квартиры два рубля пятьдесятъ копеекъ, обѣдъ—два рубля пятьдесятъ копеекъ, молоко и хлѣбъ два рубля пятьдесятъ копеекъ, чай и сахаръ одинъ рубль, стирка пятьдесятъ копеекъ, остальные пять рублей идутъ на ихъ личные расходы.

Отъ этой юдоли скорби перейдемъ влѣдъ за авторомъ въ жилищный помѣщичій домъ въ глухомъ углѣ Костромской губерніи. Порядочно наголодавшись и навалаявшись въ грязныхъ избахъ, авторъ былъ радъ-радехонекъ попасть въ домъ, гдѣ нѣтъ клоповъ и таракановъ, гдѣ чувствуется комфортъ.

Къ этому пріятному чувству прибавьте еще изумленіе автора, когда хозяйка, представительная дама среднихъ лѣтъ, заговорила съ нимъ на языкѣ его далекой родины! Изумленіе это возросло еще болѣе, когда онъ ознакомился съ обстановкой дома: вездѣ портреты извѣстной теософки Блаватской, англійской теософки Анны Безантъ, книги и брошюры по теософіи. Оказалось, что потокъ богоскательства, охватившій одно время русское общество, дошелъ и до костромскихъ лѣсовъ и далъ любопытное отраженіе—богатая помѣщица, изучающая англійскій языкъ только для того, чтобы имѣть воз-

возможность одолѣть въ подлинникѣ теософическіе трактаты извѣстной ученицы и преемницы Блаватской—Анны Безантъ!

Благополучно вынырнувъ изъ медвѣжьихъ угловъ близъ Костромы, авторъ на этомъ возвращеніи въ цивилизованный міръ и заканчиваетъ свои путевыя замѣтки.

Книга Самуэля Тернера (S. Turner. Siberia. L. 1911) переноситъ читателей въ другую часть нашего отечества, за тотъ невзрачный столбикъ, который отдѣляетъ Европейскую Россію отъ Азіатской. Авторъ этой книги извѣстный альпинистъ, не разъ совершавшій восхожденія на альпійскія вершины. Но Альпы съ ихъ живописными проводниками, ресторанами, со всей ихъ буафоріей начинаютъ претить здоровому вкусу англичанъ съ ихъ стремленіемъ къ дикой дѣвственной природѣ. Сибирская желѣзная дорога открыла для нихъ новыя перспективы въ этомъ отношеніи, и вотъ, сидя въ Лондонѣ, г. Тернеръ возымѣлъ дерзкую мысль забраться зимою на вершину Алтайскихъ горъ—малодоступную гору Бѣлуху. Всякаго другого такая мысль могла бы только отпугнуть, но для человѣка англо-саксонской расы чѣмъ дѣло труднѣе, тѣмъ лучше. И вотъ, списавшись съ мѣстнымъ изслѣдователемъ, томскимъ профессоромъ Сапожниковымъ, и снарядившись, какъ подобаетъ для такой рискованной экспедиціи, авторъ двинулся изъ Лондона за Уралъ черезъ Ригу, Петербургъ и Москву. Русская жизнь интересуетъ его мало и даже о столицахъ нашихъ онъ едва бросаетъ нѣсколько словъ. Наблюденія его начинаются, лишь когда онъ переваливаетъ черезъ Уральскій хребетъ и вступаетъ въ область русскаго маслодѣлія. Мы упоминали выше, что съ чисто англійской практичностью авторъ умѣетъ соединить пріятное съ полезнымъ, и отправляясь въ горную экспедицію, беретъ на себя порученіе лондонской торговой фирмы изслѣдовать положеніе маслодѣлія въ Западной Сибири. Несмотря на то, что г. Тернеръ не знаетъ русскаго языка, это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ ему собрать по этому вопросу весьма основательныя свѣдѣнія: чуть не въ каждомъ сибирскомъ городкѣ, даже въ захолустныхъ, онъ находилъ или соотечественника, или американца, или, наконецъ, русскаго купца, не разъ бывавшаго въ Лондонѣ и говорящаго по-англійски. Путешествіе свое г. Тернеръ совершилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и тогда уже Сибирь была полна иностранцевъ: кромѣ американцевъ и англичанъ, немало встрѣчалось всюду нѣмцевъ и датчанъ, прилѣпившихся къ нашему маслодѣлію. Объ этомъ сибирскомъ маслодѣліи приходилось, конечно, слышать многимъ изъ насъ, но, вѣроятно, немногіе имѣютъ ясное представленіе о томъ, что дѣлается на роскошныхъ травяныхъ пустыняхъ Средней Сибири. По свѣдѣніямъ автора, сибирское маслодѣліе обязано своимъ началомъ одной англичанкѣ, которая, выйдя замужъ за сибиряка, открыла въ 1896 г. на Черной рѣчкѣ въ Тюменскомъ

окрытъ первую маслосѣлку. Черезъ 8 лѣтъ такихъ маслосѣлокъ было уже болѣе двухъ съ половиной тысячъ. Въ 1899 г. со станціи Обь въ годъ отправлялось всего 6 вагоновъ съ масломъ, а черезъ три года понадобилось уже тысяча вагоновъ. Ко времени путешествія Тернера Сибирь отправляла уже болѣе тысячи тоннъ (т. е. болѣе 60 т. пудовъ) масла въ недѣлю, а теперь, конечно, эту цифру надо сильно поднять. Вся эта масса идетъ въ Ревель, а оттуда нѣсколько разъ въ недѣлю отправляется морскимъ путемъ прямо на набережныя Лондона.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги Сибирь растетъ, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ. Какой-нибудь поселокъ Ново-Николаевскъ, не такъ давно насчитывавшій въ себѣ 104 души, теперь сталъ городомъ съ населеніемъ до 40 тысячъ, съ сотней лавокъ и магазиновъ.

Покончивъ съ порученіемъ торговой фирмы, авторъ круто свернулъ отъ Томска на югъ, пробираясь къ Алтайскимъ горамъ. Съ нимъ былъ переводчикъ, а потомъ онъ нанялъ себѣ двухъ охотниковъ-проводниковъ. Ѣхали въ саняхъ гдѣ по большой, гдѣ по проселочной дорогѣ. На прощанье, одинъ изъ соотечественниковъ автора далъ ему характерный совѣтъ: если ночью къ вамъ молча будетъ приближаться какой-нибудь человѣкъ, сейчасъ же стрѣляйте въ него.

Послѣ убійственныхъ переѣздовъ при лютomъ холодѣ, послѣ ночевокъ въ душныхъ, натопленныхъ избахъ по деревнямъ, путники добрались до подножія сіявшихъ бѣлизной Алтайскихъ отроговъ, такъ называемыхъ Катунскихъ Вѣлковъ. Нѣкоторое время всѣ подвигались вмѣстѣ, но засимъ авторъ рѣшилъ идти къ горѣ Вѣлхѣ одному. Навьючившись палаткой и всѣмъ необходимымъ, среди невѣроятныхъ трудностей, онъ подошелъ наконецъ къ самой горѣ, ослѣпительно блестящей снѣгомъ. Мы приведемъ здѣсь описаніе одной ночи, пережитой авторомъ, которая лучше всего дастъ понять, что пришлось вытерпѣть смѣлому изслѣдователю горъ.

«Скоро,—говоритъ онъ,—я совсѣмъ окоченѣлъ отъ холода, вѣтра и снѣга, бившаго мнѣ въ лицо, такъ что былъ очень радъ вползти въ свою палатку. Тамъ я снялъ тяжелую одежду, открылъ мой ранецъ и зажегъ спиртовку, чтобы сдѣлать себѣ супъ и устроиться возможно лучше при данныхъ обстоятельствахъ. Я былъ изумленъ и испуганъ: оказалось, что спиртъ вытекъ изъ лампы. Я понялъ всю безвыходность моего положенія, вспомнивъ, что я захватилъ съ собой всего нѣсколько кусочковъ сухого спирта, не предполагая, что наступитъ минута, когда отъ нихъ будетъ зависѣть самая моя жизнь. Мои ноги начали замерзать въ большихъ кожаныхъ сапогахъ съ огромными гвоздями. Чтобы возобновить кровообращеніе, я снялъ ихъ и надѣлъ валенки. Затѣмъ я зажегъ два кусочка спирта. Протянувъ руку, я закрылъ отверстіе

палатки, чтобы преградить доступъ рѣзкаго, холоднаго воздуха, и, разогрѣвъ супъ, съ наслажденіемъ выпилъ его, чтобы поскорѣе согрѣться. Поужинавъ такимъ образомъ, я вернулся въ мѣхъ и, нахлобучивъ на себя теплую шапку, хотѣлъ заснуть. Сильный вѣтеръ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы сорвать мою палатку. Я поздравлялъ себя съ счастливой мыслью укрѣпить палатку, обложивъ ее камнями для защиты отъ вѣтра, и мало-по-малу заснулъ.

«Около полуночи я вдругъ проснулся, дрожая отъ холода. Я лежалъ какъ будто въ холодной ваннѣ. Во снѣ мнѣ снился родной домъ, горы, волки, медвѣди, снѣжныя бури, и я раскидался и сбросилъ съ себя мѣховую одежду. Черезъ полчаса мнѣ удалось возстановить кровообращеніе въ замерзшихъ членахъ. Сообразивъ, что спать опасно, я лежалъ и думалъ, какъ я одолѣю всѣ эти снѣжныя заносы. Но природа взяла верхъ, и я опять заснулъ. Я спалъ, должно быть, часа три-четыре, ибо брезжилъ уже день, когда я проснулся. Было три часа утра. Я протянулъ руку къ сапогамъ, но оказалось, что они примерзли и что я не въ состояніи всунуть въ нихъ свои ноги: такъ онѣ распухли. Я нѣсколько обогрѣлъ ихъ при помощи сухого спирта и попытался втиснуть ихъ въ сапоги. Тѣло мое, пролежавъ нѣсколько часовъ на холодныхъ камняхъ, какъ будто окаменѣло. Я назвалъ мѣсто этого ночлега «лагеремъ унынія».

Но, несмотря на всѣ эти трудности пути, энергичный англичанинъ одинъ среди горной обстановки подвигался все выше и выше. Онъ былъ уже совсѣмъ близко отъ вершины Бѣлухи (18 т. футовъ высоты), но отъ вѣтра и ослѣпительнаго снѣга у него произошло мучительное воспаленіе глаза, которое заставило его повернуть въ обратный путь, который и совершился безъ особенныхъ приключеній.

Резюмируя свою книгу, авторъ упрекаетъ своихъ соотечественниковъ въ томъ, что, не зная, какъ слѣдуетъ, страны, они готовы судить и рядить о ней по наслышкѣ и вѣрить всякому вздору, распускаемому о Россіи враждебными ея силами.

Предостерегая англичанъ отъ этихъ старыхъ повадокъ, авторъ настоячиво совѣтуетъ имъ «культивировать русскую дружбу»—совѣтъ, какъ нельзя болѣе подходящий къ данному времени.

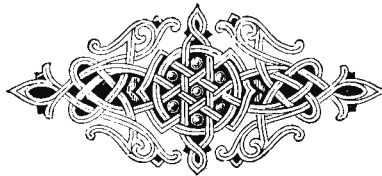
Закачивая наше обозрѣніе текущей англійской литературы о Россіи, скажемъ нѣсколько словъ о книгѣ нѣкоего Кемпа, «The face of Manchuria, Korea and Russian Turkestan», одного изъ тѣхъ авторовъ, которыхъ такъ строго осуждаетъ его коллега, упомянутый нами выше. Кемпъ исколесилъ въ короткое время чуть не всю Азію, побывавъ въ Корей, въ Манчжуріи, оттуда пробѣжался съ сибирскимъ экспрессомъ до Самары, свернулъ на югъ, въ Туркестанъ, а оттуда, переправившись черезъ Каспійское море на па-

роходѣ, управляемомъ финляндцемъ, проѣхалъ Баку и Тифлисъ, и, наконецъ, попалъ въ Вѣну. Россію онъ наблюдалъ большею частью изъ окна вагона-ресторана. Оттого его наблюденія мелки и поверхностны, а отношеніе его къ Россіи традиціонно-непріязненное. Можетъ быть, это чувство сказалось въ авторѣ и подъ вліяніемъ одной изъ тѣхъ нелѣпыхъ исторій, которыя съ такимъ мастерствомъ, но неизвѣстно чего ради устраиваются нашей полиціей. При проѣздѣ Кемпа черезъ Тифлисъ полиція не сдѣлала въ его паспортѣ какой-то отмѣтки, и вслѣдствіе этого жандармы въ Волочискѣ арестовали автора и продержали его подъ арестомъ почти сутки, пока не пришелъ изъ Тифлиса отвѣтъ на посланную телеграмму.

Несмотря на эти непріятности, несмотря на то, что для посѣщенія Туркестана понадобилось неспросить разрѣшеніе изъ Петербурга, и полиція, по словамъ Кемпа, глазъ не спускала съ него, пока онъ былъ въ нашихъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ, и этотъ авторъ отдаетъ должное русской энергіи, русской способности колонизовать страну. Столица Туркестана произвела на него пріятное впечатлѣніе не только своимъ восточнымъ колоритомъ, но и европейскимъ благоустройствомъ. Онъ въѣхалъ въ Туркестанъ лунной ночью и, не умѣя назвать гостиницы, долго ѣздилъ съ извозчикомъ по улицамъ, сплошь обсаженнымъ тополями и напоеннымъ весеннимъ ароматомъ, пока наконецъ не попалъ въ гостиницу, не уступавшую любой европейской.

Авторъ, впрочемъ, интересовала больше живописная сторона Туркестана, и мы отмѣчаемъ его книгу лишь для того, чтобы показать, какъ широкъ и разностороненъ интересъ Англіи къ нашему отечеству.

А. Б.

Б. Б. ГЛИНСКІЙ.

(Къ 25-лѣтію литературной дѣятельности).

I.

Е ВСѢ виды писательства одинаково выигрышно ставятъ писателя. Въ сущности, нѣтъ роли благодарнѣе роли чистаго беллетриста. Если судьба не отказала ему хотя бы въ малѣйшей самобытности, онъ подчиняетъ читателя своимъ настроеніямъ, своему міросозерцанію, своимъ идеямъ. Самый маленькій беллетристъ въ концѣ концовъ найдетъ маленькій кружокъ своихъ послѣдователей, которые будутъ читать его, помнить и, пожалуй, немножко любить.

Самый боевой критикъ, на кончикѣ пера котораго вѣчно бѣется остроуміе, самый темпераментный публицистъ, берущій жизнь во всей широтѣ ея размаха, не имѣютъ такой выигрышной позиціи. Они трогаютъ больше умы, чѣмъ сердца. Самая широта ихъ размаха обуславливаетъ то, что сегодня они интересуютъ однихъ, завтра другихъ. Читатель, увлеченный одною ихъ статьей, не разрѣзаетъ другую, чуждую ему по темѣ.

Вотъ почему даже двадцатипятилѣтній юбилей критику, публицисту, обозрѣвателю, популяризатору приходитъ безъ трубныхъ звуковъ и безъ большого шума. Въ Россіи, гдѣ богатая умственная жизнь все еще есть удѣлъ только части интеллигенціи,

преобладающая читательская масса все еще сторонится отъ серьезной книги и серьезной статьи. Въ лучшемъ случаѣ обыватель слегка почитываетъ беллетристику и просматриваетъ передовыя газетныя статьи. Мало-по-малу властительство думъ цѣликомъ отошло отъ критиковъ и публицистовъ къ беллетристамъ. Михайловскій былъ послѣднимъ, за кѣмъ еще держалось литературное обаяніе и кто еще вліялъ своимъ словомъ. Со дня его смерти съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе уменьшается и ослабляется размѣръ литературныхъ вліяній.

Празднующій въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ двадцатипятилѣтіе своей литературной дѣятельности Б. Б. Глинскій свою трудовую четверть вѣка отдалъ этой, менѣе благодарной сферѣ литературной работы.

Человѣкъ живого темперамента, созданный для общественной работы вообщемъ, онъ избралъ эту область, какъ наиболѣе отвѣчающую его природнымъ предрасположеніямъ. Извѣстный поэтъ-переводчикъ Фидлеръ, товарищъ Глинскаго по университетской скамьѣ, говорилъ мнѣ, что уже тогда, юношей, онъ настолько проявлялъ способность почина, жилку коновода и трибуна, что студенческая молодежь полусхотѣла, полусерьезно усвоила ему имя «общественнаго человѣка». И когда жизнь естественно направила Глинскаго въ литературу, онъ сталъ здѣсь въ положеніе аллегорическаго стража, съ которымъ нѣкогда сравнивалъ себя Бѣлинскій, — стража, считающаго своимъ долгомъ стучать своей алебардой по поводу всякаго проходящаго передъ его глазами явленія.

II.

Приходили и проходили самыя разнообразныя литературныя фигуры, смѣнялись общественныя событія. Близко соприкасаясь съ ними, сталкиваясь съ ними и невольно ихъ изучая, Глинскій заносилъ все это въ свою безконечную лѣтопись. Можно составить огромный томъ однѣхъ біографій чѣмъ-либо замѣчательныхъ людей, облики которыхъ онъ зарисовалъ для ближайшаго потомства. Такъ рисовалъ онъ Ореста Миллера, Ядринцева, Потанина, Острогорскаго, Стоюнина, Глѣба Успенскаго, Хомякова, Барсукова, Грота. Такъ откликался онъ на всякое новое явленіе русской жизни, крупное и мелкое, на тѣ, что принято называть «свѣтлыми», и на тѣ, «надъ которыми можно задуматься». Учреждались ли высшіе женскіе курсы, заходили ли разговоры объ устройствѣ союза писателей или кассы ихъ взаимопомощи, ставился ли въ сто первый разъ на очередь вопросъ о народной грамотности, пересматривался ли университетскій уставъ, собиралась ли интеллигенція чествовать Пушкина, Гоголя или Бѣлинскаго, вступала ли Россія въ новую полосу фабричной дѣятельности, выходила ли женщина на новое

поприще врача, нарождалось ли декадентство въ литературѣ и жизни, издавала ли университетская молодежь сборникъ своихъ опытовъ, собирались ли русскіе работники печатнаго дѣла на съѣздъ, выходила ли, наконецъ, книга какого-нибудь Рубакина о русскомъ читателѣ,—все это интересовало Глинскаго, рождало его откликъ, привѣтъ или укоръ, критику, полемику.

Съ 1887 года онъ вошелъ въ «Историческій Вѣстникъ», и съ этого времени рѣдкая книжка журнала обходилась безъ такого его отклика. Противъ немногихъ именъ вы найдете въ указателѣ этого журнала такое огромное число статей, переизданіе которыхъ потребовало бы нѣсколькихъ томовъ. Какъ большинство подобныхъ ему лѣтописцевъ, Глинскій издавалъ отдѣльно лишь очень небольшое изъ этихъ работъ, руководясь скромнымъ убѣжденіемъ, что болѣе нужныя своему времени, чѣмъ будущему, его статьи уже дѣлали свое дѣло своимъ появленіемъ. Только нѣкоторую часть этихъ статей онъ объединилъ въ большомъ томѣ «Очерки русскаго прогресса» (Спб. 1900).

Эта книга уже даетъ относительное представленіе о писательскомъ жанрѣ Глинскаго. Здѣсь вы найдете и популярно-историческія статьи, и статьи по общественнымъ вопросамъ, и критику, и литературныя характеристики. Живой человѣкъ, для котораго въ жизни нѣтъ ничего, что было бы вовсе неинтересно, чувствуется здѣсь въ Глинскомъ, повидимому, одинаково одушевляющемся и нашимъ прошлымъ, и нашимъ настоящимъ, и «республиканцемъ при русскомъ дворѣ» Лагарпомъ, и популярными профессорами Миллеромъ, Градовскимъ или Буслаевымъ. Его заинтересуетъ и положеніе женщины въ Россіи, и «литературная клиника», какою ему нѣкогда казался декадентствующій «Сѣверный Вѣстникъ» со статьями Волинскаго и стихами Минскаго, Бальмонта или Гиппіусъ.

Отмѣтка явленія по первому слѣду всегда имѣетъ свои невыгодныя стороны. Нуженъ большой вкусъ и значительное мужество, чтобы произносить свое сужденіе за и противъ раньше голоса авторитетовъ, раньше приговоровъ толпы. Такъ слишкомъ легко попасть впросакъ и вызвать своимъ откликомъ усмѣшку болѣе поздняго читателя. Но у журналиста, поставленнаго въ эту рискованную необходимость, есть и большое преимущество. Передъ нимъ еще нѣтъ готовыхъ словъ и захватанныхъ терминовъ. Онъ защищенъ отъ общихъ мѣствъ и не самъ подчиняется толпѣ, но подчиняетъ толпу себѣ.

Такое право перваго голоса было всегда за Глинскимъ, и иногда время, можно сказать, блестяще подтверждало его литературный или общественный діагнозъ. Такъ случилось, напримѣръ, съ его статьей «Болѣзнь или реклама», одной изъ лучшихъ его критическихъ статей, гдѣ въ часъ самыхъ раннихъ проявленій отечественнаго декаданса Глинскій мужественно и мѣтко указалъ на два начала,

управляющія новымъ теченіемъ,—современный болѣзненный наклонъ умовъ, отчасти подсказанный чужеземными вліяніями, и хищную жажду извѣстности, хотя бы цѣною дикихъ и безумныхъ выступленій.

Эта статья опредѣленнѣе, чѣмъ какая-либо иная, говоритъ о личности въ Глинскомъ задорнаго и боевого полемическаго дарованія и настоящей критической цѣпкости.

Оставалось за Глинскимъ и другое преимущество автора, высказывающагося по горячему слѣду. Онъ не хваталъ верхи и готовые положенія, но, напротивъ, добывалъ тѣ первоисточники, которые потомъ начинали гулять изъ газеты въ газету. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ о Лагаргѣ Глинскій пользуется не напечатанными письмами этого лица изъ сокровищницы автографовъ извѣстнаго Дашкова. Въ своихъ статьяхъ объ Орестѣ Миллерѣ онъ цитируетъ его дневники, ни прежде, ни послѣ не ставовившіеся достояніемъ печати.

Эта книжка о когда-то популярномъ профессорѣ и другѣ Достоевскаго, кстати сказать, до сего времени остается лучшимъ біографическимъ очеркомъ покойнаго (отдѣльное изданіе—Спб. 1890, «Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ», біографическій очеркъ, составленный Б. Б. Глинскимъ, съ портретомъ). Такъ въ живой, общедоступный фельетонъ подъ рукой Глинскаго укладывались научныя книги съ утомляющими статистическими данными, разработать которыя не всякому читателю есть время и охота. Въ нерѣдкихъ случаяхъ матеріаломъ для Глинскаго служили и личныя наблюденія, напримѣръ, жизни фабричной Россіи во время тѣхъ путешествій, которыми судьба его не обидѣла.

III.

Все разнообразіе русской жизни послѣдняго двадцатипятилѣтія такъ или иначе запечатлѣно добросовѣстнымъ фотографическимъ аппаратомъ Глинскаго. Его статьи намѣчаютъ какъ бы тѣ вѣхи, которыя отличали русскую умственную жизнь. Литературныя событія и находки, юбилеи и смерти, съѣзды и книги, культурныя завоеванія и знаменія регресса—все это сплетается въ довольно пестрое цѣлое, обобщенное только спокойнымъ объективнымъ настроеніемъ автора—одного изъ тѣхъ русскихъ людей, которыхъ большой запасъ здраваго смысла удерживаетъ одинаково отъ крайностей слѣва и справа.

Изъ литературныхъ фигуръ, кромѣ названныхъ, вы найдете въ его статьяхъ еще народника-беллетриста Н. Астырева, знаменитаго Горбунова, Авенаріуса, А. Градовскаго, Стасюлевича, изъ общественныхъ дѣятелей—12 ректоровъ петербургскаго университета, воспитателей царскихъ дѣтей отъ Никиты Зотова до Лагарпа и отъ

Ламздорфа до Жуковского, дѣятелей русскаго краснорѣчія—Андреевскихъ, Арсеньевыхъ, Герардовъ, Карабчевскихъ, Коли, Пасоверовъ, Спасовичей, Урусовыхъ, видныхъ администраторовъ, вродѣ эстляндскаго губернатора Шаховскаго и т. д. Съ особеннымъ неравнодушіемъ слѣдитъ онъ за русскими колонизаторами и піонерами просвѣщенія и промышленности на далекомъ Амурѣ, въ Монголіи, на Ближнемъ Сѣверѣ.

Только малую часть всѣхъ этихъ изслѣдованій Глинскій издалъ отдѣльными книгами. Такъ, «Русское судебное краснорѣчіе» (Спб. 1897) включило характеристики дѣятелей русской адвокатуры. Книга «Николай Михайловичъ Ядринцевъ» (біографическій очеркъ съ предисловіемъ В. Острогорскаго и воспоминаніями Потанина, Москва, 1895) явилась данью выдающемуся сибирскому дѣятелю. Только что на дняхъ вышла вторымъ изданіемъ книга его для юношества—«Царскія дѣти и ихъ наставники». Можно пожалѣть, что Глинскій не закончилъ своей чрезвычайно интересной работы о дѣтствѣ и отрочествѣ русскихъ писателей,—области, которую у насъ съ умѣньемъ и дарованіемъ трогалъ только одинъ Авенаріусъ.

Послѣднее время вводитъ Глинскаго въ циклъ трудовъ гораздо болѣе широкаго размаха, чѣмъ труды первыхъ лѣтъ его дѣятельности. Эпоха бури и смятенія въ Россіи подвинула его на написаніе большой книги «Борьба за конституцію» (Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями. Спб. 1898. 619 стр.).

Послѣ 1905 года, распахнувшего многія двери и сбросившаго многія печати, Глинскому оказалось возможнымъ выполнить ту задачу, какую напрасно пытался въ старину поднять на свои плечи русскій литераторъ, по рукамъ и ногамъ связанный цензурой. Такъ, Мордовцевъ долженъ былъ оставить свой планъ изслѣдованія русскаго бунтарства. Онъ вынужденъ былъ ограничиться одной книгой о Пугачевѣ, да и та была въ свое время изъята изъ бібліотекъ. До извѣстной степени эту именно тему беретъ и разрабатываетъ въ своемъ большомъ изслѣдованіи Глинскій.

IV.

Русское протестантство прослѣжено здѣсь отъ перваго буйнаго крика Стеньки Разина и Кондрашки Булавина. Здѣсь проходятъ передъ вами заговорщики поры Елизаветы Петровны, лже-Петры, Тараканова, Пугачевъ, въ кровавомъ отвѣтѣ рисуются кошмарные дни убійства Петра III и Павла I, возстаютъ замыслы декабристовъ, дерзновенныя грезы Герцена, Огарева, Бакунина, Кирилло-Меоодіевскаго общества, кружка Петрашевскаго и т. д.,—словомъ, всѣ переливы русскаго бунтарства, начиная 1612-мъ и кончая 1861 годомъ.

И темпераментъ журналиста, котораго слишкомъ отвлекаетъ сегодняшний день, и простая житейская необходимость разбрасы-

ваться—помѣшали Глинскому стать историкомъ въ наиболѣе отвѣтственномъ и строгомъ значеніи этого слова. Въ большинствѣ случаевъ онъ не устанавливаетъ личныхъ точекъ зрѣнія на событія, слѣдуя за болѣе авторитетными изслѣдователями-специалистами. Онъ часто компилируетъ здѣсь изъ хорошихъ книгъ. Но преимущества времени, давшія ему возможность обходиться безъ многоточій тамъ, гдѣ историкъ прошлаго времени клалъ на уста персть покорнаго молчанія, дѣлаютъ эту книгу чрезвычайно цѣннымъ сводомъ любопытнѣйшихъ матеріаловъ о любопытнѣйшихъ и до послѣднихъ лѣтъ наименѣ освѣщенныхъ страницахъ русской исторіи. Историческія страницы переливаются въ увлекательную повѣсть, достоинства которой увеличиваются тѣмъ, что иногда Глинскій и здѣсь пользуется документомъ, еще не издавшимъ свѣта въ Россіи, и нигдѣ не допускаетъ на страницы своей монографіи ни одного сомнительнаго источника.

Два послѣдніе года на страницахъ «Историческаго Вѣстника» Глинскій провелъ два новыхъ капитальныхъ изслѣдованія того же типа. Въ 1909—10 годахъ тамъ прошли его историческіе очерки, «Крамора, реакція и терроръ» и въ 1911 г.—«Эпоха мира и успокоенія».

Названія этихъ монографій совершенно точно опредѣляютъ ихъ содержаніе. Политическая исторія Россіи здѣсь всецѣло занимаетъ автора. Въ сущности, это—продолженіе того же изслѣдованія о борьбѣ за конституцію, и здѣсь передъ вами налицо все тѣ же достоинства и особенности Глинскаго, какъ историческаго изслѣдователя. Ихъ цѣнность въ томъ, что здѣсь снова читатель найдетъ не одинъ вовсе новый документъ, относящійся къ дѣлу. Одна изъ главъ первой монографіи въ свое время вызвала даже нѣкоторое цензурное затрудненіе для журнала.

Свой трудъ Глинскій надѣется довести до памятнаго дня 17-го октября 1905 года. Сейчасъ оба эти изслѣдованія печатаются и въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ въ двухъ томахъ (свыше шестидесяти печатныхъ листовъ), подъ заглавіемъ «Революціонный періодъ русской исторіи».

Человѣкъ, стоявшій и стоящій внѣ всякихъ лагерей и приходовъ, Глинскій можетъ въ значительной мѣрѣ чувствовать преимущества такого міровоззрѣнія, работая надъ книгой о русской реакціи и русскомъ освободительномъ движеніи, гдѣ отъ изслѣдователя требуется высшее напряженіе безпристрастія. Далекое еще то время, когда историкъ этой эпохи можно будетъ полно выдерживать мудрое начало, завѣщанное Тацитомъ,—писать безъ гнѣва и пристрастій. Нельзя безусловно требовать этой черты и отъ Глинскаго. Но уже можно съ уваженіемъ принять его черту безусловно честнаго, осторожнаго и внимательнаго отношенія къ историческимъ документамъ.

V.

Борисъ Борисовичъ Глинскій родился въ Петербургѣ въ 1860 году и, скоро оставшись круглымъ сиротой, былъ взятъ на воспитаніе въ помѣщичью семью Мариныхъ. О раннихъ дняхъ своей жизни Глинскій разсказалъ въ своихъ беллетристическихъ наброскахъ «Изъ лѣтописи усадьбы Сергѣевки» («Историческій Вѣстникъ», 1894 г., № 10). Въ провинцію его привезли «годовымъ ребенкомъ, хилаго, замученнаго и приговореннаго къ смерти». Чужіе добрые люди «приняли его въ свою семью, нарекли своимъ и поставили на ноги». Десятилѣтнимъ онъ возвращается въ Петербургъ и воспитывается въ домѣ сенатора А. Н. Салькова.

Живость нрава, опредѣленно сангвинической темпераментъ заставили юнаго Глинскаго перемѣнить нѣсколько гимназій. Третья петербургская гимназія есть та классическая бурса, о которой упоминаетъ онъ въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ. Въ цѣломъ она оставила въ Б. Б. совершенно отрицательное впечатлѣніе, но, несомнѣнно, она же положила первые заложки литературнаго вкуса въ душу ребенка. Характерно, что протестантскій духъ, царившій въ этой гимназій, позднѣе отозвался тѣмъ, что изъ нея питомцевъ вышелъ не одинъ дѣятель русской революціи.

Кончить курсъ Б. Б. довелось въ пятой гимназій, гдѣ большое вліяніе оказалъ на него нынѣшній дѣятель совсѣмъ на иномъ поприщѣ—волинскій архіепископъ Антоній (Храповицкій), товарищъ Глинскаго по школьной скамьѣ. Вліяніе было не только личное, но исходило изъ всей семьи Храповицкихъ, въ особенности матери. Подъ этими вліяніями Глинскій пережилъ нѣкоторый періодъ, правда, очень кратковременный, когда онъ даже колебался между выборомъ университета и духовной академіи.

Поступивъ на историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета, Глинскій со второго курса подпалъ исключительно вліянію любимаго тогда молодежью профессора Ореста Миллера. Организационная жилка уже здѣсь сказала въ Б. Б., и онъ, начиная со второго курса, являлся организаторомъ всякихъ студенческихъ предпріятій—публичныхъ лекцій, кассъ, вечеровъ, объѣдовъ. Ласково выдѣлявшій его изъ массы, Миллеръ поручалъ ему устройство всѣхъ лекцій и литературныхъ вечеровъ о Достоевскомъ. Онъ же былъ однимъ изъ основателей и участниковъ такъ называемаго научно-литературнаго общества при университетѣ. Эта первая и видная роль повсюду привела къ тому, что, по подозрѣнію въ прикосновенности къ дѣлу перваго марта 1887 года, Глинскій былъ арестованъ и подвергся тюремному заключенію. Очень интересныя воспоминанія его объ этой исторіи напечатаны имъ въ 1905 году въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Въ 1885 г. Б. Б. кончилъ курсъ университета со степенью кандидата, но связи съ университетомъ и студенчествомъ не порвалъ, будучи избранъ секретаремъ общества вспомошествованія студентамъ, каковую общественную должность онъ несъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при О. Θ. Миллерѣ и нынѣшнемъ членѣ государственнаго совѣта П. П. Семеновѣ-Тянь-Шанскомъ. Чувствовавшій всегда влеченіе къ литературѣ, онъ, однако, долго не рѣшался дѣлать первыхъ выступленій. Первый шагъ былъ имъ сдѣланъ подъ воздѣйствіемъ того же О. Θ. Миллера. Въ частности «Историческій Вѣстникъ» онъ избралъ подъ вліяніемъ профессора А. К. Бороздина, его товарища по университету и личнаго друга. Первая рецензія Глинскаго напечатана здѣсь въ 1887 году.

VI.

Въ девяностыхъ годахъ Б. Б. увлекался земствами, какъ противовѣсомъ пазухинскимъ начинаніямъ (съ земскими начальниками и т. д.). Образовавъ около себя группу молодежи, Глинскій задался цѣлью пріобрѣсти на паяхъ погасавшій тогда журналъ «Сѣверный Вѣстникъ». Замыселъ осуществился въ 1890 г. Новое дѣло захватило и увлекло Глинскаго, но журналъ не могъ существовать безъ денегъ. Молодой писатель долженъ былъ покинуть дѣло. Этотъ выходъ изъ журнала, разрушеніе первыхъ иллюзій и злой откликъ газетныхъ журналистовъ на его уходъ—произвели на Б. Б. въ высшей степени тяжелое впечатлѣніе, и съ этимъ моментомъ связаны наиболѣе тяжелыя воспоминанія его, какъ въ смыслѣ нравственномъ, такъ и въ смыслѣ матеріальномъ. Молодымъ человѣкомъ Б. Б. оказывался внѣ дѣла, повидимому, много общавшаго.

Очутившись прямо въ безвыходномъ положеніи, Глинскій вынужденъ былъ зарабатывать свой хлѣбъ самой разнородной литературной работой—въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Нивѣ», «Новостяхъ» Нотовича, «Новомъ Времени», «Дѣтскомъ Чтеніи», «Женскомъ Дѣлѣ». Въ «Русскія Вѣдомости» онъ писалъ корреспонденціи (п одинъ рождественскій рассказъ), въ «Петербургскую Газету»—передовыя статьи.

Положеніе измѣнилось только съ 1894 года, когда Глинскій вошелъ на постоянную работу въ «Историческій Вѣстникъ». Редакторъ этого изданія С. Н. Шубинскій, послѣ Ореста Миллера, былъ именно тѣмъ лицомъ, которое первое укрѣпило начинающаго юношу въ рѣшимости пойти въ литературу. Авторитетный историкъ и редакторъ огромнаго опыта, онъ первый произнесъ слова: «теперь несомнѣнно, что вы можете, а слѣдовательно и должны работать»—послѣ того, какъ Б. Б. предложилъ ему свой первый очеркъ о своемъ любимомъ профессорѣ и литературномъ крестномъ.

Особенная близость Глинскаго къ «Историческому Вѣстнику» начинается съ 1894 года. Теперь нѣтъ уже ни одной книжки журнала, гдѣ бы въ оглавленіи не фигурировало имя Глинскаго. Имъ открывается здѣсь отдѣлъ популяризаціи по группамъ различныхъ общественныхъ, политическихъ, литературныхъ и научныхъ явленій. Жизнь выдвигала вопросъ, Глинскій разрабатывалъ его по фактамъ жизни, по газетной хроникѣ, по статистическимъ даннымъ, по той литературѣ, которая создавалась около вопроса. Одни изъ первыхъ разоблаченій декадентства сдѣланы его перомъ. Пыпинъ придавалъ большое значеніе его полемикѣ съ литературною молодежью. Михайловскій привѣтливо отнесся къ его біографіи Ядринцева. Первая книга его «Очерковъ прогресса» не была бы издана, если бы къ этому не склонялъ его Пыпинъ.

VII.

Одновременно Глинскій отдавалъ щедрую дань жизни, принадлежа къ натурамъ, отнюдь не замыкающимся въ рабочемъ кабинетѣ. Литературныя отношенія его упрочивались и слагались въ дружественныя и близкія съ В. И. Семеvскимъ, Д. Л. Мордовцевымъ, А. К. Шеллеромъ, А. М. Скабичевскимъ, С. Н. Южаковымъ, С. Н. Атавой, С. Н. Кривенко, М. Н. Альбовымъ, Д. Н. Маминимъ-Сибирякомъ, С. А. Сафоновымъ, Евг. Соловьевымъ, Михайловымъ-Мартовымъ, Р. И. Сементковскимъ, М. Л. Песковскимъ, В. О. Михневичемъ, извѣстнымъ бібліофиломъ и меценатомъ П. Я. Дашковымъ и др.

Литературная среда привыкла видѣть Глинскаго участникомъ, если не зачинателемъ, всѣхъ своихъ и наиболѣе важныхъ, и болѣе или менѣе случайныхъ предпріятій. Онъ былъ однимъ изъ основателей покойнаго нынѣ союза писателей. Долгіе годы онъ имѣлъ близкое отношеніе къ касѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, гдѣ былъ и членомъ правленія и одно время секретаремъ; въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ онъ также созванію обоихъ всероссійскихъ съѣздовъ писателей. Юбилеемъ Скабичевского въ 1894 году Глинскій какъ бы дебютировалъ въ качествѣ устроителя литературныхъ юбилеевъ. Этотъ блестяще удавшійся банкетъ памятенъ всѣмъ, кто засталъ его. Послѣ еще нѣсколькихъ юбилеевъ за Глинскимъ въ литературномъ мірѣ упрочилась репутація идеальнаго организатора товарищескихъ собраній. Мягкій характеръ его, присущій ему тактъ, отсутствіе узкой партійности и въ то же время благородное умѣнье не переступить того кодекса литературныхъ понятій, который караетъ пренебреженіемъ всякую литературную нечистоплотность и непорядочность, — укрѣпили такой взглядъ, что туда, гдѣ въ юбилейномъ комитетѣ значится имя Глинскаго, можетъ со спокойной совѣстью итти всякій уважающій себя литераторъ. Такъ, на своемъ вѣку Глинскій справилъ литературные праздники А. М. Скабичевского, С. Н.

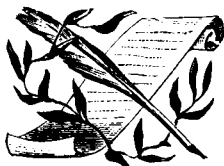
Шубинскаго, юбилейный (25 л.) «Историческаго Вѣстника», Г. К. Градовскаго, К. С. Баранцевича, И. И. Ясинскаго, недавній банкетъ печати, Сѣверцова-Полилова и т. д. Недаромъ среди литераторовъ ему усвоенъ шуточный титулъ «доктора юбилейнаго права».

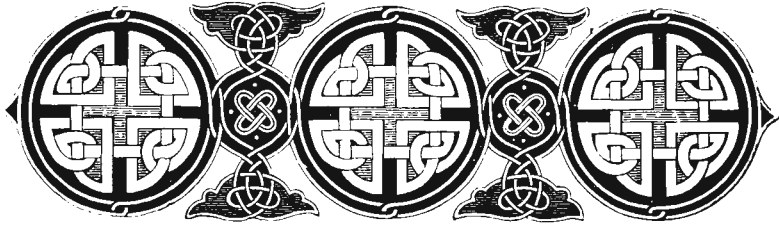
Литература была и есть исключительная стихія Глинскаго. Даже кратковременная служба его въ правленіи Рязано-Уральской желѣзной дороги имѣла своимъ итогомъ литературную работу— «Кратчайшій желѣзнодорожный путь изъ центральной Россіи въ Среднюю Азію» (1898), оцѣненный специалистами.

Кромѣ того, онъ принималъ дѣятельное участіе во французскомъ анонимномъ платино-промышленномъ обществѣ. Эти службы дали ему возможность совершить рядъ побѣдокъ на Уралѣ, Волгѣ, Камѣ и прожить въ Парижѣ значительное время.

Этотъ духъ литературности и эта любовь къ литературѣ создаютъ около личности Глинскаго ту атмосферу симпатій и уваженія, которая объединяетъ его литературныхъ собратій, подчасъ довольно далеко раскинувшихся по скалѣ общественныхъ и политическихъ настроеній. Лучше другихъ это чувствуется редакціонная семья «Историческаго Вѣстника», видящая въ немъ ближайшаго помощника С. Н. Шубинскаго по редактированію журнала, и не разъ на своихъ редакціонныхъ обѣдахъ она приносила ему дань своихъ симпатій, какъ писателю, крѣпко любящему свое дѣло, какъ человѣку, съ которымъ легко и весело вмѣстѣ работать.

А. Измайловъ.

ПАМЯТИ ГРАФА ПАВЛА ИПОЛИТОВИЧА КУТАЙСОВА.

РИЧИНА, побудившая меня составить эту статью, та, что тенденціозная російская пресса слишкомъ глухо отозвалась на смерть дѣятеля честнаго и благороднаго, въ полномъ смыслѣ рыцаря безъ страха и упрека. И вотъ, когда до слуха моего долетѣла печальная вѣсть, что графа Павла Ипполитовича Кутайсова не стало, я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ, какъ глубокий почитатель памяти своего стараго понечителя, хотя бы въ краткомъ очеркѣ перечислить, насколько позволили, конечно, мнѣ мои слабѣя силы, все дивныя черты этой свѣтлой личности.

Скоро уже минеть полгода, какъ столичныя газеты сообщили о кончинѣ въ Петербургѣ члена государственнаго совѣта генерала-отъ-инфантеріи графа Кутайсова. Казалось бы, что это лаконическое извѣстіе само по себѣ еще ничего не говоритъ. Но тѣмъ не менѣе для населенія Восточной Сибири, въ частности для гор. Иркутска, личность покойнаго графа не является безразличной, такъ какъ съ періодомъ его генераль-губернаторства (съ 1903 по 1905 гг.), хотя и кратковременнаго, совпала свѣтлая полоса реформъ, къ которымъ могущественная метрополия хотѣла приобщить свою обездоленную колонію и которыя такъ, казалось, близки были къ осуществленію, а теперь признаны преждевременными и сданы въ долгій ящикъ. Одна изъ такихъ кардинальныхъ реформъ, благами которой хотѣли надѣлать Сибирь, это—введеніе въ ней земства, о чемъ было возвѣщено съ высоты престола въ рескриптѣ 3 іюля 1905 года, данномъ на имя покойнаго графа. Эта великая реформа, бывшая пред-

метомъ чаянія лучшей части сибирской интеллигенціи, получила свой *raison d'être*, благодаря благожелательному и чуткому отношенію къ ней покойнаго графа и, конечно, доведена была бы до конца, если бы не наступилъ роковой 1905 годъ, выдвинувшій на первый планъ другіе совершенно вопросы и отодвинувшій и затормозившій всѣ мѣстные вопросы, каковымъ являлось земство въ Сибири. Общество, а въ частности сибирская пресса, не остались глухи къ этой реформѣ: дѣятельно обсуждалась вопросы о благотѣльности введенія земства, о тѣхъ путяхъ и основаніяхъ, на коихъ должно созидать эту обширную задачу, которая совершенно измѣнила бы политическія и экономическія условія страны ссылки и тѣснѣ сковала бы ее прочнымъ цементомъ съ метрополіей, бывшей до сихъ поръ для Сибири мачехой. Вопросъ, приковавшій все вниманіе сибиряковъ, былъ отодвинуть, какъ я уже раньше сказалъ, событіями 1905 года. Казалось, что рукой покойнаго графа готова была зажечься надъ необслѣдованнымъ, глухимъ и угрюмымъ краемъ заря новой жизни, новая эра, а теперь весь этотъ вопросъ изъ стадіи первичнаго развитія не двинулся ни на шагъ и покрылся пеленой индифферентизма и апатіи. Я не буду касаться роли покойнаго графа во время тяжелыхъ событій 1905 года въ Иркутскѣ. Объ этой роли объективно скажетъ исторія вообще, въ частности исторія Сибири. Много сыпалось незаслуженныхъ упрековъ на голову покойнаго, упреки эти не остались безслѣдными, и графъ былъ отозванъ изъ Иркутска въ Петербургъ для присутствования въ государственномъ совѣтѣ; вскорѣ же онъ былъ удаленъ отъ всякой активной политической дѣятельности, сохраняя почетное званіе члена государственнаго совѣта, но не присутствуя въ засѣданіяхъ его. Но всякій, кому неприятны эксцессы, откуда бы они ни исходили, кто по природѣ склоненъ къ миролюбивому разрѣшенію всякаго рода вопросовъ и умѣренію пыла страстей, довольно сильно разбушевавшихся, долженъ сказать, что покойный графъ своимъ умѣреннымъ, гуманнымъ и тактичнымъ образомъ дѣйствій удержалъ взбудораженную революціей массу отъ всякаго рода рѣзкихъ выступленій, а благонамѣренныхъ гражданъ Иркутска оградилъ отъ кроваваго кошмара и ужасовъ Томска и другихъ городовъ Россіи, гдѣ въ это время кровь лилась рѣкой, въ Иркутскѣ же, когда пылъ и угаръ революціи прошелъ, все быстро вошло въ обычную колею мирнаго развитія. Покойный графъ, уѣзжая изъ Иркутска, оставилъ прощальный приказъ, въ которомъ, выражая свою благодарность сослуживцамъ и чувство сожалѣнія по поводу разставанія съ краемъ, ставшимъ для графа какъ бы роднымъ, между прочимъ въ этомъ приказѣ помѣстилъ нижеслѣдующую фразу: «Пусть учащіеся помянутъ добрымъ словомъ своего стараго попечителя». И я, какъ бывший ученикъ гимназіи во время попечительства графа Павла Ипполитовича Кутайсова, не преувеличивая

ни на іоту, долженъ сказать, что въ этой области много сдѣлано покойнымъ на благо Восточной Сибири. Вторая женская гимназія имени И. С. Хаминова преобразована изъ прогимназіи только благодаря настоятельному ходатайству графа, при немъ открыты въ Иркутскѣ и частныя женскія гимназіи, расширена и увеличена сѣть среднеучебныхъ заведеній и вообще въ восточно-сибирскомъ учебномъ округѣ. Все, что клонилось къ увеличенію учебныхъ заведеній, къ сѣянію разумнаго, добраго, вѣчнаго, все это встрѣчало энергичную и радушную поддержку покойнаго графа. Онъ незамедлительно приводилъ всѣ эти планы въ исполненіе и тѣмъ вносилъ громадную и неоцѣнимую лепту на алтарь просвѣщенія и поднятія культурнаго уровня массъ сибирскаго населенія. Въ моей памяти встаетъ слѣдующій случай, ярко доказывающій, какъ чутко графъ относился къ нуждамъ просвѣщенія и какъ дорожилъ онъ ими. Когда въ 1904 году военное вѣдомство хотѣло помѣстить раненыхъ на войнѣ офицеровъ въ помѣщеніи иркутской мужской гимназіи, а для этого въ ущербъ наукъ нужно было преждевременно окончить учебныя занятія, графъ энергично сталъ на защиту интересовъ науки, не опасаясь быть заподозрѣннымъ въ отсутствіи патріотизма, и отстоялъ съ честью эти интересы, приспособивъ для раненыхъ другія, болѣе подходящія помѣщенія. Дѣятельность графа въ Иркутскѣ, хотя, къ сожалѣнію, и кратковременная, встрѣтила полное сочувствіе общественныхъ круговъ, и выразительница этихъ круговъ иркутская городская дума единогласно постановила одну изъ городскихъ улицъ переименовать въ честь покойнаго графа и назвать «улицей графа Кутайсова». Въ ту пору, когда на посту иркутскаго военнаго генераль-губернатора съ честью стоялъ покойный графъ, въ гимназіяхъ педагогическій персоналъ въ лучшемъ случаѣ въ массѣ представлялъ педагоговъ вродѣ «людей въ футлярѣ» Чехова, въ худшемъ «Иванъ Миронычей» Чирикова. Иркутская гимназія въ этомъ отношеніи не была счастливымъ исключеніемъ. Часто ученики и учителя представляли два враждующихъ лагеря. Когда являлся въ гимназію покойный графъ,—а онъ любилъ посѣщать это учебное заведеніе,—онъ въ эту сгущенную атмосферу вносилъ какъ бы пальму мира. Гуманный и деликатный, онъ и въ юношахъ-ученикахъ видѣлъ людей и шелъ навстрѣчу всѣмъ ихъ законнымъ желаніямъ. Каждое его появленіе въ гимназіи было какъ бы лучомъ свѣта, какъ бы праздникомъ для учащихся. Устраивалъ графъ и у себя на дому для учащихся рауты, на которыхъ подъ обаяніемъ личности покойнаго царилло непринужденное веселье и скрашивались повседневныя сумерки ученической жизни. Да, всякій, кто былъ ученикомъ иркутской гимназіи, у кого остался въ памяти образъ почившаго графа, аристократа не только по рожденію, но аристократа и по духу, кто и на университетской скамьѣ не утратилъ вѣры въ великое

слово «человѣкъ» и кто всецѣло преданъ великому принципу уваженія человѣческой личности, завѣщанному намъ еще отъ великихъ основателей правовѣдѣнія, знаменитыхъ римскихъ юристовъ, помянетъ добрымъ словомъ своего стараго попечителя. И теперь, передъ свѣжей еще могилой покойнаго, обаятельный образъ котораго не изгладился еще изъ памяти такъ или иначе соприкасавшихся съ нимъ, всѣ, кому дорогъ этотъ рыцарь благородства и гуманности, я ни минуты не сомнѣваюсь въ этомъ, солются въ возгласѣ, идущемъ отъ чистаго сердца, и подобно мнѣ воскликнуть: «Вѣчная ему память и да сохранится она въ сердцахъ всѣхъ, знавшихъ его».

І. Лавошниковъ.

ЧТО ОБЪЩАЕТЪ XVI АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ.

ИНУВШИМЪ лѣтомъ состоялся въ Великомъ Новгородѣ пятнадцатый всероссійскій археологическій съѣздъ, закончившійся весьма невеликими результатами. Почва здѣсь для послѣднихъ была, можно сказать, неисчерпаема. Но, во-первыхъ, несмотря на долгое ожиданіе съѣзда и подготовленіе къ нему, новгородцы оказались почти чуждыми его интересамъ: кой-кто поработали два-три человѣка, а такъ называемая интеллигенція и особенно педагогическій персоналъ гражданскихъ учебныхъ заведеній блистали своимъ безучастіемъ. Во-вторыхъ, главные руководители съѣздовъ—археологи Москвы и Петербурга—не смогли разобраться въ своихъ «несогласіяхъ» и сдѣлали, кивая другъ на друга, очень немногое. Ничтожность добытыхъ съѣздомъ результатовъ для Новгородско-Псковской земли ясно сознавалась самими участниками съѣзда, и одинъ изъ нихъ, а именно новгородскій губернаторъ В. А. Лопухинъ, дважды повторилъ свое предложеніе—еще разъ собраться въ Великомъ Новгородѣ, чтобы сдѣлать для него что-либо существенное.

По недавно введенному обычаю, вопросъ о мѣстѣ созыва слѣдующаго археологическаго съѣзда долженъ былъ рѣшиться на за-сѣданіяхъ предварительнаго комитета съѣзда, который собирается по инициативѣ московскаго археологическаго общества. Въ минувшемъ январѣ, 3-го и 4-го числа, таковой и состоялся въ Москвѣ, куда пріѣхали изъ разныхъ городовъ Россіи наиболѣе видные предста-

вители местных ученых учреждений и обществ. Всего собралось, вместе с москвичами, которые, конечно, преобладали, около ста человек.

При открытии заседаний предварительного комитета, председатель московского археологического общества графиня П. С. Уварова объявила, между прочим, следующее. Поступили-де заявления о созыве у них археологического съезда от Оренбурга и Екатеринбургa; но вскоре же представители администрации и науки того и другого города под разными предлогами отклонили от себя эту честь. Точно также кавказцы, сначала сильно желавшие археологического съезда, потом отказались от него, ввиду близкого у них съезда естествоиспытателей. Были еще заявления от отдельных лиц о созыве съезда в Казани, Симферополь и др., но откликаться на них, конечно, почти невозможно, хотя, правду сказать, Симферополь давно уже нуждается в съезде, мог бы дать материал и работников и едва ли даже не делал и официальных предложений, поскольку я мог понять председателя таврической ученой архивной комиссии.

После этого графиня П. С. Уварова повела собравшимся, что в 1914 году, когда должен состояться XVI археологический съезд, исполняется пятидесятилетие существования императорского московского археологического общества и что естественно всего было бы собраться в этом году археологическому съезду именно в Москве... Но московское-де археологическое общество уполномочило ее сообщить членам предварительного комитета, что оно отказывается от тяжелой работы устройства съезда в своей первопрестольной столице, несмотря даже на то, что в этой столице последний археологический съезд состоялся ровно четверть века тому назад и что за этот период времени накопилось множество нового и богатейшего материала, могущего сделать съезд выдающимся по своим результатам.

Признаться, такое сообщение на многих присутствующих подействовало, можно сказать, ошелмляюще. Немедленно поднялся целый ряд ораторов, в лицѣ профессора Н. В. Покровского, профессора А. А. Павловского, профессора Д. В. Цвѣтаева, В. А. Городцева, С. О. Долгова, А. С. Раевского и др., доказывавших полнейшую своевременность созыва съезда именно в Москве и предсказывавших ему большой успех. Но графиня П. С. Уварова и ее ближайшіе сотрудники оказались неумолимыми и предложили, с своей стороны, остановиться на Псковѣ и Новгородѣ одновременно. Для участников только что состоявшагося XV археологического съезда в Новгородѣ предложение это дало новый повод еще къ большому, чѣмъ отказъ руководителей московского археологического общества, смущенію и страху за будущій съезд; даже слышны были голоса: «не на погребеніе ли обрекается XVI все-

россійскій археологическій съездъ?» Очень многимъ хорошо было извѣстно, что ни въ Новгородѣ, ни тѣмъ менѣе во Псковѣ нѣтъ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ научныхъ силъ, а что петербургскіе ученые попрежнему «ничего не сдѣлають для Пскова», подтвердила и сама графиня П. С. Уварова.

Что же, спрашивается, побудило послѣднюю остановиться на Псковѣ и Новгородѣ?

Насколько я понялъ, графиня П. С. Уварова, главнымъ образомъ, хочетъ загладить и пополнить безрезультатный новгородскій съездъ, закончившійся веселою и сытною экскурсіей во Псковъ, имѣя въ виду сначала собраться позасѣдать во Псковѣ, а потомъ прокатиться въ Великій Новгородъ, благо изъ того и другого города поступили заявленія отъ городскихъ управъ—о желаніи видѣть всероссійскихъ археологовъ въ нѣдрахъ своихъ обиталищъ.

Выборъ предсѣдателя московскаго археологическаго общества особенно энергично поддерживалъ любящій свою родину профессоръ И. Е. Евсѣевъ, обѣщавшій едва ли не пожертвовать собою за родную Псковскую землю.

Въ виду обнаружившагося среди участниковъ разногласія насчетъ Москвы и Пскова, была предложена, вопреки всѣмъ старымъ обычаямъ, закрытая баллотировка самой предсѣдательницей, не преминувшей, однако, при чтеніи записокъ: «Москва», повторять свое заявленіе: «да кто же васъ приглашаетъ въ Москву?»

Но, увы... баллотировка, въ силу какого-то хитросплетенія мыслей и соображеній, оказалась не въ пользу Москвы: 67 головъ было подано за Псковъ, 31—за Москву и 2 за Симферополь.

Alea jacta. Псковъ въ концѣ іюля 1914 года будетъ принимать у себя собравшихся со всей Россіи археологовъ, а въ августѣ ихъ перейметъ Великій Новгородъ, но археологическій съездъ будетъ называться только «псковскимъ».

Уже послѣ засѣданій выяснилось, что московское археологическое общество, дѣйствительно, одними своими средствами не можетъ вынести два требующія и большой работы торжества: юбилей и съездъ, а московское городское самоуправленіе, съ Н. И. Гучковымъ во главѣ, болѣе чѣмъ индифферентно къ задачамъ археологій, преслѣдуемымъ археологическимъ обществомъ.

Послѣ рѣшенія главнѣйшаго вопроса о мѣстѣ созыва XVI археологическаго съезда, предварительный комитетъ на двухъ засѣданіяхъ обсуждалъ, въ общихъ чертахъ, темы для предстоящихъ занятій къ съезду, которыхъ оказалось очень много, а исполнителей ихъ совсѣмъ мало, отчего и не трудно послѣднихъ перечислить.

Директоръ петербургскаго археологическаго института, извѣстный знатокъ церковныхъ древностей, Н. В. Покровскій обѣщаль разработать остатки фресковой живописи въ Святогорскомъ

монастырѣ и поработать надъ выясненіемъ взаимоотношеній церковной архитектуры Пскова и Новгорода.

Профессоръ И. Е. Евсѣевъ, несомнѣнно, представитъ подробный обзоръ псковской письменности до XVI вѣка, исполняя свое объщаніе.

Управляющій московскимъ архивомъ министерства юстиціи Д. В. Цвѣтаевъ намѣтилъ пока для себя и своихъ сотрудниковъ изданіе и изслѣдованіе слѣдующихъ находящихся въ ввѣренномъ ему хранилищѣ дѣлъ, книгъ и документовъ: 1) дѣлъ помѣстнаго стола новгородской и псковской съѣзжей избы; 2) писцовыхъ книгъ по Пскову, XVI—XVII вѣковъ, и ревизскихъ сказокъ; 3) документовъ первой половины XVII вѣка, относящихся до бывшаго Печерскаго монастыря; 4) цѣлаго ряда документовъ о бунтахъ въ половинѣ XVII вѣка и концѣ XVIII вѣка (бунтъ крестьянъ при императорѣ Павлѣ I), и 5) подлиннаго дѣла о постройкѣ въ Великихъ Лукахъ каменной церкви. Указанныя изданія и изслѣдованія по нимъ, несомнѣнно, составятъ цѣнный вкладъ въ историко-археологическую литературу о Псковской землѣ.

А. С. Раевскій, указавъ на рядъ необходимыхъ работъ по второму отдѣленію—исторической географіи и этнографіи, сообщилъ, между прочимъ, о недавней находкѣ среди бумагъ наслѣдниковъ свѣтлѣйшаго князя Воронцова—подлинника псковской судной грамоты, которая до сихъ поръ была извѣстна лишь въ копіи, снятой извѣстнымъ историкомъ и археологомъ Мурзакевичемъ. Къ его желанію—видѣть эту грамоту изданною къ псковскому съезду—присоединились всѣ участники предварительнаго комитета и просили московское археологическое общество принять соотвѣтствующія къ тому мѣры.

Свои услуги, буде найдется время и средства, объщаль г. Андріашевъ по части изданія писцовыхъ книгъ Пскова и экономическихъ описаній, а профессоръ А. Н. Филипповъ—работы своихъ слушателей на заданныя имъ темы о государственномъ устройствѣ Новгорода и Пскова въ XIV и XV вѣкахъ.

Вѣрная своей задачѣ—восполнить недочеты новгородскаго съезда, графиня П. С. Уварова предложила и объщала принять мѣры къ изданію трудовъ В. В. Сулова по св. Софіи, съ начала реставраціи храма и до послѣдняго времени, несмотря даже на то, что это изданіе, по ея же заявленію, обойдется свыше 15.000 рублей.

Въ заключеніе своихъ обсужденій предварительный комитетъ сдѣлалъ постановленіе объ организаціи подобныхъ предварительныхъ комитетовъ для трехлѣтней подготовительной работы къ съезду,—во Псковѣ, Новгородѣ и Нарвѣ, по преимуществу изъ мѣстныхъ силъ.

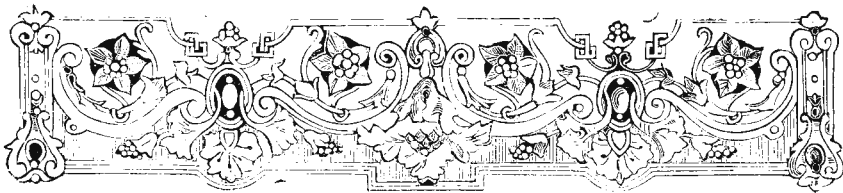
Вотъ и все почти обсуждавшееся на предварительномъ комитетѣ по поводу предстоящаго археологическаго съезда во Псковѣ.

Нельзя сказать, чтобы эти обсуждения подавали большія надежды, даже принимая во вниманіе обѣщаніе графини П. С. Уваровой—произвести въ Псковско-Новгородской области археологическія раскопки и изысканія силами московскаго археологическаго общества. Всѣ эти работы, не исключая и колоссальнаго труда В. В. Суслова, будутъ носить мѣстный характеръ, и потому, на нашъ взглядъ, находившій сторонниковъ и среди членовъ предварительнаго комитета, во Псковѣ болѣе приличествовало бы быть областному историко-археологическому съѣзду, чѣмъ всероссійскому археологическому. Но, любя и дорожа результатами археологическихъ съѣздовъ вообще, будемъ надѣяться на лучшее будущее и пожелаемъ новымъ предварительнымъ комитетамъ наибольшей продуктивности въ ихъ работахъ.

Заканчивая свою замѣтку, не могу еще не останоить вниманія читателя на докладѣ Д. П. Струкова, имѣвшемъ мѣсто на одномъ изъ засѣданій членовъ предварительнаго комитета и произведшемъ на нихъ благопріятное и даже ободряющее впечатлѣніе. Д. П. Струковъ, секретарь императорскаго русскаго военно-историческаго общества и управляющій артиллерійскимъ историческимъ музеемъ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій XV археологическаго съѣзда въ Новгородѣ прочелъ свой обстоятельный докладъ о томъ ненормальномъ положеніи, въ какомъ находится наши отечественные музеи вообще, какъ правительственные, такъ и городскіе и частные. Но за позднимъ временемъ обсужденія этого доклада на съѣздѣ не состоялось. Къ счастью, нынче, благодаря сочувствію и гостепримству товарища предсѣдателя императорскаго историческаго музея имени императора Александра III, князя Н. С. Щербатова, удалось, хотя и не въ большомъ составѣ заинтересованныхъ музейнымъ дѣломъ лицъ, подвергнуть обсужденію главные тезисы докладчика и рѣшить вопросъ о неотложной необходимости образовать особый постоянный совѣтъ историко-археологическихъ музеевъ при московскомъ историческомъ музеѣ, въ цѣляхъ, прежде всего, точнаго и подробнаго установленія числа нашихъ музеевъ вообще и, затѣмъ, постепеннаго ихъ улучшенія и упорядоченія. Вновь образованный совѣтъ историко-археологическихъ музеевъ озаботится и созывомъ съѣзда въ Москвѣ лицъ, причастныхъ къ музеямъ и интересующихся этой важнѣйшею отраслью въ дѣлѣ ознакомленія съ отечественной стариной,—въ концѣ декабря 1912 года.

Давно было пора обратить вниманіе на весьма безотрадное положеніе нашихъ музеевъ, но мы давно уже по своему обычаю всюду запаздываемъ... А потому еще большее спасибо и большая честь Д. П. Струкову, вызвавшему къ жизни этотъ серьезнѣйшій вопросъ о музеяхъ.

В. Рудаковъ.

ПЕРИОДЪ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ.

(Историческіе очерки).

I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятыхъ годовъ.

I.

БЫ РАЗСМОТРѢЛИ въ предыдущихъ нашихъ очеркахъ подъ заглавіемъ «Эпоха мира и успокоенія», при какихъ условіяхъ началось новое царствованіе, каковы были программы, рекомендованныя правительству Александра III общественными фракціями, разсмотрѣли, каковы были проекты реформы въ области государственнаго строительства двухъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, графа М. Т. Лориса-Меликова и графа Н. П. Игнатъева, и обрисовали, при наличіи какихъ фактическихъ данныхъ эти проекты потерпѣли крушеніе. Въ дальнѣйшемъ нами было рассказано о ликвидаціи послѣднихъ народо-вольческихъ организацій, вылившихся изъ Липецкаго и Воронежскаго съѣздовъ, и въ своемъ мѣстѣ освѣщена настоящимъ образомъ та политическая интрига, которая завязалась около вопроса борьбы съ террористами со стороны видныхъ представителей нашей высшей аристократіи, подъ благороднымъ флагомъ охраны священной особы новаго государя, изъ коихъ многіе мечтали и о политическомъ *coup d'état* въ интересахъ дворянской конституціи. Весь этотъ періодъ можетъ быть по всей справедливости

разсматриваемъ, какъ своего рода прологъ къ той ясной внутренней политикѣ дѣйствій, которая опредѣлилась только къ срединѣ 1883 г., когда на коронаціи 15-го мая императоръ Александръ III обратился съ своей знаменательной рѣчью къ предводителямъ дворянства и волостнымъ старшинамъ, послѣ которой Россія поняла, каковы будутъ въ дѣлѣ внутренняго государственнаго строительства ея краеугольныя основы. Въ Москвѣ въ 1883 г. опредѣлились принципы, развитіе которыхъ получило свое главное осуществленіе въ послѣдующія семь приблизительно лѣтъ. Въ этотъ періодъ политика сильной и твердой государственной власти совершенно оформилась, и мы въ хронологическомъ порядкѣ и сдѣлаемъ ея разсмотрѣніе въ текущей части нашихъ очерковъ; но прежде, чѣмъ приступить къ этому разсмотрѣнію, отмѣтимъ главнѣйшіе факты изъ жизни русскихъ революціонеровъ и революціонной хроники, какъ таковыя слатались до 1887 г., когда послѣдовало организованное покушеніе на жизнь Александра III, долженствовавшее явиться историческимъ повтореніемъ драмы 1-го марта 1881 г. на Екатерининскомъ каналѣ. Что касается тюремнаго и крѣпостнаго быта присужденныхъ по политическимъ дѣламъ, вѣншекъ ихъ неудовольствія и возмущеній противъ тюремнаго начальства, то этой сторонѣ мы посвятимъ въ дальнѣйшемъ спеціальнѣйшій очеркъ, такъ какъ онъ являетъ собою особую характерную страничку русской жизни, имѣвшую непосредственную связь съ ходомъ революціонныхъ событій. На этой страничкѣ мы встрѣтимся со многими изъ старыхъ знакомыхъ, о комъ шла рѣчь въ нашихъ очеркахъ, и узнаемъ трагическую судьбу нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Благодаря энергіи правительства, умѣлости въ дѣлѣ уловленія преступниковъ и въ особенности благодаря предательству Дегаева, большинство видныхъ представителей русской революціи, какъ мы уже о томъ говорили, были арестованы въ теченіе 1881—1883 г. О процессахъ большинства ихъ было сказано, но за всѣмъ тѣмъ въ наличіи оставалась еще обширная армія второстепенныхъ дѣятелей, которые продолжали, съ одной стороны, дѣло революціи, какъ оно опредѣлилось къ началу восьмидесятыхъ годовъ, съ другой, пытались возстановить террористическую организацію «Народной Воли» и замѣнить собою «первый исполнительный комитетъ». Таковая попытка организаціи была дѣлаема и Дегаевымъ и Германомъ Лопатинымъ, при чемъ въ составѣ ея, кромѣ этихъ лицъ, оказались въ разное время писатель и секретарь «Отечественныхъ Записокъ» С. Н. Кривенко, недавно скончавшійся депутатъ государственной думы В. А. Карауловъ, г-жа Усова и молодой талантливый писатель-поэтъ, тоже скончавшійся въ прошедшемъ году П. Я. Якубовичъ (онъ же М. Рамшевъ, П. Мельшинъ, Гриневичъ) и другіе. Но, главнымъ образомъ благодаря предательству Дегаева, многіе изъ нихъ вскорѣ были арестованы, другіе попались также въ руки администраціи

вслѣдствіе своей неосторожности и въ связи съ прочимъ арестами, по преимуществу на югѣ. Дѣятельность этихъ новыхъ носителей революціонной доктрины не реализовалась никакими яркими фактами, оказалась очень кратковременной и не принесла правительству болѣе или менѣе сложныхъ хлопотъ. Часть ихъ была просто сослана въ сибирскія далекія мѣста, а часть, въ лицѣ Караулова, Лопатина, Якубовича, подверглась болѣе тяжкимъ наказаніямъ, въ видѣ пребыванія въ теченіе долгаго времени въ каторжныхъ тюрьмахъ и Шлиссельбургской крѣпости.

Слѣдя за хроникой революціонной жизни въ вышеуказанный періодъ, согласно даннымъ В. Бурцева въ его книгѣ «За сто лѣтъ»¹⁾, мы видимъ, что она слагалась изъ слѣдующихъ фактовъ и развертывалась въ такомъ хронологическомъ порядкѣ.

Послѣ искусственнаго освобожденія Дегаева въ 1883 г. въ Одессѣ и вступленія его въ извѣстныя намъ договорныя отношенія съ Судейкинымъ, вскорѣ же оказались арестованными многіе офицеры. Къ числу таковыхъ арестовъ относится: Ашенбреннера — въ Смоленскѣ; Рогачева (8-го апрѣля) въ Москвѣ, Штромберга въ Верхоленскѣ; въ Николаевѣ были взяты—Панингъ, Ювачевъ, Тихановичъ, штабсъ-капитанъ Волгадзе, лейтенантъ Бубновъ. Кромѣ того, офицеры—Константиновъ, Похитоновъ, Мазовскій, Крайскій, Стратоновичъ, Телье, Дерюгинъ, трое братьевъ Прокофьевыхъ, Серебряковъ (скрылся за границу) и др. Въ Харьковѣ 10-го февраля, по указанію Дегаева, взята Вѣра Фигнеръ, 25-го февраля—Ивановъ, Чуйко и рабочій Яковъ Собко (умеръ въ тюрьмѣ); 22-го іюня взята типографія «Народной Воли» (основанная 13-го февраля) и арестованы—Воскресенскій (Крыловъ), Настасья Ан. Осинская (повѣсилась въ домѣ предварительнаго заключенія), Чемоданова, Давидовичъ; 23-го іюня арестованъ Немоловскій; лѣтомъ арестованъ хозяинъ книжнаго магазина Кервели (просидѣлъ два года въ тюрьмѣ и былъ высланъ за границу).

Въ Петербургѣ 6-го іюня арестована типографія «Народной Воли» и арестованы Анжековичъ и Паули; осенью взята типографія Шебалиныхъ и Дегаева (участвовалъ въ ней притворно). Арестованы—офицеръ Леонтьевъ (сотрудникъ «Дѣла») и сосланъ въ Западную Сибирь за сношенія съ Петропавловской крѣпостью; въ сентябрѣ арестованъ писатель Григорій Сазоновъ (нынѣшній редакторъ «Голоса Земли»); арестована Людмила Волькенштейнъ, Карелина; 19-го декабря во время похоронъ Судейкина арестованъ нелегальный Росси (скрылся и засимъ пропалъ безъ вѣсти).

Въ Москвѣ въ январѣ арестована С. Никитина (умерла въ 84 г. въ Сибири), Комарницкій и въ декабрѣ М. Лаврусевичъ. Въ Кіевѣ

¹⁾ «За сто лѣтъ». Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній Россіи.

арестованы: въ февралѣ—студентъ Лаппо, нелегальный Крушинскій (сошелъ съума), въ сентябрѣ—нелегальный Малеванный, нелегальный Присѣцкій, писатель Борисовъ, Козловскій, Пчелкина-Герценштейнъ; въ декабрѣ—студентъ Дорожнинскій и В. Корнѣенко. Въ Таганрогѣ лѣтомъ взяты Натанъ Богоразъ (извѣстный писатель нынѣ—Танъ).

Въ Перми открыто было такъ называемое «пермское дѣло» по изданію гектографированнаго журнала «Заря» и по пронагандѣ среди рабочихъ. По этому дѣлу оказались арестованными—студенты и нѣкоторые учителя—Грибель, Казаковъ, Померанцевъ, Остроумовъ, Ермолинъ (учитель), бывший административный ссыльный въ Верхоленскѣ—Сергѣевъ и Данко, а также нѣкоторые другіе. Проводировалъ это дѣло нѣкто Мироносинскій. Въ томъ же году въ Петербургѣ состоялся приговоръ по убіенію Судейкина и исполненіе этого приговора Дегаевымъ, Стародворскимъ и Конашевичемъ.

О большомъ «процессѣ 17» мы уже говорили, при чемъ надлежитъ отмѣтить, что, въ виду особыхъ обѣщаній, данныхъ, если не непосредственно, то косвенно революціонной партіи, о недопущеніи смертной казни, въ виду предстоящей коронаціи, дѣйствительно подсудимымъ, приговореннымъ къ смерти—Богдановичу, Буцевичу, Телалову, Грачевскому и Златопольскому, принимавшимъ близкое участіе въ умыслахъ противъ жизни императора Александра II, казни, назначенная особымъ присутствіемъ сената, была замѣнена безсрочной каторгой.

Почти одновременно съ этимъ процессомъ въ Одессѣ состоялся судъ надъ слѣдующими двадцати трехъ подсудимыми съ вынесенными имъ слѣдующими резолюціями: надъ чиновникомъ Н. Н. Дзвонкевичемъ (безсрочная каторга), Сам. Майеромъ (безсрочная каторга), рабочимъ Моисеемъ Поповымъ (безсрочная каторга), студентомъ М. Дрейомъ (пятнадцать лѣтъ каторги), рабочимъ Иванайенъ (пятнадцать лѣтъ каторги), студентомъ Н. Матфѣевичемъ (пятнадцать лѣтъ каторги), рабочимъ Ботоговымъ (пятнадцать лѣтъ каторги), рабочимъ Надѣевымъ (пятнадцать лѣтъ каторги), народнымъ учителемъ Куртѣевымъ (пятнадцать лѣтъ каторги), Равенскимъ (десять лѣтъ каторги), солдатомъ П. Валуевымъ (десять лѣтъ каторги), мѣщаниномъ Голиковымъ (десять лѣтъ каторги), Фурсенкомъ (четыре года каторги), Фаши Морейнисъ (четыре года каторги), дворяниномъ Торгашевымъ (четыре года каторги), Евг. Степановой (поселеніе), студентомъ Немировскимъ (поселеніе), рабочимъ Клименко (умеръ дорогой въ Сибирь въ 1883 г.), рабочимъ Карпомъ Надѣевымъ (поселеніе), домашнимъ учителемъ Райхомъ (поселеніе), крестьяниномъ Фаликовымъ (поселеніе), кандидатомъ правъ Попельскимъ (оправданъ). Итого по этому процессу на каторгу пошло шестнадцать человѣкъ, на поселеніе—шесть, оправданъ—одинъ.

Въ Кіевѣ въ августѣ передъ судомъ предстало семь человѣкъ: В. Горинвичъ (восемь лѣтъ каторги), рядовой И. Левинскій (пятнадцать лѣтъ каторги), рабочій В. Пироженко (поселеніе), А. Бычковъ (поселеніе), И. Сарачевъ (поселеніе), В. Мещерскій (полтора года тюремнаго заключенія), писатель Ант. И. Богдановичъ, стоявшій еще недавно во главѣ «Современнаго Мира» и нынѣ скончавшейся,—оправданъ. Въ Иркутскѣ въ ноябрѣ слушалось дѣло учителя гимназій Конст. Неустроева (былъ арестованъ въ 1882 г.

Герм. А. Лопатинъ.

за сношенія съ заключенными въ тюрьмѣ политическими преступниками), и обвиняемый за пощечину, данную генераль-губернатору Анучину, былъ приговоренъ къ смертной казни. Приговоръ надъ нимъ былъ приведенъ въ исполненіе.

Разсматривая рубрику смертей политическихъ преступниковъ, мы видимъ слѣдующую среди нихъ убыль: въ Якутской области оказалась задушеною Е. Н. Южакова (сестра извѣстнаго, нынѣ скончавшагося публициста) рабочимъ Бочинымъ, потомъ отравившимся; въ харьковской тюрьмѣ умеръ Собко; въ Сургутѣ скончался Кон. Филипповъ, въ Женевѣ застрѣлилась Софья Бордина; лѣтомъ

«истор. вѣсти», февраль 1912 г., т. сѣ вл.

въ Селенгинскѣ бросился со скалы, убивъ себя на смерть, Наддачинъ, въ Бернѣ умеръ Ан. Франколи, и за нимъ отравилась его жена Евг. Завадская; отравилась и В. Колотилова, высланная изъ Красноярска по дѣлу о побѣгѣ Малавскаго (въ 1881 г.); въ Томскѣ застрѣлился при арестѣ нелегальный Вл. Бычковъ; въ Енисейскѣ умерла Лид. Клейнъ, высланная административно изъ Петербурга въ 80 г.; за границей умеръ І. Тартаковскій; въ домѣ предварительнаго заключенія повѣсилась Н. А. Осинская, сестра извѣстнаго родоначальника террора Валер. Осинскаго; тамъ же умеръ Кульчинскій; въ Екатеринославѣ во время безпорядковъ былъ убитъ нелегальный Эверсъ.

Рядомъ съ этими событіями непосредственно изъ социалистической хроники надлежитъ отмѣтить и событія, имѣвшія ближайшее къ ней прикосновеніе и стоявшія съ ней въ связи. Въ Варшавѣ состоялись большіе студенческіе безпорядки, и студентъ Е. Жуковичъ далъ пощечину поочетелю Апухтину. Осенью былъ изданъ циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія о революціонной пропагандѣ въ тринадцати гимназіяхъ, одной прогимназін и десяти реальныхъ училищахъ; тогда же произошли обширныя безпорядки, имѣвшіе политическую подкладку, въ пятнадцати гимназіяхъ и четырехъ реальныхъ училищахъ. Въ апрѣлѣ имѣла мѣсто стачка на Жирардовской мануфактурѣ, во время которой трое рабочихъ было убито и пять ранено.

Въ этотъ же періодъ нелегальная литература, какъ домашняго, такъ и заграничнаго производства, несмотря на открытыя тайныя типографіи, разрасталась, въ громадномъ количествѣ, при чемъ въ прокламаціяхъ съ особеннымъ интересомъ трактовалось о совершившейся въ Москвѣ коронаціи Александра III и о его рѣчи волостнымъ старшинамъ и предводителямъ дворянства. Хотя тогда уже легальная печать сильно сбавила съ тона, но тѣмъ не менѣе правительство принимало противъ нея значительныя репрессіи, и многіе органы прессы оказались пострадавшими. Такъ, 5-го января была прекращена газета «Страна» за передовую въ нумерѣ первую статью, гдѣ, по словамъ правительственнаго сообщенія, «съ непопозволительной дерзостью заявляется объ отсутствіи въ сферахъ управляющихъ искренности и сколько-нибудь рациональныхъ въ систему приведенныхъ идей», о господствѣ у насъ въ настоящее время «системы правительственнаго бездѣйствія и общественнаго недоумѣнія», послѣдствіемъ чего явилось отсутствіе хотя бы первыхъ словъ прогресса, всеобщее обнищаніе и произволъ, о ничтожествѣ образованнаго класса, не рѣшающагося энергически дѣйствовать «для доставленія торжества своимъ идеямъ»; 12-го февраля прекращенъ «Голосъ» А. И. Краевского, 18-го марта—«Московскій Телеграфъ». Даны предостереженія: «Отечественнымъ Запискамъ» за разсказъ Щедрина «Судъ надъ пискаремъ» и за статью Николадзе о Луи-Бланѣ и

Гамбеттъ; «Наблюдателю» за внутреннія обозрѣнія во всѣхъ пер-
выхъ шести книгахъ и «Русской Мысли» за «С.-Петербургскія
письма» (въ номерѣ двѣнадцатомъ).

II.

Особенно чревать былъ послѣдствіями для революціонной хроники
послѣдовавшей 1884 годъ. Арестованы были писатель С. Н. Кри-
венко (до 1885 г. сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ
сосланъ въ Сибирь), С. Усова (четыре года Западной Сибири),
чиновникъ министерства путей сообщенія Ю. Антоновскій (шесть
мѣсяцевъ тюремнаго заключенія), секретарь петербургскаго ми-
рового съѣзда Юрасовъ (четыре года Западной Сибири), кандидатъ
университета Подбѣльскій (четыре года Западной Сибири); въ мартѣ
арестованъ террористъ Конст. Степуринъ (зарѣзался въ домѣ пред-
варительнаго заключенія въ 1886 г.), литераторъ М. А. Протопоповъ
(сосланъ въ Кострому), беллетристъ А. И. Эртель (одинъ годъ въ
домѣ предварительнаго заключенія и затѣмъ административно вы-
сланъ изъ Петербурга), секретарь редакціи «Новостей» Грековъ (на
два года въ Вологду), Люб. Чернова (Чудновская)—въ Восточную
Сибирь на три года, статистикъ Вен. Бодаевъ (высланъ на родину на
три года), нелегальный Логовской (при арестѣ пытался отравиться);
лѣтомъ взятъ писатель Н. В. Шелгуновъ (въ 1885 г. освобожденъ изъ
дома предварительнаго заключенія и засимъ административно вы-
сланъ въ провинцію подъ надзоръ полиціи). Въ октябрѣ арестованы—
Герм. Лопатинъ, Салова, Познеръ (сослана въ Пинегу и тамъ по-
вѣсилась), М. П. Орловъ (въ Западную Сибирь на три года, по якут-
скому дѣлу, о коемъ рѣчь впереди, переведенъ на каторгу), Под-
сенова (сотрудн. «Волжскаго Вѣстника»), врачъ Флеровскій,
Батмановъ, статистикъ Хлопинъ, нелегальный М. Сабунаевъ (на пять
лѣтъ въ Восточную Сибирь); 8-го ноября—поэтъ и беллетристъ П. Ф.
Якубовичъ-Рамшевъ, Роза Франкъ (въ 87 г. сослана въ Якутскую
область на три года и по якутскому дѣлу—въ каторгу), И. Поповъ
(на три года въ Восточную Сибирь; издавалъ «Восточное Обозрѣніе»),
сербъ Окиць Глушевичъ (въ 85 г. высланъ за границу). Всего въ
одномъ Петербургѣ за 1884 г. оказалось арестованными до двухсотъ
человѣкъ.

Съ января до 23-го марта существовала типографія на Лигов-
скомъ каналѣ. По накрытіи ея были арестованы: учительница С.
Сладкова (скрылась и умерла въ Парижѣ въ 88 г.), Булыгина (въ
85 г. сослана въ Западную Сибирь на четыре года); П. М. Мануй-
ловъ (арестованъ лѣтомъ въ Москвѣ, сосланъ на три года въ Запад-
ную Сибирь). Въ Москвѣ были арестованы: въ февралѣ Вѣра Обу-
хова (выслана въ Тверь, откуда скрылась); кандидатъ математики
В. Распопинъ (на два года въ Западную Сибирь, прибавлено два

года и умеръ въ 87 г.), въ іюлѣ нелегальный С. Степановъ (на три года въ Западную Сибирь), Н. М. Флеровъ (на пять лѣтъ въ Березовъ); ветеринарный врачъ Ф. Сиѣгиревъ (на пять лѣтъ въ Восточную Сибирь). Въ маѣ арестована типографія Киселева, печатавшая много нелегальныхъ изданій. Арестованы Викт. Бѣляевскій (умеръ черезъ недѣлю послѣ освобожденія), Рубиновъ (въ 85 г. на три года въ Восточную Сибирь; срокъ прибавленъ); Абазовъ, Миноръ (выпущенъ въ 85 г., въ 86 г. взятъ вторично); Пав. Аргуновъ (въ 86 г. на пять лѣтъ въ Восточную Сибирь). Общее количество арестованныхъ въ Москвѣ за тотъ годъ дошло до двухсотъ пятидесяти человекъ.

Въ Кіевѣ взята типографія Шебалина. Арестованы самъ Шебалинъ и его жена, урожденная Богоразъ, рабочіе Панкратовъ и Борисовичъ оказали вооруженное сопротивленіе, нелегальный В. Карауловъ и Конашевичъ и др.; Рехневскій. Профессоръ Мищенко лишенъ кафедры и высланъ административнымъ порядкомъ. Въ Одессѣ, послѣ выстрѣла Калюжной въ жандармскаго полковника Катанскаго, арестовано до восьмидесяти человекъ. Сосланы Ганелина (въ Вятку на два года), докторъ Барская, Сем. Гальперинъ, учитель гимназій П. А. Маврогинъ (уже бывший съ 1879 года въ Восточной Сибири и снова туда сосланный); въ августѣ взяты нелегальный А. Н. Кашицевъ (пять лѣтъ Восточной Сибири), Я. А. Барскій (пять лѣтъ Восточной Сибири); Б. Оржихъ (скрылся). Въ Харьковѣ въ началѣ января взята по оговору Шкрибы типографія народниковъ и арестованы Монгауровъ, Н. Гурданъ (умеръ въ Якутской области въ 88 году), Дм. Ослоповъ (пять лѣтъ Западной Сибири), Забалуевъ (пять лѣтъ Западн. Сиб.); Мар. Ос. Сыщанко, Абр. Гольденбергъ, Всев. Гончаровъ (умеръ въ тюрьмѣ въ 85 г.), А. Тихоцкій (пять лѣтъ Вост. Сибири).

Въ Луганскомъ заводѣ были произведены обширные аресты по дѣлу устройства динамитной мастерской и арестованы: Гейеръ (освобожденъ и арестованъ снова весной 85 г. по указанію Елько), Ан. Бѣлоусовъ, Ожиговъ (пять лѣтъ Восточн. Сиб.). Въ Полтавѣ арестованъ Бор. Крачевскій. Въ Мценскѣ взятъ статистикъ Ю. Бунинъ, административно-ссылный докторъ С. Як. Елпатьевскій (извѣстный литераторъ-беллетристъ), въ Новгородѣ взятъ офицеръ Мазовскій, въ Новгородской губерніи—Н. Карауловъ. Въ Севастополѣ—Телепневъ съ транспортомъ нелегальныхъ изданій. Въ Ростовѣ-на-Дону—Дабрускина, Рафаилъ Чернышевъ, Богд. Маркевичъ, писательница Ан. Барыкова (освобождена черезъ мѣсяць). Въ Елисаветградѣ—Хороманскій (умеръ, три года Вост. Сиб.), Дудинъ (три года Восточн. Сиб.), Шкловскій, докторъ Аф. Михалевичъ (пять лѣтъ Восточн. Сиб.), литераторъ Русовъ и его жена и др. Въ Варшавѣ арестованы—мировой судья Бардовскій съ женой—Поль (пять лѣтъ Вост. Сиб., умеръ въ 86) и Добровольскій, Людв. Яновичъ (при арестѣ оказалъ вооруженное сопротивленіе), Словинскій

и Дембскій (скрылись). Въ маѣ при проѣздѣ изъ-за границы взять писатель, редакторъ «Дѣла» К. М. Станюковичъ (до 85 года въ домѣ предварительнаго заключенія, потомъ три года въ Томскѣ).

Мы привели длинную хронику арестовъ и притомъ довольно характерную. Изъ нея впервые усматривается, какъ широко по разнымъ городамъ раскинулась сѣть революціонныхъ организацій, каковъ разнообразный составъ лицъ, въ нее вошедшихъ, причемъ не послѣднюю роль въ ней играютъ писатели, изъ коихъ многіе нынѣ уже сошли въ могилу, а нѣкоторые здравствуютъ и понынѣ; нако-

С. Н. Кривенко.

нецъ, составъ показываетъ, что въ подавляющемъ своемъ составѣ онъ великорусскій, съ очень слабымъ еще тогда инородческимъ элементомъ, только впоследствии взявшимъ здѣсь верхъ и до извѣстной степени его подавившимъ. Чистое народовольчество, повидимому, не привлекало къ себѣ, съ одной стороны, этого инородческаго элемента, сохраняя какъ бы свой своеобразный націоналистическій характеръ. Лишь со временемъ, когда на смѣну ему пришло социаль-демократическое движеніе, вербовавшее своихъ членовъ по преимуществу изъ городскихъ массъ, мы видимъ въ немъ преобладаніе, на примѣръ, еврейскаго элемента. Весьма воз-

можно, что въ выступленіи инородцевъ на арену политической дѣятельности въ большой степени сыграли роль, съ одной стороны, именно около этого времени (83 г.) прокатившіеся по Россіи еврейскіе погромы: въ маѣ въ Ростовѣ-на-Дону, въ августѣ въ Екатеринославской губерніи (много убитыхъ) и въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ ноябрѣ въ Кривомъ Рогѣ; 28-го февраля послѣдовало въ Баку и избіеніе татаръ. Эти погромы, совпавшіе съ паденіемъ народо-вольчества и съ началомъ переходной эпохи репрессій по адресу инородцевъ, заставляють поневолѣ установить нѣкоторую связь между ними и усиленіемъ въ инородцахъ протестующаго политическаго начала. Съ теченіемъ дальнѣйшаго времени прогрессивное соотношеніе репрессій и нарастанія революціоннаго духа въ инородческомъ населеніи еще болѣе становится нагляднымъ.

Обращаясь къ дальнѣйшей революціонной хроникѣ, мы видимъ въ сферѣ суда надъ преступниками на первомъ планѣ большой петербургскій процессъ «четырнадцати подсудимыхъ», о которомъ мы уже говорили и гдѣ подсудимыми явились В. Фигнеръ, Штромбергъ, Ювачевъ и др. По этому процессу утверждается и смертная казнь черезъ повѣшеніе надъ Штромбергомъ. Въ Одессѣ утвержденъ приговоръ надъ Маріей Калужной, приговоренной въ двадцати годахъ каторги. Въ Кіевѣ въ ноябрѣ происходитъ судъ надъ двѣнадцатью подсудимыми, среди которыхъ фигурируютъ: рабочій Мартяновъ (Борисовичъ)—приговоренъ къ каторгѣ (Шлиссельбургъ); М. П. Шебалинъ и жена его Прасковья Шебалина—сосланы въ Сибирь, Послѣдняя въ 85 году скончалась въ Москвѣ въ пересыльной тюрьмѣ. Макс. Н. Васильевъ—поселеніе; студентъ Н. Завадовскій—оправданъ; студентъ Е. Степановъ—оправданъ, студентъ духовной академіи Гр. Дашкевичъ—поселеніе, студентъ Я. М. Затворницкій—поселеніе, Варвара Шулепникова—поселеніе; мѣщанинъ В. С. Панкратовъ—вѣчная каторга (Шлиссельбургъ), дворянинъ В. А. Карауловъ (покойный депутатъ)—четыре года каторги (Шлиссельбургъ), освобожденъ въ 1888 году и сосланъ въ Восточную Сибирь; Н. П. Дирдовскій—оправданъ. Такимъ образомъ, въ этомъ процессѣ—четыре приговорены къ каторгѣ, пять—на поселеніе и три оправданы. Въ Одессѣ происходилъ въ октябрѣ судъ надъ извѣстнымъ писателемъ эмигрантомъ Дейчемъ, выданнымъ Германіей и судимымъ по дѣлу объ убіеніи тайнаго агента Гориновича; онъ былъ приговоренъ къ тринадцати годамъ и четыремъ мѣсяцамъ каторги. Лѣтомъ въ стѣнахъ Шлиссельбургской крѣпости происходилъ судъ надъ Мишковымъ, приговореннымъ къ повѣшенію, что и было приведено въ исполненіе.

Рядомъ съ этими судебными разбирательствами происходитъ рядъ административныхъ высылковъ въ Сибирь. По вычисленію извѣстнаго американскаго писателя Кенана, въ тотъ годъ отправлено въ поселеніе—140 человекъ (въ 1883 году—156 человекъ); но г. Бур-

цевъ считаетъ эти тюремныя статистическія данныя значительно преуменьшенными.

Рубрика смертей показываетъ: въ Карійской тюрьмѣ 24 января умеръ Д. М. Рогачевъ, тамъ же 18-го іюля умеръ Жуковъ; въ Шлиссельбургской крѣпости умеръ Маловскій; въ домѣ предварительнаго заключенія умеръ Чайковскій; въ кіевской тюрьмѣ умеръ Крушинскій; въ енисейской умеръ Буличъ; осенью тамъ же застрѣлился П. Орловъ; въ Атбасарѣ застрѣлился офицеръ Папинъ; въ Минусинскѣ въ іюлѣ умеръ Рефергъ; въ Канскѣ утонулъ П. Николаевъ; въ Туринскѣ умеръ Ан. Лютихъ; въ Павлоградѣ въ мартѣ умеръ А. Ф. Дьякопенко; въ Вятской губерніи умеръ Полетика; въ Александровскѣ умерла Юл. Каменецкая; въ Кубанской области умеръ Титовъ; въ Харьковѣ покончилъ съ собою нелегальный съ 1879 года Топчавскій (жилъ подъ фамиліей Сахарова); въ Парижѣ умерла Варвара Никитина; тамъ же 23-го ноября умеръ В. Я. Мейеръ; въ Болгаріи умеръ К. Куторка; въ Монпелье умеръ эмигрантъ М. Каль; въ Бернѣ отравился Симонъ Дикштейнъ.

Нелегальная литература за этотъ годъ слабо прогрессируетъ, но зато мы видимъ здѣсь нѣсколько знаменательныхъ событій въ жизни прессы легальной. Такъ, 5-го іюля опубликовано распоряженіе 5-го января объ изыятіи изъ общественныхъ библиотекъ 125 сочиненій разныхъ русскихъ и переводныхъ иностранныхъ авторовъ, а также журналовъ—«Современникъ», «Русское Слово», «Знаніе», «Русская Мысль», «Отечественныя Записки», «Дѣло», «Устон». Засимъ послѣдовалъ дополнительный списокъ запрещенныхъ сочиненій и между прочимъ сочиненій Короленка и двѣнадцатаго и тринадцатаго томовъ сочиненій Л. Толстого. 20-го апрѣля запрещены «Отечественныя Записки», прекращенъ послѣ арестовъ Шелгунова и Станюковича журналъ «Дѣло». Здѣсь у мѣста отмѣтить, что арестъ Станюковича пошелъ ему, какъ издателю, отвѣтственному передъ подписчиками за удовлетвореніе ихъ книгами журнала, пожалуй, впродъ. Его дѣла, несмотря на хорошую въ тотъ годъ подписку, были очень запутаны, и, пожалуй, останься онъ на свободѣ, ему пришлось бы плохо. Но арестъ и ссылка покрыли недочеты по издательству. Объ этомъ автору и рассказывалъ нынѣ покойный прнс. повѣр. Бубновъ, состоявшій въ родствѣ съ Станюковичемъ и послѣ ареста послѣдняго немало потрудившійся надъ распутываніемъ издательства своего родственника.

Въ Москвѣ въ декабрѣ произошли большія студенческія демонстраціи на Страстномъ бульварѣ, въ результатѣ которыхъ оказалось до 110 человекъ арестованныхъ. Въ Кіевѣ въ сентябрѣ во время празднованія пятидесятилѣтняго юбилея университета святого Владимира произошли большіе беспорядки и произведено нападеніе на домъ ректора университета. Послѣдовали обширныя аресты, и университетъ былъ объявленъ закрытымъ до января 1885 года.

Нужно замѣтить, что въ теченіе всѣхъ восьмидесятихъ годовъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ происходили непрерывныя беспорядки, но здѣсь зарегистрированы лишь тѣ, которые были вынесены на улицу и носили на себѣ опредѣленный политическій характеръ.

III.

Наступившій 1885 годъ не столько былъ богатъ арестами и судами, сколько далъ революціонной рубрикѣ смертей заключенныхъ, изъ которыхъ многимъ суждено было сыграть въ исторіи нашего революціоннаго движенія крупную и рѣшающую роль и съ именами которыхъ намъ часто приходилось встрѣчаться въ нашихъ очеркахъ. Такъ, въ Шлиссельбургской крѣпости скончались Мышкинъ (разстрѣлянь), Миловскій, Долгушинъ, Буцевичъ, С. Златопольскій, Колоткевичъ, Лангансъ, Теллаловъ, Тетерка, Клѣточниковъ, Баранникова. На Карѣ умеръ Гр. Попко; въ вольной командѣ тамъ же умеръ докторъ Веймаръ; въ симферопольской тюрьмѣ отравился Ивашкевичъ; въ московской пересыльной тюрьмѣ 25-го декабря умеръ Левинъ; въ Киренскомъ округѣ сошелъ съ ума и умеръ Циціановъ; въ Енисейскѣ застрѣлился К. Суринъ, въ Енисейской губерніи умеръ Ольховскій. Въ Томскѣ отравилась Ел. Любовець; въ Кременчугѣ умеръ Константинъ Ершовъ; въ Москвѣ—Ел. П. Мачетъ (урожденная Медвѣдева); въ Парижѣ въ психіатрической лечебницѣ кончилъ жизнь П. Н. Ткачевъ, редакторъ «Набата».

Большинство этихъ именъ, какъ видятъ читатели, самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ началомъ народовольческаго движенія, и кончина ихъ какъ бы смертнымъ финаломъ заключаетъ собою это движеніе, причинившее правительству столько заботъ.

Въ этомъ же году состоялись аресты: въ Москвѣ при похоронахъ Абазова арестованъ нелегальный Михалевичъ; тогда же арестованы профессора Муромцевъ и Гольцевъ (онъ былъ арестованъ еще въ 83 и 88 гг.), П. Степановъ (пять лѣтъ Восточн. Сиб.). Въ Уральскѣ арестованъ Н. А. Бородинъ и заключенъ въ домъ предварительнаго заключенія. Въ Ромнахъ—Емельяновъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ—писатель В. Короленко (привезенный въ Петербургъ, онъ вскорѣ былъ освобожденъ); въ Казани—Бурцевъ; въ Ростовѣ-на-Дону—нелегальный Бартеневъ (четыре года Восточн. Сиб.), Ан. Остроумовъ (имъ были выданы таганрогская типографія «Народной Воли» и складъ бомбъ). Въ Харьковѣ арестованы Антоновъ и Макаревскій (бѣжалъ), 2-го мая Саулъ Аб. Лисенскій (при арестѣ оказалъ вооруженное сопротивленіе, былъ судимъ и казненъ), нелегальный Энгель (пять лѣтъ Восточн. Сиб.) и Теличевъ (пять лѣтъ Восточн. Сиб.). Въ Дертѣ взята типографія, гдѣ печатался десятый номеръ «Народной Воли», хозяинъ типографіи студентъ Переляевъ умеръ наканунѣ обыска, а работавшій въ ней А. Новиковъ успѣлъ бѣжать,

но въ Харьковѣ былъ арестованъ (пять лѣтъ Восточн. Сиб.). Въ Варшавѣ въ сентябрѣ арестовано свыше пятидесяти человѣкъ и между ними Мар. Богусевичъ, Роза Фельзенгардтъ, Стржеминскій—все трое умерли на этапномъ сибирскомъ пути; Манцевичъ (пять лѣтъ Восточн. Сиб.), Разумейчикъ (умеръ въ тюрьмѣ).

Судебныхъ процессовъ тотъ годъ далъ мало. Особенно выдѣлился лишь процессъ «Пролетаріата» въ Варшавѣ, куда вошло 29 человѣкъ и въ томъ числѣ писатель Ад. Сѣрошевскій, но этотъ процессъ не стоитъ въ общей связи съ русскимъ революціоннымъ движеніемъ и носить на себѣ специфическій характеръ. Отмѣтимъ, что по этому процессу были повѣшены Бардовскій, Куницкій, Оссовскій, Петрусинскій.

Въ области нелегальной литературы годъ далъ мало, а въ легальной можно отмѣтить лишь запрещеніе изданія газеты «Свѣточъ», по словамъ правительственнаго опредѣленія, «въ виду безусловно вреднаго ея направленія». Кроме того, дано предостереженіе Аксаковской «Руси» и сожжена книга С. А. Венгерова «Исторія новѣйшей русской литературы». Запрещено также профессору В. И. Семевскому чтеніе лекцій въ здѣшнемъ университетѣ, пользовавшихся среди студентовъ большой популярностью.

Въ январѣ произошли большія волненія рабочихъ въ Орѣхово-Зуевѣ, на Морозовскихъ фабрикахъ; многіе рабочіе были арестованы и заключены въ тюрьму. А въ іюлѣ близъ Елизаветполя при сборѣ податей крестьяне оказали власти вооруженное сопротивленіе. 298 крестьянъ было приговорено къ тюремному заключенію.

Небогата революціонная хроника и въ 1886 году. По случаю наступившаго 25-лѣтія крестьянской реформы газетамъ запрещено было упоминать объ этомъ событіи, причемъ «Русскія Вѣдомости», не желая подчиняться этому приказу, добровольно со-себѣ не вышли въ этотъ день. Въ Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ была устроена демонстрація, въ которой приняли участіе 200 человѣкъ, прошедшихъ демонстративно по городу. Въ Харьковѣ въ тотъ день были разбросаны прокламаціи «Къ обществу», «Къ народу», изданныя народниками. Арестованы были по этому поводу Лид. Лойко (бывшая Квашнина), Балабуха, Мерхелевъ и др.

Въ Петербургѣ арестованы были: 27-го января С. Ивановъ. По дѣлу типографін «Рабочій» взяты В. Харитоновъ (четыре года Западной Сибири), Бутковъ (повѣсился въ домѣ предварительнаго заключенія), М. Теселкинъ. 17-го ноябрю состоялась демонстрація въ память Добролюбова. Въ ней приняли участіе 500 человѣкъ, изъ коихъ 150 арестованы и нѣкоторые были высланы, въ томъ числѣ нынѣ извѣстный ученый экономистъ М. И. Туганъ-Барановскій. По случаю этой демонстраціи студентъ Ульяновъ, съ которымъ мы еще встрѣтимся, когда будетъ идти рѣчь о покушеніи въ 1887 году на жизнь императора Александра III, издалъ прокламацію «Къ об-

ществу». Въ Москвѣ арестованъ Мухановъ (шесть лѣтъ Восточной Сибири), Гоцъ, которому въ послѣдствіи пришлось играть въ революціонномъ движеніи выдающуюся роль, нелегальный Богоразъ. Въ Таганрогѣ взята типографія «Народной Воли» и съ нею вмѣстѣ арестованы Сигида, Федорова, Тринидатская, Оржихъ, Богоразъ; въ мартѣ арестованъ казачій сотникъ Черновъ, 2-го января Гейманъ. Въ Екатеринославѣ—Оржихъ, Поляковъ, Н. Шехтеръ, В. Гасицъ. Въ Дерптѣ—Каганъ-Вернштейнъ (арестованъ въ 1881 г. и былъ въ Восточной Сибири до 1885 года). Въ Одессѣ—ученый изслѣдователь Сахалина Штернбергъ, нелегальный Хмѣлевскій, рабочій Суворовъ (все три были административнымъ порядкомъ сосланы на десять лѣтъ на Сахалинъ), Гринцеръ, Гельмутъ, Левитъ (шесть лѣтъ Восточной Сибири), Кроль, Пикеръ.

Въ Тифлисѣ обнаружилась волненія въ духовной семинаріи, при чемъ ректоръ былъ убитъ семинаристомъ Лигіешвили; преступникъ былъ приговоренъ къ двадцати годамъ каторги, но въ 1891 году бѣжалъ.

Въ области судебной можно отмѣтить процессъ 33-хъ рабочихъ по поводу беспорядковъ на Морозовской мануфактурѣ; все они были оправданы судомъ, но нѣкоторые изъ нихъ тѣмъ не менѣе были сосланы въ сѣверныя «не столь отдаленныя мѣста» административнымъ порядкомъ.

Домашняя нелегальная литература дала немного, но за границей кое-что появилось заслуживающаго вниманія и на первомъ планѣ литературные труды Кравчинскаго-Степняка.

Въ рубрикѣ смертей мы узнаемъ, что въ Шлиссельбургѣ умерла Кобылянская, Немоловскій, Исаевъ, Геллисъ, Игн. Ивановъ. Въ Томскѣ застрѣлился А. А. Кропоткинъ (братъ извѣстнаго эмигранта); въ Атбасарѣ застрѣлился Капит. Коноваловъ; въ Иркутскѣ умеръ Линевъ, возвращавшійся въ Россію; въ Минусинскѣ застрѣлился Поповъ; въ Якутскѣ повѣсился Бовдѣльскій, утонулъ Дорошенко; въ Забайкальской области утонулъ Забѣлло; въ Тюкалинскѣ умеръ рабочій Подбѣльскій, въ красноярской тюрьмѣ А. В. Захарьина (урожденная Охроменко); въ томской тюрьмѣ солдатъ Кибилінъ; въ московской тюрьмѣ Броффей; въ Ростовѣ на Дону С. Дональдо, только что выпущенный изъ тюрьмы; въ Сибири застрѣлился рабочій Павловъ; въ Березовѣ умеръ Распопинъ; въ красноярской больницѣ умеръ офицеръ Н. Сипягинъ.

Въ дополненіе настоящей хроники отмѣтимъ, что въ періодъ 1883—86 гг. московскій университетъ понесъ значительныя утраты. Вслѣдствіе своего несогласія съ характеромъ наступившей правительственной дѣятельности вынуждены были покинуть кафедры профессора В. А. Гольцевъ, А. А. Дриль, А. Н. Муромцевъ, И. И. Дятлинъ, Максимъ Ковалевскій, а петербургскій университетъ—В. И. Семевскій.

Мы очертили въ вышеприведенныхъ фактическихъ данныхъ ту оппозиціонно и революціонно-общественную атмосферу, которая обнаружилась въ нашей странѣ къ 1883 году и въ годы послѣдовавшіе за нимъ, и видимъ, что революціонная смута начинаетъ понемногу спадать. Былые видные дѣятели террора сошли со сцены не только дѣйствія, но даже и жизни. Пришедшіе имъ на смѣну не были въ состояніи поднять дѣло своихъ предшественниковъ, и стремленія ихъ въ этомъ направленіи были легко задушаемы правительственной властью. Послѣдняя прошла большую школу борьбы съ терроромъ и изъ состоянія обороны перешла въ наступленіе. Представители административной и охранной власти успѣваютъ и послѣ Дегаева заручиться нужными имъ агентами сыска, которые легко проникаютъ въ революціонную среду, ловко ее провоцируютъ, создаютъ «дѣла» и инциденты и вслѣдъ за симъ не безъ особаго труда вылавливаютъ изъ нея наиболѣе имъ опасныхъ по своей энергіи и предпримчивости. Все движеніе уходитъ какъ будто подъ спудъ, и подъ этимъ спудомъ идетъ малопонятная на первый разъ работа; улавливаемые какъ будто распыляются въ населеніи, игра идетъ, такъ сказать, не на качество, а на количество, идея террора временно тухнетъ, и агитационный натискъ производится не на власть по теоріи Осинскаго, а на населеніе, куда несетъ проповѣдь неудовольствія дѣйствіями правительства и курсомъ, имъ принятымъ. Противная сторона преслѣдующихъ для уловленія этой распылившейся прежде боевой группы усиленно прибѣгаетъ къ провокаторству, и вскорѣ на смѣну программы дѣйствій Дегаева выдвигается программа Зубатова, преслѣдующая не столько цѣли открытія «заговоровъ», сколько пропаганды. Объ этой системѣ мы еще будемъ далѣе подробнѣе говорить, а пока отмѣтимъ лишь, на какихъ элементахъ неудовольствія пробовали сыграть потомки народовольцевъ и какіе козыри въ ихъ руки далъ въ данномъ случаѣ новый курсъ, обнаружившій себя вполне опредѣленно именно въ 1883 году, въ дни коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ.

IV.

Въ высочайшемъ манифестѣ отъ 29-го апрѣля 1881 г. было сказано: «посвящая себя великому нашему служенію, мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ служить намъ и государству вѣрой и правдой къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю русскую, къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ исправленію неправды и хищенія—къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учреждений, дарованныхъ Россіи благодѣтелемъ ея, возлюбленнымъ нашимъ родителемъ».

Въ этихъ словахъ, возвышенныхъ съ высоты престола, по обычаю всѣхъ историческихъ подобныхъ манифестовъ, устанавливалась

тѣсная преемственность между государственными начинаніями и учрежденіями минувшаго царствованія и новаго, но, какъ уже нами было въ своемъ мѣстѣ указано, почти всегда именно эта-то преемственная связь въ дальнѣйшемъ нарушалась, и на сцену жизни выступали новыя дѣйствования, вызванныя ходомъ сложившихся обстоятельствъ, требованіями времени и до извѣстной степени объясняемая складомъ характеровъ и міровоззрѣній лицъ, заново выступившихъ на эту историческую сцену жизни.

Мы видѣли, что подъ конецъ царствованія Александра II въ курсѣ нашей внутренней политики наступилъ нѣкоторый переломъ и Россія какъ будто готовилась воспріять обновленную форму государственнаго управления на основаніяхъ, намѣчаемыхъ пока въ слабыхъ контурахъ гр. Лорисомъ-Меликовымъ. Катастрофа 1-го марта остановила этотъ поступательный ходъ исторіи.

Мы знаемъ уже судьбу начинаній графа и читали о томъ историческомъ засѣданіи подъ предѣдательствомъ новаго государя, когда эти начинанія разбились въдребезги и какой былъ данъ отвѣтъ той части печати, которая пыталась поддержать курсъ графа. Этими какъ бы дано было понять, что бесѣды о реформированіи нашего государственнаго строя въ опредѣленныхъ направленіяхъ празды, нежелательны и не обоснованы. Проваль проекта графа Игнатьева, о которомъ также даны были въ своемъ мѣстѣ свѣдѣнія читателямъ, показали, что реформа въ духѣ славянофильскаго неповѣданія также похоропена, а назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого, человѣка громадной энергіи, работоспособности и государственнаго ума въ консервативномъ направленіи, показало населенію, что оно стало передъ лицомъ очень опредѣленныхъ полицейско-бюрократическихъ принциповъ, долженствующихъ не столько внести поступательное движеніе въ застопорившіяся реформы Александра II, но, напротивъ, ввести ихъ въ новое русло и укрѣпить новыми гранитными берегами. Нѣкоторыя мѣропріятія новаго правительства, о коихъ рѣчь впереди, обнаружили тенденцію къ вниманію къ экономическимъ нуждамъ населенія и стремленіе внести здѣсь тотъ необходимый коррективъ, который не досмотрѣли дѣятели великой крестьянской реформы, но который вмѣстѣ съ тѣмъ грозилъ Россіи большими бѣдами. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ основаніе въ 1881 г. крестьянскаго банка.

Какъ гласитъ отчетъ этого банка за періодъ 1883—1904 г.г. ¹⁾, «уже во времена существованія крѣпостнаго права надѣленіе крестьянъ достаточнымъ для безбѣднаго ихъ существованія количествомъ земли признавалось дѣломъ государственной важности и вмѣнялось въ обязанность помѣщикамъ. Взглядъ этотъ нашель себѣ опредѣленное выраженіе въ дореформенномъ нашемъ законо-

¹⁾ «Обзоръ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка», изд. 1906 г.

дательствѣ и стат. т. IX Св. Закон., изд. 1857 года, постановлено было, что отъ помѣщиковъ, бывшихъ не въ состояніи надѣлать своихъ крестьянъ 4,5 десятины на каждую мужескаго пола душу, крестьяне должны быть отбираемы въ вѣдомство казны. Основная идея положенія 19 февраля 1861 года также заключалась въ освобожденіи крестьянъ съ землею въ количествѣ достаточномъ для обезпеченія ихъ быта и для исполненія лежащихъ на нихъ обязанностей передъ государствомъ. Но время показало, что такая идея была осуществлена не вполне и значеніе обезпеченія, дарованнаго крестьянамъ положеніемъ 19 февраля 1861 г. въ видѣ земельныхъ надѣловъ, къ восьмидесятымъ годамъ сильно измѣнилось подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторыя имѣли общее значеніе для всѣхъ мѣстностей безразлично, другія же только мѣстное значеніе.

«При разсмотрѣніи государственнымъ совѣтомъ въ 1881 г. вопроса о выкупѣ временно обязанными крестьянами ихъ надѣловъ и о пониженіи выкупныхъ платежей выяснилось съ очевидностью почти повсемѣстное хозяйственное разстройство крестьянъ, явившееся слѣдствіемъ недостаточности земельныхъ надѣловъ. Признавая, что измѣненіе такого положенія собственными силами крестьянъ являлось для нихъ невозможнымъ въ виду отсутствія денежныхъ средствъ для расширенія землевладѣнія путемъ приобрѣтенія земли покупкою, государственный совѣтъ полагалъ наиболѣе цѣлесообразной для того мѣрой устройство доступнаго крестьянамъ кредита для покупки земель. Такое заключеніе государственнаго совѣта удостоилось 20 мая 1881 года высочайшаго утвержденія и тѣмъ предрѣшенъ былъ вопросъ объ организаціи сословнаго крестьянскаго ипотечнаго кредита. Изъ общихъ причинъ, повлиявшихъ къ тому времени на уменьшеніе значенія надѣловъ, какъ обезпеченія, наиболѣе существенной представлялось прежде всего увеличеніе народонаселенія за двадцать слишкомъ лѣтъ».

Банкъ открылъ свои дѣйствія въ 1883 году, и здѣсь не объ его дѣйствіяхъ, уставѣ и пользѣ, имъ населенію принесенной, собираемся мы говорить. Мы хотѣли лишь показать, что новое царствованіе подчеркиваетъ принципъ с о с л о в н о с т и, на которомъ долженъ зиждиться нашъ соціальный строй. И тѣмъ не менѣе и констатированіе этого факта и забота о сельскомъ людѣ не давали еще обществу права на послѣднее слово въ вопросѣ, каковъ будетъ общій характеръ внутренней политики новаго историческаго періода. Были лишь въ этомъ отношеніи достаточно, правда, вѣскіе показатели, являвшіеся своего рода предвѣстниками, но тѣмъ не менѣе до послѣдняго шага оставались еще не пройденные шаги.

Вопросъ окончательно опредѣлился лишь на коронаціи въ Москвѣ 15 мая 1883 г. и во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ 1886 г. Въ этихъ двухъ историческихъ моментахъ заключается,

пожалуй, вся суть той программы новой внутренней политики, которая опредѣлилась за пятилѣтіе 1881—1886. Но даже еще наканунѣ 1883 г. въ обществѣ какъ бы наблюдаются колебанія, наличие которыхъ до извѣстной степени обнаруживается въ нѣкоторыхъ привѣтственныхъ газетныхъ статьяхъ въ первые коронаціонные дни. Правда, въ этихъ статьяхъ мы не встрѣчаемъ тѣхъ директивъ, которыя печать пыталась дать новому курсу въ первые дни, послѣдовавшіе за 1-мъ марта 1881 г., но при внимательномъ чтеніи мы уловимъ и здѣсь тѣ ноты, которыя слышались на столбцахъ прессы три года назадъ и гдѣ дѣло сводилось къ вопросу о расширеніи свободъ, о развитіи общественной самодѣятельности, о расширеніи основъ самоуправленія и необходимости покончить съ строго-сословнымъ и полицейско-бюрократическимъ строемъ.

Такъ, въ «Новомъ Времени» мы читаемъ:

...«Да изліетъ Царь царствующихъ на помазанника Своего Духа премудрости и разума, да поможетъ Ему съ возложеніемъ царскаго вѣнца исполнить вѣрно принятый обѣтъ—«всего себя посвятить благоденствію и славѣ возлюбленнаго отечества, служенію правдѣ и попеченію о благѣ народа».

«Это чувство народа—драгоценнѣйшій перлъ въ вѣнцѣ русскаго царя, нынѣ блестящій особенно ярко. Послѣ долгихъ сумерекъ, когда рабская «Русь была отгорожена отъ царскаго трона, когда, по выраженію поэта, «она молилась за царя, гремя цѣпами»,—нынѣ впервые народъ справляетъ свѣтлый праздникъ родной земли, какъ полноправный и свободный гражданинъ ея, и въ этой свободѣ читаетъ онъ оправданіе своей крѣпкой вѣры въ царя, въ ней черпаетъ новыя силы любви и преданности къ самодержавному государю.

«Только бы эта сила любви, единящая царя съ народомъ, была дѣйствительной, только бы не встрѣчалось преградъ ея животворному проявленію въ государственномъ и земскомъ строительствѣ! Гдѣ любовь, тамъ миръ и совѣтъ, тамъ все невозбранно пользуются своими силами—каждый у своего дѣла: народъ въ своемъ трудѣ, власть въ своемъ властвованіи на благо общаго дорогаго отечества. И спадетъ съ насъ въ этомъ живомъ союзѣ любви бремя сомнѣній и недоразумѣній, закравшихся въ черные дни на святую Русь; и разсѣются тревожные призраки, смущающіе умъ и сердце, ибо миръ и совѣтъ между властью и землею—это неизсякаемый источникъ благодатнаго свѣта; и оживетъ наша великая страна въ теплыхъ лучахъ этого свѣта, являя человѣчеству образъ народнаго благоденствія подъ могущественной и въ своемъ могуществѣ любвеобильной властью».

Что касается представителя славянофильской партіи, все еще не терявшей надежды на созывъ земскаго собора, И. С. Аксакова, то онъ на страницахъ своей «Руси», такъ привѣтствовалъ государя

въ связи съ обрядомъ коронаціи. Онъ писалъ: «Твой личный благой починъ отзовется въ твоей странѣ великимъ, всеобщимъ, одушевленнымъ напряженіемъ силъ и исполинскимъ дѣломъ. Нуженъ царскій починъ русской землѣ, олицетворяющей въ церѣ себя и свою совокупную волю, видящей въ немъ живой символъ своей мощи и своего единства. Свлеки съ твоихъ слугъ, государь, ветхаго казеннаго человѣка, видѣннаго въ русскую жизнь петербургскимъ періодомъ нашей исторіи, и обнови въ нихъ подлиннаго человѣка земли въ честномъ званіи подданныхъ слугъ твоей державы. Изжени ложь и месть и всякое низкое угодничество или попросту подлость, такъ обильно разросшуюся въ нашей официальной средѣ. Да не молчитъ правда, но безбоязненно подымаетъ свой голосъ и широкимъ царственнымъ путемъ идетъ въ чертоги царицы. Иначе, минуя ихъ, пробираясь кривыми окольными тронами, исказится она въ самомъ существѣ своемъ и, какъ запретный плодъ, обрастетъ ложью и зломъ. Истомились, изнемогли мы, государь, отъ долгаго блужданія и шатанія по чужимъ дорогамъ или по бездорожью. Подними же нашъ уже было пошквѣшій духъ. Нѣтъ хуже бѣдствія для страны, какъ приниженіе духа. Утѣшь и чувство чести народной, да свободно и плодотворно развиваются все обильныя дарованія и вещественныя богатства земли твоей, да процвѣтетъ у насъ самостоятельнымъ цвѣтомъ наука и знаніе, да придетъ, по древнему выраженію нашихъ предковъ, «русское государство все въ достоинство». Оживи же насъ, государь, вызови къ творческой дѣятельности, оправдай, уполноправь доселѣ неполноправный въ родной землѣ разумъ народный, которымъ однимъ, однако, стоитъ пезыблемой твердыней твое неизмѣримое царство. И ты оправдаешь, ты уполноправишь его, нашъ разумъ народный, несомнѣнно, къ высшему, всемірно-историческому жребію предназначенный послужить Божьей истинѣ въ царскомъ служеніи своему народу».

Таковы были косвенныя указанія печати, ея робкія слова, гдѣ какъ-никакъ, а слышится все же нѣкоторая надежда. Но событія опрокинули эту надежду. Никакой широкой программы преобразованій въ коронаціонномъ манифестѣ не было указано, а рядомъ съ этимъ въ рѣчи государя подчеркнута, что строго сословный характеръ строя будетъ сохраненъ съ преобладающимъ въ немъ вліяніемъ не всей земской Россіи, а одного лишь дворянства.

21-го мая, въ три часа дня данъ былъ въ установленныхъ на дворѣ Петровскаго дворца палаткахъ указанный высочайше утвержденнымъ расписаніемъ празднествъ обѣдъ волостнымъ старшинамъ и гминнымъ войтамъ. Передъ началомъ обѣда государь императоръ всемилостивѣйше соизволилъ обратиться къ старшинамъ съ слѣдующими словами: «Я очень радъ еще разъ видѣть васъ; душевно благодарю за ваше сердечное участіе въ торжествахъ нашихъ, къ которымъ такъ горячо отнеслась вся Россія. Когда вы разѣдетесь

по домамъ, передайте всѣмъ мое сердечное спасибо; слѣдуйте совѣтамъ и руководству вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ привѣзкахъ и тому подобномъ. Эти слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно также какъ и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай Богъ вамъ счастья и здоровья».

Затѣмъ государь, обратившись къ собравшимся здѣсь же губернскимъ предводителямъ дворянства, сказалъ: «Благодарю васъ за вѣрность! Я всегда былъ увѣренъ въ искреннихъ чувствахъ дворянства и твердо надѣюсь, что оно какъ было, такъ и будетъ опорой во всемъ хорошемъ, для пользы престола и отечества. Дай Богъ намъ жить мирно и тихо, благодарю васъ отъ души».

Таковы были вполнѣ опредѣленные указанія относительно соціального русскаго будущаго. Что же касается вопроса о поступательномъ движеніи реформъ императора Александра II и расширеніи ихъ, то инцидентъ съ московскимъ городскимъ головою, извѣстнымъ русскимъ ученымъ Б. Н. Чичеринымъ, показалъ, что въ этомъ вопросѣ мало надежды на рѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ.

Будучи приглашенъ гостемъ на обѣдъ 16-го мая городскихъ головъ, Б. Н. Чичеринъ, будучи Московскимъ городскимъ головою, произнесъ рѣчь, гдѣ говорилъ о необходимости единенія земскихъ людей въ помощь правительству противъ враговъ общественнаго порядка, причѣмъ прибавилъ, что враги «свободныхъ учрежденій» могутъ усмотрѣть тутъ опасность. Свободными учрежденіями онъ тутъ разумѣлъ тѣ, что были дарованы Александромъ II: независимый судъ, земскія учрежденія, городское положеніе. Эта рѣчь вызвала бурю негодованія, и вліятельныя «Московскія Вѣдомости» разразились противъ оратора свойственными имъ редактору громами и молніями, указывая, что Чичеринъ проповѣдуетъ крамолу, потрясаетъ основы и влечетъ Россію на путь конституціонной гибели.

Такимъ образомъ, если 1883 годъ не далъ русскому обществу благопріятнаго отвѣта его давнимъ чаяніямъ, то всеподданнѣйшій докладъ графа Толстого далъ уже окончательно отрицательный отвѣтъ.

V.

Какъ свидѣтельствуетъ юбилейный «историческій очеркъ» министерства внутреннихъ дѣлъ¹⁾, и какъ то намъ уже извѣстно, графъ Игнатьевъ, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, признавая необходимость общей административной реформы, полагалъ, что матеріаломъ для разрѣшенія этой задачи должны послужить результаты

¹⁾ Министерство внутреннихъ дѣлъ 1808—1902 г.

сенаторскихъ ревизій и отвѣты земскихъ собраній, вызванные циркулярнымъ предложеніемъ министерства обсудить желательныя улучшенія въ законоположеніяхъ о крестьянахъ. По всеподданнѣйшимъ докладамъ графа Игнатьева отъ 4-го сентября и 20-го октября 1881 года учреждена особая коммиссія для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, во главѣ ея поставленъ ближайшій сотрудникъ графа Лориса-Меликова и бывший товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь М. С. Кахановъ, а членами назначены ревизовавшіе сенаторы и представители отъ министерствъ. Кромѣ того, предсѣдателю коммиссіи предоставлялось, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, приглашать мѣстныхъ свѣдущихъ людей и другихъ лицъ, участіе которыхъ въ работахъ коммиссіи признано будетъ полезнымъ. Когда составъ этой коммиссіи опредѣлился и опубликовываемы были протоколы ея засѣданій, то И. Аксаковъ, подсмѣиваясь надъ искусственностью и теоретичностью многихъ предложеній, неходившихъ, напримѣръ, отъ профессора полицейскаго права И. Е. Андреевскаго, писалъ, что вотъ, молъ, начинаютъ мудрить надъ вѣковымъ укладомъ русской жизни, толковать о нуждахъ русскаго народа и для этихъ толковъ дали мѣсто ученому профессору, а умнаго русскаго мужика, надъ которымъ собираются во имя его счастья что-то сдѣлать, позабыли пригласить на эти засѣданія, не пожелали выслушать голоса самого народа. Въ этихъ словахъ великій московскій патріотъ тонко проводитъ мысль о необходимости выслушать по вопросамъ о нуждахъ Россіи не голосъ экспертовъ и теоретиковъ, а голосъ земской народной Россіи, т.-е. намекаетъ на необходимость созыва земскаго собора.

Цѣлью преобразованія было поставлено объединеніе всѣхъ административныхъ учреждений, съ уменьшеніемъ числа отдѣльныхъ учреждений и присутствій, сокращеніе стѣснительныхъ формальностей, усиленіе разрѣшающей на мѣстѣ власти, установленіе живой связи между администраціей и общественнымъ управленіемъ, а также точное разграниченіе ихъ правъ и обязанностей, съ опредѣленіемъ отвѣтственности для земскихъ органовъ. 16-го апрѣля 1881 года былъ высочайше одобренъ планъ занятій коммиссіи, которая включала въ кругъ ея сужденія установленія воешныя, судебныя, контрольныя и духовныя, поскольку они касаются мѣстнаго управленія. Тогда же М. С. Кахановъ организовалъ особое совѣщаніе изъ нѣсколькихъ членовъ коммиссіи, которое, ничего не предрѣшая, намѣтила бы общія основныя начала реформы.

Совѣщаніе кончило свои работы уже при графѣ Д. А. Толстомъ, который нашелъ нужнымъ въ 1885 году коммиссію закрыть, а всѣ выработанныя ею положенія и собранные матеріалы передать въ министерство внутреннихъ дѣлъ для дальнѣйшаго распоряженія. Никакого, конечно, распоряженія не послѣдовало, труды стали до-

стояніемъ архивовъ, а самъ графъ Толстой построилъ намѣченную реформу на началахъ, которыя и изложилъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1886 года. Тутъ онъ писалъ: «При осуществленіи реформы надлежитъ руководиться не отвлеченными принципами или чуждыми намъ идеалами западно-европейской государственной теоріи и практики, а яснымъ пониманіемъ коренныхъ, самостоятельныхъ основъ русской государственной жизни и сознаніемъ настоятельной необходимости строго послѣдовательнаго, съ духомъ оныхъ сообразнаго развитія нашего законодательства. Съ этой точки зрѣнія первое и вѣрнѣйшее условіе успѣха предпринимаемаго преобразованія состоитъ въ томъ, чтобы всѣ измѣненія въ мѣстныхъ учрежденіяхъ были строго согласованы съ основнымъ началомъ нашего государственнаго устройства—самодержавною императорскою властью. Для правильнаго хода государственнаго управленія необходимо, чтобы всѣ части государственнаго зданія находились въ полномъ соотвѣтствіи и въ непосредственной связи съ главнымъ его основаніемъ. Власть русскихъ самодержцевъ и есть то основаніе нашего государства, къ которому должны быть подведены и съ которымъ должны быть связаны всѣ органы управленія. Исторія нашего отечества свидѣтельствуетъ, что самодержавная власть обладаетъ значительною силою, творческимъ духомъ, что только тѣ учрежденія отличались устойчивостью и жизненностью, черезъ посредство коихъ эта власть могла свободно и правильно воздѣйствовать на народную жизнь, и что, напротивъ, тѣ изъ нихъ, которыя затрудняли это воздѣйствіе, вносили разстройство въ отправление государственнаго организма.

«Въ организаціи мѣстныхъ учрежденій существуютъ въ настоящее время условія, препятствующія правильному ходу дѣлъ. Всѣ обвиненія, взводимыя на эту организацію, сводятся къ тому, что учрежденія, между коими нынѣ распределены различныя отрасли управленія, не ограждаютъ въ должной мѣрѣ порядокъ и спокойствіе и не обезпечиваютъ законные интересы населенія отъ нарушенія, или, иными словами, что въ настоящее время начало власти если и не отсутствуетъ вполне, то проявляется въ мѣстной жизни слишкомъ недостаточно. Это слабое проявленіе власти и есть, по мнѣнію моему, основная причина всѣхъ безпорядковъ въ мѣстномъ управленіи.

«Первое мѣсто по размѣрамъ безпорядковъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, крестьянскому управленію. Ближайшая причина этого факта состоитъ въ томъ, что по отношенію къ крестьянамъ отсутствіе власти является въ прямомъ и буквальномъ значеніи этого слова. Такое печальное положеніе отнюдь не есть результатъ великой реформы 1861 года. Наоборотъ, въ первые годы послѣ освобожденія крестьянскія учрежденія функционировали вполне удовлетворительно, благодаря институту мировыхъ посредниковъ, которые имѣли въ своихъ рукахъ власть какъ по надзору за кре-

стьянскимъ управленіемъ, такъ и по судебно-полицейскимъ дѣламъ. Но послѣдовавшая вскорѣ судебная реформа, совершенно отдѣлившая судебную власть отъ административной, повела сначала къ упадку, а потомъ и къ упраздненію института мировыхъ посредниковъ и къ раздробленію ихъ власти между уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, мировыми судьями, чинами полиціи и нотаріусами. Такое раздробленіе власти по отношенію къ массѣ сельскаго населенія имѣло самыя печальныя послѣдствія. Крестьяне, лишившись власти, которая единоличными распоряженіями могла возстановить нарушенный законъ по дѣламъ, возникшимъ изъ потребностей ихъ простаго земледѣльческаго быта, не зная, къ какой изъ многочисленныхъ властей и съ какою просьбою слѣдуетъ обращаться, вынужденные тратить время на хожденіе по дѣламъ и деньги на писанье просьбъ и наемъ повѣренныхъ, что доступно только ничтожному меньшинству состоятельныхъ лицъ,— крестьяне при такихъ условіяхъ очутились при формальномъ многоначаліи и фактическомъ безвластіи. Это безвластіе очень быстро привело крестьянское управленіе въ полное разстройство и содѣйствовало ослабленію среди народа авторитета правительства.

«Широкая самостоятельность, дарованная городскимъ и земскимъ учрежденіямъ, также вліяла на ослабленіе принципа государственной власти, органы которой, будучи отстранены отъ участія въ самомъ обширномъ кругѣ мѣстныхъ дѣлъ, не имѣютъ возможности ни предупреждать злоупотребленія, ни возстановлять нарушенные интересы. Далѣе неблагопріятныя послѣдствія имѣла и передача судебно-полицейской власти мировымъ судьямъ. «Только быстрымъ пресѣченіемъ беспорядковъ,— говоритъ графъ Толстой,— можно поддержать порядокъ»; между тѣмъ опытъ свидѣтельствуетъ, что мировая юстиція не обладаетъ достаточной быстротой въ разбирательствѣ дѣлъ по маловажнымъ проступкамъ и, кромѣ того, не всегда дѣйствуетъ солидарно съ представителями администраціи». «Если въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы признается необходимымъ имѣть особыя отъ судебныхъ установленій полицейскіе суды для дѣлъ по маловажнымъ поступкамъ, то тѣмъ настоятельнѣе является необходимость въ подобной мѣрѣ для нашего отечества. Рѣдкое населеніе Россіи, раскинутое на огромной территоріи, неизбѣжная вслѣдствіе сего отдаленность отъ суда, низкій уровень экономическаго благосостоянія народа и патріархальныя обычаи жизни нашего земледѣльческаго класса, все это такія условія, которыя требуютъ установленія власти, не стѣсненной въ своихъ дѣйствіяхъ излишнимъ формализмомъ, способной быстро возстановить порядокъ и давать по возможности немедленную защиту нарушеннымъ правамъ и интересамъ населенія».

Затѣмъ графъ Толстой указывалъ, что дѣятельность министра внутреннихъ дѣлъ значительно стѣснена вслѣдствіе подчиненія город-

скихъ, земскихъ и крестьянскихъ установленій верховному руководству сената, на разсмотрѣніе котораго восходятъ даже самыя незначительныя несогласія между этими учрежденіями и администраціей, и который не всегда оказывается согласнымъ въ руководящихъ взглядахъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. «Едва ли можно сомнѣваться въ ненормальности такого порядка, при которомъ министръ внутреннихъ дѣлъ оказывается устраненнымъ отъ всякаго непосредственнаго вліянія на важнѣйшія отрасли мѣстнаго управленія».

Наконецъ, «широкое примѣненіе избирательнаго начала къ замѣщенію должностей по мѣстному управленію есть также условіе, вредно вліяющее на значеніе правительственной власти, такъ какъ лица, занимающія должности по выборамъ, оказываются вообще мало склонными поддерживать авторитетъ той власти, отъ которой не зависитъ ихъ назначеніе. Вообще избирательныя коллегіи, состоя изъ представителей земскихъ общественныхъ группъ, не связанныхъ между собою ни общностью интересовъ и преданій, ни уровнемъ образованія и нравственности, неспособны руководить при производствѣ выборовъ сознаниемъ нравственной отвѣтственности и государственныхъ обязанностей».

Изъ такой характеристики тогдашняго положенія вещей графъ Толстой дѣлаетъ слѣдующіе выводы: «Основной недостатокъ существующаго порядка состоитъ въ томъ, что правительственная власть имѣетъ слишкомъ слабое вліяніе на ходъ мѣстнаго управленія, и потому усиленіе ея вліянія должно быть главною цѣлью предстоящихъ преобразованій. Въ основу организаціи мѣстнаго управленія должно быть положено начало единства власти. Всѣ мѣстныя учрежденія должны быть учрежденіями правительственными, находящимися въ связи съ центральною правительственною властью. Довѣріе и уваженіе къ нимъ со стороны населенія должно быть обезпечено привлеченіемъ на службу въ эти учрежденія лучшихъ мѣстныхъ людей. Осуществленіе преобразованій въ указанномъ направленіи не представляетъ никакихъ затрудненій въ большей части имперіи, гдѣ всѣ классы народа отличаются безусловною преданностью историческимъ началамъ государственной жизни, и гдѣ помѣстное дворянство, составляя самое образованное сословіе, пользующееся довѣріемъ мѣстнаго населенія, свято хранитъ сознаніе государственныхъ обязанностей».

Соображенія графа Толстого удостоились высочайшаго одобренія и легли въ основу послѣдующей реформы въ области мѣстнаго управленія.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕРЕЗЪ ПАМИРЪ КЪ ГИНДУКУШУ.

(Отъ Оша до Памирскаго поста).

АСГУПИЛЪ день моего отъѣзда на Памиръ. Чуть свѣтъ на моемъ дворѣ начались сборы въ дорогу. Все запаковывалось, увязывалось, укладывалось въ ягтаны ¹⁾, примѣрно навьючивалось, снова развязывалось; слышались оклики керекеша на своихъ подручныхъ, простецкая брань денщика, возившагося съ какой-то веревкой, и тоскливый перезвонъ колокольчиковъ. Съ моей стороны все было сдѣлано: у доктора я побывалъ—сердце нашель онъ въ порядкѣ и далъ лекарствъ на дорогу; приборы провѣрилъ, въ квартирѣ все заперъ и, оторванный теперь отъ привычнаго дневного порядка, я толкался среди лошадей и разсѣянно смотрѣлъ на спѣшную работу моихъ будущихъ спутниковъ. Это были: сартъ Мирзамать, высокій, здоровый мужчина лѣтъ сорока, съ жидкой бородкой на загорѣломъ лицѣ, одѣтый въ красный сальный халатъ и дорожную киргизскую шляпу; старикъ Додабай, тоже сартъ, бритый, съ лицомъ, испещреннымъ веснушками, очень бывалый мелкій торговецъ, и расторопный денщикъ кавказецъ Сазоновъ, служившій миѣ переводчикомъ. Мирзамать былъ керекешемъ, т. е. лицомъ, которому поручались всѣ наши лошади и заботы по ихъ содержанію, Додабай везъ продавать на «Мургабъ» ²⁾ рисъ, кишмишъ, сушеный урюкъ ³⁾ и присоединился къ намъ для компаніи. Вотъ всѣ тѣ лица, съ которыми столк-

¹⁾ Дорожные чемоданы изъ кожи.

²⁾ Такъ говорятъ сарты о памирскомъ постѣ на р. Мургабъ.

³⁾ Абрикосъ по-сартовски.

нула меня судьба, и съ которыми надлежало мнѣ дѣлать теперь горе и радости. Мысли мои какъ-то разбѣгались, не давая ни на чемъ сосредоточиться, и трудно было бы сказать, что заботить и волнуетъ меня въ ту или другую минуту. Чаще все-таки я уносился мыслью впередъ, и фантазія въ причудливыхъ краскахъ рисовала мнѣ горные виды, мрачныя щели и рѣчныя стремнины. Не разъ, впрочемъ, приходила въ голову непріятная мысль о памирской дорогѣ. Кто могъ сказать, что тамъ ждетъ впереди, въ мрачныхъ горныхъ тучахъ? Вынесетъ ли сердце высоту памирскихъ долинъ, усиленно работая нѣсколько мѣсяцевъ? Не придется ли вернуться назадъ, захворавши въ дорогѣ, а то и остаться совсѣмъ на Памирѣ, какъ случилось недавно съ однимъ изъ товарищей? Смущали немного и вьючныя лошади. На мой еще неопытный взглядъ, это были страшныя клячи; худыя, заморенныя, мелкія твари, онѣ выглядѣли жалкими одами подъ огромными вьючными сѣдлами, закрывавшими лошадей почти нацѣло. Не одинъ разъ я подходилъ къ нимъ съ чувствомъ жалости и, поглаживая то ту, то другую, недовѣрчиво качалъ головой, когда Мирзаматъ говорилъ мнѣ: «майли тюря, атъ якши, Кашгаръ кошъ гуляль!»¹⁾ Только много поздиѣе, когда не одинъ десятокъ утомительныхъ переходовъ сдѣлали мы по Памиру, я оцѣнилъ прекрасныя качества ихъ: незыскательность, копячую ловкость, неутомимость и ту осторожность, съ которой несутъ онѣ вьюкъ или всадника на опасномъ карнизѣ.

Какъ ни торопились съ отъѣздомъ, но уже начался жаркій день и яркое солнышко, пробиваясь черезъ листву, чувствительно припекало, когда мы, покончивъ со сборами, наконецъ потянулись гуськомъ по кривымъ улицамъ Оша. Старый городъ давно ужъ проснулся, и на базарчикахъ шла обычная жизнь. Закопѣлыя чайханэ съ огромными нечищенными самоварами и дремлющими «самоварчи», малайки, разносящіе чай или «чилимы» посѣтителямъ, навѣсы съ мелкимъ товаромъ и фруктами, важныя «баи» въ солидныхъ халатахъ, перехваченныхъ поясомъ съ накладнымъ серебромъ, сѣрые дувалы съ той и другой стороны, сады съ посигѣвшимъ урокомъ и ароматной листвою грецкаго орѣха,—быстро какъ-то прошли передъ глазами, и мы незамѣтно очутились за городомъ. Невѣроятно пыльная дорога потянулась по волнистой мѣстности, то обнаженной, то покрытой полями джугары и кукурузы, пронизанными тамъ и сямъ небольшими арыками, безъ которыхъ здѣсь немислимо полевое хозяйство. Куда ни проникнетъ чудесная влага, тамъ остается голая степь съ жесткими колючками и, наоборотъ, каждая струйка воды отмѣчается сочнымъ зеленымъ бордюромъ.

Влѣво, вдали отъ дороги, на синевѣ южнаго неба красовались снѣжныя отроги Тяньшаня, а направо за зелеными предгоріями

¹⁾ Ничего, баринъ, лошади хорошія, въ Кашгаръ много разъ ходили.

выдвигались параллельными цѣпями зубчатя, сверкающія снѣгами Алайскія горы, такъ похожія на гигантскія кулисы.

Чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ становилось жарче и хуже. Отъ встрѣчныхъ арбъ пыль поднималась облаками и густыми слоями покрывала потныя лица. Приходилось далеко сворачивать въ сторону, чтобы какъ-нибудь избѣжать этой непріятности, или хотя минуточку побыть въ спасительной тѣни таловъ, кое-гдѣ обрамлявшихъ дорогу. Только одинъ Мирзамать не считалъ нужнымъ куда-либо сворачивать—ѣхалъ серединой дороги, лѣниво, больше для вида, подхлестывалъ лошадей и выводилъ источнымъ голосомъ какую-то пѣсню съ необыкновенно высокими нотами.

Часа черезъ два за желтыми буграми показались темныя шапки карагачей, а вслѣдъ за ними дувалы и сакли Мадовъ, небольшого кишлака, пріютившагося въ лощинѣ около высокаго насыпного холма, какъ говорятъ, остатковъ китайскаго укрѣпленія. На единственной улицѣ его было безлюдно, и только штуки двѣ невыразимо тощихъ собакъ, изнывая отъ жары и голода, бродили вблизи чайханэ, недвусмысленно взирая на кусокъ бараньяго бока, подвѣшенный на желѣзномъ крюкѣ и сплошь облѣпленный осами. Хозяинъ чайханэ—«самоварчи»—сладко дремалъ, прислонившись къ столбу, и не мало пришлось бы положить труда прежде, чѣмъ удалось бы привести его въ надлежащія чувства.

Мы переѣхали «сай» и стали взбираться на гору около могучихъ развѣсистыхъ карагачей. Взобравшись, я оглянулся назадъ и въ послѣдній разъ поглядѣлъ на красивую даль покидаемой мѣстности. Въ синеватой мглѣ, куда убѣгалъ желтой лентой только что пройденный путь, еще хорошо можно было различить сады города Оша, скалистый массивъ Сулейманъ, вздымавшійся островомъ изъ зеленаго моря, а за ними безплодный хребетъ Чильмайрама. Теперь предстояло надолго разстаться съ цвѣтущей долиной, ея теплымъ, нѣжнымъ ландшафтомъ, и въ душѣ какъ-то невольно шевельнулось сожалѣніе, и одна за другой потянулись непріятныя, мрачныя мысли. За горой условія пути измѣнились въ худшую сторону, и хотя почти не было пыли, но зато на нѣсколько верстъ кругомъ нельзя было замѣтить какое-либо, хотя чахлое деревцо. Солнце пекло нестерпимо, хотѣлось пить, а между тѣмъ вода во фляжкѣ стала горячая. Насъ охватила сонливость, отяжелѣвшія вѣки слипались и звенѣло въ ухахъ отъ стрекотанья кузнечиковъ. Безлюдье кругомъ было полное—встрѣчь никакихъ, и только близъ зимовокъ Акъ-джаръ намъ попало нѣсколько верблюдовъ, какихъ-то лохматыхъ, съ не вылинявшей шерстью, которые паслись безъ всякаго присмотра и собирали скудный кормъ на этой пустынѣ. На поворотѣ въ ущелье Талдыкъ стало нѣсколько лучше: съ горъ потянуло холодкомъ, и свѣжій воздухъ, вливаясь въ уставшую грудь, быстро развѣялъ дремоту. Всѣ какъ-то весело задержали поводьями, зашеве-

лились и бодрымъ шагомъ поѣхали вверхъ по рѣкѣ къ станціонному домику.

Жара почти спала, когда мы добрались до урочища Ляпгаръ, въ которомъ устроены рабаты. Кромѣ него, въ урочищѣ оказалось еще нѣсколько мазанокъ, въ которыхъ поселились русскіе люди. Какъ видно было, все бѣднота, бѣжавшая сюда отъ малоземелья. Все у нихъ кое-какъ сплочено, пасѣхъ прилажено, словно селились тутъ на педѣлю. Пара мелкихъ свиней, рывшихъ землю около хаты, и малорусская арба безъ переднихъ колесъ, брошенная у самой дороги, дополняли убогій видъ русскаго поселка въ Ляпгарѣ. Внутри станціи было чисто, уютно, и кровать, закрытая киргизскимъ ковромъ такъ и манила уставшее тѣло къ пріятному отдыху. Отъ сторожа изъ запасныхъ солдатъ можно было получить самоваръ, хлѣбъ, молоко и отлично закусить въ болѣе или менѣе европейскихъ условіяхъ... Тѣмъ не менѣе почевать здѣсь мы не остались, а, выкормивъ хорошо лошадей, рѣшили добраться въ этотъ же день до Гульчи. Для вѣрности дѣла мы поѣхали прямой дорогой на переваль Така и Кацлапъ-кульское озеро, такъ какъ другая дорога на переваль Чигирчикъ хотя хороша, но много длиннѣе первой. Почти тотчасъ же за рабатоми мы свернули съ большой дороги, переправились на другую сторону рѣчки и вступили въ боковое ущелье, идущее на юго-востокъ къ перевалу Така. По обѣимъ сторонамъ нашей дороги потянулись теперь зеленые склоны пологихъ холмовъ, пестрѣвшихъ цвѣтами. Кое-гдѣ встрѣчались киргизскія юрты, до половины скрытыя зеленью, въ которой мелькалъ иногда пестрый халатъ шедшей къ ручью молодой пугливой киргизки.

Ѣхать было удивительно хорошо: сочная зелень, отсутствіе пыли, ароматный воздухъ, тишина, все это вмѣстѣ взятое порождало спокойное мечтательное настроеніе, изъ-за котораго не замѣчалась дорога.

Подъемъ, однако, дѣлался круче, ущелье суживалось и по тому, какъ рѣдѣли кустарники и мельчала трава, была ощутительна близость вершины. Вотъ, наконецъ, мы ѣдемъ по каменистому склону, лошади усиленно карабкаются по нему загзагами и какъ-то разомъ выносятъ насъ на узкій гребень перевала Така.

Видъ съ него открывается неожиданный по обширности горизонта и оригинальности красокъ. Прямо передъ зрителемъ на громадномъ пространствѣ—хаотическая масса горъ и холмовъ. То желтая, то зеленая, то фіолетовая, онѣ, какъ волны остывшаго моря, отливали на солнцѣ всевозможными красками и создавали рѣдкій, фантастичный ландшафтъ.

Мы стали спускаться. Тропа въ одномъ мѣстѣ повела насъ такой другой осыпью, что пришлось сойти съ лошадей и провести ихъ въ поводу. За осыпью стало значительно лучше, такъ что безъ хлопотъ мы спустились въ обширную котловину Кацлапъ-кульскаго

Ущелье р. Гульчинки.

озера. Еще издали стало мнѣ ясно, что озеро не похоже на то, что я рассчитывалъ встрѣтить. То, что представилось намъ, походило скорѣе на хорошую луку, чѣмъ на озеро, по своимъ весьма скромнымъ размѣрамъ. Хорошая половина его заросла высокимъ и густымъ камышомъ, въ которомъ ютилось множество утокъ. Стоило только подѣхать или хлопнуть въ ладоши, какъ онѣ десятками вырывались изъ зарослей и съ крикомъ неслись около носа. Пришлось пожалѣть, что въ сборахъ забыли про дробовики и захватили только винтовки. Безъ особыхъ затрудненій можно было бы набить себѣ дичи и устроить въ Гульчѣ лукулловскій пиръ. Въ ожиданіи Мирзамата, отставшаго съ вьюками подѣ переваломъ, мы устроили здѣсь небольшой привалъ и расположились у мазара на могилѣ Каплана, въ честь котораго названо озеро. Такіе мазары встрѣчаются часто, и сплошь да рядомъ киргизы сооружаютъ ихъ въ мѣстахъ просто чѣмъ-нибудь замѣчательныхъ, то близъ пещеры, то близъ ключа съ горячей водою, и украшаютъ ихъ рогами кикковъ, архаровъ, пестрыми лентами и лоскутками по обѣту или въ знакъ посѣщенія.

Кладбища свои киргизы всегда отмѣчаютъ мазарами малыми или большими, смотря по достатку, и при этомъ сооружаютъ ихъ часто въ такихъ недоступныхъ мѣстахъ, что удивляешься, кого они тамъ могли хоронить и кто туда ѣздитъ молиться.

Солнце склонилось за горы. Стало смеркаться. Какъ-то сразу жаркій день перешелъ въ холодныя сумерки. Надъ озеромъ поднялся туманъ и за клубился нѣжными волнами. Постепенно скрылись изъ глазъ камыши, и скоро на мѣстѣ озера заколыхалась пелена густого тумана. Дневная жара угасала, становилось тихо, и только надъ озеромъ слышались всплески воды, да тявкала въ далекомъ аулѣ собака.

Надо было трогаться—вьюки не показывались, а впереди насъ ожидали еще перевалъ и бродъ подѣ Гульчей. Мы поднялись и, поторапливая лошадей, скоро достигли перевала Чильбели, окруженнаго пологими, мягкими склонами. Не доѣзжая до гребня, въ сторонѣ отъ дороги мы замѣтили грифа, терзавшаго падалъ. Въ первый моментъ я принялъ его за барана, но потомъ разглядѣлъ и, спрыгнувши съ лошади, выстрѣлилъ... Гулко раскатился мой выстрѣлъ въ окрестности и тотчасъ стало ясно, что я поспѣшилъ: грифъ взмахнулъ саженными крыльями, подскочилъ и, вытянувъ голую шею, поднялся съ добычи. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого мы поднялись на вершину перевала и увидѣли панораму Гульчинской долины. По срединѣ ея извивалась стальной полосой рѣка, виднѣлся лѣсокъ, а за нимъ поближе къ горамъ бѣлые дома укрѣпленія. На горизонтѣ вдали поднимались свѣтлые хребты и свѣтились на зарѣ нѣжными золотистыми красками.

На первыхъ шагахъ склонъ перевала къ Гульчѣ очень крутой да и глинистый, такъ что послѣ дождя пройти по нему дѣло нелег-

кое. Дальше онъ нѣсколько лучше, идетъ какъ бы уступами и переходитъ въ пологій берегъ рѣки Гульчи. На переправѣ мы еще застали киргизовъ, которые проводятъ по броду, вообще очень коварному, всѣхъ не желающихъ подвергаться случайностямъ. Вода стояла высокая, и рѣка внушительно ворочала камни. Киргизы осмотрѣли нашихъ коней, подтянули подпруги и, окруживши тѣснымъ кольцомъ, вмѣстѣ съ нами сѣхали въ рѣку. Снопъ брызгъ полетѣлъ намъ въ лицо, и почти по сѣдло мы очутились въ водѣ. Дальше все какъ-то смѣшалось и переплелось въ безпорядкѣ. Въ темнотѣ трудно было разглядѣть обстановку и разобраться въ на-

Новый рабатъ въ урочищѣ Суфи-Курганъ.

ступившемъ хаосѣ. Клокотанье воды, грохотъ камней, крики киргизовъ, пугливый храпъ лошадей, все слилось въ оглушающій шумъ и громкимъ эхомъ неслось надъ рѣкою. Тѣмъ не менѣе мы благополучно выбрались изъ рѣки на другой берегъ и поѣхали рощей тополей къ укрѣпленію. Оно находится совсѣмъ близко отъ переправы и состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій для небольшого гарнизона. Кромѣ того, при немъ есть телеграфъ и сартскій базарчикъ, на которомъ можно достать баранину, рисъ и лепешки. Ночевать пришлось у волостного, радушно пріютившаго насъ у себя. Вьюки пришли въ Гульчу съ большимъ опозданіемъ. Ихъ захватила ночь еще на озерѣ, и переваль Чильбели они проходили почти ощупью.

Лошади не разъ падали, вьюки распутывались, обрывались веревки, и только поздною ночью Мирзамать достигъ переправы, у которой рѣшили ночевать, не рискуя пуститься въ рѣку на измученныхъ лошадяхъ и безъ провожатыхъ. Такимъ образомъ, мы прошли за этотъ день шестьдесятъ верстъ, но результатомъ такого форсированнаго марша была необходимость устроить дневку въ Гульчѣ и полная порча дорогого прибора.

На другой день погода испортилась, въ воздухѣ похолодѣло, и, быть можетъ, потому первое впечатлѣніе отъ Гульчи у меня осталось неважное.

Сдавленная со всѣхъ сторонъ горами, по которымъ ползли сѣрыя дождевыя облака, Гульча имѣла печальный видъ позабытаго міромъ угла. Монотонный шумъ рѣки и рѣзкій вѣтеръ, дувшій изъ ущелья, какъ изъ трубы, гармонировалъ съ общимъ ландшафтомъ и нагонялъ печальныя мысли. При другой погодѣ Гульча значительно лучше и въ этой мѣстности, какъ хорошей климатической станціи, могла бы процвѣтать курортная жизнь, если бы не столь тяжелыя сравнительно пути сообщенія. И теперь нерѣдко прѣзжаютъ сюда изъ долины ¹⁾ то на кумысь, то отъ жары, но все это единицы—не больше. Окрестности Гульчи довольно красивы и сравнительно недавно еще славилась обиліемъ дичи и, между прочимъ, фазановъ, но съ водвореніемъ русскаго гарнизона въ Гульчѣ эта птица перевелась, дичь вообще порѣдѣла и уцѣлѣли, кажется, одни кабаны, да и тѣхъ осталось немного.

Было пасмурно и свѣжо, когда мы выѣхали изъ Гульчи въ Суфи-курганъ. Лошади хорошо отдохнули, и передъ моими глазами снова закачались ихъ нагруженные спины, и снова заговорили длинную повѣсть шейные колокольчики. Прошли конный дворъ, гдѣ съ недоузкомъ въ рукахъ казакъ пытался поймать свою лошадь, прошли мимо стѣнъ укрѣпленія, скрытаго отъ глазъ тополями, шумѣвшими словно по осени, обогнули привѣтливый домъ телеграфной конторы, и вотъ Гульча позади, и мы снова въ дорогѣ.

За широкимъ плацемъ, на которомъ учились казаки, начались Алайскія горы и скалистое ущелье рѣки Гульчи, текущей съ перевала Талдыкъ. Чѣмъ дальше поднимались мы по рѣкѣ, тѣмъ мрачнѣе и эффектнѣе открывались картины, и на каждомъ поворотѣ глазъ плѣнялся красивымъ сочетаніемъ коричневыхъ скалъ и пышной зелени, обрамлявшей рѣку. Дорога часто переходитъ съ одного берега на другой по живымъ, кое-какъ устроеннымъ мостикамъ и то стелется около кипящей рѣки, то забирается высоко по скалистому берегу. Надъ водою склоняются заросли шиповника, клена, рябины, березы, травы, поражающей мощнымъ развитіемъ; тамъ и тутъ качаются стрѣлки розовыхъ эремуросовъ, словно посаженныхъ рукою

¹⁾ Ферганы.

Въ киргизскомъ аулъ. (Урочище Катта-Караколь).

садовника, пестрятъ среди камня чашечки мака, вьюновъ, головки дикаго лука нѣсколькихъ видовъ, а выше по обрывамъ зеленѣеть арча, особый видъ можжевельника, доставляющій ароматное топливо и прочный матеріалъ для построекъ.

Погода портилась все больше и больше. Наконецъ облака опустились почти на голову, пошелъ мелкій дождь, и пронзительный вѣтеръ задулъ намъ навстрѣчу. Ущелье потемнѣло, все слилось въ темно-сѣрую массу, слезающуюся, унылую. Невольно подумалось о тепломъ углѣ, самоварѣ, кровати, но до рабата еще было далеко. Бѣда шагъ за шагомъ съ вьючными лошадьми, на мокромъ сѣдлѣ и въ мокрой одеждѣ съ непривычки ужасно томилась.

— Ой, Мирзамать, качна чакрымъ колды? — кричу я ¹⁾, теряя надежду пріѣхать когда-либо въ Суфи-курганъ.

— Якынъ, тюря, якынъ! ²⁾—говоритъ Мирзамать и, доставши второй халатъ, накрываетъ имъ себя съ головою.

Я запасаюсь терпѣніемъ и начинаю съ удвоеннымъ вниманіемъ смотрѣть, нѣтъ ли впереди насъ просвѣта. Но, пока что, кругомъ тѣ же утесы, хлопанье лошадиныхъ копытъ, дождь и шумъ рѣки, ровный, навязчивый. Наконецъ достигаемъ половины пути, ущелье расходится, и передъ нами вмѣсто скалъ пологіе склоны урочища Кизиль-курганъ, въ которомъ находятся двѣ-три зимовки. Мы подъѣхали къ ближайшей изъ нихъ, но въ ней было тихо и пусто. Всѣ обитатели ушли на лѣтовку, и только старый, словно забытый, киргизъ одинъ ворошился здѣсь у лачужки. За Кизиль-курганомъ горы опять подступаютъ къ рѣкѣ и въ урочищѣ Янги-арыкъ, гдѣ разрѣзается хребетъ Туюкъ-су, онѣ образуютъ тѣснину—мѣсто рѣшительной стычки русскихъ съ киргизами ³⁾. Темныя скалы, нависшія надъ бурнымъ потокомъ, доставили киргизамъ такую позицію, что попытки атаковать ее съ фронта не имѣли успѣха, и лишь обходное движеніе заставило Абдулла-бека бѣжать и скопище киргизовъ разсѣяться. Не такъ давно еще, говорятъ, можно было видѣть остатки позиціи, но теперь трудно что-либо усмотрѣть здѣсь на скалахъ среди хаоса камней... Проѣхавши Янги-арыкъ, мы догнали киргизовъ, которые шли на лѣтовку. Это было интересное грандіозное зрѣлище. Насколько было видно впереди, вся дорога и часть прилегающаго склона захлебнулись людьми и животными. Сотни киргизовъ, старыхъ и малыхъ, ѣхали семья за семьей на коняхъ, на быкахъ и верблюдахъ, украшенныхъ лентами, бахромой и кистями. Длинной цѣпью тянулись верблюды, неся на себѣ цѣлыя горы киргизскаго скарба. Тотъ, смотришь, навьюченъ котлами, тотъ несетъ сундуки, тѣ почти скрыты коврами, этотъ тащитъ юрту,

¹⁾ Эй Мирзамать, сколько верстъ осталось.

²⁾ Близко, господи, близко!

³⁾ 25 апрѣля 1876 года. Отрядомъ командовалъ ген. Скобелевъ.

а самый рослый верблюдъ, весь до пять разукрашенный, несетъ хозяйку съ дѣтьми. Бараны и козы бѣжали по кручамъ, табуны кобылицъ, жеребятъ съ громкимъ ржаньемъ толпились со всѣми и, прорвавшись впередъ, неслись вразсыпную подъ лай топчихъ собакъ и хриплую ругань погонщика. Словомъ, передъ нами открылась живая страница угасшаго прошлаго, тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, когда кочевали народы и, сметая все по пути, расселялись въ Европѣ. Все до послѣдней мелочи этого шествія было полно интереса, первобытной прелести и привлекало вниманіе. Позабывъ про усталость и дождь, моросившій словно изъ сита, я погонялъ утомленную лошадь и перебѣждалъ отъ одной группы къ другой, стараясь схватить и запомнить детали... Такъ шагъ за шагомъ съ киргизами мы незамѣтно подошли къ Суфи-кургану и остановились на ночлегъ въ рабатѣ, почти не устроенномъ. Еще для лошадей въ немъ имѣлись навѣсы, но для людей, кромѣ тѣхъ же навѣсовъ, ничего не было сдѣлано. Теперь этотъ рабатъ передѣланъ, въ немъ устроена комната съ большими удобствами для глухого урочища, по въ то время было отъ чего прійти въ большое уныніе. Излишніе и промокшіе, мы устроились рядомъ съ лошадьми, разостлали кошму ¹⁾, развели костеръ и начали сушить мокрыя вещи. Съ огонькомъ стало какъ будто бы лучше, и подъ шумъ дождя и рѣки, поговоривши немного, мы скоро и крѣпко заснули. Впрочемъ, къ нашему горю, навѣсъ сталъ протекать, стало холодно, и какъ мы потомъ ни изловчались, но ничего не могли сдѣлать и остатокъ ночи провели очень прохолодно. Рано утромъ потянулись мы дальше. Дождь пересталъ, но было пасмурно и нельзя было ждать переменъ. Мутныя облака неслись безпорядочной массой, закрывая вершины и даль. Мы переправились черезъ Терекъ-су, текущую съ перевала Терекъ-даванъ, на который пролегаетъ дорога въ Кашгарію, и затѣмъ опять пошли по берегу Гульчи въ Акъ-босогу. Съ каждымъ шагомъ впередъ ущелье становилось шире, просторнѣе, и дорогу обрамляли не столь крутые, зеленые склоны. На десятой верстѣ дорога оказалась размытой и намъ пришлось ѣхать рѣкой, старымъ высохшимъ русломъ. Какъ ни плохо было ѣхать по камню, тѣмъ не менѣе все шло хорошо до тѣхъ поръ, пока облака не закрыли снова все небо. Опять начался проливной дождь, и, какъ ни хотѣлось, пришлось отказаться отъ мысли пройти въ этотъ день на Алай и подумать, гдѣ бы переждать непогоду. Добравшись до рѣки Кара-коль, притока Гульчи, мы съ удовольствіемъ замѣтили близъ дороги ауль и направились къ юртамъ. Нѣсколько кудластыхъ здоровыхъ собакъ сторожило покой обитателей. Увидѣвъ чужихъ, онѣ тотчасъ же бросились, и, вѣроятно, плохо было бы намъ, если бы не подошли хозяева. Но киргизы тотчасъ вышли на лай, увидѣвъ, въ чемъ

¹⁾ Войлокъ.

дѣло, отогнали собакъ, приблизились съ намъ, взяли лошадей подъ уздцы и торжественно повели ихъ къ юртѣ старшины, стоявшей нѣсколько поодаль. Она была обтянута бѣлой кошмой и среди другихъ, закоптѣлыхъ, приплюснутыхъ юртъ выдѣлялась нарядностью и размѣрами.

Въ ней пылалъ огонекъ, и, когда мы вошли черезъ низкія двери, въ носъ пахнуло тепломъ, дымомъ арчи и охватила та атмосфера уютнаго кочевого жилища, о которомъ сладко помечтать на сѣдлѣ, когда ѣдешь въ горахъ и предстоитъ еще много проѣхать скучныхъ томительныхъ верстъ по бесплодному камню въ ненастье.

Внутри юрты былъ полный порядокъ; все было прибрано, аккуратно уложено, и сундукъ, прислоненный къ стѣнѣ, сіялъ жестяными узорами. Пока развьючивали лошадей, пили чай съ горячими баурсаками ¹⁾, тѣмъ временемъ дождь пересталъ и можно было выйти наружу, подышать свѣжимъ, ароматнымъ воздухомъ. Скоро прояснилось совѣтъ, и яркое солнце заиграло алмазами на росистой, словно вымытой зелени. Весь ландшафтъ просвѣтлѣлъ, оживился, и мутная рѣка заиграла серебристыми блестками. Вѣтеръ улегся, затихъ; облака окружали вершины, причудливо громоздились на нихъ и, скользя внизъ по утесамъ, таяли въ воздухѣ. Вечеръ наступилъ тихій и ясный. Солнце сверкнуло, прощальнымъ лучомъ озарило долину, наши юрты, стада и закатилось за горы. Стало темно, и только склоны сосѣднихъ вершинъ еще слабо алѣли, да снѣга далекихъ зубчатыхъ хребтовъ мерцали, переливаясь мелкими искрами...

Сѣренькимъ утромъ мы распрощались съ киргизами. Тотчасъ за мѣстомъ нашего ночлега начался переваль Кизиль-белесъ, почти незамѣтный, за которымъ дорога приводитъ къ обширному зеленому луку, называемому Ольгинымъ. Этотъ живописный уголокъ лежитъ въ широкой вилкѣ Алайскаго хребта и обрамленъ густыми зарослями арчи. По дорогѣ на каждомъ шагу мы встрѣчали сурковъ, и весь этотъ лугъ былъ испещренъ ихъ глубокими норами. Не смущаясь нашимъ присутствіемъ, они спокойно гуляли, тяжело переваливаясь, становились на заднія лапки, обнимались между собою и съ рѣзкимъ крикомъ исчезали въ норѣ, коль скоро замѣчали опасность. Благодаря этимъ животнымъ, здѣсь не было беззвучнаго царства скаль, мертваго и подавляющаго застывшимъ спокойствіемъ. За Ольгинымъ лугомъ дорога пересѣкаетъ Гульчу, имѣющую видъ небольшого ручья, и опять входитъ въ горы, въ тѣсное лѣсистое ущелье. Подъемъ замѣтно усиливался, и каждая верста переносила насъ на нѣсколько сотъ футовъ въ высоту. У подошвы Талдыка арчевникъ мельчаетъ, ущелье расходится, и открывается видъ на сѣверный склонъ перевала. До самаго гребня онъ изрѣзанъ

¹⁾ Кусочки тѣста, закаренные въ салтѣ.

Видъ на сѣверный склонъ перевала Талдыкъ въ Алайскомъ хребтѣ.

зигзагами колесной дороги, благодаря которой Талдыкъ является доступнѣйшимъ въ Алайскомъ хребтѣ переваломъ. Къ сожалѣнію, онъ бываетъ открытъ только три, рѣдко четыре лѣтнихъ мѣсяца, въ остальное время на немъ лежитъ снѣгъ, и онъ закрывается. Почти рядомъ съ Талдыкомъ есть другой перевалъ Кой-юлы, правда, страшно крутой, но зато доступный въ теченіе года, и трудно понять, почему разработанъ не онъ, а почти пегодный сосѣдь. По мѣрѣ того, какъ мы взбирались наверхъ, становилось холоднѣе и приблизительно на половинѣ дороги, гдѣ попадался не стаявшій снѣгъ, пошла мелкая, почти ледяная крупа. Слмочувствіе наше было прекрасное, настроеніе бодрое, и оно не измѣнилось на высшей точкѣ пути, гдѣ также не было проявленій горной болѣзни, и только учащенный нѣсколько пульсъ свидѣтельствовалъ о разрѣженномъ воздухѣ. Гребень Талдыка увѣнчанъ столбомъ съ чугунной доской, на которой написано: кто и когда трудился надъ устройствомъ дороги. Тутъ же указана высота перевала 11,800 футовъ и разстояніе его отъ Гульчи 88 верстъ. Видъ съ перевала довольно посредственный; къ югу все закрыто горами, и, только оглянувшись назадъ на пройденный путь, видишь ущелье Гульчи, лѣсистые склоны и рядъ цѣпей, убѣгающихъ вдалѣ. За Талдыкомъ мѣстность рѣзко мѣняется. Ни деревца, ни пустыни, ничего, кромѣ сѣрыхъ, безжизненныхъ скалъ, нельзя здѣсь увидѣть. Начинается заоблачный міръ вѣкового безмолвія. Мы повернули на перевалъ Хатынь-артъ и по нему спустились въ Сары-ташъ, первое урочище Алайской долины. Какъ-то вдругъ прекратились предгорья, и предъ нами открылась долина, необъятно большая послѣ тѣсныхъ ущелій, и на другой сторонѣ ея Заалайскій хребетъ. Осыпанный снѣгами вплоть до подошвы, этотъ могучій хребетъ стоитъ на границѣ Памира, какъ ледяная стѣна въ 20,000 футовъ высокою. Трудно указать картину въ природѣ болѣе грандіозную и величественную, чѣмъ панорама Заалайскаго хребта, развернувшася на сотню верстъ безъ предгорій по краю долины, зеленой и громадной, какъ степь. Неудивительно, что фантазія киргизовъ населяла страну за хребтомъ всякими страхами и было мало охотниковъ по ней путешествовать. Къ сожалѣнію, намъ недолго пришлось любоваться этимъ незабываемымъ видомъ, оттуда-то нашли облака, повалилъ хлопьями снѣгъ, и загрохоталъ сильный громъ. Какъ будто части скалъ срывались съ вершинъ и съ грохотомъ низвергались въ ущелья, такъ раздавались громовые удары, отражаясь въ утесахъ.

Мы постѣшили укрыться въ первомъ встрѣчномъ аулѣ. Въ немъ мы устроили дневку и отлично провели это время у алайскихъ киргизовъ. Несмотря на средину іюня, въ долинѣ было очень свѣжо, и къ вечеру этого дня термометръ показывалъ нуль. Тѣмъ не менѣе киргизскія дѣти въ однѣхъ рубашенкахъ играли на дворѣ, удивляя чуднымъ здоровьемъ насъ, одѣтыхъ по зимнему.

Веселой гурьбой они убѣгали вечеромъ собирать разбредшійся скотъ и вмѣстѣ съ нимъ съ шумомъ и гамомъ возвращались назадъ, часами оставаясь на холодѣ въ халатикахъ, одѣтыхъ на голое тѣло. Последняя ночь ознаменовалась небольшимъ происшествіемъ. Въ аулѣ всѣ уже спали, какъ вдругъ насъ разбудилъ оглушительный шумъ. Въ дикомъ страхѣ около нашей юрты метались бараны, кричали киргизы и неистово колотили въ чугуны чѣмъ попало. Оказалось, что суматоху вызвали волки, слишкомъ близко подошедшіе къ стаду. Пока я одѣлся и вышелъ изъ юрты, сѣрые гости ушли восвояси, и только собаки, далеко убѣжавъ за волками, выли и пронзительно лаяли. Ночь была темная, дальше юртъ ни зги не было видно. Изъ долины тянулъ холодный предразсвѣтный вѣтеръ и наносилъ оттуда снѣжинки. Къ утру пошелъ снѣгъ, и въ долину закружилась метель, быстро покрывшая тонкой пеленой всю окрестность. Впрочемъ, снѣгъ скоро растаялъ, и мы тронулись въ путь. Было вѣтрено, но облака поднялись высоко и открыли, словно для насъ, заалайскіе пики. Въ воздухѣ разливалась весенняя свѣжесть, дышалось легко, хорошо, и мы незамѣтно проѣзжали версту за верстой.

Меньше чѣмъ черезъ часъ мы пріѣхали къ рѣкѣ Кизиль-су, протекающей по всей долинѣ съ востока на западъ. Она представляетъ главный стокъ для рѣчушекъ прилежащихъ хребтовъ и отличается мутной красноватой водой, отъ массы растворенныхъ въ ней глины. За переправой, когда затихъ шумъ рѣки, насъ поглотилъ зеленый просторъ и охватила могильная, не нарушаемая ничѣмъ тишина. Ни киргизовъ, ни одного аула не встрѣчалось намъ на пути—всѣ куда-то исчезли, а между тѣмъ какая масса ихъ пришла на Алай. Уже недалеко оставалось до Боръ-дабы, какъ погода испортилась и пошелъ мокрый снѣгъ. Такъ со снѣгомъ и пріѣхали мы въ рабатъ, сложенный изъ дикаго камня безъ половъ и какихъ-либо слѣдовъ обстановки. Въ помѣщеніяхъ было сыро, стекла разбиты, двери разломаны, а въ pendant ко всему этому на дворѣ рабата, у самыхъ дверей валялся дохлый ишакъ.

Пораздумавъ немного, мы рѣшили поставить палатку. Послѣ юрты, просторной и теплой, въ солдатской палаткѣ показалось намъ холодно, и, какъ ни закрывали полотнища, тѣмъ не менѣе вѣтеръ врывался въ нее и переворачивалъ все содержимое. Положеніе стало значительно горше, когда обнаружилось, что нѣтъ у насъ дровъ и не на чемъ вскипятить даже чай. Надо было бы занять два-три полѣна арчи у киргизовъ, но при отѣздѣ какъ-то всѣ объ этомъ забыли, упустивъ изъ вида, что дровъ въ Боръ-дабѣ, да и дальше, достать невозможно. Такъ оно теперь и случилось. Нечего дѣлать, пришлось всѣмъ собирать старый пометь, пока его не занесло еще снѣгомъ. Кое-какъ съ немалымъ трудомъ мы набрали немного князя, и Мирзамать съ неподражаемымъ искусствомъ разжегъ его и очень скоро вскипятить на немъ воду. Погода не исправлялась,

но, несмотря на это, послѣ горячаго чая наше самочувствіе несравненно улучшилось. Спутники мои занялись около лошадей, а я забрался въ дальній уголъ палатки, окружилъ себя мѣшками и сѣдлами и приступилъ къ наблюденіямъ...

Къ ночи вѣтеръ утихъ, и небо открылось чистое, звѣздное. вмѣстѣ съ тѣмъ стало такъ холодно, что замерзла вода. Отъ холода мы поднялись еще затемно, поймали лошадей, которыя разбѣглись по урочищу, и поѣхали на переваль Кизиль-артъ. Дорога идетъ вначалѣ широкимъ ущельемъ по каменистому ложу ручья съ незначительнымъ, постепеннымъ подъемомъ. Склоны ущелья изъ красныхъ песчаниковъ рѣзко отдѣляются отъ сѣраго дна и покрыты внизу плотной щеткой колючки ¹⁾. Съ середины пути ущелье сужается и подъемъ возрастаетъ. Лошади идутъ съ замѣтнымъ трудомъ, порывисто дышать, пристають и требуютъ частаго отдыха. Ѣдемъ медленнымъ шагомъ то однимъ, то другимъ склономъ ущелья. Дышится плохо, голова какъ свинцовая, и поминутныя встрѣчи скелетовъ павшихъ животныхъ наводятъ уныніе. Словно шла изъ долины грозная смерть и усыпала путь на Памиры трофеями. Наконецъ мы проѣзжаемъ послѣдніе зигзаги и выходимъ на гребень перевала ²⁾—узкую площадку съ небольшою пирамидой камней, украшенной рогами архара и разноцвѣтными тряпками. По бокамъ сѣдловины поднимались снѣжныя горы, на ней же самой снѣгу не было и даже мы нашли нѣсколько цвѣтущихъ растений. Пока отдыхали лошади, я усѣлся на камень и принялся смотрѣть съ перевала на югъ, гдѣ разстилался Памиръ. Смотрѣлъ и спрашивалъ невольно себя: да гдѣ же тутъ плоскогорье? Еще съ дѣтства я представлялъ себѣ Памиръ чѣмъ-то вродѣ стола, чрезвычайно большого, высокаго, но обязательно ровнаго. Между тѣмъ вотъ что было предъ моими глазами. Вплоть до горизонта—скалистыя горы сѣро-голубыя, словно оглаженные и безъ малѣйшихъ признаковъ жизни. Всюду камень и камень. Хребты переплетались между собою, открывая мѣстами долины широкія, сѣрыя и исчезали вдали, сіяя вѣчными льдами. Какъ будто всколыхнулось громадное море, вскипѣло все разомъ и, поднявъ гигантскія волны, остыло. Этотъ молчаливый каменный міръ, подѣ которымъ неслись облака и свистѣлъ рѣзкій вѣтеръ, наводилъ неприятное, жуткое чувство. Казалось, что стоишь у гигантскаго склена и вѣть оттуда могилой и вѣчностью...

Мы спустились съ перевала къ рѣкѣ Марканъ-су и вступили на памирскую почву. Кругомъ разстилалась щебневая долина съ множествомъ гальки зеленаго цвѣта и окруженная безотрадными скалами. Не поѣхали мы и версты, какъ закружилась метель и пѣлыя тучи песку вмѣстѣ со снѣгомъ полетѣли навстрѣчу. Все по-

¹⁾ *Saragana jubata*.

²⁾ Высота надъ ур моря 13740 фут.

Група кыргызовъ въ долині Алая.

темнѣло, поднялись смерчи и бѣшено зантрали въ долинѣ, разсѣкая мерзлымъ пескомъ руки и лица до крови. Вблизи озера Какрырь-куль метель успокоилась, облака разбѣжались и засверкало горячее южное солнце. Стало тепло. Нѣсколько разъ такъ мѣнялась погода, и къ концу перваго дня мы вполне испытали все непріятныя стороны памирскаго климата и видѣли работу здѣшнихъ вѣтровъ. На перевалѣ Уй-булакъ намъ попадались кучи громадныхъ камней, словно обдѣланныхъ рукой человѣка. Одни имѣли видъ каменныхъ чашъ, другіе были какъ будто обточены, а часть изъ нихъ были даже просверлены. И какъ ни покажется страннымъ, но все это дѣлаетъ вѣтеръ. Онъ поднимаетъ песокъ, хлещетъ по камню, полируетъ его и постепенно сообщаетъ ему разныя формы. Съ перевала мы увидѣли Каракуль, крупнѣйшее памирское озеро, снѣжное узкой полоской вдали на сѣрой, какъ будто бы лунной поверхности. Оно состоитъ изъ двухъ неровныхъ бассейновъ, соединенныхъ проливомъ, соленой, темной горьковатой воды. Стока у озера нѣтъ, но въ него впадаетъ цѣлый рядъ мелкихъ рѣчушекъ, изъ которыхъ лишь двѣ—Кара-джилга и Музь-коль не пересыхаютъ лѣтомъ, пополняя вмѣстѣ съ ключами убыль воды отъ испаренія. Несмотря на красивую рамку изъ могучихъ снѣговыхъ хребтовъ, окрестности озера чрезвычайно унылы, и только рѣдкая зелень осокъ и элимуса по низкому берегу, плескъ озера и чайки на немъ оживляютъ немного пустыню. Встрѣчались, впрочемъ, и бабочки, но странно какъ-то было видѣть ихъ здѣсь порхающими среди снѣговъ на высотѣ въ 12.500 футовъ... Каракульскій рабатъ устроенъ недалеко отъ озера и много лучше, чѣмъ въ Боръ-дабѣ. Здѣсь было все въ полной исправности и находился запасъ терескена, прекраснаго топлива, имѣющаго большое значеніе для памирскихъ киргизовъ и путешественниковъ. Онъ принадлежитъ къ маревымъ растеніямъ, и киргизское названіе его значитъ въ переводѣ «шиворотъ на выворотъ», такъ какъ надземная часть чрезвычайно вѣтвиста, а корень имѣетъ видъ плоскихъ вѣтвей. Любимой почвой терескена является галька, изъ которой онъ легко извлекается руками, благодаря плотной надземной части, имѣющей видъ невысокой, приплюснутой кочки. Даже въ сыромъ видѣ, только что вытасенный изъ земли, терескенъ горитъ превосходно и быстро даетъ сильный огонь... На другой день мы поѣхали въ ущелье Музь-коль. Погода была какъ нельзя требовать лучше. Темное бархатистое небо гигантскимъ куполомъ опрокинулось надъ безмолвной пустыней, вѣковыми снѣгами и синимъ зеркаломъ озера. Дорога становилась съ каждымъ шагомъ угрюмѣе и обнимала больше и больше ужаснымъ безмолвіемъ. Проѣхавши озеро, мы очутились среди низкихъ горныхъ цѣпей, грядъ и группъ, скалистыхъ и оглаженныхъ, напоминающихъ извѣденныя временами развалины. Повсюду разсѣяны кости, черепа и рога архаровъ, какъ будто раз-

мыто громадное кладбище. Архаръ, этотъ прекрасный баранъ, описанный еще Марко Поло, является самымъ интереснымъ животнымъ Памира. Онъ пепельно-сѣраго цвѣта, имѣетъ сильное стройное тѣло и необыкновенно большіе, могучіе рога. Глядя на нихъ, вѣришь охотникамъ, что въ минуту опасности, поавши въ тупикъ, архаръ бросается съ кручи внизъ головою и, подъявшись затѣмъ, спасается бѣгствомъ. До сихъ поръ можно встрѣтить на Памирѣ стада этихъ животныхъ не въ одну сотню головъ, хотя ихъ доврчивость, волки и часто безкормица губятъ положительно массами...

Пройдя по узкому, сухому ущелью, наполненному обломками скалъ и щебнемъ, мы вышли на долину рѣки Музь-коль. Какъ изъ погреба пахнуло на насъ холодомъ отъ вѣчнаго снѣга, что блестялъ впереди. Онъ протянулся длиннымъ языкомъ по долинѣ и занималъ почти всю ширину ея толстымъ пластомъ, изъ котораго сочилась струйки воды. На топкомъ берегу, испещренномъ ключами я нашелъ немного цвѣтовъ, но какихъ-то странныхъ для непривычнаго глаза. Цвѣтоножекъ у нихъ почти не было, и казалось, что вѣнички сидитъ на самой землѣ, робко смотря на свѣтъ изъ-подъ камня. Почти у самаго снѣга, у темныхъ коричневыхъ скалъ лѣваго берега пріютился рабать. Внѣшній видъ его былъ такой же какъ предыдущихъ, а также громадный запасъ терескена былъ сложенъ на дворѣ, къ нашей, вполне ошовательной радости. Къ тому же въ одной изъ камеръ рабата оказался котель, вмазаный въ печку, и у насъ созрѣла отличная мысль сварить себѣ пловъ, благо рисъ купленъ былъ еще въ Ошѣ. Поваромъ вызвался быть Мирзаматъ и, засучивъ рукава невообразимо грязнаго халата, быстро приступилъ къ соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ. Сазоновъ устроилъ подъ котломъ цѣлый пожаръ, и въ казематѣ стало тепло и привѣтливо. Все шло хорошо: огонь ярко пылалъ, въ котлѣ вкусно трещало, лица были довольныя. Но вотъ проходитъ часъ и другой, а рисъ все еще твердый. Ждемъ еще полчаса—то же самое. Наконецъ, убѣждаемся, что плова намъ не поѣсть, рисъ не разварится, сколько его ни вари. Мы забыли, что находимся на большой высотѣ и что вода кипитъ здѣсь не при ста, а при восьмидесяти шести только градусахъ. Нечего дѣлать, пришлось закусить кое-чѣмъ и на томъ успокоиться. На дворѣ была уже ночь и надо было итти на покой, такъ какъ предстояло рано вставать. Небо было усѣяно роскошными звѣздами. Словно дивныя алмазы горѣли онѣ на бархатномъ фонѣ, отражаясь разноцвѣтными искрами на поверхности снѣга. Тишина была удивительная, въ полномъ смыслѣ могильная. Темными, неясными массами, обступившими плотнымъ кольцомъ нашъ рабать, выдвигались скалистыя горы и своимъ молчаніемъ, молчаніемъ заоблачнаго міра навѣвали мысли о смерти и вѣчности. Спали мы все отвратительно. Голова разболѣлась ужасно, и состояніе было такое, что трудно сказать спалъ я тогда, или нѣтъ. Сонъ смѣшался съ дѣйствительностью.

То просыпаюсь отъ музыки, то слышу ласковый голосъ отца, то вдругъ поражаетъ звонъ колокольчика; такой знакомый, настойчивый, онъ растетъ, приближается; я, задыхаясь, бѣгу, вотъ я за воротами, но тройка мимо летитъ, не видятъ меня родныя мнѣ лица, хочу крикнуть имъ, что я здѣсь, но горы давятъ меня, мнѣ тяжело дышать, а между тѣмъ Музь-коль разступился и открылась громадная даль моей родины—солнце, лѣсъ безъ конца, и тамъ, замирая, поетъ колокольчикъ...

— Вставайте, ваше благородіе, вставайте!—сквозь дремоту слышу голосъ Сазонова.

Поднимаю какъ свинцовую голову и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ смотрю на него. Все лицо у него потемнѣло и страшно осунулось.

— Что, братъ, съ тобою, смотри, черный какой?

— У сердца тошно, насилкомъ ночь переменяя, вашъбродіе, Мирзамать тоже жалится,—ѣхать надо скорѣй.

Я всталъ и, вымывшись ледяной водой, началъ собираться. Скоро мы оставили Музь-кольскій рабатъ и на морозномъ воздухѣ понемногу отошли отъ тяжелыхъ ощущеній ночлега.

Странно, что потомъ на много большихъ высотахъ мы не переживали столь неприятныхъ минутъ и на обратномъ пути въ этомъ же самомъ рабатѣ спали какъ дома. Путь шель нѣсколько въ гору, прямо на снѣжные пики Музь-кола, замыкающаго съ юга бесплодную сухую долину. Перейдя ее наискось, мы начали подниматься на громадный переваль Акъ-байталъ въ 15,070 футовъ. Подъемъ очень удобный, довольно пологій, и лошади шли безъ труда. Коегдѣ близъ ключей зеленѣла трава и, не доѣзжая вершины, мы нашли въ цвѣту коридались. Небо было цвѣта синяго бархата, такое глубокое, красивое, темное, съ яркими штрихами перистыхъ облаковъ, раскинутыхъ вѣеромъ. Въ полдень мы достигли вершины съ небольшою пирамидой камней, на которой такъ же, какъ на Кизиль-артѣ, находились рога архаровъ и разныя тряпки. Барометръ упалъ на 426 миллиметровъ. Спускъ съ перевала, очень крутой, но короткій, выходитъ въ долину рѣки Акъ-байталъ, такую же мрачную, щебневую, бесплодную, какъ и всѣ вообще на Памирѣ. Единственнымъ развлеченіемъ на однообразномъ пути явилось для насъ стадо архаровъ, которыхъ мы увидѣли близко, какъ-то врасплохъ, и дикіе голуби, взлетавшіе порою съ утесовъ. На ночь мы остановились въ рабатѣ, въ которомъ жилъ сторожъ, киргизъ, и съ удовольствіемъ отдохнули въ его семьѣ отъ утомительныхъ переходовъ. На другой день путь продолжался тѣмъ же самымъ ущельемъ. Отсюда оно замѣтно расширяется и близъ поворота на озеро Рангъ-куль пріобрѣтаетъ характеръ долины. Передъ памирскимъ постомъ оно вливается въ долину рѣки Мургаба, берега которой пріятно зеленѣли вдали среди источенныхъ скалистыхъ хребтовъ.

Къ вечеру на девятыя сутки нашего странствія мы благополучно достигли поста.

Въ пяти верстахъ отъ памирскаго поста, въ томъ мѣстѣ, гдѣ выходитъ изъ горъ рѣчка Пшартъ, ущелье рѣчки Акъ-байталъ прекращается и широкимъ устьемъ вливается въ долину Мургаба. Въ первый моментъ послѣ дороги, замкнутой въ глубокой оврагъ, отъ Мургабской долины возникаетъ впечатлѣніе широты, большого простора, она радуеть глазъ, но вслѣдъ за нимъ впечатлѣніе измѣняется къ худшему. Это не привольный лугъ съ цвѣтами и бабочками, не альпійская степь, какъ долина Алай, а дикая, безотрад-

Переправа киргизовъ черезъ р. Сурхъ-Объ.

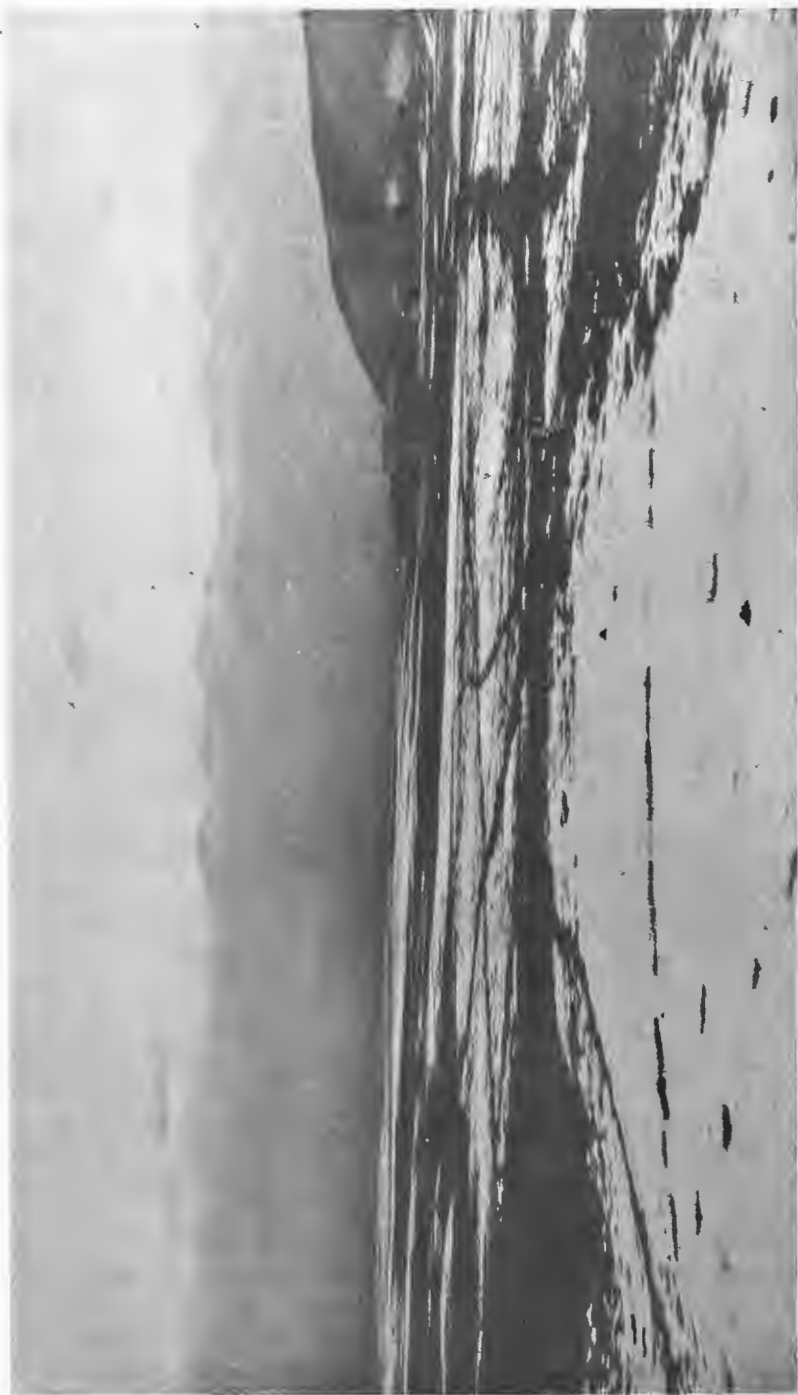
ная пустыня, протянувшаяся съ востока на западъ мертвымъ галечнымъ полемъ, по краямъ котораго высятся гребни темныхъ, полуразрушенныхъ скалистыхъ хребтовъ. За ними видны другіе, повыше, тонкіе, изрытые пескомъ и вѣтромъ хребты, но кое-гдѣ покрытые снѣгомъ, веселый блескъ котораго составляетъ рѣзкій контрастъ съ унылой природой долины. Всюду камень, острый щебень, песокъ, старыя кости—ничего живого, культурнаго. Ни зеленыхъ полей, ни жилищъ, ни густой сочной растительности, къ которой такъ привыкъ глазъ въ Ферганѣ,—ничего. Только камень и вѣтеръ. Одинокій и вольный, гуляетъ онъ по нагорью, свиститъ по вершинамъ, рветъ облака и буйнымъ порывомъ летитъ по

ущельямъ. Въ дикомъ весельѣ онъ играетъ пескомъ, крутитъ смерчи и зловѣще гудитъ ураганомъ. И плохо тогда случайному путнику. Закружить его ураганъ, заледенить, исхлещеть до крови пескомъ, залѣпить глаза и, патѣшившись вдоволь, заведеть куда-либо въ трущобу.

Памирскій постъ¹⁾ долгое время не виденъ и, совсѣмъ уже близко подъѣхавъ къ нему, я наконецъ могъ различить очертанія вала, надъ которымъ чуть возвышались земляныя крыши построекъ; глиняныя стѣны ихъ какъ пельзя лучше подходили къ сѣрому тону ландшафта, на которомъ, дѣйствительно, только вблизи можно разсмотрѣть сооруженія поста и разобраться въ деталяхъ. Выше казармъ, на неуклюжихъ столбахъ находилась будка метеорологической станціи, напоминавшая немного скворечницу, и еще торчалъ длинный изогнутый шестъ, на которомъ въ торжественныхъ случаяхъ, а часто и помимо ихъ водружается флагъ. Нѣсколько поодаль отъ стѣны укрѣпленія съ восточной его стороны видны островерхіе мазары киргизскаго кладбища, давно позабытаго, а правѣ поста, ближе къ Мургабу, который блестялъ за болотистымъ лугомъ, находился «базарчикъ» съ невысокимъ навѣсомъ и глинобитой саклешкой. Подъ навѣсомъ кормились какіе-то лошади и двигались люди. Къ этому-то «базарчику», въ своемъ родѣ торговому центру Памира, и стремился нашъ почтенный попутчикъ «ака»—Додабай. Передъ тѣмъ, какъ свернуть намъ съ общей дороги и подъѣхать къ воротамъ, онъ проворно слѣзъ съ буланой лошадки и началъ насъ благодарить и прощаться. «Хаерь, таксырь,—алларазмусъ»²⁾, говорилъ Додабай, низко кланяясь и прижимая къ сердцу правую руку. Пожелавъ ему успѣшной торговли и барышей, мы проѣхали ворота и очутились на дворѣ укрѣпленія съ небольшими казармами. Изъ оконъ показались любопытныя лица, захлопали двери, и со всѣхъ щелей и угловъ посыпались люди. Насъ окружила толпа солдатъ и казаковъ. Послышалась живая русская рѣчь—пахнуло чѣмъ-то милымъ, роднымъ. Сазонова обступили плотнымъ кольцомъ, и тотъ едва успѣвалъ давать объясненія, кто мы, куда ѣдемъ, зачѣмъ. Въ самое короткое время бравые памирцы разобрали насъ по частямъ. Мирзамата съ лошадьми отвели на «базарчикъ», Сазонова потащили въ свою казарму, а меня къ офицерскому флигелю, такую же приземистую казарму, но съ отдѣльными помѣщеніями самаго незначительнаго кубическаго содержанія. Казакъ сложилъ мои вещи въ одномъ изъ помѣщеній, пустовавшемъ по случаю отъѣзда хозяина. Комнатка была съ низкимъ потолкомъ, голыми стѣнами и одинокимъ оконцемъ. Въ углу стояла кровать, полочка съ

¹⁾ Все сказанное относится къ старому памирскому посту, въ настоящее время перенесенному въ ур. Таджанъ и перестроенному. Путевые очерки относятся къ 1903 году.

²⁾ Прощай, господинъ, спасибо.

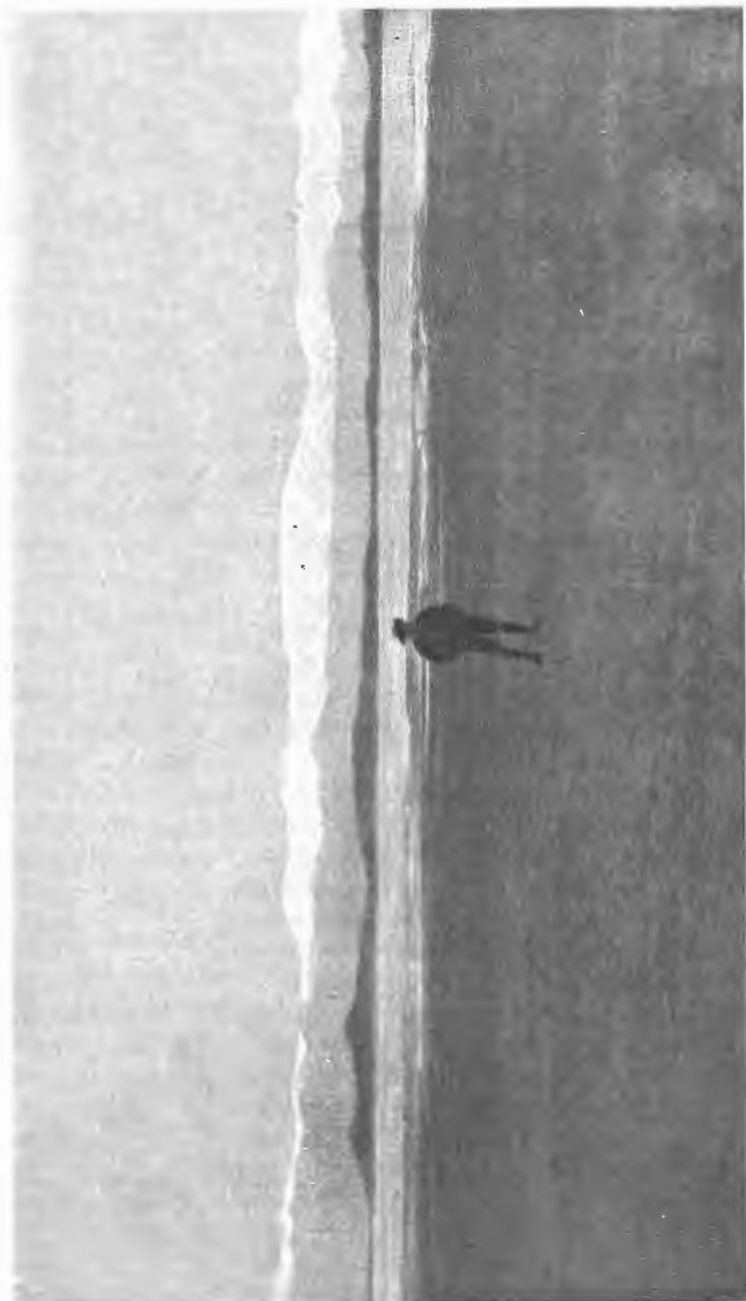

Видь Алайскаго хребта отъ Заалайскаго изъ урочища Кара-су.

книгами и крошечный столикъ. Было бѣдно, даже убого, но послѣ пустынь, почлеговъ въ рабатахъ на голой землѣ помѣщеніе казалось прекраснымъ, и возможность спать на кровати, раздѣвшись, рисовалась въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Пока я разглядывала комнату, пришелъ начальникъ поста. Когда мы пріѣхали, на посту его не было, и за нимъ бѣгалъ казакъ.—«Европейцы! Какими судьбами? На долго ли?» радостно заговорилъ поручикъ, осыпая вопросами.—«А я сейчасъ здѣсь одинъ, вторую недѣлю дежурю. Начальникъ постовъ въ Орошорѣ, уѣхалъ туда съ нашимъ докторомъ М. Вы его знаете? На чуму сюда присланъ. Ну, и тоска одному-то! Пошелъ сегодня рыбу ловить, на Мургабѣ-то ее, знаете, тьма,—солдатики ловятъ рубашками. Османовъ¹⁾ тутъ что, усачей! Ну, да про это потомъ, пойдемъ-ка въ нашу столовую». Мы пошли. Столовая оказалась такой же маленькой комнаткой, какъ предыдущая, съ тою лишь разницей, что по срединѣ ея, какъ и подобаеть столовой, находился обѣденный столъ и нѣсколько стульевъ. Въ небольшія окна, до половины закрытыя валомъ, проникалъ слабый свѣтъ, и въ столовой царилъ полумракъ, сообщавшій ей видъ подвальной квартиры. На голой стѣнѣ висѣлъ отрывной календарь и старинный барометръ въ футлярѣ красного дерева, похожій на тѣ, что встрѣчаются въ запустѣвшихъ барскихъ усадьбахъ, украшая кабинетъ или гостиную. Мимоходомъ я взглянулъ на него: ртутный столбъ былъ въ 487 миллиметровъ, иными словамъ, мы находились подъ давленіемъ только $\frac{2}{3}$ атмосферы. «Маловато,—замѣтилъ я:—ну, какъ же вамъ чувствуется при такихъ-то условіяхъ?»—«Да какъ вамъ сказать, плохо, конечно, но привыкаемъ. Вотъ на охотѣ иной разъ увлечешься, забудешь, что на Памирѣ, пробѣжишь нѣсколько сажень, ну, и, конечно, хлопнешься на землю,—потомъ еле-еле отдышишься. Вообще сторонка неважная: ничто не плодится, ни черта не растетъ! Тишь, безлюдье, скучища, мелкія дразги... А зимой! Какъ закрутитъ буранъ, да ударитъ морозъ, такъ недѣлями нельзя выйти на улицу. Въ комнатѣ холодно, разговоры не клеятся, да и опостылѣютъ такъ, что лучше молчать, забиться въ свою конуру и пребывать въ одиночествѣ. Зла по крайности меньше... Теперь, лѣтомъ-то лучше,—смотришь, кто-либо пріѣдетъ, то товарищъ съ поста, то путешественникъ, ну, и удержишь его... Да и близкая смѣна съ каждымъ днемъ больше чувствуется. Все-таки надежда на лучшіе дни».

Поздно вечеромъ пріѣхали изъ Орошора молодой докторъ М., караулившій въ Памирѣ чуму, и есаулъ О., старый симпатичный памирецъ, занимавшій должность начальника восточныхъ постовъ. Четыре года, длинныхъ, изнурительныхъ, О. прослужилъ на Памирѣ, и, надо сказать, чего только онъ не видѣлъ и не пере-

¹⁾ Изъ рода *Oreinus*

Озеро Кара-куль на Цамирь.

жилъ здѣсь на суровыхъ высотахъ. Жутко бывало, когда вечеркомъ онъ начнетъ спокойно, не торопясь, съ маленькой паузой говорить про свои приключенія и разные случаи. Вотъ, помню, рассказы-валъ онъ, какъ ѣхалъ съ поручикомъ П., только что назначеннымъ въ памирскій отрядъ. П. не перенесъ высоты, занемогъ и умираетъ на его глазахъ въ Боръ-дабѣ. И страшно становится отъ простыхъ словъ есаула.

Ярко вспоминается этотъ унылый, мрачный рабать. Несокрушимыя стѣны, низкій каменный сводъ, земляные полы, запустѣнье, и чувствуешь ужасъ послѣднихъ минутъ больного поручика. Выюга... Помощи нѣтъ, надѣяться не на что... Близкіе такъ далеко... Или вотъ, ѣдетъ гдѣ-то въ горахъ есаулъ темною ночью, по глухому ущелью, и, кажется, даже карнизомъ. Ёхали, говорить, путались, лѣзились гуськомъ, таджики кое-гдѣ помогали.—«И все бы такъ ничего, да никакъ лошадь споткнулась, или испугалась чего,—ну, и полетѣлъ я туда, гдѣ рѣка шумѣла, въ темную пропасть»... Только слѣпой, какой-то рѣдкостный случай спасъ жизнь есаулу. Онъ изрядно расшибся и сломалъ себѣ ногу, но все-таки дѣло только этимъ и кончилось.—«Сломался, знаете, а помочь-то и некому; вытащили меня кое-какъ, положили это, а лубки-то самому же пришлось мастерить, ничего не подѣлаешь...—пикто не умѣетъ». Съ прїѣздомъ есаула и доктора въ столовой образовалось цѣлое общество, и какъ я ни усталъ за дорогу, какъ ни манила кровать, но не хотѣлось уходить отъ интересныхъ рассказовъ моихъ собесѣдниковъ. Среди нихъ чувствовалось, какъ въ гостиной старыхъ милыхъ знакомыхъ, гдѣ все дышитъ уютомъ и лаской, и мои скитанія по горнымъ пустынямъ, и то, что я на памирскомъ посту, казалось какимъ-то удивительнымъ сномъ, страннымъ событіемъ, вторгнувшимся въ обычную жизнь и нарушившимъ ея равновѣсіе. Какъ-будто убогая комнатка, кучка добрыхъ, радушныхъ людей, самоварчикъ, барометръ и отрывной календарь, весь этотъ уголокъ русской земли былъ перенесенъ могучимъ волшебникомъ и водруженъ на «крышѣ міра» наперекоръ здравому смыслу.

На утро выдался отличный денекъ: тихій, безвѣтренный, съ жгучимъ, ослѣпительнымъ солнцемъ. Было такъ тепло, что казалось вполнѣ возможнымъ итти въ одномъ кителѣ, но коварный климатъ Памира заставляетъ всегда имѣть подъ рукой теплое платье. Пока нѣтъ облаковъ и безвѣтренно, на Памирѣ чувствуешь югъ, горячіе лучи солнца такъ и пекутъ, готовъ все сбросить съ себя, но достаточно подуть только вѣтру, налетѣтъ, Богъ вѣсть откуда, густымъ облакамъ—и солнце закроется и тогда не только что въ кителѣ, но впроу быть въ полшубкѣ. Послѣ зноя охватить полярная стужа, и начнется метель. Въ одинъ и тотъ же моментъ наблюденія на памирскомъ посту днемъ на солнцѣ—жара, а гдѣ-либо въ тѣни можно видѣть замерзшую воду. И такія рѣзкія перемѣны—почти круг-

дый годъ. Нѣсколько лучше бываетъ по осени, но и то относительно...

Вмѣстѣ съ поручикомъ К. мы пошли побродить у поста и познакомиться съ мѣстностью. Мы сходили на кладбище, гдѣ возвышались любопытные мазары на могиллахъ киргизскихъ угодниковъ, затѣмъ спустились къ рѣкѣ и тамъ, прыгая съ кочки на кочку между ключей и прудковъ, усердно занялись сборомъ растений. Сверхъ ожиданія здѣсь на лугу оказалось много прехорошенькихъ видовъ. Цѣлыми кустиками они росли у ключей и отражали въ зеркальной водѣ свои миловидныя чашечки.

Особенно много было тутъ первоцвѣтовъ, но встрѣчалась нѣсколько разъ орхидея съ кистью пурпурныхъ цвѣтовъ, сочныхъ и яркихъ, и еще какіе-то цвѣты съ желтыми мелкими лепестками. Впереди насъ гуляли казачьи лошади и, пофыркивая, щипали траву. Вмѣстѣ съ ними паслись чьи-то верблюды, огромные и нескладные, съ клочковатой, невылинявшей, какъ слѣдуетъ, шерстью. Отъ поры до времени они поднимали свои библейскія головы и, забавно растопыривъ переднія ноги, не переставая жевать, пристально смотрѣли за нашимъ движеніемъ... Дальше къ Шаджану, гдѣ Мургабъ образуетъ излучину, этотъ растительный оазисъ кончается, горы нависаютъ угрюмыми скалами и замыкаютъ долину. Въ лучахъ южнаго солнца она свѣтилась всевозможными красками и неуловимо-преlestнымъ переходомъ оттѣнковъ, скользившихъ по лугу, дымчатой дали, крутымъ скалистымъ хребтамъ, напоминала переливы шелковой ткани. Свѣжая, сочная зелень и эти изумительно нѣжныя крошки-цвѣты, безцельно опускавшіе листики при первомъ прикосновеніи теплой руки, куполь темне-синяго неба, изрѣзанный по горизонту вершинами, прозрачная лента тихой рѣчки, задумчиво текущей у коричневыхъ скалъ, все соединилось въ причудливыхъ формахъ, обвѣянныхъ могильнымъ покоемъ и строгимъ величіемъ... По такимъ-то оазисамъ съ болѣе или менѣе скуднымъ запасомъ травы по долинамъ Акъ-су, Аличура, Рангъ-куля и ютится рѣдкое населеніе Памира. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ семей киргизовъ, народа тюркскаго корня, откочевавшихъ сюда изъ Сары-кола и Алайской долины подъ вліяніемъ политическихъ и иныхъ обстоятельствъ. Пользуясь исключительнымъ положеніемъ Памира, его отдаленностью, труднодоступностью, бесплодностью высокихъ долинъ, киргизы считали себя за предѣлами досягаемости и не признавали фактически власти Коканскаго ханства, Китая, Афганистана, однимъ словомъ, всѣхъ своихъ сосѣдей, предъявлявшихъ права на ихъ надежное убѣжище. Отъ поры до времени имъ приходилось, впрочемъ, смиряться и признавать власть одного изъ сосѣдей, но чаще они независимыми бороздили пустыни нагорья, пасли небольшія стада и предпринимали набѣги на мирныхъ таджиковъ Вахана. Съ покореніемъ Коканскаго ханства русскіе скоро достигли Па-

мира и, послѣ незначительныхъ столкновеній съ афганцами, утвердили на немъ свою власть постройкой на Мургабѣ поста въ 1893. вмѣстѣ съ этимъ населеніе было объединено въ одну Памирскую волость во главѣ съ волостнымъ управителемъ, и независимость киргизовъ на этомъ закончилась. Незначительное скотоводство составляетъ теперь главное занятіе и промыселъ населенія, почерпающаго въ немъ все средства для жизни и упорной борьбы за скудное существованіе. Эта непрерывная борьба и суровая природа Памира наложили замѣтный отпечатокъ на вѣншній обликъ киргиза. Сгорбленный, съ апатичнымъ лицомъ, съ неразвитой, грубой на немъ растительностью, со слезящимися глазами, онъ имѣетъ болѣзненный, кретинообразный видъ и вмѣстѣ съ укладомъ своей жизни и убогой кибиткой недалеко ушелъ отъ первобытнаго жителя. Встрѣчаются, правда, среди памирскихъ киргизовъ и сильные, крѣпкіе люди, завиднаго здоровья, охотники за горной пушницей, но такихъ очень мало и они являются здѣсь значительной рѣдкостью.

Такъ день за днемъ незамѣтно проходило время на памирскомъ посту, и наконецъ наступила пора собираться въ дорогу. Надо было подумать о фуражѣ, о припасахъ для собственнаго продовольствія, однимъ словомъ, обезпечить себя и лошадей всемъ необходимымъ для недѣльнаго странствованія по горнымъ пустынямъ, отдѣляющимъ долину Мургаба отъ Пянджа и хребта Гиндукуша. Въ мои планы, кромѣ того, входило большое желаніе зайти на озеро Викторіи, лежащее за Аличурскимъ хребтомъ, въ двухъ дняхъ пути въ сторонѣ отъ прямой нашей дороги, и такимъ образомъ продолжительность нормальнаго маршрута увеличивалась еще на нѣсколько сутокъ. Все эти путевыя заботы, не исключая проводника до Аличурской долины, при помощи нашихъ любезныхъ хозяевъ были разрѣшены самымъ удовлетворительнымъ образомъ, но, по причинамъ, отъ нихъ не зависѣвшимъ, нашъ отъѣздъ съ поста задержался. Наканунѣ выступленія вдругъ обнаружилось, что одна изъ лошадей набила вьюкомъ себѣ спину и такъ основательно, что не можетъ совершенно идти и должна здѣсь остаться. Виновать, конечно, былъ Мирзамать и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что по пріѣздѣ на постъ ничего не сказалъ, полагая, что мы пробудемъ здѣсь долго и что лошадь за это время поправится, но, съ другой стороны, надо было выпить и дикій сартскій обычай, воспреещающій керекешу разсѣдывать лошадь до возвращенія домой. Какъ бы ни длилось его путешествіе, керекешъ не сниметъ съ лошади «чома», тяжелаго вьючнаго сѣдла, которое словно прирастаетъ къ животному и при малѣйшей оплошности наноситъ ему ужасныя раны на бокахъ и спинѣ. Сколько разъ я ни доказывалъ Мирзамату, что безсердечно обращаться такъ съ лошадьми, и ни требовалъ, чтобы онъ разсѣдывалъ ихъ на ночлегахъ, но все было напрасно—Мирзамать стоялъ на

своёмъ, упрямо заявляя, что «яманъ буладе»¹⁾), и ничего больше. Мы отправились цѣлой комиссіей осматривать лошадь. Весь правый бокъ больного животного представлялъ сплошную зловонную рану, изъ которой выставлялись ребра и торчали куски гнѣющаго мяса. Не оставалось никакого сомнѣнія, что лошадь издохнетъ; мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы она поправилась съ такимъ поврежденіемъ, но зато каково же было мое удивленіе, когда, вернувшись изъ Шугнана снова на постъ, я нашелъ эту лошадь здоровой и даже отбѣвшей. Очевидно, чистота памирскаго воздуха сыграла въ этой метаморфозѣ громадную роль, и рана на боку у лошади не только затянулась, но отъ нея остался одинъ чуть приметный рубецъ...

Итакъ, пока что, лошадь эту пришлось намъ оставить, а Мирзамату поручить найти новую. Кое-какъ съ помощью волостного ему удалось купить у киргизовъ подходящую лошадь, и тѣмъ инцидентъ разрѣшился. Сердечно простившись со всѣми, мы выѣхали изъ укрѣпленія и потянулись на западъ внизъ къ Мургабу въ урочище р. Кара-су. Дальше и дальше уходилъ отъ поста мой караванъ, глубже скрывался въ землю постройки, и скоро сѣрыя крыши сравнялись съ поверхностью; исчезъ изъ глазъ радушный оазисъ, и мы опять надолго погружались въ безмолвное царство. Солнце стояло уже высоко и нестерпимо ярко освѣщало долину, рѣку и прибрежные склоны. Тамъ, гдѣ долина сужается и Мургабъ входитъ въ узкое глухое ущелье, мы переправились черезъ него на другую, горную сторону. Время для переправы еще было хорошее, хотя лошади и шли по водѣ почти по брюхо. Обыкновенно въ серединѣ іюля, когда энергично таютъ ледники и снѣга, Мургабъ разливается, и переправа черезъ него становится дѣломъ не шуточнымъ, а днями почти невозможнымъ. За переправой дорога повела насъ крутымъ косогоромъ и затѣмъ спустилась къ ручью Кара-су, прорывшему глубокое ложе среди лессовыхъ береговъ. На большое пространство по рѣкѣ росъ небольшими кустами ивнякъ²⁾), общипанный и оборванный киргизскимъ скотомъ. Этотъ уголокъ древесной растительности составляетъ большую рѣдкость для памирскихъ долинъ и возникъ тутъ, какъ видно, подъ надежной защитой крутыхъ береговъ. Киргизы называютъ это урочище «Джаманъ-талъ», т. е. «плохой талъ», и, надо сказать, энергично опустошаютъ его, прогоняя стада и вырубая на топливо. Кромѣ Джаманъ-тала, деревья встрѣчаются еще по рѣкѣ Кударѣ, также Пшарту, и тамъ, между прочимъ, заросли ивняка разнообразятся примѣсью березы, шиповника и нѣкоторыхъ другихъ кустарниковъ. За Джаманъ-таломъ остается только нѣсколько верстъ до почтовой юрты. Она стоитъ на зеленой

¹⁾ Будетъ плохо.

²⁾ Salix охусагра

луговинѣ у рѣки Кара-су и служить пристанищемъ для почтовыхъ джигитовъ. Мы остановились здѣсь на ночлегъ. Случившійся въ юртѣ киргизъ ужасно захопоталя, тотчасъ побѣжалъ на ручей за водой и въ самое короткое время вскипятилъ ее въ приземистомъ пузатомъ «кунганѣ»¹⁾).

Отъ Кара-су въ Аличурскую долину дорога идетъ широкими пустынными ущельями и цѣлыми часами приходится ѣхать утомительно-однообразной мѣстностью по высохшимъ галечнымъ русламъ. На пути намъ встрѣчались тибетскія галки, напоминающія нѣсколько нашихъ, но съ красными клювами и такими же лапками. Тихо, какъ летучія мыши, онѣ перелетали безъ крика съ одного утеса на другой, поджидали на новомъ мѣстѣ, пока мы подъѣдемъ, а затѣмъ снова снимались и рѣяли въ темномъ ущельи, какъ духи подземнаго царства. Вблизи перевала Найза-ташъ, около лужицы мы наѣхали на громадное количество бѣлыхъ бабочекъ, которыя тѣсною толпой облѣпили небольшой водоемчикъ и жадно пили грязноватую воду. Испугавшись лошадей, бабочки поднялись на воздухъ и, какъ конфетти, замелькали вокругъ, относимыя вѣтромъ въ разныя стороны. Подъемъ на перевалъ самый незначительный; видно, что впереди дно ущелья какъ бы ломается и тѣмъ самымъ отмѣчаетъ перевальную точку. Но найти эту точку оказалось далеко не такъ просто и пришлось потратить немало времени прежде, чѣмъ я установилъ водораздѣлъ и произвелъ на немъ наблюденія. Самъ по себѣ Найза-ташъ имѣетъ унылый, ничѣмъ не замѣчательный видъ. Ничего величественнаго, ничего подавляющаго въ скромныхъ скалистыхъ отрогахъ, обступающихъ съ боковъ сѣдловину перевала. Ни головокружителейъ кручь, ни пропастей, гдѣ въ жуткой темнотѣ шумѣли бы рѣки, ни орловъ, гордо парящихъ въ уровень съ пиками,—однимъ словомъ, ничего грандіознаго и удивительнаго, что создавало бы надлежащую обстановку для перевала въ 13 тысячъ футовъ высотой. И видъ съ перевала тоже скромный, посредственный, не блестящій красками и волшебными далями. Незначительные отроги и короткія гряды переплетаются между собою беспорядочной массой, которая понижается уступами къ Аличурской долинѣ и закрываетъ отъ зрителя большую часть горизонта. Склонъ Найза-таша, обращенный къ долинѣ, такой же пологій, какъ и восточный. Короткимъ ущельемъ мы спустились съ перевала къ первому пункту долины—урочищу Чатырь-ташъ, названному такъ по громадному шатрообразному камню, Богъ вѣсть, какими судьбами попавшему въ него чуть не за двѣ версты отъ предгорій.

Отсюда долина тянется широкой полосой верстъ на пятьдесятъ, вплоть до Яшилъ-куля—живописнаго озера, окруженнаго ореоломъ

¹⁾ Мѣдный сосудъ, кувшинообразной формы, но съ болѣе вытянутымъ узкимъ горломъ.

сказаній, и своимъ положеніемъ среди параллельныхъ хребтовъ Базаръ-дара и Аличурскаго напоминаетъ долину Алайскую. Она, конечно, значительно меньше послѣдней, не представляетъ такой обширной альпійской степи, какъ та, но все-таки приятно поражаетъ просторомъ, открытымъ горизонтомъ, увѣчаннмъ пиками и зеленой, ровной, какъ скатерть, поверхностью. Ближе къ южному краю долины течетъ рѣка Аличуръ, извиваясь среди береговъ, песчренныхъ омутами и рѣчками, блестящими, какъ стеклышки, на яркомъ ослѣпительномъ солнцѣ. Кое-гдѣ у рѣки дымилась аулы, гуляли стада, слышалось ржанье. За Чатыръ-ташемъ мы свернули въ сторону съ дороги и поѣхали къ ближайшему аулу. вмѣстѣ съ этимъ нашъ проводникъ выѣхалъ впередъ и, поспѣвая лошадеку, посканлъ въ аулъ, чтобы предупредить киргизовъ о нашемъ нашествіи. Здѣсь ночевалъ, какъ оказалось, очень богатый киргизъ «бай», владѣвшій большими стадами овецъ и «кутасовъ»¹⁾. Словно куча медвѣдей, паслись вблизи юрты громадныя яки, весьма свирѣпаго, но въ дѣйствительности очень миролюбиваго права животныя. Они составляютъ весьма важный элементъ въ хозяйствѣ киргизовъ, являясь универсальнымъ животнымъ, въ высшей степени приспособленнымъ къ памирскимъ условіямъ. Уже одно то, что якъ незыскателенъ—самъ добудетъ себѣ пищу зимою и круглый годъ подъ открытымъ небомъ, не нуждаясь въ защитѣ,—составляетъ большое достоинство и требуетъ отъ киргиза минимумъ ухода и средствъ. Кроме того, это великолѣпный горный ходокъ. Ни громадная высота, ни снѣга не составляютъ для яка препятствія, и только на немъ можно совершить труднѣйшіе подъемы и головоломныя экскурсіи. Не хуже козла якъ идетъ по утесамъ и съ удивительной легкостью, непонятной для его грузной фигуры, онъ вмѣстѣ со всадникомъ перепрыгиваетъ глубокія трещины и взбирается на ужасныя кручи. Мнѣ самому приходилось въ Дарвазѣ, держась за хвостъ кутаса, какъ за надежный канатъ, залѣзть слѣдомъ за нимъ на столь дикія стѣны рѣчныхъ коридоровъ, что иногда не хватало смѣлости оглянуться назадъ. Но есть и недостатокъ у яка—онъ страшно упрямъ. Ужъ если онъ остановится, такъ лучше всего подождать—хоть стрѣлай его, съ мѣста не сдвинется.

Молоко кутаса густое и вкусное, но, благодаря, быть можетъ, удивительно грязной посудѣ, въ которой киргизы держатъ его, оно имѣетъ особый, специфическій запахъ, съ которымъ новичку довольно трудно бываетъ мириться. И въ то время, какъ Сазоновъ съ Мирзаматомъ, что называется, опивались ячьимъ молокомъ, я упорно отъ него отказывался и только къ концу путешествія, когда сталъ равнодушнымъ ко всевозможнымъ запахамъ, послѣдовалъ примѣру моихъ спутниковъ и началъ безъ смущенія пить его съ чаемъ...

¹⁾ Киргизское названіе яка.

Бай оказался чрезвычайно любезнымъ. Онъ предоставилъ въ наше распоряженіе всю свою юрту, натащилъ въ нее отовсюду ковровъ, одѣялъ, мягкихъ валиковъ, однимъ словомъ, устроилъ такую въ ней благодать, что, казалось, смотри на нее, да и радуйся. Дѣйствительно, пока было свѣтло, мы какъ нельзя лучше чувствовали себя, но съ наступленіемъ вечера все измѣнилось. Въ ауль пришли съ пастбищъ стада, и мы на всю ночь очутились какъ на крошечномъ островѣ среди многочисленной и разнообразной скотины. Животныя сбились около юрты такой плотной массой, что нельзя было ступить за двери и шагу. И вотъ цѣлую ночь эта масса, какъ одинъ живой организмъ, чавкала жвачку, сопѣла, возилась и наполняла воздухъ острыми испареніями тысячи тѣлъ. Отъ оглушающей атмосферы скотнаго двора у меня мутилось въ головѣ, и я не зналъ, какъ дожидаться зари...

Прелестнымъ безвѣтреннымъ утромъ мы снялись съ ночлега и пошли къ Сасыкъ-кульскому озеру. Оно находится въ концѣ Аличурской долины, въ западной широкой части ея. На меридіанѣ Сасыкъ-куля намъ предстояло перевалить Аличурскій хребетъ съ тѣмъ, чтобы выйти въ долину рѣки Памиръ, а затѣмъ и Зорь-куля. Было очень свѣжо, и по берегамъ рѣки и по мелкимъ болотцамъ замерзла вода.

Пройдя верстъ пять, мы переправились черезъ Аличуръ и перешли на лѣвый берегъ. Теперь вся долина разстилалась вправо отъ насъ и упиралась зеленымъ ковромъ въ зубчатый хребетъ Базаръ-дара. Благодаря отличной погодѣ, ѣхать по долинѣ было одно удовольствіе. Мягкая дорожка, просторъ, дивный воздухъ, лазурное небо, такое глубокое, бархатистое, ясное, солнце и безконечныя горы. Горы скалистыя, горы и снѣжныя, горы близкія и далекія опоясали каменнымъ поясомъ весь горизонтъ и горятъ, сіяютъ бѣлыми шапками. Тихо. Кое-гдѣ видишь дымокъ, темныя юрты, пахутся кутасы. Чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ долина шире, но вмѣстѣ съ этимъ—бѣднѣе, пустыннѣе. Около мазара Абханъ дорога уклоняется къ югу, и почти тотчасъ съ этимъ поворотомъ рѣзко измѣняется характеръ долины. Зелени нѣтъ, опять голый камень, песокъ. По дорогѣ валяются кости и черепа архаровъ, иногда съ такими великолѣпными рогами, что удовлетворили бы самага требовательнаго зоолога-любителя. Еще безотраднѣе стала дорога, когда повела по громаднымъ древнимъ моренамъ, образовавшимъ въ долинѣ цѣлыя горы. Можно представить себѣ, какіе ледники залегали нѣкогда въ Аличурской долинѣ и какіе титаническіе процессы совершались въ ней на протяженіи вѣковъ. За моренами мы спустились въ обширную котловину, на которой синѣло рѣзкой полосой озеро Сасыкъ-куль¹⁾. Ближе къ намъ, на пустынномъ со-

¹⁾ «Вонючее озеро» въ переводѣ.

лонцевомъ берегу чернѣла одинокая юрта. Она была обтянута старымъ, измызганнымъ войлокомъ, изъ котораго тамъ и сямъ, какъ ребра животнаго, торчали тонкія дуги деревяннаго остова. Около входа валялись переметныя сумы и стояла осѣдланная понурая лошадь. Юрта оказалась почтовой и хотя была слишкомъ непривлекательна видомъ, но мы все-таки рѣшили започевать въ ней, а не въ холодной солдатской палаткѣ. Съ помощью «почтачи» мы залѣпили дыры своими кошмами, болѣе мелкія позаштопали и въ концѣ концовъ устроили изъ жиденькой, ободранной юрты вполне спосный и непроницаемый уголь. Убравши лошадей, мы съ Сазоновымъ захватили винтовки и пошли на озеро посмотрѣть, нѣтъ ли гусей. Консервы въ достаточной степени уже всѣмъ падоѣли, и поэтому хотѣлось внести хоть какое-либо разнообразіе въ наше питаніе. Къ сожалѣнію, у насъ было слишкомъ мало шансовъ на хорошую охоту, и я, грѣшнымъ дѣломъ, шелъ на озеро больше съ цѣлью посмотрѣть на него, чѣмъ учинить тамъ какую-либо охоту. Гуси вообще были очень сомнительны, такъ какъ время было не совсѣмъ подходящее, а на мелкую дичь въ родѣ утокъ нечего было и думать охотиться, такъ какъ, кромѣ берданокъ, у насъ не было дробового ружья. Озеро показалось мнѣ незначительнымъ. Трудно было повѣрить, что оно длиною пять верстъ, а до противоположнаго берега, видимаго съ такими подробностями, набирается въ дѣйствительности почти двѣ версты. Такъ сокращаетъ пространство удивительная прозрачность памирскаго воздуха! Вода въ озерѣ довольно противнаго вкуса, горько-соленая и еще была неприятна тѣмъ, что въ ней кишмя кишѣли крошечныя ракообразныя существа ¹⁾, придававшія водѣ въ маломъ количествѣ бурый оттѣнокъ. Берега озера низменные, солонцевые, съ небольшими кое-гдѣ возвышеніями, образованными, какъ видно, изъ водорослей, намытыхъ за долгое время прибоемъ. За этими возвышеніями тянулась голая равнина, чрезвычайно пустынная, и упиралась въ скалистыя предгорья однообразнаго пепельно-желтаго цвѣта. На озерѣ дулъ небольшой вѣтерокъ и рябилъ мелкими волнами лазурную поверхность. Съ тихимъ шуршаніемъ и плескомъ набѣгали волны на низменный берегъ, заливали его журчащимъ потокомъ, а затѣмъ быстро уходили назадъ, оставляя послѣ себя клочки пѣны и мелкіе камешки. Меланхолическій прибой и золотистый закатъ, отражавшійся въ озерѣ, порождали въ душѣ неясныя тревожныя грезы, какое-то смутное ощущеніе міровой души, трепетавшей во мнѣ и въ молчаливой пустынѣ, и въ скалистыхъ хребтахъ, и въ блестящемъ, какъ зеркало, озерѣ. Охота на гусей, какъ и слѣдовало ожидать, не состоялась, такъ какъ на озерѣ ихъ не нашлось. Зато много встрѣчалось атаекъ ²⁾; цѣлыми

¹⁾ Изъ рода *Artemia*.

²⁾ Красная утка.

сотнями онѣ плавали около береговъ и, словно чувствуя, что охотники имъ не опасны, самымъ вызывающимъ образомъ подпускали насъ на десятки шаговъ. Кончилось тѣмъ, что Сазоновъ не выдержалъ и выстрѣлилъ пулей по ближайшему стаду. Всполошилось утиное царство, закричало, поднялось громадными стаями и засвѣтили въ воздухѣ тысячи крыльевъ. Мы закинули винтовки на плечи и направились къ дому. Въ юртѣ оказалось цѣлое общество. Пока мы неудачно охотились, сюда пріѣхали изъ Шугнана таджики. Они пробирались на памирскій постъ или, вѣрнѣе, «базарчикъ», на который везли нѣсколько мѣшковъ грецкихъ орѣховъ. До сихъ поръ я еще не видѣлъ таджиковъ и потому съ большимъ интересомъ смотрѣлъ на этотъ новый народъ, одинъ изъ отпрысковъ арійскаго племени. Прежде всего, взглянувъ на представителей великаго племени, надо сказать—бѣдность. Домотканная халатъ, превратившійся изъ бѣлаго въ сѣрый, тюбетейка, повитая краснымъ платкомъ, и короткіе «ичиги», надѣтые на толстые, ковровой вязки чулки съ простыми узорами, составляли весь ихъ нарядъ. Но статныя фигуры таджиковъ и правильныя черты лица вмѣстѣ съ красивой, музыкальной рѣчью сильно скрашивали впечатлѣніе убожества отъ монхъ новыхъ знакомыхъ и располагали невольно въ ихъ пользу. То же нужно сказать и про манеры таджиковъ, обличавшія въ нихъ ловкихъ, не лишенныхъ изящества горцевъ хотя и удержавшихъ слѣды извѣстной забитости, какъ результатъ, плохо сложившейся политической жизни. Кто не накладывалъ только тяжелой руки на таджиковъ? Жали ихъ «миры» ¹⁾, давили афганцы, разоряли киргизы, а теперь Бухара, если и не проявляетъ былой кровожадности, то въ полномъ смыслѣ обираетъ таджиковъ до нитки. Берутъ съ нихъ подать за все: и за то, что посѣялъ, и за то, что пасешь своихъ быковъ на своемъ же участкѣ.

Сперва таджики дичились меня, старались держаться въ сторонкѣ, но послѣ чая посмѣлѣли и разговорились. Правда, разговоръ былъ отрывочный, но все-таки кое о чемъ мнѣ удалось разспросить одного изъ таджиковъ, знавшаго говорить по-киргизски. Съ большимъ оживленіемъ онъ говорилъ про Шугнанъ, про дороги на скалахъ, про жизнь въ кишлакахъ и въ результатѣ согласился на мою просьбу пропѣть нѣсколько пѣсенъ. Другой таджикъ, тонкій и рыжий, сходилъ къ своимъ лошадямъ и принесъ шапку орѣховъ и бубень. Онъ усѣлся рядомъ съ пѣвцомъ и, тихонько постукивая, приготовлялся къ концерту. Тотъ закрылъ глаза и запѣлъ. Вывелъ длинную тонкую ноту и вдругъ оборвалъ. Бубень стучить. Опять рѣзкій звукъ, и таджикъ какъ будто заплакалъ. Страстно заговорилъ онъ о чемъ-то, и снова звучитъ длинная высокая нота. Печальная и однообразная, какъ ледяная пустыня, неслась эта мелодія къ озеру и короткими стонами

¹⁾ Правители Вахана.

перекликалась въ горахъ. Пѣня заражала и трогала неподдѣльностью чувства. И когда окончился этотъ дикій концертъ, я чувствовалъ себя усталымъ, разбитымъ...

Рано утромъ таджики уѣхали; когда я вышелъ изъ юрты, то видѣлъ только, какъ они поднимались гуськомъ на морену.

Съ озера Сасыкъ-куля мы поѣхали въ южномъ направленіи къ перевалу Кумды въ разрѣзъ Аличурскаго хребта. Вначалѣ дорога идетъ широкимъ песчанымъ ущельемъ, которое постепенно суживается и невдалекѣ отъ вершины загромождается камнями. Крутой склонъ его въ полномъ смыслѣ усеянъ громадными валунами, среди которыхъ нужно долго лавировать, чтобы найти какую-либо дорогу и провести лошадей. Но все-таки въ общемъ подъемъ на перевалъ скорѣе нетрудный и за исключеніемъ верхней трети его наши лошади достигли вершины безъ большого усилія. Гребень Кумды находится на высотѣ въ 15 тысячъ футовъ и представляетъ просторную сѣдловину, украшенную двумя небольшими прудами. Каждый изъ нихъ заключался въ красивой рамкѣ густой сочной зелени и альпійскихъ цвѣтовъ, отражавшихъ прелестныя голубыя головки въ зеркальной поверхности холодной прозрачной воды. Благодаря этимъ прудамъ, вершина перевала казалась такимъ поэтическимъ уголкомъ, представляла столь рѣдкое сочетаніе горъ, неба и зелени, что мнѣ очень хотѣлось разбить на ней палатку и провести хотя одну только ночь въ этомъ сказочномъ, заоблачномъ мѣрѣ. Къ сожалѣнію, этому не суждено было исполниться. Мои спутники запротестовали столь рѣшительнымъ образомъ, что пришлось имъ уступить и оставить мысль о почлегѣ. Особенно упорствовалъ нашъ проводникъ, увѣрявшій меня, что ночью на перевалѣ будетъ такой сильный вѣтеръ, что если и не смететъ насъ отсюда, какъ соръ, то во всякомъ случаѣ растреплетъ палатку. И это могло бы, конечно, случиться, тѣмъ болѣе, что погода начала уже портиться и облака стали облѣплять перевалъ. Скоро посыпалась снѣжная крупа, и надо было уходить отсюда, пока не разыгралась метель. Южный склонъ перевала оказался болѣе крутымъ, нежели сѣверный, но зато болѣе короткимъ и далеко не такъ каменистымъ. Спустившись съ кручи, мы пошли наискось по склону хребта къ востоку, пересѣкая лощинки и раздѣляющіе ихъ небольшіе увалы. Теперь мы очутились въ бассейнѣ озера Викторіи, въ области еще болѣе пустынной, чѣмъ все до сихъ поръ нами пройденное. Ни юртъ, ни людей, ни гуляющихъ стадъ нельзя было замѣтить на обширномъ пространствѣ мрачной долины. И близко, и вдали голый камень, остатки моренъ, слѣва мертвыя скалы Аличурскаго хребта, и на горизонтѣ плотная завѣса дождя и густого тумана. По обрывистому спуску мы пошли къ рѣкѣ Памиру, представляющей теперь нашу границу съ афганцами. Кое-гдѣ на ней держался еще зимній ледъ, и она глухо шумѣла среди черныхъ большихъ валуновъ,

выставлявшихся изъ воды угрюмыми оледенѣлыми пнями. Нигдѣ кругомъ не было мѣстечка, куда можно было бы поставить палатку и заночевать. Пришлось ѣхать выше по рѣкѣ къ Мазарь-тепе, въ которомъ, по словамъ проводника, берега много положе, не такъ каменисты и вообще представляютъ большія удобства какъ для лошадей, такъ и ночлега. Къ тому же это урочище находится вблизи отъ Зорь-куля, того желаннаго озера, къ которому такъ давно я стремился и, ночуя въ Мазарь-тепе, можно было въ одинъ день предпринять и закончить поѣздку на озеро. Мы ѣхали почти безъ дороги, придерживаясь рѣки, какъ путевой нити, не смущаясь тѣмъ, что надо было часто залѣзть въ самую воду, забираться на крутой, осыпающійся берегъ и пробѣжать по узенькимъ тропочкамъ. Къ нашему несчастью, начался скоро проливной дождь со снѣгомъ и если раньше время тянулось ужасно, то теперь казалось, что не будетъ конца нашей дорогѣ и мытарствамъ. Безнадежно я посматривалъ по сторонамъ, не найдется ли пещеры, куда можно бы спрятаться, но, увы, версты проходили, а такой благодати все не встрѣчалось. Пришлось помириться съ дождемъ, мокнуть безъ всякой надежды укрыться и утѣшать себя тѣмъ гордымъ сознаниемъ, что ѣдешь по великому историческому пути, соединявшему съ древнихъ временъ с.-западную Индію и западную Азію съ ея восточной частью—Китаемъ. Этой пустышной долиной двигались арміи, проходили народы, шли путешественники. Здѣсь проходилъ Сюань-цзань¹⁾, путешественникъ древности, который между прочимъ говоритъ о Памирѣ: «Памиръ тянется между двухъ горныхъ цѣпей, покрытыхъ снѣгами. Вѣтры бушуютъ днемъ и ночью. Почва пропитана солью. Растительность такъ туга, что на большомъ пространствѣ попадется трава или дерево. Вступивъ на этотъ путь, не увидишь человѣческаго жилища». Позднѣе былъ на этомъ пути Марко-Поло²⁾, ѣздившій изъ Венеціи къ монгольскому хану, и тоже оставилъ намъ очеркъ дороги. Въ прошломъ столѣтіи здѣсь путешествовалъ Вудъ, отважный англичанинъ, проникшій изъ Индіи, потомъ Форсайтъ со своей экспедиціей, подробно изучившій южный Памиръ, и, наконецъ, здѣсь работала англо-русская комиссія³⁾ по разграниченію сферъ вліянія Россіи и Англій. Результатъ комиссіи былъ довольно плачевный. Занявши Памиръ до Гиндукушскаго хребта, до естественной границы Памира на югъ, мы тѣмъ не менѣе уступили по настоянію Англій сѣверный склонъ Гиндукуша афганцамъ и передали имъ важнѣйшій путь по верховью Акъ-су. Такимъ образомъ, мы разомъ потеряли и выгодное положеніе къ путямъ въ Индію черезъ Гиндукушъ, и отдали въ руки противника подступы къ

¹⁾ Китайскій ученый династіи Танъ VI ст.

²⁾ Въ XIII вѣкѣ

³⁾ Въ 1896 году.

нашимъ позиціямъ, не говоря уже о тѣхъ уродствахъ и курьезахъ, что получились въ обществахъ таджиковъ проведеніемъ границы по Пянджу. Вечеромъ мы добрались до высокаго кургана, насыпаннаго кѣмъ-то у самой рѣки. Оказалось, что этотъ курганъ и есть Мазаръ-тепе, и здѣсь около него предстояло намъ почевать. И какой же печальный былъ это ночлегъ. Прежде всего, не оказалось здѣсь топлива. Ни кизяку, ни терескена не удалось добыть моимъ спутникамъ. Да и собирать его въ такую погоду было никому не по силамъ. Дождь и снѣгъ не прекращались ни на минуту, а холодный вѣтеръ леденилъ намокшее платье. Кое-какъ разбили палатку, залѣзли въ нее и улеглись спать на тощій желудокъ. Но и спать хорошо мнѣ не пришлось. Въ изголовьи шумѣла рѣка, фыркали продрогшія лошади, и отъ принесеннымъ въ палатку мѣшковъ, мокрыхъ сѣделъ, наконецъ, отъ промозглыхъ халатовъ сосѣдей, притулившись на кошмѣ рядомъ со мною, былъ такой густой воздухъ, что мнѣ стало плохо и я пріоткрылъ уголь палатки... На утро все было подъ снѣгомъ, слегка подмораживало и по бѣлымъ полямъ кружилась поземка. Словно громадная скатерть закрыла пустыню; исчезли неровности, скрылись хребты и не было ничего такого, что напоминало бы вчерашнюю мѣстность. И это былъ Петровъ день — веселый лѣтній праздникъ далекой Россіи; праздникъ съ цвѣтами, бабочками, хороводами, пѣснями...

При такихъ условіяхъ идти на Зорь-куль вмѣстѣ съ вьюками представлялось немислимымъ, и мы рѣшили здѣсь раздѣлиться. Мирзамать съ проводникомъ и всѣми пожитками пошли назадъ въ Дженанды, на мѣсто нашего выѣзда на р. Памиръ съ перевала, а мы съ Сазоновымъ, захвативши приборы, рѣшительно отправились къ озеру. До Зорь-куля оставалось не больше верстъ десяти, но съ первыхъ же шаговъ стало ясно, что дорога будетъ нелегкая. Снѣгъ заровнялъ всѣ неровности, и лошади поминутно попадали въ промоины и спотыкались, царапая ноги на закрытыхъ камняхъ. Чтобы не сбиться съ пути, мы, при всѣхъ неудобствахъ подобнаго выбора, держались поближе къ водѣ, зная, что рѣка такъ или иначе доведетъ насъ до озера. На снѣговой пеленѣ она выдѣлялась рѣзко очерченной лентой и съ тихимъ шумомъ плескалась на оледенѣлые камни. Мѣстами на рѣкѣ попадались атайки и большіе орланы, которые, съезжившись, сидѣли на одинокихъ камняхъ и, вѣроятно, не меньше насъ терпѣли отъ скверной погоды. Наше присутствіе ихъ не беспокоило; птицы довѣрчиво сидѣли въ нѣсколькихъ шагахъ и только когда приходилось ѣхать прямо на нихъ, то, нехотя, съ сожалѣніемъ разставаясь съ насиженымъ мѣстомъ, они тяжело поднимались и безшумно летѣли куда-либо въ сторону. Берега рѣки постепенно понижались и становились болѣе отлогими и низменными. Наконецъ черезъ два часа пути мы выѣхали

на просторную равнину и очутились въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ озера. На первыхъ порахъ оно поразило меня неожиданно большими размѣрами; берега его исчезали въ снѣжномъ туманѣ и казалось, что стоишь передъ необъятной водной поверхностью. Но немного погодя, когда метель перестала и горизонтъ немного очистился, можно было разглядѣть конфигурацію береговъ и составить объ озерѣ болѣе вѣрное и полное представленіе. Озеро Зорь-куль¹⁾, или, какъ называлъ его Вудъ въ честь своей королевы,—озеро Викторіи принадлежитъ къ крупнѣйшимъ озерамъ Памира, а по высотѣ надъ уровнемъ моря, достигающей 13390 футовъ,—къ высочайшимъ на земной поверхности. Оно простирается съ востока на западъ на протяженіи 18 верстъ, при ширинѣ отъ 2 до 3¹/₂ верстъ, представляя, такимъ образомъ, сильно растянутый эллипсъ. Въ отличіе отъ другихъ памирскихъ озеръ, вода въ Зорь-куль прѣсная, пріятнаго вкуса, чрезвычайно прозрачная, сѣровато-голубого нѣжнаго цвѣта. Съ южной стороны долина Зорь-куля упирается въ глухой и труднодоступный хребетъ Николая, а на сѣверѣ она ограничена Аличурскимъ хребтомъ, смотрящимся въ озеро дикимъ иззубреннымъ гребнемъ. Мѣстность вообще крайне пустынная, и вполне понятно, что здѣсь водятся барсы, кунцы, медвѣди, которые, какъ говорили киргизы, часто питаются рыбой, добывая ее очень искусно изъ озера. Пока я устранивалъ изъ бурки шалашъ и опредѣлялъ высоту кипятильникомъ, снѣгъ началъ таять. Тамъ и тутъ зачернѣли проталины и, сливаясь другъ съ другомъ, очень быстро открыли почти всю долину. Вслѣдъ за этимъ прояснилась даль, и по той сторонѣ озера засіялъ льдомъ и снѣгами хребетъ Николая. Можно было хотя недолго полюбоваться чудной панорамой горъ съ сѣдыми вершинами, обступившими тѣснымъ кольцомъ красивое величавое озеро. Но снова облака повисли надъ озеромъ, снова повалилъ хлопьями снѣгъ, и замелькали снѣжинки, шелестя и кружась надъ водою... Въ Дженанды мы вернулись съ Зорь-куля только къ вечеру. За наше отсутствіе Мирзамать съ проводникомъ набрали кизяку, и, благодаря ихъ старанію, мы устроили на этотъ разъ себѣ чай и согрѣли консервы. Вечеръ обѣщалъ быть хорошимъ, но словно нарочно начался сильный дождь, отъ котораго трудно было спастись даже въ палаткѣ. Въ ней появились цѣлыя лужи и только съ большимъ трудомъ, прокопавши канавки, намъ удалось отвоевать сухой уголокъ для ночлега. Но этимъ дѣло не кончилось, и, только пересталъ было дождь, началось землетрясеніе. Послышался глухой подземный ударъ, и тотчасъ наша палатка, вся долина и могучія горы затряслись, какъ въ лихорадкѣ. Мы тотчасъ выскочили взглянуть, что творится въ природѣ, но явленіе кончилось, и

¹⁾ Въ переводѣ «большое озеро».

только въ Аличурскихъ горахъ что-то ухало, словно рвали тамъ порохомъ скалы. Лошади сблизь въ тѣсную кучу, хрюкали и нервно топтались... За ночь снова похолодѣло, и, какъ наканунѣ, утро началось снѣжной метелью. Жестокій вѣтеръ, этотъ настоящій бичъ Памира, дулъ съ низовьевъ рѣки и несъ на насъ цѣлыя тучи мокраго снѣга. Намъ предстояло идти отсюда въ Ваханъ, на устье рѣки Памира, впадающей въ Пянджъ у Лянгара, перваго селенія таджиковъ и нашего военного поста. Какъ и вчера, дорогу засыпало снѣгомъ, и мы ѣхали, придерживаясь, какъ только было возможно, рѣки. Часто приходилось взвѣзжать на обрывистый берегъ и брать направленіе, руководствуясь компасомъ. Къ нашему благополучію, такіе марши «прямыми» обошлись безъ членовредительства, хотя лошади падали не разъ, спотыкаясь на камни. Къ полудню снѣгъ пересталъ и замѣнился дождемъ. Стало теплѣе. Съ каждой верстой мы спускались все ниже и уходили съ холодныхъ высотъ въ болѣе теплыя зоны. На минутку показалось даже солнце. Брызнуло свѣтомъ, кинуло громадную радугу на темную тучу и тотчасъ же скрылось за густымъ, мрачнымъ облакомъ. И еще печальнѣе стало кругомъ, неуютнѣе. Въ Юль-Мазарѣ на высотѣ 12000 футовъ появились уже кустарники, и на зеленомъ мыску, гдѣ мы разбили бивакъ, онъ росъ цѣлой рощей. Появились здѣсь какія-то пичужки вродѣ нашего дятла, и за Мазаромъ на горкѣ крикнулъ сурокъ. Отъ Юль-Мазара до Лянгара считаютъ 45 верстъ, но по свойствамъ дороги, хотя и очень живописной, кажется, что тутъ значительно больше. Рѣка глубже врѣзается въ горы, и паденіе ея сильно увеличивается съ каждой верстой. Тропинка ныряетъ по глубокимъ оврагамъ, то поднимаясь подъ снѣга въ горы, то спускаясь къ уровню рѣки Памиръ, грохочущей каскадами въ узкой тѣснинѣ. Минуя бѣшеную рѣчку Масъ, дорога уходитъ выше и выше на Ваханскія горы. Рѣка Памиръ совершенно исчезаетъ въ тѣснинѣ и только временами нѣтъ, нѣтъ, да и сверкнетъ далеко внизу серебристой излучиной. Впереди показываются вышки Гиндукуша, влѣво отступаютъ дикими утесами горы Николая II, начинаются пастбища, изумрудно-зеленыя поля, и, наконецъ, передъ самымъ Лянгаромъ съ высоты открывается красивая панорама долины. Душа радуется, когда послѣ мрачныхъ бесплодныхъ громадъ Памира взоръ ласкается массой зелени и грудь свободно вдыхаетъ теплый ароматный воздухъ полей. Куда ни взглянешь — заросли облѣпихи, тополя, смородины, цвѣтущаго шиповника; на поляхъ идутъ работы — однимъ словомъ, начинается другая, теплый и радостный край. Мы спускаемся по крутой тропѣ, пробѣгаемъ ручей, прыгающей среди огромныхъ камней, испещренныхъ именами проходившихъ на службу солдатъ, и вступаемъ, наконецъ, въ область таджиковъ — Ваханъ. Нашъ постъ расположенъ у се-

ленія таджиковъ, при впаденіи р. Памира въ Ваханъ-Дарью, отсюда уже получающую названіе Пянджа. Противъ поста Пянджъ течетъ широкой мутной рѣкой, покрытой островками, поросшими облѣпихой, въ непроходимой чащѣ которой находитъ себѣ убѣжище множество кабановъ. Ширина долины достигаетъ пяти верстъ и на югѣ замыкается громадной стѣной хребта Гиндукуша. Почти безъ предгорій онъ поднимается со дна долины на гигантскую высоту и съ ледянымъ спокойствіемъ взираетъ на суетливую жизнь крошекъ-людей, радующихся и страдающихъ у его подножія. За правильной чертой вѣчнаго снѣга, въ области могильной тишины и сверкающихъ льдовъ поднимаются изъ тѣла хребта грандіозные конусы пиковъ, оберегающихъ пути и перевалы въ красавицу Индію. На Лянгарѣ, въ домикѣ начальника поста мы прожили до 5-го іюля, отдыхали, собирали коллекціи и знакомились съ новымъ народомъ—таджиками. Съ незапамятнаго времени они населяютъ оба берега Пянджа, и на протяженіи 350 верстъ отъ кишлака Сархадъ до параллели перевала Одуди въ Рошанскомъ хребтѣ расположились ихъ общества: Ваханъ, Горанъ, Шугнанъ и Рошанъ, пограничный съ Дарвазомъ. По милости англо-русской комиссіи рѣка Пянджъ дѣлитъ теперь эти однородныя общества между нами и афганцами, что создаетъ для таджиковъ крайне уродливое положеніе. По религіи горные таджики—мусульмане шитскаго толка, распространеннаго здѣсь около VI столѣтія Али, любимымъ героемъ ихъ многочисленныхъ легендъ и сказаній. Али пришелъ съ многочисленнымъ войскомъ откуда-то съ запада и обрушился на Кахъ-каха, царя сіахъ-пушей, населявшихъ Ваханъ до прихода таджиковъ. Послѣ разгрома Али этотъ неизвѣстный народъ ушелъ изъ Вахана, оставивъ послѣ себя развалины крѣпостей и замковъ, украшающихъ неприступныя скалы. Особенно громадныхъ размѣровъ существуютъ развалины около селенія Пшупъ и въ излучинѣ Пянджа у Наматъ-гута, въ которыхъ, по преданію, жилъ царь Кахъ-каха. Таджики селятся около мѣстъ, гдѣ возможно расчистить отъ камней участки земли и такъ или иначе провести къ нему воду для орошенія. И надо отдать имъ справедливость въ рѣдкомъ терпѣніи и кропотливомъ трудѣ, съ которыми они превращаютъ въ цвѣтущее поле сухіе участки, освобождая ихъ отъ множества камня и проводя чуть не за версты воду, часто по скаламъ самымъ хитроумнымъ, удивительнымъ образомъ. Но живетъ таджикъ очень бѣдно, въ убогихъ постройкахъ изъ дикаго камня, похожихъ болѣе на зимовку скота, чѣмъ на людское жилище. Главнымъ занятіемъ ихъ является земледѣліе, значительное скотоводство и мелкіе кустарные промыслы, какъ, напр., выдѣлка особаго бѣлаго сукна, примитивной домашней посуды, чулокъ и т. п. Сѣютъ главнымъ образомъ пшеницу, ячмень, бобы, горохъ, которые, несмотря на высоту долинъ около 9200 футовъ, хорошо

вызрѣваютъ и даютъ сносный урожай. Количествомъ высѣваемого зерна ячменя или пшеницы таджики измѣряютъ площадь посѣва, единицей котораго служитъ «заминъ», требующій для обезмѣненія $2\frac{1}{2}$ «лупъ-поръ», равнаго приблизительно нашему пуду. Въ отличіе отъ киргизовъ ваханцы разводятъ коровъ, также кутасовъ и замѣчательно мелкихъ овецъ, стоимость которыхъ при мнѣ не превышала двухъ рупій¹⁾. Женщины таджиковъ ходятъ съ открытыми лицами, но поражаютъ своимъ неряшливымъ видомъ. Чаще видишь ихъ въ грязной посконной рубахѣ, съ растрепанными волосами, съ тупымъ животнымъ выраженіемъ на нездоровомъ лицѣ. Но въ общемъ таджики оставляютъ хорошее впечатлѣніе, какъ мечтательный и трудолюбивый народъ, но приниженный и ушедшій въ себя благодаря тяжелымъ обстоятельствамъ политической жизни. До появленія русскихъ Ваханомъ правили «миры», подчинявшіеся Бадахшану, и жили послѣднее время въ замкѣ Кала и Пянджъ, расположенномъ на лѣвомъ берегу Пянджа, наискось отъ нашего поста въ Лянгарѣ. Въ настоящее время тамъ живетъ афганскій офицеръ съ небольшимъ числомъ «сарбазовъ» и несетъ пограничную службу, тщательно скрываясь отъ взоровъ противника въ четырехугольных глиняныхъ башняхъ. Въ окрестностяхъ Лянгара имѣются горячіе ключи съ весьма высокой температурой. Одинъ изъ нихъ, съ которымъ мнѣ пришлось ближе познакомиться, находится отъ поста въ двухъ верстахъ и представляетъ весьма интересное явленіе. На крутомъ скатѣ горы, на высотѣ отъ дороги около 50 сажень, на небольшой площадкѣ бьютъ два ключа—горячій въ 45° и холодный въ 16° по Цельсію, въ разстояніи одной сажени отъ горячаго и немного повыше. Этимъ счастливымъ расположеніемъ ключей воспользовалось населеніе поста и, устроивши около горячаго ключа водоемъ, напускаетъ въ него горячую воду, разбавляя ее по желанію холодной. Благодаря этому обстоятельству, постъ имѣетъ прекрасную природную баню.

Протившись съ милымъ хозяиномъ, мы поѣхали жаркимъ іюльскимъ днемъ внизъ по долинѣ Пянджа къ Шугнану. Дорогой почти непрерывно прорѣзаются различныя культуры, заросли облѣпихи и маленькіе кшпаки таджиковъ, поэтически поставленные на обрывистыхъ склонахъ среди зелени абрикосовъ, яблонь, шиповника. На лѣвой сторонѣ, примыкая крутыми склонами къ Пянджу, мрачно смотреть въ долину сѣдыми вершинами колосовъ Гиндукушъ, а направо уходитъ въ поднебесье Ваханскій хребетъ. Весь этотъ ландшафтъ, залитый горячимъ солнечнымъ свѣтомъ, съ необыкновенно красивой далью горныхъ исполиновъ, сіяющихъ ледяными одеждами, развалины древнихъ замковъ, гнѣздящіяся на утесахъ,

¹⁾ Рупія по курсу около 55 копеекъ.

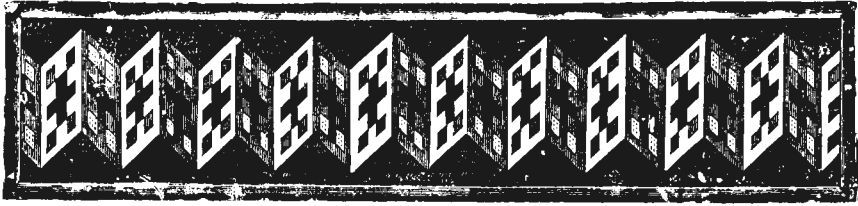
и роскошное южное небо,—все это приводит глубокое и неизгладимое впечатлѣніе.

Такая дорога въ виду Гиндукуша тянется на двухъ переходахъ до поста Ишкашимъ или Мульводжъ. Отсюда Пянджъ поворачиваетъ къ сѣверу, суживается и неодолимымъ потокомъ врѣзается въ тѣло дикихъ хребтовъ, создавая въ нихъ мрачное и фантастически красивое ущелье. Начинаются предѣлы Шугнана...

Н. Корженевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Валишевскій, К. Первые Романовы. Переводъ съ французскаго В. Ф., изд. книгоиздательства «Современныя проблемы». М. 1911. Стр. 476 Ц. 3 руб.

НМЯ ВАЛИШЕВСКАГО, какъ русскаго историка, давно уже пользуется извѣстностью среди французскаго и русскаго общества. Въ своихъ работахъ онъ пытался изложить русскую исторію въ теченіе трехъ вѣковъ, отъ Ивана Грознаго до Екатерины Великой, имѣя цѣлью въ рядѣ монографій изобразить происхожденіе современной Россіи. Работы г. Валишевскаго, захватывая собой въ отдѣльныхъ книгахъ эпоху Грознаго, смутное время, царствованіе Петра Великаго, эпоху его ближайшихъ преемниковъ, время Елизаветы Петровны и вѣкъ Екатерины II, подъ разными названіями выходили не послѣдовательно, въ хронологическомъ порядкѣ, а скачками, перебрасываясь отъ одной эпохи къ другой. Благодаря этому, настоящій томъ, посвященный обзорнѣю событій царствованія первыхъ Романовыхъ, являясь хронологически третьимъ томомъ, въ дѣйствительности выходитъ послѣднимъ и, такимъ образомъ, завершаетъ собой циклъ монографій г. Валишевскаго. Обнародованіе этого сочиненія совпадаетъ съ близкимъ юбилеемъ трехсотлѣтія дома Романовыхъ; совпаденіе хотя и придаетъ книгѣ характеръ современности и могло бы показаться преднамѣреннымъ, однако въ дѣйствительности, по словамъ автора, оно случайно. Несмотря на такое указаніе, книга г. Валишевскаго должна остановить вниманіе читателя, тѣмъ болѣе, что авторъ ея стремился «восполнить пробѣлъ», существующій въ русской исторической литературѣ, и высказываетъ въ предисловіи увѣренность, что ему «удалось не безъ нѣкоторой пользы дать нѣсколько общихъ взглядовъ и опредѣленныхъ данныхъ».

По своему содержанию книга г. Валишевского распадается на три части. В первой обозрѣваются годы царствованія перваго Романова, отношенія къ Швеціи и Литвѣ, «реставрація» прежнихъ порядковъ и попытки къ ихъ улучшенію при Михаилѣ Теодоровичѣ, вступленіе на престолъ Алексѣя Михайловича и событія его царствованія, изъ которыхъ въ особенности подробно разработаны борьба царя съ патріархомъ Никономъ и бунтъ Стеньки Разина. Вторая часть книги говоритъ о польско-русской Украинѣ, возстаніи Б. Хмѣльницкаго и о раздѣлѣ Польши. Третья посвящена вопросамъ идейнаго движенія, расколу, исторіи науки и искусства и характеристикѣ того раздвоенія русской культуры, которая, съ одной стороны, стремилась сохранить русскую самобытность и старину, съ другой—приводила къ мысли о необходимости заимствованій отъ иностранцевъ.

Въ общемъ взгляды г. Валишевскаго на XVII вѣкъ таковы. Въ XVII вѣкѣ оканчивается дѣло великихъ собирателей земли русской: создается великая Россія, въ вѣковой борьбѣ съ Польшей за гегемонію въ славянскомъ мірѣ Россія беретъ рѣшительный перевѣсъ, она становится «въ ряды великихъ европейскихкихъ и азиатскихъ державъ». Въ XVII вѣкѣ замѣчаются глубокія измѣненія въ социальной и экономической жизни. Старинное боярство теряетъ одну позицію за другой и претворяется въ болѣе широкій классъ дворянъ. Зародившаяся промышленность даетъ толчокъ къ возникновенію третьяго сословія, но расцвѣтъ буржуазіи былъ остановленъ податными тяготами, возложенными на нее. Благодаря успѣхамъ дворянъ, свободные крестьяне были превращены въ крѣпостныхъ. На закрѣпощеніи сословія болѣе всего выигрывало правительство, стремившееся къ всемогуществу. Цѣлый рядъ потрясающихъ драмъ сопровождалъ общій ходъ событій XVII вѣка: борьба церкви со свѣтской властью, борьба за свободу совѣсти, «рядъ кровавыхъ войнъ, бунтовъ и возмущеній». На сценѣ, полной трагическихъ событій, появляются актеры, достойные своихъ ролей: мощный творецъ церковной реформы патріархъ Никонъ, выступающій съ эпическимъ величіемъ защитникъ старыхъ вѣрованій «попъ Авакумъ», герои казаковъ, Стенька Разинъ и Богданъ Хмѣльницкій, «московскій Ричелье»—патріархъ Филаретъ и царь Алексѣй, «одинъ изъ наиболее высоконравственныхъ монарховъ всѣхъ временъ и народовъ». XVII вѣкъ запечатлѣлъ въ себѣ наиболее ярко характерныя черты московскаго уклада жизни, но онъ же «подготовилъ» «въ существенныхъ чертахъ» преобразование, произведенное позднѣе Петромъ Великимъ.

Переходя къ разбору книги, слѣдуетъ отмѣтить, что въ ней той особой нужды, о которой говоритъ г. Валишевскій въ предисловіи, не было, историческая литература далеко не такъ бѣдна, какъ представляетъ это авторъ. Кромѣ обзора событій въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, цѣлый третій томъ «Курса русской исторіи» В. О. Ключевскаго, почти въ 500 стр., посвященъ XVII вѣку; въ превосходныхъ «Лекціяхъ по русской исторіи» профессора С. Ѳ. Платонова времени первыхъ Романовыхъ отведено свыше 100 стр., наконецъ, есть рядъ курсовъ по исторіи русскаго права (Владимірскаго-Буданова, Дьяконова, Филиппова), въ которыхъ дается общая характеристика сословнаго и юридическаго быта Московской Руси, такъ что недостатка въ общихъ обзорѣхъ нѣтъ.

Укажу еще на работы Д. Иловайскаго, въ «Исторіи Россіи» котораго, именно въ томѣ IV, излагаются событія царствованія Михаила Феодоровича, а въ V (свыше 600 стр.) дано живое и занимательное изложеніе событій царствованія Алексѣя Михайловича и его ближайшихъ преемниковъ. Если же обратиться къ специальной литературѣ, то достаточно вспомнить изслѣдованія Чичерина, Сергѣевича, Вьялева, Латкина, Каптерева, Лаппо-Данилевскаго, Дьяконова, Ключевскаго, Готье и Богословскаго, чтобы видѣть, что, кажется, ни одна сторона жизни XVII вѣка, ни одинъ частный болѣе или менѣе важный вопросъ не былъ оставленъ безъ вниманія русскими учеными. Вотъ поэтому заявленіе г. Валишевскаго о томъ, что прошлое Россіи недостаточно изслѣдовано, помимо Соловьева, Ключевскаго и Берга, писавшаго о царствованіи Алексѣя Михайловича въ 1831 г., яко бы никакихъ другихъ цѣльныхъ работъ о XVII в. не было, совершенно не соответствуетъ фактическому положенію дѣла.

Если взять содержаніе книги, то нужно отмѣтить, что факты г. Валишевскому извѣстны не только изъ пособій, но также и изъ источниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, въ которыхъ авторъ легко разбирается. Но подобную же легкость проявляетъ г. Валишевскій при объясненіи трудныхъ вопросовъ. Такъ, при объясненіи «закладничества» (стр. 69), которое со времени работы Павлова-Сильванскаго (Сочиненія, т. III, 330 и сл., 467—498) стало пониматься, какъ патронатъ, отдача подъ покровительство, г. Валишевскій объясняетъ и согласно съ прежнимъ мнѣніемъ (отдача въ залогъ или закладъ), и какъ будто согласно съ мнѣніемъ Павлова-Сильванскаго. По вопросу о происхожденіи казачества г. Валишевскій категорически заявляетъ: «первыми казаками въ Россіи были Рюрикъ (?!), Диръ и Олегъ, указавшіе дорогу въ Константинополь будущимъ стяжателямъ богатой добычи» (стр. 123). Затѣмъ нельзя не отмѣтить пристрастія г. Валишевскаго къ Польшѣ, которое сказывается почти всякій разъ, гдѣ авторъ излагаетъ отношенія и столкновенія Москвы съ Польшей.

Со стороны внѣшней формы книга г. Валишевскаго имѣетъ значительныя достоинства. Написана она блестящимъ языкомъ, рассказъ въ ней живой и интересный, легко читается одна страница за другой, въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно подлинника. Но и въ этомъ есть одна непріятная черта: нерѣдко легкость тона переходитъ границы дозволеннаго. Такъ, напримеръ, на стр. 27 читаемъ: посланникъ шаха персидскаго привезъ съ собой въ Москву «если не средства побѣдить Польшу, то по крайней мѣрѣ залогъ такой побѣды: хитонъ Господень, найденный въ Грузіи! Такъ какъ подлинность реликвіи была доказана происшедшими вокругъ нея чудесами, то въ Москвѣ надѣялись получить отъ щедрого дарителя болѣе существенную помощь; но, увы, вмѣсто нея князь Г. Тюфякинъ привезъ съ собою лишь прекрасную персянку, спрятавъ ее въ чмоданѣ».

Ниже на стр. 56: «Дѣло Петра Великаго, чрезмѣрно ускоряя роды, явилось во многихъ отношеніяхъ лишь болѣзненнымъ и вреднымъ абортomъ, послѣдствія котораго чувствуетъ современная Россія и до сихъ поръ». Думается, подобныя тирады умѣстны въ бульварныхъ изданіяхъ, а не въ историческихъ работахъ.

Можетъ быть, книга г. Валишевскаго нужна для французскаго читателя: пусть иностранецъ о Россіи знаетъ нѣсколько больше, чѣмъ то, что въ Россіи растутъ «развѣстная клюква», по городамъ ходятъ бѣлые медвѣди, русскіе мужики кушаютъ салныя свѣчи, знатные люди подбираютъ обрѣзки фруктовъ, которые бросаютъ на полъ пріѣзжіе иностранцы. Но русскій средній читатель, а въ особенности съ университетскимъ образованіемъ, въ подобной книгѣ не нуждается. Къ тому же переводъ книги заставляетъ желать лучшаго. Онъ сдѣланъ старательно, по лицомъ, мало освѣдомленнымъ въ исторической литературѣ. Такъ, встрѣчаются выраженія: «выдача съ (!) головою», «думскій дьякъ» (вмѣсто думный), «департаментъ иностранныхъ дѣлъ» (вмѣсто посольскій приказъ). Названія книгъ и сборниковъ документовъ искажены; примѣчанія почему-то идутъ до 66 стр., а дальше изъ текста исключены. Въ такомъ искаженномъ видѣ книгу выпускать не слѣдовало.

М. Ключковъ.

М. М. Ивановъ. Исторія музыкальнаго развитія Россіи въ двухъ томахъ, съ рисунками и нотными примѣрами. Т. II. Спб. 1902. Цѣна 3 р. 50 к.

Предъ нами второй томъ громаднаго труда г. М. Иванова; не прошло еще года, какъ авторъ уже закончилъ вторую половину, составляющую отдѣльную книгу въ 450 страницъ. Какъ читатели помнятъ изъ нашего обзора перваго тома, «музыкальное развитіе Россіи» разсматривалось и оцѣнивалось составителемъ его «по царствованіямъ», причемъ первая половина этого труда закончилась эпохой Николая I, то есть собственно говоря Верстовскимъ, Глинкой и молодыми Даргомыжскимъ и А. Рубинштейномъ; авторъ справедливо высказалъ мысль, что «искусство у насъ только что народилось; оно должно было вскорѣ явиться въ свѣтъ, но разсвѣтъ еще нельзя считать днемъ», и поэтому онъ не соглашается съ тѣми, кто «считаетъ разсматриваемую эпоху блестящей въ исторіи нашего театра».

Настоящій блескъ и расцвѣтъ наступили въ слѣдующихъ царствованіяхъ, которымъ посвященъ второй томъ и въ которомъ авторъ такъ же детально и обстоятельно разсматриваетъ всѣ факторы и данныя, вліявшіе на развитіе нашей музыки и самой музыкальной жизни, какъ и въ первомъ томѣ. Книга состоитъ изъ пятнадцати главъ, охватывающихъ всѣ отрасли нашего музыкальнаго творчества: оперной музыки, инструментальной, камерной, романсовой, хоровой, военной, народной и духовной. Но, кромѣ этихъ главъ, знакомящихъ читателей съ истиннымъ положеніемъ дѣла, есть нѣсколько обращающихъ на себя особенное вниманіе; къ нимъ относятся этюды (иначе эти главы не могутъ быть названы) о петербургской и московской консерваторіяхъ, о музыкальной литературѣ, какъ по свѣтской, такъ и по духовной музыкѣ, и о русской музыкѣ за границей.

Говоря объ оперной музыкѣ, г. М. Ивановъ останавливается отдѣльно на тѣхъ композиторахъ, которыхъ онъ считаетъ продолжателями западнаго напрвленія (Даргомыжскій, Сбровъ, Рубинштейнъ, Чайковскій и др.) и отдѣльно на той группѣ авторовъ, которые считаютъ себя основателями «новой

русской школы». Авторъ съ удивительнымъ тактомъ и несокрушимой логикой доказываетъ неосновательность такого дѣленія, принятаго, однако, какъ бы «всерьезъ» съ легкой руки Кюи и Стасова. Кстати будетъ замѣтить, что нашъ авторъ попутно совершенно опровергаетъ ихъ теоріи, доказывая невѣжество и подтасовку фактовъ у Стасова и неискреннее отношеніе къ дѣлу г. Кюи, бывшаго и оставшагося французскимъ композиторомъ до конца дней своихъ.

Страницы, посвященныя дѣятельности названныхъ двухъ лицъ, относятся къ самымъ блестящимъ въ разсматриваемой книгѣ. Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ подробно остановиться на нихъ и показать, насколько г. М. Ивановъ правъ въ своихъ доводахъ и выводахъ относительно значенія этихъ критиковъ, только мутившихъ читателей и сѣявшихъ смуты среди членовъ музыкальной семьи нашей. Очень вѣрно оцѣнено имъ также преувеличенное партіей значеніе дѣятельности Балакирева, по поводу котораго Стасовымъ была пущена легенда, опровергаемая самымъ Балакиревымъ, о томъ, что Глинка призналъ и объявилъ его своимъ наследникомъ и продолжателемъ (!),—легенда, повторяемая безъ всякаго основанія и провѣрки всеми составителями словарей и статей объ этомъ композиторѣ, весьма мало сдѣлавшемъ въ концѣ концовъ для нашего искусства.

Не станемъ приводить мнѣнія г. М. Иванова объ отдѣльныхъ композиторахъ какъ петербургскихъ, такъ и московскихъ, ограничившись лишь указаніемъ что оцѣнка направленія и роли каждаго изъ нихъ сдѣлана весьма основательно, объективно и базировано на всестороннемъ знакомствѣ съ трактуемымъ предметомъ; это не наборъ трескучихъ фразъ, а выводы, свидѣтельствующіе объ изученіи и знаніи каждаго изъ нихъ. Не особенно симпатично относится нашъ авторъ къ той группѣ московскихъ композиторовъ (гг. Скрябинъ, Ребиковъ и др.), которыхъ онъ называетъ «упадочниками»; иного отношенія, впрочемъ, нельзя было бы ожидать отъ такого серьезнаго и образованнаго музыканта и критика. Къ этой группѣ онъ относитъ гг. Черепнина, Стравинскаго и др., по поводу которыхъ онъ вѣрно замѣчаетъ:

«Здѣсь раздаются голоса, отрицающіе необходимость мелодіи, то есть самую сущность музыки, ибо хаотическій, безформенный подборъ звуковъ (выдаваемыхъ къ тому же за неслышанное откровеніе, расписываемое и описываемое услужливыми и ничего не понимающими репортерами и интервьюерами), есть только игра въ звуки, никому ненужная. Во всякомъ случаѣ, идя по этому пути, говоритъ авторъ, русская музыка теряетъ права на самобытность, которую дали ей Глинка и его ближайшіе преемники, какое бы обличье они ни носили. Если музыка пойдетъ по пути упадочничества, то, хотя наши композиторы, для поддержки себя, станутъ ссылаться на своихъ западныхъ товарищей (Рихардъ Штраусъ, Дюкасъ, Дебюсси и др.), все-таки придется сказать: конецъ музыкѣ,—она никому не будетъ нужна».

Очень подробно сдѣлана характеристика дѣятельности такихъ крупныхъ композиторовъ, какъ Римскій-Корсаковъ, Рубинштейнъ, Чайковскій, Сѣровъ, Мусоргскій, Даргомыжскій и др., за которыми уже слѣдуютъ *diu minores*; авторъ книги, очевидно, руководствовался благоразумнымъ *suum cuique tribuere*. Равнымъ образомъ яркую характеристику получаетъ картина хорового пѣнія

въ столицахъ и въ провинціи, равно какъ и положеніе военной музыки и оркестровъ или оперныхъ сценъ, какъ казенныхъ театровъ, такъ и частныхъ. Словомъ, нѣтъ той отрасли нашей музыкальной жизни, которой не коснулся бы и не освѣтилъ бы нашъ авторъ, исключая тѣхъ, которыя онъ сознательно пропустилъ, чтобы не слишкомъ «увеличить объемъ книги», какъ, на примѣръ, балетъ, дѣятельность виртуозовъ, педагогичку, инструментальное производство, граверное дѣло и пр.

Переходя къ обзору дѣятельности нашихъ музыкальныхъ школъ—консерваторій (петербургской и московской рядомъ съ училищемъ филармоническаго общества въ первопрестольной), авторъ книги, рассказавъ исторію ихъ возникновенія, благодаря энергичной дѣятельности А. Г. Рубинштейна и брата его П. Г. въ Москвѣ, и обозрѣвъ результаты ихъ дѣятельности за пятьдесятъ лѣтъ, приходитъ къ правильному заключенію, что «консерваторіи находятся въ переходномъ состояніи и ихъ школьная жизнь требуетъ основательнаго пересмотра». «Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—назрѣла необходимость преобразованія одной изъ нихъ,—очевидно, петербургской,—въ музыкальную академію, которая принимала бы только даровитыхъ учениковъ». Да и самъ Рубинштейнъ сознавалъ, что консерваторія вмѣсто того, чтобы идти вверхъ, разрастается вширь.

Обозрѣвая затѣмъ дѣятельность русскаго музыкальнаго общества, г. М. Ивановъ справедливо находитъ, что дѣла его, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, значительно пошатнулись; та же безпринципность замѣчается и въ программахъ концертовъ отдѣленій въ провинціи. Неудивительно, что рядомъ съ симфоническими собраніями русскаго музыкальнаго общества процвѣтаютъ у насъ концерты гг. Зилотти, Кусевицкаго и особенно — музыкально-историческаго общества имени графа А. Д. Шереметева, являющагося столь даровитымъ композиторомъ и дирижеромъ. Совершенно рационально относится также авторъ книги къ Вѣльяевскому кружку. Невольно вспоминаются слова Балакирева по адресу этого кружка: «Напрасно думать, что стоитъ только потрясти кошелькомъ и тѣмъ создать таланты; этимъ можно скорѣе создать только лизоблюдовъ».

Особенную цѣнность пріобрѣтаетъ этюдъ о литературно-музыкальной критикѣ какъ по свѣтской, такъ и по духовной музыкѣ, такъ какъ подобный обзоръ является впервые въ нашей литературѣ; никто еще до сихъ поръ не посвятилъ этому важному фактору развитія нашей музыки какого-нибудь серьезнаго труда, а между тѣмъ нельзя же отрицать значенія и роли толкователей прекраснаго; вездѣ о пишущихъ по музыкѣ какъ-то говорится вскользь, *спрассант*, тогда какъ г. М. Ивановъ впервые подробно говоритъ о критикахъ, начиная со старѣйшихъ и кончая «новѣйшими», отмѣчая по пути и тѣхъ композиторовъ, которые время отъ времени брались за перо, чтобы подѣлиться своими взглядами и впечатлѣніями. Особенно любопытныя въ этомъ отношеніи слѣдующія приводимыя авторомъ книги слова Римскаго-Корсакова:

«Если мы не пожелаемъ дойти до мелодрамы, которая неизбѣжно явится результатомъ продолженія опернаго творчества Рихарда Вагнера, мы должны писать оперы мелодическія. Это единственное спасеніе для опернаго творчества».

Развѣ не тѣ же мысли высказалъ Верди на склонѣ своихъ дней (послѣ «Отелло»)? Развѣ не таковъ смыслъ заключительныхъ словъ книги Рубинштейна «Музыка и ея представители»? Курьезно, что это говоритъ Римскій-Корсаковъ, самъ насадившій принципы вагнеризма на ниву русской музыки. Вѣрно замѣчаетъ по поводу этого г. М. Ивановъ: «Этотъ взглядъ Корсакова подтверждается вполне направлениемъ, которое приняла музыка нашихъ дней не только въ Германіи (Рихардъ Штраусъ), но и въ Россіи (Скрябинъ, Ребиковъ), только мы дошли не до «мелодромъ», а до «меломимикъ», «меломнемоникъ» и т. д.

Переходя къ «новѣйшей» печати, нашъ авторъ замѣчаетъ, что она стала придавать значеніе пустякамъ, касающимся «жизни жрецовъ искусства»; теперь, говоритъ онъ, можно встрѣтить сколько угодно сообщеній объ артистахъ, но не встрѣчаешь статей, посвященныхъ специальному музыкальному вопросу. «Сдѣлалось обычнымъ давать отчеты о всякомъ ничтожномъ концертѣ (потому что это выгодно для издателей газетъ, для пишущихъ и для описываемыхъ), причемъ всегда стеротипно сообщается, что концертъ прошелъ прекрасно, участники имѣли шумный успѣхъ и т. д.—и только! Подумаешь, что искусство у насъ цвѣтеть и въ исправленіяхъ не нуждается. Когда появились «народныя» пѣвицы, то «желтая печать» окончательно потеряла голову; сколько у насъ пишется теперь по поводу концертовъ Вяльцевыхъ, Плевницкихъ, Паниныхъ и всѣхъ иныхъ представительницъ цыганскаго и псевдо-народнаго жанра!»

И пятьдесятъ лѣтъ назадъ были любители цыганскаго пѣнія и о немъ писали, но писавшіе всегда сознавались въ своемъ увлеченіи, въ музыкальномъ невѣжествѣ и какъ бы извинялись за свои грѣхи; теперь же, говоритъ г. М. Ивановъ, «невѣжество подняло голову, смѣло говорить о томъ, чего не знаетъ, судить вкривь и вкось объ искусствѣ и цыганское пѣніе, псевдо-русскія пѣсни и балалайку преспокойно ставить на первый планъ, толкуя о «національномъ искусствѣ», котораго совсѣмъ не знаетъ. Подобный триумфъ невѣжества, каковы бы ни были его причины, слѣдуетъ считать признакомъ упадка музыкальной печати. Если печать проповѣдуетъ невѣжество, значить мы понимаемъ искусство еще меньше, чѣмъ можно было думать». Въ этомъ, конечно, виноваты издатели, гоняющіеся за розничной продажей и допускающіе разныхъ невѣждъ писать обо всемъ, что можетъ произвести сенсацію.

Не менѣе содержательна и глава, посвященная «русской музыкѣ за границей», въ которой авторъ до очевидности доказываетъ, насколько ложны и неосновательны слухи и рекламы объ успѣхахъ нашей музыки за границей; и здѣсь, какъ и по другимъ вопросамъ, г. М. Ивановъ, вооруженный фактами и документами, разрушаетъ всѣ эти слухи и приходитъ къ печальному заключенію, что успѣхъ имѣютъ артисты, а не русское искусство, а вѣдь это далеко не одно и то же. Общіе заключительные выводы довольно безотраднато свойства. Въ итогъ трудъ г. М. Иванова колоссальный вкладъ въ нашу литературу, равнаго подобному у насъ до сихъ поръ не было. Прибавимъ къ сказанному, что книга читается очень легко, изложена весьма популярно и можетъ быть рекомендуема всѣмъ, любящимъ наша искусство.

В. Васкинъ.

**В. Вальденбергъ. Государственныя идеи Крижанича. Спб. 1912. Стр. 343.
Цѣна 2 р. 50 коп.**

Въ исторіи междуславянскихъ сношеній давно уже обратила на себя вниманіе характерная фигура Юрія Крижанича. Уроженецъ Загреба, католическій священникъ, онъ добровольно покинулъ родину Хорватію, чтобы по собственному почину отправиться въ далекую Московію проповѣдывать тамъ идею славянскаго единства въ связи съ объединеніемъ христіанскаго міра въ единой церкви. По дорогѣ проѣхалъ онъ черезъ Малороссію, оставивъ намъ любопытныя о ней книги «Описаніе пути отъ Львова до Москвы» (Путно описаніе) и «Бесѣду ко Черкасамъ» и въ сентябрѣ 1659 года былъ уже въ Москвѣ. Но непривѣтливо встрѣтила Москва хорватскаго идеалиста: въ 1661 году былъ онъ сосланъ въ Тобольскъ и цѣлыхъ семнадцать лѣтъ протомился въ ссылкѣ, пока наконецъ уже послѣ смерти царя Алексея Михайловича ему не позволено было выѣхать за границу, гдѣ онъ въ безвѣстности скончался.

Личность и дѣятельность Крижанича давно уже были по достоинству оценены Безсоновымъ. Вслѣдъ за нимъ цѣлый рядъ нашихъ ученыхъ: Соловьевъ, Костомаровъ, Кояловичъ, Маркевичъ, отдали должное ученому хорвату, пріѣхавшему въ Россію проповѣдникомъ просвѣщенія, которое должно было «открыть умныя очи всѣмъ славянамъ». По существу и другой взглядъ на славянскаго патріота. Онъ принадлежитъ С. А. Бѣлокурову, который въ изданной въ 1901 г. книгѣ своей «Юрій Крижаничъ въ Россіи» отрицаетъ за Крижаничемъ всякія заслуги передъ славянствомъ, рисуя его, какъ хитраго и лукаваго іезуита, который всѣ свои политико-экономическія и историческія сочиненія писалъ съ одной цѣлью—вкрасться въ довѣріе царя, чтобы потомъ начать дѣйствовать *ad maiorem Dei gloriam* противъ «схизматиковъ». «Суетной и плачевной» представляется г. Бѣлокурову жизнь человѣка, покинушаго семью и родину для осуществленія своихъ идеаловъ.

Авторъ новой книги о Крижаничѣ, г. Вальденбергъ, въ своемъ взглядѣ на Крижанича продолжаетъ старую традицію нашихъ ученыхъ: онъ вѣритъ въ его искренность, хотя почему-то и думаетъ, что одновременно «нельзя быть славянскимъ патріотомъ и католикомъ» (стр. 33). Жизни Крижанича г. Вальденбергъ, впрочемъ, почти не касается: онъ ограничиваетъ поле своего зрѣнія исключительно государственными идеями знаменитаго хорвата, изложенными главнымъ образомъ въ сочиненіи «Разговоры объ владательству».

Человѣкъ широкихъ кругозоровъ, привыкшій при томъ смотрѣть въ глубь каждаго дѣла, Крижаничъ обосновалъ свою государственную теорію на широкой философской подкладкѣ, и потому авторъ посвящаетъ особую главу философіи Крижанича. Хотя авторъ и называетъ ея построеніе «смѣлымъ», на самомъ дѣлѣ это—общехристіанское ученіе о Промыслѣ Божьемъ. Любопытнѣе и своеобразнѣе этическія воззрѣнія Крижанича. Содержаніе добра, по мнѣнію Крижанича, дается самой нравственной природой человѣка, а существенной ея чертой, а вмѣстѣ и первымъ основаніемъ для различенія добра и зла онъ считалъ чувство стыда, или «срамъ». Это то самое основаніе, на которомъ два вѣка спусти построилъ свою нравственную философію Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ.

И въ государственномъ ученіи Крижанича высказано много мыслей, которыя вполнѣдствіи разовьются въ своихъ сочиненіяхъ наши славянофилы.

«Урядъ кралевъ есть людство чинить блажено», такъ опредѣляетъ Крижаничъ задачи государства, далеко не ограничивая ихъ охраной одного юридическаго порядка. Опержая политическія теоріи своего времени, Крижаничъ вполнѣ опредѣленно говоритъ объ ограниченной монархіи, но наилучшей формой правленія онъ считаетъ «самовладство»: «нѣсть добро, гдѣ есть много владателей; единъ имаеть быть краль». И въ основу русскаго государственнаго строя онъ кладетъ православіе, самодержавіе и народность, первый, такимъ образомъ, формулируя позднѣйшее славянофильское ученіе. Но его «самовладство», какъ и у славянофиловъ, отличается своеобразіемъ, соединяясь иногда съ рѣзкой критикой современнаго строя: по его мнѣнію, со временъ Іоанна Грознаго на Руси монархія незамѣтно преобразовалась въ «круто владаніе», которое иначе онъ называетъ то «людодержствомъ», то «жестокимъ закопоставіемъ», указывая, что оно, главнымъ образомъ, проявляется въ недостаточной законмѣрности приказнаго управленія и въ неправильной финансовой системѣ, которая ведетъ къ обнищанію народа. Онъ ярый противникъ «самотержія», какъ онъ называетъ государственныя монополіи, среди которыхъ въ особенности вооружается онъ противъ винной монополіи въ формѣ царевыхъ кабаковъ: цѣловальники спаиваютъ и обираютъ народъ.

Другимъ крупнымъ недостаткомъ государственнаго строя считаетъ Крижаничъ недостаточность мѣръ противъ иностранцевъ, славянское «чужебѣсіе», которое, по его мнѣнію, неизбѣжно приводитъ къ «чужевладству», т. е. потерѣ независимости. Ярый противникъ всего иноземнаго, а въ особенности нѣмцевъ, Крижаничъ не находитъ словъ, чтобы бичевать въ славянахъ ихъ «бѣшеную любовь чужихъ вещей и народовъ: избытно, бѣшено вѣрованіе къ инородникамъ». Онъ—убѣжденный націоналистъ: «знай самъ себе и не вѣруй инородникомъ»—вотъ, по мнѣнію Крижанича, два краеугольныхъ камня разумной государственной политики. Въ примѣръ политики гибельной Крижаничъ приводитъ для русскихъ Польшу, гдѣ «гѣмцы, скоты, ормяне и жида все, что гдѣ есть блага обладаша и въ бездѣлю свое торбухи питають, единые труды оставляють нарожанамъ». Онъ даже сочиняетъ особые латинскіе стихи для характеристики «ляшской заразы»: *Polonia est nova Babilonia: Ciganorum, Germanorum, Armenorum et Scotorum colonia, paradisus Hebraeorum, infernus rusticorum, populi perpetua inquietatio, alienigenarum dominatio, quam despuit omnis natio*. Въ своей ненависти ко всему иноземному онъ доходитъ до того, что даже совѣтуетъ царю Алексѣю переимѣнить свое имя на болѣе славянское: Богданъ, и замѣнить въ русскомъ гербѣ нѣмецко-римскаго двуглаваго орла символомъ христіанскаго государства, крестомъ посреди солнца, окруженнаго звѣздами. Требуя для иностранцевъ закрытія границы, или, какъ онъ выражается «запертія рубежей», Крижаничъ, конечно, имѣлъ въ виду въ первую руку нѣмцевъ, а потомъ грековъ: сознательный славянскій патріотъ, онъ, само собою понятно, не могъ считать инородцами поляковъ, чеховъ, сербовъ и другихъ славянъ.

Въ стариннѣ Крижаничева націонализма не разъ слышится современная повязна наша, и надо сказать, что, преломляясь черезъ призму двухъ вѣковъ,

она часто находитъ себѣ неожиданную и жестокую критику. Крижаничъ пріѣхалъ въ Россію проповѣдникомъ просвѣщенія, но что бы случилось съ Русью, если бы тишайшій царь и его преемники вняли его совѣтамъ и осуществили рекомендованное имъ «запертіе рубежей»? До чего доходили его націоналистическія увлеченія, можно видѣть изъ слѣдующей подробности: онъ выражаетъ сожалѣніе, что огнестрѣльное оружіе вытѣснило у насъ старинный лукъ, которымъ «возросло и расширилося [Русское господарство]. Духъ народный хранится не за семью печатями въ герметически закупоренной склянкѣ, а вырабатывается на вольномъ просторѣ, въ взаимодействіи съ другими народами. Боязнь чужеземныхъ вліяній, обыкновенно идущая въ парѣ съ недоувѣріемъ къ силамъ собственного народа, самымъ невыгоднымъ образомъ отразилась на планѣ преобразованій, которыя считалъ необходимыми для Россіи Крижаничъ. Не только князь В. Голицынъ, но и Артамонъ Матвѣевъ показались бы ему опасными радикалами. Но многія частности въ его преобразовательной программѣ, какъ, напримѣръ, идея городского самоуправления—и общая мысль о необходимости для Россіи самобытнаго народнаго развитія были указаны вѣрно.

Вѣрно смотрѣлъ Крижаничъ и на задачи внѣшней русской политики. Точно предвидя портъ-артурскія событія, онъ по поводу китайскаго посольства 1654 года пишетъ: «посланецъ Байковъ въ Китаю есть нашель нѣкогого Нѣмчина чародѣйца и яко бы да онъ чародѣецъ былъ пророковалъ, еже царь господарь имаеть обладать Китай. Хотѣлъ бы онъ проклятый врагъ, дабы народъ русскій глупо пошелъ Китая добывать, а Руское кралевство да бѣху обладали татары и нѣмцы». Сторонникъ мирной политики на востокъ, онъ совѣтуетъ Руси направить всѣ свои силы на югъ, на турокъ и татаръ, и припоминаетъ старое византійское преданіе, что турокъ изгонитъ изъ Европы русый народъ: «сей народъ русый, то есть имають русые власы, общено толмачатъ и разумѣють всѣ быть Русаковъ, Ляховъ и всѣхъ Словенцовъ». Земли татаръ надо, по его мнѣнію, заселить разными народами, но—прибавляетъ онъ, вѣрний себѣ,—только «нѣмцемъ ни въ какомъ мѣсту не надо дать стана: або нѣмцы учинили бѣху ся господари приморскимъ градомъ».

Causa motiva всѣхъ государственныхъ построеній Крижанича является, конечно, идея всеславянскаго единства. Онъ пессимистически смотрѣлъ на возможность возрожденія славянскаго Поморья, Чехіи, Моравіи и Силезіи при господствѣ нѣмцевъ, но онъ думалъ, что и для нихъ настанетъ лучшая пора, когда Россія въ союзъ съ Польшей отвоюетъ для славянства югъ Европы. Для своихъ ближайшихъ сородичей, славянъ балканскихъ, онъ ждалъ отъ Россіи пока только помощи для возрожденія культурнаго. Но вдали уже свѣтился передъ нимъ и политическій идеалъ объединеннаго славянства, свободно склоняющаго свою голову предъ мощнымъ сѣвернымъ орломъ. Какъ извѣстно, въ глуши сибирскаго изгнанія онъ думалъ даже объ единомъ, общеславянскомъ языкѣ.

Въ исторіи славянскаго сознанія имя Крижанича незабываемо: онъ первый далъ въ своихъ сочиненіяхъ образецъ стройнаго и цѣльнаго славянскаго мировоззрѣнія. Г. Вальденбергу можемъ мы быть благодарны, что послѣ Бѣлокурова онъ въ оцѣнкѣ Крижанича снова вернулся къ старой и вѣрной нашей традиціи.

Государственныя идеи Крижанича изложены у него ясно, точно и обстоятельно. Къ сожалѣнію, благодаря недостатку литературнаго дарованія и нѣкоторой сухости изложенія, едва ли книга его найдетъ себѣ широкій кругъ читателей.

Андрей Свиротининъ.

«Царь или не царь?» Историческая хроника С. Ф. Либровича. Со снимками съ историческихъ картинъ, портретовъ, грамотъ, медалей, монетъ и пр., и пр. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1911. Стр. 111. Цѣна 1 руб.

О личности самозванца, царствовавшаго 11 мѣсяцевъ, существуетъ у насъ обширная литература. А между тѣмъ до сихъ поръ не установлено, кто былъ правитель, получившій въ исторіи названіе Лжедмитрія. Въ нашемъ прошломъ едва ли есть событіе, болѣе таинственное, чѣмъ появленіе въ началѣ XVII вѣка челоуѣка, заявлявшаго московскій престолъ подъ именемъ Дмитрія I.

Одинъ изъ первыхъ русскихъ историковъ, пытавшихся разобраться въ разнорѣчивыхъ мнѣніяхъ современныхъ сказаній о Дмитріи, Карамзинъ, считалъ послѣдняго сознательнымъ обманщикомъ Гришкою Отрепьевымъ, который отлично зналъ о своемъ не царскомъ происхожденіи. Другой нашъ знаменитый историкъ Соловьевъ доказалъ, что другіе внушили Дмитрію мысль, что онъ царевичъ, и онъ искренно этому повѣрилъ, какъ увѣровалъ въ это и народъ. Къ мнѣнію Соловьева примыкали Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ, профессоръ Платоновъ и др.

Что Дмитрій вѣрилъ въ свое царское происхожденіе, доказывалъ въ рядѣ статей и А. С. Суворинъ. Больше того, послѣдній рядомъ остроумныхъ сопоставленій пытается доказать, что Дмитрій могъ быть сыномъ Ивана Грознаго. Покойный же В. В. Вильбасовъ высказывалъ, наоборотъ, убѣжденіе, что Лжедмитрій былъ тѣмъ, чѣмъ народъ считалъ его до убійства, когда при колокольномъ звонѣ встрѣчалъ его и присягалъ ему, т. е. самозванцемъ.

Такую же разногласицу мы встрѣчаемъ и въ изслѣдованіяхъ западныхъ и польскихъ историковъ, писавшихъ о Дмитріи. Кто считаетъ его сыномъ польскаго короля Баторія, кто—бѣглымъ монахомъ-разстригой литвиномъ, полякомъ, чистокровнымъ русскимъ дворяниномъ изъ знатнаго боярскаго рода. Существуетъ даже версія, что Дмитрій—«едва ли не жидъ».

Авторъ книги, заглавіе которой мы выше выписали, отнюдь не претендуетъ, разумѣется, на разрѣшеніе исторической загадки о личности Дмитрія. Онъ не задается цѣлью дать полную лѣтопись событій, сопровождавшихъ царствованіе Дмитрія, или объяснить самый успѣхъ его затѣи. Г. Лидровичъ лишь собралъ и изложилъ, *sine ira et studio*, въ популярной формѣ различныя сказанія, легенды, слухи, догадки и мнѣнія, которые были высказаны и современниками, и позднѣйшими учеными о личности того, кто получилъ въ исторіи названіе Самозванца и Лжедмитрія. Просматривая весь тотъ историческій матеріалъ, который авторъ извлекъ изъ нашей и европейской исторической литературы, вы легко уясните себѣ, почему такъ трудно отвѣтить на вопросъ: кто былъ герой его повѣствованія?

Кромѣ соображеній ученыхъ историковъ и мѣстныхъ современниковъ, г. Либровичъ добросовѣстно отмѣчаетъ попытки нашихъ и западно-европейскихъ романистовъ, драматурговъ и поэтовъ освѣтить личность Дмитрія, послужившаго объектомъ для ихъ произведеній. Если въ чемъ можно упрекнуть автора разбираемой книги, то въ излишней добросовѣстности: онъ каждой версії и легендѣ о Дмитріи посвящаетъ отдѣльную главу, вмѣсто того, чтобы сопоставлять ихъ и дѣлать соответствующіе выводы. Отсюда много ненужныхъ повтореній, затрудняющихъ чтеніе книги и безъ нужды увеличившихъ ее объемъ.

Въ книгѣ г. Либровича собраны всѣ или почти всѣ портреты Дмитрія, картины, изображающія разные эпизоды его жизни, образцы его почерка, снимки съ его писемъ, грамотъ и т. п. Все это дѣлаетъ трудъ г. Либровича еще болѣе цѣннымъ для интересующихся загадочною личностью Дмитрія I.

А. Кф.

Ночные братья. Опытъ историческаго изслѣдованія о масонствѣ въ Германіи.
Гр. С. Д. Толь (рожд. Толстая). Спб. Стр. 92. Ц. 50 коп.

Загадочное заглавіе «Ночные братья» привлекаетъ вниманіе широкаго круга читателей, наименованіе «опытъ историческаго изслѣдованія» останавливаетъ изслѣдователя-историка. «Посмотримъ, кто же это ночные братья», думается не безъ интереса при разрѣзаніи новаго сочиненія. Но затѣмъ слѣдуетъ разочарованіе: это—масоны, опять тѣ же масоны, столь много и горячо заставляющіе говорить о себѣ за послѣднее время, масоны подъ новымъ названіемъ, или, вѣрнѣе, подъ новою кличкою.

Но для чего эта кличка въ серьезномъ трудѣ? Такъ съ недоумѣніемъ спросить себя всякій, кого въ заблужденіе ввело наименованіе брошюры историческимъ изслѣдованіемъ, спросить не безъ права, ибо реклама не сродни исторіи.

И дѣйствительно, съ первыхъ же страницъ удостовѣряешься, что о серьезномъ трудѣ не можетъ быть и рѣчи: это—одна изъ тѣхъ брошюръ, которыя пишутся въ изобиліи на каждый модный вопросъ, на каждую злобу дня досужими любителями. Брошюра переполнена ошибокъ, недочетовъ, недомолвокъ. Въ краткой рецензіи нѣтъ возможности даже ихъ перечислить.

Не могу, однако, не сдѣлать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ замѣчаній. Останавливаясь прежде всего на заглавіи «Ночные братья», должна сказать, что эта кличка совершенно не обоснована, притомъ всякая кличка хороша лишь постольку, поскольку она мѣтка, характерна. О мѣткости и характерности здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Если бы составительница брошюры дала себѣ трудъ заглянуть въ протоколы масонскихъ засѣданій, въ пригласительныя повѣстки и пр., то она, вѣроятно, не напечатала бы своего не соответствующаго истиннѣ заглавія. Мною просмотрѣны протокольные записи многихъ сотенъ засѣданій на протяженіи многихъ десятковъ лѣтъ, но нигдѣ не встрѣчено указаній на ночныя засѣданія, ибо, полагаю, время отъ 5 до 10 часовъ вечера лишь въ рѣдкихъ случаяхъ до 10¹/₂ часовъ вечера, можно назвать лишь вечернимъ, а не ночнымъ. Зачастую у насъ, въ расцвѣтъ масонства, засѣданія бывали днемъ. Такъ. Великая ложа Астрей вмѣстѣ съ Великою Провинціальною ложею и

подвѣдомственными ложами собиралась въ часъ полудни: 31 августа, 30 октября, 1 декабря 1821 г., 29 января, 12 марта 1822 г. и т. д. Судя по этому, масоновъ тутъ нужно назвать «дневными» братьями.

Однако всегда и неизмѣнно, при окончаніи засѣданій, будь то въ 10 час. вечера, либо въ 3 часа дня, председательствующій предлагалъ символическій, ритуальный вопросъ: «Братъ первый надзиратель, который часъ?» Отвѣтъ неизмѣнно гласить: «Полночь, глубокая тишина!» Снова говоритъ председатель: «Поелику уже полночь и время покрыть работы, почтенный братъ первый надзиратель, объявите братьямъ, что я закрываю ложу совершенную и справедливую». Это символическое слово «полночь», нерѣдко произносимое при яркомъ свѣтѣ полуденнаго солнца, означало: конецъ работы надъ духомъ, конецъ братскаго собранія, скорбь разлуки съ единомыслящими людьми и возвратъ къ житейской суетѣ. Точно также, при открытіи ложи, на вопросъ о томъ, который часъ, слѣдовалъ символическій отвѣтъ: «полдень», хотя бы это было вечеромъ; здѣсь полдень понимался въ смыслъ радости братскаго единенія.

Лишь недоразумѣніемъ можно назвать утвержденіе гр. Толь, что масонскія собранія происходили при окружавшей ихъ ночной мглѣ. По недоразумѣнію и полному незнанію дана не соответствующая кличка. Столь непростительная ошибка станетъ понятна для того, кто ознакомится съ указаніемъ на матеріалы, которые легли въ основу брошюры. «Сочиненія о вольныхъ каменщикахъ,— пишетъ авторъ:— всего болѣе внушающія довѣрія, принадлежать, по глубокому моему убѣжденію, перу католическихъ священниковъ или людей, близко къ нимъ стоящихъ». На чемъ же основаны эти сочиненія, которымъ такъ довѣряетъ авторъ? На этотъ вопросъ готовъ и отвѣтъ: «благодаря изрѣдка случающемуся раскаянію въ своихъ заблужденіяхъ прозрѣвшихъ масоновъ, они, умирая, приносятъ покаяніе и говорятъ своему духовному отцу всю правду; послѣ ихъ смерти послѣдній, не выдавая именъ своихъ духовныхъ чадъ, не только имѣть право, но имѣть обязанность повѣдать ихъ предсмертныя исповѣди остальнымъ христіанамъ, чтобы спасти ихъ души отъ той погибели, отъ тѣхъ по истинѣ демоническихъ тисковъ, въ которые попадаютъ многіе недалновидные люди, вступающіе въ орденъ».

Я не берусь комментировать, насколько въ основу «опыта историческаго изслѣдованія» можно полагать, единственно или главнымъ образомъ, легли матеріалы подобнаго рода, и при этомъ сознаюсь, что вся брошюра гр. Толь имѣть волшебное свойство—заставить на мгновеніе забыть, что живешь въ просвѣщенный ХХ вѣкъ, ибо при чтеніи брошюры охватываетъ жуть средневѣковья со смрадомъ пылающихъ костровъ, на которыхъ, во имя высшаго милосердія, сжигали грѣшныя тѣла еретиковъ и кудесниковъ, спасая ихъ души.

Брошюра составлена съ цѣлью доказать: 1) что ночные братья—озлобленные враги всякой христіанской вѣры, а въ особенности личности нашего Божественнаго Спасителя, 2) что они враги всякаго монархическаго правленія и вообще всякой государственности, 3) что они враги семейнаго начала и 4) упорные преслѣдователи института частной собственности, кромѣ, конечно, своего личнаго имущества. Для достиженія этихъ цѣлей они дѣйствуютъ тремя способами—лукавствомъ, насиліемъ и измѣной.

Все это хотѣлось бы г-жѣ Толь доказать... что это: навожденіе или правда? И какъ же правительство при императорѣ Александрѣ I въ теченіе 20 лѣтъ терпѣло масонство? Какъ могли быть масонами тысячи истинно-русскихъ людей? Какъ могли принадлежать къ братству представители знатнѣйшихъ, именитѣйшихъ родовъ? Какъ могло проникнуть масонство даже въ среду военную и купеческую, не говоря уже о людяхъ науки, литературы и искусства?

Да, воскликнула бы и я, прочитавъ брошюру г-жи Толь, изображающей масоновъ исчадіемъ ада, поистинѣ страшно дѣлалось бы за души русскихъ масоновъ, если бы были доказаны всѣ пункты обвиненія, предъявленнаго къ масонамъ въ ея брошюрѣ.

Невольно при чтеніи урожденной фамиліи автора я вспоминаю о десяти графахъ Толстыхъ, принадлежавшихъ къ масонству. Это были убѣжденные и ревностные масоны, занимавшіе крупныя должности въ орденѣ, оказывавшіе ему нерѣдкую поддержку. Гр. Ѳ. П. Толстой, извѣстный медальеръ, членъ академіи художествъ, состоялъ управляющимъ мастеромъ стула въ ложѣ Избраннаго Михаила; по его мысли и при его помощи помѣщеніе этой ложи было художественно отдѣлано; имя этого же Толстого встрѣчается въ стихахъ почетныхъ членовъ ложъ: Сѣвернаго Щита, Треугольника, Совершенства, Петра къ Истинѣ, Ключа къ Добродѣтели, Восточнаго Свѣтила; онъ же былъ представителемъ ложи Избраннаго Михаила въ Великой ложѣ Астреи, что отнимало у него много времени и труда; онъ же рисуетъ символическія картины и виньетку для масонскихъ книгъ; членомъ этой ложи и ея первымъ надзирателемъ были графъ Вл. П. Толстой. Столь же подробныя свѣдѣнія имѣются у меня и для другихъ Толстыхъ. И неужели всѣ эти графы были отрицатели Христа, измѣнники государю и отечеству? Будемъ не только надѣяться, что это не такъ, но будемъ въ этомъ убѣждены.

Брошюра бросаетъ обвиненія въ ереси и раздастъ клички не однимъ масонамъ: извѣстный религіозный реформаторъ, послѣдователемъ коего числятъ себя милліоны людей культурнѣйшихъ націй, Мартинъ Лютеръ названъ просто виттенбергскимъ монахомъ, а тремъ извѣстнымъ дѣятелямъ реформации, и среди нихъ Меланхтону, предъявлено обвиненіе въ отрицаніе Христа. «Трое извѣстнѣйшихъ дѣятелей реформации являются отрицателями Христа,—читаемъ въ брошюрѣ:—послѣ этого какъ-то странно звучитъ названіе евангелической церкви, которое такъ любятъ присвоить себѣ послѣдователи виттенбергскаго монаха, почему-то присвоившіе себѣ исключительную монополію св. Евангелія».

Послѣ такого рода обвиненій и вызова, брошеннаго всѣмъ лютеранамъ и дышащаго инквизиціонною нетерпимостью, можно ли говорить объ объективности автора разбираемой брошюры?

Тира Соколовская.

Barbe Doukhovskoy. Quelques pages de ma vie. Спб. 1911. Стр. 764. Ц. 4 р.

Записки г-жи Духовской, какъ видно изъ предисловія къ нимъ, первоначально не предназначались авторомъ къ печати и появились въ свѣтъ лишь благодаря настояніямъ покойнаго поэта Случевского, имѣвшаго случай ознакомиться съ ними въ рукописи. Сначала записки были напечатаны по-русски, теперь онѣ вышли во французскомъ оригиналѣ, предназначенномъ, очевидно, для иностранныхъ читателей. Появленіе этого послѣдняго изданія произошло, повидимому, не безъ вліянія извѣстнаго романиста Марсея Прево. Изъ приложения къ книгѣ въ фототипическомъ воспроизведеніи письма Прево видно, что онъ признаетъ за трудомъ г-жи Духовской значительный интересъ для своихъ соотечественниковъ и совѣтуетъ ей помѣстить свои записки въ одно изъ французскихъ журналовъ.

Уже одно это сочетание именъ Прево и Случевскій свидѣтельствуетъ, что передъ нами произведеніе, имѣющее значительныя литературныя достоинства. Книга г-жи Духовской не есть собственно дневникъ или записки. Это дѣйствительно только нѣкоторыя страницы ея жизни, особенно яркія и богатые впечатлѣніями. Авторъ этого труда—дочь харьковскаго помѣщика гр. Ѳ. Голицына, впоследствии вышедшая замужъ за генерала С. М. Духовского, закончившаго свою служебную карьеру туркестанскимъ генераль-губернаторомъ. Какъ извѣстно, генераль Духовской занималъ должность начальника штаба Кубанской области, затѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг., былъ одно время генераль-губернаторомъ Эрзерума, потомъ до назначенія въ Туркестанъ былъ генераль-губернаторомъ въ Пріамурьѣ. Его супруга всюду слѣдовала за нимъ и могла съ очень близкаго разстоянія наблюдать тѣ крупныя иногда событія, въ центрѣ которыхъ стоялъ ея мужъ. Отличаясь, повидимому, большою любовью къ путешествіямъ, г-жа Духовская отлично знаетъ Европу, была въ Америкѣ, посетила Японію и совершила морской переѣздъ вдоль Азіи черезъ Суэцкій каналъ. Какъ женщина наблюдательная, она, конечно, накопила множество впечатлѣній отъ этихъ странствій въ трехъ частяхъ свѣта, которыя и излагаетъ просто и безъ всякихъ претензій на занимательность, но тѣмъ не менѣе ея записки читаются съ не ослабѣвающимъ до конца интересомъ.

А. В—въ.

Извѣстія русскаго генеалогическаго общества. Выпускъ четвертый. Спб. 1911. Стр. 536. Цѣна не обозначена.

Изданный подъ наблюденіемъ товарища предсѣдателя общества, К. А. Губастова (первые три выпуска были напечатаны подъ редакціей Н. П. Лихачева) настоящій четвертый выпускъ «Извѣстій» разнится отъ предшествующихъ какъ обиліемъ «изслѣдованій» и хорошо обработанныхъ «родословій», такъ и большимъ разнообразіемъ авторовъ. Среди «изслѣдованій» наибольшее вниманіе привлекаютъ слѣдующія работы. Во-первыхъ, авторъ извѣстнаго обширнаго труда «Потомство Рюрика», Г. А. Власевъ, печатая «Древній помянникъ Кіево-Печерской лавры», предпослалъ ему какъ бы предисловіе,

подъ заглавіемъ: «Князья Острожскіе и Друцкіе», гдѣ, можно сказать, окончательно доказалъ, что князья Острожскіе и Друцкіе происходятъ отъ князей Владиміро-Волынскихъ, опровергнувъ, такимъ образомъ, доселѣ господствовавшее въ наукѣ мнѣніе М. А. Максимовича, производившаго ихъ, вопреки польскимъ генеалогамъ, отъ Туровописскихъ князей. Затѣмъ Н. В. Мятлеву представилъ три изслѣдованія: 1) «Княгиня Анастасія Алабышева» (здѣсь доказывается, что мужемъ княжны Анастасіи Васильевны Микулишской былъ не князь Семень Ѳеодоровичъ Курбскій, какъ думали раньше, а князь Семень Ѳеодоровичъ Алабышевъ изъ рода ярославскихъ князей); 2) «Къ родословію Нагихъ» (наиболѣе полная и проверенная данная), и 3) «Князья Мышецкіе». Въ этой работѣ авторъ касается только первыхъ пяти поколѣній рода князей Мышецкихъ и вноситъ значительныя поправки къ доселѣ извѣстнымъ печатнымъ свѣдѣніямъ о нихъ.

Наконецъ, останавливаютъ вниманіе и работы: Н. А. фонъ-Баумгартена—«Ярославъ Святополковичъ, князь Владиміро-Волынскій» (гдѣ трактуется съ исчерпывающею полнотой о происхожденіи, бракахъ и потомствѣ названнаго князя); Л. М. Савелова—«Князья Щербатовы по Вѣлозеру въ XVII вѣкѣ», и графа П. Ѳ. Шереметева—«Дворы Грознаго въ Новгородѣ». Последний свое изслѣдованіе заключаетъ такими словами: «Итакъ всѣ мѣста въ Новгородѣ, гдѣ останавливался во время своихъ пріѣздовъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный—Прусская улица, Буяна и Никитина,—суть мѣста, гдѣ селились пріѣзжавшіе въ Новгородъ иноземцы. Оба выстроенные имъ дворца находились въ мѣстности, связанной съ иноземными выходцами» и въ частности съ предками «страстно любимой имъ Анастасіи Романовой».

Среди «родословій» находимъ двѣ крупныя и научно исполненныя работы: Г. А. Власьева—«Родъ дворянъ Волынскихъ (въ ней очень много поправокъ къ труду князя Лобанова-Ростовскаго о Волынскихъ, на основаніи неизданныхъ матеріаловъ), и А. А. Сиверса—«Родословіе Озеровыхъ».

Въ заключеніе нельзя обойти молчаніемъ напечатанныхъ въ отдѣлѣ «Матеріалы—«Десятни вотской пятины 1605 года», В. Н. Мятлева, сообщившаго обстоятельный обзоръ ея содержанія; «Вкладной книги Брянскаго Свѣнскаго монастыря», В. С. Арсеньева (здѣсь имѣются свѣдѣнія о двухстахъ дворянскихъ родахъ), и «Духовнаго завѣщанія боярина князя Н. И. Одоевского», сообщеннаго графомъ С. Д. Шереметевымъ, въ качествѣ любознѣйшаго источника для исторіи быта помѣщиковъ XVII вѣка.

В. Рудаковъ.

Balch. Our slavic fellow Citizens. N.-York. 1910. (Бальчь. Наши славянскіе сограждане. Н.-Йоркъ). Стр. 536. Ц. 11 долларовъ.

Адъюнктъ-профессоръ политической экономіи въ Вельслейскомъ музеѣ въ Нью-Йоркѣ Эмиль Бальчь специализировался на вопросѣ о славянской эмиграціи въ Америку и уже помѣстилъ въ американскихъ журналахъ нѣсколько серьезныхъ статей на эту тему. Вышедшій истекшею зимой его новый трудъ, заглавіе котораго мы выписали, представляетъ капитальную работу

объ эмиграціи въ Новый Свѣтъ представителей всѣхъ славянскихъ народностей.

Книга Бальча распадается на двѣ части, не одинаковой цѣнности для европейскаго и особенно славянскаго читателя. Въ первой части авторъ даетъ обстоятельное обозрѣніе славянскаго міра, знакомитъ американцевъ съ расовыми и національными особенностями славянскихъ племенъ и развертываетъ широкую картину тѣхъ политическихъ и экономическихъ условій, въ которыхъ они живутъ въ Европѣ, въ мѣстахъ ихъ осѣлости. Для большей наглядности авторъ не скупится иллюстрировать свое изложеніе множествомъ фотографій, статистическихъ таблицъ и разныхъ картъ спеціальнаго характера. Благодаря этому, плотность населенія славянскихъ странъ, степень ихъ благосостоянія, напряженность эмиграціи изъ нихъ выступаетъ передъ читателемъ довольно выпукло.

Вторая часть его труда даетъ весьма любопытный и цѣнный матеріалъ о томъ, какъ славянскіе переселенцы устраиваются въ Америкѣ. Набросавъ довольно подробный очеркъ развитія этого переселенія, авторъ переходитъ къ вопросу о распредѣленіи славянской массы на территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Составленная имъ на основаніи официальныхъ данныхъ карта наглядно показываетъ, что главная масса славянскихъ переселенцевъ осѣдаетъ около Нью-Йорка и Чикаго, затѣмъ въ штатахъ Массачусеттсѣ и Мичиганѣ. Такъ какъ на новой родинѣ переселенцы держатся кучками, по народностямъ, то авторъ дѣлаетъ затѣмъ попытку опредѣлить главное мѣсто осѣлости каждой національной группы. Дальнѣйшія страницы книги посвящены изложенію экономическихъ условій и роду занятій славянскихъ гражданъ Штатовъ, текстъ обильно иллюстрированъ діаграммами. Въ послѣднихъ главахъ обсѣдована семейная жизнь этихъ новыхъ гражданъ и созданныя ими предприятия общественнаго, благотворительнаго и просвѣтительнаго характера, попутно отмѣчаются церковныя теченія, социалистическія и анархическія доктрины, находящія себѣ распространеніе въ славянской средѣ и т. д. Въ приложеніи авторъ даетъ подробную библиографію предмета.

При всестороннемъ изученіи славянства, особенно съ экономической точки зрѣнія, трудъ американскаго ученаго можетъ служить настольной книгой.

А. В—въ.

Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Выпускъ XXI. Спб. 1911. Стр. 130×162. Цѣна не обозначена.

Содержаніе разсматриваемаго выпуска «Вѣстника», посвященнаго всероссійскому пятнадцатому археологическому съѣзду въ Новгородѣ, составляютъ статьи и «матеріалы» по новгородскимъ церковнымъ древностямъ. Главнымъ вкладчикомъ здѣсь явился директоръ археологическаго института, Н. В. Покровский, которому принадлежитъ изслѣдованіе объ «Іерусалимахъ, или Сіонахъ, софійской ризницы въ Новгородѣ», замѣтка—«По поводу иконы

св. Димитрія Солунскаго» и найденная имъ въ 1909 году «Опись отправленнымъ въ 1785 году въ московскую синодальную контору изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря ризничнымъ украшеннымъ разными драгоценными камнями и жемчугомъ вещамъ». Въ своемъ изслѣдованіи профессоръ Покровскій впервые подвергаетъ детальному научному изученію цѣннѣйшіе памятники сѣдой новгородской старины—Иерусалимы, или Сіоны, сохранившіеся въ софійской ризницѣ въ количествѣ двухъ экземпляровъ. Представивъ ихъ подробное описаніе и опредѣливъ время и мѣсто происхожденія ихъ, авторъ затѣмъ разсматриваетъ аналогичные памятники, находящіеся въ другихъ мѣстахъ, и путемъ сравненія Иерусалимовъ, или Сіоновъ, со стороны ихъ художественныхъ формъ съ подобными же памятниками рѣшаетъ вопросъ о генезисѣ и историческомъ значеніи ихъ. Въ конечномъ своемъ выводѣ онъ признаетъ, что новгородскіе Сіоны сдѣланы русскимъ мастеромъ въ эпоху сношеній Новгорода съ Ганзой, въ XII—XIII вѣкахъ; что ихъ нельзя считать ни реликваріями, ни дарохранильницами, ни ладаницами и что они служили первоначально эмблемой іерусалимской церкви, напоминая о связи съ ней, какъ съ матерью всѣхъ церквей, а потомъ обратились въ украшеніе процессіи великаго входа, лишь «лѣпты ради», какъ выразился нѣкогда профессоръ А. П. Голубцовъ. Въ другой своей работѣ Н. В. Покровскій окончательно рѣшаетъ вопросъ, что «изображенный на иконахъ св. Димитрія Солунскаго поверженный царь есть именно «етерь царь Колоянъ, нарицаемъ загорскій», о которомъ разсказывается въ житіи св. Димитрія Солунскаго. Наконецъ, отысканная и изданная имъ «Опись» особенно заслуживаетъ вниманія, во-первыхъ, потому, что она «отмѣчаетъ какой-то исключительный случай опустошенія кирилло-бѣлозерской ризницы, во-вторыхъ, что въ ней показаны предметы выдающіеся по своей матеріальной цѣнности, и, въ-третьихъ, что дальнѣйшая судьба этихъ предметовъ остается доселѣ не разъясненною. Извѣстно, что ризница Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря до XVIII вѣка представляла богатѣйшее собраніе драгоценной церковной утвари, но, разграбляемая своими и чужими, особенно въ XVIII столѣтіи, обратилась въ настоящее время во второстепенное и, пожалуй, третьестепенное хранилище.

Другой изслѣдователь, П. Л. Гусевъ, представилъ слѣдующія двѣ работы: 1) «Иконографія святыхъ Флора и Лавра въ новгородскомъ искусствѣ», гдѣ указываетъ, что въ Византіи не существовало взгляда на святыхъ Флора и Лавра, какъ на покровителей лошадей, и что такой взглядъ былъ заимствованъ новгородскими иконописцами отъ южныхъ славянъ, и 2) «Символы власти въ Великомъ Новгородѣ».

Въ отдѣлѣ «Матеріаловъ», помимо указанной «Описи», которую сообщилъ Н. В. Покровскій, находимъ еще «Житіе преподобнаго Варлаама Хутынскаго Мехудіевой редакціи», изданное А. Никольскимъ по двумъ спискамъ, хранящимся въ Новгородскомъ Хутынскомъ монастырѣ и относящимся къ началу XVIII вѣка и къ половинѣ XIX вѣка. Съ обширнымъ предисловіемъ изданы и «Лѣтописныя извѣстія и документы Новгородскаго Деревяницкаго Воскресенскаго монастыря», въ которыхъ излагается исторія монастыря со времени его основанія, 1335 года, до 1761 года. Это посмертный трудъ преподавателя

Николаевского кадетского корпуса Петра Федоровича Каддыкина, умершего 17-го 1909 года, изданный под редакцией профессора И. А. Шляпкина.

Къ тщательно изданной книжкѣ приложенъ цѣлый рядъ хорошо исполненныхъ иллюстрацій.

В. Р.—въ.

И. А. Линниченко. В. Б. Антоновичъ. 1803—1908 г. Москва. 1910. Стр. 115.

Профессоръ И. А. Линниченко въ брошюрѣ своей даетъ блестящую характеристику извѣстнаго кievскаго ученаго и маститаго знатока южно-русской археологіи В. Б. Антоновича. Широкими и стильными мазками возсоздаетъ оригинальную обстановку жизни, нравственную физиономію В. Б. Антоновича, какъ безкорыстнаго служителя чистой науки и гражданина; передъ мысленными очами читателя воскресаетъ дѣтски-наивная и хрустальная душа покойнаго ученаго. Художественная, проникнутая глубокой любовью характеристика прекраснѣйшей вѣнокъ на могилу В. Б. Антоновича. Попутно И. А. Линниченко съ трогательной печалью вспоминаетъ почившихъ дѣятелей науки: профессора А. И. Марковича, «старога сѣверянина», вѣчно «ласковаго», добродушнаго профессора, В. И. Сизова, «вѣчно юнаго студента», П. В. Голубовскаго, сумѣвшаго «черезъ сотни лѣтъ допросить отжившаго кочевника, Чернаго Клобука, и рассказать его родство съ поганымъ Половчиномъ, Торкомъ и Берендѣемъ», Н. П. Дашкевича, «русскаго бенедиктинца». Чтеніе брошюрки доставляетъ истинное и высокое умственное наслажденіе.

С. Аваліани.

Храбрымъ безсмертіе. Военная хрестоматія. Сборникъ статей и очерковъ изъ военнаго быта и исторіи, для чтенія воспитанниками кадетскихъ корпусовъ, нижними чинами арміи и флота и молодыми людьми, поступающими въ команды юныхъ развѣдчиковъ, а равно и для чтенія въ народныхъ школахъ. Ч. I. Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ, подъ редакціей ген.-майора Пруссана. Спб. 1911. Стр. 313

Въ наше время, время громадныхъ армій, поглощающихъ весь цвѣтъ населенія государства, подготовка молодежи къ военной службѣ составляетъ одну изъ первостепенныхъ заботъ правительства. Подготовка эта тѣмъ болѣе необходима, что при значительныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ нынѣ одиночному бойцу, короткіе ероки службы не позволяютъ удѣлять много времени на обученіе новобранца. Въ иностранныхъ государствахъ эта истина признана давно: Германія и Франція даютъ своимъ арміямъ контингентъ молодежи, въ значительной своей части получившей подготовку въ школахъ, а Англія за послѣднее время, по инициативѣ извѣстнаго генерала Баденъ-Пауля, покрылась множествомъ отрядовъ «юныхъ развѣдчиковъ», число которыхъ доходитъ уже теперь до двухсотъ тысячъ. У насъ частныя попытки этого рода были поощрены словомъ Государя, повелѣвшаго «завести въ деревняхъ обученіе въ школахъ дѣтей военному строю и гимнастикѣ запасными и отставными унтеръ-офицерами». Съ тѣхъ поръ дѣло это у насъ налаживается и, при содѣйствіи общества, обѣщаетъ принести благотворные плоды. Но не одна, такъ сказать, механиче-

«истор, вѣстн.», ФЕВРАЛЬ 1912 г., т. сxxvii.

21

ская подготовка необходима молодежи: надо еще воспитать ее въ духѣ любви къ родинѣ, исполненія долга, въ повиновеніи и доброй нравственности; задача эта несравненно труднѣе и зависитъ отъ совокупнаго воздѣйствія всѣхъ общественныхъ элементовъ. Это дѣло образцово поставлено, напримѣръ, въ Японіи и Германіи. Нѣмецкій школьникъ съ первыхъ шаговъ своей сознательной жизни выноситъ изъ всего его окружающаго въ школѣ яркое представленіе о мощи и славѣ родины и величіи ея историческихъ задачъ; начиная съ обстановки, все говоритъ ему объ этомъ: стѣны увѣшаны картинами славныхъ подвиговъ родной ему арміи, портретами знаменитыхъ полководцевъ, государственныхъ людей, писателей, ученыхъ, словомъ, все, что составляетъ гордость страны, передъ его глазами—слава, знаніе, вдохновеніе, побѣды духа и ума, завоеванія силы. И эти картины не представляютъ собою нѣмого украшения: учителя подолгу и умѣло бесѣдуютъ объ нихъ съ учениками, проходя исторію Германіи не въ скучномъ разсказѣ, а въ живомъ изложеніи, возбуждающемъ патріотическія чувства и сознаніе долга предъ славной родиной. Съ этой точки зрѣнія не одна только школа, но и книга можетъ дать богатый матеріалъ для воздѣйствія на молодежь, а отсюда сама собою вытекаетъ потребность въ «военной хрестоматіи», которая въ стихахъ и въ прозѣ, въ произведеніяхъ лучшихъ писателей и художниковъ знакомила бы молодежь со славными страницами исторіи, съ боевыми подвигами войскъ, съ жизнеописаніемъ знаменитыхъ дѣятелей страны. Попытки къ осуществленію этой потребности представляютъ собою составленная г. *Θ. Тараньгинымъ* «Военная хрестоматія», изданная подъ редакціей генералъ-майора *Пруссака*. Задача составителя заключается въ томъ, чтобы изъ громаднаго матеріала нашей военной исторіи умѣло выбрать подходящія статьи, въ живомъ разсказѣ иллюстрирующія нашу боевую жизнь и характеризующія нашихъ знаменитыхъ военныхъ дѣятелей. «Военная хрестоматія», по предположенію, будетъ издана въ двухъ частяхъ: въ первой части, появившейся въ печати, выясняются долгъ и обязанности юноши-воина и рисуется славное прошлое русской арміи, отъ незабвенныхъ дней ея великаго основателя Петра I до начала царствованія императора Николая Павловича: во вторую часть, кромѣ свѣдѣній объ юныхъ развѣдчикахъ, войдутъ военно-бытовые очерки и разсказы изъ жизни казачества, севастопольской обороны, покоренія Кавказа и Туркестана и изъ войнъ 1877—1878 годовъ и послѣдней русско-японско. Вышедшій первый томъ изданъ изящно; къ нему приложены портреты Государя, Императрицы и Наслѣдника, много портретовъ русскихъ военныхъ людей, а также картины, изображающія главнѣйшіе моменты нашей военной исторіи. Не входя въ подробное разсмотрѣніе «хрестоматіи», достоинства которой могутъ быть оцѣнены вполне только въ примѣненіи, замѣтимъ, что она нѣсколько тяжеловѣсна и, казалось бы, исключеніе нѣкоторыхъ статей не повредило бы ея достоинству. Къ книгѣ весьма кстати приложенъ алфавитный «Толковый словарь», съ объясненіемъ встрѣчающихся словъ, могущихъ затруднять пониманіе молодежи.

Во всякомъ случаѣ потребность въ «Военной хрестоматіи» для школъ и народа вполне назрѣла и первую ея попытку нельзя не привѣтствовать.

Л. Н.

Русскій біографическій словарь. Шебановъ-Шютцъ. Спб. 1911. Ц. 5 р.

Послѣ долгаго перерыва вышелъ новый томъ «Русскаго біографическаго словаря», издаваемого императорскимъ историческимъ обществомъ, заключающій въ себѣ біографіи дѣятелей, фамиліи которыхъ начинаются съ буквы Ш. Особенно обширны и обстоятельны біографіи боярина Шеина (В. Д. Корсаковой), маркиза Шетарди (В. Фурсенко), Шуваловыхъ и многочисленныхъ Шереметевыхъ. Достаточно сказать, что при біографіи графа Бориса Петровича Шереметева, извѣстнаго сотрудника Петра Великаго, указано 143 источника для его жизнеописанія. Къ сожалѣнію, редакціей словаря упущены и нѣкоторые существенные пробѣлы. Такъ, напримѣръ, помѣщены біографіи профессора В. О. Шишацкаго, малороссійскаго писателя А. В. Шишацкаго-Илича, и пропущена біографія извѣстнаго епископа могилевскаго Варлаама Шишацкаго, присягнувшаго въ 1812 году Наполеону и давшаго подписку въ томъ, что будетъ жертвовать въ пользу французовъ противъ Россіи всѣмъ тѣмъ, чѣмъ только можетъ; по изгнаніи непріятели Шишацкій былъ преданъ суду, разстриженъ и заключенъ въ монастырь. Помѣщены біографіи писательницы О. П. Шишкиной и конозаводчика В. И. Шишкина и пропущена біографія І. И. Шишкина, талантливаго автора нѣсколькихъ историческихъ монографій, къ числу которыхъ принадлежитъ единственное до сихъ поръ обстоятельное жизнеописаніе А. П. Волынскаго, напечатанное въ шести книжкахъ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860 г. Несмотря на пробѣлы, «Русскій біографическій словарь» составляетъ весьма важное пособіе для всѣхъ занимающихся русскою исторіей.

С. Ш.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Въ погонѣ за славой и золотомъ. Спб. 1912. Стр. 262 Ц. 1 р. 25 коп.

Авторъ, бывшій самъ раньше опернымъ пѣвцомъ и пѣвшій на итальянскихъ сценахъ, отлично изучилъ нравы этой среды, гдѣ ему приходилось подвизаться. Живымъ, образнымъ языкомъ излагаетъ онъ приключенія русскихъ артистовъ, ихъ выступленія на подмосткахъ, попутно рассказывая завязавшійся у одного изъ нихъ романъ съ аккомпаниаторшей, женитьбу его на ней, неудачную карьеру, разореніе, разводъ съ нею и новую женитьбу на богатой купчихѣ. Романъ, вырванный изъ жизни, картинно рисуетъ всю закулисную сторону маленькихъ театровъ въ Италіи, театральныхъ агенцій и журналовъ, готовыхъ за деньги сдѣлать изъ любимаго пѣвца или пѣвицы Мазини или Патти...

«Какъ мы пѣли въ Каракасѣ»—рассказъ изъ той же оперной среды, но дѣйствіе происходитъ въ Южной Америкѣ, въ Каракасѣ. Онъ полонъ изображеній юмористическихъ сценъ и перипетій, которыя приходилось испытывать международной оперной труппѣ, приглашенной пѣть въ столицу Венецуэлы. Всѣ члены этой поѣздки не выдуманные, они живые люди, подвизавшіеся, а нѣкоторые еще и теперь поюще на оперныхъ подмосткахъ. Неожиданное пропунциаменто, т. е. перемѣна правительства, прекратило оперные спектакли, и труппа развѣхалась. Третій рассказъ «Теноръ» рисуетъ карьеру извѣстнаго русскаго

21*

оперного артиста, вышедшаго изъ народа и, благодаря своему прекрасному голосу и настойчивости, сдѣлавшаго себѣ извѣстное имя.

Книга издана изящно, съ превосходно исполненной обложкой, написана красивымъ, хорошимъ языкомъ, присущимъ этому автору, и читается очень легко. «Какъ мы пѣли въ Каракасѣ» былъ помѣщенъ въ одной изъ книжекъ «Историческаго Вѣстника».

Г.

М. М. Бородинъ. Краткая исторія Финляндіи. Спб. 1911. Стр. 198 въ 16^о съ картой. Ц. 1 рубль.

Имя М. М. Бородинъ пользуется давней заслуженной и почетной извѣстностью въ области русской литературы по финляндскому вопросу. Г. Бородинъ историкъ-публицистъ. Его труды проникнуты широкими государственными взглядами, освѣщающими прошлое къ намъ весьма близкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма малоизвѣстной въ русскомъ обществѣ нашей окраины. Исторіи Финляндіи почтеннымъ авторомъ посвященъ цѣлый рядъ капитальнѣйшихъ изслѣдованій, охватывающихъ отдѣльные періоды въ связи съ царствованіями отдѣльныхъ русскихъ императоровъ. Настоящая книжка представляетъ собою какъ бы краткое изложеніе названныхъ капитальныхъ томовъ, охватывающее исторію княжества въ ея цѣломъ. Значеніе знакомства съ финской исторіей русскихъ массъ прекрасно очерчено самимъ г. Бородинымъ въ предисловіи. Окраины «колеблются въ рукахъ», на завоеванія предковъ дѣлаются покушенія, исконныя права наши умаляются. Сравните, что было въ Финляндіи, съ тѣмъ что нынѣ наблюдается тамъ. Она признавала себя русской областью, пѣла нашъ гимнъ, украшала свои зданія русскимъ флагомъ, изучала нашъ государственный языкъ; финляндцы считали за честь служить въ рядахъ нашихъ войскъ, признавали справедливымъ умирать за общее отечество... А теперь все измѣнилось, все обернулось въ противоположную сторону. Одна изъ причинъ такой коренной перемѣны наше незнаніе своихъ правъ по отношенію къ этой окраинѣ и своихъ обязанностей передъ родиной».

Нужно отдать полную справедливость, книжка г. Бородинъ вполне приоровлена къ требованьямъ массоваго читателя. Изложеніе ея ясно, просто и вмѣстѣ съ тѣмъ богато фактическимъ содержаніемъ. Книжка изобилуетъ множествомъ художественно выполненныхъ портретовъ и отдѣльныхъ снимковъ, отчетливости которыхъ не вредитъ даже ихъ сравнительно очень небольшой размѣръ. Въ виду этихъ достоинствъ справедливо будетъ пожелать «Краткой исторіи» возможно широкаго распространенія.

В. Т—ій.

А. И. Соколова. Сѣверный Сфинксъ. Историческій этюдъ. Спб. 1912. Стр. 160. Ц. 1 руб.

Вотъ книжка, которая будетъ прочтена съ такимъ же интересомъ публикой, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ пера писательницы. Сѣверный сфинксъ—императоръ Александръ Первый. Историческій этюдъ А. И. Соколовой по біографической канвѣ жизни Благословеннаго и лицъ ему близкихъ искусно

ткеть психологическую характеристику сложнаго и противорѣчиваго его духа.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что цѣль его «глубже и пристальнѣе взглянуть за кулисы исторіи». Благодарная задача, когда на сценѣ разыгрывается эпопея борьбы съ Наполеономъ и движутся такія фигуры, какъ Аракчеевъ и Сперанскій. Едва ли мы будемъ не правы, если опредѣлимъ историческій жанръ А. И. Соколовой—стилемъ французскихъ работъ о русской исторіи Валишевскаго, въ основѣ котораго лежатъ нерѣдко именно «кулисы исторіи», порою анекдотическій матерьялъ, иногда даже и скандальная хроника давно минувшаго времени. Тактъ и вкусъ автора только одни спасаютъ этотъ жанръ исторической монографіи отъ вульгарности, но зато читатель получаетъ увлекательное чтеніе.

Н. Э.

Архимандритъ Іона. Святая гора Аѳонъ. Быть монаховъ на Аѳонѣ и междуцерковное значеніе Святой горы. Спб. 1911. Ц. 55 к.

Объ Аѳонѣ существуетъ обширная литература, особенно на языкахъ греческомъ и русскомъ. Историческая судьба этой Святой горы, и нынѣ являющейся главнымъ пунктомъ религіозно-созерцательной жизни православнаго міра, обследована съ достаточною полнотою, хотя строго-научнаго опыта исторіи аѳонскаго монашества нѣтъ еще и въ настоящее время. Аѳонъ еще ждетъ свое историка. Извѣстные труды знаменитаго русскаго византолога епископа Порфирія Успенскаго теперь во многомъ устарѣли. Его сужденія и выводы теперь нуждаются въ дополненіяхъ, поправкахъ и въ пересмотрѣ, примѣнительно къ громадному вновь опубликованному архивному матеріалу. Многіе историческіе памятники, пригодные для строго-научнаго труда объ Аѳонѣ, соотвѣтственно современному состоянію византологической науки, необходимо извлечь изъ рукописныхъ кодексовъ, разсѣянныхъ по бібліотекамъ Востока и Запада. Но и всякія болѣе или менѣе правдивыя страницы изъ исторіи Аѳона заслуживаютъ вниманія. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время появилось много печатной макулатуры объ Аѳонѣ, въ частности на русскомъ языкѣ. Усерднымъ поставщикомъ такой макулатуры нѣсколько лѣтъ служилъ невѣжественный и безграмотный журналъ «Монастырь», издававшійся въ Нижнемъ-Новгородѣ подъ редакціей какого-то г. Павловскаго. Тенденціозность, незнаніе исторіи, неумѣнье отличать правду отъ лжи, неряшливость въ литературномъ отношеніи—вотъ качества нижегородско-аѳонскаго «Монастыря», теперь прекратившаго, ко благу истиннаго аѳонскаго монашества, свое недолгое существованіе. Надо лишь пожелать, чтобы впредь на литературной нивѣ не появлялись плевелы, подобные «Монастырю» г. Павловскаго и компаніи.

Счастливое исключеніе въ русской литературѣ послѣдняго времени, посвященной Аѳону, составляетъ отмѣченное изданіе архимандрита Іоны, настоятеля русской посольской церкви въ Константинополѣ. Архимандритъ Іона уже давно извѣстенъ, какъ вдумчивый и оригинальный писатель, умѣющий открывать въ старомъ вопросѣ новыя стороны, оставшіяся не обследованными въ трудахъ другихъ авторовъ, способный къ своеобразнымъ наблюденіямъ,

ускользающимъ отъ вниманія другихъ, умѣющей писать просто и ясно. Всѣмъ интересующимся положеніемъ современнаго Востока должны быть хорошо извѣстны три выпуска его «Свѣта съ Востока», гдѣ описывается религіозно-нравственное и бытовое состояніе христіанъ, имѣющихъ несчастье жить подъ конституціоннымъ мусульманскимъ игомъ въ Турціи. Точка зрѣнія на предметъ у автора «Свѣта» совершенно иная, чѣмъ у доморощенныхъ писакъ о дѣлахъ православнаго Востока, не имѣющихъ ни знаній, ни наблюдательности, ни литературной опытности. Въ такомъ же родѣ и трудъ архимандрита Іоны объ Аѳонѣ, излагающій бытъ монаховъ и оцѣнивающій общее значеніе этой Святой горы.

По справедливому сужденію автора, Аѳонъ и теперь привлекаетъ къ себѣ вниманіе всего христіанскаго міра. Въ большомъ числѣ пріѣзжаютъ сюда французскіе, нѣмецкіе и англійскіе ученые историки, археологи, филологи, богословы—для занятій въ богатыхъ бібліотекахъ аѳонскихъ монастырей, а равно и туристы—для наблюденія надъ жизнью оригинальной монашеской республики. «Русскіе ученые рѣже посѣщаютъ Аѳонъ, такъ какъ все еще предпочитаютъ для своихъ работъ источники, изданные иностранцами», и, занятые специальными трудами, не находятъ времени дѣлиться въ печати своими аѳонскими впечатлѣніями. Простые русскіе паломники описываютъ Святую гору неумѣло. Писатели свободнаго образа мыслей судятъ объ Аѳонѣ неправильно, тенденціозно. Къ оцѣнкѣ Аѳона надо приступать съ особой точки зрѣнія. Въдѣ жизнь аѳонскихъ монаховъ совершенно отлична отъ жизни обыкновенныхъ людей общества, отъ той жизни, которая протекаетъ среди постоянной борьбы съ конкуррентами, среди цѣлой массы гражданскихъ, общественныхъ, семейныхъ обязанностей и заботъ, и представляетъ обширное поле специальныхъ и широко поставленныхъ занятій». Ознакомившись съ этими занятіями, и возможно составить справедливое сужденіе объ Аѳонской горѣ.

Эту задачу и взялъ на себя отецъ архимандритъ Іона. Много было написано объ Аѳонѣ, но то, что сообщаетъ нашъ авторъ, свѣжо, ново, оригинально, является весьма интереснымъ и поучительнымъ. Послѣ краткаго введенія авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о топографіи Аѳона и излагаетъ кратко историческую судьбу мѣстнаго монашества. Затѣмъ описывается бытъ монашества кинувіальнаго, идиоритмическаго и тѣхъ монаховъ, которые живутъ на Аѳонѣ внѣ монастырей. Далѣе рѣчь идетъ о здоровьи и продолжительности жизни монаховъ на Аѳонѣ. Послѣднія двѣ главы содержатъ сужденія грековъ и европейцевъ объ Аѳонѣ. Въ заключеніе рѣшается вопросъ о томъ, какимъ путемъ возможно упорядочить отношенія греческихъ и русскихъ монаховъ на Аѳонѣ.

Вообще новая работа архимандрита Іоны, написанная съ большимъ знаніемъ дѣла, читается съ интересомъ и заслуживаетъ вниманія всѣхъ, кто небезучастно относится къ вопросамъ востоковѣдѣнія.

І. І.

**Матушка Русь. Хрестоматія. 1-я часть. Для учениковъ приготовительнаго и младшихъ I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ѳ. А. Та-
рапыгинъ. Редакція Ѳ. А. Витберга. 2-е изданіе, исправленное и значительно
дополненное. Спб. 1911. Стр. VIII+526. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 25 к.**

Выходящая вторымъ изданіемъ въ одномъ и томъ же году хрестоматія «Матушка Русь» встрѣтитъ еще большее сочувствіе и въ русскомъ обществѣ и въ научно-педагогической критикѣ. Составитель ея внялъ многимъ совѣтамъ и замѣчаніямъ и, исправляя сравнительно ничтожные промахи, ввелъ рядъ дополненій, среди которыхъ наиболѣе выгодно выдѣляется объяснительный словарь, крайне необходимый для юныхъ читателей хрестоматіи и, пожалуй, вообще для справокъ. Съ виѣшней стороны изданіе попрежнему прекрасно; многочисленныя рисунки исполнены довольно удачно и въ болѣе противъ прежняго увеличенномъ размѣрѣ.

В. Р—въ.

Д. К. Зеленинъ. Къ вопросу о русалкахъ. Спб. 1912.

Объемистый очеркъ извѣстнаго изслѣдователя сѣверно-русской этнографіи Д. К. Зеленина вноситъ въ научный обиходъ совершенно новое пониманіе народныхъ представленій о русалкахъ. Предшествующіе изслѣдователи этого вопроса, А. Н. Веселовскій и Е. В. Аничковъ, смотрѣли на русалокъ, какъ на души предковъ вообще. Г. Зеленинъ вполне основательно доказываетъ, что это не вообще души предковъ, а только женщины и дѣти, умершія неестественною смертію и продолжающія назначенный имъ на землѣ срокъ жизни уже въ видѣ русалокъ. Людей, умершихъ преждевременною «наглою» смертію, народъ называетъ «заложными». Эти заложныя покойники во время своей своеобразной загробной жизни, однако, не старѣютъ, но всецѣло сохраняютъ свой прежній характеръ и склонности. Оттого молодая русалка прельщаетъ мужчинъ, постарше заботятся о льнѣ, холстахъ; безобразныя старухи бьютъ непослушныхъ дѣтей. При этомъ всѣ заложныя покойники—въ силу самаго рода своей смерти—находятся въ полномъ распоряженіи нечистой силы, являются ея подручными, а потому и враждебными людямъ. Отсюда постоянное стремленіе народа хоронить самоубійць, «опійць» и проч. не по установленному ритуалу, а съ примѣненіемъ своеобразныхъ обрядовъ, въ родѣ знаменитаго вбиванія кола въ могилу самоубійцы. Вслѣдствіе столкновенія народныхъ воззрѣній на заложныхъ покойниковъ съ церковными понятіями, какъ, напр., еще въ проповѣдяхъ Серапіона Владимирскаго и М. Грека, практика вырабатываетъ особый типъ погребенія заложныхъ покойниковъ въ такъ называемыхъ убогихъ или заложныхъ домахъ, по народному—божедомкахъ. Это просто ямы, въ которыя сваливались всѣ заложныя покойники, гдѣ они лежали до семика, когда яму зарывали.

Русскія воззрѣнія на русалокъ г. Зеленинъ изучаетъ параллельно со взглядами финновъ, турокъ, монголовъ и др., пользуясь обильнымъ матеріаломъ, обнаруживающимъ богатую эрудицію автора.

Въ заключеніе укажемъ, что авторъ напрасно привлекаетъ для объясненія народныхъ воззрѣній на русалокъ «народныя повѣрья» о лихорадкахъ, дочеряхъ Ирода, такъ какъ эти повѣрья—книжнаго происхожденія и идутъ отъ извѣстной въ славянской письменности молитвы Сисинія о семи трясовицахъ, дочеряхъ Ирода, приписывавшейся Номоканонъ болгарскому попу Іереміи, на самомъ же дѣлѣ восточнаго происхожденія.

В. Даниловъ.

Академическая бібліотека русскихъ писателей. Выпускъ I. Изданіе 3-е. Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова. Подъ редакціей и съ примѣчаніями А. І. Лященко. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1911. Стр. L+471. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Несмотря на то, что настоящее третье изданіе сочиненій А. В. Кольцова появилось на слѣдующій же годъ послѣ первыхъ двухъ, разошедшихся, кстати сказать, въ количествѣ 35 тысячъ экземпляровъ, оно заключаетъ въ себѣ и «значительныя» дополненія и интересныя новинки. Дополненія вмѣстѣ съ поправками коснулись примѣчаній и объяснительныхъ статей. Новинками являются четыре новыхъ письма: 1) В. И. Гарденину (14-го іюля 1834 г.), 2) В. Г. Вѣлинскому (11-го сентября 1836 г.), 3) Н. А. Полевому (26-го февраля 1838 г.) и 4) О. А. Кони (1-го марта 1841 г.). Очень характернымъ является второе письмо, которое мы и позволимъ себѣ привести здѣсь хотя бы въ извлеченіи.

«Здравствуйте, дорогой и любезный мой Виссаріонъ Григорьевич!

«Вотъ еще я къ вамъ съ моею бездѣлкой. Посмотрите ее пожалуйста, чего она стоитъ; вашъ взглядъ—ея судьба. Мнѣ стыдно предъ вами и даже передъ самимъ собой: «Телескопъ» по расположенности вашей и почтеннѣйшаго Николая Ивановича получаю, а моего ничего нѣтъ. За что же получаю? Вѣдь стыдно сказать. Если стоитъ, то удостойте «Телескопа»—«Неразгаданную истину, думу».

«Другую пьеску «Пѣсни» посылаю къ вамъ же на судъ. Это новое произведеніе новаго молодого человѣка, купчика. Онъ просилъ меня ее прислать къ вамъ. Я посылаю.—«Ему даже отвѣтъ вашъ дорогъ»—такъ онъ говоритъ» (стр. 163).

Въ письмѣ къ Федору Алѣксѣевичу Кони поэтъ прежде всего жалуется на книготорговца В. П. Полякова, который вмѣсто отсылки Н. Х. Кетчеру 18 экземпляровъ «Кюга Мурра», принятыхъ имъ для этой цѣли отъ А. В. Кольцова, присвоилъ ихъ себѣ. Затѣмъ проситъ выслать ему «Пантеонъ»: «Если бы можно было хоть одинъ первый номеръ за сей годъ. Въ немъ, я слышалъ, напечатано «Ромео и Юлія», переводъ Каткова. Я эту драму чертовски люблю. Приобрѣсти ее весьма хочется. Я бы и выписалъ его, но мои средства совсѣмъ на это не соглашаются. Наконецъ заявленіе, что въ Воронежѣ «дурно получаютъ», т. е. крайне неаккуратно, «Отечественныя Записки» и «Пантеонъ», тогда какъ «Библіотека для чтенія», «Сынъ Отечества», «Русскій Вѣстникъ» «Москвитянинъ», «Современникъ» «давно получены зъ свое время», прибавляя при этомъ: «позднее полученіе немножко вредитъ вашимъ журналамъ» (стр. 250—251).

Небезынтересно указать еще и на то, что въ настоящее издание вошли семь новыхъ портретовъ, рисунковъ и факсимиле, а именно: 1) А. В. Кольцовъ въ 1836 году (по фотографии М. П. Селиверстова, съ портрета масляными красками, писаннаго Д. Курепинымъ); 2) отецъ и мать поэта (съ портретовъ масляными красками); 3) Воронежъ. Мѣстность Гусиловка, гдѣ родился Кольцовъ (съ фотографии М. Н. Селиверстова); 4) факсимиле думы «Предъ образомъ Спасителя» (рукопись П. Я. Дашкова); 5) факсимиле стих. «Поминки» (рукопись П. Я. Дашкова); 6) Факсимиле стихотворенія «Доля бѣдняка» (рукопись П. Я. Дашкова), и 7) Факсимиле заглавнаго листа и трехъ страницъ «Русскихъ пословицъ, поговорокъ, прирѣчей и присловій, собираемыхъ А. Кольцовымъ».

Нечего и говорить, что съ виѣшней стороны издание выше конкурса и вполне доступно по цѣнѣ.

В. Р—въ.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 гг. Два выпуска. Стр. 191—189. Цѣна 2 руб.

Если бы въ воспоминаніяхъ профессора Янжула сократить безцвѣтныя мѣста, то его воспоминанія читались бы съ не ослабѣвающимъ интересомъ. Между тѣмъ Янжулъ, кромѣ общественныхъ вопросовъ и характеристикъ крупныхъ лицъ, слишкомъ много удѣляетъ вниманія собственной особѣ въ тѣ моменты своей жизни, когда онъ собою ровно ничего не представлялъ. Его обыкновенныя гимназическіе годы, такое же пребываніе въ университетѣ, студенческое изученіе иностранныхъ языковъ, оставленіе при университетѣ—все это встрѣчается въ жизни каждаго ученаго и нисколько не интересно для публики. Онъ самъ говоритъ: «По существу дѣла мое новое положеніе оставленнаго при университетѣ для «усовершенствованія въ наукахъ», какъ объ этомъ официально выражались, весьма мало разнилось отъ стараго студенческаго положенія. Оно означало собственно новыя занятія при старой обстановкѣ».

Академикъ К. С. Веселовскій, въ передачѣ г. Янжула, отзывался, напримѣръ, о крайнихъ людяхъ такъ: «А, вѣдь, несомнѣнно, у нихъ были все-таки добрыя ламѣренія, но зачѣмъ они такъ торопятся, такъ спѣшать?» Янжулъ не понимаетъ того, какъ все это потускло и банально, а онъ говоритъ о словахъ Веселовскаго восхищенно: «это въ высшей степени мѣткое и тонкое замѣчаніе покойнаго Константина Степановича мнѣ всегда теперь приходитъ въ голову, когда я слышу или читаю о вѣрныхъ и быстрыхъ способахъ осчастливить человѣчество».

Такія «мѣткія и тонкія» воспоминанія г. Янжула, къ счастью, тотчасъ же переплетаются у него съ дѣйствительно интересными воспоминаніями какъ о литературныхъ, такъ и государственныхъ людяхъ. Его знакомство съ И. С. Тургеневымъ, Л. Н. Толстымъ, Ф. М. Достоевскимъ, В. К. Плева, И. Д. Деляновымъ, Н. П. Боголѣповымъ и т. д., имѣютъ захватывающій и прямо историческій интересъ. Но надо имѣть въ виду собственное признаніе г. Янжула о томъ, что онъ «политикой никогда не занимался» (стр. 98, вып. II). Поэтому читателю приходится мириться съ его выводами, напримѣръ, о Плева, по его мнѣнію, «способномъ и талантливымъ государственнымъ человѣкъ».

Мы привыкли талантливимъ и государственнымъ дѣятелемъ называть человека, идущаго въ уровень съ назрѣвающими потребностями страны и умѣющаго строить политику не на отживающихъ началахъ. Восторженный отзывъ г. Янжула о Плеве совершенно не вяжется съ объективными воспоминаніями того же г. Янжула о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Довѣрчивый профессоръ продолжительное время убѣждалъ г. Плеве въ томъ, что источникомъ политическихъ смуть въ Россіи является, во-первыхъ, безправіе рабочаго класса, во-вторыхъ, безправіе евреевъ и, въ-третьихъ, безправіе университетовъ. Плеве одобрялъ мысль г. Янжула о самодѣятельности рабочаго класса, обѣщавъ поставить Янжула во главѣ новаго центрального бюро труда; поддакивалъ ему въ еврейскомъ вопросѣ и въ стремленіи къ тому, чтобы высшія учебныя заведенія не имѣли никакихъ правъ, кромѣ учебныхъ. Но, разумѣется, Плеве не привелъ въ исполненіе ни одного своего обѣщанія, идущаго въ разрѣзъ съ мѣрами успокоенія его собственнаго полицейски-изобрѣтательнаго ума. Покойному министру было достаточно отпущено пониманія всякихъ европейскихъ проектовъ, съ которыми обращались къ нему кабинетные ученые, но ему не было дано готовности перейти отъ новыхъ словъ къ новому дѣлу. Онъ былъ во власти своего времени и глубоко былъ убѣжденъ въ томъ, что опытъ передовыхъ европейскихъ странъ не можетъ быть для насъ поучителенъ, такъ какъ европейскія страны страдаютъ азвами пролетаріата, проституціи, дѣтубійства, подкушности парламентарныхъ дѣятелей и т. д., не въ меньшей степени, чѣмъ и бюрократическая Россія. Онъ ужасно боялся того, что нѣтъ предѣловъ требованію передовыхъ партій и что уступкамъ не будетъ конца, если пойти имъ навстрѣчу. Исторія безъ «предѣловъ» пугала его, какъ только власть отъ привилегированныхъ и образованныхъ классовъ перейдетъ въ руки большинства... Этотъ взглядъ на прогрессъ совершенно честныхъ и часто фанатизированныхъ людей, вродѣ стараго Лантенака у В. Гюго («Девяносто третій годъ») — всецѣло раздѣлялъ и покойный В. К. Плеве, съ которымъ мнѣ также приходилось имѣть дѣло по политическимъ обстоятельствамъ и возражать ему тѣмъ, что онъ не принимаетъ въ расчетъ размѣры указанныхъ имъ нечастій въ странахъ, игнорируетъ новыя блага при измѣненіи въ европейскомъ смыслѣ социальной обстановки и не придаетъ значенія болѣе усиленной борьбѣ съ перечисленными недугами при новомъ режимѣ.

Между тѣмъ г. Янжулъ, очевидно, надѣялся перетянуть г. Плеве на сторону чисто европейскихъ мѣръ для успокоенія родины, хотя послѣ бесѣды съ нимъ онъ признается, что «узналъ случайно о предполагаемомъ вскорѣ назначеніи совѣмъ другого лица на должность, о которой со мной говорилъ Плеве, и что никакихъ слуховъ о движеніи дѣла въ смыслѣ основанія у насъ департамента труда не имѣется. Тогда я обратился уже письменно съ просьбой сообщить, въ какомъ смыслѣ рѣшился его планъ по рабочему вопросу? Я получилъ въ отвѣтъ короткое письмо, что, къ сожалѣнію, виѣ его воли дѣло приняло совѣмъ другой оборотъ, и предложеніе его, сдѣланное мнѣ, приходится взять назадъ противъ его-де желанія».

Съ большимъ интересомъ читаются и прочія воспоминанія г. Янжула о службѣ его по фабричной инспекціи, о научныхъ командировкахъ за границу и шумныхъ лекціяхъ въ Москвѣ о милліонахъ и что съ ними дѣлать ихъ владѣльцамъ.

А. Фареевъ.

И. В. Нетушилъ, проф. харьковскаго университета. Обзоръ римской исторіи по лекціямъ, читаннымъ въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ и на харьковскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Харьковъ. 1912. Стр. 410. Ц. 3 р. 25 к.

Профессоръ И. В. Нетушилъ принялъ на себя тяжелую, по въ высшей степени похвальную и благодарную задачу дать нашей публикѣ систематическое изложеніе древне-римской исторіи, начиная съ царской эпохи и кончая смертью Феодосія I (395 г. по Рожд. Христов.). Кромѣ того, въ концѣ книгѣ присоединенъ довольно подробный очеркъ древне-римской историографіи, а также болѣе краткія главы, посвященныя надписямъ, монетамъ, археологіи древняго Рима и обзору русскихъ пособій по разработкѣ римской исторіи. Это первое вполнѣ оригинальное и строго-научное руководство по исторіи Рима на русскомъ языкѣ. Нельзя не порадоваться, что за выполненіе такого огромнаго и сложнаго труда взялся именно авторъ настоящей книги. Профессоръ Нетушилъ извѣстенъ своими долготѣтными изысканіями въ области политической, государственной и общественной жизни древняго Рима, а также многочисленными изслѣдованіями по древне-римской археологіи, нумизматикѣ и эпиграфикѣ. Онъ также составилъ и единственный у насъ оригинальный и научный «Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей», остановившійся пока, къ сожалѣнію, на третьемъ выпускѣ. Какъ сказано въ заглавіи, книга вытекла изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ харьковскомъ университетѣ и на тамошнихъ же высшихъ женскихъ курсахъ. Это обстоятельство имѣетъ свою хорошую и дурную сторону. Первая заключается въ томъ, что почтенный авторъ за время своей долготѣтней преподавательской дѣятельности имѣлъ полную возможность тщательно обработать свой курсъ, выдѣлить все наиболѣе существенное и важное и надлежащимъ образомъ воспользоваться постепенно возрастающей огромной научной литературой предмета. Недостаткомъ лекціоннаго курса служить то, что въ основу его положена, повидимому, не рукопись самого автора, а студенческія записи. О такомъ происхожденіи обзора, правда, можно только догадываться, такъ какъ книга лишена предисловія, а на оборотѣ титульнаго листа напечатано: «Изданіе общества взаимопомощи студентовъ-филологовъ харьковскаго императорскаго университета». Между тѣмъ всеѣмъ, прошедшимъ курсъ высшей школы, извѣстно, что какъ бы тщательно ни записывались слова профессора, все же это далеко не то, что его собственное изложеніе. Вотъ почему такой мастеръ слова, какъ покойный В. О. Ключевскій, приступилъ въ концѣ концовъ самъ къ изданію своего курса по русской исторіи. Такъ и въ настоящей обзоръ вкрались нѣкоторыя, правда, весьма незначительныя неточности и непоследовательности. Особенно много такихъ недосмотровъ въ библиографіи, гдѣ являются совершенно невѣдомые русскіе дѣятели въ области римской исторіи, какъ, напримеръ, Ардатовъ вмѣсто Ардашевъ; сочиненіе Буассье и въ русскомъ переводѣ называется: Цицеронъ и его друзья, а не Цицеронъ и его время, и т. д. и т. д. Мало понятно также такое заглавіе: «Гриммъ. Братья Гракхи (изъ біографіи изд. Павленкова)», какъ будто это какое-то извлеченіе изъ болѣе подробной книги, а на самомъ дѣлѣ брошюра эта входитъ въ составъ біографической бібліотеки, изданной покойнымъ Павленковымъ подъ общимъ заглавіемъ:

«Жизнь замѣчательныхъ людей». Разумѣется, это все мелочи, но ихъ можно было бы легко избѣжать и этимъ сберечь драгоцѣнное время, пужное для разыскиванія книги съ невѣрнымъ заглавіемъ, а также не портить крови у библиотечарей, которымъ и безъ того много достается отъ подобнаго рода неточныхъ требованій. Изложеніе въ общемъ носить характеръ догматическій; указанія на древніе тексты и на новѣйшіе труды попадаютъ въ общемъ довольно рѣдко. И здѣсь составители лекцій иногда дѣлали такія ссылки, которыя требуютъ дополнительныхъ справокъ, какъ, напримѣръ, на стр. 144, *Veloch—Ital. Bund*. Если здѣсь не такъ трудно угадать полное зглавіе изслѣдованія, то во всякомъ случаѣ надо перелистовать его цѣликомъ, чтобы найти надлежащее мѣсто. На обложкѣ настоящей книги сдѣлана прибавка: изданіе 1-е. Будемъ надѣяться, что оно скоро разойдется, и въ основу второй и послѣдующихъ обработокъ книги будетъ положена подлинная рукопись почтеннаго профессора, а пока искренно поблагодаримъ его за щедрый и крупный даръ русской исторической наукѣ.

А. М—нъ.

В. М. Грибовскій, профессоръ императорскаго новороссійскаго университета.
«Государственное устройство и управленіе Россійской имперіи». Одесса 1912.
 Стр. 258 Ц. 2 р. 25 к.

Das Staatsrecht des Russischen Reiches von Dr. Wiatscheslaw Gribowsky
Professor der Rechte an der Universität Odessa. Tübingen. 1912.

Со времени измѣненія нашихъ основныхъ законовъ прошло полныхъ шесть лѣтъ, накопилась соответственная парламентская и правительственная практика, но въ области теоретическаго освѣщенія новаго строя въ государственно-правовой литературѣ не чувствуется особаго оживленія. За разработку тѣхъ или другихъ вопросовъ, всплывающихъ волею судебъ, какъ, напримѣръ, пользованіе 87 статей основныхъ законовъ и т. п., въ горячую минуту хватаются газеты, вносящія настроеніе минуты и политическую окраску въ дѣло, требующее строгаго и холоднаго обсужденія. Оттого у насъ такъ мало появилось за указанный срокъ отдѣльныхъ монографій и даже изъ курсовъ до послѣдняго времени основнымъ и наиболѣе полнымъ служить механически подновляемый учебникъ покойнаго Коркунова. А какъ велика нужда въ такихъ учебникахъ, свидѣтельствуетъ успѣхъ на книжномъ рынкѣ изданной въ расчетъ на спекуляцію, небрежно составленной и наполненной грубѣйшими ошибками книжки казанскаго профессора В. Ивановскаго.

Внесеніе въ дѣло, требующее по существу объективности, въ изложеніе государственно-правовыхъ положеній политическаго элемента на ряду съ небрежнымъ отношеніемъ къ фактическому матеріалу—грѣхъ многихъ учебниковъ послѣдняго времени, касающихся русскаго государственнаго устройства и управленія. Въ этомъ отношеніи книга профессора Грибовскаго представляетъ пріятное исключеніе: она крайне объективна. Но, съ другой стороны, ей можно сдѣлать особый упрекъ. Она уже слишкомъ напираетъ на букву закона. Авторъ чувствуетъ этотъ свой недостатокъ и въ предисловіи оговаривается:

«Мы лишь бѣгло останавливаемся на тѣхъ спорныхъ вопросахъ новаго государственнаго устройства, разрѣшеніе которыхъ еще нуждается въ совокупной практикѣ правительства и представительныхъ учреждений». Этими словами авторъ какъ бы оставляетъ за собой роль простаго наблюдателя, лишь удостоверяющаго наличность сложившихся и закрѣпленныхъ явленій. Но почему же онъ избѣгаетъ личныхъ теоретическихъ построений въ тѣхъ вопросахъ, которые практикой еще не разрѣшены окончательно? Не нужно политики, но теоретическій взглядъ нисколько не мѣшаетъ строгости научнаго изложенія. Вѣдь тотъ же нѣмецкій авторъ Пальме, котораго часто цитируетъ профессоръ Грибовскій, не внося политики, однако, при каждомъ удобномъ случаѣ высказываетъ свое слово, и не даромъ онъ сталъ предметомъ столь частыхъ упоминаній во время послѣдней думско-газетной кампаніи по поводу введенія западнаго земства по 87 статьѣ.

Впрочемъ, въ этихъ случаяхъ г. Грибовскій не остается всегда вѣренъ себѣ. Такъ, напримѣръ, вопросъ о примѣненіи 96 статьи основныхъ законовъ въ отношеніи военныхъ и военно-морскихъ штатовъ вовсе не рѣшенъ такъ абсолютно въ смыслѣ подчиненія военныхъ штатовъ, не требующихъ новыхъ ассигнованій, необходимому одобренію думы. Между тѣмъ авторъ стоитъ именно на такой точкѣ зрѣнія и вопреки принятой имъ крайней сжатости изложенія посвящаетъ своимъ соображеніемъ цѣлыя страницы, не скупясь на выписки и ссылки. Такая настойчивость обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ болѣе, что, вопреки взглядамъ автора и думскаго большинства, правительство провело послѣднюю реформу центральныхъ учреждений военнаго министерства, понимая 96 статью какъ разъ въ обратномъ смыслѣ. Мало того, и самъ профессоръ Грибовскій теоретически вполнѣ правильно отмѣчаетъ своеобразность положенія русскаго императора, который, будучи ограниченъ въ области общаго законодательства и бюджета, является неограниченнымъ въ сферѣ специально военнаго, техническаго, не вызывающаго новыхъ расходовъ законодательства. Очень любопытно теоретическое освѣщеніе, данное авторомъ новому избирательному закону 3 іюня 1907 г., который именно съ теоретической стороны явился загадкой для русскаго общества. Если не считать вводной исторической части книги и пяти-шести параграфовъ съ теоретической разработкой государственно-правовой природы русской имперіи, правового положенія монарха, различія указа и закона, объема компетенціи государственной думы и проч., большая часть содержанія посвящена систематическому изложенію русскаго законодательства о государственномъ устройствѣ и управленіи. По сравненію съ другими трудами такого же рода книга г. Грибовскаго обладаетъ тѣми несомнѣнными достоинствами, что она при сжатости и полной ясности изложенія пытается охватить все наше государственное и административное право въ широкомъ смыслѣ слова. Къ управленію авторъ относитъ и военное дѣло и финансы. Указанныя свойства въ связи съ крайней точностью въ отношеніи пользованія законодательнымъ матеріаломъ дѣлаютъ книгу какъ удачнымъ учебникомъ, такъ и полезнымъ пособіемъ для тѣхъ не специалистовъ, которые интересуются дѣйствующимъ государственнымъ строемъ и управленіемъ. Законодательный матеріалъ использованъ авторомъ вплоть до 1912 г., и потому въ книгѣ г. Гри-

бовскаго можно найти и состоявшуюся реформу военного министерства, и русско-финляндское законодательство (законъ 17 июня 1910 г.), и законъ о выходѣ изъ общины, и даже указъ о введеніи земства въ западныхъ губерніяхъ. Имѣются указанія на тѣ части законодательства, которыя въ ближайшемъ будущемъ подлежатъ измѣненію (законы объ отбываніи воинской повинности, о введеніи городского положенія въ царствѣ Польскомъ и проч.).

Нѣмецкое изданіе книги представляетъ собою точное воспроизведеніе ся русскаго текста. Нужно замѣтить, что для иностранцевъ нѣмецкое изданіе труда профессора Грибовскаго является пока единственнымъ источникомъ, изъ котораго лица, незнакомыя съ русскимъ языкомъ, могутъ познакомиться съ дѣйствующимъ русскимъ государственнымъ и административнымъ правомъ. Соответственная книга профессора Энгельмана «Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland», изданная въ 1889 г., крайне устарѣла, а «Die russische Verfassung» Пальме представляетъ собою лишь комментарий къ новымъ основнымъ законамъ.

В. Г.

Даніэль Галеви. Жизнь Фридриха Ницше. Перев. съ французскаго А. Н. Ильинскаго. Подъ редакціей и съ пред. В. П. Сперанскаго. прив.-доц. Спб. университета. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

Когда въ 1892 году редакція московскаго журнала «Вопросы философіи и психологіи» рѣшила предложить своимъ читателямъ обзоръ литературнаго наслѣдія Ницше, тогда находившагося уже въ сумасшедшемъ домѣ, то, во избѣжаніе возможныхъ помѣхъ со стороны цензуры, принуждена была предпослать статью слѣдующія, такъ сказать, предохранительныя строки: «Какой великій и поучительный примѣръ представляетъ судьба этого несчастнаго гордеца, попавшаго въ домъ для умалишенныхъ. Истинный ужасъ наводитъ это великое и заслуженное наказаніе злополучнаго безбожника, вообразившаго себя богомъ»...

Теперь эти строки, конечно, вызовутъ лишь добродушную улыбку на лицѣ даже тѣхъ, ради которыхъ онѣ въ свое время были написаны. Личность этого «безбожника» и «гордеца», оставившаго несомнѣнный и замѣтный слѣдъ въ исторіи новѣйшей философіи, уже давно ясна каждому и стоитъ передъ каждымъ во всей своей нравственной чистотѣ, во всей своей трагичности. Между тѣмъ обстоятельной и безпристрастной біографіи Ницше, какъ мыслителя, художника и человѣка, до сихъ поръ не имѣлось въ Россіи, къ которой онъ относился всегда съ живѣйшимъ интересомъ и заочной сердечной симпатіей. Поэтому появленіе настоящей книги должно быть признано весьма желательнымъ и полезнымъ въ виду пополненія ею исчерпывающимъ образомъ непростительнаго пробѣла въ нашей біографической литературѣ.

Книга Галеви, завоевавшая при самомъ выходѣ своемъ въ подлинникъ изъ печати симпатіи западно-европейской публики и критики, рѣзко отличается отъ всѣхъ многочисленныхъ біографическихъ работъ, посвященныхъ выдающимся личностямъ. Она не обычно-суховатый отчетъ о творческой дѣятельности крупнаго мыслителя, а увлекательная исторія жизни замѣчательнаго человѣка.

При этомъ драгоценная оригинальность работы Галеви заключается прежде всего въ томъ, что характеристика Ницше на всемъ пространствѣ его тернистаго пути сдѣлана вездѣ собственными словами Ницше. Но авторъ не остается равнодушнымъ компиляторомъ, его повѣствованіе не случайная пестрая мозаика, а стройное органическое цѣлое, скрѣпленное одной руководящей мыслью. Онъ мудро бралъ у своего оригинала то, что нужно было для творческаго портрета. И портретъ вышелъ настолько яркимъ и вышуклымъ, что ни одна болѣе или менѣе характерная черта этой удивительной личности не можетъ остаться незамѣченной.

Очень интересно, между прочимъ, узнать объ отношеніи философа къ военной службѣ, на которой ему пришлось нѣкоторое время состоять. «Военная жизнь, — пишетъ Ницше своей сестрѣ, — не особенно удобна, но она, пожалуй, даже полезна, если ее попробовать въ качествѣ «*extremets*». Въ ней есть постоянный призывъ къ энергіи, которая особенно хороша, какъ противоядіе противъ парализующаго людей скептицизма, дѣйствіе котораго мы наблюдали вмѣстѣ съ тобою. Въ казармѣ узнаешь свой собственный характеръ, въ ней научаешься приспособляться къ чужимъ людямъ, въ большинствѣ случаевъ очень грубымъ. До сихъ поръ все относится ко мнѣ, повидимому, весьма доброжелательно, начиная отъ капитана до простого солдата, къ тому же все свои обязанности я исполняю усердно и съ интересомъ. Развѣ можно не гордиться, если среди тридцати рекрутовъ получишь отличіе, какъ лучший кавалеристъ? По-моему, это лучше, чѣмъ полученіе диплома по филологіи?» Ницше въ то время сдавалъ экзамень по филологіи. О томъ, что онъ сошелъ съ ума, стало ясно его друзьямъ изъ полученныхъ ими отъ Ницше писемъ одинаковаго содержанія: «Я—Фердинандъ Лессенсъ, я—Прадо, я—Шамбижъ (двое убійцъ, занимавшихъ все парижскія газеты); я былъ погребенъ въ теченіе осени два раза». Другу своему Peter Gast Ницше еще написалъ коротенькую записку: «Моему маэстро Pietro. Спой мнѣ новую пѣсню. Миръ ясенъ, все небеса радуются. Распятый».

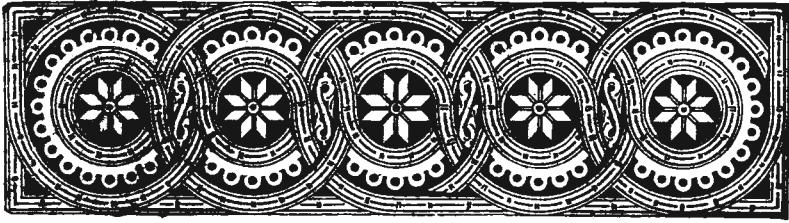
Проживъ болѣе десяти лѣтъ въ сумасшедшемъ домѣ, Ницше нерѣдко проявлялъ признаки умственнаго просвѣтленія. Замѣтивъ однажды въ саду прелестную маленькую дѣвочку, онъ подбѣжалъ къ ней и съ улыбкой сказалъ: «Не правда ли, вотъ олицетвореніе невинности?» Но и въ спокойные дни онъ часто вспоминалъ о своихъ произведеніяхъ и обращался къ окружающимъ съ вопросомъ:

— Развѣ я не писалъ прекрасныхъ книгъ?

Въ общемъ книга Галеви читается съ захватывающимъ интересомъ, издана прекрасно и снабжена снимками съ автографовъ и рѣдкихъ фотографій Ницше.

И. Гурвичъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АМЕРИКАНСКАЯ Помпея. — Профессоръ и членъ академіи наукъ въ Нью-Йоркѣ W. Niven сдѣлалъ важное археологическое открытіе. Онъ нашелъ въ Мексикѣ цѣлый городъ, поглощенный лавой въ очень отдаленную эпоху, развалины котораго удивительно похожи на Помпею. Въ долину Тлаллепантла и Тексоко, подъ слоемъ вулканической почвы, на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ, оказался обширный городъ съ кирпичными домами. Одно изъ жилищъ, сохранившее внутреннюю часть неприкосновенной и вокругъ котораго разбросаны человѣческія кости, при первомъ прикосновеніи обратившіяся въ пыль, служило помѣщеніемъ золотыхъ дѣлъ мастера. Это узнали по найденнымъ тамъ горну, плавильнѣ, формамъ изъ глины и большому количеству драгоцѣннаго металла, предназначеннаго для выдѣлыванія предметовъ изъ золота, серебра, мѣди, какъ браслеты и другія украшенія.

Самое любопытное, что ни одинъ изъ предметовъ не подходитъ къ тѣмъ, какіе были найдены при другихъ американскихъ раскопкахъ. Всѣ они были произведеніями античнаго искусства, похожаго на то, что относилось къ азіатской цивилизаціи. Нѣкоторыя головы можно сравнить съ уцѣлѣвшими отъ plastica искусства Египта самой отдаленной династіи. Другія напоминали художественныя работы Китая, Японіи и Индіи. Нѣкоторыя головы приближались къ головамъ айносовъ и многія съ арабскими физиономіями. Неизвѣстно, какимъ образомъ оказалось это собраніе предметовъ этнографическаго происхожденія собраннымъ въ этомъ мѣстѣ.

Подъ помѣщеніемъ золотыхъ дѣлъ мастера оказалась усыпальница. Очень вѣроятно, что похороненный здѣсь покойникъ былъ убитъ, потому что въ

черегъ находился топоръ, который, должно быть, послужилъ орудіемъ преступленія. Гробница была окружена сто двадцатью пятью фигурками изъ обожженной глины, по внѣшнимъ признакамъ изъ восточной Азии. У одной статуйки божества съ ногами, скрещенными, какъ у Будды, голова характеристично-семитическая. Эта статуэтка совершенно полая и можетъ перемѣщаться. Стѣнная живопись этой усыпальницы прекрасно сохранилась, благодаря слою воска, покрывающему ее. Красныя, синія, желтыя, зеленыя и черныя краски вполне сохранили свою живость и яркость цвѣта. Сюжетъ этой живописи символизировалъ занятія владѣльца дома. Профессоръ Niven приписываетъ этой своего рода американской Помпей очень отдаленное прошедшее, повидимому, относящееся къ великой ниневійской эпохѣ. Такимъ образомъ, это послужитъ свидѣтельствомъ сношенія между Америкой и Азіей въ очень отдаленныя вѣка нашей эры.

Кое-что о Россіи.—Иностранцы попрежнему продолжаютъ интересоваться Россіей и русской литературою, въ нихъ еще не остыло желаніе постичь эту загадочную и еще не совсѣмъ разгаданную славянскую душу. Особенно интересуются въ этомъ отношеніи французы и англичане, которыхъ русскіе уже давно постигли, ознакомившись съ ихъ литературной, а они насъ почти не знали. Имъ было извѣстно только, что въ русской душѣ бокъ о бокъ уживаются четыре особенности: «взятка», «кнутъ», «на чай» и «ничего»—великое русское «ничего», построенное на топкомъ болотѣ главную столицу, слѣдовавшее за Суворовымъ, не чувствуя усталости, перешедшее безропотно Балканы и пережившее Цусиму. Только событія послѣднихъ лѣтъ открыли иностранцамъ еще кое-что. Съ легкой руки Вогюэ французы стали знакомиться съ русской литературой, а Тургеневъ открылъ имъ лучшія стороны русскаго сердца. На заслугу Вогюэ указалъ недавно только что избранный академикъ Апри-де-Ренье въ день своего вступленія въ число безсмертныхъ. Въ краснорѣчивой рѣчи и воздавая похвалы Вогюэ, онъ въ заключеніе сказалъ: «Когда родина призываетъ, падо ей отвѣчать. Франціи необходимо было сдѣлать усилія, чтобы подняться, и Эжень Мельхіоръ-де-Вогюэ не уклонился отъ своего долга. Нужды настоящаго времени оторвали его отъ изученія исключительно былого и указали ему на форму его дѣятельности. Онъ принялъ задачу, продиктованную ему обстоятельствами, и Эжень Мельхіоръ-де-Вогюэ вступилъ на службу государства. Въ 1886 г. появился «Roman russe». Въ 1886 г. французы совершенно не знали русскихъ. Они немного знали Тургенева; они не знали Толстого и Достоевскаго. Тщетно предупреждалъ ихъ проницательный Меримэ: они не знали, что въ странѣ снѣговъ есть патетическія книги. Для нихъ это было откровеніе. Но Вогюэ открылъ не только одну литературу; онъ извлекъ изъ нея обученіе: «Roman russe» одинъ изъ самыхъ сильныхъ толчковъ, какой только получила современная мысль. Толчокъ освобожденія. Надо было освободиться отъ натурализма, который въ концѣ концовъ поработитъ и унизитъ интеллигенцію».

Но Вогюэ первое время самъ былъ не радъ, какъ мы уже упоминали въ его біографіи, этому шагу. Его намѣреніе ознакомить французовъ съ лучшими русскими произведеніями доставило ему немало разочарованій. Переводчики

того времени безъ разбора брали романы, искажали ихъ и такимъ образомъ давали французской публикѣ ложное представленіе о русской литературѣ.

Используя тургеневскія сочиненія, они перешли къ другимъ писателямъ и стали выкраивать изъ романовъ пьесы, какъ это произошло и съ романами Достоевскаго. Въ началѣ прошедшаго года были поставлены на сценѣ «Братья Карамазовы» въ искаженномъ видѣ, а въ концѣ декабря 1911 г. на сценѣ театра Антуанъ появилось «Преступленіе и наказаніе», «сверкающая драгоценность русской литературы» въ передѣлкѣ Нозьера. Это событіе вызвало въ «Figaro» статью Станислава Ржевусскаго, лично знавшаго Тургенева и Достоевскаго. Появленіе произведенія Достоевскаго на сценѣ возбудило всеобщее любопытство и удивленіе. Всѣмъ было извѣстно, что онъ никогда не писалъ для сцены. Единственный, быть можетъ, среди писателей своего времени и своей страны онъ устоялъ противъ очарованія самаго соблазнительнаго изъ всѣхъ искусствъ. «Самъ Толстой,—говоритъ Ржевусскій,—гигантъ и непримиримый Толстой, у котораго суровость соціального реформатора соперничала съ художественнымъ гениемъ, поддался соблазну сценической лихорадки, этому сильному опьянѣнію, и вдругъ написалъ почти на закатѣ своей карьеры двѣ пьесы, изъ которыхъ «Власть тьмы» настоящее образцовое произведеніе, по силѣ истинно Шекспировское. Тургеневъ, третій русскій романистъ той эпохи, своимъ деликатнымъ, меланхоличнымъ своеобразнымъ талантомъ представлялъ странный контрастъ горькому, нѣсколько безпорядочному таланту Толстого и Достоевскаго. Тургеневъ всю жизнь желалъ писать для театра, и Ржевусскій пророчить, что пьесы Тургенева снова возродятся скорѣе, чѣмъ это думаютъ. Тургеневъ, какъ и многіе писатели его времени, мечталъ о театрѣ, но Достоевскій всю жизнь не проявлялъ такого желанія. Его не интересовали вопросы драматическаго искусства, и онъ не только не проявлялъ къ нему интереса, но не скрывалъ своего презрѣнія. Неудивительно поэтому, что долго всякаго рода присваиватели, перекройщики и т. п. не рѣшались использовать этотъ богатый источникъ эмоцій, драматическихъ положеній. Достоевскій на это ни за что не согласился бы.

Ржевусскій хотя одобряетъ передѣлку «Преступленія и Наказанія», Юга Леру и Поля Жинести, затѣмъ двѣ передѣлки на итальянскомъ языкѣ и одну на нѣмецкомъ, но говоритъ:

«Въ общемъ, великій писатель ненавидѣлъ театр, а его произведенія, несмотря на эту инстинктивную вражду, не ускользнули, однако, отъ театра, усиленно свирѣпствующаго во всемъ свѣтѣ. На другой же день, когда знаменитый романистъ послѣ такой суровой работы, такой трагической судьбы, наконецъ заснулъ послѣднимъ сномъ, безпощадное отродье приспособителей набросилось на его книги. Никому, вѣрно, не избѣжать господства этого разомъ страннаго, деспотическаго и очаровательнаго искусства. Случай Достоевскаго, право, въ этомъ отношеніи характеристиченъ. Московскій писатель всегда брезгалъ драматической литературой и презиралъ ее, а теперь приспособители его произведеній запрудили репертуаръ всѣхъ русскихъ театровъ. Подумать, что добрались даже до извлеченія пьесы изъ «Вѣднхъ людей», гдѣ нѣтъ тѣни какого-нибудь дѣйствія, и даже изъ «Дѣдушкина сна»,—

произведенія молодости, безцвѣтнаго, слащаваго, изумительно безсодержательнаго.

Однако изъ дальнѣйшихъ словъ Ржевускаго видно, что послѣдняя парижская попытка ничего не имѣеть общаго съ «докучнымъ, вымученнымъ произведеніемъ». Позьеръ сдѣлалъ изъ «Преступленія и наказанія», какъ увѣряетъ Ржевусскій, очень литературную и вмѣстѣ съ тѣмъ интересную трогательную пьесу. «Очевидно, тѣмъ лучше, — говоритъ Ржевусскій: — только я себя спрашиваю съ нѣкоторой тревогой: какого бы мнѣнія былъ самъ гениальный авторъ, если бы очутился среди насъ, если бы невозможное чудо позволило ему ознакомиться съ нѣкоторыми изъ этихъ пьесъ, вдохновенныхъ его бессмертнымъ произведеніемъ, которыя довольно часто содержатъ лишь слабый отблескъ ихъ первоначальной красоты. Сами «Братья Карамазовы» въ московскомъ театрѣ, несмотря на ультра-современную постановку, странное повѣство и огромный сборъ, не добились бы разрѣшенія великаго автора. Блестящій, но легко раздражавшійся и такой щепетильный, Достоевскій не согласился бы на это. «Авторъ этихъ строкъ, — говоритъ Ржевусскій — безъ сомнѣнія, единственный парижскій журналистъ, лично помнившій Достоевскаго. Въ тѣни далекихъ воспоминаній, я думаю, что еще вижу его лицо аскета, славянскаго мистика. Мнѣ кажется, что я снова услышу его негодующій и суровый голосъ и между тѣмъ иѣжный, когда онъ говорилъ намъ объ униженныхъ и оскорбленныхъ, своихъ герояхъ и своихъ братьяхъ. Нѣтъ, конечно; несмотря на всѣ достоинства самыхъ удачныхъ передѣлокъ, знаменитый писатель не захотѣлъ бы этого посвященія литературной славы, къ которому такую алчность выказываютъ нынѣшніе романисты».

Въ политическомъ отношеніи Россія интересуется иностранцевъ. Событія въ Персіи и участіе въ нихъ русскихъ вызвало во французскомъ журналѣ «Correspondant» статью, канвой для которой послужила русская политика въ Азіи. Авторъ отмѣчаетъ, съ какимъ упорствомъ Россія долгіе годы стремилась къ намѣченной ею цѣли, и рисуетъ краткую исторію ея вторженія въ Азію. На другой день, какъ Россія сбросила съ себя монгольское иго, она начала направлять свою политику къ Азіи. Съ конца XVI вѣка русскіе упрочились въ долинахъ Урала и Терека, на азиатской границѣ. Въ 1581 году казакъ Ермакъ завоевалъ Сибирь и положилъ ее къ царскимъ стопамъ. Съ тѣхъ поръ русское вторженіе въ Азію производилось въ трехъ направленіяхъ: къ сѣверу, центру и югу. Впервые персовъ атаковалъ Петръ Великій; прогрессивное же движеніе къ Закавказью относится ко времени царствованія Екатерины II. Въ центральной Азіи киргизы, калмыки и туркмены послѣдовательно подчинились власти царей.

«При подробномъ изученіи этихъ завоеваній особенно поражаетъ упорная настойчивость русскихъ, — говоритъ авторъ. — Двадцать разъ, сто разъ русскихъ побѣждали, они наталкивались на всевозможныя затрудненія, казавшіяся непреодолимыми, но ничто русскихъ не отвращало отъ ихъ цѣли. Годами они выжидали и затѣмъ снова принимались за свою работу и окончательно торжествовали. Они затѣвали войны, длившіяся около пятидесяти лѣтъ; но это были не маленькія стычки, а кровопролитныя, ожесточенныя сраженія, вродѣ кавказ-

ских или съ туркменами. Какихъ бы потерь въ людяхъ и матеріальныхъ жертвъ это ни стоило—цѣль всегда достигалась.

Въ настоящее время Россія твердо разсчитываетъ, что она одинаково будетъ въ состояніи осуществить свои планы на Персію. Со времени потсдамскаго свиданія она преслѣдуетъ ихъ со все возобновляющею дѣятельностью. Благодаря соглашенію съ Германіей, она могла увести часть своихъ войскъ съ польской границы и перенести все свои силы на востокъ. Въ настоящее время не существуетъ никакого европейскаго интереса, который заставилъ бы ее вынуть шпагу изъ ноженъ. Впрочемъ, надо себѣ это повторить: исключая Александра II, который, остерегаясь Германіи, хотѣлъ составить противовѣсь тройственному союзу и сблизиться съ этою цѣлью съ Франціей; исключая этого монарха, «европейское равновѣсіе», какъ его понимали въ теченіе трехъ послѣднихъ четвертей XIX вѣка, никого въ Россіи не интересовало. Ее неотразимо влечетъ къ Азіи, и она даже болѣе не старается воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Турціи, какъ это сдѣлала бы пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, даже тридцать лѣтъ. Константинополь уже не составляетъ для нея цѣли; теперь ея цѣль иначе грандіозна и обширна».

И дѣйствительно, Персія, Персидскій заливъ—единственный морской выходъ, гдѣ русскіе не рискуютъ быть запертыми льдами часть года.

Понятно, какъ Россія этого желаетъ съ момента взятія японцами Портъ-Артура. Понятно также, какое непріятное чувство причинила Англии ея политика въ Азіи. Но въ дипломатической борьбѣ, которую она завязала лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ съ цѣлью противодѣйствовать вторженію русскихъ въ Азію, угрожающему ея самымъ животрепещущимъ интересамъ, Россія всегда одерживала надъ нею верхъ. По заключенію автора, Англии рано или поздно придется сдаться или прибѣгнуть къ войнѣ.

Юбилей нашествія французовъ на Москву нашелъ откликъ и въ нѣмецкихъ журналахъ. Нѣмецкій журналъ «Münchener Nachrichten» напечаталъ довольно любопытное письмо графа Фаньяни, итальянскаго государственнаго совѣтника, которое онъ послалъ въ Миланъ въ началѣ войны 1812 года. Оказывается, что фатальный конецъ войны 1812 года для французовъ предсказывался многими французами. Въ этомъ письмѣ онъ представляетъ самый точный планъ русской кампаніи и предвѣщаетъ пораженіе французовъ. «Вчера я говорилъ съ однимъ русскимъ о настоящихъ событіяхъ,—пишетъ онъ,—и когда я ему сказалъ, что эта новая война окончится, какъ все другія, торжествомъ Наполеона, мой собесѣдникъ мнѣ отвѣтилъ: «Я съ вами согласенъ, что вашъ государь можетъ побѣдить нашу армію. Но затѣмъ? Побѣда будетъ стоить столько же крови побѣдителю, какъ и побѣжденному, ибо наши солдаты будутъ драться до самой смерти. Ослабленные отъ этихъ кровопролитныхъ сраженій, истощенные борьбой со всевозможными препятствіями, поставленными самой природой, французы мало соберутъ плодовъ своего успѣха. Доведенные до отступленія, мы опустошимъ поля, мы сдѣлаемъ изъ нихъ пустыни, особенно въ той области, гдѣ жители намъ не преданы, такъ чтобы непріятель не нашелъ для себя никакого запаса. Наши казаки и наши татары въ недѣлю истребятъ пятьдесятъ миль въ странѣ, не оставивъ уплѣтчивымъ ни одного дома, ни слѣда культуры. Прибавьте къ этому, непро-

должителность военных операций въ зависимости отъ хорошаго времени года, которое очень коротко въ Россіи. Осенніе дожди превратятъ дороги въ непроходимыя болота. Послѣ дождя пойдетъ снѣгъ и гололедица, которые сдѣлаютъ невозможными всѣ военные маневры. Наши солдаты и наши лошади привыкли къ климату и ничего не потеряютъ—ни пыла, ни силъ. Французы, напротивъ, неспособны переносить суровую зиму: въ концѣ восьми мѣсяцевъ ихъ армія не будетъ болѣе въ состояніи что-нибудь предпринять».

Это письмо графа Фальяни не единственное, въ которомъ давались такіа грозныя предсказанія. Въ миланскихъ архивахъ сохранилось много другихъ, и всѣ они предсказывали поворотъ счастья Наполеона.

— К р а с о т а н о в о й ж е н щ и н ы. — К. Фино продолжаетъ высказывать свои идеи о будущей женщинѣ. Въ январскомъ номерѣ «La Revue» онъ касается вопроса: не грозитъ ли женской красотѣ опасность отъ предстоящаго равноправія женщины съ мужчиной? Красота также имѣетъ свои историческія фазы, какъ всякая другая отрасль нашего матеріальнаго существованія. Но сначала Фино задаетъ себѣ вопросъ: «Что такое красота?»—и отвѣчаетъ: «Прежде всего это нѣчто чарующее наши глаза и восхищающее нашу душу». Женщина непрестанно разнообразится, но и мужчина эволюционируетъ: его идея о женщинѣ измѣняется. Къ тому же красота, по мнѣнію Фино, совсѣмъ не подчиняется одному неизмѣнному закону. Хотя мы еще до сихъ поръ живемъ подъ вліяніемъ греческаго искусства, но вѣка, отдалившіе насъ отъ великихъ греческихъ художниковъ, измѣнили фізіологическое строеніе женщины. Тенершія женщины обогатились новыми идеями и фактами, а это увеличило ихъ черепъ, расширило лобъ и произвело другія измѣненія въ черепѣ, а, слѣдовательно, онѣ отличаются отъ аѳинскихъ и спартанскихъ женщинъ. Мало-по-малу греческое вліяніе, сдаваясь требованію времени, уступитъ мѣсто запросамъ нашей собственной жизни, идеалу и идеямъ, порожденнымъ культурой вѣковъ, выработанной другими мужчинами, другими женщинами и другими принципами. Безсмертное вліяніе античной красоты будетъ еще оживлять будущее искусство, но оно его болѣе не задушитъ въ своихъ слишкомъ тѣсныхъ объятіяхъ. Идея красоты подчиняется эволюціи. Основанная на жизни, она должна приблизиться къ ней. Перемѣна социальныхъ и моральныхъ условий человѣчества приведетъ къ торжеству иного идеала женской красоты. Онъ будетъ не хуже, не лучше идеала Поликлета или Праксителя, но нѣчто болѣе прежняго. Этотъ идеалъ сдѣлается сообразно эволюціи женщины и измѣнившемуся вкусу мужчины. Къ тому же, по мнѣнію Фино, красота тѣла состоитъ совсѣмъ не въ гармоническомъ измѣреніи его различныхъ частей. Во-первыхъ, несимметрія лѣвой и правой стороны нашего организма грубо разбиваетъ всѣ предвзятыя мысли. А затѣмъ слѣдуетъ неопровержимый фактъ, что, несмотря на идеальную правильность пропорцій тѣла, женщина можетъ быть дурна и лишена очарованія. «Можно сказать, — прибавляетъ Фино:—что красота женщины находится всецѣло въ самомъ наблюдателѣ, который ея восхищается. Подобно прекрасному пейзажу, красивая женщина преобразуется въ душѣ того, кто на

¹⁾ La Beauté de la Femme nouvelle. Par Jean Finot. «La Revue». Janvier 1912.

нее смотреть. Одни безчувственно проходят тамъ, гдѣ другіе воодушевляются до экстаза. Сама по себѣ красота не существуетъ, доказательствомъ чего служатъ кафры, готтентоты и прочіе народы».

Артисты, въ свою очередь, смотрятъ на красоту сквозь свои чувства и душу, что зависитъ еще болѣе отъ нравовъ и умственного настроенія времени. Чѣмъ крупнѣе ихъ талантъ, тѣмъ глубже послѣдуетъ отпечатокъ, оставленный ими на тѣхъ, которые слѣдуютъ за ними или восторгаются ими. Симонетта Катанса, возлюбленная Юлія Медичи, была чахоточная, и Ботичелли, обезсмертившій ея черты въ своей Венерѣ флорентійской, вдохновилъ цѣлой эпохѣ культъ спадающихъ плечъ, длинной шеи и узкой, плоской грудной полости. Сколько художниковъ, околдованныхъ этой болѣзненной Венерой, помѣстили своимъ героинямъ груди слишкомъ низко и близко другъ къ другу. Признаки разстройства здоровья у многихъ несравненныхъ артистовъ сдѣлались чертою красоты. Худенькія или полныя женщины, съ выразительными или блуждающими, мечтательными глазами, сознающія свою слабость или воодушевленные надеждой близкой побѣды, заступаютъ мѣсто въ современномъ искусствѣ. Последнее болѣе и болѣе будетъ освобождаться отъ деспотическихъ формулъ, въ которыхъ оно находилось связаннымъ вѣками, и женская красота эмансипируется въ то же время, какъ и понятіе о красотѣ сдѣлается примѣнимо къ жизни нашего времени.

Перемена воспитанія женщины будетъ намъ стоить другого воплощенія прекраснаго. Женщина, безъ сомнѣнія, станетъ сильнѣе, выше, но изъ-за этого она не перестанетъ быть граціозной. Въ Нью-Йоркѣ уже имѣются неполные образцы этой будущей красоты. Это будутъ типы чарующіе, сильныхъ ловкихъ и умныхъ женщинъ. «Впрочемъ, ихъ красота совсѣмъ не та, какую рѣзецъ греческаго скульптора выгравировалъ въ нашей памяти,—говоритъ Фино:—красота вѣчна только по эмоціи, какую она возбуждаетъ и будетъ возбуждать у живыхъ существъ, но она видоизмѣнится, чтобы очаровывать и прельщать взглядъ мужчины. Мозгъ женщины, вмѣщающій теперь болѣе идей, измѣнитъ форму и, благодаря закону физиологической координаціи, повлечетъ измѣненіе всѣхъ угловъ лица; укрѣпится и ея умъ отъ соприкосновенія съ жизнью, придастъ лицу новое выраженіе. Ея тѣло станетъ гармоничнѣе, благодаря физическимъ упражненіямъ, а взглядъ отразитъ глубокую внутреннюю жизнь. Ея грація облачится силой, божественная мысль оживитъ ея движенія, и женщина сдѣлается раздавательницей болѣе благородныхъ радостей, когда будетъ ближе замѣшана въ пани безконечныя несчастія. Женщина красива потому, что она производитъ впечатлѣніе, что красива. Такимъ образомъ, благодаря преобразованію женщинъ, мы направимся къ новой формѣ красоты—облагороженной и очищенной».

Нравственно и умственно преобразуясь, женщина, конечно, измѣнитъ свою одежду. «Есть что-то унизительное для достоинства женщинъ въ ея манерѣ одѣваться,—находитъ Фино.—Исторія моды резюмируется пятьюдесятью вѣками искаженія, изуродованія и пытокъ, опредѣленныхъ невидимыми богинями и богами. Платье стало, по словамъ Жана Поля, новымъ органомъ для женщины. Часто она получаетъ его изъ недостойныхъ рукъ. Ни ея красоту, ни ея личность не уважаютъ. Изъ нея дѣлали во все года то богиню, то бочку или, какъ говорилъ Дюма-сынъ, зонтикъ или сонетку. Ея голову уважали такъ же мало, какъ и

тѣло». Пытки, которымъ подвергаются женщины, принося себя въ жертву на алтарь моды, заставляютъ зло улыбаться мужчину. Онъ въ этомъ видитъ доказательство очевидной подчиненности женщины. Онъ не можетъ допустить, чтобы разумное существо могло такимъ образомъ напрасно подвергаться столькимъ унижительнымъ, болѣзненнымъ наказаніямъ. Въ исторіи не мало трагическихъ случаевъ изъ жизни «merveilleuse» и «incroyable» времени директоріи. Въ то время въ модѣ были греческія нимфы, и всѣ дамы, несмотря на леденящій холодъ, появлялись какъ можно меньше одѣтыми и дѣлались жертвами скоротечной чахотки. Другія женщины все это видѣли, но продолжали появляться полуодѣтыя, пока сами, въ свою очередь, не дѣлались жертвами. Фино надѣется, что съ побѣдой женщины измѣнится ея нарядъ. Она захочетъ быть красивой, но умно, по-человѣчески. Она очень хорошо пойметъ непреодолимую привлекательность одежды. Красота часто скрывается особенно въ тайнѣ, которую подозрѣваютъ. Нарядъ причетъ и показываетъ. Онъ дополняетъ дѣйствительность. Фино требуетъ, чтобы женщины не подчинялись рабски модѣ и такимъ образомъ не походили одна на другую и были бы индивидуальны. Порицая женщину за нарядъ и указывая, что мужчины зло подсмѣиваются за это надъ нею и считаютъ ее потому низшимъ существомъ, Фино договаривается до эпохи, когда высшія существа сами одѣвались вродѣ женщинъ. Это было въ эпоху возрожденія, даже въ XVII и въ XVIII вѣкахъ. Разнообразные, блестящіе костюмы мужчинъ той эпохи, красота ихъ драгоценныхъ украшеній, дѣланныя манеры, фантастическіе парики и гигантскія шляпы—все напоминало женскіе наряды. Фино предлагаетъ женщинамъ не носить драгоценностей. «Женщина близкаго будущаго предпочтетъ быть душой великой вмѣсто того, чтобы быть тѣмъ дорогимъ животнымъ, о которомъ еще Плотъ сказалъ: «Кто хочетъ доставить себѣ много затрудненій тому стоитъ только дать себѣ двѣ вещи: корабль и женщину; это двѣ вещи въ мірѣ, которыя трудно снарядить». Однако не надо думать, что женщина потеряетъ свою женственность». Фино требуетъ только, чтобы она была индивидуальна и не подчинялась волѣ одѣвающей ее портнихи.

Отношенія между мужчиной и женщиной установятся нѣсколько иныя, чѣмъ существующія въ настоящее время. Для сентиментальной женщины наступитъ лучезарное будущее. Главное мѣсто въ этихъ отношеніяхъ займетъ симпатія и дружба, а меньшее—половой инстинктъ. Женщина будетъ болѣе возбуждать въ мужчинѣ склонность къ благу, а любовь найдетъ болѣе широкое и устойчивое основаніе. Рожденная въ высяхъ, потянется къ возвышенному, увлекая за собой всю нашу сентиментальную жизнь. Уже повсюду предтечи этой переменны объявляютъ о своемъ прибытіи. Какъ бы парадоксальна ни показалась на первый взглядъ идея воспитанія полового инстинкта, она совершается на нашихъ глазахъ, говоритъ Фино. Книги, изображенія или театральныя представленія, профанирующія любовь и подталкивающія на чувственный дебошъ, вызываютъ презрѣніе въ честныхъ людяхъ. Прежнее виѣшнее цѣломудріе пытаются сдѣлать внутреннимъ. Болѣе того: хотять его у мужчины. Физическія упражненія и благородное увлеченіе спортомъ задержать пробужденіе полового инстинкта, преждевременное примѣненіе котораго оскверняетъ душу и

уродуетъ тѣло. Зарождается новая половая мораль, которая одаритъ человечество большимъ достоинствомъ и болѣе вытекающая изъ моральной красоты. Въ жизнь и мораль вступитъ гигиена. Молодежи будутъ проповѣдывать инныя обязанности. Къ почитанію миноваго присоединится уваженіе къ будущему. Воспитаніе мужского цѣломудрія обѣщаетъ возрожденіе воли и красивое тѣло. «Мы твердо вѣримъ, — говоритъ Фино, — въ возможность ввести болѣе цѣломудрія, стойкости и моральной любви въ отношенія между женщиной и женщиной. И подъ ихъ вліяніемъ наша идея женской красоты и самой красоты, въ свою очередь, преобразуется. Такимъ образомъ воспитаютъ любовь и очистятъ половой инстинктъ. Ему позволять развиваться и вырасти, слѣдуя болѣе гармонической линіи, какъ помогаютъ инымъ растеніямъ, благодаря опорѣ, протянуть къ небу ихъ могучія вѣтви и болѣе прекрасныя цвѣты».

По мнѣнію психологовъ, существенная разница между любовью мужчины и женщины состоитъ въ томъ фактѣ, что любовь женщины направляется отъ души къ чувствамъ, тогда какъ у мужчины — наоборотъ. Будущая любовь болѣе приблизитъ оба пола, уравнивая эту разницу. Въ общемъ эта разница плодъ печальнаго пробѣла въ половомъ воспитаніи мужчины. Когда его любовь, въ свою очередь, будетъ имѣть свою точку исхода и опору въ душѣ — страсть сдѣлается болѣе божественной и легче достигнетъ совершеннаго счастья. Послѣдуетъ извѣстное измѣненіе фیزیологическихъ чертъ и будетъ сопровождать эту эволюцію. Красота получитъ иное выраженіе, а любовь отъ этого выиграетъ стойкость и гордость очищенныхъ и облагороженныхъ душъ. Красота женщины зависитъ отъ моральной красоты мужчины. Если послѣдняя не очень возвышена, женская красота, въ свою очередь, опускается на нѣсколько градусовъ. Фино вѣритъ въ прогрессъ своихъ идей относительно женскаго идеала. «Для этого достаточно, — говоритъ онъ, — сравнить апологистовъ прежней женщины съ современными. Въ древней поэзіи, когда говорятъ о женской красотѣ, видятъ въ ней лишь грубую приманку ея тѣла. Восточные поэты ее подробно разбираютъ, съ большою откровенностью, тогда какъ римскіе и греческіе ихъ выдѣляютъ съ большей граціей и мѣрой. Душа женщины, умъ, отличительныя черты ея характера у нихъ не играли или почти не играли никакой роли. Что же касается трубадуровъ, то два изъ нихъ, по свидѣтельству Гастона Пари, совсѣмъ не существовали, какъ и ихъ *cours d'amour*».

Желая подчинить женскую красоту неизмѣннымъ законамъ, можно легко прійти къ тому, чтобы сдѣлать изъ нея безсмысленное слово. По мнѣнію Ларина, у всѣхъ женщинъ слишкомъ короткія ноги. Ченнини развилъ тезисъ, что женщина совершенно противна закону пропорцій. Впослѣдствіи Шопенгауэръ это говорилъ, но тогда какъ Сенини находилъ, что человѣкъ довольно счастливъ, что воплотилъ въ себѣ законы красоты, нѣмецкій философъ сдѣлалъ изъ женщины уродъ съ эстетической точки зрѣнія. Однако это не помѣшало великому пессимисту влюбляться и ухаживать за женщинами до очень преклонныхъ лѣтъ. Чѣмъ больше изучаешь красоту, тѣмъ болѣе замѣчаешь, что чаще всего она не что иное, какъ выраженіе полнаго здоровья души и тѣла. Психологи утверждаютъ, что болѣе глубокую и продолжительную страсть внушаютъ только некрасивыя женщины. Могущество ихъ привлекательности находится особенно въ безконеч-

номь очарованіи ихъ улыбки и взгляды. И это потому, что въ нихъ сказывается содержаніе ихъ души. Болѣе близкое соприкосновеніе съ жизнью и человѣческой мыслью дѣлаетъ этотъ даръ женщины интенсивнѣе и тѣмъ болѣе устойчивѣе, что она будеть менѣе подчинена внѣшнимъ обстоятельствамъ, которые для нея часто печальны. Гербертъ Спецсеръ учитъ, что совершенство ума и лица въ существенномъ соотношеніи. Намъ правятся въ женщинѣ тѣ же совершенства внѣшнія, которые отражаютъ внутреннія. Когда намъ женщина не правится, то это потому, что мы установили на ея лицѣ соотношеніе внѣшняго и внутренняго несовершенства. Красота только атрибутъ жизни. Она зависитъ отъ нея, какъ земля зависитъ отъ солнечной системы. Когда половая жизнь приметъ другую форму, привлекательность женщины для мужчины будеть дѣйствовать при другихъ условіяхъ.

Этимъ оканчиваетъ добрый волшебникъ свою статью, обещающую женщинамъ лучезарное будущее.

— Маленькій скандалъ въ королевской семьѣ.— Женское движеніе своеобразнымъ эхо отозвалось въ королевскихъ дворцахъ; принцессы не только словесно, вслухъ, но печатно стали проявлять свой протестъ противъ стариннаго міровоззрѣнія и открыто выражать свои чувства и мысли, смѣло перешагивуя традиціонныя преграды. Обличительные мемуары Луизы Саксонской поставили многихъ изъ королевскихъ особъ въ неловкое положеніе и, вѣроятно, вызвали натянутыя отношенія между нѣкоторыми особами иностранныхъ дворовъ. Поэтому понятенъ испугъ испанскаго короля Альфонса XIII, когда ему донесли, что его тетка, инфанта Евлалія, выпускаетъ въ свѣтъ, подъ псевдонимомъ графиня Авиллы, свое произведеніе «Au fil de ma vie». Разносторонне образованная, знакомая одинаково и съ философіей и съ рабочимъ вопросомъ, много читавшая, инфанта въ послѣднее время жила въ Парижѣ. Особенно замѣтно она отдалилась отъ испанскаго двора послѣ женитьбы своего сына на принцессѣ Беатрисѣ Саксенъ-Кобургской. Этотъ бракъ даже поредилъ натянутыя отношенія между нею и Альфонсомъ XIII, вызванныя слишкомъ суровымъ наказаніемъ ея сына за его бракъ съ протестанткой со стороны короля, вѣрнаго католика. Слѣдовательно, на появленіе этой книги можно отчасти смотрѣть, какъ на своеобразную месть. Конечно, это извѣстіе подняло цѣлую бурю въ придворныхъ кругахъ и вообще въ клерикальномъ обществѣ. и королю доносили о самыхъ невѣроятныхъ подробностяхъ сочиненія инфанты. Результатомъ этихъ доносовъ явились своего рода дипломатическіе переговоры между теткой и вѣнценоснымъ племянникомъ, которые со временемъ послужатъ любопытнымъ документомъ будущему историку женскаго движенія.

Встревоженный король посылаетъ инфантѣ въ Парижъ слѣдующую телеграмму: «Удивленъ, узнавъ изъ газетъ, что ты печатаешь книгу подъ именемъ графини Авиллы; предполагаю, это вызоветъ большую сенсацию; приказываю тебѣ отсрочить, пока я не ознакомлюсь съ нею и ты не получишь разрѣшенія напечатать ее». На эту телеграмму инфанта Евлалія отвѣчаетъ: «Очень удивлена, что выносятъ приговоръ о книгѣ прежде, чѣмъ съ нею познакомились. Это случается только въ Испаніи. Никогда не любя придворной жизни, всегда держась въ сторонѣ, пользуюсь случаемъ, чтобы послать тебѣ мое про-

щай, ибо послѣ подобнаго поступка, достойнаго инквизиціи, я считаю себя свободной дѣйствовать въ моей частной жизни, какъ мнѣ нравится».

Ссора тетки съ коронованнымъ племянникомъ быстро разнеслась по всеѣмъ уголкамъ свѣта. Инфанту засыпали разспросами репортеры и сотрудники различныхъ иностранныхъ журналовъ. Какъ женщина разгорячившаяся, инфанта Евлалія посвящала ихъ въ подробности своей ссоры съ королемъ. Сотруднику «Daily Mail», она выразила свое негодованіе на короля. «Сегодня ночью я была разбужена телеграммой испанскаго короля, запрещающаго мнѣ напечатать книгу, которую онъ никогда не видѣлъ. Еще вчера онъ прислалъ ко мнѣ испанскаго посланника въ Парижъ съ порученіемъ убѣдить меня не печатать ее. Я отказалась это исполнить. Все это достойно инквизиціи, и я не подчинюсь. И подумайте, это король, мой племянникъ, обращается ко мнѣ, его теткѣ, такимъ тономъ. Но я не хочу, чтобы меня душили, я не допущу уничтожить мою личность. Я уважаю единственную вещь—мою личность и мой трудъ, потому что онъ исходитъ отъ моего ума. Я не придаю никакого значенія моему рожденію, потому что я тутъ ни при чемъ. Я порвала все мои связи съ испанскимъ дворомъ и удаляюсь въ частную жизнь. Я никогда не любила придворной жизни и не была въ Мадридѣ съ тѣхъ поръ, какъ король лишилъ моего сына всеѣхъ титуловъ за то, что онъ женился на принцессѣ Беатрисѣ Саксенъ-Кобургской, протестанткѣ».

Разчитала ли инфанта ранѣе или нѣтъ, что она получаетъ отъ испанскаго двора ежегоднаго содержанія 140,000 франковъ—объ этомъ не говорится, но слухъ, что совѣтъ министровъ собралъ совѣщаніе,—ее сильно встревожилъ. Она обратилась къ его президенту Каналехасу съ запросомъ о результатѣ этого засѣданія. Онъ ей отвѣтилъ, что совѣтъ министровъ не вынесъ никакой резолюціи, а только ограничился выраженіемъ сожалѣнія объ ея поведеніи относительно главы королевской семьи.

Черезъ недѣлю инфанта подъ давленіемъ какихъ-то обстоятельствъ отчасти измѣняетъ расположеніе духа. Отзвѣы объ Испаніи и королѣ она даетъ уже иные, какъ ядовито отмѣтили клерикальныя газеты. Прежде она увѣряла репортеровъ, что ей не доставляетъ никакого удовольствія жить въ Испаніи, что она предпочитаетъ Францію и Англію, теперь она пишетъ письмо въ «Imperial», что прежде всего она испанка, и то же повторяетъ въ письмѣ къ королю. «Дорогой Альфонсъ, пишу тебѣ не для того, чтобы защищаться, а чтобы просить прощенія. Я слишкомъ страдаю сердцемъ, чтобы оставаться въ молчаніи и долго тебѣ писать. Во мнѣ страдаетъ сердце тетки, которая такъ тебя любитъ, и сердце испанки, любящей свою родину. Безполезно тебѣ говорить, что каково ни было бы искупленіе, я буду считать его заслуженнымъ, и если я выражаю печатно мою покорность тебѣ, то потому, что хочу, чтобы вся Испанія знала мои чувства къ королю и родинѣ. Не смѣю тебя обнять, ибо, если ты меня оттолкнешь, я почувствую заслуженное горе. Но я жду, что придетъ день, когда я словесно попрошу у тебя прощенія и скажу тебѣ, что я навсегда твоя любящая тетка». Тѣмъ не менѣе, несмотря на почти нѣжный тонъ письма, инфанта все-таки издаетъ свою книгу. Пословица: «у страха глаза велики», какъ нельзя болѣе подходитъ въ этомъ случаѣ къ испанскому королю; въ такомъ вопросѣ, щекотливомъ для

соціального положенія авторши, какъ рабочій, инфанта является двуликимъ Янусомъ и, въ изобиліи цитируя различныхъ передовыхъ писателей, она въ то же время вездѣ подчеркиваетъ несовершенство республиканскаго режима по отношеніи самихъ же рабочихъ.

Касаясь семейнаго строя, авторша требуетъ полной независимости для женщинъ. Почему мужчинѣ даровано право жить, какъ ему удобно? Почему же женщина должна подчиняться запретительному нравственному кодексу?—задаетъ вопросъ инфанта. Мужчины отвѣтятъ, что въ законномъ союзѣ надо прежде всего избѣгать адюльтера и препятствовать, чтобы женщина не дала проикнуть въ семью незаконному ребенку. Такого рода возраженіе соответствуетъ только особому пункту, имѣющему въ виду въ сущности замужнихъ женщинъ. Что же касается «свободныхъ» женщинъ, по какой причинѣ выносить имъ приговоръ не пользоваться во всемъ и совершенно полной свободой, какъ дѣлаютъ мужчины? Жизнь женщинъ такъ же, какъ и мужчинъ,—сказалъ Мирамонъ,—гармоническая эволюція, развивающая всѣ ея фазисы, и такимъ образомъ исчерпывается рядъ послѣдовательныхъ формъ и видовъ существованія. Дѣвушка, мать и бабушка, мечтающая, мужественная, размышляющая,—женщина, какъ и мужчина, много разъ преобразуется въ продолженіе своего существованія и всегда прогрессируетъ. «Черезъ самый фактъ эволюціи обществъ, благодаря вкладу общихъ силъ въ жизненную борьбу, также по причинѣ рациональнаго воспитанія, давно доказано, что женщина не низшее существо, годное лишь къ размноженію человеческого рода—говоритъ авторша.—По счастью, мы уже далеки отъ теоріи какого-нибудь Шопенгауэра, объявляющаго, что женщина поражена умственной близорукостью, что она и т. д.... Если характеристичныя черты женщины лишь быть матерью, какъ предназначила ей природа, тѣмъ не менѣе вѣрно еще, что пусть ея эпидермисъ тоньше и живо ея воображеніе, ея умъ быстро схватываетъ детали и въ сущности она обладаетъ мозгами, такъ же хорошо снабженными, какъ и мужчина. Ея кажущаяся неспособность происходитъ оттого, что женщина лишена правъ закона и обижена моралистами, откуда ея природная боязливость и недоувѣрчивость. Это истина, что мужчина находитъ неприятнымъ въ женщинѣ смѣлость и независимость, чтобы сохранить превосходство, которое онъ приписываетъ себѣ. Онъ не хочетъ допустить, что встрѣча двухъ существъ, одушевленныхъ тѣми же самыми необходимостями, тѣми же желаніями, будетъ роковая. Мужчины хотѣли бы, чтобы женщины оставались принужденными исполнять вѣковыя нужды хозяйства, тогда какъ мыслящія женщины, которыя перестали быть покорными, хотѣли бы, чтобы ихъ поль пользовался всѣми мужскими правами». Приведа еще много цитатъ писателей, инфанта говоритъ: «Сдѣлано открытіе, что въ отдаленныя времена среди многихъ первобытныхъ расъ самцовъ выбирали самки, согласно ихъ удали, ихъ физической силѣ и природной красотѣ. У большинства расъ этотъ подборъ привелъ къ прогрессивной эволюціи самца, результатомъ чего былъ идеальный типъ самки (это было, очевидно, смутнымъ, безсознательнымъ образомъ). Но когда женщина сдѣлалась собственностью мужчины, рабыней, предназначенной работать на самца, развитіе расы сразу остановилось со дня прекращенія дѣйствія здороваго подбора, недавно производимаго женщиной, свободной въ своемъ выборѣ. Въ

повомъ обществѣ, гдѣ, удовлетворяя моральному воспитанію, женщина найдетъ свою полную свободу, средство одержать побѣду, и могущество женскаго идеала можетъ подготовить вступленіе новой расы, сильной и здоровой».

Инфанта Евлалія, несмотря, что родилась въ средѣ, гдѣ все держится на приличіяхъ, обычаяхъ, условностяхъ и гдѣ главная заповѣдь—«что скажетъ свѣтъ», выражаетъ ко всѣмъ этимъ свѣтскимъ атрибутамъ—полное презрѣніе.

Мало того, что инфанта требуетъ полной независимости въ половой жизни женщины, но она вообще проповѣдуетъ свободу женщины во всемъ. Она цитируетъ слова Эмерсона: «Я должна дѣлать то, что касается моей личности, а не то, что люди думаютъ, что я должна дѣлать. Боязнь показаться смѣшной страшное и могущественное орудіе въ глазахъ многихъ людей, ловко управляемое тѣмъ, кто рабъ обычая и моды. Оно часто мѣшаетъ намъ повиноваться нашимъ собственнымъ чувствамъ и часто побуждаетъ насъ дѣйствовать противъ нашихъ интересовъ. Многія личности съ недостаточно независимымъ социальнымъ положеніемъ, или моральныя силы которыхъ мало развиты,—отравляютъ свое существованіе заботою: «что скажутъ?» Если бы такія личности умѣли постичь, что простое и искреннее не можетъ быть смѣшнымъ, и если бы тщеславіе ихъ самолюбія позволило имъ понять, что критика неизбежна и что у существъ хорошо уравновѣшенныхъ она увеличиваетъ довѣріе къ себѣ и во многихъ случаяхъ благоприятствуетъ достиженію намѣченной нами цѣли, тогда бы они не только ничуть не боялись передачи другихъ, но перестали бы желать уничтоженія личности соеда подъ предлогомъ социальныхъ приличій».

Инфанта цитируетъ многочисленныя идеи различныхъ писателей, касающіяся этого вопроса, и прибавляетъ, что «поистинѣ, боязнь показаться смѣшнымъ одно изъ самыхъ худшихъ недостатковъ воспитанія, потому что она уничтожаетъ характеры, влечетъ всѣ инициативы къ безумнымъ рѣшеніямъ и часто вызываетъ непоправимыя ошибки. Сколько было бы счастливыхъ браковъ, которые не состоялись по причинѣ неравнаго богатства, разницы лѣтъ и неравенства происхожденія. Даже въ поискахъ счастья, что является закономъ природы,—боязнь казаться смѣшнымъ вноситъ, такимъ образомъ, свой элементъ разрушенія. По ея мнѣнію, каждый долженъ быть самимъ собою, не завися отъ обычая и отъ всѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сохраняя равновѣсіе между нашими личными способностями и нашимъ сознаніемъ, выработаннымъ опытомъ и разумомъ».

Не менѣе критически она относится къ традиціи, «звену настоящаго съ прошедшимъ», этой передачѣ чрезъ вѣка легендарныхъ воспоминаній, основанныхъ на реальныхъ фактахъ, преувеличенныхъ и искаженныхъ народной душой въ поискахъ идеала. Традиціи инфанта считаетъ признакомъ пассивности человѣческаго ума, господствующая слабость котораго—суетвѣріе «Во всѣмъ возрастѣ вселенной,—говоритъ она,—съ эпохи, когда устные рассказы передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, традиціи внушались, какъ истина; слѣдовательно, то, что было истиной въ самый моментъ совершенія факта, не можетъ болѣе быть въ концѣ нѣкотораго времени по причинѣ искаженія первоначальнаго смысла и невѣрной передачи». При этомъ инфанта цитируетъ Локка и прибавляетъ: «Вотъ почему традиціи, изъ какихъ бы источниковъ онѣ ни происходили,

составляют ложныя, невѣрныя представленія и тѣмъ болѣе опасныя, что многимъ людямъ онѣ кажутся непреложной истиной. Традиція—врагъ прогресса, когда онѣ заставляютъ господствовать невяную ошибку привычки надъ наукой и альтруистическими обязанностями. Вотъ почему традиционисты, которые еще борются за поддержку обскурантизма среди простодушныхъ и обездоленныхъ и поддерживаютъ ее авторитетными символами среди сектантовъ,—исполняютъ столь же трудную, какъ и печальную задачу. Вскорѣ она окажется безплодной, ибо настоящая поддержка традицій—толпа, а толпа не хочетъ болѣе традицій, цѣль которыхъ противна ихъ разумнѣю и ихъ интересамъ».

Насколько инфанта Евлалія знакома съ рабочимъ вопросомъ, видно изъ выраженныхъ ею мыслей, но здѣсь же проглядываетъ ея щекотливое положеніе. «Роль, какую играетъ рабочий въ современномъ обществѣ,—говоритъ она.—самая важная. Это производитель національнаго богатства, артерія, заставляющая биться сердце страны. «Богатство, могущество, слава родины,—сказалъ Жанъ Лаоръ,—большую частью работа самыхъ смиренныхъ среди дѣтей поденщика, рабочаго, незамѣтнаго солдата—неизвѣстныхъ героевъ, о которыхъ никто не говоритъ, никогда не будетъ говорить, остающихся молчаливыми въ жизни, какъ они остаются въ смерти».

Слѣдовательно, если рабочий главный факторъ національнаго могущества, то справедливо, чтобы онъ былъ предметомъ заботъ мыслителей. Изъ этого возникаетъ истина: воспитаніе, получаемое рабочимъ, не соответствуетъ мѣсту, занимаемому имъ въ государствѣ. Я представляю для дѣтей рабочихъ школы, спеціальныя для этого класса, гдѣ преподавали бы ребенку, какъ бы религію, его будущее ремесло, гдѣ хозяинъ являлся бы богомъ покровителемъ. Надо съ самыхъ малыхъ лѣтъ дать понятіе ребенку, чтобы онъ не считалъ себя пассивнымъ орудіемъ, но смотрѣлъ бы на себя, какъ на самый дѣятельный элементъ общества. Надо ему вбить въ голову, чтобы онъ гордился своими условіями, а не ожесточать его характеръ, не внушать ему ненависть къ высшимъ классамъ, которые съ другого угла зрѣнія являются одинаково жизненнымъ элементомъ. Рабочій классъ,—чего не поняли ни социалисты, ни эволюціонисты,—долженъ составить отдѣльное большинство въ націи. Это не для того, чтобы исключить ее изъ общихъ правъ, но, напротивъ, для ея выгоды, какъ будучи болѣе дѣятельной изъ нихъ и менѣе счастливой. Во всѣхъ странахъ, сознающихъ, что составляетъ ихъ силу, рабочий долженъ быть постояннымъ предметомъ административнаго попеченія и постоянно получать награды, согласно заслугамъ, и помощь, соотвѣтственно его надобностямъ».

Затѣмъ инфанта говоритъ о необходимой гигиенѣ рабочихъ, о комфортабельно устроенныхъ жилищахъ рабочихъ, баняхъ, паркахъ, клубѣ, гдѣ бы рабочий могъ подняться до высшей умственной жизни, какъ въ Америкѣ. Ее поражаетъ, что въ самыхъ демократическихъ странахъ самыя важныя реформы въ пренебреженіи и для самаго слабого и въ то же время сильнаго класса по численности и дѣятельности не дѣлаютъ никакихъ улучшеній, что принято прежде всего въ аристократической Англійи. «Пусть сравняютъ, напримѣръ, госпитали французскіе съ англійскими, нѣмецкими и даже русскими, тогда дадутъ себѣ отчетъ о чувствительной разницѣ, которая въ пользу другихъ странъ. Первая

идея о рабочих домах, намь скажутъ, пришла—во Франціи. Я съ этимъ согласна, но она начала существовать здѣсь, когда Англія и Бельгія подали примѣръ. Гдѣ во французскихъ центрахъ есть *garden cities*, какія находятся въ Англіи и Германіи? Нѣтъ ничего, включительно до пищи, чему бы французскій рабочій не позабавовалъ **своему сосѣду** съ точки зрѣнія цѣны и качества. Наконецъ уже давно въ Германіи и Бельгіи существуютъ *pensées*. Потребовалось бы, слишкомъ много мѣста, чтобы привести дальнѣйшія идеи инфанта Евлаліи. Такъ же свободно и открыто она разрѣшаетъ вопросъ о разводѣ и во всемъ проявляетъ основательное знакомство со всеми животрепещущими социальными вопросами и полную обдуманность.

— О т о в с ю д у.—«*Hebdo Débats*» передаетъ, что въ богемскомъ замкѣ Дуксъ, здѣ Казанова укрылся въ качествѣ бібліотекаря, нашлась цѣлая связка писемъ къ этому блестящему сердцеѣду. Въ своихъ мемуарахъ онъ рисуетъ собственный портретъ съ такой выгодной стороны, авантюры столь удивительными, успѣхи у женщинъ такими поразительными, что невольно вкрадывается чувство сомнѣнія. И вотъ теперь это сомнѣніе разсѣялось. Найденныя письма къ Казановѣ—отъ женщинъ изъ Италіи, Париза, Вѣны и они подписаны двадцатью восьмью различными именами. Но хотя эта цифра еще далека до тысячи трехъ писемъ, но все-таки найденный образецъ этого допъ-жуанскаго архива представляетъ нѣкоторый интересъ. Эти подписи принадлежать женщинамъ самаго различнаго социального положенія: свѣтскимъ дамамъ, мѣщанкамъ, актрисамъ, синимъ чулкамъ и авантюристкамъ. Все это влюбленныя въ Казанову, отличавшіяся между собой лишь отбѣнками страсти, отъ самой нѣжной до пылко-страстной. Историки уже замѣтили, что когда можно провѣрить событія, разсказанныя Казановой, то всегда найдешь ихъ согласными съ его разсказами. И на этотъ разъ оказалось, что Казанова не лгала, говоря о своихъ безчисленныхъ побѣдахъ надъ женщинами. Онъ ясно не объяснилъ, какъ онъ очутился въ замкѣ герцога. Но теперь это выяснилось изъ письма, подписаннаго Маріей-Терезіей Дольфинъ Цорци, женой государственнаго инквизитора. Она была влюблена въ Казанову, и онъ ее любилъ,—вотъ мотивъ его заточенія въ замкѣ. Другое письмо сдѣлало читателю сюрпризъ, объявивъ Казанову платонически влюбленнымъ. Когда въ 1757 году онъ пріѣхалъ въ Паризъ, то нашелъ въ итальянской комедіи свою старинную знакомую красавицу г-жу Валлеги. У нея была дочь еще прекраснѣе, и въ эту красавицу Казанова влюбился. Но Манопъ,—такъ звали красавицу,—хотя писала ему письма, самыя нѣжныя, однако не хотѣла быть ему ничѣмъ инымъ, «какъ милымъ товарищемъ». Она вышла замужъ за архитектора Франсуа Блонделя и съ этого момента перестала ему писать. Но это было исключеніе: вообще его корреспондентки были ему вѣрны, и почти до послѣднихъ дней старый бібліотекаръ въ замкѣ Дуксъ получалъ письма отъ венеціанскихъ дамъ.

— «*Amateur d'autographes*» напечаталъ одно письмо Берліоза, изъ котораго мы узнаемъ, что композиторъ не всегда былъ счастливъ на вдохновеніе и ему случалось долго ожидать, когда его посѣтитъ муза. Однажды одинъ поэтъ прислалъ ему свои стихи, съ просьбою переложить ихъ на музыку. «Сударь,—отвѣчалъ ему авторъ «Ромео»,—только сегодня мнѣ удалось добиться прилагаемыхъ

двух мѣствъ. Я очень счастливъ, что могу вамъ ихъ предложить съ благодарностью за два прекрасныхъ стиха, которые вы мнѣ прислали. Моя муза совсѣмъ петребовательна, и вы напрасно ее обвиняете; впрочемъ, ваша такъ богата, что вамъ нечего бояться притязаній сестры. Только моя очень капризна и, чтобы дать вамъ примѣръ, — «Пятое мая», что вы услышите сегодня вечеромъ, было предметомъ моей постоянной заботы во все время пребыванія въ Римѣ. Но напрасно я проискалъ два мѣсяца музыку для припѣва «Вѣдный солдатъ», я кончилъ тѣмъ, что отказался отъ него. Однажды, прогуливаясь по берегу Тибра, я споткнулся и упалъ въ рѣку, очутившись по колѣно въ водѣ. Подымаясь, я пропѣлъ мою фразу, которую такъ долго искалъ, — и все было готово. Вотъ почему, — прибавилъ онъ, — я никогда не смѣю обѣщать поэтамъ переложить ихъ стихи на музыку, каково бы ни было мое желаніе».

— Въ «Literarische Echo» помѣщенъ былъ очеркъ двадцатипятилѣтняго юбилея «международнаго литературнаго союза», который былъ заключенъ и подписанъ въ Бернѣ представителями десяти государствъ 9 сентября 1886 года. Первая мысль основать его пришла нѣкоторымъ предтечамъ его. Сначала думали осуществить его двумя способами: соединивъ различныя законодательныя собранія и согласовавъ международныя литературныя трактаты. Но только въ маѣ 1882 года въ Римѣ на IV конгрессѣ международной и артистической ассоціаціи эта мысль была вполне выражена пѣмцемъ докторомъ Паулемъ Шмидтомъ. Къ тремъ правительствамъ — французскому, итальянскому и швейцарскому — обратились съ просьбою взять на себя инициативу союза. Швейцарское правительство дѣятельно принялось за работу, и въ 1884 году въ Бернѣ собралась дипломатическая конференція. Былъ приготовленъ проектъ, который основательно изучили въ 1885 году и подписали черезъ годъ.

Ротлисбергеръ такъ характеризуетъ членовъ дипломатической конференціи. Президентъ Нумъ Дрозъ, умершій въ 1899 году, возведенный изъ учениковъ-граверовъ, руководилъ засѣданіемъ съ большимъ опытомъ и знаніемъ людей и вопроса. Его помощникомъ былъ единственный вице-президентъ трехъ конференцій, французскій посланникъ въ Бернѣ, Эмануилъ Араго — въ полномъ смыслѣ дипломатъ. Въ этомъ парламентѣ составила лѣвая, руководимая Франціей, центръ, представителемъ котораго была Германія, и правая, составленная Англійей. Въ лѣвой выдавался блестящій, краснорѣчивый романистъ Ульбахъ, который каждый разъ, какъ слишкомъ радикальныя требованія не находили сочувствія, произносилъ: «не надо насиловать время». Затѣмъ слѣдовалъ изящно и рѣшительно сражавшійся генеральный консулъ Ренэ Лаволэ, руководившій отсутствіемъ. Рядомъ съ ними появившаяся уже въ 1885 году симпатичная фигура искренняго и воспитаннаго юрисконсульта Луи Рено, оказавшаго большія услуги для развитія правъ союза, въ качествѣ докладчика парижской и берлинской конференціи въ 1896—1908 годахъ.

Нѣмецкій делегатъ, сначала выступившій впередъ съ цѣлью кодифицировать распредѣленіе литературной собственности, затѣмъ, трудился надъ разработкой франко-нѣмецкаго литературнаго трактата, уже проектированнаго въ 1883 г. За нимъ слѣдовалъ г. Рейхардъ, совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, неутомимый работникъ, прекрасно говорившій по-французски, который, въ

интересахъ прогресса, не боялся переступить нѣмецкаго законоположенія, именно относительно признанія правъ перевода, и обѣщать авторамъ союза болѣе значительныя права, чѣмъ владѣли нѣмцы. Такъ началъ свое скромное существованіе международный литературный союзъ.

— Въ нью-іоркскомъ «James Harper» рисуютъ печальное вліяніе издателей на современную американскую литературу. Изъ опасенія не понравиться читателямъ, они дошли до того, что стали заказывать романы и сказки одинаковаго пошиба. Когда успѣхъ и спросъ на сочиненія Ж. Лондона и другихъ писателей-реалистовъ изсякъ, издатели измѣнили свои взгляды и принялись издавать болѣе нѣжныя произведенія, болѣе подходящія къ общей публикѣ. Лишь только какой-нибудь писатель выкажетъ небольшой талантъ—его подпись навсегда исчезаетъ. Такимъ образомъ, литературные вымыслы мало отличаются одинъ отъ другого. Американскіе издатели и редакторы журналовъ—люди съ узкимъ умомъ и ретрограды. Имъ не хватаетъ литературной чуткости, ихъ умозрѣніе таково, что страстная или трогательная книга считается опасной и они ее тотчасъ же прикрываютъ. Они опасаются оскорбить читателя, но неспособны сказать, что ему нравится, и ненавидятъ оригинальность.

Harper, посѣтившій Парижъ, по возвращеніи въ Америку сдѣлалъ такое сравненіе между французскимъ и американскимъ писателемъ. Въ Америкѣ литератора презираютъ агенты и пустыя женщины, потому что на литературу смотрять, какъ на денежный расчетъ. Знаменитыхъ авторовъ обезьянничаютъ: одѣваются, ѣдятъ и живутъ по ихъ образцу. Во Франціи молодой писатель говоритъ себѣ: «Я буду работать прежде всего для моего искусства; не все ли равно моя жизнь и обстановка. Для меня важная вещь, что я дѣлаю». Онъ можетъ жить на чердакѣ, никто на это не обратитъ вниманія, и его уважаютъ потому, что онъ артистъ.

С М Ъ С Ъ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ засѣданіе академіи наукъ. Въ большемъ конференцъ залѣ императорской академіи наукъ 29 декабря, въ 2 часа дня, состоялось обычное годовое торжественное собраніе. За отсутствіемъ августѣйшаго президента председательствовалъ вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ. Непременный секретарь академіи академикъ С. Ѳ. Ольденбургъ прочиталъ годовой отчетъ о дѣятельности физико-математическаго и историко-филологическаго отдѣленій, почтивъ память скончавшихся академикомъ В. О. Ключевского и Н. П. Бекетова, почетнаго члена академіи Д. А. Хвольсона и членовъ-корреспондентовъ Вантгоффа, Д. Гукера и Р. Дареста. Отдавая отчетъ о юбилейныхъ Ломоносовскихъ торжествахъ, ораторъ сообщилъ между прочимъ и о судьбѣ проектированнаго

Ломоносовскаго института. Осуществленіе этого учрежденія откладывается со дня на день, благодаря тому, что городское самоуправленіе медлитъ съ отводомъ соответствующаго участка земли. Весьма важныя работы по изслѣдованію русскихъ мѣсторожденій радиоактивныхъ минераловъ начались экспедиціями на Кавказъ, Уралъ, въ Фергану и Сибирь. Открыта центральная сейсмическая станція въ Пулковѣ, и при физическомъ кабинетѣ организованы лекціи для подготовленія лицъ вычислительнаго бюро при сейсмической комиссіи. Русскіе сейсмографы академика князя В. В. Голицына получили право гражданства и за границей и установлены на многихъ иностранныхъ обсерваторіяхъ и сейсмическихъ станціяхъ. Зоологическимъ музеемъ предпринято изданіе давно уже ожидаемыхъ ученымъ міромъ трехъ первыхъ томовъ «Фауны Россіи и сопредѣльныхъ странъ». Кавказъ обращаетъ на себя усиленное вниманіе иностранцевъ; въ виду нежелательности, чтобы иностранцами было исполнено то, что составляетъ прямую обязанность рус-

скихъ ученыхъ, проектированъ, но еще не осуществленъ центръ для изученія кавказскихъ древностей — археологическій институтъ. Четыре музея академіи значительно увеличили свои собранія и издавали каждый свой спеціальнй органъ. Готовится выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Капиталь по разнымъ преміямъ составляетъ 1.800,000 рублей. Штормовыя предостереженія, посылаемыя въ порты Европейской Россіи, дали въ среднемъ 77 процентовъ удачныхъ предсказаній. Ученый корреспондентъ академіи въ Римѣ приступилъ къ печатанію «Памятниковъ культурныхъ и дипломатическихъ сношеній Россіи съ Италіей». Преміи имени М. Н. Ахматова были присуждены: большая въ 1,000 рублей за сочиненіе: М. С. Цвѣтъ, «Хромофилы въ растительномъ и животномъ царствѣ». Варшава. 1910. Малыя преміи, въ 500 рублей каждая: Н. В. Цингеръ, «О засоряющихъ посѣвы льна видахъ *Comelina* и *Spergula*». Спб. 1909. П. П. Сушкинъ, «Птицы Средней Киргизской степи». Москва. 1908 г. и И. П. Пачоскій, «Основные черты развитія флоры Юго-Западной Россіи. Херсонъ. 1910. По историко-филологическому отдѣленію ахматовскія преміи присуждены: 1) большая премія въ 1,000 рублей — сочиненію А. А. Кауфмана, «Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста». Москва. 1908. 2) Малыя преміи, по 500 рублей каждая, сочиненіямъ: а) В. С. Серебренникова, «Лейбницъ и его ученіе о душѣ человѣка». Спб. 1908; б) В. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, «Городъ и деревня въ Европейской Россіи. Очеркъ по экономической географіи, съ 16 картами и картограммами». Спб. 1910. («Записки Императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію статистики». Т. X, выпускъ второй и послѣдній); в) Г. Шмидта, «Польская революція 1848 г. въ великомъ герцогствѣ Познани» (рукопись). 3) За немѣнлемъ въ своемъ распоряженіи большаго количества денежныхъ премій, почетные отзывы сочиненіямъ: а) А. К. Ваіова, «Курсъ исторіи русскаго военнаго искусства». вып. I—VI. Спб. 1909—1910; и б) Г. С. Фельдштейна, «Главныя теченія въ исторіи науки уголовного права въ Россіи». Ярославль. 1909. Награда академика Ѳ. Ѳ. Брандта въ 500 рублей присуждена В. С. Елпатьевскому за два слѣдующія сочиненія: 1) «*Urgeschlechtszellenbildung bei Sagitta*» («*Anatomischer Anzeiger*», Bd. 35. 1909) и 2) «*Die Entwicklungsgeschichte der Genitalprodukte bei Sagitta*». Не присужденными остались преміи: академика В. Я. Буныковского, почетнаго академика А. Ѳ. Кони, С. Н. Батюшкова, графа Д. А. Толстого, К. Д. Ушинскаго и пособія имени А. М. Кожевникова. Объявлены темы на соисканіе наградъ имени К. Т. Солдатенкова. Академикъ Н. А. Котляревскій прочелъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности, также начавъ съ перечня утратъ въ лицѣ: академикомъ А. Н. Веселовскаго и И. Н. Жданова, почетнаго академика Н. Н. Златовратскаго, Маріана Соколовскаго, педагога П. И. Житецкаго и В. О. Ключевскаго. Слѣлавъ обзоръ ученыхъ трудовъ академикомъ по этому отдѣленію, ораторъ перешелъ къ перечню присужденныхъ премій. I. Ломоносовская премія. Малыя преміи въ 500 рублей были присуждены: В. В. Сиповскому за сочиненіе «Очерки изъ исторіи русскаго романа», томъ I, выпускъ второй, съ картограммой и указателемъ. Г. А. Ильинскому за сочиненіе «Грамоты болгарскихъ царей». II. Преміи имени А. С. Пушкина. Почетный отзывъ былъ присужденъ А. М.

Федорову за его «Разказы» (1908 и 1909 гг.), «Сонеты» (1907) и «Стихотворенія» (1909). III. Премія имени М. Н. Ахматова. Полная премія въ 1,000 рублей была присуждена С. Свириденко за сочиненіе «Эдда». Первый полный русскій переводъ пѣсенъ Эдды (съ древне-скандинавскаго языка). Малыя преміи по 500 рублей были присуждены: А. Г. Преображенскому за сочиненіе «Этимологическій словарь русскаго языка». Вып. первый (а—бучать) Москва. 1910. Вып. второй (бучать—годъ). Москва. 1910. Вып. третій (годъ—Ермакъ). Москва. 1910. Вып. четвертый (Ермолай—карамель). Москва. 1911. В. И. Рѣзанову за сочиненія: а) «Къ исторіи русской драмы. Экскурсъ въ область театра іезуитовъ» (Нѣжинъ. 1910), б) «Изъ исторіи русской драмы». Школьные дѣйства XVII—XVIII вв. и театр іезуитовъ» (Москва. 1910), в) «Памятники русской драматической литературы. Школьные дѣйства XVII—XVIII вв.» Приложение къ изслѣдованію «Изъ исторіи русской драмы». (Нѣжинъ. 1907). П. К. Симоны за сочиненія: а) «Мѣстиславово Евангеліе начала XII вѣка въ археологическомъ и палеографическомъ отношеніяхъ» и б) «Собраніе изображеній окладовъ на русскихъ богослужебныхъ книгахъ». Выработанъ уставъ «союза славянскихъ академій». Переданы въ вѣдѣніе академіи литературно-театральный музей имени А. Бахрушина и надзоръ и контроль надъ всѣмъ имуществомъ Пушкинскаго дома. Открывшіяся за смертью почетныхъ академикомъ Л. Н. Толстого и В. О. Ключевскаго вакансіи замѣщены не были. Послѣ пятиминутнаго перерыва академикъ Н. Я. Марръ произнесъ рѣчь на тему: «Кавказъ и памятники духовной культуры». Рѣчь была иллюстрирована большимъ количествомъ діапозитивовъ различныхъ раскопокъ и изысканій. Въ заключеніе были оглашены имена лицъ, вновь избранныхъ академіей. Въ дѣйствительные члены избраны: П. И. Вальдинъ—въ ординарные академики и В. А. Стекловъ—въ адъюнкты; шталмейстеръ С. Н. Мальцевъ—въ почетные члены. Въ члены-корреспонденты выбаллотировались ученые иностранцы: Павелъ Аппель, Луиджи Біанки и Отто Іекель. По отдѣленію русскаго языка и словесности: К. Я. Гротъ, В. Н. Златарскій и Я. М. Розвадовскій (Краковъ); и по историко-филологическому отдѣленію: Е. Ф. Шмурло и Г. Моно (Парижъ). Вечеромъ въ ресторанѣ Донона состоялся обычный товарищескій обѣдъ академикомъ.

Драгоценная археологическая находка. Степи Воронежской губерніи, по которымъ течетъ Донъ, рѣка скифовъ и амазонокъ, покрыты множествомъ кургановъ. Правильныхъ раскопокъ было очень мало, и находки не отличались богатствомъ. Рѣдко попадались металлическіе предметы, большинство же составляли глиняные горшки, свидѣтельствовавшіе о глубокой древности могилъ. Въ Острогжскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу Дона (между Дономъ и Битюгомъ) нѣсколько кургановъ изслѣдовано въ 1901 году В. Н. Тевяшовымъ, сдавшимъ свои находки въ воронежскій музей. Главнымъ образомъ это глиняные горшки—простые и съ орнаментомъ. Чрезвычайно любопытенъ на одномъ горшкѣ орнаментъ со свастиками, намекающими на восточное происхожденіе. Изъ другихъ предметовъ обращаетъ вниманіе кремневый скребокъ, пара бронзовыхъ колечекъ, два желѣзныхъ наконечника копья и желѣзный кинжалъ, являющійся по своей формѣ копіей кинжаловъ бронзовой эпохи. Всѣ эти вещи,

и особенно князья, указываютъ на большую древность погребенія, которое относится до Р. Х. Въ минувшемъ году тѣмъ же изслѣдователемъ въ Острогожскомъ уѣздѣ раскопана еще цѣлая группа кургановъ, причѣмъ найдены горшки, колечки и другія вещи. Степи Воронежской губерніи служили ареной, на которой сталкивались въ древности многочисленныя и разнородныя племена: скиѣ, гунны, авары, хазары, половцы, татары и др. Было время, когда нашъ тихій Донъ считался границей Европы и Азіи, когда-то онъ раздѣлялъ владѣнія скиѣвъ отъ пастбищъ полумифическихъ амазонокъ, а въ историческія времена степи Ногайскаго ханства отъ ханства Крымскаго. Теперь, когда оба берега Дона русскіе, необходимо тщательно изслѣдовать ихъ въ археологическомъ отношеніи. Недавно изъ Воронежа пришли извѣстія о находкѣ около этого города въ курганѣ такихъ драгоценныхъ предметовъ, что счастливые изслѣдователи сочли необходимымъ просить разрѣшенія поднести лучшую вещь Государю Императору. Вотъ описаніе этой вещи въ воронежской газетѣ: «Серебряная, со слѣдами позолоты, ваза; по бокамъ ея (въ трехъ группахъ) имѣются изображенія изъ жизни скиѣвъ очень тонкой работы: весьма отчетливо видны внѣшній видъ скиѣвъ, ихъ вооруженіе, одежда и т. п.». Эта ваза принята Государемъ Императоромъ въ Ливадіи отъ депутаціи воронежской архивной комиссіи. О цѣнности вазы можно судить по тому, что, по словамъ очевидцевъ, она ни по сохранности, ни по изяществу работы нисколько не уступаетъ знаменитымъ кульбоской и чертомлыцкой, хранящимся въ императорскомъ Эрмитажѣ. Другіе предметы, найденные въ урочищѣ Частые Курганы, таковы: золотая рукоятка меча въ 12 сант., съ изображеніями собакъ, звѣрей и грифоновъ; золотая пластинка въ видѣ дракона, бронзовыя украшенія сбруи, болѣе 200 бляшекъ съ одежды, желѣзный браслетъ, обложенный золотомъ, золотое колечко, золотая головка грифона, желѣзные наконечники стрѣлъ, глиняный горшокъ. Все это очень цѣнно. Очевидно, глиняные горшки ставились въ могилахъ какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ скиѣвъ. По мнѣнію А. И. Маргиновича (членъ воронежской архивной комиссіи), погребеніе съ этими предметами можно отнести ко времени не позже начала III вѣка по Р. Х. Можно отнести данное погребеніе даже къ болѣе древнему періоду, т. е. ко времени до Р. Х. Этому заключенію не препятствуетъ наличность желѣзнаго оружія, такъ какъ слово «желѣзо» встрѣчается уже у Гомера и, по даннымъ современной науки, уже «около 1500 лѣтъ до Р. Х. желѣзныя орудія имѣлись во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ древняго міра, проникая далеко и въ страны болѣе отсталыя» (В. А. Городцовъ. «Бытовая археологія»). Высокая же художественность золотыхъ вещей и серебряной вазы указываетъ именно на болѣе древнее время, на III или даже IV вѣкъ до Р. Х. Итакъ, въ Воронежской губерніи найдены художественныя издѣлія скиѣской эпохи и притомъ съ изображеніями самихъ скиѣвъ. Можетъ быть, это дастъ толчокъ къ новымъ широкимъ и правильнымъ раскопкамъ въ этой землѣ, гдѣ жило и погребено столько кочевниковъ. Каждая находка вещей съ изображеніями, являющимися великолѣпными портретами скиѣвъ, должна прибавлять хоть маленькій лучъ свѣта въ темную и иногда намѣренно затемняемую исторію нашей родины.

Юбилейное торжество въ императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ. 7-го января въ императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ, въ актовомъ залѣ, въ высочайшемъ Его Величества Государя Императора и лицъ царствующаго дома присутствіи состоялось торжественное собраніе, по случаю исполнявшагося столѣтняго юбилея лица. Къ половинѣ третьяго часа пополудни въ церковь лица къ молебствію собрались: придворныя дамы и свитныя фрейлины Ихъ Величества Государынь Императрицъ, гофмейстерины и фрейлины великихъ княгинь, предсѣдатель и члены совѣта министровъ, предсѣдатель государственнаго совѣта, главноуправляющіе, государственный секретарь, первые чины высочайшаго двора, лица государевой свиты и великихъ князей, петербургскій губернаторъ, петербургскій градоначальникъ, предводитель дворянства Петербургской губерніи и уѣздные предводители дворянства губерніи, московскій губернский предводитель дворянства и губернскіе предводители дворянства другихъ губерній, находящіеся въ Петербургѣ, петербургскій городской голова, предсѣдатель петербургской губернской земской управы, а также бывшіе воспитанники и чины лица. Здѣсь также находились воспитанники въ историческихъ со дня основанія формахъ лица. Въ 2½ часа пополудни въ лицей изволили прибыть Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Марія Осодоровна. Ихъ Величества были встрѣчены попечителемъ лица, членомъ государственнаго совѣта статсъ-секретаремъ д. т. с. Ермоловымъ, членами совѣта лица: членами государственнаго совѣта д. т. с. Кобеко, предсѣдателемъ совѣта министровъ статсъ-секретаремъ д. т. с. Коковцовымъ, т. с. Тимашевымъ и оберъ-гофмейстеромъ высочайшаго двора фонъ-Кауфманомъ, сенаторами тайными совѣтниками кн. Голицынымъ и Ольхинымъ и гофмейстеромъ д. с. с. Ильинымъ и директоромъ лица ген.-лейт. Шильдеромъ. Ея Величеству и августѣйшимъ дамамъ попечителемъ лица были поднесены букеты цвѣтовъ. Поздоровавшись съ высочайшими особами, Государь Императоръ и Государыня Императрица—августѣйшая почетная покровительница лица—изволили прослѣдовать въ церковь, въ предшествіи двухъ воспитанниковъ лица перваго класса и въ сопровожденіи особъ императорской фамиліи, министра императорскаго двора, дежурства, государевой свиты и лицъ, встрѣчавшихъ Ихъ Величества. При входѣ въ церковь Государь Императоръ, Государыня Императрица и высочайшія особы были встрѣчены высокопреосвященнымъ Сергіемъ, архіепископомъ-финляндскимъ и виборгскимъ, и духовенствомъ лица со крестомъ и святой водой. Приложившись ко кресту и принявъ окропленіе святой водой, Ихъ Величества и высочайшія особы прослѣдовали въ церковь. По совершеніи благодарственнаго молебствія, закончившагося царскимъ многолѣтіемъ, многолѣтіемъ начальствующимъ, учащимъ, учащимся, учившимся и служащимъ въ лицѣѣ, была провозглашена вѣчная память въ Божь почивающему императору Александру I—основателю лица. По окончаніи богослуженія Государь Императоръ, Государыня Императрица и особы императорской фамиліи, приложившись ко кресту, изволили прослѣдовать изъ церкви въ находящейся въ помѣщеніи перваго класса Пушкинскій музей. Обозрѣвъ музей и занеся свои имена въ книгу почетныхъ посѣтителей, Ихъ Величества и высочайшія особы изволили прослѣдовать въ актовыѣ

залъ лицей. къ этому времени въ залъ собрались бывшія на богослуженіи лица; сюда также были введены воспитанники лицей, среди которыхъ находился его высочество князь Олегъ Константиновичъ. Въ актовомъ залѣ, на эстрадѣ, у портрета императора Александра I, были поставлены ковчеги съ высочайшими грамотами, а на столѣ положена высочайшая грамота 1811 г. Когда приглашенныя лица заняли свои мѣста, секретарь лицей съ курсовымъ воспитателемъ и двумя воспитанниками перваго класса принесли и возложили на столѣ, противъ кресла Государя Императора, высочайшую грамоту, пожалованную лицю ко дню столѣтняго его юбилея. При пѣніи хора воспитанниковъ «Громъ побѣды раздавайся» Государь Императоръ, Государыня Императрица и особы императорской фамиліи прослѣдовали въ актовъ залъ. Ихъ Величества заняли рядомъ центральныя мѣста на эстрадѣ за столомъ, а высочайшія особы—въ креслахъ противъ эстрады. По правую руку Его Величества за столомъ заняли мѣста попечитель и члены совѣта лицей, а по лѣвую руку Ея Величества—директоръ и члены совѣта лицей. Государю императору благоугодно было всемилостивѣйше объявить первое торжественное юбилейное собраніе лицей открытымъ. Попечитель лицей, принявъ отъ Его Величества высочайшую грамоту, пожалованную лицю ко дню его юбилея, огласилъ ее. Текстъ грамоты былъ выслушанъ стоя и покрытъ восторженнымъ «ура» и звуками гимна «Боже, Царя храни». Далѣе попечитель лицей сообщилъ о назначеніи его высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго почетнымъ членомъ совѣта императорскаго Александровскаго лицей и объ утвержденіи Его Величествомъ особаго нагруднаго знака для окончившихъ курсъ лицействъ и служащихъ лицей, причемъ указалъ, что Государю Императору благоугодно было разрѣшить носить съ сегодняшняго дня вышеназванный нагрудный знакъ и настоящимъ воспитанникамъ лицей. Оглашеніе высочайшей милости было встрѣчено долго не смолкавшимъ «ура» лицействъ. Затѣмъ секретарь лицей прочелъ краткій отчетъ объ учрежденіи лицей и его дѣятельности за сто лѣтъ. Послѣ этого попечитель и директоръ лицей имѣли счастье поднести Ихъ Величествамъ золотыя медали, выбитыя ко дню юбилея, а также изданія, вышедшія къ этому времени, и нагрудныя юбилейныя знаки; члены совѣта лицей поднесли высочайшимъ особамъ бронзовыя медали и юбилейныя изданія лицей. Прослушавъ исполненную воспитанниками лицейскую пѣснь «Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье», Ихъ Величества и особы императорской фамиліи, при звукахъ гимна «Императору Александру I», прослѣдовали въ помѣщеніе втораго класса и каменку перваго класса, откуда изволили прослѣдовать въ аудиторію перваго класса. Здѣсь Ихъ Величествамъ, ихъ императорскимъ высочествамъ и ихъ высочествамъ воспитанники перваго класса имѣли счастье предложить чай. Въ аудиторіи Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, августѣйшей почетной покровительницѣ лицей, имѣли счастье быть представленными члены комитета товарищеской кассы бывшихъ воспитанниковъ лицей, курсовые представители, предсѣдатель и старшины собранія лицействъ. Выразивъ свое удовольствіе попечителю, членамъ совѣта и директору лицей, Ихъ Величества и особы императорской фамиліи отбыли въ исходѣ пятаго часа дня изъ лицей, при восторженномъ «ура» лицействъ.

8-го января, во второй день празднованія столѣтняго юбилея императорскаго Александровскаго лицея, происходил торжественный юбилейный актъ и пріемъ депутацій съ поздравленіями. Въ актовомъ залѣ, на обтянутой краснымъ сукномъ эстрадѣ, стоялъ передъ портретомъ императора Александра I парадный столъ, за которымъ заняли мѣста члены совѣта лицея: въ центрѣ попечитель лицея, членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь Ермоловъ и рядомъ директоръ ген.-лейт. Шильдеръ, справа и слѣва отъ нихъ члены совѣта лицея, д. т. с. Кобеко, статсъ-секретарь Ковцовъ, оберъ-гофмейстеръ фонъ-Кауфманъ, сенаторъ князь Голицынъ, т. с. Тимашевъ (министръ), т. с. Ольхинъ, д. с. с. Ильинъ, а также инспекторъ лицея ген.-м. Варнекъ, профессора и секретарь кам.-юнкеръ Рубецъ. Стѣна по сторонамъ портрета изящно убрана тропическими растеніями, а въ углахъ изъ кущей миртъ и пальмъ эффектно облѣбуютъ бюсты императоровъ Александра I и нынѣ благополучно царствующаго Государя. Передъ эстрадою, съ двухъ сторонъ лѣстницы, высились красивыя, съ точеными російскими орлами витрины: одна съ царскою грамотою 1881 г., другая съ позднѣйшими рескриптами и нынѣшнюю грамотою. Въ обширномъ залѣ направо отъ прохода сидѣли исключительно бывшіе лицеисты, много среди нихъ придворныхъ, сенаторовъ, штатскихъ генераловъ, много и молодежи недавнихъ выпусковъ, тѣ преимущественно во фракахъ; лѣвая сторона креселъ занята исключительно депутаціями и почетными гостями. Въ первомъ ряду сидѣли князь Гавріилъ Константиновичъ и родной внукъ Пушкина—ген.-отъ-кавалеріи А. А. Пушкинъ. Вся зала по стѣнамъ была обведена шпалерами лицеистовъ, въ числѣ ихъ князь Олегъ Константиновичъ. Предсѣдательствовавшій въ собраніи попечитель лицея А. С. Ермоловъ прочиталъ высочайшую грамоту и объявилъ о послѣдовавшихъ царскихъ милостяхъ лицу. Громогласное ура раскатилось по залу, оркестръ заигралъ, и вся зала запѣла «Боже, Царя храни», трижды исполненное. Затѣмъ секретарь лицея кам.-юнк. Рубецъ прочиталъ историческій очеркъ лицея. Затѣмъ послѣдовалъ пріемъ депутацій; онъ длился почти до шести часовъ вечера. Изъ числа поданныхъ адресовъ надлежитъ отмѣтить адресъ Московскаго университета, гдѣ въ заключеніе сказано: «Нынѣ, какъ и въ началѣ прошлаго вѣка, волею августѣйшихъ монарховъ совершилось преобразование высшихъ государственныхъ учрежденій Россіи. Нынѣ не менѣе, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, имперія нуждается въ просвѣщенныхъ дѣятеляхъ, проводящихъ въ жизнь «понятіе о должностяхъ человѣка и гражданина», болѣющихъ о нуждахъ своего государства и народа, сознающихъ національное достоинство великой цѣлокупной Россіи, оберегающихъ историческія основы ея самосознанія, мощь и красоту родного слова. Императорскій московскій университетъ горячо желаетъ, чтобы императорскій Александровскій лицей и въ грядущее столѣтіе продолжалъ столь же успѣшно итти по пути указанныхъ благородныхъ традицій, унаслѣдованныхъ имъ изъ своего славнаго прошлаго».

11-го января лицеисты, старые и нынѣшніе воспитанники, всего пятьсотъ человѣкъ, ѣздили въ Царское Село по Царской вѣткѣ для прибитія мраморной доски на дворцовомъ зданіи бывшаго лицея. Въ присутствіи лицеистовъ снята была пелена, покрывающая доску. Отсюда лицеисты прошли къ памят-

нику Пушкина и возложили къ подножію его вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, отъ памятника черезъ церковный подъѣздъ и комнаты Большаго дворца въ залъ, во всю длину котораго были накрыты столы для завтрака à la fourchette. Всѣ лицеисты спѣли молитву и послѣ завтрака тоже. Во время завтрака попечитель статсъ-секретарь Ермоловъ провозгласилъ здравицы Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ и наследнику цесаревичу. Долго въ залѣ гремѣло ура. Вечеромъ въ Маринскомъ театрѣ данъ парадный спектакль. Въ театрѣ присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ съ августѣйшими дочерьми Ольгою и Татьяною Николаевнами, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна и многія лица царствующаго дома. Князь Олегъ Константиновичъ находился среди воспитанниковъ лицея. Послѣ первой картины оперы «Евгеній Онегинъ» Чайковского поднялся занавѣсъ, и оркестръ и хоры на сценѣ и вся зала запѣли гимнъ «Боже, Царя храни», пять разъ его пропѣли, и послѣ каждаго раза ура, казалось, все было громче и громче. Государь изволилъ милостиво кланяться изъ ложи. Во время антрактовъ въ фойе были устроены отъ высочайшаго двора открытые чайные буфеты съ десертомъ. По окончаніи спектакля публика потребовала гимна, и снова поднялся занавѣсъ, и снова хоры и артисты запѣли, оркестръ заигралъ, а залъ подхватила, и русскій гимнъ трижды снова огласилъ театр. Въ числѣ присутствовавшихъ на спектаклѣ: сынъ поэта Пушкина ген.-отъ-кав. Пушкинъ съ дочерью г-жей Павловой и сыномъ, сынъ лицеиста, государственнаго канцлера свѣтл. кн. Горчаковъ, сынъ директора лицея Малиновскій, министръ императорскаго двора ген.-адъют. бар. Фредериксъ, главноуправляющій вѣдомствомъ императрицы Маріи т. с. кн. Голицынъ, попечитель лицея статсъ-секретарь Ермоловъ, члены совѣта и конференціи лицея и въ числѣ ихъ министръ торговли т. с. Тимашевъ, дворцовый комендантъ ген.-адъют. Дедюлинъ, петербургскій градоначальникъ, его помощникъ ген.-м. Вендорфъ. Юбилейнымъ баломъ 14-го января закончились официальные торжества столѣтія императорскаго Александровскаго лицея.

Юбилейный даръ лицу (лицейскому Пушкинскому музею). Покойный академикъ Я. К. Гротъ, воспитанникъ Царскосельскаго лицея VI курса (поступившій въ лицей въ 1826 году, всего черезъ 9 лѣтъ послѣ Пушкина), а въ 1850-хъ гг. въ теченіе 10 лѣтъ профессоръ Александровскаго лицея, успѣлъ собрать за свою долгую жизнь богатый и высокоцѣнный «лицейскій архивъ» изъ переданныхъ ему товарищами Пушкина и старѣйшими по выпускамъ лицеистами бумагъ I курса и ближайшихъ къ нему курсовъ. Этотъ архивъ онъ въ главномъ использовалъ въ своихъ статьяхъ и очеркахъ, посвященныхъ лицу и Пушкину. Проф. К. Я. Гротъ, издавъ нынѣ, къ 100-лѣтнему юбилею лицея, свою книгу «Пушкинскій лицей», въ которой опубликовалъ полностью всѣ почти бумаги и документы, собранные его отцомъ, принесъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ даръ лицейскому Пушкинскому музею весь гротовскій лицейскій архивъ, присоединивъ къ этому еще два автографа Пушкина, изъ которыхъ одинъ, лицейское стихотвореніе «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», есть та самая рукопись, которую юноша Пушкинъ поднесъ Державину послѣ прочтенія этихъ стиховъ на экзаменѣ 1815 года (художественно увѣковѣченномъ нынѣ кистью Рѣпина),

и такимъ образомъ составляетъ отнынѣ одно изъ первыхъ сокровищъ въ лицейской коллекціи пушкинскихъ автографовъ. Для любителей отечественной литературы будетъ небезынтересно познакомиться съ содержаніемъ этого драгоценнаго собранія «пушкиніанъ» и «лицеанъ» хотя бы изъ приводимаго здѣсь краткаго ихъ перечня. Всего оно заключаетъ въ себѣ 130 номеровъ рукописей, не считая нѣсколькихъ (въ томъ числѣ важнаго автографа Пушкина), уже прежде пожертвованныхъ музею проф. Гротомъ. 1) Автографы Пушкина: «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» изъ державинскихъ бумагъ и «Письмо Пушкина къ товарищу Вольховскому» (1835), 2) извѣстная «Матюшкинская» тетрадь. «Стихотворенія воспитанниковъ Императорскаго лицея»; 3) знаменитыя письма (21) А. Д. Илличевского къ П. Н. Фуссу; 4) 17 автографовъ (сочиненій и стиховъ) Илличевского; 5) 8 автографовъ (писемъ и стиховъ) Кюхельбекера; 6) автографы Дельвига, Илличевского и Яковлева (стихотворенія Дельвига); 7) нѣсколько цѣнныхъ автографовъ Матюшкина (путевыя замѣтки, письма и пр.). 8) автографы Комовскаго, въ томъ числѣ его любопытный «Журналъ или ежедневные поступки», письма и пр.; 9) письма товарищей Пушкина другъ къ другу (Вольховскаго, Ломоносова, Саврасова, Костенскаго, гувернера Чирикова и проч.); 10) знаменитое письмо Матюшкина къ Яковлеву по поводу трагической смерти Пушкина; 11) еще автографы товарищей Пушкина («Національныя пѣсни» и другіе стихи); 12) нѣсколько рисунковъ и карикатуръ работы лицеистовъ I курса; 13) знаменитый лицейскій рукописный журналъ «Лицейскій Мудрецъ», 1815 г. съ 9 аквар., карикатурами работы Илличевского (4 номера журнала въ альбомѣ) и 2 номера журнала «Мудрецъ-поэтъ или Лицейская Антологія»; 14) остатки другихъ лицейскихъ журналовъ I курса (3 номера); 15) остатки тетрадей съ копіями лицейскихъ стихотвореній Пушкина и Дельвига (12 листовъ); 16) комедія (автографъ) гувернера Иконникова «Добрый помѣщикъ» (1812); 17) табель объ успѣхахъ, прилежаніи и дарованіяхъ воспитанниковъ (съ марта по ноябрь 1812 г., подписанный директоромъ Малиновскимъ). Кромѣ того, подарены музею еще бумаги III курса, полученные Я. К. Гротомъ отъ воспитанника этого курса Д. Н. Замятнина: 1) любопытнѣйшія бумаги основаннаго (но не утвержденаго государемъ) въ 1821 г. директоромъ Е. А. Энгельгардтомъ «Общества друзей полезнаго» (22 номера бумагъ, въ томъ числѣ 4 сочиненія самого Замятнина); 2) 17 номеровъ (тетрадокъ) семи рукописныхъ журналовъ, издававшихся на третьемъ курсѣ (1817—1823 гг.).

25-лѣтіе электротехническаго института. Празднованіе 25-лѣтія электротехническаго института, происходившее 18 декабря, носило торжественный характеръ. Къ двумъ часамъ дня въ актовомъ залѣ института собралось свыше 600 человекъ. Между прочимъ, здѣсь были: членъ гос. совѣта И. Л. Горемыкинъ, начальникъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ М. П. Севастьяновъ, профессора электротехническаго института во главѣ съ директоромъ профессоромъ П. Д. Войнаровскимъ, профессора другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, многіе инженеры-электрики, бывшіе и нынѣшніе студенты института. Послѣ молебна директоръ профессоръ П. Д. Войнаровскій открылъ торжественное засѣданіе. Профессоръ П. С. Осадчій прочиталъ краткій историческій очеркъ института за 25 лѣтъ его существованія. Директоръ профессоръ П. Д.

Войнаровскій обратился отъ имени института съ привѣтствіемъ къ присутствовавшему въ засѣданіи члену гос. совѣта И. Л. Горемыкину, какъ инициатору учрежденія электротехническаго института. И. Л. Горемыкинъ въ отвѣтной рѣчи благодарилъ совѣтъ института и выразилъ институту пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія. Инспекторъ профессоръ П. А. Быковъ прочиталъ отчетъ о современномъ состояніи института, въ которомъ указалъ, что число студентовъ въ началѣ послѣдняго учебнаго года было 660, окончило курсъ института въ текущемъ году 28 человекъ, и выбыло по разнымъ причинамъ 64 студента. Принято было въ текущемъ учебномъ году 95 студентовъ. Профессорскихъ кафедръ въ институтѣ 10; изъ нихъ двѣ остаются не замѣщенными. Преподавательскій персоналъ института состоитъ изъ 60 человекъ. Въ заключеніе профессоръ П. А. Быковъ ознакомилъ присутствовавшихъ съ дѣятельностью студенческихъ кружковъ. Длинный рядъ привѣтствій открылъ начальникъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ М. П. Севастьяновъ, отмѣтившій въ своей рѣчи, что почтово-телеграфное вѣдомство гордится электротехническимъ институтомъ, и пожелавшій институту дальнѣйшихъ успѣховъ. Представитель студентовъ института привѣтствовалъ институтъ отъ имени всѣхъ учащихся и выразилъ институту благодарность за тѣ знанія, которыя онъ дастъ студентамъ. Профессоръ Г. К. Мерчингъ, одинъ изъ преподавателей бывшей технической школы, выступилъ съ привѣтствіемъ отъ своего имени и отъ имени института инженеровъ путей сообщенія, и указалъ на историческую связь между электротехникой и желѣзными дорогами. Почетный инженеръ-электрикъ редакторъ-издатель газеты «Котлинъ» ген.-майоръ Е. П. Тверитиновъ въ своемъ привѣтствіи отмѣтилъ роль электротехники въ морскомъ дѣлѣ. Секретарь совѣта института, профессоръ А. А. Кузнецовъ, привѣтствовалъ институтъ отъ имени общества инженеръ-электриковъ и профессоръ М. А. Шателенъ—отъ имени петербургскаго политехническаго института и русскаго технического общества. Далѣе были оглашены привѣтственные телеграммы: отъ члена гос. совѣта ген.-инж. Петрова, отъ петербургскаго технологическаго института, отъ минныхъ классовъ морского вѣдомства, отъ морского инженернаго училища и др. Кромѣ того, получена масса привѣтственныхъ телеграммъ изъ разныхъ городовъ. Профессоръ П. С. Осадчій выразилъ благодарность присутствовавшимъ въ засѣданіи бывшимъ преподавателямъ технической школы. Послѣ перерыва профессорами П. Д. Войнаровскимъ, А. А. Вороновымъ, П. С. Осадчимъ и П. А. Пушкинымъ были произнесены рѣчи на научныя темы.

Торжественное засѣданіе въ московскомъ университетѣ. Взамѣнъ акта университетъ 12-го февраля устроилъ торжественное засѣданіе, посвященное памяти М. В. Ломоносова. Громадная актовая зала университета была почти полна; студентовъ—немного. Впереди на эстрадѣ—профессорскій персоналъ университета, у подножія стариннаго портрета Ломоносова въ красномъ камзолѣ съ рукой, простертой надъ глобусомъ. Портретъ увѣнчанъ лаврами. Въ числѣ почетныхъ гостей—епископъ Анастасій серпуховской, попечитель московскаго учебнаго округа А. А. Тихомировъ, московскій губернаторъ генералъ-майоръ В. Ѳ. Джунковскій, городской голова Н. И. Гучковъ, директоръ Румянцовскаго музея князь В. Д. Голицынъ, графиня П. С. Уварова, П. Д.

Воборыкинъ и другіе. Торжественное собраніе открылъ ректоръ университета профессоръ М. К. Любавскій. Послѣ краткаго вступленія о Ломоносовѣ ораторъ предложилъ присутствовавшимъ почтить память великаго русскаго ученаго вставаніемъ. Вся зала поднялась со своихъ мѣстъ. Въ дальнѣйшей рѣчи профессоръ Любавскій охарактеризовалъ вѣкъ Ломоносова, остановившись особенно на духовномъ укладѣ жизни русскихъ свободолюбивыхъ сѣверянъ, которымъ Россія обязана великимъ гениемъ Ломоносова. Профессоръ М. Н. Сперанскій произнесъ рѣчь о роли М. В. Ломоносова въ исторіи московскаго университета. Профессоръ Р. Ф. Брандтъ сказалъ рѣчь объ языкѣ и поэтической дѣятельности Ломоносова. Послѣ краткаго перерыва слѣдовали рѣчь профессора И. А. Каблукова о Ломоносовѣ, какъ о физико-химикѣ, и рѣчь заслуженнаго профессора А. П. Павлова о Ломоносовѣ какъ о геологѣ. Профессоръ Д. Н. Анучинъ произнесъ рѣчь о географіи въ XVIII вѣкѣ и Ломоносовѣ. Несмотря на все величіе гениальныхъ догадокъ Ломоносова, — говорилъ ораторъ въ заключительной части своей рѣчи, — преемственной связи между его ученой работой и возродившейся вслѣдъ затѣмъ русской наукой не было. Самъ великій самородокъ, разбрасываясь, распылилъ, такъ сказать, свой научный гений. Лучшей формой увѣковѣченія памяти М. В. Ломоносова было бы учрежденіе научныхъ институтовъ его имени, — истинныхъ научныхъ монастырей, въ тиши которыхъ крѣпли бы русскія научныя силы, не ограничиваясь лишь проблесками гения. Заключительную рѣчь, посвященную памяти Ломоносова, произнесъ П. Н. Сакулинъ, указавшій на духовное родство Ломоносова со знаменитыми былинными героями сѣвера: Садко богатымъ гостемъ и Василиемъ Буслаевымъ. Ломоносовъ и первый русскій интеллигентъ: въ Ломоносовѣ уже была видна сердцевина позднѣйшей русской интеллигенціи, — чувство соціальной совѣстливости. Рѣчи всѣхъ ораторовъ покрывались шумными аплодисментами.

Юбилейное чествованіе В. В. Радлова. 5 января въ дружескомъ домашнемъ кругу состоялось юбилейное чествованіе семидесятипятилѣтія со дня рожденія извѣстнаго ориенталиста, академика, директора этнографическаго музея императорской академіи наукъ Василія Васильевича Радлова. Съ утра его квартиру посѣтили многочисленныя почитатели, товарищи, ученики В. В., которыхъ съ обычнымъ радушіемъ встрѣчали самъ юбиляръ и его невѣстка И. Р. Радлова. Около полудня юбиляра посѣтилъ его высочество герцогъ Александръ Георгіевичъ Лейхтенбергскій, въ сопровожденіи ген.-ад. бар. Мейендорфа. Къ этому же времени стали прибывать различныя депутаціи и представители учебныхъ заведеній. Чествованіе носило задушевный характеръ, лишенный всякой официальнойности. Среди присутствовавшихъ были академики: кн. Голицынъ, Карпинскій, Чернышевъ, Шахматовъ, Фортунатовъ, Баклундъ, Залеманъ, проф. Маркъ Барнгольдъ; многіе приватъ-доценты-востоковѣды спб. университета, студенты восточнаго факультета спб. университета и мн. др. Депутаціи тюркской молодежи были представлены юбиляру прив.-доц. спб. университета А. Н. Самойловичемъ. Отъ лица татарской молодежи привѣтствовалъ В. В. г. Мухамедпаровъ, указавшій на то, что, благодаря В. В., въ Казани былъ основанъ татарскій учительскій институтъ, который содѣйствовалъ сближенію культуры татарской съ русской и европейской. Слушатель-

лица высшихъ женскихъ курсовъ г-жа Каммилъ привѣтствовала В. В. отъ имени татарскихъ женщинъ, которыя въ школахъ, основанныхъ юбиларомъ, могли вступить на путь просвѣщенія и найти удовлетвореніе своимъ духовнымъ запросамъ. Представитель якутскаго народа въ своей поздравительной рѣчи отмѣтилъ особыя заслуги В. В. по обнародованію якутско-русскаго словаря и матеріаловъ по русско-якутскому творчеству. Студентъ спб. университета Бердіевъ привѣтствовалъ В. В. отъ имени закаспійскихъ туркменъ, діалектъ которыхъ доселѣ не изученъ. Студентъ-киргизъ Чукуевъ говорилъ отъ лица киргизской молодежи. Всѣ представители тюркскихъ племенъ заканчивали свои привѣтствія на родномъ языкѣ. Задушевные поздравленія послѣднихъ свидѣтельствовали о томъ гармоничномъ идейномъ единеніи, которое существуетъ между тюркологами и представителями изучаемыхъ ими племенъ. Трогательную рѣчь произнесъ представитель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ В. А. Гордлевскій. Ораторъ подчеркнул поразительный энтузіазмъ въ ученой дѣятельности, присущій юбиляру, энтузіазмъ, которому могутъ позавидовать и молодые ученые-оріенталисты. Прив.-доц. спб. университета Рудневъ, явившійся на юбилейномъ торжествѣ представителемъ троицкосавскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, огласилъ слѣдующую привѣтственную телеграмму: «Троицкосавско-кахтинское отдѣленіе приамурскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, ближайшее научное учрежденіе къ Орхону, имя котораго навсегда связано съ вашими трудами, привѣтствуетъ васъ въ день вашего семидесятилѣтія, выражая искреннія пожеланія здоровья на многіе будущіе годы. Посвятить настоящее засѣданіе вамъ, изслѣдователю орхонскихъ памятниковъ, и постановивъ помѣстить вашъ портретъ въ кяхтинскомъ музеѣ, отдѣленіе проситъ васъ не отказать въ чести быть почетнымъ членомъ этого учрежденія, посылно трудящагося на далекой окраинѣ надъ выполненіемъ задачъ и цѣлей географической науки». Прислали своихъ представителей музей антропологии и этнографіи Петра I, этнографическій отдѣлъ Русскаго музея императора Александра III, редакція журнала «Миръ Ислама» (проф. Бартольдъ), императорское русское географическое общество и мн. др. По окончаніи торжества юбиляръ вмѣстѣ съ учениками снялся въ одной группѣ. По инициативѣ нѣкоторыхъ изъ почитателей В. В., экстренно образовался комитетъ въ составѣ А. В. Андрианова, В. Н. Васильева, Н. А. Виташевскаго и Э. К. Пекарскаго въ цѣляхъ изданія брошюры о юбилейномъ торжествѣ. Юбиляръ получилъ до 100 привѣтственныхъ телеграммъ и письменныхъ поздравленій отъ слѣдующихъ лицъ и учреждений: его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича, президента императорской академіи наукъ, отъ этнографическаго отдѣла общества любителей естествознанія, отъ туркестанскаго кружка любителей археологіи, отъ минусинскаго Мартьяновскаго музея, отъ финско-угорскаго общества въ Гельсингфорсѣ, отъ общества востоковѣдѣнія, общества изученія Сибири, отъ западно-сибирскаго и оренбургскаго отдѣловъ географическаго общества, отъ члена гос. совѣта П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, отъ извѣстнаго путешественника Потанина и молодого этнографа Алюхина (на алтайскомъ нарѣчій), отъ мюнхенскихъ и венгерскихъ ученыхъ

отъ кн. Путятина, акад. Ольденбурга, Н. Рериха, отъ сибирскихъ депутатовъ: Волкова, Скалозубова, Некрасова и мн. др. Отъ гр. С. Ю. Витте получена телеграмма такого содержанія: «Сердечно поздравляю васъ съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ выдающейся вашей дѣятельности и искренне желаю, чтобы ваши почитатели имѣли возможность поздравить со слѣдующимъ юбилеемъ вашимъ». Отъ профессора казанскаго университета, члена гос. совѣта Загоскина, телеграмма гласила: «Сердечно привѣтствую юбиляра въ день пятидесятилѣтія славной научной дѣятельности и шлю наилучшія пожеланія. Увѣренъ въ томъ, что въ моемъ привѣтствіи вы можете увидѣть откликъ той памяти, которая сохранилась о васъ въ интеллигентныхъ кружкахъ старой Казани». Интересная телеграмма получена В. В. отъ учащейся молодежи: «Студенческая экскурсіонная коммиссія, работавшая по устройству прошлогодней лѣтней экскурсіи общества изученія Сибири, считаетъ себя счастливой присоединиться въ день семидесятипятилѣтія вашего рожденія къ общему голосу вашихъ учениковъ, друзей и почитателей, посылая свой горячій привѣтъ и искреннее поздравленіе. Представителямъ сибирской молодежи, глубоко почитающей васъ, какъ ученаго, удалось за послѣдніе годы ближе узнать васъ, какъ чуткаго человѣка, съ любовью, довѣріемъ и юношеской горячностью относящагося къ нашимъ стремленіямъ внести посильную лепту въ дѣло изученія родного края, собирать матеріалы для науки. Исполненные чувствомъ горячей симпатіи и признательности за все сдѣланное вами для насъ, мы просимъ принять наши сердечныя и единодушныя пожеланія здоровья, бодрости и энергіи на многіе и многіе годы. Пусть добрыя начинанія общества изученія Сибири подъ вашимъ же руководствомъ пойдутъ дальше по пути своего развитія и увѣнчаются полнымъ успѣхомъ, оставивъ благодарному потомству вашъ свѣтлый образъ, символъ строгой учености, идейной стойкости, неутомимой энергіи и обаятельной духовной красоты». Всю свою жизнь, съ молодыхъ лѣтъ, почтенный юбиляръ посвятилъ наукамъ. Уроженецъ Берлина, онъ юношей пріѣхалъ въ Россію и, чтобы имѣть возможность изучить тюркскіе языки въ средѣ народа, занялъ скромное учительское мѣсто въ Барнаулѣ. Въ Сибири онъ прожилъ болѣе 10 лѣтъ, принимая постоянныя научныя поѣздки по Средней Азіи на средства кабинета Его Величества. Затѣмъ, чтобы изучить поволжскіе и башкирскіе тюркскіе говоры, языки чувашскій и черемисскій, В. В. поселился въ Казани, въ теченіе 13 лѣтъ занимая здѣсь должностъ окружнаго инспектора магометанскихъ школъ. Въ 1884 году онъ былъ избранъ ординарнымъ академикомъ императорской академіи наукъ и получилъ приглашеніе занять постъ директора азіатскаго этнографическаго музея въ Петербургѣ. Азіатскій музей въ то время представлялъ собою собраніе совершенно разрозненныхъ, случайныхъ лекцій, съ годовымъ бюджетомъ въ одну тысячу рублей. В. В. Радловъ сумѣлъ привлечь вниманіе и заинтересовать судьбой музея многихъ лицъ, и въ настоящее время, исключительно благодаря частнымъ пожертвованіямъ, бюджетъ музея увеличился до 12 тыс. рублей, помѣщеніе его расширилось на нѣсколько этажей. Завѣдуя музеемъ, В. В. предпринималъ многочисленныя научныя поѣздки въ Крымъ, Литву, Волинь, въ 1891 г. стоялъ во главѣ экспедиціи, снаряженной академіей наукъ для изслѣдованія древнихъ памятни-

ковъ долины р. Орхона въ Монголіи. Въ настоящее время онъ состоитъ директоромъ музея антропологии и этнографіи при Академіи Наукъ. По инициативѣ В. В. Радлова созданъ комитетъ для изученія Средней Азіи. Долгое время жившій въ Сибири, онъ считается хорошимъ знатокомъ ея и изъ года въ годъ избирается предсѣдателемъ спб. общества изученія Сибири. Изъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ В. В., изданныхъ главнымъ образомъ на нѣмецкомъ языкѣ, надо отмѣтить, прежде всего, многотомный «Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій», результатъ почти 20-лѣтней работы, затѣмъ сборникъ «Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ, живущихъ въ Южной Сибири и Джунгарской степи». Этотъ сборникъ сдѣлалъ возможнымъ изученіе дотолѣ неизслѣдованныхъ тюркскихъ нарѣчій, сохранившихся въ полной чистотѣ, благодаря тому, что эти народы жили уединенной жизнью и не поддали влиянію ислама. Собранныя сказки, преданья и повѣрья раскрываютъ картину внутренней и духовной жизни тюркскихъ племенъ.

Чествованіе Г. Н. Федотовой. Чрезвычайною торжественностью, пышностью и вмѣстѣ съ тѣмъ выпадающею лишь на долю рѣдкихъ юбилейныхъ праздниковъ искренностью и сердечностью отличалось чествованіе Г. Н. Федотовой въ московскомъ Маломъ театрѣ, въ спектаклѣ 8-го января, когда исполнилось полвѣка съ ея дебюта въ «Ребенкѣ» Боборыкина. Въ чествованіи, кромѣ Малаго театра, приняли участіе всѣ московскіе театры, московское городское самоуправленіе, московскій университетъ, цѣлый рядъ художественныхъ и литературныхъ учреждений и т. д. Петербургскій Александринскій театръ прислалъ на чествованіе М. Г. Савину, а также г-жъ Васильеву и Потоцкую. Въ зрительной залѣ была «вся Москва» въ лицѣ ея видныхъ представителей. Г. Н. Федотова, не выѣзжавшая изъ дому уже нѣсколько лѣтъ, пріѣхала въ театръ въ 6¹/₂ час. вечера на автомобилѣ вмѣстѣ съ дочерью покойной Н. М. Медвѣдовой. Ее встрѣтили у «запаснаго» подъѣзда М. Н. Ермолова, Е. К. Лешковская, А. И. Южинъ и др. и чрезъ артистическое фойе пронесли на креслѣ въ уборную цвѣтами уборную А. И. Южина. Здѣсь, окруженная труппой, сильно взволнованная, артистка принимала первыя поздравленія. Въ числѣ привѣтствовавшихъ юбиляршу былъ директоръ императорскихъ театровъ В. А. Теляковскій. Самое чествованіе началось съ той картины «Дмитрія Самозванца», въ которой юбилярша исполнила роль царицы Марѣи. Линь только открылся занавѣсъ, вся зрительная зала встала со своихъ мѣстъ, раздались дружныя, долго не смолкавшія рукоплесканія. Попрежнему прекрасное, яркое и живое исполненіе маститой артистки, говорившее, что болѣзнь не отразилась на ея талантѣ, вызвало новыя шумныя аплодисменты публики по окончаніи картины. Они нѣсколько разъ возобновлялись, пока многочисленныя депутаціи размѣщались на сценѣ. Наконецъ вновь подняли занавѣсъ, и начались юбилейныя привѣтствія. Юбилярша, въ бѣломъ платьѣ, съ костьюемъ въ рукѣ, сидѣла посреди сцены, окруженная труппою Малаго театра. Первымъ были прочитаны А. И. Южинымъ и М. Н. Ермоловой два адреса: отъ Малаго театра и сотоварищей по труппѣ. «Императорскій московскій Малый театръ,—говорилось въ первомъ адресѣ,— переживаетъ сегодня одинъ изъ знаменательнѣйшихъ дней своего существованія: онъ празднуетъ вмѣстѣ со всѣмъ московскимъ обществомъ полувѣковую

дѣятельность одной изъ немногихъ величайшихъ силъ русскаго театра, являющихся не только его украшеніемъ, но и основою его значенія, его просвѣтительной работы и, наконецъ, его славы». «Отъ Грибоѣдова до Льва Толстого русскіе классики видѣли въ васъ свою воплотительницу. Вы «ребенкомъ» пачали ваше проникновеніе въ душу современной вамъ русской женщины, и какъ многогранно, какъ изумительно разнообразно вы отразили ее во всей полнотѣ ея и будничныхъ и исключительныхъ переживаній въ твореніяхъ современныхъ русскіхъ писателей, на протяженіи почти полувѣка». «Вашъ недугъ это — почетныя раны настоящаго бойца,—заканчивается адресъ, — безстрашно отдавшаго всю свою жизнь на большое и свѣтлое дѣло. И имъ, этимъ ранамъ, низкій поклонъ отъ Малаго театра». «Дорогая и горячо любимая Гликерія Николаевна!—значится въ адресѣ, прочитанномъ М. Н. Ермоловой.—А теперь не отъ имени нашего театра, а отъ насъ, вашихъ товарищей, примите горячій, братскій привѣтъ. Вы опять среди насъ, на этихъ подмосткахъ, въ нашей работѣ. Вы попрежнему сильны духомъ и внутренней мощью. Попрежнему блестятъ наши глаза, звучитъ попрежнему вашъ голосъ. Мы вѣримъ, что и тѣ внѣшнія причины, которыя мѣшаютъ вамъ теперь быть среди насъ постоянно, уступятъ нашему страстному желанію видѣть васъ въ дѣятельной, активной работѣ. Мы жаждемъ и ждемъ вашего возвращенія, намъ нужно ваше дорогое участіе, ваша любовь къ намъ, ваша поддержка въ тяжелыя минуты. Великое связующее начало всякаго дѣла—сердце, болѣющее за всѣхъ, кто связанъ, за все, что связано съ этимъ дѣломъ. И намъ свѣтлѣе и легче были бы трудъ и борьба вмѣстѣ съ вами. Мы ждемъ васъ, дорогой, испытанный, любимый и любящій товарищ!» Привѣтствій очень много, и дефилированіе депутацій съ чтеніемъ адресовъ заняло полтора часа. Все это время публика зрительной залы провела стоя, покрывая аплодисментами отдѣльныя привѣтствія. Послѣ Малаго театра наиболѣе выдѣлилось поздравленіе П. Д. Воборыкина, который привѣтствовалъ Ѳедотову, какъ авторъ «Ребенка», а также отъ имени общества любителей россійской словесности, почетнымъ членомъ котораго состоитъ Г. Н. Ѳедотовъ. Отъ Малаго театра П. Д. Воборыкину быть тутъ же поданъ лавровый вѣнокъ. Другимъ выдающимся моментомъ было выступленіе М. Г. Савиной, читавшей адресъ отъ Александринскаго театра. Театръ прислалъ юбиляршѣ золотой вѣнокъ съ брилліантовой цифрой L. Большую депутацію прислалъ Художественный театр: г-жи Лилина, Клипперъ, гг. Станиславскій, Немировичъ-Данченко, Москвинъ, Вишневскій. Двое послѣднихъ передали юбиляршѣ подарокъ—художественной работы ларецъ. В. И. Немировичъ-Данченко прочиталъ адресъ. Депутаціи и чтеніе адресовъ чередовались съ оглашеніемъ поздравительныхъ телеграммъ и писемъ. Были адреса: отъ театрално-литературнаго комитета (адресъ читалъ Н. В. Давыдовъ); оперной и балетной труппы Большаго театра; заслуженныхъ артистовъ московской казенной оперы (г-жи Крутикова, Дейша-Сіоницкая, Салина, гг. Корсовъ, Барпаль. Донской, Власовъ, Альтани); отъ учениковъ Г. Н. Ѳедотовой (адресъ читала А. А. Яблочкина); театровъ Корша, Зимица, Незлобина, Введенскаго и Сергіевскаго народныхъ домовъ, общества драматическихъ писателей (читалъ И. С. Платонъ, отдѣльно привѣтствовалъ И. В. Шмагинскій); общества имени Островскаго;

общества призрѣнія престарѣлыхъ артистовъ; филармоническаго общества (адресъ читаль Р. Д. Востряковъ и сообщилъ объ избраніи Г. Н. почетнымъ членомъ), отъ литературно-художественнаго кружка, педагогическаго собранія и т. д. Телеграммами привѣтствовали юбиляршу московское городское самоуправленіе, московскій университетъ, высшіе женскіе курсы, лига женскаго равноправія; рядъ телеграммъ отъ отдѣльныхъ лицъ: отъ престарѣлой Рыкаловой, Кондратьева, Варламова, Далматова, Хохлова, Фигнера, Невѣжина, Шаляпина, Собинова. Публика очень сдержанно рукоплескала телеграммъ Шаляпина и очень шумно—телеграммъ Собинова. Закончился рядъ привѣтствій адресомъ отъ представителей «московскаго общества», читаннымъ С. И. Мамонтовымъ. Адресъ сообщаетъ, что собранъ капиталъ на учрежденіе стипендіи имени Г. Н. Ѳедотовой и ея сына А. А. Ѳедотова на филологическомъ факультетѣ московскаго университета. Когда закончились оваціи, юбилярша поднялась съ кресла и сквозь слезы сказала краткую рѣчь: «Потрясенная, растроганная тѣмъ вниманіемъ и любовью, которыя сегодня окружили меня, приношу мою горячую сердечную признательность русскому обществу и въ особенности дорогой всѣмъ намъ Москвѣ. Прошу принять мою душевную благодарность всѣхъ, пришедшихъ сюда привѣтствовать меня. А вамъ, дорогіе мои товарищи, съ которыми меня связываетъ взаимная любовь и неустанный трудъ, дай Богъ, чтобы вы всегда служили тому дѣлу, которому всегда служила я, и чтобы вы всегда и беззавѣтно вѣрили въ то, во что всегда вѣрила я».

Открытіе фресокъ въ соборѣ Спаса на Бору. Секретарь московскаго археологическаго института В. И. Троицкій въ придворномъ соборѣ Спаса на Бору, въ притворѣ, обнаружилъ фресковую живопись подъ слоемъ алебастра, наложеннымъ при ремонтѣ собора въ 1863 году. Есть основанія предполагать, что фрески принадлежатъ или извѣстному русскому иконописцу Гайтону, производившему роспись собора при устройствѣ въ храмѣ придѣла, въ которомъ находилась гробница Симеона Гордаго, или же кисти царскихъ иконописцевъ XVII вѣка. Дальнѣйшія изслѣдованія стѣнъ собора будутъ производиться подъ руководствомъ члена императорской археологической комиссіи, архитектора П. П. Покрышкина. Соборъ Спаса на Бору—первый выстроенный въ Москвѣ храмъ. Стѣны его были покрыты живописью въ древне-русскомъ, или, вѣрнѣе, византійскомъ стилѣ. По мнѣнію компетентныхъ лицъ, дальнѣйшіе археологическіе розыски могутъ привести къ весьма важнымъ, интереснымъ и даже неожиданнымъ открытіямъ.

Пятидесятилѣтіе государственной службы А. Г. Вишнякова. 10-го января исполнился пятидесятилѣтій юбилей государственной службы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, первоприсутствующаго въ судебномъ департаментѣ правительствующаго сената Александра Григорьевича Вишнякова. По окончаніи курса ученія въ петербургской духовной академіи, юбиляръ, начавъ службу въ 1862 году въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ составленіемъ записки о современномъ состояніи русскаго раскола, былъ переведенъ въ хозяйственный департаментъ министерства, въ которомъ пробылъ двадцать девять лѣтъ, пройдя послѣдовательно всѣ должности до директора департамента включительно. Такимъ образомъ, служебная дѣятельность юбиляра неразрывно связана съ

проведеніемъ въ жизнь какъ городского положенія 1871 года, такъ и новаго положенія конца восьмидесятыхъ годовъ, причемъ А. Г. Вишняковъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ комиссіяхъ и подготовительныхъ работахъ по реформѣ городского управленія. Юбиларомъ изданы были въпослѣдствіи и семь большихъ томовъ, подъ заглавіемъ: «Матеріалы по городскому общественному устройству». Кромѣ того, А. Г. Вишняковъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ архивной комиссіи, образованной при святѣйшемъ синодѣ, сотрудничалъ въ рядѣ періодическихъ изданій, гдѣ появлялись его работы преимущественно по расколу, какъ-то: «Исслѣдованіе объ анабаптистахъ», «О раскольничьей сектѣ странниковъ», «О сущности и характерѣ русскаго раскола» и многія другія. Съ 1901 года дѣятельность А. Г. Вишнякова принадлежитъ правительствующему сенату. Юбиларъ имѣетъ всѣ знаки отличія включительно по орденъ святого Александра Невскаго съ брильянтами.

НЕКРОЛОГИ.

ВЕСТУЖЕВА, С. И. 6-го января скончалась отъ воспаления легких женщина-врачъ перваго выпуска высшихъ женскихъ курсовъ, Софія Ивановна Вестужева. С. И. родилась въ 1840 году и происходитъ изъ старинной дворянской помѣщичьей семьи Казанской губерніи Якоби. Будучи уже замужемъ, С. И. сдала экзамень на аттестатъ зрѣлости и начала заниматься медициной при казанскомъ университетѣ, затѣмъ, по открытіи высшихъ женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи, поступила на нихъ. Во время русско-турецкой войны была командирована въ качествѣ врача отъ военнаго вѣдомства на театръ военныхъ дѣйствій. Работала въ военно-полевыхъ госпиталяхъ Зимницы, Сисова и Тырнова, за что была награждена золотой медалью на георгиевской лентѣ. Когда разгорѣлась чума въ Ветлянской станицѣ, С. И. поѣхала туда и оставалась тамъ до ея окончанія, работая среди женскаго казачьяго населенія. Въ

Парижѣ покойная работала въ клиникахъ профессора Шарко. Послѣднія десять лѣтъ, вслѣдствіе пошатнушагося здоровья, медицинскую дѣятельность совсѣмъ оставила и проживала въ городѣ Котельничѣ Вятской губерніи. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1912 г., № 12.872).

† **Бобровъ, П. П.** Недавно скончался въ Москвѣ отъ болѣзни сердца Павелъ Павловичъ Бобровъ, много потрудившійся надъ развитіемъ шахматной игры въ Россіи. Состоя въ продолженіе многихъ лѣтъ секретаремъ московскаго шахматнаго кружка, онъ въ то же время оказывалъ сильное вліяніе и на шахматное оживленіе въ остальной Россіи. Благодаря главнымъ образомъ ему, были организованы также три всероссійскихъ турнира (въ Москвѣ и Кіевѣ). Имъ издавался ежемѣсячникъ «Шахматное Обзорніе», постепенно доведенный до высокой степени совершенства, но, къ сожалѣнію, прекратившій свое существованіе. Будучи самъ недурнымъ составителемъ шахматныхъ задачъ, П. П. много способствовалъ развитію этого искусства въ Россіи, помѣщая въ своихъ

изданіяхъ преимущественно русскія задачи. Умеръ онъ всего 50 лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.872).

† **Бутовскій, П. М.** 5-го января скончался членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Петръ Михайловичъ Бутовскій, бывшій ближайшимъ сотрудникомъ Н. В. Муравьева, какъ министра юстиціи. Вскорѣ по назначеніи Н. В. Муравьева министромъ въ 1894 году покойный П. М. былъ приглашенъ на постъ его товарища и принималъ дѣятельное участіе какъ въ управленіи министерствомъ юстиціи, такъ и въ подготовительныхъ реформахъ по судебной части. При его содѣйствіи были пересмотрѣны судебныя законоположенія, распространены судебныя учрежденія по уставу 1864 г. на все пространство Россіи и на всю Сибирь, присоединена къ министерству тюремная часть и приняты мѣры къ упрощенію судебныхъ производствъ. Въ 1900 году П. М. совершилъ поѣзду въ Сибирь съ цѣлью ревизіи вновь открытыхъ судебныхъ учреждений. Назначенный въ 1901 году членомъ государственнаго совѣта по департаменту гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, покойный вошелъ въ составъ особаго совѣщанія по обсужденію проекта новаго уголовного уложенія и явился въ немъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ, способствовавшихъ своими знаніями и опытомъ успѣшнымъ занятіямъ совѣщанія. Въ послѣдніе годы, помимо участія въ общихъ собраніяхъ, П. М. состоялъ членомъ особыхъ совѣщаній и присутствій по подробному обсужденію проектированныхъ законоположеній по судебной части, по дѣламъ принудительнаго отчужденія недвижимыхъ имуществъ и вознагражденія ихъ владѣльцевъ, по пересмотру установленныхъ для охраны государственнаго порядка исключительныхъ законоположеній и др. Покойный родился въ 1842 году, окончилъ курсъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Затѣмъ отправился за границу и изучалъ въ университетахъ Германіи и Франціи юридическія науки. По возвращеніи въ 1864 году поселился въ Полтавѣ, служилъ въ канцеляріи мѣстнаго губернскаго прокурора, былъ нѣкоторое время кобелякскимъ стряпчимъ, затѣмъ совѣтникомъ гражданской палаты полтавскаго окружнаго суда. Одновременно былъ гласнымъ полтавской думы и почетнымъ мировымъ судьей Кременчугскаго уѣзда. Съ 1874 году П. М. послѣдовательно предсѣдательствовалъ въ гродненской палатѣ уголовного и гражданского суда, въ люблинскомъ окружномъ судѣ и департаментѣ варшавской судебной палаты. Въ 1880 г. онъ былъ прокуроромъ харьковской судебной палаты, черезъ два года вернулся въ Варшаву въ качествѣ прокурора мѣстной судебной палаты и съ 1887 года былъ ея старшимъ предсѣдателемъ. Въ 1889 году онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ перваго департамента сената и въ теченіе пяти лѣтъ далъ множество цѣнныхъ заключеній по интереснымъ дѣламъ, касавшимся преимущественно административнаго управленія. Въ это время онъ посѣтилъ впервые Сибирь и произвелъ ревизію мѣстныхъ судебныхъ учреждений и прокурорскаго надзора. Какъ судебный дѣятель, покойный оставилъ по себѣ хорошую память своимъ безпристрастіемъ, внимательностью и тщательнымъ изученіемъ судебныхъ дѣлъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12868).

† **Голубинскій, Е. Е.** Въ ночь съ 7-го на 8-е января въ подмосковномъ Сергіевскомъ посадѣ, въ своемъ собственномъ домѣ, тихо скончался на 79 году жизни

заслуженный ординарный профессор московской духовной академіи и ея давнишній почетный членъ, ординарный академикъ академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Евгений Евсигнеевичъ Голубинскій. Въ исторіи даже славной московской академіи найдется очень немного именъ, которыя могли бы стать на ряду съ именемъ Голубинскаго. Съ нимъ уходитъ въ могилу цѣлая эпоха въ разработкѣ русской церковно-исторической науки. Покойный Е. Е. былъ сынъ священника костромской епархіи. Начальное образованіе свое онъ получилъ въ солигаличскомъ духовномъ училищѣ, изъ котораго перешелъ въ костромскую духовную семинарію. Въ 1856 году Е. Е. окончилъ московскую духовную академію и на нѣкоторое время занялъ должность преподавателя сосѣдней съ академіей спасо-виѳанской духовной семинаріи. Въ 1861 году, въ эпоху расцвѣта приспомятаго святителя московскаго митрополита Филарета, почившій появляется снова въ воспитавшей его академіи уже въ качествѣ ея бакалавра. Современники его перваго появленія на академической каѳедрѣ говорятъ, что тогда ничто не предвѣщало въ немъ того колосса науки, какимъ онъ явилъ себя въ послѣдующее время. Природа не дала ему задатковъ, необходимыхъ для оратора: голосъ его былъ слабъ, манеры угловаты, и, собственно говоря, ему никогда не суждено было стать властителемъ и магомъ своей аудиторіи. Въ послѣднюю приходили не столько, пожалуй, затѣмъ, чтобы послушать, сколько для того, чтобы посмотреть на этого рѣдкаго и чрезвычайно и во всемъ своеобразнаго «подвижника» науки. Но природа дала ему неистощимую энергію, надѣлила его огромною трудоспособностью, и эти качества, въ связи съ рѣдкимъ по остротѣ критическимъ умомъ, такъ хорошо развернувшимся въ академіи въ пору ея лучшаго расцвѣта, въ достопамятную эпоху А. В. Горскаго, другаго Голубинскаго (протоіеря Ѳедора Александровича) и прочихъ столповъ академіи, породили то литературное богатство, какимъ онъ обезсмертилъ свое имя. Его гигантскій двухтомный (причемъ каждый томъ раздѣляется на два огромные по размѣрамъ полтума) трудъ «Исторія русской церкви»—представляетъ собою небывалое явленіе въ лѣтописяхъ русской науки. По обширности, всесторонности и глубинѣ обнаруженныхъ авторомъ его познаній, основанныхъ на самомъ тщательномъ и богатомъ, по запасу научныхъ средствъ, изученіи историческихъ матеріаловъ, по рѣдкой силѣ и проницательности ученой критики, съ замѣчательнымъ остроуміемъ опредѣлившей дѣйствительную цѣнность и пригодность для историческихъ построеній того матеріала, какимъ довѣрчиво пользовалось при освѣщеніи событій русской исторіи большинство его предшественниковъ, по самостоятельности изслѣдованій многихъ историческихъ вопросовъ, изъ которыхъ большая часть не только получила подъ перомъ Голубинскаго совершенно правильное научное разрѣшеніе, но и впервые имъ была выдвинута и поставлена, по оригинальности многихъ взглядовъ, мнѣній и сужденій, по тщательной отдѣлкѣ не только главныхъ и кардинальныхъ вопросовъ, но и всѣхъ второстепенныхъ и даже третъстепенныхъ пунктовъ и по многимъ, очень многимъ другимъ качествамъ, которыя трудно было бы и перечислить,—этотъ трудъ Е. Е., а равно и многіе другіе его ученые труды до сихъ поръ еще остаются—и, безъ сомнѣнія, надолго еще останутся,—никѣмъ не превзойденными.

Другой не менѣ его знаменитый современникъ и сослуживецъ его по духовной академіи, немногимъ предварившій его своимъ отходомъ въ вѣчность, историкъ и профессоръ Василій Осиповичъ Ключевскій, любившій называть себя «ближайшимъ сосѣдомъ Голубинскаго по специальности», однажды (по поводу тридцатипятилѣтія профессорской службы въ академіи Евгенія Евсигнеевича, такъ характеризовалъ свое отношеніе къ ученымъ трудамъ своего товарища: «Я привыкъ уважать вашу любовь къ историческимъ изысканіямъ и вашъ строгій взглядъ на обязанность ученаго, привыкъ цѣнить ваши познанія и приемы изученія даже тогда, когда въ раздумьѣ останавливался предъ вашими выводами». Эти выводы, къ какимъ подчасъ приходилъ покойный Голубинскій, смущали не одного только его названнаго сослуживца, но также, хотя уже по совершенно инымъ соображеніямъ, и высшія церковныя сферы съ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ синода К. П. Побѣдоносцевымъ. Обаяніе его ученаго имени было такъ велико, что, при всей отрицательности его ученыхъ выводовъ, на него долгое время не рѣшались производить какое-либо давленіе. Но, когда на московскую кафедру вступилъ митрополитъ Сергій (Ляпидевскій), положеніе Евгенія Евсигнеевича, какъ и его товарища по курсу и по службѣ, другого профессора П. И. Горскаго-Платонова, сдѣлалось шаткимъ, и онъ въ 1895 году поспѣшилъ оставить службу въ академіи, выйдя въ отставку. И раньше Голубинскій не зналъ другой дороги, какъ только въ академію и изъ академіи, а теперь и вовсе замкнулся въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, напоминая о себѣ лишь непрерывнымъ потокомъ своихъ печатныхъ трудовъ и ученыхъ изслѣдованій. Но, почти одновременно съ оставленіемъ Евгеніемъ Евсигнеевичемъ службы при духовной академіи его избираетъ своимъ дѣйствительнымъ членомъ (ординарнымъ академикомъ по отдѣлу русской исторіи) академія наукъ, и Голубинскій, почти никогда не выѣзжавшій изъ тиши посадской, на нѣкоторое время переселяется въ сѣверную столицу. Здѣсь онъ съ успѣхомъ занимается переработкой, расширеніемъ и переизданіемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ трудовъ. Но послѣдніе годы онъ снова, и уже совершенно безвыѣздно, проводитъ въ посадѣ. Къ послѣдному его приковало тяжелое несчастье, постигшее его: онъ лишился зрѣнія. Въ эти послѣдніе годы своей долгой, беспросвѣтной ночи онъ занятъ былъ составленіемъ своихъ мемуаровъ, которые, подъ его диктовку, записывалъ его преемникъ по академической кафедрѣ профессоръ С. И. Смирновъ. Эти воспоминанія, имѣющія въ скоромъ времени начаться печатаніемъ, будутъ представлять несомнѣнный интересъ. Прикованный къ постели, покойный до конца дней своихъ, можно сказать, до послѣдняго своего издыханія, сохранялъ живой интересъ къ текущимъ событіямъ дня и выдающимся книжнымъ новинкамъ, съ которыми знакомили его родственники. Некрологъ его: «Петербургскія Вѣдомости», 1912 г. № 9).

† **Ивановскій, Н. П.** 8-го января послѣ тяжелой болѣзни скончался академикъ и заслуженный профессоръ императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины Николай Петровичъ Ивановскій, бывший въ послѣдніе годы членомъ медицинскаго совѣта и представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ главномъ по фабричнымъ и заводскимъ дѣламъ присутствіи. Покойный пользовался въ разгаръ своей дѣятельности обширной научной извѣст-

ностью, какъ специалистъ по патологической анатоміи, давшій наукѣ рядъ интересныхъ выводовъ по парепхиматознымъ измѣненіямъ железистыхъ органовъ у сифилитиковъ, по гистологическимъ измѣненіямъ легкихъ при оспѣ, по патологической анатоміи холеры и др. инфекціонныхъ болѣзней. Составленные имъ учебники по общей и частной патологической анатоміи вышли повторными изданіями. Покойный родился въ 1843 году. По окончаніи курса медико-хирургической академіи съ назначеніемъ врачомъ Орловскаго пѣхотнаго полка Н. П. былъ прикомандированъ къ академіи, затѣмъ къ петербургскому Николаевскому военному госпиталю. Въ 1871 году онъ защитилъ диссертацию «Матеріалы къ ученію о висцеральномъ сифилисѣ» на степень доктора медицины и назначенъ прозекторомъ патологической анатоміи при кафедрѣ профессора М. М. Руднева, съ 1877 года явился преемникомъ профессора по кафедрѣ патологической анатоміи, которую занималъ въ качествѣ экстраординарнаго и ординарнаго профессора. Затѣмъ въ 1892 году читалъ судебную медицину. Когда въ 1884 году «Врачебныя Извѣстія» преобразовались въ еженедѣльный журналъ «Русская Медицина», покойный принималъ дѣятельнѣйшее участіе съ П. А. Ильинскимъ въ его редактированіи. Въ этомъ же журналѣ былъ помѣщенъ рядъ его статей: «Патологическая анатомія холеры» (изъ наблюденій въ холерную эпидемію 1871—72 гг.) и др. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.870).

† **Котовичъ, І. А.** 18-го декабря скончался въ Вильнѣ заслуженный и извѣстный дѣятель въ Сѣверо-Западномъ краѣ, бывшій кафедральный протоіерей, магистръ богословія, Іоаннъ Антоновичъ Котовичъ. Онъ всю свою жизнь посвятилъ дѣятельности въ родномъ и близкомъ ему Сѣверо-Западномъ краѣ въ дѣлѣ укрѣпленія въ немъ православія и развитія просвѣщенія. Отецъ І. А. окончилъ курсъ литовской духовной семинаріи въ 1861 году и былъ назначенъ учителемъ духовнаго училища, но черезъ два года поступилъ въ петербургскую духовную академію, по окончаніи курса которой въ 1867 году началъ службу при виленской публичной библіотекѣ. Въ 1868 году былъ рукоположенъ во священники къ Пречистенскому собору и назначенъ скоро законоучителемъ реального училища. Въ 1875 году отецъ Іоаннъ назначается настоятелемъ Пречистенскаго собора, затѣмъ кафедральнымъ протоіереемъ. Дѣятельность этого пастыря была очень многосторонняя: онъ былъ членомъ литовской духовной консисторіи, благочиннымъ женскаго епархіальнаго училища и т. д.; не было комиссіи по духовному вѣдомству, въ которой онъ не былъ бы дѣятельнымъ членомъ. Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ трудахъ по народному просвѣщенію, въ устройствѣ Муравьевскаго музея. По Виленской губерніи онъ былъ избранъ отъ блага духовенства кандидатомъ въ государственный совѣтъ. При своихъ сложныхъ обязанностяхъ по епархіи, протоіерей Котовичъ въ продолженіе 30 лѣтъ былъ редакторомъ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». Это былъ рѣдкой трудоспособности человекъ, 40 лѣтъ проведенный въ непрерывной работѣ на пользу церкви и на благо роднаго края. Покойный былъ свидѣтелемъ дѣятельности такихъ идейныхъ людей, какъ митрополитъ Іосифъ (Съмашко), графъ М. П. Муравьевъ, И. П. Корниловъ и др., проникся ихъ духомъ и шелъ по ихъ стопамъ. Онъ прекрасно зналъ Сѣверо-Западный край, былъ очевидцемъ польскаго мятежа, занимался всестороннимъ изученіемъ края, особенно въ истори-

ческомъ отношеніи, и былъ полезнымъ борцомъ за православіе и русскія начала. Въ проповѣдяхъ и въ многочисленныхъ своихъ статьяхъ онъ постоянно проводилъ взглядъ на Сѣверо-Западный край, какъ искони русскій; какъ членъ консисторіи, давалъ полезныя совѣты духовенству въ его борьбѣ съ воинствующимъ католицизмомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12.852).

† **Лавровъ, В. М.** 9-го января въ своемъ имѣніи близъ Новой Рузы скончался извѣстный журналистъ и переводчикъ Вуколь Михайловичъ Лавровъ. Покойный составилъ себѣ видное и прочное имя въ исторіи русской журналистики, какъ организаторъ и издатель «Русской Мысли», которую онъ основалъ въ 1880 г. вмѣстѣ съ С. А. Юрьевымъ, и затѣмъ въ теченіе слишкомъ двадцати пяти лѣтъ занимался изданіемъ журнала, не жалѣя для этого дѣла ни труда, ни силъ, ни значительныхъ матеріальныхъ затратъ. Покойный В. М. работалъ и вмѣстѣ съ Юрьевымъ, которому журналъ и обязанъ созданіемъ своей репутации одного изъ лучшихъ русскихъ ежемѣсячниковъ, и затѣмъ послѣ Юрьева съ В. А. Гольцевымъ, заступившимъ его мѣсто какъ фактическаго редактора. Помимо издательской работы и участія въ редактированіи журнала (послѣ Юрьева, до 1905 года, В. М. Лавровъ состоялъ и официальнымъ редакторомъ «Русской Мысли»), В. М. особенно много времени посвящалъ переводамъ съ польскаго. Прекрасно владѣя польскимъ и литературнымъ русскимъ языкомъ, онъ далъ на страницахъ своего журнала превосходные переводы выдающихся современныхъ польскихъ писателей во главѣ съ Сенкевичемъ и Эл. Ожешко. Многіе изъ его переводовъ напечатаны также въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Безъ преувеличенія можно сказать, что самая популярность этихъ писателей въ русскомъ обществѣ создалась благодаря образцовымъ переводамъ В. М. Лаврова. Эти переводы поставили В. М. въ близкія отношенія съ переводимыми имъ авторами, о чемъ можно судить хоть бы по интересной перепискѣ его съ Э. Ожешко, печатавшейся недавно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Въ послѣдніе годы В. М. Лавровъ много и тяжело хворалъ, долженъ былъ оставить Москву и жилъ большей частью въ своемъ небольшомъ имѣніи близъ Новой Рузы, гдѣ и скончался отъ паралича сердца, на шестидесятомъ году жизни. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1912 г., № 8).

† **Латышевъ, В. А.** Не стало одного изъ рѣдкихъ русскихъ педагоговъ, члена совѣта министра народнаго просвѣщенія, Василія Алексѣевича Латышева, скоропостижно скончавшагося 13-го января. Покойный былъ педагогъ по призванію. Свою замѣчательную энергію и удивительную трудоспособность онъ всецѣло посвятилъ дѣлу воспитанія и образованія. Распространеніе народныхъ школъ, обезпеченіе сельскихъ учителей отъ нужды, измѣненіе системы преподаванія съ цѣлью разумнаго развитія учащихся, поддержка образовательнаго ценз. учащихся на высотѣ послѣднихъ научныхъ требованій,—все это живо интересовало покойнаго и въ этой области имъ сдѣлано очень многое. Самъ всегда точный и аккуратный, ко всѣмъ благожелательный, онъ умѣлъ вдохновлять окружающихъ къ самовоспитанію въ нравственномъ отношеніи, къ совершенству въ продуктивности труда и къ избранію лучшихъ и прямыхъ путей въ достиженіи гуманитарныхъ цѣлей. Сынъ помощника попечителя петербургскаго учебнаго округа, тоже извѣстнаго педагога, В. А. блестяще

окончилъ курсъ въ Ларинской гимназiи и на физико-математическомъ факультетѣ петербургскаго университета и избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще. Съ 1872 года, въ теченiе двадцати лѣтъ, онъ преподавалъ математику въ петербургскомъ учительскомъ институтѣ, 5-й и 3-й петербургскихъ гимназiяхъ, въ земской учительской школѣ и читалъ, кромѣ того, въ учительскомъ институтѣ методику математики, руководя пробными уроками воспитанниковъ. Въ своемъ преподавательскомъ трудѣ покойный заботился о развитiи точнаго отвлеченнаго мышленiя учащихся и на ряду съ Евтушевскимъ, Волецовымъ и другими математиками заслужилъ извѣстность выдающагося методолога. Составленные имъ «Руководство къ преподаванiю ариѳметики», «Объяснительный курсъ ариѳметики» и «Учебникъ ариѳметики» по своей научности, серьезности и общедоступности изложенiя теории ариѳметики явились цѣннымъ вкладомъ въ учебную математическую литературу и распространились въ десяткахъ тысячъ экземплярахъ, выдержавъ рядъ изданiй. Одновременно, съ 1880 г., онъ, не довольствуясь ролью учителя, предпринялъ изданiе журнала «Русскiй Начальный Учитель» и досуги своей педагогической службы вкладывалъ съ любовью въ это дѣло. Журналъ этотъ сдѣлался, благодаря энергiи покойнаго, самымъ распространеннымъ въ Россiи изъ педагогическихъ изданiй и, несомнѣнно, содѣйствовалъ подъему интереса къ народной школѣ и развитiю школьнаго дѣла. Въ немъ В. А. напечаталъ рядъ своихъ статей о правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ народныхъ училищахъ, указывалъ учителямъ методы преподаванiя различныхъ предметовъ и пополнялъ ихъ образовательную подготовку. «Русскiй Начальный Учитель», можно сказать, былъ любимѣйшимъ дѣтищемъ покойнаго. Въ 1892 году В. А. былъ назначенъ директоромъ народныхъ училищъ Петербургской губернии. Съ его именемъ, какъ директора, связано начало и развитiе дѣятельности петербургской городской думы по открытiю высшихъ четырехклассныхъ городскихъ училищъ. Помимо новыхъ училищъ, открытыхъ на средства города, число министерскихъ городскихъ училищъ въ Петербургѣ при немъ утроилось, причемъ всѣ старыя преобразовались изъ трехклассныхъ въ четырехклассныя. Для поднятiя педагогическаго уровня учащихся городскихъ училищъ, по его иниціативѣ и ходатайству, стали читаться въ петербургскомъ университетѣ курсы по разнымъ отдѣламъ наукъ. Имъ же были организованы ежемѣсячныя собранiя учителей и учительницъ для разработки вопросовъ текущей школьной жизни. По его иниціативѣ, учреждено общество взаимной помощи учащимъ въ народныхъ школахъ Петербургской губернии и общежитiе для обучающихся въ столичныхъ учебныхъ заведенiяхъ дѣтей сельскихъ учителей. Онъ же участвовалъ въ разработкѣ пенсiонной кассы народныхъ учителей и учительницъ при министерствѣ народнаго просвѣщенiя и въ послѣднiе годы предсѣдательствовалъ въ комитетѣ этой кассы. Съ 1903 года по 1910 г. покойный былъ помощникомъ попечителя петербургскаго учебнаго округа и въ этотъ періодъ его административно-педагогическая дѣятельность проявилась въ болѣе широкихъ размѣрахъ. При немъ разрабатывались вопросы о сближенiи средней школы съ семьей, объ организации пансiоновъ и многiе другiе. При его содѣйствiи была открыта окружная гимназiя, которой онъ завѣдывалъ до конца своей жизни на правахъ директора. Одно время онъ былъ предсѣдателемъ

педагогическаго совѣта Покровской женской гимназіи, въ послѣднее время предсѣдательствовалъ въ попечительномъ совѣтѣ женской гимназіи имени великой княгини Александры Іосифовны. Если подвести итогъ только тому, что онъ практически осуществилъ личной инициативой, энергіей и заботливостью, то получится крупный итогъ, ярко свидѣтельствующій объ его инициаторскомъ творчествѣ въ школьномъ дѣлѣ, его добромъ, сердечномъ отношеніи къ учительскому, недостаточно обезпеченному персоналу и его любви къ дѣтямъ. Умеръ В. А. на 62-мъ году жизни, оставивъ по себѣ славную память въ исторіи русскаго народнаго образованія. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.875).

† **Миклашевскій, М. І.** 5 декабря скончался въ Петербургѣ одинъ изъ немногихъ теперь дѣятелей эпохи освобожденія крестьянъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Іосифовичъ Миклашевскій. Покойный родился 13-го апрѣля 1828 года въ имѣнці Холмы Смоленской губерніи. Его отецъ, Іосифъ Михайловичъ, былъ полковникъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, его мать, Варвара Васильевна, урожденная Красно-Милашевичъ, дочь господаря Молдавіи и Валахіи (предсѣдателя дивана). Свое образованіе М. І. получилъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, которое и окончилъ въ 1847 году, послѣ чего вступилъ въ канцелярію межевого департамента сената. Скоро, однако, Миклашевскій, не чувствовалъ въ себѣ призванія къ чиновнической службѣ, подалъ прошеніе объ отставкѣ, а въ 1854 году выставилъ свою кандидатуру въ стародубскихъ (Черниговской губерніи) дворянскихъ выборахъ и былъ избранъ на должность уѣзднаго предводителя дворянства, занимаемую имъ два трехлѣтія подъ рядъ. Когда послѣ манифеста 19-го февраля въ губернскихъ городахъ были образованы особые по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, имѣвшія задачей вводить въ жизнь крестьянскую реформу, М. І. получилъ отъ черниговскаго губернатора князя С. Голицына приглашеніе занять должность непремѣннаго члена черниговскаго губернскаго присутствія. М. І. принялъ эту должность, но подъ условіемъ, чтобы его не представляли ни къ какимъ наградамъ: онъ заранѣе отказывался отъ всякихъ чиновъ и орденовъ; онъ желалъ избѣгать даже возможности упрека въ томъ, что его служебная дѣятельность можетъ основываться на какомъ-либо мотивѣ не изъ области объективной правды и полнаго безпристрастія. За свою продолжительную службу въ разныхъ почетныхъ должностяхъ покойный имѣлъ только посредническій знакъ въ память крестьянской реформы, которымъ всегда гордился. Этотъ категорическій отказъ отъ всякихъ наградъ создалъ ему въ свое время репутацію вольнодумца. Въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи Миклашевскій работалъ до 1868 года, а въ 1869 году, когда учреждены были съѣзды мировыхъ судей, онъ былъ избранъ единогласно въ Стародубѣ предсѣдателемъ этого съѣзда и не покидалъ этой должности во все время существованія съѣздовъ. Покойный особенно интенсивно работалъ въ этой должности, смотрѣлъ на стародубскій съѣздъ мировыхъ судей, какъ на свое дѣтище, и гордился тѣмъ, что онъ открылъ его, онъ же и закрылъ. Параллельно съ этимъ М. І. былъ въ составѣ перваго губернскаго собранія и несъ обязанности губернскаго гласнаго въ теченіе девяти трехлѣтій, принимая живое участіе въ засѣданіяхъ собранія, нѣкоторыя изъ постановленій котораго состоялись по его предложенію. Кромѣ

того, на его долю выпала высокая честь председательствованія по высочайшему повелѣнію въ очередномъ губернскомъ собраніи сессіи 1871 года. Уѣзднымъ же гласнымъ по Стародубскому уѣзду М. І. оставался до послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Кромѣ того, онъ занималъ должность почетнаго мирового судьи, будучи избираемъ въ нее отъ 1869 года до послѣдняго времени. Покойный М. І., несмотря на то, что родился въ глухую эпоху крѣпостного права и получилъ образованіе въ 40-хъ годахъ въ привилегированномъ учебномъ заведеніи и началъ свою общественную службу въ царствованіе императора Николая I, вполне сумѣлъ приспособиться къ духу реформъ Александра II. Произошло это оттого, что онъ на общественную дѣятельность смотрѣлъ, какъ на высшій свой долгъ предъ окружающимъ его населеніемъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12873.)

† **Милютинъ, Ю. Н.** Союзъ 17-го октября понесъ тяжелую утрату въ лицѣ члена центрального комитета и председателя петербургскаго городского совѣта Юрія Николаевича Милютина. Человѣкъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ, удивительнаго благородства, чистоты и искренности мысли, онъ родился и выросъ въ семьѣ, которая составляла гордость и славу Россіи. Его отецъ былъ знаменитымъ участникомъ великой реформы 61 года, дядя его—не менѣе знаменитый фельдмаршалъ Д. А. Милютинъ. Ю. Н. родился въ Москвѣ въ 1856 году и образованіе получилъ въ Катковскомъ лицѣ въ Москвѣ. По окончаніи лицея онъ поступилъ на военную службу вольноопредѣляющимся и ушелъ въ дѣйствующую армію на Балканы. Подъ Горнымъ Дубнякомъ съ горстью храбрецовъ онъ выбилъ съ недоступной позиціи турецкій отрядъ и былъ за это награжденъ георгиевскимъ крестомъ. По окончаніи войны Ю. Н. выдержалъ офицерскій экзаменъ и, оставивъ военную службу, поступилъ въ петербургскій университетъ. Помимо университетскихъ лекцій, онъ пополнялъ свое образованіе постояннымъ чтеніемъ, и, благодаря обширной начитанности, широтѣ взглядовъ, ясности мысли, онъ могъ считаться однимъ изъ образованнѣйшихъ людей нашего времени. При постройкѣ Закаспійской желѣзной дороги Ю. Н. состоялъ нѣкоторое время чиновникомъ особыхъ порученій при генералѣ Анненковѣ. Въ области общественной работы Ю. Н. выступалъ въ качествѣ редактора газеты «Кавказъ», издававшейся въ Тифлисѣ. Работу эту онъ принялъ на себя по предложенію графа Шереметева. 1905 годъ выдвинулъ Ю. Н. въ первые ряды политическихъ дѣятелей. Убѣжденный сторонникъ представительнаго строя, онъ одинъ изъ первыхъ подписываетъ воззваніе союза 17-го октября. И друзья, и политическіе противники одинаково уважали Ю. Н. за глубокое благородство его натуры. Его слово никогда не расходилось съ дѣломъ. Избранный въ члены центрального комитета союза 17-го октября, послѣ перенесенія его изъ Петербурга въ Москву, онъ оказывается дѣятельнымъ руководителемъ петербургскаго комитета въ качествѣ председателя городского совѣта. Выборная кампанія въ государственную думу велась подъ его руководствомъ. Дважды его имя фигурировало въ спискѣ кандидатовъ въ государственную думу. Тяжелая сердечная болѣзнь свела Ю. Н. Милютина въ могилу. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1912 г., № 7).

† **Мясоедовъ, Г. Г.** Умеръ художникъ Григорій Григорьевичъ Мясоедовъ. Кто хоть немного знаетъ недавнее прошлое художества и лучшую пору развитія

товарищества передвижныхъ выставокъ, тому это имя должно быть хорошо знакомо. Г. Г. былъ ихъ инициаторомъ, онъ же былъ и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ товарищества. Начиная съ 1869 года, когда онъ возвратился изъ заграничной поѣздки, куда былъ на шесть лѣтъ отправленъ за счетъ академіи художествъ, Г. Г. энергично работалъ на пользу русскаго искусства, и, благодаря его энергіи и умѣнію вліять на своихъ товарищей, дѣло созданія товарищества осуществилось. Побывавъ въ Москвѣ и столковавшись съ нашими молодыми художниками, проживавшими въ первопрестольной, онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ въ 1871 году въ залахъ академіи художествъ, вмѣстѣ съ И. Крамскимъ, Н. Ге и другими, открылъ первую передвижную выставку. Тогда мало кто могъ учесть значеніе дѣла, громадность котораго можно понять только теперь, черезъ сорокъ лѣтъ. Если бы вся работа Г. Г. заключалась въ созданіи товарищества, то и тогда имя его должно было бы войти въ исторію русской живописи. Но Г. Г. былъ и очень плодовитымъ художникомъ, талантливымъ и сумѣвшимъ не разъ привлечь къ себѣ вниманіе и знатоковъ, и большой публики. Такимъ Г. Г. зарекомендовалъ себя очень рано, еще, какъ говорится, со школьной скамьи. На другой же годъ послѣ поступленія въ академію художествъ, а именно въ 1860 году, за картину «Деревенскій знахарь» онъ получилъ большую серебряную медаль. Въ 1861 году на академической выставкѣ появилась его вторая картина: «Поздравленіе молодыхъ въ домѣ помѣщика», удостоенная малой золотой медали, а въ 1862 году онъ написалъ и третью: «Въгнѣтъ Гришки Отрепьева изъ корчмы на литовской границѣ», какъ сцену изъ «Вориса Годунова» Пушкина. Эта небольшая, но сильно и экспрессивно написанная картинка дала Г. Г. большую золотую медаль, право поѣздки за границу пенсионеромъ академіи художествъ и была куплена въ музей. Г. Г. принадлежалъ къ тѣмъ художникамъ, которые ни на чемъ не специализируются. Съ одинаковой любовью онъ писалъ историческія картины, какъ, напримѣръ, въ 1869 году «Франческо да-Римини и Паоло да-Паоленто», въ 1883 году «Чтеніе положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости»—картину, особенно прославившую его имя и ставшую очень популярной, картины историческаго жанра, какъ, напримѣръ, «Самосожигатели», изъ исторіи гоненія сектантовъ, въ своемъ фанатизмѣ доходившихъ до такихъ изувѣрствъ, картины изъ современной жизни и много большихъ и малыхъ пейзажей. Среди послѣднихъ, которыми онъ много занимался, бывали произведенія удивительно хорошо задуманныя и исполненные. Такова, напримѣръ, «Крымъ, видъ съ Байдарскихъ высотъ», написанная въ 1884 году. Вообще Г. Г. писалъ много, и, несмотря на преклонный возрастъ,—онъ умеръ семидесяти шести лѣтъ,—не оставлялъ кисти до послѣдняго времени. Родился Г. Г. въ родовомъ помѣстьи Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда въ 1835 году, потомъ былъ отданъ въ гимназію въ гор. Орлѣ, но не кончилъ курса, а, переселившись въ Петербургъ, занялся живописью. Успѣхи его въ этомъ любимомъ дѣлѣ были такъ велики, что въ 1859 году онъ великолѣпно выдержалъ экзаменъ въ академію, гдѣ сразу попалъ въ положеніе много общающаго ученика, что и доказалъ на слѣдующій же годъ и всей своей послѣдующей дѣятельностью. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12.851).

† **Овсянниковъ, Н. Н.** 2-го января скончался въ Твери старѣйшій русскій педагогъ, авторъ многихъ историко-литературныхъ трудовъ и давнишній сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей», дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Николаевичъ Овсянниковъ. Почившій, родившійся въ 1834 году, получилъ высшее образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ казанскаго университета; по окончаніи курса кандидатомъ (1855 г.) и съ награжденіемъ серебряною медалью за сочиненіе: «Характеристика князя А. М. Курбскаго» онъ съ 10-го октября 1855 года получилъ мѣсто учителя исторіи въ нижегородскомъ Александровскомъ дворянскомъ институтѣ; затѣмъ Н. Н. состоялъ директоромъ гимназій въ Калугѣ и съ іюля 1887 года—въ Твери. За выслугою срока онъ съ іюля 1891 года вышелъ въ отставку и до кончины продолжалъ жить въ Твери. Одновременно съ педагогическою службою Н. Н. Овсянниковъ въ теченіе болѣе полувѣка соединялъ и научно-литературную дѣятельность. Сначала онъ живо заинтересовался такъ называемою «мѣстной исторіей» и на страницахъ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» напечаталъ слѣдующія статьи: «Нижегородскія преданія» (1861 г., № 23), «Объ основаніи Нижняго-Новгорода» (№ 25) и «О пребываніи М. М. Сперанскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ» (№ 46). Въѣтъ съ тѣмъ имъ помѣщались и педагогическіе труды въ журналахъ «Воспитаніе» и «Учитель». Десятилѣтняя учительская практика побудила его составить оригинальный «Учебникъ всеобщей исторіи» (Спб. 1866 г.), какъ «опытъ приложенія педагогики къ преподаванію исторіи», въ трехъ концентрическихъ курсахъ, приспособленныхъ къ развитію учащихся, а близкое знакомство съ нижегородскою торговлею вызвало изъ-подъ его пера брошюру: «Въ защиту южнаго направленія Урало-Сибирской желѣзной дороги», объ отношеніи сибирскаго транзита къ Нижегородской ярмаркѣ (Нижній-Новгородъ, 1870 г.). Позже Н. Н. Овсянниковъ выступалъ о своими статьями въ журналахъ: «Русскій Вѣстникъ», «Наблюдатель», «Русскій Архивъ» и др. Изъ этихъ статей болѣе важны: «Разборъ русской исторіи Бѣлова» («Русскій Вѣстникъ», 1896 г., кн. 9 и 10), «Девятнадцатый вѣкъ», культурно-историческій очеркъ («Наблюдатель», 1901 г., кн. 2 и 3), «Идеи ХІХ вѣка о французской революціи» (1901 г., кн. 11 и 12), «Тѣнь въ Англіи» (1902 г., кн. 2), «Записки о казанскомъ университетѣ» («Русскій Архивъ», 1909 г., кн. 12) и «Мартовскія событія въ Петербургѣ въ 1881 году» (1911 г., кн. 5). Состоя ранѣе членомъ императорскаго русскаго географическаго общества и нижегородскаго статистическаго комитета, покойный въ послѣднее время былъ дѣятельнымъ участникомъ въ трудахъ тверской ученой архивной комиссіи и издалъ замѣчательный трудъ: «Тверь въ ХVІІ вѣкѣ», историческій и археологическій путеводитель по городу Твери (Тверь, 1889 г.). Наконецъ, въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ Н. Н. Овсянниковъ состоялъ ревностнымъ сотрудникомъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Онъ, кромѣ корреспонденцій изъ Твери, откликался на каждый выдающійся историко-литературный юбилей своими солидно написанными статьями, обозрѣвалъ замѣчательные труды по исторіи и археологіи, а какъ опытный педагогъ, еще такъ недавно помѣстивъ свой любопытный проектъ подъ названіемъ «Норма знаній въ средней школѣ» («Московскія Вѣдомости», 1911 г., № 71) (Некрологъ его: «Моск. Вѣд.», 1912 г., № 6).

† **Пономаревъ, А. И.** 28-го декабря скончался заслуженный профессор петербургской духовной академіи Александръ Ивановичъ Пономаревъ. Покойный по происхожденію изъ духовнаго званія, родился въ 1849 году, въ городѣ Челябинскѣ; воспитывался въ уфимской духовной семинаріи и высшее образованіе получилъ въ петербургской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса кандидатомъ, онъ съ 1-го октября 1874 года началъ въ званіи привать-доцента родной академіи читать лекціи по исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ литературъ и по теоріи словесности, а послѣ полученія степени магистра (1886 г.) занялъ профессорскую кафедру тѣхъ же двухъ наукъ и состоялъ на ней почти до своей кончины. Къ числу научныхъ трудовъ покойнаго принадлежали слѣдующія изслѣдованія: «Диалоги Григорія Великаго и средневѣковыя легенды о загробной жизни», магистерская диссертация (Спб. 1886 г.), «Средневѣковыя мистеріи, ихъ церковное и историко-литературное значеніе» (1887 г.) и—особенно важное изданіе, подъ заглавіемъ: «Памятники древне-русской церковно-учительной литературы», съ обширными предисловіями и филологическими примѣчаніями (Спб. 1894—1898 гг., четыре тома). Кромѣ статей въ «Христіанскомъ Читеніи» и «Церковномъ Вѣстникѣ», А. И. Пономаревъ съ 1880 года въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ издавалъ извѣстный духовный журналъ «Странникъ», въ которомъ также помѣстилъ рядъ своихъ учено-литературныхъ работъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1911 г., № 300).

† **Ройтманъ, Д. В.** Русская педагогика и школа, наша учебно-математическая литература и русское учительство понесли тяжкую утрату. Въ ночь съ 22-го на 23-е декабря, послѣ невыносимыхъ физическихъ страданій, во цвѣтѣ лѣтъ (на сороковомъ году жизни) и съ неугасимой жаждой творческой работы скончался Дмитрій Васильевичъ Ройтманъ. Астрономъ и математикъ по специальности, педагогъ Божьей милостью и чудесный товарищ по самой природѣ своей, покойный былъ философомъ по складу своего обширнаго и глубокаго ума, человѣкомъ сильной воли, благородной души и чистаго сердца. Не одно поколѣніе его учениковъ въ средней школѣ, не одно поколѣніе учителей городскихъ училищъ (онъ былъ преподавателемъ учительскаго института), нѣсколько поколѣній слушательницъ женскаго педагогическаго института и не одно поколѣніе его слушателей въ народныхъ и рабочихъ аудиторіяхъ вспомнятъ его добрымъ чувствомъ благодарности за ту любовь къ правдѣ и истинѣ, которая всю жизнь одушевляла его и которой онъ такъ искренно училъ. Товарищи покойнаго, имѣвшіе случай встрѣчаться съ Д. В. на общемъ дѣлѣ, никогда не забудутъ его всегда честнаго и правдиваго слова, его преданности дѣлу обновленія школы, его нелицепріятнаго и безпристрастнаго сужденія, независимаго отъ случайныхъ неудобствъ, къ которымъ приводитъ исповѣданіе какого-либо не общепринятаго взгляда. Не забудетъ его и исторія русской школы и общественности. Перу его принадлежатъ, кромѣ многихъ статей въ специальныхъ журналахъ, также учебники по астрономіи и математикѣ. По философскимъ взглядамъ своимъ онъ тѣснѣйшимъ образомъ примыкалъ къ Дюрингу. Последняя его философская работа, законченная имъ тогда, когда онъ физически уже угасалъ, носитъ заглавіе: «Дюрингъ—какъ представитель жизнедѣятельнаго

міросозерцанія». Относительно Д. В. особенно ярки и справедливы прекрасныя русскія слова: «онъ приказалъ намъ долго жить», т. е. еще долго чувствовать и мыслить, а если это неизбежно, то страдать и, даже страдая,—работать. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 353).

† **Турцевичъ, І. А.** 27-го декабря скончался одинъ изъ наиболѣе видныхъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей, инженеръ путей сообщенія Іосифъ Антоновичъ Турцевичъ. Покойный прослужилъ болѣе тридцати пяти лѣтъ на Николаевской желѣзной дорогѣ, покинувъ ее для поста председателя инженернаго совѣта, высшаго технического учрежденія министерства путей сообщенія, въ концѣ 1910 года, лишь тогда, когда ежедневная напряженная дѣятельность на желѣзной дорогѣ надорвала его физическія силы. Дѣятельность І. А. Турцевича такъ тѣсно связана была за это долгое время съ работой и развитіемъ Николаевской желѣзной дороги, что ему пришлось быть участникомъ и осуществителемъ почти всѣхъ улучшеній этой первой въ Россіи дороги. Поступивъ въ 1874 году на Николаевскую дорогу начальникомъ участка на станціи Любань, І. А. Турцевичъ прошелъ всѣ послѣдовательныя ступени желѣзнодорожной службы и въ 1906 году былъ назначенъ начальникомъ дороги (съ небольшимъ лишь въ десять мѣсяцевъ перерывомъ службы на дорогѣ съ 1905 по 1906 годъ, когда покойный былъ назначенъ начальникомъ Сѣверо-Западныхъ дорогъ). Горячо любя то дѣло, процвѣтанію котораго І. А. Турцевичъ посвятилъ почти всю свою жизнь и въ которое вносилъ столько душевныхъ силъ, покойный, покидая въ 1910 году дорогую ему дорогу, взялъ съ собою и усыновилъ жившую у него малолѣтнюю приѣмную дочь Николаевской дороги, Людмилу Николаевскую, поэтическая исторія воспитанія которой служащими дороги со времени пятидесятилѣтняго юбилея дороги такъ извѣстна всѣмъ желѣзнодорожникамъ. Значеніе покойнаго І. А. Турцевича въ русской желѣзнодорожной техникѣ было чрезвычайно велико. Благодаря его дѣятельности, Николаевская дорога представляла непрерывно развивавшуюся академію желѣзнодорожнаго дѣла, изъ которой вышло столь значительное количество современныхъ выдающихся желѣзнодорожныхъ дѣятелей. Почти не было технического вопроса, которымъ бы не интересовался покойный и по которому бы онъ не работалъ. Кромѣ своей выдающейся технической и административной дѣятельности, І. А. Турцевичъ былъ извѣстенъ широкой благотворительностью, состоялъ председателемъ общества вспомошествованія нуждающимся студентамъ института инженеровъ путей сообщенія и многихъ другихъ обществъ, но особенно былъ извѣстенъ скрытой личной благотворительностью. Въ области служебныхъ отношеній І. А. Турцевичъ былъ отцомъ своихъ подчиненныхъ и служащихъ, которые шли къ нему смѣло искать правды и защиты и всегда встрѣчали равное, доброе отношеніе, ласковое слово и поддержку въ бѣдѣ.

† **Шамшинъ, И. И.** 4-го января скончался членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ Іванъ Ивановичъ Шамшинъ. Покойный родился въ 1835 году. По окончаніи курса въ императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ онъ началъ службу въ министерствѣ юстиціи и черезъ пять лѣтъ былъ уже директоромъ петербургскаго тюремнаго комитета и оберъ-секретаремъ 2-го отдѣленія пятаго департамента сената. Назначенный въ 1866 году

предсѣдателемъ петербургской палаты уголовного суда, онъ вскорѣ перешелъ на должность товарища предсѣдателя петербургскаго окружнаго суда, затѣмъ былъ послѣдовательно товарищемъ прокурора петербургской судебной палаты, вновь товарищемъ предсѣдателя и предсѣдателемъ петербургскаго окружнаго суда и предсѣдателемъ петербургской судебной палаты. Петербургскому судебному округу его дѣятельность была посвящена въ теченіе почти десяти лѣтъ и съ его именемъ, какъ предсѣдателя, связано нѣсколько громкихъ процессовъ первыхъ лѣтъ дѣятельности гласнаго суда въ Петербургѣ. Въ 1875 году покойный былъ назначенъ статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта, потомъ былъ послѣдовательно статсъ-секретаремъ департаментовъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и законовъ. Въ это время ему пришлось участвовать въ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, а также въ подготовительныхъ работахъ по разсмотрѣнію многихъ законопроектовъ. Послѣ непродолжительнаго секретарства въ верховномъ уголовномъ судѣ, ему было высочайше повелѣно присутствовать въ сенатѣ, и въ 1880 году на него была возложена памятная въ свое время сенаторская ревизія Самарской и Саратовской губерніи. Въ сенатѣ онъ присутствовалъ сперва въ пятомъ, потомъ въ первомъ департаментахъ и одновременно участвовалъ въ комиссіи по составленію проектовъ мѣстнаго управления. Въ 1882 году покойный былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ, управляющимъ московскимъ техническимъ училищемъ и московской дѣтской больницы. Вызванный черезъ два года въ Петербургъ онъ вновь присутствовалъ въ первомъ департаментѣ сената и вскорѣ былъ назначенъ управляющимъ межевой частью сената съ переводомъ въ межевой департаментъ. Въ качествѣ почетнаго опекуна И. И. управлялъ съ 1892 года петербургскимъ училищемъ глухонѣмыхъ и предсѣдательствовалъ съ 1898 года въ совѣтѣ Маринскаго института. Межевой частью онъ управлялъ около десяти лѣтъ, до перехода въ первое общее собраніе сената. Членомъ государственнаго совѣта былъ назначенъ въ 1896 г. Въ послѣднія 15 лѣтъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ общихъ собраніяхъ государственнаго совѣта, въ комиссіи по пересмотру устава о службѣ гражданской, въ пересмотрѣ дѣйствующихъ учрежденій сената и въ выработкѣ проекта его преобразованія, а также въ другихъ совѣщаніяхъ. Съ 1906 года покойный былъ предсѣдателемъ вновь учрежденнаго верховнаго уголовного суда. Какъ человекъ, онъ отличался замѣчательной трудоспособностью, правдивостью, безпристрастіемъ и сердечностью. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.865).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ А. А. Сигова «Похожденія революціонера-экспроприатора Савицкаго».

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ указанной выше статьѣ А. А. Сигова, на стр. 1026 напечатано слѣдующее: «Осенью 1908 года Савицкій орудовалъ въ Черниговской губерніи. Однажды въ самомъ городѣ

Черниговѣ разбойники устроили налетъ на мѣстный богатый женскій монастырь».

Ни въ самомъ городѣ Черниговѣ, ни въ его близкихъ окрестностяхъ женскихъ монастырей не имѣется вовсе, почему и никакого нападенія на этотъ монастырь быть не могло. Дѣйствительно, въ гор. Черниговѣ существовалъ нѣкогда Пятницкій женскій монастырь, но онъ закрытъ еще въ XVIII столѣтїи, а именно въ 1786 году, и на его мѣстѣ осталась съ тѣхъ поръ и нынѣ есть лишь приходская церковь св. Параскевы (Пятницы).

Д. Бочковъ.

При этихъ словахъ онъ снова выпилъ стаканъ краснаго вина и уставился глазами на госпожу фонъ-Тоттъ, которая сидѣла какъ разъ напротивъ него.

— Отчего вы смотрите на меня такъ странно?—съ неудовольствіемъ спросилъ онъ.

Ему хотѣлось вступитъ съ кѣмъ-нибудь въ споръ. Кромѣ того, у него было какое-то предчувствіе, что онъ имѣеть дѣло съ очень уступчивой особой.

Она кивнула ему головой и ласково отвѣчала:

— Я смотрю на васъ потому, что вспоминаю время, когда я носила васъ на рукахъ. То было лѣтъ двадцать слишкомъ тому назадъ. Дѣла вашей матушки были тогда не блестящи, и деньги были очень рѣдки въ вашемъ домѣ. Теперь обстоятельства перемѣнились. Милость короля, какъ солнце, позлащаетъ все. Ваша матушка имѣла сострадательное сердце. Она благодарила бы Всевышняго, если бѣ ей пришлось жить около молодой королевы и устранить съ ея пути всѣ препятствія. Вѣдь для принцессы другой страны здѣсь не такъ-то легко ориентироваться.

Другіе гости, сидѣвшіе за столомъ, были очень довольны, что започившій фаворитъ получилъ наконецъ отпоръ. Самъ онъ лишь ворочалъ глазами, обдумывалъ отвѣтъ, но отвѣтъ этотъ вышелъ довольно плоскимъ.

— Англичанка говоритъ по-нѣмецки плохо, а это признакъ глухости,—промолвилъ онъ.

— Ну, языку она можетъ и научиться,—возразила старушка и засмѣялась, видя, что молодой человѣкъ грозно уставился на нее глазами.

— Вы изволили видѣть камеръ-юнкера Брандта? Онъ пользуется расположеніемъ короля и слыветъ весьма учтивымъ кавалеромъ. Фаворитъ стукнулъ стаканомъ по столу.

— Я не знаю его!—вскричалъ онъ.—Да и расположеніемъ короля онъ вовсе не пользуется. Этотъ жалкій человѣкъ воображаетъ, что онъ знаетъ французскій языкъ. А между тѣмъ онъ не имѣеть понятія о театрѣ. Прямо скажу вамъ, сударыня, что если бы вы были мужчиной, я вызвалъ бы васъ на дуэль, ибо фамилія, которой не хочеть слышать его величество, есть оскорбленіе для моего уха.

Онъ кричалъ такъ громко, что даже гости, сидѣвшіе за другими столами, стали оглядываться. Одинъ изъ молодыхъ камергеровъ подошелъ къ нему и сталъ успокаивать. Но Голькъ кричалъ еще сильнѣе. Вдругъ онъ зарыдалъ. Его отвели въ другую комнату и оставили тамъ одного.

Скоро всѣ забыли объ этомъ маленькомъ происшествіи. Всѣ привыкли къ тому, что мужчины отъ вина приходятъ въ возбужденіе и не взвѣшиваютъ, какъ слѣдуетъ, свои слова.

За другимъ столомъ также произошелъ шумъ. Два кавалера поссорились изъ-за молодой дѣвушки, которая робко прижималась къ матери. А баронъ Шиммельманъ только ходилъ, потирая руки, по комнатамъ и радовался, глядя, какъ вездѣ уничтожали жаркое, паштеты и вино. Потомъ онъ съ поклономъ проводилъ до кареты герцогиню и ея придворную даму, выражая сожалѣніе, что онѣ не захотѣли немножко сыграть въ карты. Обѣ дамы были очень польщены.

— Я всегда проигрываю,—сказала герцогиня своей спутницѣ, когда карета тронулась домой.—Знаете, мнѣ пришлось бы продать свою брильянтовую брошку, чего мнѣ не хотѣлось бы дѣлать. Мой браслетъ и двѣ золотыхъ шпильки перешли уже къ евреямъ.

Госпожа Тоттъ пробормотала про себя что-то не совсѣмъ понятное и закуталась въ шаль. Она также любила рискнуть въ карты, но играла очень расчетливо и нерѣдко выигрывала нѣсколько талеровъ. И на этотъ разъ она была бы не прочь перекинуться въ картишки, но она знала, что, сѣвъ за зеленый столъ, герцогиня забывала все на свѣтѣ и вела весьма рискованную игру. Поэтому для нея благоразумнѣе было воздержаться отъ игры, тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, у ней дѣйствительно не было денегъ, а съ другой—даже для поѣздки въ Альтону пришлось продать большую серебряную чашу.

Доморощенные плонскія лошади бѣжали домой скорѣе обыкновеннаго. Въ Гамбургѣ ихъ поставили въ конюшню, устроенную на англійскій манеръ, но не сочли нужнымъ дать имъ овса или сѣна; это обстоятельство привело ихъ въ дурное настроеніе, и старая парадная карета совершала такіе скачки, которые были небезопасны въ ея возрастѣ. Старинныя, плохо освѣщенныя гамбургскія улицы быстро неслись мимо. Скоро показались и городскія ворота, которыя пора было запирать. Часы на колокольнѣ пробили уже девять часовъ. Тѣмъ не менѣе карета изъ Плона успѣла проѣхать въ ворота. Старый бранчливый кучеръ гордо выпрямился на своемъ мѣстѣ и такъ громко защелкалъ бичомъ, что нѣсколько пьяныхъ матросовъ, сидѣвшихъ въ кабакахъ на Гамбургской горѣ и наслаждавшихся свѣжимъ воздухомъ, разразились бранью. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ даже вскочить на подножку, но кучеръ успѣлъ его оттолкнуть.

Но вотъ показалась и Альтона, вотъ и рынокъ возлѣ ратуши, вотъ карауль, отдающій честь обѣимъ дамамъ, при выходѣ ихъ изъ кареты, вотъ и хозяинъ гостиницы, встрѣчающій ихъ съ поклонами.

— Въ такое позднее время, собственно говоря, не стоитъ пускаться въ путь,—заговорила герцогиня, не на шутку перепугавшаяся въ дорогѣ, но ея гофмейстерина въ отвѣтъ позвала карлика и велѣла ему нести наверхъ шаль и вѣера.

— Шуть бы его побралаь,—съ досадою проворчалаь кучерь.—У Шиммельмана онъ только и дѣлалаь, что сидѣлаь за бутылкой. И если онъ еще не пьянъ, то скоро напьется.

И съ этими словами плонскіе одры двинулись отъ подѣзда. Ни ея свѣтлость, ни госпожа фонъ-Тоттъ не нашли въ этомъ ничего грубаго: вѣдь и кучера, и лошадей имъ одолжилаь плонскій почтмейстеръ, и отъ нихъ нечего было ожидать хорошихъ манерь.

Не безъ огорченія, однако, обѣ дамы отыскали занятія имп комнаты. Герцогиня даже лишилась сна. А между тѣмъ завтра утромъ ей нужно было представиться королевѣ. Ей было досадно, что она не попытала счастья въ игрѣ. Поѣздка въ Альтону обошлась гораздо дороже, чѣмъ она это предполагала, и плонскому почтмейстеру придется еще долго ждать, пока ему заплатятъ за карету и лошадей.

Госпожа фонъ-Тоттъ спала лучше. Она поднялась на другой день довольно рано и, подойдя къ окну, увидѣла карлика Ионаса, который тихонько пробирался домой, грязный и ободранный. Она быстро сбѣжала внизъ и схватила карлика за шиворотъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ собирался шмыгнуть въ свой подвалъ.

— Гдѣ ты шатался?—рѣзко спросила она.

— Ахъ, ты, Господи!—карликъ готовъ былъ расплакаться и почесывалаь себѣ голову. Бѣлаго парика на ней уже не было.—Надо же когда-нибудь повеселиться, ваша милость, и выпить красненькаго винца, если представится случай. Вѣдь въ Плонѣ не получишь ни вина, ни денегъ для его покупки. А когда получишь шиллингъ отъ самой королевы, то ужъ, конечно, безъ этого нельзя.

Онъ пытался было захныкать, но старая Эммелина стала разспрашивать его такъ добродушно, что онъ скоро выболталаь все. У Шиммельмана, послѣ ихъ отѣзда, произошла за картами ссора, и графъ Голькъ, бывшій въ нетрезвомъ видѣ, вызвалаь на дуэль графа Ранцау. Поединокъ состоялся тутъ же на дворѣ, и хотя шпаги имъ были даны совершенно безопасныя, тѣмъ не менѣе Голькъ ранилаь противника въ лѣвое плечо.

Разсказаь обо всемъ, карликъ опять хотѣлаь было улизнуть, но госпожа фонъ-Тоттъ держала его крѣпко.

— А потомъ что было?

Онъ робко оглянулся кругомъ.

— Графъ Ранцау повѣситъ меня, если узнаеть, что я говорю объ этомъ дѣлѣ. Онъ очень золъ, что ему...

— Гдѣ теперь графъ Ранцау?

— Здѣсь, въ Альтонѣ, ваша милость. Я провожалаь его вмѣстѣ съ человѣкомъ графа Шиммельмана и бѣгалаь за городскимъ врачомъ. Едва ли бы я разыскалаь его среди ночи, но мнѣ указалаь до рогу къ нему городской сторожъ.

— Что же сказаь медикъ?

— Онъ искусно зашилъ рану, и графъ остался очень доволенъ имъ. А какъ меня-то самого отдѣлали, ваша милость! Панталоны въ лохмотьяхъ, а камзолъ—сплошная дыра.

Карликъ началъ громко вздыхать, но госпожа фонъ-Тоттъ, недолго думая, запустила руку въ его карманъ и вытащила оттуда цѣлую горсть серебра.

— По дѣломъ тебѣ и досталось,—сказала она, возвращая ему деньги.—Ты портной и легко можешь все это починить. Кстати зашей себѣ и ротъ на это время, а я ужъ тебя не выдамъ. А что было съ господами, то насъ не касается.

V.

На другое утро герцогиня Христина была принята королевой. Каролина-Матильда уже не плакала. Она встрѣтила ее очень благосклонно и сказала ей нѣсколько милостивыхъ словъ, бросая время отъ времени взоры по направленію къ окну, гдѣ стояла теперешняя ее любимица Минетта фонъ-Золенталь. Госпожа фонъ-Тоттъ, неизмѣнно сопровождавшая свою покровительницу, направилась тѣмъ временемъ къ племянницѣ.

— Все идетъ хорошо?—спросила она.

Минетта улыбнулась.

— Великолѣпно, тетя. Ея величество такъ милостива ко мнѣ, какъ никто, даже...

Она оборвала фразу и покраснѣла.

Эммелина посмотрѣла на племянницу съ видомъ полного удовольствія, но не сказала ей ни одного ободряющаго слова.

— Я очень рада, что моя рекомендація пригодилась тебѣ. Но счастливые дни проходятъ скоро, а у королей память очень коротка.

— Ихъ величество общались мнѣ...—начала было Минетта, но въ эту минуту около нихъ зашуршало ярко-красное платье оберъ-гофмейстерины, которая доложила, что явилось духовенство привѣтствовать королеву. Аудіенцію герцогини пришлось сократить, такъ что госпожа фонъ-Тоттъ едва успѣла поцѣловать руку королевы, которая кивнула ей, какъ старой знакомой.

— Спасибо за Минетту,—сказала она и хотѣла еще что-то прибавить, но оберъ-гофмейстерина посмотрѣла на нее холодно и повелительно. Молодой королевѣ каждый день приходилось чему-нибудь учиться. Такъ и на этотъ разъ она поняла, что она не принадлежитъ самой себѣ. Сдѣлавъ движеніе рукой, какъ бы отпуская обѣихъ дамъ, она придала своему лицу официальное выраженіе, какъ полагается при пріемѣ духовенства.

Герцогиня осталась очень довольна своей аудіенціей: пока ее несли назадъ, она пустилась рассказывать о томъ, что ея величество общалась посѣтить ее въ Плонѣ.

— Дай-то Богъ, чтобы она не вздумала остановиться надолго у насъ въ замкѣ,—не могла не замѣтить госпожа фонъ-Тоттъ.

Лицо герцогини приняло смущенное выраженіе. Плонскій замокъ представлялъ собою огромное зданіе, но со времени смерти послѣдняго владѣльца онъ принадлежалъ по договору датской коронѣ, и вдовѣ владѣльца тамъ отводилось всего нѣсколько комнатъ. Остальныя помѣщенія были отведены подъ квартиры нѣсколькимъ старымъ чиновникамъ и придворнымъ съ очень пышнымъ родословнымъ древомъ и очень скуднымъ кошелькомъ.

Герцогиня, очевидно, не могла принять у себя короля съ супругой, но она быстро утѣшилась надеждой, что Каролина-Матильда и не прійдетъ.

Чемоданы были уже уложены. Карликъ Ионасъ, проспавшійся послѣ вчерашнихъ походовъ, показалъ свои портновскіе таланты и очень ловко запаковалъ туда и атласное платье герцогини и тяжелый парчевой костюмъ ея спутницы.

Госпожа фонъ-Тоттъ прежде, чѣмъ двинуться въ обратный путь, еще долго странствовала по городу. Сначала она посѣтила мать Минетты, но тамъ ее не приняли: хозяйка дома страдала «вапорами». Отправившись дальше, старая Эммелина только плечами пожимала. Она знала эту даму еще тогда, когда она была дѣвницей и носила фамилію Брандтъ. Въ то зрѣмя никакихъ «вапоровъ» за ней не водилось, да и держалась она много проще. Но, выйдя замужъ за такое важное лицо, какъ администраторъ Ранцау, она нашла болѣе правильнымъ поскорѣе отказаться отъ прежнихъ своихъ знакомыхъ. Кромѣ того, ему, можетъ быть, было неловко передъ Эммелиной фонъ-Тоттъ послѣ того, какъ онъ, не стѣсняясь, далъ понять, что ея племянница Минетта фонъ-Золенталь—нищая и что онъ держитъ ее у себя только изъ милости. Однако ея племянница была ему очень полезна по хозяйству. Но такъ ужъ устроены люди: они обращаютъ вниманіе на вѣшній лоскъ и не спрашиваютъ о добротѣ сердца.

Съ такими мыслями старая дама путешествовала изъ улицы въ улицу. Октябрьское солнце свѣтило весело. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ берегъ круто опускался въ рѣку, Эльба казалась голубой, а паруса розовыми. Но Альтона съ ея кривыми улицами и маленькими домишками не стала отъ этого краше. Впрочемъ, тамъ и сямъ возвышались изрѣдка довольно красивыя зданія, а церковь св. Троицы своей колокольной какъ бы призывала всѣхъ глядѣть на небо.

Тотъ, кто попадалъ въ Альтону изъ еще болѣе миниатюрнаго городка Плона, невольно испытывалъ удовольствіе при видѣ оконъ магазиновъ и даже аптеки Небелунга, гдѣ были выставлены напоказъ нѣсколько флаконовъ съ красною жидкостью, набитое чучело бобра и скелеты какихъ-то рыбъ.

Госпожа фонъ-Тоттъ вдругъ вспомнила, что ей нужно спросить у аптекаря какого-то особеннаго чаю. И, не долго думая, она вошла въ аптеку.

Самого Небелунга здѣсь не было. Провизоръ-итальянецъ вѣжливо обратился къ ней и спросилъ, что ей угодно. Какъ разъ въ эту минуту вошелъ слуга въ ливреѣ Ранцау и взялъ у аптекаря цѣлый пакетъ бинтовъ, воды для промыванія ранъ и тому подобныхъ матеріаловъ. Феррони о чемъ-то пошептался съ нимъ, и человѣкъ исчезъ такъ же быстро, какъ и вошелъ.

Госпожа фонъ-Тоттъ внимательно смотрѣла за всѣмъ, что происходило въ аптекѣ. Она долго жила въ свѣтѣ и привыкла все видѣть и все слышать.

— Графъ раненъ серьезно?—спросила она.

Итальянецъ отрицательно покачалъ головой.

— Не очень серьезно, насколько я знаю.

Онъ оглянулся и приложилъ палецъ къ губамъ.

— Господинъ городской докторъ запретилъ говорить объ этомъ случаѣ.

— А вы, конечно, не осмѣлитесь послушаться приказанія этого господина доктора?

Въ глазахъ Феррони блеснулъ огонекъ.

— Я обязанъ исполнять его приказанія, ваша милость,—отвѣчалъ онъ.—Я здѣсь чужой человѣкъ, а Струэнзе скоро станетъ за-темъ хозяина.

— Онъ, говорятъ, очень искусный врачъ,—сказала, помолчавъ немного, госпожа фонъ-Тоттъ.

— Очень искусный, очень умный и очень...

Итальянецъ прошепталъ послѣднее слово. Госпожа фонъ-Тоттъ поспѣшила переменить разговоръ. Она спросила о Дорхенѣ, о книгахъ, которыя Небелунгъ читалъ своимъ гостямъ, и своимъ добродушнымъ видомъ мало-по-малу завоевала сердце молодого человѣка. Онъ какъ будто растаялъ и пустился говорить ей о себѣ, о своей прекрасной родинѣ и о всемъ, что лежало у него на душѣ. Ясно было, что онъ любилъ Дорхенъ и ненавидѣлъ ея будущаго мужа.

— Не только свѣта въ окошкѣ, что въ Альтонѣ,—сказала Эммелина, взглядываясь въ его красивое смуглое лицо.—Въ Плонѣ тоже есть хорошая аптека, есть аптека и въ Килѣ. Кромѣ того, въ Копенгагенѣ...

Она запнулась, какъ будто она что-то внезапно вспомнила. Общимъ правиломъ при дворѣ было — давать совѣты только тогда, когда о нихъ просятъ, а Феррони не заикался объ этомъ ни слова.

Когда госпожа фонъ-Тоттъ добралась наконецъ до своей гостиницы, тамъ сидѣлъ молодой человѣкъ, котораго она оглядѣла довольно недружелюбно.

— Камеръ-юнкеръ Голькъ, вѣроятно, желалъ бы сдѣлать визитъ ея свѣтлости герцогинѣ?—освѣдомилась она.

Тотъ, кого она спрашивала, долженъ быть волею-неволею отвѣчать.

— Я ищущу здѣсь одного человѣка, — кратко отвѣчала онъ, — и не собираюсь беспокоить достопочтенную даму.

Госпожа фонъ-Тоттъ разсмѣялась.

— Карликъ Ионасъ сидитъ въ своемъ подвалѣ и чинитъ свой костюмъ, который ему изорвали вчера ночью въ Гамбургѣ. Онъ едва ли можетъ предстать передъ вами въ такомъ видѣ.

«Я въ немъ не нуждаюсь», хотѣлъ было сказать камеръ-юнкеръ, но слова засѣли у него въ горлѣ, и онъ только посмотрѣлъ на свои розовые ногти.

— Вы никогда не были такъ злы на меня, какъ теперь, хотя я не сдѣлалъ вамъ ничего дурного. Наоборотъ, я могъ бы сдѣлать вамъ много хорошаго, ибо его величество оказываетъ мнѣ свою благосклонность и я надѣюсь сохранить ее.

Онъ говорилъ плохо и быстро. Госпожа фонъ-Тоттъ пристально смотрѣла на него.

— Для меня лично не нужно никакихъ королевскихъ милостей, а если бъ я вздумала просить ее для себя, то никто не обратилъ бы вниманіе на мою просьбу. Если вы обратитесь ко мнѣ съ просьбой, то я постараюсь ее исполнить. Ваша мать была очень добрая и умная женщина, о которой я люблю вспоминать.

Графъ Голькъ подошелъ къ ней поближе.

— Моя просьба въ томъ, чтобы вашъ слуга-карликъ какъ-нибудь не разболталъ чего-нибудь и не распространялъ нелѣпныхъ слуховъ, которые уже ходятъ по городу. Въ Гамбургѣ ничего особеннаго не случилось.

— Только Карлъ Ранцау долженъ былъ обратиться за помощью къ хирургу, — сухо отвѣчала госпожа фонъ-Тоттъ. — Вы создали себѣ опаснаго врага, юнкеръ Голькъ. Онъ никогда ничего не забываетъ. Онъ генераль-лейтенантъ, а вы только камеръ-юнкеръ.

— Да, только камеръ-юнкеръ!

И графъ Голькъ гордо закинулъ назадъ голову.

— Я пользуюсь благосклонностью короля, и пусть графъ Ранцау бережется, хотя онъ и генераль. Его величество изволилъ прислать меня сюда для того, чтобы я могъ наблюдать со стороны за его супругой. А графъ Ранцау здѣсь только изъ любопытства и давно долженъ былъ бы находиться въ Норвегіи, куда его величество назначилъ его намѣстникомъ.

— Такимъ образомъ, вамъ нужно повидать въ этомъ домѣ не карлика Ионаса, а кого-то другого, — нетерпѣливо прервала его старая Эммелина и хотѣла пройти мимо него, но онъ крѣпко схватилъ ее за платье.

— Если вамъ уже извѣстно, что графу Ранцау пришлось прибѣгнуть къ помощи хирурга, то вы могли бы узнать еще больше. Только чтобы объ этомъ не разболтать. Этого не хочетъ самъ графъ, да и я даль клятву блюсти тайну!..

— Вы глупцы, — съ гнѣвомъ воскликнула старая дама. — Честный поединокъ у насъ всегда считался хорошимъ дѣломъ, о которомъ смѣло можно говорить, и я не позволю никому замыкать себѣ ротъ, ни камеръ-юнкеру, ни генераль-лейтенанту. Неужели мнѣ отрубятъ голову, если я буду рассказывать въ Плонѣ о поединкѣ у Шиммельмана и прибавлю, что тамъ разные юнцы прогрызаютъ сотни талеровъ, которыми ихъ наградила король.

Конрадъ Голькъ въ гнѣвѣ хотѣлъ было возражать, но въ это время къ нимъ подошелъ какой-то молодой красивый человекъ и низко поклонился госпожѣ фонъ-Тоттъ.

— Благоволите, ваша милость, разрѣшить мнѣ представиться вамъ и спросить, какъ изволить чувствовать себя ея свѣтлость герцогиня? Меня зовутъ Эневальдъ Брандтъ, — прибавилъ онъ, замѣтивъ, что старая дама пристально смотритъ на него.

Услышавъ его имя, она улыбнулась и протянула ему руку.

— Mon Dieu! Я васъ и не узнала! Я часто видѣла васъ, когда вы были еще мальчикомъ. То было хорошее время, когда годы еще не давали себя чувствовать! Да и при дворѣ были тогда лучшія времена. Какъ поживаетъ моя племянница Минетта?

Госпожа фонъ-Тоттъ говорила очень весело и продолжала крѣпко держать руку камеръ-юнкера, на лицѣ котораго неволью отражалось пріятное изумленіе.

— Вы очень добры, встрѣчая меня такъ привѣтливо, — началъ онъ. — Я уже отвыкъ...

Тутъ онъ замѣтилъ юнкера Голька, который стоялъ въ сторонѣ, и остановился.

Госпожа фонъ-Тоттъ улыбалась еще веселѣе.

— Не желаете ли, господа, посѣтить меня и выпить чашку чаю? Ея свѣтлости это тоже доставитъ удовольствіе. Она любитъ общество молодежи, и вы, господа, можете поговорить съ ней о Копентагенѣ. Вы вѣдь, кажется, друзья между собою?

Она съ улыбкой смотрѣла то на одного, то на другого, но графъ Голькъ ограничился только сухимъ поклономъ.

— Ваша милость позволить мнѣ откланяться?

И онъ вышелъ припрыгивающими шагами, не кланаясь Эневальду Брандту. Онъ, видимо, старался даже не задѣть какъ-нибудь его шелковаго камзола.

— Какой тупица! — сказала госпожа фонъ-Тоттъ; когда Голькъ удалился. — Но теперь такъ ужъ повелось: кого не взлюбитъ король, тому всякая дрянь старается вспрыгнуть на шею. Пойдемте-ка въ мою комнату, поболтаемъ на досугѣ; я старуха любопытная и люблю все знать.

Скоро юнкеръ сидѣлъ уже въ уютной комнаткѣ старушки передъ чашкой чаю и болталъ о разныхъ дѣлахъ. Какъ ни охотно

поддерживалъ онъ разговоръ, съ лица его не сходило сумрачное выраженіе.

— Я ни въ чемъ не виноватъ,—говорилъ онъ.—Я только предостерегалъ короля противъ Голька и его друзей. Христіанъ слабъ и забавляется мишурой и игрой.

— Вамъ бы лучше поискать счастья гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ,—добродушно говорила старая дама.—При дворѣ можно попасть въ большую честь, но можно и нажить много непріятностей. Въ какомъ-нибудь Шлезвигѣ живется гораздо лучше. Можно подыскать себѣ жену и спокойно зажить своей семьей.

Камеръ-юнкеръ лишь тяжело вздохнулъ.

— Вы забываете, что человѣку, впадшему въ опалу, не такъ-то легко получить мѣсто въ провинціи. Кромѣ того, у меня больше десяти тысячъ талеровъ долговъ, и я просто не знаю, какъ я ихъ уплачу. Нѣтъ, жизнь полна всякихъ огорченій. Лучше всего было бы вкусить напитокъ, послѣ котораго люди не просыпаются, а спать вѣчнымъ сномъ.

— А моя племянница Минетта?

Голосъ госпожи фонъ-Тоттъ звучалъ рѣзко. Юнкеръ въ отвѣтъ опустилъ голову на грудь.

— Да, все это очень печально,—промолвилъ онъ.

— Рохля,—чуть было не сорвалось у старой дамы, но она подавила восклицаніе.

Разговоръ велся односложно. Госпожа фонъ-Тоттъ уже не выказывала желанія сообщить герцогинѣ о томъ, что у нея сидитъ юнкеръ. Послѣдній скоро поднялся и, сказавъ нѣсколько цвѣтистыхъ комплиментовъ, удалился.

— А время прошло очень пріятно!—говорила на другой день герцогиня, пока ея старая карета мелкой рысцой подвигалась по мягкой, песчаной голштинской дорогѣ къ маленькой родной столпцѣ. Даже ворчливый кучеръ сдѣлалъ довольное лицо, а сидѣвшій рядомъ съ нимъ карликъ Ионасъ, по своему обыкновенію, надулъ щеки и снисходительно поглядывалъ внизъ, когда какой-нибудь крѣпостной крестьянинъ, поравнявшись съ каретой, отвѣщивалъ низкій поклонъ.

Госпожа фонъ-Тоттъ не отвѣчала на вопросъ, и герцогиня начала снова:

— Прекрасно мы провели время. Я полагаю, что ея величество сумѣетъ занять подобающее мѣсто. Какъ вы думаете?

— Я полагаю, что сумѣетъ,—отвѣчала госпожа фонъ-Тоттъ. Она не продолжала разговоръ, и герцогиня прислонила голову къ изъѣденной молю подушкѣ и погрузилась въ мысли, перешедшія скоро въ глубокій сонъ: она устала отъ всего, что ей пришлось за послѣднее время пережить, отъ жесткихъ постелей гостиницы, отъ

дурныхъ мостовыхъ большого города, словомъ, отъ всего, что прошло передъ ней.

На голштинскомъ ландшафтѣ ложился уже туманъ. Крупными каплями висѣлъ онъ на пожелтѣвшихъ листьяхъ буковъ и дубовъ и на соломенныхъ деревенскихъ крышахъ. Дорога тянулась черной грязной лентой. Она была не мощена, и на ней валялись груды камней. Большая часть деревень имѣли бѣдный, жалкій видъ: на крестьянскомъ сословіи чувствовалась тяжелая рука государства, отбиравашаго въ видѣ налоговъ у своихъ нижнихъ слоевъ все, что тѣ зарабатывали. А что не успѣвало отобрать государство, то оставалось въ пользу благороднаго помѣщика и шло на пользу его пастуховъ и стадъ. Горе крестьянину, который рѣшился бы побить на своемъ полѣ господскаго пастуха или заколотъ господскую свинью. За это онъ долженъ былъ умереть и притомъ иногда мучительной смертью.

Не лучше жилось и горожанину изъ мелкихъ обывателей, который былъ недоволенъ рѣшительно всѣмъ. Не только юнкеромъ, который обращался съ нимъ подчасъ довольно грубо, но и чиновниками, которые положительно мучали его. Высокомѣрный окружный начальникъ, большею частью изъ важныхъ баръ, заботился о дѣлахъ своей округи очень мало; для этого существовали актуаріи, церковные смотрители, бургомистры. И всѣ эти чинуши, начавшіе свою жизненную карьеру лакеями какого-нибудь важнаго барина, выжимали изъ населенія все, что только могли.

Да, плохія тогда были времена и проповѣдники могли съ какой угодно елейностью говорить съ каеэдры о премудрости Всевышняго, который установилъ всѣ эти порядки:—результатъ былъ тотъ, что многіе изъ слушателей сжимали потихоньку кулаки и не находили ничего хорошаго въ томъ, что какой-нибудь церковный смотритель ставилъ на ставку все свое имущество, которое досталось ему по наслѣдству отъ родителей. Жаловаться, впрочемъ, никто не рѣшался, ибо всякій зналъ, что правды искать негдѣ.

Темныя были времена. Тяжело жилось тогда мелкому люду. Но сильные міра сего жили въ свое удовольствіе, не зная никакихъ заботъ и твердо помня, что такой порядокъ установленъ самимъ Богомъ. И если Онъ иногда и посылалъ непогоду, все же за пасмурными днями опять должно было заблестѣть солнце.

Такъ думала и госпожа фонъ-Тоттъ, пока почтмейстерскія клячи медленно и задумчиво тащились по болотистой дорогѣ. Хотя она немножко и досадовала на то, что ей не удалось еще разъ повидаться передъ отъѣздомъ съ своей племянницей, тѣмъ не менѣе въ ея характерѣ было надѣяться на лучшее и полагаться во всемъ на волю Всевышняго въ твердомъ упованіи, что Онъ пошлетъ всякія блага ей и ея приснымъ.

VI.

Герцогиня Христина и ея спутница были не единственные голштинцы, прибывшіе на торжество и теперь уѣзжавшіе изъ Альтоны. Дня черезъ четыре разѣхалось немало дворянъ-помѣщиковъ, которыхъ уже сталъ тяготить придворный блескъ. Пребываніе въ городѣ было для всѣхъ накладно, особенно для тѣхъ, кто по вечерамъ садился за зеленое поле и беззаботно спускалъ денежки.

Впрочемъ, въ Альтонѣ оставалось еще много пріѣзжихъ, чѣмъ горожане были очень довольны. Юнкера держались по обыкновенію довольно заносчиво и грубо толкали горожанъ, если тѣ не успѣвали дать имъ дорогу на улицѣ. Зато они не скупились на покупки и нерѣдко оживляли затихавшую было торговлю.

Радовался дѣламъ и аптекаръ Небелунгъ. Особенно его веселили нѣсколько крупныхъ покупокъ, сдѣланныхъ въ его аптекѣ. Такъ, юнкеръ фонъ-Алефельдъ купилъ у него попугая изъ китайскаго фарфора, который уже нѣсколько лѣтъ стоялъ у него на окнѣ.

— Я ужъ хотѣлъ было его выбросить въ кухню,—улыбаясь, говорилъ аптекаръ городскому врачу,—эта глупая бестія надоѣла мнѣ своими вѣчно вытаращенными глазами; но юнкеръ выигралъ въ карты двѣсти талеровъ и выбросилъ мнѣ тридцать изъ нихъ на прилавокъ. Нужно, видите ли, привезти женѣ что-нибудь порядочное. А г. фонъ-Руморъ взялъ у меня двѣ головы сахару и десять фунтовъ чаю и точно также сейчасъ же заплатилъ за нихъ. Десять фунтовъ чаю! Да этого хватило бы на цѣлый годъ и самому гамбургскому бургомистру!

Небелунгъ хотѣлъ бы продолжать дальше, но вдругъ замѣтилъ, что Струэнзе его не слушаетъ. Онъ стоялъ за конторкой, на которой писались рецепты, и въ задумчивости игралъ гусинымъ перомъ. Его лицо носило несвойственное ему выраженіе свѣтлой радости, и Небелунгъ обратилъ вниманіе на то, что его будущій зять былъ облаченъ въ сѣрый камзолъ со свѣтлыми стальными пуговицами. На шеѣ у него красовалось жабо изъ брабантскихъ кружевъ, которое ему было подарено въ знакъ благодарности какой-то богатой паціенткой.

Небелунгъ слегка ударилъ его по плечу.

— У васъ сегодня нарядный видъ. Видно, что у васъ сегодня хорошо на душѣ. Сегодня я имѣлъ честь быть принятымъ графомъ Ранцау. Онъ съ признательностью говорилъ о васъ и о вашемъ искусствѣ. Его рана заживаетъ, лихорадка почти прекратилась. Это онъ приписываетъ вашему леченію.

— Вы видѣли графа?—сдержанно спросилъ Струэнзе.

— Конечно, конечно!—захихикалъ аптекаръ. Мнѣ нужно было обдѣлать съ нимъ одно маленькое дѣльце, и онъ присылалъ за мной.

Онъ нѣсколько высокомеренъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень милъ и ужъ баринъ съ головы до ногъ. Если бы онъ самъ не вспомнилъ о двухстахъ талерахъ, которые я ему далъ взаймы года два тому назадъ, то, конечно, я никогда не рѣшился бы ему объ этомъ напомнить. Онъ скоро получитъ прекрасное имѣніе Ашебергъ, которое расположено въ глубинѣ Голштейна среди лѣсовъ и водъ. Если вы тамъ не бывали, то совѣтую какъ-нибудь туда съѣздить. Особенно когда женитесь на Дорхенъ и захотите наслаждаться деревенской тишиной.

— Графъ приглашалъ меня къ себѣ въ Ашебергъ.

Голосъ штатъ-физика звучалъ довольно холодно, но Небелунгъ не замѣтилъ этого и самодовольно погладилъ себя по гладко выбритымъ щекамъ.

— Это приглашеніе—немалая честь. Ранцау—это такая семья, которая не всякому идетъ навстрѣчу. Я очень радъ за васъ и за мою Дорхенъ, которую вы, конечно, возьмете съ собой. Разумѣется, въ томъ случаѣ, если и ее пригласять, какъ я надѣюсь. Графъ очень расположенъ ко мнѣ, что онъ сегодня явно далъ мнѣ понять. За пятьсотъ талеровъ, которые онъ выигралъ у Голька, ему пришлось заплатить раненымъ плечомъ...

— Графъ не желаетъ, чтобы объ этихъ пустякахъ говорили,— съ такимъ раздраженіемъ прервалъ его Струэнзе, что аптекаръ невольно поднялъ брови.

— Я знаю, знаю, господинъ штатъ-медикъ, но въ своей аптекѣ я могу говорить о чемъ мнѣ угодно, да и кромѣ того...

Появленіе итальянца заставило его замолчать. Онъ занялся рецептами, читая ихъ съ большимъ вниманіемъ и дѣлая при этомъ нужныя указанія провизору.

— Вотъ рецептъ бальзама для кожи. Онъ присланъ оберъ-гофмейстериною фонъ-Плессенъ съ отмѣткой, что здѣшній воздухъ вредно дѣйствуетъ на ея лицо и что этотъ бальзамъ нужно приготовить самымъ тщательнымъ образомъ. Повидному, имъ будетъ пользоваться и ея величество королева, а также и настойкой изъ мяты. Нѣтъ ничего удивительнаго, что высокопоставленнымъ людямъ приходится прибѣгать къ микстурамъ. Они очень вредятъ себѣ излишней ѣдой и питьемъ. Вчера въ Гамбургѣ былъ парадный обѣдъ, который продолжался съ двухъ часовъ дня до четырехъ часовъ утра. Ихъ величества со свитой возвратились довольно рано, но выпито и съѣдено было немало. Позаботьтесь, снисьоръ, о томъ, чтобы у насъ былъ запасъ настойки изъ сливъ. Она понадобится многимъ!

Такъ болталъ аптекаръ, обращаясь къ своему провизору, который давалъ ему односложные отвѣты. А Струэнзе стоялъ у окна и съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на Прищеву улицу. Она казалась ему сегодня особенно некрасивой съ ея маленькими островерхими

домашками и изрытой мостовой. А между тѣмъ она была не хуже, чѣмъ была вчера. Напротивъ, теперь солнце ярко играло на окопныхъ стеклахъ, за которыми красовалась горшки съ розами.

Конечно, здѣсь было несравненно лучше, чѣмъ, напримѣръ, на большой Эльбской улицѣ, гдѣ пахло сырими кофе и селедками и гдѣ въ «Лондонской тавернѣ» бражничали матросы. Впрочемъ, въ «Лондонской тавернѣ» въ тѣ времена останавливались и знатные господа, и самъ графъ Ранцау дождался тамъ, пока подживала его рана, которую такъ искусно лечилъ Струэнзе.

Штатъ-физику впервые пришлось имѣть дѣло съ настоящимъ вельможей Даніи, который былъ посланникомъ въ Петербургѣ и теперь отправлялся намѣстникомъ въ Норвегію.

Правда, графъ Ранцау до сихъ поръ не былъ озаренъ королевской милостью или, точнѣ говоря, его недолюбливалъ кабинетъ-министръ графъ Берншторффъ. Но сегодня его судьба круто измѣнилась, и въ будущемъ году графъ могъ рассчитывать сдѣлаться министромъ въ самомъ Копенгагенѣ. Тотъ, кто сумѣетъ ему понравиться, тоже можетъ подняться высоко.

— Намъ нужно также запастись валеріановыми каплями,—продолжалъ Небелунгъ.—Дамамъ онѣ очень нужны. Вчера еще приходили за ними отъ жены пріора...

При этихъ словахъ Струэнзе сдѣлалъ столь рѣзкое движеніе, что стеклянная воронка упала съ прилавка и разбилась вдребезги.

— О, о!—съ сожалѣніемъ воскликнулъ аптекаръ, глядя на куски.

— Пусть подберетъ все это провизоръ,—сказалъ Струэнзе, безъ церемоніи отталкивая своего будущаго тестя.—Это его дѣло. За этимъ онъ здѣсь и приставленъ.

Слегка кивнувъ всѣмъ головой, онъ собирался уже выйти на улицу, какъ вдругъ ему навстрѣчу показалась Дорхенъ. Она со служанкой ходила на рынокъ и теперь несла полную корзину провизіи и зелени. Подъ широкой англійской шляпой она казалась такой юной и свѣжей, что даже угрюмое лицо Струэнзе просвѣтлѣло.

— Ты не лѣнишься,—покровительственно сказалъ онъ.—Надѣюсь, что и свое хозяйство ты будешь вести хорошо. Можетъ быть, сегодня вечеркомъ я найду еще разъ взглянуть на тебя.

Онъ погладилъ двумя пальцами по щекамъ Дорхенъ и ушелъ такъ быстро, что даже не замѣтилъ Гину Сольбей, которая тоже шла съ рынка и сопровождала Дорхенъ до угла. Она только насмѣшливо поглядѣла ему влѣдъ.

— Ну, если бъ мнѣ навстрѣчу попался мой Кришанъ, то онъ такъ бы поцѣловалъ меня, что по всей улицѣ было бы слышно. Вотъ какова настоящая-то любовь!

— Но въ нашемъ кругу это не принято,—возразила Дорхенъ, остановившаяся на ступенькахъ лѣстницы поболтать.

— А это принято давать къ ужину вчерашнюю пригорѣвшую кашу, какъ дѣлаетъ моя хозяйка? Я набила себя кашей, потому что была голодна, но скоро буду жаловаться на нее оберъ-пастору. Да и бьетъ она меня здорово. Ну, отчего же иной разъ не доставить себѣ удовольствія, но побои каждый день... да еще каша... это ужъ черезчуръ много для христіанской души!

— Гина, ты не должна говорить такъ про своихъ господъ, — увѣщевала ее Дорхень, но та только качала головой.

— Ахъ, Господи, и знатные люди говорятъ о своихъ господахъ. Вчера ея милость громко бранила короля за то, что онъ знать не хочетъ юнкера Брандта. И то, что она говоритъ о королѣ, я могу говорить о ней самой. А о королевѣ она говоритъ, что она совѣтъ еще глухой ребенокъ. А все это происходитъ оттого, что ея милость была допущена къ королевской рукѣ всего одинъ разъ, а ея племянница каждый день выѣзжаетъ съ королевой. Вчера она получила въ подарокъ шелковую ленту, а позавчера кольцо.

— Мнѣ очень бы хотѣлось посмотрѣть на королеву, — со вздохомъ сказала Дорхень. — Но намъ недоступна такая честь.

— Разумѣется, недоступна. Хотя есть такіе горожане, которымъ приходится быть около королевы. Развѣ вы не видѣли фрейлейнъ Раухенбахъ, которая состоитъ при королевѣ въ Копенгагенѣ? А вѣдь когда-то она жила здѣсь! Господи, тамъ идетъ юнкеръ Брандтъ! Если онъ меня увидитъ и пожалуется своей матери, то быть мнѣ опять битой!

Гина бросилась въ сторону. Юнкеръ Брандтъ подошелъ къ Дорхень и вѣжливо ей поклонился. Онъ зналъ ее, зналъ и то, что докторъ Струэнзе собирается жениться на ней.

— Какъ пріятно видѣть м-ше Небелунгъ столь свѣжей и веселой, — галантно сказалъ онъ. — А какъ свадьба? Господинъ штатъ-физикъ долго еще будетъ ждать!

Дорхень была смущена. Однако ей было пріятно, что ее знаетъ такой важный господинъ.

— Докторъ Струэнзе больше думаетъ о другихъ дѣлахъ, чѣмъ о своихъ личныхъ обстоятельствахъ, — отвѣчала она поспѣшно. — Ему много приходится хлопотать не только съ графомъ Ранцау, но и съ другими пациентами.

Эневальдъ Брандтъ сначала хотѣлъ было только пройти мимо аптеки и заговорилъ съ Дорхень такъ, мимоходомъ. Но теперь онъ остановился и пристально сталъ смотрѣть на нее своими темными глазами.

— Графъ Ранцау заболѣлъ?

— Насколько я знаю, онъ слегка раненъ. Впрочемъ, объ этомъ нельзя говорить.

— Конечно, нельзя, — весело улыбаясь, сказалъ Брандтъ. — О такихъ вещахъ всегда лучше помалкивать.

И онъ сдѣлалъ такое лицо, что Дорхенъ вдругъ почувствовала къ нему полное довѣріе.

— И подумать только, что такого высокопоставленнаго человѣка ранилъ графъ Голькъ!—продолжала она далѣе.—Онъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ. Однажды онъ шлъ ликеръ у насъ въ аптекъ. Я была очень рада, когда онъ ушелъ. Ну, а тотъ вѣдь генераль-лейтенантъ и скоро будетъ намѣстникомъ. И замокъ Ашебергъ у Плонскаго озера скоро достанется ему.

— Да, онъ, конечно, знатный баринъ, но лучше быть отъ него подальше.

Эневальдъ все еще стоялъ у аптеки и мимо лица Дорхенъ смотрѣлъ на пустынную улицу. Наконецъ онъ отвѣсилъ ей низкій поклонъ, словно какой-нибудь знатной дамѣ, послалъ ей воздушный поцѣлуй и съ задумчивымъ видомъ пошелъ дальше своей дорогой, навстрѣчу полковнику Коллеру съ нѣсколькими офицерами, которые нарушили тишину улицы своими громкими разговорами и бряцаніемъ сабель. Обыватели робко давали имъ дорогу. Нѣсколько любопытныхъ мальчишекъ шли за ними по пятамъ.

Эневальдъ, холодно поклонившись, хотѣлъ было пройти мимо, но полковникъ Коллеръ остановился посреди улицы и окликнулъ его.

— Неужели мы видимъ васъ, господинъ камеръ-юнкеръ? Я уже давно ищу васъ, но вы словно въ мышиную норку спрятались.

— Домъ г. фонъ-Золенталя не мышиная норка,—сухо отвѣчалъ Брандтъ.

Онъ остановился на зовъ, но ясно видѣлъ, что другіе офицеры, бросавшіе на него холодные взгляды, съ удовольствіемъ прошли бы мимо.

Но полковникъ крѣпко держалъ его за плечи.

— *Sacré nom de Dieu*, развѣ мы не встрѣчались съ вами въ Копенгагенѣ, когда вы были еще пажомъ у Юліаніи-Маріи, а я держалъ дворцовый караулъ у Фридриха Пятаго? Развѣ то не были хорошія времена, когда люди не забавлялись еще подобными дѣтскими игрушками? Если я тогда могъ здороваться съ вами, то, конечно, могу сдѣлать это и теперь, несмотря на то, что вы сидите въ мышиной норѣ и нигде отсюда не выглядываете. Почему жъ бы я не могъ поступать такъ? Развѣ потому, что...

И съ этими словами онъ поглядѣлъ вслѣдъ своимъ товарищамъ, которые уже повернули въ одинъ изъ переулковъ. Полковникъ былъ одинъ.

— Чортъ возьми!—пробормоталъ онъ недовольно.—Они уже успѣли скрыться. А вѣдь король не будетъ спрашивать, не разговаривали ли они съ вами? Онъ можетъ вспомнить объ этомъ только тогда, когда другіе напоятъ ему объ этомъ въ уши. Итакъ, какъ поживаете? Не собираетесь ли опять перебраться въ Копенгагенъ? Тамъ будетъ очень весело. Нашей молодой королевѣ нужно пока-

затъ, что въ Даніи только и дѣлають, что поють и танцуютъ. А вы на это большой мастеръ. Помните, какъ въ Киршгольмѣ играли въ барашки и король Фридрихъ пасъ стадо, а королева Юліанія-Марія бѣгали за нимъ, словно комнатная собачка? Она была ревнива, да и справедливо. Но мы всё смѣялись и не предавались мрачнымъ мыслямъ. Теперь все перемѣнилось на свѣтѣ.

— Почему же?—спросилъ Эневальдъ Брандтъ.

Онъ шелъ рядомъ съ полковникомъ, который, однако, не пошелъ на оживленную Мельничную улицу, какъ, повидимому, сначала хотѣлъ, а завернулъ въ одинъ изъ переулковъ, круто спускавшійся къ гавани. Можетъ быть, это произошло безсознательно, по Брандтъ, впавшій въ немилость, почувствовалъ себя обиженнымъ, и лицо его приняло мрачный оттѣнокъ.

А полковникъ Коллеръ продолжалъ болтать.

— Почему все перемѣнилось-то? Да потому, что на престолѣ теперь другой король, почти мальчикъ, который нерѣдко можетъ поступать совершенно, какъ ребенокъ, и радоваться, какъ дитя, разнымъ штукамъ, которыя продѣлываютъ его друзья. Sacré nom, миѣ-то это все равно—я солдатъ и обучаю своихъ молодцовъ, но и миѣ непріятно все-таки, что король едва подаетъ руку своей мачехѣ. Она не была зла къ нему, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Напротивъ...

Онъ занулся, отставъ въ сторону и по военному поднявъ свою треуголку. Эневальдъ также снялъ шляпу и сдѣлалъ низкій поклонъ.

Оба они пришли въ гавань, гдѣ повозки торговцевъ перегоняли одна другую. Былъ какъ разъ день, когда изъ окрестностей съѣзжались рыбаки и крестьяне. Первые привозили только что пойманную свѣжую рыбу, а тѣ уголь и фрукты. Среди этой суеты двигался открытый придворный экипажъ, въ которомъ сидѣла молодая дама, весело смотрявшая на все окружающее. Она была не одна. Рядомъ съ ней неподвижно сидѣла пожилая дама, а напротивъ нея молодая дѣвушка и пышно одѣтый господинъ, на лицѣ котораго было написано высокомеріе и скука.

Одна изъ телѣгъ съ зеленою опрокинулась по срединѣ дороги, и ея товаръ валялся какъ разъ передъ придворнымъ экипажемъ. Кучеру пришлось даже приостановить лошадей. Столпившійся народъ узналъ молодую королеву и закричалъ ура. Она кланялась на обѣ стороны и привѣтливо улыбалась. Городовой стражъ тѣмъ временемъ успѣлъ расчислить дорогу, и экипажъ двинулся дальше.

Полковникъ Коллеръ надѣлъ свою треуголку и погладилъ свои нафабранные усы.

— Красивая женщина!—снисходительно промолвилъ онъ.— И какъ привѣтливо кланяется! Данія можетъ поздравить себя, да и его величество король тоже. Но Плессень, видимо, ворчитъ себѣ подъ носъ. Веселѣе всѣхъ миѣ показалась молоденькая фонъ-

Золенталь, сидѣвшая напротивъ. Это ваша родственница, господинъ камеръ-юнкеръ? Плессенъ пригласила ее въ качествѣ комнатной служанки и, кажется, удачно. По крайней мѣрѣ, Каролина-Матильда повеселѣла.

— Служанка—это не совсѣмъ удачное выраженіе,—строго сказалъ Брандтъ.

Полковникъ пожалъ плечами.

— Ну, скажемъ—камерфрау. Будетъ все то же самое. Но я радъ, что фрейлейнъ довольна. Старая фонъ-Тоттъ ужъ постаралась объ этомъ. Она-то ужъ знаетъ всю подноготную придворной жизни и настолько умна, что, кромѣ маленькаго пенсіона и комнаты въ Плонскомъ дворцѣ, уже не требуетъ ничего отъ жизни.

— И ваше честолюбіе ограничивается только этимъ?—насмѣшливо спросилъ Брандтъ.

Полковникъ опять пожалъ плечами.

— Не совсѣмъ! Я бы хотѣлъ подняться еще немного на служебной лѣстницѣ, а тамъ послѣ трудовъ можно будетъ и отдохнуть. Однако мнѣ нужно догонять моихъ офицеровъ. Очень радъ былъ васъ встрѣтить. Можетъ быть, скоро опять увидимся.

Полковникъ впалъ въ разсѣянность. Можетъ быть, видъ оживленной гавани далъ другое направленіе его мыслямъ, заставивъ его вспомнить, что не совсѣмъ безопасно разгуливать съ опальнымъ, или, можетъ быть, это произошло оттого, что ему захотѣлось показать Эневальду, что онъ ему теперь не пара. Онъ вдругъ сдѣлалъ крутой поворотъ, снисходительно поклонился и быстро пошелъ вверхъ по улицѣ.

Эневальдъ остался въ гавани. Онъ смотрѣлъ на пѣнившуюся у пристани воду и слѣдилъ глазами за караваномъ купеческихъ судовъ, которыя на всѣхъ парусахъ выходили въ Сѣверное море. Когда-то ему очень хотѣлось самому совершить морское путешествіе. Но ему это не подобало. Онъ долженъ былъ учиться носить шлейфъ придворнымъ дамамъ и танцовать съ ними менуэтъ. Морской воздухъ и запахъ дегтя—это удѣлъ простаго народа въ непромокаемыхъ сапогахъ и толстыхъ курткахъ, съ загорѣлыми отъ вѣтра лицами.

Когда Эневальдъ вернулся въ домъ своего вотчина, къ нему навстрѣчу попалась его мать, еще красивая женщина съ мягкими чертами лица и красноватыми глазами. Сынъ хотѣлъ посторониться и избѣгнуть встрѣчи: мать всегда жаловалась, что онъ испортилъ ей жизнь. На этотъ разъ она взяла его за руку и повела въ свою комнату.

— Я получила письмо отъ Погвичей изъ Бимолена,—сказала она.—Они приглашаютъ тебя на охоту на оленей и кабановъ. Съ ихъ стороны это очень любезно, что они вспомнили обо мнѣ и не спрашиваютъ о томъ, въ милости ли мы при дворѣ.

Госпожа фонъ-Золенталь говорила довольно быстро. Она откинулась на свое кресло и нюхала флаконъ, висѣвшій у нея на поясѣ на серебряной цѣпочкѣ. Она сдѣлала глубокое дыханіе и промолвила:

— Черезъ недѣлю ты уже долженъ быть въ Бимоленѣ.

Эневальдъ не распространялся много. Между нимъ и матерью никогда не существовало особой близости. Она отдала его въ чужія руки, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Отца онъ едва зналъ. Съ вотчимомъ его связывали только чисто внѣшнія отношенія. Отчимъ радушно открылъ Брандту свой домъ и ничѣмъ не показывалъ, что юнкеръ, впавшій въ немилость, для него не то же самое, что юнкеръ, бывшій въ силѣ. Онъ былъ настоящимъ джентльменомъ и хотѣлъ имъ быть всегда. Было ли когда-нибудь такое время, когда Эневальдъ сидѣлъ на колѣняхъ у матери, которая гладила бы его волосы? Увы! Этого не было. Другіе придворные часто говорили о своихъ матеряхъ, рассказывая, какъ они вмѣстѣ играли и молились,—Эневальду нечѣмъ было вспомнить свое дѣтство.

— Отвѣчай же на мой вопросъ, Эневальдъ,—сказала госпожа фонъ Золенталь.—Годится ли для охоты твой зеленый костюмъ и шелковые чулки? У Погвичей есть дочери, да, вѣроятно, будутъ и постороннія дамы. Тамъ найдутся невесты для тебя съ хорошимъ приданымъ, а ты долженъ самъ приглядывать себѣ невесту. Тебѣ уже пора и жениться, а у кого есть хорошее имѣніе, тотъ не нуждается въ королевскихъ милостяхъ.

— Я не желаю высматривать, —коротко отрѣзалъ Брандтъ.

Мать зорко взглянула на него.

— *Tant pis pour vous, monsieur!* Не мѣшало бы постараться свить себѣ собственное гнѣздо. Годы идутъ, а отъ ожиданія не молодѣють.

Эневальдъ не отвѣчалъ. Только брови у него сдвинулись.

Госпожа Золенталь встала и подошла къ окну, изъ котораго была видна вся улица.

— Вотъ стоитъ докторъ Струэнзе,—сказала она такимъ тономъ, который ясно показывалъ, что ей хотѣлось говорить совѣмъ о другомъ.—Прекрасный человекъ, которому я обязана своимъ здоровьемъ. Жаль, что онъ не изъ дворянъ, а то онъ былъ бы подходящимъ женихомъ для нашей Минетты.

— Онъ уже помолвленъ!—раздраженно замѣтилъ сынъ.

— Ну, не онъ одинъ бывалъ помолвленъ съ одной, а женился на другой,—отвѣчала мать, пожимая плечами. Впрочемъ, для него дѣйствительно лучше жениться на какой-нибудь простой дѣвушкѣ изъ Альтоны.

— Минетта...—началъ было Эневальдъ, но мать только руками замахала.

— Не будемъ лучше говорить о ней. Она прекрасная дѣвушка, и я рада, что она сумѣла снискать благоволеніе королевы. Впослѣдствіи ея величество будетъ, конечно, обходиться и безъ нея. Вѣдь ея придворный штатъ ждетъ ее въ Копенгагенѣ. Объ ней забудутъ, какъ и о всѣхъ. Дай Богъ, чтобъ для нея нашелся мужъ, который бы взялъ на себя заботу о ней. Но позволь опять вернуться къ прежнему. Въ порядкѣ ли твой зеленый костюмъ? Не позвать ли портного, чтобы осмотрѣть его?

— У меня нѣтъ денегъ на покупку другого, если этотъ окажется плохъ,—съ плохо скрываемахъ раздраженіемъ крикнулъ Эневальдъ.

Мать тяжело вздохнула.

— Mon Dieu! Придется просить за тебя у моего мужа. Ахъ, Эневальдъ! Поѣзжай на охоту и присмотри себѣ дѣвушку побогаче.

VII.

Пока юнкеръ Брандтъ съ неудовольствіемъ слушалъ рѣчи матери, королева и Минетта фонъ-Золенталь бесѣдовали о любви. Дворъ только что вернулся изъ Гамбурга, гдѣ ея величеству были показаны всѣ достопримѣчательности. Шиммельманъ принималъ здѣсь горячее участіе. Дѣло не обошлось, конечно, безъ крѣпкихъ винъ и горячихъ блюдъ, которыя такъ подѣйствовали на гофмейстерину фонъ-Плессенъ, что, по примѣру графу Ботмера, она сочла за лучшее немного прилечь.

Каролина-Матильда и ея фрейлина сидѣли однѣ въ небольшой комнатѣ, выходившей окнами на Эльбу. Тѣ нѣсколько дней, пока Каролина-Матильда была королевой, уже наложили на нее особую печать. Она держалась бодрѣе и не обнаруживала уже тоски по родинѣ, по крайней мѣрѣ передъ своей гофмейстериной. Но, оставаясь наединѣ съ Минеттой, она забывала о своемъ достоинствѣ, танцевала по всей комнатѣ и любила говорить о забавныхъ или страшныхъ происшествіяхъ. Королева не разъ описывала забавныя увеселенія при англійскомъ дворѣ и рассказывала своей фрейлинѣ о тамошнихъ пирушкахъ и пѣтушиныхъ бояхъ. Ея братъ, король Англій, пилъ много, а его пэры и лэди не отставали отъ него, истребляя пиво кружка за кружкой и смѣясь грубымъ шуткамъ, которыя королева повторяла, не отдавая себѣ отчета въ ихъ смыслѣ. Но и страшные рассказы сильно занимали его. Тутъ главную роль играли привидѣнія и любовь.

— Несомнѣнно, Минетта, существуютъ такіе духи, которые заботятся о влюбленныхъ,—говорила королева.—У насъ есть замокъ, въ которомъ умираютъ всѣ мужчины, если они перестаютъ быть вѣрными своимъ женамъ. Не что, чтобы они были убиты. Но у нихъ появляется болѣзнь, отъ которой они уже не могутъ

вылечиться. А болѣзнь эта происходитъ оттого, что на нихъ кладетъ свою руку умершій старый графъ.

— А если жены не сохраняли вѣрности?—спросила Миннетта, съ улыбкой всматриваясь въ выразительное лицо королевы, которая сидѣла на креслѣ, глядя передъ собой широко раскрытыми глазами.

Королева покачала головой.

— Мужчины чаще нарушаютъ вѣрность, говорила моя мать. А ей лучше было знать. Ну, такъ вотъ. Если они нарушали вѣрность, старый графъ приходилъ къ нимъ въ Чеквудскій замокъ и клалъ имъ на сердце свою руку.

— Но, можетъ быть, они дѣйствовали осторожно и уже не возвращались въ этотъ замокъ,—со смѣхомъ замѣтила Миннетта.

Королева посмотрѣла на нее съ упрекомъ.

— Ты не должна быть такой легковѣрной, Миннетта. Впрочемъ, я замѣтила, какъ ты покраснѣла, когда тамъ остановился молодой человѣкъ съ полковникомъ. Онъ не очень красивъ и у него печальные глаза, а между тѣмъ твои щеки стали красны, какъ кровь.

— Я люблю его, ваше величество,—отвѣчала Миннетта:—хотя онъ и не красивъ и хотя король удалилъ его отъ себя. Но любовь не спрашиваетъ, красивъ ли человѣкъ, или нѣтъ, въ чести онъ, или въ опалѣ.

Ея голосъ задрожалъ. Каролина-Матильда придвинулась къ ней поближе.

— Это правда, Миннетта. Истинная любовь не справляется о такихъ мелочахъ. Моя подруга Гвендолина также говоритъ это. Она любитъ одного человѣка, котораго король, мой братъ, выслалъ изъ Лондона, потому что онъ ему непріятенъ. Но Гвендолинѣ это все равно и тебѣ, должно быть, все равно. А я скажу моему мужу о твоёмъ возлюбленномъ. Онъ вернетъ ему свое благоволеніе, и ты опять будешь весела. Только не плачь, Миннетта. На что же я и королева, если я не могу помочь тебѣ?

— Я бѣдна,—рыдая, говорила Миннетта.—И его мать никогда не согласится на нашъ бракъ

— Ахъ, вотъ какъ!

И королева гордо подняла голову.

— Я скажу королю, что я этого желаю, и онъ долженъ будетъ исполнить мое желаніе. Онъ дважды писалъ мнѣ, одинъ разъ по-нѣмецки, другой разъ по-французски, что онъ очень любитъ меня. И вотъ теперь онъ долженъ будетъ доказать свою любовь. Не плачь же, Миннетта.

Миннетта уже овладѣла собой.

— Извините, ваше величество, мое волненіе,—начала было она.

Королева прервала ее движеніемъ руки.

— Мнѣ и самой приходилось не разъ плакать. Не отъ любви, а потому, что пришлось разстаться съ моей родиной и очутиться среди чужихъ людей.

Она снова омрачилась, но Минетта вспомнила свою обязанность— утѣшать ее.

— Ваше величество будете очень счастливы въ бракѣ, — поспѣшно сказала она. — Король очень милостивъ. Если онъ удалитъ отъ двора камеръ-юнкера Брандта, то это, можетъ быть, не его вина. Около него много придворныхъ, которые добиваются его милости. Да, король очень милостивъ, — повторяла она, видя, что Королева-Марія смотритъ на нее вопросительно.

— Очень ли буду я любить его? — спросила шопотомъ королева. Она схватила сдѣланный на слоновой кости и оправленный въ золото портретъ, стоявшій около нея на столѣ. Портретъ представлялъ молодого человѣка въ пышномъ придворномъ платьѣ, со звѣздой на груди. Онъ смотрѣлъ еще мальчишкомъ. Лицо его носило холодное выраженіе и не говорило ничего.

Королева смотрѣла на него съ почтеніемъ и механически повторяла:

— Король очень милостивъ, очень милостивъ...

Вдругъ онѣ обѣ размѣялись, хотя смѣшного ничего не было. Изъ сосѣдней комнаты раздавался сухой кашель, означавшій, что оберъ-гофмейстерина оправилась наконецъ отъ сладкихъ гамбургскихъ вишъ. Хотя въ томъ, что старая дама среди дня принесла свою жертву Морфею, не было ничего забавнаго, тѣмъ не менѣе королева захопала въ ладоши отъ удовольствія и рассказала, какъ поступаютъ при англійскомъ дворѣ съ лордами, которые чувствуютъ слабость, когда это не должно быть. Самое меньшее ихъ обливали холодной водой, а если королю приходила фантазія, то онъ изыскивалъ для нихъ другія наказанія. Однажды онъ велѣлъ одѣть провинившагося въ саванъ и положить въ уставленный свѣчами гробъ. Когда лордъ пришелъ въ себя, онъ закричалъ отъ ужаса и хотѣлъ вскочить изъ гроба, но опрокинулъ на себѣ горящую свѣчу. Стружки, на которыхъ онъ лежалъ, вспыхнули, и прежде, чѣмъ успѣли подать ему помощь, онъ получилъ такіе ожоги, что на слѣдующій день скончался.

Исторія была не изъ веселыхъ, и королева, рассказывая ее, не разъ замолкала. Она призналась, что король потомъ весьма раскандался въ этой продѣлкѣ, но все-таки онъ былъ король, и все, что онъ дѣлалъ, было хорошо.

Минетта также рассказала какую-то исторію, не съ столь печальной развязкой, такъ что, когда гофмейстерина появилась, наконецъ, съ заспаннымъ лицомъ, королева и ея фрейлина весело смѣялись. Гофмейстерина не любила, чтобы смѣялись за ея спиной, и хотя и терпѣла присутствіе Минетты, зная, что никто другой

не может облегчить ей ея службу, тѣмъ не менѣе твердо рѣшила про себя, что ея величество должна забыть о Министрѣ, лишь только она покинетъ Альтону.

Два дня спустя докторъ Струэнзе снималъ повязку съ руки графа Ранцау. Рана хорошо зажила, и черезъ нѣсколько дней отъ нея не должно было быть и слѣда. Врачъ искусно вытянулъ раненую руку, массировалъ нѣсколько ослабѣвшіе мускулы, показывая слугѣ, какъ нужно это дѣлать. Онъ весь ушелъ въ свое дѣло, и его лицо хранило спокойное сосредоточенное выраженіе.

Время отъ времени графъ стискивалъ отъ боли зубы и вполголоса произносилъ бранныя слова. Какой-нибудь мускулъ еще долго будетъ болѣть,—читалъ онъ на лицѣ врача и нарочно улыбался.

— Вы отлично сдѣлали свое дѣло,—сказалъ онъ наконецъ, когда рука опять висѣла на перевязкѣ.—Sapristi! Такой уколъ—и можетъ причинить такую чертовскую боль. Я рекомендую васъ другимъ придворнымъ, которымъ какой-нибудь олухъ проткнетъ животъ. Эта каналья Голькъ,—тутъ графъ пустилъ громкое ругательство, показавъ свои острые зубы.—Придетъ время, и я покажу этому господинчику...

Струэнзе поспѣшилъ успокоить его.

— Eh bien, monsieur, за картами это часто случается. Я выигралъ у Голька пятьсотъ талеровъ, и у него были причины сердиться на меня. Но я ничѣмъ не провинился передъ нимъ. Да, наконецъ, я много старше его; я уже сановникъ,—а онъ лишь франтъ, у котораго молоко на губахъ не обсохло. Но юнцамъ принадлежить мѣръ, какъ это мы видимъ на нашемъ королѣ, котораго я еще недавно держалъ на колѣняхъ и спасалъ его отъ воспитателя Ревентлова, который каждый день грозилъ ему плеткой. А теперь этотъ юнецъ уже король и супругъ. Да, господинъ медикъ, времена мѣняются, и у кого на плечахъ четыре десятка лѣтъ, тому нельзя показываться на бѣлый свѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, у меня еще впереди десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ солнце должно свѣтить для меня,—отвѣчала Струэнзе.

Ранцау посмотрѣлъ на него еще болѣе покровительственно.

— Вамъ тридцать лѣтъ? Кто знаетъ? Въ этомъ городкѣ вы, можетъ быть, еще долго будете развѣзжать съ своей докторской сумкой. Старить придворная жизнь.

— Ну, меня бы она не состарила,—возразилъ Струэнзе.

Графъ сдѣлалъ знакъ слугѣ, который что-то дѣлалъ около окна.

— Принеси графинъ портвейну и два стакана.

Октябрьская погода измѣнилась. Солнце скрылось, и дождь хлесталъ въ окна «Лондонской гостиницы». Въ хорошіе дни въ нихъ была видна вся Эльба, но сегодня надъ ней висѣлъ густой туманъ.

Съ рѣзки то и дѣло неслись звуки сирень или звонъ колокола, привязаннаго къ мачтѣ судна.

— *A votre santé*,—сказалъ графъ, наливая стаканъ вина и чокаясь съ докторомъ.—Эта марка недурна. Это очень полезно для здоровья. Ужь повѣрьте мнѣ. Не дѣлайте такого лица, какъ будто я вливаю въ себя какой-нибудь ядъ. Итакъ, вы полагаете, что жизнь при дворѣ не могла бы состарить васъ?

— Я это такъ сказалъ, не вдумываясь,—въ смущеніи отвѣчалъ Струэнзе.

Графъ насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Съ виду это очень красиво, не правда ли? Шелковые камзолы, ордена и каждый день ѣшь и пей до отвалу. Народъ на улицахъ кланяется до земли. Словомъ, придворные чувствуютъ себя какими-то богами.

— Конечно, вы не изволите думать, чтобы я имѣлъ на это какіе-нибудь виды,—сталъ оправдываться Струэнзе.

Пациентъ слегка ударилъ его по плечу.

— *Mon Dieu*, почему же нѣтъ? При дворѣ бываютъ люди, которые начинаютъ свою карьеру самымъ удивительнымъ образомъ, напримѣръ, придворными лакеями. Кто умѣетъ вертѣться во всѣ стороны и кланяться...

— Это искусство мнѣ незнакомо,—рѣзко отвѣчалъ докторъ и хотѣлъ что-то еще прибавить, но въ это время дверь отворилась, и лакей громко доложилъ:

— Полковникъ фонъ-Коллеръ!

Графъ Ранцау, развалившійся было въ своемъ креслѣ, едва успѣлъ выпрямиться, какъ полковникъ вошелъ въ комнату.

— Какой пріятный сюрпризъ, г. полковникъ!

— Я хотѣлъ освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ, г. генералъ-лейтенантъ. Прошу извинить, что не сдѣлалъ этого раньше, но служба при дворѣ очень тяжела и не скоро освободишься.

Графъ и полковникъ обмѣнялись нѣсколькими любезностями. Фонъ-Коллеръ присѣлъ къ столику. Принесли еще одинъ графинъ и третій стаканъ.

Тутъ графъ замѣтилъ, что Струэнзе стоялъ въ сторонѣ и никто не обращалъ на него вниманія.

— Это мой докторъ, г. Струэнзе,—небрежно промолвилъ онъ.—Благодаря ему, моя подагра, которая, какъ вамъ извѣстно, вдругъ меня схватила, теперь уже прошла.

Выпуклые глаза Коллера скользнули по рукѣ графа, которая была на перевязи. Онъ тяжело приподнялся со стула и сдѣлалъ легкій поклонъ.

— Очень радъ познакомиться съ вами. Можетъ быть, вы и мнѣ пропишите что-нибудь противъ этой мерзкой подагры, которая за-

сѣла у меня въ большомъ пальцѣ. Ну, знаете, этотъ портвейнъ имѣетъ свои достоинства.

Онъ сдѣлалъ большой глотокъ, вытянулъ ноги и сталъ разглядывать комнату. Дождь продолжалъ съ силою хлестать въ окно. Въ комнатѣ пылалъ огонь. Мебель въ комнатѣ была краснаго дерева и очень опрятна.

— Вамъ, графъ, живется здѣсь недурно, — сказалъ онъ. — Лучше, чѣмъ намъ въ этомъ оберъ-президентскомъ домѣ, гдѣ всѣ комнаты биткомъ набиты народомъ. Я буду очень радъ, когда мы наконецъ доставимъ королеву въ объятія ея супруга. Каждый день сыплются все новые приказы, а оберъ-гофмейстера надувается, какъ, съ позволенія сказать, ворона въ павлиньихъ перьяхъ, а графъ Ботмеръ, сопровождающій ея величество, едва отвѣчаетъ на поклонъ.

— Вотъ прелести придворной жизни, — отвѣчалъ графъ, пожмая плечами. — Что же вы, докторъ, не садитесь? Да и стаканъ вашъ пусть! Подвиньтесь немного, полковникъ, и дайте мѣстечко моему милому эскулапу.

— Съ удовольствіемъ.

Полковникъ втянулъ въ себя свои длинныя ноги, которыя онъ вытянулъ было передъ стуломъ Струэнзе, и не то насмѣшливо, не то добродушно взглянулъ на доктора. Видно было, что у того мысли витаютъ гдѣ-то далеко. Впрочемъ, онъ быстро встрепенулся и сталъ извиняться, что онъ долженъ оставить ихъ. Онъ не допилъ своего вина, хотя графъ самъ подаль ему стаканъ, и такъ быстро простился, что это бросилось въ глаза полковнику.

— Этотъ господинъ, должно быть, за что-то сердитъ на васъ, графъ, — сказалъ онъ, снова дѣлая глотокъ изъ стакана.

Ранцау громко засмѣялся.

— Вы просто великолѣпны, полковникъ. Неужели вы думаете, что, прервавъ мою бесѣду съ врачомъ и не оказавъ ему должной учтивости, вы не могли взбѣсить его?

— Что же я ему сдѣлалъ?

Полковникъ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Вы протянули ноги передъ его стуломъ, такъ что онъ даже не могъ сѣсть.

— Какой-нибудь фельдшеръ... — началъ было полковникъ, но графъ быстро перебилъ его:

— Полковникъ, мы здѣсь не въ Пруссіи, а въ Даніи. Кромѣ того, этотъ господинъ мой докторъ и потому имѣетъ право на вѣжливое обращеніе.

Лицо полковника налилось кровью. Онъ проглотилъ отвѣтъ и забормоталъ что-то такое, что походило на извиненіе. Затѣмъ онъ съ искусственной живостью заговорилъ о дворѣ, о скандальныхъ исторіяхъ, составлявшихъ въ то время въ Копенгагенѣ злобу дня. Сначала графъ Ранцау слушалъ его довольно невнимательно, но мало-по-малу заинтересовался сплетнями и сталъ смѣяться.

Ранцау и Коллеръ познакомились давно, когда полковникъ только еще вступилъ въ датскую службу. Ранцау иногда помогаль этому померанскому юнкеру и словомъ и дѣломъ.

Полковникъ не долго засидѣлся въ гостяхъ. Въ изысканныхъ выраженіяхъ онъ скоро простился съ графомъ, пожелавъ ему скорѣйшаго выздоровленія отъ подагры, и вышелъ на мокрую отъ дождя и грязную улицу.

День начиналъ уже меркнуть, и въ дверяхъ «Англійской гостиной» былъ зажженъ масляный фонарь, который вѣтеръ раскачивалъ во все стороны. Онъ давалъ весьма слабое освѣщеніе, и полковнику не разъ пришлось споткнуться прежде, чѣмъ онъ достигъ собственнаго жилища. Онъ шелъ и бранился на то, что ему пришлось въ голову посѣтить графа Ранцау. Надобности въ этомъ для него никакой не было, ибо Ранцау долженъ былъ ѣхать въ Норвегію, и графъ Берпшторффъ будетъ очень недоволенъ, когда узнаеть, что онъ еще сидитъ въ Альтонѣ. По всей вѣроятности, будетъ недоволенъ и король, если это дѣло будетъ представлено ему въ надлежащемъ освѣщеніи. Стало быть... тутъ полковникъ поскользнулся и во всю длину растянулся на грязной улицѣ. Испуская ругательства, онъ хотѣлъ было быстро вскочить на ноги, но снова поскользнулся и опять очутился бы въ грязи, если бы его не поддержала чья-то сильная рука.

— *Ventre saint gris!*

Полковникъ, когда бывалъ въ раздраженіи, бранился всегда по-французски.

— Проклятая погода и анаемская грязь! Тутъ можно сломать себѣ шею прежде, чѣмъ сообразишь, въ чемъ дѣло. Благодарю тебя, мой другъ. Не можешь ли ты мнѣ помочь обчиститься. Я грязенъ, какъ свинья!

— Если г. полковнику угодно будетъ посѣтить скромное жилище фельдшера, то я прикажу своей служанкѣ привести ваше платье въ порядокъ,—отвѣчала Струэнзе съ легкой насмѣшкой.

Полковникъ продолжалъ сердиться на него, хотя сердиться было не на что.

— Благодарю васъ, милостивый государь! Я не буду утруждать васъ своимъ присутствіемъ, тѣмъ болѣе, что я уже дома.

Между тѣмъ Струэнзе при свѣтѣ фонаря отыскалъ треуголку полковника, валяющуюся въ грязи, и съ легкимъ поклономъ подалъ ее владѣльцу. Тотъ, въ свою очередь, вѣжливо поклонился ему.

— Покорнѣйше благодарю.

И, несмотря на скользкую дорогу, онъ быстро пошелъ впередъ, пока наконецъ не достигъ съ ругательствами дома президента, гдѣ ему была отведена комната.

— Терпѣть не могу этого фельдшера!

То же самое думалъ и Струэнзе про полковника. Сойдя внизъ

къ Эльбѣ, онъ въ гнѣвѣ остановился и подставилъ подъ дождь свое разгоряченное лицо. Онъ привыкъ, чтобы и знатные люди обращались съ нимъ вѣжливо, а тутъ явился какой-то офицеришко, который вздумалъ показывать надъ нимъ свою спесь. Докторъ мрачно смотрѣлъ на безпокойно бившіяся волны. Вдругъ неизвѣстно откуда у него явилось желаніе богатства, почестей, славы, которыхъ никто не могъ доставить здѣсь въ Альтонѣ.

Раздраженный, онъ повернулъ въ одну изъ улицъ и скоро увидѣлъ красный фонарь, висѣвшій у аптеки Небелунга. Это успокоило его, и ему даже стало пріятно погрузиться въ спокойную жизнь простого горожанина.

Прежде, чѣмъ войти въ аптеку, Струэнзе остановился передъ окномъ въ свинцовой оправѣ и сталъ смотрѣть въ аптеку. За однимъ изъ столиковъ сидѣлъ какой-то молодой щеголь и наливалъ себѣ изъ двухъ бутылокъ по очереди ликеръ. Струэнзе не долго смотрѣлъ на этого посѣтителя и перевелъ глаза на провизора Феррони, который стоялъ за прилавкомъ и показывалъ какую-то картину Дорхенъ, стоявшей около него.

Ровный свѣтъ масляной лампы освѣщаль всю эту сцену. Глубокія тѣни ложились на личико Дорхенъ, которое казалось отъ этого старше и таинственнѣе. У нея были даже какъ будто заплаканные глаза, или, можетъ, это только такъ казалось.

Струэнзе большими шагами вошелъ въ аптеку и, ни слова не говоря, взялъ картину.

— Что тутъ такое?—строго спросилъ онъ.—Неужели нѣтъ ни пилюль вертѣть, ни пластырей намазывать.

Итальянецъ молча устремилъ на него испытующій взоръ, а Дорхенъ смущенно засмѣялась.

— Господинъ Феррони и я разсматривали видъ Копенгагена. Графъ...—и она указала на молодого человѣка за столикомъ, насмѣшливо смотрѣвшаго на всю эту сцену.

— Да, да, любезнѣйшій,—прогнусилъ онъ.—Это моя картинка, и я принесъ ее показать этой дѣвушкѣ и этому черномазому малому. Въ Копенгагенѣ не весело, но если этотъ провизоръ пожелаетъ катать свои пилюли тамъ, то я охотно возьму его съ собой. Онъ умѣетъ готовить хорошія румяна и пудру съ пріятнымъ запахомъ. Такіе люди всегда могутъ мнѣ пригодиться.

Струэнзе узналъ въ немъ графа Голька, любимца короля, который осмѣлился ранить самого графа Ранцау и которому за это ровно ничего не было.

Онъ сухо поклонился.

— Моей невѣстѣ незачѣмъ разсматривать виды чужихъ городовъ, тѣмъ болѣе, что это отвлекаетъ провизора отъ работы!

Графъ Голькъ посмотрѣлъ на него высокомерно.

— Повидимому, г. медикъ довольно строгъ. Мнѣ кажется, что такая прелестная особа заслуживала бы лучшаго обращенія, а провизоръ самъ сумѣетъ приготовить хорошіе духи...

Струэнзе повернулся къ нему спиной.

— Дорхенъ, пойдемъ наверхъ къ твоимъ родителямъ.

И онъ увелъ ее изъ аптеки.

Голькъ хотѣлъ вскочить и уже схватился за книжку, но, овладѣвъ собою, сѣлъ и осушилъ еще стаканъ.

— Это грубіань,—сказалъ онъ провизору, пожимая плечами:— на вашемъ мѣстѣ, любезнѣйшій, я бы...—и онъ сталъ смѣяться, говоря что-то шепотомъ.

— Дѣвушка не любитъ его,—вдругъ прибавилъ онъ.—Она для него слишкомъ проста.

Синьоръ Феррони отвѣчалъ не сразу.

— Я ненавижу его!—тихо промолвилъ онъ наконецъ.

— Въ такомъ случаѣ поѣзжайте въ Копенгагенъ. Тамъ вы скоро забудете ваши непріятности. Хорошенькихъ женщинъ и тамъ сколько угодно. Онѣ живо вытѣснятъ у васъ изъ памяти и хозяина и этого медика. Если вы не получите мѣсто въ придворной аптекѣ, то найдется другое мѣсто. Король—мой другъ.

Онъ говорилъ снисходительнымъ тономъ, какъ будто желая утѣшить провизора. Конрадъ Голькъ не былъ дурнымъ человѣкомъ, но его испортило пребываніе при дворѣ. Итальянецъ забавлялъ его.

Феррони стоялъ передъ нимъ неподвижно.

— Ну, какъ же?—спросилъ онъ его, слегка дотронувшись пальцемъ до его груди.—На дняхъ я черезъ Киль возвращаюсь ко двору. Хотите ѣхать со мной? Тогда дайте мнѣ знать.

Когда онъ вышелъ, Феррони долго не трогался съ мѣста. Опомнившись, онъ сталъ за прилавокъ и съ яростью началъ катать шлюли и составлять микстуры.

Онъ не слышалъ, какъ кто-то тихими шагами вошелъ въ аптеку и положилъ ему руку на плечо. То была Дорхенъ.

— Не сердитесь, синьоръ,—прошептала она.—Докторъ не думаетъ о васъ ничего дурного. Онъ только очень разстроенъ.

Итальянецъ не отвѣчалъ, и она подошла поближе.

— Уѣзжайте съ графомъ,—поспѣшно прошептала она.—Вы тамъ разбогатѣете и пріобрѣтете извѣстность. Ужъ повѣрьте мнѣ.

— А вы?—спросилъ Феррони, глубоко заглядывая ей въ глаза.

Дорхенъ тяжело вздохнула.

— Я? Я должна оставаться здѣсь, готовить приданое и ждать, пока доктору будетъ угодно назначить свадьбу. Можетъ быть, будущей весной я тоже пріѣду въ Копенгагенъ. Тамъ у меня родственникъ въ придворной аптекѣ. Кромѣ того, можетъ быть, оберъ-пасторъ дастъ мнѣ рекомендательное письмо къ своей сестрѣ,

которая состоитъ при вдовствующей королевѣ. Тогда мнѣ, пожалуй, удастся заглянуть и во дворецъ.

Ея розовое личико потянулось къ итальянцу, который вдругъ схватилъ ее за голову и покрылъ ее поцѣлуями.

— Синьоръ! Синьоръ!

Дорхенъ едва могла освободиться отъ итальянца, но тотъ радостно улыбался.

— Не сердитесь, фрейлейпъ! Когда-нибудь это должно было случиться, ибо я люблю васъ и люблю сильнѣе, чѣмъ эта холодная тварь. И...

Слова застряли у него въ горлѣ. Дорхенъ окаменѣла: по срединѣ комнаты стоялъ Небелунгъ и изумленными глазами смотрѣлъ на эту сцену. Казалось, у него тоже слова замерли на языкѣ. Воспользовавшись этимъ, Дорхенъ выскользнула изъ аптеки, такъ что оба мужчины замѣтили ея отсутствіе тогда, когда ея уже не было.

— Синьоръ, вы должны оставить мой домъ!—строго сказалъ аптекарь.

Итальянецъ пробормоталъ что-то въ свою защиту, но Небелунгъ поднималъ руку.

— Молчите, синьоръ. Складывайте ваши вещи и благодарите Бога, что я мягкій человекъ и не люблю скандаловъ, а то...

Феррони прервалъ его:

— Благодарите Бога, если медикъ не женится на вашей дочери! Возьмите меня вмѣсто него! Я сумѣю сдѣлать ее счастливою и буду носить на рукахъ. Я буду дѣлать эссенціи и вкусные ликеры лучше васъ!

— Вкусные ликеры!—разсердился было Небелунгъ, но быстро овладѣлъ собою.—Вы съ ума сошли. Убирайтесь отсюда, какъ можно скорѣе.

На слѣдующее утро Дорхенъ заперлась въ своей комнатѣ и не вышла проститься съ итальянцемъ. Аптекарь холодно разсчитался съ нимъ.

— Желаю вамъ найти гдѣ-нибудь лучше мѣсто, чѣмъ у меня,—не безъ ехидства сказалъ онъ.

Феррони связалъ свои узелки и укатилъ съ Голькомъ въ Копенгагенъ.

Королева также простилась съ Альтоной. Кареты, доверху нагруженныя чемоданами и корзинами, потянулись изъ приэльбскаго городка къ мѣстечку Пинненбергу, гдѣ бургомистръ уже приготовилъ для королевскаго кортежа обѣдъ. Такъ было и дальше, и въ каждомъ городкѣ ждалъ королеву уже приготовленный столъ. Чиновники побогаче платили за пышные обѣды изъ своего кармана, у кого не было своихъ денегъ, тѣ старались ихъ выжать изъ горожанъ и крестьянъ. И всякій, кому приходилось принимать королеву, требовалъ для себя повышенія или ордена.

Ничего этого Каролина-Матильда не замѣчала. Въ Альтонѣ она успѣла отдохнуть отъ продолжительнаго морского путешествія, и настроеніе ея сдѣлалось опять веселымъ. Но когда дѣло дошло до прощанія съ Миннеттой, она стала горько плакать. Не помогла и маленькая нотація, которую ей прочла по этому поводу Плессенъ, напоминая ей о прощальной рѣчи, которую она должна была сказать высшему духовенству, явившемуся проводить ее. Каролина-Матильда плакала и просила, чтобы Миннетта сопровождала ее въ Копенгагенъ! Но объ этомъ не могло быть и рѣчи. Въ Копенгагенѣ ее ждали придворныя дамы, а Миннетта должна была оставаться у своихъ родныхъ. Оберъ-гофмейстерина говорила съ ней очень сухо, и королевѣ приходилось подчиниться. Она обняла Миннетту, съ которой успѣла подружиться, поклонилась духовенству, бургомистру и народу и поспѣшно сѣла въ карету.

Стоявшіе кругомъ еще разъ прокричали привѣтствіе, конные гвардейцы пришипорили лошадей, и блестящій кортежъ двинулся въ путь. За нимъ долго еще бѣжалъ народъ, и много лѣтъ спустя пожилые люди вспоминали еще, какъ ласково глядѣла на нихъ королева, какое на ней было платье—зеленое, бархатное, и какая шляпа съ перомъ.

Миннетта фонъ-Золепаль съ минуту постояла у окна оберъ-президентскаго дома и стала медленно сходить по лѣстницѣ. Блестящіе дни миновали, наступали опять сѣрые будни. Но королева обѣщала не забыть о Миннеттѣ въ Копенгагенѣ, и, конечно, короли свято держать свои обѣщанія!

— Изволите скучать?—спросилъ ее полковникъ Коллеръ. Онъ стоялъ въ дверяхъ и почтительно поклонился, когда молодая дѣвушка появилась на порогѣ.

Миннетта отвѣтила не сразу. Она взглянула на его обгорѣлое отъ вѣтра лицо и плотнѣе надѣла свой плащъ.

— Было очень весело,—сказала она на половину безсознательно.

Полковникъ молча подошелъ къ ней.

— Городъ можетъ себя поздравить, что все сошло такъ хорошо,—говорилъ онъ.

Миннетта не отвѣчала, комкая свой плащъ. Ей было холодно и хотѣлось плакать.

— Да, наступаетъ ужъ зима, и скоро здѣсь опять все затихнетъ,—продолжалъ онъ.—Вамъ слѣдовало бы побывать въ Копенгагенѣ, гдѣ есть всякія развлеченія.

Его грубый голосъ звучалъ добродушно, и молодая дѣвушка чувствовала, что онъ къ ней расположенъ. Но самъ онъ не имѣлъ для нея ничего привлекательнаго.

Она остановилась и стала смотрѣть кругомъ.

— За мной хотѣлъ зайти Эневальдъ Брандтъ.

— Знаете, — конфиденціально началъ онъ; — оставьте въ покоѣ этого господина. Въ немъ мало проку, по крайней мѣрѣ для васъ. Это просто вѣтреникъ.

— Вы говорите такъ потому, что Брандтъ попалъ въ немилость, поспѣшно сказала Минетта; но офицеръ громко разсмѣялся.

— *Parbleu!* Я вѣдь не изъ придворныхъ! Мнѣ самому приходилось бесѣдовать съ юнкеромъ. Увѣряю васъ, что онъ не представляетъ для васъ ничего завиднаго.

Тутъ ему пришлось прекратить бесѣду: по улицѣ медленно шель къ нимъ навстрѣчу Эневальдъ Брандтъ. Онъ былъ одѣтъ очень нарядно и держалъ въ рукахъ палку съ золотымъ набалдашникомъ.

Полковникъ рѣшилъ свернуть въ другую улицу.

— *Au revoir*, мы, вѣроятно, еще увидимся съ вами. Я не забуду о васъ.

Онъ яростно зашагалъ въ сторону, а Эневальдъ Брандтъ, поздоровавшись съ Минеттой, спросилъ:

— Что нужно этому померанскому медвѣдю? Вѣроятно, онъ хотѣлъ полакомиться медомъ съ вашихъ губокъ?

— Не знаю, — отвѣчала Минетта. — Онъ предостерегалъ меня противъ васъ.

— Противъ меня? — засмѣялся камеръ-юнкеръ. Что же такое онъ говорилъ?

— Я не помню теперь, Эневальдъ. Не бойтесь, я не вѣрю ему. Мы вѣдь принадлежимъ другъ другу, не такъ ли?

Она съ любовью взглянула ему въ глаза.

— Конечно, конечно, дорогая моя, — отвѣтилъ Брандтъ, схватывая ея руку. — Какъ только я освобожусь отъ звѣрей и охоты, я сейчасъ же напишу вамъ. Я вѣдь долженъ проститься съ вами. Разумъ говорить, что я долженъ слушаться матери.

Его голосъ звучалъ ласково.

— Вы уѣзжаете? Вы уѣзжаете отъ меня? И какъ разъ тогда, когда я остаюсь въ одиночествѣ?

Эневальдъ пожалъ плечами.

— Я долженъ ѣхать. Впрочемъ, я, можетъ быть, скоро и вернусь, на радость намъ. Вы, вѣдь, говорили обо мнѣ королевѣ. Можетъ быть, облака, омрачающія мою жизнь, разсѣются.

Минетта поникла головой.

— Я хотѣла было поговорить о васъ, Эневальдъ, но королева не поняла меня и перешла на другія вещи. Но она обѣщала мнѣ...

— Вы не подумали обо мнѣ!

Брандтъ пожалъ плечами.

— Вамъ было хорошо, вы и не вспомнили обо мнѣ, на котораго никто не обращаетъ теперь вниманія. Всѣ женщины таковы.

Эневальдъ чувствовалъ себя обиженнымъ или дѣлалъ видъ, что онъ обиженъ, и не слушалъ того, что ему говорила Минетта. Моло-

дой дѣвушкѣ приходило въ голову, что онъ уже не любитъ ее болѣе, ей становилось досадно, и она горделиво подняла голову.

Тихій осенній денекъ мягко освѣщаль красныя крыши домиковъ. На Эльбѣ медленно плыли суда, направляясь къ ея устью. Въ воздухѣ слышенъ былъ крикъ улетающихъ журавлей. Все было какъ-то печально и уныло.

Минетта стояла у окна и потускнѣвшими глазами смотрѣла на улицу. На ней было ея обычное будничное платье. Все, что она видѣла и слышала, было также будничное. Пока племянница ея мужа удостаивалась быть при королевѣ, госпожа фонъ-Золенталь молча сносила ея присутствіе, но теперь, когда все миновало, безъ церемоніи давала ей понять, что она бѣдная дѣвушка и зависить всецѣло отъ ея расположенія къ ней.

— Я рада, что и тебѣ удалось повеселиться, — говорила она. — Но, надѣюсь, ты понимаешь, въ чемъ теперь заключаются твои обязанности. Нужно будетъ сварить варенье изъ айвы, а сливы посолить. Надѣюсь, ты сдѣлаешь это, какъ слѣдуетъ. Мое здоровье не совсѣмъ хорошо, да, кромѣ того, я беспокоюсь за сына, которому нужно будетъ поѣхать къ богатымъ помѣщикамъ, гдѣ есть богатая невѣсты. Да, жизнь не такъ-то легка и налагаетъ на насъ много обязанностей.

Минетта отлично понимала тетку. Все должно быть кончено между Эневальдомъ и ею. Въ то время, пока она была у королевы, тетка, очевидно, подготовила, какъ слѣдуетъ, Эневальда. Онъ понималъ, что для него лучше жениться на богатой и перестать говорить о любви.

Пока эти мысли одолевали Минетту, въ кухнѣ слышенъ былъ веселый смѣхъ Гины Сольбей. Еще недавно хозяйка отхлестала ее плетью. Но она опять была весела и довольна. Впрочемъ, у нея былъ ея Кришанъ, и она была увѣрена въ его крѣпкой любви.

Минетта закрыла лицо руками и горько заплакала. Впрочемъ, тетка скоро опять позвала ее и прочла ей цѣлую лекцію о томъ, какими качествами должна отличаться всякая бѣдная племянница.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Четыре зимы пронеслись надъ Датскимъ королевствомъ. Четыре раза расцвѣтали на лугахъ желтые кувшинчики и прилеталъ изъ Египетской земли аистъ Адебаръ, на обязанности котораго лежали заботы о продленіи человѣческаго потомства. Въ королевской

колыбели къ радости всей страны лежалъ маленькій принцъ. Ольденбургскій королевскій домъ, состоявшій до сихъ поръ изъ короля Христіана и его брата, далъ новый отпрыскъ и можно было надѣяться, что у королевской четы будетъ еще много принцевъ и принцессъ.

Такъ говорили пасторы съ своихъ кафедръ, такъ говорили высшіе чиновники на публичныхъ засѣданіяхъ. Въ «Меркуріи», издававшемся въ Альтонѣ, и въ «Датской Королевской Газетѣ» писалось о томъ, какъ счастлива Данія и какъ прекрасно она управляется. Никто, конечно, не рѣшался съ этимъ спорить.

Госпожа фонъ-Тоттъ тихо ковыляла подъ руку со своей племянницей Минеттой фонъ-Золенталь по направленію къ замку Плонъ. Иногда она громко вскрикивала, ибо ее жестоко мучала подагра. Но такъ какъ она знала, что при подагрѣ дѣлается легче, если не обращать на нее вниманія, то она нарочно преодолевала себя и только испускала иногда недостойныя христіанской души проклятія.

— Не морщись, Минетта,—говорила она, стоная.—Иногда побранишься и станешь легче, что отъ твоего лекарства. Только это обходится дешевле. Надѣюсь, что Господь Богъ не прогнѣвается за то на меня, ибо Онъ знаетъ, что я твердо исполняю христіанскій долгъ въ наши злыя времена. Надѣюсь также попасть со временемъ въ небесныя обители, гдѣ, навѣрно, будетъ не такъ холодно, какъ въ Плонскомъ замкѣ.

—Но зима ужъ прошла, тетушка. Теперь чудная весна, соловьи поютъ, и растенія уже въ цвѣту.

Голосъ Минетты сталъ мягче, чѣмъ былъ прежде, четыре года тому назадъ. На ея красивомъ, немного постарѣвшемъ лицѣ лежала тѣнь скорби. Ея длинныя бѣлокурыя волосы не были напудрены, а простое ситцевое платье, плотно облегавшее ея стройную фигуру, не блистало свѣжестью. Но на нее пріятно было смотрѣть, какъ она вела старую даму, стараясь, чтобы та не попала въ какую-нибудь ямку и шла по солнышку. Вотъ почему молодой человекъ, одѣтый во все черное и повстрѣчавшійся имъ навстрѣчу, мечтательно посмотрѣлъ на нее своими черными глазами и хотѣлъ было заговорить съ нею. Госпожа фонъ-Тоттъ готова была уже остановиться, но племянница мягко повлекла ее далѣе.

— Почему такъ?—съ досадою бормотала тетя Эммелина.—Ты могла бы отнестись къ претенденту полюбезнѣе. Это сынъ хорошихъ родителей, и у него есть свое состояніе, которымъ по нынѣшнимъ временамъ пренебрегать не приходится.

— Раньше вы утверждали что претендентъ на руку это ужъ послѣднее средство для женщины благороднаго происхожденія,—попыталась отшутиться Минетта.—Къ тому же г. Писторіусъ мнѣ не пара. Въ него уже давно влюблена дочь бургомистра, и ему слѣдовало бы обратить взоры въ другую сторону.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.
«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижеупомянутыя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЯНВАРЬ 1912 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

Богословіе.

- АРСЕНІЙ УРАЛЬСКІЙ, еп. Истинность старообрядствующей іерархіи противу возводимыхъ на нее обвиненій. Уральскъ. Ц. 2 р.
- ВВЕДЕНСКІЙ, Д. Сокровища ветхозавѣтнаго храма. Ц. 20 к.
- КАРТИНЫ изъ церковной жизни Черниговской епархіи изъ девятивѣковой ея исторіи. Кіевъ. 1911. Ц. въ пер. 11 р.
- МЕЛИКСЕТА-БЕКОВЪ, Я. М. Юридич. положеніе верховнаго патріарха армянскаго. (Краткій догматич. очеркъ). Одесса. 1911. Ц. 25 к.
- ОТВѢТЫ пустынножителѣй на вопросы іеромонаха Неофита. Уральскъ. 1911. Ц. 3 р.
- СЕЛІВАНОВЪ, А. Основы Богопознанія въ духѣ ученія Христа съ позитивной точки зрѣнія. Рязань. 1911. Ц. 10 к.
- ЧАМБЕРЛЕНЪ, Гаустонъ Стюартъ. Явленіе Христа. Перев. съ нѣм. Изд. 5-е. Спб. 1912. Ц. 50 к.

Философія, психологія, логика.

- БЕРДЯЕВЪ, Н. А. С. Хоминевъ. Изд. «Путь». Москва. 1912. Ц. 1 р. 60 к.
- ВВЕДЕНСКІЙ, А. Логика, какъ часть теоріи познанія. Спб. 1912. Ц. 3 р.
- ВУНДТЪ, В. Введеніе въ психологію. Ц. 1 р.
- КАРЦОВЪ, Н. Записки по педагогической психологіи. Ц. 75 к.
- ЛЕВИ, П. Рациональное воспитаніе воли. Практич. руковод. къ духовному самопеченію и самовоспитанію. Изд. О. Богдановой. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- НАТОРНЪ, П., проф. Культура народа и культура личности. Перев. съ нѣм. Спб. 1912. Ц. 60 к.
- СВЪЧНИКОВЪ, В. Славянофильство какъ философское ученіе предъ судомъ русской критики. Х. 1911. Ц. 20 к.
- ТОЛСТОЙ, Л. Путь жизни. Ц. 1 р. 40 к.
- ФИЛОСОФОВЪ, Д. В. Неугасимая лампада. Статьи по церковнымъ и религиознымъ вопросамъ. Изд. т-ва Н. Д. Сытина. Москва. 1912. Ц. 1 р.

Словесность, исторія литературы, критика и бібліографія.

- ВАРНЕКЕ, Б. Забвтки объ Островскомъ. Одесса. 1912. Ц. 1 р.
- ВЕНГЕРОВЪ, С. Въ чемъ очарованіе русской литературы XIX вѣка? Спб. 1912. Ц. 15 к.
- ДОБРОЛЮБОВЪ, Н. Біографическій очеркъ и избранныя произведенія. М. 1912. Ц. 60 к.
- ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ, Т. П. Творчество и критика. Ц. 1 р. 25 к.

«четер. вѣстн.», ФЕВРАЛЬ 1912 г., т. сxxvii.

1/225

— Т. III. Великий пенант. Ц. 1 р. 65 к.
 П. Н. Сoderжаніе главнѣхъ произведе-
 ніи русской литературы. Вып. 1-й. Ц. 1 р.
 КОЛТОНОВСКАЯ, Е. Критическіе этюд-
 ы. Ц. 1 р. 25 к.
 КОРАБЕВЪ, В. Критикъ-реалистъ.
 Къ 50-лѣтію со дня смерти Н. А. Добро-
 лова. Ц. 30 к.
 — Ломоносовъ. Къ 300-лѣтію со дня
 его рожденія. Ц. 30 к.
 НАШИ КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТЫ.
 № 1. Н. А. Добролюбовъ. Что такое обло-
 мовщина? Ц. 12 к.
 — № 2. Темное царство. Ц. 40 к.

— № 3. Лучъ свѣта въ темномъ цар-
 ствѣ. Ц. 20 к.
 ПАМЯТИ М. В. Ломоносова. Сборникъ
 статей. Ц. 50 к.
 ПИНСАНОВЪ, Н. А. С. Грибоедовъ.
 Биографич. очеркъ. Съ илл. Спб.
 1911. Ц. 75 к.
 СТОЛПЯНСКІЙ, П. Н. Нѣкоторыя
 данныя къ биографіи Ломоносова. Спб.
 1911. Ц. 20 к.
 ТИТЛИНОВЪ, Б. Отвѣтъ на «отзывъ»
 архіепископа Антонія Вольнскаго о книгѣ
 В. В. Титлинова: «Духовная школа въ
 Россіи въ XIX столѣтіи». Ц. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АРАКЦНЪ, Я. Стихотворенія. 1912.
 Ц. 1 р. 50 к.
 АЙЗМАНЪ, Д. Собраніе сочиненій.
 Т. 2. Педоходъ. Сердце бытія. Спб. 1912.
 Ц. 1 р. 25 к.
 АПОЛІОНЪ, литературный альма-
 халь. Д. 2 р.
 БЛОКЪ, А. Собраніе стихотвореній.
 Книга 2-я. Пенанная радость. Москва.
 1912. Ц. 1 р. 50 к.
 ВОРОНОВЪ, А. Сѣверныя вѣсни. Сти-
 хотворенія. 1904—1911. Ц. 1 р. 50 к.
 ВЪ ЗАТННВЪ. Студенчѣскій сборникъ.
 1912. Январь. Ц. 20 к.
 ГАРТЕВЕЛЬДЪ, В. Въ двѣнадцатомъ
 году. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, съ проло-
 гомъ, времени нашествія Наполеона I
 въ Россію. Спб. 1911. Ц. 75 к.
 ГАРШЪ, С. Разказы. Т. 2-й. Ц. 1 р.
 ГАУТМАНЪ, Г. Во Христѣ юродни-
 цы. Т. 1 и 2. Ц. по 1 р.
 ГЕЙЗЕ, П. Дѣти вѣка. Ч. 3-я. Ц. 1 р.
 25 к.
 ГИЛЬЦЪ, П. «Свѣтлѣйшій». Карти-
 ны исторбургской жизни конца XVIII
 вѣка. Пьеса. Спб. 1911. Ц. 1 р.
 ГУРЗУФСКІЙ, М. Фердинандъ Кор-
 тецъ. Историческая драма въ стихахъ изъ
 эпохи покоренія Мексики пенанцами.
 Спб. 1911. Ц. 1 р.
 ДЕМЕЛЬ, Р. Собр. сочин. Т. II. Стра-
 ницы жизни. Новеллы. Перев. Л. Горбу-
 новой. Москва. 1911. Ц. 1 р. 20 к.
 ЯДАНОВЪ, Л. Последний фаворитъ
 (Екатерина и Зубовъ). Историческій ро-
 манъ-хроника конца XVIII вѣка. М.
 1911. Ц. 1 р. 75 к.
 ЖУДАВСКІЙ, Г. Собр. сочин. Томъ I.
 На серебряномъ шарѣ. Перев. съ польск.
 Москва. 1911. Ц. 1 р. 40 к.
 ЗУДЕРМАНЪ, Г. Индійская дилія. Ро-
 манъ. Ц. 85 к.
 ИГНАТЬЕВЪ, П. Около театра. Юмо-
 рески, мѣлатюры, штрихи, пародіи. Ц.
 1 р.
 ІЕНСЕНЪ, Г. Новый свѣтъ. М. 1911.
 Ц. 1 р.
 КАЗАКОВА, С. На Дальнемъ Востокѣ.
 Новеллы и разказы. Спб. 1912. Ц. 60 к.
 КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО, Г. Драм-
 атичні твори. Київ. 1910. Ц. 45 к.
 КОРИНФСКІЙ, АПОЛІОНЪ. Поздніе

оци. Новая стихотворенія. 1908—1911.
 Изд. А. А. Филиппова. Спб. 1912. Ц. 2 р.
 КОРОВНИЦЫНА, П. Голоса стихій.
 Стихотворенія. Москва. 1912. Ц. 75 к.
 КРИВИЦЪ, В. Цвѣтотравы. Стихи.
 Ц. 50 к.
 КРЫЖАНОВСКАЯ, В. Два сфинкса.
 Романъ. Ц. 1 р. 60 к.
 ЛЕБЕДЕВА, Л. Липка. Ц. 1 р.
 ЛЕМОНИНЪ, К. Мертвецъ. Романъ. М.
 1911. Ц. 1 р.
 МАЧЕТЪ, Г. Полное собраніе сочи-
 неній. Т. 5-й. Ц. 1 р.
 МЕЗЬКО, Н. Стихотворенія. Съ предис-
 ловіемъ. К. Р. Спб. Ц. 50 к.
 МУРЪ, К. Сборникъ разказовъ. Спб.
 1912. Ц. 75 к.
 ОРЛЕНКО, К. Свобода—сказка. Пред-
 ставленіе въ четырехъ картинахъ. Ц. 50 к.
 РОРЪ, О. Л. Рыбьи пляски. Юморис-
 тическіе разказы. Изд. М. Г. Корифельда.
 Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
 РОЗОВЪ, Б. Разказы. Ц. 1 р.
 РУБИЦЪ, А. Преданія, легенды, и сказан-
 нія стародубской сѣдой старши. 1911.
 Ц. 30 к.
 СВѢТЛОВЪ, В. Я. Сочиненія. Томъ III.
 Звенья жизни. Изд. Т-ва А. Ф. Маркъ.
 Спб. Ц. 1 р. 25 к.
 СТЕРНЪ, А. В. Сочиненія. Томъ I.
 На конкурсѣ. Спб. Ц. 1 р.
 ТЕ-НЕ. Бѣлая ладія. Сборникъ стихо-
 твореній. Ватуйна. 1911. Ц. 30 к.
 УКРАИНСКІЙ «вѣсникъ». Х.
 1912. Ц. 30 к.
 ФИБИХЪ, К. Мельникъ Иванъ. М.
 1911. Ц. 1 р.
 ФІОРДЫ. Датскіе, норвеженіе, швед-
 скіе писатели въ перев. А. и П. Гаузенъ.
 Сборникъ 9. Изд. Т-ва А. Ф. Маркъ. Спб.
 Ц. 1 р. 25 к.
 ФОНВИЗНЪ, С. Двѣ жизни. Моло-
 достъ Муханова. Романъ. Спб. 1912. Цѣна
 1 р. 50 к.
 ФРЕЖАКЪ, Э. Альвиана и Цезарь.
 Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
 ЧИРИКОВЪ, Е. Мятельники. Ц. 1 р.
 25 к.
 ШАПНРЪ, О. Любовь. Романъ. Ц. 1 р.
 50 к.
 ШЕРГИНЪ, П. Жизнь на сѣверѣ. Пу-
 тевныя наброски. Лѣсная идиллія. Спб.
 1912. Ц. 60 к.

Исторія, біографія и археологія.

АВЧИННИКОВЪ, А. Г. Народный
 герой Р. Н. Гондратенко. Екатеринославъ.
 1912. Ц. 25 к.
 АЛЕКСѢЕВЪ, В. Плюшкинскій му-
 зей. Спб. 1911. Ц. 20 к.

АНДРИАНОВЪ, П. Предверіе великой
 годовщины. Борьба Россіи съ Франціей
 до Отечественной войны. Одесса. 1911.
 Ц. 35 к.
 АРСЕНЬЕВЪ, В. Вкладная книга Бря-

- скаго Свѣтскаго монастыря. Тула. 1911. Ц. 70 к.
- ВАШИНСКИЙ, К.** Дочь Петра Великаго, Елизавета I, Императрица Всероссийская. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912. Ц. 5 р.
- Дочь Петра. Императрица Елизавета. Ц. 3 р. 50 к.
- Происхождение современной Россіи, т. 4-й. Елизавета Петровна. М. 1912. Ц. 3 р.
- ГАДЕНКО, А.** Наслѣдникъ Цесаревича Николая Александровича. 1843—1865. Воспоминанія очевидцевъ болѣзни и кончины Цесаревича. Ц. 3 р.
- ГУСЕВЪ, П.** Историческій очеркъ эпохи образованія финляндской конституціонной монархіи. Спб. 1912. Ц. 40 к.
- ДЕЛИЧЪ, Ф.** Библія и Вавилонъ. Изд. 5-е, съ 47 рис. Ц. 75 к.
- ДНИЛОМАТЬ, при арміи князя Багратиона.** Воспоминанія А. П. Бутенева о 1812 году, изданныя его сыномъ. М. 1911. Ц. 50 к.
- ДМИТРИЕВЪ-МАМОНОВЪ, А.** Дмитріе въ-Мамоновы. Родословный сборникъ. Ц. 5 р.
- ДОКУМЕНТЫ, относящіяся къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни и кончины въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Павловича, оставшіеся послѣ смерти генерала А. Д. Соломоу, и нѣсколько писемъ, основанныхъ къ похоронамъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны.** Ц. 1 р. 60 к.
- ДОВНАРЪ-ЗАПОЛЬСКИЙ, М. В., проф.** Исторія русскаго народнаго хозяйства. Томъ I. Кіевъ. 1911. Ц. 3 р.
- ЖЕРВЕ, В.** Генералъ-фельдмаршалъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Историческій очеркъ его жизни и дѣятельности. Ц. 3 р.
- ИСТОРИЯ новаго времени (1500—1910гг)** составл. подъ ред. проф. Г. Пфлугъ-Гартунга. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. Е. В. Тарле и съ доплат. касающимися Россіи, проф. А. Е. Прѣсникова. Съ рис. Томъ I, вып. 1. Спб. Ц. 60 к.
- КОВАЛЕВСКИЙ, П.** Исторія Россіи съ національною точкою зрѣнія. Спб. 1912. Ц. 75 к.
- КУЛАКОВСКИЙ, Ю.** Исторія Византіи. Т. II. Съ 4 карт. и тремя рис. Кіевъ. 1912. Ц. 3 р.
- ЛШ, ГЕНРИ-ЧАРЛЬСЪ.** Исторія инквизиціи въ средніе вѣка. Томъ 2-й. Спб. 1912. Ц. въ перекл. 6 р.
- ЛЯСКОРОНСКИЙ, В. Г.** Городища, курганы, майданы и длинныя (змѣяныя) валы въ области дѣпровскаго гѣвобережья. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- МПУНОВЪ, П. А.** Рѣдкія русскія монеты съ 1699 до 1912 года. Москва. 1912. Ц. 1 р.
- МИХНЕВИЧЪ, А.** Сто лѣтъ назадъ, 26 августа 1812 г. Великій день Бородина. Спб. 1912. Ц. 35 к.
- МИНЦЛОВЪ, С.** Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. I. Новгородъ. 1911. Ц. 2 р.
- ОКУЛИЧЪ-КАЗАРИНЪ, Н.** Спутникъ по древнему Пскову. Съ 58 рис. и 4 планами. Ц. 2 р.
- ПЛАНЪ Новгорода 16 июля 1611 г.** Ц. 20 к.
- РУЦКИЙ, П.** Наглядное изображеніе исторіи восточной Европы за послѣднее тысячелѣтіе, со статей: «Отторженіи возвратилъ», Юрьевъ. 1911. Ц. 20 к.
- САННЪ, Н.** Новѣйшіи археологическія находки въ Чердынскомъ краѣ. Архангельскъ. 1910. Ц. 10 к.
- СОКОЛОВЪ, А.** Сѣверный сфинксъ. Историческій этюдъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ХОЛОДОВСКИЙ, П.** Титулы и ошметы на монетахъ. Ц. 30 к.
- ШНИЦЕРЪ, I.** Росточинскъ и Кутузовъ. Россія въ 1812 г. Перев. съ предисл. и примѣч. А. Ельницкаго. Спб. 1912. Ц. 90 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- АРЕФА, Н.** Правила объ устройствѣ судебной части, о производствѣ судебныхъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земельныхъ участковыхъ начальникахъ, со включеніемъ статей по пред. 1906, 1908 и 1909 гг. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
- БАЛИСНЫЙ, М.** Чего ждать отъ русскаго націонализма. Спб. 1911. Ц. 25 к.
- БАЧЕВСКИЙ, М.** и **БЕРЕЗИНЪ, А.** Полный сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената по желѣзнодорожнымъ дѣламъ съ 1905—1910гг. включ. съ подробн. алфавитн., предметнымъ и ностатейнымъ указателями. Кіевъ. 1911. Ц. въ перекл. 3 р. 50 к.
- БЕННИГСЕНЪ, А.** Нѣсколько данныхъ о современной Монголіи. Ц. 75 к.
- БЕРНАЦКИЙ, В.** Самоубійства среди воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Ц. 50 к.
- БОРОВОЙ, А.** Исторія личной свободы во Франціи. М. 1911. Ц. 50 к.
- ВАЛЬДЕНБЕРГЪ, В.** Государственные идеи Криванча. Паслѣдованіе. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
- ВЕЛИКАЯ РОССІЯ.** Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ. Кн. 2-я. Москва. 1912. Ц. 2 р.
- ВЕРХОВСКИЙ, Г.** Отдыхъ торгово-промышленныхъ служащихъ по даннымъ анкеты 1909 г. Вып. I. Москва. 1912. Ц. 45 к.
- ВИТТЕ, С.** Конспектъ лекцій о народномъ и государственномъ хозяйствѣ. Спб. 1912. Ц. 4 р.
- ВЛАДИМИРОВЪ, А.** Первый «туберкулезный день» въ Россіи 1911 года. Ц. 60 к.
- ВОРОБЬЕВЪ, М.** Деньги уничтожить у всѣхъ, вромѣ капиталистовъ. Спб. 1912. Ц. 75 к.
- ГЕРЭ, П.** Универсальные магазины. Перев. съ нѣм. Спб. Ц. 50 к.
- ГОДЗЕМБА-ВЫСОЦКИЙ, А.** Борьба съ пьянствомъ и причины его. Ц. 20 к.
- Г—ОНЪ, А.** Конспектъ русскаго государственнаго права. Ц. 70 к.
- ГОСУДАРСТВЕННАЯ дѣятельность** председателя Совета Министровъ съ секретаря Петра Аркадьевича Столыпина. Въ 3 частяхъ. Ц. 5 р.
- ГУЛЯЕВЪ, А. П.** Справочная книга по торгово-промышленному законодательству и торговой практикѣ. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
- ДРУЖИНИНЪ, Н.** Право и личность крестьянина. Ц. 1 р. 50 к.
- ФОНЪ-ЗЕКЪ, П.** Современная Італія и русское общественное мнѣніе. Псковъ. 1911. Ц. 30 к.

ЗМИРЛОВЪ, К. П. Вознагражденіе за вредъ и убытки, вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья причиненныхъ желѣзнодорожными и пароходными предпріятіями, (683 и 684 ст. 1 ч. X. т.) по рѣшеніямъ Прав. Сената. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1912. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

ЗОМБАРТЪ, В. Евреи и хозяйственная жизнь. Ч. 1-я. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

ИСТОРИЯ русскаго права періода Имперіи. Хронологическая таблица, сост. къ курсу проф. В. Латкина. Ц. 30 к.

КАЯНДЕРЪ, Н. Краткое изложеніе условій взиманія акцизныхъ сборовъ въ Россіи. Ревель. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

КОЛОСОВЪ, Е. Е. Очерки міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго. Теорія раздѣленія труда, какъ основа научной социологіи. Спб. 1912. Ц. 2 р.

КРАСИЛЬНИКОВЪ, Н. П. А. Столыпинъ и его дѣятельность въ первой, второй и третьей Государственной Думѣ по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ: по филиандскому, польскому, по землеустройству крестьянъ, по вѣроисповѣданному, по введенію земства въ Западномъ краѣ и по многимъ другимъ важнѣйшимъ явленіямъ общественной жизни. Спб. 1912. Ц. 70 к.

ЛУЧИНСКИЙ, Н. Правила патронажа надъ тюремными выпущенниками. Спб. 1911. Ц. 60 к.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ и землеустройство за Ураломъ въ 1906—1910 гг. и отчетъ по

переселенію и землеустройству за 1910 годъ. Спб. 1911. Ц. 5 р.

ПОПШЕ, В. Критика методологическихъ основъ теорій права и нравственности проф. Л. П. Петражицкаго. Ц. 40 к.

REPETITORIUM по полицейскому праву. Ц. 1 р. 40 к.

РУДАКОВЪ, В. Послѣдніе дни цензуры въ Минист. Народн. Просвѣщенія. Спб. 1911. Ц. 50 к.

РѢШЕНІЯ Гражд. Кассач. Д.та Прав. Сената. 1910. Москва. Ц. 2 р.

ТРИЗНА, Д. Финляндія за 100 лѣтъ въ составѣ Россіи. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ТЮТЧЕВЪ, А. Опека у крестьянъ надъ малолѣтними и несовершеннолѣтними сиротами, безумными, сумасшедшими, глухонѣмыми, надъ имуществомъ должниковъ и безвѣстно отсутствующихъ и надъ расточителями. Спб. 1912. Ц. 40 к.

ЧЕРНЫШОВЪ, И. Л. Крестьяне общинъ наканунѣ 9 ноября 1906 г. Къ вопросу объ общинѣ. Спб. 1912. Ц. 60 к.

ЧЕЧОТЬ, А. М. Формулы наказаній по степенямъ для преступленій, наиболѣе часто встрѣчающихся въ судебной практикѣ окружныхъ судовъ. Кіевъ. 1911. Ц. 75 к.

ЯБЛОЧКОВЪ, Т. Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства. 1912. Ц. 2 р. 25 к.

ЯЩЕРИЦЫНЪ, П. В. Общедоступное руководство для ознакомленія съ главнѣйшими положеніями новаго закона о землеустройствѣ. Саратовъ. 1912. Ц. 15 к.

Искусство.

ВАГНЕРЪ, РИХАРДЪ. Моя жизнь. Мемуары. Редація А. Л. Волынскаго. 5 томовъ. Спб. Ц. 16 р. 50 к.

ВАЛЬТЕРЪ, В. Г. Рихардъ Вагнеръ, его жизнь, творчество и дѣятельность. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ГЛАГОЛИНЪ, Б. За кулисами моего театра. Театральные эпизоды. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

«ЕЖЕГОДНИКЪ Императорскихъ театровъ». 1911. Вып. 6-й. Спб. Ц. 1 р.

МУЗЕЙ изящныхъ искусствъ и древностей Императорскаго Харьковскаго ун. верситета. Коллекція гравюръ. А. Н. Алферова. Харьковъ. 1911. Ц. 2 р.

СТАРКЪ, Э. Старинный театръ. Ц. 1 р. 25 к.

ФЛЕТЧЕРЪ, Исторія архитектуры. Вып. 2-й. Средневѣковая архитектура. Спб. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

Естествознаніе и математика.

АБРАМОВЪ, Н. и ДЯКОВЪ, П. Сборникъ простѣйшихъ упражненій и задачъ по курсу строительной механики. Вып. I. Ц. 35 к. Томе. Вып. III. Ц. 1 р. Вып. IV. Ц. 75 к.

БУБНОВЪ, Н. Подлинное сочиненіе Герберта объ Абакѣ или система элементарной ариѳметики классической древности. Кіевъ 1911. Цѣна 2 р.

ВАСИЛЬКОВСКИЙ, П. Чудеса растительнаго царства. Популярныя очерки изъ жизни растений. Спб. 1912. Ц. 2 р. 60 к.

ЕРМАКОВЪ, В. Аналитическая геометрія. Ч. 2. Геометрія въ пространствѣ. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

КЕППЕНЪ, В. Климатовѣдѣніе. Общее ученіе о климатѣ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

МАЙКЕЛЬСОНЪ, А. А. Свѣтотыя волны и ихъ примѣненія. Перев. съ англ. подъ ред. проф. О. Д. Хвольсона. Изд. «Mathesis». Одесса. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ОСТВАЛЬДЪ, В. Основы коллоидной химіи. Ч. I. Ц. 2 р.

РЮДО, Л. Какъ изучать небесныя тѣла. Ц. 1 р. 50 к.

САДОВНИКОВА, М. Жизнь муравьевъ. Альбомъ стереоскопическихъ фотографій. Москва. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ТРАУБЕ, И. Физическая теорія явленій иммунитета. Теорія резонанса. Ц. 50 к.

ФЕДЧЕНКО, В. А. и ФЛЕРОВЪ, А. О. Растительность Россіи. Первая серія, вып. 4-й. Растительность Забайкальск. обл. Тайга. Спб. 1911. Ц. 3 р.

ЭРДМАННЪ, Б. Научныя гипотезы о душѣ и тѣлѣ. М. 1911. Ц. 1 р.

ЯНИЦКИЙ, А. Курсъ практическихъ работъ по физикѣ. Ч. 1-я. Общій отдѣлъ. Тѣплота и звукъ. Кіевъ. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
— Логарифмическая линейка. Описаніе линейки и способъ пользованія ею. Кіевъ. 1912. Ц. 30 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ГЕРИХЪ, П. Поднебесная Имперія. Краткія свѣдѣнія о Китаѣ. Ц. 60 к.
 КАРУЦЪ, Р. Среди Киргизовъ и Туркменовъ на Мангышлакѣ. Ц. 2 р. 75 к.
 КЪ ЮЖНОМУ ПОЛЮСУ. Англійск. экспедиція къ южному полюсу подъ начальствомъ лейт. Шеклтона. 1907—1909 г. Перев. съ франц. подъ ред. прив.-доц. А. П. Колмогорова. Москва. 1911. Ц. 75 коп.
 ЭБЕРГАРТЪ, П. Тѣнь Ислама. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- БАРАКОВЪ, П. Курсы общаго земледѣлія. Ч. 1-я. Ц. 1 р. 80 к.
 — Тоже. Ч. 2-я. Ц. 1 р. 60 к.
 БАРБЕРОНЪ, Г. Орошеніе и удобреніе виноградниковъ. («Библиотека Вѣстника Винодѣлія», № 10). Одесса. 1911. Ц. 25 к.
 КАЛЬНИКЪ, Э. Краткое руководство для приготовления домашнимъ способомъ булокъ, хлѣба, кондитерскихъ печеній, тортовъ и проч. Изд. 2-е. Спб. 1912. Ц. 1 р. 30 к.
 КРЮКОВЪ, Н. А. Аргентина. Сельское хозяйство въ Аргентинѣ въ связи съ общимъ развитіемъ страны. Съ 2 карт. и 128 рис. Спб. 1911. Ц. 2 р.
 ОПЫТНОЕ ПОЛЕ имени В. Л. Нарышкина. Вып. 1-й. Программа опытнаго поля и организованнаго при немъ хозяйства. Отчетъ за 1908—1910 гг. Ц. 1 р.
 РУССКОЕ ЗЕРНО. Письма крестьянъ. Изд. 2-ое. Спб. 1911. Ц. 50 к.
 ЯЧЕВСКІЙ, А. Антракозъ и хлорозъ. («Библиотека Вѣстника Винодѣлія», № 9). Ц. 25 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- ГИРШКОВИЦЪ, Ф. М. Темы для практич. работъ по бухг. Вып. 2-й. Спб. 1912. Ц. 15 к.
 ЕЗЕРСКІЙ, О. Международный конгрессъ счетоводовъ, созванный Акад. Общ. Счетов. въ Бельгіи на выставкѣ 1911 г. Спб. Ц. 60 к.
 ЛЕКСИКОНЪ коммерческой корреспонденціи на русск., нѣм., франц. и англ. яз. Книга 1. Одесса. 1911. Ц. 1 р. 50 коп.
 МАРГОЛИНЪ, Д. Карманный ежегодникъ по сахарной промышленности на 1911—1912 г., съ прилож. техническаго справочника и карты заводовъ. Кіевъ. 1911. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.
 ЧИСЛО филиальныхъ учреждений, капиталы и пробѣлы акціонерныхъ коммерческихъ банковъ. Ц. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- АЛЬБОМЪ рисунковъ для выпиливанія по дереву и металлу. Ц. 40 к.
 АЛЬМЕДИНГЕНЪ, А. Методы изслѣдованія товаровъ. Руководство къ изученію практич. товаровѣдѣнія. Спб. 1912. Ц. 1 р. 75 коп.
 БАУЕРЪ, М. Какъ построить моторную лодку. Ц. 50 к.
 БЕЖЕБЪ, Телеграфъ, телефонъ и телемеханика безъ проводовъ. Перев. и дополн. Н. Орловскаго. Спб. 1912. Ц. 1 р. 20 коп.
 БОДРИ ДЕ СОНЬЕ. Практич. совѣты шоферамъ. Перев. Н. Орловскаго. Вып. I. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.
 БУХНЕРЪ, Г. Травленіе и окрашиваніе металловъ и сплавовъ. Перев. съ нѣм. Изд. Г. В. Гольстена. Спб. 1912. Ц. 1 р.
 ВАСИЛЬЕВЪ, В. Плетеніе корзинъ, мебели и др. издѣлій изъ ивы, тростника, камыша, соломы и др. материаловъ. Практич. руковод. съ 72 рис. Ц. 35 к.
 ГИРНСОНЪ, Г. Катастрофы и крушенія въ желѣзо-бетонномъ строительствѣ. 1911. Ц. 40 к.
 ГРӨФЪ, М. Мотивы мебели въ новомъ стилѣ. Ц. 40 к.
 ДЕМЕНТЬЕВЪ, К. Технологія строительныхъ материаловъ. Полученіе, примѣненіе, свойства и испытанія важнѣйшихъ матеріаловъ строительства. Кіевъ. 1912. Ц. 6 р.
 ЖАНТИ, Н. Катехизисъ шофера. Перев. съ франц. Изд. Г. В. Гольстена. Спб. 1912. Ц. 50 коп.
 КРЖИШТАЛОВИЧЪ, инж. Инструкція на изготовленіе пустотѣлыхъ бетонныхъ камней и возведеніе изъ нихъ построекъ. Ц. 1 р.
 ЛАМТЕВЪ, Н. Н., инж.-эл. Электрич.-практич. Практич. руковод. для любителей изготовленію домашн. средствъ телефоновъ, звонковъ, элементовъ освѣщенія и пр. Съ 59 рис. Николаевъ. 1911. Ц. 50 коп.
 ЛАУДИНЪ, М. Кербишникъ, плоская и выпуклая рѣзба. Ц. 40 к.
 ЛЕВИЦКІЙ, Д. Г., горн. инж. Новѣйшіе способы промышленнаго полученія кислорода. Харьковъ. 1911. Ц. 80 к.
 НОВИЧКОВЪ, П. Водяныя турбины. Ц. 20 к.
 СКОРНЯКОВЪ, Е. Иригаціонное дѣло въ Алжирѣ. Спб. Ц. 60 к.
 СПРАВОЧНАЯ книжка по винокуренію. Одесса. 1911. Ц. 1 р. 65 к.
 УМОВЪ, А. В., инж. Керосино-калильное освѣщеніе. Съ 48 рис. и 2 табл. Москва. 1912. Ц. 60 коп.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- БАРАНОВЪ, А. Руководство для ротныхъ фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- БРОНШТЕЙНЪ, О. П., д-ръ. Краткое руководство по медицинской бактериологии. Съ 73 рис. Книгоизд. «Сотрудникъ». Спб. 1912. Ц. 1 р. 60 к.
- БЫКЪ, Г. М., д-ръ. Спутникъ на холеру и чуму. Киевъ. 1911. Ц. 40 коп.
- ГОРДОНЪ, Л. Какъ быть здоровымъ. В. 1-й. Уходъ за ухомъ и смежными органами. Ц. 75 к.
- Взаимодѣйствіе духа и тѣла. Ц. 75 к.
- ДАГИЛАДСКІЙ, В. Курсъ глазныхъ болѣзней для фельдшерскихъ школъ. Съ 83 рис. Спб. 1912. Ц. 1 р. 10 к.
- ИСАЕВЪ, С. Краткое руководство по фармакологии. Ц. 1 р. 50 к.
- CRONER, W. Терапія университетскихъ берлинскихъ клиникъ. Ц. 2 р. 60 к.
- ОБОЗНЕНКО, П. Краткій курсъ фармакологии. Ц. 1 р. 25 к.
- ОШИНЪ, А. Новый способъ леченія нервныхъ болѣзней безъ лекарства. М. 1911. Ц. 35 к.
- ROMBERG, E. Учебникъ болѣзней сердца и кровеносныхъ сосудовъ. Спб. 1912. Ц. 4 р.
- СЛОВЦОВЪ, Б. Стѣнные таблицы для медицинскихъ лабораторій. Вып. 1-й. Качественный анализъ мочи. Саратовъ. 1911. Ц. 20 к. Вып. 2-й. Количественный анализъ мочи. Ц. 20 к. Вып. 3-й. Анализъ желудочнаго сока. Ц. 20 к.
- ФОГЕЛЬ, Э. Спутникъ ветеринарнаго врача. Ц. 2 р.
- ЭРЛИХЪ, П. О теоріи и практикѣ салварсаотерапіи. Одесса. 1912. Ц. 20 к.

Военное и морское дѣло.

- НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ. Программа и конспекты лѣтнихъ занятій, состав. группою строевыхъ офицеровъ, согласно плану распределения годовыхъ занятій въ вѣхотѣ. Одесса. 1911. Ц. 50 к.
- П. П. Р. Итальянская кавалерійская школа и новый методъ полевой фазы и обученія ея. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- СКАЗАНИЯ иностранцевъ о Русской арміи въ войну 1904—1905 гг. Ц. 1 р. 75 к.
- ФРИМАНЪ, Л. Значеніе крѣпостей для обороны Россіи. По опыту Отечественной войны въ 1812 году. Ц. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- АБРАМЕНКО, О. Наглядный курсъ правописанія рукописи. Киевъ. 1912. Ц. 45 к.
- АЛЕКСАНДРОВЪ, А. Родная природа. Начатки естествознанія. Спб. 1912. Ц. 70 к.
- АЛЕШИЦЕВЪ, П. Исторія гимназическаго образованія въ Россіи XVIII и XIX вѣка. Спб. 1912. Ц. 3 р.
- АЛЬТМУЛЕРЪ, С. Сборникъ разработокъ сочиненій по всеобщей литературѣ. Одесса. 1912. Ц. 40 к.
- БАХМУТСКІЙ, Я. Рѣшенія всѣхъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. По сборнику сост. Н. Рыбнинымъ. Ч. 2. Стереометрія. 2 вып. Киевъ. 1912. Ц. 1-го в. 1 р.; 2-го в. 85 к.
- БЛЕММАНЪ, Л. Руководство къ приженію неправильныхъ глаголовъ французскаго языка. Киевъ. 1912. Ц. 35 к.
- БОГОМОЛОВЪ, П. О. Пронисъ. Курсъ русскаго правописанія. Пособіе для начальной училищъ. Вып. I. (I и 2 годы обученія). Москва. 1912. Ц. 20 к.
- БОРШЕВСКІЙ, С. Русская литература XIX вѣка въ разработкахъ, темахъ. Пособіе для учениковъ старш. класса, средн. учебн. завед. Вып. II. Владиміавказъ. 1911. Ц. 1 р. 40 к.
- ВАРГИНЪ, В. Основныя свѣдѣнія по химіи. 1912. Ц. 30 к.
- ВАСИЛЕВСКІЙ, Ф. Ученническія сочиненія. Руководство къ составл. учен. сочиненій. Вып. I и II. Изд. 9-е, дополн. Киевъ. Ц. 1 р. 25 коп.
- ВОПРОСЫ педагогической патологіи въ семьѣ и школѣ. Подъ ред. А. Владимірскаго, А. Оршанскаго и Г. Фальборка. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ВОПРОСЫ воспитанія. Сборникъ статей О. Мессера, В. Рахманова, Н. Румянцова. Спб. 1911. Ц. 40 к.
- ГАНЪ, П. К. Руковод. къ правилн. употребленію знаковъ препинанія. Изд. 10-е. Вильна. 1912. Ц. 30 к.
- ГЕРТВИНГЪ, Р. Учебникъ зоологіи. Вып. I. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ГОРОДЕЦКІЙ, П. Логика. Учеб. для гимназій. Ц. 80 к.
- ГЛАЗЕНАПЪ, С. Прямолінейная тригонометрія. Часть I. Рѣшеніе треугольниковъ. Спб. 1912. Ц. 75 к.
- ГУРЛИТТЪ, Л., проф. О воспитаніи. Перев. съ нѣм. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ДВОРНИКОВЪ, П. Географія Россійской Имперіи. М. 1912. Ц. въ перепл. 1 р. 40 к.
- ДЕККЕРЪ, Г., д-ръ. Исторія развитія ребенка. Попул.-научн. очеркъ для родителей и воспитателей, съ многочисл. иллюстр. Перев. съ нѣм. Е. С. Дедюлиной, подъ ред. Н. Е. Румянцова. Спб. 1911. Ц. 60 к.
- ДЕМКІНЪ, А. Д. Сборникъ практич. указаній для всесторонняго изученія черченія. Съ 136 рис. и чертеж. Рязань. 1910. Ц. 1 р.
- ДОНЪ, В. Наглядная географія. Ц. 60 к.
- ЗАВЪЯЛОВЪ, В. Начальный курсъ физиологіи человека. Изд. 3-е, испр. и доп. Съ 204 рис. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ЗИКШТЕРЪ, А. и ГАНЕБЕРГЪ, Ф. Школа труда. Перев. съ нѣм. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- ЮВЛЕВЪ, Н. Н., прив.-доц. Элементарная геометрія. Курсъ средн. учебн. завед. Часть I. Геометрія произвольныхъ протяженій. Съ 145 рис. Казань. 1911. Ц. 80 к.
- ИВАНОВЪ, М. М. Физическое воспитаніе въ школахъ запада. Казань. 1911. Ц. 25 коп.

- ИВАНОВЪ, В. Систематическій сборникъ задачъ на тѣла вращения, рѣшаемыхъ при помощи тригонометріи. Кіевъ, 1911. Ц. 1 р.
- КАПЕЛЬКИНЪ, В. и ЦИНГЕРЪ, А. Природовѣдѣніе. Учебникъ. М. 1912. Ц. 1 р. 75 к.
- КЕРШЕНШТЕЙНЕРЪ, Г. Основные вопросы школьной организаціи. Сиб. 1911. Ц. 50 коп.
- КПСЕЛЕВЪ, А. Руководство четкописанія и чистописанія. Ц. 35 к.
- КНИЖКИ дѣтей дошкольнаго возраста. Сиб. Ц. 30 к.
- КОРБЕТТЪ, Л. Школьный садъ, съ англ. Съ рис. Москва, 1911. Ц. 45 к.
- КРУКОВСКІЙ, М. Миръ чудесъ. Географическая хрестоматія. Ц. 1 р.
- ЛЕОНТЬЕВЪ, К. Повторительный курсъ латинскаго языка. Одесса, 1912. Ц. 30 к.
- ЛПШИНЪ, В. И. Жизнь и труды М. В. Ломоносова. Сиб. 1911. Ц. 25 к.
- МАРКОВЪ, Д. А. Записки по методикѣ исторіи и географіи. Москва, 1912. Ц. 1 р.
- МИЛОСЛАВСКІЙ, Н. П. Натуральный методъ въ примѣненіи его къ обученію русскому языку въ иноязычныхъ школахъ. Казань, 1911. Ц. 30 к.
- МИРЛЕСЪ, А. Планы ученыхъ сочиненій. Ч. II. Темы литературныя. Кіевъ, 1912. Ц. 80 к.
- МОХОВЪ, Н. П. Бухгалтерія. Младшій курсъ. Теорія и практика, съ прилож. практич. работъ по американск. и двойн. итал. системамъ. Пособіе для торг. школъ, коммерч. училищъ, счетоводн. курсовъ и для самообраз. Вильна, 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, А., гр. Сборникъ статей по вопросамъ школьнаго образованія на Западѣ и въ Россіи. Т. 1-й, и 2-й. Сиб. 1912. Ц. кажд. тома 1 р.
- ОВСИПКО-КУЛИКОВСКІЙ, Д. Н., проф. Синтаксисъ русскаго языка. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Сиб. 1912. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
- ОГЕНКО, П. Объ удареніи въ географическихъ именахъ. Пособіе для преподавателей географіи, для учащихся и самообразованія. Кіевъ, 1912. Ц. 25 к.
- Словарь удареній въ русскомъ языкѣ и правила русскаго ударенія. Кіевъ, 1911. Ц. 15 к.
- ПАМЯТИ Н. П. Пирогова (1810—1910). Сборникъ статей. Изд. газ. «Школа и Жизнь». Сиб. Ц. 60 коп.
- ПЕРЦЕВЪ, В. Учебникъ древней исторіи для 8 кл. музѣскихъ и женскихъ гимназій. Ч. I. Греція. М. 1912. Ц. 80 к.
- ПЕТРОВЪ О. В. Три года преподаванія естествознанія и географіи. Съ рис. Москва, 1911. Ц. 1 р. 30 к.
- ПОКОТЦЮ, Н. П. Практич. руководство для начинающаго преподавателя исторіи. Сиб. 1912. Ц. 2 р.
- ПРИТКО-ПРИЛУЦКІЙ, Н. Г. Корифей русскаго слова. Сборникъ критич. и биогр. статей для средн. школы и самообразованія. Вып. I. Ломоносовъ, жизнь и творчество. Сиб. Ц. 40 к.
- Тоже. Вып. X. Тургеневъ. Сиб. Ц. 80 коп.
- Тоже. Вып. XV. Левъ Толстой. Сиб. Ц. 1 р. 10 к.
- PUGHARD, GUY; First english book. Изд. «Школьникъ». Сиб. Ц. въ перепл. 1 р. 50 коп.
- ПРОГРАММЫ курсовъ физико-математическаго факультета. 1910—1911г. Ц. 25 к.
- РЪЩИНОВЪ, П. Пособіе для занятій гимнастикою и военнымъ строемъ въ средн.-учебн. завед. Одесса, 1911. Ц. 50 к.
- СЕВАСТЬЯНОВЪ, Л. Задачи, предложенныя въ 6 и 7 клас. реальн. училищъ. М. 1912. Ц. 50 к.
- Сборникъ задачъ, предложенныхъ на аттестатъ зрѣлости. Ц. 45 к.
- СИПОВСКІЙ, В. Д. Избранныя педагогич. сочиненія. Изд. Я. Башмакова и К^о. Сиб. 1911. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.
- СОСНЦОВЪ, Е. О., свѣд. Слутникъ законоучителя. Основы, правила, дидактики и методики закона Божія. Казань, 1911. Ц. 10 к.
- СТОЛЦА, Э. К. Развитие въ дѣтихъ извнерадостности и борьба съ пессимизмомъ. Изд. г-ва М. О. Вольфа. Сиб. 1912. Ц. 60 к.
- СТРЕКАЛОВЪ, А. Русская стенографія по упрощенной системѣ. Тула, 1911. Ц. 1 р.
- ТАРАПЫГИНЪ, О. Храбрыя безмертвіе. Военная хрестоматія. Сборникъ статей и очерковъ изъ военнаго быта и исторіи. Для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ, низшими чинами арміи и флота. Ч. 1-я. Изд. 2-е. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ТЕОДОРОВИЧЪ, К. Трагедія дѣтской души. (Къ вопросу о самоубійствахъ среди школьной молодежи). Лодзь, 1911. Ц. 15 к.
- ТИЧЕРЪ, Н. Драматизація, какъ одинъ изъ методовъ современной школы. 1911. Ц. 50 к.
- ТОЛСТОЙ, Л. Н. Педагогич. сочиненія. Съ вступит. стат. проф. С. А. Венгерова. Сиб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ТРОСТНИКОВЪ, В. Методика русскаго литературнаго языка. Ч. 1-я. Методика сознательнаго, правильнаго и выразительнаго чтенія въ связи съ обученіемъ устной рѣчи. Юрьевъ, 1912. Ц. 50 к.
- ТУМСКІЙ, К. П., инж. Начала химіи. Съ рис. Москва, 1912. Ц. 1 р.
- ФИЛИПШОВИЦЪ, Ф. Начальная геометрія. Ц. 45 к.
- ФИННСОВЪ, П. Подробныя рѣшенія и объясненія всѣхъ алгебраическихъ задачъ по сборнику Н. А. Шапошникова и Н. Вальцова: ч. 2-й, в. 1-й, ц. 1 р.; ч. 2-й, в. 2-й, ц. 1 р.; ч. 2-й, в. 3. ц. 75 к.; ч. 2-й, в. 4-й, ц. 80 к.; ч. 2-й, в. 5-й, ц. 50 к.
- ФОРТУНАТОВА, Е. Я., ШТ. ПЕГЕРЪ, Л. К. и ФОРТУНАТОВЪ, А. Первый годъ обученія въ начальной школѣ. (Изъ опыта одной экспериментальной школы). Съ рис. и табл. Москва, 1912. Ц. 50 к.
- ХРИСТИАНОВИЦЪ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. Изд. 2-е. Москва, 1912. Ц. 35 к.
- ЦИНГЕРЪ, А. В. Начальная физика. Первая ступень. 2-е изд., съ исправл. и дополн. В. М. Саблина. Москва. Ц. 2 р.
- ЧЕХОВЪ, Н. Слутникъ самообразованія. Бесѣды о выборѣ книгъ для дѣтей и подростковъ до 15 лѣтъ. Ц. 15 к.
- ШЕНШИНЪ, В. Природовѣдѣніе въ американской школѣ. Съ илль.—П. Корбергъ, Л. Школьный садъ. Съ англ. Съ рис. Москва, 1911. Ц. 45 к.
- ШЕСТАКОВЪ, С. Греческая грамматика съ текстами для чтенія и упражненія въ греческомъ языкѣ. Казань, 1907. Ц. 1 р.
- ШОХОРЪ-ТРОЦКІЙ, С. Методика арифметики для учителей средн.-учебн. заведен. Ц. 2 р. 40 к.
- ШЕНОТЬЕВЪ, Л. Наша рѣчь. Систематическій курсъ практической грамматики. Торонецъ, 1912. Ц. 1 р.
- ЭКСКУРСІЯ въ Новгородѣ ученищъ женской гимназіи Э. П. Шаффе, въ 1911 г. Сиб. 1911. Ц. 30 к.
- ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОПИСЬ для 2 и 3 года обученія въ начальной школахъ

и для младш. клас. ср.-учебн. завед., а также и для духовныхъ и епархіальн. женск. учил. Ч. II, 1 выпг. Составленъ группою городск. и земск. народн. учителей,

подъ ред. Ив. П. Сахарова. 2-е изд. Т-ва П. Д. Сытина. Москва. 1912. Ц. 40 к.
ЭФРУСИ, Е. Исторія Россіи. Учебникъ и книга для чтенія. М. 1911. Ц. 90 к.

Книги для дѣтей и юношества.

АВЕНАРИУСЪ, В. П. Дочь посадничья. Повесть для юношества изъ временъ Великаго Новгорода и Ганзы. Изд. П. В. Луковникова. Сиб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

АВЕНАРИУСЪ, В. Среди враговъ. Дневникъ юноши, очевидца войны 1812 г. Сиб. 1912. Ц. 1 р.

ВАСИЛЬКОВСКІИ, П. Чудеса растительнаго царства. Популярные очерки изъ жизни растений. Сиб. 1912. Ц. 2 р. 60 к.

ДЕ-ФО, Робинзонъ Крузо. Переработ. Л. Тромозовой. Съ 48 рис. Сиб. 1912. Ц. 1 р.

ДОБРОЛЮБОВЪ для школы. 1861—1911 гг. Со вступит. статей Н. Котляревского. Изд. О. Н. Поповой. Сиб. 1911. Ц. 2 руб.

ДЪДУШЕКЪ, М. Сказки для дѣтей. Ц. 50 коп.

ДЯДЯ ВАНИ. Любимѣйшій дѣтскій театр. Новый пьеса. Сиб. Ц. 1 р. 20 к.

ДЖУНКОВСКІЕ, бр. Юный театр. Вып. I. Безъ старшихъ, пьеса въ 2 д.—Вып. II. Въ притонѣ чернаго дьявола, пьеса въ 2 д.—Вып. III. Цензорскій поросенокъ, пьеса изъ римск. жизни въ 2 д.—Вып. I. Сорона (Скалы и море), п. въ 2 д. Ростовъ на Д. Ц. кажд. вып. 30 к.

ЕЛАГИНЪ, А. и ЗОТОВЪ, Н. Новые иностранныя сказки для дѣтей. Сиб. 1912. Ц. 1 р.

ИНФАНТЬЕВЪ, П. На родинѣ первыхъ людей. Приключенія двухъ гимназистовъ въ Средней Азій. Сиб. 1912. Ц. 50 к.

КОРЧАГИНЪ, П. Г. Новый сборникъ для дѣтей, юношества и взрослыхъ. Изд. 4-е, исправл. и доп. Сиб. 1911. Ц. 45 к.

ЛОМОНОСОВЪ, М. Избран. сочин. Подъ ред., со вступит. статей и съ примѣчаніями, проф. В. В. Спшювскаго. Съ портр. и видами. Изд. Я. Башмакова и К^о. Сиб. 1911 г. Ц. въ перепл. 40 к.

МАЛЬМГРЕНЪ, А. Царевна-лягушка. Сказка. Пьеса въ 5 д., съ пѣніемъ, танцами. Ц. 40 к.

МАНАСЕИНА, Н. Пербетская принцесса. Повесть изъ дѣтства и юности Екатерины II. Изд. журн. «Тропинка». Сиб. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

НЕБЕДИНСКІИ, В. Царица-гвоздика. Сказка въ лицахъ, въ одномъ дѣйствіи. Ц. 30 к.

— Бабушкина сказка или сонъ Манн въ Родительственной сочельникъ. Ц. 1 руб.

НЕМЕРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, ВАС. П. Опрокинутая величина. Очерки и рассказы для дѣтей старш. возраста, семьи и школы. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Сиб. Ц. въ перепл. 2 р. 25 к.

НИКИТИНЪ, П. С. Избран. стихотворенія для дѣтей школьнаго возраста. Съ портретомъ и биографич. рассказомъ А. Ульянова. Изд. т-ва П. Д. Сытина. Москва. 1912. Ц. 20 к.

ОДУ, МАРГ. Пастушка. Повесть. Перев. съ франц. Сиб. 1912. Ц. 30 к.

ПЕРВОВЪ, П. Д. Проложеніе перваго телеграфа, черезъ океанъ. Изд. 2-е. Москва. 1911. Ц. 35 к.

РАДАКОВА, Е. Голландія. Географическій очеркъ. Съ 14 рис. Сиб. 1911. Ц. 10 к.

СМІРНОВЪ-КУТАЧЕСКІИ, А. Иванушка дурачокъ. Русскія народныя сказки. Съ рис. Сиб. 1912. Ц. 65 к.

СНЪЖКОВА, А. П. Дѣтское литературное утро. Сборникъ стихотв. и басенъ для чтенія на литерат. утрахъ, елкахъ и актахъ. Съ рис. Сиб. 1912. Ц. 60 к.

СОЛОВЬЕВА, П. (Allegro). Дѣдушкино кольцо. Пьеса въ стихахъ. Съ рис. Сиб. 1912. Ц. 25 к.

СТАНЮКОВИЧЪ, К. М. Вокругъ свѣта на «Коршунѣ». Сцены изъ морской жизни. Съ рис. Изд. 3-е. Москва. 1912. Ц. въ перепл. 2 р. 25 к.

— Нильна. Рассказъ. 2-е изд. Москва. 1912. Ц. 40 к.

ТАХТАРЕВА, А. Какъ летаютъ люди. Съ 32 рис. Изд. О. Н. Поповой. Сиб. 1912. Ц. 50 к.

ТОМПСОНЪ-СЕТОНЪ. Два маленькихъ дикаря. Приключенія двухъ мальчиковъ, жившихъ жизнью индѣйцевъ, и чему они научились. Ц. 1 р. 25 к.

ТОПТЫГИНЪ, В. Слоникъ, Мока и Мишукъ. Для дѣтей младшаго возраста. Сиб. Ц. 1 р. 25 к.

ЧАРНОЛУСКАЯ, Е. Баюшки-баю! Сборникъ народныхъ дѣтскихъ пѣсенокъ и сказокъ для разсказыванія маленькимъ дѣтямъ и для чтенія въ дошкольномъ возрастѣ. Сиб. 1912. Ц. 1 р.

ЧАРСКАЯ, Л. А. Солнышко. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. Съ рис. Изд. В. П. Губинскаго. Сиб. Ц. 1 р. 35 к.

— Пріютки. Повесть. Сиб. 1912. Ц. 1 р. 35 к.

— Семья Горанскихъ. Не въ деньгахъ счастье. Дурнушка. Двѣ повѣсти. Ц. въ перепл. 1 р. 35 к.

ЧЕРГЮКЪ, А. Рассказы изъ жизни животныхъ Африки. Вып. I. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ЧЕРЕПИНИНЪ, Н. П. Русская литература въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Очеркъ для юношества. Сиб. 1911. Ц. 15 к.

ЧЕРСКІИ, Л. Былое на Руси. Историческіе рассказы. Сиб. 1911. Ц. въ перепл. 1 р. 35 к.

ЩЕРБАЧЕВА, З. Дѣтскій міръ. Сборникъ рассказовъ для дѣтей младш. и средн. возрастовъ. Съ 70 рис. Сиб. Цѣна 1 р. 25 к.

д-ЭРВИЛЬИ, Э. Приключенія доисторическаго мальчика. Перев. съ франц. Съ рис. Изд. 3-е. Сиб. 1912. Ц. 80 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ
МАРТЪ 1912 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1912 г.

	СТРАН.
I. Исторія одного убійства. (Романъ). Часть вторая. I—VII. (Продолженіе). И. Я. Павловскаго	815
II. Страницы изъ моей жизни. IV. (Продолженіе). А. Е. Егорова	851
III. Больные. (Повѣсть). Л. М. Добронравова	873
IV. Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой	904
V. Господа Пруссаковы. С. С. Окрейца	913
VI. Загадочные документы Гапона. (Изъ личныхъ воспоминаній). В. М. Грибовскаго	949
VII. Пыталовская вѣтвь въ 1905 году. (Эпизодъ изъ возстанія въ Прибалтійскомъ краѣ). Н. Г. Козьрева	962
VIII. Въ голодную годину. (Изъ провинціальныхъ настроеній). Н. Н. Оглоблина	976
IX. У недавнихъ побѣдителей. (Ріюнь (Пертъ-Артуръ). Дайренъ (Дальній). А. Ивашевичъ	992
X. Памяти графа Дмитрія Алексѣевича Милютина. Л. Н.	1006
XI. Изъ дѣятельности «апостола» Японіи. И. Г.	1016
иллюстрація: Преосвященный Николай, архіепископъ японскій.	
XII. Историкъ и изслѣдователь Кубанскаго края. (По поводу сорокалѣтня научно-литературной дѣятельности Ө. А. Щербина). Б. М. Городецкаго	1025
иллюстрація: Федоръ Андреевичъ Щербина.	
XIII. На Байкалѣ. А. Я. Таранца	1034
иллюстраціи: 1) Иркутскъ.—2) Входъ въ садъ «Царь-дѣвица».—3) Начало рѣки Ангары.—4) Село Дятвенничное.—5) Станція Байкаль (со стороны озера).—6) Заливъ возлѣ рѣки Баранчикъ.—7) Маякъ на станціи Байкаль.—8) Ледоволь «Вайкаль» подходитъ къ пристани.	
XIV. Изъ жизни археологическихъ учреждений. А. А. Миронова	1054
XV. Чествованіе Б. Б. Глинскаго. В. Е. Р.	1064
XVI. Критика и библиографія.	1076
1) Проф. Н. И. Веселовскій. Татарское вліяніе на посольскій церемональ въ московскій періодъ русской исторіи. Приложение къ отчету о состояніи и дѣятельности императорскаго петербургскаго университета. Спб. 1911. Н. И. Ефимова .—2) К. Валишевскій . Дочь Петра Великаго. Елизавета I императрица всероссійская. Съ 72-ми иллюстраціями въ текствъ и 41-й на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1912. К. Кудряшова .—3) «Хроника моей жизни». Автобиографическія записки высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго. Т. IX (и послѣдній). Съ 1891 по 1896 годъ. Спб. 1911. В. А. Лебедева .—4) Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества (Основаны барономъ	

(См. слѣд. стран.)

- В. Р. Розеновъ). Т. XX. Выпуски II—III. Съ 41 рисункомъ на отдѣльныхъ страницахъ. Спб. 1911. А. Миронова.—5) Труды владимирской ученой архивной комисси. Книга XI. Съ 4 рисунками въ текстъ и съ приложениемъ 3 портретъ и 36 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ. Владимиръ. 1910. Тоже. Книга XII. Съ приложениемъ 1 плана и 4 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ. Владимиръ. 1911. В. Руданова.—6) Минцловъ, С. Р. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся въ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. I. Новгородъ. 1911. М. н.—ова.—7) Нашествіе Наполеона. Отечественная война 1912 г. Альбомъ репродукцій въ краскахъ по картинамъ извѣстныхъ художниковъ, съ пояснительнымъ текстомъ подъ редакціей И. Н. Вожеянова. Спб. 1911. Л. н.—8) Исторія о Путявлѣ, уѣздномъ городѣ Курской губерніи. Составилъ И. Рябининъ. Путявлѣ. 1911.—9) Терскій сборникъ. Литературно-научное приложение къ «Терскому календарю» 1911. Вып. седьмой. Н. С. Иваненковъ. Горные чеченцы. Владикавказъ. 1911. Бор. Городецкаго.—10) Отчетъ о дѣятельности орловскаго церковнаго историко-археологическаго общества за 1908 и 1909 годы. Орель 1911. Д. Бочкова.—11) Русское воздухоплаваніе. Исторія и успѣхи. Подъ редакціей В. Ф. Найденова и Н. А. Рынина при литературномъ участіи: С. Гана, Н. А. Морозова, военнаго инженера полковника В. Ф. Найденова, военнаго инженера подполковника С. А. Нѣмченко, полковника генеральнаго штаба С. И. Одинцова, лейтенанта Г. В. Пиотровскаго, инженера-технолога Л. А. Розенцвейга, инженера путей сообщенія Н. А. Рынина, В. Г. Тава, подполковника Н. И. Утѣшева, капитана А. И. Шабскаго и др. Съ многими иллюстраціями. Спб. 1911. М—о.—12) Московское общество народныхъ университетовъ. Статистика. Ея приемы и ея значеніе для общественныхъ наукъ. Лекціи А. А. Кауфмана. Москвѣ. 1911. Пант.—13) Н. А. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и не собранныхъ произведеніяхъ. Составилъ Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ). Москва. 1911. И. Г—ча.—14) Собраніе сочиненій С. Н. Кривенко. Съ портретомъ. Спб. 1911. А. Фаресова.—15) Профессоръ П. И. Ковалевскій. Отсталыя и ненормальныя дѣти, ихъ леченіе и воспитаніе. Спб. 1911 А. нф.—16) Николай Бердяевъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Москва. 1912. Андрея Сиротинина.—17) Н. Р. Политуръ. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и жизнь XVIII вѣка. Спб. 1912. Д. А.—18) Профессоръ атлетики И. В. Лебедевъ, директоръ сиб. школы физическаго развитія, бывшій преподаватель с.-петербургскаго университета. Сила и здоровье. Руководство, какъ сдѣлаться сильнымъ и здоровымъ человекомъ. Упражненія безъ гантелей и съ гантелями. Съ 202 рисунками и портретомъ автора. Спб. 1911. М—о—19) І. И. Маленинъ. Мои воспоминанія. Съ портретомъ и факсимиле автора Тверь. 1910. Р. Р—ва.
- XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 1109
- 1) Новости по археологіи.—2) Кое-что о русской литературѣ.—3) Эволюція романа.—4) Неблагодарность за мирную политику вѣмецкаго императора.
- XVIII. Смѣсь. 1122
- 1) Двухсотлѣтній юбилей 2-го кадетскаго корпуса.—2) Ревнители исторіи.—3) Собраніе географическаго общества.—4) Въ литературномъ фондѣ.—5) Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ.—6) 50-лѣтіе общества психіатровъ.—7) Открытіе педогогическаго института въ Москвѣ.—8) Юбилей Н. М. Лисовскаго.—9) Юбилей Е. В. Богдановича.—10) Плящевскій уголокъ.
- XIX. Некрологи. 1141
- 1) Анненскій, М. В.—2) Гурьевъ, В. П., протоіерей.—3) Далматовъ, В. П.—4) Долбня, И. П.—5) Загоскинъ, Н. П.—6) Мохначевъ, А. Д.—7) Реймеръ, Ю. В.—8) Слѣпнянъ, С. Н.—9) Степановъ, П. И.—10) Струве, В. В.
- XX. Замѣтки и поправки. 1150
- Отъ редакціи.

Приложенія: 1) Портретъ Дмитрія Алексѣевича Милютина.—2) Докторъ Струвезе. Историческій романъ III. Низе. Переводъ съ вѣмецкаго А. Б. Михайлова. Часть первая. V—VII. Часть вторая. I.

При этой книжкѣ прилагается городскимъ и инороднымъ подписчикамъ объявленіе отъ книгоиздательства А. Ф. Девриена.

СОДЕРЖАНІЕ СТО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОГО ТОМА.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ 1912 года.

	СТРАН.
Исторія одного убійства. (Романъ). Часть первая. I—XV. Часть вторая. I—VII. И. Я. Павловскаго	7, 433, 815
Страницы изъ моей жизни. А. Е. Егорова	42, 469, 851
Въ лучахъ звѣзды пламенѣющей. (Историческая повѣсть). И. И. Ясинскаго	67, 506
Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой	98, 532, 904
Изъ приключеній въ Парижѣ. (Памяти П. Л. Лаврова). А. А. Виницкой	116
Т. И. Филипповъ на ревизіи. (Воспоминанія чиновника). С. С. Гусева . (Слово Глаголь)	142
Земство и жизнь. (Записки председателя земской управы). В. А. Аве-скаго	156, 583
Еврейская почта. С. К. Литвина	187
Викторъ Петровичъ Буренинъ. (Критико-біографическій очеркъ). Б. Б. Глинскаго	224
Злоумышленные голуби. С. Р. Минцлова	270
Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ селѣ Никольскомъ въ 1866 году. В. Т. Молоствова	278
<i>иллюстраціи: 1) Село Никольское. — 2) Въѣздъ въ усадьбу с. Никольскаго. — 3) Усадьба с. Никольскаго. — 4) Охотничья палатка въ лѣсу для цесаревича.</i>	
Могила Кульнева. Михаила Родного	291
Экскурсія по Московской окружной желѣзной дорогѣ. Н. Н. Останковича	294
<i>иллюстраціи: 1) Дворецъ въ Останкинѣ. — 2) Дворцовая церковь въ Останкинѣ. — 3) Село Тайницкое. — 4) Перервинскій монастырь. — 5) Дворецъ въ Люблинѣ. — 6) Развалины дворца въ Царицынѣ. — 7) Театръ въ Царицынѣ. — 8) Мостъ временъ Екатерины II въ Царицынѣ. — 9) Дворецъ въ Кусковѣ. — 10) Весѣдка-музей въ Кусковѣ. — 11) Внутренній видъ бесѣдки-музея. — 12) Главная аллея въ Кусковѣ. — 13) Дворецъ въ Нескуч-</i>	

номъ.— 14) Елизаветинскій гротъ въ Нескучномъ.— 15) Деревня Фили.—
16) Церковь въ Филяхъ.— 17) Дворецъ въ Кунцевѣ.— 18) Церковь въ Кун-
цевѣ.— 19) Петровскій дворецъ.— 20) Сельско-хозяйственный институтъ
въ Петровскомъ-Разумовскомъ.

Литературные юбилеи. (А. А. Коринфскаго, А. А. Плещеева и Г. Т. Сѣвер- цева-Полилова). Г. Л. И.	339
Мои встрѣчи съ Георгіемъ Гапономъ. М. И. Сизова.	543
Эскизы недавняго прошлаго. Г. К—къ.	615
Встрѣча двухъ школьныхъ товарищей. (Изъ путевыхъ приключеній). Н. М.	624
«Дѣло о буйствѣ» И. С. Тургенева. А. А. Дунина	629
Англичане о Россіи. А. Б.	632
В. В. Глинскій. (Къ 25-лѣтію литературной дѣятельности). А. А. Измайлова.	648
Памяти графа Павла Ипполитовича Кутайсова. І. В. Лавошникова.	658
Что общааетъ XVI археологической сѣзды. В. Е. Рудакова.	662
Періодъ твердой власти. (Историческіе очерки). I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху 80-хъ годовъ. Б. Б. Глинскаго.	667
иллюстраціи: 1) Герм. А. Лопатинъ.— 2) С. Н. Кривенко.	
Черезъ Памиръ къ Гиндукушу. (Отъ Оша до Памирскаго поста). Н. Л. Кор- женевскаго.	691
иллюстраціи: 1) Ущелье р. Гульчи.— 2) Новый рабатъ въ урочищѣ Суфи-Курганъ.— 3) Въ киргизскомъ аулѣ. (Урочище Катта-Караколь).— 4) Видъ на сѣверный склонъ перевала Талдытъ въ Алайскомъ хребтѣ.— 5) Группа киргизовъ въ долинѣ Алая.— 6) Переправа киргизовъ черезъ р. Сурхъ-Объ.— 7) Видъ Алайскаго хребта отъ Заалайскаго изъ урочища Кара-су.— 8) Озеро Кара-Куль на Памирѣ.	
Больные. (Повѣсть). Л. М. Добронравова	873
Господа Ируссаковы. С. С. Окрейца.	913
Загадочные документы Гапона. (Изъ личныхъ воспоминаній). В. М. Гри- бовскаго	949
Пыталовская вѣтвь въ 1905 году (Эпизодъ изъ возстанія въ Прибалтійскомъ краѣ). Н. Г. Козырева.	962
Въ голодную годину. (Изъ провинціальныхъ настроеній). Н. Н. Оглоблина.	976
У недавнихъ побѣдителей (Ріююнь (Портъ-Артуръ). Дайренъ (Дальній). А. Ивашевичъ	992
Памяти графа Дмитрія Алексѣевича Милютина. Л. Н.	1006
Изъ дѣятельности «апостола» Японіи.	1016
иллюстраціи: Пресвященный Николай, архіепископъ японскій.	

Историкъ и изслѣдователь Кубанскаго края. (По поводу сорокалѣтїя научно-литературной дѣятельности **Ю. А. Щербины**). **Б. М. Городецкаго**. 1025
 иллюстрація: Федоръ Андреевичъ Щербина.

На Байкаль. **А. Я. Таранца**. 1034
 иллюстраціи. 1) Иркутскъ.—2) Входъ въ садъ «Царь-дѣвица».—3) Начало рѣки Ангары.—4) Село Лиственничное.—5) Станція Байкаль (со стороны озера).—6) Заливъ возлѣ рѣки Баранчикъ.—7) Маякъ на станціи Байкаль.—8) Ледоколъ «Байкаль» подходитъ къ пристани.

Изъ жизни археологическихъ учреждений. **А. А. Миронова**. 1054

Чествованіе **В. В. Глинскаго** **В. Е. Р.** 1064

Критика и библиографія. 358, 733, 1076

1) Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга четырнадцатая. Москва. 1911. И. Мудрашова.— 2) Ю. Суетовъ. О Высочайше утвержденномъ при св. синодѣ особомъ присутствіи для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію всероссійскаго собора. Юрьевъ. 1911. Профессора М. Красножена.— 3) С. Н. Кологривовъ. Матеріалы для исторіи сношеній Россіи съ иностранными державами въ XVII в. Спб. 1911. Б. п.— 4) Православныя церкви и русскія учрежденія за границею. (Австро-Венгрія, Германія и Швеція). Протоіерея А. П. Мальцева. Берлинъ. 1911. И. Лендера.— 5) Сказанія иностранцевъ о русской арміи въ войну 1904—1905 гг. Изданіе князя Абамелекъ-Лазарева. Спб. 1912. л. н.— 6) Тѣрскій календарь на 1911 годъ. Изданіе терскаго областного статистическаго комитета, подъ редакціей секретаря комитета М. А. Караулова 2-го. Выпускъ двадцатый. Владикавказъ. 1911. Бор. Городецкаго.— 7) Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. (Годъ двадцать пятый). № 45. Подъ редакціей председателя комиссіи Арсенія Ивановича Маркевича. Симферополь. 1911. В. Р.—ва.— 8) М. М. Хомяковъ. О краниологическомъ типѣ чепецкихъ воляковъ въ связи съ общимъ развитіемъ вотской народности. Казань. 1910. И. Юрмина.— 9) Любимовъ. Предводители дворянства всѣхъ намѣстничествъ, губерній и областей Россійской имперіи. 1777—1910 г.г. Спб. 1911. В. Р.—ва.— 10) «Школа и жизнь»—ежедневная общественно-педагогическая газета съ ежемѣсячными приложениями. Спб. Вит. Тичуна.— 11) Поздка въ Сибирь и Поволжье. Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. Спб. 1911. Б. г.— 12) Д. Б. Лаврентьевъ. Хрестоматія по законовѣдѣнію. Книга для учащихся и самообразованія, прихвѣнительно къ «Законовѣдѣнію» того же автора. Спб. 1912. Вит. Тичуна.— 13) Проф. Шарль Диль. Византійскіе портреты. Часть вторая. Перевелъ Е. Киричнскій. Харьковъ. 1911. Пант.— 14) А. А. Исаевъ. Чѣмъ объяснить вздоржаніе жизни? Какъ бороться съ нимъ? Спб. 1912. А. Фаресова.— 15) Борисъ Садовскій. Узоръ чугунный. Разказы. М. 1911. л.— 16) Е. И. Игнатьевъ. Наука о небѣ и землѣ, общедоступно изложенная. Очерги по астрономіи, физической географіи геологіи, съ 332 рисунками и шестью картинками въ краскахъ. Спб. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912. М — о.— 17) Валішевскій, К. Первые Романовы. Переводъ съ французскаго В. Ф. М. 1911. М. Ключова.— 18) М. М. Ивановъ. Исторія музыкальнаго развитія Россіи въ двухъ томахъ, съ рисунками и нотными примѣрами. Т. II. Спб. 1902. В. Басина.— 19) В. Вальденбергъ. Государственныя идеи Крижанича. Спб. 1912. Андрея Сиротинина.— 20) «Царь или не царь?» Историческая хроника С. Ф. Либровича. Со снимками съ историческихъ картинъ, портретовъ, грамотъ, медалей, монетъ и пр., и пр. А. Иф.— 21) Ночные братья. Опытъ историческаго изслѣдованія о масонствѣ въ Германіи. Гр. С. Д.

Толь (рожд. Толстая). Спб. 1911. Тира Сооловской.—22) *Varbe Doukhovskoy. Quelques pages de ma vie.* Спб. 1911. А. Б—ва.—23) Известія русскаго генеалогическаго общества. Выпускъ четвертый. Спб. 1911. В. Руданова.—24) *Balch. Our slavic fellow Citizens* (N.-York. 1910. (Бальчъ. Наши славянскіе сограждане. Н.-Йоркъ). А. Б—ва.—25) Вѣстникъ археологій и исторіи, издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Выпускъ XXI. Спб. 1911. В. Р—ва.—26) И. А. Линниченко. В. В. Антоновичъ, 1803—1908. Москва. 1910. с. Авалани.—27) Храбрымъ безсмертіе. Военная хрестоматія. Сборникъ статей и очерковъ изъ военного быта и исторіи, для чтенія воспитанниками кадетскихъ корпусовъ, нижними чинами арміи и флота и молодыми людьми, поступающими въ команды юнкыхъ развѣдчиковъ, а равно и для чтенія въ народныхъ школахъ. Ч. I. Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ, подъ редакціей ген.-майора Пруссака. Спб. 1911. л. н.—28) Русскій биографическій словарь. Шебановъ—Шютцъ. Спб. 1911. с. ш.—29) Г. Т. Свѣрцевъ-Полидовъ. Въ погонѣ за славой и золотомъ. Спб. 1912. г.—30) М. М. Бородинъ. Краткая исторія Финляндіи. Спб. 1911. в. т—го.—31) А. И. Соколова. Сѣверный Сфинксъ. Историческій этюдъ. Спб. 1912. н. э.—32) Архимандритъ Іона. Святая гора Аѳонъ. Бытъ монаховъ на Аѳонѣ и междуцерковное значеніе Святой горы. Спб. 1911. л. н.—33) Матушка Русь. Хрестоматія. 1-я часть. Для учениковъ приготовительнаго и младшихъ I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ. Редакция Ѳ. А. Витберга. 2-е изданіе, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1911. в. Р—ва.—34) Д. К. Зеленинъ. Къ вопросу о русалкахъ. Спб. 1912. в. Данилова.—35) Академическая бібліотека русскихъ писателей. Выпускъ I. (Изданіе 3-е). Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова. Подъ редакціей и съ примѣчаніями А. І. Ляцка. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1911. в. Р—ва.—36) Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 г.г. Два выпуска. А. Фаресова.—37) И. В. Нетушиль, проф. харьковскаго университета. Обзоръ римской исторіи по лекціямъ, читаннымъ въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ и на харьковскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Харьковъ. 1912. а. м—на.—38) В. М. Грибовскій, профессоръ императорскаго новороссійскаго университета. Государственное устройство и управление Россійской имперіи. Одесса. 1912.—*Das Staatsrecht des Russischen Reiches von Dr. Wiatscheslaw Gribowsky Professor der Rechte an der Universität Odessa. Tübingen.* 1912. б. г.—39) Даніэль Галеви. Жизнь Фридриха Ницше. Перев. съ французскаго А. Н. Ильинскаго. Подъ редакціей и съ пред. В. П. Сперанскаго, прив.-доц. Спб. университета. Спб. 1911. и. Гурвича. 40) Проф. Н. И. Веселовскій. Татарское вліяніе на посольскій церемониаль въ московскій періодъ русской исторіи. Приложеніе къ отчету о состояніи и дѣятельности императорскаго петербургскаго университета. Спб. 1911. н. М. Ефимова.—41) К. Валишевскій. Дочь Петра Великаго. Елизавета I императрица всероссійская. Съ 72-мя иллюстраціями въ текстѣ и 41-й на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1912. н. Нудряшова.—42) «Хроника моей жизни». Автобиографическія записки высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго. Т. IX (и послѣдній). Съ 1891 по 1896 годъ. Спб. 1911. в. А. Лебедева.—43) Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. (Основаны барономъ В. Р. Розеномъ). Т. XX. Выпуски II—III. Съ 41 рисункомъ на отдѣльныхъ страницахъ. Спб. 1911. А. Миронова.—44) Труды владимирской ученой архивной комисси. Книга XI. Съ 4 рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ 3 портрет. и 36 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ. Владимиръ. 1910. Тоже. Книга XII. Съ приложеніемъ 1 плана и 4 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ. Владимиръ. 1911. в. Руданова.—45) Миндювъ, С. Р. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, пасежъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. I. Новгородъ. 1911. м. н—ова.—46) Нашествіе Наполеона. Отечественная война 1912 г. Альбомъ репродукцій въ краскахъ по картинамъ извѣстныхъ художниковъ, съ пояснительнымъ текстомъ подъ редакціей И. Н. Вожежинова. Спб. 1911. л. н.—47) Исторія о Путявлѣ, уѣздномъ городѣ Курской губер-

ни составилъ И. Рябининъ. Путевль. 1911.—48) Терскій сборникъ. Литературно-научное приложение къ «Терскому календарю» 1911. Вып. седьмой. Н. С. Иваненковъ. Горные чеченцы. Владикавказъ. 1911. Бор. Городецаго.—49) Отчетъ о дѣятельности орловскаго церковнаго историко-археологическаго общества за 1908 и 1909 годы. Орелъ. 1911. Д. Бочова.—50) Русское воздухоплаваніе. Исторія и успѣхи. Подъ редакціей В. Ф. Найденова и Н. А. Рынина при литературномъ участіи: С. Тана, Н. А. Морозова, военнаго инженера полковника В. Ф. Найденова, военнаго инженера подполковника С. А. Нѣмченко, полковника генеральнаго штаба С. И. Одинцова, лейтенанта Г. В. Пюгровскаго, инженера-технолога Л. А. Розенцвейга, инженера путей сообщенія Н. А. Рынина, В. Г. Тана, подполковника Н. И. Утѣшева, капитана А. И. Шабскаго и др. Съ многими иллюстраціями. Спб. 1911. м—о.—51) Московское общество народныхъ университетовъ. Статистика. Ея пріемы и ея значеніе для общественныхъ наукъ. Лекціи А. А. Кауфмана. Москва. 1911. памт.—52) Н. А. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и не собранныхъ произведеніяхъ. Составилъ Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чехихинъ. Москва. 1911. М. Г—ча.—53) Собраніе сочиненій С. П. Кривенко. Съ портретомъ. Спб. 1911. А. Фарсова.—54) Профессоръ П. И. Ковалевскій. Спб. 1911. Отсталяи и ненормальная дѣти, ихъ лѣченіе и воспитаніе. А. Мф.—55) Николай Вердяевъ. Алексій Степановичъ Хомяковъ. Москва. 1912. Андрея Сиротинина.—56) Н. Р. Политуръ. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и жизни XVIII вѣка. Спб. 1912. Д. А.—57) Профессоръ атлетика И. В. Лебедевъ, директоръ сиб. школы физическаго развитія. бывший преподаватель с.-петербургскаго университета. Сила и здоровье. Руководство. какъ сдѣлаться сильнымъ и здоровымъ человекомъ. Упражненія безъ гантелей и съ гантелями. Съ 202 рисунками и портретомъ автора. Спб. м—о.—58) Г. М. Маленъ. Мои воспоминанія. Съ портретомъ и факсимиле автора. Тверь 1910. В. Р—ва.

Заграничныя историческія новости и мелочи. 388, 766, 1109

1) Исторія челоѣческаго прогресса.—2) Новыя письма княгини Ливень въ Меттерниху.—3) Русскій балетъ за границей.—4) Женское движеніе въ 1911 году.—5) Отовсюду.—6) Американская Помпея.—7) Кое-что о Россіи.—8) Красота новой женщины.—9) Маленькій скандалъ въ королевской семьѣ.—10) Отовсюду.—11) Новости по археологіи.—12) Эволюція романа.—13) Кое-что о русской литературѣ.—14) Неблагодарности за мирную политику нѣмецкаго императора.

Смѣсь. 409, 783, 1122

1) Празднованіе 35-лѣтія сербско-турецкой войны.—2) Императорское русское военно-историческое общество.—3) Въ кассѣ литераторовъ.—4) Новое литературное общество.—5) Первая школа народнаго искусства.—6) Къ постройкѣ историческаго храма-памятника въ Вильнѣ.—7) Увѣковѣченіе памяти М. М. Остасюевича.—8) Юбилей В. М. Шимкевича.—9) 25-лѣтній юбилей проф. М. Е. Красножена.—10) 50-лѣтній юбилей заслуженнаго профессора, инженеръ-технолога, т. с. Н. Ф. Лабзина.—11) Торжественное засѣданіе академіи наукъ.—12) Драгоценная археологическая находка.—13) Юбилейное торжество въ императорскомъ Александровскомъ лицѣ.—14) Юбилейный даръ лицу (лицейскому Пушкинскому музею).—15) 25-лѣтіе электротехническаго института.—16) Торжественное засѣданіе въ московскомъ университетѣ.—17) Юбилейное чествованіе В. В. Радлова.—18) Чествованіе Г. Н. Оедотовой.—19) Открытіе фресокъ въ соборѣ Спаса на Вору.—20) Пятидесятилѣтіе государственной службы А. Г. Вишнякова.—21) Двухсотлѣтній юбилей 2-го кадетскаго корпуса.—22) Ревнителѣ исторіи.—23) Собраніе географическаго общества.—24) Въ литературномъ фондѣ.—25) Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ.—26) 50-лѣтіе общества психіатровъ.—27) Открытіе педагогическаго института въ Москвѣ.—28) Юбилей Н. М. Лисовскаго.—29) Юбилей Е. В. Богдановича.—30) Плясеевскій уголокъ.

Некрологи. 418, 800, 1141

- 1) Бекетовъ, П. П., академикъ. — 2) Влюменталь-Тамаринъ, А. Э. — 3) Боголѣповъ, И. П. — 4) Ведене, Р. Р. — 5) Владыкинъ, П. И. — 6) Евреиновъ-Оранскій, П. А. — 7) Жуковъ, М. Г. — 8) Златовратскій, Н. Н. — 9) Максимовъ, В. М. — 10) Священникъ Непенинъ, С. А. — 11) Рихтеръ, Н. Ф. 12) Вестужева, С. И. — 13) Вобровъ, П. П. — 14) Вутовскій, П. М. — 15) Голубинскій, Е. Е. — 16) Иवानовскій, Н. П. — 17) Котовичъ, І. А. — 18) Давровъ, В. М. — 19) Латышевъ, В. А. — 20) Миклашевскій, М. І. — 21) Милютинъ, Ю. Н. — 22) Мясоѣдовъ, Г. Г. — 23) Овсянниковъ, Н. Н. — 24) Пономаревъ, А. И. — 25) Ройтманъ, Д. В. — 26) Турцевичъ, І. А. — 27) Шамшинъ, И. И. 28) Анненскій, М. В. — 29) Гурьевъ, Б. П. протоіерей. — 30) Далматовъ, В. П. 31) Долбня, И. П. — 32) Загоскинъ, Н. П. — 33) Мохначевъ, А. Д. — 34) Реймеръ, Ю. В. — 35) Слѣпянъ, С. Н. — 36) Степановъ, П. И. — 37) Струве, В. В.

Замѣтки и поправки. 431, 818, 1150

- 1) По поводу разсказа г-жи Соколовой «Императоръ Николай I и васьильковья дурачества». *Михайла Жемчужнинова*. — 2) Къ статьѣ А. А. Сидова «Похожденія революціонера-экспропріатора Савицкаго». — 3) Отъ редакціи.

Приложенія: Портреты: 1) Виктора Петровича Буренина. — 2) Бориса Борисовича Глинскаго. — 3) графа Дмитрія Алексѣевича Милютина. — 4) Докторъ Струэнзе. Историческій романъ III. Низе. Переводъ съ нѣмецкаго А. В. Михайлова. Часть первая. V—VII. Часть вторая I.

Издание А. С. Суворина

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

СЪ 89 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Книга заключаетъ въ себѣ 45 печатныхъ листовъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ «Указатель личныхъ именъ и рисунковъ».

Цѣна 4 руб. За пересылку по вѣсу.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году.—Петръ Великій въ Дептфордѣ.—Петръ Великій въ Гаагѣ.—Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика.—Вѣнценосный хирургъ.—Императорскій титулъ.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полиціймейстеръ.—Княгиня Волконская и ея друзья.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Тайный бракъ.—Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Домашній бытъ Екатерины II.—Исторія мѣднаго всадника.—Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто.—Потемкинскіе проценты.—Столѣтіе кончины Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Вельможа Екатерининскаго времени.—Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Самодуръ прошлаго столѣтія.—Богомъ данный генераль-прокуроръ.—Жена Суворова.—Пѣвица Габриелли.—Аристократка Александровскаго времени.—Молодость графа Аракчеева.—Сынъ Аракчеева.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Забытый Филантропъ.—Послѣдній графъ Головкинъ.—Одинъ изъ Грибоѣдовскихъ типовъ.—Общество танцоровъ поневолѣ.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Дуэль Новосильцева съ Черновымъ.—Княгиня Ловичъ.—Киришино, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.—Указатель личныхъ именъ.—Указатель портретовъ и рисунковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПРОДАЕТСЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВЪСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

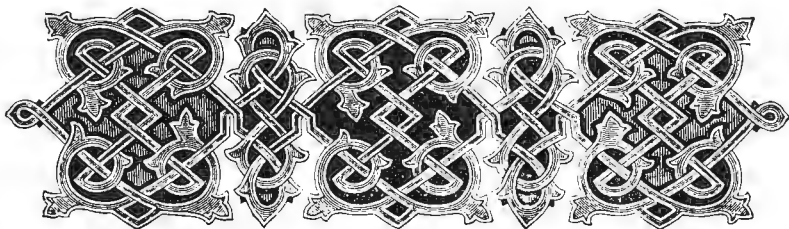
Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

Графъ ДМИТРІИ АЛЕКСѢЕВИЧЪ МИЛЮТИНЪ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА¹⁾.

(Романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

ГРИНШТЕЙНЫ вѣнчались подь вечерь и безь всякаго торжества. Кромѣ матери, Нюры съ мужемъ и шаферовъ—сослуживцевъ жениха—въ церкви не было ни одного приглашеннаго. Старуха было заупрямилась, требуя, чтобы сдѣлано было исключеніе для Спасскаго, который—говорила она—все равно что родной. Но Соня настояла на своемъ. Гринштейнъ же, чтобы успокоить тещу, обѣщаль, что какъ только они устроятся, то пригласять ея покровителя на обѣдъ. Прямо изъ церкви молодые сѣли на извозчика и отправились на свою новую квартиру. И въ то время, какъ они ѣхали, Соня старалась представить эту квартиру, устройство которой доставило Гринштейну столько заботъ и хлопотъ. Двѣ недѣли онъ суетился, скакаль на извозчикахъ по цѣлымъ днямъ изъ одного конца города въ другой, забѣгалъ на минуту къ Мойсеевымъ, подолгу шептался съ тещей на кухнѣ, или увозилъ ее съ собою, сохраняя при этомъ счастливый и таинственный видъ. Онъ хотѣль, говорилъ онъ, чтобы его королева вступила въ свои

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣсти.», т. СХХVII, стр. 433.

«Истор. вѣсти.», мартъ 1912 г., т. СХХVII.

владѣнія, внолибъ устроенныя, и чтобы нашла все на своемъ мѣстѣ такъ, чтобы даже гвоздика ей не пришлось вколотить. И Соня, въ угоду мужу, ни о чемъ не спрашивала. Хотя, конечно, и несмотря на намеки матери, что «это не квартира, а гнѣздышко», зная, что Гринштейнъ не богатъ, она не ждала, что ея новое жилище будетъ многимъ лучше тѣхъ, которыя занимаютъ сослуживцы ея мужа, вродѣ, напримѣръ, ея двоюроднаго брата Матвѣева. Единственное, о чемъ она мечтала, это—имѣть прислугу. Мысль, что ей придется заботиться о хозяйствѣ, стоять на кухнѣ, ходить на рынокъ и въ лавочку, дѣлать постель, топить печку, была ей въ высшей степени неприятна. И дома она ничего этого не дѣлала. Ея незнаніе кухни доходило до того, что когда она хотѣла поджарить кусокъ мяса или картофель, даже вскипятить молоко, у нея все подгорало, такъ что ничего нельзя было взять въ ротъ. Велико и пріятно было поэтому изумленіе Сони, когда она очутилась въ томъ, что Гринштейнъ называетъ ея владѣніями. Это было немного высоко, но лѣстница была чистая и съ швейцаромъ. На звонокъ дверь отворилась, и, улыбаясь и кланаясь, хозяйка встрѣтила полная и краснощекая горничная.

— Господи!.. Глаша!—воскликнула Соня. Она знала эту горничную уже нѣсколько лѣтъ и любила ее за бойкій и веселый нравъ.

— Она самая. Здравствуйте, барыня. Съ законнымъ бракомъ. Дай вамъ Богъ!..

— Спасибо, милая, спасибо... Вотъ не ожидала! Какъ я рада!..

— Два дня ужъ здѣсь,—продолжала Глаша, помогая барынѣ раздѣться и вѣшая пальто на большую дубовую вѣшалку.—Матушка ваша наняли меня. Я только что отошла отъ Варвары Петровны...

Гринштейнъ, раздѣваясь, блаженно улыбался, радуясь, что угодила женѣ и что ея первый шагъ въ домъ былъ пріятный.

Въ прихожей было тепло и свѣтло. Противъ вѣшалки находилось трюмо и по бокамъ его два вѣскихъ стула. У окна, на деревянной подставкѣ, въ большомъ мѣдномъ горшкѣ поднималась красивая широколиственная бегонія. У самой двери, съ другой стороны вѣшалки—высокая ваза цилиндромъ, синяя съ бѣлымъ, для палокъ и зонтиковъ. Полъ во всю длину былъ устланъ веревочнымъ ковромъ съ красными каймами. Прежде, чѣмъ итти дальше, Соня остановилась передъ зеркаломъ, оправила и пригладила новенькой щеткой свои волосы, нѣсколько намокшіе отъ снѣга. Мужъ ласково взялъ ее за талію и отворилъ дверь въ залъ. И оба остановились на порогѣ: она, поднявши голову, съ улыбкой удовольствія любовалась на убранство, а онъ любовался на нее, довольный, что оно ей нравилось.

Салонъ былъ ярко освѣщенъ высокой керосиновой лампой подъ свѣтлымъ абажуромъ, стоящей на піанино. Прямо передъ ними сверкало большое круглое зеркало въ золоченой рамѣ, съ двумя

бронзовыми бра по бокамъ, въ которыхъ горѣли по двѣ свѣчи. Подъ зеркаломъ помѣщался обшій свѣтлой матеріей, въ стилѣ Луи XV, диванчикъ, тоже съ золоченымъ деревомъ; два такихъ же кресла стояли по бокамъ, и четыре стула были разставлены у стѣны направо, раздѣленные складнымъ палисандровымъ столикомъ, надъ которымъ въ рамкахъ висѣли двѣ большія гравюры: одна представляла Руже-де-Лилля поющимъ въ первый разъ въ домѣ страбургскаго бургмейстера сочиненную имъ марсельезу, а другая— «Убийство Цезаря» Каульбаха. Пианино находилось налѣво, у самой двери, у окна. На немъ подъ лампой были наложены ноты, и поперекъ ихъ лежала знакомая Сонѣ гитара. Дальше, за пианино, передъ вторымъ окномъ стоялъ большой письменный столъ изъ краснаго дерева, крытый зеленымъ сукномъ, съ позолоченными ручками ящичковъ и желобками писекъ. Передъ столомъ находилось кожаное кресло, подъ цвѣтъ стола. Надъ столомъ налѣво висѣли портреты Бѣлинскаго, Щедрина, Тургенева и Лассала. А на столѣ, какъ разъ по серединѣ, стоялъ кабинетный портретъ Сони въ рамкѣ изъ толстого стекла, опиравшійся на бронзовую ножку. Направо у входа пылала бѣлая фаянсовая печь, распространяя пріятную теплоту.

— Очень хорошо, изяшно и мило!—сказала Соня, пожимая мужу руку кончиками своихъ пальцевъ. Горѣвшими отъ счастья глазами онъ взялъ ея руку и поднесъ къ своимъ губамъ. Затѣмъ, тихо увлекая ее, онъ привелъ ее въ спальню, которая сообщалась съ салономъ дверью въ глубинѣ. Спальня была погружена въ розовый полумракъ отъ маленькой лампы подъ абажуромъ въ видѣ тюльпана, стоявшей на ночномъ столикѣ. И въ этомъ полумракѣ блестяли мѣдные шары и прутья большой желѣзной кровати, съ грудой бѣлоснѣжныхъ подушекъ и отвернутымъ стеганымъ одѣяломъ изъ пунсоваго шелка, и зеркало платяного шкапа, въ которомъ отражалась маленькая лампа. Передъ кроватью лежалъ густой дагестанскій коверъ. Въ глубинѣ темнѣлъ кожаный диванъ съ круглымъ столомъ передъ нимъ. Гринштейнъ взялъ со столика лампу и, толкая Соню передъ собою, освѣтилъ маленькій письменный столъ со множествомъ ящичковъ, съ фаянсовой чернильницей и съ кожанымъ бюваромъ. Потомъ, вернувшись назадъ, онъ освѣтилъ стулъ у стѣны, противъ кровати, на спинкѣ котораго висѣлъ шерстяной пенъюаръ цвѣта бордо, съ шнурами и кистями.

— Вотъ, хозяйюшка моя дорогая,—сказалъ онъ:—если захочешь переодѣться... А вотъ и туфли.

Онъ нагнулся и подалъ ей пару хорошенькихъ прюнелевыхъ туфель на высокихъ каблукахъ.

— Вотъ!...

И такъ какъ Соня молчала, онъ нагнулся къ ней и спросилъ, косясь на кровать:

— Ты ничего не имѣешь возразить?

— Ничего,—тихо отвѣтила она, отрицательно покачавши головою.

— Знаешь, если тебѣ не нравится... если хочешь... я могу спать тамъ, на диванѣ...

Она вся покраснѣлась и ничего не сказала.

— Я очень, очень счастливъ, если тебѣ нравится. Я такъ боялся, что не угожу.

— Я очень тронута твоимъ вниманіемъ.

— И такъ, Соня милая, будетъ всю жизнь. Нѣтъ того, чего бы я для тебя не сдѣлалъ. Душу отдамъ за тебя. Я тебя такъ люблю и я такъ тебѣ благодаренъ. Я думалъ, что этого никогда не будетъ.

Она опять стыдливо пожала ему руку. А онъ охватилъ ея талию и приложилъ щеку къ ея щекѣ,—потомъ, пьянѣя, онъ взялъ другой рукою ея шею и сталъ покрывать ее страстными поцѣлуями. Она тихо отстранила его и вышла въ залъ. Онъ овладѣлъ собою и послѣдовалъ за нею.

— Докончимъ обзоръ нашихъ владѣній!—сказалъ онъ, принимая шуточный токъ.

Они вошли въ столовую. И здѣсь было уютно и весело. Накрытый бѣлоснѣжной скатертью, подъ висячей лампой, столъ сверкалъ серебромъ мельхиороваго сервиза, сталью новенькихъ ножей, топазомъ бѣлаго и рубиномъ краснаго вина въ графинахъ, стекломъ стакановъ и эмалью синяго фаянса. Хлѣбъ, наръзаннй ломтиками, лежалъ въ корзинкѣ, закуска была разставлена въ тарелкахъ.

— Какъ это аппетитно!—сказала Соня, нюхая вокругъ стола.

— Хочешь, давай обѣдать. Или посмотришь еще кухню?

— Нѣтъ, ужь лучше обѣдать. Я голодна, какъ волкъ...

— Такъ я скажу.

— Подожди, я прежде переодѣнусь.

И, шелестя платьемъ, она исчезла за дверью. Гринштейнъ пошелъ на кухню распорядиться. Когда онъ вернулся, Соня уже стояла посреди комнаты въ своемъ новомъ пеньюарѣ и ждала его. Соня, которая въ этотъ день ничего не ѣла, тыкала вилкой по всѣмъ тарелкамъ, даже по настоянію мужа выпила рюмку рябиновой. Потомъ Глаша внесла супъ, и Соня поѣла его съ большимъ аппетитомъ, также какъ всѣ остальные блюда, находя все очень вкуснымъ и похваливая искусство Глаши. Гринштейнъ любовался на свою жену и почти не дотрагивался до кушанья. Онъ только подливалъ вино въ стаканы, пилъ и упрощивалъ Соню пить.

— Ты самъ ничего не ѣшь,—замѣтила она.

— Я сытъ тобою,—отвѣтилъ онъ, глядя на нее глазами, въ которыхъ искрилось счастье.—У меня такое ощущеніе, какъ будто я выигралъ двѣсти тысячъ,—какъ та баба, знаешь, безъ билета,—

или что я вдругъ сталъ великъ и славенъ, или что я какой-то триумфаторъ, вошедшій въ городъ при шумныхъ и восторженныхъ оваціяхъ толпы. Вся душа моя сіяетъ. Мы бы хотѣлось прыгать и пѣть, поднять тебя на руки и показать народу, и плакать отъ восторга...

Она засмѣялась глазами и шутливо сказала:

— Лучше ѣшь, это такъ вкусно.

— Изъ твоей тарелки... можно?

Онъ взялъ вилкой изъ ея тарелки кусочекъ рябчика и, разжевывая, сказалъ:

— Вотъ такъ вкусно!

— Какой ты мальчикъ!

— Не мальчикъ, а заново отдѣланный человѣкъ, новая кастрюлька, которая сверкаетъ и внутри, и снаружи. Знаешь,—прибавилъ онъ, доврѣчиво подпирая голову рукою, облокоченною на келью, и глядя на нее снизу вверхъ:—я до сихъ поръ не знаю, что такое счастье. Теперь я знаю. Теперь я понимаю, что можно умереть за любимую женщину, что можно совершить для нея самое невѣроятное преступленіе.

— Господи, какія тебѣ печальныя мысли приходятъ въ голову: то плакать, то умереть, то совершать убійства!

Онъ засмѣялся и сталъ напѣвать:

Онъ изъ тюрьмы ее молилъ:
Я безъ тебя душой изнылъ;
Съ тобой—блаженство, упоенье,
А безъ тебя одно мученье.

— Говорять, это всегда такъ—большое счастье вызываетъ мысли о смерти... Но ты не думай,—я хочу жить и радоваться тобою и на тебя долго, полной грудью, всѣмъ существомъ. Ди здравствуетъ жизнь и моя королева! Постой... У меня тутъ заготовлена одна штука. Теперь до нея дошла очередь.—Онъ нагнулся подъ столъ и вынулъ бутылку шампанскаго.—Ну-ка, берегись!

Пробка выстрѣлила и полетѣла подъ потолокъ. Онъ быстро налилъ стаканы.

— За наше счастье, г-жа Гринштейнъ!

Они поцѣловались и выпили. Гринштейнъ говорилъ объ ихъ будущей жизни, объ удовольствіяхъ и знакомствахъ, которыя у нихъ будутъ.

— Единственное вино, которое я люблю,—сказала она:—хотя я его очень рѣдко пила.

И мало-по-малу Соня оживилась и ласково смотрѣла на своего мужа. Онъ взялъ ея руку, поднялъ свою до ея локтя, плеча, обнялъ ея шею, прижался къ ея губамъ.

— Хочешь, пойдѣмъ въ салонъ?

— Пойдемъ,—отвѣтила она, кладя руку на его плечо.

Онъ довелъ ее до двери, потомъ вернулся и принесъ на подносѣ шампанское и стаканы. Комната наполнилась подмывающими звуками вальса, который заиграла Соня. Гринштейнъ стоялъ надъ нею, лаская ея волосы и шею. Онъ вынулъ шпильки изъ ея шиньона, и густые, длинные волосы рассыпались по ея плечамъ. Она ничего не сказала, и только густая краска разлилась по ея щекамъ. Въ комнатѣ было жарко. Они перешли на диванчикъ, подальше отъ печки. Они пили холодное, пѣнистое вино и сидѣли обнявшись, разговаривая шопотомъ, и головы ихъ кружились...

II.

По случаю женитьбы Гринштейнъ получилъ отпускъ на недѣлю. И такъ какъ начальство на фабрикѣ его любило какъ ловкаго и талантливаго чертежника, то ему выдали еще наградныхъ сто рублей. Кромѣ того, свое мѣсячное жалованье онъ взялъ впередъ, съ тѣмъ, что у него будутъ высчитывать по десяти рублей. Благодаря этому, молодые могли провести свою медовую недѣлю, не разставаясь, и провели они ее чрезвычайно весело и беззаботно. Они были разъ въ оперѣ, разъ въ Маломъ театрѣ, и оба раза, по выходѣ изъ театра, ужинали въ Эрмитажѣ. Одинъ разъ у нихъ обѣдали мать и Нюра съ мужемъ. Правда, Нюра, быстро вошедшая въ роль матери, тотчасъ послѣ обѣда ушла и увела съ собою мужа, къ великому его огорченію,—потому что, говорила она, нехорошо оставлять дѣтей однихъ. Въ другой разъ у нихъ обѣдали знакомые Гринштейну студенты. Ихъ было трое. И хотя они были, по своему образу мыслей, очень передовые люди, одѣты они были прилично и манеры они имѣли приличныя. Двое изъ нихъ кончали курсъ на медицинскомъ факультетѣ, а третій—юристъ—готовился, по выходѣ изъ университета занять высокое положеніе въ обществѣ, и съ высоты его содѣйствовать «разрушенію строя». Такихъ тогда встрѣчалось въ средѣ студенчества довольно много. Это были дипломаты революціи, и на остальныхъ, «рядовыхъ» революціонеровъ они посматривали съ высоты своего будущаго величія, какъ на простое пушечное мясо. Впрочемъ, со студентами, приглашенными Гринштейномъ, его связывала не столько одинаковость политическаго образа мыслей, сколько общая всѣмъ имъ любовь къ музыкѣ и къ пѣнію. Представляя ихъ своей женѣ, Гринштейнъ руководствовался тоже своего рода дипломатическими соображеніями. Ему очень хотѣлось ввести Соню въ кругъ интеллигентныхъ людей, съ которыми она бы могла знаться, и чтобы она не скучала. Больше всего онъ боялся для нея скуки. Но онъ не хотѣлъ знакомить ее сразу съ настоящими революціонерами, опасаясь, что ихъ небрежный видъ и рѣзкія рѣчи могутъ оттолкнуть ее, не давши времени оцѣнить, что въ нихъ есть

интереснаго и героическаго. Это онъ думалъ сдѣлать впоследствии, когда Соня вообще освоится съ интеллигентной средой и съ ея интересами. Онъ непременно хотѣлъ развить ее, расширить ея кругозоръ, но понималъ, что это возможно сдѣлать только исподоволь и что для этого необходимо соблюдать большую деликатность.

Обѣдъ со студентами вышелъ очень удачный. Одинъ изъ студентовъ-медиковъ, оказалось, печаталъ статьи въ толстыхъ журналахъ. И Соня была очень польщена, что принимаетъ у себя за столкомъ, да еще какъ пріятеля ея мужа,—писателя. Онъ казался ей окруженнымъ ореоломъ умственнаго аристократизма, тѣмъ болѣе, что одну изъ его статей—очень живыя наблюденія надъ народной жизнью, съ точки зрѣнія врача,—она читала, и она ей показалась дѣльной и умной. Держалъ себя этотъ студентъ просто, говорилъ охотно и съ юморомъ. Разказалъ онъ, между прочимъ, какъ въ Юзовкѣ къ нему явилась однажды баба, жена рабочаго, которая жаловалась, что послѣ выкидыша у нея «раскрылись невры и появилась растерянность», и какъ онъ не могъ вначалѣ понять, на какую болѣзнь жалуетея баба. Только послѣ долгихъ разспросовъ онъ сообразилъ, что у нея разстроились нервы и появилась истерика. Отсюда разговоръ самъ собою перешелъ на положеніе рабочихъ въ Россіи, особенно бабъ и дѣвочекъ-подростковъ, которымъ приходится жить въ ужасающей нравственной атмосферѣ. Каждый, и Гринштейнъ въ томъ числѣ, разказывалъ свои личныя или изъ книгъ вычитанныя наблюденія, и Соня очень заинтересовалась направлениемъ, который принялъ разговоръ. Къ сожалѣнію, въ разговорѣ его, незванный-непрошенный, въ компанію ввалился Кирилловъ. Со своимъ краснымъ галетукомъ и крашеной бородой, съ развязнымъ видомъ члена семьи, на «ты» съ хозяевами, онъ произвелъ самое дурное впечатлѣніе, которое еще увеличилось, когда онъ отрекомендовался: «чиновникъ канцеляріи градоначальника». Не отдавая себѣ отчета въ произведенномъ имъ эффектѣ, онъ закурилъ папироску, держа ее въ пожелтѣвшихъ пальцахъ, и, услышавши, что рѣчь идетъ о рабочихъ, не разобравши, въ чемъ дѣло, выпалилъ:

— Да, удивительная сволочь! И, знаете, всѣ—бунтовщики...

Студенты переглянулись. Гринштейнъ покраснѣлъ до корня волосъ. А Соня, сдвинувши свои густыя брови, сверкнула на него съ ненавистью и отвернулась. Кирилловъ понялъ, что сдѣлалъ ошибку, и сконфузился. Онъ обвелъ растеряннымъ взглядомъ столъ, желая прочесть въ глазахъ, въ чемъ дѣло. Гости проницески улыбались, а Гринштейнъ сидѣлъ, потупившись. Произшло молчаніе. Тогда Кирилловъ, желая поправиться, пояснилъ:

— Ей-Богу! Вѣдь до чего дошло. Вы, навѣрно, слышали о подколѣ? Такъ вотъ, у насъ имѣются свѣдѣнія, что это дѣло рукъ одного рабочаго, мастеравого. И примѣты его имѣются. Былъ у него еще сообщникъ, да только тотъ былъ переодѣтый, и неизвѣстно,

какого званія онъ человѣкъ. А первый—рабочій, это песомѣнно. Допрошенъ сторожъ банка. И онъ показалъ, что незадолго до воровства познакомился съ человѣкомъ, который выдавалъ себя, что находится будто въ услуженіи у другого, что былъ одѣтъ офицеромъ. Но по повадкѣ его сторожъ разсудилъ, что онъ не изъ лакеевъ, а изъ мастеровыхъ и вѣрнѣ всего слесарь. Потому что вотъ какое дѣло вышло. Въ самый вечеръ преступленія неизвѣстный зашелъ къ сторожу покалякать и водочки съ собой принесъ. Только сторожъ ему—къ слову пришлось—и скажи, что наружная дверь у нихъ плохо запирается,—замокъ испортился, и нужно, молъ, слесаря позвать. А тотъ любопытствовалъ,—покажите, можетъ, я исправлю. И исправилъ. Долотомъ отвинтилъ замокъ, такъ это ловко,—что-то завернулъ, масломъ смазалъ, и пошло дѣло на ладъ. Ну, конечно, сторожъ радъ: деньги, что слесарю бы далъ, у него въ карманѣ остались. Еще онъ новаго своего пріятеля спросилъ:

«— А вы что жъ слесарнымъ дѣломъ занимались прежде?

«— Нѣтъ, говорить, такъ, балуюсь». Ужъ потомъ онъ вспомнилъ, что и руки-то у него какъ у слесаря были... Да, ну, конечно, въ водочку онъ подсыпалъ, должно быть, спотворнаго, потому въ эту ночь сторожъ спалъ какъ убитый...

— Да почему же вы думаете,—съ интересомъ спросилъ студентъ-литераторъ:—что этотъ неизвѣстный изъ бунтовщиковъ?

— Какъ, помилуйте! Это теперь доказано. У насъ депеша получена,—нигилисты выпустили прокламацію, что это они банкъ обворовали...

— А вы что жъ, по политической части въ канцеляріи градоначальника?—освѣдомился студентъ-литераторъ.

— Нѣтъ,—добродушно отвѣтилъ Кирилловъ, не понимая язвительности вопроса:—я по выдачѣ заграничныхъ паспортовъ. Да у насъ въ канцеляріи только объ этомъ разговоръ. Вѣдь какіе отчаянные! Восемьсотъ тысячъ стащили. Поди, нищи ихъ теперь.

— Н-да, сумма кругленькая!—замѣтилъ юристъ.

— Сколько денегъ! Поди, теперь этотъ самый слесарь до конца дней своихъ обезпеченъ!—съ завистью добавилъ Кирилловъ.

Всѣ засмѣялись. А Кирилловъ, польщенный, добавилъ до вѣрчиво:

— Тутъ всю жизнь гнешь спину, и только и добываешь дѣтишкамъ на молочишко. А тамъ сразу 800 тысячъ, и концы въ воду!

Студентъ-литераторъ, приведенный наивностью Кириллова въ очень веселое настроеніе, но стараясь говорить ему въ тонъ, сказалъ съ дѣланно-философскимъ видомъ:

— Извѣстное дѣло, отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ.

Потомъ перешли въ салонъ, играли и пѣли, распивая чай, до полуночи, и больше о политикѣ уже не говорили. Всѣ провели

очень пріятно вечеръ. Но больше всѣхъ былъ доволенъ Кирилловъ. Онъ былъ счастливъ тѣмъ, что провелъ время въ компаніи образованныхъ людей, и тѣмъ, что не ударилъ передъ ними лицомъ въ грязь, а сумѣлъ ихъ заинтересовать и занять. И онъ съ удовольствіемъ думалъ о многихъ пріятныхъ вечерахъ, которые ему предстоитъ провести въ столь интересной компаніи, и все это потому, что женился на такой славной женщинѣ, какъ Нюра.

III.

— Зачѣмъ этотъ дуракъ притащился? Онъ воображаетъ, кажется, что сюда можно являться какъ на мельницу! Я этому положу конецъ. Не желаю, чтобы онъ приходилъ, когда ему вздумается. Этакъ никого принимать нельзя будетъ. Весь вечеръ испортилъ, — говорила Соня, когда они остались одни. Она была очень раздражена.

— Такъ-то такъ, — поддакивалъ Гринштейнъ. — Но какъ это сдѣлать? Еще Нюра, бѣдная, обидится.

— Не безпокойся; я черезъ Нюру это и устрою. Она пойметъ. Терпѣть не могу этой крашеной бороды. Форменный лакей! Если не принять мѣры сейчасъ же, отъ него не отдѣлаешься. Всѣ свои вечера будетъ здѣсь проводить. Не понимаю, какъ это ты допустилъ его до такой фамиллярности: «ты», «Карлуша», чортъ знаетъ что!...

Гринштейнъ неопредѣленно пожалъ плечами. И, чтобы успокоить жену, онъ свернулъ разговоръ въ сторону:

— А Рыбаковъ тебѣ понравился?

— Это который пишетъ? Да, онъ славный, интересный. И другой, его товарищъ, тоже. Юристъ — нѣтъ. Онъ какой-то сухой и себѣ на умѣ.

— Да, — улыбнулся Гринштейнъ: — это — новый типъ въ средѣ молодежи. Ты читала «Одинъ въ полѣ не воинъ»? Ну, такъ юристъ мечтаетъ быть русскимъ Лео. Добиться богатства, все равно какъ, хотя бы женитьбой на старой купчихѣ съ Москворѣчья, проникнуть въ высшіе слои, сдѣлать карьеру, достигнуть власти, а потомъ...

— Просто отговорка, чтобы замаскировать свои батареи. Когда онъ достигнетъ цѣли, у него будутъ сѣдые волосы и ни одного зуба. Это хитрости. Я этого не люблю. Я думаю, между твоими пріятелями много такихъ?

— Есть, но чтобы много, этого я не скажу. Я тебя познакомлю, сама увидишь. Между ними встрѣчаются замѣчательно крупные люди, спокойно убѣжденные, съ большой силой воли, съ несокрушимой энергіей...

— «Факелы», — да, помню. А все-таки, я думаю, что самое сознание, что ты факель, что ты распоряжаешься жизнью людей и что они идутъ за тобою, лестно и играетъ большую роль въ ихъ

психологін. Если имъ дать такое же генеральское положеніе, власть, вліяніе и особенно богатство, я увѣрена, что ихъ убѣжденія сразу поблѣднѣютъ, и они согласятся безъ труда отложить счастье человѣчества до другихъ, болѣе благопріятныхъ временъ. Что убѣждаетъ меня въ такомъ прозаическомъ взглядѣ, это то, что все это бѣднота. Правда это, сознайся? Вѣдь твой Задонскій, о которомъ ты говоришь съ такимъ восторгомъ, тоже такой?

Гринштейнъ радъ былъ обороту, который принялъ разговоръ. Его давно уже тянуло за языкъ посвятить жену въ нѣкоторыя революціонныя тайны и тѣмъ самымъ показать ей себя самого въ очень выгодномъ свѣтѣ. Если ему довѣряютъ такія тайны, не ясно ли, что на него смотрятъ какъ на человѣка нравственно привилегированнаго. Прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, онъ дважды прошелся по комнатѣ, погруженный въ думу, потомъ остановился передъ Соней и серьезно сказалъ:

— Ты ошибаешься. И такъ какъ ты заговорила о Задонскомъ, такъ слушай, что я тебѣ расскажу. Ты обратила вниманіе на то, что рассказалъ Кирилловъ объ ограбленіи банка?

— Да развѣ это правда? Развѣ это сдѣлали революціонеры?

— Ну, конечно, правда. Я это знаю давно. Я даже знаю тѣхъ, которые это сдѣлали (онъ зналъ только одного). Но не въ этомъ дѣло, а вотъ въ чемъ. Одинъ изъ участниковъ грабежа—фанатическій поклонникъ Задонскаго и дѣйствительно бѣдный рабочий. Онъ получилъ половину добычи на свою долю и все цѣликомъ, не утаивши ни одного рубля, принесъ и бросилъ къ ногамъ Задонскаго. Тамъ было четыреста тысячъ. И знаешь, что Задонскій сдѣлалъ? Онъ оттолкнулъ деньги носкомъ сапога, съ негодованіемъ, и друга своего выгналъ вонъ, и съ тѣхъ поръ пересталъ съ нимъ знаться. А Задонскій вѣдь ничего не боится. И отвѣтственность его не увеличилась бы оттого, въ случаѣ ареста. Если его поймутъ,—онъ все равно погибъ безвозвратно. Но это было противъ его убѣжденій, и этого было довольно, чтобы отвергнуть съ презрѣніемъ предложенныя ему безконтрольно деньги. Испушеніе было велико, а онъ даже мгновенія не сомнѣвался, какъ ему надо поступить.

Соня долго молчала. Въ первый разъ въ жизни она поняла силу убѣжденія надъ человѣческими поступками, и ей вспомнились слова изъ тургеневской «Нови»: «не я хочу, а оно хочетъ».

— Не знаю,—сказала она:—какъ бы я сама поступила. Кажется, я бы присвоила себѣ эти деньги. Четыреста тысячъ!... Какая уйма денегъ!

У Гринштейна екнуло сердце. Онъ вспомнилъ свои собственныя думы, когда узналъ этотъ эпизодъ изъ устъ Задонскаго, но онъ объ этомъ ничего не сказалъ женѣ.

— Многие такъ бы сдѣлали. А Задонскій не сдѣлалъ. И, замѣть, что и другой вѣдь тоже ничего себѣ не присвоилъ. Онъ, оказывается, все передалъ другой партіи—террористамъ.

— Нѣтъ,—проговорила Соня въ раздумьи:—я рѣшительно не нахожу въ себѣ героической жилки. Всѣ эти подвиги кажутся мнѣ будто вычитанными изъ книжки. Красиво, но я на это неспособна. Жизнь такъ интересна. И мнѣ такъ хочется жить, а не гнить гдѣ-нибудь въ Сибири, хотя бы за убѣжденія или за то, чтобъ будущимъ людямъ жилось лучше, чѣмъ намъ. Пусть эти будущіе сами о себѣ позаботятся... А почему,—спросила она вдругъ, послѣ краткаго молчанія,—твой Задонскій у насъ не бываетъ?

Гринштейнъ смѣшался.

— Его теперь здѣсь нѣтъ. Онъ въ провинціи, по важному дѣлу,—отвѣтилъ онъ.

Это была правда. Въ ту минуту Задонскій въ самомъ дѣлѣ находился въ отсутствіи. Но во время свадьбы онъ еще былъ въ Москвѣ. Гринштейну совѣстно было сознаться, что между нимъ и Задонскимъ пробѣжала черная кошка, и что причиною того была именно Соня, т. е. женитьба на ней Гринштейна.

Когда онъ съ такой любовью и съ такимъ жениховскимъ увлеченіемъ устраивалъ свое «гнѣздо», Задонскій какъ разъ разрабатывалъ свой проектъ рабочаго союза. Помощь Гринштейна была ему въ то время особенно нужна. Но его никакъ нельзя было поймать. Онъ съ утра до ночи носился, какъ угорѣлый, на извозчикахъ изъ конца въ конецъ Москвы по магазинамъ. Задонскій оставилъ ему записку, настоятельно требуя свиданія въ тотъ же день. И Гринштейнъ назначилъ свиданіе на своей новой квартирѣ. Онъ находился въ спальнѣ, устанавливая кровать, и такъ отдался этому дѣлу, что не замѣтилъ, какъ въ комнату вошелъ Задонскій. Онъ имѣлъ тотъ хорошо знакомый Гринштейну видъ, когда былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ. Лицо его, обыкновенно привѣтливое, было безстрастно, а прищуренные глаза смотрѣли пытливо.

— Ишь ты, совсѣмъ бариномъ устраиваешься!—сказалъ онъ, бросая взглядъ кругомъ.

Гринштейнъ вытеръ рукавомъ рубахи вспотѣвшее отъ работы лицо и протянулъ руку.

— Да, братъ, кутимъ,—отвѣтилъ онъ съ виноватой улыбкой.—Ничего не подѣлаешь,—молодая жена.

— Такъ-то такъ. А вдругъ жандармамъ придетъ въ голову посадить тебя на казенные хлѣба? Что ты со всѣми этими великолѣпными диванами, столами да кроватями сдѣлаешь? Всѣ мечты дымомъ, а?

Сердце екнуло у Гринштейна. Онъ представилъ себѣ, что это можетъ случиться сейчасъ, сію минуту, еще прежде, чѣмъ онъ успеетъ обвиняться, прежде, чѣмъ Соня сдѣлается его женою,—и холодъ прошелъ по его спицѣ.

— Что жъ, всё подь Богомъ ходимъ.

— Непрiятная перспектива, а? Ну, будемъ надѣяться, что это не случится. А дорого тебѣ влетѣла эта обстановочка, сознайся? Я и не зналъ, что ты располагаешь такими средствами!...

— Кой чортъ,—отвѣтилъ Гринштейнъ, все еще не оправившись отъ мысли о возможности быть арестованнымъ:—все въ долгъ. Не знаю, какъ и выкручусь.

— Нехорошо.

— Что плохо?

— Да вотъ все это,—что въ долги лѣзешь, выше средствъ хочешь жить.

Гринштейнъ молчалъ.

— Что жъ, это она этого требуетъ?

— Нѣтъ. Ничего она не требуетъ. Это я самъ отъ себя дѣлаю. Конечно, я думаю, что ей это будетъ прiятно. Она жила до сихъ поръ въ такой нуждѣ, что хотѣлось бы доставить ей хотя на первое время, пока она войдетъ въ мои интересы, пристанеть къ нашимъ идеямъ, немного матеріальнаго счастья. Кто знаетъ, что ждетъ ее впереди!

— Нѣтъ, плохо это, плохо. Жизнь фальшью начинать нельзя. Одно изъ двухъ: или она не знаетъ твоего положенiя, и тогда ты оскорбляешь ее, не представивъ его въ истинномъ свѣтѣ; или она его знаетъ, и въ такомъ случаѣ, толкая тебя на расходы, которые тебѣ не подь силу, она явно не любитъ тебя. Такихъ отношенiй между людьми, которые должны провести вмѣстѣ жизнь, я не понимаю. Ты предупредилъ ли ее, какимъ случайностямъ подвергаетъ тебя революціонная дѣятельность? Не говоря уже объ арестѣ, каторгѣ, административной ссылкѣ, ты можешь потерять мѣсто, если полиція усомнится только въ твоей благонадежности и намекнетъ на это дирекціи.

Гринштейнъ слушалъ мрачно, опустивши голову. Онъ сознавалъ, что Задонскій говоритъ правду, и это тревожило его. Но ему не хотѣлось показать своей тревоги, и въ то же время ему было досадно, что въ такую минуту его жизни Задонскій омрачаетъ его счастье такими зловѣщими разговорами. Ему не хотѣлось думать о будущемъ. Онъ хотѣлъ, закрывъ глаза, жить настоящей минутой,—потому что, когда онъ думалъ, все представлялось ему въ мрачномъ свѣтѣ. Больше всего его тяготило то, что онъ считалъ себя вынужденнымъ скрывать отъ Сони свое матеріальное положенiе, и что она о немъ не спрашивала ничего, какъ будто его жизнь не была жизнью ихъ обонхъ, какъ будто его дѣла не были также ея собственными. Была какая-то стѣна между ними, и ему иногда казалось, что она гостя въ его жизни, а не часть его самого. И онъ гналъ эти мысли, закрывалъ глаза.

Говоря Задонскому, что все устройство обстановки было сдѣлано въ долгъ, Гринштейнъ сказалъ только половину правды. Онъ

скрыть, что кредитъ въ магазинѣ онъ получилъ, благодаря рекомендаціи Спасскаго. Это было въ тотъ памятный вечеръ, на Пюриной свадьбѣ, когда онъ и Сося сообщили Спасскому о своемъ обрученіи. Гринштейнъ, опьяненный счастьемъ, считалъ себя такимъ сильнымъ, можно сказать всемогущимъ, что могъ все себѣ позволить. Когда Спасскій отвелъ его въ сторону и предложилъ свою карточку съ рекомендаціей въ магазинъ, гдѣ все можно устроить «дешево, изящно и съ выплатой», Гринштейнъ положилъ карточку въ карманъ и вѣжливо его поблагодарилъ, не зная даже, воспользуется онъ ею или нѣтъ. Но когда впоследствии онъ зашелъ въ магазинъ и его встрѣтили тамъ, какъ важную особу, и, ничего не говоря о деньгахъ, стали предлагать ему одну вещь лучше другой, онъ не былъ въ силахъ удержаться и запутался совѣмъ. Когда ему впоследствии представили счетъ и предложили подписать обязательство, онъ пришелъ въ ужасъ,—но уже было поздно. Этотъ долгъ лежалъ тяжелымъ камнемъ на его сердцѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ ни прикидывалъ, онъ ясно видѣлъ, что изъ своего мѣсячнаго заработка ему невозможно было выплачивать даже самой ничтожной суммы...

Увидавъ впечатлѣніе, произведенное его рѣчами на Гринштейна, Задонскому стало его жалко.

— Ты не обижайся,—сказалъ онъ, смягчаясь.—Я говорю это въ твоихъ интересахъ. Ты немного увлекся,—это ничего. Съ долгами какъ-нибудь расплатишься. Можетъ, добавочную работу какую-нибудь достанешь...

— Я на это рассчитываю,—обрадовался Гринштейнъ.

— Ну, да. А все-таки впередъ берегись. И съ женою vedi дѣло открыто, чтобы она не считала тебя богачомъ, тысячникомъ, который «все можетъ...» Досаднѣе всего, что вы съ женою не «единъ человекъ», что у васъ, повидимому, нѣтъ духовной интимности. Кто она, что она—я изъ твоихъ разсказовъ такъ и не понялъ.

— Увидишь, дорогой, когда познакомишься съ нею: она личность замѣчательная...

— Впрочемъ, не объ этомъ рѣчь. Что сдѣлано—сдѣлано, не переменяй теперь. Я вижу одно,—и я это предвидѣлъ,—женитьба тебя переменяла.

— О!—запротестовалъ Гринштейнъ.

— Переменяла, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Въ такую минуту, какъ настоящая, дѣло обходится безъ твоего сотрудничества. Я не могъ тебя поймать до сегодня, чтобы проредактировать вмѣстѣ программу союза. А какъ это нужно было! Ты даже не поинтересовался ею.

— Но я не думалъ, что это такъ къ спѣху.

— Прежде ты этого не думалъ. Но все равно. Я сдѣлалъ одинъ, что нужно было...

— Черезъ недѣлю я опять къ твоимъ услугамъ. Все будетъ по-прежнему.

— Нѣтъ. Жена твоя входитъ въ твою жизнь не одна. Она приноситъ съ собою свои взгляды, свои знакомства. Ты имѣешь по отношенію къ ней обязательства. И какъ ни тяжело сознаться, въ интересахъ дѣла я не могу бывать у тебя, какъ раньше, не могу при ней говорить о томъ, что для нея чуждо... Вѣдь неизвѣстно еще, какъ она отнесется къ твоей дѣятельности.

— Однимъ словомъ, ты боишься, что она разболтаетъ наши тайны?

— Я долженъ этого бояться. Наши тайны—не ея тайны. Намъ онѣ дороги. Ей онѣ могутъ показаться смѣшными, вредными,—кто знаетъ!

— Ты вполнѣ ошибаешься.

— Дай Богъ. Но до поры, до времени я такъ долженъ думать. Такъ вотъ. Я теперь уѣзжаю для организациі союза. Не знаю, сколько времени я пробуду въ отсутствіи. На всякій случай, я хочу передать тебѣ на храненіе кое-какіе документы и кассовыя деньги. Вотъ, тутъ 630. рублей—все наше богатство. Какъ ты ни занятъ будешь пока своей личной жизнью, я былъ бы тебѣ благодаренъ, если бы ты навѣдывался хотя изрѣдка къ нашимъ и не оставлялъ ихъ своими совѣтами, содѣйствіемъ и вообще слѣдилъ бы за тѣмъ, что тамъ происходитъ. Реакція разгорается во всю, потому осторожность теперь нужна сугубая. А засимъ, прощай.

Задонскій всталъ, и они облобызались. Держа въ рукахъ деньги и бумаги, переданныя ему Задонскимъ, Гринштейнъ пошелъ провожать его до двери.

— До свиданія, дорогой. Когда вернешься, ты увидишь, что твой пессимизмъ напрасенъ. Все будетъ по-хорошему.

— Надѣюсь,—отвѣтилъ Задонскій, уходя.

Гринштейнъ вспомнилъ теперь это свое послѣднее свиданіе съ Задонскимъ. Назойливыя мысли снова цѣлымъ роємъ завертѣлись въ его головѣ, затуманили его радостное настроеніе. Чтобы отдѣлаться отъ нихъ, они стали мечтать вслухъ, возбужденно шагая по комнатѣ. Онъ говорилъ о томъ, какъ они теперь заживутъ въ сообществѣ хорошихъ людей, которые будутъ бывать у нихъ, будутъ жить здоровой, интеллектуальной жизнью, будутъ читать, ходить въ театръ, интересоваться общественной дѣятельностью. Онъ возьметъ еще другую, дополнительную работу и у нихъ будетъ достаточно для того, чтобы жить не роскошно, но полюдски. Лѣтомъ, можетъ быть, онъ возьметъ отпускъ, и они совершатъ поѣздку на Волгу, на Кавказъ, можетъ быть, еще дальше,—за границу.

— У меня точно выросли крылья,—говорилъ онъ, увлекаясь.— У меня есть планъ... Я не хотѣлъ приводить его въ исполненіе

раньше, когда былъ одинъ. Но съ тобою!.. Дѣятельность въ Россіи, при настоящихъ условіяхъ, при ея драконовскихъ порядкахъ, узка и непрочна. Душа рвется на просторъ. Я бы хотѣлъ уѣхать въ свободную страну, всего лучше въ Америку, гдѣ мысль и слово не охраняются штыками и полиціей, гдѣ человѣкъ со способностями можетъ дать всю полноту своей силы. Тамъ я бы работалъ, составилъ бы состояніе и въ то же время дѣйствовалъ бы, организовалъ бы рабочее сословіе, можетъ быть, сталъ бы во главѣ его, натурализованъ бы... Какая перспектива!.. Видишь ли, товарищи признають за мною извѣстный даръ слова, умѣніе увлекать людей, даже публицистическій талантъ. Онъ развился бы на свободѣ, при отсутствіи цензурныхъ путъ... Вотъ жизнь, которая меня привлекаетъ. Я вовсе не хочу примириться съ сѣренькими буднями. Я чувствую въ себѣ силы, а здѣсь имъ негдѣ развернуться. Какъ ты думаешь, дорогая моя?

Соня съ трудомъ раскрыла слипавшіеся глаза и виновато улыбнулась. Она подъ говоръ словъ его задремала.

IV.

Когда недѣльный отпускъ кончился, Гринштейнъ долженъ былъ вернуться на работу. Никогда еще этотъ трудъ, который онъ считалъ ниже себя, не казался ему такимъ постылымъ, какъ теперь. Длинная комната съ высокими чертежными столиками, съ шутками и разговорами его сотоварищей казалась ему тюрьмой. Соня обыкновенно еще оставалась въ постели, когда онъ уходилъ. И онъ, работая, мысленно слѣдилъ за нею и рвался къ ней душою. Но мысль его была отравлена безпокойствомъ. Деньги таяли съ необыкновенной быстротою, и онъ со страхомъ видѣлъ, что ему не дотянуть до конца мѣсяца. Тогда онъ давалъ себѣ зарокъ сократить расходы, придумывалъ всевозможныя хитрости, чтобы не выходить изъ дому, не брать билеты въ театръ, звать знакомыхъ къ чаю, а не къ обѣду. Карандашомъ сбоку на чертежномъ столнкѣ онъ распредѣлялъ остающуюся сумму такъ, чтобы ея хватило на двѣ недѣли. И выходило вѣрно, какъ разъ въ обрѣзъ. На дѣлѣ оказывалось, что онъ или забывалъ какую-нибудь самонужнѣйшую трату, или, какъ неопытный въ хозяйствѣ, забывалъ непредвидѣнные расходы. То Соня, посылая Глашу на рынокъ, заказывала купить дорогихъ закусокъ, то ей требовалась какая-нибудь принадлежность туалета, и она, выходя за нею въ лавку, покупала вещи совсѣмъ ненужныя, или безъ которыхъ можно было обойтись. Наконецъ, самъ онъ, возвращаясь счастливый домой, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи побаловать жену какимъ-нибудь лакомствомъ, конфетами или фруктами, до которыхъ она была охотница. Нельзя было также просиживать длинные зимніе вечера вдвоемъ, когда не было

гостей. Соня скучала во время этих tête-à-tête. Ея уравновѣшенный темпераментъ одинаково мѣшалъ ей и отвѣчать на горячія ласки ея мужа и увлекаться его восторженными мечтаніями. Въ томъ и въ другомъ она находила что-то взвинченное, чрезмѣрное и не вполне естественное. Она не понимала, отчего это происходитъ, и ошибочно думала, что онъ передъ нею немного рисуется. Ей бы хотѣлось, чтобы ихъ отношенія были ровнѣе, даже прозаичнѣе, безъ истерическихъ порывовъ и безъ очевиднаго желанія занимать ее. Онъ все старался увѣрить ее въ чемъ-то, «изъ кожи лѣзь», какъ ей казалось. На самомъ дѣлѣ, увѣряя ее, онъ старался увѣрить самого себя,—увѣрить и успокоить. Фактомъ его любви и женитьбы жизнь его вдругъ осложнилась съ самыхъ противоположныхъ сторонъ. И, человѣкъ нервный, онъ не могъ справиться со всѣмъ этимъ. Возможность ареста, неувѣренность въ полной любви къ нему Соня,—иначе онъ не боялся бы,—долги, невозможность не только обставить ее, какъ ему хотѣлось, не даже просто свести концы съ концами, ложное положеніе, въ которое онъ становился по отношенію къ товарищамъ по революціонной дѣятельности, и особенно къ Задонскому, все перепуталось вмѣстѣ и не давало ему покоя. И когда, изнемогая подъ тяжестью своихъ заботъ, онъ становился передъ женою на колѣни, восторженно и пылливо заглядывалъ ей въ глаза, цѣловалъ ея платье и ноги и жалъ ея руки до боли, ему было не до рисовки.

— Соня, счастье мое,—шепталъ онъ тогда:—какъ бы я хотѣлъ умереть для тебя!

— Полно, полно,—отвѣчала она серьезно, вставая:—пойдемъ лучше, погуляемъ.

И они выходили на морозный воздухъ, брали извозчика и ѣхали кататься, или отправлялись въ театръ.

Вскорѣ Гринштейнъ задолжалъ всѣмъ своимъ товарищамъ по работѣ. И они давали ему охотно, кто сколько могъ, добродушно подтрунивая надъ «молодымъ мужемъ» и надъ тѣмъ, что онъ прячетъ свою жену, не приглашаетъ ихъ къ себѣ на обѣдъ и вечеръ, какъ обѣщаль до свадьбы.

— Уже, подождите, покутимъ. Дайте справиться!—отвѣчалъ онъ, шутя, но чувствуя себя виноватымъ, что до сихъ поръ не сдѣлалъ этого. Эти шутки напоминали ему другой обѣдъ, очень нужный, который ему предстояло дать, въ честь Спасскаго. Онъ считалъ себя очень невѣжливымъ по отношенію къ крестному Нюры, что со времени свадьбы ни разу даже не зашелъ къ нему, хотя бы для того, чтобы поблагодарить его за любезность. Теща не разъ напоминала ему о необходимости этого визита. Съ своей стороны, Кирилловъ намекалъ, что «генераль» нѣсколько разъ справлялся о нихъ, спрашивалъ, какъ устроились молодые, и, повидимому, ждалъ ихъ къ себѣ. Гринштейнъ откладывалъ это посѣщеніе до того вре-

мени, когда найдеть дополнительную работу и будетъ въ состояніи пригласить Спасскаго къ себѣ пообѣдать, потому что угостить его какъ-нибудь онъ не хотѣлъ.

Но дополнительная работа не являлась. Директоръ завода обѣщаль дать ему проектъ плана для постройки новаго крыла заводскаго зданія, но не раньше будущей весны. Заходилъ онъ еще къ знакомымъ инженерамъ и архитекторамъ, всѣ обѣщали, но сейчасъ никакой работы не было. Тогда Гринштейну пришло въ голову обратиться за содѣйствіемъ Спасскаго. При его огромныхъ связяхъ, Гринштейнъ былъ увѣренъ, что ему черезъ него удастся навѣрно достать некую работу. И онъ рѣшилъ сдѣлать ему визитъ вмѣстѣ съ женою. А такъ какъ при этомъ нельзя было избѣжать, чтобы не пригласить его на обѣдъ, то Гринштейнъ рѣшилъ позаимствовать для этого рублей двадцать пять изъ денегъ, оставленныхъ у него на храненіе Задонскимъ. Сумма пустая—разсуждалъ Гринштейнъ. А между тѣмъ Спасскій человекъ нужный, даже помимо ближайшихъ видовъ, которые имѣлъ на него Гринштейнъ. Нельзя было изъ-за такой мелочи прервать съ нимъ знакомство.

Несмотря, однако, на эти резоны, Гринштейну было очень тяжело рѣшиться позаимствоваться изъ этихъ денегъ. Онѣ казались ему неприкосновенными. Заимствоваться изъ нихъ было такъ же не деликатно, какъ надѣвать чужое платье въ отсутствіе хозяина. И онъ, по свойственной ему нерѣшительности, оттягиваль, уже рѣшившись, сколько могъ. Иногда онъ прямо говорилъ себѣ: нѣтъ, я этого не сдѣлаю, чортъ съ нимъ, будь что будетъ.

Но вышло иначе.

Въ одно изъ воскресеній, когда Гринштейнъ пѣжился въ кровати рядомъ съ Соней, вошла Глаша и сказала, что пришелъ мясникъ и требуетъ денегъ.

— Пусть придетъ въ другой разъ, — отвѣтилъ Гринштейнъ съ неудовольствіемъ.

— Онъ уже приходитъ въ третій разъ, я забыла тебѣ сказать, — замѣтила Соня. — Ему лучше отдать и развязаться съ нимъ.

— И мясо, баринъ, у него скверное; къ тому же ругается. Я бы брала у другого.

— Сколько ему?

— Пять рублей семь гривенъ.

У Гринштейна было всего пять рублей. Тогда Гринштейнъ вскочилъ и пошелъ къ столу.

— Можеть, заодно ужъ на рынокъ пожалуете? Теже керосинъ вышель, кофей, сахаръ... — говорила Глаша въ то время, какъ онъ рылся въ столѣ.

— Хорошо, вотъ, — сказала Гринштейнъ, подавая ей двадцати-пятирублевую бумажку.

Послѣ этого онъ опять легъ. Но уже его настроеніе испортилось. Онъ лежалъ мрачно и ничего не говорилъ.

— А вина, баринъ, прикажете?—спросила Глаша, просовывая голову въ дверь.

— Да, да, ладно,—сказалъ онъ недовольнымъ тономъ.

— Что съ тобой, ты сердшься?—спросила Соня, удивившись и поворачивая къ нему лицо.

Онъ хотѣлъ ей сказать всю правду, но не рѣшился, и сказалъ совсѣмъ другое.

— Лѣзуть, черти, когда еще лежишь въ кровати!.. А вотъ, я тебѣ хотѣлъ сказать, надо бы намъ сходить къ Спасскому... Хочешь, пойдемъ сегодня?

— Пожалуй.

— И надо его пригласить на недѣлѣ пообѣдать къ намъ.

— Да; и мама уже объ этомъ давно твердитъ. Надоѣла даже. Все боятся, какъ бы онъ не обидѣлся.

— Ну да. Дорого это будетъ стоить. Но иначе невозможно. Онъ къ вашей семьѣ былъ всегда такъ любезенъ. Да и вообще...

V.

Спасскій только что вернулся отъ обѣда, когда къ нему пришли Гринштейны, и онъ имъ былъ радъ. Человѣкъ одинокій, онъ по воскресеньямъ скучалъ и былъ вообще радъ гостямъ. Гринштейнъ же нравился и самъ по себѣ, и особенно потому, что интересовался его коллекціями. А у него за то время, что онъ не видалъ его, было нѣсколько новыхъ пріобрѣтеній. Спасскій съ видимымъ удовольствіемъ принялъ приглашеніе «молодой хозяйки» и оставилъ ихъ у себя завтракать. Приѣмъ его былъ такой теплый, почти родственныи, что Гринштейнъ вышелъ отъ Спасскаго положительно очарованныи и успокоенный. Теперь онъ былъ увѣренъ, что Спасскій не откажетъ ему въ своемъ содѣйствіи пріискать работу, и думалъ только о томъ, какъ бы принять его такъ, чтобы онъ остался вполне доволенъ. Старухѣ Мойсеевой было поручено заняться приготовленіемъ обѣда и главное—составленіемъ меню. Какъ знающая вкусы старика, она должна была указать его любимыя блюда и какъ убрать столъ. Закусками, десертомъ и винами занялся самъ Гринштейнъ. И цѣлую недѣлю шли разговоры о предстоящемъ торжествѣ, обсуждались подробности сервировки, о томъ, гдѣ что заказать, сколько именно подать блюдо, чтобы не было ни чрезчуръ мало, ни чрезчуръ много, кого еще—кромѣ Спасскаго—пригласить изъ лицъ, присутствіе которыхъ ему можетъ быть пріятно. Соня думала, что хорошо бы пригласить Рыбакова, какъ человѣка солиднаго и интереснаго. Но Гринштейнъ воспротивился. Онъ опасался, чтобы не произошли политическіе споры, которые могутъ испортить настро-

ение. И, кроме того, онъ находилъ неудачнымъ во второй разъ вести Рыбакова съ Кирилловымъ. А не пригласить Кириллова нельзя было, такъ какъ обѣдъ имѣлъ видъ семейный, и Нюра на немъ должна была присутствовать. Въ день обѣда Мойсеева явилась, когда еще было темно на дворѣ. И цѣлый день она суетилась и волновалась, раздумываясь у печки, съ подоткнутымъ подоломъ, съ прядами сѣдыхъ волосъ, которые спускались ей на лобъ и лѣзли въ глаза.

Зато все было готово во время, и все удалось какъ нельзя лучше. Изъ постороннихъ было только два человѣка: Матвѣевъ и старшій чертежникъ-нѣмецъ, начальникъ Гринштейна. Спасскій явился съ подарками на новоселье. Сошъ онъ принесъ кольцо съ бирюзой кабошономъ, окруженной маленькими брильянтами, а Гринштейну большую браунескую фотографію съ рембрандтовскаго «Христа передъ народомъ». Весь вечеръ онъ находился въ самомъ хорошемъ расположеніи духа, шутилъ, рассказывалъ анекдоты и разныя событія изъ своей жизни и держалъ себя при этомъ чрезвычайно просто и непринужденно.

— Вы очень мило устроились для начала,—сказалъ онъ Гринштейну, сидя рядомъ съ нимъ на диванѣ.

— Немного увлекся, набралъ больше, чѣмъ слѣдовало бы.

— Не жалѣйте. Расплатитесь. Они васъ прижимать не будутъ. Очень покладистые люди. Да вы мнѣ покажите какъ-нибудь счета. Надо посмотреть, не нашсали ли чего лишняго. Я имъ дамъ нагоняй.

— Спасибо сердечное. Я вамъ такъ обязанъ.

— Радъ служить. Старикъ должны помогать молодежи. Когда-то и намъ помогали. Давно это было,—добавилъ онъ меланхолически.— «То было въ утро нашихъ дней. Трава едва всходила...»

И онъ вздохнулъ. И ввиду этого вздоха неловко было тотчасъ воспользоваться его предложеніемъ услугъ. Гринштейнъ рѣшилъ поговорить о своемъ дѣлѣ особо, въ другой разъ и не у себя въ домѣ.

И, однако, Гринштейнъ никакъ не могъ рѣшиться пойти къ Спасскому и откровенно рассказать ему положеніе своихъ дѣлъ. Онъ боялся, что это испортитъ ихъ отношенія, поставитъ его въ зависимое положеніе къ старикѣ. Разъ онъ будетъ его просить, это дастъ въ нѣкоторомъ родѣ Спасскому на него права. А онъ этого не хотѣлъ. Самолюбіе его страдало при мысли, что онъ откроетъ передъ постороннимъ человѣкомъ свою прихода-расходную книгу и будетъ взывать о помощи. Онъ чувствовалъ, что это умалитъ его и въ лучшемъ случаѣ заставитъ его пожалѣть, а черезъ него и Союю. Если бы это случилось какъ-нибудь само собою, ему было бы легче. И случай содѣйствовалъ Гринштейну. Возвращаясь домой, онъ увидѣлъ передъ собой Спасскаго выходящимъ изъ гастрономиче-

скаго магазина съ узелками и сверточками. Онъ подошелъ. Старикъ встрѣтилъ его привѣтливо, и они пошли рядомъ.

— На крыльяхъ любви несетесь, счастливый мужъ?—пошутить онъ.—Дома тепло и свѣтло, красавица жена ждетъ подь лампой передь накрытымъ столомъ...

И вотъ они встрѣчаются,
И ласки и любовь...

— Хотѣлъ бы я быть на вашемъ мѣстѣ, имѣть ваши годы и ваши иллюзии. А вотъ у меня, старика, какъ у малаго ребенка, только и радости, что мои игрушки—коллекціи, да еще вотъ это,—онъ потрясъ повѣшенный на пальцѣ въ перчаткѣ узелокъ,—лакомства и закуски, которыми люблю побаловаться за обѣдомъ, ха-ха!

Гринштейнъ поймалъ мячъ на лету и замѣтилъ:

— У всякаго возраста свои радости, но и свои заботы тоже.

— Ну, какія у васъ заботы! Вся жизнь впереди. Вы точно передь новой оперой, когда занавѣсъ только что взвился, и съ сладкимъ трепетомъ жмесься въ креслѣ, обѣщая себѣ неисчислимыя блаженства. Вѣдь счастье—это то, чего ждешь и къ чему стремишься, вѣруя, что впереди только синее небо и морская гладь, позолоченная солнцемъ, и анельсиновые рощи, наполненные пѣніемъ птицъ. Помните, какъ у Шиллера:

Du hast gehofft—dein Lohn ist abgetragen,
Dein Hoffnung wahr dein zugewognes Glück!..

Гринштейнъ ловко воспользовался этимъ разговоромъ и, не давая ему уклониться въ сторону, завелъ рѣчь о своихъ заботахъ и опасеніяхъ. Въ темнотѣ, не глядя въ глаза, ему легко было объ этомъ говорить, а любовь къ женѣ придала ему храбрости и желаніе довести дѣло до практическаго результата. И онъ сталъ горячо развивать мысль о томъ, что надо, чтобы все явилось въ свое время, а не тогда, когда нельзя уже будетъ имъ пользоваться, и что горечь лишеній въ молодости тѣмъ особенно тяжела, что лишаетъ возможности впоследствии и молодость-то вспомнать добромъ, какъ свѣтлое видѣніе.

— Ну, да, конечно, — согласился старикъ.

И, подбодренный этимъ согласіемъ, Гринштейнъ свелъ разговоръ на свою любовь къ Сонѣ и на страданія свои, что онъ не можетъ доставить ей то сравнительно небольшое матеріальное счастье, которое хотѣлъ бы доставить ей, чтобы быть самому счастливымъ. И онъ рассказалъ, какъ бы въ видѣ иллюстраціи и не все договаривая, о своихъ матеріальныхъ затрудненіяхъ. Выходило, что онъ ни о чемъ не просилъ, а только откровенно рассказывалъ. Между тѣмъ онъ сказалъ все, что хотѣлъ сказать.

— И увѣряю васъ, что эти въ сущности маленькія и временныя затрудненія являются ложкой дегтя въ бочкѣ меда, которая все портитъ. Мнѣ нужно достать добавочную работу, которая увеличила бы мой бюджетъ и дала бы мнѣ возможность окружить Соню тѣмъ комфортомъ, который ей нуженъ. Я не боюсь труда, и съ удовольствіемъ отдалъ бы этому часть моей ночи. И вотъ я искалъ со всѣхъ сторонъ, и ничего, рѣшительно ничего не нахажу.

Тогда разговоръ перешелъ на практическую почву. Спасскій разспросилъ Гринштейна подробно о томъ, какого рода работа ему наиболѣе подходитъ, сколько именно онъ хотѣлъ бы заработать, и обѣщаль положительно заняться имъ очень серьезно. Гринштейнъ опять горячо его поблагодарилъ, и они разстались.

Гринштейнъ, который очень быстро обезкураживался, такъ же быстро окрылялся надеждами. И онъ пришелъ домой чуть не танцуя, до того онъ былъ счастливъ. Ему давно хотѣлось купить женѣ платье и часы. Въ этотъ вечеръ онъ сообщилъ ей объ этомъ своемъ желаніи и выдалъ ей деньги на платье. Часы онъ рѣшилъ купить ей самъ и сдѣлать ей сюрпризъ въ день, когда она надѣнетъ новое платье.

«Вотъ все и устраивается», думалъ онъ съ восхищеніемъ, лежа въ кровати и прислушиваясь къ ровному дыханію Сони. Не будучи въ состояніи заснуть отъ возбужденія, онъ долго мечталъ, устремивши глаза въ темноту.—Была бы только она, милая, настрадавшаяся дома отъ лишеній, довольна и счастлива... И онъ съ радостью вспоминалъ, что Соня, не любившая обнаруживать свои чувства, все-таки была, видимо, довольна, когда онъ заговорилъ о новомъ платьѣ, и оживилась, обсуждая его фасонъ и цвѣтъ.—Одно другому не мѣшаетъ,—продолжалъ онъ размышлять, какъ будто возражая кому-то.—Пора бросить заблужденіе, что революціонеры должны жить замухрышками и лишать себя всего. Лассаль былъ революціонеръ не нашимъ чета, а какъ жилъ!..—Въ то время недавно печатались воспоминанія Солнцевоу о знаменитомъ агитаторѣ, и Гринштейнъ ими очень увлекался. Лассаль могъ бытъ въ высшемъ обществѣ и дѣлалъ тамъ adeptовъ. Онъ даже Бисмарка привлекъ отчасти на свою сторону. Не надо отталкивать отъ себя людей внѣшней некрасивостью. Всѣхъ, и особенно вліятельныхъ, образованныхъ и богатыхъ, надо привлекать къ своимъ идеямъ... И онъ представлялъ себѣ, какъ Соня, умница и красавица Соня, хорошо одѣтая и блестящая, будетъ заводить знакомства, плѣнять, играть роль... И съ этими мечтаніями онъ заснулъ.

Вечеромъ на другой день къ чаю пришли Нюра съ мужемъ. Оба имѣли странный, стѣсненный видъ и мало говорили. Наконецъ, воспользовавшись минутой, когда Соня стала показывать обновку своей сестрѣ и совѣтоваться съ нею по поводу фасона, Клирловъ вызвалъ Гринштейна въ залъ.

— Что такое?—спросилъ Гринштейнъ, который находился въ очень благодушномъ настроеніи.

— Да вотъ.—началь тоть таинственно, слегка заикаясь и въ недоумѣніи пожимая плечами.—Ничего особеннаго; однако, по родству, считаю нужнымъ предупредить... И Нюрочка тоже находитъ, что слѣдуетъ. Только, ради Бога, ты меня не выдай... Въ сущности, я не долженъ бы...

— Да что такое? Говори, пожалуйста...

— Тебѣ бы слѣдовало зайти къ Павлу Селиверстычу...

— Да я его два дня назадъ видѣлъ...

— Нѣтъ, подожди, не въ томъ дѣло... Это было сегодня...

— Что?!

— Ты слушай. Сегодня утромъ я зашелъ съ бумагами къ Павлу Селиверстычу, для подписи, въ его кабинетъ. У него въ это время былъ Иванъ Егорычъ...

— Это кто же?

— А это, знаешь, который по политическимъ дѣламъ... И при входѣ я слышалъ твое имя. При мнѣ они прервали разговоръ. Но генераль имѣлъ очень удивленный видъ. Подписывая бумаги, онъ остановился и сказалъ Ивану Егорычу: «Вы меня очень удивляете. Кто бы могъ думать! Неужели это вѣрно?»—«Вѣрно, вѣрно»,—отвѣтилъ тотъ:—мы его очень хорошо знаемъ». Затѣмъ я вышелъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Да, это странно,—сказалъ Гринштейнъ, чувствуя, какъ кровь отхлынула отъ его сердца.—Впрочемъ, что же тутъ удивительнаго! Мало ли кого они не знаютъ...

— Нѣтъ, подожди... Тутъ что-то есть. И Нюрочка такъ думаетъ. Она и заставила меня предупредить тебя. Дѣло въ томъ, что послѣ этого Павелъ Селиверстычъ нѣсколько разъ заводилъ со мною о тебѣ разговоръ. Онъ тебѣ зла не сдѣлаетъ,—въ этомъ ты можешь быть увѣренъ, но спрашивалъ, кто у тебя бываетъ. Говорилъ о нынѣшней молодежи, что, молъ, всѣ политикой занимаются, и ты какъ будто тоже. Вспомнилъ, что у тебя на стѣнѣ портретъ человѣка, что сочинилъ какую-то запрещенную нѣсню на французскомъ языкѣ. И видъ при этомъ имѣлъ серьезный, неодобрительный какъ будто... Я, разумѣется, сказалъ, что ничего такого не замѣтилъ... А все же мнѣ думается, что, можетъ быть, эти студенты, которыхъ я видѣлъ у тебя... Кто знаетъ!... Въ чужую душу не влѣзешь. Будь осторожнѣе! Да зайди къ самому. Можетъ быть, онъ самъ тебѣ что скажетъ. Только ты и виду не подавай, смотри... Сохрани Богъ!..

Когда они вернулись въ столовую, Нюра бросила на Гринштейна пылливый взглядъ и, встрѣтившись съ его глазами, замѣтила его разстроенное выраженіе и улыбнулась доброй, сочувственной улыбкой.

На другое утро Гринштейнъ зашелъ къ Спасскому въ присутствіе, въ надеждѣ узнать что-нибудь болѣе положительное. Онъ передалъ свою карточку черезъ сторожа и думалъ, что тотчасъ будетъ принятъ. Но его долго заставили ждать. Къ Спасскому входили и выходили отъ него. Изъ кабинета слышались разговоры, иногда смѣхъ, когда отворялась дверь. Гринштейна точно забыли. Нетерпѣніе разбирало его. Ему стало казаться, что это не просто, что Спасскій нарочно держитъ, чтобы показать разстояніе, лежащее между нимъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, и маленькимъ чертежникомъ, котораго онъ можетъ приласкать, если ему вздумается, но который не долженъ рассчитывать быть съ нимъ на равной ногѣ. Потомъ онъ подумалъ, что если въ самомъ дѣлѣ начальникъ сыскаго отдѣленія сообщилъ ему объ его революціонной дѣятельности, Спасскій уже ничего не захочетъ для него сдѣлать. Можетъ быть, онъ начнетъ его разспрашивать и допрашивать, опираясь на свои отношенія къ семьѣ его жены, можетъ быть, начнетъ давать совѣты, какъ всѣ старики. Что онъ ему скажетъ?!

Наконецъ Гринштейна позвали. Онъ вошелъ въ кабинетъ очень смущенный, и ему показалось, что Спасскій въ канцеляріи и въ вицъ-мундирѣ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, что Спасскій у себя дома. Въ немъ было что-то холодное и властное, несмотря на то, что онъ улыбался и былъ очень вѣжливъ.

— Я васъ не забылъ,—сказалъ онъ, усаживая его.—Я думалъ о вашемъ дѣлѣ. Ничего положительнаго еще нѣтъ, но надежды не теряю. Въ нашемъ вѣдомствѣ, оказывается, чертежныя работы имѣются, и оплачиваются онѣ очень недурно. Разумѣется, кандидатовъ превеликое множество. Все дѣло, однако, въ томъ, имѣются ли эти работы сейчасъ, или придется подождать. Миѣ обѣщано навести справки. Вамъ нужно, конечно, возможно скорѣе?

— Да, — отвѣтилъ Гринштейнъ, который успѣлъ оправиться отъ своего смущенія.—Сами знаете, что значить молодой менажъ, какъ мой, когда ни съ той, ни съ другой стороны капиталовъ не имѣется...

— Ну, конечно, конечно. А для такого брильянта, какъ Соня, требуется соотвѣтственная оправа... Я вамъ вполне сочувствую. Кто молодъ не бывалъ!..

— И тѣмъ болѣе,—замѣтилъ Гринштейнъ:—что я не хотѣлъ бы даже, чтобы Соня замѣтила мои денжныя затрудненія.

— Это дѣлаетъ честь вашимъ чувствамъ. Надо беречь свое счастье,—сказалъ онъ съ видомъ сентенціи:—это такая хрупкая вещь. Беречь, беречь его надо,—добавилъ онъ.—А ваши занятія на заводѣ идутъ правильно?

— О, да! У меня тамъ самыя лучшія отношенія. Да я тамъ и служу уже четыре года...

— То-то, то-то. Теперь на заводахъ броженія всякія. Надо быть очень, очень осторожнымъ. Влопаться въ бѣду—нѣтъ ничего легче. Съ этимъ шутить нельзя...

Дверь отворилась, и въ комнату вкатился развязно и весело небольшого роста полный господинъ въ жандармскомъ мундирѣ, съ аксельбантами, съ толстыми сѣдыми усами и съ большой круглой головой съ большой лысиной. Лицо у него было не русское,—не то армянскій, не то еврей,—и глаза онъ имѣлъ черные, вынуклые, съ сильнымъ блескомъ.

— Pardon, я помѣшалъ!—сказалъ онъ, обдавая Гринштейна любопытнымъ, смѣющимся и въ то же время лукаво-фамиллярнымъ взглядомъ.

— Пожалуйте, пожалуйста, Иванъ Егорычъ,—отвѣтилъ Спасскій, протягивая ему руку и не вставая. И онъ представилъ Гринштейна.

— Какъ же, какъ же, много слышалъ, радъ познакомиться.— Онъ крѣпко пожалъ руку Гринштейну, какъ старому знакомому, продолжая улыбаться и осматривать его съ головы до ногъ, точно хотѣлъ запечатлѣть въ своей памяти его образъ.

Съ своей стороны, Гринштейнъ смотрѣлъ на него съ смѣшаннымъ чувствомъ любопытства, страха и гадливости. Его горячая рука точно обожгла его. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что этотъ самодовольно-лукавый старичокъ, такой кругленькій, лысый и откормленный, и есть тотъ самый грозный и нагоняющій ужасъ представитель государственной полиціи, отъ котораго зависитъ свобода, благосостояніе и жизнь столькихъ людей, о которомъ онъ самъ думалъ такъ часто, представляя его себѣ совсѣмъ иначе,—представительнѣе, умнѣе и страшнѣе. А Иванъ Егорычъ, между тѣмъ, бросился въ кресло, вынулъ большой серебряный портсигаръ съ гербомъ и весь съ двухъ сторонъ исписанный выгравированными на немъ какими-то надписями, и, раскрывши его, любезно предложилъ Гринштейну.

— Благодарствуйте,—отвѣтилъ тотъ,—не курю.

— Вътъ я уже знаю одну вашу добродѣтель. Навѣрно, у васъ ихъ много.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому, что вы пользуетесь высокимъ покровительствомъ его превосходительства. Это большой козырь въ игрѣ, молодой человекъ, и имъ надо очень и очень дорожить. Ха-ха!

— Я очень дорожу и цѣню благоволеніе ко мнѣ Павла Селиверстыча, хотя игры у меня никакой нѣтъ.

Иванъ Егорычъ прищурилъ свои выпученные и смѣющиеся глаза, глядя Гринштейну прямо въ лицо съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: мы, молъ, другъ друга понимаемъ; ты хитеръ, но и я тоже не лыкомъ шить, и ты мнѣ нравишься.

Гринштейнъ сидѣлъ какъ на горячихъ угольяхъ; онъ заерзалъ на креслѣ, желая встать. Но въ это время Иванъ Егорычъ обратился къ Спасскому, какъ бы не замѣчая движенія молодого человѣка:

— А молодежь-то наша,—сказалъ онъ со скорбнымъ видомъ:— опять отличилась!

— А что такое?—холодно и вяло спросилъ Спасскій.

— Какъ же, помилуйте, въ Кіевѣ опять политическое убійство... И все это во имя народного блага! Какъ это печально, какъ печально! Во имя добра—и проливать кровь, убивать людей, которые дурно ли, хорошо ли, но исполняютъ свой долгъ. Я понимаю, конечно, что далеко не все хорошо и справедливо въ настоящемъ строѣ. Понимаю и то, что молодежь, свѣжая, пылкая, благородная, мечтаетъ о переменѣхъ, улучшеніяхъ... Il faut que jeunesse se passe. Не все такъ просто сдѣлать, какъ кажется молодымъ людямъ. Какъ говорить нашъ старикъ Карамзинъ, «легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой переменѣ и живутъ тихо». Не правда ли, какъ это мило и наивно сказано! При всемъ томъ, въ этихъ желаніяхъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Мнѣ они чрезвычайно симпатичны. Но убивать, грабить, взрывать,—развѣ въ этомъ есть благородство? Развѣ это вяжется съ возвышенными идеалами?

Спасскій, облокотившись, разсматривалъ свои погги и молчалъ. Тогда Гринштейнъ, понявъ, что все это говорится спеціально и единственно для него, сказалъ:

— Но кажется, что только очень ничтожная часть молодежи раздѣляетъ эти взгляды. Огромное большинство,—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется,—относится къ нимъ враждебно...

Иванъ Егорычъ повернулся съ необычайной живостью всѣмъ тѣломъ къ Гринштейну, и глаза его приняли какое-то дѣланно-удивленное и растроганное выраженіе.

— Въ самомъ дѣлѣ?! Дай Богъ, дай Богъ. Это очень интересно, что вы говорите. Исходя отъ такого наблюдательнаго и спокойнаго да притомъ молодого человѣка, ваше замѣчаніе въ высшей степени отрадно. Я очень радъ это слышать.

Гринштейнъ не понималъ, чему онъ такъ обрадовался, и повторилъ про себя то, что онъ сказалъ сейчасъ. Затѣмъ онъ прибавилъ:

— Такъ мнѣ кажется. Я думаю, что проповѣдь разныхъ безнравственныхъ актовъ не можетъ найти отголоска въ молодыхъ сердцахъ. Все это, вѣроятно, больше кажется, чѣмъ существуетъ на самомъ дѣлѣ.

— Ну, вотъ видите. Очень, очень отрадно это. Мнѣ и самому казалось, что терроризмъ—наросъ на духовномъ тѣлѣ молодежи, и что онъ такъ же быстро исчезнетъ, какъ явился. Конечно, жаль, что молодая жизнь гибнуть подъ вліяніемъ такого чудовищнаго уче-

нія. Тѣмъ пріятнѣе мнѣ, старику, сойтись во взглядахъ съ такимъ просвѣщеннымъ молодымъ человѣкомъ, какъ вы.

Гринштейнъ всталъ съ горящимъ лицомъ, съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто кто-нибудь ему надавалъ пощечинъ и онъ на нихъ не отвѣтилъ.

— Очень радъ былъ случаю съ вами познакомиться, — говорилъ Иванъ Егорычъ, крѣпко пожимая ему руку. — Если захотите когда-нибудь заглянуть ко мнѣ, старику, осчастливите. Я люблю молодежь, и поболтать съ умнымъ человѣкомъ всегда радъ.

Гринштейнъ поднялъ глаза на Спасскаго. Тотъ сидѣлъ, сдвинувши брови, холодный и неподвижный, какъ статуя. Онъ слегка поднялся, чтобы подать Гринштейну руку, и довольно теплымъ тономъ сказалъ:

— До свиданія. Надѣюсь вскорѣ дать вамъ удовлетворительный отвѣтъ. Кланяйтесь Сонѣ.

VI.

Дня черезъ два послѣ этого, въ то время, какъ Гринштейнъ сидѣлъ за обѣдомъ, ему подали записку. Онъ пробѣжалъ ее и поблѣднѣлъ, какъ полотно. Но онъ ничего не сказалъ, сунулъ бумажку въ карманъ и вновь принялся за ѣду. Бѣсть онъ, однако, уже не могъ. Послѣ нѣкоторыхъ усилій преодолѣть себя онъ бросилъ вилку, отодвинулъ тарелку и въ волненіи сталъ тереть рѣдкіе волосы на подбородкѣ, устремивши возбужденные глаза въ пространство.

— Что это, неприятность какая-нибудь?—спросила Соня.

Онъ махнулъ рукой:

— Чортъ съ нимъ! Ничего особеннаго...

Въ запискѣ стояло: «Иванъ Егорычъ покориѣйше проситъ К. И. Гринштейна пожаловать къ нему завтра, въ четвергъ, въ 9 часовъ вечера». Это могло означать приглашеніе на допросъ, какъ могло означать просто желаніе «поболтать» на политическія темы, съ цѣлью освѣдомительной, какъ продолженіе разговора, начатаго въ кабинетѣ Спасскаго. Разсказывать объ этомъ Сонѣ значило бы или взволновать ее перспективой грозящей ему опасности, или сообщить ей о своихъ матеріальныхъ затрудненіяхъ, чтобы объяснить причину посѣщенія имъ Павла Селиверстыча у него въ присутствіи. То и другое Гринштейнъ нашелъ преждевременнымъ и потому счелъ за лучшее не сказать женѣ ничего.

Еще не кончили обѣда, какъ явился «юристъ». Фамилія его была Леонтьевъ. Изъ всѣхъ знакомыхъ онъ чаще другихъ сталъ заходить къ Гринштейнамъ. Гринштейну казалось, что онъ какъ будто ухаживаетъ за Соней. Онъ дѣлалъ свои визиты въ часы, когда Гринштейна не было дома, и оставался подолгу, заводя съ

Соней безконечные споры и разговоры на политическія злобы дня. И отъ него Соня узнала гораздо больше о революціонной дѣятельности и революціонныхъ знакомствахъ мужа, чѣмъ отъ него самого. Леонтьевъ по симпатіямъ своимъ былъ террористъ и осуждалъ упорство Гринштейна идти за Задонскимъ, вмѣсто того, чтобы пристать къ единственному, по его мнѣнію, движенію, имѣющему будущее. Въ его критикѣ было что-то личное, — желаніе какъ будто унижить Гринштейна въ ея глазахъ и тѣмъ самымъ возвысить себя. Въ то же время онъ имѣлъ видъ, что очень высоко ставитъ самое Соню, и безсовѣстно льстилъ ей. Соню, которой нечего было дѣлать, это забавляло. Она позволяла за собою ухаживать, слушала, дразнила молодого студента, и въ душѣ надъ нимъ подсмѣивалась.

— Что же, и вы собираетесь кого-нибудь убить? — спросила она его однажды.

— Нѣтъ, — наивно отвѣтилъ онъ: — эту работу я предоставляю другимъ.

— Фи, какъ это гадко!

— Очень просто, — развивалъ свою мысль юристъ. — Все это кончится конституціей. И я готовлю себя къ тому времени. Въ русскомъ парламентѣ я хочу занять и займу непремѣнно выдающуюся роль. Я изучаю государственныя науки, рѣчи знаменитыхъ ораторовъ, начиная съ Демосоена, исторію Великой революціи и положеніе рабочаго и крестьянскаго сословія въ Россіи. Будущимъ лѣтомъ я поѣду за границу, посѣщу Германію, Францію, Англію, познакомлюсь съ знаменитыми людьми, буду посѣщать парламентскія засѣданія...

— А до конституціи что вы будете дѣлать?

— До конституціи сдѣлаю себѣ имя, какъ адвокатъ и профессоръ. Но конституція будетъ дана гораздо раньше, чѣмъ вы думаете. Не пройдетъ пяти лѣтъ, какъ у насъ будетъ парламентъ, — увидите. Тогда люди, какъ я, будутъ нужны...

Соня всѣ эти разговоры передавала мужу, и они между собою называли Леонтьева не иначе, какъ «депутатомъ», и много надъ нимъ смѣялись. Гринштейнъ, однако, невольно ревновалъ Леонтьева, и потому терпѣть его не могъ. Ему стоило увидѣть его холодную фигуру съ туго накрахмаленнымъ воротничкомъ, подпиравшимъ шею, чтобы его настроеніе духа мѣнялось. И при Сонѣ ему пріятно было вызвать его на споръ и побить его, если не всегда аргументами, то ироніей и насмѣшкой. Впрочемъ, смутить «депутата» было невозможно, такъ онъ былъ непоколебимъ въ своей увѣренности въ своемъ превосходствѣ. Онъ и теперь, войдя къ Гринштейнамъ, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на бросавшееся въ глаза душевное разстройство хозяина дома, вполне убѣжденный, что появленіе его всегда и во всякое время можетъ быть только пріятно и желательно. И, не останавливаясь на банальныхъ мелочахъ, какъ вопросы

о здоровьѣ, «что новаго», «что подѣлываете», онъ приступилъ къ разговору о томъ, что его интересовало. Въ этотъ вечеръ, впрочемъ, онъ принесъ извѣстіе, которое въ другое время способно было вызвать Гринштейна на жестокой споръ. Но въ томъ состояніи оцѣпенѣнія, въ которомъ онъ находился, онъ его даже не слушалъ. Извѣстіе это заключалось въ рѣшеніи народовольцевъ приступить къ организаціи царевубійства. Неизвѣстно было, гдѣ черпалъ свои свѣдѣнія «депутатъ». При той осторожности, которую онъ обнаруживалъ во всемъ, что касалось собственной его персоны, хранимой для будущихъ великихъ дѣлъ, не могло быть сомнѣнія, что онъ прямо не принималъ участія въ рѣшеніяхъ, за которыя можно было заплатить не только карьерой, но даже головой. И тѣмъ не менѣе свѣдѣнія Леонтьева всегда были вѣрны, и предсказанія его всегда оправдывались.

Съ первыхъ же его словъ Соня возмутилась.

— Убивать человѣка, который далъ свободу 19 милліонамъ рабовъ, такой доброй и мягкой души, —воскликнула она:—это удивительное безобразіе. Этому преступленію нѣтъ имени. Я бы въ состояніи была сама пристрѣлить тѣхъ, кто задумываетъ такое ужасающее злодѣяніе!

Леонтьевъ сдѣлалъ гримасу, означавшую улыбку:

— Да. Но вы ихъ не знаете и не узнаете. Я и самъ ихъ не знаю, — само собою разумѣется. Я передаю слухъ. Но не въ этомъ дѣло. Это исторія, и даже,—пошутилъ онъ,—естественная исторія. И на нее надо смотрѣть безъ сантиментовъ, а съ полной объективностью. А съ этой объективной точки зрѣнія фактъ, о которомъ мы говоримъ, является фатальнымъ, какъ фатально то, что, если вы сложите два и три, получится пять...

— Перестаньте, я васъ не хочу слушать,—гнѣвно крикнула Соня.

— Позвольте, дайте досказать.

Въ это время Глаша внесла самоваръ. Гринштейнъ всталъ и вышелъ въ залъ. Долго онъ сидѣлъ за своимъ столомъ, перебирая и откладывая бумаги. Его звали къ чаю, но онъ не шелъ. Наконецъ Соня послала ему чаю съ Глашей. Изъ столовой доносился къ нему оживленный разговоръ жены съ Леонтьевымъ. Онъ слышалъ отрывочныя слова, но не вникалъ въ ихъ смыслъ. Теребя усы и бородку, онъ шагаль по комнатѣ и думалъ о томъ, зачѣмъ приглашалъ его начальникъ сыскаго отдѣленія, какого рода разговоръ произойдетъ между ними, что онъ будетъ спрашивать и какъ на эти вопросы надо будетъ отвѣчать. Онъ не думалъ, что его арестуютъ. Но обыскъ считалъ возможнымъ послѣ этого разговора, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ ни въ чемъ сознаваться и тѣмъ менѣе называть кого-нибудь изъ своихъ друзей и единомышленниковъ. Одно особенно озабочивало его: куда дѣтъ бумаги, свои и Задон-

скаго, которыя находились у него. Онъ никого не находилъ. Всѣ его знакомые были или такъ же скомпрометированы, какъ онъ самъ, или такіе, которымъ онъ не хотѣлъ показать, что у него имѣется что-нибудь, что приходится прятать. И вдругъ его осѣнила мысль: Нюра! И чѣмъ больше онъ обсуждалъ эту мысль, тѣмъ болѣе она казалась ему блестящей. Ей можно довѣриться. Она его не выдастъ и ни о чемъ разспрашивать не будетъ. Онъ былъ увѣренъ, что она и мужу ничего не скажетъ. Надо только повидаться съ нею въ такой часъ, когда Кириллова не будетъ дома. И, рѣшивши такимъ образомъ, онъ значительно успокоился и, взявъ свой остывшій стаканъ, вернулся въ столовую.

Когда Леонтьевъ ушелъ, Соня, улыбаясь, спросила:

— Что это ты бѣднаго «депутата» обидѣлъ? Слова съ нимъ не сказалъ во весь вечеръ. Ужъ не ревнуешь ли?

Гринштейнъ пожалъ плечами.

— Онъ мнѣ дѣйствуетъ на нервы. Такой влюбленный въ себя и такой увѣренный въ своемъ значеніи.

— Это есть,—подтвердила Соня.—Мнѣ самой кажется, глядя на него, что онъ не просто идетъ, а несетъ себя, какъ нѣкую драгоценность: любуйся, молъ, но не трогай,—разобьется... А все-таки большая это штука вѣрить въ себя, считать себя необходимымъ. Онъ нигдѣ не пропадетъ.

— Онъ, кажется, еще въ третьемъ классѣ рѣшилъ всѣ проклятые вопросы и уже больше ни въ чемъ не сомнѣвается. Все просто и гладко. Онъ не станетъ себя мучить... Ну, да чортъ съ нимъ!

— Но онъ забавный. Я такихъ еще не видывала...

Нюра чесала своихъ дѣвочекъ въ столовой, когда пришелъ Гринштейнъ. Она и удивилась и обрадовалась ему. По лицу его она поняла, что онъ имѣетъ ей что-то сказать, и отправила дѣтей въ спальню.

— Но ты сейчасъ придешь, мамуся?—спросила старшая.

— Сейчасъ, сейчасъ.

— И доскажешь сказочку?—сказала младшая, заглядывая ей въ глаза.

— Конечно. Идите же.

— Нюра, мѣдая,—сказалъ Гринштейнъ, когда дверь закрылась за дѣтьми:—спрячьте мнѣ, пожалуйста, эти бумажки подальше.

— Хорошо,—отвѣтила она, глядя на него съ безпокойствомъ:—давайте.

— Ничего особеннаго,—добавилъ онъ, чтобы ее успокоить.—Но времена такія, всегда можно сжидать визита архаровцевъ.

— Ахъ, да, —сказала она, взявши перевязанный веревочкой пакетъ и держа его на колѣняхъ.—Ужасныя времена. Надо быть очень осторожнымъ. Я всегда удивлялась неустрашимости тѣхъ, которые берутъ на себя крестъ... Не убійства, конечно... Надо

быть героемъ, — добавила она, робко бросая на него восхищенный взглядъ: — чтобы выступить на такую борьбу за бѣдныхъ и несчастныхъ. Особенно, когда ей не предвидится конца.

Гринштейнъ раскрылъ большіе глаза.

— Какъ, Нюра, — сказалъ онъ: — неужели вы сочувствуете намъ?

Она вся зардѣлась.

— Почему же нѣтъ? Это такъ благородно. Было время, когда я сама не остановилась бы, пошла бы за другими... Теперь нѣтъ. У меня есть дѣвочки. Я имъ нужна. И потомъ... Да что говорить! Но я сочувствую, да. И мнѣ жалко погибающихъ.

— О, милая Нюра! — сказалъ онъ, растроганный, схватилъ ея руку и поднесъ къ губамъ. — Какая вы славная!

Она еще больше покраснѣлась. Слезы выступили у нея на глаза.

— Ахъ, что вы, что вы! — сказала она, пряча руки. — Но все же мнѣ очень страшно за васъ. Берегитесь, Карлъ Ивановичъ. Мужъ рассказываетъ, — онъ вѣдь многое слышитъ тамъ: — что у нихъ цѣлые полки агентовъ. Есть и студенты, и рабочіе, и военные, и даже женщины. Дурныхъ людей такъ много. И они такіе хитрые. Христопродавцы!

— Ну, спасибо, дорогая! Мнѣ пріятно было узнать, что мы съ вами близки не только по родству... Но какая вы скрытная, Нюра! Вѣдь даже Соня не подозрѣваетъ, что дѣлается у васъ въ душѣ и какая вы хорошая.

— Соня умница. Она куда умнѣ меня, и способная! — добавила она задумчиво. — Характеръ у нея горячій и своевольна она. Ее надо умѣть взять. Въ ней много спящей энергій. Но вы не думайте, она способна увлекаться, и тогда она, какъ вешній потокъ, все снесетъ на своемъ пути. И, главное, она не мелкая. У нея большое честолюбіе, чего у меня никогда не было.

— Да, вы правы. У нея больше характера, чѣмъ у меня. Я ее съ каждымъ днемъ больше люблю. Потерять ее для меня было бы такой катастрофой, какую я и представить себѣ не могу...

— Зачѣмъ терять! Будьте только очень осторожны. Недаромъ о васъ говорилъ начальникъ сыскаго отдѣленія. Опасность можетъ прійти съ этой стороны, а нiotкуда больше.

— Ну, да, разумѣется. Но развѣ вы не думаете, что нехорошо также, что она по цѣлымъ днямъ одна, что ей скучно?

— Противъ этого ничего не подѣлаешь. Не можете же вы все сидѣть съ нею. Да она этого и не захочетъ. У замужней женщины занятія могутъ явиться обыкновеннымъ путемъ...

— То есть какъ?

— Пойдутъ дѣти.

Гринштейнъ съ сомнѣніемъ покачалъ головою.

— Конечно, — повторила она. — Вы оба молоды, здоровы. Это такъ естественно.

Онъ помолчалъ немного, потомъ, зашняясь, съ грустью сказалъ:

— Она этого не хочетъ.

— Дѣтей не хочетъ? Какой вздоръ!

— Ни подъ какимъ видомъ. Она смотритъ на эту возможность какъ на большое несчастье.

— Пройдетъ, не беспокойтесь. Дѣти—это такая радость. Не такихъ, какъ она, они мѣняютъ самымъ радикальнымъ образомъ. А Соня добрая. У нея хорошее сердце... Дайте ей ребенка, и все будетъ хорошо. Ничто такъ не связываетъ, какъ дѣти...

— Ну, вотъ,—сказалъ наконецъ Гринштейнъ, вставая:—болталъ съ вами, и легче стало, точно бальзамомъ душу смазали.

— Легче? Развѣ вамъ такъ плохо?

— Не знаю, не знаю, какъ сказать,—отвѣтилъ онъ серьезно.—Если бы я вѣрилъ въ предчувствія, я бы сказалъ, что чувствую несчастье за спиною. Ну, а такъ какъ не вѣрю я въ это, то надо думать, что нервы у меня разстроены.

— Да отъ чего же?—спросила она съ безпокойнымъ видомъ.

Онъ слабо усмѣхнулся, пожалъ ей руку и пошелъ къ дверямъ.

VII.

Гринштейнъ вернулся домой поздно ночью съ какими-то свернутыми въ трубочку бумагами. Соня уже лежала въ постели и читала. Когда онъ вошелъ въ спальню, съ котелкомъ на головѣ, она замѣтила, что онъ былъ возбужденъ, сѣрые глаза его горѣли непривычнымъ огнемъ, а щеки были блѣдны.

— Гдѣ ты пропадалъ?—спросила она, откладывая книжку на ночной столикъ.

Въ своемъ ночномъ декольте, обнажавшемъ ея красивую шею, грудь и плечи, вся розовая отъ свѣта абажура, она была очень хороша. Она зябко подтянула пунсовое одѣяло, опустивъ на него правую руку, которая казалась бѣлая, какъ алебастръ. Любуясь ею, Гринштейнъ присѣлъ на кончикъ кровати, обнялъ ея шею и прильнулъ къ ея губамъ.

— Какъ отъ тебя разить виномъ,—сказала она, отворачивая лицо.

— Утощался съ новымъ патрономъ,—отвѣтилъ онъ сконфуженный:—вспрыскивали работу.

— Какую работу?

Онъ снялъ резинку съ трубочки, расправилъ бумагу и сталъ разсматривать начерченные на ней планы.

— Хорошо оплачивается,—добавилъ онъ.

— А-а... Пора спать, однако.

— Да. Я сейчасъ, милая.

Но онъ долго еще разсматривалъ принесенныя бумаги, прикидывая, вѣроятно, въ умѣ, сколько эта работа ему принесетъ. Наконецъ онъ раздѣлся, погасилъ лампу и скользнулъ подъ одѣяло. Соня отодвинулась.

— Ахъ, пожалуйста,—сказала она.—Терпѣть не могу кабацкаго запаха.

Затѣмъ она повернулась къ нему спиною и умолкла.

Прошло двѣ недѣли. Гринштейнъ лихорадочно работалъ по ночамъ надъ составленіемъ порученныхъ ему плановъ. Ему хотѣлось отличиться, исполнить работу такъ, чтобы быть вѣн конкуренціи. И онъ любовно вычерчивалъ китайскими чернилами, подводилъ контуры акварелью, выписывалъ объясненія красивыми печатными буквами. Гости приходили и уходили. Изъ столовой неслись взрывы веселаго смѣха и шумъ оживленныхъ разговоровъ. Хозяинъ не отрывался отъ работы. Онъ усердно курилъ, наполняя залъ облаками дыма, пилъ крѣпкій чай, чертилъ и писалъ до глубокой ночи. Два раза Соня предлагала ему пойти въ компаніи студентовъ,—разъ въ Малый театръ, другой въ концертъ, по-студенчески, въ раекъ. Гринштейнъ отказывался.

— Не могу, дружокъ,—отвѣчалъ онъ.—Дай удержатъ за мной эту работу, дѣла наши наладятся, тогда все пойдетъ хорошо.

Соня уходила одна и, вернувшись, все еще заставляла мужа за высокимъ столикомъ надъ огромными листами александрійской бумаги.

— Посмотри,—сказалъ онъ разъ, когда она вернулась изъ концерта, самъ любясь своей работой.—Сколько это стоило труда! Но, кажется, хорошо. Думаю, патронъ будетъ доволенъ.

Соня бросила мелькомъ взглядъ на исчерченную бумагу.

— Да, кажется,—сказала она.—Я, впрочемъ, въ этомъ ничего не понимаю.

Ей хотѣлось ѣсть, и она пошла въ столовую. Гринштейнъ послѣдовалъ за нею. И въ то время, какъ она уплетала молодыми зубами холодную говядину, зашивая горячимъ чаемъ, онъ говорилъ:

— Завтра снесу работу и получу деньги. Знаешь, двѣсти рублей! На землѣ не найдешь. Я ужасно этому радъ. Давно ужъ я мечталъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ...

— Мегсі. Но у насъ, кажется, столько долговъ! Намедни приходили изъ магазина, гдѣ ты покупалъ мебель...

— Ничего, не безпокойся. Если работа понравится,—а она понравится, я увѣренъ,—я получу другую, поважнѣе этой... Мыѣ обѣщали. Со всѣми расплатимся и заживемъ,—по хорошему.

— А знаешь,—прервала она его:—что говорить? Въ Одессѣ произведено много арестовъ. Думаютъ, что въ числѣ арестованныхъ находится Задонскій.

— Какой вздоръ!

— Да, да. Онъ тамъ былъ въ послѣднее время.

— Да кто это говорить?

— Леонтьевъ,—онъ все знаетъ. Да и другіе говорить. Получено, говорить, письмо. Было вооруженное сопротивленіе. Кто-то смертельно раненъ,—не то прокуроръ, не то жандармъ.

Гринштейнъ въ некоторое время сидѣлъ, ничего не говоря. Онъ закусилъ нижнюю губу и нервно тербилъ свою бородку. Отвратительная мысль молніей пронеслась въ его головѣ: если Задонскій арестованъ, то кассовыя деньги, растраченныя имъ, Гринштейномъ, можно пока не вносить. Это было дѣломъ одного мнovenія. Но онъ былъ ошеломленъ, когда поймалъ себя на этой мысли. Возможность возникновенія въ его головѣ такого гнуснаго соображенія его разстроила. Съ искренними слезами въ глазахъ и съ волненіемъ въ голосѣ онъ сказалъ:

— Это было бы ужасно. Ужасно!—повторилъ онъ, содрогнувшись.

— Ты его очень любишь?—спросила Соня, глядя на него мягкимъ, сочувственнымъ взглядомъ.

— Да,—отвѣтилъ онъ:—я его люблю. Это очень крупная величина, и главное—чрезвычайно хорошій человѣкъ. Другого такого не встрѣчалъ.

Онъ экзальтировалъ свои чувства къ Задонскому, называлъ его своимъ учителемъ и единственнымъ другомъ, вспоминалъ разные эпизоды изъ его жизни и дѣятельности, обрисовывавшіе его благородную и самоотверженную натуру. Этотъ взрывъ хорошихъ чувствъ успокоилъ его самого и далъ Сонѣ очень лестное представленіе объ его собственномъ характерѣ. Его столь искреннее горе было ей чрезвычайно симпатично. Уже она легла въ постель и заснула, а Гринштейнъ все еще шагалъ въ волненіи по комнатѣ, размышляя... Но онъ размышлялъ не объ одномъ Задонскомъ.

А на другой день произошло странное и ни для кого необъяснимое событіе: Гринштейнъ покушался на самоубійство.

Онъ вернулся домой со службы съ такимъ страдающимъ видомъ, что даже Соня, мало обращающая вниманіе на душевное состояніе своего мужа, замѣтила это. Глаза его ввалились, точно постѣ долгой болѣзни, щеки впали и имѣли мертвенно-блѣдный цвѣтъ; онъ съ трудомъ держался на ногахъ. Но онъ ничего не говорилъ, и она не считала нужнымъ спрашивать. Только за обѣдомъ, видя, что онъ все молчитъ и ничего не ѣсть, и что взглядъ его, устремленный въ пространство, выражалъ мучительную тоску, она спросила мелькомъ:

— Ничего не слышала о Задонскомъ?

Онъ отрицательно покачалъ головою.

Вновь наступило долгое молчаніе. Его опять прервала Соня.

— Ну, а что работа? Снесъ?

— Да, да, снесъ,—отвѣтилъ онъ, точно спросонья.

— И что же?

— Ничего, получилъ деньги.

— Поправилась?

Въ отвѣтъ онъ только повелъ плечами.

— Ты боленъ, что ли? Ничего не ѣшь...

— Не хочется,—сказалъ онъ нехотя:—голова болитъ...

Потомъ онъ всталъ и ушелъ въ залъ. Черезъ нѣкоторое время встала и Соня и прошла въ спальню. Вскорѣ она такъ увлеклась чтеніемъ, что совсѣмъ забыла о мужѣ. Вдругъ въ тишинѣ раздался выстрѣлъ. На мгновеніе она оцѣпенѣла. Но уже въ слѣдующее мгновеніе она была на ногахъ, на порогѣ зала, не успѣвъ даже бросить книжку. Передъ нею, безъ пиджака и жилетки, съ блуждающими глазами сидѣлъ въ креслѣ Гринштейнъ. Его бѣлая рубашка съ лѣвой стороны на груди была вся красная отъ крови. Потомъ глаза его закрылись, голова склонилась на бокъ, и онъ тихо рухнулъ на полъ.

Охваченная ужасомъ, она стояла, нагнувшись надъ мужемъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Зубы ея стучали, широко раскрытые глаза были прикованы къ неподвижному лицу самоубійцы, которое казалось алебастрово-бѣлымъ, вслѣдствіе густой тѣни отъ стола, покрывавшей одну часть его, и къ черному пятну на рубашкѣ, которое все расширялось. Ей все это казалось сномъ. Она ждала, что сейчасъ сбѣгутъ на шумъ выстрѣла. Но никто не приходилъ. Глаша ничего не слыхала и продолжала спать на кухнѣ крѣпкимъ, молодымъ сномъ. Тогда Соня бросилась въ столовую, схватила графинъ съ водою и окатила мужу лицо, разорвала его рубашку и, намочивши полотенце, приложила его къ ранѣ. Рана была длинная и рваная, изъ нея обильно сочилась кровь. Но даже неопытный глазъ Сони тотчасъ понялъ, что такая рана не опасна. Отъ боли и холода Гринштейнъ открылъ глаза и застоналъ.

— Что ты надѣлала, несчастный, что ты надѣлала!—проговорила Соня, хватая себя за голову.

— Прости,—сказалъ онъ слабымъ голосомъ:—тяжело было...

У нея отлегло отъ души, когда она услышала его голосъ. Всѣ силы вернулись къ ней. Она побѣжала въ спальню, принесла подушки и подложила подъ его голову.

— Тебѣ больно дышать? Тебѣ больно въ груди?

Онъ глазами показалъ, что не больно.

— Промахнулся,—добавилъ онъ.

— Доктора... Я разбужу Глашу... Не сдвигай полотенце.

— Не зови... Пусть никто не знает...

— Вздоръ... Надо остановить кровь... Я не знаю...

— Зови Рыбакова въ такомъ случаѣ. Онъ недалеко...

Онъ далъ адресъ. Соня быстро написала нѣсколько словъ, разбудила Глашу и послала ее за Рыбаковымъ. Потомъ она вернулась къ мужу, и такъ какъ онъ жаловался, что ему холодно, она вытерла ему грудь и лицо, перемѣнила полотенце, которое крѣпко забинтовала. Затѣмъ помогла ему встать, перевела его на кровать, раздѣла и тепло покрыла. Отъ движенія и потери крови онъ вновь ослабъ и закрылъ глаза. Въ то время, какъ она возилась съ мужемъ, помогая ему подняться, вниманіе ея привлекло свѣже расщепленное дерево на ящикѣ его письменнаго стола. Теперь она вернулась въ залъ и, тщательно осмотрѣвши столъ, убѣдилась, что разломъ былъ причиненъ револьверной пулей. Самый револьверъ лежалъ тутъ же на коврѣ. Она подняла его и осмотрѣла. Револьверъ былъ маленькій, карманный и совершенно новый. Только одна пуля была выпущена.

— Соня!—донеслось до нея изъ спальни сквозь отворенную дверь. Она подошла къ кровати. Гринштейнъ взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ, орошая ее слезами. Онъ всхлипывалъ, повторяя:—прости... прости... если бы ты знала!

— Молчи, не волнуйся. Объ этомъ послѣ,—строго приказала она.

Онъ продолжалъ плакать, сжимая ея руку. И такой онъ казался ей теперь жалкій и слабый!

Пришелъ Рыбаковъ, внося съ собой свѣжій запахъ мороза и спокойной энергіи. Выслушавши отъ Сони нелѣпый рассказъ о случайномъ выстрѣлѣ, который послѣдовалъ будто бы въ то время, какъ мужъ, раздѣваясь, чтобы лечь спать, разглядывалъ только что купленный револьверъ, студентъ улыбнулся. Онъ распахнулъ больному грудь, снялъ полотенце, прозондировалъ рану и въ то время, какъ тотъ охалъ и корчился отъ боли, Рыбаковъ сентенціозно-шутливо говорилъ: «Не играй съ такой игрушкой, не пугай людей!»

Потомъ онъ прижегъ рану ватой, намоченной въ хромистомъ желѣзѣ, наложилъ пластырь и сказалъ:

— Завтра будетъ здоровъ... Ему нуженъ только покой. Дайте ему этотъ порошокъ. А затѣмъ смотрите, чтобы дитя не баловалось. Не всегда эти шутки такъ невинно кончаются.

— Нервозный онъ у васъ,—добавилъ онъ, минутой спустя, моя руки, въ то время, какъ Соня, стоя около, держала полотенце. Но она ничего не отвѣтила и только пожала плечами. Ей не хотѣлось вступать въ разговоры по поводу своихъ интимныхъ дѣлъ. А когда Рыбаковъ ушелъ и Гринштейнъ, принявши порошки, принесенные Глашей, заснулъ, всхлипывая во снѣ, она остано-

вилась надъ нимъ и, придерживая скрещенными руками шаль, наброшенную на грудь, устремила на его бѣлое, женственное лицо долгій сухой взглядъ своихъ горѣвшихъ глазъ и почувствовала къ нему презрѣніе.

— Трусъ!—мелькнуло у нея въ головѣ.—Трусъ!—повторила она съ ненавистью, расхаживая по гостиной, не замѣчая слезъ, которыя градомъ катились по ея лицу, и прижимая къ губамъ свернутый шарикомъ носовой платокъ, чтобы не закричать.—Трусъ! Трусъ!.. Онъ испугался жизни, перспективы ареста и страданій за идеи, борцомъ которыхъ себя выдавалъ, которыя однѣ придавали ему нѣкоторый престижъ, выдвигали его изъ уровня разныхъ Матѣевыхъ и другихъ мелкихъ людишекъ, его товарищей по мастерской. Вѣдь даже эти мѣщане, не раздѣлявшіе его идей, питали къ нему уваженіе именно потому, что онъ служилъ этимъ идеямъ, былъ выше обыденныхъ мѣщанскихъ интересовъ. Развѣ Рыбаковъ, Леонтьевъ или Задонскій, передъ которымъ онъ преклоняется, стануть стрѣляться изъ страха передъ жандармами?

Грохотъ болтовъ открываемыхъ лавокъ, скрипъ санныхъ полозьевъ по снѣгу и говоръ прохожихъ внизу застали ее утромъ сидящей за столомъ съ этими думами. Подперевши кулаками лицо, по бокамъ котораго спускались пряди ея черныхъ волосъ, измученная и пожелтѣвшая, съ опустѣвшей головой и душой, съ потускнѣвшимъ взглядомъ, она смотрѣла передъ собою, ничего не видя, и только одно слово назойливо вертѣлось въ ея мозгу: трусъ!..

— Трусъ и фразеръ!—сказала она про себя, вставая и проходя на кухню, чтобы разбудить Глашу и приказать ей поставить самоваръ.

И. Я. Павловскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТРАНИЦЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ ¹⁾.

(1885—1898 гг.).

IV.

Одесскій градоначальникъ контръ-адмиралъ П. А. Зеленой.—Его мѣстничество за первенство съ Роопомъ и отношеніе его къ еврейскому населенію.—Ходячіе анекдоты о немъ.—Отношеніе его къ цензурѣ, мѣстной прессѣ, редакторамъ и сотрудникамъ газетъ.—Мое столкновеніе съ нимъ.—Жалобы его на одесскую цензуру главному управленію по дѣламъ печати.—Его характеристика мѣстныхъ дѣятелей печати и переписка его съ Θεоктистовымъ.—Помощникъ одесскаго градоначальника В. П. Старковъ и братья его, редакторъ-издатель «Одесскихъ Новостей» А. П. Старковъ.

Нѣ уже не разъ приходилось упоминать на предыдущихъ страницахъ объ одесскомъ градоначальникѣ контръ-адмиралѣ Зеленомъ, имя котораго неразрывно связывается въ моемъ представленіи съ достославнымъ образомъ цензора Климента Воронича, хотя въ Одессѣ первый проградоначальствовалъ цѣлыхъ десять лѣтъ, тогда какъ послѣдній процензорствовалъ сравнительно короткое время. Но дѣло не во времени, а въ сходствѣ и типичной рельефности этихъ двухъ фигуръ, дѣйствовавшихъ нѣкоторое время одновременно, дополняя, такъ сказать, другъ друга и выдѣляясь изъ шаблона заурядныхъ администраторовъ. Какъ тотъ, такъ и другой — всякій въ своей сферѣ дѣятельности—оставилъ по себѣ неизгладимое воспоминаніе въ Южной Пальмирѣ, и оба они найдутъ, несо-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстникъ», т. СХХVII, стр. 469.

мнѣнно, болѣе достойнаго біографа для увѣковѣченія ихъ дѣятельности въ лѣтописяхъ этого города.

Выше я сказала, что Зеленой былъ назначенъ въ Одессу изъ Таганрога, гдѣ онъ былъ градоначальникомъ. Изъ всѣхъ подначальныхъ Роону градоправителей и губернаторовъ онъ остановился въ своемъ выборѣ именно на этомъ адмиралѣ, какъ на наиболѣе подходившемъ, по его мнѣнію, для замѣщенія освободившейся въ Одессѣ градоначальнической вакансіи. Для Одессы, къ тому же, Зеленой не былъ homo novus—его знали въ ней по прежней его службѣ въ русскомъ обществѣ пароходства и торговли, гдѣ онъ состоялъ инспекторомъ по морской части, а о супругѣ его, Натальѣ Михайловнѣ, всѣ отзывались, какъ о женщинѣ замѣчательной красоты. О самомъ же адмиралѣ сохранились воспоминанія, какъ о заправскомъ морскомъ волкѣ съ зычнымъ голосомъ, но добродушнаго и веселаго нрава. Мичманъ З., о которомъ говоритъ Гончаровъ въ своемъ «Фрегатѣ Паллада», былъ не кто иной, какъ этотъ самый П. А. Зеленой, о чемъ онъ и любилъ вспоминать при всякомъ удобномъ случаѣ.

Несказанно было поэтому всеобщее изумленіе и разочарованіе, когда предсталъ совсѣмъ не тотъ Павелъ Алексѣевичъ, котораго знавали прежде. Изъ мягкаго и всѣмъ доступнаго онъ за время отсутствія своего превратился въ рѣзкаго, угрюмаго и сильно раздражительнаго человѣка. Рассказывали, что причиной такой перемѣны въ его характерѣ было послѣдствіе какой-то операціи, которой онъ былъ подвергнутъ; но я, не зная его прежнимъ, позналъ его уже послѣ совершившейся съ нимъ метаморфозы, и долженъ сказать, что мнѣ не доводилось ни до сего, ни послѣ имѣть дѣло съ типомъ болѣе взбалмошнаго и необузданнаго сатрапа. Помнится мнѣ, я видѣлъ въ Москвѣ Самарина въ «Самоуправцахъ» Писемскаго, гдѣ онъ изображалъ вельможу-крѣпостника Екатерининскихъ временъ. Игра этого замѣчательнаго артиста въ этой роли была неподражаема, и его суровая, деспотическая и напыщенная фигура навсегда запечатлѣлась въ моей памяти. Могъ ли я думать, чтобы еще и въ наше время, оздоровленное благотѣльными реформами царствованія Александра II, продолжали безпрепятственно подвизаться субъекты, для которыхъ изреченіе «законъ это я» было девизомъ ихъ бюрократической дѣятельности. Пришлось, однако, встрѣтиться на моемъ служебномъ пути и съ такими образчиками былаго времени, и среди нихъ Зеленой занималъ, несомнѣнно, первенствующее мѣсто и былъ, такъ сказать, гвоздемъ въ галереѣ этихъ отжившихъ фигуръ.

Необузданность и свирѣпость нрава своего новый одесскій градоначальникъ не могъ, однако, сразу проявить во всей полнотѣ, и, пока надъ нимъ стояла генераль-губернаторская власть, онъ поневолѣ долженъ былъ сдерживать себя; но съ упраздненіемъ этой

власти онъ показалъ себя, какъ говорится, во всей натуральной величинѣ своей. Впрочемъ, и присутствіемъ генераль-губернатора, какъ будетъ видно далѣе, онъ не особенно стѣснялся.

Роопъ вскорѣ увидѣлъ свою ошибку, и между нимъ и его избранникомъ установились непріязненные отношенія. Отношенія эти приняли еще болѣе рѣзкій характеръ послѣ того, какъ въ Одессѣ было упразднено генераль-губернаторство и Роопъ былъ оставленъ только командующимъ войсками округа. Тутъ началась между нимъ и Зеленымъ настоящая борьба за первенство, и неблагодарный подчиненный сталъ при всякомъ удобномъ случаѣ наносить щелчки честолюбію бывшаго начальника своего и выказывать ему пренебрежительное непочтеніе. Имѣя уже въ своемъ полномъ и нераздѣльномъ подчиненіи полицію, онъ началъ съ того, что сдѣлалъ по ней распоряженіе, чтобы ему и его супругѣ подавался экипажъ при разъѣздахъ въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ ранѣе экипажа командующаго войсками; въ театрахъ же всѣ генераль-губернаторскія логи перешли къ нему, какъ къ начальнику города, причемъ онъ потребовалъ отъ городского управленія, чтобы въ большомъ городскомъ театрѣ ложа его оставалась двойной, какъ это было при Роопѣ; газетамъ же услужливымъ Вороничемъ, какъ видно было изъ отмітокъ его на гранкахъ «Одесскаго Листка», было внушено, что «градоначальникъ есть первое лицо въ городѣ, а потому во всѣхъ случаяхъ надобно упоминать о немъ ранѣе всѣхъ другихъ властей», что на самомъ дѣлѣ противорѣчило изданнымъ на этотъ счетъ особымъ правиламъ, въ которыхъ прямо указано, что губернаторы и градоначальники уравнины по положенію своему лишь съ начальниками дивизій, къ командующимъ же войсками и корпуснымъ командирамъ обязаны являться первыми. На Одессу же онъ смотрѣлъ какъ бы на свою собственность и считалъ себя «отцомъ города», въ силу чего расширялъ въ ней свои служебныя функціи до этого понятія.

Но нигдѣ Зеленой не доводилъ своего самодурства и дикаго своеволія до такихъ размѣровъ, какъ въ назначенные имъ часы пріемовъ въ своей канцеляріи или на улицѣ во время его обходовъ по городу. Въ такихъ случаяхъ онъ прямо буйствовалъ, и его площадная брань и неистовые крики разносились далеко изъ открытыхъ оконъ канцеляріи или по тѣмъ улицамъ, по которымъ онъ проходилъ съ эскортомъ своихъ сборовъ, наводя трепетъ на обывателей, особенно же на еврейскую часть ихъ, которая, завидя его, разбѣгалась въ паническомъ страхѣ во всѣ стороны. Къ послѣднимъ онъ питалъ какую-то врожденную ненависть, и одинъ видъ еврея приводилъ его въ ярость. Про это сложились цѣлыя легенды въ населеніи Одессы, и поднесъ ни одинъ еврей не можетъ вспоминать объ этомъ градоначальникѣ хладнокровно. Я лично былъ однажды свидѣтелемъ такой сцены. Шелъ я въ городской театръ и, проходя черезъ скверъ Пале-Рояля,

наткнулся на Зеленого, прохаживавшагося тамъ въ ожиданіи начала представленія.

— Здравствуйте. Куда идете? — остановилъ онъ меня и, узнавъ, что я иду въ театръ, предложилъ мнѣ, въ ожиданіи начала спектакля, походить съ нимъ по аллеямъ садика.

Ходимъ взадъ и впередъ и, ужь не помню о чемъ, ведемъ мирную бесѣду. Встрѣчаться съ нимъ, правду сказать, я всячески избѣгалъ, боясь, при моемъ довольно нервномъ темпераментѣ, нарваться на его любезности и быть вынужденнымъ отвѣчать ему тѣмъ же. Вдругъ онъ измѣняется въ лицѣ, останавливается и указываетъ мнѣ вдаль. Смотрю по его указанію и вижу приближающіяся къ намъ двѣ типичныя еврейскія фигуры, въ лапсердакахъ, въ пейзахъ и въ бархатныхъ шапкахъ, два настоящихъ сѣверо-западныхъ жидка, на которыхъ я столько посмотрѣлся въ Вильнѣ и которыхъ въ Одессѣ почти не видно.

— Стой, жидь!... — гаркнулъ на нихъ Зеленой, когда они поровнялись съ нами. — Шапки долой! откуда взялись?

— Зъ своей страны, — пролетѣлъ одинъ изъ нихъ, глядя оторопѣлыми и недоумѣвающими глазами на вопрошающаго, не понимая, что отъ него хотятъ, и не зная, конечно, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Надо замѣтить, что угадать по внѣшнимъ атрибутамъ въ Зеленомъ градоначальника было мудрено: онъ ходилъ всегда въ морской шинели съ чернымъ воротникомъ и, слѣдовательно, не только безъ красныхъ генеральскихъ лацкановъ и отворотовъ, но и адмиральскихъ поговъ его не было видно.

— Съ какой такой своей стороны?

— Ну, звѣстно, зъ Могилевской губерніи... Ну, и что вамъ нужно, господинъ?

— Что мнѣ нужно?! А это что? — и, закрутивъ на указательный палецъ одну изъ пейсъ жидочка, онъ сталъ безжалостно подергивать ее.

На эту сцену собрались со всѣхъ сторонъ обитатели Пале-Рояля и, остановясь въ почтительномъ отдаленіи отъ насъ, наблюдали за происходившимъ. Замѣтивъ между ними нѣсколькихъ евреевъ, Зеленый выпустилъ пейсу злополучнаго жидка и, круто обратясь къ нимъ, произнесъ имъ наставительную рѣчь, въ которой упрекнулъ ихъ въ томъ, что все-де это они, одесскіе жиды, заманиваютъ сюда такихъ пришельцевъ изъ другихъ мѣстъ, и не помню, что еще онъ имъ говорилъ въ этомъ родѣ. Кончилось тѣмъ, что онъ пригрозилъ до нельзя перепуганнымъ могилевцамъ, которымъ успѣли шепнуть ихъ единовѣрцы, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, что, если они не срѣжутъ пейсы и онъ ихъ еще разъ встрѣтитъ въ такомъ видѣ, то онъ ихъ засадитъ въ кутузку, и, довольный произведеннымъ эффектомъ, громко расхохотался своимъ рѣзкимъ и неприятнымъ смѣхомъ.

— Не выношу я этого поганого племени!—обратился онъ ко мнѣ.

Я не зналъ, что сказать ему въ отвѣтъ, находясь подъ впечатлѣніемъ дикой сцены, и былъ радъ, когда подошелъ наконецъ полицейскій надзиратель и доложилъ своему начальнику, что спектакль начался.

Въ другой разъ я былъ свидѣтелемъ еще одной не менѣе дикой выходки этого самодура. Каждогодно устраивается на рождественскихъ праздникахъ центральнымъ комитетомъ общества помощи бѣднымъ Одессы (когда я состою почетнымъ членомъ и о которомъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ) дѣтская елка, приносящая значительную прибыль этому обществу и привлекающая массу разнородной публики. Во главѣ названнаго общества состояли, въ качествѣ председательницъ, обыкновенно супруги генераль-губернаторовъ, а съ упраздненіемъ этой должности въ Одессѣ супруги градоначальниковъ. Въ томъ году занимала эту обязанность Н. М. Зеленая, и вотъ на устроенномъ ею дѣтскомъ праздникѣ почтенный супругъ ея выкинулъ слѣдующій публичный дивертисментъ. Замѣтя, что одна пожилая барыня—богатая гречанка, славившаяся когда-то своей красотой,—питая злобу противъ своей невѣстки, занимавшей въ числѣ прочихъ дамъ-патронессъ мѣсто за однимъ изъ столовъ съ лотерейнымъ колесомъ, подошла къ этому столу и, не стѣсняясь присутствіемъ многочисленной посторонней публики, стала язвить и поносить свою невѣстку, Зеленой направился къ этой барынѣ и, взявъ ее насильно подъ руку, поволокъ черезъ всю залу къ выходу. Барыня была не изъ слабонервныхъ и не растерялась: она упиралась, сколько могла и, обороняясь отъ своего талантнаго кавалера, стала наносить ему своимъ женскимъ орудіемъ—вѣеромъ—удары по спинѣ, пока онъ не довелъ ее до самой кареты и не приказалъ кучеру отвезти свою госпожу домой, а стоявшимъ у подъѣзда полицейскимъ не пускать ее обратно въ залу.

— Я,—разсказывалъ потомъ храбрый адмиралъ,—тащу ее, а она тыкаетъ меня вѣеромъ и приговариваетъ: *mais vous êtes fou, général!* А я ей въ отвѣтъ: сама фу, мадамъ!...

Нечего и говорить о томъ, какую сенсацію произвела эта пикантная сценка въ одесскомъ обществѣ и сколько потомъ было говорю о ней по городу.

Припоминается мнѣ еще одинъ эпизодъ изъ безчисленныхъ подвиговъ этого приснопамятнаго градоначальника, разсказанный мнѣ отдѣльнымъ цензоромъ Р-кимъ, о которомъ я уже говорилъ, какъ о страстномъ меломанѣ и покровителѣ артистовъ.

Прибылъ однажды въ Одессу знаменитый скрипачъ Вильгельмъ и послѣ даннаго имъ концерта собирался, по заранѣ составленному имъ маршруту, отправиться изъ Одессы въ Константинополь, гдѣ уже было объявлено въ афишахъ о днѣ его концерта. Но тутъ воз-

никло для него неожиданное затрудненіе съ полученіемъ заграничнаго паспорта, такъ какъ всѣ присутственныя мѣста, и въ томъ числѣ и канцелярія градоначальника, оказались закрытыми по случаю наступившихъ пасхальныхъ дней. Стучилось такъ, что въ то же самое время въ Одессѣ гастролировалъ не менѣе извѣстный нѣмецкій трагикъ Барнай, съ которымъ Вильгельмъ былъ друженъ и къ которому онъ обратился, какъ къ болѣе свѣдущему въ російскихъ порядкахъ, съ просьбой помочь ему добыть во что бы то ни стало желанный паспортъ. Барнай, будучи знакомъ съ Зеленымъ, обѣщаль своему коллегѣ устроить ему это дѣло и вмѣстѣ съ нимъ отправился на квартиру градоначальника. Но тутъ пріятель наткнулся на непреодолимое препятствіе въ лицѣ швейцара, который настроѣнъ отказаль имъ доложить о нихъ адмиралу. Услыша шумъ и громкіе переговоры въ швейцарской, Зеленой, находясь на верхней площадкѣ лѣстницы, зоветъ швейцара и спрашиваетъ его, въ чемъ дѣло.

— Да вотъ, ваше превосходительство, — докладываетъ ему тотъ: — какіе-то два нѣмца лѣзутъ и никакъ не хотятъ уходить.

— Гони ихъ въ шею! — слышалось сверху свирѣбое приказаніе, съ должною энергіею приведенное въ исполненіе добросовѣстнымъ слугой надъ всемірными знаменитостями.

Когда послѣ такого злоключенія оба артиста пріѣхали къ Р-ому и рассказали ему о постигшемъ ихъ непріятномъ пассажѣ, онъ обѣщаль имъ добыть фатальный паспортъ и получилъ его въ тотъ же день, помимо Зеленого, прямо изъ его градоначальнической канцеляріи.

Не всегда, однако, обходились такія выходки безнаказанно строптивому адмиралу. Изъ многочисленныхъ случаевъ иного свойства наибольшую распространенностью пользуются слѣдующіе анекдоты.

Вытребовавъ однажды къ себѣ въ канцелярію для разноса на свой манеръ одну изъ «мадамъ» заведенія безъ древнихъ языковъ, одновременно съ которой къ нему прибыла для необходимыхъ объясненій по дѣламъ института благородныхъ дѣвицъ начальница этого заведенія, онъ стгоряча перепуталь одну съ другой и, выскочивъ въ пріемную, набросился на послѣднюю съ своими флотскимн печатными любезностями, отъ которыхъ та, какъ укушенная бѣшеной собакой, выбѣжала изъ пріемной. Когда онъ узналь о своей ошибкѣ, онъ не замедлилъ отправиться къ ней съ извиненіями, такъ какъ эта почтенная дама грозила пожаловаться императрицѣ.

Въ другой разъ онъ остановилъ на улицѣ маленькаго гимназиста, дерзнувшаго не снятъ передъ нимъ шапки, сорваль ее съ его головы и накричалъ на него такъ, что тотъ разрыдался и прибѣжалъ домой, трясясь съ перепугу отъ нервной лихорадки. Надо замѣтить, что Зеленый обязательно требоваль отъ всѣхъ учащихся, чтобы они передъ нимъ снимали шапки, о чемъ неоднократно дѣлались распо-

ряженія по учебнымъ заведеніямъ и полиціи. Маменька этого гимназиста оказалась, однако, не изъ трусливаго десятка и на другой же день, прибывъ въ пріемную канцеляріи градоначальника, она въ присутствіи массы посѣтителей такъ разнесла храбраго адмирала, что онъ не зналъ, куда дѣваться и какъ отдѣлаться отъ разсвирѣбѣвшей бой-бабы, которая не прямо поносила его, а, такъ сказать, косвенно.

— Я, — кричала она, — пришла просить вашего заступничества. Какой-то генераль, встрѣтивъ вчера на улицѣ сына моего, до того напугалъ его, что онъ теперь лежитъ въ постели и не пошелъ сегодня на уроки. Прошу сдѣлать по полиціи распоряженіе, чтобы отыскали мнѣ этого дурака, такъ какъ я намѣрена принести на него жалобу его начальству.

И, продолжая въ такомъ духѣ, она не дала Зеленому разинуть рта, а когда онъ было сталъ, по обыкновенію своему, возвышать голосъ, требуя, чтобы она замолчала, она, не давая ему говорить и стараясь перекричать, до того озадачила его, что онъ, не зная, какъ унять ее и какъ отдѣлаться отъ нея, общалъ ей разыскать «дурака генерала», чѣмъ только и могъ уговорить негодующую мать.

Былъ еще такой непріятный для него инцидентъ, когда онъ однажды, отправляясь на паровомъ трамваѣ на Большой Фонтанъ, приказалъ выпроводить изъ занимаемаго имъ вагона какого-то невзрачнаго вида господина, не пожелавшаго оставить своего мѣста, не взирая на требованіе полицейскихъ, очищавшихъ, по заведенному въ такихъ случаяхъ обыкновенію, одинъ изъ вагоновъ отъ публики для особы его превосходительства. Невзрачный господинъ настоялъ, однако, на томъ, чтобы о случившемся былъ составленъ протоколъ и когда въ полиціи потребовали его видъ и узнали изъ онаго, что упрямецъ былъ какой-то пріѣзжій тайный совѣтникъ, то картина моментально измѣнилась, и градоначальнику пришлось принести свое извиненіе передъ пріѣзжимъ превосходительствомъ.

Въ такомъ же родѣ, по при еще болѣе тяжкихъ условіяхъ, пришлось Зеленому принести свою повинную, а именно во время одного изъ частыхъ проѣздовъ греческой королевы Ольги Константиновны черезъ Одессу. Это было еще во время генераль-губернаторства Роопа и изъ этого явствуетъ, что и присутствіемъ послѣдняго онъ не особенно стѣснялся въ своихъ безобразныхъ выходкахъ. Являсь по приглашенію королевы въ занимаемую ею въ театрѣ генераль-губернаторскую ложу и увидя стоящаго въ мундирѣ у дверей этой ложи греческаго консула Вучину, онъ обратился къ нему съ вопросомъ, зачѣмъ онъ здѣсь.

— Стою на стражѣ моей королевы, — отвѣтилъ ему консуль.

— Вонъ! — гаркнулъ на него Зеленый. — Въ Одессѣ я одинъ состою часовымъ ея величества и никто болѣе!

Не желая доводить дѣла до публичнаго скандала, Вучина молча удалился, но о случившемся доложилъ своей королевѣ. На другой

день Зеленой былъ вызванъ къ Роопу, и тотъ объявилъ ему, что королева велѣла передать ему, что она до тѣхъ поръ не выѣдетъ изъ Одессы, пока онъ официально не извинится передъ консуломъ ея королевства. Ничего не оставалось дѣлать, какъ подчиниться этому приказанію, и Зеленой, облачась въ мундиръ, отправился къ оскорбленному имъ консулу. Приказавъ доложить о себѣ, онъ остановился на порогѣ комнаты и, вытянувшись, отчеканилъ вышедшему ему навстрѣчу Вучинѣ:

— По повелѣнію ея величества королевы греческой честь имѣю извиниться передъ вами, — и, отвернувшись отъ протянутой ему руки, показалъ спину и моментально исчезъ за дверью.

Послѣ общей обрисовки личности бывшаго одесскаго градоначальника контръ-адмирала Зеленого, столь прославившагося анекдотической стороною своихъ подвиговъ, я не могу не коснуться въ частности хорошо и близко мнѣ извѣстныхъ отношеній его къ цензурѣ и мѣстной прессѣ, и въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что благорасположеніе его къ той и другой было равносильно тому, которое онъ, по собственному признанію, питалъ къ племени израильскому: никогда ни одинъ цензоръ не могъ угодить ему. Въ этомъ отношеніи Зеленой не представлялъ, впрочемъ, собою необычнаго исключенія изъ цѣлой серіи администраторовъ, заурядъ выказывавшихъ свое неблагорасположеніе къ цензурѣ за пропускъ ею различныхъ замѣтокъ и разсужденій въ мѣстной прессѣ, почему-либо нежелательныхъ и неудобныхъ для этихъ помпадуровъ власти. Кромѣ одного Воронича, о которомъ Зеленой, какъ я уже говорилъ, отзывался съ особенной похвалою главному управленію, онъ всѣхъ насъ, а меня въ особенности, не одобрялъ за неподатливость его причудамъ и за мою самостоятельность.

Не считаю нужнымъ замалчивать и къ слову о себѣ скажу, что въ этомъ отношеніи я никогда не умѣлъ быть угоднымъ мѣстной административной власти, хотя ни разу за все время пребыванія моего въ Одессѣ на занимаемомъ мною посту не доводилъ дѣла съ нею до открытой войны, какъ это дѣлали нѣкоторые менѣе сдержанные и болѣе пылкіе коллеги мои. Только разъ за время градоначальствованія Зеленого я имѣлъ съ нимъ теплую бесѣду. Это было въ соборѣ въ день прочтенія манифеста о вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя Николая II. Среди богослуженія онъ вдругъ обращается ко мнѣ съ вопросомъ: не я ли разрѣшилъ въ одесской нѣмецкой газетѣ переводъ высочайшаго манифеста? На утвердительный отвѣтъ мой онъ сталъ подергивать плечами — всегдашній признакъ его нервнаго настроенія — и вздумалъ доказывать мнѣ, что я не имѣлъ права сдѣлать этого, такъ какъ для того-де имѣются въ Петербургѣ особенные присяжные переводчики и что вотъ лютеран-

скій пасторъ, не испросивъ его разрѣшенія, позволилъ себѣ уже огласить манифестъ въ своей кирхѣ, прочитавъ его по разрѣшенному мною тексту въ нѣмецкой газетѣ. На это я ему возразилъ, что за дѣйствія какого-то пастора я не отвѣтственъ, а что касается «присяжныхъ переводчиковъ», то такихъ не существуетъ и цензоръ является единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ, на обязанности котораго лежить наравнѣ съ просмотромъ и пропускомъ всего вообще матеріала, подлежащаго цензурѣ, также и пропускъ государственныхъ актовъ въ переводѣ ихъ на иностранные языки. Онъ остался, видимо, не удовлетвореннымъ моимъ объясненіемъ и собрался, какъ мнѣ говорили, донести на меня. Меня же нѣсколько смутило не это обстоятельство, а возможность невѣрнаго перевода манифеста въ нѣмецкой газетѣ; но когда, возвратясь домой, я вновь сличилъ нѣмецкій переводъ съ русскимъ текстомъ и убѣдился, что переводъ до іоты вѣренъ, то написалъ ему такое прочувствованное посланіе, послѣ котораго онъ отложилъ свое намѣреніе доводить неудобную для него переписку по затѣянному имъ поводу. По настоящему мнѣ слѣдовало донести своему начальству объ этой выходкѣ Зеленого, но въ подобныхъ мелочныхъ казусахъ я предпочиталъ всегда самому разобраться въ нихъ на мѣстѣ, что я и въ данномъ случаѣ сдѣлалъ, оставивъ на его совѣсти нелѣпость его требованія и безтактность его поступка.

Вмѣшательство Зеленого въ дѣйствія цензуры и враждебное отношеніе его къ исполнителямъ цензорскихъ обязанностей, въ особенности же къ отдѣльному цензору Л-ту, не придерживавшему моего метода и не упускавшему ни одного случая, чтобы не доводить до свѣдѣнія главнаго управленія о сумасбродныхъ притязаніяхъ его, продолжалось во все время градоначальствованія его и выражалось подчасъ въ самыхъ невѣроятныхъ формахъ. Такъ, однажды онъ потребовалъ, чтобы всѣ замѣтки и статьи, относящіяся къ дѣламъ благотворительности, препровождались на предварительное разрѣшеніе его супруги, какъ предсѣдательницы центрального общества помощи бѣдныхъ Одессы, что, надо сказать, было произвольно установлено прежде Вороничемъ. Въ другой разъ онъ официально просилъ отдѣльнаго цензора не допускать въ газетахъ никакихъ сообщеній о состояніи здоровья кого-либо изъ служащихъ въ правительственныхъ или частныхъ учрежденіяхъ, а также и частныхъ лицъ, щадя по возможности ихъ родственниковъ и близкихъ. Просьба эта была мотивирована тѣмъ, что въ хроникѣ «Одесскаго Листка» была помѣщена замѣтка о томъ, что находящемуся въ Петербургѣ товарищу прокурора окружнаго суда Холщевникову была сдѣлана операція удаленія рака съ языка, которая вполне удалась. Сообщеніе это, будучи-де невѣрнымъ, произвело, между тѣмъ, потрясающее впечатлѣніе на проживающую въ Одессѣ жену оперированнаго (на самомъ дѣлѣ, прибавлю отъ

себя, умершаго отъ этой болѣзни), отъ которой скрывали объ опасномъ недугѣ ея мужа.

Не меньшею безцеремонностью отличался и помощникъ Зеленого д. с. с. Старковъ, который, подражая своему начальнику, позволилъ себѣ однажды обратиться ко мнѣ, во время исполненія имъ въ 1894 г. должности градоначальника, съ слѣдующимъ официальнымъ письмомъ.

«Милостивый государь А. Е. Напечатанная въ сегодняшнемъ номерѣ «Новороссійскаго Телеграфа» замѣтка подъ заглавіемъ «О чемъ слѣдуетъ говорить» заключается слѣдующими словами: «Грустно и обидно, что интересы населенія находятся въ такомъ пренебреженіи». Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько приведенная фраза не вытекаетъ вовсе изъ трактуемаго въ замѣткѣ предмета, я признаю ее безусловно неумѣстной, такъ какъ она можетъ имѣть вовсе нежелательное распространительное толкованіе, а главное—возбужденіе недовѣрія ко мнѣ (?!), какъ къ временному представителю власти, оберегающей интересы населенія. Вслѣдствіе сего и во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій отъ подобныхъ праздныхъ разсужденій пишущаго подъ псевдонимомъ «Отпѣтый», почитаю себя обязаннымъ покорно просить ваше превосходительство, не признаете ли возможнымъ относиться болѣе строго къ сентенціямъ мѣстныхъ газетъ, такъ или иначе затрагивающихъ упомянутую въ приведенной замѣткѣ «установленную власть».

Безцеремонность этого администратора не ограничивалась пропускомъ или недозволеніемъ представляемыхъ на его усмотрѣніе статей и замѣтокъ, а, по словамъ донесенія главному управленію одного изъ отдѣльныхъ цензоровъ, онъ бралъ зачастую на себя обязанность редактора или сотрудника газеты. Такъ, на одной гранкѣ «Одесскаго Листка» сдѣланы поправки имъ чисто стилистическаго характера: вмѣсто «клѣтки» исправлено «комнаты», слово «тряпье» замѣнено «старое платье» и т. п. А на гранкѣ «Одесскихъ Новостей» помощникомъ градоначальника написана составленная имъ репортерская замѣтка объ отъѣздѣ изъ Одессы д. т. с. Горемыкина, причемъ въ добавленіе къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ уже газетою, д. с. с. Старковъ описываетъ, кто именно провожалъ на вокзалѣ высокопоставленнаго гостя и какъ «изящный букетъ изъ бѣлыхъ и желтыхъ розъ» поднесъ онъ, Старковъ, супругѣ Горемыкина и т. д.

Всѣ приведенныя выходки Зеленого, подкрѣпляемыя одобрительными и сочувственными донесеніями Воронича, въ которомъ первый души не чаялъ, принимались главнымъ управленіемъ на вѣру и, поощряемый такимъ отношеніемъ къ нему этого управленія, онъ безпрерывно строчилъ туда жалобы на цензуру, указывая на неподлежащія его обсужденію и до него вовсе не относящіяся промахи

ея. Въ сочувствіи своемъ къ нему главное управленіе по дѣламъ печати дошло наконецъ до того, что стало черезъ него сообщать намъ о своихъ распоряженіяхъ по цензурѣ.

Такъ, въ 1892 г. по жалобѣ Зеленого потребовано объясненіе отъ цензора по поводу пропуска фельетона, напечатаннаго въ «Одесскихъ Новостяхъ» подъ заглавіемъ «Тенехонъ». «Въ фельетонѣ этомъ, — по мнѣнію главнаго управленія, — по сколько-нибудь внимательномъ чтеніи, нельзя не признать самой ѣдкой сатиры на монастыри, которые, по аллегорическому пересказу автора, основываются иногда на могилахъ павшихъ ословъ... Эта кощунственная выходка представляется тѣмъ болѣе тенденціозною и глубоко оскорбительною для религіознаго чувства русскаго народа, что появленіе ея въ *русской* газетѣ совпало съ торжествомъ повсемѣстнаго въ Россіи празднованія 500-лѣтія со дня кончины основателя Троице-Сергіевой лавры, преподобнаго Сергія Радонежскаго, св. мощи котораго почиваютъ въ этой знаменитой обители. Одесскій градоначальникъ замѣчаетъ съ своей стороны, что газета «Одесскія Новости» нерѣдко заключаетъ въ себѣ статьи прямо вреднаго содержанія, между тѣмъ она печатается въ количествѣ 10.000 экземпляровъ и продается по чрезвычайно низкой цѣнѣ, именно по 3 коп., а вечеромъ по 2 коп. за экземпляръ. Такая дешевизна изданія дѣлаетъ газету народною, достушною всѣмъ низшимъ классамъ населенія и налагаетъ на него, градоначальника, обязанность слѣдить съ особымъ вниманіемъ за ея направленіемъ».

Въ томъ же 1892 г., по поводу пропуска цензурой въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» одной корреспонденціи изъ Тирасполя, вызвавшей неудовольствіе кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, названное управленіе выражаетъ «свое крайнее сожалѣніе, что одесская внутренняя цензура, проявляя недостаточную предусмотрительность въ дѣйствіяхъ общаго характера, обнаруживаетъ въ то же время свою разобщенность и съ мѣстной администраціей. Такъ, напримѣръ, статью 98 устава о ценз. и печ. установлено, чтобы въ обличительныхъ статьяхъ о злоупотребленіи администраціи не допускалось печатанія собственнаго названія мѣсть и учрежденій. Между тѣмъ, на ряду съ запрещеніемъ совершенно цензурной статьи «въ защиту профессора Антоновича» и разрѣшенной градоначальникомъ замѣтки «о поимкѣ Меннигера», недавно въ одной изъ одесскихъ газетъ съ дозволенія той же цензуры появилось сообщеніе о томъ, что «въ Одессѣ въ каждомъ магазинѣ, преимущественно еврейскомъ, имѣется громадное количество товаровъ, не оплаченныхъ пошлиною, и что контрабандные товары эти, свободно проносимые матросами, открыто продаются въ магазинахъ. Такимъ образомъ допущено тяжкое изобличеніе не только мѣстныхъ таможенныхъ и портовыхъ властей, но полиціи и самого градоначальника, въ районѣ вѣдѣнія котораго совершаются, будто бы, столь

важныя злоупотребленія. Означенное сообщеніе, какъ и слѣдовало ожидать, вызвало строгое разслѣдованіе и о результатахъ, доказывающихъ полную его голословность, официально объявлено въ «Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства», при чемъ характерною особенностью этого объявленія служитъ тотъ фактъ, что генераль Зеленой, минуя цензуру, прямо обращаетъ вниманіе редакторовъ мѣстныхъ газетъ на необходимость относиться съ крайнею осторожностью къ подобнаго рода сообщеніямъ. Очевидно, слѣдовательно, что г. градоначальникъ, не встрѣчая надлежащей опоры въ дѣйствіяхъ мѣстной цензуры, допускающей замѣтки, рассчитанныя на сенсацию въ мѣстномъ обществѣ, этимъ самымъ поставленъ былъ въ необходимость предъявить свои законныя требованія непосредственно редакторамъ».

Въ 1893 г. Зеленой увѣдомилъ насъ, «что главное управленіе по дѣламъ печати проситъ его объявить редактору-издателю «Новороссійскаго Телеграфа» Озмидову, подавшему жалобу на насъ за запрещеніе ему статьи «Одно изъ величайшихъ дѣлъ царствованія императора Александра III», «въ которой онъ съ неопозволительной смѣлостью пускается въ оцѣнку внутренней политики государя, заявляя при этомъ, что дѣло подавленія русской крамолы пришло къ концу и что настала пора снять усиленную охрану въ Одессѣ, послѣ чего Одесса можетъ быть удостоена посѣщенія его императорскаго величества, что дѣйствія одесской цензуры въ настоящемъ случаѣ признаны вполнѣ правильными и что представленіе въ цензуру подобнаго матеріала, независимо отъ запрещенія онаго къ печати, вызоветъ принятіе строгихъ мѣръ взысканія съ самой редакціи, рѣшающейся возбуждать такіе государственные вопросы, обсужденіе которыхъ не допускается даже въ безцензурной столичной печати».

Вскорѣ, однако, дѣло приняло иной оборотъ, и то же самое управленіе стало уже относиться критически къ заявленіямъ адмирала Зеленого, переименованнаго тѣмъ временемъ въ генералъ-лейтенанта. Прежнее довѣріе къ нему измѣнилось, и перемѣна эта совпала съ перемѣной воззрѣній того же управленія на низверженнаго имъ Воронича. Въ этомъ, впрочемъ, не столько былъ повиненъ послѣдній, какъ самъ Зеленой, дошедшій въ сумасбродныхъ притязаніяхъ своихъ до кульминаціонной точки, дальше которой терпѣть нельзя было, не попускаясь не только правами цензуры, но и здравымъ смысломъ. На нѣкоторые изъ такихъ перловъ его кляузническихъ произведеній не полѣнился отписывать ему самъ Θεоктистовъ и въ отвѣтахъ своихъ онъ, какъ я уже сказалъ, выказалъ немало тонкаго ума и сарказма; остальные же писанія Зеленого были съ помѣткой того же Θεоктистова оставляемы безъ отвѣтовъ и приобщаемы къ дѣламъ. Приведу нѣкоторые изъ тѣхъ и другихъ.

Въ 1896 г. Зеленой писалъ Теохтистову, «что онъ считаетъ нужнымъ обратить его вниманіе на фельетонъ «Одесскаго Листка», въ которомъ заключается такое издѣвательство надъ высшимъ генеральскимъ чиномъ, которое совершенно оправдываетъ заявленныя ему нареканія военнаго сословія. Если цензура находитъ какія-либо законныя и разумныя основанія не стѣснять балагурства газетныхъ писателей, то во всякомъ случаѣ свобода въ этомъ отношеніи должна была бы быть ограничена предѣлами обыкновеннаго приличія, не допускающаго высмѣиванія установленныхъ чиновъ и ранговъ, которые присваиваются въ силу высочайшихъ пожалованій лишь высшимъ правительственнымъ лицамъ за особенныя заслуги въ государственной службѣ. Въ противномъ случаѣ такая высшая награда въ устахъ толпы, привыкшей повторять слова газеты, становится оскорбительнымъ званіемъ».

Отвѣтъ Теохтистова: «Прочитавъ самымъ внимательнымъ образомъ указываемый вашимъ превосходительствомъ фельетонъ, я не могъ, однако, найти въ немъ той тенденціи, которую усмотрѣли лица, потревожившія васъ своими жалобами. Невольная, въ сущности, насмѣшка надъ претензіей лицъ, по званію своему не принадлежащихъ къ военному сословію, но требующихъ, чтобы окружающіе именovali ихъ «генералами» (чинъ исключительно военный), по моему мнѣнію, отнюдь не можетъ быть понимаема въ смыслѣ самаго «генеральскаго чина», какъ установленія государственнаго. Цензура въ этомъ случаѣ, конечно, руководствовалась второй частью статьи 110 дѣйствующаго устава цензуры».

Въ томъ же году Зеленой жаловался Теохтистову, что одесская цензура дозволила въ «Одесскихъ Новостяхъ» фельетонъ, озаглавленный «На лету», «въ которомъ заключается глумленіе надъ чиновниками, у которыхъ будто бы *весною разливается желчь*. Рассказанный въ этомъ фельетонѣ случай, содержащій обвиненіе какого-то почтоваго чиновника въ нелюбезномъ отношеніи и невыдачѣ сдачи, вслѣдствіе чего авторъ фельетона лишился «всего двугривнаго», имѣетъ очевидную цѣль набросить тѣнь на «чиновника». Такое глумленіе надъ чиновниками не можетъ быть терпимо, такъ какъ, съ одной стороны, послѣдніе, заняты исполненіемъ непосредственнымъ своихъ обязанностей, лишены возможности обѣлять себя отъ взведенной на нихъ клеветы, а съ другой—каждому недовольному ихъ дѣйствіями предоставлено въ установленномъ порядкѣ приносить жалобы. Предоставленіе же газетамъ безъ всякаго повода чернить чиновника и, пользуясь этимъ случаемъ, злословить насчетъ чиновниковъ вообще, у которыхъ только, по увѣренію фельетониста, «весною разливается желчь», я признаю это не только неприличнымъ, но и опаснымъ (sic!), такъ какъ подобная *свобода печати* можетъ стать средствомъ шантажа въ рукахъ газетныхъ сотрудниковъ, а именно угрозою расписать въ газетѣ, если не бу-

дѣтъ исполнено чиновникомъ какое-либо домогательство фельетониста».

Отвѣтъ Теокистова: «Конечно, цензура должна руководствоваться указаніями вашего превосходительства, если только эти указанія вызваны чисто мѣстными условіями. Но въ вопросахъ общаго характера цензура должна руководствоваться исключительно уставомъ о печати. При всемъ моемъ къ вамъ уваженію, я не могу согласиться, что цензоръ поступилъ неправильно, дозволить къ печати нѣкоторыя изъ означенныхъ вашимъ превосходительствомъ статей въ одесскихъ газетахъ. Такъ, на примѣръ, нельзя усмотрѣть ничего предосудительнаго въ статьѣ «На лету». Если бы состоялось запрещеніе говорить о чиновникахъ, даже мелкихъ, не называя ихъ при этомъ по имени, то прежде всего слѣдовало бы изъять изъ обращенія сочиненія Гоголя; извѣстно, въ какомъ свѣтѣ выставляетъ онъ въ «Мертвыхъ душахъ» чиновниковъ, начиная съ губернатора, который «занимался вышиваніемъ по тюлю», и предсѣдателя палаты, который по дѣламъ службы «принималъ въ засаленномъ халатѣ просителей и даже дамъ». Но «Мертвыя души» появились безпрепятственно еще въ царствованіе Николая Павловича, почему же теперь, когда значительная доля свободы предоставлена печати, слѣдовало бы запрещать то, что въ тогдашнее время признавалось безупречнымъ. На какомъ основаніи, на примѣръ, цензоръ могъ бы исключить изъ статьи «На лету» такую невинную шутку, что «весной у чиновниковъ разливается желчь»? Надѣюсь, что ваше превосходительство согласится съ изложенными здѣсь соображеніями».

Неизвѣстно, согласился ли Зеленой съ изложенными Теокистовымъ соображеніями насчетъ весенняго разлива желчи у чиновниковъ, но вслѣдъ за симъ онъ снова обратился къ послѣднему съ жалобой на появившуюся въ той же газетѣ замѣтку, въ которой было сказано: «Нѣтъ, въ былое время публика одесская была болѣе отзывчива. Тогда само начальство подавало благой примѣръ публикѣ. Артистку Лавровскую меломаны довели вплоть до дома. Въ корню былъ самъ градоначальникъ, а на пристяжкѣ шли городской голова и полицеймейстеръ». Эта замѣтка сильно не понравилась эксъ-адмиралу, и онъ писалъ Теокистову:

«Ваше превосходительство изволите усмотрѣть изъ этой замѣтки, что въ Одессѣ фактически никакой цензуры какъ бы не существуетъ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, никогда такого случая не было. Очевидно, что цѣль этой бессмысленной болтовни умышленно унизить въ глазахъ населенія высокій санъ градоначальника, въ отместку за то, что я всегда принимаю участіе въ тѣхъ изъ обращающихся ко мнѣ гражданахъ, которыхъ безъ причины и безъ повода обижаетъ шантажная одесская пресса. Я полагаю, что цензурѣ не нужно быть особенно дальновидной, чтобы оцѣнить значеніе этой

пошлой выходки жида, автора указанной замѣтки. Лъшу себя надеждой, что ваше превосходительство не откажете на этотъ разъ принять мѣры къ огражденію на будущее время чести и достоинства высшихъ представителей административной власти отъ посягательства въ «жидовской газетѣ» «Одесскія Новости».

Отъ себя замѣчу, что «безсмысленная болтовня» эта взята авторомъ замѣтки изъ разсказа Чижевнча, помѣщеннаго въ юбилейномъ сборникѣ «Изъ прошлаго Одессы, воспоминанія старожилловъ», въ которомъ дѣйствительно сказано, что градоначальникъ Б. и городской голова Н. везли экипажъ Лавровской въ «корню», а полицеймейстеръ графъ С. «на пристяжкѣ».

Приведенныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о несомнѣнной недоброжелательности градоначальника Зеленого къ цензурѣ, я полагаю вполне достаточно, а теперь посмотримъ, какъ онъ относился къ мѣстной прессѣ и ея представителямъ.

Касательно этого долженъ сказать, что если въ первомъ случаѣ онъ нѣсколько сдерживалъ себя, встрѣчая отпоръ въ цензорахъ, а также и въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, то въ послѣднемъ его ничѣмъ не обуздываемая безцеремонность не знала себѣ предѣловъ и онъ прямо третировалъ редакторовъ-издателей и сотрудниковъ газетъ en capitale, дѣлая имъ личные, на свой морской манеръ, внушенія и высылая ихъ за предѣлы градоначальства при малѣйшемъ неповиновеніи его требованіямъ. Онъ взиралъ на нихъ не какъ на дѣятелей «свободной профессіи» и даже не какъ на подчиненныхъ ему лицъ, а попросту какъ на прислужниковъ и исполнителей его неограниченной воли. Еще къ Озмидову, редактору-издателю «Новороссійскаго Телеграфа», онъ относился съ нѣкоторымъ благоволеніемъ за симпатичное ему направленіе этой газеты, хотя и о ней онъ писалъ такъ: «Новороссійскій Телеграфъ», не сходясь съ «Одесскимъ Листкомъ» съ воззрѣніяхъ на еврейскій вопросъ, нисколько, однако, не стѣсняется въ метаньи грязью въ честныхъ, безответныхъ дѣятелей и, раздражая инстинкты толпы, такъ бы наталкиваетъ ее на безразсудныя дѣйствія»; но къ остальнымъ, и въ особенности къ Навроцкому, редактору-издателю «Одесскаго Листка» и къ его сотрудникамъ, онъ былъ безпощаденъ и имъ не разъ приходилось испытывать на себѣ его жестокія трешки. Извѣстнаго Дорошевича, пріѣхавшаго изъ Москвы сотрудничать въ «Одесскомъ Листкѣ» и въ первомъ же фельетонѣ своемъ отдѣлавшаго подъ орѣхъ городского голову Маразли и двухъ другихъ думскихъ воротилъ, назвавъ ихъ «большимъ, среднимъ и малымъ фонтаномъ краснорѣчія», Зеленой потребовалъ къ себѣ и такъ уютилъ своимн привѣтствіями, что тотъ прямо съ этой

аудиенціи уѣхалъ на вокзалъ и укатилъ изъ Одессы. Когда Дорошевича потомъ спрашивали, остался ли онъ доволенъ пріемомъ Зеленаго, онъ добродушно отвѣчалъ:

— Ничего, недурно, но въ Нижнемъ у Баранова было еще лучше!

А что касается самого Навроцкаго, то обхожденіе его съ нимъ было такого сорта, что тотъ подчасъ не зналъ, какъ улетѣвать отъ ненетовой брани и сжатыхъ кулаковъ свирѣпаго градопрavitеля.

Однажды кто-то подшутилъ надъ этимъ редакторомъ и помѣстилъ въ его газетѣ во время нахождения Зеленаго въ Петербургѣ объявленіе такого содержанія: «Улетѣлъ зеленый попугай, особенныя примѣты—ругается, какъ извозчикъ; доставившему его будетъ выдано вознагражденіе». Объ этомъ услужливые люди, конечно, довели до свѣдѣнія Зеленаго. Ничего не подозрѣвавшій Навроцкій, по обыкновенію своему, явился на перронъ вокзала для встрѣчи градоначальника и въ числѣ прочихъ поджидалъ прибытія поѣзда. Поѣздъ подкатываетъ, и изъ окна вагона перваго класса показывается фигура Зеленаго, милостиво раскланивающегося съ представителями города, чиновниками своей канцеляріи, полицейскими и прочими господами, прибывшими для его встрѣчи. Но вдругъ взоръ его останавливается на Навроцкомъ, мгновенно выраженіе лица его измѣняется, становится грознымъ, и онъ, потрясая кулакомъ, кричитъ своимъ зычнымъ голосомъ ни для кого непонятныя слова:

— Зеленый попугай! вотъ я тебѣ, такой сякой, покажу зеленого попугая!

Къ мѣсту здѣсь будетъ сказать, что Зеленой не выносилъ никакого намека на цвѣтъ своей фамиліи и считалъ профанаціей даже случайное совпаденіе названія краски этого цвѣта съ первою. Такъ, однажды, а именно въ 1891 году, тотъ же Навроцкій, желая почтить пятидесятилѣтіе памяти Лермонтова со дня кончины его, объявилъ своимъ подписчикамъ, что разошлетъ имъ бесплатно полное собраніе сочиненій этого поэта. Заявленіе объ этомъ была разрѣшено ему напечатать въ «Одесскомъ Листкѣ» Вороничемъ, но повторное объявленіе о томъ же было запрещено тѣмъ же знаменитымъ цензоромъ, такъ какъ оно было напечатано отдѣльно и на зеленой бумагѣ, на что указалъ послѣднему не въ мѣру усердный инспекторъ типографій П-инъ.

Въ другой разъ разыгралась цѣлая исторія на цирковой аренѣ по поводу той же зеленой краски. Виновникомъ былъ извѣстный клоунъ Дуровъ. Онъ досталъ зеленой клеевой краски, выкрасилъ въ нее одну изъ своихъ дрессированныхъ свиней и, выведя ее на арену вмѣстѣ съ другими животными, заставилъ ихъ кланяться ей.

— Кланяйтесь всё ему, потому что онъ зеленый,—заявилъ онъ въ присутствіи самого Зеленого.

Разумѣется, на другой же день Дуровъ надолго долженъ былъ оставить Одессу.

Непріязнь свою къ мѣстнымъ газетамъ вообще и въ частности къ «Одесскому Листку» Зеленой впоследствии перенесъ на начавшую выходить съ 1-го декабря 1884 года газету «Одесскія Новости», о которой уже упоминалось и которую онъ аттестовалъ «жидовской газетой».

Газета эта была разрѣшена редактору-издателю «Общаго Посредника» еврею Тульчинскому, переименовавшему послѣднюю въ первую. Вторымъ редакторомъ этой газеты былъ Черепенниковъ, третьимъ—Попадопуло, четвертымъ—А. П. Старковъ (братъ помощника градоначальника В. П. Старкова), пятымъ—Аронъ Эрмансъ, а съ 1906 года она перешла къ издателю Хейфецу. Первымъ цензоромъ этой вновь народившейся въ Одессѣ газеты былъ я, и первое замѣчаніе, полученное мною за нее, было по слѣдующему поводу. Прокуроръ одесской судебной палаты подалъ на меня жалобу въ главное управленіе по дѣламъ печати за то, что въ корреспонденціи изъ города Ананьева мною было допущено по поводу рѣчи товарища прокурора Кукуранова, сказанной имъ въ окружномъ судѣ по какому-то дѣлу, такое выраженіе: «Товарищъ прокурора ни къ селу, ни къ городу, прилепъ по дѣлу цитаты изъ Брафмана о еврейской религіи, назвавъ ее «китайскимъ хрупкимъ сосудомъ». «Выраженіе это», по мнѣнію судебной власти, »по отношенію къ рѣчи должностного лица представляется оскорбительнымъ и помѣщеніе такого выраженія въ печати заключаетъ въ себѣ признаки преступленія».

Поводовъ у Зеленого къ обрушенію своего гнѣва на «Одесскія Новости» было много и прежде всего тотъ, что она была «жидовской газетой», а эту націю, какъ уже извѣстно, онъ не выносилъ.

Въ томъ, что газета эта, начиная съ 1899 года, стала яркой выразительницей еврейскихъ интересовъ и что ею совершенно завладѣли еврейскія руки, свидѣлствуютъ семнадцать русскихъ, пославшихъ просьбу въ главное управленіе по дѣламъ печати, въ которой сказано:

«Одесскія Новости» настолько процѣживаютъ все черезъ чисто еврейскій фильтръ, что терпѣть долѣе невозможно. Все рѣшительно, не исключая и военныхъ извѣстій, проходитъ чрезъ еврейскую призму и все усердно снабжается то въ томъ, то въ другомъ отдѣлѣ примѣчаніями, обезцѣнивающими все, что въ пользу Россіи и русскихъ. Девизъ этой газеты: Россія для евреевъ».

Насколько эта просьба была справедлива и насколько газета «Одесскія Новости» стала исключительно органомъ одесскаго ев-

рейства, я буду имѣть еще случай говорить въ своемъ мѣстѣ; теперь же возвращаюсь къ взгляду какъ на эту газету, такъ и вообще на всю одесскую прессу, наилучше выраженному Зеленымъ въ иже-слѣдующемъ письмѣ его къ Теохтистову.

«Самое существенное зло одесскихъ газетъ,—писалъ онъ въ 1894 году по поводу «Одесскихъ Новостей»,—составляетъ составъ редакціи: это всегда сбродъ разныхъ проходимцевъ, въ большинствѣ случаевъ евреевъ, не разъ опороченныхъ по суду за общеуголовныя преступленія; это банда шантажниковъ, рыскающихъ изъ дома въ домъ съ цѣлью узнать о какомъ-нибудь случаѣ, происшедшемъ въ мирной семьѣ обывателя, чтобы потомъ эксплуатировать его подъ угрозой «отдѣлать въ газетѣ». Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда редакторъ матеріально болѣе или менѣе независимъ—онъ кое-какъ сдерживаетъ свою банду. Когда же онъ живетъ только изо дня въ день и часто не имѣетъ денегъ, чтобы расплатиться съ членами банды—сотрудниками газеты,—ему ничего не остается, какъ прикрывать ихъ выходки своею подписью издателя газеты. Въ такомъ положеніи находится Старковъ, издатель «Одесскихъ Новостей». Шантажническія выходки его и другихъ издателей мнѣ удавалось обуздывать тѣмъ, что отъ времени до времени я дѣлалъ провинившемуся редактору въ своей канцеляріи строгое внушеніе, угрожая ему сношеніемъ съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати на предметъ примѣненія строгаго взысканія къ газетѣ. Само собою разумѣется, что Старковъ вызывался мною чаще всего, и однажды я даже предположилъ выслать изъ Одессы его сотрудника Ляпидуса, приобрѣвшаго кличку «Николаевская шинель» за то, что онъ нахально врывается въ дома, гдѣ есть покойники, съ назойливымъ предложеніемъ за плату написать въ газетѣ сочувственный некрологъ о покойномъ и въ случаѣ полученія отказа грозилъ очернить покойнаго».

Въ защиту свою отъ нападокъ Зеленого редакторъ-издатель «Одесскихъ Новостей» Старковъ тогда же подаль во временное присутствіе для препровожденія начальнику главнаго управленія докладную записку слѣдующаго содержанія:

«Имѣю честь изложить временному присутствію по внутренней цензурѣ въ Одессѣ вполнѣ откровенно обстоятельства, при которыхъ возникло недовольство на меня г. одесскаго градоначальника. Въ теченіе истекшаго лѣта въ городѣ Одессѣ процвѣталъ кафе-шантанъ, въ которомъ подвизалась премированная красавица, нѣкая г-жа Жиніори, сводившая съ ума молодыхъ и старыхъ одесситовъ какъ своею красотою, такъ и своимъ эксцентричнымъ поведеніемъ. Цѣлыя состоянія прокучивались въ обществѣ этой модной женщины, которая обратила на себя вниманіе публики еще и потому, что г. одесскій градоначальникъ почти ежедневно посѣщалъ кафе-шантанъ и съ большимъ энтузіазмомъ апплодировалъ г-жѣ Жи-

ніори, заставляя по нѣсколько разъ повторять исполненные ею нумера. Редактируемая мною газета «Одесскія Новости» относилась систематически отрицательно къ г-жѣ Жиніори и ея поклонникамъ и не разъ высказывала это на своихъ столбцахъ. И вотъ по поводу этой пѣвицы было сообщено въ «Одесскихъ Новостяхъ», что одинъ молодой человѣкъ укатилъ съ нею за границу, захвативъ сто тысячъ изъ родительской кассы. На другой день я получаю отъ прavitеля канцеляріи градоначальника приглашеніе пожаловать къ его превосходительству вмѣстѣ съ фельетонистомъ, въ фельетонѣ котораго было помѣщено указанное сообщеніе. Являюсь и спрашиваю прavitеля канцеляріи К-ва, въ чемъ дѣло.

«— Охъ, сердитъ, будетъ ругать...

«Не успѣлъ г. К-въ окончить своихъ словъ, какъ выходитъ г. градоначальникъ и начинаетъ кричать неистовымъ голосомъ:

«— Я вамъ покажу, какъ въ частныя дѣла мѣшаться...

«— Ваше превосходительство...

«— Онъ не убѣжалъ за границу съ отцовской кассой—это ложь,—кричалъ громче прежняго градоначальникъ.

«— Ваше превосходительство...

«— Ваша газета шантажомъ занимается,—продолжалъ онъ кричать, сопровождая свои крики нецензурными словами по адресу моего сотрудника.

«— Это неправда, ваше превосходительство,—сказалъ я, повернулся и пошелъ къ выходу, не считая себя въ правѣ выслушивать крикъ и ругань...

«Впослѣдствіи я узналъ, что богатый одесскій еврей Пуриць, у котораго г. градоначальникъ пріобрѣталъ золотыя и брилльянтовыя вещи, принявъ упомянутую замѣтку на свой счетъ, пожаловался г. градоначальнику, который, не разслѣдовавъ, въ чемъ дѣло, набросился на меня съ крикомъ и руганью».

Въ нѣсколько иномъ, не столь смугченномъ видѣ описываетъ ту же сцену одинъ изъ сотрудниковъ «Одесскихъ Новостей».

«Въ концѣ іюня 1894 года,—повѣствуетъ онъ,—въ Одессу пріѣхала кафе-шантанная пѣвица, «премированная красавица Жиніори». Кутящая молодежь и старички сходили съ ума. Каждый вечеръ садъ бывалъ переполненъ. Жиніори пѣла скверно, голосъ у нея былъ хриплый, но ноги она поднимала на рѣдкость. Усерднымъ посѣтителемъ сада сталъ градоначальникъ. Хроникеръ «Одесскихъ Новостей» В. С. Ляпидусъ помѣстилъ неодобрительную замѣтку о дѣвицѣ, не называя ее по имени. Статьйка была до такой степени невинная и безцвѣтная, что цензоръ (Ламкертъ) не тронулъ въ ней ни одного слова. Тѣмъ не менѣе Зеленой пришелъ въ ярость и вытребовалъ къ себѣ хроникера и редактора (А. П. Старкова). Произошла такая сцена. Зеленой, сжимая кулаки, накинулся на хроникера:

«— С...ль с...ль!—крикнулъ въ видѣ привѣтствія градоначальникъ.

«— Ваше превосходительство,—началь было г. Ляндусъ.

«— Молчать! С...ль с...ль! Пархатый жидъ! Какъ ты смѣлъ написать это! Я тебя въ двадцать четыре часа воюгъ изъ города! А ты, с...ль с...ль,—пакинулся Зеленой на Старкова. Редакторъ повернулся и ушелъ.

«— Стой! С...ль с...ль! (нецензурная брань). Я знаю, у тебя социалисты тамъ пишутъ! Разорю!..

«А. П. Старковъ ушелъ, и тѣмъ кончилось все».

Въ фельетонѣ «Одесскихъ Новостей» Эльче «Изъ прошлаго Одессы» имѣется еще такой небезынтересный казусъ. Хотѣли перепечатать въ «Одесскихъ Новостяхъ» изъ «Вѣстника Иностранной Литературы» замѣтку «О джентльменахъ». Тотъ же цензоръ ее не пропустилъ, а перепечатано было вотъ что:

«Во-первыхъ, онъ (джентльмень) никогда не выходитъ изъ себя, не кричитъ, не ругается, не топочеть ногами. Въ этомъ отношеніи есть существенное различіе между англійскими понятіями и нравами материка. Англійскій начальникъ, чиновникъ, важный человѣкъ, который бы вздумалъ кричать на своихъ подчиненныхъ, навсегда погубилъ бы себя во мнѣніи окружающихъ. У насъ наоборотъ: грома и молніи до недавняго времени считались атрибутами важнаго лица. Теперь, впрочемъ, выработался типъ благовоспитаннаго администратора, хотя въ захоlustяхъ до сихъ поръ можно встрѣтить начальниковъ стараго пошиба, о которыхъ въ народной пѣсни говорится:

Ужь онъ топае ногами о дубовый полъ,
Ужь онъ хлопае руками о кленовый столъ!...

«При этомъ брызжетъ слюной, ворочаетъ бѣлками и сыплетъ изреченіями «глубоко-національнаго стиля».

Приходить редакторъ на объясненіе.

— Вы мнѣ должны быть благодарны,—говоритъ ему Л.—Изъ истинной любви къ вамъ я не представилъ корректуру его превосходительству (Зеленому): онъ бы вамъ тогда закрылъ газету.

— За что же?

— Какъ за что? Да вѣдь вы даете портретъ его превосходительства!

Опека Зеленого надъ печатью столь же памятна, сколько и его виртуозность въ области «митирогнозій». Зеленой вмѣшивался въ такія мелочи, какъ, на примѣръ, въ отзывъ о концертѣ Мазини, именно: онъ запретилъ неодобрительные отзывы объ этомъ тенорѣ. Раньше однимъ годомъ (именно въ 1894 году) было воспрещено печатать отчеты по дѣлу присяжнаго стряпчаго Пеликана (пынѣ—

присяжного патриота), судившагося за нанесеніе оскорбленій полицеймейстеру.

Объ извѣстномъ эпизодѣ съ подписью Зеленого подъ однимъ изъ официальныхъ его извѣщеній въ «Одесскихъ Новостяхъ» рассказываетъ самъ виновникъ этого казуса Лоэнгринъ слѣдующимъ образомъ:

«Наборщикъ набралъ первую строчку подписи: «генераль-лей», а «тенантъ Зеленой» перенесъ на вторую строчку. Ревизионнымъ корректоромъ въ газетѣ былъ я.

«Не обративъ вниманія на этотъ злосчастный переносъ, я пропустилъ объявленіе, и оно появилось въ такомъ видѣ на другой день.

«Ахъ, это была большая газетная драма!

«Закончивъ свои ревизионныя обязанности, я отправился домой спать и спалъ очень сладко, не предчувствуя, что мнѣ придется встать утромъ.

«Рано утромъ меня разбудилъ редакціонный мальчишка и сообщилъ, что Алексѣй Петровичъ Старковъ (редакторъ-издатель газеты) зоветъ меня немедленно въ редакцію.

«— Что такое?

«— Не знаю, но Алексѣй Петровичъ страшно взволнованъ.

«Бѣгу въ редакцію.

«Старковъ, дѣйствительно, очень взволнованъ. На немъ лица чѣтъ.

«Его вызвалъ по телефону Зеленой и неистово громилъ его за переносъ подписи.

«Какъ громилъ вообще Зеленой, Одесса помнить.

«Можно себя представить, какъ онъ громилъ тутъ.

«Старковъ ѣздилъ къ Зеленому, объяснялся, извинялся. Онъ даже, кажется, прибѣгнулъ къ содѣйствію своего старшаго брата, который неоднократно исполнялъ въ Одессѣ обязанности помощника градоначальника.

«И, въ концѣ концовъ, Зеленой смиловился.

«Но въ этотъ день всѣ сотрудники, и въ особенности я, трагическій виновникъ происшедшаго, ходили съ похорошными лицами.

«Зеленой, въ сущности, былъ не злой человѣкъ, но безконечно вспыльчивый и полный неожиданностей.

«Онъ часто не давалъ себя труда въ первыя минуту разбираться въ подробностяхъ дѣла. Не слушая объясненій, онъ сразу начиналъ разносить, и на этой почвѣ происходило немало трагическихъ и комическихъ финаловъ».

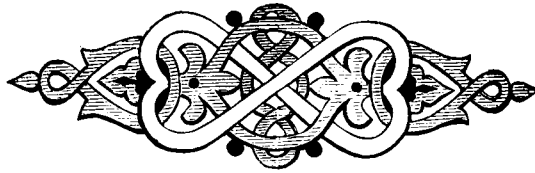
Окончилъ свою буйную служебную дѣятельность въ Одессѣ Зеленой вполне благополучно. Проградоначальствовалъ въ ней безъ малаго десять лѣтъ, онъ вышелъ сухъ и никѣмъ не тронутъ изъ

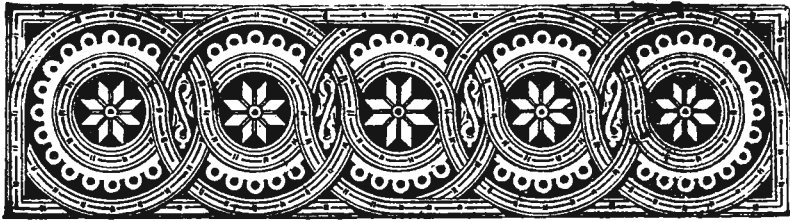
воды, получивъ назначеніе почетнаго опекуна учрежденій императрицы Маріи въ Петербургѣ, гдѣ—*horribile dictu!*—ему поручено было завѣдываніе однимъ изъ дѣтскихъ пріютовъ, гдѣ выкармливаются младенцы. Кто ему это устроилъ—не знаю, но падо отдать справедливость—трудно было лучше подобрать обязанности для нѣжнаго права этого морского волка!..

По полученіи имъ этого назначенія онъ самъ надъ собой иронизировалъ, говоря своимъ знакомымъ: «У всѣхъ кормилицъ въ моемъ пріютѣ пропало молоко отъ страха, когда онѣ узнали о моемъ назначеніи къ нимъ въ опекуны!..»

А. Е. Егоровъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БОЛЬНЫЕ.

(Повѣсть).

I.

ВЪ ОДИНЪ ПРЕКРАСНЫЙ день доктора выслали Галахова изъ Петербурга на югъ лечить ревматизмъ. Михаилъ Ивановичъ Галаховъ былъ беллетристомъ, котораго съ охотою печатали во всѣхъ журналахъ, но который въ то же время не имѣлъ крупнаго литературнаго имени, хотя литературой занимался лѣтъ пятнадцать и, по отзыву критики, писалъ «съ огонькомъ». Онъ былъ богатъ и лѣнивъ, работалъ рѣдко и, можетъ быть, поэтому изъ него не получился большой писатель. Въ редакціяхъ онъ былъ желаннымъ гостемъ, за гонораромъ не гнался и равнодушно получалъ то, что ему предлагали. Нѣкоторые его рассказы имѣли успѣхъ.

Жена Галахова оставалась въ Петербургѣ: ей надо было мѣсяць пѣтъ въ частной оперѣ, а потомъ она хотѣла прѣхать къ мужу, хотя эту поѣздку онъ считалъ излишней. Между Галаховыми не было ничего общаго. Иллюзія любви изсякла давно, и ее замѣнили холодныя, официальные отношенія. Даже когда Галаховъ не видѣлъ всегда замысловатой прически жены п ея большихъ, на выкатѣ, невыразительныхъ глазъ, онъ чувство валь себя лучше. Присутствіе жены, шелестъ ея платья, ея походка, жесты, шаги, голосъ—раздражали его до такой степени,

что ему иногда хотѣлось громко крикнуть, сказать женѣ дерзость. Когда эти порывы проходили, онъ стыдился ихъ, давалъ себѣ слово, что никогда не будетъ такъ раздражаться, но послѣ мгновеннѣй раскаянья въ душѣ снова всыхивала рѣзкая любовь къ женѣ.

Галахова провожали на вокзалѣ: жена, тепа и нѣсколько знакомыхъ, которые называли его другомъ и пріятелемъ и которыхъ онъ такими не считалъ. Но теперь это для него было безразлично. Онъ больше былъ занятъ своимъ ревматизмомъ, чѣмъ размышленіями о томъ, кто изъ провожавшихъ считается его другомъ. Ходить Галаховъ не могъ, и его внесли въ вагонъ на стулѣ. Еще годъ назадъ онъ свободно и легко взбѣгалъ въ пятые этажи, а теперь смотрѣлъ, какъ его тащили на стулѣ лакей Петръ и носильщикъ. Оба съ озабоченными лицами: боялись не задѣть за что-нибудь и не ушибить больного. Публичка, бывшая на вокзалѣ, смотрѣла на Галахова съ состраданіемъ, и это его раздражало. А одинъ высокій господинъ въ цилиндрѣ вглядывался такъ настойчиво и съ такимъ любопытствомъ, что Галаховъ хотѣлъ спросить, что ему угодно.

Галахова на прощанье сказала мужу:

— Пиши, не забывай! Безъ тебя я буду скучать. Непремѣнно пиши чаще! Слышишь?

Онъ не вѣрилъ ни одному ея слову, и она знала это. Но все-таки сдѣлала неискреннюю, грустную улыбку, какъ будто хотѣла прибавить: «ты не вѣришь мнѣ, я знаю, но сейчасъ я говорю отъ чистаго сердца».

Поѣздъ тронулся. Медленно отступили назадъ вокзальные постройки, запасные вагоны, потомъ какіе-то угрюмые дома и чалые кустарники. И въ тѣ двое сутокъ, что Галаховъ провелъ въ поѣздѣ, мимо вагонныхъ оконъ пробѣгала быстро мелькавшая панорама: виленскіе лѣса, Полъсье, красностволия, мохнатыя сосны, маленькія блестящія болотца. Отрывистые, хриплые гудки паровоза далеко разносились по пустынному лѣсу и таяли гдѣ-то вдаль, тамъ, за высокими, суровыми деревьями.

Поѣздъ поѣхалъ по Вольнской губерніи, и сразу почувствовался югъ. Въ вагонѣ быстрая, горячая рѣчь, х вмѣсто г (х-ородъ, ма-х-азинъ, х-оворилъ). Пейзажъ рѣзко измѣнился. Степь, голубое небо, черныя послѣ вчерашняго дождя дороги. На станціяхъ—разодѣтыя дамы съ зонтиками, учащіяся, похожіе на военныхъ, офицеры съ громкимъ смѣхомъ, лихо закрученными усами и въ обыкновенно узкихъ брюкахъ.

Черезъ двое сутокъ послѣ отъѣзда изъ Петербурга Галаховъ пріѣхалъ въ большой южный городъ, на берегу моря. Галаховъ сразу засѣлъ въ гостиницѣ. Онъ глубоко сожалѣлъ, что не могъ ходить. Съ какимъ удовольствіемъ онъ посидѣлъ бы на берегу

моря, на бульварѣ, смотрѣлъ на море, на закатъ, когда даль постепенно переливается изъ лиловаго въ синеватый цвѣтъ, когда надъ землей нависаетъ вуаль ночи, на корабляхъ въ тавани блестятъ огоньки фонарей, звучитъ музыка...

Вмѣсто всего этого Галаховъ видалъ изъ окна своего номера уголь темнаго дома и верхушку пышной и пыльной акаціи, на которую тускло лежилъ лунный свѣтъ.

Лакей Петръ ѣздилъ на лиманъ, нанялъ комнату на дачѣ какого-то доктора, и на другой день Галаховъ выѣхалъ изъ города. Онъ до этого времени никогда не былъ на лиманѣ и съ любопытствомъ осматривалъ во время переѣзда мѣстность. Сначала поѣздъ шель берегомъ моря, мимо цѣлаго лѣса колючихъ мачтъ и пересѣкъ предмѣстье города, за которымъ справа тянулись ржавые рельсы запаснаго пути, поросшаго кое-гдѣ молодой травой, съ вышняявшими, бурными товарными вагонами. Слѣва—унылыя горы, желтыя, безъ признаковъ растительности. И песокъ, песокъ безъ конца. Солнце заливало всю эту картину ослѣпительнымъ свѣтомъ, и песокъ подъ солнечными лучами вотъ-вотъ готовъ былъ вспыхнуть и загорѣться яркимъ огнемъ.

Длинный дачный поѣздъ останавливался почти каждыя пять минутъ, и во время полчасоваго переѣзда отъ города Галаховъ насчиталъ пять или шесть остановокъ.

Лиманъ—скучное, сѣрое, соленое озеро, которое вдаль сливалось съ невысокими, тоже сѣрыми, печальными горами. На берегу лимана Галаховъ увидалъ красивое зданіе курзала, интереснаго, своеобразнаго стиля, съ широкими арками и галереями. Много дикаго винограду. Онъ цѣплялся по всему фасаду зданія, забирался подъ крышу и густой зеленой стѣной почти сплошь закрывалъ галереи. Вокругъ курзала—небольшой скверъ съ подстриженными кустами сирени, посыпанными блестящимъ морскимъ пескомъ дорожками и голубой деревянной будкой для оркестра.

Дача, гдѣ была комната Галахова, ему понравилась. Это даже была не дача, а нѣсколько небольшихъ домиковъ съ уютными верандами и крылечками, защищенными отъ солнца парусиновыми маркизами съ кумачевой отторочкой. Кругомъ—много кустовъ сирени, развѣсистыя деревья акацій и липъ. Въ сторонѣ отъ домиковъ стоялъ большой, каменный двухъэтажный домъ съ роскошной террасой и колоннами. Комната Галахова находилась въ первомъ этажѣ. Передъ домомъ желтѣла широкая, гладкая площадка. Когда подвезли въ креслѣ Галахова, на площадкѣ играли въ крокетъ: очень изящная барышня въ бѣломъ плащѣ, студентъ и еще два господина. Одинъ изъ нихъ, съ помятымъ лицомъ и подстриженной бородкой, оказался докторомъ, хозяиномъ дачи. Онъ любезно поздоровался съ Галаховымъ и сказалъ:

— Я только лечу своихъ больныхъ и играю съ ними въ винтъ, а всёми завѣдуешь моя супруга. Что потребуется—къ ней и обращайтесь.

Галаховъ разговаривалъ съ докторомъ. Докторъ разспрашивалъ его о Петербургѣ и о болѣзни.

— Мы васъ живо поставимъ на ноги,—говорилъ онъ.—Грязевыя ванны, рапныя, лиманъ—и вы къ концу лѣта будете танцовать мазурку. Честное слово!

Докторъ произносилъ такъ: честное слово!

Подошла докторша съ неприятымъ, напудреннымъ лицомъ и сѣрыми волосами. По ея глазамъ и выраженію лица, надменному и презрительному, Галаховъ прочелъ, какое оно важное, самоуверенное и тупое существо. «Хорошая компанія для жены и тещи»—подумалъ онъ.

Докторша спросила Галахова, гдѣ онъ будетъ обѣдать.

— Видите ли, м-сье Галаховъ, здѣсь обѣдаютъ въ курзалѣ, получаютъ домашніе обѣды или устраиваются какъ-нибудь иначе. Наши дачники всё столуются у меня. Если вы хотите,—я буду рада васъ имѣть полнымъ пансіонеромъ.

Галаховъ отвѣтилъ, что согласенъ.

До вечера Петръ выкладывалъ изъ сундука и чемодановъ вещи и старался придать комнатѣ жилой видъ. Во время уборки Галаховъ сидѣлъ у окна и скучалъ. Въ окно онъ видѣлъ, какъ по улицѣ проѣхалъ фургоны для хлѣба съ надписью: «сопственой хлебопѣкарной», прошелъ студентъ съ барышней, потомъ какая-то толстая дама подъ краснымъ, яркимъ зонтикомъ, разносчикъ съ корзинами сливъ и черными грязными вѣсами на плечахъ. За узорной оградой дачи видѣлся молодой паркъ и бѣлые шары электрическихъ фонарей. Пробѣжали два мальчика съ большимъ змѣемъ. Гдѣ-то рядомъ заиграли на роялѣ.

II.

Нѣкоторыя неудобства новаго положенія не могли стереть и уничтожить радости Галахова. Эта радость, силѣ которой онъ самъ удивился, охватила его съ тѣхъ поръ, какъ онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Галаховъ просто отдыхалъ отъ каторжной обстановки семейной жизни. Онъ зналъ, что не увидитъ своихъ домашнихъ, жены и тещи, не услышитъ ихъ благонамѣренно-лживыхъ, противныхъ рѣчей. Супружескаго счастья, о которомъ онъ когда-то мечталъ, у него не было ни на минуту. Онъ и не зналъ теперь, существуетъ ли вообще такое счастье, или оно—выдумка досужихъ умовъ, нѣчто вродѣ сказки о кисельныхъ берегахъ и медвяныхъ рѣкахъ. Женился Галаховъ неожиданно для самого себя и для всѣхъ, какъ женится большинство добродушныхъ мужчинъ. Когда

онъ, много времени спустя, спрашивалъ себя, какъ это произошло, не могъ дать другого отвѣта, кромѣ: произошло само собою. Онъ случайно встрѣтилъ свою теперешнюю жену, влюбился и рѣшилъ, что она непосредственная, не испорченная натура, тонко чувствующая душа. Многое въ ней ему, правда, не нравилось. Не нравилось то, что она переодѣвалась по пяти разъ въ день, ничѣмъ не интересовалась и ничего не читала, а при постороннихъ говорила, что интересуется литературой. Галаховъ принесъ ей какъ-то Достоевскаго. Она прочла первую главу «Преступленія и наказанія» и сказала, что дальше читать не можетъ, потому что Достоевскій сильно дѣйствуетъ на ея нервы и поражаетъ воображеніе. Тогда Галаховъ принялъ это за чистую монету, пришелъ въ восторгъ отъ ея впечатлительности и серьезно думалъ, что изъ нея выработается чудная, чуткая женщина. Теперь онъ зналъ, что ея фразы о Достоевскомъ и о многомъ другомъ были наглою ложью, но тогда казалось иначе. Не нравилось ему еще и то, что она воображала себя талантливой пѣвицей и готовилась пѣть на сценѣ. Голосъ у нея былъ большой, но чувства и души—никакихъ, а пѣвецъ безъ души,—такъ думалъ Галаховъ,—похожъ на глухонѣмого, объясняющагося въ любви.

Галаховъ не разъ высказывалъ свой взглядъ, что одного голоса недостаточно для артиста, что, кромѣ горла, артистъ, если онъ дѣйствительно артистъ, а не ремесленникъ, долженъ обладать дарованіемъ, искрой Божіей. Но его намеки не дѣйствовали, и всѣ его благія намѣренія въ этомъ направленіи парализовались вліяніемъ ея матери. Та была увѣрена въ необыкновенной геніальности дочери и все, что дочь говорила и дѣлала, находила милымъ и талантливымъ. Галахову казалось порой, что если бы дочь говорила какую-нибудь гадость, то и тогда мать нашла бы это восхитительнымъ. Любовь ея къ дочери была самая слѣпая, съ какой Галахову когда-либо приходилось встрѣчаться.

Послѣ свадьбы онъ съ молодой женой поѣхалъ въ совершенно ему ненужную за границу, жилъ въ отеляхъ, какъ на бивакѣ, ничего не осматривалъ толкомъ изъ-за жены, издержалъ массу денегъ и все время чувствовалъ, что совершаетъ никому ненужное свадебное путешествіе. А для чего?—Галаховъ и самъ не зналъ. «Такъ принято, неудобно не поѣхать, Сандецкіе послѣ свадьбы тоже ѣздили»...—Вотъ что говорили ему жена и теща. Возвратились изъ-за границы,—и началась супружеская жизнь,—что день, то хуже. Галаховъ чувствовалъ себя одинокимъ больше, чѣмъ когда-нибудь, и обманутымъ. Дома у него была постоянная толчея: какіе-то сомнительные актеры, пѣвцы, аріи съ утра до вечера, гаммы и сплетни. У жены и тещи удивительно была развита страсть къ пересудамъ. «Такая-то поетъ, какъ кошка, и красива, какъ выдра»... «такой-то дуракъ и невѣжа» и т. д. безъ конца.

— Неужели,—спросилъ однажды Галаховъ:—у васъ не находится другихъ темъ для разговоровъ, кромѣ пересудовъ? Непремѣнно пересуды. Какъ это должно быть скучно!

— Вы, вѣроятно, хотите,—отпарировала теща:—чтобы мы все время молчали? Я думаю, что хоть у себя мы имѣемъ право говорить, что захочется.

И она надменно сощурила глаза. Галаховъ пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ.

Между прочимъ теща переѣхала на жительство къ нему: она не могла обойтись безъ дочери. Она считала Галахова чуть ли не приживаломъ и не разъ говорила, что сдѣлала ему громадную честь, выдавъ дочь за него замужъ.

По субботамъ у Галаховыхъ собирались гости, большей частью знакомые жены.

Приходили развѣченныя, но богатые молодые люди, неизвѣстныя Галахову дамы и неизмѣнные пѣвцы. Его знакомые чувствовали себя не совсѣмъ ловко въ такомъ обществѣ. Это были все серьезные, дѣловые, симпатичные Галахову люди, которые ходили къ нему, чтобы разсѣяться немного послѣ недѣльной работы, подѣлиться мыслями, поговорить по душѣ. А гости Галаховой цѣлый вечеръ бездарно пѣли, сплетничали, играли въ карты и безъ умолку трещали о своихъ бывшихъ, а, можетъ быть, и не бывшихъ сценическихъ успѣхахъ. Когда Галаховъ спросилъ жену, что ей за охота собирать такую компанію, она недовольно надулась:

— Мнѣ весело съ ними... И при томъ это все люди съ будущимъ. Да, наконецъ, имѣю же я право приглашать къ себѣ своихъ знакомыхъ?!

Какъ-то въ субботу къ Галахову заѣхалъ по дѣлу очень извѣстный музыкальный критикъ. Какъ сжались, какъ сузились въ его присутствіи всѣ «люди съ будущимъ». И все время, сколько критикъ просидѣлъ въ кабинетѣ, въ залѣ не было слышно ни бездарнаго пѣнія, ни нахальнаго смѣха. Когда критикъ собирался уѣзжать, Галахова просила его прослушать ея пѣніе. Критикъ выслушалъ, сказалъ холодный комплиментъ и уѣхалъ. И послѣ этого Галахова цѣлую недѣлю просила мужа написать критику, чтобы онъ помогъ ея поступленію на сцену, но Галаховъ наотрѣвъ отказался.

Иногда онъ говорилъ женѣ, что она мало знаетъ, ничего не читаетъ, что ей надо учиться, работать надъ собой. Она тогда обижалась и сердито кричала:

— А, значить, я, по-вашему, дура? Ничего не понимаю? Зачѣмъ же вы тогда женились на мнѣ?

Если Галаховъ пробовалъ почитать женѣ что-нибудь интересное, какую-нибудь литературную новинку, она садилась слушать и дѣлала внимательное лицо, но потомъ вдругъ неожиданно для мужа вскакивала съ мѣста и говорила:

— Я забыла, мнѣ нужно ѣхать. Дочитаемъ въ другой разъ.
И, глядя въ удивленное лицо мужа, въ видѣ утѣшенія прибавляла:

— Вѣдь книжка остается у тебя?

И, не ожидая отвѣта, одѣвала шляпу, натягивала перчатки и уѣзжала.

Къ литературнымъ занятіямъ мужа она относилась безразлично и ни разу за все время супружеской жизни не заинтересовалась тѣмъ, что онъ пишетъ, думаетъ, не прочла ни одной его строчки. Галаховъ сознавалъ, что это неважно, но въ глубинѣ души чувствовалъ, что и такая маленькая любезность была бы ему пріятна.

Наоборотъ, теща читала много, все больше бульварные романы, съ виконтессами и герцогинями, и часто говорила Галахову:

— Отчего вы не напишете ничего въ этомъ родѣ?

Онъ пытался объяснить ей, что тѣ романы, которые она читаетъ, пошлы, нецѣльны, написаны безъ знанія людей и жизни. Но теща не вѣрила и скептически замѣчала:

— Въ васъ говорить профессиональная зависть... Конечно, трудно писать романы... Это понятно! Конечно, я не сомнѣваюсь!

Когда же его рассказы появлялись въ журналахъ, она пожимала плечами и громко говорила дочери въ сосѣдней комнатѣ:

— Удивляюсь, какъ это напечатали рассказъ твоего мужа!

Все это были мелочи, пустяки, и Галаховъ сознавалъ это, но они окружали его дома на каждомъ шагу, дѣлали его раздражительнымъ, придирчивымъ, отнимали тотъ покой, какой ему былъ нуженъ для работы.

Галаховъ не раскаивался, что женился на такой женщинѣ. Онъ сознавалъ, что заслужилъ это, что вся его неудачная супружеская жизнь — возмездіе за легкомысленный выборъ, наказаніе за то, что онъ полюбилъ только тѣло, только человѣческую виѣшность, и она оказалась ядовитымъ цвѣткомъ, который отравилъ все вокругъ себя. Надежды на спокойный семейный очагъ были поруганы и разбиты, и Галахову приходилось жить въ какой-то вѣчной суматохѣ, въ атмосферѣ, насыщенной мелкимъ самолюбіемъ двухъ недалекихъ женщинъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы Галахова поступила на частную сцену. Пѣла она скверно, играла тоже, и сценическая фамилія ея была какая-то плоская: Дорина-Звѣздичъ. Почему Дорина плюсь еще Звѣздичъ—Галаховъ не понималъ. Вѣроятно, для звучности. Нѣкоторый успѣхъ она у публики имѣла: она была красива.

Постепенно отношенія Галаховыхъ другъ къ другу становились все холоднѣе. Бывали дни, когда они не встрѣчались. И такъ потянулось цѣлые годы.

Галаховъ приноминалъ все это, сидя у окна, и старался отогнать отъ себя пудные, надобвнція мысли.

На дворѣ стало совсѣмъ темно. Въ паркѣ замелькали голубовато-бѣлый свѣтъ электрическихъ фонарей, изъ курзала доносились звуки военного оркестра, слышались свистки паровозовъ и удары станціоннаго колокола. Всѣ эти звуки сливались въ неожиданно-суматошную, но пріятную для слуха гармонію.

Галаховъ долго не могъ заснуть въ эту ночь, и въ его головѣ долго бродили скучныя мысли о женѣ, неудачной жизни, о болѣзни...

III.

Утромъ, когда еще не было жарко и темная зелень парка выглядела свѣжеей, точно умытой послѣ росы, Галахова возили брать ванну. Ему показалось, что на лиманѣ много такихъ больныхъ, какъ онъ. И почему-то Галахову это было пріятно. Затѣмъ бросилась въ глаза мѣстная особенность курортной публики: больные были похожи на здоровыхъ, а здоровые на больныхъ. Они гуляли въ широкихъ галереяхъ курзала и поджидали очереди брать ванну. Нѣкоторые читали газеты. Было много нарядныхъ и молодыхъ дамъ. Въ галереяхъ стоялъ зеленый полусумракъ отъ дикаго винограду. Освѣщенные солнечными лучами, его листья казались прозрачными, какъ нарисованные на стеклѣ.

Галаховъ не взялъ съ собою ни книги, ни газеты и, чтобы убить время, оглядывалъ публику. Рядомъ съ нимъ на скамейкѣ сидѣлъ брюнетъ въ широкополой соломенной шляпѣ. Онъ участливо смотрѣлъ, какъ Петръ поворачивалъ коляску съ Галаховымъ къ краю галереи.

— Вы, вѣроятно, недавно пріѣхали?—спросилъ брюнетъ низкимъ, свѣжимъ голосомъ, обращаясь къ Галахову.

— Только вчера.

— Это видно! Вы не кажетесь профессиональнымъ больнымъ,—замѣтилъ брюнетъ.

Галаховъ улыбнулся.

— Развѣ существуютъ профессиональные больные?

— Здѣсь—да! Это, видите ли, такіе больные, о которыхъ сразу скажешь, что живутъ на лиманѣ и лечатся давно. Чѣмъ-то такимъ отъ нихъ вѣть... особеннымъ.

Галаховъ внимательно взглянулъ на брюнета и рассмотрѣлъ спокойное, ясное лицо, какое бываетъ у очень уравновѣженныхъ людей, сѣрые глаза съ огонькомъ. Вѣщность брюнета располагала въ его пользу.

— Скажите,—спросилъ Галаховъ:—вы здѣшній житель?

— То есть?

— Въ городѣ живете?

— Ой, и при чемъ тутъ національность?—комически протянулъ брюнетъ, имитируя еврейскій акцентъ. Нѣтъ, я, извините,

инженеръ, бросилъ свой трубопрокатный заводъ и прѣѣхалъ сюда лечить ишіасъ. Впрочемъ, позвольте назвать себя полностью: Николай Петровичъ Денисовъ.

Галаховъ назвалъ себя и спросилъ:

— Вы давно уже здѣсь?

— Что-то около мѣсяца. Я прѣѣзжаю сюда уже второй сезонъ,— сказалъ Денисовъ:—и, правду сказать, лиманъ довольно мерзкое мѣсто. Больные—какіе-то оглашенные... Все про свои болѣзни... Конечно, у кого что болитъ,—улыбнулся онъ,—но это набиваетъ оскомину. Затѣмъ, дачная жизнь здѣсь такая, какой не встрѣтите нигдѣ. Дачи—это маленькіе монастыри со своимъ уставомъ. Вы на какой поселились?

— На дачѣ доктора Рубеля,—отвѣтилъ Галаховъ.

— Ну, значитъ, мы живемъ съ вами на одной дачѣ... Да, такъ вотъ!.. Напримѣръ, на нашей дачѣ почтенная докторша пытается посадить высшій тонъ, что очень забавно. Благодаря тому, что на дачѣ уже третій сезонъ живетъ баронесса Меймгартъ и банкиръ Зонфельдъ,—дача считается аристократической. Скука—отчаянная! Дамы или флиртуютъ, или стонуть о своихъ болѣзняхъ. А и то, и другое—въ большихъ дозахъ противно. Мужчины—тоже самое. Хоть карауль кричи!

— Номеръ сто пятый!—крикнулъ служитель, появляясь въ галереѣ.—Сто пятый въ ванну!

— Зовутъ, — сказалъ Денисовъ.—Это мой номеръ. Ну, пока до свиданія, до обѣда,—простился онъ съ Галаховымъ и пошелъ, слегка прихрамывая и опираясь на палку.

Обѣдали на широкой террасѣ съ колоннами. Галаховъ увидалъ тѣхъ, о комъ говорилъ въ галереѣ Денисовъ: и баронессу Меймгартъ, съ длиннымъ нѣмецкимъ лицомъ, и банкира Зонфельда, высокаго рыжаго мужчину. Всѣхъ за столомъ было человекъ двадцать. Денисовъ сидѣлъ рядомъ съ Галаховымъ и вполголоса называлъ ему обѣдавшихъ.

— Эта нѣмецкая кукла съ бублями—баронесса,—пояснялъ Денисовъ:—типъ съ рыжими усами—банкиръ. Это два слона здѣшнихъ мѣсть, два кита, на которыхъ держится аристократизмъ дачи. Дѣвица въ бѣломъ платьѣ—докторская дочь, музыкантша, учится за границей. Студентъ—затянутое чучело, изъ породы шпаковъ. А вотъ тамъ въ углу, видите?—Денисовъ указалъ глазами на молодого человекъ, съ пробормомъ во всю голову и вытянувшейся впередъ нижней губой,—это сыночекъ петербургскаго купчика. Тятенька померли и оставили имъ свои денежки, а они этимъ денежкамъ втираютъ очки и стараются походить на англичанина. Глушь—непроходимо. Фамилія — Суглицкій. Корчитъ разочарованнаго. Изъ литературы предпочитаетъ одни преискурранты...

— Николай Петровичъ,—вдругъ вмѣшалась докторша.—Что вы тамъ нашептываете м-сье Галахову съ такимъ таинственнымъ видомъ?

— Посвящаю его въ сокровенныя тайны черной и бѣлой магіи, то, бнишь, нашей дачи,—отвѣтилъ Денисовъ и улыбнулся краями губъ.

О каждомъ изъ обѣдавшихъ Денисовъ давалъ краткіе, но сильные отзывы. По выраженію его лица и тону, какимъ онъ говорилъ о нѣкоторыхъ, Галаховъ замѣтилъ, что Денисовъ глубоко презиралъ ихъ. Это было презрѣніе умнаго и дѣловаго человѣка по адресу постоянно праздныхъ, лѣнивыхъ людей.

За десертомъ заговорили о выставкѣ картинъ въ городѣ, затѣмъ перешли къ живописи вообще.

Суглицкій собралъ лицо въ складки, разочарованно вздохнулъ и сказалъ:

— Ж-живопись... м-н-эээ... какъ и все на свѣтѣ—скучно и неинтересно... Такое... эээ... однообразіе, безцвѣтность!

Денисовъ насмѣшливо прищурился и спросилъ:

— Вы все испытали въ жизни, что вамъ доступно?

— М-н...э-э... какъ сказать... не все, но... эээ... многое.

— Такъ какъ же вы послѣ этого говорите, что все однообразно и скучно? Я увѣренъ, что вы многого не знаете, съ нѣкоторыми вещами совершенно незнакомы. Почему же неизвѣстное для васъ, въ данномъ случаѣ живопись,—ядовито вставилъ Денисовъ,—скучно? Что это? Вашъ своеобразный способъ выраженія, или искреннее убѣжденіе?

Суглицкій началъ возражать Денисову и минутъ пять тягуче и неинтересно говорилъ, пересыпая рѣчь своими «мн... эээ»... Галаховъ не понималъ, что онъ хотѣлъ сказать, и всѣ сидѣвшіе тоже не понимали и томительно ждали, когда Суглицкій кончитъ говорить, чтобы встать изъ-за стола.

Докторъ подошелъ къ Денисову.

— Скажите, Николай Петровичъ, вы не знаете, гдѣ пропадаетъ Раевскій?

— Нѣтъ. А что?

— Не былъ у меня сегодня на приѣмѣ. Вѣдь ему надо серьезно и систематически лечиться.

Денисовъ развелъ руками.

— Говорилъ и говорилъ ему миллионъ разъ. Чортъ его знаетъ, что онъ думаетъ. Понимаете,—повернулся Денисовъ къ Галахову,—это племянникъ мой сбѣжалъ куда-то. Ему надо ванны брать, а онъ рыскаетъ, вѣроятно, по городу.

— Маленькій племянникъ?—спросилъ Галаховъ.

Денисовъ расхохотался.

— Тридцать шесть лѣтъ! Серьезно! Сыпъ моей старшей сестры.

Немного погодя, на террасѣ съѣли играть въ винтъ. Грунна дачниковъ, человекъ въ пять, поѣхала на берегъ моря смотрѣть приходъ парохода и закатъ солнца.

— По здѣшнимъ мѣстамъ— это чудо!—сказала Галахову объ уѣхавшихъ Денисовъ.— Любоваться, восхищаться природой здѣсь не принято, даже какъ-то дико! Тутъ гораздо больший интересъ представляетъ цифра вашего годового дохода, или кто за кѣмъ ухаживаетъ... Послушайте разговоры нашихъ дачниковъ. Цѣлый день съ утра до вечера: вы во сколько градусовъ брали ванну? Какъ вы находите жильца изъ такого-то номера? Не правда ли? И тра-та-та-та... А если заговорить о чемъ-нибудь трудно переваримомъ, порютъ дичь, какъ Суглицкій давеча за обѣдомъ. Самы не понимаютъ, о чемъ говорить, а такъ, болтаютъ, благо языкъ подвѣшенъ свободно.

— Не любите же вы дачниковъ,— улыбнулся Галаховъ.

— Не за что любить, повѣрьте! Это не люди, а какое-то собраніе рѣдкостей, кунсткамера! Да, кетати: сейчасъ по программѣ дня полагается порція музыки. Хотите послушать? Музыка будетъ въ докторской пріемной. Васъ это удивляетъ? Хотя, да, нѣсколько странно: докторская пріемная и музыка. Что общаго? Но вы не удивляйтесь. Пріемная только по утрамъ выполняетъ свое назначеніе, а въ остальное время—это нѣчто вродѣ общей комнаты, гдѣ музицируютъ, поютъ, а иногда, случается, играютъ въ карты. Но послѣднее—въ дождливую погоду... Итакъ, хотите послушать?

Галаховъ согласился, и скоро его катили въ колясочкѣ въ докторскую пріемную, гдѣ стоялъ большой черный рояль, трюмо, и по стѣнамъ были разставлены стулья. Въ пріемной, кромѣ Галахова и Денисова, сидѣли: дочь доктора, Ляля, какъ ее называли все, студентъ, Суглицкій и еще нѣсколько человекъ.

Ляля играла шопеновскій этюдъ, въ которомъ торжественные, тяжелые звуки перекатывались мрачными аккордами и неожиданно смѣнялись быстрыми, пѣжными колокольчиками. Музыка всегда вызвала въ памяти Галахова воспоминанія. И теперь онъ почему-то вспомнилъ свою первую любовь. Былъ такой же солнечный день, вѣтки сирени любопытно заглядывали въ окно и тихо-тихо шелестѣли. Тогда вѣрилось въ счастливую, свѣтлую жизнь, вѣрилось легко и беззаботно...

Галаховъ смотрѣлъ, какъ маленькія, цѣпкія руки Ляли быстро бѣгали по клавишамъ, то поднимались, то опускались, и рояль гремѣлъ стремительными, какъ водопадъ, звуками. Галаховъ замѣтилъ еще, что студентъ, сидя около Ляли, не опускалъ съ нея влюбленныхъ глазъ.

Когда Ляля кончила играть, Денисовъ промычалъ:

— Да, послѣ обѣда для пищеваренія недурно!

Остальные зааплодировали.

Ляля услышала слова Денисова и рѣзко повернулась къ нему всёми корпусомъ.

— Вамъ, Николай Петровичъ, не нравится моя музыка?

— О, нѣтъ, напротивъ! Я слушалъ со вниманіемъ.

— Однако вы что-то о пищевареніи сказали. Я слышала.

— Ахъ, это!—засмѣялся Денисовъ.— Въ музыкѣ, видите ли, кромѣ эстетической стороны, я различаю еще и гастрономическую.

Студентъ сердито посмотрѣлъ на Денисова и нахмурился. Ляля замолчала и близко наклонилась къ потамъ. На глазахъ у нея нависли слезинки. Ей было обидно и больно, что этотъ жизнерадостный, красивый и, какъ ей казалось, умный инженеръ не признасть ни ее, ни ея музыки и всегда говорить съ нею въ шутовскомъ тонѣ.

Студентъ что-то прошепталъ ей на ухо, но она рѣзко бросила:

— Отстаньте!

— Почему, Николай Петровичъ, вы всегда говорите о музыкѣ иронически?—обратилась взволнованно Ляля къ Денисову.—Развѣ вы не признаете музыки?

Денисовъ поморщился.

— Что вамъ такъ загорѣлось вдругъ говорить о музыкѣ? Сегодня день умныхъ разговоровъ. За обѣдомъ—живопись, теперь—музыка. Это, вѣдь, не обѣдъ и ужинъ. Бросьте лучше... Пора въ крокетъ играть.

— Нѣтъ, я не отстану! Довольно вашихъ усмѣшекъ и эквивалентовъ. Говорите прямо!

Денисовъ опять поморщился и пожалъ плечами.

— Если ужъ вы такъ настаиваете—извольте. Хотя предупреждаю, что будетъ скучно.

Кругомъ запротестовали.

— Помилуйте... пожалуйте!...

Суглициій сдѣлалъ приглашающій жестъ и любезно протянулъ:

— Э-э-э...

— Конечно, возможно, что я ошибаюсь,—сказалъ Денисовъ:—по я отрицаю всѣ тѣ фокусы, которыми музыканты хотятъ пустить ниль въ глаза, всѣ эти ваши хроматическія и разныя, тамъ, фуги и гаммы. Дѣло не въ выучкѣ и не въ техникѣ, а въ душѣ, прекрасной и чуткой. Вѣдь музыка, какъ и всякое другое искусство, преслѣдуетъ постоянныя, вѣчныя цѣли. Она должна волновать человѣческую душу, постоянно твердить ей о красотѣ, добрѣ, о страданіяхъ человѣческихъ, о той тоскѣ, которая зоветъ человѣка къ потерянному небу. Я утверждаю, что музыка—тоска. Псалмы Давида поютъ и до сегодня, а кто знаетъ и помнитъ плясовые мотивы его? Никто! Настоящее искусство и, въ частности, музыка дѣйствуетъ на душу человѣческую посредствомъ тѣхъ людей, на которыхъ почилъ Божія милость. Когда я былъ мальшомъ—въ имѣніи дѣда жилъ

пастухъ. И когда онъ игралъ по вечерамъ на своей простой пастушьей свирѣли, не только старики, молодые задумывались и мнѣ самому, я не знаю отчего, становилось необыкновенно грустно. А теперь я слушаю вашихъ великихъ пианистовъ, и—ничего не чувствую. Я восхищаюсь его техникой, бѣглостью пальцевъ, тушею и тому подобной дребеденю, но душа моя спать, она ни разу не сжалась печалью. Есть, правда, настоящіе, великіе музыканты, но ихъ мало. Одинъ, два—и обчелся. А сплошь фокусники. Поэтому мы слушаемъ пьесу, а не музыку, аплодируемъ фокуснику, а не творцу. И пусть вы въ секунду или даже еще скорѣе пробѣжите клавиатуру рояля, а если у васъ нѣтъ души, милости Божіей,—вы не музыкантъ, а фокусникъ, вродѣ тѣхъ жонглеровъ, что въ балаганахъ глотаютъ шаги... Я сказалъ не такъ, какъ хотѣлъ, но сказалъ то, что думалъ.

— М-н... ээ... ничего,—снисходительно протянулъ Суглицкій:—хотя съ вами можно о многомъ... ээ... какъ говорится, поспорить, но... ээ... все-таки... très jolі!

Ляля досадливо мигнула глазами, когда Суглицкій затянулъ: ээ...

— О чемъ же можно поспорить?—спросила она, но отвѣта не успѣла получить, потому что въ дверяхъ показался франтовато одѣтый господинъ, съ розой въ петлицѣ свѣтлаго пиджака. Онъ театрално прижалъ обѣими руками шляпу къ груди и весело заговорилъ:

— Миръ и привѣтъ высокому собранію. Музыкантшѣ, студіозу, сыну первой гильдіи, тѣфу, что я... сыну купца первой гильдіи...

— Негоціанту!—поправилъ недовольно Суглицкій.

— Pardon! я хотѣлъ сказать это самое. Дальше... дядюшкѣ. А вотъ незнакомецъ,—обратился онъ къ Галахову.—«Скажи, кто ты?»—пропѣлъ онъ изъ «Руслана». Честь имѣю представиться: Петръ сынъ Петра, по фамиліи Раевскій, по профессіи—фортепьянщикъ, какъ меня называетъ господинъ негоціантъ.

Раевскій пожалъ Галахову руку и сѣлъ въ кресло, обмахиваясь платкомъ.

— Что подѣлываете? Музицируете?

— Нѣтъ, говоримъ,—отвѣтила Ляля.

— Ну, и превосходно. Продолжайте. Люблю, когда обыватель заговорить. Столько сентенцій, мудрыхъ мыслей, благихъ намѣреній и критики! Самое главное—критики. Люблю, ибо обыватель есмь. О чемъ же вы говорили?

— О музыкѣ.

— Серьезно?

— Увѣряю васъ!

— Тогда я бѣгу—вскочилъ Раевскій.—Не могу, ей-Богу! Марка высока!

— Ничего, сиди,—сказала Денисовъ.—Кончили разговоръ. Вотъ ты расскажи лучше, гдѣ пропадаешь со вчерашняго дня?

— Гдѣ? Конечно, въ очаровательномъ городѣ. Вчера вечеромъ слушала «Фауста», утромъ сегодня хотѣла пріѣхать—баронессу нашу встрѣтила. И такъ мнѣ отъ этого стало скучно, что я рѣшила пообѣдать въ городѣ... Ну, и пообѣдала!

— Это видно,—засмѣялся Денисовъ.

— Ни, ни! Не думай! Самую маленькую толику. А докторъ спрашивалъ?

— Спрашивалъ.

— Скверно, но нечего дѣлать. Однако давайте играть въ крокетъ. До чаю партію успѣемъ. Я пока бѣгу переодѣваться.

— Это и есть мой племянникъ,—сказала Галахову Денисовъ, когда Раевскій вышелъ изъ комнаты.—Помните, у Пушкина въ «Моцартъ и Сальери»: «гуляка праздный»? Такъ это онъ. Но талантливъ, шельма!

Раевскій вернулся обратно, и стали играть въ крокетъ. Галаховъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и смотрѣлъ на игру. Крокетные молотки звучно щелкали по шарамъ, раздавался молодой смѣхъ—и это успокоительно дѣйствовало на Галахова... «Въ молодости есть неизъяснимая прелесть,—думала онъ:—ясность и чистота. Но какъ быстро это исчезаетъ». И онъ оглядывался на свою молодость. Было нѣсколько хорошихъ лѣтъ, были признаки счастья. Но куда все это дѣлось? Гдѣ вѣра дней минувшихъ, радостныя надежды? Ихъ нѣтъ. Онѣ исчезли, словно украдены кѣмъ-то злымъ и безжалостнымъ.

А Раевскій, нацѣлившись на шаръ Суглицкаго, говорилъ шутя:

— Крокетную-сь, ваше степенство!

Партнеры смѣялись.

IV.

Галаховъ постепенно освоился съ дачной жизнью и познакомился со всеми дачниками. Нѣкоторые знали Галахова по Петербургу, читали его рассказы. Дачники лечились, по въ то же время не упускали случая повеселиться, ѣздили часто въ городъ и занялись устройствомъ благотворительнаго гулянья.

Черезъ двѣ недѣли, въ день гулянья, вся дача опустѣла. Галаховъ сидѣлъ одинъ на террасѣ и смотрѣлъ въ паркъ, надъ которымъ поднималось легкое зарево огня. Въ курзалѣ гремѣла музыка, и порой доносились апплодисменты. А Галаховъ думала о томъ новомъ, что вошло въ его душу недавно, послѣ болѣзни. Это произошло случайно и неожиданно. Раньше, до болѣзни, новыя думы, ставшія близкими и родными, почти никогда не при-

ходили въ голову, а если и мелькали порой, неясныя и туманныя, то не на долго, какъ мимолетныя гости. Проходили и не оставляли послѣ себя слѣда, какъ туманъ, который испаряется съ восходомъ солнца. «Я заболѣлъ случайно, — думалъ Галаховъ. — Такъ же случайно могу и умереть. Но вѣдь еще что-то важное и нужное не сдѣлано. Что-то... Что именно? Чего-то не хватаетъ, словно жить, думая, что главное придетъ, что оно впереди. Но жизнь изживается, а главнаго нѣтъ и не было». И Галаховъ вспоминалъ свою жизнь, малѣйшія ея детали, стараясь узнать, чего же такого не хватаетъ въ жизни? Но не удавалось узнать. И жизнь проходила въ его памяти, какъ живое воплощеніе длинной цѣпи ошибокъ, несправедливости, зла и паденія.

Думая о смерти, Галаховъ вѣрилъ, что жизнь его не прекратится абсолютно физиологическимъ концомъ, а продолжится въ измѣненномъ видѣ по ту сторону земли, въ невѣдомомъ будущемъ. Иногда онъ говорилъ себѣ: «Если мое я, т. е. то самое главное, что составляетъ во мнѣ частицу Божества, моя душа, не умретъ вмѣстѣ съ моимъ тѣломъ, то каково будетъ ея дальнѣйшее существованіе? Что ожидаетъ ее въ странѣ, которой мы такъ боимся и которую не любимъ? Почувствуетъ ли душа все сдѣланное нами теперь, здѣсь, на землѣ, или нѣтъ? А вдругъ почувствуетъ? Что тогда?»

Иногда же Галахову казалось, что эти вопросы—слѣдствіе его бездѣлья, болѣзни, празднаго мысленія, которыя лучше забыть и выкинуть изъ головы. И онъ начиналъ работать, а мысли, независимо отъ него, шли въ прежнемъ направленіи и затрагивали большой и важный вопросъ.

А теперь Галаховъ, сидя на террасѣ, смотрѣлъ на ночную бабочку, которая билась о стеклянный колпакъ подсвѣчника, и думалъ, что такъ бьется со-слѣпу человекъ ради какого-то невѣдомаго и туманнаго будущаго и погибнетъ такъ, какъ эта бабочка, которая въ концѣ концовъ сторитъ на свѣчѣ.

Въ паркѣ оркестръ заигралъ маршъ, раздакъ трескъ ракеты, и въ темное небо полетѣли зеленыя, красныя и синія искры и скатывались внизъ, какъ маленькія звѣзды, и безслѣдно гасли. Потомъ небо освѣтилось цѣлымъ яркимъ снопомъ; причудливо извивались огненныя ленты ракетъ, сверху сыпался ослѣпительный дождь. Гулянье кончалось.

На другое утро Галаховъ случайно увидалъ доктора и, вспомнивъ свой больной вопросъ, неожиданно для себя и доктора спросилъ:

— Скажите, докторъ, какъ вы думаете, послѣ вашей смерти вы почувствуете что-нибудь? Т. е., нными словами, вы вѣрите въ загробную жизнь?

Докторъ удивленно взглянулъ на Галахова и дернулъ лѣвымъ плечомъ.

— Развѣ у меня есть время думать объ этихъ глупостяхъ? Это вамъ отъ нечего дѣлать можно...

И послѣ небольшой паузы пробормотала про себя:

— Загробная жизнь... хе! Чего захотѣли!

Разговоръ на этомъ прекратился, но Галахову почему-то казалось, что и докторъ тоже думаетъ порой о томъ времени, когда уйдетъ изъ здѣшняго міра, но старается скрыть это. Докторамъ, вѣдь, принято считать себя матеріалистами.

Наблюдая за дачниками, Галаховъ замѣтилъ, что Ляля не совсѣмъ безразлично относится къ Денисову. Краснѣла при встрѣчахъ съ нимъ, играла на роялѣ его любимыя вещи и, когда Денисовъ говорилъ, слушала его всегда очень внимательно, чуть-чуть подоткрывъ ротъ. И она казалась Галахову въ это время удивительно интересной.

Раевскій что-то сочинялъ, часто разрывалъ написанное, а иногда позднимъ вечеромъ онъ звалъ Денисова къ себѣ и игралъ ему на роялѣ красивую и печальную вещь. Галаховъ часто слыхалъ (комнаты его и Раевского были рядомъ), какъ Раевскій порой колотилъ рукой по клавишамъ и сердито говорилъ Денисову:

— Я, кажется, способенъ сочинять только пошлые вальсы или польки!

А Денисовъ невозмутимо отвѣчалъ:

— Что жъ? Хорошую польку не легче сочинить, чѣмъ балладу.

Галаховъ узналъ, что Раевскій написалъ оперу, которая съ успѣхомъ шла на сценѣ, и что теперь пишетъ циклъ своихъ балладъ «Прошлое». Галахову нравились взгляды Раевского, иногда неясные и расплывчатые, но всегда добрые и искренніе. Раевскій говорилъ горячо, увлекаясь и возбуждаясь собственной рѣчью, и при этомъ постоянно встряхивалъ свои волосы, нависавшіе на лобъ и закрывавшіе глаза. Нравились въ Раевскомъ и неожиданные переходы отъ бурнаго веселья и смѣха къ одинокой задумчивости, и наоборотъ.

Галахову легко говорилась съ Раевскимъ, и онъ часто разговаривалъ съ композиторомъ о своемъ вопросѣ.

— Васъ интересуетъ то, что будетъ потомъ, послѣ вашей смерти?—говорилъ Раевскій Галахову.—Это, конечно, любопытно, но врядъ ли нужно знать опредѣленно, что именно будетъ. Вѣдь неизвѣстность того, что насъ ожидаетъ, придаетъ особый интересъ нашей жизни. Представьте, что вамъ заранѣе извѣстны результаты и слѣдствія вашей работы во всѣхъ подробностяхъ. Тогда вы будете работать безъ особаго увлеченія, напередъ зная, что въ концѣ концовъ получится, какъ плотникъ, который, строгаю доску, знаетъ, что доска будетъ выстрогана. Я увѣренъ, что въ будущемъ будетъ лучше, чѣмъ теперь, что будетъ превосходная жизнь, непохожая на нашу здѣшнюю, свѣтлая, очаровательная. Люди

перестануть думать, будутъ самими собою. Мы будемъ жить въ мірѣ высокихъ наслажденій, тою осмысленной, красивой жизнью, о какой мечтали поэты и святые.

— Всѣ будутъ жить такой жизнью?—спросилъ Галаховъ.

— Безусловно всѣ. Конечно, кажется страннымъ, что одна и та же участь ожидаетъ и умныхъ и глупыхъ, и добродѣтельныхъ и преступниковъ. Но, смотря глубже, страннаго въ этомъ ничего нѣтъ. Умный и нравственный будутъ блаженствовать потому, что они жили здѣсь, на землѣ, разумной и доброй жизнью... А глупые и преступные будутъ пользоваться тѣми же благами, что и умные и т. д., потому что жизнь ихъ проходила и проходитъ безобразно, и было бы несправедливо, не съ нашей житейской точки зрѣнія, а съ высшей,—было бы несправедливо наказывать ихъ въ безконечномъ мірѣ за то, что они совершили въ конечномъ и ограниченномъ часто подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельства и рѣдко — сознательно.

— Мудреная философія!—улыбнулся Галаховъ.

Раевскій потеръ рукой лобъ, помолчалъ немного и тихо замѣтилъ:

— Мудреная? Нѣтъ, я думаю, это справедливо, хотя... кто его знаетъ.

Галахову понравилось то, что говорилъ Раевскій. Въ неясныхъ словахъ композитора чувствовалась его добрая душа, робкая и трогательная надежда на лучшее будущее. Галаховъ зналъ, что здоровье Раевского плохо, что это лѣтъ рѣшитъ вопросъ, выздоровѣетъ ли Раевскій, или нѣтъ. Галахова трогало то, что болѣзнь не сдѣлала Раевского брюзгой и что онъ обо всемъ говорилъ мягко и съ грустной поткой.

Днемъ Раевскій медленно ходилъ одинъ въ аллеяхъ парка съ вежкоченными волосами, мурлыкалъ что-то про себя и отбивалъ тактъ рукой. Въ его глазахъ мелькалъ тогда особенный свѣтъ, и тонкія и грустныя черты его лица казались застывшими, неподвижными. Онъ ходилъ такъ долго. За обѣдомъ почти ничего не ѣлъ и оставался молчаливымъ, сосредоточеннымъ. Иногда же онъ веселился, какъ ребенокъ, смѣшилъ всѣхъ до слезъ и мирно разговаривалъ съ баронессой о предкахъ.

Леченіе Галахова подвигалось хорошо. Черезъ пять недѣль послѣ приѣзда онъ могъ уже немного ходить при помощи палки. Ходилъ въ паркъ на музыку. Ему было пріятно сидѣть на широкой площадкѣ, смотрѣть на гулявшую, разряженную публику, которая, казалось, пріѣхала сюда не лечить ревматизмы и ишиасы, а весело проводить время, слушать музыку и наслаждаться великолѣпными вечерами. А вечера были превосходны. На чистомъ, темномъ южномъ небѣ неподвижно стояла луна и спокойно смотрѣла на землю. А на землѣ, въ томъ уголкѣ ея, гдѣ сидѣлъ Галаховъ,—шипѣли электрическіе фонари, игралъ военный оркестръ, похрустывалъ пе-

сошь подь погами гулившихъ, раздавались громкіе, неіринужденные голоса, смѣхъ; слышно было, какъ уходили и приходили дачные поѣзда. И свистки локомотивовъ говорили Галахову, что гдѣ-то тамъ, далеко за этимъ красивымъ уголкомъ существуетъ другой міръ, другіе люди. И они не представлялись Галахову скучными и неинтересными, какъ это было еще недавно, но выступали въ его воображеніи обвѣянные неуловимо-прекрасной дымкой поэзіи, пѣжной печалью минувшихъ воспоминаній.

Галахову въ такіе вечера становилось жаль, до боли жаль жены, и онъ думалъ, что ей можно извинить все, всё ея недостатки, если бы она въ свои поступки легкомысленной, неискренней женщины внесла хоть каплю сердечности и простоты. «Нѣтъ,—ловилъ себя Галаховъ на этой мысли:—ни я, ни она не любили другъ друга. Если бы я полюбилъ ее настоящей любовью, то не разсуждалъ, не анализировалъ и не обращалъ бы вниманія ни на что. Очевидно, любовь слѣпа. И когда любишь на самомъ дѣлѣ,—хладнокровно взвѣшивать каждую деталь совмѣстной жизни нельзя. Одно изъ двухъ: или надо покорно отдаться чувству, отказаться отъ себя, своей воли, или же не любить вовсе».

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ мимо Галахова прошла грустная, задумчивая Ляля. Онъ ее окликнулъ.

— Вы одинъ?—спросила Ляля и обвела кругомъ глазами.

— Одинъ. Садитесь, поболтаемъ, если вамъ не скучно съ такимъ инвалиднымъ кавалеромъ, какъ я.

Ляля сѣла и стала оглядывать публику.

— Скажите,—обратилась она къ Галахову послѣ минутнаго молчанія:—скажите, вамъ не скучно здѣсь?

— Не знаю, право,—улыбнулся Галаховъ:—кажется, не скучно... Но почему вы объ этомъ сейчасъ спрашиваете?

— Такъ. Я думаю, вамъ должно быть скучно. Вы видали столько людей въ своей жизни, что всё здѣшніе, эти больные, должны показаться неинтересными...

— Я тоже больной,—сказалъ, шутя, Галаховъ:—значить, и я неинтересенъ?

Ляля удивленно посмотрѣла на него, не ожидая такого оборота рѣчи. Она строго взглянула предъ собой, словно ее занимала какая-то важная мысль, и быстро спросила:

— Скажите, только правду... откровенно: какъ вы думаете, есть у меня талантъ, или нѣтъ?

— Музыкальный?

— Да.

— Не знаю. Въ музыкѣ я мало смыслю, но мнѣ нравится, когда вы играете.

— А мнѣ кажется, что пѣть,—дрогнувшимъ и, какъ показалось Галахову, измученнымъ голосомъ произнесла Ляля:—мнѣ ка-

жется, что пѣть. И чувствовать, сознавать, что ты бездарное существо, что учишься для того, чтобы стать такой же музыкантшей, какъ сотни и тысячи другихъ,—ужасно!

Ляля ежкала обѣими руками виски и продолжала говорить, глядя на землю, словно говорила сама съ собой:

— О, какъ я иногда завидую Раевскому, если бъ вы знали! Вотъ музыкантъ! Онъ такъ играетъ, что плакать хочется. А я... Всѣ здѣсь больны, кто чѣмъ, а я тоже больна... музыкой...

Галаховъ понималъ настроеніе Ляли. Онъ когда-то испытывать то же самое, не вѣря себѣ и сомнѣваясь въ собственныхъ силахъ.

— Вы неправильно ставите вопросъ,—сказала онъ.—Прежде всего, дайте себѣ отчетъ, для чего вы занимаетесь музыкой? Это потребность вашей души, или желаніе выдѣлиться, быть непохожей на другихъ, или, что называется, составить себѣ карьеру? Мнѣ кажется, если музыка потребность вашей души,—то не все ли вамъ равно, будете ли вы первой музыкантшей въ мірѣ, пятой, двадцатой, послѣдней? Это не важно. Важно одно только то, что вы осуществляете свое призваніе, что совѣтъ ваша чиста. А стремленіе къ славѣ,— оно понятно въ ваши годы,—не должно занимать васъ очень. Она не...

— Пѣть, пѣть! —перебила Ляля— Не то! Я не знаю, что бы дала, чтобы только лучи славы хоть коснулись, задѣли меня! Я...

Ляля занулась, хотѣла продолжать, но издали услышала голосъ Раевского, который вышелъ изъ аллеи на площадку, вмѣстѣ съ баронессой, и замолчала.

Раевскій ухарски заломилъ на бокъ широкополую шляпу — сомбреро, и отъ всей его фигуры вѣяло радостью и довольствомъ. Онъ весело говорилъ съ баронессой, и она благосклонно улыбалась, показывая длинныя, какъ у лошади, зубы.

Раевскій увидалъ Галахова и Лялю и замахалъ шляпой.

— Здравствуйте, здравствуйте... Публику разематриваете?— заговорилъ онъ, подходя.—А мы вотъ съ баронессой только изъ города. Денисова оставили тамъ. Онъ пріѣдетъ съ слѣдующимъ поѣздомъ.

Жизнерадостность Раевского передалась Галахову, и онъ спросилъ:

— Что вы такъ веселы нынче?

— О, вы не знаете,—протянулъ Раевскій, смѣясь:—я сегодня окончилъ свою балладу и иду сейчасъ играть ее баронессѣ. Вотъ! Не угодно ли?

— Позвольте и мнѣ послушать,—спросилъ Галаховъ.

— Отчего же? Пожалуйста! Только кивляйте, убогонькій, скорѣе!

Раевскій еще разъ снялъ шляпу и повернулъ съ баронессой по дорогѣ къ дачѣ. Галаховъ поднялся со скамейки и спросилъ Лялю:

— Вы остаетесь?

— Нѣтъ, и я пойду съ вами,—сказала она.—И тоже хочу послушать.

Она оправила платье и осмотрѣлась кругомъ.

— Что это вы сегодня все смотрите по сторонамъ?—спросилъ Галаховъ.—Вы ищете кого-нибудь?

Ляля подавила вздохъ и печально улыбулась.

— Нѣтъ. Кого же искать? Такъ смотрю. Все старья, знакомыя лица... Ну, пойдите, однако!

V.

Галаховъ и Ляля шли молча по темной аллеѣ. Ляля срывала съ низко нависшихъ вѣтвей листья, прокусывала ихъ и бросала на землю. Она нѣсколько разъ искоса взглянула на Галахова, точно собиралась ему что-то сказать, но, подумавъ, продолжала молчать.

Въ аллеѣ на скамейкахъ сидѣли парочки. Это начинались и продолжались дачные романы. Слышались тихіе, какъ шелестъ листьевъ, разговоры.

— Есть картина,—сказалъ Галаховъ,—подъ названіемъ: «Вездѣ жизнь». Нарисованъ арестантскій вагонъ. Сквозь рѣшетку окна заключенные смотрятъ на птицъ, которыя играютъ на платформѣ...

— Ну, такъ что же?—спросила Ляля.

— Такъ и здѣсь, въ этомъ паркѣ,—продолжалъ Галаховъ:—можно сказать: вездѣ любовь. На каждой скамейкѣ разыгрывается сердечная драма, романъ, что угодно. Впрочемъ, это и не удивительно. Окружающая обстановка—декорація изъ волшебной сказки. Располагаетъ къ нѣжнымъ чувствамъ. Правда, любить здѣсь пріятнѣе, подъ этимъ дивнымъ небомъ, чѣмъ подъ нашимъ сѣвернымъ, сѣрымъ одѣяломъ, замѣняющимъ небо.

— Вы такимъ тономъ говорите о любви,—сказала Ляля:—точно для васъ она не существуетъ.

— Напротивъ,—засмѣялся Галаховъ:—если любовь есть то, что о ней говорятъ поэты, то есть, что она мечта, греза, поцѣлуй неба—то, думаю, любить и я могу, хотя...

— Что хотя? Доканчивайте свою мысль!

— Хотя лучше безъ любви...

— Почему?

— Любовь къ женщинѣ вносить въ жизнь очень много сумбура, порабощаетъ человѣка и сметаетъ на своемъ пути много хорошаго...

— Вы разсуждаете, какъ... какъ учитель математики,—разсмѣялась Ляля.—У насъ въ гимназін, когда я училась, былъ такой.

Онъ всегда говорилъ намъ: «Войтесь, дѣвнцы, любви. Это легкомысліе, недостойное серьезныхъ людей, получившихъ образованіе».

— Кто его знаетъ,—возразилъ Галаховъ.—Вѣроятно, вашъ учитель математики, по-своему, правъ.

За деревьями уже замелькали огоньки дачи. Ляля остановилась и взяла Галахова за рукавъ.

— Я хочу попросить васъ объ одномъ важномъ дѣлѣ... Исполните?

— Постараюсь,—сказалъ Галаховъ.

— Я... я... вамъ вѣрю,—волнуясь, заговорила Ляля:—вы сдѣлайте для меня одоженіе... Прошу васъ... Передайте Денисову записку, когда онъ пріѣдетъ, но только чтобы никто не видалъ... Исполните?..

Не ожидая отвѣта, она вынула изъ-за широкаго пояса записку, сунула ее Галахову въ руку и убѣжала впередъ.

Галаховъ, удивленный неожиданной просьбой, смущенно повертѣлъ въ рукахъ сложенный треугольникомъ кусокъ бумаги и не зналъ, что подумать. Когда онъ входилъ въ докторскую пріемную, Раевскій уже садился къ роялю. Галаховъ прошелъ въ уголокъ и опустился на стулъ. Напротивъ, на диванѣ сидѣли баронесса и Ляля. Баронесса разсматривала Раевского въ лорнетъ. Ляля молча и упорно уставилась въ одну точку. Лицо ея было красно, и отъ смущенія она боялась взглянуть на Галахова. Большая крышка рояля была поднята и, тускло освѣщенная одной свѣчой, казалась крыломъ какой-то черной, невѣдомой птицы.

Раевскій долго смотрѣлъ на клавиши и потомъ медленно протянулъ къ нимъ руки.

Раздались полные, звучные аккорды. Въ нихъ были мощь и торжество. Они переливались блескомъ и радостью и вдругъ обрвались—и медленно и тихо полилась нѣжная, прозрачная, какъ хрусталь, мелодія.

Прядь волосъ легла въ беспорядкѣ на лобъ Раевского, но онъ этого не замѣчалъ, а смотрѣлъ прямо предъ собою неподвижнымъ, блестящимъ взглядомъ. Галаховъ подумалъ, что въ это время Раевскій переживаетъ особенный, дивный подъемъ и что такой взглядъ, вѣроятно, у всѣхъ людей, отмѣченныхъ Богомъ.

А въ музыкѣ уже звучали крики побѣдителей, слышались стоны раненыхъ и умирающихъ, раздавался погребальный перезвонъ колоколовъ. То, что игралъ Раевскій, было удивительно красиво и трогало Галахова до слезъ. Будто бы онъ вспомнилъ старую-старую, бесконечно-милую сказку, и съ этой сказкой въ памяти встало что-то удивительно задушевное, близкое, родное...

Послѣ минутной паузы задумчиво прозвенѣла грустная нѣсь менестреля, слышалась арфа...

Лицо Ляли горѣло. Баронесса сидѣла, низко опустивъ голову. Галахову хотѣлось слушать безъ конца.

— Это... что такое?—спросилъ онъ Раевского, когда тотъ кончилъ играть и все еще задумчиво смотрѣлъ впередъ. Вопросъ Галахова вывелъ его изъ задумчивости.

— Это—баллада,—отвѣтилъ Раевскій.—Сюжетъ: рыцарь уѣзжаетъ со своими вассалами на войну. Дома остается молодая жена; она плачетъ и тоскуетъ по мужѣ. Походъ. Сраженія. Враги побѣждены, и рыцарь-побѣдитель съ торжествомъ возвращается обратно. Пріѣзжаетъ въ свой замокъ ранней весной, въ солнечный день. Вверху поютъ жаворонки и въ природѣ кругомъ такъ жизнерадостно... Последняя часть баллады—пѣснь менестреля. Рыцарь давно умеръ, его неприступный замокъ разрушенъ, подвиги давно забыты, даже имени его никто не вспомнить. Капулъ въ вѣчность и не заслужилъ своими битвами памяти. Только иногда въ какомъ-нибудь замкѣ появится менестрель. Онъ поетъ о минувшихъ временахъ, и его слушаютъ и вздыхаютъ о прошломъ, котораго не видали и не знали... Да,—вздыхнулъ Раевскій,—все забывается. И о насъ забудутъ, какъ будто мы и не жили на бѣломъ свѣтѣ, и тѣ дѣла, которыя для насъ кажутся такими важными и значительными, для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ,—какими они покажутся? Можетъ быть, вздорными и ничтожными... «Грядущіе годы таятся во мглѣ»...

«Но вижу твой жребій на ясномъ челѣ»,—раздался внезапно громкій басъ.

Всѣ вздрогнули отъ неожиданности и оглянулись: въ дверяхъ стоялъ Денисовъ.

— Твой жребій,—входя и смѣясь, сказалъ онъ Раевскому:—твой жребій—писать баллады и сочинять музыку.

— Ты какими судьбами очутился здѣсь?—спросилъ Раевскій.

— Самыми обыкновенными. Полчаса назадъ пріѣхалъ. Захожу въ парк—тамъ весь бомондъ нашей дачи, кромѣ васъ, господа.—Денисовъ широкимъ жестомъ указалъ на сидѣвшихъ въ пріемной.—Тогда я пришелъ на дачу. Вотъ и все. Ну, господа, музыку послушали—и довольно. Вылѣзайте-ка на воздухъ! Въ такой чудный вечеръ грѣшно сидѣть въ комнатѣ.

Баронесса сослалась на головную боль и ушла къ себѣ, а остальные вышли изъ пріемной и усѣлись на скамейку, которую Денисовъ называлъ «скамейкой злословія», потому что на ней всегда сидѣла докторша со своей компаніей.

За рѣшеткой забора слышались шаги дачниковъ, возвращавшихся съ музыки. На дачѣ сразу стало шумно. Галаховъ воспользовался этимъ и шепнулъ Денисову:

— Меня просили передать вамъ записку, Николай Петровичъ.

Денисовъ молча взялъ записку, отошелъ къ освѣщенному окну и, нахмуривъ брови, сталъ читать.

.VI.

Ляля быстро шла по темной аллеѣ къ вокзалу. Мѣсто свиданія она назначила въ садикѣ около вокзала, за лимонадной будкой. Ляля шла не оглядываясь, будто бы за нею гнался кто-то невидимый и страшный, и боялась повернуть голову. Лицо Ляли горѣло, и сильно колотилось сердце. Дышала онъ съ трудомъ.

«Придетъ или не придетъ?»—думала она.—Нѣтъ, не придетъ,—возникла мысль:—онъ серьезный человекъ и самъ однажды сказалъ, что не любитъ сантиментальностей. А свиданіе—это сантиментально... Да и зачѣмъ ему идти?»

И Лялѣ казалось, что надо повернуть домой, а не къ лимонадной будкѣ. Но тутъ въ разгоряченномъ мозгу мелькнуло, что Денисовъ придетъ на свиданіе.

Ляля прошла черезъ рельсы, на которыхъ тускло отсвѣчивали огни фонарей, и увидела острый темный силуэтъ будки.

Ляля рѣшила, что скажетъ Денисову много-много, скажетъ все. Скажетъ, что она полюбила его еще въ прошломъ году, всю зиму думала о немъ, что онъ удивительный, замѣчательный человекъ, какихъ она до сихъ поръ не встрѣчала. Она скажетъ и о томъ, что ея жизнь скучна и тяжела, что никто ея не понимаетъ...

На вокзалѣ часы пробили половину. Ляля пришла только что, но ей казалось, будто она ждетъ уже давно, полчаса, цѣлый часъ. Она взглянула на темные кусты и деревья, которые приняла неопытными очертаніями и, казалось, шевелились и таинственно, какъ заговорщики, шептались. Лялѣ становилось страшно одной. На дорожкѣ послышались шаги. Ляля взглянула въ темноту острымъ, испытующимъ взглядомъ и узнала Денисова. Онъ шелъ медленно и смотрѣлъ по сторонамъ. Чѣмъ ближе онъ подходилъ къ Лялѣ, тѣмъ больше она волновалась. Она уже знала, что не сможетъ сказать ему ничего, ни одного слова, и хотѣла бѣжать. Но какая-то сила не давала ей подняться со скамейки и лишала ее воли.

Денисовъ подошелъ совсѣмъ близко, и у Ляли захватило дыханіе.

— Это вы?—спросилъ онъ низкимъ и, какъ показалось Лялѣ, охрипшимъ голосомъ.

— Я, Николай Петровичъ,—съ усніемъ проговорила Ляля и почувствовала, что сейчасъ расплачется.

Денисовъ сѣлъ рядомъ на скамейку. Ляля молчала и быстрыми, порывистыми движеніями скручивала концы своего шарфа.

— Вы мнѣ что-то хотѣли сказать, не правда ли?—сказалъ Денисовъ.

— Да... нѣтъ, я... ничего... я... я не знаю, право...

«истор. вѣстн.», мартъ 1912 г., т. сxxvii.

— Не надо волноваться, — продолжалъ Денисовъ. — Я же не съѣмъ васъ, — пошутить онъ и подумалъ: «Чортъ знаетъ что... Какъ глупо! Точно сцена изъ «Онѣгина».

Ляля начала говорить. Первые слова выходили съ трудомъ, шероховато, произносила она ихъ страшнымъ, чужимъ, не своимъ голосомъ. Но потомъ рѣчь полилась плавно и быстро. Ляля сама не помнила и не сознавала, что и какъ она говорила Денисову.

— Вы можете презирать меня, — начала она: — но я должна сказать вамъ, понимаете... меня какъ будто кто-то заставляетъ сдѣлать это... Я знаю, — съ мольбой въ голосѣ говорила Ляля и прижала обѣ руки къ груди, — я знаю, вы — добрый, хорошій человѣкъ, вы поймете меня... Еще въ прошломъ году, когда я съ вами познакомилась, вы казались мнѣ особеннымъ, необычнымъ человекомъ. То, что вы всегда говорили, было умно, хорошо и нисколько не походило на тѣ слова, какія я постоянно слыхала... Я ловила каждый вашъ жестъ, каждое ваше движеніе. А когда вы уѣхали къ себѣ домой, я сильно тосковала по васъ, думала о васъ и здѣсь, и за границей. И вы, конечно, этого не знали и не знали того, какъ мнѣ бывало до слезъ обидно и больно, когда вы говорили со мною въ проиническомъ тонѣ... Въ прошломъ году, при прощаніи, вы поцѣловали мнѣ руку... О, какъ я была счастлива тогда! Мнѣ почему-то показалось, что вы относитесь ко мнѣ не совсѣмъ... безразлично. Эту сумасшедшую, нелѣпую мысль я берегла, какъ зѣницу ока, я летѣла ее, не разставалась съ нею. Каждый день все думала объ этомъ... Но эта иллюзія исчезла, когда я увидѣла васъ теперь. Вы холодны со мною, вы никогда не говорите со мною серьезно, а точно съ маленькой дѣвочкой... Почему? За что? А между тѣмъ я боготворю васъ и безконечно счастлива, когда вы случайно улыбнетесь...

Ляля говорила это со страстнымъ порывомъ, быстро и горячо, не спуская глазъ съ Денисова. А онъ слушалъ и былъ удивленъ и словами, и тономъ. Онъ не догадывался и не подозрѣвалъ, что Ляля любитъ его. Онъ не зналъ, что отвѣтить, и чувствовалъ неловкость и жалость къ дѣвушкѣ, которая говорила ему о своей любви.

— Я нѣсколько не понимаю... — смущенно сказалъ Денисовъ, но Ляля въ экстазѣ не разслышала его словъ, или разслышала, но не могла и не хотѣла остановиться, и продолжала:

— Я знаю, знаю, что я — обыкновенная, самая заурядная, ничѣмъ не выдающаяся дѣвушка, что у меня много, масса недостатковъ, но я вѣрю и сознаю, что могу сдѣлаться лучше... Но куда идти, кого слушать, что дѣлать? Скажите мнѣ, Николай Петровичъ, научите, умоляю васъ!

Ляля замолчала и шумно перевела дыханіе. Щеки ея горѣли. Порывъ, подхватившій ее, исчезъ. И она сидѣла, опустивъ голову и ожидая отвѣта.

— То, что вы мнѣ говорили,—сказалъ Денисовъ медленно и останавливаясь, словно подбирая нужные слова:—то, что вы мнѣ говорили, для меня неожиданно... Я не зналъ.. что у васъ.. что вы... ну, однимъ словомъ, что я... въ общемъ, коротко говоря, что вы такъ сердечно отнеслись ко мнѣ... Но—что вамъ сказать?... Вы молоды и ваше все впереди. А моя жизнь быстро и жутко катится подъ гору, и то, что вы теперь переживаете,—у меня осталось далеко въ прошломъ. Я тоже любилъ, обманулся и изжилъ свое чувство. Въ этомъ смыслѣ я никуда не годенъ. Я—лампада безъ масла. Я не могу отвѣтить на ваше чувство: мое сердце молчитъ.

Ляля быстро встала со скамейки. Она предполагала, что Денисовъ скажетъ ей что-нибудь въ этомъ родѣ, но въ глубинѣ души надѣялась, что результатъ свиданія будетъ другой. Теперь слова Денисова: «я не могу отвѣтить на ваше чувство»—безповоротно разбили слабую надежду. Ляля не знала, что ей отвѣтить, что сказать, и неподвижно стояла около скамейки.

— Придетъ время,—продолжалъ Денисовъ и тоже всталъ:—и ваше теперешнее настроеніе, которое вы напрасно принимаете такъ близко къ сердцу, покажется вамъ случайной вешешкой. Новѣрьте, то, о чемъ вы говорили,—не важно и не нужно. Такъ же не нужны вопросы: куда идти, кого слушать? Никуда не идите и никого не слушайте! Зачѣмъ это? Живите, какъ живется, и не отставайте отъ жизни. Старайтесь только не дѣлать очевидныхъ ошибокъ, и все пойдетъ хорошо. Будьте самостоятельны и рѣшайте вопросы жизни за свой рискъ и страхъ, не прибѣгая къ чужой помощи. Я же лично ничему не могу научить васъ. Знаю только одно, что жизнь—мудреная штука и, чтобы раскусить ее, нужно сломать не одинъ зубъ. Но что съ вами?—испугался Денисовъ, всмотрѣвшись въ лицо Ляля и замѣтивъ, что оно искривилось странной гримасой.—Что съ вами?

— Нѣтъ, ничего... я такъ...—тихо отвѣтила Ляля со слезами въ голосъ.—Ничего.... я такъ...

И она закрыла лицо шарфомъ и заплакала, вехлипывая, какъ маленькія дѣти. Денисовъ растерялся. Женскія слезы всегда пугали его и казались жуткими. Онъ хотѣлъ успокоить Лялю, но не нашелъ, что сказать, и только переступалъ съ ноги на ногу.

Ляля скоро перестала плакать и вытерла глаза концомъ шарфа.

— Видите, какая я плакса и нюня,—попробовала она улыбнуться:—расплакалась... Это у меня нервы шалить.

— Да, да, вѣроятно, нервы,—подхватилъ Денисовъ.—Вамъ бы слѣдовало обратить на нихъ вниманіе... Этакъ расклеитесь совсѣмъ.

— А теперь идемте домой,—сказала Ляля.

Денисовъ шелъ и ругалъ себя въ душѣ: «Очень нужно было говорить ей правду. Отвертѣться бы какимъ-нибудь пустякомъ или

вовсе не ходить на это дурацкое свиданіе. Лучше. А то пате вамъ: мелодрама со слезами. Какъ въ театрѣ».

А Ляля думала, что не дойдетъ до дачи: такой длинной казалась дорога. Хотѣлось скорѣе прійти домой, запереться въ своей комнатѣ и выплакаться... «Отчего у другихъ,— думала она,—любовь такъ красива, поэтична, а у меня жалка, смѣшна. Отчего?»

На пути встрѣчались нарочки, и это еще больше растравляло рану Ляли. Она чуть не бѣжала и боялась, что опять расшлается. Денисовъ широкими шагами шель рядомъ съ нею и удивлялся, отчего она такъ скоро идетъ.

VII.

Поздно вечеромъ Раевскій и Галаховъ сидѣли на скамейкѣ передъ дачей. Раевскій говорилъ о Лялѣ:

— Жаль мнѣ ее. Докторша хочетъ превратить дочь въ куклу, выдрессировать ее и выдать замужъ за банкира. А та не поддается. У дѣвочки есть хорошіе задатки. Между прочимъ: для васъ, вѣроятно, не секретъ, что Ляля любитъ Денисова. Это сразу видно. А любить женщинѣ Денисова равносильно тому, что любить это дерево или заборъ. Я своего дядошку знаю давно и хорошо.

Раевскій всталъ, вытянулся, потомъ ширкнулъ спичкой и закурилъ папиросу. Огонь спички освѣтилъ его носъ и сжатые губы. Раевскій помолчалъ и вынулъ дымкомъ папиросу. Луна свѣтила ярко, и въ ея голубоватомъ свѣтѣ рѣзко чернѣли деревья и узорныя тѣни, которыя падали отъ нихъ.

Раевскій подумалъ и задумчиво сказалъ:

— Въ такіе вечера становится какъ-то особенно мирно на душѣ и почему-то хочется читать красивые и нѣжные стихи. «Прозрачно небо, звѣзды блещутъ, своей дремоты превозмочь не хочетъ воздухъ... Чуть трепещутъ серебристыхъ тополей листы»...—тихонько, про себя прочиталъ Раевскій.

Мимо прошло нѣсколько дачниковъ и дачницъ. Слышно было, какъ кто-то изъ нихъ скрипучимъ, убѣждающимъ голосомъ говорилъ:

— Да я же жъ это и думалъ, Женичка! Я же это хотѣлъ же!

— Какая дивная ночь!—сказалъ Раевскій, когда шаги и голоса дачниковъ затихли въ паркѣ.—Тихо и хорошо...

У него была еще какая-то своя мысль, которую онъ хотѣлъ высказать и колебался.

Галаховъ чутьемъ понялъ это и сказалъ:

— Вы не кончили говорить... Продолжайте...

— Да,—застѣнчиво произнесъ Раевскій.—Я думаю, что... такая же ночь была, вѣроятно, и двѣсти лѣтъ назадъ, такая же,

быть можетъ, будетъ и черезъ тысячу лѣтъ, если міръ еще будетъ существовать... Чувствуешь, что ты—маленькій, временный эпизодъ на вѣчномъ фонѣ природы,—и все-таки хорошо! Но бываютъ минуты,—продолжалъ Раевскій окрѣпшимъ голосомъ,—когда кажется, что все на этомъ свѣтѣ лишнее и ненужное. И музыка, и я, и эта дача—все! Какой толкъ и смыслъ въ томъ, что мы живемъ, думаешь тогда. Для кого и для чего нужны наши радости, страданія, несправедливости, горе, вся наша жизнь? Все вѣдь кончается такъ просто и безповоротно. Только и разницы, что одинъ умираетъ въ безпамятствѣ, другой,—ясно сознавая, что пришелъ кануть. Этотъ—тонетъ, другой бросается подъ поѣздъ, третій умираетъ отъ тифа, чахотки и т. д. Различіе въ деталяхъ, а суть-то одна и та же. Думаешь вотъ такъ и становишься страшно. Страшно и думать такъ, и жить. Пока молодъ—подобныя мысли какъ-то скользятъ около и не задѣваютъ глубоко, а вотъ когда большая часть жизни осталась позади и многое порастеряно зря, на пустяки и глупости,—тогда по ночамъ не спишь и все думаешь... Хочется молиться, какъ молился въ дѣтствѣ, но губы повторяютъ по инерціи старыя, дорогія слова, а душа мечется и сжимается въ тоскливомъ страхѣ. И хочется поговорить съ кѣмъ-нибудь обо всемъ этомъ, хочется жаловаться, но некому. Одинъ у меня и есть человѣкъ, вы его знаете,—Денисовъ, но...

Раевскій не докончилъ своей фразы, швырнулъ далеко отъ себя окурокъ папирсы, замолчалъ и потомъ началъ говорить съ увлеченіемъ:

— А иногда кажется, что жизнь наша пуста, что она имѣетъ глубокій смыслъ и что все мы, живущіе въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, исполняемъ великое назначеніе, что ни одна человѣческая слеза не проливается даромъ и что все мы, и сильные, и слабые, счастливые и несчастные,—несемъ одинаковую тяготу для того, чтобы сдѣлать жизнь свѣтлой и прекрасной, какъ солнечный день. Но мы идемъ къ этому идеалу вразбродъ, отравляемъ другъ друга недоувѣріемъ, случайному и неважному придаемъ больше значенія, чѣмъ вѣчному и нужному. Впрочемъ, все это, вѣроятно, не то и не такъ...

Раевскій нѣсколько минутъ смотрѣлъ, молча и строго, впередъ, въ темноту парка. На вокзалѣ гукнулъ паровозъ: у-гу!—и этотъ звукъ мягко прокатился въ ночномъ воздухѣ и застрялъ въ паркѣ, среди деревьевъ. Изъ темноты придвинулись къ сидѣвшимъ бѣлое платье Ляли и Денисовъ. Ляля сразу ушла въ домъ, а Денисовъ подошелъ, снимая шляпу, къ сидѣвшимъ.

— Жарко!—сказалъ онъ и сдѣлалъ небольшую паузу. Онъ провелъ платкомъ по лбу и повторилъ съ разстановкой:—жар-рко! Ну, и югъ, чтобъ его чортъ дралъ! Каждую минуту ждешь, что растаешь... А вы тутъ разговариваете? Такъ. О чемъ же?

— Остановились на томъ, что будущее ожидаетъ свѣтлая жизнь, лучше теперешней,—отвѣтилъ Галаховъ.

Денисовъ утвердительно кивнулъ головой.

— Совершенно вѣрно. Ву заве резонансъ, какъ выражается одинъ мой знакомый. Мы живемъ въ замѣчательную эпоху. Наука съ неимоверной быстротой стремится впередъ, человѣкъ покоряетъ совершенно своей волѣ природу и становится ея полновластнымъ господиномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—меньше подлецомъ и свиньей... А вы какъ думаете?—обратился онъ къ Галахову.

Когда задавали интересные вопросы и *толковали о нихъ не такъ, какъ, казалось, надо о нихъ говорить,—Галаховъ вскакивалъ съ мѣста и говорилъ громко, горячо, волнуясь и сильно жестикуюлирую. Такъ и теперь онъ быстро вскочилъ со скамейки, но большая нога дала себя знать, и онъ отвѣтилъ, сидя:

— Я думаю какъ разъ наоборотъ! Жизнь лучше не будетъ, а хуже—несомнѣнно.

— Почему же?—спросилъ Денисовъ.

— Очень просто. Простите, я на секунду отвлекусь отъ отвѣта. Мнѣ хочется знать, на чемъ поконитъ лучшее будущее по-вашему?

— На техническомъ прогрессѣ.

— Хорошо. Перестанемъ на минуту восхищаться вашимъ техническимъ прогрессомъ и попробуемъ взглянуть на нашу теперешнюю жизнь по сравненію съ прежней. И что же? Подлецъ и свинья не становятся меньше, какъ вы говорите, а растутъ. Потомъ. Число дегенератовъ, ненормальныхъ людей, неврастениковъ—увеличивается съ каждымъ годомъ. Статистика показываетъ ясно, что преступленія идутъ въ гору, что человѣчество развращается и вѣрными шагами двигается къ своему несомнѣнному краху. Вы говорите: прогрессъ, цивилизація и прочее и прочее. Но, въ сущности, что такое этотъ вашъ прогрессъ, цивилизація и другія пріятныя звонкія слова! Истиннаго, настоящаго, какъ я его понимаю, духовнаго прогресса мы не видимъ.

— Ну, поѣхалъ!—перѣбилъ Денисовъ.—Ей-Богу, точно старая проформя!

— Итъ-съ, позвольте,—продолжалъ Галаховъ:—я вамъ это сейчасъ докажу. Напримѣръ, прежде отцеубійство, это тяжкое преступленіе, встрѣчалось очень и очень рѣдко. А раскройте-ка теперь газету и прочтите хрошку пророчествій. Если не каждый день, то, по крайней мѣрѣ, каждую недѣлю сыгъ убиваетъ отца, брата брата и т. д. Это, по-вашему, прогрессъ? Благодаря техническимъ успѣхамъ, достигли поразительныхъ результатовъ, но люди не сдѣлались отъ этого ни добрѣе, ни правдивнѣе. Даже такое великое изобрѣтеніе, какъ электричество, примѣняется къ безнравственнымъ цѣлямъ, а именно для отнятія жизни, какъ въ Америкѣ. Человѣчество напряженно работаетъ, это правда, дѣлаетъ

всёвозможныя открытія, строить желѣзныя дороги и фабрики, и все это, новидимому, для блага того же человѣчества, но ни для кого не секретъ, что люди, живущіе далеко отъ фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ, отличаются бѣльшей нравственностью, чѣмъ тѣ, которые обитаютъ по близости дорогъ и фабрикъ. Они оригинальны, самобытны, просты. Пѣсни ихъ красивы и трогательны. Они любятъ честность, трудъ... Я не отрицаю пользы технического прогресса, но польза отъ него не покрываетъ всего вреда, какой онъ приноситъ, и я говорю объ этомъ. Люди работаютъ, улучшаютъ условія своей жизни, или, иными словами, для дрянной картины дѣлаютъ роскошную раму, но до конечной цѣли, до того времени, когда перекуютъ мечи на орала еще очень далеко и, можетъ быть, это время вовсе не наступитъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Позвольте!—перебилъ Денисовъ.—Вы извергаете громы на прогрессъ, а между тѣмъ, онъ и приближаетъ насъ къ тому времени, когда перекуютъ мечи на орала, потому что сдѣлаетъ войны невозможными.

— Ходячее, шаблонное утвержденіе!—продолжалъ съ увлеченіемъ Галаховъ.—А я думаю иначе. Если теперь затрачиваютъ столько средствъ, столько усилій для усовершенствованія какой-нибудь дальнобойной пушки или мины, то что же будетъ потомъ? Вѣдь человѣкъ существо логическое и развивается въ одномъ направленіи. Не забывайте этого. Вы говорите, что войны будутъ невозможны? Я въ это не вѣрю. Даже теперь усовершенствованные снаряды убиваютъ людей мучительнѣе, чѣмъ прежде. Не только убиваютъ, но еще и отравляютъ ядовитыми газами. А отравленные пули? Развѣ это культурнѣе, чѣмъ отравленные стрѣлы дикарей? Во все нѣтъ! А взгляните, какъ спсходительно современный цивилизованный человѣкъ говоритъ о дикаряхъ! Странно слушать! Вообще жить стали комфортабельнѣе, удобнѣе, но отнимите отъ нашего человѣка комфортъ, соскоблите съ него налетъ цивилизаціи и пышныхъ фразъ, и предъ вами предстанетъ первобытный дикарь, даже еще хуже, потому что дикари не имѣли заповѣди любить другъ друга, а современный человѣкъ имѣетъ эту великую заповѣдь и живетъ по-скотски.

— Это называется: зарпортовался!—проворчалъ Денисовъ.

— Нисколько! Всмотритесь сами: что самое главное у нашего человѣка? Фраза! Пышная, красивая, многоцвѣтная фраза! Фразой одѣвается человѣкъ, какъ броней, и снять ее не можетъ и не хочетъ. Она всасывается въ его кровь, становится его второй природой, другимъ я. Со дней юности и до могилы человѣкъ только говоритъ и говоритъ безъ конца, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Послушать иного—куда тебѣ! Совершенство, благороднѣйшее существо! Какой возвышенный образъ мыслей! А когда на дѣлѣ приходится доказывать это благородство,—человѣкъ ока-

зывается такимъ поддецомъ, такою гадиной, что только диву даешься. А такихъ — сотни, тысячи! Ими кишитъ вся наша жизнь, ими часто отравляются лучшіе порывы души, опошляются лучшіе поступки.

Галаховъ говорилъ искренно и возбужденно. Онъ положилъ руку на колѣно Денисова и продолжалъ:

— Вотъ вы, Николай Петровичъ, увѣрены, что жизнь прогрессируетъ въ добрую сторону. Но настоящій прогрессъ, я повторяю, состоитъ въ томъ, чтобы люди сдѣлались добрѣе, сострадательнѣе, милосерднѣе. Я васъ спрашиваю: къ чему свелись, какой результатъ дали страданія святыхъ, подвижниковъ, ученія философовъ, мыслителей, проповѣдниковъ? Что сдѣлала, чего достигла эта многовѣковая, непрестанная работа мысли и чувства? Что люди? Стали лучше? Я отвѣчу: нѣтъ! Та же злоба, та же тупая ненависть, та же черствость! Правда, были и есть отдѣльныя единицы, отрадные явленія, но онѣ подтверждаютъ лишь общее правило, а именно, что человѣчество въ духовномъ развитіи не подвинулось ни на пядь впередъ. По-вашему, совершенство жизни въ томъ, что человѣкъ окончательно покорить природу, а по-моему, оно наступитъ тогда, когда человѣкъ въ другомъ, подобномъ себѣ, будетъ видѣть брата.

Денисовъ усмѣхнулся.

— Утопія!—сказалъ онъ.—Старая погудка на новый ладъ. Смѣю васъ успокоить: это время никогда не наступитъ, а если и наступитъ, такъ насъ тогда на свѣтѣ не будетъ, а потому это для насъ и неинтересно. Я—человѣкъ настоящаго, а не будущаго, и для меня безконечно важнѣе и интереснѣе то, что происходитъ сегодня, чѣмъ то, что случится черезъ сто тысячъ лѣтъ. Какое мнѣ дѣло до того? Можетъ быть, люди станутъ братьями и такъ далѣе, но тогда я уже окончательно слѣю и не смогу полюбоваться этимъ трогательнымъ зрѣлищемъ.

— Вы поете изъ разныхъ оперъ,—сказалъ молчавшій Раевскій:—и твоя опера, дядя, мнѣ меньше нравится. Жизнь теперь проходитъ безобразно, уродливо, это вѣрно. Но лучше надѣяться на то время, когда она станетъ хорошей, чѣмъ признать, что существующее—великолѣбно и утѣшаться этимъ... Но вы, кажется, хотите спать,—обратился онъ къ Галахову.

— Нѣтъ, нѣтъ! Пожалуйста, продолжайте!

— Не стоитъ! Все равно не споемся.

Раевскій всталъ, вытянулся и посмотрѣлъ на небо. Кругомъ все спало. Фонари были потушены. У калитки кашлялъ сторожъ. Въ отдаленіи слышался свистокъ и шумъ поѣзда.

— Послѣдній,—сказалъ Раевскій:—значить, уже половина второго. Ну, спокойной ночи.

Онъ ушелъ спать, а Денисовъ и Галаховъ долго еще сидѣли на скамейкѣ и разговаривали. Окно въ комнатѣ Раевского было от-

крыто, и онъ слыхалъ ихъ голоса, которые четко звучали среди ночи.

— Я бы повѣсилъ васъ, дядя, за такіе взгляды,—гудѣлъ Денисовъ,—и не чувствовалъ бы угрызеній совѣсти. Нужно говорить прямо и свободно, а не скулить!

Раевскій лежалъ и думалъ: кто изъ нихъ правъ—Галаховъ или дядя? Если жить только для того, чтобы умереть и больше не воскреснуть,—то дядя правъ. А если жизнь имѣетъ значеніе не только сама по себѣ, но и ради будущаго царства правды,—Галаховъ говорить вѣрно.

Мысли Раевского были прерваны тупой болью, которая снова появилась въ рукахъ. Руки ныли и становились какъ будто деревянными. Раевскій сѣлъ на постели и широко раскрытыми глазами съ ужасомъ смотрѣлъ передъ собою. Опять зловѣщія боль. А доктора увѣряли, что болѣзнь поддастся леченію и пройдетъ совсѣмъ...

Л. М. Добронравовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА ¹⁾.

Домъ Бѣгичевыхъ.—Орденъ по ошибкѣ.—Мой первый дебютъ въ качествѣ театральнаго рецензента.—Итальянская опера.—Импессарию Морелли.—Московскіе поклонники итальянскихъ дивъ.—Дебютъ тенора Станьо.—Школьническія выходки Бѣгичева.—Горькая развязка моднаго романа.

Е МОГУ не сказать еще нѣсколькихъ словъ о домѣ Бѣгичева, бывшаго въ то время инспекторомъ репертуара московскаго Малаго театра и имѣвшаго по службѣ большое вліяніе, благодаря громадному состоянію своей второй жены, вдовы милліонера Шиловскаго.

Несмотря на то, что описываемый моментъ относится къ самому концу шестидесятыхъ годовъ, когда крѣпостное право давно отошло въ область преданія, — жизнь въ домѣ Бѣгичевыхъ всеѣмъ складомъ своимъ напоминала самое широкое и безшабашное время отжившаго роскошнаго барства и являлась почти анахронизмомъ среди окружающей среды.

Жили Бѣгичевы въ одномъ изъ домовъ, оставшихся послѣ покойнаго Шиловскаго, и занимали его весь, несмотря на то, что въ немъ было что-то около 27 или 28 комнатъ. Съ ними въ то время жили два сына Бѣгичевой отъ перваго ея брака, и молодые Шиловскіе, которымъ въ то время было одному семнадцать, а другому девятнадцать лѣтъ, вели ту же широкую барскую жизнь, не останавливаясь ни передъ какими тратами и ни передъ какими фантазіями. У каждаго изъ молодыхъ людей были свои отдѣльные лошади и экипажи, свои кучера и конюхи и свой отдѣльный штатъ прислуги. Въ общемъ это являло собой нѣчто почти невѣроятное. Лошадей на конюшнѣ было что-то нятнадцать или семнадцать, а

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣспникъ», т. СХХVII, стр. 532.

всей прислуги съ поварами и камердинерами насчитывалось до тридцати человекъ, къ которымъ еще прикомандировывались являвшіеся на дежурство казенные капельдинеры отъ театра.

За столъ не садилось меньше двадцати человекъ ежедневно, а въ дни особыхъ празднествъ и до ста человекъ, и громадные аппартаменты безъ тѣсноты вмѣщали всю эту многочисленную публику.

Денегъ проживалось немовѣрно много, и никто самъ не могъ бы дать отчета, сколько и куда онъ тратилъ. Порядка въ домѣ не было никакого, хотя объ этомъ порядкѣ съ утра до ночи съ крикомъ заботилась бывшая подруга и компаньонка Марьи Васильевны, старая дѣвица Языкова, воевавшая со всеми и не достигавшая этимъ никакого результата. Деньги лились рѣкой, прислуга была распущена до нельзя, и весь складъ жизни вполне оправдывалъ прозваніе «Бедлама», какимъ награждала бѣгичевскій домъ вся современная Москва.

Такъ, за роскошными и дорогими обѣдами, за общимъ столомъ, рядомъ со старшимъ Шиловскимъ нерѣдко сидѣлъ его бульдогъ, подвязанный салфеткой, а музыка и пѣніе за столомъ не прерывались никогда. Пѣли въ домѣ все, и старшій Шиловскій, унаслѣдовавшій отъ матери своей и ея громадный музыкальный талантъ, и ея чудный голосъ, и ея художественную передачу самыхъ характерныхъ музыкальныхъ произведеній, съ самага начала обѣда принимался уже напѣвать все слышанные имъ новые мотивы, со второго блюда уже векакивалъ и приносилъ гитару, которой владѣлъ въ совершенствѣ, а къ концу обѣда не только въ полномъ разгарѣ были все сольныя нумера и дуэты оригинальнаго концерта, но и импровизированный хоръ зачастую принималъ участіе въ программѣ.

Все это, вмѣстѣ взятое, представляло собою совершенно оригинальную, нѣсколько эксцентричную, но не лишнюю симпатичности картину.

Вообще вся жизнь этой семьи сложилась очень оригинальнымъ... чтобъ не сказать сильнѣе, образомъ. На пустяки деньги лились рѣкой, а на кровное дѣло ихъ никогда не доставало!.. Въ счетахъ, представлявшихъ къ оплатѣ въ контору молодыхъ Шиловскихъ, фигурировало по пятидесяти модныхъ тросточекъ въ одинъ осенній сезонъ—ясное доказательство, что брали ихъ въ счетъ Шиловскихъ все, кому не лѣнь было руку протянуть, и въ то же самое время жалованье многочисленной прислугѣ задерживалось по нѣскольку мѣсяцевъ...

Кстати, не могу не припомнить очень забавный эпизодъ, вполне характеризующій всю нелѣпость практиковавшихся въ домѣ порядковъ.

У Марьи Васильевны былъ въ Петербургѣ у Анничкова моста громадный каменный домъ, въ которомъ числился управляющимъ

какой-то мелкопоместный дворянинъ, сосѣдь Вѣгичевой по какому-то имѣнію, малый юркій, ловкій, но ничего собою не представлявшій. Никакимъ особымъ довѣріемъ онъ облеченъ не былъ, даже денегъ съ жильцовъ получать не имѣлъ права и прямо только «числился», но фактически не былъ управляющимъ. Въ домѣ въ числѣ квартирантовъ жилъ старшій секретарь персидскаго посольства, и когда объявлено было о пріѣздѣ въ Петербургъ персидскаго шаха, никогда до тѣхъ поръ въ Россіи не бывавшаго, то Марья Васильевна обратилась къ своему мнимому управителю съ порученіемъ всѣми силами провести идею о пожалованіи ея мужу, Владимиру Петровичу Вѣгичеву, ордена Льва и Солнца. «Левушка»—имя, подъ которымъ былъ всѣмъ извѣстенъ мнимый управляющій,—взялся исполнить желаніе Марьи Васильевны и получить обѣщаніе вѣской награды за успѣшное достиженіе цѣли.

— Ну, вѣтъ, батя, мы съ тобой и кавалерами Льва и Солнца будемъ!..—заранѣе радовалась и праздновала Марья Васильевна, обожавшая мужа.—Вотъ у насъ съ тобой такой орденъ будетъ, какого ни у кого почти нѣтъ!..

Вѣгичевъ выражалъ сомнѣніе въ успѣшности Левушкиныхъ хлопотъ, но тотъ какъ нарочно сообщалъ изъ Петербурга о вполне успѣшномъ ходѣ дѣла... и оставалось только ждать...

«Персидскій жилецъ», какъ называлъ его Левушка, потребовалъ какого-то ремонта, и Левушка, согласившись на всѣ его требованія, при этомъ ловко вернулъ просьбу объ орденѣ. Тотъ обѣщалъ положительнo и записалъ подробно имя, отчество и званіе Левушки, чтобы немедленно увѣдомить его объ успѣхѣ дѣла... Марья Васильевна ужъ и орденъ заранѣе присмотрѣла и приторговала... и каково же было ея удивленіе и разочарованіе, когда она получила изъ Петербурга отъ растерявшагося въ конецъ Левушки увѣдомленіе о томъ, что «персидскій жилецъ» все перепуталъ и что орденъ Льва и Солнца исходатайствованъ былъ не Вѣгичеву, а самому Левушкѣ...

Владимиръ Петровичъ хохоталъ, какъ сумасшедшій. Молодые Шиловскіе тоже немало потѣшались, но Марья Васильевна чуть не занемогла отъ гнѣва и досады... и новый «персидскій кавалеръ» былъ немедленно отрѣшенъ отъ должности съ запрещеніемъ когда-нибудь явиться на глаза разгнѣванной барынѣ. Куда дѣвался впоследствии злополучный Левушка, я не знаю, но ни Льва, ни Солнца Вѣгичевъ такъ и не узрѣлъ до дня своей кончины, послѣдовавшей много лѣтъ спустя, вдали отъ жены, съ которой онъ разстался и на призывъ которой даже передъ ея кончиной не откликнулся, не смотря на то, что находился въ то время въ самомъ стѣпенномъ положеніи...

Все еще довольно солидное состояніе свое Марья Васильевна завѣщала старшему сыну, Константину Шиловскому, который все-

такимъ умеръ почти въ нищетѣ, и послѣ его смерти уже дѣти его или, точнѣе, одинъ изъ его сыновей получили крупное наследство отъ рано и быстро умершаго Владимира Степановича графа Васильева-Шиловскаго, получившаго графскій титулъ путемъ женитьбы на графинѣ Васильевой, послѣдней представительницѣ рода графовъ Васильевыхъ. Сохранилось ли хотя это состояніе, или оно пошло прахомъ,—я сказать не умѣю!.. Въ общемъ, какой-то фатумъ тяготѣлъ на этихъ десяткахъ и сотняхъ тысячъ и настоящимъ образомъ не пользовался ими никто!..

Я съ Вѣгичевымъ встрѣтилась и познакомилась впервые, какъ съ инспекторомъ репертуара московскаго Малаго театра въ сезонъ 1868—1869 года, когда я въ первый разъ выступила въ отвѣтственной роли театральнаго рецензента въ серьезныхъ и въ высшей степени авторитетныхъ въ то время «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Это была свѣтлая пора газеты, и, руководимая въ литературномъ отношеніи Катковымъ и управляемая въ смыслѣ администраціи П. М. Леонтьевымъ, газета держала свое почетное знамя на высотѣ, какой ни одна почти газета не могла достигнуть впоследствии.

Театральный фельетонъ мнѣ былъ переданъ по совѣту старшаго Павловскаго, и на трудномъ въ то время поприщѣ театральнаго рецензента мнѣ пришлось смѣнить С. П. Яковлева, составившаго себѣ впоследствии и громкую извѣстность и крупное состояніе въ торговой сферѣ печатнаго дѣла, какъ устроитель и основатель нѣсколькихъ обширныхъ типографій, но какъ рецензентъ, оставившаго желать очень многого.

Дебютировала я большимъ и серьезнымъ разборомъ исполненія одной изъ крупныхъ пьесъ Мольера, и мой дебютъ,—о которомъ я уже упоминала,—оказался очень удачнымъ.

Катковъ сразу передалъ мнѣ не только сцену Малаго театра, но также и оперу, какъ русскую, такъ и итальянскую.

Труппа послѣдней въ то время, хотя и оплачиваемая казенной дирекціей, составлялась, по порученію самой дирекціи, довѣренными отъ нея лицами, которымъ и предоставлялась отвѣтственная роль, какъ бы импрессарио по довѣренности. Въ сезонъ, о которомъ идетъ рѣчь, роль такого импрессарио довѣрена была итальянцу Мерелли, юркому и ловкому человѣку, производившему на меня впечатлѣніе еврея.

Морелли, при составленіи труппы, очевидно, руководился не одною только заботой дать публикѣ хорошіе голоса и угодить ея слуху, онъ и объ органѣ зрѣнія тоже позаботился и привезъ, при знаменитой и вполне безукоризненной пѣвицѣ Арто, еще и легендарную, но почти безголосую красавицу Феруччи и плѣнительную миниатюрную Бенатти съ личикомъ фарфоровой куколки и густыми контральтовыми нотами въ голосѣ.

Въ угоду московскимъ дамамъ Морелли пригласилъ молодого и въ то время мало извѣстнаго тенора Станьо, оставившаго по себѣ не столько воспоминанія искуснаго пѣвца, сколько репутацію красавца-мужчины.

Пѣль Станьо самымъ зауряднымъ образомъ, по опъ такъ умѣло носить костюмъ и былъ во всѣхъ костюмахъ такъ безукоризненно хорошъ собой, что успѣхъ его былъ обезпеченъ съ перваго явленія его на сценѣ.

Въ этой же труппѣ находился и прекрасный баритонъ Падилла, впоследствии женившійся на Арто.

У Арто была масса поклонниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ биржевой маклеръ Элларовъ, безсмѣнно влюбленный во всѣхъ иностранныхъ примадоннъ и составившій себѣ въ этой оригинальной сферѣ довольно прочную извѣстность.

Какая бы новая труппа ни прїѣзжала въ Москву, — говорю, конечно, исключительно объ иностранныхъ талантахъ, такъ какъ отечественныхъ пѣвицъ Элларовъ не признавалъ, — онъ непремѣнно встрѣчалъ примадонну на дебютадерѣ съ роскошнымъ букетомъ цвѣтовъ, озабочивался присканіемъ ей роскошнаго помѣщенія, охотно принималъ на себя довольно крупныя подчасъ издержки, дополнялъ убранство помѣщенія кружевными занавѣсами, коврами, портъерами и дѣлалъ все это въ большинствѣ случаевъ совершенно безкорыстно, такъ какъ былъ исключительно, почти невѣроятно, безобразенъ.

За миниатюрной Бенатти, съ перваго ея выхода на сцену, сталъ усердно ухаживать очень въ то время молодой богачъ К. С. Шилловскій, а въ красавицу Феруччи безъ ума влюбился московскій аристократъ Толмачевъ, повсюду слѣдовавшій за ней, какъ тѣнь.

Это рьяное, усердно подчеркиваемое поклоненіе подало поводъ къ остроумному четверостишію, экспромтомъ сказанному графомъ Соллогубомъ, всегда своей ѣдкой и умной сатирой подчеркивавшимъ чужія слабости.

Увидавъ изъ окна промчавшуюся мимо коляску Толмачева, жившаго въ собственномъ домѣ на Пречистенкѣ, расположенной очень далеко отъ квартиры, занимаемой красивой итальянкой, по сосѣдству съ Большимъ театромъ, Соллогубъ съ напускнымъ пафосомъ воскликнулъ:

Какъ молнія изъ тучи,
Какъ громъ изъ облаковъ,
Съ Пречистенки къ Феруччи
Несется Толмачевъ!

Весь составъ этой труппы, впервые попавъ въ Россію, ни слова не понималъ по-русски.

Ихъ можно было, въ ихъ присутствіи, ругать и отчитывать какъ угодно, и ежели это сопровождалось пріятной улыбкой на лицѣ, то и съ ихъ стороны это вызывало такую же привѣтливую улыбку.

На одной изъ такихъ школьническихъ выходовъ мнѣ лично пришлось присутствовать, и этотъ комичный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень неловкій эпизодъ живо остался у меня въ памяти.

Итальянцы еще не дебютировали...

Шла одна изъ первыхъ репетицій, и В. П. Бѣгичевъ, бывший тогда инспекторомъ репертуара, пригласилъ меня вмѣстѣ съ его женой пріѣхать послушать «закрытый дебютъ» новой труппы.

Онъ зналъ, что итальянскіе пѣвцы и пѣвицы неспособны, какъ наши соотечественники, пѣть въ четверть голоса и что къ концу репетиціи они обязательно «разойдутся» и запоютъ во весь голосъ, въ особенности въ присутствіи своего новаго начальства.

Мы помѣстились въ царской ложѣ бенуара у самой сцены, и предвидѣніе Бѣгичева тотчасъ же оправдалось на дѣлѣ.

Къ концу перваго дѣйствія опера уже шла, что называется, «во всю».

Репетировался «Баль-маскарадъ», назначенный на второе представленіе, для дебюта красавицы Феруччи, и она, сильно напрягая свой небольшой голосокъ, ужасно волновалась на сценѣ.

Кромѣ заботы о голосѣ, ее, какъ оказалось, озабочивалъ еще и костюмъ.

Согласно контракту, пѣвицы могли требовать отъ дирекціи только «костюмы», «городскія» же платья обязаны были имѣть свои.

Экономная и до скудости расчетливая, какъ всѣ итальянцы, Феруччи понимала выраженіе «городскія платья» въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, подразумѣвая подъ этимъ только то, что имѣлось готовымъ въ ея гардеробѣ.

Случилось такъ, что легкаго бѣлаго платья, ни разу не надѣваннаго, у нея не было, а ни въ чемъ бывшемъ въ употребленіи она для перваго дебюта своего выходить не хотѣла.

Оставалось или заказать новое платье на свой счетъ, или попытаться затребовать его отъ дирекціи въ качествѣ необходимаго «костюма».

Феруччи выбрала послѣднее. Она по окончаніи акта подошла къ рампѣ и, почтительно раскланявшись въ отвѣтъ на привѣтливые аплодисменты жены Бѣгичева, извѣстной пѣвицы-аристократки Шиловской, обратилась къ сидѣвшему вмѣстѣ съ нами въ ложѣ Бѣгичеву и по-французски стала просить его, чтобы платье ей было сдѣлано отъ дирекціи.

Тутъ же на сценѣ былъ и режиссеръ Савицкій, ни слова не понимавшій по-французски.

Бѣгичевъ привѣтливо наклонилъ голову въ знакъ согласія, улыбнулся пѣвицѣ своей красной, обаятельной улыбкой и, обращаясь изъ ложи къ Савицкому, громко сказалъ:

— Вотъ голубчикъ, эта с. платяя себѣ казеннаго требуетъ!.. Находить вѣроятно, что ей за ея красивое рыло всё должны угождать... Провались она совѣсьмъ!.. Надо едѣлать, чтобъ отвязалась!.. Скажите тамъ въ мастерской, чтобъ сняли мѣрку и приготовили. Да ничего особеннаго чтобъ не дѣлали... Такъ, самое простое бѣлое платье... А то она (опять слѣдуетъ пѣскольго сильное выраженіе) разохотится и пойдетъ всякій день требованія заявлять! Вѣдь онѣ привыкли въ чужой карманъ залѣзать... а ужъ въ русскій-то самъ Богъ велѣлъ!..

Все это было произнесено съ самой милой, самой обаятельной улыбкой...

Феруччи, пристально слѣдившая за выраженіемъ лица начальника, тоже обаятельно улыбалась и разсыпалась въ благодарности, когда Бѣгичевъ, по окончаніи своеобразнаго монолога, обратился къ ней со словами:

— Tout sera fait, comme vous le desirez, mademoiselle! Votre desir est une loi pour nous! (Все будетъ въ точности исполнено. Ваше желаніе—для насъ законъ).

Мы, сидя въ ложѣ, едва удерживались отъ смѣха. Жена Бѣгичева, уйдя въ глубину ложи, дѣлала ему оттуда отчаянные знаки... А онъ-то разсыпается!.. Онъ-то улыбается во всю ширину своего, легендарно-красиваго лица!..

Со Станьо, отличавшимся своей по истинѣ образцовой «недалекостью», Бѣгичевъ продѣлалъ еще болѣе крупное школьничество.

Замѣтивъ, что М. В. Бѣгичева, несмотря на свои уже далеко немолодые годы, не прочь пококетничать съ красивымъ итальянцемъ, онъ пригласилъ Станьо къ себѣ обѣдать и, усадивъ его рядомъ съ собою за столомъ, принялся его тихонько увѣрять, что невозможно оказать его жесть большаго вниманія, какъ выучить наскоро русскую фразу и по-русски поблагодарить ее за обѣдъ.

Надо сказать, что Марья Васильевна, прекрасно сохранившаяся, была очень полна и сильно тяготилась этой полнотой.

Она замѣтила, что Владимиръ Петровичъ, — такъ звали Бѣгичева, — сидя на противоположномъ концѣ стола, весь обѣдъ что-то нашептываетъ безтолковому красавцу Станьо, но что именно, ей и въ голову не приходило...

За обѣдомъ, кромѣ успѣвшаго войти въ моду красиваго тенора, было еще человѣкъ двѣнадцать или пятнадцать обычныхъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ, по разъ навсегда установившемуся обыкновенію, были: П. И. Чайковскій, Н. Г. Рубинштейнъ, князь Голицынъ, адъютантъ Козловъ, два или три русскихъ оперныхъ пѣвца, молодые Шилловскіе, двѣ старыя институтскія подружки Бѣги-

чевой, сестры Языковы... все люди свои, но тѣмъ не менѣе составлявшіе въ общемъ довольно многочисленную публику...

— Владимиръ Петровичъ, что ты тамъ устраиваешь?—не безъ тревоги освѣдомилась Марья Васильевна, зная страсть мужа ко всякаго рода школьничеству.

— Ничего, положительно ничего!—откликнулся тотъ.—Станьо вотъ все по-русски учиться желаетъ!

— И пускай его учится!.. Тебѣ-то что?

— Да ровно же ничего... Конечно, пускай его учится...

А Станьо тѣмъ временемъ, приложивъ палецъ ко лбу, все что-то про себя бормочетъ, какъ это дѣлають дѣти, когда учать наизусть трудные уроки.

И вотъ, когда обѣдъ былъ оконченъ и всѣ поочередно стали подходить къ хозяйкѣ дома, чтобы поблагодарить ее, Станьо съ самодовоольной улыбкой приблизился и, оглядываясь на отошедшаго въ сторону Бѣгичева, подмигнувъ ему и ясно и отчетливо хватилъ на всю громадную залу, замѣнявшую столовую:

— Спасибо, тольстіѣ дурища!..

Невозможно передать подавляющій эффектъ, произведенный этимъ «милымъ вниманіемъ».

Марья Васильевна положительно остолбенѣла...

«Толстая дурища», очевидно, было, въ глазахъ Станьо, комплиментомъ.

Владимиръ Петровичъ, очень неразборчивый въ выборѣ своихъ шутокъ, падалъ отъ хохота... Молодежь тоже фыркала, бессильная преодолѣть порывы невольной веселости, а придурковатый теноръ опѣшилъ совершенно и стоялъ, видимо, весь охваченный удивленіемъ, что вниманіе его такъ мало оцѣнено...

Въ общемъ Станьо очень дурно отплатилъ Бѣгичевымъ за ихъ широкое, барское гостепримство и, уѣзжая обратно въ Италію, смазилъ и увезъ съ собой жившую въ ихъ домѣ молодую дѣвушку, близкую родственницу Марьи Васильевны, почти усыновленную Бѣгичевыми.

Впослѣдствіи бѣдняжкѣ пришлось вернуться въ Россію, но уже съ ребенкомъ на рукахъ, навсегда лишившись широкаго и благодѣтельнаго гостепримства нѣкогда близкаго ей родственнаго дома. Поставленная въ безысходное положеніе, она подкинула ребенка къ воротамъ Бѣгичевского дома, гдѣ, по словамъ стоустой молвы, его уже заранѣе ожидали и гдѣ онъ былъ принятъ и окруженъ самымъ нѣжнымъ попеченіемъ.

Что случилось съ нимъ впослѣдствіи, я не знаю, какъ не знаю и того, жива ли нѣкогда хорошенькая и жизнерадостная Варенька Гурова?

Слухи послышались, что послѣ невольной разлуки съ ребенкомъ она поступила на провинціальную сцену, вынесла много неудачъ и въ

бессильной борьбѣ съ угнетавшей ее судьбой пристрастилась къ чарочкѣ.

Всѣ, кто ее прежде зналъ, искренно о ней пожалѣли. Это было милѣйшее, симпатичнѣйшее созданіе, погибшее жертвой безпощаднаго каприза придурковатаго моднаго красавца...

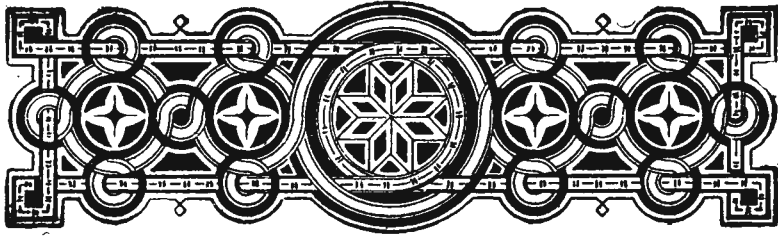
Что касается Станьо, то онъ умеръ сравнительно очень недавно, богатымъ человѣкомъ и счастливымъ семьяниномъ.

Чужое горе, очевидно, пошло ему въ прокъ. Впрочемъ, умственно и нравственно это была такая отрицательная величина, что къ нему и относиться строго нельзя.

На Станьо какъ нельзя болѣе оправдывалась та поговорка, которая гласитъ: «Глупъ, какъ теноръ».

А. И. Соколова.

ГОСПОДА ПРУССАКОВЫ.

I.

ГОРОДЪ ОША въ то далекое время, о которомъ я хочу говорить, былъ очень грязнымъ и захолустнымъ мѣстомъ. Когда-то онъ считался пограничною крѣпостью и игралъ довольно видную роль въ войнахъ между Россіей и Польшей. Здѣсь въ 1812 году отдыхалъ Наполеонъ нѣсколько дней послѣ неудачъ русскаго похода. Превращенная въ уѣздный городъ, маленькая Оша захирѣла. И неудивительно. Населявшіе ее жидки были въ большинствѣ «слимозарный» народъ (бѣдняки), привыкшіе, по выраженію поэта: ложася спать, не вѣдать, чѣмъ будетъ завтра пообѣдать.

Городъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ несудоходной рѣки Ошицы при впаденіи ея въ Днѣпръ. Лѣвый берегъ высокъ, правый—низменный, болотистый.

На немъ лежитъ старый поселокъ, ютятся въ беспорядкѣ еврейскія хибарки, нѣкогда крытыя тесомъ или дранками, покривившіяся, съ маленькими запыленными оконцами и неизмѣнными принадлежностями еврейской архитектуры—крылечками на столбикахъ; высятся каменный костель, съ передняго фаса украшенный двумя устремленными въ небо башенками и окруженный кладбищемъ съ десяткомъ старыхъ березъ, погнутыхъ осенними бурями. На базарной площади—обширномъ не мощенномъ пустырь—обычно торгуютъ десятка три старыхъ евреекъ, по зимамъ возсѣдающихъ на горшкахъ съ тлѣющими углями для теплоты и частенько при этомъ под-

паливающих свои лохмотья. Въ базарные дни тутъ идетъ вѣковѣчный споръ изъ-за грошеваго гешефта между голодными жидками и туповатыми, малоразвитыми бѣлоруссами.

На лѣвомъ, возвышенномъ берегу, гдѣ пѣкогда стоялъ укрѣпленный замокъ Сапѣгъ, видны, у самаго обрыва днѣпровскаго берега, развалины громаднаго іезуитскаго монастыря, обращеннаго въ склады; тянутся, образуя двѣ длинныхъ улицы, обывательскіе дома почище и понаряднѣе, принадлежащіе окрестнымъ помѣщикамъ и евреямъ позажиточнѣй. Но и между этими шейне-морейне (благородными) евреями капиталистовъ въ то время не было. Ошскіе зажиточные жидки могли хвалиться развѣ только тѣмъ, что на шабашъ у нихъ всегда хватало на щуку съ перцемъ въ соусѣ изъ шафрана и на цимесь—запеченную лапшу, тоже съ перцемъ.

Ошскіе евреи были народъ смиренный, простой, слегка грамотный, говорившій на полурусскомъ, полупольскомъ діалектѣ; сознательныхъ между ними совсѣмъ не было, и никто въ тогдашней Ошѣ не говорилъ, какъ говорятъ нынѣшніе евреи, презрительно и высокомерно:

— Мы—первая нація въ мірѣ.

Городничій, отставной поручикъ Бруновъ, ходившій въ заплазанномъ сюртукѣ, человекъ глуповатый до того, что даже взятки за него брала жена, и тотъ внушалъ почтеніе и даже страхъ смиреннымъ ошскимъ жидкамъ. Про помѣщиковъ и говорить нечего. Помѣщики въ то далекое время составляли въ провинціи всю силу. Въ ихъ рукахъ была юстиція (палаты уголовная и гражданская, уѣздные суды—предсѣдатель и члены по выбору); полиція—земскій судъ и исправники. Губернскій предводитель считался выше губернатора, а помѣщики побогаче даже частенько грубили начальникамъ губерніи—помпадурамъ изъ генераловъ, неразвитымъ и очень часто небогатымъ.

Помпадуры сидѣли по губернскимъ городамъ, обзаводились помпадуршами и наживались. Они и не думали соперничать съ благороднымъ дворянствомъ. Если многодушный помѣщикъ не очень угнеталъ крѣпостныхъ (не доводилъ до неповиновенія), если у него не случалось умертій отъ неизвѣстной причины, онъ былъ застрахованъ отъ всяческаго вмѣшательства губернской власти въ его дѣла.

Жизнь для избранныхъ тянулась вѣчнымъ праздникомъ. Ну, для прочихъ сословій, а въ томъ числѣ и для жидковъ, бывала иной разъ и тяжеленькимъ грузомъ.

II.

Между ошскими шейне-морейне (благородными) первыми считались Пруссаковы. Семью ихъ составляли: отецъ Соломонъ (Шліома), почтенный, сѣдобородый старикъ, но, къ несчастію, любившій вы-

пить, что между трезвымъ Израилемъ большая рѣдкость. У него было трое сыновей, впоследствии славою своихъ подвиговъ по части чудовищныхъ гешефтовъ удивившихъ всю Россію и умершихъ, какъ это ни странно для ошскихъ полуграмотныхъ мѣщанъ—превосходительствами.

Старшій изъ сыновей, Яковъ Шліомовичъ, черноволосый, черноглазый, съ небольшою подстриженною бородкою, всегда чисто и опрятно одѣтый, деликатный и приличныхъ манеръ, былъ извѣстенъ не только въ самой Ошѣ, но и въ уѣздѣ, какъ еврей честный и неглупый. Честенъ онъ, впрочемъ, былъ скорѣе согласно еврейской, а не общепринятой этикѣ; держалъ данное слово, иногда даже съ ущербомъ для себя; не набрасывался безъ разбора на всякій гешефтъ и не очень придерживался всѣхъ отяготительныхъ правилъ священнаго талмуда. Свинины, правда, не ѣлъ, но и не глядѣлъ на нее съ омерзѣніемъ. Женѣ своей въ микву садиться позволялъ, но требовалъ отъ старыхъ жидовокъ, блюстительницъ миквы, чтобы онѣ передъ купаніемъ г-жи Сорки воду въ миквѣ непременно перемѣняли. Янкель не прочь былъ почитать газеты и даже журналы. Съ нимъ можно было разговаривать, не опасаясь наткнуться на каменную стѣну тупоумнаго непониманія всего того, что выходило за предѣлы гешефтовъ, гельдочекъ и пруцентовъ. Я въ то время только что былъ назначенъ помощникомъ ошскаго окружнаго начальника государственныхъ имуществъ. Окружнымъ начальникомъ былъ Иванъ Бруевичъ, человекъ пьяный и неистовый сѣкунтаторъ мужицкихъ спинъ. Другіе чиновники захолустнаго городка были всѣ подъ стать Бруевичу. Скучно было жить... Молодой и довольно-таки легкомысленный мечтатель, я, надо сознаться, едва ли серьезно относился къ моей нелегкой служебной задачѣ: управлять тремя волостями съ двухтысячнымъ населеніемъ, плутоватыми писарями и такими же старшинами. Впрочемъ, никакое разумное управленіе, въ смыслѣ попечительства, было и немислимо. И палата и окружной Бруевичъ требовали одного: безнедоимочнаго пополненія недоимокъ и окладовъ. При неуспѣшности поступленій въ ходъ пускались розги. Драли домохозяевъ, пока не уплатятъ, не мирволя при этомъ ни полу, ни возрасту.

Не сочувствуя такимъ приѣмамъ управленія, я больше сидѣлъ дома, читалъ газеты и журналы, благо управляющимъ палатою былъ мой близкій родственникъ Г—кій, и я могъ не опасаться гнѣва Бруевича и игнорировать его требованія: сѣчь! непременно сѣчь, пока, каналы, не заплатятъ!

А каналы эти, особливо весною, были и нищи и голодны.

По неимѣнію другого общества (пьяныхъ я не выношу) я радъ былъ бесѣдовать съ умнымъ Янкелемъ Пруссаковымъ. Онъ заходилъ ко мнѣ частенько, обычно поутру, одинъ или въ сопровожденіи брата Шмуйлы.

Шмуйла, второй изъ братьевъ Пруссаковыхъ, и есть главный герой настоящаго разсказа. Впослѣдствіи онъ превратился въ великаго строителя желѣзныхъ дорогъ и изумительнаго по дерзкой отважности гешефтмахера-милліонера и умеръ, кажется, тайнымъ совѣтникомъ. Но объ его карьерѣ поговоримъ въ другомъ мѣстѣ. Шмуйла Пруссаковъ, какъ я его тогда помню, былъ рыжій, коренастый, высокій и молчаливый еврейчикъ. Онъ носилъ довольно грязную ермолку, пейсы и на груди—цыцелы, родъ полотенца съ прорѣзомъ для головы и бахромой изъ узелковъ. Длиннополый бахонъ его оказывался часто потертымъ и съ прорѣхами.

Еврейямъ талмудъ запрещаетъ самимъ или ихъ женамъ чинить одежду, такъ какъ это значитъ отнимать хлѣбъ у портныхъ. Въ этомъ и разгадка страннаго, на первый взглядъ, факта, что и состоятельные евреи ходятъ иной разъ въ изорванномъ платьѣ. Молодой Шмуйла ни къ какому дѣлу тогда еще не пристроился и, какъ самъ объяснялъ, хлѣбъ у отца даромъ хлѣбъ, что у евреевъ, для взрослого, считается очень непохвальнымъ. Приходя ко мнѣ съ братомъ, а иногда и одинъ, онъ въ отвлеченныя бесѣды вступалъ рѣдко, а все больше норовилъ чѣмъ-нибудь услужить. Если случалось, что мой кучеръ отлучался съ лошадьми въ кузницу или на водопой, Шмуйла ставилъ самоваръ, бѣгалъ за булками къ длинной Гиндѣ, торговавшей напротивъ моей квартиры, и очень усердно чистилъ платье и наводилъ глянецъ на мои сапоги. Кланялся всегда низко; безъ приглашенія не садился и на обычную мою фразу:

— Шмуйла! наливайте же и себѣ чаю,—неизмѣнно отвѣчаль многочисленными благодарностями.

Когда мнѣ случалось заводить отвлеченный разговоръ съ его братомъ о правительствѣ, правахъ евреевъ, о причинахъ Восточной войны (тогда такія разсужденія были въ модѣ) или увлекаться иллюзіями о скоромъ превращеніи Россіи въ счастливую Аркадію, въ страну, текущую млекомъ и медомъ (гдѣ вы, свѣтлыя мечты моей юности?), онъ съ азартомъ сомнительной, впрочемъ, искренности изображалъ на своемъ лицѣ восторгъ и, причмокивая, говорилъ брату:

— Нашъ агресере пориць (уважаемый господинъ) какъ хорошо говорить, Янкель! гереть ду? Ай вай, какъ хорошо!

Онъ мнѣ льстилъ, заискивалъ, а мои розсказни, какъ я и тогда догадывался, нимало его не интересовали. Шмуйла былъ то, что называется, практикомъ, до мозга костей практикомъ и въ этой сферѣ показаль себѣ докой и докой съ хитрецей—себѣ на умѣ.

III.

У Шмуйлы былъ попорченъ правый бокъ. Случилось это съ нимъ слѣдующимъ образомъ. Передъ Севастопольской кампаніей, когда онъ былъ еще подросткомъ лѣтъ двадцати, пришелъ въ Ошу на

стоянку полкъ. Офицеры отъ скуки проводили цѣлые дни за выпивкой и картами въ единственномъ городскомъ трактирѣ. Стояла мокрая осень. Грязь, особливо на правомъ берегу Ошицы, была невылазная. Извозчиковъ, конечно, не имѣлось. И къ услугамъ господъ офицеровъ, если они не желали утопать въ грязи при возвращеніи на квартиры, являлись услужливые и на все за деньги готовые жидки.

Жидокъ за два золотыхъ, а то и за цѣлый кербель (рубль) обращался въ коня. Офицеръ усаживался къ нему на шею и свѣшивалъ на грудь ему свои ноги. Еврей, держа руками офицеровы ноги, чтобы тотъ какъ-нибудь не соскользнулъ, сторбившись, рысью или шагомъ, относилъ гашпадина капитана или поручика на его квартиру. Если офицеръ былъ подъ шифе (вышившій), или просто озорничалъ, онъ по пути шпорилъ своего коня-жидка. Бѣднымъ Ицкамъ и Мордкамъ тогда приходилось плохо. Но дома у каждого были бахуры (дѣти), иныхъ заработковъ не оказывалось, и Израиль терпѣлъ.

Тогдашнія офицерскія шпоры были съ острыми колечками.

— Ой! вай миръ гевульть!—воили только пришпориваемые офицерскими шпорами жидки.

Шмуйлъ Пруссакову буйный и пьяный майоръ С. сильно поранилъ шпорою бокъ. Знаки отъ майорскихъ шпоръ остались у него на всю жизнь, даже и тогда, когда онъ превратился въ тайнаго со-вѣтника и запанибрата (на дружеской ногѣ) обѣдывалъ съ министрами.

Узнавъ о такомъ казусѣ со Шмуилою, я упрекнулъ зашедшаго ко мнѣ Янкеля:

— Ну, какъ же вамъ можно было допустить, чтобы вашъ братъ развозилъ на своей спинѣ пьяныхъ офицеровъ? Все же вы довольно зажиточные торговцы въ Ошѣ. И вдругъ вашего Шмуилу, точно кобылу, шпорить какой-то забулдыга и портить ему бокъ.

Почесавъ переносицу и поскребавъ спину въ знакъ недоумѣнія, добродушный Янкель отвѣтилъ:

— Что вы хотите, гашпадинъ! Трудно намъ, жидкамъ, добывать хлѣбъ. И нашъ Шмуила все же зарабатывалъ.

— Зарабатывалъ... Но какъ? превращаясь въ лошадь.

— А что ему дѣлать? Вотъ и теперь, бѣдняга, никуда не пристроенъ, а пить, ѣсть и одѣваться надо. Одно моего заработка на всю семью не хватаетъ.

Янкель говорилъ искренно и даже вздохнулъ.

— Не грѣшите, Янкель. Вы арендуете семь казенныхъ корчемъ (кабаковъ въ казенныхъ селеніяхъ) и хорошо зарабатываете.

— Ну, зарабатываю... Шмуила выросъ—женить его надо. Деньги нужны.

— Отчего же надо непременно Шмуилу женить?

— Таковъ нашъ еврейскій обычай. Молодой человѣкъ балуется. Развѣ, по-вашему, лучше: до тридцати лѣтъ не женятся и балуются? Вотъ Шмуїла былъ въ Кишиневѣ, когда война была, маркитантомъ пробовалъ нажить, терпѣлъ горе и всякую нужду.

— И что же?

— Безъ штановъ вернулся домой. Богъ ему счастья не далъ. Цукерманъ изъ Могилева—такъ слизозарный (не стоящій) еврейчикъ былъ—сотню тысячъ нажилъ; Черномордикъ Залманъ изъ Витебска въ богачи вышелъ, а Шмуїла безъ счастья.

— Подождите! будетъ и ему удача.

Глаза у Янкеля при этихъ словахъ блеснули, и онъ оживленно заговорилъ:

— Ну, господинъ! можетъ, вы и правы. Янкель въ прошломъ году ѣздилъ въ Любовичи, къ святому цадикъ Менделю, спрашивалъ его про свою судьбу. И знаете, что ему святой человѣкъ нашъ Мендель предсказалъ? Будешь, сказалъ, милліонеромъ и умрешь большимъ человѣкомъ, генераломъ.

— Что? что такое?—переспросилъ я, не вѣря своимъ ушамъ.

— Ну, то, что Шмуїла умретъ генераломъ.

— Чортъ знаетъ, что за галиматю несете вы, Янкель!—расхотался я.

Превращеніе въ генерала опскаго мѣщанина и малограмотнаго жидка казалось мнѣ тогда совершеннымъ абсурдомъ.

Янкель и самъ нѣсколько смутился.

— Вретъ вашъ цадикъ, обманываетъ, чтобы выманить деньги.

— Какія деньги у Шмуїлы? Три карбованца всего и далъ. Цукерманъ два ста карбованцевъ далъ, а все же ребѣ Мендель ничего ему хорошаго не предсказалъ.

— Такъ-то такъ, а все же Шмуїлѣ вашему генераломъ не бывать.

— И я такой мысли,—согласился Янкель:—а вотъ Шмуїла, что вы хотите—вѣрить.

Я очень часто послѣ этого, шутя, титуловалъ Шмуїлу вашимъ превосходительствомъ. Онъ смѣялся, но... но едва ли искренно.

IV.

О третьемъ Пруссаковѣ, Лейзеркѣ, говорить, пока что, много не приходится. Онъ превратился въ крупнаго дѣятеля много позднѣе. Тогда (въ пятидесятыхъ годахъ) это былъ шустрый, черноглазый, рыжеватый бахуръ (ребенокъ). Дома его баловали. Онъ бѣгалъ по Ошѣ въ грязныхъ штанишкахъ, изъ разрѣза которыхъ позади выглядывалъ клокъ рубашки въ видѣ хвоста. Мальчишка онъ былъ злой. Запустить камнемъ въ кошку или собаку было у него первымъ дѣломъ. Христіанъ онъ ненавидѣлъ и господствующею страстью у этого несимпатичнаго ребенка была страсть къ деньгамъ. Про него

нянька рассказывала, что, когда онъ былъ совѣтъ еще маленькимъ, онъ не разъ рвался съ ея колѣвъ и лѣвъ въ печку, наполненную горячими углями, думая, что это золото. Подросши, Лейзерка подбиралъ монеты, какія попадались ему, и изъ опасенія, чтобы ихъ у него не отобрали, засовывалъ въ ротъ за щеку, къ великому отчаянiю матери, справедливо боявшейся, какъ бы онъ не подавился. Однажды нѣчто подобное и случилось съ Лейзеркой: доктору пришлось щипцами доставать старый пятакъ, который онъ стянулъ у матери и слишкомъ далеко зачихалъ въ ротъ.

Лейзерку въ Ошѣ дразнили, называя опоганеннымъ. Злобный жиденокъ умышленно, украдкою учинялъ пакости на ступенькахъ крылецъ помѣщичьихъ домовъ. Поймавъ его на мѣстѣ преступленія, старый суровый капитанъ Хлодзинскій воздалъ ему по дѣламъ, уткнувъ мордою въ нечистоты. Жидки всполошились. Старуха Пруссакова за опоганеніе любимца вошла, что поѣдетъ съ жалобою къ губернатору, къ самому царю. Благодушному Янкелю долго не удавалось умиротворить обиженныхъ израильтянь.

Странная логика у евреевъ: то, что они дѣлають дурно,—это ничего. Но если имъ отвѣтятъ тѣмъ же, сейчасъ гевалтъ, смертельная обида. Лейзерка выросъ и, въ концѣ минувшаго столѣтiя, въ Бѣлокаменной, превратившись въ банкира, жестоко отплатилъ западному дворянству за свое опоганеніе. Изъ его школы вышелъ Герц—нъ, сочинившій иллюминаціи помѣщичьихъ усадебъ. Кто бы могъ ожидать, чтобы бѣгавшій по захолустной Ошѣ жиденокъ въ грязныхъ штанишкахъ тоже превратится въ превосходительство и сумѣетъ нагрѣть государственный банкъ на десятки милліоновъ. Однако именно такъ случилось.

Судьбы твои неисповѣдимы, о, Господи!

V.

Настала зима, скучная и въ тотъ годъ обильная крутыми морозами. Снѣга завалили узкія лѣсныя дороги между селеніями, а ѣзда на плохихъ крестьянскихъ лошаденкахъ, особенно ночью по бѣлорусскимъ, тогда еще нетронутымъ борамъ, даже была и небезопасна. Голодные волки ходили большими стадами, врывались въ деревни и въ самой Ошѣ, по предмѣстьямъ, хватали, не стѣняясь, жидовскихъ козь. Бѣжавшаго изъ Могилева деревенскаго попика свирѣпая стая растерзала. Только обглоданный остовъ лошади и ключья поповской шубы указали мѣсто ужасной драмы. Но ѣздить все же было необходимо. Палата требовала «наискорѣйшаго» взысканія недоимокъ. Окружный начальникъ Бруевичъ хмурился на меня за промедленіе.

— Съчь ракалій надо, а онъ болтаетъ,—говорилъ онъ про меня.— Убѣждаетъ: платите. Какъ же, ожидай, такъ они и заплатятъ. Нѣтъ-

съ, я двадцать пять лѣтъ вожусь съ хамами. Рубля не вынетъ мужикъ, пока его трижды не выпорешь.

И я ѣздилъ по волостямъ и, случалось, сбѣкъ. Высѣкалъ недомки, какъ тогда острили въ палатѣ. Если мнѣ приходилось кому-нибудь помирволить, неизмѣнно получалось изъ Могилева отъ моего родственника Г-аго укорительное письмо съ намеками, что я его компрометирую своею бездѣятельностью.

Не сбѣжъ недоимщиковъ и вообще крестьянъ, видите ли, въ тогдашнемъ управленіи государственныхъ имуществъ значило быть бездѣятельнымъ.

Возвратясь изъ одной такой высѣкательной поѣздки, я послалъ за Янкелемъ Пруссаковымъ: одинъ изъ его приказчиковъ, сидѣвшій въ казенной корчмѣ, очень ужъ грабилъ народъ, и надо было его унять. Янкель не замедлилъ явиться. Безъ спора, очень охотно согласился удалить грабителя-приказчика Мордку и сообщилъ, что онъ побывалъ въ Могилевѣ и самого губернатора Скалона видѣлъ.

— Оцынъ ужъ онъ хворь, а жениться собирается.

— Вотъ какъ? А на комъ?—полюбопытствовалъ я.

— Ну, на богатой пани, на Гольнской. И невѣста такая большая, а онъ такой худенькій и маленькій. Ничего не будетъ.

— Зачѣмъ же ты, Янкель, ѣздилъ въ Могилевъ? Губернатора видѣть зачѣмъ это тебѣ понадобилось?

— Брата Шмуїлу отправляю въ Смоленскъ. Евреямъ тамъ жить не дозволено. Пришлось выправлять особый паспортъ.

— И дали тебѣ паспортъ, выправилъ?

— Ну, а то какъ же?! Заплатилъ пятьдесятъ рублей—и выправилъ.

— Ого! какъ много,—удивился я. — А зачѣмъ Шмуїлѣ понадобилось ѣхать въ Смоленскъ?

Янкель, почтительно сидѣвшій у дверей на стулѣ со стаканомъ чаю, приподнялся, поставилъ чай на подоконникъ и конфиденціально шепнулъ:

— Счастье ему, господинъ, выпало. Охъ, какое большое счастье!

Причина поѣздки Янкеля была такая: тогда строилось шоссе изъ В. въ Смоленскъ. Работами завѣдывалъ инженеръ Воронежъ. Сообразительный путеецъ нашель, что было бы недурно быть вмѣстѣ строителемъ и подрядчикомъ, сдавъ подставному лицу по контрактамъ всѣ работы. Въ виду этого имъ былъ выписанъ Шмуїла изъ Оши. Пруссаковыхъ Воронежъ зналъ за честныхъ и неглупыхъ евреевъ. Довѣряя Шмуїлѣ контракты и залоги, онъ немногимъ рисковалъ: какъ производитель работъ, инженеръ всегда могъ сократить и въ конецъ уничтожить подставного подрядчика. Шмуїлѣ было обѣщано вознагражденіе двадцать процентовъ съ чистой прибыли.

— И Воронежъ его не обсчитаетъ?—допрашивалъ я Янкеля.

Онъ развелъ руками и неопредѣленно отвѣтилъ:

— Мозе, охъ! одинъ мозе и обсчитаетъ. Насъ, жидковъ, всѣ обижаютъ. Вотъ вчера городничій сорвалъ съ меня пятерку. Дворъ, видите ли, я не чищу. А кто въ нашей Ошѣ дворы чистить? Все же нашему Шмуйлѣ Богъ счастье послалъ: заработаетъ. Рабочихъ онъ будетъ нанимать и расчитывать.

— И обсчитывать будетъ,—поправилъ я Янкеля.

Янкель многозначительно усмѣхнулся.

— Ну, такъ что жъ, коли и обсчитаетъ. На что мужику деньги! Пьяницы—все равно пропьютъ. Чего вы хотите? Шмуила и водки для нихъ припасъ. Нельзя иначе дѣло вести.

«Этика своеобразная, настоящая еврейская», подумалъ я. Но спорить съ Янкелемъ и убѣждать его, что рабочихъ обсчитывать нехорошо, я и не пробовалъ: все едино никакого толку не вышло бы.

VI.

Продолженіе исторіи Шмуилы очень характерно.

До окончанія работъ на смоленскомъ шоссе Воронежъ внезапно умеръ на одной изъ строившихся станцій. И изъ подставного, зависимаго подрядчика Шмуила вдругъ превратился въ настоящаго производителя работъ, изъ опскаго байгуша (бѣдняка) сталъ капиталистомъ. Залогъ достался ему. Расписка, обязывавшая его не касаться залоговъ, была выкрадена или просто затерялась въ бумагахъ Воронца.

По еврейскому міровоззрѣнію, это значило, что Богъ Шмуйлѣ счастье далъ. Шоссейныя работы онъ окончилъ благополучно. Приѣхавъ въ Ошу повидаться съ отцомъ, онъ зашелъ ко мнѣ. Но это былъ уже не прежній Шмуила, или, какъ его сокращенно звали, Шмуль. вмѣсто балахонъ на немъ былъ приличный черный скюртукъ; пейсы и засаленная ермолка отсутствовали.

— Въ Смоленскѣ ходить въ пейзахъ было неловко, — объяснялъ онъ.

Руку онъ мнѣ подаль, какъ рваному, и на стулъ усѣлся совершенно свободно, не ожидая приглашенія; разговоры вель дѣловые, солидные и, что главное, выучился говорить по-русски очень порядочно, не прицмокивалъ и за каждой фразой не повторялъ уже свое любимое: герсть ду!

— Шмуила твой далеко пойдетъ,—сказалъ я Янкелю, не скрывавшему своего восторга отъ скорой цибулизаціи брата.

— Что вы хотите, гашпадинъ? У него голова... Ахъ, какая хорошая у Шмуилы голова. Мы просто дивимся, какъ онъ бойко расчитываетъ.

— Такъ-то такъ. Но видите ли, Янкель, очень ужъ онъ смѣлъ сталъ въ обращеніи.

— Смѣль! отчего ему не быть смѣлымъ? У него капиталъ... Тысячь тридцать, а то и побольше.

— Капиталъ, толкують, не его, а Воронца.

— Зачѣмъ Воронца?—даже обидѣлся Янкель.—Его капиталъ. Онъ нажилъ честно. Гдѣ у госпожи Воронецъ расписки? Нѣтъ ихъ. Пустое дѣло эти ея претензіи.

Опять же повторю: противу такого взгляда, чисто еврейскаго, спорить было бы напрасною тратою времени. Уже много лѣтъ спустя, когда Шмуїла превратился въ Самуила Семеновича, былъ превосходительствомъ и считался въ милліонахъ, онъ возвратилъ вдовѣ Воронца присвоенные имъ капиталы, но только одну сумму безъ процентовъ. И то это было сдѣлано изъ опасенія скандала и огласки, на которые грозила пойти обѣднѣвшая и обобранная вдова Воронца. Юридическихъ доказательствъ у нея не было, и «желѣзно-дорожный король» считалъ себя очень честнымъ за то, что, наживъ милліоны на присвоенные капиталы своего благодѣтеля Воронца, онъ возвратилъ его семьѣ жалкія тысячи. По окончаніи шоссеиныхъ работъ Шмуїла больше, по крайней мѣрѣ при мнѣ, въ родную ему Ошу не заглядывалъ. Нелегко было ему, свѣже испеченному капиталисту, среди людей, знавшихъ его въ эпоху, когда онъ, байгушъ превращался въ коня за полтинникъ и возилъ на своей спинѣ пьяныхъ офицеровъ. Послѣ Смоленска Шмуїла снялъ въ аренду нѣсколько станцій по тракту отъ Москвы на Калугу. Удача и здѣсь ему продолжала благопріятствовать.

VII.

Дальнѣйшій мой разсказъ, касающійся Шмуїлы Пруссакова, я передаю, придерживаясь словъ его брата Янкеля. Онъ такъ былъ увлеченъ почти чудесными успѣхами брата, что много разъ и весьма подробно передавалъ мнѣ, что и какъ продѣлывалъ разумный Шмуїла. Въ особенности я хорошо помню и у меня даже записанъ эпизодъ знакомства почтосодержателя Пруссакова съ тогдашнимъ министромъ почтъ Иваномъ Матвѣвичемъ Толстымъ. Точно опредѣлить дату не могу, но только это было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ свое имѣніе въ Калужской губерніи ѣхалъ министръ почтъ Иванъ Матвѣвичъ Толстой. Это было, какъ описываютъ поэты, ранней весною. Молодой, яркою зеленью опушались лѣса; солнце ярко блестѣло съ безоблачнаго синяго неба. Только на далекомъ краю горизонта стоялипро зрачные вешніе туманы. Само собою, что сердце министра должно было смягчиться. Толстой, впрочемъ, и безъ того никогда не былъ грознымъ. Экипажъ его высокопревосходительства по гладкому шоссе катился быстро, безъ задержки. У первой станціи, содержимой Пруссаковымъ, Толстой увидѣлъ

на крыльцѣ рыжеватаго еврея въ приличномъ черномъ фракѣ, со складнымъ шелковымъ цилиндромъ въ рукѣ.

По рассказамъ Янкеля, министръ спросилъ:

— Это кто такой?

Чиновникъ, ѣхавшій съ министромъ, доложилъ:

— Почтосодержатель Пруссаковъ.

— Вѣроятно, съ какими-нибудь кляузами? Просить прибавить лошадей.

Подѣжавшій смотритель осмѣлился доложить:

— На станціи для вашего высокопревосходительства приготовленъ завтракъ.

— Рано еще завтракать. Запрягать!—рѣшилъ министръ.

Лошади, разумѣется, въ минуту были запряжены, и сановникъ поѣхалъ дальше.

Министровъ на Руси возять очень скоро, а Толстому, какъ главѣ почтоваго вѣдомства, запрягли самыхъ курьерскихъ. Экипажъ его катился съ быстротою вѣтра. Но приключилось нѣчто особенное. Подѣзжая къ слѣдующей станціи, на станціонномъ крыльцѣ Толстой снова увидѣлъ рыжую, типичную еврейскую фигуру во фракѣ, со шляпою въ рукѣ, отвѣшивающую ему поклоны.

Завтракъ и на этой станціи былъ готовъ и предложенъ министру, и снова дѣло не выгорѣло: приказано было запрягать лошадей, и его высокопревосходительство прослѣдовало дальше. Но на этотъ разъ Толстой милостивымъ кивкомъ головы отвѣтилъ на поклоны почтосодержателя Пруссакова.

Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалъ мнѣ Янкель.

Шестерка коней мчалась галопомъ. Только щепенка, къ приѣзду министра подсыпанная догадливымъ инженеромъ, брызгами летѣла изъ-подъ колесъ экипажа. На третью станцію министръ прибылъ около часу дня и, къ несказанному своему удивленію, снова увидѣлъ на станціонномъ крыльцѣ раскланивающагося почтосодержателя Пруссакова. Въ отворенныя окна станціи виденъ былъ прекрасно сервированный столъ съ массою цвѣтовъ. Въ апрѣлѣ нелегко было ихъ добыть, но Шмуила добыть, и Толстого тронула такая предупредительность. Министры, какъ и простые смертные, тоже могутъ чувствовать голодь. Толстой согласился принять завтракъ. Но завтракать безъ хозяина показалось неловко, и Пруссаковъ былъ приглашенъ къ министерскому завтраку. Этого именно только и добивался лукавый Шмуила.

VIII.

Иванъ Матвѣевичъ Толстой любилъ хорошо покушать и выпить и, обозрѣвая предложенный ему завтракъ, былъ пріятно удивленъ: сервировка на серебрѣ была безукоризненна. Столовое бѣлье

свѣжной бѣлизны. Цвѣты наполняли комнату легкимъ, пріятнымъ ароматомъ. Самыя аппетитныя закуски, начиная со свѣжей икры, янтарнаго балыка и страбургскаго пирога *et cetera, et cetera*, красовались на закусочномъ столнѣ. Винъ отъ Дебре высокой марки и ликеровъ было множество, и солнце весело играло на хрусталѣ граненыхъ графиновъ. Замороженное шампанское стояло тутъ же, и офиціанты изъ Москвы, почтительные, въ бѣлыхъ перчаткахъ, ожидали, когда его высокопревосходительству угодно будетъ начать лукулловскій пирь.

Много лѣтъ спустя, уже въ Петербургѣ, Янкель, когда мы съ нимъ перебирали старыя воспоминанія, такъ откровенничалъ, описывая ощущенія своего брата, когда тотъ впервые шелъ завтракать въ присутствіи министра: его сердце билось, какъ пойманная маленькая «птушечка», и ноги холодѣли. Съ самаго порога онъ кланялся, сгибаясь въ дугу, и выпрямлялся только тогда, когда министерскій чиновникъ, его представившій, шепнулъ:

— Перестаньте кланяться. Нашъ министръ этого не любитъ.

И Шмуїла выпрямился и пересталъ кланяться.

Министръ сидѣлъ на софѣ и ложкою кушалъ свѣжую икру; точно такъ же жевалъ и глоталъ, какъ дѣлаютъ это всѣ простые смертные. Рядомъ стоялъ недопитый стаканъ лафита. Ничего не было страшнаго. Толстой благодушно улыбался и даже протянулъ Шмуїлѣ два пальца, спросилъ, какъ его зовутъ, и получилъ въ отвѣтъ:

— Самуиломъ Семеновичемъ Пруссаковымъ, ваше высокопревосходительство.

— Вы еврей?

— Точно такъ.

— Это хорошо,—почему-то одобрилъ министръ и поспѣшилъ добавить:—евреи смысленный и дѣятельный народъ. Радъ познакомиться.

Отъ всякихъ просьбъ, въ родѣ добавки по станціямъ лошадей, Пруссаковъ благоразумно отказался, заявляя, что вполне всѣмъ доволенъ. Министръ назвалъ его феноменомъ между почтосодержателями, надоѣвшими ему кляузами и просьбами.

Но Шмуїла не даромъ еще въ Ошѣ слылъ смысленнымъ факторомъ; не даромъ пробылъ два года въ выучкѣ у дошлаго инженера Воронца. Онъ очень скоро осмѣлѣлъ и напелся въ присутствіи министра. Разговоръ завязался объ имѣніи его высокопревосходительства, его доходности, будущемъ устройствѣ и тому подобномъ. Шмуїла,—это доказываетъ только его умъ,—заранѣе запасся свѣдѣніями по статистикѣ толстовскаго имѣнія. Только что совершилось освобожденіе крестьянъ. На первыхъ порахъ имѣнія поте-

ряли большую часть своей доходности, и землевладельцы принялись за преобразования старого сельско-хозяйственного строя. Нечего и говорить, что большинство попыток оказались неудачными. Пострадалъ и Иванъ Матвѣвичъ Толстой. Его поэтому пріятно поразили рѣчи еврея Пруссакова и его хорошая освѣдомленность о положеніи хозяйствъ въ Калужскомъ краѣ. Онъ сталъ внимательно слушать и выспрашивать почтительно стоявшаго передъ нимъ еврея.

— Вы самородокъ, настоящій самородокъ-практикъ, — назвалъ его онъ и, потрепавъ милостиво по плечу, сказалъ:

— Перебирайтесь въ Петербургъ. Намъ такіе люди, съ такою практическою смѣткою, какъ вы, теперь въ особенности нужны.

— Никакъ мнѣ нельзя перебраться въ столицу, — доложилъ Пруссаковъ, снова почтительно сгибаясь.

— Ну? какъ васъ тамъ зовутъ? Почему нельзя?

— Я, ваше высокопревосходительство, еврей.

— Знаю. Но это пустяки. Теперь не то время, пошли иные порядки. Перебирайтесь въ столицу. Наконецъ, явитесь ко мнѣ, я помогу.

Шмуїду подмывало, по словамъ его брата, поцѣловать добраго министра, если не въ руку, то хотя бы въ плечико, какъ то принято въ сношеніяхъ съ панами въ Западномъ краѣ, но онъ сдержался и ограничился низкимъ поклономъ.

Ободрившись окончательно, Шмуїла, подавая министру пальто, упомянулъ о пивоваренномъ заводѣ въ его имѣніи. Съ его стороны это былъ очень искусный маневръ: заводъ приносилъ одни убытки, и его надо было закрыть. Другой участи онъ и не стоилъ. Но лукавый Пруссаковъ разомъ разъяснилъ нахмуренный лобъ министра упоминаньемъ объ его неудачномъ заводѣ, предложивъ взять заводъ въ аренду съ уплатою по три тысячи въ годъ.

Толстой разомъ припомнилъ, какъ зовутъ стоящаго предъ нимъ ничтожнаго еврея, и совсѣмъ уже милостиво пригласилъ Самуила Семеновича господина Пруссакова пожаловать къ нему въ усадьбу переговорить объ арендѣ завода и о прочемъ.

Это было именно то, чего Шмуїла добивался.

Будущіе убытки по арендѣ пивовареннаго завода, завтракъ на трехъ станціяхъ, вина, фрукты, цвѣты, поваръ и офиціанты, выпитые изъ Москвы, обошлись ему дорого. Но онъ не жалѣлъ этихъ расходовъ и считалъ игру выигранной. Онъ, ошкѣй Шмуїла—Шмулька байгушъ, возившій на своей спицѣ пьяныхъ офицеровъ за полтинникъ, дѣлался вхожимъ къ министру. Отнынѣ онъ уже превращался въ настоящаго Самуила Семеновича, и въ воображеніи шустрого еврейчика открывались перспективы одна радужнѣе и гешефтнѣе другой... Разница между нами, людьми арійской расы, и семитами, какъ намъ думается, заключается именно

въ томъ качествѣ, что мы рѣдко умѣемъ найтись въ кульминаціонный моментъ и выбрать наиболѣе подходящую цѣль, а семиты именно въ этомъ отношеніи доки. Затѣмъ мы колеблемся рисковать, евреи напротивъ: гдѣ запахнетъ гешефтомъ, возможностью полѣзть повыше—никогда не колеблются.

Рискъ Шмуйлы Пруссакова съ пріемомъ министра и еще болѣе съ арендою завода былъ, конечно, великъ. Онъ могъ потерять и, кромѣ протянутыхъ для пожатія двухъ министерскихъ пальцевъ, ничего не добиться. Но ужъ такая у него была натура настоящего, прирожденнаго мишуреса, рискующаго зачастую и пейсами и шеей и все же отважно врывающагося въ номеръ, занятый богатымъ паномъ, отъ котораго еврейскій пось чувствуетъ возможность поживиться.

IX.

Какъ пошли дальше дѣла Пруссакова?—спросить насъ, вѣроятно, читатель этихъ отрывочныхъ воспоминаній. Детально изложить здѣсь всю пруссаковскую интересную эпопею мы не можемъ. Предъ нами только краткія замѣтки дневника; мы пишемъ то, что сами видѣли и наблюдали, рѣдко—по рассказамъ другихъ. Такъ мы описывали эпизодъ начала сношеній Шмуйлы съ министромъ почти Толстымъ по рассказу его брата Янкеля. Но что было дальше, какъ Шмуйла превратился шагъ за шагомъ въ желѣзнодорожнаго крупнаго концессионера, это уже принадлежитъ исторіи, если только когда-либо и какимъ-либо русскимъ Тацитомъ будетъ написана исторія всероссійскаго развала, разграбленія казны и гешефтмакерства высшей школы, продѣланнаго еврейчиками въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ при постройкѣ желѣзнодорожной сѣти.

Со Шмуйлою случилось именно то, что и должно было случиться. Пивоваренный заводъ онъ передалъ нѣкому Гиршу съ доплатою: развязался съ мелкимъ, невыгоднымъ дѣломъ и осенью явился въ Сѣверную Пальмиру.

Какъ онъ получилъ концессию? Да такъ же, какъ получали другіе: Меки, Дервизы, Блюхи и т. д. Неграмотный, или, правильнѣе, полуграмотный мѣщанинъ какой-то Оши вдругъ сталъ во главѣ грандіознаго дѣла, требующаго техническихъ свѣдѣній, финансовой опытности и дѣловой умѣлости. Ничего подобнаго у Шмуйлы не имѣлось, но онъ былъ смѣлъ до дерзости при обѣщаніи промессъ, и звѣзда его среди желѣзнодорожныхъ корольковъ очень скоро ярко засіяла.

По рассказамъ, циркулировавшимъ между жидами въ Опшѣ, Толстой представилъ его нѣкоей административной особѣ, отъ которой зависѣло все. Даже и то, какъ острили петербуржцы, чтобы небо не свалилось на землю. И этой особѣ смышленный Шмуйла успѣлъ понравиться; купилъ у нея за баснословную цѣну никому

не нужный участокъ земли, добился концессіи, получили сперва коммерціи совѣтника, а затѣмъ— и статскаго.

До генеральства, предсказаннаго цадикомъ Менделемъ изъ Любовичъ, оставался одинъ шагъ.

Я здѣсь поставлю одинъ психологическій, общій вопросъ.

Какъ могъ темный любовичскій цадикъ Мендель предвидѣть и предсказать блестящую карьеру Шмуилы?

Какъ онъ могъ предсказать и мнѣ, пишущему эти строки, многое исполнившееся потомъ со мною?!

Я не берусь этого рѣшать, ни даже высказывать объ этомъ свое личное мнѣніе. Ограничусь фразой: многое есть въ природѣ, о чемъ и не снилось нашимъ мудрецамъ.

Возвращаюсь къ эпопеѣ господина Пруссакова.

То, о чемъ мы до сихъ поръ повѣствовали о его подвигахъ, было только присказкою. Настоящая сказка была впереди. У Самуила Семеновича (вчерашняго Шмуилы) явились большіе капиталы. Онъ былъ компаньономъ людей, которые одною рукою разрѣшали концессіи, а другою участвовали въ гешефтахъ и барышахъ ими же созданнаго концессіонера. Возвышенію Шмуилы, на первыхъ порахъ, главнымъ образомъ, способствовало то, что его «особы» считали ничтожнымъ еврейчикомъ, рассчитывали имъ пользоваться только какъ ширмою, бросать ему изъ милости небольшія доли изъ награбленнаго, а милліоны припрятывать въ собственные бездонные карманы.

Такъ поступать было немислимо съ ранѣ выступившими на поприще концессіонерами, уже зашибившими милліоны. Къ тому же всѣ они были люди изъ общества. Довѣриться имъ было рискованно: могли при дѣлежѣ заспорить, проговориться. А какой-то Пруссаковъ! Онъ такъ и норовилъ, въ началѣ своей карьеры, цѣловать ручки и плечики своихъ благодѣтелей. Но расчетъ оказался сдѣланнымъ безъ хозяина. Пруссаковъ далъ, правда, кое-какіе барыши тѣмъ, на капиталы которыхъ работала и благосклонностью которыхъ прикрывалъ свои изумительныя по откровенности и дерзости плутовства, но милліоны оставилъ себѣ. На поприщѣ наживы онъ былъ, какъ кто-то выразился о проституткѣ, геніалентъ въ безстыдствѣ своемъ; вгонялъ въ восемьдесятъ пять и до ста тысячъ версту желѣзной дороги по ровной степи (въ Финляндіи строили по двадцать шесть—двадцать восемь тысячъ версту чрезъ горы и болота); строилъ полотна и станціи такъ, чтобы на первой же годъ по принятіи въ эксплуатацію приходилось перестраивать дорогу псути заново, уже изъ доходовъ эксплуатаціи. Казна давала гарантіи и можно было вгонять постройку линіи, даже по существу доходной, въ такія суммы, что уплата процентовъ на занятый капиталъ становилась немислимою. И казна приплачивала и отплачиваетъ по сей день еврейскіе плутни и гешефты.

Но геніальному Пруссакову и этого было мало.

На его дорогахъ подвижной составъ былъ только въ зародышѣ, почти примитивный.

Приемная комиссія, принявъ паровозы и вагоны на одной станціи, садилась за лукулловскій ширъ, получала «барашка въ бумажкѣ», а тѣмъ временемъ разъ уже принятое имущество перевозилось на мѣсто слѣдующей приѣмки и вторично сдавалось. Принимающіе знали о такой продѣлкѣ и молчали. А если бы кто осмѣлился заговорить, такого тотчасъ же славляли подальше, на тощій казенный паекъ, или и вовсе посылали туда, гдѣ легендарный Макарь телятъ пасеть.

Главное искусство Самуила Семеновича Пруссакова заключалось въ ловкости чисто еврейской запутывать въ своихъ грабительскихъ гешефтахъ какъ можно болѣе особъ съ вѣсомъ и положеніемъ. Откроются его плутни, ему, ничтожному жидку, набившему карманъ, полбѣды, а тѣхъ «особъ», которыхъ онъ запуталъ, ожидала иная, очень непріятная перспектива: скандала и потери положенія.

Иной, опомнившись, и жалѣлъ, зачѣмъ связывался съ Пруссакковымъ, но дать дѣлу законный ходъ было во всякомъ случаѣ невозможно. Расчетъ Пруссакова былъ вѣренъ.

Шмуйла жилъ, плутовалъ во всю, ничего не боясь, и даже послѣ его смерти его плутни вліятельные люди тщательно прикрыли флеромъ забвенія.

Онъ былъ жадець, какъ Гарпагонъ, подлъ, какъ послѣдній мишуресь, но когда было нужно и выгодно, щедръ, какъ меценатъ. Скоро у него на службѣ появились полковники и генералы, бароны и князья; засѣлъ онъ въ купленный дворець промотавшагося вельможи, получилъ сперва дѣйствительнаго статскаго, а потомъ и тайнаго совѣтника. Кто у него служилъ, тотъ могъ, въ свою очередь, грабить—и вся компанія грабила.

Въ Петербургѣ мнѣ передавалъ одинъ изъ служившихъ у Пруссакова, что Толстой, послѣ отставки, имѣя денежный интересъ въ одномъ изъ банковъ нѣкогда имъ покровительствуемаго и выведеннаго въ люди самородка Пруссакова, пріѣхалъ къ нему. Эксъ-министра попросили подождать въ приѣмной. Много людей тамъ ожидало выхода обнаглѣвшаго ошскаго жидка. Ждалъ и Толстой, долго ждалъ. Наконецъ былъ допущенъ въ кабинетъ, услышалъ холодное:

— Будутъ покойны, Иванъ Матвѣевичъ, сдѣлаю, что будетъ можно. Простите, теперъ мнѣ некогда, я ѣду... меня ждеть...

И жидокъ назвалъ особу, ту самую, съ которою Толстой его нѣкогда познакомилъ.

Сходя съ мраморной лѣстницы, эксъ-министръ, вѣроятно, думалъ, какъ переменчивы времена и люди. Давно ли онъ, на станціи

подъ Калугой, подавалъ два палыда сгибавшемуся передъ нимъ въ дугу этому Пруссакову, и вотъ теперь этотъ самый Пруссаковъ небрежно принимаетъ его и сбываетъ холодною стереотипною фразою: сдѣлаю, что будетъ можно.

Х.

Мы пока что оставимъ Самуила Семеновича Пруссакова, тайнаго совѣтника и кавалера (бывшаго ошскаго Шмуйлу), подвигающагося на своемъ блистательномъ пути, и снова вернемся въ захолустную Ошу.

Тамъ все было попрежнему. Янкель Пруссаковъ арендовалъ два винокуренныхъ завода, но богачомъ не сдѣлался, только наживъ нѣсколько тысяченокъ въ роковые годы 1863—1864, когда, точно укушенное тарантуломъ, могилевское дворянство рѣшилось прикнуть къ польско-литовскому возстанію, подверглось конфискаціи, разоренію и обогатило Израиля. Лейзерка Пруссаковъ подростъ и превратился въ коренастаго, рыжаго, упитаннаго жидка и уѣхалъ въ Петербургъ къ брату—великому концессионеру Самуилу Семеновичу.

Управленіе государственныхъ имуществъ изъ Могилева переведено въ Смоленскъ; окружныхъ и помощниковъ упразднили (оставили за штатомъ), а крестьянами принялись завѣдывать посредники. Это все были новые люди, наѣхавшіе изъ Россіи послѣ 1863 г. Были между ними порядочные люди, но большинство—плохачи, не знавшіе ни края, ни людей. Израиль не преминулъ опутать ихъ сѣтью своихъ гешефтовъ и безжалостно эксплуатировалъ.

Имъ охотно раздавали конфискованныя имѣнія, но и это не упрочило ихъ положенія. Хозяйствомъ изъ этихъ «навозныхъ», какъ ихъ ядовито обзывали поляки (навезенныхъ изъ центральныхъ губерній), никто не занимался. И не умѣли они хозяйничать, и времени за служебными занятіями не было. Въ усадьбахъ ихъ поселились жидки-арендаторы и превратили дворянскія гнѣзда въ кабаки и кассы ссудъ. Это сейчасъ же сказалось даже на самой внѣшности дворянскихъ гнѣздъ.

— Точно Мамай здѣсь прошелъ,—замѣтилъ, сдѣлавъ объѣздъ по губерніи, новый губернаторъ Александръ Петровичъ Б—шевъ, смѣнившій ветхаго Скалона.

Разоренье дѣйствительно было велико. То и дѣло встрѣчались усадьбы съ барскимъ домомъ съ выбитыми стеклами въ окнахъ и заколоченными дверями, съ вырубленными садами и изсохшимъ прудомъ. Въ кухняхъ и флигеляхъ проживали арендаторы-жидки—и торговали водкою.

На вопросъ: а гдѣ же помѣщикъ? Ицки и Хаимы отвѣчали:

— Какой там помѣщикъ? Усадьба моя. Я арендую здѣсь. Ну, что вамъ требуется?

Послѣ упраздненія палаты государственныхъ имуществъ родственникъ мой Тимоѣей Тимоѣевичъ Глушенко перешелъ въ преобразованное акцизное вѣдомство управляющимъ. Съ нимъ перешелъ помощникомъ окружнаго надзирателя и я. Янкель Пруссаковъ продолжалъ пребывать моимъ домашнимъ жидомъ и попрежнему захаживалъ въ свободное время поговорить о томъ, что творилось въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ. А эпоха была любопытная: реформы слѣдовали одна за другой, за крестьянскою судебная, земство и т. д. Янкель Пруссаковъ, благодаря помощи концессионера-брата, сталъ богаче и самостоятельнѣе. Это, впрочемъ, нимало не измѣнило благодушнаго Янкеля: ходилъ онъ попрежнему въ длинномъ еврейскаго покроя сюртукѣ, уменьшилъ, но не остригъ драгоценныя пейсы и въ шапашъ не носилъ носового платка въ карманѣ. Въ моемъ участкѣ, въ секвестрованномъ имѣнии Пюроментѣ находился небольшой винокуренный заводъ, арендуемый Янкелемъ Пруссаковымъ. Практиковались ли тамъ злоупотребленія (незаконное увеличеніе затора), я сказать не могу; но если и были маленькія плутовства, то все же далеко не такія, какія практиковались почти открыто въ сосѣдней В—ской губерніи. У насъ акцизный надзоръ былъ строже.

Но прежде, чѣмъ продолжать исторію Пруссаковыхъ, такъ какъ я здѣсь привожу только отрывки изъ моихъ личныхъ воспоминаній, то и долженъ поговорить немного и о самомъ себѣ.

Для ясности и полноты разказа это вполне необходимо.

XI.

Ты убѣгаешь отъ горя, но горе, подобно твоей тѣни, повсюду идетъ за тобою, повсюду, гдѣ только свѣтитъ солнце... Не помню, кто это сказалъ, но глубокая правда лежитъ въ этихъ словахъ. И отъ горя, и отъ собственной тѣни не убѣжишь. А горе, неожиданно поразившее меня, было велико. Все было разбито и потеряно, на чемъ я строилъ свое счастье, вѣрнѣе то, что я тогда считалъ своимъ счастьемъ... Миѣ бы слѣдовало бѣжать съ береговъ Днѣпра, но я... я упорно оставался среди круто измѣнившей жизни, среди новыхъ людей, которые холодной и враждебной толпой замѣнили моихъ близкихъ и милыхъ.

Я попрежнему жилъ въ Ошѣ, служа въ акцизѣ. Къ маленькому, бѣдному городку меня что-то еще привязывало, притягивало. Онъ меня успокаивалъ, этотъ захолустный, пріютившійся на крутомъ берегу родной рѣки, среди хвойныхъ лѣсовъ и зеленыхъ холмовъ. Съ новымъ обществомъ (послѣ 1863 года) я не сходился и держался особнякомъ. Питье водки (Боже сколько ее выпивалось!), игра въ

карты по суткамъ, а то и болѣе, и хапанье безъ разбора всего, что плохо лежитъ,—возмущало меня. Кругомъ стоялъ стонъ, вельможные разорялись, вчерашніе рѣшители судебъ края норовили подѣловать въ плечико какого-нибудь исправника изъ поповичей или «по назначенію» посредника изъ навозныхъ, трепеща за послѣдніе жалкіе остатки своего бывшего благосостоянія.

Тяжелое это было время!

Проживая въ Ошѣ, благо служебной работы было немного, я вставалъ рано и уходилъ за Дибирь—въ глушь, въ поля и боры. Тамъ проводилъ я долгіе часы до той поры, когда знойные лучи лѣтняго солнца начинали сильно допекать. Что я дѣлалъ? Чего ожидалъ? Ничего не дѣлалъ и ничего не ожидалъ. Старался даже не думать. У Лермонтова демонъ говорить:

Не даль ему Господь забвенья,
Но онъ и не взялъ бы его...

Но я, напротивъ, охотно взялъ бы забвеніе, но забвенія не существуетъ. Чѣмъ дольше отходишь отъ своей потери, тѣмъ живѣе помнишь о ней, тѣмъ глубже ранять сердце прожитыя имъ печали...

Обычно, утомясь ходьбою по нашимъ чистымъ бѣлорусскимъ борамъ (безъ лиственной поросли), я любилъ усаживаться на крутой береговой обрывъ Дибра и прислушивался къ ропоту волнъ, смѣшивающемуся съ глухимъ, таинственнымъ шумомъ старыхъ сосенъ вѣковѣчнаго бора. Проходили цѣлые часы полнаго одиночества, только рѣзкій свистъ иволги нарушалъ молчаніе, да лѣсное эхо гулко повторяло стукъ дятла, долбившаго по близости кору поваленнаго бурей дерева. Но вотъ за поворотнымъ плесомъ показывалось облачко бѣловатаго дыма; что-то безтолково шипѣло и стучало. Волны начинали откатываться на песчанья отмели, по лѣсу разносился рѣзкій звукъ свистка—и пароходикъ, маленькій, грязный, запруженный до нельзя пассажирами, показывался на пустынныхъ дибровскихъ волнахъ. Шкиперъ, простой мужичокъ изъ казановъ (великороссовъ), суетился и вертѣлъ рулевое колесо; двое-трое рабочихъ бѣгали вдоль бортовъ, вымѣряя глубину и отталкиваясь шестами отъ отмелей на крутыхъ поворотахъ рѣки. Черноволосый еврейчикъ, одѣтый въ бѣлый китель съ свѣтлыми пуговицами, съ какими-то жгутниками на плечахъ, въ фуражкѣ съ галуномъ, притворялся капитаномъ и сидѣлъ важно на верху рубки. На палубѣ толпились пассажиры 3-го класса: бѣдые (слимозарные) еврейчики, спѣшившіе за гешефтами или просто на шабашъ въ какой-нибудь вонючій Конысь или столицу плутовства—Шкловъ; мужики-рабочіе съ пилами и топорами. Въ этой толпѣ выдѣлялся деревенскій батюшка, везущій свою толстоногую и широкоплечую дочку изъ пансіона на вакацію. Изъ каюты перваго класса подымался и важно на всѣхъ поглядывалъ мѣстный становой. Все это пестрое пароход-

ное населеніе, соскучившись многоверстною пустынею и ненаселенностью береговъ Днѣпра, съ удивленіемъ смотрѣло на усѣвшагося на кручѣ человекѣ. Я вынимаю платокъ и дѣлаю знакъ. Машина переставала стучать, отчаливала лодка, и вотъ я уже на палубѣ парохода.

Куда и зачѣмъ я ѣду? Это безразлично. Тоскливо. Хочется убить время, и я ѣду вверхъ или внизъ по рѣкѣ—не все ли равно.

Часа черезъ три-четыре обыкновенно высаживаюсь на какой-нибудь пристани, гдѣ и жду обратнаго парохода. Ночью, при свѣтѣ луны, пріятно возвращаться. Мракъ окутываетъ берега и лѣса, темной стѣною чернѣющіеся вдоль Днѣпра. Надъ нимъ стоятъ, по красивому выраженію Гоголя, древле разломанныя горы. На небѣ, усѣянномъ звѣздами, тускло свѣтитъ серпъ мѣсяца. Дышится вольнѣе и легче, и даже горе, свинцомъ лежащее на душѣ, отступаетъ куда-то вдаль. На короткое время, но все же отступаетъ.

Случалось въ пути разговариваться съ крестьянами, деревенскими батюшками и евреями. Все это тихій, безобидный народъ. Ихъ жизнь течетъ лѣниво

Какъ самодѣльная рослива
По тихой Волгѣ въ ясный день...

Революціонный шквалъ 1863 года прошелъ надъ краемъ и затихъ. Но глубокіе слѣды пертурбации остались. Последніе въ старомъ обществѣ евреи стали первыми; первые—дворянство—очутились послѣдними.

Къ лучшему это, или къ худшему?—задавался я вопросомъ и приходилъ къ заключенію: едва ли къ лучшему. Едва ли народу жизнь станетъ вольтгопѣе. Еврейство—это перелетныя вороны: налетѣли, поклевали и полетятъ въ иное мѣсто, гдѣ жору больше. Что имъ благо края?

Вѣдная Вѣлорусь.

Помню, все лѣто только и приходилось слышать о продажѣ помѣщичьихъ имѣній, объ описяхъ за долги или объ арестахъ за принадлежность къ мятежу недавно еще гордыхъ, многомочныхъ маршалковъ, презусовъ и т. п. личностей. То и дѣло приходилось удивляться, какъ тотъ или другой мелочной торговецъ-еврей, факторъ или просто «слимозарный» еврейчикъ вдругъ превращался въ капиталиста и переставалъ уважать и бояться даже самого «гресеръ порица» исправника

Жидокъ, игравшій роль капитана, бывало, сползалъ съ рубки и оказывался моимъ старымъ знакомымъ: факторомъ изъ гостиницы Цукермана въ Могилевѣ.

— Ицка! да ты какъ въ капитаны попалъ?—спрашиваю.

— Ну, какъ? Обнакновенно какъ: наша компанія откупила пароходы у прежней компаніи, что распорядилась дѣлами изъ Питера,

тратилась на капитановъ и управляющихъ линиями и обанкротилась.

— А ваша компанія?

— Мы не тратимся, коммерческимъ способомъ ведемъ дѣло.

— И ты капитанишь?

— И я капитаню? А чѣмъ я не капитанъ?

И бывший факторъ самодовольно охорашивался.

На замѣчаніе, что онъ, Ицка, ничего не смыслитъ въ дѣлѣ управленія пароходомъ, еврей лукаво улыбался и отрѣзывалъ побѣдительно:

— Пусть я и нечего не смыслю. Вести пароходъ не важное дѣло. А вотъ постронть дорогу потрудиѣ будетъ. Однакоже тамъ въ Питерѣ постройку отдали вы знаете кому: Шмуйлѣ Полякову. Чѣмъ онъ умнѣ меня? Инженеръ, что ли, онъ?

И въ самомъ дѣлѣ, въ душѣ соглашался я съ Ицкою: если Шмуйла строить желѣзныя дороги, отчего эксъ-фактору не быть капитаномъ надъ маленькимъ пароходомъ?

ХІІ.

Наступила зима, сколько упомню, 1866 года; началось усиленное винокурение. Дѣла стало больше. Я безъ усталы ѣздилъ и провѣрялъ заводы. Однажды ко мнѣ явился съ веселымъ лицомъ Янкель Пруссаковъ и, усѣвшись, на этотъ разъ безъ приглашенія, непривычнымъ ему свободнымъ тономъ объявилъ:

— Ну, я изъ Оши уѣзжаю.

— Какъ уѣзжаете? А ваши заводы?

— Ну, что теперь для меня значать заводы! Одно пхе!

— Вотъ какъ! Вы, Пруссаковъ, разбогатѣли. Не Шмуйла ли вамъ помогъ?

— А то кто же? Братъ зоветъ въ Петербургъ, тамъ у него большія дѣла.

Янкель Пруссаковъ наклонился ко мнѣ и, обдавая запахомъ чесноку и еще какой-то гадостью, — благочестивый Янкель ѣлъ тогда еще кошерную пищу, — фамильярно шепнулъ:

— Янкель уже статскій совѣтникъ.

— Что вы врите? Это невозможно.

— Почему невозможно? получилъ коммерціи совѣтника, какъ вы уже знаете; пожертвовалъ двадцать тысячъ и сдѣлался статскимъ. Ёду къ брату, а заводы передаю Вайштейну.

— Формально передаете?

— Нѣтъ. Залоги мои. Не могу же подарить ихъ Вайштейну. А у него своихъ залоговъ нѣтъ. Только я пришелъ заявить вамъ, что теперь хозяинъ Вайштейнъ, а я ни при чемъ.

— Вайштейнъ плутъ, гешефтмахеръ.

— Немного плутуетъ. Бѣдный онъ человѣкъ; онъ только дѣлаетъ капиталъ.

— По-вашему, выходить, тому можно плутовать, кто еще дѣлаетъ капиталъ?

— А то какъ же?—даже удивился Янкель.

На томъ разговоръ о передачѣ заводовъ Вайштейну и кончился. Мнѣ пришлось выслушать многословное описаніе богатства и значенія, которыхъ достигъ Шмуילה; объясненіе, что онъ уже не Шмуילה, а ихъ высокородіе Самуилъ Семеновичъ господинъ Пруссаковъ; что онъ держитъ на службѣ полковниковъ (инженеровъ) и одного генерала и тѣ, въ его присутствіи, безъ его приглашенія не садятся.

Мнѣ стало не то, чтобы досадно, а такъ какъ-то не по себѣ. Шмуילה, на которомъ верхомъ ѣздили по грязи офицеры, который пять-шесть лѣтъ назадъ чистилъ мои сапоги, теперь статскій совѣтникъ, и генералъ у него на службѣ. Что онъ сдѣлалъ? Ничего, если не считать грандіознаго ограбленія казны и акціонеровъ. Съ горькой ироніей, которой мнѣ не хотѣлось скрывать, я сказалъ Янкелю:

— И ты поѣдешь въ Питеръ, начнешь строить желѣзныя дороги и сдѣлаешься статскимъ совѣтникомъ?

Но Пруссаковъ такъ былъ поглощенъ своимъ будущимъ величіемъ, что даже не замѣтилъ моей ироніи. Добродушно, съ оттѣнкомъ покровительства, онъ предложилъ мнѣ:

— Бросьте Ошу. Что вамъ тутъ дѣлать? Поѣзжайте въ Петербургъ. И я и Шмуילה васъ тамъ хорошо устроимъ. Право же, поѣзжайте.

«Вотъ до чего дошли,—подумалъ я:—Пруссаковы общаются мнѣ покровительствовать». Разумѣется, отказался отъ предложенія Янкеля, и онъ ушелъ, дружески, какъ равному, пожавъ мою руку.

ХІІІ.

Прошелъ мѣсяцъ. Подходила весна. Съ востока все шире дни лѣтели, какъ говорить Феть, и солнце, морозамъ вопреки, вдоль крышъ развѣсило капли... Выкурка вина на заводахъ приходила къ концу. Окружный начальникъ Осминовскій страшно цилъ, допился до бѣлой горячки: ловилъ чертей по стѣнамъ своей квартиры, а жидковъ, плутовавшихъ на заводахъ, не ловилъ. Я исправлялъ его должность и не могъ надивиться: зачѣмъ это такое количество спирту понадобилось евреямъ на выдѣлку освѣтительной жидкости, когда этой жидкости вовсе не было въ продажѣ?

Комиссіи изъ представителя акцизнаго вѣдомства, мѣстнаго станового и понятыхъ, частенько ѣздили на заводы, преимущественно еврейскіе, вливали въ вино скипидара, дѣлавшаго вино невозможнымъ для питья, слагали акцизъ (на тысячи рублей) и выпускали безакцизный спиртъ на освѣтительные и лаковые заводы. Точно ли

спиртъ шель на лакъ и освѣтительную жидкость? Въ этомъ я сильно сомнѣвался.

— А знаете, Семень Семеновичъ,—сказаль я окружному Осминовскому.—Туть съ освѣтительными жидкостями нечисто. Жидки плутуютъ.

Осминовскій, въ халатѣ, растрепанный, съ взѣрошеною шевелюрой, не слушая меня, упорно смотрѣль въ темный уголъ.

— Поглядите, голубчикъ,—вдругъ началъ онъ неожиданно.— Видите въ томъ углу, на стѣнкѣ?

— Ничего не вижу.

— Какъ не видите? Два чертика... ползуть вверхъ. Такіе гадкіе. Рога и хвосты.

— Полноте, Семень Семеновичъ. Вы галюцинируете.

— Тоже выдумали. Я вчера на своей кровати поймалъ и раздавилъ паръ десять такихъ же чертенятъ. Все парами ползають и пищать даже, какъ ихъ раздавишь. Спросите жену.

Жена, сидѣвшая туть же съ заплаканными глазами, пожалала только плечами и шепнула:

— Не спорьте, Семень разсердится. Видите, какой онъ.

Не стоило и говорить Осминовскому о подозрѣваемомъ мною плутовствѣ евреевъ при отпускѣ спирта на освѣтительную жидкость: равно ничего бы не понялъ. Пожавъ руку его женѣ, посовѣтоваль ей не плакать и ушелъ домой. Тамъ ждали меня новыя книги журналовъ съ очерками Щедрина, очень увлекавшими меня.

Но мнѣ не долго пришлось услаждаться чтеніемъ о помпадурахъ и помпадуршахъ; еще не было одиннадцати часовъ, когда мнѣ передали присланное по эстафетѣ (телеграфа еще не было) предписаніе управляющаго акцизной системою, предлагавшаго мнѣ, за болѣзную Осминовскаго, съ полученіемъ сего немедленно отправиться на піороментскій винокуренный заводъ, арендуемый Янкелемъ Пруссаковымъ, и провѣрить подвалъ въ присутствіи понятыхъ и полиціи и составить протоколъ. Дѣло было вотъ въ чемъ: водка была тайно, безъ записей въ книгу, выпродана, а въ бочки налита вода. Ливерь, которымъ натягиваютъ вино изъ бочки, имѣль по срединѣ секретное дно. Одна половина ливера наполнялась виномъ, другую, пустую, съ длиннымъ концомъ, жидъ, смотритель подвала, опускаль въ бочку, дѣлалъ видъ, что тянетъ для пробы вино, и затѣмъ изъ наполненной виномъ половины ливера выпускаль въ стаканъ Тралеса. Комиссія записывала число градусовъ, помножала на ведра емкости бочки и составляла протоколъ. Въ бочку, якобы съ виномъ, а на самомъ дѣлѣ съ водою вливали скипидаръ, снимали акцизъ и мнимое вино-воду, только съ запахомъ водки, вывозили съ завода и, конечно, вливали въ рѣку. Жиды получали огромный барышь.

Но сами же жиды и донесли въ акцизное управленіе о мошенничествѣ на заводѣ Янкеля Пруссакова.

— Вотъ тебѣ, ребѣ Янкель, и уѣхаль въ Петербургъ строить желѣзныя дороги,—подумаль я, прочитавъ предписаніе.

Своихъ лошадей ни у меня, ни у Осминовскаго не было. Приходилось ѣхать на почтовыхъ. Ночь, грязь и накатникъ по дорогѣ, холодъ являлись очень неприятною перспективой. Но исполнить предписаніе было необходимо, и лакей мой Павелъ побѣждалъ на почту требовать перекладную телѣгу и тройку лошадей.

Оставшись одинъ, я, лежа на диванѣ, раздумываль.

Янкелю Пруссакову не избѣжать тюрьмы, Питера и концессионерства ему не видать, какъ своихъ ушей, а вѣдь онъ тутъ, пожалуй, ни при чемъ. На заводѣ распоряжается Вайштейнъ, плуть отъявленный. Попался бѣдный Янкель.

Мнѣ было его жаль, но... подѣлать ничего было нельзя: ѣхать надо и накрыть плутовъ.

Пробило половина двѣнадцатаго. Въ сѣняхъ стукнула дверь, но вмѣсто ожидаемаго Павла въ комнату вошелъ Янкель Поляковъ, мокрый отъ дождя, блѣдный и сильно взволнованный.

— Садитесь, Янкель. Что такъ поздно пожаловали? Я думаль: вы уже уѣхали въ Петербургъ?

Янкель сѣлъ, положилъ мокрой котелокъ и вздохнулъ.

— Вы получили эстафету?

— Получилъ. А вы уже знаете?

— Знаю!—отвѣтилъ Янкель и снова вздохнулъ.—Я тоже получилъ эстафету.

— Отлично. Значить, намъ и говорить не о чемъ. Я сейчасъ ѣду въ Піороментъ Какъ вы на это?

Янкель помолчалъ и съ новымъ вздохомъ спросилъ:

— А какъ вы поѣдете?

— На почтовыхъ.

— На почтѣ нѣтъ ни одной лошади. Вамъ до завтра не дадутъ лошадей.

Потомъ я узналъ, что Пруссаковъ, получивъ свою эстафету, послалъ своихъ приказчиковъ и факторовъ взять всѣхъ лошадей на станціи, а смотрителю всучилъ благодарность, и мой Павелъ получилъ категорическій отказъ дать мнѣ лошадей.

Услышавъ такой отвѣтъ хитраго еврея и дождавшись Павла, съ увѣдомленіемъ, что ранѣе завтра лошадей не будетъ, я выплилъ.

— Послушайте, Пруссаковъ, —крикнулъ я, что заставило Янкеля встать со стула.—Вы смѣтаете, что ли, надо мной?

— Ну, зачѣмъ смѣяться. Сами знаете, такое дѣло: не до смѣху мнѣ.

— Значить, въ Піороментѣ злоупотребленія?

— На знаю. Можетъ быть... Тамъ хозяйничаетъ Вайштейнъ, а на него положиться трудно.

— Но отвѣчаете за все вы?

— Я отвѣчаю. Невинно, но отвѣчу. А вы на меня сердитесь, кричите! За что гнѣбаетесь? Тутъ моей вины нѣтъ.

— Я долженъ ѣхать и поѣду сегодня. Пошлю къ исправнику, онъ дастъ лошадей.

— Исправникъ уѣхалъ въ уѣздъ. Я отъ него пришелъ къ вамъ.

— Все же вамъ, Янкель, не удастся вывернуться. Лошадей въ Ошѣ много. Заплачу десять, двадцать рублей и сегодня же поѣду.

— Въ Ошѣ вы лошадей не наймете. Еврей не пойдетъ противъ меня.

И это была правда. Пруссаковы много значили: кагалъ былъ въ ихъ рукахъ, а противъ рѣшенія кагала въ тѣ поры въ закулушной Ошѣ ни одинъ еврей и думать не смѣлъ пойти.

Въ досадѣ и раздраженіи я ходилъ по комнатѣ, раздумывая, что мнѣ дѣлать. Янкель сидѣлъ потупившись и наблюдалъ за мной. Когда мое раздраженіе нѣсколько улеглось, онъ заговорилъ:

— Послушайте меня, господинъ.

— Нечего слушать. Потворствовать плутовству я не намѣренъ.

— И не потворствуйте. Отецъ совѣтовалъ отнести вамъ тысячу рублей. Я не согласился.

— Прекрасно сдѣлали: я бы васъ съ вашей тысячей вышвырнулъ за дверь.

— Зачѣмъ меня вышвыривать. Вы лучше меня выслушайте.

— Говорите. Но прежде я пошлю Павла на слободку къ старовѣрамъ: тѣ дадутъ лошадей.

— Посылайте.

Янкель вздохнулъ. На старовѣровъ, враждебно относившихся къ евреямъ, онъ не надѣялся.

Павель ушелъ, за нимъ поднялся и Пруссаковъ, но нерѣшительно, и остановился у дверей.

— Скажу вамъ два слова.

— Говорите. Только не вздумайте уговаривать меня не ѣхать.

— Да вы и сами не поѣдете сегодня, даже если старовѣры дадутъ лошадей.

— Почему это?—удивился я.

— А потому, что вы человѣкъ справедливый.

И Янкель тихимъ голосомъ, не торопясь, объяснилъ мнѣ: въ Піороментѣ плутовалъ Вайштейнъ. Онъ, Пруссаковъ, мѣсяць уже не былъ въ Піороментѣ. За что же онъ страдаетъ? И въ какое время.... Братъ зоветь его въ Петербургъ, обѣщаетъ большія дѣла.

— А вы меня, господинъ, засадите въ острогъ за чужую вину.

Говоря это, Янкель добылъ платокъ и торопливо вытеръ глаза. Онъ заплакалъ, и было отъ чего заплакать.

Признаюсь, мое упорство сейчас ѣхать въ Піороментъ поколебалось. Въ умѣ шевельнулась мысль: да полно! правъ ли я буду, погубивъ этого Янкеля за вину Хаума Вайштейна? Честно ли будетъ разбить карьеру человѣка наканунѣ его счастья?

— Послушайте, Янкель,—началь я, остановясь противъ него.— Миѣ васъ жаль. Вы неосторожно довѣрились Вайштейну. Но что же миѣ дѣлать? Исполнить предписаніе надо; мощенничество предупредить я обязанъ.

Еврей оживился; глаза его блеснули.

— Вы хорошій господинъ. Исполняйте приказъ акцизнаго управленія, поѣзжайте въ Піороментъ.

Я съ удивленіемъ глядѣлъ на начавшаго уже улыбаться Янкеля.

— Поѣзжайте,—продолжалъ онъ,—и не падите эту шельму Вайштейна. Но только поѣзжайте, когда вамъ съ почты пришлютъ лошадей.

Пруссаковъ ушелъ. Черезъ полчаса явился Павелъ и доложилъ: старовѣръ Никандръ лошадей не далъ, а у другихъ мѣщанъ лошадей нѣтъ.

Очевидно, онъ лгалъ. Въ короткое время онъ не могъ успѣть объѣхать всѣхъ мѣщанъ въ слободкѣ. Вѣроятно, за дверями моей квартиры его ждалъ кто-нибудь изъ приказчиковъ Пруссакова и убѣдилъ, пріемомъ, обычнымъ іудеямъ, не ходить въ опасную слободку глухою полночью нанимать миѣ лошадей. Красное лицо и осоловѣвшіе глаза Павла ясно и говорили, гдѣ онъ провелъ время.

Уѣхалъ я на другой день, въ часъ пополудни. Ранѣе съ почты нельзя было добиться лошадей.

Въ Піороментѣ я встрѣтилъ Янкеля. Онъ самъ отперъ подваль... Никакихъ злоупотребленій не обнаружено.

Интимно разговаривая съ нимъ безъ свидѣтелей въ конторѣ завода, я спросилъ:

— Хотѣлъ Вайштейнъ выпустить вино безъ акциза?

— Что съ него взять. Разумѣется, хотѣлъ. Мощенникъ, я заводы отъ него отобралъ. Ицка подвальный и донесъ въ М—въ. Ему Вайштейнъ не додалъ десяти рублей. Онъ въ ливеръ и дно вставлялъ. Подумайте, изъ-за двухъ плутовъ я чуть не угодилъ въ тюрьму.

— Какъ же поправили дѣло?

— Очень просто. Съ сосѣдняго склада привезли двѣ бочки вина. Воду вылили въ рѣчку, а привезеннымъ виномъ заполнили недостатокъ. Если бы вы пріѣхали вчера, мы бы не успѣли, не справились бы.

— Я не потому не пріѣхалъ, что не хотѣлъ, а не могъ пріѣхать. Янкель засмѣялся.

— Знаете, вы миѣ все же оказали большое добро. Пусть я и еврей, а добро помню. Богъ дастъ, сосчитаемся.

Больше я Янкеля Пруссакова не видѣлъ. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ, разбогатѣлъ, тоже получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (за какіе подвиги—Аллахъ вѣдастъ) и не такъ давно умеръ

Подъ плѣнительнымъ небомъ Италіи,
Гдѣ солнце пурпурное
Садится въ морѣ лазурное...

Но со мною, за мое снисхожденіе, онъ все же рассчитался.

XIV.

Въ Огѣ я оставался на службѣ недолго — менѣе года. Послѣдовало сокращеніе числа помощниковъ окружныхъ надзирателей, и я попалъ за штатъ. Мой родственникъ, управляющій акцизомъ Г—кій, въ первую голову представилъ за штатъ меня. Пьяница Осминовскій продолжалъ пить запоемъ и ловить чертиковъ по стѣнамъ. Но онъ уцѣлѣлъ. Спрашиваю Г—скаго: какъ же такъ: пьяница на службѣ, а я —вылетѣлъ?

Г—кій былъ честный человѣкъ, но упрямый хохоль съ очень своеобразными понятіями и недалекій.

— Видишь, другъ мой,—улыцалъ онъ меня.—Я поступилъ правильно, оставивъ тебя за штатомъ и удержавъ пьяницу Осминовскаго.—Ты мой родственникъ. Если бы я оставилъ тебя на мѣстѣ, а чужого удалилъ, сказали бы: мирволлю своему. Тенерь не скажутъ, я доказалъ свое неліцепріятіе.

— На мой счетъ,—засмѣялся я.

Старикъ Г—кій нѣсколько смутился. Но скоро оправился, доказывая, что, во-первыхъ, я, повидимому, не очень жалѣю своего мѣста въ акцизѣ (это было вполнѣ справедливо) и легко найду дорогу далѣе по сердцу. И, во-вторыхъ, ловитель чертей пьянчужка Осминовскій, потерявъ мѣсто, нигдѣ другого не найдетъ, а онъ семейный.

— А какое дѣло государству до того, семейный или безсемейный плохой чиновникъ? — хотѣлъ было я сказать, и не сказалъ. Мнѣ вдругъ захотѣлось простора, воли, уѣхать куда-нибудь... Ощущеніе было похоже на ощущеніе человѣка, вырвавшагося на улицу изъ душной комнаты.

Прощай, тихая Оша, старый Днѣпръ, и вы, послѣдніе могиканы умирающей дворянской эпохи. Сколько безтолковщины, сколько ошибокъ вы натворили, но бросить въ васъ камень—не подымается рука. Души, честныхъ симпатій было въ васъ много, хотя разуму—разуму, такту мало. И теперь, сознаюсь, вспоминая старый, вымершій міръ стародворянскаго быта, на душѣ становится свѣтло.

Въ Динабургѣ жандармъ долго и усердно рылся въ моемъ чемоданѣ. Тамъ было очень мало вещей и много книгъ и рукописей.

— Нельзя васъ пропустить, — объявилъ онъ мнѣ.

— Да почему же?

— Книгъ много. И вотъ рукописи.... Надо доложить ротмистру.

Тогда существовалъ осмотръ пассажировъ, ѣхавшихъ на Вильну. Муравьева уже не было, но въ столицѣ Литвы сидѣлъ Кауфманъ, и притѣснительные порядки стали еще строже, хотя ничего похожего на инсуррекцію не было и въ поминѣ.

Явился ротмистръ въ синемъ мундирѣ, переглядѣлъ книги, развернулъ рукописи, покрутилъ усы и нашель:

— Все это надо разсмотрѣть. Нельзя вамъ ѣхать.

— И на долго вы меня задержите.

— Трудно опредѣлить.

— Господи! да что же я буду дѣлать недѣлю, а то и больше въ этомъ Динабургѣ?

Ротмистръ подумалъ съ минуту и вдругъ принялъ неожиданное рѣшеніе:

— Поѣзжайте съ Богомъ въ Вильну. Нечего вамъ тутъ сидѣть.

— Какой хорошиій человекъ ротмистръ, хотя ино ситъ спній мундиръ, — подумалъ я.

Но жандармъ былъ себѣ на умѣ.

Подъѣзжаю къ Вильнѣ. На послѣдней станціи всѣ вагоны заперли и ѣдущихъ въ Вильну выпускали съ предосторожностями и послѣ осмотра ихъ паспортовъ и вещей.

Такой ненужной строгости не было и при Муравьевѣ, когда въ краѣ кипѣлъ мятежъ. Изъ Динабурга обо мнѣ и моемъ подозрительномъ чемоданѣ ротмистръ телеграфировалъ и меня, при выходѣ изъ вагона, арестовали и тутъ же на вокзалѣ заключили въ какую-то клѣтку—огородку изъ деревянной рѣшетки.

Вокзалъ кишѣлъ народомъ. Много было радостно настроенныхъ жидовъ: Кауфманъ даровалъ имъ право покупать недвижимыя имущества и селиться на всѣхъ улицахъ Вильны. И они сейчасъ же захватили всю торговлю. Толкались чиновники олимпійцами и иѣкоторые—сильно подъ шифе.

— Проклятые полячишки!

— Паны безъ панства!

— Ишь, сколько ихъ еще осталось! не всѣхъ перевѣшалъ Муравьевъ, — такими возгласами привѣтствовали олимпійцы-чиновники тѣхъ изъ пріѣхавшихъ, коихъ они заподозрѣли въ польскомъ происхожденіи. Исключенія не было и для дамъ.

Слово, сказанное по-польски, влекло арестъ и штрафъ.

Къ моей клѣткѣ подходили многіе и злорадно смѣялись:

— Ага, попался?

— Ничего, братъ, не робѣй. Въ крѣпости много вашихъ сидитъ. попадешь туда—скучно не будетъ.

Одинъ доброжелатель—черный такой, съ опухлой розгой и чисто выскобленнымъ рыломъ—объявилъ даже, что придетъ непременно посмотрѣть, какъ меня будутъ вѣшать. Почему онъ думалъ, что меня будутъ вѣшать?

Я выругалъ его самымъ нецензурнымъ образомъ.

— Ишь, какъ ругается!—замѣтило оскобленное рыло своему товарищу.

— Ругается... нѣтъ, это не полякъ. Нигилистъ, видно.

— На одну осину.

Явился жандармскій офицеръ, молоденькій, розовенькій, улыбающійся.

— Отогнать зѣвакъ!—распорядился онъ.

И глазѣвшихъ на меня отогнали. Скобленное рыло было запротестовало, но послышалось грозное: «вахмистръ, арестовать!» и трусливо стушеввалось.

— За что васъ задержали?—началъ жандармъ допросъ.

Я показалъ чемоданъ, книги, рукописи.

— А тутъ есть и польскія книги?

— Есть и польскія!

— Выбросили бы эту дрянь.

Что было отвѣчать на такой совѣтъ.

Розовенькій жандармъ съ нѣкоторымъ ужасомъ перелистывалъ мои рукописи (романъ «Послѣдніе язычники») и ворчалъ:

— Вы литераторъ?

— Нѣтъ еще. Но хочу имъ быть.

— Плохая карьера. Гмъ! А знаете ли, что я вамъ скажу: дверь останется открытой. Солдатъ васъ не задержитъ. Когда я уйду, берите вашъ чемоданъ и уходите.

— Очень вамъ благодаренъ,—удивился я такой снисходительности.

Жандармъ пояснилъ:

— Ну, что васъ задерживать? Когда надо—накроютъ васъ и въ гостиницѣ, гдѣ останетесь. Всѣ ваши книги и рукописи я долженъ былъ бы рассмотреть и представить съ рапортомъ въ комиссію. Изъ комиссіи вы ихъ никогда бы не получили. А можетъ быть, и хорошее что здѣсь написано. Уходите.

Конечно, я ушелъ. Мой арестъ принесъ мнѣ пользу. О немъ узналъ нынѣ умершій уже Василій Ѳедоровичъ Ратчъ, писавшій тогда исторію мятежа въ Западномъ краѣ. Ему нуженъ былъ литературный помощникъ. Приѣздъ въ Вильну господина съ чемоданомъ, набитымъ рукописями, толкорый генераль съелъ для себя находкой, и я скоро получилъ у него мѣсто домашняго секретаря и составителя конспектовъ изъ разныхъ слѣдственныхъ и судныхъ дѣлъ за время 1862—1866 годовъ. По его рекомендаціи, бывшій тогда попечителемъ учебнаго округа Иванъ

Петровичъ Корниловъ опредѣлилъ меня въ виленскую публичную библіотеку.

Я очень люблю рыться въ книгахъ, и мѣсто въ библіотекѣ меня вполне удовлетворяло.

Мое пребываніе въ Вильнѣ не имѣетъ связи съ исторіей господъ Пруссаковыхъ. И я пропускаю страницы моихъ записокъ объ этомъ времени. Пробывъ въ Вильнѣ около двухъ лѣтъ, я вмѣстѣ съ Адамомъ Киркоромъ, основавшимъ «Новое Время», отбылъ въ Петербургъ и былъ, по времени, первымъ секретаремъ редакціи этой нынѣ столь извѣстной и распространенной газеты.

XV.

Продолжаю исторію моихъ сношеній съ господами Пруссаковыми. Мои литературныя удачи и неудачи уже напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ»; правда, въ извлеченіи, но цѣлкомъ появиться имъ еще не время. Пропускаю поэтому и мое издательство, и мою литературную жизнь, а прямо перехожу къ девяностымъ годамъ.

Послѣ ряда удачныхъ годовъ издаваемый мною журналъ «Лучъ» началъ падать. Причинъ было много: я задумалъ выкупить родовое имѣніе Соржицы, Сѣнинскаго уѣзда Могилевской губерніи, и, конечно, не выкупилъ, а только надѣлалъ долговъ. Потомъ мое частое отсутствіе изъ Петербурга не могло не отразиться на качествѣ журнала. Но самая главная причина: я очень нападалъ на евреевъ, предсказывалъ ихъ засиліе и гегемонію (тогда это было не по времени, и чуть не всѣ стояли за іудейское равноправіе), и обозленные іудеи подстроили мнѣ камуфлетъ.

Я кредитовался въ нѣсколькихъ банкахъ и, что еще важнѣе, платилъ векселями въ типографію и за бумагу. Въ одинъ прекрасный день нотаріусъ на Большой Садовой (еврей) г. Х. по ошибкѣ протестовалъ мой вексель раньше времени.

По тогда дѣйствовавшему вексельному уставу послѣ срока векселя давалось десять дней льготы. Нотаріусъ Х. ошибся (т. е. не ошибся, а умышленно) протестовалъ вексель, не выждавъ десяти льготныхъ дней. Кредитъ въ банкахъ, согласно закону, мнѣ сейчасъ же закрыли. Мало того: типографщикъ Ев—мовъ и бумажная фабрика П—на вернули мнѣ векселя мои. И ихъ нигдѣ уже нельзя было учесть.

Все мое благосостояніе, довольно значительное, благодаря удачнымъ годамъ издательства «Луча» (болѣе десяти лѣтъ), заколебалось, какъ отъ землетрясенія. Пришлось думать о ликвидаціи дѣла. Купивъ случайно въ сохранной казнѣ небольшое имѣніе, я поѣхалъ мѣсяца на два обозрѣвать свое новое гнѣздо.

Родовое имѣніе Соржицы у меня буквально ушло между пальцами, надѣливъ меня лишь массою долговъ.

Осенью я вернулся въ Петербургъ, и жена удивила меня, сказавъ:
— А къ тебѣ присылали изъ конторы милліонеровъ Прусса-
ковыхъ.

— Зачѣмъ я имъ понадобился?

— Чиновникъ, очень приличный, заѣзжалъ; узнавъ, что ты
въ В—ской губерніи, поручилъ передать отъ имени его превосход-
ительства Пруссакова, что мѣсто для тебя въ управленіи готово.

— Да я никакого мѣста не просилъ. Что за диво!

— Сходи въ контору.

— Не пойду. Я литераторъ, антисемитъ, и не мнѣ служить у
Пруссаковыхъ.

Надо сказать, что, проживъ въ Петербургѣ болѣе пятнадцати
лѣтъ, я ни разу не видался со старыми по Ошѣ моими знакомыми
Пруссаковыми. Эти бывшіе факторы были уже въ большихъ мил-
ліонахъ, генеральствовали, жили во дворцахъ. Слава ихъ гремѣла.
Но я и не думалъ являться на поклонъ къ нимъ.

Дѣла по журналу шли все такъ же дурно. Трудно было изда-
вать, не имѣя кредита, но я все еще не вѣрилъ въ неизбѣжный
крахъ. Жена была практичнѣе меня: потихоньку сходила въ пра-
вленіе Пруссаковыхъ, и тамъ величественный баринъ, котораго под-
чиненные называли вашимъ превосходительствомъ, сказалъ ей:

— Точно, ихъ превосходительство Яковъ Семеновичъ (это
мой бывший Янкель) хотѣлъ предложить вашему мужу какое-то
мѣсто. Теперь они за границею. Когда вернутся, доложу. Вы на-
вѣдайтесь.

Признаюсь, я очень разсердился на жену за ея хожденіе къ
Пруссаковымъ и твердо стоялъ на томъ, что на желѣзную дорогу
служить не пойду.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ тяжелой борьбы, и въ 1895 году
крахъ казался уже неизбѣжнымъ: Лейзерка Ратнеръ, повѣренный
бумажной фабрики, и типографчикъ Е—мовъ рѣшили объявить
меня несостоятельнымъ.

Тяжелая была для меня почъ, когда редакцію посѣтилъ присяж-
ный повѣренный Лез—ій и предупредилъ:

— Не заплатите къ двѣнадцати часамъ завтрашняго дня, подамъ
въ коммерческій судъ о вашей несостоятельности.

— Отчего же въ коммерческій, а не въ окружный? — удивился
я.—Какой же я торговецъ?

— Изданіе газеты—торговое предпріятіе. Вы потомъ обжа-
луете рѣшеніе коммерческаго суда, но мы все же объявимъ васъ не-
состоятельнымъ и посадимъ въ долговое. Окружный судъ въ долго-
вое не садить. Такъ лучше ужъ мы обратимся въ коммерческій.

Присяжный повѣренный Лез—скій, высказавъ это, изъявилъ
надежду, что деньги уплачу.

Потерять изданіе (а я очень любилъ мой «Лучъ») и сѣсть въ долговое, согласитесь, положеніе трагическое.

Всю ночь я ворочался съ боку на бокъ и не уснулъ ни на минуту. Развѣтъ сѣраго, хмураго петербургскаго дня заглянулъ въ окно, когда я всталъ и вышелъ въ столовую. Часы показывали восемь. Въ домѣ у меня не было не то что пужныхъ ко взносу 3000 рублей, но даже и трехсотъ.

Ничего тутъ, очевидно, не подѣлать. Но вдругъ точно вдохновеніе осябло меня; я вспомнилъ объ его превосходительствѣ Яковѣ Семеновичѣ Пруссаковѣ. Если онъ года два назадъ тому предлагалъ мнѣ мѣсто, значитъ, помнить меня, значитъ піороментскій инцидентъ, когда я могъ погубить его, и пощадилъ, не забыть. Къ моему положенію выбора нѣтъ. Попробую сѣздить къ моему Янкелю, теперь превосходительству.

Отъ Загороднаго проспекта къ Николаевскому мосту дорога немалая. Передумать пришлось много. Дождь и вѣтеръ и ужасная кляча, на которой пришлось тащиться, все это не располагало къ веселымъ мыслямъ. И чего я ѣду? Ну, Янкель помнить меня; пожалуй, не прочь опредѣлить на линію, на какую-нибудь станцію. Ничего это дѣлу не поможетъ. Сегодня вторникъ, въ пятницу вызовутъ въ коммерческой, объявятъ несостоятельнымъ и посадятъ... Не вернутся ли лучше?

Но я не вернулся и очутился въ вестибюль Пруссаковскихъ палатъ.

XVI.

Это дѣйствительно были палаты. Вѣломраморная лѣстница, въ два крыла, вела во второй этажъ. Коверъ ярко-красный покрывалъ ступени. Канделябры и тропическія растенія украшали лѣстницу. Въ огромномъ каминѣ горѣли дрова (запахъ каменнаго угля его превосходительство не выпоситъ, —объяснилъ мнѣ швейцаръ). При моемъ появленіи швейцаръ, очень сановитый и по вѣзмъ швамъ обшитый галунами, даже не приподнялся. На мое: желаю видѣть Якова Семеновича Пруссакова,—отвѣтилъ:

— Сегодня не принимаютъ. Приемы по субботамъ. Вы по дѣлу?

— По дѣлу.

— Не примутъ. У нихъ сегодня комитетъ.

«Уйти развѣ,—мелькнула у меня мысль.—А дальше что? Дальше коммерческой судъ и арестъ...» И я остался. Добылъ визитную карточку и сказалъ швейцару: «передайте Якову Семеновичу».

— То-есть генералу,—поправилъ меня швейцаръ.

— Пусть и генералу.

Швейцаръ тѣмъ временемъ, прочитавъ, что я редакторъ, сдѣлался снисходительнѣе. Очевидно, немало пишущей братіи толпилось уже въ этихъ жидовскихъ палатахъ. Карточка моя отправилась наверхъ.

Не прошло и трех минут, как по лестницѣ сбѣжалъ благообразный пожилой лакей во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ и объявилъ:

— Ихъ превосходительство просятъ васъ пожаловать.

Я поднялся по отлогимъ ступенямъ, по мягкому бархатному ковру.

Въ дверяхъ изъ передней на лестницу стоялъ Янкель, мой старый знакомый Янкель Пруссаковъ, очень пополнившій, посѣдѣвшій, и благодушно улыбался.

— Дождался же я наконецъ, что вы ко мнѣ пришли, — началъ онъ и протянуть не одну, а обѣ руки.

— Позвольте, старый знакомый и уважаемый другъ, прежде всего поцѣловать васъ.

И его превосходительство благодушно обнялъ меня, и мы поцѣловались.

Нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ приѣма, въ томъ числѣ одинъ или два значительныхъ инженера, знакомыхъ мнѣ, почтительно дивились, какъ это гордый, недоступный Яковъ Семеновичъ удастанываетъ милости такую ничтожную фигурку, каковою, несомнѣнно, я выглядѣлъ.

Мы, подъ руку, прошли черезъ приемную и большой кабинетъ съ громаднымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами и планами, съ сидящимъ въ углу приличнымъ юношей, личнымъ секретаремъ Пруссакова, и очутились въ небольшой уютной комнатѣ. Это былъ интимный кабинетъ миллионера. На стѣнѣ висѣли портреты: полной, черноглазой, грудастой еврейки и господина съ станицлавовской лентою черезъ плечо.

— Узнаете, кто это?

— Узнаю. Въ лейтѣ—это вы, Яковъ Соломоновичъ, — сказала я, указывая на портретъ господина въ лейтѣ. — А женскій портретъ, вѣроятно, вашей жены?

Проживая въ Ошѣ, я, конечно, тогдашнюю Пруссакову знать не могъ.

— Да, это моя жена. Очень похожа, не правда ли?

Пришлось подтвердить. Я опять при этомъ ошибся и назвалъ Пруссакова Соломоновичемъ.

— Какой я теперь Янкель да еще Соломоновичъ, — засмѣялся онъ. — Зовите меня просто Яковомъ Семеновичемъ, а еще лучше и проще—вашимъ превосходительствомъ.

— Такъ вы теперь генераль?

— Сколько лѣтъ уже. А братъ тайный совѣтникъ. Впрочемъ, это вздоръ. Для васъ я попрежнему Пруссаковъ и...

Миллионеръ и генераль на секунду зашнулся.

— И человѣкъ, помнящій ваше одолженіе, — докончилъ онъ.

Усадивъ меня на диванъ, Пруссаковъ завелъ рѣчь о злобахъ дня въ Петербургѣ. Царствовалъ еще Александръ III, и жидковъ

нѣсколько тѣснили. Милліонеру это казалось верхомъ несправедливости. Зашелъ разговоръ о моемъ «Лучѣ».

Точно тѣнь промелькнула по благодушному лицу Янкеля. Оно взяло меня за руку и начало тихимъ голосомъ:

— Вы на насъ, евреевъ, нападаете, а мы приносимъ пользу. Наша энергія будитъ вашу славянскую спячку.

Пришлось отмалчиваться.

— На насъ начинаютъ многіе нападать,—продолжалъ Пруссаковъ, закуривъ сигару.—Но они насъ не знаютъ. А вы отлично знаете, и поэтому ваши нападки бываютъ очень болѣзненны. Вашъ «Лучъ» я получаю. Видите, лежитъ на томъ столикѣ. Получаю—и огорчаюсь, прочитаю. Чѣмъ мы, евреи, васъ такъ озлобили?

— Лично меня ничѣмъ,—отвѣтилъ я. Последнее было не соосѣмъ вѣрно.—Но, какъ публицистъ, я трактую еврейскій вопросъ съ общегосударственной точки зрѣнія.

Пруссаковъ взволновался и даже всталъ съ дивана.

— Скажу вамъ про себя. Нѣсколько разъ давалъ слово не читать вашей газеты. Крѣплюсь день, два—и не вытерплю, прочту и разстрою себя. Очень ужъ вы ядовито пишете.

Помолчавъ минуту и бросивъ сигару, Пруссаковъ закончилъ тираду:

— Вы насъ, евреевъ, браните. Хорошо. Теперь вы пришли ко мнѣ... Знаю: дѣла ваши разстроились. А если бы вы насъ не бранили, я бы къ вамъ пришелъ, понимаете? И никакая невзгода не грозила бы вамъ.

Снова наступила пауза.

Янкель добылъ батистовый платокъ и вытеръ лобъ.

Мнѣ было тяжело слушать. Я поднялся, чтобы уйти, браня въ душѣ, зачѣмъ понесло меня посѣтить его превосходительство Якова Семеновича Пруссакова.

— Пойдите! куда же вы?—остановилъ онъ меня и заставилъ снова сѣсть.—Ваши дѣла, я знаю, плохи. Вы рассчитываете на меня, на мою старую дружбу къ вамъ? Не правда ли? Ну, въ такомъ случаѣ расскажите все подробно, и мы обсудимъ, какъ поправить дѣла.

Пришлось рассказать всѣ обстоятельства. Надо было уплатить 3000 рублей и затѣмъ дотянуть журналъ до новой подписки...

— Только-то и всей бѣды?—засмѣялся Пруссаковъ.—Ну, этому горю я сейчасъ помогу. Вамъ нуженъ кредитъ?

— Именно кредитъ. А его-то у меня и нѣтъ.

— Дадимъ кредитъ. Поѣзжайте въ мой банкъ, я уже распорядусь, представьте вашъ вексель—учтутъ.

— У меня нѣтъ надежныхъ бланконадписателей.

— Соло-вексель. Я вашъ бланконадписатель.

— А если меня объявятъ все-таки несостоятельнымъ?

— Вы для меня всегда состоятельны,

Черезъ минуту Пруссаковъ, однако, добавилъ:

— Не представляйте къ учету вексель на крупную сумму. Какъ директоръ, безъ согласія совѣта, я могу разрѣшить къ выдачѣ только небольшія суммы.

— Мнѣ понадобится до января, до подписки, тысячи четыре.

— Это пустое дѣло. Поѣзжайте и получите.

Яковъ Семеновичъ самъ проводилъ меня до лѣстницы и на прощаніе, пожимая руку, сказалъ:

— Не все евреи дурные люди. Видите, я добро помню и Піоромента не забыть. Вотъ вамъ мой совѣтъ: побывайте у брата Самуила. Онъ радъ будетъ васъ повидать, и онъ многое можетъ сдѣлать насчетъ кредита. Побывайте!

Но къ Самуилу, или, попрежнему, къ Шмуилѣ я все же не поѣхалъ.

XVII.

Въ заключеніе моей отрывочной исторіи господъ Пруссаковыхъ скажу: только въ Россіи, при нашей въ конецъ испорченной бюрократіи, при нашей безцеремонности въ обращеніи съ общественнымъ достояніемъ могла осуществиться удивительная карьера Пруссакова. Полуграмотные мѣщане-евреи, ничѣмъ не выдвигающіеся изъ сѣраго уровня табуна хищниковъ, достигаютъ чиновъ, орденовъ и колоссальнаго богатства. Янкель все же былъ до извѣстной степени человѣкъ культурный, человѣкъ съ понятіями о честности и обладалъ добрымъ сердцемъ. Но Шмуила, но Лейзерка... Это ужъ просто были хищники, грубые, жадные и безъ малѣйшаго признака порядочности. И все-таки оба успѣли.

Если эти акулы пожрали многое—мы сами виноваты. Акулы встрѣтили подходящую среду.

Отчего хищникамъ и не разбойничать, когда можно?

Общественное имущество, казна—по понятію благодушныхъ россіянъ—это нѣчто въ родѣ гороха при дорогѣ: всякій мимо ѣдущій можетъ урвать клочъ. И все рвутъ. Пруссаковы рвали большими кушами (Лазарь нагрѣлъ банкъ на десятки милліоновъ), Шмуила дѣлалъ еще болѣе опустошительные набѣги на казну. А развѣ другіе, не евреи, не дѣлали того же? Недавно напечатаны записки Витмера («Историческій Вѣстникъ», 1911 г. № 9), у него попадаетъ такая фраза, вложенная въ уста бывшего министра финансовъ Вышнеградскаго—профессора и человѣка уважаемаго:

«Казна на то и существуетъ, чтобы каждый ею пользовался».

Витмеръ далѣе пишетъ, что, сдѣлавшись министромъ, Вышнеградскій измѣнилъ этотъ циническій взглядъ на казну, сталъ защищать казенную копейку.

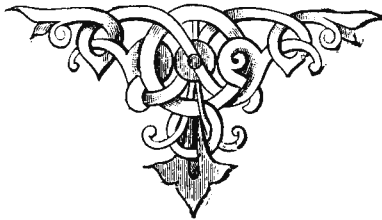
Плохо вѣрится такому моментальному превращенію. Еще болѣе поразительно заявленіе того же Вышнеградскаго, что единственный

способъ поправить русское финансовое хозяйство—не платить по вѣшнимъ займамъ.

Государственное банкротство... И это предлагаетъ сановникъ, министр. Попстинъ приходится только развести руками. Тутъ что-то и дѣтски-наивное и глубоко-безправственное. Удивимся ли, взявъ въ расчетъ эти общества, гдѣ даже Вышнеградскіе такъ плохо поставлены, что ворвавшіеся жидки изъ захолустной Оши могли разгромить на десятки милліоновъ бѣдную Россію, могли дойти до степеней извѣстныхъ? Прежде, во дни Грибоѣдова, любили «безсловесныхъ», какъ выражается Чацкій. Нынѣ—грѣшно сознаться—любятъ хищниковъ. И чѣмъ хищникъ нахальнѣе, жаднѣе, чѣмъ онъ болѣе дерзокъ, тѣмъ скорѣе успѣетъ добиться большихъ гешефтовъ.

Евреи, подобные Пруссакowymъ, не потому намъ опасны, что они хищники, что они нахалы и природныя акулы, а потому, что мы сами плохи и въ насъ вовсе не развито чувство уваженія къ общественной собственности. Наши даже лучшіе люди говорятъ (и думаютъ): чужого платка изъ чужого кармана не вытащу. Зазорно. Но казенный рубль, чуть онъ плохо лежитъ, возьму. Отчего не взять?

С. С. Окрейць.

ЗАГАДОЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГАПОНА.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

ТО БЫЛО осенью 1904 года. Я зашелъ въ ресторапъ Контана позавтракать и хотѣлъ присѣсть за столикъ въ общемъ залѣ, но случайная встрѣча отвлекла меня въ отдѣльный кабинетъ. У входа въ общій залъ я столкнулся съ двумя пріятелями, которые почему-то особенно обрадовались нашей встрѣчѣ.

— Ахъ! У насъ есть вамъ сообщить кое-что интересное,—воскликнулъ одинъ изъ нихъ:—идемте въ кабинетъ.

— Но почему же не здѣсь?—возразилъ я.

— Здѣсь будетъ не совсѣмъ удобно,—отвѣчали они почти разомъ и дружно разсмѣялись.

«Ага,—подумать я:—вѣроятно, новый забавный анекдотъ двусмысленнаго свойства»,—и мы прошли.

Мои пріятели были еще совсѣмъ молодые люди. Они прекрасно одѣвались, имѣли обширное вліятельное родство и связи, гдѣ-то числились на службѣ и при дамахъ-благотворительницахъ состояли въ роли чиновниковъ особыхъ порученій. Это были славные ребята, къ довершенію ихъ характеристики настроенные оппозиціонно. Они дорожили знакомствами съ журналистами оппозиціоннаго лагеря, пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы громогласно засвидѣтельствовать свой ярко-освободительный образъ мыслей и славились умѣньемъ знать и рассказывать самые свѣжіе анекдоты и интересные происшествія.

— Вы не встрѣчали, случайно, тюремнаго священника, отца Георгія?—спросилъ одинъ изъ молодыхъ людей, служившій гдѣ-то по финансамъ.

Я отвѣтилъ отрицательно.

— Преинтересный мужчина, — подхватилъ другой: — вотъ, знаете ли, онъ насъ поразилъ на дняхъ.

Вперемежку между стаканами вина и свѣжими анекдотами пріатели рассказали слѣдующее. Отецъ дѣйствительно преинтересный мужчина. Онъ обладаетъ большими свѣтскими стремленіями, неглупъ, пользуется покровительствомъ разныхъ вліятельныхъ лицъ и дамъ-благотворительницъ, запросто бываетъ у К. П. Побѣдоносцева. Говорятъ, будто бы онъ даже незаконный сынъ одного сановника, помѣщика южныхъ губерній... Во всякомъ случаѣ онъ будетъ или архіереемъ, или придворнымъ священникомъ... И вотъ какую штуку онъ удралъ на дняхъ. Одинъ изъ рассказчиковъ увлекъ его къ себѣ на свою холостую квартиру. Тамъ за бутылкой вина мои пріатели захотѣли, по ихъ выраженію, «пощупать» отца Георгія, ближе опредѣлить себѣ его личность и образъ мыслей. Говорили о несовершенствѣ нашего государственнаго строя, о вопіющихъ злоупотребленіяхъ. Отецъ Георгій долго отмалчивался или отвѣчалъ односложно, но наконецъ сталъ общительнѣе.

— Знаете, вѣдь мы не скрываемъ нашихъ политическихъ убѣжденій, — внушительно замѣтилъ одинъ изъ рассказчиковъ: — а Володька, кромѣ того, вдругъ шепнулъ мнѣ: давай, говорить, распропагандировывать попа. Мы уже и раньше съ нимъ затрагивали при случаѣ эти темы. Отецъ Георгій слушалъ, слушалъ, потомъ, знаете ли, какъ стукнетъ кулакомъ по столу и говоритъ: «Нечего тутъ всякій вздоръ болтать, а если дѣйствительно вы понимаете и сочувствуете, то поступайте въ революціонное общество; я васъ сведу съ кѣмъ нужно». Мы такъ и сѣли, — продолжалъ рассказчикъ: — а онъ посмотрѣлъ на насъ внимательно, нахмурился и выразительно добавилъ: «Подумайте, а если нѣтъ, такъ чтобы ни живая душа о нашемъ разговорѣ не знала, а иначе плохо будетъ, я не шучу». Потомъ всталъ и ушелъ.

— А вы много выпили вмѣстѣ? — полюбопытствовалъ я.

— То есть не очень, — признался одинъ изъ собесѣдниковъ: — но было... Я такъ и думалъ, что онъ это сказалъ просто въ возбужденіи.

— Или чтобы намъ импонировать, — добавилъ второй: — признаться, вотъ онъ съ батюшкой всегда обращался немножко покровительственно, а тотъ самолюбивъ. Но, какъ хотите, знаменіе времени. Ужъ то, что онъ могъ сказать такую вещь, этого довольно.

Мы посмѣялись и разошлись.

Нѣсколько дней спустя я опять встрѣтился съ обоими пріателями на Морской, мы прошли вмѣстѣ нѣсколько шаговъ.

— Смотрите, — воскликнулъ одинъ изъ молодыхъ людей: — идетъ навстрѣчу священникъ; это тотъ самый отецъ Георгій; постоитъ, мы вамъ его «демонстрируемъ».

Отецъ Георгій въ это время увидалъ моихъ пріателей. Видимо, эта встрѣча была ему непріятна. Онъ хотѣлъ было свернуть въ сто-

рону, но было поздно. Съ радушными восклицаніями молодые люди преградили ему дорогу и познакомили насъ. Я съ нѣкоторымъ любопытствомъ окинулъ взглядомъ фигуру отца Георгія. Это былъ черноволосый молодой человекъ небольшого роста; слегка курчавившаяся борода обрамляла его смуглое лицо; черные, запавшіе подъ сдвинутыми бровями глаза улыбалась, но безпрестанно бѣгали въ разныя стороны. При первой возможности онъ освободился отъ насъ и быстро ушелъ какой-то особой, раскачивающейся и кивающей походкой, а я вскорѣ забылъ объ этой встрѣчѣ. Фамилію его мнѣ не назвали.

Наступилъ январь 1905 года. Воскресенье, день 9-го января, выдалось не очень холоднымъ и яснымъ. Уже наканунѣ говорили о возможности какихъ-то безпорядковъ. Въ первомъ часу дня я бѣжалъ къ издателю «Слова» Н. Н. Перцову и съ удивленіемъ увидѣлъ на Измайловскомъ мосту два ряда измайловцевъ съ офицеромъ, пропускавшихъ профъзжихъ и прохожихъ черезъ свой строй, какъ черезъ ворота. У Перцова уже знали, что на Дворцовой площади идетъ стрѣльба. Я хотѣлъ немедленно отправиться туда, но хозяинъ дома рѣшительно воспротивился.

— Еще успеете быть убитымъ,—пошутилъ онъ:—прежде позавтракаемъ.

Вскорѣ по телефону получились извѣстія о разстрѣлѣ депутаціи рабочихъ, шедшихъ ко дворцу съ иконой и со священникомъ во главѣ. Только въ четвертомъ часу пришлось попасть на Дворцовую площадь. По дорогѣ я видѣлъ необыкновенное смятеніе и оживленіе. Двигались отдѣльные отряды солдатъ, катились кареты Краснаго Креста, извозчики везли людей, лежавшихъ поперекъ дрожекъ или сидѣвшихъ съ блѣдными, испуганными лицами, изъ которыхъ не одно было окровавлено. Волны народа, однако, катились по улицамъ. Казалось, ужасы событій должны были испугать народъ и заставить его попрятаться по домамъ, но въ дѣйствительности происходило нѣчто иное. Возбужденное состояніе преодолевало страхъ.

Я самъ себя чувствовалъ какъ во снѣ. На Дворцовой площади войска стояли бивуакомъ. Въ золотисто-синемъ туманѣ зимняго вечера яркими пятнами колебалось пламя костровъ, отсвѣчивавшихъ искрами на мѣдныхъ котлахъ походныхъ кухонь, на штыкахъ пѣхоты и на скакахъ кавалеріи. Убитые и раненые были уже убраны. Дворники старательно чистили, скребли панель и засыпали пескомъ тѣ мѣста, гдѣ недавно растекались лужи крови. Залпы въ отдаленіи еще не прекращались, слышались крики, тревожные звуки военныхъ рожковъ. Толпа на улицахъ не уменьшалась. Проѣзжавшіе отряды драгунъ, казаковъ, кавалергардовъ осыпались оскорбленіями. На площади у Казанскаго собора я засталъ смятеніе, послѣдовавшее послѣ недавняго зала. Люди кричали и метались толпами изъ стороны въ сторону. Какой-то человекъ въ лисней шубѣ лежалъ

павзничь, раскинувъ руки; какая-то старушка носовымъ платкомъ перевязывала руку рабочему.

— Икону, икону разбили, — вопили женскіе голоса.

Къ семи часамъ я заѣхалъ на уголь Надеждинской и Невскаго въ редакцію «Слова». Тамъ уже присутствовала масса народа, и царю крайнее сживленіе. Разсказывались ужасы и невѣроятныя вещи, но все группировалось около одного имени священника Георгія Гапона. Что-то стукнуло мнѣ въ сердце и въ голову.

«Да не тотъ ли это батюшка, съ которымъ меня познакомили на Морской?»

— Схватили Гапона? — сыпались вопросы со всѣхъ сторонъ.

— Какое, — отвѣчали знающіе люди: — вѣдь онъ выступалъ не на Дворцовой площади, а за Нарвской заставой. Тамъ былъ главный разстрѣль. Его не ранили и не убили, а друзья остригли ему тотчасъ волосы, обрили бороду и въ штатскомъ платьѣ отправили въ центръ города. Онъ скрывается теперь у своихъ вліятельныхъ людей, или, быть можетъ, ѣдетъ за границу черезъ Финляндію.

— Каковъ Гапонъ съ виду? — продолжались разспросы.

— Такой небольшой брюнетъ.

— Съ курчавающейся бородкой и быстрыми черными глазами? — спросилъ я.

— Да, да, — послѣдовалъ отвѣтъ.

Повидимому, дѣйствительно, это былъ онъ.

Прошелъ бурный и буйный 1905 г. Манифестъ 17-го октября открылъ плотину, скоплавшую общественное раздраженіе и неудовольствіе, но задержанная стихія въ избыткѣ еще шла поверхъ плотины, несмотря на открытый шлюзъ, и все еще сблачивала русскую общественность. Тѣмъ не менѣе уже вполне осязательно чувствовалось нарожденіе новыхъ условій жизни. Царю общее оживленіе по поводу предстоявшихъ выборовъ въ государственную думу, въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ шли обсуждения контрабандой попавшаго въ печать проекта новыхъ основныхъ законовъ, недавно заживо погребенные въ политическихъ тюрьмахъ, а теперь воскресшіе борцы за свободу вмѣстѣ съ вернувшимися эмигрантами вызывали общее любопытство и удивленіе.

Въ числѣ вернувшихся эмигрантовъ былъ и Георгій Гапонъ. По правдѣ сказать, его положеніе въ ту минуту было крайне загадочно. Съ одной стороны, онъ былъ несомнѣнный руководитель столь трагически закончившагося событія 9-го января 1905 года, политическій преступникъ, эмигрантъ, непосредственно не подпавшій подъ дѣйствіе всемілостивѣйшаго манифеста, съ другой стороны, нѣкоторая часть печати и молва обвиняли его въ предательствѣ, въ двойственности роли, принятой имъ на себя при организаціи и руководствѣ рабочихъ отдѣловъ. Какъ бы въ дополненіе къ этой загадочности, вернувшійся Гапонъ, не будучи легализованъ, болѣе

или менѣе свободно появлялся всюду, повидному, мало опасаясь ареста и привлеченія къ отвѣтственности. Жить Гаповъ, правда, въ русской заграничѣ, въ Теріокахъ, по каждый день бывалъ въ Петербургѣ и даже, какъ говорили, посѣщалъ своихъ прежнихъ вліятельныхъ покровителей. Говорили, что правительство, будто бы, по различнымъ соображеніямъ, «боится» арестовать Гапова, могущаго сдѣлать какія-то щекотливыя разоблаченія. Все это вмѣсто взятое дѣлало героя 9-го января интереснымъ, и, когда талантливый журнальный работникъ Н. В. Насакинъ-Симбирскій однажды предложилъ мнѣ познакомиться съ Гаповомъ, я охотно выразилъ согласіе.

Знакомство состоялось во второй половинѣ февраля въ квартирѣ Н. В. Насакина, жившаго на Петербургской сторонѣ, въ полусобнякѣ на Каменноостровскомъ проспектѣ. До извѣстной степени свиданье было обставлено таинственностью. Рѣшено было съѣхаться къ десяти часамъ вечера, чтобы не пришелъ и не помѣшалъ кто-либо изъ постороннихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оказалось, у Гапова было ко мнѣ какое-то «дѣло». Я думалъ, что дѣло это могло касаться меня, какъ журналиста, какъ одного изъ редакторовъ покойнаго перцовскаго «Слова», но оказалось иначе.

Когда я пришелъ къ Насакину къ назначенному часу, Гапова еще не было. Я засталъ лишь хозяина и пріятеля отца Георгія журналиста Соломина (Стечкина). Гаповъ пріѣхалъ, по крайней мѣрѣ, часъ спустя въ сопровожденіи двухъ рабочихъ, своихъ друзей и помощниковъ по управленію возрождавшимися гаповскими отдѣлами рабочей организаци, Кладовниковымъ и Кузинымъ. Какъ только Гаповъ вошелъ, я сразу узналъ въ немъ, несмотря на штатское платье, того самаго священника, съ которымъ меня познакомили осенью прошлаго года на Морекой. Онъ, однако, протянулъ мнѣ руку, какъ лицу, которое видятъ въ первый разъ. Въ завязавшейся общей бесѣдѣ Гаповъ долго не принималъ прямого участія: онъ сдѣлался общительнѣе только къ концу ужина, когда вдругъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Я опять вспомнилъ нашу первую встрѣчу и эту шмыгающую походку и постоянно бѣгавшій взглядъ блестящихъ черныхъ глазъ подъ сдвинутыми бровями. Рѣчь зашла о 9-мъ января, о разгромѣ рабочихъ организацій.

— Да, — обращаясь ко мнѣ, сказалъ Гаповъ: — вотъ какое у меня къ вамъ дѣло. Мнѣ совѣтовали, да и я самъ о томъ думалъ, отдать на разсмотрѣніе общественнаго суда тѣ обвиненія, которыя сыплютъ на меня мои враги. Этимъ обвиненіямъ вѣрятъ, ими стараются подорвать мое имя, мое значеніе... Но не вѣрятъ имъ кровью спяльные со мной мои братья рабочіе... Вѣдь такъ? наши товарищи не вѣрятъ?

— Не вѣрятъ, не вѣрятъ, — живо отозвались оба гаповскіе спутника.

— И я докажу,—продолжалъ Гапонъ, останавливаясь посреди комнаты:—мы еще вмѣстѣ сдѣлаемъ великія дѣла.

Въ эту минуту, несмотря на свой небольшой ростъ, выпрямившійся, съ гордо поднятой характерной головой и блестящимъ взоромъ, Гапонъ казался величественнымъ. Въ немъ сказался природный демагогъ, и я понялъ тайну успѣха этого съ виду столь скромнаго человѣка среди рабочихъ массъ.

— Говорятъ, Гапонъ предатель,—воскликнулъ онъ:—кричать: «распи Гапона», но Гапонъ левинонецъ. Пусть судятъ Гапона, но не синедрионъ, который уже разъ осудилъ даже Христа; пусть судить самъ народъ, пусть Гапона судитъ русское общественное мнѣніе! Я раскрою передъ этимъ судомъ все, у меня есть документы.

— «Слово» къ вашимъ услугамъ,—замѣтилъ я по поводу послѣднихъ словъ оратора:—издатель и главный редакторъ Н. Н. Перцовъ обѣщаль предоставить въ ваше распоряженіе столбцы своей газеты.

— Спасибо,—отвѣчалъ Гапонъ:—но прежде, чѣмъ печатать, надо установить факты передъ судомъ.

— Надо создать особое судилище,—пояснилъ хозяинъ дома.

— Именно,—подтвердилъ Гапонъ.

— Но что вы понимаете подъ такимъ судилищемъ?—спросилъ я.

— Судилище изъ представителей различныхъ политическихъ партій,—отвѣчалъ Гапонъ:—пусть они рассмотрятъ мое дѣло и вынесутъ приговоръ. Только не надо социаль-демократовъ!

— Георгій Аполлоновичъ ихъ не любитъ,—со своей стороны, добавилъ Насакинъ:—онъ имъ не вѣритъ послѣ разочарованія при близкомъ знакомствѣ.

— Но чѣмъ же я могу быть полезнымъ въ данномъ случаѣ?—спросилъ я:—Я примыкаю къ октябристамъ, будучи по существу безпартійнымъ, и потому...

— Вотъ это и хорошо, вотъ это и нужно,—живо прервалъ меня Гапонъ:—мнѣ на васъ указали, да я и самъ все знаю, т. е. читалъ васъ, и ваши статьи и рассказы... Я васъ бы просилъ образовать такое судилище: обратиться къ членамъ различныхъ партій и самому войти туда. Вы сдѣлаете этимъ благое дѣло. Пока я еще живъ, вы поможете мнѣ оправдаться, и это надо скоро, возможно скоро...

— Развѣ вы собрались умирать?—шутливо замѣтилъ Насакинъ.

— Кто знаетъ, можетъ быть, дни мои сочтены... На меня охотятся, меня преслѣдуютъ; вотъ два вѣрные друга (Гапонъ указалъ на рабочихъ), которые вѣрны мнѣ и охраняютъ меня.

Начался общій разговоръ; взялись за выясненіе, кто желателенъ для привлеченія въ число членовъ судилища. Гапонъ назвалъ съ своей стороны только П. Н. Милюкова и А. А. Столыпина, приглашеніе остальныхъ предоставилъ моему полному усмотрѣнію.

Для два спустя я получилъ отъ Гапона письменное уполномочіе на обращеніе отъ его имени къ представителямъ партій и принялся за дѣло. Я обратился къ П. Н. Милюкову, который охотно выразилъ согласіе принять участіе въ дѣлѣ и сказалъ, что ему жаль Гапона и что онъ былъ бы радъ, если бы тому удалось оправдаться. Я пригласилъ затѣмъ присяжнаго повѣреннаго В. И. Добровольскаго, приватъ-доцента В. В. Святловскаго и, наконецъ, гг. Юрданскаго и Прокоповича, какъ партійныхъ представителей лѣвѣе партіи народной свободы. Не помню, почему въ составъ судилища не вошелъ А. А. Столыпинъ: или его не было въ Петербургѣ, или онъ отказался, какъ отказались Н. Н. Перцовъ, В. А. Мякотинъ и нѣкоторые другіе.

Передъ первымъ засѣданіемъ судилища Гапонъ раза два былъ у меня на квартирѣ. Онъ одобрилъ въ общемъ списокъ членовъ судилища, но отрицательно высказался по поводу г. Юрданскаго.

— Право, этихъ социаль-демократовъ не нужно,—объяснилъ онъ:—наши социаль-демократы не настоящіе, они однобокіе, непонимающіе. Это прямо язва на нашемъ рабочемъ движеніи. Они вѣдь ничего не понимаютъ. Думаютъ, образованные, а набили себѣ голову чужимъ умомъ, котораго къ мѣсту приложить не умѣютъ.

Ранѣе болѣе или менѣе спокойный, Гапонъ при обличеніи русскихъ социаль-демократовъ заволновался. Было видно, что гдѣ-то и когда-то они лично ему досадили и насолили. Впрочемъ, я даже вспомнилъ напечатанный въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ» рассказъ о томъ, какъ Плехановъ вошелъ въ довѣріе къ Гапону въ бытность послѣдняго за границей и потомъ якобы публично издѣвался надъ необразованностью мнящаго о себѣ попа. Какъ бы то ни было, но Гапонъ металъ противъ нашихъ социаль-демократовъ громы и молнии. По его словамъ, они были содержанцами, жившими на счетъ рабочихъ, кичась своей образованностью, но не понимая ни нужды, ни духа рабочаго класса.

— Имъ все выступленія и война,—горячился мой гость:—они вносятъ свою дурацкую политику во всякое полезное начинаніе рабочихъ, они отравляютъ всякія здоровыя организаціи. Рабочій борется не ради самой борьбы, а чтобы устроить свою жизнь, чтобъ самому жилось лучше съ женой и дѣтьми, а для нихъ рабочій служить какъ пушечное мясо для ихъ цѣлей. Когда рабочихъ бьютъ и ихъ семьи выбрасываются на улицу, тогда образованные интеллигенты скрываются неизвѣстно куда, а рабочій расплачивается за все своими боками. Нѣтъ, довольно этихъ образованныхъ, и то уже теперь рабочіе ихъ гонять отъ себя, иначе не устроится никакого живого дѣла.

Отъ «образованныхъ» социаль-демократовъ Гапонъ перешелъ вообще къ нападкамъ на русскую интеллигенцію. Если такъ можно выразиться, и ей онъ ставилъ въ вину общественную непрактич-

ность, теоретическое отношеніе къ запросамъ русской жизни, сатанинскую гордость, происходящую отъ переоцѣнки значенія своей образованности, и стремленіе къ войнѣ ради войны и къ оппозиціи ради оппозиціи.

— Поменьше бы этого образованія, поменьше бы чужого ума, да побольше своего,—воскликнула мой разговорившійся собесѣдникъ:— а то заведутъ насъ въ болото.

Я объяснилъ, что пригласилъ социаль-демократа П. И. Юрданскаго, такъ сказать, для полноты букета, а самому Гапонову посоветовалъ не говорить этихъ обличительныхъ рѣчей при личныхъ выступленіяхъ въ образуемомъ судилищѣ, такъ какъ это можетъ отозваться неблагоприятно на рѣшеніи дѣла.

— Да я самъ въ судилище и не пойду,—вдругъ заявилъ себе сѣдникъ:—миѣ нельзя; теперь уже въ газетахъ пошелъ слухъ о судѣ; меня арестуютъ; вѣдь за мной и то вѣчно по пятамъ ходятъ... Миѣ не долго гулять... Но все равно, я пришлю повѣреннаго, который все скажетъ и представитъ документы.

Первое и единственное собраніе членовъ образованнаго мною судилища вскорѣ собралось въ помѣщеніи редакціи «Слова» на Невскомъ близъ Надеждинской. Засѣданіе началось маленькимъ недоразумѣніемъ. П. И. Юрданскій заявилъ, что согласно директивамъ, полученнымъ отъ его партіи, онъ не можетъ засѣдать съ представителями партій правѣ «народной свободы», которая, въ свою очередь, въ данномъ случаѣ является лишь терпимой. Поэтому Юрданскій просилъ меня уйти. Я вспомнилъ невольно отзывы Гапона о русскихъ социаль-демократахъ и невольно согласился, что, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣется своя доля партійной тупости. Я, однако, готовъ былъ удалиться, но меня удержалъ П. Н. Милуковъ, который резонно замѣтилъ, что съ моимъ уходомъ судилище теряетъ непосредственную связь съ недеудимымъ. «Конечно,—замѣтилъ при томъ ноченный профессоръ,—общественное мнѣніе это мы, стоящіе лѣвѣе октябристовъ, но если желательно, чтобы судьбище состоялось, до времени приходится мириться и съ октябристомъ».

Засѣданіе было посвящено организационнымъ вопросамъ. Порѣшили считать собравшихся основнымъ ядромъ, а составъ судилища пополнить кооптаціей.

Когда я на слѣдующій день сообщилъ Гапонову объ итогахъ перваго совѣщанія, онъ пришелъ въ страшное негодованіе.

— Мытари и фарисеи,—воскликнулъ онъ, вскакивая съ мѣста:—они нарочно хотятъ подобрать людей, которые бы меня засудили.

Я пытался разуяснить недеудимаго въ этомъ. Я сообщилъ ему о сожалѣніи, высказанномъ по его адресу Милуковымъ, я указывалъ на присутствіе въ составѣ суда гг. Добровольскаго и Свят-

ловскаго, которыхъ у меня не было основаній подозрѣвать въ предвзятости. Все было направлено.

— Они меня погубятъ,— твердилъ Гапонъ:— я чувствую это. Соціалъ-демократамъ я стою на дорогѣ, я вырвалъ изъ ихъ рукъ десятки тысячъ рабочнхъ, и они мнѣ этого не простятъ. Меня преслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ.

Гапонъ ушелъ взволнованный, и черезъ день или два появилось въ печати (кажется, въ тѣхъ же «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ») письмо, наполненное бранными выраженіями по адресу русскаго общества и косвенно по адресу судилища. Конечно, судилище больше не собиралось, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и мои частыя сношенія съ Гапономъ.

Недѣлю спустя я сидѣлъ у себя въ служебномъ кабинетѣ на Фонтанкѣ у Семеновскаго моста. Служебное время уже близилось къ концу, когда курьеръ доложилъ, что меня желаетъ видѣть какой-то проситель.

— Карточки своей не даютъ,— пояснилъ курьеръ.

Я приказалъ просить. Проситель вошелъ; это былъ Гапонъ въ какомъ-то странномъ костюмѣ, въ суконномъ свѣтлаго, почти бѣлаго цвѣта пиджакѣ и небрежно завязанномъ ярко-красномъ галстукѣ. Посѣщеніе Гапона здѣсь, въ официальномъ мѣстѣ, было мнѣ нѣсколько неприятно; оно казалось мнѣ безтактнымъ, а въ особенности въ этомъ кричащемъ, быющемъ въ глаза парядѣ, рѣзко подчеркивавшемъ южный, почти цыганскій типъ посѣтителя. Въ рукахъ Гапона находился небольшой кожаный портфель, который онъ, садясь, положилъ себѣ на колѣни.

Послѣ перваго обмѣна привѣтствій, я не обвиняясь попенялъ гостю на его, по моему мнѣнію, также безтактное письмо, гдѣ упоминалось о «желтоглазыхъ филлипахъ и совахъ, которые ничего не видятъ среди бѣлаго дня».

— Вы этимъ письмомъ уничтожили возможность дальнѣйшаго существованія судилища, и я болѣе, повидимому, ничѣмъ не могу быть вамъ полезнымъ. Вообще вы какъ-то ужасно торопитесь,— закончилъ я.

Гапонъ кинулъ на меня свой острый взглядъ исподлобья и сдержанно отвѣчалъ:

— Я долженъ торопиться... Кто знаетъ, что можетъ со мной случиться. Мнѣ предлагаютъ уѣхать за границу, но я не могу тамъ жить... Я русскій человекъ, мнѣ нужна Россія. Ахъ, если бы вы знали, сколько я потерялъ послѣ того, какъ пересталъ быть священникомъ. Я сталъ, какъ Самсонъ, у котораго отрѣзали волосы. Если удастся, если я устрою здѣсь своихъ рабочихъ, я поѣду къ себѣ на югъ, къ баптистамъ, къ евангельскимъ христіанамъ;

тамъ стану проповѣдникомъ, буду устраивать экономическія и трудовыя общества.

— Вы уѣзжаете?

— Пока еще нѣтъ. А я къ вамъ со слѣдующей просьбой. Вы помните, я вамъ говорилъ о документахъ? Вотъ они здѣсь (онъ указалъ на портфель); когда они будутъ опубликованы, многимъ не поздоровится, а въ особенности (онъ назвалъ одно громкое имя, съ которымъ тѣсно связана исторія появленія манифеста 17-го октября). Имъ всемъ хотѣлось подымать и опускать рабочую массу по своему усмотрѣнію; объ этомъ мечтали еще Плеве, но они ошиблись въ расчетахъ. Рабочіе живые люди, а не машины, и не могутъ быть игрушкою въ чужихъ рукахъ.... Я привлекаю теперь нѣкоторыхъ изъ моихъ враговъ за клевету къ коронному суду. У меня уже есть повѣренный. Вы знаете присяжнаго повѣреннаго Марголина? Мнѣ его рекомендовали: мы съ вами вмѣстѣ къ нему съѣздимъ. Онъ очень хорошій человѣкъ, хоть и еврей. Знаете, между евреями есть очень хорошіе люди. Я многихъ зналъ. Они сами хорошо знаютъ, что значить, когда преслѣдуютъ... Вы могли бы завтра или послѣзавтра со мной быть у Марголина?

— Но собственно при чемъ же я, если вы выбрали присяжнаго повѣреннаго?—спросилъ я.

— Мы бы еще разъ вмѣстѣ его посмотрѣли. Знаете, я къ вамъ чувствую большое довѣріе, и вы знаете эту адвокатскую среду; мнѣ говорили, что вы сами одно время были адвокатомъ.

Я подтвердилъ, что о Марголинѣ ничего дурного слышать не приходилось.

— А пока на два дня,—продолжалъ Гапонъ,—я попрошу васъ сохранить, подержать у себя этотъ портфель съ моими документами.

— Но вѣдь эти документы для васъ очень цѣнны,—возразилъ я:—а я развѣ могу поручиться, что въ моей квартирѣ не случится пожаръ или что-нибудь такое.

— Вотъ именно я бы и хотѣлъ, чтобы вы ихъ спрятали не на квартирѣ, а здѣсь у себя въ кабинетѣ, въ столѣ или гдѣ-нибудь. Ужъ здѣсь будетъ сохранно; тутъ и въ голову никому не придетъ.

Это предложеніе меня непріятно поразило, а Гапонъ смотрѣлъ прямо въ глаза, сохраняя на лицѣ простодушно-просительное выраженіе. Не успѣлъ я возразить, какъ онъ продолжалъ:

— Я ихъ хранилъ у себя въ Теріокахъ, но домъ деревянный, а дома только жена съ дѣтьми. И Финляндія все-таки не за граница; придутъ и возьмутъ или выкрадутъ; даже и за границей вѣрнѣе нельзя... Нужно, чтобы было въ рукахъ вѣрнаго человѣка...

— А въ банкѣ въ несгораемомъ ящикѣ?...—замѣтилъ я.

— Держалъ и въ банкѣ, но развѣ у нихъ нѣтъ своихъ ключей. Я держалъ ящикъ на чужое имя, но развѣ они не знаютъ?... Сыщики ходятъ за мной по пятамъ.

— Но вѣдь они также знаютъ, значить, что вы съ портфелемъ пришли сюда ко мнѣ.

— Но развѣ они могутъ знать, къ кому я пошелъ? Кромѣ того, я ѣхалъ въ шубѣ, портфеля они видѣть не могли. А ваше министерство мнѣ хорошо извѣстно, я тутъ бывалъ; вѣдь, у васъ подъ низомъ типографія; тутъ есть паша; я и нарочно заходилъ внизъ и въ другихъ этажахъ былъ, къ вамъ я какъ будто бы случайно. Вѣдь мы съ вами старые знакомые: помните, мы встрѣтились на Морской съ этими болтушками (онъ называлъ фамилин моихъ свѣтскихъ пріятелей, распропагандировавшихъ интереснаго пона). Я нарочно тогда у Насакина не подаль вида, что знаю васъ, чтобы васъ не обвинили въ пристрастїи. Вы меня тоже узнали?

— Конечно,—отвѣчалъ я:— тѣмъ не менѣе, какъ это мнѣ ни непріятно, но я не считаю возможнымъ взять на себя здѣсь храненіе документовъ. Уже не говоря о томъ, что я не имѣю на это никакого права, это неудобно и для васъ. Предполагается, что въ помѣщенїи моего служебнаго кабинета могутъ храниться лишь такія бумаги и вообще вещи, которыя имѣютъ отношеніе къ моихъ служебнымъ обязанностямъ. Поэтому, въ случаѣ необходимости, въ случаѣ моего отсутствїя начальство можетъ вскрыть всѣ ящики и все пересмотрѣть.

— Даже вашъ закрытый на ключъ портфель?

— Конечно, что касается закрытаго портфеля, то я могу потомъ протестовать, но...

— Дѣло уже будетъ сдѣлано,—докончилъ Гапонъ.—Но, вѣдь, это могла бы быть только случайность, шансы которой очень невелики... Хотя... (Гапонъ подумалъ немного) пожалуй, вы правы... Я долженъ былъ бы прислать вамъ документы съ кѣмъ-либо другимъ, но съ кѣмъ? Кому довѣрить?

Нѣсколько дней спустя я получилъ отъ Гапона приглашеніе пожаловать для дѣловаго совѣщанія къ присяжному повѣренному Марголину. Любопытство побудило меня принять приглашеніе. Съ Марголинымъ я встрѣчался ранѣе. Мнѣ хотѣлось узнать, что новаго затѣваетъ Гапонъ. Марголинъ принялъ насъ въ большомъ роскошномъ кабинетѣ, съ нѣсколькими важнымъ видомъ развалился въ креслѣ за тяжелымъ рѣзнымъ письменнымъ столомъ. Я думалъ, что мнѣ придется принять участіе въ юридической консультаціи по поводу начинаемаго Гапономъ дѣла объ оклеветанїи его въ печати, но Марголинъ отклонилъ этотъ вопросъ. Повидимому, онъ считалъ себя достаточно опытнымъ и свѣдущимъ, чтобы пуждаться въ какихъ-либо консультаціяхъ съ теоретиками, хотя ничего не имѣлъ противъ того, чтобы на судѣ выступить вмѣстѣ. Впрочемъ, казалось, и самого Гапона интересовало нѣчто другое.

— Судъ это своимъ чередомъ,—говорилъ онъ:—но, кромѣ того, нужно устроить такъ, чтобы часть документовъ, имѣющихся у меня,

была бы напечатана и не здѣсь, а за границей. Остальное пусть напечатаютъ послѣ моей смерти. Вотъ у нихъ (Гапонъ называлъ Марголина по имени-отчеству) временно сохраняется мой портфель.

— О немъ не безпокойтесь, онъ хранится здѣсь въ неогороемомъ шкапу, — откликнулся присяжный повѣренный. — Я уже выдалъ вамъ удостовѣреніе въ полученіи документовъ.

— Вы съ ними уже ознакомились? — спросилъ я.

Марголинъ быстро и вопросительно перевелъ глаза на Гапона.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ за повѣренного послѣдній: — мы все вмѣстѣ разберемся въ нихъ; я парочно за этимъ просилъ васъ.

— Но, конечно, не сегодня, — замѣтилъ Марголинъ.

— Да, да, не сегодня, сегодня и я тороплюсь; мнѣ еще надо въ Лионскій Кредитъ.

— Вы не безпокойтесь, — подхватилъ Марголинъ, какъ бы отвѣчая на ему извѣстное теченіе мыслей собесѣдника. — Мы все съ нихъ получимъ. Сперва кинемъ одну-двѣ карты, покажемъ игру, а потомъ отъ нихъ будетъ зависѣть. Напечатаніе за границей я беру на себя, я самъ ѣду весной въ Парижъ и въ Лондонъ; да даже сами журналы заплатятъ. Въ Англии вы еще въ модѣ, отецъ Георгій. Не только вами, но даже вашими друзьями интересуются. Правда, — обратился повѣренный ко мнѣ: — что у васъ былъ фотографъ, сотрудникъ англійской газеты, который снималъ васъ и шлеть къ вамъ отца Георгія.

— Правда, — отвѣчалъ я: — приходилъ какой-то господинъ, видимо, иностранецъ, съ такимъ предложеніемъ.

Марголинъ громко засмѣялся.

— Ну, ко мнѣ онъ не сунется, — воскликнулъ онъ: — насъ, адвокатовъ, такъ легко не проведешь. У меня онъ ничего не спметъ и ничего не узнаетъ. Вы простодушные ученые, а насъ жизнь учила.

— У Вячеслава Михайловича ничего нѣтъ, кромѣ моихъ частныхъ писемъ и уполномочій, — со своей стороны, вставилъ Гапонъ.

— Да дѣло не въ этомъ, а я говорю, какая наглость...

Мы вскорѣ вышли отъ Марголина съ Гапономъ вмѣстѣ. Я проводилъ его до Невского. Онъ былъ неразговорчивъ, задумчивъ.

— А какъ вамъ понравился Марголинъ? — спросилъ онъ меня на прощанье.

— Повидимому, дѣльный человекъ, — отвѣчалъ я.

— Мнѣ также кажется. Дай Богъ, чтобы я въ немъ не ошибся. Я такъ много ошибался въ людяхъ. А всѣхъ документовъ я все-таки ему не отдалъ, какъ онъ предлагалъ, — съ хитрой улыбкой заключилъ свои слова мой спутникъ на прощанье.

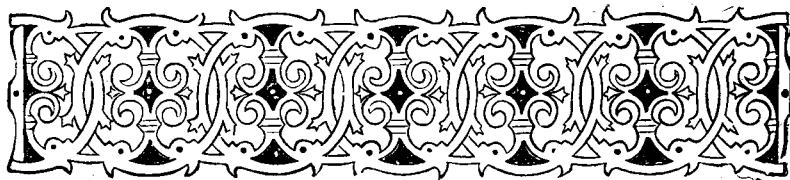
Больше я Гапона не видѣлъ. Онъ погибъ въ мартѣ 1906 года загадочной насильственной смертью, завлеченный въ засаду въ пустой дачѣ жены или вдовы какого-то полицейскаго чиновника на одной изъ ближайшихъ къ Петербургу станцій Финляндской желѣзной дороги. Много легендъ ходило по поводу этой страшной кончины героя 9-го января. Говорили даже, что найденный трупъ принадлежитъ не Гапону, что Гапонъ бѣжалъ за границу, что его видѣли въ разныхъ мѣстахъ Петербурга. Но ближайшіе его друзья и тѣлохранители, сопровождавшіе его въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ихъ бралъ съ собою, рабочіе Кладовиковъ и Кузинъ, клятвенно подтверждали, что убитый былъ отецъ Георгій. Кузинъ даже утверждалъ, что Гапона заманила въ засаду женщина. Замѣчательно, что начатое слѣдствіе не привело ни къ чему, и смерть Гапона осталась не менѣе загадочной, нежели убійство столь пашумѣвшего въ наши послѣдніе дни Андрюши Ющинскаго.

Лѣтомъ 1906 года присяжный повѣренный Марголинъ поѣхалъ за границу. Между прочимъ, въ газетахъ (кажется, все въ тѣхъ же облюбовавшихъ Гапона «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ») было оповѣщено, что Марголинъ везетъ съ собою для палечатанія внѣ предѣловъ Россіи какіе-то документы.

Спустя нѣсколько времени тѣ же газеты сообщили, что гапоновскій повѣренный внезапно скончался отъ желудочныхъ страданій послѣ обѣда въ гостиницѣ маленькаго нѣмецкаго или французскаго городка, гдѣ онъ остановился для отдыха.

В. М. Грибовскій.

ПЫТАЛОВСКАЯ ВѢТВЬ ВЪ 1905 ГОДУ.

(Эпизодъ изъ возстанія въ Прибалтійскомъ краѣ).

I.

Закрытіе вѣтви для движенія.—Закрытіе станцій Боловскъ и Сита.—Изгнаніе начальника ст. Сита.—Стрѣльба по машинистамъ.—Карательный отрядъ графа Граббе.—Стычка съ латышами.—Шифрованные телеграммы.—Требованіе экстреннаго поѣзда для раненыхъ казаковъ.

ТО СТРАНИЧКА изъ воспоминанія объ одномъ изъ эпизодовъ памятнаго 1905 года въ Прибалтійскомъ краѣ. Грандіозныя событія 1905—1907 годовъ, съ быстротой слѣдовавшія одно за другимъ, совершенно затмили этотъ эпизодъ, небезынтересный для будущаго историка возстанія въ Прибалтійскомъ краѣ, тѣмъ болѣе, что въ періодической печати не упоминалось объ этомъ происшествіи, если не считать трехъ-четырехъ строкъ въ маленькой газетѣ «Петербургъ».

Служилъ я тогда на станціи Пыталово нынѣ Сѣверо-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, почти пограничной съ Курляндской губерніей. По низкой болотистой мѣстности, часто перерѣзанной рѣчками, рѣчками и ручьями, тянется семидесятиверстная Пыталовская одноколейная вѣтка съ безчисленнымъ количествомъ мостовъ, большей частью деревянныхъ.

Въ моментъ разсказа разгаръ революціоннаго и антибаронскаго движенія въ Курляндской губерніи достигъ максимальнаго размаха, и Пыталовская вѣтвь вслѣдствіе этого частью уже была закрыта для движенія поѣздовъ. Поѣзда ходили случайно, безъ всякаго опре-

дѣленнаго расписанія и при томъ только до того мѣста, которое по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ казалось въ данную минуту безопаснымъ. Конечная станція Сита и слѣдующая за ней Боловскъ были насильственно закрыты возставшими крестьянами-латышами изъ ближайшихъ къ станціямъ деревень и фольварковъ. Такъ какъ начальникъ станціи долго не подчинился требованіямъ и угрозамъ латышей, ссылаясь на свой служебный долгъ, то въ одно прекрасное время явившаяся на станцію группа крестьянъ, вооруженныхъ охотничьими ружьями, силой усадила службиста-начальника, стрѣлочниковъ и сторожей съ ихъ семьями на поѣздъ и предложила до болѣе благоприятныхъ временъ не возвращаться на станцію, пригрозивъ убійствомъ и сожженіемъ и разореніемъ станціи, если вопреки приказаніямъ они вздумаютъ воротиться обратно. Точно такая же угроза была повторена и начальникамъ станцій Боловскъ и Курово, но, благодаря личному такту послѣднихъ, они остались на мѣстахъ, давъ, однако, обѣщаніе, что не примутъ отъ смежныхъ станцій ни одного поѣзда и закроютъ свои станціи для всѣхъ операцій.

Между тѣмъ событія въ Курляндской губерніи слѣдовали одно за другимъ; въ Пыталовѣ эти событія чувствовались съ особенной силой ввиду близкаго сосѣдства охваченной возстаніемъ мѣстности. Кровавыя расправы латышей надъ нѣмецкими помѣщиками, сожженіе имѣній и замковъ, разгромы усадебъ, все это поддерживало умы въ крайнемъ напряженіи и давало обильную пищу для разговоровъ, предположеній, а больше фантазій. Слухи одинъ другого страшнѣе, одинъ другого пинкертоностѣе, одинъ другого нелѣпнѣе и невѣроятнѣе распространялись съ невѣроятной быстротой и принимались всѣми за чистую монету.

Нервы разошлись до того, что чѣмъ невозможнѣй и чудовищнѣй былъ пущенный въ обращеніе слухъ, тѣмъ съ большей охотой онъ принимался на вѣру.

Евреи-возчики, хорошо тогда зарабатывавшіе вслѣдствіе прекращенія движенія поѣздовъ по вѣткѣ, пріѣзжая въ Пыталово за грузомъ, со свойственной имъ экспансивностью картинно рисовали всевозможныя новеллы о кровавыхъ событіяхъ. Помимо уже всѣмъ извѣстныхъ фактовъ сожженія замковъ и имѣній, говорили о забиваніи гвоздей нѣмецкими помѣщиками въ головы латышскихъ дѣтей, о бросаніи въ огонь бароновъ латышами, о разстрѣлахъ, повѣшеніяхъ и другихъ способахъ суда Линча. Отличить правду отъ неправды представлялось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что иногда неправда была правдоподобнѣе самой сверной правды. Говорили затѣмъ о грандіозныхъ митингахъ, массовыхъ шествіяхъ съ красными флагами, о движеніи вооруженной тридцатитысячной толпы латышей на Пековъ, о повсемѣстномъ поголовномъ вооруженіи жителей, о бѣгствѣ нѣмцевъ изъ своихъ гнѣздъ и т. д.

Но изъ всѣхъ этихъ чудовищныхъ слуховъ было дѣрно одно: именно сожженъ и разграбленъ былъ замокъ Стомерзе, владѣлецъ же его баронъ Вельфъ бѣжалъ, спрятавшись въ возъ съ сѣномъ.

Поэтому никто изъ насъ не удивился, когда раннимъ ноябрьскимъ утромъ черезъ Пыталово въ южную часть Курляндской губернии по вѣткѣ прослѣдовала сначала эшелонъ Иркутскаго полка, квартировавшаго во Псковѣ, а вслѣдъ за нимъ черезъ три или четыре дня отрядъ донскихъ казаковъ съ десятью пулеметами, шестью пушками и вагономъ, говорилъ, динамита, подъ общимъ командованиемъ полковника графа Граббе. Съ прибытіемъ карательныхъ отрядовъ въ возставшій край прежніе слухи смѣнились разсказами о стычкахъ, столкновенияхъ и кровопролитныхъ сраженіяхъ между войсками и повстанцами, о засадахъ въ дѣсу, подъ мостами, объ отравленіи казаковъ, массовыхъ разстрѣлахъ и объ истребленіяхъ цѣлыхъ отрядовъ карательной экзекюціи. Воображеніе и любопытство болѣзненно и ярко работали, нездоровая, щекочущая мысль—наглядно убѣдиться и посмотреть на стычки рѣдкаго изъ насъ не мучила, и картины, ярко рисуемыя евреями-возчиками, не оставляли ни на минуту, а дразнили и манили. И вотъ счастливый, а какъ оказалось впоследствии, несчастный случай побить на театрѣ кровавыхъ дѣйствій скоро представился, и мы рѣшили его использовать, не предполагая, что впоследствии горько раскаемся въ своемъ стремленіи извѣдать «сильныя ощущенія».

Было, кажется, что-то около 12 часовъ дня. Давно замолкнувшій телеграфъ Пыталовской вѣтки вдругъ тревожно застучалъ и сталъ вызывать станцію Пыталово для пріемки телеграммы.

Такъ какъ въ то время телеграфъ вѣтки обслуживалъ только служебныя потребности и былъ закрытъ для частнаго пользованія, то телеграфистъ отказался было принимать частную телеграмму, предложенную станціею Боловскъ, заявленіе же, что телеграмма начальника карательнаго отряда графа Граббе, экстренная и секретная, заинтересовала всѣхъ бывшихъ на телеграфѣ, и телеграфистъ сталъ переписывать двѣ огромныя, въ нѣсколько сотъ словъ шифрованныя телеграммы, адресованныя въ Петербургъ различнымъ военнымъ начальникамъ.

А вслѣдъ за этими сильно заинтригованными телеграммами послѣдовала другая срочная телеграмма, отъ начальника станціи Боловскъ начальнику станціи Пыталово—немедленно озаботиться снаряженіемъ экстреннаго поѣзда для перевозки раненыхъ казаковъ въ псковскій военный лазаретъ.

Снарядить поѣздъ было дѣломъ полчаса. На станціи всегда находились дежурный маневровый паровозъ, два вагона, обычно совершавшихъ рейсы по Пыталовской вѣтки. Бригада же поѣздной прислуги составилаеь изъ свободныхъ служащихъ, которые въ силу существующихъ инструкцій управленія желѣзныхъ дорогъ

обязаны исполнять кондукторскія обязанности въ экстренныхъ, не терпящихъ отлагательства случаяхъ, при чемъ отказъ сурово карается. Но въ данномъ случаѣ никому не пришлось напоминать о карахъ и инструкціи, никого не нужно было даже приглашать. Охотниковъ и любителей сильныхъ ощущений набралось втрое, а то и вчетверо больше полагающагося комплекта.

Въ первомъ часу яснаго, погожаго, чуть-чуть морознаго дня легкой, пзящій паровозъ тендеромъ впередъ (я упоминаю и подчеркиваю это, повидимому, маловажное обстоятельство, потому что въ дальнѣйшемъ выяснится, какое огромное значеніе оно имѣло для десятковъ жизней) быстро покатились два вагона—одинъ 2-го, другой 3-го класса. Мы удобно размѣстились на мягкихъ скамейкахъ вагона 2-го класса, болтали, дѣлились впечатлѣніями, предвкушая удовольствіе собственными очами видѣть жаркія дѣла, и никому изъ насъ не приходила въ голову мысль, что мы, отправляясь въ рискованное путешествіе, подвергаемся опасности. Многіе изъ насъ, вѣроятно, отказались бы тогда и отъ этой поѣздки, и отъ жажды сильныхъ впечатлѣній.

Однако наше приподнятое, взвищенное настроеніе нѣсколько охладилъ начальникъ станціи Купрово, сообщившій непріятную новость. По его словамъ, сразу же по отходѣ послѣднихъ поѣздовъ съ войсками латыши сосѣднихъ фольварковъ, придя большой толпой на станцію, напомнили о своемъ требованіи не пропускать поѣздовъ и въ отвѣтъ на объясненія начальника вторично въ категорической формѣ потребовали не пропускать больше ни одного поѣзда, предупредая, что всякій появившійся поѣздъ они спустятъ подъ откосъ, о чемъ и просили увѣдомить машинистовъ и кондукторовъ. Нужно замѣтить здѣсь, что въ машинистовъ возвращавшихся послѣ доставки войсковыхъ поѣздовъ неоднократно стрѣляли на перегонахъ, къ счастью, безрезультатно.

— Я, господа, снимаю съ себя всякую отвѣтственность за благополучное слѣдованіе поѣзда на моемъ перегонѣ. Выбирайте сами, что дѣлать—ѣхать ли въ Боловскъ, или возвращаться обратно,—говорилъ взволнованный начальникъ станціи.—Я давно живу среди латышей и по личному опыту знаю, что это говорилось не какъ простая угроза или запугиваніе, они способны на самыя рѣшительныя и крайнія мѣры.

Такая увѣренность начальника сильно заставила насъ задуматься, но благодаря тому, что въ ходъ были пущены такіе убѣдительные аргументы, какъ авось, небось да какъ-нибудь, большинствомъ голосовъ рѣшено было ѣхать до станціи назначенія. Поѣздъ, набравъ дровъ и воды, уменьшеннымъ ходомъ благополучно миновалъ перегонъ и прибылъ въ Боловскъ. Возникшая было тревога мало-по-малу улеглась, но прежнее настроеніе осталось въ Купровѣ.

II.

Осажденный поѣздъ.—Бѣгство помѣщиковъ. Тяжелыя сцены.—Баронъ Вольфъ.—
Ильмцевъ не пускаютъ въ поѣздъ.—Посадка казаковъ.—Прекращеніе телеграфа и
телефоновъ.

Не успѣлъ машинистъ затормозить поѣздъ и мы едва ступили на платформу, какъ вдругъ, точно изъ засады, изъ палисадника, примыкающаго къ зданію станціи, выбѣжала толпа молодыхъ латышей, видимо, кѣмъ-то предупрежденныхъ и потому вооруженныхъ охотничьими ружьями, и бросилась къ намъ, громко крича и жестикулируя.

— Откуда? Зачѣмъ? Поѣзда приказано было не отправлять! Возвращайтесь обратно, пока живы! Немедленно! Вы привезли казакамъ оружіе,—кричали парни, къ которымъ мало-по-малу стекались люди, построенные, повидимому, не совѣмъ гостепріимно.

Надо сознаться, что мы впопыхахъ оставили дома не только верхнее теплое платье, но и необходимое въ такихъ случаяхъ каждому искателю приключеній хладнокровіе и храбрость, и естественно, что страхъ порядкомъ-таки овладѣлъ нами. Пріемъ былъ не совѣмъ любезный и во всякомъ случаѣ могъ бы быть болѣе привѣтливомъ, такъ какъ латыши у мнѣгихъ изъ насъ пользовались тайными симпатіями. Не растерялся только нашъ машинистъ и спокойно и вѣжливо объяснилъ, что мы пріѣхали въ Боловскъ безъ всякихъ преступныхъ намѣреній по отношенію къ латышскому населенію, что никакого оружія мы не привезли, пріѣхали съ мирными намѣреніями, исключительно подчиняясь служебному долгу и дисциплинѣ, что мы, дескать, понимаемъ ихъ подозрительность, оправдываемую тревожными обстоятельствами, и потому они, латыши, не должны производить надъ нами никакого насилія. Вообще говоря, нашъ машинистъ велъ себя, какъ самый заправскій парламентаръ. Хотя станція давно уже была закрыта для движенія и коммерческихъ операцій и народу, кажется, нечего было въ ней дѣлать, тѣмъ не менѣе въ обычно пустующей станціи было тѣсно отъ шумной, жужжащей толпы, которая пополнялась и принимала въ себя новыхъ людей, выходившихъ изъ биткомъ набитаго трактира въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи. Вся эта толпа окружила нашъ злополучный поѣздъ, толкалась, многіе залѣзли въ вагоны, даже на паровозъ, тщательно вынюхивая, обыскивая, разузнавая, вѣроятно, не спрятано ли гдѣ-либо оружіе. А толпа увеличивалась, прибывала до сотни человѣкъ, и на лицахъ латышей ясно была написана загаенная мрачная злоба.

Казаковъ еще не привезли, оставаться подъ жуткими, злобными взглядами было непріятно, и мы, сомкнутые живымъ кольцомъ возбужденныхъ человѣческихъ тѣлъ, въ ожиданіи отправились въ каби-

нетъ начальника станціи. Минуть черезъ десять гдѣ-то по мерзлому грунту послышался грохотъ колесъ и цоканье лошадиныхъ подковъ.

— Казаки!—какъ электрическая искра, пронесся по толпѣ смутный гулъ голосовъ, и взоры всѣхъ устремились въ направленіи стука колесъ. Въ толпѣ произошло движеніе, и она начала расходиться въ разныя стороны. Съ горы во весь духъ бѣшено мчались три богатыхъ закрытыхъ коляски, запряженныхъ парами здоровыхъ коней и сопровождаемыхъ восемью допцами верхомъ съ винтовками за плечами.

Толпа замѣтно рѣдѣла. Изъ передней коляски сначала выпрыгнулъ молодой казачій офицеръ, за нимъ два штатскихъ господина съ типичными бритыми лицами нѣмецкихъ помѣщиковъ и стали высаживать волнующихся женщинъ и перепуганныхъ дѣтей. То же самое стали дѣлать и въ другихъ коляскахъ съ помощью второго офицера. Латыши, видя численное свое превосходство, начали опять собираться и толпиться вокругъ пріѣзжихъ шумными кучками, громко и возбужденно о чемъ-то разговаривая.

Хотя они говорили на латышскомъ языкѣ, но по тону разговора и жестамъ, направленнымъ въ сторону пріѣхавшихъ, можно было заключить, что рѣчь идетъ о нихъ. А тѣ неловко сбились въ кучки около своихъ колясокъ. Дѣти, сонныя, безпомощныя, усталыя, пугливо смотрѣли на враждебную толпу и время отъ времени дрожали, инстинктивно прижимаясь къ взрослымъ. Маленькая худенькая дѣвочка какими-то остодбенѣлыми глазами перебѣгала то въ одну сторону, то въ другую и производила впечатлѣніе помѣшавшейся.

— Гдѣ же, ваше благородіе, раненные казаки?—спросилъ нашъ машинистъ офицера.

— Ихъ сейчасъ привезутъ, господа. Но вмѣстѣ съ казаками мы, господа, очень будемъ просить васъ забрать съ поѣздомъ и привезенныя нами три несчастныя семейства здѣшнихъ помѣщиковъ, имѣнія которыхъ были разгромлены еще до нашего прибытія и жизни которыхъ теперь угрожаетъ опасность. Барону Вольфу, семейство котораго тоже здѣсь, крестьяне приписываютъ вызовъ карательныхъ отрядовъ. Вы возьмете ихъ заодно съ казаками!

Хотя это обстоятельство и не предвидѣлось нами при отправленіи изъ Пыталова, но мы лично ничего не имѣли противъ этого акта милосердія, тѣмъ болѣе, что поѣздъ былъ отправленъ безъ всякаго плана и наряда и въ служебномъ отношеніи отвѣчать не пришлось бы.

Но намъ сразу же пришлось убѣдиться въ томъ, что врядъ ли нѣмецкія семейства выйдутъ отсюда. Едва смолкъ офицеръ, какъ вся толпа закричала, замахала руками, и въ общемъ поведеніи толпы чувствовалось, что она будетъ противиться отъѣзду. Толпа густо шумѣла, спорила, ругалась, но черезъ пять минутъ замолкла, и три молодыхъ латыша съ довольно интеллигентными фізіоно-

міями подошли къ намъ и офицерамъ и спокойно, безъ жестовъ и аффектаціи объявили, что поѣздъ можетъ безпрепятственно забрать раненыхъ, но если въ поѣздъ сядетъ хоть одинъ нѣмецъ, то толпа не позволитъ намъ сдвинуться съ мѣста.

— Если же казаки употребятъ оружіе,—замѣтивъ, какъ казаки судорожно снимаютъ нагайки, продолжали латыши:—то мы не отвѣчаемъ за кровь, которая здѣсь можетъ пролиться.

Офицеръ густо покраснѣлъ, но смолчалъ и о чемъ-то задумался. Казаки на лошадяхъ сомкнулись тѣснѣй. Лошади пугливо пряли ушами, перебирали ногами и тревожно задирали головы, косясь вывороченными бѣлками глазъ на опять заволновавшуюся толпу.

Офицеры, блѣдные, растерянные и безсильные, вступили въ переговоры съ толпой, такъ какъ сила была на сторонѣ латышей и офицерамъ понадобилось много такта и хладнокровія, чтобы не вызвать кроваваго разрѣшенія спора. Женщины плакали, ломали руки, дѣти, трясаясь отъ холода и страха, бились словно въ истерикѣ, а высокій блондинъ, владѣлецъ сожженного замка Стомерзе, взволнованно замахалъ красными отъ холода руками и визгливо сталъ кричать на толпу. Рѣзкая, захлебывающаяся матерная брань, не останавливаемая даже присутвіемъ женщинъ и дѣтей, густо повисла въ воздухѣ.

— Они насъ убьютъ,—выкрикивали истерическими голосами женщины, и щеки однѣхъ горѣли яркимъ краснымъ румянцемъ и тряслись нижнія челюсти; щеки другихъ были бѣлые муги, и изъ глазъ всѣхъ катились крупныя частыя слезы.

— Они насъ зарѣжутъ,—плакали обезумѣвшія дѣти съ тоненькими, худыми личиками и съ темными пятнами вокругъ заплаканныхъ, измученныхъ глазъ.

— Негодян, убійцы!—кричалъ высокій блондинъ тонкимъ фальцетомъ.

— Вы не уѣдете,—упрямо и злобно повторяла толпа.—Вы не уѣдете, возвращайтесь домой, пока цѣлы!

И какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ многіе сѣли въ вагоны, на паровозъ и оттуда уже кричали:

— Не уѣдете!

— Мы дадимъ вамъ денегъ, много денегъ!—предложили было женщины, но высокій блондинъ отчаянно замахалъ руками, давая знакъ замолчать.

— Я буду стрѣлять,—крикнулъ вдругъ онъ и полѣзъ въ карманъ.—Господинъ офицеръ, прикажите протелефонировать въ волюсть: пусть вышлютъ помощь.

— Ваше благородіе, телефонные столбы по пути перерѣзаны,—прикладывая руку къ козырьку и склоняясь, доложилъ казакъ съ лошади.

— Разойдитесь, пропустите, иначе я буду стрѣлять,—опять запальчиво крикнулъ нѣмецъ.

Но эти слова разомъ заглушилъ тяжелый зловѣщій рокоть, похожій на рычаніе звѣря, котораго раздражили. Что-то неукротимое послышалось въ этомъ рычаніи, и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, хлынула къ коляскамъ страшной лавиной, которая вотъ-вотъ смететъ и раздавитъ все безъ остатка. Уже къ лицу барона протягивались огромные, судорожно сжатые кулаки, задніе возбужденные ряды напирали и тѣснили переднихъ; кровавая драма готова была разразиться.

Баронъ поблѣднѣлъ и упавшимъ голосомъ, глядя на толпу занскивающими собачьими глазами, сталъ просить у офицеровъ охраны для обратной поѣздки.

Снова застучали подковы лошадей по мерзлой землѣ, кареты уѣзжали, сопровождаемыя угрожающими криками и рѣзкимъ пронзительнымъ свистомъ. Несчастье миновало.

— Телеграфное сообщеніе съ Купровымъ только что прервалось,—вдругъ сообщилъ начальникъ, блѣдный и растерянный, неприятную вѣсть.

Сердце у всѣхъ разомъ упало. Что же дѣлать, какъ быть? Не ожидать же въ этой толпѣ, пока исправятъ телеграфъ? Достаточно было взглянуть на угрюмыя, суровыя лица латышей, раздраженныхъ баронской бранью и угрозами, чтобы почувствовать невольный трепетъ и собственное безспіе передъ этой слѣпой и мстительной силой.

Былъ уже пятый часъ вечера, когда, наконецъ, на раскидныхъ дрогахъ изъ имѣнія Стомерзе привезли раненыхъ въ стычкѣ казаковъ: четверо тяжело, четверо—менѣе тяжело. Сопровождавшіе казаки осторожно стали переносить ихъ въ вагоны, легко раненые шли сами

Кто-то слабо стоналъ. У многихъ изъ нихъ дрожали руки, лица были суровы и темны. Толпа не препятствовала посадкѣ раненыхъ, хотя была довольно велика. Чувствовалось что-то не простое, выжидательное въ ея поведеніи. Было замѣтно, что толпа знаетъ что-то страшное, неминуемое и неизбежное, и потому на всѣхъ лицахъ было выраженіе любопытства и тайной скрытой радости.

Мы предчувствовали, что должно произойти что-то неприятное для насъ, но не догадывались, что именно.

Короткій полудимній, полусенній день кончался, и оставаться до ночи, пока исправятъ телеграфъ, представлялось рискованнымъ.

Начальникъ станціи, отправляя насъ, выдалъ машинисту предупрежденіе ѣхать со скоростью пяти верстъ въ часъ.

Паровозъ перегнали въ голову поѣзда, трубой впередъ, и сумерками мы отправились въ таинственный путь.

III.

Крушеніе поѣзда съ ранеными.—Рухнувшій мостъ.—Вынутый рельсъ и телеграфный столбъ.—Подъемъ упавшаго паровоза.—Оставленіе вагоновъ.—Красный сигналъ.—Сожженіе вагоновъ.—Разстрѣль преступниковъ.

Всякія приказанія и предупрежденія на то и даются, вѣроятно, русскому человѣку, чтобы онъ не исполнять ихъ.

Машинистъ, обрадовавшійся, видимо, потому что благополучно выбрался изъ неспокойнаго мѣста, сразу же, съ мѣста въ карьеръ развилъ скорость не въ пять верстъ, а въ пятьдесятъ пять верстъ, тогда какъ максимальная скорость ѣзды по Пыталовской вѣтви не превышаетъ тридцати верстъ въ часъ. А между тѣмъ именно эта-то безумная ѣзда и спасла насъ отъ явной и неминуемой смерти. Вагоны страшно качало, подбрасывало, они скрипѣли, трещали, но быстро мчались впередъ. Казаки, уложенные на мягкихъ скамьяхъ, передавали свои впечатлѣнія, рассказывали жуткія исторіи.

Линія шла по высокой искусственной насыпи, которая становилась все круче и выше. И вдругъ страшный толчокъ, рѣзкій трескъ, еще толчокъ за толчкомъ, и вагонъ, сильно накренившись то вправо, то влѣво, прыгая, какъ стреноженная лошадь, вдругъ вздрогнулъ и сразу сталъ. Толчки, трескъ, звонъ разбивающихся стеколъ, стоны раненыхъ, сброшенныхъ съ лавокъ въ одну кучу; рѣзкое шипѣніе пара слилось въ одну жуткую, ужасную музыку. Все это произошло такъ внезапно, такъ быстро и неожиданно, что даже тогда, когда машинистъ далъ сильный контръ-паръ и вагонъ уже сталъ, мы не могли опомниться, не въ состояніи были дать себѣ отчетъ, такъ растерялись отъ страшной неожиданности, что, сброшенные на полъ, не подумали въ первое мгновеніе даже о бѣгствѣ изъ вагона, а, крѣпко впившись руками за спинки и ножки лавочекъ, ожидали съ остановившимся сердцемъ, когда вагонъ, кувыркаясь, полетитъ внизъ подъ откосъ. Ясно было, что произошло крушеніе, и эта мысль, какъ огненная искра, опалила похолодѣвшій отъ ужаса мозгъ. Въ моментъ крушенія я лежалъ на откидной спинкѣ вагона, и отъ внезапнаго сильнаго толчка меня отбросило въ противоположную сторону. Я больно стукнулся головой о чугунную рѣшетку для ручного багажа, а потомъ грудью уналь сверху на сбитыхъ въ кучу казаковъ, а на меня опрокинулись приставленные къ стѣнкѣ вагона казачкія ружья.

— Голубчики, голубчики! милые! задавили!—кто-то глухо стоналъ внизу подъ нами.

Прошелъ первый жуткій моментъ, и стоны ушибленныхъ раненыхъ казаковъ наполнили весь вагонъ и вывели изъ оцѣпенѣнія.

Наступила страшная паника. Одинъ за другимъ, охваченные дикимъ животнымъ страхомъ, люди начали выпрыгивать въ

распахнувшіяся отъ толчка двери. Раненые, у которыхъ хватило силы подойти къ разбитымъ окнамъ вагона, выглядывали изъ нихъ блѣдные, дрожащіе и часто машинально крестились.

И то, что мы увидѣли, заставило сердце сжаться, и какой-то невольный холодъ обдалъ все тѣло. Глубоко врѣзавшись въ землю, паровозъ, упершись передними колесами, стоялъ надъ страшнымъ высокимъ откосомъ, и, точно испугавшись страшнаго прыжка въ пропасть, будто разомъ отпрянуло назадъ, попятился, подавшись назадъ веѣмъ корпусомъ и удерживая за собой слѣдовавшіе за нимъ вагоны.

Веѣ восемь колесъ паровоза сошли съ рельсовъ и врылись въ землю, равно какъ и колеса вагоновъ. Еще бы, кажется, только одинъ миллиметръ, и подъ откосомъ лежала бы безформенная груда исковерканнаго желѣза, дерева и костей, обрызганныхъ кровью и мозгомъ. Причина крушенія была налицо и искать ее не пришлось.

Отъ упавшаго паровоза по направленію къ деревянному мосту, который мы только что проѣхали, на разстояніи сажень десяти шла по исковерканнымъ колесами шпаламъ борозда взрытой земли и оканчивалась у четырехъ-пятисаженнаго деревяннаго моста черезъ рѣку.

Вотъ этотъ-то деревянный мостъ, на деревянныхъ же упорахъ, и привели въ негодность.

Пока мы были въ Боловскѣ, латыши перепилили деревянные упоры, такъ что, когда проходилъ нашъ поѣздъ, столбы съ прибитыми къ нимъ рельсами и поперечными балками висѣли на воздухѣ, и мы неизбежно должны были провалиться въ рѣку. А для того, чтобы это случилось навѣрное, передъ самымъ въѣздомъ на мостъ былъ вынутъ рельсъ, такъ что по шпаламъ мы уже ѣхали и по мосту. Тутъ же валялся перепиленный телеграфный столбъ. Что именно спасло насъ, я не могу опредѣлить съ точностью. Былъ ли это счастливый случай, чудо, былъ ли среди насъ счастливецъ въ сорочкѣ, оттого ли, что латыши перепилили не веѣ упоры, или безумная ѣзда поѣзда, по инерціи проскочившаго роковое мѣсто, спасла насъ, объясняйте, какъ угодно и чѣмъ угодно, но фактъ, что мы переѣхали рухнувшій вслѣдъ за послѣднимъ вагономъ испорченный мостъ, остается фактомъ. Я лично склоненъ въ пользу послѣдняго объясненія, именно что насъ спасла огромная скорость ѣзды и то обстоятельство, что паровозъ шелъ трубой впередъ.

Итакъ, спаслись отъ одной бѣды, попавъ въ другую, болѣе горшую, нежели первая... Но надолго ли?—вотъ новый вопросъ, который трагически теперь сталъ передъ нами. И онъ былъ еще болѣе трагическимъ, потому что мы, безпомощные, безоружные, если не считать десяти-восьми ружей въ рукахъ раненыхъ казаковъ, стояли въ мѣстности, по которой только что проходили карательные отряды и которая, можетъ, еще вчера была ареной кровавыхъ

дѣйствій. Ночь быстро надвигалась, морозная, безлунная, съ сынучимъ рѣзкимъ снѣгомъ. Въ фольваркахъ и деревняхъ зажглись огни. Оттуда, приносимый вѣтромъ, долетала какой-то невнятный говоръ многихъ человѣческихъ голосовъ, вой и лай собакъ, какіе-то крики.

Было жутко и страшно, и хотя говорятъ: на міру и смерть красна—однако ощущеніе страха и беспомощности безвыходнаго поло, женія не проходило. А вдобавокъ почти все были безъ теплаго платья, рассчитывая на теплоту комфортабельнаго вагона 2-го класса.

— Надо, господа, подымать паровозъ,—мрачно проговорилъ машинистъ.

— Но у насъ вѣдь нѣтъ ни силы, ни приспособленія, забыли даже домкратъ!

— Взять людей съ линіи,—предложилъ офицеръ.—Дайте тревожный свистокъ.

— Разстояніе отъ будки до будки—четыре версты, и вмѣсто путевыхъ сторожей и ремонтныхъ рабочихъ понабѣгутъ латыши и перестрѣляютъ всехъ насъ, какъ куропатокъ, если они не притаились уже гдѣ-нибудь здѣсь. Устинъ, сходи въ будку, а мы пока попробуемъ поставить паровозъ на рельсы своими силами,—отдавалъ приказанія машинистъ.

А ночь чернѣла и сыпала рѣзкими, колючими струйками рѣзкаго снѣга.

Посланный скрылся скоро изъ глазъ и потонулъ въ черномъ мракѣ болотнаго поля. И вдругъ, какъ яркая искра, въ темнотѣ гдѣ-то грянулъ близкій одиночный выстрѣлъ.

Неужели убили Устина?—мелькнула жуткая мысль. Глубоко притаившаяся тревога вдругъ поднялась съ новой силой, и мысль о насильственной, преждевременной смерти среди топкихъ болотъ стала вѣроятной и близкой.

Ежась отъ холода и страха, замерзшіе, закоченѣлые, мы столпились около паровоза, какъ испуганное стадо овецъ, застигнутыхъ непогодой. Казаки, снявъ шапки, истоиво крестились большими широкими крестами. Всякій звукъ, малѣйшій шорохъ пугалъ. Попробовали подымать паровозъ, но безъ посторонней помощи это сдѣлать было невозможно.

А Устинъ, между тѣмъ, не возвращался, и мы не знали, живъ онъ, или убитъ. Терпѣніе наше стало истощаться, тѣмъ болѣе, что было уже девять часовъ, а ѣхать намъ нужно было болѣе сорока верстъ. Но вотъ наконецъ гдѣ-то далеко, далеко блеснулъ огонь, таинственный и загадочный, приближался и раскачивался.

Свой? Чужіе? Устинъ ли съ рабочими, или латыши, чтобы перебить насъ?

Съ радостнымъ нетерпѣніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ жуткимъ страхомъ ожидали мы приближенія таинственнаго огонька. Къ

счастью, это былъ Устинъ вмѣстѣ съ четырьмя запыхавшимся отъ быстрой ходьбы линейными сторожами, несшими двѣ здоровыхъ балки.

Началась дружная работа по подъемкѣ сошедшаго съ рельсовъ паровоза. Тендеръ былъ скоро поставленъ, но поставить самый паровозъ представлялось все-таки дѣломъ нелегкимъ. Обѣ балки сломались и пришлось вынуть рельсъ, чтобы употребить его въ качествѣ рычага.

Но дѣло не подавалось впередъ ни на шагъ.

— Скорѣй, господа, скорѣй! Ради Бога торонитесь,—дрожащимъ отъ волненія голосомъ понукалъ молодой офицеръ, незамѣтно крестясь подъ снятою шапкой.

— Можетъ быть, мы отправимся пѣшкомъ на станцію, и тамъ телеграфируемъ о несчастіи,—звалъ нетерпѣливый офицеръ.

— Мы не можемъ оставить здѣсь паровоза. Мы обязаны его поднять,—отрѣзавъ упрямый машинистъ, съ грязнаго лица котораго потъ лилъ ручьями.

И, о счастье, наконецъ-то, послѣ тяжелой, почти двухчасовой работы, задыхающіеся, мокрые, но счастливые, мы поставили паровозъ на рельсы и облегченно вздохнули.

— Слава Богу, слава Богу!—мы почти смѣялись отъ радости, хотя не знали, что еще будетъ впереди въ эту темную холодную ночь въ пустынномъ болотистомъ полѣ. Вагоны рѣшено было оставить здѣсь, чтобы пріѣхать за ними въ болѣе благопріятный моментъ. Да намъ все равно было бы ихъ не поднять, и мы рисковали очень многимъ, въ случаѣ промедленія.

Съ тендера съ цѣлью очистить больше мѣста, побросали лишній запасъ топлива и оставили только необходимое количество дровъ для дальнѣйшаго пути. Переязавшихъ, стонущихъ казаковъ, у которыхъ отъ сотрясенія и паденія спали повязки и открылись раны, перевели на паровозъ, потушили огни, которые были не только бесполезны, но и опасны, потому что могли бы привлечь ненужное вниманіе, развели паръ и безъ свистковъ и сигналовъ отправились въ темный и таинственный путь, полный, можетъ быть, еще большихъ страховъ и ужасовъ, которые мы только что испытали.

Теперь уже безъ всякаго предупрежденія, а руководствуясь осторожностью, несмотря на искреннее желаніе умчаться отсюда на всѣхъ парахъ, мы поѣхали со скоростью уже не пяти верстъ, а трехъ, а то и двухъ верстъ въ часъ, такъ какъ сломать себѣ шею—удовольствіе, которое никому не улыбалось. Путь былъ полонъ тревогъ, волненій и страховъ. У каждаго казавшагося подозрительнымъ мѣста останавливались; всѣ, кромѣ раненыхъ, слѣзали съ паровоза, зажигали факелы и съ терпѣніемъ добросовѣстныхъ ищеекъ обнюхивали каждый слѣдъ. А этихъ слѣдовъ, несмотря на выпавшій снѣгъ, свѣжихъ, только что натоптанныхъ, вездѣ было

много, особенно у деревянныхъ многочисленныхъ мостовъ и мостиковъ. Осмотрѣвъ каждый рельсъ, каждое бревно упора, всякую балку, машинистъ тихо пускалъ паровозъ, а затѣмъ сѣдился и мы, перейдя пѣшкомъ на слѣдующій берегъ. И ѣхали такъ же осторожно до слѣдующаго моста, такъ же слѣзали и сѣдлись опять.

Страхъ и волненіе мало-по-малу улегалось. Вотъ уже вдали мелькнулъ какой-то огонекъ. Мелькнулъ и скрылся.

— Стойте! Смотрите, смотрите, — неожиданно раздался первый голосъ офицера и сразу заразилъ всѣхъ однимъ напряженнымъ вниманіемъ.

Красный сигналъ! Опять несчастье!

— Это не въ Купровѣ, — сразу же опредѣлилъ опытный машинистъ, хорошо знакомый съ топографіей мѣстности. — Это не иначе, какъ на большомъ мосту, въ веретѣ отъ Купрова. А красный огонь, высоко поднятый, зловѣще горѣлъ, какъ огромный глазъ какого-то фантастическаго животнаго, которое медленно приближалось къ намъ. Если и этотъ мостъ перешпленъ, намъ не добраться до Купрова и придется заночевать на перегонѣ, такъ какъ обратное отступленіе отрѣзано. Сердце совсѣмъ перестало биться, и отчаянію не было границъ и предѣла. Приблизившись, однако, къ мосту, мы замѣтили, что красный сигналъ на той сторонѣ моста и, слѣдовательно, мостъ невредимъ. Но, не довѣряя все-таки, пѣшкомъ перебираемся на ту сторону и паровозъ останавливается у опаснаго, предупреждаемаго мѣста.

— Опасности нѣтъ, господа, по начальникъ станціи предупреждаетъ васъ, чтобы вы не проѣхали Купрово безъ остановки. Матыши, что приходили сегодня на станцію, потребовали выѣзда и какъ можно скорѣй; грозятъ застрѣлить начальника и жандарма. Для этого и фонарь выставили, боялись, что проѣдете мимо и оставите насъ, — говорилъ станціонный сторожъ, котораго мы сначала не замѣтили въ темнотѣ.

На стрѣлкахъ ни одного огонька. На станціи темно, тихо, точно повывело все метлой, или прошелъ непріятель. Только въ вокзалѣ около безпорядочно сваленной кучи наскоро собранныхъ домашнихъ вещей плакали женщины и дѣти, закутанныя въ башлыки и большіе платки.

Скорѣй, скорѣй, не задерживайтесь ни минуты, — выбѣжалъ изъ кабинета начальникъ станціи съ нервно подергивающимся лицомъ, вынося какія-то бумаги и желѣзную шкатулку съ деньгами.

— Жандарма нѣтъ до сихъ поръ? Ыдемъ, ѣдемъ скорѣй.

Сбрасываемъ еще часть топлива, тѣснясь и забираемъ начальника, двухъ сторожей и ихъ семьи. Вещи пришлось оставить на станціи за недостаткомъ мѣста на переполненномъ людьми паровозѣ. Начальникъ станціи разсказалъ, что едва тронулся нашъ поѣздъ днемъ въ Боловскъ, какъ на станцію ворвалась толпа во-

оруженныхъ латышей и потребовала объясненія, на какомъ основаніи онъ, вопреки категорическому приказанію, все-таки принялъ и отправилъ поѣздъ, съ которымъ, по ихъ свѣдѣніямъ, въ Боловскъ повезли оружіе и припасы.

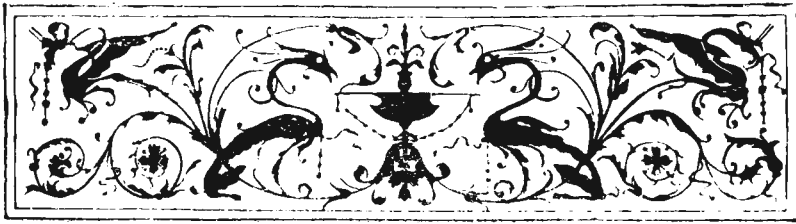
Начальникъ оправдывался, но одинъ изъ латышей ударомъ ружейнаго приклада въ грудь прекратилъ объясненія. Затѣмъ они обыскали всю станцію, долго зачѣмъ-то искали жандарма, но тотъ куда-то скрылся и не явился до сихъ поръ. Уходя, потребовали, чтобы начальникъ не медля, сегодня же непременно выбрался изъ Купрова, угрожая въ противномъ случаѣ разнести въ прахъ всю станцію...

За Мариентаузенемъ мы уже поѣхали болѣе быстрымъ ходомъ и глубокой уже ночью, перезябшіе, голодные, истерзанные нравственно и физически, потрясенные пережитыми тяжелыми предыдущими сценами, прибыли въ Пыталово. Наши родные и знакомые, получивъ изъ Купрова вѣсть о крушеніи поѣзда, томясь неизвѣстностью, переживали тяжелыя и мучительныя минуты. Зловѣщая вѣсть о крушеніи поѣзда сразу же разнеслась по станціи, и на станціи не было ни одной покойной души, такъ какъ въ отѣздѣ были если не родные, то хорошіе знакомые. Совершенно лишнее говорить, что радости и слезамъ не было конца...

Движеніе послѣ этого происшествія возобновилось только недѣли полторы спустя. Когда край затихъ, было приступлено къ исправленію испорченнаго моста. Оставленные нами на пути вагоны были сожжены латышами. Судебному слѣдователю удалось напасть на слѣдъ преступниковъ, которые, по слухамъ, въ Вольмарѣ были разстрѣляны.

Н. Козыревъ.

ВЪ ГОЛОДНУЮ ГОДИНУ.

(Изъ провинціальныхъ настроеній).

I.

Петербургъ и провинція.

АЗРАЗИВШАЯСЯ съ осени 1911 г. голодовка, охватившая чуть не половину Россіи, не была неожиданностью для провинціи, давно предвидѣвшей грядущую бѣду. Уже въ середнѣ лѣта видъ полей и луговъ въ Казанской, Симбирской, Самарской и другихъ губерніяхъ былъ ужасный: рѣдкіе хлѣба едва достигали одной четверти, а травы были выжжены. Бросалось въ глаза подавленное настроеніе крестьянъ, чуввавшихъ ужасы близкой голодовки.

Земства были на-чеку и принимали кое-какія мѣры, но отсутствіе свободныхъ средствъ мѣшало имъ развернуться какъ слѣдуетъ. Полетѣли въ Питеръ ходатайства о ссудахъ и пособіяхъ, встрѣченныя тамъ очень холодно и недоувѣрчиво... Питеръ ясно далъ понять, что борьбу съ голодомъ беретъ въ свои руки, а земствамъ отводить въ этомъ дѣлѣ только служебное, вспомогательное значеніе.

Провинція разобидѣлась и охладѣла къ своему прямому дѣлу, понашему въ руки бюрократин. Обида усилилась, когда Питеръ отрицательно отнесся ко великимъ проявленіямъ общественной дѣятельности, творившей чудеса въ прежнія голодовки во имя чистой любви къ ближнему...

Разобниженныя обыватели справедливо разсуждали, что Питеръ дѣлаеть страшную ошибку, формально объявивши войну обществу вь такомъ дѣлѣ, вь которомъ для успѣха требуется солидарная работа государства и общества. Конечно, бюрократія не справится своими силами съ голодомъ. Народъ это отлично пойметъ и кого же будетъ винить за свои страданія и муки?.. За все станетъ отвѣчать Питеръ, теряя послѣднія симпатіи народа...

Народъ все помнитъ и ничего не забудеть. А ужасы переживаемаго нынѣ голода запечатлѣются вь народной памяти вь такихъ скорбныхъ и страшныхъ чертахъ, какихъ и простить нельзя... Если когда, то именно теперь, вь виду этого страшнаго голода съ его послѣдствіями, провинція чувствуетъ, что будущее чревато грозными симптомами...

Когда пишутся эти строки, «голодная кампанія» (по бездушному бюрократическому выраженію) еще не закончена и всякіе ужасы ея разовьются окончательно къ веснѣ 1912 г., но уже и теперь для обывателей ясно, что Питеръ позорно проигралъ и эту «кампанію».

Прекрасная по идеѣ «трудовая помощь» голодающимъ вь формѣ «общественныхъ работъ» превратилась вь рукахъ чиновниковъ вь нѣчто крайне легкомысленное, случайное и малопродуктивное. Работали (до зимы) безъ всякаго плана, хватались за что попало, за всякіе пустяки и ненужныя работы, лишь бы «отнисаться» вь расходованіи казенныхъ денегъ, доходившихъ до голодающихъ вь грошевыхъ размѣрахъ. Проѣзжая вь августѣ по Волгѣ отъ Казани до Царицына, видѣлъ не разъ на берегахъ кучки мужиковъ, лѣниво ковырявшихъ землю, «исправляя» никому ненужныя дороги по береговымъ кручамъ... Безполезныя работы, видимо, тяготили мужиковъ, заставляя относиться спустя рукава къ «трудовой помощи»...

Зима расхолодила чиновничью фантазію, а напрасно: можно и зимою придумать увеселительныя работы, наиримѣръ, вывозить снѣгъ изъ селеній, устраивать для ребятъ «горы», набивать погребъ льдомъ и проч. Губернаторъ одной изъ поволжскихъ губерній, недавно переведенный съ сѣвера, т. е. совершенно не знающій своей новой губерніи, говорилъ члену гос. думы: «у меня общественныхъ работъ хватить и на два голода»!.. Еще бы! такихъ «работъ», какія у него творились на смѣхъ курамъ, «хватить» и не на такой голодъ, о которомъ мужики говорятъ, что подобнаго «не было 60 лѣтъ»...

А между тѣмъ сколько вокругъ, хотя бы вь томъ же Поволжѣ, самыхъ необходимыхъ и грандіозныхъ работъ, какія можетъ продѣлать только казна съ ея милліонами! Обводненіе вь сь х а ю щ е й «житницы Россіи» пропадающими зря вешними водами Волги, укрѣпленіе ея береговъ защитными лѣсами, облѣсеніе надвигающихся

песковъ и пр. и пр. Для подобныхъ продуктивныхъ работъ потребовались бы сотни тысячъ голодающихъ, и они получили бы не грошечные заработки, а самыя работы, доведенныя до конца, отнесли бы всякія голодовки въ область преданій, и Россія снова имѣла бы свою «житницу», со сказочными урожаями изъ года въ годъ...

Такъ мечтаетъ провинція, находящая всюду массу самыхъ неотложныхъ нуждъ и грандіозныхъ задачъ. Увы! чиновному Питеру не до того: онъ больше интересуется «міровыми вопросами» о Монголіи, Персін и т. д. да «внутренней политикой»!.. Не до провинціи и бюрократившейся гос. думѣ, вполне погрузившейся въ партійные счеты и дрязги.

Провинціи же предоставлено голодать, сколько ей угодно... Разумѣется, въ пресловутыхъ «общественныхъ работахъ» волею-неволею долженъ былъ разочароваться и Питеръ, когда провинція очень раскричалась и завопила о помощи. Еще осенью одинъ членъ гос. думы напроорочилъ видному питерцу, завѣдывавшему продовольственнымъ дѣломъ: «когда ваши общественныя работы остановятся, сами губернаторы станутъ просить объ исключеніяхъ—о выдачѣ ссудъ наиболѣе голоднымъ, и вамъ придется отступить отъ намѣченной программы и заняться благотворительностью»...

Такъ и сбылось. Правительство стало выдавать ссуды —увы!—запоздалыя. Если бы онѣ давались въ началѣ голода, когда о томъ просили и земства, и мужики, ссуды поддержали бы падающее хозяйство мужика. Но когда онъ, спасаясь отъ голодной смерти, перевелъ скотину, хозяйственный инвентарь, домашнюю утварь и пр., а затѣмъ принялся продавать надѣльные земли—какой смыслъ получаетъ «ссуда» этому голодному нищему?! Развѣ она можетъ поднять его на ноги? Это ужъ не ссуда, а благотворительная подачка деревенскому пролетарію, «кормленіе» пищей братіи...

Этимъ кормленіемъ усердно занялись земства, а подъ ихъ флагомъ и кое-какія общественныя и частныя организаціи. На послѣднее «зло» Питеръ какъ будто начинаетъ смотрѣть сквозь пальцы, сознавая, вѣроятно, что черезчуръ легкомысленно взвалилъ на свои плечи непосильную ношу... Дай Богъ, чтобы онъ поскорѣе прозрѣлъ окончательно и «разрѣшилъ» русскому обществу то, что законъ вмѣняетъ ему въ обязанность—не оставлять ближняго безъ помощи...

Разумѣется, провинція лучше Питера знаетъ, какими злоупотребленіями сопровождалась въ прежнія голодовки выдача ссудъ, особенно при «круговой порукѣ», когда ссуду обязательно брали всѣ мужики—и богатые, и бѣдные, и первые обязательно пропивали ее или продавали. Но хотя теперь поруки нѣтъ, а злоупотребленія всегда будутъ, пока выдача ссудъ будетъ зависѣть отъ земскихъ начальниковъ и волостныхъ писарей.

и старыя хлѣбныя фирмы, находящіяся въ давнишнихъ сношеніяхъ съ Рыбинскомъ.

Да и вообще вся наша хлѣбная торговля нисколько не организована, а это является страшнымъ минусомъ въ голодные годы... Вотъ съ чѣмъ слѣдовало Питеру воевать вмѣсто борьбы съ обществомъ, желающимъ помогать голодающимъ... Или взять это гоненіе на профессиональные союзы, на разные кооперативы и другія экономическія ячейки, зарождавшіяся уже и въ деревнѣ, но по волѣ Питера отцвѣтшія, не успѣвши расцвѣсть... Какую громадную и плодотворную службу онѣ сослужили бы въ борьбѣ съ голодомъ!.. да, пожалуй, и голода тогда не было бы совсѣмъ въ районѣ дѣйствій этихъ учреждений...

Посмотрите, какъ разумно и широко ведется дѣло въ уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ отъ разгрома сельскихъ экономическихъ учрежденій. На Волгѣ пришлось встрѣтиться съ уполномоченнымъ дубовскаго сельско-хозяйственного общества, существующаго болѣе 10 лѣтъ въ д. Дубовкѣ Березовоярской волости Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи. Дѣла общества, руководимаго крестьянами и обслуживающаго большой районъ въ нѣсколько волостей, идутъ блестяще, съ годовымъ оборотомъ до 100 тысячъ, и явно прогрессируютъ. Помимо своей прямой задачи, это деревенское сельско-хозяйственное общество смѣло раздвинуло свои рамки и взяло на себя функціи потребительскихъ обществъ: открыло лавку мучныхъ, рыбныхъ, гастрономическихъ, мануфактурныхъ и другихъ товаровъ. Уполномоченный, молодой крестьянинъ, скромно ѣхавшій на пароходѣ въ 3-мъ классѣ, закупалъ въ Астрахани рыбу, а въ Царицынѣ швейныя машины, велосипеды, граммофоны и пр. Да, велосипеды и граммофоны продаются въ лавкѣ деревенскаго сельско-хозяйственного общества, вмѣстѣ съ мукою, чаемъ, сахаромъ, колбасою и т. д.

Разсказывая о своемъ Николаевскомъ уѣздѣ, гдѣ мужики не знаютъ ржаного хлѣба и щи хлебаютъ съ иппеничнымъ, гдѣ земли у крестьянъ по 20 и болѣе десятинъ (аренда 25 р. и выше за десятину), уполномоченный упоминалъ и о нынѣшнемъ недородѣ, но ни разу не заикнулся о возможности голодовки и разоренія крестьянскаго хозяйства въ ихъ округѣ. Очевидно, онъ былъ увѣренъ, что гдѣ продуктивно работаетъ дубовское сельско-хозяйственное общество, тамъ немислима голодовка съ ея послѣдствіями...

II.

«Землеустроительныя» потуги.

Если велѣдствіе голода накапливается въ Поволжьѣ и другихъ голодающихъ районахъ громадный матеріалъ для возможной разнищны, то именно благодаря преимущественно «столыпинскимъ

законамъ» (9 ноября и т. д.), разорившимъ общину и создающимъ огромную массу деревенскаго пролетаріата, все потерявшаго, озлобленнаго и готоваго на все... Пресловутая «ставка на сильныхъ» въ концѣ концовъ обратится противъ «сильныхъ» же... Вотъ ужъ по-длинно: кого Богъ захочетъ наказати, у тѣхъ отнимаетъ и разумъ...

Землеустроительныя потуги Питера еще только недавно начались, а ужъ принесли провинціи массу зла, въ будущемъ же угрожаютъ и болѣе горькими результатами. Голодная година лучше всего обнаружила уже и теперь всю несостоятельность земельной политики. Не будетъ ошибкою допустить, что нынѣшній страшный голодъ крестьянство перенесло бы легче и не было бы такъ разорено въ конецъ, если бы начало этому разоренію не положило разореніе общины.

«На міру и смерть красна», на міру легче перепести всякія бѣдствія, крѣпкій міръ волею-неволею поддержитъ своего падающаго сочлена, ибо міру невыгодны міряне-нищіе. У міра больше достатковъ и почти всегда найдутся то лишнія, дальнія, пустующія земли, то разныя «отрѣзки», «углы», остатки мірскихъ лѣсовъ, оброчныя статьи и пр. Все это можно пустить въ оборотъ—продать, заложить, сдать въ аренду и какъ-нибудь извернуться въ голодную годину.

Но все это возможно въ крѣпкомъ, сплоченномъ міру, а не въ томъ полуразрушенномъ, расшатанномъ, разрозненномъ, какой наблюдается теперь, послѣ столичныйскыхъ опытовъ, внесшихъ въ деревню братоубійственную борьбу. Одни ушли изъ міра совсѣмъ, продавши за гроши свои надѣльныя земли кулакамъ—этимъ новымъ «столичинскимъ помѣщикамъ», иго которыхъ надъ мужиками будетъ погорше стараго крѣпостного, какъ уже почувствовали мужики...

Уже одно право выхода изъ общины съ продажею надѣловъ страшно ослабило міръ, не могущій переварить этого насилія надъ вѣковыми традиціями народа: какъ можно отнимать у міра его собственность—мірскую землю? И прежде выходъ изъ общины былъ свободенъ, но безъ земли, всегда остававшейся за міромъ. А теперь полѣзли въ деревню всѣ эти фабричныя и городскіе элементы, давно порвавшіе всякія отношенія къ деревнѣ и находившіеся съ нею въ номинальной связи, предъявили свои новыя «права» на землю, откромсали по куску мірской собственности, продали ихъ кому угодно и исчезли... Міръ недоумѣваетъ предъ этимъ поправіемъ своихъ вѣковыхъ правъ, чувствуя себя и страшно обиженнымъ и обезсиленнымъ... Подошла голодовка, и уже не пришлые элементы, а свои же, болѣе слабыя сочлены, пухнушіе съ голода, воспользовались новымъ «правомъ»—стали продавать для прокормленія свои надѣлы, превращаясь въ деревенскихъ пролетаріевъ, какихъ раньше провинція не знала...

Посыпались и другія бѣды на обезсиленный міръ: начались выходы изъ общины на «отруба», «хутора» и проч. Остались жалкіе обломки прежняго міра, имѣвшаго, несомнѣнно, много недостатковъ (конъ легко было исправить, не разрушая общины), но много и положительныхъ сторонъ—тѣхъ вѣковѣчныхъ «устоевъ», какими сильна была деревня до вчерашняго, столыпинскаго дня... Зашаталась всѣ устои, и прахомъ пошла общинная дисциплина, со всѣми ея традиціями. Въ деревнѣ начался полный разладъ и самая крайняя неразбериха во всемъ...

И все же, какъ ни жалкіе обломки теперешней разоренной общины, голодающему мужику въ ней легче живется, чѣмъ несчастнымъ хуторянамъ, жестоко страдающимъ съ голоду отъ своего одиночества, полной разобщенности и отчужденности отъ всѣхъ. Да, на міру и смерть красна...

Какую картину представить деревня, когда микуетъ эта страшная голодная година,—ужасно представить... Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что разореніе деревни будетъ результатомъ не одного голода и слабо организованной борьбы съ нимъ, но и всей землеразорительной политики послѣдняго времени. «Землеустроительныя» (?) потуги Питера оказали зловредное вліяніе на деревню еще задолго до голода.

Достаточно отмѣтить, къ какимъ искусственнымъ мѣрамъ прибѣгалъ (и прибѣгаетъ?..) Питеръ для насажденія излюбленныхъ хуторовъ, отрубовъ и для укрѣпленія надѣловъ въ собственность. Въ Тамбовской губерніи земскіе начальники объявляли волостнымъ писарямъ, что если волость не будетъ давать ежегодно по 15 приговоровъ объ укрѣпленіи надѣловъ, то писаря будутъ уволены... Для увеличенія приговоровъ имъ внушалось прибѣгать ко всевозможнымъ пріемамъ, до угрозъ включительно...

Въ провинціи прямо говорятъ, что за каждый хуторъ гг. «землеустроители» получаютъ особую денежную премію... Вотъ ужъ подлинно—премія за распространеніе невѣжества!... Сами хуторяне, уже раскусившіе всѣ «прелести» хуторской жизни, плачутся между прочимъ и на то, что ихъ дѣти останутся безграмотными, такъ какъ при нашемъ климатѣ, бездорожности и бѣдности (отсутствіе теплаго платья и обуви) хуторскимъ ребятамъ нельзя будетъ посѣщать далекихъ сельскихъ школъ въ осеннюю и весеннюю распутицы, въ морозы, пурги и т. п. Такія жалобы приходилось слышать отъ хуторянъ Свѣяжскаго и другихъ уѣздовъ.

Любопытно отмѣтить, что образовавшіяся на отрубкахъ новыя селенія стараются, къ огорченію начальства, завести у себя общинные порядки. Жители новаго поселка Александровки, выселившагося изъ с. Вечкинина Наровчатскаго уѣзда (Пензенской губ.), очень были недовольны своимъ переселеніемъ и уже помышляли о возвращеніи въ село, но въ кощѣ концовъ примирились съ

новымъ мѣстомъ и только потому, что послѣ борьбы съ начальствомъ имъ удалось завести и отстоять свою общину...

То же наблюдается и въ другихъ новыхъ поселкахъ и даже въ хуторахъ: только что разставшіеся съ общиной крестьяне уже вздыхаютъ по общиннымъ порядкамъ и мечтаютъ о возвращеніи къ нимъ. Такъ и слѣдовало ожидать, разъ борьба съ общиной была вздута искусственно и велась путемъ насилій съ одной стороны, а съ другой—подгонялась всякими льготами, субсидіями и т. п. Жадные на даровщинку, мужики пошли на всё эти приманки, а когда угаръ прошелъ, плачутся и вздыхаютъ о старой общинѣ, а гдѣ народъ поэнергичнѣе, тамъ всякими правдами-неправдами возвращаются къ ней. Ужасы голодовки еще болѣе подогрѣваютъ вѣковыя симпатіи къ этому испытанному учрежденію, особенно полезному въ години бѣдствій.

Провинція убѣждена, что хуторская горячка, привитая искусственно, будетъ недолговѣчна, какъ и всё вообще «землеустроительныя» потуги Питера, слишкомъ далекія отъ жизни. Дѣйствительное и продуктивное землеустроеніе начнется тогда, когда это дѣло будетъ изъято изъ чиновничьихъ рукъ и всецѣло передано земству, при непосредственномъ участіи самого населенія.

Только близко стоящее къ землѣ земство (разумеется, не дворянское, а всесословное), состоящее изъ мелкихъ земскихъ единицъ, способно вести дѣло землеустроенія, какъ слѣдуетъ. Если и теперь что дѣлается разумнаго въ этой области, то только благодаря земствамъ, какъ ни слабъ теперешній ихъ составъ. Недавно, на примѣръ, тамбовское земство предприняло (первое изъ земствъ) чрезъ своихъ станowychъ агентовъ разслѣдованіе великаго зла русской деревни, губящаго ее не меньше вишней монополіи, — «пожарной эпидеміи». Устраняется земскій заводъ для выдѣлки огнеупорной черепицы. За покрытіе ею дворовъ установлены преміи. Желѣзо не годится для покрытія обширныхъ дворовъ, такъ какъ оно ржавѣетъ отъ павозныхъ испареній. Усадьбы въ селеніяхъ будутъ разселены пошире, съ заполненіемъ интерваловъ садами; будутъ выконаны новыя колодцы, пруды и прочее.

III.

Самодѣтельность провинціи.

Пока Питеръ продѣлываетъ свои опыты спасенія мужика отъ голода и земельного неустройства, мужикъ давнымъ-давно самъ додумался до болѣе реальныхъ мѣръ, спасающихъ его отъ голодовки и другихъ бѣдъ.

Посмотрите, какъ умѣло, толково и дѣловито устроился мужикъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля всегда была и будетъ «перодимою»,

съ вѣчными недородами и неурожаями. Живя здѣсь одною землею, мужикъ вѣчно голодалъ бы, требуя казенной и общественной помощи. Но онъ нашелъ выходъ и—никогда не голодаетъ, а мѣстами живетъ и очень сытно.

Вспомните о Владимирской, Нижегородской (заволжскіе уѣзды), Костромской, Ярославской, Вологодской, Пермской и другихъ губерніяхъ, гдѣ земля является лишь подспорьемъ и ею занимаются только по традиціи, а крестьяне живы и сыты не отъ нея, а отъ кустарныхъ и отхожихъ промысловъ. Работы на Волгѣ и рѣкахъ ея бассейна, на фабрикахъ (родоначальниками всѣхъ пшеничныхъ фабричныхъ «династій» были крестьяне, начинавшіе дѣло съ кустарныхъ фабрикъ), въ столицахъ и другихъ городахъ (артели каменщиковъ, плотниковъ и т. д., до половыхъ включительно), лѣсные, звѣринные, рыболовные и всякіе кустарные промыслы, кустарные заводи и фабрички, ремесленные заведенія и пр. и пр.—вотъ что кормить здѣсь мужика, а никакъ не земля, съ плохими почвами, при неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ.

Зыряне Вычегодскаго края (Сольвычегодскій, Яренскій и Устьсысольскій уѣзды), самаго неблагоприятнаго (за рѣдкими исключеніями) для земледѣлія, занимаются послѣднимъ между прочимъ, предоставляя его преимущественно женщинамъ, всегда сидящимъ дома. Мужчины же больше отсутствуютъ изъ дома, то уходя въ дальніе отхожіе промыслы, то занимаясь ближе къ дому лѣсными работами (рубка и сплавъ лѣса, лѣсныя издѣлья, гонки смолы и пр.), звѣроловнымъ промысломъ (пушнина и дичь), рыбной ловлей и пр. Землею здѣсь прокормиться нельзя, а отхожіе промыслы даютъ по триста-четыреста рублей въ годъ.

Зыряне—народъ трудолюбивый, работоспособный и мало пьющій. Бѣдучи на пароходѣ по рѣкѣ Вычегдѣ, за пять дней пути я видѣлъ только одного пьяненькаго зырянина среди сотенъ возвращавшихся домой съ работъ, т. е. съ деньгами. Дома, говорятъ, они не прочь на отдыхъ кутнуть, но не такъ безобразно, какъ пьютъ русскіе мужики, именно—пропиваютъ свободныя деньги, а не послѣдніе гроши, какъ полагается «по-русски»...

Населеніе по рѣкѣ Сысолѣ специализировалось на производствѣ валеной обуви и портновскомъ ремеслѣ, но работаетъ не дома, а уходитъ въ сибирскіе города и торговые села.

Но главный и давнишній отхожій промыселъ зырянъ—зимняя работа на уральскихъ (преимущественно на Богословскихъ) заводахъ. Тысячи уходятъ туда осенью, а весною возвращаются, частью къ полевымъ работамъ, а больше къ мѣстнымъ отхожимъ промысламъ—лѣснымъ и другимъ.

До постройки Пермь-Котласской желѣзной дороги зыряне пользовались для передвиженія на Уралъ старымъ Екатеринин-

скимъ каналомъ, соединяющимъ Вычегду съ Камой (черезъ ихъ протоки). Каналь давнымъ-давно заброшенъ правительствомъ, но онъ хорошо сохранился—такъ прочно и честно работали инженеры вѣка Екатерины II... Ежегодно осенью тысячи зырянъ направлялись (да и теперь направляются жители верховьевъ Вычегды) въ лодкахъ черезъ «канаву» (какъ они зовутъ каналь), оставляя ихъ на зимовку на Камѣ, въ ближайшихъ селеніяхъ, а сами расходились по заводамъ. Весною зыряне возвращались домой тѣмъ же каналомъ.

Въ весенніе разливы каналомъ ходятъ на Вычегду небольшія суда, поднимающія до пятисотъ пудовъ камскихъ грузовъ—соли изъ Усоляя, хлѣба изъ Чердыни и др. Такъ живуча доселѣ умная затѣя вѣка Екатерины. Питеръ забросилъ ее, а мужики оцѣнили какъ слѣдуетъ и продуктивно пользуются заброшеннымъ каналомъ. Изъ этого маленькаго факта ясно, насколько дѣловитость провинціи выше жалкихъ потугъ Питера на дѣловитость...

Второе мѣсто послѣ работы на уральскихъ заводахъ занимаютъ у дѣловитыхъ зырянъ звѣринные промыслы въ обширныхъ лѣсахъ Вычегодскаго края. Чтобы судить о размѣрахъ этихъ лѣсовъ, сливающихся съ архангельскими, печорскими, камскими и сухонскими, достаточно отмѣтить, что изъ полумилліоннаго бюджета усть-сысольскаго земства четыреста тысячъ вносятъ казна за свои лѣса (при 6% земскаго обложенія).

Всѣ лѣса здѣсь казенные, но крестьяне пользуются въ нихъ какъ бы «сервитутнымъ правомъ» на звѣринные промыслы. У каждаго охотника-звѣролова есть свой участокъ лѣса, переходящій по наследству, на которомъ только владѣлецъ имѣетъ право бить и ловить всякаго звѣря. Это собственно не участки лѣса, а лѣсныя тропы, пробитыя охотниками съ незапамятныхъ временъ,—звѣринные «путки», какъ назывались они въ старину, да и теперь мѣстами называются.

Начинаясь у извѣстной деревни, путки тянутся на десятки и сотни верстъ. Такъ, на рѣку Ухту (Печорскаго бассейна, извѣстную мѣсторожденіями нефти) выходятъ съ одной стороны путки охотниковъ Архангельскаго края, а съ другой—охотниковъ съ рѣки Выми (притокъ Вычегды), т. е. длина этихъ путковъ двѣсти—двѣсти пятьдесятъ верстъ. На всемъ этомъ протяженіи всякій попадающійся звѣрь, какъ на самой тропѣ, такъ и вблизи ея, остается собственностью владѣльца путика, и никто другой не можетъ въ этихъ предѣлахъ охотиться, ставить силки на звѣря и пр.

Это любопытное право «путиковъ»—живой пережитокъ самой первобытной старины—заслуживаетъ обстоятельнаго изученія. Попробуйте уничтожить эту жизненную старину (какъ уничтожается у насъ община...), или внесите въ это живое дѣло какую-нибудь питерскую регламентацію (недавно вологодскія власти покушались было отнять оружіе у охотниковъ!..) или дикое постановленіе рус-

скаго «циркулярнаго права»,—и охотники-зыряне стануть голодать. А пока они, какъ и остальные зыряне-промышленники, не знаютъ голодовокъ, хотя живутъ на землѣ, дающей вѣчные недороды и неурожаи.

А на сосѣдней съ Вычегдой рѣкѣ Печорѣ, еще болѣе бѣдной своимъ хлѣбомъ, зыряне живутъ даже богато, промышляя пушной, дичью, рыбой и проч. Очень зажиточно населеніе на рѣкѣ Ижмѣ (притокъ нижней Печоры), старообрядческое и единовѣрческое, ведущее рыбный и пушной торги съ Архангельскомъ. Ижемцы отличаются рѣдкою честностью и довѣрчивостью: векселей они не признаютъ и кредитуются на десятки и сотни тысячъ, вѣря одному слову. Недавно былъ первый случай неплатежа по словесному займу, несказанно поразившій ижемцевъ. На Ижмѣ замковъ не знаютъ, дверей не запираютъ, съ проѣзжихъ не берутъ денегъ за пріютъ и т. п.

Симпатичной стариной вѣсть здѣсь... Торговые устьсысолицы, уже вкусившіе «оть благъ культуры», недавно въ конецъ изобидѣли почтенныхъ печорцевъ, торгующихъ еще по старинѣ, но зато и были наказаны чувствительно. Въ селѣ Небдино (на рѣкѣ Вычегдѣ) бывасть въ январѣ большая ярмарка, куда печорцы издавна привозятъ массу пушнины. Но этой старинной ярмаркѣ приходитъ конецъ, такъ какъ въ ярмарку 1911 г. печорцы заявили, что больше не стануть пріѣзжать въ Небдино... Устьсысолицы учинили стачку и установили сильно пониженныя цѣны на печорскую пушнину. Печорцы отказались продавать мѣха по убыточнымъ цѣнамъ и увезли ихъ обратно на Печору, скупивши у небогатыхъ земляковъ всѣ ихъ партіи по хорошимъ цѣнамъ. На Печорѣ вся пушнина была запродаана извѣстнымъ чердынскимъ фирмамъ Ал и н ы х т и Ч е р н ы х т и, издавна ведущимъ «печорскій торгъ».

Такъ «культурные» устьсысолицы были справедливо наказаны «примитивными» печорцами... Говорятъ, что на Печорѣ встрѣчаются мѣсторожденія золота, но пока печорцы его не ищутъ, достаточно находя подъ руками всякаго другого «золота», въ видѣ дорогихъ мѣховъ, цѣнной рыбы, дичи (прекрасные рябчики-кедровики, питающіеся кедровыми орѣхами, и др. сорта дичи), дорогого строевого лѣса, идущаго за границу (какъ и другіе продукты), и проч.

И печорцы никогда не голодаютъ, хотя своего хлѣба почти не имѣютъ. Жилось бы имъ и еще лучше, если бы не опека Питера... Былъ на Печорѣ «благодѣтель» (такъ искренно называли его печорцы)—извѣстный сибирскій милліонеръ И. М. С—въ, который велъ торгъ съ Печорою, заинтересовался ею и сталъ всячески помогать ей отъ своихъ щедротъ. Онъ открылъ широкій кредитъ печорцамъ-промышленникамъ и многихъ поставилъ на ноги, какъ теперешнихъ милліонеровъ села Тронцкаго и др. Главная заслуга С—ва для края—сооруженіе на свой счетъ прекрасной колес-

ной дороги съ Вычегды на Печору. Какъ стрѣла прямая дорога, съ пятнадцатью мостами на кривулистой Вычегдѣ, съ избами для проѣзжающихъ, идетъ на разстояніи ста семидесяти верстъ (отъ села Помозина на Вычегдѣ) и является настоящимъ благодѣяніемъ для бездорожнаго и пустынного края.

Замышлялъ С—въ сдѣлать для Печоры и много другого добра, но... Питеръ скоро «скушалъ» тароватаго инициатора, заподозрѣвши его въ «печорскомъ сепаратизмѣ» (sic!)... С—въ вынужденъ былъ уѣхать за границу, бросивши и свои дѣла, и заботы о Печорѣ.

А у насъ еще лицемѣрно плачутся: «нѣтъ людей»... Разумѣется, ихъ и не будетъ, разъ съ легкимъ сердцемъ выбрасываются за бортъ всѣ мало-мальски талантливые, энергичные, работоспособные мѣстные дѣятели, пробуждающіе провинцію отъ сна и спячки...

До чего Питеръ далеко отъ провинціи, достаточно привести хотя бы такой фактикъ: въ Питерѣ даже министерство земледѣлія понятія не имѣло о «межадолскомъ овсѣ», а Америка имъ очень заинтересовалась и стала выписывать, благодаря прекраснымъ свойствамъ его (ранняя всхожесть, не боязнь заморозковъ и пр.). А взрастили и вывели этотъ цѣнный сортъ сѣменного овса не правительственные агрономы и не по инструкціямъ министерства земледѣлія, а мужики Межадолской волости Устьсысольскаго уѣзда и безъ всякихъ агрономическихъ инструкцій, а по мужицкому вѣковому опыту...

Разумѣется, голодающему Поволжью и другимъ мѣстностямъ нельзя рекомендовать для борьбы съ голодомъ зырянскихъ «путиковъ» или ветлужскихъ лѣсныхъ работъ, семеновскихъ деревянныхъ издѣлій и т. п. Но вездѣ можно насадить всевозможныя кустарныя производства, какъ вездѣ же возможно урегулировать отхожіе промыслы, введя регистрацію ихъ и пр. и пр. Эти грандіозныя задачи могли бы взять на себя министерства торговли и земледѣлія. Но такъ какъ ничто грандіозное Питеру не по плечу, а въ его бумажныя мѣры нѣтъ вѣры, то это дѣло должно быть передано земствамъ, съ широкимъ кредитомъ отъ государства.

Спеціально для Поволжья слѣдуетъ рекомендовать уже испытанное здѣсь средство—с а д о в о д с т в о. Уже и теперь мѣстами здѣсь процвѣтаетъ садоводство, благодаря усиліямъ и энергіи самихъ мужиковъ, безъ всякаго содѣйствія какихъ-либо садовыхъ инструкторовъ (до которыхъ еще не додумалось министерство земледѣлія...) и при самомъ примитивномъ уходѣ за садами. Въ 1911 году съ однѣхъ пристаней города Васильсурска было погружено на пароходы до милліона пудовъ яблокъ, полученныхъ главнымъ образомъ изъ садовъ крестьянъ (русскихъ, чувашей и черемисовъ) и мѣщанъ. Это милліонное количество получено только съ части Васильскаго уѣзда (кромѣ города, въ уѣздѣ есть еще двѣ пристани на Волгѣ) и отчасти изъ сосѣднихъ уѣздовъ—Ядринскаго и др.

Кромѣ садовладѣльцевъ и съемщиковъ садовъ, хорошіе заработки получали васильскіе «балчужники», работающіе около пристаней по перевозкѣ и переноскѣ коробовъ съ яблоками и т. п., поденные рабочіе въ садахъ (по сбору и укупоркѣ яблокъ), плотники (выдѣлка коробовъ и ящиковъ) и пр. и пр. Балчужники зарабатывали до трехъ и четырехъ рублей въ сутки и, къ удивленію, мало пьянствовали, чья надвигающійся голодь.

Доходъ отъ садовъ помогъ Васильскому и другимъ уѣздамъ обойтись безъ голодовки, хотя и здѣсь былъ недородъ хлѣбовъ. И такъ было бы вездѣ въ Поволжѣ и во многихъ другихъ голодающихъ краяхъ (въ Уфимской, Оренбургской и другихъ губерніяхъ), если бы кто-нибудь толкнулъ тамошняго мужика на садоводство, огородничество, пчеловодство и многія, многія другія подсобныя статьи. Если бы тѣ сто милліоновъ, кон уже истрачены казною на нераціональную борьбу съ голодомъ, были употреблены на развитіе садоводства и т. п. раціональныя мѣры въ голодающихъ мѣстностяхъ — все онѣ были бы разъ навсегда застрахованы отъ всякихъ голодовокъ...

IV.

Свѣтъ и тѣни.

Для раціональной борьбы съ голодомъ недостаточно, разумѣется, одной виѣшней культуры, а надо рѣшительно стремиться къ поднятію и духовной культуры народа. Совѣстно говорить о такихъ банальныхъ истинахъ, но что же дѣлать, если и по такому банальному вопросу идетъ полнѣйшій разладъ между провинціей и Питеромъ... Народъ всячески стремится къ просвѣщенію, а Питерь ставитъ всевозможныя препоны къ тому, вѣруя въ старую ложь, будто дикимъ народомъ легче управлять, чѣмъ культурнымъ... Питерь глухъ и къ урокамъ исторіи, и къ опыту Европы, и къ собственнымъ горькимъ опытамъ (проигрышъ войны и проч.). Поневолѣ приходится долбить Питеру о всякихъ банальностяхъ, а этотъ «котъ-Васька» слушаетъ да ѣсть» и нисколько не краснѣетъ за то, что у насъ съ каждаго обывателя приходится въ казну за винную монополію пять рублей десять копеекъ, а на народное просвѣщеніе казна выдаетъ на обывателя по... 36 копеекъ въ годъ!..

Осенью пришлось познакомиться на Волгѣ съ симпатичнымъ членомъ государственной думы К—мъ, депутатомъ одной изъ приволжскихъ губерній, бывшимъ педагогомъ. Недавно онъ былъ за границей и съ восторгомъ рассказывалъ о блестящей постановкѣ народнаго образованія въ Швеціи, Даніи, Чехіи и др. Восьмиклассныя начальныя (sic) школы, помѣщающіяся въ «дворцахъ», руководимыя учителями съ «профессорскими окладами», съ роскошными физическими кабинетами, сельско-хозяйственными музеями и пр.,

повторительные курсы для взрослых, библіотеки и пр. и пр.— вотъ что превратило когда-то «пьяную Швецію» въ культурную страну, гдѣ уже «нѣтъ мужика» и гдѣ, конечно, не бываетъ голодовокъ...

А у насъ?! Совѣстно и вспомнить... Школы—лачуги, учителя—нищіе, ребята въ двѣнадцать лѣтъ «закончившіе образованіе» и т. п. нелѣпости и ужасы... Питеръ, конечно, говоритъ, что у него нѣтъ средствъ, а провинція, разумѣется, этому не вѣритъ, ибо видитъ, какъ Питеръ легко находитъ сотни милліоновъ на манчжурскія, монгольскія, персидскія и другія авантюры, да и г. Коконцовъ любитъ показывать знатымъ иностранцамъ казенные подвалы, набитые запаснымъ золотомъ...

Депутатъ К—въ очень оптимистически смотритъ на вводимое государственной думой обязательное обученіе (вездѣ въ Европѣ оно вводилось насильно), хотя оно будетъ чуточку (на одинъ годъ) шире теперешней программы народныхъ школъ. Правда, проектированы еще шестиклассныя школы «высшаго типа». Изъ провинціи, говоритъ г. К—въ, сразу посыпалось до восьмисотъ просьбъ объ открытіи школъ повышеннаго типа.

Это, конечно, утѣшительный фактъ, являющійся шагомъ впередъ въ дѣлѣ народнаго образованія, но не слѣдуетъ имъ увлекаться. Надо помнить, что если изъ теперешнихъ двухклассныхъ школъ ребята въ большинствѣ бѣгутъ куда угодно, лишь бы не возвращаться въ деревню, въ крестьянство, то изъ шестиклассныхъ школъ побѣгутъ вонъ изъ деревни всѣ поголовно...

Въ Вычегодскомъ краѣ церковно-приходскими школами завѣдуетъ «велико-устюжское Стефано-Прокопьевское братство», имѣющее и школы повышеннаго типа—«второклассныя», выпускающія ребятъ въ пятнадцать-шестнадцать лѣтъ, со свидѣтельствами на званіе учителя «школъ грамоты». Но послѣднихъ осталось мало, и юные «педагоги» охотиѣ идутъ въ ишаломщики, писаря, приказчики и т. п. Никто изъ нихъ въ семьи и въ крестьянство не возвращается... Это уже отрѣзанные ломти деревни, «мужицкая интеллигенція» невысокаго разбора, но уже презрительно относящаяся къ крестьянству...

На пристани села Айкана Яренскаго уѣзда (на Вычегдѣ) нашъ пароходъ нѣсколько задержался, нагружаясь издѣліями мѣстнаго ремесленнаго училища (министерскаго): разнообразною мебелью хорошей работы и прекрасныхъ рисунковъ, слесарными издѣліями и пр. Всѣ эти коллекціи направлялись на выставку въ городъ Яренскъ. Окончившіе курсъ этого училища въ рѣдкихъ случаяхъ остаются дома, въ деревняхъ, открывая столярныя и кузнечно-слесарныя заведенія. А большинство поступаетъ мастерами-руководителями ремесленныхъ отдѣленій при школахъ, или бросаетъ свою професію и расходуется, кто куда.

Словомъ, при теперешнихъ условіяхъ русской деревни даже мало-мальски развитые ребята бѣгутъ изъ нея и не вносятъ въ родное гнѣздо своего маленькаго просвѣщенія... То же будетъ и съ шестиклассными школами: ученики ихъ будутъ потеряны для деревни...

Почему въ Европѣ болѣе интеллигентная крестьянская молодежь не бросаетъ деревни и вноситъ въ нее свѣтъ и знанія, а наша деревенская полунинтеллигенція бѣжитъ изъ деревни?—Эту задачу могутъ рѣшить и дѣти старшаго возраста...

Надо измѣнить условія жизни русской деревни... опять банальщина, незнакомая развѣ одному Питеру, не знающему деревни...

До чего Питеръ не способенъ понимать нужды провинціи, достаточно вспомнить пресловутый «Иліодоровскій вопросъ»... Только въ январѣ 1912 г., когда іеромонахъ Иліодоръ, что называется, полѣзъ на стѣну, Питеръ узналъ наконецъ то, что давнымъ-давно знаетъ провинція, именно, что это человѣкъ больной, ненормальный, котораго надо изъять изъ употребленія и оградить общество отъ его дикихъ выходокъ. Это согласно утверждали на Волгѣ всѣ здравые люди, не принадлежащіе къ больнымъ поклонникамъ больного Иліодора.

Бѣдучи въ августѣ въ Царицынѣ, я былъ пораженъ общимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ Иліодору со стороны самыхъ разнообразныхъ спутниковъ по пароходу, знавшихъ лично или по слышкѣ буйнаго іеромонаха. Ни одного голоса не раздалось въ его защиту и всѣ негодовали на явное попустительство Питера, благосклоннаго къ невозможному человѣку, опасному въ общественномъ отношеніи.

Почтенный астраханскій протоіерей прямо назвалъ Иліодора «сумасшедшимъ». Старикъ-татаринъ такъ же отозвался о немъ и прибавилъ: «недобрый онъ человѣкъ... только мутитъ народъ... да и какой народъ около него?.. больше все слабоумныя бабы»... Сначала Иліодоръ позволялъ себѣ порочить мусульманскую вѣру, но многочисленные царицынскіе татары справедливо вознегодовали и добились того, что онъ пересталъ ихъ трогать.

Царицынъ былъ совсѣмъ терроризованъ буйнымъ инокомъ... Ходили упорные слухи (въ концѣ августа), что Иліодоръ «готовитъ погромъ жидовъ и измѣнниковъ», т. е. русской интеллигенціи. Опасность положенія усугублялась массою скопившихся въ городѣ безработныхъ и голодающихъ, готовыхъ на грабежи. Но, очевидно, администраціи удалось утихомирить монаха—и погромъ былъ «отложенъ»...

Посмотрѣть на Иліодора мнѣ не пришлось, такъ какъ царицынцы рѣшительно посовѣтовали не дѣлать рискованнаго опыта—не ѣздить въ «желтый домъ», резиденцію грознаго монаха, гдѣ можно было натолкнуться на всякія дикія выходки.

На пароходѣ ѣхала почтенная дама, многолѣтняя преподавательница женской гимназіи, вынужденная бросить и свою профессію, и Царицынѣ именно «вслѣдствіе требованій Иліодора», который преслѣдовалъ ее только потому, что она французженка, хотя и совершенно обрусѣлая!...

Вотъ до чего доходило нахальство этого «смиреннаго инока» отнюдь не смиренно трактовавшаго собственную персону... Лѣтомъ онъ проѣзжалъ мимо города Василя и выходилъ съ парохода на берегъ. Одна дама обратилась къ нему съ просьбой «сказать слово». Иліодоръ гордо отвѣтилъ:

— Я привыкъ говорить къ тысячной толпѣ...

— За что же вы хотите лишитъ слова наше малое стадо!..—воскликнула васильчанка, указывая на маленькую кучку случайно собравшихся васильчанъ.

Иліодоръ сослался на усталость и удралъ на пароходъ, набитый главнымъ образомъ его поклонницами—бабемъ самаго простецкаго типа богомолокъ.

Сила общественнаго мнѣнія растетъ въ провинціи. Въ одномъ приволжскомъ городкѣ новый исправникъ пришелся не ко двору: человѣкъ грубый, рѣзкій, вздорный, онъ имѣлъ постоянныя стычки съ горожанами—«народомъ гордымъ», потомками невольныхъ (при Иванѣ Грозномъ) переселенцевъ изъ Новгородской области. И когда онъ однажды выгналъ изъ полицейскаго присутствія скромно одѣятаго горожанина, оказавшагося «директоромъ городского общественнаго банка», горожане подали петицію начальству—и исправника убрали.

Общественное мнѣніе того же городка принудило Питеръ произвести ревизію упомянутаго банка. Къ сожалѣнію, Питеръ поступилъ по-питерски: прислалъ двухъ джентльменистыхъ молодыхъ людей. Кое-какихъ мошекъ они поймали (въ родѣ управскаго сторожа, получающаго пятнадцать рублей жалованья, а банку задолжавшаго семьсотъ рублей), а слоновъ и не запримѣтили. Послѣ этой бумажной ревизіи банкъ снова ждетъ ревизіи, но уже фактической... Уѣзжая, питерцы дали такой совѣтъ правиламъ банка: «не давайте денегъ помѣщикамъ: они зря изводить деньги... давайте лучше мужичкамъ»... Заоздалый совѣтъ! «сильные мужички», т. е. кулаки, пользуются самымъ широкимъ кредитомъ банка, а для городской бѣдности денегъ не остается, на что она и плачется, и снова ждетъ новой ревизіи...

Н. Оглоблинъ.

У НЕДАВНИХЪ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

(Ріюнь (Портъ-Артуръ), Дайрень (Дальній).

ВРКИМЪ, солнечнымъ утромъ 8-го сентября этого года паша небольшая компанія, состоявшая изъ мужа, меня, дочери-курсистки и ея подруги, выѣхала изъ Харбина на югъ въ Дайрень, съ тѣмъ, чтобы оттуда направиться въ Портъ-Артуръ. Давно хотѣлось попасть въ этотъ незабвенный для всѣхъ русскихъ городъ, поклониться дорогимъ могиламъ мучениковъ-защитниковъ, взглянуть самимъ на мѣста ихъ тяжелой, кровавой борьбы. Что впечатлѣніе будетъ такъ невыносимо-мучительно, чувство горькой обиды такъ неизгладимо проникнетъ въ душу, — никому изъ насъ не думалось. Впереди предстояло много новаго и интереснаго.

Отъ Харбина до Дайрена экспрессомъ всего двадцать шесть часовъ ѣзды. Изъ Дайрена въ Портъ-Артуръ полтора часа; поѣзда ходятъ довольно часто, по особой боковой вѣткѣ.

Вечеромъ того же дня пришли мы на конечный пунктъ нашей Китайской Восточной желѣзной дороги, станцію Куанчендзы, маленькую, полутемную, непримечательную настолько, что не захотѣлось и выходить изъ душнаго, ярко освѣщеннаго вагона. Спустя полчаса весь поѣздъ былъ переданъ на японскую сторону, станцію Чань-Чунь. Уже подходя къ ней, почувствовалась разница. Всего четыре-пять верстъ отстоитъ она отъ нашей, но картина получается другая! Яркое электрическое освѣщеніе заливаешь перронъ, по одну сторону котораго остановился нашъ поѣздъ, по другую стоялъ японскій, длинный, блестящій, благодаря яркому свѣту. Сама станція не велика, но очень свѣтла и чиста. Невдалекѣ сверкали огни же-

лѣзнодорожной гостиницы «Yamato-Hôtel», устроенной правленіемъ Южно-Манчжурской желѣзной дороги буквально на всѣхъ большихъ станціяхъ. Красивое зданіе, комфортабельно, по-европейски обставленное, блестящее чистотой и порядкомъ, но крайне дорогое по цѣнѣ для туристовъ.

Въ Чань-Чунѣ мы рѣшили остановиться на день, чтобы сдѣлать визитъ китайскому губернатору (даотаю) въ Куанчендзахъ и посмотрѣть древнюю кумирню, да кстати взглянуть и на японскій Чань-Чунь, начавшій возникать всего лишь шесть лѣтъ тому назадъ.

Чань-Чунь оказался небольшимъ станціоннымъ поселкомъ, но мостовыя прекрасныя, всюду чистота, порядокъ, всѣ улицы освѣщаются электричествомъ. Поселокъ этотъ почти непосредственно примыкаетъ къ китайскому городу Куанчендзы.

На другой день, побродивъ немного по чистѣнькимъ улицамъ Чань-Чуна, поѣхали въ даотаю. Дворецъ его почти на границѣ между японскимъ поселкомъ и китайскимъ городомъ. Отличное шоссе, ведущее къ его дому, привело насъ, старыхъ аборигеновъ Манчжуріи, знающихъ многіе китайскіе города, въ немалое изумленіе, но, видно, намъ въ этотъ день суждено было многому удивляться.

Послѣ получаса ѣзды показались зданія «ямыня», т.-е. управленія, окруженныя красивымъ сквознымъ заборомъ изъ сѣраго камня. Мы въѣхали въ широкой дворъ, по бокамъ котораго шли такого же сѣраго цвѣта каменныя зданія, соединенныя колоннадой. Остановились у небольшихъ воротъ. За ними виднѣлся вымощенный плитами дворъ съ купой деревьевъ по срединѣ. Въ перспективѣ—крытыя галереи, сѣрыя съ бѣлымъ, и небольшія зданія.

Мужъ послалъ свою карточку, и черезъ нѣсколько минутъ китаецъ-переводчикъ пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ. Прошли одну галерею, повернули въ другую. Чисто, красиво, кое-гдѣ легкая плетеная мебель, много цвѣтовъ въ большихъ вазахъ, растений въ расписныхъ горшкахъ. У входа въ главное зданіе встрѣтилъ даотай, довольно красивый, нестарый еще китаецъ, и привѣтливо пригласилъ въ гостиную.

Здѣсь я вынуждена оговориться. Вся наша семья давно и хорошо знаетъ этотъ край. Еще въ 1897 году прибыли мы сюда на постройку дороги и прожили почти пять лѣтъ, переживъ боксерское возстаніе и многія невзгоды, выпавшія на долю первыхъ пионеровъ. Во время труднаго похода изъ Владивостока въ Цицикаръ не разъ приходилось останавливаться въ китайскихъ городахъ, а потомъ, живя уже на постройкѣ, бывать часто у китайскихъ властей на обѣдахъ и пріемахъ, въ ихъ фанзахъ. Вся обстановка ихъ быта, обычаи и привычки были намъ хорошо знакомы.

Въ 1902 году служба загнала насъ обратно въ Россію, и только спустя пять лѣтъ пришлось снова попасть въ этотъ край и встрѣ-

тить много старыхъ знакомыхъ-китайцевъ, съ которыми и возобновить прежнія дружескія отношенія. Разительная переѣмна въ этихъ людяхъ, въ образѣ ихъ жизни, взглядахъ сразу бросилась въ глаза, но думалось, что такъ оевропенться могли только лица, близко стоящія къ управленію дороги, даже служащія въ немъ, но въ своихъ городахъ самъ народъ, его власти—все тѣ же. Приходится сказать, что это далеко не такъ.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Гостиная китайскаго дома, а не фанзы, какъ мы привыкли видѣть до сихъ поръ, была обставлена прекрасной мебелью изъ свѣтлаго орѣха съ роскошной рѣзбой, мелкой и изящной, въ которой такъ искусны китайцы. На стѣнахъ великолѣпныя картины-вышивки. Масса цвѣтовъ и растений. Подали чай, папирсы, сигары. Почтенный генераль не говорилъ по-русски, но переводчикъ оказался привычный, и бесѣда шла бойко.

На выраженное нами желаніе посмотрѣть городъ и кумирню генераль отвѣтилъ переводчику приказаніемъ сопровождать насъ и показать все «интересное въ храмѣ».

Получивъ любезное приглашеніе на обѣдъ въ шесть часовъ вечера, мы простились и въ сопровожденіи переводчика поѣхали на осмотръ города и кумирни.

Сначала дорога шла хорошимъ шоссе, мимо большихъ лавокъ, потомъ свернула на базаръ, оживленный, шумный и уже похожій на всѣ китайскіе базары, съ ихъ уличной торговлей, кричащими разносчиками, бродячими цырульниками, номинутно звонящими въ колокольчикъ. Но даже тутъ, среди этой обычной базарной суетоки, въ узкихъ пыльныхъ улицахъ не было того, что такъ часто приходилось видѣть въ большихъ даже центрахъ десять лѣтъ тому назадъ. По сторонамъ улицъ были прорыты канавы для стока воды, многія имѣли недурную мостовую, нигдѣ не валялось дохлыхъ животныхъ, не было запаха гнѣющихъ припасовъ. Однимъ словомъ, было не хуже, а, пожалуй; даже и лучше многихъ базаровъ въ городкахъ нашего Западнаго края и юга Россіи.

Зданіе кумирни очень стильно-красиво и весьма древнее. По словамъ переводчика, ему 800 лѣтъ. Оставляю достовѣрность на его совѣсти. У входа въ главное зданіе высятся группа плакучихъ ивъ, гигантскихъ и очень густыхъ, красиво освѣняющихъ оригинальныя расписныя двери храма и старое каменное крыльцо съ потертыми ступенями.

Главная часть храма посвящена Конфуцію, хранитъ его статую, украшенную золотомъ, одѣтую въ желтую шелковую мантию. Кругомъ меньшіе боги. Придѣлы посвящены Буддѣ. Въ одномъ изъ нихъ насъ поразила статуя женщины съ младенцемъ на рукахъ. «Это мать бога съ нимъ маленькимъ», пояснилъ переводчикъ. «У васъ она тоже есть», добавилъ онъ. На стѣнахъ изображенія разныхъ

святыхъ и надъ ними сіяніе, такъ же точно, какъ и на нашихъ иконахъ. Въ одинъ изъ боковыхъ придѣловъ переводчикъ рекомендовалъ особенно зайти, говоря, что тамъ мы увидимъ изображеніе всѣхъ формъ и событій жизни человѣка.

Маленькое помѣщеніе это изображаетъ гротъ въ обширной скалѣ, по уступамъ которой вы можете видѣть всѣ фазисы человеческой жизни, изображенныя каменными фигурками. Тутъ и всѣ животныя, дикія и домашнія, тутъ сцены изъ войнъ, мирная обработка полей, лавка, различныя религіозныя процессіи, мастерская ремесленника, ферма, фанза богатаго китайца и рядомъ бѣдняка, кумирня, группа играющихъ дѣтей и т. п. Все сдѣлано довольно грубо, но отчетливо.

По осмотрѣ кумирни времени едва оставалось на то, чтобы поѣхать въ вагонъ и переодѣться къ обѣду.

Ровно въ шесть часовъ мы подъѣхали къ дому губернатора. У воротъ было выстроено нѣсколько солдатъ, одѣтыхъ по образцу японской арміи, съ ружьями. Они отдали честь. Это уже были не тѣ солдаты, которыхъ мы знали семь лѣтъ тому назадъ, въ кофтахъ, съ обмотанной шарфомъ головой, комично присѣдающихъ при привѣтствіи.

Навстрѣчу заиграла музыка. Музыканты—солдаты, но вальсъ играютъ знакомый. Хозяинъ любезно привѣтствовалъ насъ, представилъ остальныхъ гостей, чиновъ своего управленія, и предложилъ до обѣда погулять въ саду. Мы охотно согласились.

Садъ небольшой, но красиво раздѣланъ. Много цвѣтовъ, деревья подстрижены въ видѣ различныхъ фигуръ, птицъ, звѣрей, дорожки вымощены плитками. Среди кустовъ много клѣтокъ съ птицами. Почти по серединѣ сада высится на горкѣ рѣзная бесѣдка, буквально залитая электрическими огнями. Много цвѣтовъ, изящная мебель.

Усѣлись. Подали чай, сигары, папирсы. Переводчиковъ было два, и бесѣда шла не прерываясь, пока хозяинъ не пригласилъ всѣхъ къ столу.

Прошли другой стороной сада, такъ же ярко освѣщенной, на галерею и скоро очутились въ большой, красиво декорированной русскими и китайскими флагами, освѣщенной большой люстрой столовой. Столъ сервированъ по-европейски, плато изъ живыхъ цвѣтовъ, красивыя вазы съ фруктами. Обѣдъ полугерманскій, полукитайскій по своему меню, но очень хорошо приготовленный. Когда подали шампанское, музыка заиграла нашъ національный гимнъ. Такое тонкое вниманіе очень насъ поразило и тронуло. Обѣдъ прошелъ оживленно, несмотря на то, что говорить приходилось только черезъ переводчиковъ.

Въ девять часовъ вечера мы простились съ гостепріимнымъ хозяиномъ и прочими гостями и отправился на японскую станцію, чтобы сѣсть въ приготовленный уже къ отправкѣ экспрессъ.

Въ вагонѣ устроились удобно, но долго еще перебирали въ памяти впечатлѣнія дня, проведеннаго среди китайцевъ, вспоминали прежніе, не такъ ужъ и дальніе годы, китайскіе обѣды въ фанзахъ, на канахъ, привычки, даже у аристократовъ, поминутно отплевываться на полъ во время всякаго разговора и за обѣдомъ, ихъ кушанья на растительномъ маслѣ и т. п. китайскія особенности. Да! быстро шагаетъ старый застѣнный Китай по пути цивилизаціи.

На другой день, около половины перваго, поѣздъ подошелъ къ Дайрену. Было тепло, но шелъ проливной дождь. Прежде, чѣмъ мы успѣли взяться за наши вещи, явившійся кондукторъ уже унесъ ихъ, сказавъ намъ только: «Yamato». Мы поняли, что дѣло идетъ объ отелѣ, и покорно вышли за нимъ на крытый перронъ. Подошедшій японецъ въ галунахъ, вѣжливо поклонившись, заявилъ, что экипажи ждутъ насъ. Поднялись по лѣстницѣ. У выхода на улицу стояли изящныя «викторіи» съ англійской упряжкой. Надо было пройти всего нѣсколько шаговъ по незакрытому пространству до экипажа, но предупредительный японецъ раскрылъ надъ нами огромнѣйшій зонтикъ.

Экипажъ мягко покотился по гладкой, какъ паркетъ, мостовой. Улицы довольно широкія, быстро проносятся трамваи по всеѣмъ направленіямъ. Віадукъ надъ путями—Нишпонскій мостъ—красивъ и стилизъ. Напоминаетъ въ миниатюрѣ Троицкій мостъ въ Петербургѣ.

Вотъ онъ, нашъ когда-то, красавецъ Дальній, стоившій Россіи такъ много и не давшій ничего!

Красивое зданіе отеля стоитъ на небольшой площади. Рядомъ почта и телеграфъ. Налѣво, за каменной оградой, густой садъ и среди него бѣлая постройка. Вѣрно, какое-нибудь управленіе,—подумали мы. Послѣ узнали, что это наша, русская, брошенная церковь!

Все зданія въ этомъ нарядномъ, какъ игрушка, чистенькомъ городкѣ поражаютъ своей красотой и стильностью.

Гостиница южно-манчжурской компаніи «Yamato Hôtel» (Ямато древнее названіе Японіи, какъ мы узнали потомъ) обставлена прекрасно, даетъ своимъ постояльцамъ все удобства лучшихъ европейскихъ отелей, но цѣны за это беретъ хорошія. Большая комната съ прекрасной мебелью, постелью, бѣльемъ и ванной, но безъ освѣщенія, за которое взимается особо, стоитъ въ сутки для одного лица 7½ іенъ (іена—97 копеекъ) и за каждое добавочное лицо, не болѣе трехъ, впрочемъ, добавляется по 2½ іены. Образъ жизни англійскій, столъ недуренъ и въ общемъ дешевле помѣщенія.

Благодаря любезности президента дороги, господина Кунизавы, намъ были предоставлены въ пользованіе отельные экипажи для катанія по городу и вообще оказано очень много тонкаго и деликатнаго

вниманія. Чиновникъ управленія дороги, по его приказанію, все время сопровождалъ насъ, и, благодаря этому, мы имѣли возможность видѣть то, что туристу и не пришло бы въ голову посмотреть, да во многія мѣста его, пожалуй, и не пустили бы.

Поговоривъ съ симпатичнымъ мистеромъ Фуко относительно программы осмотра Дайрена и получивъ въ довершеніе всего приглашеніе президента присутствовать на другой день на гребныхъ гонкахъ въ портѣ, по случаю народнаго праздника предковъ, мы рѣшили ѣхать въ Артуръ только на другой день вечеромъ, о чемъ исполнительный японецъ не преминулъ доложить по телефону президенту и затѣмъ сказать намъ, что г. президентъ согласенъ на такую нашу программу дѣйствій. Не могу не сказать при этомъ, что во все время пребыванія среди японцевъ насъ не разъ поражала въ нихъ именно эта удивительная точность въ исполненіи отданныхъ имъ приказаній.

Несмотря на дождь, весь день катались въ экипажахъ по городу, заѣзжая во все его кварталы и на каждомъ шагу поневолѣ восхищаясь прекрасными мостовыми и поразительной чистотой улицъ. Даже такіе отдаленные отъ города кварталы, гдѣ помѣщаются желѣзнодорожныя мастерскія, соединены трамваемъ, освѣщаются электричествомъ, имѣютъ свою почту, телеграфъ и школу. Количество школъ сразу бросается въ глаза. Это низшія, первоначальныя школы, но шестиклассныя. Обученіе въ нихъ обязательно для каждаго японца, достигшаго шестилѣтняго возраста. При такомъ законѣ немудрено, что Японія имѣетъ 97 процентовъ грамотныхъ.

На другой же день, въ 9 часовъ, послѣ основательнаго утренняго завтрака, въ сопровожденіи Фуко, мы отправились на трамваѣ въ японскіе храмы. Прежде, чѣмъ говорить о нихъ, скажу нѣсколько словъ объ удобствѣ трамвайнаго сообщенія въ Дайренѣ. Плата по часамъ, пять копеекъ за полчаса ѣзды, съ правомъ пересадки по всеѣмъ линіямъ. Движеніе такъ быстро, что въ полчаса проѣзжаешь огромныя разстоянія.

Буддійскихъ храмовъ въ Дайренѣ нѣсколько; мы осмотрѣли изъ нихъ главный. Онъ невеликъ, помѣщается въ каменномъ домѣ прежней постройки, вѣроятно, русской, но внутри передѣланъ на японскій ладъ. Все стѣнки изъ раздвижныхъ створокъ, крыша остроконечная изъ черепиць. Первая комната, довольно обширная, почти пустая. Въ ней лишь жертвенный столъ, куда молящіеся кладутъ свои приношенія—чашечки съ рисомъ въ поминовеніе усопшихъ и дощечки съ ихъ именами. Тутъ же помѣщаются скрижали, золоченыя доски съ изреченіями мудрецовъ. На заднемъ планѣ видна глубокая ниша и передъ ней возвышеніе въ видѣ амвона. На немъ, на древкахъ, шелковыя хоругви, но прямыя, безъ разрѣзовъ. Въ нишѣ золоченая статуя Будды въ сидячемъ положеніи. Сбоку небольшое возвышеніе для проповѣдника. Кругомъ поразит-

тельная чистота, порядокъ, отсутствіе пестроты, аляповатыхъ, часто слишкомъ уродливыхъ боговъ, которыми всегда загромождены китайскія кумирни, гдѣ и полутемно и грязновато. Японскій священникъ одѣтъ въ голубое кимоно. На дворѣ на высокихъ столбахъ виситъ колоколь, большой, весь испещренный надписями. Мы замѣтили, что всѣ бывшіе въ храмѣ молящіеся, выйдя на дворъ, съ особымъ какъ бы почтеніемъ подходили къ колоколу и читали надписи. Фуко тотчасъ же сообщилъ намъ слѣдующее.

Колоколь этотъ отлить однимъ бѣднымъ литейщикомъ, тутъ же на дворѣ, собственными руками, на собранныя имъ лично среди народа деньги, въ поминовеніе павшихъ героевъ минувшей войны— о чемъ и гласятъ надписи. «Для насъ,—добавилъ съ какимъ-то особымъ удареніемъ японецъ,—каждый павшій за родину считается святымъ, все равно, былъ ли это японецъ, или врагъ. Вотъ и этотъ колоколь отлить и служить одинаково для поминовенія героевъ павшихъ, какъ нашихъ, такъ и русскихъ».

По выходѣ изъ храма Фуко предложилъ отправиться въ храмъ Сенто, расположенный за городомъ и только недавно законченный. Сенто—древняя религія самураевъ и всѣхъ членовъ императорскаго дома. Ученіе ея можно кратко выразить тремя словами: «познай самого себя». Поступай такъ, какъ велитъ твоя совѣсть, въ которую ты всегда долженъ заглядывать, какъ въ зеркало. Главнѣйшая заповѣдь ея: служеніе родинѣ всей своей жизнью. Погибшій въ защиту ея дѣлается святымъ, и память его особо чтится. Символы религіи:

З е р к а л о—эмблема совѣсти. Пусть всѣ поступки твои ясно и чисто отражаются въ ней, какъ въ зеркалѣ.

М е ч ь—эмблема служенія родинѣ цѣной собственной жизни. Каждый японецъ принадлежитъ своему государству и обязанъ все дѣлать на пользу и въ защиту своего народа.

Ш а р ь—эмблема точности. Каждое порученіе должно быть выполнено полно, точно, гладко, всесторонне обдуманно и чисто, какъ отполированный шаръ.

Вотъ главныя основы религіи Сенто.

Храмъ невеликъ, изъ точенаго вишневаго дерева, изященъ и точенъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Состоитъ изъ двухъ частей: въ первую допускаются всѣ, во вторую лишь члены императорскаго дома. Мы были допущены въ преддверіе второй части, какъ первые иностранцы въ Дайренѣ, заинтересовавшіеся религіей Сенто и ея ученіемъ. При церкви два священника, окончившіе высшую духовную школу Японіи, ученые, вполне интеллигентные. Одежда свѣтло-зеленая, на головѣ шапочки, вродѣ нашихъ скуфеекъ. Приняли насъ очень привѣтливо, не скрывая удовольствія по поводу выраженного нами интереса къ ихъ религіи. Попросили расписаться въ книгѣ, что мы охотно исполнили, причемъ убѣдились, что были первыми иностранцами, посѣтившими этотъ интересный храмъ.

Расположенъ онъ на скатѣ горы, ко входу ведетъ широкая лѣстница. Слева отдѣльные домики для священниковъ. Справа у входа обширный сосудъ съ водой, гдѣ всѣ входящіе обязаны мыть руки. Обувь снимается обязательно.

Необычайная простота и изящество стиля, великолѣпная работа по дереву—сразу бросаются въ глаза. Внутри стоитъ жертвенникъ, крытый парчей, и на немъ выпуклое, большое зеркало. Рядомъ лежатъ мечъ и шаръ. Тутъ же принимаются приношенія въ память умершихъ. Особый культъ павшихъ за родину.

Во второмъ дворикѣ, на возвышеніи такой же жертвенникъ. Жертвы молящихся—кедровая вѣтвь, перевитая красной широкой лентой. Намъ подали такія вѣтви и предложили возложить ихъ въ память нашихъ павшихъ за родину. Отказаться отъ этого мы не смогли!

Спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ вѣтви были положены, второй священникъ поднялся на ступени, помолился, хлопнулъ въ ладоши четыре раза—по числу принесенныхъ жертвъ—взялъ ихъ и отнесъ въ другое зданіе на храненіе.

Оба настоятеля очень охотно и подробно давали объясненія своей религіи. Къ сожалѣнію, разговоръ черезъ переводчика всегда далеко не полонъ и многое осталось и тутъ не разъясненнымъ, что хотѣлось узнать.

По выходѣ изъ храма рѣшили отправиться въ японскій ресторанъ, но только попросили Фуко свести насъ въ настоящій, чтобы получить чисто-японскій обѣдъ. Онъ, смѣясь, но, видимо, польщенный, согласился.

Опять усѣлись въ трамвай и менѣе чѣмъ черезъ полчаса вышли на главной улицѣ, гдѣ помѣщается первоклассный японскій ресторанъ.

У входа встрѣтили насъ двѣ японки и, поговоривъ съ Фуко, попросили снять обувь. Мы исполнили это требованіе и въ чулкахъ поднялись по крытой ковромъ лѣстницѣ во второй этажъ. Японка раздвинула створчатую стѣнку, и мы вступили въ довольно большую, но совершенно пустую комнату. Полъ мягкій, устланный красивыми, въ совершенствѣ пригнанными циновками. Ступаешь какъ по мягкому тюфяку. Чисто кругомъ удивительно. У задней стѣнки небольшая ниша, въ ней лакированный столикъ, и на немъ ваза съ цвѣтами. Это главная часть комнаты-пріемной во всѣхъ японскихъ домахъ. Передъ нею на полу разбросаны мягкія подушки. Мы усѣлись на полъ, и тотчасъ двѣ милостивыя японки внесли маленькіе, лакированные, очень низенькіе столики и, опустившись на колѣни, поставили ихъ передъ каждымъ изъ насъ.

Затѣмъ такимъ же способомъ поставили чашечки съ чаемъ. Удивительно граціозны и быстры движенія этихъ маленькихъ женщинъ; особенно легко и красиво опускаются онѣ на полъ и подни-

маются. Мы потомъ пробовали продѣлывать этотъ способъ и садиться по-японски, но далеко безъ такой ловкости, чѣмъ очень забавили милыхъ хозяекъ.

Обѣдъ почти исключительно состоялъ изъ различныхъ сортовъ рыбы и японскихъ овощей, приправленныхъ большимъ количествомъ перцу. Въ концѣ обѣда дали вареный рисъ безъ соли и тонко нарезанные кислые огурцы. Въ общемъ все недурно по вкусу, многое очень красиво приготовлено, какъ, напр., уха и въ ней цвѣтокъ изъ яичницы, красиво убранный варенымъ лукомъ кусочекъ омара. Подавалось все въ маленькихъ фарфоровыхъ и лакированныхъ чашечкахъ, и каждый разъ японка граціозно опускалась на полъ и быстро подымалась, поставивъ на столикъ чашечки. Всего было десять перемѣнъ.

Хотя мы ѣли все и похваливали, но нельзя сказать, чтобы наши европейскіе аппетиты были вполне удовлетворены чисто японскимъ обѣдомъ. Хорошо, что въ перспективѣ имѣлся обѣдъ въ отелѣ.

Ровно въ два часа мы подъѣзжали къ порту, откуда уже гремѣла музыка, на рейдѣ красовались массы судовъ, расцвѣченные флаги. Толпа народу устремлялась къ набережной, гдѣ подъ навѣсомъ были устроены мѣста для публики. Мальчишки всѣхъ возрастовъ съ флажками въ рукахъ бѣгали въ толпѣ, крича непрерывное «банзай». Однако, несмотря на массу народа, не было ни толкотни, ни давки. Распорядитель праздника, съ бѣлымъ бантомъ на рукавѣ, указалъ намъ на кресла, поставленные возлѣ ложи президента, гдѣ сосредоточились всѣ начальствующія лица города и должна была происходить раздача призовъ.

Гребцы были одѣты въ цвѣта своихъ партій—широкія рубашки съ короткими рукавами и шапочки. Панталоны у всѣхъ бѣлыя, широкія, выше колѣнъ, ноги босыя. Обгонявшая лодка привѣтствовала всей толпой неудержимыми криками восторга и съ берега, и съ судовъ и музыкой. Потомъ гребцы-побѣдители получали изъ рукъ президента призы—жетоны. Все это происходило, какъ обыкновенно вездѣ происходитъ, только мотивы музыки были незнакомы, да и толпа кричала не «ура», а «банзай».

Но вотъ въ сосѣдней ложѣ начальства произошло движеніе. Мы стали смотрѣть, и изумленіе нашему не было предѣловъ. Всѣ директора и президентъ начали проворно снимать съ себя европейское платье и облекаться въ зеленыя рубахи гребцовъ. Все это тутъ же, на народѣ, при звукахъ музыки. Затѣмъ спустились въ лодки и были уведены пароходикомъ въ открытое море. Еще черезъ нѣсколько времени началось состязаніе. Къ величайшему нашему удивленію, лодка съ начальствомъ оказалась позади всѣхъ, и народъ началъ сопровождать отстававшихъ неистовыми свистками. Свистали всѣ: взрослые, дѣти, матросы на судахъ, вся публика. Неудач-

ные состязатели спокойно принимали это выраженіе неодобренія, спокойно вернулись на свои почетныя мѣста и стали раздавать призы побѣдителямъ.

Полившій проливной дождь помѣшалъ продолженію праздника, толпа хлынула въ городъ. Поѣхали и мы, попрежнему удивляясь простотѣ отношеній этого народа и полному порядку, соблюдаемому толпой, при полномъ отсутствіи, казалось, блюстителей его.

Въ восемь часовъ вечера мы сѣли въ поѣздъ боковой Квантунской вѣтки и въ половинѣ десятаго подошли къ Артуру. Вечеръ былъ тихій и очень теплый. Видѣть что-нибудь въ эту темную ночь было невозможно, но уже съ перрона станціи бросилось въ глаза яркое сіяніе вдаль. Какъ будто корона, ярко сверкающая, ослѣпительная, висѣла надъ горой,halbvo отъ станціи.

Мы сѣли въ поданные отъ отеля экипажи и поѣхали.

Огненная корона продолжала сверкать надъ городомъ, куда бы мы ни повернули. Это оказалась верхушка памятника павшимъ японцамъ. Маякъ для входа на рейдъ. Всюду и всѣмъ, появляющимся въ городъ съ моря и съ суши, и днемъ, и ночью, онъ громко и отчетливо говоритъ о томъ, что родина помнитъ всѣхъ павшихъ во имя ея дѣла и славы, чтитъ ихъ геройскую смерть и приглашаетъ всѣхъ молиться за нихъ!

Въ этотъ день было уже поздно итти куда-нибудь. Расположились въ комфортабельномъ номерѣ и улеглись спать.

Жизнь въ отелѣ «Yamato» начинается рано. Въ семь часовъ утра сервируется первый завтракъ, обильный, хорошо приготовленный и обязательный для всѣхъ. Мы этимъ всегда хорошо пользовались и, начавъ прогулку съ девяти часовъ утра, возвращались въ отель только къ обѣду, вечеромъ.

И на этотъ разъ мы встали рано, чтобы ѣхать на форты, но, къ несчастью, погода была сѣренькая, шелъ мелкій дождь, хотя и было тепло. Однако время не терпѣло и надо было двинуться въ путь, хотя и подъ дождемъ.

Извозчики-китайцы, дежурящіе у отеля, отлично натасканы въ дѣлѣ катанія туристовъ по всѣмъ боевымъ достопримѣчательностямъ Артура и сами знаютъ, что русскихъ надо везти на Высокую гору, къ памятнику и на сѣверные форты. Въ отелѣ можно получить отличный путеводитель по Артуру на англійскомъ языкѣ, съ точной картой, изображеніемъ всѣхъ главныхъ фортовъ и памятниковъ и краткимъ историческимъ очеркомъ безпримѣрной борьбы за обладаніе этимъ поистинѣ чуднымъ по климату и природѣ уголкомъ. Эта книжечка много помогла намъ, хотя и растравила нашу сердечную рану своимъ правдивымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ фактовъ геройской защиты и осады и позорной сдачи.

Дороги на форты и къ русскому кладбищу превосходны почти вездѣ и только въ низкихъ мѣстахъ, по берегу лагуны отъ бывшихъ

въ теченіе недѣли дождей грязны, но, подымаясь въ горы, шоссе великолѣпно. Оно лентой опоясывает холмы, окружающіе портъ и городъ, то спускаясь, то поднимаясь къ самой вершинѣ, и всюду открываются чудные виды на городъ, гавань съ ея узкимъ проходомъ въ открытое море, между Золотой горой и Тигровымъ хвостомъ. На этихъ пунктахъ форты недоступны для обзора.

Картина всюду поразительно красива и если бы только можно было отрѣшиться отъ тяжелыхъ мучительныхъ думъ о минувшемъ и лишь наслаждаться дивной красотой окружающей панорамы!

Сколько удовольствія доставила бы такая прогулка! Такъ хотѣлось забыться и только смотрѣть на дивное море и горы, но тамъ и здѣсь валяются разбитыя орудія, разрушенныя траншеи, развалины фортовъ... Все безмолвные памятники тяжелой борьбы, упорной, остервенѣлой, геройской гибели безвѣстныхъ и теперь уже почти забытыхъ защитниковъ, ихъ нечеловѣческихъ мукъ, бессильнаго гнѣва передъ позоромъ послѣднихъ дней канитуляціи!..

По дорогѣ къ фортамъ, особенно къ Высокой горѣ, какъ наиболѣе близкой къ городу, вась буквально осаждаютъ китайчата, продающіе пули, заржавленные, поломанные штыки. Цѣлыми днями рыскаютъ они въ горахъ, отыскивая эти предметы и пазойливо предлагая ихъ русскимъ. Мучительно тяжела и эта продажа и видъ этихъ вещей.

У одного изъ китайцевъ купили мѣдный крестикъ и образокъ.

Чи руки въ безсильномъ мученіи сжимали этотъ крестъ, благословеніе далекой матери?

На душѣ становилось все болѣе и болѣе жутко и тяжело...

Высокая гора какъ бы доминируетъ надъ Артуромъ. Съ вершины ея можно видѣть какъ на ладони весь городъ и, главное, весь портъ, разглядѣть даже не вооруженнымъ глазомъ всё суда по одиночкѣ. Какъ мы знаемъ, этотъ пунктъ у насъ не былъ укрѣпленъ, стояла временная батарея и только уже во время осады укрѣплялась на виду у безошаднаго врага. «Какъ это ни странно покажется, но русскіе совсѣмъ не использовали выгоднаго положенія Артура»—говорится въ японской книжкѣ. Кругомъ цѣпи холмовъ, далеко уходящихъ вдаль. Видны линіи траншей—путь осаждающихъ отъ самой бухты, мѣста высадки. Взявъ гору, японцы не медля устроили на ней обсерваторію и обстрѣляли наши суда и городъ. На самой верхушкѣ горы японскими солдатами воздвигнутъ небольшой простой памятникъ изъ камня и наверху его одиннадцатидюймовый снарядъ.

Простой, но краснорѣчивый памятникъ безпримѣрныхъ атакъ и еще болѣе безпримѣрной защиты...

Медленно спустились мы съ горы, сѣли въ экипажи и поѣхали къ русскому памятнику.

Поставленъ онъ возлѣ прежняго артурскаго кладбища. Каменная ограда окружаетъ ряды чугунныхъ крестовъ на каменныхъ плитахъ. Каждая изъ нихъ прикрываетъ собою братскую могилу. Тутъ собраны останки со всѣхъ фортовъ и батарей. На крестѣ надпись по-японски, съ какого именно форта или батареи взяты тѣла погибшихъ. Это единственный указатель для русскаго, пріѣхавшаго сюда поклониться праху близкаго, отдавшаго свою жизнь во славу родины. И указатель этотъ японскій!

Посреди братскихъ могилъ возвышается бѣлый мавзолей. Къ нему ведутъ широкія ступени. На передней колоннѣ вверху русская надпись:

«Здѣсь покоятся бранные останки доблестныхъ героевъ, павшихъ при защитѣ крѣпости Портъ-Артура».

Внизу: «Памятникъ сей поставленъ японскимъ правительствомъ въ 1907 году».

Съ трехъ сторонъ надписи японскія.

Кладбище содержится въ полномъ порядкѣ. Выметено, чисто.

Подавленные, въ безмолвіи долго стояли мы передъ этимъ памятникомъ, среди этихъ безмолвныхъ могилъ! Не горе по павшимъ пришло душу, пригнуло головы книзу! Пасть за родину великое дѣло! Слава павшимъ! Нѣтъ! Стыдъ, мучительный стыдъ и обида за нихъ. Что сдѣлала Россія для своихъ защитниковъ, чѣмъ почтила память своихъ геройскихъ борцовъ на мѣстѣ ихъ страданій? Чужія, вражескія, торжествующія руки собрали ихъ тѣла, воздвигли имъ памятникъ, убирають, держатъ въ порядкѣ мѣста ихъ послѣдняго успокоенія...

Прекрасно содержимая дорога, къ слову сказать, устроенная еще русскими, ведетъ къ сѣвернымъ фортамъ и Орлиному гнѣзду, то поднимаясь на вершины холмовъ, то спускаясь въ долины. Коегдѣ виднѣются орудія, какъ говорятъ, наши. На нѣкоторые форты не пускають. Японцы зорко слѣдятъ за всѣми иностранцами, а за русскими, повидимому, особенно.

Едва мы проѣхали немного съ кладбища въ горы, какъ изъ-за поворота выѣхалъ верхомъ японскій офицеръ, подъѣхалъ къ нашему экипажу и, отдавъ честь мужу (мужъ былъ въ своей военной формѣ), сказалъ нѣсколько словъ кучеру и затѣмъ поѣхалъ позади насъ. Такъ эскортировалъ онъ всю дорогу. За нами, видимо, слѣдили, боясь, что русскій полковникъ пріѣхалъ сюда не спроста.

Сѣверный фортъ, съ его сохранившимися бетонными укрѣпленіями, даетъ почти ясную, до ужаса, картину японскихъ атакъ, жестокаго боя за обладаніе этими высотами. Каменная, двухъ-ярусная галерея во многихъ мѣстахъ сохранилась настолько, что можно было ходить въ ней. Огромныя бреши въ стѣнахъ, груды камня, щебня. Среди этого мусора жестянки изъ-подъ консервовъ... Тутъ жили защитники, тутъ ѣли и отдыхали, набиралнсь силъ для по-

выхъ мученій... Какъ-то страшно было думать о томъ, какъ жили здѣсь люди, что переживали они. Не здѣсь ли погибъ Кондратенко, память котораго такъ чтится японцами, если судить по ихъ открыткамъ и фотографіямъ. Взглянули въ книжечки... Такъ и есть. Это самое мѣсто на картинкѣ при описаніи взятія сѣвернаго форта: «Капонирь № 2, гдѣ погибъ смертью героя славный генераль Кондратенко»—гласитъ надпись подъ картиной.

Такъ вотъ мѣсто послѣдней работы нашего русскаго героя, послѣдней его мысли! Мы тщательно оглядѣли всѣ стѣнки внутри и снаружи. Нигдѣ ни подписи, ни креста! Только груды разбитаго камня да огромное круглое отверстіе въ стѣнѣ, черезъ которое влетѣлъ снарядъ. Если бы не почитаніе японцами памяти убитаго, не знать бы русскому, гдѣ погибла душа защиты Артура, не поклониться особо этому залитому честною кровью мѣсту. Да и то сказать! Чтобы узнать это, надо купить книжечку, читать по-английски.

И опять стыдъ, жгучій, неумолимый, горькая обида за павшихъ охватила насъ.

Долго бродили мы по разрушенному форту, то взбираясь на его гладкую бетонную крышу, то спускаясь по полуразрушеннымъ ступенямъ внутрь галерей. Обрывки кожи, сгниваго сукна, черенки посуды и чаще всего жестянки... Можно точно прослѣдить, какъ напирали японцы, видѣть остатки проволочныхъ загражденій, волчьихъ ямъ, подземныхъ минъ, какъ русскихъ, такъ и японскихъ.

Больше мы ничего не смотрѣли. Душа устала, умъ не воспринималъ ничего. Не хотѣлось даже говорить. Молча проѣхали остальную дорогу до самаго отеля, молча просидѣли вечеръ. Даже наша молодежь притихла, утратила свою жизнерадостность.

На другой день, рано утромъ, отправились въ военный музей. Онъ только недавно еще началъ устраиваться, но въ немъ собрано уже теперь все, относящееся къ осадѣ: модели фортовъ, орудія, цѣпья и поломанныя, снаряды и вооруженіе, формы обмундированія. Масса мелочей, характеризующихъ жизнь осажденныхъ, до пары дамскихъ туфель включительно. На стѣнахъ портреты героевъ осады и защиты и на ряду съ ними портреты Государя, Суворова и Скобелева, найденные, вѣроятно, въ казармахъ.

Но обидно было видѣть портретъ нашего Царя рядомъ съ группой Стесселя и Ноги послѣ капитуляціи. Не мѣсто и Суворову и Скобелеву висѣть рядомъ съ портретами героевъ сдачи: Стесселя и Рейса. Это было обидно и выглядѣло какъ бы насмѣшкой со стороны японцевъ.

Въ одиннадцать часовъ утра мы выѣхали обратно въ Дайренъ.

Видъ японскаго монумента, царящаго надъ городомъ, долго еще сопровождалъ насъ, назойливо бросаясь въ глаза, назойливо напоминая о томъ, что японскій народъ не забываетъ павшихъ во славу его.

Вечеромъ зашли въ русскую церковь. Среди густого, очень хорошаго сада бѣлая, чистая, отлично содержимая и вполне сохраненная японцами въ полной своей неприкосновенности, она производила особенно тяжелое впечатлѣніе своей пустотой и заброшенностью. Всѣ облаченія, вся утварь хранятся въ ризницѣ. Иконы висятъ на мѣстахъ. Сторожъ-китаецъ содержитъ порученный ему православный храмъ въ полномъ порядкѣ. Во второмъ этажѣ квартиры для причта. Священника нѣтъ, службъ поэтому не производится, чему, не скрываясь, удивляются японцы и сожалеютъ тѣхъ русскихъ, которые, правда, не часто, но все-таки прѣзжаютъ на родныя могилы и лишены возможности церковной службы на нихъ. Кромѣ того, и среди японцевъ есть много христіанъ.

Все это рассказали намъ монахъ пекинской миссіи, прѣхавшій по вызову японской администраціи, чтобы осмотрѣть крышу храма, дающую течь, и озаботиться ремонтомъ. Онъ же рассказалъ, что японцы велѣли недавно увезти весь фундаментъ заложеннаго русскими собора, не желая на освященномъ камнѣ строить своего зданія. Скромный служитель Бога не скрылъ своего уваженія къ врагу, умѣющему чтить чужія святыни.

— Этотъ садъ лучшій въ городѣ, и японцы любятъ тутъ гулять, но всегда съ уваженіемъ относятся къ нашей церкви. Очень жаль, что наше правительство не считаетъ нужнымъ имѣть здѣсь свой причтъ и совершать службы,—добавилъ онъ.

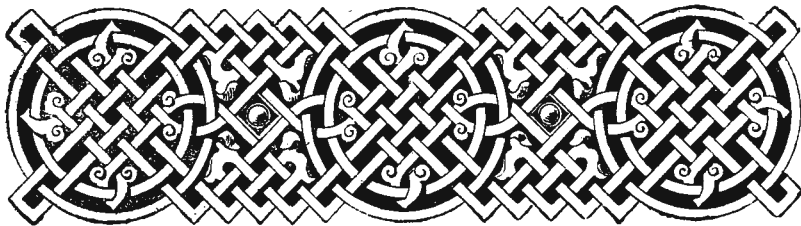
Да, очень жаль! Былъ какъ разъ канунъ большого праздника Воздвиженія Креста Господня. Какъ хотѣлось преклонить колѣни въ этомъ заброшенномъ храмѣ, помолиться за души павшихъ борцовъ. Кругомъ было такъ тихо и пусто! Забыты герои, забыты ихъ имена, родина ничѣмъ не чтитъ ихъ памяти, предоставивъ это торжествующему врагу.

Неужто же правда это? Россія забыла своихъ сыновъ, забыла залитый русской кровью Портъ-Артуръ? Пройдутъ еще года, исчезнетъ и самое имя его. Рююнь! Нѣтъ больше Портъ-Артура!

Пусть такъ!—для японцевъ. Для насъ живъ Портъ-Артуръ. Мы не можемъ, не должны забывать его славныхъ защитниковъ!

А. Ивашкевичъ.

ПАМЯТИ ГРАФА ДМИТРІЯ АЛЕКСѢВИЧА МИЛЮТИНА.

МЯ ГРАФА Милютина, тѣсно связанное съ великими реформами царствованія императора Александра II, нмя славное и безупречное, хорошо извѣстно русскому обществу и близко сердцу русскаго народа. Дѣятельность Милютина принадлежит исторіи, и сколько-нибудь основательное ея обзорѣніе не укладывается въ рамки журнальной статьи, а требуетъ серьезнаго изученія будущаго біографа и умѣлаго возстановленія этой замѣчательной личности, столь много потрудившейся на пользу родинѣ и столь много для нея сдѣлавшей.

Семья Милютиныхъ, принадлежащая къ дворянскому роду Московской губерніи, дала Россіи трехъ высокодаровитыхъ дѣятелей: Дмитрія, вполнѣнствіи графа и военнаго министра, Николая, челоуѣка твердой воли и свѣтлаго государственнаго ума, извѣстнаго по своему участию въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и въ устройствѣ крестьянскаго населенія царства Польскаго, и Владимира, замѣчательнаго ученаго, профессора, знатока государственнаго права и политической экономіи, къ сожалѣнію, слишкомъ рано умершаго.

Родившійся въ 1816 году Д. А. Милютинъ получилъ первоначальное образованіе въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, причемъ рано выказалъ свои способности и семнадцати лѣтъ отъ роду составилъ небольшую брошюру «Руководство къ съемкѣ плановъ», напечатанную въ 1832 году въ Москвѣ. По окончаніи курса въ пансіонѣ, молодой Милютинъ, чувствуя призваніе къ военной службѣ,

въ 1833 году поступилъ фейерверкеромъ въ лейбъ-гвардіи первую артиллерійскую бригаду, въ томъ же году былъ произведенъ въ офицеры и, по пррслуженіи двухъ лѣтъ въ строю, поступилъ прямо на старшій курсъ императорской военной академіи, блестяще окончилъ здѣсь курсъ съ медалью и награжденіемъ чиномъ поручика и переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ, а въ 1839 году командированъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ. 1839 годъ былъ замѣчательнымъ годомъ въ исторіи кавказской войны: войска наши въ это время стали пробиваться подъ начальствомъ генерала Граббе черезъ Салатавію къ Ахульго, куда доселѣ еще не проникало русское оружіе. Въ отрядъ Граббе именно и попалъ Милютинъ, причемъ здѣсь впервые получилъ боевое крещеніе и въ одной изъ первыхъ стычекъ съ чрезвычайно упорно оборонявшимися горцами, при взятіи урочища Ахметъ-гала, былъ раненъ пулею въ плечо навзлетъ, но остался въ строю и участвовалъ въ дѣлахъ въ теченіе всей экспедиціи. За боевыя отличія въ дѣлахъ противъ горцевъ Милютинъ былъ награжденъ чиномъ капитана (за штурмъ Ахульго) и орденами св. Станислава третьей степени и св. Владимира четвертой степени съ мечами. Въмѣстѣ съ тѣмъ, какъ результатъ перваго боевого опыта, имъ были составлены «Описаніе военныхъ дѣйствій въ Сѣверномъ Дагестанѣ» и записка «О системѣ фортификаціи, примѣненной къ Кавказскому краю». Въ 1840 году послѣ десятидневнаго отпуска, проведеннаго Милютинымъ за границей для излеченія раны, онъ назначается начальникомъ штаба третьей гвардейской пѣхотной дивизіи, а затѣмъ вскорѣ вновь появляется на Кавказѣ въ должности оберъ-квартирмейстера войскъ кавказской линіи и Черноморіи, вновь участвуя во многихъ дѣлахъ съ горцами и, наконецъ, въ 1845 году двадцати девяти лѣтъ отъ роду назначается профессоромъ императорской военной академіи, причемъ имъ была введена въ академическій курсъ созданная и разработанная имъ военная статистика, дотолѣ въ академіи не преподававшаяся. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ, проведенныхъ Милютинымъ въ академіи, онъ весь отдался преподаванію, высоко цѣнимому его слушателями, а также ученымъ трудамъ, касающимся академическаго курса, изъ которыхъ можно отмѣтить «Критическое изслѣдованіе значенія военной географіи и статистики», «Первые опыты военной статистики» и академическія весьма цѣпныя записки (не напечатанныя). Въ это же время, благодаря своей неистощимой трудоспособности, онъ успѣлъ составить и напечатать свой капитальный трудъ, давшій ему званіе академика, полную Демидовскую премію и ученую извѣстность какъ у насъ, такъ и за границей. Классическій трудъ этотъ, подъ заглавіемъ «Исторія войны 1799 года между Россією и Францією въ царствованіе императора Павла I», представляетъ собою описаніе итальянскаго и швейцарскаго походовъ Суворова, написанное съ такою ясностью и объективностью, съ такимъ пол-

нымъ изученіемъ источниковъ, что даетъ не только полную картину событій, но приводитъ самого читателя къ выводамъ: личность Суворова съ его «чудо-богатырями» возстаетъ во всемъ своемъ величїи, жалкая роль гофкригсрата, немовѣрныя трудности швейцарскаго похода, значеніе моральнаго элемента и достоинства суворовской «науки побѣждать»—все это отбѣняется тонкими чертами съ полнымъ соблюденіемъ перспективы. Словомъ, трудъ этотъ представляетъ первый у насъ и превосходный образецъ критико-историческаго изслѣдованія, вызвавшаго слѣдующую характеристику извѣстнаго Грановскаго: «...трудъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя необходимы каждому образованному русскому и займетъ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто въ обще-европейской исторической литературѣ; это трудъ въ полномъ смыслѣ слова самостоятельный и оригинальный, изложеніе событій въ немъ отличается необыкновенною ясностью и спокойствіемъ взгляда, не отуманеннаго никакими предубѣжденіями, и тою благородною простотою, которая составляетъ принадлежность всякаго значительнаго историческаго творенія». За это время способности Милютина нашли себѣ должную оцѣнку: онъ былъ произведенъ въ генералы, на тридцать восьмомъ году жизни, зачисленъ въ свиту, а въ 1856 году, намѣченный намѣстникомъ Кавказа княземъ Бяратинскимъ, назначенъ на высокій постъ начальника штаба кавказской арміи; постъ этотъ былъ тѣмъ болѣе отвѣтственнымъ, что въ то время надо было разработать планъ дѣйствій для окончательнаго покоренія Кавказа и привести его въ исполненіе. Все это было блистательно выполнено нашими войсками: неприступный Гунибъ былъ взятъ, грозный Шамиль сложилъ оружіе. Покореніе Кавказа было завершено.

По вступленіи на престолъ императора Александра II, когда настало время великихъ реформъ, намѣченныхъ государемъ, на постъ военнаго министра былъ назначенъ генераль-адъютантъ Милютинъ, рекомендованный государю Бяратинскимъ. Выборъ этотъ былъ вполне удаченъ: въ теченіе двадцати лѣтъ, до самой кончины государя, Д. А. Милютинъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ реформъ, долженствовавшихъ смягчить суровый режимъ Николая и поставить нашу армію въ уровень съ современными требованіями. Вооруженный знаніями и опытомъ, Милютинъ, при ясномъ, систематическомъ умѣ, настойчивости и громадной трудоспособности, задумалъ, разработалъ и привелъ въ исполненіе полный планъ преобразованія нашей арміи, не оставивъ безъ вниманія ни одной стороны ея жизни и быта, произведя реформу, что называется, «de fond en comble». Это былъ рѣдкій работникъ, умѣвшій дѣлать чужую работу, приблизить къ себѣ талантливаго сотрудника и заинтересовать его цѣлесообразностью работы, а потому каждый, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, даже изъ рядовыхъ работниковъ, начиналъ рабо-

татъ на совѣсть и отъ сердца, проникнутый его идеей и направляемый его волей. Всякій, вызванный къ нему по дѣлу или являвшійся съ докладомъ, былъ принимаемъ безъ малѣйшаго промедленія, неизмѣнно заставлялъ его за высокою рабочею конторкою и получалъ отъ него или точныя изустныя инструкціи, или письменныя резолюціи, представлявшія собою образецъ ясности, краткости и литературнаго изложенія, написанныя притомъ прекраснымъ четкимъ почеркомъ; къ такой резолюціи нельзя было ничего ни прибавить, ни убавить; при этомъ докладчикъ всегда убѣждался въ ясности критической оцѣнки работы и въ умѣнши найти ея слабыя стороны; въ своихъ замѣчаніяхъ онъ всегда умѣлъ попадать, что называется, «въ шляпку гвоздя». Конечно, при такой работѣ день его былъ строго размѣренъ, и государь, цѣнившій его труды, не беспокоилъ его, когда было возможно, представительствомъ, которое, какъ извѣстно, отнимаетъ массу драгоценнаго времени у высокопоставленныхъ лицъ. Не имѣлъ также Милютинъ возможности часто обозрѣвать подвѣдомственныя ему войска и учрежденія, подобно тому, какъ это дѣлается теперь, когда высшіе начальники находятъ время предпринимать дальнія поѣздки для личнаго обозрѣнія; онъ хорошо понималъ, что высшій начальникъ не можетъ и не долженъ во всемъ убѣждаться лично, что мимолетное обозрѣніе, особенно при ловкости подчиненныхъ, не дастъ надлежащаго результата и, наконецъ, что для этого должны существовать особые органы и довѣренныя лица, которыхъ надо умѣть выбрать, что и было исполняемо Милютинимъ.

Переходя къ обозрѣнію дѣятельности графа Милютина по реорганизациіи арміи, должно замѣтить, что ему пришлось все переделывать заново, сверху донизу, начиная съ комплектованія арміи нижними чинами и офицерами и кончая подробностями внутренней жизни войскъ и установленіемъ нормъ продовольствія и снабженія. Но прежде всего надо было реорганизовать центральное управленіе—военное министерство, сосредоточивъ всю власть въ лицѣ военнаго министра, поставивъ во главѣ военный совѣтъ, какъ высшее учрежденіе по военному законодательству и по хозяйственной части, и раздѣливъ все вѣдомство на главныя управленія; по этому типу, въ строгой системѣ, съ образованіемъ въ 1864 году округовъ, были учреждены военно-окружныя управленія, заключающія въ себѣ всѣ органы, соответствующіе органамъ центральнымъ. Если эта реформа и не была безъ недостатковъ, то ей никакъ нельзя отказать въ строгой систематичности—этой основной чертѣ характера Милютина, и именно за эту строгую систему, въ свое время, немало укоряли Милютина, указывая на то, что онъ пивелировалъ всѣ учрежденія, поставивъ на одинъ уровень такіе громадныя отдѣлы, какъ главный штабъ, и, напримѣръ, главное медицинское управленіе, дѣйствующее въ несравненно болѣе скромныхъ рамкахъ, что въ окруж-

ной системѣ не нашли себѣ мѣста корпуса, что неудобно было сосредоточивать въ одномъ лицѣ управление всей военной силой Россіи, что, наконецъ, было понижено значеніе команднаго состава арміи и др. Всѣ эти замѣчанія имѣли нѣкоторое значеніе и даже вызвали энергическую критику со стороны такихъ лицъ, какъ князь Барятинскій, Черняевъ, Оадѣевъ и др., такъ что дѣло даже шло о сохраненіи Милютинымъ своего министерскаго поста, но, хорошо вооруженный и поддержанный государемъ, Милютинъ успѣшно отразилъ всѣ нападенія, и его система, получивъ нѣкоторые коррективы, осталась въ силѣ и дѣйствуетъ до сихъ поръ. Вслѣдъ за симъ Милютинымъ было разработано положеніе о всеобщей воинской повинности, привлекаясь весь народъ, безъ различія сословій, къ службѣ въ войскахъ. Положеніе это, объявленное высочайшимъ манифестомъ въ 1876 году, давало, между прочимъ, большія льготы по образованію, что, въ свою очередь, благотворно отразилось на развитіи грамотности и повышеніи образованія въ народѣ. Уставъ о воинской повинности въ главныхъ чертахъ дѣйствуетъ до сихъ поръ, и только въ послѣднее время потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія, сообразно съ новыми требованіями и условіями. Затѣмъ, надо упомянуть о цѣломъ рядѣ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію солдатскаго быта, въ смыслѣ всякаго рода довольствія и снабженія, и къ смягченію суроваго дореформеннаго режима ослабленіемъ и ограниченіемъ тѣлесныхъ наказаній; но такъ велика была сила рутины, что и по этому поводу Милютину пришлось выдержать немало нареканій со стороны войсковыхъ начальниковъ, опасавшихся упадка дисциплины при ослабленіи наказаній, но забывавшихъ, что дисциплина поддерживается не строгостью наказаній, а строгостью и постоянствомъ надзора и развитіемъ въ подчиненныхъ чувства долга. Опасенія эти оказались несостоятельными, что и было доказано въ войну 1877—1878 годовъ, полную подвигами мужества и самоотверженія со стороны войскъ, воспитанныхъ въ новыхъ условіяхъ.

Вообще, нельзя и пытаться въ краткой замѣткѣ перечислить всего, проведеннаго въ жизнь арміи Милютинымъ, такъ что ниже мы укажемъ лишь на тѣ реформы, которыя были особенно близки его сердцу; сюда надо отнести его заботы о подготовкѣ строевыхъ офицеровъ и офицеровъ генеральнаго штаба, объ улучшеніи военно-воспитательнаго дѣла и о развитіи грамотности въ войскахъ. Число военно-учебныхъ заведеній вообще было увеличено; повышенъ уровень научныхъ требованій при производствѣ въ офицеры. Николаевская академія генеральнаго штаба получила новыя программы, при ней былъ устроенъ дополнительный курсъ.

Основанные Милютинымъ въ 1866 году юридическіе офицерскіе классы въ 1867 году были переименованы въ военно-юридическую академію. Всѣ эти мѣры привели къ значительному подъему умствен-

наго уровня нашихъ офицеровъ, а сильно разившееся участіе военныхъ въ разработкѣ русской науки—дѣло Милютина. Военная литература ведетъ свое начало отъ Милютина: по его инициативѣ былъ основанъ «Военный Сборникъ», имѣвшій въ первое время своего существованія громадный успѣхъ въ военной средѣ, вслѣдствіе разработки вопросовъ, возникшихъ послѣ Крымской кампаніи, преобразованъ «Русскій Инвалидъ», оживлены «Артиллерійскій» и «Инженерный» журналы, основанъ «Оружейный Сборникъ», а также нѣсколько журналовъ для солдатскаго чтенія; число отдѣльныхъ изданій по военной исторіи и военному искусству значительно увеличилось.

Милютину же русское общество обязано основаніемъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, которые въ войну 1877—78 гг. оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды. Чрезвычайно важенъ и цѣлый рядъ мѣръ по организациіи больничной и санитарной части въ войскахъ, благопріятно отозвавшихся на здоровье войскъ. Офицерскіе заемные капиталы и военно-эмеритальная касса были Милютинымъ реформированы, организованы были офицерскія собранія.

Всѣ едва намѣченные выше работы, конечно, были не подъ силу одному человѣку, и у Милютина были помощники, всей душою сочувствовавшіе его просвѣщеннымъ взглядамъ и умѣвшіе детально разработать его идеи и подготовить ихъ для проведенія въ жизнь; въ то время моральнаго подъема въ нашемъ обществѣ еще можно было найти людей, готовыхъ безкорыстно и «на совѣсть» работать во имя общаго блага. Къ такимъ работникамъ надо отнести офицеровъ генеральнаго штаба Обручева, Аничкова (рано сошедшаго въ могилу), графа Гейдена, Величко, Леонтьева, Лобко, а также Кауфмана, Философова и многихъ другихъ.

Какъ результатъ всѣхъ своихъ преобразованій, Милютинъ имѣлъ счастье видѣть нашу обновленную армию въ кампаніи 1877—78 гг., прошедшей хотя и съ нѣкоторыми недочетами, но въ блестящемъ видѣ выказавшей высокія достоинства нашего солдата и младшаго офицера. Въ теченіе этой кампаніи Милютинъ находился въ главной квартирѣ при императорѣ Александрѣ II, былъ ближайшимъ его совѣтникомъ по военной и дипломатической частямъ, настоялъ на зимнемъ походѣ нашихъ войскъ за Балканы, походѣ, считавшемся такимъ знатокомъ военнаго дѣла, какъ Мольтке, невыполнимымъ. За эту войну Милютинъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени и графскимъ достоинствомъ.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть о дѣятельности графа Милютина, какъ члена государственнаго совѣта. Въ этомъ высшемъ государственномъ учрежденіи Милютинъ всегда принадлежалъ къ числу наиболѣе просвѣщенныхъ сторонниковъ преобразовательнаго движенія 60-хъ годовъ. Особенно замѣтно сказалось вліяніе Милютина при изданіи закона 17-го апрѣля 1863 года объ отмѣнѣ жестокихъ уголовныхъ

наказаній--шпидрутеновъ, плетей, розогъ, клейменья, приковы-
ванья къ тачкѣ и т. п.

Въ земской реформѣ Милютинъ стоялъ за предоставленіе земству возможно большихъ правъ и возможно большей самостоятельности; онъ возражалъ противъ введенія въ избраніе гласныхъ началъ сословности, противъ преобладанія дворянскаго элемента, настаивалъ на предоставленіи самимъ земскимъ собраніямъ, уѣзднымъ и губернскимъ, избирать своихъ предсѣдателей и пр. При разсмотрѣніи судебныхъ уставовъ Милютинъ всецѣло стоялъ за строгое проведеніе основъ рациональнаго судопроизводства. Какъ только открыты были новые гласные суды, онъ счелъ нужнымъ выработать и для военнаго вѣдомства новый военно-судебный уставъ (15-го мая 1867 г.), вполне согласованный съ основными принципами судебныхъ уставовъ (устность, гласность, состязательное начало). Законъ о печати 1865 года встрѣтилъ въ Милютинѣ строгаго критика; онъ находилъ неудобнымъ одновременное существованіе изданій, подлежащихъ предварительной цензурѣ, и изданій, отъ нея освобожденныхъ, возставалъ противъ сосредоточенія власти надъ печатью въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ и желалъ рѣшенія по дѣламъ печати возложить на учрежденіе коллегіальное и вполне самостоятельное. Самою важною мѣрою Милютина было, какъ сказано выше, введеніе всеобщей воинской повинности, проведенной имъ черезъ государственный совѣтъ. При этомъ надо замѣтить, что характерною чертою устава о воинской повинности было стремленіе къ распространенію просвѣщенія, нашедшее себѣ непримиримаго противника въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого, который предлагалъ ограничить высшую льготу по образованію однимъ годомъ и уравнивать окончившихъ курсъ въ университетахъ съ окончившими курсъ шести классовъ классическихъ гимназій. Однако, благодаря энергичной и искусной защитѣ Милютина, проектъ его прошелъ цѣликомъ.

Для характеристики Д. А. Милютина приведемъ еще одинъ фактъ. «Однажды въ военно-медицинской академіи ¹⁾ были безпорядки, студенты заволновались, начальство не могло возстановить порядка, и начальникъ академіи послѣшилъ къ военному министру съ докладомъ. Выслушавъ его, Милютинъ сказалъ, что самъ сейчасъ пріѣдетъ. Дѣйствительно, скоро послѣ этого Дмитрій Алексѣевичъ, совершенно одинъ, даже безъ адъютанта, никѣмъ не сопровождаемый, вошелъ въ аудиторію, гдѣ собрались почти все студенты. Взабаламученная молодежь съ вызывающимъ видомъ встрѣтила министра, никто не всталъ и не отвѣтилъ на его привѣтствіе. Милютинъ, несколько не теряя самообладанія, спокойно сказалъ студентамъ, что самъ пріѣхалъ поговорить съ ними и узнать, въ чемъ дѣло, но

¹⁾ Рассказано въ «Рус. Инв.» г. Вильдерлингомъ.

прежде всего долженъ имъ замѣтить, что не только дисциплинарныя требованія по отношенію къ начальству, но и самыя элементарныя условія вѣжливости по отношенію къ старику, пріѣхавшему къ нимъ, обязываютъ ихъ встать и отвѣтить поклономъ на привѣтъ. Все встали, какъ одинъ человѣкъ; масса была побѣждена. Стоя, внимательно выслушали они министра, и порядокъ былъ восстановленъ безъ крутыхъ мѣръ, безъ взысканій...» Таково было вліяніе его спокойной и разумной личности.

Въ 1881 году, вскорѣ послѣ смерти императора Александра II, графъ Милютинъ оставилъ министерство и поселился въ своемъ имѣніи на южномъ берегу Крыма, уже не принимая участія въ государственныхъ дѣлахъ.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько словъ изъ рескрипта императора Николая II, даннаго на имя графа Милютиня, пожалованнаго чиномъ генераль-фельдмаршала въ день открытія памятника Царю-Освободителю 16-го августа 1898 года. «...Я съ особымъ удовольствіемъ,—было сказано въ рескриптѣ,—вижу васъ въ числѣ высшихъ государственныхъ сановниковъ, меня окружающихъ. Я знаю и помню, какимъ неизмѣннымъ преданнымъ и вѣрнымъ сотрудникомъ почивающаго монарха вы были въ теченіе двадцати лѣтъ, исполняя обязанности военнаго министра. Въ непрестанномъ попеченіи о благѣ народномъ и государственномъ преуспѣяніи Россіи, императоръ Александръ II, по мысли и волѣ котораго были совершены громадныя преобразованія рѣшительно по всемъ отраслямъ государственнаго управленія, обратилъ также особое вниманіе на необходимость новаго устройства и усовершенствованія вооруженныхъ силъ, соотвѣтственнаго быстрому развитію общаго строя государственной жизни Россіи и современнымъ успѣхамъ военнаго дѣла. По предшествующимъ заслугамъ вашимъ на поприщѣ военно-ученомъ, въ должности профессора военной академіи, и въ дѣятельности практической по должности начальника штаба Кавказской арміи, покойный государь избралъ васъ своимъ ближайшимъ сотрудникомъ для осуществленія необходимыхъ преобразованій въ военномъ вѣдомствѣ, а въ 1861 году вы были назначены военнымъ министромъ. Многотрудныя и сложныя обязанности, сопряженныя съ этою должностію, вы, до самой кончины дѣда моего, исполняли съ неутомимымъ рвеніемъ, горячею патриотическою преданностію и высокимъ пониманіемъ государственныхъ и военныхъ интересовъ дорогаго отечества. Многочисленныя и коренныя преобразованія, совершенныя по всемъ отраслямъ военнаго управленія въ теченіе вашего двадцатилѣтняго управленія военнымъ министерствомъ, поставили вооруженныя силы Россіи на надлежащую высоту, обновили ихъ составъ введеніемъ всеобщей воинской повинности, усовершенствовали ихъ управленіе учрежденіемъ военно-окружной системы, установили правильныя основанія для всехъ

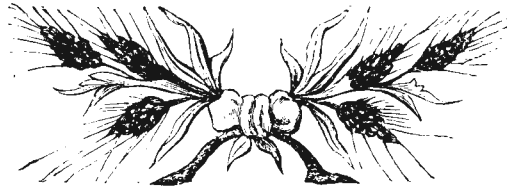
отраслей матеріальнаго ихъ довольствія, улучшили условія внутренняго быта и военнаго обученія офицеровъ и нижнихъ чиновъ, сохранивъ неизмѣнными тотъ боевой духъ, готовность къ самоотверженію и воинскую доблесть, кои искони были присущи русскому воинству. Обновленная и преобразованная армія испытала боевое крещеніе въ минувшую турецкую войну 1877—1878 годовъ и на обонхъ театрахъ военныхъ дѣйствій въ Европѣ и въ Азіи—одинаково явила многочисленныя подвиги мужества, терпѣнія и самоотверженной преданности государю и родинѣ, стяжавшіе ей неувядаемую славу. Въ теченіе семи мѣсяцевъ государь былъ личнымъ свидѣтелемъ и цѣнителемъ этихъ подвиговъ. Онъ раздѣлялъ со своею арміею труды и лишенія походной жизни и вмѣстѣ съ нею переживалъ на поляхъ Болгаріи тяжелые дни испытаній и счастливые дни военныхъ успѣховъ, неизмѣнно всѣхъ ободряя и утѣшая своимъ присутствіемъ. Передъ лицомъ Россіи и исторіи императоръ Александръ II засвидѣтельствовалъ въ рескриптѣ, данномъ на ваше имя въ знаменательный день овладѣнія Плевной, о патріотическихъ заслугахъ вашихъ, какъ по благоустройству боевыхъ силъ имперіи, послужившему залогомъ пріобрѣтенныхъ успѣховъ, такъ и по участию вашему въ бывшихъ въ теченіе кампаніи военныхъ совѣщаніяхъ, причемъ, принятіемъ вашихъ благоразумныхъ и полезныхъ совѣтовъ, были достигнуты блистательные результаты. Въ сегодняшній день всенародныхъ воспоминаній о великомъ императорѣ моемъ дѣдѣ я призналъ за благо почтить память о немъ и совершенномъ имъ подвигѣ войны за освобожденіе балканскихъ христіанскихъ народовъ въ лицѣ его ближайшаго и неизмѣннаго сотрудника въ дѣлѣ устройства арміи и въ самомъ веденіи и завершеніи войны. Высочайшимъ приказомъ отъ сего числа я пожаловалъ вамъ чинъ генераль-фельдмаршала. Да будетъ сей высшій чинъ для васъ отряднымъ напоминаніемъ времени вашей службы и дѣятельности въ знаменательную эпоху, пережитую Россіей, а для русской арміи пусть эта награда, нынѣ вамъ жалуемая, послужитъ свидѣтельствомъ вашихъ трудовъ и заслугъ въ дѣлѣ ея созиданія и пріобрѣтенія ею новыхъ боевыхъ лавровъ».

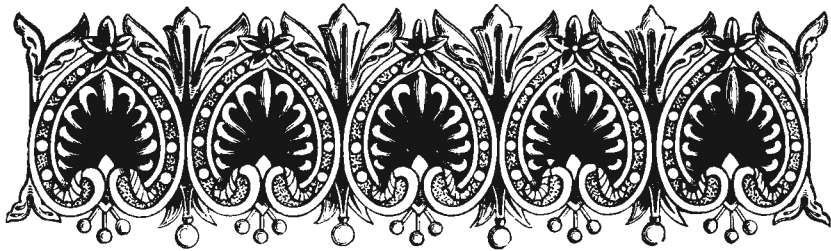
Полный титулъ графа Дмитрія Алексѣевича былъ слѣдующій: генераль-фельдмаршалъ, генераль-адъютантъ, шефъ 121-го пѣхотнаго Пензенскаго имени своего полка, кавалеръ ордена св. Георгія 2-й степени, а также всѣхъ русскихъ орденовъ до ордена св. Андрея Первозваннаго, украшеннаго брилльянтами, включительно, имѣлъ осыпанные алмазами портреты трехъ императоровъ, членъ государственнаго совѣта, почетный президентъ императорской Николаевской военной и Александровской военно-юридической академій, почетный членъ артиллерійской, инженерной и военно-медицинской академій, московскаго и харьковскаго университетовъ и императорскаго русскаго географическаго общества, докторъ русской исторіи, по-

четный членъ академіи наукъ и обществъ одесскаго исторіи и древностей Россіи, Краснаго Креста и подачи помощи при кораблекрушеніяхъ.

Въ 1898 году графъ Милютинъ присутствовалъ при открытіи памятника императору Александру II въ Москвѣ, затѣмъ удалился въ свое имѣніе въ Крыму, гдѣ безвыѣздно и прожилъ до самой своей кончины. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ скончался 25-го января 1912 года на 96 году жизни, почти одновременно со своею супругой, и похороненъ въ фамильномъ склепѣ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Л. Н.

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ «АПОСТОЛА» ЯПОНИИ.

ВЪ ОТДАЛЕННОМЪ и тихомъ предмѣстьи Токио, въ мало посѣждаемомъ туристами Цукидзи, на койкѣ содержимаго американской колоніей St. Lucies Hospital послѣ почти четырехнедѣльной упорной борьбы съ такими тремя грозными болѣзнями, какъ астма, нефритъ и склерозъ, угасла на 75-мъ году жизнь одного изъ маститѣйшихъ и доблестнѣйшихъ современныхъ служителей православной церкви—архіепископа Николая, не даромъ слышаго апостоломъ Японіи. Болѣе пятидесяти лѣтъ непрерывнаго распространѣнія истиннаго религіознаго свѣта, около 40 тысячъ обращенныхъ въ христіанство язычниковъ, какими являются японцы,—этого, безъ сомнѣнія, вполне достаточно для того, чтобы рядомъ съ именемъ почившаго архіепископа мелькало обвѣщающее благоговѣніемъ слово «апостоль».

Почившій архипастырь, въ мѣрѣ Іоаннъ Дмитріевичъ Касаткинъ, родился 1-го августа 1836 года въ селѣ Егорѣ-на-Березѣ (Смоленской губ., Вѣльскаго уѣзда) и происходилъ изъ духовнаго званія. Онъ воспитывался въ смоленской семинаріи и затѣмъ въ петербургской духовной академіи. За годъ до окончанія полнаго академическаго курса юный студентъ принялъ монашество съ именемъ Николая и въ 1861 году поступилъ на должность настоятеля православной церкви при русскомъ консульствѣ въ Хакодате, гдѣ и открылъ свою миссіонерскую дѣятельность, проповѣдуя Евангеліе японцамъ на ихъ языкѣ.

Черезъ десять лѣтъ (въ 1870 году) св. синодомъ была учреждена самостоятельная миссія въ Японіи, и молодой проповѣдникъ православія, возведенный въ санъ архимандрита, былъ назначенъ ея начальникомъ. Плодотворные труды его на миссіонерскомъ поприщѣ увѣнчались достойнымъ образомъ: 30-го марта 1880 года онъ былъ хиротонисанъ во епископа ревельскаго (викарія рижской епархіи), но попрежнему на благо церкви неутомимо дѣйствовалъ въ предѣлахъ близкой ему Японіи, гдѣ, съ 24-го марта 1906 года возведенный въ санъ архіепископа, продолжалъ апостольское служеніе до конца своей долготѣней жизни.

Свыше полувѣковая дѣятельность почившаго архипастыря соединялась со многими литературными трудами: кромѣ непрерывнаго перевода Св. Писанія, богослужебныхъ книгъ и духовно-правственныхъ сочиненій на японскій языкъ, архіепископъ Николай въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ (съ половины шестидесятыхъ годовъ) печаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» «Письма изъ Японіи» и не далѣе двухъ лѣтъ назадъ помѣстилъ свой интересный «Отчетъ о пожертвованіяхъ на храмъ (въ Оасака) и объ освященіи его» («Моск. Вѣдомости» 1910 г., № 197). Затѣмъ, кромѣ сообщеній въ «Христіанскомъ Чтеніи» и «Странникѣ», ему принадлежали слѣдующія статьи: «Японія съ точки зрѣнія христіанской миссіи» («Русскій Вѣстникъ» 1869 г., кн. 9), «Японія и Россія» («Древняя и Новая Россія» 1879 г., кн. 11), «Рапортъ совѣту православнаго миссіонерскаго общества» («Миссіонеръ» 1879 г., №№ 28—29), «Докладная записка объ Японіи директору азіатскаго департамента П. П. Стремоухову» («Русскій Архивъ» 1907 г., кн. 4, стр. 570—615) и друг.

Такая замѣчательная дѣятельность архіепископа Николая была высоко оцѣнена въ высочайшемъ рескриптѣ (отъ 6-го мая 1908 г.) слѣдующими словами: «Достойное святительское служеніе ваше, исполненное горячей ревности о славу церкви православной и неутомимыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ трудовъ по озаренію свѣтомъ Христова Евангелія жителей страны Японской, являетъ собою высоконазидательный примѣръ апостольскаго подвига».

Начавъ свою миссіонерскую дѣятельность въ Японіи въ 1861 г., въ качествѣ настоятеля консульской церкви въ Японіи, онъ съ 1870 г. до конца своей жизни былъ начальникомъ духовной миссіи въ Японіи. Въ 1884 году онъ приступилъ къ осуществленію вѣковой мечты—постройкѣ православнаго храма въ Токио—и осуществилъ эту мечту въ 1891 г., соорудивъ русскій православный соборъ на добротныя пожертвованія. Вся церковная утварь, иконостасъ и колокола были доставлены изъ Россіи, и храмъ этотъ, обошедшійся въ 300 тыс. руб., японцы называютъ по имени основателя—«храмъ Николай». Его же заботами построено нѣсколько

другихъ церквей въ Японіи, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ храмъ-памятникъ около могилы русскихъ воиновъ въ Мацуямѣ. Онъ устроилъ мѣстную духовную семинарію и катехизаторское училище и руководилъ ими. Ежегодно владыка объѣзжалъ всѣ православныя церкви въ Японіи на протяженіи 2,000 верстъ, обходилъ дома христіанъ и заботился объ удовлетвореніи не только духовныхъ, но и матеріальныхъ ихъ нуждъ. Покойный ежегодно собиралъ, — по словамъ «Нов. Времени», — соборы изъ духовенства, катехизаторовъ и мірянъ для разрѣшенія текущихъ вопросовъ о постройкѣ новыхъ церквей, открытіи новыхъ школъ, учрежденіи благотворительныхъ организацій и пр., а также для выбора мѣстныхъ іерарховъ изъ туземцевъ. Теперь въ Японіи, благодаря ему, около 40 тысячъ православныхъ въ 300 приходахъ, на японскій языкъ переведены всѣ богослужебныя книги и творенія св. отцовъ. Въ годъ японской войны епископъ Николай остался на своемъ посту и проявилъ истинно отеческую заботливость къ русскимъ плѣннымъ, облегчая ихъ страданія.

Въ 1880 г., по пріѣздѣ въ Петербургъ почившій былъ хиротонисанъ во епископа ревельскаго съ оставленіемъ въ должности начальника духовной миссіи, а въ 1906 г. возведенъ въ санъ архіепископа. За свои заслуги покойный былъ награжденъ брилліантовымъ крестомъ на клобукѣ, орденомъ св. Александра Невскаго съ брилліантами. Спб. духовная академія присудила ему безъ всякаго экзамена степень кандидата богословія и возвела его въ званіе почетнаго члена академической конференціи. Такова вкратцѣ общая долготѣльная плодотворная дѣятельность почившаго, охарактеризованная въ некрологахъ, появившихся почти во всѣхъ органахъ ежедневной и еженедѣльной нашей печати. Но пишущему настоящія строки хотѣлось отмѣтить еще одну особенность этой дѣятельности, которая почему-то до сихъ поръ не нашла отраженія ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій, откликнувшихся на тяжелую потерю, понесенную православной цѣрковью.

Я имѣю въ виду тотъ фактъ, что архіепископъ Николай въ связи съ насажденіемъ среди японцевъ православія является однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ знакомства подданныхъ микадо съ русской художественной литературой.

Архіепископъ Николай, какъ сказано выше, попалъ впервые въ Японію 23-лѣтнимъ юношей-инокомъ, назначенный настоятелемъ церкви при русскомъ консульствѣ въ портовомъ городѣ Хакодатѣ. Это случилось въ 1861 г. Въ то время наше представленіе о японцахъ, ихъ жизни и культурѣ имѣло еще своимъ основаніемъ нѣсколько строкъ изъ «Фрегата Паллады». Гончаровъ — безсмертный романистъ, но очень близорукой пророкъ — своимъ утвержденіемъ, что «кафры, негры и малайцы — нетронутое поле, ожидающее посѣва, а китайцы и ихъ родственники японцы — истощенная непрохо-

димо-заглохшая нива»—настолько убѣдили насъ въ безнадежности сыновъ Восходящаго Солнца, какъ народа, что интересъ къ нимъ проявлялся нами не большій, чѣмъ къ гренландцамъ, напримѣръ, или зулусамъ. Архіепископъ Николай, очутившись въ Японіи, сразу постигъ всю ошибочность взгляда автора «Фрегата Паллады». Онъ сразу увидѣлъ, что передъ нимъ не «истощенная, непроходимо-заглохшая нива», а именно «нетронутое поле, ожидающее посѣва». Будущій апостолъ Японіи и началъ свой посѣвъ, удобряя, такъ сказать, почву такимъ плодотворнымъ средствомъ, какъ возведеніе цѣлаго ряда церквей и часовенъ и открытіе при нихъ русско-японскихъ школъ. Школы эти, помимо того, что содѣйствовали укрѣпленію повообращенныхъ въ православіи, выпускали немалочисленные кадры помощниковъ энергичнаго и вдохновеннаго миссіонера. При ихъ содѣйствіи начать былъ и быстро подвигался впередъ переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ съ русскаго языка на японскій. Появилась первая православная община въ Японіи, за ней вторая и т. д. Для того, чтобы общины эти, разсѣяныя на всемъ протяженіи страны Восходящаго Солнца, находились въ непрерывномъ духовномъ общеніи между собою, архіепископъ Николай основалъ еженедѣльный журналъ, посвященный какъ религіознымъ, такъ и житейскимъ пуждамъ ихъ. Попутно журналъ, руководимый смѣлой и неустанной рукой, знакомилъ японцевъ съ жизнью и культурою ихъ могущественнаго сосѣда—русскаго государства. Японцы, уже широко вступившіе на путь прогресса, внимательно прислушиваются къ тѣмъ справочнымъ свѣдѣніямъ о Россіи, которыя давалъ журналъ архіепископа Николая, печатавшійся на двухъ языкахъ—русскомъ и японскомъ. Пробуждается интересъ и къ литературѣ сосѣдей. И вотъ одинъ изъ воспитанниковъ одной изъ основанныхъ русскимъ пастыремъ школъ переводитъ по указанію архіепископа «Капитанскую дочку» Пушкина, которая и появляется отдѣльнымъ изданіемъ въ Токио въ 1882 г. на японскомъ языкѣ. Мало того, передъ тѣмъ, какъ печатать переводъ «Капитанской дочки», рукопись дается одному изъ лучшихъ мѣстныхъ художниковъ, который снабжаетъ повѣсть рядомъ иллюстрацій. Нечего, разумѣется, говорить о томъ, что иллюстраціи получились довольно смѣшныя; что художникъ, вѣроятно, совершенно незнакомый съ русской исторіей, съ русскимъ бытомъ прошлаго столѣтія, изобразилъ Екатерину Великую въ видѣ хрупкой косоглазой японки въ современномъ европейскомъ платьѣ, Гринева—въ видѣ французскаго генерала съ цѣлымъ иконостасомъ орденовъ и звѣздъ и лентою черезъ плечо, а Пугачева—негромъ съ выдающейся верхней губою и курчавыми волосами. Но самъ переводъ былъ сдѣланъ весьма тщательно, передавалъ точно не только содержаніе великаго пушкинскаго творенія, но и нѣкоторыя красоты его. Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что

«Капитанская дочка» очень поправилась японцамъ, въ то время вообще любителямъ исключительно исторической литературы, и быстро разошлась. Теперь переводъ, изданный въ 1882 г., составляетъ величайшую библиографическую рѣдкость и, по имѣющимся свѣдѣніямъ, его ни за какія деньги нельзя достать въ книжныхъ магазинахъ или у букинистовъ въ Токио. Зато одинъ экземпляръ этого интереснаго изданія хранится въ Петербургѣ, въ Пушкинскомъ музеѣ при императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ, гдѣ собраны почти все когда-либо и гдѣ-либо появившіеся переводы сочиненій Пушкина на иностранные языки и нарѣчія. Кстати, снимки съ иллюстрацій наивнаго японскаго художника къ этому переводу «Капитанской дочки» были даны въ 29-мъ номерѣ «Нивы» за 1910 г. и перевоспроизведены въ ноябрьской книжкѣ «Извѣстій по литературѣ, наукамъ и библиографіи» за прошлый годъ.

Но вернемся къ журналу, который архіепископъ Николай началъ выпускать, какъ только разрослась его духовная паства. Преслѣдуя, разумѣется, главнымъ образомъ религіозныя цѣли, а также вопросы мѣстной текущей жизни, поскольку послѣдняя соприкасалась съ насаждаемою новою вѣрою, печатный органъ неутомимаго пастыря изъ номера въ номеръ считалъ возможнымъ, или даже нужнымъ, давать болѣе или менѣе обстоятельныя, хотя и краткія, свѣдѣнія о Россіи, о русскомъ народѣ, ихъ прошломъ и настоящемъ. И этихъ свѣдѣній было достаточно для того, чтобы возбудить въ любознательныхъ японцахъ глубокой интересъ къ нашей странѣ и ея жизни. Журналъ читался не одними новообращенными, а огромными массами интеллигентныхъ японцевъ, остававшихся вѣрными своей религіи. Такой успѣхъ объясняется только тѣмъ, что руководитель журнала, обладавшій недюжиннымъ умомъ и въ значительной степени тактомъ, избѣгалъ придавать своему органу боевой характеръ и все усилія направлялъ къ тому, чтобы сдѣлать его наиболѣе интереснымъ и наиболѣе общедоступнымъ.

Благодаря этому, пріѣхавшій въ серединѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ страну Восходящаго Солнца съ просвѣтительными цѣлями Левъ Ильичъ Мечниковъ, братъ нашего знаменитаго ученаго, нашель тамъ почву уже достаточно обработанную и подготовленную для того, чтобы открыть въ Еддо и нѣкоторыхъ другихъ городахъ общеобразовательныя русскія школы. Л. И. Мечниковъ могъ тотчасъ же по своемъ прибытіи въ чужую страну приступить къ дѣлу и не только привлечь въ свои школы достаточное количество слушателей, но и выбрать себѣ на мѣстѣ болѣе или менѣе подготовленныхъ помощниковъ для культуртрегерства и, между прочимъ, поднятія русскаго вліянія, которое сводилось въ это время къ нулю.

Этому замѣчательному русскому человѣку, вѣчно трудившемуся на пользу просвѣщенія и свободы, сражавшемуся въ каче-

Преосвященный Николай, архієпископъ японскій.

ствѣ волонтера подъ знаменемъ Гарибальди и вышедшему изъ состава его отрядовъ хромымъ на всю жизнь, уже было легко, или, во всякомъ случаѣ, не такъ трудно обшаться съ японцами, широко знакомить ихъ съ русской жизнью, русской исторіей и литературою. Ибо первые, наиболѣе тяжкіе шары въ этомъ направленіи оказались уже сдѣланными и именно архіепископомъ Николаемъ.

Правда, Л. И. Мечниковъ въ своихъ многочисленныхъ очеркахъ, разсѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, ни разу не упоминаетъ имени покойнаго нынѣ архіепископа, а говоритъ только о любознательности, понятливости и воспримчивости японцевъ. Но это легко можетъ быть объяснимо тѣмъ обстоятельствомъ, что писатель-соціологъ, типичный шестидесятникъ, не хотѣлъ видѣть и признавать никакихъ заслугъ за дѣятелемъ церкви.

Такимъ образомъ, дѣятельность Льва Ильича Мечникова, которому японцы весьма и весьма многимъ обязаны въ ближайшемъ ознакомленіи съ русской литературой и изученіи ея, является столь успѣшной и плодотворной лишь благодаря тому, что совпадаетъ съ непрерывной и неутомимой работою архіепископа Николая.

Время шло, многое въ жизни Японіи измѣнилось, а архіепископъ Николай продолжалъ свое дѣло распространенія христіанства и, попутно, дѣло сближенія двухъ народовъ на почвѣ ознакомленія японцевъ съ Россіей.

Въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» за 1893 годъ читаемъ слѣдующую корреспонденцію изъ Токио архимандрита Сергѣя Сядзи—одного изъ обращенныхъ въ православіе японцевъ и достигшихъ священническаго сана.

«Съ октября 1892 года при православной японской миссіи началось изданіе новаго журнала состоящего при сей миссіи женскою школою подъ названіемъ «Уранисики».

Теперь мы скажемъ о благосклонной встрѣчѣ новаго журнала со стороны православныхъ, а также японскихъ журналовъ, ничего общаго съ православіемъ не имѣющихъ. Одни изъ этихъ журналовъ, съ живою радостью привѣтствовали нарождающійся «Уранисики», отмѣчали литературную изящность въ изложеніи статей, другіе присоединяли къ этому голосу выраженіе искренняго желанія видѣть почаще на страницахъ «Уранисики» сообщенія объ общей жизни, обычаяхъ и литературѣ далекой Россіи. Новый журналъ откликнулся и на это. На первый разъ «Уранисики» знакомятъ своихъ читателей преимущественно съ поэтическими произведеніями Россіи. Въ первыхъ номерахъ помѣщены небольшія, но очень подробныя статьи: «О Пушкинѣ», «Памятникъ Крылову», «О Тургеневѣ», затѣмъ стихотворенія Кольцова, Никитина, Некрасова и т. д.

Изъ бібліографическихъ замѣтокъ въ нашей періодической печати мы знаемъ, что и въ дальнѣйшихъ выпускахъ «Уранисики» давались переводы многихъ русскихъ авторовъ, какъ прозаиковъ, такъ и поэтовъ, какъ классиковъ, такъ и современныхъ. «Уранисики», какъ и первый русско-японскій журналъ, конечно, дѣло рукъ самого архіепископа Николая, по чьей инициативѣ дѣлалось вообще все то, въ чемъ проявлялась дѣятельность православной японской миссіи. И, конечно, только съ одобренія главы миссіи отводились страницы русско-японскаго изданія русской литературѣ, которая, благодаря этому, становилась все ближе и ближе сынамъ страны Восходящаго Солнца.

Такимъ образомъ, все вышеизложенное является вполне достаточнымъ доказательствомъ того, что скончавшійся только что архіепископъ Николай помимо своей специальной дѣятельности, которой онъ посвятилъ болѣе пятидесяти лѣтъ своей жизни, немало послужилъ русской художественной литературѣ, пересаживая ея корни на чужую, но воспримчивую почву и давъ возможность сдѣлаться весьма близкой и любимой среди японскаго народа. А что русская литература въ настоящее время весьма близка японцамъ, видно изъ слѣдующихъ фактовъ, сообщаемыхъ «Вѣстникомъ Литературы» (1911 г., № 1)

«Европеизируя каждый уголокъ своей жизни, японцы, понятно, должны были открыть заморскому вліянію и свою литературу, — читаемъ мы въ вышеупомянутомъ изданіи. — Но тутъ они даже отступили отъ свойственной имъ тактики. Обыкновенно, японцы, использовавъ тѣхъ или иныхъ учителей-европейцевъ, перестаютъ ихъ узнавать; литературными же наставниками своими они продолжаютъ гордиться. Въ результатѣ получается слѣдующее: очень мало извѣстны въ Японіи фамилія и псевдонимъ талантливой писательницы Хигучи-Ичію, но всѣ ее знаютъ, какъ «нашу Джорджъ Элліотъ»; глубоко талантливый Кіюка является «нашимъ Эдгаромъ По», Сазанами — «нашимъ Андерсеномъ» и т. д. Среди именъ европейскихъ литературныхъ знаменитостей, присвоенныхъ японскими писателями, имѣется и немало русскихъ. Писатель Куликида — псевдонимъ Доппо — признанъ замѣчательнѣйшимъ изобразителемъ пейзажа. Всѣ его произведенія проникнуты одной идеей: вліяніе природы на человѣка всеильно и вѣчно. Куликида поэтому и слыветъ японскимъ Тургеневымъ. Беллетристъ Хасегава написалъ нѣсколько томовъ рассказовъ, которые дали основаніе критикамъ назвать его «нашимъ Чеховымъ». Некрологи о немъ въ газетахъ такъ и были озаглавлены: «Смерть на пароходѣ нашего Чехова» (Хасегава умеръ на пути въ Японію). Беллетристъ Руи-Ро, выпустившій совсѣмъ недавно романъ подъ заглавіемъ «Публичный домъ Кавачива», сразу прославился у себя на родинѣ,

«истор. вѣстн.», мартъ 1912 г. т. сxxvii.

14

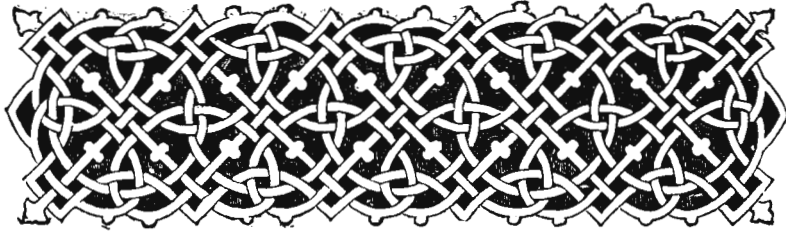
какъ японскій Купринъ. Есть у японцевъ и свой Салиасъ де-Турнемиръ, и свой Фетъ и т. д.

«Конечно, мы нисколько не удивимся, если японцы въ одинъ прекрасный день объявятъ и о «своемъ Львѣ Толстомъ», но, какъ бы то ни было, этихъ нѣсколькихъ фактовъ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ прочно завоевала русская литература права гражданства въ далекой и чуждой намъ Японіи».

И этому, еще разъ повторяемъ, въ значительной степени посо дѣйствовалъ покойный архіепископъ Николай.

И. Г.

ИСТОРИКЪ И ИЗСЛѢДОВАТЕЛЬ КУБАНСКАГО КРАЯ.

(По поводу сорокалѣтія научно-литературной дѣятельности
Э. А. Щербины).

ВЪ КОНЦѢ миноваго года кубанская интеллигенція и мѣстныя научныя общества отпраздновали сорокалѣтній юбилей научно-литературной дѣятельности пользующагося на всемъ Кавказѣ огромнѣйшею популярностью знаменитаго статистика-этнографа Эдора Андреевича Щербины.

Биографія этого ученаго и его разнохарактерная дѣятельность заслуживаютъ быть отмѣченными, по случаю торжественнаго для него дня, не только въ провинціальной, но и въ столичной прессѣ, тѣмъ болѣе, что юбиляръ въ былое время сотрудничалъ во многихъ столичныхъ изданіяхъ.

Эддоръ Андреевичъ Щербина родился въ станицѣ Новодеревянковской Ейскаго отдѣла Кубанской области 13-го февраля 1849 года. По своему происхожденію онъ казакъ, потомокъ знаменитаго когда-то запорожскаго войска. Его отецъ, по приговору куреня Переяславскаго, былъ зачисленъ въ составъ войскаго духовенства изъ казаковъ, какъ человекъ грамотный и обладавшій «доброю гортанью», т. е. человекъ съ голосомъ; но дѣти и въ томъ числѣ Эддоръ Андреевичъ остались въ казачьемъ званіи, записывались въ казачьи посемейные списки и обязательно должны были нести военную службу.

Въ 1861 году двѣнадцатилѣтній Эддя отданъ былъ въ черноморское войсковое духовное училище въ городѣ Екатеринодарѣ, от-

куда онъ перешель потомъ въ кавказскую духовную семинарію въ Ставрополѣ.

Въ 1869 году онъ вышелъ изъ четвертаго класса этого заведенія и образоваль вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами одну изъ первыхъ земледѣльческихъ артелей интеллигентовъ. Къ мысли объ артели юноша Щербина пришелъ подъ вліяніемъ книгъ объ ассоціаціяхъ Прейфера и Бехера, и еще въ семинаріи небольшая группа семинаристовъ, во главѣ съ нимъ, имѣла общую квартиру и артельныя мастерскія по столярному и переплетному мастерствамъ. Земледѣльская артель существовала въ Кубанской области два года, и Щербина вмѣстѣ со своимъ близкимъ другомъ, погибшимъ потомъ на Карѣ, Григоріемъ Анфимовичемъ Попкою, считался однимъ изъ лучшихъ работниковъ, выполнявшимъ всевозможныя черныя работы, начиная съ земледѣлія, косьбы, рыболовства и окончивая извозомъ и тасканіемъ кулей на пристаняхъ.

Такой образъ жизни въ сильнѣйшей степени повліяль на закалку характера и здоровья друзей. У обоихъ были отцы чахоточные, у Щербины уже начались было верхушечные процессы въ легкихъ, а Попка былъ чахлымъ, золотушнымъ юношей, но, послѣ двухъ лѣтъ упорнаго и тяжелаго труда, оба пріятели отправились въ высшее учебное заведеніе физически развитыми юношами, почти силачами.

Съ 1872 по 1874 годъ Федоръ Андреевичъ былъ студентомъ Петровской земледѣльской и лѣсной академіи, обучаясь здѣсь на средства казачьяго войска, а въ 1874 году, выдержавши дополнительный экзаменъ при одесской Ришельевской гимназіи, онъ перешель въ новороссійскій университетъ, также стипендіатомъ Кубанскаго войска.

И въ академіи, и въ университетѣ Щербина продолжалъ изучать рабочія артели и завель близкія сношенія съ рабочими. Въ это время онъ подвергся нѣсколькимъ арестамъ, ознакомился съ одиночнымъ заключеніемъ и въ концѣ концовъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ на сѣверъ, въ Вологодскую губернію. Здѣсь онъ прожилъ четыре года, сначала въ Сольвычегодскѣ, а потомъ въ Кадниковѣ, благодаря чему не несъ казачьей строевой службы.

Освобожденный изъ ссылки въ 1879 году, Щербина съ этого года и по 1882 годъ обследоваль сплошнымъ образомъ свою родину—Кубанскую область, что дало ему возможность напечатать потомъ рядъ работъ и статей объ этомъ краѣ.

Въ 1884 году Щербина приняль на себя завѣдываніе статистическимъ отдѣленіемъ воронежскаго губернскаго земства, въ которомъ и вель изслѣдованія непрерывно девятнадцать лѣтъ—по январь 1903 года, когда во второй разъ былъ высланъ въ свой хуторъ Джанхотъ на Кавказъ, какъ предсѣдатель комиссіи воронежскаго сельско-хозяйственнаго комитета, составившій извѣстный,

надѣлавшій въ свое время большой шумъ докладъ о нуждахъ крестьянъ Воронежской губерніи.

Съ 1896 года Ѳедоръ Андреевичъ состоялъ завѣдующимъ экспедиціею по изслѣдованію степныхъ областей, рекогносцировавшей около восьмидесяти трехъ милліоновъ десятинъ земли въ Акъ олин-

Ѳедоръ Андреевичъ Шербина.

ской, Семипалатинской и Тургайской областяхъ, т. е. на пространствѣ, равномъ площадямъ Даніи, Бельгіи, Португаліи, Швейцаріи, Греціи и самаго большого послѣ Россіи государства въ Европѣ—Австро-Венгріи, вмѣстѣ взятыхъ. Работы на мѣстахъ были закончены въ 1902 году, а Ѳедоръ Андреевичъ остался завѣдующимъ экспедиціей и находясь въ ссылкѣ. Курьезнѣе всего то об

стоятельство, что между тѣмъ какъ со Щербиною продолжали сношаться военные губернаторы, сообщая, что такія-то и такія лица не могутъ быть допущены къ занятіямъ въ экспедиціи, какъ ведущія сношенія съ лицами, находящимися подъ тайнымъ надзоромъ, самъ Щербина находился подъ надзоромъ мѣстнаго урядника. Только передъ самымъ уходомъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго Щербина былъ освобожденъ изъ-подъ надзора. Съ тѣхъ поръ онъ категорически отказывался отъ какой-либо постоянной службы по своей специальности и принималъ лишь приглашенія земствъ по экспертизѣ оцѣночныхъ работъ.

Въ первое время своей литературной дѣятельности Ѳеодоръ Андреевичъ удѣлялъ особенно много вниманія земельной общинѣ и артелямъ. Въ ту пору, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, почти совершенно не существовало матеріаловъ о русской земельной общинѣ, и статья Ѳ. А. «Сольвыгодская земельная община», напечатанная «въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1879 годъ, былъ второю, послѣ статьи Лалюша объ олонѣцкой общинѣ, работою, обоснованною на обильномъ фактическомъ матеріалѣ и на непосредственномъ изученіи земельной общины въ дѣйствительности.

Затѣмъ Щербина первый констатировалъ существованіе общиннаго землевладѣнія у малороссовъ въ «Очеркахъ южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ» по атрофировавшимся формамъ артельного труда; а въ 1880 году въ статьѣ «Земельная община въ Днѣпровскомъ уѣздѣ», помѣщенной въ «Русской Мысли», имъ были подробно описаны формы и земельные порядки малорусскихъ общинъ.

Въ томъ же журналѣ и за тотъ же годъ Ѳ. А. былъ помѣщенъ рядъ статей, представляющихъ собою вообще изслѣдованіе «русской земельной общины». Хотя статьи эти не окончены, но въ нихъ чисто научнымъ путемъ установлены и уяснены формы общинныхъ поселеній и зависимость ихъ отъ естественныхъ условій мѣстности, виды вольныхъ общинныхъ заимокъ, происхожденіе общинно-земельныхъ формъ и проч. Позже, при земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ Щербиною всесторонне выяснены значеніе земельныхъ передѣловъ, какъ народнаго кадастра, группировка хозяйствъ и отношеніе различныхъ группъ населенія къ передѣламъ и т. п. Статистическій учетъ, съ одной стороны, доходности общинной земли самой по себѣ, безъ всякаго отношенія къ обезпеченію доходомъ населенія, т. е. по обычной формулѣ капиталистической политической экономіи, а съ другой—учетъ подробныхъ бюджетныхъ расходовъ на потребности крестьянской семьи и нужды хозяйства, далъ въ конечномъ результатѣ почти тождественныя величины чистаго дохода въ переводѣ на одну душу населенія, т. е. съ точки зрѣнія потребностей населенія и народнаго потребленія. Опытъ научнаго анализа по этому предмету показалъ, такимъ обра-

зомъ, Щербинѣ, что, помимо обычнаго оцѣночнаго пріема политической экономіи, возможенъ и другой путь опредѣленія доходности земли по расходамъ на потребности населенія.

Изслѣдованіе южно-русскихъ артелей Щербины принадлежитъ также къ числу первыхъ по времени трудовъ этого рода. Въ этомъ изслѣдованіи авторомъ дана своя теорія генезиса народчыхъ обычаевъ и установлено понятіе объ артеляхъ, какъ обычныхъ формахъ труда и предпріятій, носящихъ чисто стихійный характеръ.

Вообще въ области этнографіи *Θ. А.* касается самыхъ разнообразныхъ проявленій народной жизни—обычнаго права, сектантскихъ движеній, народнаго самосуда и т. п. Первые по времени систематизированныя свѣдѣнія о штундистахъ, напечатанныя въ «Недѣлѣ» за 1876 годъ безъ подписи автора, принадлежатъ перу Щербины.

Въ области экономической центральный вопросъ, которому посвящены работы *Θ. А.*, составляетъ крестьянское хозяйство. О крестьянскомъ хозяйствѣ трактуется въ двухъ его книгахъ по Воронежскому и Острогожскому уѣздамъ и въ цѣломъ рядѣ журнальныхъ статей. Въ свое время имъ констатированы и охарактеризованы такія явленія, какъ внѣдреніе денежныхъ отношеній въ крестьянское натуральное хозяйство, измѣненія въ крестьянской семьѣ, положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, деревенскій капитализмъ въ формѣ батрачьиxъ силъ и т. д.

Предметъ специальныхъ экономическихъ изслѣдованій Щербины составляетъ желѣзнодорожная статистика. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ *Θ. А.* производилъ статистическія изысканія въ разныхъ районахъ Владикавказской желѣзной дороги. Въ напечатанныхъ имъ изысканіяхъ желѣзнодорожной статистики заключаются свѣдѣнія о производительности районовъ, о способахъ и формахъ хлѣбной торговли, о мелкихъ торговыхъ посредникахъ, объ иногородныхъ или переселенцахъ на Сѣверномъ Кавказѣ, о вліяніи желѣзнодорожныхъ центровъ на распространеніе усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и т. п.

Еще больше сдѣлано въ этомъ отношеніи Щербиною для земской статистики. Примкнувъ къ группѣ тѣхъ земскихъ изслѣдователей, яркимъ представителемъ которыхъ былъ В. П. Орловъ, а отличительнымъ признакомъ служило изслѣдованіе положенія крестьянскаго хозяйства и населенія, *Θ. А.* сразу же внесъ въ организацію и программы работъ особенности, свойственныя воронежской земской статистикѣ по преимуществу. Но рядомъ съ практиковавшимся до того изслѣдованіемъ исключительно производительныхъ процессовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, онъ все шире и шире, примѣняясь къ жизни и къ размѣрамъ земскихъ средствъ, вводилъ въ статистическій учетъ явленія мѣны, обращенія, денежныхъ процессовъ, потребленія и вообще потребностей населенія. Особое мѣсто по этому послѣднему вопросу было отведено крестьянскимъ бюджетамъ.

Воронежская бюджетная статистика послужила потомъ образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ работъ этого рода. Въ своемъ трудѣ «Крестьянскіе бюджеты» *Θ. А.* свелъ статистическія данныя какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ бюджетовъ, каковы бюджеты рабочихъ американскихъ, бельгійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ; сюда же вошли бюджеты киргизовъ-кочевниковъ. Въ книгѣ изложена исторія бюджетовъ въ Россіи и за границей, подвергнуты анализу программы и методы работъ, опредѣляющія значеніе бюджетныхъ изслѣдованій для социальныхъ дисциплинъ, дана въ первый разъ въ наукѣ и литературѣ классификація человѣческихъ потребностей и т. п.

Еще раньше, въ 1897 году, общему обзору крестьянскихъ бюджетовъ была посвящена статья Щербины въ сборникѣ министерства финансовъ «Вліяніе урожаявъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства.» Въ этомъ случаѣ была произведена попытка построенія бюджетовъ для разныхъ областей Россіи по массовымъ, но довольно скуднымъ даннымъ. Тѣмъ не менѣе главный выводъ статьи былъ обоснованъ чисто математически и, путемъ цифрового учета, доказано двойственное вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ на крестьянскіе бюджеты, именно: что высокія и низкія цѣны на хлѣбъ вліяютъ различнымъ образомъ (т. II, стр. 66 и 67) на бюджеты съ остатками и бюджеты съ дефицитомъ, благоприятствуя первымъ и не благоприятствуя вторымъ при высокихъ цѣнахъ и, наоборотъ, не благоприятствуя первымъ и благоприятствуя вторымъ при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Но на этотъ азбучный и въ высшей степени важный выводъ не было, однако, обращено должнаго вниманія въ разгаръ полемики по этому вопросу въ печати и въ учебныхъ обществахъ.

Но особенно важное значеніе получили бюджетныя работы *Θ. А.* при изслѣдованіи экспедиціей киргизскаго кочевого быта и соотвѣствующихъ ему формъ землепользованія. Такъ какъ задача, поставленная на разрѣшеніе экспедиціи по изслѣдованію степныхъ областей, состояла въ оцѣнкѣ киргизскихъ земель и въ установленіи, сообразно съ тѣмъ, земельныхъ нормъ, которыми обезпечивался бы киргизскій бытъ, то *Θ. А.* сразу же въ основу оцѣночныхъ работъ экспедиціи положилъ не обычную политико-экономическую формулу о валовомъ доходѣ, издержкахъ, производствѣ и доходѣ чистомъ, а формулу, приспособленную къ опредѣленію размѣра потребностей семьи-хозяйства и необходимаго количества земли для нормальнаго удовлетворенія этихъ потребностей. По этой формулѣ и были потомъ установлены земельныя нормы для киргизскаго населенія.

Въ недавнее время Щербиною оформлена идея подворныхъ изслѣдованій по санитарной статистикѣ. Подъ его руководствомъ и при непосредственномъ участіи были выработаны программы и произведе-

денъ въ Воронежской губерніи изслѣдованія нѣсколькихъ селеній сначала въ районѣ врача С. В. Мартынова, а потомъ, послѣ исправленія программъ, въ районѣ врача А. И. Шингарева. Превосходная работа послѣдняго произвела особенно сильное впечатлѣніе въ медицинскомъ мірѣ во время одного изъ Пироговскихъ съѣздовъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ, и въ области медицинской статистики Щербина далъ первый опытъ и направленіе наиболѣе точныхъ и цѣлесообразныхъ подворно-санитарныхъ статистическихъ изслѣдованій.

Первыя статьи Ѳ. А. были напечатаны въ «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» 1871 года. Студентомъ онъ продолжалъ печатать статьи въ этомъ мѣстномъ органѣ и принималъ болѣе дѣятельное участіе въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» и въ «Недѣлѣ». Журнальныя статьи Щербины, начиная съ 1879 года, печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Дѣлѣ», «Русской Мысли», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Устояхъ», «Кіевской Старинѣ», «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Народномъ Хозяйствѣ» и проч. Изъ газетъ наиболѣе работъ Ѳ. А. помѣстилъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ разное время принималъ участіе во многихъ другихъ органахъ— въ «Русскомъ Курьерѣ», «Странѣ», «Правдѣ», «А о вѣвѣ» и др. ¹⁾

¹⁾ Въ числѣ статей Щербины, обратившихъ въ свое время вниманіе печати и публики, можно указать слѣдующія:

«Малорусская штука» («Недѣля»), «Двойственность русскаго сектантства» («Недѣля»), «Самосудъ надъ копокрадами» («Недѣля»), «На путникахъ» («Русск. Вѣд.»), «Синіе клоки» («Русск. Вѣд.»), «Большая семья» («Русск. Вѣд.»), «Рабочія силы» («Памятная книжка Воронежской губерніи»), «Разрушеніе почвенныхъ покрововъ» (тамъ же), «Хозяйственные нужды и задачи Воронежскаго края» (тамъ же), «Четвертое землевладѣніе» (тамъ же), «Продовольственные нужды населенія Воронежской губерніи» (тамъ же), «Бюджетная статистика» (докладъ на съѣздѣ естествознанія), «Подворно-санитарныя переписи» (тоже), «Изслѣдованіе степныхъ областей» (тоже), «Сольвыгодская земельная община» («Отч. Зап. 1879 г.»), «Земельная община въ Днѣпровскомъ уѣздѣ» («Русск. Мысль» 1880 г.), «Русская земельная община» («Русск. Мысль» 1880 г., №№ 4—8, 10 и 12), «Какъ появились общественныя земли» («Сотрудникъ»), «Общинно-земельный кадастръ» («Сѣв. Вѣстн.» 1885 г.), «Казачьи станичные сходы» («Сѣв. Вѣстн.» 1885 г.), «Общинный бытъ и землевладѣніе у кавказскихъ горцевъ» («Сѣв. Вѣстн.» 1886 г.) «Областные вопросы» («Сѣв. Вѣстн.» 1886 г.), «Деревенскій капитализмъ» («Сѣв. Вѣстн.» 1886 г.), «Въ какихъ законахъ нуждаются сельскіе рабочіе» («Сѣв. Вѣстн.» 1886 г.), «По поводу одного статистическаго труда» («Сѣв. Вѣстн.» 1886 г.), «Прародительница общинно-земельныхъ порядковъ» («Сѣв. Вѣстн.» 1886 г.), «Неоконченный законъ» («Сѣв. Вѣстн.» 1886 г.), «Опять qui pro quo» («Сѣв. Вѣстн.» 1886 г.), «Станичное правленіе и станичный атаманъ» («Сѣв. Вѣстн.» 1887 г.), «Къ вопросу о всероссійской переписи» («Сѣв. Вѣстн.» 1888 г.), «Договорныя семьи» («Сѣв. Вѣстн.» 1888 г.), «Деревенскіе элеваторы» («Сѣв. Вѣстн.» 1880 г.), «Задачи русской общественной мысли» («Русск. Мысль» 1881 г.), «Нѣчто о мужикѣ и мужиковствующемъ пессимизмѣ» («Сѣв. Вѣстн.» 1889 г.), «Въ защиту крестьянской семьи» («Сѣв. Вѣстн.» 1889 г.), «Своевольная молодежь» («Сѣв. Вѣстн.» 1890 г.), «Передача и обращеніе народныхъ знаній» («Устои»), «Шабай и шабайство» («Дѣло» 1884 г.), «Еврейскій торговый корпоратизмъ» («Дѣло» 1884 г.), «Чѣмъ крѣпки русскія артели» («Міръ Божій»), «Исторія самоуправленія кубанскихъ казаковъ» («Кіевская Старина»), «Бѣглецы и крѣпостные

Отдѣльными книгами вышли: «Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ» (1886 г.), «Крестьянское хозяйство въ Воронежскомъ уѣздѣ» (1884 г.), «Крестьянское хозяйство въ Острогожскомъ уѣздѣ» (1887 г.), «Историческій очеркъ Кубанскаго казачьяго войска» (1888 г.), «Сборникъ оцѣночныхъ свѣдѣній по крестьянскому землевладѣнію въ Землянскомъ, Задонскомъ, Коротоянскомъ и Нижнедѣвицкомъ уѣздахъ» (1884 г.), «Земельная община кубанскихъ казаковъ» (1889 г.), «Исторія воронежскаго земства» (1891 г.), «Хлѣбная производительность и торговля сѣвернаго района Владикавказской желѣзной дороги» (1892 г.), «Хлѣбная производительность средняго района Владикавказской желѣзной дороги» (1893 г.), «Хлѣбная производительность южнаго района Владикавказской желѣзной дороги» (1894 г.), «Майкопскій подъѣздной путь» (1893 г.), «Ейскій портъ и желѣзнодорожная вѣтвь къ нему» (1894 г.), «Азовская желѣзнодорожная вѣтвь» (1895 г.), «Сводный сборникъ по двѣнадцати уѣздамъ Воронежской губерніи» (1887 г.), «Матеріалы по киргизскому землепользованию въ Кочетавскомъ уѣздѣ» (1898 г.), «Крестьянскіе бюджеты» (1900 г.), «Киргизскіе бюджеты» (1906 г.), «Естественно-историческія условія и смѣна народностей на Кубани» (1906 г.) и др.

Такимъ образомъ, въ теченіе сорока лѣтъ Ѳеодоромъ Андреевичемъ напечатано болѣе семидесяти статей и очерковъ по преимуществу научно-статистическаго характера въ размѣрѣ свыше трехсотъ печатныхъ листовъ.

Независимо отъ перечисленныхъ изданій Ѳ. А. было проредактировано тридцать изданій по основной статистикѣ воронежскаго земства (подворныя переписи и оцѣночныя матеріалы) и тридцать шесть выпусковъ по текущей статистикѣ. Въ громадномъ большинствѣ этихъ изданій встрѣчаются то предисловія, то отдѣльныя статьи и главы, принадлежащія перу Щербины. Изъ изданій экспедиціи по изслѣдованію степныхъ областей подъ редакціей Ѳ. А. вышло пока десять томовъ, въ которыхъ также помѣщены «введенія», «общіе очерки», «объяснительныя записки» и проч., составленные также Ѳ. А. Въ 1906—1907 года онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи «Политической энциклопедіи», вышедшей подъ редакціей Л. З. Слонимскаго.

Какъ мѣстный писатель, Щербина далъ о Сѣверномъ Кавказѣ и о Кубанской области цѣлый рядъ работъ по исторіи, этнографіи,

въ Черноморіи» («Кіевская Старина» 1883 г.), «Обѣтованныя земли» («Экономическій Журналъ»), «Рабочіе на Кубани» («Русск. Мысль» 1884 г.), «Карточный способъ собиранія и подсчета статистическихъ свѣдѣній» («Юрид. Вѣсти.» 1886 г.), «Добрые обычаи и права» («Русск. Жизнь» 1912 г.), «Первобытный человѣкъ въ Европѣ и на Кавказѣ» («журн. «На Кавказѣ» 1909 г.), «Происхожденіе казачьяго выборнаго духовенства въ Черноморіи» («журн. «На Кавказѣ» 1910 г.), «Шамиль» («журн. «На Кавказѣ» 1909 г.), «Земскія учрежденія и земскія нужды» («журн. «На Кавказѣ» 1909 г.) и др.

обычному праву и по экономическимъ вопросамъ, а въ послѣднее время онъ работаетъ надъ составленіемъ «Исторіи Кубанскаго казачьяго войска». При его участіи и подъ его руководствомъ разобраны и извлечены многочисленные матеріалы изъ мѣстныхъ архивовъ, на основаніи которыхъ имъ написаны два огромныхъ тома «Исторіи». Первый томъ, обнимающій древнюю исторію Сѣвернаго Кавказа и Кубанской области, происхожденіе казачества и первые годы существованія казачества на Кубани, увидаль уже свѣтъ въ 1910 году; второй томъ—къ печати уже приготовленъ и появится въ свѣтъ въ 1912 году.

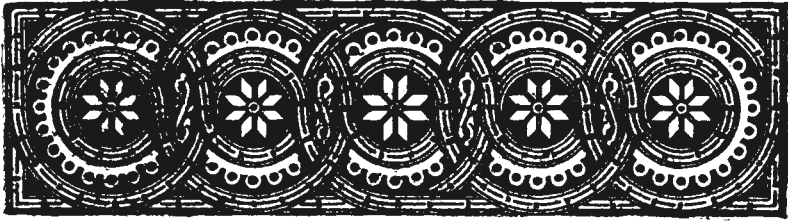
Въ своей практической дѣятельности *Θ. А.* всегда стоитъ на почвѣ защиты интересовъ народа и рабочаго класса. Близкое знакомство, постоянное непосредственное соприкосновеніе съ народомъ и горячее отстаиваніе его правъ и нуждъ неоднократно причиняло ему массу непріятностей личнаго характера, отчего его энергія ни капли не ослабѣвала. Въ качествѣ завѣдующаго земскою статистикою, онъ, на ряду со статистическими изслѣдованіями, помогаль чѣмъ могъ крестьянамъ и отстаиваль ихъ интересы¹⁾. Такъ же *Θ. А.* относится и къ учащейся молодежи. Онъ умѣеть убѣждать кого слѣдуетъ въ необходимости дать молодежи работу, и черезъ его руки прошли буквально-таки сотни студентовъ и интеллигентныхъ силъ, учившихся на практикѣ земской статистикѣ и знакомившихся съ ея методами и приемами.

Въ послѣднее время на *Θ. А.*, какъ на кавказскаго дѣятеля, выпали три крупныя роли въ общественныхъ дѣлахъ: во-первыхъ, по разработкѣ положенія о земскомъ самоуправленіи въ Черноморской губерніи, во-вторыхъ, по разрѣшенію земельного вопроса у кубанскихъ казаковъ на войсковой радѣ и, въ-третьихъ, по участию во второй государственной думѣ въ качествѣ ея члена отъ казаковъ Кубанскаго войска.

Бор. Городецкій.

¹⁾ Особенно много поработаль *Θ. А.* при переоброцкѣ земель у государственныхъ крестьянъ и въ голодныя 1891 и 1892 годы.

НА БАЙКАЛѢ.

«Вонъ виднѣются горы Байкала
Есть чуть замѣтной дали Ангары...»

«Ангарская грезъ» Оммулевскаго.

I.

РИ ПРОТЯЖНЫХЪ, пронзительныхъ свистка властно призываютъ запоздавшихъ пассажировъ, которые, какъ парочно, появляются въ это мгновеніе и суетясь стремятся на пристань... Одинъ, другой. А вотъ цѣлая семья съ шумомъ, гамомъ вваливается на пароходъ. Старшіе представители перегружены разными кульками, корзинами съ провизіей, точно собрались въ продолжительное путешествіе... Спѣшатъ на верхнюю палубу, чтобы занять мѣста поудобнѣе, но вокругъ столиковъ въ живописномъ безпорядкѣ уже сидятъ болѣе аккуратные пассажиры... Метнулись налѣво, метнулись направо, вся семья рассыпалась по палубѣ въ поискахъ самаго захудалаго мѣстечка, но все напрасно и, бормоча что-то про безпорядки, безобразія пароходной администраціи, они спустились внизъ, гдѣ, видимо, и успокоились, такъ какъ отдѣльные персонажи появлялись уже только для того, чтобы полюбоваться красивыми видами...

Все, однако, имѣетъ свой предѣлъ, даже терпѣнье пароходной администраціи, все-таки желающей получить лишняго пассажира,

Иркутскъ.

благо мѣста-то достаточно, пароходъ не перегруженъ... Мостки сняты, и пароходъ «Сибирякъ» медленно отходитъ отъ пристани у золотосплавочной мастерской на набережной рѣки Ангары и, давъ полный ходъ, двигается вверхъ по направленію къ озеру Байкаль.

Миновали, обмѣнявшись привѣтственными свистками, пристань, гдѣ стоятъ пароходы, идущіе въ загородный садъ «Царь-дѣвица». Оставили влѣво гордость города Иркутска—памятникъ императору Александру III и музей географическаго общества, близко проплыли мимо сада «Царь-дѣвица», въ который отъ пристани ведетъ лѣстница на мостъ черезъ желѣзную дорогу. Здѣсь имѣется открытая сцена, собственный дамскій оркестръ, хорошій ресторанъ, а главное, что привлекаетъ сюда иркутянь, это чистый свѣжій воздухъ, отсутствіе пыли, красивые виды...

Съ этою мѣстностью связана поэтическая, съ сибирской точки зрѣнія, легенда.. Давно это было... Здѣсь проживалъ со своей дочкой поселенецъ. Копилъ онъ себѣ деньгу, да и припрятывалъ въ кубышечку (тогда еще сберегательныхъ кассъ не было). Провѣдали про это «добрые люди», по-прежнему—разбойнички, а нынѣшнему—экспроприаторы. Воспользовавшись отъѣздомъ поселенца, рѣшили захватить казну. Провертѣвъ гдѣ-то дыру, стали поочередно забираться въ горницу. Но дочь поселянина, недаромъ сибирячкой зовется, видала виды, не струсила, а припасла топоръ острый и стала сторожить. Только просунуль голову одинъ, она хватъ топоромъ (дѣвица эта была сильная), и нѣтъ головы; тотъ не успѣлъ даже вскрикнуть. Она же, не долго думая, втащила разбойника въ горницу. Думая, что все благополучно, стали пробираться одинъ за другимъ и остальные, которыхъ постигла та же печальная участь. Кубышка была спасена. Вотъ за этотъ подвигъ дочь поселенца была названа «царь-дѣвицей», а ужъ потомъ стала называться такъ и вся мѣстность: маленькая деревенька и загородный садъ. Отсюда желѣзная дорога идетъ по самому берегу Ангары, вплоть до Байкала.

Нашъ «Сибирякъ» медленно ползетъ впередъ, съ трудомъ борясь съ сильнымъ теченіемъ, двигаясь зигзагами отъ одного берега къ другому, лавируя среди многочисленныхъ острововъ.

Правѣ осталась деревня Кузьмиха, куда нѣкоторые иркутяне выѣзжаютъ на дачу, поселяясь въ обыкновенныхъ крестьянскихъ избахъ, и проводятъ лѣто въ полномъ смыслѣ на лонѣ природы, если таковая позволяетъ, а то часто бываетъ и дождь, и холодъ, особенно въ половинѣ августѣ, на Ангарѣ же густые туманы, насквозь пронизывающіе своею сыростью...

Пассажиры устроились на пароходѣ по домашнему, кто захватилъ свою провизію, а другіе обратились къ помощи буфета, и на столикахъ, несмотря на раннее время, появилась и выпивка, и закуска въ такомъ изобиліи, что подъ конецъ путешествія нѣкоторые

Входъ въ садъ «Царь-дѣв.ца».

очутились въ безпомощномъ состояніи, раскачиваясь съ боку на бокъ, точно на морѣ во время бурѣ.

Денекъ выдался поразительно хорошій...

Небольшой вѣтерокъ, довольно свѣжій. Яркое, но не жгучее солнце. Вдали при поворотахъ парохода вырисовываются Байкальскія горы, сначала чуть замѣтныя, въ видѣ блѣдной полоски, а потомъ выступающія болѣе рѣзко на фонѣ яснаго неба. Чудный, свѣжій воздухъ.... То пахнетъ свѣже-скошеннымъ сѣномъ, то рыбой, то ароматомъ неизвѣстныхъ полевыхъ цвѣтовъ, то ясно чувствуется запахъ осоки...

На безчисленныхъ островахъ, покрытыхъ рощами, прекрасными лугами, мѣстами пасется скоть, который перевозятъ сюда на все лѣто... Вонь цѣлый косякъ лошадей. Завидѣвъ пароходъ, онѣ мчатся во весь духъ подальше отъ пытящаго чудовища, нарушившаго безмолвіе островка. Тамъ стадо коровъ спустилось къ рѣкѣ на водопой... Меланхолически уставившись на пароходъ и слѣдя за его движеніемъ, онѣ продолжаютъ свою жвачку. Но вотъ поднятая пароходомъ волна съ шумомъ напозла на берегъ, вороша галькой и стараясь забраться повыше... Это было такъ ново и неожиданно для коровъ, что вывело ихъ изъ оцѣпенѣнія... Онѣ бросились подальше отъ воды,—откуда только прыть взялась....

Между островками крестьяне изъ прибрежныхъ деревень ловятъ сѣтями рыбу. По берегу бродить въ поискахъ грибовъ или ягодъ пріѣхавшая на лодкахъ дѣтвора. Взрослые же степенно сидятъ на берегу, разложили костеръ и готовятъ обѣдъ на вольномъ воздухѣ, желая использовать праздничный отдыхъ во-всю. Мѣстами, гдѣ идетъ сѣнокосъ, разбиты большія палатки, и тамъ толщится много народу; оттуда доносятся шумъ, веселье, слышатся пѣсни и непремѣнная гармоника, которую, впрочемъ, стала во многихъ мѣстахъ вытѣснять балалайка...

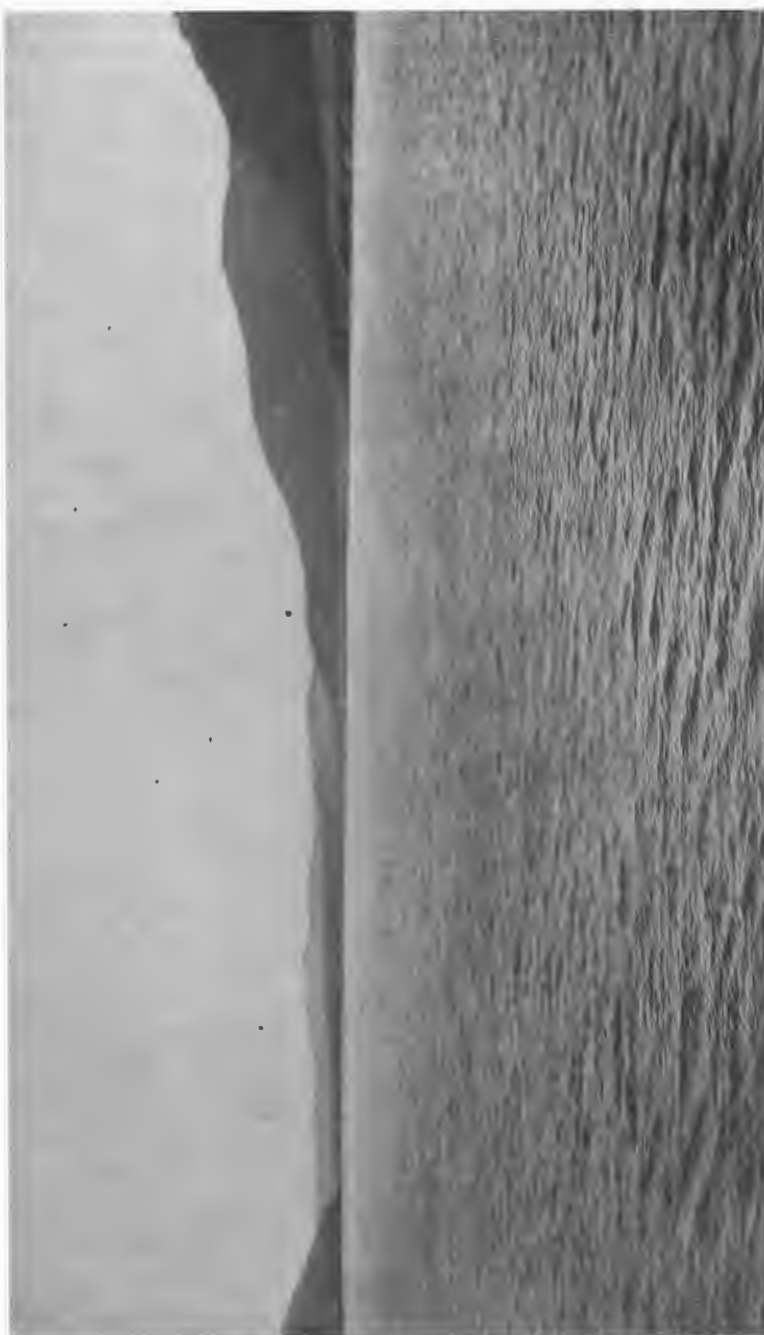
На нѣкоторыхъ островахъ, а то и просто по правому берегу бродятъ охотники. Выстрѣлами вверхъ салютуютъ пароходу. И каждый разъ капитанъ даетъ три оглушительныхъ свистка, благодаря за привѣтствіе.....

Вотъ идетъ цѣлая группа съ ружьями. Ради забавы стали стрѣлять поодиночкѣ, дожидаясь, чтобы на пароходѣ замѣтили и отвѣтили... И такъ сначала одинъ, тамъ другой.... Поднялся оглушительный ревъ, такой, что даже пассажиры запротестовали...

Проѣзжаемъ мимо цѣлой деревеньки, раскинувшейя по островкамъ. Жители высыпали на берегъ, ребяташки бросились къ лодкамъ, чтобы покачаться на волнахъ...

За поворотомъ небольшой островокъ, на который пробирается вбродъ черезъ протоку стадо коровъ....

По правому, низменному берегу тянется знаменитая «владимирка», памятная многимъ сибирякамъ, побывавшимъ на Сахалинѣ...

Начало рѣвки Ангары.

Отъ этапа къ этапу, отъ селенія къ селенію непрерывной цѣпью тянется она на востокъ. Сколько тяжелыхъ картинъ она видѣла! Сколько ужасовъ могла бы поразсказать!... Но она безмолвна... Только деревни свидѣтельствуютъ о быломъ оживленіи на этомъ знаменитомъ сибирскомъ трактѣ....

Два велосипедиста состязаются съ парходомъ, непрерывно борющимся съ напоромъ воды, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе....

На лѣвомъ берегу, на половинѣ дороги по Байкалу, раскинулось село Михалево, возлѣ котораго пріютилась желѣзнодорожная станція. Недалеко находится стрѣлковый лагерь....

Круто поворачиваемъ влѣво и скрываемся среди островковъ...

Мимо насъ быстро несется по теченію большая лодка.. Вѣтеръ сильно надулъ парусъ, подгоняя ее.. Она промелькнула мимо насъ, пройдя почти у самаго борта...

Влѣво осталась рыболовная дача, куда Иркутяне ѣздятъ побыть нѣкоторое время среди природы, позабавиться ловлей рыбы... Вотъ миновали громадный Коноваловскій островъ. Съ Байкала потянуло холодкомъ, несмотря на іюльское солнце, щедро посылающее свои жгучіе лучи на землю. Всѣ на парходѣ обвѣтрились, загорѣли...

Ангара то широко разливается на просторѣ, разбивается на массу мелкихъ протоковъ, омывающихъ многочисленныя острова, то, сжатая близко подступающими лѣсистыми горами на обѣихъ берегахъ, значительно суживается. Масса воды бурлитъ, клокочетъ, точно злится на скалы, не дающія ей развернуться... Человѣкъ оказался сильнѣе могучей Ангары. Онъ шагъ за шагомъ отвоевываетъ у горъ цѣлыя площади, сбрасывая громадные камни въ рѣку, еще болѣе стѣсняя русло. По правому берегу, взбѣгая на горы и снова ныряя въ долину, тянется все та же «владимирка».. На лѣвомъ берегу вьется лептою, подчиняясь извивамъ рѣки, желѣзная дорога у самаго подножья лѣсистыхъ горъ. Изрѣдка пробѣжитъ поѣздъ. Мѣстами идетъ усиленная работа по расчисткѣ полотна для второго пути.. Вотъ уже ясно виденъ Байкаль и вдаль громады, окружающія его....

II.

Славное море, привольный Байкаль...

Стихотвореніе «Бродяга».

«Сибирякъ» подошелъ почти къ самому правому берегу, на которомъ расположилось небольшое село съ церковью, красиво вырисовывающейся на фонѣ зелени... Крутой поворотъ, и мы, съ трудомъ борясь съ набѣгающими волнами, по діагонали стремимся къ противоположному берегу, строго держа направленіе на разставленные здѣсь поплавки.. Снова поворотъ, и новое направленіе.

Село Лиственничное.

Это знаменитый порогъ, вполне оправдывающій свое названіе «Шаманскій камень»... Вотъ далеко влѣво виднѣтся надъ водой небольшой выступъ скалы, при пѣкоторомъ воображеніи сходный съ фигурою человѣка-шамана. Порогъ дѣйствительно сдерживаетъ напоръ воды Байкала, уровень котораго выше уровня Ангары. Случись здѣсь землетрясеніе, сдвинься съ мѣста порогъ, и стихійное бѣдствіе неминуемо. А небольшія колебанія почвы бываютъ замѣтны. Такъ, 19-го іюля, около 3-хъ часовъ дня дважды чувствовалось волнообразное землетрясеніе, продолжавшееся нѣсколько секундъ. Оно было отмѣчено въ Иркутскѣ и въ Верхнеудинскѣ... Подходимъ къ самой пристани Байкаль, а затѣмъ круто поворачиваемъ, почти подъ прямымъ угломъ влѣво и быстро уходимъ къ пристани Лиственничное, находящейся у села того же названія, многочисленныя домики котораго густо разбросаны по узкой береговой полосѣ, у подножья громаднхъ, покрытыхъ лѣсомъ горъ, мѣстами взбираются вмѣстѣ съ огородами на склоны горъ, заползаютъ въ лощины, вытягиваясь тамъ въ одну линію, рѣдко въ двѣ... Посреди села красивая церковь съ колоннами. Много чистенькихъ домиковъ, служащихъ для людей, располагающихъ свободнымъ временемъ, въ качествѣ дачъ... Почтовая контора. Къ селу, растянувшемуся версты на двѣ, примыкаетъ чисто дѣловой поселокъ, сгруппировавшійся возлѣ мастерскихъ для починки ледоколовъ, пристани пароходныхъ обществъ, таможенной заставы. Здѣсь же имѣется пріемный покой и живутъ капитаны ледоколовъ «Байкаль» и «Ангара», изъ которыхъ первый дважды въ день совершаетъ рейсы въ Танхой, противъ Байкала, перевозя груженые товарныя вагоны, а второй обыкновенно стоитъ на пристани Байкаль и только въ случаѣ обваловъ на Кругобайкальской желѣзной дорогѣ отвозитъ пассажировъ на другой берегъ, гдѣ они пересаживаются на формируемый здѣсь поѣздъ...

Ледоколъ «Байкаль» построенъ въ Англии и по частямъ былъ доставленъ въ Лиственничное, гдѣ произведена была его сборка и окончательное оборудованіе.

«Байкаль» построенъ изъ стали, особенно прочной конструкціи. Длина его 290 футовъ, ширина 57 футовъ. Скорость 20 $\frac{1}{2}$ вер. въ часъ. На ледоколѣ поставлены три машины, двѣ изъ нихъ помѣщаются въ кормѣ и раздѣлены продольной водонепроницаемой переборкой; эти машины служатъ для приведенія въ движеніе ледокола, одна машина помѣщается въ носовой части и служитъ для вращенія носового винта, способствующаго ледоколу ломать ледъ. На ледоколѣ имѣются балластныя цистерны, общей вмѣстительностью 580 тоннъ. Назначеніе цистернъ усиливать ледоколу способность ломки льда. Для уменьшенія силы удара объ льдины корпуса ледокола, а также для приданія большей прочности съ внутренней стороны, по всей длинѣ судна у ледяного пояса поло-

Станція Байкаль (со стороны озера).

жены деревянныя клинообразныя чаки, а сверху ихъ продольныя брусья, такъ что общая толщина деревяннаго пояса достигаетъ двухъ футовъ. Какъ посовая, такъ и кормовая часть рассчитана для ломки льда при движеніи переднимъ и заднимъ ходомъ. На «Байкалѣ» размѣщаются въ главной палубѣ на трехъ рельсовыхъ путяхъ, вдоль оси ледокола, 25 товарныхъ, груженыхъ вагоновъ; въ каютахъ на верхней палубѣ имѣется помѣщеніе для 150 пассажировъ. Ледоколъ въ состояніи ломать ледъ въ 4 фута толщиною.

Ледоколъ «Ангара» значительно меньшихъ размѣровъ: длина— 195 футовъ, ширина 34 фута. Предназначается исключительно для перевозки пассажировъ.

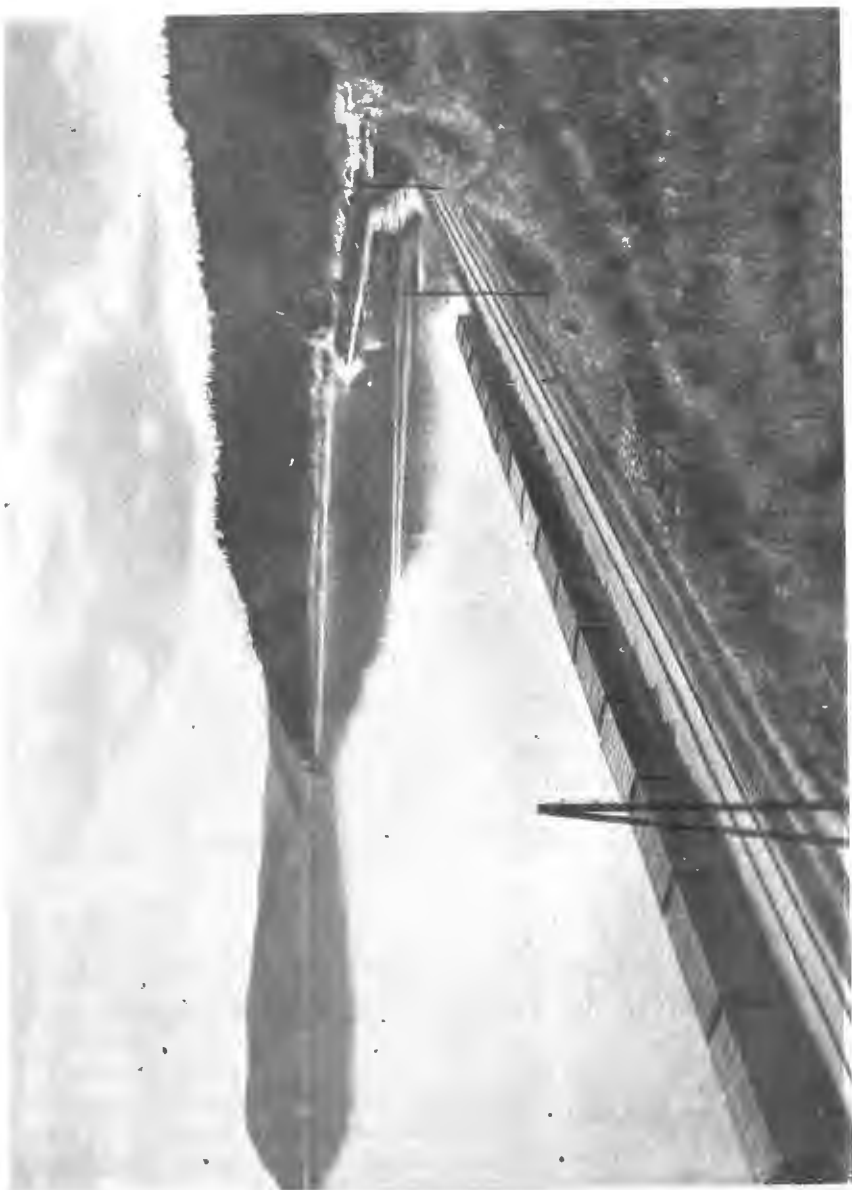
У пристани стоитъ нѣсколько пароходовъ, изъ которыхъ одинъ, «Оеодосій», готовится къ отплытію по Байкалу до устья Верхней Ангары съ заходомъ въ Горячинскъ, Усть-Баргузинъ. Возлѣ Горячинска находятся Турьинскія минеральныя воды. Имѣется богатый сѣрнистый источникъ. Сюда стекается лѣтомъ много больныхъ. Сезонъ съ апрѣля по сентябрь. Можно найти сравнительно дешевое помѣщеніе. Имѣется больница съ врачомъ и фельдшеромъ. Можно пользоваться ваннами... Вообще въ Забайкальской области имѣется цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ минеральныхъ источниковъ, пока имѣющихъ только мѣстное значеніе, но по богатству своему, несомнѣнно, могущихъ со временемъ пріобрѣсти широкую извѣстность. Можно назвать наиболѣе извѣстные источники:

Ямаровскій—мѣстный Нарзанъ—при впаденіи рѣки Ямаровки въ Чикай. При источникѣ имѣется двухъэтажное зданіе со столовой на 40 человекъ больныхъ, ванны, баня, квартиры для пріѣзжающихъ больныхъ; при водахъ врачъ, фельдшеръ; сообщеніе на почтовыхъ (250 в.) или на вольныхъ (дрожкахъ) со ст. Петровскій заводъ. Два Дарасунскихъ источника—углекисло-железистый и углекисло-магнезійно-известковый. Лечебный сезонъ съ 15-го мая по 1-е сентября. Находятся въ арендѣ у компаніи врачей. Въ близлежащемъ селеніи Дарасунскомъ имѣются квартиры для пріѣзжающихъ и приспособленія для ваннъ.

Аршанъ находится въ 116 верстахъ отъ развѣзда Култукъ Кругобайкальской желѣзной дороги. Углекислый и сѣрнокислый источники расположены на высотѣ 3200 футовъ надъ уровнемъ моря почти у подножія Тункинскихъ горъ. Дорога идетъ по тракту до села Туны (94 в.), а оттуда до Аршана по проселку (22 версты)...

Пароходъ «Сибирякъ» плавно подошелъ, описавъ полукругъ, къ пристани и остановился у борта «Оеодосія»... Пассажиры разбрелись по берегу: кто осматривать село, кто бродить по берегу, отыскивая красивые камешки; иные взбираются на горы, съ которыхъ открывается очаровательный видъ на «Байкаль»

По просторной улицѣ, мимо красивой церкви, отправился черезъ село Лиственничное на другой конецъ къ перевозу на ст. Байкаль.

Заливъ възлѣ рѣки Баранчикъ.

Лихой рыбакъ взялся доставить меня, и лодка стрѣлой помчалась, несмотря на сильную рябь, относившую лодку къ Ангарѣ. Все могучѣе и грандіознѣе становятся громады, у подножія которыхъ на отвоеванной у озера и горъ площадкѣ раскинулась станція Байкаль и пристань. Обрывистыя скалы, сіяющія на яркомъ солнцѣ своей бѣлизной, а выше—покрытыя рощами скаты... Влѣво вверхъ подымается лѣстница, ведущая къ маяку; вправо наивысшая точка и далеко впередъ выдавшійся отдѣльный камень; возлѣ него стоятъ люди, кажущіеся такими маленькими, жалкими въ сравненіи съ могучими великанами.... Лодка остановилась у мола, гдѣ специально устроена пристань, откуда нѣсколько ступенекъ вверхъ и уже находишься на желѣзнодорожномъ полотнѣ, недалеко отъ вокзала...

Только что пришелъ изъ Иркутска дачный поѣздъ, съ которымъ понаѣхало много народу, жаждущаго подышать свѣжимъ воздухомъ, взобраться на горы и полюбоваться дикой красотой береговъ Байкала, его кристально-чистыми водами....

На озерѣ стало совсѣмъ тихо, рябь унялась... Смотришь и не можешь оторваться. Озеро-море точно громадный акваріумъ: на страшной глубинѣ все видно, видна вся жизнь его обитателей: вотъ важно проплываетъ гордость Байкала «омуль»; ниже, у самыхъ водорослей, имѣющихъ видъ цѣлыхъ лѣсовъ, едва-едва замѣтенъ харіусъ; рѣзвится мелкая рыбешка... Здѣсь рыбное царство, отсюда идетъ снабженіе рыбой всей прилежащей страны... Наступила поздняя весна,

Ледъ отошелъ и на дикомъ побережьи
 Вспыхнули яркою лентой костры.
 Лодки спускаютъ и чинятъ мережи,
 Рѣчи рыбацкія—мѣтки, остры;
 Всюду по берегу лодки и сѣти,
 Тѣни мелькаютъ у яркихъ костровъ:
 Къ нимъ приплелись и старухи и дѣти,
 Каждый пророчитъ хорошій уловъ.

(Стих. «Рыбаки»).

Каждый сіѣштитъ, чтобы не упустить драгоцѣнное время...

Все оживилось. Сильные люди
 Варятъ смолу, заливаютъ челны...

Какъ самый Байкаль, такъ и его водные обитатели отличаются своеобразностью... Байкальскій омуль, харіусъ, сигъ, оригинальная принадлежащая только Байкалу голомянка и характерный обитатель байкальскихъ водъ байкальскій тюлень, называемый мѣстными жителями «нерпой»; ихъ бьютъ все лѣто, начиная съ конца іюня, выдѣлывая изъ шкуръ молодыхъ животныхъ цѣнныя дохи. Голомянка имѣетъ до 6 вершковъ длины, причѣмъ голова зани-

маеть третью часть тѣла, глаза непропорціонально велики и на выкатѣ, отъ жабръ и боковъ до хвоста идутъ плавательныя перья. Водится эта рыба на глубинѣ свыше 300 сажень, и тѣло ея, выходя на поверхность, распадается на части и таетъ на солнцѣ. Нѣкоторые зоологи относятъ голомянку къ числу рыбъ, икра которыхъ развивается еще въ тѣлѣ матери, и промышленники удостовѣряють, что она мечеть двухъ живыхъ дѣтенышей.

Байкаль является величайшимъ въ Азіи горнымъ озеромъ: длина его шестьсотъ сорокъ километровъ, ширина тридцать—

Маякъ на станціи Байкаль.

восемьдесятъ пять километровъ, а занимаемая имъ площадь равна 34,200 квадратныхъ километровъ. Недаромъ у русскихъ мѣстныхъ жителей, чистокровныхъ сибиряковъ, онъ называется не озеромъ, а «Святымъ моремъ», и сибирякъ даже обижается, если назвать красавецъ Байкаль озеромъ.

По происхожденію своему Байкаль представляется состоящимъ изъ двухъ озеръ-близнецовъ, такъ какъ распадается на двѣ крайне другъ на друга похожія части. Южная часть отъ Култукъ до острова Ольхона, объ обращеніи котораго въ «каторжный» островъ наподобіе Сахалина въ недавнее время былъ серьезно обсуждаемъ вопросъ, и Баргузинскаго пролива и затѣмъ продолжается по Баргузинской

долинѣ. Эта часть, въ свою очередь, разбивается дельтою рѣки Селенги, впадающей въ Байкаль, на двѣ части, различной глубины. На югѣ дельтысамо стоятельный, вздымающійся на высоту до семидесяти метровъ горный кряжъ раздѣляетъ загнутый юго-западный конецъ Байкала на два бассейна глубиною пятьсотъ—восемьсотъ метровъ. Вблизи Голоустья наблюдается наибольшая глубина, доходящая до 1,610 метровъ, чаще же всего превышающая 1,500 метровъ. Такимъ образомъ, расположенное на высотѣ 476 метровъ озеро имѣетъ дно, лежащее на глубинѣ свыше 1100 метровъ ниже уровня моря, и является самымъ глубокимъ изъ крупнѣйшихъ горныхъ озеръ на земномъ шарѣ. Вторая главная часть Байкала тянется отъ сто сѣвернаго берега къ югу до такъ называемаго Малаго моря и ограничивается на югѣ островомъ Ольхономъ и Святымъ носомъ. И здѣсь также перѣдко уже на разстояніи одного километра отъ берега наблюдается глубина свыше тысячи метровъ. Святой носъ находится на восточномъ берегу острова Ольхона и представляетъ собою большой полуостровъ, омываемый двумя глубокими заливами Чивиркульскимъ и Баргузинскимъ. Самая сѣверная оконечность полуострова состоитъ изъ лѣснстаго высокаго, почти отвѣснаго ребра. Въ сѣверу отъ Святого носа находится утесистый Шаманскій мысъ, почитаемый тунгусами, такъ какъ одна изъ трехъ скалъ считается морскимъ богомъ и шаманы приходятъ на поклоненіе ему. Вообще кругомъ озера разбросаны чтимыя свята мѣста. И находящаяся у стока изъ озера рѣки Ангары подводная гранитная скала Шаманка почитается за мѣстопребываніе «непобѣдимаго бѣлаго бога», которому и приносятся жертвы. Отсюда понятно наименованіе Байкала «Святымъ моремъ». Байкаль принимаетъ въ себя до 366 рѣчекъ, изъ которыхъ самыя значительныя: Верхняя Ангара, Баргузинъ и Селенга, а выпускаетъ только одну многоводную Нижнюю Ангару, которая подъ именемъ Верхней Тунгuzки впадаетъ въ Енисей. Если обратить вниманіе на мѣстныя преданія, говорящія, что прежде вся площадь, занимаемая озеромъ, была покрыта дремучими лѣсами, что въ этимъ мѣстахъ было множество «огней», которыя потомъ провалились; на присутствіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ сѣверу отъ Хамаръ-Дабана у юго-западной оконечности Байкала слѣдовъ вулканическихъ породъ; на то, что рѣка Иркутъ прежде впадала въ Байкаль, но потокомъ лавы была отброшена къ рѣкѣ Ангарѣ возлѣ Иркутска; на продолжающіяся и теперь колебанія почвы чисто мѣстнаго происхожденія,— можно съ большою вѣроятностью сказать, что озеро Байкаль образовалось въ давнія времена благодаря дѣйствію подземныхъ силъ. Оно представляетъ глубочайшую котловину, наполняемую водой и окруженную высокими горными массивами, придающими водному бассейну чрезвычайно живописный и величественный характеръ. Могучая горная цѣпь тянется вдоль западнаго берега Байкала и называется

Ледоколъ «Байкаль» подходит къ пристани.

Байкальскимъ хребтомъ; юго-западныя части ея носятъ названіе Оротскихъ горъ и Приморскаго хребта. Покрываютъ темными хвойными лѣсами, Байкальскія горы круто обрываются въ сторону озера и противъ острова Ольхона достигаютъ 1580 метровъ высоты. Горы восточнаго берега носятъ названіе Забайкальскихъ и рѣками Селенгой и Баргузинномъ дѣлятся на три части: юго-восточную—Хамарь-Дабанъ, среднюю—Селенгинско-Баргузинскія и сѣверо-восточную—Баргузино-Ангарскія горы...

Если подняться у станціи Байкаль по тропкѣ, ведущей къ деревнѣ Баранчикъ, на горы, то все озеро видно, какъ на ладони. Вправо красивый заливъ, въ водахъ котораго отражаются лѣсистыя вершины прибрежныхъ горъ. По самому берегу вьется лентою Кругобайкальская желѣзная дорога, то пропадая въ тоннеляхъ, то снова показываясь у самой воды, какъ будто ползеть по скату горы по узенькой, едва доступной тропинкѣ... Вода совершенно тихая. Не шелухнетъ... Вотъ отъ берега отдѣлилась лодочка и быстро стала удаляться, оставляя на водѣ дорожку, расширяющуюся у берега и постепенно суживающуюся возлѣ лодки, едва замѣтной съ горы... Влѣво отчетливо видны станціонныя пути, маневрирующіе поѣзда, цѣлый рядъ товарныхъ вагоновъ; у берега нѣсколько баржъ, ждущихъ разгрузки; у мола, гдѣ устроена пристань, стоитъ ледоколъ «Ангара», недалеко доки... все это красиво отражается въ зеркальной водѣ... Подымаюсь выше... Надъ небольшимъ обрывомъ стоитъ скамейка... Здѣсь мѣстные жители и дачники, проводящіе лѣто въ деревнѣ Баранчикъ, просиживаютъ цѣлыми днями, любясь величественнымъ Байкаломъ, особенно красивымъ въ лунныя ночи, полныя таинственности и необъяснимой прелести... Смотрѣлъ бы и не оторвался... Рѣдко бываетъ Байкаль спокойнъ, и даже въ спокойныя минуты чувствуется, что богатырь уснулъ, отдыхаетъ, но стоитъ налетѣть вѣтру, какъ сонъ станетъ прерывистый, неровный, пока отъ волненія не проснется великанъ, встанетъ во весь ростъ, и вода закипитъ, заклокочетъ, бросится на берегъ, ища выхода, вздымая цѣлые валы, образуя бездны, съ каждой минутой свирѣпѣя, точно ища дерзкаго, осмѣливагося нарушить покой... И горе тѣмъ, кого буря застанетъ въ открытомъ морѣ... Даже громадина «Байкаль» и тотъ поддается бурливому натиску валовъ... Прибрежныя рыбаки это хорошо знаютъ.

Буря на морѣ намъ съ дѣтства знакома:
Нужно сильнѣй налегать на весло!
Кто не покоенъ на морѣ, какъ дома,—
Кончено, время его отошло.
Нашу добычу получимъ мы съ бою,
Время пришло распускать паруса,
Жизнь или смерть подъ зеленой водою...
Въ лодки и въ море...

(Стих. «Рыбаки»).

Сроднившіеся съ Байкаломъ, прекрасно ознакомившись съ его капризами и своеволіемъ, рыбаки часто угадываютъ настроеніе могучаго озера и избѣгаютъ выѣзда на промыселъ, зная или по собственному опыту, или по мѣстнымъ преданіямъ, что если

Грозное сншее море
Волны сѣдя взметало,
Эхо протяжное, вторя,
Бурному морю внимало.
Черныя волны пеллися,
Бились угрюмо о скалы,
Пѣною въ берегъ впилися,
Слышались гдѣ-то обвалы,—

(«На Байкаль». Лавошниковъ).

тогда надо скорѣе убираться и не попадаться на глаза разсвирѣпѣвшему богатырю, готовому въ одно мгновеніе поглотить жалкую лодчонку или, донеся на волнахъ до берега, съ яростью разбить о прибрежныя скалы...

Въ южной части озера отъ мая до конца іюля дуютъ сѣверо-восточныя вѣтры, по мѣстному «баргузинъ», съ августа юго-западные— «култукъ». Но самыя сильныя и страшныя вѣтры сѣверо-западные, называемыя «сорма». Они производятъ короткія высокія волны, достигающія до одной сажени высоты, при этомъ гребни волны такъ узки, что мелкія суда, управляемыя неискусными руками, тутъ находятъ себѣ вѣрную гибель...

Въ іюнѣ и іюлѣ Байкаль бываетъ почти спокойнень... Въ это за-тишь со дна всплываетъ на поверхность воды масса водорослей... Байкаль «дрѣтеть»... И сейчасъ онъ совершенно спокойнень. Только высоко на горахъ чувствуется легкое духовеніе вѣтерка, прохладнаго, освѣжающаго. Изъ раскинувшейся по склонамъ горъ и въ долину деревни Баранчикъ пахнетъ жильемъ... Деревня небольшая... Видны огороды... Попадаются красивые домики и веранды. Это уже приспособленіе специально для дачниковъ... Мимо деревни проходитъ тропа среди кустарника и срубленныхъ деревьевъ и ведетъ еще выше къ маяку. Отсюда открывается роскошный видъ на Байкаль. Вдали, на томъ берегу, тянется цѣпь горъ, на которыхъ мѣстами, несмотря на разстояніе около сорока верстъ, отчетливо вырисовываются ниже вершины бѣлыя ленты снѣга, не успѣвагося растаять за лѣто благодаря громадной высотѣ. Почти напротивъ станціи Байкаль, въ одной изъ падей раскинулась станція Танхой съ таможенной заставой. Сюда ежедневно совершаетъ рейсы ледоколъ «Байкаль»...

Воздухъ настолько прозраченъ, что легко видно, какъ «Байкаль» отошелъ съ пристани Танхой. Сначала это была небольшая точка и только длинная полоса дыма указывала на то, что идетъ паро-

ходь... Постепенно онъ принималъ все болѣе и болѣе живыя очертанія, пока не вырисовался окончательно и не далъ о себѣ знать могучимъ, продолжительнымъ гудкомъ... На этотъ гудокъ отозвался пароходъ въ Лиственничномъ, и толпа послѣшила оттуда на пристань «Байкала»... За ледоколомъ отчетливо намѣчался слѣдъ въ видѣ расхлывшихся волнъ и долго не терялся благодаря абсолютно спокойной водѣ. Видно было, какъ далеко внизу закопошились люди, готовые принять поѣздъ и, снабдивъ новыми груженными вагонами ледоколъ, подготовить его къ вторичному рейсу въ Танхой.

Влѣво отъ маяка находится бѣлый камень надъ обрывомъ, выдвинувшійся далеко впередъ. Отсюда вся станція и пристань, какъ на ладони... Люди—точно мухи ползаютъ по перрону... Отчетливо видна Ангара на громадное разстояніе. Въ ея свѣтло-зеленыхъ прозрачныхъ водахъ отражаются громадныя прибрежныя скалы, надъ которыми высятся могучіе лѣсные великаны... Ангара, съ шумомъ вздымая свои пѣнистыя волны, быстро уноситъ ихъ вдаль, то сжимаемая среди крутыхъ береговъ, то разливающаяся на громадномъ пространствѣ, мѣстами до километра. Уклонъ дна настолько великъ, что Ангара замерзаетъ, несмотря на морозы, доходящіе до сорока градусовъ, только къ концу декабря и освобождается отъ льда въ апрѣлѣ.

Пока не станеть Ангара, здѣсь бываютъ страшно густые туманы, держащіеся не очень высоко, такъ что съ горъ видна поверхность озера, верхушки горъ у Лиственничнаго. Помню, въ декабрѣ 1904 года мнѣ пришлось попасть на Байкаль въ туманъ. На пристани ожидали прибытія съ пассажирами ледокола «Ангара». Все время раздаются призывные оглушительные звуки сирены, точно жалующейся кому-то на свою печальную участь ревѣтъ во время тумана... отвѣта нѣтъ. Только эхо разносится по горамъ, перекидываясь въ ущелья, скользя по склонамъ, снова ныряя въ лощины, пока не убѣжитъ вдаль... Но вотъ раздаются мѣрные удары колокола, несущіеся изъ тумана. Постепенно начинаютъ вырисовываться верхушки мачтъ, потомъ носъ парохода и, наконецъ, выплываетъ весь онъ изъ тумана и медленно подходит къ пристани...

А какъ хорошъ Байкаль въ лунную ночь, когда уже начинаются заморозки! Вечерѣть... Полный штиль... Поразительное сочетаніе красокъ: вода совершенно черная, кругомъ снѣжныя горы, вдали на небѣ ярко-красная заря отъ скрывшагося солнца, вверху надъ нами блѣдно-зеленая луна, оставляющая на водѣ блестящую свѣтлую дорожку... Ледоколъ «Ангара» быстро мчитъ впередъ, разсѣкая могучей грудью водную гладь... Волненіе, произведенное пароходомъ, не можетъ еще улечься; оно ширится, захватывая все большее и большее пространство, и вотъ достигло лунной дорожки, разбило легкій налетъ льда, отдѣльныя льдинки въ хаотическомъ беспорядкѣ то поднимаются, то опускаются, на нихъ играетъ луна, и по-

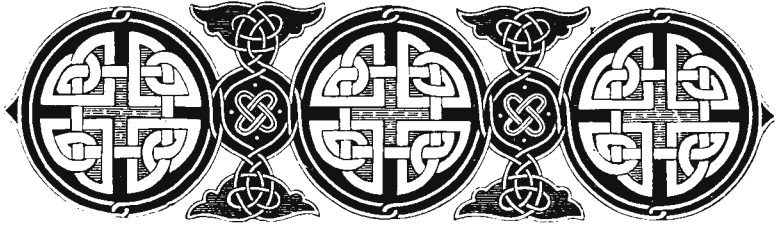
лучается впечатлѣніе множества электрическихъ лампочекъ, разбросанныхъ по волнамъ... Феерическая картина, которой долго не забудешь...

Становится прохладно... Подулъ свѣжій вѣтерокъ. Къ намъ подошла дѣтвора изъ деревни и стала спрашивать, не видали ли мы цвѣтокъ «Марьянъ корешокъ», какъ роза... Заинтересовавшись, мы стали бродить по скаламъ и такъ увлеклись, что набрали среди кустовъ можжевельника, рябины, шиповника массу самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, яркихъ, красивыхъ, пышныхъ, рядомъ съ скромными, совершенно незамѣтными, затерявшимися въ густой высокой травѣ... Чего только тутъ не было! Голубая полевая астра, желтая лилія, красные и цвѣта электрикъ съ красиво загнутыми назадъ лепестками и малиновыми тычинками царскіе кудри, башмачки, колокольчики, незабудки, пахучіе полевые геліотроны—все въ изобиліи—знай, собирай! А «Марьяна корешка» такъ и не нашли...

Темнѣетъ... Зажгли огонь на маякѣ... Пора въ обратный путь... Пришелъ дачный поѣздъ и готовится къ отправкѣ въ Иркутскъ.

Ант. Таранецъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Дѣятельность императорскаго русскаго археологическаго общества и императорскаго археологическаго института въ Петербургѣ въ 1911 г.—Новые матеріалы по исторіи русскаго масонства въ коллекціи Плюшкина, въ связи съ командировками въ Псковъ Русскимъ музеемъ императора Александра III специалистовъ археологовъ и историковъ.—Къ открытію новаго общества ревнителей исторіи.

ИНУВШІЙ (65-й) годъ въ жизни состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государя Императора и августѣйшимъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Константиновича императорскаго русскаго археологическаго общества прошелъ весьма оживленно. Все прогрессирующее отрезвленіе русскаго общества отъ угара широкихъ мечтательныхъ замысловъ въ сторону «узкаго и маленькаго дѣла» замѣтно вліяло и въ истекшемъ году на общее теченіе ученыхъ работъ, вошедшихъ въ свое правильное, спокойное русло. Оживилась въ небывало широкихъ размѣрахъ дѣятельность раскопокъ въ разныхъ краяхъ нашего отечества, появился рядъ цѣнныхъ научныхъ изслѣдованій, какъ результатъ спокойной сосредоточенной работы. Для русскаго археологическаго общества, въ частности, способствовала оживленію его дѣятельности близость всероссійскаго археологическаго съѣзда, состоявшагося въ 1911 году въ Новгородѣ. Издательской дѣятельности общества содѣйствовало и послѣдовавшее, съ одобренія нашихъ законодательныхъ учрежденій, увеличеніе правительственной субсидіи съ 8000 до 10000 рублей.

Помощникомъ августѣйшаго предсѣдателя общества состоялъ бывший министръ народнаго просвѣщенія, графъ И. И. Толстой,

секретаремъ—членъ императорской археологической комиссиі Б. В. Фармаковскій. Ученая работа общества сосредоточивалась въ отдѣленіяхъ: нумизматическомъ, подъ августѣйшимъ управленіемъ великаго князя Георгія Михайловича, восточномъ, подъ управленіемъ профессора Н. И. Веселовскаго, отдѣленія русской и славянской археологіи—подъ управленіемъ Я. И. Смирнова и отдѣленія древне-классической византійской и западно-европейской археологіи, подъ управленіемъ вице-президента академіи наукъ, академика В. В. Никитина.

Считаемъ необходимымъ отмѣтить нѣкоторые доклады, сдѣланные обществу въ истекшемъ году и имѣющіе болѣе или менѣе крупный обще-историческій интересъ. На двухъ общихъ собраніяхъ А. А. Миллеръ сообщилъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ на мѣстѣ древняго Танаиса въ 1910—1911 годахъ.

Ярко отмѣнили крупныя успѣхи нашей археологіи на далекихъ, мало обследованныхъ окраинахъ доклады адъюнкта академіи наукъ, профессора М. Я. Марра, въ теченіе десяти лѣтъ неутомимо продолжающаго свои изысканія надъ развалинами нѣкогда гремѣвшихъ культурныхъ центровъ древней Арменіи: ея столицы Ани и городовъ долины священнаго Арарата (рядъ экспедицій въ Гарни). Обладая огромною энергіею, Н. Я. Марръ создалъ изъ Ани третью русскую Помпею (считая древній Херсонесъ возлѣ Севастополя и Ольвію въ Херсонской губерніи, которые такъ успѣшно раскапываются императорскою археологическою комиссіею). Въ 1910 г. году въ Ани совершена была девятая археологическая кампанія. На огромной пустынной, почти необитаемой площади выросъ цѣлый когда-то жившій кипучей торговой и умственной жизнью городъ, съ его памятниками искусства, храмами, улицами, площадями, стѣнами, башнями укрѣпленій, водопроводами, домами обывателей, ремесленными мастерскими. Кампанія посвящена была преимущественно изслѣдованію пути главной улицы города и системы водоснабженія; на площади открыты развалины мечети. Изъ отдѣльных находокъ собрано свыше 600 такъ называемыхъ ртутныхъ сосудовъ, назначеніемъ которыхъ, по мнѣнію докладчика, могло служить храненіе жидкихъ косметическихъ средствъ. Найдена богатая коллекція надписей на армянскомъ, персидскомъ и арабскомъ языкахъ. Любопытна мастерская металлическихъ издѣлій, рисующая состояніе техники въ средневѣковомъ армянскомъ городѣ и указывающая, вмѣстѣ съ изученіемъ водопроводовъ, на тѣ техническія пріобрѣтенія, которыя унаслѣдованы были позднѣйшимъ населеніемъ отъ доарійской Арменіи. При изслѣдованіи грузинской церкви въ Ани развѣдочныя раскопки дали нѣсколько новыхъ грузинскихъ надписей. Одна изъ нихъ представляетъ обращеніе къ грузинамъ католикоса Епифанія и относится къ 1218 году. Часть улицы въ древнемъ городѣ отъ воротъ Вышгорода до

стѣнъ царя Ашота раскопана была уже въ предшествующіе годы. Въ 1910 году часть новаго города отъ стѣнъ Ашота до главныхъ воротъ постройки царя Сумбата въ концѣ десятаго вѣка, разбитая на пять раскопочныхъ районовъ, изслѣдована въ четырехъ районахъ почти полностью: въ первомъ районѣ—отъ главныхъ воротъ внутрь; помимо архитектурныхъ подробностей, какъ, напримѣръ, лѣстницы на фасадѣ одного дома, здѣсь найденъ рядъ интересныхъ надписей; въ среднихъ районахъ, примыкающихъ къ развалинамъ двухъ гостиницъ, изслѣдована водопроводная система различныхъ эпохъ. Водопроводное сооруженіе (наиболѣе древнее) представляеть гончарныя трубы, входящія другъ въ друга и проложенныя по каменнымъ желобамъ, входящимъ въ пазы; вдоль этого водопровода идетъ контрольный ходъ, сложенный изъ каменныхъ плитъ. Въ ту же кампанію открыты загадочное зданіе съ деталями прекрасно отдѣланнаго портала между двумя башнями, постройки девятаго вѣка, и карсскія ворота. Изслѣдованія въ Ани производились на крупныя пожертвованія отдѣльныхъ учреждений и лицъ, какъ, напримѣръ, совѣта петербургскихъ армянскихъ церквей и т. д. Императорскою археологическою комиссіею принесены въ даръ кампаніи орудія раскопокъ—палатки и проч. Анійскія работы въ надписяхъ, памятникахъ искусства и быта выдвигаютъ, по мнѣнію докладчика, важныя и сложные вопросы въ исторіи человѣческой культуры: вопросы взаимодѣйствія смѣнявшихся здѣсь нѣкогда національныхъ и религіозныхъ культуръ. Разнообразіе находокъ и обширная область намѣчаемыхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій не даютъ уже возможности одному лицу съ достаточною исчерпывающею полнотою продолжать работы. Назрѣваетъ необходимость въ объединенной организаціи ученыхъ различныхъ специальностей, въ учрежденіи анійскаго археологическаго института. Въ этомъ сходятся большинство ученыхъ учреждений Петербурга, во главѣ съ академіей наукъ. Пожеланія объ открытіи института высказало и русское археологическое общество. Но желаніе остается пока въ области предположеній, и десятая археологическая кампанія, о которой мы скажемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ обзоровъ, производилась снова Н. Я. Марромъ. Путешествіе въ Гарни, совершенное Н. Я. Марромъ осенью 1911 года, благодаря бездорожью, проливнымъ дождямъ и неопрятности жилищъ курдовъ, у которыхъ по необходимости приходилось останавливаться на ночлегъ, сопряжено было съ огромными трудностями: изслѣдователи передвигались верхомъ, палатки съ большими усиліями перевозились волами, а мѣстами и самими рабочими. Изслѣдовано значительное число любопытнѣйшихъ памятниковъ древности: «вишаковъ» и «звѣриныхъ камней». Вишаки—крупные камни съ изображеніемъ рыбъ и струекъ воды—попадаютъ въ мѣстностяхъ, преимущественно обильныхъ водою. Памятники эти относятся къ отдаленной эпохѣ

до исторіи Арменіи (болѣе 2000 лѣтъ до Рождества Христова), къ періоду господства культа рыбы. Попадались камни съ изображеніями головы вола, анста, журавля. Экспедиція въ Гарни дала, между прочимъ, нить для дальнѣйшихъ работъ въ области наиболѣе продуктивнаго изученія Арменіи, а именно путь для точнаго опредѣленія мѣстонахожденія древнихъ населенныхъ пунктовъ изученіемъ сооружений по водоснабженію. Какъ свидѣтельствуетъ исторія, съ развитіемъ культуры быстро прогрессировала и постановка водоснабженія. На выжженныхъ нынѣ горячимъ южнымъ солнцемъ скатахъ горъ древніе цари Арменіи въ эпоху ея расцвѣта разводили вокругъ своихъ сказочно-великолѣпныхъ дворцовъ цѣлые лѣса и рощи. На гибель городовъ Арменіи вліялъ не столько разгромъ смѣнявшихся здѣсь завоевателей, сколько замѣтно отражавшееся на постановкѣ дѣла водоснабженія паденіе культурнаго уровня населенія. Путемъ изслѣдованія запасныхъ бассейновъ и арыковъ открытъ былъ въ текущемъ году городъ «Двинъ».

Отдѣленіе русской и славянской археологіи, въ виду состоявшегося въ истекшемъ году новгородскаго археологическаго съѣзда, посвятила древностямъ Великаго Новгорода доклады: Н. Е. Макаренка, Д. В. Айналова, А. А. Спицына, А. А. Дмитріевскаго и Л. А. Мацулевича. Съ сокровищами южно-славянскихъ музеевъ ознакомилъ отдѣленіе въ блестящемъ докладѣ профессоръ М. И. Ростовцевъ. Докладъ его представляетъ результатъ произведенныхъ на мѣстахъ обзоровъ коллекцій музеевъ южно-славянскихъ государствъ. Дунайскія страны играли въ культурной исторіи человечества замѣтную роль. Область Дуная и сѣверо-западнаго побережья Чернаго моря принадлежатъ къ областямъ, гдѣ, несмотря на смѣну народностей, остается постояннымъ культурный укладъ, отражающійся въ одеждѣ, государственности, религіи и т. д. Онъ нѣсколько мѣнялся, совершенствовался, вырасталъ и склонялся подъ разными вліяніями, но тѣмъ не менѣе сохранилъ свой опредѣленный, созданный условіями быта и особенностями психологіи населенія отпечатокъ. Историки и археологи Румыніи, Болгаріи, Сербіи и Далмаціи признаютъ значеніе своихъ археологическихъ богатствъ. Замѣтно поднимается волна археологическихъ изслѣдованій; отыскивается почва для общей совмѣстной работы всѣхъ южно-славянскихъ странъ. Ключомъ бьетъ жизнь въ области научно-историческаго обслѣдованія страны въ Болгаріи. Въ Тырновѣ (древней столицѣ королевства) состоялся съѣздъ всѣхъ археологическихъ обществъ Болгаріи, результатомъ чего явилось общее объединеніе ихъ съ софійскимъ археологическимъ обществомъ и изданіе общаго печатнаго органа.

Въ нумизматическомъ отдѣленіи докладчиками въ истекшемъ году выступали графъ И. И. Толстой, В. М. Якунчиковъ, А. А. Ильинъ, К. А. Іелитта-фонъ-Вольскій, К. В. Хилинскій, М. И. До-

гель, В. М. Алексѣевъ и М. Г. Деммени. Съ каждымъ годомъ нумизматика становится все болѣе и болѣе дѣятельною соотрудницею исторіи. Она служитъ не только подтвержденіемъ свидѣтельствъ письменныхъ памятниковъ старины, но и открываетъ нерѣдко совершенно новыя страницы въ жизни эпохъ, прошлое которыхъ окутано для историковъ и донынѣ густою дымкою неразгаданной тайны. Такъ, темой одного изъ докладовъ, принадлежащаго молодому ученому К. В. Хилинскому, послужила группа рѣдкихъ греческихъ монетъ эпохи расцвѣта античнаго искусства четвертаго и пятаго столѣтій до Рождества Христова, открывающая новый загадочный для историковъ союзъ древне-греческихъ городовъ. По изслѣдованію докладчика, разсмотрѣвшаго критически всю литературу, относящуюся къ этому вопросу, монеты, имѣющія на лицевой сторонѣ изображеніе Геракла, въ моментъ борьбы его съ посланными Героею двумя змѣями и слово «союзъ», а на оборотѣ—знаки городовъ: Самоса, Эфеса, Книда, Яссы и Византіи, указываютъ на существованіе между 404 и 394 годами до Р. Х. неизвѣстнаго до сихъ поръ въ исторіи Греціи свободнаго союза городовъ, заключеннаго въ оборонительныхъ цѣляхъ отъ аѳинянъ и персовъ. Гераклъ типичный знакъ спартацевъ. Змѣи излюбленныя животныя Аѳинъ. Значеніе этихъ изображеній сводится къ идеѣ преобладанія Спарты надъ Аѳинами. Союзъ рушился побѣдою въ 394 году персидскаго флота, организованнаго аѳиняниномъ Конономъ, надъ Спартою. Б. М. Якунчиковъ дважды знакомилъ отдѣленіе, въ подробныхъ докладахъ съ своими рѣдкими драгоценными нумизматическими приобрѣтеніями. Такъ, имъ демонстрированы были, между прочимъ, крайне рѣдкая монета Халкидики—V—VI вѣковъ до Рождества Христова, города Кизика эпохи до Александра Македонскаго (IV вѣкъ до Рождества Христова), съ изображеніемъ загадочнаго, но несомнѣнно живого лица, игравшаго роль въ исторіи Кизика, монета 102—103 г. по Рождествѣ Христовомъ изъ Неокесаріи (въ Малой Азіи), эпохи императора Траяна (58—117 по Рождествѣ Христовомъ)—единственная монета съ титуломъ и именемъ одного изъ видныхъ должностныхъ лицъ того времени. Любопытна загадочная золотая монета изъ Теоса, вызвавшая цѣлую литературу. Извѣстны только два экземпляра подобныхъ монетъ—одна изъ нихъ приобрѣтена докладчикомъ, другая находится въ Берлинскомъ музеѣ. Иероглифы на монетахъ, прочитанные специалистами, опредѣляютъ лишь качество металла, свидѣтельствуя о «хорошемъ золотѣ». Существуетъ гипотеза, что подобныя монеты имѣли своимъ назначеніемъ оплату труда греческихъ наемниковъ. К. А. Телитта-фонъ-Вольскій, много потрудившійся надъ разборомъ нумизматическихъ коллекцій общества, выяснилъ, что музей общества владѣетъ 3809 русскими, финляндскими и польскими монетами. Наиболѣе рѣдкими и интересными являются монеты эпохи Петра I и Екатерины I

(золотые крестильные рубли), рубль съ портретомъ императора Иоанна III Антоновича и др. Графъ И. И. Толстой сдѣлалъ докладъ о монетахъ великаго князя Василя Дмитріевича, имѣющихъ большое историко-нумизматическое значеніе и относящихся къ началу чеканки монеты въ сѣверныхъ великорусскихъ областяхъ, возникшей въ концѣ XIV столѣтія. Мысль чеканить собственную монету родилась въ Россіи вмѣстѣ съ попыткою борьбы съ татарскимъ игомъ. Чеканка монеты возникла, вѣроятно, тотчасъ же послѣ одержанной надъ Мамаемъ побѣды.

Среди докладовъ, сдѣланныхъ въ восточномъ отдѣленіи, значительное мѣсто отдается темамъ, касающимся древней литературы еще далеко не разгаданнаго европейцами сфинкса—Небесной имперіи. Такъ, А. И. Ивановымъ сообщено было объ изслѣдованныхъ имъ рукописяхъ московскаго Румянцовскаго музея, среди которыхъ имъ открыты слѣды давно исчезнувшей энциклопедіи, заключающей полное описаніе почтовыхъ сообщений Китая въ эпоху Юаньской династіи, а также данныя о сильномъ вліяніи нѣкогда ламаизма при китайскомъ дворѣ. Тотъ же докладчикъ сообщилъ о новой книгѣ «Китай при императрицѣ Дзиси», содержащей любопытныя свѣдѣнія о возстаніи боксеровъ, о войнѣ Китая съ Японіей и т. д. В. М. Алексѣевъ въ докладѣ «Китайскіе стансы IX вѣка о поэтѣ, его вдохновеніи и творествѣ» передаетъ 24 станса открытыхъ имъ произведеній одного изъ видныхъ китайскихъ писателей, поэтовъ-философовъ конца Танской династіи. Въ своихъ ярко украшенныхъ цвѣтами восточной фантазіи стансахъ поэтъ, отбросившій, какъ свидѣтельствуемъ его біографія, почести и промѣнявшій блестящую открывавшуюся передъ нимъ карьеру на отшельничество, восторженно воспѣваетъ одиночество. Н. Я. Марръ въ преніяхъ указалъ на нѣкоторую аналогію во взглядахъ китайскаго отшельника съ христіанскими подвижниками. Академикъ С. О. Ольденбургъ высказалъ, что китайскій авторъ возможность составить о человѣкѣ истинное понятіе видитъ лишь при условіи выдѣленія его изъ толпы, лишь въ одиночествѣ проявляются лучшія стороны души человѣка. Профессоръ В. В. Бартольдъ освѣтилъ вопросъ «о рыцарствѣ и городской жизни Персіи при Сассанидахъ (III—VII вѣка по Р. Х.) и при Исламѣ». Эпоха владычества Сассанидовъ отличалась высокимъ развитіемъ городской жизни. Господствовавшее въ этомъ періодѣ сословіе рыцарей создало духъ рыцарскаго идеализма и прочный аристократическій строй. Но Сассаниды поощряли переселеніе въ Персію иностранцевъ, въ томъ числѣ и христіанъ-сирійцевъ. Притокъ чуждыхъ элементовъ разрушилъ установившійся строй. Нѣкогда грозные укрѣпленные замки восточныхъ рыцарей, откуда ими дѣлались набѣги на караваны, разорены были возставшими народными массами. Мусульманство довершило окончательное паденіе рыцарства. Но вмѣстѣ съ постепеннымъ паденіемъ

аристократическаго строя параллельно, путемъ неизбежной и закономѣрной эволюціи, разрасталась и развивалась въ Персіи городская и торговая жизнь. Расширялись и перестраивались старые города, возрождались новые по новымъ вырабатываемымъ жизнью типамъ.

Въ классическомъ отдѣленіи выступали съ докладами: князь И. А. Джаваховъ, Д. В. Айналовъ, Б. В. Фармаковскій, Н. Я. Марръ, Р. Х. Леперь и Н. М. Печенкинъ. Два послѣднихъ докладчика коснулись археологическихъ изысканій, которыя съ большою энергіею ведутся близъ Севастополя—первымъ по порученію императорской археологической комиссіи надъ древнимъ Херсонесомъ Таврическимъ и вторымъ—на личныя средства надъ возстановленіемъ Страбоновскаго стараго Херсонеса (въ 12 верстахъ отъ Севастополя).

Въ 1911 г. обществомъ присуждены были, согласно заключенію состоявшей подъ предсѣдательствомъ Н. В. Покровскаго медальной комиссіи, за труды на пользу археологій: золотая медаль—Е. С. Такайшвили—за изслѣдованіе древностей Грузіи; большія серебряныя медали: К. К. Романову—за статьи о церковныхъ памятникахъ древне-русской архитектуры, стѣнахъ и звонницѣхъ Успенскаго Тихвинскаго монастыря и собора въ Юрьевѣ Польскомъ и Е. А. Пахомову—за изданіе монетъ Грузіи. Изданное спб. монетнымъ дворомъ и составленное В. Т. Смирновымъ описаніе русскихъ медалей награждено почетнымъ отзывомъ. Медалью, установленною въ память умершаго управляющаго восточнымъ отдѣленіемъ извѣстнаго арабиста барона В. Р. Розена, присуждаемою каждыя три года въ день смерти барона за выдающіеся труды по востоконѣдѣнію, награжденъ въ 1911 году самаркандскій востоковѣдъ В. Л. Вяткинъ, которому принадлежитъ честь открытія въ Самаркандѣ, путемъ раскопокъ, древней обсерваторіи.

Издательская дѣятельность общества заключалась въ выпускѣ русскимъ отдѣленіемъ капитальнаго труда доктора русской исторіи Н. П. Лихачева «Итало-греческая иконопись», заключающаго въ себѣ до 600 рисунковъ и 8 отдѣльныхъ таблицъ. Изданіе это поступило въ продажу по 30 рублей за экземпляръ (для членовъ 13 руб. 50 коп). Восточное отдѣленіе выпустило 3 книжки 20-го тома «Записокъ».

Императорскій археологическій институтъ въ Петербургѣ продолжалъ въ 1911 году спокойно и увѣренно, какъ и въ предыдущіе годы, свою полезную ученую и учено-педагогическую дѣятельность. Число поступившихъ на первый курсъ слушателей достигло 253, причѣмъ 96 представили дипломы объ окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на второмъ курсѣ состояло 270 слушателей. Лекціи по христіанской археологій читались директоромъ института проф. Н. В. Покровскимъ, юридическія древности и источники исторіи — нашимъ популярнымъ историкомъ проф. С. Θ. Платоновымъ, сла-

вяно-русскую палеографію читалъ проф. И. А. Шляпкинъ, перво-бытную археологію—проф. Н. И. Веселовскій, историческую географію и этнографію Россіи—проф. С. М. Середонинъ, дипломатику Н. П. Лихачевъ, нумизматику—А. К. Марковъ и архивовѣдѣніе—А. П. Вороповъ. Практическими занятіями по славяно-русской археографіи руководилъ В. В. Майковъ. Кромѣ этихъ обязательныхъ предметовъ, читали необязательныя, но также весьма охотно посѣщаемыя многочисленными слушателями лекціи: по исторіи русскаго пѣснотворчества—извѣстный изслѣдователь исторіи русской народной музыки Н. И. Приваловъ, новгородскія древности—П. Л. Гусевъ и обзоръ памятниковъ христіанской архитектуры К. К. Романовъ. Лекціи Н. И. Привалова наглядно иллюстрируются хорами народныхъ музыкантовъ и пѣвцовъ и пользуются большимъ успѣхомъ у слушателей. Вообще въ институтѣ замѣтно стремленіе къ установленію наибольшей наглядности въ дѣлѣ преподаванія: съ каждымъ годомъ усиливается иллюстрированіе лекцій діапозитивами; весьма удачнымъ наступившій академическій годъ оказался и въ смыслѣ обзора слушателями, подъ руководствомъ профессоровъ, всѣхъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ музеевъ и архивовъ Петербурга и его окрестностей. Изъ послѣднихъ осмотрѣны музеи Павловска и Царскаго Села. Весенняя археологическая экскурсія, совершенная во главѣ съ проф. Н. В. Покровскимъ въ Великій Новгородъ, была также глубоко содержательною и интересною. Рядъ общихъ собраній профессоровъ и слушателей, на которыхъ молодымъ начинающимъ ученымъ дана была возможность представить свои труды на публичное обсужденіе, прошли также успѣшно и оживленно.

Къ 1912 году почетнымъ членомъ института г. Яковлевымъ составлена справочная книжка о дѣятельности института за 1878—1911 года. Книжка эта безстрастно отражаетъ въ себѣ какъ плодотворную дѣятельность института за весь 33-лѣтній промежутокъ его научной дѣятельности, такъ и успѣхъ его, медленный и вѣрный, на далеко не успѣянномъ розами тяжеломъ, тернистомъ пути.

Издательская дѣятельность института выразилась выпускомъ солиднаго 21-го тома «Вѣстника археологіи и исторіи», посвященнаго состоявшемуся лѣтомъ текущаго года XV всероссійскому археологическому съѣзду въ Новгородѣ. Крупнѣйшія работы на страницахъ этого тома принадлежатъ директору института профессору Н. В. Покровскому. Помѣщены статьи П. Л. Гусева и матеріалы, редактированныя А. И. Никольскимъ и И. А. Шляпкинымъ.

Къ числу выдающихся фактовъ за истекшій годъ въ жизни археологическихъ учреждений нельзя не отнести изслѣдованіе, по порученію этнографическаго отдѣла Русскаго музея императора Александра III, прогремѣвшей за послѣднее время коллекціи Плюшкина въ Псковѣ. Музеумъ командированы были въ Псковъ спе-

ціалісты въ разныхъ областяхъ археологій для научной оцѣнки коллекцій. Такъ, директоръ археологическаго института профессоръ Н. В. Покровский произвелъ осмотръ коллекцій по церковной археологій, профессоръ Б. А. Тураевъ—коллекцій египетскихъ древностей и др. Среди коллекцій Плюшкина замѣтное мѣсто занимаютъ предметы масонскаго ритуала. Для обзора и научной оцѣнки этого послѣдняго отдѣла коллекцій командирована была музеемъ извѣстная изслѣдовательница исторіи русскаго масонства Т. О. Соколовская. По отзыву послѣдней, масонское собраніе Плюшкинской коллекцій отличается большимъ числомъ и хорошей сохранностью отдѣльныхъ предметовъ; количество масонскихъ рукописей незначительно. Среди предметовъ заслуживаютъ вниманія масонскіе передники, перевязи и нашейныя ленты. Особенно выдѣляются предметы розенкрейцеровъ, отличающіеся богатствомъ шитья и рисунковъ. Интересны знаки масонскихъ ложъ, въ томъ числѣ ямбургской ложи, «Александра къ пчелѣ», съ рѣдко встрѣчающимся рисункомъ, изображающимъ улей, къ которому летятъ пчелы, и съ надписью: «Von Allen—das Gute». Среди масонскихъ знаковъ должностей и степеней, съ эмблемами, встрѣчается много дублетовъ. Въ единственномъ экземплярѣ представленъ коверъ съ эмблемами. Изъ дипломовъ видное мѣсто занимаетъ документъ 1815 года изъ ложи Георгія Побѣдоносца. Ложа эта существовала среди русскаго оккупационнаго корпуса. Дипломъ снабженъ великолѣпной печатью на георгіевской лентѣ. Обращаютъ вниманія предметы масонскаго обихода: стеклянные сосуды, употреблявшіеся на такъ называемыхъ столовыхъ собраніяхъ и вечерахъ, ритуальные кубки для вина, рюмки съ эмблемами и типичные масонскіе стаканы съ толстымъ дномъ (опорожнивъ стаканъ, масоны сильно хлопали дномъ объ столъ), табакерки, бумажники, брелоки, перстни, кольца, печатки во многихъ вариантахъ. Эпоха Великой Екатерины и императора Александра I характеризуется вышеуказанными предметами, какъ періодъ глубокаго увлеченія русскаго общества масонскимъ ритуаломъ и обычаями. Предметы повседневной жизни, видимо, часто украшались разнообразными масонскими изображеніями: циркуля, шпата и другихъ обычныхъ эмблемъ. На одномъ изъ сосудовъ вмѣстѣ съ эмблемами красуется вензель императора Павла I.

Нельзя не привѣтствовать появленіе въ Петербургѣ, въ числѣ новыхъ историческихъ обществъ, общества ревнителей исторіи, уставъ котораго утвержденъ въ октябрѣ минувшаго года. Въ столицахъ и наиболѣе крупныхъ умственныхъ центрахъ Россіи существуетъ немало уже обществъ и учреждений, посвященныхъ исторіи и археологій. Но большинство этихъ обществъ отдають труды свои исключительно собиранію и научному обследованію памятниковъ и выпуску изданій, доступныхъ лишь спеціалистамъ. Накаплива-

ются огромные запасы неразработанныхъ сырыхъ матеріаловъ и печатныхъ трудовъ, совершенно неизвѣстныхъ широкой публикѣ. Едва ли кто, однако, будетъ отрицать значеніе исторіи для широкихъ массъ общества, какъ въ воспитательномъ и образовательномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Въ этихъ цѣляхъ необходима возможно широкая популяризація историческихъ и археологическихъ знаній, стремленіе подходить къ публикѣ съ этими знаніями въ интересной, удобоприняемой, популярной формѣ.

Основною цѣлью дѣятельности уставъ общества ставить: «изученіе и изслѣдованіе достопамятныхъ событій въ связи съ условіями быта и международной обстановки».

На первыхъ шагахъ своей дѣятельности общество выступаетъ съ популяризаціею историческихъ данныхъ, относящихся къ знаменательной эпохѣ 1812 года.

Въ самомъ началѣ юбилейнаго года, 27-го января, общество устроило вечеръ въ память 1812 года. Чистая прибыль съ вечера обращена въ фондъ на увѣковѣченіе памяти незабвенныхъ героевъ-партизановъ Отечественной войны.

Предсѣдателемъ общества состоитъ герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій, секретаремъ и однимъ изъ дѣятельнѣйшимъ организаторовъ общества—М. К. Соколовскій, казначеемъ—князь А. С. Эристовъ. Въ составъ совѣта входятъ: Ѳ. Г. Козляниновъ, Т. О. Соколовская, художникъ Е. В. Мазуровскій и друг. Число членовъ достигло 50. Въ общество вступили, между прочимъ: профессоръ П. И. Ковалевскій, Е. А. Энгельгардтъ, члены государственнаго совѣта Б. В. Штюрмеръ и В. П. Чераванскій и другіе.

А. Мионовъ.

ЧЕСТВОВАНИЕ Б. Б. ГЛИНСКАГО.

ЧЕТВЕРТЬВЕКОВАЯ литературно-общественная дѣятельность Бориса Борисовича Глинскаго была отпразднована 21-го февраля сего года въ роскошномъ театральномъ залѣ Шебеко (Галерная 33) съ особой торжественностью и рѣдкимъ единодушнымъ сочувствіемъ многочисленныхъ сотоварищей, друзей, почитателей и видныхъ представителей журналистики.

Выраженія привѣтствій начались съ чтенія письма редактора «Историческаго Вѣстника» С. Н. Шубинскаго, адресованнаго В. Е. Рудакову, и поднесенія цѣннаго подарка отъ редакціи. Подарокъ этотъ составлялъ золотой жетонъ съ золотой цѣлочкой; на верхней наружной стѣнкѣ его изображена обложка «Историческаго Вѣстника», а на задней «XXV. Б. Б. Глинскому отъ редакціи «Историческаго Вѣстника». 21-го февраля 1887—1912 года». Внутри налѣво выгравировано факсимиле С. Н. Шубинскаго—«Искренно любимому сотруднику С. Шубинскій» а направо—поясной портретъ С. Н. Шубинскаго.

Поднося этотъ цѣнный и знаменательный подарокъ, В. Е. Рудаковъ прочелъ слѣдующее письмо С. Н. Шубинскаго:

«Многоуважаемый

«Василій Егоровичъ!

«Тяжкая болѣзнь лишаетъ меня, къ прискорбію, возможности присутствовать на юбилей Бориса Борисовича Глинскаго. Поэтому прошу васъ поздравить его отъ меня и выразить ему, что я искренно цѣню его, какъ моего добросовѣстнаго помощника по редактиро-

ванію «Историческаго Вѣстника», даровитаго писателя и хорошаго, сердечнаго человѣка, расположеніемъ и дружбой котораго я очень дорожу. Обнимите его за меня и передайте маленькую памятку отъ журнала, гдѣ съ 1887 года началось и съ тѣхъ поръ неизмѣнно продолжается его сотрудничество. Вашъ Шубинскій».

Послѣ этого профессоръ А. Г. Маленъ прочиталъ адресъ отъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», гдѣ было сказано:

«Дорогой Борисъ Борисовичъ!

«Двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» появилась небольшая библиографическая замѣтка, подписанная никому неизвѣстными литерами Б. Г.

«Съ тѣхъ поръ въ теченіе уже цѣлой четверти вѣка это имя не сходитъ со страницъ «Историческаго Вѣстника», и будущій историкъ журнала найдетъ ее подъ статьями самаго разнообразнаго содержанія, начиная отъ рецензій, исторической популяризаціи и кончая серьезнымъ историческимъ трудомъ, освѣщающимъ наше недавнее прошлое. За послѣдніе годы почти ни одна книжка журнала не выходила безъ статьи, подписанной именемъ Б. Глинскаго, и такимъ образомъ въ наши дни это имя успѣло уже самыми тѣсными узами срастись съ «Историческимъ Вѣстникомъ».

«Строго сохраняя свѣтлую традицію «Историческаго Вѣстника» быть органомъ безпартійнымъ, вы помогали Сергѣю Николаевичу Шубинскому привлекать въ журналъ людей самыхъ разнообразныхъ направленій, объединенныхъ лишь общеою любовью въ исторической литературѣ. Оцѣнивая по достоинству крупныя литературныя силы, работавшія и работающія на страницахъ журнала, относясь съ уваженіемъ къ сотрудникамъ уже установившимся, вы въ то же время зорко всматривались въ подходящіе намъ на смѣну ряды нашей молодежи и умѣли находить въ нихъ свѣжія, начинающія дарованія.

«Почти каждому изъ вашихъ журнальныхъ сотрудниковъ приходилось испытывать минуты тяжелыхъ затрудненій. Всякій изъ насъ шелъ къ вамъ, Борисъ Борисовичъ, спокойно и смѣло, зная, что у васъ пайдется для него и теплое слово, и дорогой совѣтъ, и готовность дѣломъ прійти на помощь.

«Немудрено, что такая обходительность располагаетъ къ вамъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника». Вы стали центромъ ихъ семьи и, благодаря присущей вамъ сердечности и энергіи, семья эта, собираясь ежемѣсячно, по вашей инициативѣ, спланивается всѣмъ тѣснымъ и тѣснымъ.

«Сегодня мы пользуемся случаемъ не только принести Вамъ свое поздравленіе съ серебряной годовщиной вашего литературнаго искусства, но и сказать вамъ спасибо.

«Спасибо, дорогой товарищъ, за вашу чуткую отзывчивость, за вашу душевную теплоту, и дай намъ Богъ всѣмъ вмѣстѣ отпраздновать не менѣе радостно вашу золотой юбилей».

Вмѣстѣ съ этимъ адресомъ была поднесена художественной работы лампа съ выгравированными на ней 40 фамиліями сотрудниковъ журнала.

Затѣмъ слѣдовали депутаціи отъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества, секретарь котораго, Д. П. Струковъ сказалъ отъ имени общества привѣтственное слово Б. Б. Глинскому, какъ члену послѣдняго. Отъ правленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ говорилъ Ф. С. Груздевъ, отмѣтившій продолжительную и плодотворную дѣятельность юбиляра на пользу кассы и всей вообще литературной братіи. Общество ревнителей исторіи, состоящее подъ предѣдательствомъ герцога Георгія Лейхтенбергскаго, обратилось къ юбиляру съ слѣдующимъ адресомъ, прочитаннымъ членомъ общества Т. О. Соколовской:

«Многоуважаемый

«Борисъ Борисовичъ!

«Двадцать пять лѣтъ вы работаете, какъ историкъ-публицистъ. За этотъ срокъ вы успѣшно содѣйствовали проникновенію правильныхъ историческихъ свѣдѣній въ большіе читательскіе круги и способствовали установленію въ нихъ спокойнаго и правдиваго пониманія событій. На ту же тропу, по которой четверть вѣка шли вы неустанно и бодро, вступило лишь недавно общество ревнителей исторіи. Это общество съ особымъ удовольствіемъ числитъ васъ въ своихъ рядахъ и въ день вашего праздника шлетъ вамъ, многоуважаемый Борисъ Борисовичъ, свой сердечный привѣтъ».

Настоящій адресъ былъ заключенъ въ роскошный бюваръ съ серебряной крышкой.

Редакція журнала «Народное Дѣло» поднесла художественный ларецъ въ русскомъ стилѣ и прочувствованный адресъ въ видѣ стариннаго свитка работы художника Н. В. Васильева, прочитанный редакторомъ журнала С. П. Мунтомъ:

«Глубокоуважаемый

«Борисъ Борисовичъ!

«Въ теченіе 25-ти лѣтъ Вы, освѣщая безпристрастными лучами правды прошлое Россіи, творили «Народное Дѣло».

«Нашъ молодой, созданный лишь два года назадъ ежемѣсячникъ, являясь соединеннымъ голосомъ многихъ обществъ, откликается на всѣ призывы къ помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ, къ охраненію народнаго здравія и трезвости, на всѣ вопросы міровѣдѣнія, воздухоплаванія, пожарнаго и кустарнаго дѣла, прислушивается ко всѣмъ требованіямъ русской жизни и служить такимъ образомъ тому же «Народному Дѣлу».

«Несмотря на высокія задачи, поставленныя въ основаніе дѣятельности изданія, его сотрудникамъ приходилось переживать тревожныя времена за его судьбу.

«И въ тотъ часъ, когда грозило полное крушеніе, вы, Борисъ Борисовичъ, совершенно безкорыстно, со свойственной вамъ чуткостью и отзывчивостью, оказали своимъ вѣскимъ и убѣдительнымъ словомъ неоцѣнимую ему услугу.

«Народное Дѣло» не только продолжаетъ существовать, но и утвердилось на прочныхъ началахъ. Этимъ оно всецѣло обязано вашему смѣлому выступленію въ его защиту въ томъ засѣданіи, гдѣ рѣшалась участь самаго изданія и вопросъ о нравственномъ удовлетвореніи всѣхъ сотрудниковъ, положившихъ на него за два года много напряженного, самоотверженного и творческаго труда.

«Сегодня мы пришли выразить вамъ нашу благодарность и въ вашемъ лицѣ привѣтствуемъ товарища-сотрудника, имя котораго съ нынѣшняго года является цѣннымъ украшеніемъ страницъ «Народнаго Дѣла».

«Присоединяясь къ серебряному торжеству вашей общественной и писательской дѣятельности, мы вѣримъ, что на совмѣстной дружеской работѣ въ «Народномъ Дѣлѣ» намъ придется справить и вашу золотую свадьбу съ лѣтописью родного края».

Отъ друзей, читателей и почитателей прочиталъ Н. А. Энгельгардтъ адресъ, сопровождаемый подношеніемъ роскошнаго серебрянаго письменнаго прибора:

«Сердечно чтимый

«Борисъ Борисовичъ!

«Вотъ и четверть вѣка писательскаго вашего служенія совершилось, и мы всѣ, ваши читатели и почитатели, несемъ вамъ дань признательнаго и благодарнаго чувства, какъ труженику высокаго и самоотверженнаго подвига и долга, какъ искреннему, правдивому и правды ищущему русскому публицисту и критику, пребывшему вѣрнымъ лучшимъ завѣтамъ свѣточей мысли.

«Мы, свидѣтели вашего литературнаго служенія, съ искреннимъ убѣжденіемъ можемъ сегодня привѣтствовать васъ. Вы подвизались добрымъ подвигомъ, вы посѣяли много сѣмянъ мысли на читательской нивѣ. Ваши труды обширны и многосторонни.

«Вы откликнулись на всѣ явленія родной литературы, и эта отзывчивость ваша особенно ярко проявлялась въ томъ, что вы съ такой охотой, съ такой любовью, съ такимъ увлеченіемъ учреждали литературныя чествованія братьевъ вашихъ писателей и такъ горячо принимали къ сердцу ихъ юбилеи, какъ бы они были вашими собственными.

«Радостью чистою наполняло ваше сердце сознание, что преемство литературного труженичества не прерывается; что родная литература обогащается все новыми и новыми дарованиями, и вы сгѣшили призывать общество почтить благодарнымъ признаніемъ эти труды и таланты! Вы были герольдомъ ихъ заслугъ! Вы были неутомимымъ организаторомъ литературныхъ чествованій, видя въ этихъ проявленіяхъ общественнаго къ писателю сочувствія высокую культурную задачу.

«Почтимъ же васъ и мы, читатели ваши, въ этотъ свѣтлый и блистательный день вашего собственнаго торжества отъ горячаго сердца идущей благодарной хвалою!

«Живите дольше, работайте больше съ прежней неутомимостью, съ такимъ же рвеніемъ учреждайте свѣтлые праздники вашимъ братьямъ-писателямъ и, шествуя навстрѣчу читателямъ вашимъ, давайте имъ потребную имъ пищу духовную».

Далѣе были прочитаны адреса отъ общества Краснаго Креста, поднесшаго юбиляру золотой знакъ общества и редакціи газеты «Наборщикъ и печатный мѣръ». Выступленіе отдѣльныхъ группъ друзей и почитателей, съ своими цѣнными подарками: золотыми запонками, серебрянымъ портсигаромъ, такимъ же подстаканникомъ, портфелемъ, золотымъ съ сафиромъ перстнемъ, двумя масляными картинами большимъ фотографическимъ портретомъ юбиляра работы Булла и проч. началось съ прочитаннаго г. Тидеманомъ письма Е. Н. Шубинской.

«Многоуважаемый и дорогой другъ

«Борисъ Борисовичъ!

«Позвольте и мнѣ, присоединяясь къ кругу вашихъ друзей, привѣтствовать васъ съ серебрянымъ юбилеемъ. Дай Богъ вамъ дожить до золотого юбилея вашей живой, умной, талантливой литературной дѣятельности и остаться всегда такимъ чуткимъ, добрымъ, сердечнымъ и отзывчивымъ человѣкомъ, какимъ я васъ знала до сихъ поръ».

«Прошу васъ принять на память мой скромный, но сердечный подарокъ въ знакъ моей глубокой вамъ признательности за ваше горячее участіе ко мнѣ и оказанную мнѣ вами нравственную поддержку въ дни моихъ горькихъ испытаній и отчаянія во время тяжелой болѣзни моего мужа».

Во время обѣда, на который собралось свыше 150 человѣкъ и было сказано множество рѣчей и привѣтствій, изъ которыхъ наибольшее вниманіе вызвали рѣчи: Я. Н. Колубовскаго, Н. А. Энгельгардта, П. М. Невѣжина, А. А. Миронова, И. А. Баженова, А. А. Филиппова, г-жи Сизовой, А. Г. Фомина и другихъ. Большой успѣхъ имѣла поэтесса М. Г. Кильштеть-Веселкова, авторъ «Колычевской вотчины»: и «Пѣсень Забытой Усадьбы», прочитавшая слѣдующее стихотвореніе:

Сегодня праздникъ, праздникъ свѣта...
 Его побѣдный лучъ проникъ
 Сквозь дымку стараго запрета
 Въ покрытый тайною родникъ.
 Что было темнымъ, стало яснымъ;
 Что глухо помнила молва,
 Все лѣтописецъ безпристрастно
 Облекъ въ правдивыя слова.
 И цѣпи лѣтъ сплелися въ строки,
 И дѣлъ былыхъ, и мыслей даль
 Легла узоромъ на скрижаль,
 Чеканя мудрые уроки.
 Нѣтъ тайны, нѣтъ и заблужденій.
 Разсѣялъ ихъ могучій свѣтъ,
 И въ немъ художникъ и поэтъ
 Найдутъ источникъ откровеній.
 Сегодня праздникъ, праздникъ свѣта,
 И мы пришли отдать поклонъ
 Со словомъ братскаго привѣта
 Тому, кѣмъ ярко онъ зажжентъ.

Поэтесса И. Гринева прочла съ эстрады свое стихотвореніе:

Всѣ говорятъ, что юбиляръ нашъ молодъ.

Да, жизни холодъ

Не опушилъ его красивой головы,
 Сребристымъ инеемъ, но все жъ, увя!
 Должна сказать я громогласно—
 Не льстите вы ему напрасно...

Онъ старъ,
 Нашъ юбиляръ!

Ахъ, старъ онъ, ибо юныхъ
 Писателей и нѣтъ.
 Пускай писателю хотъ двадцать лѣтъ,
 Но какъ пустился онъ играть на струнахъ
 Тончайшихъ душъ людскихъ, людскихъ сердецъ,
 Кто возлюбилъ, какъ жизнь, такую лиру
 И мнить, что пѣснь его необходима міру—
 Не можетъ юнымъ быть... Творецъ
 Великаго и малой его части
 Не молодъ, нѣтъ, хотя бъ земныя страсти
 И бушевали въ немъ. Въ Создатель міровъ
 Кто видѣлъ юношу? Нѣтъ, старика сѣдого
 Всякъ видитъ въ немъ. Создатель словъ

Былыхъ и сущихъ словъ —
 Онъ старецъ мудрый,
 Хотя бъ его блестяли кудри

Лучистымъ золотомъ, не серебромъ.
 Коль мнѣ поставите вопросъ ребромъ,
 «А сколько жъ лѣтъ, скажи намъ, юбилярю?»
 За здравіе его я выпью чару
 И, не моргнувъ, отвѣчу я на то:

Конечно, сто!

Но я, вы знаете, не злая—
 Прожить ему я пожелаю,
 Не возбудивъ къ себѣ вражды ни въ комъ,
 Три раза столько же красивымъ старикомъ.

Изъ болѣе чѣмъ ста пятидесяти телеграммъ и писемъ, обращенныхъ къ юбиляру, отмѣтимъ хотя бы нѣкоторые.

Членъ государственнаго совѣта А. О. Кони писалъ:

«Глубокоуважаемый

Борисъ Борисовичъ!

«Дневное и вечернее засѣданіе (въ государственномъ совѣтѣ), въ которыхъ я долженъ присутствовать, лишаютъ меня возможности лично привѣтствовать васъ съ сегодняшнимъ днемъ и, искренно сочувствуя вашей писательской дѣятельности, пожелать вамъ еще долгихъ, многихъ и бодрыхъ лѣтъ для ея продолженія. Позвольте, поэтому, сдѣлать это письменно и какъ слабый знакъ моего къ вамъ уваженія, поднести вамъ только что вышедшую книгу мою «На жизненномъ пути». Съ благодарнымъ чувствомъ вспоминаю я, что на этомъ пути мнѣ пришлось встрѣтить въ одномъ изъ вашихъ трудовъ добрую и ободрительную оцѣнку моей судебной дѣятельности. Еще разъ желаю вамъ всего, всего хорошаго.

«Душевно преданный вамъ А. Кони».

Извѣстный писатель И. П. Ювачевъ прислалъ слѣдующее письмо:

«Многоуважаемый

«Борисъ Борисовичъ!

«Сколько литературныхъ праздниковъ пропущено мною за послѣднее время! Но особенно сожалѣю, что нельзя мнѣ присутствовать на праздникъ вашего юбилея. Примите отъ меня пока заочное поздравленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ сердечное пожеланіе еще столько же лѣтъ поработать на литературномъ поприщѣ и подарить читающей публикѣ много томовъ вашего талантливаго синтеза русской мысли, русской литературы, политическихъ движеній и вообще русской жизни послѣднихъ лѣтъ. Ваше имя давно украшаетъ страницы «Историческаго Вѣстника». Вмѣстѣ съ другими сотрудниками этого уважаемаго журнала пожелаю, чтобы вы также крѣпко были связаны съ нимъ и въ новую четверть вѣка.

«Не стану много говорить о вашем отличном, товарищескомъ отношеніи къ литературной братіи: оно всеѣмъ хорошо извѣстно. Съ этой стороны все васъ прекрасно оцѣнили. Ваше постоянное стремленіе къ объединенію литераторовъ—выдающаяся черта вашей дѣятельности. И какъ мы все въ этомъ нуждаемся теперь, когда современная партійность разбила литераторовъ на множество враждебныхъ лагерей. Миръ и единеніе пусть всегда будутъ девизомъ вашей жизни. Можетъ быть, судьба вамъ готовитъ прекрасный жребій—объединить всю русскую литературную братію въ одинъ обширный безпартійный союзъ.

«Сердечно преданный вамъ Ив. Ювачевъ».

А. А. Луговой (Тихоповъ) въ своемъ обширномъ письмѣ сообщилъ слѣдующія небезынтересныя автобіографическія данныя: «Когда въ 1890 году Стасюлевичъ возвратилъ мнѣ предложенную мною для «Вѣстника Европы» рукопись «Police verso» и я, недоумѣвая, гдѣ же мнѣ искать мою литературную «нолочку», пришелъ съ рукописью къ Шеллеру, онъ познакомилъ меня съ вами, какъ редакторомъ новаго журнала. И не только «Police verso» было принято вами и напечатано въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», но тотъ личный пріемъ, который былъ оказанъ мнѣ вами и всеѣмъ составомъ тогдашней редакціи, открывалъ мнѣ широкій путь для дальнѣйшаго свободнаго творчества. Время вашего тогдашняго редакторства остается для меня однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній въ моей жизни.

«Къ сожалѣнію, случайныя обстоятельства заставили васъ выйти изъ состава редакціи «Сѣвернаго Вѣстника», и хотя мое послѣдующее сотрудничество въ этомъ журналѣ и выразилось напечатаніемъ въ немъ романа «Грани жизни», но послѣ вашего ухода «Сѣверный Вѣстникъ» принялъ то направленіе, которое отклонило отъ него сочувствіе читателей, а мнѣ лично ни тогда, ни послѣ не удалось осуществить ни одного изъ большихъ литературныхъ плановъ, на какіе я могъ рассчитывать при васъ. Теперь все это уже невозвратное прошлое, и исторія «Сѣвернаго Вѣстника» принадлежитъ общей исторіи русской печати. Но, вспоминая объ этомъ эпизодѣ въ вашей литературной дѣятельности, я высказываю вамъ мое неизмѣнное убѣжденіе, что, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, эта дѣятельность ваша развернулась бы еще шире и значительнѣе. И я и теперь не только желаю, но и вѣрю, что эти благоприятныя обстоятельства для васъ наступятъ.

«Будьте же здоровы, будьте бодрѣе и вѣрующимъ. Сердечно преданный вамъ Ал. Луговой».

Профессоръ и завѣдующій общимъ архивомъ министерства императорскаго двора К. Я. Гротъ, между прочимъ, писалъ:

«Истор. вѣстн.», мартъ 1912 г., т. сxxvii.

17

«Глубокоуважаемый

«Борисъ Борисовичъ!

«Примите мое сердечное горячее поздравленіе съ свѣтлымъ знаменательнымъ днемъ Вашимъ. Вы съ честью и съ любовью, а тѣмъ самымъ и съ явною пользою потрудились и послужили родной литературѣ, нашимъ культурнымъ задачамъ и нашей общественности и притомъ, — что такъ цѣнно, — сохраняя объективность и трезвость мысли и чуждаясь узкой партійности и тенденцій, что въ наше время встрѣчается рѣдко.

«Отъ всей души желаю вамъ съ возрастающимъ успѣхомъ и пользою продолжать много, много лѣтъ служить вашимъ талантливымъ перомъ, вашей энергіей и общественною отзывчивостью тѣмъ идеаламъ добра, правды и истиннаго національно-культурнаго прогресса, которые одушевляли васъ всегда.

Всего добраго въ жизни желаю вамъ искренно вамъ преданный К. Гротъ».

Съ довольно интереснымъ письмомъ, адресованнымъ на имя В. Е. Рудакова, обратилась рязанская ученая архивная коммисія.

«Милостивый Государь,

«Василій Георгіевичъ!

«Я и члены коммисіи просимъ васъ на юбилейномъ праздникѣ 21-го февраля засвидѣтельствовать:

«Присоединяемся къ благородному чествованію Бориса Борисовича Глинскаго. Намъ хорошо извѣстна литературно-научная дѣятельность его. Культурно-историческіе очерки о старой и новой смутѣ особенно цѣнны для насъ, провинціальныхъ дѣятелей печатнаго слова: кропотливая и умная работа ознакомила насъ съ матеріаломъ, безъ котораго невозможно уразумѣніе особенно послѣдней эпохи. Талантливое перо Бориса Борисовича всегда пользовалось нашимъ довѣріемъ. Поэтому съ особеннымъ чувствомъ желаемъ ему новаго 25-лѣтія умной литературной работы и шлемъ ему самыя добрыя пожеланія.

«Предсѣдатель коммисіи Ст. Яхонтовъ».

Глубоко прочувствованныя письма и телеграммы были присланы отъ А. П. Барсукова, О. А. Тарапыгина, А. И. Соколовой, А. Добро-правова, А. А. Голомбѣвскаго, Е. П. Клетновой, привѣтствовавшей юбиляра отъ себя и отъ имени смоленской архивной ученой коммисіи, въ которой она состоитъ товарищемъ предсѣдателя, отъ Н. А. Нотовича, С. С. Окрейца, А. И. Щеглова, М. И. Свѣшника, С. С. и Е. І. Уманецъ, В. А. и Е. С. Тимирязевыхъ, А. И. Фирсова, В. А. Тихонова, Б. А. Суворина, поздравившаго юбиляра отъ редакціи «Новаго Времени» и «Вечерней Газеты», отъ Крошвинской, К. Горбунова,

Е. П. Карнова, Н. П. Привалова и М. Долгой, А. В. Крумова, семьи покойнаго профессора В. И. Сергѣевича, А. П. Пѣшковой-Толивѣровой, К. В. Лукашевичъ, В. П. Буренина, А. П. Яцимирскаго, А. Н. Будничева, В. Я. Свѣтлова, В. М. Грибовскаго, доктора Гиммельмана, А. и Н. А. Каспари, А. П. Шабановой, А. А. Плещеева, В. А. Бонди, В. Н. Кузьмина-Караваева, профессора П. В. Верховскаго, профессора И. А. Шляпкина, редактора «Новаго Времени» М. П. Мазаева, В. К. Кузнецова, издателя «Бирикевыхъ Вѣдомостей» С. М. Пропиера, Е. С. Шумигорскаго, Н. П. Карбасникова, Л. З. Слоимскаго, профессора Б. В. Варнеке, О. А. Шапиръ, Г. Г. Яенскаго, книгоиздательства т-ва Вольфа, Ан. Коринѣскаго, С. П. Сыромѣтнникова и многихъ другихъ.

Проф. новороссійскаго университета В. М. Грибовскій прислалъ слѣдующую телеграмму въ стихахъ:

Постигла юбиляра
Заслуженная кара.
Сердечное привѣтствіе—
Тому прямое слѣдствіе.

На всѣ обращенныя къ нему рѣчи и привѣтствія Б. В. Глинскій отвѣтилъ краткимъ прочувствованнымъ словомъ, гдѣ выразилъ признательность за добрыя къ нему чувства и отмѣтилъ, что сегодняшній день является въ его жизни сномъ на яву, волшебнымъ сномъ, котораго онъ никогда не забудетъ. Этотъ сонъ приноситъ ему новыя силы, вливаетъ въ него новую энергію для продолженія своей литературной и общественной дѣятельности на пользу горячо любимой родины и писательскаго сословія.

Въ заключеніе нельзя не привести веселыхъ, юмористическаго характера экспромтовъ, съ которыми обратились къ юбиляру М. В. Шевляковъ, И. И. Соколовъ и Н. Н. Венцель (Бенедиктъ) и которые были выслушаны въ прекрасномъ чтеніи Вл. А. Мазуркевича.

«Мнѣ милъ «Историческій Вѣстникъ»,
Верховный судья въ немъ—Шубинскій,
Его же ближайшій намѣстникъ
Привѣтливый, ласковый Глинскій.

Шубинскій взираетъ направо,
Онъ чуждъ либеральнаго гнѣва,
А Глинскій слегка и лукаво
Немножко косится налево.

Хоть въ разныя стороны вѣчно
Ихъ взоры и смотрятъ упрямо,
Но «Вѣстникъ» весьма безупречно
Идетъ удивительно прямо.

Хоть Глинскій слегка либералить,
По времени духъ неизбѣженъ,
И везъ юбиляра похвалить
За то, что онъ ласковъ и пѣженъ.

Минуты онъ зря не пропуститъ,
Всѣхъ добрымъ вниманіемъ даритъ:
Однихъ со слезами хоронитъ,
Съ улыбкой другихъ юбилярить.

Живи, «Историческій Вѣстникъ»!
Да здравствуетъ милый Щубинскій,
Съ нимъ вмѣстѣ, конечно, намѣстникъ—
Нашъ славный, привѣтливый Глинскій.

М и х. Ш е в л я к о в ъ.

Б. Б. Глинскому.

21 февраля 1912 г.

Разрѣшите строчекъ пару
Молвить свѣту-юбиляру,
Что, на наибольшемъ изъ мѣсть
Сидя, слушаешь, да вѣсть...
Что, голубчикъ, иль попался?...
Не митай и не грози!...
Четверть вѣка ты катался,
Пыльче сашочки вози!...
Эка штука шагъ за шагомъ
Четверть вѣка по бумагамъ
Легкимъ перышкомъ порхалъ
И нигдѣ не отдыхать!...
Въ жизни толь еще бываетъ!...
Вѣдь, извѣстно, господа:
«Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда»!
Но всему чередъ приходитъ,
И скажу я безъ прикрасъ,
Этотъ трудный день проводить
Глинскій въ жизни первый разъ!
Шутка ль: тосты, рѣчи, гомонъ.
Шумъ и звонъ!... Помилуй Богъ!
Отъ поклоповъ весь изломанъ,
Отъ рѣчей, поди, оглохъ.
Да и выпито немало!...
А ужъ пей, братъ, радъ, не радъ...
Жаль тебя мнѣ, Глинскій, стало...
Впрочемъ, самъ же виноватъ!

И в. С о к о л о в ъ.

Много вѣсь оживленія и стихотворной тостъ М. М. Петипа:

Здѣсь юбиляру рѣчи, тосты
Заслугу празднують былую,
А я, какъ жрица Терпсихоры
Его по-русски поцѣлую.

За обѣдомъ по инициативѣ А. Е. Зарина былъ сдѣланъ денежный сборъ въ пользу голодающихъ. Когда на вечеръ прибыла Е. А. Чебышева-Дмитріева съ адресомъ Глинскому отъ женскаго взаимно-благотворительнаго общества, то собранная сумма была ей вручена, какъ представительницѣ по сбору «Колоса ржи». Г-жа Чебышева такимъ образомъ положила починъ этому сбору, и присутствовавшая публика охотно еще добавила ей въ кружку серебра и золота. По видимому, нашей симпатичной писательницѣ удалось собрать довольно значительную сумму. Юбилей такимъ образомъ оказался ознаменованъ добрымъ дѣломъ.

Послѣ обѣда состоялся на сценѣ блестящій дивертисментъ, въ которомъ принимали участіе: М. М. Петипа, танцовавшая подъ аккомпаниментъ А. В. Таскина, К. И. Вронская, З. Н. Моретти, Н. А. Лапко-Данилевская, Т. В. Струйская, А. К. Радомская, И. Гриневская, Мириманова, Истомина, Б. С. Трояновскій, Шатрова, В. В. Сладковѣвцевъ, баянъ Г. П. Макаровъ, Н. П. Струйскій, В. А. Мазуркевичъ, Тихомировъ, гуслиры подъ управленіемъ Голосова и др.

Чествованіе затянулось до поздней ночи, но все время имѣло дружескій, сердечный характеръ единенія братьевъ-писателей, художниковъ и артистовъ, за каковое единеніе съ особенной энергіей и успѣхомъ хлопочетъ всегда всѣми любимый В. В. Глинскій.

В. Е. Р.

Настоящая статья была уже набрана, когда изъ Франкфурта на Майнѣ поступило на имя В. В. Глинскаго слѣдующее письмо отъ издателя «Новаго Времени» и «Историческаго Вѣстника», Алексѣя Сергѣевича Суворина:

Многоуважаемый

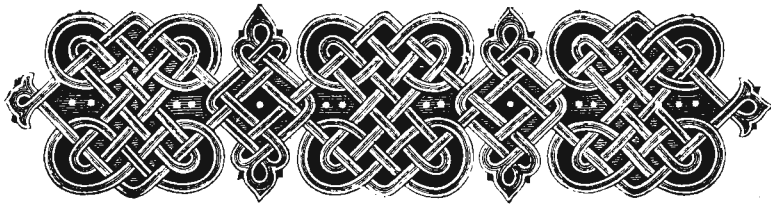
Борисъ Борисовичъ,

Поздравляю Васъ со днемъ Вашего юбилея и прошу извинить меня, что я запоздалъ съ этимъ поздравленіемъ. Въ послѣднее время мнѣ очень нездоровится и я пересталъ читать газеты. Въ головѣ почему-то осталось, что Вы празднуете свой праздникъ 27-го февраля и только вчера я узналъ, что ошибался. Повѣрьте мнѣ, что мое поздравленіе искреннее и душевное. Я узналъ Васъ очень недавно, читая Ваши политическія изслѣдованія, полныя изученія и талантливаго изложенія. Вы для меня совсѣмъ молодой литераторъ съ надеждами и выростающимъ талантомъ. Желаю Вамъ крѣпнуть и работать также хорошо, какъ Вы это дѣлаете въ послѣдніе годы.

Искренно Васъ почитающій и желающій всякаго успѣха

Вашъ А. Суворинъ.

912. 8 марта (24-го февраля).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Проф. Н. И. Веселовскій. Татарское вліяніе на посольскій церемоніаль въ московскій періодъ русской исторіи. Приложение къ отчету о состояніи и дѣятельности императорскаго петербургскаго университета. Спб. 1911.

ВОПРОСЪ о заносныхъ культурныхъ вліяніяхъ на сформированіе московско-русскаго посольскаго церемоніала до сихъ поръ не достигъ въ исторіографіи единства мнѣній, договоренности, общепризнанныхъ положеній. Между тѣмъ, какъ одни (Лейковъ, Сахаровъ, Pierling, Rambaud) учительницею московскихъ дипломатовъ считаютъ Византію, другіе (Rousset, Рихтеръ, Веневитиновъ) высказываются за пересадку московскаго посольскаго обряда изъ Азіи черезъ монголо-татарь, третьи (В. И. Савва) подчеркиваютъ въ процессѣ организациі московской дипломатіи роль сношеній съ Западною Европою и видятъ въ московскихъ государяхъ скорѣе культуртрегеровъ европейскаго посольскаго этикета при дворахъ восточныхъ, чѣмъ послѣдователей дипломатическихъ пріемовъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, изслѣдователи сводятъ до-петровское дипломатическое искусство къ одному внѣшнему источнику, приходятъ къ одностороннимъ заключеніямъ. Подобная унитаризація пришлыхъ факторовъ московскаго посольскаго чина составляетъ особенность и актовой рѣчи профессора петербургскаго университета Н. И. Веселовскаго.

Еще на IX археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ авторъ читалъ рефератъ на тему, которой посвящена и его новая работа,—объ усвоеніи посольской практикой Московской Руси цѣликомъ татарскихъ традицій. «Посольскій церемоніаль въ московскій періодъ русской исторіи,—утверждаетъ онъ въ своей

рѣчи:—носилъ въ полномъ, можно сказать, объемѣ татарскій или, вѣрнѣе, азіатскій характеръ» (стр. 1). Напомнивъ, что въ теченіе долгаго времени русскіе великіе князья имѣли международное общеніе только съ золото-ордынскими ханами и съ великими ханами Монголіи и должны были дѣйствовать въ дипломатической сферѣ по ихъ указкѣ, профессоръ Веселовскій, не обозрѣвая трудовъ своихъ предшественниковъ по изученію предмета, обютируетъ отдѣльныя черты русскаго дипломатическаго обихода и, для констатированія сходства, параллельно сличаетъ ихъ съ аналогичными же, существовавшими у татаръ, а отчасти сохранившимися на мусульманскомъ Востоку и теперь (предоставленіе послу коней, повозки, содержанія, обмѣнъ подарками, разспросъ о здоровьѣ, сѣншиваніе съ лошади при встрѣчѣ, обезоруженіе посла, вставаніе его на колѣни во время аудіенціи, угощеніе его, присутствіе стражи при его приѣмѣ, строгій надзоръ за нимъ, какъ за шпиономъ). Восприимчивый Московіей отъ татаръ посольскій церемоніаль, по словамъ автора, былъ «такъ устойчивъ, что на немъ даже не замѣтно европейской струи, внесенной къ намъ хотя бы Софією Палеологъ» (стр. 2); нѣкоторыя же отступшенія отъ него (отмѣна земныхъ поклоновъ и колѣнопреклоненія, замѣна лобызанія ноги восточныхъ владѣтелей возложеніемъ руки на голову посла) были второстепенны и вызывались главнымъ образомъ религіозными воззрѣніями (стр. 1).

Авторъ, на нашъ взглядъ, убѣдительно доказалъ широкій размахъ татарскаго вліянія на московскую дипломатію, но все же основной его и излюбленный имъ тезисъ требуетъ серьезныхъ коррективовъ. Дѣло въ томъ, что татарское вліяніе не было здѣсь столь всеисильнымъ и, казалось бы, единственнымъ, и европейскій ингредиентъ не приходилъ въ посольскій уставъ въ столь микроскопичной, «даже незамѣтной» пропорціи, какъ то думаетъ Н. И. Веселовскій. Минуя молчаніемъ спорный вопросъ о роли византійской экс-принцессы Зои-Софіи Палеологъ въ смыслѣ проводника въ Кремль византійскаго вліянія, оставляя въ сторонѣ обрядъ приѣма византійскихъ пословъ, ибо памятники бѣдны матеріаломъ на этотъ счетъ, укажемъ нѣсколько примѣровъ повторенія московскими дипломатами посольскихъ обычаевъ западно-европейскихъ дворовъ. Какъ правилъ посольство предъ Іоанномъ III въ 1487 и 1488 годахъ князь Мосальскій, присланный къ нему королемъ Казимиромъ, такъ же точно получилъ наказъ править посольство предъ посольскимъ королемъ въ 1488 году посоль Михаилъ Еропкинь (ср. С. И. Р. И. О., 35, стр. 1 прим., 6, 14 и др.). Какой приѣмъ оказали Траханіоту у германскаго императора Фридриха III и его сына, такого же удостоилъ Іоаннъ въ 1490 году ихъ посла Георга фонъ-Турна (ср. Пам. дипл. св. др. Рос., I, 24—27 и др.). Отправляя въ 1492 году своихъ пословъ къ римскому королю Максимилиану, Іоаннъ III запретилъ имъ передавать королю поклоны отъ него, великой княгини и ихъ сына «того дѣля, что королевъ посоль Юри великому князю и великой княгинѣ поклоны не правилъ» (ibid., 82). И въ 1518 году императорское посольство подъ Москвою встрѣтили такъ, какъ посоль Василія III Племянниковъ и толмачъ Истома были встрѣчены предъ Инспрукомъ (ср. ib. 343 и сл.). Извѣстіе барона С. Герберштейна о желаніи московскихъ бояръ обходиться съ нимъ и съ прочими членами его посольской свиты одинаково съ тѣмъ, какъ обращались съ русскими

послами во владѣніяхъ германскаго императора, въ свою очередь, свидѣтельствуешь, что московское правительство считалось съ дипломатическимъ шаблономъ Западной Европы, подражало ему («Записки о Московіи», пер. Анонимова, 187). Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ же, татарскій посольскій обрядъ, соблюдавшійся въ сношеніяхъ между Золотой Ордой и Русью и проникнутый типичной для азіатской внѣшней политики вообще идеей подчиненности и неравенства между государями—между «повелителями всѣхъ людей» ханами и русскими князьями,—не могъ примѣняться въ сношеніяхъ послѣднихъ съ европейскимъ Западомъ: государи московскіе, послѣ сверженія монгольскаго ига, и западно-европейскіе были другъ другу равны уже въ силу своей суверенности, независимости отъ какой-либо посторонней власти, и поэтому отношенія между ними, естественно, вылились въ новыя, отличныя формы посольской тактики, покоившіяся на принципѣ равенства и братства государей. Недаромъ, вѣдь, московская дипломатія, потерѣвшивши униженія предъ татарами, обнаружила чрезвычайную и, скажемъ, громоздкую на своеземный ладъ щепетильность передъ Западной Европой, за честь воздавая честью, за дипломатическіе уколы тою же монетой. Любопытно, что подьячій московскаго посольскаго приказа Котошихинъ въ своемъ сочиненіи «о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича» (стр. 76 и сл., изд. 3) рисуешь двѣ различныя картины пріема московскимъ царемъ пословъ западно-европейскихъ и мусульманскихъ (крымскихъ, ногайскихъ и др.); стало-быть, въ Московскомъ государствѣ практиковалось два посольскихъ церемоніала. Въ-третьихъ, что касается подозрительности и недоувѣрчивости, съ какими московское дипломатическое мышленіе трактовало пріѣздъ на Русь иностранцевъ и какія профессоръ Веселовскій относитъ на долю позаимствованій изъ Азіи, то онѣ допускаютъ иное истолкованіе—психологіей непомерно раздутаго національнаго самолюбія: москвиты пуще всего берегли отъ чужого глаза область домашнихъ фактовъ, боясь вынести соръ изъ избы, раскрыть пробѣлы внутренняго быта.

Съ этими оговорками и ограниченіями, съ нашей точки зрѣнія, выводъ профессора Н. И. Веселовскаго пріемлемъ, и его работа заслуживаетъ вниманія, какъ попытка пролить свѣтъ, правда, слишкомъ густой, на проблему о количествѣ и качествахъ монголо-татарскихъ вліяній на русскую историческую жизнь,—проблему, давно (послѣ Костомарова и Леонтовича) нуждающуюся въ пересмотрѣ на фонѣ кропотливыхъ сравнительныхъ штудій.

Въ заключеніе еще одна замѣтка. Авторъ привлекаетъ, между прочимъ, сообщеніе посла Людовика IX къ хану Мангу, минорита В. Рубрука, что у татаръ послами завѣдывалъ особый чиновникъ «ямъ-ямъ» или просто «ямъ». Не отсюда ли произошли московскія названія ямской подати («ямъ»), ямской избы, ямскаго приказа и т. д.?

Н. И. Бѣимовъ.

К. Валишевскій. Дочь Петра Великаго. Елизавета I императрица всероссійская. Съ 72 иллюстраціями въ текстѣ и 41 на отдѣльныхъ листахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912. XXX+562 стр. Цѣна 5 руб.

Какъ всегда, книга г. Валишевскаго написана прекраснымъ, увлекательнымъ языкомъ, легко и съ интересомъ читается, и, какъ всегда, анекдотическая сторона исторіи занимаетъ въ его трудѣ не послѣднее мѣсто. Заранѣе защищаясь противъ обвиненія его въ пристрастіи къ легендарному, авторъ не упустилъ случая метнуть стрѣлы по адресу критиковъ, дерзающихъ упрекать его за то, что онъ «прельстился» различными легендами и анекдотами. По его словамъ, онъ не принадлежитъ къ той школѣ, которая «считаетъ возможнымъ утверждать, что Юлій Цезарь чихнулъ три раза, переходя въ извѣстный часъ извѣстный ручеекъ въ Галліи»; хотя тѣмъ не менѣе авторъ не хочетъ нагонять на читателя скуки, якобы обязательной теперь для научныхъ трудовъ «согласно требованію профессиональной этики». Излагая содержаніе хотя бы дипломатическихъ документовъ, онъ находитъ возможнымъ «сдѣлать чтеніе ихъ не менѣе привлекательнымъ, чѣмъ фельетонъ», что, оказывается, очень просто—это достижимо при условіи устраненія изъ нихъ всего того, что не представляетъ дѣйствительнаго интереса, т. е. девяти десятыхъ большинства текстовъ и введенія въ нихъ того, что составляетъ прелесть всего человѣческаго: жизни» (стр. XXV).

Читая книгу г. Валишевскаго, приходится, однако, согласиться, что коварные критики не совсѣмъ неправы и авторъ, дѣйствительно, чувствуетъ слабость къ анекдотамъ и даже къ такимъ интимнымъ потребностямъ, безъ которыхъ, казалось бы, можно обойтись.

Такъ, напримѣръ, въ описаніи привычекъ Елизаветы узнаемъ, что она очень любила почесываніе пятокъ передъ сномъ, и для этой цѣли существовалъ опредѣленный штатъ женщинъ, которыя «среди своихъ пересудовъ и интригъ встрѣчали строгаго контролера въ лицѣ бывшаго истопника, Василія Ивановича Гулкова, произведеннаго въ камергеры и исполнявшаго особо интимныя обязанности», которыя заключались въ слѣдующемъ: «каждый вечеръ онъ появлялся съ матрацомъ и двумя подушками и проводилъ ночь на полу у постели Елизаветы... На разсвѣтѣ чесальщицы удалялись, уступая мѣсто Разумовскому, Шувалову или иному временному избраннику, но Чулковъ оставался. Въ двѣнадцать часовъ дня Елизавета вставала, и перѣдко ея сторожъ еще крѣпко спалъ. Она тогда будила его, вытаскивая у него подушки изъ-подъ головы, или щекоча подъ мышками», и т. д. (стр. 100). И вслѣдъ за этимъ вниманію читателя предлагается цѣлая глава объ интимныхъ нравахъ и «ночномъ императорѣ»—Алексѣѣ Разумовскомъ.

За исключеніемъ указанныхъ недочетовъ, справедливость требуетъ признать, что въ общемъ книга написана красочно и ярко, читается, какъ мы уже сказали, съ неослабвающимъ интересомъ, а большинство характеристикъ сдѣлано мѣтко и порой блестяще. Любопытно отмѣтить, что г. Валишевскій не находитъ особой гуманности въ Елизаветѣ, доказывая, что «преданіе, снисходительное къ своимъ любимцамъ, польстило дочери Петра Великаго, приписывая ей доброту и кро-

тость, совершенно чуждую окружающей ее средѣ». Въ дѣйствительности же Елизаветѣ были лишь «свойственны нѣкоторые благородные порывы, и она иногда сочувствовала великимъ гуманитарнымъ теченіямъ ея вѣка».

Авторъ напоминаетъ по этому поводу исторію съ Лопухиной, извѣстной придворной красавицей, особенно возбуждавшей ревность государыни. Эта Лопухина, несмотря на запрещеніе носить платья и прическу такого же фасона, какъ и государыня, явилась однажды на балъ съ розой въ волосахъ въ то время, какъ императрица имѣла такую же розу въ прическѣ. «Въ разгарѣ бала Елизавета заставила виновную стать на колѣни, велѣла подать ножницы, сръзала преступную розу вмѣстѣ съ прядью волосъ... и, закативъ виновницѣ двѣ добрыя пощечины, продолжала танцовать. Когда ей сказали, что несчастная Лопухина лишилась чувствъ, она пожала плечами: «Ничто ей дурѣ!» (стр. 82). Съ этого дня Лопухина была обречена Елизаветой для руки палача, которой и не избѣгла.

Менѣе удачной приходится признать характеристику и оцѣнку А. П. Бестужева-Рюмина, который въ изображеніи автора является просто продажнымъ политикомъ, не обладавшимъ ни талантомъ, ни умомъ и игравшимъ роль только до тѣхъ поръ, пока около него находился Функъ, «бывшій его мозгомъ и его правою рукою». Личность Бестужева гораздо сложнѣе, чѣмъ представляется это г. Валишевскому, и не напрасно, какъ думаетъ авторъ, русскіе историки усмотрѣли въ политикѣ Бестужева, въ качествѣ руководящей нити, національную идею и глубокое пониманіе истинныхъ интересовъ страны.

Давая общую оцѣнку царствованія Елизаветы, авторъ приходитъ къ выводу, что русская политика этого времени стремилась къ созданію престижа и иллюзии могущества и величія Россіи, причемъ это величіе покупалось цѣною мучительныхъ жертвъ, тяжело отражавшихся на матеріальной и духовной жизни народа, но что въ общемъ, даже и во внутренней жизни, это царствованіе было несомнѣннымъ шагомъ впередъ, содѣйствуя эволюціи правовъ общества въ сторону гуманности.

Издана книга очень хорошо, снабжена прекраснымъ переводомъ и украшена многочисленными цѣнными иллюстраціями. Съ этой стороны книга выгодно отличается отъ другихъ существующихъ изданій того же автора, и мы особенно рекомендуемъ ее вниманію читателя.

К. Кудряшовъ.

«Хроника моей жизни». Автобіографическія записки высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго. Т. IX (и послѣдній). Съ 1891 по 1896 годъ. Спб. 1911. Стр. 590. Указатель IXXIV.

Девятый томъ «Хроники» высокопреосвященнаго Саввы достойно заканчиваетъ это превосходное, поучительное и крайне интересное изданіе. Поучительное особенно для нашего времени. Можно было опасаться, что съ приближеніемъ къ современной намъ эпохѣ трудно будетъ редактору-издателю получить согласіе для напечатанія писемъ лицъ, нынѣ здравствующихъ, но протоіерей Виноградовъ съ честію для себя побѣдилъ всѣ затрудненія. Попржему разнообразнымъ и важнымъ свѣдѣніямъ отъ царствующаго дома и «великихъ міра сего» нисходятъ

до простых и самых смиренныхъ лицъ. Въ то же время содержаніе обнимаетъ самые разнообразныя предметы и различныя стороны жизни. Перечислимъ главнѣйшія. Читатель находитъ здѣсь свѣдѣнія о побѣдкѣ наследника престола (нынѣ царствующаго Государя Императора) въ Японію (стр. 69), характеристику нынѣ царствующей императрицы (стр. 454); превосходнѣйшую оцѣнку богатыря Александра III (стр. 444) и отношеніе къ нему народа. Есть совершенно новыя свѣдѣнія о тогдашнихъ заговорахъ и покушеніяхъ (329). Много страницъ занимаетъ полемика высокопреосвященнаго Саввы съ К. П. Побѣдоносцевымъ по поводу «порчч нравовъ духовенства» (202 стр.), причѣмъ крайне интересенъ взглядъ преосвященнаго Саввы на желательный образъ и характеръ духовной власти.

Лично для преосвященнаго Саввы послѣдніе годы его служенія съ 1891—1896 годъ были годами почестей, воздаваемыхъ ему со всѣхъ сторонъ за его заслуги. Высочайшая власть награждаетъ его орденомъ Владимира 3 степени (имѣли тогда только митрополиты петербургскій и кievскій) и алмазнымъ крестомъ на клобукъ, когда преосвященный Савва по слабости здоровья не могъ принять участія въ коронаціи. Духовная академія подноситъ ему доктора церковной исторіи. Академія наукъ подноситъ дипломъ почетнаго члена, также и другія учрежденія и т. д.

Мы назвали изданіе «Хроники» высокопреосвященнаго Саввы особенно поучительнымъ для нашего времени, и вотъ доказательства. Умъ преосвященнаго Саввы былъ чисто русскій, трезвый и не терпѣвшій лжи и пустословія, такимъ онъ сказался во всѣхъ отзывахъ на современные вопросы. Приведу одну выдержку по еврейскому вопросу и одну по вопросу объ окраинахъ. «Какъ только заговѣрятъ Евреи, то и правда, ибо это такой народецъ, который знаетъ, что подъ землей дѣлается; въ Петербургъ они имѣютъ такихъ вѣрныхъ агентовъ, съ которыми не можетъ соперничать ни одинъ русскій дипломатъ, и ихъ все интересуетъ, даже и то, кто будетъ митрополитъ въ Кіевѣ. Вскорѣ послѣ смерти митрополита Платона секретарь нашей консисторіи, имѣющій въ Петербургѣ родню и знакомыхъ въ синодѣ, получилъ письмо, въ которомъ извѣщали его, что въ Кіевъ — варшавскій, въ Варшаву — виленскій. Но евреи раньше всѣхъ газетъ и слуховъ сказали мнѣ, что въ Кіевъ переводятъ московскаго митрополита (Юанникія) и при этомъ спросили: «а что? это повисеніе или пониженіе ему?» Я отвѣчалъ, что такое перемѣщеніе не составляетъ ни повышенія, ни пониженія и что этого не будетъ».—«А наши еврейчики, которые пріѣхали изъ Петербурга, говорятъ, что будетъ. Тамъ, т. е. въ Петербургѣ, есть такіе знатные евреи, которые бывають въ большихъ домахъ и много чего слышать, и они говорили, что изъ Москвы переведутъ и что такъ дѣйствуютъ не духовныя лица.—Пришедши въ консисторію—и скажи это я: всѣ размѣялись и въ одинъ голосъ сказали мнѣ: это вамъ снилось. А я отвѣтилъ: «снилось и сонъ сбудется».—Дѣйствительно, черезъ недѣлю секретарь получилъ письмо, что московскій митрополитъ переводится въ Кіевъ. Всѣ изумились, но не столько факту, сколько пронырливости евреевъ, которые умѣють узнать самыя сокровенныя тайны правительственныхныя.—Иногда я спрашиваю евреевъ: «а будетъ ли война?» и т. д.

(стр. 197 годъ 1891). И это при Александрѣ III и при Побѣдоносцевѣ. А что же въ наше время. Двухъ сужденій тутъ быть не можетъ».

А вотъ что пишетъ корреспондентъ высокопреосвященнаго Саввы объ окраинахъ (стр. 525, годъ 1896): «Часто я вспоминаю ваши слова о затрудненіяхъ, которыя встрѣчали вы въ управленіи полоцкой епархіей. Это относится ко всѣмъ окраинамъ нашимъ, а болѣе всего къ *Кавказу*... У насъ армяне мечтаютъ объ великой Арменіи, а грузины о Грузіи, всякими мѣрами распространяя грузинскій языкъ среди туземцевъ вмѣсто русскаго государственнаго языка, и нѣтъ такого лица, которое могло бы ихъ обуздать. Вообще русскому человѣку здѣсь живется не легко, и всегда приходится дѣйствовать съ борьбою». Въ предыдущихъ томахъ есть разсказъ о томъ, какъ евреи нечистотами оскверняли православный храмъ въ Полоцкѣ, а духовныя и гражданскія власти оказывались безсильны остановить такое безчинство. Кромѣ массы свѣдѣній общаго характера, есть много матеріала историческаго и историко-литературнаго, напримѣръ, объ архіепископѣ Никанорѣ и Чернышевскомъ (стр. 133), о Л. Н. Толстомъ (стр. 135), в. кн. Сергѣѣ Александровичѣ (стр. 179), объ Іоаннѣ Кронштадтскомъ (стр. 226), о Ѳ. И. Вуслаевѣ (стр. 298) и пр. и пр.

Разставаясь съ этимъ прекраснымъ изданіемъ, длившимся 14 лѣтъ, нельзя не замѣтить, что «Хроника высокопреосвященнаго Саввы» представляетъ собою образецъ превосходнаго литературнаго языка и читается съ не прерывающимся и захватывающимъ интересомъ и что интересъ этотъ не спеціальнй для духовныхъ лицъ, а для всякаго образованнаго человѣка. Въ этомъ смыслѣ желательно было бы возможно широкое распространеніе книги и оцѣнка ея хотя бы академіей наукъ въ виду предстоящей въ 1912 году выдачи преміи митрополита Макарія.

Въ заключеніе нельзя не поблагодарить протоіерея Г. Ѳ. Виноградова, редактора-издателя, который единоличными трудами выпустилъ въ свѣтъ девять томовъ, около 1000 страницъ каждый.

В. А. Лебедевъ.

Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. (Основаны бар. В. Р. Розеномъ). Томъ XX. Выпуски II—III. Съ 41 рисункомъ на отдѣльныхъ страницахъ. Спб. 1911. Стр. 231.

Начавшійся академическій годъ ознаменовался выходомъ въ свѣтъ двухъ выпусковъ весьма солиднаго по своему ученому багажу XX тома «Записокъ восточнаго отдѣленія».

Китайской литературѣ посвящены статьи В. М. Алексѣева: «О нѣкоторыхъ главныхъ типахъ китайскихъ заклинательныхъ изображеній по народнымъ картинамъ и амулетамъ» и «Стихотворенія въ прозѣ поэта Ли-Бо, воспѣваюція природу».

Первая статья, основанная на ученыхъ трудахъ Китая XIX столѣтія по вопросу о заклинаніяхъ, богато иллюстрирована рисунками, сопровождающими заклинанія, и содержитъ обширный подборъ наиболѣе типичныхъ изъ заклинаній.

Заклинанія китайцевъ имѣютъ характерную особенность, во многихъ случаяхъ они обращены не только къ сверхъестественнымъ злымъ силамъ, бѣсамъ, оборотнямъ и т. д., но и къ не менѣе ужаснымъ для обитателя жаркаго пояса, особенно «въ пятой китайской лунѣ», «пяти ядоноснымъ звѣрямъ»: жабѣ, стоножкѣ, ящерицѣ, змѣѣ и пауку. Часто употребляется, какъ амулетъ, изображеніе «Чжанъ Тянь Ши» или «Небесной Силою Учителя», возсѣдающаго «на тигрѣ, царѣ звѣрей, страшномъ для всѣхъ злыхъ существъ, а также для ядоносовъ. Тигрь, въ такомъ случаѣ, изображается давящимъ своими тремя лапами ядоносовъ, четвертой лапой показывающимъ печать съ заклинаніемъ, а во рту держащимъ вѣтку полыни». Тому же автору принадлежитъ переводъ прекрасныхъ строфъ экзотической китайской поэзіи Ли-Бо (VI в. по Р. Х.), вдохновенныхъ гимновъ природѣ. Два первыхъ приведенныхъ авторомъ стихотворенія почти параллельны по содержанию. Въ обоихъ отличительною чертою является проскальзывающая въ обуявшемъ поэта чувствѣ восхищенія красотой весенней природы нотка скорби объ ея быстротечности и о разлукѣ съ другомъ. Эти мотивы крайне характерны для китайской поэзіи, почти не признающей лѣта и зимы и сурово молчащей въ той области, которая доставляетъ почти исключительную пищу европейской лирѣ—въ области страстной любви мужчины къ женщинѣ... Третье стихотвореніе заключаетъ въ себѣ «скорбныя строфы», посвященныя грустному осеннему вечеру и «долгой осенней ночи».

Д. М. Позднѣевъ помѣстилъ на страницахъ «Записокъ» свой интересный докладъ о новомъ имѣющемъ огромное значеніе трудѣ японца виконта Канэко Кантароо, пытающагося создать общую письменность для трехъ родственныхъ по языку странъ: Японіи, Кореи и Китая, путемъ опредѣленія минимальнаго числа іероглифовъ, общихъ для трехъ языковъ. Въ предисловіи къ своему «японо-корейско-китайскому словарю» авторъ выдаетъ широкій планъ будущаго тѣснаго объединенія всѣхъ трехъ народовъ желтой расы—при помощи объединенной и понятной для всѣхъ трехъ народовъ іероглифической письменности.

Уже давно, по мнѣнію автора, существуетъ движеніе Японіи на материкъ Азіи.

Оно приняло серьезные размѣры еще задолго до японо-китайской войны. Усвоившая себѣ европейскую культуру и сознавшая свои силы Японія поставила свою задачу изученіе государствъ материка Восточной Азіи и упроченіе въ нихъ своего политическаго и экономическаго вліянія. Однимъ изъ необходимыхъ средствъ облегчить это движеніе служить установленіе общепонятной письменности. Для осуществленія этой цѣли небольшимъ обществомъ, которыя возникаютъ очень легко и часто въ Японіи, выработанъ вышеуказанный словарь, содержащій около 6.000 іероглифовъ. «Іероглифы выбраны главнымъ образомъ тѣ, которые находятся нынѣ въ общемъ употребленіи».

Іероглифическую письменность для Японіи издатель считаетъ могущественнымъ орудіемъ воздѣйствія на Китай и Корею. Путемъ утилизаціи іероглифическаго письма Японія будетъ въ состояніи выполнить свою миссію объединителя, просвѣтителя и цивилизатора Азіи. «Цивилизація Японіи, Китая и Ко-

реи, существующая на протяжении нѣсколькихъ тысячелѣтій, съ самаго своего возникновенія до настоящаго времени зиждется на заслугахъ китайской литературы». «Если мы будемъ пользоваться,—говоритъ авторъ труда,—и базироваться на китайскихъ іероглифахъ, то можемъ надѣяться въ будущемъ на колонизованіе нами (Японцами) всего Дальняго Востока и на развитіе на немъ нашей промышленности. Наше государство должно будетъ сначала объединить въ себѣ цивилизаціи Запада и Востока, переварить въ себѣ все старое и новое и выплавить изъ этого элементы для новой цивилизаціи, а дальше уже обратиться къ континенту Восточной Азіи, распространить эту нашу новую цивилизацію, расширить свою торговлю и найти матеріалы для промышленности». Наша страна и Китай по населенію принадлежатъ къ одной расѣ и владѣютъ одною письменностью. Не возлагаетъ ли такимъ образомъ на Японію небо великую миссію и не предписываетъ ли оно Японіи постоянно и безостановочно устанавливать все болѣе и болѣе теплыя и тѣсныя отношенія добраго сосѣдства и дружбы съ Китаемъ? Не должны ли мы путемъ духовнаго единенія и коопераціи силъ цивилизовать нравы Восточной Азіи?»

Заканчивая сообщеніе свое о вновь появившемся словарѣ, Д. М. Позднѣвъ, наблюдавшій на мѣстѣ непрерывную и кипучую дѣятельность японцевъ, высказываетъ слѣдующее мнѣніе о значеніи этого новаго литературнаго японскаго предпріятія: оно «обеспечитъ», по мнѣнію Позднѣва, во многомъ успѣхъ цивилизаторской дѣятельности Японіи въ Азіи въ области перенесенія въ дальневосточныя государства основъ европейской цивилизаціи и упроченія въ нихъ японскаго политическаго и экономическаго вліянія».

Въ статьѣ «Еще о словѣ «челеби», служащемъ одною изъ любимыхъ темъ нашихъ ориенталистовъ, академикъ Н. Я. Марръ затрагиваетъ вопросъ о культурномъ значеніи курдской народности въ исторіи передней Азіи.

В. Владиміръцовъ опубликовалъ рефератъ, прочитанный имъ въ 1910 г. въ нефилологическомъ обществѣ, о «турскихъ элементахъ въ монгольскомъ языкѣ», какъ слѣдствіе вліянія турецкаго языка на монгольскій.

Арабистъ И. Ю. Крачковскій выступилъ со статьею «Поэтъ корейшитской плеяды». Произведенія Абу-Дахбала, которыхъ касается авторъ, до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны ученымъ. Нынѣ они изданы въ Англій. Корейшитская поэзія представляетъ по словамъ автора, нѣчто оригинальное и самобытное. Вліяли особыя условія жизни племени корейшитовъ, ранѣ другихъ перешедшаго къ городской жизни. Абу-Дахбаль темою своихъ произведеній беретъ любовь, со всѣми ея перипетіями, обычно-несчастную, потому что «сама судьба вѣдь не идетъ прямо: судьба—крива». Большинство мелкихъ сочиненій его просты и граціозны; въ нѣкоторыхъ проявляются глубина и безыскусственность чувства. Арабисты должны быть благодарны за новый матеріалъ, удачно освѣщающій все разнообразіе арабской поэзіи въ эпоху Омайядовъ и позволяющій стать на болѣе прочную почву въ изслѣдованіи того теченія, блестящимъ представителемъ котораго былъ «Омаръ-ибнъ-абу-Раби-а—величайшій пѣвецъ любви среди арабовъ», какъ его характеризуютъ знатоки-арабисты.

Н. Д. Мироновъ предлагаетъ вниманію специалистовъ текстъ рукописи изъ пожертвованнаго въ императорскую публичную бібліотеку собранія индій-

ских рукописей И. П. Мисаева. Текст касается брахмановъ Мага и исповѣдымаго ими культа солнца, излагаетъ преданіе объ основаніи святилища солнца, чудѣ со статуей солнца и пожертвованіи царемъ участка земли святилищу солнца. Публикуемый текстъ авторъ статьи не рѣшается считать древнимъ, но въ основу его вошли мѣстные древнія преданія. «Чѣмъ больше,—говоритъ авторъ,—будутъ находить и изучать такія мѣстные легенды, чѣмъ обширнѣе будутъ наши свѣдѣнія о различныхъ мѣстныхъ культурахъ, тѣмъ ближе мы подойдемъ къ разрѣшенію основныхъ проблемъ исторіи великихъ религій Индіи».

А. Мирозовъ.

Труды владимирской ученой архивной комиссіи. Книга XI. Съ 4 рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ 3 портретовъ и 36 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ. Владимиръ. 1910. Стр. 79+209+XII+36+14+40+II+22+42+80. Цѣна 4 рубля. Тоже. Книга XII. Съ приложеніемъ 1 плана и 40 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ. Владимиръ. 1911. Стр. II+7+12+10+14+190+50+VI+36+32+20+177. Цѣна 4 рубля.

Главное содержаніе разсматриваемыхъ книжекъ «Трудовъ» владимирской архивной комиссіи составляетъ «Историческая записка о владимирской губернской гимназій за 1833—1904 годы», принадлежащая перу А. В. Захарова, пользовавшагося, главнымъ образомъ, архивными данными. Нѣсколько лѣтъ тому была напечатана подобная же «историческая записка» П. Н. Страхова, который успѣлъ обозрѣть въ своемъ трудѣ лишь исторію владимирскаго главнаго народнаго училища (за время съ 1786 до 1804 г.) и владимирской гимназій (за время съ 1804 до 1833 года). А. В. Захарову было поручено педагогическимъ совѣтомъ гимназій продолжить этотъ трудъ, отчего записка его и начинается съ 1833 года и ведется по плану, принятому П. Н. Страховымъ, т. е. по періодамъ господства уставовъ гимназій. Все содержаніе ея раздѣлено на «три главныя части», не считая приложеній, и именно описанія: 1) эпохи стараго классицизма, или устава графа Уварова (1833—1849 гг.); 2) эпоха колебанія уставовъ (1849—1871 гг.) и 3) эпоха новаго классицизма, или устава графа Толстого съ его измѣненіями (1871—1904 гг.). Описаніе каждой изъ этихъ частей, въ свою очередь, дѣлится на главы, посвященныя отдѣльнымъ сторонамъ гимназической жизни. Излагая довольно подробно фактическую часть, авторъ довольно часто приводитъ и свои поясненія и выводы, которыя свидѣтельствуютъ о хорошемъ его знакомствѣ съ источниками. Небезынтересна его характеристика педагоговъ 1830 и 1840-хъ годовъ. «Педагоги 1830-хъ годовъ,—пишетъ онъ,—въ большинствѣ случаевъ представляются намъ заурядными, малообразованными чиновниками, хорошо знающими формальныя тонкости государственной службѣ, но малосвѣдущими въ преподаваемыхъ наукахъ и относящимися къ своей дѣятельности, какъ къ обыкновенной чиновничьей службѣ»... «Сороковые годы представляютъ совершенно иную картину дѣятельности педагоговъ. Здѣсь мы видимъ передъ собою уже не полуграмотныхъ чиновниковъ, а образованныхъ и усердныхъ учителей, которые, строго соблюдая правила службы, главной задачей своей считаютъ не исполненіе формальностей, а самое веденіе учебнаго дѣла, особенно преподаванія. Составленныя ими программы

и разнаго рода служебные рапорты почти всегда написаны логично и грамотно и обнаруживают знаніе своего предмета и усердное отношеніе къ преподаванію... (стр. 98). Немало затѣмъ вѣрныхъ замѣчаній и упрековъ находимъ по адресу толстовской системы обученія и воспитанія. Въ «приложеніи» къ обзору гимназій находимъ списки должностныхъ лицъ и окончившихъ курсъ учениковъ и два алфавитныхъ указателя личныхъ именъ.

Слѣдующей, тоже довольно интересной работой этого перваго отдѣла XI книжки является историческое описаніе «Святозерской пустыни, женскаго общежительнаго монастыря въ Гороховецкомъ уѣздѣ Владимирской губерніи», составленное В. Г. Добронравовымъ. Въ XII книжку вошли еще «сообщенія»: В. В. Касаткина—«О днѣ рожденія святаго благовѣрнаго великаго князя Георгія Всеволодовича»; А. А. Кузнецова—«Романовская ямская слобода»; Н. П. Травчетова—«Подоболотскій могильникъ близъ гор. Мурома» (недавно открытый и изслѣдованный В. А. Городцовымъ могильникъ финскаго племени «Мурома» X вѣка), и М. И. Смирнова—«Справки» о переславской флотиліи Петра Великаго».

Изъ слѣдующихъ трехъ отдѣловъ: «матеріалы», «смѣсь» и «приложенія», обращаетъ наибольшее вниманіе послѣдній. Здѣсь находимъ, прежде всего, библиографическій указатель къ «Трудамъ» владимирской архивной комиссіи, составленный А. В. Смирновымъ, и «библиографическое описаніе» И. Ф. Масанова двухъ «сатирико-юмористическихъ» журналовъ: «Весельчакъ» (за 1858—1859 гг.) и «Искра» В. С. Курочкина (за 1859—1873 гг.) и еженедѣльной литературной газеты «Молва» (за 1857 г.). «Описаніе» журналовъ составлено такъ: сначала идетъ хронологическій указатель статей журнала по годамъ и номерамъ его, а за нимъ указатели: именъ авторовъ и переводчиковъ и сотрудниковъ художественнаго отдѣла, и въ концѣ систематическій указатель содержанія. Къ описанію журнала «Искра» приложено, кромѣ того, указатель, подъ заглавіемъ: «Русскіе писатели въ карикатурахъ «Искры», въ числѣ которыхъ значится «Валуевъ, Петръ Александровичъ, графъ, государственный дѣятель, романистъ, поэтъ», оставшійся, къ сожалѣнію, безъ отмѣтки редактора, что это не кто иной, какъ извѣстный министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ. Оба первыхъ описанія, сверхъ того, иллюстрированы хорошо исполненными рисунками и портретами. Изъ журнала «Весельчакъ» помѣщены: заглавная выписка журнала на 1858 г. и «современный фокусникъ» (Ив. Ив. Панаевъ), а изъ «Искры»—68 рисунковъ: три въ текстъ и 65 на отдѣльныхъ листахъ—исключительно карикатуры на тогдашнихъ писателей, редакторовъ и издателей. Несомнѣнно, что это «библиографическое описаніе» явится цѣннымъ пособіемъ для очень многихъ, интересующихся исторіей литературы и журналистики. Напечатать пока названные «указатели», владимирская архивная комиссія собирается издать указателей къ «подобнымъ журналамъ» еще «пять выпусковъ, за время второй половины прошлаго столѣтія, кончая 1890 годомъ». Остается только привѣтствовать подобныя работы, какъ и вообще издаваемые владимирской ученой архивной комиссіей книжки «Трудовъ», отличающіяся богатствомъ содержанія и оставляющія далеко за собою изданія другихъ архивныхъ комиссій.

В. Рудаковъ.

Минцловъ, С. Р. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. I. Новгородъ. 1911. Стр. 171. Цѣна 2 руб.

Задача автора указанной книги состояла въ томъ, чтобы дать читателю «полный сводъ указаній на всякія сказанія о Россіи и русскихъ людяхъ», расположенный въ хронологическомъ порядкѣ такъ, чтобы всякій, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ тою или другою эпохой, могъ по одному справочнику сразу же опредѣлить, кто именно писалъ о ней и гдѣ можно найти его сочиненія. Однако задачей простого справочника г. Минцловъ не хотѣлъ ограничиться. Онъ задумалъ, по его словамъ, «извлечь изъ забвенія весь циклъ именъ, затерянныхъ теперь въ пыльныхъ рядахъ книгъ, отмѣтить всѣ отзывы современниковъ объ авторахъ этихъ документовъ (?!), что важно для выясненія степени достовѣрности показаній ихъ, и, наконецъ, кратко изложить содержаніе каждаго документа».

Для выполненія своей задачи авторомъ пересмотрѣны книги, вышедшія въ Россіи и за границей отдѣльными изданіями почти за двѣсти послѣднихъ лѣтъ. Кромѣ того, при разысканіи пересмотрѣны, по указанію автора: 1) «всѣ каталоги букинистовъ» (перечисляются фамиліи, какихъ именно, числомъ до 30) и всѣхъ петербургскихъ и московскихъ книгоиздательствъ, по 1907 годъ включительно, 2) работы нашихъ видныхъ библиографовъ и 3) многочисленныя періодическія изданія въ видѣ журналовъ, газетъ и разнаго рода многотомныхъ сборниковъ.

Планъ изданія таковъ: первый выпускъ посвященъ исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ до Павла I включительно, второй отведенъ времени Александра I, третій—Николая I, четвертый—эпохъ Александра II, пятый и послѣдній долженъ обнимать царствованія Александра III и Николая II. Въ настоящее время выпущенъ лишь первый выпускъ, заключающій въ себѣ 1064 порядковыхъ нумера, изъ которыхъ большинство распадается, въ свою очередь, на нѣсколько мелкихъ номеровъ. Въ концѣ книги алфавитный указатель, составленный М. С. Минцловой.

Какъ во всякой большой работѣ, въ «Обзорѣ» г. Минцлова есть недочеты, именно: 1) пропущены нѣкоторыя библиографическія указанія (напр., доклады и приговоры сената, изд. академіей наукъ,—гдѣ встрѣчаются письма Петра I, «Повседневная записка замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ», А. Кроткова, Спб. 1893 г. «Придворный журналъ 1741—1742 годовъ» барона Черкасова. Спб. 1883 г. «Ближніе люди императрицы Елизаветы Петровны въ письмахъ къ ней» въ «Архивѣ» Калачова, книга третья, 1862 г. «Журналъ дежурныхъ генераль-адъютантовъ. Царствованіе Елизаветы Петровны». Спб. 1897 г. «Описаніе путешествія цесаревича Павла Петровича въ Берлинъ въ 1776 году, печатанный при университетѣ въ ноябрѣ того же года». Записка Штелина о Петрѣ III въ сборникѣ «Утро» изданномъ Погодинымъ въ 1868 г. и др.); 2) не всегда точно приведены названія книгъ и статей, какъ, напр., подъ № 352—рубрика 11 (точное заглавіе книги таково: «Собраніе собственноручныхъ писемъ государя императора Петра Великаго къ Апракси-
«истор. ввстн.», мартъ 1912 г., т. сxxvii. 18

нимъ», ч. I и II, М., 1811 г.) и 3) не указано числа страницъ приводимыхъ въ «Обзорѣ» изданій... Вообще говоря, авторомъ не достигнута та болѣе широкая цѣль, которую онъ поставилъ себѣ, полныхъ свѣдѣній о сказаніяхъ и всѣхъ отзывовъ современниковъ объ авторахъ, а также «содержанія каждаго документа» въ книгѣ г. Минцлова не найти.

Однако и того, что сдѣлано г. Минцловомъ, вполне достаточно, чтобы книга его въ качествѣ справочнаго изданія стала необходима для каждой болѣе или менѣе значительной библиотеки. Имъ просмотрѣно громадное количество изданій, сдѣлана выборка нужнаго матеріала, который умѣло представленъ въ систематической росписи. Заслуга составителя предъ русской исторической наукой несомнѣнна.

М. К.—овъ.

Нашествіе Наполеона. Отечественная война 1812 г. Альбомъ репродукцій въ краскахъ по картинамъ извѣстныхъ художниковъ, съ пояснительнымъ текстомъ подѣ редакціей И. Н. Божерянова. Изданіе С. М. Прокудина-Горскаго и К. М. Лаурсонъ. Спб. 1911. 1-й и 2-й выпуски. Цѣна по подпискѣ 12 руб.

Къ числу изданій, появившихся по случаю наступающаго столѣтняго юбилея великой Отечественной войны, слѣдуетъ отнести только что вышедшій въ свѣтъ художественный альбомъ, издаваемый г.г. Прокудинымъ-Горскимъ и Лаурсономъ. Все изданіе будетъ состоять изъ 40 картинъ большого формата, воспроизведенныхъ съ оригиналовъ извѣстныхъ художниковъ по способу цвѣтной фотографии, составляющей специальность мастерскихъ г. Прокудина-Горскаго. За столѣтній періодъ картинъ и портретовъ, касающихся даннаго событія, набралось весьма много, такъ что издателю представлялся обильный матеріалъ для выбора; въ изданіе вошли картины Верещагина, Кившенко, Прянишникова, Гессе, Дезарно, Коссака и др., причемъ къ каждой картинѣ приложенъ объяснительный текстъ. 1-й выпускъ снабженъ, кромѣ того, общимъ очеркомъ всей войны 1812 года, написаннымъ г. Божеряновымъ. Изданіе будетъ выходить по выпускамъ, по 8 картинъ въ каждомъ, всего пять выпусковъ; первые два выпуска уже вышли, 3-й появится въ декабрѣ, 4-й въ—февралѣ 1812 года, а все изданіе будетъ закончено въ мартѣ 1812 года. Судя по вышедшимъ выпускамъ, исполненнымъ весьма отчетливо, альбомъ представитъ собою довольно полную коллекцію художественныхъ картинъ, изображающихъ собою главнѣйшіе моменты войны и портреты ея дѣятелей. Въ первыхъ выпускахъ преобладаетъ фигура Наполеона, столь часто повторяющаяся въ картинахъ Верещагина; кромѣ того, въ немъ помѣщены: извѣстная картина Кившенка «Военный совѣтъ въ Филяхъ», картины Гессе: «Сраженія подѣ Бородинымъ, подѣ Краснымъ и подѣ Полоцкомъ» и картина Прянишникова, изображающая плѣнныхъ французовъ подѣ конвоемъ нашихъ крестьянъ.

Л. Н.

**Исторія о Путивлѣ, уѣздномъ городѣ Курской губерніи. Составилъ И. Рябининъ.
Путивль. 1911. Цѣна 1 рубль.**

Книга, заглавіе которой предъ глазами читателей, если не первое и не единственное, то во всякомъ случаѣ въ своемъ родѣ рѣдкое явленіе для Путивля. Хотя въ Путивлѣ типографіи существовали не съ прошлаго года и не въ единственномъ числѣ, но въ прошломъ году, за недостаткомъ работы, оплачивающей добросовѣстный трудъ печатанія, а главное вслѣдствіе неравной конкуренціи, одна изъ двухъ, Е. М. Никифоровой, къ сожалѣнію, прекратила свое существованіе, другая же, вышеупомянутая, только начинаетъ свое новое дѣло, именно, кромѣ чисто официальныхъ бумагъ и коммерческихъ работъ, печатаніе, такъ сказать, ученыхъ книгъ, какова вышеупомянутая. Быть можетъ, только этимъ объясняются большіе недостатки ея въ корректурномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, ошибокъ этого рода въ ней «тъма тьмущая», при чемъ даже отмѣченныя въ отдѣльной таблицѣ поправокъ, находящейся въ концѣ работы, не свободны отъ новыхъ и еще горшихъ ошибокъ, чѣмъ каковы исправленныя. Другой типографскій недочетъ—въ недостаткѣ не только иностранныхъ и рифмовъ, но и церковно-славянскаго, почему соотвѣтствующія слова и цѣлыя выраженія исполнены «отъ руки» или же «зіяютъ» въ видѣ пустыхъ пространствъ, заключенныхъ въ загадочныя скобки, каковы, по крайней мѣрѣ, тѣ, что на 64, 65 и 141 страницахъ. О сносномъ же исполненіи такихъ политипажей въ текстѣ, каковы княгиня Ярославна, плачущая на путивльскій стѣнѣ, С. С. Соломка, и 2 плана путивльскаго удѣла за время съ 1054 по 1124 г. и самага Путивля при императрицѣ Екатеринѣ II Великой, нечего, конечно, и говорить:

Есть и авторскіе недостатки языка и слога, какъ это видно отчасти изъ самага заглавія сочиненія («Исторія о...») и въ обращеніи къ читателю («чтобы да...»), а также въ такихъ словахъ, каковы: камплица (вм. каплица), Ярослав Владимировичъ (вм. Владимировичъ), 1184 (вм. 1185) г. походы князя Игоря противъ половцевъ, заключительное же стихотвореніе В. Ковалевскаго лишено ритма, особенно въ первомъ четверостишіи. Стилъ изложенія нѣсколько архаиченъ и мало обработанъ въ литературномъ отношеніи, на что указываетъ и самъ авторъ въ предисловіи сочиненія.

Это, однако, не исключаетъ нѣкоторыхъ мѣстъ, изложенныхъ авторомъ, какъ образованнымъ человѣкомъ, въ духѣ современности и даже въ лучшемъ смыслѣ пониманія слова «слогъ», именно въ значеніи индивидуальнаго стилия, притомъ нерѣдко съ подъемомъ чувства, гдѣ авторъ говоритъ о православіи и любви къ отечеству или родинѣ. Главный, однако, интересъ и даже заслуга его труда въ добросовѣстной компиляціи того историческаго матеріала, который группируется около родного ему города и который найденъ имъ въ нѣкоторыхъ родныхъ лѣтописяхъ (Ипатіевской и Кіевской Лаврентіевскаго списка), у нѣкоторыхъ историковъ (Тацита, Карамзина и Соловьева), а также въ нѣсколькихъ мѣстныхъ историкахъ, каковы труды курскаго губернскаго статистическаго комитета, «Курскія Епархіальныя Вѣдомости», сочиненія Левицкаго, Преображенскаго и др., не исключая журнала «Нива» и учебника по русской исторіи Елпатьевскаго. Мѣстами этотъ

чисто областной историческій матеріалъ располагается на фонѣ общерусской и даже всеобщей исторіи, какъ это дѣлаютъ, впрочемъ, сами лѣтописцы и историки. Не часто, но все же встрѣчаются и чисто авторскія догадки, какъ и посылная критика, которыхъ, однако, не будемъ приводить, чтобы не быть слишкомъ утомительными, тѣмъ болѣе, что онѣ не изъ важныхъ, и если мы намекнули на нихъ, то лишь для нѣкотораго оправданія озаглавленія книги именемъ исторіи, вмѣсто болѣе точнаго имени хронологическаго свода лѣтописныхъ и историческихъ свѣдѣній о П. Какъ на такія, можно указать на тѣ догадки, которыя помѣщаются на 8, 10, 12, 14, 62, 67, 93, 107, 110, 111, 135 и 157 страницахъ. Нѣтъ, однако, ни слова о событіяхъ 1905—6 г., не найдетъ читатель упоминанія и о такой путивльскоѣ сокровищницѣ, какова общественная библіотека имени Маклаковымъ, Зато сравнительно подробно и соп атоге изложены обстоятельства царствованія Алексѣя Михайловича, при чемъ для Путивля особенно лестна и до нѣкоторой степени даже сенсационна должна быть 91 «золотая» страница и на ней тотъ фактъ, что, при иныхъ обстоятельствахъ, ихъ городъ могъ бы сдѣлаться, хотя и временной, все же царской резиденціей, при чемъ ихъ любимый «городокъ» приобрѣлъ бы значеніе «кремля». И. М. Рябинину принадлежить и другой, подобный настоящему, именно касающійся исторіи Путивля трудъ. Онъ носитъ заглавіе: «О Путивльскомъ Преображенскомъ соборѣ и о тѣхъ церквяхъ и монастыряхъ, кои имѣли связь съ соборомъ», напечатанъ въ I т. «Трудовъ харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда» въ 1902 г., тогда же явился и въ видѣ отдѣльнаго оттиска; по клише его-то исполнены лучшіе политипажки въ текстѣ и позднѣйшаго труда того же автора и въ количествѣ болѣе 10. Пожелаемъ маститому автору еще потрудиться на излюбленномъ имъ поприщѣ мѣстной исторіи, а новому изданію его послѣдняго труда болѣе тщательной корректуры, при нѣкоторыхъ поправкахъ и дополненіяхъ, послѣ чего онъ будетъ достоинъ назваться настольной книгой каждаго изъ просвѣщенныхъ путивлянъ, а также стараго и славнаго города Путивля съ его бурной исторіей.

Цѣна книги, при путивльскихъ трудностяхъ печатанія ея, совсѣмъ не велика, но для довольно пустоватаго кармана жителей его не совсѣмъ посылна, почему книга едва ли найдетъ быстрое и обширное распространеніе въ мѣстной средѣ; впрочемъ, въ тѣсной связи съ поэтическимъ и историческимъ авторитетомъ «Слова о полку Игоревѣ» она небезынтересна и для болѣе широкой публики. Но это уже выходитъ изъ предѣловъ настоящей, собственно библиографической замѣтки.

Терскій сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Терскому календарю» 1911 г. Изданіе терскаго областного статистическаго комитета подъ редакціей секретаря комитета М. А. Караулова 2-го. Выпускъ седьмой. Н. С. Иваненковъ. Горные чеченцы. Владикавказъ. 1911. 8°. 1+223 стр.

Содержаніе недавно вышедшаго въ свѣтъ седьмого выпуска «Терскаго сборника» исчерпывается трудомъ Н. С. Иваненкова «Горные чеченцы», представляющимъ собою культурно-экономическое изслѣдованіе чеченскаго района нагорной полосы Терской области.

Какъ извѣстно, чеченцы, или, какъ они сами себя называютъ, «нахчій»— являются самымъ незначительнымъ кавказскимъ племенемъ и по количеству населенія (205 тысячъ душъ обоого пола) и по занимаемой ими территоріи. Нынѣ они живутъ перемѣшанно съ русскими и кумыками въ Терской области, къ востоку отъ осетинъ, между Терекомъ и южной границей области, отъ Дарьяла до истока рѣки Акташа.

О древнѣйшихъ судьбахъ чеченскаго племени не имѣется никакихъ данныхъ, кромѣ фантастическихъ легендъ о чужеземцахъ (арабахъ), основателяхъ этого народа. Начиная съ XVI вѣка, чеченцы послѣдовательно вели борьбу съ ногайцами, калмыками, кабардинцами, кумыками и, наконецъ, съ русскими. Въ нашихъ историческихъ актахъ имя ихъ встрѣчается впервые въ договорѣ калмыцкаго хана Аюки съ астраханскимъ губернаторомъ Апраксинымъ (1708 г.). Отношеніе чеченцевъ къ Россіи первоначально было мирное, но въ 1840 году они измѣнили своему нейтралитету и перешли на сторону извѣстнаго Шамиля, подъ предводительствомъ котораго въ теченіе почти 20 лѣтъ вели отчаянную борьбу противъ Россіи, стоившую послѣдней огромныхъ жертвъ. Борьба окончилась массовой эмиграціей одной части чеченцевъ въ Турцію и переселеніемъ остальныхъ изъ горъ на плоскость.

Трудъ г. Иваненкова касается исключительно чеченцевъ, живущихъ въ нагорной полосѣ Терской области, являясь результатомъ его мѣстнаго изслѣдованія, произведеннаго имъ въ 1906 году по порученію особой комиссіи по землеустройству населенія нагорной полосы Терской и Кубанской областей.

Вся работа автора имѣетъ специальное назначеніе охарактеризовать современное экономическое положеніе населенія, а потому преимущественное мѣсто въ ней отведено вопросу о степени обезпеченія населенія землею. Внѣшнимъ историческимъ событіямъ, имѣвшимъ вліяніе на образованіе Чечни, природѣ края и правовымъ и общественнымъ вопросамъ въ книгѣ отведено второстепенное мѣсто—въ первыхъ трехъ главахъ.

Природа нагорной полосы, гдѣ обитаютъ чеченцы, по удостовѣренію г. Иваненкова, бѣдна и дика; такая же бѣдная и дикая тамъ и органическая жизнь.

Въ противоположность другимъ кавказскимъ племенамъ, поселеннымъ изолированно, чеченцы живутъ обществами, происшедшими отъ одного корня и имѣющими общіе экономическіе интересы. Каждое общество состоитъ изъ нѣсколькихъ отселковъ, хуторовъ и зимовниковъ, образовавшихся отъ одного какого-либо стараго селенія.

Важнѣйшею отраслью хозяйства у горныхъ чеченцевъ является скотоводство; хлѣбопашество же играетъ второстепенную роль въ виду малопригодности земли подъ земледѣльческую культуру. Правовыя отношенія къ землѣ у чеченцевъ, какъ и у другихъ горцевъ, очень запутанныя. Земельные споры—большое ихъ мѣсто.

Юридическій строй у чеченцевъ представляетъ обычныя черты родового быта. Кровная месть у нихъ сохранилась въ полной силѣ.

Въ своихъ религіозныхъ обычаяхъ, кромѣ элементовъ христіанскихъ и магометанскихъ, чеченцы сохранили много элементовъ первобытнаго язычества, между прочимъ и фаллическаго культа.

Въ общественномъ быту чеченцы пользуются меньшими симпатіями, чѣмъ другіе кавказскіе народы, вслѣдствіе своей подозрительности, склонности къ коварству и суровости. Неукротимость, храбрость, ловкость и спокойствіе въ борьбѣ—отличительныя черты чеченца. Въ обыкновенное время идеаль его—грабежъ. Угнать скоть, увести женщину и ребенка, хотя бы для этого пришлось ползти по землѣ десятки верстъ и при нападеніи рисковать своей жизнью, любимое дѣло чеченца.

Въ обыденной своей жизни чеченцы очень умѣренны. Всѣ хозяйственныя заботы по дому лежатъ на женщинѣ, положеніе которой принижено, но не до такой степени, какъ, напримѣръ, у лезгинъ. Питаются чеченцы плохо: чурекомъ (лепешка изъ кукурузной муки), пшеничной похлебкой и кукурузной кашей.

Для земельного устройства чеченцевъ, а равно и другихъ горцевъ Сѣвернаго Кавказа, въ 1906 году была образована особая землеустроительная комиссія. Работы этой комиссіи на мѣстахъ пока ограничились земельно-экономическимъ изслѣдованіемъ нагорной полосы Терской и Кубанской областей. Надо надѣяться, что эти труды приведутъ въ скоромъ времени къ какимъ-нибудь положительнымъ результатамъ и земельной неурядицѣ, наблюдаемой нынѣ у горцевъ, будетъ положенъ конецъ.

Бор. Городецкій.

Отчетъ о дѣятельности орловскаго церковнаго историко-археологическаго общества за 1908 и 1909 годы. Орель. 1911. Стр. 24.

За послѣднее десятилѣтіе открыто особенно много церковныхъ историко-археологическихъ обществъ и комитетовъ, которые, имѣя во главѣ одно изъ самыхъ жизненныхъ и работоспособныхъ обществъ, церковно-историческое общество при кievской духовной академіи, усердно работаютъ въ провинціи на пользу отечествовѣдѣнія, часто вовсе даже безкорыстно и безвозмездно. И своею дѣятельностью на глазахъ широкой публики ширятъ и пропагандируютъ идеи археологіи, въ широкомъ смыслѣ этого слова, за что имъ необходимо сказать русское спасибо.

Изъ отчета видно, что орловское церковно-археологическое общество живетъ сравнительно съ другими обществами богато: въ 1908 году общество участвовало въ черниговскомъ областномъ (??) археологическомъ съѣздѣ въ лицѣ своего депутата почетнаго члена И. Евс. Евсѣева, а также посылкою цѣнныхъ предметовъ музея на выставку съѣзда; въ 1909 году принимало участіе въ кашинскихъ церковныхъ торжествахъ, посылало своего почетнаго члена В. Р. Апухтина на международный археологическій конгрессъ въ Каирѣ (Египетъ) и пр.

Въ 1909 году заканчивалось печатаніе «Историко-статистическаго и археологическаго описанія церквей и приходовъ орловской епархіи», а также продолсь печатаніе третьяго тома «Сборника» общества.

Въ 1908 году было шесть засѣданій общества, а въ 1909 году—восемь, съ довольно интересными докладами.

Приходъ, расходъ и остатокъ суммъ общества выразился въ 1908 году—приходъ 1,589 р. 70 к., расходъ—633 р. 56 к., остатокъ—956 р. 14 к.; за 1909 годъ

всего (считая и остатокъ) прихода—1,314 р. 36 к., расходъ—1,092 р. 25 к., остатокъ—222 р. 11 к.

Интересно отмѣтить, что «Сборники» общества, повидимому, обязательны къ выпискѣ для всѣхъ церквей орловской епархіи, такъ какъ въ денежномъ отчетѣ общества имѣется такая, напримѣръ, статья прихода отъ отцовъ благочинныхъ и отъ монастырей епархіи за второй томъ сборника общества—1,890 р. 75 к. (1,564 р. 75 к.+298 р.—28 р.) (стр. 21 и 22).

Благодаря этому, общество имѣетъ солидную матеріальную поддержку, а также знакомитъ духовенство епархіи съ археологіей, пробуждая въ немъ, быть можетъ, невольную, любовь къ старинѣ и вербуя для нея работниковъ.

Разсматриваемый нами отчетъ есть отдѣльный оттискъ изъ «Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1910 и 1911 года.

Д. Вочковъ.

Русское воздухоплаваніе, исторія и успѣхи. Подъ редакціей В. Ф. Найденова и Н. А. Рынина, при литературномъ участіи: С. Гана, Н. А. Морозова, военнаго инженера полковника В. Ф. Найденова, военнаго инженера подполковника С. А. Нѣмченко, полковника генеральнаго штаба С. И. Одинцова, лейтенанта Г. В. Піотровскаго, инженера-технолога Л. А. Розенцвейга, инженера путей сообщенія Н. А. Рынина, В. Г. Тана, подполковника Н. И. Утѣшева, капитана А. И. Шабскаго и др. Съ многими иллюстраціями. Изданіе товарищества «Общественная Польза». Спб. 1911. Выпускъ I. 196 страницъ. Цѣна 2 р. 50 коп.

Въ послѣднее время всѣми слоями нашего общества проявляется замѣтный интересъ къ воздухоплаванію. «Авіаціонныя недѣли» въ Петербургѣ и такія же состязанія въ другихъ городахъ привлекаютъ громадныя массы зрителей, въ газетахъ и журналахъ имъ посвящаются подробнѣйшіе отчеты и обширныя статьи. На книжномъ рынкѣ появилась цѣлая литература по воздухоплаванію: тутъ и научныя техническія книги для специалистовъ, въ большинствѣ переводы, и популярныя для обыкновеннаго читателя, и даже полубеллетристика, какъ, напримѣръ, рассказы изъ жизни авіаторовъ. Но книги, посвященной русскому воздухоплаванію, его возникновенію и развитію, его открытіямъ и побѣдамъ, до сихъ поръ не было, если не считать нѣсколькихъ маленькихъ брошюрокъ по этому вопросу да того сырого, никому невѣдомаго матеріала, который разбросанъ въ специальныхъ журналахъ, въ архивахъ и докладахъ ученыхъ обществамъ. Настоящее изданіе должно восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей литературѣ: «Пора,—говорится въ предисловіи,—наконецъ собрать весь этотъ обильный и интересный матеріалъ и на основаніи его дать въ первый разъ исторію русскаго воздухоплаванія. Отсутствіемъ такой книги въ Россіи можно, отчасти, объяснить замалчиваніе этой исторіи на страницахъ капитальныхъ заграничныхъ изданій, лишенныхъ возможности находить и пользоваться рѣдкими и въ Россіи матеріалами». Такова цѣль этого изданія, къ соудничеству въ которомъ привлечены наши лучшія силы въ этой области. Изданіе будетъ состоять изъ шести выпусковъ.

Первый выпускъ посвященъ исторіи міроваго воздухоплаванія ввиду того, что «русское воздухоплаваніе, его исторія и успѣхи шли рука объ руку и,

отчасти, вытекали из поступательного хода идей, опытов и фактов борьбы за завоевание воздуха на Запад и в Америкѣ».

Начинается книга «Введеніемъ» Н. А. Рынина. Исторію развитія воздухоплавания принято дѣлать на три періода; каждый изъ нихъ отмѣчается развитіемъ воздухоплавательныхъ аппаратовъ извѣстнаго типа. Эти аппараты дѣлятся также на три класса: аппараты легче воздуха, тяжелѣе воздуха и смѣшаннаго типа. Авторъ въ короткихъ словахъ даетъ понятіе о родоначальникѣ аппаратовъ легче воздуха—монгольфьерѣ, изобрѣтенномъ братьями Монгольфье во Франціи въ 1783 году. Затѣмъ говоритъ о воздушномъ шарѣ профессора Шарля, о шарьерѣ, построенномъ въ Парижѣ въ томъ же году, на которомъ были главнѣйшія и нынѣ примѣняемая устройства, описываетъ устройство современныхъ аэростатовъ и первый управляемый аэростатъ парижскаго инженера Анри Жиффара, построенный въ 1852 году. На ряду съ развитіемъ аппаратовъ легче воздуха (статическій полетъ), управляемыхъ аэростатовъ, шло развитіе и аэроплановъ, аппаратовъ тяжелѣе воздуха (динамическій полетъ). Прототипомъ этихъ аппаратовъ является воздушный змѣй, устройство котораго было извѣстно еще въ глубокой древности. Къ простѣйшимъ аппаратамъ динамическаго полета относятся парашюты и планеры, змѣи безъ веревочекъ, приспособленные для подъема человѣка. Надъ развитіемъ планеровъ много работали американскій ученый Шанютъ и германскій—Отто Лилиенталь, погибшій при исполненіи опыта въ 1896 году. Установивъ на планерѣ легкій двигатель, при помощи котораго приводились во вращеніе винты и получалась необходимая для полета сила тяги и подъемная сила, получили аэропланъ. Аэропланы стали быстро развиваться и совершенствоваться, чему много способствовало изобрѣтеніе легкихъ двигателей и труды ученыхъ по изученію механическихъ свойствъ воздуха, а также опредѣленіе наивыгоднѣйшей для полета формы частей аэроплана и очертанія винтовъ. Кромѣ аэроплановъ, были попытки устроить аппараты тяжелѣе воздуха и другихъ типовъ, напримѣръ: орнитоптеры и вертолеты, не имѣвшіе до сихъ поръ практическаго успѣха. То же можно сказать и объ аппаратахъ смѣшаннаго типа. Заканчивается «Введеніе» очень интересными схемами, иллюстрирующими результаты, достигнутые человѣкомъ въ полетахъ.

Послѣ «Введенія» слѣдуетъ обстоятельная статья Г. В. Піотровскаго «Двѣ основныхъ идеи покоренія воздуха». Авторъ, между прочимъ, сообщаетъ много очень интересныхъ историческихъ фактовъ о попыткахъ людей летать. Характерно, что въ самой глубокой древности люди, если и думали летать, то только на крыльяхъ, а о какомъ-либо шарѣ и помину не было. Послѣдняя, то есть идея аэростатическаго полета, начала развиваться лишь съ XVIII вѣка. Статья г. Піотровскаго написана очень живо, образно, красиво и представляетъ собой интересную исторію трудной, но славной побѣды человѣческаго разума надъ воздушной стихіей, начиная съ съдой древности и до самыхъ послѣднихъ дней. Очень интересенъ взглядъ автора на значеніе рекордныхъ полетовъ.

Заканчивается книга статьей извѣстнаго русскаго воздухоплователя А. И. Шабскаго «Краткій очеркъ развитія управляемыхъ аэростатовъ».

Изящная, чисто художественная внѣшность изданія заслуживаетъ также

самой высокой похвалы. Въ книгѣ помѣщено семь вкладныхъ иллюстрацій, пять листовъ автотипій на цвѣтной бумагѣ и сто двадцать пять рисунковъ въ текстѣ, взятыхъ преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ и изъ коллекцій В. Ф. Найденова, Н. А. Рынина и А. И. Шабскаго. Эффектна обложка работы извѣстнаго художника И. Вилибина. М — о.

Московское общество народныхъ университетовъ. Статистика. Ея приемы и ея значеніе для общественныхъ наукъ. Лекціи А. А. Кауфмана. Москва. 1911. Стр. 210.

Московское общество народныхъ университетовъ выполняетъ большое просвѣтительное дѣло, популяризируя своими изданіями тѣ отрасли знанія, которыя обыкновенно не освѣщаются въ общедоступныхъ работахъ. Ими уже изданы отличныя популярныя руководства по общему ученію о правѣ (Г. Ф. Шершеневича), объ административномъ правѣ (А. И. Елистратова), объ уголовномъ процессѣ (Н. Н. Полянскаго). Но особеннаго вниманія заслуживаетъ названная книжка А. А. Кауфмана. Доступная по цѣнѣ (50 коп.) и изложенію она окажется нужной и полезной въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ нашей читающей публики. Ее слѣдуетъ пробѣжать тѣмъ, кто, забывъ университетскій курсъ статистики, не устаетъ потѣшаться надъ «статистическимъ враньемъ»; она равно полезна и той средѣ, гдѣ боятся всякихъ переписей и не любятъ статистики; и, наконецъ, она прямо необходима каждому, такъ или иначе принимающему участіе въ статистическихъ работахъ. Книжка г. Кауфмана распадается на четыре главы. Въ первой, давъ предварительно общее понятіе о статистикѣ, авторъ объясняетъ такъ называемый «законъ большихъ чиселъ». Во второй главѣ разсматриваются методы полученія статистическихъ чиселъ, и послѣдняя говоритъ объ ихъ научной обработкѣ. Совершенно особнякомъ стоитъ третья глава—«Статистическія числа и дѣйствительность». Этотъ интересный вопросъ даже въ серьезныхъ первоисточникахъ статистики никогда не получалъ всесторонней обработки. Выдвигая его, авторъ руководствовался соображеніемъ, что «интересы статистики настоятельно требуютъ того, чтобы въ возможно широкихъ слояхъ общества распространялись правильныя и не прикрашенныя представленія о достижимой для статистики степени точности результатовъ, въ частности о вліяніи на достовѣрность цифръ такъ называемаго «статистическаго вранья» и о тѣхъ средствахъ, какими располагаетъ статистика для борьбы съ этимъ зломъ» (стр. 5). Знаменитый статистикъ Майеръ указываетъ, что начинающихъ работниковъ этой науки часто посѣщаютъ сомнѣнія относительно точности и вѣрности статистическихъ цифръ. Плохо вѣрить имъ и малоосвѣдомленная большая публика. Г. Кауфманъ неопровержимо доказываетъ, что хотя статистика и не даетъ «абсолютной истины, какъ не даютъ ея, впрочемъ, и другіе методы научнаго мышленія», но она «даетъ при нормальныхъ условіяхъ наиболѣе близкое къ дѣйствительности изображеніе явленій общественной жизни, какового только мы можемъ достигнуть при имѣющихся въ нашемъ распоряженіи способахъ познанія» (стр. 147).

При всѣхъ своихъ достоинствахъ книга г. Кауфмана имѣеть одинъ существенный недостатокъ. Статистика, полная совершенно неожиданными для большой публики и очень любопытными примѣрами закономѣрности явленій общественной жизни, заключаетъ въ себѣ богатѣйшій соціологическій матеріаль. Этой области г. Кауфманъ едва коснулся. Соціологическими выводами статистики онъ интересуется мало, всюду выдвигая на первый планъ экономическую жизнь. Изъ той же области, почти исключительно русской и въ значительной степени крестьянской, авторъ беретъ многочисленные примѣры, которые, при заимствованіи ихъ изъ болѣе широкаго круга явленій, могли быть болѣе яркими и интересными.

Пант.

Н. А. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и не собранныхъ произведеніяхъ. Составилъ Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешехинъ). Москва. 1911. Цѣна 80 коп.

Настоящая книга является однимъ изъ выпусковъ «Историко-литературной библиотеки», выходящей въ Москвѣ подъ редакціей А. Грузинскаго и поставившей себѣ цѣлью служить руководствомъ при изученіи русскихъ писателей не только по ихъ общеизвѣстнымъ и законченнымъ произведеніямъ, но и по первоначальнымъ наброскамъ, отрывкамъ, воспоминаніямъ современниковъ, письмамъ и т. п. По такой программѣ и составлены первые нѣсколько выпусковъ «Библиотеки» о Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ и др. Но если эти выпуски могли служить лишь лишнимъ руководствомъ для учащихся и учащихся, то книжка, посвященная Некрасову, является совсѣмъ не лишнимъ вкладомъ въ сравнительно крайне бѣдную литературу о поэтѣ мести и печали. При наличности въ этой литературѣ всего двухъ небольшихъ біографическихъ работъ Скабичевскаго и Мельшина—не говоря о книгѣ А. Н. Пыпина, малодоступной вслѣдствіе ея дороговизны—очеркъ Ч. Вѣтринскаго, несомнѣнно, представляетъ болѣе или менѣе полную картину жизни и дѣятельности поэта. Его расширяютъ и богато иллюстрируютъ собранныя изъ многочисленныхъ источниковъ воспоминанія о Некрасовѣ его современниковъ, такъ или иначе съ нимъ соприкасавшихся. Имѣютъ извѣстное значеніе, конечно, и собранныя въ одинъ рядъ письма поэта, до сихъ поръ разбросанныя по разнымъ изданіямъ, а потому большой публикѣ весьма мало извѣстныя. Среди нихъ, кстати, приведены нѣсколько писемъ Некрасова, впервые появляющихся въ печати. Но особое значеніе, безъ сомнѣнія, имѣеть въ этой книгѣ отдѣлъ собранныхъ и недоступныхъ обществу произведеній поэта, въ виду крайней неполноты единственнаго существующаго въ обращеніи двухтомнаго собранія сочиненій Некрасова. Въ этотъ отдѣлъ, кромѣ отрывковъ изъ романа «Три страны свѣта» и разсказа «Петербургскіе углы», который Бѣлинскій нашелъ отличающимся необыкновенной наблюдательностью автора и необыкновеннымъ мастерствомъ изложенія, вошелъ цѣлый рядъ стихотвореній, какъ раннихъ, такъ и вполне зрѣлыхъ, но по той или иной причинѣ не попадающихъ въ собраніе сочиненій Некрасова. Изъ нихъ считаю не лишнимъ привести одно—посвященіе спасшему Александра II отъ выстрѣла Каракозова крестьянину О. И. Комиссарову—

какъ очень любопытное въ смыслѣ характеристики поэта мести и печали. Вотъ оно.

Не громка моя лира, въ ней нѣтъ
Величавыхъ, торжественныхъ пѣсень,
Но придетъ, народится поэтъ,
Вдохновенъемъ могучъ и чудесенъ.
Онъ великую пѣсню споетъ
И героями пѣсни той чудной
Будутъ: Царь, что стезей многотрудной
Царство русское къ счастью ведетъ;
Царь, покончившій рабскіе стоны,
Вѣковую безправность людей
И свободныхъ сыновъ миллионы
Даровавшій отчизнѣ своей,—
И крестьянинъ, кого возрастилъ
Въ нѣдрахъ Руси народъ православный,
Чтобъ въ себѣ весь народъ онъ явилъ
Охранителемъ жизни державной.
Сынъ народа, тебя я пою!
Будешь славенъ ты много и много...
Ты великъ, какъ орудіе Бога,
Направлявшаго руку твою!

Вообще настоящая книжка, безусловно, интересная и полезная, и цѣна дѣлаетъ ее доступной всѣмъ. И. Г.—чѣ.

**Собраніе сочиненій С. Н. Кривенко. Съ портретомъ. Спб. 1911. Два тома.
Стр. 487+456. Цѣна 2 р. 50 к.**

Собраніе сочиненій покойнаго Сергѣя Николаевича Кривенко состоитъ преимущественно изъ статей, печатанныхъ имъ за періодъ 1873—184 гг. въ «Отечественныхъ Запискахъ». По происхожденію Кривенко принадлежалъ къ помѣстному дворянству Тамбовской губерніи, родился 20 января 1848 г. и умеръ 5 июня 1906 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ воронежской военной гимназіи, а затѣмъ въ Павловскомъ военномъ училищѣ, но служить въ полку онъ не захотѣлъ. Въ 1867 г. онъ окончилъ курсъ и впервые вступилъ на литературное поприще въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Корша. Наибольше видное участіе въ литературѣ Кривенко проявилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ одинъ изъ представителей «радикальнаго народничества» 70-хъ годовъ. Настоящее собраніе его статей является прекрасной иллюстраціей къ идейной жизни «семидесятниковъ», освѣщая собою ихъ политическую дѣятельность, когда молодые люди стремились въ народъ «опроститься» (см. «Новъ» Тургенева и процессъ 193-хъ), и давая богатый матеріалъ для оцѣнки минувшихъ годовъ. Статья Кривенка «Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія», по справедливости считается, «и въ личномъ для Кривенка, и въ общественномъ смыслѣ самой характерной его работой». Эта статья явилась жестокой критикой порядка въ нашихъ школахъ, въ которыхъ физическій трудъ отдѣленъ отъ умственнаго и въ которыхъ воспитаніе, очевидно, не мс-

жетъ развѣивать челоуѣка всего. Но Кривенко чисто педагогическій вопросъ вынесъ въ сферу общественной морали и политики. На физическомъ трудѣ онъ обосновываетъ и нравственность челоуѣка, и его политическую зрѣлость.

Доказывая вполне основательно вредъ односторонняго воспитанія въ нашихъ школахъ, Кривенко постоянно уходитъ въ политику и радикальничаетъ въ духѣ 70-хъ годовъ: «Знаніе, бывшее привилегією кастъ и орудіемъ эксплуатаціи труда, съ появленіемъ на общественной аренѣ капитала сдѣлалось привилегією капитала и также является орудіемъ эксплуатаціи труда. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда либерализмъ дѣлалъ знаніе открытымъ для всѣхъ, не дѣлая его въ то же время возможнымъ для всѣхъ и оставляя за нимъ привилегіи, знаніе продолжало играть ту же самую роль: оно либо подчинялось капиталу, либо вступало съ нимъ въ самую тѣсную дружбу, либо, благодаря привилегированности своего положенія, неминуемо выражавшейся въ вещественныхъ формахъ, скоро само становилось капиталомъ и усвоило себѣ всѣ капиталистическія свойства.

Мысли г. Кривенка о монополизациі знанія богатыми классами вполне напоминаютъ идеи пропагандистовъ 70-хъ годовъ о томъ, что прогрессъ промышленности увеличилъ пропасть между богатыми и бѣдными классами, а научный—невѣжество между ними; что «народолюбцы» не имѣютъ права посвящать себя наукѣ и становиться въ привилегированное положеніе къ массѣ, а должны стремиться къ сліянію съ народомъ и быть готовыми всякую минуту, вмѣстѣ съ народомъ, измѣнить ненормальный строй жизни и т. д.

Проникнутая этими мыслями передовая молодежь 70-хъ годовъ боялась обуржуазиться въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и занять привилегированное положеніе въ обществѣ. Она рвала дипломы и становилась въ положеніе чернорабочаго.

Кривенко въ то же время писалъ ей: «никогда и никѣмъ еще не было доказано, чтобы умственная дѣятельность требовала большихъ комфортавъ, чѣмъ дѣятельность физическая, хотя пытавшихся доказать это было едва ли не больше, чѣмъ сѣрыхъ кошекъ».

Весьма характерна также борьба Кривенка съ либералами школы князя А. И. Васильчикова, которые противъ обнищанія народа выставили ссудо-сберегательныя товарищества, мелкій кредитъ, посильное расширеніе, путемъ самопомощи, размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія и т. п. палліативныя мѣры. Самы по себѣ мысли г. Кривенка совершенно вѣрны, когда онъ писалъ о томъ, что только тѣ финансовыя мѣры вполне желательны, которыя охватываютъ все рабочее сословіе, и мало желательны тѣ изъ нихъ, которыя «способствуютъ только увеличенію класса хозяевъ». Съ этой точки зрѣнія ему легко было оспаривать ссудо-сберегательныя товарищества, мелкій поземельный кредитъ и другія мѣры князя Васильчикова, клонящіяся, по утвержденію Кривенка, къ «дифференцированію» населенія, т. е. къ обезземеленію обѣднѣвшаго населенія и переходу ихъ земли въ руки зажиточнаго населенія, наиболѣе кредитоспособнаго.

Онъ рѣшительно говоритъ, что всякое производство для того, чтобы быть выгоднымъ и существовать, должно имѣть достаточныя размѣры, должно быть

вооружено машинами и лучшими техническими приёмами, иначе оно не выдержит конкуренции съ другими производствами, мелкая, такъ называемая карликовая промышленность съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто крупной; что, можетъ быть, ассоціаціи и продержатся нѣсколько долѣе, но въ концѣ концовъ онѣ должны пасть, несмотря на всю энергію и самыя высокія взаимныя чувства рабочихъ; что напрасно мы стали бы искать причинъ ихъ паденія въ какихъ-либо внутреннихъ недостаткахъ ассоціацій вообще. Ассоціаціи погибнуть совсѣмъ не по этимъ и другимъ подобнымъ причинамъ, а потому, что не въ состояніи будутъ конкурировать съ большою промышленностью». Чтобы быть въ состояніи конкурировать съ большою промышленностью и успѣшно развиваться, ассоціаціи, по мнѣнію Кривенка, должны сами организовать свои предприятия въ большихъ размѣрахъ, должны сами направить свою дѣятельность на большую промышленность, что невозможно достигнуть путемъ пресловутаго принципа самопомощи, путемъ сбереженій изъ заработной платы, которая держится въ рабочемъ классѣ на минимумѣ средствъ существованія. Невозможно этого достигнуть, вспомагая ассоціаціи и кредитомъ, основаннымъ на томъ же принципѣ, потому что такой кредитъ всегда будетъ слабъ и недостаточенъ. И возможно этого достигнуть только путемъ широкаго кредита, только путемъ широкой помощи и поддержки государства. А этого-то вотъ и не можетъ переваривать школа Шульце-Делича.

Правда, иногда Кривенко радостно привѣтствовалъ «русскія народныя артели» и «кооперации на русской почвѣ», предсказывая переходъ потребительскихъ кооперативовъ въ производительные и т. д. (т. I); но въ основахъ своего міросозерцанія онъ не былъ склоненъ думать, что на экономическихъ палліативахъ народная масса приучается къ самоуправленію и мало-по-малу воспитывается къ болѣе радикальному образу жизни. Самопомощь казалась ему объединеніемъ хозяйственныхъ мужичковъ, а не работниковъ.

Не менѣе типично для его времени и радикальничанье по вопросу о надѣленіи землей каждаго желающаго. Въ статьѣ «Къ вопросу о мелкомъ земельномъ кредитѣ» (т. II) онъ говоритъ, что въ землѣ не должно быть отказано рѣшительно никому, рѣшительно ни одному человѣку—ни крестьянину, ни фабричному, ни чиновнику и т. д.,—если онъ пожелаетъ заняться сельскимъ хозяйствомъ; что не дѣло государства распредѣлять профессіи, предназначать къ нимъ людей чуть ли не съ самаго рожденія и мѣшать, положимъ, чиновнику, когда онъ пожелаетъ, промѣнять свою душную канцелярію на независимую и здоровую жизнь, полную огромныхъ нравственныхъ наслажденій и честнаго труда, столь же полезнаго для государства, какъ и канцелярская служба.

Не говоря уже о томъ, что едва ли хватить земли, если удовлетворить ея желаніе даже однихъ крестьянъ, но и самое предположеніе о чиновникахъ съ сохою въ рукахъ—свидѣтельствуетъ о томъ, что Кривенко разсуждалъ объ этомъ вопросѣ совершенно отвлеченно, а практически упускалъ изъ виду то, что сосна красна, гдѣ выросла; что человѣку нельзя изъ канцеляріи сѣсть за пахоту и косьбу...

«Широкіе горизонты политической программы и въ облакахъ теряющіяся вершины міросозерцанія» какъ шестидесятниковъ, такъ и семидесятниковъ

свидѣтельствуютъ не только идеализмъ ихъ представителей, но и ихъ практическое незнакомство съ жизнью. Это особенно замѣтно въ статьѣ Кривенка по поводу циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ Л. С. Макова. «Народъ,— писалъ онъ,— всегда считалъ землю общимъ достояніемъ и никогда не признавалъ ее частной собственностью. Ссылаться ли намъ на нашихъ лучшихъ историческихъ писателей и изслѣдователей быта: Неволіна, Бѣляева, Самарина и др.? Но это настолько общеизвѣстно, что ссылки излишни. Никакихъ юридическихъ и политическихъ оснований наша частная собственность не имѣетъ... Ни князья Рюрикова дома, ни какіе-либо другіе не имѣли права на землю, которая оставалась за смердами, купцами, крестьянами, и при томъ не за каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, а за ихъ міромъ. Исполонъ вѣковъ у насъ каждый взрослый имѣлъ право на землю наравнѣ со всѣми. Взгляды эти проходятъ черезъ всю русскую исторію. Что ни дѣлали съ ними распорядители многострадальной русской земли, они уцѣлѣли и остаются неизмѣнными: правительственныя распоряженія не исполнялись, насильственныя нововведенія забывались и т. д. Историческія права такъ легко не разрушаются и доживаютъ до суднаго дня... Преемники Петра во что бы то ни стало желали создать у насъ аристократію, подобную западно-европейской... Вотъ откуда ведетъ свою давность наше частное землевладѣніе, вотъ какимъ путемъ создавалось оно»...

По этому вопросу на каждое слово Кривенка можно и слѣдуетъ возражать...

Надо жить, дѣйствительно, «на облакахъ», чтобы при всемъ сочувствіи къ націонализаціи земли и обобществленію труда не видѣть въ то же время въ народѣ развитія частно-владѣльческихъ желаній на землю. Дѣйствительность, можетъ быть, очень непріятна, но забывать ея не слѣдуетъ, равно какъ и научныя изслѣдованія о земельной собственности. Мнѣніе Неволіна, Бѣляева Самарина и другихъ о земельной собственности давно перестало быть неоспоримой истиной. Существуетъ совершенно противоположная школа, тоже съ рядомъ извѣстныхъ именъ, утверждающая, что «собственность крестьянскихъ общинъ не принадлежитъ къ исконнымъ явленіямъ нашей исторіи». (Сергѣевичъ. «Русскія юридическія древности», т. III, стр. 31). Сергѣевичъ прямо заявляетъ, что «на основаніи напечатанныхъ писцовыхъ книгъ мы знаемъ, кому принадлежали новгородскія земли почти въ половинѣ общаго числа новгородскихъ погостовъ (въ 172 погостахъ). Собственниками были: бояре, купцы, посадскіе люди, крестьяне, попы, монастыри, владыка и самъ Великій Новгородъ; но ни одного клочка не показано за крестьянскими общинами. Отсутствие указаній въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ на землевладѣніе крестьянскихъ общинъ имѣетъ рѣшающее значеніе по вопросу о земельной собственности крестьянъ. Если ни въ одномъ изъ 172 погостовъ, подробно описанныхъ въ древнѣйшихъ книгахъ, не было ни одного клочка, принадлежавшаго крестьянскимъ общинамъ, если въ книгахъ конца XVI вѣка сохранились еще указанія на конфискацію частной земельной собственности и ни одного на принадлежность земли крестьянскимъ общинамъ, то потому надо думать, что такихъ собственниковъ въ Новгородѣ и не было. А въ Новгородѣ было все, что было

въ остальной Руси. Надо думать, что и въ остальной Руси собственность крестьянскихъ общинъ не принадлежитъ къ исконнымъ явленіямъ нашей исторіи» (стр. 26—31, т. III).

Въ ученomъ мѣрѣ очень распространено мнѣніе о томъ, что крестьянскія общины возникаютъ изъ земель, отписанныхъ на государя и предоставленныхъ государемъ въ условное владѣніе помѣщиковъ или оброчное владѣніе крестьянъ.

Если даже мнѣніе Сергѣевича можно оспаривать и по новымъ даннымъ отыскать слѣды общинно-крестьянскаго владѣнія въ древности (см. книгу проф. Блюменфельда «О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи»), то все же будетъ крайне ошибочно утверждать, по-кривенковски, что земля исключительно была «общимъ достояніемъ». Формы землевладѣнія были всегда разнообразны, и данныя новгородскихъ писцовыхъ книгъ совершенно ясно свидѣтельствуютъ о наличности въ Новгородѣ исключительно частной земельной собственности своеземцевъ, а не общинниковъ. Въ изслѣдованіи г-жи Ефименко («Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ», стр. 196) говорится о томъ же. Утверждать же, какъ это дѣлаетъ Кривенко, что «частное землевладѣніе ведетъ свою давность съ «преемниковъ Петра», желавшихъ создать у насъ «западно-европейскую аристократію»—значить забыть совершенно частнособственническія завѣщанія удѣльныхъ и московскихъ князей, боярскія вотчины и вообще весь нашъ до-петровскій феодализмъ.

Такимъ образомъ, какъ прошлое земельной собственности искажено Кривенкомъ, во имя народническихъ идеаловъ семидесятыхъ годовъ, такъ точно имъ были игнорированы и современные факты на почвѣ землевладѣнія.

Что касается политическихъ взглядовъ Кривенка, то и здѣсь онъ является яркимъ представителемъ семидесятыхъ годовъ, когда всѣ были увѣрены въ томъ, что дворянство въ Россіи уходитъ съ исторической сцены и уступаетъ свое мѣсто буржуазіи, уже съ инымъ знаменемъ, не менѣе грознымъ. «При ея ненасытности,—писалъ Кривенко,—она возьметъ, разумѣется, изъ казны все, что только можетъ взять, окончательно истощитъ наши финансы, разоритъ народъ и, въ концѣ концовъ, сама же потребуетъ свободы и конституціи»... Это и будетъ кануномъ торжества демократіи, въ разумъ которой наиболѣе вѣрилъ Кривенко, упуская при этомъ вмѣстѣ съ своими современниками то, что прежде, чѣмъ предъявлять къ государству демократическую программу, надо преобразовать въ этомъ духѣ прежде всего самое государство и его учрежденія путемъ политическихъ реформъ. Въ семидесятыхъ годахъ надъ политикой преобладали экономическія и соціальныя требованія въ интересахъ обездоленныхъ массъ: все для народа и черезъ народъ... Но на практикѣ получалось, по словамъ героя Гл. Успенскаго («Своекорыстный поступокъ»), то, что «не успѣвъ даже прикоснуться къ дѣлу, я уже подвергся остракизму. Меня только и дѣлали, что наказывали»...

То же самое было и съ Кривенкомъ, когда онъ становился во главѣ земледѣльческихъ кружковъ изъ интеллигентовъ. Конечно, полиція повинна во многихъ его неудачахъ, но нельзя восторгаться и тѣмъ, что «семидесятники» совершенно не подозрѣвали ея существованія во всѣхъ своихъ практическихъ

попыткахъ быть съ народомъ заодно. «Ихъ только и дѣлали, что паказывали», можно сказать о результатахъ ихъ дѣятельности. Это историческій фактъ изъ жизни «семидесятниковъ» и пора его признать, вопреки идеалистическимъ воспоминаніямъ «семидесятниковъ» о самихъ себѣ въ журналахъ «Былое» и «Минувшіе Годы».

По тѣмъ же причинамъ не болѣе плодотворны были и журнальныя предпріятія Кривенка, когда онъ становился во главѣ «Русскаго Богатства», «Слова», «Устоевъ», «Начала» и «Сына Отечества». Конечно, и здѣсь администрація играла значительную роль въ его неудачахъ, но при той же администраціи умѣли процвѣтать не только «Вѣстникъ Европы» Стасюлевича, но и социалистическое «Русское Богатство» въ рукахъ Н. К. Михайловскаго.

Здѣсь также много зависѣло и отъ талантности журнальныхъ «хозяевъ»: ихъ опытности въ цензурномъ отношеніи, умѣнья группировать вокругъ себя интересныхъ сотрудниковъ и «литературнаго вкуса» самого редактора. Но какъ бы тамъ не было, а въ двухъ томахъ сочиненій С. Н. Кривенка перечитываешь и теперь съ любовью взгляды «семидесятниковъ» по вопросамъ воспитанія интеллигенціи; по экономическимъ и агрономическимъ задачамъ нашего народнаго быта; по преобразованію государственной жизни и т. д. Всѣ его взгляды направлены къ народу и черезъ народъ... При всей ихъ односторонности, на нихъ, однако, можно было молодому поколѣнію расти и воспитываться. Самое страданіе этого поколѣнія за все, за что оно принималось дѣлать, характерно и для этого поколѣнія, и для Кривенка, вышедшаго изъ рядовъ семидесятниковъ. вполнѣ съ ними солидарнаго и отвѣтственнаго за ихъ идеи.

А. Фаресовъ.

Профессоръ П. И. Ковалевскій. Отсталыя и ненормальныя дѣти, ихъ леченіе и воспитаніе. Спб. 1911. Стр. 176. Ц. 1 р.

Было время, когда дѣтей-идіотовъ, тупоумныхъ, отсталыхъ, неуравновѣшенныхъ и т. д. оставляли на произволъ судьбы, не считали нужнымъ пытаться исправлять ихъ природные дефекты искусственнымъ восполненіемъ того, въ чемъ ребенку отказала природа. И изъ дѣтей выходили взрослые идіоты, являшіеся бременемъ для общества, и преступники.

Но случайная встрѣча швейцарскаго врача Guggenbühl съ безобразнымъ, челоукоподобнымъ существомъ съ большою головою и большимъ зубомъ у креста, охвативъ который, несчастный идіотъ шепталъ слова: «Pater noster», поразила доброе сердце, пытливый умъ и отзывчивую душу врача-мыслителя и гуманиста. И Guggenbühl принялся за пробужденія сознанія у тупоумнаго идіота и сочувствія къ нему у людей нормальныхъ.

И съ легкой руки Guggenbühl было устроено въ Abendberg первое врачебно-воспитательное заведеніе для идіотовъ. По примѣру этого заведенія и другія страны Европы стали заводить у себя подобныя же школы.

Guggenbühl умеръ давно, но его дѣло не умерло. Съ тѣмъ, что сдѣлано въ области воспитанія ненормальныхъ, отсталыхъ и тупоумныхъ дѣтей, что можетъ и должно быть сдѣлано, знакомитъ насъ извѣстный нашъ психіатръ,

профессоръ П. И. Ковалевскій въ своей только что выпущенной книгѣ, заглавіе которой мы выше выписали.

Прежде, чѣмъ изложить исторію воспитанія идиотовъ и отсталыхъ, профессоръ Ковалевскій характеризуетъ всѣ формы и виды вырожденія рода человѣческаго, причины идиотизма и слабоумія дѣтей.

На идиотовъ и недоразвившихся дѣтей смотрѣли долгое время, какъ на существа, лишенная образа Божія и даже человѣческаго,—существа, составлявшія вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелое бремя для семьи и общества. Они изгонялись на улицы, бродили по весямъ и стогнамъ. Дурачки и идиоты служили—и служатъ и донинѣ въ Россіи—предметомъ издѣвательства и часто за это жестоко и безумно мстятъ, производя поджоги, убійства и т. п. преступленія.

Какъ во многомъ другомъ, мы въ дѣлѣ воспитанія ненормальныхъ дѣтей отстали отъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Земская Россія устроила своихъ несчастныхъ душевно-больныхъ вполне правильно и рационально. Кое-что сдѣлано и правительствомъ. Среди призрѣваемыхъ душевно-больныхъ—съ грустью замѣчаетъ профессоръ Ковалевскій—много идиотовъ, которые нашли себѣ пріютъ и кормъ. Отъ нихъ избавили общество и ихъ избавили отъ общества. Но этимъ дѣло и ограничилось. Это балластъ заведеній, питающійся и ничего не дѣлающій. Это существа, только берущія отъ общества, но ничего не дающія ему хорошаго. Нужны спеціальныя школы для ненормальныхъ дѣтей. Такія школы въ цивилизованныхъ странахъ, какъ мы говорили выше, имѣются и приносятъ существенную пользу. У насъ такихъ школъ нѣтъ ни для идиотовъ, ни для отсталыхъ

«Отсталыя, неуравновѣшенныя и преступныя дѣти,—говоритъ профессоръ Ковалевскій—подлежатъ вѣдѣнію государства и потому они долго еще останутся на улицѣ и въ тюрьмѣ. Да и чего можно ожидать отъ министерства просвѣщенія, во главѣ котораго ставятъ людей «отъ солдатской швальни», въ родѣ Глазова, а ихъ помощниками Извольскихъ, погрязшихъ въ фискальствѣ и крючкотворствѣ. Къ наукѣ они питаютъ безразличность и презрѣніе и живутъ собственной карьерой и протекціонизмомъ...»

Соглашаясь вполне со всѣмъ сказаннымъ почтеннымъ профессоромъ о необходимости заботиться о воспитаніи слабоумныхъ дѣтей, нельзя не замѣтить, что вѣдомство народнаго просвѣщенія знало министровъ-солдатъ, которые проявили сердечное отношеніе къ подчиненному ихъ вѣдѣнію подрастающему поколѣнію и заботу о процвѣтаніи наукъ, и министровъ изъ профессоровъ, которые были адептами воспитательныхъ методовъ, практикуемыхъ въ дисциплинарныхъ батальонахъ.

Какъ бы то ни было, книга профессора Ковалевскаго заслуживаетъ должнаго вниманія со стороны нашихъ бюрократовъ, педагоговъ, врачей и родителей.

А. Кф.

Николай Бердяевъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Москва. 1912. Стр. VIII + 250. Цѣна 1 р. 60 к.

Книга г. Бердяева открываетъ собою серію задуманныхъ московскимъ книгоиздательствомъ «Путь» очерковъ подъ общимъ заглавіемъ «Русскіе мыслители».

«Истор. вѣстн.», мартъ 1912 г., т. сxxvii.

19

Очень удачно и вѣрно выбрана для начала характеристика Хомякова: если есть у насъ своеобразная, русская философская мысль, то, конечно, однимъ изъ ея главнѣйшихъ выразителей и первоположниковъ былъ вмѣстѣ съ Иваномъ Кириѣвскимъ Хомяковъ.

О Хомяковѣ имѣется у насъ, кромѣ громоздкаго, тяжеловѣснаго и не оконченнаго двухтомнаго изслѣдованія В. З. Завитневича, небольшая книжка Лясковаго и этуодъ профессора Владимірова: «Хомяковъ и его этико-соціальное ученіе». Но первыя двѣ книги не даютъ вовсе критической оцѣнки трудовъ Хомякова, а авторъ третьей пользуется Хомяковымъ только, какъ средствомъ, для развитія своихъ собственныхъ воззрѣній на государство и общество, причемъ хомяковское ученіе получаетъ совершенно неправильное освѣщеніе. Книга г. Бердяева является, такимъ образомъ, первой критической о Хомяковѣ монографіей.

Всего менѣе удалась автору характеристика Хомякова, какъ человѣка. Здѣсь, вѣроятно, еще на долгое время останется незамѣнимымъ трудъ Лясковаго, который съ любовью и осторожной преданностью вѣрнаго ученика чертилъ плѣнительный для себя образъ учителя, боясь привнести въ него отъ себя какую бы то ни было черту. Все, что говоритъ г. Бердяевъ о «паоосѣ гордости» у Хомякова, можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Зато очень хорошо обрисованы всѣ жизненно-религіозныя и національно-бытовыя условія, которыя дали возможность вырасти у насъ такой цѣлостной, своеобразной и крѣпкой своей землѣ и народу фигурѣ, какою былъ Хомяковъ.

Въ дѣлѣ его, многостороннемъ и такомъ же органически-цѣлостномъ, какимъ была и вся натура этого замѣчательнаго человѣка, главное мѣсто справедливо отводитъ г. Бердяевъ богословскимъ трудамъ. Ни у кого до Хомякова съ такой очевидностью не была выявлена вѣковѣчная правда восточно-православнаго религіознаго опыта, и въ этомъ его непреходящее значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь лежитъ и источникъ всего его философствованія. Въ противоположность Гегелю, принявшему за цѣлость духа разсудокъ, Хомяковъ не допускаетъ, и это основная черта русской философіи вообще,—что истина можетъ быть открыта чисто интеллектуальнымъ, разсудочнымъ путемъ. Источникъ и критерій незнанія заключается въ любви, въ церковномъ, соборномъ общеніи христіанъ. «Возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмы Отца и Сына и Святого Духа», ежедневно повторяетъ въ своихъ молитвахъ церковь. Хомяковъ вслушался сердцемъ въ этотъ многознаменательный возгласъ и послѣдовалъ за нимъ въ своемъ утвержденіи любви, какъ категоріи познанія. Идея философіи цѣлостнаго духа брошена имъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ никто, какъ онъ, такъ ясно не раскрылъ идеи церкви вообще и смысла православія въ частности, и, хотя важнѣйшія изъ его богословскихъ статей написаны въ формѣ полемики съ католичествомъ, къ которому онъ часто бывалъ несправедливъ, онѣ прочтутся съ интересомъ каждымъ: такъ стройно и высоко заключенное въ нихъ міросозерцаніе, соединяющее свободу и единство въ любви. Было бы желательнымъ, чтобы хотя теперь, когда уже сочиненія Хомякова стали общимъ достояніемъ народа, кто-нибудь издалъ по дешевой цѣнѣ эти маленькія книжечки и доставилъ имъ распространеніе.

Безконечно менѣ интереса представляютъ собою историческіе труды Хомякова, его «Семирамида». И его общая философія исторіи, и частныя историческіе взгляды, а между прочимъ и построение русской исторіи устарѣли. Выдѣляя здѣсь рядъ цѣнныхъ и вѣрныхъ мыслей, г. Бердяевъ справедливо указываетъ, что коренной недостатокъ всей философіи исторіи Хомякова заключается въ отсутствіи идеи религіозно-церковнаго развитія, а также и въ томъ, что славянофильская психологія русскаго народа не въ силахъ объяснить фактъ образованія огромнаго русскаго государства, превзошедшаго всѣ имперіи міра. Особенно интересенъ анализъ ученія Хомякова о самодержавіи, гдѣ очень ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ тонко выяснено, что въ государственныхъ построенияхъ Хомякова есть большая доля своеобразнаго анархизма, что самодержавіе у него основывается на воздержаніи народа отъ власти, какъ вредной для духа народнаго, что оно для него есть не столько идеаль сильнаго государства, сколько показатель силы духа народнаго. Очень удачно также показано, что въ славянофильской общественной философіи была затушевана идея личности, столь же центральная въ христіанской религіи, какъ и идея соборности. Вѣрно указываетъ г. Бердяевъ на преувеличенное значеніе, которое придавали славянофилы сельской общинѣ: вся ихъ социальная идиллія была безпощадно развѣяна жизнью. Вмѣстѣ съ этимъ отмѣчается и то, что было въ ученіи Хомякова о государствѣ и обществѣ вѣковѣчнымъ и неумирающимъ: пониманіе имъ власти, какъ обязанности, а не какъ права, преобладаніе момента нравственнаго надъ юридическимъ.

Предпоследняя глава книги посвящена ученію Хомякова о національности и національномъ призваніи Россіи: она исполнена живой современности, хотя народныя идеалы Хомякова и находятся въ безнадежномъ противорѣчій съ позднѣйшими націоналистическими теченіями русской мысли. Книга заканчивается краткимъ изложеніемъ судьбы славянофильства. Кое-что нуждалось бы въ ней въ большей отдѣлкѣ: авторъ иногда излишне повторяется, но кто интересуется исторіей русской философской и общественной мысли, прочтетъ книгу съ удовольствіемъ. Онъ вынесетъ изъ нея вѣрное представленіе о Хомяковѣ и его ученіи.

Андрей Сиротининъ.

Н. Р. Политуръ. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и жизнь XVIII вѣка. Спб. 1912. Стр. 136 Ц. 40 к.

Двухсотлѣтняя годовщина со дня рожденія Михаила Васильевича Ломоносова заставила русское общество снова вспомнить объ этомъ великомъ ученомъ и поэтѣ своего времени. Среди многихъ новыхъ статей и книгъ, посвященныхъ Ломоносову, обращаетъ на себя вниманіе небольшая книжечка г. Политура. «Рожденіе гения для насъ необъяснимо. Почему и какъ могло случиться, что въ убогой хижинѣ далекаго сѣвернаго края, въ семьѣ безграмотнаго рыбака родился сынъ, которому суждено было стать отцомъ русской науки?» Вотъ задача, рѣшить которую поставилъ своей цѣлью авторъ этой книги. Ломоносова онъ разсматриваетъ какъ человѣка своего времени; «на свой трудъ,—говоритъ

19*

авторъ въ предисловіи, —мы смотримъ какъ на попытку опредѣлить тѣ чисто внѣшнія условія, которыя дали толчокъ и расчистили путь для торжества генія, а также и тѣ явленія, которыя препятствовали торжеству генія Ломоносова, и въ то же время разсмотрѣть его жизнь, какъ жизнь вообще человѣка, со всѣми присущими пороками и достоинствами того времени».

Въ соотвѣтствіи съ намѣченнымъ планомъ авторъ дѣлаетъ довольно обширную характеристику той обстановки, въ которой родился и воспитывался Ломоносовъ, которая выработала его характеръ и пробудила первыя стремленія къ знанію. Здѣсь нужно отмѣтить громадное вліяніе на Ломоносова раскольниковъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованій изъ Москвы и поселившихся цѣлыми семьями въ Архангельской губерніи, въ лѣсахъ и болотахъ по обѣимъ сторонамъ Двины. Самъ отецъ Ломоносова очень сочувствовалъ раскольникамъ. Не безъ ихъ вліянія началось обучаніе грамотѣ молодого Ломоносова; справедливо подчеркиваніе авторомъ того громаднаго развивающаго значенія, которое оказывали на юнаго Ломоносова всевозможныя частыя бесѣды и споры съ раскольниками на религіозныя и другія темы. «Эти споры, на которыхъ первобытный умъ юноши не могъ дать отвѣта, заставили его впервые въ жизни задуматься надъ отвлеченными вопросами; кромѣ того, раскольники открыли передъ нимъ жизнь Москвы съ ея интересами, борьбой и новшествами, а разсказами о Петрѣ Великомъ, какъ о противникѣ и ихъ гонителѣ, окончательно выбили Ломоносова изъ его умственной спячки». Такимъ образомъ, передъ Ломоносовымъ возстаетъ цѣлый рядъ мучительныхъ нерѣшенныхъ сомнѣній, смутныхъ безсильныхъ исканій, и неудержимое стремленіе къ знанію все болѣе и болѣе овладѣваетъ имъ. Но ни раскольники, ни тѣ немногія книги, которыя съ трудомъ удалось достать настойчивому юношѣ, не только не дали ему никакихъ отвѣтовъ, но лишь рождали все новые и новые вопросы и привели его наконецъ въ Москву, въ Заиконоспасское училище. Далѣе, говоря объ уходѣ Ломоносова съ родины, авторъ подчеркиваетъ слѣдующее характерное обстоятельство, на которое прежде мало обращалось вниманія: не всѣ лица, окружавшія Ломоносова у него на родинѣ, были людьми совершенно невѣжественными, равнодушными ко всякому знанію и даже настроенными противъ этихъ «пустыхъ затѣй». Были и иные люди, къ которымъ нужно отнести Дудина, подарившаго Ломоносову книги Магницкаго и Смотрицкаго, и его перваго учителя Шубина, сынъ котораго Тома, подобно Ломоносову, пѣшкомъ пришелъ въ столицу и впоследствии сдѣлался однимъ изъ лучшихъ скульпторовъ временъ Екатерины II. Затѣмъ описывается поступленіе Ломоносова въ школу и дается обширная характеристика Заиконоспасскаго училища, современныхъ школьныхъ порядковъ и обычаевъ, педагогическихъ принциповъ, затхлой мертвой схоластики и т. п. Сильно нарисована картина того полнѣйшаго огрубѣнія нравовъ Москвы первой половины XVIII вѣка, въ которой проходила вся внѣшкольная жизнь молодого увлекающагося Ломоносова и которая привила ему многіе пороки, привычки и взгляды окружающаго общества; этимъ отчасти объясняется нравственная фізіономія Ломоносова. Затѣмъ авторъ описываетъ жизнь русскихъ студентовъ того времени за границей и даетъ обстоятельную характеристику умственной жизни германскаго общества въ XVIII вѣкѣ. Подчеркивая благо-

творное вліяніе на Ломоносова профессора Вольфа, авторъ подробно останавливается на славной и упорной борьбѣ его за свободную науку противъ рутины и невѣжества, на борьбѣ очень близкой къ той, которую впоследствии, хоть и не въ столь большихъ размѣрахъ, всю жизнь свою пришлось вести его любимому ученику Ломоносову. Замѣтимъ, что къ этому времени первые иностранные ученые, рекомендованные Вольеромъ Петру Великому, мало-по-малу разѣхались изъ Россіи и ихъ мѣста заняли или ученые старыхъ взглядовъ на науку, или же простые ремесленники, пріѣхавшіе въ Россію исключительно въ надеждѣ на матеріальныя блага. Отсюда можно вывести одну изъ важныхъ причинъ извѣстной борьбы Ломоносова съ профессорами-иѣмцами. Описаніемъ этой борьбы и вообще дальнѣйшей академической жизни Ломоносова, «сплошной трагедіи гения», и заканчивается работа г. Политура.

Въ общемъ эта небольшая книжечка читается все время съ неослабѣвающимъ интересомъ. Особенно удались автору общія характеристики эпохи, быта Москвы, иѣмецкой жизни и т. п. Кое-гдѣ попадаются неясности и неровности въ самомъ языкѣ. Съ внѣшней стороны книга издана очень небрежно; опечатки на каждой страницѣ.

Д. А.

Профессоръ атлетики И. В. Лебедевъ, директоръ спб. школы физическаго развитія, бывший преподаватель императорскаго с.-петербургскаго университета. Сила и здоровье. Руководство, какъ сдѣлаться сильнымъ и здоровымъ человѣкомъ. Упражненія безъ гантелей и съ гантелями. Съ 202 рисунками и портретомъ автора. Спб. 128 стр. Цѣна 65 коп.

Послѣ строгой солдатской муштровки и выправки, царившихъ подъ именемъ гимнастики въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, со второй половины прошлаго столѣтія въ обществѣ наступаетъ сильная и долгая реакція противъ этой крайности, вызвавшая другую крайность: чуть не полное уничтоженіе даже самаго имени гимнастика. Указывали на примѣры чахоточнаго, хилаго Бѣлинскаго, на больныхъ, безвременно скончавшихся Добролюбова или Надсона и говорили, что дѣло совсѣмъ не въ томъ, не въ гимнастикѣ и не въ шагистикѣ, что некогда тратить времени на заботы о мускулахъ, когда жизнь требуетъ такой неустанной и непрерывной работы, когда «великая эпоха реформъ» открыла новое широкое поле для общественной дѣятельности и требуетъ все новыхъ и новыхъ силъ и когда у насъ такъ мало разумныхъ интеллигентныхъ тружениковъ и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, одна крайность породила другую, а истина, какъ это и всегда случается, оказалась по срединѣ, и старая мудрая поговорка римлянъ «*Mens sana in corpore sano*» снова пріобрѣла свой прежній утраченный было авторитетъ. Въ связи съ этимъ въ послѣдніе годы въ постановкѣ гимнастики въ нашихъ школахъ произошелъ крупный переворотъ. Очень значительную роль сыграли въ этомъ дѣлѣ и «соколы»-чехи, и наши «потѣшныя». Въ обществѣ пробудился большой интересъ къ дѣлу физическаго развитія, и громадный успѣхъ извѣстной книги Миллера «Моя система», въ самое короткое время разошедшейся во многихъ изданіяхъ по всѣмъ угламъ Россіи, не говоря о статьяхъ въ специальныхъ журналахъ, доказываетъ, что за дѣло принимаются серьезно, что ищутъ новыхъ отвѣтовъ и указаній въ постановкѣ его. Это же подтверждаетъ и значительное число вновь созданныхъ за

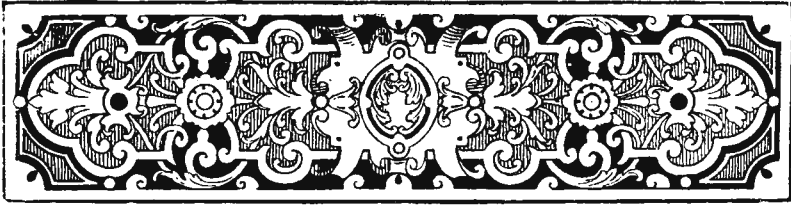
послѣднее время различныхъ обществъ, школъ и кружковъ, преслѣдующихъ цѣли рациональнаго физическаго развитія. Поэтому вполне понятно, что появленіе книги по данному вопросу русскаго автора, пользующагося притомъ въ своей области такимъ авторитетомъ, какъ извѣстный «профессоръ атлетики» И. В. Лебедевъ, должно обратить вниманіе всѣхъ интересующихся дѣломъ физическаго развитія.

«Каждый человѣкъ можетъ быть сильнымъ и здоровымъ»,—вотъ девизъ разсматриваемой нами книжки г. Лебедева. Книга предназначается: 1) для желающихъ достигнуть правильнаго физическаго развитія,—устраняя имѣющіеся тѣлесные недостатки (впалость груди, сутуловатость, общая слабость и т. д.) и поддерживать свое здоровье путемъ гимнастическихъ упражненій, 2) для желающихъ развить свою силу нарощеніемъ мышцъ. Текстъ и объясненія написаны очень просто и понятно, несмотря на свою краткость; «я писалъ такъ,—говоритъ въ предисловіи авторъ,—какъ долженъ «говорить на урокъ» учитель гимнастики, объясняя начинающимъ ученикамъ каждую деталь движенія». Къ книгѣ приложены «совѣты начинающимъ» и таблицы для упражненій безъ руководителя для дѣтей и взрослыхъ, которыя много помогаютъ читателю въ прохожденіи курса. Книга богато иллюстрирована, издана довольно опрятно и на обложкѣ—портретъ самого автора; его цвѣтущій видъ много говоритъ въ пользу предлагаемой имъ системы физическаго развитія. М—о.

И. М. Малеинъ. Мои воспоминанія. Съ портретомъ и факсимиле автора. Изданіе тверской ученой архивной комиссіи. Тверь. 1910. Стр. 238+ III.

«Мои воспоминанія» принадлежатъ бывшему воспитаннику тверскаго духовнаго училища и духовной семинаріи, около сорока лѣтъ прослужившему въ акцизномъ вѣдомствѣ и скончавшемуся въ декабрѣ 1909 года, Іустину Михайловичу Малеину. «Воспоминанія» доведены лишь до 1857 года и начинаются съ разсказа автора объ его отцѣ, который, волею духовнаго начальства, изъ Лебедева превратился въ Малеина только потому, что имя ему было дано въ честь празднуемаго 12-го іюля преподобнаго Михаила Малеина. Въ послѣдующихъ трехъ главахъ разсказывается о первыхъ годахъ жизни автора въ селѣ; затѣмъ объ обученіи въ тверскихъ духовныхъ училищѣхъ и духовной семинаріи и въ двухъ послѣднихъ главахъ объ его учительствѣ, послѣ окончанія семинаріи, въ теченіе одного года.

Изложенныя до рѣдкости простымъ, но въ то же время живымъ, литературнымъ языкомъ «Воспоминанія» И. М. Малеина, воскрешаютъ предъ читателемъ цѣлый рядъ бытовыхъ картинъ изъ жизни бѣднаго сельскаго духовенства дореформенной эпохи; ясно и въ подробностяхъ рисуютъ состояніе тогдашней бурсы; сообщаютъ немало очень мѣтко очерченныхъ типовъ какъ изъ среды преподавателей, такъ и архипастырей и въ общемъ могутъ служить цѣннымъ источникомъ для ознакомленія съ бытовой исторіей цѣлаго сословія въ николаевское время. Мѣстами проскальзывающая иронія и остроумныя замѣчанія еще болѣе возвышаютъ интересъ къ «Воспоминаніямъ», которыя, на нашъ взглядъ, очень и очень многими прочтутся съ не ослабѣвающимъ вниманіемъ отъ начала до конца. В. Р—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОВОСТИ по археологіи. — Недавно берлинскій музей издалъ отчетъ о раскопкахъ въ Элефантинѣ, гдѣ работали съ большимъ успѣхомъ нѣмецкіе археологи, а также французскіе; послѣдніе съ меньшимъ успѣхомъ. Когда-то во время персидскаго владычества въ Элефантинѣ процвѣтала военная еврейская колонія—своего рода военный поселокъ, впоследствии разрушенная и совершенно забытая. Случайно на мѣсто ея существованія наткнулись фелахи, въ поискахъ за селитрой. При раскопкахъ глины имъ попались первые папирусы, которые открыли ея мѣстонахожденіе. Папирусы написаны на арамейскомъ языкѣ и заключаютъ въ себѣ различные жалобы, прошенія, рапорты и прочіе официальные документы, нотаріальные акты и даже листы изъ произведеній воображенія. Всѣ вмѣстѣ взятые они являютъ проблески жизни, когда-то кипѣвшей въ этой общинѣ. Изъ нихъ археологи узнали, что колонія была основана въ царствованіе Апрія, въ годъ, слѣдовавшіе за взятіемъ Иерусалима, когда часть народонаселенія, которое Навуходносоръ оставилъ на мѣстѣ, эмигрировала въ Египетъ, уведя съ собою и пророка Іеремию.

Фараонъ принялъ евреевъ хорошо, но онъ расселилъ ихъ по различнымъ мѣстностямъ территоріи. Часть ихъ онъ отправилъ съ женами и дѣтьми на югъ для защиты береговъ водопада отъ эіюповъ. Пограничный армейскій корпусъ состоялъ изъ бандъ различныхъ расъ и былъ порою одинаково опасенъ и для страны, которую защищалъ. Неизвѣстно, участвовали ли евреи вмѣстѣ съ азиатскими и европейскими наемниками въ возмущеніи, произошедшемъ въ началѣ царствованія Амазиса, и съ которыми такъ сурово расплатился генераль Горусъ. Никакихъ документовъ по этому вопросу не найдено, одно извѣстно,

что евреи вмѣстѣ съ возмущившимися радостно привѣтствовали появленіе персовъ и оставались имъ вѣрны до момента, когда возмущившійся Амиртей положилъ конецъ ихъ господству.

Сохранившіеся документы всё относятся къ V вѣку, и самый древній къ эпохѣ Дарія I, 494 до Р. X., а послѣдній V г. самого Амиртея, около 405 г., остальные ко времени Ксеркса, Артаксеркса I и Дарія II. Изъ этихъ документовъ видно, что колонія была раздѣлена, какъ и въ день своего основанія, на шесть ротъ, которыми командовали персы или вавилоняне. Главнокомандующій генераль командовалъ въ Сіенѣ и распоряжался всёю, что относилось до войны, но частными рапортами завѣдывали представители центральной администраціи, городскіе судьи и почетные, засѣдавшіе въ Сіенѣ. Какъ видно изъ документовъ, на обязанности одного изъ нихъ, вавилонянина Сахана, находилось примѣненіе къ жителямъ семитическаго происхожденія ихъ національныхъ законовъ. Кромѣ этихъ лицъ, были еще писцы казначейства, писцы нотаріусовъ, писцы фараонской казны, наконецъ многочисленныя писцы египетской іерархіи. Неудивительно, что при такой массѣ чиновниковъ и сложной системѣ царило злоупотребленіе и евреямъ порою приходилось страдать отъ взяточничества и алчности этихъ чиновниковъ. Тѣмъ не менѣе археологамъ показалось, что положеніе евреевъ въ то время было сносное. Правда, браки, заимопродажи и проч. были обставлены безконечными формальностями, но зато современные нотаріусы нашли бы ихъ именно такими, какія должны быть для обезпеченія безопасности заключаемыхъ эти условія. Особенно женщинамъ жилось не худо. Онѣ располагали самостоятельно своимъ личнымъ капиталомъ, вели дѣла лично сами, безъ вмѣшательства мужа. Совершали покупки и продажи, контракты отъ своего имени, однимъ словомъ, во всемъ были равноправны мужчинамъ. Онѣ только не примѣняли къ себѣ названіе «хозяйки дома», какъ египтянки, независимость которыхъ удивляла Геродота, но пользовались полной независимостью. Гарема съ его рабствомъ въ Элефантинѣ не существовало для дочери Израиля, и женщина пользовалась уваженіемъ. Евреевъ среди народонаселенія изъ 18,000 жителей было не болѣе пяти тысячъ, и всё они ютились вокругъ крѣпости, стѣны которой впоследствии были срыты до основанія. Дома были низкіе, маленькіе, темные и раздѣлялись на группы узенькими улицами и глухими переулочками. Вообще они мало разнились отъ языческихъ. Ихъ можно было отличить отъ первыхъ только благодаря найденнымъ остракамъ и папирусамъ, въ которыхъ передавалась ихъ исторія. Храмъ Яхвэ (Еговы) или, быть можетъ, вѣрнѣе, Яхо—еще не открытъ. Впрочемъ, археологи отрыли зданіе изъ кирпича, которое, вѣроятно, представляетъ собою означенный храмъ. Изъ документовъ видно, что въ немъ совершались священнодѣйствія и приносились кровавыя жертвы, но все тамъ было не какъ въ іерусалимскомъ храмѣ или въ простой синагогѣ: догматъ единственнаго святилища у нихъ еще не преобладалъ. Ихъ храмы поэтому не отличались отъ египетскихъ и были выстроены изъ сухого кирпича съ каменными колоннами и наличниками, деревянными дверными колодами и съ потолками изъ кедроваго дерева. Храмы были построены главами эмигрантовъ на землѣ, предназначенной Априемъ, и Камбизъ, желая вознаграждать преданность ихъ потомковъ, сохранилъ ихъ въ непри-

косновенности, тогда какъ египетскіе храмы уничтожилъ. Жрецы и поклонники мѣстнаго божества Кнуму съ бараньей головою были, навѣрно, оскорблены такимъ благоволеніемъ къ иноземцамъ, но сдерживали свое недовольство болѣе вѣка. Оно вспыхнуло около 410 г., въ моментъ, когда началось народное движеніе, которое шесть лѣтъ спустя окончилось паденіемъ персидскаго господства. Командующій гарнизономъ, подкупленный языческими жрецами, послалъ людей уничтожить до основанія храмъ Яхо. Тогда евреи облеклись въ траурныя одежды, наложили на себя постъ и молитву, а затѣмъ подали жалобу начальнику Арзамху, а также Техоканаму, главному священнику въ Иерусалимѣ. Первая ихъ просьба не увѣнчалась успѣхомъ; тогда они обратились къ Багоазу, сатрапу Палестины, и въ 407 г. имъ было дано полное удовлетвореніе. Виновные въ уничтоженіи ихъ храма были наказаны, храмъ вновь выстроенъ, и культъ сталъ совершаться въ прежней торжественности. Но едва прошло два-три года, Амиртей изгналъ персовъ, и жители принесли ему клятву вѣрности. Очень вѣроятно, что туземцы сдѣлались хозяевами и не замедлили отомстить за неудачу, понесенную въ царствованіе Дарія II.

Археологи, просматривая папирусы, были поражены той страстностью, съ какой эти евреи говорили о своемъ Яхо. А между тѣмъ изъ другихъ документовъ видно, что они обожали не одного Яхо. За полтора вѣка до этого пророкъ Іеремія жаловался, съ какой легкостью его земляки предавались язычеству. Элефантинскіе евреи не поклонялись туземному богу Кнуму, Сату или египетскому Изису, но они боготворили древнія хананейскія божества и отводили имъ мѣста. Находясь вдали отъ Иерусалима, они лишь очень медленно переносили послѣдствія религиозной революціи, совершавшейся въ этомъ городѣ. Впрочемъ, изъ отрывковъ писемъ видно, что въ 419 г., пятомъ году царствованія Дарія II, нѣкій Хананія сообщалъ главѣ Іедонію копію съ императорскаго указа, въ которомъ предписывались время и обряды празднованія Пасхи. У Неэми былъ братъ Хэмата, о которомъ говорилось въ письмѣ, и, какъ предполагаютъ археологи, не для примѣненія ли реформъ спѣшилъ онъ въ Египетъ? Неэми долго служилъ въ сузскомъ дворцѣ, и уваженіе, съ какимъ къ нему относился фараонъ, объясняетъ, почему онъ удостоился такимъ вниманіемъ соблюденіе точныхъ правилъ чуждой ему религіи. Но все это предположенія. Точно также трудно разгадать, какого рода преобразованія были внесены въ режимъ празднествъ, за неимѣніемъ хотя бы отрывка ихъ въ Библии. Единственный отрывокъ съ громадными пробѣлами, дѣйствительно литературный, языческаго происхожденія. Это романъ мудраго Акхикара, визиря Сеннахериба, фараона Ассиріи, котораго уличилъ въ измѣнѣ его пріемный сынъ Надинъ. Эсархадданъ, преемникъ Сеннахериба, приговорилъ его къ смертной казни, но онъ избѣжалъ этой участи, благодаря гуманному отношенію своего палача, и скрывался въ темномъ подземельѣ до той минуты, когда его признали невиннымъ. Тогда онъ снова появился и былъ осыпанъ милостями. Эсархадданъ передалъ въ его руки Надина, но онъ не хотѣлъ его тотчасъ убить, а повелъ къ себѣ во дворецъ и оригинально отомстил. Онъ принялся его упрекать за неблагодарность, но не просто словами, а различными поговорками, баснями и въ такомъ количествѣ, что бѣднякъ не вынесъ, «сталъ пухнуть, какъ бурдюкъ, и лопнулъ». Версія этого

романа находятся въ переводѣ на пятнадцать языкахъ и въ «Тысячѣ и одной ночи», но это подлинникъ, и жаль, что онъ найденъ въ такомъ плачевномъ состояніи.

Элефантинскіе евреи совершенно не походили на своихъ сородичей, жившихъ по берегу Евфрата, всегда нывшихъ и недовольныхъ, какими ихъ рисоваль въ своихъ проповѣдяхъ Іезекиль. Напротивъ, элефантинскіе евреи отличались дѣятельностью, довольствомъ; признательные своему Богу, они были привязаны къ нему до конца, не надоѣдали ему жалобами о потерянномъ Іерусалимѣ, а устроили собственное святилище и продолжали свой культъ. Чужеземцы иной религіи, чѣмъ мѣстные жители, говорившіе на другомъ языкѣ, они могли имѣть тысячу причинъ для жалобъ и ссоръ съ язычниками, тѣмъ болѣе, что между военными и гражданскими представителями всегда замѣшивается презрительное отношеніе. Поэтому мщеніе туземцевъ выражалось бурно, какъ, напримѣръ, уничтоженіе храма и прочее. Имъ было поручено защищать Ѳеваиды, однако они никогда не вступали въ крупную войну, но не проходило года, чтобы эти маленькія дивизіи не попадали въ схватки. Случалось, что часть эѳіоповъ угрожала границѣ и однажды неожиданно напала на предмѣстье Ассуана, ограбивъ деревню. Евреямъ приходилось снѣшно, съ оружіемъ въ рукахъ заставить ихъ отступить или увлечь ихъ въ пустыню, чтобы освободить поселянъ и скотъ. Каждый разъ послѣ такихъ стычекъ на перекличкѣ не хватало нѣсколькихъ человекъ, но эта потеря такъ быстро заполнялась рожденіемъ новыхъ защитниковъ, что въ концѣ V вѣка колонія вполнѣ процвѣтала. Однако почему-то черезъ сто лѣтъ при Птоломеяхъ отъ нея не осталось слѣда.

Профессоръ Сорбонны Жюль Марта сдѣлалъ докладъ въ парижской академіи надписей относительно этрусскаго языка. До сихъ поръ для археологовъ этотъ языкъ былъ загадочный, и добытые въ большомъ количествѣ тексты оставались непонятными. Теперь, наконецъ, эту загадку разрѣшилъ профессоръ Марта и далъ ключъ къ этрусскому языку. Онъ говоритъ, что этрусскій языкъ родствененъ финскому, венгерскому и близкимъ имъ нарѣчіямъ. Основываясь на словаряхъ и грамматикѣ этихъ языковъ, онъ добился послѣдовательнаго перевода этрусскихъ текстовъ, которые анализировалъ и комментировалъ. Такимъ образомъ, ключъ къ этрусскому языку теперь нашелся, и археологамъ предстоитъ работать надъ этрусскими документами.

К о е - ч т о о р у с с к о й л и т е р а т у р ѣ.—Въ иностранныхъ журналахъ все чаще отводятъ мѣсто для Россіи и въ литературномъ, а также драматическомъ обзорѣняхъ внимательно слѣдятъ за теченіемъ современной русской литературы. Итальянскій обозрѣватель Джустино Ферри въ январскомъ театральномъ обзорѣни «Nuova Antologia» касается Льва Николаевича Толстого.

Еще Викторъ Гюго, различая три главныя эпохи во всеобщей исторіи: періодъ примитивный, когда царствовалъ лиризмъ, періодъ античный, или эпопея триумфа, и періодъ современный, періодъ драмы,—указалъ, что въ примитивный была Библія, въ античномъ—Гомеръ, а въ современномъ—Шекспиръ. И Шекспира, эту современную біблію, раскритиковали Л. Н. Толстой и Шоу, но съ этой смѣлой критикой никакъ не соглашается Ферри. Со страстью, свойственной южанину, въ своей статьѣ «Шекспирофилія и антишекспи-

ріана» онъ пытается выяснитъ искренность этой критики, а затѣмъ переходитъ къ критикѣ произведеній Толстого.

Ферри высказываетъ, что хотя Толстой не любилъ Шекспира, но его тянуло къ нему, и это тяготѣніе отразилось на его главныхъ произведеніяхъ: «Война и миръ» и «Анна Каренина». «Въ XIX вѣкѣ и въ началѣ XX у Шекспира были два противника, — говоритъ Ферри: — эти два противника — великій художникъ и оригинальный гений-писатель: одинъ русскій, другой — англичанинъ. Оба они апостолы своего собственнаго евангелія — парадоксальнаго, гуманитарнаго и отчасти непослѣдовательнаго. И тотъ и другой, съ нѣкоторой наиболѣе удачной стороны своей мысли, смогли болѣе или менѣе приблизиться къ творческой силѣ поэта, создавшаго «Короля Лира», и къ способности создателя Яго и Фальстафа изображать человѣческія страсти». Допустивъ, что «странная» антипатія Толстого и Шоу къ Шекспиру доказана и ее болѣе не объясняютъ фанатизмомъ ради софистическихъ правилъ итальянскихъ и французскихъ классиковъ, Ферри замѣчаетъ, что такіе феноменальные контрасты, какъ явное отвращеніе и тайная симпатія, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ это думаютъ, и такихъ людей всю жизнь тянетъ къ дѣлу и къ людямъ, противъ которыхъ они же возстаютъ. Ренанъ признавался, что нерѣдко въ спорѣ онъ по большей части раздѣлялъ мнѣніе своего противника. Каролина Австрійская, королева Неаполя, ненавидѣла Наполеона и въ то же время пламенно имъ восхищалась. Такимъ образомъ, изъ словъ Ферри можно заключить, что онъ предполагаетъ въ душѣ Толстого такія же два чувства къ Шекспиру. Но была ли искренна антипатія Толстого и Шоу къ Шекспиру? — спрашиваетъ Ферри. Въ теоретическихъ и полемическихъ сочиненіяхъ встрѣчаются болѣе рѣзкія выраженія, чѣмъ въ невозмутимомъ изложеніи спокойныхъ мыслей. Во время схватки непріятелей, говоритъ Ферри, трудно подражать церемонной ненависти нѣкоторыхъ героевъ Иліады, убивавшихъ другъ друга послѣ взаимнаго обмѣна рыцарскими любезностями.

Впрочемъ, Ферри при оцѣнкѣ «Живого трупа» не руководствуется своимъ недовольствомъ критикою Толстого на Шекспира. Если отвращеніе Толстого и Шоу результатъ истинной неспособности понимать, то дѣйствительная цѣнность «Живого Трупа» отъ этого не измѣнится. Для него же, Ферри, вопросъ о Шекспирѣ ясенъ, и онъ желалъ бы, чтобъ болѣе авторитетный изслѣдователь далъ лучшій отвѣтъ, чѣмъ онъ. Въ своихъ разнообразныхъ исполинскихъ сочиненіяхъ, приближаясь ли къ дѣятельности, или паря въ самомъ смѣломъ, головокружительномъ полетѣ фантазіи, Шекспиръ является намъ настоящей противоположностью доктринера, систематическаго и отвлеченнаго перестраивателя жизни. Никто глубже его не проникалъ въ душевное горе; никто болѣе его не сдѣлался ясновидящимъ врачомъ, клинкой моральныхъ болѣзней человѣчества. Эта клиника посредствомъ чудесныхъ ясновидѣній, согласно недавней англійской критикѣ, открывала органическія слабости, которыми природа заставляла его жестоко расплачиваться за дарованный гений. Но именно чрезъ это, чрезъ близкое и мучительное знаніе незримо окружавшаго его непоправимаго зла, присуждающаго человѣка, беззропотно подчиняющагося самымъ суровымъ условіямъ жизни, — никакой поэтъ, никакой художникъ не вѣрилъ менѣе Шекспира въ теоретическую панацею утопіи».

Для Ферри врачъ моральныхъ страданій человѣчества—Шекспиръ, остальные—апостолы, утописты, миссіонеры, которые нуждались, чтобы повѣрили въ дѣйствительность ихъ филантропическихъ рецептовъ, ненавидятъ и боятся неумолимой клиники, которую горькая премудрость не допускаетъ до иллюзій, относительно эмпирическихъ снадобій оптимистической фармакопеи. Непротивленіе или пассивное сопротивленіе Толстого, его обновленное христіанство, имперіалистскій социализмъ Шоу, вегетаризмъ того и другого—сдѣлались, по его словамъ, палліативами противъ неизлеченныхъ болѣзней человѣчества, у котораго Шекспиръ лечилъ Отелло отъ смертоносной ревности, Гамлета отъ тяжелыхъ сомнѣній и Макбета отъ рокового честолюбія. Если Л. Толстой, говоритъ Ферри, отрицаетъ геній Шекспира, который отразился въ его главныхъ сочиненіяхъ—«Война и миръ» и «Анна Каренина», то Шоу заимствовалъ комическій элементъ, однако комизмъ Шекспира не поверхностный, не игра внѣшнихъ противорѣчій, а сама божественная психологія; но Шоу далъ фигуру Морреля—мучительно пустую. Во избѣжаніе недоразумѣній,—оговаривается Ферри,—позволю себѣ выяснитъ, что, кромѣ непочтенія къ гиганту современнаго театра, кромѣ этой позорной богохульной клеветы, этой дерзкой хулы, я не вижу никакого сходства между яснополянскимъ отшельникомъ и ораторомъ популярнахъ лондонскихъ собраній и тѣмъ менѣе между его посмертнымъ твореніемъ «Живымъ трупомъ» и «Candida»—Шоу.

Ферри, такъ сказать, критически анатомируя «Живой трупъ», упоминаетъ, что своевременно высказывалъ свое мнѣніе объ авторѣ по поводу «Власти тьмы». Онъ отмѣтилъ и «архаическую, блаженную неопытность, наивное счастливое незнаніе искусныхъ утонченностей, какія находятся у авторовъ подлинныхъ мистерій. Намѣченная грубыми штрихами, она окрашена въ густыя краски отвратительныхъ оттѣнковъ. Сцены чередуются безъ всякой программы, композиціи, безъ зазрѣнія совѣсти нарушая норму театральнаго перспективы. Персонажи говорятъ прямо съ публикой, замѣчаетъ Ферри, высказывая въ монологахъ мысли и чувства, которыя не должны слышать его сосѣди или домашніе, нарушая этимъ внѣшнее правдоподобіе, которое мы привыкли строго соблюдать въ драмѣ и комедіи—все это придаетъ ей внѣшній реализмъ. Пороки, алчность къ деньгамъ, суевѣріе, озвѣрѣніе плебея, который не знаетъ болѣе удержа въ низменныхъ страстяхъ и инстинктивной жестокости—вотъ сущность драмы во «Власти тьмы», говоритъ Ферри. Грубая отдѣлка соотвѣтствуетъ специальной цѣли драмы, настоящей драмы народнаго театра, но подъ этимъ скрывается глубокое изслѣдованіе. Въ «Живомъ трупѣ» мы поднимаемся ступенями выше по іерархической лѣстницѣ. Во «Власти тьмы» моральное поученіе въ простыхъ словахъ старика Акима, въ «Живомъ трупѣ» урокъ философа исходитъ отъ Феда, алкоголика, безнравственнаго, но благороднаго и великодушнаго въ своемъ развращеніи человѣчка съ яснымъ умомъ и душою, стремящагося къ добру, но безвольнаго.

Производя буквально критическую анатомію технической стороны пьесы, Ферри нашелъ ее «первобытной и нетерпѣливой, какъ будто мозгъ великаго романиста уже усталъ и его усилія держались недолго. Между тѣмъ у него было желаніе создавать, создавать еще, создавать всегда, но у созданий получилось

дыханіе прерывистое и задыхающееся. Казалось, они остаются на сценѣ неохотно и спѣшать отсюда уйти. Приходятъ и уходятъ, будто фигуры кинематографа, какъ приговоренныя къ безсрочному наказанію—вѣчному движенію». Пьеса, по мнѣнію Ферри, страшно растянута, но тѣмъ не менѣе драма сильна и жизненна. У Феди, жертвы нравственной слабости, миллионы братьевъ въ современномъ обществѣ всѣхъ европейскихъ странъ. Хотя Ферри такъ строго критикуетъ «Живой трупъ», но тѣмъ не менѣе онъ выразилъ удовольствіе, что ему наконецъ опять приходится писать о драмѣ Толстого — слишкомъ уже много приходится писать о поверхностныхъ французскихъ пьесахъ.

Въ то время, какъ Ферри настаиваетъ на влияніи Шекспира на Л. Толстого, французскій обозрѣватель литературы въ «Revue» Берто находитъ въ произведеніяхъ французскаго романиста Ромэна Роллана сильное влияніе Толстого. Это влияніе особенно выразилось въ недавно вышедшемъ романѣ «La buisson ardent», дополняющемъ серію «Jean-Cristophe». Вотъ что говоритъ Берто: «Съ литературной точки зрѣнія, очевидно, надо думать о «манерѣ Толстого», Толстого «Анны Карениной» и особенно «Войны и мира», Толстого, имѣвшего такое большое влияніе на Ромэна Роллана и также отличавшагося въ этихъ своихъ картинахъ цѣлымъ обществомъ многочисленныхъ дѣйствующихъ лицъ. Къ тому же упорный реализмъ, которымъ отмѣчены произведенія, составляющія «Jean-Cristophe», прекрасно могъ быть русскаго происхожденія,

Въ отдѣлѣ литературнаго обозрѣнія журнала «La Revue» Л. Вернонь даетъ краткій отчетъ о положеніи современной литературы въ Россіи послѣ освободительнаго движенія. По его словамъ, часто въ русской литературѣ отчаяніе предъ тщетными усиленными попытками... слѣдовало за возмущеніемъ и протестомъ. Однако послѣдній кризисъ тянулся слишкомъ долго, и подавляющій пессимизмъ составляетъ основу литературныхъ произведеній послѣдняго времени. И такое настроеніе проявлялось какъ у писателей, такъ у критиковъ и публики. Только въ самое послѣднее время умы утомились бродить въ потемкахъ и, повидимому, проглянувъ прогрессъ, но все еще не добились полного возстановленія коллективной и индивидуальной энергіи.

Въ эту тревожную эпоху небольшая группа писателей ускользнула отъ господствовавшего настроенія въ болѣе безмятежную атмосферу. Среди этихъ писателей самое видное мѣсто занимаетъ Борисъ Зайцевъ. Короткими штрихами Л. Вернонь начерталъ эволюцію его таланта, совершившаго два этапа. Первый—таинственный рокъ, тяготѣвшій надъ судьбою міра, который велъ все по своему закону; второй этапъ (когда появилась вторая серія его сказокъ въ 1900 году) вѣчная красота природы и продолженіе жизни, оживляющей ее. И въ то же время все ему говорило, насколько тѣсны узы, привязывающія его къ міровой жизни. Сумѣвъ захватить чудную гармонию, онъ приобрѣлъ понятіе о вещахъ, далекое отъ первоначальнаго пессимизма. Какія бы испытанія ни переносили его герои, они теперь научились не сгибаться подъ тяжестью испытаній. Пессимизмъ смѣнила настоящая любовь, а черезъ нее способность все понимать, все прощать.

Въ драматической области первая попытка Зайцева дала меньше, чѣмъ можно было ожидать отъ его таланта. Но затѣмъ онъ въ большой мѣрѣ сумѣлъ побѣдить трудности драматической формы. Его романъ «Ланины» весь проникнутъ

прелестью, свойственной перу этого писателя. Здѣсь жизнь является громаднымъ гимномъ любви. Раздѣляемая или нѣтъ, счастливая или обманутая, она существенный элементъ и преподаетъ человѣку истинный смыслъ жизни. Въ заключеніе Вернонь говоритъ, что Зайцевъ вноситъ благотворную поддержку тому, кто задыхается въ потемкахъ, куда его часто заводятъ современные писатели. Другія свѣтила зажигаются, говоритъ Вернонь, стараясь разсѣять эту ночь: удастся ли имъ это? Вторымъ свѣтиломъ является Сивачевъ, авторъ «Прокрустова ложа», одной изъ самыхъ интересныхъ книгъ этого сезона. «Поспѣшимъ прибавить,—говоритъ Вернонь,—что интересъ, возбуждаемый его сочиненіемъ, въ дѣйствительности обязанъ не его литературнымъ достоинствамъ. Но эти наивныя, искреннія, безнадежныя страницы, часто трогательныя, бросаютъ живой свѣтъ на нѣкоторыя стороны русской жизни». Когда-то было прекрасной традиціей ходить въ народъ и брататься съ нимъ. Какъ бы ни были результаты этого движенія, сдѣлавшагося болѣе настойчивымъ въ 1870 году, но оно было внушено любовью къ народной массѣ и много было героев и ревнителей, но теперь съ развитіемъ образованія народъ въ Россіи, какъ на всемъ свѣтѣ, въ свою очередь, пыгается занять мѣсто среди интеллигенціи. Литература болѣе, чѣмъ другія независимыя карьеры, является мечтою честолюбиваго пролетарія. Въ этомъ кроются двѣ причины: съ одной стороны, пролетаріи гипнотизированы блестящей славой Чехова и Горькаго; а съ другой — и тѣмъ, что призванія и предполагаемаго таланта совершенно достаточно для успѣха въ литературѣ. Не удивительно, поэтому, что на каждомъ шагѣ имъ встрѣчаются разочарованія. Но особенно тяжелое впечатлѣніе производятъ ихъ горькіе упреки и обвиненія той самой интеллигенціи, ряды которой они хотятъ увеличить. Они забываютъ, что часто они не выполняютъ требуемыхъ условій, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ имъ недостаетъ подготовки, и потому приписываютъ свои пораженія и неуспѣхъ недоброжелательству среды, съ которой они соприкасаются.

Сивачевъ также сынъ народа и его также неотразимо влечетъ къ литературѣ. Но прежде, чѣмъ достигъ желательнаго успѣха, проходятъ цѣлые года, печальные и полные лишеній. Въ этомъ своемъ сочиненіи Сивачевъ рассказываетъ пережитое и съ такой искренностью, что часто читателя охватываетъ глубокой ужасъ. Но зачѣмъ это возмущеніе противъ интеллектуальныхъ людей? спрашиваетъ Вернонь; быть можетъ, въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ, они заслуживаютъ иного отношенія. Горе не всегда разсуждаетъ, и Сивачевъ, въ которомъ чувствуется честная наутра, въ предисловіи предупреждаетъ, что часто онъ становится на «исключительную точку зрѣнія». Къ несчастью, его книга отражаетъ очень распространенное и типичное состояніе ума.

Другого рода писатель—графъ Алексѣй Толстой, однофамилецъ великаго писателя, выступившій въ «Шиповникѣ» съ «Двумя жизнями». Его первая проба пера еще совсѣмъ недавно появилась, и онъ предпочитаетъ описывать жизнь помѣщиковъ, прозябающихъ въ ужасныхъ пустыняхъ русской деревни. Она именно такой представлена въ появившемся его сочиненіи, населенная существами, вполне неспособными примѣниться къ условіямъ современной жизни и которая будто сошла съ другой планеты, настолько они чужды всѣмъ теченіямъ эпохи и настолько они не знаютъ всѣхъ стремленій. «Впрочемъ, прибавимъ,—го-

ворить авторъ:—большинство, уже давно порвавшее съ подобнымъ существованіемъ, представляетъ въ романѣ другую жизнь, ничего не имѣющую для насъ привлекательнаго; суетвѣрные, они проводятъ свои дни въ безплодномъ волненіи». Несмотря на высказанное мнѣніе, Вернонъ, однако, признаетъ за авторомъ сильный талантъ и уже увѣренный. Его романы изобилуютъ выразительными картинами и часто набросанными съ большимъ искусствомъ. «Сколько бы авторъ выигралъ,—говоритъ въ заключеніе Вернонъ:—если бы захотѣлъ глубже проникнуть въ наблюдаемыя явленія».

Свой обзоръ Вернонъ заканчиваетъ двумя сборниками—«Сѣверные Цвѣты» и «Антологія». Онъ отмѣчаетъ въ послѣднихъ вышедшихъ книжкахъ отсутствие наиболѣе знаменитыхъ писателей, какъ Блокъ, Ивановъ, Мережковскій, и это явленіе, по его мнѣнію, можетъ показаться желательнымъ. «Дѣйствительно, преданные искусству для искусства, основавшіе эту группу,—говоритъ Вернонъ,—они мало-по малу заключили свои произведенія въ слишкомъ узкую рамку и, теряя всякое соприкосновеніе съ дѣйствительностью, кончили тѣмъ, что даютъ произведенія драгоцѣнной чеканки, часто выказывая громадную эрудицію, но холодную, далекую и отъ этого лишенную болѣе глубокаго интереса. Но вотъ молодое поколѣніе, повидимому, хочетъ повторить ошибку своихъ предшественниковъ. Тридцать авторовъ, представленныхъ въ «Антологіи», почти всѣ въ высшей степени обладаютъ наукой изысканной риетировки и рѣдкимъ ритмомъ; ихъ стихъ прельщаетъ кристальной ясностью, наконецъ, большинство поэмъ носятъ отпечатокъ неоспоримаго таланта; но ихъ авторы, занятые воспѣваніемъ настроенія своей души и ея эмоцій, часто отступаютъ отъ жизни, какъ это дѣлаютъ модернисты, думая только парить надъ нею, между тѣмъ ихъ старшіе должны бы послужить имъ примѣромъ».

— Эволюція романа. — Въ области литературы происходитъ незамѣтная эволюція. Прежнее вдохновенное творчество въ настоящее время подвергается пересмотру, и самый механизмъ творчества стараются подчинить законамъ. Еще въ прошедшемъ году «Vestminster Gazette» вела запросъ среди писателей съ цѣлью выяснитъ: какова должна быть длина хорошаго романа? Однако результатъ этого запроса оказался неутѣшительный. Большинство романистовъ приняли это въ шутовскомъ тонѣ и отвѣты давали или неучтивые, или уклончивые.

Теперь романистъ Wells задался цѣлью составить теорію, которою могъ бы руководиться романистъ при созданіи романа. Этотъ вопросъ онъ подробно разсматриваетъ въ «Atlantic Monthly». «Обстоятельства,—говоритъ онъ:—не разъ доводили меня до размышленія о ремеслѣ романиста, о томъ, что онъ такое и чѣмъ онъ можетъ быть. Я считаю, что романъ призванъ играть очень важную роль и дѣйствительно необходимую въ сложной системѣ современной цивилизаціи. По моему мнѣнію, современный романъ долженъ имѣть высокія и широкія требованія. Я думаю, что со многихъ точекъ зрѣнія мы не можемъ обойтись безъ него».

Высказавъ свой взглядъ, Wells направляетъ стрѣлы на извѣстный разрядъ романистовъ-увеселителей и на ихъ теорію «усталаго исполина». Такого рода романисты составили себѣ мнѣніе, что читатель романовъ нѣчто въ родѣ титана,

проведшаго весь день за поднятіемъ горъ, за выполненіемъ исполинскихъ задачъ, сравнительно съ которыми работа Геркулеса—дѣтская игра. Такой герой работаль въ своемъ бюро съ десяти часовъ утра до четырехъ, съ несчастной двух-часовой передышкой, чтобъ пройти въ свой клубъ и позавтракать тамъ; или онъ утомляется за игрою въ гольфъ, за рыбной ловлей; или взялъ на себя трудъ два-три раза голосовать въ палатѣ общинъ; или онъ долженъ оспаривать извѣстный пунктъ юриспруденціи; или составляетъ проповѣдь, которую долженъ будетъ произнести въ будущее воскресенье... Наконецъ наступаетъ вечеръ: «утомленный исполинъ» можетъ насладиться драгоценнымъ моментомъ досуга: онъ разрѣзываетъ книгу; ему надо забыть ужасныя заботы дѣйствительной жизни, ему надо выйти изъ себя, насладиться, утѣшиться, развеселиться и особенно развеселиться; ему нужны не идеи, не факты и особенно не задачи. Онъ хочетъ мечтать о блестящемъ, легкомъ и веселомъ возбужденіи, перенестись въ міръ воображенія. Ему нужно романическій романъ, не очень утомительный, не очень трагическій и не слишкомъ язвительный юморъ. По его мнѣнію, великая миссія романиста заключается въ томъ, чтобы доставлять ему эту освѣжительную отраду.

Теорія «усталаго исполина» торжествовала во все царствованіе королевы Викторіи, почти до трансваальской войны. Теперь романисты и критики не хотятъ болѣе о ней слышать. «Въ настоящее время,—пишетъ Wells,—не думаю, чтобы нашелся одинъ такой писатель, исключая Jakobs, челоуѣка, довольствующагося разыгрывать просто эту роль увеселителя. Всѣ мы замѣтили, что подобный утомленный читатель, который желаетъ, чтобы его развлекали, далеко не титанъ, истощенный трудомъ, а, напротивъ, бѣдный исполинъ, разслабленный и дряблый, работающій гораздо меньше, чѣмъ онъ. И мы взяли твердое рѣшеніе всевозможнымъ способомъ упражнять верхній ганглий его мозга».

Изъ этого слѣдуетъ, что первый принципъ теоріи Wells: романъ вовсе не легкомысленное чтеніе; онъ долженъ образовывать челоуѣка, заставлять его думать, предлагать самыя важныя задачи, всегда намѣчать болѣе или менѣе серьезную и полезную цѣль. Второй принципъ: романъ такого рода литература, къ которой не долженъ примѣняться никакого рода законъ. Провалились всѣ педанты, которые захотѣли бы его регламентировать. Для него открыты всѣ свободы, кромѣ одной: быть пошлымъ и пустымъ. Намъ говорятъ, что онъ не долженъ быть слишкомъ длинный, что онъ долженъ имѣть извѣстное единство, которое не должно теряться въ отступленіи отъ предмета.

Относительно его длины, какъ уже мы упоминали въ началѣ, никто серьезно не отнесся къ этому вопросу. Совсѣмъ другое дѣло повѣсть. Этотъ родъ литературы по самой своей природѣ находится въ подчиненіи точныхъ опредѣленныхъ правилъ. Она должна быть краткая, имѣть простой предметъ и одинъ: избѣгать отклоненій. Эдгаръ По былъ правъ, говоря, чтобы можно было прочитать повѣсть залпомъ, это потому, что она задается цѣлью произвести одно впечатлѣніе, насколько можно живое. Надо, чтобы она тотчасъ же захватила вниманіе читателя, не давала бы ему бросить ее и все болѣе и болѣе тѣсно плѣняла до того момента, когда наконецъ читатель достигаетъ кульминаціоннаго пункта.

Для осуществления этой программы краткость и единство предмета—необходимые элементы.

Совсем другую цель преследует романъ; онъ можетъ быть «заключительный», т. е. интересъ вмѣсто того, чтобы сосредоточиться на одномъ лицѣ, могъ бы безпрепятственно разсѣяться на многихъ лицъ и даже на множество совершенно различныхъ интригъ; онъ можетъ образовать какъ бы рисунки изъ интересовъ, разнообразіе въ оттѣнкахъ и дѣйствіяхъ прибавляетъ ему очарованіе. Прежде всего онъ долженъ намъ представить людей изъ тѣла и костей, вполне живыхъ, цѣльныхъ, съ умомъ и душою сложными, и все ихъ изгибы должны быть изучены, вся ихъ физиономія освѣщена, чтобы получилась иллюзія дѣйствительныхъ людей. Въ романѣ насъ заинтересовать должны не приключенія, а сами лично дѣйствующія лица. Требуется много времени, чтобы они проявились все цѣликомъ, а когда начнешь знакомиться съ ними основательно, то такъ заинтересуешься ими, каждымъ ихъ малѣйшимъ словомъ, самымъ незначительнымъ дѣйствіемъ, что всегда сожалѣешь, когда они исчезнутъ. Поэтому хорошій романъ никогда не длинеть.

«Для меня,—пишетъ Wells,—какъ бы ни были длинны романы Диккенса, признаюсь, что, по-моему, они еще слишкомъ коротки. Мнѣ досадно, что въ другомъ мѣстѣ я не нахожу ихъ дѣйствующихъ лицъ. Я хотѣлъ бы, чтобы Micawber, Dick, Swiveller и Sairey Gamps появились въ другихъ романахъ, такъ же, какъ Шекспиръ озарилъ цѣлую серію пьесъ славнымъ блескомъ своего Фальстафа. «Какая странная страсть ко всемъ этимъ трепещущимъ маріонеткамъ, безустанно производящимъ тѣ же безмѣрные монотонные жесты на кончикѣ толстой бѣлой нитки, которую Диккенсъ подергиваетъ... Между тѣмъ совсемъ не пужно ихъ долго изучать, чтобы подробно знать всехъ этихъ дѣйствующихъ лицъ. Все эти молодцы одинаковы и очень озабочены, чтобы ихъ узнать съ первой минуты. Среди нихъ есть честные люди со смѣшными привычками и честные люди безъ смѣшныхъ привычекъ, отвратительныя чудовища и затѣмъ нѣсколько индивидуумовъ вполне отвратительныхъ до второго параграфа страницы 478, и которые съ этого самого мѣста становятся Божьими ангелами».

Послѣ Диккенса романы пытались сокращаться, съ подчиненіемъ характеристики—разсказу и описанію—драмѣ. Теперь все болѣе и болѣе возвращаются къ болѣе свободной и болѣе пространной манерѣ писать романы. Отчасти это англійское движеніе—возвращеніе къ прежнимъ романамъ Tristram Schandy и Tom Jones. Съ одной стороны, они вывезены изъ-за границы и отъ ихъ двойного происхожденія у нихъ двойная натура. Англійскій духъ расположенъ скорѣе къ разнообразію и разсѣянію. Новое французское теченіе увлекаетъ многихъ молодыхъ романистовъ не отвлекаться отъ сюжета. Bennet,—сказалъ Wells,—котораго наши авторы считаютъ за наилучшаго изъ современныхъ англійскихъ романистовъ, придерживался послѣдовательно этихъ двухъ стремленій и далъ два образцовыхъ произведенія. Его чудесныя «Сказки старыхъ женщинъ», свободно прогуливающіяся отъ одного дѣйствующаго лица къ другому, отъ одной сцены къ другой, безъ всякаго сравненія самый прекрасный изъ длинныхъ романовъ, какой когда-либо былъ написанъ по-англійски на англійскій образецъ романистомъ нашего поколѣнія, а Claichanger, первый романъ серіи нѣсколько во

«Истор. вѣсти», мартъ 1912 г., т. сxxvii. 20

вкусъ Jean Christophe, гдѣ очень мало персонажей, будутъ изучены до послѣдней подробности».

Wells восхищается Jean Christophe, который можно взять за прототипъ новаго рода. Онъ считаетъ его предшественникомъ во французской литературѣ послѣднюю книгу Флобера: «Bouvard et Pécuchet», это веселое и меланхоличное чудо интеллектуальнаго изобилія. Флоберъ, по его словамъ, эмансипировала континентальный романъ, но англичане не должны забывать, что у нихъ за одинъ вѣкъ до Флобера романъ былъ вполне освобожденъ отъ всякихъ тисковъ «человѣкомъ, котораго, несмотря ни на каго и противъ всѣхъ, я объявляю и самымъ крупнымъ художникомъ, какого произвела Великобританія во всемя, что составляетъ существенно романъ, — Laurence Sterne.

Романъ долженъ быть свободенъ: авторъ даже не имѣетъ права ввести свою личность, вмѣшаться среди разсказа, чтобы его комментировать и прямо обратиться къ читателю, чтобы представить ему свои наблюденія или возмутиться или обругать фиктивную личность или реальное учрежденіе. Почти всѣ знаменитые романы, вызывающіе въ насъ восторгъ, такимъ образомъ наполнены личностью автора. Только надо знать когда. Когда эта личность некрасива и вульгарна, когда она грубо выставляется или, напротивъ, когда она подмазывается и наряжается, чтобы злоупотреблять вниманіемъ читателя. Тогда, очевидно, никакого нѣтъ удовольствія въ его вмѣшательствѣ. Таковъ случай Теккерей, отъ котораго приходитъ въ ужасъ Wells, и считаетъ его лицемѣрнымъ и нечестнымъ, лжемыслителемъ, фальшивымъ джентльменомъ, фальшивымъ свѣтскимъ человѣкомъ, который напрасно пробуетъ это представлять намъ, и мы находимъ неспособнымъ, лишь только онъ откроетъ ротъ за свой счетъ.

Хочетъ или не хочетъ романистъ, но онъ всегда сильно вліялъ на идеи, на манеру смотрѣть на вещи и на нравственность читателя, даже тотъ, кто не желаетъ о чемъ-либо высказываться и предоставляетъ дѣйствовать самимъ персонажамъ, не высказываясь ни за, ни противъ ихъ. Въ настоящее время вліяніе романиста въ тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ прежде. Въ нашу эпоху дѣйствительно все поставлено на карту, условія пошатнулись, мнѣнія безпрестанно эволюционируютъ; все критикуютъ, анализируютъ, каждую вещь просматриваютъ съ дерзкой свободой, которая все нарастаетъ, и въ этомъ случаѣ романисту предстоитъ строить новое общество.

— Неблагодарность за мирную политику нѣмецкаго императора.—Такъ озаглавлена статья анонимаго автора въ «Deutsche Revue». Авторъ жалуется или, по его словамъ, съ печалью убѣждается, что нѣмецкая публика, даже богатая и культурная, совершенно лишена политическаго чутья. Она неспособна понять правительство и ободрить его, когда оно дѣйствуетъ ради крупныхъ интересовъ страны. Политика реализація, ясная, практичная и настолько, очевидно, благотворная, что она не можетъ понравиться ослѣпленной толпѣ: «а какъ рѣдки люди, которые сумѣютъ выдѣлаться изъ толпы, — говоритъ авторъ.—Общественное мнѣніе восприимчиво, сентиментально и капризно, и, чтобы ему понравится, надо обратиться къ его воображенію или къ его слѣпымъ страстямъ. Только два раза въ одномъ и томъ же вѣкѣ нѣмецкое мнѣніе, на мгновеніе открывъ глаза, попало на истинный путь, путь, ука-

занный имъ императорами и государственными людьми, управлявшими страной: въ 1813 году, во время великаго возстанія противъ тираніи Наполеона, и въ 1870 году, во время похода противъ Франціи, результатомъ чего было, кромѣ славнаго франкфуртскаго трактата, объединеніе Германіи подъ скипетромъ Гогенцолернровъ. Но сколько лѣтъ заблужденій и ослѣпленія предшествовали этому внезапному пробужденію національной совѣсти въ 1870 году. Общественное мнѣніе рѣзко сопротивлялось реорганизациі прусской арміи, этому великому незабвенному благодѣянію престарѣлаго императора Вильгельма. Оно также сопротивлялось вторженію въ датское герцогство, войнѣ противъ Австріи, словомъ, всему, что дѣлало возможнымъ достиженіе политическаго и военнаго триумфа съ 1870—1871 гг. Когда Вильгельмъ I, Бисмаркъ и Мольтке организовали побѣду и приготавливали объединеніе, они безпрестанно боролись не только противъ слѣднаго общественнаго мнѣнія, но и противъ парламента, ожесточенное сопротивленіе котораго не заставило ихъ отступить.

Въ тѣ времена задиричивый шовинизмъ былъ самой искусной политикой, общественное мнѣніе и парламентъ не выказывали рѣшительнаго пацифизма. Теперь Германіи нѣтъ ни малѣйшаго интереса вести войну и было бы особенно глупо рискнуть войной, чтобы помѣшать Франціи имѣть въ Марокко чисто политическое первенство; и вотъ журналисты и депутаты рвутъ и мечутъ, угрожая Франціи и Англіи кулаками, и кричатъ, что нѣмецкая родина обезчещена.

Съ тѣхъ норъ, какъ Франція заняла Алжиръ, она страстно желала протектората надъ Марокко, но отступала отъ соперничества Испаніи и особенно предъ veto Англіи. Гражданскія войны и все параставшая мароккская анархія подали хорошій предлогъ для вмѣшательства Франціи. Она вступила въ соглашеніе съ Англіей, у которой добилась поддержки, уступивъ ей рыболовство въ Новой Землѣ и право преобразовать временное занятіе Египта въ окончательный протекторатъ. Она заключила секретное соглашеніе съ Испаніей 1905 года, по которому оба государства раздѣляли территоріи Марокко. Очевидно, въ интересахъ Германіи возбудить сначала затрудненія, а затѣмъ продать свое согласіе какъ можно дороже, добившись серьезныхъ экономическихъ выгодъ въ Марокко и территоріальныхъ компенсацій въ другихъ пунктахъ. Если бы можно было обезпечить самыми серьезными гарантіями значительную долю эксплуатаціи, промышленной, торговой и финансовой, завоеванной страны, какой важный вредъ былъ бы дать французамъ однимъ нести всѣ жертвы людьми и деньгами.

Вотъ что воплію попялъ императоръ, его канцлеръ и его государственный секретарь въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Конвенціей 1909 года они еще не воплію успѣли обезпечить Германіи всѣ экономическія выгоды: они этого достигли агадирской демонстраціей и недавнимъ франко-германскимъ договоромъ. Но политика рейхстага и пресса принялись умалять неоспоримый успѣхъ нѣмецкой дипломатіи. Эти горячіе патріоты сдѣлали все, чтобы уменьшить престижъ Германской имперіи въ глазахъ Европы и дать тяжелое впечатлѣніе общаго недовольства, шаткости и угрозы въ будущемъ.

С М Ъ С Ъ.

ВУХСОТЛѢТНІЙ юбилей 2-го кадетскаго корпуса. 15-го января, наканунѣ 200-лѣтняго юбилей 2-го кадетскаго корпуса, въ усыпальницѣ Россійскаго императорскаго дома при Петропавловскомъ соборѣ, у гробницы въ Вoszъ почивающаго императора Петра Великаго, корпусомъ была отслужена панихида по въ Вoszъ почивающихъ императорахъ и императрицахъ, а также шефахъ корпуса—великихъ князьяхъ Михаилѣ Павловичѣ и Михаилѣ Николаевичѣ. На панихидѣ присутствовали весь составъ корпуса, во главѣ съ директоромъ ген.-м. Лицдебергомъ, бывшіе воспитанники корпуса, а также лица, прежде служившія въ немъ. Передъ панихидой были возложены вѣнки изъ лавровыхъ листьевъ на гробницы императоровъ Петра I, Павла I, Александра II и Александра III, императрицы Елизаветы Петровны и Екатерины II и великихъ князей Михаила Павловича и Михаила Николаевича. Въ тотъ же день въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ дворцѣ, въ высочайшемъ Его Величества Государя Императора присутствіи, состоялась церемонія прибивки новаго знамени, всемилоостивѣйше жалуемаго 2-му кадетскому корпусу по случаю его 200-лѣтняго юбилей. Къ двумъ часамъ дня въ Полукругломъ залѣ дворца были построены кадеты—по наряду отъ всѣхъ ротъ корпуса; здѣсь же находились: корпусное начальство, во главѣ съ директоромъ ген.-майоромъ Лицдебергомъ, начальникъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній ген.-отъ-инф. Забѣлинь, помощникъ его ген.-лейт. Яковлевъ и помощникъ главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военного округа генераль-отъ-инфантеріи Газенкамифъ. Сюда же прибыли многія высокопоставленныя лица. Въ 2 часа пополудни въ залѣ изволилъ выйти Государь Императоръ съ наследникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Николаевичемъ. Его Величество и его императорское высочество были въ формѣ стрѣлковъ императорской фамиліи и андре-

евскихъ лентахъ. Государь Императоръ, поздоровавшись съ кадетами и собравшимися лицами, подошелъ къ столу, гдѣ находились древко и полотнище новаго знамени, юбилейныя ленты, молотокъ и гвозди. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, Его Величество вбилъ первый гвоздь въ древко знамени; второй гвоздь вбилъ наследникъ цесаревича, а слѣдующіе—генералъ-отъ-инфантеріи Забѣлинъ, ген.-лейт. Яковлевъ, директоръ, офицеры корпуса и кадеты. Затѣмъ Государь Императоръ, повязавъ юбилейныя ленты на знамя, передалъ его знаменщику. Его Величеству и его императорскому высочеству были поднесены юбилейные нагрудные знаки, медали и историческій очеркъ корпуса, составленный офицеромъ корпуса подп. Жерве, послѣ чего Государь Императоръ съ наследникомъ цесаревичемъ просѣдовалъ во внутренніе покои дворца. Въ 6¹/₂ часовъ вечера въ церкви корпуса собрались все кадеты нынѣшняго состава, начальство и весь персоналъ корпуса, старослуживые и масса бывшихъ питомцевъ корпуса. Торжественно была отслужена всенощная съ панихидою по бывшимъ кадетамъ и служившимъ въ корпусѣ лицамъ учебнаго, воспитательнаго и административнаго персонала. По окончаніи богослуженія все перешли въ столовый залъ, гдѣ послѣдовало освященіе бюста императора Петра Великаго. Востъ сооруженъ бывшими питомцами корпуса ко дню юбилея. Послѣ церемоніи присутствовавшимъ предложень былъ чай. 16 января, въ Петербургѣ, въ высочайшемъ Его Величества Государя Императора присутствіи, по случаю наступающаго 200-лѣтняго юбилея 2-го кадетскаго корпуса, состоялись церковный парадъ, освященіе новаго знамени, жалуемаго корпусу, и принесеніе присяги. Въ манежѣ Павловскаго училища къ десяти часамъ утра были построены воспитанники корпуса со знаменемъ и хоромъ музыки. На лѣвомъ флангѣ кадеты стали воспитанники приюта имени Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, находящагося при корпусѣ, кадеты въ историческихъ костюмахъ за 200 лѣтъ существованія корпуса, бывшіе кадеты и прежде служившіе къ корпусу. Посреди построения фронта было приготовлено мѣсто для богослуженія. Въ манежѣ на торжество, въ ожиданіи прибытія Его Величества, собрались: министры—императорскаго двора генер.-адъют. бар. Фредерикъ и военный ген.-отъ-кавалеріи Сухомлиновъ, варшавскій ген.-губернаторъ ген.-адъют. Скалонъ, дежурство, которое въ этотъ день при Государѣ Императорѣ несли: ген.-адъют. Барановъ, свиты Его Величества ген.-майоръ Джунковскій и флигель-адъют. его высочества князь Сергій Георгіевичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій, другія лица Государевой свиты, начальники—главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній ген. Забѣлинъ и штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа ген.-лейт. баронъ фонъ-деръ-Бринкенъ, помощникъ начальника главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній ген.-лейт. Яковлевъ, иностранные агенты и атташе и другія высшія военнопочаляющія лица. Незадолго до пріѣзда Государя Императора на парадъ прибыли: ихъ императорскія высочества великая княгиня Елизавета Маврикіевна, августѣйшій главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ, великіе князья Михаилъ Александровичъ, Георгій Михайловичъ и Сергій Михайловичъ и ихъ высочества князья Иоаннъ Константиновичъ, Гавріилъ Константиновичъ и Игорь Константиновичъ и принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій. Въ 11 часовъ утра въ манежѣ

изъ Царскаго Села изволилъ прибыть Его Величество Государь Императоръ съ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Дмитриемъ Павловичемъ, восторженно приветствуемый кликами «ура» собравшимся на улицѣ народомъ. Его Величество, бывший въ формѣ преображенцевъ и андреевской лентѣ, былъ встрѣченъ рапортомъ директора корпуса г.-м. Лицдеберга. Подъ звуки встрѣчи, гимна и кликахъ «ура» Государь Императоръ, въ сопровожденіи высочайшихъ особъ, министровъ военнаго и императорскаго двора, дежурства, лицъ своей свиты и иностранныхъ агентовъ, обошелъ линію фронта кадетъ, здороваясь съ ними и поздравляя ихъ съ 200-лѣтнимъ юбилеемъ корпуса. Было вынесено къ аналою всемилоостивѣйшее задуманное новое знамя. Его Величество, принявъ высочайшую грамоту о пожалованіи новаго знамени корпусу, передалъ ее директору корпуса, который передъ фронтомъ кадетъ прочелъ ее, а также—статьи закона, карающія за потерю знамени. Послѣ этого старое знамя было унесено изъ строя къ мѣсту храненія, и началось молебствіе, во время котораго новое знамя было окроплено св. водой. Во время окропленія знамени Государь Императоръ и директоръ корпуса поддерживали края полотнища. Молебствіе закончилось провозглашеніемъ царскаго многолѣтія и многолѣтія христоробивому воинству и вѣчной памяти въ Бозѣ почивающимъ императорамъ, начиная съ Петра Великаго до Александра III, императрицамъ Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II и бывшимъ шефамъ корпуса великимъ князьямъ Михаилу Павловичу и Михаилу Николаевичу. По окончаніи богослуженія Его Величество и особы императорской фамиліи приложились ко кресту и приняли окропленіе св. водой. Государь Императоръ, въ предшествіи духовенства, окроплявшаго кадетъ св. водой, и въ сопровожденіи высочайшихъ особъ, министровъ и дежурства, вторично обошелъ линію фронта. Затѣмъ состоялось принесеніе присяги корпусомъ новому знамени: корпуснымъ священникомъ было прочитано клятвенное обѣщаніе. Протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства о. Шавельскій передалъ, при положенной молитвѣ, знамя Его Величеству; Государь Императоръ вручилъ его колѣнопреклоненному директору корпуса, а послѣдній передалъ кадету-знаменщику. Послѣ этого новое знамя было обнесено по фронту и поставлено въ строй. Кадеты, перестроившись, прошли мимо Его Величества два раза—пополуротно и во взводной колоннѣ—церемониальнымъ маршемъ, удостоившись царскаго «спасибо». По окончаніи церемониальнаго марша Государю Императору благоугодно было обратиться къ кадетамъ съ высокомилоостивыми словами: «Въ изъявленіе моего особаго благоволенія 2-му кадетскому корпусу я пожаловалъ вамъ сегодня новое знамя и на погоны и эпюлеты офицеровъ вензеля великаго вашего основателя и преобразователя русской арміи. За время 200-лѣтняго существованія московской инженерной школы, преобразованной во 2-й корпусъ, изъ обоихъ заведеній вышло много тысячъ честныхъ, знающихъ свое дѣло офицеровъ, преданныхъ престолу, и полезныхъ слугъ отечества. Завѣты корпуса незлыблемо сохранились до нашихъ дней. Я увѣренъ, что вы сумѣете передать ихъ и чувства непоколебимой вѣрности и любви къ отечеству и будущимъ поколѣніямъ. Выражаю всѣмъ прежде служившимъ и служащимъ въ корпусѣ мою сердечную благодарность за службу. А вамъ, кадеты, за сегодняшній славный парадъ и молодецкій видъ, въ которомъ вы мнѣ представились, сердечное спасибо». Отвѣтомъ на слова Его Велич-

ства было восторженное «ура» кадетъ и присутствовавшихъ. Директоръ корпуса провозгласилъ здравицы державному вождю русской арміи Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ и наслѣднику цесаревичу, покрытыя звуками національнаго гимна и соответствующихъ маршей и кликами «ура». По желанію кадетамъ оставаться такими же молодцами, какими Его Величество видѣлъ ихъ въ сегодняшій день, Государь Императоръ, при звукахъ гимна «Воже, Царя храни» и восторженномъ «ура», изволилъ отбыть изъ манежа, привѣтствуемый собравшимся на улицѣ народомъ. Приказами по военному вѣдомству объявлено: I. «Государь Императоръ, по случаю исполнившагося 16-го сего января двухсотлѣтія существованія 2-го кадетскаго корпуса, какъ военно-учебнаго заведенія, ведущаго свое начало отъ утвержденной императоромъ Петромъ Великимъ 16-го января 1712 года въ Москвѣ инженерной школы, — въ 13 день декабря 1911 г. высочайше соизволилъ утвердить особый юбилейный нагрудный знакъ для ношенія на лѣвой сторонѣ груди при мундирѣ, вицъ-мундирѣ, сюртукѣ и кителѣ, съ предоставленіемъ права воспроизведенія сего знака исключительно 2-му кадетскому корпусу, для обращенія доходовъ отъ его продажи на усиленіе средствъ «общества вспомошествованія бывшимъ воспитанникамъ 2-й с.-петербургской военной гимназій и 2-го кадетскаго корпуса». Право ношенія упомянутаго знака предоставляется: 1) всѣмъ питомцамъ 2-й с.-петербургской военной гимназій и 2-го кадетскаго корпуса, окончившимъ полный курсъ этихъ заведеній, а также и тѣмъ питомцамъ названнаго корпуса, которые будутъ впредь оканчивать полный его курсъ; 2) всѣмъ лицамъ, которыя, состоя въ офицерскихъ и классныхъ чинахъ, служили на штатныхъ должностяхъ въ вышепоименованныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также всѣмъ лицамъ, которыя, при тѣхъ же условіяхъ, служатъ нынѣ и будутъ служить впослѣдствіи во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, и 3) всѣмъ частнымъ преподавателямъ находящимся на службѣ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ въ день празднованія юбилея 16 января 1912 года». II. «Государь Императоръ, въ 21-й день декабря 1911 года, высочайше повелѣтъ соизволилъ чинамъ 2-го кадетскаго императора Петра Великаго корпуса имѣть шифровку по имени шефа, вышитую, по цвѣту металлическаго прибора, — на эполетахъ (кому положены) и погонахъ офицеровъ, врачей и классныхъ чиновъ и печатную желтой краской по трафарету на погонахъ кадетъ и нижнихъ чиновъ. Такую же шифровку имѣть и на линейныхъ значкахъ сего корпуса. Существующія же въ 1-й и 2-й ротяхъ накладки вензелевыя изображенія остаются безъ измѣненія и носятся поверхъ присвоенной шифровки». Изъ высочайшаго приказа по военному вѣдомству, отъ 16-го января 1912 года: «По случаю исполнившагося 16-го января 1912 года двухсотлѣтія существованія 2-го кадетскаго корпуса, какъ военно-учебнаго заведенія, ведущаго свое происхожденіе отъ учрежденной императоромъ Петромъ Великимъ 16 января 1712 года въ г. Москвѣ инженерной школы, Государь Императоръ, въ ознаменованіе особаго монаршаго благоволенія за столь долготѣльную плодотворную дѣятельность названнаго заведенія, всемилостивѣйше повелѣваетъ именоваться ему впредь 2-мъ кадетскимъ императора Петра Великаго корпусомъ и жалуетъ сему корпусу новое знамя съ юбилейными лентами и надписью «1712—1912 г.». Послѣ парада въ корпусѣ состоялся завтракъ. Огромный залъ

(второй по величинѣ послѣ зала морского корпуса) едва вмѣстятъ всеѣхъ присутствовавшихъ. Множество столовъ были накрыты параллельными линіями, среднюю линію заняли корпусныя дамы и старыя почетныя кадеты, остальные питомцы корпуса размѣщались безъ чиновъ, тѣсной дружеской семьей. Старыхъ питомцевъ собралось около 750 человекъ. Въ глубинѣ зала на хорахъ горѣли электрическіе щиты съ вензелями Императоровъ Петра I и Николая II и между ними даты 1712—1912. Въ серединѣ линіи оконъ, въ нишѣ, съ полированного гранитнаго пьедестала глядѣлъ на шумное радостное собраніе разросшагося перваго питомника кадетъ, московской инженерной школы, бронзовый бюстъ его основателя Петра Великаго, накупунъ освященный. На пьедесталѣ надпись золотомъ: «Основателю», и подъ ней прикрѣпленъ вѣнокъ съ двумя широкими лентами бѣлаго и синяго цвѣта. Бюстъ этотъ—даръ корпусу отъ его бывшихъ питомцевъ. За крайними столами на обоихъ концахъ зала помѣстились настоящіе кадеты, съ одного конца—первая рота, съ другого—остальные. На каждомъ приборѣ лежало меню съ изображеніемъ арматуры и фигуры Петра Великаго на одной сторонѣ и съ видомъ фасада корпуса на другой и конфеты въ коробкѣ въ видѣ кадетскаго погона. Игралъ военный оркестръ и хоръ балалаечниковъ л.-гв. Финляндскаго полка. Первый тостъ за царя провозгласилъ старѣйшій изъ кадетъ ген. Штубендорфъ. Какое ура загудѣло тутъ, оно почти покрыло звуки музыки. Нѣсколько разъ возобновлялся гимнъ, присутствовавшіе присоединяли къ музыкѣ свои голоса. Наконецъ, когда оркестръ стихъ, весь залъ заплѣтъ тысячнымъ хоромъ. Восторженно приняты и тосты за Государыню Императрицу и наследника цесаревича. Маршъ л.-гв. Финляндскаго полка игралъ полковой хоръ балалаечниковъ. Директоръ корпуса сообщить телеграмму августѣйшаго генералъ-инспектора, великаго князя Константина Константиновича, въ которой его высочество поздравляетъ кадетъ въ день присяги подъ новымъ знаменемъ и завѣщаетъ имъ хранить святыя завѣты предковъ, честно служить царю и родинѣ и изъявляетъ сожалѣніе, что болѣзнь мѣшаетъ его высочеству присутствовать на торжествѣ. Тостъ за великаго князя, провозглашенный директоромъ, былъ также покрытъ восторженнымъ ура. Георгиевскій кавалеръ ген.-ад. Ивановъ поднялъ бокаль за военнаго министра, за ген. Забѣлина и за славу и процвѣтаніе 2-го кадетскаго корпуса. «Да здравствуетъ онъ на радость царю и пользу родинѣ». Въ рѣчи своей ген.-ад. Ивановъ указалъ, что кадеты въ будущемъ являются воспитателями и высшими руководителями солдатъ. Почетный опекунъ ген. Роговской провозгласилъ здравницу ген. Иванову и въ его лицѣ всеѣмъ георгиевскимъ кавалерамъ—питомцамъ корпуса. Генералу Иванову присутствовавшіе устроили овацію. Весело и сердечно повелась затѣмъ бесѣда съѣхавшихся со всеѣхъ концовъ Россіи кадетъ. Торжественно и сердечно прошелъ также и юбилейный актъ училища, какъ равно парадный спектакль и балъ въ стѣнахъ корпуса. Но разукрашеннымъ лѣстницамъ и коридорамъ входили бывшіе питомцы и гости въ церковь корпуса, гдѣ были построены кадеты и находился весь учебный и воспитательный персоналъ. Встрѣченный «со славой» духовенствомъ, вошелъ въ мантии преосвященный Веніаминъ, епископъ гдовскій, и, по облаченіи среди храма, совершилъ благодарственное молебствіе съ 10-ю протоіереями и священниками, законоучителями настоящими и бывшими.

Послѣ положенныхъ многолѣтій преосвященный обратился къ питомцамъ корпуса съ словомъ, въ которомъ указалъ на значеніе настоящаго благодаренія Господу, выяснилъ, что оно явилось результатомъ 200-лѣтней исторіи корпуса, выпустившаго много вѣрныхъ слугъ царю и отечеству, отдавшихъ жизнь за нихъ. Въ церкви присутствовали на молебствіи: военный министръ ген. Сухомлиновъ, главный пачальникъ военно-учебныхъ заведеній ген. Забѣлинъ, его помощникъ ген. Яковлевъ, питомецъ корпуса помощникъ главнокомандующаго ген. Газенкампфъ; изъ старыхъ питомцевъ корпуса полные генералы: Штубендорфъ, Будаевскій, почетный опекунъ Роговской, членъ военнаго совѣта Фроловъ, Васильевъ, Коргановъ, Радень, бывший товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ т. с. Губастовъ, г.-л. Величко и много другихъ. Изъ церкви присутствовавшіе перешли въ огромный актовъ залъ. Тамъ передъ портретами императоровъ на обширной, крытой синимъ сукномъ эстрадѣ, декоративно убранной группами деревьевъ, заняли мѣста: военный министръ, справа отъ него генералы Забѣлинъ, Яковлевъ, слѣва ген. Газенкампфъ, директоръ корпуса ген. Линдбергъ и пр. На стражѣ у эстрады стали парные почетные часовые кадеты въ историческихъ картинныхъ формахъ, въ треугольныхъ шляпахъ, каскахъ съ страусовыми перьями, яркихъ кафтанахъ. Полукругомъ тянулись передъ эстрадой кресла, въ первомъ ряду которыхъ сидѣли архіерей, дамы, почетные гости. Въ нишахъ, другъ противъ друга, возвышаются бюсты Петра Великаго и государыни императрицы Александры Феодоровны. Въ глубинѣ зала горѣли электрическіе вензеля Петра Великаго и Государя Императора, между ними даты 1712—1912 годовъ. Когда всѣ заняли мѣста, раздались звуки гимна, и при оглушительномъ «ура» онъ былъ повторенъ три раза. Собраніе началось чтеніемъ директоромъ высочайшей грамоты корпусу по случаю юбилея корпуса. Послѣ нея—снова исполненъ гимнъ, снова загремѣло «ура», весь залъ запѣлъ «Боже, Царя храни». Затѣмъ послѣдовала юбилейная кантата. Инспекторъ корпуса г.-м. Быстрѣвскій прочиталъ историческій очеркъ корпуса, послѣ чего начался пріемъ депутацій и продолжался до шестого часа. Генералъ Забѣлинъ поздравилъ корпусъ отъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. Первый адресъ читалъ директоръ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній ген. Макшеевъ, затѣмъ начальникъ Михайловской артиллерійской академіи ген. Чернявскій, директора: императорскихъ Александровскаго лицея и училища правовѣдѣнія, пажескаго Его Величества корпуса, Николаевского артиллерійскаго училища, военно-топографическаго, Павловскаго, Александровскаго (изъ Москвы), кіевскаго, владимирскаго военныхъ училищъ, всѣхъ кадетскихъ корпусовъ Петербурга и Москвы, орловскаго Бахтина, нижегородскаго графа Аракчеева и псковскаго корпусовъ, школы императора Александра II, затѣмъ общество вспоможенія недостаточнымъ воспитанникамъ 2-го кадетскаго корпуса вмѣстѣ съ адресомъ заявлено объ учрежденіи фонда для стипендіи имени фельдмаршала Кутузова, отъ л.-гв. Финляндскаго полка, отъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, воздухоплавательной офицерской школы, общества ревнителей историческаго просвѣщенія (адресъ читалъ г. Соколовскій), начальника кондукторской школы, основанной Петромъ Великимъ. Прекрасно прочитанъ былъ генераломъ конной артиллеріи Григорьевымъ чрезвычайно теплый адресъ отъ ро-

дителей вышшихъ кадетъ. Группа родителей, въ томъ числѣ и дамы, наполнили эстраду. Московскій императрицы Екатерины II корпусъ поднесъ въ даръ портретъ масляными красками андреевскаго кавалера ген. Гудеорова, бывшаго инспекторомъ 2-го корпуса, Михайловское артиллерійское училище—модель современнаго 3-двоймоваго орудія. Прочитаны поздравительныя телеграммы великаго князя Константина Константиновича, княжны Татьяны Константиновны, оглашены телеграммы разныхъ учреждений, въ числѣ ихъ отъ спб. духовной академіи, Николаевской инженерной академіи и училища и друг. Директоръ корпуса г.-м. Лидебергъ благодарилъ затѣмъ всѣмъ приславшихъ поздравленія корпусу. Въ 8 часовъ вечера состоялся юбилейный спектакль. Театръ полонъ военнаго блеска. Ложи первыхъ ярусовъ на правой половинѣ облѣютъ туалетами дамъ, лѣвая половина пестрѣтъ мундирами и фраками питомцевъ первыхъ выпусковъ, въ верхнихъ ярусахъ ложъ помѣщены кадеты. Открылась сцена, и мощный хоръ артистовъ и оркестра исполнилъ народный гимнъ. Онъ былъ дважды повторенъ. Не описать того «ура», воодушевленнаго, восторженнаго, которое несло въ залъ, когда Государь милостиво кланялся изъ ложи на лѣвой сторонѣ. Затѣмъ хоръ исполнилъ кантату—слова Дрождини, музыка Казанли, дирижировала авторъ-офицеръ. Въ театрѣ присутствовали: Государь Императоръ съ августѣйшими дочерьми великими княжнами Ольгою, Татьяною и Маріею Николаевнами, Государыня Императрица Марія Феодоровна, великая княгиня Анастасія Николаевна, княжны: Марина Петровна, Ирина Александровна, Елена Георгиевна Романовская княжна Лейхтенбергская, князь Сергѣй Георгиевичъ Романовскій князь Лейхтенбергскій. Въ театрѣ находились: статсъ-дама баронесса Фредериксъ, свитныя фрейлины, графиня Гейденъ, Тютчева, министр императорскаго двора ген.-ад. Фредериксъ, военный—генераль Сухомлиновъ, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній ген. Забѣдинъ, его помощникъ ген. Яковлевъ, помощникъ главнокомандующаго ген. Газенкампфъ и всѣ старыя питомцы корпуса, заслуженные генералы. Въ 764-й разъ шла опера «Жизнь за Царя». Партію Сусанина пѣлъ г. Касторскій, Антонида—г-жа Коваленко, Вани—г-жа Збруева, Сабина—г. Матвѣевъ. Въ мазуркѣ участвовалъ солистъ Его Величества г. Гердтъ. Артистамъ много аплодировали. Послѣ послѣдней картины—поѣздъ царя Михаила Феодоровича—нублика потребовала гимнъ. Онъ былъ исполненъ три разя. «Ура» наполняло театръ. Государь милостиво кланялся. Во время антрактовъ были въ фойе устроены открытыя чайныя буфеты.

Ревнители исторіи. Новое общество ревнителей исторіи торжественно открылось 24-го января, въ четыре часа, въ помѣщеніи клуба общественныхъ дѣятелей. Члены общества, военные и штатскіе, все болѣе или менѣе извѣстныя лица и члены историческихъ и археологическихъ обществъ. Было совершено молебствіе митрофорнымъ протоіереемъ Ставровскимъ, сказавшимъ привѣтственное слово. Затѣмъ за столомъ засѣданій заняли мѣста предсѣдатель герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбергскій и члены совѣта, въ числѣ которыхъ секретарь М. К. Соколовскій и казначей князь А. С. Эристовъ. Открывая засѣданіе, герцогъ Г. П. Лейхтенбергскій произнесъ слѣдующую рѣчь: «Позвольте привѣтствовать васъ въ этотъ знаменательный для нашего общества день. Сегодняшнимъ собраніемъ оно открываетъ фактически свою дѣятельность, нап्रा-

вленную къ изученію историческихъ событій и ознакомленію съ ними болѣе широкихъ круговъ общества. Существующія до сихъ поръ въ Россіи или по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ историческія общества—всѣ имѣютъ сравнительно узко ограниченныя рамки для своей дѣятельности; такого, которое занималось бы изученіемъ исторіи вообще, безъ отличія времени, мѣста и природы событія, до сихъ поръ у насъ не было. Этого-то пробѣла и призвано восполнить наше общество, уставъ котораго поэтому ничѣмъ не ограничиваетъ круга дѣятельности своихъ членовъ, а, наоборотъ, предоставляетъ имъ полный просторъ въ своихъ изысканіяхъ. Въ панѣ сложный вѣкъ знаніе исторіи болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо для того, чтобы правильно оцѣнивать вопросы государственной, міровой политики и разбираться въ явленіяхъ и запросахъ общественной жизни; незнаніе же исторіи слишкомъ часто влекло за собой печальныя послѣдствія, но еще чаще мы встрѣчаемся съ грустными примѣрами неумѣнья извлечь изъ познаній въ области исторіи полезныя уроки для настоящаго. Итакъ, своими работами наше общество будетъ не только удовлетворять праздное любопытство любителей исторіи, но и давать своимъ членамъ полезныя для жизни, государственной и общественной, свѣдѣнія. Мнѣ остается только выразить надежду и просьбу, чтобы вы всѣ, гг. члены, своей любовью къ исторіи, своими знаніями, трудами и энергіей дѣятельно поддерживали эти блага цѣли и начинанія нашего общества. Какъ вамъ извѣстно изъ устава, дѣятельность общества направляется совѣтомъ его, избраннымъ на шесть лѣтъ, но всякая помощь и содѣйствіе каждаго изъ членовъ, будь то даже самая малая, будетъ, конечно, приниматься совѣтомъ съ благодарностью, въ чемъ бы они ни выразились». Секретарь огласилъ имена учредителей и членовъ совѣта общества и кандидатовъ къ нимъ. Профессоръ П. И. Ковалевскій сдѣлалъ сообщеніе о значеніи исторіи отечества для пониманія современнаго состоянія Россіи. Исторія,—говорилъ докладчикъ,—наука вѣсѣмъ доступная и вѣсѣмъ необходимая. Мы пережили недавно 17-ое октября 1905 года, историческіе дни, переломъ въ жизни государства, послѣ котораго у насъ развились партіи и началась борьба партій, раздѣлившая даже иныя семьи, внесшая раздоръ въ нихъ. Минувя «лѣтвыя» разрушительныя партіи, докладчикъ остановился на созидательныхъ партіяхъ государственной жизни; такими онъ признаетъ три группы: правыя партіи, національную и октябристскую. Національная партія это центр—это мы, русскіе. Странно кажется, что это можетъ быть партія. Но въ 1905 году насъ, державную націю, хотѣли разорвать на части и ими, какъ трупомъ, питать тѣла инородцевъ. Но этого не случилось, ибо державная нація сохранила свои основы. Въ Россію, кромѣ державной націи, входитъ сто пятьдесятъ другихъ націй. Какія же основы могутъ быть для единства имперіи? Докладчикъ проводитъ мысль, что для всѣхъ созидательныхъ группъ основы могутъ быть только одиѣ—это самодержавіе, православіе и недѣлимость Россіи. Въ заключеніе профессоръ, говоря о необходимости единенія партій русскихъ людей, рекомендовалъ наслѣдственности нашихъ славянскихъ раздоровъ противопоставить воспитаніе дѣтей въ строгомъ классицизмѣ, но не латинскомъ, нужномъ для Западной Европы, а славянскомъ, чтобы мы знали славянскихъ героевъ, собирателей славянской земли, чтобы мы изучали и знали связывающій всѣхъ славянъ

богатый, красивый церковно-славянской языкъ, и изученіе его и старины, изученіе исторіи освѣтило бы намъ многое въ прошедшемъ и настоящемъ и дало бы ключъ къ пониманію будущаго. Г-жа Соколовская прочитала интересный рефератъ: «Русскіе масоны въ войнѣ съ Наполеономъ». Восемнадцатый вѣкъ былъ вѣкъ масонства въ Россіи, почти вся наша аристократія была въ масонствѣ, и у насъ были военно-походныя ложи въ полку конной гвардіи, которыя совершили весь походъ съ полкомъ. Александръ I покровительствовалъ масонамъ, цесаревичъ Константинъ принадлежалъ къ нимъ, также Кутузовъ, Ермоловъ, и въ исторіи масоновъ нѣтъ страницы, гдѣ бы не встрѣчались имена военныхъ. Въ 1816—1820 гг. былъ расцвѣтъ масонства въ Россіи. Однако, какъ видно изъ сообщенія, русскіе масоны выходили изъ зависимости заграничныхъ и были глубоко патриотичны; такъ, графъ Строгановъ, Жеребцовъ (членъ двадцати семи ложъ) сооружали ополченія, стояли во главѣ ихъ на защиту отечества. Послѣ докладовъ были прочтаны поздравительныя телеграммы обществу отъ министра внутреннихъ дѣлъ тайнаго совѣтника Макарова и редакціи «Русскаго Инвалида».

Собраніе географическаго общества. 1-го февраля въ императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ состоялось годовое общее собраніе, въ которомъ секретарь общества А. А. Достоевскимъ было прочитано краткое извлеченіе изъ отчета за 1911 годъ, состоялось присужденіе почетныхъ наградъ за работы въ области географическихъ наукъ, и дѣйствительный членъ В. И. Юхельсонъ сдѣлалъ сообщеніе о результатахъ этнологическаго отдѣла камчатской экспедиціи общества, снаряженной на средства покойнаго Ф. П. Рябушинскаго. Изъ отчета видно, что и въ текущемъ году общество не ослабило своей дѣятельности. Кромѣ существующихъ четырехъ отдѣленій, работаетъ рядъ комиссій. За отсутствіемъ ученыхъ трудовъ, которые могли бы быть награждены высшими наградами общества—медалями: Константиновской, очередь присужденія которой въ 1911 году была за отдѣленіями географіи математической и географіи физической, медалью графа Ф. П. Литке и преміей Н. М. Пржевальскаго—награды эти считать не присужденными никому. Что касается остальныхъ наградъ общества, то совѣтъ постановилъ: золотую медаль имени П. П. Семенова присудить дѣйствительному члену профессору В. В. Саложникову за общую совокупность его работъ и главнымъ образомъ за его новый трудъ «Монгольскій Алтай». Медаль имени Н. М. Пржевальскаго присудить за труды по изслѣдованію природы Средней Азіи С. С. Неустрову. Золотую медаль отдѣленія этнографіи—Э. К. Пекарскому за труды объ якутахъ, особенно за «Словарь якутскаго языка» и «Образцы народной литературы якутовъ». Серебряная медаль имени П. П. Семенова присуждена профессору Г. М. Гольштейну за организцію семинаріевъ по политической экономіи при юридическомъ факультетѣ въ императорскомъ московскомъ университетѣ, а также и при нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ города Москвы. Малыя золотыя медали присуждены: 1) Дѣйствительному члену В. А. Бианки за его труды по обработкѣ зоологическихъ коллекцій многочисленныхъ экспедицій общества, 2) А. К. Съдельникову за его монографію «Озеро Зайсанъ», 3) М. Я. Кожевникову за его труды въ хатангской экспедиціи общества, 4) О. О. Ваклуиду за его работы по астро-

номическимъ опредѣленіямъ и наблюденіямъ элементовъ магнетизма, 5) А. А. Макаренко за рукописное сочиненіе «Сибирскій народный календарь въ этнографическомъ отношеніи». 6) В. М. Алексѣеву за его два сообщенія въ отдѣленіи этнографіи, первое изъ коихъ сопровождалось трехдневной выставкой многочисленныхъ китайскихъ лубочныхъ картинъ и другихъ этнографическихъ предметовъ, собранныхъ В. М. Алексѣевымъ въ Китаѣ: 1) «О китайскомъ храмѣ» и 2) «Цайшань—китайскій богъ денежнаго обилія, его иконы, культъ и символы благополучія по народнымъ картинамъ и амулетамъ». Малыя серебряныя медали присуждены: 1) П. И. Савковичу за вычисленіе координатъ звѣздъ, наблюдаемыхъ почетнымъ членомъ общества П. К. Козловымъ въ его послѣднее путешествіе, 2) Горшому инженеру Мефферту за его сообщеніе объ изслѣдованіи побережій западнаго Балхаша, 3) Е. В. Кругу, 4) С. А. Конради, 5) В. А. Бласову, 6) В. П. Лебедеву, 7) г. Державину—за ихъ сообщенія о работахъ на Камчаткѣ въ составѣ экспедиціи Ф. П. Рябушинскаго. 8) Г. Редевичу за его сообщеніе объ изслѣдованіи истоковъ Елисея, 9) Евгениі Эдуардовнѣ Липичевой за сообщеніе въ отдѣленіи этнографіи «Напѣвы духовныхъ христіанъ: молоканъ, духоборовъ, новоизраилянъ», 10) Владимиру Клавдѣевичу Арсеньеву за два сообщенія въ отдѣленіи этнографіи: «Китайцы въ Усеурійскомъ краѣ» и «Фрочинудѣхъ». 11) Вл. В. Данилову за рядъ статей, напечатанныхъ въ «Живой Старинѣ», 12) священнику Герасимову за печатный трудъ «Въ долини Бухтармы. Историко-статистическій очеркъ», помѣщенный въ запискахъ семиналатинскаго отдѣленія императорскаго русскаго географическаго общества. Бронзовыя медали—проводникамъ и переводчикамъ дѣйствительнаго члена П. И. Кузнецова на Кавказѣ: 1) Абдуль-Саллашъ-Гаджа-Оглы, 2) Серкемъ-Гаджа-Ибрагимъ-Оглы, 3) проводнику дѣйствительнаго члена Буша на Кавказѣ Таубія-Хаджи-Мурзь-Уржбіеву. За содѣйствіе дѣйствительному члену Д. К. Зеленину во время его поѣздки на Уралъ для изученія бессермянъ священникамъ: 4) о. Владимиру Зубареву и 5) о. Владимиру Лаженицину.

Въ литературномъ фондѣ. Годовое общее собраніе членовъ литературнаго фонда состоялось подъ предѣлательствомъ Л. Ф. Пантелѣва 2-го февраля. Въ отчетномъ году комитетомъ удовлетворено 490 ходатайствъ о пособіяхъ на 31,130 руб. 75 коп. Выдано пенсій 1,020 руб., на воспитаніе дѣтей нуждающихся литераторовъ 4,733 руб., продолжительныхъ пособій 6,445 руб., единовременныхъ пособій 6,422 руб. Общая сумма доходовъ за 1911 г. достигла 88,709 руб. 72 коп. Изъ этихъ денегъ 1,150 руб. поступили изъ кабинета Его Величества и отъ особъ Императорской фамиліи, членскіе взносы 3,200 руб., доходы отъ изданій составили 26,373 руб. 45 коп. и т. п. Общая сумма расходовъ за истекшій годъ составила 85,120 руб. 84 коп. По случаю исполнявшагося 25-лѣтія со дня кончины С. Я. Надсона фондомъ учреждена въ Петербургскомъ университетѣ стипендія его имени въ размѣрѣ 400 руб. и стипендія въ 600 руб. для выдачи пособія на леченіе писателю или ученому. Въ заключеніе взаимнѣ бывшихъ изъ состава комитета вновь избраны: В. Д. Пабоковъ, А. А. Корниловъ, Л. З. Слонимскій, С. А. Венгеровъ и В. Н. Краинихфельдъ. Для завѣдыванія домомъ писателей избраны: В. Д. Кузьминъ-Каравалевъ, А. А. Лукьяновъ и М. Н. Слѣпцова.

Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ. Подъ предѣдательствомъ Я. П. Годубовскаго, въ помѣщеніи клуба экономистовъ 29-го января состоялось общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. По предложенію предѣдателя, собраніе почтило вставаніемъ память умершихъ членовъ кассы В. М. Лаврова и В. А. Латышева. Затѣмъ предѣдатель правленія Е. П. Карповъ доложилъ постановленія общихъ собраній провинціальныхъ отдѣлений кассы (московскаго, кіевскаго, одесскаго, рижскаго и юрьевскаго) по вопросамъ о ликвидаціи накопившихся недоимокъ, о предѣльномъ возрастѣ для вступленія въ члены кассы и объ отдѣленіи кассы отъ литературнаго фонда. Всѣ названныя отдѣленія, за исключеніемъ юрьевскаго, согласились съ нѣкоторыми оговорками съ постановленіемъ центрального общаго собранія кассы, состоявшагося въ сентябрѣ прошлаго года въ Петербургѣ. Послѣ нѣкоторыхъ преній по поводу замѣчаній провинціальныхъ отдѣлений кассы, общее собраніе подтвердило всѣ прежнія постановленія свои, причемъ рѣшено допустить въ теченіе года для старыхъ членовъ кассы переходъ изъ одного разряда въ другой, независимо отъ ихъ возраста. Далѣе была рассмотрѣна жалоба члена кассы Ф. П. Свиридова на отказъ правленія назначить ему пенсію. Изъ доклада правленія по этому поводу видно, что г. Свиридовъ не удовлетворяетъ условіямъ, требуемымъ для выдачи пенсіи, и, кромѣ того, онъ не представилъ медицинскаго свидѣтельства о своей нетрудоспособности. Общее собраніе согласилось съ мнѣніемъ правленія и въ ходатайствѣ г. Свиридову отказало. Предѣдатель правленія Е. П. Карповъ сообщилъ, что изъ состава комиссіи по усиленію средствъ кассы выбыли два члена: К. В. Лукашевичъ и Е. А. Чебышева-Дмитріева. Въмѣсто нихъ выборы К. И. Арабажинъ и А. В. Румановъ. Собранію далѣе было доложено, что предполагается устроить художественно-литературный вечеръ въ пользу кассы литераторовъ. Въ вечерѣ обѣщали участвовать литераторы, артистки, артисты, художники, композиторы и музыканты. Для вечера написаны нѣсколько юмористическихъ пьесокъ и пародій, сопровождаемыхъ музыкой. Въ заключеніе были произведены выборы новыхъ членовъ кассы. Избраны: И. Д. Галактіоновъ, П. Д. Зайкинъ и М. Е. Блехъ.

50-лѣтіе общества психіатровъ. Въ торжественномъ засѣданіи въ залѣ музея Пирогова общество справляло 29-го января 50-лѣтіе своего существованія. Предѣдателемъ собранія былъ избранъ почетный членъ общества В. К. Ротъ. Академикъ В. М. Бехтеревъ произнесъ рѣчь «объ основныхъ задачахъ психіатріи, какъ объективной науки». Профессоръ П. Я. Розенбахъ сдѣлалъ обзоръ дѣятельности общества за 50 лѣтъ его существованія. Въ первый годъ существованія (1862) общество имѣло десять засѣданій и былъ сдѣланъ рядъ докладовъ. Въ 1863 году дѣятельность общества была слабѣе, всего пять засѣданій. Только съ 1879 года, когда былъ утвержденъ уставъ «общества психіатровъ въ Петербургѣ», общество быстро разрастается и регулярно издаетъ протоколы своихъ засѣданій. Общество принимало живое и дѣятельное участіе въ разработкѣ и разрѣшеніи всѣхъ текущихъ вопросовъ психіатріи и невропатологіи. Общество занималось антропологіей преступниковъ и душевно-больныхъ: вопросами вырожденія, лекарственной терапіей нервныхъ и душевныхъ болѣзней, между прочимъ о значеніи сальварсана, судебной психіатріей и другими отраслями,

соприкасающимися съ душевными заболѣваніями. Среди присутствовавшихъ на собраніи находился Ф. А. Штейнъ, единственный оставшійся изъ живыхъ учредитель общества. Общество привѣтствовало адресами почти всѣ ученые, медицинскія и другія общества, а также и учебныя заведенія. Въ 6 часовъ вечера въ ресторанѣ Дюпонъ состоялся обѣдъ, на которомъ присутствовали извѣстные психіатры, представители военной и морской психіатріи и много другихъ. Профессоръ В. М. Бехтеревъ произнесъ первый тостъ за Государя Императора. Затѣмъ привѣтствовали тостами пріѣзжихъ гостей, земскихъ и городскихъ психіатровъ, женщинъ-психіатровъ и т. д. Обѣдъ прошелъ весьма оживленно: на немъ было оглашено около 100 поздравительныхъ телеграммъ.

Открытіе педагогическаго института въ Москвѣ. 1-го февраля происходило торжественное открытіе педагогическаго института имени П. Г. Шеллапутина. Утромъ въ церкви гимназіи П. Шеллапутина епископомъ Трифономъ была отслужена литургія. Послѣ литургіи присутствовавшіе перешли въ зданіе педагогическаго института, находящееся рядомъ съ гимназіей. Къ часу дня въ залѣ института собрались прибывшій изъ Петербурга на торжество открытія института товарищъ министра народнаго просвѣщенія В. Т. Шевяковъ, членъ государственнаго совѣта сенаторъ Н. А. Звѣревъ, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія П. П. Некрасовъ, командующій войсками московскаго военнаго округа генераль П. А. Плеве, московскій губернаторъ генераль-майоръ В. О. Джушковскій, градоначальникъ генераль-майоръ А. А. Адриановъ, московскій губернской предводитель дворянства А. Д. Самаринъ, попечитель московскаго учебнаго округа А. А. Тихомировъ, помощникъ его В. Д. Исаенковъ, ректоръ университета М. К. Любавскій, помощникъ ректора Э. Е. Лейстъ, деканы историко-филологическаго факультета А. А. Грушка и физико-математическаго Д. Н. Алучинъ, профессора В. О. Снегиревъ, Л. К. Лахтинъ, А. П. Губаревъ, Г. А. Кожевниковъ, директоръ высшихъ женскихъ курсовъ С. А. Чаплыгинъ, директоръ Лазаревскаго института П. В. Гидуляновъ, управляющій архивомъ министерства юстиціи Д. В. Цвѣтаевъ, окружные инспекторы, директора гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, преподаватели института, гимназіи и реальнаго училища имени Шеллапутина, слушатели института и др. Епископъ Трифонъ совершилъ молебствіе, передъ которымъ произнесъ краткое слово. Послѣ молебствія открылъ засѣданіе краткою рѣчью товарищъ министра В. Т. Шевяковъ. Обращаясь къ П. Г. Шеллапутину и его супругѣ, товарищъ министра сказалъ, что министръ поручилъ ему передать имъ его сожалѣніе, что по неотложнымъ дѣламъ, въ виду назначеннаго на 2-е февраля разсмотрѣнія въ думской бюджетной комиссіи смѣты министерства народнаго просвѣщенія, министръ не могъ прибыть на торжество. Привѣтствуя создателя педагогическаго института П. Г. Шеллапутина, товарищъ министра сказалъ, что министерство возлагаетъ на педагогическій институтъ большія надежды. Мы наканунѣ великой реформы—введенія всеобщаго начальнаго обученія. Несомнѣнно, что за этимъ послѣдуетъ ростъ среднихъ учебныхъ заведеній, для которыхъ понадобятся преподаватели. И въ этомъ случаѣ педагогическій институтъ долженъ сыграть большую роль. Преподаватель педагогическаго института Н. Д. Виноградовъ произнесъ обширную рѣчь о современном положеніи

педагогів какъ науки и педагогів какъ искусства, прослѣдивъ расширеніе педагогическихъ принциповъ во взглядахъ на цѣли и средства воспитанія. Директоръ педагогическаго института А. Н. Ясинскій въ своей рѣчи коснулся исторіи педагогическихъ институтовъ въ Россіи, указавъ, какъ измѣнились взгляды на типъ подобнаго учрежденія, и остановились въ концѣ концовъ на типѣ новаго учебнаго заведенія, какимъ является открываемый педагогическій институтъ, при которомъ учреждено 40 стипендій (по 900 рублей) для слушателей. Въ сегодняшнемъ торжествѣ ораторъ видитъ историческій моментъ въ исторіи просвѣщенія Россіи. Послѣ этого были оглашены изъ многихъ привѣтствій, полученныхъ по случаю торжества, телеграммы министра народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо, министра путей сообщенія С. В. Рухлова, товарища министра народнаго просвѣщенія г. Таубе, члена государственной думы профессора М. Я. Капустина и другихъ. Ректоръ университета М. К. Любавскій привѣтствовалъ педагогическій институтъ, какъ одно изъ учреждений, расширяющихъ и углубляющихъ дѣятельность университета. Директоръ гимназіи имени Гр. Шеллапутина Д. П. Корольковъ прочиталъ адресъ отъ гимназіи, директоръ реального училища имени А. Шеллапутина Л. К. Лахтинъ говорилъ о борьбѣ за равноправное признаніе наравнѣ съ классической школой реальной школы и указалъ на то, что реальное училище имени А. Шеллапутина тѣсно связано съ педагогическимъ институтомъ имени П. Г. Шеллапутина. Послѣ привѣтствій товарищъ министра произнесъ: «Именемъ г. министра народнаго просвѣщенія объявляю педагогическій институтъ имени П. Г. Шеллапутина открытымъ». Раздалися аплодисменты. Хоръ исполнилъ трижды гимнъ «Боже, Царя храни», затѣмъ гости въ сопровожденіи директора осматривали зданіе института, его аудиторіи, физическій кабинетъ, химическую лабораторію и т. д. Помѣщенія изобилуютъ массой свѣта и воздуха; высокая актовая зала въ два свѣта устроена прекрасно. Зданіе построено по плану и подъ наблюденіемъ архитектора Р. И. Клейна. Послѣ осмотра въ актовую залу института былъ сервированъ для приглашенныхъ гостей обѣдъ, сопровождавшійся многими тостами.

Юбилей Н. М. Лисовскаго. Въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ 12-го февраля отпразднованъ юбилей извѣстнаго библіографа-писателя и дѣятеля печатнаго дѣла Николая Михайловича Лисовскаго, выступившаго тридцать лѣтъ назадъ въ качествѣ редактора періодическаго изданія по книговѣднью и имѣющаго за собою сорокъ лѣтъ всей своей литературной дѣятельности. Этотъ рѣдкій юбилей прошелъ тихо, скромно, но заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ дань уваженія къ труду энергичному, безкорыстному и не лишенному талантливаго размаха даже въ такомъ кропотливомъ дѣлѣ, какъ библіографія. Поэтому не удивительно, что этотъ праздникъ привлекъ къ себѣ, безъ различія направленій, многихъ, кому дороги интересы исторіи русской литературы и ея неизбежной спутницы—библіографіи. Въ числѣ привѣтствовавшихъ юбиляра были представители ученаго міра: академикъ А. А. Шахматовъ, профессора С. Θ. Платоновъ, А. І. Малейнъ, представители русскаго біографическаго общества А. М. Ловягинъ, Э. А. Вольтеръ и многіе члены общества, секретарь бюро международной библіографіи при императорской академіи наукъ Е. А. Рейнцъ, завѣдывающій библіотекой государственной думы А. М. Вѣловъ, литераторы:

С. А. Венгеровъ, В. В. Глискій, В. А. Ляцкій, М. К. Лемке и др., также представители различныхъ книгоиздательствъ. На собраніи прочитано до шестидесяти телеграммъ и писемъ. Особенною теплотою отличалась телеграмма академика А. А. Шахматова, составленная въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Глубокоуважаемый Николай Михайловичъ. Не только высокое уваженіе къ вашей личности, но также и глубокая благодарность за ту пользу, которую вы оказали книговѣдѣнію и библиотечному дѣлу, побуждастъ меня горячо привѣтствовать васъ въ день исполнившагося сорокалѣтія вашихъ трудовъ въ области литературы и библиографіи». Литераторъ М. К. Лемке привѣтствовалъ юбиляра, какъ челоуѣка, «понимавшаго запросы исторіи русской литературы и пронесшаго черезъ сорокалѣтнюю кропотливую работу живую душу и ясный взглядъ на вещи». Получены были телеграммы изъ Москвы и изъ другихъ городовъ. Н. М. родился въ Москвѣ 1-го января 1854 года. Слушая лекціи въ земледѣльческомъ институтѣ, онъ одновременно занимался музыкою въ петербургской консерваторіи и дѣятельно работалъ въ русскомъ отдѣленіи императорской публичной библиотекы, собирая матеріалы для своихъ статей, такъ какъ къ этому же времени относится и начало его библиографической и литературной дѣятельности. Въ 1872—1876 гг. онъ помѣщалъ статьи и замѣтки по вопросамъ сельскохозяйственнымъ и экономическимъ въ «Новомъ Времени», «Новостяхъ», «Недѣлѣ» и «Земледѣльской Газетѣ». Позднѣе работалъ въ «Голосѣ» и другихъ изданіяхъ. Ему принадлежатъ многія работы по общей библиографіи, библиографическіе очерки, касающіеся отдѣльных писателей, и работы по обзорнѣю театальной и музыкальной литературы. Подъ его редакціею выходили: въ 1881—1882 г. «Россійская Библиографія», въ 1882—1885 году «Всеобщій календарь» Герм. Гоппе и съ 1884 году основанный имъ журналъ «Библиографъ». Въ его изданіи вышло до восьмидесяти трудовъ историческихъ, библиографическихъ и историко-литературныхъ многихъ русскихъ ученыхъ и писателей. Въ дѣятельности Н. М. по книжному дѣлу его біографы признаютъ особенно заслуживающими вниманія слѣдующіе моменты: 1) десятилѣтнее непрерывное редактированіе имъ журнала «Библиографъ» (преобразованнаго затѣмъ въ сборникъ) съ ясно выраженнымъ желаніемъ дать не только справочное пособіе, но и научный органъ; 2) его труды по регистраціи русской періодической печати, съ примѣненіемъ новаго метода изслѣдованія посредствомъ графическихъ таблицъ и діаграммъ, наглядно представляющихъ ростъ журналистики и ея судьбу въ тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ Россіи; 3) инициатива его въ организаціи ряда новыхъ предпріятій въ области библиографіи и печатнаго дѣла. Изъ отдѣльно изданныхъ трудовъ Н. М. наиболѣе значительнымъ является «Русская періодическая печать» за время съ 1703 по 1900 годъ. Благодаря этому труду, для историка русской журналистики теперь стало возможнымъ легко и скоро ознакомиться съ судьбами ея въ цѣломъ, что раньше представлялось недостижимымъ. За составленіе, на основаніи этого труда, графическихъ таблицъ и діаграммъ, признанныхъ выдающимся украшеніемъ выставки почетнаго дѣла 1895 года, онъ получилъ на этой выставкѣ исключительную награду—почетный дипломъ, поставленный выше большихъ золотыхъ медалей. Ему же принадлежатъ многочисленные очерки съ матеріалами для жизнеописанія русскихъ дѣятелей, по-

мѣщенные въ различныхъ книгахъ, какъ, на примѣръ, о Ефремовѣ, при сочиненіяхъ Жуковскаго, бібліографіи Грибоѣдова, при полномъ собраніи сочиненій писателя и др.; многіе очерки изданы отдѣльно. Заслуживаетъ вниманія опытъ біо-бібліографическаго очерка «А. Г. Рубинштейнъ. Пятьдесятъ лѣтъ его музыкальной дѣятельности» (Спб. 1889), представившій богатый матеріаль для позднѣйшихъ біографовъ артиста. Въ общественной жизни Н. М. дѣятельно работалъ надъ организаціею русскаго бібліографическаго общества, статистико-бібліографической комиссіи, общества бібліотековѣдѣнія и др. Въ нѣсколькихъ своихъ брошюрахъ онъ предложилъ цѣлую систему организаціи бібліографическаго труда. Замѣтному въ послѣднія 10—15 лѣтъ оживленію бібліографической дѣятельности, несомнѣнно, дасть въ свое время толчокъ основаннымъ Н. М. журналомъ «Библіографъ» и его послѣдующими работами. Уже на съѣздѣ дѣятелей печатнаго дѣла въ одномъ изъ своихъ докладовъ онъ намѣчалъ планъ изданія бібліографическаго пособия при содѣйствіи правительственнаго учрежденія, и въ настоящее время въ издаваемой «Книжной Лѣтописи» мысль эта нашла себѣ прекрасное осуществленіе. Въ теченіе своей продолжительной дѣятельности Н. М. съ особенною заботливостію и любовью собралъ обширную бібліотеку по своимъ специальностямъ; въ этомъ собраніи много цѣнныхъ изданій по бібліографіи, исторіи журналистики, театру и музыкѣ; имѣется значительное число рукописей и до 12,000 портретовъ гравированныхъ, литографскихъ и другими способами воспроизведенныхъ, различныхъ дѣятелей русскихъ и иностранныхъ. Въ справочномъ отдѣлѣ его насчитывается до 350 тысячъ листовъ, содержащихъ различныя бібліографическія свѣдѣнія. Можно найти въ журналахъ и книгахъ немало ссылокъ на пользованіе этими матеріалами и въ томъ или иномъ видѣ проявленнымъ содѣйствіемъ имъ владѣльца. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Н. М. былъ секретаремъ кассы литераторовъ и ученыхъ. Съ 1879 года онъ состоитъ на службѣ въ канцеляріи военнаго министерства, былъ секретаремъ бывшаго начальника канцеляріи П. Л. Лобко, работалъ въ главной распорядительной комиссіи по перевооруженію арміи при П. С. Ванновскомъ и въ нѣсколькихъ другихъ комиссіяхъ, а въ послѣднее время въ высочайше учрежденной комиссіи по улучшенію быта рабочихъ военнаго вѣдомства (1902—1905 г.). Результатомъ работъ въ этой комиссіи явилась его книга «Рабочіе въ военномъ вѣдомствѣ» (Спб. 1906 г.), вызвавшая весьма сочувственные отзывы печати. Изъ другихъ подобныхъ его работъ извѣстны: «Отчетъ о командировкѣ лѣтомъ 1903 года на заводы военнаго вѣдомства для изученія быта рабочихъ» и «Матеріалы для указателя литературы по рабочему вопросу» (Спб. 1905 г.). Н. М. состоитъ нынѣ также членомъ императорскаго археологическаго и русскаго географическаго обществъ, комиссіи при императорской академіи наукъ по обсужденію вопросовъ, связанныхъ съ регистраціею произведеній печати, общества бібліотековѣдѣнія и др. литературныхъ обществъ. Въ русскомъ бібліологическомъ обществѣ онъ принимаетъ участіе въ качествѣ члена совѣта. Къ своей разнообразной дѣятельности онъ постоянно проявляетъ глубокий интересъ и надо пожелать, чтобы такое отношеніе къ дѣлу не покидало его на многіе годы.

Юбилей Е. В. Богдановича. Тепло и задушевно было отпраздновано 31-го января пятидесятилѣтіе службы генерала-отъ-инфантеріи Евгенія Васильевича Богдановича по министерству внутреннихъ дѣлъ. Чествованіе началось въ тѣсномъ кругу сослуживцевъ въ здании департамента общихъ дѣлъ и закончилось къ вечеру на квартирѣ юбиляра, гдѣ перебивало за день свыше ста человекъ. Послѣ молебствія сослуживцы юбиляра перешли изъ церкви въ залъ департамента, гдѣ первымъ привѣтствовалъ Е. В. комендантъ Выборгской крѣпости генералъ-лейтенантъ Петровъ. Привѣтствуя юбиляра, какъ учителя который всегда поддерживалъ въ войскахъ духъ военной доблести, генералъ-лейтенантъ Петровъ вспомнилъ, какъ Е. В. освятилъ празднованіе присоединенія Выборга къ Россіи изданіемъ брошюры по этому поводу. «Мы, вѣрные твоимъ завѣтамъ, учитель,—говорилъ ораторъ,—всегда будемъ помнить, что при нашествіи врага мы должны или побѣдить, или умереть». Растроганный юбиляръ отвѣчалъ на первое привѣтствіе слѣдующей прочувствованной рѣчью: «Благодарю васъ, дорогіе сослуживцы, пожелавшіе утѣшить слѣпота старца совмѣстной молитвою и добрымъ привѣтомъ въ полувѣковую годовщину службы по нашему министерству. Да, господа, не хвально, могу сказать, что я душу отдалъ службѣ, а мой сынъ, вашъ сослуживецъ, самую жизнь отдалъ родинѣ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Въ этомъ же храмѣ молился я шесть лѣтъ назадъ на заупокойномъ богослуженіи по моему убитому сынѣ... Сколько добрыхъ, честныхъ, благородныхъ не досчитываюсь я сегодня среди живыхъ! Шестнадцатый министр на моей памяти стоитъ во главѣ нашего вѣдомства,—а какія имена между его пятнадцатью предшественниками,—отъ графа Ланскаго до незабвеннаго Столыпина. Одна характеристика ихъ дала бы нѣсколько главъ исторіи Россіи въ XIX и XX столѣтіяхъ: А сколько воспоминаній за минувшіе полвѣка,—сколько сотенъ тысячъ верстъ моихъ служебныхъ поѣздокъ по Европейской Россіи и Сибири, сколько встрѣчъ, впечатлѣній, испытаній, дѣлъ и событій. Перейдя изъ военного строя въ министерство въ самый моментъ освобожденія крестьянъ, постоянно вступая въ общеніе съ народомъ, я нашелъ свое призваніе въ бесѣдахъ съ нимъ, сперва—посредствомъ живого слова, а потомъ—при помощи моихъ бесплатныхъ изданій, удостоившихся высокаго одобренія трехъ императоровъ. Преклонные годы, потеря зрѣнія, недуги лишили меня возможности нести попрежнему служебныя обязанности, но Богъ сохранилъ мнѣ память и бодрость духа, помогая моей посильной работѣ на пользу народа, во славу церкви, царя и отечества. Радъ былъ бы повидаться со всѣми вами еще лѣтъ черезъ двадцать пять, на слѣдующемъ юбилейѣ, но мало на это разчитываю: большинство присутствующихъ годами жизни моложе, чѣмъ я—годами службы. Желаю каждому изъ васъ отпраздновать свой полувѣковой юбилей службы по министерству внутреннихъ дѣлъ съ такимъ же отраднымъ чувствомъ, какое переживаю сегодня, благодаря вашему сочувствію и доброжелательству. Высоко цѣню ваше вниманіе и ласку, прошу васъ принять мою самую горячую благодарность и раздѣлить со мною то пожеланіе, которое всего громче и живѣе звучитъ сегодня въ не старѣющемъ сердцѣ вашего стараго сослуживца: да здравствуетъ и славится святая наша родина и да править ею на многія, многія лѣта со счастьемъ и славою нашъ

возлюбленный Государь Императоръ, ура!» Послѣ краткой рѣчи профессора Рейна рыбинскій городской голова преподнесъ юбиляру адресъ отъ рыбинскаго общества взаимнаго страхованія. Е. В., снявшись въ общей группѣ, въ сопровожденіи директора канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ Зубовскаго, вице-директора департамента полиціи Билицкаго, члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ Шерадскаго, орловскаго, таврическаго и радомскаго губернаторовъ, князя Путятина, отправился къ себѣ домой, гдѣ съ двухъ часовъ пріемъ депутацій и поздравленій возобновился. Отъ Святѣйшаго Синода Е. В. привѣтствовала депутація въ составѣ: митрополита московскаго Владимира, епископа Евлогія, епископа Цикона и епископа Назарія. Отъ министерства внутреннихъ дѣлъ Е. В. привѣтствовала депутація въ составѣ: товарища министра Лыкошина, Кошкова, Извъкова, Литвинова и Пестраецкаго. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ сенаторъ Лыкошинъ указалъ, что чины министерства внутреннихъ дѣлъ счастливо видѣтъ Е. В. въ своихъ рядахъ. Е. В. въ продолженіе своей многолѣтней дѣятельности проявлялъ удивительную отзывчивость на нужды русскаго народа, церкви и родины. Главная заслуга юбиляра—его издательская дѣятельность, восполнявшая пробѣлъ въ популяризаціи знаній среди нашего крестьянства. Товарищъ министра высказалъ пожеланія, чтобы эта дѣятельность юбиляра продолжалась многіе годы. Въ отвѣтъ на это Е. В. указалъ, что привѣтствіе сенатора Лыкошина является для него дорогимъ. Онъ твердо уповаетъ, что, несмотря на растущую сложность задачъ, которыя должно разрѣшить вѣдомство внутреннихъ дѣлъ, оно блестяще справится съ трудностями и украситъ не одну страницу исторіи. Депутація отъ стрѣлковъ изъ Царскаго Села отмѣтила ту связь, которая закрѣплена духовно между полкомъ и юбиляромъ. Е. В. Богдановичъ въ отвѣтъ на привѣтствіе пожертвовалъ икону (изъ числа преподнесенныхъ ему) родному полку. Представитель же депутаціи отъ Таврической губерніи, мѣстный губернаторъ графъ Апраксинъ, подчеркнул свойство юбиляра вносить любовь и чувство во всякое дѣло, гдѣ онъ работаетъ. Далѣе было оглашено постановленіе объ учрежденіи стипендій имени юбиляра въ городскихъ училищахъ Севастополя, Николаева и Одессы. Депутація прислала: Самарская и Курская губерніи, Русское собраніе, союзъ правой печати, правая фракція государственной думы, императорское русскаго пожарное общество, общество Голубого Креста, общество ревнителей пожарнаго дѣла. Въ адресахъ, преподнесенныхъ послѣдними, между прочимъ, говорилось, что по мысли Е. В. во многихъ городахъ Россіи устроились общественныя пожарныя команды, и тогда уже возникъ цѣлый рядъ обществъ взаимнаго отъ огня страхованія. Въ семидесятыхъ годахъ Е. В. были разработаны и представлены министру внутреннихъ дѣлъ соображенія о рациональномъ устройствѣ пожарной части въ городахъ и селеніяхъ, а также на желѣзнодорожныхъ путяхъ, равно какъ и объ организациі рѣчной прогнвопожарной охраны. Въ 1881 году Е. В. былъ выработанъ уставъ общества для предупрежденія и пресѣченія пожаровъ и причиняемыхъ ими бѣдствій. Уставъ этотъ послужилъ главнѣйшимъ основаніемъ къ учрежденію соединеннаго нынѣ русскаго пожарнаго общества. Е. В. образовалъ также кассу взаимопомощи пожарныхъ дѣятелей Голубой Крестъ. Общество это въ теченіе

14 лѣтъ оказало помощь 2,269 пожарнымъ дѣателямъ въ суммѣ 157,757 рублей 71 коп. Наконецъ Е. В. явился инициаторомъ цѣлаго ряда городскихъ обществъ взаимнаго отъ огня страхованія. Депутація отъ главнаго совѣта союза русскаго народа во главѣ съ графомъ Коновницынымъ принесла адресъ юбиляру слѣдующаго содержанія: «Сегодня, въ знаменательный для васъ день, главный совѣтъ русскаго союза народа горячо привѣтствуетъ васъ, не только, какъ полувѣкового дѣателя по министерству внутреннихъ дѣлъ, но и какъ человека, беззавѣтно любящаго родину, всю свою дѣятельность направившаго на поддержаніе вѣры православной, благоговѣйной любви къ царю и ко благу Россіи. Почти 25 милліоновъ экземпляровъ изданныхъ вами брошюръ свидѣлствуютъ, что нѣтъ теперь событія въ царской семьѣ или въ общественной и политической жизни нашей, на которое вы не отозвались бы или горячо, съ искрой Божіей написанной памяткой, или художественно исполненной картиной съ текстомъ, всегда идущимъ къ сердцу читателя, затрогивающимъ лучшія страницы русской души. Въ сонмѣ привѣтствующихъ васъ учреждений и лицъ главный совѣтъ союза русскаго народа поздравляетъ васъ отъ имени союза русскаго народа, сердечно желая вамъ жить долгіе годы такъ же мужественно и ярко по слову досточимаго Іоанна Кронштадтскаго: «вразумлять русскій народъ возлагать надежду свою на Бога и царя-батюшку, не забывать дѣлъ Божіихъ и хранить заповѣди Божіи». Интересный адресъ былъ также поднесенъ депутаціей студентовъ-академистовъ: «Позвольте и намъ, русской молодежи, привѣтствовать васъ въ этотъ дорогой для васъ день, позвольте и намъ выразить наши искреннія горячія чувства. Ваша широкая дѣятельность находитъ высокую оцѣнку въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества; свое справедливое слово скажетъ нелицепріятный судъ исторіи, мы же просимъ васъ принять нашу глубокую благодарность за все то многое, хорошее, что вами сдѣлано въ смыслѣ поддержанія академическаго движенія въ высшей школѣ, за то непрерывное добро, которое вы съ такой отеческой любовью оказываете студенческимъ академическимъ организаціямъ и въ частности союзу политехническаго института имени Петра Великаго. Вѣрьте, что добрыя сѣмена, которыя вы сѣете на нивѣ оздоровленія нашей родной школы, дадутъ пышныя, достойныя сѣятеля плоды. Съ вашей помощью и вѣрою въ правоту нашего дѣла мы будемъ мужественно продолжать нашъ тернистый путь. Намъ, студентамъ-академистамъ, ваше имя особенно дорого. Вашимъ заботамъ мы обязаны тѣмъ, что удостоились величайшаго счастья лицезрѣть своего обожасмаго Монарха и услышать его одобреніе. Всѣмъ порывомъ нашей молодой души привѣтствуемъ васъ; ваша неутомимая энергія, ваша разносторонняя дѣятельность всегда будутъ для насъ высокимъ, примѣромъ истиннаго служенія великой Россіи и ея святымъ завѣтамъ. Е. В. посѣтили члены государственнаго совѣта: Гербель, Дейтрихъ, Галкинъ-Вражской, Стишинскій, Штюрмеръ, Горемыкинъ, графъ Толъ, Куломзинъ, Сухомлиновъ, Шрейберъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода В. К. Саблеръ, товарищъ министра юстиціи Чаплинъ, члены государственной думы: Крупенскій, Келеповскій, Гижикій, Новицкій, графъ Степбоекъ-Ферморъ, сенаторъ Огаревъ, сенаторъ Вендрихъ, генералъ Газенкамцфъ, петербургскій градоначальникъ генералъ Драчевскій, генералъ Ивановъ, адмиралъ Вирень, камергеръ Нази-

мовъ и много другихъ. Привѣтствія прислали слѣдующія лица и учрежденія: министры императорскаго двора, юстиціи и путей сообщенія, членъ государственнаго совѣта Булыгинъ, московскій градоначальникъ генераль Адриановъ, сенаторъ Георгіевскій, вице-адмиралъ Князевъ, приамурскій генераль-губернаторъ Гондатти, сенаторъ Дедюлинъ, ген. Зарубаевъ, генераль Самсоновъ, генераль Шмидтъ, одесскій градоначальникъ Соеновскій, попечитель одесскаго учебнаго округа Щербаковъ, егермейстеръ графъ Ниродъ, солистка Его Императорскаго Величества Долина-Горленко, московскіе хоругвеносцы, общество въ память отца Іоанна Кронштадтскаго, чины севастопольскаго гарнизона и много другихъ. Прислано нѣсколько сотъ телеграммъ.

Плещевскій уголокъ. 29-го января въ казенномъ имѣніи Шанталово, Рославльскаго уѣзда, открыта земская народная библіотека-читальня имени поэта А. Н. Плещеева. Шанталово въ уѣздѣ среди обывателей называютъ «Плещевскимъ уголкомъ», и вотъ почему: имѣніе это принадлежало сыну поэта Н. А. Плещееву, который основалъ здѣсь низшую сельскохозяйственную школу 1-го разряда имени своего отца. Школа была открыта спустя нѣсколько дней послѣ смерти А. Н. Плещеева; она, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтила среди обывателей полное сочувствіе. Учредитель школы заботился, въ качествѣ ея попечителя, объ ея процвѣтаніи и достигъ самыхъ благопріятныхъ результатовъ. Въ 1904 году у Плещеева имѣніе приобрѣтено было министерствомъ земледѣлія и мѣстнымъ губернскимъ земствомъ, причемъ школа въ 1910 году преобразована въ низшее сельско-хозяйственное училище, которое было названо Воронежско-Плещевскимъ, такъ какъ земство использовало завѣщанный ему помѣщикомъ Воронцомъ капиталъ на созданіе училища такого типа. Попечителемъ училища земство избрало вновь Н. А. Плещеева. Годъ два назадъ въ томъ же Шанталовѣ уѣздное земство открыло двухклассное народное училище имени Н. А. Плещеева, отмѣтивъ этимъ его заслуги въ уѣздѣ на пользу просвѣщенія и избравъ его попечителемъ и этого училища. Наконецъ 29-го января тутъ же, на землѣ, предоставленной министерствомъ, земство съ помощью частной поддержки отпраздновало открытіе народной библіотеки-читальни имени поэта А. Н. Плещеева. Въ тотъ же день освящено ремесленное отдѣленіе при училищѣ, занимающее, какъ и читальня, особое зданіе. Читальня украшена портретами русскихъ писателей, начиная отъ Ломоносова до Чехова включительно. По срединѣ библіотеки портреты Императора и Императрицы. При входѣ налѣво рѣдкій портретъ масляными красками А. Н. Плещеева, пожертвованный сыномъ.

НЕКРОЛОГИ.

АННЕНСКИЙ, М. В. Скончавшийся 23-го января председатель правления общества взаимного кредита петербургскаго уѣзднаго земства, кандидатъ коммерціи Михаилъ Васильевичъ Анненскій, былъ тѣсно связанъ съ дѣятельностью этого общества въ теченіе почти сорока лѣтъ, посвятивъ ему въ послѣдніе годы всецѣло свою энергію, знанія и силы. Онъ былъ сперва членомъ совѣта, съ 1894 года членомъ правленія и съ 1909 года председателемъ, замѣнивъ по руководительству дѣлами общества покойнаго М. В. Посадскаго. М. В. родился въ 1848 году, происходилъ изъ крестьянской семьи. Учился въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, затѣмъ служилъ въ конторѣ графа Строганова и до 1895 года былъ главнымъ бухгалтеромъ общества для заклада движимыхъ имуществъ. Своей карьерой онъ обязанъ самому себѣ, своей замѣчательной трудоспособности. Досуги своей службы покойный отдавалъ обществу вспомоствованія бывшимъ воспитанникамъ петербургскаго коммерческаго училища и ихъ семьямъ. Въ этомъ обществѣ онъ послѣднее время председательствовалъ, раньше былъ членомъ правленія. При его горячемъ содѣйствіи и поддержкѣ при обществѣ были основаны похоронная касса и отдѣлъ по устройству дешевыхъ жилищъ, которому удалось построить собственный домъ. М. В. принималъ также участіе въ обществѣ повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ съ Японіей. Имъ изданы—брошюра, посвященная памяти Вецкаго, основателя петербургскаго коммерческаго училища, и книга «Жизнь Моисея». Какъ человѣкъ, онъ отличался сердечностью и благожелательствомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.887).

† **Гурьевъ, В. П., протоіерей** 14-го января скончался на семидесятомъ году жизни бывшій настоятель Покровской, что на Филяхъ, церкви, Московскаго уѣзда, протоіерей Викторъ Петровичъ Гурьевъ. Покойный отецъ протоіерей началъ свою пастырскую дѣятельность въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ глухомъ, но обширномъ приходѣ села Ильинскаго-Талбузина

Клинскаго уѣзда. Онъ впервые здѣсь завелъ внѣбогослужебныя собесѣдованія съ народомъ, что въ то время вообще являлось дѣломъ новымъ. Прослуживъ около тринадцати лѣтъ въ названномъ приходѣ, онъ переведенъ былъ сначала въ приходъ села Люберець Московскаго уѣзда, гдѣ служилъ всего только одинъ годъ, а затѣмъ—въ приходъ села Покровскаго, что на Филияхъ, также Московскаго уѣзда. Въ послѣднемъ приходѣ и протекла наиболѣе плодотворная часть его жизни въ теченіе слишкомъ тридцати четырехъ лѣтъ. Обнаруживъ себя здѣсь на первыхъ же порахъ выдающимся церковнымъ проповѣдникомъ, онъ также заявлялъ себя и неутомимымъ дѣятелемъ на поприщѣ народного образованія и плодovitѣйшимъ духовнымъ писателемъ-проповѣдникомъ. Свыше двадцати лѣтъ онъ состоялъ членомъ московскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. Около двѣнадцати лѣтъ онъ былъ предѣвателемъ московскаго уѣзднаго отдѣленія Кирилло-Меѳодіевскаго братства. Наряду съ этимъ онъ постоянно трудился надъ составленіемъ поученій по житіямъ святыхъ. Результатомъ этихъ трудовъ явились слѣдующія его печатныя произведенія: «Прологъ въ поученіяхъ», выходящій уже пятымъ изданіемъ, «Четы-Минеи въ поученіяхъ» въ четырехъ книгахъ, «Почуенія по житіямъ подвижницъ восточной церкви», «Почуенія по житію преподобнаго Серафима Саровскаго чудотворца», «Почуенія по пещерскому патерику» и нѣкоторыя другія. Незадолго передъ смертію онъ закончилъ составленіе поученій по житію святителя Іоасафа, архіепископа бѣлгородскаго. Отпѣваніе тѣла почившаго отца протоіерея происходило въ храмѣ Богоявленія въ Дорогомилевѣ. Заупокойное богослуженіе совершалъ преосвященный Анастасій, епископъ серпуховскій, въ сослуженіи протопресвитера Успенскаго собора Н. А. Любимова и многочисленнаго сонма духовныхъ лицъ, въ присутствіи также во множествѣ собравшихся бывшихъ его прихожанъ и дѣтей духовныхъ. Погребенъ отецъ Викторъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1912 г., № 20).

† **Далматовъ, В. П.** Не стало талантливаго артиста Александринской сцены Василія Пантелеймоновича Далматова. Онъ умеръ 14-го февраля отъ воспаления легкихъ. Въ три-четыре дня болѣзнь свела въ могилу этого всегда жизнерадостнаго и благороднѣйшаго сценическаго дѣятеля. Не дальнѣ, какъ за десять дней до своей кончины, онъ трудился и хлопоталъ по устроителю маскарада въ пользу театральной школы имени А. С. Суворина, безсмѣннымъ директоромъ которой состоялъ. Радовался матеріальному успѣху этого маскарада, жилъ идеей созданія путемъ школы артистическихъ талантовъ, мечталъ, фантазировалъ и никакъ не ждалъ такой быстрой и неожиданной развязки съ жизнью. Въ лицѣ покойнаго сцена понесла крупную утрату. Талантъ В. П. былъ чрезвычайно разнообразенъ. Онъ въ теченіе своей долгой артистической карьеры являлся выдающимся исполнителемъ героическихъ ролей, былъ своеобразенъ и незамѣнимъ въ бытовыхъ роляхъ. Его богатая голосовая средства, его особая присутная ему плавная интонація, то полная отчаянія и трагизма, то дышащая комизмомъ и ироніей, вмѣстѣ съ его детально обдуманной игрой дали ему возможность создать рядъ ролей. Можно смѣло сказать, что, благодаря своему рѣдкому таланту, В. П. въ области артистическаго творчества занималъ заслуженно одно изъ первѣйшихъ мѣстъ, и имя его останется памятно къ исторіи русскаго

театра. Покойный В. П. Лучичъ (В. П.—его псевдонимъ) началъ театральную карьеру въ любительскихъ спектакляхъ въ Одессѣ. Затѣмъ продолжалъ въ качествѣ профессиональнаго актера въ провинціи. Въ Москвѣ онъ выступилъ впервые въ общественномъ театрѣ уже въ трагическихъ роляхъ: Фердинанда («Коварство и Любовь» Шиллера) и др. Въ 80-хъ годахъ покойный стоялъ въ ряду лучшихъ артистовъ Пушкинскаго театра, положившихъ начало свободнымъ театрамъ въ столицахъ. Выступалъ въ роляхъ Чацкаго («Горе отъ ума»), Хлестакова («Ревизоръ»); въ свѣтскихъ роляхъ въ пьесахъ Островскаго; въ роли Карла Моора («Разбойники» Шиллера) и др. Затѣмъ, вступивъ въ товарищество, которому Лянозовъ и Степановъ выстроили первый частный театръ въ Москвѣ, именованный «Русскимъ театромъ», продолжалъ пользоваться выдающимся успѣхомъ до 1884 года, когда былъ приглашенъ А. А. Потѣхинымъ, управлявшимъ тогда императорскимъ петербургскимъ театромъ, на первые роли въ Александринскій театръ. Въ первый разъ В. П. выступилъ въ 1884 г. въ апрѣлѣ въ роли Хлестакова («Ревизоръ»), затѣмъ игралъ Кречинскаго («Свадьба Кречинскаго»), Незнамова («Безъ вины виноваты» Островскаго), Чацкаго и друг. Исполняя въ теченіе десяти лѣтъ отвѣтственные роли классическаго реперуара: Гамлета, Эгмонта, Вильгельма Телля и др., а также непрерывно участвуя въ различныхъ роляхъ современнаго репертуара, покойный не нашелъ должной оцѣнки своего таланта со стороны своего непосредственнаго чиновнаго начальства. Заманчивое положеніе премьеры и неизмѣнный успѣхъ не помѣшали ему оставить въ 1894 г. императорскую сцену вслѣдствіе несприятныхъ столкновеній съ начальствомъ и уѣхать вновь въ Москву и провинцію гастролировать. Черезъ годъ, вернувшись въ Петербургъ, онъ принялъ ближайшее участіе въ организаціи литературно-артистическаго кружка, переименованнаго затѣмъ въ литературно-художественное общество, и былъ избранъ въ составъ дирекціи кружка. При его непосредственномъ участіи было положено начало театру «кружка» въ залѣ Кононова. Когда литературно-художественнымъ кружкомъ, руководимымъ А. С. Суворинымъ, былъ основанъ въ 1895 году свой постоянный театръ, В. П. явился премьеромъ труппы, выступивъ въ первый разъ въ лучшей роли отечественнаго трагическаго репертуара—Юаннѣ Грозномъ («Смерть Юанна Грознаго» А. Толстого), затѣмъ въ «Королѣ Лирѣ», въ «Макбетѣ», «Умиреніи строптивой» Шекспира и во многихъ другихъ роляхъ и имѣлъ постоянный и шумный успѣхъ. Въ 1901 году онъ опять вернулся на петербургскую императорскую сцену, выступивъ въ первый разъ въ пьесѣ Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ» въ роли Миловидова. Встрѣча, оказанная публикою В. П. при его появленіи на сценѣ, была восторженна. Съ тѣхъ поръ покойный продолжалъ неизмѣнно пользоваться вниманіемъ публики и серьезной критики, какъ одинъ изъ талантливейшихъ персонажей образцовой сцены. Въ нынѣшнемъ сезонѣ онъ особенно шумный успѣхъ имѣлъ въ «Лѣтѣ» Островскаго, исполняя художественно роль Несчастливцева. Органически связанный со дня основанія съ литературно-художественнымъ обществомъ, покойный до конца своей жизни состоялъ членомъ дирекціи общества и съ 1907 году былъ избранъ директоромъ театральной школы, учрежденной обществомъ въ ознаменованіе литературныхъ заслугъ А. С. Суворина. На его долю выпало какъ

составленіе программы этой школы, такъ и ея осуществленіе и первоначальная организація новаго театральнаго-школьнаго дѣла. Покойный не былъ также чуждъ и литературѣ. Онъ написалъ въ юности нѣсколько оригинальныхъ пьесъ: «Трудъ и капиталъ», «Бѣсъ корысти опуталъ», «Облава» и др. Последняя изъ названныхъ пьесъ была поставлена на Александринской сценѣ, другія были играны въ Москвѣ въ театрахъ Корша, Горева, Федотова. Перу его принадлежить также немало статей, очерковъ, рассказовъ, печатавшихся въ «Новомъ Времени», «Театрѣ и искусствѣ», «Нивѣ» и др. изданіяхъ. Прошлой осенью были напечатаны въ «Новомъ Времени» его фельетоны-очерки, въ которыхъ онъ со свойственнымъ ему юморомъ и ироніей разсказалъ про свою артистическую поѣздку на Дальній Востокъ и про катастрофу поѣзда, въ которомъ ѣхалъ, отдѣлавшись при крушеніи ушибомъ головы. Недавно вышелъ первый томъ его разсказовъ и воспоминаній: «По ту сторону кулисъ». Какъ человѣкъ необычайной доброты и сердечности, В. П. принималъ живѣйшее участіе во многихъ учрежденіяхъ благотворительнаго характера. Болѣе 25 лѣтъ онъ состоялъ членомъ императорскаго театральнаго общества, въ послѣдніе годы былъ членомъ совѣта этого общества и явился инициаторомъ его преобразованія изъ филантропическаго во взаимопомощи. Кромѣ того, онъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ общества драматическихъ писателей, состоялъ нѣсколько лѣтъ членомъ театральнаго-литературнаго комитета императорскихъ театровъ, былъ однимъ изъ основателей кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ и пр. Последніе годы его филантропическая дѣятельность тѣсно связалась съ его педагогической: недостаточные учащіеся театральнаго школы часто находили у него не только нравственную, но и матеріальную поддержку. Умеръ онъ 60-ти лѣтъ. Память о покойномъ, какъ выдающемся артистѣ и замѣчательномъ человѣкѣ, останется навсегда въ памяти знавшихъ его. Вездѣ, гдѣ былъ В. П., онъ являлся душой бесѣды, интереснымъ разсказчикомъ и занимательнымъ собесѣдникомъ. Всѣ его цѣнили и любили. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.905).

† **Долбня, И. П.** 2-го февраля, во второмъ часу дня скончался въ Биржевой больницѣ послѣ произведенной тамъ операціи міоматической опухоли мочевого пузыря горный инженеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ и ординарный профессоръ по кафедрѣ высшей математики горнаго института императрицы Екатерины II, Иванъ Петровичъ Долбня. И. П. скончался 58 лѣтъ отъ роду. Покойный прошелъ суровую школу жизни и достигнутыми въ жизни успѣхами былъ обязанъ лишь самому себѣ, своимъ выдающимся способностямъ. Сынъ солдата изъ кантонистовъ, еще въ гимназіи онъ отличался въ математикѣ. Четырнадцать лѣтъ отъ роду онъ окончилъ курсъ гимназіи и нѣсколько лѣтъ прослужилъ волостнымъ писаремъ; юридически значился писаремъ его отецъ, фактически писаремъ былъ онъ, хотя не могъ получить этого мѣста официально по малолѣтству. По окончаніи курса въ горномъ институтѣ въ 1875 г., И. П. поступилъ на педагогическіе курсы при второй петербургской военной гимназіи. Съ 1877 по 1897 годъ служилъ преподавателемъ математики въ оренбургской военной гимназіи и затѣмъ въ нижегородскомъ кадетскомъ корпусѣ. За это время имъ были напечатаны статьи по методикѣ преподаванія низшей ма-

тематики (въ періодическихъ изданіяхъ военнаго вѣдомства) и работы по высшей математикѣ, послѣднія, главнымъ образомъ, въ лучшихъ французскихъ математическихъ журналахъ. Въ 1897 году И. П. занялъ кафедру высшей математики въ горномъ институтѣ, послѣ защиты диссертациі «Исслѣдованіе по теоріи абелевыхъ интеграловъ». Въ 1904 году былъ согласно прошенія уволенъ отъ службы въ горномъ институтѣ, а въ 1906 году снова занялъ должность ординарнаго профессора горнаго института. Въ 1910 году, согласно избранія совѣта института, былъ назначенъ исполняющимъ обязанности директора горнаго института, а въ 1911 году утвержденъ въ должности директора. И. П. былъ человекъ даровитый, съ рѣдкой памятью, позволявшей ему цитировать разъ прочитанное много лѣтъ тому назадъ, остроумный, занимательный собесѣдникъ, человекъ, обладавшій ораторскимъ талантомъ. Лекціи И. П. отличались какъ своей блестящей формой, такъ и большой эрудиціей и тщательной къ нимъ подготовкой и отдѣлкой. Несмотря на то, что И. П. былъ занятъ преподаваніемъ не только въ горномъ институтѣ, но и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ ежегодно писалъ и печаталъ математическіе мемуары въ наиболѣе серьезныхъ французскихъ математическихъ журналахъ: *Annales de l'École Normale supérieure*, *Journal des math. pures et appliquées*, *Bull. des Sciences Mathématiques*. Покойный ученый отмежевалъ себя опредѣленную, весьма трудную область высшей математики, а именно вопросъ о такъ называемомъ приведеніи абелевыхъ интеграловъ (въ частности псевдо-эллиптическихъ интеграловъ); въ этой области анализа онъ явился непосредственнымъ преемникомъ знаменитыхъ русскихъ геометровъ Чебышева и Золотарева, прилагая, напримѣръ, къ вопросу о выразимости эллиптическаго интеграла въ конечномъ видѣ современные методы Вейерштрассовой теоріи эллиптическихъ функций. Кроме того, уже въ самые послѣдніе годы въ рядѣ блестящихъ работъ (*Bull. des Sciences Math.*) И. П. исследовалъ съ новой точки зрѣнія теорію такъ называемаго преобразованія эллиптическихъ функций, причемъ далъ интересныя и весьма важныя новыя приложенія этой теоріи къ тому вопросу о псевдо-эллиптическихъ интегралахъ, разработкѣ которыхъ была посвящена большая часть его научной дѣятельности. Школа жизни, пройденная имъ, была такова, что послѣ 17-го октября 1905 года онъ, считавшійся ранѣе въ числѣ очень лѣвыхъ, не могъ не оказаться въ числѣ стоящихъ направо, искренно не раздѣляя увлеченій лѣвыхъ партій и будучи далекъ отъ всякой мысли объ административной карьерѣ. Проведя горный институтъ благополучно черезъ испытанія 1910—1911 академическаго года, И. П. намѣревался выйти въ отставку, чтобы воспользоваться давно желаннымъ покоемъ, но, уступая просьбѣ высшаго начальства, остался еще на нѣкоторое, недолгое, надѣялся онъ, время на посту директора. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1912 г., № 33).

† **Загоскинъ, Н. П.** Въ Петербургѣ 6-го февраля отъ повторнаго воспаленія легкихъ скончался Николай Павловичъ Загоскинъ, заслуженный профессоръ по кафедрѣ исторіи русскаго права въ казанскомъ университетѣ, бывшій выборный ректоръ университета, гласный казанской городской думы и съ осени членъ государственнаго совѣта. Одно это перечисленіе указываетъ, какая крупная личность въ его лицѣ сошла въ могилу. Уже первые ученые труды Н. П.

по истории права Московского государства, изданные в 1877—1879 годах, составили ему крупное ученое имя. С тех пор и как ученый и как лектор Н. П. в течение более 30 лет был одним из наиболее известных профессоров, которыми казанский университет мог справедливо гордиться. Но Н. П. не был только крупным ученым, он вместе с тем был и видным общественным деятелем и публицистом, в течение нескольких лет (1883—1890) издававшим в Казани прогрессивную газету «Волжский Вестник». Вместе с тем трудно себя представить личность более обаятельную, чем Н. П. Благородный, честный, широко образованный, отзывчивый на всякое чужое горе и всегда готовый всем помочь, чем только возможно, Н. П. был профессором и гражданином в самом высоком смысле этого слова. Неудивительно, что Н. П. пользовался огромным уважением и среди профессоров, избравших его и деканом юридического факультета, и ректором и проректором (в последней должности Н. П. утвержден не был), и среди студентов, и среди всего населения города Казани. Насколько популярен был Н. П. в Казани, видно из того хотя бы, что при первых выборах в государственную думу, Н. П. получил самое большое число голосов, которого никто после него не получал. С его преждевременной кончиной казанский университет потерял лучшего своего представителя, Казань — лучшего своего гражданина. Н. П. родился 20-го июля 1851 года в Петербурге (дворянин Пензенской губернии). Начальное образование получил в петербургском частном пансионе Фрея и за границу, в Висбаден, затем в России (1865—1870 гг.), в пензенской гимназии. По окончании в 1870 году курса последней с золотой медалью поступил в казанский университет, из которого в 1874 г. выпущен с золотой медалью и степенью кандидата юридических наук. Еще на студенческой скамье Н. П. зарекомендовал себя умением научно и быстро работать. Его кандидатское и вместе с тем медальное сочинение (золотая медаль) «Очерки организации и происхождения служилого сословия в до-петровской Руси» — открывает собою целый ряд ученых и литературных работ, список которых помещен в составленном им «Биографическом словаре профессоров и преподавателей казанского университета», изданном к 100-летию годовщины университета. Большинство из ученых и литературных трудов Н. П. принадлежат к истории русского права и русской истории, главным образом нашего среднего Поволжья. Из первого цикла этих работ выдающееся место занимает «История права Московского государства», к сожалению, не оконченная (т. I и выпуск 1-й II-го тома), напечатанная в Казани в 1877 и 1879 гг. Первый том составляет результат университетских чтений Н. П., в качестве приват-доцента, и является вместе с тем его магистерской диссертацией, а 1-й выпуск второго тома заключает в себя исследование о московской боярской думе и защищен Н. П. на степень доктора государственного права. Общественные «История права Московского государства» уже несомненно доказывают даровитость и работоспособность Н. П. В этом труде, любимый ученик тогдашнего профессора истории русского права в казанском университете С. М. Шпилевского, Н. П. следует по стопам своего учителя, придерживаясь, главным образом, воззрений

профессора истории русского права в московском университете 1840—1850 гг. Н. Д. Бяляева, последователя учения славянофилов. Отношение государственной власти к земщине и организация этой земщины—являются главным содержанием I тома «Истории Московского государства». Всего полные разработки Н. П. вопрос о земских соборах, и эта разработка и в настоящее время не утратила научного значения, а при появлении своем в печати в 1877 году, т. е. тридцать пять лет тому назад,—была замечательной научной повинкой. Изследование Н. П. о земских соборах, основанное на тщательном изучении первоисточников и ученой литературы вопроса, представляет собой всего, что было тогда известно в русской исторической и историко-юридической литературе по истории земских соборов с добавлением многих весьма интересных соображений и домыслов молодого ученого. Первый выпуск 2-го тома «Истории права Московского государства» включает в себя очень много ценного для истории московской боярской думы, затрагивая те стороны этого важного государственного учреждения до-петровской Руси, которые или совсем обойдены, или недостаточно развиты в известном труде В. О. Кочевского о боярской думе. Следующие еще талантливые его работы по истории русского права: 1) Уставные грамоты XIV—XVI веков, с сведенным текстом их и указателем к нему (*Pro venia legendi*), для получения звания приват-доцента. Казань, 1875—76 гг.; 2) Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и земский собор 1648—1649 г. Актовая рѣчь. Казань, 1880 г.; 3) Очерк истории смертной казни в России. Актовая рѣчь. Казань, 1892 г.; 4) История права русского народа, т. I, Казань, 1899 г. Все эти труды, вместе с «Историей права Московского государства», отводят Н. П. почетное место среди современных нам ученых ново-юридической исторической школы, в первых рядах которой стоят Сергеевич, Владимирский-Буданов, Дьяконов и Филиппов. Указанные труды Н. П. не только исчерпывают его ученые интересы. В 1875 году открылся в Казани, под председательством тогдашнего попечителя казанского учебного округа Н. Д. Шестакова, местный предварительный комитет по организации предполагавшегося в Казани IV Уваровского археологического съезда. Н. П. становится ревностным участником как этого комитета, так и самого съезда, собравшегося в Казани летом 1877 года. Одним из результатов IV-го археологического съезда было открытие при казанском университете в 1878 году общества археологии, истории и этнографии. Н. П. явился деятельнейшим членом этого общества и первым его ученым секретарем. Он составлял весьма тщательно протоколы общества, привел в порядок его зарождавшуюся библиотеку, составил печатный ее каталог и занялся разбором нумизматических коллекций общества. По его же инициативе и при его непосредственном участии было устроено несколько археологических выставок в актовом зале казанского университета. На первом месте во втором цикле учено-литературных трудов Н. П. бесспорно должна быть поставлена обширная, на архивных данных основанная, история казанского университета, написанная им по поручению совета университета к столетнему юбилею университета. Она в значительной степени дополняет и разъясняет книгу профессора

Н. Н. Булича «Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета» и захватываетъ нѣсколько большій хронологическій періодъ: 4-й, послѣдній, томъ «Исторіи» Н. П. доводитъ до 1827 года, между тѣмъ какъ книга Н. Н. Булича останавливается на 1819 году, наканунѣ ревизіи казанскаго университета пресловутымъ Магницкимъ. Трудъ Н. П. по исторіи университета не законченъ; работа его прервалась вслѣдствіе избранія его ректоромъ казанскаго университета. То было тяжелое время въ жизни всѣхъ русскихъ университетовъ, и объективное сужденіе о ректорствѣ Н. П. могутъ произнести лишь историки послѣдующихъ поколѣній. Выступалъ также Н. П. и съ публичными лекціями для различныхъ благотворительныхъ цѣлей. Особенно памятна его лекція «о расколнникахъ-самосожигателяхъ», 1884 года. Но ученая и профессорская дѣятельность не исчерпывала разностороннихъ интересовъ Н. П. Въ 1883 году онъ появляется на поприщѣ публицистики, по примѣру С. М. Шпилевскаго, издававшаго въ 1867 году въ Казани «Справочный Листокъ». Но общественное служеніе Н. П. на этомъ поприщѣ было и продолжительнѣе, и удачнѣе С. М. Шпилевскаго. Въ 1883 году Н. П. основалъ въ Казани еженедѣльную газету «Воляжскій Вѣстникъ», которая съ слѣдующаго же года стала выходить три раза въ недѣлю, а съ 1885 года ежедневно. Въ этомъ послѣднемъ видѣ «Воляжскій Вѣстникъ» редактировался Н. П. до 1890 года, когда эта газета перешла въ руки Н. В. Рейгардта. Еженедѣльный «Воляжскій Вѣстникъ» былъ весьма почтеннымъ изданіемъ, помѣщая на своихъ страницахъ талантливо написанныя статьи, посвященныя не только мѣстнымъ интересамъ, но и всероссійскимъ. Какъ въ своемъ «Воляжскомъ Вѣстникѣ», такъ и при новой редакціи этой газеты, а равно и въ другихъ казанскихъ періодическихъ изданіяхъ Н. П. помѣщалъ фельетоны и статьи по мѣстной казанской исторіи, подъ псевдонимомъ Миролюбовъ. (Некрологъ его: «Камско-Воляжская Рѣчь», 1912 г., № 29 и 32).

† **Мохначевъ, А. Д.** Скончался 9-го февраля окружной инспекторъ петербургскаго учебнаго округа Александръ Дмитріевичъ Мохначевъ. Покойный родился въ 1840 году въ Петербургѣ, среднее образованіе получилъ въ третьей с.-петербургской гимназій, гдѣ впоследствии былъ преподавателемъ. По окончаніи университета по историко-филологическому факультету въ 1864 году поступилъ на государственную службу преподавателемъ русской словесности. Въ 1886 году занялъ должность окружнаго инспектора, въ которой пробылъ двадцать шесть лѣтъ. А. Д. имѣлъ всѣ ордена до Анны первой степени и знакъ за безпорочную службу за сорокъ лѣтъ. Кромѣ того, покойный состоялъ преподавателемъ русскаго языка у дѣтей великаго князя Михаила Николаевича и лекторомъ въ теченіе сорока лѣтъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ и преподавателемъ испытательной комиссіи до дня смерти. Отличительной чертой А. Д. была неподкупная честность, исключительная энергія и трудоспособность. Скончался семидесяти лѣтъ отъ рожденія. Въ теченіе своей сорокасемилѣтней службы А. Д. неоднократно исполнялъ должность попечителя округа.

† **Реймеръ, Ю. В.** Скончавшійся управляющій гербовымъ казначействомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Юлій Васильевичъ Реймеръ всю свою службу провелъ въ министерствѣ финансовъ, начавъ ее въ 1879 г. въ бывшемъ департаментѣ неокладныхъ сборовъ. Въ свое время покойный по праву считался обще-

признанным единственным тогда специалистом по вопросам гербового обозначения. Его солидный труд в этой области — весьма обстоятельно комментированный прежний «Устав о гербовом сборе» — был настольной книгой для всех, интересующихся этим вопросом, и в настоящее время составляет библиографическую редкость. Он также немало интересовался стенографией, как наукой, и в качестве члена стенографического общества много работал над собственной новой системой стенографирования. Покойный, между прочим, был также обладателем интереснейшей по богатству и разнообразию и, пожалуй, единственной в России франко-русской коллекции, представляющей теперь немалый исторический интерес и собранной лично им в течение нескольких лет. Кроме упомянутого гербового устава, Ю. В. изданы были еще «питейный» и «табачный» уставы и «правила об оплате гербовым сбором процентных бумаг». (Некролог: «Новое Время» 1912 г., № 12.895).

† **Слѣпняъ, С. Н.** 17-го февраля скончался священник церкви св. Николая Чудотворца при особом присутствии по разбору и призыву нищих о. Сергий Николаевич Слѣпняъ. Покойный избрал для себя духовное поприще исключительно по своему призванию и, как священник, выделялся широкою просвѣтительною дѣятельностью, особенно среди рабочего класса. Начав свою трудовую жизнь по окончании курса в петербургскомъ коммерческомъ училищѣ бухгалтеромъ Новой бумагопрядильной фабрики, онъ близко соприкоснулся съ рабочей средой, изучил ея нужды и горести. Желая поднять нравственный уровень рабочихъ, покойный особенно ополчился противъ пьянства, как порока, развращающаго и разоряющаго рабочихъ. Въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ онъ поступилъ въ петербургскую духовную академию вольнослушателемъ и въ это время принялъ дѣятельное участие въ организациі религиозно-нравственныхъ соборствованій. Одновременно дѣятельно занялся собираніемъ средствъ на постройку храма Покрова Пресвятой Богородицы на Боровой улицѣ. Когда былъ выстроенъ храмъ, покойный былъ рукоположенъ въ 1894 году въ священника и явился первымъ настоятелемъ этого храма. Затѣмъ онъ былъ священникомъ церкви Спаса Бочаринскаго на Выборской сторонѣ и въ послѣдніе годы церкви св. Николая Чудотворца. Вездѣ, гдѣ ни священствовалъ покойный, онъ выступалъ горячимъ убѣжденнымъ проповѣдникомъ идей нравственности и сторонникомъ трезвости. Имъ учреждено братство трезвенниковъ св. Вонифатія, ясли для дѣтей рабочихъ на Выборгской сторонѣ и другихъ организаций для подъема нравственности среди рабочего люда и облегченія ихъ существованія. Умеръ покойный на 54 году жизни, оставивъ по себѣ свѣтлую память. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.909).

† **Степановъ, П. И.** 17-го февраля скончался бывшій начальникъ петербургскихъ и царскосельской женскихъ гимназій Павелъ Ивановичъ Степановъ. Покойный пользовался крупной извѣстностью среди петербургскихъ педагоговъ. Онъ родился 15-го мая 1829 года. По окончании гимназій предполагалъ поступить въ петербургскій университетъ и затѣмъ посвятить себя военной службѣ. Но университетъ въ 1849 году прекратилъ приемъ студентовъ, и П. И. сдѣлался студентомъ главнаго педагогическаго института. Институтъ развилъ въ немъ любовь къ педагогическому дѣлу. По окончании курса покойный избралъ

для своей дѣятельности педагогическое поприще. Въ первые годы онъ учительствовалъ въ Павловскомъ женскомъ институтѣ. Со дня же открытія въ Петербургѣ женскихъ гимназій, называвшихся тогда училищами для приходящихъ дѣвицъ (первая изъ нихъ—Маринская—была открыта 19-го апрѣля 1858 года) дѣятельность покойнаго до конца его жизни была тѣсно связана съ женскими гимназіями. Онъ былъ инспекторомъ Александровской женской гимназіи, директоромъ училища глухонѣмыхъ, не прерывая одновременно своего учительства, затѣмъ съ 1874 года помощникомъ и съ 1897 года до 1910 года начальникомъ петербургскихъ и царскосельской женскихъ гимназій. Какъ педагогъ, покойный отличался сердечностью и замѣчательною трудоспособностью. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.909).

† **Струве, В. Б.** Въ Петербургѣ скончался 16-го января директоръ Константиновскаго межевого института Василій Бернгардовичъ Струве, участникъ недавняго съѣзда преподавателей математики. Покойный по окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ кандидатомъ физико-математическихъ наукъ избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще и преподавалъ математику въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ: въ Елизаветинскомъ, Маринскомъ, Николаевскомъ женскихъ институтахъ, женской гимназіи М. Н. Стоюниной, недолго въ петербургскомъ учительскомъ институтѣ и учительской земской школѣ и друг., а также былъ инспекторомъ Николаевскаго сиротскаго института. Прекрасно владѣя иностранными языками, В. Б. преподавалъ также нѣмецкій языкъ въ Лѣсномъ институтѣ. Въ 1889 году онъ былъ назначенъ директоромъ Константиновскаго межевого института и поселился въ Москвѣ. Съ этого времени дѣятельно занялся преобразованіемъ этого спеціального учебнаго заведенія въ исключительно высшее. При немъ стали приниматься въ институтъ только окончившіе полный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній и то послѣ повѣрочнаго экзамена. Волненія учащихся въ смутное время 1905 года вызвали уничтоженіе въ институтѣ интерната. Слушатели были переведены на стипендіи, назначаемыя обычно на второй годъ пребыванія въ институтѣ. Одновременно В. Б. былъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта женской гимназіи Л. Н. Вадицкой. Кромѣ того, онъ принялъ дѣятельнѣйшее участіе въ московскомъ обществѣ народныхъ университетовъ, былъ однимъ изъ его основателей въ 1906 г., участвовалъ въ развитіи его дѣятельности въ качествѣ члена совѣта и, какъ предсѣдатель секціи народной средней школы, содѣйствовалъ открытію двухъ школъ для взрослыхъ рабочихъ среднеобразовательнаго типа. Онъ не былъ чуждъ также педагогической литературѣ. Скончался В. Б. на 58-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.879).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Отъ редакціи. Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» подъ статьей г. Корженевскаго «Черезъ Памиръ къ Гиндукушу» ошибочно напечатано: «Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ». Статья эта закончена.

— Последнее средство! Quelle idée!

И г-жа фонъ-Тоттъ двинулась такъ быстро, что едва не задыхалась.

— Развѣ мы всё не замѣтили, какъ на Рождествѣ прѣбывать въ Плошъ, только ради тебя, полковникъ фонъ-Коллеръ... и жилъ у насъ три дня чуть не въ передней, пока твоя угрюмая физиономія не заставила его удалиться въ Ашебергъ къ графу Ранцау, съ которымъ онъ и устроилъ страшную попойку? Мужчинна всегда начинаетъ дѣлать глупости, если женщина не направитъ его на путь истинный.

— Тетушка, вы знаете, что я терпѣть не могу фонъ-Коллера.

— Да, да, тетушка знаетъ, что одна глухая дѣвушка все еще вздыхаетъ по камеръ-юнкерѣ, о которомъ ни слуху, ни духу съ тѣхъ поръ, какъ умеръ его вѣтчимъ, а мать переселилась въ Киль, гдѣ она и выставила падчерицу за дверь. Боже всемогущій! Если бы я могла предвидѣть, что надворная совѣтница Брандтъ, превратившись въ г-жу фонъ-Золенталь, окажется столь жестокосердой, то я бы не помогала ей деньгами, да и подарки отъ королевы Юліаніи ко дню второго брака она не получила бы. Я думаю, что она изъ числа тѣхъ новомодныхъ дамъ, которыя не будутъ посыпать себѣ главу пепломъ по случаю кончины супруга.

Тетушка Эммелина любила поговорить, и Минеттѣ оставалось только спокойно ее слушать. На этотъ разъ она неволью замѣтила, что старушка никакъ не могла отдышаться, и на углу улицы должна была сдѣлать передышку. Тутъ стояла скамейка, на которую она и опустилась, устремивъ свои взоры на маленькій городокъ, среди котораго возвышался замокъ, на рѣку, лѣса и луга. Майское солнышко весело играло на молодой зелени, птицы громко пѣли, чайки съ крикомъ носились надъ водной поверхностью. Можно ли было ходить съ печальнымъ лицомъ тамъ, гдѣ природа облакалась въ праздничный нарядъ, и скорбѣть о томъ, что было уже четыре года тому назадъ?

Г-жа фонъ-Тоттъ отерла покрасѣвшее лицо, нагнула на глаза свою широкую шляпу и прислонилась. Лицо ея было еще свѣжо, но кожа уже обвисала. Она закрыла глаза и задремала на четверть часика. Минетта сѣла рядомъ съ ней и, глядя на Плонскій замокъ, была довольна, что можетъ теперь предаваться своимъ собственнымъ мыслямъ. Свободнаго времени у ней было немного. Г-жа фонъ-Золенталь усердно всегда заботилась, чтобы племянница не сидѣла безъ дѣла съ утра до вечера, и для Минетты было счастьемъ предложеніе госпожи фонъ-Тоттъ поселиться съ нею. Золенталь отпустила ее отъ себя, съ одной стороны, неохотно, такъ какъ лишалась дароваго труда, а съ другой—не безъ радости при мысли, что ея сынъ не будетъ больше видѣться съ нею. Эневальдъ все еще считалъ себя ея женихомъ, но какъ обстояло дѣло съ возвра-

щеніемъ ему королевскаго благоволенія, было никому неизвѣстно.

Въ положеніи Минетты не произошло особой переменѣны. Теперь она ухаживала за госпожой фонъ-Тоттъ. А такъ какъ и герцогиня, вся прислуга которой состояла изъ одной дряхлой старухи, тоже стала прихварывать, то, конечно, Минетта должна была помогать, сколько было силъ, имъ обѣимъ.

Впрочемъ, ея труды вознаграждались наиболѣе пріятнымъ для нея образомъ, и обѣ старушки относились къ ней съ теплой любовью. Не будь огорченія, которое ей причинилъ Эневальдъ своей измѣной, Минетта чувствовала бы себя теперь счастливѣе, чѣмъ прежде. Но не легко забыть того, кому отдаешь свое сердце.

Старая Эммелина проснулась было, но опять задремала, борюча что-то во снѣ по своему обыкновенію.

Все было погружено въ дремоту, и мысли Минетты приняли спокойное теченіе.

Давно уже не слыхала она о королевѣ. Въ газетахъ, впрочемъ, много писали о ней и о пышныхъ празднествахъ, которыя она задавала. Потомъ у нея родился сынъ, и народъ ликовалъ. Можно ли думать, что она вспомнитъ о подругѣ, съ которой она проводила часы своего одиночества. Минетта почти стыдилась этого времени и вспоминала почти съ упрекомъ о королевѣ, которая сначала была такъ добра къ ней. Когда она говорила объ этомъ съ Эммелиной, та принималась смѣяться надъ нею. Что она знаетъ о короляхъ? Вѣдь они то добры, то совершенно забываютъ о человѣкѣ.

Минетта убѣдилась, что и о ней давно забыли. Но и другимъ пришлось не лучше ея. Оберъ-гофмейстера фонъ-Плессенъ давнымъ-давно впадала въ немилость и была удалена отъ двора. Она ѣздила по всей странѣ, стараясь найти доброжелателя, который помогъ бы ей вернуть расположеніе короля, но доброжелателя что-то не находилось. Всѣ боялись графа Голька, который дѣлалъ съ королемъ, что хотѣлъ, и въ двадцать шесть лѣтъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ. Дворомъ управляла молодежь.

Докторъ Струэнзе переселился въ Копенгагенъ и здѣсь переходилъ отъ одной почести къ другой: онъ былъ хорошей врачъ, а королю то и дѣло случалось прибѣгать къ врачебной помощи. Доктора Струэнзе ему рекомендовалъ графъ Ранцау. Онъ же устроилъ такъ, что Струэнзе сопровождалъ короля во время его поѣздки въ Лондонъ и Парижъ, которую онъ предпринялъ черезъ два года послѣ женитьбы.

При дворѣ боролись двѣ партіи. Центромъ одной изъ нихъ былъ Ранцау, другая — группировалась вокругъ Голька. Многочисленные родственники герцогини, занимавшіе въ Копенгагенѣ крупныя мѣста, или только претендовавшіе на эти мѣста, аккуратно сообщали ей о всѣхъ новостяхъ, и за чашкой чая въ Плон-

скомъ замкѣ живо обсуждались всѣ перипетіи этой борьбы. Но газеты боязливо молчали о всемъ происходящемъ, и народъ удивлялся только одному—какимъ образомъ простой горожанинъ, какъ Струэнзе, могъ возвыситься при дворѣ.

Госпожа фонъ-Тоттъ принялась что-то бормотать во снѣ. На этотъ разъ это былъ знакъ, что она хочетъ проснуться. И, дѣйствительно, она скоро поднялась и стала всматриваться въ старую карету, которая медленно двигалась по направленію къ городку. Лошадьми правилъ по-мужицки одѣтый кучеръ, а по каретѣ видно было, что она не разъ была опрокинута.

— Кто это ѣдетъ тамъ?—спрашивала Эммелина.—Неужели это моя пріятельница, настоятельница Кларелина Ранцау? Она все хотѣла меня навѣстить и все никакъ не можетъ собраться? Или это...

Въ это время карета остановилась, и изъ нея быстро вышла просто, вся въ черномъ одѣтая дама.

— Тетушка Эммелина! Минетта! Судьба благосклонна ко мнѣ сегодня, и я васъ вижу обѣихъ.

Дама говорила очень быстро. Госпожа фонъ-Тоттъ, по своему обыкновенію, пріятливо улыбалась.

— Фортуна намъ дѣйствительно благоволитъ, ибо къ намъ, простымъ людямъ, жалуетъ сама Луиза фонъ-Плессенъ! Впрочемъ, кто высоко сидитъ, тотъ больно и падаетъ.

— Ахъ, tante, со мной сыграли ужасную шутку,—вскричала бывшая оберъ-гофмейстерина дрожавшимъ голосомъ.—Если бъ вы знали, какъ все это произошло...

— У насъ въ Плонѣ очень внимательно прислушиваются ко всему, что иногда доходитъ до насъ. Не такъ ли, Минетта? А теперь садитесь опять въ карету и поѣзжайте въ городъ, къ почтмейстеру, тамъ для васъ и для вашего экипажа найдется убѣжище. Если вамъ угодно будетъ пожаловать сегодня ко мнѣ на чашку чаю, то я увѣрена, это доставитъ удовольствіе и ея свѣтлости герцогинѣ.

Госпожа фонъ-Плессенъ послушно сѣла въ карету, которая при громкихъ крикахъ кучера снова пришла въ движеніе. Эммелина быстро схватила Минетту за руку и заковыляла по направленію къ городу.

— Такъ-то, дитя мое. То люди и знать насъ не хотятъ, то вдругъ мы имъ нужны. И такъ всегда бываетъ и такъ всегда и будетъ на свѣтѣ. Ты удивлена, вижу это по твоему лицу, но придетъ время и ты сама будешь находить это въ порядкѣ вещей.

— Вы были еще слишкомъ добры къ ней, тетя,—сказала Минетта.

— Можетъ быть, дитя мое. Но зачѣмъ мнѣ относиться къ ней съ презрѣніемъ, какъ дѣлаютъ это ея враги? Я также однажды впадала въ немилость при дворѣ, и это было несладко. Луиза была когда-то доброй дѣвушкой, а объ ея спеси въ Альтопѣ я не хочу и вспоминать.

Въ полдень бывшая гофмейстерина поднималась по лѣстницѣ въ небольшую комнатку госпожи фонъ-Тоттъ. Она опять была вся въ черномъ и казалась покорной и печальной. Но, усѣвшись на канапе возлѣ кипѣвшаго кофейника, аромать котораго придавалъ комнатѣ какую-то уютность, она отерла привыкшіе къ слезамъ глаза и стала благодарить за радушную встрѣчу.

— Я была прежде довольно горда, но это было у меня напускное. Всевышнему угодно было испослать на меня испытаніе, хотя я старалась, какъ только могла. При дворѣ Христіана все дѣлается весьма легкомысленно и мнѣ хотѣлось уберечь королеву отъ многого. Поэтому я была съ ней строга, и графъ Голькъ успѣлъ разставить мнѣ ловушку. Я попала въ нее, но Господь еще накажетъ его за меня.

Она стала изливаться въ жалобахъ на друзей короля и на него самого.

Госпожа фонъ-Тоттъ слушала ее, качая головой, но у Минетты были ушки на макушкѣ: пріятно было узнать что-нибудь о Божьемъ свѣтѣ, гдѣ люди смѣялись и плакали, любили и ненавидѣли, о томъ свѣтѣ, къ которому когда-то принадлежалъ Эневальдъ и въ которой бочкомъ входилъ и полковникъ Коллеръ, хотя онъ и увѣрялъ, что онъ солдатъ, а не придворный.

Фонъ-Плессенъ много рассказывала о королевѣ. Она любила ее горячо, да и Каролина-Матильда не прочь была удерживать ее при себѣ, но она была безсилна противъ Конрада Голька и его клеветовъ.

— Отчего это Струэнзе не разгонитъ всю эту компанію?—спросила госпожа Тоттъ.—Вѣдь онъ теперь въ большой силѣ.

— Когда меня уволили, онъ жилъ еще въ Альтонѣ. Но, конечно, онъ никогда не будетъ въ такой силѣ, какъ Голькъ.

Тутъ къ обществу присоединилась герцогиня. Она сильно постарѣла за послѣдніе четыре года, но попрежнему любила общество, любила послушать, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается.

Она добродушно протянула руку госпожѣ фонъ-Плессенъ и пожалѣла, что ей теперь приходится вести кочевой образъ жизни.

— Впрочемъ, вѣчная родина ждетъ васъ,—сказала она въ видѣ утѣшенія. Но госпожа фонъ-Плессенъ, не имѣя большого желанія попасть туда, залилась слезами.

Время послѣ обѣда прошло довольно пріятно. Оберъ-гофмейстерина живо изображала, какъ постепенно возвышался Струэнзе, какъ вдругъ карликъ Юнасъ, призванный теперь къ отправленію своей торжественной обязанности, доложилъ, что пріѣхала госпожа фонъ-Кваленъ изъ Кляя. Эмелина послѣшно пошла навстрѣчу маленькой дамѣ, которая приходилась сестрой ея умершему мужу.

— *Chère Claudine, c'est une surprise!*

Герцогиня милостиво привѣтствовала вошедшую. Госпожа фонъ-Кваленъ подѣловала ей руку и сказала нѣсколько подхо-

дящихъ къ случаю словъ. Затѣмъ она подняла свои глаза на госпожу фонъ-Плессенъ.

— Я много слышала о васъ и очень рада познакомиться съ вами. Я не принадлежу къ числу людей, которые ко всему относятся съ точки зрѣнiя милости двора.

Она отказалась отъ кофе, считая его заморскимъ напиткомъ, и попросила стаканъ воды. Сидя въ креслѣ, она принялась осматривать Минетту, которая подала ей воды.

— Это твоя племянница? Очень рада съ нею познакомиться.

Она важно поднялась съ мѣста, сдѣлала легкій поклонъ и снова сѣла. Минетта едва удерживалась отъ смѣха. Однако въ оберъ-гофмейстеринѣ не было ничего смѣшного: она только исполняла строго то, что отъ нея требовали.

Хотя ей не было еще и пятидесяти лѣтъ, но на видъ она казалась гораздо старше. Ея глаза при случаѣ еще могли блестѣть, а по ея пожелтѣвшему лицу изрѣдка пробѣгала улыбка всякій разъ, какъ разговоръ заходилъ о большомъ свѣтѣ, отъ котораго онѣ были теперь такъ далеко.

Эго видно было по ихъ разговору. Герцогиня и Эммелина безпрестанно заговаривали о своихъ родственникахъ, съ которыми онѣ были такъ дружны въ молодости и которые теперь давно покоились въ могилѣ. Онѣ все обращали свой взоръ къ прошлому, тогда такъ Плессенъ старалась говорить о настоящемъ, что могло быть прiятнѣе для госпожи фонъ-Кваленъ. Но старушекъ нельзя было остановить никакими силами. Поэтому гостя мало-по-малу смолкла, а Плессенъ скоро стала прощаться. Она заняла комнатку на почтовой станціи и хотѣла разложить свой чемоданъ.

Минетта, по желанiю госпожи Плессенъ, пошла съ нею. Когда онѣ проходили черезъ дворъ замка, имъ навстрѣчу попался карликъ Юнасъ, отвѣсившій имъ глубокой поклонъ.

— Онъ кланяется мнѣ, какъ будто не зная, что я уже больше не оберъ-гофмейстерина, — сказала Плессенъ спутницѣ.

— Мнѣ это извѣстно, — фамильярно отвѣчалъ карликъ. — Но это ничего не значитъ: сегодня оно такъ, завтра иначе. Развѣ мы не были свидѣтелями? Кто могъ это думать о Струэнзе? Я его, можно сказать, стащилъ съ постели для графа Ранцау. Около его кровати стоялъ скелетъ и скалилъ на меня зубы. А теперь этотъ Струэнзе чуть ли не такая же важная персона, какъ и министръ. Если онъ прiѣдетъ когда-нибудь въ Ашебергъ, ужъ я добьюсь того, чтобы взглянуть на него.

Оберъ-гофмейстерина разсѣянно слушала рѣчи портного, но при послѣднихъ его словахъ она насторожилась.

— Г. Струэнзе прiѣдетъ сюда, въ окрестности Ашеберга?

— И король тоже! — сообщилъ карликъ, принимая важный видъ. — И королева съ нимъ, отъ которой у меня сохранился шил-

лингъ. Пока это еще секретъ, но скоро объ этомъ будетъ объявлено. Управляющій замкомъ въ Ашебергѣ отдалъ мнѣ привести въ порядокъ всѣ ливреи, и я сижу надъ ними день и ночь. Но я очень радъ этому. Самое теперь время для короля захватить въ Плонъ. Этотъ городокъ будетъ почище, чѣмъ Альтона или Киль. Не правда ли, ваша милость?

Отъ удовольствія его глаза даже заблестѣли. Фонъ-Плессенъ невольно разсмѣялась, но Минетта была сосредоточена.

— Онъ выдаетъ мнѣ всѣ секреты, такъ какъ онъ знаетъ меня еще ребенкомъ, хотя его розказни не вѣрны. Правда, я слышала, что король и королева предполагали совершить поѣздку въ Шлезвигъ—въ городъ Шлезвигъ и въ замокъ Травенталь. Неужели Ранцау вдругъ оказался въ такой чести, что король собирается удостоить его своимъ посѣщеніемъ?

Минетта молчала. О графѣ Ранцау ей приходилось слышать немного. То былъ большой вельможа, который довольно рѣдко проѣзжалъ по узкимъ улицамъ Плона. О немъ только и было извѣстно, что большею частью живетъ онъ въ Даніи. Онъ не обращалъ никакого вниманія на герцогиню. Если онъ дѣйствительно ждетъ королевскаго визита, то это событіе никонимъ образомъ не коснется Плона.

Госпожа фонъ-Плессенъ продолжала свою рѣчь. Мысленно она опять жила въ большомъ свѣтѣ и не могла понять, какъ тамъ могли о ней забыть. Минетта разсѣянно слушала соловья, который пѣлъ свою чудную пѣсню на берегу озера. Когда-то она прислушивалась къ ней съ замираніемъ сердца. То было время, когда около нея стоялъ Эневальдъ Брандтъ, они оба вели ту полусмутливую бесѣду, за которой скрывается взаимное нѣжное чувство. Теперь сердце ея дрожало отъ горя, и она едва имѣла силы удерживать на своемъ лицѣ привѣтливое выраженіе.

Золотой майскій день былъ еще далекъ отъ заката. Надъ озеромъ лежала красноватая вечерняя тѣнь, а его зеленые берега терялись въ голубоватомъ туманѣ.

Госпожа фонъ-Плессенъ взглянула на этотъ красивый пейзажъ и сѣла на скамейку подъ зеленымъ вязомъ, возлѣ террасы замка.

— Тамъ дальше находится мой маленькій замокъ, господинъ камергеръ,—раздался въ эту минуту рѣзкій голосъ графа Ранцау.— Онъ нѣсколько запущенъ, и по коридорамъ его бродитъ ночью привидѣніе. Но это привидѣніе такъ невѣжливо, что ни разу не показало мнѣ, хозяйннѣ дома. Но мои слуги видятъ его въ ночь подъ новый годъ. Я надѣюсь, что это привидѣніе не посмѣетъ побезпочинить ихъ величество.

Госпожа фонъ-Плессенъ быстро поднялась съ мѣста и пошла навстрѣчу графу.

— Monsieur le comte, я очень рада видѣть васъ здѣсь среди этихъ тихихъ полей. Вы, кажется, упоминали объ ихъ величествахъ? Стало быть, высочайшія персоны собираются сдѣлать вамъ визитъ?

Хотя Ранцау и былъ крайне озадаченъ этой неожиданной встрѣчей, но не показалъ ни виду ни вѣжливо поклонился.

— Я также чрезвычайно радъ, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ. Вы правы, жить въ идиллической обстановкѣ лучше, чѣмъ при дворѣ.

— Я не скажу этого, графъ. Но я надѣюсь на вашу помощь. Конрадъ Голькъ заставилъ меня удалиться, а вѣдь вы ненавидѣли его такъ же, какъ и я.

Ранцау улыбнулся.

— Не слѣдуетъ питать ни къ кому ненависти. Это противно христіанскому ученію. Самое лучшее на свѣтѣ быть довольнымъ тѣмъ, что дается Богомъ и государемъ. Поэтому и вамъ нужно быть довольной своимъ положеніемъ.

И, поклонившись, онъ повернулся отъ нея въ другую сторону. Госпожа фонъ-Плессенъ воднесла платокъ къ глазамъ. Такъ было всегда. Всѣ тѣ, которые прежде обращались съ нею почтительно и даже заискивали въ ней, теперь отходили отъ нея, какъ этотъ Ранцау, несмотря на то, что онъ держалъ себя гораздо независимѣе, чѣмъ другіе придворные.

Пока бывшая оберъ-гофмейстерша разговаривала съ графомъ Голькомъ, къ Минеттѣ подошелъ какой-то господинъ.

— *Chère cousine, quelle bonheur!*—сказалъ онъ, протягивая руку въ кружевомъ обшлагѣ.

Она едва вѣрила своимъ глазамъ.

Эневальдъ Брандтъ!

— Это я, Эневальдъ Брандтъ, живъ и невредимъ. Я думаю, что вамъ пріятно будетъ увидѣться со мной.

— Я очень рада,—сказала она машинально. Ее душилъ гнѣвъ.— Для меня вы давно уже умерли.

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею, играя шпагой.

— Вы не должны такъ отчуждаться отъ меня. Всякая прелестная женщина должна умѣть прощать. Мы были добрыми друзьями и останемся ими.

Онъ схватилъ ее за руку. Ей хотѣлось ударить его.

Эневальдъ не замѣтилъ этого движенія. Онъ началъ разсказывать о себѣ и о своихъ дѣлахъ. Теперь онъ олятъ въ милости у короля. Это произошло внезапно. Онъ произведенъ въ камергеры и теперь ищетъ здѣсь помѣщенія, въ которомъ могли бы остановиться ихъ величества.

— Я только сегодня пріѣхалъ въ Киль и рѣшилъ поѣхать съ графомъ Ранцау въ Ашебергъ,—сказалъ онъ.—Въ этомъ замкѣ ихъ ве-

личества пробудуть дольше, и, если вы скажете мнѣ хоть одно слово, я постараюсь устроить такъ, чтобы король посѣтилъ и Плонъ. Каролина-Матильда была когда-то благосклонна къ вамъ. Можетъ быть, она теперь вспомнить о васъ.

Минетта встала.

— Сомнѣваюсь въ этомъ,—холодно сказала она.—Она забыла меня, какъ и всѣ другіе. Я дѣвушка бѣдная и гожусь только для забавы на полчаса.

Она догнала госпожу фонъ-Плессенъ и пошла рядомъ съ нею. Въ кустахъ около озера заливался соловей, верхушки деревьевъ слегка колыхались отъ вѣтерка. Но ни Плессенъ, ни ея спутница не замѣчали прелестной весны. Одна была охвачена тоской по придворной жизни, въ другой бушевалъ гнѣвъ. Мало-по-малу Минетта справилась съ собой, боясь обнаружить свое негодование. Небогатая дѣвушка не смѣла сердиться: она должна была только терпѣть и радоваться тому, что для нея нашелся уголь, въ которомъ она могла укрыться отъ бурь и непогоды. Сегодня этотъ уголь—въ замкѣ Плонъ, а завтра неизвѣстно гдѣ.

II.

Эммелина фонъ-Тоттъ съ удовольствіемъ выслушала разсказъ о томъ, какъ Минетта встрѣтила Ранцау и Брандта. Герцогиня также пожелала выслушать всѣ подробности этого событія, въ особенности заинтересовавшись тѣмъ, что ихъ величества могутъ посѣтить Плонъ.

Она была уже слишкомъ стара и больна, и это сообщеніе не слишкомъ ее взволновало.

— Итакъ, Брандтъ сталъ камергеромъ?—спрашивала Эммелина племянницу, усѣвшись въ ея комнатѣ и принимаясь за вязанье.

Минетта кивнула головой. Она нарочно разсказала объ этой встрѣчѣ потому, что завтра сообщила бы обо всемъ Плессенъ! Къ тому же она уже привыкла говорить объ Эневальдѣ какъ о постороннемъ человѣкѣ.

Старая фонъ-Тоттъ нѣкоторое время работала молча.

— Гм...—промолвила она наконецъ.—При дворѣ въ Копенгагенѣ есть, стало быть, новости. Моя невѣстка Клодина подтверждаетъ это. А ей это должно быть хорошо извѣстно—у ней столько знакомыхъ при дворѣ. Да, она иногда получаетъ письма отъ самой вдовствующей королевы. Она очень любитъ полковника Коллера, хвалить его и говорить, что онъ очень порядочный человѣкъ, хотя, конечно, онъ и не такъ отшлифованъ, какъ наши придворные.

— Тетя, я его терпѣть не могу!—воскликнула съ раздраженіемъ Минетта.

Госпожа фонъ-Тоттъ взяла табакерку, стоявшую возлѣ нея на столикѣ, и задумчиво понюхала.

— Дитя мое, на твоёмъ мѣстѣ я бы не упустила такого случая. Когда закроются мои старые глаза, ты, по крайней мѣрѣ, была бы не одна.

Спускались уже сумерки, и красноватая крыша городскихъ домиковъ словно подернулись туманомъ. Здѣсь наверху, въ замкѣ было еще свѣтло, и угасавшій свѣтъ мягко ложился на старческое лицо Эмmeliны. Лицо это носило отпечатокъ такой доброты и кротости, что Миннеттъ вдругъ стало грустно. Она нагнулась къ теткѣ и поцѣловала ея руку.

— Будемъ надѣяться, что мы еще долго не разстанемся съ вами.

— Кто знаетъ!

Старушка задумчиво смотрѣла впередъ и вдругъ тряхнула головой, какъ бы желая отогнать назойливыя мысли.

— Брандтъ былъ совсѣмъ не для тебя,—заговорила она обычнымъ своимъ тономъ.—Я замѣтила это сейчасъ, какъ только я поговорила съ нимъ въ Альтонѣ. Не вѣрь ему. Онъ теперь въ милости у короля, но это вѣдь не долго будетъ продолжаться. Такъ-то. Помогни-ка мнѣ лучше приготовить комнату для невѣстки. Она ѣдетъ къ теткѣ Бухвальдъ и здѣсь поселится.

Черезъ четверть часа госпожа фонъ-Кваленъ вернулась обратно. Она сдѣлала въ городѣ кое-кому изъ родственниковъ визиты, но ей не удалось устроиться ни у кого. Одна изъ комнатъ Эмmeliны, предназначавшаяся для прѣзжающихъ, была быстро приведена въ порядокъ, и госпожа фонъ-Кваленъ съ удивленіемъ смотрѣла, какъ быстро Миннетта сумѣла обтесать ея неуклюжую деревенскую прислугу.

Передъ тѣмъ, какъ всѣмъ идти спать, разъяснилась и причина, заставившая гостью прѣхать изъ Килля. На слѣдующій день въ женскомъ монастырѣ въ Прецѣ должно было состояться большое торжество, и у настоятельницы предполагался большой обѣдъ, къ которому были приглашены многіе высшіе чиновники, духовенство и дворянство. Получили приглашеніе также и герцогиня, госпожа фонъ-Тоттъ и гостья изъ Килля. Последней не хотѣлось ѣхать одной, и вотъ она завернула въ Плонъ, чтобы обезпечить себѣ хорошую компанію.

— Кромѣ того, мнѣ хотѣлось повидать и тебя,—говорила она, обращаясь къ невѣсткѣ.

Госпожа фонъ-Тоттъ говорила очень мало, но на слѣдующее утро, когда ея гостья, выспавшись хорошенько, появилась въ пестромъ каметѣ и стала съ аппетитомъ уничтожать утренній завтракъ, Эмmeliна произвела диверсію въ сторону.

— Ръчи суперинтендента Струэнзе мнѣ не нравятся. Онъ какъ-то разъ сказалъ у насъ въ Плонѣ ужасную проповѣдь о страш-

номъ судѣ, хотя въ церкви была сама ея свѣтлость и не совѣмъ удобно было объ этомъ говорить.

— Mon Dieu, Эммелина, неужели ты думаешь серьезно, что знатные люди недоступны искушенію дьявола и что короля и князя не подлежатъ осужденію?

— Да, я убѣждена въ этомъ,—и старушка боязливо оглянулась вокругъ себя.

— А мнѣ только пріятны такія проповѣди. Да и монастырскимъ дѣвицамъ не мѣшаетъ послушать, какъ горячо въ аду. А то онѣ такія веселыя и больше думаютъ о разныхъ празднествахъ, чѣмъ о спасеніи своей души.

Обѣ невѣстки долго еще бесѣдовали между собою.

Въ воскресенье утромъ у подъѣзда замка появилась старая почтмейстерская карета. Въ нее сѣли только фонъ-Кваленъ и Миннетта, а госпожа фонъ-Тоттъ осталась дома и махала уѣзжающимъ платкомъ съ террасы замка.

— Постарѣла Эммелина,—сказала фонъ-Кваленъ, усаживаясь поудобнѣе въ карету.—Да и не удивительно! Вѣдь ей ужъ за семьдесятъ лѣтъ. А мнѣ еще нѣтъ шестидесяти. Вотъ почему я и не боюсь Адама Струэнзе, хотя его сынъ сталъ могущественнѣе самого кабинеть-министра графа Берншторфа.

Она закуталась въ платокъ и махнула рукой на ворона, перелетѣвшаго черезъ дорогу.

— Прежде у Эммелины было больше мужества, чѣмъ у меня. Да и свѣтъ она знала лучше. Она жила при четырехъ дворахъ, а я только и видѣла, что Копенгагенъ. Но она сдѣлала одну ошибку. Она должна была оставаться въ Килѣ или Копенгагенѣ. Когда состаришься, то трудно гнуть шею передъ кѣмъ бы то ни было, хотя бы передъ герцогиней Христиной Армгардтъ.

Госпожа Кваленъ долго еще продолжала говорить ч все въ томъ же сухомъ тонѣ.

Женскій монастырь въ Прецѣ былъ расположенъ въ очень живописной мѣстности, среди лѣсовъ и луговъ. Въ то время, какъ карета тихо плыла между полей, даже сухая душа фонъ-Кваленъ была растрогана.

— Ахъ, дорогое дитя мое, здѣсь я бѣгала, когда была еще дѣвочкой съ бѣлокурой косой и въ кружевномъ платицѣ. Мы смѣялись надъ обитательницами монастыря и дѣлали имъ разныя гримасы.

Сдѣлавъ крутой поворотъ, карета вдругъ остановилась передъ домикомъ настоятельницы, которая собиралась уже идти въ церковь. Она была въ черномъ шелковомъ платьѣ съ настоящими брабантскими кружевами.

Графиня Кларели Ранцау отличалась настоящими аристократическими манерами и дѣлала строгое различіе между молодыми дѣвицами, которыя желали поступить въ монастырь.

Настоятельница ввела пріѣзжихъ въ небольшую, заросшую плющемъ церковь. Минетта отошла къ молодымъ монастыркамъ, а фонъ-Квалентъ, какъ почетная гостья, пошла по правую руку отъ настоятельницы.

Въ церкви было уже довольно много народу. Алтарь былъ украшенъ розами.

— Пришлось для отца Струэнзе приготовиться какъ можно лучше,—сказала одна изъ монастырокъ Минеттѣ.

Раздались тихіе звуки органа. Двѣ дѣвушки раскрыли толстый молитвенникъ и чистымъ голосомъ зашѣли псалмы. А посѣтительницы шептались между собою, передавая всякія городскія сплетни. Минеттѣ то и дѣло слышались имена короля, Голька, Струэнзе, Брандта.

Сначала она пыталась думать о чемъ-нибудь другомъ, о поселянкахъ, которые сидѣли въ церкви и которымъ предстояло выслушать строгую проповѣдь, о важныхъ дамахъ въ шелковыхъ платьяхъ, съ мушками на лицѣ и въ огромныхъ шляпахъ. То она радовалась, что услышитъ отца того человѣка, о которомъ въ Даніи съ каждымъ днемъ говорили все больше и громче. Простой врачъ, жившій при дворѣ всего года два и отличавшійся такимъ могуществомъ, какого не имѣлъ и самъ кабинетъ-министръ, былъ, конечно, любимой темой всѣхъ разговоровъ.

Докторъ Струэнзе! Тотъ самый, который не одному юнкеру бросалъ кровь и выдергивалъ зубы и котораго за его заслуги удостоивали снисходительнаго разговора! А теперь онъ совѣтникъ короля, и любой вельможа, которому удавалось привлечь на себя его вниманіе, чувствовалъ себя польщеннымъ.

Органъ продолжалъ играть, сквозь открытое окно лился въ душную церковь теплый лѣтній воздухъ, розы у алтаря благоухали, и Христосъ между ними улыбался ласково и всепрощающе.

Вдругъ на кафедрѣ поднялась высокая фигура суперинтендента. Онъ поднялъ руки и произнесъ текстъ:

— Блаженни страждущіе, ибо они утѣшатся.

По церкви прошло движеніе изумленія. Всѣ думали, что здѣсь они встрѣтятъ укору, а не утѣшеніе, предполагали услышать Ветхій Заветъ съ его пламенными словами покаянія. Что же должны были значить такія неподходящія къ случаю слова?

Одна Минетта, сложивъ руки, внимательно прислушивалась къ сухому голосу проповѣдника. Лицо его было мрачно, а глаза угрюмы. Въ немъ не было ничего привлекательнаго. Онъ рубилъ слова, какъ будто желая поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться. И вдругъ она почувствовала, что она давно уже носитъ въ себѣ страданіе и что будетъ день, когда она утѣшится.

Всѣ слушатели были, видимо, разочарованы, и не одна госпожа фонъ-Квалентъ понюхивала табачокъ и сокрушенно качала головой.

Многіе, впрочемъ, стали тереть себѣ глаза, воображая, что это они-то и есть страдающіе и что они только не догадывались объ этомъ.

Около часу говорилъ Струэнзе, но проповѣдь не понравилась, хотя никто не могъ сказать, чѣмъ именно.

Госпожа фонъ-Квалень успѣшила выразить свое мнѣніе.

— Отличное время,—шепнула она настоятельница.—Лучше было бы, если бы онъ говорилъ еще грубѣе, чѣмъ заставлять другихъ думать о такихъ грѣхахъ, которые мы и не замѣчаемъ.

Настоятельница разсѣянно кивнула головой.

Но когда кончилась служба и у настоятельницы собрались всѣ приглашенные къ обѣду, всѣ стали подходить къ пастору, говоря при этомъ какую-нибудь любезность, потому ли, что это было такъ принято, или потому, что никто не рѣшался быть непривѣтливымъ съ отцомъ королевскаго любимца.

Подошла къ нему и госпожа фонъ-Квалень.

— Достопочтенный отецъ когда-то гремѣлъ противъ грѣшниковъ гораздо сильнѣе,—сказала она.

Тотъ посмотрѣлъ на нее своими глубоко всаженными глазами.

— Вамъ хотѣлось бы проповѣди посильнѣе?

Собесѣдница принялась разглаживать кружевной воротникъ своего платья.

— Всѣхъ насъ слѣдовало бы хорошенько выдрать за уши,—отвѣчала она откровенно.—Отчего вы пропустили такой случай?

— Неужели оттого, что ихъ выдрать за уши, они будутъ грѣшить меньше?—сухо спросилъ онъ.

— Конечно, нѣтъ, но совѣсть у нихъ спокойна.

— Никогда этого не будетъ,—отрѣзалъ онъ и отвернулся.

Госпожа фонъ-Квалень смущенно посмотрѣла на его спину, и не безъ удовольствія хлопнула по крышкѣ своей табакерки.

— Однако, онъ порядочно-таки грубъ,—сказала она Минеттѣ, подходя къ ней.—Это мнѣ, впрочемъ, нравится. Такъ суперинтенденту и подобаетъ.

Отецъ королевскаго любимца, въ самомъ дѣлѣ, не былъ придворнымъ. Смѣло и холодно бросалъ онъ правду въ лицо людямъ. Сидя между настоятельницей и монастырскимъ священникомъ, онъ, ко всеобщему удивленію, не сказалъ ни слова о своемъ сынѣ и дѣлалъ недовольный видъ, когда другіе говорили о немъ комплименты. Наоборотъ, онъ рѣзко обрывалъ собесѣдниковъ, когда тѣ пытались навести разговоръ на тепершняго любимца короля.

Когда монастырскій священникъ заговорилъ съ нимъ о счастьѣ, которое проливаетъ на каждого королевская милость, онъ произнесъ стихотвореніе, начинавшееся словами:

Не вѣрь князьямъ,
Они, какъ тонкій лучъ, непрочны.

Онъ говорилъ громко, и слова эти были слышны всѣмъ присутствующимъ. Даже наиболѣе беззаботные казались смущенными. Только госпожа фонъ-Кваленъ, осушившая большой стаканъ вина, сухо усмѣхнувшись, сказала сосѣду:

— Онъ не такъ ужъ неправъ. Большинство королей оправдываютъ поговорку: *variatio delectat!*

Остальные присутствующіе заговорили о болѣе безопасныхъ вещахъ—объ охотѣ, о глухихъ крестьянахъ, которые на нихъ жалуются, о графѣ фонъ-Ашебергѣ, который недавно поселился въ своемъ замкѣ и ждетъ посѣщенія короля. Датскій дворъ въ тѣ времена былъ совершенно нѣмецкимъ. Каждый изъ шлезвигъ-голштинскихъ бароновъ имѣлъ тамъ родственниковъ или самъ жила въ нѣкоторое время въ непосредственной близости къ королю. Король и королева говорили по-нѣмецки или по-французски. Люди же, говорившіе по-датски, считались невоспитанными. Немудрено, что нѣмецкіе подданные находили вполне естественнымъ и эти пріѣзды короля въ Шлезвигъ.

Минетта сидѣла между двумя молодыми дѣвушками, которыя съ самаго начала стали ухаживать за ней самымъ внимательнымъ образомъ, стараясь, чтобы она получала каждаго кушанья, которыя подавались въ изобиліи. Онѣ подливали ей и вина, не забывая при этомъ и себя.

— Кушайте и пейте, сколько вамъ угодно,—чуть не въ сотый разъ повторяли онѣ.—За все заплатитъ монастырскій казначей, который потомъ разложитъ на насъ всѣ расходы.

Обѣ дѣвушки весело болтали, а Минетта съ завистью вглядывалась въ ихъ оживленныя, молодыя, свѣжія лица. Ни одиночество, ни заботы еще не успѣли наложить на нихъ своихъ слѣдовъ.

Оберъ-пасторъ говорилъ о страдающихъ: они будутъ утѣшены. Но когда? Когда умрутъ? И Минетта съ какимъ-то недоумѣніемъ стала смотрѣть на оберъ-пастора, съ которымъ настоятельница вела о чемъ-то оживленный разговоръ.

За столомъ становилось все веселѣе. Одинъ изъ обѣдавшихъ поднялся и сказалъ рѣчь, благодаря настоятельницу за гостепрѣимство. Вдругъ одинъ изъ слугъ подошелъ къ настоятельницѣ и что-то шепнулъ ей на ухо. Та быстро встала съ мѣста, вышла и вскорѣ вернулась въ сопровожденіи блѣднаго молодого человека, при появленіи котораго все общество почтительно поднялось.

Пожаловалъ графъ Конрадъ Голькъ. Это было великолѣпно и почти невѣроятно. Но такъ какъ у его сіятельства была въ монастырѣ родственница, то проѣздомъ изъ Киля въ Шлезвигъ любимецъ короля рѣшилъ освѣтить лучами своей особы и монастырь въ Прецѣ. Онъ довольно грубо повернулся спиной къ суперинтенденту, но понравился всѣмъ дамамъ—старымъ и молодымъ.

По окончаніи стола, молодежь удалась въ залитый солнцем монастырскій садъ, а старшіе остались за стаканомъ вина. Мужчинамъ были предложены трубки, которыя они и раскурили. Графъ Голькъ отказался и отъ вина и отъ трубки, выслушивалъ обращенія къ нему съ высококомѣрной миной и свысока шутилъ съ дамами, съ большинствомъ которыхъ онъ былъ, повидимому, знакомъ. На Минетту онъ, разумѣется, не обращалъ вниманія, но она хорошо помнила его блѣдное лицо и высококомѣрную осанку. Четыре года тому назадъ онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими богатыми нарядами и тѣмъ еще, что нанесъ рану графу Ранцау. Эта безумно-дерзкая выходка не повредила ему. Оба противника, повидимому, примирились, ибо безъ содѣйствія своего любимца король Христіанъ едва ли рѣшился бы посѣтить Ашебергъ.

Какъ въ полуснѣ думала о всемъ этомъ Минетта. Монастырки оставили ее въ покоѣ и теперь устроили на лугу веселыя игры. Въ одной изъ аллей ходилъ пасторъ Струэнзе, о чемъ-то бесѣдуя съ монастырскимъ священникомъ. На него уже никто не обращалъ вниманія. Придворный воздухъ, который принесъ съ собою графъ Голькъ, вскружилъ всѣмъ голову.

Минетта сидѣла одна на возвышенномъ мѣстѣ сада и скучала о тихомъ плонскомъ замкѣ. Къ сожалѣнію, госпожа фонъ-Кваленъ удалась въ покои настоятельница, рѣшила тамъ отдохнуть хорошенько и, видимо, не думала о возвращеніи.

— Могу я поговорить съ вами?—вдругъ раздался сзади ея чей-то голосъ.

Передъ нею стоялъ господинъ съ черными глазами. Онъ былъ одѣтъ въ костюмъ ученаго. Хотя на немъ и не было шелкового одѣянія, тѣмъ не менѣе внѣшность его была довольно красива. Видимо, онъ хорошо зналъ себѣ цѣну.

— Вы не изволите меня знать,—прибавилъ онъ, замѣтивъ восторженный взглядъ Минетты.—Я имѣлъ, однако, случай продавать вамъ лекарства изъ аптеки въ Альтопфъ. И больше всего разныя микстуры для госпожи фонъ-Золенталь, которая, слава Богу, наслаждается сильнымъ здоровьемъ.

— Синьоръ Феррони, какимъ образомъ вы здѣсь?—спросила она съ удивленіемъ.

Бывшій провизоръ изъ аптеки Небелунга только разсмѣялся, усаживаясь противъ Минетты на обрубокъ верева.

— Изъ аптекаря я сдѣлался секретаремъ!—сказалъ онъ.—До послѣдняго времени я былъ на службѣ у графа Голька. Теперь онъ предоставилъ мнѣ мѣсто. Я назначенъ на службу въ килъскую таможню.

— Жаль, что вы бросили ваше занятіе,—невольно проговорила его собесѣдница. Но Феррони не обратилъ вниманіе на ея слова.

— Графъ Голькъ не отказывалъ мнѣ въ своемъ покровительствѣ. Вчера я узналъ, что онъ будетъ сегодня здѣсь въ монастырѣ, и я хочу сообщить ему одну новость. Меня послали въ садъ, но я не рѣшаюсь присоединиться къ обществу столь прекрасныхъ дамъ.

Онъ посмотрѣлъ на лужайку, гдѣ веселилась молодежь. Въ центрѣ ея были графъ Голькъ и настоятельница.

— Онъ держится словно король!—невольно сказала Минетта. Феррони только глубоко вздохнулъ.

— Мнѣ нужно шепнуть ему одно словечко. Прошу васъ, помогите мнѣ!

Минетта удивилась сначала тому, что итальянецъ такъ хорошо говорить по-нѣмецки, а потомъ ее поразило то чувство, которое онъ питаетъ къ этому шеголю, у котораго на лицѣ было написано высокомеріе и своеволие. Впрочемъ, ей некогда было заниматься высокомеріемъ. По лугу шель тотъ самый человѣкъ, котораго она любила. На немъ былъ роскошный костюмъ, и самъ онъ былъ украшенъ лентой, какъ и графъ Голькъ. Танцующей походкой онъ прошелъ мимо дамъ, направляясь къ суперинтенденту, который покончилъ свой разговоръ съ монастырскимъ священникомъ и, видимо, хотѣлъ съ нимъ распротиться.

— Какое счастье, достопочтенный отецъ, что я могу привѣтствовать васъ и ксати сообщить вамъ, что вашъ достоуважаемый сынъ находится въ добромъ здоровьѣ и пребываетъ теперь съ ихъ величествами въ Килѣ и на дняхъ прибудетъ въ здѣшнія мѣста.

Брандтъ нарочно говорилъ громко. Дамы, молодья и уже въ лѣтахъ, тѣснились вокругъ него, стараясь не проронить ни одного слова изъ этого, что онъ говорилъ. Только суперинтендентъ смотрѣлъ на придворную выскочку совершенно равнодушно.

— Я прошу Господа Бога только объ одномъ чтобы мой сынъ вспомнилъ о безсмертной душѣ своей,—кратко отвѣчалъ онъ.

Брандтъ поклонился.

— Не премину передать ему ваше пожеланіе. Я увѣренъ, что ваши слова падутъ на благодатную почву.

Онъ сталъ вынимать изъ кармана записную книжку и, повидимому, только теперь замѣтилъ графа Голька.

— Monsieur le comte, вы здѣсь? Его величество думаетъ, что вы точно поняли его желаніе.

— Какое желаніе?

Графъ Голькъ медленно направился къ нему, а Брандтъ смѣющимися глазами осматривалъ стоявшее вокругъ него общество, къ которому присоединились теперь настоятельница и болѣе пожилыя дамы...

— Mon Dieu, его величество соизволилъ уволить васъ отъ вашихъ почетныхъ должностей. Мнѣ третьяго дня король приказалъ увѣдомить васъ о своемъ рѣшеніи

— Его величество, вѣроятно, изволилъ пошутить,—сказалъ Голькъ, блѣднѣя, какъ полотно.

Брандтъ съ улыбкой передалъ ему пакетъ, запечатанный большою печатью.

— Здѣсь все написано чернымъ по бѣлому, графъ. Можетъ быть, въ послѣдствіи его величество еще призоветъ васъ на службу и дастъ вамъ какое-нибудь мѣсто, хотя я не посовѣтовалъ бы ему этого.

— Злодѣй!

И павшій любимецъ въ ярости схватился за свою шпагу.

— Въ этомъ убѣжищѣ мира нельзя прибѣгать къ оружію,— строго сказалъ ему монастырскій священникъ.

Графъ Голькъ опустилъ руки.

— Вы правы, мой часъ еще не пробилъ.

Онъ вложилъ шпагу въ ножны и, не удостоивъ взглянуть на Брандта, прошелъ съ высоко поднятой головой мимо гостей, которые еще нѣсколько минутъ тому назадъ толпились вокругъ него, а теперь всѣ отхлынули отъ него. Только суперинтендентъ поспѣшилъ къ нему и схватилъ его за расшитый золотомъ камзолъ.

— Благодарите Господа Бога за то, что у васъ теперь будетъ время подумать о своей безсмертной душѣ.

Павшій любимецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на этого человѣка, съ которымъ еще недавно онъ обошелся такъ высокомерно, и, пожавъ плечами, пошелъ дальше. Никто не вернулъ его, никто не пошелъ за нимъ: немилость короля была хуже смерти.

Между тѣмъ Эневальдъ Брандтъ извинился передъ настоятельницей за то, что явился въ ея обитель съ такимъ дурнымъ извѣстіемъ. Но король желалъ, чтобы увольненіе графа состоялось какъ можно скорѣе и притомъ публично.

Всѣ были довольны. Тамъ, гдѣ часъ тому назадъ былъ центромъ всего графъ Голькъ, царилъ теперь Брандтъ, который болталъ всякія глупости съ молодежью и говорилъ почтительно со старшими.

Онъ держалъ себя очень любезно, и даже Минетта, наблюдавшая всю сцену издали, должна была признать это. Спираторъ Феррони наблюдалъ восходящее свѣтило съ большимъ вниманіемъ. Онъ не рѣшался подойти къ графу и, казалось, тоже былъ доволенъ всѣмъ совершившимся. Онъ только замѣтилъ, что хотѣлъ шепнуть своему покровителю о томъ, что ему готовится, и такимъ образомъ спасти его отъ посрамленія. Онъ не пошелъ, однако, за нимъ и все время упорно держался недалеко отъ Минетты, даже въ ту минуту, когда Брандтъ обратилъ на нее вниманіе и сталъ раскланиваться весьма непринужденно.

— Милѣйшая кузина, вы здѣсь. Я въ восторгѣ отъ того, что вижу васъ, и благословляю боговъ, которые привели меня въ этотъ прелестный уголокъ. Что можетъ быть лучше этого цвѣта нашей дво-

рянства. И, какъ контрастъ съ намъ—высшее наше духовенство! Говорять, суперинтендентъ сказалъ дивную проповѣдь.

Эневальдъ говорилъ нарочно громкимъ голосомъ и слѣдилъ глазами за суперинтендентомъ, который въ эту минуту какъ разъ прощался со всѣми гостями.

Настоятельница проводила его до воротъ. По дорогѣ дамы усердно пожимали ему руку: съ первымъ духовнымъ лицомъ въ округѣ не мѣшаетъ жить въ мирѣ и согласіи.

Адамъ Струэнзе принималъ всѣ эти любезности, какъ должное, бормоталъ въ отвѣтъ кое-какія благодарности и хотѣлъ уже выйти изъ сада, какъ вдругъ передъ нимъ предсталъ Эневальдъ Брандтъ.

— Могу я передать поклонъ вашему сыну?—вкрадчиво началъ онъ.—На дняхъ я опять буду съ нимъ вмѣстѣ.

— Вы дружны съ Юганномъ?—спросилъ Струэнзе.

Брандтъ поклонился.

— Мы знакомы уже много лѣтъ. Онъ по своей добротѣ теперь вспомнилъ обо мнѣ, и я горжусь тѣмъ, что могу сдѣлать ему какое-нибудь одолженіе:

— Въ такомъ случаѣ отвлеките моего сына отъ той пропасти, которая передъ нимъ зияетъ,—отвѣчалъ пасторъ, быстро повертываясь отъ него.

Станный онъ былъ человѣкъ, и счастье сына, видимо, доставляло ему больше неприятности, чѣмъ радости.

Впрочемъ, о немъ скоро забыли, и вниманіе всѣхъ опять направилось на Брандта, который всячески старался всѣмъ понравиться. Онъ бросилъ два-три слова Минеттѣ и подозвалъ къ себѣ бывшего провизора.

— Я, кажется, гдѣ-то видалъ васъ?—спросилъ онъ.

— Къ вашимъ услугамъ. Я удостоился вашего вниманія еще въ аптекѣ Небелунга въ Альтонѣ, гдѣ я имѣлъ честь приготовить микстуры для вашей матушки.

— А теперь что вы варите?—спросилъ камеръ-юнкеръ, вставляя монокль, и принялся разглядывать красивое лицо итальянца.

Тотъ почтительно поклонился.

— Теперь я служу секретаремъ въ кильской таможнѣ.

— Желаете опять попасть въ Копенгагенъ?

— Прежде всего я желалъ бы служить вамъ.

— Très bien! Я подумаю о васъ,—снисходительно бросилъ ему Брандтъ.

Феррони исчезъ, продолжая отвѣшивать поклоны.

— Ловкій малый!—сказалъ Брандтъ.—А въ Альтонѣ онъ жилъ почти съ вами, дорогая Минетта. При видѣ его я вспоминаю свою юность и часы, которые я провелъ около васъ.

— Да, часы эти прошли,—сказала тихо Минетта.

— Hélas, oui! Прошли!

«истор. вѣстн.», мартъ 1912 г., т. сxxvii.

III.

— Это было одно наслаждение, Эммелина. Очень жаль, что вам не пришлось попробовать пирога съ дичью. Это было гораздо лучше, чѣмъ проповѣдь Струэнзе. Да, старинные пасторы умѣли куда сильнѣе говорить объ адскихъ мукахъ! Но времена измѣнились, и теперь ужъ и обыкновенныя-то наказанія не употребляются. Вотъ недавно въ Килѣ поймали вора и вмѣсто того, чтобы сначала отрубить ему руки, его просто повѣсили. Ничего подобнаго не бывало прежде въ благоустроенномъ государствѣ.

Госпожа фонъ-Тоттъ и ея невѣстка сидѣли за утреннимъ супомъ, пока Миннетта ходила по комнатѣ и стирала пыль и поливала цвѣты на окнахъ. У нея всегда было довольно дѣла. Деревенская дѣвушка, служившая у госпожи фонъ-Тоттъ, была слишкомъ неотесана и потому употреблялась только для черной работы. На Миннеттъ, между прочимъ, лежала и кухня, ибо хотя Эммелина и значилась придворной дамой герцогини, но обѣдала она у нея только по воскресеньямъ. Старая повариха герцогини Паулина не была расположена черезчуръ напрягать свои силы, да и деньги на страпню ей выдавались не часто.

— Все было чудесно, — повторяла госпожа фонъ-Кваленъ, кладя ложку на столъ.

Шелъ дождь. Надъ моремъ и надъ городкомъ лежала сѣрая пелена, но въ мягкомъ воздухѣ, который гулялъ въ окно западный вѣтеръ, пахло уже весной.

Госпожа фонъ-Кваленъ выглянула въ окно, потомъ перевела свой взглядъ на лицо невѣстки. Та сидѣла въ своемъ большомъ креслѣ и старалась сохранить обычное выраженіе лица, на которомъ, однако, проступала какая-то новая черта. Съ величайшею точностью она перебирала въ памяти всѣ событія вчерашняго дня, рассказывала и о томъ, какъ Брандтъ швырнулъ въ лицо графу Гольку немилость, въ которую тотъ впалъ у короля.

— Такіе случаи я знаю еще въ Копенгагенѣ. Тотъ, кто пользуется фаворомъ, не станеть дожидаться и живо выставить за дверь другихъ.

— По дѣломъ Гольку! — встала Эммелина.

Миннетта вышла изъ комнаты, и госпожа фонъ-Кваленъ подвинулась поближе къ невѣсткѣ.

— Скажите, кажется, что-то было между Эневальдомъ Брандтомъ и вашей племянницей? Она хорошая дѣвушка и отлично ухаживала за мною во время поѣздки. Ея скромность очень понравилась и настоятельницамъ, а монастырки отъ нея прямо въ восторгѣ!

— Они, кажется, любили другъ друга, и я отъ души желала, чтобы эти чувства въ нихъ сохранились навсегда. Но obstacles были слишкомъ велики.

Госпожа фонъ-Квалень дернула бѣлыя ленты своего чепца.

— Да, не всегда можно добиться своего. Твой мужъ, а мой покойный братъ, не разъ рассказывалъ мнѣ, что ты была обручена съ однимъ изъ Горановъ и что вы безумно любили другъ друга. И тѣмъ не менѣе ты стала госпожой фонъ-Тоттъ.

Тетка Эммелина покраснѣла.

— Ну, объ этой старинѣ лучше было бы не говорить,—сказала она.—Все это принесло мнѣ много сердечнаго горя. Вотъ почему я желала, чтобы бѣдная дѣвушка встрѣтила горячую любовь. Но съ Браидтомъ ничего не вышло.

— Да, конечно. Впрочемъ, мы могли бы позаботиться...

Въ эту минуту въ комнату вошла Минетта, и объ старушки заговорили о другомъ.

Въ этотъ день въ Килъ отправлялся дилижансъ, и госпожа фонъ-Квалень охотно воспользовалась бы имъ. Но въ немъ же собиралась ѣхать и госпожа фонъ-Плессенъ, надѣясь добиться въ Килѣ аудіенціи у Каролины-Матильды. Эммелина докладывала объ этомъ своей невѣсткѣ, а та только качала головой и безпрестанно нюхала табакъ.

— Знаешь что. Ихъ величества, конечно, не примуть эту Плессенъ, и у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія ѣхать съ нею вмѣстѣ. Я женщина простая и не хочу, чтобы говорили, будто Плессенъ моя пріятельница. Отъ этого для меня можетъ только выйти вредъ.

Едва успѣла она сказать эти слова, какъ дверь отворилась, и въ комнату влетѣла та, о которой только что шелъ разговоръ.

— Pardon, извините мою смѣлость! Но я такъ поражена этими новостями, что хотѣла бы поговорить съ вами. Какое счастье можетъ мнѣ принести это происшествіе!

— Вы говорите какими-то загадками, *chère madame*,—холодно сказала фонъ-Квалень, а Эммелина поспѣшила усадить гостью въ кресло и послала Минетту за успокаивающимъ порошкомъ.

— Что такое случилось?

Фонъ-Плессенъ бросила на столъ свою некрасивую черную шляпу.

— Голькъ палъ!—торжественно возвѣстила она.—Весь штатъ уволенъ, въ томъ числѣ и сестра Голька, которая заняла мое мѣсто. Слава Богу, справедливость восторжествовала, и я опять займу свое мѣсто. Сегодня ночью я видѣла во снѣ, будто я стою около королевы. Завтра или послѣзавтра ихъ величества будутъ въ гостяхъ у графа Карла, а потомъ,—тутъ она остановилась, чтобы взять стаканъ воды, который ей подала Минетта,—потомъ ихъ величества пріѣдутъ въ Плонъ. Въ паркѣ будетъ устроенъ сельскій праздникъ. Бургомистръ говорилъ мнѣ объ этомъ вчера. Графъ Карлъ далъ ему объ этомъ знать черезъ своего камердинера. Ахъ, *mesdames*, какое счастье будетъ для всѣхъ насъ!

И фонъ-Плессенъ протянула Минеттѣ пустой стаканъ, прося дать ей еще воды. Лицо ея сіяло, и она казалось помолодѣвшей лѣтъ на десять.

— Голькъ палъ!—повторяла она.—Тотъ самый Голькъ, который такъ преслѣдовалъ меня. Когда я увижу его въ такомъ униженіи, я постараюсь найти для него слово утѣшенія.

Долго еще говорила бывшая гофмейстерина. Она была твердо увѣрена, что она будетъ восстановлена въ своей должности, и строила всякіе планы, къ которымъ крѣпко прислушивалась фонъ-Кваленъ. Тетка Эммелина незамѣтно исчезла и предстала передъ своей герцогиней, которая возбужденно ходила по комнатѣ.

— Это вы, милая Тоттъ? Что вы скажете объ этомъ письмѣ?

И она протянула своей придворной дамѣ письмо на большомъ листѣ, которое она передъ тѣмъ внимательно читала. То было извѣщеніе отъ камергера Брандта о томъ, что ихъ величества пріѣдутъ въ Плонъ.

— Вашей свѣтлости не придется дѣлать никакихъ расходовъ, какъ шшеть камергеръ, а ваше шелковое платье еще совсѣмъ новое. Придется только почистить серебряныя украшенія.

— Отлично!

Герцогиня разомъ успокоилась и принялась смѣяться.

— Въ такомъ случаѣ распорядитесь обо всемъ. Увы! Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мой покойный супругъ принималъ въ этомъ паркѣ своихъ друзей!

— Нужно достать изъ сундука лучшую ливрею для карлика Юнаса. Онъ долженъ будетъ итти за вашей свѣтлостью.

— Конечно, конечно!—закачала головой герцогиня.—Хорошо было бы, если бы онъ былъ еще немножко меньше. Я замѣчаю, что его руки и ноги какъ будто продолжаютъ расти? Не правда ли, вѣдь противъ этого нѣтъ никакихъ средствъ?—спросила она и съ жаромъ принялась хлопотать. Словно лучъ яркаго солнца освѣтилъ обитателей плонскаго замка.

Пришелъ въ движеніе и маленькій городокъ. Школьники разучили привѣтственные стихотворенія, молодыя дѣвушки плели гирлянды, бургомистръ въ сотый разъ вбѣгалъ въ паркъ. Обитатели Плона рѣдко посѣщали его, предпочитая сидѣть у дверей своихъ домиковъ и толковать о тѣхъ временахъ, когда плонскій герцогъ разбивалъ этотъ паркъ на французскій манеръ, всадивъ въ него массу денегъ.

По всему городу вытаскивались парадные камзолы, вынимались изъ сундуковъ давно не тронутыя подвѣчные платья. Всѣ были довольны оказанной городку милостью. Это было дѣломъ рукъ Струэнзе, такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли всѣ. «Струэнзе великій человекъ», изрекъ сапожникъ, жившей на Угловой улицѣ. То же подтвердилъ и парикмахеръ, жившій напротивъ. Ему именно

предстояло реформировать государство такъ, чтобы въ немъ пользовались уваженіемъ не одни знатные люди, но и простые обыватели. Да и налоги не мѣшало бы понизить. Хорошо было бы отдать подъ судъ и взяточниковъ, отъ которыхъ такъ терпѣлъ народъ.

Знать, жившая въ замкѣ и въ городѣ, была на этотъ счетъ другого мнѣнія. Для нихъ все дѣло было въ королѣ, и прїѣздъ его величества создавалъ для нихъ приснопамятное событіе.

Не одна госпожа фонъ-Квалень посылала въ Киль за параднымъ платьемъ. — со всѣхъ сторонъ тянулись люди въ Плонъ, въ надеждѣ принять участіе въ готовившемся торжествѣ. Больше всего надѣялась фонъ-Плессенъ, къ которой уже успѣло вернуться ея высокоомѣрие и которая теперь уже не величала госпожу фонъ-Тоттъ тетей Эммилиной, какъ прежде.

Второй разъ Миннеттъ приходилось быть свидѣтельницей приближенія королевы. Кругомъ и сердца и умы были возбуждены въ высшей степени. Но, какъ и четыре года тому назадъ, она чувствовала, что она не принадлежитъ къ числу людей, которые стараются попасться на видъ королевской четѣ. Какъ и въ Альтонѣ, она была чужда всему происходящему. Но-тогда около нея былъ Эневальдъ Брандтъ, котораго теперь она видѣла, какъ во снѣ. А если Эневальдъ уже не любитъ ее, то что ей холодность забывшей о ней королевы? И она была совершенно равнодушна къ суетнѣ, и только къ мыслямъ ея о Каролинѣ-Матильдѣ примѣшивалось что-то непочтительное.

Но о мысляхъ ее никто не спрашивалъ, даже фонъ-Тоттъ, казавшаяся спокойнѣе остальныхъ. Напротивъ, герцогиня волновалась, словно молоденькая дѣвушка.

Много было всякихъ развлеченій, начиная отъ каретъ и повозокъ окрестной знати, которыя почти каждый день стучали по мостовой Плона, и кончая скороходами и лакеями графа Ашеберга, которыхъ можно было видѣть всюду.

Въ одно прекрасное утро черезъ Плонъ пронесся рядъ красивыхъ экипажей и всадниковъ. Въ центрѣ этой группы ѣхала красивая бѣлокурая дама, сидѣвшая на лошади по-мужски, рядомъ съ нею Струэнзе, а сзади камергеръ Брандтъ. Впереди и сзади ихъ ѣхали разодѣтые кавалеры и дамы. Словно вѣтеръ, неслаась эта кавалькада съ развѣвающимися перьями и вуалями.

Въ ней участвовалъ и графъ Ранцау. Онъ показывалъ всадникамъ дорогу въ паркъ. Лошади разсыпались по аллеямъ и стали пить изъ водопоевъ.

Миннетта въ это время стояла на террасѣ замка и смотрѣла на всю эту картину. Она узнала королеву по пепельнымъ волосамъ, увидѣла Струэнзе, Брандта и графа Ранцау. Остальные лица были ей незнакомы.

Что-то кольнуло ее въ сердце, когда она увидѣла, какъ Брандтъ нагнулся къ одной красивой молодой особѣ.

Въ одинъ мигъ все исчезло, пронеслось дальше. Только шелкали вдали копыта, да слышны были веселые голоса.

Это посѣщеніе парка было началомъ приближающихся торжествъ. Многочисленные глашатаи, разосланные во все концы, приглашали на сельскій праздникъ, который будетъ устроенъ въ паркѣ Ашебергъ и на которомъ милостиво изъявили согласіе присутствовать и ихъ величества.

Все получившіе приглашеніе ринулись со своихъ мѣсть потокомъ. Уже наканунѣ маленькія гостиницы городка были переполнены. Госпожа фонъ-Плессенъ, отказавшаяся отъ комнаты почтмейстера и перебравшаяся было въ замокъ къ одной старой дамѣ, чуть не съ плачемъ вернулась къ Эмелинѣ фонъ-Тоттъ.

— Боже мой! Они не приѣдутъ по такой погодѣ! Тети, что же будетъ со мной, если мнѣ не удастся представиться королевѣ?

— Тихе ѣдешь, дальше будешь!—отвѣчала фонъ-Кваленъ, сидѣвшая у окна и вязавшая чулокъ.—Завтра можетъ быть яркое солнышко.

Фонъ-Плессенъ не слушала ея. Она бросилась дальше и влетѣла безъ доклада въ спальню герцогини, гдѣ парикмахеръ усердно завивалъ и пудрилъ волосы своей герцогинѣ.

Бывшая гофмейстерина разсыпалась въ извиненіяхъ и хотѣла было удалиться, но герцогиня дружески кивнула ей головой.

— Это очень хорошо, что вы зашли,—сказала она.—Какъ вы думаете, влестли мнѣ въ волосы улей, какъ совѣтуетъ мой добрый Хаушльдъ, или мнѣ больше пойдетъ тельга съ зерномъ? Я уже не разъ надѣвала ее, и это всегда производило сильный эффектъ.

— Все, что вашей свѣтлости угодно будетъ надѣть, все будетъ хорошо,—поспѣшила отвѣтить Плессенъ.—Господинъ Хаушльдъ не долженъ забывать, что ему надо будетъ побывать сегодня и у меня. За эту услугу я, конечно, сумѣю его отблагодарить потомъ.

Ея голосъ звучалъ повелительно, и бѣдный парикмахеръ поспѣшилъ дать ей всякія обѣщанія. Но когда она удалилась, онъ разсмѣялся.

Герцогиня увидѣла его лицо въ зеркалѣ, передъ которымъ сидѣла.

— Чему вы смѣетесь?—спросила она.

Парикмахеръ, маленькій толстенный человѣчекъ съ хитрымъ выраженіемъ лица, только пожалъ плечами. Герцогиня знала его давно и потому относилась къ нему нѣсколько фамильярно.

— Боже мой! Да какъ же мнѣ не смѣяться надъ госпожой фонъ-Плессенъ? Она опять хочетъ попасться на глаза королевѣ, но дѣло это ей не удастся. Мнѣ объ этомъ вчера говорилъ лейб-егерь графа Ашеберга, а онъ знаетъ это отъ Моранти, съ которымъ король говоритъ обо всемъ.

— Моранти, Моранти,—повторяла про себя герцогиня, стараясь запомнить это.

— Да, ваша свѣтлость, Моранти, негръ, съ которымъ его величество часто изволилъ говорить и которому даже позволяетъ себя бить. Онъ въ одномъ возрастѣ съ королемъ. Кто хочетъ быть осѣдомленнымъ о чемъ-либо, тотъ долженъ дать Моранти шоколаду и коринки. Такъ, по крайней мѣрѣ, совѣтуетъ графскій лейбъ-егерь, который приходится двоюроднымъ братомъ моей женѣ. Еще вчера онъ выпилъ у насъ цѣлую кружку пива. Ему страшно хотѣлось пить, потому что теперь всѣхъ закармливаютъ въ Ашебергъ...

— И Моранти говорилъ...—осторожно начала герцогиня.

— Да, Моранти полагаетъ, что у госпожи фонъ-Плессенъ нѣтъ никакой надежды вернуться опять ко двору. Хотя графъ Голькъ и его сторонники уволены, но господинъ конференцъ-совѣтникъ Струэнзе приспособилъ уже другихъ на его мѣсто, и въ число ихъ не попала госпожа фонъ-Плессенъ. Король терпѣть ее не можетъ.

И ловкими пальцами парикмахеръ продолжалъ работать, не закрывая рта. Онъ могъ рассказать о многомъ, ибо онъ уже два дня какъ переходилъ изъ одного дома въ другой и едва находилъ время для сна. Онъ рассказывалъ о томъ, что жена бургомистра устроила себѣ прическу съ башней, что госпожа Бухвальдъ вышила себѣ изъ Парижа новое крестьянское платье, которое она надѣвала уже вчера и которое оказалось ей тѣсно въ груди. Герцогиня слушала его весьма внимательно. Когда наконецъ ему удалось прикрѣпить на ея головѣ цѣлый улей, она велѣла позвать къ себѣ госпожу фонъ-Тоттъ и объявила ей, что она не желаетъ, чтобы фонъ-Плессенъ являлась къ королевѣ въ ея свитѣ.

Эммелина сдѣлала большіе глаза.

— Она просила меня объ этомъ,—раздраженно сказала герцогиня:—и я обѣщала ей сдѣлать это для нея. Но такъ какъ г. Струэнзе терпѣть не можетъ ее, то я не хочу произвести на него непріятное впечатлѣніе.

На другой день утромъ былъ легкій туманъ. Вскорѣ, однако, онъ разсѣялся, и выглянуло яркое солнце. Маленькій городокъ просто не могъ вмѣстить въ себя массу экипажей и людей. Только и разговоровъ было, что о человѣкѣ, который руководилъ королемъ, какъ ребенкомъ. Народъ радовался, что бразды правленія попали теперь въ сильныя руки и что теперь граждане стоятъ рядомъ со знатью.

Вокругъ парка были разставлены солдаты. Со стороны Ашебергской улицы безпрестанно подѣзжали украшенные цвѣтами экипажи. За ними появились наконецъ двѣ раззолоченныя кареты. Въ первой сидѣлъ въ костюмѣ крестьянина король, его супруга и Струэнзе, во второй ѣхали Эневальдъ Брандтъ и графъ Ранцау.

Струэнзе! Это имя переходило изъ усть въ уста, и хотя народъ и привѣтствовалъ короля и его юную супругу, однако глаза многихъ были устремлены на человѣка, который сидѣлъ въ красной крестьянской курткѣ на шелковыхъ подушкахъ и задумчиво смотрѣлъ вдаль.

Сотни людей были впушены въ паркъ, тысячи остались у входа. Этотъ день, когда врачъ изъ Альтоны вступилъ въ Плонъ, какъ побѣдитель, остался въ памяти обитателей.

Герцогиня Христина стояла съ своей гофмейстериней госпожой фонъ-Тоттъ и Минеттой въ бесѣдкѣ изъ красного кирпича въ началѣ парка, служившей въ добрыя старыя времена для чаешитія. Заброшенная въ теченіе долгаго времени, она теперь по приказанію короля была богато разукрашена. Здѣсь ихъ величества должны были со свитой освѣжить свои силы.

Всѣ приготовления дѣлались графомъ Ранцау, а та, которая когда-то была здѣсь хозяйкой и принимала гостей, лишь оглядывалась съ грустной улыбкой.

Впрочемъ, раздумывать было некогда. Вдругъ передъ ней оказалась королева. Хотя она была одѣта въ простое крестьянское платье, всякій зналъ, что это королева.

Графъ Ранцау подвелъ королеву къ герцогинѣ. Онъ былъ счастливъ и весь слякъ отъ радости. Минетта, стоявшая сзади, стала смотрѣть на него и на Брандта, который шелъ за нимъ. Вдругъ Брандтъ отвѣсилъ низкій поклонъ и далъ дорогу королю. Юный король поклонился привѣтливо герцогинѣ и привѣтствовалъ рукой госпожу фонъ-Тоттъ. Въ первый разъ Минетта увидѣла его узкое лицо съ безпокойно блестящими глазами, и ей было удивительно, какъ это теть Эммелина такъ спокойно отвѣчаетъ на быстро вылетавшія слова короля.

Старушка знала его съ дѣтства, да и онъ, повидимому, сохранилъ о ней хорошую память.

Графъ Ранцау слегка тронулъ Минетту за плечо.

— Ваше величество изволите помнить эту дѣвушку, которая имѣла честь состоять при васъ въ бытность вашу въ Альтонѣ?

Его голосъ привелъ въ себя Минетту, она почти безсознательно поклонилась королевѣ, которая разсѣянно протянула ей руку для поцѣлуя.

— Конечно, конечно, это было превосходно,—сказала она, проходя дальше и смотря своими голубыми глазами на тѣшившихся около нея дамъ.

Каролина-Матильда держала себя великолѣпно. Она уже не говорила, какъ прежде, на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, но пересыпала свою рѣчь французскими словами, какъ дѣлали въ то время всѣ знатные люди. Съ учтивой улыбкой пропустила она мимо ушей тысячи разныхъ именъ, умѣла каждому сказать ласковое слово и

наконецъ, справившись съ своей обязанностью, отдыхая незамѣтно для посторонняго взгляда, остановилась въ саду передъ павильономъ, возлѣ котораго играли искусственные водопады и благоухали розы. Этотъ садъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ высокими кустами, между которыми блестѣла вода, ярко освѣщенная солнцемъ. Вдали ворковали дикіе голуби, а по озеру носились водяныя птицы, тяжело взмахивая своими крыльями.

Старая герцогиня также стояла на террасѣ павильона и затуманившимися глазами смотрѣла на эту пеструю картину.

— Да, дорогая Эммелина, міръ сильно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ хозяиномъ всего этого былъ мой мужъ,—сказала она со вздохомъ.—Тогда тоже было очень весело, хотя, можетъ быть, и не такъ великолѣпно.

Госпожа фонъ-Тоттъ, на которую опиралась герцогиня, не отвѣтила ничего. Она смотрѣла на крестьянина, который говорилъ съ королевой, а потомъ повелъ ее въ аллею, деревья которой выступали, словно боковыя кулисы. Здѣсь долженъ былъ состояться пастушескій праздникъ, героиней котора была Каролина-Матильда. Со всѣхъ сторонъ тѣснились здѣсь зрители, въ надеждѣ занять удобное мѣсто. Герцогиня сдѣлала знакъ карлику Ионасу, который несъ сзади нея вѣеръ и умѣлъ лучше пробираться сквозь толпу, чѣмъ госпожа фонъ-Тоттъ.

Послѣдняя осталась одна въ этомъ человѣческомъ потокѣ и поскорѣе постаралась свернуть на боковую дорожку. Она была обсажена густыми кустами, и шумъ толпы лишь глухо доносился сюда. Въ концѣ ея стояла маленькая скамеечка, и она хотѣла присѣсть. Вдругъ она сдѣлала движеніе въ сторону и принялась извиняться.

Молодой крестьянинъ, сидѣвшій на скамейкѣ, быстро вскочилъ и пустился ее догонять.

— Пожалуйте сюда, тетя Эммелина. Вы мнѣ несколько не мѣшаете, и я радъ буду поговорить съ вами.

— Ваше величество очень милостивы ко мнѣ.

Какъ ни сопротивлялась старушка, король повелъ ее къ скамейкѣ.

— Садитесь. Вы были добры ко мнѣ въ то далекое время, когда гувернантки били меня.

Госпожа фонъ-Тоттъ уже успѣла овладѣть собою.

— Вы были очень избалованы тогда,—сказала она ласковымъ голосомъ. Христіанъ, сидѣвшій рядомъ съ нею, разсмѣялся.

— Ахъ, тетя Эммелина, мальчикъ всегда долженъ быть рѣзвъ и непослушенъ. Вотъ увидите, я и сегодня выкину штуку.

При этихъ словахъ его лицо приняло злое выраженіе. Старушка подняла руку.

— Теперь вы уже король, а король долженъ быть всегда благороденъ.

— Вы думаете?—спросил Христіанъ, прищуривая глаза.—Я тоже благороденъ,—прибавилъ онъ насмѣшливо.—Вы знаете его? Онъ еще недавно ставилъ нѣявки какимъ-нибудь старухамъ въ Альтонѣ, и мои любимцы обращались съ нимъ, какъ съ сапожникомъ. А теперь они дрожатъ передъ нимъ. А вѣдь это все только потому, что я такъ захотѣлъ, ибо я знаю, что этотъ человѣкъ имѣетъ благородный образъ мыслей и что онъ хочетъ такъ же, какъ и я, сдѣлать народъ счастливымъ. Впрочемъ, иногда мнѣ хочется свернуть шею всѣмъ людямъ.

— Эти мысли внушаетъ вашему величеству дьяволъ,—съ непоколебимымъ спокойствіемъ отвѣчала госпожа фонъ-Тоттъ.

Христіанъ робко оглянулся.

— *C'est vilain, madame.* Объ этомъ не пужно говорить, особенно своему королю. Я не хочу объ этомъ думать, иначе я не буду спать всю ночь и...

Тутъ онъ запнулся и взглянулъ на госпожу фонъ-Плессенъ, которая пробиралась къ королю по боковой дорожкѣ. Она была одѣта во все черное, и ея лицо можно было назвать даже красивымъ. Но король съ гнѣвнымъ крикомъ вскочилъ со скамейки.

— Эневальдъ, гдѣ вы?

Брандтъ уже стоялъ передъ нимъ.

Христіанъ схватилъ его за руку и увлекъ съ собою, не удостоивъ бывшую гофмейстерину ни одного взгляда.

Госпожа фонъ-Тоттъ тяжело встала.

— Нужно уходить, милая Луиза,—сказала она.

Фонъ-Плессенъ ломала себѣ руки.

— Король ненавидитъ меня, а я только и стараюсь о томъ, чтобы служить ему и его супругѣ.

— Не горюйте очень-то,—сказала ей въ утѣшеніе старушка.— Жизнь при дворѣ не всякому дается въ удѣлъ. Да вѣдь и въ другомъ мѣстѣ можно быть счастливымъ.

Фонъ-Плессенъ горько раземѣялась.

— И другіе будутъ утѣшать меня тѣмъ же. Ахъ, если бъ вы знали, что говорятъ о королѣ и о чемъ я должна молчать...

— Я не хочу ничего знать! Я стара и устала. Зачѣмъ мнѣ знать, что люди болтаютъ?

Камергеръ Брандтъ послѣшно вернулся назадъ. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые остались въ своемъ придворномъ костюмѣ, блестящемъ золотымъ шитьемъ. Онъ вѣжливо раскланялся съ бывшей гофмейстериней.

— Извините, госпожа фонъ-Плессенъ...—началъ онъ.

Та поднялась съ гордой осанкой.

— Я понимаю васъ, г. фонъ-Брандтъ, король желаетъ, чтобы я удалилась съ праздника. Я исполню его желаніе.

И, не обращая никакого вниманія на камергера, который все продолжалъ кланяться, она ушла. Онъ обратился къ госпожѣ фонъ-Тоттѣ.

— C'est bien désagréable...—началь было онъ, улыбаясь, но старушка гнѣвно перебила его:

— Миѣ сдается, г. фонъ-Брандтъ, что вы смотрите на все происшедшее, какъ на комическій эпизодъ. Миѣ кажется, что человѣкъ, который когда-то самъ готовъ былъ покончить съ собою, могъ проявить большую жалость.

Эневальдъ сильно покраснѣлъ.

— Фонъ-Плессенъ не очень-то жалѣла меня, когда меня постигла немилость.

— И вы платите зломъ за зло! Да, конечно, въ свѣтѣ такъ и ведется. Нечего удивляться этому. Но все-таки я думаю, что люди когда-нибудь станутъ лучше.

Вновь испеченный камергеръ ничего не отвѣтилъ на эту сентенцію и только улынулся, не то смущенно, не то насмѣшливо. Старушка повернулась къ нему спиной и тихо пошла прочь туда, гдѣ пастушескій праздникъ былъ въ самомъ разгарѣ, гдѣ пастухи и пастушки, крестьяне и крестьянки декламировали звучные стихи, чинно ходили и задорно смѣялись.

Между рядами зрителей сновали слуги, предлагая разныя угощенія.

Старая Эмелина грустно смотрѣла на всю эту суетню, на королеву, которая носилась въ вихрѣ танцевъ, на короля, бѣгавшаго за кокетливыми пастушками и старавшагося ихъ поцѣловать, на широкоплечатаго крестьянина, который танцевалъ большею частью съ Каролиной-Матильдой, почтительно держа ее въ своихъ объятіяхъ!

Да, теперешній свѣтъ не очень-то правился теткѣ Эмелинѣ, хотя солнце свѣтило такъ же ярко, какъ и прежде, а вѣтеръ такъ же привѣтливо шелестѣлъ въ кустахъ. Все осталось попрежнему, но гдѣ тѣ люди, которые умѣли сдѣлать землю уютной, такъ что всѣмъ жилось хорошо и весело?

Со вздохомъ взглянула старушка на свою герцогиню, которая съ растеряннымъ видомъ озиралась на всю эту суетню, потомъ перевела глаза на Минетту, которая осталась въ тѣни и упорно слѣдила глазами за королевой и Струэизе.

Взвизгнули скрипки, затѣмъ режокъ. Королева на возвышенномъ мѣстѣ и всѣ пастушки и крестьянки закружились въ танцѣ вокругъ нея. Всѣ разразились рукоплесканіями...

Этотъ праздникъ прошелъ, словно пестрый волшебный сонъ.

Минетта Зеленталь стояла у себя въ комнатѣ и смотрѣла на красныя крыши маленькаго городка... Да, то былъ сонъ...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Датское почтовое судно «Магдаллина» стояло на якорѣ въ кильской гавани въ ожиданіи почтовыхъ тюковъ и пассажировъ изъ Гамбурга. Собственно говоря, оно должно было уже выйти въ море часовъ въ восемь или въ десять, но не прибылъ еще почтовый diligens изъ Гамбурга, а полковникъ фонъ-Келлеръ, производившій въ Гольштейнѣ рекрутскій наборъ, велѣлъ капитану непременно дожидаться его, хотя бы изъ-за этого пришлось потерять цѣлый день.

И вотъ капитанъ, котораго звали Маккенбрантъ, поджидать теперь своихъ пассажировъ.

Надъ кильской гаванью ярко свѣтило юльское солнце, лѣса, идущіе по обѣимъ сторонамъ гавани, отчетливо поднимались къ яркому небу. Въ деревушкѣ Элербенъ, гдѣ коптятъ рыбу, тянулся до самаго неба прямой столбъ густого дыма, а по голубой поверхности гавани шныряли лодки и челноки.

Корабельный экипажъ разсѣлся весь на верхней палубѣ и смотрѣлъ то на блестящую воду, то на городъ съ его колокольнями, то на дворецъ, который подступалъ почти къ самой водѣ и какъ будто хотѣлъ слѣдить за гаванью всеми своими глазами—окнами.

Молодая пестро одѣтая дѣвушка, стоявшая на кормѣ и съ любопытствомъ слѣдившая за всемъ, что происходило кругомъ, вдругъ удивленно вскрикнула и быстро спряталась за высшую на борту лодку.

Минетта не обращала на нее никакого вниманія. Она шла за капитаномъ, который по крутой лѣсенкѣ велъ госпожу фонъ-Кваленъ въ ея каюту, гдѣ было только двѣ деревянныя кровати.

— Просторнѣе у меня каюты нѣтъ, ваша милость,—говорилъ шкиперъ.—Сегодня все будетъ переполнено. Все хотятъ ѣхать въ Копенгагенъ.

Опъ щелкнулъ языкомъ и засмѣялся.

— Милѣйшій Маккенбрантъ, я васъ хорошо понимаю,—разсмѣялась и пассажирка.—Да, люди всегда стремятся туда, гдѣ пахнетъ жаренымъ. А вы думаете, что я ради этого ѣду въ Копенгагенъ? Нѣтъ, заболѣлъ мой родственникъ, камергеръ Бланхеръ, и мнѣ хочется его навѣстить.

Капитанъ, старавшійся втиснуть въ каюту все дорожныя вещи, произнесъ, въ знакъ своего участія, нѣсколько словъ, вопросительно глядя на молодую даму, въ присутствіи которой велся весь этотъ разговоръ.

Это не укрылось от госпожи фонъ-Тоттъ.

— Это фрейлейнъ фонъ-Золенталь, милѣйшій Маккенпрангъ. Она знаетъ, что мы съ вами старые знакомые и не разъ ѣзжали вмѣстѣ.

Морякъ устремилъ свой острый взоръ на Минетту.

— Фрейлейнъ въ траурѣ?

— По моей невѣсткѣ Эммелинѣ,—отвѣчала за нее госпожа фонъ-Тоттъ.—Это была ея единственная родственница. Я просила ее проводить меня: я уже стала стара, а прислуги нигде не годятся. Скажите, Маккенпрангъ, вы насъ хорошо повезете, и мы не заболѣемъ морской болѣзнию?

Шкиперъ почесалъ за ухомъ.

— Что можно будетъ, ваша милость, я все сдѣлаю. Только бы поскорѣе выбраться изъ гавани.

— Такъ выбирайтесь!—вскричала г-жа фонъ-Тоттъ, но капитанъ только пожалъ плечами.

— Еще не прибылъ почтовый дилижансъ изъ Гамбурга. Да и полковникъ фонъ-Коллеръ еще не явился... Онъ уже два раза присылалъ мнѣ сказать, чтобы я его дождался, а властямъ нужно повиноваться, ваша милость. Я прикажу вынести для васъ на палубу два стула. Нашъ поваръ можетъ приготовить кофе, супъ и кашу. Вамъ только нужно сказать, что вы желаете.

Шкиперъ ушелъ, а госпожа фонъ-Кваленъ принялась вылѣзть изъ своего плаща, необыкновенно теплаго для такой погоды.

— Этотъ капитанъ—славный малый. Не думайте, что намъ не подобаетъ говорить съ нимъ. Онъ знакомъ со всей нашей знатью, такъ какъ онъ постоянно ѣздитъ отъ Киля до Копенгагена. А лѣтомъ такая поѣздка восхитительна, особенно теперь, когда король такъ щедръ на милости, конечно, пока этого желаетъ Струэнзе. Мнѣ страшно хочется взглянуть опять на Копенгагенъ и дворъ. Прежде всего я явлюсь къ Юліаніи-Маріи и васъ захвачу съ собой. Нельзя знать, на что можетъ пригодиться такой визитъ. Я хотѣла бы сдѣлать что-нибудь для васъ, хотя у васъ есть крупный недостатокъ: вы небогаты. Найдутся, впрочемъ, мужчины, которые обращаютъ больше вниманія на добрыя качества, чѣмъ на кошелекъ съ деньгами. Будемъ надѣяться на хорошее. А теперь идите спокойно на палубу и дышите свѣжимъ воздухомъ. Я останусь здѣсь и хочу немножко отдохнуть.

Г-жа фонъ-Кваленъ прилегла на постель, а Минетта потихоньку пошла кверху.

Жизнь переѣхавшей для нея быстро, словно во снѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ плонскихъ празднествъ тетя Эммелина слегла въ постель, а черезъ недѣлю уже покоилась на городскомъ кладбищѣ. Умерла она совершенно тихо и передъ смертью успѣла сказать Минеттѣ нѣсколько ласковыхъ словъ. Смерти она не ожидала и все

строила планы на зиму,—говорила о вареньѣ и сушкѣ зелени: въ ней была хорошая хозяйка, заботившаяся о томъ, чтобы не обмануть довѣрія своей герцогини.

Минетта не могла больше оставаться въ Плонскомъ замкѣ. Занять тутъ мѣсто придворной дамы она не могла по крайней бѣдности. Герцогинѣ нужно было имѣть около себя болѣе пожилую особу, и вотъ Минетта опять оказалась безъ пристанища и принуждена была согласиться на предложеніе госпожи фонъ-Кваленъ сопровождать ее сначала до Киля, а потомъ до Копенгагена.

Минетта сидѣла на палубѣ подъ тѣнью, отбрасываемой парусомъ, который капитанъ Маккенбрангъ нарочно велѣлъ поднять ради пассажировъ. Тутъ же стояло нѣсколько кавалеровъ, громко разговаривавшихъ между собой и ссидившихся на задержку.

— Кого мы еще ждемъ?—вскричалъ одинъ изъ нихъ.—Ma foi, я найму себѣ рыбацью лодку и отправлюсь на ней въ Корсоръ. Держу пари, что я буду тамъ раньше этого судна, которое совершенно не отвѣчаетъ своему королевскому имени.

— Королевы не всегда бываютъ такъ юны и прекрасны, какъ наша теперешняя королева,—сказалъ другой, подсмѣиваясь.

Въ это время съ пристани пробирался на палубу какой-то весьма просто одѣтый человѣкъ, робко озиравшійся по сторонамъ.

— Долженъ еще пожаловать господинъ полковникъ. Да и почта изъ Гамбурга еще не прибыла,—вступилъ въ разговоръ вновь прибывшій пассажиръ.—Но, съ Божьей помощью, кончится когда-нибудь и наше ожиданіе.

Собравшіеся смотрѣли на него сверху внизъ.

— Почему вы это знаете?—спросилъ одинъ изъ бесѣдовавшихъ.

— Нѣтъ надобности вмѣшиваться въ нашъ разговоръ,—прибавилъ другой.

Новый пассажиръ снялъ шляпу и почтительно поклонился.

— Прощу прощенія за мою дерзость!

Съ этими словами онъ отошелъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Минетта, давно уже смотрѣвшая на него съ любопытствомъ.

То былъ сухощавый человѣкъ, съ гладко выбритымъ, ничего не выражавшимъ лицомъ, въ одеждѣ ученаго. Онъ вытащилъ изъ кармана книгу и принялся внимательно читать, какъ будто бы вокругъ него никого не было.

Около судна становилось оживленно. Большой дилижансъ съ шумомъ подкатилъ по мостовой къ пристани. Изъ него вышло нѣсколько человѣкъ, вслѣдъ за ними понесли на палубу чемоданы и саквояжи. То былъ почтовый дилижансъ изъ Гамбурга.

У двоихъ его пассажировъ голова была забинтована: по пути дилижансъ опрокинулся три раза. Времена были такія, что тотъ, кто путешествовалъ на почтовыхъ, долженъ былъ рисковать своею жизнью.

Наконецъ появился и полковникъ Коллеръ. Онъ пріѣхалъ верхомъ на огромной лошади. Съ нимъ было еще нѣсколько человѣкъ, съ которыми онъ громко распрощался. Лица у всѣхъ были красныя.

— И изъ-за такого пьянаго животнаго мы должны были ждать цѣлые часы, — пробормоталъ одинъ изъ юнкеровъ, но другой быстро дернулъ его за руку.

— Оставь, вѣдь и намъ случалось бывать навеселѣ. Мы еще сыграемъ въ картишки съ полковникомъ. Вотъ когда онъ раскается въ своемъ поведеніи!

На бортъ взошло еще нѣсколько человѣкъ. Стоялъ изрядный шумъ и толкотня, но капитанъ умѣлъ послѣввать всюду и каждому указать его мѣсто. Всѣ требовали для себя отдѣльныхъ каютъ.

Миннетта не могла сначала понять, почему всѣ такъ стараются получить для себя каюту. Но когда «Маргарита», поставивъ всѣ паруса, вышла изъ кильской гавани и полетѣла по волнамъ Нѣмецкаго моря, тогда ей стало ясно, почему каждый такъ заботился только о самомъ себѣ.

Датскій почтовый корабль былъ построенъ прекрасно, но качка на немъ была ужасная. Юнкера, еще недавно державшіе себя столь высокомѣрно, теперь сидѣли нахохлившись вокругъ главной мачты. Лица ихъ были блѣдны. Госпожа фонъ-Кваленъ возстала отъ сна и стонала. Со всѣхъ сторонъ громко жаловались и кряхтѣли.

Миннетта не страдала морскою болѣзнью и хотѣла была помочь старушкѣ, но та приняла ее съ раздраженіемъ, и Миннетта опять вышла на палубу. Дулъ сильный вѣтеръ, и по морю бѣгали бѣлые барашки.

— Если дѣло будетъ такъ продолжаться, то мы скоро будемъ уже въ Зеландѣ, — громко объявилъ капитану полковникъ Коллеръ. Но капитанъ не отвѣтилъ ему ничего и только устремилъ свой острый взоръ на западъ, гдѣ небо стало совсѣмъ сѣрымъ.

Въ эту минуту полковникъ увидалъ Миннетту, и суровое лицо его прояснилось.

— Sapristi, quelle honneur de vous voir, mademoiselle!.. Ваша тетушка тоже здѣсь? Можетъ быть, и герцогиня съ вами?

Миннетта отвѣчала довольно кратко. Она знала, что покойная тетка желала, чтобы она вышла замужъ за этого полковника, но въ немъ было что-то такое, что отталкивало ее отъ него. Къ тому же съ того времени, какъ Эневальдъ Брандтъ оставилъ ее, въ ней развилось какое-то озлобленіе противъ мужчинъ вообще.

Вѣтеръ трепалъ ея вуаль, она сняла его, и ея темные ненапудренные волосы пышно раскинулись вокругъ ея лица. Она была прелестна въ эту минуту. Капитанъ молча любовался ею издали, полковникъ крутилъ усы и небалъ подходящихъ словъ, но его мозгъ

1) Чортъ возьми; я имѣю честь видѣть васъ, сударыня!

не освободился еще отъ винныхъ паровъ, и онъ принялся искать глазами ученаго человѣка, который сидѣлъ, скромно уткнувшись въ книгу. Вдругъ онъ повернулъ голову. Крикъ изумленія вырвался у полковника.

— Неужели это вы, профессоръ Гульдбергъ? Неужели принцъ Фридрихъ уже не будетъ пользоваться вашими уроками?

Профессоръ поднялся съ мѣста, снялъ шляпу и вѣжливо поклонился.

— Ея величество королева Юліанія-Марія соизволила дать отпускъ вашему покорному слугѣ. У меня умерла сестра въ Килѣ, и мнѣ нужно было позаботиться объ ея дѣтяхъ.

Воспитатель брата короля, профессоръ Гульдбергъ все время стоялъ передъ полковникомъ въ самой почтительной позѣ. Фонъ-Коллеръ сдѣлалъ снисходительное движеніе рукой.

— Садитесь! Когда вы уѣхали изъ Копенгагена и имѣть ли у васъ новостей? Я уже три мѣсяца скитаюсь по Шлезвигу и Гольштейну.

Гульдбергъ продолжалъ стоять.

— Я выѣхалъ изъ Копенгагена недѣлю тому назадъ. Поѣздка была очень удачная, и я пріѣхалъ въ Киль на другой день.

— Никакихъ происшествій?

Профессоръ пожалъ плечами.

— Ихъ величества вернулись изъ путешествія, и народъ ликовалъ. Изъ Парижа выписанъ новый театральный директоръ. Король объѣзжаетъ новую лошадь, а королева обучаетъ соколовъ охотѣ.

— Новый совѣтникъ тоже ѣздитъ съ нею на охоту?—спросилъ съ язвительнымъ смѣхомъ полковникъ.

Гульдбергъ посмотрѣлъ мимо него на бурлившую воду.

— Такъ какъ графъ Берншторфъ теперь уже не министръ, то у его превосходительства кабинетъ-министра Струэнзе не такъ много времени, чтобы развѣзкать по охотамъ.

— А, чортъ!—подпрыгнуть полковникъ.—Если вы хотите шутить, то выберите для шутокъ кого-нибудь другого.

Воспитатель принца Фридриха снова поклонился.

— Ваша милость скоро изволите сами увидать, шучу ли я, или говорю правду.

Коллеръ схватилъ его за руку.

— Извините меня. Я немного возбужденъ, и мой языкъ болтаетъ лишнее. Но такихъ вещей никогда еще не бывало. Нашъ заслуженный министръ графъ Берншторфъ долженъ уступить мѣсто какому-то авантюристу?

Профессоръ поднялъ руку.

— Ваша милость не должны говорить такъ громко. Васъ могутъ услышать даже здѣсь на кораблѣ. У новаго министра немало сторонниковъ, и камергеръ Брандтъ, другой фаворитъ короля...

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.
«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бѣзплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1912 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

Богословіе.

ГОЛЬДЦИГЕРЪ, І. Лекціи объ Исламѣ. Ц. 2 р.

Философія, психологія, логика.

ВУНДТЪ, В. Введеніе въ психологію. Одесса. 1912. Ц. 60 к.

КАРАДЖА, ин. Евангеліе упованія. Спб. 1912. Ц. 40 к.

ПАПЮСЪ, Практическая магія. Ч. 1-я. 1912. Ц. 2 р.

РОЗАНОВЪ, В. Люди луннаго свѣта. Метафизика христіанства. Спб. Ц. 2 р. 50 п.

СИГОРСКИЙ, И. Идеализація и матеріализація жизни. Кіевъ. 1912. Ц. 20 к.

СОЛОВЬЕВЪ, ВЛ. СЕРГ. Собраніе сочиненій. Т. 3-й. Ц. 2 р.

ФИЛОСОФОВЪ, Д. Неугасимая лампада. Статьи по церковнымъ и религиознымъ вопросамъ. Ц. 1 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

БАРАЦЪ, Г. О библейскомъ элементѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Кіевъ. 1912. Ц. 40 к.

ЖОХОВЪ, Д. Очерки по исторіи русской литературы. Пушкинъ. Гоголь. Лермонтовъ. Кольцовъ. Бѣлинскій. Спб. 1912. Ц. 80 к.

ЗОЛОТАРЕВЪ, С. Очерки по исторіи русской литературы. Древняя письменность. Спб. 1912. Ц. 40 к.

— Тютчевъ, А. Толстой, А. Фетъ, А. Майковъ, Я. Полонскій, Ф. Достоевскій, Л. Толстой. Ц. 50 к.

КАРСКИЙ, Е. Значеніе М. В. Ломоносова въ развитіи русскаго литературнаго языка. Варшава. 1911. Ц. 20 к.

КОНДРАТЬЕВЪ, А. Графъ А. К. Тол-

стой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ЛИПОВСКИЙ, А. Очерки по исторіи русской литературы отъ апохи Петра Великаго до Пушкина. Ц. 60 к.

МАКСИМОВЪ, В. Очерки по исторіи русской литературы 40-хъ—60-хъ годовъ. Натуральная школа. Тургеневъ. Гончаровъ. Островскій. Герценъ и др. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ПИСЬМА П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. (Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка). Спб. 1911. Ц. 80 к.

СОКОЛОВЪ, Л. Донъ-Кихотъ русской жизни. Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Кіевъ. 1911. Ц. 50 к.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1912 г., т. сxxvii.

1/222

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- АНДРЕЕВЪ, Л. Собраніе сочиненій. Т. 1-й. Ц. 1 р. 35 к.
 БАРОХЪ, П. Путь къ совершенству. Романъ. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
 БЕКФОРТЪ, Ватекъ. Арабская сказка. Москва. 1912. Ц. 80 к.
 БОГОЛЮБОВА, О. Сказки усталого сердца. Ц. 60 к.
 ВИЛЛИ, В. Конецъ любви. Романъ. Сиб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
 ГАУТМАНЪ, Г. Бѣгство Габріэли Шиллинга. Драма въ 5 д. Ц. 75 к.
 ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, А. гр. На летучихъ листьяхъ. Мысли, впечатлѣнія и замѣтки. Сиб. 1912. Ц. 1 р.
 ГРИБОВДОВЪ, А. Полное собраніе сочиненій. Т. 1-й. Изд. Импер. Акад. Наукъ. Сиб. Ц. 90 к.
 ЕЛЕЦЪ, Ю. Хмель жизни. Пьеса въ 4 д. С*б. 1912. Ц. 50 к.
 ЗУБОВЪ, С., ГР. Стихотворенія. Т. 1, 2. Ц. 1 р.
 ПВАНОВЪ, Г. Отплытіе на о. Цитеру. Пьезы. Кн. 1-я. Ц. 50 к.
 КУЗНЕЦОВА и МИЛЛЕРЪ. Въ агоніи любви. Романъ и рассказы. Ц. 1 р.
 ЛЕВИТОВЪ, А. Собраніе сочиненій. Т. 7. Ц. 1 р.
 МЕНДЕСЪ, К. Месть служанки. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
 НАДСОБЪ, С. Я. Проза. Дневники. Письма. Съ 6 фототип. Сиб. 1912. Ц. 3 р.
 НОЛЬДЕ, Л. Оккультные рассказы. Ц. 1 р.
 ОНДЭЛЬ, И. Легенда о великой душѣ. Посвящается великому артисту-поэту Л. В. Собинову. Ц. 30 к.
 ПЕРЕСВѢТОВЪ, И. Потѣшные огни. Очерки по исторіи нашей революціи въ думахъ и пѣсняхъ. Сиб. 1912. Ц. 1 р.
 ТВЭНЪ, М. Исторія одной собаки. Рассказъ. Ц. 5 к.
 ТИХОПЛЕСЕЦЪ, М. Звенья. Рассказы. М. 1912. Ц. 50 к.
 ФИЛИППЪ, Ш. На днѣ Парижа. Бюбю съ Монпарнаса. Сиб. 1912. Ц. 1 р.
 ХВОСТОВЪ, Н. Огни и отраженія. Стихотворенія. 4-я книга стиховъ. Сиб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
 ШУФЪ, ВЛ. Гекзаметры. De natura ad spiritum. Сиб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
 ЭКОУТЬ, Ж. Замокъ Эскаль-Вигоръ. Романъ. Ц. 1 р.
 ЭКСНЕДИЦІЯ въ Западную Европу сатириконовъ: Юзакина, Салдера, Мифасова и Крысакова. Текстъ А. Аверченко и Г. Ландау. Сиб. 1912. Ц. 2 р. 75 к.
 ОЕДОРОВЪ, А. Бумажное царство. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

- БОЖЕРЯНОВЪ, П. Походъ въ Москву Наполеона и бѣгство его изъ Россіи. Ц. 80 к.
 БОРИНЪ, Я. Борьба великановъ. Отечественная война 1812 г. Ц. 10 к.
 ГУСЕВЪ, П. Иконографія Св. Флора и Лавра въ новгородскомъ искусствѣ. Сиб. 1911. Ц. 75 к.
 — Символы власти въ Великомъ Новгородѣ. Сиб. 1912. Ц. 50 к.
 ПВАНОВЪ, Е. Херсонесъ Таврической. Историко-археологическій очеркъ. 1912. Ц. 1 р. 75 к.
 КАРЦОВЪ, Ю. и ВОЕНСКІЙ, К. Причины войны 1812 г. Ц. 60 к.
 КНИГА для чтенія по исторіи новаго времени. Т. 3-й. Москва. Ц. 3 р. 25 к.
 ГОРАБЛЕВЪ, В. Константинъ Аксаковъ. Ц. 50 к.
 КОБЕКО, Д. Императорскій Царско-сельскій лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. Сиб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.
 РУСОВЪ, Н. Помѣщичья Россія по запискамъ современниковъ. Съ картин. Ц. 1 р. 75 к.
 ТУРАЕВЪ, Б. Исторія древняго востока. Ч. 2-я. Ц. 2 р. 75 к.
 ЯКОВЛЕВЪ, П. Памятная книжка Императорскаго Археологическаго Института въ Сиб. 1878—1911. Ц. 50 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- БУЛГАКОВЪ, В. Университетъ и университетская наука. Съ прил. письма Л. Н. Толстого къ автору объ образованіи. М. 1912. Ц. 30 к.
 БЕРНАШЕВСКІЙ, А. Судъ въ старину и въ наше время. Ц. 25 к.
 БОРОДКИНЪ, М. Национальность въ наукѣ. Сиб. 1912. Ц. 15 к.
 ВОЛКОВЪ, Н. Новые законы о землеустройствѣ. Ц. 2 р.
 ГРИБОВСКІЙ В. Государственное устройство и управление Россійской Имперіи. Одесса. 1912. Ц. 2 р. 25 к.
 ГРОМОВЪ, Н. Законъ 29 мая 1911 г. о землеустройствѣ. Ц. 2 р.
 ГУЛЯЕВЪ, А. Русское гражданское право. Изд. 3-е. Ц. 3 р. 50 к.
 ЗВЯГИНЦЕВЪ, Е. Народная жизнь и школа. Вып. 1-й. Ц. 40 к.
 КАРАБАНОВЪ, Н. Переселеніе и разселеніе крестьянъ. Ц. 30 к.
 КАРЧАГИНЪ, Л. Спиртные напитки и праздники на Руси. Ц. 5 к.
 КЕЧЕДЖИ-ШАПОВАЛОВЪ, М. Торгово-промышленная Англія. Ц. 50 к.
 КОВАЛЕВСКІЙ, М. Происхожденіе современной демократіи. Т. 1-й. Сиб. 1912. Ц. 3 р.
 МАТТЕЛЬ, А. Судебно-межевое разбирательство по уставу гражданскаго судопроизводства. Ц. 1 р.
 МЕЙЕРЪ, Ф. Суббота и воскресенье. По поводу законопроекта о воскресномъ отдыхѣ. Ц. 30 к.
 РЕЙСНЕРЪ, М. Государство. Ч. 2 и 3. Сиб. Ц. 1 р.
 РОДЪ, Ж. Современный Китай. Ц. 2 р.
 СИГОРСКІЙ, И. Надвигающійся великій кризисъ отъ вина. Кіевъ. 1912. Ц. 20 к.
 СЛОНОВЪ, И. На востокъ. Москва. 1912. Ц. 75 к.

СОБОЛЕВЪ, Л. Раздѣлъ Россіи. Ц. 10 к.

СТОРОЖЕНКО, А. Происхожденіе и сущность украинофильства. Кіевъ. 1912. Ц. 30 к.

ТЕЛЪБЕРГЪ, Г. Очерки политическаго суда и политическихъ преступлений въ Московскомъ государствѣ XVIII в. М. 1912. Ц. 2 р.

ОБЩИЙ УСТАВЪ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Т. 12. Ч. 1. Съ изданіемъ въ измѣненіе и развитіе его, по 1 окт. 1911 г. постановл., правилами и распоряженіями. Спб. Ц. съ дополн. 5 р. 20 к.

ШАСТЕНЪ, Г. Тресты и синдикаты. Ц. 2 р.

ШРЕЙНЕРЪ, О. Женщины и трудъ. Ц. 1 р.

Искусство.

ЕЖЕГОДНИКЪ общества архитекторовъ-художниковъ. Вып. 6-й. 1911. Спб. Ц. 4 р. 50 к.

Естествознаніе и математика.

БОММЕЛИ. Исторія земли. Ц. 2 р. 50 к.

БУЛГАКОВЪ, Н. Вліаніе метеорологическихъ условий на безпроводное телеграфированіе. Ц. 25 к.

— Экспериментальныя работы, посвященныя вопросу о природѣ электроза. Ц. 60 к.

ГАГЕНБЕКЪ, К. О животныхъ и людяхъ. М. 1912. Ц. 3 р.

ЕЖЕГОДНИКЪ Русскаго астрономическаго общества на 1912 г. Ц. 50 к.

ГОСТЬ, Л. Лекціи по физиологій растений. Съ 183 рис. Ч. 1-я. Ц. 2 р. 50 к.

КЛЕЙНЪ, Г. Звѣздный міръ. Ц. 40 к.

КРАВКОВЪ, С. Исслѣдованія въ области изученія роли мертваго растительнаго покрова въ почвообразованіи. Ц. 2 р.

КУРИЛКО, П. Гониометрическіи (тригоном.) уравненія. Ц. 30 к.

КЮСТЕРЪ, Ф. Таблицы логарифмовъ для химиковъ, фармацевтовъ, врачей и физиковъ. Ц. въ пер. 1 р.

НЕЧАЕВЪ, Е. Минералогія. Изд. 2-е. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

НОВЫЯ идеи въ физикѣ. № 3. Принципъ относительности. Ц. 80 к.

ТАЛЦЕВЪ, В. Определитель высшихъ растений Европейской Россіи (кроме Кавказа и полярной Россіи). Изд. 2-е, доп. Харьковъ. 1912. Ц. 3 р.

ТЕПЛОВЪ, Н. Какъ осуществляется пареніе крупныхъ птицъ при горизонтальномъ, равномерномъ и прѣмолінейномъ вѣтрѣ. Кіевъ. 1911. Ц. 20 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

АРЕФЬЕВЪ, В. Описаніе Сибири. Вып. 2-й. Краткое описаніе губерній и областей Сибири.

ГРУБЕ, В. Духовная культура Китая. Литература, религія, культъ. Ц. 2 р.

ИНФАНТЬЕВЪ, П. Новый край. Амурская область. Съ 30 рис. Спб. 1912. Ц. 35 к.

ИРРИ, Р. Открытіе сѣвернаго полюса. Ц. 40 к.

ПОНОВЪ, И. Великая могила прошлаго. Путевыя заметки по Италіи. Съ рис. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

РУДНЕВЪ, Е. Новые данныя по живой манджурской рѣчи и шашанству. Спб. 1912. Ц. 1 р.

СЕРЖИУТОВСКІЙ, Е. Сказки и рассказы Бѣлоруссовъ — Подѣшуконъ. Матеріалы къ изученію творчества бѣлоруссовъ и ихъ говора. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

ВЕБЕРЪ, К. Разработка болотъ и заболочивающихся земель. Спб. 1912. Ц. 2 р.

ГРЕВНИЦКІЙ, А. Отдѣлы свѣжыхъ плодовъ 6-й выставки плодовъ и огороднич. 1910 г. въ Спб. Ц. 30 к.

КИРСАНОВЪ, Д. Овесъ и мѣры къ улучшенію его воздѣлыванію. Ц. 8 к.

МАКАРЕНКО, Ю. Чѣмъ и какъ удобрять землю. Ц. 12 к.

МЕРИНГЪ, Е. Артельный сбытъ су-

шенныхъ овощей въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи. Ц. 15 к.

О ПЛОДОХРАНИЛИЩАХЪ. Описаніе наиболѣе распространенныхъ типовъ помѣщений для храненія плодовъ въ свѣжемъ видѣ. Ц. 40 к.

СПАРРО, Р. Посobie для сельскаго водоснабженія. М. 1911. Ц. 1 р.

СОКОВНИНЪ, П. Что нужно знать земледѣльцу, чтобы успешно бороться съ неурожаями отъ засухи. Ц. 18 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

АРБИТРЪ. Продавецъ, какииъ онъ долженъ быть. Ц. 30 к.

КОВАНЪ, Т. Воскъ, его исторія, добычаніе, фальсификація, торговое значеніе. М. 1911. Ц. 60 к.

ТЭЙЛОРЪ, Ф. Административно-тех-

ническая организація промышленныхъ предприятий. Ц. 2 р.

ШАРОНОВЪ, И. Русскій торговый флотъ, его современное состояніе, нужды и положеніе среди флотовъ другихъ государствъ. Ц. 60 к.

ШАРПАНТЬЕ, С. Веденіе фабричной отчетности. Ц. 60 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- БЕКЕТОВЪ, Н. Практическое руководство къ собственноручному изготовленію домашними средствами небольшихъ паровыхъ машинъ съ качающимся цилиндромъ до $\frac{1}{20}$ лошадиной силы и паровыхъ котловъ къ нимъ. Спб. 1912. Ц. 60 к.
- БЕНИШКЕ, Г. Асинхронные двигатели трехфазнаго тока, ихъ дѣйствіе, испытаніе и расчетъ. Спб. 1912. Ц. 2 р.
- БРЕЙЕРЪ, К. Новые изящныя работы съ цвѣтнымъ синтетикономъ. Ц. 30 к.
- БРЕМЗЕ, ФР. Производство глазури и ея примѣненіе. Спб. 1912. Ц. 30 к.
- БУБНОВСКИЙ, Е. Полный курсъ железнодорожной телеграфіи и телефоніи съ отдѣломъ электрической сигнализациіи. Кіевъ. 1912. Цѣна съ атласомъ 2 р. 20 к.
- ГДАНСКИЙ, Л. Выдѣлка бѣлки и бѣличьяго мѣха. Ц. 20 к.
- ОЛЬШВАНГЪ, А. О предупрежденіи несчастныхъ случаевъ отъ электрическаго тока. Москва. 1912. Ц. 75 к.
- ЛАМТЕВЪ, Н. Фотографическіе объективы и затворы. Ц. 30 к.
- Фотографированіе портретовъ, видовъ и т. д. Ц. 30 к.
- ТИЛИНСКИЙ, А. Сельское строительное искусство. Практическое руководство для строителей, агрономовъ, землемѣровъ, сельскихъ хозяевъ и лицъ, причастныхъ къ дѣлу постройки зданій въ городахъ и селахъ. Съ 970 черт. въ текстѣ и 15 стран. пояснит. чертежей и проектовъ зданій. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія

- АРКИНЪ, Е. Физиологія человѣка. Ц. 1 р. 30 к.
- ВОАС. Вассермановская реакція съ обращеніемъ особаго вниманія на ея клиническое значеніе. 1912. Ц. 1 р. 65 к.
- ГЕМИЛАНЪ, В. О составѣ и свойствахъ цѣлебныхъ средствъ крымскихъ лимановъ. 1911. Ц. 30 к.
- ГОЛЬДВАСЕРЪ, А. Конспектъ фармакогнозіи по Н. Ментину. Харьковъ. 1912. Ц. 75 к.
- ЛЫСЕНКОВЪ, Н. Краткое руководство по анатоміи человѣка. Ц. 1 р. 75 к.
- МЕЙЕРЪ, Г. Новѣйшіе способы распознаванія и леченія сифилиса. Кіевъ. 1911. Ц. 60 к.
- НАШИ ДѢЯТЕЛИ ПО МЕДИЦИНѢ (2-е удешевленное изданіе), Съ 400 портретами, рисунками, биографіями. Ц. 3 р.
- ЭВАЛЬДЪ, К. Пособникъ къ составленію исторій болѣзней хирургическихъ больныхъ и для регистраціи сдѣланныхъ наблюденій. Кіевъ. 1912. Ц. 75 к.

Военное и морское дѣло.

- ДОБРЖИНСКИЙ, К. Къ дяоянскому бою 18—21 августа 1904 г. Ялта. 1911. Ц. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- БОРЕЛЬ-ШТЕККЕЛЬ. Элементарная математика. Ч. 2-я. Геометрія. Одесса. 1912. Ц. 2 р.
- ГАНЪ, Г. Руководство къ практическимъ занятіямъ по физикѣ въ средней школѣ. Ц. 2 р.
- ГЛАЗУНОВЪ, Н. Декламационная хрестоматія. Матеріалъ для систематическихъ занятій выразительнымъ чтеніемъ на драматич. курсахъ, въ театральн. училищахъ и др. учебн. завед. Ч. I. Изд. 2-ое. Спб. 1912. Ц. 1 р. 20 к.
- ДЕРНОВА-ЯРМОЛЕНКО, А. Азбука матери. Первые уроки по уходу за ребенкомъ. М. 1912. Ц. 55 к.
- ЗАВЪЯЛОВЪ, В. Элементарный учебникъ анатоміи, физиологіи и гигиены. Кіевъ. 1912. Ц. 75 к.
- КАЙДАНОВА, О. Сиротскій домъ Престо и его создатель Поль Робенъ. М. 1912. Ц. 25 к.
- КЛЮЖЕВЪ, И. О подготовкѣ учителей начальныхъ училищъ. Ц. 10 к.
- Объединеніе управленія начальными училищами въ одномъ вѣдомствѣ. Ц. 10 к.
- КОМПЕРЕ, Г. Умственное и нравственное развитіе ребенка. Ц. 2 р.
- КОНСПЕКТЪ лекцій по исторіи и древностямъ Великаго Новгорода. Вып. 3. 1911. Ц. 20 к.
- КОРЗУНОВЪ, П. Темы и планы для сочиненій. Ч. 2-я. Сравненія, разсужденія, послловицы. Ц. 50 к.
- ГРАМАРЕНКО, В. О физическомъ развитіи и воспитаніи. Кіевъ. 1911. Ц. 50 к.
- КЭНИССЭ, Ф. Астрономическая фотографія. Руководство для любителей астрономіи и для занятій по космографіи въ средней школѣ. Спб. 1912. Ц. 40 к.
- ЛЪВИЛОВЪ, К. Лѣпка въ семьѣ и школѣ. Ц. 1 р. 20 к.
- ЛЯНЧЕНКОВЪ, М. Математическая хрестоматія. Книга для школы и семьи. Ц. 50 к.
- МЕЩЕРСКИЙ, И. Народная школа и сельское хозяйство. Сборникъ статей. Ц. 1 р. 25 к.
- МОРЪ, Я. Къ вопросу объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій. Спб. 1911. Ц. 35 к.
- О современной постановкѣ школьной гимнастики и нѣкоторыхъ другихъ физическихъ упражненій. Спб. 1911. Ц. 35 к.
- По вопосу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ. Ц. 35 к.
- НЕСЕЛОВСКАЯ, А. Наглядный вадничникъ для начальн. училищъ и дѣтскихъ садовъ. Ц. 25 к.
- ПОПОВЪ, В. Отблески. Книга для чтенія.
- РАДОНЕЖСКИЙ, А. Грамматика въ

- упрощенномъ положеніи для сельскихъ училищъ. Ц. 20 к.
- САНЧУРСКИЙ, Н. Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- СИМОНЪ, М. Дидактика и методика математики въ средней школѣ. Ц. 2 р.
- СОКОЛОВЪ, Л. Общая дидактика. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р.
- ТУРЧИНОВИЧЪ, Е. Палладіумъ. Главнѣйшія свѣдѣнія изъ римскихъ древностей, римской литературы и метрики. Гродна. 1912. Ц. 50 к.
- ФИЛИППОВИЧЪ, Ф. Указатель учебной математической литературы. Спб. 1912. Ц. 30 к.
- ЧЕЛІАНОВЪ, Г. Сборникъ статей (психологія и школа). М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- ЮНГЪ, ДЖ. Какъ преподавать математику. Вып. 1-й. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- БОВА, О. Мой звѣринецъ и другіе рассказы. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. М. 1911. Ц. 20 к.
- ЛУКАШЕВИЧЪ, К. Свѣтлое воспоминаніе и Соня малыхъ. Два рассказа изъ сибирской жизни. Съ рис. Ц. 25 к.
- СТАНЮКОВИЧЪ, Г. Когда я была маленькая. Рассказы Ц. 20 к.
- ЧЕХОВЪ, Н. Снѣжная королева. Дѣтская драма съ пѣніемъ. Ц. 15 к.

Справочныя книги.

- АСТАФЬЕВЪ, А. Инженерный календарь на 1912 г. Ц. за 2 части въ коленкор-переплетѣ 2 р., въ кож. 2 р. 30 к.
- БЛАГОВИДОВЪ, О. Тифлискіе Высшіе Женскіе Курсы въ 1910—1911 учебномъ году. Ц. 25 к.
- ДИ-СЕНЬИ, Н. Справочникъ о высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ на 1912 г. Ц. 75 к.
- ВЪ ПАМЯТЬ столѣтняго юбилея Отечественной войны. Календарь на 1912 г. Текстъ и рисунки по роману «Война и миръ» Л. Толстого. Ц. 5 р.
- ЗАПИСНЫЯ КНИГИ на 1912 г., изд. К. Риккера. Ц. 60 к., 75 к., 80 к., 1 р., 1 р. 05 к., 1 р. 10 к., 1 р. 20 к., 1 р. 30 к., 2 р., 2 р. 20 к.
- ИВАНОВЪ-МИРОНОВЪ, Г. Хлѣбные тарифы. Сводъ таблицъ и тарифовъ на перевозку хлѣбныхъ грузовъ по російскихъ желѣзныхъ дорогамъ. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛАГОВЪ, Н. Парижъ, его обычаи и порядки, развлеченія и прогулки, достопримѣч. окрестн. и пр. Спб. 1911. Ц. 2 р.
- Римъ, Венеція, Неаполь и пр. Спб. 1911. Ц. 2 р.
- ЛИНДЕ, И. Календарь-справочникъ для электротехниковъ на 1912 г. Ц. 1 р. 40 к.
- МАКАРОВЪ, А. Банковый и торговый календарь на 1912 годъ. Выпускъ 1-й. Ц. 1 р.
- НАСТОЛЬНАЯ книга для городскихъ судей и земскихъ начальниковъ. Образцы и формы. Ц. 65 к.
- ПАШКЕВИЧЪ, А. Спб. автомобильный справочникъ. 1912. Ц. 1 р.
- СТРАУСЪ, О. Календарь для электротехниковъ на 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Разныя книги.

- АБРАМОВЪ, Н. Даръ слова. Вып. 14 и 15. Книга читать. Ц. 50 к.
- БИЛЬСЪ, Э. Какъ нажить деньги и стать энергичнымъ. Ц. 1 р.
- ИНТЕРЕСНЫЙ собесѣдникъ или искусство быть всегда занимательнымъ въ обществѣ. Хорошій тонъ. Ц. 1 р.
- СОЛНИКЪ-ВОРОЖЕЯ. Ц. 50 к.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ

ИЗУЧЕНІЯ

ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ СКОРОПИСИ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

РУКОПИСЕЙ XV—XVIII СТОЛѢТІЙ.

И. С. Бѣляева.

Изданіе второе, исправленное и дополненное новыми снимками.

Со снимками: устава, полуустава, азбуки, отдѣльныхъ словъ и цѣ-
лыхъ рукописей, **чернописей**, заставокъ и заглавныхъ буквъ, вязи
и бѣлорусскаго письма.

Москва. 1911 г. Стр. I — II + 1 — 100. Цѣна 1 р. 25 коп., на лучшей
велевеной бумагѣ 2 р. При выпискѣ не менѣе 5 экземпляровъ
скидка 20 процентовъ.

Складъ изданія въ Москвѣ Моховая, противъ Университета, въ книжномъ ма-
газинѣ Н. П. Карбасникова.

Отдѣльные экземпляры можно получать отъ автора Ив. Степ. Бѣляева:
Москва, Дѣвичье поле, Архивъ Министерства Юстиціи.
Выписывающіе непосредственно отъ него за пересылку не платятъ.
Наложенимъ платежомъ „Курсъ“ не высылается.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I,

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повто-
реніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокра-
щеній и дополненій. Цѣна за **четыре большихъ**
тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами
30 рублей. Въ переплетѣ **36 рублей.** Пересылка по
разстоянію.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V-й.

Открыта подписка на роскошный художественно-литературный журналъ по образцу **большихъ заграничныхъ иллюстрацій**

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы, путешествій, искусства, театра и моды.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Жизнь Европы. Парижъ, Берлинъ, Петербургъ, Вѣна, Римъ и т. д.— Придворный и парламентскій бытъ.— Дипломатическій мѣръ.— Европейскіе университеты.— Женское движеніе.— Литература, искусство, ученые, артисты.— Уголки русской жизни за границей.— Путешествія, романы, повѣсти.— Мѣръ изящнаго.— Красота на сценѣ и въ жизни.— Портреты артистокъ и красавицъ, рисунки, сцены.— Веселые наброски, юмористика.— Театры и моды.— Особый отдѣлъ: изъ міра таинственнаго, необычайныя явленія, загадки бытія.— Мѣръ духовъ.

Картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Галерея картинъ «ПАРИЖСКАГО САЛОНА».

12 ежемѣсячныхъ богато-иллюстрированныхъ выпусковъ журнала въ видѣ роскошныхъ большихъ тетрадей парижскаго образца — составляютъ цѣнное художественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраний, читальнъ.

2 преміи ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ **2 преміи.**
въ 1912 году.

„ПРОБЛЕМЫ ЛЮБВИ“.

(Художественные рассказы и интимныя признанія свѣтской женщины).

«ЕВРОПЕЙСКІЕ КУРОРТЫ»

I. **Карлсбадъ.** Художественное описаніе И. Н. Потапенко съ изящными иллюстраціями и подробнымъ справочнымъ отдѣломъ для русской публики.

Подписная цѣна: на годъ съ преміей 4 руб., на полгода 2 руб. Заграницу 6 руб. въ годъ (съ преміей).

Особенно роскошные (всленные) экземпляры 6 руб. въ годъ (съ преміей).

ФОРМАТЪ ЖУРНАЛА УВЕЛИЧЕНЪ.

Подписка принимается въ редакціи «Европейской Жизни»: С.-Петербургъ, Невскій просп., № 94, кв. 9, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

КНИГА.

Б. Б. ГЛИНСКАГО

Борьба
за
Конституцію

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

